ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК

Аа Бб Вв Гг Дд Ее Ёё Жж
Зз Ии Йй Кк Лл Мм Нн Оо Пп

Рр Сс Тт Уу Фф Хх Цц
Чч Шш Щщ Ъъ Ыы Ьь
Ээ Юю Яя

Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сумнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся.

М. В. Ломоносов

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

И. С. Тургенев

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

■

НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

РУССКИЙ ЯЗЫК

энциклопедия

ИЗДАНИЕ 2-е, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Главный редактор
Ю. Н. КАРАУЛОВ

■

Москва
Научное издательство
«Большая Российская энциклопедия»

Издательский дом
«Дрофа»
1997

УДК 808.2(03)
ББК 81.2Рус я2
Р89

Федеральная целевая программа книгоиздания России

ISBN 5—85270—248—X (БРЭ)
ISBN 5—7107—1455—0 («Дрофа»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что такое «русский язык» представляет себе каждый: он звучит вокруг нас и внутри нас – русских и нерусских его носителей, он заключён в миллионах текстов, написанных за тысячелетие существования русской письменности и литературы,– от первых переводов фрагментов из Библии и древних берестяных грамот до новой вывески в доме напротив и только что вынутой из почтового ящика сегодняшней газеты. Указать на явление, на объект, называемый «русский язык», довольно просто, но рассказать о русском языке содержательно можно только опираясь на науку о нём, на русистику. Соединить в одном описании сведения об отдельном, самостоятельно существующем объекте с современным состоянием науки об этом объекте позволяет особый жанр обобщения и систематизации знаний – энциклопедия.

Язык народа – это целый мир и душа этого народа, это сердце его тысячелетней культуры, а наука о языке – часть этой культуры. Если бы в этом издании мы ограничились только разъяснением лингвистической терминологии, связанной с изучением русского языка, читатель получил бы терминологический словарь, отразивший современное состояние науки – русистики, и такой словарь был бы лишь слабым подобием фундаментального «Лингвистического энциклопедического словаря» (М., 1990). Принципиальное отличие данного издания прежде всего в том, что, показывая движение языковедческой мысли, оно воссоздаёт исторические этапы возникновения и развития самого объекта, характеризует особые, отличающие его от других языков качества и рисует картину его нынешнего состояния. А значит, эта энциклопедия в какой-то мере раскрывает мир русского языка и народа – носителя этого языка.

Принято считать, что наука о русском языке насчитывает не более трёх столетий, и важной вехой в её развитии, первым систематическим обобщением более ранних попыток научного осмысления русского языка стала «Российская грамматика» М. В. Ломоносова. Но зададимся таким вопросом: когда братья Кирилл и Мефодий придумали особые знаки-буквы для передачи звуков славянской речи, разве это не было первым – гениальным шагом к научному осмыслению прародителя русского языка? Ведь для того, чтобы каждому отдельному звуку (особенно с учётом его изменчивости, варьирования в разных позициях) поставить в соответствие отдельный графический знак, нужно было уметь различать основной звук и его варианты, или, говоря современным языком, нужно было уметь установить состав фонем языка.

Возникновение письменности изменило и облик самого языка: он стал не только слышим, но и видим, и графическое его закрепление, открыв новую форму его существования и развития, придало ему и новую социальную значимость, превратив письменный язык в аккумулирующий центр древнерусской культуры, в её живую память. Само слово «буква» появилось в старославянском, а затем в русском языке вместе с созданием алфавита первоучителями славян. И в нашей энциклопедии соответствующие статьи – А, а, Б, б, В, в, ..., Буква, Азбука, Алфавит, Письмо, Графика, Письменная речь и др. – раскрывают прежде всего специфические стороны самого объекта, т. е. русского языка, но одновременно, как термины, свидетельствуют о первых практических результатах отстранённого – отстранённого и от потока речи, и от говорящего человека, а значит, почти научного в современном смысле – его рассмотрения создателями кириллической азбуки.

Обратимся к иной эпохе, отстоящей от изобретения письменности на полтысячелетия. Когда Иван Фёдоров построил первый в России печатный станок и книга, шагнув за стены монастырей, из раритета превратилась в предмет повседневного быта просвещённых слоёв общества, русский язык резко расширил сферы своего использования, но одновременно подпал под влияние дополнительных факторов, определяющих его состояние и развитие: с распространением книгопечатания появилась возможность сознательного воздействия общества на язык. Печатное слово – это далеко не то же самое, что слово, устно произнесённое, печатное слово доходит до гораздо большего числа адресатов, печатное слово проходит через время и остаётся в истории, поэтому оно требует отбора: далеко не всякое слово допустимо «вставить в строку». И хотя вопрос о языковой, или литературной, норме возник значительно позже – не ранее последней трети 18 века,– проблема, что́ можно написать и напечатать, а что из произносимого в обыденной речи напечатать нельзя, встала во весь рост вместе с развитием на Руси книжности и книжной культуры.

Отсюда понятно, почему в нашу энциклопедию, наряду со статьями Книгопечатание, Книжная речь, Культура речи, Норма языковая и т. п., вошёл широкий круг статей историко-культурного характера, которые рассказывают об общественных институтах, о просветительских организациях и отдельных конкретных событиях в жизни России, связанных с оценкой разных сторон языка и целенаправленными изменениями в нём: Общество любителей российской словесности, Реформы азбуки и правописания, Гражданский шрифт, «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956), ОПОЯЗ и др.

Два столетия отделяют первый печатный станок от первой научной – Ломоносовской – грамматики русского языка, положившей начало русистике. Возникновение и развитие науки о русском языке стало мощным фактором культурного обновления, оказало стимулирующее воздействие на сам язык

и на общественное сознание эпохи. Создание Академии Российской и активная деятельность её первого президента Е. Р. Дашковой имели целью составление полного словаря и грамматики русского литературного языка того времени. И на рубеже 18 и 19 веков русская наука и русская культура могли гордиться замечательным – на фоне европейской лексикографии – академическим словарём, вобравшим в себя лексическое богатство блистательного в научно-просветительском, литературном, философско-политическом отношении 18 века в России. Статьи энциклопедии расскажут читателю и об Академии Российской, и о первом академическом словаре, и о концепциях русских научных школ и взглядах языковедов, трудами которых воссоздавался образ «великого и могучего» языка русской нации.

Развитием языка движут два начала – начало стихийное, народное, которое подчиняется только внутренним законам языкового строя и правилам свободного течения народной речи, и начало культурно-регламентирующее, основанное на оценке и отборе языковых средств, исходящее от образованных слоёв общества и направленное на создание общелитературного языка. И оба эти начала становятся предметом бурно развивающейся в 19 веке науки о русском языке. Может быть, с известной долей условности, можно решиться на такое рискованное утверждение, что, прежде чем стать предметом изучения, оба эти начала нашли объективное воплощение в так называемой диглосии, т. е. в факте параллельного функционирования в течение нескольких веков двух близкородственных языков – русского и церковно-славянского. Первый олицетворял собой свободное народно-разговорное начало и обслуживал повседневную культурную жизнь, находя применение в деловой письменности и литературе «среднего» и «низкого стиля», тогда как второй олицетворял начало, в известной степени, искусственно обработанное, регламентированное строгими канонами, сдерживающими, ограничивающими изменчивость и варьируемость единиц и правил их соединения, и функционировал в сфере высокой «книжности» и в сфере религиозно-культовой.

Становление науки знаменовало собой тот факт, что история языка, т. е. история изменений в нём и его использования, столь тесно переплетается с историей русистики, что подчас уже трудно отделить понятия, относящиеся к научному изучению объекта от понятий, которые называют явления, структурирующие сам объект, определяющие жизнь самого языка. Так, Трёх стилей теория (см.) является научным термином, обозначающим учение о делении языка на три стиля – высокий, средний и низкий, и последовательное её изложение связывается в истории нашей науки прежде всего с «Риторикой» Ломоносова. Но одновременно это понятие отражает реально сложившуюся практику использования языка в русской литературе 17–18 веков, т. е. характеризует сам объект – литературный язык этой эпохи. Или другой пример – Палатализация (см.) – термин, которым обозначается переход задненёбных согласных в переднеязычные в определённые периоды существования языка. В то же время это живой процесс в современных народных говорах, который отражает разные этапы указанного исторического перехода, характеризуя, таким образом, не только эпизод эволюции языка, но и определённые особенности его нынешнего состояния.

Творцом языка является народ. Отдельная личность, будь это даже такой гениальный писатель, как А.С. Пушкин, может оказать благотворное воздействие на формирование литературного языка, но и он творит из материала, поставляемого языком нации, и он склоняет голову перед гением национального языка. Творцом же науки о языке всегда выступает личность, поэтому, рассказывая о русском языке и о русистике, представляя историю языка и историю науки о нём, энциклопедия отводит определённое место изложению идей учёных-филологов, в исследованиях которых был изучен и описан строй русского языка, вскрыты законы его эволюции и установлены исторические этапы его развития. Вообще говоря, любой аспект русского языка как объекта можно раскрыть, основываясь только на изложении научных взглядов выдающихся лингвистов-русистов: А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова, И.И. Давыдова, Н.П. Некрасова, Г.К. Ульянова, Я.К. Грота, В.И. Даля, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы и др. Иными словами, наука о русском языке выступает как зеркало, отражающее его реальное бытование – бытование «здесь» и «сейчас» и бытование в историческом времени, и потому может расцениваться не только как способ рассмотрения, но и как один из способов существования самого языка.

Представляется показательным, что при целостном описании и систематическом представлении одних только сущностных характеристик современного языка всё равно оказывается неизбежным синкретизм трёх аспектов его рассмотрения: языка как объективно существующего феномена, т. е. языка-объекта; истории языка, т. е. языка во времени,– хронологически прослеживаемой цепочки процессов изменений в его внутренней и внешней структуре; истории изучения русского языка – русистики. Монографическое исследование Виноградова «Русский язык» – уникальный в истории науки труд – именно в таком синкретическом единстве рассказывает о нашем предмете. Естественно, этот синкретизм свойствен и словнику данной энциклопедии, т. е. набору и терминов и понятий, расположенных здесь в алфавитном порядке и охватывающих факты, явления, события, которые относятся ко всем трём аспектам рассмотрения русского языка.

В типологии терминов, составивших словник энциклопедии, можно выделить четыре понятийно-терминологических комплекса: собственно язык, его материя; метаязык, или язык науки, позволяющий полно и системно представить как материальную, так и идеальную сторону языка-

объекта, его внутреннюю структуру; творцы науки – прежде всего люди, но и общественные институты и организации, т. е. социально-культурная инфраструктура языка; источники изучения русского языка – тексты, книги, картотеки, устная речь.

– К первой области относятся понятия и термины, непосредственно соотносимые с языком как объективной сущностью, т. е. называющие какие-то части, отдельные стороны языка-объекта или его разновидности: Звуки речи, Буква, Древнерусский язык, Славянские языки, Говор, Гласные, Интонация и т. п. Эти термины имеют и ограниченное, строго научное содержание, и содержание широкое, общепонятное, общеязыковое. Они, конечно, тоже входят в метаязык, но отличаются от узкопрофессиональных (типа Аллитерация или Конверсия) своей употребительностью за пределами специальных лингвистических сочинений.

– Метаязык составляют понятия и термины, явившиеся результатом научного осмысления, научного изучения и описания языка как эволюционирующей во времени системы, как средства коммуникации, как орудия познания мира и основного способа хранения знаний о нём. Эта группа терминов самая многочисленная, она репрезентирует науку о русском языке и одновременно воссоздаёт внутреннее устройство языка, характеризует процессы изменчивости и исторического развития его единиц и уровней: Адъективация, Актуальное членение предложения, Гнездо слов, Морфонология, Множественное число, Наклонение, Метафора, Падение редуцированных, Неопределённые местоимения, Диахрония и т. д.

Заметную часть этой группы образуют термины общеязыковедческие, используемые в лингвистических описаниях самых разных языков независимо от национальной специфики. Так, если термины Аканье, Одушевлённость-Неодушевлённость, Двувидовые глаголы, Полногласие, Предложный падеж, Юсы и др. связаны прежде всего с русским языком и его историей, то термины типа Система языковая, Сигнификат, Род, Прямая речь, Консонантизм приложимы ко многим языкам, совпадают с терминологией, включённой в «Лингвистический энциклопедический словарь», и в статьях нашей энциклопедии снабжаются дополнительным содержанием, раскрывающим специфику русского языка. К этой же группе терминов, характеризующих синкретически русский язык и науку о нём, следует отнести и названия смежных с русистикой дисциплин, которым посвящены отдельные статьи (Славистика, Социолингвистика, Языкознание, Семиотика, Риторика, Психолингвистика), а также обозначения фундаментальных проблем лингвистики – Происхождение языка, Язык и общество, Язык, мышление и сознание, Литературного языка теория (в статье Литературный язык) и некоторые другие.

– В третью группу единиц словника входят такие понятия, как Виноградовская школа, Институт русского языка им. А. С. Пушкина, Казанская лингвистическая школа, Ленинградская (Петербургская) фонологическая школа, Машинный фонд русского языка, Московское произношение, Московская диалектологическая комиссия, Журналы лингвистические и т. п. В отличие от энциклопедии «Русский язык» (1979), в этой энциклопедии нет отдельных статей о русских лингвистах, но ни одно из имён замечательных учёных-русистов при этом не утрачено: о И. А. Бодуэне де Куртенэ или В. А. Богородицком читатель найдёт в статье Казанская лингвистическая школа; о взглядах Шахматова он узнает из статей Литературный язык, История русского языка и многих других; концепция С. И. Ожегова изложена в статье Культура речи и т. д. Облегчит поиск соответствующих статей именной указатель, расположенный в конце книги.

Отказ от помещения в данное издание статей-персоналий продиктован двумя соображениями. Во-первых, это позволяет избежать дублирования информации, которое было бы неизбежным при рассказе об основных теоретических положениях научной школы и – в персональной статье – об идеях или концепции учёного, к этой школе принадлежащего. Во-вторых, сегодня в русистике существуют справочные издания, содержащие биографические и научные данные как о лингвистах прошлого (М. Г. Булахов, «Восточнославянские языковеды», т. 1–3, Минск, 1976–78), так и о ныне здравствующих и живущих не только в России русистах («Кто есть кто в современной русистике», Москва–Хельсинки, 1994). Повторять эти сведения в нашей энциклопедии не было необходимости.

– Наконец, последний понятийно-терминологический комплекс энциклопедии охватывает источники по изучению истории русского языка от самых древних надписей (Граффити) и памятников письменности 11 века – Остромирова Евангелия, Изборников 1073 и 1076 годов и Архангельского Евангелия, включает в себя Летописи, Берестяные грамоты, литературные произведения последующих веков, Азбуковники, а также «деловую прозу» – Грамоты (монастырские хозяйственные книги, «отказные» книги и т. п.).

Впервые в число статей этого типа включены такие важные в историко-культурном отношении, как Библия, Евангелие, Псалтырь. Уникальную ценность для изучения истории русского языка представляют собой так называемые «вторичные источники», т. е. Картотеки лексики русского языка (см.). Посвящённая им статья содержит сведения только о самых крупных хранилищах лексического богатства русского языка – о московских и петербургских картотеках, хотя на самом деле их число очень велико, поскольку картотеки ведутся практически во всех вузовских центрах русистики и во многих из них составляются региональные словари – словари диалектной, разговорной речи или литературного языка.

Что касается словарей вообще, то они, как и диалектологические атласы, попадают, с одной стороны, в разряд книг и служат новыми источниками лингвистических изысканий. Но с другой

стороны, словари – это научный результат, т. е. продукт науки, итог большой исследовательской работы, и часто не одного поколения учёных (как, например, исторические словари и лингвистические атласы). И одновременно – это орудие культуры, путь воздействия общества на язык, один из способов становления языковой нормы и распространения образованности (ср. Ортологические словари, Толковые словари, Синонимов словари, Словообразовательные словари, Словари энциклопедические и т. п.). Поэтому статьи, посвящённые разного рода словарям, можно было бы отнести к любой из трёх последних групп терминов.

Терминологический состав словника призван оттенить специфику метаязыка русистики, обусловленную самим предметом этой науки. Составляя часть общей лингвистики, русистика, естественно, использует и какую-то часть её метаязыка, придавая соответствующим терминам то наполнение, которое вытекает из самого материала. Так, в энциклопедии объясняются термины Грамматика и Функциональная грамматика, но нет статей Генеративная (порождающая, трансформационная) грамматика, Зависимостей грамматика, Дескриптивная грамматика и др. прежде всего потому, что в достаточных масштабах эти типы грамматических описаний не проводились на материале русского языка.

Отличаясь от справочников по общелингвистической терминологии, энциклопедия отличается и от специальных изданий по отдельным областям лингвистики. Например, читатель не найдёт в ней таких статей, как Ассоциативное значение, Ассоциативное поле, Ассоциативный эксперимент, Ассоциативный словарь, Ассоциация, Ассоциация парадигматическая и т. д., не найдет потому, что место для столь подробно разветвлённой терминологии – в узкоспециальных словарях по лингвистической семантике или психолингвистике.

Первое издание энциклопедии «Русский язык» вышло в 1979 году. Её главным редактором был Ф. П. Филин, в редколлегию входили: Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, Т. А. Ганиева, В. Я. Дерягин, В. В. Иванов, С. И. Котков, И. Ф. Протченко, А. В. Текучёв, И. М. Терехов, Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелёв.

Второе издание связано отношениями преемственности с первым изданием 1979 года, являясь в то же время в значительной степени новым произведением. Что же изменилось за это неполное двадцатилетие? Изменился ли русский язык, и как изменилась наука о нём – русистика? Конечно, изменения в русском языке за это время невелики, и касаются они прежде всего обновления лексики, т. е. притока в активную часть словаря, используемого в повседневной коммуникации, большого количества новых слов. Существенно преобразовался мир вокруг нас, изменилось само общество, мир страны, изменились люди, их взгляды на мир. Всё это не могло не найти отражения в статьях энциклопедии, в наполняющем их иллюстративном материале, объём которого также вырос.

Естественно, за прошедшее двадцатилетие претерпела определённую эволюцию и научная лингвистическая мысль. Развитие научной мысли всегда идёт быстрее, чем происходят изменения в объекте этой мысли: если сам русский язык практически не изменился, то русистика заметно эволюционировала. В науку пришло новое поколение учёных, в русистике появились новые идеи, концепции, теории, созданы новые лингвистические объекты – словари, атласы, грамматики, произошли изменения в составе учреждений, связанных с русским языком,– всё это не могло не повлиять на содержание энциклопедии. В ней получили освещение новые, по сравнению с изданием 1979 года, циклы дисциплин – культура речи, риторика – со своей терминологической спецификой и богатым иллюстративным материалом. К общему росту объёма терминологии, нашедшей истолкование в энциклопедии, привело также обогащение системных связей за счёт разделения родо-видовых отношений и придания самостоятельности (т. е. написания отдельных статей) видовым терминам. В итоге состав словника по сравнению с 1979 годом увеличился почти на четверть, но при всех новшествах как в количестве, так и в качестве статей сохранился просветительски-исследовательский дух этого издания. Этим внутренне противоречивым определением (просветительский и одновременно исследовательский) хочется подчеркнуть принципиальную особенность жанра: энциклопедия несёт информацию о результатах, констатирует стабильные данные и излагает устоявшиеся научные положения и общепринятые взгляды. Но одновременно в тех же самых статьях она ставит проблему, она выявляет незавершённость, она активизирует исследовательскую мысль. Энциклопедия информирует читателя, и энциклопедия стимулирует его к научному поиску. Вот почему её читателем будет и школьник, и маститый учёный-лингвист. Авторскую работу над статьями энциклопедии вели десятки видных учёных, которые представляют многие крупные центры русистики в России и принадлежат к разным научным школам и направлениям. Мы надеемся, что обратившийся к энциклопедии специалист увидит здесь проблемы и задачи, а неофит найдет ответы и решения, обретёт научные истины. Если такое случится, авторский коллектив будет считать, что его цель достигнута.

Институт русского языка им В. В. Виноградова РАН и издательство «Большая Российская энциклопедия» с благодарностью примут все замечания читателей, которые позволят улучшить энциклопедию «Русский язык» при её возможных переизданиях. Все замечания просим направлять по адресам: Москва 121019, Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН или Москва 109817, Покровский бульвар, 8, издательство «Большая Российская энциклопедия».

Ю. Н. Караулов.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ

абх.– абхазский
адыг.– адыгейский
азерб.– азербайджанский
акад.– академик
алб.– албанский
АН – Академия наук
англ.– английский
араб.– арабский
арм.– армянский
ассир.– ассирийский
афг.– афганский
б.ч.– большая часть, большей частью
башк.– башкирский
белорус.– белорусский
бенг.– бенгальский
бирм.– бирманский
б-ка – библиотека
болг.– болгарский
буд. время – будущее время
букв.– буквально
бурят.– бурятский
быв.– бывший
в., вв.– век, века
в т.ч.– в том числе
Великая Отечеств. война – Великая Отечественная война 1941–45
венг.– венгерский
вин. п.– винительный падеж
вол.– волость
вост.– восточный, восточно-
высок.– высокое
гг.– годы
газ.– газета
гл.– глава
гл. обр.– главным образом
гл. ред.– главный редактор
гос.– государственный
ГПБ – Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ)
греч.– греческий
груз.– грузинский
губ.– губерния
д.– деревня
дат.– датский
дат. п.– дательный падеж
д-р – доктор
др.- – древне-
евр.– еврейский
егип.– египетский
ед. ч.– единственное число
ж.– журнал
жен. род – женский род
зав.– заведующий
зап.– западный, западно-
и др.– и другие
изд.– издано, издание
им.– имени
им. п.– именительный падеж
Имп.– Императорский
ингуш.– ингушский
инд.– индийский
ин-т – институт
ИППИ – Институт проблем передачи информации РАН
ирл.– ирландский
ирон.– ироническое
исл.– исландский
исп.– испанский
итал.– итальянский
кабард.– кабардинский
каб.-балк. – кабардино-балкарский
казах.– казахский
калм.– калмыцкий
каракалп.– каракалпакский
карел.– карельский
кельт.– кельтский
кирг.– киргизский
кит.– китайский
к.-л.– какой-либо
к.-н.– какой-нибудь
книжн.– книжное
кон.– конец
кор.– корейский
к-рый – который
-л.– -либо
лат.– латинский
латыш.– латышский
лит.– литературный
литов.– литовский
лит-ра – литература
макед.– македонский
мар.– марийский
местоим.– местоимение
млн.– миллион
мн. ч.– множественное число
молд.– молдавский
монг.– монгольский
морд.– мордовский
моск.– московский
муж.род – мужской род
-н.– -нибудь
н. э.– наша эра
напр.– например
нареч.– наречие
наст. время – настоящее время
нач.– начало
нейтр.– нейтральное
нек-рый – некоторый
нем.– немецкий
неперех.– непереходный
несов. вид – несовершенный вид
нидерл.– нидерландский
норв.– норвежский
обл.– область
ок.– около
Окт. революция 1917 – Октябрьская революция 1917
опубл.– опубликовано
осет.– осетинский
пед.– педагогический
перен.– переносный
перех.– переходный
перс.– персидский
петерб.– петербургский
пол.– половина
польск.– польский
португ.– португальский
поч. чл.– почётный член
пр.– прочее, прочее
предл. п. – предложный падеж
преим.– преимущественно
прил.– прилагательное
прич.– причастие
прост.– просторечный
проф.– профессор
прош. время – прошедшее время
псевд.– псевдоним
разг.– разговорный
РАН – Российская Академия наук
РАО – Российская Академия образования
РГБ – Российская Государственная библиотека
ред.– редактор, редакция
р-н – район
РНБ – Российская Национальная библиотека
род. п.– родительный падеж
рос.– российский
рум.– румынский
рус.– русский
РФ – Российская Федерация
с.– страница; село
санскр.– санскритский
св.– свыше; святой
Свщ.– Священное
сер.– середина
слав.– славянский
след.– следующий
словен.– словенский
см.– смотри
СНГ – Союз независимых государств
сов.– советский
сов. вид – совершенный вид
совр.– современный
соотв.– соответствующий
С.-Петербург – Санкт-Петербург
ср.– сравни
ср.-век.– средневековый
ср. род – средний род
ст.– статья
ст.-слав.– старославянский
ст. стиль – старый стиль
сущ.– существительное
тадж.– таджикский
тат.– татарский
твор. п. – творительный падеж
т.е. – то есть
т.к.– так как
т.н.– так называемый
т.о.– таким образом
т.п.– тому подобное
тибет.– тибетский
тув.– тувинский
тур.– турецкий
туркм.– туркменский
тыс.– тысяча, тысячелетие
тюрк.– тюркский
удм.– удмуртский
узб.– узбекский
укр.– украинский
ум.– умер, умерла
ун-т – университет
устар.– устарелое
фин.– финский
франц.– французский
церк.-слав. – церковно-славянский
чел.– человек
чеч.-ингуш.– чечено-ингушский
чеш.– чешский
числ.– числительное
чл.– член
чл.-корр.– член-корреспондент
чуваш.– чувашский
швед.– шведский
шотл.– шотландский
экз.– экземпляр
эст.– эстонский
якут.– якутский
япон.– японский

Примечание. Сокращения названий частей речи и стилистические пометы даются только при примерах.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

Автореф.– автореферат
библ.– библиография
бюл.– бюллетень
в.– выпуск
ВКР – Вопросы культуры речи
«ВЯ» – «Вопросы языкознания»
дисс.– диссертация
Докл.– Доклады
доп.– дополнение, дополнительный
Зап.– Записки
Избр. соч.– Избранные сочинения
Избр. тр.– Избранные труды
Изв.– Известия
«Изв. АН. Сер. ЛиЯ» – «Известия АН Серия литературы и языка»
«Изв. АН СССР. ОЛЯ» –«Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
«Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ» – «Известия АН СССР. Серия литературы и языка»
Источн.– Источники
канд.– кандидатская
кн.– книга
Лит.– Литература
«НДВШ. ФН» – «Научные доклады высшей школы. Филологические науки»
НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике
НЛ – Новое в лингвистике
«НТИ» – Научно-техническая информация
отв. ред.– ответственный редактор
пер.– перевод
Полн. собр. соч.– Полное собрание сочинений
публ.– публикация
«Рус. яз. в нац. школе» – «Русский язык в национальной школе»
«Рус. яз. за рубежом» – «Русский язык за рубежом»
«Рус. речь» – «Русская речь»
сб.– сборник
сер.– серия
совм.– совместно
сост.– составитель
Соч.– Сочинения
т.– том
Тр.– Труды
Уч. зап.– Учёные записки
филол.– филологический
ч – часть

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ

А.-А – Алма-Ата
Аш.– Ашхабад
Душ.– Душанбе
Ер.– Ереван
К.– Киев
Каз.– Казань
Киш.– Кишинёв
Л.– Ленинград
М.– Москва
М.–Л.– Москва – Ленинград
Новосиб.– Новосибирск
Од – Одесса
П.– Петроград (Петербург)
Р.– Рига
Р. н/Д.– Ростов-на-Дону
СПБ – Санкт-Петербург
Тал.– Таллин
Таш.– Ташкент
Тб.– Тбилиси
Фр.– Фрунзе
Хар.– Харьков
Amst.– Amsterdam
Antw.– Antwerpen
B.– Berlin
B. Aires – Buenos Aires
Balt.– Baltimore
Bdpst – Budapest
Berk.– Berkeley
Brat.– Bratislava
Brux.– Bruxelles
Buc.– Bucureşti
Camb.– Cambridge
Chi.– Chicago
Cph.– Copenhagen, Copenhague
Fr./M.– Frankfurt am Main
Gen.– Genève
Gött.– Göttingen
Hamb.– Hamburg
Hdlb.– Heidelberg
Hels.– Helsingfors, Helsinki
Ist.– Istanbul
Kbh.– København
L.– London
Los Ang.– Los Angeles
Lpz.– Leipzig
Mass.– Massachusetts
Melb.– Melbourne
Méx.– México
Mil.– Milano
Münch.– München
N.Y.– New York
Oxf.– Oxford
P.– Paris
Phil.– Philadelphia
Rio de J.– Rio de Janeiro
S.F.– San Francisco
Stockh.– Stockholm
Stuttg.– Stuttgart
W.– Wien
Warsz.– Warszawa
Wash.– Washington
Z.– Zürich

А а

А,а – первая буква русского алфавита. Название буквы – «а» употребляется как существительное ср. рода: *прописное а*. По начертанию буква *а* восходит к букве кириллицы (см.) «аз», к-рая имела числовое значение «один». Начертание буквы «аз» в слав. алфавите восходит к греч. букве «альфа» и финикийскому «алеф», т. е. телец, т. к. начертание этой буквы образовалось из иероглифического рисунка, изображающего голову быка. Слав. название буквы – «аз» сохранилось в выражениях: *от азá до ижицы* – «от начала до конца», *ни азá не смыслит* или *азá в глаза не знает* – «ничего не знает».

При классификационных обозначениях буква *А, а* имеет значение «первый»: *ложа А, пункт а, место а*.

Графические значения буквы *а*: 1) в начале слова, после гласных букв, после согласных шипящих, *ц, й* обозначает фонему ⟨а⟩: *армия, вуаль, жар, шаг, чаща, царь, Гайавата*; 2) после остальных согласных букв обозначает фонему ⟨а⟩ и твёрдость предшествующей согласной фонемы: *бак, вар, газ*.

Аббревиату́ра (итал. abbreviatura – сокращение, от лат. abbrevio – сокращаю) – существительное, образованное из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание, или из названий начальных букв этих слов (реже из усечённых компонентов, названий начальных букв компонентов исходного сложного слова). Последний компонент А. может быть также целым (неусечённым) словом.

По своей структуре различаются след. типы А. 1) А. «инициального» типа, к-рые, в свою очередь, делятся на три подтипа: а) буквенные А., состоящие из названий начальных букв слов, входящих в исходное словосочетание: *ЭВМ* [*э-вэ-э́м*] – электронная вычислительная машина, *МГД* [*эм-гэ-дэ́*] – магнитная гидродинамика, магнитогидродинамика, *ЧП* или *чепэ* – чрезвычайное происшествие; б) звуковые А., состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания, т. е. читаемые как обычное слово, напр. *вуз* – высшее учебное заведение, *ЦУМ* – Центральный универсальный магазин, *ГЭС* – гидроэлектростанция; в) буквенно-звуковые А., состоящие как из названий начальных букв, так и из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание: *ЦСКА* [*цэ-эс-ка́*] – Центральный спортивный клуб армии. 2) А., состоящие из сочетания начальных частей слов, т. н. слоговые: *продмаг* – продовольственный магазин, *завхоз, комсомол*. 3) А. смешанного типа, состоящие как из начальных частей слов, так и из начальных звуков: *сельпо* – сельское потребительское общество, *собес, КамАЗ*. 4) А., состоящие из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом: *запчасти* – запасные части, *оргработа, сбербанк*. 5) А., состоящие из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: *завкафедрой* – заведующий кафедрой, *комроты, поммастера, управделами*. 6) А., состоящие из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго: *мопед* – мотоцикл-велосипед, *эсминец* – эскадренный миноносец, *военкомат, торгпредство*. А. характеризуются определёнными грамматическими свойствами. Так, буквенные А., как и А. 1-го (б, в), 2-го и 3-го типов с основой на гласный, не склоняются; А. тех же типов с основой на согласный имеют тенденцию к переходу в существительные 1-го склонения муж. рода (ср. *МИД заявляет*... и разг. *работать в МИДе*). Склонение А. 4-го и 6-го типов не отличается от склонения последнего слова синонимичного словосочетания. А. 5-го типа не склоняются и относятся к тому же роду, что и первое сокращаемое слово. Для А. 1–3-го типов характерно ударение на последнем слоге основы, для А. 4–6-го типов – на последнем компоненте.

А. 2–6-го типов иногда называют также с л о ж н о с о к р а щ ё н н ы м и   с л о в а м и.

Образование А. (аббревиация) как особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимичных им номинаций (см.), получило широкое распространение в основных европейских языках в 20 в., в рус. языке – особенно в сов. и постсов. эпоху. До Окт. революции 1917 появились лишь

отдельные первые А. (*эсер* – социалист-революционер, *ПТА* – Петербургское телеграфное агентство и др.). В первые десятилетия после революции образование А. было в значительной степени стихийным, малоупорядоченным, случайным (напр., А. *шкраб* – школьный работник). Развитие этого способа словообразования идёт в сторону большей регламентированности. Так, наиболее продуктивно образование А. с повторяющимися во многих словах компонентами типа *глав, гос, полит, хоз, проф, пром, мос, зам, НИИ* (напр., *леспромхоз* – лесное промышленное хозяйство).

На базе аббревиации в совр. речи развилось образование кратких словечек, представляющих собой разг. синонимы более длинных слов: *зав* (вместо заведующий), *зам* (заместитель), *пред* (председатель) и т. п.; первым из таких слов было появившееся вскоре после революции слово *спец* (специалист).

Аббревиацию как способ словообразования следует отличать от: графических сокращений (напр., др.-рус. *б͠ъ* – богъ, совр. рус. *и др.* – и другие) и контекстуально обусловленного сокращения одного (или более) из стоящих рядом слов, имеющих общий последний компонент (напр., *двух- и трёхэтажные дома*; в подобных случаях сокращённая часть слова не становится самостоятельным словом).

А. фиксируются в специальных словарях сокращений.

Лит.: Рус. язык и сов. общество. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование совр. рус лит языка, М., 1968; Алексеев Д. И., Сокращенные слова в рус. языке, Саратов, 1979; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Могилевский Р. И., Очерки аббревиации слав. языков, М., 1983; Словарь сокращений рус. языка, 3 изд., М , 1983.

В. В. Лопатин.

Абза́ц (нем. Absatz, букв.– отступ) – 1) отступ в начальной строке печатного или рукописного текста. 2) Компонент связного текста, состоящий из одной или нескольких фраз (предложений) и характеризующийся единством и относительной законченностью содержания. В значении, близком к этому, выступают также термины «период» (см.), «сложное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство». Пример А.:

Вскоре лисице удалось отомстить орлу. Както раз люди в поле приносили в жертву богам козу. Орёл слетел к жертвеннику и унёс с него горящие внутренности. Но только донёс их до гнезда, как подул сильный ветер. И тонкие старые прутья вспыхнули ярким пламенем. Упали орлята на землю. Лисица подбежала и съела их.

Проявлением единства содержания А. являются межфразовые связи. В приведённом А. межфразовые связи создаются, в частности: а) союзами, при к-рых один из соединяемых компонентов во фразе отсутствует (*но, и*); б) тождеством упоминаемых объектов (*орлу – орёл, лисице – лисица*), выраженным, напр., словами-заместителями (*внутренности – их*), а также нулевыми заместителями (ср. отсутствие подлежащего при сказуемом *донёс* в 4-й фразе); в) семантическими связями слов (напр.: *приносить в жертву – жертвенник, орёл – орлята*); г) соотнесённостью видо-временных форм сказуемых (во всех фразах, кроме 2-й, сказуемое – глагол сов. вида в форме прош. времени); д) актуальным членением (см. Актуальное членение предложения) данной фразы в контексте предшествующих (так, в 7-й фразе прямой порядок слов и отсутствие фразового ударения на слове *лисица* означают, что *лисица* является темой этого предложения, а это, в свою очередь, обусловлено тем, что эта лисица уже упоминалась ранее).

Нек-рые межфразовые связи (в частности, причинные, пояснительные, а также связи, основанные на единстве времени, места действия или тождестве действующих лиц и предметов) могут не иметь явного выражения, а восстанавливаются в тексте в силу изначально заданной его связности (*внутренности* – имеются в виду внутренности козы; *слетел* – имеется в виду не произвольный момент в прошлом, а момент, когда люди приносили жертву). Соединительные и противительные связи часто выражаются лексико-синтаксическим параллелизмом фраз. В межфразовые связи могут вступать как отдельные фразы, так и группы фраз. Так, 1-я фраза связана пояснительной связью со всеми остальными фразами А. как с целым.

Связи между А. в составе текста имеют ту же природу, что и связи между фразами в А. Границы между А. проходят в точках с минимальным числом межфразовых связей. В связях между А. главную роль играют обычно первые фразы А. Так, в 1-й фразе слово *вскоре* (вызывающее вопрос *после чего?*) и слово *отомстить* (вызывающее вопрос *за что?*) соотносят данный А. с предшествующими.

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Фигуровский И. А., Синтаксис целого текста и ученические письменные работы, М., 1961; Падучева Е. В., О структуре абзаца, «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1965, в. 181; НЗЛ, в. 8, М., 1978

Е. В. Падучева.

Автомати́ческая обрабо́тка те́кста – преобразование текста на искусственном или естественном языке с помощью компьютера. Прикладные системы и теория А. о. т. начали создаваться в кон. 50-х гг. 20 в. (США, СССР, Франция, Италия, ФРГ и др.) и развивались в нескольких различных приложениях: в системном программировании, издательском деле и вычислительной лингвистике. В системном программировании, предметом к-рого является создание программного обеспечения функционирования компьютера и работы пользователей, развивались инструментальные средства разработки программ, т. е. текстов на алгоритмических языках. В издательском деле А. о. т.– одно из направлений автоматизации редакционно-издательских процессов. В этих обла-

стях термин «А. о. т.» употребляется, как правило, в относительно узком смысле, как преобразование формы текста. В вычислительной лингвистике, предметом к-рой являются автоматический лингвистический анализ и синтез текста, а также лингвистические аспекты общения с компьютером на естественном языке, термин «А. о. т.» понимается в более широком смысле, охватывающем процедуры анализа содержания и синтеза (по заданному или выработанному содержанию) понятного человеку текста.

В зависимости от целей различают несколько видов А. о. т. Преобразование текста при автоматизированном редактировании заключается во внесении в текст, находящийся в памяти компьютера, исправлений и дополнений. Форматирование текста заключается в выделении рубрик текста, формировании строк и страниц нужного формата для воспроизведения на устройствах печати компьютера. В процессе автоматического набора и вёрстки текст, введённый в компьютер, преобразуется в представление (код), воспроизводимое полиграфическим оборудованием (напр., фотонаборным автоматом). При лексикографической обработке текст преобразуется в лексикографическое представление, в к-ром каждому словоупотреблению соответствует определённая информация в формируемом к этому тексту словаре. В автоматическом лингвистическом анализе текст последовательно преобразуется в его лексико-морфологическое, синтаксическое и семантическое представление. В процессе автоматического синтеза производятся обратные преобразования: от семантического представления через синтаксическое и лексемно-морфологическое к собственно текстовому.

Системы автоматизированного редактирования (текстовые редакторы, или процессоры), называемые системами А. о. т. в узком смысле (англ. text processing или word processing systems), с кон. 70-х гг. входят в состав системного программного обеспечения практически всех типов компьютеров. Управление текстовыми редакторами осуществляется через дисплей (устройство для ввода с помощью алфавитно-цифровой клавиатуры и отображения на экране электронно-лучевой трубки обрабатываемого текста) Изменения и дополнения в обрабатываемый текст могут быть внесены непосредственно с помощью указателя позиций в тексте (курсóра) и алфавитно-цифровой клавиатуры дисплея, а также с помощью специальных команд, воспринимаемых системой редактирования. В последнем случае одно и то же изменение может быть внесено одновременно во все места текста, где оно необходимо (напр., изменение написания собственного имени, расшифровка сокращения или, наоборот, сокращение определённого словосочетания). Текстовые редакторы широко используются как средства подготовки и ввода в компьютер программ, программной документации, научных отчётов и других данных.

В издательской практике системы автоматизированного редактирования применяются, как правило, совместно с системами автоматического набора и вёрстки. В качестве составных частей в такие системы входят и нек-рые лингвистические программы, напр. программы переноса слов в соответствии с орфографией данного языка, проверки и исправления орфографии, транслитерации (см.) и транскрибирования (см. Транскрипция), выделения имён собственных и ключевых слов для автоматического составления именных и предметных указателей (в последнем случае используются также программы лемматизации, т. е. преобразования текстовых форм слов в словарные).

Автоматизированные лексикографические системы, т. е. системы автоматизации подготовки и использования словарей, включают в себя программы и справочные данные, необходимые для лексикографической обработки текстов. В них используются текстовые редакторы для ввода и коррекции данных, программы контроля данных и запросов к системе, программы контроля орфографии и разметки входного текста, программы сегментации текста на слова, словосочетания, предложения и фрагменты словарных статей, программы лемматизации и подсчёта статистики словоупотреблений, программы загрузки, поиска и коррекции данных и др. Введённые в систему тексты и/или словари размещаются в базах данных и снабжаются словоуказателями и другими индексами, позволяющими по слову или его характеристикам находить его контексты или словарные статьи, в к-рых оно описано. Результатом А. о. т. в автоматизированных лексикографических системах являются частотные словари, конкордансы (словоуказатели с контекстами), чаще всего принимающие форму автоматических конкордансов, автоматические моно- и многоязычные словари, размещаемые в базах данных и используемые программами лексикографических систем в качестве справочного материала при обработке новых данных. Поэтому такие системы являются развивающимися системами. Автоматические словари используются в системах автоматического перевода, а также в информационных системах и системах общения с компьютером на естественном языке в качестве справочников при подготовке и расширении словарей и уточнении грамматик этих систем.

В составе лингвистического обеспечения автоматизированных систем различают три группы функций А. о. т.: автоматическое индексирование входных документов, составление поисковых предписаний по тексту запросов и автоматизированное ведение словарей системы. Ядром лингвистического обеспечения автоматизированных информационных систем являются информационно-поисковые тезаурусы (см.), в терми-

нах к-рых производится индексирование вводимых в систему текстов и запросов на их поиск. Индексирование текста заключается в составлении к нему поискового «образа», в к-ром указываются понятия, описываемые в тексте, и отношения между ними. Аналогично обрабатываются и запросы к системе. Сравнением поисковых предписаний с поисковыми образами документов осуществляется выбор текстов запрашиваемой тематики. Существуют и бестезаурусные системы, способные осуществлять поиск текстов по любым сочетаниям слов, встречающихся в них. В таких системах автоматически строятся словоуказатели к вводимым текстам.

Наиболее полно функции А. о. т. развиты в системах автоматического перевода (см.) и системах человеко-машинного общения, где основным является синтаксический, а в системах общения с компьютером – семантический анализ. Эти наиболее сложные формы А. о. т. опираются на формальный аппарат, развитый в рамках математической и вычислительной лингвистики. Здесь А. о. т. осуществляется программными системами, называемыми языковыми или лингвистическими процессорами (NLP – Natural Language Processor). Центральной функцией языковых процессоров является грамматический разбор (parsing). Программы грамматического разбора (parsers) применяют в качестве справочных данных формальные грамматики и словари того языка, тексты к-рого служат объектом анализа или синтеза. В качестве формальных грамматик используются расширенные грамматики непосредственных составляющих (контекстно-свободные грамматики), трансформационные грамматики, грамматики расширенных сетей переходов, являющиеся системами грамматик непосредственных составляющих, и др. В качестве формальных словарей используются прикладные (инженерные) варианты толково-комбинаторных словарей, т. е. специальных форм семантико-синтаксических словарей, имеющих подробную информацию о вариантных формах слов, об их семантике и о сочетаемостных возможностях на лексическом, семантическом и синтаксическом уровнях с учётом морфологических ограничений. В нек-рых языковых процессорах систем автоматического перевода и систем общения с компьютером такие словари могут быть использованы как для анализа, так и для синтеза текстов. Обычные языковые процессоры содержат морфологическую, синтаксическую, семантическую (или синтактико-семантическую) и словарную компоненты (подсистемы программ и данных), каждая из к-рых реализует динамическую модель языка на соответствующем уровне. Языковые процессоры систем общения с компьютером опираются, как правило, на нек-рую систему представления знаний и взаимодействуют с ней, осуществляя функции логического (дедуктивного) вывода. Знания часто представляются в виде т. н. фреймов – языковых моделей определённых фрагментов действительности или семантических сетей и образуют т. н. базы знаний, хранимые в компьютере. Эти функции используются также и как средства раскрытия неоднозначностей (разрешения омонимии), восстановления эллипсисов, установления анафорических связей в тексте и в других сложных случаях лингвистического анализа.

С 70-х гг. наблюдается тенденция к интеграции всех подходов к конструированию систем А. о. т. в рамках искусственного интеллекта – направления в информатике (computer science), связанного с созданием сложных человеко-машинных и робототехнических систем, моделирующих человеческую деятельность в различных сферах и предметных областях. В таких системах текст на естественном или искусственном языке является как источником накопления знаний системы, так и источником данных для выбора её поведения, а также средством взаимодействия системы с человеком. Здесь функции редактирования всё больше сливаются с функциями содержательной обработки, образуя единый аппарат понимания текстов. Это открывает возможности для автоматизации наиболее сложных областей человеческой деятельности, требующих затрат прежде всего интеллектуального труда, таких, как редакционно-издательские процессы, извлечение информации из текстов, медицинская и техническая диагностика, экспертная деятельность, проектирование машин и сооружений, изготовление проектной документации, управление социально-экономическими системами. Во всех этих случаях А. о. т. играет первостепенную роль. Однако в таких массовых «промышленных» применениях А. о. т. должна опираться на мощную информационную поддержку в виде автоматизированных словарных картотек, автоматических словарей, грамматик и других форм представления лингвистических данных в компьютере. Разработка таких систем приобретает форму машинных фондов национальных языков (см. Машинный фонд русского языка), национальных автоматизированных лексикографических служб и т. п.

Лит.: Андрющенко В. М., Автоматизированные лексикографические системы, в кн.: Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики, М., 1981, с. 71–88; Белоногов Г. Г., Кузнецов Б. А., Языковые средства автоматизированных информационных систем, М., 1983; Добровольский В. Ю., Текстовой процессор Microsoft word. Для IBM совместимых персональных компьютеров, М., 1989; Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2, М., 1989; ОРФО. Система автоматизированной проверки правописания в рус. текстах, М., 1990; Knuth D., The Textbook, Mass., 1984.

В. М. Андрющенко.

Автомати́ческий перево́д, машинный перевод,– 1) перевод текстов с одних естественных языков на другие с помощью компьютера; 2) область научных исследований, направленных на построение автоматизированных переводческих систем.

Системы А. п. имеют обычно не менее трёх видов обеспечения: лингвистическое, состоящее из словарей и грамматик; математико-алгоритмическое, включающее формализмы (формальный язык и средства записи на нём) для представления лингвистических и перерабатываемых данных и алгоритмы (набор определённых последовательностей формальных операций, правил работы, приводящих к решению поставленной задачи) переработки; программное, состоящее из программ, реализующих алгоритмы. Кроме того, в нек-рых системах содержатся ещё данные о предметной области, к к-рой относятся переводимые тексты, и способы работы с этими данными.

Классификацию систем А. п. производят на основе различных критериев.

1. С точки зрения распределения труда между человеком и компьютером в процессе перевода различают системы собственно А. п., когда человек не вмешивается в работу переводческой системы на промежуточных стадиях, хотя и проводит пост- или предредактирование (иногда и то и другие), и системы частично автоматизированного перевода, когда человек и компьютер взаимодействуют в процессе перевода [в этом взаимодействии перевод ведёт либо компьютер, к-рый обращается к человеку в трудных случаях (human-assisted machine translation), либо человек, к-рый пользуется автоматическим словарём и нек-рыми вспомогательными средствами (machine-assisted human translation)]; если автоматизирована только работа со словарём, то такой способ организации иногда к А. п. не относят.

2. Помимо способа распределения труда между человеком и компьютером, системы А. п. характеризуются след. показателями: языки, учтённые в системе; тип текстов, на к-рый она рассчитана; назначение системы; способ организации процесса перевода в системе.

а) С точки зрения учтённых языков различают системы двуязычные и многоязычные. В двуязычных системах перевод идёт либо с «чужого» языка на «свой» с целью получения информации (первые системы А. п. были только такими), либо со «своего» на «чужой» с целью распространения информации. В многоязычных системах, появившихся позднее, чаще либо перевод ведётся с одного входного языка на несколько выходных, либо в группе языков с любого входного на любой другой из этой группы; реже встречается схема, когда обеспечивается перевод с нескольких входных языков при одном выходном.

б) С точки зрения типа переводимых текстов для всех переводческих систем общим является то, что они рассчитаны на перевод т. н. деловой прозы, т. е. текстов научно-технического или делового характера: научно-технических статей, их рефератов, заголовков, технологических инструкций, сопровождающих продукцию, экспортируемую в другие страны. С учётом степени ограниченности входных текстов различают узкоспециализированные системы [напр., система МЕТЕО (Канада), переводящая метеосводки с англ. на франц. язык, и система TITRAN (Япония), переводящая заголовки научных статей с англ. на япон. язык] и системы общего назначения, к-рые рассчитаны на определённую предметную область [электроника, металлургия и т. д., напр. система ЭТАП (Россия)], или, самые общие, на несколько предметных областей. Тип входных текстов влияет на грамматику системы и в значительно большей степени на объём словаря: узкоспециализированные системы обычно имеют словари в несколько тысяч слов, словари для одной предметной области включают несколько десятков тысяч слов, словари для нескольких предметных областей – несколько сотен тысяч слов. Во 2-й пол. 80-х гг. 20 в. возник ещё один новый тип входных текстов – диалог (см.). Реплики диалога имеют ряд отличий от формулировок письменных текстов: они сравнительно коротки, но в них много эллипсисов (см.), инверсий (см.), различных трудно переводимых конструкций. В существующих проектах эти трудности отчасти компенсируются тем, что допускаются диалоги только на заранее определённые темы (напр., резервирование места в гостинице, получение справок о конференции – о сроках, правилах подачи докладов и т. п.). В нек-рых странах (Япония, Великобритания) начались уже работы по переводу устного диалога, где переводческая система объединяется с системой распознавания и синтеза речи.

в) По назначению различают экспериментальные и практические системы. Экспериментальные системы делаются в научно-исследовательских целях для проверки определённой модели естественного языка или метода алгоритмизации процесса перевода. Системы, предназначенные для практического использования, проходят сначала стадию системы-прототипа, к-рая проверяется и дополняется в ходе экспериментов с текстами. Затем система либо поступает для использования в той организации, где она разрабатывалась, либо начинает продаваться (становится коммерческой).

г) Переводческие системы чрезвычайно разнообразны с точки зрения способа организации процесса перевода. В подавляющем большинстве системы А. п. рассчитаны на перевод текста отдельными предложениями (от точки до точки). Когда к.-л. предложение переводит человек, он сначала уясняет для себя его смысл (т. е. анализирует предложение, совершая переход от входного предложения к нек-рому представлению его смысла), а затем синтезирует предложение с тем же смыслом на другом языке. При построении переводческих систем пошли по пути нек-рых приближений к такой схеме. При этом каждая пере-

водческая система уникальна, т. к. обладает большим числом специфических особенностей. Поэтому осуществлять классификацию по этому аспекту очень трудно. Чаще всего она происходит на основе того уровня, на к-ром реализуется переход от языка к языку. Переводческие системы первого поколения (их ещё называют системами прямого перевода, сокращённо – П-системами) совершали переход от языка к языку на уровне морфологического представления предложения. В нём каждая текстовая единица (ТЕ) – словоформа, идиоматическое словосочетание, к-рое надо переводить как единое целое, или знак препинания – представлена определённой совокупностью признаков и характеристик. Признаки извлекаются из словарей основ для работы со словоформами и специальных словарей словосочетаний. В словаре основ последние снабжены словарными статьями, состоящими из словарных информаций [по числу омонимов (см.)], каждая из к-рых является набором признаков, характеризующих данный омоним. Состав признаков зависит от грамматики системы, но практически всегда включает морфологические признаки, характеризующие словоизменение. Так, напр., при основе *запас* в рус. словаре должно быть указано, что от этой основы можно образовать как формы существительного (*запас, запаса, запасу* и т. д.), так и формы глагола (*запасать, запасаю, запасти, запасу, запасал, запас* и т. д.). Поэтому при этой основе должны быть две словарные информации. Кроме того, среди словоформ, образуемых от этой основы, одни являются омонимичными и тоже будут иметь по две информации (напр., омографы *запасу́* – *запа́су*, поскольку в письменном тексте ударения не помечаются), а другие неомонимичными. Обработка переводимой фразы начинается с расчленения каждой словоформы на основу, содержащуюся в словаре, и окончание.

По окончанию с учётом морфологических признаков, приписываемых основе, устанавливаются морфологические характеристики словоформ (для существительных – число и падеж, для прилагательных – род, число, падеж, степень сравнения, для глаголов – время и вид, число, лицо или род и т. д.). Это и даёт морфологическое представление переводимого предложения, к-рое в П-системах непосредственно перерабатывается в морфологическое представление предложения переводящего (т. е. путём рассмотрения морфологических характеристик словоформы и её ближайшего линейного контекста устанавливаются сведения о форме и месте переводящего слова и на основе этих сведений синтезируется переводящее предложение). Другой тип систем А. п. (их часто называют системами второго поколения) – это т. н. Т-системы [от слова «трансфер» (transfer)], в к-рых переход от входного языка к выходному происходит на уровне синтаксических представлений. В этих системах обособились синтаксические анализ и синтез и процесс перевода происходит по след. наиболее распространённой ныне схеме: анализ (к-рый делится на морфологический и синтаксический) → преобразование, или трансфер (переход от синтаксического представления входного предложения к синтаксическому представлению выходного) → синтез (к-рый тоже делится на синтаксический и морфологический). При этом анализ осуществляется без ориентации на выходной язык (т. е. учитывает только особенности входного текста), а синтез, наоборот, ориентирован на выходной язык и не учитывает характеристики входного текста; закономерности соотношения языков учитываются на этапе преобразования. Это особенно полезно для многоязычных систем. Интерлинговые системы (И-системы) – это системы А. п., в к-рых строится семантическое представление предложения, т. е. к анализу добавляется этап семантического анализа, а к синтезу – этап семантического синтеза. По замыслу семантическое представление предложения должно быть единым для разных языков, однако на практике не удалось построить представлений, действительно не зависящих от особенностей конкретных естественных языков.

Наиболее распространёнными являются Т-системы, но при единой общей схеме каждый этап этих систем может быть организован разными способами. Так, для морфологического анализа используют в основном две схемы: либо сначала проводят поиск основ в словаре, а затем анализируют окончание; либо сначала от словоформы отсекают окончание (точнее, получают все её возможные расчленения), а затем основу (основы) ищут в словаре. Для синтаксического анализа известно огромное число стратегий: различаются и виды представления синтаксических структур, и способы их получения; по целям синтаксические анализы делятся на одновариантные и многовариантные. Чрезвычайно разнообразны и способы проведения анализа: он может идти снизу вверх (т. е. от ТЕ ко всё более крупным составляющим) с заглядыванием вперёд или без него, с параллельным или последовательным просмотром разных путей анализа, существенно иной способ – фильтровый, когда для анализируемого предложения накапливается избыточный набор гипотез о возможных синтаксических связях между ТЕ, к-рый затем фильтруется на основе ограничений на сочетаемость связей в правильной структуре. При синтаксическом анализе на основе предпочтений среди правильных структур отыскивается та, к-рая состоит из наиболее вероятных связей (с этой целью вводится аппарат оценок связей с точки зрения их необходимости и правильности). Известно и много других методов.

Разнообразие схем, используемых для семантических анализов, тоже очень велико.

В кон. 80-х гг. возник своеобразный метод перевода «по образцам», в к-ром предлагается хранить

в памяти компьютера большое число предложений, переведённых квалифицированными переводчиками. Поступившее для перевода предложение членят на такие достаточно крупные части, для к-рых можно подобрать аналогичные структуры среди имеющихся образцов. Вводятся способы для оценки степени аналогии. Напр., для перевода сочетания слов *книга по проблемам международной политики* будет взято за образец сочетание *журнал по вопросам внешней политики*.

Первые работы по автоматизации перевода появились в США в нач. 50-х гг. 20 в. Первый публичный эксперимент по А. п. был проведён в Джорджтаунском ун-те в 1954. В сер. 50-х гг. работы начались во многих странах, в т. ч. в России: в 1954 в Москве начали работать группы И. К. Бельской и Д. Ю. Панова (англо-рус. перевод) и А. А. Ляпунова и О. С. Кулагиной (франко-рус. перевод). В сер. 60-х гг. в США и Европе появились первые практически действующие системы, однако затем примерно на десятилетие имел место спад активности в А. п., объясняемый как огромными трудностями в решении проблемы, так и внешними обстоятельствами (в частности, трудностями финансирования). С сер. 70-х гг. активность снова стала расти, причём с этого времени на первый план по числу разработок выдвинулась Япония, где перевод был признан проблемой гос. значения. Переход к массовому использованию А. п. произошёл в 80-х гг., причём не столько в силу улучшения качества переводческих систем, сколько благодаря распространению персональных компьютеров. Человек-переводчик, исправляющий при помощи программ редактирования полученный на экране компьютера (пусть и несовершенный) результат, выданный системой А. п., работает в 3–5 раз эффективнее пары «человек-переводчик + человек-редактор», не использующей компьютеры. К нач. 90-х гг. работы по А. п. велись во многих странах Европы, Азии и Америки. Известно также несколько международных проектов: в Европе – EUROTRA (Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Италия, Нидерланды, Франция), в Азии – ODA (Япония, Индонезия, Китай, Малайзия, Таиланд), в Южной Америке – ATAMIRI и CADA (Бразилия, Гватемала, Колумбия, Перу, Эквадор).

В разных странах построено большое количество экспериментальных и практических систем А. п. Из коммерческих систем наиболее распространена SYSTRAN, для к-рой известно ок. 15 версий для разных пар языков [они снабжены большими словарями (напр., в словаре для пары «русский – английский» 200 тыс. слов общей лексики и 200 тыс. терминов)]; перевод, полученный в результате использования этой системы, требует существенного редактирования. Есть также системы ATLAS, LOGOS, LITRAS и др.; в 1995 появились коммерческие системы А. п. в России, напр. система англо-рус. перевода STYLUS и др. Из систем частично автоматизированного перевода наиболее распространены системы фирм WCC (World Communication Centre) и ALPS (обе США).

Лит.: Кулагина О. С., Исследования по машинному переводу, М., 1979; её же, О совр. состоянии машинного перевода, «Математические вопросы кибернетики», 1991, № 3; Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2, М., 1989; Lawson V. (ed.), Practical experience of Machine Translation, North-Holland, 1982; Slocum J., A survey of machine translation; its hystory, current status and future prospects, «Computational linguistics», 1985, v. 11, № 1; Hutchins W. J., Machine translation: past, present, future, N. Y.–[a. o.], 1986; Hutchins W. J., Somers H. L., An introduction to Machine translation, Academic press, 1992. *О. С. Кулагина.*

Адвербиализа́ция (от лат. adverbium – наречие) – переход в наречие словоформ, принадлежащих к другим частям речи. Сущность процесса А. состоит в том, что нек-рые формы выпадают из системы словоизменения своей части речи, утрачивая её грамматические признаки, и приобретают грамматическое значение наречия, а также нередко особое лексическое значение. При переходе в наречия формы утрачивают и синтаксические свойства бывшей части речи – способность сочетаться с прилагательным или управлять другими словами, ср.: *Смотрю на высокий дом – Что вам задали на дом?; лез наверх – на верх горы; подойти важно и неспеша – Он споткнулся, спеша нам навстречу.* В истории языка наречия возникали из различных форм имён и глаголов (чаще всего из падежных форм существительных, в т. ч. в сочетании с предлогом: *плестись шагом, знать назубок, попасть впросак*). По образцу адвербиализованных форм далее появлялись наречные образования, часто не имевшие синтаксических аналогов, не проходивших ступени А., создававшиеся по формировавшимся в языке словообразовательным моделям. Т. о., одноструктурные наречные образования имеют разное историческое происхождение. В совр. диахронических исследованиях границы и формы А. уточняются с учётом разных синхронных состояний системы в области лексики, синтаксиса, морфологии (системы частей речи). Начато исследование (в работах О. П. Ермаковой) такого фактора, влияющего на А. существительных, как референциальная характеристика имени в тексте, характеристика его с точки зрения категории определённости – неопределённости. Нек-рые наречия сохраняют в своём составе исторические формы (*поделом, сгоряча*) или лексемы (*в/просак*), уже исчезнувшие из языка. В совр. языке наречия типа *впросак* являются немотивированными, отношения между словами типа *шаг – шагом, сухой – досуха, хотеть – нехотя* при синхронном подходе рассматриваются в аффиксальном словообразовании.

В совр. языке может происходить контекстная А. нек-рых падежных форм существительных (прежде всего твор. п.) и нек-рых форм деепричастий с нейтрализацией предметных значений у

существительных и процессуальных у деепричастий.

Отличать наречия от омонимичных форм важно для грамотного письма. По общему правилу наречия, исторически возникшие из сочетания служебного и знаменательного слов, как и все другие целостные слова, пишутся слитно. Однако из этого правила существуют исключения. Отчасти они объясняются тем, что есть переходные случаи, о к-рых нельзя сказать, что процесс А. уже завершён. Раздельное написание многих слов устанавливается в словарном порядке: *без удержу, без умолку; до зарезу, до отвала; на бегу, на лету, на глазок; с разбегу* и т. д. Отдельно пишется исторический предлог, оканчивающийся на согласную, перед бывшим существительным, начинающимся с гласной: *в обмен, в одиночку, под уклон*. Раздельно пишутся сочетания, внутрь к-рых можно вставить прилагательное: *на (всём) скаку, попал в (такой) тупик*. Если сохраняются разные падежные формы в составе нескольких наречий, то такие наречия пишутся раздельно: *на корточки, на корточках; за границу, за границей; под мышками, под мышки*.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Шанский Н. М., Правописание наречий, в кн.: Вопросы рус. орфографии, М., 1964; Буланин Л. Л., Трудные вопросы морфологии, М., 1976; Ермакова О. П., Нек-рые замечания о синтаксически обусловленных и других несвободных значениях слов, в кн.: Синтаксис и стилистика, М., 1976; Янович Е. И., Наречие в истории рус. языка. Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий, Минск, 1978; Чурмаева Н. В., История наречий в рус. языке, М., 1989. *Е. В. Красильникова.*

Адъективáция (от лат. adjectivum – прилагательное) – процесс перехода других частей речи в прилагательное (*обобщающие исследования, вооружённая охрана, певец он никакой, первые ученики школы*). Термин «А.» чаще всего употребляется применительно к причастиям, т. к. они в большей степени, чем другие части речи, подвержены этому процессу. В лингвистической лит-ре употребление этого термина неоднозначно: одни исследователи относят А. к области словообразования и рассматривают всякую адъективированную лексическую единицу как прилагательное; другие относят А. к области полисемии, считая, что конечным результатом А. является образование у слова или его формы вторичного, «адъективного», значения. В словарях такие лексические значения причастий имеют помету *в знач. прил.* Нек-рые полагают, что проблемы А. (применительно к причастиям) не существует, т. к. причастия рассматриваются как «процессуальные прилагательные», а не формы глагола. Однако наиболее распространена точка зрения, относящая А. к полисемии.

При А. слово (или одно из его значений) приобретает и смысловые, и грамматические признаки прилагательного; напр., в сочетаниях *обобщающее исследование, лимитированная подписка* причастия (если контекст не подчёркивает их глагольных грамматических свойств) теряют грамматические категории глагола (вид, время, залог, глагольное управление) и употребляются в адъективных значениях: называют одно из свойств, качеств предмета или явления и имеют все грамматические и функциональные черты прилагательного. Однако при этом адъективные лексические значения причастий имеют и глагольные семы (см. Сема, Причастие). Процессу А. подвержены не все причастия, числительные, местоимения. Это связано с особенностями их семантики, морфемного состава, закреплённостью или незакреплённостью сочетаний с существительными в общественной практике употребления, с наличием или отсутствием эмоционально-экспрессивного фактора и с другими причинами.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Лопатин В. В., Адъективация причастий в её отношении к словообразованию, «ВЯ», 1966, № 5; Калакуцкая Л. П., Адъективация причастий в совр. рус. лит. языке, М., 1971; Сазонова И. К., Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова, «ВЯ», 1971, № 6; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *И. К. Сазонова.*

Áзбука – название славянского алфавита (см.), образовалось из названий двух первых букв древнеславянских азбук – «азъ» и «боукы» (в современном русском языке в этом значении более употребительно слово алфавит). В древней слав. письменности известны две азбуки – глаголица (см.) и кириллица (см.). Совр. рус. А. по своему составу и основным начертаниям букв восходит к древней кириллице. Её буквенные знаки начиная с 11 в. постепенно изменялись по форме и составу. Близкая к современной А. была введена реформами Петра I (1708–10) и Академией наук (1735, 1738 и 1758) (см. Реформы азбуки и правописания), результатом чего явилось упрощение начертаний букв и исключение из состава А. нек-рых устаревших знаков. Так, были исключены буквы ѡ («омега»), ȣ («ук»), ꙗ, ѥ (йотированные *а, е*), ѯ («кси»), ѱ («пси»), диграфы ѿ («от»), ОУ («у»), знаки ударения и придыхания (силы), знаки сокращения (титлы) и др. Были введены новые буквы: *я* (вместо ꙗ, ѧ и ѩ), *э, й*. Позднее Н. М. Карамзин ввёл букву *ё* (1797). Эти изменения послужили преобразованию старой церк.-слав. печати для светских изданий [отсюда впоследствии название печатного шрифта – «гражданский» (см. Гражданский шрифт)]. Нек-рые исключённые буквы в дальнейшем снова восстанавливались и исключались, часть лишних букв продолжала употребляться в рус. письме и печати вплоть до 1917, когда декретом Народного комиссариата просвещения от 23 декабря 1917, подтверждённым декретом Совета народных комиссаров от 10 октября 1918, были исключены из состава алфавита буквы ѣ, ѳ, І («ять», «фита», «и десятеричное»). В древности буквы, кроме

звуков, обозначали также цифры (как и в греч. алфавите). В кириллице и глаголице цифровые значения букв несколько различались (см. таблицы при соотв. статьях).

Современный русский алфавит.

Аа	*[а]*	Кк	*[ка]*	Хх	*[ха]*
Бб	*[бэ]*	Лл	*[эль]*	Цц	*[цэ]*
Вв	*[вэ]*	Мм	*[эм]*	Чч	*[че]*
Гг	*[гэ]*	Нн	*[эн]*	Шш	*[ша]*
Дд	*[дэ]*	Оо	*[о]*	Щщ	*[ща]*
Ее	*[е]*	Пп	*[пэ]*	Ъъ	*[твердый знак, стар. ер]*
Ёё	*[ё]*	Рр	*[эр]*	Ыы	*[ы]*
Жж	*[жэ]*	Сс	*[эс]*	Ьь	*[мягкий знак, стар. ерь]*
Зз	*[зэ]*	Тт	*[тэ]*	Ээ	*[э оборотное]*
Ии	*[и]*	Уу	*[у]*	Юю	*[ю]*
Йй	*[и краткое]*	Фф	*[эф]*	Яя	*[я]*

Совр. рус. А. включает 33 буквы: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я*. Большинство букв в письменной форме графически отличается от печатных. Кроме *ъ, ы, ь*, все буквы употребляются в двух вариантах: прописные и строчные. В печатной форме варианты большинства букв графически тождественны (различаются только размерами; ср., однако, *Б* и *б*), в письменной форме во многих случаях написания прописных и строчных букв различаются между собой (*А* и *а*, *Т* и *т* и др.).

А. передаёт фонемный и звуковой состав рус. речи: 20 букв обозначают согласные звуки (*б, п, в, ф, д, т, з, с, ж, ш, ч, ц, щ, г, к, х, м, н, л, р*), 10 букв – гласные, из них *а, э, о, ы, и, у* – только гласные, *я, е, ё, ю* показывают мягкость предшествующего согласного + *а, э, у, о* или сочетания j («йот») + гласный (*пять, лес, лёд, люк, яма, ехать, ёлка, юный*); буква *й* передаёт «и неслоговое» (*бой*) и в нек-рых случаях – согласный j. Две буквы – *ъ* («твёрдый знак») и *ь* («мягкий знак») – не обозначают отдельных самостоятельных звуков. Буква *ь* служит для обозначения мягкости предшествующих согласных парных по твёрдости – мягкости (*мол – моль*), после букв шипящих *ь* является показателем на письме нек-рых грамматических форм: 3-го склонения существительных – *дочь* (но *кирпич*), повелительного наклонения – *режь* и др. Буквы *ь* и *ъ* также выступают в функции разделительного знака (*подъём, бьют*). Употребление буквы *ё* в совр. печати не является строго обязательным, она встречается гл. обр. в словарях и учебной лит-ре. Рус. «гражданская» азбука послужила базой для письменности ряда народов РФ (якутской, башкирской и др.), а также нек-рых других неслав. языков.

Буквы иногда передаются особыми условными знаками, благодаря чему создаются узкоспециальные А. (азбука Морзе, А. слепых, глухонемых и др.).

А. называли также пособие для начального обучения рус. и церк.-слав. грамоте, в нём содержались изображения и названия букв, а также нек-рое количество сочетаний букв, составляющих слоги и слова.

ӓáӑæѓғӻґҕһћђӗҗӝҙӟӣ
ӣй́іїјқҡќҟљңҥњӧөҫҫ
ӱӯӯўӳүҳҳҵҷӵӌы̆ єəѣӂӏ

ӒÁӐÆЃҒӺҐҔҺЋЂӖҖӜҘӞӢ
ӢЙІЇЈҚҠЌҞЉҢҤЊӦӨҪ
ҪӰӮӮӲӰҮҲҲҴҶӴӋЫЄӘѢӜ

Диакритические знаки и дополнительные буквы, применяемые в системах письма, построенных на русской основе.

Совокупность особых графических знаков, к-рыми записывается музыка, называют н о т н о й А.

Лит.: Былинский К. И., Крючков С. Е., Светлаев М. В., Употребление буквы ё. Справочник, М., 1943; Истрин В. А., Возникновение и развитие письма, М., 1965; Мусаев К. М., Алфавиты языков народов СССР, М., 1965; Иванова В. Ф., Совр. рус. язык. Графика и орфография, 2 изд., М., 1976; Моисеев А. И., Совр. рус. алфавит и алфавиты других народов СССР, «Рус. яз. в школе», 1982, № 6. См. также лит. при статьях Алфавит, Кириллица.

О. А. Князевская.

Азбуко́вники – древнерусские анонимные рукописные справочники энциклопедического и филологического характера. Вели своё начало от справочников аналогичного типа, появившихся в Древней Руси с принятием христианства. В сделанных в тот период переводах рукописных книг содержалось много непонятных и непереведённых слов, слов, обозначающих новые понятия, собственные имена. Их требовалось объяснить. Объяснения давались обычно в конце книг в виде списков слов (сначала без к.-л. порядка) с необходимыми комментариями. Указанные справочники широко распространились в России в 16–17 вв., когда, собственно, и получили название «А.».

Первый список толкуемых слов типа А., дошедший до нашего времени, помещён в Новгородской кормчей 1282, написанной для архиепископа Климента. Автор называет своё сочинение «Речь Жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разум и в Евангелиях и Апостолах, и в Псалтыри и Паремии и в прочих книгах» и стремится прежде всего объяснить встречающиеся в священ-

ных книгах греч. и др.-евр. слова; иногда среди толкуемых слов можно найти слова и из других языков, даже из ст.-славянского. Всех слов помещено 174, их число в позднейших списках увеличилось до 344. Второй известный нам список толкуемых слов, составленный по типу А.,– т. н. Новгородский словарь 1431, к-рый был приложен к сочинению Иоанна Лествичника, носит заглавие «Тлъкование неудобь познаваемом в писанных речем, понеже положены суть речи в книгах от начальных преводних ово Словенскы и ино Србъскы и другая Блъгарскы и Гръчьскы их же неудоволишася преложити на Рускыи». Здесь лексикографическая задача поставлена шире, толкуются слова из большего количества языков. Первоначальное число слов было 61, затем список увеличился до 200. Источником для этого словаря послужил словарь, приложенный к сербскому оригиналу сочинения Иоанна Лествичника.

С течением времени структура А. совершенствовалась и перерабатывалась: слова стали располагаться по алфавиту, давались исторические, этимологические справки, сообщались значения слов и их перевод.

В 16–17 вв. наибольшее распространение получили учебные А. Они обычно состояли из азбуки (со слогами и прописями), кратких грамматических сведений и религиозно-нравственных поучений. С началом книгопечатания (см.) появляются печатные А. В приложении к «Славянской грамматике» (1596), созданной в юго-зап. Руси, Лаврентий Зизаний помещает словарь «Лексис сиречь речения вкратце собранная и из славянскаго языка на простой русский диалект истолкованы» (этот учебный А. является первым известным нам печатным А.). Общее количество толкуемых слов – 1061. Впервые слова располагаются по алфавиту. Объясняются только ст.-слав. или славянизированные слова. Разъяснения даются на «простой мове» – лит. языке юго-зап. Руси.

В рус. языковой традиции 16–17 вв. особое распространение получили два А. Первый – «Сказание о неудобно познаваемых речах, иже обретаются в святых книгах Русскаго языка», второй имеет различные названия: «Книга, глаголемая азбуковник или буквы», «Книга, глаголемая алфавит», «Лексис неудобь разумеваемым речем». Эти словари содержали толкование слов из араб., греч., др.-евр., сирийского, лат. и других языков.

Наряду с филологическими сведениями в А. встречаются статьи энциклопедического характера, рассказывающие о событиях всемирной и отечественной истории, сообщаются сведения по естествознанию, космографии, носящие часто фантастический характер. А. использовались в качестве учебного пособия по обучению родному языку и для назидательного чтения в семейном кругу. Сохранилось более 200 списков А. В А. можно видеть прообраз будущих словарей различного типа – толковых (см. Толковые словари), этимологических (см. Этимологические словари), исторических (см. Исторические словари), иностранных слов (см. Иностранных слов словари) и др., к-рые появились в совр. эпоху в связи с развитием науки о языке, теории и практики лексикографии.

Лит.: Мордовцев Д. Л., О рус. школьных книгах XVII века, М., 1862; Ширский К., Очерк древних славяно-рус. словарей, «Филол. записки», 1869, в. 1–3; Баталин Н. И., Др.-рус. азбуковники, там же, 1873, в. 3–4; Пруссак А. В., Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной б-ки, П., 1915; Буш В. В., Памятники старинного рус. воспитания, П., 1918; Орлов А. С., Книга рус. средневековья и её энциклопедические виды, «Докл. АН СССР», 1931, [сер.] В, № 3; Ковтун Л. С., Древние словари как источник рус. исторической лексикологии, Л., 1977.

В. П. Вомперский.

Акаде́мия Росси́йская – научное учреждение в России, созданное для изучения русского языка и словесности, содействия развитию исторических исследований и переводческого искусства, распространения просвещения и культуры. Основана в С.-Петербурге в 1783, в 1841 вошла в состав Петерб. АН в качестве её Второго отделения (позже Отделение рус. языка и словесности). Постоянный состав – 60 действительных членов, с 1818 избирались почётные члены. Президенты: Е. Р. Дашкова (1783–96), П. П. Бакунин (1796–1801), А. А. Нартов (1801–13), А. С. Шишков (1813–41). Членами А. Р. были академики Петерб. АН С. Я. Румовский, Н. Я. Озерецковский, И. И. Лепёхин, А. П. Протасов, С. К. Котельников, Н. П. Соколов, П. Б. Иноходцев, В. М. Севергин, писатели Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, гос. и военные деятели И. И. Шувалов, Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, А. П. Ермолов и др. А. Р. вела широкие лексикографические исследования. Крупным вкладом в развитие рус. лексикографии является 6-томный «Словарь Академии Российской» (1789–94), содержащий 43 тыс. слов, расположенных «по чину производному», т. е. по гнездовому принципу: по алфавиту основных (корневых) слов, под к-рыми помещены их производные. По-

Здание Академии наук (в состав к-рой вошла Академия Российская). Построено в 1783–85, архитектор Дж. Кваренги.

служил основой для «Словаря Российской Академии, по азбучному порядку расположенного» (т. 1–6, 1806–22), к-рый включал 51 тыс. слов. В 1802 вышла в свет «Российская грамматика, сочинённая императорскою Российскою Академиею», составленная гл. обр. П. И. и Д. М. Соколовыми. Переиздавалась в 1809 и 1819. Ведя лексикографические исследования, А. Р. впервые установила сотрудничество с учёными-филологами из слав. стран (В. С. Караджичем, В. Ганкой, П. Й. Шафариком, Й. Добровским, Ф. Палацким, Й. Юнгманом и др.).

А. Р. рассматривала и печатала произведения рус. писателей, проводила лит. конкурсы, оказывала помощь неимущим писателям и учёным, награждала лучшие работы золотыми и серебряными медалями, издавала произведения классиков рус. лит-ры, собирала первую в России филологическую библиотеку.

С 1805 выходили повременные издания: «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией» (1805–23), «Известия Российской Академии» (1815–28), «Повременное издание Российской Академии» (1829–32), «Краткие записки ⟨...⟩ Российской Академии» (1834–35), «Труды Российской Академии» (1840–42).

Лит.: Устав и штат Рос. Академии, СПБ, 1835; [Перевощиков В.], Роспись книгам и рукописям Рос. Академии, СПБ, 1840; Краткое известие о Рос. Академии, в кн.: Тр. имп. Рос. Академии, ч. 1, СПБ, 1840; Сухомлинов М. И., История Рос. Академии, в. 1–8, СПБ, 1875–88; [Дьяков А. А.], Указатель к периодическим изданиям Рос. Академии ⟨...⟩, ОРЯС, 1890, т. 52, № 3; Любименко И. И., Об основании Рос. Академии, «Архив истории науки и техники», 1935, в. 6; Модзалевский Л. Б., Пушкин – чл. Рос. Академии, «Вестник АН СССР», 1937, № 2–3; Баскаков В. Н., Рос. Академия и ее роль в развитии рус. филол. науки, «Рус. лит-ра», 1984, № 1; Некрасов С., Рос. Академия, М., 1984; Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш., Храм муз словесных, Л., 1986.

В. Н. Баскаков.

А́канье – один из двух основных типов безударного вокализма русских говоров, противопоставленный оканью (см.), наиболее характерная черта южного наречия и южной части среднерусских говоров, свойственная и литературному языку.

А. в узком смысле – неразличение ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩ в безударном положении, совпадение их всегда или в части позиций в звуке [*а*]. Есть два основных типа А.: диссимилятивное и сильное (недиссимилятивное). При сильном А. ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩ совпадают в 1-м предударном слоге всегда в [*а*]: *со́вы, тра́вы – сава́, савы́, трава́, травы́*. При диссимилятивном А. на месте ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩ обычно произносится в 1-м предударном слоге звук [*а*] или [ъ] в зависимости от того, какой гласный под ударением. Принцип диссимиляции заключается в том, что перед ударным гласным нижнего подъёма не может быть гласного того же подъёма: перед гласным верхнего подъёма произносится гласный нижнего подъёма [*а*], перед гласным нижнего подъёма произносится гласный среднего подъёма [ъ]: *савы́, саву́, травы́, траву́ – съва́, тръва́*.

В зависимости от того, [*а*] или [ъ] произносится перед гласными верхнесреднего подъёма ⟨ѣ, ѡ⟩ и среднего подъёма ⟨*е, о*⟩, выделяются три типа диссимилятивного А. При жиздринском, или белорус., типе перед всеми гласными верхнесреднего и среднего подъёмов произносится [*а*]: *к сав'ѣ́, к трав'ѣ́, савѡ́й, травѡ́й, ламт'е́й, лапт'е́й, насо́к, плато́к*. При обоянском, или архаическом, типе перед гласными верхнесреднего подъёма произносится [*а*]: *к сав'ѣ́, к трав'ѣ́, савѡ́й, травѡ́й*; перед гласными среднего подъёма – [ъ]: *лъмт'е́й, лъпт'е́й, нъсо́к, плъто́к*. Третий тип характеризуется произношением [ъ] перед всеми гласными верхнесреднего и среднего подъёмов: *к съв'ѣ́, лъмт'е́й, тръвѡ́й, плъто́к*. Вместо [ъ] по говорам могут произноситься [*ы*, *о*^{ъ}, *э*]: *сыва́, трыва́* или *со*^{ъ}*ва́, тро*^{ъ}*ва́*, или *сэва́, трэва́*. Эти типы диссимилятивного А. распространены гл. обр. в зап. части южного наречия, многие другие акающие говоры и лит. язык характеризуются сильным А.

На всей южнорус. территории встречается особый тип диссимилятивного А., характеризуемый различением двух типов *а* в позициях диссимиляции: долгого [*а:*] нижнего подъёма перед гласными верхнего подъёма и краткого [*а*^{ъ}] средненижнего подъёма перед гласными нижнего подъёма: *са:вы́, са:ву́, тра:вы́, тра:ву́ – са*^{ъ}*ва́, тра*^{ъ}*ва́*.

В говорах на стыке диссимилятивного и сильного А. встречается ассимилятивно-диссимилятивное А., при к-ром перед гласными верхнего и верхнесреднего подъёмов произносится [*а:*], перед гласными нижнего подъёма – [*а*^{ъ}], а перед гласными среднего подъёма – [ъ], уподобляющийся по тембру след. гласному: *са:вы́, са:ву́, тра:вы́, тра:ву́, к са:в'ѣ́, к тра:в'ѣ́, са:вѡ́й, тра:вѡ́й, лъ*^{э}*мт'е́й, лъ*^{э}*пт'е́й, нъ*^{о}*со́к, плъ*^{о}*то́к, са*^{ъ}*ва́, тра*^{ъ}*ва́*.

В других безударных слогах, кроме 1-го предударного, ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩ обычно совпадают в звуке [ъ], в конечном слоге – в [ъ] или [*а*]: *бърада́, нъпаха́т', зо́лъть, вы́дълъ* (*зо́лъта, вы́дъла*). Реже бывает совпадение их в [*а*] во всех безударных слогах: *барада́, напаха́т', зо́лата, вы́дала*.

А. в широком смысле – неразличение гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах – включает и типы подобного неразличения после мягких согласных: яканье (см.), иканье (см.), еканье (см.).

Часть лингвистов вслед за А. А. Шахматовым считает оканье более древним типом вокализма и связывает возникновение А. с редукцией безударных гласных. Самым архаичным признаётся вокализм диссимилятивного типа. Наибольшее распространение получила точка зрения Р. И. Аванесова, считающего, что А. появилось во 2-й пол. 12 – 1-й пол. 13 вв. на территории бассейна верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма, откуда оно позже распространялось на запад, северо-запад и север. Нек-рые лингвисты придерживаются

иного мнения. Так, А. Вайян, В. Георгиев, Ф. П. Филин относят возникновение различия между оканьем и аканьем к 7–8 вв.

Лит.: Филин Ф. П., Происхождение рус., укр. и белорус. языков. Историко-диалектологический очерк, Л., 1972; Аванесов Р. И., Рус. лит. и диалектная фонетика. [Учебное пособие для нед. ин-тов], М., 1974; Диалектологический атлас рус. языка. Центр европейской части СССР, под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей, в. 1 – Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика, М., 1986; Рус. диалектология, под ред. Л. Л. Касаткина, 2 изд., М., 1989; Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В., Ассимилятивно-диссимилятивное аканье, в кн.: Проблемы фонетики. [в.] 2, М., 1995.

Л. Л. Касаткин.

Аккомода́ция (от лат. accommodatio – приспособление) – частичное приспособление артикуляции двух соседних звуков – согласного к гласному или гласного к согласному. Характер А. зависит от воздействующего звука (гласного или согласного) и направления воздействия. Гласный воздействует на согласный иначе, чем согласный на гласный: согласный обычно изменяется на всём протяжении своего звучания, а гласный – только на участке, примыкающем к согласному. По направлению воздействия различаются прогрессивная и регрессивная А. Прогрессивная А.– воздействие звука на след. звук, напр. появление после мягкого согласного у большинства гласных совр. рус. лит. языка *и*-образного переходного участка: *тёк* – [*т'ио*]*к*. Регрессивная А.– воздействие звука на предшествующий звук, напр. лабиализация согласных перед [*у*], [*о*]: *сумма* [*с°у*]*мма*, *сом* [*с°о*]*м*, но *сам* [*са*]*м*.

В совр. рус. лит. языке гласные преим. аккомодируют согласным: рядом с мягким согласным гласный в соответствующей части продвигается вперёд и вверх: *пять* – [*п'*^{и}*а*^{и}*т'*], после твёрдого согласного гласные переднего ряда сдвигаются назад: [*и́*]*гры* – [*сы́*]*гран*, [*е́*]*хо* – *бе*[*зэ́*]*ховый* (звуки [*ы*], [*э*] в рус. лит. языке фактически являются дифтонгоидами [*ыи*], [*эе*]), в соседстве с носовым согласным в прилегающей к нему части гласный назализуется: *нос* – [*но̃о*]*с*, *сон* – *с*[*о̃он*], *нам* – [*на̃м*]. При этом прогрессивное воздействие согласного на гласный сильнее, чем регрессивное. В севернорус. говорах наблюдается палатализующее воздействие гласных [*и*], [*е*] на след. твёрдые согласные: [*из'*]*бé*, *м*[*ех'*]. Такого же происхождения в просторечии мягкость [*з'*] в суффиксе *-изм-*, ср. *механ* [*и́з'*]*м*. В др.-рус. языке в результате регрессивной А. возникало смягчение согласных перед гласными переднего ряда. Дальнейшее развитие этого явления привело к распространению противопоставления по твёрдости – мягкости практически на всю систему согласных (см.).

Р. Ф. Касаткина.

Акти́вная констру́кция – способ семантико-синтаксической организации предложения, при к-ром обозначаются: действие субъекта, направленное на объект; действие, замкнутое в сфере субъекта; свойства, качества, состояния, отношения носителя предикативного признака. Грамматикализованной формой выражения активности служит глагольное высказывание тема-рематического строения (см. Актуальное членение предложения) с препозицией субъекта, имеющего значение лица, и с предикатом, обозначающим целенаправленное действие; напр., «*Она* [Маргарита] *аккуратно сложила обгоревшие листки, завернула их в бумагу, перевязала лентой*» (Булгаков).

А. к. неоднородны по форме и значению (содержанию): закономерности их строения обусловлены спецификой языкового представления реальных процессов и коммуникативным замыслом говорящего.

Появление в позиции субъекта неодушевлённого существительного предметной семантики при предикате, выраженном глаголом преднамеренного действия, свидетельствует о суженной функциональной перспективе предложения; внимание говорящего направлено на средство осуществления действия, характер действия; напр.: *Ключ открывает дверь*; *Экскаватор углубляет пруд*; *Скатерть покрывает стол.*

Ослабление значения активности сопровождается появлением в субъектной позиции существительного со значением «не лицо» и соответственно редукцией в глаголе семы преднамеренности действия (потеря персональности), усилением роли говорящего, субъекта оценки; напр., «*Мороз подзатянул лужицы тончайшим стёклышком*» (Пришвин). Непреднамеренность действия связана с актуализацией в глаголе значения оптативности (желательности); напр., *Ребёнок облился кефиром.*

Значение А. к.– «непроизвольное изменение состояния субъекта» – обусловливает появление в субъектной позиции как одушевлённого, так и неодушевлённого существительного, в позиции предиката – процессуального глагола; напр.: *Лошадь обволакивалась паром*; *Ранка быстро заживает.*

К А. к. относятся предложения с неперех. глаголами, имеющими модальный компонент «способность к действию, названному глагольной основой»; напр.: «*Крем легко мазался и, как показалось Маргарите, тут же испарялся*» (Булгаков); *Стена пачкается*; *Бумага маслится.*

Производные результативные и релятивные конструкции показывают закрепление грамматических характеристик глагольной лексемы, утратившей процессуальное значение: сов. вид, прош. время глаголов – в результативных конструкциях, напр. «*Заря охватила полнеба*» (Тургенев), «*Радуга наискосок перепоясала дождик летучий*» (Сурков); несов. вид, наст. или прош. время глаголов, невозможность варьирования форм глагола, существительные предметной семантики в позициях субъекта и объекта – в релятивных конструкциях, представляющих собой типизированный или индивидуальный способ «видения» говорящим по-

ложения дел, напр.: *«Свет месяца наполнял комнату»* (Гоголь), *«Хвойный лес одевает все горы»* (Арсеньев), *«...розовый свитер плотно облегает фигуру, коричневые брюки чуть прикрывают каблук»* (Катасонова).

Порядок слов в А. к.– прямой: субъект – предикат – объект. Обратный порядок слов может зависеть от контекста, речевой ситуации; напр., в следующем высказывании рематического строения, отвечающем на вопрос «Что происходит?»: *«Гаснут роднички, торфенеют озерки, заводи затягиваются стрелолистом и кугой...»* (Леонов); от семантики производной модели предложения, где субъектную позицию занимает более значимый с точки зрения говорящего объект действия. Так, напр., при обозначении действий стихийных сил природы, непроизвольно возникающих чувств, мыслей, физических состояний в субъектной позиции объектная словоформа имеет значение носителя предикативного признака, субъекта состояния и субъекта оценки (с точки зрения наблюдателя-говорящего): *«Берлиоза охватил необоснованный страх»* (Булгаков); *Её лицо заливает краска стыда*; *Трюм скоро затопит*. Словоформа в вин. п. играет роль субъекта и вступает в предикативные отношения с остальным составом предложения, способствуя его «фразеологизации». Обобщённая семантика таких предложений близка предикации характеризующего типа: *Дерево зеленеет, не засохло*. В производных конструкциях с глаголами-результативами и глаголами-реляторами «фразеологизация» предицирующей части усиливается постоянными видо-временными показателями глаголов; напр.: *«Всё лицо и руки залепил мне снег»* (Плещеев); *«Крыши осеняет пыльная зелень бузины»* (М. Горький); *«[город] уже заливала темнота»* (Булгаков). Выбор глагольной лексемы показывает оценку-квалификацию говорящим реальной ситуации.

Таким образом, А. к. можно классифицировать по шкале «активности», определяя их различия как семантико-синтаксическую деривацию от исходной конструкции с субъектом-лицом и предикатом целенаправленного действия, выделяя деривационные шаги и деривационные средства, переводящие А. к. в пограничную область с пассивными конструкциями (напр., стативные и релятивные конструкции со словоформой в вин. п. в позиции субъекта).

Критерием разграничения А. к. и пассивных конструкций (см.) является тип семантико-синтаксических отношений между предикативно сопряжёнными словоформами, а не морфологическая форма предиката. Это подтверждается, в частности, значением конструкций с глаголами-стативами (см. Диатеза), причастная форма к-рых, как и прилагательное, играет роль предиката характеризующего типа; напр.: *Дверь закрыта*; *«Как он, она была одета всегда по моде и к лицу»* (Пушкин).

Лит.: Проблемы теории грамматического залога, Л., 1978; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, СПБ, 1991. *Е. М. Лазуткина.*

Акти́вный слова́рь – 1) часть словарного состава языка, к-рая включает относительно ограниченное число лексических единиц, особенно часто используемых в речи, причём в связи с наиболее существенными для данного общества реалиями, понятиями и ситуациями. А. с. противопоставляется пассивному словарю (см.). Медленно изменяющееся ядро А. с. состоит из стилистически нейтральных единиц (см. Нейтральные стилистические средства языка) с развитой системой значений, высокой сочетаемостью и словообразовательной активностью. При выполнении языком его коммуникативной функции единицы А. с. играют наиболее важную роль. Принадлежность лексической единицы к А. с. характеризуется в справочниках специальными индексами (частота, употребительность и т. д.), для получения к-рых используются методы лингвистической статистики (см.) и социолингвистики (см.). Эти индексы учитываются при создании моделей А. с.– словарей-минимумов. 2) В психолингвистике (см.) – совокупность лексических единиц, к-рые говорящий свободно использует в спонтанной речи. 3) В теории лексикографии (Л. В. Щерба) – лексикографическое пособие, облегчающее говорящему (пишущему) выбор и идиоматическое употребление слов; так построен, напр., «Англо-русский словарь синонимов» (1979).

Лит.: Рус. язык и сов. общество. (Социологолингвистическое исследование). Лексика совр. рус. языка, М., 1968; Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Денисов П. Н., Очерки по рус. лексикологии и учебной лексикографии, М., 1974; Лексические минимумы совр. рус. языка, М., 1985. *М. В. Арапов.*

Актуа́льное члене́ние предложе́ния – смысловое членение предложения, при к-ром оно делится на исходную часть – данное – и то, что говорится о ней,– новое (*Яблок – уйма*). Актуальное членение (АЧ) может совпадать с членением предложения на группу подлежащего и группу сказуемого или на подлежащее и сказуемое (для нераспространённых предложений): *Охота/запрещена*; *Новый директор завода/сразу приступил к переезду*. В этом случае говорят о совпадении актуального и грамматического членения. Чаще эти членения не совпадают: *В нашем районе/выросли новые дома*; *Книгу эту/он купил случайно*. При А. ч. п. возможен разрыв групп подлежащего, сказуемого и второстепенных членов: *Жену он выбрал себе/хорошую*. Исходную часть АЧ (данное) называют темой, или исходом, заключительную (новое) – ремой, или ядром.

Предложения, не поддающиеся АЧ, называются нерасчленёнными. Обычно они имеют значение бытийности, констатации факта: *Идёт снег; Мож-*

но начинать; Нет денег. Эти же предложения могут быть преобразованы – с тем же лексико-грамматическим составом – в предложения с АЧ; *Снег/ – идёт; Начинать/ – можно; Денег/ – нет.*

Начало изучения АЧ обычно связывается с именем В. Матезиуса, хотя о смысловом членении предложения писали многие лингвисты и до него, употребляя, однако, иную терминологию. Слово «актуальный» говорит о том членении, к-рое имеет место в момент общения, в актуальной речи. Дискуссионным является вопрос о том, на сколько элементов членится предложение при АЧ. Наиболее распространено двойное (бинарное) членение – деление предложения на тему и рему, но существуют и другие теории, согласно к-рым выделяются переходные элементы (в основном служебные слова) и собственно тема и рема.

В письменной речи деление на тему и рему чаще всего не обозначается знаками препинания, но иногда обозначается тире. В устной речи основное средство А. ч. п.– интонация: на теме повышается голос, на реме понижается:

Иван Иванович / давно ушёл.

Обычно тема помещается в начале фразы, рема – в конце. При изменении этого порядка происходит сдвиг фразового ударения и оно, в усиленной форме, падает на рему:

Иван Иванович / не любил читать книги.

(или *Не любил читать книги/Иван Иванович*).

Хотя основные положения теории А. ч. п. стали общепринятыми, в 80-х гг. 20 в. интерес синтаксической науки сместился от формального описания тема-рематического членения предложения в сторону содержательной интерпретации разных по форме структур высказывания с позиций коммуникативного и текстового задания.

Лит.: Крушельницкая К. Г., К вопросу о смысловом членении предложения, «ВЯ», 1956, № 5; Распопов И. П., Актуальное членение предложения, Уфа, 1961; Кравчук И. А., Что определяет порядок слов в рус. языке, «Рус. яз. за рубежом», 1967, № 3; Матезиус В., О т. н. актуальном членении предложения, в кн.: Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Лаптева О. А., Нерешенные вопросы теории актуального членения, «ВЯ», 1972, № 2; Николаева Т. М., Актуальное членение – категория грамматики текста, там же; Fougeron I., Prosodie et organisation du message, P., 1989.

Т. М. Николаева.

Акце́нт (от лат. accentus – ударение) – совокупность особенностей или ошибок в речи человека, говорящего на неродном языке, к-рые обусловлены влиянием системы его родного языка (иноязычный А., ср., напр., выражения «немецкий А.», «грузинский А.»), либо – внутри одного языка – совокупность особенностей, не свойственных данному литературному языку, в речи носителя диалекта, когда он несовершенно владеет нормами литературного языка (диалектный А.; напр., оканье в речи русских-северян, фрикативное [γ] вместо [г] в речи русских-южан). А.– результат и речевое проявление интерференции (см.) (взаимопроникновения) систем и норм двух языков (диалектов); его следует отличать от ошибок, вызванных другими причинами: ложные аналогии при усвоении языка, т. е. создание форм, допустимых самой системой языка, но не принятых в речевой практике (такие ошибки часты в речи детей), ошибки, вызванные расстройством речи при афазии, и т. п. А. может затрагивать все уровни языка, вплоть до грамматики и лексики, но наиболее заметен он в произношении (фонетика и интонация). Ошибки, относящиеся к сфере А., образуют иерархию по степени существенности в зависимости от того, какие стороны звукового строя языка затронуты интерференцией: то ли это неумение правильно произнести новый звук (артикуляционная ошибка), то ли неспособность осознать функциональную значимость звука как фонемы (см.) (фонологическая ошибка). Нередко ошибки бывают результатом совокупного действия обоих факторов – артикуляционного и фонологического (напр., трудность рус. мягких согласных для иностранцев обусловлена как непривычной артикуляцией, так и незнакомостью категории твёрдости – мягкости).

Термин «А.» имеет и другое значение, выступая как синоним термина «ударение» (см. Акцентология).

В. А. Виноградов.

Акцентоло́гия (от лат. accentus – ударение, акцент и греч. lógos – слово, учение) – 1) система акцентных (просодических) средств (иначе – акцентуация), т. е. ударение и связанные с ним явления языка. 2) Раздел языкознания, изучающий акцентные средства языка. Имеет несколько аспектов: описательный, сравнительно-исторический, теоретический. Описательная А. исследует фонетические, фонологические, грамматические свойства просодических средств. Предмет сравнительно-исторической А.– исторические изменения акцентных систем, их внешняя и внутренняя реконструкция. Теоретическая А. изучает системные отношения просодических средств, их роль в структуре значимых единиц, языковые функции.

В языках мира используются различные акцентные системы: монотония (разные виды силового ударения), политония (музыкальное ударение, тон). «Выбор» просодических средств определяется фонологической системой и морфологическим типом языка. В слав. языках в качестве словесного акцента выступают монотоническое (динамическое) ударение (в русском, польском, болгарском), политоническое (музыкальное) ударение (в сербскохорватском) и долгота (в русском). В ис-

тории языка акцентные системы могут сменять одна другую: древнее музыкальное ударение в большинстве слав. языков, в т. ч. русском, изменилось на динамическое.

В течение 19–20 вв. просодическая проблематика постепенно занимала всё более значительное место в фонологии, к-рая долгое время оставалась преим. наукой о фонемах, сама система к-рых не может быть адекватно и полно установлена без введения просодических единиц. В теоретической А. выделяется несколько этапов: от Э. Сепира, исключавшего просодии из лингвистической науки, понимания просодий как вторичных (Л. Блумфилд) или суперсегментных фонем (Б. Блок, Дж. Трейджер) до признания автономного просодического уровня, отличного от фонемного, в структуре фонетического яруса языка (А. А. Реформатский), установления критериев разграничения просодических и ингерентных (внутренних, собственных) признаков фонем (А. Мартине, Р. О. Якобсон, Г. Фант, М. Халле, П. С. Кузнецов, Реформатский, Дж. Фирт), концепции просодической единицы как структуры целого слова, признания важнейших функций просодий: различения, разграничения, единства слова.

Рус. ударение, в частности его подвижность, находит отражение уже в грамматиках М. Г. Смотрицкого, М. В. Ломоносова, Н. И. Греча. Объектом научного рассмотрения оно впервые становится в трудах А. Х. Востокова, выделившего его в самостоятельный раздел грамматики, а затем Я. К. Грота и А. А. Потебни.

Термин «А.» был введён в науку Р. Ф. Брандтом, книга к-рого «Начертание славянской акцентологии» (1880) явилась первым печатным трудом по сравнительной А. слав. языков. С возникновением рус. А. появились два аспекта изучения ударения – фонетический и морфологический, т. к., с одной стороны, ударение – явление фонетическое, с другой – связано с грамматикой.

Морфологический подход к рус. ударению присутствует уже в трудах Востокова, соотносившего место ударения не только со слогом, но и с морфемными компонентами слова – основой и окончанием. В 60-х гг. 19 в. Потебня выдвинул морфологический критерий в А. как принцип описания подвижности рус. ударения. Он положил начало изучению ударения как системы в связи со словоизменением и словообразованием. Однако труд Потебни «Ударение» остался незавершённым и увидел свет только в 1973. Грамматический критерий оценки просодических явлений, идущий от В. Гумбольдта, был основой акцентологических воззрений И. А. Бодуэна де Куртенэ, выдвинувшего ряд идей, к-рые во многом опережали совр. просодические теории. Ему принадлежат мысли о зависимости просодических средств от морфологического типа языка, о выполнении ими функции связи компонентов синтагматической структуры слова (морфем, слогов); Бодуэн указал при этом на функциональное тождество таких различных явлений, как сингармонизм и морфологически подвижное ударение. Существенный вклад в развитие теоретической А. внёс Е. Д. Поливанов, в трудах к-рого по япон. акцентуации разрабатывались принципы парадигматического анализа акцентных средств.

Сравнительно-историческим изучением акцентных систем и принципов парадигматической А. занимался Ф. де Соссюр, написавший ряд работ по литов. А. Осуществляя внутреннюю реконструкцию, Соссюр отделял факты морфологической подвижности ударения от подвижности, определяемой фонетическим законом, названным его именем, и необъяснимой на уровне морфологического анализа. Этот методологический принцип Соссюра был предан забвению в последующих исследованиях ударения слав. языков, где любая подвижность ударения рассматривалась как результат действия фонетического закона Соссюра, что препятствовало изучению морфологической подвижности в праслав. языке. Совр. сравнительно-исторические исследования по слав. А. (Кр. Станга, В. А. Дыбо, В. М. Иллича-Свитыча, В. В. Колесова) возродили методологический принцип Соссюра. Однако для ряда синхронных исследований характерны попытки объяснить подвижность ударения только фонетическими факторами, без обращения к грамматике.

Морфологический подход к рус. ударению, подготовленный всей рус. языковедческой традицией, был развит в акцентологическом учении Е. Куриловича, основной принцип к-рого состоит в том, что рус. ударение объяснить без учёта морфологической структуры слова нельзя.

Связь просодических единиц с грамматическими составляет один из важнейших постулатов концепции лондонской просодической школы Фирта: просодии являются связующим звеном фонологии с морфологией, фонологические структуры, в т. ч. просодические, рассматриваются как экспоненты грамматических категорий.

Грамматически ориентированной является порождающая фонология. В рамках порождающей грамматики для определения правил ударения используется грамматическая информация (Н. Хомский, М. Халле).

В работах представителей Московской фонологической школы (см.) отмечается грамматическая функция рус. ударения – противопоставление форм словоизменения.

В совр. исследованиях по рус. ударению (с нач. 60-х гг.), основанных на грамматическом принципе (в работах А. А. Зализняка, П. Гарда, Халле, В. А. Редькина, Н. А. Федяниной, Т. Г. Хазагерова, В. Л. Воронцовой и др.), описана система акцентных единиц в словоизменении и словообразовании всех грамматических разрядов слов, роль ударения для выражения грамматических противопоставлений, выявлены закономерности и пра-

вила ударения, влияние различных факторов (грамматического, семантического, прагматического, фонетического), разрабатываются научные принципы описания. Ударение нашло отражение в описательных грамматиках рус. языка: в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970; автор соответствующего раздела Редькин); в книге «Курс современного русского языка» (под ред. Ф. Паппа, 2 изд., 1970; автор раздела Папп); в пражской «Русской грамматике» (1979; автор раздела О. Лешка); в академической «Русской грамматике» (1980; автор раздела М. С. Суханова); в книге Гарда (P. Garde) «Grammaire Russe» (1980).

Фонетике и фонологии рус. ударения посвящены работы Якобсона, Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова, Реформатского, Л. Р. Зиндера, Л. В. Златоустовой, Л. В. Бондарко, Л. А. Чистович и др., в к-рых исследуются фонетические характеристики ударения, статистика места ударения в слоговой структуре слова, роль ударения в восприятии речи человеком. Об ударении в рус. языке см. в ст. Ударение.

Лит.: Востоков А. Х., Рус. грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная, СПБ, 1831; Грот Я. К., О рус. ударении вообще и об ударении имен существительных, в кн.: Труды, т. 2 – Филол. разыскания, СПБ, 1899; Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики рус. лит. языка, ч. 1 – Фонетика и морфология, М., 1945; Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, М., 1956; Курилович Е., Система рус. ударения, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; его же, От праслав. акцентуации к русской, М., 1985; Редькин В. А., Акцентология совр. рус. лит. языка, М., 1971; Потебня А. А., Ударение, К., 1973; Соссюр Ф. де, К вопросу о литов. акцентуации, в его кн.: Тр. по языкознанию, М., 1977; Дыбо В. А., Слав. акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском, М., 1981; Федянина Н. А., Ударение в совр. рус. языке, 2 изд., М., 1982; её же, Ударение и структура рус. глагола, «Wiener Slawistischer Almanach», 1993, Bd 31; Stang Chr., Slavonic accentuation, Oslo, 1957; Garde P., L'accent, P., 1968.

Н. А. Федянина.

Аллего́рия (греч. allēgoría – иносказание) – одна из форм иносказания, заключающаяся в передаче отвлечённого понятия или мысли через конкретный образ или цепь образов, объединённых в определённый сюжет. В отличие от такой формы иносказания, как символ, к-рый является имманентным, неотделимым, внутренним свойством образа и соответственно столь же многозначен, А. однозначна и может быть «извлечена» из текста в форме понятия. Аллегорический образ воплощает заранее заданную мысль, к-рая либо подразумевается, либо поясняется (напр., басенной моралью). Многие А. обязаны своим происхождением культурной традиции или обычаю (гербы, эмблемы и т. п.), фольклору – гл. обр. сказкам о животных (лиса – А. хитрости, заяц – трусости и т. п.).

В лит-ре А. широко применялась в средние века, позднее в поэтике классицизма и романтизма; для классицизма достаточно постоянны мифологические персонажи, одновременно являющиеся носителями аллегорического содержания (Марс – воинственность, Венера – красота, любовь). В реалистической лит-ре 19 в. А., сохраняясь в прежнем виде в басне и притче, в других жанрах используется преим. как одно из средств эзопова языка (см.) (напр., в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина); аллегорическая образность свойственна и рус. писателям 20 в.: аллегоричны пьесы В. В. Маяковского «Клоп», «Баня», ср. также применение А. в 70–80-х гг. в романе В. В. Орлова «Альтист Данилов», в сказках В. А. Каверина и др.

Лит.: Квятковский А., Поэтический словарь, М., 1966; Лит. энциклопедический словарь, М., 1987, с. 20; Философский энциклопедический словарь, М., 1989, с. 22.

Л. И. Лебедева.

Аллитера́ция (от лат. ad – к, при и littera – буква) – один из способов звуковой организации речи, относящийся к т. н. звуковым повторам и заключающийся в симметрическом повторении однородных согласных звуков. Слова, связанные А., выделяются в речевом потоке, приобретают определённую интонационную значимость. Как стилистический приём А. с древних времён употребляется в устно-поэтической и лит. разновидностях художественной речи всех народов мира. В рус. народно-поэтической речи А. разнообразна и широко распространена, на ней строятся многие пословицы и поговорки (*Тише едешь – дальше будешь*), скороговорки (*Купи кипу пик*). Выделяя, подчёркивая отдельные слова или группы слов, А. тем самым подчёркивает ритм речи и потому особенно широко используется в произведениях, язык к-рых ритмически организован, и в частности в поэзии.

Примечательно своей звукописью «Слово о полку Игореве», богатое как ассонансами (см.), так и А. (*«Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плькы половецкыя...»*; ср. перевод В. А. Жуковского, бережно сохранявшего звукопись оригинала: *«В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие»*). В рус. лит. поэтическом языке А. используется с 18 в., когда В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов развили основы новой стихотворной метрики. Простейшим видом А. является звукоподражание, но в чистом виде оно используется не столь часто и обычно выступает лишь как первооснова дальнейших звуковых ассоциаций (ср. пушкинское: *«Шипенье пенистых бокалов И пунша пламень голубой»*). Поэты разных направлений в рус. классической и совр. лит-ре, как правило, пользовались А. в зависимости от потребностей смыслового звучания стиха. А., как и другие звуковые приёмы, особо культивировалась в поэзии символистов, порой преувеличенно и в ущерб поэтической мысли, как, напр., в стихотворении К. Д. Бальмонта «Влага», сплошь аллитерированном на *л*. У А. А. Блока А. всегда тесно связана с внутренним смыслом стиха; ср., напр., сочетания свистящих и шипящих согласных в од-

ном из стихотворений «шахматовского цикла» (1902), подчёркивающие звуки и одновременно настроение прохладного летнего вечера («*...ветер, бьющийся в тревоге, Несуществующих шагов Тревожный шорох на дороге*»), и сходную звукопись в «Двенадцати», несущую совсем иную смысловую нагрузку презрительной, «шипящей» злости («*Отвяжись ты, шелудивый, Я штыком пощекочу! Старый мир, как пёс паршивый, Провались – поколочу!*»).

На А. строится т. н. поэтическая этимология – двойной или тройной звуковой параллелизм, когда в стихе к первочлену сопоставления подбираются фонетически близкие слова и тем самым подчёркивается единство звуковой структуры: «*Он вне себя. Он внёс с собой Дворовый шум – и делать нечего!*» (Пастернак). А. близка другому типу звукового повтора – ассонансу – и нередко с ним сочетается.

Лит.: Брик О., Звуковые повторы, в кн.: Поэтика, П., 1919; Жирмунский В., Введение в метрику. Теория стиха, Л., 1925; Квятковский А., Поэтический словарь, М., 1966; Гаспаров М. Л., Аллитерация, в кн.: Лит. энциклопедический словарь, М., 1987. *Л. И. Лебедева.*

Аллю́зия (от лат. allusio – намёк, шутка) – стилистический приём, намёк на известный исторический, легендарный или бытовой факт, к-рый создаёт в речи, литературном произведении, научном труде и т. п. соответствующий обобщённый подтекст. Благодаря этому А. является важнейшим элементом эзопова языка (см.).

В первой главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин, упомянув «*брега Невы*», говорит далее: «*Там некогда гулял и я, Но вреден север для меня*» – намёк на то, что поэт был сослан из Петербурга на юг. Намёки на злободневные общественно-политические события в зашифрованном на основе А. виде нередко содержатся в рус. баснях, напр. в «Пёстрых овцах» И. А. Крылова, где современники видели отклик на гонения против передовой профессуры Петерб. ун-та, или в его же басне «Булат», к-рую сопоставляли с судьбой генерала А. П. Ермолова, попавшего в опалу у Николая I. Подтекст может и не иметь злободневного или политического характера: так, напр., А. является название рассказа Ф. Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла».

Нередко А. строится на цитате из лит. источника: «*Смешивать науку и метафизику "есть тьма охотников, я не из их числа"*» (слегка перефразированная К. А. Тимирязевым цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова). На основе А. строятся многие крылатые слова и выражения: *Пиррова победа*; *Платон мне друг, но истина дороже*; *Содом и Гоморра* и т. д. «Аллюзионны» нек-рые лит. псевдонимы: Австралийский (псевд. Ф. А. Сергеева, прожившего несколько лет в эмиграции в Австралии), Н. Далёкий (псевд. Н. А. Алексеева, к-рый много времени провёл вдали от близких), Гейне из Тамбова (псевд. П. И. Вейнберга, несколько лет прожившего в этом городе) и др. Нередки А. и в языке прессы, особенно в газетных заголовках: «Банкиры затеяли лесоповал», «Чрево Манежа», «У иранцев собственная гордость», «Держите в клетках "воробьёв"» и т. п. (примеры из газ. «Вечерняя Москва» за июль 1995). В бытовом обиходе нередки основанные на А. прозвища и «уличные» деревенские фамилии, возникшие в связи с к.-л. происшествием: после поджога (в просторечии «*красного петуха*») семью хозяев пострадавшего дома стали называть Петуховыми, а их настоящая фамилия забылась.

Термин «А.» утрачивает со временем своё чёткое формальное значение, толкуется расширительно, иногда в значении повода к созданию произведения, скорее всего, из-за нек-рой изначальной «размытости», близости, напр., к сравнению, с к-рым А. порой трудно разграничить.

Лит.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г., Крылатые слова. Лит. цитаты. Образные выражения, М., 1955; 4 изд., М., 1987; Квятковский А., Поэтический словарь, М., 1966; Дмитриев В. Г., Скрывшие свое имя. (Из истории анонимов и псевдонимов), 2 изд., М., 1977. *Л. И. Лебедева.*

Алфави́т [греч. alphábētos, от названий двух первых букв греч. алфавита – «альфа» и «бета» (новогреч. «вита»)] – система графических знаков установленной формы – букв (см.), расположенных в определённой последовательности. С помощью А. создаётся письменная, затем печатная фиксация звучащей речи конкретных языков. А. позволяет записать текст, пользуясь минимальным количеством легко и быстро запоминающихся знаков, в целях передачи и закрепления записанного в пространстве и времени. Алфавитное письмо – одна из систем письма, существующих в мире наряду с идеографической, словесно-слоговой, силлабической. В совр. письменности обычно А. называют буквенно-звуковые системы (напр., греч., лат., араб., арм., рус. А. и др.) с постоянным составом знаков. Каждый знак А., т. е. буква, обозначает, как правило, отдельный звук в составе слова, с функциональной точки зрения – фонему либо её реализацию (аллофон) или нек-рые сочетания звуков (фонем). На раннем этапе развития нек-рых А. буквы обозначали цифры, напр. в греч. А., в др.-слав. А.

Зарождение принципа А. относят к кон. 2-го тыс. до н. э. На основе древнейших зап.-семитских систем слогового письма сложилось консонантно-силлабическое письмо, преобразовавшееся со временем в буквенно-консонантное финикийское письмо с постоянным составом знаков. Этот протоалфавит, содержащий 22 знака лишь для обозначения согласных, распространился в нач. 1-го тыс. до н. э. по всей территории Ближнего и Среднего Востока. Очевидно, финикийский А. не был единственным для своего времени. Однако именно на основе финикийского А. сформировались многие древние вост. А. (напр., арамейский)

Семитские звуки	Ханаанейские алфавиты	Архаическая греческая форма	Этрусская форма
ʔa			
b			
g			
ḫ	(ирю-с.)		
d			
h			
w			
z			
ḥ			
ṭ			
y			
k			
l			
m			
n			
s			
ʿ			
p			
ṣ			
q			
r			
s̄			
t			
ʔi			(ок. ?)
ʔu			
š	( )	( )	( )

Гипотеза происхождения финикийского алфавита из библского слогового письма.

с особым обозначением гласных в графическом знаке согласных. Специальные, отдельно стоящие знаки для гласных впервые появились в греч. А. (8 в. до н. э.), развившемся также на базе финикийского А. С этих пор все А. при внешних различиях в графических знаках следуют принципам, установившимся в греч. А.

Нек-рые исследователи усматривают А. в консонантно-слоговых системах письма с определённой совокупностью знаков, расположенных в постоянном порядке, напр. А. деванагари в инд. письме.

В 20 в. наибольшее распространение имеет лат. А., сформировавшийся на базе греч. А. к 1 в. до н. э. На его основе построены А. большинства языков стран Европы, Америки, Австралии, нек-рых стран Азии, Африки. Значительное распространение имеет слав. гражданский А. (см. Гражданский шрифт), представляющий видоизменение древней кириллицы (см.), сложившейся, в свою очередь, также на базе греч. А. в 9 в. н. э. Этот А. является основой письменности православных славян (русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, македонцев), а также ряда неслав. народов, ранее входивших в состав СССР. В исламском мире используется араб. А., своими корнями восходящий к арамейскому письму и сформировавшийся в нач. 6 в. Араб. А. используется арабоязычными народами, а также применяется в письменностях Ирана, Афганистана, Пакистана, Индии, нек-рых районов Китая, Вьетнама.

Особые национальные А. используются в греч., евр., арм., груз. и нек-рых других письменностях.

Количество букв в различных А. зависит от звукового состава того или иного языка; в рус. А. 33 буквы (см. Азбука), в греч.– 24, в классическом лат.– 23, в итал.– 21, в арм.– 39, в араб.– 28. В нек-рых совр. национальных системах письма для передачи особых звуков к основным добавляют дополнительные буквы, применяют двух-, трёх-, четырёхбуквенные написания. Присоединяются также особые надбуквенные и подбуквенные (диакритические) знаки.

Знание последовательности букв А. имеет большое значение при поиске информации во всех совр. средствах её хранения, в основе организации к-рых лежит принцип упорядочения по А. Об истории рус. алфавита см. в ст. Азбука.

Лит.: Струве В. В., Происхождение алфавита, П., 1923, Лоукотка Ч., Развитие письма, пер. с чеш., М., 1950; Дирингер Д., Алфавит, пер. с англ., М., 1963; Гельб И., Зап.-семитские силлабарии, пер. с англ., в кн.: Тайны древних письмен, М , 1976; его же, Опыт изучения письма. (Основы грамматологии), пер. с англ., М., 1982; Лундин А. Г., О происхождении алфавита, «Вестник древней истории», 1982, № 2; Гамкрелидзе Т. В., Происхождение и типология алфавитной системы письма, «ВЯ», 1988, № 5–6; Иванов Вяч. Вс., Алфавит, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Cohen M., La grande invention de l'écriture et son évolution, P., 1958; Humez A., Humez N., Alpha to omega: the life and times of the greek alphabet, Boston, 1981; Naveh J., Early history of the alphabet: an introduction to West Semitic epigraphy and palaeography, Yerusalem–Leiden, 1982.

О. А. Князевская.

Анало́гия (греч. analogía – соответствие, сходство) – уподобление элементов языка другим элементам того же уровня, более распространённым и продуктивным, или сближение таких элементов. А.– одна из причин нефонетических изменений звукового облика слов и форм, она приводит к выравниванию при словоизменении и словообразовании тех фактов языка, к-рые были разобщены в истории или разошлись в силу действия различных звуковых законов (см.). А. ярче проявляется в словоизменении, чем в словообразовании, это объясняется тем, что в словоизменении существует бо́льшая регулярность при образовании форм.

Действие А. на фонетическом уровне обусловливает появление иного, чем это ожидалось бы исторически, звука на месте другого; напр., развитие *о* после мягкого согласного перед твёрдым на месте ѣ (см. Ять): по А. с *весна – вёсны* возникло *звезда – звёзды* (из *звѣзда – звѣзды*), по А. с *привести – привёл* развилось *приобрести – приобрёл* (из *приобрѣсти – приобрѣлъ*). С другой стороны, действие А. приводит иногда к полной или частичной утрате исторических чередований; напр., чередование *е/о* исторически обусловлено качеством соседних согласных: под ударением перед твёрдым согласным произносится *о*, перед мягким – *е* (*сёла – сельский, весёлый – веселье, плётка – плеть, пёк – печь*), однако произносятся одинаково слова *пёс – пёсик, весёлый – весёленький, тётка – тётя, горшок – горшочек* и др., где гласный *о* перед мягким возник по А. с произношением этого гласного перед твёрдым согласным.

В области морфологии действием А. вызван переход глаголов из одного класса в другой; напр., у глаголов *икать, полоскать, брызгать, махать* формы 1-го лица ед. ч. первоначально образовывались только с чередованием согласных: *ичу, полощу, брызжу, машу*, но по А. с глаголами продуктивного класса типа *читать – читаю, кидать – кидаю, делать – делаю* появились формы *икаю, полоскаю, брызгаю, махаю,* причём форма *икаю* стала единственно возможной в лит. языке, а остальные сосуществуют с более ранними. Совр. форма предл. п. ед. ч. существительных жен. рода с основой на *к, г, х* (*на руке, ноге, сохе*) возникла на месте др.-рус. формы с согласными *ц, з, с* перед окончанием (*на руцѣ, нозѣ, cocѣ*) в результате А. с другими формами, сохранившими *к, г, х* (*рука, руку, рукам* и т. д.), и с формами существительных, имеющими чередование твёрдых и мягких согласных (типа *кора – на коре*).

А. особенно часто проявляется в ненормированной диалектной речи и во внелит. просторечии, таковы, напр., диалектные формы *пеку – пекёшь – пекёт, берегу – берегёшь – берегёт* с заменой чередования *к/ч, г/ж* чередованием твёрдого и мягкого согласного по типу *несу – несёшь, веду – ведёшь.* По А. с формой род. п. мн. ч. существительных муж. рода с окончанием *-ов* в просторечии возникают формы с *-ов* и у существительных ср. рода: *местов, делов.*

А.– один из инструментов освоения родного языка ребёнком. Усвоив однажды парадигму слова или его словообразовательную структуру, ребёнок распространяет усвоенное представление на все слова данного класса (напр., по образцу противопоставлений *нога – ножка, рука – ручка*, где *ножка* и *ручка* являются уменьшительными образованиями от *нога, рука* с суффиксом *-к-*, дети образуют «неуменьшительные» *коша, пала*, воспринимая слова *кошка, палка* как образования с суффиксом *-к-*). В процессе дальнейшего языкового развития ребёнок получает дополнительные знания об отклонениях от «правильного» образования форм и слов.

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И. А., Избр. тр. по общему языкознаиию, т. 2, М., 1963; Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967; Кубрякова Е. С., Размышления об аналогии, в кн.: Сущность, развитие и функции языка, М., 1987.

В. В. Иванов.

Анафори́ческое отноше́ние (от греч. anaphorá, букв.– вынесение, отнесение) – отношение между языковыми выражениями (словами или словосочетаниями), состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому. Возникает при отсутствии непосредственной синтаксической связи между этими выражениями, напр.: *Дом стоял тёмный и молчаливый, огня в нём не было; Отдай же мне теперь половину, а остальное возьми себе.* Первый член А. о. называется антецедентом, второй – анафором (или анафорическим элементом, субститутом). Высказывание, включающее анафор без антецедента, даже синтаксически законченное, обладает смысловой неполнотой. В нек-рых концепциях (напр., у К. Бюлера) А. о. противопоставляется катафорическому, при к-ром элемент с отсылающим значением является линейно предшествующим, напр. *Ясно одно: я должен уехать.* Более распространено использование термина «А. о.» безотносительно к линейному расположению элементов. В этом случае выделяются два типа А. о.– собственно А. о. и антиципация, или предварение.

Слова, полностью раскрывающие свой смысл только будучи включёнными, помимо синтаксических отношений, в А. о., называются анафорическими. К числу анафорических слов относятся многие местоимения и местоименные слова. Анафорическая отсылка входит также в состав значения большой группы слов, обычно не причисляемых к местоименным: *поэтому, потому, потом, тогда, кроме того, напротив, наоборот* и др.; ср. *Вы остаётесь? Тогда я иду один.* В А. о. может вступать именная группа с определённым артиклем (в анафорической функции) или, в безартиклевых языках, со значением определённости, выраженным отсутствием фразового ударения и общим контекстом, ср. *«В 1920 году Гмелин*

прислал в Веймар свои гравюры на меди. Художник изобразил пустынные местности Кампаньи» (газ.). Анафорическая отсылка входит также в значение многих частиц – *тоже*, *также*, *и* и др.; так, фраза *Молчал и хозяин* неполна: частица *и* показывает, что *молчал* входит в А. о., антецедент к-рого находится в предтексте. Анафорическими являются слова с пропозициональной функцией – *да* и *нет*; так, смысл слова *да* понятен только в контексте предшествующего общего вопроса. Наконец, А. о. может возникать при анафорическом эллипсисе (обозначаемом нулевым знаком), ср. *Готовь летом сани, а зимой Ø – телегу.*

Содержанием анафорической отсылки может быть: 1) субстанциальное тождество объектов, ситуаций, событий, фактов и т. п. (напр., у местоимений *он*, *этот*, *тот*, *это*; местоименных наречий *там*, *туда*, *оттуда* и т. п.); 2) концептуальное тождество, напр. у местоимений 3-го лица в функции повтора: *«Вы просите песен? Их нет у меня»* (И. Северянин).

Значение уподобления (в словах типа *такой*, *так*), а также различения и распределения (в словах *другой*, *иной*, *остальные*, *иначе* и пр.) может быть выражено через значение субстанциального или концептуального тождества. А. о. входит в более широкий класс отношений ассоциативного типа, включающий противопоставительные, сопоставительные и другие отношения, напр.: *Береги платье снову, а честь – смолоду*; *«Такой любви ты знала ль цену? Ты знала, я тебя не знал»* (Лермонтов).

Большинство анафорических местоимений сочетает анафорическую функцию с дейктической (см. Дейксис), однако граница между ними может стираться. В нек-рых контекстах стирается противопоставление между А. о. и синтаксическим: А. о. может быть единственным средством включения слова или группы слов в структуру предложения, напр.: *«...мысль, что честь его была замарана и неотмыта по его собственной воле, эта мысль мешала мне обходиться с ним по-прежнему»* (Пушкин).

Лит.: Дресслер В., К проблеме индоевропейской эллиптической анафоры, «ВЯ», 1971, № 1; Падучева Е. В., Анафорические связи и глубинная структура текста, в кн.: Проблемы грамматического моделирования, М., 1973; её же, Снова анафора и кореферентность, в кн.: Вопросы кибернетики. Проблемы разработки формальной модели языка, М., 1988; Чехов А. С., Отождествляющее анафорическое отношение как фактор внутренней организации высказывания, в кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, в. 19, М., 1981; Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах, под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни, М., 1987; Бюлер К., Теория языка. Репрезентативная функция языка, пер. с нем., М , 1993; Tesniére L., Eléments de syntaxe structurale, 2 éd., P., 1976; Halliday M. A. K., Hasan R., Cohesion in English, [L., 1976]; Lyons J., Semantics, v. 2, L.–[a. o.], 1977; Bach E., Partee B., Anaphors and semantic structure, в кн.: Papers from paresession on pronouns and anaphors. Chicago linguistic society, Chicago, 1980; Partee B., Nominal and temporal anaphors, «Linguistics and philosophy», 1984, v. 7.

Е. В. Падучева.

Антите́за (от греч. antíthesis – противоположение) – стилистическая фигура, строящаяся на противопоставлении сравнимых понятий (предметов, явлений, признаков), реализуемом на уровне словосочетания, предложения, фразы. Лексическая основа – антонимия, синтаксическая – параллелизм конструкций. Реализация А. достигается характером содержательно-логической соотнесённости со- или противопоставляемых понятий, типом конструкции, наличием или отсутствием союзов и др.

Подчёркивая высказываемую мысль, усиливая эмоционально-стилистическое звучание речи, А. лежит в основе многих пословиц, поговорок, афоризмов: *Легко подружиться, тяжело разлучиться; Умный научит, дурак наскучит.*

А. может быть использована как средство иронической или сатирической характеристики описания (в особенности в случае частичного разрушения А., когда при сохранении её формально-синтаксической структуры нарушаются содержательно-логические связи понятий). Напр.: *«Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича – на редьку хвостом вверх... Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением»* (Гоголь).

А. входит в качестве необходимой структурной части в ряд стилистических фигур, строящихся на совмещении других. Ср. антитетическое членение, разделение (объединение противоположностей): *«К добру и злу постыдно равнодушны, В начале поприща мы вянем без борьбы, Перед опасностью позорно малодушны И перед властию – презренные рабы»* (Лермонтов). Антиметабола (соединение А. с хиазмом): *Не для того живём, чтобы есть, а для того едим, чтобы жить.* А. предстаёт как один из языковых приёмов реализации контраста (см.).

В. В. Одинцов.

Антоними́я – противоположность значений языковых единиц одного и того же уровня языка: слов, морфем, синтаксических конструкций, напр.: *высокий – низкий*; *в- – вы-* (*входить – выходить*); *Все аплодировали оратору – Никто не аплодировал оратору*; семантическое свойство антонимов (см.).

Существенное с точки зрения человеческой практики различие в предметах и явлениях действительности отражается в мышлении как противоположность, к-рая осознаётся в результате оценки этих предметов и явлений действительности относительно определённой нормы или точки отсчёта: *тяжёлый – лёгкий* – 'вес больше/меньше нормы', *приходить – уходить* ('куда-то/откуда-то').

Логической основой А. являются противоположные видовые понятия родового понятия: контрарная противоположность выражается видовыми понятиями, между к-рыми возможно третье, среднее («молодой» – «средних лет», «пожилой» – «старый»); комплементарная противоположность выражается двумя видовыми понятиями, дополняющими друг друга до родового, между к-рыми нет никакого среднего понятия («истинный» – «ложный»). Противоречащие понятия вида *А* – *не-А* («молодой» – «немолодой») не могут быть основой А., т. к. второе из них является по своему содержанию негативным и неопределённым («немолодой» – это и «средних лет», и «пожилой», и «старый»). Истинную противоположность образуют крайние и строго определённые члены понятийного противопоставления («молодой» – «старый»).

Логическая противоположность реализуется в языке как А. только у слов, обозначающих качество, выражающих противонаправленность действий, состояний, признаков, а также у нек-рых других лексических единиц, напр. наименований пространственных и временных координат. Поэтому противопоставление слов *лёгкий – тяжёлый*, *совершенный – несовершенный* (вид), *вставать – ложиться* как обладающих указанными выше свойствами представляет собой А., а *легковой – грузовой*, *совершенный – несовершенный* (вид), *стоять – лежать* – нет, т. к. последние лишены значения качественности и направленности. В силу этого А. не свойственна и словам с конкретным значением.

Общим (инвариантным) признаком А. является наличие предельного отрицания в толковании одного из антонимов: *высокий – низкий* ('предельно невысокий'), *влажный – сухой* ('невлажный' как предельное отрицание свойства), *входить – выходить* ('идя, начинать находиться где-нибудь' – 'идя, переставать находиться где-нибудь'), но *начинать – переставать* можно представить как *начинать – начинать не*: *начинать петь – переставать петь* (='начинать не петь'); такое отрицание также предельно по своему характеру, т. к. подобные глаголы обозначают диаметрально противоположные действия.

А.– противоположность внутри одной и той же сущности. Дифференцируя единую сущность, антонимы как знаки раздвоенного на противоположности единства одновременно и определяют предел проявления качества, свойства, действия, и указывают на неразрывную связь противоположностей: *горячий* и *холодный* – и границы качественной оценки температуры как единой сущности, её взаимоотрицающие полярности, и сопряжённые компоненты целого, семантики таких промежуточных слов, как *тёплый*, *прохладный* и др.

В А. как семантической категории выделяются центр, определяющий её основную лингвистическую сущность – противоположность лексических единиц одной и той же части речи со значением качественности и направленности, и периферия как ряд смежных явлений.

Периферийна и производна по своему характеру А. синтаксических конструкций: она определяется противоположностью лексических единиц, входящих в их состав. В словообразовательных гнёздах антонимические отношения исходных слов воспроизводятся в смысловой структуре производных, представляя собой отражённую А.: *тепло* (сущ.) – *тёплый*, *тепло* (наречие), *тепловато*, *теплеть* ..., *холод – холодный*, *холодно*, *холодновато*, *холодать* ... В тексте в отношения А. могут вступать слова не только одной и той же части речи (*теплеть – холодать*), но и разных частей речи, что приводит к возникновению межчастеречной А.: *Этому растению нужен тёплый климат – холод ему вреден*; *Им было тепло, а мы мёрзли на холоде*. Периферийную разновидность языковой противоположности представляет собой контекстуальная (речевая) А., к-рая выражается с помощью неточных, приблизительных антонимов (квазиантонимов): *«Я говорю с подругой юных дней; В твоих чертах ищу черты другие; В устах живых уста давно немые, В глазах огонь угаснувших очей»* (Лермонтов).

Особую, непродуктивную разновидность А. образует энантиосемия – противоположность значений одного и того же слова. Формальным выражением её служат различия в синтаксической или лексической сочетаемости слова в его полярных значениях: *одолжить кому-нибудь денег* – 'дать в долг' и *одолжить у кого-нибудь денег* – 'взять в долг', *оговориться специально* – 'сделать оговорку' и *оговориться нечаянно* – 'ошибиться'.

Наиболее полно А. реализуется в определённых «диагностических» контекстах, напр.: (не) X, а У (противопоставление: *«Ценность человека определяется не отсутствием недостатков, а наличием достоинств»* – Медынский), X или У (взаимоисключение: *«У него было о людях одно-единственное мнение – хорошее или плохое, он им или верил, или нет»* – Симонов), то X, то У (чередование: *«И она беспрестанно представляла себе их, то каждого порознь, то вместе обоих»* – Л. Н. Толстой), и др.

Лит.: Новиков Л. А., Антонимия в рус. языке. (Семантический анализ противоположности в лексике), [М.], 1973; его же, Рус. антонимия и её лексикографическое описание, в кн.: Львов М. Р., Словарь антонимов рус. языка, под ред. Л. А. Новикова, 3 изд., М., 1985; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Иванова В. А., Антонимия в системе языка, Киш., 1982.

Л. А. Новиков.

Анто́нимов словари́ – словари, в к-рых даётся описание антонимов (см.). По своему типу это лингвистические словари-справочники, отражающие антонимию (см.), основными задачами к-рых являются систематизированное представле-

ние лексических единиц с противоположными значениями (включая фразеологию), раскрытие семантики антонимических пар (парадигм), а также показ наиболее характерных закономерностей употребления соотносительных антонимов в типовых контекстах (т. е. их общей и специфической сочетаемости и др.), их связи с синонимами (см.) и конверсивами (см. Конверсия), показ семантико-словообразовательных отношений с производными словами (отражённая антонимия). Составление А. с. рус. языка не имеет давних традиций, хотя лексикографическая фиксация антонимов в течение длительного времени осуществлялась толковыми (в дефинициях слов) и особенно синонимическими словарями (ср., напр., антонимический ряд *Грустный, печальный, унылый, невесёлый, скучный, кручинный* при словарной статье *Весёлый, развесёлый, неунывающий, жизнерадостный* в «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, т. 1–2, 1970–71). Не случайно многие словари, особенно в зап.-европейской традиции, носят название «Словарь синонимов и антонимов».

В «Словаре антонимов русского языка» Л. А. Введенской (1971; 2 изд., 1982) даётся толкование более 1 тыс. антонимических пар (во 2-м изд.), учитываются их синонимические соответствия и приводятся контексты употребления. «Словарь антонимов русского языка» Н. П. Колесникова (1972) объясняет более 1300 пар слов; иллюстраций их употребления он не даёт. «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова (1978; 4 изд., 1988) содержит св. 2 тыс. антонимических пар. Это наиболее обстоятельный и полный из имеющихся справочников по рус. антонимии, предназначенный для широкого круга читателей. Толкования значений антонимов словарь не даёт: наглядное представление о семантике слов можно получить из контекстов их употребления. Каждую словарную статью возглавляет доминанта – наиболее частотное, семантически простое и стилистически нейтральное противопоставление, потом даются его синонимы и далее достаточно употребительные, хотя и не вполне точные, пары антонимов (квазиантонимы). Иерархическое различие антонимических пар показано с помощью разных шрифтов, напр. ПРАВДА – ЛОЖЬ, **правда – неправда**, *правда – обман, правда – враньё* (разг.), *правда – кривда* (нар.-поэт.), **истина – ложь**, *истина – обман, истина – заблуждение*. Такое расположение материала позволяет не только вскрыть синонимо-антонимические отношения слов, но и представить как языковую, так и речевую антонимию. В словарной статье указываются основные однокоренные (производные) антонимы. На базе этого словаря Львов составил «Школьный словарь антонимов русского языка» (1980).

Фрагмент текста «Словаря антонимов русского языка» Л. А. Введенской.

БЕСТОЛКОВЫЙ — ТОЛКОВЫЙ

1. Непонятливый, несообразительный.	1. Понятливый, сообразительный.

Бестолковый ученик — толковый ученик, бестолковый ребенок — толковый ребенок.

2. Бессвязный, беспорядочный, неразумный.	2. Ясный, понятный, вразумительный.

Бестолковый разговор — толковый разговор, бестолковый совет — толковый совет, бестолковое решение — толковое решение.

Обнимаю тебя — письмо мое бестолково, да некогда мне быть толковее. А. С. Пушкин, 10, 72.

Фрагмент текста «Словаря антонимов русского языка» М. Р. Львова.

13. БЕЛЕТЬ — ЧЕРНЕТЬ

Подъехали к Смоленскому рынку — тоже пустому. Бульвар, как колонна деревьев, вбежав в город прямо из леса, **белел** снегом и **чернел** воронами. Шкловский, Расточитель. Вдоль моря Мы едем; налево **белеют** хребты. Направо синеют, просторы узоря, Валы, и над ними **чернеют** кресты. Брюсов, Вдоль моря. Но туча, то **белея**, то **чернея**, так быстро надвигалась, что надо было еще прибавить шага, чтобы до дождя поспеть домой. Л. Толстой, Анна Каренина

В двуязычном румыно-рус. словаре антонимов М. Букэ и И. Евсеева (Bucă M., Evseev I., «Antonimele limbii ruse dicţionar», 1972) даются рум. эквиваленты рус. антонимов, толкования и контексты их употребления. *Л. А. Новиков.*

Анто́нимы (от греч. anti- – против и ónyma – имя) – слова одной и той же части речи, имеющие противоположные значения и выражающие в языке антонимию (см.).

А. обладают сходными, однотипными значениями и предельно противопоставляются друг другу по одному существенному дифференциальному признаку (условно положительными и отрицательными семами): *лето – зима* – ‘самое тёплое / холодное время года’, *любить – ненавидеть* – ‘стремиться делать добро / зло кому-л.’. А. классифицируются по своим формальным и семантическим свойствам. По структуре А. делятся на разнокоренные (*глубокий – мелкий, вместе – врозь, поднимать – опускать*) и однокоренные, у к-рых полярные значения возникают или в результате присоединения к одному и тому же слову антонимичных приставок (*при-летать – у-летать, в-ход – вы-ход*), или путём прибавления к слову приставки, придающей ему противоположный смысл (*сильный – бес-сильный, грамотный – не-грамотный*).

По типу выражаемой противоположности А. объединяются в соответствующие семантические классы.

1. А., выражающие качественную противоположность, соответствуют контрарным противоположным понятиям и характеризуются градуальной (ступенчатой) оппозицией: ***горячий*** *– тёплый – нормальной температуры – прохладный –* ***холодный***; ср. ***молодой*** – ⟨...⟩ – ***старый***, ***лёгкий*** – ⟨...⟩ – ***трудный***, ***прекрасный*** – ⟨...⟩ – ***безобразный*** и т. п. Качественные прилагательные с приставками *не-* и *без-* (*бес-*) могут быть А. только в том случае, если они представляют собой предельные, крайние члены антонимической парадигмы: *убедительный* – ⟨*малоубедительный*⟩ – *неубедительный, сильный* – ⟨*слабосильный*⟩ – *бессильный* (вариант: *слабый*). Противопоставления же типа *глубокий – неглубокий* А. не образуют (ср. *глубокий – мелкий*).

К этому же классу можно условно отнести обозначения пространственных и временных координат, не называющих качества, но обнаруживающих своеобразные ступенчатые парадигмы: *верх* – ⟨*середина*⟩ – *низ, передний* – ⟨*средний*⟩ – *задний, позавчера – вчера – сегодня – завтра – послезавтра*.

2. А., выражающие дополнительность, соответствуют комплементарным противоположным понятиям. Их парадигма состоит из двух дополняющих друг друга до целого членов, так что отрицание одного из них даёт значение другого: *не + истинный = ложный*; ср. *добровольный – принудительный, временный – постоянный, вместе – врозь, соблюдать – нарушать* и т. п.

3. А., выражающие противоположную направленность действий, состояний признаков, реализуют в языке векторную противоположность, логической основой к-рой могут быть как контрарные (*теплеть – холодать*), так и комплементарные видовые понятия (*разрешать – запрещать*): *въезжать – выезжать, одеваться – раздеваться, зажигать – гасить, революция – контрреволюция, государственный – антигосударственный* и т. п.

Однотипность смысловых структур А. отражается в большом сходстве их дистрибуций (употреблений), что обеспечивает частую совместную встречаемость А. в тексте и реализацию их различных функций в определённых типовых контекстах. А. широко используются в языке художественной лит-ры как одно из образных средств (см. Антитеза).

Лит. см. при ст. Антонимия. *Л. А. Новиков.*

Антропони́мика (от греч. ánthrōpos – человек и ónyma – имя) – раздел ономастики (см.), изучающий антропонимы – собственные именования людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именования по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища, псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена). Изучаются также антропонимы лит. произведений, имена героев в фольклоре, в мифах и сказках. А. разграничивает формы одного имени, выделяя лит. и диалектные, официальные и неофициальные. Каждый этнос в каждую эпоху имеет свой антропонимикон – реестр личных имён. Совокупность антропонимов называется антропонимией.

Личное имя – персональное основное имя человека, данное ему при рождении или (редко) выбранное для себя взрослым человеком, и неофициальная форма (формы) этого имени, напр.: *Михаил* (*Миша, Мика*), *Надежда* (*Надя, Надюша*). Иногда в рус. среде человек имеет второе (часто домашнее) имя. Среди рус. имён различаются древние славянские: *Добромысл, Мирогость, Некрас, Хотен*; календарные, или канонические, имена: *Сергей, Мария, София* и новые: *Гелий, Идеал, Стратосфера, Элита*. Личное имя отличается от других имён собственных и от других антропонимов (см. Собственные существительные) характером индивидуализации объекта: каждый человек обязательно имеет имя, оно тесно связано с его носителем. Имена личные повторяются, что заставляет давать дополнительные именования.

Отчество – дополнительное именование, произведённое от имени отца; может иметь форму муж. и жен. рода, напр.: *Саввич, Саввична; Васильевич, Васильевна*. Отчество обычно употребляется вместе с личным именем, но в просторечии

может употребляться самостоятельно: *Никитич, Патрикевна, Миколавна*. Дополнительное именование могло быть образовано и от имени матери (обычно, если нет отца): *Машкин, Аннушкин, Евдокеин*, к-рое потом могло стать фамилией. В России функцию отчества могли выполнять и ещё выполняют в диалектной среде притяжательные прилагательные от муж. имён на *-ов, -ин*: *Иван Петров* (сын), *Евпл Лукин* (сын), а в древности (в основном до 15 в.) ещё и на *jь*: *Мстиславль, Ярославль, Володимирь* (отсюда названия городов). Отчества в названных формах известны у русских, украинцев и белорусов.

Фамилия (см.) – наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека (или группы людей) к определённой семье, напр.: *Алексеев, Грибоедов, Успенский, Ильин*. Фамилия прибавляется к личному имени для лучшей идентификации лица; исторически имя – первично, фамилия – вторична. Большинство рус. фамилий имеют формы муж. и жен. рода: *Розов, Розова*. Форма мн. ч. может обозначать двух и более лиц, всю семью или всех однофамильцев: *Гончаровы, Захаровы, Однодворцевы*, а также имя рода (именитого древнего или старого): *Романовы, Годуновы, Толстые, Пушкины, Карамзины*.

Прозвище – дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими его людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по происхождению, по к.-л. аналогии и другим мотивам, напр.: *Шурка Сапожник; Стукач* (при фамилии *Стукачёв*); *Елена Рыжая*; *Американка* (побывавшая в Америке).

Официальное именование человека имеет свою формулу имени – определённый порядок следования антропонимов и имён нарицательных (этнонимов, терминов родства, званий, титулов, чинов, специальностей, классов).

В рус. культуре в различные периоды в разной среде формула имени выглядела так: 11–14 вв.– *князь Александр; Владимир Ярославич; князь Глеб сын Юрьев внук Володимерь; Якуновая Фомина сноха;* 15–17 вв.– *князь Хованский Иван Большой Андреевич; рядовой крестьянин Панка Екимов; Ларион Митрополит Русин;* 20 в.– *академик Виктор Владимирович Виноградов; Степан Петрович Жихарев*. Форма именования человека зависит от речевого этикета (см.).

Существует теоретическая и прикладная А. Предметом теоретической А. являются закономерности возникновения и развития антропонимов, их структура, модели, антропонимная система, стратиграфия и типология, связь антропонимов с другими именами собственными. Теоретическая А. применяет те же методы исследования, что и другие разделы ономастики, с учётом социальных условий, религии, моды.

Прикладная А. изучает проблемы нормы в именах, способы передачи имени в рус. языке, способствует созданию антропонимических словарей. Антропонимист помогает в разрешении нек-рых спорных юридических вопросов именования человека и др.

Лит.: Туников Н. М., Словарь др.-рус. собственных имен, СПБ, 1903; Чичагов В. К., Из истории рус. имен, отчеств и фамилий, М., 1959; Весселовский С. Б., Ономастикон. Др.-рус. имена, прозвища и фамилии, М., 1974, Дмитриев В. Г., Скрывшие свое имя. Из истории анонимов и псевдонимов, 2 изд., М., 1977; Щетинин Л. М., Рус. имена. Очерки по донской антропонимии, 3 изд., Р. н/Д., 1978; Суперанская А. В., Суслова А. В., Совр. рус. фамилии, М., 1984; Суслова А. В., Суперанская А. В., О рус. именах, 3 изд., Л., 1991. *Н. В. Подольская.*

Ао́рист (греч. aóristos) – простая (неаналитическая) грамматическая форма прошедшего времени древних славянских языков, и в т. ч. древнерусского, унаследованная из праславянского языка (см.) и впоследствии утраченная всеми восточнославянскими языками. А. обозначал прошедшее действие, целиком завершённое в прошлом и мыслившееся как краткий, полностью закончившийся акт: азъ *придохъ* – 'я пришёл (когда-то и один раз)'. Образовывался от основы инфинитива и имел формы 1-го, 2-го и 3-го лица ед., мн. и двойственного числа. Различаются два вида А.: сигматический и простой, или корневой.

1. От основ инфинитива на гласный (*хвали-ти, зна-ти, пи-ти*) образовывался исконно сигматический А. с помощью суффикса -*s- (греч. «сигма», откуда и название А. этого типа), к-рый присоединялся к гласному основы перед личным окончанием, однако в виде *-с-* этот суффикс выступал у древних славян только во 2-м лице мн. и 2–3-м лице двойственного числа; в 1-м лице ед., мн. и двойственного числа и в 3-м лице мн. ч. суффикс -*s- изменился в *-х-*, а в связи с тем, что в 3-м лице мн. ч. было окончание -ѧ([ę]), согласный *-х-* перед этим окончанием изменился в *-ш-*([š']); во 2–3-м лице ед. ч. выступала форма, равная чистой основе. Т. о., напр., сигматический А. от глагола *хвалити* имел исконно след. формы.

Единственное число		Множественное число		Двойственное число	
1-е лицо	*хвалихъ*	1-е лицо	*хвалихомъ*	1-е лицо	*хвалиховѣ*
2-е лицо	*хвали*	2-е лицо	*хвалисте*	2-е лицо	*хвалиста*
3-е лицо		3-е лицо	*хвалишѧ*	3-е лицо	*хвалисте*

Глагол *быти* образовывал два вида исконно сигматического А.: один – от основы *бы-* (*быхъ, бы, быхомъ*...), другой – от основы *бѣ* (*бѣхъ, бѣ, бѣхомъ* ...); формы последнего вида имели значение имперфекта (см.), поэтому его называют имперфективным А.

2. От основ инфинитива на согласный (*нес-ти, ид-ти*) образовывался простой, или корневой, или сильный, А. Это наиболее древний тип, представленный уже в самых первых слав. памятниках письменности лишь отдельными фор-

мами. Простой А. характеризовался тем, что личные окончания присоединялись непосредственно к корню. Т. о., напр., простой А. от глагола *нести* имел исконно след. формы.

Единственное число		Множественное число		Двойственное число	
1-е лицо	*несъ*	1-е лицо	*несомъ*	1-е лицо	*несовѣ*
2-е лицо	*несе*	2-е лицо	*несете*	2-е лицо	*несета*
3-е лицо		3-е лицо	*несѧ*	3-е лицо	*несете*

Вместе с тем от основ инфинитива на согласный мог образовываться и сигматический А., причём различаются старый и новый сигматический А. С т а р ы й с и г м а т и ч е с к и й А. характеризовался присоединением суффикса -*s- к конечному согласному корня, что приводило к ассимиляции двух оказывавшихся рядом согласных и к продлению корневого гласного (этого продления не было во 2–3-м лице ед. ч., где, по существу, выступали те же формы, что и в простом А.). Т. о., напр., старый сигматический А. от глагола *нести* имел след. формы, в к-рых *ѣ*<*е* в результате продления.

Единственное число		Множественное число		Двойственное число	
1-е лицо	*нѣсъ*	1-е лицо	*нѣсомъ*	1-е лицо	*нѣсовѣ*
2-е лицо	*несе*	2-е лицо	*нѣсете*	2-е лицо	*нѣсета*
3-е лицо		3-е лицо	*нѣсѧ*	3-е лицо	*нѣсете*

Н о в ы й с и г м а т и ч е с к и й А. образовывался от основы инфинитива на согласный путём присоединения к корню гласного -*о*-, за к-рым следовали древний суффикс -*s- с личными окончаниями (во 2–3-м лице ед. ч. и в этом виде А. выступали те же формы, что и в простом А.). Т. о., напр., новый сигматический А. от глагола *нести* имел след. формы.

Единственное число		Множественное число		Двойственное число	
1-е лицо	*несохъ*	1-е лицо	*несохомъ*	1-е лицо	*несоховѣ*
2-е лицо	*несе*	2-е лицо	*несосте*	2-е лицо	*несоста*
3-е лицо		3-е лицо	*несошѧ*	3-е лицо	*несосте*

В др.-рус. языке формы простого А. не зафиксированы (за исключением форм 2–3-го лица ед. ч.); формы старого сигматического А. представлены в основном глаголами *речи* – 'говорить' (чаще всего формами 1-го лица ед. ч. *рѣхъ*, где *ks* > *kx* > *x*, и 3-го лица мн. ч. *рѣшѧ*) и *нести*. Т. о., в др.-рус. языке и от глаголов с основой инфинитива на согласный, и от глаголов с основой инфинитива на гласный образовывались формы сигматического А.

Кроме того, в др.-рус. языке во 2–3-м лице двойственного числа была одинаковая форма на -*ста* (*идоста*, *рекоста*), а в 3-м лице мн. ч., в связи с ранней утратой носовых гласных, выступало окончание -*а*: *идоша*, *рѣкоша*.

В народно-разг. др.-рус. языке, получившем отражение в деловой письменности, прежде всего в различного рода грамотах, А. употреблялся редко и, по-видимому, достаточно рано (не позднее 15 в.) был вытеснен формами перфекта (см.), но в книжно-письменном языке продолжал употребляться в разных жанрах и стилях вплоть до 17–18 вв.

В совр. рус. языке сохранились нек-рые следы А.: к форме 2–3-го лица ед. ч. А. глагола *быти* восходит совр. частица *бы*, служащая для образования сослагательного наклонения (см.); к той же форме глагола *чути* – 'слышать' (ср. *чуять*) – совр. междометие *чу* (ср. у Лермонтова: «*Чу! дальний выстрел! прожужжала Шальная пуля*»). По-видимому, к древнему А. восходят совр. конструкции типа *возьми и побеги, возьми и упади*, обозначающие внезапное действие, имевшее место в прошлом, и недлительное, мгновенное. И по форме, и по значению глагольные формы здесь связаны со 2–3-м лицом ед. ч. А. Аористные формы сохранились в нек-рых устойчивых выражениях: *П о г и б о ш а аки обры; Своя своих не п о з н а ш а; Одним махом семерых п о б и в а х о м.*

В. В. Иванов.

Апелляти́в (лат. грамматический термин nomen appellativum – имя нарицательное) – любое слово любой части речи, не являющееся именем собственным (см. Оним). Совокупность А. называется апеллятивной лексикой (в противоположность онимической лексике). Поскольку апеллятивная лексика включает не только имена существительные, прилагательные, числительные (в рус. языке), но и глаголы, причастия, местоимения, наречия, союзы, предлоги, междометия, то понятие «апеллятивная лексика» значительно шире понятия «имена нарицательные» и тем более «нарицательные существительные».

При переходе А. в оним часто меняется парадигма склонения: *любовь – любви*, но *Любовь – Любови, шило – шила*, но *Шило* – (работы) *Шило*; у имён с глагольной основой появляется парадигма склонения: имена личные *Полежай, Полетай* (у *Полетая*), ср. фамилии *Полежаев, Полетаев*; клички собак *Кусай, Угадай* (к *Угадаю*). При этом онимизация А. происходит одновременно с субстантивацией, т. е. слово становится не только субстантивом, но и онимом. В этом главное отличие от субстантивации (конверсии) в нарицательной лексике. А. при образовании от него онима остаётся в апеллятивной лексике: г. *Городок*, река и улица *Пресня*, имена личные *Первой, Второй*, прозвище *Туда-Сюда*, название рассказа «*Муму*» (← *му-му*). Онимизироваться может апеллятив-

ное сочетание, фраза: антропоним *Быстрая Рыбка*, топонимы *Кобыльи Рёбра, Понашбор*, лит. антропонимы *Мойдодыр* (Чуковский), *Господибожемой* (Окуджава).

В языке наблюдается также явление апеллятивации – переход онима в А.: *Иван, Марья → иван-да-марья* (растение), с. *Гжель → гжель* (керамика).

Лит.: Курилович Е., Положение имени собственного в языке, в его кн.: Очерки по лингвистике. Сб. ст., пер. с польск., франц., англ., нем., М., 1962; Вопросы ономастики. [№ 11] – Рус. ономастика и её взаимодействие с апеллятивной лексикой, Свердловск, 1976; Имя нарицательное и собственное. [Сб. ст.], М., 1978; Подольская Н. В., Словарь рус. ономастической терминологии, 2 изд., М., 1988. *Н. В. Подольская.*

Апо́стол (от греч. apóstolos – посланец) – общее название двадцати двух книг Нового Завета: исторической (Деян) и учительных (соборных и Павловых посланий) (см. их перечень на с. 55). Написан в 1–2 вв. н. э. на греч. языке. Важнейший источник по истории книжно-письменного языка Древней Руси и совр. рус. лит. языка. В греч. традиции Вост. (православной) церкви А. известен как четья книга (т. е. для чтения в келье и дома), а также как а́пракос (книга для церковного богослужения, в к-рой тексты разделены на 335 «зачал» и расположены по порядку церковных чтений за ежедневной литургией, начиная с праздника Пасхи).

Вместе с Псалтырью (см.) и Евангелием (см.) А. был в 863 переведен на старославянский язык (см.) Кириллом и Мефодием (см.) в виде А.–апракос. За литургией, а также за требными богослужениями читается вместе с Евангелием; соответственно сложилась и сводная книга «А.–Евангелие». На Руси бытовали также Толковый А. и Учебный А.

Древние А. – Христинопольский (четий), Охридский, Слепченский (все 12 в.; два последних – апракосы), А. Толковый 1220 – хранятся в России, на Украине, в Болгарии. Сохранились и другие А. 13 в., в т. ч. в сочетании с евангелиями (таково, напр., Карпинское евангелие).

Фрагменты из А. содержатся в слав. рукописях 11 в.: в глаголическом Клоцовом сборнике, Супрасльской рукописи, Фрейзингенских отрывках, Изборниках 1073 и 1076, 13 словах Григория Богослова, Пандектах Антиоха, Хиландарских листках. В са́мой древней слав. глаголической рукописи («Киевские листки», 10 в.) имеется приписка 12 в., содержащая фрагмент Послания к Римлянам. В древнейших слав. ветхозаветных и богослужебных книгах фрагменты из А. прослеживаются начиная с 1-й четверти 12 в. Цитаты из А. включены в оригинальные сочинения др.-рус. духовных писателей – митрополита Илариона, черноризца Иакова, епископа Кирилла Туровского. По степени читаемости А. сопоставим с Псалтырью и Евангелием. При обучении детей к А. переходили после Азбуки и Часослова.

Четвёртая редакция текста А. (по Г. А. Воскресенскому) вошла в Геннадиевскую Библию 1499 (см. Библия); она же с нек-рыми изменениями воспроизведена в издании А. (1564) Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца – в первой точно датированной московской печатной книге. Впоследствии И. Фёдоров издал А. отдельной книгой во Львове в 1574 и в составе Острожской Библии в 1580–81. Для Елизаветинской Библии А. был пересмотрен и в таком виде на слав. языке переиздаётся до сих пор. О переводе А. на рус. язык в составе Нового Завета в 19 в. см. в ст. Библия.

Пересмотренный рус. текст А. был создан комиссией православных рус. богословов-эмигрантов под руководством епископа Кассиана (Безобразова) в 1951–55. В нач. 90-х гг. 20 в. вышли в свет два перевода–пересказа, выполненные протестантами («Благая Весть. Новый Завет»; «Слово Жизни. Новый Завет в современном переводе»), Новый перевод «Послания к Римлянам» в 1993 опубликовала В. Н. Кузнецова.

Слав. А. способствовал развитию средств выражения книжно-письменного языка на Руси, закреплению его норм, распространению в народе грамотности и просвещения. Он же оказал влияние и на совр. рус. язык. А. обогатил художественную речь риторическими и поэтическими приёмами (среди них анафора, повтор, многосоюзие и бессоюзие, эллипсис, параллелизм, рифма и т. д.); напр.:

Подадите (покажите) **въ вѣрѣ вашеи добродѣтель,**
въ добродѣтели же разꙋмъ,
въ разꙋмѣ же воздержанiе,
въ воздержанiи же терпѣнiе,
въ терпѣнiи же бл҃гочестiе,
во бл҃гочестiи же братолюбiе,
въ братолюбiи же любовь (2 Пет 1,5–7).

Ряд этических терминов в рус. языке восходит к А., поскольку в апостольских посланиях даётся множество этических наставлений. А. содержит развёрнутое изложение христианского богословия. К нему восходит также немало рус. философских и других научных терминов.

В пополнении словарного состава и фразеологии в слав. А. использованы восходящие к Кириллу и Мефодию приёмы: семантическое калькирование (переосмысление под греч. влиянием), заимствование и морфологическое калькирование. Поскольку объём калькированной терминологии велик, имела место специализация нек-рых средств деривации – префиксов (*без-/бес-, пре-, пред-, при-, со-* и т. д.) и суффиксов (*-ость, -(н)ие* и т. д.), к-рые приобрели отвлечённую семантику и составили впоследствии одну из примет книжного стиля речи.

Ниже приводится часть лексики, словосочетаний и фразеологии, впервые письменно зафикси-

рованной в А. (и в Откровении Иоанна Богослова).

I. Общеязыковая лексика (в т. ч. славянизмы).

Басня, блаженство, блевотина, блудник, богиня, божество, боязнь, буйство, бурный, вельми 'весьма', *ветрило, ветхость, вещание, вкратце, вменить, воинство, волхование* 'колдовство', *вооруженный, вразумить, вручить, высота, выспренный, градоначальник, жажда, животворить, забвение, заветный, заградить, закоснеть, запечатлеть* 'запечатать', *заступница, звание, земледелец, измерить, изобильный, изумиться, исконный, кал* 'помёт', *клич, кормило, кормчий, коснение, крамольник, кровопролитие, курение, ладья* 'лодка', *маслина, мгла, медведь, медлить, млеко / молоко, мозг, мощный, мрак, мстить, мужеложник, мясо, наглый, напыщенный, наслаждение, новорожденный, нужный, нынешний, общительный, окаянный, окно, остров, осязание, парус, персть* 'прах, земля', *пестун* 'воспитатель', *печать, плодоносный, поглотить, подаяние, подражатель, покрывало, покуситься, полезный, полк, полынь, поминание, помощь, поощрение, поспеш(е)ствовать, поспешник, посетитель, постель, похвала, почесть, привет, присный* 'свой, домашний', *путешествовать, радение, ревнитель, ругатель, сажень* 'мера длины', *соболезновать, свара, сварливый, сверстник, свирепый, свиток* 'древняя рукописная книга', *сердцевед, сетование, сквернословие, сластолюбец, словопрение, смертоносный, собрание, согласие, соглядатай* 'шпион', *сожитие, срамота, стенание, странник, судебная палата, сумрак, супостат* 'противник', *теплота, упразднить* 'отменить', *успех, устроение* 'порядок', *усыновление, ухищренный, хобот* 'хвост' (впоследствии: 'хобот у слона'), *ходатай, художник, худородный, чадородие, чародей, чары, чело* 'лоб', *чернила, чудный* 'дивный'.

II. Терминологическая (гл. обр. этико-философская) лексика (см. также раздел IV).

Братолюбие, братство, вожделение, вседержитель, гордость, готовность, греховность, губительство, дарование 'харизма', *дерзновение, добродетель, довольство, единение, единодушие, естество, злонравие, заблуждение, завещание, законоположение, земский* 'земной', *избавитель, иносказание, искупление, исправление, кичение* 'превозношение, гордость', *клевета, клятвопреступник, коварство, кощунство, кротость, малодушие, миродержитель, надежда, настоятель, начальник, обилие, обращение* 'уверование в Бога', *общение, оглашение* 'наставление готовящихся к крещению', *освящение, ослушание, ослепление* 'духовная невосприимчивость', *погибель, познание, попечение, порок, порочный, послание* 'письмо', *послушание* 'повиновение', *правило, правление, равенство, равнодушие, ревность, самоволие, страдание, суесловие, таинство, тварь, творение, творец, тленный, тщеславие, тщета, уединение, упование, целомудрие, человеколюбие, честность.*

III. Заимствования (в т. ч. заимствованные имена собственные).

Александр, аметист, анафема, Антиохия, антихрист, апокалипсис, апостольство, Аравия, ареопаг, армагеддон 'гибельная война конечных дней', *Артемида, архангел, Архип, Азия, Афины, Велиар* 'злой, развратный, нечестивый' (наименование диавола), *гангрена, гиацинт, диакон, Димитрий, Дионисий, епископ(ство), еретик, ипостась* 'особа, лицо', *икона, Испания, Италия, колония, кристалл, Македония, Михаил(Архангел), Николай, Онисим, Павел, пресвитер, Прохор, Рим, сардоникс* 'драгоценный камень', *Солунь* 'Фессалоники', *стоики* 'философская школа', *стомах* 'желудок' (отсюда выражение: *стомаха ради* 'ради материальных благ'), *стихия* 'вещественное начало', *Тимофей, Тит, топаз, Трофим, фелонь* 'верхняя одежда' (отсюда 'священническая риза'), *фиал* 'чаша', *философия, хартия* 'пергамен; выделанная кожа для письма' (впоследствии 'бумага'), *эпикуреец, Юлия, яспис* 'яшма'.

IV. Словообразовательные кальки.

Без- / бес-: -божный (из греч. a–theos), *-брачный* (из греч. a–gamos), *-вестный* (из греч. a–dēlos), *-гласный, -душный, -конечный, -молвие, -начальный, -образничать, -ответный, -престанный, -смертие, -чинный, -численный; благо-: -вестие / -вестник, -вонный, -временный, -верие, -говение, -дарение, -душие, -детель, -деяние, -изволение, -лепие, -надежный, -образие, -потребный, -приятный, -разумный, -родный, -словение, -стыня, -стный, -творение, -творец, -угоден, -утробен, -ухание, -хваление, -честие; блудодеяние; бого-: -борец, -любец, -чтец; воз- / вос-: -держание* 'умеренность', *-дыхать* 'сетовать', *-мездие, -хищенный; долго-: -та, -летен, -терпелив, -терпение; идоло-: -жертвенный, -служение, -поклонство; не-: -благодарен, -воздержание, -ведение, -вежда, -годование, -движимый, -злобивый, -имущий, -исповедимый, -истовство, -лестный, -лицемерный, -мощь, -повинный, -поколебимый, -порочный, -послушание, -потребный, -преложный, -престанный, -разумный, -уклонный, -чаянный, -честивый; пре-: -возноситься, -восходный, -лесть* 'прельщение, обман', *-успеяние, -ступление, -ткновение; пред-: -послать, -стать* 'явиться', *-теча* 'предшественник'; *при-: -звание, -ключиться, -лежание* 'усердие', *-мирение, -ношение, -нуждать, -обретение, -общаться, -станище* 'пристань', *-цепиться; про-: -гневать[ся], -мышлять, -поведь, -рицание; раз- / рас-: -врат, -орение, -решение* 'развод', *-судить, -суждение, -пространиться; руко-: -писание, -полагать; со-: -мнение, -образный, -общение, -общник, -причастник, -племенник, -противник.*

V. Устойчивые (крылатые) выражения.

Ниже приведены выражения, почерпнутые из рус. классической лит-ры. Часть из них для совр. языкового сознания устарела.

Словосочетания: *альфа и омега* 'начало и конец'; *не взирая на лица*; *мертвая буква* 'формализм'; *ветхий Адам* (ветхозаветный) 'грешный человек', *взыскующие града* 'живущие высокой мечтой'; *власти предержащие* 'правители'; *смертный грех* 'непростительный проступок'; *яко тать в нощи* 'неприметно'; *как пелена (спала) с глаз*; *говорить на ветер*; *книга жизни*; *день Господень* 'праздник'; *корень всех зол* (сребролюбие); *из Савла превратиться в Павла* 'радикально переменить свои убеждения'; *аки лев рыкающий* 'разгневанный'; *меч обоюдоострый*; *(сражаться) до крови*; *обуздывать язык*; *(быть верным / сражаться) до смерти*; *ни холоден, ни горяч* 'равнодушный'; *книга за семью печатями* 'нечто непонятное'; *спасаться верой*; *говорить громовым голосом*; *излить фиал гнева*; *тысячелетнее царство*; *звериное число* '666; зашифрованное имя Антихриста'.

Фразы: *Всякое даяние благо; Вера без дел мертва (есть); Кто не работает, тот не ест; Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?; Тайна сия велика (есть); Трудно противу рожна прати* (отсюда выражение: *переть на рожон*); *Вера горы передвигает; Друг друга тяготы носите; Для чистого всё чисто; Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать; Буква убивает, а дух животворит.*

Е. М. Верещагин.

Апостро́ф (греч. apóstrophos – обращённый в сторону или назад) – надстрочный знак в виде запятой ('), употребляемый на письме для различных целей: 1) в ряде языков – для замещения непроизносимого гласного, напр.: франц. *l'homme* вместо *le homme*, англ. *don't* вместо *do not*; частным случаем подобного выпадения гласных, передаваемого и в рус. орфографии, являются имена собственные с приставками: *О'Брайен, О'Коннор, Жанна Д'Арк* и т. п.; 2) в фонетической транскрипции – для обозначения мягких (палатализованных) согласных, напр. *тётя* [т'óт'а], *бить* [б'ит'], а при транскрипции слов семитских и нек-рых других языков – для обозначения т. н. гортанной смычки; 3) в рус. орфографии А. употреблялся в 20-х гг. 20 в. вместо ъ: *под'езд, с'езд* и т. п. С 1928 был заменён твёрдым знаком.

Арго́ (франц. argot) – социальная разновидность речи, характеризующаяся узкопрофессиональной или своеобразно освоенной (в смысловом и словообразовательном отношениях) общеупотребительной лексикой, нередко с элементами условности, искусственности и «тайности», а также заимствованиями из других языков (цыганского, немецкого, польского, новогреческого и др.).

А. является принадлежностью относительно замкнутых социальных групп и сообществ. Основная функция А.– быть средством их обособления, отделения от остальной части общества. В строго терминологическом смысле А.– это речь низов общества, деклассированных групп и уголовного мира: нищих, воров и мошенников, картёжных шулеров и т. п. (ср. возникшие в этой среде арготизмы *блат, блатная музыка, феня*). А. старых торговцев-ходебщиков (офеней-коробейников), ремесленников-отходников (шаповалов, жестянщиков, портных, шорников, шерстобитов и др.) называют условными, или тайными, языками (см.).

Понимая под А. только условную речь воров, иногда говорят и о других видах А., употребляя уточняющие «видовые» определения: театральное, певческое, охотничье, спортивное, армейское и др. А. В этом значении термин «А.» синонимичен термину «жаргон» (см.).

А. различных профессий (условные языки) существуют на базе естественного языка, но используют элементы, заимствованные из других языков, из территориальных диалектов или искусственно созданные в целях конспирации (для сохранения тайн своего ремесла и свободной беседы «между собой» в присутствии хозяина дома, чужих людей и т. п.). В последнем случае применяются разные приёмы «шифрования»: перестановка слогов, разного рода вставки внутрь слова, усечения и т. п. (напр., разговор по «щам», по «щицам» описан в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского: слово делится на две части, к-рые переставляются и получают в качестве добавки слоги *«ши»* и *«цы»* попеременно. Слово *розга* звучит, напр., как *ши-згаро-цы*, а фраза *Ничего не бойся* – как *Ши-чего-ни-цы-ши-йся-не-бо-цы*, и т. п.).

Воровское А. в России складывалось во 2-й пол. 19 в., впитывая в себя элементы распадающихся «старших» профессиональных и социальных говоров (офеней-коробейников, ремесленников-отходников и др.), а также слова из территориальных диалектов, других языков и т. п. А. формировалось в торговых центрах, портовых и столичных городах, местах ссылок и поселений.

А. имеет тенденцию к исчезновению в стабильной общественно-экономической ситуации, т. к. круг его носителей сужается, в периоды же социальных потрясений (революции, войны, хозяйственная разруха и др.) с усилением роста преступности, беспризорщины и т. п. отмечаются «вспышки» А.

Слова и выражения А., используемые в общей речи, называются арготизмами. Они, как правило, семантически преобразуются, теряя связи с источником и естественной средой бытования, но при этом могут сохранять яркую экспрессивную окраску. Ср., напр., *тусовка, тусоваться* (о встрече, о собрании «своих»), *на ушах стоять* (шуметь, веселиться), *на халяву, халявщик* (за чужой счёт, задаром) и т. п. Многие из старых

арготизмов оторвались от арготической почвы, и их былые связи восстанавливаются лишь в результате специальных исследований (напр., *двурушник, на пушку брать, втирать очки, для мебели, темнить, стоять на стрёме, липовый, на мази* и т. п.). В языке художественной лит-ры арготизмы применяются как средство стилистической характеристики, гл. обр. в речи персонажей, а также в авторской речи при т. н. сказовой манере повествования или для реалистического изображения соответствующей обстановки, деталей лагерного быта и др. Арготизмы используются переводчиками для адекватной передачи просторечно-жаргонной стихии другого языка. Вне этих функций арготизмы засоряют и огрубляют речь говорящих.

Лит.: Трахтенберг В. Ф., Блатная музыка. («Жаргон» тюрьмы), СПБ, 1908; Поливанов Е. Д., За марксистское языкознание, М., 1931; Стратен В. В., Арго и арготизмы, в кн.: Тр. комиссии по рус. языку АН СССР, т. 1, Л., 1931; Лихачев Д. С., Черты первобытного примитивизма воровской речи, в кн.: Язык и мышление, т. 3–4, М.–Л., 1935; его же, Арготические слова профессиональной речи, в кн.: Развитие грамматики и лексики совр. рус. языка, М., 1964; Жирмунский В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; Бодуэн де Куртенэ И. А., «Блатная музыка», в его кн.: Избр. тр. по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Скворцов Л. И., Жаргонная лексика в языке совр. художественной лит-ры, в кн.: ВКР, в. 7, М., 1966; его же, Профессиональные языки, жаргоны и культура речи, «Рус. речь», 1972, № 1; его же, Лит. язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии, в кн.: Лит. норма и просторечие, М., 1977; Бондалетов В. Д., Условные языки рус. ремесленников и торговцев, в. 1, Рязань, 1974; его же, Социальная лингвистика. [Учебное пособие для пед. ин-тов], М., 1987; Леонтьев А. А., Шахнарович А. М., Батов В. И., Речь в криминалистике и судебной психологии, М., 1977; Бурик В. И., Шелестюк В. Г., Жаргон преступников, Лексико-фразеологический словарь-справочник, К., 1979; Толковый словарь уголовных жаргонов, под ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова, М., 1991; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона, [Одинцово], 1992; Грачев М., Язык из мрака. Блатная музыка и феня, Нижний Новгород, 1992; Елистратов В. С., Словарь моск. арго, М., 1994; Быков В., Рус. феня, Смоленск, 1994.

Л. И. Скворцов.

Ареа́л – см. Лингвистическая география.

Артикуля́ция (лат. articulatio, от articulo – расчленяю, членораздельно произношу) – движение произносительных органов (см. Органы речи) во время речи. В фонетике (см.) говорят об А. отдельных звуков (А. гласных, А. согласных) или более сложных звуковых последовательностей (А. слога, А. сочетания звуков и т. д.) либо, если рассматривают специально работу произносительных органов, – о губной, язычной А. и т. д. Согласно представлениям классической фонетики, А. каждого звука содержит три фазы (приступ, выдержку и рекурсию), однако это справедливо лишь для изолированно произносимого звука. В естественном потоке речи приступ одного звука может по времени совпадать с завершением А. предшествующего ему звука: напр., экспериментально установлено, что в сочетании двух согласных (в словах типа *вход, свой*) второй согласный начинает артикулироваться почти одновременно с первым, а конечная фаза первого согласного артикулируется одновременно с фазой выдержки второго. Регистрация артикуляторных движений при помощи специальных приборов позволяет отмечать частые случаи отсутствия фазы выдержки, т. к. изменение положения артикулирующих органов характеризуется большой скоростью.

Л. В. Бондарко.

Архаи́змы (от греч. archáios – древний) – слова и выражения, вытесненные из активного употребления синонимичными лексическими единицами (напр., *выя* – 'шея', *глад* – 'голод', *скорбный лист* – 'история болезни'). Термин «А.» может употребляться также в отношении устаревших грамматических явлений – форм и конструкций, вытесняемых продуктивными грамматическими типами (т. н. грамматические архаизмы), но чаще используется применительно к единицам лексического языкового уровня.

В совр. рус. языке А. в совокупности с историзмами (см.) образуют систему устаревшей лексики, характер к-рой определяется степенью устарелости этой лексики, различными причинами архаизации и способом использования. А., в отличие от историзмов, являются устаревшими названиями существующих реалий и явлений действительности. Архаизация таких единиц имеет внутриязыковые причины, определяемые в значительной степени системными отношениями в лексике, в т. ч. стилистической дифференциацией синонимов, ослаблением и потерей связей с однокоренными словами, сужением круга лексической сочетаемости.

Выделяются два типа А.– лексические и семантические. Лексические А. включают: а) собственно лексические А.– слова, устаревшие целиком как определённые звуковые комплексы (*десница* – 'правая рука', *инфлюэнца* – 'грипп'); б) лексико-словообразовательные А., отличающиеся от синонимичного слова совр. языка только словообразовательным элементом, чаще всего суффиксом (*содейство* – 'содействие', *рыбарь* – 'рыбак'); в) лексико-фонетические А., отличающиеся от совр. вариантов лишь несколькими звуками (*клоб* – 'клуб', *хлад* – 'холод'). Семантические А.– устаревшие значения существующих в активном словаре слов (напр., значение 'зрелище' у слова *позор*, ср. совр. значение 'бесчестье').

В совр. текстах А. используются только с определёнными стилистическими целями: в исторических романах, повестях – для воссоздания реальной исторической обстановки и речевого колорита эпохи; в публицистической и художественной речи – для создания высокоторжественного стиля (напр., *«В терновом венце революции грядёт шестнадцатый год»* – Маяковский); для характеристики отрицательных явлений, как средство создания комического – иронии, сатиры, сарказма (напр., *«Вообще в Таганроге мода бегать с*

актёрами, многие недосчитываются своих жён и дщерей» – Чехов).

А. могут вновь входить в активное употребление, приобретая различные стилистические оттенки (ср. совр. употребление слов *веление, вояж, изрыгать*) или терминологизируясь (ср. употребление слова *купец* в значении 'покупатель' в профессиональной речи устроителей аукционов).

Лит.: Григорьева А. Д., Об основном словарном фонде и словарном составе рус. языка, М., 1953; Ожегов С. И., Основные черты развития рус. языка в сов. эпоху, в его кн.: Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Шмелев Д. Н., Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Совр. рус. язык, ч. 1 – Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография, под ред. Н. М. Шанского и В. В. Иванова, М., 1987 *А. С. Белоусова.*

Архáнгельское Евáнгелие – рукописное Евангелие (см.), созданное в кон. 11 в. А. Е.– служебное Евангелие, или Евангелие-апракос. Служебное Евангелие делится на две большие части – чтения пасхального цикла, к-рые не имеют фиксированного дня и связаны с датой празднования Пасхи, и чтения месяцеслова, положенные в определённые дни года с 1 сентября (церковное новолетие) по 31 августа. Из-за утраты первых трёх тетрадей рукопись начинается с чтения в «неделю о самаряныне», т. е. в пятое воскресенье после Пасхи, затем следуют чтения месяцесловной части.

Рукопись состоит из четырёх частей, написанных разными почерками. В конце первого почерка имеется приписка писца, где он называет себя Мичкой. В тексте второго почерка имеется дата написания – 1092, к-рую обычно относят ко всей рукописи. Текст двух листов (под номером 177–178) представляет собой палимпсест, т. е. написан по смытому, более древнему тексту. Поскольку пергамен (обработанная особым образом телячья шкура) – материал относительно дорогой, один и тот же лист мог использоваться дважды. Прежний текст при этом смывался, однако иногда оказывается возможным его прочитать. Смытый текст палимпсестной части А. Е. прочитать пока не удалось.

Рукопись была приобретена в 1877 моск. букинистом С. Т. Большаковым у архангельского крестьянина. Затем Большаков продал А. Е. Румянцевскому музею (ныне РГБ), где оно и хранится.

Относясь к числу древнейших переписанных на Руси церк.-слав. книг, А. Е. отразило многие орфографические и языковые особенности рус. извода церк.-слав. языка. Так, напр., буква ѭ в А. Е. не встречается, ж встречается только в первом почерке, и часто её употребление является этимологически неверным. Буква ѧ постоянно смешивается с ꙗ. Многочисленные ошибки в употреблении юсов (см.) свидетельствуют об отсутствии носовых гласных в др.-рус. языке 11 в. Сочетания редуцированных с плавными передаются через *ър, ьр, ъл, ьл*, напр. *съмьрти, съвьршенъ* и т. д. Изредка встречаются полногласные формы (*беремꙗ*). В А. Е. есть случаи начального *о* вместо ст.-слав. *є* (*одинъ*). На месте праслав. сочетания **dj* находится *ж* (*дажь, рожьства*); на месте **tj* изредка отмечается *ч* (*хочеши*).

В А. Е. встречаются след. морфологические особенности рус. извода церк.-слав. языка: окончание ѣ в род. п. ед. ч. существительных с основой на **ā*; формы дат. и местного падежей местоимений *тобѣ, собѣ*; окончания глаголов наст. времени 3-го лица ед. ч. и мн. ч. с конечным *ь*: *въстанеть, боудоуть*. Т. о., церк.-слав. язык А. Е. содержит большее число рус. черт, чем язык современного ему Остромирова Евангелия (см.).

Первые описания А. Е. принадлежат А. Ф. Бычкову и архимандриту Амфилохию (Сергиевскому). Наиболее полное описание языковых и палеографических особенностей памятника содержится в исследовании М. А. Соколовой. В 1912 Румянцевский музей предпринял фототипическое издание А. Е., причём воспроизводятся не только текст, но и особенности рукописной книги: отверстия в пергамене, потёртости, грязь и даже деревянный переплёт.

Лит.: Бычков А. Ф., О вновь найденном пергаменном списке евангелия, «Зап. АН», 1877, т. 29, кн. 1; Амфилохий, архимандрит, Описание Евангелия 1092 года. (Сличенного преим. с Остромировым Евангелием), М., 1877; Карский Е. Ф., Архангельское евангелие 1092 г., «Рус. филол. вестник», 1913, т. 69, № 2; Соколова М. А., К истории звуков рус. языка. (Рукопись моск. б-ки им. Ленина № 1666), «Изв. АН по РЯС», 1930, т. 3, кн. 1; Сводный каталог славяно-рус. рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв., М., 1984, с. 43–47. *А. Г. Кравецкий.*

Аспектолóгия (от лат. aspectus – вид и греч. lógos – слово, учение) – раздел грамматики, изучающий глагольный вид, или аспект (см. Вид), и всю сферу аспектуальности – смежные или сходные с видом значения, получившие в языке то или иное выражение. Предметом А. являются грамматические видовые и видо-временнЫе категории, аспектуальные классы глаголов (динамические/статические, предельные/непредельные глаголы) и их подклассы, т. н. способы глагольного действия (см.), а также относящиеся к сфере аспектуальности лексические, словообразовательные, синтаксические и контекстуальные значения.

Аспектуальные значения сосредоточены прежде всего в глагольном предикате (глагольная аспектуальность). Однако аспектуальными могут быть лексические показатели в группе предиката (лексическая аспектуальность), грамматическая характеристика тех или иных актантов (синтаксических компонентов) при глаголе и сочетания глагольных предикатов в простом и сложном предложениях (контекстно-синтаксическая аспектуальность).

Понятие аспектуальности тесно связано с «внутренним временем» действия: всякое действие имеет какое-то количество своего времени. Аспектуальная характеристика действия сводится к указанию на способ распределения действия во «внутреннем времени»: является ли оно длитель-

ным (неограниченно длительным или ограниченно длительным) или недлительным (мгновенным), кратным (неограниченно кратным или ограниченно кратным) или некратным (разовым), протекающим как процесс или целостным фактом, имеет ли оно внутренний предел в своём развитии или нет (предельные и непредельные действия) и др. В узком понимании область аспектуальности охватывает все характеристики действия с точки зрения наличия/отсутствия в его проявлении временно́й перспективы. В более широком понимании к аспектуальности относят все типы протекания и распределения действия во времени (фазовость, интенсивность, динамичность, статичность, отношение и др.).

Поскольку аспектуальная характеристика действия часто сопряжена с качественными особенностями самого действия или способов его осуществления, в А. изучаются: глагольные значения, выражающие разновидности предельных/непредельных действий (аспектуальные разряды глагольной лексики, или способы действия); значения, характеризующие особенности проявления отдельных способов действия (значения характера действия); значение типов действия, формирующих аспектуальные разряды. Все эти значения взаимодействуют между собой и с категорией вида, определяя особенности функционирования её форм и отнесение глаголов к одновидовым, парновидовым и двувидовым.

Основными аспектуальными категориями являются видовая аспектуальность (грамматическая аспектуальность) и предельность/непредельность (лексико-семантическая аспектуальность). Ведущим смысловым противопоставлением видовой аспектуальности служит выражение достижения/недостижения предела или его отсутствия в обозначенном действии (см. Совершенный вид, Несовершенный вид). Ведущим смысловым противопоставлением предельности/непредельности глаголов является наличие/отсутствие у обозначенного действия «внутреннего» потенциального или реального предела, предусмотренного самой природой действия, с достижением к-рого оно исчерпывает себя и далее не может продолжаться. Напр., действия *идти в школу, надевать пальто, строить дом* – предельные, т. к. имеют предусмотренную цель (предел), с достижением к-рого они исчерпывают себя (быть в школе, быть одетым в пальто, иметь построенный дом), а действия *ходить по комнате, сидеть, лежать, любить* – непредельные, т. к. в них нет внутреннего предела, к-рый мог бы быть предпосылкой для прекращения. Противопоставление предельности и непредельности свойственно всей глагольной лексике и обычно связано с разными глаголами, но в ряде случаев – и с разными значениями глагола (ср. *идти в школу* и *идёт дождь*). Выделяется два типа предельных глаголов: со значением действий, направленных на появление одновероятного результата, соответствующего природе действия (*белить стену, дарить книгу, рисовать картину* и т. д.), и со значением действий, реально ограниченных количественным (временны́м, интенсивным) пределом (*поспать, раскричаться, крикнуть, заблестеть* и т. д.). По отношению к категории вида предельные глаголы могут быть парными по виду (*заболеть – заболевать, делать – сделать*) или только сов. вида (*очутиться, поспать, обрадовать*). Непредельные глаголы – только несов. вида (*висеть, работать, дежурить*). Предельные/непредельные глаголы не имеют формальных средств обозначения и обнаруживают себя косвенным образом: по типу взаимоотношения с категорией вида, в отглагольном словообразовании и др. Семантически они представляют собой высшую абстракцию способов действия по указанному признаку.

Способы глагольного действия понимаются в А. по-разному: к ним относят либо только морфемно обозначенные модификации действий исходных глаголов (*кричать – закричать – покричать – раскричаться – покрикивать* и др.), либо морфемно обозначенные и необозначенные разряды глаголов, детализирующие категорию предельности/непредельности. Вторая точка зрения более предпочтительна, поскольку категория предельности/непредельности, будучи высшей абстракцией всей глагольной лексики и не имея формальных показателей, состоит из отдельных разрядов глаголов, однотипные признаки к-рых необязательно морфемно обозначены (ср.: *мигнуть* и *бросить* – одноактные действия; *махать* и *трясти* – многоактные). Т. к. категория предельности/непредельности распределяет всю глагольную лексику на две группы, способы действия свойственны всей глагольной лексике. В рус. языке они определяют видовые свойства более частных групп глаголов. Признаки предельности/непредельности в значениях способов действия, как правило, сопряжены с признаками, не относящимися к сфере предельности/непредельности. Поэтому способы действия часто понимают как общие признаки лексических значений глаголов, характеризующие особенности протекания действия этих глаголов. Среди предельных глаголов рус. языка выделяются: результативные способы действия (общерезультативный с различными вариантами: *ронять, уронить; включать, включить; ловить, поймать; красить, покрасить; доезжать, доехать* и др. и специально-результативные: *накосить, перепилить, подлить, отпилить, надломить, изранить, разругать, дозвониться, прожарить* и др.), терминативно-временны́е способы действия [фазово-временны́е: *засиять, отшуметь*; детерминативно-временны́е: *прожить (десять лет), посидеть, прозвучать*], терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы действия (*нагуляться, изголодаться, засидеться, раскричаться, убегаться* и др.), одноактный спо-

соб действия (*кольнуть, подмигнуть*). Среди непредельных глаголов выделяются след. способы действия: реляционный (*весить, стоить, равняться*), статальный (*сидеть, болеть, тосковать*), эволютивный (*работать, беседовать, шутить*), постоянно-узуальный (*служить, учительствовать, голодать*), многоактный (*дрожать, качаться, гавкать*), неоднонаправленного движения (*ходить, носить, бегать*), итеративный (*побаливать, напевать, припевать, разгуливать, выплясывать, перемигиваться*). Морфемно обозначенные способы действия так или иначе модифицируют значения действий, выражаемых исходными глаголами, представляя их словообразовательные аспектуальные парадигмы.

Значения характера действия указывают на разновидности проявления способа действия. Напр., общерезультативный способ действия охватывает глаголы, обозначающие действия, направленные на постепенное накопление результата (*строить дом, писать письмо*) или осуществляемые «точечно» (*включить, схватить*), и др. Совмещённые значения способа действия и характера действия называются акционально-аспектуальными значениями. Значения типов действия – это номинативно-понятийные области глаголов, «наполняющие» способы действия: напр., результативные способы действия выражаются глаголами воздействия (*белить, сохнуть*), разрушения (*рубить, резать*), созидания (*создать, сочинить*) и др.

Неглагольная аспектуальность (лексическая и контекстуально-синтаксическая) представлена словами, сочетаниями слов и предложений, семантически коррелирующими со значениями видов и предельностью/непредельностью. Напр., слова *сразу, вдруг, полностью* и т. п. коррелируют со значением сов. вида, а слова *ежедневно, регулярно, всё ещё* и т. п., а также сочетания инфинитива со словами *начать, продолжить, кончить* – со значением несов. вида; союз *пока* не требует сочетания предикатов главного и придаточного предложений в несов. и сов. виде (*Он долго следил за ней, пока она не скрылась*); партитивный род. п. обычно употребляется с глаголами сов. вида (*Он выпил воды*) и др.

Предметом А. являются также текстовые, прагматические и стилистические функции категории вида, к-рая участвует в организации разных типов художественной речи (повествовательной, изобразительной), в выражении различных прагматических коннотаций в императиве, инфинитиве и обладает стилистическими нюансами при синонимии видовых форм.

Разработка учения о виде на материале рус. языка относится к нач. 19 в. (И. С. Фатер, А. В. Болдырев, позже Н. И. Греч, К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов). В 1-й пол. 20 в. А. Мазон описал систему частных видовых значений рус. глагола; С. О. Карцевский дифференцировал разные морфологические типы видовых пар. Появились исследования о виде рус. глаголов в развёрнутых описаниях грамматической системы рус. языка (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов). С кон. 40-х гг. 20 в. в рус. А. выделяются аспектуально значимые классы и подклассы глагольной лексики, семантические типы видовой соотносительности и несоотносительности, исследуются контекстуальные и ситуативные условия реализации отдельных видовых значений, выдвигаются понятия функционально-семантического поля аспектуальности, иерархии семантических признаков вида, выявляются роль видовых противопоставлений в организации текста, отношения между видом и значением определённости/неопределённости именной группы. Исследования ведутся на материале рус. языка (Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, М. Я. Гловинская, А. В. Исаченко, А. М. Ломов, М. А. Шелякин, Дж. Форсайт, М. Лейнонен, Ж. Фонтен, А. Тимберлейк и др.) и других слав. языков (В. Сьмех, А. Вежбицкая, Ф. Копечный, Дж. Грубор, Ю. С. Маслов, Св. Иванчев, В. Станков, А. Достал и др.).

Лит.: Исаченко А. В., Грамматический строй рус. языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2, Братислава, 1960; 2 изд., Братислава, 1965; Авилова Н. С., Вид глагола и семантика глагольного слова. Автореферат дисс. д-ра филол. наук, М., 1976; Ломов А. М., Очерки по рус. аспектологии, Воронеж, 1977; Маслов Ю. С., Очерки по аспектологии, Л., 1984; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис, Л., 1987; Шелякин М. А., Категория вида и способы действия рус. глагола. (Теоретические основы), Тал., 1983; его же, О лексико-семантическом уровне категории аспектуальности в рус. языке, в кн.: Рус. язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV–XV, М., 1987; Comrie B., Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems, Camb., 1976; Kuryłowicz J., Problèmes de linguistique indoeuropéenne, Wroclav, 1977; Fontaine J., Grammaire texte et aspect du verbe en russe contemporain, P., 1983; Dahl Ö., Tense and aspect systems, Oxf.– N. Y., 1985. См. также лит. при ст. Вид.

М. А. Шелякин.

Ассимиля́ция (от лат. assimilatio – уподобление) – уподобление звуков друг другу в пределах одного слова или словосочетания. Первоначальной причиной А. является артикуляционная связанность соседних звуков, в результате к-рой свойства одного из них распространяются и на другой. Принято различать коартикуляцию как взаимовлияние друг на друга соседних звуков, аккомодацию как приспособление артикуляции одного звука к артикуляции другого и А. как такое уподобление соседних или близкорасположенных звуков, к-рое приводит к изменениям фонемного состава слова. Напр., огублённость согласного, находящегося перед гласными [*у*] или [*о*] – результат коартикуляции, одновременного выполнения движений, необходимых для согласного и гласного; какуминальное произношение русского [*т*] перед [*ш*] – *отшутиться* – результат приспособления артикуляции первого согласного артикуляции второго. А.– наиболее заметное по своим

результатам последствие и коартикуляции, и аккомодации.

А., однако, не может быть объяснена только физиологически, поскольку с артикуляционной точки зрения бывают возможны два варианта произнесения. Напр., слово *расшить* может быть произнесено и как *ра*[*шш*]*ить*, т. е. с А. согласного [*с*] согласному [*ш*], и как *ра*[*сш*]*ить*, т. е. без А. Различают разные виды А. в зависимости от того, какой из сочетающихся звуков уподобляется: регрессивную, если артикуляционному уподоблению подвергается предшествующий звук (т. е. следующий за ним оказывается более сильным) и прогрессивную – если уподобляется звук, следующий за более сильным. Наиболее распространённой является регрессивная А.: *ска*[*ск*]*а*, *сва*[*д'б*]*а*, где первый согласный сочетания становится глухим или звонким под влиянием следующего за ним – ср. *ска*[*з*]*ать*, *сва*[*т*]*ать*. Прогрессивная А. в рус. языке не встречается.

По результатам уподобления А. описывают как полную или частичную. Это зависит от свойств сочетающихся звуков: если они различаются только одним признаком, то А. приводит к их полному уподоблению – напр. *о*[*дд*]*ать*; если различий больше, то полная А. не происходит – напр. *о*[*дб'*]*ить*, где как и в предыдущем случае наблюдается А. по звонкости, но нет А. по мягкости и по активному действующему органу.

Являясь фонетическим по своей природе процессом, А. приводит к определённым фонологическим сдвигам, поскольку в зависимости от наличия или отсутствия А. в одной и той же морфеме или слове могут выступать фонемы с разными различительными признаками. Особую фонологическую проблему представляет собой ситуация, возникающая в рус. языке тогда, когда согласный, не имеющий звонкого коррелята в системе, оказывается в позиции А. по звонкости, т. е. перед звонким шумным – *отец болен, дочь Бориса, мох горит*.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, 2 изд., М., 1979; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Основы общей фонетики, СПБ, 1991. *Л. В. Бондарко.*

Ассона́нс (франц. assonance, от лат. assono – откликаюсь) – одна из форм звуковой организации речи, относящаяся к т. н. звуковым повторам и заключающаяся в симметрическом повторении однородных гласных. Чаще всего А. встречается внутри стиха как повтор ударных звуков, обычно в сочетании с другим звуковым повтором – аллитерацией (см.), в фольклоре, особенно песенном (*«Вдоль* ***по*** *Питерской,* ***по*** *Тверской-Ямской Едет* ***мой*** *милой с* ***колокольчиком****»*), и в письменной лит-ре.

В рус. поэзии начиная с 18 в., с развитием силлабо-тонического классического стиха, А. с течением времени занимает всё более постоянное место в ударных слогах, ср. ассонансные звуковые повторы на *«у»* в стихотворении И. И. Дмитриева: *«****У****ныл внезап****у*** *лавр зелёный,* ***У****ныл – и дол****у*** *преклонён!»*, все до одного попадающие на безударный слог, или его же строки *«Без др****у****га и без милой Брож****у*** *я по л****у****гам; Брож****у*** *с д****у****шой ****у****нылой Один по берегам»*, где тот же повтор встречается то в ударном, то в безударном положении, и у М. Ю. Лермонтова: *«****У*** *наших* ***у****шки на мак****у****шке, Ч****у****ть* ***у****тро осветило п****у****шки И леса синие верх****у****шки – Франц****у****зы т****у****т как т****у****т»* с А. на *у* только в ударных слогах. Можно предположить, что этот процесс оказал определённое влияние на употребление в стихе ассонансной рифмы, к-рую также называют А. В рус. поэтике это неточная рифма, в к-рой совпадают именно ударные слоги, а концы рифмуемых слов или разнозвучны, или приблизительно созвучны; в четверостишии Н. С. Гумилёва *«Ромул и Рем взошли на* ***гору****, Холм перед ними был глух и нем; Ромул сказал: "Здесь будет* ***город****". "Город, как солнце",– ответил Рем»* ассонансная рифма сочетается со звукописью (А. на *о*, аллитерация на *р*). Рифмы такого рода нередки у совр. рус. поэтов – у Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой, В. В. Маяковского, Б. А. Ахмадулиной, Д. С. Самойлова, Е. А. Евтушенко и др.

Лит.: Квятковский А., Поэтический словарь, М., 1966; Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории рус. стиха, Л., 1983. *Л. И. Лебедева.*

А́тлас диалектологи́ческий – систематизированое собрание карт, показывающих распространение диалектных особенностей данного языка на территории, занятой его носителями. Материал для А. д. собирается по специальной программе, охватывающей обычно все стороны языка (фонетику, морфологию, синтаксис, лексику). Говоры населённых пунктов сельского типа обследуются по равномерной географической сетке; иногда обследование бывает сплошное. На каждый из карт А. д. при помощи специальной системы условных знаков (значков разного цвета и разной конфигурации или разного типа штриховок и цветных заливок) показано распространение диалектных вариантов к.-л. одного фрагмента языковой системы, напр. в рус. А. д.– *г* взрывного или фрикативного ([*г*]/[γ]), формы род. п. ед. ч. существительного жен. рода (типа: *у жены́/у жене́/у жени́*), названий крестьянского дома (*изба/хата/курень*). А. д. содержит обычно также карты, объединяющие изоглоссы (см.), близкие по своей конфигурации и сигнализирующие о наличии диалектной границы. Вся совокупность карт А. д. даёт системное представление о диалектном варьировании языка применительно ко всем сторонам его строя. Этап создания А. д.– важная веха в развитии диалектологии (см.) каждого национального языка. Являясь фундаментальным сводом диалектного материала в его территориальном распространении, А. д. служит основой для различных аспектов изучения языка методами лингвистической географии (см.).

Работы по созданию национальных А. д. начались с кон. 19 в. в Зап. Европе, в первую очередь во Франции и Германии. Изучение говоров для А. д. рус. языка началось в 30-х гг. 20 в., но было прервано в связи с Великой Отечеств. войной и возобновилось с сер. 40-х гг. Научной общественностью вузов РФ под руководством Ин-та рус. языка РАН собраны данные по говорам более 5 тыс. населённых пунктов исконно рус. поселений. Эта территория разделена на 5 зон, в соответствии с к-рыми было составлено 5 региональных атласов. Из них опубликован один – «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (под ред. Р. И. Аванесова, ч. 1–2, 1957). В нём картографирована примерно $^1/_5$ всей обследованной территории. На базе региональных атласов создан сводный «Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР» [под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей, в. 1 – Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика, 1986, в. 2 – Морфология, 1989, в. 3 – Синтаксис, лексика (в печати)]. Близок к завершению А. д. рус. говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Ведётся работа по составлению лексического атласа рус. народных говоров.

По охвату территориально-языковых образований выделяются разные типы А. д.: от атласов, посвящённых говорам небольших территорий распространения данного языка (напр., отдельного района, области), до таких, к-рые охватывают группы родственных языков (напр., общеслав., общекарпатский или общетюрк. атласы), а также неродственных (напр., лингвистический атлас Европы). А. д. могут различаться и по охвату в них языковых фактов, напр. фонетический атлас, лексический атлас.

Лит.: Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа рус. языка, [2 изд.], М. – Л., 1947; Мальцев М. Д., Филин Ф. П., Лингвистический атлас р-на озера Селигер, М. – Л., 1949; Орлов Л. М., Диалектологический атлас рус. народных говоров Волгоградской обл., Волгоград, 1969; Мельникова Т. Н., Сухачёв Н. Л., Лингвистические и этнографические атласы и карты. Аннотированный каталог, Л., 1971 (ротапринт); Мельниченко Г. Г., Лингвистические карты, в его кн.: Нек-рые лексические группы в совр. говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование), Ярославль, 1974; Попов И. А., Лексический атлас рус. народных говоров (Проспект), под ред. Ф. П. Филина, Л., 1974; Общеслав. лингвистический атлас. Материалы исследования, М., 1978; Карты к учебному пособию Здобновой З. П. «Типология рус. говоров в Башкирии», Уфа, 1981; Войтенко А. Ф., Лексический атлас Моск. обл., М., 1991.

С. В. Бромлей.

Атрибу́т – то же, что определение.

Афори́зм (греч. aphorismós – краткое изречение) – устойчивое изречение, содержащее обобщённую и законченную мысль о каком-либо явлении действительности и выраженное в лаконичной (часто парадоксальной) форме. Понятие «А.» не имеет общепринятого определения: одни исследователи относят к А. только авторские изречения, включая в этот разряд крылатые слова (см.), другие – все виды кратких обобщённых высказываний, в т. ч. пословицы (см.) и поговорки (см.). Ряд исследователей причисляют к А. только общеупотребительные (общеизвестные) изречения, однако на практике в сборниках А. всегда представлены и единицы, не имеющие широкого распространения, но тематически связанные с к.-л. сферой осмысления действительности. Нек-рые авторы считают важнейшей особенностью А. как жанра парадоксальность, неожиданность заключённого в них суждения (этим качеством могут обладать как авторские изречения, так и пословицы и поговорки). В большинстве работ, однако, термин «А.» используется прежде всего в качестве родового по отношению к различным видам как воспроизводимых высказываний (пословицам, поговоркам, крылатым словам, девизам и т. п.), так и различным содержательно значимым высказываниям известных авторов. Такое употребление термина основано на обиходной традиции называть А. всякое краткое обобщённое высказывание.

По происхождению А. могут быть выражениями, возникшими в контексте неафористического характера, от к-рого они отрываются, превращаясь в самостоятельно функционирующие речевые произведения (*И дым отечества нам сладок и приятен*), или выражениями, специально создаваемыми как произведения афористического жанра, имеющими независимый и самодостаточный характер («Максимы и размышления» Ф. Ларошфуко, «Афоризмы» Г. Лихтенберга, «Мысли и афоризмы Козьмы Пруткова» и др.). Сборники тематически подобранных А. часто издаются с традиционным названием *«В мире мудрых мыслей»* (напр., «В мире мудрых мыслей», 1962).

Сборники 60–70-х гг.: Афоризмы. Избр. изречения деятелей лит-ры и искусства. Сост. Е. С. Райзе, Л., 1964; Воронцов В. В., Служение музам. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов о лит-ре и искусстве, М., 1976.

Лит.: Гаврин С. Г., Афористическая фразеология как лингвистическая категория, «Уч. зап. Пермского пед. ин-та», 1971, т. 87; Федоренко Н. Т., Меткость слова. (Афористика как жанр словесного искусства), М., 1975; Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И., Афористика, М., 1990.

Ю. Е. Прохоров.

А́ффикс (от лат. affixus – прикреплённый) – морфема (см.), несущая в слове дополнительное, служебное значение – словообразовательное или грамматическое – и противопоставленная корню (см.). Виды А. различаются по их месту в слове. Для рус. языка характерны след. А.: окончание, приставка, суффикс, постфикс, интерфикс. Окончание (см.), или флексия, как правило, конечная морфема словоформы; взаимозамена флексий в формах одного слова приводит к изменению грамматических значений рода, числа, падежа, лица. После флексии могут находиться только А., называемые постфиксами (см.), напр.

глагольный постфикс *-ся*. А., находящиеся в составе простой основы (см.) перед корнем, называются **приставками** (см.), или префиксами, а стоящие между корнем и флексией — **суффиксами** (см.). Напр., в слове *устарелый* *-стар-* — корень, *у-* — префикс, *-е-* и *-л-* — суффиксы, *-ый* — окончание. А., служащие для соединения двух простых основ в составе сложной основы, называются соединительными, или **интерфиксами** (см. Соединительная морфема). Напр., в слове *лесостепь* — интерфикс *-о-*.

Кроме указанных видов А., характерных для совр. рус. языка, в различных языках мира встречаются и другие виды А., как, напр., **инфикс** — А., вставляемый внутрь корня (ср. лат. *vici* — «победил» и *vinco* — «побеждаю», где *-n-* — инфикс наст. времени; тот же инфикс — в праслав. языке: **sed* — корень прош. времени глагола **sedti* — «сесть» и **send* — корень наст. времени, откуда в совр. рус. языке *сесть*, *сел*, но *сяду*); **конфикс**, или циркумфикс — А., «опоясывающий» корень, т. е. состоящий из двух частей, находящихся перед корнем и после него, и несущий единое нерасчленённое значение (нем. *ge-...-t* в *gemacht* — «сделанный» — причастии от глагола *machen* — «делать»).

По выражаемому значению А. делятся на словоизменительные и словообразовательные. Словоизменительные А. присущи отдельным словоформам, а не словам в целом и выражают грамматические значения при словоизменении. Словообразовательные А. присущи словам в целом (во всех их формах) и выражают словообразовательные значения (см. Словообразование). В рус. языке флексии в отдельных словоформах несут словоизменительные значения, однако система флексий, характеризующая слово в целом, может быть и словообразовательным средством, суффиксы — преим. словообразовательные, постфиксы могут быть как словообразовательным, так и словоизменительным средством, префиксы и интерфиксы — только словообразовательные. В совокупности с корнями словообразовательные А. выражают лексическое значение слов.

В отличие от корней, А. бывают не только материально выраженными (т. е. представляющими собой фонему или сочетание фонем), но и **нулевыми** (материально не выраженными). Последние (обозначаемые знаком ∅) усматриваются в словоформах и словах, содержащих то или иное значение (грамматическое или словообразовательное), обычно передаваемое материально выраженными аффиксами, и входящих в парадигму форм, содержащих такие аффиксы. Таковы, напр., нулевое окончание в формах род. п. мн. ч. типа *стен-∅* (ср. *дом-ов*, *степ-ей*, а также *стен-а*, *стен-ы* и т.п.); нулевой словообразовательный суффикс в словах типа *без-бород-∅-ый*, *без-ног-∅-ий* (ср. *без-дом-н-ый*, *без-денеж-н-ый* и т. п.); нулевые суффикс и флексия в исходных словоформах отглагольных существительных типа *бег*, *выход*.

Лит. см. при ст. Морфема. *В. В. Лопатин.*

Аффиксо́ид

Аффиксо́ид (от аффикс и греч. éidos — вид) — компонент сложного или сложносокращённого слова (см. Аббревиатура), повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу — суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов); соответственно А. подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды.

Примеры суффиксоидов: *-вод* (*животновод*, *лесовод*), *-воз* (*лесовоз*, *рудовоз*), *-провод* (*газопровод*, *нефтепровод*), *-видный* (*яйцевидный*, *стекловидный*), *-хоз* (*совхоз*, *лесхоз*). Примеры префиксоидов: *само-* (*самообслуживание*, *самодисциплина*), *полу-* (*полукруг*, *полупроводник*), *лже-* (*лженаука*, *лжеучёный*), *авиа-* (*авиалиния*, *авиастроитель*), *теле-* (*телепередача*, *телеэкран*), *видео-* (*видеофильм*, *видеоплёнка*), *орг-* (*оргработа*, *орготдел*).

К А. относятся также связанные компоненты сложных слов, не выступающие в качестве корневых компонентов в словах иной структуры, напр. суффиксоиды *-фил* (*библиофил*, *славянофил*), *-навт* (*астронавт*, *космонавт*), *-тека* (*библиотека*, *дискотека*), *-дром* (*аэродром*, *космодром*), *-фикация* и *-фицировать* (*радиофикация* и *радиофицировать*; *газификация*); префиксоиды *гидро-* (*гидроэлектростанция*, *гидроизоляция*, *гидрокостюм*), *аэро-* (*аэровокзал*, *аэросев*), *псевдо-* (*псевдоискусство*, *псевдоготический*), *еже-* (*ежедневный*, *ежегодник*).

Лит.: Совр. рус. язык. Морфология, М., 1952; Григорьев В. П., О границах между словосложением и аффиксацией, «ВЯ», 1956, № 4; Лопатин В. В., Улуханов И. С., О нек-рых принципах морфемного анализа. (К определению понятия сложного слова в рус. языке), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1963, т. 22, в. 3; Шанский Н. М., Аффиксоиды в словообразовательной системе совр. рус. лит. языка, в кн.: Исследования по совр. рус. языку, М., 1970; Григорян Э. А., Принципы классификации суффиксоидов, «НДВШ. Филол. науки», 1981, № 3.
В. В. Лопатин.

Аффрика́та

Аффрика́та (от лат. affrico — тру, притираю) — смычно-щелевой согласный звук, разновидность смычных. В отличие от взрывных, у А. фаза смычки заканчивается не взрывом, а плавным переходом к щелевой артикуляции. Фонемы ⟨*ц*⟩ и ⟨*ч*⟩ в рус. языке в большинстве позиций реализуются в глухих А. [*ц*] и [*ч'*]; звук [*ц*] — переднеязычный зубной, шумный, твёрдый; [*ч'*] — переднеязычный передненёбный, шумный, мягкий. На их месте в позиции перед звонким шумным согласным произносятся звонкие А. [*д͡з*], [*д͡'ж'*]: *плацдарм* — *пла*[*д͡з*]*дарм*, *алчба* — *ал*[*д͡'ж'*]*ба*.

Различные А. произносятся в соответствии с взрывными перед щелевыми того же места образо-

вания: [ц, д͡з] на месте [т, д] перед [с, з]: *детсад – де*[ц]*сад, надзор – на*[д͡з]*зор*; [ц', д͡'з'] на месте [т', д'] перед [с', з']: *пяться – пя*[ц']*ся, подземный – по*[д͡'з']*земный*; [кх] на месте [к] перед [х]: *вакханка – ва*[к͡х]*ханка*. С одновременной ассимиляцией согласных по месту образования А. возникают и в след. случаях: [т, д] перед [ш, ж] заменяются на твёрдые [ч, д͡ж]: *отшуметь – о*[ч]*шуметь, худший – ху*[ч]*ший, отжать – о*[д͡ж]*жать, поджилки – по*[д͡ж]*жилки*; перед [ш'] взрывной заменяется мягкой А.: *тщетно –* [ч']*щетно, дщерь –* [ч']*щерь*; [п, п'] перед [ф, ф'] заменяются на [п͡ф, п͡'ф']: *цапфа – ца*[п͡ф]*фа, сапфир – са*[п͡'ф']*фир*; [б, б'] перед [в, в'] заменяются на [б͡в, б͡'в']: *обвал – о*[б͡в]*вал, обвить – о*[б͡'в']*вить*. У многих говорящих на лит. языке фонемы ⟨т', д'⟩ в перцептивно сильных позициях (см. Позиция фонологическая) реализуются в мягких А. [ц', д͡'з']: *тётя –* [ц' ôц'ъ], *мать – ма*[ц'], *дядя –* [д͡'з'áд͡'з'ъ].

Р. Ф. Касаткина.

Б б

Б Б б б Б Б Б Б

Б, б – вторая буква русского алфавита. Её название – «бэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное б*. По начертанию буква *б* восходит к букве кириллицы (см.) «буки» (род. п. *букъве* – 'буква'). Это слав. название, возможно, произошло от названия дерева бук, из к-рого изготовлялись дощечки для письма. Числовых значений эта буква в кириллице не имела.

При классификационных обозначениях буква *Б, б* имеет значение «второй»: *ложа Б, раздел б, место б*.

Основное графическое значение буквы *б* – обозначение общей части фонем ⟨*б*⟩ и ⟨*б'*⟩: губная, взрывная, звонкая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *б* буквой или другим графическим знаком: ⟨*б*⟩ – *бок, брат, зуб* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*б'*⟩ – *бязь, зыбь*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *б* обозначает твёрдость этих фонем: *вбить, регби, подбавить, изба*.

Бе́глые гла́сные – гласные *о* и *е*, чередующиеся с нулём звука при формообразовании в современном русском языке (*сон – сна, пень – пня, дубок – дубка, отец – отца*). Исторически Б. г. образовались в результате утраты редуцированных гласных (см.) ъ и ь в слабых позициях при изменении их в *о* и *е* в сильных позициях: *сънъ – съна* → *сон – сна, пьнь – пьня* → *пень – пня, дубъкъ – дубъка* → *дубок – дубка* и т. д. Иногда Б. г. развивались в результате изменения (упрощения) появившихся после утраты ъ и ь труднопроизносимых групп согласных. Напр., в словах *огнь* и *угль* после утраты ь образовались конечные группы [*гн'*], [*гл'*], к-рые были устранены развитием между согласными гласного [*о*]; в косвенных падежах этого не произошло, т.к. после групп согласных находился гласный полного образования: *огни, угли*; так появилось соотношение *огонь – огни, уголь – угли*, где наблюдается беглый *о*; в род. п. мн. ч. у слов типа *сестра, земля, весло* в др.-рус. языке было окончание *-ъ*, после его утраты эта форма стала оканчиваться на сочетание согласных: [*сестр*], [*земл'*], [*весл*]; устранение этих групп согласных прошло путём развития гласного *е* между согласными, чего не было в других формах этих слов, оканчивавшихся на гласный; так возникло соотношение форм *сестра – сестёр, земля – земель, весло – вёсел*, характеризующихся наличием беглого *е*. Вместе с тем Б. г. появлялись по аналогии (см.) в словах и формах, не имевших исконно ъ и ь, напр. в словах *ров, лёд, потолок* беглость *о* и *е* (*рва, льда, потолка*) развилась по аналогии с такой беглостью, возникшей в словах, исконно имевших ъ и ь.

В дальнейшем расширение действия аналогии привело к тому, что беглость гласных стала характеризовать способ образования определённых форм слов, особенно суффиксальных существительных. В совр. рус. лит. языке, напр., все существительные муж. рода с суффиксами *-ок, -ек, -ец* (и производными от них *-онок, -онек, -анец* и т.п.) в род. п. ед. ч. имеют Б. г.: *свисток – свистка, орешек – орешка, молодец – молодца*, существительные жен. рода с суффиксом *-ка* (и производными от него *-овка, -лка, -очка* и т. п.) и существительные ср. рода с суффиксом *-ко* (и производными от него *-ичко, -ишко, -ечко* и т. п.) в род. п. мн. ч. имеют форму с Б. г.: *кнопка – кнопок, крылечко – крылечек.* *В. В. Иванов.*

Безли́чное предложе́ние – простое односоставное предложение со сказуемым, называющим такое действие или состояние, к-рое представлено без участия грамматического субъекта действия (подлежащего). Напр.: «*Его как бы вдруг передёрнуло*» (Достоевский); «*Под густою листвою пахло травою и лесом, от каналов тянуло запахом стоячей воды*» (Вересаев); «*Утром долго не светало*» (Платонов).

Безличность в рус. языке передаётся безличными глаголами (см.), что отличает Б. п. от других односоставных – обобщённо-личных предложений (см.) и неопределённо-личных предложений (см.), а также значимым отсутствием подлежащего, что противопоставляет все эти односоставные предложения двусоставным.

Безличные формы глагола совпадают с глагольными формами 3-го лица ед. ч. Глагол в Б. п. может употребляться в разных временах и наклонениях: *Светает*; *Светало*; *Уж скорей бы светало* и т. д. Различаются глаголы, к-рые бывают только безличными: *Вечереет*, и глаголы, к-рые могут выступать в личной и безличной формах: *Раненый стонет* – личная форма; *«В трубе так жалобно и так протяжно стонет»* (Есенин) – безличная форма.

С вспомогательным глаголом *быть* в безличной форме (в наст. времени в нулевой форме, т. е. без глагола *быть*) выступают: краткие страдательные причастия: *«Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно»* (Пушкин), *«Об этом ещё не было сообщено Раскольникову самою Катериной Ивановной»* (Достоевский); предикативные слова типа *скучно*, *жаль*: *«Было холодно, пронзительно сыро, темно от туч»* (Бунин), *«Скучно с тобой разговаривать»* (Атаров), *«И чего-то нам светлого жаль»* (Блок).

Глагол в инфинитиве (способный иметь безличные формы), краткие страдательные причастия и предикативные слова могут выступать при глаголах типа *начинать*, *стать*, также употреблённых в безличной форме: *«Как всегда на юге, начинает быстро темнеть»* (Симонов); *«Ему стало плохо»*.

Различаются такие Б. п., в к-рых сказуемое не может иметь при себе зависимых существительных (местоимений) в роли объекта и глаголов-инфинитивов, и такие, в к-рых названные компоненты могут быть, ср. *«Темнело, в воздухе томило»* (Вересаев) и *«Вдруг как будто ветром колыхнуло девушек и бросило всех к столу»* (Вересаев), *«Воробья понесло вдаль на большой пустой высоте»* (Платонов), *«Хорошо косою в утренний туман Выводить по долам травяные строчки»* (Есенин).

Среди Б. п. выделяются такие, к-рые можно преобразовать в личные двусоставные, ср. *Мне хочется напомнить*... и *Я хочу напомнить*.... Как считают нек-рые исследователи, Б. п. с инфинитивом при предикативном слове можно сделать двусоставными, изменяя только порядок слов: *Весело кататься с горки* (Б. п.) – *Кататься с горки – весело* (двусоставное предложение с подлежащим *кататься*). Существует, однако, мнение, что порядок слов не может различать безличные инфинитивные односоставные предложения и двусоставные предложения, оба приведённые предложения признаются тогда односоставными Б. п. Особую группу составляют нек-рые отрицательные Б. п., утвердительные параллели к-рых могут быть только двусоставными: *«Ожидаемой помощи не приходило»* (Пушкин); *«Герасима уже не было на дворе»* (Тургенев), ср.: *Помощь пришла; Герасим уже был на дворе*.

Члены синонимического ряда, включающего Б. п. и двусоставное, имеют определённую функциональную нагрузку. Выражая одно и то же «положение дел», каждый из них вносит нечто своё в его освещение: вместо обычного безличного предложения *Где-то пахнет резедой* Б. Л. Пастернак употребляет менее обычное, поэтически нагруженное двусоставное предложение *«...И пахнет сырой резедой горизонт»*; когда в научном стиле вместо двусоставного предложения *Я считаю, что*... употребляют Б. п. *Считается, что* ..., этим как бы снимается авторство (можно сказать *Считается, что* ..., *но это неверно*, но было бы странно сказать *Я считаю, что* ..., *но это неверно*).

Среди Б.п. особо выделяются предложения с глаголами в форме инфинитива, к-рый не подчинён никакому другому члену. Это инфинитивные предложения, напр. *«Одну минуту, ещё одну минуту видеть её, проститься, пожать ей руку»* (Лермонтов). Субъект действия в инфинитивном предложении может быть выражен зависимым от инфинитива существительным (местоимением) в дат. п.: *Мне ехать* – ср. двусоставное предложение *Я должен ехать*. Инфинитивные предложения выражают различные модальные значения, напр. категорическое волеизъявление: *«"Унять старую ведьму!" – сказал Пугачёв»* (Пушкин); необходимость или неизбежность определённого действия: *Мне к девяти часам идти на поезд*; *«Быть, барин, беде»* (Чехов). Отрицательная частица *не* при глаголе сов. вида вносит значение невозможности осуществления действия: *Мне не сдать этого экзамена*; глагол несов. вида с отрицательной частицей показывает, что действие не нужно осуществлять, ср.: *Мне не сдавать экзамены – Мне не нужно сдавать экзамены*. Частица *бы* сообщает инфинитивным предложениям значение побудительности, желательности: *«Хотя бы три часика поспать»* (Паустовский); *«Вот и мне бы стать знаменитым»* (Вересаев).

Инфинитивные предложения, как правило, эмоционально окрашены. Они достаточно широко употребляются в художественной лит-ре, особенно в поэзии: *«Лежать в траве, когда цветёт гвоздика И липкая качается дрема. Смотреть, как в небе сумрачно и дико Растут из шаткой дымки терема, Узнать, что в юном сердце есть хотенье, Истома, быстрой крови бьётся жгут. Она. Она. С ней праздник, полный рденья, Безумный танец бешеных минут»* (Бальмонт).

Обычны инфинитивные предложения и в разг. речи: *Только бы сдать этот экзамен, а там закатиться на юг*!

Лит.: Тимофеев К. А., Об основных типах инфинитивных предложений в совр. рус. лит. языке, в кн.: Вопросы синтаксиса совр. рус. языка, М., 1950; Галкина-Федорук Е. М., Безличные предложения в совр. рус. языке, М., 1958; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980.

Е. Н. Ширяев.

Безли́чные глаго́лы – глаголы, называющие действие или состояние вне отношения к субъекту действия, представляющие действие как происходящее само собой, независимо от деятеля, т. е. без действующего лица или предмета. Б. г. означают обычно состояние природы или живого существа [*светает, холодает, вьюжит, пуржит, снежит, смеркается, тошнит, першит, знобит, рвёт, саднит, претит, приспичит, угораздит, хочется, вздумается, дремлется, дышится, (не) лежится, нездоровится*], долженствование (*следует, подобает, надлежит*), наличие или отсутствие чего-л. (*хватает, недостаёт*).

Б. г. могут иметь формы: 3-го лица ед. ч. наст. или буд. времени (*смеркается, будет смеркаться, смеркнется; знобит, будет знобить, зазнобит; хочется, будет хотеться, захочется*); ср. рода ед. ч. прош. времени и сослагательного наклонения (*смеркалось, смерклось; знобило, зазнобило; хотелось, захотелось; если бы смеркалось, смерклось, знобило, зазнобило, хотелось, захотелось*); инфинитива (*смеркаться, смеркнуться; знобить, зазнобить; хотеться, захотеться*).

Б. г. часто образуются от личных с помощью постфикса *-ся*: *Я не работаю – Мне не работается*.

Нек-рые личные глаголы могут выступать в значении безличных: *темнеет; в ушах шумит; от двери дует; на улице морозит*.

И. С. Улуханов.

Безуда́рные гла́сные – гласные (см.) в позиции не под ударением (см.). В любом слове, имеющем два или больше гласных, один гласный находится под ударением, остальные – безударные. Б. г. могут быть предударными и заударными; напр., в слове *перевора́чивались* три предударных и три заударных гласных. Б. г. отличаются от ударных нек-рой артикуляционной (см. Артикуляция) и акустической ослабленностью, меньшей длительностью звучания; так, безударные [*и, ы, у*] отличаются от соответствующих ударных более низким подъёмом и меньшей длительностью.

Ослаблена и смыслоразличительная роль Б. г. по сравнению с ударными. Если под ударением – в сильной позиции (см. Позиция фонологическая) – встречается пять гласных, способных различать слова (в начале слова и после мягких согласных – [*и, у, э, о, а*], после твёрдых – [*ы, у, э, о, а*]; напр., *мил, мел, мёл, мял* и *мыл, мул, мэр, мол, мал*), то без ударения (в слабой позиции) встречается меньшее число гласных.

Пять гласных фонем (см.) рус. лит. языка (⟨*и, у, э, о, а*⟩) реализуются в 1-м предударном слоге след. образом. После твёрдых согласных – тремя звуками – [*ы, у, а*]: фонемы ⟨*и, у*⟩ реализуются звуками [*ы, у*], фонемы ⟨*о, а*⟩ – звуком [*а*]; напр., *р*[*ы*]*ба́к, р*[*у*]*ба́ха, р*[*а*]*ба́* (ср. *раб*), *р*[*а*]*бе́ть* (ср. *ро́бкий*). Т. о., в 1-м предударном слоге после твёрдых согласных фонемы ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩ не различаются, совпадая в звуке [*а*]; напр., *с*[*а*]*ма́* поймала *с*[*а*]*ма́*, ср. *сам* и *сом*. В этом же слоге после мягких согласных встречается только два Б. г. – [*и, у*], т. е. не различаются, совпадают в звуке [*и*] четыре фонемы (⟨*и, э, о, а*⟩); напр., *л*[*и*]*са́* (ср. *ли́сы*), *л*[*и*]*сно́й* (ср. *лес*), *т*[*и*]*пле́ть* (ср. *тёплый*), *т*[*и*]*ну́ть* (ср. *тя́нет*).

Гласные не 1-го предударного слога, т. е. остальных предударных и заударных слогов, характеризуются ещё большей ослабленностью, большей степенью редукции (см.). В этих слогах встречается только два Б. г.: после твёрдых согласных – [*ъ, у*], после мягких – [*и, у*]. Т. о., не различаются, совпадают в звуке [*ъ*] или [*и*] четыре фонемы – ⟨*и, э, о, а*⟩; напр., *др*[*ъ*]*вяно́й* (ср. *дров*), *тр*[*ъ*]*вяно́й* (ср. *тра́вы*), *п*[*ъ*]*лево́й* (*полево́й* и *пылево́й*; ср. *по́ле* и *пыль*).

Среди предударных слогов (не считая 1-го) меньшей степенью редукции выделяются т. н. неприкрытые слоги, т. е. слоги типа *a* или *at* (где *a* – гласный звук, *t* – согласный). В этих слогах ⟨*о, а*⟩ представлены не [*ъ*], а [*а*]: напр., [*а*]*гнево́й* (ср. *о́гненный*), *пере*[*а*]*дресова́ть* (ср. *а́дрес*). Среди заударных слогов меньшей степенью редукции отличается конечный открытый слог. Реализация гласных фонем в этих слогах зависит не только от положения в слове, но и от фразовой позиции: от положения слова внутри или в конце синтагмы (см. во 2-м значении) или в конце фразы (см.).

Описанная картина безударного вокализма характеризует т. н. нейтральный произносительный стиль совр. рус. лит. языка. В разг. речи (см.) во всех безударных слогах наблюдается ещё бо́льшая степень редукции Б. г. и соответственно ослабление их различительной способности. Так, возможно неразличение всех гласных фонем – они могут быть представлены одним звуком [*ъ*] или даже нулём звука: напр., *б*[*ъ*]*ла́* (*была́*), *вы́п*[*ъ*]*тать* (*вы́путать* и *вы́пытать*), *на по́л*[*и*]*се* (*на по́люсе*), [*пч*]*ему́* (*почему́*), *вы́*[*пс*]*к* (*вы́пуск*), *де́*[*с'т'*] (*де́сять*) и т. п.

Лит.: Панов М. В., Совр. рус. язык. Фонетика. [Учебник], М., 1979; его же, История рус. лит. произношения, XVIII–XX вв., под ред. Д. Н. Шмелева, М., 1990; Аванесов Р. И., Рус. лит. произношение. [Учебное пособие для пед. ин-тов], 6 изд., М., 1984.

С. М. Кузьмина.

Берестяны́е гра́моты – письменные документы на бересте (берёзовой коре). Др.-рус. Б. г. (11–15 вв.) были обнаружены (и их продолжают находить) при археологических раскопках в древних рус. городах. Первая др.-рус. Б. г. была найдена в Новгороде в 1951 (в ходе раскопок под руководством А. В. Арциховского). К кон. 1994 был накоплен след. фонд Б. г.: Новгород – 753 грамоты, Старая Русса – 26, Смоленск – 15, Псков – 8, Звенигород Галицкий (под Львовом) – 3, Тверь – 2, Москва – 1, Витебск – 1, Мстиславль – 1 грамота. Почти все Б. г., найденные в

рус. городах, написаны на др.-рус. языке; несколько грамот содержат церк.-слав. текст; Б. г. на других языках (греч., лат., древнем прибалтийско-фин.) единичны.

Б. г. датируют археологическими методами; из их числа наибольшее значение имеет метод дендрохронологии (позволяющий установить дату рубки деревьев, использованных для постройки древних мостовых и других сооружений); этот метод датирует Б. г. с точностью порядка 20–40 лет. При установлении даты Б. г. учитываются также данные палеографии (см.) и истории языка. Датировки получают, кроме того, дополнительное подтверждение в тех случаях (довольно многочисленных), когда персонажи Б. г. отождествляются с историческими лицами, упоминаемыми в летописи.

Буквы прочерчивались (выдавливались) на бересте (обычно на внутренней её стороне) острым концом металлического или костяного стилоса (др.-рус. название – писа́ло). Лишь две др.-рус. Б. г. написаны чернилами.

Ок. четверти известных ныне Б. г. дошло до нас в целости; прочие – это фрагменты. Размеры Б. г. различны: длина целой Б. г. от 5 до 50 (и более) см, ширина от 1 до 20 (и более) см. В силу естественного скручивания коры Б. г. обычно приобретает вид свитка. Наибольший текст, записанный на одном берестяном листе, содержит 166 слов. Совокупная длина корпуса известных ныне др.-рус. Б. г.– ок. 12 400 слов, объём словника – ок. 2800 лексем.

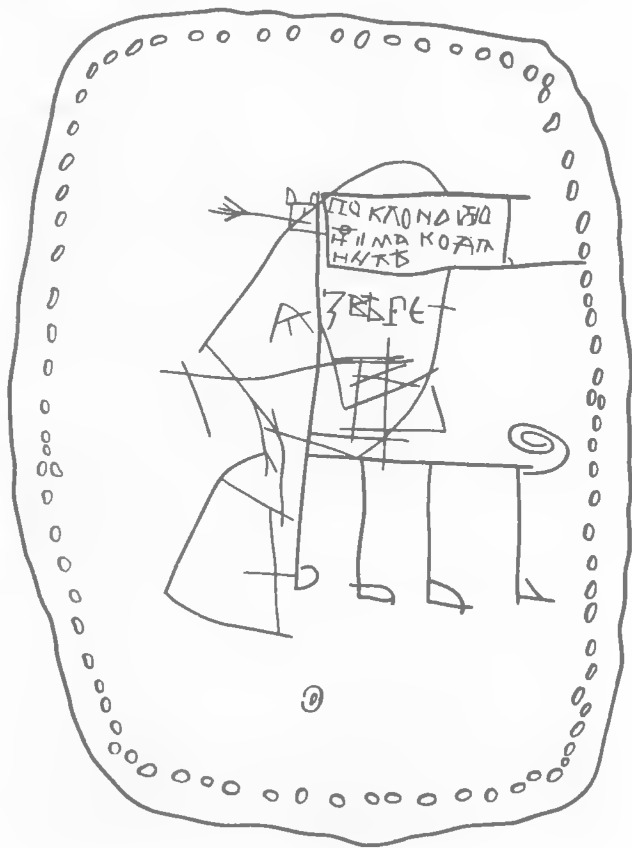
Более двух третей Б. г. составляют частные письма. Большинство из них посвящено практическим проблемам повседневной жизни: они содержат сообщения о происшедших событиях, различные просьбы или хозяйственные указания, в них обсуждаются коммерческие и иные денежные дела, семейные проблемы, конфликты и т. д.; особую подгруппу писем составляют коллективные крестьянские челобитные. Социальный состав авторов и адресатов берестяных писем весьма широк; заметное участие в переписке принимают женщины. Всё это свидетельствует о значительном распространении грамотности в Древней Руси (что до открытия Б. г. было неизвестно).

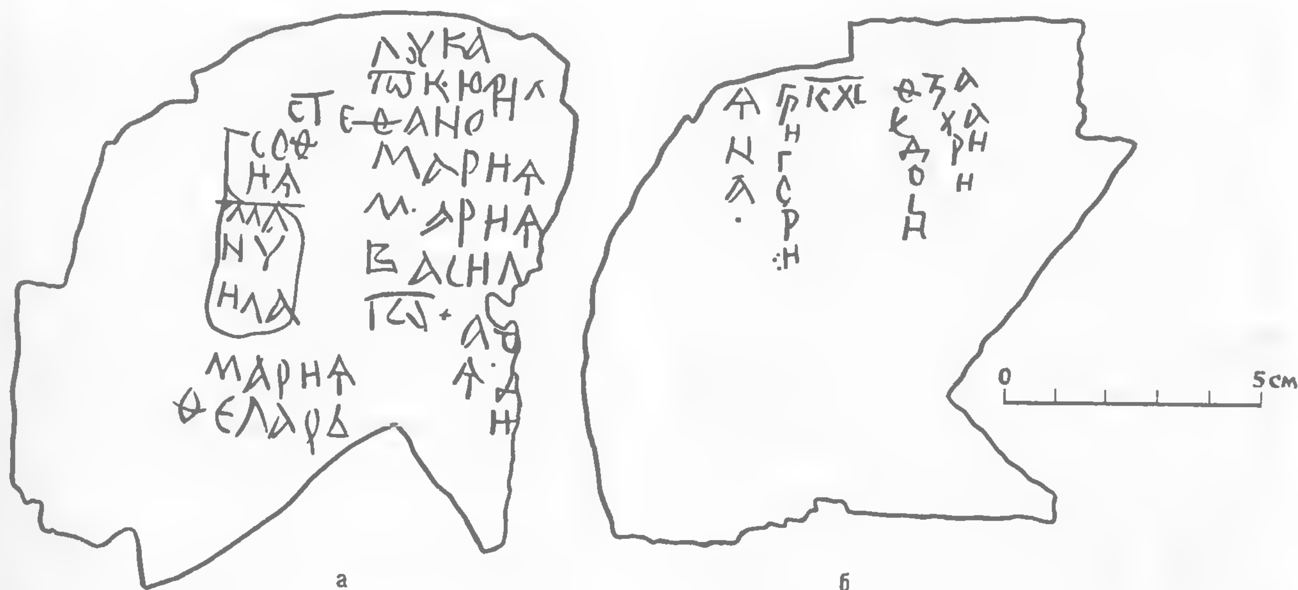
Помимо писем, среди Б. г. представлены также различные реестры, владельческие ярлыки, официальные документы или их черновики (завещания, рядные, купчие, расписки и др.). Особую

Прорись Грамоты № 199, найденной в Новгороде в 1956. Упражнение в письме по складам мальчика Онфима на днище берестяного туеса. 1-я пол. 13 в.

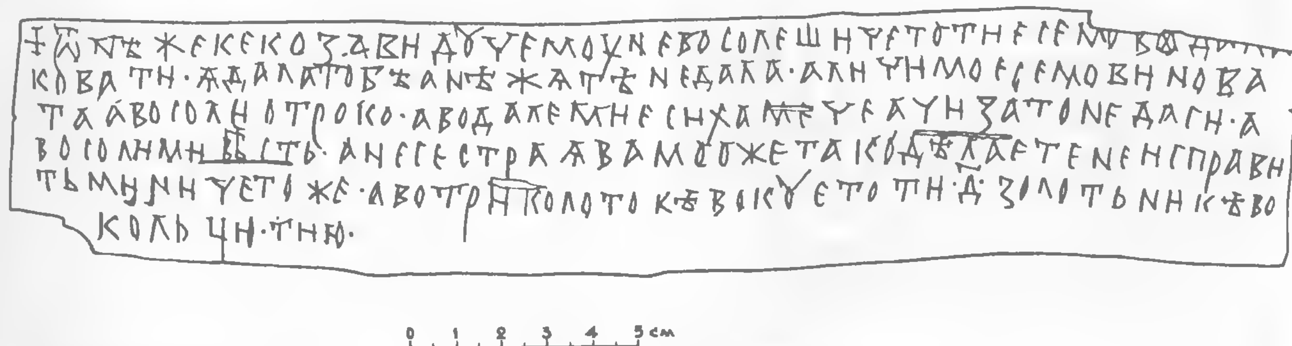

Рисунок мальчика Онфима и надпись с его именем на обороте днища.

Прорись Грамоты № 553.

Прорись Грамоты № 644.

группу составляют Б. г. учебного характера: азбуки, списки слогов («склады́в»), ученические упражнения. Изредка встречаются Б. г. церковного содержания: молитвы, фрагменты литургических текстов. Имеется, наконец, несколько заговоров, загадка, школьная шутка.

В большей части Б. г. использованы т. н. бытовые графические системы. Их основные отличия от книжной графической системы: замены буквы ъ на *о* (или наоборот), замена ь на *е* (или наоборот), замена ѣ на *е* или ь. При этом подавляющее большинство Б. г. написано достаточно тщательно, т. е. описки и ошибки встречаются здесь не чаще, чем в пергаменных документах.

Ежегодно пополняемый новыми находками фонд Б. г. является ценнейшим источником данных по истории рус. языка. Наибольшее значение Б. г. имеют для изучения др.-новгородского диалекта. Уникальный лингвистический материал, содержащийся в Б. г., позволил реконструировать этот диалект с недоступной ранее степенью полноты. Обнаружилось, что др.-новгородский диалект существенно отличался от прочих вост.-слав. диалектов (а в нек-рых случаях и вообще от всех других слав. языков и диалектов) уже к моменту начала письменной эпохи. В частности, в нём не осуществилась вторая палатализация (см. Палатализация) заднеязычных (напр., сохранились *к*, *г*, *х* в *кѣлыи* – ‘целый’, *хѣрыи* – ‘серый’, *гвѣзда*, *рукѣ*, *ногѣ*, *сохѣ* и т. п.), в им. п. ед. ч. муж. рода твёрдого *о*-склонения окончание было не -ъ, а -*е* (напр., *хлѣбе*, *Иване*, *саме*; то же в перфекте – *дале*, *пришьле* и т. д.), в род. п. ед. ч. *а*-склонения окончание было ѣ (*полъ гривьнѣ*, *у женѣ*), в наст. времени глагола отсутствовало *-ть* (*живе* – ‘живёт’, *мълъви* – ‘говорит’, *буду* – ‘будут’, *ходѧ* – ‘ходят’). Б. г. позволяют проследить историческую эволюцию др.-новгородского диалекта с 11 по 15 вв.

Лит.: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г.), М., 1953; Арциховский А. В., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.), М., 1954; его же, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958–1961 гг.), М., 1963; Арциховский А. В., Борковский В. И., Новгородские грамо-

ты на бересте. (Из раскопок 1953–1954 гг.), М., 1958; их же, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.), М., 1958; их же, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956–1957 гг.), М., 1963; Жуковская Л. П., Новгородские берестяные грамоты, М., 1959; Янин В. Л., Я послал тебе бересту..., М., 1965; 2 изд., М., 1975; Черепнин Л. В., Новгородские берестяные грамоты как исторический источник, М., 1969; Арциховский А. В., Янин В. Л., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962–1976 гг.), М., 1978; Янин В. Л., Зализняк А. А., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977–1983 гг.), М., 1986; их же, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984–1989 гг.), М., 1993; их же, Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг., «ВЯ», 1994, № 3.

А. А. Зализняк.

Бессою́зие, паратаксис, – осуществляющаяся без участия союзов связь предложений, объединяемых прежде всего интонационно, по смыслу и в нек-рых случаях особыми грамматическими средствами. При помощи Б. создаются сложные предложения, а также бо́льшие, чем предложения, компоненты текста.

Б. используется в различных сферах лит. языка и особенно широко в разг. речи. Напр.: *«Ножи стучат, посуда звенит, масло шипит»* (Чехов); *«Была без радости любовь, разлука будет без печали»* (Лермонтов); *Делу – время, потехе – час* (пословица); *Она спит – разбудить невозможно* (устная речь); *Чувствую, устала* (устная речь).

Бессоюзное предложение – особый класс сложных предложений, разнообразных по семантике и структуре, иногда сопоставимых с союзными сложными предложениями. Ср., напр.: *Она спит так, что разбудить невозможно; Чувствую, что устала; Делу – время, а потехе – час*. В нек-рых случаях, напр. в предложениях присоединительного типа (*«Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь»* – Пушкин), подстановка союза невозможна.

Значения бессоюзных предложений разнообразны, но при этом ёмки и менее дифференцированны, чем в союзных предложениях. Ср. в след. предложениях полисемантичность бессоюзного предложения и эксплицитное выражение союзами конкретных значений: *Освобожусь – пойду в театр; Если освобожусь, то пойду в театр; Когда освобожусь, пойду в театр; Освобожусь и пойду в театр*.

Разграничение текста на предложения при бессоюзной связи более условно, чем при союзной, и часто определяется только интонацией. Это особенно характерно для текстов с перечислением. Вместе с тем бессоюзное предложение характеризуется интонационной законченностью и смысловой целостностью, делающими возможным вычленение его из текста. Бессоюзные предложения могут иметь также и нек-рые формальные характеристики: устойчивые структурные схемы сопоставления, противопоставления, параллелизма; определённые соответствия в форме сказуемых, пропуск сказуемых в однотипных соединениях; употребление анафорических и неполнозначных слов на стыке соединения и т. п. В полной мере грамматикализирован (формализован) лишь один тип бессоюзного предложения, в к-ром употребляется специальная форма синтаксического условного наклонения, совпадающая с формой 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения (*«Не убеги я тогда, как раз бы убил»* – Достоевский).

Возможны различные классификации бессоюзных предложений. Выделяются перечислительные бессоюзные предложения открытой структуры, соединяющие в своём составе неограниченное количество предикативных единиц, как правило, однотипного строения. Такое Б. сопоставимо с союзной сочинительной связью. Употребление союза перед последним предложением делает такую конструкцию закрытой, напр. *«В середине острова навалом грудились скалы, меж скал темнели кедрачи, а понизу острова кипел вершинами лес»* (Астафьев).

Другие бессоюзные предложения построены по типу закрытой бинарной структуры, в к-рой не выражено противопоставление подчинительной и сочинительной связи. Предложения закрытой структуры делятся на две группы: 1) конструкции, в к-рых появление второго предложения (или второй части) предопределяется первым и необходимо для завершения высказывания, напр.: *«Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки»* (Чехов); *«Слышит – отпирают сарай»* (Л. Н. Толстой); *«А может быть и то: поэта Обыкновенный ждал удел»* (Пушкин); *Волков бояться – в лес не ходить*; 2) конструкции, где второе предложение (или вторая часть), будучи формально необязательным, просто присоединяется к первому, уточняя, дополняя его, напр.: *«Приехал в степь, заря занимается»* (Л. Н. Толстой); *«Он спустил курок – ружьё дало осечку»* (Чехов). Возможное распространение, усложнение второй части бессоюзной конструкции данного типа не нарушает основного её признака – бинарности. Ср. конструкции с перечислением во второй части, напр.: *«У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях – в самом низу; разные птички, вроде соловья, вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды ещё повыше, на кустарниках...»* (Пришвин). Особое место, с этой точки зрения, занимают конструкции прямой речи, характеризующиеся свободным расположением вводящих авторских слов по отношению к отрезку текста (в принципе неограниченному), составляющему прямую речь.

Многие проблемы Б. остаются в лингвистике спорными. Так, до сих пор не выработаны единые принципы классификации бессоюзных предложений. Представленные в совр. русистике классификации Б. в той или иной мере опираются на структурную классификацию, намеченную в своё время С. О. Карцевским, учитывается и лексико-семантическая классификация Н. С. Поспелова, напр. в выделении «бессоюзных предложений открытой и закрытой структуры» (В. А. Белошап-

кова), выделяются «сочетания с двусторонним и односторонним отношением частей» (И. Н. Кручинина, см. «Русская грамматика», 1980). Классифицируются бессоюзные конструкции и в соответствии с теми типами, к-рые обнаруживаются в разных функциональных сферах рус. языка (Е. Н. Ширяев).

В целом в рус. грамматической традиции, в отличие от грамматик многих других языков, отношения между частями бессоюзного сложного предложения трактуются как особый, специфический вид синтаксической связи, не сводящийся к дублированию союзного сочинения и подчинения.

Лит.: Поспелов Н. С., О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений, в кн.: Вопросы синтаксиса совр. рус. языка, М., 1950; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1954; Карцевский С. О., Бессоюзие и подчинение в рус. языке, «ВЯ», 1961, № 2; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык. Синтаксис. [Учебное пособие для ун-тов], М., 1977; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Ширяев Е. Н., Бессоюзное сложное предложение в совр. рус. языке, М., 1986.

Л. Е. Лопатина.

Би́блия, Священное Писание (от греч. biblia, букв. «книги», через лат. посредство) – совокупность принятых христианской церковью священных книг, написанных (до рождества Христова) пророками и (по рождестве Христове) апостолами.

Христианская Б. разделяется на две части – Ветхий Завет [ВЗ; написан на евр. и греч. языках с вкраплениями на арамейском языке, сложился (с учётом неканонических книг) в период с 9 в. до н. э. по 1 в. н. э.] и Новый Завет (НЗ; написан на греч. языке, сложился в 1–2 вв. н. э.). Евр. Б. (Тана́х) охватывает только ВЗ и по сравнению с католической и православной традициями имеет меньший состав (только канонические книги) при иной группировке книг.

В 3 в. до н. э. «семьдесят толковников» перевели Танах на греч. язык (отсюда название греч. Б.– Септуаги́нта, от лат. septuaginta, букв. «семьдесят», т. е. «[Библия] семидесяти»; принятое обозначение: LXX). В 4 в. н. э. блаженный Иероним Стридонский (ок. 342–420) создал лат. версию Б. (уже с книгами НЗ), к-рая по признаку общепринятости называется Вульгатой (от лат. vulgatus – «всем известный»).

Переводы Б. на слав. (ст.-слав.) язык были выполнены с Септуагинты и с греч. НЗ [лекционарной, апракосной редакции (см. Евангелие)]; 3-я книга Ездры, отсутствующая как в Танахе, так и в LXX, переведена с лат. языка. Перевод ВЗ на совр. рус. лит. язык осуществлялся по тексту Танаха (масоретской редакции) с учётом LXX и славянской Б.

В католичестве, православии и протестантизме количество признаваемых библейских книг и порядок их следования различны. В православной традиции книг ВЗ всего 50, они тематически разделены на 7 групп; книг НЗ всего 27, они разделены на 4 группы. Синодальная Б. на рус. языке (см. ниже) содержит соответственно 50 книг ВЗ; Б. на рус. языке издания Библейских Обществ следует протестантской традиции и содержит только 39 книг ВЗ.

Ниже говорится по преимуществу о слав. и рус. ВЗ, за исключением Псалтыри (см.); относительно НЗ см. Евангелие, Апостол.

1. Древнейший период. Европейские нации и культуры, в т. ч. и русская, сложились на основе христианства. Ряд лит. языков христианских народов возник из потребности иметь собственный перевод Свщ. Писания. Таково же происхождение старославянского языка (см.). Слав. Б.– важнейший источник по истории становления и развития книжно-письменного языка Древней Руси и рус. лит. языка.

К переводу Б. на слав. язык просветители Кирилл и Мефодий приступили в 863. Первоначально были переведены: Псалтырь, Евангелие и Апостол. После кончины Кирилла (869) Мефодий, согласно его житию, в период с марта по октябрь 884 **прѣложі въ бързѣ вьсѧ книгъı, вьсѧ испълнь, развѣ макавѣи, ѿ грьчьска ıазыка въ словѣньскъ шестию м(с)ць** (перевёл всю Б., за исключением Маккавейских книг).

Кирилло-Мефодиевское библейское наследие в его ветхозаветной части в значительной мере утрачено. Из ВЗ полностью до нас дошли только Псалтырь (в большом количестве списков) и нек-рые книги пророков, а другие книги сохранились лишь в извлечениях (в т. н. паремейных чтениях, или перико́пах, т. е. во фрагментах, к-рые по уставу читаются за богослужением).

Книги, в к-рых собраны эти чтения, называются пареме́йниками. Древнейшие паремейники, хранящиеся в России,– Григоровичев, или Хиландарский (12–13 вв.), Захариинский и Лобковский (оба 13 в.). Паремейные чтения в извлечениях отражают след. книги ВЗ (см. расшифровку даваемых сокращённых названий книг на с. 54–56): Быт, Исх, Лев, Чис, Втор, Нав, Суд, 3 и 4 Цар, Иов, Притч, Прем, Ис, Иер, Вар, Иез, Дан, Иоил, Иона, Мих, Соф, Зах и Мал. От древнейшего периода до нас дошли также во фрагментах и извлечениях, вместе с переводными толкованиями, ещё нек-рые книги ВЗ (в т. ч. Сир и Песн).

В Древней Руси был распространён и оставил следы в языке ряд ветхо- и новозаветных апокрифов: книга Еноха, «Заветы двенадцати патриархов», «Видение Исайи», «Повесть о Соломоне и Китоврасе», евангелия Иакова, Фомы и Никодима, «Хождение Богородицы по мукам» и др.

Т. о., до кон. 15 в. на Руси не было полного библейского свода, т. е. всей Б. как одной книги.

2. Средние века. Геннадиевская Библия (ГБ). Для создания библейского свода Новгородский архиепископ Геннадий (возм. фамилия – Гонозов; умер 1505) объединил вокруг себя учёную дружину. Поскольку в обширной библиотеке новгородского Софийского собора не оказа-

лось ряда важнейших библейских книг полного состава (напр., Быт, Притч и Сир), Геннадий стал собирать библейские рукописи со всей Руси, а недостающие книги повелел перевести заново (с греч. переводы не осуществлялись из-за отсутствия специалистов; с лат. были переведены: 1 и 2 Пар, 1 и 2 Езд, Неем, Тов, Иудифь, Прем, 1 и 2 Мак, а также часть Есф). Из Вульгаты были заимствованы предисловия к книгам и разделения на главы. Так был получен первый на Руси библейский свод. В 1499 были переписаны несколько копий этого свода. ГБ в одном из списков поступила в Москву. По списку ГБ Гос. Исторического Музея (Син. 915) полностью издан только НЗ (1992).

ГБ сыграла для рус. культуры огромную роль: её традиция продолжена в Острожской, Елизаветинской и Синодальной Б. на слав. (церк.-слав.) языке, а также в рус. переводе.

Острожская Библия (ОБ). Во 2-й пол. 16 в. князь К. К. Острожский (1526–1608) вытребовал из Москвы в г. Острог для первопечатника Ивана Фёдорова копию ГБ. Фёдоров и его помощники осуществили большую работу по исправлению и усовершенствованию текста: переведённые с лат. языка книги были, хотя и непоследовательно, сверены с греч. оригиналами, приведены в соответствие с ними и иногда даже переведены заново. Были написаны предисловия, вирши и послесловие (причём дважды с параллельным греч. текстом); издатели оставили текстологические заметки, свидетельствующие о том, что для сравнений привлекались не только LXX и Вульгата, но и «лятская» (польская) и «ческая» (чешская) Б.

В 1580–81 в г. Остроге первая печатная слав. Б. вышла в свет (в 1988 был сделан репринт, однако путём совмещения нескольких экземпляров). ОБ была принята в Москве и в 1663 перепечатана с большой точностью (хотя и с заменой отдельных слов и орфографическими изменениями).

3. Новое время. Елизаветинская Библия (ЕБ). Подготовка нового издания Б., на основе ОБ, но с целью последовательно её исправить по LXX, была поручена учёному монаху Епифанию Славинецкому, специально вызванному (в 1649) в Москву «для переводу Библеи греческие на словенскую речь», работа прекратилась с его смертью (1675); был исправлен только НЗ. В 1678 патриархом Иоакимом была образована для той же цели комиссия справщиков, к-рые издали лишь сверенный Апостол. 4(14) ноября 1712 Пётр I издал указ об издании исправленной Б. «на словенском языке» и подобрал группу справщиков. К 1724 исправление было закончено, назначено к печати, но смерть императора (1725) остановила дело. При императрице Елизавете в 1751 в Петербурге исправленная Б. вышла в свет, с великолепными гравюрами-заставками и виньетками, с большим справочно-отсылочным аппаратом, с «каталогом» иноязычных собственных имён и их переводами или толкованиями.

В ЕБ отмечается высокая русификация слав. текста, т. к. петровские и елизаветинские справщики исправляли устаревшие грамматические формы, меняли непонятные слова на более употребительные, однако непоследовательно, напр., Псалтырь и Евангелие принципиально не правили. Текст являет собой, по выражению И. Е. Евсеева, «разнообразную по происхождению и достоинству языковую амальгаму».

Справщики стремились к максимальному приближению слав. текста к греч., обращаясь также к евр. тексту и к Вульгате. Количество сделанных поправок по объёму равно целому тому. Во 2-м издании (1756) делались ещё нек-рые поправки, но все последующие издания (1757, 1759 и др.) воспроизводили первое. В изданиях 19–20 вв. были отсечены текстологический и справочный аппарат, а также предисловия. Поскольку эти издания осуществлялись «благословением Святейшего правительствующего Синода» и печатались в Синодальной типографии, они называются Синодальной слав. Б.

В сер. 19 в. были предприняты попытки придать ЕБ авторитет «аутентичности» (непогрешимости и неизменности), по примеру канонизации католиками Вульгаты, но они не увенчались успехом. ЕБ до сих пор употребляется за богослужением в Рус. Православной Церкви. Старообрядцы, однако, не признали ни ЕБ, ни моск. переиздания ОБ и пользуются только подлинной ОБ.

Приближение слав. Б. к живой речи. Слав. Библия была для вост. славян в достаточной мере понятна, но тем не менее с 16 в. начались попытки приспособления её текста к живой речи. Такова Б. Франциска Скорины (до 1490 – ок. 1541) – первая попытка создать для православных славян «Бивлию руску». В 1517–19 он последовательно выпустил 20 книг ВЗ, а впоследствии и Апостол. Язык Б. Скорины – церк.-слав., но с чеш. влиянием и с большим пластом лексики из «простой мовы» (сложившегося в Великом княжестве Литовском лит. языка). Предисловия и послесловия Скорина написал сам на «простой мове». В Моск. Руси издание Скорины было заподозрено в «препорченности» (в неправославии) и запрещено, однако Скорина создал прецедент.

В 16–17 вв. в юго-зап. Руси и в Москве предпринимаются попытки дать простым людям понятное Евангелие [напр., Пересопницкое Евангелие, почти без изменений ок. 1580 напечатанное В. Н. Тя́пинским (1530?–1603?)], а также перевести Псалтырь.

Переводы Б. на рус. язык. В самом кон. 17 в. (как известно по документам) пастор Эрнст Глюк (ум. 1705) выполнил перевод Б. на рус. язык (со слав. Б.), но перевод не сохранился. Вплоть до нач. 19 в. Свщ. Писания на рус. языке

не было: библейские цитаты в богословских книгах, напечатанных по-русски, приводились по-славянски (церк.-слав.).

В 1813 «при благосклонном внимании» Александра I было основано Рос. Библейское Общество (РБО), первоочередная задача к-рого заключалась в выполнении переводов Б. на живые языки. В 1818 было опубликовано в рус. переводе Евангелие, а в 1822 – Псалтырь. Однако вследствие обвинений сотрудников Общества в масонстве и в нежелании прислушиваться к мнению церковных иерархов, из-за принципиального отказа печатать неканонические книги ВЗ и примечания вероисповедного характера, из-за действительных погрешностей в переводе, а также в результате интриг председатель РБО князь А. Н. Голицын попал в опалу, а само Общество было запрещено (1826). Отпечатанные первые восемь книг ВЗ в продажу не поступили, а отдельные издания Пятикнижия были сожжены. В январе 1990 Библейское общество в нашей стране было возрождено.

Невзирая на запреты, проф.-протоиерей (впоследствии академик) Г. П. Павский, бывший директор РБО, гебраист, для студентов Петерб. Духовной Академии за два десятилетия перевёл ряд книг ВЗ с евр. оригинала на рус. лит. язык. Студенты литографировали и опубликовали их в 1839–41 со множеством ошибок. Архимандрит Макарий (Глухарев, 1792–1847) в это же время, опираясь на переводы Павского, подготовил к изданию на рус. языке несколько пророческих книг, за что подвергся церковному наказанию.

Переводческая практика Павского и Макария привела к обострению начатых ещё в 17 в. споров о языке, с к-рого следовало переводить ВЗ. Оба переводчика были сторонниками перевода ВЗ с евр. (масоретского) текста, а такая практика приводила к немаловажным, в т. ч. догматическим, отклонениям от принятой слав. Б. Этим рус. переводы ВЗ объективно подпадали под подозрение и тормозились. Митрополит Филарет (Дроздов, 1782/83–1867) занял промежуточную позицию: обращение к Танаху допустимо, но лишь при признании «догматического достоинства» и при «охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания».

При Александре II Святейший Синод в 1858 разрешил печатать Б. на рус. языке. Сначала (1860) было издано рус. Евангелие (в версии 1818). Затем ветхозаветные книги печатались по отдельности. В 1876 была издана в одном томе полная рус. Библия (в переводе всех четырёх рос. духовных академий: «по благословению Святейшего правительствующего Синода»). Эта Синодальная рус. Б. в языковом отношении обладает многочисленными достоинствами. Тем не менее язык перевода, напр. Евангелия, – язык допушкинской поры – уже во 2-й пол. 19 в. воспринимался как устаревший. Однако у православных до сих пор нет другой полной рус. Б. В 1956 и 1968 Синодальная рус. Б. была переиздана по новой орфографии, и её из года в год тиражируют в России и православные, и католики, и баптисты. В 1993 вышла в свет книга: «Библия. Современный перевод» (издание Всемирного Библейского переводческого центра) [Даллас, Техас, США]).

В 19 в. самостоятельные межконфессиональные переводы ВЗ на рус. язык издавались за границей, а в России – специально для верующих евреев. Они не получили распространения, так же как и опубликованный в 1906 в Петербурге перевод НЗ обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева (1827–1907), отличающийся максимальной близостью к слав. тексту (как в лексике, так и в синтаксисе).

Влияние слав. Библии на рус. язык. Б., как произведение книжности, оказала огромное влияние на формирование лексико-фразеологической системы рус. языка.

Др.-рус. оригинальная книжность насыщена библеизмами: эта насыщенность особенно заметна, напр., в «Молении» Даниила Заточника (кон. 12 – нач. 13 вв.) или в «Домострое» священника Сильвестра (16 в.).

Следы церк.-слав. происхождения несут на себе многие слова и фразеологизмы совр. рус. языка, напр., библейскими по происхождению являются слова (включая производные), в т. ч. не ассоциируемые с ВЗ в совр. языковом сознании: *аллилуйя, алтарь, алчный, аминь, анафема, ангел, багряный, бегемот, без-/бес-* (*-божие, -брачие, -гласие, -законие, -имянный, -молвие, -образие, -плотный, -страстный* и т. д.), *благо-* (*-вест[ие], -воление, -воние, -времение, -говение, -дарение, -дать, -деяние, -душие, -лепие, -образие, -приятный, -словение, -стояние, -честие* и т. д.), *ближний, бремя, бытие, вежды, велелепота, велеречивый, величать, ветхий, вещий, взалкать, вития, воз-/вос-* (*-будить, -вестить, -глаголать, -глас, -дать, -даяние, -дыхание, -звание, -клицание, -кресение, -лияние, -любить, -мутиться, -носить[ся], -поминание, -принять, -рождение, -хвалить*), *волхв, вретище, вручить, всесожжение, всуе, высокопарный, глава, глагол, глас, глумление, гнусный, град, дебри, демон, денница, держава, дерзкий, десница, доблесть, добродетель, доброта* 'красота', *долгота, достояние, естество, живоносный, жупел, завет, законопреступник, заповедь, зелие, зело, зеница, злак, злодейство, знамение, идол, изрядный, изумление, искренний, искушение, исповедание, исполин, иступление, исход, кадило, каяться, ковчег, колено* (в значениях: 'племя, поколение'), *кормило, крепость, кротость, кумир, купина, лепота, лихоимство, малодушие, маститый, мерзость, мерило, мессия* ('помазанник'), *мзда, милосердие, милостыня, милость, мудрость, навет, население, наследие, неистовство, нечестивый, низложить, нисхождение, обет, обитать, обличать, облобызать, об-*

раз, ожесточить, озлобить, оплот, ополчиться, оправдать, опустошать, орга́н (музыкальный инструмент), *осанна, осквернить, оскудеть, отечество, отрасль, падение, пасха, пернатый, перст, персть, плащаница, подобие, покров, помышление, поношение, порок, потоп, правда, праведный, праотец, прах, премудрость, пререкание, прибежище, притча, причастие, прозорливый, пророк, просвещать, расточать, риза, сатана, светило, святилище, серафимы, скверна, скиния, скорбь, скрижаль, словеса, смирение, снедь, соблазн, соблюдать, собор, соз(и)дание, сокровище, сонм(ище), средостение, стан, старейшина, столп, странный, страстотерпец, суббота, суета, тварь, твердь, тенета, терпение, тьма* (в значении: ‘множество’), *тощий, трапеза, тщание, тщета, убежище, узы, упование, уста, устав, утроба, утешение, фараон, херувимы, целомудрие, чаяние, чрево, чресла, щедрый* и мн. др.

Показателем влияния Б. на рус. язык и культуру является полная освоенность рус. языком ветхозаветных по происхождению личных имён: *Иван, Марья, Анна, Гавриил / Гаврила, Захар, Елизавета, Илья, Иосиф / Осип, Исай, Исак, Мария, Марфа, Матвей, Михаил, Наум, Семён, Фаддей, Фома, Яков* и др.

Имена целого ряда персонажей ВЗ подверглись переосмыслению, что особенно заметно по их сочетаемости: *(первозданный) Адам, Валтасаров пир* (‘беззаботное времяпрепровождение в преддверии приближающейся беды’), *Валаамова ослица* (‘неожиданно заговоривший молчаливый человек’), *Илья(-пророк), (многострадальный) Иов, (целомудренный) Иосиф, Гог / а и Магог / а* (‘нечто страшное и свирепое’), *Соломон (Премудрый), суд Соломона, Соломоново решение, (кровавый) Молох, Иудин поцелуй, Михаил (-архангел), Ноев ковчег, Мафусаилов(ы) век(и)* и др. Нек-рые библейские персонажи стали нарицательными (*каин, хам, халдей / халда, ирод, иуда*) или вошли в произведения фольклора (ср. народное объяснение грома: «*Илья-пророк по́ небу едет*»).

Вполне освоены языком также библейские географические названия, к-рые употребляются в переносном смысле и в образных словосочетаниях: *Содом и Гоморра* (‘очаг распущенности’); *Вавилон* (‘столичный многонаселенный и греховный город’), *вавилонское столпотворение / пленение, блудница вавилонская, труба иерихонская* (‘не в меру громкий голос’) и т. д.

Употребительны устойчивые библейские двучленные номинативные выражения, за каждым из к-рых стоит эпизод из ВЗ (что свидетельствует о распространённости библейских знаний в дореволюционном рос. обществе): *время разбрасывать / собирать (камни), всякой твари по паре, (поставить / стоять) во главу / -ве угла, древо жизни / познания (добра и зла), запретный плод (сладок), земля обетованная, златой телец / кумир, злачное место, змий-искуситель, казни египетские, камень преткновения, козел отпущения, колосс на глиняных ногах, корень / источник зла, манна небесная, мерзость запустения, неопалимая купина, работа / тьма египетская, тьма кромешная, оливковая ветвь, плоть от плоти, в поте лица, право первородства, притча во языцех, рог спасения, святая / -ое святых, сосуд избранный, суета сует (и всяческая суета), фиговый листок, хляби(и) небесные* (‘потоп’), *чечевичная похлебка, юдоль плача / плачевная* и др. Присоединением глаголов указанные словосочетания легко становятся предикативными (напр., *разверзлись хляби небесные*); ряд выражений предикативен: *вернуться на круги своя, испить чашу до дна, перековать мечи на орала, посыпать главу пеплом, почить от трудов (праведных), хранить / беречь, как зеницу ока* и др. Библейскими по происхождению являются и многие крылатые фразы: *Не сотвори себе кумира; Око за око, зуб за зуб; Не убий!; Не кра́ди!; Чти отца и матерь свою!; Люби ближнего, как самого себя; Во многой мудрости много печали; Всякое даяние благо* и др. В рос. обществе до 1917 подобных слов и выражений было значительно больше. Классическая лит-ра способствовала их частичному сохранению до нашего времени.

Существуют народные пословицы, мотивированные Б.: *Бог дал, Бог взял; Не рой другому яму (сам в неё попадёшь); Кто сеет ветер, пожнёт бурю; Что посеешь, то и пожнёшь; Человек предполагает, а Бог располагает; Не в силе Бог, а в правде; Рука дающего не оскудевает* и др.

Семь десятилетий господства в СССР атеистической идеологии сказалось на языке; ряд библейских слов и выражений был вытеснен, нек-рые из них переосмыслены. Частично произошло отрешение языка от православной доминанты рос. культуры 10 – нач. 20 вв. Однако нек-рые библеизмы постепенно возвращаются в общее употребление, напр. *благотворительность, милосердие, покаяние* и др.

О воздействии Б. на формирование поэтического языка см. в ст. Псалтырь.

Основные изд. Б.: Бїблїа, сирѣчь книги Свѧщеннаго Писанїѧ Ветхагѡ и Новагѡ Завѣта, М., 1890 (Синодальная слав. Библия); Библия. Книги Свщ. Писания Ветхого и Нового Завета, изд. Моск. Патриархии, М., 1968 (с синодального изд. 1912 г.); Библїа сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завѣта по ѧзыкꙋ словенскꙋ, М.– Л., 1988 (репринт ОБ); Библия 1499 г. и Библия в синодальном пер. В десяти томах, т. 7–8, М., 1992 (репринт ГБ).

Новозаветные книги русской православной Библии. Сокращённые названия книг набраны курсивом.

I. Законоположительные книги (или Четвероевангелие)

1. От Матфея святое благовествование. *Мф*
2. От Марка святое благовествование. *Мк*
3. От Луки святое благовествование. *Лк*
4. От Иоанна святое благовествование. *Ин*

II. Историческая книга
5. Деяния святых апостолов. *Деян*
III. Учительные книги
6. Послание Иакова. *Иак*
7. Первое послание Петра. *1 Пет*
8. Второе послание Петра. *2 Пет*
9. Первое послание Иоанна. *1 Ин*
10. Второе послание Иоанна. *2 Ин*
11. Третье послание Иоанна. *3 Ин*
12. Послание Иуды. *Иуд*

Эти семь посланий апостолов образуют подгруппу в составе учительных книг и называются *соборными*, или *окружными*, потому что они адресованы не к.-л. поместной церкви и не определённому лицу, а всем христианам.

13. Послание к Римлянам. *Рим*
14. Первое послание к Коринфянам. *1 Кор*
15. Второе послание к Коринфянам. *2 Кор*
16. Послание к Галатам. *Гал*
17. Послание к Ефесянам. *Еф*
18. Послание к Филиппийцам. *Флп*
19. Послание к Колоссянам. *Кол*
20. Первое послание к Фессалоникийцам (Солунянам). *1 Фес*
21. Второе послание к Фессалоникийцам (Солунянам). *2 Фес*
22. Первое послание к Тимофею. *1 Тим*
23. Второе послание к Тимофею. *2 Тим*
24. Послание к Титу. *Тит*
25. Послание к Филимону. *Флм*
26. Послание к Евреям. *Евр*

Книги 13–26 – это 14 посланий, надписанных именем апостола Павла. Они разделяются на подгруппы: ранние послания (20, 21); большие послания (16, 14, 15, 13); «послания из уз», т. е. из римской тюрьмы (18, 19, 17, 25); «пастырские послания», называемые так, потому что обращены к «пастырям», т. е. предстоятелям Церкви (22, 24, 23). Источник 26, почти определённо, не принадлежит апостолу Павлу. Порядок перечисления посланий, указанный в скобках, отражает предполагаемую последовательность их написания. Порядок следования как окружных, так и Павловых посланий имеет в Вульгате и в протестантской традиции отличия от православной Б. Публикуя Новый Завет на рус. языке, католики и протестанты сохраняют порядок расположения книг синодальной рус. Б.

IV. Откровение Иоанна Богослова
27. Откровение (или Апокалипсис) Иоанна Богослова. *Откр*

Ветхозаветные книги русской православной Библии. Сокращённые названия книг набраны курсивом.

Неканонические книги помечены знаком*.

I. Пятикнижие Моисея
1. Первая книга Моисея. Бытие. *Быт*
2. Вторая книга Моисея. Исход. *Исх*
3. Третья книга Моисея. Левит. *Лев*
4. Четвёртая книга Моисея. Числа. *Чис*
5. Пятая книга Моисея. Второзаконие. *Втор*

II. Исторические книги
6. Книга Иисуса Навина. *Нав*
7. Книга Судей израилевых. *Суд*
8. Книга Руфи. *Руфь*
9. Первая книга Царств. *1 Цар*
10. Вторая книга Царств. *2 Цар*
11. Третья книга Царств. *3 Цар*
12. Четвёртая книга Царств. *4 Цар*
13. Первая книга Паралипоменон. *1 Пар*
14. Вторая книга Паралипоменон. *2 Пар*
15. Первая книга Ездры. *1 Езд*
16. Книга Неемии. *Неем*
17. Вторая книга Ездры*. *2 Езд*

Исторические книги разделяются на группы: первую (6–12) и вторую (13–17). *2 Езд* сохранилась лишь в греч. версии; нек-рые исследователи относят её к 1 в. н. э.; она не вошла ни в Танах, ни в Вульгату.

III. Книги Товита, Иудифи и Есфири
18. Книга Товита*. *Тов*
19. Книга Иудифи*. *Иудифь*
20. Книга Есфири. *Есф*

Евр. оригиналы *Тов* и *Иудифь* утеряны; *Есф* имеется в более краткой евр. и в более пространной греч. версиях.

IV. Письменность мудрых Израиля
21. Книга Иова. *Иов*
22. Псалтирь, или (правильнее) Псалтырь. *Пс*
23. Книга притчей Соломоновых. *Притч*
24. Книга Екклезиаста, или Проповедника. *Еккл*
25. Книга Песни песней Соломона. *Песн*
26. Книга Премудрости Соломона*. *Прем*
27. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова*. *Сир*

V. Пророки
28. Книга пророка Исаии. *Ис*
29. Книга пророка Иеремии. *Иер*
30. Книга Плач Иеремии. *Плач*
31. Послание Иеремии*. *Посл Иер*. Переведена с греч.; в Вульгате не выделяется как самостоятельная книга и считается 6-й главой *Вар*.
32. Книга пророка Варуха*. *Вар*
33. Книга пророка Иезекииля. *Иез*
34. Книга пророка Даниила. *Дан*
35. Книга пророка Осии. *Ос*
36. Книга пророка Иоиля. *Иоил*
37. Книга пророка Амоса. *Ам*
38. Книга пророка Авдия. *Авд*
39. Книга пророка Ионы. *Иона*
40. Книга пророка Михея. *Мих*
41. Книга пророка Наума. *Наум*
42. Книга пророка Аввакума. *Авв*
43. Книга пророка Софонии. *Соф*
44. Книга пророка Аггея. *Агг*
45. Книга пророка Захарии. *Зах*
46. Книга пророка Малахии. *Мал*

Книги 35–46 объединяются в подгруппу Двенадцати малых пророков; пророки называются *ма-*

лыми не по значению, а по небольшому объёму написанных ими книг.

VI. Книги Маккавейские

47. Первая книга Маккавейская*. *1 Мак*
48. Вторая книга Маккавейская*. *2 Мак*
49. Третья книга Маккавейская*. *3 Мак*

В Вульгате *3 Мак* нет.

VII. Третья книга Ездры

50. Третья книга Ездры*. *3 Езд*

Псевдоэпигра́ф (ложно надписанная книга; книга не может принадлежать великому священнику Ездре); тем не менее Церковь признала её богодухновенной. Греч. текст *3 Езд* сохранился, однако слав. и рус. переводы выполнены с Вульгаты, т. е. с латыни. В совр. изданиях Вульгаты *3 Езд* нет.

Е. М. Верещагин.

Бу́дущее вре́мя – время (см.) глагола (абсолютное или относительное), обозначающее, что процесс, названный глаголом, будет осуществляться после момента речи или к.-л. иной точки отсчёта: *Приятель п р и н е с ё т журнал «Дружба народов»* (абсолютное Б. в.); *Вчера сестра говорила, что п р и д ё т в театр* (относительное Б. в.).

Б. в. глагола может быть выражено двумя типами форм: простыми (синтетическими) и сложными (аналитическими). Формы будущего п р о с т о г о в р е м е н и образуются от основы наст. времени глаголов сов. вида с помощью тех же окончаний лица и числа, что и при образовании форм настоящего времени (см.): *прид-у, прид-ёшь, прид-ёт, прид-ём, прид-ёте, прид-ут; услыш-у, услыш-ишь, услыш-ит, услыш-им, услыш-ите, услыш-ат*. Простые формы Б. в. иногда называют также формами наст.-буд. времени. Формы б у д у щ е г о с л о ж н о г о в р е м е н и образуются от глаголов несов. вида и представляют собой сочетание личных форм вспомогательного глагола *быть* с инфинитивом: *буду писать, будешь писать, будет писать, будем писать, будете писать, будут писать.*

Выражая общее значение следования процесса за исходной точкой отсчёта, формы Б. в. в зависимости от вида глагола уточняют и конкретизируют это значение. В глаголах сов. вида форма Б. в. обозначает время совершения процесса и указывает на его законченность: *Он напишет письмо.* При этом начало процесса, названного глаголом сов. вида, может совпадать с планом наст. времени: *Студент скоро сдаст экзамен* (т. е. уже сдаёт экзамен, ср. *Студент скоро будет сдавать экзамен*). В глаголах несов. вида форма Б. в. обозначает, что названный глаголом процесс будет осуществляться как длительный или повторяющийся, но не указывает на его результативность или завершённость: *Он будет писать письмо; Друзья будут помогать мне.*

Формы Б. в. могут употребляться с вторичными значениями, т. е. выражать значения, присущие формам других времён. При этом большую роль играют ситуация или контекст, а также сочетание в контексте разных временны́х форм. Особенно широко в переносном употреблении используются формы Б. в. глаголов сов. вида. Они могут быть употреблены вместо форм наст. времени для обозначения типичных или повторяющихся процессов: *«Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя; То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя»* (Пушкин), а также для обозначения процессов, совпадающих с моментом речи: *Попрошу не вертеться* (т. е. прошу не вертеться). В сочетании с отрицанием формы Б. в. выражают значение невозможности осуществления процесса в момент речи: *Простите, но я не вспомню вашего имени.* Со значением наст. времени в разг. речи нередко употребляется и форма Б. в. глагола *быть*: *У вас спичек не будет?* При обозначении процессов, осуществлённых до исходной точки отсчёта, формы Б. в. обычно употребляются в сочетании с формами прош. времени, с частицей *как* или словоформой *бывало* и выражают значение внезапности процесса или его повторяемости в прошлом: *«Герасим глядел, глядел, да как засмеётся вдруг»* (Тургенев); *Бывало, запоёт во весь голос.* Типичность, обычность или неизбежность процессов, возможных в любом из трёх временны́х планов – настоящем, прошедшем и будущем,– обозначают формы Б. в. в пословицах и поговорках: *Как аукнется, так и откликнется; Слезами горю не поможешь; У соседа ума не займёшь.*

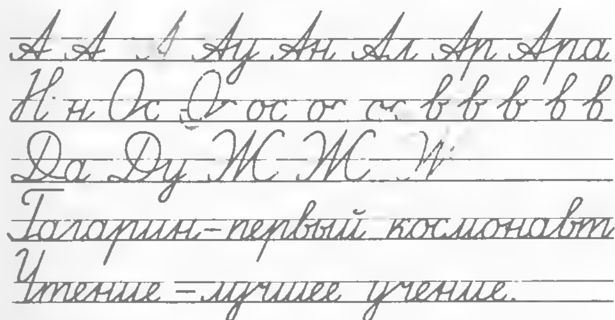
Лит. см. при ст. Время. *В. Н. Белоусов.*

Бу́ква – минимальный значимый графический знак определённой системы письма, единица алфавита (см.). С помощью Б., иногда в сопровождении иных графических знаков, осуществляется письменная и печатная фиксация речи, передаётся информация во времени и пространстве.

Совр. рус. алфавит (азбука) содержит 33 буквы: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я*. Каждая Б. в составе алфавита занимает постоянное место и имеет, как правило, особое наименование: напр., *н* – «эн», *р* – «эр», *с* – «эс», *в* – «вэ», *п* – «пэ», *к* – «ка», *х* – «ха», а также *а, о, и, ы* и т. д. В рус. письме Б. обозначает обычно отдельный звук в составе слова; с функциональной точки зрения – фонему (см.) либо её реализацию (аллофон) или нек-рые сочетания звуков (фонем). 20 букв передают согласные звуки (фонемы): *б, п, в, ф, д, т, з, с, г, к, х, м, н, л, р, ж, ш, ч, ц, щ*; 10 букв служат для обозначения гласных, из них *а, э, о, ы, у* обозначают только гласные; *и, я, е, ё, ю* обозначают мягкость предшествующего согласного звука (фонемы)+гласные [*и*], [*а*], [*э*], [*о*], [*у*] или сочетание йота [*j*] (см. Согласные)+гласный (*пять* [*п'ат'*], *лес* [*л'ес*], *лёд* [*л'от*], *люк* [*л'ук*]; *яма* [*jáмъ*], *есть* [*jест'*], *ёлка* [*jóлкъ*], *юность* [*jýнъс'т'*]; Б. *й* передаёт звук «и неслоговое» (*бой*

[*боц*]) и в нек-рых случаях согласный *j* – «йот» (*йог* [*jок*]). Две Б. *ъ* (твёрдый знак) и *ь* (мягкий знак) не имеют самостоятельного звукового эквивалента. Б. *ь* служит для обозначения мягкости предшествующих согласных, парных по мягкости–твёрдости, на конце слов и в нек-рых случаях между согласными: *боль – больной*; после Б. шипящих *ч, ж, ш* Б. *ь* является показателем нек-рых грамматических форм (3-го склонения существительных – *дочь, рожь*, но ср. *кирпич, шалаш*; повелительного наклонения – *режь* и др.). Б. *ь* и *ъ* выступают также в функции разделительных знаков (*разъезд, пьют*).

В иных системах азбуки выражение звукового значения в слове может быть различным; встречаются двубуквенные обозначения, напр. в нем. языке *ch* – [*x*], долгие гласные – *ie, aa*; могут быть трёхбуквенные обозначения, напр. нем. *sch* – [*ш*], франц. *eau* – [*ō*] и др. В большинстве случаев начертания Б. в письменной форме существенно отличаются от печатных.

«Прописи»: образцы написания букв и их соединений.

По своему начертанию и значению Б. рус. азбуки восходят к древней кириллице (см.); нек-рые из них с 11 в. изменились и по форме, и по значению, ряд Б. утратился, а в нек-рых случаях были созданы новые Б., напр. *я, э, й*. В совр. рус. письме все Б., кроме *ы, ъ, ь*, употребляются в двух вариантах, это – прописные, или заглавные (большие), Б. (крупных размеров, выступающие над строкой) и строчные, или малые, Б., не выступающие над строкой, не возвышающиеся над остальными Б. в строке. В печатной форме прописные Б. отличаются от строчных обычно только высотой (кроме *А* и *а*, *Б* и *б*, *Е* и *е*), в письменной (рукописной) форме прописные отличаются от строчных Б. не только по величине, но часто и по начертанию. Общепринятые рукописные начертания Б. даются в учебном пособии – в «Прописях» и изучаются в начальных классах средней школы.

Правила употребления прописных Б. в рус. письме сложились только в 19 в. В рус. письме прописные Б. употребляются в начале имён собственных, в начале предложений (после точки); часто в начале стихотворной строки. В других системах письма возможны иные правила употребления заглавных букв; напр., в нем. письме с прописной Б. пишутся все имена существительные.

В др.-слав. рукописях, написанных кириллицей, встречаются заглавные Б. большого размера, часто они выполнялись с применением краски и орнаментальных украшений (т. н. инициалы). Этими Б. обычно начинались значительные отрезки текста, они выполняли выделительную и художественную функции, поскольку вплоть до 18 в. существовало беспробельное написание текста.

О. А. Князевская.

Бытийные предложе́ния – синтаксический тип предложений, утверждающих существование в мире или его фрагменте объектов того или другого класса: *Есть на нашей планете и материки и океаны, а на материках есть горы и равнины, леса и пустыни; В нашем городе есть оперный театр.* Исходная (классическая) модель Б. п. состоит из трёх основных компонентов: локализатора (обстоятельства места), бытийного глагола и имени «бытующего предмета»: *В этом краю* (локализатор) *есть* (*были, будут*) (бытийный глагол) *леса* (имя «бытующего предмета»). В прош. и буд. времени глагол согласуется с именем в им. п., к-рое на этом основании принято считать подлежащим. Отрицательная форма Б. п.: *В этом краю нет* (*не было, не будет*) *лесов* (после отрицания имя стоит в род. п.). В наст. времени глагол допускает нулевую форму: *За рекой леса.* Место бытийного глагола могут занимать его эквиваленты и аналоги: *существовать, иметься, бывать* (итеративная форма), *водиться, встречаться, попадаться* и нек-рые др. Напр.: *Для него не существует ничего, кроме науки. В лесу встречаются* (*попадаются*) *белые грибы.*

Имя в Б. п. имеет неопределённую референцию (указывает на принадлежность предмета к к.-л. классу). Это отличает Б. п. от локальных, в к-рых обычно речь идёт об определённом предмете, являющемся темой сообщения (см. Актуальное членение предложения); ср. *В зале был* (*стоял*) *рояль* (Б. п.) и *Этот рояль был* (*стоял*) *раньше в зале* (локальное предложение).

В Б. п. показатель определённости допустим только при непредметных именах: *У меня есть его адрес* (*номер телефона*). В предложении *У меня есть эта книга* не имеется в виду конкретный экземпляр книги.

При имени предмета регулярно употребляются качественные и количественные определения: *У мальчика были светлые волосы; В библиотеке есть много интересных книг.*

При изменении значения локализатора и соответственно имени предмета возникают варианты исходной модели. Локализатор может обозначать: 1) мир (Вселенную), жизнь: «*На свете счастья нет, а есть покой и воля*» (Пушкин); *В жизни есть много таинственного*; 2) период времени: «*Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора*» (Тютчев); 3) фрагмент мира: *В небе была луна*; 4) микромир человека, сообщение о к-ром может касаться: а) владения: *У меня есть велосипед*, б) смежной области, непосредственного окружения человека: *За плечами у мальчика был рюкзак*, в) личного состава: *У этого ребёнка нет отца*, г) внешних обстоятельств и событий: *У нас скоро будут экзамены; Завтра у меня две лекции*; субъект ситуации смещён в позицию локализатора; ср. *Я сдаю экзамены* и *У меня экзамены*; 5) личность человека (микрокосм), сообщение может касаться: а) физических свойств, облика: *У молодого человека были усы и борода*, б) физических и психических состояний: *У меня озноб (хандра); С ней обморок*, в) внутреннего мира: *У девочки есть музыкальные способности; У тебя нет совести*; 6) абстрактные понятия (речевые произведения, теории, свойства, события и др.): «*Есть упоение в бою*» (Пушкин); «*И правды нет в твоих речах*» (Тютчев); *В теории есть противоречия*, «*В разлуке есть высокое значенье*» (Тютчев); 7) класс (множество) предметов: *Среди его знакомых были поэты и музыканты*.

Б. п. обладают различными коммуникативными формами, каждой из к-рых соответствует определённая интонация (знаки: ↗ – повышение тона; ↘ – понижение тона; ↗→ – повышение и сохранение высоты тона; / – пауза). В Б. п. могут быть актуализованы (т. е. быть ремой): 1) глагол и имя предмета: *В зале/были студенты. Такие предложения, составляющие* нейтральный тип, имеют двойную рему: в них сообщается о существовании нек-рых объектов и об их принадлежности к определённому классу. Разновидность этого типа – интродуктивные (презентативные) Б.п., начинающие повествование. В них говорящий вводит известный ему предмет в фонд знаний адресата. *Есть у меня/один приятель* (*числительное один* выполняет выделительную функцию); *Жили-были/старик со старухою. Была у них/курочка Ряба*; 2) бытийный глагол: *У тебя дети/есть? – Да, дети у меня/есть; Мыши в доме/есть? – Нет, мышей в доме/нет*; 3) имя предмета: *Что у него было на голове? – На голове у него был/берет*. В наст. времени глагол *есть* опускается, т. к. утверждается не существование предмета, а его вхождение в определённый класс: *Кто у неё/ – сын или дочь? – У неё, кажется, сын.– Нет, у неё не сын, а дочь*; 4) локализатор. Будучи в норме темой, локализатор может составить рему в Б. п. со значением обладания: *У кого есть чистая бумага? – Бумага есть/у Маши*. Глагол *есть* служит знаком неопределённости предмета; ср. Б. п.: *У кого есть машина? – Машина есть у Петрова* и локальное предложение: *Где (у кого) машина? – Машина у Петрова;* 5) приимённое определение. Актуализация определения часто ведёт к изменению порядка слов. Качественные определения: *У Маши/голубые глаза →Глаза у Маши/голубые*. Б. п. преобразуется в связочное, в к-ром локализатор становится показателем определённости имени: *Глаза у неё (=её глаза) были голубые (голубыми); «Лицо у неё было простодушное,– но вовсе не простоватое»* (Достоевский). Количественные определения: *В комнате/было много народу → Народу в комнате/было много*; *В лесу уйма грибов →Грибов в лесу уйма*. При изменении порядка слов имя ставится в род. п. мн. ч. (если речь идёт не о единичном предмете): *В квартире было четыре комнаты →Комнат в квартире было четыре*. В муж. роде при одушевлённом объекте употребляется собирательная форма числительного: *У него три брата → →Братьев у него трое*. Структура сообщений о количестве аналогична отрицательным Б. п. В сообщениях о количестве, восходящих в рус. языке к Б. п., исключается детерминация имени притяжательными и указательными прилагательными: *У неё восемь детей →Детей у неё восемь* (при невозможности сказать *Её детей восемь*).

Определения выполняют различные функции в зависимости от коммуникативной структуры Б. п. В нейтральных Б. п. определение имеет выделительную функцию и характеризует неопределённую часть класса предметов: *На нашей улице есть красивые дома = Некоторые из домов нашей улицы красивы*. Определения используются для видовой дифференциации объектов: «*Я знал, конечно, что есть дожди моросящие, слепые, обложные, грибные, спорые, дожди, идущие полосами – полосовые, косые, сильные, окатные дожди и, наконец, ливни (проливни)*» (Паустовский). В интродуктивных Б. п. определение выполняет индивидуализирующую (описательную) функцию: *У Пети есть большой чёрный пудель = У Пети есть пудель. Он большой и чёрный*. В отличие от выделительных, описательные определения характеризуют предмет вне строгого сопоставления с другими предметами данного класса: «*Был у меня приятель, дворник крупного каспийского промышленника Макарова, Пимен Власьев,– обыкновенный, наскоро и незатейливо построенный, курносый русский мужик*» (М. Горь-

кий). В предложениях с актуализованным именем или именным словосочетанием определение относится ко всем бытующим предметам: *На нашей улице красивые дома = Все дома нашей улицы красивы*. Различие между значением всеобщности и выделительности в наст. времени маркировано глаголом *есть*; ср.: *В классе есть прилежные ученики* (= *нек-рые из учеников прилежны*) и *В классе прилежные ученики* (= *все ученики прилежны*). В Б. п. с актуализованным бытийным глаголом определение входит в составную номинацию вида предметов: *У тебя есть красный карандаш? – Да, красный карандаш у меня есть*. Вопрос о наличии в данной области других видов карандашей в этом случае несуществен.

Продуктивность Б. п. служит основанием для отнесения рус. языка к т. н. языкам бытия (be-languages), противопоставляемым «языкам обладания» (have-languages). К первым относят также финно-угорские, дагестанские, латыш. и нек-рые другие языки, ко вторым – романские, германские, зап.-слав., литов. и нек-рые другие языки. Ст.-слав. и нек-рые вост.-слав. языки (укр. и белорус.) представляют смешанный тип. Рус. язык (возможно, под финно-угорским влиянием) постепенно эволюционировал в сторону «языков бытия». В др.-рус. языке глагол *имѣти* был широко распространён в разных значениях. В совр. рус. языке он уступает по употребительности другим глаголам, прежде всего глаголу *быть* (ср. др.-рус. *имам брата* и *у меня есть брат*).

Семантическое и функциональное разнообразие Б. п., их центральное положение в рус. синтаксисе свидетельствуют об общей ориентации рус. языка на пространственно-предметный аспект мира. Синтаксическую специфику рус. языка характеризует обилие непереходных конструкций с пассивным субъектом, выражение коммуникативного (актуального) членения порядком слов, помещение имени лица (в т. ч. агенса) в синтаксически зависимые (часто локативные) позиции (ср. *У меня все дела переделаны*), тенденция к делению жизненного пространства на личные сферы, пространственно-предметный принцип моделирования микрокосма, развитость категории неопределённости имён, выражение определённости имени локальными детерминантами, использование системы локальных предлогов для выражения разных видов отношений (в т. ч. временны́х).

Лит.: Бенвенист Э., Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке, в его кн.: Общая лингвистика, пер. с франц., под ред. Ю.С. Степанова, М., 1974; Гак В. Г., Глаголы «быть» и «иметь» как центры лексико-грамматической структуры предложения, «Revue Roumaine de linguistique», 1975, т. 20, № 4; его же, Сопоставительная лексикология. На материале франц. и рус. языков, М., 1977; его же, К эволюции способов речевой номинации, «ВЯ», 1985, № 4; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы, М., 1976; Категория бытия и обладания в языке, М , 1977; Панде Хем Чандра, К семантике *есть* в локативных и посессивных конструкциях , «Russian Linguistics», 1981, v. 5, № 3; его же, Глагол *быть* и количественная характеристика объекта, там же, 1985, v. 9, № 1; Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н., Рус предложение. Бытийный тип. (Структура и значение), М., 1983; Лейнонен М., Бытийные предложения в фин. и рус. языках, в кн.: Исследования по рус. языку и лит-ре. III, Тампере, 1984; Категория посессивности в слав. и балканских языках, М., 1989 (лит.); Селиверстова О. Н., Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания, под ред. В. Н. Ярцевой, М., 1990; Апресян Ю. Д., Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*), «НТИ. Сер. 2», 1992, № 3; Исаченко А. В., On «have» and «be» languages (a typological scatch), в кн.: Slavic Forum. Essays in Linguistics and Literature, Mouton, The Hague, 1974; Chvany C. V., On the syntax of *be*-sentences in Russian, Camb. (Mass.), 1975; Mehlig H. R., Die Opposition «est'»: Nullform in russischen lokativen Seinssätzen, в кн.: Slavistische Beitrage, B 138. Slavistische Linguistik 1979, Münch., 1980; его же, Экзистенциальные и экспликативные вопросы, в кн.: Linguistische Arbeitsberichte, t. 73, Lpz., 1990; Babby L. H., Existential sentences and negation in Russian, Linguistica Extranea, Studia; 8, Ann Arbor, 1980 См также лит. при ст. Синтаксис.

Н. Д. Арутюнова

Вв

Ⰲ ⰲ ⱗ ⱗ ⰲ Ⰲⰲ Ⰲⰲ

В, в – третья буква русского алфавита. Название буквы – «вэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное в*. По начертанию буква *в* восходит к букве кириллицы (см.) «веди» (от *вѣди* – знай), к-рая имела числовое значение «два». По своему начертанию буква восходит к греч. букве β – «бета» или позднее «вита». Совпадение в начертании лат. B и слав. В объясняется тем, что римляне заимствовали свой алфавит у греков ок. 6 в. до н. э., когда β обозначала звук [*б*], а в период создания слав. алфавита в 9 в. н. э. произносилась греками как звук [*в*] и была принята в слав. алфавит для обозначения этого звука.

При классификационных обозначениях буква *В, в* имеет значение «третий»: *ложа В, раздел в, место в*.

Основное графическое значение буквы *в* – обозначение общей части фонем ⟨*в*⟩ и ⟨*в'*⟩: губная, щелевая, звонкая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *в* буквой или другим графическим знаком: ⟨*в*⟩ – *вы, давно, ров* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*в'*⟩ – *вид, кровь*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *в* обозначает твёрдость этих фонем: *два, звук, квас*.

Вариа́нтность, вариативность (от лат. varians, род. п. variantis – изменяющийся),– 1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о её модификации, разновидности или как об отклонении от нек-рой нормы (напр., разночтения в разных списках одного и того же памятника); 2) термин, характеризующий способ существования, функционирования и эволюции (исторического развития) единиц языка и системы языковой (см.) в целом. В.– фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка. Характеризуется с помощью понятий «вариант», «инвариант», «варьирование». В первом значении В. используются только понятия «вариант» и «варьирование»; то, что видоизменяется, понимается как нек-рый образец, эталон или норма, а вариант – как модификация этой нормы или отклонение от неё. Во втором значении вводится термин «инвариант» и оппозиция «вариант – инвариант». Под вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, напр. видоизменения одной и той же единицы, к-рая при всех изменениях остаётся сама собой. Инвариант – это абстрактное обозначение одной и той же сущности (напр., одной и той же единицы) в отвлечении от её конкретных модификаций – вариантов. Второе значение понятия В. представляет собой развитие и углубление первого, вводит в лингвистику общие принципы теории вариантности – инвариантности.

Вариантно-инвариантный подход к явлениям языка утвердился первоначально в фонологии [после работ Пражской лингвистической школы (см.) и ряда других лингвистических школ]. Под вариантами стали понимать разные звуковые реализации одной и той же единицы – фонемы, а саму фонему – как инвариант. Из фонологии этот подход был перенесён на изучение других уровней языка. Два ряда терминов – эмические и этические – используются для обозначения: первые – для единиц-инвариантов (фонема, морфема, лексема и т. д.), вторые – для единиц-вариантов, т. е. для конкретных реализаций единиц-инвариантов (фон, или аллофон; морф, или алломорф; лекса, или аллолекса, и т. д.).

В понятии инварианта отображены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами. Сам инвариант не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон, не «образцовый вариант». Инвариант – сокращённое название класса относительно однородных объектов (как название инвариант имеет словесную форму существования). Каждый вариант-объект, принадлежащий данному вариантному ряду, несёт в себе инвариантные свойства, присущие каждому члену этого ряда, и может быть оценён как «представитель» данного инварианта. Так, классы фонетически сходных и функционально тождественных звуков в к.-л. языке ($a^1, a^2, \ldots, a^n, k^1, k^2, \ldots, k^n$) представляют собой вариантные ряды, сокращённые названия к-рых – «фонема ⟨*a*⟩», «фонема ⟨*k*⟩» и т. д.– являются инвариантами по отно-

шению к своим конкретным реализациям – вариантам. По каждому из вариантов можно судить об инварианте благодаря присущим ему инвариантным свойствам. В то же время инвариант и вариант принципиально негомогенны. Напр., фонема ⟨*а*⟩ в отличие от фонов (аллофонов) непроизносима, поскольку является абстрактным названием класса. Мы произносим одни из её вариантов – конкретный звук $[a^1]$, $[a^2]$ или $[a^n]$. Понятие инварианта – классификационное средство упорядочения языкового материала.

Все единицы языка вариативны, т. е. представлены в виде множества вариантов. Вариантное строение единиц языка обусловлено присущим им свойством «экземплярности». Каждая единица существует в виде множества экземпляров, оставаясь при этом сама собой, подобно тому как одна и та же книга может быть размножена в бесчисленном количестве экземпляров. Само бытие отдельной единицы языка есть её варьирование, сосуществование множества её вариантов. В В. единиц языка проявляется вариантно-инвариантное устройство всей языковой системы.

Инварианты, будучи результатом осмысления и объединения объективных общих свойств разных рядов конкретных единиц, могут иметь разную степень абстрактности. Так, все экземпляры звука [*а*] позволяют вывести инвариант «фонемы ⟨*а*⟩», ряд, образуемый «фонемой ⟨*а*⟩», «фонемой ⟨*б*⟩» и т. д., позволяет вывести инвариант – «фонему вообще». Одна и та же конкретная единица может иллюстрировать инварианты разных степеней абстрактности. Так, словоформа *лампа* есть конкретный экземпляр-вариант (аллолекса, лекса) лексемы *лампа* (инвариант 1-й степени абстрактности), экземпляр-вариант существительного (2-я степень), экземпляр-вариант слова вообще (3-я степень).

В силу восходящего к Ф. де Соссюру принципа линейности речи на одно место в речевой цепи может быть помещён только один экземпляр-вариант языковой единицы. Поэтому речь по своей природе вариантна, речевые произведения состоят из вариантов. Распространено мнение, что в отличие от речи язык состоит из инвариантов. Однако поскольку инварианты – это абстрактные сущности, то признать, что язык состоит из абстракций, можно только в рамках понимания языка как «системы классификации». Понимание языка как реального средства (орудия) общения, а речи как применения, использования этого средства заставляет считать, что язык состоит из того же, из чего состоит речь – из конкретных экземпляров, но представленных в виде классов или множеств, названия к-рых, отображающие свойства этих множеств, и есть инварианты. При переходе от языка к речи используются одни из экземпляров этого множества.

В. единиц языка по-разному проявляется на разных уровнях языковой системы. Так, на фонетико-фонологическом уровне, образуемом односторонними единицами, классы вариантов (фонемы), т. е. инварианты, выводятся на основе звуковых и функциональных свойств единиц. На уровнях двусторонних единиц (морфема, лексема и др.) звучание для вывода инвариантов не релевантно, но существенны значение и функция. Наиболее сложным является вопрос о В. значений языковых единиц. Значение любой единицы само по себе инвариантно и служит основой для объединения в вариантный класс разных экземпляров единицы, обладающей этим значением. Разные значения одного и того же слова не варьируют, а аккумулируются в слове. О вариантах «одного и того же значения» относительно нек-рого инварианта, по-видимому, можно говорить, когда в ряду единиц, семантически различающихся, регулярно обнаруживается «одно и то же значение», напр. одно и то же лексическое и общеграмматическое (частеречное) значение у ряда словоформ одного слова. Кроме того, при использовании одного и того же грамматического форманта иногда обнаруживаются как бы оттенки одного и того же основного значения, присущего этому форманту (напр., разновидности перфектного значения во многих языках и т. д.).

Варианты и инварианты языковых единиц не образуют разных уровней языковой системы. В рамках одного уровня можно говорить о единицах как о вариантах и как об инвариантах. Фонема и фон, так же, как и морфема и морф, принадлежат своим уровням (фонологическому и морфемному), соответственно обозначая единицы либо как классы (фонема, морфема), либо как члены классов (фон, морф).

Лит.: Ахманова О. С., Фонология, М., 1954; Якобсон Р., Халле М., Фонология и ее отношение к фонетике, пер. с англ., в кн.: НЛ, в. 2, М., 1962; Илларионов С. В., Гносеологическая функция принципа инвариантности, «Вопросы философии», 1968, № 12; Арутюнова Н. Д., О минимальной единице грамматической системы, в кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М., 1969; Лэм С. М., Очерк стратификационной грамматики, пер. с англ., Минск, 1977; Горбачевич К. С., Вариантность слова и языковая норма. На материалах совр. рус. языка, Л., 1978; Солнцев В. М., Вариативность как общее свойство языковой системы, «ВЯ», 1984, № 2; Jones D., The phoneme, 3 ed., Camb., 1967.

В. М. Солнцев.

Вариа́нты языковы́е – формальные разновидности одной и той же языковой единицы, к-рые при тождественном значении различаются частичным несовпадением, обычно регулярным, своего звукового состава [*огнь – огонь, глас – голос, завоевание – завоеванье, сосредоточивать*(*ся*) *– сосредотачивать*(*ся*), *строгать – стругать* и т. д.].

На фоне того общего, что объединяет все В. я. как способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом (см. Вариантность), существуют и отличительные признаки, разграничивающие В. я. по принадлежности к

разным уровням языка (фонетическому, грамматическому, лексическому).

Варианты, различающиеся произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков, относятся к фонетическим с уточнением характера варьирующегося признака. Так, разновидности произношения составляют круг орфоэпических вариантов: *[т'е]-рапúя – [тэ]рапúя, аг[р'é]ссия – аг[рэ́]ссия, дó[ж'ж']ик – дó[жд']ик, до[жд']ú – до[ж'ж']ú, дое[ж'ж']áть – дое[жж]áть, é[с'л']и – é[сл']и* и т. д. Разновидности слов по месту ударения относятся к акцентным вариантам, один из к-рых часто находится за пределами лит. нормы: *звонúт – звóнит, алфавúт – алфáвит, лéмех – лемéх, мáркетинг – маркéтинг, áтомный – атóмный* и т. д. Варианты, различающиеся по составу фонем, являются фонематическими: *галоша – калоша, шкаф – шкап, валериана – валерьяна, ойраты – ойроты, тоннель – туннель, фортепиано – фортепьяно, эксплоатация – эксплуатация* и др.

Существование этих групп вариантов определяется состоянием звуковой системы рус. языка. Поэтому различия между ними подчиняются определённым закономерностям этой системы: существуют варианты по произношению сочетаний согласных, безударных гласных, напр.: *[шт']иблеты – [щи]блеты, до[мр]а – до[мбр]а, [со]лянка – [сє]лянка*.

Грамматические варианты характеризуются прежде всего тождеством грамматической функции. В соответствии со структурой грамматики различаются след. типы грамматических вариантов. 1) Словоизменительные, представляющие собой варианты словоизменительных форм: форм рода типа *спазм – спáзма*; падежных форм типа *длинóю – длинóй, сы́ра – сы́ру, сéкторы – сектора́, в óтпуске – в отпускý, верхóвий – верхóвьев*; причастных форм типа *промёрзший – промёрзнувший* и т. п. 2) Словообразовательные варианты, у к-рых вариативны словообразовательные аффиксы: *накатка – накат – накатывание, туристский – туристический, двусторонний – двухсторонний, межсоюзнический – междусоюзнический, хромсодержащий – хромосодержащий, омич – омчанин, стандартизовать – стандартизировать* и т. п. 3) Синтаксические варианты, к к-рым относятся варианты управления, согласования и примыкания: *большинство стремилось – большинство стремились, две основные задачи – две основных задачи, нельзя купить спичек – нельзя купить спички, просьба предоставить убежище – просьба о предоставлении убежища, документов не сохранилось – документы не сохранились* и т. п.

В отличие от других типов В. я., грамматические варианты характеризуются грамматической системностью, регулярной взаимозаменяемостью (эта черта присуща всем типам вариантов), функциональной эквивалентностью грамматического значения в пределах взаимозаменяемых контекстов, однородностью сравниваемых грамматических структур. Ведущим признаком грамматических вариантов является грамматическая системность, предполагающая регулярное колебание грамматической формы, в результате чего в языке появляются грамматические типы вариантов, т. е. ряды варьирующихся форм-моделей. Напр., словообразовательный тип двувидовых глаголов на *-изова(ть) – -изирова(ть): стандартизовать – стандартизировать, экранизовать – экранизировать, кристаллизовать – кристаллизировать, локализовать – локализировать* и т. д.

Лексические варианты, представляющие собой разновидности одного и того же слова, характеризуются тождественной лексико-семантической функцией и частичным различием звукового состава неформальной (в отличие от грамматических вариантов) части слова: *меж – между, средина – середина, ветр – ветер, злато – золото, посребрённый – посеребрённый, брег – берег, мадемуазель – мадмуазель, бивак – бивуак, посребрить – посеребрить* и др. Типы лексических вариантов обусловлены системностью лексики, характером парадигматических и синтагматических отношений в ней. В отличие от грамматических вариантов, ряд лексических вариантов одномерен – он располагается только по горизонтали, и при этом варианты слов характеризуются тождеством не означающего, а означаемого.

В. я.– категория историческая, поэтому время сосуществования В. я., т. е. характер и продолжительность фазы вариантности, особенно важно рассматривать в нормативно-историческом аспекте. Орфоэпические и акцентные варианты существуют только в устных формах речи (однако иногда проявляются и в стихотворных произведениях). Нек-рые грамматические варианты имеют вековую историю, тогда как для ряда фонематических вариантов характерно однолетнее существование, закреплённое на письме в вариантах написания (*фломастер* и *фламастер, постижёрский* и *пастижёрский* – нормативны только первые варианты в этих парах); однако всё это осмысляется как неизбежная языковая закономерность.

В русистике изучение В. я. получило развитие в связи с разработкой проблем нормализации рус. языка и анализа динамики лит. нормы (работы Г. О. Винокура, В. И. Чернышёва, С. П. Обнорского, С. И. Ожегова). В 1939 Обнорский, Л. В. Щерба, А. Н. Никулин составили «Вопросник по нормативной грамматике русского языка» (содержавший перечень грамматических вариантов), к-рый был распространён среди лиц разных возрастов и профессий. На него было получено 96 ответов. В 1956 по инициативе Ожегова был опубликован «Вопросник по произношению, ударению и грамматическим формам современного

литературного языка», на к-рый было получено ок. 700 ответов. В 1959–64 в связи с разработкой темы «Русский язык и советское общество» в Ин-те рус. языка (см. Институт русского языка РАН) были подготовлены четыре вопросника по вариантам произношения, грамматики, словообразования и лексики. Компьютерная обработка полученных данных дала возможность впервые собрать обширный статистический материал: по морфологическому вопроснику было обработано св. 4000 анкет, получено 1890 таблиц и ок. 1,5 млн. ответов. Материалы вопросников были использованы в монографии «Русский язык и советское общество» (под ред. М. В. Панова, 1968) и в кн. «Русский язык по данным массового обследования» (1974). Исследования нормы употребления вариантов в письменной речи легли в основу частотного словаря грамматических вариантов («Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов», 1976), представившего сводку наиболее употребительных синтаксических, словоизменительных и словообразовательных вариантов. Статистические данные для словаря были получены на основе компьютерного обследования языка газет кон. 60-х – 1-й пол. 70-х гг. 20 в. Выборка объёмом в 2 млн. слов содержала 100 тыс. вариантов.

Наряду с лингвостатистическими исследованиями разрабатываются теоретические проблемы языковых вариантов в рус. лит. языке (работы К. С. Горбачевича, Р. П. Рогожниковой, В. Н. Немченко, В. М. Солнцева и др.). В этих работах подчёркивается, что варианты неизбежно сопутствуют языковой эволюции, они появляются в результате трансформации языковых средств вследствие контакта лит. языка с диалектами, профессиональной речью, просторечной или жаргонной стихией, другими языками.

Всем типам В. я. свойственны общие черты – структурность, регулярная воспроизводимость в пределах всей исторической фазы сосуществования вариантов, употребительность, связь с внешними и внутренними факторами, воздействующими на их функционирование. Совр. лингвостатистика установила вероятностный характер употребления вариантов в речи: элемент неопределённости может быть сведён к уточнённому характеру распределения вероятностей функционирования конкурирующих языковых единиц.

Системный подход при исследовании В. я. позволяет комплексно сочетать все необходимые аспекты – количественные, функционально-семантические, стилистические и структурные. Значительные группы В. я. состоят из взаимосвязанных категориальных подсистем различной природы, автономия каждой из к-рых соответствует отдельным подсистемам фонетического, грамматического или лексического уровня. Так, по грамматическим свойствам языка разграничиваются варианты имени и глагола; варианты имени, в свою очередь, распадаются на варианты существительных, прилагательных, местоимений и т. д. Существенным признаком систем вариантности является определённый порядок взаимозависимости и соподчинения подсистем и в то же время нек-рая степень неопределённости в употреблении варьирующихся единиц.

На появление В. я. оказывают влияние и внешние, и внутренние факторы. К внешним относится социологический аспект речи. Недостаточная кодифицированность нормы, отсутствие нормативных указаний об употреблении нек-рых вариантов в словарях (толковых и ортологических), слабая разработанность правил в учебниках и грамматиках является ещё одним внешним и существенным фактором, оказывающим влияние на процесс развития варьирования языковых единиц. Норма должна разрабатываться с учётом влияния на существование В. я. как факторов, постоянно действующих в течение длительного периода, так и временных, периодических или случайных.

К внутренним факторам относятся морфологическая структура слова, характер морфем, синтаксическая позиция слова в предложении, семантические и стилистические показатели – факторы, влияющие на вариативность определённых классов грамматических вариантов.

Лит.: Виноградов В. В., О формах слова, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1944, т. 3, в. 1; Цейтлин Р. М., Употребление полногласных и неполногласных вариантов в рус. лит. языке кон. 18 – нач. 19 вв., М., 1946; Винокур Г. О., О славянизмах в совр. рус. лит. языке, «Рус. яз. в школе», 1947, № 4; Ахманова О. С., Очерки по общей и рус. лексикологии, М., 1957, ч. 4; Шендельс Е. И., Синтаксические варианты, «НДВШ. ФН», 1962, № 1; Филин Ф. П., О слове и вариантах слова, в кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов, М.– Л., 1963; Граудина Л. К., К истории неполногласных вариантов в рус. поэзии второй пол. XIX века. Автореф. канд. дисс., М., 1963; её же, Вопросы нормализации рус. языка. Грамматика и варианты, М., 1980; Рогожникова Р. П., Варианты слов в рус. языке, М., 1966; Михайловская Н. Г., К вопросу о категории вариантности (существительные на *-ие/-ье* в языке Б. Пастернака), в кн.: ВКР, в. 8, М., 1967; Трудности словоупотребления и варианты норм рус. лит. языка. Словарь-справочник, [под ред. К. С. Горбачевича], Л., 1973; Рус. язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения, под ред. Л. П. Крысина, М., 1974; Горбачевич К. С., Вариантность слова и языковая норма. На материалах совр. рус. языка, Л., 1978; Лит. норма и вариантность. [Сб. ст.], М., 1981; Солнцев В. М., Вариативность как общее свойство языковой системы, «ВЯ», 1984, № 2; Немченко В. Н., Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в совр. рус. языке, Красноярск, 1990; его же, Вариантность слова в рус. языке. Фонематические варианты, Нижний Новгород, 1992

Словари: Краткий словарь трудностей рус. языка. Для работников печати, М., 1968; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Грамматическая правильность рус. речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А., Словарь трудностей рус. языка, 6 изд., М., 1987; [Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.], Орфоэпический словарь рус. языка. Произношение, ударение, грамматические формы, 5 изд., М., 1989; Еськова Н. А., Краткий словарь трудностей. Грамматические формы. Ударение, М., 1994.

Л. К. Граудина.

 Вво́дное предложе́ние – конструкция, формально соотносимая с предложением, но функционально аналогичная вводному слову (см.). Наиболее распространены след. грамматические типы В. п.: двусоставные личные предложения (*я думаю, вы знаете, полагал он, как сейчас помню* и т. д.); односоставные неопределённо-личные (*ему сказали, как говорили* и т. п.); односоставные безличные (*думалось мне, казалось ему, как говорится, само собой разумеется, как нам стало известно* и др.).

В. п. содержат информацию, аналогичную той, к-рая передаётся с помощью вводных слов, многие из к-рых представляют собой «редуцированные предложения». По сравнению с вводными словосочетаниями и словами В. п. отличаются большей смысловой и синтаксической расчленённостью: *«Он меня, вы знаете, очень уважает»* (Тургенев) – ср. вводное слово *знаете*; *«Душа моя, я помню, с детских лет чудесного искала»* (Лермонтов); *«Некрасивого, доброго человека, каким он себя считал, можно, полагал он, любить как приятеля»* (Л. Н. Толстой); *«И кроме свежевымытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо»* (Маяковский).

В. п. могут включаться в основное предложение с помощью союзов и союзных слов: *как уже было сказано, как удалось выяснить, как это всегда бывает, что гораздо важнее, если хотите знать, если так можно выразиться, насколько можно верить источникам* и др. Союзные средства, участвующие в оформлении В. п., не выражают отношений, реализуемых аналогичными союзами в сложных предложениях, построенных по принципу подчинения: *«Эти собаки, если не ошибаюсь, происходят от простых дворняжек и овчарок»* (Куприн).

В. п. характеризуются специфической интонацией, на письме для их оформления используются запятые, тире и скобки. В. п. могут быть ориентированы на содержание основного предложения в целом или на его отдельные фрагменты. Типичной позицией В. п. в первом случае является середина основного предложения; во втором случае В. п. находится в контактной позиции по отношению к непосредственному объекту оценки: *«И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре – можете себе представить – едва не женился»* (Чехов).

Лит. см. при ст. Вводные слова. *М. В. Ляпон.*

Вво́дные слова́ – слова, к-рые занимают в предложении автономную позицию и выполняют оценочно-квалификативную функцию, выражая различные аспекты субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Аналогичную функцию выполняют вводные словосочетания и вводные предложения (см.). Являясь языковыми образованиями, различающимися своей внутренней структурой, В. с., сочетания слов и предложения объединяются в особый класс единиц общностью функции и спецификой позиции, занимаемой в рамках высказывания. Границы между этими единицами условны. Для выделения вводных единиц на письме используются запятые, тире и скобки.

Основную массу В. с. составляют модальные слова – особый класс лексем (и оторвавшихся от своей парадигмы словоформ), специализированных на выражении категории субъективной модальности (см. Модальность). Многие из этих слов соотносимы с другими частями речи, но функционально им не тождественны.

Семантическую основу вводных единиц образует значение оценки, причём её логический (интеллектуальный) характер часто осложняется эмоционально-экспрессивным созначением. С помощью В. с. и словосочетаний говорящее лицо 1) уточняет степень достоверности сообщаемого: *безусловно, вероятно, по-видимому, разумеется, кажется, надеюсь, пожалуй, в самом деле* и др.; 2) отмечает степень обычности или необычности сообщаемого: *случается, бывает, по обыкновению, как правило* и др.; 3) объективирует излагаемое указанием на его источник: *известно, по-моему, слышно, говорят, на мой взгляд, по словам* (кого-л.) и др.; 4) характеризует способ оформления мысли, маркируя словесную форму, адекватную сущности обозначаемого: *вернее, точнее, лучше сказать, одним словом, по сути (дела), собственно говоря, грубо говоря, иными словами* и др.; 5) распределяет композиционно-смысловые акценты в предложении: *во-первых, итак, значит, следовательно, наконец, главное, кстати, повторяю, к примеру, между прочим* и др.; 6) акцентирует те или иные моменты излагаемого с целью привлечь внимание собеседника или вызвать его определённую реакцию: *представьте, послушайте, заметьте, согласитесь, не поверите, признаться, откровенно говоря, уверяю вас, между нами, кроме шуток* и др.; 7) выражает различные эмоциональные оттенки (удовольствие, неодобрение, осуждение и пр.): *к счастью, к сожалению, грешным делом, странное дело, помилуйте, чего доброго, не ровён час* и др.

Позиция вводного компонента предложения, при всей его потенциальной подвижности, регулируется целенаправленностью комментария: поправки, ремарки, оценки. Если объектом такого комментария является содержание предложения в целом, то вводный компонент обычно стоит в начале или в конце предложения: *«К нашему счастью, взошло наконец прекрасное солнце»* (Пришвин). Если вводный компонент ориентирован на определённое слово, то в этом случае он занимает контактную позицию по отношению к этому слову: *«Испуг по поводу пустой, на мой взгляд, болезни по-прежнему чувствовался во всей семье»* (Короленко).

Лит.: Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в рус. языке, в кн.: Тр. Ин-та рус. языка АН СССР, т. 2, М.– Л., 1950; Шведова Н. Ю., Очерки по

синтаксису рус. разг. речи, М., 1960; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1960; Совр. рус. язык, под ред. Д. Э. Розенталя, 4 изд., М., 1971; Гвоздев А. Н., Совр. рус. лит. язык, ч. 1–2, 4 изд., М., 1973.

М. В. Ляпон.

Вид – грамматическая категория глагола, обобщённо указывающая, как протекает или как распределяется во времени обозначенное глаголом действие; выражается противопоставлением частных грамматических значений и форм совершенного и несовершенного вида.

В связи с производным (гл. обр. суффиксальным) и нерегулярным характером образования видовых пар, а также с отсутствием специальных видовых показателей сов. вида и наличием глаголов несов. вида, не имеющих системных показателей несов. вида (напр., *знать, колоть*), ряд учёных считает категорию В. не словоизменительной, а словообразовательной и классифицирующей. Парные глаголы сов. вида и несов. вида рассматриваются не как словоформы одного глагола, а как разные глаголы, что отразилось на традиционной терминологии: говорят о «видовой парности глаголов» или о «глаголах сов. вида» и «глаголах несов. вида». Другие учёные, обращая внимание на многочисленное противопоставление В. в рамках одних и тех же лексических значений глагола, рассматривают парные глаголы сов. вида и несов. вида как словоформы одного глагола, а категорию В.– как словоизменительную категорию. Производный характер образования видовых пар не препятствует такому пониманию (напр., образование формы прош. времени при помощи суффикса *-л-* от основ инфинитива). Случаи, когда лексическое значение глагола оказывается неспособным выступать в формах обоих В., объясняются влиянием лексико-семантических особенностей глагола на выражение видовых значений (ср. подобное влияние на образование форм числа существительных). В лексикографической практике видовые пары обычно не выделяются как отдельные лексемы и указываются как словоформы одного глагола. Взгляд на категорию В. как словоизменительную категорию основывается на строгом разграничении лексических, словообразовательных и грамматических значений и учёте их взаимосвязи в словоформах.

Критериями выделения видовых пар являются: 1) идентичность их лексического толкования; противопоставление глаголов по значениям способов действия не относится к видовой парности (ср. *кричать – закричать, спать – поспать, болеть – разболеться* и др.); 2) синонимичное употребление двух видовых форм одного глагола в историческом настоящем (ср. *Он написал записку и вышел на улицу – Он пишет записку и выходит на улицу*); 3) возможность синонимичного толкования видовых пар, образованных с помощью приставок, через видовые пары, образованные при помощи суффиксов, напр. *делать – сделать* толкуются с помощью глаголов *производить – произвести* (действие), *благодарить – поблагодарить* – с помощью словосочетаний *выражать благодарность – выразить благодарность*.

Семантической основой противопоставления грамматических значений сов. и несов. вида является достижение/недостижение или отсутствие внутреннего предела в обозначенном действии, что формирует значение целостности действия как неделимой совокупности начала, продолжения и конца обозначенного действия – сов. вид и значение нецелостности обозначенного действия (без признаков совокупности начала и конца в осуществлении действия) – несов. вид. При обозначении действия формой сов. вида его субъект представлен вне осуществления действия во «внутреннем времени», при обозначении действия формой несов. вида субъект представлен как сопряжённый с аспектуальным осуществлением действия (с его процессным осуществлением, неограниченной повторяемостью, постоянной потенциальностью); ср.: *он поработал – поработает* и *он работал (когда я пришёл к нему) – работает – будет работать, каждый день работал; она играет на гитаре* ('умеет играть'), *он отлично рисует*. Указанные общие значения видов выводятся из противопоставления частных значений видов. Частные значения видов – это типизированные значения видовых форм при их конкретном речевом употреблении. Они проявляют себя в определённых контекстуальных и ситуативных условиях, а также в лексических значениях глагола и в комбинации видовых форм с другими грамматическими формами глагола (см. Несовершенный вид, Совершенный вид).

Однако форма несов. вида, в отличие от формы сов. вида, может употребляться для обозначения действий без определённых видовых и других характеристик; напр.: *Я читал эту книгу; Он говорил мне об этом* – здесь глагольные предикаты констатируют факты в общей форме, без учёта того, имели ли они место один раз или повторялись, были ли они целостными или нецелостными; ср.: *Я читал эту книгу, но не до конца; Я читал эту книгу от начала до конца*. Эту функцию формы несов. вида принято называть общефактической (или общеконстатирующей), она только указывает на сопряжённость действия с субъектом, не уточняя особенностей конкретного осуществления действия. Т. о., форма несов. вида в рус. языке может выступать в видовой и в нейтрализованно-видовой функции. Последняя широко употребительна в рус. речи и имеет свои разновидности: общефактическую, не допускающую синонимичного употребления формы сов. вида (примеры см. выше), и единично-фактическую, допускающую синонимичное употребление формы сов. вида: *Кто покупал/купил эти билеты?; Ты обедал/пообедал уже?* Возможность синонимии видовых форм определяется контекстом (речевым или ситуативным), к-рый однозначно указывает на то,

что речь идёт о целостных действиях: *Кто шил/сшил вам этот костюм?* (речь идёт о готовом костюме); *Что тебе брать/взять на второе?* (в столовой). В качестве контекстов, нейтрализующих видовые значения сов. и несов. вида, могут выступать также высказывания о действиях в их потенциальной типичности, вне определённой временно́й локализации (пословицы, поговорки, сентенции): видовая характеристика предикатов таких высказываний в принципе безразлична; ср.: *Знает кошка, чьё мясо съела; От искры сыр-бор загорается; По-русски говорят/скажут так-то.* В таких случаях форма несов. вида констатирует сообщённо-потенциальную фактовость действия, а форма сов. вида обозначает действие как одно из «серийных» действий (наглядно-примерная функция).

Противопоставление видов проявляется как в видовых парах – глаголах с одним и тем же лексическим значением, относящихся к разным видам (*решить – решать, делать – сделать*), так и в одновидовых глаголах, имеющих только несов. вид (*сидеть, находиться*) или только сов. вид (*раскричаться, поспать*). Выделяются также двувидовые глаголы (см.), вид к-рых устанавливается из контекста и не имеет формального выражения (*казнить, конфисковать, женить*).

Особенность категории В. состоит в том, что средством выражения видовых различий служит целостная структура глагольной основы, состоящая из определённой комбинации морфем. Бесприставочные глаголы в большинстве случаев относятся к несов. виду (*писать, работать*), приставочные – к сов. виду, если они включают одну приставку и не имеют грамматических суффиксов несов. вида, переводящих глаголы сов. вида в парные глаголы несов. вида: *подписать* (сов. вид) – *подписывать* (несов. вид).

Различаются три типа видовых пар: 1) суффиксальный, состоящий из глагола сов. вида и образованного от него глагола несов. вида при помощи суффиксов *-ива-(-ыва-)*, *-ва-*, *-а-* (*заработать – зарабатывать, заболеть – заболевать, решить – решать*); 2) приставочный, состоящий из бесприставочного глагола несов. вида и приставочного глагола сов. вида, лексические значения к-рых не отличаются друг от друга (*писать – написать, желтеть – пожелтеть, тонуть – утонуть*); 3) супплетивный, состоящий из глаголов с разными основами, не отражающими регулярных чередований (*брать – взять, класть – положить, говорить – сказать, сесть – садиться, стать – становиться*). Суффиксальное образование видовых пар может сопровождаться чередованием согласных (*предупредить – предупреждать, запретить – запрещать*), чередованием гласных в корне (*усвоить – усваивать, выкопать – выкапывать, начать – начинать*) и изменением места ударения (*насы́пать – насыпа́ть, отре́зать – отреза́ть*). Распределение суффиксов несов. вида – *-ива-(-ыва-)*, *-ва-*, *-а-* не имеет строгих правил: во многих случаях оно зависит от морфонологической структуры основы сов. вида (см. Имперфективация), в нек-рых других объясняется историческими факторами. Наиболее продуктивным суффиксом несов. вида является *-ива-(-ыва-)*. Приставочный тип видовых пар устанавливается в словарном порядке, т. к. в системе рус. глагола нет «чистовидовых» приставок (нек-рые учёные придерживаются иного мнения) и образование приставочной пары зависит от приравнивания значения (в т. ч. исторического) приставки и значения соответствующего бесприставочного глагола несов. вида.

Особые правила образования видовых пар имеют приставочные глаголы однонаправленного движения: приставочные глаголы, образованные от шести бесприставочных глаголов однонаправленного движения (*везти, вести, гнать, идти, лететь, нести*), образуют несов. вид с использованием основ соответствующих глаголов неоднонаправленного движения: *вывезти – вывозить, вылететь – вылетать, зайти – заходить, догнать – догонять, привести – приводить, принести – приносить;* остальные приставочные глаголы однонаправленного движения образуют несов. вид при помощи суффиксов: *откатить – откатывать, выползти – выползать, перелезть – перелезать, приехать – приезжать* и т. п. (см. Глаголы движения).

Тенденцию к образованию видовых пар имеют прежде всего предельно-результативные глаголы (см. Аспектология): *строить – построить, ставить – поставить, лишить – лишать, подкрасить – подкрашивать.* К одновидовым глаголам сов. вида относятся обычно предельные глаголы со значением одноактного действия (*махнуть, кольнуть*), появления неожиданного, непредвиденного результата, состояния (*очутиться, опомниться*), временно́й ограниченности [*полежать, проспать (всю ночь), заплакать, отшуметь*], подчёркнутой интенсивности действия (*раскричаться, взреветь, разозлить*), суммарности объективно многократного действия [*переломать (все стулья), наносить (много воды)*], крайней степени длительности или интенсивности действия (*заждаться, изголодаться, умаяться*). В ряде случаев наблюдаются нерегулярные парно-видовые образования, в к-рых форма несов. вида выступает только или преим. в значении повторяющихся действий: *засидеться – засиживаться, просидеть (час) – просиживать (часы), доехать – доезжать.* Приставочные глаголы на *-ова-ть* образуют парные глаголы несов. вида только в том случае, если ударение падает на конечный гласный основы: *загримировать – загримиро́вывать*, но только *забальзами́ровать*; *заколдова́ть – заколдо́вывать*, но только *загипнотизи́ровать*.

Среди предельно-результативных глаголов в рус. языке встречаются нерегулярные и нестабиль-

ные видовые тройки, когда форма сов. вида соотносится с двумя формами несов. вида, одна из к-рых образуется при помощи суффиксов от формы сов. вида: *читать – прочитать – прочитывать, есть – съесть – съедать, слабеть – ослабеть – ослабевать, сохнуть – высохнуть – высыхать.* Приставочные формы несов. вида отличаются выражением подчёркнутой направленности на результативность в осуществлении действия.

Непредельные глаголы относятся только к несов. виду и не образуют видовых пар (*свистеть, беседовать, болеть*), но могут образовывать предельные глаголы со значением особых способов действия (см. Способы глагольного действия): *плакать – заплакать* (начало действия), *жить – прожить* (*многие годы в деревне*) (ограничительно-временно́й способ действия), *шуметь – отшуметь* (финитивный способ действия) и др. Такие образования, как правило, не допускают суффиксальных форм несов. вида. Выделяются также непредельные глаголы, к-рые не образуют предельных глаголов со значением способов действия (*иметь, весить, стоить, называться, отсутствовать* и др.).

Категория В., в отличие от категорий времени, лица, наклонения, тесно связана с лексико-семантическими особенностями рус. глагола. От категории В. зависит образование причастий, деепричастий, залога, наст. и буд. времени, императива совместного действия, своеобразие функций временны́х форм, повелительного наклонения, инфинитива. Категория В. оказывает влияние на синтаксические связи слов и предложений и участвует в организации целых текстов. *М. А. Шелякин.*

В. возник в поздний период развития праславянского языка (см.), очевидно, непосредственно предшествовавший его разделению на отдельные славянские языки (см.). Появление В. было связано с актуализацией значения процесса, длительного действия, направленного на достижение результата – значения имперфективности. Несов. вид, с развития к-рого и началось становление категории В., возник на стыке довидовых семантических категорий определённости – неопределённости и предельности – непредельности. Исходное видовое значение процессуальности, складывавшееся в первую очередь у приставочных глаголов, сначала актуализировалось в сфере наст. времени. Для его выражения первоначально использовались особые формы наст. времени, образовывавшиеся по моделям, функционировавшим в области создания неопределённых глаголов (*измететь – измечеть, наскочить – наскачеть, прилетить – прилѣтаеть* и т.п.). Основной путь развития В. состоял в создании его семантического потенциала, включавшего как основные значения сов. и несов. вида, так и вторичные, частные, функциональные значения. Вместе с тем складывался и морфологический механизм для выражения главных видовых значений. Основным процессом оформления В. как грамматической категории было образование в сфере приставочных, а затем и бесприставочных глаголов видовых корреляций, бинарных по значению и, как правило, многочленных по форме, в к-рых корреляту общего В., постепенно превращавшегося в сов. вид, противостоял ряд вариантов несов. вида (*накажеть – наказаеть, наказуеть, наказываеть*). Эти варианты появлялись вследствие того, что в ходе развития категории В. для создания форм несов. вида наряду с чередованием гласных (*положити – полагати, высълати – высылати* и др.) использовались различные модели имперфективации (см.), как древние довидовые, так и новые специализированные [суффиксы *-а-*, *-ва-*, *-ова-*(*-ева-*), *-ja-*]. Наиболее продуктивным средством имперфективации глаголов, сложившимся на др.-рус. почве, стал и продолжает оставаться суффикс *-ива-*(*-ыва-*). С развитием нормализационных процессов многочисленные корреляции превращались в двучленные видовые пары, однако нек-рые варианты несов. вида сохранились до наших дней (*заготовлять* и *заготавливать, осушать* и *осушивать* и т. п.).

На протяжении всей истории рус. языка в тесной связи с развитием категории В. шло преобразование др.-рус. системы глагольных времён, в процессе к-рого первичные видовые формы наст. времени несов. вида приобрели полную парадигму (см.), т. е. формы всех глагольных времён, а также соответствующие формы инфинитива и причастий, получив, т. о., грамматический статус отдельного слова. Существенным этапом этого процесса была утрата древних форм прош. времени – аориста (см.), имперфекта (см.), перфекта (см.) и плюсквамперфекта (см.) – и замена их универсальной формой прош. времени, образующейся от глаголов обоих видов. Древние формы наст.-буд. времени, временно́е значение к-рых определялось контекстом, у глаголов сов. вида закрепили за собой значение буд. времени (*перепишу, решу*), а у глаголов несов. вида – значение наст. времени (*переписываю, решаю*). Указанное преобразование завершилось только в 16–17 вв. созданием форм буд. времени несов. вида (*будет переписывать, будет решать*).

В совр. рус. языке установились три типа связи временны́х форм с видовым значением глагола: полная независимость временно́й формы от видового значения глагольной основы (формы прош. времени), полная зависимость (аналитические формы буд. времени) и зависимость, отчасти обусловленная видовой семантикой основы, отчасти контекстом (формы простого наст.-буд. времени). Для этих форм зависимость от контекста существует у двувидовых глаголов (*казнить, венчать*), у форм сов. вида с функциональным значением обычного настоящего (*Обычно он решит задачу раньше всех, перепишет набело и пойдёт домой*)

и у форм несов. вида с функциональным значением буд. времени (*Завтра я собираю все листы, переписываю их набело и несу машинистке*).

В. Б. Силина.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Вопросы глагольного вида, М., 1962; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Рус. глагол, М., 1967; Бондарко А. В., Вид и время рус. глагола, М., 1971; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Гловинская М. Я., Семантические типы видовых противопоставлений рус. глагола, М., 1982; Рассудова О. П., Употребление видов в совр. рус. языке, 2 изд., М., 1982; [Силина В. Б.], История категории глагольного вида, в кн.: Историческая грамматика рус. языка. Морфология. Глагол, под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова, М., 1982; Шелякин М. А., Категория вида и способы действия рус. глагола, Тал., 1983; Др.-рус. грамматика, М., 1995. См. также лит. при ст. Аспектология

Вини́тельный паде́ж – 1) форма существительного, входящая в парадигму единственного и множественного числа, с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): ед. ч.– *стол, город, коня, край, жену, землю, болото, поле, кость, дочь, имя, путь*; мн. ч.– *столы, города, коней, края, жён, земли, болота, поля, кости, дочерей, имена, пути*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного или причастия, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.– *круглый* и *круглого, круглую, круглое; синий* и *синего, синюю, синее; крепкий* и *крепкого, крепкую, крепкое; лисий* и *лисьего, лисью, лисье; тётин* и *тётиного, тётину, тётино; отцов* и *отцова, отцову, отцово; действующий* и *действующего, действующую; сломанный* и *сломанного, сломанную*; во мн.ч.– *круглые* и *круглых, синие* и *синих, крепкие* и *крепких, лисьи* и *лисьих, тётины* и *тётиных, отцовы* и *отцовых, действующие* и *действующих, сломанные* и *сломанных*; 4) ряд таких форм прилагательного или причастия (в ед. и мн. ч.), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения В. п.– объектное и определительное (т. е. различные виды обстоятельственности и производное от нек-рых из них значение предикативного признака); на периферии семантической системы В. п. находится субъектное значение. Объектное значение В. п. проявляется: 1) при переходных глаголах: *купить дом, читать книгу, ждать друга*; 2) при предикативах: *жалко, жаль* (*жаль брата*), а также *надо, нужно, больно, видно, слышно, заметно* – тогда, когда в предложении присутствует указание на субъект состояния: *Мне надо пропуск; Ему больно руку*; 3) в односоставных предложениях, означающих требуемый объект: *Карету мне!; Награду храбрым!* Определительное (по мере, времени, количеству) значение В. п. имеет место в условиях явно выраженных лексико-семантических ограничений: *ехать километр, ждать час, встречаться каждый вечер, стоить рубль*. Те формы, к-рые определяют собою что-н. по времени и повторяемости, могут занимать позицию сказуемого: *Вся операция – одну минуту; Лекции – каждый день*. Такие же формы способны распространять предложение в целом: *Третьи сутки ждём вылета; Полвека уж нет этих стариков; Каждый вечер ссора*. Субъектное значение появляется у В. п. только в предложении. Это: 1) В. п., вынесенный в начальную (субъектную) позицию в предложениях, сообщающих о состоянии лица, со сказуемым – глаголом со значением эмоционального или внешнего состояния и подлежащим – отвлечённым существительным: *Меня огорчает неудача, настораживает ложь; Ребят воодушевил успех; Семью постигло горе*; также: *Его тянет путешествовать; Собеседника подмывает спорить*; 2) в таких предложениях, как *Ребёнка знобит; Больного тошнит; Меня всего трясёт*. Субъектное значение сочетается с объектным в таких типах предложений, как *Звёзды видно; Голоса слышно*, когда в предложении не обозначен воспринимающий субъект (*видны звёзды* и *кто-то видит звёзды*), а также в предложениях типа: *Человека убило; Бойца ранило*, в к-рых не обозначен субъект действия (*человек убит* и *убили человека*). Наращивание субъектного значения В. п. в предложении всегда определяется совместным действием синтаксического и лексико-семантического факторов.

В. п. сочетается с широким кругом предлогов – простых и производных. В сочетании с простыми предлогами – *в, на, за, о* (*об*), *по, под, про, с, через* – В. п. может иметь определительное значение (по месту, времени, мере, качеству, свойству, назначению, цели, причине и др.), объектное (*углубиться в работу, голосовать за кандидата, способен на всё, ушибиться о косяк, идти по ягоды, думать про детей*), а также выполняет функцию необходимой информативно восполняющей формы (*прослыл за чудака, известен за болтуна*). В предложении В. п. с простыми предлогами, помимо названных значений, может обозначать предикативный признак (в сказуемом: *Письмо – в министерство; Медаль – за отвагу; Путь – через горы*) или распространять предложение в целом, выражая при этом разные виды детерминации (*В метель страшно оказаться в поле; За версту от города – озеро; Под Новый год возможны всякие чудеса; С неделю не спал; Через дорогу – магазин*), либо объектное значение (*На пятерых – трое лыж; Об ушедших – ни слова*). В таких предложениях, как *На меня напал страх; На него нашло раздумье; На ребят накатило упрямство*, вынесенный в начальную позицию В. п. одушевлённого существительного обозначает субъект состояния.

В сочетании с предлогами *за, с, под* В. п. в соединении с определённым кругом слов выражает приблизительность: *Ему за тридцать; Набра-*

лось за сорок посетителей; Ей под пятьдесят; Получил с сотню поздравлений; Ждали с полчаса; С десяток учеников больны. В сочетании с производными предлогами и предложными образованиями – *в ответ на, включая, исключая, невзирая на, несмотря на, погодя* (*немного, час, минуту, сутки* и т. п.), *пройдя, сквозь, спустя* (*день, час, год, столетие* и т. п.) – В. п. выражает разные виды определительности и детерминации, соответствующие лексическим значениям предлогов, а также занимает позицию сказуемого.

Лит.: Станишева Д. С., Винительный падеж в вост.-слав. языках, София, 1966; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. См. также лит. при ст Падеж. *Н. Ю. Шведова.*

Виногра́довская шко́ла в языкознании. Возникла в 40–50-х гг. 20 в., объединяет учеников и последователей В. В. Виноградова общим пониманием природы языка, задач и методологии его исследования. Виноградов работал в Ленинграде (проф. ЛГУ, 1920–29), Кирове, Тобольске, Москве (проф. МГУ, 1930–69). Крупный организатор отечественной филологической науки: акад.-секретарь (1950–63) Отделения лит-ры и языка (ОЛЯ) АН СССР; директор (1950–54) Ин-та языкознания АН СССР (ныне РАН); директор (1958–68) Ин-та рус. языка АН СССР (ныне РАН; с 1995 имени Виноградова); в 1945–69 возглавлял кафедру рус. языка в МГУ, где вместе с ним плодотворно работали Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, Т. П. Ломтев, Н. Ю. Шведова, С. И. Ожегов, Н. С. Поспелов, В. А. Белошапкова, С. А. Копорский, А. И. Ефимов, Е. М. Галкина-Федорук и др. По инициативе Виноградова был основан ж. «Вопросы языкознания» (гл. ред. в 1952–69).

Виктор Владимирович Виноградов
31.12.1894 (12.1.1895)–4.10.1969

Виноградова отличала громадная эрудиция, глубокое знание истории рус. лит-ры и рус. языка, рус. общественной жизни, исключительная осведомлённость в области истории лингвистической науки, и прежде всего рус. лингвистической мысли. Значительное влияние оказали на него идеи А. А. Шахматова и Л. В. Щербы. От Шахматова он воспринял методику сравнительно-исторического анализа и углублённого, строгого системного описания языка, от Щербы – интерес к языку как живой и активно функционирующей системе, к движению языковых норм. Рассматривая язык как общественное явление, Виноградов видел в нём не только эволюцию системы, но и развитие видов и разновидностей языка и речи. Разрабатывая теорию стиля, он устанавливал и прослеживал связи между языковой личностью и общенациональным языком во всех разновидностях его функционирования.

В теории Виноградова в центре изучения языка стоит, с одной стороны, слово как центральная единица языковой системы, с другой стороны – текст во всей его сложности, рассматриваются взаимоотношения языка и речи, раскрываются динамика языковых явлений, особенности рус. речи, её закономерности и формы. Эта концепция отличается от концепции Ф. де Соссюра, описывающего язык вне языковых и речевых разновидностей, вне связи с актом речи, и от филологической концепции К. Фосслера, ориентированной прежде всего на экспрессивно-эстетическую функцию языка.

Виноградов предложил новую систематизацию разделов и подразделов рус. языкознания. В соответствии с его взглядами оно включает: серию историко-лингвистических дисциплин – диалектологию, историческую грамматику, историю языка, историю лит. языка (в т. ч. историю слов), историю языка художественной лит-ры (была предложена, в частности, новая периодизация истории рус. лит. языка); стилистику в её нормативной (культура речи, теория нормы) и историко-функциональной (функциональные и авторские стили) разновидностях; дисциплины, содержащие системное описание совр. рус. лит. языка (фонетика, лексика, фразеология, грамматика, словообразование); науку о языке художественной лит-ры и языке писателей; историю филологических учений. Виноградов дал образцы исследований в каждой из этих областей. Новая систематизация была во многом обращена к практике.

Виноградов создал новую систематизацию частей речи, практически применив предложенный Щербой критерий синтаксических свойств слова: в систему частей речи были включены «частицы речи», модальные слова и категория состояния. Тем самым принимались во внимание морфологические, словообразовательные и семантические свойства слова. Книга Виноградова «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» (1947; 3 изд., 1986; Гос. пр. СССР, 1951) опиралась на научную оценку и интерпретацию всех составляющих общенационального лит. языка (его истории, языка писателей-классиков, языка и речи образованного населения, а также «внелитературной речевой стихии»), на системные связи всех языковых категорий, сложные взаимодействия разных функциональных сфер речи; она послужила научной основой для создания последующих грамматик

рус. языка и грамматик других языков, важным методологическим импульсом для разработки проблематики совр. лит. языков (напр., славянских, нем. и др.). Эта книга, на широком историческом фоне отражавшая совр. этап развития рус. лит. языка, была принципиально новым описанием всей его системы, методологически и содержательно отличалась от всех предшествовавших описаний – от М. В. Ломоносова до Шахматова, одновременно впитав лучшие научные традиции отечественного языкознания. Виноградов обосновал деление грамматики на грамматическое учение о слове, показав при этом всю сложность его природы, учение о словосочетании, учение о предложении и учение о сложном синтаксическом целом. В учении о предложении им были установлены и определены основные категории предложения: предикативность, модальность, синтаксическое лицо

Идеи Виноградова в теории лексикологии – разработка типов лексических значений слов, углубление понятия «лексема» и введение теории стилистической, грамматической и смысловой вариантности слова, учение о фразеологии как особом разделе языкознания, систематизация типов рус. фразеологических единиц – стали основой для дальнейшего развития рус. лексикологии, фразеологии, рус. и общей лексикографии. При его участии были созданы «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (ч. 1–4, 1935–40), «Словарь современного русского литературного языка» (т. 1–17, 1948–65; Ленинская пр., 1970). Он был одним из инициаторов создания и редактором «Словаря языка А. С. Пушкина» (т. 1–4, 1956–61).

Виноградов положил начало новой области филологических исследований – истории рус. лит. языка как истории стилей («Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.», 1934; 3 изд., 1982). Его идеи в этой области стимулировали изучение разных этапов в развитии рус. лит. языка Древней Руси, 18 в. и нового времени, содействовали выработке новых научных концепций (Б. А. Успенский, Ефимов, Копорский, Ю. С. Сорокин, Ю. А. Бельчиков, В. Д. Левин, В. П. Вомперский и др.). Учение Виноградова о происхождении рус. лит. языка и о его отношении к языку церк.-славянскому отражает состояние первых этапов развития письменности на Руси и показывает истоки богатства рус. стилистической системы, многообразия её функциональных разновидностей (эта концепция нашла дальнейшее развитие в работах Н. И. Толстого, И. С. Улуханова, Е. С. Копорской).

Выделив исследование языка писателей в особую категорию филологических исследований, Виноградов изучал языковое творчество Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, М. Н. Загоскина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко и др. Эти работы, так же, как и работы Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, Р. О. Якобсона, Г. О. Винокура, Д. С. Лихачёва, дали текстологам новые методы исследования – анализ разновременных публикаций, вариантов художественных текстов, рукописей, сюжетных связей, текстового окружения, изучение истории критики, собственных авторских свидетельств, заложив тем самым текстологическую базу литературоведения.

Рассматривая формирование и развитие художественных образов, Виноградов исследовал и описывал стилистико-смысловые связи внутри текста и на их фоне определял центральный образ произведения – образ автора. Виноградов обращал внимание на то, что текст, имея тропы и фигуры речи, соединяется в сверхфразовые и фразовые единства путём сопоставлений и противопоставлений, сцеплений и соединений, сочетаний и разъединений (образующих единство смыслового развития текста) как частей общей композиции, состоящей из явного или скрытого диалога или монолога. Объединение элементов текста в одно смысловое и грамматическое целое послужило основанием, в частности, для исследований по теории текста.

Идеи Виноградова дали творческий импульс для разработки и развития почти всех отраслей филологии во 2-й пол. 20 в. – в области совр. и сравнительно-исторической славистики, изучения языков народов быв. СССР и зап.-европейских языков, в области литературоведения, текстологии и прежде всего в изучении строя рус. языка, его истории, стилистики, языка художественной лит-ры, в области изучения истории лингвистической науки, а также в разных сферах преподавания рус. языка и культуры речи. Его идеи оказали влияние на развитие общего и сравнительного языкознания. Учёные В. ш. углубляют и развивают все эти направления. Стилистике, поэтике, языку художественной лит-ры, художественной композиции текста, структуре авторского повествования посвящены работы Сорокина, В. Г. Костомарова, В. П. Григорьева, А. Д. Григорьевой, М. Н. Кожиной, Е. А. Иванчиковой, И. С. Ильинской, И. И. Ковтуновой, Н. А. Кожевниковой, И. К. Белодеда, Бельчикова, В. В. Одинцова, А. П. Чудакова и др. Исследованию семантической структуры слова и фразеологизма, текста, значения слова, метафоры, внутренней организации и назначения словарной статьи как особого лингвистического жанра и другим проблемам лексикологии и лексикографии посвящены работы учёных В. ш., изучающих рус. язык, другие слав. языки, языки народов быв. СССР (Ожегова, Сорокина, Шведовой, А. П. Евгеньевой, Н. З. Котеловой, Д. Н. Шмелёва, Л. Л. Кутиной и др.). Работы учёных В. ш. в этой области содействовали

выделению лексикологии как самостоятельной области языкознания, она получила теоретическое обоснование и сформировалась практически. Грамматическая наука развивает и углубляет многие идеи Виноградова. Учёными В. ш. создана описательно-нормативная «Грамматика русского языка» (т. 1–2, 1952–54). Под руководством Шведовой созданы академические грамматики нового типа: «Грамматика современного русского литературного языка» (1970), «Русская грамматика» (т. 1–2, 1980; Гос. пр. СССР, 1982). В этих грамматиках с опорой на научные концепции Виноградова строится описание частей речи, морфологии, синтаксиса; в особый раздел, связанный как с лексикологией, так и с грамматикой, выделяется словообразование, описывается формальное и семантическое строение словообразовательных типов. Рус. словообразованию как особой области языкознания посвящены работы Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Улуханова, А. Н. Тихонова и др. Учёные В. ш. плодотворно работают также в области синтаксиса рус. и других слав. языков, в области структуры текста (исследования Поспелова, Шведовой, Галкиной-Федорук, А. В. Бондарко, М. В. Ляпон, Белошапковой, Г. А. Золотовой, О. А. Лаптевой и др.). Виноградов теоретически обосновал необходимость систематического обследования и описания устной лит. речи различных социальных, возрастных и территориальных групп населения. В этом направлении работают Лаптева, Земская, О. Б. Сиротинина, Г. Г. Инфантова, Л. П. Крысин и др.

Работы Виноградова о Шахматове, Щербе, А. М. Пешковском, М. Н. Петерсоне, его очерки по истории рус. лингвистической мысли дали импульс для дальнейших исследований в этом направлении (А. А. Леонтьев, Б. Н. Головин, Ю. В. Рождественский, А. В. Бондарко и др.).

Идеи Виноградова о грамматике совр. рус. лит. языка легли в основу общей и частной дидактики рус. языка и многих учебных (школьных и вузовских) пособий. Были созданы серии учебников для средней и высшей школы (А. М. Земского, С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова, Н. М. Шанского, Золотовой, Л. А. Чешко и др.). Под непосредственным руководством Виноградова создана Международная ассоциация преподавателей рус. языка и лит-ры (МАПРЯЛ), первым президентом к-рой он был. В применении к задачам обучения рус. языку иностранных студентов разрабатываются проблемы нормативной стилистики, речевой культуры, лингвострановедения и лексикографии (работы Костомарова, Бельчикова, Е. М. Верещагина, П. Н. Денисова, В. В. Морковкина и др.).

Для учёных В. ш. характерны след. общие черты их исследовательского метода: 1) анализ языковых явлений в их отношении к другим явлениям, к разным сторонам языка, напр. рассмотрение грамматических категорий в тесной связи с лексикой, природой, значением и окружением слова; рассмотрение законов словообразования в связи с правилами морфологического строения слов и с грамматическими категориями; изучение синтаксиса не просто как правил синтагматики, а как такого уровня языка, единицы к-рого, обладая не только синтагматическими, но и парадигматическими характеристиками, в своём строении и функционировании неразрывно связаны с лексикой и лексической идиоматикой; 2) внимание к функциональной и стилистической распределённости языковых явлений, к сферам их употребления; 3) изучение языковых явлений в плане «диахронической синхронии»: понимание синхронии как условно остановленного момента развития языка и отсюда анализ языковых явлений в границах исторического контекста, в частности понимание языковой нормы как исторической категории, признание сосуществования функционально и семантически разграниченных языковых вариантов; 4) работа только с живым и богатым материалом, всегда самостоятельно извлечённым из всех необходимых источников; построение теории опирается только на такой материал и подтверждается им.

Лит.: О теории художественной речи, М , 1971; Виноградов В. В , Избр. тр., [т. 1 6], М., 1975 90; Чудаков А. П., Ранние работы В. В. Виноградова о поэтике рус. лит-ры, в кн.: Виноградов В. В., Избр. тр., [т. 2], М., 1976, его же, В. В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX в., там же, [т. 5], М., 1980; Бельчиков Ю. А., Проблемы историко-лексикологического исследования в тр. акад. В. В. Виноградова, в кн.: Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания, Калинин, 1977; его же, Освещение истории рус. лингвистических учений в тр. акад. В. В. Виноградова, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikations forschung», 1978, № 6; Костомаров В. Г., Тр. акад. В В Виноградова в области лексикологии, семасиологии и лексикографии, в кн.. Виноградов В. В., Избр. тр., [т. 3], М., 1977; Толстой Н. И., Тр. В. В. Виноградова по истории рус. лит. языка, там же, [т. 4], М., 1978; Рождественский Ю. В., О работах акад. В. В. Виноградова по истории рус. языкознания, в кн.: Виноградов В. В., История рус. лингвистических учений, М., 1978; Крысин Л. П., Вопросы социологии языка в работах акад. В. В. Виноградова, «Рус. яз. в школе», 1979, № 6; Бельчиков Ю. А., Костомаров В. Г , О тр. В. В. Виноградова по стилистике, в кн.: Виноградов В. В., Проблемы рус. стилистики, М., 1981; Лаптева О. А , Мысли Виктора Владимировича Виноградова о социальных и личностных факторах речи в связи с теорией лит. языка, «ВЯ», 1989. № 4; Филол. сб. К 100-летию со дня рождения акад. Виктора Владимировича Виноградова, М., 1995.

Ю. В. Рождественский.

Вну́тренняя речь – 1) планирование и контроль «в уме» речевых действий. В этом смысле В. р. близка мышлению и может рассматриваться как одна из форм его реализации. 2) Внутреннее проговаривание – беззвучная речь «про себя», выполняющая те же функции планирования и контроля и возникающая в определённых ситуациях деятельности (особенно при затруднениях в принятии решений, в условиях помех и т. п.). А. Н. Соколовым были обнаружены скрытые артикуляции – мелкие моторные движения – в процессе В. р. 3) Один из этапов внутреннего программирования как фазы порождения речевого выска-

зывания (то же, что планирование, замысел). Этот вид В. р. соотносится прежде всего с общением, тогда как первые два – с мышлением. Теория фазовой структуры речевого акта была выдвинута Л. С. Выготским (1932) и получила развитие в психолингвистике (см.; работы А. А. Леонтьева и др.). Согласно этой теории, порождение речи состоит из последовательно сменяющих друг друга этапов: интенции, мотива, внутреннего программирования и реализации. В. р. является средством представления семантической схемы высказывания.

В. р. как внутреннее проговаривание отличается от остальных видов В. р. по употребляемым средствам. При внутреннем проговаривании используется естественный язык, в других видах В. р.– определённым образом организованная система предметных значений, независимых от конкретного национального языка [универсально-предметный код, по И. Н. Горелову (термин введён Н. И. Жинкиным); семантический язык, по Ю. Д. Апресяну; код образов и схем, по Жинкину].

У ребёнка В. р. возникает (по Выготскому) из т. н. эгоцентрической речи, а эта последняя – из внешней речи.

Лит.: Жинкин Н. И., О кодовых переходах во внутренней речи, «ВЯ», 1964, № 6; Соколов А. Н., Внутренняя речь и мышление, М., 1968; Леонтьев А. А., Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания, М., 1969; Горелов И. Н., Невербальные компоненты коммуникации, М., 1980; Выготский Л. С., Мышление и речь, в кн.: Собр. соч., т. 2, М., 1982

А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович.

Вну́тренняя фо́рма сло́ва – связь звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесённость составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; способ мотивировки значения в данном слове. Слово характеризуется неразрывной связью его звуковой оболочки и значения, однако в одних случаях эта связь для говорящих совершенно прозрачна, а в других – оказывается неясной; напр., вполне очевидно, что слова *вторник* и *пятница* называют второй и пятый день недели, а *подснежник* – это цветок, к-рый появляется «под снегом». Мотивировка значения в подобного рода словах достаточно ясна, т. е. ясна В. ф. с. Вместе с тем существует много примеров, когда мотивировка значения слов в совр. рус. языке оказалась утраченной, хотя она явно осознавалась в др.-рус. эпоху. Для того, чтобы понять эту мотивировку, вскрыть В. ф. с., нужны специальные разыскания. Воссозданием утраченной В. ф. с. занимается этимология (см.). Напр., в совр. сознании глагол *стрелять* и сущ. *выстрел* связываются со звуком, со стрельбой из огнестрельного оружия, а не со словом *стрела*, с к-рым они первоначально были связаны; В. ф. с. *стрелять* и *выстрел* оказалась забытой. Точно так же забыта В. ф. с. *брак* – 'супружество', связанная с глаголом *брать* (ср. укр. *побратися* – 'сочетаться браком'), В. ф. с. *портной*, связанная с *порты* – 'одежда' (*портной* – 'тот, кто шьёт одежду'), В. ф. с. *неделя* – 'нерабочий день' (от *не делать*, отсюда и *понедельник* – 'день после нерабочего дня') и т. д.

Следовательно, В. ф. с.– это первоначальное его значение, в основу к-рого положен какой-то определённый признак предмета или явления (см. Номинация). При этом выбор такого признака не обязательно должен определяться его существенностью: это может быть лишь «бросающийся в глаза признак» (Л. Фейербах); поэтому в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе выделения разных признаков, напр. рус. *портной* – нем. *Schneider* (от *schneiden* – 'резать'); болг. *шивач* (от *шия* – 'шить'); рус. *напёрсток* – букв. 'надеваемый на перст' (*перст* – 'палец') – нем. *Fingerhut* – букв. 'палец-шляпа'. Однако наряду со специфическими чертами в назывании предметов и явлений в разных языках может наблюдаться и общее в способах выражения понятий, что связано с общностью принципов человеческого восприятия. Так, если в рус. языке в названии *подснежник* отражается признак раннего появления этого цветка, то в нем. *Schneeglökchen* – букв. 'снежный колокольчик' – тоже обнаруживается связь со снегом, но есть и дополнительный признак – форма цветка, в англ. *snowdrop* – букв. 'снежная капля' – иное представление формы, но связь со снегом сохраняется, а во франц. *perce-neige* – букв. 'пробивающийся через снег' – добавляется ещё и представление о движении.

Утрата В. ф. с., или демотивация, объясняется разными причинами: она может быть связана с утратой того слова, от к-рого образовано данное слово (так, утрата в рус. языке слова *коло* – 'колесо' привела к утрате В. ф. с. *кольцо* – первоначально уменьшительное от *коло* и слова *около* – букв. 'вокруг'), с утратой предметом признака, ранее для него характерного (так, *город* перестал быть связан с *городить*, т. к. города перестали огораживаться; *мешок* перестал быть связан с *мехом*, хотя первоначально это уменьшительное от *мех*), с существенными фонетическими изменениями облика слова в истории языка (напр., первоначально к одному корню восходят пары слов *коса* и *чесать*, *городить* и *жердь*, *говор* и *жук*, *цена* и *каяться*).

Лит.: Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике, т. 1–2, М., 1958; Будагов Р. А., Введение в науку о языке, М., 1958; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975; Гумбольдт В., Избр. тр. по языкознанию, пер. с нем., под ред. Г. В. Рамишвили, М., 1984; Внутренняя форма слова, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

В. В. Иванов.

Возвра́тные глаго́лы – все глаголы с постфиксом *-ся(-сь)*, за исключением глаголов страдательного залога (см. Залог). В. г. относятся к

действительному залогу, являются непереходными, соотносятся с переходными и (реже) непереходными глаголами без постфикса *-ся(-сь)*.

В. г. имеют след. значения: 1) собственно возвратное – действие производится субъектом, к-рый является одновременно и объектом действия: *умываться, одеваться, купаться*; 2) взаимно-возвратное – действие совершается несколькими субъектами, каждый из к-рых является одновременно и объектом действия: *целоваться, обниматься, судиться, ссориться*; 3) безобъектно-возвратное – действие или состояние характерно для данного субъекта, является его постоянным свойством: *Собака кусается; Крапива жжётся*; 4) общевозвратное – действие совершается в самом субъекте; глаголы обозначают психическое или физическое состояние субъекта: *сердиться, радоваться, торопиться, останавливаться*; 5) косвенно-возвратное – действие совершается субъектом для себя, в своих интересах: *построиться* (в значении 'построить дом'), *прибраться, запастись*; 6) безличное: *хочется, (не) лежится, работается* (см. Безличные глаголы).

В. г. *ложиться, садиться, становиться* образуют видовые пары с невозвратными глаголами *лечь, сесть, стать*.

Нек-рые мотивированные глаголы с постфиксом *-ся* близки по значению мотивирующим непереходным глаголам. Напр., глаголы, мотивированные глаголами со значением выявления признака, означают несколько менее чёткое выявление признака по сравнению с тем, что названо мотивирующим глаголом: *Вдали в темноте что-то неясно белелось* (или *белело*), но: *На столе перед нами белела* (не *белелась*) *чистая скатерть*.

Глаголы с *-ся* и без *-ся* могут быть синонимичны лишь в одном из значений, различаясь другими значениями; напр., *стучать* и *стучаться* синонимичны только в значении 'ударять (в дверь, окно и т. п.), стуком выражая просьбу впустить куда-л.'; аналогично соотносятся *косить* и *коситься, плевать* и *плеваться, светить* и *светиться, решить* и *решиться* и др.

Ряд В. г. не имеет соотносительных глаголов без постфикса *-ся*: *бояться, сомневаться, смеяться, нравиться, надеяться, стараться, нездоровиться, смеркаться* и др. Нек-рые из них образованы от существительных или прилагательных с помощью суффикса и постфикса *-ся* (*нужда – нуждаться, гордый – гордиться*) или с помощью приставки, суффикса и постфикса *-ся* (*банкрот – обанкротиться, щедрый – расщедриться*).

К В. г. относятся также мотивированные глаголы, образованные с помощью приставок и постфикса *-ся(-сь)*. Эти глаголы означают: направление действия в пространстве (*разбрестись, сбежаться*), переход субъекта действия в к.-н. состояние (*доработаться, заслушаться, изнервничаться, нагуляться, отлежаться, проспаться*), протекание интенсивного действия во времени (*разгореться, отбегаться*) и др.

Лит.: Янко-Триницкая Н. А., Возвратные глаголы в совр. рус. языке, М., 1962. См. также лит. при статьях Глагол, Залог. *И. С. Улуханов.*

Возвра́тные местоиме́ния, возвратные местоименные слова, – семантический разряд местоимений (см.), включающий слова, по своим грамматическим свойствам принадлежащие к разным частям речи (существительному – т. н. местоимению-существительному, прилагательному, наречию), но объединяемые общим семантическим признаком «отношение к лицу (лицам) или предмету (предметам), к-рые являются объектом своего собственного или взаимного действия»: *себя, свой, по-своему, друг друга, друг дружку* (разг.).

В. м. *себя* указывает на обращённость действия на самого производителя этого действия, заменяя по смыслу личные местоимения-существительные, ср.: *«Конь несёт меня стрелой на поле открытом. Он вас топчет под собой, бьёт своим копытом»* (А. К. Толстой). В двусоставном предложении *себя*, как правило, обозначает тот же предмет (лицо), что и подлежащее, но может обозначать и другой предмет (лицо), ср.: *Я знал много людей, всегда довольных собой.* В тексте первичное значение местоименного слова *себя* в форме твор. п. (*собой, собою*) может сужаться и конкретизироваться, обозначая характеристику внешних данных человека: 'лицом, фигурой, внешностью', ср.: *Хорош собой.– Собою недурён.– Каков он собой?* Кроме того, беспредложные и предложные формы этого местоимения образуют фразеологические сочетания с различными квалифицирующими значениями: *так себе, выйти из себя, себе на уме, прийти в себя, про себя, уйти в себя* и др.

Притяжательное местоименное прил. *свой* указывает на принадлежность или отношение к лицу (предмету), производящему действие, заменяя по смыслу личные притяжательные местоименные слова и допуская синонимическую замену их в тексте, ср.: *«Не Богу ты служил и не России, Служил лишь суете своей, И все дела твои и добрые и злые,– Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые: Ты был не царь, а лицедей»* (Тютчев). Это значение в тексте может сужаться и конкретизироваться, ср.: *Иметь свой дом* (т. е. 'собственный, составляющий чьё-н. достояние'); *Идти своим путём* (т. е. 'свойственным только кому-н. одному'); *Часто бываю у своих* (т. е. 'у своей родни, у близких').

В. м. *по-своему* имеет значение: 'как свойственно, присуще лицу (предмету)' – обычно субъекту действия (*«Меня он, кажется, по-своему любит»* – Куприн). Это абстрактное местоименное значение может конкретизироваться: 'по своему желанию, усмотрению' (*Молодёжь хочет жить*

 п о - с в о е м у) или: 'на своём родном языке' (*Цыганёнок что-то лопочет п о - с в о е м у*).

Все В. м. могут употребляться в обобщённом значении, напр. в пословицах и поговорках: *Других не суди – н а с е б я посмотри; С в о я рука владыка; Всяк п о - с в о е м у судит.*

Синтаксические функции В. м. определяются их грамматическими свойствами и лексическим значением. Так, местоименные слова *себя* (не имеющие форм им. п. ед. ч., а также форм мн. ч.) и *друг друга, друг дружку* употребляются в предложении только в роли распространителя при сказуемом.

Лит. см. при ст. Местоимение. *А. С. Белоусова.*

Вокали́зм (от лат. vocalis – гласный звук) – система гласных (см.) какого-либо языка, диалекта или говора. Изучается как в синхронии (на данном этапе развития), так и в диахронии (истории формирования). В системе В. гласные находятся в определённых отношениях между собой и с окружающими их согласными. Система В. совр. рус. лит. языка является результатом длительного исторического развития, сущность к-рого заключается в постепенном уменьшении состава фонем, образующих систему В., и в ослаблении различительной (фонологической) функции гласных. Др.-рус. язык до сер. 10 в. имел 11 гласных фонем: *и, ы, у, е, о, а, ě* (гласный переднего образования средневерхнего подъёма, на письме обозначавшийся буквой ѣ; см. Ять), *ъ* и *ь* (см. Редуцированные гласные), *ǫ* и *ę* (носовые гласные непереднего и переднего образования, на письме обозначавшиеся буквами ѫ и ѧ; см. Юсы). Все гласные выступали как самостоятельные фонемы, различая словоформы др.-рус. языка (*б˙илъ – былъ, далъ – долъ, в˙елъ – волъ, м˙елъ – м˙ěлъ, сънъ – санъ, д˙ън˙ь – дан˙ь, зобъ – зǫбъ, п˙ęть – пут˙ь* и т.д.). Они могли употребляться после всех согласных (за исключением того, что *ы, о, ъ* не выступали после исконно мягких); гласные переднего образования воздействовали на предшествующие согласные, сообщая им полумягкость (неполное смягчение).

В сер. 10 в. др.-рус. язык утратил носовые: *ǫ* изменился в *у*, к-рое совпало с исконным *у* (*зǫбъ→зубъ, гǫстъ→густъ*), а *ę* – в особый гласный *ä* (*п˙ęт˙ь→п˙äт˙ь, м˙ęт˙и→м˙äт˙и*). Т. о., ко времени появления письменности в др.-рус. языке насчитывалось только 10 гласных фонем, но фонологическая их роль оставалась прежней. Эта роль изменилась в сер. 11 в., когда полумягкие согласные смягчились полностью. В связи с этим оказалось, что непередние гласные стали употребляться только после твёрдых согласных, а передние – только после мягких (лишь *а* и *у* могли употребляться как после твёрдых, так и после мягких). Это обстоятельство обусловило почти полную потерю гласными и согласными раздельной фонологической самостоятельности.

В сер. 12 – нач. 13 вв. др.-рус. язык утрачивает ещё две фонемы – *ъ* и *ь* (см. Падение редуцированных): из *ъ* в сильной позиции развивается *о*, а из *ь* – *е*, совпавшие с исконными *о* и *е*. Вместе с тем уже после смягчения полумягких фонема *ä* совпадает с фонемой *а* после мягких согласных, а фонема *ы* функционально сближается с *и* (они употребляются параллельно: *ы* после твёрдых, *и* после мягких согласных); после падения редуцированных *ы* [с точки зрения Московской фонологической школы (см.)] становится разновидностью (аллофоном) фонемы *и*, выступающей после твёрдых согласных (ср.: *изба – к-ызбе, Иван – с-Ываном*).

После утраты *ъ* и *ь* в др.-рус. языке произошла смена тонового ударения динамическим, в результате чего во многих диалектах возникла новая гласная фонема (хотя и неустойчивая в истории языка и, может быть, локальная) – закрытое *ô* (лабиализованный гласный средневерхнего подъёма непереднего образования, напряжённый и долгий); эта фонема возникла из *о* под бывшей восходящей интонацией, тогда как исконное *о* и *о* из *ъ* дали обычное открытое *о*. На протяжении 13 в. и последующего времени в разных диалектах по-разному меняется и фонема *ě*: в одних она совпадает с *е*, в других с *и*, в третьих сохраняется как *ě* (или дифтонг *͡ие*). Наконец, в этот же период, приблизительно до 16 в., в рус. языке развивается изменение *е* (из *е* исконного и из *ь*) в *о* после мягких перед твёрдыми согласными (напр., *н'есъ – н'ос, в'елъ – в'ол*). В результате всех этих процессов в рус. языке, учитывая его диалекты, под ударением максимально может быть 7 гласных фонем: *и, у, е, о, ê, ô, а*; в тех говорах, где нет фонемы *ô*, выступает 6 гласных, а в тех, где нет *ô* и *ê*,– 5 фонем. Такую пятифонемную систему В. имеет и совр. рус. лит. язык (согласно другой точке зрения, восходящей к Л. В. Щербе и разделяемой его последователями, *и* и *ы* представляют собой разные фонемы, и тогда система В. лит. языка считается шестифонемной; при этом в качестве аргумента в пользу признания *ы* самостоятельной фонемой выдвигается возможность в совр. лит. языке изолированного употребления *ы*, напр. *«буква ы»*, *«Операция Ы»*, и употребления этого звука в начале слова в таких случаях, как *ы́кать, ы́канье*, и в заимствованных топонимах или собственных именах).

Вместе с тем утрата *ъ* и *ь* и развитие иных фонетических процессов обусловили подчинение системы В. системе согласных фонем рус. языка, тогда как до утраты редуцированных определяющую роль в др.-рус. языке играл В. Подчинённость системы В. системе консонантизма выражается в воздействии согласных на качество гласных и в изменении признака непереднего – переднего образования гласных в зависимости от твёрдости –

мягкости предшествующих и последующих согласных (см. Консонантизм).

Безударный В. в рус. лит. языке и диалектах отличается большой сложностью в реализации гласных фонем (см. Аканье, Еканье, Иканье, Оканье, Яканье).

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, М., 1956; Щерба Л. В., Теория рус. письма, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Рус. диалектология, под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1964; Матусевич М. И., Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1976; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Рус. диалектология, 2 изд., под ред. Л. Л. Касаткина, М., 1989; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990. *В. В. Иванов.*

Вопроси́тельно-относи́тельные местоиме́ния, вопросительно-относительные местоименные слова, – семантический разряд местоимений (см.), включающий слова, по своим грамматическим свойствам принадлежащие к разным частям речи (существительному – т. н.-местоимению-существительному, прилагательному, наречию), но близкие по своей семантике и семантическим функциям. В.-о. м. называют также или вопросительными, или относительными местоименными словами. Лексические значения этих местоименных слов содержат вопрос, указывая на не известные для говорящего объект (лицо или предмет), признак или обстоятельство и одновременно выражая необходимость для говорящего устранения этой неизвестности: *кто, что, каков, какой, который, чей, насколько, сколько, где, когда, куда, откуда, зачем, отчего, почему,* устарелые *кой, сколь, доколь* (*доколе*), *отколь* (*отколе*), разг. *докуда.*

В предложении В.-о. м. выступают как компонент его структуры. В вопросительных предложениях они служат для оформления предложения в целом, непосредственно реализуя своё лексическое значение вопросительности, ср.: *«Что тебе на память оставить? Тень мою? На что тебе тень?»* (Ахматова); *«О поле, поле, кто тебя Усеял мёртвыми костями? Чей борзый конь тебя топтал В последний час кровавой битвы? Кто на тебе со славой пал? Чьи небо слышало молитвы? Зачем же, поле, смолкло ты И поросло травой забвенья?»* (Пушкин). В сложноподчинённых предложениях вопросительно-относительные слова выполняют функцию союзных слов, оформляющих подчинительную связь частей сложного предложения: они относят содержание придаточного предложения к одному из членов главного или ко всему предложению в целом. Значение вопросительности при этом в большей или меньшей степени ослабляется (ср.: *«Ты помнишь, что было тогда, как всюду ручьи бушевали, И птиц косяками стада На север, свистя, пролетали»* – Фет) либо полностью утрачивается (*Дом, в котором родился*).

Для многих слов данного разряда характерен отход от абстрактного вопросительно-относительного значения, вплоть до формирования новых лексических значений. Так, местоименные слова *как, какой, каков, насколько, сколь, сколько, что* (в значении ‘сколько’) могут приобретать значение указания на высокую степень того или иного признака, ср.: *«Как хороши, как свежи были розы в моём саду! Как взор прельщали мой! Как я молил весенние морозы не трогать их холодною рукой!»* (Мятлев). В.-о. м. *кто, что, где, куда, сколько, почему* обычно в разг. речи берут на себя функцию неопределённых местоимений, ср.: *Если кто придёт, скажи* (т. е. ‘кто-н.’); *Почему вернулась, забыла что?* (т. е. ‘что-н.’); *Если почему не сможешь приехать, предупреди* (т. е. ‘по к.-н. причине’). Кроме того, в сочетании с частицей *вот* В.-о. м. приобретают значение указательности, ср.: *«Так вот где таилась погибель моя! Мне смертию кость угрожала!»* (Пушкин) (т. е. ‘именно здесь’); *Вот какой я дам тебе совет: больше читай* (т. е. ‘вот такой’); *Ах, вот что тебя тревожит!* (т. е. ‘именно это’). Ряд В.-о. м. (напр., *где, куда, откуда, какое, зачем, почему*) может выступать в функции частицы, полностью утрачивая значение вопросительности и употребляясь для выражения подчёркнутого отрицания, ср.: *«Где тебе тягаться со мною, Со мною, с самим Балдою?»* (Пушкин). Часто эта тенденция реализуется в реагирующих репликах диалога: *«Хорошо отдохнул? – Где (какое) отдохнул, весь отпуск проболел; Он тебе грозил? – Зачем грозил, наоборот, помощь предлагал».*

Помимо простых В.-о. м. в рус. языке функционируют семантические конструкции с обстоятельственными значениями, образуемые местоименным словом *какой* с нек-рыми существительными, напр.: *каким путём, с каких пор, до каких пор, с какой целью* и нек-рые другие.

Лит. см. при ст. Местоимение. *А. С. Белоусова.*

Вопроси́тельные предложе́ния – предложения, с помощью к-рых говорящий спрашивает о чём-либо, то есть хочет получить какую-либо позитивную информацию, к-рой сам не обладает. По своему построению В. п. соотносительны с повествовательными предложениями:они могут быть двусоставными или односоставными, простыми и сложными и т. д. Однако В. п. могут иметь и собственные структурные схемы. Повествовательное предложение может быть преобразовано в В. п. с помощью интонации, при этом может измениться и порядок слов. Нередко В. п. создаются при использовании и других средств выражения вопросительного значения – вопросительных местоимений и наречий, вопросительных частиц; ср.: *Мальчик пишет.– Мальчик пишет? – Пишет ли мальчик?* Использование разных средств передачи вопросительного значения позволяет все В. п. разделить на две группы: местоименные и неместоименные. В первых слово, к к-рому преим. относится вопрос (вопросительный член), всегда выра-

жено вопросительным местоимением или наречием. В неместоименных предложениях вопросительным членом может быть любое самостоятельное слово. Выделяется этот член либо интонацией (резкое повышение тона на вопросительном члене), либо с помощью частицы *ли*, либо порядком слов, при к-ром вопросительный член часто занимает первое место.

В неместоименных вопросах могут употребляться и частицы, вносящие оттенок сомнения, недоверия: *разве, неужели, ужели*; оттенок условного значения: *если, что если*; различные экспрессивные оттенки: *что, что ли*.

Местоименные вопросы соотносятся с возможным множеством различных ответов, в к-рых конкретизируется вопросительное местоименное слово. На неместоименный вопрос может быть дано лишь два ответа: «да» или «нет». Поэтому его иногда называют подсказывающим вопросом, ср.: *Это имя существительное?* (неместоименный вопрос) и *Какая это часть речи?* (местоименный вопрос).

Помимо собственно вопросительного значения, связанного с поиском информации, В. п. может иметь значение сообщения (см. Риторический вопрос) и побуждения: *«Что вы дерётесь? Деньги Михаил Игнатьевич утащил...»* (М. Горький).

В речи В. п. выполняет различные функции: служит собственно вопросом или вопросом-размышлением, подчёркивает нужную мысль, выражает предположение, является эмоциональным откликом на ситуацию и др.

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Валимова Г. В., Функциональные типы предложений в совр. рус. языке, [Р н. Д.], 1967, Рестан Пер, Синтаксис вопросительного предложения, Oslo–Bergen–Tromsö, [1968]; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Распопов И. П., Строение простого предложения в совр. рус. языке, М., 1970; Рус. грамматика, т 2, М., 1980.

Г. В. Валимова.

Вопроси́тельный знак (?) – одиночный разделительный знак препинания, отмечающий в тексте конец вопросительного предложения (см.) и тем самым отделяющий его от следующего предложения. Напр., *За что он на нас обиделся?* Факультативно В.з. употребляется: при расчленении (сегментации) вопросительного предложения с однородными членами (после каждого из них): *Кто же он: парламентёр? посредник?* (газ.); в косвенном вопросе (подчёркивание вопросительности): *«Он тревожился, не обскачут, не обштопают ли?»* (В. С. Гроссман). При цитировании В. з. в скобках обозначает сомнение автора текста: *... возрастной «потолок», определяющий кинематографическую молодость: 40 лет (?)* (газ.).

В. з. встречается в печатных книгах с 16 в.; закрепляется для выражения вопроса в грамматиках В. Е. Адодурова (1731) и М. В. Ломоносова (1755, опубл. в 1757). Первоначально в значении В. з. встречалась точка с запятой, что отражено в грамматиках Л. Зизания (1596) и М. Смотрицкого (1619).

Лит. см. при ст. Пунктуация.

Б. С. Шварцкопф.

Восклица́тельные предложе́ния – предложения различной модальности (см.), целенаправленности и структуры, выделяемые по наличию у них определённого значения, а именно по выражению эмоционального отношения говорящего к действительности. Таким отношением может быть: интеллектуальная оценка (презрение, ирония, сожаление, вера, восхищение и т. д.): *«Слепец! я в ком искал награду всех трудов!»* (Грибоедов); побуждение к действию: *«Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!»* (Пушкин); непосредственная эмоциональная реакция: *Пожар! Горим!* Оценочное значение и побудительность выражаются интонацией, порядком слов, структурой предложения, использованием определённых лексических классов слов. Нек-рые учёные рассматривают В. п. как интонационный вариант повествовательного предложения (см.).

Интонационные схемы В. п. отражают различные соотношения высоты тона, напряжённости и тембра. Обычно наивысший подъём тона, сила звучания падают на акцентируемое слово. Снижение тона быстрое, темп резко ускоренный или замедленный.

Для В. п. характерна препозиция сказуемого или другого члена предложения, несущего информативную нагрузку: *«Пропала твоя головушка!»* (Чехов).

Существуют типы двусоставных и односоставных предложений, специально предназначенных для выражения экспрессии, напр. подлежащее – имя в им. п., сказуемое – наречие на *-о*: *Море – это прекрасно!*; используется фразеологизированная схема с компонентом *всем*: *Всем мастерам – мастер!* Часто встречаются неполные двусоставные предложения со значением побудительности: *Лошадей! По коням!*

Позицию главного члена в односоставных В. п. может занимать существительное в им. или род. п. или инфинитив: *Победа!; Работы – масса!; Поднять паруса!* Важную роль в формировании В. п. играют междометия, частицы, местоимения, наречия: *Не ночевать же здесь!; Жить – так жить!; Ох уж эти мне помощники!; Вот так поёт!*

Нек-рые утвердительные и вопросительные предложения содержат внутреннее отрицание, эмоциональную реакцию и приобретают форму В. п.: *Стоит писать об этом!; Стану я его спрашивать!; Куда ему поехать!* (экспрессивную роль играют словоформы *стоит, стану, куда* и их препозиция). Всегда восклицательными бывают нек-рые экспрессивные высказывания, словоформы, напр.: *Алло!; Ура!; Счастья всем!*

В конце В. п. ставится восклицательный знак.

Лит.: Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Шмелёв Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980. *Е. М. Лазуткина.*

Восклица́тельный знак (!) – одиночный разделительный знак препинания, отмечающий в тексте конец восклицательного предложения (см.) и тем самым отделяющий его от следующего предложения. Основное назначение В. з.– фиксация правой границы восклицательного предложения: *«Слепец! я в ком искал награду всех трудов!»* (Грибоедов). Факультативно В. з. употребляется: при обращении и при междометии: *«Антон Антоныч! Ах!»* (Грибоедов) (ср. с запятой: *«Друзья мои, прекрасен наш союз!»* (Пушкин); при расчленении (сегментации) восклицательного предложения с однородными членами (после каждого из них): *«С другой стороны, Ирина уже привыкла к генералу. При её-то консервативности! нелюдимости!»* (Житинский). При цитировании В. з. в скобках обозначает отношение автора текста к сообщаемому (удивление, ирония...): *«...мальчики и девочки знали и труды Плутарха, и "Двенадцать цезарей" Светония (!)»* (газ.).

В. з. отмечается для выражения восклицания («удивления») в грамматиках М. Смотрицкого (1619) и В. Е. Адодурова (1731), в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755, опубл. в 1757) определяются правила постановки «удивительного знака».

Лит. см. при ст. Пунктуация. *Б. С. Шварцкопф.*

Восточнославя́нские языки́ – см. Славянские языки.

Вре́мя – словоизменительная грамматическая категория глагола, обозначающая отнесённость процесса к одному из трёх временны́х планов – настоящему, прошедшему или будущему – и выражающая это значение в изъявительном наклонении. Система форм изъявительного наклонения, организуемая совокупностью форм настоящего времени (см.), прошедшего времени (см.) и будущего времени (см.), содержит противопоставление значений совпадения, предшествования и следования процесса по отношению к грамматической точке отсчёта времени. Категориальным значением настоящего времени является представление названного глаголом процесса как осуществляемого (*рисую, пишу*), прошедшего времени – как уже осуществлённого (*рисовал, писал, пришёл*), будущего времени – представление процесса, к-рый будет осуществляться (*буду рисовать, буду писать, приду*).

Различают абсолютное и относительное временно́е значение глагольной формы. Абсолютным называется В., определяемое по соотношению с моментом речи. Так, в предложении *Он напишет о своём приключении книгу* глагольная форма имеет значение абсолютного буд. времени, поскольку процесс будет осуществляться после момента речи. Относительным называется В., когда в качестве исходной точки отсчёта выступает время осуществления другого процесса. Так, в предложении *Гончаров обещал, что напишет о своём путешествии на фрегате «Паллада»* глагольная словоформа *напишет* имеет значение относительного буд. времени, поскольку точкой отсчёта является время осуществления процесса, названного словоформой *обещал*.

Грамматическое значение В. глагольной формы не всегда совпадает с реальным временем осуществления процесса, что проявляется, напр., в случаях относительного временно́го значения формы, а также при переносном употреблении временны́х форм глагола: *Завтра я иду в театр* (грамматическое значение наст. времени – реальное осуществление действия после момента речи, т. е. в будущем).

Категория В. взаимосвязана с другими глагольными категориями, но особенно тесно с категориями наклонения (см.) и вида (см.). Взаимная связь категорий В. и наклонения проявляется в том, что временны́е формы образуются только в изъявительном наклонении, представляющем названный глаголом процесс как реальный в настоящем, прошедшем или будущем. Повелительное и сослагательное наклонения, представляющие процесс как ирреальный, т. е. желаемый или предполагаемый, не выражают временны́х значений.

Взаимосвязь категорий В. и вида проявляется в том, что видом глагола определяется, во-первых, возможность образования всех или не всех форм В., во-вторых, характер временны́х значений глагольной формы. Формы всех трёх времён – настоящего, прошедшего и будущего – образуют только глаголы несов. вида (*знаю – знал – буду знать*). Глаголы сов. вида образуют формы только прош. и буд. времени (*узнал – узна́ю*). В зависимости от вида глагола категориальное значение формы В. может быть конкретизировано дополнительными оттенками временно́го значения. Напр., общее значение предшествования исходной точке отсчёта в формах прош. времени глаголов сов. вида может быть дополнено указанием на то, что результат уже осуществлённого процесса сохраняется и в настоящем: *На поля легла ночная мгла.* Напротив, в глаголах несов. вида форма прош. времени обычно обозначает процесс в его течении, как длительный или повторяющийся: *За окном шумел дождь, сверкали молнии и гремел гром.*

В системе временны́х форм специальный морфологический показатель В. имеют только формы прош. времени, а также аналитические формы буд. времени (в глаголах несов. вида). Формы прош. времени характеризуются суффиксом *-л-* или, в формах муж. рода с основой на согласный, нулевым суффиксом (*говори-л, пе-л, нёс – нес-л-а, замёрз – замёрз-л-а*). В аналитических формах буд. времени в качестве временно́го показателя

выступают формы вспомогательного глагола *быть* (*буду говорить, будешь петь, будут нести*).

По своему происхождению формы прош. времени восходят к др.-рус. причастиям, поэтому в них содержится указание не на лицо, а на пол лица или грамматический род наименования предмета или явления, к-рым приписывается действие или состояние; эти формы называются родовыми. Формы наст. и буд. времени указывают на лицо (лица; в 3-м лице – на лицо или предмет), к-рому (к-рым) приписывается действие или состояние; эти формы называются личными.

Наряду с формами изъявительного наклонения особые временны́е значения выражают и атрибутивные глагольные формы: причастие (см.) и деепричастие (см.).

Различают две временны́е формы причастия: причастия наст. времени и причастия прош. времени, причём эти формы имеют грамматические средства выражения в виде специальных суффиксов. Причастия наст. времени, образуемые глаголами несов. вида, обозначают процессуальный признак, проявляющийся в настоящем (*цветущие сады, работающий в саду человек*). Причастия прош. времени, образуемые глаголами сов. и несов. вида, обозначают процессуальный признак, к-рый проявлялся в прошлом (*отцветшие сады, работавший в саду человек*).

В деепричастии значение В. морфологически не выражено, однако в зависимости от вида глагола названный деепричастием процессуальный признак имеет временну́ю характеристику по отношению к определяемому процессу, т. е. деепричастие выражает относительное временно́е значение. Деепричастие глаголов несов. вида обозначает обычно одновременность называемого процесса с тем процессом, к-рый назван определяемой формой глагола (*говорил, волнуясь; говорю волнуясь; заговорю, волнуясь*). Деепричастия глаголов сов. вида могут обозначать названный ими процесс как предшествующий определяемому процессу (*отдохнув, развеселился*), как одновременный – у глаголов несов. вида (*сидел, повесив нос*), как последующий (*вышел, хлопнув дверью*).

Временны́е значения деепричастий нередко обусловлены лексическим значением глагола и зависят от контекста. Поэтому для деепричастий более существенно противопоставление не по В., а по виду глагола.

Вопрос о категории В. глагола принадлежит к числу особенно сложных. Тесная связь временны́х и видовых значений глагольной формы, разнообразие дополнительных временны́х оттенков значения способствовали тому, что в науке складывались диаметрально противоположные представления о категории В.: начиная от выделения восьми-десяти глагольных В. (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков) и кончая теорией вневремённости форм рус. глагола (К. С. Аксаков, Г. П. Павский, Н. П. Некрасов), отрицающей наличие грамматических форм В. Но наиболее приемлемым оказался взгляд на категорию В. как на систему трёх временны́х форм, восходящий к традициям античной грамматики; три В. рус. глагола описаны в грамматиках И. Лудольфа (1696) и В. Е. Адодурова (1731).

Значение В. может быть выражено не только глагольными формами, но и другими – лексическими и синтаксическими – средствами. Поэтому нек-рые лингвисты (А. В. Бондарко и др.) выделяют функционально-семантическую категорию темпоральности (от лат. tempus – время), включая сюда и категорию В. глагола как грамматическое ядро этой категории.

Категория В. в ходе своего развития претерпела значительные изменения. В др.-рус. языке было больше форм В., к-рые с помощью специальных грамматических средств выражали различные временны́е значения. С развитием категории вида многообразие временны́х форм др.-рус. глагола уже с 12–13 вв. стало постепенно заменяться совр. системой форм В. Об истории отдельных временны́х форм см. статьи Будущее время, Настоящее время, Прошедшее время, а также Аорист, Имперфект, Перфект, Плюсквамперфект, Преждебудущее время.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Бондарко А. В., Вид и время рус. глагола, М., 1971; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н.Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Л., 1990.

В. Н. Белоусов.

Вспомога́тельный глаго́л – глагол, выражающий грамматические категории в составе аналитической формы будущего времени и в составе именного сказуемого. В. г. в рус. языке является глагол *быть*. Формы этого глагола в составе аналитической формы буд. времени, кроме значения времени, выражают значения лица и числа: *буду читать, будешь читать, будем читать*. В составе именного сказуемого формы глагола *быть* являются показателями прош. или буд. времени (*Он был здоров; Он будет здоров*; в форме наст. времени В. г. отсутствует: *Он здоров*), лица (в формах буд. времени: *Я буду здоров; Ты будешь здоров*), числа (в формах прош. и буд. времени: *Я буду здоров; Мы будем здоровы; Я был здоров; Мы были здоровы*) и рода (в прош. времени: *Он был здоров; Она была здорова*).

В состав В. г. иногда включают полузнаменательные глаголы, т. е. глаголы, почти полностью утратившие своё лексическое значение: *бывать, стать, становиться, делаться, являться, представляться*. Эти глаголы отличаются по значению от соответствующих глаголов, выступающих в качестве самостоятельного сказуемого, ср.: *Он бывает весёлым* и *Он бывает в Москве; Он является педагогом* и *Он является в гости*.

И. С. Улуханов.

Вставна́я констру́кция – синтаксическая конструкция, характеризующаяся специфической интонацией включения (при к-рой не нарушается интонационная целостность основного предложения) и выражающая дополнительные замечания, пояснения, уточнения и поправки, касающиеся содержания основного предложения. Для выделения В. к. на письме используются запятые, тире и скобки. Связь В. к. с основным предложением (при бессоюзном включении) имеет не грамматический, а содержательно-ассоциативный характер: *«Солдаты – их было трое – ели, не обращая внимания на Пьера»* (Л. Н. Толстой); *«Его вторая жена, красавица, умница – вы её только что видели – вышла за него, когда уже он был стар...»* (Чехов); *«Я не понимал (теперь я понял), что я делал с близкими мне существами»* (Гаршин).

По сравнению с вводными словами (см.) и вводными предложениями (см.), функционирующими в качестве модально-оценочного компонента предложения и усложняющими его смысловую структуру, В. к. увеличивают содержательно-информационный объём предложения. Они воспроизводят те или иные схемы простого (реже сложного) предложения и характеризуются самостоятельным объективно-модальным значением, к-рое, в свою очередь, может быть осложнено дополнительными субъективными оценками: *«Милый Жан, большое, громадное Вам спасибо за Ваше письмо, за то, что ещё раз показали мне Ваш трагический почерк (который, кстати сказать, стал более разборчив)»* (Чехов). Для оформления В. к. часто используются союзы и союзные слова, к-рые могут уточнять характер вставочного замечания (причинный, условный и др.), не выражая при этом отношений, реализуемых в сложных предложениях, построенных по принципу подчинения или сочинения: *«Конные полки – а их было большинство – вели себя особенно разнузданно»* (Шолохов); *«И несмотря на теперешнюю, весьма объясняемую уклончивость Петра Петровича (потому что он тебя ещё не знает), Дуня твёрдо уверена, что достигнет всего своим добрым влиянием на будущего своего мужа...»* (Достоевский). В качестве вставных используются также словосочетания и отдельные слова: *«Журналы иностранной литературы (два) я велел выслать в Ялту»* (Чехов); *«Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест (Весьма мучительное свойство, Немногих добровольный крест)»* (Пушкин).

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1960; Совр. рус. язык, под ред. Д. Э. Розенталя, 4 изд., М., 1971; Гвоздев А. Н., Совр. рус. лит. язык, 4 изд., ч. 1–2, М., 1973.

М. В. Ляпон.

Второстепе́нные чле́ны предложе́ния – см. Члены предложения.

Выска́зывание – единица речи (в устном или письменном вариантах), оформленная по законам данного языка. В. может быть единичным, может входить в состав более крупных речевых единиц – диалога (см.), монолога (см.) и др. Порождая В., говорящий осуществляет нек-рые коммуникативные установки, выдвигая на первый план те или иные компоненты В. В рамках В. реализуется его актуальное членение (см. Актуальное членение предложения) – деление на тему, или исходную часть, и рему, или смысловое ядро. На базе одного и того же лексико-грамматического состава с одной и той же синтаксической структурой могут порождаться разные В.: *В городе мы/купили пальто; Пальто мы купили/в городе; Мы купили пальто/в городе; В городе мы купили/пальто* – четыре разных В. с одним и тем же лексико-грамматическим составом соотносятся с одним и тем же явлением действительности. В рамках В. выявляются его референционная часть (соотнесение с действительностью), модальная часть (отношение автора к сообщаемому) и собственно текстовая часть – элементы, включающие данное В. в более широкие коммуникативные рамки. Теория В. связывается в лингвистике с общей идеей актуализации языковых единиц, их преобразованием из потенциальных в реальные.

В рус. языкознании различение предложения и В. проводилось в работах А. М. Пешковского, называвшего В. фразой (см.). В зарубежной лингвистике основную роль в разработке теории В. сыграли труды чеш. лингвистов, создавших в кон. 20-х гг. 20 в. теорию функциональной лингвистики (идеи Пражской лингвистической школы; см.)

Сложный вопрос совр. лингвистики – разграничение предложения (см.) и В. Согласно нек-рым концепциям, предложение считается как единицей языка, так и единицей речи. С развитием лингвистики речи и семантического синтаксиса возникла тенденция противопоставлять не предложение В., но в самом предложении различать две стороны: структурно-семантическую схему (модель) и В. В этом случае проблемным оказывается определение синтаксического строя речевых отрезков типа: *Ну и?; К чему?; Ещё чего!* Более распространена теория, согласно к-рой предложение отграничивается от В., причём они относятся к разным разделам синтаксиса: предложение – к конструктивному, а В.– к коммуникативному синтаксису. Разграничение этих видов синтаксиса предполагает изучение правил перехода от предложения к В. и изучение средств коммуникативного синтаксиса. В общем виде можно выделить три группы таких средств: порядок слов, интонацию, введение специфических служебных слов типа частиц.

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Николаева Т. М., Функции частиц в высказывании (на материале слав. языков), М., 1985; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесённость с действительностью, М., 1985

Т. М. Николаева.

Г г

Г Г Г Г Г Гг Гг

Г, г – четвёртая буква русского алфавита. Её название – «гэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное г.* По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «глаголь» – 'говори', к-рая имела числовое значение «три». Слав. буква «глаголь» ведёт своё происхождение от греч. буквы «гамма» и семитского «гимель».

При классификационных обозначениях буква *Г, г* имеет значение «четвёртый»: *ложа Г, раздел г, место г.*

Основное графическое значение буквы *г* – обозначение общей части фонем ⟨г⟩ и ⟨г'⟩: заднеязычная звонкая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *г* буквой или другим графическим знаком: ⟨г⟩ – *год, тогда, рог* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨г'⟩ – *гиря, гюрза.* Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *г* обозначает твёрдость этих фонем: *мозг, лгать, ангел.*

Гипе́рбола (от греч. hyperbolḗ – преувеличение) – приём выразительности речи, используемый говорящими (пишущими) с целью создать у слушателей (читателей) преувеличенное представление о предмете речи. Напр.: *У них клубника – с кулак; Вечно ты опаздываешь; Я сто раз тебе это говорил; «Мело, мело по всей земле, Во все пределы»* (Пастернак). Г. отличается от усиления – ещё одного приёма выразительности речи, ср.: *До того он стал худой, прямо ужас* (усиление) – *До того он стал худой, прямо скелет* (Г.). Г. свойственна гл. обр. живой разг. и художественной речи, а также публицистике; однако в разг. речи гиперболизирующие высказывания основываются, как правило, на использовании готовых, имеющихся в языке средств и моделей, автор же художественного или публицистического произведения стремится к созданию индивидуализированной Г., ср.: *Он храпит, как трактор* – *«Во сне дворник сделался тяжёлым, как комод»* (И. Ильф, Е. Петров).

Гиперболические высказывания концентрируются в области оценок человека и человеческой деятельности; при этом Г. возможна благодаря тому, что в сознании говорящих имеется представление о некоей норме свойств, состояний, действий и т. п. Если, по мнению говорящего, данная ситуация отклоняется от нормальной, он может прибегнуть к Г. Среди смыслов, выражаемых гиперболически, наиболее типичны такие: 'наличие в избытке' (*завались, залейся, через край, уйма, навалом, про́пасть, бездна, куча, вагон, сплошь, один, одни* и др.); 'полное отсутствие' (*совсем пусто, ни капли, ни крошки, ни души, шаром покати* и др.); 'очень долго' [*сто лет* (*не виделись*), *целую вечность* (*тебя жду*), *весь день* (*простоял в очереди*) и др.]; 'величина расстояний и размеров' (*школа – за тыщу километров, голова – с котёл*); 'повторяемость событий' [*вечно* (*опаздываешь*), *сто раз* (*говорил*), *постоянно* (*болеет*) и др.].

Г. выражается разнообразными языковыми средствами – морфологическими [формами мн. ч. вместо ед. ч.: *Некогда чаи распивать; ходить по выставкам, шататься по магазинам;* первым компонентом существительного *пол-* (в значении 'половина'): *Я себе ножом полпальца отхватил*], лексическими (словами типа *все, всякий, никто, совсем, совершенно* и др.: *Все говорят, что он женился; Картошка совсем сырая* – о недоваренной картошке; усилительно-модальными частицами наречного характера *просто, прямо, буквально* и др.: *Ты этим известием меня просто зарезал; Ну и загорел! Прямо негритос какой-то!*), фразеологическими (*падать от усталости, весь в мыле, ходят на головах, в упор не вижу, это и ежу понятно* и т. п.), синтаксическими (количественными конструкциями: *куча денег, миллион бумаг, тыща человек* и т. п.; предложно-падежными сочетаниями типа *до капли, по зёрнышку, ни пылинки*; глагольными конструкциями типа *Фруктов – завались!; Вина – залейся!; Подарков – не унести!* и др.).

Г. как приём выразительности речи соотносительна с литотой (см.) и мейозисом (см.).

Лит.: Арбатский Д. И., Множественное число гиперболическое, «Рус. яз. в школе», 1972, № 5; Потебня А. А., Из записок по теории словесности, в его кн.: Эстетика и поэтика,

М., 1976; [Шмелёва Т. В.], Средства выражения метасмысла «преувеличение», в кн.: Системный анализ значимых единиц рус. языка. Парадигматика в лексике и словообразовании, Красноярск, 1987; Крысин Л. П., Гипербола в рус. разг. речи, в кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1984, М., 1988.

Л. П. Крысин.

Гиперóнимы – см. Гипонимы, Гипонимия.

Гипонимúя (от греч. hypó – внизу, снизу, под и ónyma – имя) – тип парадигматических отношений в лексике, лежащий в основе её иерархической организации: противопоставление лексических единиц, соотносящихся с понятиями, объёмы к-рых пересекаются, напр. слово с более узким смысловым содержанием (гипоним; см.) противопоставлено слову с более широким смысловым содержанием (гиперониму, или суперординате). Значение первого при этом включается в значение второго, напр. значение слова *берёза* включается в значение слова *дерево*. Г., отражая универсальные категории общего и частного в мышлении, рода и вида в логике, определяется также как отношения общего и частного или как родо-видовые отношения. Г. характеризуется привативным противопоставлением единиц, иерархичностью и относительностью. Иерархичность Г. основывается на логико-семантической субординации: гипероним подчиняет себе слова, значения к-рых он в себя включает, последние, в свою очередь, все вместе соподчинены «включающему» слову. Относительность Г. проявляется в том, что гипероним может сам выступать как гипоним по отношению к словам с более широким смысловым содержанием, что даёт возможность последовательного выделения классов и подклассов лексических единиц (напр., слово *цветок* является гиперонимом слов *роза*, *тюльпан*, *гвоздика* и в то же время само выступает как гипоним по отношению к слову *растение*).

В теоретической семантике Г. может пониматься либо только как отношения слов лишь одной части речи, либо более широко – как отношения слов разных частей речи (напр.: *красный, жёлтый, зелёный*→*цвет*).

Главная особенность Г. состоит в том, что она не проявляется в естественном языке так же последовательно и систематично, как, напр., логические отношения включения в различных научных классификациях: наряду с выраженными отношениями Г. (гипоним – гипероним) существуют многочисленные случаи лакун, асимметрии и неопределённости (напр., в рус. языке нет гиперонима для слов *квадратный*, *круглый*, *прямоугольный*; с другой стороны, значения слов *вещь*, *предмет*, *объект* являются настолько общими, что могут соотноситься с самыми разными классами единиц). В различных языках отношения Г. проявляются по-разному, их специфика определяется системой конкретного языка и отражаемым в нём характером культуры.

Г. может смыкаться с синонимией лексических единиц, выступая как разновидность родо-видовой квазисинонимии (см. Синонимия), реализующейся в тех контекстах, где подчёркивается то общее, что есть у заменяемых слов, напр.: *«Любил он игры наших дев, Когда весной в тени дерев Они кружились на свободе; Но нынче в резвом хороводе Не слышен уж его припев»* (Пушкин). Такие замены – распространённое явление в языке художественной лит-ры.

Г. тесно связана с другим фундаментальным типом смысловых отношений – отношениями несовместимости семантически однородных лексических единиц, соотносящихся с понятиями, объёмы к-рых не пересекаются (ср., напр., гипонимы *красный* и *зелёный*, *стол* и *стул*). Выражая отношения между элементами одного и того же класса, несовместимость и Г. лежат в основе структурной организации словарного состава языка. Г. и отношения несовместимости используются при анализе и построении семантических полей в лексике и при создании идеографических словарей.

Лит.: Караулов Ю. Н., Общая и рус. идеография, М., 1976; Гак В. Г., Сравнительная типология франц. и рус. языков, Л., 1977; Лайонз Дж., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Новиков Л. А., Семантика рус. языка, М., 1982; Совр. рус. язык. Теоретический курс. Лексикология, под ред. Л. А. Новикова, М., 1987.

А. С. Белоусова.

Гипóнимы – слова, называющие предметы (свойства, признаки) как элементы класса (множества) и состоящие в отношениях гипонимии (см.) со словом – названием этого класса (гиперонимом, или суперординатой). Напр., слова *кольцо*, *браслет*, *ожерелье* являются Г. по отношению к слову *украшение*; наоборот, с точки зрения обратного отношения (суперординации) *украшение* выступает как гипероним по отношению к словам *кольцо*, *браслет*, *ожерелье*. В отличие от гиперонима – слóва с широким значением, выражающего общее, родовое понятие, Г.– слово с более узким значением, обозначающее подчинённое, видовое понятие. Т. о., объём понятия, называемого гиперонимом, шире объёма понятия, называемого Г., и включает в себя последний, но при этом значение гиперонима оказывается беднее, чем значение Г., т. к. семантическое содержание последнего представлено бóльшим количеством семантических признаков (напр., родовое понятие *плод* включает понятия *яблоко*, *апельсин*, *мандарин*, но значение слова *апельсин* включает в себя как семантику гиперонима, так и дифференцирующие признаки, отличающие это наименование от обозначений других плодов: 'цитрусовый сочный ароматный плод с мягкой кожурой оранжевого цвета'). Г. и гипероним характеризуются при их противопоставлении наличием/отсутствием того или иного семантического признака и образуют привативную оппозицию. Гипероним и Г. различаются также способностью к взаимозамене в тексте:

там, где употребляется Г., он может быть заменён гиперонимом (ср.: *Эта кошка жалобно мяукает – Это животное жалобно мяукает*), обратная же замена (*животное – кошка*) в ином контексте не всегда возможна.

Г., подчинённые одному и тому же гиперониму, выступают по отношению друг к другу как согипонимы (напр., слова *фиалка*, *роза*, *тюльпан* являются согипонимами, подчинёнными гиперониму *цветок*). Согипонимы находятся в отношениях семантической несовместимости друг с другом, проявляющейся в невозможности отнести их к одному и тому же объекту (напр., не могут быть отнесены к одному и тому же цветку названия *роза* и *тюльпан*).

Гипероним и подчинённые ему Г. образуют в рус. языке гиперогипонимические группы различной структуры. Простейшей является трёхчленная двухступенчатая структура (напр.: *отец*, *мать – родитель*), наиболее распространённой – двухступенчатая структура, в к-рой одному гиперониму подчинено несколько Г. (напр.: *артист – актёр, певец, музыкант, чтец, циркач* и др.).

Лит. см. при ст. Гипонимия. *А. С. Белоусова.*

Гла́вное предложе́ние, главная часть сложноподчинённого предложения,– формально независимый компонент сложноподчинённого предложения (см.), предопределяющий характер связи между его частями. Термин «Г. п.» употребляется в соответствии с представлениями о сложном предложении как о синтаксической единице, возникающей вследствие соединения двух (и более) предложений (а не предикативных конструкций, не обладающих статусом предложения, поскольку они характеризуются отсутствием смысловой завершённости и интонационной цельнооформленности). Г. п., в отличие от придаточной части сложноподчинённого предложения (см. Придаточное предложение), не содержит в своём составе союзов. Однако если для оформления сложноподчинённого предложения используются расчленяемые союзы (типа *потому что*), то в случае расчленения союза в составе Г. п. оказывается первая часть подчинительного союза, напр. *Я согласился* (*только*) *потому, что боялся своим отказом обидеть отца.* В одночленных сложноподчинённых предложениях в составе Г. п. присутствует опорный компонент, т. е. слово, к к-рому «прикреплена» придаточная часть. Семантические и грамматические свойства опорного компонента находятся в тесной связи с характером придаточной части. Так, напр., если опорный компонент представляет собой слово, обозначающее речепорождение (в разных его формах), то придаточная часть раскрывает конкретное содержание данного речевого акта, восполняя т. о. информативную недостаточность опорного компонента (*Археологи сообщили, что обнаружены следы ещё одного древнего поселения славян*); если в качестве опорного компонента выступает грамматическая форма компаратива, то в придаточной части реализуется значение сравнения (сопоставления), заключённое в компаративе (*Ребёнку интереснее играть в слова, чем просто учить буквы*), и т. д. В нек-рых одночленных сложноподчинённых предложениях опорный компонент в составе Г. п. выступает совместно с местоименным определителем (типа *такой*, *так*), напр.: *Мой брат такой человек, с которым трудно спорить; Вода так прозрачна, что видны все камешки на дне.*

В двучленных сложноподчинённых предложениях, где опорный компонент отсутствует, в составе Г. п. могут содержаться местоимения и частицы, соотносящиеся с союзными средствами в придаточной части и выполняющие, т. о., связующую функцию в структуре сложного предложения, напр. *Если я узнаю что-нибудь новое, то* (*тогда*) *я обязательно позвоню.*

Г. п. в совр. рус. языке может располагаться в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению к придаточной части, однако нек-рые союзы (напр., *ибо*) диктуют обязательное препозитивное положение Г. п.

Лит. см. при ст. Сложноподчинённое предложение.
С. А. Шувалова.

Гла́вные члѐны предложе́ния – см. Члены предложения.

Глаго́л – часть речи, обозначающая процессуальный признак – действие (*писать, ходить, дать*) или состояние (*спать, ждать*) – и выражающая это значение в грамматических категориях вида, залога, времени, числа, лица, наклонения и рода.

Будучи наиболее сложным по составу форм классом слов, Г. противопоставлен в системе частей речи именам (см. Имя) как класс слов, обладающий формами спряжения и являющийся базой синтаксической категории предикативности (см.).

Г. различаются по видам (см. Вид). К сов. виду относятся Г., обозначающие ограниченное пределом целостное действие: *сделать, написать, запеть, простоять.* К несов. виду относятся Г. со значением «неограниченное пределом нецелостное действие»: *делать, писать, петь, стоять*; пределом действия является завершение всего действия (*Я прочитал книгу*) или его части, в т. ч. начальной (*Он запел*). Значение целостности действия – это значение, представляющее доведённое до предела действие как единый акт, нечленимый на фазы (начальную, конечную и т. п., ср. *начал, продолжал, кончил петь*, но не **начал, продолжал, кончил спеть*).

Залог Г. связан с выражением значений «совершить действие» (актив, действительный залог) и «испытывать воздействие» (пассив, страдательный залог). К действительному залогу относятся Г., значение к-рых не указывает направленности действия на предмет (или лицо), выраженный

формой им. п. (*Рабочие строят дом; Ученики решают задачу*). К страдательному залогу относятся Г. с постфиксом *-ся*, имеющие значение действия, направленного на тот предмет (или лицо), к-рый выражен формой им. п. (*Дом строится рабочими; Задача решается учениками*). Значение страдательного залога выражается также формами страдательных причастий (*любим, любимый; читан, читанный; построен, построенный*).

Все Г. обладают грамматическим значением залога, но противопоставление по залогу образуют только переходные Г. (см. Переходность – непереходность). Переходные Г. сочетаются с именем, стоящим в вин. или (реже) род. п. без предлога и обозначающим объект действия: *Ученики решают задачу; Сотрудники пишут отчёт; Мы ждём поезда.*

Нек-рые непереходные Г. действительного залога имеют постфикс *-ся*. Такие Г. называются возвратными глаголами (см.): *мыться* (*Он моется под душем*), *учиться, обниматься* и др.

Формы Г. делятся на спрягаемые и неспрягаемые. Спрягаемыми формами являются формы времени, числа, лица, рода и наклонения. Изменение Г. по временам, числам, лицам, родам и наклонениям называется спряжением (см.). Спряжением называют также один из двух классов форм наст.-буд. времени. Каждый Г. относится или к 1-му, или ко 2-му спряжению. Исключение составляют Г., называемые разноспрягаемыми (см. Разноспрягаемые глаголы), а также Г. *дать, создать, есть, надоесть.*

К 1-му спряжению относятся глаголы, имеющие след. окончания в формах наст. и буд. времени (в орфографической записи): -у, -ю (*несу, бросаю*), -ёшь, -ешь (*несёшь, бросаешь*), -ёт, -ет (*несёт, бросает*), -ём, -ем (*несём, бросаем*), -ёте, -ете (*несёте, бросаете*), -ут, -ют (*несут, бросают*). Ко 2-му спряжению относятся глаголы, имеющие в тех же формах след. окончания: -у, -ю (*кричу, хвалю*), -ишь (*кричишь, хвалишь*), -ит (*кричит, хвалит*), -им (*кричим, хвалим*), -ите (*кричите, хвалите*), -ат, -ят (*кричат, хвалят*).

Категория времени Г. (см. Время) показывает отношение действия к одному из трёх реальных временны́х планов – настоящему, прошлому или будущему. Действие, отнесённое в план прошлого, выражается формами прош. времени (*писал, сказал, убежал*), в план настоящего – формами наст. времени (*пишу, говорю, бегу*), в план будущего – формами буд. времени (*буду писать, напишу; буду говорить, скажу; буду убегать, убегу*). Г. несов. вида имеют все три формы времени (*писал, пишу, буду писать*), Г. сов. вида – лишь формы прош. и буд. времени (*написал, напишу*).

Категория числа Г. (см. Число) показывает, что действие производится одним субъектом (ед. ч.: *я пишу, он будет писать, ты писал*) или более чем одним (мн. ч.: *мы пишем, они будут писать, они писали*).

Категория лица Г. (см. Лицо) выражает отношение производителя действия к говорящему. В наст. и буд. времени изъявительного наклонения Г. имеет формы 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. (*я пишу, ты пишешь, он пишет; мы пишем, вы пишете, они пишут*). Формы лица указывают, что 1) производителем действия является говорящий (1-е лицо ед. ч.); 2) говорящий входит в число производителей действия (1-е лицо мн. ч.); 3) производителем действия является адресат речи (2-е лицо ед. ч.) либо 4) адресаты речи или группа лиц, включающая адресата (2-е лицо мн. ч.); 5) производителем действия является лицо (ли́ца), не участвующее в речи, или предмет, явление (предметы, явления) (3-е лицо ед. и мн. ч.).

Категория рода Г. (см. Род) показывает, что действие относится к лицу или предмету, называемому словом с грамматическим значением муж., жен. или ср. рода: *Он* (*мальчик*) *читал; Она* (*девочка*) *читала; Солнце сияло; Пошёл бы он* (*пошла бы она*), *если бы не надвигалась гроза*. В том случае, если производитель действия – живое существо, обозначенное именем существительным муж. или общего рода, а также личными местоимениями *я, ты*, форма глагола указывает на пол производителя действия: *врач пришёл – врач пришла, сирота остался – сирота осталась, я сидел – я сидела, ты ушёл – ты ушла*. Во мн. ч. родовые различия не выражаются: *Они* (*мальчики, девочки*) *читали*. Формы рода как спрягаемые свойственны Г. только в прош. времени и сослагательном наклонении.

Категория наклонения Г. (см. Наклонение) выражает отношение действия к действительности. Реальное действие, осуществляющееся в наст., прош. или буд. времени, выражается формами изъявительного наклонения: *Он играет, играл, будет играть; сыграл, сыграет.* Действие, к к-рому побуждают кого-либо, выражается формами повелительного наклонения: *иди, беги, приготовь, приготовьте, идём, идёмте.* Возможное, желаемое или предполагаемое действие выражается формами сослагательного наклонения (*читал бы, приготовил бы*).

Неспрягаемые глагольные формы – это инфинитив, причастие и деепричастие. Инфинитив (см.), или неопределённая форма, называет действие, но не показывает его отнесённости к лицу, времени, действительности (его реальности или нереальности): *писать, сыграть, везти, беречь, идти.* Причастие и деепричастие, называемые также атрибутивными формами глагола, обладают, наряду с глагольными признаками, признаками прилагательного (причастие) и наречия (деепричастие). При этом причастие (см.) обозначает действие как атрибутивный признак предмета (*читающий, ждавший, рассматриваемый, построенный*), а деепричастие (см.) – как признак, характеризующий другое действие (*читая, давая, прочитав, отдав, надувшись, замёрзши, возвратясь, зайдя*).

Формы Г. образуются от двух основ: основы прош. времени (чаще всего совпадающей с основой инфинитива) и основы наст. времени. Основа прош. времени выделяется посредством отсечения суффикса *-л-* и родового окончания *-а* в форме прош. времени жен. рода: *писа-ла, вез-ла, греб-ла, ме-ла, тёр-ла, победи-ла*. Основа наст. времени выделяется посредством отсечения окончания в формах 3-го лица мн. ч. наст. или простого буд. времени: *пиш-ут, игра[j-у]т, вез-ут, греб-ут, тр-ут, побед-ят*. Основа наст. времени оканчивается всегда на согласную, основа прош. времени – обычно на гласную, за исключением немногих глаголов, где она совпадает с основой прош. времени (см. в таблице Непродуктивные словоизменительные группы 10 а–в), а также глаголов непродуктивных групп 3б, 4а и 10г (см. таблицу Непродуктивные словоизменительные группы).

От основы прош. времени образуются спрягаемые формы прош. времени (*чита-л, вари-л, от-мы-л*), действительные причастия прош. времени (*чита-вший, вари-вший*), страдательные причастия прош. времени на *-анный* и *-тый* (*прочитан-ный, отмы-тый*), деепричастия на *-в(ши)* (*про-чита-в, свари-вши*). От основы наст. времени образуются спрягаемые формы наст. и простого буд. времени (*чита[j-у], свар-ю, отмо[j-у]т*), повелительного наклонения (*читай, свар-и*), причастия наст. времени (*чита[j-у]щий, чита[j]-емый*), страдательные причастия прош. времени на *-енный* (*свар-енный*) и деепричастия на *-а* (*-я*) (*чи-та[j-а]*).

В зависимости от принадлежности Г. к 1-му или 2-му спряжению, а также по характеру соотношения основ прош. и наст. времени и образования формы инфинитива выделяются 5 продуктивных классов Г. и ряд непродуктивных групп (в таблице ниже при разграничении непродуктивных групп представлена одна из возможных классификаций). Продуктивность пяти классов определяется тем, что они регулярно пополняются за счёт новых основ: все новые Г., образуемые с помощью продуктивных словообразовательных суффиксов и заимствуемые из других языков, относятся только к этим пяти классам. В то же время непродуктивные группы могут пополняться лишь за счёт чисто приставочных и постфиксальных образований.

ПРОДУКТИВНЫЕ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Номер класса	Спряжение	Соотношение основ прошедшего и настоящего времени	Образование инфинитива	Примеры
1	1-е	*а ~ а[j]*	*а + ть*	*чита-ла – чита[j-у]т; чита-ть* *гуля-ла – гуля[j-у]т; гуля-ть*
2	1-е	*е ~ е[j]*	*е + ть*	*владе-ла – владе[j-у]т; владе-ть*
3	1-е	*ова ~ у[j]*	*ова + ть*	*рисова-ла – рису[j-у]т; рисова-ть*
4	1-е	*ну ~ н*	*ну + ть*	*толкну-ла – толкн-ут; толкну-ть*
5	2-е	*и ~ Ø (нуль)*	*и + ть*	*ходи-ла – ход-ят; ход-ить* *суши-ла – суш-ат; суш-ить*

НЕПРОДУКТИВНЫЕ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Номер группы	Спряжение	Соотношение основ прошедшего и настоящего времени	Образование инфинитива	Примеры
1	1-е	*а ~ Ø*	*а + ть*	*писа-ла – пиш-ут; писа-ть* *лая-ла – ла[j-у]т; лая-ть* *жда-ла – жд-ут; жда-ть* *бра-ла – бер-ут; бра-ть*
2	1-е	*о ~ Ø*	*о + ть*	*коло-ла – кол-ют; коло-ть*
3а	1-е	гласная ~ гласн. + *т* или *д*	гласная + *сти* или – *сть*	*ме-ла – мет-ут; ме-сти* *кла-ла – клад-ут; кла-сть*
3б	1-е	согласная ~ согл. + *т*	согл + *ти* или гласн. + *сть*	*рос-ла – раст-ут; рас-ти* *уч-ла – учт-ут; уче-сть*
4а	1-е	согласная ~ согл + *н*	согл. + *ну* + *ть*	*гас-ла – гасн-ут; гасну-ть* *мёрз-ла – мёрзн-ут; мёрзну-ть*
4б	1-е	гласная ~ гласн. + *н*	гласн. + *ну* + *ть*	*сты-ла – стын-ут; стыну-ть* *вя-ла – вян-ут; вяну-ть*
4в	1-е	то же	гласн. + *ть* или *сть*	*ста-ла – стан-ут; ста-ть* *де-ла – ден-ут; де-ть* *кля-ла – клян-ут; кля-сть*
5	1-е	гласная ~ гласн + *в*	гласн. + *ть*	*жи-ла – жив-ут; жи-ть* *плы-ла – плыв-ут; плы-ть*

Номер группы	Спряжение	Соотношение основ прошедшего и настоящего времени	Образование инфинитива	Примеры
6	1-е	*а ~ н* или *м*	*а + ть*	*нача-ла – начн-ут; нача-ть* *мя-ла – мн-ут; мя-ть* *жа-ла – жм-ут; жа-ть* *заня-ла – займ-ут; заня-ть*
7	1-е	гласная (кроме *а*) ~ гласн. + [*j*]	гласн. + *ть*	*гни-ла – гни[j-у]т; гни-ть* *ду-ла – ду[j-у]т; ду-ть* *мы-ла – мо[j-у]т; мы-ть* *пе-ла – по[j-у]т; пе-ть* *бри-ла – бре[j-у]т; бри-ть*
8	1-е	*и ~ [j]*	*и + ть*	*би-ла – [б'j-у]т (бьют); би-ть*
9	1-е	*ва ~ [j]*	*ва + ть*	*дава-ла – да[j-у]т, дава-ть*
10а	1-е	*к ~ к* или *г ~ г* (основы совпадают)	*Ø + чь*	*пек-ла – пек-ут; пе-чь* *берег-ла – берег-ут; бере-чь* *жг-ла – жг-ут; же-чь*
10б	1-е	*с ~ с* или *з ~ з* (основы совпадают)	*с, з + ти* или *ть*	*нес-ла – нес-ут; нес-ти* *вез-ла – вез-ут; вез-ти* *грыз-ла – грыз-ут; грыз-ть*
10в	1-е	*б ~ б* (основы совпадают)	*Ø + сти* или *[б'] + и + ть*	*греб-ла – греб-ут; гре-сти* *ушиб-ла – ушиб-ут; ушиби-ть*
10г	1-е	*р ~ р*	*[р'] + е + ть*	*тёр-ла – тр-ут; тере-ть* *умер-ла – умр-ут; умере-ть*
11	2-е	*е ~ Ø*	*е + ть*	*смотре-ла – смотр-ят; смотре-ть*
12	2-е	*а ~ Ø*	*а + ть*	*крича-ла – крич-ат, крича-ть* *стоя-ла – сто[j-а]т; стоя-ть* *спа-ла – сп-ят; спа-ть* *гна-ла – гон-ят, гна-ть*

Особняком стоят изолированные глаголы, не входящие ни в один из классов и ни в одну из групп. К ним относятся: разноспрягаемые глаголы (см.) *бежать*, *хотеть* и *чтить*; глаголы *дать*, *есть*, *создать*, *надоесть*, имеющие особые, отличные от обоих спряжений, окончания; глагол *идти*, основы к-рого супплетивны (*шла – идут*); глаголы *быть* (с полным набором форм буд. времени – *будут* и т. п. при наличии лишь остаточных форм наст. времени *есть* и *суть*), *забыть*, *ехать*, *реветь*, *зиждиться*, *зыбить(ся)*.

Производные Г. принадлежат к различным способам словообразования. Суффиксальные Г. с суффиксами *-и(ть)*, *-ова(ть)* [*-ирова(ть)*, *-изирова(ть)*, *-изова(ть)*], *-нича(ть)*, *-ствова(ть)*, *-а(ть)*, мотивированные существительными и прилагательными, имеют значения: «совершать действие, свойственное лицу или животному» – *батрачить*, *плутовать*, *попугайничать*, *учительствовать*; «действовать с помощью предмета» – *багрить*, *циклевать*; «наделять свойством» – *сушить*, *активизировать*, *ровнять*; «проявлять свойство» – *хитрить*, *лютовать*, *важничать*, *свирепствовать*, *хромать* и др. Г. с суффиксами *-е(ть)* и *-ну(ть)*, мотивированные прилагательными, имеют значение «приобретать свойство»: *белеть*, *слепнуть*. Суффикс *-ива(ть)/-ва(ть)/-а(ть)* служит для образования Г. несов. вида от Г. сов. вида: *переписать – переписывать*, *узнать – узнавать*, *победить – побеждать*, а также глаголов со значением многократности (*хаживать*, *певать*); суффиксы *-ну(ть)* и *-ану(ть)* – для образования Г. сов. вида со значением однократного действия: *толкнуть*, *рубануть*.

Префиксальные Г. означают направление действия в пространстве (*войти*, *выйти*, *подойти*, *прийти*, *уйти*, *отойти*, *дойти*, *сойти*, *обойти*, *перейти*, *пройти*, *зайти*), совершение действия во времени (*запеть*, *взволноваться*; *пойти*; *постоять*, *просидеть*, *переждать*, *досидеть*, *отвоевать* и др.), степень интенсивности действия (*отгладить*, *начистить*, *иззябнуть*, *перепугать*, *продумать*, *раскормить*; *перегреть*; *поотстать*, *подбодрить*, *приглушить*; *недовыполнить*), множественность объектов действия (*издырявить*, *обегать*, *облетать*; *пересмотреть все фильмы*, *повывезти* и др.), результативность действия (*вскипятить*, *воспрепятствовать*, *вылечить*, *заминировать*, *измерить*, *оштрафовать*, *обменять*, *отремонтировать*, *постирать*, *подмести*, *пристыдить*, *продемонстрировать*, *разбудить*, *сделать*). Кроме того, Г. свойственны след. способы словообразования: префиксально-суффиксальный (*влажный – увлажнить*, *болеть – побаливать*, *дремать – вздремнуть*), постфиксальный (*умыть – умыться*), суффиксально-постфиксальный (*скупой – скупиться*), префиксально-постфиксальный (*бегать – забегаться*), префиксально-суффиксально-постфиксальный (*шутить – перешучиваться*, *смелый – осмелиться*),

сложение (*полузакрыть, самовоспламениться*), сложение в сочетании с префиксацией (*оплодотворить*), сложение в сочетании с префиксацией и суффиксацией (*размокропогодить*), сращение (*злоумышлять*), сращение в сочетании с суффиксацией (*христарадничать*), сращение в сочетании с постфиксацией (*заблагорассудится*).

Разнообразные словообразовательные типы отглагольных глаголов, модифицирующих характер протекания действия, служат формированию способов глагольного действия (см.).

В предложении спрягаемые формы Г. выступают в роли простого сказуемого (*Мальчик читает*). Инфинитив может выступать в качестве подлежащего, простого глагольного сказуемого, главного члена инфинитивного предложения, дополнения, несогласованного определения и обстоятельства цели. Полные причастия в предложении, как и прилагательные, выступают в качестве определения; вместе с относящимися к ним словами могут входить в состав причастного оборота (см.). Краткие формы причастий в предложении обычно выступают в качестве сказуемого (*Дом построен*). Деепричастие выступает в предложении в роли примыкающего определения и обозначает действие, сопровождающее другое действие, выраженное спрягаемой формой Г. или инфинитива (*Мы шли разговаривая; Надо смотреть молча*). Вместе с относящимися к нему словами деепричастие может входить в состав деепричастного оборота (см.).

Рус. Г. претерпел значительные исторические изменения. Основными направлениями развития др.-рус. Г. являются упрощение системы времён, прежде всего прошедших, и параллельный процесс формирования категории вида как регулярной системы двучленных корреляций, вследствие чего многообразные оттенки протекания действия во времени стали выражаться при взаимодействии аспектуальных и темпоральных характеристик Г. (видо-временная система). В кругу атрибутивных форм Г. наиболее заметным изменением было выделение из причастий особой полупредикативной формы – деепричастия.

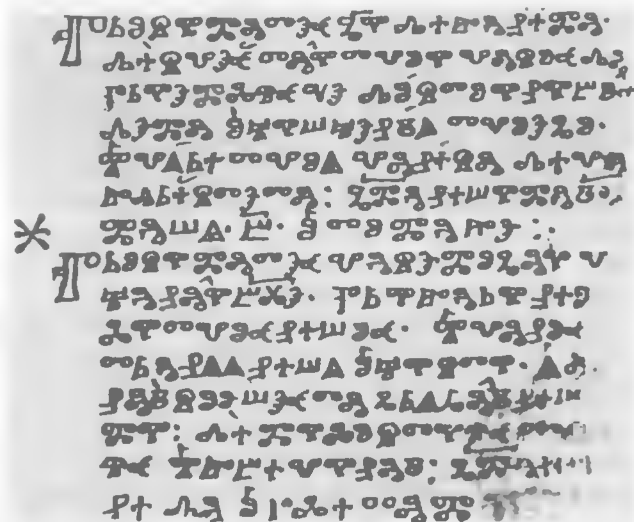
Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. Грамматическое учение о слове, М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Совр. рус. язык. Морфология, М., 1952; Исаченко А. В., Грамматический строй рус. языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2, Братислава, 1960; 2 изд., Братислава, 1965; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Рус. глагол, Л., 1967; Бондарко А. В., Вид и время рус. глагола, М., 1971; Зализняк А. А., Грамматический словарь рус. языка. Словоизменение, М., 1977; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980; Совр. рус. язык, ч. 1–3, М., 1981; Историческая грамматика рус. языка. Морфология, глагол, М., 1982; Маслов Ю. С., Очерки по аспектологии, Л., 1984; Якобсон Р., О структуре рус. глагола, в его кн.: Избр. работы, М., 1985; его же, Рус. спряжение, пер. с англ., там же; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

В. В. Лопатин, И. С. Улуханов.

Глаго́лица – одна из двух славянских азбук. Название образовано от ст.-слав. *глаголъ* – 'слово', 'речь'. Почти полностью совпадая с кириллицей (см.) по алфавитному составу, расположению и звуковому значению букв, Г. резко отличалась от неё формой букв. Строка древнего глаголического письма напоминает греч. скоропись (см.), но буквенные начертания не имеют соответствий с греч. буквами. Считают, что нек-рые буквы составлены на основе знаков самаритянского и др.-евр. письма, однако своеобразие глаголического письма не позволяет уверенно связать его ни с одним из совр. ему алфавитов и косвенно подтверждает

Ⰰ	а	Ⰹ	и	Ⱅ	т	Ⱏ	ъ
Ⰱ	б	Ⰼ	мягкое г	Ⱆ	у	Ⱐ	ь
Ⰲ	в	Ⰽ	к	Ⱇ	ф	ⰟⰋ ⰟⰊ	ы
Ⰳ	г	Ⰾ	л	Ⱚ	θ	Ⱑ	ея
Ⰴ	д	Ⰿ	м	Ⱈ	х	Ⱓ	ю
Ⰵ	е	Ⱀ	н	Ⱉ	о	Ⱔ	е носовое юс малый
Ⰶ	ж	Ⱁ	о	Ⱋ	шт	Ⱘ	о носовое юс большой
Ⰷ	дз	Ⱂ	п	Ⱌ	ц	Ⱗ	йотированный юс малый
Ⰸ	з	Ⱃ	р	Ⱍ	ч	Ⱙ	йотированный юс большой
Ⰺ Ⰻ	и	Ⱄ	с	Ⱎ	ш	Ⱛ	ижица

Глаголический алфавит.

Фрагмент из древнейшей глаголической рукописи «Киевские листки» (10 в.).

предположение о том, что эта азбука изобретена одним из слав. просветителей и авторов слав. азбуки Кириллом (Константином Философом) ещё до отъезда Кирилла и его брата Мефодия в Моравию. Г. широко употреблялась в 60-х гг. 9 в. в Моравии, откуда проникла в Болгарию и Хорватию, в к-рой используется в богослужебных книгах и ныне; изредка употреблялась и в Древней

Руси. О древнейшем виде глаголического письма можно судить лишь предположительно, т. к. дошедшие до нас глаголические памятники не старше 10 в.: «Киевские листки», или «Киевский миссал» (10 в.), Зографское, Мариинское и Ассеманиево евангелия, «Сборник Клоца», «Синайская псалтырь» и «Синайский требник» (11 в.).

Лит.: Селищев А. М., Ст.-слав. язык, ч. 1, М., 1951; Сб. ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов), М., 1958. *О. А. Князевская.*

Глаго́лы движе́ния – 14 пар глаголов несовершенного вида, обозначающих перемещение: *идти – ходить, бежать – бегать, ехать – ездить, лететь – летать, плыть – плавать, тащить – таскать, катить – катать, нести – носить, вести – водить, везти – возить, ползти – ползать, лезть – лазить* (и *лазать*), *брести – бродить* и *гнать – гонять.* Выделение этих глаголов в особую группу объясняется как близостью их лексических значений, так и общими словообразовательными и грамматическими свойствами, отличающими их от остальных глаголов. Первые члены каждой из перечисленных пар (т. н. глаголы однонаправленного движения) обозначают действие, совершаемое в одном направлении и за один приём (без перерывов), вторые члены (глаголы неоднонаправленного движения) обозначают действие, совершаемое в разных направлениях или регулярно повторяющееся, ср.: *Он идёт в лес* и *Он ходит по комнате, Он каждый день ходит в лес; Мы несём брёвна* и *Мы носим брёвна в сарай, Она всегда носит тяжёлые сумки.* В формах прош. времени глаголы неоднонаправленного движения могут обозначать действие, совершённое в двух направлениях – туда и обратно: *Он сегодня ходил в магазин*; в этих контекстах неоднонаправленные глаголы могут обозначать ту же ситуацию, что и глаголы сов. вида (ср. *Он сегодня сходил в магазин*), отличаясь от последних отсутствием обязательного указания на однократность действия.

От глаголов однонаправленного движения регулярно образуются глаголы сов. вида с приставкой *по-* начинательного значения (*побежать*) и с разнообразными приставками пространственных значений (*вбежать, перебежать, подбежать*). От глаголов неоднонаправленного движения образуются префиксальные глаголы сов. вида с временны́ми и количественно-временны́ми значениями: *забе́гать, побе́гать, пробе́гать, набе́гать, сбе́гать.*

Видообразование Г. д. характеризуется след. особенностью: от префиксальных глаголов сов. вида, мотивированных глаголами *везти, вести, гнать, идти, лететь, нести,* глаголы несов. вида образуются по образцу соотношения однонаправленных и неоднонаправленных Г. д., ср.: *везти – возить* и *привезти – привозить; вести – водить* и *привести – приводить; гнать – гонять* и *пригнать – пригонять; идти – ходить* и *прийти – приходить; лететь – летать* и *прилететь – прилетать; нести – носить* и *принести – приносить.* От остальных префиксальных Г. д. глаголы несов. вида образуются с помощью суффикса имперфективации (см.): *прибежать – прибегать, забрести – забредать, приехать – приезжать, укатить – укатывать, влезть – влезать, приплыть – приплывать, заползти – заползать, оттащить – оттаскивать.*

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Янко-Триницкая Н. А., Особенности префиксации глаголов движения, «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потёмкина», 1952, т. 22, в. 2; Исаченко А. В., Грамматический строй рус. языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2, Братислава, 1960, с. 309–44; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980, с. 590–91, 594–95. *И. С. Улуханов.*

Гла́сные – звуки речи, основной особенностью к-рых является их роль в слогообразовании – гласный всегда образует вершину слога. Артикуляционные и акустические характеристики Г. не позволяют говорить об их принципиальных различиях с согласными (см.): когда называют Г. «рторасктывателями», упускают из виду то обстоятельство, что в действительности сужение, образуемое при артикуляции нек-рых закрытых Г., может быть сопоставимо с сужением, образуемым при артикуляции нек-рых согласных; акустической особенностью Г. считают то, что при их образовании действует только голосовой источник, однако и это не является их специфическим свойством – целый ряд сонорных согласных также образуются лишь при участии голосового источника.

При артикуляционной классификации Г. учитывают положение языка – степень подъёма языка вверх, по направлению к твёрдому нёбу, и его продвинутость вперёд или назад в полости рта – и характер губной артикуляции. По подъёму различают Г. верхнего (закрытые, или узкие), среднего и нижнего (открытые, или широкие) подъёма; по продвинутости в полости рта – Г. переднего ряда и Г. заднего ряда, а также Г. смешанного и центрального ряда. По работе губ – огублённые (лабиализованные) Г., при образовании к-рых губы округляются и выпячиваются, и неогублённые (нелабиализованные), при артикуляции к-рых губы не играют активной роли.

Артикуляционные характеристики рус. Г.: а) по подъёму: Г. верхнего подъёма – *и, ы, у*; среднего подъёма – *е* (не путать с буквой *е*), *о*; Г. нижнего подъёма – *а*; б) по ряду: Г. переднего ряда – *и, е*; Г. заднего ряда – *у, о, а*; Г. *ы* характеризуется изменением положения языка при его произнесении: начинаясь как Г. непереднего ряда, он заканчивается как передний, совпадая по артикуляции с Г. *и*; в) по огублённости: неогублённые – *и, ы, е, а*; огублённые – *у, о*.

Поскольку артикуляция Г. не локализована, в пределах каждой из групп возможны довольно значительные различия – так Г. переднего ряда *е* является менее продвинутым вперёд, чем Г. *и*, среди гласных заднего ряда эти различия ещё

значительнее – самым задним в группе является Г. *у*, наиболее продвинутым вперёд – Г. *а*, к-рый нек-рые исследователи считают даже гласным не задним, а «средним» или даже передним. С точки зрения общефонетической классификации понятие «среднего» ряда отсутствует, поскольку реально существует лишь смешанный ряд (язык распластан в полости рта по всей её длине) и центральный ряд (язык собран в комок в центральной части полости рта).

Расположение Г. по их артикуляторным характеристикам можно изобразить след. схемой:

Гласные русского языка

Подъём	Ряд	
	Передний	Задний
Верхний	*и ы*	*у*
Средний	*е*	о
Нижний	*а*	

Такая артикуляция свойственна основным аллофонам гласных, а в различных комбинаторных и позиционных условиях реализуются очень разнообразные звуки: не только достаточно закрытый *е*, но и более открытый *э*, не только задний Г. *а*, но и сильно продвинутый вперёд аллофон и т. д.

Особенности артикуляции влияют на акустические свойства Г. Надгортанные полости, выступающие в роли резонаторов, усиливают определённые частоты, называемые ф о р м а н т а м и Г. При описании акустических характеристик Г. используют обычно сведения о частоте двух формант – первой и второй; имеется зависимость между частотой формант и характером артикуляции: чем более закрытый Г., тем ниже частота первой форманты; чем более задний Г., тем ниже частота второй форманты. Акустические характеристики рус. Г. находятся в полном соответствии с этим правилом: наиболее низкой частотой первой форманты характеризуются Г. верхнего подъёма *и, ы, у*; Г. нижнего подъёма *а* имеет наиболее высокую по частоте первую форманту; наиболее высокую вторую форманту имеет Г. переднего ряда *и*, наиболее низкую – огублённый Г. заднего ряда *у*.

Безударные Г. отличаются от ударных по своим артикуляторно-акустическим свойствам: безударный *и* – менее передний и менее закрытый, чем ударный; безударный *у* – менее задний и менее закрытый, чем ударный; безударный *а*, наоборот, характеризуется большей закрытостью по сравнению с ударным и сильными изменениями по ряду в зависимости от соседних согласных.

Эти отличия безударных объясняются в первую очередь сокращением их длительности по сравнению с длительностью ударных: т. к. время произнесения безударных в полтора-два раза меньше времени произнесения ударных, артикуляционные органы не успевают достигнуть положения, характерного для ударных Г.

Существуют определённые закономерности употребления Г. Так, под ударением возможны все шесть гласных фонем, представленных разнообразными аллофонами. В безударных слогах, как правило, не употребляются *о* и *е*, так что в пределах одной морфемы возникают чередования ударных *о* и *е* с безударным *а* и *и* (*дом – домá*), (*лес – лесá*); ударный *а* после мягкого согласного чередуется с безударным *и* (*пять – пятú*), а любой *и* в абсолютном начале слова – с *ы*, если этому слову предшествует слово, оканчивающееся на твёрдый согласный (*Иван – брат Ивана*). Старое правило, в соответствие с к-рым перед Г. переднего ряда могли находиться только мягкие согласные, сейчас справедливо лишь для *и*, тогда как перед *е* возможны как мягкие, так и твёрдые согласные: *меры – мэры, тело – темп* и т. д.

Существуют разногласия в описании Г.: не все исследователи согласны с тем, что *ы* имеет дифтонгоидный характер, изменяясь по ряду; спорным является и вопрос о роли фонетических свойств в системе фонем: высказывается мнение, что ряд – это признак, зависящий от твёрдости или мягкости предшествующего согласного (ср. *палка – пять*), и поэтому он не является фонологически существенным; при таком решении для характеристики системы Г. достаточными оказываются только признаки подъёма и огублённости.

Лит.: А в а н е с о в Р. И., Фонетика совр. рус лит. языка, М., 1956; З и н д е р Л. Р., Общая фонетика, М., 1979; Б о н д а р к о Л. В., В е р б и ц к а я Л. А., Г о р д и н а М. В., Основы общей фонетики, СПБ, 1991. *Л. В. Бондарко.*

Гнездó слов – см. Словообразовательное гнездо.

Гóвор – наименьшая территориальная разновидность языка. Г.– языковая система, являющаяся средством общения, преим. бытового, жителей одного населённого пункта сельского типа (напр., говор д. Деулино Рязанской обл.) или (реже) нескольких. В структуре языка как сложного образования Г.– мельчайшая, далее неделимая часть. Все Г. данного языка (см. Говоры русского языка) в совокупности образуют диалектный язык (см. Диалектология). Для обозначения Г. используется также термин «диалект» (см.). *Н. Н. Пшеничнова.*

Гóворы рýсского языкá. Распространены на территории России и частично за её пределами. Они не одинаковы по своей истории и условиям бытования. Так, различаются прежде всего Г.р.я. территории наиболее раннего, или первичного, заселения (первичные, или материнские, говоры) и говоры территории позднего, или вторичного, заселения (вторичные говоры, говоры вторичного, или позднего, образования, переселенческие говоры).

Наиболее древние поселения русских занимают центр Европейской части России. На этой территории, где русские издавна составляли компактный массив, сформировались рус. народность и

рус. язык, и здесь же примерно до 15 в. первоначально складывались рус. диалекты (см.). Первичные говоры центра Европейской части России в основных своих различительных чертах отражены в региональных диалектологических атласах рус. языка, из к-рых опубликован один (1957) – «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (остальные хранятся в Отделе диалектологии и лингвогеографии Ин-та рус. языка им. В. В. Виноградова РАН), и в сводном «Диалектологическом атласе русского языка» (в. 1– Фонетика, 1986, в. 2 – Морфология, 1988, в. 3 – Синтаксис. Лексика, в печати).

На всей остальной территории России, включая южные, юго-вост. и вост. области Европейской части, Урал, Сибирь и Дальний Восток, и за её пределами отмечаются говоры вторичного образования, к-рые появились на этих землях после завершения процесса складывания рус. национального языка. Особенности их формирования и развития во многом определяются такими экстралингвистическими факторами, как время переселения (раннепереселенческие – 16–17 вв.; переселенческие – 18–19 вв.; поздние переселенческие – кон. 19 – нач. 20 вв.), характер переселения (одновременность – разновременность, массовость – единичность), характер отношения с окружающим населением. В говорах Сибири, напр., выделяются ст.-жильческие, или чалдонские, говоры, смешанные говоры, говоры новосёлов и «островные» говоры.

Г. р. я. представляют собой такие языковые системы, в к-рых наряду с большим сходством отмечаются и черты различия, что позволяет группировать рус. говоры или проводить диалектное членение.

Наиболее известны две группировки Г. р. я. Первая группировка (см. Диалектологическую карту русского языка в Европе) создана по материалам, собранным к нач. 20 в., и охватывает всю территорию рус. языка в Европе, включая территорию позднего заселения. В 1915 опубликован «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова, Д. Н. Ушакова. Эта группировка подтвердила наличие в континууме рус. говоров диалектов как территориальных разновидностей языка.

Вторая группировка [см. Диалектологическую карту русского языка (1964)] базируется на материалах более поздних и существенно более полных, к-рые собирались систематически в 40–60-х гг. 20 в. и были изучены методами лингвистической географии (см.) (К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, «Диалектное членение русского языка», 1970). Это диалектное членение проведено на основании анализа закономерностей лингвогеографического ландшафта, представленного в диалектологических атласах рус. языка (первичные говоры).

Единицы диалектного членения как территориальные подразделения языка определяются по комплексу признаков, имеющих общую территорию распространения, т. е. по пучкам изоглосс (см.). В диалектном членении Захаровой и Орловой выявлены три типа территориальных объединений рус. говоров. Ареалы первого типа делят всю территорию первичных Г. р. я. на две большие части: северное и южное наречия. Это деление Г. р. я. является основным.

Второй тип территориальных объединений Г. р. я.– диалектные зоны, каждая из к-рых охватывает территории разных групп говоров. Выделено восемь диалектных зон: зап., северо-зап., северная, северо-вост., юго-вост., южная, юго-зап. и центральная. Диалектные зоны свидетельствуют о действии на данной территории в определённые исторические периоды местных тенденций языкового развития, о междиалектных контактах. Говоры территории, по к-рой проходят пучки изоглосс, выделяющих наречия или диалектные зоны, относятся к межзональным. Межзональные говоры, занимающие большую территорию между северным и южным наречиями, называются ср.-рус. говорами.

Третий тип территориальных объединений Г. р. я.– группы и подгруппы говоров, к-рые являются минимальными единицами диалектного членения и всегда входят в состав наречий или диалектных зон.

Каждая из единиц диалектного членения всех трёх типов, за исключением межзональных говоров, характеризуется комплексом признаков, к-рые и выделяют территорию данной единицы диалектного членения.

Северное наречие: полное оканье (см.); заударное ёканье (*вы*[*н'о*]*с*, *бу*[*д'о*]*т*, о[*з'о*]*ро*, *по*[*л'о*] и т. п.); взрывной [*г*] в соответствии со звонкой задненёбной фонемой; отсутствие ⟨*j*⟩ в интервокальном положении в ряде форм глаголов и прилагательных (*дел*[*аэ*]*т*, *дел*[*а*]*т* и т. п.; *нов*[*аа*], *нов*[*а*] и т. п.); произношение [*мм*], [*м'м'*] на месте *бм* (о[*мм*]*ан*, о[*м'м'е*]*рял* и т. п.); произношение [*с*] на месте *ст* в конце слов (*мо*[*с*], *хво*[*с*] и т. п.); принадлежность существительных муж. рода с суффиксом *-ушк-*, *-ишк-* ко 2-му склонению (*дедушко*, *без дедушка*, *к дедушку*..., *мальчишка*, *от мальчишка*, *к мальчишку*...); наличие форм местоимений *меня*, *тебя*, *себя* – в род. и вин. п. ед. ч.; твёрдый [*т*] в окончании 3-го лица глаголов (*несё*[*т*], *несу*[*т*] и т. п.); общая форма для дат. и твор. п. мн. ч. существительных и прилагательных (*к пустым вёдрам – с пустым вёдрам* и т. п.); распространение слов *квашня*, *квашонка* – 'посуда для приготовления теста', *сковородник* – 'приспособление для захватывания сковороды', *зыбка* – 'колыбель', *орать* – 'пахать' и др.

В северном наречии выделяются группы Ладого-Тихвинская, Вологодская, Костромская и меж-

зональные говоры, в к-рые входят Онежская группа, Лачские и Белозерско-Бежецкие говоры.

Южное наречие: аканье (см.); фрикативный [γ] в соответствии со звонкой задненёбной фонемой; отсутствие результатов утраты интервокального ⟨j⟩ и стяжения гласных в личных формах глаголов и в прилагательных (*делает* и т. п., *хорошая* и т. п.); сочетание [*бм*] (*о*[*бм*]*ан*, *о*[*бм'е*]*рял* и т. п.); во многих говорах сочетание [*ст*] на конце слова (*хво*[*ст*], *мо*[*ст*]); склонение существительных муж. рода с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов жен. рода (*дедушка, у дедушки, с дедушкой...*, *мальчишка, без мальчишки, с мальчишкой...*); различение форм дат. и твор. п. мн. ч. существительных и прилагательных (*с пустыми вёдрами, к пустым вёдрам* и т. п.); формы местоимений *мене, тебе, себе* в род. и вин. п. ед. ч.; мягкий [*т'*] в окончании 3-го лица глаголов (*несё*[*т'*], *несу*[*т'*] и т. п.); распространение слов *дежá, дéжка* – ‘посуда для приготовления теста’, *корéц, кóрчик* – ‘сосуд, к-рым черпают воду’, *чáпля, цáпля, чáпельник, чаплéйка* и т. п.– ‘приспособление для захватывания сковороды’, *люлька* – ‘колыбель’ и др.

В южном наречии выделяются группы Зап., Верхнеднепровская, Верхнедеснинская, Вост. (Рязанская) и межзональные говоры типа А и типа Б, в последние входят Тульская подгруппа, Елецкие и Оскольские говоры.

Среднерусские говоры характеризуются признаками, общими с северным или южным наречием: неразличение гласных неверхнего подъёма во 2-м предударном и заударном слогах; взрывной [*г*], чередующийся с [*к*] в конце слова; распространение слов *квашня, квашонка, ухват, сковородник, ягниться* (об овце) и др.

Ср.-рус. говоры имеют в своём составе зап. окающие говоры: Гдовская группа, Новгородские говоры; зап. акающие говоры: Псковская группа, Селигеро-Торжковские говоры; вост. окающие говоры – Владимирско-Поволжская группа, в пределах к-рой выделяются подгруппы «Калининская» и «Горьковская»; вост. акающие говоры, к к-рым относятся также говоры вокруг г. Чухлома на территории Костромской группы северного наречия. Каждая диалектная зона выделяется также комплексом языковых черт. Напр., зап. диалектная зона: формы местоимений [*j*]*он*, [*йе*]*на*, [*йе*]*ны*, *тáйа, тýйу, тóйе, тыйе;* существительные с суффиксом *-ак* (*ходáк, седáк*); конструкции с предлогом *с* или *з* типа *приехал з города, вылез с ямы;* деепричастие в функции сказуемого (*поезд ушовши* и т. п.) и др.

Говоры центральной зоны, в отличие от периферийных, в комплекс признаков, выделяющих эту зону, включают многие особенности, характерные и для лит. языка: пятифонемный вокализм (гласные фонемы ⟨*и*⟩, ⟨*у*⟩, ⟨*е*⟩, ⟨*о*⟩, ⟨*а*⟩; [*о*] на месте *е* под ударением перед твёрдыми согласными (*бе*[*ро'*]*за, у*[*н'о*]*с, те*[*л'о*]*нок* и т. п.); последовательное различение аффрикат ⟨*ч'*⟩ и ⟨*ц*⟩; долгие мягкие шипящие ⟨$\bar{ж}$'⟩, ⟨$\bar{ш}$'⟩; различение твёрдых и мягких губных на конце слова (*ду*[*п*] – *гóлу*[*п'*] и т. п.); наличие [*в*], чередующегося с [*ф*]; словоформы *свекровь, мать, дочь*; парадигма *пеку – печёшь* и т. п. с чередованием согласных и др.

Карта совр. диалектного членения рус. языка Захаровой и Орловой схематично отражает результат той сложной истории, к-рую прошли рус. говоры вместе с их носителями на данной территории.

В результате сложного пути развития рус. языка в его говорах лингвогеографическая карта, представляющая рус. говоры сер. 20 в. как целостные языковые системы во всех их основных языковых показателях, является значительно более пёстрой, чем схема диалектного членения по пучкам изоглосс. Это показала структурно-типологическая классификация Г. р. я., проведённая по данным «Диалектологического атласа русского языка», в к-ром представлены основные элементы языковой системы в их материальном воплощении и структурных отношениях. Результаты структурно-типологической классификации представлены на лингвогеографической карте [см. карту Русские диалекты (структурно-типологическая классификация)].

Нивелировка территориальных диалектов, «размывание» границ между ними особенно заметны при сравнении Г. р. я. по всем основным элементам языковой системы в их материальном воплощении и структурных отношениях, т. е. по результатам их структурно-типологической классификации.

Важной характеристикой системы диалектов является тип диалекта, или диалектный тип,– комплекс признаков, позволяющий выделять один диалект среди других диалектов одного классификационного ранга.

Все рус. говоры по структурно-типологической классификации относятся или к к.-л. группе говоров определённого диалектного типа, или к таким совокупностям, в характеристике к-рых совмещаются признаки разных диалектных типов (переходные говоры, смешанные совокупности разнородных говоров).

По структурно-типологической классификации рус. говоров выделяются след. основные типы диалектов, или диалектные типы, четырёх уровней деления, или классификационных рангов: **севернорусские** – Новгородский, Вологодско-Вятский, Владимирско-Поволжский; Новгородско-Ладожский, Ивановско-Нижегородский, Костромской; Ладого-Тихвинский, Онежский, Вологодский, Белозерский, Нижегородский, Ярославский; **южнорусские** – Зап. южнорусский, Юго-восточный; Курско-Орловский, Пензенский; Ср.-донской, Тульский, Тамбовский, Рязанский; **среднерусские** – Вост. ср.-русский, Центральный ср.-рус-

ский; Тверской, Верхневолжский, Юго-вост. ср.-русский; **западнорусские** – Юго-западный, Северо-западный; Псковский; Южнопсковский, Брянский, Новозыбковский

В отличие от диалектного членения, проведённого по пучкам изоглосс, лингвогеографическая карта, отражающая структурно-типологическую классификацию рус. говоров, выявляет нечёткость, расплывчатость границ между территориями распространения говоров разных диалектных типов, какие зафиксированы в сер. 20 в. на территории центра Европейской части России.

Г. р. я. очень близки и генетически и типологически. Вследствие этого близки и результаты диалектного членения по пучкам изоглосс (Захаровой и Орловой) и структурно-типологической классификации. Главное различие между ними состоит в следующем: ареальное диалектное членение – это схема, на к-рой показаны наречия, группы говоров и межзональные, в т. ч. переходные, говоры как лингвотерриториальные единицы разных уровней деления. Это диалектное членение соответствует ходу сложения наречий и их подразделений на территории наиболее старых рус. поселений; карта, представляющая структурно-типологическую классификацию, отражает территориальное распределение говоров разных диалектных типов и говоров, к-рые к к.-л. одному диалектному типу отнести нельзя (разного рода переходные говоры), зафиксированных в сер. 20 в. на той же территории.

Ареальная и типологическая классификации с разных сторон характеризуют рус. язык в его говорах, в их структурном и территориальном варьировании.

Лит.: Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Диалектное членение рус. языка, М., 1970; Баранникова Л. И., Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации, «ВЯ», 1975, № 2; Рус. диалектология, под ред. Л. Л. Касаткина, 2 изд., М., 1989; Пшеничнова Н. Н., Тип диалекта (слав. диалектный континуум), в кн.: Слав. языкознание. XI международный съезд славистов. Братислава, сентябрь, 1993. Докл. рос. делегации, М., 1993. См. также лит. при ст. Диалектология.

Н. Н. Пшеничнова.

Гражданское письмо 17 в.

Гражда́нский шрифт – современный печатный шрифт, создан в России для печатания светских изданий в результате осуществлённой Петром I в 1708–10 первой реформы русского письма (см. Реформы азбуки и правописания).

Введение Г. ш. в России сыграло важную роль в развитии в 18 в. просвещения и науки. Реформа заключалась в создании шрифта гл. обр. на основе нового почерка моск. письма кон. 17 – нач. 18 вв., а также простого по очертаниям, легко доступного

Первая страница гражданской азбуки с собственноручными исправлениями Петра I.

для прочтения лат. шрифта антиквы, в изменении и упрощении алфавитного состава. Из прежней азбуки были, в частности, исключены оказавшиеся излишними для передачи рус. речи буквы «пси», «кси», «омега», «ижица», лигатура «от», знаки ударения (силы), придыхания и сокращения (титлы), «юсы» (большой и малый; см. Юсы), служившие для обозначения носовых звуков. В алфавите были узаконены новые начертания букв *Э, э, Я, я,* практически употреблявшиеся и до реформы; вместо обозначения цифр буквами стали употреблять араб. цифры. В 1710 в утверждённой Петром I азбуке были восстановлены применявшиеся в старой печати буквы, за исключением «пси», «омеги» и диграфа «от». Эскизы рисунков букв Г. ш., возможно, делал сам Пётр I, рисовальщиком шрифта был Куленбах, работавший в штабе А. Д. Меншикова. Литеры букв Г. ш. были изготовлены в Амстердаме и на Моск. печатном дворе. Первая книга, набранная Г. ш., «Геометриа славенски землемерие», вышла в марте 1708. Г. ш. – первоисточник совр. рус. графики.

Церк.-слав. печатный шрифт, сложившийся на основе старой кириллицы (см.), продолжает употребляться в совр. церковной печати.

Лит.: Шицгал А. Г., Рус. типографский шрифт. Вопросы истории и практики применения, М., 1974.

Грамма́тика (греч. grammatikḗ, от grámma – буква, написание) – 1) формальный строй языка, то есть система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, всех видов и способов словопроизводства. В языковой организации в целом – в звуковой, лексико-фразеологической и собственно формальной системах языка – это категории и все явления формального, собственно строевого уровня языка. Г. называется вся не собственно звуковая и нелексическая организация языка, представленная в его грамматических категориях, грамматических единицах и грамматических формах. Г. в этом значении – строевая основа языка, без к-рой не могут быть созданы слова (со всеми их формами) и их сочленения, предложения (шире – высказывания) и их сочленения. 2) Раздел языкознания, изучающий формальный строй языка, его неодноуровневую организацию, его категории и их отношения друг к другу. 3) Термин «Г.» иногда также употребляют для обозначения функций отдельных грамматических категорий или лексико-грамматических множеств. Так, напр., можно говорить о Г. той или иной части речи (напр., Г. имени, Г. глагола) или о Г. того или иного падежа, инфинитива, отдельных предлогов.

Г. имеет дело с абстракциями, обобщениями. Характер этих обобщений различен. Это может быть, напр., обобщение способов словесного называния (в словообразовании), разнообразных отношений (в падежных значениях, в соединениях слов и форм слов, в строении предложения), обобщённо выраженных в языке ситуаций (таких,

Михаил Васильевич Ломоносов 8(19).11.1711– 4(15).4.1765

напр., как отношение между субъектом и его действием или состоянием, между действием и его объектом). Г. (грамматический строй языка) как система абстрактных категорий, представляющих собой единства отвлечённых грамматических значений и их материальных выражений, вместе с лексикой является той основой, без к-рой язык не существует и не функционирует. Грамматические категории находятся друг с другом в сложных и тесных взаимоотношениях, имеющих свойство системы. Грамматические категории противопоставлены друг другу как категории, принадлежащие слову (словообразовательные и морфологические), и как категории, принадлежащие словосочетанию и предложению (синтаксические).

Слово – одна из основных единиц Г. В слове соединены его звуковая материя, его значения – лексическое и грамматическое. К грамматическому значению слова относятся его значение как части речи, т. е. как единицы, принадлежащей к самому обобщённому лексико-грамматическому классу, его словообразовательное значение (в производном слове; см. Словообразование) и все его общие и частные грамматические значения (напр., у имени – значения рода, числа, падежа, у глагола – значения вида, залога, времени, лица, числа, наклонения, в ряде форм также значение рода). Кроме того, у знаменательных слов есть и более частные грамматические значения, принадлежащие отдельным их подклассам (напр., у рус. имён существительных значение одушевлённости или неодушевлённости), а также т. н. лексико-грамматические значения (напр., у рус. имён существительных значение вещественности, у производных глаголов значение способов действия). Кроме общих и частных грамматических значений слову принадлежит также его собственный активный потенциал, проявляющийся, с одной стороны, в его синтаксической и лексико-семантической сочетаемости (интенция слова, его валентность), а с другой стороны, в том, что слово постоянно проявляет тенденцию вбирать в себя, конденсировать и абстрагировать семантические и грамматические характеристики своего контекстного (лексико-грамматического) окружения. Т. о., слово, всегда име-

ющее своё собственное лексическое значение (при многозначности – несколько значений), является единицей как лексического, так и грамматического уровней языка и обнаруживает признаки, свойственные единицам каждого из этих уровней. Кроме того, сама звуковая организация слова также небезразлична как к его формальным изменениям, так и к его непосредственному окружению (см. Морфонология). Слово связано со всей системой языка несколькими линиями зависимостей. Во-первых, это лексико-парадигматические отношения, т. е. вхождение слова в лексико-семантические классы и подклассы, всегда так или иначе соотносящиеся друг с другом; во-вторых, это собственно грамматические отношения, т. е. связи, с одной стороны, между грамматическими категориями, представленными в слове, с другой стороны, связи собственно парадигматические, т. е. отношения между формами слова; в-третьих, это вся синтагматика слова, характерная для его функционирования в сообщении, объективируемая в системе языка как внутреннее свойство слова и являющаяся основой для построения словосочетаний и единиц сообщения.

Роль слова в Г. в разных лингвистических школах трактуется по-разному. По существу, ни один лингвист не обходится без обращения к слову как к важнейшей грамматической единице языка; однако роль слова в организации грамматической системы понимается различно. В рус. грамматической традиции слову всегда уделялось большое внимание. То единство грамматического и лексического значений слова, к-рое делает его одной из сложнейших единиц языка, рус. грамматистами всегда в той или иной степени принималось во внимание (А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, Г. П. Павский, А. А. Потебня, Г. К. Ульянов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и его школа). В тех направлениях Г., где грамматический строй понимается только как абстрактная система отношений, сложная роль слова отодвигается на второй план, уступая место морфеме либо структуре предложения, или совсем не учитывается (напр., Копенгагенская школа, дескриптивисты, Н. Хомский).

В отечественной русистике практически ни одно грамматическое описание, какими бы методами оно ни осуществлялось, не обходится без обращения к взаимодействию грамматических и лексических факторов и, следовательно, к роли слова в системе грамматических отношений. Сам грамматический строй языка определяется как неодноуровневая система, организуемая абстрактными грамматическими категориями в их отношении не только друг к другу, но и к определённым лексико-семантическим множествам и подмножествам. При этом важно подчеркнуть, что сами эти категории, как и все их связи и зависимости, являются результатом абстрагирующей работы человеческого мышления и не могут быть противопоставлены как некая самодовлеющая система «человеческому фактору в языке».

Другой важнейшей единицей грамматического строя языка является единица сообщения – предложение. Предложение (в его противопоставлении высказыванию) может быть определено как сообщающая единица, построенная по принадлежащему языку грамматическому (синтаксическому) образцу, существующая в языке в различных своих формах и модификациях, функционально (с той или иной коммуникативной целью) нагруженная и всегда интонационно оформленная. Предложению

РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА
ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи НаукЪ
1755 года.

как грамматической единице принадлежат такие категории, как предикативность (максимально абстрагированное грамматическое значение, свойственное любому предложению и предстающее в категории объективной модальности, т. е. системе синтаксических времён и наклонений), категории его семантической структуры, категории актуального членения предложения – тема и рема. Традиционно выделение в предложении его членов – главных и второстепенных, а также распределение предложений по грамматическим типам. Наряду с предложением в речи, реализующей строевые средства языка, выделяется высказывание (см.) как такая сообщающая единица, к-рая опирается на правила строения предложения, его членов или отдельных его компонентов, но лишено всей сово-

купности его формальных признаков. Предложение, как и слово, вступает в синтагматические отношения с другими единицами – с предложениями или с их аналогами, образуя разные виды сложных предложений, бессоюзные соединения (см. Бессоюзие) или входя (как и высказывание) в строй текста в качестве его конструирующего компонента.

В рус. грамматической традиции установилось противопоставление предложения слову как внутренне глубоко различных грамматических единиц. Однако в работах нек-рых исследователей обнаруживается тенденция к нивелированию этих единиц и к сведению их назначений к общей функции номинации. При этом грамматические, и прежде всего парадигматические, характеристики слова и предложения оказываются неоправданно подчинёнными рассмотрению этих единиц как равно́ именующих понятие или ситуацию.

Характеристики слова, относящиеся к его звуковым преобразованиям, вызываемым его формальными изменениями и его соседством, принадлежат в языке к сфере морфонологии. Явления, связанные с образованием слова как отдельной единицы, относятся к словообразованию. Всё, что связано с абстрактными грамматическими значениями слова и его формоизменением, относится к морфологии. Все явления, связанные с синтагматикой слова, а также с построением и синтагматикой предложения или высказывания, относятся к синтаксической сфере языка (см. Синтаксис). Отдельной единицей грамматического строя может считаться морфема, т. е. минимальная значимая часть слова или словоформы. Средствами морфем конструируются слова и их формы. Явления, к-рые относятся к образованию и функционированию словообразовательных и словоизменительных морфем, могут быть выделены в качестве отдельной сферы внутри Г. слова – его морфемики, однако традиционным является рассмотрение морфем в системах словообразования (словообразовательная морфемика) и морфологии (словоизменительная морфемика).

Т. о., Г. как строй языка представляет собой сложную организацию, соединяющую (сочленяющую) в себе словообразование, морфологию и синтаксис. Эти уровни, особенно морфология и синтаксис, находятся в самом тесном взаимодействии и переплетении, так что отнесение тех или иных грамматических явлений к морфологии или синтаксису часто оказывается условным (напр., категории падежа, залога). Вопрос о принадлежности к Г. «высшего синтаксиса», т. е. закономерностей строения сложных, развёрнутых текстовых единств, не решён в науке; однако несомненно, что эти закономерности имеют качественно иной характер, чем строгие грамматические законы языка.

К Г. иногда относят такие стороны звуковой организации языка, к-рыми непосредственно (материально) образуются его значимые единицы, а именно звуковой строй языка, его акцентную систему и его интонационные конструкции, включая синтагмы как ритмические единицы речи. Основания для такого расширительного понимания предмета Г. имеются, т. к. единицы звукового уровня, не являясь двусторонними знаками, обладающими как формой, так и значением, служат материальным выражением этих знаков и т. о. участвуют в формировании морфем, слов, их форм, предложений и их членов. Однако незнаковый характер перечисленных звуковых средств не позволяет рассматривать звуковой строй языка наряду со словообразованием, морфологией и синтаксисом как подсистему Г.

В определённый момент своего развития грамматический строй языка представляет собой, с одной стороны, относительно стабильную систему, организованную по строгим и твёрдым законам; с другой стороны, эта система находится в состоянии активного функционирования, предоставляя свои средства для образования бесконечного количества отдельных, конкретных слов, предложений и высказываний (см. Язык, Речь). Двойственность самой природы грамматического строя языка – его безусловная устойчивость, сложная внутренняя организация и многообразные возможности функционирования этой организации – свидетельствует о том, что в грамматическом строе языка сочленены свойства стабильной системы и принадлежащего ей потенциала внутренних движений и перемещений.

Грамматический строй языка является исторической категорией и подчинён общим законам развития языка. На каждом этапе своей истории он достаточно совершенен и безотказно служит выражению мыслей носителей языка, их общению.

Г. как н а у к а изучает грамматический строй языка. Эта наука имеет давние традиции. Истоки совр. европейской грамматической мысли и соответственно терминологии следует искать в трудах др.-инд. филологов, а позднее в трудах древних греков. Эти традиции были продолжены европейскими филологами в эпохи Возрождения и Просвещения. Рус. книгой, положившей начало собственно науке о рус. языке, была «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1755), на к-рую опирались и от к-рой в то же время отталкивались такие рус. грамматисты 1-й пол. 19 в., как Востоков, Н. И. Греч, И. И. Давыдов. Через логические (Ф. И. Буслаев) и психологические (Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский, отчасти Шахматов) направления рус. грамматическая мысль пришла к пониманию Г. как науки о разных уровнях формального строя языка в их взаимодействии (Шахматов, Пешковский, Виноградов и его школа).

В соответствии с основными характеристиками грамматического строя языка – его формальной организацией и его функционированием – в рус. науке с наибольшей определённостью, начиная с работ Щербы, намечается противопоставление Г.

формальной и функциональной как разных подходов к изучению одного объекта. Под формальной Г. понимается описание грамматического строя языка, идущее «от формы к значению». Под функциональной Г.– описание, идущее «от значения к выражающим его формам». По принципу формальной Г. построены все описательные и нормативные Г. рус. языка. В них представлены системы формальных средств на уровне словообразования, морфологии и синтаксиса и описаны грамматические значения, заключённые в этих формальных средствах. При этом значимая сторона форм и формальных структур описывается с разной степенью детализации и глубины. Такому описанию должны были бы быть противопоставлены т. н. активные Г., в основе к-рых лежат определённым образом сгруппированные грамматические значения. Здесь возможны разные подходы (см. Функциональная грамматика). Один из таких подходов – описание языка (или какого-то достаточно представительного его фрагмента) как системы лексически и фразеологически выраженных предикатов с принадлежащими им наборами синтаксических конструкций и, далее, со всеми теми способами обращённых к ним оценок и квалификаций, к-рые, с одной стороны, закреплены в строе языка, а с другой стороны, принадлежат широкой сфере не собственно строевых его возможностей.

Опыт создания функциональной Г., опирающийся на теорию функциональных семантических полей, представлен в «Теории функциональной грамматики» под ред. А. В. Бондарко.

По существу, вся история грамматической мысли 19–20 вв. колеблется между преимущественным вниманием к формальной организации языка и к его смысловой стороне. В разные моменты оказывается доминирующим то один, то другой подход. В самом общем виде в 60–80-х гг. 20 в. определились три круга научных направлений, ориентированных, с одной стороны, на формальную организацию языка и, с другой стороны, на его смыслы. К первому кругу направлений относится получивший в 60-х гг. широкий резонанс трансформационный синтаксис, представители к-рого пытались свести всё множество принадлежащих рус. языку конструкций к нескольким основным моделям и к возможностям их модификаций (Г. Кржижкова, Р. Ружичка, В. Грабе, П. Адамец, ранние работы Ю. Д. Апресяна). Более важными и практически необходимыми оказались грамматические словари (см.), сосредоточившие внимание на всех тонкостях формальной организации языка и тем самым содействующие исследовательскому углублению в сферу собственно значений. Таковы прежде всего «Грамматический словарь рус. языка. Словоизменение» А. А. Зализняка (1977), «Орфоэпический словарь русского языка» (1983), цикл работ Н. А. Еськовой, а также её книга «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы и ударение» (1994).

Второй круг направлений представлен большим количеством работ, объединяемых вниманием прежде всего к смысловой стороне грамматических единиц. Здесь существуют разнообразные течения. Наиболее результативными можно считать работы, осуществляющие структурно-семантическое и вместе с тем функциональное изучение грамматического строя языка, связанное с углублённым вниманием ко всем сторонам избранного объекта (работы Л. В. Копецкого, Виноградова и учёных его школы, Ю. С. Маслова, Д. Н. Шмелёва и их учеников и др.). К третьему направлению относятся исследования, в к-рых описание языка непосредственно связывается с логическим, психологическим и прагматическим анализом, с проникновением в широкие контексты речи, с изучением речевых и внеречевых ситуаций (Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева и др.).

В процессе развития Г. как науки существенно менялось понимание её объёма. Каков бы ни был сам ход грамматической мысли (обращалась ли она в качестве своей опоры к логическим теориям или к тем или иным психологическим концепциям, к точным наукам, напр. к математике, или провозглашала свою полную независимость от всех других отраслей гуманитарных и естественных знаний), её история показывает различное понимание границ науки о грамматическом строе языка, его отношения к другим сферам языка. Отмечается «волнообразное» движение от узкого понимания предмета Г. (только грамматические формы, только формальный каркас языка) до такого понимания её границ, когда познание грамматических законов не мыслится без обращения к словесному составу языка. Так, и в рус., и в зарубежной грамматической традиции существует как строго формальное, узкое понимание объекта грамматической науки (Ф. Ф. Фортунатов, М. Н. Петерсон, генеративная лингвистика), так и широкое понимание такого объекта, когда учение о грамматическом строе языка смыкается, с одной стороны, с изучением слова (Востоков, Потебня, Шахматов, Виноградов), с другой стороны, с изучением всех сфер речевого функционирования (работы Ю. Н. Караулова). Наиболее результативными в познании грамматического объекта оказываются такие подходы (методологически иногда очень различные), к-рые не отграничивают изучение грамматических законов и правил от их постоянного и сложного взаимодействия с законами и правилами звуковой и лексической организации языка.

Результаты грамматических исследований находят своё выражение в разных типах описаний. Это, с одной стороны, описания отдельных сторон грамматического строя и отдельных его явлений; с другой стороны, описания грамматической системы языка в целом. Такие целостные описания

могут содержать характеристику синхронного языкового состояния (в условно остановленный момент развития) или восстанавливать историческую картину, показывая развитие грамматического строя языка. Осуществлённые с разной степенью полноты, такие описания представлены в разных типах грамматик. В традиционных представлениях, это Г. научные, описательные или нормативные. Такое разделение основано на противопоставлении описаний, во-первых, концептуально обоснованных, т. е. развивающих определённую научную концепцию автора, во-вторых, собственно констатирующих и систематизирующих факты и, в-третьих, строго рекомендательных, т. е. разрешающих или запрещающих то или иное употребление. Ныне для академической традиции такое разделение оказывается несоответствующим реально существующему положению вещей. На совр. стадии развития науки описательные Г. обязательно являются концептуальными (напр., рус. академические грамматики 1952–54, 1970, 1980, 1989), а полные грамматические описания – строго научными и, следовательно, в определённом смысле нормативными.

К сфере научных Г. относятся также сравнительно-исторические Г., изучающие строй родственных языков в их развитии или на отдельных прошлых ступенях этого развития, и Г. сопоставительные (в т. ч. контрастивные), описывающие черты сходства и различия в строе родственных или неродственных языков.

Существует нежелательный разрыв между научной и школьной Г.: последняя обнаруживает признаки консерватизма и неполноты отражения положения вещей в лингвистике. В связи с распространением рус. языка в мире и как следствие этого с активизацией его изучения в отечественном языкознании в 70–80-х гг. создано много учебных сопоставительных Г. разных типов.

Лит.: Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике, т. 1–2 – Введение. Составные части предложения и их замены в рус. языке, Хар., 1874, т. 3 – Об изменении значения и заменах существительного, Хар., 1899 (2 изд., М., 1968), т. 4 – Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог, М.– Л., 1941 (2 изд., М., 1977); Дурново Н. Н., Грамматический словарь, М.– П., 1924; Виноградов В. В., Рус. наука о рус. лит. языке, «Уч. зап. МГУ», 1946, в. 106; его же, Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; его же, Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Кузнецов П. С., Грамматика, в кн.: Большая Сов. энциклопедия, 2 изд., т. 3, М., 1959; его же, О принципах изучения грамматики, М., 1961; Грамматика рус. языка, т. 1–2, М., 1960; Очерки по исторической грамматике рус. лит. языка XIX века, под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, [т. 1–5], М., 1964; Исследования по общей теории грамматики, М., 1968; Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М., 1969; Бондарко А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; Булыгина Т. В., Грамматика, в кн.: Большая Сов. энциклопедия, 3 изд., т. 7, М., 1972; её же, Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977; Языковая номинация. Виды наименований, М., 1977; Языковая номинация. (Общие вопросы), М., 1977; Адамец П., Образование предложений из пропозиций в совр. рус. языке, Прага, 1978; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980; Рус. грамматика, т. 1–2, Praha, 1979; Совр. зарубежные грамматические теории. Сб. научно-аналитических обзоров, М., 1985; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис, Л., 1987; Совр. рус. язык, под ред. В. А. Белошапковой, М., 1989; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Шведова Н. Ю., Грамматика, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Л., 1990; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, СПБ, 1991; Караулов Ю. Н., Ассоциативная грамматика рус. языка, М., 1993 *Н. Ю. Шведова.*

Грамматикализа́ция – утрата знаменательным словом лексической самостоятельности как результат употребления его в служебной функции. Примеры Г. в рус. языке: употребление форм глагола *быть* (имеющего и лексическое значение «бытийности», существования, нахождения где-л.) в качестве связки в предложениях, не имеющих спрягаемых форм глагола (*Он был учителем; Будь здоров!*), и в роли вспомогательного глагола при образовании аналитических форм буд. времени (*буду читать*); превращение словоформы в аффикс (напр., древней формы *шьды* – причастия глагола *идти* – в суффикс *-жды* в наречиях типа *дважды*, *трижды*); превращение знаменательного слова или сочетания слов в служебное слово – предлог [*согласно* (чему), *вследствие* (чего)], союз (*значит*, *будто* – из *будь то*), частицу (*пускай*, *давай*, *бы* – по происхождению форма аориста глагола *быть*).

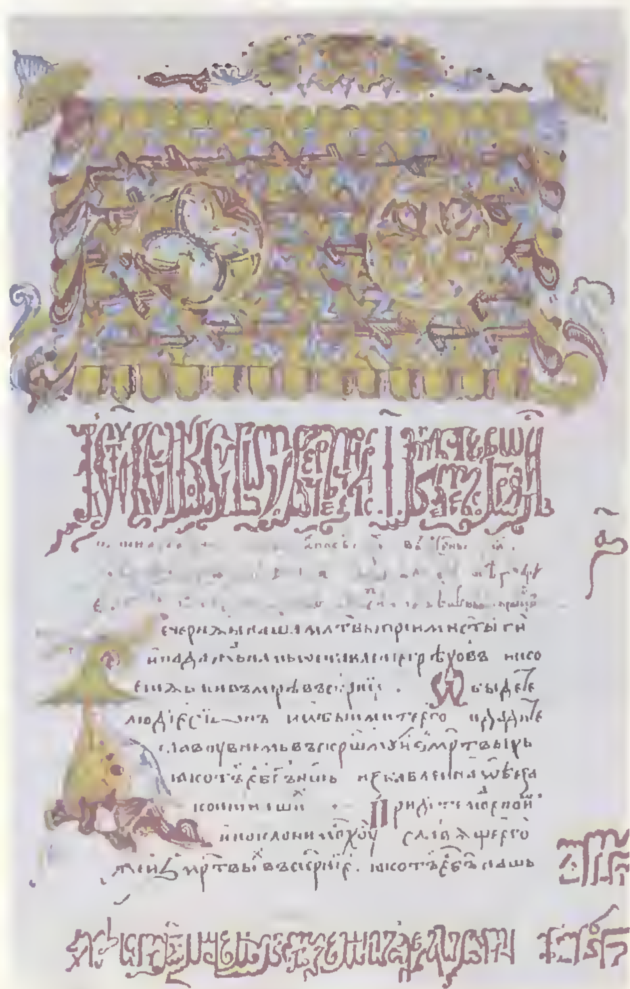
Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Черкасова Е. Т., Переход полнозначных слов в предлоги, М., 1967; её же, Рус. союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования, М., 1973. *В. В. Лопатин.*

Граммати́ческая катего́рия – система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями. В этой системе определяющим является категоризующий признак, напр. обобщённое значение времени, лица, залога и т. п., объединяющее систему значений отдельных времён, лиц, залогов и т. п. и систему соответствующих форм. В широко распространённых дефинициях Г. к. на первый план выдвигается её значение. Однако необходимым признаком Г. к. является единство значения и его выражения в системе грамматических форм как двусторонних (билатеральных) языковых единиц.

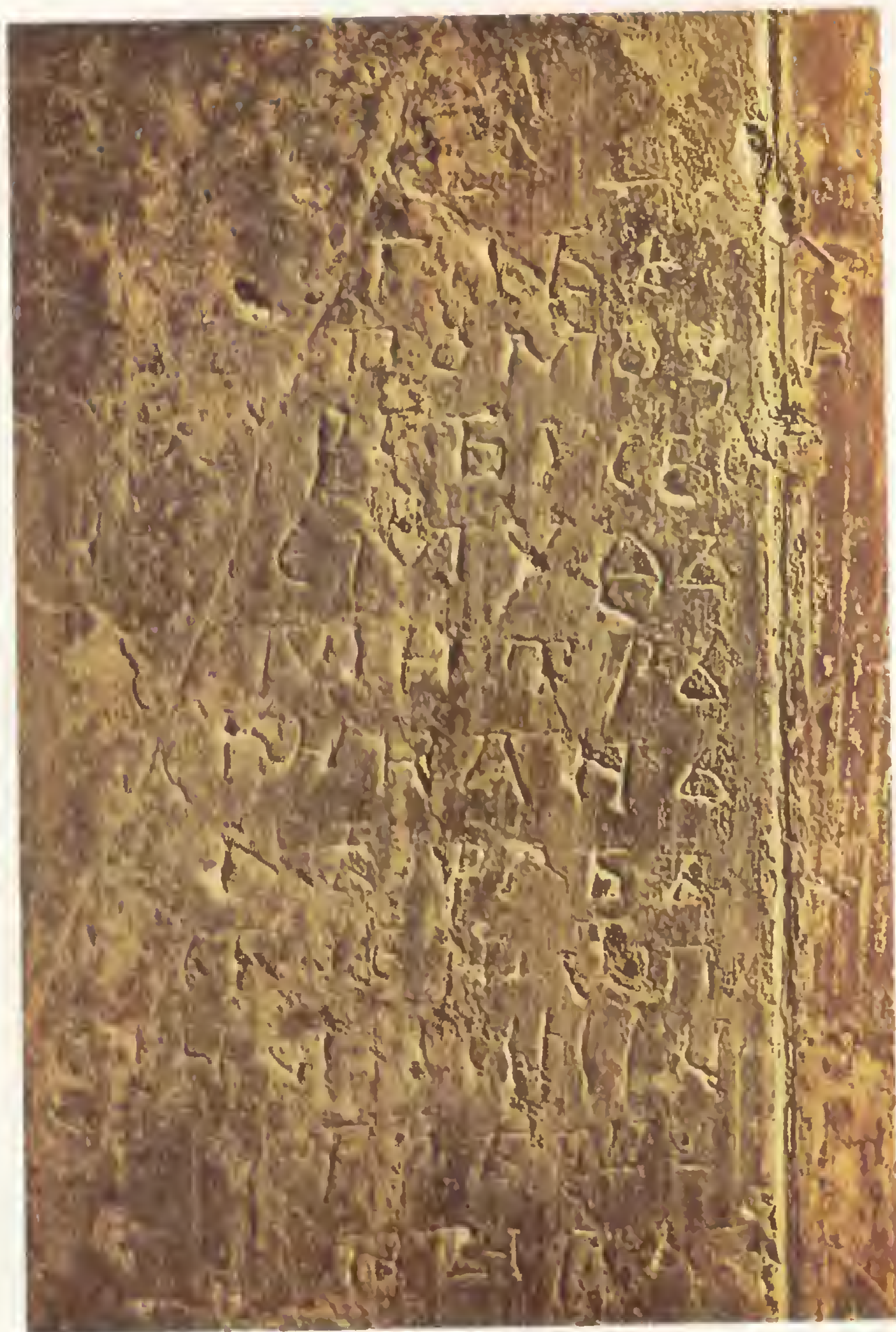
Г. к. подразделяются на морфологические и синтаксические. Среди морфологических категорий выделяются, напр., Г. к. вида, залога, времени, наклонения, лица, рода, числа, падежа; последовательным выражением этих категорий характеризуются целые грамматические классы слов (части речи). Количество противопоставленных членов в рамках таких категорий может быть различным: напр., Г. к. рода представлена в рус. языке системой трёх рядов форм, выражающих грамматические значения муж., жен. и ср. рода, а Г. к. числа – системой двух рядов форм – ед. и мн. ч. Эта характеристика исторически изменчива: ср.,

Архангельское евангелие.

Образец применения в русских рукописях вязи (первая и последняя строкн), скорописи (вторая – четвёртая строкн) и полуустава (остальные строки).

Граффити на стене Софийского собора в Киеве.

Икона с изображением Кирилла и Мефодия в церкви Святой Недели в Софии.

Хроника Георгия Амартола. Конец 13 – начало 14 вв.

Страница «Апостола» Ивана Фёдорова. Москва, 1564 г.

«Азбука» Ивана Фёдорова.

Язык жестов индейцев майя. На древнем рисунке племени майя: левая рука с вытянутым указательным пальцем означает «ты». Правая рука указывает на ухо, что значит «внимание». Оба знака понимаются как «слушай».

Фрагмент текста Изборника Святослава 1073 г. с рисунками знаков зодиака.

Изборник Святослава 1073 г.

Миниатюра из Остромирова евангелия 1056–57 гг.: евангелист Лука.

Остромирово евангелие 1056–57 гг.

напр., три формы числа в др.-русском, включая двойственное, и две – в совр. рус. языке.

В рус. морфологии различаются Г. к. словоизменительные, члены к-рых могут быть представлены формами одного и того же слова в рамках его парадигмы (напр., время, наклонение, лицо глагола, число, падеж, род прилагательных, степени сравнения), и несловоизменительные (классифицирующие, классификационные), члены к-рых не могут быть представлены формами одного и того же слова (напр., род и одушевлённость – неодушевлённость существительных). Принадлежность нек-рых Г. к. (напр., вида и залога) к словоизменительному или несловоизменительному типу является объектом дискуссий.

Различаются также Г. к. синтаксически выявляемые (реляционные), т. е. указывающие прежде всего на сочетаемость форм в составе словосочетания или предложения (напр., род. п.), и несинтаксически выявляемые (референциальные, номинативные), выражающие прежде всего различные смысловые абстракции, отвлечённые от свойств, связей и отношений внеязыковой действительности (напр., вид, время); такие Г. к., как, напр., число или лицо, совмещают признаки обоих этих типов.

Иногда термин «Г. к.» применяется к более широким или более узким группировкам по сравнению с Г. к. в указанном истолковании – напр., с одной стороны, к частям речи («категория существительного», «категория глагола»), а с другой – к отдельным членам категорий («категория муж. рода», «категория мн. ч.» и т. п.).

От Г. к. в морфологии принято отличать лексико-грамматические разряды слов – такие подклассы внутри определённой части речи, к-рые обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные категориальные морфологические значения. Таковы, напр., в рус. языке существительные собирательные, конкретные, отвлечённые, вещественные; прилагательные качественные и относительные; глаголы личные и безличные; т. н. способы глагольного действия и т. п.

Понятие Г. к. разработано преим. на материале морфологических категорий. Менее исследован вопрос о синтаксических категориях; границы применения понятия Г. к. к синтаксису остаются неясными. Возможно, напр., выделение Г. к. коммуникативной направленности высказывания, строящейся как противопоставление предложений повествовательных, побудительных и вопросительных; Г. к. активности – пассивности конструкции предложения; Г. к. синтаксического времени и синтаксического наклонения, формирующих парадигму предложения, и т. д. Спорным является и вопрос о том, относятся ли к Г. к. т. н. словообразовательные категории: последним не свойственна противопоставленность и однородность в рамках обобщённых категоризующих признаков.

Лит.: Щерба Л. В., О частях речи в рус. языке, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Докулил М., К вопросу о морфологической категории, «ВЯ», 1967, № 6; Кацнельсон С. Д., Типология языка и речевое мышление, Л., 1972; Ломтев Т. П., Предложение и его грамматические категории, М., 1972; Бондарко А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; Холодович А. А., Проблемы грамматической теории, Л., 1979; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980.

В. В. Лопатин.

Граммати́ческая фо́рма – материальный вид существования грамматического значения (см.), языковой знак, в к-ром грамматическое значение находит своё регулярное (стандартное) выражение. В пределах Г. ф. грамматические значения выражаются разными средствами: это аффиксы (в т. ч. нулевые), фонемные чередования («внутренняя флексия»), характер ударения, редупликация (повторы), служебные слова, порядок слов, интонация.

Под Г. ф. в морфологии (морфологическими формами) в рус. языке понимаются регулярные видоизменения слов определённых частей речи, несущие комплекс морфологических значений или одно такое значение (напр., форма им. п. мн. ч. существительного, форма 1-го лица ед. ч. наст. времени глагола, форма сравнительной степени прилагательного). Все формы изменяемого слова составляют его парадигму (см.). Различаются синтетические (простые) и аналитические (сложные) морфологические формы, к-рые представляют собой сочетание знаменательного и служебного слов (*буду говорить, говорил бы*), функционирующие как одно слово. Конкретное слово в определённой его морфологической форме называется словоформой (см.).

Деление всех Г. ф. слов на формы словоизменения и словообразования восходит к работам Ф. Ф. Фортунатова. Иногда также выделяют сферу «формообразования», очертания к-рой неясны и понимаются по-разному, чаще всего как область образования всех форм, выражающих как словоизменительные, так и несловоизменительные категориально-морфологические значения.

Выражение и содержание в Г. ф. нередко асимметричны. Ср., с одной стороны, преобладающий в рус. языке синкретический способ выражения морфологических значений (напр., значений рода, числа и падежа одной флексией в прилагательных), с другой – «избыточность» выражения значения лица глагола (флексией и личным местоимением: *Я иду*), числа и падежа существительного (формами самого существительного и согласуемого или координируемого слова), семантики вопроса (особой интонацией предложения, порядком слов и служебными словами – частицами).

Лит.: Фортунатов Ф. Ф., Сравнительное языковедение, в его кн.: Избр. тр., т. 1, М., 1956; Морфологическая структура слова в языках различных типов, М.– Л., 1963; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Виноградов В. В., О формах слова, в его кн.: Избр.

тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Лопатин В. В., Морфологические категории в плане выражения, в кн.: Рус. язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст, М., 1984. См. также лит. при статьях Грамматическая категория, Грамматическое значение. *В. В. Лопатин.*

Граммати́ческие едини́цы – слово, словоформа, синтаксическая конструкция (словосочетание, простое предложение, сложное предложение) как носители обобщённых грамматических свойств, а также средства выражения грамматических значений: служебные морфемы (аффиксы) и их совокупности, служебные слова (предлоги, союзы, частицы) и др. (см. Грамматическая форма). Для грамматики характерно иерархическое взаимоотношение Г. е. разных степеней абстракции, в к-ром важнейшую роль играют два вида противопоставлений: 1) линейные (синтагматически выявляемые) Г. е. и соответствующие им Г. е. нелинейные, парадигматические, инвариантные, представляемые в тексте линейными единицами как их вариантами. Напр., морф и морфема (как парадигматическая совокупность морфов), словоформа и слово (как парадигма, состоящая из ряда словоформ), предложение и тип предложения (как синтаксическая парадигма, основанная на чередовании синтаксических времён и наклонений). 2) Словообразовательный тип, морфологическая форма, тип словосочетания или предложения как абстрактный образец, схема, модель, с одной стороны, и конкретное мотивированное слово, словоформа, слово в совокупности его форм, словосочетание или предложение как конкретная, лексически наполненная реализация соответствующего образца, схемы, модели – с другой.

Дальнейшее обобщение Г. е. приводит к вычленению их классов, напр. таких, как части речи – грамматические классы слов, как грамматические категории – классы грамматических форм с регулярно выражаемыми однородными значениями, как грамматические способы – классы грамматических форм с однородными средствами выражения.

Лит.: Арутюнова Н. Д., О значимых единицах языка, в кн.: Исследования по общей теории грамматики, М., 1968; Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М., 1969; Солнцев В. М., Язык как системно-структурное образование, М., 1971; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975, с. 157–240; Булыгина Т. В., Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977, с. 110–52; Шведова Н. Ю., О принципах построения и о проблематике «Рус. грамматики», «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1977, т. 36, № 4. См. также лит. при статьях Грамматика, Грамматическая категория, Грамматическая форма.
В. В. Лопатин.

Граммати́ческие словари́ – словари, содержащие информацию о морфологических и синтаксических свойствах слова. Назначение Г. с. – указать словоизменительные и синтаксические характеристики слова, существенные для построения грамматически правильных фраз, в к-рые входит данное слово. Г. с. включают перечень слов, расположенных в прямом или обратном алфавитном порядке (см. Обратные словари). Принципы отбора слов и объём сведений о каждом слове различны и варьируются в зависимости от назначения и адресата каждого Г. с. Помимо написания в Г. с. могут указываться принадлежность слова к определённой части речи, его грамматическое значение (см.) и его грамматические формы (см.), отмечаться варианты или нестандартные образования форм, различия форм в зависимости от значения или лексической сочетаемости слов, расхождения в семантике соотносимых форм, отсутствие или неупотребительность отдельных, обязательных с точки зрения рус. языковой системы форм, подвижность ударения, чередование гласных и (или) согласных и др.

А. А. ЗАЛИЗНЯК

ГРАММАТИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Около 100 000 слов

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ЯЗЫК»
1977

Первый полный Г. с. рус. языка «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» А. А. Зализняка (1977; 3-е изд., 1987) содержит грамматические характеристики ок. 100 тыс. слов. В нём компактно излагаются теоретические основы рус. грамматики (словоизменения), даётся объяснение особенностей совр. словоизменения (и ударения), сопровождающееся обобщающими таблицами. В таблицах суммируются сведения о распределении слов по частям речи, о количестве типов склонения и спряжения, их особенностях, показывается распределение слов по типам ударения. Из синтаксических характеристик приводятся те, к-рые в большей степени связаны со словоизменением: род и одушевлённость – неодушевлённость у существительных, переходность – непереходность у глаголов. Даются сведения о словообразовательных возможностях слов: у прилагательных – сведения об образовании сравнительной степени, при глаголах – сведения об образовании глаголов противоположного вида. При помощи специальной системы условных помет можно построить нужные формы (и узнать ударение), установить словоизменение любого слова.

К Г. с. также относят нек-рые пособия и справочники, содержащие описание отдельных сложных явлений грамматики: словарь-справочник «Управление в русском языке» Д. Э. Розенталя (1981), содержащий св. 2100 словарных статей, призванных разрешить сомнения, к-рые возникают при выборе вариантов конструкций, различающихся смысловыми и стилистическими оттенками; словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича (1973), основной задачей к-рого является оценка вариантов слов и форм слова в пределах норм совр. рус. языка; словарь-справочник «Русский глагол. Предложное и беспредложное управление. Для лиц, говорящих на английском языке» (сост. В. П. Андреева-Георг и В. Д. Толмачёва, 1975); «Словарь грамматических трудностей русского языка» Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова (1985), содержащий описание сложных явлений грамматики рус. языка (отклонения от правил, связанные с чередованием звуков и перемещением ударения, а также с наличием вариантов и нерегулярностью образования форм); «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы и ударение» Н. А. Еськовой (1994), посвящённый нерегулярно образуемым формам, случаям вариантного образования форм, ограничениям нек-рых форм.

Существуют словари, совмещающие в себе черты Г. с. и словаря другого типа; напр., «Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка» А. В. Текучева и Б. Т. Панова (1976; 2 изд., 1985) даёт различные сведения о слове: как оно пишется (орфография), как оно произносится (орфоэпия), как членится (состав слова), указываются грамматические формы (морфология), даётся толкование трудных слов. Словарь-справочник «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской (1976) фиксирует только ту часть рус. грамматики, к-рая имеет вариантные формы и конструкции для выражения одного и того же значения. «Словарь несклоняемых слов» Н. П. Колесникова (1978) содержит ок. 1800 слов. В нём наряду с грамматическими пометами указываются происхождение и произношение слова, даётся его толкование.

Первым функциональным описанием элементарных единиц синтаксиса рус. языка, из к-рых строятся словосочетания и предложения,– т. н. синтаксем, стал «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» Г. А. Золотовой (1988). Словарь может быть использован в качестве нормативного семантико-грамматического справочника: первая его часть представляет именные синтаксемы, вторая – синтаксемы других частей речи (глагола в его спрягаемых и неспрягаемых формах, прилагательного, наречия).

Новым типом словаря – толково-грамматическим – является словарь «Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический сло-

Фрагмент текста толково-грамматического словаря «Русский глагол и его причастные формы» И. К. Сазоновой.

ОТОРВА́ТЬ, оторву́т, оторва́|л, оторвала́, оторва́ло, -ли; ***сов., перех.*** (*несов.* отрыва́ть) **1. *что,*** также ***чем*** *Бабушка зубами оторвала нитку* (см § 2) [дернув, потянув, отделить часть от целого, что-л. прикрепленное и т. п.] **2. *что от чего*** *«[Татьяна Власьевна], схватив его руку, старалась оторвать ее от своего плеча».* М. Горький, Трое [резко отнять, отстранить, отвести в сторону] **3. *что от кого(чего)*** и ***от чего*** *Я не мог оторвать от нее глаз. Мальчик с трудом оторвал глаза от книги* [перестать смотреть на кого-что-л., думать о ком-чем-л.] **4. *кого(что) от чего*** *Сын оторвал меня от работы* [отвлечь, помешав делать что-л.] **5. *кого(что) от кого (чего)*** и ***от чего*** *Новые знакомые оторвали Андрея от семьи. Работа совсем оторвала Аню от друзей* [разлучить, лишить связи с кем-чем-л.]

II. ОТОРВА́ВШИЙ, -ая, -ее, -ие; *действ. прош.*
Синт.: **а, б** — в глаг. знач. 1 — 5

IV. ОТО́РВАННЫЙ, -ая, -ое, -ые; *страд. прош.*
Синт.: **а, б** — в глаг. знач. 1 — 5 и в статив. знач.; **в** — в глаг. знач. 1
Статив. знач., ***от чего*** (также *кр. ф.* ↓) Не имеющий, лишенный связи с кем-чем-л. *Оторванные от жизни планы не могут быть осуществлены. Ваши предложения, оторванные от реальной действительности, не*

также присти́чь] ⊘II
дости́гнуть св нп 3°а[⑥], *имеется прич. страд.* [*инф. также* дости́чь] ⊘II
пости́гнуть св 3°а[⑥] [*инф. также* пости́чь] ⊘II
прилгну́ть св 3b ⊘ *устар.* II(прилыга́ть)
во́лгнуть нсв нп 3°а⑤⑥
обогну́ть св 3b ⊘II(огиба́ть)
вогну́ть св 3b ⊘II(вгиба́ть)
надогну́ть св 3b ⊘II(надгиба́ть)
подогну́ть св 3b ⊘II(подгиба́ть)
разогну́ть св 3b ⊘II(разгиба́ть)
изогну́ть св 3b ⊘II(изгиба́ть)
погну́ть св 3b
¹дро́гнуть св нп 3а(*вздрогнуть; не выдержать*)
²дро́гнуть нсв нп 3°а[⑤⑥] (*зябнуть*)
передро́гнуть св нп 3°а
вздро́гнуть св нп 3а ⊘I(-а́-)
впры́гнуть св нп 3а ⊘I
подпры́гнуть св нп 3а ⊘I
перепры́гнуть св 3а ⊘I
припры́гнуть св нп 3а ⊘I
допры́гнуть св нп 3а ⊘I
спры́гнуть св нп 3а ⊘I
вспры́гнуть св нп 3а ⊘I
отпры́гнуть св нп 3а ⊘I
упры́гнуть св нп 3а ⊘I
вы́прыгнуть св нп 3а ⊘I
срыгну́ть св 3b ⊘I
отрыгну́ть св 3b ⊘I
лягну́ть св 3b×
присягну́ть св нп 3b ⊘II
досягну́ть св нп 3b ⊘II
посягну́ть св нп 3b ⊘II
бодну́ть св 3b×
обры́днуть св нп 3°а⑤⑥
мазну́ть св 3b×
резну́ть св 3b×
исчёзнуть св нп 3°а⑥ ⊘II
лизну́ть св 3b×
облизну́ть св 3b ⊘I

Фрагмент текста «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка.

варь» И. К. Сазоновой (1989), в к-ром впервые на основе принципа единства словаря и грамматики даётся описание семантики и грамматических особенностей рус. причастий в их отношении к другим глагольным формам. В словарь включено 2500 глаголов, чьи причастные формы (ок. 7500) имеют к.-л. грамматические, семантические и другие отступления от регулярных парадигм. Словарная статья содержит глагольный и причастный блоки. Словарь является наиболее полным источником лексической и грамматической информации о широком фрагменте глагольной подсистемы рус. языка.

Несмотря на все различия существующих Г. с. и словарей-справочников по рус. грамматике, все они служат единой цели – повышению культуры речи.

Г. с. русского языка, изданные за рубежом: Daum E., Schnenk W., Die russischen Verben, Lpz., [1966]; Powers D. B., A dictionary of irregular Russian verb forms, N. Y.– [a. o.], 1968; Schacht S., The dictionary of exeptions to rules of russian grammar, N. Y., [1968].

Лит.: Вопросы учебной лексикографии, под ред. П. Н. Денисова и Л А Новикова, М., 1969; Татар Бела, Рус. лексикография: одноязычные филол. словари, Будапешт, 1985; Сазонова И. К., Толково-грамматические словари в системе одноязычной лексикографии, «Съпоставително езикознание», 1995, кн. 2. *М. С. Михайлова.*

Граммати́ческое значе́ние – обобщённое, отвлечённое языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее своё регулярное (стандартное) выражение в грамматических формах (см.). В области морфологии – это общие значения слов как частей речи (напр., значения предметности у существительных, процессуальности у глаголов), а также частные значения словоформ и слов в целом, противопоставляемые друг другу в рамках морфологических категорий (см. Грамматическая категория) (напр., значения того или иного времени, лица, числа, рода). В области синтаксиса – это значение предикативности (свойственная предложению отнесённость сообщаемого в тот или иной временно́й и объективно-модальный план), а также разнообразные отношения компонентов словосочетаний и предложений как абстрактных грамматических образцов (в отвлечении от их лексического наполнения): значения семантического субъекта, объекта, того или иного обстоятельственного квалификатора (локальное, темпоральное, причинное, целевое и т. п.); формализованные в определённых языковых средствах компоненты тема-рематической структуры предложения (см. Актуальное членение предложения); выраженные союзной связью отношения частей сложного предложения. К Г. з. могут быть также отнесены (в той мере, в какой словообразование, при всей его специфике, может рассматриваться как часть грамматического строя языка) словообразовательные значения как обобщённые значения, выраженные внутрисловными средствами у части мотивированных слов той или иной части речи. Это значения мутационные (напр., носителя признака, производителя действия), транспозиционные (напр., оп-

редмеченного действия или признака), модификационные (напр., градационные – указывающие на ту или иную степень проявления признака). Г. з. противопоставлены лексическим значениям, лишённым регулярного (стандартного) выражения и не обязательно имеющим абстрагированный характер, но тесно связаны с ними, иногда ограничены в своём проявлении определёнными лексическими группами слов.

В системе Г. з. объективируются – через ступень понятий – знания о предметах и явлениях действительности, их связях и отношениях: так, понятие действия (в широком смысле – как процессуального признака) абстрагированно выявляется в общем значении глагола и в системе более частных категориальных значений, присущих глаголу (время, вид, залог и др.); понятие количества – в Г. з. числа (категория числа, имя числительное как особая часть речи и др.); различные отношения предметов к другим предметам, действиям, свойствам – в системе Г. з., выражаемых падежными формами и предлогами.

Различаются, с одной стороны, Г. з. референциальные (несинтаксические), отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности, напр. значения количественные, пространственные, временны́е, орудия или производителя действия, и, с другой – Г. з. реляционные (синтаксические), указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений (напр., соединительное, противительное значения союзных конструкций) или на связь основ в составе сложных слов (соединительное словообразовательное значение). Особый характер имеют Г. з., отражающие отношение говорящего к тому, о чём идёт речь, или к собеседнику: субъективная модальность, субъективная оценка, вежливость, непринуждённость и т. п.

Лит.: Курилович Е, Заметки о значении слова, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Инвариантные синтаксические значения и структура предложения, М., 1969; Улуханов И. С., Словообразовательная семантика в рус. языке и принципы её описания, М., 1977; Бондарко А. В., Грамматическое значение и смысл, Л., 1978, Булыгина Т. В., Грамматические и семантические категории и их связи, в кн. Аспекты семантических исследований, М., 1980; Кубрякова Е. С., Типы языковых значений. Семантика производного слова, М., 1981; НЛ, в. 10 – Лингвистическая семантика, М., 1981. См. также лит. при статьях Грамматика, Грамматическая категория.

В. В. Лопатин.

Гра́моты (от греч. grámmata – чтение и письмо, элементарные науки) – деловые документы официального или частного характера, распространённые в русском государстве в 10 – нач. 20 вв. Слово «Г.» было освоено морфологически рус. языком и попало по сходству строения в круг других существительных исконного происхождения со слав. суффиксом *-от(а)*. В памятниках рус. письменности 11–17 вв. наблюдаются колебания в написании корня: *грам(м)от-* и *грам(м)ат-*, свидетельствующие об отходе от греч. первооригинала в данном слове и его производных. Не позднее 15 в. в рус. письменности появляется слово *грамотка* в значении 'письмо', закрепляясь в дальнейшем в значении 'частное письмо' в отличие от значения 'деловой документ частного характера', к-рое продолжало сохранять за собой слово *грамота*.

Г. являлись самым распространённым видом деловой письменности на Руси. Известно св. 130 видов Г. разного назначения. Г. охватывали различные сферы управления светским государством и церковью: имущественные отношения (вкладная, вотчинная Г. и др.); право и суд (охрана прав личности и собственности): бессудная, полевая Г. и др.; взимание налогов (льготная, оброчная Г. и др.); финансы и торговля (купчая, выкупна́я Г. и др.); сословно-иерархические отношения (вмѣстная, невмѣстная Г.); межгос. (международные) отношения (вѣрющая, полномочная, перемирная Г. и др.). В названиях типов Г. могут проявляться также способ их оформления, напр. мишенная 'с мишенью (печатью)', златопечатная Г. и др., отдельные элементы их содержания (жалобная, повелѣнная, поклонная Г.) и другие моменты не классифицирующего свойства.

Г. создавались на самых различных территориях Рус. государства, как в центре, так и на местах. Их датировка бывает либо прямая (указана в самой Г.), либо восстанавливается по косвенным историческим данным (упоминаемые лица и события). Это касается и локализации Г., т. е. установления места их создания. Авторами (точнее говоря, писцами) Г. были, как правило, дьяки, подьячие, писчики. Упоминания о непосредственном исполнителе Г. встречаются уже в ранних Г., но с сер. 15 в. указание на то, кто писал Г., становится нормой. Большинство сохранившихся Г. из центральной и местных канцелярий находится в архивах Москвы и С.-Петербурга, других городов быв. СССР, а также в ряде зарубежных архивов. Г. имели хождение в подлинниках и копиях. Сам характер документа диктовал необходимость размножения его в копиях либо при составлении, либо впоследствии. Г. обычно писали не сразу, а сначала составляли «чёрную», или «чернёную», Г. (черновик), а затем уже беловик («бѣлую» Г.).

В своих языковых особенностях Г. отражают взаимодействие местной живой народно-разг. речи с приказным письменным языком. В Г., существовавших в рус. языке на протяжении длительного периода, отразился также процесс постепенного складывания норм рус. национального лит. языка.

Особую разновидность Г. как бытовой письменности составляют берестяные грамоты (см.).

Лит.: Шахматов А. А., Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. (Исследования по рус. языку, т. 1), СПБ, 1885–95; его же, Исследование о двинских грамотах XV в., ч. 1–2. (Исследования по рус. языку, т. 2, в. 3), СПБ, 1903; Кочин Г. Е., Материалы для терминологического словаря Древней России, М. – Л., 1937; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред С. Н. Валка, М.– Л.,

1949; Борковский В. И., Синтаксис др.-рус. грамот, [ч. 1] – Простое предложение, [Львов], 1949; его же, Синтаксис др.-рус. грамот, [ч. 2] – Сложное предложение, М., 1958; Мжельская О. С., Судебник 1497 года и Псковская судная грамота, в кн.: Начальный этап формирования рус. национального языка, [Л.], 1961; её же, К вопросу об издании др.-рус. памятников (критический обзор изданий Псковской судной грамоты за сов. период), «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук», 1962, № 302, в. 61; Смоленские грамоты XIII–XIV вв., под ред. Р. И. Аванесова, М., 1963; Львов А. С., К истории слова *грамота* в др.-рус. письменности, в кн.: Исследования источников по истории рус. языка и письменности, М., 1966; Качалкин А. Н., Жанры рус. документа допетровской эпохи, ч. 1 – Источники изучения и вопросы авторства документа, ч. 2 – Филол. метод анализа документов, М., 1988. *В. Г. Демьянов.*

Гра́фика (греч. graphikḗ, от gráphō – пишу, черчу, рисую) – совокупность всех средств данной письменности, система отношений между буквами письма и звуками (фонемами) речи, а также сами начертания букв, знаков. Основными средствами совр. рус. Г. являются буквы (см.) и знаки препинания (см.). Кроме того, к средствам Г. относятся различные приёмы сокращения слов, использование пробелов между словами, прописных букв, отступов (см. Абзац), всевозможных подчёркиваний, а в печатном воспроизведении текста – к тому же и шрифтовых выделений. В нек-рых случаях в письменном и печатном воспроизведении текста используется знак ударения. В специальном виде письма – транскрипции (см.) – могут быть применены и другие графические знаки (знак мягкости, долготы, краткости и т. д.).

Степень совершенства графической системы определяется тем, насколько точно буквы письма соответствуют звукам (фонемам) речи. Идеальной Г., в к-рой каждая буква соответствовала бы отдельному звуку (фонеме), а каждый звук (фонема) выражался бы одним буквенным знаком, не существует. Совр. рус. Г. в этом отношении одна из самых совершенных, т. к. большинство букв рус. алфавита однозначны.

Совр. рус. Г. по способу воспроизведения и по рисунку букв делится на письменную и печатную (в т. ч. машинописную). Совр. начертания букв письменной Г. образовались на основе начертаний букв др.-рус. письма (см. Письмо).

Основы Г. совр. печатного шрифта были заложены реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания), к-рый ввёл для печатания книг новый, т. н. гражданский, шрифт с округлыми, без надстрочных знаков (титла, придыхания и т. д.) начертаниями букв (см. Гражданский шрифт). В совр. печатной Г. шрифты различаются по величине (корпус, петит и др.), рисунку (академическая, лат. гарнитуры и др.), по толщине штриха (светлый, полужирный, жирный), в зависимости от назначения – текстовые (для газет, журналов, книг), акцидентные (для реклам, объявлений и т. д.) и др. Проведена стандартизация шрифтов.

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И. А., Об отношении рус. письма к рус. языку, СПБ, 1912; Шицгал А. Г., Рус. гражданский шрифт. 1708–1958, М., 1959; Щепкин В. Н., Рус. палеография, М., 1967. *И. С. Филиппова.*

Граффи́ти (итал. graffiti, мн. ч. от graffito, букв.– нацарапанный) – посвятительные, религиозные, магические, бытовые надписи на стенах зданий, металлических изделиях, сосудах и т. п. Г. в большом количестве находят при раскопках древних и ср.-век. городов и поселений во многих странах мира. Почти на всех др.-рус. храмах и на других зданиях имеются Г.; многочисленны Г. в Софийских соборах Киева и Новгорода. Г. содержат интересные данные, отражающие живой язык древнего населения, пополняют сведения по палеографии (см.).

Лит.: Высоцкий С. А., Др.-рус. надписи Софии Киевской XI–XIV вв., в. 1, К., 1966; Рождественская Т. В., Др.-рус. надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв., СПБ, 1992.

Д д

Д Д Д Д Д Д Д Д

Д, д – пятая буква русского алфавита. Её название – «дэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное д.* По начертанию буква *д* восходит к букве кириллицы (см.) *«добро»*, к-рая имела числовое значение «четыре». Её начертание в кириллице восходит к греч. букве «дельта» унциального письма.

При классификационных обозначениях буква Д, *д* имеет значение «пятый»: *ложа Д, раздел д, место д.*

Основное графическое значение буквы *д* – обозначение общей части фонем ⟨*д*⟩ и ⟨*д'*⟩: зубная, взрывная, звонкая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *д* буквой или другим графическим знаком: ⟨*д*⟩ – *дом, два, год* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*д'*⟩ – *дядю, медь.* Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *д* обозначает твёрдость этих фонем: *раздел, полдень, бард.*

Давнопроше́дшее вре́мя – то же, что плюсквамперфект.

Да́тельный паде́ж – 1) форма существительного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): ед. ч.– *столу, городу, коню, краю, жене, земле, болоту, полю, кости, дочери, имени, пути;* мн. ч.– *столам, городам, коням, краям, жёнам, землям, болотам, полям, костям, дочерям, именам, путям;* 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного или причастия, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): ед. ч.– *круглому, круглой, синему, синей, крепкому, крепкой, лисьему, лисьей, тётиному, тётиной, отцову, отцовой, действующему, действующей, сломанному, сломанной;* мн. ч.– *круглым, синим, крепким, лисьим, тётиным, отцовым, действующим, сломанным;* 4) ряд таких форм прилагательного или причастия, объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения Д. п.– объектное и субъектное, к-рые в предложении могут контаминироваться. На периферии семантической системы Д. п. находится определительное значение (к-рое часто осложняется значением объектным); от общей системы значений изолирована функция Д. п. как необходимой информативно восполняющей формы. Объектное значение Д. п. конкретизируется как значение объекта-адресата, объекта волеизъявления, отношения: *помочь матери, понравиться зрителям, благодарен учителю, протест послу.* В предложении это значение обнаруживается также в детерминирующих членах (т. е. распространителях предложения в целом): *Вам – ничего утешительного; Жене от него – ни строчки; Себе он хочет только покоя;* ср. газетный синтаксический фразеологизм типа *Нет войне!* Объектное значение очень часто контаминируется со значением определительным («кому» или «какой» и «чей»): *задание студентам, гимн Солнцу, спасти жизнь человеку;* в таких случаях, как *памятник герою, счёт утратам, слуга царю,* объектное и определительное значения осложняются ещё и элементом значения субъектного (*слуга царю* – «какой», «кому» и «чей»). Элемент объектного значения сохраняется и в сказуемом: *Земля – крестьянам; Памятник – герою.* Субъектное значение Д. п. приобретает в предложении: 1) при распространении предложения, сообщающего о чьём-л. состоянии, восприятии: *Мне нездоровится, плохо; Сестре жаль брата; Сыну год; Тебе стыдно так поступать; Недоразумениям наступил конец; Нам не видно звёзд; Никому не двигаться с места!;* 2) в предложениях, сообщающих о чьём-л. свойстве, состоянии, восприятии, владении – при выносе в начальную позицию присловного Д. п. с объектным значением: *Царю есть слуга; Ему запомнился этот вечер; Фермеру принадлежит земля; Учёному присущ педантизм; Матери приятен подарок; Прохожему встретился лось.* Функция необходимой информативно восполняющей формы обнаруживается у Д. п. при таких глаголах, прилагательных, наречиях и предикативах, к-рые не употребляются абсолютивно

(т. е. без зависимой формы другого слова): *предшествовать событию, последовать совету, присущий всем, равносильно измене, сродни подвигу.*

Д. п. сочетается с простыми и производными предлогами. В сочетании с простыми предлогами *к* и *по* Д. п. имеет значение объектное (*охладеть к приятелю, добр к людям, подготовка к лекции, воля к жизни, скучать по семье, стрелять по воробьям, хлопоты по делам*) и разные виды определительного значения (включая функцию сказуемого: *Претензии – к качеству товаров; Пирог – к ужину; Экзамен – по физике; Движение – по расписанию*); с предлогом *к* – также включая функцию необходимой информативно восполняющей формы: *относиться к передовикам* ('входить в число'); *Разговор свёлся к пустякам.*

Д. п. с предлогом *по* в разных сочетаниях выражает распределённость по нескольким (многим) субъектам, объектам, пунктам, моментам: *На каждой крыше по аисту; Детям дали по яблоку; По воскресеньям не работаем; Разъехались по деревням; Говорили по многу раз; Тетрадей – по числу учеников;* ср. Д. п. в командах: *Все по местам!; По коням!*

В совр. языке Д. п. с предлогом *по* обнаруживает тенденцию к расширению функций: предлог *по* часто становится показателем разнообразных отношений, уже имеющих в языке свои способы выражения. Отсюда – возникновение рядов однозначных образований с определительным значением: *ателье проката – по прокату; выехать на основании вызова – по вызову; комиссия для проверки – по проверке; отправить к месту жительства – по месту жительства.*

Д. п. сочетается со след. производными предлогами и предложными образованиями: *благодаря, в противовес, в противоположность, вопреки, вслед, глядя по, на пути к, навстречу, навстречу к, наперекор, не в пример, по направлению к, по отношению к, подобно, применительно к, смотря по, согласно, сообразно, соответственно, соразмерно, судя по.*

В большинстве случаев такие сочетания синтаксически однозначны: они имеют определительные значения, соответствующие лексическим значениям предлога.

Лит.: Заичкова И., Датсльный беспредложный в совр. рус. лит. языке, Praha, [1972]. См. также лит. при ст. Падеж.

Н. Ю. Шведова.

Двоето́чие (:) – одиночный разделительный знак препинания, служащий для внутреннего членения предложения и обозначающий логические отношения между частями бессоюзного сложного предложения и/или функцию предупреждения. Обе эти функции реализуются в бессоюзном сложном предложении, когда его вторая часть поясняет первую или раскрывает причину содержания первой: *«Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана»* (Пушкин). Д. служит предупреждением: а) перечисления, следующего в середине предложения за обобщающим словом или за словами типа *например, а именно: «Острогою бьётся крупная рыба, как-то: щуки, сомы, жерехи, судаки»* (Аксаков); б) прямой речи или цитаты, следующей за вводящей частью (авторскими словами): *«А я думал: "Какой это тяжёлый и ленивый малый!"»* (Чехов).

В совр. пунктуации при причинно-следственных и пояснительных отношениях между частями бессоюзного сложного предложения имеет место колебание в употреблении Д. и тире (см.).

Две вертикально расположенные точки первоначально отмечались в функции знака разделения периода на части [грамматики Л. Зизания (1596), М. Смотрицкого (1619), В. Е. Адодурова (1731)], но в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755) уже указывается: «Две точки примеры, причины и вносные напереди показывают» (§ 132).

Лит. см. при ст. Пунктуация. *Б. С. Шварцкопф.*

Дво́йственное число́ – в древнерусском языке одна из трёх категориальных форм числа, противопоставленная единственному и множественному числу. У существительных форма Д. ч. употреблялась при их сочетании со словом *два* (к-рое в др.-рус. языке морфологически относилось к прилагательным), а также для обозначения двух, в т. ч. парных, предметов, напр. *изоуваше сапога своꙗ* (*сапога* – форма Д. ч. вин. п.). Наборы флексий падежных форм Д. ч. различались по типам склонения, ср.: им.-вин. п. *женѣ, свѣчи, стола, селѣ, плечи, домы, кости, камени;* род.-местный падеж *женоу, свѣчю, столоу, плечю, домовоу, костию, каменоу;* дат.-твор. п. *женама, столома, селома, плечема, домъма, костьма, каменьма.* Глаголы и прилагательные имели особую согласуемую форму Д. ч., напр., *дъвѣ добрѣи женѣ несета* (наст. время), *несоста* (аорист), *несѧста* (имперфект).

Начиная с 13 в. в памятниках отмечается смешение форм Д. ч. и мн. ч., свидетельствующее об исчезновении особого грамматического значения двойственности, в совр. рус. языке оно отсутствует (из слав. языков Д. ч. сохранили только словен. и серболужицкие языки). Следы Д. ч. можно обнаружить, напр., в форме им. п. мн. ч. существительных *рукава, плечи, колени* (из *коленѣ*) и других названий парных предметов (по происхождению это формы Д. ч.). В совр. языке слово *два* в форме им. п. (а также *три, четыре,* уподобившиеся ему по синтаксическим связям) управляет формой род. п. ед. ч., к-рая у существительных муж. рода типа *стол* исторически восходит к форме им.-вин. п. Д. ч., у ряда форм существительных отмечено особое ударение: *два часа́* (ср. *и ча́са не прошло*), *в два ряда́* (ср. *вышел из ря́да*) и т. п.; на основании этих акцентных различий в совр. рус. языке выделяют особую счётную форму существительных.

Утрата Д. ч. привела к изменению структуры категории числа, к-рая из трёхчленной стала двучленной (см. Число), произошёл сдвиг в сторону большей абстрактности грамматических значений.

Лит.: Булаховский Л. А., Исторический комментарий к рус. лит. языку, К., 1950; Шмелев Д. Н., Архаические формы в совр. рус. языке, М., 1960; Иорданский А. М., История двойственного числа в рус. языке, Владимир, 1960; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка, М., 1965; Шульга М. В., История грамматического выражения значения парности в рус. языке, в кн.: Общеслав. лингвистический атлас 1982, под ред. В В. Иванова, М., 1985. *Е. В. Красильникова.*

Двувидовы́е глаго́лы – глаголы, лишённые формального выражения значений вида (см.) и употребляющиеся в значениях как несовершенного, так и совершенного вида. При этом форма наст.-буд. времени Д. г. омонимична не только в отношении вида (как и остальные формы Д. г.), но и в отношении времени. Ср.: *Эту комиссию долго реформировали* (несов. вид); *Мы полностью реформировали эту комиссию* (сов. вид); *Эту комиссию реформируют уже лет десять* (наст. время, несов. вид); *Они непременно реформируют эту комиссию* (буд. время, сов. вид).

Двувидовость характерна (продуктивна) для глаголов с суффиксом *-ова-* (*военизировать, локализовать, аттестовать*). Лишь несколько исходных Д. г., напр. *женить, велеть, казнить, венчать(ся), обещать, ранить, бежать* (из плена), имеют другую структуру. В то же время среди глаголов на *-овать* есть и одновидовые глаголы [напр., *тосковать*, не имеющий видовой пары, *рисовать* – несов. вид (сов. вид *нарисовать*)].

Д. г. неодинаково устойчиво функционируют в значениях обоих видов. Степень устойчивости зависит прежде всего от семантики глагола и от степени освоения глагола языком. Напр., относительной безразличностью к выражению вида обладают Д. г., у к-рых процессное и результативное значения очень близки по смыслу (*апеллировать, декларировать, велеть, напутствовать*). Для выражения законченности действия от многих Д. г. такой семантики по мере их освоения языком образуются приставочные глаголы сов. вида, напр. *отрапортовать, просигнализировать, проинформировать*. Наличие приставочного глагола не исключает употребления бесприставочного глагола в контексте сов. вида, особенно в прош. времени: *«Кудинов по сводкам коротко информировал собравшихся о положении на фронтах»* (Шолохов).

Двувидовость допускают глаголы с преобладанием результативного значения, значения нового состояния, к к-рому приводит осуществление действия (*женить, экспроприировать, ликвидировать, утилизировать*). Процессное значение таких Д. г. ослаблено. От отдельных глаголов подобной семантики (с ударением на последнем слоге) образуются парные глаголы несов. вида с суффиксом *-ыва-*, напр. *образовывать*. При этом бессуфиксальная форма может стать глаголом только сов. вида (*арестовать*) или остаться Д. г. частично, употребляясь в значениях несов. вида лишь в наст. времени: *«Я узнал случайно, что вы ... организуете помощь голодающим»* (Чехов).

Если же в Д. г. этой семантики усиливается процессное значение действия, то для выражения результата образуются приставочные глаголы сов. вида, возникают регулярные видовые пары, напр. *никелировать – отникелировать, дезинфицировать – продезинфицировать.* Бесприставочные формы утрачивают двувидовость постепенно: в основном они употребляются в значениях несов. вида, но нек-рое время сохраняют способность к употреблению в контексте сов. вида прош. времени. Этот процесс отражён в лит-ре 19 в.: *«Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и... набросил весьма ловко на плечи Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил её сзади рукою книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку»* (Гоголь).

Устойчиво используются в значениях обоих видов Д. г., обозначающие постепенные изменения, каждую стадию к-рых можно считать новым состоянием (*автоматизировать, электрифицировать, реформировать*). Многие из них образованы от имён, указывающих на новое состояние, напр. *конкретизировать* – 'делать конкретным', *канонизировать* – 'превращать в канон'.

Существование Д. г. свидетельствует о сильной функциональной нагрузке контекста, обеспечивающего однозначность понимания глагольной формы. Решающую роль в вопросах употребления Д. г. и определения степени необходимости формального выражения видов глагола играет семантический фактор.

Лит.: Мучник И. П., Грамматические категории глагола и имени в совр. рус. языке, М., 1971; Кнорина Л. В., Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на -овать), в кн.: Семиотика и информатика, в. 7, М., 1976; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *Л. В. Кнорина.*

Двусоста́вное предложе́ние – простое предложение, необходимыми компонентами к-рого являются подлежащее (см.), одно или с зависимыми от него словами (первый состав), и сказуемое (см.), одно или с зависимыми от него словами (второй состав).

По своему синтаксическому построению различаются два основных типа Д. п.: глагольные и именные. В глагольных предложениях сказуемым является полнознаменательный глагол в личной форме; в этом глаголе заключено и то значение, к-рое сказуемое выражает по отношению к подлежащему, и необходимые для предложения грамматические категории времени и модальности: *Она засмеялась.* В именном Д. п. сказуемое состоит из двух слов: глагола-связки *быть* и его эквивалентов, передающих грамматические категории времени и модальности, и именной части, передающей значение сказуемого, напр.: *Он был умный*

(умён); Я был инженер (инженером). Связка *быть* может выступать в нулевой форме, т. е. отсутствие связки значимо и передаёт наст. время изъявительного наклонения: *Он умный (умён); Я инженер.*

В Д. п. выражаются след. основные типы смысловых отношений: 1) характеризующие – сказуемое называет качественные признаки, действие или состояние подлежащего и т. п.: *«Туча – чёрная, тяжёлая, суровых очертаний»* (М. Горький); *«Мы услышали сухой треск и звон стекла»* (Паустовский); 2) отношения тождества: *Я Иванов;* 3) отношения бытия, к-рые выражаются в предложениях со схемой «обстоятельство места, называющее область бытия,– бытийный глагол *быть* (в т. ч. в нулевой форме) – имя существительное, называющее бытующий предмет»: *«...Ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич»* (Лермонтов); *«Ведь у меня опять только рубль серебром»* (Достоевский).

Лит. см. при ст. Односоставное предложение.

Е. Н. Ширяев.

Двуязы́чные словари́, переводные словари,– тип словарей (см. Словари лингвистические), в к-рых даётся перевод значения слова или фразеологизма с одного языка на другой. Д. с. возникают в связи с развитием экономических, политических и культурных связей между различными народами. На Руси первые собственно русско-иностранные и иностранно-рус. словари появились в 16 – нач. 18 вв. Они были двуязычными и трёхъязычными (славяно-лат., славяно-греко-лат., славяно-польско-лат. и др.). С развитием лексикологии (см.) и лексикографии (см.) типы Д. с. становятся всё более многообразными. В совр. теории и практике лексикографии различаются филологические (т. н. общие) Д. с., содержащие перевод общелит. лексики и фразеологии с одного языка на другой, и научно-технические, или отраслевые, Д. с., содержащие перевод специальной терминологии.

Типы общих филологических словарей могут быть самыми разнообразными в зависимости от объёма лексики и фразеологии, к-рые отбираются для перевода, и задач издания. Однотомные Д. с. включают лексику и фразеологию лит. языка (ок. 50–55 тыс. слов), к-рыми пользуются носители языка в устной и письменной речи. Этот тип Д. с. не содержит диалектных слов, а также слов сниженных форм речи (просторечных, жаргонизмов и т. п.) и предназначен для читателей самых разных профессий, изучающих к.-л. иностранный язык (Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, «Русско-французский словарь», 14 изд., 1993; «Новый французско-русский словарь», составленый В. Г. Гаком, 1994). Карманные (краткие) Д. с. содержат перевод слов основного словарного фонда (ок. 8 тыс. слов) и минимального количества словосочетаний (моделей), в к-рых слово встречается (О. П. Бенюх, «Карманный англо-русский словарь», 3 изд., 1964; А. Б. Лоховиц, «Карманный русско-немецкий словарь», 23 изд., 1990, и др.). Максимально полное количество слов национального языка содержится в больших Д. с. (св. 100 тыс. слов). В словарях этого типа даётся перевод всех лексических значений слова, в т. ч. устаревших, специальных, относящихся к сниженным стилям речи, а также словосочетаний и фразеологических оборотов, в к-рых слово встречается («Чешско-русский словарь», т. 1–2, 1973; «Большой польско-русский словарь», 3 изд., 1988; «Большой англо-русский словарь», т. 1–3, 1994, и др.). Созданы также средние общие филологические Д. с., по типу сходные с однотомными словарями, но включающие лексику меньшего объёма (30–35 тыс. слов, напр.: В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина, «Англо-русский словарь», 13 изд., 1992; «Русско-английский словарь», 9 изд., 1993; «Русско-чеченский словарь», 1978, и др.), а также словари, отбор лексики для к-рых определяется специальными задачами, напр. страноведческий Д. с. «Великобритания. Лингвострановедческий словарь» (1978; 2 изд., 1980) и др.

Учебные Д. с. помогают тем, для кого рус. язык не является родным, изучать его на разных этапах обучения. Этому способствует также развитие учебной лексикографии как науки. Созданы учебные Д. с. самых разнообразных типов: «Краткий русско-французский учебный словарь» А. А. Зализняка (4 изд., 1978); «Русско-чешский учебный словарь. Основы русского языка» Н. Р. Буравцевой (1978); «Испанско-русский учебный словарь» М. Хисберта, В. А. Низского (5 изд., 1990) и др.

Научно-технические, или отраслевые, Д. с. включают в свой словник либо термины по основным отраслям науки и техники – т. н. политехнические словари («Французско-русский политехнический словарь», под ред. П. Е. Турчина, 2 изд., 1970; В. С. Матвеев, К. Г. Асриянц, «Русско-португальский политехнический словарь», 1977, и др.), либо только специальные или узкоспециальные термины по одной отрасли науки («Англо-русский экономический словарь», 1995; «Французско-русский экономический словарь», 1995; «Испанско-русский экономический словарь», 1994; «Англо-русский юридический словарь», 1994; «Англо-русский биологический словарь», 1993; К. Я. Прохоров и др., «Англо-русский словарь по микроэлектронике», 2 изд., 1993; Г. Т. Арсланян, Я. И. Шубов, «Русско-арабский медицинский словарь», 2 изд., 1987, и др.).

Лит.: Андрианов С. Н., Нек-рые вопросы построения словарей специальной терминологии, в кн.: Тетради переводчика, в. 2, М., 1964; Берков В. П., Вопросы двуязычной лексикографии, Л., 1973 (лит.); его же, Слово в двуязычном

словарс, Тал., 1977; Игнатьев Б. И., Принципы построения отраслевого двуязычного словаря, «ВИНИТИ», сер. 1, 1974, № 5; Переводная и учебная лексикография, М., 1979; Sckaninová E., Dvojjazyčna lexikografia v teorii a praxi, Bratislava, 1993.

И. К. Сазонова.

Дееприча́стие – неспрягаемая глагольная форма, обладающая категориальными свойствами глагола и наречия и обозначающая процесс как признак другого процесса (*рисуя, напевал; писал, сидя за столом*). Принадлежность Д. к глаголу проявляется в наличии категорий вида и залога (действительного); как и наречие, Д. не имеет форм словоизменения. Нек-рые лингвисты определяют Д. как глагольно-наречное образование.

В зависимости от вида глагола, формой к-рого является Д., различают Д. несов. вида (*дышать – дыша, читать – читая*) и Д. сов. вида (*извлечь – извлёкши, присесть – присев*). В Д., образованных возвратными глаголами, сохраняется постфикс *-ся* (*-сь*) (*улыбаться – улыбаясь, умыться – умывшись*).

Значение времени в Д. морфологически не выражено. Однако в зависимости от вида Д. могут выражать те или иные временны́е значения названного ими процесса по отношению к тому процессу, признак к-рого Д. обозначает. Д. несов. вида обозначают обычно одновременность (соположенность) процессуального признака с тем процессом, к-рый назван определяемой формой глагола (*читая, размышлял; говорю, волнуясь; поблагодарил, возвращая книгу*). Д. сов. вида чаще всего обозначают названный ими процесс как предшествующий процессу, названному спрягаемой формой (*толкнув, извинился; присев, разговорился*), реже – как одновременный (*шёл, опустив голову*) или как последующий (*вышел, хлопнув дверью*). Временны́е значения Д. нередко обусловлены лексическим значением глаголов и зависят от содержания всего высказывания.

Д. несов. вида образуются от основы наст. времени присоединением суффикса *-а* (после мягкого согласного орфографически *-я*), при этом конечные твёрдые парные согласные основы чередуются с соответствующими мягкими: *не[с]-у́т – не[с'-á]* (орфографически *неся*), *бе[р]-у́т – бе[р'-á]* (орфографически *беря*), *напевая, увлекаясь, лёжа, крича, слыша*. При образовании Д. от глаголов с основой на заднеязычный чередуются *к/ч, г/ж*, напр.: *плакать – плача, брызгать – брызжа*. Глаголы на *-давать, -ставать, -знавать* образуют Д. от основ *-дава[j], -знава[j], -става[j]* (*создавая, узнавая, вставая* и др.). Нек-рые глаголы несов. вида, имеющие вариантные основы наст. времени, образуют также и вариантные формы Д., напр.: *блистать – блеща* и *блистая, колыхать – колыша* и *колыхая, махать – маша* и *махая, хныкать – хныча* и *хныкая*. От ряда глаголов несов. вида Д. могут быть образованы и с помощью суффикса *-учи* (после *j* *-ючи*), напр.: *жалеючи, идучи, крадучись*, но ср.: *жалея, идя, крадясь*. Д. несов. вида на *-учи(-ючи)*, кроме Д. *будучи*, образованного от глагола *быть*, являются разговорными или просторечными. Нек-рые глаголы несов. вида образуют Д. (обычно при употреблении с отрицанием) от основы прош. времени присоединением суффиксов *-в/-вши* (*быв* и *бывши, знав* и *знавши, ехав* и *ехавши, имев* и *имевши*, а также *пахавши, лизавши, вязнувши*). Такие Д. имеют разг. или прост. стилистическую окраску и обычно малоупотребительны. Многие глаголы несов. вида вообще не образуют Д. от основы наст. времени, хотя никаких грамматических ограничений для образования Д. нет. Таковы, напр., глаголы *влечь, мочь, сечь, брехать, вязать, лизать, пахать, вязнуть, глохнуть, тонуть, врать, ждать, ржать, вить, лить, мять* и др.

Д. сов. вида образуются от основы прош. времени присоединением суффиксов *-в/-вши/-ши*. Суффиксы *-в/-вши* употребляются при образовании Д. от основ на гласный: посредством суффикса *-в* образуют Д. глаголы без постфикса *-ся* (*встретив, сбежав*), посредством суффикса *-вши* – глаголы с постфиксом *-ся* (*-сь*) (*прикоснувшись, поднявшись*). Суффикс *-ши* используется при образовании Д. от основ на согласный (*вынесши, потрясши*). Нек-рые глаголы сов. вида могут образовывать вариантные формы Д. От глаголов без постфикса *-ся* возможны Д. как с суффиксом *-в*, так и с суффиксом *-вши* (*проиграв* и *проигравши, закричав* и *закричавши*), но Д. с суффиксом *-вши* являются разговорными или просторечными. Глаголы сов. вида, имеющие вариантные основы прош. времени с суффиксом *-ну* и без суффикса *-ну*, также образуют вариантные формы Д. (*засохнуть – засохши* и *засохнувши, замёрзнуть – замёрзши* и *замёрзнувши*). Глаголы *умереть, запереть, растереть, простереть* образуют вариантные формы Д. с суффиксами *-в* и *-ши* (*умерев* и *умерши, заперев* и *заперши*). Нек-рые глаголы сов. вида могут образовывать Д. также и от основы наст. времени с помощью суффикса *-а/-я* (*возвратиться – возвратясь, заметить – заметя, услышать – услыша, увидеть – увидя, привезти – привезя, принести – принеся* и др.).

В предложении Д. выступает в синтаксической функции определения. Употребление Д. допустимо только в том случае, если субъекты действия Д. и сказуемого совпадают: *«Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя»* (Пушкин); *Снявши голову, по волосам не плачут*. Неправильно построены предложения, в к-рых субъекты действия Д. и сказуемого не совпадают: *«Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа»* (Чехов). В Д. сохраняются синтаксические связи глагола, от к-рого оно образовано (*любить родину – любя родину; слушать внимательно – слушая внимательно*).

Как особая грамматическая форма Д. сформировались в историческую эпоху рус. языка. По своему происхождению Д. восходят к др.-рус.

кратким причастиям действительного залога наст. и прош. времени. Утратив согласование с подлежащим, эти причастия превратились в неизменяемую глагольную форму.

При наличии определённых условий, в частности при отсутствии зависимых слов, глагольные свойства Д. нейтрализуются, т. е. видо-временны́е и залоговые значения Д. утрачиваются, и Д. переходят в наречия (*молча*, *нехотя*, *играючи*, особенно часто в составе фразеологически связанных словосочетаний: *работать* *спустя* *рукава*, *сидеть* *сложа* *руки*) или в предлоги (*благодаря* *кому или чему*, *смотря* *по*, *невзирая* *на то что*).

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М. – Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, М., 1964; 3 изд., М., 1990; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989. *В. Н. Белоусов.*

Дееприча́стный оборо́т – полупредикативный обособленный оборот (см.) с главным членом – деепричастием. Формально-грамматически деепричастие примыкает к сказуемому (обычно – спрягаемой форме глагола), а содержательно относится и к подлежащему, называя или процессуальный признак субъекта, дополнительный по отношению к признаку, названному в сказуемом (*К ночи мы стали в лесу, не зажигая огня*), или действие, характеризующее действие, названное в сказуемом (*Вернувшись в каюту, он долго не мог заснуть*), или состояние субъекта, сопутствующее действию, названному в сказуемом (*На подоконнике дремала кошка, подобрав под себя передние лапки*). Д. о. первых двух типов соотносительны с придаточными предложениями, Д. о. третьего типа не соотносится непосредственно с другими синтаксическими конструкциями. Реже, чем к спрягаемой форме глагола, Д. о. примыкает к глаголу в форме инфинитива (*Нужно было восстановить станцию, не прекращая научных наблюдений*), к причастию в им. п. (*Его окликнул шофёр, стоявший прислонясь к машине*), к существительному с процессуальным значением в им. п. (*Переход вещества из твёрдого состояния в газообразное, минуя жидкое*), к краткому прилагательному (*Он расторопен, прослужив всю жизнь чиновником*).

Лит.: Валимова Г. В., Деепричастные конструкции в совр. рус. языке, «Уч. зап. Ростовского-на-Дону пед. ин-та», 1940, т. 2; Власенко М. М., Предложения с обособленными деепричастными конструкциями в совр. рус. языке, «Уч. зап. Иркутского пед. ин-та», 1958, т. 14; Дерибас Л. А., Употребление синтаксических конструкций, параллельных деепричастным оборотам, «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1958, т. 132, Кафедра рус. языка, в. 8; Ицкович В. А., Очерки синтаксической нормы. 3. Нормы употребления деепричастий, в кн.: Синтаксис и норма, М., 1974. *В. А. Ицкович.*

Де́йксис (греч. déixis – указание) – указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами. Д. служит для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания (см. Денотат). Сфера Д. включает: указание на участников речевого акта (ролевой Д.) – говорящего и адресата, выражается различными видами местоимений (1-го и 2-го лица: *я, ты, мой, твой*); указание на предмет речи (местоимения 3-го лица); указание на степень отдалённости объекта высказывания, выражается указательными местоимениями и частицами (*этот – тот, вот – вон*); указание на временну́ю и пространственную локализацию сообщаемого факта (хронотопический Д.), выражается местоименными наречиями, напр. *здесь, сейчас*. Д. как один из способов референции (см.) противополагается номинации (см.); это противопоставление нейтрализуется в ролевом Д.

Носителями дейктической функции могут быть лексические единицы и грамматические категории. Так, у предлогов и указательных местоимений дейктическое значение – это их лексическое (словарное) значение (слова, выражающие Д., иногда называют дейктиками). Из грамматических категорий дейктический характер присущ, напр., глагольным категориям времени, таксиса (характеризует временны́е отношения между действиями: одновременность/неодновременность, прерывание, соотношение главного и сопутствующего действия и т. п.) и лица (ролевой Д.: личные формы глагола). К дейктическим категориям относится и т. н. категория вежливости (указание на социальный статус участников речевого акта, см. Речевой этикет). Во всех этих случаях Д. ориентирован на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания, т. е. реализуется в «вещественном поле указания» (К. Бюлер) и представляет собой собственно Д. Этот вид Д. (парадигматический Д.) соотносится с содержательной структурой предложения. Кроме того, Д. может быть ориентирован на внутреннюю организацию текста (см. Текст), т. е. реализуется в «контекстуальном поле указания», обеспечивая семантическую связность дискурсов; этот вид Д. (синтагматический Д.) в отличие от собственно Д. называют анафорой (см. Анафорическое отношение). Промежуточная разновидность Д. наблюдается у нек-рых грамматических категорий, напр. у рода, в к-рых сфера указания ограничена системой самого языка и соотносится с формальной структурой предложения. Род, по определению Е. Куриловича, есть дейктическая категория у существительных (указывает на принадлежность его к определённому согласовательному классу) и анафорическая у прилагательных (указывает на род существительного, с к-рым оно согласуется, обеспечивая синтаксическую связанность определяемого и определяющего). Д.– универсальное свойство языка, но виды и способы выражения Д. в различных языках варьируют.

Лит.: Лайонз Дж., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Крылов С. А., К типологии дейксиса, в кн.: Лингвистические исследования, ч. 1, М., 1984;

Падучева Е. В., Крылов С. А., Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты, в кн.: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Сб. обзоров, М., 1984; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесенность с действительностью, М., 1985; Апресян Ю. Д., Дейксис в грамматике и наивная картина мира, в кн.: Семиотика и информатика, в. 28, М., 1986; Bühler K., Sprachtheorie, Jena, 1934; Kuriłowicz J., Universaux linguistiques, в кн.: Proc. of the XI Intern. congress of linguists, v. 1, Bologna, 1974; Here and there: Cross-linguistic studies on deixis and demonstration, Amst.–Phil., 1982; Essays on deixis, Tübingen, 1983; Sennholz K., Grundzüge der Deixis, Bochum, 1985. См. также лит. при ст. Референция.

В. А. Виноградов.

Действи́тельные прича́стия – разряд причастий (см.) со значением действительного залога, включающий формы настоящего и прошедшего времени, напр. *читающий*, *читавший*. Д. п. имеют только полные формы, изменяющиеся по падежам, числам и родам (в ед. ч.), как полные прилагательные (с основами на шипящий), и близки к ним в синтаксическом отношении (см. Причастные конструкции). Существовавшие в истории рус. языка формы кратких Д. п. стали источником для образования деепричастий (см.).

Д. п. наст. времени образуются от глаголов несов. вида путём присоединения к основе наст. времени суффиксов *-ущ-*, *-ющ-* у глаголов 1-го спряжения (*пишут > пишущий*, *играют > играющий*) и *-ащ-*, *-ящ-* у глаголов 2-го спряжения (*лежат > лежащий*, *строят > строящий*). У глаголов типа *махать* с вариантными формами наст. времени (*машут*, *махают*) Д. п. наст. времени также вариативны (*машущий*, *махающий*). Употребляемые иногда Д. п. наст. времени от глаголов сов. вида (типа *сумеющий*, *сделающий*) считаются ненормативными.

Д. п. прош. времени образуются от основ прош. времени глаголов сов. и несов. вида с помощью суффикса *-вш-* у глаголов с основой на гласный (*читал > читавший*) и суффикса *-ш-* у глаголов с основой на согласный (*помог > помогший*, *полз > ползший*). У глаголов с факультативным суффиксом *-ну-* в формах прош. времени (*замёрз*, *замёрзнул*) возможны две формы Д. п. прош. времени (*замёрзший*, *замёрзнувший*). Глаголы на *-сти*, имеющие в основе наст. времени *-д-*, *-т-* (*привести – приведут*, *расцвести – расцветут*), образуют Д. п. прош. времени от основы наст. времени (*приведший*, *расцветший*). Особо образуются Д. п. прош. времени от глагола *идти* и других глаголов с этим корнем (*шедший*, *вошедший*, *нашедший* и т. п.).

Д. п. образуются практически от всех глаголов. Исключение составляют безличные глаголы (*смеркается*, *тошнит*), вообще не имеющие причастий, глаголы на *-честь* (*прочесть*, *вычесть*), от к-рых по формальным причинам не образуются Д. п. прош. времени, и многократные глаголы типа *хаживать*, у к-рых нет Д. п. наст. времени (как нет и личных форм наст. времени).

Д. п. могут быть переходными (*читающий книгу*) и непереходными (*гуляющий*), возвратными (*одевающийся*) и невозвратными (*одевающий*). Возвратные Д. п. могут выражать все значения, присущие постфиксу *-ся* (кроме связанных с безличностью), в т. ч. и значение страдательного залога: *строящийся/строившийся дом*. Такие Д. п. могут быть синонимичны страдательным причастиям (см.): *выполняющийся – выполняемый*, *читавшийся – читанный*.

Для Д. п. наст. времени продуктивен процесс адъективации (см.).

Лит. см. при ст. Причастие.

Ю. П. Князев.

Действи́тельный зало́г – см. Залог.

Денота́т (от лат. denotatum – обозначаемое) – обозначаемый предмет. Термин «Д.» употребляется в след. значениях. 1) То же, что референт (см.) (Д. нек-рого конкретного речевого отрезка). В этом смысле является рус. эквивалентом термина Г. Фреге «Bedeutung» (букв. 'значение') и его англ. перевода «denotation», используемого, напр., Б. Расселом и А. Чёрчем.

2) Д. нек-рой языковой (абстрактной) единицы – множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т. д.), к-рые могут именоваться данной единицей (в силу её языкового значения); обычно речь идёт о Д. лексических единиц. Такое употребление термина «Д.» соответствует тому, что в традиционной логике называется «объёмом понятия», а у Р. Карнапа – «экстенсионалом». В этом случае Д. противопоставлен, в первую очередь, сигнификату (см.), а во вторую – референту. Д. языкового выражения в научной картине мира, где, напр., Д. слов *огурец* или *арбуз* включены в Д. слова *ягода*, а Д. слова *кит* – в Д. слова *зверь* или *млекопитающее*, отличается от Д. этого выражения в наивной картине мира, где Д. этих слов могут включаться соответственно в Д. слов *овощ*, *фрукт*, *рыба*. В естественно-научных сферах, в отличие от художественных, выражения типа: *единорог*; *кентавр*; *король, правивший во Франции в 1905 г.* – имеют т. н. пустой Д. или, как иногда говорят, вообще не имеют Д., однако предметом семантики могут быть на равных правах и естественно-научные, и художественные картины мира. Исследователями предпринимаются попытки очертить границы Д. нек-рых слов, напр. цвето- и звукообозначений, путём измерения физических параметров соответствующих явлений (таков анализ глаголов типа *мерцать*, *сверкать*, *искриться*, *лосниться* и их англ. соответствий в работах О. Н. Селиверстовой). Чем больше значимых черт содержит сигнификат («смысл») языковой единицы, тем (обычно) у́же его Д., и наоборот. Следует различать языковые выражения с «постоянной» референцией (см.) (*автор «Илиады»*, *Ходжа Насреддин*, *Луна*, *Земля*, *Солнце*), имеющие одноэлементные Д., и выражения с «переменной» референцией, имеющие многоэлементные Д.

Нек-рые логики определяют Д. (или экстенсионал) предиката как множество таких объектов, подстановка к-рых в качестве аргументов (единиц, от к-рых зависит значение высказывания) на место этого предиката даёт истинные высказывания. Напр., Д. слова *кит* есть множество объектов, относительно к-рых верным будет высказывание *X – кит* (т. е. множество объектов, удовлетворяющих свойству «быть китом»). В этом случае нельзя говорить о Д. референтных выражений, не переведя их предварительно в предикатную позицию. Это порождает трудности при установлении Д. выражений типа *он, этот кит, нынешняя королева Великобритании* и т. п., так как условия истинности высказываний с именными сказуемыми типа *быть им, быть этим китом, быть нынешней королевой Великобритании* и т. п. существенно зависят от ситуации речевого акта, в к-рой произносится данное высказывание. По той же причине субъективно окрашенные предикаты типа *быть прогрессивным, реакционным, хорошим, плохим, умным, глупым* и т. п. имеют диффузные Д. (с нежёсткими границами), в отличие от т. н. таксономических предикатов (по Н. Д. Арутюновой) типа *быть лимоном, карасём, арбузом, китом, археоптериксом, русалкой* и т. п.

3) Элемент экстенсионала (т. е. множества объектов, способных именоваться данной языковой единицей). При таком понимании Д. считается всякий элемент экстенсионала, безотносительно к тому, с к-рым из них соотносится к.-л. конкретный речевой отрезок. Напр., говорится, что и *Суворов* и *Меншиков* относятся к числу Д. слова *генералиссимус*. Экстенсионал в этом случае квалифицируется как «класс денотатов»; т. о., говорят о «пустом» или «непустом», «одноэлементном» или «многоэлементном» классе Д., о границах класса и т. п.

4) То же, что денотативное значение – понятийное ядро значения, т. е. «объективный» («номинативный», «внешнеситуационный», «когнитивный», «репрезентативный», «фактический», «диктальный», «предметно-реляционный») компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т. п. оттенков.

Достаточно распространено терминоупотребление, не делающее различия между Д. и референтом (нек-рые авторы отдают предпочтение одному из этих терминов, другие используют оба термина в качестве эквивалентных). Однако уже наметилась тенденция к соответствующей терминологической дифференциации, основанная, в частности, на существенном, с лингвистической точки зрения, различии виртуального (возможного) и актуализованного значений языковых единиц. Другие признаки, по к-рым иногда различаются Д. и референт, в частности прямая зависимость Д. от способа номинации и отсутствие такой зависимости для референта (напр., когда речь идёт об ошибочном представлении говорящего о применимости той или иной номинации к объекту, к-рый он «имеет в виду»), представляют для языкознания лишь косвенный интерес.

Многозначность характеризует не только термин «Д.», но и соотносительные с ним термины – «денотативное значение», «денотативная (предметная) отнесённость», «денотативные аспекты (компоненты) смысла» и др.

Лит.: Милль Дж. Ст., Система логики силлогистической и индуктивной, пер. с англ., 2 изд., М., 1914; Карнап Р., Значение и необходимость, [пер. с англ.], М., 1959; Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., М., 1960; Селиверстова О. Н., Опыт семантического анализа группы рус. и англ. глаголов с общим компонентом «излучать свет», в кн.: Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку, М., 1970; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика, М., 1974; Языковая номинация. (Общие вопросы), М., 1977; Арутюнова Н. Д., К проблеме функциональных типов лексического значения, в кн.: Аспекты семантических исследований, М., 1980; НЗЛ, в. 13 – Лингвистика и логика, пер. с англ., М., 1982; Фрумкина Р. М., Цвет, смысл, сходство, М., 1984; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесенность с действительностью, М., 1985; НЗЛ, в. 18 – Логический анализ естественного языка, М., 1986; Lyons J., Semantics, v. 1, Camb., 1977. См. также лит. при статьях Сигнификат, Референт, Референция.

Т. В. Булыгина, С. А. Крылов.

Дерива́ция (от лат. derivatio – отведение, образование) – принятое в структурной лингвистике и теории речевой деятельности понятие формальной, семантической и функциональной производности и иерархии единиц всех уровней языковой системы, а также понятие межуровневых отношений; напр.: *снеГ→снеЖок* (фонетическая Д. на морфонологическом уровне); *объявлять→объявление* (словообразовательная Д.); *медведь→медведь* (о человеке) (лексическая Д.); *Пришла зима→Зима пришла* (экспрессивный порядок слов) (синтаксическая Д.). Исчислением деривационных процессов, или отношений, занимается наука д е р и в а т о л о г и я, основы к-рой были заложены в трудах М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева, С. О. Карцевского. Термин «Д.» был введён Е. Куриловичем в 30-х гг. 20 в.

Д е р и в а ц и о н н а я е д и н и ц а, или д е р и в а ц и о н н ы й ш а г, в синхронной системе языка представляет собой процесс преобразования языковой единицы, принимаемой за исходную (элементарную), с помощью существующего в языке средства (оператора Д.); напр., существительное *лес* является исходной единицей для образования слова *лесник* с помощью суффикса *-ник* и нулевой флексии. Новое слово (д е р и в а т) имеет новые словообразовательное и лексическое значения, не сводимые к сумме составляющих его компонентов.

Д., являясь теоретическим и методологическим конструктом, позволяет объяснять систему языковых отношений, развитие языка как непрерывный процесс означивания, показывает пути его творческого использования. Деривационные процессы

определяют все парадигматические и синтагматические связи языка, но традиционно принято исчислять их по уровням языка, различать морфонологическую Д. (напр., *век→вечный*), словоизменительную (напр., *играть→играю*), словообразовательную (напр., *близкий→приблизить*), лексическую (напр., *ледяной→ледяной* – о взгляде), синтаксическую (напр., *Солнце выжгло траву→Солнцем выжгло траву*), смысловую, проявляющуюся на текстовом уровне.

Д.– однонаправленный процесс, но направление его не всегда очевидно. Чем выше уровень языковой системы, тем больше характеристик анализируемой единицы следует привлекать; напр., для определения развития глагольной полисемии, разграничения первичных и вторичных значений необходимо исследовать парадигматические отношения моделей предложений, организуемых этими глаголами, выяснить возможные способы заполнения синтаксических позиций. На уровне моделей предложения направление преобразования определяется на основе анализа семантико-синтаксической структуры предложений, причём значение исходного предложения должно являться перифразой (см.) при установлении значения производного предложения. Это правило обязательно для определения направления внутримодельной и межмодельной Д. предложений. Примером внутримодельной Д. могут служить неопределённо-личные предложения, пассивные, результативные и релятивные конструкции. Межмодельные деривационные отношения могут быть проиллюстрированы операциями каузации и декаузации, напр. *Он сказал правду* (некаузативная конструкция: действие субъекта не обусловлено действием другого субъекта или субъектов)→*Его заставили сказать правду* (каузативная конструкция: действие субъекта вынужденное, обусловленное извне). Увеличение линейной протяжённости и новое значение предложения здесь обеспечиваются оператором каузации, к-рый условно можно назвать «положительным», оператором со знаком «минус» осуществляется процесс декаузации; напр. *Дети окружили сад изгородью→Дети окружили сад* (*дом, стол, учительницу* и т. п.). Производность второй модели показывается семантикой субъекта: во второй конструкции функцию субъекта может выполнять только одушевлённое существительное во мн. ч. Этой спецификацией компенсируется отсутствие в предложении синтаксической позиции средства воздействия.

Круг синтаксических деривационных процессов не очерчен достаточно чётко. Помимо явлений компрессии (напр., возникновение словосочетания *орошаемое земледелие*), контаминации (напр., просторечное *оплатить за проезд*), конверсии, трансформации, перифразы, к Д. относят все виды осложнения грамматической структуры предложения, изменение характеристик логико-синтаксического и коммуникативного плана. Так, напр., предложение *Устойчивость традиций отличает всю восточную культуру* в начале абзаца имеет порядок слов экспрессивной или обусловленной текстовой связью конструкции: глагол-сказуемое имеет значение отношения и предопределяет синтаксические позиции субъекта-носителя признака (*«восточная культура»*) и спецификации признака (*«устойчивость традиции»*). В соответствии с этим исходным членом Д. должна быть конструкция *Вся восточная культура отличается устойчивостью традиций*, она наиболее элементарна, имеет изоморфную структуру и независима от контекста.

Центральным вопросом дериватологии является понятие регулярности. Как правило, регулярность деривационных процессов зависит от онтологических свойств исходной единицы, деривативной мощности оператора и типа Д.

При помощи Д. объясняют не только сложно иерархически организованные единицы синхронной системы языка и речи, но устанавливают процессы развития языка в диахронии. Напр., установлено, что каузативные глаголы локально направленного действия (*забивать проём фанерой*) в большинстве своём, за исключением глаголов *крыть* и *полнить*, образованы от некаузативных глаголов разных лексико-семантических групп с условным общим названием «глаголы конкретного физического действия». Сначала образовывались префиксальным способом глаголы сов. вида, а затем способом вторичной имперфективации – несов. вида, напр.: *бить→забить→забивать; лепить→облепить→облеплять* (*окорок тестом*); *курить→обкурить→обкуривать* (*деревья дымом*). Устанавливается первичность моделей предложений; напр., модель «активный субъект + активный глагол» первична по отношению к модели предложения «неактивный субъект + активный глагол»: *Человек идёт→Топор колет*.

Исчисление деривационных отношений в синхронии и диахронии в системе языка и при речепорождении – важный инструмент создания общей теории языка.

Лит.: Курилович Е., Деривация лексическая и деривация синтаксическая, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Храковский В. С., Деривационные отношения в синтаксисе, в кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения, М., 1969; Москальская О. И., Синтаксическая парадигматика и синтаксическая деривация, в кн.: Проблемы общего и германского языкознания, М., 1978; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Лазуткина Е. М., К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений, в кн.: Словарные категории, М., 1988.

Е. М. Лазуткина.

Детермина́нт [лат. determinans (determinantis) – определяющий] – член предложения, относящийся ко всему составу предложения, распространяющий его в целом и не связанный ни с каким отдельным его членом. Д. соединён с предложением связью свободного присоединения, внешне сходного с примыканием, но отличающегося от

него своим неприсловным характером, напр.: «*Катюше было много дела по дому, но она успевала всё переделать*» (Л. Н. Толстой); «*Дорога в нетерпении показалась ему чрезвычайно длинною*» (Достоевский). Д. всегда участвует в формировании семантической структуры предложения. Во многих случаях он является её обязательным компонентом, выражая семантический субъект или объект, а также сочленяя в себе одно из этих значений со значением локального или темпорального классификатора. Д. сохраняется во всех формах предложения и во всех его регулярных реализациях. Одно предложение может быть распространено несколькими Д. с разными значениями; напр., «*По этой самой лестнице,– думал он,– может быть лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причёсанный à l' oiseau royal, прижимая к сердцу треугольную шляпу, прокрадывался молодой счастливец...*» (Пушкин). Термин Д. в русистике введён в сер. 60-х гг. 20 в. Н. Ю. Шведовой.

Лит.: Шведова Н. Ю., Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения, «ВЯ», 1964, № 6; её же, Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?, «ВЯ», 1968, № 2; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980.

Дефи́с (нем. Divis, от лат. divisio – разделение, расчленение), чёрточка (-),– особый графический знак в виде короткой горизонтальной черты, к-рый употребляется между частями приставочных, сложных и сложносокращённых слов, между двумя словами, для обозначения переноса части слова на другую строку.

Д. противопоставлен контакту (слитному написанию) и пробелу (см.). В совр. орфографии (см.) это знак полуслитного (дефисного) написания, противопоставленного слитному и раздельному написаниям. Дефисные написания охватывают различные части речи, употребляясь: между определяемым словом и приложением (*страна-изготовитель, филолог-классик*); между частями сложных слов (*экспресс-строительство, горе-преступник, масс-культура, пол-Москвы, соло-гитара, мини-ЭВМ, справочно-консультационный, псково-печерский, латинско-немецкий, оборонно-спортивно-технический*); между морфологическими частями слова, в т. ч. после нек-рых приставок (*по-кавалерийски, экс-президент, анти-Дюринг*); в нек-рых сложных предлогах (*из-под, из-за*); в местоимениях и нек-рых словах других частей речи, содержащих частицы (*кое-как, кто-то, всё-таки, как-нибудь, что-либо, давай-ка*); между элементами слов при сокращённом написании (*б-ка* – библиотека, *г-н* – господин, *д-р* – доктор, *ТВ-реклама, Ж.-Ж. Руссо, с.-д.*– социал-демократ, *20-й*); в других случаях типа *Нью-Йорк, Орехово-Зуево, Лев-Толстой* (станция), *Серд-це-Камень* (мыс), *Москва-Товарная* (станция), *норд-ост*.

В нек-рых случаях используется т. н. висячий Д. Как правило, он употребляется при стяжении синтаксических структур: при двух или более однородных членах, содержащих одинаковый (общий) словообразовательный компонент, к-рый в первом однородном члене (в первых однородных членах) опускается, сохраняясь только в последнем; напр.: *поп- и рок-музыка, авто- и судостроение, одно- или двухкамерный, низко- и среднетемпературный, 3- и 4-стопные, α- и β-фаза, 3-, 4-голосные, пре- и постпозиционный*.

Графический знак Д. употребляется также как знак переноса: в положении на краю строки он является знаком связи разорванного строкоделением слова и синонимичен контакту (непробелу).

По происхождению Д.– разделительный знак, однако в рус. традиции уже в 18 в. трактовался как «единительный» (или «единитный») знак (напр., М. В. Ломоносовым, А. А. Барсовым).

Совр. правила употребления Д. – составная часть действующих правил о слитных, раздельных и дефисных написаниях.

Лит.: Правила рус. орфографии и пунктуации, М., 1956; Панов М. В., О дефисных написаниях, в кн.: О совр. рус. орфографии, М., 1964; Реформатский А. А., Дефис и его употребление, там же; Еськова Н. А., О нек-рых «каверзах» дефиса, в кн.: Нерешённые вопросы рус. правописания, М., 1974; Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника), 7 изд., М., 1988.

Б. З. Букчина.

Диале́кт (от греч. diálektos – разговор, говор, наречие) – разновидность языка, являющаяся средством общения коллектива, объединённого территориально или социально, в частности профессионально. Д. является частью более общего языкового образования и противопоставлен другим Д. (или другому Д.).

Различают Д. территориальные и социальные.

Территориальные Д. наряду с лит. языком являются основной разновидностью языка. В отличие от лит. языка, Д. ограничен территориально и функционально, существует только в устной форме, нормы Д. не являются строгими, Д. менее дифференцирован стилистически.

В разные периоды развития диалектологии отношение к Д. менялось. Большой вклад в понимание сущности территориального Д. внесла лингвистическая география (см.). Р. И. Аванесов, к-рому принадлежит разработка фундаментальных положений диалектологии, в определении территориальных Д. различает две стороны проблемы: выделение Д. и структурно-лингвистическую характеристику выделившихся Д.

Для выделения и характеристики территориальных Д. важны такие понятия, как изоглосса (см.) и диалектное различие (см. Диалектология). При выделении Д. учитываются не только языковые, но и внеязыковые факторы. В частности, первостепенное значение имеет общность территории, на

к-рой распространены говоры (см.), совпадающие по комплексу языковых черт, важных для выделения Д. Из всех языковых признаков, имеющих близкую территорию распространения, наиболее важными для выделения Д. считаются такие, ареалы к-рых согласуются с существенными фактами истории и культуры носителей Д. на соответствующих территориях. В связи с этим в спорных или неясных случаях, напр. при отнесении Д. к тому или иному из двух смежных по территории языков, экстралингвистические данные играют решающую роль. Так, большое значение имеет этническое самосознание носителей Д., а также использование ими того или другого из двух лит. языков, напр. рус. или белорусского.

Т. о., Д. выделяются как группа говоров, объединённых общностью языковых черт, принятых в качестве существенных для диалектного членения, а также общностью территории, на к-рой эти говоры распространены, т. е. Д. выделяются по пучкам изоглосс как лингвотерриториальные единицы.

Характеристика выделившихся Д. осуществляется по структурно-лингвистическим признакам. Являясь одной из основных форм существования языка, Д., в свою очередь, сам существует в форме составляющих его говоров, к-рые при наличии большого сходства между ними – по крайней мере, по тем языковым явлениям, к-рые образуют данный пучок изоглосс,– имеют и нек-рые различия. По своей структурно-лингвистической сущности Д. представляет собой систему составляющих его частных диалектных систем (говоров), к-рая является частью системы диалектного языка в целом. Как и последняя, система Д. состоит из постоянных и вариативных звеньев и не имеет однозначного соответствия в речи – она представлена всеми говорами, образующими данный Д., и говорящий на том или ином Д.– это тот, кто пользуется в языковом общении тем или иным говором (частной диалектной системой), относящимся к данному Д.

В систему Д., наряду со всеми языковыми показателями, входит комплекс таких языковых черт, к-рые отличают данный Д. от другого Д. (или других Д.), иначе говоря, определяют тип диалекта (или диалектный тип). Признаки этого комплекса свойственны всем или почти всем говорам, входящим в данный Д., и в этом проявляется относительная устойчивость системы Д.

Диалектное членение (выделение Д. как лингвотерриториальных единиц) рус. языка очень сложно и многостепенно. Чтобы различать Д. разных уровней деления (разных рангов), в рус. диалектологии употребляются термины «наречие», «поднаречие», «группа говоров», «подгруппа говоров». Каждый рус. говор относится к к.-л. единице диалектного членения: или к к.-л. Д. (наречию, поднаречию, группе или подгруппе говоров), или к межзональным (в т. ч. переходным или ср.-русским) говорам. Последние противопоставляются в рус. диалектологии Д. как такие объединения говоров, в характеристике к-рых отсутствует комплекс только им присущих диалектных черт – им свойственных языковых черт, характерных для разных Д. того же уровня деления (см. Говоры русского языка).

Нек-рые исследователи термин «Д.» употребляют как синоним термина «говор».

Д. как лингвотерриториальная единица – категория историческая. В разные исторические периоды роль языковых и внеязыковых факторов в развитии Д. меняется: в одних условиях различия между Д. усиливаются, в других – Д. сближаются, во многих случаях оба эти процесса протекают одновременно.

В эпоху родового строя, в его начальной стадии, существовали древние племенные Д. Каждое племя имело свой Д. как единую языковую систему. По мере деления племён разделяются и племенные Д.– появляются родственные Д., близкие между собой. Разложение родового строя ведёт к объединению родственных племён в союзы и вследствие этого – к объединению родственных племенных Д. Возникает противопоставление язык – диалекты: язык племенных союзов и Д. отдельных племён. В период феодализма в связи с обособлением отдельных земель (государств, княжеств, областей) происходит объединение Д. предшествующих периодов и формирование более или менее единого территориального Д. внутри отдельного феодального государства (на месте прежнего племени или племенного союза) и одновременно обособление территориальных Д. разных феодальных государств, углубление различий между Д., развитие новых диалектных различий. Т. о., Д. эпохи феодализма – единица лингвотерриториальная: это средство языкового общения всего населения данной территории (феодальной области, земли, княжества), а не к.-л. отдельной социальной группы общества. В эпоху капитализма вследствие расширения контактов между носителями разных Д. и развитием национального языка Д. становится не только лингвотерриториальной, но и лингвосоциальной единицей – средством языкового (в основном обиходно-бытового и производственного) общения гл. обр. крестьян данной местности. Территориальные Д. в этот период в значительной степени сохраняются, в них развиваются новые диалектные различия. Вместе с тем начинается процесс деградации Д. В 20 в. усиливается влияние на Д. лит. языка (школа, печать, радио, кино, телевидение и др.), активизируются процессы междиалектного контактирования. В этих условиях процессы унификации говоров протекают особенно бурно, наиболее яркие диалектные черты утрачиваются.

Социальный Д.– средство общения коллектива, объединённого профессионально или социально. Напр., язык гончаров, офеней, охотников,

спортсменов, школьников и т. п. В отличие от территориальных Д., социальные Д. дифференцированы гл. обр. в области лексики, семантики, фразеологии; по фонетическому и грамматическому строю они не отличаются или отличаются очень мало от системы лит. языка (см. Арго, Жаргон, Тайные языки).

Социальные Д. изучаются социолингвистикой (см.).

Лит. см. при ст. Диалектология. *Н. Н. Пшеничнова.*

Диалекти́змы – характерные для каких-либо территориальных диалектов (см.) слова, словоформы, синтаксические обороты, фонетические, акцентологические варианты, включённые в литературную речь и воспринимаемые как отступление от литературной нормы (см. Норма). Д. в литературном языке выступают как стилистическая категория, имеют ограниченное употребление, используются в лит. текстах для передачи колорита местной (диалектной) речи (гл. обр. в художественной лит-ре, публицистике, в радио- и телепередачах), как социально-характерологическая деталь речи персонажа, в авторской речи как диалектный синоним лит. слова (его диалектный фонетический, морфологический вариант) для «оживления речи», её стилистического разнообразия, а также в качестве номинации, отсутствующей в лит. языке (преим. в этнографических, географических описаниях).

Резкий диссонанс со сложившимися лит. нормами создаёт яркую стилистическую отмеченность Д., внося в текст стилистическое разнообразие, экспрессию народно-разг. речи, непосредственность модальной оценки, меткость в обозначении соответствующего предмета, явления, свойственные народной речи, впечатление нешаблонного выражения мысли.

В рус. лит-ре, начиная с Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева, сложилась традиция мотивированного включения в текст Д. с обязательным их разъяснением тем или иным способом, напр.: а) при использовании Д. в речи персонажа – представителя народа – обычно в авторской речи или в соседней реплике партнёра по диалогу – носителя лит. языка даётся нормативный вариант: «*"Зверь, Мануйло, зверь!.. " – "ЗвИрь! Где звИрь?"*» (Пришвин); б) через непосредственное пояснение Д. в авторской речи, часто с указанием на конкретный диалект, напр.: «*От него отказались, как от человека, ни на какую работу негодного,– "лядащего", как говорится у нас в Орле*» (Тургенев); в) в подстрочном примечании (как, напр., у Д. Н. Мамина-Сибиряка в очерке «В горах» к уральскому слову *палаустный*); г) благодаря ближайшему контексту, напр.: «*...лишь резче легли у него* [Давыдова] *над губами, по обочинам щёк, глубокие складки упрямства*» (Шолохов).

Наряду с мотивированным использованием Д., в устной речи носителей лит. языка встречается немотивированное употребление Д. (обычно в сфере произношения), квалифицируемое как речевая ошибка, напр. *на́чать* вместо *нача́ть*.

Различают Д. лексические (*кочет*, *петун*, ср. лит. *петух*; *коваль* – ср. лит. *кузнец*), семантические (*благой* – ‘дикий, взбалмошный’, *темно* – ‘очень, сильно’), фонетические (севернорус. [*е*] открытое в предударном положении – [*в'есна́*] – *весна* при нормативном [*и*^{е}] – [*в'и*^{е}*сна́*]), морфологические, нередко в комплексе с фонетическими (напр., 3 лицо ед. ч. наст. времени [*зна̄т*] – ‘знает’ в Архангельском говоре при нормативном [*зна́ьт*]), деривационные (*нехожий* – ср. лит. *нехоженый*, *блинцы* – ср. лит. *блины*), синтаксические (*без двадцать пять* – ср. лит. *без двадцати пять*).

Нек-рые учёные считают Д. любые явления диалектной речи. Другие (напр., Б. А. Ларин) называли Д. не только лексику говоров, но и арготизмы и профессионализмы.

Лит.: Ларин Б. А., Диалектизмы в языке сов. писателей, «Лит. критик», 1935, кн. 11; Прохорова В. Н., Диалектизмы в языке художественной лит-ры, М., 1957; Чернышев В. И., Рус. язык в произведениях И. С. Тургенева, в его кн.: Избр. тр., т. 2, М., 1970; Оссовецкий И. А., Диалектная лексика в произведениях сов. художественной лит-ры 50–60-х годов, в кн.: Вопросы языка совр. рус. лит-ры, М., 1971; Бельчиков Ю. А., Рус. лит. язык во второй пол. 19 в., М., 1974; Филин Ф. П., Диалектное слово и его границы, в его кн.: Очерки по теории языкознания, М., 1982; Петрищева Е. Ф., Стилистически окрашенная лексика рус. языка, М., 1984.

Ю. А. Бельчиков.

Диале́ктные словари́, областные словари,– разновидность толковых словарей (см.), описывающих лексику одного диалекта или группы диалектов. Становление рус. диалектной лексикографии приходится на сер. 19 в., хотя интерес к народным говорам зародился ещё в 18 в., когда многочисленные списки местных слов стали появляться в различных этнографических, исторических, экономико-географических описаниях. В 1846–48 М. Н. Макаров, активный собиратель говоров, опубликовал «Опыт русского простонародного словотолковника» (А – «няня»). Но итогом научного обобщения накопленного материала, первым сводным словарём рус. диалектов явился «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение» к нему (1858) под ред. А. Х. Востокова и М. А. Коркунова, правила составления словаря были разработаны И. И. Срезневским. Богатейшее собрание слов, включающее, помимо литературного, обширный материал говоров многих губерний России (составляет ок. $^{1}/_{3}$ всех слов словаря), представляет собой «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 1–4, 1863–66).

Кон. 19 – нач. 20 вв. отмечены появлением словарей отдельных территорий: «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого (1855), «Словарь областного олонецкого наречия

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
СЛОВАРНЫЙ СЕКТОР

СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ

Калун - Кобза

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1977

в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского (1898), «Кашинский словарь» И. Т. Смирнова (1901), «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1907), «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (1914) и др. Не прерывалась традиция составления словарей и в дальнейшем.

В 50–60-х гг. 20 в. начинается новый подъём диалектной лексикографии, связанный с интенсивным изучением говоров в научных центрах, и прежде всего вузах, страны. За этот период вышло в свет более 50 Д. с. общеупотребительной лексики и ок. 15 Д. с. ремесленно-промысловой терминологии.

Классификации Д. с. строятся по различным основаниям. 1) По принципу отбора лексики выделяются словари дифференциальные и полные (недифференциальные). В словаре дифференциального типа представлены как слова, отсутствующие в лит. языке (*ко́потно* – 'пыльно', *нела́дница* – 'беда', *напятни́ть* – 'посыпать, обсыпать', *зая́ристый* – 'задиристый'), так и слова, у к-рых отмечены к.-л. различия с лит. языком, большую группу среди них составляют семантические диалектизмы – слова, отличающиеся от литературных по значению (*дво́рник* – 'мужчина, пришедший жить в дом к жене', *ре́зкий* – 'способный порезать', *волочи́ть* – 'бороновать'). Большинство Д. с. относятся к дифференциальному типу: «Словарь русских народных говоров» (в. 1–29, 1965–95, до в. 23 гл. ред. Ф. П. Филин, далее –

Фрагмент текста «Словаря русских народных говоров».

фельный. *Во дворе карта́зны ямы копали.* **Бурят. АССР**, 1968.

Карта́й, я, *м.* О картавом человеке. **Пск.**, Осташк. **Твер.**, 1855.

Картами́ть, ми́шь, *несов., перех.* Брать в аренду. Тихв. **Новг.**, 1918. — Ср. Кортоми́ть.

Картаса, ы, *м.* [удар.?]. Прозвище. Ветлуж. **Костром.**, 1900.

Ка́ртать, аю, аешь, *несов., перех.* Бить (шерсть). *Пострижем овец и ка́ртаем шерсть.* Медвежьегор. **КАССР**, 1970.

1. Карта́ть, а́ю, а́ешь, *несов., неперех.* Картавить. **Пск.**, Осташк. **Твер.**, 1855.

2. Карта́ть [?], а́ю, а́ешь, *несов., перех.* Бранить. **Зап.**, **Южн.**, Даль [с вопросом].

Карта́фка. См. Карта́вка.

Карташи́, *мн.* Картофель. **Калин.**, 1972. ◇ Карташи́ наварташи́. Поесть немного картошки или картофеля. *Вовка картечиков много летом таскал.* Кушв. **Свердл.**, 1971. **Свердл.**

Картешить, шу, шишь, *несов., перех.* [удар.?]. Ругать. Уржум. **Вят.**, 1882.

Ка́ртешка, и, *ж.* (Нет) **ни** ка́ртешки. (Нет) совсем **ничего.** Петрозав. **Олон.**, 1896.

Ка́рти, *мн.* Игральные карты. *Играть картями.* Уржум. **Вят.**, 1882. **Вят.**

Карти́на, ы, *ж.* 1. Рисунок. Холмог. **Арх.**, 1907.

2. Географическая карта. *Теперь видим на карти́не, где наши деды прозрастали.* **Казаки-некрасовцы**, 1969.

3. Ходить (пойти и т. п.) в карти́ну. Ходить (пойти) в кино. *В картину убежал.* **Камч.**, 1963. **Новосиб.**

Ф. П. Сороколетов); «Словарь смоленских говоров» (в. 1–5, 1974–88); «Ярославский областной словарь» (в. 1–10, 1981–92, под ред. Г. Г. Мельниченко) и др.

Словарь полного (недифференциального) типа включает все бытующие в речи носителей говора слова: общенародные и локально ограниченные. К этому типу принадлежат. «Псковский областной словарь с историческими данными» (в. 1–10, 1967–94), составление к-рого было начато по инициативе и под руководством Б. А. Ларина; «Словарь брянских говоров» (в. 1–4, 1976–84); «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (т. 1–2, 1984–90, под ред. Ф. П. Скитова); «Полный словарь сибирского говора» (т. 1–3, 1992–93, гл. ред. О. И. Блинова). Составление таких словарей требует исчерпывающего знания лексической системы говора, что на практике труднодостижимо, поэтому число Д. с. этого типа невелико.

2) По охвату территорий, выбранных для описания, различаются словари однодиалектные и многодиалектные (обобщающие). В однодиалектном словаре с той или иной степенью полноты отражена лексическая система конкретного диалекта (говора). Таковы «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» под ред. И. А. Оссовецкого (1969), упомянутые выше словарь д. Акчим, «Полный словарь сибирского говора». К ним примыкает «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева (1971), пока единственная попытка исследования идиолекта (см.) на материале говоров.

Многодиалектные словари либо отражают словарный состав группы говоров к.-л. региона – «Архангельский областной словарь» под ред. О. Г. Гецовой (в. 1–8, 1980–93), «Словарь русских говоров Среднего Урала» (в. 1–5, 1964–84), «Словарь русских донских говоров» (т. 1–3, 1975–76), «Словарь русских говоров Новосибирской области» под ред. А. И. Фёдорова (1979) и др., либо объединяют материалы изучения всех известных говоров рус. языка – «Опыт областного великорусского словаря», Словарь Даля и «Словарь русских народных говоров». В многодиалектных словарях лексические материалы сопровождаются пометами – указанием места и времени записи материала.

3) На основании временно́го подхода к изучению лексики Д. с. подразделяются на синхронные и диахронные. Синхронные Д. с. фиксируют лексику диалектов в её совр. состоянии: «Архангельский областной словарь», «Словарь вологодских говоров» (в. 1–5, 1983–90), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» под ред. В. В. Палагиной (т. 1–3, 1964–67), «Словарь орловских говоров» (в. 1–5, 1989–92) и др. Диахронные словари включают не только совр. записи диалектной речи, но и сделанные ранее: «Словарь русских народных говоров», «Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.)» Г. Г. Мельниченко (1961), «Псковской областной словарь», содержащий помимо диалектных записей 19–20 вв. данные ср.-век. памятников письменности и документов 14–18 вв. Псковской земли.

Кроме специфических задач отбора диалектной лексики и её классификации составители Д. с. опираются на исследования собранного материала по тем же направлениям, по к-рым изучается лексика лит. языка, поэтому существуют фразеологические, словообразовательные, обратные и другие Д. с. Диалектная фразеология описана в «Материалах для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья» К. Н. Прокошевой (1972), «Фразеологическом словаре русских говоров Сибири» под ред. Фёдорова (1983). К обратным Д. с. относятся «Опыт обратного диалектного словаря» под ред. М. Н. Янценецкой (1973), «Русский диалектный инверсарий» В. Г. Головина, Л. И. Ройзензона, О. И. Соколовой (в. 1–2, 1974–77), к словообразовательным – «Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря» под ред. Е. М. Пантелеевой (1992). Особый тип представляет собой «Мотивационный диалектный словарь. Говоры Среднего Приобья» (т. 1–2, 1982–83), в к-ром приведены лексические и структурные мотиваторы слов в том виде, как их осознают носители говора, напр.: «*Березня́к* – Берёзовый лес. Лексический мотиватор: *берёза*. Структурный мотиватор: *листвя́к* – "лиственный лес", *сосня́к* – "сосновый лес" и т. п.».

Как правило, в Д. с. даётся филологическое толкование, но его бывает недостаточно для адекватного понимания слов, связанных с крестьянским бытом, хозяйственным и семейным укладом, обрядами, обычаями, промыслами и т. п., поэтому используются и необходимые элементы энциклопедического описания слов, напр.: «*Бара́тынь*, Медная (или деревянная) посуда, низкий ковш с носиком для подачи на стол пива (вина) и разливания его по стаканам». Ряд словарей включает рисунки реалий, не известных лит. языку или различающихся по говорам [«Словарь вологодских говоров», в. 1, 1983; «Словарь русских говоров Приамурья» (1983)], карты, показывающие распространение лексем («Псковский областной словарь», «Архангельский областной словарь»).

Д. с. являются ценным источником исследований во многих областях русистики и сравнительно-исторического языкознания: истории языка, лексикологии, морфологии, словообразования, акцентологии, этимологии, разг. речи и др. Они имеют широкое историческое и общекультурное значение, т. к. помогают сохранить и постичь своеобразие видения мира носителями говоров, почувствовать богатство и выразительность живой народной речи.

Лит.: Мельниченко Г. Г., О принципах составления областных словарей, Ярославль, 1957; Филин Ф. П., Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии, в кн.: Слав. языкознание. IV Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации, М., 1973; Коготкова Т. С., Рус. диалектная лексикология, М., 1979; её же, Совр. областные словари в их ретроспекции и перспективе для лексикологических исследований, «ВЯ», 1986, № 3 (лит.); Оссовецкий И. А., Лексика совр. рус. народных говоров, М., 1982; Блинова О. И., Рус. диалектология. Лексика, Томск, 1984; Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д., Очерки по рус. диалектной лексикографии, Л., 1987. *О. Е. Кармакова.*

Диалектоло́гия (от греч. diálektos – разговор, говор и lógos – понятие, учение) – раздел языкознания, изучающий территориальные разновидности языка – диалектный язык и диалекты (см.) в их синхронном состоянии и историческом развитии.

Термин «диалектный язык» ввёл Р. И. Аванесов: «Диалектный язык – понятие, противоположное литературному языку; он не одинаков на разных территориях, иначе территориально варьируется; он в принципе является бесписьменным, т. е., как правило, обладает только устной формой; он по преимуществу служит для обиходно-бытового общения – в крестьянской семье, среди односельчан, в текущей производственной деятельности; ему мало свойственна монологическая форма речи (если не иметь в виду фольклор – сказки, песни). Если та или другая разновидность диалектного языка в прошлом приобретала письменность, то она стремилась стать языком народности, а затем и нации и утрачивала в письменности специфику своих диалектных черт» («Русский язык. Энциклопедия», 1979, с. 73).

Диалектный язык существует в форме говоров (см.), к-рые являются его частными разновидностями; все говоры данного языка в совокупности представляют диалектный язык. Понятие диалектного языка позволяет описать всё многообразие говоров, к-рые имеют как общие, так и различительные языковые черты. Система диалектного языка отличается большой сложностью. Так, напр., рус. говоры в своих системах имеют большое число общих черт, и поэтому многие звенья системы рус. диалектного языка являются постоянными. Это бо́льшая часть словарного фонда рус. языка, многие черты фонетики и особенно грамматического строя. Элементы языковой системы, к-рые в разных говорах представлены разными своими вариантами (соотносительными в масштабе языка в целом), образуют в совокупности всех членов вариативное звено системы диалектного языка, т. е. д и а л е к т н о е р а з л и ч и е, или межсистемное (междиалектное) соответствие, или соответственное явление. Т. о., диалектное различие – это такой элемент системы языка, к-рый в разных частных диалектных системах (говорах) выступает в разных своих соотносительных вариантах, или членах, являясь одновременно элементом отдельной частной диалектной системы. Диалектные различия состоят из двух или более членов, находящихся в закономерных отношениях строгой соответственности: они в принципе взаимно исключаются в одном говоре и взаимозамещаются в разных. Диалектные различия относятся к разным языковым уровням, имеют разную структуру (разное число членов и разные структурные отношения между членами), различаются по количеству охватываемых ими фактов. Понятие диалектного различия лежит в основе моск. теории лингвистической географии (см.).

Объект Д. очень сложен, а поэтому аспекты и методы его изучения многообразны. Так, с одной стороны, различают описательную и историческую Д. С другой стороны, варьирование диалектных систем исследуется в структурном и территориальном, функциональном, социолингвистическом и коммуникативном аспектах. В основе всякого диалектологического исследования лежит говор, или частная диалектная система.

О п и с а т е л ь н а я Д. изучает диалектный язык и отдельные частные диалектные системы, а также отдельные диалектные различия в их синхронном состоянии, при этом в рус. Д. наиболее разработаны структурно-лингвистический и территориальный аспекты. В структурно-лингвистическом аспекте – это описания отдельных говоров как частных разновидностей диалектного языка, создание типологии частных диалектных систем, типологии диалектных различий, а также изучение структуры вариативных звеньев системы диалектного языка. В территориальном аспекте – это отражение каждого диалектного различия на лингвогеографической карте в виде изоглосс (см.) и пучков изоглосс. Совокупность изоглосс образует лингвогеографический ландшафт, к-рый характеризует территориальную структуру диалектного языка. Пучки изоглосс позволяют проводить диалектное членение языка, т. е. выделять диалекты и зоны переходных и смешанных говоров разных рангов (уровней деления). Лингвогеографические карты не только отражают синхронное состояние языка в его говорах, но и позволяют решать многие вопросы, относящиеся к истории языковых явлений и самих диалектов.

К описательной Д. относятся также исследования функционально и социально обусловленного варьирования говора, а также изучение говора как коммуникативной системы особого типа с присущими ей специфическими коммуникативными средствами, общими для всех говоров и отличающими диалектное речевое общение от лит. речевого общения (наименее разработанный аспект).

Источник изучения совр. говоров – живая диалектная речь, записанная аудитивным способом в фонетической транскрипции, с помощью магнитофона, а также сведения, полученные анкетным методом. Собирание диалектного материала опирается на программу, характер к-рой определяется задачами исследования.

Историческая Д. изучает историю языка в его диалектных разновидностях (диалектный язык в историческом развитии) – диалектные различия и диалекты в их временно́м и территориальном аспектах: появление, развитие или утрата диалектных различий, расширение или сужение территории, на к-рой распространены языковые варианты, образующие диалектные различия; образование диалектов, их территориальное распространение во времени, образование на почве диалектов близкородственных языков. Источниками исторической Д. являются совр. говоры и памятники письменности, сохранившие черты диалектной речи прошлых времён на соответствующих территориях. Для интерпретации данных памятников исследователи обращаются к показаниям совр. говоров. При этом используется ретроспективный метод: по данным совр. состояния говоров воссоздаются история отдельных диалектных явлений и диалектов, а также динамика их территориального распространения. Развитие языкового явления, относительная хронология появления его вариантов, расширение или сужение территории их распространения восстанавливаются в результате сопоставления ареалов этих вариантов с ареалами структурно связанных с ними явлений. Источниками абсолютной хронологии развития диалектных явлений и диалектов служат памятники письменности, прежде всего относящиеся к определённой территории. Наибольших результатов историческая Д. достигает при сопоставительном изучении данных Д. и памятников письменности. Исторические изменения диалектных различий и диалектов происходят не только в результате внутреннего развития языковых систем, но и под влиянием разных социально-исторических, экономических, географических, культурных условий. Историческая Д. поэтому тесно связана с историей народа, археологией, исторической географией, этнографией.

В русистике Д. зародилась в недрах этнографии в связи с изучением материальной и духовной культуры народа, его обрядов; местные языковые особенности рассматривались в качестве одного из этнографических признаков. Истоки рус. Д. восходят к 18 в., к трудам М. В. Ломоносова. С нач. 19 в. развёртывается собирание диалектного материала. Большую работу в этом направлении провели Общество любителей российской словесности (см.), к-рое публиковало диалектные материалы в своих «Трудах», и позднее Русское географическое общество. В 1852 при непосредственном участии А. Х. Востокова и И. И. Срезневского был издан «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858 – «Дополнение» к нему. Срезневский является основоположником рус. диалектной лексикографии, ему принадлежит идея лингвистического картографирования. В. И. Даль в ст. «О наречиях русского языка» (1852), посвящённой разбору «Опыта областного великорусского словаря», дал сжатую характеристику выделенных им наречий рус. языка. Работы Даля, в особенности его «Толковый словарь живого великорусского языка» (т. 1–4, 1863–66), в к-рый вошло много диалектного материала, являются значительной вехой в истории рус. Д. Дальнейшее развитие рус. Д. получила в трудах А. А. Потебни, посвящённых гл. обр. описанию и объяснению происхождения фонетических явлений. Кон. 19 – нач. 20 вв. ознаменовались деятельностью А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. Соболевский обобщил достижения рус. Д. в труде «Опыт русской диалектологии» (1897) и впервые ввёл курс Д. в ун-тах. Шахматов в обобщающих трудах по истории рус. языка широко использовал данные Д., опубликовал несколько описаний говоров; под его руководством была создана «Программа для собирания особенностей народных говоров» (в 2 частях – 1895, 1896). Вместе с Л. Л. Васильевым он установил основные типы аканья (см.) и предложил объяснение его происхождения. Дальнейшая разработка типологии аканья и его происхождения принадлежит Н. Н. Дурново. Шахматов содействовал организации при АН Московской диалектологической комиссии (см.) – МДК, с к-рой связан целый этап развития рус. Д. (1903–32). МДК, опубликовав специальные программы для собирания диалектологических сведений (в 1909 и 1911), на основе вновь собранных и ранее имевшихся материалов издала «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915, авторы Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков), ставший для рус. Д. этапным, не потерявшим и ныне своего научного значения. Важную роль в истории рус. Д. сыграли труды Дурново, к-рый, помимо обобщения и систематизации всех достижений рус. Д., дал одно из наиболее значительных по своей научной ценности описаний говора как единой и целостной языковой системы («Описание говора д. Парфёнок Рузского уезда Московской губернии», 1900–02). Такой подход к говорам развивается затем в трудах Аванесова и его последователей. В нач. 20 в. активизируется изучение рус. говоров. В области рус. диалектологии работают Е. Ф. Будде, Н. М. Каринский, В. И. Чернышёв, А. М. Селищев, И. Г. Голанов и др. В 20–30-х гг. продолжается сбор диалектного материала, публикуются описания отдельных говоров и их групп (А. Н. Гвоздев, С. А. Копорский, Чернышёв, П. С. Кузнецов, Н. П. Гринкова, Аванесов, В. Н. Сидоров и др.). Изучаются говоры территорий позднего заселения – говоры Сибири и Дальнего Востока (Селищев, В. А. Малаховский, П. Я. Черных и др.), позднее говоры Поволжья (Л. И. Баранникова и др.), донские говоры (А. В. Миртов) и др. С 40-х гг. широко публикуются диалектологические материалы и исследования всех уровней языковой системы рус. говоров (Аванесов – фонетика, Ф. П. Филин – лексика,

С. В. Бромлей и Л. Н. Булатова – морфология, И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, В. И. Трубинский – синтаксис, В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова, О. Н. Мораховская – фонетика и др.). Разрабатываются методы экспериментальной фонетики (С. С. Высотский, Л. В. Златоустова, Р. Ф. Касаткина и др.) и методы математической обработки диалектологических данных (Н. Н. Пшеничнова и др.). Исследуются проблемы исторической Д. (Аванесов, Б. А. Ларин, Филин, Орлова, позднее К. В. Горшкова, В. В. Иванов, Л. Л. Касаткин и др.).

Важное значение в истории Д. как науки имело развитие лингвистической географии. Ещё в 1919 МДК планировала создание диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). Однако эта работа была начата лишь в сер. 30-х гг. (см. Атлас диалектологический).

Особый этап в истории рус. Д. связан с деятельностью Аванесова – основателя моск. диалектологической школы (Кузнецов, Высотский, И. А. Оссовецкий, Орлова, Булатова, Бромлей, Строганова, К. Ф. Захарова, Горшкова, Л. П. Жуковская, Немченко, Кузьмина, Мораховская, Л. Э. Калнынь и др.), руководившего диалектологической работой в АН СССР в 1939–80. Аванесов разработал основы лингвогеографической теории с её центральным понятием диалектного различия, а также основы теории картографирования, связанной с созданием диалектологического атласа. Разные аспекты теории Д. разрабатывались в трудах Аванесова и его последователей. Наиболее полно теория, ядром к-рой является типология диалектных различий, изложена в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (1962). Аванесов продолжил систематическое описание отдельных говоров как единых и целостных языковых систем во взаимосвязи всех языковых уровней, дал полное фонологическое описание рус. диалектного языка, построил теорию диалекта, организовал и возглавил работу по сбору материала для атласа на огромной территории, где были расположены основные феодальные государства 13–14 вв. Дальнейшее развитие рус. Д. во многом связано с интерпретацией данных ДАРЯ. С 60-х гг. интенсивно разрабатываются диалектная лексикология (работы Филина, Оссовецкого, О. И. Блиновой, Ф. П. Сороколетова и др.) и диалектная лексикография: издаются многочисленные диалектные словари разных областей, с 1965 – многотомный «Словарь русских народных говоров» (т. 1–26); ведётся работа по созданию «Лексического атласа русских народных говоров». Разрабатываются такие направления, как функционально-структурное и социально-структурное варьирование говоров (работы Баранниковой и др.), коммуникативное изучение говоров – исследование коммуникативной структуры диалектного общения, его когнитивных особенностей, связи коммуникативных черт говора с другими сторонами народной жизни, взаимодействие коммуникативных типов в совр. обществе (работы В. Е. Гольдина и др.).

Лит.: Жирмунский В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; Аванесов Р. И., Вопросы фонетической системы рус. говоров и лит языка, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1947, т. 6, в. 7; его же, Очерки рус. диалектологии, М., 1949; его же, Описательная диалектология и история языка, в кн.: Слав. языкознание. Докл. сов. делегации. V Международный съезд славистов, М., 1963; его же, О двух аспектах предмета диалектологии, в кн.: Общеслав. лингвистический атлас. (Материалы и исследования), М., 1965; Атлас рус. говоров центральных областей к востоку от Москвы, под ред. Р. И. Аванесова, [ч. 1–2], М., 1957; История рус. диалектологии, М., 1961; Вопросы теории лингвистической географии, М., 1962; Рус. диалектология, под ред. Р. И Аванесова и В. Г. Орловой, 2 изд., М., 1965; Захарова Е. Ф., Орлова В. Г., Диалектное членение рус языка, М., 1970; Образование севернорус. наречия и среднерус. говоров, М., 1970; Рус. диалектология, под ред. Н. А. Мещерского, М., 1972; Попов И. А, Лексический атлас рус народных говоров. (Проспект), под ред. Ф. П. Филина, Л., 1974; Баранникова Л. И., Говоры территорий позднего заселения и проблемы их классификации, «ВЯ», 1975, № 2; Диалектологический атлас рус. языка, в. 1 – Фонетика, М., 1986, в. 2 – Морфология, М., 1988, в. 3 – Синтаксис. Лексика, в печати; Рус. диалектология, под ред. Л. Л. Касаткина, 2 изд., М, 1989; Гольдин В. Е., Парадигмы диалектологического знания и проблемы языковой личности, в кн.: Рус. язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики, М., 1991; Пшеничнова Н. Н., Тип диалекта (слав. языковой континуум), в кн.: Слав. языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Докл. рос. делегации, М., 1993; её же, Структурно-типологическая классификация рус. говоров, в кн.: Общеслав. лингвистический атлас. (Материалы и исследования, 1993), М., 1994.

Н. Н. Пшеничнова.

Диало́г (от греч. diálogos – разговор, беседа) – форма речи, состоящая из регулярного обмена высказываниями-репликами, на языковой состав к-рых взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих. Коммуникативное намерение, определяющее структуру Д., содержит противопоставление инициативного и реактивного содержания реплик, связь к-рых образует, как правило, смысловое целое. Логическая (тематическая) связь (вопрос – ответ, сообщение-разъяснение / добавление / возражение / согласие/оценка; формулы речевого этикета) стимулирует конструктивную (лексико-грамматическую) связь: *Ты куда? – На работу.* Отсутствие таких связей возможно при реакции говорящего не на речь, а на ситуацию речи: *Ты куда? – Отойди от двери, простудишься.*

Словесная норма информативно-коммуникативного диалогического минимума (*Ты куда? – На работу* или *Есть хочешь? – Нет*) соответствует первичности и естественности данного типа общения, восходящего к устно-разг. сфере. Это начальная точка на линии возможных усложнений и наслоений социально-психологического плана, к-рые отражаются гл. обр. в развитии полных или частичных повторов, формирующих синтаксический или лексико-синтаксический параллелизм взаимодействующих реплик: от характерного для спонтанной речи элементарного повтора (всей реплики или её последнего слова: *Ты куда? – Куда?*

На работу) до разнообразных эмоциональных фигур, более или менее чётко окрашенных семантико-стилистическим смыслом. Ср. варианты ответной (реактивной) реплики: *Как так куда?! Да на работу!; Куда, куда, не надоело одно и то же спрашивать!; Куда же ещё, на работу!* Ср. другой вариант связи: *Ты куда идешь? – Ну куда же я могу ещё идти, кроме как на работу!*

Степень развёрнутости параллельного строения соседствующих реплик, так же, как и степень их экспрессивной насыщенности, непредсказуема. Ср.: «*"Ты прекрасно знаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг".– "Хорошо... Я не брошу тень на фамилию Тальберг"*» (Булгаков). В Д. наиболее чётко проявляется конфликт кода и текста, если сравнить принцип ситуативной экономии речевых средств, управляющий стихией устной непринуждённой речи, и принцип лексико-синтаксического параллелизма, управляющий меной субъекта речи.

При воспроизведении Д. в художественной речи роль ситуации играет авторский комментарий (ремарка), а реакция на неё, заменяя реакцию на речь, играет роль некоммуникабельности персонажей (напр., в драматургии А. П. Чехова). Языковые и стилистические черты Д., стилизуясь в художественном тексте, определяются индивидуально-эстетическим осмыслением информативных законов жанра. При помощи Д. стилизуется не только разг. речь. Вторая его жизнь связана с тем, что диалогичен весь процесс общения и диалогична сама природа текста (М. М. Бахтин). Следовательно, внешне диалогическая форма может быть свойственна и устной и письменной речи в равной мере. Для второй наиболее характерна научно-познавательная философская функция (ср. диалоги Платона, Галилея); для первой, помимо бытовой сферы,– дискуссии, интервью, «круглые столы» и т. п. При отсутствии у последних большинства типологических признаков живого Д. принцип чередования высказываний разных говорящих сохраняется непременно («dia» – от греч. через), так же, как в т. н. «полилоге» (см.) – в разговоре не только двух, но и нескольких лиц.

Лит.: Лаптева О. А., Рус. разговорный синтаксис, М., 1976; Валюсинская З. В., Вопросы изучения диалога в работах сов. лингвистов, в кн.: Синтаксис текста, М., 1979; Якубинский Л. П., О диалогической речи, в его кн.: Избр. работы. Язык и его функционирование, М., 1986, Кожина М. Н., О диалогичности письменной научной речи, Пермь, 1986; Винокур Г. О., «Горе от ума» как памятник рус. художественной речи, в кн.: Филол. исследования. Лингвистика и поэтика, М., 1990.

Т. Г. Винокур.

Диатéза (от греч. diáthesis – расположение, состояние) – соотношение реальной ситуации, обозначенной глаголом, с её языковым представлением, напр.: *Характер обусловливал поступки – Поступки обусловливались характером.* Д. показывает лексическим значением глагола, его морфологическими характеристиками и линейной организацией предложения существующее в действительности отношение действия к производителю действия. Семантика Д. оппозитивна, она строится на противопоставлении способов выражения субъектно-объектных отношений, т. е. на залоговых противопоставлениях, напр. оппозиции активной и пассивной конструкции: *Солдаты минировали проходы – Проходы минировались.*

Активная конструкция (см.) и глагол-сказуемое в личной форме называются активной Д., а пассивная конструкция (см.) и её сказуемое – пассивной Д. Семантическое различие этих Д.– в направленности отношений между членами предложения: подлежащее в активной Д. обозначает активного производителя действия, а подлежащее в пассивной Д.– объект, испытывающий воздействие со стороны субъекта. Тождественность субстанции, выраженной подлежащим в активной Д., субстанции, выраженной дополнением в пассивной Д., характеризует эту оппозицию как обратную, или конверсную (см. Конверсия).

Число «участников» реальной ситуации может не совпадать с количеством членов предложения исходной и оппозитивной Д. Так, напр., к пассивной Д. относят все конструкции с неактивным производителем действия или с невыраженным субъектом действия, в т. ч. номинализованные и односоставные предложения: *Мальчики купают собак в бухте – Купание собак в бухте (запрещено); Тише едешь – дальше будешь; Цыплят по осени считают; Вода заливала поля – Поля заливались водой – Поля заливало водой – Поля залило.*

Теория Д. сформировалась и получила развитие с 1970 (термин впервые употребил в отечественном языкознании А. А. Холодович). В рамках этой теории рассматриваются пассивные, квазипассивные, стативные, результативные, реципрокные (взаимные), декаузативные конструкции и конструкции с возвратными глаголами. Определение оппозиций ведётся на основе системы отношений между реальными «участниками» действия; на основе лексического значения глагола-сказуемого и закреплённых в языке его корреляций с однокоренными глаголами, имеющими такие же компоненты значения и называемыми вследствие этого гомоморфными; на основе существующих в языке соответствий типов подлежащего и типов сказуемого и употребительности тех или иных конструкций. Типология Д., специфическая для каждого языка, демонстрирует предпочтительные модели предложений для разнообразных коммуникативных установок, выявляет семантические и грамматические «указатели» их текстовой предназначенности (видо-временны́е формы глагола, способы заполнения синтаксических позиций, тема-рематическое строение).

Кроме пассивных, выделяются т. н. квазипассивные объектные Д.– конструкции с возвратными глаголами или краткими страдательными причастиями на *-н-* или *-т-*, имеющими результативное

значение, напр.: *Пакет разорвали – Пакет разорвался – Пакет был разорван; Котёнок спутал нитки – Нитки спутались – Нитки были спутаны; (В парикмахерской) девушку причесали – Девушка причесалась – Девушка была причёсана.*

Стативные Д., в отличие от пассивных, не имеют значения 'объект, испытывающий воздействие'. Причастная форма обладает только признаковым значением, напр.: *Покрыли дорогу асфальтом – Дорога асфальтирована; Она хорошо одета.*

Если говорящий подчёркивает итог действия, употребляется результативная Д. с глаголом сов. вида или страдательным причастием прош. времени, напр.: *«...за ночь их [афиши] заклеили новыми»* (Булгаков) – *Афиши заклеены новыми; «... лицо... было наполовину прикрыто капюшоном»* (Булгаков); *«Все лицо и руки залепил мне снег»* (Суриков); *«Корабль пронизала неестественная тишина»* (Малышкин); *Горло перехватило; Губы обметало; Небо вызвездило.*

В результативных и стативных Д. глагольные формы употребляются только с определёнными морфологическими характеристиками (страдательные причастия прош. времени, безличные глаголы), напр.: *«Всё небо испещрено звёздами»* (Тургенев); *«Далёкие горы чуть повиты молочной дымкой»* (Мамин-Сибиряк); *«По утрам теперь... трава была седая, тронутая инеем»* (А. Н. Толстой).

При декаузации производная Д. не полностью описывает ситуацию; в позиции подлежащего может оказаться конкретное неодушевлённое существительное, напр.: *Ветер шевелит листву – Листва шевелится; Ветер закрывает солнце тучами – Тучи закрывают солнце; Он сыпал зерно – Зерно сыпалось.*

Реципрокные Д. бывают с возвратными и невозвратными глаголами. В качестве исходных выступают как минимум две Д. с семантическим ограничением: в позиции подлежащего должны быть имена одного лексического разряда, напр.: *Отрезок АБ пересекает отрезок ОМ – Отрезок ОМ пересекает отрезок АБ – Отрезки АБ и ОМ пересекаются; Профессор беседует со студентом – Студент беседует с профессором – Профессор и студент беседуют; Молекулы сталкиваются друг с другом.*

Оппозиция Д. является деривационным отношением (см. Деривация); напр., пассивизация относится к разряду внутримодельных дериваций, декаузативы образуются в результате межмодельных преобразований. Исчисление Д.– это определение коммуникативной парадигмы предикативных конструкций и глагольных лексем.

Лит.: Холодович А. А., Залог. Определение. Исчисление, в кн.: Категория залога (материалы конференции), Л., 1970; Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги, Л., 1974; Храковский В. С., Исчисление диатез, в кн.: Диатезы и залоги. Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков» (21–23 октября 1975 года), Л., 1975; Успенский В. А., К понятию диатезы, в кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, Л., 1977; Проблемы теории грамматического залога, Л., 1978; Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект), Л., 1983, с. 5–65, 149–60; Степанов Ю. С., Индоевропейское предложение, М., 1989.

Е. М. Лазуткина.

Диахрони́я (от греч. diá – через, сквозь и chrónos – время) – изучение развития языка, отдельных языковых фактов и системы языка в целом (ср. Синхрония) в историческом аспекте.

Язык находится в постоянном движении, изменении; в каждый данный период жизни языка в его системе, на всех уровнях этой системы (в фонетике, грамматике, лексике) есть элементы отмирающие, утрачивающиеся и элементы нарождающиеся, возникающие. Постепенно одни явления в языке исчезают, другие – появляются. Из этих процессов складывается путь языка во времени. Напр., в 10–20 вв. рус. язык утратил 6 из 11 гласных (см. Вокализм), но увеличил состав согласных фонем: вместо др.-рус. 26 их стало 37 (см. Консонантизм); он утратил многотипность склонения существительных и сложную систему форм прош. времени глагола, но развил категории одушевлённости – неодушевлённости существительных и глагольного вида. Изучая все эти явления и процессы во времени, диахроническая лингвистика устанавливает причины языковых изменений, время их возникновения и завершения, пути развития этих явлений и процессов. Диахронический взгляд на язык позволяет понять, как сложились те явления, к-рые характеризуют его совр. состояние. Вместе с тем языковые явления существуют не изолированно друг от друга, а в связи друг с другом, образуя целостную языковую систему. Поэтому изменение одного явления влечёт за собой изменение других явлений и, следовательно, всей языковой системы. Отсюда следует, что диахроническая лингвистика должна изучать не только историю отдельных явлений, но и историю языковой системы в целом. Это возможно сделать путём установления синхронных срезов в истории системы языка и их преемственности, переходов от одного к другому. Синхронный срез – состояние системы языка, установленное для определённой точки во времени. В истории языка можно наметить несколько синхронных срезов, относящихся к разным периодам развития языка; временны́е промежутки между срезами – это периоды, когда шло изменение отдельных явлений, приведшее к новому состоянию системы. Т. о., в изучении языка Д. и синхрония не противопоставляются, а дополняют и обогащают друг друга: научное познание языка в его целостности возможно только при сочетании синхронического и диахронического методов его изучения.

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И. А., Избр. тр. по общему языкознанию, пер. с франц., т. 1–2, М., 1963; Косериу Э., Синхрония, диахрония и история, в кн.: НЛ, в. 3, М., 1963; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Кубрякова Е. С., О понятиях синхронии и диахро-

нии, «ВЯ», 1968, № 3; Кодухов В. И., Общее языкознание, М., 1974; Гухман М. М., Историческая типология и проблемы диахроических констант, М., 1981. *В. В. Иванов.*

Диссимиля́ция (от лат. dissimilis – несходный) – расподобление двух или более звуков, находящихся в пределах одного слова. Физиологическая основа этого процесса менее ясна, чем основа ассимиляции (см.). Различают регрессивную и прогрессивную Д.: регрессивная Д. – прост. произношение *бомба* как *бо[нб]а*, где первый согласный «отталкивается» от второго, диссимилируется по активному действующему органу; примеры прогрессивной Д. более редки – ср. прост. произношение *про[л]убь* вместо *прорубь* или совр. лит. *февраль* из старого *феврарь*.

Если для ассимиляции характерно взаимодействие двух соседних звуков, то диссимилируются очень часто и звуки, находящиеся в одном слове не в непосредственном соседстве друг с другом.

Л. В. Бондарко.

Дифференци́рующие написа́ния, дифференцировочные, дифференциальные, разграничительные написания,– написания, условно разграничивающие с помощью орфографии (графического оформления, использования разных букв алфавита) два слова или две формы, имеющие тождественное фонемное строение, т. е. разные написания одинаково или похоже звучащих, но различных по значению слов – омофонов (см. Омонимы): напр., в совр. орфографии *плач* (сущ.) и *плачь* (повелительное наклонение глагола); в старой орфографии *міръ* (синоним Вселенной) и *миръ* (антоним войны). Происхождение Д. н., как правило, вызвано причинами этимологического характера (ср., напр., написание разных по происхождению слов *балл* – 'отметка' и *бал* – 'танцевальный вечер', *компания* – 'группа людей' и *кампания* – 'мероприятие') и морфологического характера (напр., различное написание гласных *о* и *а* в безударных слогах в словах *волы́* и *валы́* или различное написание аффиксов: *приступи́ть* – *преступи́ть*). Кроме того, существуют Д. н. для разграничения различных частей речи: *ожо́г* (сущ.) – *ожёг* (прош. время глагола). Достаточно нетипичны для рус. орфографии Д. н. в пределах одной части речи (напр., *туш* – 'музыкальная пьеса' и *тушь* – 'чёрная краска', *орёл* – 'птица' и *Орёл* – 'город').

Дифференцирующий (или разграничительный) принцип – не самостоятельный принцип орфографии, т. к. случаев Д. н. в рус. языке немного. Одни учёные (напр., М. В. Панов) считают Д. н. частным случаем традиционного (традиционно-исторического) принципа (см. Орфография). А. Н. Гвоздев, выделяя лишь Д. н., считает, что нет основания говорить о принципе дифференциации.

Лит.: Рождественский Н. С., Противопоставление как одно из свойств морфологического правописания, «Рус. яз. в школе», 1946, № 3–4. *Б. З. Букчина.*

Дополне́ние – второстепенный член предложения, обозначающий объект, т. е. предмет или лицо, на к-рые (непосредственно или косвенно) направлено действие, выраженное сказуемым. Д. служит для распространения и пояснения сказуемого или другого члена, входящего в это предложение. Д. могут относиться к глаголам, существительным, прилагательным, наречиям. В зависимости от этого различаются Д. приглагольные (*Мы получили телеграмму; Суп едят ложкой; Они спорили о музыке*), приимённые (*Они говорили о любви к родине; Он выпил стакан молока*) и наречные (*Сыновья живут далеко от матери; Он вышел незаметно для всех*). Приглагольные Д. делятся на прямые и косвенные. Приимённые и наречные Д. всегда являются косвенными. Прямое Д. относится к члену предложения, выраженному переходным глаголом, и обозначает объект, на к-рый непосредственно распространяется действие. Прямое Д. выражается именем в вин. п. без предлога (*Мы смотрели фильм; Студенты слушают лекцию; Дети любят животных*) либо род. п. без предлога при отрицании (*Брат не написал письма; Он не сказал самого главного*) и, при частичном охвате предмета действием, род. п. со значением части целого (*Я купил масла; Он выпил воды; Отрежь мне хлеба*). Косвенное приглагольное Д. может быть выражено формами косвенных падежей существительных с предлогом или без предлога (*Альпинисты достигли вершины; Сестра гремела на кухне посудой; Врач улыбнулся ребёнку; Мать волнуется за сына; Сосед жалуется на трудности*), а также местоимений, числительных, субстантивированных прилагательных, причастий (*Товарищ получил от неё письмо; Он всегда надеется на хорошее; Он не жалел о случившемся; Гость отказался от второго*) и инфинитивом (*Мы попросили его спеть; Она дала ему пить*). Косвенное приимённое Д. чаще всего выражается существительным в форме род. п. без предлога (*Он работал на строительстве комбината; Учитель занят проверкой тетрадей*). Оно может быть выражено также существительными, местоимениями, субстантивированными прилагательными, причастиями в формах косвенных падежей с предлогом (*В детях воспитывали интерес к спорту; Мы смотрели на этих привычных к морозам людей; Появилась новая учительница: у всех возник интерес к ней; Перед кабинетом врача стояли кресла для ожидающих*). В функции прямого и косвенного Д. могут выступать также именные сочетания (*Мать послала брата с сестрой за хлебом; Он прочитал массу литературы по этому вопросу; Они встретили на стадионе двух учеников из нашей школы*), а в непринуждённой речи –

любая позиционно субстантивирующаяся словоформа, группа словоформ или целое предложение (*Мы устали от её «не могу»; Они говорили о «Летят журавли»*).

В лит-ре неоднократно указывалось на необходимость разграничения косвенного Д. и несогласованного определения. В нек-рых случаях такое разграничение возможно. Так, при отглагольных существительных род. п. субъекта квалифицируется как несогласованное определение (*встреча друзей* – встречаются друзья; *посадка самолёта* – самолёт сел), а род. п. объекта – как Д. (*уборка урожая* – убирают урожай; *чтение газеты* – читают газету). Однако критерии разграничения косвенного приимённого Д. и несогласованного определения далеко не всегда можно установить (ср.: *член комиссии, командир полка, бутылка с молоком, сообщение о переговорах, мечта о будущем*). Отсутствие чётких грамматических критериев для различения этих членов предложения приводит к возможности двоякого толкования, а также к выделению переходных типов.

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика рус. языка, М., 1959; Гвоздев А. Н., Совр. рус. лит. язык, ч. 2, 3 изд., М., 1968; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

К. В. Габучан.

Древнеру́сский язы́к – язык восточных славян – предков русских, украинцев и белорусов, т. е. предшественник русского, украинского и белорусского языков. Сложился на базе близкородственных диалектов вост.-слав. племён и существовал в 6–7 – 14 вв. (см. История русского языка).

Первые письменные памятники Д. я. (см. Памятники письменности русского языка 10–17 вв.) относятся к 11 в.; древнейшая надпись на сосуде, найденном при раскопках Гнездовских курганов возле Смоленска, относится к нач. 10 в.

Как и другие древние слав. языки, Д. я. восходит к праславянскому языку (см.) и является результатом его распада и разделения на разные слав. языковые группы. К 10 в. вост. славяне развили ряд языковых черт, отделивших их от южных и зап. славян. К этим чертам относились: полногласие (см.); употребление [*ч*] и [*ж*] на месте праслав. сочетаний **tj* и **dj*; отсутствие носовых гласных (см. Вокализм) и др. В целом же фонетическая и грамматическая системы Д. я. были унаследованы из праславянского.

Фонетическая система Д. я. имела след. особенности. Слоговая структура, сложившаяся в поздний праслав. период, характеризовалась двумя законами: законом открытого слога (т. е. слог не мог кончаться согласным – *до/мъ, пра/вь/да*), обусловившим расположение звуков в слоге по возрастающей звучности, ограниченность сочетаний согласных и отсутствие согласных звуков на конце слов; законом слогового сингармонизма, предполагавшего соединение в пределах одного слога звуков однородной артикуляции или приспособление друг к другу в пределах слога звуков разнородной артикуляции.

В исходной системе Д. я. было 10 гласных фонем: *и, е* переднего и *ы, у, о, а* непереднего образования, а также *ě* (гласный переднего образования средневерхнего подъёма, на письме эта фонема обозначалась буквой ѣ «ять»), *ä* («а-переднее», восходившее к утраченному носовому гласному звуку [ę], фонема обозначалась буквой ѧ; см. Юсы) и две гласные неполного образования – редуцированные *ь* («ерь», гласный переднего образования) и *ъ* («ер», гласный непереднего образования) (см. Редуцированные гласные). Последние 4 фонемы в истории рус. языка были утрачены).

Согласных фонем в исходной системе Д. я. было 26. Из них только 5 пар были связаны по признаку твёрдости – мягкости: *с – с', з – з', р – р', л – л', н – н'*; остальные согласные были или только твёрдыми: *п, б, в, м, т, д, к, г, х*, или только мягкими: *j, ч', ж', ш', ц', ш'ч', ж'д'*. Все перечисленные мягкие согласные, включая парные, называются исконно мягкими. Мягкие согласные могли выступать перед гласными переднего ряда и перед *а* и *у*; твёрдые согласные [за исключением *к, г, х* (см. Палатализация)] – перед всеми гласными Д. я.; в позиции перед гласными переднего ряда их артикуляция изменялась и они приобретали позиционную полумягкость. Среди согласных парными по глухости – звонкости в Д. я. были шумные: *п – б, т – д, с – з, с' – з', ш' – ж', к – г, ш'ч' – ж'д'*; остальные были либо всегда глухими: *ц', ч', х*, либо звонкими: *j, в, м, н, н', р, р', л, л'*. Согласных *ф, ф'* в Д. я. не было, они развились позже (см. Консонантизм).

Фонетическая система Д. я. уже в ранний период своей истории характеризовалась диалектным варьированием (см. Диалект, Говоры русского языка): северные говоры имели *г* взрывного образования ([*г*]) и цоканье (см.); на юге было *г* фрикативное ([γ]) и отсутствовало цоканье; в одних диалектах был губно-зубной *в* ([*в*]), в других – губно-губной ([*w*]); северо-зап. говоры сохраняли *к, г, х* не изменившимися по второй палатализации; и наконец, в древних псковских говорах праслав. группы согласных **tl* и **dl*, упростившиеся в других диалектах, сохранялись в виде [*кл*], [*гл*], напр.: **vedli* → др.-рус. *вели*, др.-псковское *вегли*.

В период 11–14 вв. фонетическая система Д. я. пережила ряд изменений: во-первых, к кон. 11 в. полумягкие согласные в положении перед передними гласными полностью смягчились, т. е. приобрели «йотовую» артикуляцию, в результате чего увеличился состав мягких согласных. Эти мягкие называются согласными вторичного смягчения. Во-вторых, в сер. 12–1-й пол. 13 вв. были утрачены редуцированные *ъ* и *ь*; в сильном положении (в слоге под ударением, в слоге перед слогом со слабым редуцированным) они изменились в глас-

ные полного образования, соответственно ъ > о, ь > е, а в слабом (в конце слова, перед слогом с сильным редуцированным, перед слогом с гласным полного образования) – были утрачены. Падение (или утрата) редуцированных явилось одним из основных процессов в истории языка, перестроивших всю его звуковую систему и приблизивших её к совр. состоянию (см. Падение редуцированных). С падением редуцированных связано изменение *е* в *о* после мягкого перед твёрдым согласным. В период 12–14 вв. в Д. я. развивались диалектные особенности, в частности, возможно, в 13 – нач. 14 вв. диалекты Д. я. на территории будущего южновеликорус. наречия пережили изменения в области безударного вокализма (см. Аканье).

Грамматическая система Д. я. по своему характеру была флективной, т. е. связь слов в предложении осуществлялась (как и в совр. рус. языке) гл. обр. с помощью флексий – окончаний (см.). Система частей речи в исходной системе Д. я. в целом была такой же, что и в совр. языке.

Существительные обладали категориями рода (мужской, женский, средний), числа (единственное, двойственное, множественное) и падежа (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный и у нек-рых существительных звательный, к-рый употреблялся при обращении: *отьче, жено, сыноу*). Система склонений существительных Д. я. отличалась многотипностью. Тип склонения определялся основой существительного; и хотя уже в праслав. эпоху характер основ разных существительных изменился, они сохраняли унаследованные различия в окончаниях. Типов склонения в Д. я. было шесть: существительные с основой на *ŏ* (напр., муж. рода *родъ, конь*, ср. рода *лѣто, море*), на *ā* (напр., жен. рода *сестра, доуша, волꙗ*, муж. рода *слоуга, оуноша*) (склонения на *ŏ* и на *ā* имели твёрдую и мягкую разновидности, определяющиеся по конечным согласным основы), на *ŭ* (несколько сущ. муж. рода: *сынъ, домъ, върхъ, волъ, полъ* – 'половина', *ледъ, медъ, даръ, чинъ, пиръ, рѧдъ*), на *ĭ* (напр., муж. рода *поуть, медвѣдь, огнь*, жен. рода *ночь, кость*; в отличие от мягкой разновидности склонений на *ŏ* и на *ā* здесь в именах муж. и жен. рода в конце основы мог выступать полумягкий согласный), на согласный (напр., муж. рода *камы, пламы, дьнь, корень*, ср. рода *слово, имѧ, веремѧ, телѧ, осьлѧ* и жен. рода – только *мати* и *дъчи*) и на *ū* (несколько сущ. жен. рода: *свекры, цьркы, любы, кры, мъркы, тыкы, боукы*).

Прилагательные делились на качественные и относительные, имели краткую и полную формы, сравнительную степень.

Местоимения были личные и неличные – указательные (указательное местоимение *и* муж. рода, ꙗ жен. рода, ѥ ср. рода выполняло роль личного местоимения 3-го лица; позже эту функцию взяло на себя другое указательное местоимение – *онъ, она, оно*), притяжательные, относительные и др. По синтаксической роли личные местоимения были сходны с существительными, а неличные – с прилагательными.

В исходной морфологической системе Д. я. отсутствовали числительные как особая часть речи. Названия чисел до четырёх грамматически сближались с прилагательными, от пяти до десяти и др.-рус. *съто* – с существительными, остальные были словосочетаниями, напр.: *одинъ на десѧте* – 'одиннадцать'.

Глаголы изменялись по лицам (образовывали формы 1-го, 2-го и 3-го лица) и числам (имели формы ед., двойственного, мн. ч.), имели одну форму наст. времени, четыре формы прош. времени [аорист (см.), имперфект (см.), перфект (см.), плюсквамперфект (см.)], две формы буд. времени (обе сложные) – преждебуд. и сложное буд. (см. Преждебудущее время).

Кроме неопределённой формы – инфинитива – глагол в Д. я. имел ещё неизменяемую форму – супин, к-рый был по происхождению формой вин. п. ед. ч. именного склонения с древней основой на *ŭ* и образовывался с помощью суффикса -*тъ*. Употреблялся вместо инфинитива при глаголах движения: *идѧше цсрь погоубитъ града* (Успенский сборник) – совр. *пришёл царь погубить город*.

Причастия в Д. я., как и в современном, были действительного и страдательного залога, наст. и прош. времени, склонялись, но в отличие от современных действительных могли быть и полными и краткими. Особое краткое неизменяемое причастие прош. времени с суффиксом -*л*- участвовало в образовании аналитических форм перфекта, плюсквамперфекта, преждебуд. времени и условного наклонения. Наречия в Д. я. составляли также самостоятельную часть речи.

Изменения в морфологической системе, пережитые Д. я. на протяжении 11–14 вв., были связаны с унификацией типов именного склонения, развитием категории одушевлённости, утратой двойственного числа, упрощением системы глагольных времён в связи с развитием видовых отношений, изменением причастия на -*л*- в глагольную форму прош. времени, превращением кратких форм действительных причастий наст. и прош. времени в деепричастия, а также утратой супина, вытесненного инфинитивом, и др.

Лит.: Шахматов А. А., Очерк древнейшего периода истории рус. языка. [Энциклопедия слав. филологии. В. 11], П., 1915; Дурново Н. Н., Очерки истории рус. языка, М., 1924; Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка. Морфология, М., 1953; Филин Ф. П., Происхождение рус., укр. и белорус. языков. Историко-диалектологический очерк, Л., 1972; Колесов В. В., Историческая фонетика рус. языка, М., 1980; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990; Др.-рус. грамматика XII–XIII вв., М., 1995.

М. В. Иванова.

Дро́бное числи́тельное – см. Числительное.

Е е Ё ё

Е, е – шестая буква русского алфавита. Название буквы – «е» употребляется как существительное ср. рода: *прописное е*. Совр. начертание получила в нач. 18 в. после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания), восходит к букве кириллицы (см.) є, к-рая называлась «есть» и имела числовое значение «пять». Слав. начертание этой буквы восходит к греч. букве «э псилон» унциального письма. После реформы правописания 1917–18 буква *Е, е* стала употребляться также и вместо ѣ (см. Ять).

При классификационных обозначениях буква *Е, е* имеет значение «шестой»: *ложа Е, раздел е*.

Графические значения буквы *е*: 1) в начале слова, после гласных букв и после ъ, ь – обозначение сочетания фонем ⟨jе⟩: *ель, моей, съел, колье*; 2) после согласных букв – обозначение фонемы ⟨е⟩, при этом твёрдость/мягкость предшествующей согласной фонемы либо остаётся графически не обозначенной: *дело – модель, тень – теннис, кофе – кафе*, либо обозначена самой согласной буквой – шипящей и *ц*: *жест, чех, шерсть, щель, цел*, либо не является дифференциальным признаком и потому не должна обозначаться: *фойе*.

Ева́нгелие (от греч. euangélion – букв. благая весть) – книга библейского жанра, в к-рой излагается история земной жизни Иисуса Христа; одна из четырёх книг Нового Завета, второго (христианского) раздела Библии (см.), называемая по имени создателя (Е. от Матфея, Е. от Марка, Е. от Луки и Е. от Иоанна); все четыре евангельские книги в их совокупности. Важнейший источник по истории книжно-письменного языка Древней Руси и совр. рус. лит. языка.

Перевод Е. (одновременно с Псалтырью) на ст.-слав. язык (см.) выполнили Кирилл и Мефодий в 863. В Пространном житии Кирилла сказано, что он **«сложи писмена и начеть бесѣдѹ писати еѵ(г)л'скоу, еже: "искони бѣ слѡво, и слѡво бѣ ѿ б҃а, и б҃ъ бѣ слѡво"»**, т. е. «сложил письмена и начал писать слова Евангелия: "Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог"». Поскольку Кирилл, как видно по цитате, начал свой перевод не с Е. от Матфея, к-рым открывается Новый Завет, а с Е. от Иоанна, он первоначально работал над т. н. «недельным Е.» (или Е.-апракосом, или лекционарием), книгой особого состава, предназначенной прежде всего для богослужения («недельное» – от «недели» – старого названия воскресного дня, когда верующие не имели права «делать», т. е. работать).

Термином «апракос» (от греч. ápraktos – букв. недельный) определяют Е. и Апостол, в к-рых тексты фрагментированы и фрагменты расположены по порядку церковных чтений на литургии, начиная от праздника Пасхи (на Пасху положено чтение из Е. от Иоанна). В зависимости от состава чтений различают два типа «недельного Е.»: Е.– апракос краткий, к-рый и перевели первоучители, и Е.– апракос полный, к-рый, скорее всего, возник уже на Руси. Нефрагментированную книгу с обычным (каноническим) порядком следования евангелистов называют Е.-тетр, или четвероевангелием.

Древнейшим кратким апракосом является т. н. Саввина книга – единственная рукопись на кириллице (см.), к-рая предположительно датируется 10 в. Кратким апракосом являются также Е. 11 в.– Остромирово Е. (см. Остромирово Евангелие 1056–1057), Архангельское Е. (1092; см. Архангельское Евангелие), Реймсское Е., Туровское Е., Куприяновские листки, Охридское Е. и др. Старший из сохранившихся полных апракосов – Мстиславово Е., написанное до 1117. Древнейшие четвероевангелия – Мариинское и Ассеманиево (оба 11 в.), написанные глаголицей (см.). Сохранилось также большое количество других древних рукописей Е.: Юрьевское, Добрилово, Милятино, Пантелеймоново, Галицкое, Симоновское, Евсиево, Боянское, Полоцкое, Спасское, Холмское, Оршанское, Е. Кохно и др.

Важными источниками являются также Е. учительное Константина Бо́лгарского (старшая из числа дошедших до нас рукопись – 2-й пол. 12 в.) и Е. толковое Феофилакта Бо́лгарского (старшая рукопись – 13 в.). На Руси были известны и апо-

крифические Е., отразившиеся в сказаниях и гимнографии,– напр., Е. Иакова, Е. Фомы и Е. Никодима.

На протяжении 10–18 вв. на Руси было в употреблении только церк.-слав. Е. Евангельские цитаты даже в богословских книгах на рус. языке 18 в. приводились исключительно по-церк.-славянски.

Нужда в Е. на рус. языке стала ощущаться лишь в нач. 19 в. Она возникла из внутренней потребности рос. общества, а также под влиянием протестантизма (в к-ром изучению Библии на живом родном языке придаётся большое значение). В 1813 при покровительстве императора Александра I было основано Рос. библейское общество (РБО), первоочередная задача к-рого заключалась в выполнении перевода Е. на рус. язык.

Выдающуюся роль в осуществлении переводов сыграли: архимандрит Филарет (Дроздов, 1782–1867), возглавлявший Петерб. духовную академию, затем митрополит Московский, к-рый перевёл Е. от Иоанна, и протоиерей Г. П. Павский (1787–1863), редактор и один из директоров РБО, к-рый выполнил перевод Е. от Матфея. Подготовка и издание всего Нового Завета на рус. языке были осуществлены к 1818.

Император Николай I запретил дальнейшую деятельность РБО (1826). С воцарением императора Александра II митрополит Филарет добился возобновления остановленных переводческих трудов. В 1876 «по благословению Святейшего Правительствующего Синода» на рус. языке была напечатана вся Библия, в составе к-рой Е. было сохранено в версии 1818. С тех пор «синодальное» рус. Е. переиздавалось многократно и получило широкое распространение.

Во 2-й пол. 19 в. язык переводов, к-рые осуществлялись до пушкинской эпохи, уже воспринимался как устаревший. Ещё более устарел синодальный текст к кон. 20 в. Начались многочисленные попытки новых переводов. Так, Л. Н. Толстой предпринял попытку перевода-пересказа Е. Усилиями комиссии видных православных рус. богословов-эмигрантов, действовавшей в Париже в 1951–55 под руководством епископа Кассиана (Безобразова, 1892–1965), была значительно усовершенствована синодальная версия Нового Завета. В 90-х гг. 20 в. вышли в свет евангельские переводы священника Леонида Лутковского и В. Н. Кузнецовой, а также два перевода-пересказа, выполненные протестантами («Благая Весть. Новый Завет»; «Слово Жизни. Новый Завет в современном переводе»).

Е. оказало большое влияние на рус. лит. язык, в к-ром сформировался большой пласт слов, восходящих к Е. и употребляемых как в прямом значении, так и метафорически: *рождество, преображение, предтеча, волхв, крещение, фарисей, ирод, иуда, лицемер, мытарь, наёмник, книжник, маловер, заповедь, ученик, язычник, искушение, призвание, законоучитель, законник, беззаконие, сребролюбец, плёвелы, призрак, воистину, предание, преступление, помиловать, животворный, злободневный, роптать, превозноситься, соблазнять, исповедать, уязвлять, ублажать* и т. д., в т. ч. и словообразовательных гнёзд (напр., с первым элементом *благо-* и *зло-*: *-творить, -творение* и т. д.). К Е. восходит также множество устойчивых словосочетаний, употребляемых и вне евангельских контекстов: *глас вопиющего в пустыне, невзирая на лица, соль земли, служить двум господам, волк в овечьей шкуре, строить на песке, Фома Неверный, умыть руки, посылать от Понтия к Пилату* (устраивать волокиту), *отрясти прах со своих ног, плоть и кровь, овцы среди волков, погубить/спасти душу свою, со всех концов земли, (жить) как птицы небесные, грады и веси, воздать по делам, постом и молитвой, заблудшая овца, пастырь добрый, знамения времени, бесплодная смоковница, блудный сын, Христа ради, Отче наш, судия неправедный, страха ради иудейска, бросить камень в кого-либо, во веки веков, во время оно, полагать душу за кого-либо, от всего сердца, пройти сквозь игольное ушко, зарыть талант в землю, вертеп разбойников, камни возопиют/вопиют, побивать камнями, не оставить камня на камне, краеугольный камень, во главу угла, на злобу дня, лепта вдовицы, мерзость запустения, силы небесные, второе пришествие, страшный суд, подставить щёку, до скончания века, держать под спудом, от первого до последнего* и т. д. Евангельского происхождения множество крылатых выражений в форме отдельных предложений: *Нет пророка в своём отечестве; Возлюби ближнего твоего, как самого себя; Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому попасть в Царствие Небесное; Суббота ради человека, а не человек ради субботы; Имеющий уши слышать да слышит; Блаженны миротворцы; Блаженны нищие духом; Не хлебом единым жив человек; Отыди, сатана!; Ищите и обрящете; Довлеет дневи злоба его; Нет ничего тайного, что бы не стало явным; Кто хочет быть первым да будет последним; Едино есть на потребу; Много званых, мало избранных; Отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу; Да будет воля твоя!; Не судите, да не судимы будете; Кто не работает да не ест; Мир дому сему!* и т. д. Так как Е. широко читалось на церк.-слав. языке (на этом языке его продолжают читать на богослужениях в Рус. Православной церкви), ряд слов и выражений и в рус. речи сохраняет церк.-слав. форму.

Лит.: Жуковская Л. П., Текстология и язык древнейших слав. памятников, М., 1976; Сводный каталог славяно-рус. рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв., М., 1984.

Е. М. Верещагин.

Едини́цы языка́ – элементы системы языка, имеющие разные функции и значения. Совокупности основных Е. я. в узком смысле этого термина

образуют определённые «уровни» языковой системы, напр. фонемы – фонемный уровень, морфемы – морфемный уровень и др. (см. Уровни языка).

Термином «Е. я.» в широком смысле обозначают обширный круг неоднородных явлений, являющихся объектом изучения лингвистики. Выделяют материальные, имеющие постоянную звуковую оболочку единицы, напр. фонему, морфему, слово, предложение и т. д., «относительно-материальные» единицы (по А. И. Смирницкому) с временной звуковой оболочкой, напр. модели строения слов, словосочетаний, предложений, и единицы значения (напр., семы и др.), составляющие смысловую (идеальную) сторону материальных или относительно-материальных единиц и вне этих единиц не существующие.

Материальные Е. я. делятся на односторонние, без собственного значения (фонемы, слоги), и двусторонние, имеющие как звучание, так и значение. Функция односторонних Е. я. – участие в формировании и различении звуковых оболочек двусторонних единиц. Иногда к односторонним Е. я. («единицам выражения») относят сами звуковые оболочки двусторонних единиц («сонема» – звуковая оболочка морфемы, «номема» – звуковая оболочка слова). Двусторонние Е. я. выражают определённое значение (смысл) или используются для его передачи (морфемы, слова, предложения).

Материальные Е. я. характеризуются вариантно-инвариантным устройством. Одна и та же Е. я. существует в виде множества вариантов (см. Вариантность, Варианты языковые), представляя собой конкретные, реально артикулируемые (произносимые) звуковые отрезки. Е. я. существуют и в абстрактном виде – как класс (множество) своих вариантов и как абстрактная сущность – инвариант. Инвариантно-вариантное устройство Е. я. отображено в двух рядах терминов: «эмических», используемых для обозначения единиц как инвариантов (фонема, морфема, лексема и т. д.), и «этических», обозначающих варианты единиц (фон, аллофон, морф, алломорф и т. д.). Эмические и соответствующие им этические Е. я. образуют один уровень: фонема/фон, аллофон образуют фонемный уровень и т. д.

Относительно-материальные единицы существуют в виде образцов, моделей или схем построения слов, словосочетаний и предложений, обладают обобщённым конструктивным значением, воспроизводящимся во всех Е. я., образованных по данной модели.

Е. я. могут быть простыми и сложными. Простые абсолютно неделимы (фонема, морфема), сложные неделимы в пределах тех уровней языка, в к-рые они входят (напр., сложные и производные слова, предложения и т. д.). Деление сложной Е. я. ликвидирует её как таковую и обнаруживает составляющие её единицы более низких уровней (напр., слово делится на морфемы, предложение – на слова).

Нек-рые направления лингвистики стремятся расчленить простые Е. я. на ещё более простые, т. е. выявить «элементы элементов». Различительные признаки фонем рассматриваются, напр., не как свойство фонемы, а как её составные части, выделяются элементы смысловых единиц.

Разные школы и направления лингвистики дают разные характеристики одним и тем же Е. я.: напр., фонема рассматривается либо как наиболее «типичный» или «важный» звук из множества (семейства) звуков (Д. Джоунз, Л. В. Щерба), либо как инвариант звука (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон); морфема – как «мельчайшая единица языка» (Л. Блумфилд), «мельчайшая значимая часть слова» (И. А. Бодуэн де Куртенэ), грамматическое средство, «выражающее отношения между идеями» (Ж. Вандриес).

Значительные расхождения в трактовке и оценке Е. я. разными школами, в перечне выделяемых Е. я. затрудняют сопоставление и сравнение языков. Это сопоставление и сравнение оказывается возможным путём выявления универсальных свойств Е. я. и отображения этих свойств в терминах – названиях Е. я. Такими свойствами, или характеристиками, Е. я. являются их наиболее общие свойства, обнаруживаемые во всех языках, напр.: фонема – класс фонетически сходных и функционально тождественных звуков, морфема – двусторонняя Е. я., не обладающая синтаксической самостоятельностью, слово – синтаксически самостоятельная Е. я., предложение – речевая система, состоящая из одного или нескольких слов, выражающая и сообщающая семантическую информацию. Использование при описании языков соответствующим образом определённых терминов делает описания сопоставимыми и позволяет выявить сходства и различия языков.

Е. я. в наиболее общем виде обнаруживают три вида отношений: парадигматические (см. Парадигматика), синтагматические (см. Синтагматика), иерархические (по степени сложности, отношения вхождения единиц низших уровней в высшие). Е. я. обладают свойством «уровневой сочетаемости», в парадигматические и синтагматические отношения вступают только единицы одного уровня, напр. фонемы образуют классы и в линейной последовательности сочетаются только между собой.

Е. я. комбинируются в речевой цепи, образуя единицы речи. Однако фонемы и морфемы не являются единицами речи подобно словам, к-рые могут быть как единицами языка, так и единицами речи (производные и сложные слова могут иногда свободно образоваться в речи по тем или иным «формулам строения»); словосочетания (за исключением фразеологизмов) и предложения – единицы речи, т. к. не воспроизводятся, а производятся по определённым моделям. Комбинаторика Е. я.

регулируется грамматическими правилами. Е. я. подчиняются этим правилам в силу объективно присущих им свойств. В конечном счёте правила языка являются проявлением свойств Е. я., поскольку эти свойства лежат в основе возможных связей и отношений между Е. я.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Смирницкий А. И., Синтаксис англ. языка, М., 1957; Глисон Г., Введение в дескриптивную лингвистику, пер. с англ., М., 1959; Якобсон Р., Халле М., Фонология и её отношение к фонетике, пер. с англ., в кн.: НЛ, в. 2. М., 1962; Степанов Ю. С., Основы языкознания, М., 1966; Булыгина Т. В., О нек-рых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц, «ВЯ», 1967, № 5; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М , 1967; Арутюнова Н. Д., О значимых единицах языка, в кн.: Исследования по общей теории грамматики, М., 1968; Блумфилд Л., Язык, пер. с англ., М., 1968; Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М., 1969; Солнцев В. М., О соизмеримости языков, в кн.: Принципы описания языков мира, М., 1976; его же, Язык как системно-структурное образование, М., 1977; его же, Введение в теорию изолирующих языков, М., 1995. *В. М. Солнцев.*

Еди́нственное число́ – см. Число.

Е́канье – тип безударного вокализма (см. Вокализм); совпадение гласных фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке [е]: *н'ос* (или *н'ес*), *р'ек* (или *р'ѣк*), *п'а́тый – н'есу́, р'ека́, п'ета́к; н'ес'и́, в р'ек'е́, п'ет'о́рка.* Встречается также разновидность Е., при к-рой [е] произносится только перед твёрдым согласным: *н'есу́, р'ека́, п'ета́к,* а перед мягким звучит [и]: *н'ис'и́, в р'ик'е́, п'ит'о́рка.* В говорах, где на месте фонемы ⟨ѣ⟩ произносится между мягкими согласными [и] (*р'ѣк – р'ик'и́*), может выступать ещё одна разновидность Е., при к-ром [е] произносится во всех позициях, кроме позиции между двумя мягкими согласными на месте фонемы ⟨ѣ⟩, ср.: *н'есу́, р'ека́, п'ета́к; н'ес'и́, п'ет'о́рка – в р'ик'е́.* Вместо предударного [е] при Е. может произноситься более закрытый звук [$е^и$]: *н'$е^и$су́, р'$е^и$ка́, п'$е^и$та́к* и т. п. Е. возможно как в говорах с аканьем (см.), так и в говорах с оканьем (см.). Встречается Е. гл. обр. в средневеликорус. акающих говорах и в ряде северновеликорус. окающих говоров. Е. было нормой лит. языка 19 в. С кон. 19 в. в лит. язык стало проникать иканье (см.), к-рое ныне господствует, вытесняя более редкое Е., встречающееся лишь в сильных фразовых позициях.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки рус. диалектологии, ч. 1, М., 1949; Кузнецов П. С., Рус. диалектология, 3 изд., М., 1960; Рус. диалектология, под ред. Л. Л. Касаткина, 2 изд., 1989. *Л. Л. Касаткин.*

Ё, ё – седьмая буква русского алфавита. Название буквы – «ё» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ё.* Введена в употребление Н. М. Карамзиным (1797).

При классификационных обозначениях не употребляется.

Графические значения буквы *ё*: 1) в начале слова, после гласных букв и после *ъ, ь* – обозначение сочетания фонем ⟨jo⟩: *ёж, поёт, съёмка, копьё;* 2) после согласных букв, кроме шипящих,– обозначение фонемы ⟨о⟩ и мягкости предшествующей согласной фонемы: *вёл, лён, мёд.* После *ж, ч, ш, щ* буква *ё*, употребление к-рой регулируется орфографическим правилом, обозначает фонему ⟨о⟩: *жёлтый, чёлка, шёл, щёки.* Написание двух точек над *Ё, ё* является факультативным, на письме оно часто заменяется на *Е, е.*

Ж ж

Ж ж ж ж Ж Жж Жж

Ж, ж – восьмая буква русского алфавита. Название буквы – «жэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ж*. По своему начертанию буква *ж* восходит к букве кириллицы (см.) – «живѣте» (2-е лицо мн. ч. повелительного наклонения от *жити*), к-рая не имела числового значения.

При классификационных обозначениях буква *Ж, ж* имеет значение «седьмой»: *пункт ж первого раздела*.

Основное графическое значение буквы *ж* – обозначение фонемы ⟨*ж*⟩: *жир, нужда, ложка, муж*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *ж* обозначает твёрдость этих фонем: *обжать, джаз, лживый*. Удвоенное *ж* в нек-рых словах может произноситься как [$\bar{ж}$'] и обозначать в этом случае фонему ⟨*ж*'⟩: *вожжи, дрожжи, жужжать*.

Жарго́н (франц. jargon) – социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств.

Ж. является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединённых общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п. (напр., Ж. моряков, лётчиков, спортсменов, музыкантов, учащихся, актёров). В нестрогого терминологическом смысле слово «Ж.» употребляется для обозначения искажённой, вульгарной, неправильной речи [то же, что арго (см.), но с пейоративной, уничижительной, оценкой]. В отличие от арго, с его элементами тайнописи, функцией «пароля» и суженной социальной базой, Ж. в своём оформлении в целом отталкивается от общелит. языка, являясь как бы социальным диалектом определённой возрастной общности людей или «профессиональной» корпорации. Вместе с тем воровское арго, будучи «старшим» по отношению ко многим Ж. (напр., студенческому и школьному), служит источником их пополнения и обновления. Студенческий Ж. составляет в рус. языке основу молодёжного с л е н г а (имеющего подвиды и подтипы «профессионального» или локального характера). В отличие от территориальных диалектов, Ж. не обладает собственными фонетическими и грамматическими системными особенностями.

Лексика Ж. строится на базе лит. языка путём переосмысления, метафоризации, звукового искажения, усечений и т. п., а также активного освоения иноязычных слов и морфем (преим. англо-американского происхождения). Напр., *сухо́й* – 'самолёт СУ-24', *черпа́к* и *сыно́к* – 'молодой солдат', *вида́к* – 'видеомагнитофон', *шланг* – 'глупый человек', *комо́к* – 'комиссионный или коммерческий магазин', *рэк* и *раке́тчик* – 'рэкетир', *ме́рсик* – 'автомобиль «Мерседес»', *наркота́* – 'наркотические вещества', *нюха́ч* – 'токсикоман', *круто́й* – 'модный', 'деловой' или 'жестокий, наглый', *путя́га* – 'учащийся ПТУ', *лове́шки, ба́бки* – 'деньги', *ха́та, я́ма* и *флэт* – 'квартира', *фэн* – 'поклонник, любитель', *попса́* – 'поп-музыка', *черепа́, шнурки́* и *пэре́нсы* – 'родители', *гирла́, жа́ба, тёлка* – 'девушка', *грины́, зелёные* и *ба́ксы* – 'доллары, валюта', *пута́на* и *пута́нка* – 'проститутка', *бу́ндесы, фро́мы* и *фро́нсы* – 'иностранцы'.

Ж. включает «производственное ядро» (профессиональную лексику, связанную с общим занятием, деятельностью) и «общебытовой словарь» (экспрессивную лексику обиходно-бытового общения). Слова и выражения жаргонной речи, употребляемые за пределами Ж., называются ж а р г о н и з м а м и. Жаргонизмы как элементы социально-стилевых разновидностей речи используются в языке художественной лит-ры для реалистического изображения различных групп и категорий людей (напр., в произведениях И. Э. Бабеля, А. И. Солженицына, В. П. Аксёнова, Г. Н. Владимова), а также в характерологических и стилистических целях при художественных переводах иноязычных авторов (Э. М. Ремарка, Дж. Д. Сэлинджера, А. Бёрджесса и др.).

Лексика Ж. отличается неустойчивостью во времени, частой сменяемостью наиболее употреби-

тельных разрядов, свободным взаимодействием с лит. языком. Лексика различных Ж. может частично совпадать, образуя т. н. интержаргон. Из интержаргона или непосредственно из отдельных Ж. лексика и фразеология, социально ограниченная по своему происхождению, может входить в более широкое употребление, сохраняя при этом заряд экспрессии, эмоциональной оценки (ср. такие просторечные слова и выражения, как *прокол, верняк, напортачить, стрелять, липа* и *липовый, тусовка, беспредел, дойти до ручки, марафет навести, брать на пушку* и т. п.).

В процессе исторического развития языка жаргонизмы проникают и в лит. речь, а их былая принадлежность к Ж. может быть восстановлена лишь путём лингвистического анализа (напр.: *шпаргалка, накладка, настрой, быть в ударе, втирать очки* и *очковтирательство, всё в ажуре*). Фонетическая неустойчивость многих жаргонизмов, употребляемых длительное время лишь в устной форме речи, объясняет неустойчивость и вариантность их орфографии. Напр.: *шмотки* и *шмутки, кемарить* и *кимарить, кирять* и *керять, партач* и *портач, чифир* и *чифирь, изгаляться* и *изгиляться* и т. п.

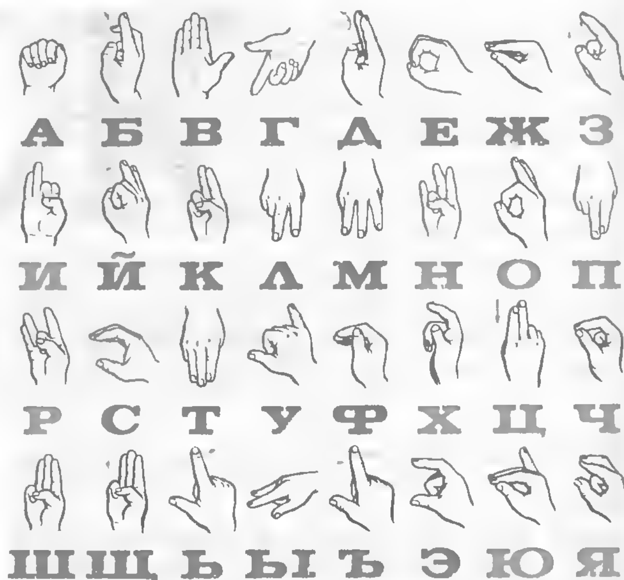
Нарочитое или бездумное употребление жаргонной лексики и фразеологии засоряет и огрубляет разг. речь. Привлечение жаргонизмов в художественной лит-ре в качестве характерологических выразительных средств требует от писателя большого мастерства, такта и чуткости.

Лит.: Жирмунский В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; его же, Проблемы социальной диалектологии, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1964, т. 23, в. 2; Успенский Л. В., Материалы по языку рус. лётчиков, в кн.: Язык и мышление, в. 6–7, М.–Л., 1936; Чуковский К., Живой как жизнь. О рус. языке, [2 изд., М., 1963]; Скворцов Л. И., Об оценках языка молодежи. (Жаргон и языковая политика), в кн.: ВКР, в. 5, М., 1964; его же, Профессиональные языки, жаргоны и культура речи, «Рус. речь», 1972, № 1; его же, Лит. язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии, в кн.: Лит. норма и просторечие, М., 1977; его же, Теоретические основы культуры речи, М., 1980; Косцинский К., Существует ли проблема жаргона?, «Вопросы лит-ры», 1968, № 5; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970, гл. 7; Борисова Е. Г., Совр. молодёжный жаргон, «Рус. речь», 1980, № 5; Дубровина К. Н., Студенческий жаргон, «Филол. науки», 1980, № 1; Бондалетов В. Д., Социальная лингвистика. [Учебное пособие для пед. ин-тов], М., 1987; Юганов И., Юганова Ф., Рус. жаргон 60–90-х годов. Опыт словаря, М., 1994; Быков В., Рус. феня, Смоленск, 1994; Елистратов В. С., Словарь моск. арго, М., 1994.

Л. И. Скворцов.

Же́нский род – см. Род.

Же́стов язы́к – коммуникативная система, план выражения к-рой строится не на акустической, как в звуковых языках, а на кинетической (жестикуляторно-мимической) основе. Распространено мнение, что Ж. я. предшествовали звуковым языкам. Ж. я. служат основным, а нередко и единственным средством общения глухих. Во многих регионах мира были также распространены

Азбука глухонемых.

Ж. я. слышащих; их существование отмечено в Северной и Южной Америке, Африке, Австралии, Океании, Индии, на Кавказе, в Средиземноморье.

Среди Ж. я. слышащих наиболее известны Ж. я. аборигенов Австралии и Северной Америки. Широкое распространение Ж. я. среди австралийцев связано с ритуальным молчанием юношей во время инициационных обрядов и вдов в период траура, длившегося у нек-рых племён до года и более; Ж. я. используются также для коммуникации на расстоянии, для соблюдения тишины на охоте и т. п. Территориальное распространение отдельных Ж. я. австралийцев не совпадает с этническими и лингвистическими границами.

В североамериканских прериях был широко распространён единый Ж. я., использовавшийся в основном при межэтническом общении; по нек-рым данным, в кон. 19 в. им владело св. 100 тыс. человек.

Ж. я. глухих, наиболее развитые кинетические системы общения, потенциально не уступают по коммуникативным возможностям звуковым языкам, но фактически их лексика беднее лексики развитых лит. языков, что является следствием низкого социолингвистического статуса Ж. я. Структурно эти Ж. я. независимы от звуковых языков. Их родственные связи не определяются родством соответствующих национальных языков. Напр., амслен – Ж. я. глухих США и б. ч. Канады – близок к языку глухих Франции, но не родствен языку глухих Великобритании. Ж. я. глухих России (и ряда стран СНГ) также родствен франц. Ж. я.

Высказывания на Ж. я., кроме основного, жестикуляторного компонента, имеют ещё и немануальный компонент (использование взгляда, выра-

жения лица, движений головы и тела), функции к-рого значительно шире функций невербального компонента звуковых высказываний. Мимика в ряде случаев служит для противопоставления иначе не различающихся лексем.

Ж. я. называют также жестовые манифестации звуковых языков. В развитых обществах бо́льшая часть глухих двуязычна: наряду с родным Ж. я. они владеют и общенациональным языком. При общении на общенациональном языке используется его жестовый вариант: синтаксическая структура общенационального языка сохраняется, морфология, как правило, редуцируется, слова звукового языка заменяются жестами родного языка; те лексические и грамматические единицы, аналоги к-рых в родном языке отсутствуют, дактилируются (побуквенно передаются средствами пальцевой азбуки).

Лит.: Гейльман И. Ф., Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика, ч. 1–4, Л., 1975–79; Зайцева Г. Л., Фрумкина Р. М., Психолингвистические аспекты изучения жестового языка, «Дефектология», 1981, № 1; Беликов В. И., Жестовые системы коммуникации (обзор), в кн.: «Семиотика и информатика», в. 20, М., 1983 (лит.); Зайцева Г. Л., Методы изучения системы жестового общения глухих, «Дефектология», 1987, № 1.

В. И. Беликов.

Журна́лы лингвисти́ческие по русскому языку – периодические издания, посвящённые вопросам общей, частной и прикладной русистики. Возникли в сер. 19 в. Первые Ж. л., печатавшиеся в России (2-я пол. 19 – нач. 20 вв.), в основном касались вопросов рус. и слав. языкознания, филологического изучения рус. и слав. памятников письменности. Издавались: «Известия императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (СПБ, 1852–63), «Филологические записки» (Воронеж, 1860–1917), «Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук» (СПБ, 1867–1928), «Русский филологический вестник» (Варшава, 1879–1914; М., 1915–16; П., 1917; Каз., 1918), «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук» (СПБ, 1896–1927).

В 90-х гг. 20 в. в России выходят Ж. л. общего характера, в т. ч. теоретический журнал по общему и сравнительному языкознанию «Вопросы языкознания» (с 1952, 6 номеров в год, орган Отделения лит-ры и языка РАН), помещающий также публикации по проблемам изучения рус. языка.

Издаются журналы, посвящённые различным теоретическим аспектам рус. языкознания, в т. ч. научно-популярный ж. «Русская речь» [с 1967, 6 номеров в год, орган Института русского языка им. В. В. Виноградова (см.)], печатающий статьи по культуре устной и письменной рус. речи, о языке художественной лит-ры, о рус. стилистике, об истории отечественного языкознания; теоретический ж. «Русистика сегодня» (с 1994, 4 номера в год, орган Ин-та рус. языка им. В. В. Виноградова), помещающий материалы, касающиеся практически всех аспектов русистики; продолжающееся издание журнального характера «Этимологические исследования по русскому языку» (с 1960, орган редакционно-издательского совета МГУ им. М. В. Ломоносова, выходит по мере накопления материала), в к-ром публикуются статьи по этимологии рус. языка.

Ряд рос. Ж. л. по рус. языку имеет не только научно-теоретическую, но и методическую направленность и посвящён вопросам преподавания рус. языка: научно-методический ж. «Русский язык в школе» (1936–41, затем с 1946, 6 номеров в год, орган Министерства образования РФ), печатающий статьи по рус. и общему языкознанию, по методике преподавания рус. языка в средней школе, о языке художественной лит-ры; научно-теоретический и методический ж. «Русская словесность» (с 1993, 6 номеров в год, орган Министерства образования РФ и издательства «Школа-Пресс»), созданный в помощь учителям словесности средних школ, гимназий, лицеев и печатающий материалы как по общей для всех средних школ программе по рус. языку и лит-ре, так и дополнительные, расширяющие обязательную программу материалы; учебный и научно-методический ж. «Русский язык за рубежом» [с 1967, 6 номеров в год, орган Института русского языка имени А. С. Пушкина (см.) и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (см.)], публикующий статьи по методике преподавания рус. языка иностранцам, по рус. и сопоставительному языкознанию, учебные материалы для практических занятий, сообщения об опыте преподавания рус. языка иностранцам, рецензии на новые учебники и словари, хронику. В 1957–92 выходил научно-методический ж. «Русский язык в национальной школе» (в 1991 печатался под названием «Русский язык в СССР», в 1992 – под названием «Русский язык в СНГ»), печатавший материалы по методике преподавания рус. языка в средних национальных школах. Материалы по рус. языкознанию публикуются также в журналах общефилологического характера [напр., в ж. «Известия АН. Серия литературы и языка» (с 1940, 6 номеров в год, орган Отделения лит-ры и языка РАН); до 1963 назывался «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», в 1964–91 – «Известия АН СССР. Серия литературы и языка»].

З з

З Ȥ з з З Ȥ ȥ З з

З, з – девятая буква русского алфавита. Название буквы – «зэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное з*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) – «земля», к-рая ведёт происхождение от греч. буквы «дзета» маюскульного письма 9–10 вв. Эта буква в кириллице имела числовое значение «семь».

При классификационных обозначениях буква *З*, *з* имеет значение «восьмой»: *пункт з первого раздела*.

Основное графическое значение буквы *з* – обозначение общей части фонем ⟨*з*⟩ и ⟨*з'*⟩: зубная, щелевая, срединная, звонкая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *з* буквой или другим графическим знаком: ⟨*з*⟩ – *зуб, змей, мороз* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*з'*⟩ – *изюм, возьму*. Кроме того, после согласных, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *з* обозначает твёрдость этих фонем: *вздох, надзор, вонзить*.

Заимствование – 1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода. Заимствоваться могут фонемы (напр., фонема ⟨*ф*⟩ была заимствована из греч. языка), морфемы (таковы, напр., морфемы *-изм, анти-* и др.); по иноязычным образцам могут создаваться синтаксические конструкции (напр., деепричастные заголовки типа *Подводя итоги* – результат влияния англ. синтаксиса).

Наиболее частый и типичный вид языкового З.– З. слов, или лексическое З. Причины лексического З. могут быть внешними и внутренними. Основная внешняя причина – тесные политические, торгово-экономические связи между народами – носителями языков. Наиболее типичная форма влияния, обусловленного такими связями,– З. слова вместе с З. вещи или понятия (ср. слова типа *автомобиль, конвейер, радио, кино, телевизор, лазер, транзистор* и т. п.). Другая внешняя причина З.– необходимость обозначить с помощью иноязычного слова к.-л. вновь появившийся специальный вид предметов или понятий; напр., для обозначения слуги в гостинице в рус. языке укрепилось франц. по происхождению слово *портье* (слово *слуга* недостаточно ясно указывает на сферу деятельности этого лица). Потребность в специализации наименований особенно актуальна в науке и технике, где иноязычные лексические элементы укрепляются в качестве терминов, отличающихся по своему содержанию от семантически близких им исконных слов: ср. пары *трансформатор – преобразователь, компрессия – сжатие, седативный – успокаивающий* и т. п.

Необходимость специализации наименований связана с одной из внутриязыковых причин З., а именно – с присущей языку тенденцией ко всё большей дифференциации языковых средств по смыслу. В результате этой тенденции значение, выражаемое рус. словом, может «расщепиться» на два и одно из них получает иноязычную номинацию: *страх – паника, уют – комфорт, рассказ – репортаж, сообщение – информация* и т. п. Другая внутриязыковая причина З.– тенденция к замене описательных наименований однословными; так, в рус. языке появились слова *бра* (вместо *настенный светильник*), *снайпер* (вместо *меткий стрелок*), *сейф* (вместо *несгораемый шкаф*), *сервис* (вместо *бытовое обслуживание*) и др.

Главным условием З. является билингвизм (двуязычие) говорящих, их способность переключаться с одного языка на другой в процессе общения; в этом отношении особая роль принадлежит нек-рым социальным и профессиональным группам людей – дипломатам, переводчикам, журналистам-международникам, учёным, музыкантам и др. Из среды билингвов иноязычное слово распространяется в другие социальные группы говорящих и в разные сферы устной и книжно-письменной речи.

Заимствование может осуществляться двумя путями – устным и письменным. Для рус. языка до кон. 18 в. был характерен преим. устный путь; в 19 и особенно в 20 вв., в связи с усилением коммуникативной роли публицистики, средств

массовой информации, языка науки, начинает преобладать З. через письменные источники. При устном пути обычно осуществляется транскрипция (см.) иноязычного образца, при письменном возможны и транскрипция и транслитерация (см.).

Типы иноязычных слов: 1) заимствованные, или освоенные языком; они образуют три лексико-морфологические группы: а) слова, структурно совпадающие с иноязычными образцами: *автомобиль, глиссер, футбол, беж, хаки*; б) слова, морфологически оформленные аффиксами заимствующего языка: *джинс-ы* (англ. jeans), *марк-ирова-ть* (франц. marquer), *рентабель-н-ый* (нем. rentabel); в) слова с замещением части иноязычного образца рус. элементом: *шорт-ы* (англ. short-s), *теле-видение* (англ. tele-vision); 2) интернационализмы – слова, образованные в основном из греч. и лат. элементов и широко распространённые в языках мира: *телефон, философия, миллиметр* и т. п.; 3) экзотизмы – иноязычные наименования вещей и понятий, свойственных природе, жизни и культуре других стран и народов: *ленч* – второй завтрак у англичан, *бешмет* – стёганый полукафтан у кавказских народов, *сельва* – южноамериканский тропический лес и т. п.; 4) иноязычные вкрапления – слова и обороты, представляющие собой своеобразные клише, идиоматические выражения, обычно передаваемые графическими и фонетическими средствами языка-источника: *C'est la vie* 'Такова жизнь!' (франц.), *happy end* 'счастливый конец' (англ.), *entre nous* 'между нами' (франц.) и т. п.

Кроме того, под влиянием иноязычных слов – их словообразовательной или смысловой структуры – могут создаваться слова-кальки (см. Калька).

Заимствование иноязычной лексики рус. языком. В раннюю эпоху (11–14 вв.) были З. из фин. языка (*килька, навага, камбала, тундра, пихта* и др.), из тюркских языков (*башмак, тулуп, табун, аркан, сарай, караул* и многие др.), из греч. языка (*корабль, парус, тетрадь, кукла, школа, фонарь* и многие др.). В более позднюю эпоху, и особенно в 18–20 вв., греч. и лат. в своих основах слова проникали в рус. язык через посредство франц., нем., польск. языков: *физика, механика, политика, демократия, формула, инерция, студент, профессор, аудитория* и др. Сами эти зап.-европейские языки стали источником З. терминов техники (*адаптер, акваланг, блюминг, бульдозер, грейдер, комбайн, пикап* и др.– из англ. языка; *аэроплан, метро, такси* и др.– из франц. языка; *зуммер, рентген, репродуктор, армировать* и др.– из нем. языка), искусства и лит-ры (*балет, партер, пейзаж, жанр, репертуар, сюжет* и др.– из франц. языка; *ария, виолончель, соната, серенада, баритон* и др.– из итал. языка), военного, морского и горного дела [*бруствер, лагерь, офицер, солдат, штурм, шахта, штольня, штрек, маркшейдер* и др.– из нем. языка; *авангард, арсенал, атака, манёвр, патруль* и др.– из франц. языка; *бот, вымпел, гавань, крейсер, мачта, трап* и др.– из англ. и нидерландского (голландского) языков], спорта (гл. обр. из англ. языка: *бокс, волейбол, теннис, старт, финиш, рекорд, чемпион* и др.), слов – названий одежды, обуви, предметов быта, видов кушаний и т. п. (*пальто, сюртук, жакет, жилет, костюм, комбинезон, суп, котлета, рагу, пюре, десерт* и др.– из франц. языка; *джемпер, свитер, джинсы, бутсы, коктейль, сандвич* и др.– из англ. языка).

Использование З. в речи. Значительная часть иноязычной лексики – слова книжные. Поэтому наиболее уместно их употребление в жанрах книжно-лит. речи. В научной и технической лит-ре широко используются иноязычные по происхождению термины. В речи же обиходной, бытовой употребление иностранных слов часто не вызывается необходимостью, особенно в тех случаях, когда имеются близкие по смыслу рус. слова. Напр., вместо *дефицит времени* естественнее сказать *нехватка* или *недостаток времени*, вместо *между нами нет консенсуса* лучше и точнее сказать *нет согласия*.

З. иноязычной лексики – естественный и закономерный процесс, сопровождающий контакты народов и их языков. Этот процесс обогащает язык и обычно не вредит его самобытности, т. к. при этом сохраняется основной, «свой» словарь и, кроме того, неизменным остаётся присущий языку грамматический строй. Однако в истории языка бывают периоды весьма интенсивного иноязычного влияния и широкого употребления иноязычных слов (как, напр., это происходит в рус. языке в 80–90-х гг. 20 в.), что может вызывать негативное отношение к иноязычным словам, к-рые расцениваются не только как недопустимое засорение родного языка, но и как символы чужой идеологии и культуры. Тем не менее, несмотря на протесты, нередко идущие со стороны влиятельных литераторов, общественных деятелей, политиков, подавляющее большинство заимствуемых слов сохраняется в употреблении при одном важном условии: если в них есть коммуникативная необходимость и они используются в соответствии с функциональными и жанрово-стилистическими особенностями речи.

Лит.: Гальди Л., Слова романского происхождения в рус. языке, [пер. с франц.], М., 1958; Суперанская А. В., Заимствование слов и практическая транскрипция, М., 1962; Сорокин Ю. С., Развитие словарного состава рус. лит. языка. 30–90-е годы XIX века, М.– Л., 1965; Леонтьев А. А., Иноязычные вкрапления в рус. речь, в кн.: ВКР, в. 7, М., 1966; Авилова Н. С., Слова интернационального происхождения в рус. лит. языке нового времени. (Глаголы с заимствованной основой), М., 1967; Крысин Л. П., Иноязычные слова в совр. рус. языке, М., 1968; Аристова В. М., Англо-рус. языковые контакты. Англицизмы в рус. языке, Л., 1978; Лотте Д. С., Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов, М., 1982 (лит.).

Л. П. Крысин.

Зало́г – глагольная категория, выражающая отношение процесса к его субъекту (производителю действия или носителю состояния) и к объекту (предмету, на к-рый направлен процесс). Эта категория строится как противопоставление двух рядов форм – действительного и страдательного З. Действительный З. представляет действие как исходящее от субъекта, страдательный З.– как пассивный признак объекта. Конструкции с глаголами действительного З. называются активными (см. Активная конструкция), а конструкции с глаголами страдательного З.– пассивными (см. Пассивная конструкция). В активной конструкции в позиции подлежащего стоит название действующего субъекта, а объект выражен формой вин. п.: *Студенты сдают экзамен; Комиссия утвердила проект.* В пассивной конструкции подлежащим выражен объект, испытывающий воздействие, а название действующего субъекта стоит в форме твор. п.: *Экзамены сдаются студентами; Проект утверждён комиссией* (субъектные формы тв. п. могут и отсутствовать). Обе конструкции описывают одну и ту же ситуацию, но представляют её по-разному: активная конструкция имеет значение 'субъект производит действие, направленное на объект', а пассивная – 'объект подвергается воздействию со стороны субъекта' (см. Диатеза).

Значение действительного З. не имеет собственных регулярных средств выражения. Значение страдательного З. выражается: 1) формами страдательных причастий: а) у глаголов несов. вида – формами страдательных причастий наст. времени (*любить – любим, любимый; читать – читаем, читаемый*) и редко – формами страдательных причастий прош. времени (*читать – читан, читанный; звать – зван, званный*); б) у глаголов сов. вида – формами страдательных причастий прош. времени: *прочитать – прочитан, прочитанный; строить – построен, построенный*; 2) глаголами с постфиксом *-ся*, стоящими в пассивной конструкции и мотивированными глаголами действительного З. без *-ся*; образование глаголов страдательного З. с помощью постфикса *-ся* характерно в основном для глаголов несов. вида: *читать – читаться, анализировать – анализироваться, демонстрировать – демонстрироваться*, хотя возможны образования от глаголов сов. вида: *«Но и это не конец рассказа! Пусть же он допишется победой»* (Антокольский).

Т. о., категория З. имеет смешанный характер: она выражается как словоизменительными средствами (причастиями), так и несловоизменительными (глаголами страдательного З. с постфиксом *-ся*).

Глаголы страдательного З. с постфиксом *-ся* употребляются преим. в формах 3-го лица ед. и мн. ч. и причастий (*читается, читаются, читающийся, читавшийся*), но возможны и формы 1-го и 2-го лица, инфинитива и деепричастия, напр.: *«Каждый день я о с л е п л я ю с ь солнцем и подхожу к окну, чтобы любоваться его лучами»* (Гладков); *«Вы о б в и н я е т е с ь в злостном саботаже»* (Федин); *«С шумом и торжествующим грохотом вагоны начали живо з а п о л н я т ь с я»* (Федин); *«Теперь наступили сумерки; даль начинала уже пропадать, з а с л о н я я с ь густым, сизым мраком»* (Григорович).

Все глаголы с постфиксом *-ся*, не имеющие страдательного значения, называются возвратными (см. Возвратные глаголы) и относятся к действительному З., напр.: *умываться, целоваться, кусаться* (*собака кусается*), *сердиться, уложиться* (в значении 'уложить свои вещи'), *хотеться, разбрестись, переговариваться*.

Один и тот же глагол с постфиксом *-ся* может в одном из своих значений относиться к страдательному З., а в других – к действительному. Эти значения различаются в контексте, напр. глагол *строиться* в предложении *Дом строится рабочими* имеет значение страдательного З., а в предложении *«Я вот строиться люблю. Строение украшает землю»* (М. Горький) – значение действительного З. ('строить себе дом или другую постройку').

Глаголы страдательного З. с постфиксом *-ся* и формы страдательных причастий образуются гл. обр. от перех. глаголов (см. Переходность – непереходность): *строить – строиться, построить – построен, читать – читаемый*, исключение составляют образования от нек-рых неперех. глаголов, управляющих падежной формой с объектным значением: *управлять чем – управляться, управляемый; руководить кем-чем – руководимый; предводительствовать кем-чем – предводительствуемый; предшествовать кому-чему – предшествуемый; командовать кем-чем – командуемый.*

Лит.: Фортунатов Ф. Ф., О залогах рус. глагола, СПБ, 1899; Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Совр. рус. язык. Морфология, [М.], 1952; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Рус. глагол, Л., 1967; Бондарко А. В., К теории поля в грамматике – залог и залоговость, «ВЯ», 1972, № 3; Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974; Зализняк А. А., Грамматический словарь рус. языка. Словоизменение, М., 1977; Проблемы теории грамматического залога, Л., 1978; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Залоговые конструкции в разноструктурных языках, Л., 1981; Совр. рус. язык, М., 1981; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, СПБ, 1991.

И. С. Улуханов.

Западнославя́нские языки́ – см. Славянские языки.

Запята́я (,) – одиночный разделительный знак препинания (см. Знаки препинания), служащий для внутреннего членения предложения. Основное назначение З.– отделение одного элемента предложения или одной синтаксической структуры от другого/другой, при их синтаксической равноправности. З. употребляется обычно при перечислении: 1) между однородными членами предложе-

ния (без союзов или с сочинительными союзами): *«Но он не ответил, стоял у плиты и долго, мелкими глотками пил горячую воду»* (Симонов); *«...закрытость архивов наносит ущерб не только замечательным людям, но и в целом репутации секретной службы, исторической науке»* (газ.); 2) между простыми предложениями – частями сложносочинённого предложения или бессоюзного сложного (если отношения между частями не причинно-следственные, не пояснительные, не условные, ср. двоеточие и тире): *«Серпилин хотел взять у неё узел, но она не отдала»* (Симонов); *«Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела»* (Пушкин).

В тексте употребление одиночной З.– как знака разделительного – следует отличать от двойной З. Двойная запятая – парный выделительный знак препинания, служащий для внутреннего членения предложения. Основное назначение двойной З.– выделение: 1) обособленных членов предложения и конструкций: *«В бронетанковом управлении, несмотря на ранний час, жизнь била ключом»* (Симонов); 2) придаточных предложений: *Он дождался, когда часы пробили шесть, и ушёл*; 3) вводных слов, конструкций и предложений: *В шесть часов я, вероятно, буду дома*; 4) обращений и междометий: *«Ах, витязь, то была Наина»* (Пушкин).

Двойная З. может быть или в сильной позиции – в середине состава предложения (выделяемое фиксируется в тексте с обеих сторон, см. выше первые три примера), или в слабой позиции – выделяемое находится в начальной или в конечной части предложения и фиксируется в начальной части только правым компонентом двойной З., а в конечной части – только левым компонентом, ср. *Когда часы пробили шесть, он поднялся и ушёл – Он поднялся и ушёл, когда часы пробили шесть.*

В памятниках др.-рус. письменности З. употреблялась с 15 в. без чёткого ограничения функций знака. Как разделительный знак препинания внутри предложения З. отмечена в первой грамматике рус. языка В. Е. Адодурова [1731, рукопись; переведена на швед. яз. (1750) М. Грёнингом]. Двойная З. («две запятые») в качестве самостоятельного парного знака препинания отмечена А. Б. Шапиро (1955).

Лит. см. при ст. Пунктуация. *Б. С. Шварцкопф.*

Зва́тельная фо́рма – особая падежная форма существительных в системе древнерусского склонения, называющая лицо (реже предмет), к к-рому обращена речь. Эта форма получила наименование звательного падежа, хотя, в отличие от других падежей, находится вне синтаксических отношений. З. ф. была морфологически выражена особым аффиксом только в ед. ч. и лишь в словах муж. рода с древнейшими основами на *ŏ*, *й*, *ĭ* типа: *вѣтре, вълче, братие, коню, отроче, княже, меду, вьрху*, а также в основах жен. рода на *а* и *ĭ* типа: *сестро, руко, дружино, воле, душе, дѣвици, ночи.* Все остальные существительные муж. и жен. рода, а также все существительные ср. рода имели З. ф., равную им. падежу. З. ф. очень рано начала утрачиваться. Случаи её утраты обнаруживаются уже в 11 в., в Остромировом Евангелии 1056–1057 (см.). Окончание этого процесса относится к 14–15 вв., когда завершилось разделение др.-рус. языка на рус., укр. и белорусский. В укр. и белорус. языках З. ф. сохранилась. В рус. языке старые формы типа *боже, господи* употребляются либо как обращение к Богу, либо как междометия; формы типа *отче, друже* употребляются лишь в стилистических целях: *«Чего тебе надобно, старче?»* (Пушкин). В качестве З. ф. при обращении в рус. лит. языке используется форма им. п. ед. ч.

В совр. разг. речи у существительных, оканчивающихся на безударное *а*, развилась новая звательная форма: *мам, Коль, Петь* и т. п. Эта форма генетически не связана с др.-рус. звательным падежом и является новообразованием. В ней конечный безударный гласный *а* подвергся сильной редукции, приведшей к его окончательной утрате.

Лит.: Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка. Морфология, М., 1953; Якубинский Л. П., История др.-рус. языка, М., 1953; Шахматов А. А., Историческая морфология рус. языка, М., 1957; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., Историческая грамматика рус. языка, М., 1981; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990 *Л. В. Вялкина.*

Зву́ки ре́чи – класс звуков, образуемых в результате произносительной деятельности человека. З. р.– часть того множества акустических колебаний, к-рые воспринимаются слуховой системой человека. В отличие от других звуков живой и неживой природы, З. р. используются для образования более сложных комплексов, служащих специфическими «оболочками» значимых единиц – морфем или слов.

В соответствии со способом производства, получаемым эффектом и воспринимаемыми характеристиками говорят об артикуляции (физиологии), акустике и восприятии (перцепции) З. р. Артикуляционно каждый З. р. образуется в результате сложных движений произносительных органов. Акустически З. р., как и всякие другие звуки, могут быть определены как колебательные движения, передаваемые воздушной средой. Источниками звука служат: модуляция выдыхаемого воздуха колебаниями голосовых связок – голосовой источник; препятствия, создаваемые воздушной струёй в речевом аппарате,– полное смыкание артикулирующих органов (смычка) или их значительное сближение (щель) – шумовые источники. В образовании каждого З. р. участвуют один, два или три источника: гласные образуются при участии только голосового источника, глухие взрывные согласные – при участии шумового импульсного источника (шумовой импульс

возникает при резком раскрытии смычки, в результате к-рого выравнивается давление за местом смычки и атмосферное), звонкие взрывные – при участии голосового и импульсного источника, глухие щелевые – при участии турбулентного шумового источника (турбулентный шум – шум трения воздушной струи, вызванного сужением артикулирующих органов), звонкие щелевые – при участии турбулентного и голосового источника и т. д. Акустические свойства З. р. зависят не только от характеристик источника, но и от размера и формы надгортанных полостей, играющих роль резонаторов: в зависимости от того, какое положение занимают язык, губы, мягкое нёбо, в надгортанных полостях возникают и усиливаются колебания различной частоты и интенсивности, так что слышимые нами З. р.– это сложные акустические образования, возникающие в результате наложения акустических характеристик надгортанных полостей на акустические характеристики источников звука.

Акустические свойства звуков воспринимаются и оцениваются слуховой системой человека. Звуки, образуемые только голосовым источником, оцениваются слухом как музыкальные тоны, звуки, образующиеся импульсным источником,– как мгновенные шумные звуки, и т. д. З. р. характеризуются большой изменчивостью в зависимости от двух основных фактов – положения данного звука по отношению к ударению и качества соседних звуков. Только под ударением произносятся звуки, максимально приближающиеся по своим характеристикам к тем, к-рые мы можем произнести изолированно. Такие звуки содержат стационарный, т. е. не изменяющийся на протяжении звучания, участок, соответствующий фазе артикуляторной выдержки. В безударных слогах происходит ослабление, редукция звуков, приводящая к сокращению времени их звучания (длительности) и к менее отчётливой артикуляции, что вызывает и изменения качества звучания вплоть до исчезновения стационарного участка. Соседние звуки также значительно изменяют артикуляционно-акустические свойства З. р.: так, после мягкого согласного гласные *а, о, у, е* начинаются с *и*-образного элемента, появление к-рого объясняется движением языка от *и*-образного положения при артикуляции мягких согласных к положению, характерному для произнесения гласных *а, о, у, е*; согласные перед гласными *у, о* произносятся с выпяченными и округлёнными губами – такое положение характерно для губ при произнесении этих гласных. В результате этих взаимовлияний «один и тот же» З. р. представлен самыми различными артикуляциями, порождающими многообразные акустические эффекты. Их восприятие как «похожих» обеспечивается тем, что возникающие звуковые различия не используются для различения звуковых оболочек слов и определяются чисто фонетическими особенностями.

Границы между соседними З. р., следующими друг за другом в речевой последовательности, не выражены акустически достаточно чётко. При анализе записи акустического сигнала, соответствующего определённому слову, мы можем провести границы между звуками лишь в том случае, если знаем фонемный состав этого слова. Экспериментально-фонетические исследования показывают, что даже при достаточно тщательном произнесении слова далеко не всегда можно найти в записи этого слова те «звуки», к-рые должны были бы соответствовать фонемной модели. Напр., в заударных цепочках в словах типа *выбранные, следующую, образованию* и т. д. интервокальный *й* практически отсутствует и его «следы» обнаруживаются только как изменение соседних гласных.

Вообще же разбиение на З. р. даже простой последовательности «согласный + гласный» не может быть основано на её артикуляционно-акустических свойствах: при произнесении согласного мы наблюдаем и артикуляционные движения, свойственные след. гласному, а на протяжении этого гласного происходит постепенная перестройка артикуляции от предшествующего согласного. Т. о., описание артикуляционно-акустических особенностей З. р. достаточно условно, т. к. минимальной произносительной единицей является слог.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Фант Г., Акустическая теория речеобразования, пер. с англ., М., 1964; Скалозуб Л. Г., Динамика звукообразования: по данным кинорентгенографирования, К., 1979; Сорокин В. Н., Теория речеобразования, М., 1985; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Основы общей фонетики, СПБ, 1991. *Л. В. Бондарко.*

Звукові́е зако́ны – регулярно осуществляющиеся в современном состоянии или в истории языка звуковые (фонетические) изменения. В разные периоды истории в языке могут действовать разные З. з. Закон, живой для одной эпохи, в другую эпоху может прекратить своё действие, возникают другие З. з. Напр., в истории рус. языка в древнейшую эпоху действовал З. з., по к-рому согласные *к, г, х* перед гласными переднего образования изменялись в мягкие шипящие *ч', ж', ш'* (см. Палатализация). Этот З. з. определял произношение *к, г, х* перед непередними гласными и произношение на их месте мягких шипящих перед передними гласными: *рука – поручити, другъ – дружити, сухъ – сушити*. В более позднюю эпоху этот З. з. перестал действовать: *к, г, х* и *ч, ж, ш* стали возможны перед одними и теми же гласными, но результаты действия прежнего закона сохранились в явлении чередования заднеязычных с шипящими в совр. рус. языке. В 13–15 вв. в рус. языке действовал З. з., по к-рому гласный *е* изменился в *о* после мягких согласных перед твёрдыми (*нес → нёс, пес → пёс, береза → берёза*), после прекращения действия этого закона произношение *е* в такой позиции стало возможным (*лес* из *лѣсъ*,

верх из *ве[р']хъ*, *женский* из *же[н']ский*, заимствованное *аптека*), результаты действия прежнего З. з. сохраняются в совр. рус. языке в виде чередования *е*/о (*сельский – сёла, веселье – весёлый, темень – тёмный*).

В совр. рус. лит. языке действует ряд З. з., определяющих характер его фонетической системы. Таков закон регулярного совпадения гласных *а, о, е* в первом предударном слоге в одном звуке (см. Аканье), закон сочетаемости глухих шумных согласных только с глухими шумными, а звонких – только со звонкими: *о[пс]ыпать, по[тп]исать, но[шк]а, ла[фк]а* и *сва[д'б]а, про[з'б]а, во[зг]ал, [зд']елать*. Этим З. з. подчиняется произношение любого слова и любой формы.

Одни и те же З. з. могут действовать в ряде родственных языков, результаты их осуществления могут быть одинаковыми или различными. Напр., рассмотренное выше изменение *к, г, х* в *ч', ж', ш'* осуществилось с одинаковыми результатами во всех слав. языках, а изменение сочетаний *т* и *д* с *j* дало разные результаты в разных слав. языках (напр., общеслав. **světja* дало др.-рус. *свѣча*, ст.-слав. *свѣшта*, польск. *świeca*; общеслав. **medja* → др.-рус. *межа*, ст.-слав. *между*, польск. *miedza*). Эти результаты обнаруживают регулярные закономерные соответствия между слав. языками, что имеет важное значение для изучения проблемы родства языков и закономерностей развития их звукового строя.

З. з. действуют как абсолютные для определённого языка в определённый период его развития, однако на их действие иногда оказывают влияние условия их осуществления, к-рые могут нарушать последовательность их проявления. Напр., в совр. рус. лит. языке на конце слов, как правило, произносится только твёрдый [*м*] (*столом, дам, тем, им*), это отражение действия древнего З. з. отвердения мягкого [*м'*] в абсолютном конце слова. В таких же словах, как *семь, восемь, темь, озимь, заумь, впрямь*, отвердения [*м'*] не произошло, что объясняется или воздействием на эти формы форм косвенных падежей (см. Аналогия), где после [*м'*] был гласный (типа *семи, восьми*), или поздним их происхождением, когда З. з. отвердения конечного [*м'*] перестал действовать.

Причины возникновения звуковых изменений изучены недостаточно, можно только предполагать, что они заложены в самом языке и вызваны внутренними тенденциями его развития, а также влиянием других языков и диалектов.

Лит.: Шухардт Г., О фонетических законах, в его кн.: Избр. статьи по языкознанию, пер. с нем., М., 1950; Бодуэн де Куртенэ И. А., Фонетические законы, в его кн.: Избр. тр. по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Будагов Р. А., Введение в науку о языке, 2 изд., М., 1965; Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967; Журавлёв В. К., Постулат непреложности фонетических законов и совр. компаративистика, «ВЯ», 1986, № 4. *В. В. Иванов.*

ЗВУКОПОДРАЖА́ТЕЛЬНЫЕ СЛОВА́, звукоподражания,– неизменяемые слова, к-рые своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, предметами звуки, а также разнообразные явления природы, сопровождаемые звуками, напр.: *«Журавлям хорошо: поднялся повыше и лети,– курлы-курлы-курлы»* (Полевой); *«Тра-та-та! Тра-та-та! – трещали, слетаясь со всех краёв, сороки»* (Соколов-Микитов); *«Хи-хи-хи да ха-ха-ха! Не боится, знать, греха»* (Пушкин); *«"Ках!Ках!" – подгонял упряжку Кречетов»* (М. Белов); *«Порою двухствольное ружьё бухает раз за разом: бух-бух»* (М. Горький); *Звенят колокольчики: дзинь-дзинь, дзинь-дзинь.*

З. с. обладают лексическим значением. Звуковая оформленность, звуковая мотивированность лексического значения – специфическая черта звукоподражаний. В каждом языке З. с. имеют постоянный фонемный состав. Напр., в рус. языке: *мяу* (о кошке), *кря-кря* (об утках), *гав-гав* (о собаке), *кукареку* (о петухе), *хрю-хрю* (о свинье), *буль-буль* (о звуке жидкости). Благодаря этому они одинаково понимаются всеми говорящими на рус. языке, выступают как полноценные слова.

Звукоподражания обычно состоят из одного слога, к-рый нередко повторяется (*буль-буль, кап-кап, ха-ха, го-го-го, пых-пых*), часто с изменениями во второй части (*пиф-паф, тик-так, чик-чирик, куд-кудах*).

Для носителей рус. языка значение З. с. понятно и вне контекста. Так, любой владеющий рус. языком без труда поймёт, что выражают, напр., след. звукоподражания: *ква-ква, мяу; тик-так, пиф-паф, кап-кап; шу-шу-шу, апчхи, топ-топ* и т. п.

В детской речи многие З. с. употребляются как наименования животных и предметов: *Чик-чирик улетел; Иди покорми му; Тик-так не трогай.* Это вторичная функция звукоподражаний.

Как коллективно осмысленные языковые знаки-слова, звукоподражания находят отражение в словарях, толкуются. Напр., в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. 1–4, 1934–40): «**Бе** и **бе-е-е**, звукоподр. О блеянии овец; **Тик-так**, звукоподр. О тиканье часов; **Трух-трух** и **трюх-трюх**, звукоподр. О езде трусцой».

Звукоподражания грамматически не изолированы от остальных слов. Они могут субстантивироваться и употребляться в функции подлежащего, дополнения и (особенно часто) сказуемого. В таких случаях они могут управлять другими словами, иметь при себе определение. Напр.: *«Всё хи-хи да хи-хи* (сказуемое) *вокруг юбки. Легкомыслие!»* (Бондарев); *«Но бестолковая кукушка, Самолюбивая болтушка, Одно куку* (дополнение) *своё твердит»* (Пушкин); *«Доктор уходит, свеча тухнет, и опять слышится бу-бу-бу-бу* (подлежащее)*»* (Чехов); *«Снизу,*

словно из-под глубины земли, доносились глухие звуки: ш л ё п, ш л ё п, ш л ё п . . . (подлежащее)» (М. Белов); «*своё к у к у*» (Пушкин), «*нерешительное к у к у*» (М. Горький); перен.: «*элегические к у к у*» (Пушкин); «*Я петух, будильник ночи, С крику выбился из мочи, И принёс на Стикс-реку Я своё к у к а р е к у*» (Жуковский); «*Уже отпел все свои вечерние к у к а р е к у горластый Фетиньин петух*» (Леонов).

На базе З. с. формируется сравнительно большой класс т. н. глагольных междометий: *хлюп-хлюп, трах-тарарах, квак, бульк* и т. п.

Будучи полноценными словами, звукоподражания имеют широкие словообразовательные связи, активно участвуют в словообразовании. Они существенно обогащают производящую базу глагола: *шушукать* (от него: *шушукаться, шушуканье, зашушукать, пошушукать, прошушукать, пошушукаться, прошушукаться*); *кудахтать* (от него: *кудахтанье, закудахтать, покудахтать, прокудахтать, раскудахтаться* и др.); ср. также: *мяукать, хохотать, гоготать* со всеми производными. В области аффиксации словообразовательный потенциал звукоподражаний несравненно выше, чем у междометий, числительных, местоимений.

Грамматически звукоподражания близки к междометиям. Однако в отличие от них менее «привязаны» к интонации. Семантика З. с. не находится в тесной зависимости от интонации, не требует жестового и мимического сопровождения, не вырастает из обстановки, контекста.

Нек-рые исследователи считают, что З. с. составляют самостоятельную часть речи и включение их в состав междометий неправомерно. З. с. существенно отличаются от междометий семантически: не выражают ни эмоций, ни побуждений. З. с. являются активной частью системы языка, обогащая её словообразовательные ресурсы, фразеологический фонд, эмоционально-экспрессивные возможности.

Лит.: А ш м а р и н Н. И., Подражание в языках Среднего Поволжья 3–5, Баку, 1925; В и н о г р а д о в В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; К у н г у р о в Р. К., Т и х о н о в А. Н., Изобразительные слова как самостоятельная часть речи, в кн.: Вопросы теории частей речи, Л., 1968, Т и х о н о в А. Н., Морфология, в кн.: Совр. рус. язык, 2 изд., ч 2, М., 1987.

А. Н. Тихонов.

Знак языково́й – языковая сущность (единица языка или комбинация единиц), заменяющая или указывающая на внеязыковую сущность (предмет, свойство, отношение, событие, положение дел), когда последняя становится предметом мыслительно-речевой деятельности. Вслед за Ф. де Соссюром З. я. трактуется как двусторонняя (билатеральная) сущность, имеющая план содержания (о з н а ч а е м о е) и план выражения (о з н а ч а ю щ е е); эти два плана, по определению Л. Ельмслева, связаны отношением к о м м у т а ц и и, проявляющимся в том, что смена одной из составляющих знака влечёт изменение другой. Однако было замечено (С. О. Карцевский, В. Скаличка), что две стороны знака не образуют последовательно идеальной симметрии и что уместно говорить об асимметричном дуализме З. я., т. е. о структурной смещённости означаемого и означающего относительно друг друга. Это выражается, напр., в наличии полисемии (варьирование означаемого при инвариантном означающем), полной синонимии (разные означающие при одном означаемом), омонимии (разные означаемые при одном означающем), вариативности падежных форм (ср. *деды* и *братья*) и т. п.

З. я. может быть кодовым и текстовым. Кодовые знаки существуют в виде системы противопоставленных в языке единиц, связанных отношением з н а ч и м о с т и, к-рое определяет специфическое для каждого языка содержание знаков. Текстовые знаки существуют в виде формально и по смыслу связанной последовательности единиц [включая и сам текст (см.) как целое]. Простейшим самостоятельным (способным называть) кодовым знаком является слово (см.), это оптимальный З. я., в к-ром означаемое – понятие, означающее – цепочка фонем, и их единство обусловлено значимостью, т. е. местом знака в системе. Минимальным и несамостоятельным З. я. является морфема (см.). Все языковые образования, превышающие размеры слова, представляют собой составные знаки разной степени сложности.

В с е м и о л о г и и (науке о знаковых системах) различают, вслед за Ч. С. Пирсом, три типа знаков, к-рые прослеживаются и в языке: 1) иконические знаки – наиболее точные образы обозначаемого [напр., звукоподражания (см. Звукоподражательные слова) и образованные от них слова типа *мяукать, кукарекать, тявканье*]; 2) индексальные знаки – выполняющие роль указателя (напр., указательные местоимения); 3) символические знаки – в к-рых связь между означаемым и означающим никак не вытекает ни из их природы, ни из смежности их денотатов (см.) в пространстве, а определяется социально установленной условностью (таковы в большинстве своём типичные З. я.– слова естественных языков). Знаки-символы по установлению п р о и з в о л ь н ы, но по употреблению о б я з а т е л ь н ы в данном языковом коллективе. Знаковой природой в языке обладают не только единицы, несущие значение, но и языковые категории. Напр., в рус. языке категория о д у ш е в л ё н н о с т и – н е о д у ш е в л ё н н о с т и (см.) по природе своей иконична, т. к. отражает соотношение живого и неживого в природе согласно представлению говорящих, а категория рода (см.) иконична лишь в той мере, в какой она отражает реальные половые различия, но для большинства существительных она символична.

Иконизм может проявляться также в синтаксическом построении высказывания; напр., порядок однородных членов предложения часто отражает

степень объективной или субъективной важности для говорящего соответствующих реалий, а также относительную социальную иерархичность денотатов (ср. *Высокого гостя встречали государственный секретарь и другие официальные лица* и *Высокого гостя встречали официальные лица и государственный секретарь*).

В функционировании (а тем самым и в изучении) З. я. выделяются, согласно Ч. Моррису, три аспекта: З. я. в его отношении к обозначаемому — это семантика знака; З. я. в его отношении к другим знакам в тексте — это синтактика знака; З. я. в его отношении к пользователю (говорящему) — это прагматика (см.) знака. Иначе говоря, З. я. в плане содержания может рассматриваться с точки зрения денотативного, сигнификативного (см. Сигнификат) или коннотативного значения (см. Коннотация).

Не все единицы языка являются знаками; таковы фонетические различительные признаки, звуки, фонемы, слоги. Иногда их (и прежде всего фонемы), вслед за Ельмслевом, называют фигурами — элементами, из к-рых строится означающее З. я.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение. [Учебник для пед. ин-тов], 4 изд., М., 1967; Степанов Ю. С., Семиотика, М , 1971; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Тр. по языкознанию, пер. с франц., М., 1977; Якобсон Р. О., В поисках сущности языка, в кн.: Семиотика, под ред. Ю. С. Степанова, М., 1983.

В. А. Виноградов.

Зна́ки препина́ния — внеалфавитные графические средства, основное назначение к-рых — выявление синтаксической и смысловой структуры письменного текста, главным образом предложения; образуют центр системы пунктуации (см.). Системная организация З. п. основывается на противопоставлении двух общих функций З. п.: отделение (или разделение) и выделение; соответственно существуют два типа З. п.— разделительные и выделительные. Внутри этих двух типов может быть выделен ряд классов З. п., сферой действия к-рых является предложение. Разделительные З. п. включают конечные знаки, обозначающие правую границу предложения [точка (см.), вопросительный знак (см.), восклицательный знак (см.), многоточие (см.)], и знаки середины предложения [запятая (см.), точка с запятой (см.), тире (см.), двоеточие (см.), многоточие]. Выделительные З. п. охватывают З. п. середины предложения [парные знаки — скобки (см.), двойная запятая, двойное тире, двойное многоточие, кавычки (см.)].

З. п. подразделяются на одиночные и парные. Парные З. п.— выделительные: 1) двойная запятая, назначение к-рой — выделение обособленных членов предложения и конструкций, придаточных предложений, вводных и вставных конструкций, обращений и междометий: *«В бронетанковом управлении, несмотря на ранний час, жизнь била ключом»* (Симонов); *«Ах, витязь, то была Наина»* (Пушкин); 2) двойное тире, назначение к-рого — выделение вставных конструкций, а также подчёркиваемых обособлений и вводных конструкций: *«Фридрих — как опытный стратег — отлично понял это»* (Пикуль). В тексте употребление двойных запятой и тире — как знаков выделяющих — следует отличать от одиночных запятой и тире — как знаков разделяющих; 3) скобки, назначение к-рых — изоляция в тексте предложения вставных слов и конструкций: *«Ничего не мог потом вспомнить Лёва (или не хотел...) об их последовавшем единственном свидании»* (Битов); 4) двойное многоточие, назначение к-рого — выделение вставных слов и конструкций: *«Я не стала звонить матери, зная её ... как бы сказать ... нервную реакцию на всё»* (Амлинский). Знаки «двойная запятая» («две запятые») и «двойное тире» («два тире») в качестве самостоятельных парных З. п. впервые отмечены А. Б. Шапиро (1955), «двойное многоточие» — Б. С. Шварцкопфом (1988).

Четырём этим выделительным знакам противостоит парный смысловой З. п.— кавычки. Кавычки, независимо от объёма выделяемого (от слова до отрезка текста), отмечают левую и правую границы: 1) как правило, безабзацной прямой речи и цитаты: *«"Как это скучно!" — воскликнул я невольно»* (Лермонтов); 2) как правило, условных (собственных) наименований: *ледокол «Красин», газета «Известия»*; 3) факультативно (если автор хочет обратить внимание) подчёркиваемого в тексте слова/выражения: а) содержащего переносный смысл: *не без приятности «убить вечер»; «Скорее всего "соль" всё-таки в юморе»* (Михалков); б) выражающего модальную оценку, ср. «внизу» и «наверху» — о космических полётах; в) выражающего ироническую оценку: *«Кто же это подмахнул, "не посоветовавшись с народом"? Очень хотелось бы знать имена наших "героев"»* (газ.); г) выражающего стилистическую оценку: *«В те годы "на" него писали характеристику»* (Л. Я. Гинзбург).

Нагруженность З. п. различна; основная грамматическая нагрузка ложится на запятые — одиночную (разделение однородных элементов простого предложения и частей сложного предложения) и парную (выделение обособлений, придаточных предложений и вводных конструкций).

Задача синтаксического и смыслового членения текста/предложения обусловливает противопоставление формальных и смысловых З. п. Так, в классе конечных разделительных З. п. точка относится к формальным знакам, вопросительный и восклицательный знаки, а также многоточие — к смысловым, в разделительных знаках середины предложения к формальным З. п. относятся запятая и точка с запятой, к смысловым — тире и двоеточие, в классе выделительных знаков середи-

ны предложения к формальным относятся двойные запятая и тире, а также скобки, к смысловым – кавычки.

В отличие от грамматических, фонетических и других единиц языковой системы, системная избыточность З. п. представлена не как внутриединичная (как вариантность), а как межъединичная (как синонимия), обеспечивающая возможность выбора пишущим одного из ряда З. п. для любой синтаксической ситуации. В процессе функционирования З. п. в тексте могут иметь место позиционная варьируемость двойных запятой и тире и контактное взаимодействие в одном пробеле этих парных З. п. с одиночными запятой и тире.

Лит. см. при ст. Пунктуация. *Б. С. Шварцкопф.*

Знамена́тельные слова́, полнозначные слова, самостоятельные слова,– слова, обладающие лексической самостоятельностью, то есть называющие предметы и признаки или указывающие на них и таким образом наполняющиеся конкретным предметным или признаковым содержанием только в условиях речи, контекста; как те, так и другие способны функционировать в качестве членов предложения, напр.: *стол, большой, он, этот, десять, играть, интересно, там.* З. с. образуют главный лексический и грамматический фонд языка и группируются в след. классы, или части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол и наречие. Все З. с., кроме неизменяемых наречий, обладают комплексом формально выраженных грамматических значений (см.). Внутри З. с., пересекая их основное деление на части речи, проходит деление слов, во-первых, на неуказательные (собственно-знаменательные: *окно, стена, красивый, писать, по-братски*) и указательные (местоименные слова или местоимения) и, во-вторых, на несчётные и счётные (числительные). К указательным (местоименным) словам относятся все слова, указывающие на предмет или признак, включая обстоятельственный признак (наречие), но не называющие их (*она, эти, все, такой, несколько, туда, там, тогда*). Эта специфическая особенность местоимений может служить основанием для выведения их из состава З. с. и объединения в особый класс слов, обозначающих объекты действительности не непосредственно, а опосредованно (см. Слово). К счётным (числительным) словам относятся слова, называющие количество предметов, признак места в ряду по счёту, количественные характеристики действия (*два, трое, шестой, несколько, вдвое, вчетвером, много*). З. с. как слова, обладающие лексической и грамматической самостоятельностью, противопоставляются служебным словам (см.).

Деление слов на знаменательные и служебные в рус. грамматике укрепилось с 18 в. Это деление слов под разными терминологическими наименованиями – слова лексические и формальные (А. А. Потебня), полные и частичные (Ф. Ф. Фортунатов), слова-названия и их эквиваленты-местоимения и связочные, служебные слова (В. В. Виноградов) – сохраняется и ныне и принято во всех работах по рус. грамматике.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1952; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980.

В. А. Плотникова (Робинсон).

Значе́ние – содержание языкового знака (см. Знак языковой), образующееся вследствие отображения внеязыковой действительности в сознании людей. З. языковой единицы в системе языка виртуально, т. е. оно определяется тем, что данная единица может обозначать. В конкретном высказывании З. языковой единицы актуализуется, поскольку единица соотносится с конкретным объектом, с тем, что она реально обозначает в высказывании. Потенциальное системное З. называется сигнификативным, актуализированное конкретно-речевое – денотативным. Сигнификативное З. создаётся путём мысленного выявления признаков предметов и явлений, их сопоставления, классификации, обобщения, объединения в класс объектов или явлений на основании их общих признаков. Потенциальное сигнификативное З. является определяющим в пользовании языком: если человек не знает его, он не сможет правильно употребить или интерпретировать языковую единицу. Денотативное З. представляет собой отображение в сознании говорящих конкретного объекта или явления.

З. свойственно любой двуплановой единице. Определённым З., как сигнификативным, так и денотативным, обладают не только слова, но и морфемы (как грамматические, так и словообразовательные), словосочетания и предложения и другие языковые единицы.

Языковые З. неоднородны. Можно выделить след. функциональные типы З.: предметные (отображение объектов), качественные (отображение признаков предметов), реляционные (отображение отношений между предметами), модальные (отображение отношений говорящих к предметам и явлениям), эмоциональные (отображение чувств, переживаний), коммуникативные (отображение условий и структуры речевого акта), интерперсональные (отображение отношений между говорящими). Слова могут быть носителями любых З. Грамматическими средствами выражают преим. реляционные, модальные, коммуникативные З., интонационными – эмоциональные и коммуникативные З.

У языковой единицы может возникать новое соотношение с элементами действительности, в связи с чем она меняет своё З. или приобретает многозначность. Различаются первичные (прямые) и вторичные (переносные) З. языковых единиц. Первичным З. глагола *идти* является ‘передвигаться пешком’, вторичным – ‘функциониро-

вать' (*Часы идут*), вторичное значение формы наст. времени – выражение действия в прошедшем, в будущем или вне времени (т. н. настоящее абсолютное), вопросительной формы – выражение приказания (*Ты замолчишь или нет?*), уменьшительного суффикса – обозначение орудия или части предмета (*спинка дивана*), вторичное значение пространственных глагольных префиксов – выражение сов. вида (*написать*). Первичные З. парадигматичны, определяются при минимальном контексте, вторичные – выявляются на основании окружения (в контексте) или по соотнесённости с ситуацией. Обычной закономерностью построения речи является семантическая согласованность З. элементов, входящих в состав высказывания.

Языку свойственна асимметрия в отношении «З.– форма»: одна и та же языковая форма может обладать рядом значений, тогда как одно З. может выражаться рядом форм, даже относящихся к разным уровням языка.

Лит. см. при статьях Лексическое значение, Слово, Семантика.

В. Г. Гак.

И и

И и ик Ꙇ Іи Ии

И, и – десятая буква русского алфавита. Её название – «и» употребляется как существительное ср. рода: *прописное и*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) – «иже», к-рая имела числовое значение «восемь» и поэтому называлась «и восьмеричное». Функцию обозначения той же фонемы ⟨*и*⟩ выполняла в кириллице буква *i* («и десятеричное»), отсюда выражение: *ставить точки над и* – ‘уточнять сказанное, раскрывать намёки’. «Десятеричное и» имело числовое значение «десять» и было исключено из состава рус. алфавита реформой 1917–18 (см. Реформы азбуки и правописания).

При классификационных обозначениях буква *И, и* имеет значение «девятый»: *ложа И, пункт и первого раздела*.

Графические значения буквы *и*: 1) в начале слова, после гласных букв и после согласных шипящих и *ц* – обозначение фонемы ⟨*и*⟩: *игра, поиск, жизнь, чисто, машина, щи, цирк*; 2) после остальных согласных букв – обозначение фонемы ⟨*и*⟩ и мягкости предшествующей согласной фонемы: *мир, сила*; 3) после *ь* – обозначение сочетания фонем ⟨*ju*⟩: *чьи*.

Игра́ слов – то же, что каламбур.

Идеографи́ческие словари́ – лингвистические словари (см. Словари лингвистические), в к-рых лексический состав языка представлен в виде систематизированных групп слов, в той или иной степени близких в смысловом отношении. И. с., как и алфавитные толковые словари (см.), представляют и объясняют смысловое содержание лексических единиц, но в решении этой задачи идут не от отдельного слова, а от понятия (идеи) к выражению этого понятия в словах (словосочетаниях). Основное назначение И. с.– описать совокупности лексических единиц, объединённых общим понятием; это облегчает читателю выбор наиболее подходящих средств для адекватного выражения мысли и способствует активному владению языком.

Создание И. с. имеет давнюю традицию, прежде всего зап.-европейскую, ср.: P. M. Roget, «Thesaurus of English words and phrases classified and arranged so as to facilitate the expression of ideas and assist in literary composition» (1852); P. Boissière, «Dictionnaire analogique de la langue française» (1862); J. Casares, «Diccionario

Й й

Й и ик Ꙇ Іи Ии

Фрагменты текста «Лексической основы русского языка» под ред. В. В. Морковкина (1984).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

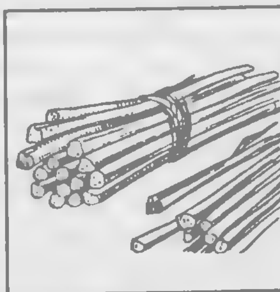
ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ

• 529. **дере́вня** 1.0. (небольшая ~) *ткж.* 605
дереве́нский *ткж.* 605
село́ (большое ~) *ткж.* 605
се́льск//ий 1.0. (~ая школа) *ткж.* 605
сельскохозя́йственн//ый 1.0. (~ые машины)
крестья́нин *ткж.* 610, 617
крестья́нка
агроно́м *ткж.* 495

ДЕРЕ́В/Н (Я)
1.0. небольшая деревня **Ид.**–529, 605. **Син. Фр. Орт. Ст.**
1.1. собрать всю деревню **Ид.**–342, 610.
2.0. *только ед.* жить в деревне **Ид.**–605. **Ант.**

ДЕ́РЕВ (О)
1.0. высокое дерево **Ид.**–159. **Орт.**
2.0. *только ед.* сделать что-л. из дерева **Ид.**–521. **Син.**

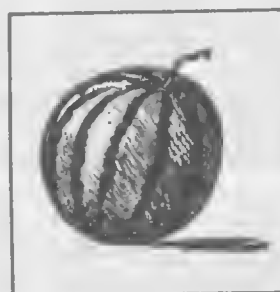
Что это? — Mis see on?

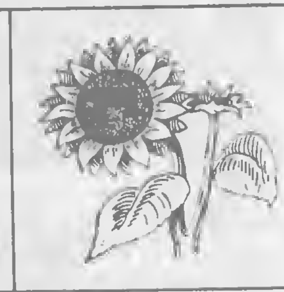

ревень
rabarber

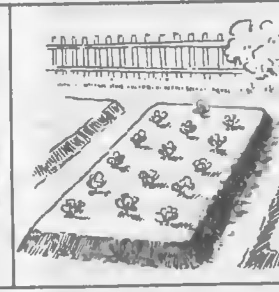

хрен
mädarõigas

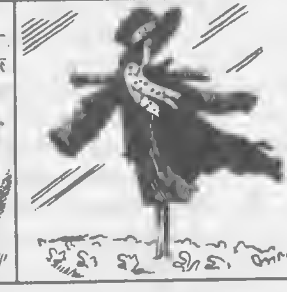

дыня
melon

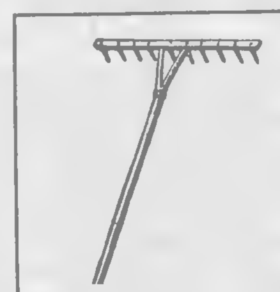

тыква
kõrvits

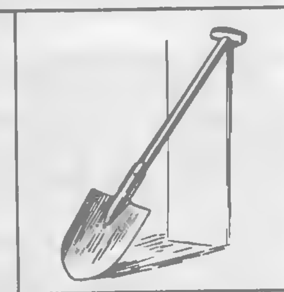

арбуз
arbuus

подсолнечник
päevalill

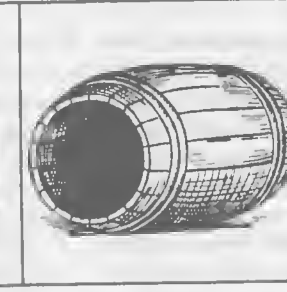

гряда
peenar

пугало
hirmutis

грабли
reha

лопата
labidas

лейка
kastekann

бочка
vaat

мальчик копает
poiss kaevab

мальчик сажает
poiss istutab

мальчик поливает
poiss kastab

мальчик полет
poiss kitkub

Что делает мальчик? Mida teeb poiss?

Фрагмент текста «Картинного русско-эстонского словаря» З. Н. Дормидонтовой.

ideológico de la lengua española» (1957; 2 ed., 1959). В рус. лексикографии И. с. стали создаваться с 40-х гг. 20 в. («Картинный русско-эстонский словарь» З. Н. Дормидонтовой, 1948; «Картинный словарь русского языка» Ю. В. Ванникова и А. Н. Щукина, 1965; «Русско-узбекский тематический словарь» под ред. Н. М. Шанского, 1975; «Словарь ассоциативных норм русского языка», 1977; «Идеографический словарь русского языка» О. С. Баранова, 1990; «Русский ассоциативный словарь. Книга 1 – Прямой словарь: от стимула к реакции» Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Г. А. Черкасовой, 1994; «Русский ассоциативный словарь. Книга 2 – Обратный словарь: от реакции к стимулу» Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой, 1994). Идеографическую часть имеет комплексный словарь «Лексическая основа русского языка» под ред. В. В. Морковкина (1984). Первый опыт создания И. с. с помощью ЭВМ – «Русский семантический словарь» Ю. Н. Караулова, В. И. Молчанова, В. А. Афанасьева, Н. В. Михалёва (1982); в Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН завершается работа над «Русским семантическим словарём. Толковым словарём, систематизированным по классам слов и значений» (под общей ред. Н. Ю. Шведовой), в к-ром лексика рус. языка будет представлена как сложная разветвлённая многоуровневая система.

В зависимости от общих методологических принципов систематизации материала и решаемых задач различают след. основные типы И. с.: идеологические, аналогические (ассоциативные), тематические и картинные. В основе построения идеологических И. с. лежит логическая классификация всего понятийного содержания лексики (синоптическая схема). Смысловое содержание слова (словосочетания) раскрывается путём его последовательного включения в классы понятий разного уровня обобщения (напр., «Лексическая основа русского языка» под ред. Морковкина). Словари этого типа являются тезаурусами (см.), т. к. ориентированы на представление всех смыслов, заключённых в лексике.

Систематизация слов (словосочетаний) в аналогических, или ассоциативных, словарях основана на психологических ассоциациях предметов и понятий, называемых к.-л. лексической единицей. Лексические единицы группируются в поля, в центре каждого из к-рых стоит слово, объединяющее другие слова, в той или иной степени близкие ему по значению или ассоциирующиеся с ним по смыслу (напр.: *насекомое – муха, пчела, муравей, бабочка; ползать, летать, прыгать...*). Как правило, слова и словосочетания внутри поля кратко толкуются таким образом, чтобы было видно, чем каждое из них отличается от всех других членов поля.

В тематических словарях слова или словосочетания группируются на основании общности обозначаемых ими явлений действительности по определённым темам, напр. «Дом», «Театр», «Улица», «Транспорт» и т. д. Эти словари обычно имеют учебную направленность, что и определяет виды используемых тематических сеток, отбор слов и особенности их подачи.

В картинных словарях значения слов, также тематически сгруппированных, раскрываются с помощью иллюстраций, картинок, что позволяет наиболее экономно и эффективно довести до читателя смысл того или иного слова. Однако объём языкового материала в этих словарях ограничен в основном кругом конкретной лексики.

И. с. имеют как практическое (служат справочными пособиями), так и теоретическое значение для различного рода лексикологических и этнографических разысканий (напр., при изучении системной организации лексики, при сопоставительном изучении лексики разных языков, при исследовании истории развития знаний об окружающем мире и т. д.).

Лит.: Морковкин В. В., Идеографические словари, М., 1970; Караулов Ю. Н., Общая и рус. идеография, М., 1976; его же, Ассоциативная грамматика рус. языка, М., 1993; Шведова Н. Ю., Белоусова А. С., Копорская Е. С., Толковый словарь совр. рус. лит. языка, систематизированный по лексико-семантическим классам слов, в кн.: BUDALEX'88 Proceedings. Papers from the EURALEX Third International Congress. Budapest, 4–9 September 1988, Bdpst, 1989.

А. С. Белоусова.

Идиоле́кт [от греч. ídios – свой, своеобразный, особый и (диа)лект] – совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка. Термин «И.» создан по модели термина «диалект» (см.) для обозначения индивидуального варьирования языка в отличие от территориального и социального варьирования, при к-рых те или иные речевые особенности присущи целым группам или коллективам говорящих. И. в узком смысле – только специфические речевые особенности данного носителя языка; в таком аспекте изучение И. актуально прежде всего в поэтике, где основное внимание уделяется соотношению общих и индивидуальных характеристик речи (стиля), а также в нейролингвистике, где необходимо представить соотношение индивидуальной и типовой клинических картин при различных видах расстройств речи. В широком смысле И.– вообще реализация данного языка в устах индивида, т. е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка; И. всегда есть «точечный» представитель определённого идиома (лит. языка, территориального или социального диалекта), соединяющий в себе общие и специфические черты его структуры, нормы и узуса. Поскольку И. в широком смысле – единственная языковая реальность, доступная прямому наблюдению, нек-рые учёные были

склонны преувеличивать онтологическую значимость И. и трактовать язык как сумму И., тем самым отказывая языку в объективном, независимом от индивида социальном существовании. Такой подход был особенно свойствен младограмматизму. *В. А. Виноградов.*

Идио́ма, идиоматизм (от греч. idíōma – особенность, своеобразие),– единица языка, обладающая идиоматичностью (см.). Структурно-языковые типы И. выделяются на основе того, какой тип языкового значения присущ единице и какие элементы её структуры обнаруживают несоответствие между их формально выраженными и содержательными признаками.

Лексическая И.– предложение или сочетание слов, характеризующееся слитным значением, функционально эквивалентным словесному значению, неразложимым на значения слов в их обычном употреблении в аналогичных по форме синтаксических конструкциях (см. Фразеологизм). Лексические И. возникают вследствие образного или необразного переосмысления предложений и сочетаний слов (*кот наплакал, взять на прицел, до петухов, в силу*) или фигур речи – оксюморона (*живой труп*), алогизма (*без году неделя*) и т. п. Лексические И., будучи продуктом исторического развития языка, могут содержать в своём составе вышедшие из употребления слова и грамматические формы (*лезть на рожон, денно и нощно, притча во языцех*).

Синтаксическая И.– синтаксическая конструкция, имеющая формы простого или сложноподчинённого предложения или сочетания слов, обладающая таким синтаксическим значением, к-рое неразложимо на значения форм и присущие им синтаксические отношения (*Ну и жара!*; *хоть плачь*; *проси не проси, а ...*). Синтаксические И. могут быть представлены также конструкциями, в к-рых реализуется только нормативно закреплённый за ними ряд слов (*пойти в няни, в солдаты*; *ливмя лить*; *ревмя реветь*). Такие сочетания слов занимают промежуточное положение между синтаксическими И. и фразеологизмами. Синтаксические И. образуются в результате переосмысления конструкции или же сохраняют исторически утраченные синтаксические отношения (*впасть в немилость*).

Морфологическая И.– простое или сложное слово, неразложимое с точки зрения совр. языка по морфологическому составу, но членимое на форманты (см.), утратившие смысловую функцию в составе целого (*вкус, подушка, сногсшибательный*). Морфологические И. возникают вследствие процессов словообразовательного опрощения (см.) или на основе образования слов из лексических И.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, Л., 1941; Абакумов С. И., Совр. рус. лит. язык, М., 1942; Бар-Хиллел И., Идиомы, в кн.: Машинный перевод, пер. с англ., М., 1956; Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису рус. разг. речи, М., 1960; Мельчук И. А., О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», «ВЯ», 1960, № 4; Москальская О. И., Грамматический идиоматизм и синтагматика, в кн.: Иностранные языки в высшей школе, М., 1962; Янко-Триницкая Н., Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1969, т. 28, в. 5. См. также лит. при ст. Фразеология. *В. Н. Телия.*

Идиомати́чность – свойство единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений), состоящее в неразложимости их значений на значения единиц, вычленяемых в их формальном строении, и соответственно в несводимости значения целого к значениям частей в данной их структурно-семантической связи. Структурно-семантическое строение таких языковых единиц обнаруживает отклонения от общих закономерностей образования составных единиц (см. Идиома). И. возникает вследствие утраты регулярной мотивированности отношений между единицами содержания составных образований и их формально вычленяемыми единицами. И. приводит, как правило, к образованию слитного значения у языковой единицы за счёт переосмысления составляющих её элементов. Это обусловливает утрату ими семантической самостоятельности и изменение структурной значимости, что и выражается в несовпадении формальных и содержательных признаков обладающих свойствами И. языковых единиц. И. связана с универсальной для языка тенденцией к опрощению (см.) составных образований (прежде всего морфемной структуры слов и лексического состава сочетаний слов) и к формированию простых знаков на базе составных.

Различают внутриязыковую и межъязыковую И. Последняя определяется на основе невозможности «буквального» перевода с одного языка на другой. Понятие межъязыковой И. отображает специфичность структурно-семантического строения одного языка по отношению к другому.

Лит. см. при ст. Идиома. *В. Н. Телия.*

Избо́рник Святосла́ва 1073 (ИСв-73) – вторая по древности сохранившаяся датированная древнерусская рукопись (после Остромирова Евангелия 1056–1057, см.), содержащая славянский перевод греко-византийской антологии, имеющей энциклопедический характер. Её статьи (в ИСв-73 их 383), состоящие в своей основе из отрывков, взятых из патристической лит-ры (соч. Отцов Церкви), и выдержек из Священного Писания, вводили новообращённых христиан в богословие и давали им начатки философских и естественно-научных знаний. Основное содержание сборника составляют Вопросы и ответы Анастасия Синаита.

В науке принято мнение, что слав. перевод греч. антологии был выполнен в Болгарии в нач. 10 в. во время правления царя Симеона (893–927). На это указывает похвала Симеону, содержащаяся в одном из рус. списков памятника кон. 15 в., а также нек-рые др.-болг. языковые особенности

ИСв-73, восходящие к его протографу (не дошедшему до нас болг. списку – первоначальному переводу антологии).

ИСв-73 представляет собой вост.-слав. список, к-рый, как это следует из записи писца Иоанна, был сделан в Киеве для князя Святослава. В этой записи имя Святослава написано по стёртому. Высказываются предположения, что первоначально там стояло имя Изяслава или, что менее вероятно, Симеона. Рукопись содержит 266 листов, написанных двумя писцами уставом в два столбца на пергамене. Она украшена великолепными миниатюрами, прекрасными заставками, инициалами и рисунками знаков зодиака на полях. Ценнейшей является миниатюра с изображением великокняжеской семьи Святослава. Первый писец, дьяк Иоанн, упомянутый в записи и написавший 85 листов рукописи, очевидно, руководил работой по её созданию. Второму, безымянному, писцу принадлежит основная часть текста (86а–264). Имеется и противоположная гипотеза, согласно к-рой Иоанн является вторым писцом рукописи.

ИСв-73 был найден в 1817 в Воскресенском (Ново-Иерусалимском) монастыре К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым. В 1834 он поступил в ризницу Моск. Синодальной б-ки, откуда после 1917 попал в Гос. Исторический музей в Москве. Богатство содержания памятника, его важное значение в распространении христианского учения обусловили длительную традицию бытования Изборника в слав. странах. Известно 27 его списков, включая фрагменты. Это в большинстве своём списки рус. извода 15–17 вв. и 3 списка 13–16 вв. сербского извода.

ИСв-73 содержит материал для изучения др.-рус. языка старшего периода. Из представленных в нём графико-орфографических, фонетических, морфологических особенностей существенны неэтимологическое написание юсов (ѫ и ѧ), написания с *оу*=[*у*], *о-* в начале слов (в соответствии с *ю-*, *е-* в ст.-слав. рукописях), довольно последовательно проведённые написания с *ж* на месте *dj*, отдельные случаи с *ч* на месте *tj*, рефлексы общеслав. сочетаний *tъrt*, *tьrt*, *tъlt*, *tьlt*. Имеются примеры полногласий, слов с начальными *ро-*, *ло-*, приставкой *роз-*. Для ИСв-73 характерны след. морфологические черты: глагольные окончания *-тъ* в 3-м лице ед. и мн. ч. наст. времени; твор. п. ед. ч. *-ъмь* (*-ьмь*) существительных с основой на *ŏ, единичные случаи окончания *-ѣ* в род. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. мягкой разновидности основ на *a и др.

В ИСв-73 отразились также нек-рые др.-болг. языковые черты (мена юсов, употребление постпозитивного члена, стяжение гласных в формах наст. времени глаголов на *-а-* и др.), сближающие его с Зографским, Ассеманиевым евангелиями, Супрасльским сборником. По своим лексическим свойствам ИСв-73 близок памятникам Преславской книжной школы, возникшей в Болгарии в период правления царя Симеона. Высказываются предположения о глаголическом протографе ИСв-73.

Несмотря на длительную историю изучения памятника, многие вопросы, связанные с ним, остаются дискуссионными (напр., текстология списков, число писцов, затёртое имя в записи и др.). Начало изучению ИСв-73 было положено кружком Н. П. Румянцева. Научное описание, включающее анализ языковых данных, сделано А. В. Горским и К. И. Невоструевым. Часть текста ИСв-73 с греч. и лат. параллелями издана О. М. Бодянским (1882). Первое фотолитографическое издание рукописи осуществлено в 1880, и лишь в 1983 – её факсимильное издание, сопровождаемое научным аппаратом (под научным редактированием Л. П. Жуковской). А. Розенфельд в 1899 первым дал законченное описание языка рукописи, впрочем, не удовлетворившее исследователей. Задачи изучения и издания ИСв-73 были поставлены на конференции, посвящённой 900-летию памятника (Ленинград, 1973). В 1991–93 появилось болг. издание ИСв-73, содержащее исследование сборника, публикацию его текста, а также грамматический указатель слов и форм.

Издания: Калайдович К., Иоанн экзарх Болгарский, М., 1824, с. 102–04, 133–36 (отрывки); Изборник Великого Князя Святослава Ярославича 1073 года. С греч. и лат. текстами, М., 1882; Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное изд., под ред. Л. П. Жуковской, М., 1983; Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), т. 1–3, под общата ред. на акад. П. Динеков, т. 1 – Изследвания и текст, София, 1991, т. 2 – Речник-индекс, София, 1993.

Лит.: Горский А. В., Невоструев К. И., Описание слав. рукописей Моск. Синодальной б-ки, отд. 2, ч. 2, М., 1859; Розенфельд А., Язык Святославова Изборника 1073 г., «Рус. филол. вестник», 1899, т. 41; Изборник Святослава 1073 г. Сб. ст., М., 1977; Камчатнов А. М., Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 г., в кн.: Др.-рус. лит-ра. Источниковедение, Л., 1984; Левочкин И. В., Изборник Святослава (Симеона) в рус. дореволюционной и сов. науке (1817–1982), «Старобългарска литература», 1984, кн. 16; Изборник Святослава 1073 г. Нек-рые др.-рус. и южнослав. черты рукописи, в кн.: Слав. языкознание. X Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации, М., 1988.

Г. С. Баранкова.

Изборник 1076 (И-76) – третья по древности сохранившаяся датированная древнерусская рукопись (после Остромирова Евангелия 1056–1057, см., и Изборника Святослава 1073, см.), представляющая собой сборник статей нравственно-христианского характера, в к-рый вошли Стословец Геннадия, фрагменты из библейской книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, а также отрывки из сочинений византийских Отцов церкви – Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Анастасия Синаита и других авторов.

И-76 был написан, как это следует из записи писца, «грешным Иоанном» при «Святославе князе Русской земли». Большинство учёных отвергает мысль о том, что И-76 был составлен по заказу киевского князя Святослава и не включает на этом основании его имени в название памятника. Нек-рые исследователи полагали, что дьяк Иоанн,

один из писцов Изборника Святослава 1073, и «грешный Иоанн», писец И-76,– одно лицо, однако палеографический анализ почерков обеих рукописей это не подтвердил.

Преобладает мнение, что И-76 в дошедшем до нас виде был составлен на слав. почве, высказывались предположения о др.-рус. характере памятника. Весьма вероятно утверждение, что И-76 был создан др.-рус. книжником, пользовавшимся текстами из книг б-ки князя Святослава. При этом он адаптировал тексты, провёл редактирование языка, ввёл отдельные восточнославянизмы вместо церковнославянизмов. Составитель И-76 имел в своём распоряжении не столько греч. тексты, сколько их южнослав. переводы. Одним из его источников был Изборник Святослава 1073: часть Вопросов и ответов Анастасия Синаита включена в И-76 в том же переводе, что в Изборнике Святослава 1073, без существенных изменений.

Рукопись И-76, размером в четверть листа, содержит 277 листов, написанных 2 писцами уставом на пергамене в один столбец, основная её часть принадлежит писцу Иоанну. Сохранность рукописи плохая: чернила выцвели, часть текста угасла, к тому же он пострадал от значительных поновлений письма, сделанных в 14–15 вв.

И-76 принадлежал в 18 в. историку М. М. Щербатову, к-рый ввёл его в научный оборот. Более ранняя история рукописи неизвестна. После смерти Щербатова (1791) Изборник поступил в Эрмитажную б-ку в С.-Петербурге, откуда был передан в Гос. Публичную б-ку (ныне РНБ), где и хранится.

В отличие от Изборника Святослава 1073 и многих других памятников, И-76 сохранился в единственном списке, хотя статьи из него встречаются в Измарагде, Пчеле и других сборниках.

И-76 – одна из древнейших рукописей, в к-рой достаточно полно отражены др.-рус. орфографические, фонетические, морфологические черты. К их числу следует отнести случаи смешения букв ѫ и *оу*=[*у*], *ю*; ѧ и *а*, ꙗ, рефлексы общеслав. сочетаний **tъrt*, **tьrt*, **tъlt*, написания с *ж* на месте **dj*, с *ч* на месте **tj*, наличие слов с полногласием и нек-рые др. Из морфологических особенностей – окончания *-ъмь* (*-ьмь*) в форме твор. п. ед. ч. муж. и ср. рода слов с основой на **ŏ*, окончание -ѣ в вин. п. мн. ч. слов жен. рода с основой на **а*, окончания *-ому*, *-ему* в форме дат. п. ед. ч. членных имён прилагательных муж. и ср. рода, окончание *-тъ* в 3-м лице ед. и мн. ч. глаголов наст. времени, имперфект на *-ахъ*, *-яхъ* и др. Лексические особенности И-76 также свидетельствуют о его принадлежности вост.-слав. языковому ареалу.

Начало изучения Изборника положил Щербатов, его исследованием занимались А. Н. Оленин, А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, использовавший Изборник в качестве источника для своего словаря и грамматики церк.-слав. языка. В полемике, развернувшейся вокруг датировки памятника (высказывались предположения о его принадлежности к 13–14 вв.), одним из первых учёных, доказывавших древность И-76 и относивших его к 11 в., был К. Ф. Калайдович. Свой вклад в изучение рукописи внесли А. Ф. Бычков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, О. М. Бодянский, В. И. Ламанский, А. С. Архангельский, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский. Дважды (но неудачно ввиду неразличения подлинного и поновлённого текста) полный текст И-76 был опубликован В. Шимановским. Лишь в 1965 В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов и Г. Ф. Нефёдов издали тщательно подготовленный текст рукописи с исследованием, публикацией греч. источников к отдельным статьям и указателем слов и форм; был проведён оптико-фотографический анализ рукописи, что позволило прочесть угасший текст. Это академическое издание стимулировало дальнейшее лингвистическое и филологическое изучение памятника.

Издания: Шимановский В., К истории др.-рус. говоров. Исследование с приложением полного текста Сборника Святослава 1076 г., Варшава, 1887; его же, Сборник Святослава 1076 г., Варшава, 1894; Изборник 1076 г [Тексты и исследования], М., 1965.

Лит.: Бобров В., История изучения Святославова сборника 1076 г., Каз., 1902; Сперанский М. Н., Переводные сборники изречений в славяно-рус. письменности, М., 1904; Мещерский Н. А., К изучению лексики Изборника 1076 г., в кн : Рус. историческая лексикология и лексикография, Л., 1972; его же, Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г., в кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сб. ст., М., 1977; Конреева Т. Н., Из истории болгаро-рус. книжных связей. (К истории взаимосвязи текстов Изборника 1073 и 1076 гг.), «Старобългаристика», 1980, № 1; Буланин Д. М., Неизвестный источник Изборника 1076, «Тр. Отдела др.-рус. лит-ры», 1990, т. 44; Лихачев Д. С., Назначение Изборника 1076, там же; Абрамович Д., До питання про джерела Ізборника Святослава 1076 року, в кн.: Науковий збірник Ленінгр. товариства дослідників української історії, письменства та мови, т. 2, К., 1929; его же, Ізборник Святослава 1076 року і патерики, там же, т. 3, К., 1931; Lépissier J., Quelques passages de l'Izbornik de 1076 avec leur source grecque, «Byzantinoslavica», 1973, t. 34, № 1. *Г. С. Баранкова.*

Изогло́сса (от греч. ísos – равный и glṓssa – язык, речь) – линия на географической карте, ограничивающая территорию распространения отдельного языкового факта (фонетического, морфологического, синтаксического или лексического). Напр., близко от Москвы с запада на восток проходит И. оканья (см.) – аканья (см.) (оканье – на север, аканье – на юг от И.) или в юго-зап. областях РФ проходит И. глагола *гоготать* в значении ‘ржать’ (о лошади). И. разных языковых явлений обычно не совпадают, однако нередко выделяются зоны, где они проходят в одном направлении, близко друг к другу, образуя пучки. Зоны, расположенные между такими пучками, характеризуются относительным языковым единством. Они соответствуют диалектам (см.) или другим единицам диалектного членения языка. «Языковой ландшафт», т. е. совокупность И. на территории распространения данного языка,– ос-

новной объект лингвистической географии (см.). См. также Атлас диалектологический.

С. В. Бромлей.

Изъяви́тельное наклоне́ние – наклонение глагола (см. Наклонение), формы к-рого обозначают реальность осуществления процесса в прошлом, настоящем или будущем (*Он пишет; Снег уже выпал; Встретимся в субботу*). И. н., в отличие от повелительного наклонения (см.) и сослагательного наклонения (см.), не имеет специального морфологического показателя наклонения: в этом качестве используются морфемы времени и лица. Систему форм И. н. организует совокупность форм наст., прош. и буд. времени, напр.: *рисую, рисуешь ... рисуют; рисовал (-а, -о, -и); буду, будешь ... будут рисовать* (об образовании и значении форм И. н. см. Будущее время, Настоящее время, Прошедшее время).

Формы И. н. могут употребляться переносно в значении других наклонений: повелительного и сослагательного. Употребление форм И. н. для выражения побуждения усиливает категоричность волеизъявления и подчёркивает уверенность в его выполнении (*Зайдёшь ко мне вечером!; Немедленно прекратили разговоры!*). В конструкциях с частицей *не* формы И. н. выражают смягчённое побуждение (*Не зайдёте ли ко мне вечером?*). Формы И. н. в значении сослагательного обозначают возможное и легко осуществимое действие (*Нечего долго об этом думать, сел да и написал ей письмо*).

Лит. см. при ст. Наклонение. *В. Н. Белоусов.*

И́канье – тип безударного вокализма (см. Вокализм); совпадение всех гласных фонем, кроме ⟨*у*⟩, в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке [*и*]; ср. под ударением фонемы ⟨*и, о, е, а*⟩: *п'и́лы, н'ос, р'ек, п'а́тый*, в 1-м предударном слоге они совпадают в [*и*]: *п'ила́, п'ил'и́т', н'ису́, н'ис'и́, р'ика́, в р'ик'е́, п'ита́к, п'ит'о́рка*. Перед твёрдым согласным может произноситься и более открытый звук [$и^е$]: *п'$и^е$ла́, н'$и^е$су́, р'$и^е$ка́, п'$и^е$та́к*. И. встречается в говорах с аканьем (см.), гл. обр. средневеликорусских. В лит. язык И. стало проникать в 19 в. и ныне является нормой лит. языка наряду с более редким еканьем (см.).

Лит.: Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; Аванесов Р. И., Рус. лит. и диалектная фонетика, М., 1974.

Л. Л. Касаткин.

Имени́тельный паде́ж – 1) форма существительного, именующая предмет, открывающая парадигму единственного и множественного числа, с одним из следующих окончаний слов (в орфографическом виде): в ед. ч.– *стол, город, конь, край* (нулевое окончание), *жен-а, земл-я, болот-о, пол-е, кость* (нулевое окончание), *дочь* (нулевое окончание), *им-я* (окончание основы), *путь* (нулевое окончание); во мн. ч.– *стол-ы, город-а, кон-и, кра-я (j-a), жён-ы, земл-и, болот-а, пол-я, кост-и, дочер-и, имен-а, пут-и*; 2) ряд таких форм существительного (в единственном и множественном числе), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного или причастия, именующая признак, открывающая парадигму единственного и множественного числа, с одним из следующих окончаний слов (в орфографическом виде): в ед. ч.– *кругл-ый, кругл-ая, кругл-ое, син-ий, син-яя, син-ее, крепк-ий, крепк-ая, крепк-ое, лисий* (нулевое окончание), *лис-ья (j-a), лис-ье (j-e), тётин* (нулевое окончание), *тётин-а, тётин-о, отцов* (нулевое окончание), *отцов-а, отцов-о, действующ-ий, действующ-ая, действующ-ее, сломанн-ый, сломанн-ая, сломанн-ое*; во мн. ч.– *кругл-ые, син-ие, крепк-ие, лись-и (j-и), тётин-ы, отцов-ы, действующ-ие, сломанн-ые*; 4) ряд таких форм прилагательного или причастия (в единственном и множественном числе), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения И. п.– субъектное и определительное (значение предикативного признака в сказуемом); неосновное значение – собственно определительное (квалифицирующее), а также функция необходимой информативно восполняющей формы. Как именующая форма И. п. имеет ряд специфических функций, связанных с номинацией (называнием).

Субъектное значение И. п. (субъект действия или состояния) обнаруживается прежде всего в подлежащем: *Поезд идёт; Дочь – студентка; Труд необходим*. В таких предложениях, как *Ложь – это унизительно*, И. п. представляет соответствующее действие или состояние: *лгать унизительно*. В позиции главного члена т. н. номинативных предложений (*Зима; Крик*) И. п. одновременно обозначает и субъект, и его признак (существование, наличие): *стоит зима; слышится, раздаётся крик*. В таких конструкциях, как *Пристань снесена волнами, Преступление карается законом*, в И. п. совмещается значение субъекта состояния и объекта того действия, к-рым это состояние обусловливается. В таких предложениях, как *Фермеру принадлежит земля, У неё есть дом*, И. п. также приобретает элемент объектного значения (*Фермер владеет землёй; Она имеет дом*). Значение предикативного признака И. п. имеет в позиции сказуемого (*Москва – столица*; часто в сочетании с другими формами: *Дочка выросла умная и послушная девочка; Он приехал как посредник*). Предикативное значение И. п. может сочетаться с функцией необходимой информативно восполняющей формы (*Пишет под псевдонимом Наблюдатель; Его зовут Коля*), а также с другими видами определительного значения (при обособлении). Собственно определительное (квалифицирующее) значение И. п. имеет в приложении (см.), где он в совр. языке в ряде случаев обнаруживает тенденцию к неизменяемости (*до города Бологое*), а также в составе определяющих

двупадежных групп (*Живём дверь в дверь; Продвигается шаг за шагом*).

Именующая функция И. п. в предложении обнаруживается при обращении (см.), при назывании темы в составе текста (*Но мать... её он не может оставить*), вне предложения – в названиях, надписях, заголовках и т. п. В совр. употреблении в нек-рых случаях используется форма, совпадающая с И. п.: 1) в деловой, официальной речи у существительных ср. рода – названий мест – наряду с нормативными формами косвенных падежей с предлогами *в, до, к, у, по направлению к, около, близ*: *отправление из Домодедово и из Домодедова; Живу в Останкино и в Останкине; Подъезжаем к Иваново и к Иванову; живёт в (близ, около) Бирюлёво* и *в (близ, около) Бирюлёва;* 2) в количественных сочетаниях с предлогом *по* в таких предложениях, как *В каждый цех прислали по два специалиста; Поставили по три часовых*.

Лит.: Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989. См. также лит. при ст. Падеж. *Н. Ю. Шведова.*

Имперфе́кт [лат. imperfectum (tempus) – букв. незаконченное (время)] – простая грамматическая форма прошедшего времени древних славянских языков, и в том числе древнерусского, впоследствии утраченная всеми восточнославянскими языками. Как и аорист (см.), И. обозначал действие, полностью отнесённое к прошлому, но являющееся длительным и мыслимым как неограниченное во времени протекания или повторяющееся без ограничения этой повторяемости: *ꙗзъ несѧхъ* – 'я носил (когда-то долго или много раз)', *товары куплѧху* – 'товары покупали (много раз)'.

Исконно И. образовывался от основы инфинитива с помощью суффиксов *-ѣах-*, *-аах-* и *-ах-*, к к-рым присоединялись личные окончания (И. имел формы 1-го, 2-го и 3-го лица ед., мн. и двойственного ч.). При этом использование того или иного суффикса зависело от конечного звука инфинитивной основы. Суффикс *-ѣах-* присоединялся к основам инфинитива на согласный: *нес-ти – нес-ѣах-ъ*; в этом случае, если основа оканчивалась на задненёбные [*к*], [*г*], [*х*], ещё в праслав. период эти согласные в положении перед [*ѣ*] изменялись в шипящие [*ч'*], [*ж'*], [*ш'*], а [*ѣ*] после мягких – в [*а*]: *бѣчи* (из **bĕg-ti*) – *бѣж-аах-ъ*. Если основа инфинитива оканчивалась на *-и-*, И. образовывался с помощью суффикса *-аах-*, при этом гласный основы [*и*] перед [*а*] изменялся в [*j*] и смягчал предшествующий согласный (сочетания согласных с [*j*] изменялись в мягкие иного качества): *но-си-ти – ношаахъ* (**si > sj > š'*), *ро-ди-ти – рожаахъ* (**di > dj > ž'*). Суффикс *-ах-* присоединялся к основам на *-а-* и *-ѣ-*: *зна-ти – зна-ах-ъ, видѣ-ти – видѣ-ах-ъ*. Т. о., напр., И. от глаголов *нести, бѣчи, носити, знати* имел след. формы.

Единственное число	1-е лицо	*несѣахъ бѣжаахъ ношаахъ знаахъ*
	2-е лицо, 3-е лицо	*несѣаше бѣжааше ношааше знааше*
Множественное число	1-е лицо	*несѣахомъ бѣжаахомъ ношаахомъ знаахомъ*
	2-е лицо	*несѣашете бѣжаашете ношаашете знаашете*
	3-е лицо	*несѣаху бѣжааху ношааху знааху*
Двойственное число	1-е лицо	*несѣаховѣ бѣжааховѣ ношааховѣ знааховѣ*
	2-е лицо	*несѣашета бѣжаашета ношаашета знаашета*
	3-е лицо	*несѣашете бѣжаашете ношаашете знаашете*

В др.-рус. языке исконный способ образования И. не сохранился: сочетание гласных *-ѣа-* пережило процесс уподобления и изменилось в *-аа-*, а затем (как исконное *-аа-*) подверглось стяжению в *-а-* (обозначаемое на письме после мягких буквой *ѧ*): *несѣахъ > несѧахъ > несѧхъ, хвалѧахъ > хвалѧхъ, знаахъ > знахъ* и т. д. Такие же фонетические изменения пережили и формы И. от глагола *быти*, образовывавшиеся исконно от основы *бѣ-* с суффиксом *-ах-*: *бѣахъ > бѧхъ, бѣаше > бѧше* и т. д. Кроме того, во 2-м лице мн. ч. вместо *-шете* в др.-русском выступало сочетание *-сте*: *несѧсте, хвалѧсте*; во 2-м и 3-м лице двойственного числа вместо *-шета, -шете* в др.-русском употреблялось *-ста* (т. о., 2–3-е лицо двойственного числа имело единую форму: *несѧста, хвалѧста*); наконец, в 3-м лице мн. ч. могло выступать вторичное окончание *-ть*: *несѧхуть, хвалѧхуть, знахуть*.

И. был утрачен народно-разг. др.-рус. языком очень рано, вероятно, к кон. 12 в., однако, судя по новгородским берестяным грамотам (см.), исконно др.-рус. языку он был известен (формы И. отмечены в двух грамотах 1-й пол. 12 в.). В церковно-книжных памятниках (в церковно-богослужебных книгах, в житийной лит-ре), а также в летописях формы И. широко употреблялись до 14–15 вв. В совр. языке следов И. не осталось, если не считать использования формы 3-го лица мн. ч. в выражении *еле можаху* (о пьяном человеке). *В. В. Иванов.*

Имперфектива́ция – один из двух основных способов видообразования (см. Перфективация), образование форм несовершенного вида от перфективных глаголов (то есть глаголов совершенного вида). Члены видовых пар, образуемых путём И., одни лингвисты относят к формам одного глагола (В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов и др.), другие – считают разными глаголами (С. О. Карцевский, П. С. Кузнецов, А. В. Бондарко и др.). В рус. языке И. осуществляется с помощью суффиксов *-ива-(-ыва-), -а-(-я-), -ва-, -ева-* (суффиксальное образование видовых пар).

Самым продуктивным является суффикс *-ива-(-ыва-)*. Он образует несов. вид от глаголов: а) с основой инфинитива на *-а(ть)* и с основой наст. времени на *-ай, -уй, -ей*, на согласный (*заработать [заработай-] – зарабатывать, рассовать [рассуй-] – рассовывать, засеять [засей-] – засеивать, переписать [перепис-] – переписывать*); б) с основой инфинитива на *-оло (ть), -оро(ть)* (*проколоть – прокалывать, распороть – распарывать*); сюда примыкают глаголы на *-и(ть)* с корневыми *-оло-, -оро-* (*обмолотить – обмолачивать, отморозить – отмораживать*); в) с суффиксом однократности *-ну-* (*перепрыгнуть – перепрыгивать*); г) с основой инфинитива на *-е(ть)* и с основой наст. времени на согласный (*разглядеть – разглядывать, рассмотреть – рассматривать*; исключение составляют глагол *обидеть* и приставочные образования от *кипеть, гореть, лететь*); д) с суффиксом *-и(ть)* после гласных, с приставками *вы-, обез-*; примыкают сюда отглагольные префиксальные образования, небольшая часть отымённых глаголов (*обезглавить – обезглавливать, расклеить – расклеивать, выбросить – выбрасывать, расхвалить – расхваливать, очеловечить – очеловечивать*).

К высокопродуктивным относится и суффикс *-á-(-я́-)*, к-рый по активности несколько уступает суффиксу *-ива-(-ыва-)*. Он присоединяется: а) к основам глаголов на *-сти(-сть), -зти(-зть), -чь* [*подмести – подметать* (чередование *с/т*), *залезть – залезать, заползти – заползать*; исключение составляют приставочные образования от *везти, вести, нести*, см. также Глаголы движения; глагол *учесть* и приставочные глаголы от *красть, волочь* формы несов. вида образуют с помощью суффикса *-ива-(-ыва-)*: *учесть – учитывать, выкрасть – выкрадывать, отволочь – отволакивать*]; б) к основам с чередованием *а/им,ин* (*сжать*[1] *– сжимать, сжать*[2] *– сжинать, принять – принимать*); в) к основам глаголов на *-ере(ть)* с чередованием корневых гласных *е/и* (*умереть – умирать*); г) к основам приставочных глаголов от *ткнуть, -мкнуть, слать, стлать, гнать, ждать, брать, врать, звать, драть, жрать, (пре)зреть, -мнить* (*воткнуть – втыкать, отобрать – отбирать, напомнить – напоминать* и т. п.); при этом происходит чередование корневых гласных *ø/ы, ø/и* и др.; д) к основам приставочных глаголов, образованных от простых глаголов, имеющих суффикс *-ну-* со значением постепенности: *гаснуть, гибнуть, вязнуть, сохнуть, тонуть* и т. п. (*погаснуть – погасать, погибнуть – погибать, засохнуть – засыхать, утонуть – утопать*); примыкают сюда слова, претерпевшие опрощение (см.): *вникнуть – вникать, проникнуть – проникать, исчезнуть – исчезать* и т. п.; е) к основам приставочных глаголов от *кипеть, гореть, лететь* и к основе глагола *обидеть* (*закипеть – закипать, сгореть – сгорать, обидеть – обижать*); ж) к основам приставочных глаголов от *сыпать, резать, тыкать* (*насы́пать – насыпа́ть, разре́зать – разреза́ть, воткнуть – втыкать*); здесь возникают вариантные образования типа *перереза́ть* и *перере́зывать, выреза́ть* и *выре́зывать* (в производных от глагола *резать*); сюда же относятся пары от глагола *бежать*: *забежать – забегать, пробежать – пробегать* и т. п.); з) к основам приставочных глаголов на *-и(ть)* (*выпустить – выпускать, пропустить – пропускать, возместить – возмещать, объяснить – объяснять* и т. п.); в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка (3 изд., 1987) зафиксировано ок. 1000 таких пар (по подсчётам М. А. Шелякина).

Ок. 1500 префиксальных глаголов на *-и(ть)* образуют формы несов. вида с помощью суффикса *-ива- (-ыва-)*.

Суффикс *-á-* используется также при образовании форм несов. вида непроизводных глаголов на *-и(ть)*: *пустить – пускать, решить – решать, лишить – лишать* и т. п.

Суффикс *-ва-* является непродуктивным. В совр. рус. языке новых видовых пар с этим суффиксом не возникает. Видовые пары с суффиксом *-ва-* охватывают лишь небольшие группы глаголов: а) приставочные глаголы на *-е(ть), -я(ть)* (*нагреть – нагревать, созреть – созревать, засеять – засевать*); б) приставочные глаголы, образованные от глаголов с односложными корнями на гласный: *бить, лить, вить, пить, шить, гнить, жить, брить; знать, стать; дуть, (об)уть* (связанная основа), *разуть*; *мыть, крыть, выть, ныть, рыть, быть, стыть; петь, (в)деть* (связанная основа) (*разбить – разбивать, налить – наливать, узнать – узнавать, продуть – продувать, раскрыть – раскрывать, остыть – остывать, запеть – запевать, вдеть – вдевать, обуть – обувать*). Суффикс *-ва-* образует формы несов. вида непроизводных глаголов: *деть – девать, дать – давать*.

Непродуктивный суффикс *-ева-* употребляется в нескольких видовых парах: *продлить – продлевать, застрять – застревать, встрять – встревать, затмить – затмевать, растлить – растлевать, пристрять – пристревать* (прост.), *снабдить – снабдевать* (устар.; ср. *снабжать*).

Различаются первичная и вторичная И. К первичной И. относится образование форм несов. вида от непроизводных бесприставочных перфективных глаголов: *дать – давать, деть – девать, купить – покупать, убедить – убеждать, снабдить – снабжать, простить – прощать, явить – являть, утолить – утолять, разорить – разорять, посетить – посещать* и т. п. Вторичная И.– образование форм несов. вида от приставочных глаголов сов. вида.

К И. не относится образование глаголов несов. вида от глаголов несов. вида: *ходить – хаживать, говорить – говаривать, сидеть – сиживать; ходить – захаживать, похаживать; свистеть –*

подсвистывать и т. п. Такие пары – продукт словообразования (см.). И.– процесс чисто грамматический.

Лит.: Карцевский С. О., Система рус. глагола, в кн.: Вопросы глагольного вида, М., 1962; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Шелякин М. А., Категория вида и способы действия рус. глагола. (Теоретические основы), Тал., 1983. См. также лит. при статьях Вид, Несовершенный вид

А. Н. Тихонов.

Имя. 1) В общем языкознании и философии – единица языка (слово или сочетание слов), к-рая называет (именует) вещь, предмет, явление и выступает в высказывании в синтаксической функции главным образом субъекта или объекта. И. противопоставлено другим языковым единицам, обозначающим признаки или отношения, как единицам атрибутивным и предикатным. В процессе номинации (см.) И. получает оформление, соответствующее грамматическим законам данного языка; при этом путём особой трансформации (номинализации) в И. может быть превращена любая атрибутивная или предикатная единица и вообще любое выражение, напр.: *красный → краснота; ходить → хождение* или *ходьба; Падают листья → листопад; Необходимо работать → необходимость работать; Он не приедет → то* (или *тот факт*), *что он не приедет...* 2) В грамматике русского и многих других языков – класс слов, обладающих формами склонения (см.), противопоставленный глаголу как классу слов, обладающих формами спряжения (см.). В рус. языке к классу И. относятся прежде всего три части речи – имена существительные, имена прилагательные и имена числительные. Каждое из слов, принадлежащих к этим трём частям речи, может в условиях контекста замещаться тем или иным указательным словом, принадлежащим к четвёртой части речи – местоимениям. Все четыре части речи имеют общий признак – наличие падежных форм. В пределах класса И. существительные, личные местоимения, местоимения *себя, кто* и *что* и отчасти количественные числительные (см. Числительное) характеризуются собственными (первичными) падежными формами, а прилагательные, порядковые и отчасти количественные числительные, местоименные прилагательные – падежными (также числовыми и родовыми) формами согласования, вторичными от соответствующих форм синтаксически главенствующего слова, обычно существительного. Ядром класса И. является имя существительное как синтаксически самостоятельная часть речи, непосредственно воплощающая в себе идею предметности, «вещности» в морфологических категориях рода, одушевлённости–неодушевлённости, числа и падежа.

Если в совр. рус. языке в пределах класса И. существительное, прилагательное и числительное противопоставлены друг другу достаточно отчётливо, то в праслав. языке и в ранний период развития др.-рус. языка класс И. представлял собой более тесное единство. Так, количественные числительные выделились в самостоятельную часть речи не раньше 14 в., в древности слова *один, два, три* и *четыре* не отличались по своим морфологическим и синтаксическим свойствам от прилагательных, а слова *пять, шесть, десять* и т. п. – от существительных. Прилагательные в свою очередь были более близки к существительным с формальной и функциональной точек зрения. Об этом говорит уже тот факт, что совр. полные формы со специфичными для прилагательных флексиями «адъективного» типа склонения, напр. *белый, белая* и т. п., исторически вторичны и происходят от кратких (т. н. именных) форм, напр., *бел, бела́* и т. п., флексии к-рых совпадают с флексиями нек-рых типов склонения существительных, причём именные формы имелись в др.-рус. языке у всех типов прилагательных. Как отмечал А. А. Потебня, «различие между существительными и прилагательными в языке, доступном наблюдению, в историческое время уменьшается по направлению к прошедшему... В существительном в том же направлении от нас растёт атрибутивность». Эта изначально слабая дифференцированность существительных и прилагательных отражена в разнообразных фактах – таких, как, напр., существительные *золото, войско, вечерня, друг* (и местоимение *друг друга*), *добро, зло, лихо, тепло* или древнейшие названия городов типа *Смоленск, Брянск* (первоначально все они – именные формы прилагательных); старинные пословицы и поговорки типа *Молодо-зелено, Бос лаптей не износит*; наречия, сохраняющие в своей структуре древние именные формы, типа *досуха, досыта, начерно, вчерне*; такие обороты, как *лучше вчерашнего, больше нашего, испытай-ка с моё*; атрибутивные сочетания типа *кремень-человек, окунь-рыба*. В этом же ряду должна быть отмечена и сохраняющаяся в совр. рус. языке достаточно свободная транспозиция прилагательных в существительные, определяемая механизмами субстантивации (см.).

Класс И. в совр. рус. языке чётко противопоставлен глаголу (его спрягаемым формам) как основному предикатному классу слов по целому ряду признаков. Кроме словоизменительных и синтаксических различий, у И. и глаголов различны состав грамматических категорий, соотношение способов словообразования (в И. преобладают суффиксация и сложение, в глаголе – префиксация), структура основы (в И., кроме несклоняемых, возможна только основа на согласную, в глаголе же этого ограничения нет).

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике, т. 1–2, М., 1958, т. 3, М., 1968; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Мучник И. П., Грамматические категории глагола и имени в совр. рус. лит. языке, М., 1971; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Способы номина-

ции в совр. рус. языке, М., 1982; Никитевич В. М., Основы номинативной деривации, Минск, 1985; Лосев А. Ф., Философия имени, в его кн.: Из ранних произведений, М., 1990.
В. В. Лопатин.

И́мя со́бственное – см. Собственные существительные, Оним.

Инве́рсия (от лат. inversio – перестановка, переворачивание) – перестановка синтаксических компонентов предложения, нарушающая их обычный порядок и приводящая к смысловому или эмоциональному выделению слов. Объём понятия «И.» зависит от понимания обычного порядка слов. В узком и наиболее точном смысле И.– перестановка, нарушающая стилистически нейтральный порядок слов. Это постановка ремы (см. Актуальное членение предложения) перед темой (*Хороши летние вечера!*) – т. н. субъективный порядок слов (см. Порядок слов) или такая перестановка компонентов словосочетаний, к-рая стилистически окрашивает предложение (*Он червяков накопал, удочки притащил*). В более широком и менее определённом значении И. часто называют любую перестановку, в т. ч. связанную с изменениями в актуальном членении предложения, а также любой необычный по сравнению с прозаической речью порядок слов в стихотворной речи: «*Твоих оград узор чугунный*» (Пушкин) (ср. с «прозаическим» порядком слов: *Чугунный узор твоих оград*).
И. И. Ковтунова.

Иностра́нных слов словари́ – вид толковых словарей, в к-рых объясняются значения слов и терминов иноязычного происхождения, усвоенных каким-либо языком, но осознаваемых его носителями как заимствования, а также их этимология. И. с. с., рассматривающие только часть лексической системы языка (заимствованную лексику), относятся к специальным, или аспектным, словарям, в отличие от общих, или комплексных, отражающих (с разной степенью полноты) лексическую систему языка в целом. Значительная часть слов, включаемых в И. с. с., входит в фонд международной лексики (напр., *атом, атрибут, революция, ренессанс*).

Первые толкования иноязычных слов как части лексики рус. языка встречались в самых ранних рус. словарных трудах (напр., объяснение др.-евр., греч. слов в словарике, приложенном к Кормчей книге, 1282). Появление собственно И. с. с. в России относится к нач. 18 в. По поручению Петра I был составлен «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», включавший в основном заимствования из новых европейских языков. Печатные И. с. с. в 18 в. помещались чаще всего в лит. журналах, напр. в ж. «И то и сё» М. Д. Чулкова (1769), или в качестве приложений в различных специальных сочинениях, напр. «Словарь разноязычный, или толкования еврейских, греческих, латинских, французских и прочих иноземских употреблений в русском языке и некоторых

> **БРИ́ФИНГ** [англ. briefing < brief короткий] — встреча официальных лиц с представителями средств массовой информации, на которой кратко излагается позиция правительства или соответствующих организаций по определенному вопросу или дается информация о ходе международных переговоров, взглядах сторон и т. д.
>
> **БРИ́ЧКА** [польск. bryczka] — легкая дорожная повозка, иногда с откидным верхом.
>
> **БРО́ЙЛЕР** [англ. broiler < broil жарить на огне] — мясной цыпленок в возрасте до 70 суток.
>
> **БРО́КЕР** [англ. broker] — посредник при заключении сделок на *биржах*; действует по поручению и за счет клиентов, получая от них за посредничество плату в размере определенного процента от суммы сделки.
>
> **БРО́ККОЛИ** [ит. broccolo] — однолетнее овощное растение сем. крестоцветных; разновидность цветной капусты с мясистыми побегами, соцветия которых срезают по мере их образования и употребляют в пищу.

Фрагмент текста «Современного словаря иностранных слов».

славянских слов» в седьмом приложении к «Российской или универсальной грамматике» (1769) Н. Г. Курганова. Наряду с объяснением непонятных слов в этих словарях часто показывалась ненужность многих заимствований, к-рым находились адекватные рус. соответствия.

Среди И. с. с., созданных в 19 в., выделяется трёхтомный словарь Н. М. Яновского «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно...» (1803–06) – справочник полуфилологического, полуэнциклопедического типа, послуживший образцом для создания многих последующих И. с. с. в 19 – нач. 20 вв.

В 20 в. работа по созданию И. с. с. была продолжена. В 1937 под ред. Ф. Н. Петрова составлен «Словарь иностранных слов», многократно переиздававшийся. Его 7-е переработанное издание (1979) содержит ок. 19 тыс. иностранных по происхождению слов, общераспространённых терминов и терминологических сочетаний, вошедших в разное время в совр. рус. язык. В приложении даны иностранные слова и выражения, встречающиеся в лит-ре в лат. написании. На основе этого словаря подготовлен и издан «Современный словарь иностранных слов» (1992), содержащий более 20 тыс. слов (при каждом слове даётся толкование и справка о происхождении слова – этимология). В словаре отражены изменения в совр. рус.

языке, вызванные глубокими преобразованиями в общественной жизни в кон. 80-х – нач. 90-х гг. 20 в.: включены новые слова и значения, вошедшие в рус. язык (преим. общественно-политические и научные термины, переставшие быть узкоспециальными), пересмотрены толкования многих слов.

«Школьный словарь иностранных слов» под ред. В. В. Иванова (1983; 2 изд., переработанное, 1990) помимо информации о значении слова и его происхождении содержит также акцентологическую и грамматическую характеристики слова, в ряде случаев – сведения об особенностях произношения слова и его употребления, иллюстративные примеры, словообразовательное гнездо, а также культурно-исторический комментарий.

Особый тип И. с. с. представляет «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (ч. 1–2, 1966; 2 изд., переработанное и дополненное, 1981–87), в к-ром объясняются функционирующие в рус. языке иностранные выражения, слова-термины и общеупотребительные цитаты, сохранившие свой иноязычный облик (произношение, графику и орфографию). И. с. с. представляют собой обширные своды материалов по иноязычной лексике и истории её усвоения рус. языком.

Лит.: Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. 1, [Л.], 1958; Цейтлин Р. М., Краткий очерк истории рус. лексикографии, М., 1958; Шмелев Д. Н., Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Совр. рус. язык. Теоретический курс. Лексикология, под ред. Л. А. Новикова, М., 1987. *А. С. Белоусова.*

Институ́т живо́го сло́ва – высшее научное и учебное заведение, ставившее целью научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области речи (см.) и связанных с нею дисциплин; подготовку мастеров живого слова в педагогической, общественно-политической и художественной областях; распространение и популяризацию знаний и мастерства в области живого слова. Был открыт в Петрограде в 1918, существовал до 1924, а затем был преобразован в Научно-исследовательский ин-т речевой культуры. В ин-те в 1918–19 работали А. В. Луначарский, С. М. Бонди, А. Ф. Кони, В. Э. Мейерхольд, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум, Н. А. Энгельгардт, Л. П. Якубинский и др. Работа осуществлялась в трёх отделах – научном, учебном и просветительном. Преподавателями Ин-та были предложены специальные программы курсов лекций по теории эстетики и этике общежития, по теории красноречия, теории спора, искусству речи, психологии речи и мышления и др. (опубликованы в «Записках Института Живого Слова» в 1919).

Лит.: Зап. Ин-та Живого Слова, П., 1919; Создание Ин-та Живого Слова, в кн.: Граудина Л. К., Миськевич Г. И., Теория и практика рус. красноречия, М., 1989. *Л. К. Граудина.*

Институ́т ру́сского языка́ и́мени А.С. Пу́шкина – специальный учебный и научно-исследовательский центр по подготовке учебников, словарей, кинофильмов, компьютерных курсов и других пособий по русскому языку для иностранцев, по повышению квалификации зарубежных русистов (включая очное и заочное обучение, докторантуру, аспирантуру и стажировки разных сроков), по разработке эффективных методов обучения русскому языку и проведению просветительской работы, связанной с русским языком и культурой. Создан в 1973 на базе Научно-методического центра рус. языка при МГУ. Находится в Москве. Ин-т имеет научно-методический и учебный отделы. Учебный отдел включает: факультет повышения квалификации и постградуального обучения магистров, аспирантов и докторантов, факультет обучения и стажировки зарубежных студентов, а также различные краткосрочные курсы обучения рус. языку. В ин-те находится постоянный центр Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (см.) – МАПРЯЛ.

Ин-т координирует деятельность кафедр рус. языка вузов России, в к-рых обучаются иностранные студенты. Издательской базой ин-та и учреждений, оказывающих помощь зарубежным учреждениям и отдельным гражданам в изучении рус. языка, является издательство «Русский язык» (см.). Ин-т издаёт (совместно с МАПРЯЛ) ж. «Русский язык за рубежом» (с 1967; 6 номеров в год) и информационный «Вестник МАПРЯЛ» (с 1993). *В. Г. Костомаров.*

Институ́т ру́сского языка́ и́мени В. В. Виногра́дова Российской Академии наук (ИРЯЗ РАН) – научно-исследовательское учреждение по изучению русского языка и распространению научных знаний о нём. Основан в 1944. Находится в Москве. Ведущие направления работы ин-та: исследование грамматического строя рус. языка и его эволюции; подготовка грамматических описаний совр. лит. языка различной направленности (функциональной, коммуникативной, ассоциативной, интегральной, поэтической), а также академических исторических грамматик; разработка вопросов культуры речи, исследование лит. языка и диалектов в их совр. состоянии и истории; составление лингвистических атласов; разработка проблем слав. этимологии; изучение рус. языка как средства межнационального и международного общения; анализ совр. политического языка; изучение языка художественной лит-ры, разработка проблем лингвистической поэтики; научное издание письменных памятников; автоматизация лингвистических исследований и развитие машинного фонда русского языка (см.); подготовка комплекса разнообразных словарей (толковых, орфографических, орфоэпических, синонимических, фразеологических, синтак-

сических, ассоциативных, поэтических, этимологических, исторических и др.). В ин-те ведётся подготовка аспирантов по всем специальностям русистики. С 1975 действует справочно-консультативная служба рус. языка. Ин-т издаёт научно-популярный ж. «Русская речь» (с 1967; 6 номеров в год), научно-теоретический ж. «Русистика сегодня» (с 1994; 4 номера в год). В 1995 ин-ту присвоено имя акад. В. В. Виноградова. *В. А. Пыхов.*

Интерлингви́стика – раздел языкознания, изучающий международные языки как средство межъязыкового общения. Основное внимание обращается на процессы создания и функционирования международных искусственных языков, к-рые исследуются в связи с вопросами многоязычия, взаимовлияния языков, образования интернационализмов и т. п.

Выделение объекта и внутренняя структура И. определились в процессе её длительного развития. И. сформировалась на базе теории лингвопроектирования, заложенной работами Р. Декарта (1629) и развитой Г. В. Лейбницем и др. Основным направлением лингвопроектирования 17–19 вв. было логическое, опиравшееся на рационалистическую философию с характерной для неё критикой естественного языка. В рамках этого направления разрабатывались т. н. философские языки, предназначавшиеся для замены естественных языков, как якобы недостаточно совершенных орудий мышления. Наиболее известны проекты Дж. Дальгарно (1661), Дж. Уилкинса (1668), Ж. Делормеля (1795), музыкальный язык сольресоль Ж. Сюдра (1817–66) и др.

Логическому направлению противостояло эмпирическое, предлагавшее упрощение естественного языка как коммуникативной системы без попытки реформирования его как средства мышления: упрощённая латынь Ф. Лаббе (ок. 1650); всеслав. язык Ю. Крижанича (1659–66); упрощённый франц. язык И. Шипфера (1839) и др. Большинство проектов 17–19 вв. предполагало создание априорных языков (лишённых материального сходства с естественными), попытки проектирования апостериорных искусственных языков (по образцу естественных) были редки и непоследовательны. И логическое, и эмпирическое направления разрабатывали системы либо звукописьменного языка (пазилалии), либо только письменного языка (пазиграфии); среди последних наибольшую известность получила пазиграфия Ж. Мемье (1797). Хотя с сер. 18 в. логическое направление подвергалось критике, ещё в 1856–58 оно поддерживалось Интернациональным лингвистическим обществом – первой организацией лингвистов, занявшейся проблемой универсального, т. е. международного искусственного, языка. Со 2-й пол. 19 в. лингвопроектирование начинает ориентироваться на создание искусственных языков, к-рые были бы одновременно коммуникативно совершенными, апостериорными и пазилалиями Вместе с тем определяется роль такого языка как вспомогательного средства общения по сравнению с национальными языками.

С появлением в 1879 международного искусственного языка волапюк, впервые реализовавшегося в общении, начинается этап социального использования искусственных языков. Возникает движение за международный язык, первоначально группировавшееся вокруг волапюка, а затем эсперанто, созданного в 1887 варшавским врачом Л. Л. Заменгофом. Переход от теоретического конструирования искусственных языков к практической проверке их в условиях общения создал необходимые предпосылки для формирования И. в собственном смысле слова, к-рая не ограничивается теорией лингвопроектирования, а включает также теорию функционирования социально реализованных языковых систем, получивших наименование плановых языков. Новая область языкознания первоначально называлась космоглоттикой, а в 1911 Ж Мейсманс предложил термин «И.». После 1879 проблемы международного искусственного языка широко обсуждаются лингвистами разных стран. Вызывала споры сама идея о возможности создания и использования планового языка. В положительном решении этого вопроса большую роль сыграли теоретические выступления Г Шухардта (в полемике с Г. Мейером) и И. А. Бодуэна де Куртенэ (в полемике с К. Бругманом и А. Лескином), к-рые показали несостоятельность критики планового языка с позиций лингвистического натурализма, приравнивавшего язык к «организму», «природному дару» и поэтому отвергавшего возможность его искусственного создания.

К нач. 20-х гг. 20 в. А. Мейе констатировал, что полемика о возможности существования планового языка снята самим фактом относительно широкого коммуникативного использования эсперанто. На этом основании он включил в свой обзор языков Европы как естественные (этнические), так и плановые языки. Преимущественное внимание исследователей привлекает проблема определения роли плановых языков в межъязыковом общении. Интерлингвистическая проблематика поднималась на 2-м и 6-м Международных лингвистических конгрессах (1931 и 1948), где в пользу планового языка как оптимального способа преодоления многоязычия высказывались многие учёные, однако была высказана и противоположная точка зрения: предлагалось в качестве международных использовать только национальные языки.

Наряду с общими вопросами статуса плановых языков И. разрабатывает их историю, научную систематику и принципы структурной организации (О. Есперсен, Н. В. Юшманов, Г. Вариньен). Вопросы фонологии планового языка рассматривались Н. С. Трубецким, вопросы семантики – Э. Сепиром, лексического состава – А. Мартине.

Важное значение имеет установленный Рене де Соссюром факт возникновения в социально используемом плановом языке (эсперанто) закономерностей, не постулированных в первоначальном проекте этого языка. Тем самым плановый язык предстаёт как саморегулирующаяся система, способная и к развитию, и к поддержанию стабильности. Эти вопросы служили предметом специального рассмотрения на 14-м Международном лингвистическом конгрессе (1987).

Практическое использование плановых языков показало, что из всех предлагавшихся систем коммуникативную пригодность имеют лишь языки апостериорного типа, строящиеся по модели естественных языков и комплектующие свой словарь из числа интернационализмов. Две интерлингвистические школы, одинаково стоящие на принципах апостериоризма, различаются характером применения этих принципов. Автономистская (или схематическая) школа исходит из необходимости упорядочения материала, к-рый кладётся в основу планового языка; заимствуя из естественных языков лексические и грамматические элементы, плановые языки этого типа подчиняют их собственным структурным законам, не имеющим исключений. Сторонники натуралистической школы считают необходимым использовать заимствованные лексические и грамматические элементы в той форме, в к-рой они существуют в естественных языках; этим достигается лучшая опознаваемость слов интернационального корнеслова, но затрудняется их активное усвоение из-за большого числа отклоняющихся и неправильных форм. Эсперанто (как и менее распространённый его реформированный вариант идо, созданный в 1907) отвечает принципам автономистской школы. В рамках натуралистической школы были разработаны языки окциденталь (1922) и интерлингва (1951), не нашедшие широкого распространения.

Хотя объектом интерлингвистических исследований являются преим. плановые языки, И. проявляет постоянный интерес к вопросам сознательного воздействия человека на язык, т. е. к языковому планированию и языковой политике, а также к вопросам международной стандартизации научной и технической номенклатуры.

Лит.: Проблемы интерлингвистики, М., 1976; Дуличенко А. Д., Сов. интерлингвистика (аннотированная библиография за 1946–1982 гг.), Тарту, 1983; Кузнецов С. Н., Направления совр. интерлингвистики, М., 1984; его же, Теоретические основы интерлингвистики, М., 1987 (лит.).

С. Н. Кузнецов.

Интернациона́льные слова́, интернационализмы,– единицы международного лексического фонда, функционирующие не менее чем в трёх неблизкородственных языках, совпадающие в этих языках по своей внешней форме (с учётом закономерных соответствий звуков и графических единиц для каждого языка) и смыслу.

И. с. заимствуются несколькими языками из к.-л. одного в результате возрастающей роли культурных и экономических связей между народами, усиления взаимодействия языков. Обычно И. с. обозначают понятия из сферы науки, культуры, философии, социологии и политологии, экономики, техники и производства. Многие из них – термины. Нек-рые учёные считают, что И. с.– лексические единицы, общие для неродственных и родственных языков. При этом общие для неродственных языков квалифицируются как слова более широкого распространения. Большинство И. с., функционирующих в рус. языке, относятся к европейско-американскому лингвогеографическому ареалу (т. н. европеизмы).

Основу фонда И. с. составляют слова из др.-греч. и лат. языков (*демос*, *атом*, *кандидат*) и слова, образованные с помощью ставших интернациональными морфем этих языков (корней и аффиксов, напр. *анти-* из греч. *ánti* 'против', *контр-* из лат. *contra* 'против', *-изм*, *-ист* и т. п.). И. с. этого типа возникают в лит. языках на разных этапах их развития – см., напр., появившиеся в рус. языке *нигилист, журналист, интеллигенция, коллективизация, активист*; в англ.– *pragmatism*, в чеш.– *spartakiada*. Нек-рые И. с. имеют автора, напр. в рус. языке *фагоцит* (И. И. Мечников), *делювий* (А. П. Павлов), *биосфера*, *ноосфера* (В. И. Вернадский), в англ. языке *international* (Д. Бентан). К И. с. относятся многие лексические единицы совр. языков, напр. из нидерл. языка – большинство морских терминов, из итал. языка – музыкальных, из англ. языка – спортивных, из рус. языка такие слова, как *совет*, *спутник*, из чеш.– *robot* (К. Чапек), из англ.– *interview*, *tank*, из нем.– *Schrift*.

В состав И. с. обычно включаются кальки (см.) и полукальки как в виде цельнооформленных слов (*полупроводник* – ср. англ. *semi-conductor*, франц. *sémiconducteur*; ср. франц. *caudisme* – из рус. *хвостизм*; *евровидение*, *гуманность*), так и в виде словосочетаний (рус. *генеральный план* – ср. франц. *plan général*, нем. *Generalplan*; англ. *pole arc* – ср. рус. *полярная арка*, франц. *arc polaire*). Фонд И. с. и морфем в значительной мере обеспечивает состав (и развитие) совр. научно-технической и общественно-политической терминологии, напр. в области физики – И. с. до 17%, электроники – от 36 до 70%.

При всей интенсивности процессов интернационализации, наблюдающихся в совр. языках, И. с. в каждом языке проходят процесс адаптации к его системе, модифицируя свой внешний облик, грамматические признаки, словообразовательную структуру, семантику, отчасти сочетаемость в соответствии с «уровневыми» структурными закономерностями данного языка. Однако сохраняется сходство семантики (она всегда сходна – тождественна или близка) и по возможности – фонетического облика и письменной формы И. с. в других

языках в степени, достаточной для их однотипного функционирования в качестве единиц международного лексического фонда.

При многозначности И. с. в одном из языков в другом языке всегда есть совпадающие значения (ср. рус. *автор* и франц. *auteur*). Фонетический и акцентологический облик при сохранении общего сходства И. с. приобретает специфические для каждого языка особенности: ср. рус. *трактор* [*тра́ктър*] – франц. [*traktœr*]. Часты различия и в аффиксальном оформлении И. с.: ср. рус. *электричество*, франц. *électricité*, исп. *electricidad*, чеш. *elektřina*. Есть и различия в морфологии: ср. рус. *программа* (жен. род) – чеш. *program* (муж. род), рус. *класс* (муж. род) – франц. *classe* (жен. род) и т. п.; др.-греч. слова на *-ls*, *-ns*, *-os*, *-ov* и лат. на *-is*, *-us*, *-um* – ср. или жен. рода. Наблюдаются фазы приспособления И. с. к системе каждого языка. Напр., *кюльтивировать* → *культивировать; мусика* → *музыка* → *му́зыка; фашионабельный* → *фашионебельный* → *фешенебельный; контрабандир* → *контрабандист*; *атом* и *диета* в 18 в. выступали в форме *атома*, *диет*; в 20 в. наблюдалось колебание форм рода у слов *спазм* – *спазма*, *рояль*.

В 20 в. в связи с усилением интернационализации социально-экономических процессов, в условиях совр. научно-технической революции для И. с. характерны тенденции количественного роста, расширения сферы функционирования в лит. языках, унификации международного словаря (вследствие сближения национальных систем терминологии), в конечном счёте – к укреплению позиций И. с. и морфем в совр. лит. языках. В условиях научно-технического прогресса симптоматично параллельное возникновение в разных языках аналогичных И. с., как, напр., в рус. *магнитосфера* и в англ. *magnetosphere*. В активном словаре совр. лит. языков И. с. более 10%. Показателен высокий процент И. с. среди неологизмов (см.) рус. языка последних десятилетий – в словаре «Новые слова и значения» (1973) их более 30%. Многие из И. с.–европеизмов распространены и в других лингвогеографических ареалах (*телеграф*, *метр*, *совет*).

В рус. языке сов. периода сложился особый разряд И. с.– т. н. советизмы – слова в основном рус. происхождения, получившие распространение в других языках народов быв. СССР, относящиеся гл. обр. к номенклатурной и общественно-политической лексике (напр., *район*, *область*, *райком*, *комсомол* и т. п.).

Лит.: Виноградов В. В., Великий рус. язык, М., 1945; его же, Основные вопросы изучения совр. слав. лит. языков, «Вестник Моск. ун-та. Сер. общественных наук», 1949, № 7; Бельчиков Ю. А., Интернациональная терминология в рус. языке, М., 1959; Акуленко В. В., Вопросы интернационализации словарного состава языка, Хар., 1972; Интернациональные элементы в лексике и терминологии, Хар., 1980; Дубичинский В. В., Лексические параллели, Хар., 1993.

Ю. А. Бельчиков.

Интерфере́нция (от лат. inter – между и ferens – несущий) – взаимодействие языковых систем в условиях дву- или многоязычия, обусловленное их структурными расхождениями и проявляющееся в отклонении от кодифицированных норм речи контактирующих языков (см. Контакты языковые). Наряду с таким широким пониманием термин «И.» употребляется и в узком смысле для обозначения случаев нарушения речевых норм неродного языка под влиянием родного языка билингва (человека, владеющего двумя языками). Кроме того, термин «И.» используется для обозначения не только процесса, но и его результата.

И. возможна на всех уровнях языковой системы – фонемном, морфемном, лексическом и синтаксическом, но особенно заметна в фонетике. Проявление И. на разных уровнях языковой системы обусловлено структурно-типологическими соответствиями / несоответствиями контактирующих языков; напр., встречаются след. отклонения от лит. нормы рус. языка в рус. речи носителей различных конкретных видов национально-рус. двуязычия – [*č'un'úр*] вместо [*с'иб'úр'*]; *аптек* вместо *аптека*; *хорошие молодёжь* вместо *хорошая молодёжь*; *огромный семья* вместо *огромная семья*; *юридичный* вместо *юридический*; *благодарить другу* вместо *благодарить друга*; *мыть бельё* вместо *стирать бельё*; *кривая рука* вместо *нечист на руку*; *артисты от города* вместо *артисты из города*; *мне болит голова* вместо *у меня болит голова* и т. д. Совокупность интерферентных явлений в речи билингва представляет собой иноязычный акцент (см.) в широком смысле слова.

Различают И. потенциальную, предсказываемую в результате сопоставления структур контактирующих языков, и реальную, зафиксированную в речи билингвов. Потенциальная И. не всегда реализуется в речи. Реальное проявление потенциальной И. в речи билингва зависит от его языковых способностей, степени владения языком, ситуации общения и иных лингвистических и экстралингвистических факторов. Так, напр., существующие в рус. и белорус. языках отличия в противопоставленности согласных по признаку твёрдости-мягкости являются источником потенциальной фонетической И. Однако в зависимости от степени владения языком и иных факторов в рус. речи одних белорусов-билингвов потенциальная И. реализуется (*мо[ш̄]ный*, *г[ра]дка*), а у других – не реализуется, т. е. произношение соответствует нормам рус. орфоэпии (*мо[ш̄']ный*, *г[р'а]дка*).

Рус. язык, будучи одним из основных средств межнационального общения народов России и ряда стран ближнего зарубежья (см. Русский язык в международном общении), находится в постоянном контакте с многими десятками языков. Структурно-типологические соответствия / несоответствия контактирующих языков (рус. и другого на-

ционального языка) определяют характер и количество возможных явлений И. в условиях конкретных видов национально-рус. двуязычия. В результате И. в рус. речи билингвов, для к-рых рус. язык не является родным, возникают специфические черты, отсутствующие в кодифицированной рус. речи. Аналогичные отклонения от рус. речевых норм, обычно под влиянием местного узуса, могут появляться и в рус. речи исконных носителей рус. языка. Сопоставление обусловленных И. отклонений от речевых норм рус. языка и выяснение причин их возникновения даёт возможность глубже изучить процессы внутриструктурного взаимодействия и взаимовлияния языков, а также создать типологию интерферентных явлений, что в итоге позволит успешнее преодолевать И. в рус. речи билингвов.

Лит.: Вайнрайх У., Языковые контакты, пер. с англ., К., 1979; Грамматическая интерференция в условиях национально-рус. двуязычия, под ред. В. В. Иванова, М., 1990.

В. Н. Белоусов.

Интона́ция (от лат. intono – громко произношу) – совокупность просодических характеристик предложения: тона (см.), качества голоса (фонации), громкости и др. Совместно с лексико-грамматическими средствами и порядком слов И. выражает ряд специфических смысловых характеристик высказывания: целевую (тип вопроса, утверждения, побуждения), коммуникативную – тип ремы, старое/новое (см. Актуальное членение предложения), сопоставление, модальную (та или иная оценка сообщаемого) и т. д. Одновременно И. осуществляет членение текста на предложения и синтагмы (см.) и указывает на положение частей внутри целого (сигналы завершённости/незавершённости). Многообразие комбинаций этих функций в предложении отражается множеством просодических фигур.

Каждое просодическое средство может использоваться двумя способами: интегрально – как общая характеристика группы слов и локально – в составе фразовых акцентов, к-рые реализуются на ударных слогах. Главным просодическим средством является тон. Различаются уровни базового тона и тональные акценты. Уровень базового тона характеризует предложение в целом или какую-то его часть. Напр., во фразе *«Придётся вернуться»,– сказал Иванов* прямая речь произносится на нейтральном уровне, а последующая часть – на пониженном, тогда как неожиданное сообщение *Приехал Иванов!* произносится на повышенном тоне. Повышение или понижение общего уровня громкости обычно соответствует повышению или понижению уровня базового тона.

Тональный акцент – это изменение тона на ударном гласном. Основными типами акцентов являются восходящий и нисходящий (знаки, соответственно / и \). Восходящий тон используется в общем вопросе, а нисходящий – в ответе на него и в нек-рых спонтанных утверждениях: *Он приехал в субботу* (/)? – *Да* (\), *в субботу* (\). Возможны и комбинации простых тонов внутри слога: восходяще-нисходящий тон типичен для обращений: *Вань* (/\)!, а нисходяще-восходящий – для самоуверенных утверждений: *А кто это сумеет сделать? – Я* (\/). Используются и комбинации с ровными тонами, особенно сочетание восходящего тона с ровным (знак /—) при незамкнутом перечислении: *Мы посетили Ростов* (/—), *Суздаль* (/—), *Владимир* (/—)...

Различны также сочетания тона ударного слога с тонами соседних безударных слогов. Так, за восходящим тоном на ударном слоге обычно следует падение на заударных. Однако возможна и комбинация восходящего тона на ударном слоге с ровными на заударных (/——), типичная для недоуменных вопросов: *Куда* (/——) *я её дел...?* Частой фигурой является сочетание падения тона на ударном слоге с восходящим движением на заударных, к-рое завершается на конечном слоге (знак \=/), что типично для сопоставительных вопросов: *Розанова приехала. – А Баринова* (\=/)?

Рема (фокус) предложения обязательно получает акцент, тип к-рого определяется целью высказывания. В фокусе могут оказываться разные члены предложения, соответственно смещается и акцент: *Иванов приехал в субботу* (/)? – *Иванов приехал* (/) *в субботу? – Это Иванов* (/) *приехал в субботу?* Кроме ремы, акцент может получать и тема предложения. Это происходит в случае, когда тема является «новой» (впервые вводится в тексте): *Вы Иванова* (\——) *не видели* (——/)? – *Я Иванова не знаю* (\). Здесь в первой реплике слово *Иванова*, будучи новой темой, получает акцент, а во второй оно его не имеет, т. к. является уже «старой» темой. Направление тона на теме семантически не значимо, в диалогических репликах тон темы обычно адаптируется к тону ремы. В результате возникают тональные «композиции»: нисходящий – ровный низкий – восходящий (предыдущий пример) или восходящий – ровный высокий – нисходящий: *Вы Иванова* (/——) *не вычёркивайте* (——\)! Последняя фигура типична также для специальных вопросов: *Когда* (/——) *вы возвращаетесь* (——\)?

Степень тонального изменения при акцентировании не всегда одинакова. Увеличение интервала подъёма тона (знак //) сопровождает вопрос с оттенком удивления: *Это Иванов* (//) *сделал? Невероятно!* Напротив, увеличение интервала падения тона (знак \\) типично при подтверждении ожидаемого: *Я предсказывал, что они поссорятся. Так и случилось* (\\). Для риторического усиления высказывания нисходящий акцент может повторяться на последнем безударном слоге слова (этому предшествует восхождение тона): *Рубашка-то высохла* (\/\). *А ты не верил.* Если последний слог является ударным, то гласный удваивается, что позволяет повторить падающий акцент:

Ну как, решил? – Реши–ил (\/\). Особый тип акцентирования характерен для контрастивных высказываний: *В среду* (/) *пойдём? – Нет, во вторник* (\″). Знак ″ здесь указывает на специфическое изменение тембра ударного гласного, связанное с контрастивностью.

В экспрессивной речи часто используются особые фонации (типы голоса): напряжённая (НПР) – указывает на повтор или переспрос; расслабленная (РСЛ) – «ласкающий» голос; придыхательная (ПДХ) – выражает высокую степень чувства; «скрипучая» (СКР) – выражает отрицательное отношение. Они обычно относятся к высказыванию в целом: *Что-что ты говоришь?* (НПР); *Ах, ты мой маленький!* (РСЛ); *Боже, как она прекрасна* (ПДХ); *Зря ты ему помогал* (СКР). «Скрипучая» фонация производится при близко сведённых голосовых связках. При полном смыкании связок возникает гортанная смычка (знак ˋ), к-рая может завершать акцентированный гласный: *«Хорошо!* (/ˋ); *Не знаю* (\ˋ).

Другие просодические средства (громкость, количество – в виде интегрального темпа или удлинения акцентированных гласных, паузы и т. д.) ещё более расширяют интонационные возможности и используются для выражения многих оттенков значений. Обширность интонационного инвентаря даёт основу для разных классификаций просодических признаков и интонационных конструкций.

Лит.: Николаева Т. М., Фразовая интонация слав. языков, М., 1977; Брызгунова Е. А., Интонация, в кн.: Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Светозарова Н. Д., Интонационная система рус. языка, Л., 1982; Кодзасов С. В., Проект просодической транскрипции для рус. языка, «Бюллетень фонетического фонда рус. языка», 1989, № 2; его же, Просодические средства рус. речи, в кн.: Просодический строй рус. речи, М., 1996; Fougeron I., Prosodie et organisation du message, P., 1989; Odé C., Russian intonation: a perceptual description, Amst., 1989.

С. В. Кодзасов.

Инфинити́в (от лат. infinitivus – неопределённый), неопределённая форма глагола,– форма глагола, называющая действие или процессуальное состояние (*смотреть, читать, находиться*) без указания на время действия, его отношение к действительности, количество субъектов действия, а также на то, является ли субъект действия говорящим лицом, собеседником или третьим лицом. И. не выражает значений времени, наклонения, числа и лица. Он выражает лишь значения вида (*писать – написать*), залога (*строить – строиться*), переходности и непереходности (*красить, лежать*). Подобно форме им. п. у имён, И. является исходной формой глагола, к-рая даётся в словарях; И. состоит из основы и суффикса. Большинство глаголов имеет в И. суффикс *-ть*, следующий после конечной гласной основы: *слабеть, давить, колоть, дуть*. У нескольких глаголов этот суффикс находится после согласных *с* или *з*: *прясть, класть, пасть, сесть, есть, грызть, лезть* (то же у приставочных глаголов с теми же корнями). Нек-рые глаголы имеют суффикс *-ти*: *идти, везти, ползти, пасти, спасти, расти, вести, рассвести, цвести, плести, мести, нести, гнести, произнести, брести, грести, скрести, блюсти, грясти* (книжн.), *трясти*, приставочные глаголы с теми же корнями, а также глагол *вылезти* (употребляющийся в лит. языке наряду с *вылезть*). Суффикс *-ти* всегда стоит под ударением; исключение составляют глаголы с приставкой *вы-*, имеющие ударение на этой приставке: *вы́расти, вы́цвести* и др. Нек-рые из глаголов с суффиксом *-ти* имеют параллельные формы с суффиксом *-ть*, свойственные просторечию, напр.: *плести – плесть, принести – принесть*. Формы с суффиксом *-ть* были распространены в лит. языке 19 в. наряду с формами на *-ти*, ср.: *«Родной земли спасая честь, Я должен буду, без сомненья, Письмо Татьяны перевесть»* (Пушкин); *«Она казалась верный снимок Du comme il faut. (Шишков, прости: Не знаю, как перевести)»* (Пушкин).

Нек-рые глаголы имеют в И. суффикс *-чь*: *жечь, лечь, облечь, влечь, развлечь, печь, наречь* (устар.), *изречь* (устар. и прост.), *обречь* (высок.), *стеречь, сечь, течь, пренебречь, стричь, застичь* (наряду с *застигнуть*), *настичь* (наряду с *настигнуть*), *достичь* (наряду с *достигнуть*), *постичь* (наряду с *постигнуть*), *волочь, толочь, мочь*, а также в приставочных глаголах с теми же корнями: *зажечь, перелечь, испечь* и др.

В просторечии и диалектах встречаются формы с повторением суффикса *-ть* после *-ти*: *иттить, найтить, пройтиться*. Эти формы не соответствуют нормам лит. языка, в к-ром имеется только один глагол с таким повторением: *запропаститься*.

В подавляющем большинстве глаголов основа И. совпадает с основой прош. времени. Исключение составляют: 1) глаголы, у к-рых основа И. оканчивается на *-ну*, а в основе прош. времени *-ну* может отсутствовать, напр.: *гибну-ть, гиб* и *гибну-л; блёкну-ть, блёк* и *блёкну-л*; 2) глаголы с суффиксом *-чь*, у к-рых основа И. оканчивается на гласный, а в основе прош. времени за этим гласным следует заднеязычный согласный *к* или *г*, напр.: *бере-чь – берёг, мо-чь – мог, вле-чь – влёк, пе-чь – пёк*; 3) глаголы, у к-рых основа И. оканчивается на *-е* или *-и*, а в основе прош. времени эти гласные отсутствуют: *тере-ть – тёр, пере-ть – пёр* (прост.), *мере-ть – мёр, простере-ть – простёр, ошиби-ться – ошиб-ся* и др.; 4) глаголы, у к-рых основа И. оканчивается на *-с*, а в основе прош. времени *-с* чередуется с *-б*: *скрес-ти – скрёб, грес-ти – грёб*, или отсекается: *мес-ти – мёл, плес-ти – плёл, клас-ть – кла-л, кляс-ть – кля-л, ес-ть – е-л*.

В предложении И. выполняет синтаксические функции подлежащего (*Курить – вредно*), простого глагольного сказуемого (*«И царица хохотать, И плечами пожимать...»*, Пушкин; *Глав-*

ное – не волноваться), главного члена инфинитивного предложения (*Открыть ему?; Построиться!*), присвязочной части сложного глагольного сказуемого (*Он хочет уйти; Я начал читать*), дополнения (*Я прошу Вас говорить громко*), несогласованного определения (*«Нетерпение доехать до Тифлиса овладело мною»*, Пушкин), обстоятельства цели (*«Месяц величаво поднялся на небе посветить добрым людям и всему миру»*, Гоголь).

И. выступает также в составе формы буд. сложного времени: *Я буду писать*. И., подчинённый в предложении личной форме глагола, может быть субъектным или объектным. Субъектный И. обозначает действие, субъект к-рого совпадает с субъектом личной формы глагола (*Он начал писать*). Объектный И. обозначает действие, субъект к-рого является объектом личной формы глагола (*Он рекомендовал мне написать статью*).

Лит. см. при ст. Глагол. *И. С. Улуханов.*

Инфинити́вное предложе́ние – см. Безличное предложение.

Иро́ния (от греч. eirōnéia, букв. – притворство) – троп (см.), заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики. И. чаще всего имеет место в высказываниях, содержащих положительную оценку, к-рую говорящий (пишущий) отвергает: *«Отколе, умная, бредёшь ты, голова?»* (Крылов). Значительно реже употребляется т. н. а с т е и з м – похвала в форме порицания: *«Собачонка ничего себе... Сердится, шельма... цуцык этакий...»* (Чехов). И. обычно не выражена формально (особая ироническая интонация в звучащей речи и употребление кавычек на письме факультативны), а выявляется на основе контекста или фонового знания, исключающих возможность буквального понимания сказанного (написанного).

Нек-рые клишированные конструкции всегда выражают лишь иронический смысл: *Этого ещё не хватало!; Ничего себе помощь, удружил!* (ср. прост.: *Аж два раза!*). Стереотипное выражение такого рода принято обозначать термином а н т и ф р а з и с. К примерам И. в широком смысле относятся случаи подчёркнутого несоответствия стиля предмету речи, напр. высокопарное описание заурядных или ничтожных событий. *Ю. М. Скребнев.*

Иску́сственный язы́к – см. Интерлингвистика.

Иссле́довательский центр преподава́ния ру́сского языка́ РАО – научно-исследовательское учреждение по проблемам преподавания русского языка: как государственного – в русских и национальных школах России; как неродного языка – в школах государств СНГ; как родного – в школах для членов русской диаспоры ближнего и дальнего зарубежья в условиях инонационального окружения; а также по проблемам преподавания русской литературы в школах России, ближнего и дальнего зарубежья. Создан в 1992 на базе ранее существовавших Научно-исследовательского ин-та преподавания рус. языка в национальной школе Академии пед. наук СССР (1970–89) и Научно-исследовательского ин-та национально-рус. двуязычия Академии пед. наук СССР (1989–91). Находится в Москве. Основные направления научно-исследовательской деятельности: разработка содержания и инновационных технологий обучения рус. языку в различных условиях его функционирования в РФ, государствах СНГ, рус. диаспоре в зарубежных государствах; теория и практика преподавания рус. языка и лит-ры в школах и гимназиях различного профиля; разработка научных основ преподавания рус. лит-ры во взаимосвязи со всей остальной культурой; теоретическое и методическое обеспечение подготовки и переподготовки учителей рус. языка с учётом национально-регионального компонента, совр. условий. В составе центра четыре лаборатории (методики преподавания рус. языка как родного; методики преподавания рус. языка как неродного; методики преподавания рус. лит-ры в школах с нерус. языком обучения; подготовки и переподготовки учителей рус. языка), а также две научные группы (углублённого изучения рус. языка в школах различного типа и профиля; научного описания рус. языка в учебных целях). Центр имеет аспирантуру, где готовятся специалисты по рус. языку и лит-ре из РФ, государств СНГ, других зарубежных государств. В центре действуют специализированные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности Методика преподавания рус. языка.

Н. Б. Карашева.

Истори́змы – слова и выражения, вышедшие из активного употребления в связи с тем, что исчезли или стали неактуальными обозначаемые ими понятия (напр., *армяк, бонна, нэпман, коллежский асессор*). И., наряду с архаизмами (см.) и неологизмами (см.), входят в пассивный словарь языка (см. Пассивный словарь). Появление в языке И. обусловлено внеязыковыми причинами: развитием общества, науки, культуры, изменением обычаев и быта народа. И. характеризуются разной степенью устарелости. Соответствие И. определённым реалиям, явлениям, относящимся к различным сферам жизни разных эпох и народов, отмечается в словарях в их толковании: *вече* – 'в Древней Руси: собрание горожан для решения общественных дел', *великий визирь* – 'первый министр в султанской Турции', *нэпман* – 'частный предприниматель времён нэпа'.

Различаются И. лексические, или полные,– слова (одно- и многозначные), вышедшие из активного употребления и не используемые для номинации

новых реалий (напр., *кафтан, гайдамак, городничий*), и И. семантические, или частичные, – устаревшие значения многозначных слов, совмещающих в своей семантике и исторические, и актуальные значения (ср. значение ‘лицо, объявляющее народу официальные известия’ у слова *глашатай*). Особый разряд составляют И., называющие реалии, явления, исчезнувшие из жизни носителей языка, но актуальные в жизни других совр. народов и смыкающиеся поэтому с экзотизмами (напр., *канцлер, бургомистр*).

И. используются двояко: как нейтральные слова – при необходимости назвать обозначавшиеся ими реалии (напр., в исторических работах); как стилистическое средство – в тех же целях, что и архаизмы.

Нек-рые И. сохраняются в активном словаре (см.) в составе устойчивых выражений (напр., *бить баклуши, точить лясы*). И. могут вновь войти в активное употребление вследствие возрождения, актуализации обозначаемых ими понятий или в результате использования И. для наименования новых реалий, явлений на основании сходства или подобия (ср., напр., совр. употребление слов и выражений: *обществоведение, мичман, благотворительный вечер*).

Лит. см. при ст. Архаизмы. *А. С. Белоусова.*

Истори́ческие словари́ – 1) словари, в к-рых даётся история слов на протяжении описываемой эпохи развития данного языка. 2) Словари, в к-рых объясняются слова, употребляющиеся в памятниках письменности данного языка, отдалённых от его современного состояния.

Предшественниками И. с. были притекстовые словари к памятникам письменности [напр., одна из глав Изборника Святослава 1073 (см.)], азбуковники (см.) и лексиконы (см.) в нек-рых своих фрагментах, комментирующие историзмы (см.) – древние реалии, мифологические и библейские сюжеты, имена, географические названия, исторические реалии и термины, архаическую и этнографическую часть лексики. Эти словари с древнейших времён накапливали в себе черты и методику словаря исторического жанра.

В 16–17 вв. в азбуковниках и лексиконах комментировались исторические контакты двух и более культур. В 18 в. возможность сопоставления элементов разных языков, как, напр., в первом общеслав. словаре «Lexicon Slavonicum» И. Г. Спарвенфельда [как рукописный факт известен с нач. 18 в.; издан с комментариями Уллой Биргегорд в Швеции (т. 1–7, 1985–92)], служила толчком для развития интереса к этимологии слова (в этом словаре встречаем впервые толкование слова «етимология» – *«речени⟨и⟩ в’сякихъ истол’кованїе сѹщее»*). В этом веке развивается интерес к лексике высокого слога (см. Трёх стилей теория) с её высокими понятиями духовности, византинизмами, славянизмами (см.), архаизмами (см.) и низкого слога с её историческими реалиями народной жизни, «этнографизмами» [напр., «Словарь русских суеверий» (1782), «Словарь Академии Российской» (ч. 1–6, 1789–94; 2 изд., 1806–22) вполне отвечали таким запросам, последний даже считали историко-этимологическим словарём в связи с гнездовым расположением слов, позволявшим показать их исторические и этимологические связи].

Измаил Иванович Срезневский 1(13).6.1812–9(21).2.1880

В 19 в. трудами этнографов, историков, археографов И. с. утвердились как самостоятельный жанр, связанный с древними реалиями и опирающийся на памятники письменности. Собирателями и издателями этих памятников создавались историко-терминологические словари [напр., «Опыт словаря древних славянских слов

МАТЕРIАЛЫ

ДЛЯ

СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА

ПО

ПИСЬМЕННЫМЪ ПАМЯТНИКАМЪ.

ТРУДЪ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

ИЗДАНIЕ ОТДѢЛЕНIЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМIИ НАУКЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

А – К.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФIЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМIИ НАУКЪ

Вас. Остр. 9 л., № 12

1893.

и речений» А. Петрова (1831), «Пояснительный словарь предметов древней царской казны и оружейной палаты» А. Ф. Вельтмана (1844), «Указатель исторический, топографический, реальный и филологический (по материалам 1632–1682 гг.)» П. М. Строева (1844), «Словарь терминов межевого дела в России от древних времён до середины XIX в.» (1846), «Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное» П. И. Савваитова (1866), «Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка Юго-Западной России» (1871–72)]. В 20 в. продолжается сбор материалов для словарей терминов, цель к-рого – учесть все известные контексты употребления термина. Эти издания используются преим. как указатели слов, употреблявшихся в памятниках в качестве терминов; они могут использоваться как самостоятельные отраслевые словари-справочники или как вспомогательные при создании И. с. или исторической энциклопедии; напр., «Материалы для терминологического словаря древней Руси» Г. Е. Кочина (1937), изданные в Польше «Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w.» (1962) А. Поппе (A. Poppe), «Словарь русских исторических терминов от XI столетия до 1917 года», составленный С. Г. Пушкарёвым и вышедший в США (1970).

В 19 в. в качестве материалов для И. с. начали создаваться к а р т о т е к и выписок из памятников письменности (см. Картотеки лексики русского языка), а также указатели слов к отдельным памятникам, ориентированные уже не на описание отдельных групп слов, а на описание языка в целом и фиксацию путей его развития, эволюции. Так, И. И. Срезневский собирал картотеку выписок в основном из памятников письменности 11–14 вв. для словаря языка др.-рус. периода. Он явился основателем жанра исторической лексикографии, хотя его замысел и не заключал в себе всех параметров И. с., к-рый в идеале должен демонстрировать последовательность развития значений слова, начиная с исторического (этимологического). Словарь был издан после смерти Срезневского как «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1–3, 1893–1903, дополнения – 1912; 3 изд., 1958; 4 изд., 1989). Это словарь контекстов, относящихся к прошлым эпохам, хронологически организованных, что в определённой степени характеризует динамику в развитии значений и форм слова. Уже на страницах этого словаря начал преодолеваться «хронизм» (т. е. чисто хронологический принцип организации словарной статьи).

К нач. 20 в., когда акцент стал перемещаться на задачу описания истории слова (любого), истории лексических групп и языка в целом (В. В. Виноградов), сложилась развивающаяся и поныне особая область лексикографии – и с т о р и ч е с к а я л е к с и к о г р а ф и я. На базе специально создаваемых картотечных массивов (в 20-х гг. с целью составления др.-рус. словаря была заложена новая картотека выписок из памятников письменности последующей эпохи – после 14 в.) для разных типов словарей, объединяемых в группу с л о в а р е й и с т о р и ч е с к о г о ц и к л а, она стремится к решению тех задач, к-рые в данный момент

Фрагменты текста из «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского.

ВЪІСОКЪІИ — ὑψηλός, altus: — Възведе ѩ на горѫ высокѫ (εἰς ὄρος ὑψηλόν). *Мѳ. XVII. 1. Остр. ев.* Его же образъ видѣ Исаія на престолѣ высоцѣ обьстоима множьствомь Ангель. *Кир. Тур. 26.*
— Къто въісокъ сѧ дрьжѧ добротами и оуправлениими своими. *Іо. екз. Бог. 212.* О Х҃ва оугодника б҃жнаꙗ по истинѣ. и въі(сокъ) паче всѣхъ градъ Рускъіхъ. *Іак. Бор. Гл. 108.* Зъ добрымь бо думъцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думъцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ. *Сл. Дан. Зат.* Азбяково слово… кн҃земъ высокимъ и нижнимъ. *Ярл. Узб. 1315 г.*
съ въ ı с о к а — съ верху: — Оударити о землю с высока. *Муч. Кир. Ул.*

ЗАРЕВЪ — названіе мѣсяца августа, mensis augustus: — До м҃ца авгоста, рекомааго зарева. *Остр. ев. 210.* — Чеш. zářj — сентябрь.

ЗАСѢСТИ, ЗАСАДꙊ — захватить, завладѣть: — Бояре Рюриковы изъ Новагорода, Асколдъ…, засѣдоша градъ Кіевъ. *Псков. I л. 6374 г.* Онъ же загордѣвся, засяде Смоленескъ. *Нов. I л. 6948 г. (по Ак. сп.).* Князь Семенъ на великого князя имя засѣлъ городы Литовскіе. *Соф. вр. 1493 г. (т. II. 242).* Волость пана Иванова… засѣли и звоевали. *Посольств. д. в. к. Ив. Вас. 1492 г.*

ЗНАМЕНЬЩИКЪ — знаменоносецъ: — И знамя у Двинянъ выбиша, а трехъ знаменщиковъ убиша (см. *Кар. И. Г. Р. VI. пр. 59*).
— рисовальщикъ, живописецъ: — Дано государева жалованья знаменщику Поснику, Дмитрееву сыну, Ростовцу, сукно аглинское доброе. *Расходн. кн. 1584—1585 г. 203.*
— завѣдывающій податью отъ знамени: — Знаменныя денги платитъ нашему знаменщику. *Грам. Рост. архіеп. Досив. 1542 г.* — См. **ЗНАМА**.

Исторические

ставит перед нею филологическая наука. Начиная с 50–60-х гг. это были задачи периодизации рус. языка (Р. И. Аванесов), создания исторической лексикологии (П. Я. Черных, Ю. С. Сорокин, являющийся автором проекта И. с. 19 в., Н. Ю. Шведова, Г. А. Богатова) и исторической грамматики (В. В. Иванов, позднее В. Б. Силина, В. Б. Крысько), исторического словообразования (И. С. Улуханов), истории др.-рус. культуры (Богатова, О. Н. Трубачёв). В 70–90-х гг. отношение к И. с. как к словарю, строящемуся на материале прошлых эпох, сменяется пониманием необходимости описания истории слова с точки зрения выявления его эволюции, последовательных этапов развития (Сорокин). Т. е. в рус. исторической лексикографии с 70-х гг. понятие «хронизм» практически сменяется понятием «историзм». В это время в европейской (в т. ч. в русской) лексикографии в группе собственно И. с. безусловно ведущее место занимают словари с большой глубиной диахронии, по к-рым можно проследить историю русского языка (см.), её периодизацию; напр., «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (в. 1–21, более 60 тыс. слов, 1975–95; в. 1–7 – гл. ред. С. Г. Бархударов, в. 8–11 – гл. ред. Ф. П. Филин, в. 12–14 – гл. ред. Д. Н. Шмелёв, до в. 14 – также под ред. Богатовой; в. 15–21 – гл. ред. Богатова; изд. продолжается, планируется выход ещё 10 выпусков). Словарь выполняется на базе Картотеки др.-рус. словаря 11–17 вв., составленной сплошным и выборочным методом расписывания памятников письменности. С выходом в свет новых источников пополняются и идущие в производство выпуски, и картотека. Основное внимание создателей словаря направлено на решение проблем исторической лексикологии.

Среди словарей отдельных периодов – «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», начатый под ред. Аванесова (т. 1–5, 1988–94; планируется издание ещё 5 томов; объём всего словаря 30 тыс. слов). Словарь выполняется на базе отдельной картотеки с расписыванием каждой встречаемости слова. Картотека обрабатывается с использованием статистических методов. Словарь и картотека представят много данных для создания исторической грамматики и изучения исторического словообразования рус. языка.

С 1984 выходит «Словарь русского языка XVIII века» (в. 1–8, 1984–95, под ред. Сорокина; изд. продолжается) на базе картотеки в 2 млн. карточек. Словарь решает проблемы развития рус. лит. языка нового времени.

В рус. исторической лексикографии 70–90-х гг. 20 в. не прекращаются дискуссии по поводу жанра И. с. Они связаны с различным пониманием слова «история»: 'знание, наука вообще, информация' или 'историческая наука'. В связи с этим существуют два подхода к принципам составления И. с.: И. с., отражающие только зафиксированные письменно слова, и И. с., учитывающие также и этимологию слов, их развитие не только на письменном, но и на дописьменном этапе истории языка («Этимология слова – это есть его история по преимуществу», Трубачёв). На практике данная проблема разрешается раздельным составлением этимологических и собственно исторических словарей. Кроме того, в последнее время появились новые дополнительные распределения внутри сложившегося круга одновременно издаваемых словарей, к-рые могут быть объединены в т. н. словари исторического цикла. В него входят как собственно И. с., так и историко-терминологические, сводные этимологические одного языка [напр., «Этимологический словарь рус. языка» М. Фасмера (пер. с нем., т. 1–4, 1968–72), «Этимологический словарь русского языка» (под ред. Н. М. Шанского, в. 1–8, 1960–80; изд. продолжается)] или группы языков [напр., «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (под ред. Трубачёва, в. 1–22, 1974–95; изд. продолжается)], историко-этимологические [напр., «Историко-этимологический словарь современного русского языка» Черных (т. 1–2, 1993)], исторические с диалектными данными [напр., «Псковский областной словарь с историческими данными» (в. 1–7, 1967–86; изд. продолжается)], сводные диалектные словари [напр., «Словарь русских народных говоров» (под ред. Филина и Ф. П. Сороколетова, в. 1–22, 1965–87)], словари отдельных памятников письменности [напр., «Словарь-справочник "Слова о полку Игореве"» (в. 1–6, 1965–84; изд. продолжается), «Лексика и фразеология "Моления" Даниила Заточника. Лексикографическое описание памятника» (1981)], словари-энциклопедии [напр., «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» (под. ред. Н. И. Толстого, т. 1, 1995; изд. продолжается)], словари, посвящённые отдельным аспектам др.-рус. языка [напр., «Акцентологический словарь древнерусского языка середины XIV в.» В. Д. Ушакова (1982)].

Лит.: Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1940, № 3; Богатова Г. А., История слова как объект рус. исторической лексикографии, М., 1984; Теория и практика рус. исторической лексикографии, М., 1984; Трубачев О. Н., Историческая и этимологическая лексикография, в кн.: Теория и практика рус. исторической лексикографии, М., 1984; Сорокин Ю. С., Что такое исторический словарь, там же; Историко-культурный аспект лексикографического описания языка, М., 1995; От исторического словаря к исторической лексикографии рус. языка, в кн.: Јужнословенски филолог, Београд, 1995 *Г. А. Богатова.*

Исто́рия ру́сского литерату́рного языка́ – раздел русистики (см.), изучающий возникновение, становление, исторические преобразования структуры литературного языка, коррелятивных отношений составляющих его системных компонентов – стилей, как языковых, так и функционально-речевых и индивидуально-авторских и др., развитие письменно-книжной и устно-разговорной форм литературного языка.

Теоретическим основанием дисциплины служит комплексный и разносторонний (историко-культурный, историко-лит., историко-поэтический и историко-лингвистический) подход к исследованию структуры лит. языка, его норм на разных этапах исторического развития.

Концепция И. р. л. я. как научной дисциплины была разработана В. В. Виноградовым и принята совр. рус. языкознанием. Она сменила ранее существовавший в науке подход, представлявший собой комментарий к рус. лит. языку 18–19 вв. с коллекцией разнородных фонетико-морфологических и словообразовательных фактов на фоне понимания языка как орудия рус. культуры (работы Е. Ф. Будде).

Вопрос о соотношении и взаимодействии церк.-слав. и народного вост.-слав. языков в развитии др.-рус. лит-ры и письменности получил особую остроту в сер. 18 в.– в пору начального формирования сравнительно-исторического метода в языкознании. М. В. Ломоносов писал: «Речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнего моравского языка, на который переведено прежде Священное Писание, ибо тогда российский диалект был другой, как видно из древних речений в Несторе, каковы находятся в договорах первых российских князей с царями греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, "Правда русская" называемые, также прочие исторические книги, в которых употребительные речения, в Библии и в других книгах церковных коих премного, по большей части не находятся» (Полн. собр. соч., т. 7, 1952).

В рус. филологии 19 в. существовало четыре историко-лингвистические концепции возникновения и развития др.-рус. лит. языка.

1. Церк.-слав. язык и др.-рус. народно-лит. язык – это стили одного и того же «славенского», или старого рус. лит., языка (А. С. Шишков, П. А. Катенин и др.).

2. Церк.-слав. (или ст.-слав.) язык (язык церковных книг) и язык др.-рус. деловой и светской письменности – это разные, хотя и близкородственные языки, находившиеся в тесном взаимодействии и смешении до кон. 18 – нач. 19 вв. (А. Х. Востоков, отчасти К. Ф. Калайдович, М. Т. Каченовский и др.). Термин «церк.-слав. язык» появился в науке в кон. 30-х гг. 19 в. как замена терминов «язык церковных книг», «язык русской церкви» (ср. Ломоносов, «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1758). Окончательное его закрепление произошло в «Словаре церковно-славянского и русского языка», составленного Вторым отделением Императорской АН (ч. 1–4, 1847).

3. В основе др.-рус. лит. языка лежит церк.-слав. язык (М. А. Максимович, К. С. Аксаков, отчасти Н. И. Надеждин и др.). По словам Максимовича, «церковно-славянский язык не только дал образование письменному языку русскому..., но более всех других языков имел участие в дальнейшем образовании нашего народного языка» («История древней русской словесности», 1839).

4. Основа др.-рус. лит. языка – живая вост.-слав. народная речь, близкая по своим основным структурным особенностям к ст.-слав. языку. Приняв христианство, рус. народ «нашёл уже все книги, необходимые для богослужения и для поучения в вере, на наречии, отличавшемся от его народного наречия очень немногим»; «Не только в подлинных произведениях рус. книжников, но и в переводах, чем они древнее, тем более видим народности в выражении мыслей и образов» (И. И. Срезневский, «Мысли об истории русского языка и других славянских наречий», 1887). Разделение книжного и народного языка, вызванное изменениями народно-разг., диалектной речи вост. славян, относится к 13–14 вв.

К нач. 20 в. в понимании истории и развития рус. лит. языка определилось два направления. Одно из них, получившее широкое распространение в славяно-рус. филологии, сложилось под влиянием взглядов А. А. Шахматова: «Русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил... по своему происхождению русский литературный язык – это перенесённый на русскую почву церковно-славянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий своё иноземное обличие» («Очерк современного русского литературного языка», 1925). Вслед за Шахматовым Б. О. Унбегаун писал: «Современный русский литературный язык продолжает никогда не прерывавшуюся традицию литературного языка Киевской, удельной и Московской Руси, т. е. языка церковно-славянского» («Разговорный и литературный язык», 1950). Эта точка зрения получила распространение за рубежом.

Однако в работах, посвящённых языку др.-рус. лит-ры (о «Хронике Георгия Амартола» В. М. Истрина, о «Русской правде» Е. Ф. Карского, о «Девгениевом деянии» М. Н. Сперанского и др.), взгляд Шахматова на развитие др.-рус. лит. языка подвергся существенным исправлениям.

В «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода» (1946) С. П. Обнорский находил истоки рус. лит. языка в живой народной вост.-слав. речи. Он утверждал, что рус. лит. язык старшего периода был чисто рус. языком во всех элементах своей структуры (в произношении, в формах словоизменения и словообразования, в лексике, в синтаксисе). Те же общие предпосылки концепции Обнорского легли в основу работ П. Я. Черных, Ф. П. Филина и др.

Т. о., одна концепция подчёркивала ст.-слав. основу возникновения и развития рус. лит. языка, а другая – самобытную вост.-слав. основу. В русистике всё более широко обрисовывалась проблема др.-рус. лит. двуязычия, или языкового дуализма, нуждавшаяся в конкретно-историческом изучении. С кон. 20-х – нач. 30-х гг. 20 в. эта проблема оказывается в центре исследований Виноградова. Его взгляды в этой области испытали эволюцию, однако к кон. 60-х гг. они составили строгую систему, отражавшую особенности др.-рус. лит. двуязычия, или языкового дуализма, Древней Руси.

Ст.-слав. язык, в концепции Виноградова, на протяжении 9–11 вв. был общим письменно-лит. языком всех слав. народов – южных, восточных и западных. Этот язык был международным, наддиалектным, т. к. «старославянский язык, даже если принять диалектной основой говор македонских, солунских славян, в процессе своего письменного воплощения подвергся филологической обобщённой обработке и включил в себя элементы других южнославянских говоров» («История русского литературного языка. Избранные труды», 1978).

Это привело к тому, что развитие др.-рус. лит. языка определялось соотношением двух речевых стихий – письменной общеславянской (ст.-слав., др.-слав.) и устной и письменной национальной др.-русской. Каждый слав. национальный лит. язык на начальном этапе развития был «вульгарным», простонародным и развивался далее по образцу другого, «высшего» языка, служившего для него моделью, образцом, «классическим» языком. Таким для лит. языков православных славян был ст.-слав., или др.-слав., ставший у них «классическим», как язык церкви, церк.-слав. язык. Взгляды Виноградова на историю рус. лит. языка получили широкое распространение в славяно-рус. филологии (труды Р. Пиккио, П. М. Бицилли, Н. И. Толстого, А. Достала, Й. Курца и др.).

При установлении периодизации И. р. л. я. исходят из периодизации развития отдельных частей структуры лит. языка – его произносительных норм, морфологического строя, синтаксиса, лексико-фразеологического состава. При этом учитываются изменение общественных функций лит. языка, его дифференциация на типы или стили, исторически меняющийся характер его связей с общенародной разг. речью и её диалектами, т. к. темпы изменений разных элементов структуры языка различны.

В развитии рус. лит. языка выделяются след. периоды: лит. язык Древней Руси (с 10 до кон. 14 – нач. 15 вв.); лит. язык Моск. Руси (с кон. 14 – нач. 15 вв. до 2-й пол. 17 в.); лит. язык начальной эпохи формирования рус. нации (с сер. 17 в. до 80–90-х гг. 18 в.); лит. язык эпохи образования рус. нации и формирования его общенациональных норм (с кон. 18 в.); рус. лит. язык совр. эпохи.

Распространение и развитие письменности и лит-ры на Руси начинается после принятия христианства (988), т. е. с кон. 10 в. Самые старшие из памятников письменности относятся к 11 в. Это богослужебные и религиозно-учительные тексты на церк.-слав. языке, представлявшие собой переводы с греч. языка (Евангелие, Апостол, Псалтырь и др.).

Др.-рус. авторы создали в этот период оригинальные произведения в жанрах проповеднической лит-ры («Слова» и «Поучения» митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, Луки Жидяты, Климента Смолятича), паломнической лит-ры («Хождение игумена Даниила») и др.

В основе книжно-слав. типа языка лежал ст.-слав. язык. Др.-рус. лит-ра в этот период своей истории культивировала также и повествовательные, исторические и народно-художественные жанры, возникновение к-рых связано с развитием народно-культурного или народного обработанного типа др.-рус. лит. языка. Это «Повесть временных лет» (12 в.) – др.-рус. летопись, эпическое произведение «Слово о полку Игореве» (кон. 12 в.), «Поучение Владимира Мономаха» (12 в.) – образец «светского, житийного» жанра, «Моление Даниила Заточника» (12 в.), «Слово о погибели Русскыя земли» (кон. 13 – нач. 14 вв.).

Из ст.-слав. языка в др.-рус. язык перешли многие слова, обозначающие отвлечённые, гл. обр. философские и этические, понятия, напр. *естество, сущность, время, пространство, существо* и др. Особую группу лексики др.-рус. языка составляют ст.-слав. слова, однокоренные с соответствующими русскими, отличающиеся звуковым обликом: *брег* (ср. *берег*), *влас* (ср. *волос*), *врата* (ср. *ворота*), *глава* (ср. *голова*), *древо* (ср. *дерево*), *срачица* (ср. *сорочка*), *хранити* (ср. *хоронити*), *един* (ср. *один*) и др. В др.-рус. языке выделяется также целый ряд параллелей чисто лексических, напр. *брак* и *свадьба*; *выя* и *шея*; *грясти* и *идти*; *глаголати, рещи* и *сказать, говорить*; *ланита* и *щека*; *очи* и *глаза*; *перси* и *грудь*; *уста* и *губы*; *чело* и *лоб* и др. Наличие таких лексических пар обогащало лит. язык в функциональном отношении, семантически и стилистически. Др.-рус. лит. язык наследовал из ст.-слав. языка средства художественной изобразительности: эпитеты, сравнения, метафоры, антитезы, градации и др.

К сер. 12 в. Киевская Русь приходит в упадок, начинается период феодальной раздробленности, к-рая способствовала диалектному дроблению др.-рус. языка. Примерно с 14 в. на вост.-слав. территории складываются близкородственные вост.-слав. языки: русский, украинский, белорусский. История рус. языка отделяется от истории укр. и белорус. языков.

Рус. язык эпохи Моск. государства (14–17 вв.) имел сложную историю. Центром Рус. государства становится Москва. Продолжают формироваться диалектные особенности. Оформились основные

диалектные зоны – северновеликорус. наречие (примерно на север от линии Псков – Тверь – Москва, южнее Нижнего Новгорода) и южновеликорус. наречие (до границ с укр. зоной на юге и белорусской на западе). Возникли промежуточные средневеликорус. говоры, среди к-рых ведущую роль играет говор (койне, см.) Москвы.

Первоначально говор Москвы был смешанным: на северновеликорус. речевые особенности наслаивались южновеликорусские. С течением времени он сложился в стройную систему. Говор Москвы как столицы Рус. государства постепенно воспринимался в сознании всех русских как образцовый и лёг в основу рус. национального лит. языка.

В лит. языке Моск. государства продолжают развиваться книжно-письменные традиции Киевской Руси. В то же время в рус. разг. языке возрастают структурные изменения, отделяющие его от книжно-письменного. Между рус. разг. языком и книжно-слав. языком образуются значительные расхождения.

В то же время в жизни стран Вост. и Южной Европы и в жизни Моск. Руси происходят изменения, к-рые оказывают существенное влияние на развитие рус. государственности и на состояние рус. культуры.

Объединённые войска рус. княжеств под предводительством моск. князя Дмитрия Донского побеждают татаро-монг. войска в Куликовской битве (1380), тем самым уничтожается многовековое чужеземное иго на рус. земле. Османская империя захватывает столицу Византии Константинополь (1453) и устанавливает тур. господство на Балканах. Знатоки греч. и ст.-слав. языков, богословы, деятели византийской и южнослав. культуры переезжают из Византии и из балканских государств в Моск. Русь. С кон. 14 в. в Москве осуществляется редактирование слав. церковных книг для приведения их в первоначальный, соответствующий греч. оригиналам вид. Это редактирование проводилось под руководством митрополита Киприана и должно было сблизить рус. письменность с южнославянской. В 15 в. Рус. православная церковь выходит из-под опеки Вселенского Константинопольского патриарха и становится автокефальной, в ней устанавливается патриаршество (1589).

Начинается возвышение Моск. Руси, растёт авторитет великокняжеской власти и моск. церкви, получает широкое распространение идея преемственности Москвы по отношению к Византии, нашедшая своё выражение в идеологической формуле «Москва есть третий Рим, а четвёртому не быти», к-рая получает теологическое, государственно-правовое и историко-культурное осмысление.

В книжно-слав. типе лит. языка получают распространение архаизированные написания, основанные на южнослав. орфографической норме, возникает особая риторическая манера выражения, цветистая, пышная, насыщенная метафорами, получившая название «извитие словес» («плетение словес»). Она широко используется в лит-ре для всемерного повышения авторитета моск. великокняжеской и церковной власти. Этот сложный комплекс явлений в истории рус. культуры, лит-ры и лит. языка получил наименование «второго южнослав. влияния».

Народно-лит. тип языка не подвергся «второму южнослав. влиянию». В этот период функции «делового языка» расширяются, возникают новые жанры деловой письменности (судебники, статейные списки рус. послов, «Стоглав», «Домострой» и др.). «Деловой язык» обслуживал нужды усложняющейся гос. переписки и гос. управления. Его орфографическая практика и словоупотребление оказали влияние на формирование норм лит. языка.

С 17 в. формируются язык рус. науки и национальный лит. язык. Усиливается тенденция к внутреннему единству, к сближению лит. языка с разговорным. Во 2-й пол. 16 в. в Моск. государстве началось книгопечатание (см.), имевшее огромное значение для судеб рус. лит. языка, лит-ры, культуры и образования. Рукописная культура сменилась культурой письменной. Первыми печатными книгами стали церковные книги для богослужения, грамматики, словари, буквари, необходимые для образования и просвещения. Первыми печатными учебными книгами были «Букварь» (1574), изданный во Львове Иваном Фёдоровым, «Грамматика словеньска» Лаврентия Зизания (1596), «Словенская грамматика» Мелетия Смотрицкого (1618), переизданная с дополнениями в 1648, «Лексикон славяноросский» Памвы Берынды (1627).

Развитие и взаимодействие книжно-слав. и народного литературно обработанного языков приводит к образованию трёх стилей (см. Трёх стилей теория) с единым структурно-грамматическим и словарным ядром, с широким кругом синонимических и иных соответствий между ними – фонетических, морфологических, синтаксических и лексико-фразеологических.

В первой рус. «Риторике» (1616–19) описывается система трёх стилей, трёх «родов глаголания» – высокого, смиренного, мерного (средний стиль), намечаются функциональные разновидности лит. речи, «роды речей» – научающий, судебный, рассуждающий, показующий.

В 1708 вводится гражданский алфавит, на к-ром печатается светская лит-ра. Церк.-слав. алфавит (кириллица) используется только в конфессиональных целях. В лит. языке кон. 17–1-й пол. 18 вв. тесно переплетаются и взаимодействуют книжно-слав., зачастую даже архаические, лексические и грамматические элементы, слова и обороты речи народно-разг. и «приказного» («делового») характера и зап.-европейские заимствования. Словарный состав языка становится разнообраз-

ным по своему характеру, богатым, но в стилистическом отношении неупорядоченным. В рус. обществе возникает потребность в нормализации лит. языка, в установлении и регламентации грамматических и стилистических норм образцового речевого употребления как на письме, так и в устной речи. Первые попытки описания новых норм лит. языка были сделаны А. Д. Кантемиром, В. Е. Адодуровым и В. К. Тредиаковским, но ведущая роль в преобразовании рус. лит. языка в начальный период его национального развития, в описании его норм – лексических, морфологических, синтаксических, стилистических – принадлежит Ломоносову.

Ломоносов является основоположником науки о рус. языке, положившим начало описательному и сравнительно-историческому изучению рус. языка и охарактеризовавшим предмет и задачи языкознания как науки. В «Письмах о правилах российского стихотворства» (1739), в рукописной «Риторике» (1744), в «Риторике» (1748), «Российской грамматике» (1755), «Предисловии о пользе книг церковных и российском языке» (1758) он описал нормы рус. лит. языка на всех уровнях языковой системы, показал пути его исторического развития, создал учение о трёх стилях лит. языка – высоком, среднем и низком.

Известную со времён Древней Греции и знакомую рус. риторикам 2-й пол. 16–17 вв. теорию трёх стилей Ломоносов сумел органически связать с национальным своеобразием исторического развития рус. лит. языка, заключавшемся в длительном взаимодействии и взаимовлиянии двух стихий – книжно-слав. (или «славенской») и рус. народной. Стилистическая теория Ломоносова утверждала, что рус. лит. язык сложился в результате длительного совместного развития народно-разг. стихии и книжного, «славенского» (как говорили в 18 в.), языка. Стилистическая теория положила в основу нормы рус. лит. языка те слова, обороты речи, грамматические формы, к-рые с точки зрения стилистической были нейтральными и общими для народно-разг. стихии и книжно-слав. речи, ограничила употребление «обветшалых» славянизмов и заимствований и разрешала употребление просторечия в лит. речи.

Для начального этапа развития рус. национального лит. языка значение стилистической теории Ломоносова было огромно, т. к. «разделение языка на три стиля вносило порядок в ту пестроту внешних форм – русских и церковнославянских, которая была характерна для стилей и литературного языка конца 17 – первой трети 18 вв. Это была великая грамматическая реформа» (Виноградов, «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков», 1934; 3 изд., 1982).

В системе стилей, построенной на функционально-коммуникативных основаниях, количество речевых стилей могло быть больше трёх. В развитии лит. языка возрастает и становится определяющей роль индивидуально-авторских стилей. Наибольшее влияние на процесс развития рус. лит. языка этого периода оказало творчество Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина.

Для произведений этих писателей характерна ориентация на живое речевое употребление; употребление народно-разг. элементов сочеталось со стилистически целенаправленным использованием книжно-слав. слов и оборотов речи. Усовершенствовался синтаксис лит. языка. Большую роль в нормализации рус. лит. языка кон. 18 – нач. 19 вв. сыграл толковый словарь рус. языка – «Словарь Академии Российской» (ч. 1–6, 1789–94).

В нач. 90-х гг. 18 в. появляются «Письма русского путешественника» и повести Карамзина – произведения, составившие целую эпоху в истории развития рус. лит. языка. В них культивировался язык описания, к-рый получил название «нового слога» в противовес «старому слогу» архаистов. В основу «нового слога» были положены принцип сближения лит. языка с разговорным, отказ от абстрактного схематизма лит-ры классицизма, интерес к внутреннему миру человека, к его чувствам. Предлагалось новое понимание роли автора, совмещение разных субъектных планов повествования, формировалось новое стилистическое явление, к-рое получило название индивидуально-авторского стиля.

Последователь Карамзина писатель П. И. Макаров так сформулировал принцип сближения лит. языка с разговорным: язык должен быть единым «равно для книг и для общества, чтобы писать как говорят и говорить как пишут» (ж. «Московский Меркурий», 1803, № 12). Но Карамзин и его сторонники в этом сближении ориентировались только на «язык высшего общества», салона, «милых дам». Принцип сближения лит. языка с разговорным был реализован искажённо, т. к. в «новом слоге» как в лексике и фразеологии, так и в синтаксисе в большом количестве были представлены галлицизмы, отсутствовавшие во всеобщем употреблении. Между тем от решения вопроса о том, как и на каких основаниях должен сближаться лит. язык с разговорным, зависел вопрос о нормах нового рус. лит. языка. Писатели нач. 19 в. сделали значительный шаг вперёд в сближении лит. языка с разговорным, в обосновании норм нового лит. языка. Новое понимание лит. нормы проявилось в творчестве Катенина, А. А. Бестужева, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова.

В эпоху завершения консолидации рус. нации учение о трёх стилях не решало задачи выработки единых норм лит. языка как в сфере произношения, так и в сфере книжно-письменной традиции. Система трёх языковых стилей лит. языка с последней четверти 18 в. трансформировалась в систему функционально-речевых стилей, где структура текста строилась на иных стилистических основаниях. Жанр и стиль произведения лит-ры

уже не определялись твёрдой прикреплённостью лексемы, оборота речи, грамматической формы и конструкции, как того требовало учение о трёх стилях. Возросла роль творческой языковой личности, возникло понятие «истинного языкового вкуса» в индивидуально-авторском стиле. Новый подход к структуре текста, построенный на функционально-коммуникативных основаниях, сформулирован А. С. Пушкиным: истинный вкус выявляется «не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, в чувстве соразмеренности и сообразности» (Полн. собр. соч., т. 7, 1958).

В творчестве Пушкина завершается формирование национального рус. лит. языка. В языке его произведений впервые пришли в равновесие основные стихии рус. письменности и устной речи. С Пушкина начинается эпоха нового рус. лит. языка. В его творчестве были выработаны и закреплены осознанные и принятые современниками и последующими поколениями единые общенациональные нормы, к-рые связывали в единое структурное целое как книжно-письменную, так и устно-разг. разновидности рус. лит. языка. Создание единых общенациональных норм лит. языка касалось не только его лексико-грамматической структуры, но и системы функциональных стилей. Разрушив окончательно систему трёх стилей, Пушкин создал многообразие стилей, стилистических контекстов, спаянных темой и содержанием, открыл возможность их бесконечного индивидуально-художественного варьирования. В языке Пушкина заключается источник последующего развития всех стилей лит. языка, формировавшихся далее под его воздействием в языке М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. А. Блока, А. А. Ахматовой и др. С Пушкина в рус. лит. языке окончательно установилась, а затем совершенствовалась система функционально-речевых стилей, существующая с небольшими изменениями и ныне.

Во 2-й пол. 19 в. отмечается значительное развитие публицистического стиля (см.). Этот процесс определяется подъёмом общественного движения. Возрастает роль публициста как социальной личности, влияющей на формирование общественного сознания, а иногда и определяющей его. Публицистический стиль начинает оказывать влияние на развитие художественной лит-ры. Многие писатели одновременно работают в жанрах художественной лит-ры и в жанрах публицистики (М. Е. Салтыков-Щедрин, Достоевский, Г. И. Успенский и др.). В лит. языке появляется научно-философская, общественно-политическая терминология. Наряду с этим лит. язык 2-й пол. 19 в. активно вбирает в себя разнообразную лексику и фразеологию из территориальных диалектов, городского просторечия и социально-профессиональных жаргонов. Народно-разг., диалектная и социально-профессиональная лексика и фразеология становятся предметом изучения и описания.

После Окт. революции 1917 в рус. лит. языке и его нормах происходят значительные изменения. Изменяется социальная база носителей рус. лит. языка. Москва как носитель в прошлом образцового столичного койне всё более приобретает характер многонационального города, в к-ром живут носители всех диалектных зон рус., укр., белорус. языков, почти всех кавказских и тюркских языков. Под влиянием этих факторов нормы лит. языка начинают быстро меняться. Развитие народного образования, издательской деятельности, интерес широких народных масс к художественной лит-ре, публицистике (газетам, журналам и др.), появление радио, звукового кино, телевидения привели к тому, что лит. язык стал достоянием миллионов граждан, функции лит. языка усложнились и расширились. Возникли новые условия взаимоотношений между лит. и «внелитературным» языком.

Развитие фонетики, грамматических, лексических и стилистических норм совр. рус. лит. языка регулируется двумя связанными между собой тенденциями: установившимися речевыми традициями, считающимися образцовыми (язык лучших писателей, публицистов, артистов театров – прежде всего московских Художественного и Малого театров, дикторов радио и телевидения), и постоянно изменяющейся речью рядовых носителей языка.

Большую роль не только в изучении процессов, происходящих в совр. рус. лит. языке и его истории, но и в регулировании его норм играет наука о рус. языке – академические грамматики, нормативные словари (толковые, орфографические, орфоэпические, синонимические, этимологические, словари трудностей и др.), книги по культуре речи, по изучению языка писателей, журналы («Русский язык в школе», «Русская речь» и др.), деятельность академических институтов, многих кафедр рус. языка в ун-тах и пед. ин-тах.

Источниковедческие сведения по И. р. л. я. содержатся в специальных изданиях по истории рус. книги.

Так, в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв.» (1984) содержится описание 494 сохранившихся рукописей, относящихся к древнейшему периоду развития рус. языка, даётся исчерпывающая библиография, указываются тип письма, особенности почерка, характер извода и его языковая квалификация. Составлен сводный каталог рус. книги 18 в., в к-ром описаны все печатные издания на рус. и иностранных языках (книги, брошюры, журналы, газеты, летучие издания), издававшиеся в России. Он состоит из «Описания изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.» (1955), «Описания изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г.» (1958), объединяемых в «Описание изданий, напечатан-

ных при Петре I. Сводный каталог», и специального тома Дополнений и Приложений к названным изданиям (1972). Продолжением этой серии служит «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» (т. 1–5, 1962–67) со специальным томом Дополнений и Приложений (1975). В сводном каталоге рус. книги 18 в. зафиксированы и описаны все книги и журналы, вышедшие в России за столетие. Большинство изданий 18 в.– редкие книги, сохранившиеся в нескольких или в одном экземпляре. В каталоге указывается местонахождение редких книг, даётся их описание, указывается на особенности языка. В сравнении с предшествующими трудами [П. Пекарский, «Наука и литература при Петре I» (т. 1–2, 1862); Ю. Ю. Битовт, «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века» (1905; репринтное изд. осуществлено в 1989); «Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны. 1741–1761» (ч. 1 – 1741–1755, под ред. П. Н. Беркова, 1935)] издания сводного каталога рус. книги 18 в. отличаются большей полнотой описания книжной продукции, представляя собой новый качественный уровень развития источниковедческого и библиографического дела. Новым типом справочных изданий, имеющих источниковедческое значение для истории рус. лит. языка как явления культуры, являются «Словарь книжников и книжности Древней Руси» (в. 1 – «XI – первая половина XIV в.», 1987, продолжающееся изд.) и «Словарь русских писателей XVIII века» (в. 1, буквы А–И, 1988, продолжающееся изд.), издаваемые Ин-том рус. лит-ры РАН в С.-Петербурге.

Лит.: Виноградов В. В., Очерки по истории рус. лит. языка XVII–XIX вв., 1934; 3 изд., М., 1982; его же, Язык Пушкина. Пушкин и история рус. лит. языка, М.– Л., 1935; его же, Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; его же, История рус. лит. языка. Избр. тр., М., 1978; его же, История слов, т. 1–2, М., 1994; Якубинский Л. П., История др.-рус. языка, М., 1953; Винокур Г. О., Рус. язык. Исторический очерк, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1959; Сорокин Ю. С., Развитие словарного состава рус. лит. языка. 30–90-е годы XIX века, М.–Л., 1965; Рус. язык и сов. общество, в. 1–4, М., 1968; Горшков А. И., История рус. лит. языка, М., 1969; Ефимов А. И., История рус. лит. языка, М., 1971; Ларин Б. А., Лекции по истории рус. лит. языка (X – сер. XVIII в.), М., 1975; Ковалевская Е. Г., История рус. лит. языка, М., 1978; Мещерский Н. А., История рус. лит. языка, Л., 1981; Толстой Н. И., История и структура слав. лит. языков, М., 1988; Успенский Б. А., Краткий очерк истории рус. лит. языка (XI–XIX вв.), М., 1994.

В. П. Вомперский.

Исто́рия ру́сского языка́. Ранний период И. р. я. начинается после распада праславянского языка (см.) и выделения общевост.-слав. языка – предка трёх вост.-слав. языков – русского, украинского и белорусского. Общевост.-слав. язык, к-рый также называется древнерусским, существовал до 14 в., т. е. до начала его деления на три самостоятельных вост.-слав. языка. С этого времени можно говорить о собственно русском, или о великорусском, языке, отличающемся не только от языков южных и зап. славян, но и от наиболее близких к нему укр. и белорус. языков. Великорус. язык прошёл также длительный путь развития – от языка великорус. народности до совр. рус. национального языка – языка рус. нации. Таким образом, И. р. я.– это история др.-рус. языка, языка великорус. народности и языка рус. нации; структура совр. рус. языка сложилась из элементов, восходящих к разным эпохам его истории.

Выделение вост. славян из общеслав. единства (приблизительно в 6–7 вв.) в языковом отношении сопровождалось развитием таких особенностей, к-рые были присущи всем вост. славянам и отличали их от южных и зап. славян. К ним относятся след. фонетические черты: наличие *ч*, *ж* на месте древних *tj*, *dj*: *свѣча*, *межа*, ср. ст.-слав. *свѣшта*, *межда*, польск. *świeca*, *miedza*; полногласные сочетания *-оро-*, *-ере-*, *-оло-* на месте древних *-or-*, *-ol-*, *-er-*, *-el-*: *борода*, *берег*, *молоко*, ср. ст.-слав. *брада*, *брѣгъ*, *млѣко*, польск. *broda*, *brzeg*, *mleko*; наличие *о* в начале слова при *je* в других слав. языках: *озеро*, *осень*, *олень*, *один*, ср. ст.-слав. *ѥзеро*, *ѥсень*, *ѥлень*, *ѥдинъ*, польск. *jezioro*, *jesień*, *jeleń*, *jeden*.

Вост. славяне в 6–9 вв. занимали обширные территории на великом водном пути «из варяг в греки» (см. карту Древние славяне в 6–9 вв.), т. е. территории от озера Ильмень и бассейна Зап. Двины до Днепра, а также к востоку (в районах верхнего течения Оки, Волги и Дона) и к западу (в Волыни, Подолии и Галиции). К вост.-слав. племенам или племенным союзам относились: в районе озера Ильмень – словене, южнее и западнее их – кривичи, в верхнем и среднем течении Оки и в верховьях Дона – вятичи, западнее их – радимичи, ещё западнее – дреговичи, в районе Киева – поляне, западнее их – древляне, по рекам Десна, Сейм и Сула – северяне, к югу и юго-западу от полян – уличи и тиверцы, к западу от них же – дулебы и западнее дулебов – хорваты. Все эти племена говорили на близкородственных вост.-слав. диалектах и находились на разных ступенях экономического и культурного развития; на базе языковой общности вост. славян образовался язык др.-рус. народности, к-рая получила свою государственность в Киевской Руси. Язык др.-рус. народности, к-рый может быть восстановлен по данным памятников письменности 11 в., характеризовался рядом специфических черт, гл. обр. в фонетике и морфологии (см. Древнерусский язык).

Образование единого Др.-рус. государства во главе с Киевом и возникновение др.-рус. народности обусловили возрастание устойчивости диалектов определённых территорий в связи с закреплением на них отдельных групп населения. Отмирают старые, племенные названия и появляются новые, территориальные: вместо *словене* – *новгородцы*, вместо *поляне* – *кыяне*, вместо *вятичи* –

рязанцы и т. д. Территориальное закрепление населения привело к образованию новых территориальных единиц – земель и княжеств во главе с Киевом. В связи с тем, что границы этих земель и княжеств не всегда совпадали с бывшими племенными границами, возникало перераспределение диалектных особенностей, образовывалось новое диалектное членение языка. Язык др.-рус. народности, будучи единым по происхождению и характеру, получал на разных территориях своего распространения местную окраску, т. е. выступал в своих диалектных разновидностях. Этому способствовала слабость экономических и политических связей между разными областями Киевского государства. Скудость письменных источников затрудняет достаточно полное выявление диалектных особенностей др.-рус. языка этой эпохи, однако сравнительно-историческое изучение древних слав. языков позволяет утверждать существование ряда диалектных черт уже в 11 в.

Возникнув на территории племени полян, о диалекте к-рых по существу ничего не известно, Киев ещё до образования государства был местом, куда шло население из разных земель. Поэтому можно полагать, что в языковом отношении Киев изначально был диалектно смешанным и разг. язык в этом центре отличался большой пестротой. Однако постепенно в Киеве начинает складываться своеобразный сплав диалектных черт – общий разг. язык, или койне (см.), в к-ром одни черты были по происхождению южными, а другие – северными (в нём были типично южнорус. слова *воль, брехати, лѣпый* – 'красивый' и типично севернорус. *векша* – 'белка' и др.). Киевское койне способствовало укреплению единства др.-рус. языка.

С возникновением письменности у вост. славян начинает развиваться и лит. язык, отразившийся в памятниках различных жанров.

Киевская Русь, будучи государством, занимавшим огромную территорию, с населением, различавшимся по этническим, экономическим и культурным признакам, рано начала обнаруживать тенденции к распаду. К сер. 12 в., и особенно во 2-й его половине, процесс ослабления Киева как общего центра и, напротив, процесс укрепления новых, местных центров привели к потере Киевом ведущей роли. Жизнь Древней Руси стала концентрироваться вокруг других центров на севере и северо-востоке (Владимир, Суздаль, Ростов и др.). В это время усиливается феодальная раздробленность Руси, что приводит к углублению диалектных различий в др.-рус. языке. В памятниках письменности 12 – нач. 13 вв. получает отражение ряд диалектов др.-рус. языка. Это был период, когда вост. славяне переживали общий для всех славян процесс утраты редуцированных ъ и ь (см. Падение редуцированных), к-рый, однако, повлёк за собой последствия, различные для юга и для остальной территории др.-рус. языка. По судьбе исконных *о* и *е*, получивших в позиции перед утратившимися ъ и ь удлинение и в дальнейшем дифтонгизацию (*конь*→*кôн'*→*куон'*), по судьбе сочетаний плавных *р*, *л* с ъ, ь между согласными (типа *кръвь, сльза*) и другим явлениям юг и юго-запад Древней Руси (Киев, Галицко-Волынская и Турово-Пинская земли) оказались противопоставленными северу и северо-востоку. Однако и на территориях севера и северо-востока наблюдались диалектные различия. Здесь везде, кроме Смоленской и Полоцкой земель, развилось *ô* (отличное от *о*: *кôт*, но *год*); в Смоленске же и Полоцке рано была утрачена фонема ⟨ě⟩ (⟨ѣ⟩). К этому времени нек-рые учёные относят и появление аканья в рус. языке (на время возникновения аканья есть и другая точка зрения; см. Аканье). Всё это свидетельствует об углублении диалектных различий, к-рые охватывают то широкие, то узкие территории в зависимости от экономических, политических и культурных объединений. В результате процессов диалектного развития во 2-й пол. 12 – 1-й пол. 13 вв. на будущей великорус. территории сложились новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский диалекты и акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма. Все др.-рус. диалекты, кроме акающего, характеризовались в фонетическом отношении оканьем, наличием *г* взрывного образования и *в* губно-зубного; кроме того, новгородский, псковский и смоленский диалекты имели цоканье (неразличение *ц* и *ч*); в новгородском и ростово-суздальском диалектах были *ê* (на месте *ě*) и *ô*, последний звук был свойствен и псковскому диалекту, к-рый характеризовался ещё и наличием *кл*, *гл* на месте древних *tl*, *dl* и произношением шепелявых согласных вместо *с*, *з* и *ш*, *ж*. Акающий диалект характеризовался наличием аканья, фрикативным *г*, губно-губным *в*, в большинстве говоров отсутствием цоканья, на значительной его территории были *ê* и *ô*. Кроме фонетических, эти диалекты различались морфологическими, а также лексическими чертами (напр., в новгородском диалекте были слова, не встречавшиеся в других диалектах: *рель* – 'заливной луг', *вершь* – 'посевы', *обилье* – 'хлеб', *лонись* – 'в прошлом году', *соломя* – 'пролив' и др.). Несмотря на существование обособленных земель и княжеств, в 12–13 вв. ещё сохранялось единство др.-рус. народности («Русской земли»), сложившееся в результате длительного развития. И только позднее, с распадом общевост.-слав. единства, начинается формирование языков разных вост.-слав. народностей.

Усиление феодальной раздробленности Руси, дальнейшее обособление северо-вост. Руси от Руси западной и юго-западной в период монголо-тат. ига, а также в результате процессов развития зап. и южных земель в составе Великого княжества Литовского (а позднее Польши) экономический рост и политическое укрепление северо-вост. Руси

приводят к тому, что в 14–16 вв. складываются великорус. государство и великорус. народность. Основными центрами развития великорус. народности были Владимир, Ростов, Суздаль, Тверь и позднее Москва, к-рая со 2-й четверти 14 в. и до 1-й четверти 16 в. объединила в едином Рос. государстве все северновеликорус. (с-в-р) области и северо-вост. половину южновеликорус. (ю-в-р) княжеств.

Свидетельством формирования великорус. народности и её языка явилось возникновение на всей территории расселения народности (и только в пределах её границ) языковых новообразований, не свойственных языкам укр. и белорус. народностей. В области фонетики такими новообразованиями явились изменение слабых ъ, ь в сочетаниях с плавными *р*, *л* (типа *дръва*, *сльза*) в *о*, *е* (*дрова*, *слеза*; в укр. и белорус.– в *ы*, *и*) и развитие *ъй*, *ьй* в *ой*, *ей* (*молодъй*→*молодой*, *льй*→*лей*; в укр. и белорус. *ъ* и *ь* в этих сочетаниях изменились в *ы*, *и*); в области морфологии происходит утрата звательной формы (др.-рус. *отче*, *сыну*, *коню*; в укр. и белорус. она сохранилась), повсеместная замена *ц*, *з*, *с* заднеязычными *к*, *г*, *х* в формах склонения (*рукѣ*, *ногѣ*, *сохѣ* вместо *руцѣ*, *нозѣ*, *сосѣ*; в укр. и белорус. старые формы сохранились), развитие формы им. п. мн. ч. с окончанием *-а* (типа *лѣса́*, *жернова́*; в укр. и белорус. таких форм нет), образование форм повелительного наклонения на *-ите* вместо *-ѣте* (типа *несите* вместо *несѣте*), появление форм повелительного наклонения с *к*, *г*, *х* у глаголов на заднеязычные (*помоги* вместо *помози*). В области лексики наблюдается возникновение общевеликорус. слов: *крестьянин*, *деньга*, *лавка* (в значении 'торговое помещение'), *мельник*, *пашня*, *деревня* и др. Все эти особенности отличают великорус. язык от украинского и белорусского.

В структурном отношении язык великорус. народности был уже близок к совр. рус. языку: произошло изменение *е* в *о* (*н'ес*→*н'ос*) и функциональное объединение *и* и *ы* при их фонетическом различии, установилась система твёрдых – мягких и глухих – звонких согласных, утратилась старая система прош. времён глагола, произошла унификация типов склонения и т. д.

Ядро территории великорус. народности в диалектном отношении было единым, но постепенное расширение формирующегося государства, присоединение новых территорий сопровождалось усилением диалектного многообразия, т. к. на присоединяемых территориях были как с-в-р, так и ю-в-р говоры. Те и другие постепенно становятся диалектами великорус. языка, причём ведущая роль принадлежит ростово-суздальскому диалекту, в состав к-рого входил и моск. говор; именно ростово-суздальский диалект получает основное отражение в деловой письменности Моск. государства; вокруг этого диалекта начинают концентрироваться и другие говоры. Однако местные диалекты продолжают развиваться в связи с не изжитыми ещё феодально-областническими тенденциями. С 14 в. начинают формироваться ю-в-р диалекты. К югу от Москвы выделяется Тульский край, диалекты к-рого развиваются под воздействием Москвы. Напротив, Рязанский край меньше подвержен такому влиянию. Курско-Орловская земля, находясь между Русью и Литвой, испытывает влияние последней, а те её части, к-рые попали в 14 в. в состав Великого княжества Литовского, вообще не развили языковых новообразований юга. В 14–15 вв. выделяется смоленский диалект, имеющий ю-в-р характер и близкий соседним белорус. говорам. На крайнем западе продолжал развиваться псковский диалект, часть говоров к-рого в 15–16 вв. усвоила аканье и приобрела средневеликорус. характер. Развитию подвергались и типично с-в-р диалекты. Др.-новгородский диалект в эту эпоху разветвился и развивался неодинаково на разных территориях: стали различаться вологодско-вятские, архангельские (поморские), олонецкие говоры и говоры собственно новгородские, к-рые попали под влияние Москвы в связи с изменением состава населения, пришедшего на север из центра. От новгородского диалекта издавна отличался ростово-суздальский, в к-ром в 14–16 вв. возникают новообразования, сближающие его с ю-в-р диалектами; потомками этого диалекта являются совр. владимиро-поволжские говоры. Наконец, с 14 в. на стыке северных и южных диалектов развиваются первичные «переходные» средневеликорус. говоры, совмещающие в своей структуре южные (аканье) и северные (*г* взрывное, *т* твёрдое в 3-м лице глаголов и др.) черты. В эпоху великорус. народности новые процессы возникают и в рус. лит. языке, когда наряду с книжно-лит. письменным языком начинает развиваться деловой гос. язык Москвы, тесно связанный с живой народной речью, но в определённой степени обработанный и нормализованный.

В 17 в. складывается рус. нация, что было связано с экономической и политической концентрацией территорий, со слиянием феодальных земель и княжеств, с образованием общего всерос. рынка. В эту эпоху начинает складываться и рус. национальный язык, к-рый является дальнейшим развитием языка великорус. народности. Изменяются соотношение и роль с-в-р и ю-в-р диалектов в составе единого общенародного языка, усиливается роль ю-в-р наречия. В ранний период развития языка великорус. народности ю-в-р наречие играло определённую роль в общенародном языке: в нач. 14 в. к Москве были присоединены Коломна и Лопасня с их ю-в-р говором, а в течение 14–16 вв.– и другие ю-в-р территории. Роль этих территорий в экономическом отношении постепенно возрастала и к 16 в. стала весьма значительной, что вносило изменение в соотношение диалектов. Ростово-суздальский говор утрачивает своё значение, ведущую роль начинает играть говор Москвы.

В с-в-р по происхождению (ростово-суздальском) моск. говоре постепенно появляются ю-в-р черты, проникающие в него как через первичные средневеликорус. говоры, так и непосредственно из ю-в-р диалектов. Говор Москвы, моск. просторечие, постепенно становится средневеликорусским по своему характеру и общерусским по своей функции. Моск. просторечие оказало существенное влияние на развитие общенародного языка. С сер. 16 в. ю-в-р влияние в Москве усиливается, моск. просторечие теряет ряд черт, восходивших к языку прошлых периодов [оканье (см.) и др.], и приобретает новые, связанные с ю-в-р воздействием (аканье, безударные окончания *-ы*, *-и* в им. п. мн. ч. существительных ср. рода и др.).

В период образования рус. национального языка изменяется соотношение общенародного языка и диалектов. Постепенно прекращается развитие новых диалектных особенностей, хотя старые диалектные черты очень устойчивы. Диалекты с развитием национального языка начинают нивелироваться.

В период образования рус. нации, к кон. 17 в., складываются основы новой системы национального лит. языка, что связано с ослаблением влияния церковно-славянского языка (см.) и с развитием лит. языка демократического типа, опирающегося на традиции делового языка Москвы (см. История русского литературного языка). К сер. 18 в. начинает развиваться единая устно-разг. разновидность лит. языка, к-рая, распространяясь всё шире и шире, проникает в письменность. Источниками этой разновидности языка явились моск. просторечие и деловой письменный язык, обогащённые элементами книжного языка, приобретшими общенародный характер (напр., слова с неполногласными сочетаниями типа *время*, *сладкий*; с *жд* вместо рус. *ж* типа *невежда*, *прежде*; с *е*, не изменившимся в *о*, типа *небо*, *крест*, и т. п.). Устно-разг. разновидность лит. языка вытесняет диалекты и постепенно становится единственным средством устного общения. Процессы, связанные с нивелировкой диалектов и распространением норм устного лит. языка, особенно интенсивно стали развиваться в 20 в. Характеристику совр. состояния рус. языка см. в ст. Русский язык.

Лит.: Срезневский И. И., Мысли об истории рус. языка, СПБ, 1850; 2 изд., М., 1959; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика рус. языка, 2 изд., М., 1863; 6 изд., М., 1959; Соболевский А. И., Лекции по истории рус. языка, 4 изд., М., 1907; Шахматов А. А., Очерк древнейшего периода истории рус. языка, П., 1915; его же, Введение в курс истории рус. языка, ч. 1, П., 1916; Аванесов Р. И., Виноградов В. В., Рус. язык, в кн.: Большая Сов. Энциклопедия, 2 изд., т. 37, [М., 1955]; Аванесов Р. И., Проблемы образования языка рус. (великорус.) народности, «ВЯ», 1955, № 5; Филин Ф. П., Образование языка вост. славян, М.-Л., 1962; его же, Происхождение рус., укр., и белорус. языков, Л., 1972; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус языка, 2 изд., М., 1965; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990; «Др.-рус. грамматика XII–XIII вв.», М., 1995; Matthews W. K., Russian historical grammar, [L.], 1960.

В. В. Иванов.

Й, й – одиннадцатая буква русского алфавита. С нач. 18 в. буква *й* называлась «и с краткой» по значку «кратка» над буквой; во 2-й пол. 19 в. по предложению Я. К. Грота стала называться «и краткое»; во 2-й пол. 20 в. возникло новое название буквы *й* – «й» (читается [*иц*]). Название «й» употребляется как существительное ср. рода: *прописное й*. В кириллице (см.) прототипа не имеет. Введена в 1735 Академией наук при окончательном оформлении гражданской азбуки (см. Реформы азбуки и правописания). До реформы 1917–18 в рус. алфавите в счёт букв не включалась. Включена в счёт букв алфавита в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934), введена Я. К. Гротом.

Буква *й* употребляется перед согласным звуком и на конце слова (*бой*, *байка*), а в заимствованных словах – также перед гласными *е*, *о* (*йог*, *Йемен*, *фейерверк*). Графическое значение *й* – обозначение фонемы ⟨*j*⟩.

К к

К к ꙁ ꙁ Ӄ К к К к

К, к – двенадцатая буква русского алфавита. Название буквы – «ка» употребляется как существительное ср. рода: *прописное к*. По начертанию буква *к* восходит к букве кириллицы (см.) «како», к-рая ведёт происхождение от греч. буквы «каппа». Числовое значение буквы «како» в кириллице «двадцать».

Основное графическое значение буквы *к* – обозначение общей части фонем ⟨*к*⟩ и ⟨*к'*⟩: заднеязычная, взрывная, глухая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *к* буквой или другим графическим знаком: ⟨*к*⟩ – *кот, кто, ток* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*к'*⟩ – *кит, ткёт*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *к* обозначает твёрдость этих фонем: *лапка, воск, отказ*.

Кавы́чки – парный выделительный знак препинания. К. отмечают левую и правую границы слова или отрезка текста. Правилами предусмотрено обязательное употребление К.: 1) для выделения безабзацной прямой речи и цитат: *«"Как это скучно!" – воскликнул я невольно»* (Лермонтов); *«Кто владеет Хартумом* (столица Судана), *тот хозяин Каира»,– говорит египетская пословица;* 2) условных (собственных) наименований: *футбольная команда «Спартак», ледокол «Красин», газета «Известия»*. Факультативно К. употребляются для выделения подчёркиваемого в тексте слова/выражения (если автор хочет обратить на него внимание): а) содержащего переносный смысл: *...не без приятности «убить вечер»; «Скорее всего "соль" всё-таки в юморе»* (Михалков); б) обозначающего условность наименования: *«внизу»* и *«наверху»* – в космическом корабле; в) выражающего ироническую оценку: *Кто же это подмахнул, «не посоветовавшись с народом?»; Очень хотелось бы знать имена наших «героев»;* г) выражающего стилистическую оценку: *«В те годы "на" него писали характеристику»* (Л. Я. Гинзбург).

К. свойственно графическое варьирование: ёлочки (« »), лапки(" ") (ср. нем. Gansefüßchen 'гусиные лапки'), т. н. марровские кавычки (' ') – при переводе значения иноязычного слова, при описании значения слова и т. п. (нем. der Tisch 'стол'; др.-рус. *сѣта* – 'скорбь').

Знак препинания К. вошёл в рус. письменность в кон. 18 в.

Лит. см. при ст. Пунктуация. *Б. С. Шварцкопф.*

Каза́нская лингвисти́ческая шко́ла – одно из направлений русского языкознания 2-й пол. 19 в., представители к-рого (И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики – Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, А. И. Анастасиев, А. И. Александров, Н. С. Кукуранов, П. В. Владимиров и др.) работали в Казани в 1875–83. Идеи К. л. ш. изложены в подробных программах лекций, читанных Бодуэном де Куртенэ в этот период в Казанском ун-те, в книге Крушевского «Очерк науки о языке» (1883) и в его посмертно изданных «Очерках по языковедению» (1891–94), в работах Богородицкого «Очерки по языковедению и русскому языку» (1901; 4 изд., 1939), в «Лекциях по общему языковедению» (1911) и др., в статьях

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ 1(13).3.1845–3.11.1929

Анастасиева «Морфологический анализ слова» (1884–87), «Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки» (1879) и др.

Для К. л. ш. характерны след. принципы исследования: строгое разграничение звуков и букв, фонетической и морфологической членимости слова; строгое разграничение процессов, происходящих в языке на данном этапе его существования,

и процессов исторических, совершавшихся на протяжении длительного времени (это была первая – ещё до Ф. де Соссюра – попытка сформулировать различия между синхронией и диахронией); наблюдение над живыми языками и изучение новых языков, в связи с чем подчёркивалась особенная значимость диалектологии. Представители К. л. ш. последовательно утверждали и отстаивали полное равноправие всех языков как объектов исследования. Характерной чертой К. л. ш., в особенности Бодуэна де Куртенэ и Крушевского, было стремление к обобщениям, без к-рых, как подчёркивал Бодуэн де Куртенэ, «немыслима ни одна настоящая наука».

При анализе языка Бодуэн де Куртенэ придерживался материалистических взглядов. Материалистический монизм его философской концепции проявился в рассмотрении языка как психосоциальной сущности, а языкознания как науки психологично-социологической. Мировоззрение Крушевского формировалось под влиянием достижений естественных наук и идеалистической позитивистской философии; для его философской концепции был характерен дуализм: понимание языка как соединения физического и психического начал, связываемых ассоциацией, а языкознания как науки естественной, индуктивно-дедуктивной. Многие идеи представителей К. л. ш. сыграли большую роль в развитии лингвистической мысли: они предвосхитили развитие идей структурной лингвистики, фонологии, морфонологии, типологии языков и др. Внимание Бодуэна де Куртенэ к индивидуальному языку, к единичному акту коммуникации, утверждение, что сущность языка – в речевой деятельности, в речевом общении людей, дали толчок к развитию психолингвистики; работы Крушевского по «антропофонике» легли в основу современной артикуляционной и акустической фонетики.

Для учёных К. л. ш. было характерно понимание языка как системы, к-рую Бодуэн де Куртенэ рассматривал как «обобщающую конструкцию». Реализацию задачи её целостного изучения он видел во взаимосвязанном описании фонетической и морфологической структур слова и «морфологической структуры предложений». Система языка – категория историческая: она изменяется в процессе исторического развития языка. Более подробно системные отношения между единицами языка рассматривал Крушевский, выделяя ассоциации по сходству (позже у Соссюра – ассоциативные, в совр. терминологии – парадигматические отношения) и ассоциации по смежности (у Соссюра и в совр. терминологии – синтагматические отношения). По Крушевскому, ассоциации по сходству и по смежности – антагонистичны и в то же время вторые определяют первые. Система языка у Крушевского («Язык представляет одно гармоническое целое») связана с процессами типизации – способностью человеческого мышления классифицировать и обобщать предметы и явления объективного мира в определённые системы или типы понятий. Крушевский полагал, что законы языка подобны законам природы, что они не знают «никаких исключений и уклонений», и с этих крайних позиций призывал изучать то, как устроен язык вообще, а не отдельные языки (лекция «Предмет, деление и метод науки о языке», 1880), чем предвосхитил значительно более поздние идеи американских генеративистов (прежде всего Н. Хомского). Главная задача лингвистики, считал Крушевский, не в восстановлении картины прошлого в языке, а в постижении языковых законов.

Для К. л. ш. характерен чётко выраженный историзм в подходе к языку. Бодуэн де Куртенэ выделял историю (простую последовательность однородных явлений, прерываемых во времени и пространстве) и развитие (непрерывную продолжаемость существенных изменений, а не явлений) языка. В нач. 80-х гг. 19 в. он выдвинул идею триады: статика – динамика – история, в к-рой тесно связанные статика и динамика разъясняются с помощью истории. В этой связи Бодуэн де Куртенэ сформулировал принципы относительной хронологии, развитые позднее Богородицким, к-рый понимание статики языка дополнил историческим подходом и сравнением путей развития отдельных индоевропейских языков, что позволило определить сравнительную (относительную) скорость изменения одного и того же явления в отдельных языках. Основным законом развития языка Крушевский считал закон соответствия мира слов миру понятий; ему же принадлежит формулировка важной семантической закономерности: «...чем шире употребление данного слова, тем менее содержания оно будет заключать в себе» («Очерк науки о языке»). Учёные К. л. ш. большое внимание уделяли анализу исторической изменчивости морфологической структуры слова. Бодуэн де Куртенэ прослеживает последовательные этапы процесса изменения древних основ, в результате к-рого основы сократились в пользу окончаний. Крушевский установил, что в индоевропейских языках граница между корневым суффиксом и окончанием в процессе исторического развития становится неустойчивой. Богородицкий разработал виды морфологического изменения слов (аналогия, дифференциация, переразложение, опрощение) и вместе с Анастасиевым проиллюстрировал эти виды конкретными примерами из рус. языка.

В казанский период деятельности Бодуэн де Куртенэ и Крушевский ввели термин «фонема», к-рый появился во франц. лингвистике в 1873, наполнив его специфическим содержанием; для представителей К. л. ш. фонема – это то, что «неделимо при сравнении коррелятивов, что образует само чередование, напр. *ч/т* в примере *лечу – летишь*» (Богородицкий). В дальнейшем взгляды

Бодуэна де Куртенэ и его последователей на фонему претерпели значительные изменения: Богородицкий, напр., использовал термин «фонема» для обозначения реконструируемых звуков индоевропейского праязыка (т. е. вне связи с чередованием); Бодуэн де Куртенэ, определяя фонему как «представление звука», имеющееся в языковом сознании говорящих, выдвинул понятие факультативных и нулевых фонем, указывал на функциональную значимость фонем. Фонологическая теория Бодуэна де Куртенэ сыграла основополагающую роль в создании совр. фонологии.

Замечания Бодуэна де Куртенэ о тесной связи фонетики и морфологии получили в дальнейшем более конкретную и углублённую интерпретацию в учении о «морфологизации» и «семасиологизации» фонем и легли в основу морфонологии. Значителен вклад в эту науку и Крушевского: теорию чередований (альтернаций) звуков Крушевский развил в работе «К вопросу о гуне» (1881) («гуна» – термин инд. грамматистов, обозначающий отношение между чередующимися гласными одного и того же корня, напр. *соберу – собирать*). На материале ст.-слав. языка Крушевский описал три типа фонетических чередований: закономерные чередования, не знающие исключений, типа [*вадá*] – [*вóду*], впоследствии названные позиционными фонетическими чередованиями; исторически и лексически обусловленные чередования, причины к-рых неочевидны и требуют исследования, типа *глухой – глохнуть*; исторически и грамматически обусловленные чередования, к-рые «есть чередование [именных и глагольных] форм», напр. *пророк – пророчить*.

Бодуэн де Куртенэ заложил основы типологической классификации слав. языков по двум структурным признакам: долгота/краткость гласных и функция ударения. Он исследовал также морфологическую типологию индоевропейских и урало-алтайских языков. Типологические признаки слав. языков Богородицкий использовал при исследовании тюрк. языков; задолго до А. Мейе он выдвинул идею сочетания генетических и типологических исследований. Бодуэн де Куртенэ сформулировал также идею социальной дифференциации языков: одним из первых в мировой лингвистике он писал о горизонтальном (т. е. территориальном) и вертикальном (т. е. собственно социальном) членении языка, указывал, что поскольку «язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нём всегда сторону социальную». Однако в целом для К. л. ш. были характерны психологизм, интерес к индивидуальной речи и недостаточное внимание к социальному аспекту языка и языковых изменений.

Наиболее плодотворные идеи К. л. ш. позднее развивались и углублялись учёными Московской фонологической школы (см.) и Пражской лингвистической школы (см.), а также представителями других направлений отечественного и зарубежного языкознания.

Лит.: Богородицкий В. А., Казанская лингвистическая школа, в кн.: Тр. МИФЛИ, т. 5, М., 1939; Земская Е. А., «Казанская лингвистическая школа» проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, «Рус. яз. в школе», 1951, № 6; Бодуэн де Куртенэ И. А., Избр. тр. по общему языкознанию, т. 1–2, М., 1963; Березин Ф. М., Рус. языкознание кон. XIX – нач. XX вв., М., 1976, гл. 8–13 (лит.); его же, История лингвистических учений, 2 изд., М., 1984, гл. 10. *Ф. М. Березин.*

Каламбу́р (франц. calembour) – игра слов, намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов с целью создания комического эффекта.

К. обычен в юмористическом или сатирическом контексте, в эпистолярной лит-ре и разг. речи. Обязательная черта К.– словесная «экономность», лаконизм и острый, неожиданный поворот мысли. Введённый для забавы, развлечения, К. в то же время может служить формой намёка на к.-л. важные черты изображаемого: *«В её твореньях красок нет, А на лице их слишком много»* (Вяземский). «Играя» словом, автор не только усиливает эмоциональное воздействие на читателя (слушателя), но и обращает внимание на звуковую форму и семантику слова, на его этимологию, на наличие синонимичных слов. Столкновение в контексте обособившихся по значениям однокорневых слов способствует более ясному осознанию их родства в прошлом и расхождения их в последующее время: *«Страховать жизнь ещё на Руси в обыкновение не введено, но войдёт же когда-нибудь; покаместь мы не застрахованы, а застращены»* (Пушкин).

К. создаётся с помощью разных речевых средств, заложенных в самом языке (многозначность, омонимия, фразеология) или возникающих вследствие индивидуального препарирования к.-л. слов (игра созвучий).

Способы выявления двуплановости слова (словосочетания, фразы) многообразны. Это пояснение обыгрываемой лексической или фразеологической единицы конкретизирующими словами или введение в контекст слова, объединяемого с обыгрываемым одним понятием, семантикой, ситуацией: *«Тут они* (спортсмены) *успеха не имели. Напротив, были освистаны милицией»* (газ.); сознательное нарушение смысловой однородности слов перечислительного ряда, присоединяемого к многозначному слову: *«Вот, Зина, вам совет: играйте... И впредь у нас не разрывайте Ни мадригалов, ни сердец»* (Пушкин); повторение слова дважды в контексте в разных значениях (прямых или чаще прямом и метафорическом, свободном и фразеологически связанном): *«У нас такая июньская погода..., что я целый день брожу, и всё во мне бродит»* (Вяземский); *«Нельзя было назвать его некурящим: иногда он курил фимиам своему начальнику»* (Кроткий).

Простейший приём – игра, строящаяся на контрасте между сходством звучания и отличием значения разных слов: замена одного из слов другим, созвучным тому, к-рое должно быть в данной ситуации: *Сдать в истерический архив*; сопоставление в одном контексте совпадающих частей разных слов: *«Неделя должна была быть бальная, а вышла больная»* (А. И. Тургенев); столкновение слова общего языка и созвучного ему индивидуального новообразования, совмещающего в себе значение и звучание двух слов: *уединенция* (из *уединение*) и *аудиенция*; название фельетона *«Стихоплут»*; ложная этимологизация, когда устанавливается мнимое родство или предлагается «более правильная» звуковая форма слова: *«Отчего говорят насморк? Надобно говорить носмокр»* (Вяземский).

Развитие лит. языка способствовало совершенствованию приёмов каламбурного столкновения слов. Немалую роль в этом сыграли рус. писатели 19 в. Нек-рые их К. доныне сохраняют свою остроту и художественную ценность.

Лит.: Виноградов В. В., Язык Гоголя и его значение в истории рус. языка, в кн.: Материалы и исследования по истории рус. лит. языка, т. 3, М., 1953; Булаховский Л. А., Рус. лит. язык первой пол. XIX в., 2 изд., К., 1957; Земская Е. А., Речевые приёмы комического в совр. лит-ре, в кн.: Исследования по языку сов. писателей, М., 1959; Ходакова Е. П., Каламбуры у Пушкина и Вяземского, в кн.: Образование новой стилистики рус. языка в пушкинскую эпоху, М., 1964; её же, Каламбур в рус. лит-ре XVIII в., в кн.: Рус. лит. речь в XVIII веке. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры, М., 1968; Леонтьев А. А., Каламбур, в кн.: Лит. энциклопедический словарь, М., 1987. *Е. П. Ходакова.*

Ка́лька (от франц. calque – копия, подражание) – слово или выражение, созданное по иноязычному образцу, но из исконных языковых элементов и представляющее собой скрытое заимствование (см.), воспроизводящее внутреннюю структуру иноязычного оригинала. К. являются не материальными, а структурными заимствованиями. Чаще всего встречаются словообразовательные К., дающие поморфемный перевод иностранных слов. Напр., рус. слово *совесть* представляет собой ст.-слав. К. *съвѣсть* с греч. συν-είδησις или συν-ειδός – 'со-знание, со-весть' [в первой части греч. слова приставка συν- = слав. *съ-* перед корнем -ειδ- 'видеть, ведать' = слав. *вѣд(ать)/вѣсть* – 'знать'], к-рое было калькировано и латинским *con-scientia* (*con* – 'с' + *scientia* – 'знание'), послужившим впоследствии образцом для новой рус. К. *со-знание*. Англ. сложное существительное *skyscraper* (*sky* – 'небо' + + *scrape* – 'скрести') воспроизведено в рус. слове *небоскрёб*. Лат. название многолетнего травянистого растения из семейства лютиковых *Aquilegia* (*aqua* – 'вода' + *lego* – 'собираю') было буквально переведено на рус. язык К. *водосбор*, параллельно с чем возникла в качестве синонима и ложная К. *орлик* по созвучию с лат. *aquila* – 'орёл'. Рус. название растения *золототысячник*, как и нем. *Tausend-gülden-kraut*, представляет неточную, ложную К. с лат. *centaurea*, понятого как состоящего из *centum* – 'сто' и *aurum* – 'золото', хотя фактически этот латинизм восходит к греч. прилагательному Κενταύρειος (Kentáureios) 'кентавров, т. е. принадлежащий мифическому кентавру'.

В нек-рых случаях слово может калькироваться и заимствоваться одновременно, как это произошло с франц. *divertissement* – 'увеселение' (от глагола *divertir* – 'отвлекать', откуда и 'развлекать'), по образцу к-рого было создано рус. существительное *развлечение* (с глагольным корнем *влечь, влеку* – 'тащить'), и вместе с тем в рус. языке появилось заимствование – театральный термин *дивертисмент* – 'музыкальные или драматические номера в качестве самостоятельного дополнения к концерту или спектаклю'. Лат. существительное *objectum* дало для рус. языка и заимствование *объект*, и К. *предмет*.

При неполном (частичном) переводе составляющих калькируемое слово элементов возникают полукальки, напр. рус. *телевидение*, в к-ром осталась без перевода первая часть международного греко-лат. образования *television*, но была переведена вторая; при этом прилагательное *телевизионный* было образовано на базе интернационального термина, а не полукальки, как ожидалось бы.

Наряду со словообразовательными К. существуют смысловые (семантические) К., в к-рых исконное слово получает новое значение под влиянием иностранного со сходным первичным значением у обоих. Под влиянием многозначного франц. глагола *toucher* – 'трогать, касаться, задевать, волновать, вызывать сочувствие' и у рус. глагола *трогать* появилось вторичное значение 'волновать, вызвать сочувствие', до 18 в. отсутствовавшее.

При полном или частичном пословном переводе целых выражений возникают фразеологические К. или фразеологические полукальки: франц. фразеологизм *faire la cour* – 'ухаживать за женщинами' употреблялся в рус. текстах без перевода, в полном переводе *строить дворики*, а также в частичном переводе *строить (делать) куры* и даже в форме глагола *ферлакурить* с тем же значением. В рус. фразеологизме *смотреть вполглаза* (*одним глазом*) представлена финно-угорская модель называния одного из парных предметов как половины [ср. мар. *шинча* – 'глаза (два)', *пелшинча* – 'один глаз', дословно 'полглаза'], что можно связывать с влиянием исчезнувшего мерянского языка.

Историческая лексикология и этимология в памятниках письменности различают случаи калькирования слов и фразеологизмов или случайного совпадения внутренней формы слов и выражений в разных языках, что внешне похоже на калькирование, но последнее бывает лишь в условиях языковых контактов и культурного влияния.

Будучи наряду с заимствованием и словообразованием из исконных элементов по исконным образцам одним из средств обогащения словарного состава языка, калькирование занимает промежуточное положение между заимствованием и словообразованием: К. создаются по иноязычным образцам, но из исконных элементов, а полукальки почти смыкаются с заимствованиями.

Переносом особенностей построения фразы одного языка в другой создаются синтаксические К., напр. в высказывании *«Я полагала вас далеко от Москвы»* (Грибоедов) отражено своеобразие франц. синтаксиса. Синтаксические К. используются в стилистических целях для более яркой характеристики персонажей и т. п.

Лит.: Флекенштейн К., О нек-рых теоретических проблемах калькирования, в кн.: Этимологические исследования по рус. языку, в. 5, М., 1966, с. 148–71; Шанский Н. М., Рус. язык. Лексика. Словообразование, М., 1975; Лексика рус. лит. языка 19 – нач. 20 вв., М., 1981. *И. Г. Добродомов.*

Канцеляри́змы – устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление к-рых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем (см.), особенно за его канцелярски-деловым подстилем, напр. *уведомление, входящие – исходящие, надлежит, оказывать помощь* (вместо *помогать*), *настоящим доводится до Вашего сведения, согласно чего* – с род. п. вместо общелит. дат. п., многокомпонентные именные конструкции с род. п. типа *взыскание с работника имущественного ущерба* и т. п.

Следует различать традиционное употребление этих средств лит. языка в рамках официально-делового стиля, в документации и деловых письмах и неуместное применение их вне рамок официально-делового стиля. В последнем случае стилистическая окраска К. вступает в конфликт с его словесным окружением (контекстом), и такое употребление принято рассматривать как нарушение стилистических норм, а шире – как т. н. порчу лит. языка, его болезнь (по выражению К. Чуковского, «канцелярит», по образцу названий болезней типа дифтерит). Использование К. как сознательный стилистический приём, как средство характеристики персонажа в художественной лит-ре, находим, напр., в речи милиционера Горелкина в пьесе В. Н. Войновича «Трибунал»: *«Значит, дело было так. Находясь в данном театре на дежурстве, я был предупреждён, что ввиду важного юридически-политического мероприятия здесь возможны провокации со стороны неустойчивых элементов... А майор Коротышев прямо сказал, что провокация не только возможна, а даже непременно будет ввиду неизбежного характера данного спектакля. И одному из вас, говорит, то ли тебе, Горелкин, то ли тебе, Юрченко, будет заехано в физиономию, и этот заезд необходимо будет использовать в борьбе с нашими идейными противниками. Я, конечно, надеялся, что заехано будет Юрченке, а не мне... было сказано, что вот этот человек, который с женой своей громко разговаривает, его как раз будем брать и, возможно, он, значит, этот заезд совершит»*.

Лит.: Щерба Л. В., Совр. рус. лит. язык, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Винокур Т. Г., Когда «канцеляризмы» и «штампы» становятся опасной болезнью?, в кн.: Наша речь. Как мы говорим и пишем, М., 1965; Чуковский К. И., Живой как жизнь. О рус. языке, в его кн.: Собр. соч., т. 3, [М., 1966]; Руководство по делопроизводству. (Пособие для служащих), под ред. А. С. Малитикова и Д. И. Сольского, М., 1972; Рус. язык в совр. мире, ч. 2, М., 1974, гл. 4; Галь Н., Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора, 2 изд., М., 1975 *Б. С. Шварцкопф.*

Картоте́ки ле́ксики ру́сского языка́. КАРТОТЕКА ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОВАРЯ 11–17 вв. (КДРС) содержит ок. 2 млн. карточек-цитат, выписанных из др.-рус. памятников письменности. На каждой карточке, как правило, содержится цитата с подчёркнутым заголовочным словом, шифр источника и указание на лист рукописи или страницу издания. Своё название и индекс (КДРС) картотека получила в 20-х гг. 20 в. в связи с идеей создания словаря др.-рус. языка. Сразу после появления «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (т. 1–3, 1893–1903, дополнения – 1912), включавших лексику 11–15 вв., А. И. Соболевский призвал учёных делать выписки из памятников письменности. Отделение рус. языка и словесности Рос. АН поддержало инициативу Соболевского о составлении словарей др.-рус. и ст.-рус. языка и образовало в 1925 «Комиссию по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку» во главе с Соболевским. После его смерти с 1929 этой работой стал руководить М. Н. Сперанский. В обследовании и расписывании памятников письменности приняли участие крупнейшие учёные тех научных центров, где имелись рукописные хранилища и крупные библиотеки. В Моск. группу входили: А. М. Селищев, В. Ф. Ржига, А. Д. Седельников, Ф. И. Буслаев, И. М. Тарабрин, А. Н. Туницкий, И. В. Виноградов и др. После 1930 в Ленинградской группе работали С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Б. В. Лавров, В. В. Майков, П. К. Симони, Вс. И. Срезневский. В 1934 при Ин-те языка и мышления в Словарном отделе создали группу учёных, работавших над картотекой под руководством Б. А. Ларина. Выборщиками картотеки были М. Д. Присёлков, Ф. И. Покровский, А. Н. Котович, В. И. Бантышев, Б. А. Романов, Б. И. Коплан, а позже молодые специалисты, аспиранты Б. Л. Богородский, А. П. Евгеньева, В. Н. Иссерлин, М. А. Соколова, Е. Н. Шипова, Н. Я. Янко-Триницкая, С. Ф. Геккер и др. В 1936 вышел в свет подготовленный Лариным «Проект древнерусского словаря (принципы, источники, инструкции)». Корректуру читали Обнорский,

принявший на себя руководство будущим словарём, и Сперанский. В годы Великой Отечеств. войны картотека оставалась в осаждённом Ленинграде, укрытая мешками с песком. В 1943 работа возобновилась. Геккер принесла в КДРС 800 карточек, выписанных ею в период блокады Ленинграда.

После 1953 в Москве пополнением КДРС руководил С. Г. Бархударов. В коллектив составителей вошли Н. Б. Бахилина, Е. Н. Прокопович, Г. А. Богатова, А. Н. Добромыслова (Шаламова), Г. Я. Романова, О. И. Смирнова, Е. М. Сморгунова и др. Подготовлен корпус дополнений, в 70-е гг. в работу включились историки и лингвисты-источниковеды: А. С. Орешников, С. П. Мордовина, Л. Ю. Астахина, продолжалась работа по созданию словоуказателей к нек-рым изданным в 60-е гг. 20 в. в Отделе лингвистического источниковедения памятникам письменности.

Основной принцип расписывания источников для картотеки – выборочный: если это сплошная выборка, то отбираются из идентичных вариантов наиболее яркие и аргументированные цитаты, что особенно важно для создания исторической лексикологии рус. языка.

С 1953 картотека хранится в Москве, в Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, в Отделе исторической лексикологии и лексикографии. Её состав с шифрами (сокращёнными обозначениями источников) отражён в ротапринтном издании «Указатель источников к картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв.» (1984).

С 1975 на базе КДРС выходит «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (А–Р, в. 1–21, 1975–95; изд. продолжается). В словаре используется вся лексика картотеки, но лишь 25% из документирующего материала КДРС. При этом словарь вводит в научный оборот 2/3 новой лексики по сравнению с материалами Срезневского, т. к. статистические подсчёты показывают, что до 57% материалов КДРС, не представленных в словаре Срезневского, относится к 16–17 вв. Материалы КДРС используют и другие словарные издания: «Словарь-справочник "Слова о полку Игореве"» В. Л. Виноградовой (в. 1–6, 1965–84); «Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского (в. 1–8, 1960–80; изд. продолжается); «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубачёва (в. 1–22, 1974–95; изд. продолжается) и др. С 1995 начались работы по переводу данных КДРС на безбумажные носители (микрофиши, диски CD – ROM) с целью создания страхового дубля. Проект ЮНЕСКО «Новые информационные технологии на CD – ROM для сохранения и эффективного использования КДРС» (1994) развёрнут в программу «Историческая память России» с разработкой баз данных Указателя источников, картотеки, словаря.

КДРС имеет международную известность. В её фондах работали специалисты из США, Швеции, Канады, Франции, Германии и др. Ок. 500 научных работ выполняется в России с учётом её данных. В картотеке работали многие учёные, издающие рус. памятники письменности за рубежом: К. Мюллер из Германии; Сири Люнден из Норвегии; Х. Сундберг, И. Нордлендер, Улла Биргегорд из Швеции; А. Страхов из США и др.

Лит.: Смирнова О. И., Картотека др.-рус. словаря, в кн.: Лингвистические источники. Фонды Ин-та рус. языка, М., 1967; Виноградова В. Л., Картотеки СДР и ДРС и историко-лексикографическая работа, в кн.: Проблемы слав. исторической лексикологии и лексикографии, в. 4, 1974; Демьянов В. Г., Словарь рус. языка. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений, «ВЯ», 1977, № 3; Богатова Г. А., О картотеке ДРС и диахроническом типе исторического словаря, в её кн.: История слова как объект рус. исторической лексикографии, М., 1984; Астахина Л. Ю., Опыт использования материалов КДРС для лексикологических и лексикографических исследований (лингво-статистический аспект), в кн.: Национальные лексико-фразеологические фонды, СПБ, 1995; её же, Картотека ДРС как база для лингвистических исследований, в кн.: Историко-культурный аспект лексикографического описания рус. языка, М., 1995.

Г. А. Богатова.

КАРТОТЕКА СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА 11–14 вв. (КСДР) содержит 2 млн. карточек-цитат (объёмом 30–60 слов), выписанных из др.-рус. памятников письменности; св. 1,5 млн. составляют апеллятивы (см.) и служебные слова, ок. 400 тыс.– производные от них.

Картотека была задумана как база для «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (т. 1–4, 1988–91; изд. продолжается), идея создания к-рого принадлежит Р. И. Аванесову (главному редактору Словаря до 1982). Работа началась в 1957 в Ин-те языкознания АН СССР и продолжена с 1958 в Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН.

Источниками картотеки являются др.-рус. письменные памятники различных жанров 11–14 вв., к-рые создавались или переводились на Руси, или, будучи переведены не на Руси, имели на др.-рус. почве длительную лит. историю: переписывались, редактировались, перерабатывались.

Значительная часть источников расписана непосредственно по рукописям или фотокопиям. Выписка материалов по изданиям проводилась лишь в тех случаях, когда эти издания признавались удовлетворительными в лингвистическом отношении. Среди источников большое место занимают неизданные памятники, в связи с чем в научный обиход вводится много нового, ранее неизвестного материала. В картотеке впервые фиксируется большое количество слов (их семантика, фразеология) раннего периода истории языка (из ранних памятников), сведения о к-рых или отсутствуют в словарях (напр., в «Материалах...» И. И. Срезневского), или представлены недостаточно полно.

Источники картотеки – грамоты гос. и частного характера, в т. ч. грамоты на берёсте, приписки и записи на полях рукописей, надписи на предметах

материальной культуры, тексты юридической лит-ры, историческая, повествовательная, агиографическая, церк.-проповедническая и церк.-юридическая лит-ра. Источники относятся ко всей территории Древней Руси от Галича (Южный) до Суздаля. Многие из них характеризуются выраженной территориальной приуроченностью: Новгород, Псков, Полоцк, Витебск, Смоленск, Москва, Тверь. Картотека включает все встретившиеся в источниках слова. Она создана на основе сплошной расписки: каждое слово зафиксировано в каждом его употреблении.

Составление картотеки было завершено в 1963. Сделан словоуказатель всех слов, зафиксированных в картотеке. Она существует в виде рукописных карточек. Все слова расположены в алфавитном порядке. Хранится картотека в Отделе истории рус. языка Ин-та рус. языка им. В. В. Виноградова РАН.

Состав лексики, отражённые в письменных источниках до сих пор неизвестные грамматические формы, относящиеся к раннему периоду истории языка, привлекают внимание исследователей всех уровней системы языка. Картотека широко используется при написании докторских и кандидатских диссертаций. На базе картотеки составлены «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (т. 1, 1988, т. 2, 1989, т. 3, 1990, т. 4, 1991; изд. продолжается), а также «Историческая грамматика русского языка. Глагол», 1982, и «Древнерусская грамматика XII–XIII вв.», 1995. В Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН ведётся работа по теме «Историческое словообразование русского языка», основным материалом для к-рой (по раннему периоду) является эта же картотека.

Лит.: Сумникова Т. А., Картотека словаря др.-рус. языка 11–14 вв., в кн.: Лингвистические источники. Фонды Ин-та рус. языка, М., 1967. *Л. В. Вялкина.*

КАРТОТЕКА СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА 18 в. содержит более 2 млн. карточек-цитат из письменных источников 18 в. и является самым крупным собранием лексических материалов по рус. языку 18 в.– периода его формирования на национальной основе. По первоначальному замыслу картотека создавалась как лексическая база «Словаря русского языка 18 века» (в. 1–8, 1984–95; изд. продолжается). Её составление началось в 1960 по инициативе Г. П. Блока в Словарном секторе Ленинградского отделения Ин-та языкознания АН СССР (ныне Ин-та лингвистических исследований РАН). С 1961 работу возглавили Ю. С. Сорокин и Л. Л. Кутина, с 1990 – З. М. Петрова.

Основная масса карточек картотеки представляет собой выписки (обычно в виде законченного предложения или нескольких предложений), показывающие слово в его лексико-стилистических и грамматических связях с другими словами, достаточных для выяснения значения слова.

Слова в Картотеке расположены в алфавитном порядке. Материалы на каждое слово даны по периодам: кон. 17 – кон. 30-х гг. 18 вв.; 40–70-е гг. 18 в.; 80-е гг. 18– нач. 19 вв.

Источниками для выборки служат все тексты, относящиеся к 18 в., а также нек-рые памятники кон. 17 и нач. 19 вв. Источниками являются художественная, научная, научно-популярная лит-ра, публицистика, эпистолярная и мемуарная, деловая лит-ра, а также документы, журналы, газеты и др. Для выборок привлекаются также оригинальные и переводные, обработанные и черновые тексты, произведения авторов, принадлежащих к различным стилистико-языковым направлениям и школам. В картотеке представлены гл. обр. печатные источники. Рукописные тексты привлекаются крайне редко.

Поскольку к выборкам для картотеки привлекаются издания 18 в., хранящиеся в Отделе редкой книги Б-ки АН и в РНБ (С.-Петербург), их микрофильмируют и изготовляют фотокопии. Т. о. собраны фильмотека и собрание фотокопий с источников – изданий 18 в. Полный список источников с их шифрами, используемыми в Словаре, опубликован в «Словаре русского языка 18 века. Правила пользования Словарём. Указатель источников» (1984). По мере пополнения картотеки дополнительные списки источников публикуются в соответствующих выпусках Словаря. Составляется электронный словник картотеки. Учёт материалов картотеки ведётся в книге поступлений словарных материалов, в к-рой фиксируются также шифры источников. Картотека хранится в Ин-те лингвистических исследований РАН (С.-Петербург).

На основе картотеки созданы индивидуальные и коллективные монографии (Кутина Л. Л., «Формирование языка русской науки», 1964; «Формирование терминологии физики в России», 1966; Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л., «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования», 1972; Князькова Г. П., «Русское просторечие второй половины XVIII в.», 1974; Замкова В. В., «Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.», 1975; Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М., «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.», 1975, и др.).

Лит.: Блок Г. П., К характеристике источников «Словаря русского языка XVIII века». Художественная лит-ра первой пол. века, в кн.: Материалы и исследования по лексике рус. языка 18 века, М.– Л., 1965; Биржакова Е. Э., Петрова З. М., Картотека Словаря 18 в., в кн.: Лингвистические источники. Фонды Ин-та рус. языка, М., 1967; Петрова З. М., Картотека Словаря рус. языка 18 века. История, настоящее и будущее, в кн.: Практическая лексикография. 100 лет словарной картотеке, М., 1989; Картотека Словаря рус. языка 18 века, СПБ, 1995. *З. М. Петрова.*

БОЛЬШАЯ КАРТОТЕКА СЛОВАРНОГО ОТДЕЛА – самое крупное собрание

лексических материалов по рус. языку. Картотека является одним из подразделений Ин-та лингвистических исследований в С.-Петербурге. Она содержит ок. 7 млн. карточек. Каждое слово зафиксировано на карточке в контексте предложения. Картотека содержит два типа карточек: карточки-цитаты из лит. произведений, гл. обр. 19 и 20 вв., и карточки, содержащие извлечения из словарей 19 и 20 вв., энциклопедий, пособий, разного рода справочников, учебников и т. п. В карточках первого типа даётся небольшой контекст (1–2 предложения), к-рый раскрывает значение слова, показывает форму его употребления, стилистическую окраску. В карточках второго типа представлены сведения, на основе к-рых можно дать толкования терминов, установить принадлежность слова к тому или иному речевому жанру и т. п.

Картотека ведёт своё начало с 1886, когда Я. К. Грот в Отделении рус. языка и словесности Императорской Академии наук начал работу над «Словарём русского языка» (в. 1–3, 1891–95). На подготовительном этапе работы закладывались научные и организационные основы ведения картотеки. После смерти Грота А. А. Шахматов, возглавивший работу над Словарём, внёс ряд существенных изменений в Словарь и принципы отбора материалов: расширился круг лит. источников (от А. С. Пушкина до произведений современников), было привлечено значительное количество слов народного языка из записей устной народной речи. Пополнение картотеки в этом направлении продолжалось до 1927–28. Затем, когда под руководством В. И. Чернышёва (с 1937 по 1949) началась работа над «Словарём современного русского литературного языка» в 17 томах, принципы пополнения картотеки изменились: были поставлены задачи, связанные с отражением языка совр. эпохи, с нормализацией языка. В соответствии с этими принципами пополнение картотеки продолжалось при последующем составлении «Словаря современного русского литературного языка» (т. 1–17, 1948–65) и «Словаря русского языка» (т. 1–4, 1961–65), а также и после их выхода в свет.

С 1966, когда по инициативе А. М. Бабкина началась работа по подготовке «Нового словаря русского языка», материалы, извлечённые из произведений современных авторов, стали храниться отдельно. Новая картотека насчитывает ок. 2 млн. карточек. Ведётся работа по вводу словника картотеки в ЭВМ, использованию ЭВМ при обработке текстов.

Материалы картотеки были использованы при работе над «Словарём синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (т. 1–2, 1970–71), над «Словарём новых слов и значений» под ред. Н. З. Котеловой (1970, 1984, 1995), над словарём «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича (1973), используются при работе над многотомным «Словарём русских народных говоров» (в. 1–29, 1965–95; изд. продолжается), над новым фразеологическим словарём, к-рый готовится к печати. Картотека активно используется во 2-м изд. «Словаря современного русского литературного языка» в 20 томах (т. 1–6, 1991–94; изд. продолжается) и при работе над новым словарём рус. языка.

Картотекой пользуются исследователи по лексикологии, грамматике, стилистике, а также литературоведы, преподаватели вузов из С.-Петербурга, Москвы, из других городов России, зарубежные учёные.

«Сводный словарь современной русской лексики» (1991), а также сборники, посвящённые практическим вопросам лексикографии, подготовленные составителями картотеки, облегчают работу по выборке материалов, подготовке разных типов словарей рус. языка. В 1986 была проведена конференция, посвящённая 100-летию Большой картотеки Словарного отдела.

Лит.: Словарная картотека совр. рус. лит. языка, в кн.: Лингвистические источники. Фонды Ин-та рус. языка, М., 1967; Семериков А. В., Из истории академической словарной картотеки, там же; Рогожникова Р. П., Большая картотека Словарного отдела за 100 лет, в кн.: Национальные лексико-фразеологические фонды, СПБ, 1995

Р. П. Рогожникова.

КАРТОТЕКА СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ – самое большое хранилище рус. диалектной лексики. В ней собрано более 2 млн. карточек, иллюстрирующих св. 300 тыс. диалектных слов и значений. В картотеке представлена лексика, обозначающая животный и растительный мир, рельеф, водоёмы, метеорологические явления, человека с его особенностями, орудия труда, промыслы и ремёсла, обычаи, обряды, игры, жилище, одежду, обувь и многое др. Это своеобразная энциклопедия жизни рус. народа, его материальной и духовной культуры, отражённой в языке.

Картотека начала создаваться в 1958 по инициативе Ф. П. Филина, разработавшего теоретические принципы составления сводного словаря рус. народных говоров и наметившего круг источников, из к-рых должна выбираться диалектная лексика.

В картотеке представлена диалектная лексика и фразеология по записям 19–20 вв. на всей территории распространения рус. языка. Собраны только диалектные слова, неизвестные в лит. языке, или слова, известные и в лит. языке, но обладающие диалектными значениями (т. н. семантические диалектизмы).

Материалы, лёгшие в основу картотеки, делятся на четыре основные группы: 1) материалы, к-рым придана та или иная словарная (лексикографическая) форма (словари и словарики, толкования слов в текстах статей, в примечаниях и т. п.); 2) записи живой диалектной речи, лексикографически не обработанные (часто не содержащие толкований значений слов); 3) статьи, монографии, в

к-рых диалектная лексика содержится в тексте, никак не выделяясь особо (иногда с толкованиями, иногда без толкований); 4) фольклорные материалы.

Выявлено более 3,5 тыс. источников, большинство из к-рых обработано. Это областные словари, как старые, так и вышедшие в кон. 20 в., «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 1–4, 1863–66; 7 изд., т. 1–4, 1978–80), специальные терминологические словари, издававшиеся в 19–20 вв. [«Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. Бурнашёва (т. 1–2, 1843–44), «Словарь волжских судовых терминов» С. П. Неустроева (1914), «Словарь Орехово-Зуевских текстильщиков» под ред. М. Н. Шабалина (в кн. «Орехово-Зуевский педагогический институт. Труды кафедры русского языка», 1960) и др.], материалы диалектологических исследований, в к-рых диалектная лексика является предметом специального рассмотрения, статьи и заметки об особенностях местной речи в губернских и епархиальных ведомостях, местных «памятных книжках», календарях, в «Трудах Общества российской словесности», в статистико-экономических и этнографических отчётах по краям, губерниям и уездам России. Это и этнографические исследования, публиковавшиеся в ж. «Живая старина» (2-я пол. 19 в.), и фольклорные материалы: «Великорусские сказки Пермской губернии» Д. К. Зеленина (1914), «Песни Дмитровского уезда Орловской губернии» В. Н. Добровольского (1905), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (1861) и др., сборники былин А. Ф. Гильфердинга, В. В. Григорьева, Н. Е. Ончукова, А. В. Маркова, сказки А. Н. Афанасьева, А. М. Смирнова и др.

Особую ценность представляют рукописные материалы, хранящиеся в картотеке. В них зафиксировано много слов или значений слов, не отмеченных в других источниках. Эти сведения существуют только в записях собирателей диалектной лексики, хранящихся в картотеке. В зависимости от характера источников применялись различные способы выборки диалектной лексики из них. Словари и материалы, представляющие собой собрания слов в определённом (словарном) порядке, фотографировались или ксерокопировались, а затем разрезались и наклеивались на карточки. В ряде случаев разрезались и наклеивались на карточки печатные экземпляры словарей и словариков, что устраняло возможность ошибок и неточностей. Материалы, присылаемые собирателями в карточках, включаются в картотеку в том виде, в каком составлены собирателем.

Картотека содержит информацию об исходной форме слова; фонетических и морфологических вариантах слова; значении или значениях слова; синонимических соответствиях; территориальном распространении слова (значения); ударении; времени фиксации слова; источнике выборки.

Материалы картотеки, как правило, содержат контексты (иллюстрации), показывающие, как употребляется слово в живой народной речи, какова его сочетаемость, формы словоизменения. Большой интерес для исследователей диалектной лексики представляют разного рода примечания, суждения об особенностях функционирования слов в говорах, их истории и другие сведения, почерпнутые из многочисленных статей, монографий, диссертаций.

Собранные в картотеке материалы (как и опубликованные выпуски «Словаря русских народных говоров», в. 1–29, 1965–95; изд. продолжается) явились источниками многих лексикологических исследований (монографии О. Д. Кузнецовой, Ф. П. Сороколетова, Л. А. Ивашко, О. В. Загоровской; диссертации И. А. Попова, О. Г. Пороховой, Н. В. Поповой, Н. И. Андреевой-Васиной; коллективные монографии «Диалектная лексика», в. 1–11, 1965–91, и др.). В картотеке работало более 600 отечественных и зарубежных исследователей. Картотека – результат деятельности широкого круга лиц, в т. ч. многих диалектологов, любителей рус. народного слова, присылавших в разное время свои материалы.

Возникнув как база создания «Словаря русских народных говоров», картотека расширила сферу своего применения и сохраняется как самостоятельный источник изучения истории рус. языка, как источник «Словаря русских народных говоров», работа над к-рым продолжается.

Картотека постоянно пополняется. Она хранится в виде карточек-цитат, расположенных в алфавитном порядке, в Ин-те лингвистических исследований РАН в С.-Петербурге.

Ф. П. Сороколетов.

КАРТОТЕКА СЛОВАРЯ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА создавалась для «Словаря языка В. И. Ленина», к-рый планировался как общий алфавитный словарь языка всех текстов Ленина вне зависимости от их жанрово-стилистической направленности. Картотека насчитывает ок. 2,3 млн. карточек-цитат на примерно 38 тыс. разных слов (вокабул). Карточка содержит законченный по смыслу отрезок текста. На ней воспроизведены фототипическим способом разрезанные и расклеенные фрагменты страниц из «Полного собрания сочинений» В. И. Ленина (т. 1–55, 5 изд., М., 1960–65), что обеспечило идентичность источника и его фотокопии на карточке. В цитате подчёркнуто то слово, по к-рому карточка занимает своё алфавитное место. На карточку внесён адрес цитаты, состоящий из номера тома и страницы источника. Неполной выборке подлежали ок. 150 слов (союзы, предлоги, местоимения и т. п.). Для остальных 37,6 тыс. слов число карточек в картотеке соответствует частоте их употребления Лениным.

В источники картотеки не вошли текущие публикации «Ленинских сборников», секретные документы, нек-рые из к-рых были преданы гласности в годы перестройки 1985–91, документы из недоступных зарубежных коллекций.

С 1 января 1972 до 1994 в Ин-те рус. языка АН СССР (ныне Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН) работала группа «Словаря языка В. И. Ленина». Идея создания Словаря возникла сразу после смерти Ленина в 1924, но не была реализована. Картотека начала создаваться после 24-го съезда КПСС по решению Отделения языка и лит-ры АН СССР. Работу по созданию картотеки и Словаря начали (с 1972) Ф. П. Филин, Т. П. Ломтев, к к-рым позднее присоединились А. И. Горшков, В. Я. Дерягин, В. П. Даниленко, П. Н. Денисов и др. Методическую работу по картотеке и описанию её лингвистической значимости вели Денисов, В. Н. Хохлачёва, Е. Л. Лилеева, Т. Ф. Иванова.

Картотека является источником не только для составления словарей разного типа, в т. ч. общественно-политической терминологии, но и для изучения отражения в рус. лит. языке общественно-политической мысли в России и странах Европы кон. 19 – нач. 20 вв.

На базе картотеки издан ряд сборников статей, написаны 3 докторские и более десяти кандидатских диссертаций, опубликован алфавитно-частотный словоуказатель в двух книгах (1987) к «Полному собранию сочинений» В. И. Ленина, созданы «Фразеологический словарь языка В. И. Ленина» (1991), первый том «Словаря языка В. И. Ленина» (буквы А–В, св. 6 тыс. словарных статей, рукопись). С 1994 картотека закрыта и не пополняется. Хранится в Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН.

Лит.: Инструкция по составлению картотеки для Словаря языка В. И. Ленина, М., 1974; Словарь языка В. И. Ленина. Проект, М., 1974; Лилеева Е. Д., Картотека Словаря языка В. И. Ленина, в кн.: Вопросы практической лексикографии, Л., 1979; Хохлачева В. Н., Опыт работы над картотекой «Словаря языка В. И. Ленина», в кн.: Исследования по языку и стилю произведений В. И. Ленина, М., 1981; Словарь языка В И. Ленина. Алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений, [ч. 1] – А – Одолжение, [ч. 2] – Одряхлеть – Ящичек, М., 1987; Байрамова Л. К., Денисов П. Н., Фразеологический словарь языка В. И. Ленина, Каз., 1991.

П. Н. Денисов.

Категóрия (от греч. katēgoría) языковая – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – нек-рый признак (параметр), лежащий в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены к-рых характеризуются одним и тем же значением данного признака (напр., К. падежа, К. одушевлённости – неодушевлённости, К. вида, К. глухости – звонкости). Нередко, однако, термином «К.» называется одно из значений упомянутого признака (параметра), напр. К. винительного падежа, К. неодушевлённости, К. совершенного вида, К. глухости, К. состояния.

В зависимости от состава категоризуемого множества, характера категоризующего признака и отношения данного признака к классам разбиения выделяются различные типы К. Категоризуемое множество может состоять из односторонних единиц – фонем, и в этом случае выделяются «фонологические К.», напр. К. глухости – звонкости, К. смычных согласных и т. п. Классификация производится по нек-рому фонетическому дифференциальному признаку. Категоризуемое множество может состоять из двусторонних единиц (см. Знак языковой) – обычно слов, словосочетаний или предложений, и в этом случае речь идёт о грамматических, синтаксических, лексико-семантических, словообразовательных и других К. Классификация производится по нек-рому синтаксическому или семантическому признаку. Категоризующий признак может быть собственно семантическим, синтаксическим или общекатегориальным (прилагательные «категориальный» или «общекатегориальный» часто воспринимаются как «относящийся к частям речи»).

С точки зрения отношения к классам разбиения, категориальные признаки делятся на модифицирующие (дифференциальные, флексионные) и классифицирующие (интегральные, селективные). Признак является модифицирующим для нек-рого элемента, если ему соответствует элемент другого класса разбиения, отличающийся от первого элемента только значением данного признака (такое соответствие называется оппозицией). Если такого соответствия нет, то признак является классифицирующим для данного элемента. Элементы, различающиеся только значениями модифицирующего признака, являются разновидностями более общей единицы, к-рая изменяется по данному признаку (принимает разные значения признака). Напротив, определённое значение классифицирующего признака является фиксированным, постоянным для данной единицы.

Если для большинства элементов категоризуемого множества признак является модифицирующим, то и К. в целом называется модифицирующей, напр. словоизменительные («флективные») К. (число и падеж существительного, род, число, падеж прилагательного, род, число, лицо, время, наклонение глагола). Если категориальный признак является для значительного числа элементов классифицирующим, то и К. в целом называется классифицирующей, напр. т. н. лексико-грамматические разряды (части речи, род и одушевлённость существительного, именные классы, переходность – непереходность глагола и т. п.).

Отнесение К. к тому или иному типу зависит от первоначальной классификации языковых единиц, а также от того, что считается «правилом»

для данного класса, а что «исключением»; напр., можно либо считать, что для нек-рых классов глаголов в рус. языке К. вида является модифицирующей (словоизменительной), а для других классов – классифицирующей (словообразовательной), либо принимать одно из двух возможных решений по отношению к классу глагольных лексем в целом (в русистике представлены все три решения).

Понятие «К.» восходит к Аристотелю, выделявшему, в частности, 10 К.: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и претерпевание (выделение этих К. во многом повлияло на дальнейшую инвентаризацию частей речи, членов предложения, сказуемых и предикатов). Под понятийной К. обычно понимается система значений нек-рого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения («скрытому» или «явному») в конкретном языке, напр. говорят о понятийных К. активности – неактивности, отчуждаемости – неотчуждаемости, цели, места, причины и т. д. В лексикологии выделяют лексико-семантические К., имея в виду классы типа: «названия живых существ», «названия профессий», «названия государств» и т. п. Если категоризующая сема получает формальное словообразовательное выражение, то К. называется слóвообразовательной, напр. «имена деятелей» (*учи-тель, воз-чик, бег-ун*), «уменьшительные имена» (*дом-ик, дым-ок, блин-чик*).

Изучая парадигматические отношения в синтаксисе, многие исследователи используют понятия К. предложения или коммуникативно-грамматические К., подразумевая дифференциальные семантические признаки предложений (типа «целеустановка высказывания», «утверждение/отрицание», «синтаксическая модальность») или, реже, отдельные значения этих признаков (К. отрицания и др.). Нек-рые исследователи (напр., Н. Ю. Шведова) говорят при этом о «фразоизменительных К.». В синтаксической семантике употребляется термин «семантико-синтаксические К.» применительно к реляционным значениям (семантическим ролям) типа «агентивность», «орудийность» и др. Рассматривая формальную организацию предложения, ряд синтаксистов выделяют структурно-синтаксические К., т. е. разнообразные типы синтаксических отношений: подчинение, сочинение, атрибут, актант и др. Синтаксические К. «частеречного» характера используются в нек-рых типах формальных грамматик, в порождающей грамматике, где К. понимается как класс синтагм, играющих одну и ту же синтаксическую роль в составе более сложных синтагм.

Один из важнейших и наиболее изученных типов языковых К.– грамматические категории (см.), к характерным чертам к-рых относятся модифицирующий тип категоризующего признака, его причастность к синтаксису, обязательность выбора одного из его значений для (слово)форм из категоризуемой совокупности и наличие регулярного способа его выражения. Наличие всей совокупности этих свойств обычно является основанием для безоговорочного признания грамматического характера К., хотя каждое из них в отдельности не является ни необходимым, ни достаточным признаком грамматической К. Грамматическая К. выступает как замкнутая система взаимоисключающих грамматических значений, задающая разбиение обширной совокупности словоформ на непересекающиеся классы. Напр., грамматические значения «единственное число» и «множественное число» в совокупности образуют грамматическую К. числа. По характеру грамматических значений выделяются номинативные («семантические», «референциальные») К., непосредственно участвующие в отражении внеязыковой действительности, и синтаксические («реляционные») К., отражающие лишь способность словоформ вступать в те или иные синтаксические отношения в предложении. По характеру категориального признака грамматические К. подразделяются на классифицирующие (лексико-грамматические, словообразовательные), характеризующие целую лексему и постоянные для неё, и словоизменительные (собственно грамматические), по к-рым лексема может изменяться.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Есперсен О., Философия грамматики, пер. с англ., М., 1958; Смирницкий А. И., Морфология англ. языка, М., 1959; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Блумфилд Л., Язык, пер. с англ., М., 1968; Хомский Н., Категории и отношения в синтаксической теории, в его кн.: Аспекты теории синтаксиса, пер. с англ., М., 1972; Гладкий А. В., Категориальные грамматики, в его кн.: Формальные грамматики и языки, М., 1973; Бенвенист Э., Категории мысли и категории языка, в его кн.: Общая лингвистика, пер. с франц., М., 1974; Бондарко А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; Лайонз Дж., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Булыгина Т. В., Грамматические и семантические категории и их связи, в кн.: Аспекты семантических исследований, М., 1980; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Москальская О. И., Проблемы системного описания синтаксиса, 2 изд., М., 1981; Гак В. Г., Теоретическая грамматика франц. языка, т. 1 – Морфология, т. 2 – Синтаксис, 2 изд., М., 1986.

Т. В. Булыгина, С. А. Крылов.

Категóрия состоя́ния – см. Предикативы.

Кáчественные нарéчия – разряд наречий (см.), образованных от качественных прилагательных (см.) с помощью суффикса *-о(-е)*: *крас(ив(ый)* – *красиво, смел(ый)* – *смело, радостн(ый)* – *радостно, искренн(ий)* – *искренне* и *искренно, блестящ(ий)* – *блестяще, вызывающ(ий)* – *вызывающе*. Небольшую группу составляют К. н. с суффиксом *-и*, созданные на базе прилагательных на *-ск(ий)*: *ироническ(ий)* – *иронически, рабск(ий)* – *рабски, детск(ий)* – *де-*

тски. К. н. определяют глагол, имя прилагательное, реже наречие: *«Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника»* (Пушкин); *«Ситанов относился ко мне дружески»* (М. Горький); *«Всё лицо... стало юношески свежим и детски доверчивым»* (Пришвин).

К. н. наследуют от своих производящих не только наибольшее количество сем в лексическом значении, но и способность иметь степени сравнения и формы оценки. Формы сравнительной степени наречий, как и прилагательных, образуются с помощью суффиксов *-ее(-ей)*, *-ше*, *-е*: *«Собаки залаяли громче и дружнее»* (Чехов). Аналитические формы сравнительной степени образуются прибавлением слов *более* или *менее* к положительным формам: *высоко – более (менее) высоко, строго – более (менее) строго.*

Простые формы превосходной степени на *-айше(-ейше)* встречаются в сочетаниях типа *покорнейше прошу, нижайше кланяюсь, строжайше (наистрожайше) предупреди, глубочайше сожалею, почтительнейше кланяюсь*. В совр. рус. языке они употребляются редко: *«Наипочтительнейше стаскивал с плеч своего племянника драповое пальто»* (Караваева). Составные формы превосходной степени состоят из формы сравнительной степени и слова *всего* (*всех*) или из слов *наиболее*, *наименее* и положительной формы наречия, напр. *«Он* (Вольтер) *Фебом был воспитан, Издетства стал пиит, Всех больше перечитан, Всех менее томит»* (Пушкин).

Сочетания типа *выше всего, больше всего* обозначают признаки действий неодушевлённых предметов, а сочетания типа *выше всех, больше всех* – одушевлённых. Ср. *Он ставит выше всего* (что?) *интересы общества – Он ставит выше всех* (кого?) *себя*.

Формы оценки К. н. образуются при помощи усилительных и увеличительных суффиксов *-оват-(-еват-)*, *-оньк-(-еньк-)* с различными эмоционально-ласкательными оттенками, в народно-поэтическом языке *-ёхоньк-(-охоньк-)*, *-ёшеньк-*: *встал поздно – встал поздновато; улыбнулся хитро – улыбнулся хитровато; живётся ему трудно – живётся ему трудновато, трудненько; «Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой»* (Крылов); *«А псы смирнёхонько лежат»* (Крылов); *«Все жиденько засмеялись»* (Дудинцев). Ср. также: *далеко – далековато, далёконько; давно – давненько, давнёхонько, давнёшенько* и т. п.

Термин «К. н.» нередко употребляется как синоним термина «определительные наречия», к-рые противопоставляются обстоятельственным наречиям. В нек-рых работах К. н. рассматриваются как одна из групп определительных наречий.

Лит. см. при ст. Качественные прилагательные.

А. Н. Тихонов.

Ка́чественные прилага́тельные – разряд прилагательных (см.), называющих признаки предметов, к-рые обычно воспринимаются органами чувств (*сладкий, горький; белый, чёрный, синий; звонкий, тихий; мягкий, гладкий; широкий, узкий, высокий* и др.); обозначают свойства характера и особенности психологического склада (*мудрый, добрый, коварный, хитрый* и др.); выражают оценку (*отличный, замечательный, плохой, отвратительный* и т. п.). Такие признаки могут проявляться в различной степени. Ср.: *очень горький, более горький, самый горький, горчайший* и т. п. Лишь немногие К. п. выражают абсолютный признак предмета, к-рый является неизменным, постоянным: *глухой, хромой, женатый, пеший, карий, вороной* и т. п.

Обычно К. п. имеют и полную, и краткую форму (*красивый – красив, красива, красиво, красивы*), однако нек-рые группы К. п. кратких форм не образуют: слова с суффиксами *-ск-*, *-ов-* (*дружеский, рядовой, передовой* и т. п.); нек-рые отглагольные образования с суффиксами *-л-* (*горелый, полинялый* и т. п., но: *чахлый – чахл, хриплый – хрипл* и др.); К. п. с суффиксами *-ущ-(-ющ-)*, *-енн-* и префиксом *раз-*, обозначающие высокую степень проявления признака (*хитрющий, разлюбезный* и т. п.); К. п. на *-ш(ий)*, восходящие к формам сравнительной степени и утратившие своё прежнее значение (*больший, младший* и т. п.); К. п. цвета, образованные от существительных (*шоколадный, сиреневый* и т. п.); прилагательные, обозначающие масти животных (*буланый, вороной* и т. п.) и др.

В своей основной массе К. п. изменяются по степеням сравнения [*красивый – красивее, более (менее) красивый, красивейший, самый красивый*], однако сравнительную степень не образуют К. п. с суффиксами *-ск-*, *-ов-*, *-л-* (у к-рых нет и кратких форм: *дружеский, исхудалый* и т. п.), нек-рые прилагательные типа *плавкий, тяжкий* и т. п. (с суффиксом *-к-*), все слова, обозначающие масти животных (*каурый, саврасый* и т. п.), отдельные непроизводные слова (*плоский, ветхий* и т. п.).

К. п. сочетаются с наречиями степени (*очень аккуратный, вполне воспитанный* и т. п.).

К. п. характеризуются след. словообразовательными признаками: прилагательные могут быть непроизводными (*серый, чёрный* и т. п.); бо́льшая часть К. п. образует наречия на *-о*, *-е*, *-и* (*светло, похоже, отечески*); подавляющее большинство К. п. образует абстрактные имена существительные, т. е. имена качества (*храбрость, красота, синь*); многие К. п. образуют формы оценки (*беленький, белёшенький, беловатый, белый-белый, развесёлый, предобрый*). К. п. легко вступают в антонимические пары (*скупой – щедрый, весёлый – грустный, высокий – низкий*).

К. п. по-разному реализуют эти свойства, напр. К. п. *бедный, богатый* обладают всеми перечис-

ленными признаками, а К. п. типа *гнедой* имеют лишь один признак – непроизводность. Это различие может быть проиллюстрировано таблицей:

Качественные прилагательные	краткие формы	степени сравнения	сочетаемость с наречием степени	непроизводность	наречия на -*о*, -*е*, -*и*	имена качества	формы оценки	антонимы
Холодный	+	+	+	+	+	+	+	+
Новый	+	+	+	+	+	+	+	+
Горбатый	+	—	—	—	—	+	+	—
Коричневый	—	—	—	+	—	—	+	—
Сопливый	+	—	+	—	+	+	—	—

По значению и грамматическим свойствам К. п. противопоставлены относительным прилагательным.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Вольф Е. М., Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков, М., 1978; Шрамм А. Н., Очерки по семантике качественных прилагательных, Л., 1979; Тихонов А. Н., Морфология, в кн.: Совр. рус. язык, 2 изд., ч. 2, М., 1987.

А. Н. Тихонов.

Кири́лл и Мефо́дий – просветители славян, создатели славянской азбуки. Кирилл (светское имя Константин; ок. 827–14.2.869) и Мефодий (светское имя неизвестно; ок. 815–6.4.885) – греки, братья, уроженцы г. Солунь (Фессалоники), в окрестностях к-рого обитало многочисленное слав. население, чей язык знали многие из горожан, в том числе К. и М.; происходили из семьи византийского военачальника. Основными источниками для изучения их деятельности служат жития, написанные вскоре после смерти братьев. Мефодий в молодости сделал военно-административную карьеру, в течение длительного времени управлял византийской архонтией (княжеством) со слав. населением. Ок. 852 принял монашеский постриг, позднее стал игуменом монастыря Полихрон на вифинском Олимпе (Малая Азия).

Болгарский орден Кирилла и Мефодия.

Кирилл с юных лет отличался тягой к наукам и исключительными филологическими способностями. Получил образование в Константинополе у крупнейших учёных своего времени – Льва Грамматика и Фотия (будущего патриарха). После обучения принял сан священника, исполнял обязанности библиотекаря, по другой версии – скефофилакса (сосудохранителя) собора Св. Софии в Константинополе и преподавал философию. Участвовал в полемике с низложенным патриархом-иконоборцем Иоанном Грамматиком (Аннием). В 851–52 в составе посольства асикрета Георгия прибыл ко двору араб. халифа Муттавакиля, где вёл богословские споры с мусульманскими учёными. После возвращения в Константинополь удалился в монастырь к брату. Ок. 861 К. и М. приняли участие в византийском посольстве в Хазарский каганат, по пути дважды посетили Херсонес, где ими были обретены мощи раннехристианского мученика Климента (отождествлявшегося в то время с первым римским епископом). В связи с этим Кирилл написал рассказ о перенесении мощей Климента («Слово, беседу имущу историческую») и службу, посвящённую этому событию, сохранившиеся в слав. переводе.

После хазарской миссии и особенно в годы миссии в Великую Моравию (863–66), куда К. и М. были посланы византийским императором по просьбе моравского князя Ростислава (Растицы), стремившегося ограничить влияние в стране нем. духовенства и предложившего прислать в Моравию епископа и проповедников, к-рые могли бы излагать христианское учение на понятном славянам языке, братья работали над переводом книг Свщ. Писания на слав. язык, положив в его основу вост.-болг. диалекты, и над созданием особой азбуки для своих текстов – глаголицы (см.). Подобный опыт создания новой азбуки и перевода Свщ. Писания практически не имел прецедента в Европе 9 в.

Сначала (предположительно ещё до моравской миссии) переводы были сделаны в объёме, необходимом для богослужения (Евангелие апракос; см. Евангелие). Во время моравской миссии К. и М. с помощниками перевели весь чин церковного богослужения и подготовили кадры священнослужителей (вероятно, из числа учеников лат. школ), способных совершать богослужение по-славянски. Опыт Великой Моравии получил распространение и в соседнем Блатенском княжестве (Зап. Венгрия), князь к-рого Коцел предоставил братьям 50 учеников для наставления в слав. богослужении. Применявшаяся К. и М. практика богослужения, и в особенности чтения текстов Свщ. Писания, на доступном народу языке противоречила практике, принятой лат. духовенством, к-рое обвиняло учи-

телей в неправоверии. Наибольшей остроты полемика достигла на синоде в Венеции, куда К. и М. прибыли для рукоположения их учеников градским патриархом. После диспута в Венеции по приглашению папы Николая I братья прибыли в Рим с мощами мученика Климента. Их приезд вызвал торжественную встречу. Новый папа Адриан II (избранный в 867) освятил слав. книги и приказал служить над ними литургию в главных храмах города. Ученики К. и М. были рукоположены кардиналами Формозой и Гаудерихом. Вскоре после этого Кирилл умер и был похоронен в Риме в церкви Сан-Клементе, куда ранее были перенесены мощи Св. Климента; Мефодий был поставлен архиепископом восстановленного Сирмийского диоцеза (епархиального округа), в состав к-рого входили Великоморавское и Блатенское княжества. За время пребывания на архиепископской кафедре (870–85) Мефодий завершил перевод всего корпуса библейских книг (кроме книг Маккавеев; Псалтырь, Евангелие и Апостол апракос были переведены ранее, совместно с братом), перевёл богослужебные, агиографические, гомилетические (поучительные) и канонические тексты (древнейший Номоканон); с его деятельностью связывается создание церковно-юридической компиляции «Закон судный людем» в краткой редакции, его перу исследователи приписывают анонимную гомилию «Владыкам земли слово Господне велит».

Вскоре после поставления в архиепископы, в том же 870, когда Великая Моравия была завоёвана Вост.-франкским королевством, Мефодий был обвинён нем. епископами в незаконном захвате областей, подчинённых в церковном отношении баварскому духовенству, и заключён с ближайшими учениками в монастыре в Южной Германии. Лишь благодаря ходатайству князя Коцела и заступничеству папы Мефодий был освобождён из заточения и ему была возвращена кафедра. Но при преемнике Ростислава, его племяннике Святополке, Мефодий не имел столь надёжной опоры в лице князя. Святополк и его окружение стремились к равноправию с соседними германскими владетелями и тяготились строгостью церковных норм, неукоснительного исполнения к-рых требовал Мефодий. В этих условиях князь рассматривал возглавляемую Мефодием церковную организацию как обузу и добился назначения в своё княжество в качестве епископа Нитры и викария Мефодия противника слав. богослужения Вихинга. Политика пап Адриана II и Иоанна VIII в отношении кирилло-мефодиевской миссии и осуществлявшейся братьями богослужебной практики не отличалась последовательностью: даже признавая деятельность Мефодия правоверной и канонической, они не применяли санкций против его нем. противников. После смерти Мефодия (похоронен в кафедральном соборе в столице Великой Моравии Велеграде) его ученики были изгнаны из Великой Моравии и нашли прибежище в соседних странах, в первую очередь в Болгарии, где и продолжили деятельность К. и М., в т. ч., предположительно, создали кириллицу (см.).

Кирилло-мефодиевское наследие оказало огромное воздействие на культуру слав. государств: Болгарии (а через её посредство – Руси и Сербии), Чехии, Хорватии (в последней вплоть до новейшего времени сохранялась глаголическая письменная традиция). Культ К. и М. получил широкое распространение во всех слав. странах, как православных, так и католических (братья были канонизированы вскоре после их смерти). Установленный церковью день памяти К. и М. (11 мая ст. стиля, 24 мая нового стиля) в Болгарии был превращён впоследствии в праздник национального образования и культуры; отмечается и в других слав. странах, в т. ч. в России (с 1985, гос. праздник с 1992). В Болгарии существует орден Кирилла и Мефодия. Деятельность солунских братьев и их учеников составляет одну из основных тем палеославистики (см.).

Илл. см. на вклейке.

Лит.: Ильинский Г. А., Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии, София, 1934; Можаева И. Е., Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике, 1945–1974, М., 1980; Сказания о начале слав. письменности, М., 1981; Хабургаев Г. А., Первые столетия слав. письменной культуры. Истоки др.-рус. книжности, М., 1994; Попруженко М., Романски Ст., Кирило-методиевска библиография за 1934–1940 гг., София, 1942; Дуйчев Ив., Кирмагова А., Паунова А., Кирило-методиевска библиография: 1940–1980, София, 1983; Кирило-методиевска енциклопедия, т. 1, София, 1985.

А. А. Турилов.

Кири́ллица – одна из двух древнейших славянских азбук (см. Глаголица). Название восходит к имени Кирилла (см. Кирилл и Мефодий), выдающегося просветителя и проповедника христианства у славян. Вопрос о времени создания К. и её хронологическом соотношении с глаголицей нельзя считать окончательно решённым. Нек-рые исследователи предполагают, что К. была создана Кириллом и его братом Мефодием («первоучителями славянскими») в 9 в., ранее, чем глаголица. Однако б. ч. специалистов считает, что К. моложе глаголицы и что первой слав. азбукой, к-рую создали Кирилл и Мефодий в 863 (или 855), была глаголица. Создание К. датируют эпохой болг. царя Симеона (893–927), вероятно, она была составлена учениками и последователями Кирилла и Мефодия (Климентом Охридским?) на основе греч. (византийского) торжественного унциального письма. Буквенный состав древней К. в целом соответствовал др.-болг. речи.

Для передачи др.-болг. звуков унциальное письмо было дополнено рядом букв (напр., Ж, Ш, Ъ, Ь, ж, Ѧ и др.). Графический облик слав. букв стилизован по византийскому образцу. В состав К. были включены «лишние» унциальные буквы (дублетные: И – I, О – Ѡ, Ф – Ѳ и др.), буквы, встречающиеся только в заимствованных словах

Кириллица		Греческое уставное письмо	Кириллица		Греческое уставное письмо
Буквы и их название	Цифровое значение		Буквы и их название	Цифровое значение	
а -аз	1	Α	х -хер	600	Χ
б -буки			ѡ -омега*	800	ω
в -веди	2	Β	ц -цы	900	
г -глаголь	3	Γ	ч -червь	90	
д -добро	4	Δ	ш -ша		
є -есть**	5	Є	щ -ща		
ж -живете			ъ -ер		
ѕ -зело*	6	Ϛ	ꙑ -еры		
ꙁ -земля**	7	Ζ	ь -ерь		
і -и*	10	Ι	ѣ -ять*		
и -иже**	8	Η	ю -ю		
к -како	20	Κ	ꙗ -(и)я**		
л -люди	30	λ	ѥ -(и)е**		
м -мыслете	40	Μ	ѧ -юс малый*		
н -наш**	50	Ν	ѫ -юс большой*		
о -он	70	Ο	ѩ -йотов. юс малый*		
п -покой	80	Π	ѭ -йотов. юс большой*		
р -рцы	100	Ρ	ѯ -кси*	60	Ξ
с -слово	200	С	ѱ -пси*	700	Ψ
т -твердо	300	Τ	ѳ -фита*	9	Θ
ѹ -ук**	400		ѵ -ижица*		Υ
ф -ферт	500	Φ			

*Буквы, исключённые впоследствии из русского алфавита

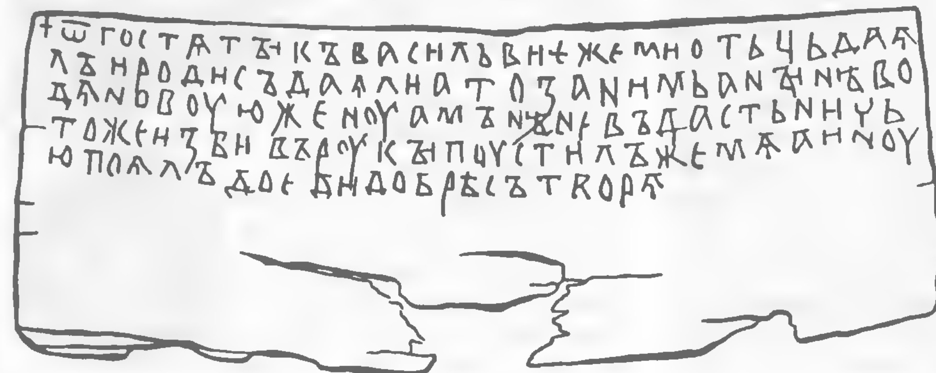
**Буквы у которых изменилось начертание

В К. по правилам унциального письма применялись надстрочные знаки: придыхания, ударения, сокращения слов с титлами и выносными буквами. Знаки придыхания (с 11 по 18 вв.) изменялись функционально и графически. Буквы К. употреблялись в цифровом значении (см. таблицу), в этом случае над буквой ставился знак титла, а по сторонам её – две точки или одна.

Письменные памятники эпохи создания К. не сохранились. Не вполне ясен и состав букв первоначальной К., возможно, нек-рые из них появились позднее (напр., буквы йотированных гласных). К. употреблялась у южных, вост. и, очевидно, нек-рое время у зап. славян, на Руси была введена в 10–11 вв. в связи с христианизацией. К. у вост. и южных славян имеет длительную традицию, что засвидетельствовано многочисленными памятниками письменности. Древнейшие из них датируются 10–11 вв. К точно датированным относятся др.-болг. надписи на каменных плитах 10 в.: Добруджанская (943) и царя Самуила (993). Рукописные книги или их отрывки, написанные на пергамене, сохранились с 11 в. Время и место создания древнейших из них определяется по палеографическим и языковым приметам. К 11 в. относятся «Саввина книга» (сборник евангельских чтений – апракос), «Супрасльская рукопись», «Енинский апостол» и др. Самая ранняя датированная и локализованная вост.-слав. рукопись – Остромирово Евангелие 1056–1057 (см.). Вост.-слав. рукописи сохранились в бóльшем количестве, чем южнославянские. Древнейшие деловые документы на пергамене относятся к 12 в.: др.-рус. грамота князя Мстислава (ок. 1130), грамота боснийского бана Кулина (1189). Сербские рукописные книги сохранились с кон. 12 в.: Мирославово Евангелие (апракос, 1180–90), Вуканово Евангелие (апракос, ок. 1200). Датированные болг. рукописи относятся к 13 в.: Болонская псалтырь (1230–42), Тырновское Евангелие (тетр, 1273).

К. 11–14 вв. характеризовалась особым типом письма – уставом (см.) с геометричностью в начертаниях букв. С кон. 13 в. у южных славян и с сер. 14 в. у восточных буквы К. теряют строгий геометрический облик, появляются варианты начертания одной буквы, увеличивается количество сокращённых слов, этот тип письма называется полууставом (см.). С кон. 14 в. на смену уставу и полууставу приходит скоропись (см.).

В письменности вост. и южных славян изменялась форма букв К., менялись состав букв и их звуковое значение. Изменения вызывались языковыми процессами в живых слав. языках. Так, в др.-рус. рукописях 12 в. выходят из употребления буквы йотированных юсов (см.) и юса большого; буква юса малого постепенно приобретает значение [’а] с предшествующей мягкостью или сочетания [ja]. В рукописях 13 в. возможен пропуск букв Ъ, Ь, отражается взаимная мена букв Ъ – О и Ь – Е. В нек-рых рукописях начиная с 12 в. буква ѣ пишется на месте буквы Е (юго-западные, или галицко-волынские, источники), в ряде

Один из древнейших кирилловских текстов, найденных в России,– Новгородская берестяная грамота 11 в.

др.-рус. рукописей встречаются взаимная мена букв Ц – Ч (новгородские рукописи с 11 в.), мена С – Ш, З – Ж (псковские). В 14–15 вв. появляются рукописи (среднерусские), где возможна мена букв ѣ – Е или ѣ – И и др.

В 14–17 вв. К. и слав. орфографией пользовалось население совр. Румынии. На основе К. исторически сложились совр. болг. и сербский алфавиты, рус., укр. и белорус. алфавиты и через рус. алфавит – алфавиты многих других народов.

Лит.: Лавров П. А., Палеографическое обозрение кирилловского письма, П., 1914; Лоукотка Ч., Развитие письма, пер. с чеш., М., 1950; Истрин В. А., 1100 лет слав. азбуки, М., 1963 (лит.); Щепкин В. Н., Рус. палеография, 2 изд., М., 1967; Карский Е. Ф., Слав. кирилловская палеография, 2 изд., М., 1979; Сказания о начале слав. письменности, М., 1981; Бернштейн С. Б., Константин-Философ и Мефодий, М., 1984; Жития Кирилла и Мефодия. Факсимильное воспроизведение рукописей, М.– София, 1986.

О. А. Князевская.

Классифика́ция языко́в – распределение языков мира по определённым, в т. ч. таксономическим, рубрикам в соответствии с принципами, вытекающими из общей цели исследования, и на основе определённых признаков. Проблема К. я. возникает при их сравнительном изучении и мыслится иногда как его конечная цель, для достижения к-рой необходимо всестороннее рассмотрение систем сравниваемых языков в поисках наиболее существенных характеристик, к-рые кладутся в основу классификации (параметры К. я.) – одномерной (по одному параметру) или многомерной (по нескольким параметрам). Существуют два основных вида К. я.– генеалогическая и типологическая. Основное различие между ними в том, что первая, будучи по характеру таксономической, базируется на понятии родства языков, вторая – на понятии сходства (формального и/или семантического), причём она также может (но не обязательно) представлять собой таксономию, т. е. классификацию с иерархией уровней (родо-видовыми отношениями). С точки зрения своих целей они не сводимы одна к другой, но их принципы могут пересекаться: генеалогическая К. я. нередко строится с учётом типологических признаков, что бывает неизбежным при недостаточной сравнительной изученности соответствующих языков, когда их генеалогическая классификация носит предварительный характер. Независимость двух видов К. я. проявляется в возможности типологической классификации в пределах уже установленных генеалогических группировок.

Существует и третий вид К. я.– ареальная, занимающая хотя и автономное, но промежуточное положение между двумя указанными классификациями. Она учитывает распространение языковых явлений в пространственной протяжённости и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии. Ареальная К. я. возможна и для идиомов (различных языковых образований – языка, диалекта, говора, лит. языка, его варианта и других форм существования языка) внутри генеалогической К. я. (напр., полесский ареал, охватывающий белорусско-укр. диалекты), и для языков разной генетической принадлежности (напр., карпатский ареал венгерско-слав. диалектов); в ареальной К. я. важную роль играют признаки, связанные с контактными явлениями (см. Контакты языковые); ареальная классификация возможна и внутри одного языка применительно к его диалектам, она лежит в основе лингвистической географии (см.).

При генетическом подходе к К. я. оперируют таксономическими категориями: семья, ветвь, группа и т. п., при типологическом – тип, класс, при ареальном – ареал, зона (напр., зона переходных говоров); особую категорию ареальной К. я. образуют языковые союзы. Только генеалогическая К. я. носит абсолютный характер (каждый язык принадлежит к одной определённой генеалогической группировке и не может изменить этой принадлежности; случаи ошибочного отнесения языка к одной семье или группе с последующим переносом в другую семью в расчёт не принимаются). Типологическая К. я. всегда относительна и исторически изменчива ввиду изменчивости самой структуры языка и её теоретического осмысления; ареальная К. я. обладает большей или меньшей устойчивостью в зависимости от характера параметров классификации. Только для ареальной К. я. существенна территориальная локализация идиомов, генеалогическая и типологическая К. я. строятся независимо от пространственного размещения языков.

Вопросы К. я. стали активно разрабатываться с нач. 19 в., один из первых капитальных трудов в этой области – «Митридат» И. К. Аделунга (1806–17), где в синкретической форме намечены все три вида К. я. С сер. 20 в. интенсивно обсуждаются теоретические принципы различных видов К. я.; многие языки ещё не нашли окончательного места в генеалогической К. я. (особенно в Африке, Океании, Полинезии), для нек-рых же решается вопрос уже о метагенеалогической классификации, исходящей из возможности более глубокого родства ряда установленных семей (напр., ностратические языки). Во 2-й пол. 20 в. повысился интерес к проблемам ареальной классификации, типологическая классификация обогатилась новыми идеями и методами.

Лит.: Бенвенист Э., Классификация языков, в кн.: НЛ, в. 3, М., 1963; Теоретические основы классификации языков мира, ч. 1–2, М., 1980–82. *В. А. Виноградов.*

Кла́ссы глаго́лов – см. Глагол.

Книгопеча́тание – комплекс производственных процессов, целью к-рых является изготовление печатной продукции. К. предполагает печатание текста с наборной формы, составленной из отдельных элементов – литер. Обычно термин

Памятник первопечатнику Ивану Федорову в Москве (скульптор С. М. Волнухин).

«К.» применяют, говоря об истории изготовления печатной книги. Для совр. книгопечатного производства чаще используется термин «полиграфия». Первые опыты К. были предприняты в 1041–48 китайцем Би Шэном. Возникновение К. в Европе относят к 40-м гг. 15 в. и связывают с именем И. Гутенберга.

К. быстро проникало в различные страны Европы. Первые слав. печатные книги глаголического шрифта (см. Глаголица) были напечатаны в 1483, кирилловского шрифта (см. Кириллица) – в 1491 в краковской типографии Ш. Фиоля. В 1517 белорус. просветитель Ф. Скорина напечатал книги кирилловского шрифта в Праге, а в 1522 основал типографию в Вильне (ныне Вильнюс). Начало К. в Москве относят к 50-м гг. 16 в. и связывают с деятельностью т. н. анонимной типографии, выпустившей не менее 7 книг. Первая точно датированная рус. печатная книга «Апостол» издана в 1564 И. Фёдоровым и П. Мстиславцем. Фёдоров напечатал в Москве также два издания «Часовника», затем в 1566 переехал в Заблудув (ныне на территории Польши), где в 1568–69 опубликовал «Учительное Евангелие» (на его страницах помещено «Слово Кирилла Туровского» – первый напечатанный памятник др.-рус. лит-ры) и «Псалтырь с Часословцем» (1569–70). Затем в 1574 во Львове Фёдоров выпустил в свет первый известный нам слав. учебник грамоты – «Азбуку». Издание было повторено им в 1578 в Остроге с включением ряда дополнительных материалов – параллельных греко-слав. текстов и памятника старой болг. лит-ры – «Сказания како состави святый Кирил Философ азбуку по языку словенску» (т. н. «Сказание черноризца Храбра»); здесь же в 1580–81 Фёдоров напечатал первое полное издание слав. Библии кирилловского шрифта (т. н. Острожская библия).

Одним из результатов широкого распространения К. явилась унификация грамматических норм и орфографических правил. К. способствовало упрочению единого лит. языка, унификации графических форм письма (типографский шрифт), возникновению канонических, освящённых традицией редакций наиболее распространённых произведений лит-ры. В России одной из причин введения К. было стремление правительства Ивана Грозного унифицировать тексты богослужебных книг, «дабы впредь святые книги изложилися праведне».

Применительно к нуждам К. в нач. 18 в. по инициативе Петра I был создан т. н. гражданский шрифт (см.), получивший впоследствии широкое распространение.

Илл. см. на вклейке.

Лит.: 400 лет рус. книгопечатания, т. 1–2, М., 1964; Немировский Е. Л., Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Фёдоров, М., 1964; его же, Начало слав. книгопечатания, М., 1971; его же, Иоганн Гутенберг, ок. 1399–1468. [Изобретатель в области книгопечатания], М., 1989; Пятьсот лет после Гутенберга, М., 1968. *Е. Л. Немировский.*

Кни́жная ле́ксика – один из основных разрядов литературной лексики, наряду с разговорной лексикой (см.) и нейтральной лексикой (см.); имеет преимущественное распространение в книжной речи (см.).

К. л. характеризуется тематическим разнообразием – в соответствии с широтой и разнообразием проблематики текстов книжной речи, её функционально-стилистических вариантов. Обычно к К. л. относят общественно-политическую лексику и терминологию, нередко объединяемую с социально-экономической терминологией; научную (в т. ч. философскую) терминологию; общенаучную лексику (*доктрина, концепция, методология, метод, тезис, положение, детерминизм* и др.); официально-деловую лексику, гл. обр. лексические канцеляризмы (см.); лексику общекнижную (*авансировать, аварийный, безвозмездный, действительность, доктринёр, данный, далее, некоторый, настоящий, проблематичный, приемлемый* и др.). В состав К. л. входит подавляющее большинство славянизмов (см.), заимствований (см.) 18–20 вв., интернациональные слова (см.).

К. л. присущи известная обобщённость и абстрактность семантики, особенно по сравнению с разг. лексикой. На фоне нейтральной и разг. лексики К. л. отличается повышенной экспрессивной окраской, ср. стилистические синонимы *уста* – *рот* (нейтр.), *кончина* – *смерть* (нейтр.), *заявить* – *сказать* (нейтр.), *вещать* – *говорить* (нейтр.) – *болтать* (разг.).

К. л. с точки зрения содержащейся в ней экспрессии обычно подразделяется на «высокую», или торжественную, «поэтическую», официальную, публицистическую, книжную, или, по определению А. Н. Гвоздева, «умеренно книжную».

Основную часть «высокой» лексики составляют славянизмы, напр. *благословить, благословение, воскресение, возрождение, восстать* ('встать'), *вотще, знамение, непреоборимый, перст, преображение, провозгласить, таинство* и др., среди к-рых немало архаизмов (см.). «Высокие слова называют словами "редких ситуаций"» (М. В. Панов), т. к. они употребляются в ситуациях парадных, праздничных, ритуальных и драматичных, с целью придать речи оттенок торжественности, а также могут использоваться с целью создать комический эффект, напр. *«Но в ожидании вожделенной минуты самообниманья...»* (Салтыков-Щедрин).

Лексика «поэтическая» (*грёза, лазурный, ланиты, лучезарный, очи, перси, уста, чары, чудный* и др.) встречается гл. обр. в стихотворной речи 19 – нач. 20 вв.; в значительной своей части она архаична. В совр. текстах употребляется редко, в поэзии часто используется в сопоставлении с нейтральными синонимами, напр. *«С тобой такое приключалось, Не лоб ты вытер, а чело?»* (Ваншенкин).

Слова с публицистической экспрессией, как правило, наделены социальной оценкой, положительной или (чаще всего) отрицательной (*борец, верный, гражданственность, победоносный, соратник, сподвижник, судьбоносный* и др., *вандализм, двурушничество, красно-коричневые, мракобес, свистопляска* и др.); они входят в состав публицистической лексики (см. Публицистический стиль) наряду с разг. словами.

К К. л., т. е. к словам, наделённым экспрессией «книжности» (*внезапно, впечатление, воображение, выполнить, исполнить, необходимо, осуществить, отправить, реализация, результат* и др.), прибегают тогда, когда требуется изложить вопрос в деловом тоне, объективно, беспристрастно обсудить что-либо, обстоятельно изложить к.-л. мысль, предложение и т. п.

Состав К. л., как и других основных разрядов лит. лексики, исторически подвижен, меняются её экспрессивные и тематические пласты, она может переходить в нейтральную и разг. лексику, и наоборот, слова этих разрядов могут стать книжными.

Лит.: Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике рус. языка, 3 изд., М., 1965; Петрищева Е. Ф., Стилистически окрашенная лексика рус. языка, М., 1984; Бельчиков Ю. А., Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения, М., 1988; Фомина М. И., Совр. рус. язык. Лексикология, 3 изд., М., 1990.

Ю. А. Бельчиков.

Кни́жная речь – сфера литературной речи (гл. обр. письменной), концентрирующая книжно-письменные языковые средства. К. р. используется в книжно-письменном типе совр. рус. лит. языка (см. Литературный язык, раздел Литературного языка теория). Из двух разновидностей этого типа (речь специальная и речь художественно-изобразительная) это в первую очередь речь специальная (научные, официально-деловые тексты и тексты информативно-хроникальных и официально-документальных жанров публицистики), в к-рой книжно-письменные языковые средства вместе с общелитературными являются материалом для построения высказывания и текста и где их сосуществование с устно-разг. языковыми средствами невозможно. Речь художественно-изобразительная (художественные тексты и тексты свободных жанров публицистики), в отличие от специальной, допускает использование всех разрядов языковых средств и потому не является областью предельной концентрации книжно-письменных средств. Однако и эту речевую разновидность нек-рые учёные относят к К. р.

Для К. р. характерен присущий ей специфический набор единиц языка. Специфические книжно-письменные языковые средства сформировались в основном в синтаксисе, лексике, словообразовании и способах организации текста. Набор их не слишком обширен, однако при организации высказывания и текста они обычно повторяются на небольшом отрезке без ориентации на эстетику речи (в этом К. р. тоже противопоставлена художественно-изобразительной). Напр., в любом книжном тексте употребляются отглагольные существительные на *-ние*: *введение, включение, влияние, внедрение, внимание, возникновение, возрастание, выделение, выполнение, выражение, выяснение, изготовление, изменение, измерение, изучение, исключение, использование, исследование, колебание, наблюдение, назначение, наполнение, направление, напряжение, обеспечение, обнаружение, оборудование, объяснение, ограничение, окружение, описание, определение, отклонение, осуществление* и нек-рые др. В любом таком тексте употребляются предложно-падежные и наречно-падежные конструкции и средства связи между предложениями: *в отличие от, по сравнению с, в противоположность чему, независимо от, по мере чего, в меру чего, за исключением чего, на основании чего, в силу чего, в зависимости от, в случае чего, в присутствии чего, в отсутствие чего, в соответствии с, во избежание чего, в ущерб чему, наряду с, в условиях чего, с помощью чего, при помощи чего, путём чего, в результате*

чего, в целях чего, с целью чего, несмотря на, вследствие чего, за счёт чего, по поводу чего, в связи с, относительно чего и нек-рые др.; *так, итак, так же, как и, вместе с тем, тем более что, впрочем, вот почему, и тем не менее, для того чтобы, в то же время, более того, что касается, в силу этого, однако, при этом, напротив, в то время как* и нек-рые др.

Употребляемая в К. р. лексика небогата и однообразна. К. р. отличается многократным повторением одних и тех же корневых лексем (по нек-рым данным, наиболее частотны 620 корневых лексем), а как речь специальная – насыщенностью терминологической лексикой.

В совр. рус. лит. языке К. р. входит в оппозицию с разговорной речью (см.). Эта оппозиция существует наряду с оппозицией по другому признаку: письменная речь – устная речь. К. р. существует в основном в письменной форме, разговорная – в устной (и в синхронном, и в диахроническом плане это первичные формы их существования).

В разные эпохи существования рус. лит. языка функционирование в нём К. р. было различным. К. р. восходит к церк.-слав. пласту др.-рус. книжности, в 18 в. становится основой «высокого штиля» (по М. В. Ломоносову; см. Трёх стилей теория). Присущие ей фонетические и лексические церковно-славянизмы с течением времени становятся достоянием всего лит. языка в целом, в связи с чем понятие «книжности» в 19 в. меняется и ориентируется прежде всего на изысканность и даже искусственность речи. В 20-х гг. 20 в. в стремительно урбанизирующемся рус. обществе развивается особый вкус к книжно-письменным языковым средствам (к «новой книжности»). В это время широкие народные массы, чья устная речь, как правило, не была литературной, а принадлежала к городскому просторечию или диалектам, приобщаются к образованию и формируют своё «классовое мировоззрение» через книжно-письменную речь, в основном газетную. Результатом явилась испорченная К. р. в устном варианте – предмет многочисленных лит. пародий (напр., у М. М. Зощенко). В это же время книжно-письменные языковые средства становятся показателем стилевой дифференциации лит. языка – маркёром (дифференциальным признаком) специальной речи. В художественно-изобразительной речи они употребляются как изобразительное средство, а в устно-разг. типе речи концентрируются в тех её разновидностях, в к-рых существует ориентированность на письменный текст (это прежде всего устная научная речь; см. Устная публичная речь).

Лит.: Костомаров В. Г., О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный», в кн.: Проблемы совр. филологии. Сб. ст. к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова, М., 1965; Виноградов В. В., Проблемы лит. языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967; Шмелев Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях. (К постановке проблемы), М., 1977; его же, Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств, в кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика, М., 1989. *О. А. Лаптева.*

Койнé (от греч. koinḗ diálektos – общий язык, наречие) – наддиалектная форма общенародного языка, возникшая на базе одного или нескольких диалектов и служащая в качестве средства общения (преимущественно устного) между носителями разных диалектов или языков. Примером совр. К. может служить общебразильское К., к-рое бытует в Бразилии как средство общения между европейцами, африканцами и говорящими на разных племенных языках индейцами. Конкретные формы К. зависят от исторических, географических, экономических, социальных и других условий, в к-рых проходило его формирование. В разные исторические периоды понятие «К.» наполнялось разным содержанием.

Первоначально термином «К.» называли общегреч. язык, сложившийся в позднеантичный, эллинистический период (4 в. до н. э.) на основе диалекта Афин, т. н. аттического диалекта, и служивший единым языком деловой, научной и художественной лит-ры Древней Греции до 2–3 вв. н. э. Др.-греч. К. имело две разновидности – разговорную и литературно-письменную. Эллинистическое К. послужило исторической основой развития среднегреч. и новогреч. языков.

В истории образования и развития рус. языка К. также сыграло существенную роль. Выделяются два периода – киевский и московский. В 10–11 вв. в столице др.-рус. государства Киеве под влиянием её центристской роли из пёстрого сплава диалектов постепенно сложился общий разг. язык – К., в к-ром одни черты были по происхождению южными, а другие – северными (см. История русского языка). К., сложившееся в Киеве, существовало в двух формах – устной и письменной. Живая разг. стихия др.-рус. языка нашла отражение в частной переписке, юридических памятниках и светской лит-ре, где К. употреблялось в обработанном («книжном») и упорядоченном виде. Киевское К. способствовало укреплению единства др.-рус. языка и др.-рус. народности.

С 14 в., после распада единого др.-рус. языка на три самостоятельных языка (русский, украинский и белорусский) и образования вокруг Москвы единого рос. государства – Моск. Руси, начинаются процессы формирования собственно рус. языка, в основе к-рого первоначально лежало ростово-суздальское наречие, а впоследствии – моск. К. (16–17 вв.), отразившее в силу срединного геополитического положения столицы языковые особенности и северного, и южного диалектов, впитавшее в себя их общие черты и постепенно становившееся образцовым. В Моск. Руси развивались оригинальная и переводная лит-ра разнообразных жанров, деловая письменность, однако единого лит. языка ещё не было. Моск. К., оказавшее

сильное влияние на дальнейшие судьбы рус. языка, особенно литературного, легло в основу начавшего формироваться в 17 в. рус. национального языка. Лит. язык также развивался на основе моск. К.

В современной социолингвистике понимание термина «К.» значительно расширилось. Им обозначают любой «общий» язык с широким диапазоном коммуникативных сфер, служащий средством общения в определённом регионе. В качестве К. может использоваться один из родственных диалектов или языков, реже смешанный диалект или язык, нормализованная лит. форма языка или архаичная форма, общая для всех диалектов или языков, а также один из языков, наиболее распространённый в данном ареале. К. имеет социальную специализацию и своего носителя: если диалект – это язык сельских жителей, язык деревни, то К.– это «мещанский» (городской) язык, язык города. Т. о., различаются городские (гл. обр. столичные) К. и К. ареала (страны). К. служит важной предпосылкой, а зачастую и основой формирования лит. языка (особенно городские, столичные К.). Устные К. занимают промежуточное положение между т. н. лингва франка (функциональным типом языка, к-рый используется в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов) и общенациональным лит. языком. Эти промежуточные формы языкового существования наблюдаются во многих странах с развитыми национальными языками. В русистике отмечают, что большинство совр. сельского населения в России говорит или на общенациональном лит. языке, или на своеобразных «переходных К.», к-рые являются промежуточными формами между прежними диалектными системами и общенациональным лит. языком. Кроме устных, возможны также письменные К., напр. латынь как научно-письменное К. в ср.-век. Европе.

В совр. условиях активных контактов и взаимовлияния языков (см. Контакты языковые) возникают различные функциональные типы языков, к-рые могут иметь сходные черты с К. Напр., говорят о сходстве К. и т. н. национальных вариантов развитых языков мира (ср. «национальные варианты» исп. языка в странах Лат. Америки, англ. языка в США, Канаде, Австралии, рус. языка в быв. республиках СССР, ныне странах ближнего зарубежья). «Национальные варианты» имеют много общего с К., начиная от их социальной функции быть языками повседневного общения всех разноязычных групп населения страны. Они несут в себе черты единого нормализованного языка государственности и имеют или могут иметь местную, локальную окраску, т. к. понятие наддиалектности в К. не означает полного исключения регионального варьирования языка. Иногда К. рассматривается в одном ряду с пиджинами (структурно-функциональным типом «смешанных» языков, к-рые не имеют коллектива исконных носителей и используются как средство межэтнического общения в среде разноязычного населения), однако процесс формирования К. принципиально отличается от пиджинизации, предполагающей или существенную модификацию – упрощение структуры языка-источника, или смешивание систем разных родственных или неродственных языков (напр., европейских и местных языков в Юго-Вост. Азии, Африке и др.). К. в процессе развития, как правило, не только сохраняет, но и обогащает язык-источник и складывается чаще всего на базе диалекта или диалектов одного языка или на базе близкородственных языков. Неправомерным является распространение понятия «К.», а также понятий «пиджины», «креольские языки», «лингва франка» и нек-рых других на языки межнационального общения или интернациональные международные языки (в частности, рус. язык, к-рый является и тем и другим; см. Русский язык в международном общении), имеющие глобальное распространение и обладающие широкими социально-политическими и историко-культурными функциями, в силу чего они являются особыми социолингвистическими категориями.

Лит.: Шахматов А. А., К вопросу об образовании рус. наречий и рус. народностей, СПБ, 1899; Соболевский С. И., Κοινή «общий» греч. язык (по связи с библейским), в кн.: Православная богословская энциклопедия, т. 9, СПБ, 1908; Виноградов В. В., Проблемы лит. языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967; Язык и общество, М., 1968; Десницкая А. В., Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, Л., 1970; Котков С. И., Моск. речь в начальный период становления рус. национального языка, М., 1974; Степанов Ю. С., Язык и общество, в его кн.: Основы общего языкознания, М., 1975; Филин Ф. П., Истоки и судьбы рус. лит. языка, М., 1981; Виноградов В. А., Койне, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Дьячков М. В., Социальная роль языков в многоэтнических обществах, М., 1993.

М. В. Орешкина

Коли́чественное числи́тельное – см. Числительное.

Компарати́в – см. Степени сравнения.

Конве́рсия в грамматике и лексике (от лат. conversio – изменение, превращение) – выражение одного и того же действия или отношения субъекта и объекта, агента и контрагента и т. п. в разных, обратных направлениях – от одного участника ситуации к другому и наоборот – в эквивалентных по смыслу высказываниях.

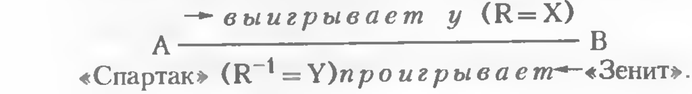
Грамматические конверсивы – это прежде всего соотносительные формы залога в действительном и страдательном оборотах: *Государство охраняет памятники культуры*↔*Памятники культуры охраняются государством.*

Лексические конверсивы в отличие от грамматических выражаются не формами одного и того же слова (*охранять – охраняться*), а разны-

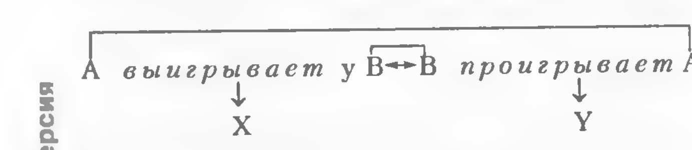
ми словами: *Студент сдаёт экзамен профессору*↔*Профессор принимает экзамен у студента* (*сдавать – принимать*). По своей природе и функциям лексические конверсивы разнообразнее грамматических: они выражают отношения не только субъекта и объекта (*Башня опирается на фундамент*↔*Фундамент поддерживает башню; Штора пропускает свет*↔*Свет проходит сквозь штору*), но и агента и контрагента того или иного действия (*Молодой шахматист выигрывает у мастера*↔*Мастер проигрывает молодому шахматисту; Он продаёт картину товарищу*↔*Товарищ покупает картину у него*), членов определённой ситуации (*Профессиональные клубы превосходят любительские*↔*Любительские клубы уступают профессиональным; Он старше её*↔*Она моложе его*) и др., т. е. участников ситуации, замещающих соответственно позиции подлежащего и дополнения.

К. выступает как конструктивный принцип различной организации высказывания с точки зрения разных, но взаимодействующих участников одной и той же ситуации. Преобразование по К. связано с меной не только конверсивов, но и самих актантов (субъекта и объекта, агента и контрагента и др.).

Лексические конверсивы *X* (*выигрывает*) и *Y* (*проигрывает*), напр., в преобразовании *«Спартак» выигрывает у «Зенита»*↔*«Зенит» проигрывает «Спартаку»* должны иметь как минимум две валентности, т. к. они выражают двусторонние отношения участников обозначаемой ситуации. Одно и то же действие (отношение) представлено в двух направлениях – от одного участника ситуации A (*«Спартак»*) к другому B (*«Зенит»*) (прямые отношения R) и, наоборот, от B к A (обратные отношения R^{-1}):

В синтаксическом отношении конверсивы характеризуются наличием прямой и обратной (обращённой) ролевых структур. При преобразовании по К. участники ситуации меняются синтаксическими ролями: подлежащее исходного высказывания становится дополнением обращённого, дополнение исходного высказывания – подлежащим обращённого, а слово, выражающее отношения членов обозначаемой ситуации, заменяется в обращённом предложении на свой конверсив:

В семантическом плане конверсивы имеют одинаковую предметную соотнесённость, представляя один и тот же смысл в разных направлениях: ‘что касается A, то он выигрывает’, ‘что касается B, то он проигрывает’ и т. п. Обозначая в составе высказываний одно и то же, соотносительные конверсивы обладают разными значениями: *выигрывать* – ‘побеждать, одерживать победу’; *победа* – ‘**успех** в чём-либо’; *проигрывать* – ‘терпеть неудачу’; *неудача* – ‘**неуспех**’ (такие конверсивы отрицают друг друга).

К. как лексическая категория – это семантическое отношение обратных по своему значению слов в прямых и обращённых высказываниях, к-рые обозначают одну и ту же ситуацию:

$$AR\,(=X)\,B \leftrightarrow BR^{-1}\,(=Y)\,A,$$

где A и B – участники одной ситуации (*«Спартак», «Зенит»*), R и R^{-1} – их прямое и обратное отношения, передаваемые с помощью конверсивов X и Y (*выигрывать, проигрывать*).

Существуют языковые единицы, выражающие К. без коррелятов (напр., *дружить, ссориться, рифмоваться, товарищ, коллега, сослуживец, соавтор* и т. п.); их синтаксические и семантические свойства позволяют передать конверсные отношения как в исходном, так и в обращённом предложении (*Иванов – соавтор Петрова*↔*Петров – соавтор Иванова*).

При классификации конверсивов выделяют их структурные и семантические типы. Структурные типы определяются принадлежностью к частям речи: конверсивы-глаголы (*строить – строиться, пугать – бояться*), существительные (*предшественник – последователь, муж – жена*), прилагательные (в формах сравнительной степени: *выше – ниже, тяжелее – легче*), наречия (*стоить дороже – дешевле*), предлоги (*над – под, за – перед*). Семантические типы конверсивов выделяются по общности их значения, напр. передачи (*передавать – получать, сдавать – принимать*), купли-продажи (*покупать – продавать*), заполнения чего-л. (*вмещать – входить, занимать – уходить: Сборы заняли весь вечер*↔*Весь вечер ушёл на сборы*), зависимости (*определять – зависеть, начальник – подчинённый*) и др.

В отличие от синонимов (см.) и антонимов (см.), один из конверсивов употребляется в тексте, другой остаётся за его пределами, но всегда подразумевается. Введение обоих конверсивов в текст представляет собой приём двустороннего экспрессивного подчёркивания мысли: *«В борьбе враждебной выигрыш одного есть проигрыш другого»* (Ершов).

Лит.: Есперсен О., Философия грамматики, пер. с англ., М., 1958; Ломтев Т. П., Предложение и его грамматические категории, [М.], 1972; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Лайонз Дж., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Новиков Л. А., Семантика рус. языка, М., 1982; Совр. рус. язык. [Учебник для ун-тов], 2 изд., М., 1989, с. 221–25.

Л. А. Новиков.

К. в словообразовании – способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции (см.), при к-рой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи. Это приём перекатегоризации слов, особая форма переосмысления номинативного знака с изменением его категориального статуса.

К. как приём безаффиксального словообразования противопоставляется аффиксации. В качестве словообразовательного средства при К. выступает морфологическая парадигма (А. И. Смирницкий), а скорее – способность парадигмы и составляющих её окончаний передавать значение определённой части речи. Употребление слова в новой синтаксической функции сопровождается не только его использованием в соответствующей синтаксической позиции, но и приобретением им нового морфологического показателя, свойственного классу слов, функции к-рого оно перенимает. Поэтому К. нередко именуют морфолого-синтаксическим способом словообразования.

При более узкой трактовке К. называют только случаи полного совпадения исходного и результативного слов; при более широкой – случаи совпадения их основ (типа *золот-о – золот-ой* или *соль – сол-и-ть*). К. может рассматриваться как одно из распространённых средств субстантивации (типа *больной человек – больной*), а также номинализации, т. е. превращения глагола в отглагольное имя (типа *уходить – уход*) и т. п.

При К. возникают словообразовательные значения, аналогичные наблюдаемым при аффиксации или близкие им, так что в конечном счёте аффиксация и К. оказываются взаимодополнительными или же конкурирующими словообразовательными приёмами.

В рус. языке К. носит нередко окказиональный характер (*моё завтра; его здесь и там; бесконечные если*) и для её осуществления необходим соответствующий контекст. К. распространена в разных языках мира и представлена разными типами случаев, зависящими от того, какие части речи она связывает между собой и каково направление деривации в этих случаях (от имени – к глаголу или же от глагола – к имени и т. п.); смена каких морфологических парадигм наблюдается при К.

Явления, близкие К. или даже тождественные ей, рассматривают иногда как имплицитное словообразование (В. Флайшер) или как результат словообразования с помощью нулевой морфемы, в связи с чем выдвигается понятие нулевого словообразования, принимаемое одними лингвистами (Дж. Марчанд, В. В. Лопатин) и отвергаемое другими (М. Докулил, Е. С. Кубрякова).

Лит.: Смирницкий А. И., По поводу конверсии в англ. языке, «Иностранные языки в школе», 1954, № 3; Соболева П. А., Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии, «ВЯ», 1959, № 2; Кубрякова Е. С., Деривация, транспозиция, конверсия, «ВЯ», 1974, № 5; Никитевич В. М., Основы номинативной деривации, Минск, 1985; Dokulil M., Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und beziehungen, TCLP, 1968, № 3.

Е. С. Кубрякова.

Коннота́ция (ср.-лат. connotatio, от connoto – добавляю значение) – оценочная, эмоциональная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закреплённого в системе языка) или окказионального характера. В широком смысле К.– любой компонент, к-рый дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию (см. Функции языка), напр. *тёща* – 'злая и сварливая', *кровавая заря* – 'зловещая' и т. п. К. соотносится с обиходно-бытовым опытом, культурно-национальным знанием говорящих на данном языке, с их мировидением и выражает ценностное – рациональное или эмоциональное по характеру оценки – отношение говорящего к обозначаемому или отношение к социальным условиям речевой деятельности, т. е. к стилистической форме речи (см. Стиль, Стилистика). В узком смысле К.– такой компонент значения языковой единицы, выступающей во вторичной для неё функции наименования, к-рый дополняет её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, т. е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи. В этом случае говорят об образной К., напр. *медведь* – о человеке, *носить камень за пазухой*. К. может быть «вещной» (*дутый* – об авторитете), опираться на знание нек-рой ситуации (*играть первую скрипку, задавать тон*) или создаваться ассоциативно-звуковым восприятием (*драндулет, тары-бары⟨растабары⟩*).

К. как фактор субъекта речи, включённый в значение, противопоставлена объективному содержанию языковых единиц. Субъективность К. проявляется в возможности неоднозначной интерпретации признаков реалии, названной одним и тем же именем, напр. *волосёнки* – ласкательное и пренебрежительное употребление, *стреляный воробей* – одобрительное или с порицанием. К. связана со всеми экспрессивно-прагматическими аспектами текста. Все языковые сущности, обладающие К., придают тексту субъективную модальность.

К. способна выполнять текстообразующую функцию за счёт ассоциативного обыгрывания её образного основания и использования его как средства поверхностно-синтаксического согласования элементов текста (ср., напр., *корабль перестройки* и *штурманы* или *лоцманы перестройки, загребать вправо* или *влево* и т. п.).

В структуре К. ассоциативно-образный компонент, согласуясь с рациональной оценкой, выступает как основание эмоциональной оценки (эмотивности) и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы. Последнее придаёт «суммарную» экспрессивную окраску всему выражению, в к-рой может доминировать квалификация по качеству (*губошлёп, носить воду в решете, глубокая мысль*), по количеству (*домище, нестись на всех парах*) или по тому и другому (*носище, дрожать над каждой копейкой, телячий восторг*). Экспрессивная окраска может создаваться и за счёт функционального переключения стилистических регистров (*кадровая чехарда, хвори армии* и т. п.).

Узуальная К. выражается суффиксами субъективной оценки, образно осознаваемой внутренней формой слов и сочетаний слов, звукоподражанием, аллитерацией и т. п., а также стилистической окраской, к-рые служат своего рода стимулами для эмотивности, фиксируемой в словарных пометах типа *одобр., неодобр., презрит., пренебр., уничиж., порицат.* Для К. текстового типа характерна нелокализованность, имплицитность, создающая эффект подтекста.

К.– языковая универсалия, формы проявления к-рой зависят от типа значимых единиц, от правил их комбинаторики и принципов организации текста, а содержание – от типа отношения к обозначаемому (оценочного, эмотивного, стилистического), а также от культурно-национального мировидения народа, говорящего на данном языке (в этом случае содержание К.– интерпретация обозначаемого в категориях культуры).

Существуют многочисленные определения К., основанные как на соотнесении её с типичными ассоциациями либо с признаками значения («созначение», «добавочное значение»), так и с учётом системных отношений языковых выражений, проявляющихся в синонимии, антонимии, в принадлежности к определённым формам существования языка (литературной, диалектной и т. п.), или с учётом звуковой оболочки выражения.

Понятие «К.» возникло в схоластической логике и проникло в языкознание в 17 в. через «Всеобщую и рациональную грамматику Пор-Рояля» (в к-рой грамматические категории объясняются через категории мышления) для обозначения свойств (акциденций) в отличие от субстанций. В логике позднее она стала противопоставляться денотации (экстенсионалу) как понятийная сущность (интенсионал). В лингвистике с кон. 19 в. термином «К.» стали обозначаться все элементы содержания выражений, соотносимые с прагматическим аспектом речи. Закреплению подобного понимания термина «К.» способствовали психолингвистические исследования аффективной стороны слов, а также ассоциативные эксперименты, показавшие реальность осознания рационально-оценочных, ассоциативно-образных (эмотивных), стилистических и культурно-национальных признаков.

Лит.: Блумфилд Л., Язык, пер. с англ., М., 1968; Комлев Н. Г., Компоненты содержательной структуры слова, М., 1969; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Колшанский Г. В., Соотношение субъективных и объективных факторов в языке, М., 1975; Говердовский В. И., История понятия коннотации, «НДВШ. ФН», 1979, № 2; Винокур Т. Г., Закономерности стилистического использования языковых единиц, М., 1980; Ульман С., Стилистика и семантика, пер. с англ., в кн.: НЗЛ, в. 9 – Лингвостилистика, М., 1980; Лукьянова Н. А., Экспрессивная лексика разг. употребления. Проблемы семантики, Новосиб., 1986; Телия В. Н., Коннотативный аспект семантики номинативных единиц, М., 1986; её же, Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию), в кн.: Слав. языкознание, М., 1993; Шаховский В. И., Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка, Воронеж, 1987; Языковые механизмы экспрессивности, М., 1991.

В. Н. Телия.

Консонанти́зм (от лат. consonans, род. п. consonantis – согласный звук) – система согласных (см.) какого-либо языка, диалекта или говора. Изучается как в синхронии (на данном этапе существования), так и в диахронии (в истории формирования). Система К. совр. рус. языка является результатом длительного исторического развития, сущность к-рого заключается как в постепенном увеличении состава фонем, образующих систему К., так и в усилении различительной (фонологической) функции согласных. К моменту появления первых памятников письменности (11 в.) др.-рус. язык имел 26 согласных фонем (согласно другой точке зрения, 27, т. к. в систему включается *ф* в заимствованных словах): только твёрдые *п, б, м, в, т, д, к, г, х*; только мягкие *ш', ж', ч', ц', ш'т'ш', ж'д'ж', j*; парные по твёрдости – мягкости *с – с', з – з', р – р', л – л', н – н'* (все перечисленные выше мягкие согласные называются исконно мягкими). Твёрдые согласные, кроме *к, г, х*, выступали перед всеми гласными, получая позиционную полумягкость (неполное смягчение) перед гласными переднего образования; мягкие выступали перед всеми гласными, кроме *ы, о, ъ*; заднеязычные *к, г, х* сочетались только с последующими гласными непереднего образования. Парные твёрдые – мягкие противопоставлялись перед всеми гласными, кроме *ы, о, ъ*, но не имели позиций нейтрализации (или неразличения) твёрдости – мягкости. Парными по глухости – звонкости являлись *п – б, т – д, с – з, с' – з', к – г, ш' – ж', ш'т'ш' – ж'д'ж'*, они противопоставлялись перед гласными и тоже не имели позиций нейтрализации глухости – звонкости. Все согласные др.-рус. языка были самостоятельными фонемами, выступая различителями словоформ (*б·иль – п·иль, м·иль – в·иль, съ – къ – въ, лубъ – любъ, чара – кара, годъ – ходъ* и т. д.).

В сер. 11 в. произошло смягчение полумягких согласных перед гласными переднего образования. В результате этого в др.-рус. языке возникли новые мягкие *п', б', м', в', т', д'*, а также *с', з',*

р', л', н', развившиеся из полумягких и совпавшие с исконно мягкими. Однако в этот период как новые, так и исконно мягкие согласные стали возможны только перед передними гласными (а также перед *а* и *у*), а твёрдые согласные – только перед непередними гласными, в силу чего различительная функция согласных (как и гласных) ослабла: будучи неразрывно связанными по качеству твёрдости – мягкости с непередними – передними гласными, они образовывали с ними неразложимые сочетания (силлабемы), в к-рых различительную роль играли равно как согласный, так и гласный (ср.: *ко/нъ – ко/н'ь, бы/лъ – б'и/лъ, ма/т'ь – м'ӓ/т'ь*). Вместе с тем в это время развивалась нейтрализация твёрдости – мягкости согласных перед гласными *ě* (ѣ) (позже *е*), *е* и *и*: если в положении перед *а* и *у* парные твёрдые – мягкие различались, то в положении перед *ě* (ѣ), *е, и* на месте как твёрдого, так и мягкого начинал выступать только мягкий, ср.: *пора – зар'а* и *пор'ě – зар'ě; м'ьну – м'ьню* и равно *м'ьн'и* – повелительное наклонение; *бу́ра* (прилагательное) – *бур'а* и равно *бур'и* – им. п. мн. ч. и дат.-местный падеж ед. ч. жен. рода.

В сер. 12 – нач. 13 вв. в др.-рус. языке утрачиваются редуцированные гласные (см. Падение редуцированных), в результате чего согласные оказались вне зависимости от последующего гласного: они стали возможными в абсолютном конце слова (напр., *столъ* → *стол, велъ* → *вел*). Это обстоятельство привело к тому, что твёрдые – мягкие парные согласные стали самостоятельно различать словоформы, т. е. укрепили свою фонематическую значимость (напр., *ко/нъ – ко/н'ь* и *кон – кон'; бу/ръ – бу/р'ь* и *бур – бур'*). Кроме того, в позиции конца слова звонкие согласные стали оглушаться, т. е. возникла позиция нейтрализации глухих – звонких шумных согласных (напр., др.-рус. *прудъ* и *прутъ* после утраты ъ перестали различаться: *пру*[*т*]). Утрата редуцированных расширила возможности сочетаемости согласных друг с другом: если до падения редуцированных были только сочетания шумных согласных с сонорными и сочетания двух глухих или двух звонких шумных друг с другом (сочетания трёх согласных были чрезвычайно редки), унаследованные из праслав. языка и потому достаточно ограниченные в своём составе и распространённости, то после утраты ъ и ь в середине слов возникли возможности появления практически любого сочетания согласных. В результате этого в рус. языке стали развиваться процессы уподобления (ассимиляции) рядом находящихся согласных не только по признаку глухости – звонкости (это уподобление осуществилось уже в праслав. эпоху, и в новый период истории рус. языка оно только расширило границы своего проявления), но и по другим признакам: по месту и способу образования, ср.: *съ женою* и [*ж̄*]*ению* из *с-женою* → *з-женою* → *ж-женою*; по твёрдости – мягкости, ср.: *кра*[*с'ь*]*ный* → *кра*[*сн*]*ый, дъвѣ* → [*д'в'е*]; развились также и процессы расподобления (диссимиляции) согласных, напр. сочетание «взрывной + взрывной» изменилось в сочетание «фрикативный + взрывной»: *когъти* → *когти* → *кокти* → *ко*[*хт*]*и, къто* → *кто* → [*хто*]; сочетание «аффриката + взрывной» – в «фрикативный + взрывной»: *коньчно* → *конечно* → *коне*[*шн*]*о, чьто* → *что* → [*што*].

Процессы, прошедшие в развитии системы согласных, обусловили возникновение в др.-рус. языке новой фонемы, исконно чуждой славянам,– фонемы *ф*. Хотя, по-видимому, звуки *ф* и *ф'* были известны вост. славянам в иноязычных словах, пришедших вместе с письменностью из греч. языка, прежде всего в собственных именах (напр., *Феодоръ, Феодосии, Фекла, фарисеи* и др.), на собственной почве эти звуки появились лишь после падения редуцированных сначала в конце слова как результат оглушения *в* (напр., *ровъ* → *ро*[*ф*], *кръвь* → *кро*[*ф'*]), несколько позже в середине слов перед глухими шумными (напр., *головъка* → *голо*[*фк*]*а, лавъка* → *ла*[*фк*]*а*). Появление *ф* и *ф'* как аллофонов фонем *в, в'* в определённых фонетических позициях создало почву для укрепления их в позиции перед гласными, т. е. противопоставило *ф* и *ф'* другим согласным в этой позиции. Тем самым *ф* и *ф'* получили фонологическую самостоятельность.

Т. о., после утраты редуцированных и развития различных фонетических и фонологических процессов (приблизительно к 14 в.) состав согласных фонем рус. языка стал включать след. 34 единицы: *п, п', б, б', в, в', ф, ф', т, т', д, д', с, с', з, з', м, м', н, н', л, л', р, р', ч', ш', ж', ц', $\widehat{ш'т'ш'}$, $\widehat{ж'д'ж'}$, j, к, г, х*. Дальнейшие процессы в истории К. связаны с отвердением *ш', ж'* и *ц'*, к-рое относится к 14–16 вв., и с утратой затвора в $\widehat{ш'т'ш'}$, $\widehat{ж'д'ж'}$ и превращением их в *ш̄', ж̄'* (с возможным отвердением по диалектам). В кон. 18 – нач. 20 вв. появляются твёрдые согласные перед *е* (ср. заимствования *темп, сессия, энергия, сэр, мэр, пэр*, аббревиатуры *ТЭЦ, ЛЭП, ГЭС* и т. п.) и распространяются мягкие *к', г', х'* перед *а, о, у* (ср. заимствования *ликёр, маникюр, Гёте, кюре* и т. д.). Если отвердение *ш', ж'* и *ц'* и утрата затвора в $\widehat{ш'т'ш'}$, $\widehat{ж'д'ж'}$ не повлекли за собой изменений в фонемном составе рус. языка и во взаимоотношениях фонем, то распространение *к', г'* (и, возможно, *х'*) перед теми же гласными, перед к-рыми выступают *к, г, х*, превращает их в самостоятельные фонемы (до этих процессов *к', г', х'* выступали как аллофоны *к, г, х* перед *е, и*, где твёрдые заднеязычные не употребляются), а появление твёрдых перед *е* ведёт к утрате позиции, в к-рой могли выступать только мягкие, и к изменению её в позицию противопоставления твёрдых – мягких парных согласных (какими яв-

ляются позиции перед *а, о, у, и*). Впрочем, нек-рые исследователи продолжают считать *к', г', х'* позиционными разновидностями соответствующих твёрдых фонем. Поэтому, с одной точки зрения, в совр. рус. языке насчитывается 37 согласных, с другой – 34.

В отличие от рус. лит. языка, К. рус. диалектов (см. Диалект, Говоры русского языка) может характеризоваться: цоканьем (см.), т. е. неразличением *ц* и *ч* и произношением на их месте только одного звука – или *ц*, или *ч* (*целый – цай* или *челый – чай*); отсутствием *ф* и произношением на его месте *х* или *хв* (*кохта, Хвёдор*); не взрывным, а фрикативным характером *г* [γ] (*γоры, ноγи*); не губно-зубным, а губно-губным характером *в* [*w*] (*праwда*) и нек-рыми другими чертами. Поэтому и количество, и отношение согласных в диалектах могут быть иными, чем в лит. языке.

Следствием развития рус. К. стало не только увеличение количества согласных фонем, но и коренное изменение соотношения К. и вокализма (см.). До падения редуцированных гласные определяли качество предшествующего согласного: перед непередними гласными выступали твёрдые согласные, перед передними – полумягкие (полумягкость согласного возникала под воздействием гласного). Это означало, что гласные характеризовались тремя постоянными признаками: степенью подъёма языка (верхний, средневерхний, средний, нижний), наличием или отсутствием лабиализации и передней или непередней зоной образования. В силу действия в др.-рус. языке закона открытого слога слоговая граница в слове не передвигалась, а потому слог был автономным и в его пределах воздействие шло от последующего элемента к предшествующему, от гласного к согласному. Эти условия определяли систему др.-рус. языка как систему с господствующим вокализмом. После падения редуцированных положение изменилось коренным образом. Во-первых, теперь уже не гласный стал оказывать влияние на предшествующий согласный, а наоборот – согласный стал воздействовать на последующий гласный (напр., др.-рус. *съиграти* после утраты *ъ* изменилось в *сыграти*; по древним законам должно было бы смягчиться *с* под влиянием *и*, однако в действительности *и* изменилось в *ы* под влиянием твёрдого *с*). Во-вторых, в результате утраты редуцированных возникли закрытые слоги, в пределах к-рых гласный стал подвергаться воздействию не только предшествующего, но и последующего согласного, входящего в слог; это воздействие выразилось в том, что непередние гласные стали передвигаться в переднюю зону образования под воздействием соседних мягких согласных (напр., [*вал*] – [*в'˙ал*] – [*вá˙л'ик*] – [*в'ӓл'ит'*]), а передние – передвигаться в непереднюю зону (напр., [*избá*] – [*в-ы́*]*збу*, [*с'ер*] – [*сэр*]) или получать напряжённость и закрытость (напр., [*с'ел*] – [*с'êл'*], [*в'ил*] – [*в'ит'*]). Т. о., зона образования гласного стала переменным признаком гласных, целиком зависящим от качества соседних согласных. Этими обстоятельствами, как и количественным преобладанием согласных фонем по сравнению с гласными, определяется подчинённость в системе совр. рус. лит. языка вокализма консонантизму.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки рус. диалектологии, ч. 1, М., 1949; его же, Фонетика совр. рус. лит. языка, М., 1956; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка, 2 изд., М., 1965; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990. *В. В. Иванов.*

Конта́кты языковы́е (от лат. contactus – прикосновение) – взаимодействие двух и более языков, являющееся следствием и результатом связей и контактов двух или нескольких этносов. К. я. осуществляются посредством билингвов, т. е. людей, способных к речевому общению на родном и к.-л. другом языке. Длительность, интенсивность, характер и сферы социального взаимодействия разных языковых групп самым различным образом отражаются на функционировании и развитии контактирующих языков.

Длительные контакты соседних этнических и языковых групп, живущих в схожих географических, климатических, социально-экономических и бытовых условиях, приводят к формированию историко-этнической области, характеризующейся сходством материально-бытовой культуры (жилище, домашняя утварь, орудия труда и средства передвижения, а также обряды, предания и устно-поэтическое творчество). Речевое взаимодействие осуществляется по устным каналам как диалогическая речь в сфере хозяйственно-бытового общения от дома – к дому, от села – к селу, от этноса – к этносу. Так образуется *языковой союз*, в рамках к-рого происходит сближение входящих в него родственных и неродственных языков и диалектов, объединяющихся нек-рой общностью хозяйственно-бытовой лексики, синтаксических конструкций, характерными особенностями морфологии и фонетики при отсутствии регулярных соответствий. Наиболее изучен балканский языковой союз, включающий в себя болг., рум., алб., греч. языки и южные говоры сербскохорватского языка. Балканизмы (т. е. черты, общие для языков этого ареала) объясняются не общим происхождением от одного праязыка, а результатом К. я., осуществлявшихся путём непосредственного устного общения.

При длительном взаимодействии различных народов в сфере духовной культуры по книжно-лит. каналам формируется *историко-культурный ареал*, объединяющий народы и их языки общностью культурно-исторических традиций, лит. текстов, отражающих основное содержание духовной культуры, характера письменности, культурного пласта лексики, состава личных имён и т. п. Наиболее мощные культурно-исторические

ареалы сложились в процессе формирования и распространения мировых религий: христианства, ислама, индуизма и буддизма. Христианский ареал рано распался на два подареала: один – с центром в Риме и лат. языком, второй – с центром в Константинополе с тенденцией создания самостоятельных языков христианского богослужения – арм., груз., церк.-славянского. Церковно-славянский язык (см.) обслуживал культурно-исторический ареал Вост., Центральной и Южной Европы, включавший Киев и Новгород, Львов и Вильно, Кишинёв и Яссы, Софию и Нови Сад.

У народов Зап. Европы роль общего языка всего культурно-исторического ареала выполняла ср.-век. латынь. К ней восходит единство графической основы (латиница), общность лексических заимствований языков этого ареала.

При интенсивном взаимодействии отдельных представителей различных этноязыковых коллективов в узкой сфере деятельности (товарообмен) из отдельных элементов контактирующих языков возникают особые языковые образования с небольшим набором слов и выражений при упрощённой грамматике: лингва франка, пиджины (пиджин – искажённое англ. business – ‘дело’, т. е. деловой язык). В многоязычных автохтонных сообществах пиджин, постепенно расширяя свои функции регионального средства межэтнического общения, может стать родным языком одного или нескольких этносов, утративших свой исконный родной язык. Процесс превращения пиджинов в родной язык одного или нескольких этносов называется креолизацией. Креольские языки распространены в Африке, Азии, Америке и Океании. Нек-рые из таких креольских языков образовались на основе англ. (напр., языки джагватаак на Ямайке, сарамакка и джука в Суринаме), франц. (гаитянский, маврикийский языки) или испанского (кавитеньо на Филиппинах). Расширив свой словарный фонд, усложнив синтаксис и упорядочив фонетику, они становятся младописьменными языками, на многих из них издаются газеты, учебные пособия, книги.

В результате повседневного устного общения в рамках определённого социального коллектива между носителями различных диалектов и языков может сложиться наддиалектное койне (см.), напр. городское койне, городское просторечие. Так, общегреч. койне послужило основой единого книжного (письменного) языка деловой, научной, философской и художественной лит-ры Древней Греции. Городское койне, моск. просторечие играло большую роль в формировании норм рус. лит. языка.

В процессе развития торговли, промышленности, техники и науки, народного образования и средств массовой коммуникации расширяются К. я., осуществляются интернационализация и интеллектуализация лит. языков: вместе с заимствованным предметом или новым научным понятием заимствуются терминологическая лексика и научная терминология, возникает и формируется особый фонд интернациональной лексики, общий для большинства контактирующих языков (см. Интернациональные слова).

Лит.: Вайнрайх У., Языковые контакты, пер. с англ., К., 1979; Журавлев В. К., Внешние и внутренние факторы языковой эволюции, М., 1982; его же, Культурно-исторический ареал, в кн.: Язык и история. Проблемы лингвокультурных традиций, М., 1989; Дьячков М. В., Креольские языки, М., 1987; Широков О. С., Введение в балканскую филологию, М., 1990.

В. К. Журавлёв.

Контамина́ция (от лат. contaminatio – соприкосновение, смешение) – взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы.

Обычно К. наблюдается в сфере разг. речи и является отступлением от лит. нормы. Особенно часто синтаксические и фразеологические К. возникают в процессе речи, когда говорящий, формулируя мысль, опирается на определённую конструкцию, но затем отходит от неё и как бы соскальзывает на другую, тождественную или близкую первой. Ср.: *не только — а* < *не столько — сколько* + *не — а*: *Успех в техническом творчестве зависит не только от сноровки, а от знания технологии...*; *Чаша терпения лопнула* < *Чаша терпения переполнилась! Терпение лопнуло*; неправильное *поднять тост* < *поднять бокал* + *предложить тост* и др. К. встречается тем чаще, чем больше функциональная близость многоэлементных языковых единиц (ср. К. в ряду сочетаний, устанавливающих факт бытия, наличия, значимости того или иного явления: неправильное *играть значение, играть влияние, занимать роль, выполнять роль, придавать внимание, отводить внимание, уделять заботу* и т. п.).

В те периоды истории рус. языка, когда он был ещё недостаточно кодифицирован, К. служила одним из средств создания новых языковых единиц, постепенно закрепляемых нормой. Так, в процессе упорядочения видовых корреляций наиболее употребительные формы двух параллельных глаголов, образованных от одного корня и обладавших одинаковым видовым значением, иногда объединялись в одну парадигму, создавая один глагол с новым соотношением основ. Др.-рус. глаголы *гънати* (наст. время *женуть*, прош. время *гъналъ*) и *гонити* (наст. время *гонять*, прош. время *гонилъ*) объединили свои формы в контаминированной парадигме, узаконенной нормой: *гнать* (наст. время *гонят*, прош. время *гнал*); ср. также: *бѣчи* (наст. время *бѣгуть*, прош. время *бѣглъ*) и *бѣжати* (наст. время *бѣжать*, прош. время *бѣжалъ*) > *бежать* (наст. время *бегут*, прош. время *бежал*); *даяти* (наст. время *дають*, прош. время *даялъ*) и *давати* (наст. время *давають*,

прош. время *даваль*) > *давать* (наст. время *дают*, прош. время *давал*).

Нормой лит. языка были закреплены и отдельные фразеологизмы: *пятая спица в колеснице* < *последняя спица в колеснице* + *пятое колесо в телеге; кануть в вечность* < *кануть в Лету* + *отойти в вечность*. Ср. также использование К. в словообразовании: *рация* < *радиостанция, бестер* < *белуга* + *стерлядь*.

Лит.: Шведова Н. Ю., Активные процессы в совр. рус. синтаксисе. (Словосочетание), М., 1966; Шанский Н. М., Кануть в вечность, «Рус. яз. в школе», 1968, № 4; Ройзензон Л. И., Абрамец И. В., О фразеологической контаминации в рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1969, № 3; Шварцкопф Б. С., Спица в колеснице, «Рус. яз. в нац. школе», 1970, № 1; Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С., О контаминации и смежных с нею явлениях, в кн.: Памяти акад. В. В. Виноградова, [М.], 1971, Лаптева О. А., Совр. рус. публичная речь в свете теории стиля, «ВЯ», 1978, № 1; Щепин А. Г., О лексической контаминации, «Рус. речь», 1978, № 5.

В. Б. Силина.

Конте́кст (лат. contextus – сцепление, связь; ряд, цепь) – одно из центральных понятий лингвистического анализа, используемое в языкознании и шире – в филологии в 20 в. Не имея единого терминологического определения, К. стоит в ряду с понятиями «позиция», «сегмент», «окрестность», «сочетаемость», «упорядоченная последовательность», «окружение». Концептуальное представление о К. покоится на двух основаниях: 1) в речемыслительном процессе системно заданные свойства языковых единиц реализуют себя в сцеплении с другими языковыми единицами, детерминируя их и детерминируясь ими; 2) языковые единицы, сохраняя тождественность самим себе в своих инвариантных свойствах, видоизменяют другие свои свойства под воздействием окружения. Следовательно, К. проявляет сущностные свойства языковых знаков и потому постоянно присутствует в языковом сознании. Выражения типа *вырвать из контекста, поставить в контекст, построить контекст* отражают его сознательную роль. Метафорический образ К. связан не столько с линейной протяжённостью и плоскостным представлением, сколько с пространственной, архитектурной метафорой: «вместилище» (полный – неполный К.), «здание» (вертикальный – горизонтальный К., минимальный – избыточный К., ср. *избыточные детали К., хорошо построенный К.* и пр.).

В использовании понятия «К.» как инструмента лингвистического анализа отразилась смена целей, приоритетов и подходов в филологии в 20 в. Исследователи языка как системы привлекали К. для определения инвариантных и зависимых свойств единиц языка, а также для построения операциональных процедур, позволяющих с большой степенью точности выделить и описать языковые явления – преим. грамматического уровня. Напр., понятие «К.» помогло выделить разные типы сочетаемости и соответственно разные основания возможных контекстных ограничений: выбор прилагательных цвета в сочетаниях *карие глаза, каштановые волосы* определяется не определяемым словом, но называемой реалией, в то время как в оборотах *полный идиот* и *круглый дурак* речь идёт о чисто лексической сочетаемости. Лексические функции в рамках модели «Смысл ⇔ Текст» А. К. Жолковского и И. А. Мельчука основаны на выделении минимальных К. (ср. выражение смысла «очень», «в высшей степени»: *температура – высокая, безграмотность – вопиющая, картёжник – заядлый, аресты – повальные* и т. д.). Чувствительными к К. оказываются даже конституирующие свойства языковой единицы. Напр., любое значение слова, равно как и его стилистическая характеристика, может быть как бы зачёркнуто К., под влиянием К. значение слова начинает прочитываться, исходя из словообразовательной модели, ср.: *«На проходимца вскинувши бровь – Как восклицаешь: – Будет любовь!»* (Цветаева), где *проходимец* – не ‘человек, способный на всякие нечестные поступки, мошенник’, но ‘тот, кто проходит – прохожий, встретившийся человек’. Роль диагностических К. для построения операционных процедур была вскрыта А. А. Зализняком при описании рус. именного словоизменения. Придав К. точный смысл («совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расставленных в определённом порядке»), Зализняк выделил диагностические К. для 14 однопадежных рядов (ср., напр., дательный самостоятельный: *он завидует... врачу, жене, шкафам* и дательный припредложный – *он обращается к... врачу, жене, шкафам*) и предложил наиболее полное описание падежной системы рус. языка. Эвристическая ценность диагностического К. обнаружилась и при описании категорий рода и одушевлённости. Зализняк, обратившись к К., показал ошибочность представления о том, что различие одушевлённости – неодушевлённости проявляется только в вин. п.: *Я подошёл к тому дому, который я увидел – Я подошёл к тому мальчику, которого я увидел*, равно как и ошибочность представления о неразличении родов во мн. ч. (*Я доволен этими стенами, каждая из которых по-своему хороша – Я доволен этими домами, каждый из которых по-своему хорош – Я доволен этими окнами, каждое из которых по-своему хорошо*). В результате род и одушевлённость были объединены в одну грамматическую категорию согласовательного класса. Зализняк выделил в рус. языке 7 согласовательных классов (к особому классу относятся слова типа *сани*). Метод К. был применён и при выделении и квалификации стилистического значения слова (работы К. Ф. Петрищевой).

С сер. 70-х гг. 20 в. построение экспериментальных и отрицательных (неотмеченных) К. входит в практику лингвистического анализа. Но представ-

ление о К. изменяется: он понимается исключительно как семантический и предназначается для выявления тонких смысловых различий (особенно семантики частиц, союзов, а также модальных слов); понятие «К.» увеличивается в объёме – его минимальной формой называется высказывание. В связи с логическим анализом предложения актуальным оказывается разграничение К. идентификации, К. предикации и К. характеризации. Напр., в микрополе имён со значением «детский возраст» нейтральные *мальчик*, *девочка* используются для первичной идентификации и собственно возрастной предикации, в то время как стилистически отмеченные *бутуз, пузырь, карапуз, клоп* выступают в К. характеризации и качественно-оценочной предикации, ср. *«Ему захотелось приласкать мальчика.– Поди-ка сюда, клоп! – сказал он»* (Чехов) при невозможности: *Ему захотелось приласкать клопа. Поди-ка сюда, мальчик! – сказал он.*

В 80-х гг. 20 в. представление о К. ещё более расширяется. Оно связывается с самим процессом речевой деятельности, с текстообразованием. В наиболее полное представление о коммуникативном К. входят такие составляющие, как тематическая область дискурса (речи, «погружённой в жизнь»), цели и задачи участников акта коммуникации, характер их взаимоотношений, правила речевого поведения. Референциальный (см. Референция) и прагматический (см. Прагматика) аспекты высказывания и дискурса связаны и между собой, и с коммуникативным аспектом, так что при возможности разделения референциального и прагматического К. едва ли не наиболее объемлющим для объяснения процессов порождения и понимания оказывается именно прагматический К. Контекстный анализ позволил выявить массу сведений о языке, к-рые раньше не попадали в поле зрения исследователей, напр. отмеченная Е. В. Падучевой связь между линейно-интонационной структурой предложения и заменой исходных слов на местоимения (*Я не знаком ни с самим Джонсом, ни с его учениками* при невозможности: *Я не знаком ни с его учениками, ни с самим Джонсом*) и др.

Понятие К. продолжает оказываться значимым и при дальнейшем углублении в психологию, личность, интенцию говорящего, в его «картины мира». Заимствованное из логики представление об интенсиональных К. (т. е. таких, к-рые связаны с индивидуальным сознанием, субъективными пропозициональными установками – К. воли и желания, знания и полагания, памяти и воображения, веры и сомнения и пр.) оказалось плодотворным для собственно лингвистических исследований новой научной парадигмы 2-й пол. 20 в. Так, интенсиональные К. эмоциональных состояний позволяют проникнуть в строение внутреннего мира человека (работы Е. М. Вольф). Субъект эмоциональных состояний является целостным (*Он весь сиял от радости*), сами эмоции не зависят от человека (невозможность приказа: *Волнуйся! Тоскуй!*), у эмоциональных состояний имеются прототипические причины, отступление от к-рых ведёт к семантическому рассогласованию (*Я огорчён, что Вася мне нагрубил* при неестественности: *Я радуюсь, что Вася мне нагрубил*), эмоциональные состояния являются объектом восприятия, предположения со стороны наблюдателя, но не самого чувствующего субъекта (*Он побледнел от страха – *Я побледнел от страха; Я думаю, что ему скучно – *Я думаю, что мне скучно*). Обращение к «картине мира» требует и содержательного различения К. При анализе концептов «правды» и «истины» Н. Д. Арутюнова разграничивает К. религиозные, эпистемические (К. знания), этические и эстетические. Концепт «правда» принадлежит миру человека, в то время как концепт «истина» – вере или знанию (*правда жизни – *истинность жизни, жизненная правда – *жизненная истина*), поэтому могут быть разные «правды» (*моя правда, твоя правда, его правда*), но только одна «истина».

К. могут разграничиваться по-разному в зависимости от цели анализа. Неоднократные попытки создать таксономию и типологию К. показали невозможность и ненужность замкнутой классификации, ибо само моделирование К. связано и с теоретической научной парадигмой, и с конкретной лингвистической задачей, подлежащей разрешению. Однако существуют релевантные характеристики, к-рые так или иначе задействованы в разных типологиях К. Это объём (минимальный – достаточный – избыточный К.), содержательная характеристика, назначение (диагностический, типичный К.), форма воздействия (различительный, нейтрализующий, создающий отношения контраста, согласования, актуализации, трансформации, интенсификации и пр.), авторство и степень приемлемости (естественный – экспериментальный К., отмеченный – неотмеченный – отрицательный К.).

Особую роль имеет К. при изучении словесно-художественных произведений – поэтического языка, прозаического художественного слова. Здесь представлена длительная филологическая традиция, причём в исследованиях по лингвистической поэтике, по текстовому анализу были определены такие представления и такие значимости К., к-рые лишь позднее попали в поле зрения теоретического языкознания. В. В. Виноградов говорил о «двух контекстах речи литературно-художественного произведения»: К. общенародного языка и К. лит. традиции, третьим же К. при анализе всякого художественного текста выступает совокупность произведений того же автора. Для поэтических текстов особое значение приобретают К., связанные со стихотворной формой речи (инициальная, рифменная позиция и пр.), а также К., позволяющие выявить семантизацию первично не-

семантизованных языковых уровней (фонетика, графика, пунктуация), для прозаических художественных текстов – К. основных композиционно-речевых структур: авторского монологического слова, прямой речи, несобственно-прямой речи, внутреннего монолога. Для всех художественных текстов является актуальным преобразование линейной организации в пространственную – порождаемый текстом художественный универсум. Отсюда значимость принципиального разделения линейных (синтагматических) и нелинейных (парадигматических) К. Так, в поэтическом тексте соседние звуковые повторы (синтагматический К.) организуют локальную смысловую тему (ср. в стихотворении М. И. Цветаевой «Поэт» звуковой образ пути поэта: *«Планетами, приметами... окольных Притч рытвинами...»*), в то время как дистанцированные повторы (парадигматический К.) позволяют говорить о звуковом сюжете, по выражению Т. И. Сильман. Один из способов изучения парадигматических К.– построение текстовых цепочек, т. е. последовательно выстроенных всех К. реализации исследуемой текстовой единицы (будь то слово, метафорический образ, мифологема, «положение дел») с последующим выделением проспективных и ретроспективных текстовых связей и накопленной текстовой семантики. Классический пример – движение смысла от топонима к символу, проявляющееся в призыве *«В Москву! В Москву! В Москву!»* в «Трёх сёстрах» А. П. Чехова. Организация синтагматических и парадигматических К. в художественном тексте прямым образом связана с его художественной структурой и имеет эстетическую ценность.

Лит.: Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы, М., 1976; её же, Истина: фон и коннотации, в кн.: Логический анализ языка. Культурные концепты, М., 1991; Энквист Н. Э., Параметры контекста, в кн.: НЗЛ, в. 9 – Лингвостилистика, М., 1980. Ревзина О. Г., Границы поэтического контекста (в связи с составлением конкордансов), в кн.: Проблемы реализации синтаксиса. Межвузовский сб. научных тр., Пермь, 1981; её же, Языковой знак в поэтическом тексте, в кн.: Текст и его изучение в вузе и в школе, М., 1991; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесенность с действительностью, М., 1985; Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах, под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни, М., 1987; Вольф Е. М., Эмоциональные состояния и их представление в языке, в кн.: Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов, М., 1989; Торсуева И. Г., Контекст, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. *О. Г. Ревзина.*

Контра́ст (франц. contraste – противоположность) – композиционно-речевой приём организации и развития структуры художественного текста, основанный на противопоставлении образов и планов описания.

К. как конструктивный принцип построения текста лит. произведения по своей природе шире и содержательнее фигуры антитезы (см.), к-рая реализуется на собственно языковом уровне при помощи языковых или речевых (контекстуальных) антонимов. В этом смысле антитеза выступает в качестве одного из средств выражения К. Однако К., в отличие от неё, может реализоваться и другими языковыми средствами, быть неявным и даже намеренно скрытым. К.– структурно-семантический компонент не только языкового, но и композиционного и эйдологического (идейно-эстетического) уровней художественного текста (см. Поэтический язык, Язык художественной литературы). К. лежит часто в основе структуры значительных по своей протяжённости фрагментов текста романа, повести, поэмы и даже всего произведения (рассказа, стихотворения).

Рассказ А. П. Чехова «Толстый и тонкий» начинается с обычной антитезы: *«На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий»*, к-рая развёртывается в разветвлённый по своей структуре и глубокий по своему социальному содержанию К. В языковом плане антитеза продолжена параллельными словесными рядами, выражающими К., но не являющимися антонимами: *«Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёр-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей»*. К. выступает в композиционной структуре рассказа как противопоставление не только образов, но и разных планов описания: обычного и гротескного при изображении соответственно толстого и тонкого. Мир тонкого предстаёт как «суженный», «вытянутый», «съёжившийся»: его жена – *«худенькая женщина с длинным подбородком»*, сын – *«высокий гимназист с прищуренным глазом»*. Узнав неожиданно, что его товарищ по гимназии стал тайным советником (изначально скрытый контраст), тонкий *«съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее»*.

В эйдологическом плане К. является выражением идеи или одной из главных мыслей произведения, отражением авторской оценки изображаемого. В рассказе Чехова это – социальное неравенство людей, глубокое противоречие между человеком и чином в обществе.

В К. могут преобладать разные его стороны (уровни). В одних случаях на первое место выдвигается его композиционная структура, в других – языковая. Так, главная идея «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя раскрывается прежде всего в композиционном взаимодействии внутреннего и внешнего К. Жизнерадостное, расцвеченное ярким языковым орнаментом противопоставление двух Иванов, любимцев Миргорода, оказавшихся на деле самыми заурядными «небокоптителями»

(внутренний К.), снимается, «перевешивается» внешним К. в печальном конце повести: *«Опять то же поле, местами изрытое, чёрное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвету небо.– Скучно на этом свете, господа!»*. Последняя фраза – выражение яркого, ёмкого К. всему содержанию повести, царству «мёртвых душ».

В контрастном изображении Моцарта и Сальери у А. С. Пушкина доминируют языковые средства. Тяжёлый стиль речи Сальери, отражающий «метафизику музыки», ремесло (*«Ремесло Поставил я подножием искусству; Я сделался ремесленник* 〈...〉 *Звуки умертвив, Музыку я разъял, как труп. Поверил Я алгеброй гармонию»*), резко контрастирует с непринуждённой речью Моцарта, его «косноязычием», за к-рым стоит Божий дар глубокой творческой интуиции композитора («Сальери: *Что ты мне принёс?* Моцарт: *Нет – так; безделицу* 〈...〉 Сальери: *Какая глубина! Какая смелость и какая стройность! Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь; Я знаю, я.* Моцарт: *Ба, право? Может быть... Но божество моё проголодалось»*).

К. является одним из важнейших приёмов языка художественной лит-ры и публицистики, позволяющих раскрыть сложное диалектическое противоречие изображаемого.

Лит.: Петровский М. А., Антитеза, в кн.: Лит. энциклопедия. Словарь лит. терминов, т. 1–2, М.– Л., 1925; Зунделович Я. О., Приём, там же; Тимофеев Л. И., Основы теории лит-ры, М., 1971; Одинцов В. В., Контраст, в кн.: Рус. язык. Энциклопедия, М., 1979; Новиков Л. А., Художественный текст и его анализ, М., 1988. *Л. А. Новиков.*

Координа́ция [от лат. co(cum) – совместно и ordinatio – упорядочение] – синтаксическая связь главных членов двусоставного (двукомпонентного) предложения – подлежащего и сказуемого – с полным или частичным формальным употреблением словоформ, занимающих позиции этих членов. К. не относится к подчинительной связи: она не предопределена свойствами соединяющихся слов и всегда является только связью определённых словоформ. На основе К. складываются предикативные отношения и формируется предложение (см.), напр.: *Поезд идёт – Поезда идут; Книга интересна – Книги интересны.*

К. подлежащего и сказуемого имеет место в след. формах: 1) в формах рода, числа и падежа – в двусоставных предложениях без спрягаемой формы глагола, при подлежащем – существительном в форме ед. ч. или местоимении 3-го лица ед. ч. и сказуемом – полном прилагательном, местоимении–прилагательном или причастии (*Карандаш мой – Книга моя; У него лицо повеселевшее; Он добрый – Она добрая*); 2) в формах числа и в роде: а) во всех формах предложения, в к-рых глагол в сказуемом имеет форму на *-л* при подлежащем – существительном в ед. ч. или местоимении 3-го лица ед. ч. (*Наступил день – Наступила ночь – Наступило утро; Он пел – Она пела; Я не читал – Я не читала*); б) в предложениях со сказуемым – кратким прилагательным или кратким страдательным причастием и с подлежащим – существительным или местоимением 3-го лица ед. ч. (*Мальчик весел – Мальчики веселы; Окно открыто – Окна открыты*); 3) в формах числа и в лице – в предложениях в форме наст. времени при подлежащем – местоимении (*Я читаю; Он читает; Они читают*); 4) в формах числа и падежа – в предложениях в форме наст. времени со сказуемым – существительным в форме им. п. ед. и мн. ч. (*Брат – рабочий; Братья – рабочие*). Во всех других формах предложения им. п. в сказуемом может чередоваться с твор. п.: *Брат был рабочий/рабочим; Братья были рабочие/рабочими*; 5) в формах числа: а) в предложениях со сказуемым – глаголом наст. времени (*Ребёнок поёт; Дети играют*); б) в предложениях со сказуемым – глаголом на *-л* при подлежащем – существительном во мн. ч. или местоимении 1-го и 2-го лица [*Дети играли; Я (ты) играл; Я (ты) играла*]; в) в предложениях со сказуемым – существительным со значением лица в форме твор. п. (форма твор. п. в сказуемом может чередоваться с формой им. п.: *Отец на стройке прорабом/прораб*); при сказуемом – существительном *вина, порука, причина* в форме твор. п. при несовпадении форм числа в подлежащем и сказуемом К. отсутствует: *Они всему причиной (виной)*; 6) в падеже: в предложениях с подлежащим – именем в форме мн. ч. и со сказуемым – именем существительным отвлечённо-характеризующего значения (*Дети – наша радость*), а также при «подлежащем вежливости» *Вы* (*Вы оптимист*).

В правилах К. отмечаются колебания в формах числа (основные случаи): 1) в двусоставных глагольных предложениях: а) при подлежащем – слове или сочетании со значением количества (*Пришло/пришли двое; Ряд учеников сидел/сидели на скамьях; Большинство дачников перебралось/перебрались в город*); б) при подлежащем – открытом или закрытом ряде словоформ (*Преподавались/преподавалась история, философия и психология; Поехали/поехал отец и мать*); в) при подлежащем – сочетании со значением совместности, совместного следования: *Стартует/стартуют экипаж за экипажем; «Княгиня с дочерью явились из последних»* (Лермонтов)/... *явилась из последних*; г) при подлежащем – местоимении *кто, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто*, указывающем на многих (*Все, кто вчера работал/работали, сегодня отдыхает/отдыхают*); 2) в предложениях со сказуемым – кратким страдательным причастием или прилагательным: а) при значении одушевлённости в подлежащем, называющем количество (*Двое учеников наказаны/наказано; Большинство посылок были отправлены/было отправлено*); б) при подлежащем – ряде словоформ и при местоимении *кто*

(*Согласны брат и сестра – Согласен брат и сестра; Те, кто согласен – Те, кто согласны*).

Колебание К. в формах рода происходит: в двусоставных глагольных предложениях, если подлежащее выражено: а) количественно-именным сочетанием (*Книг сохранилось/сохранилась самая малость*); б) именем существительным муж. рода, называющим лицо по роду деятельности и в данном предложении относящимся к лицу женского пола, типа *бригадир, бухгалтер, врач, директор, доцент, мастер спорта, профессор, филолог: Выступил/выступила министр культуры; Редактор просмотрел/просмотрела рукопись*. Колебания в формах рода отмечаются также: 1) в предложениях со сказуемым – прилагательным (чаще в разг. речи), когда подлежащее – существительное муж. рода, называющее лицо по роду деятельности, в данном случае относится к лицу женского пола (*Директор в школе очень строгий/строгая*); 2) в предложениях со сказуемым – кратким страдательным причастием при словах *масса, уйма: Масса (уйма) писем отправлена/отправлено*.

В предложениях с глаголом *был* или с полусвязочным (полузнаменательным) глаголом при несовпадении родовых и числовых значений имён в подлежащем и сказуемом может иметь место колебание в родовых формах глагольного слова: *Встреча друзей была (было) радостное событие*.

Согласно другой точке зрения, синтаксическая связь К. рассматривается как согласование (см.) сказуемого с подлежащим. Однако, в отличие от согласования, при К. не происходит подчинение формы зависимого слова форме господствующего (главного) слова; связь не проходит по всем формам согласующихся слов (*Учебник – новый*, но *новый учебник, нового учебника, новому учебнику*); не образуется словосочетание, к-рое изменяется, подчиняясь изменению формы главенствующего слова; возникают предикативные (а не определительные) отношения.

Лит.: Скобликова Е. С., Форма сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием, в кн.: ВКР, в. 2, М., 1959; Розенталь Д. Э., «Согласование по смыслу» сказуемого с подлежащим, М., 1960; Шмелев Д. Н., Нек-рые особенности согласования в рус. языке, «Рус. яз. в нац. школе», 1962, № 4; Супрун А. Е., Слав. числительные, Минск, 1969; Ревзин И. И., О специфике согласования по числу в рус. языке, в кн.: Язык и человек, [М.], 1970; Шведова Н. Ю., Согласование и координация: их сходство и различия, в кн.: Проблемы истории и диалектологии слав. языков, М., 1971; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Грамматическая правильность рус речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980.

М. С. Михайлова.

Ко́рень – главная и обязательная часть слова, смысловое ядро его лексического значения; общая часть родственных слов. Слов без К. не бывает. Единственным исключением является глагол *вынуть*, в к-ром выделяется префикс *вы-* (ср.: *вы/нуть* и *вы/тащить, вы/нести*), суффикс *-ну-* (ср.: *вы/ну/ть* и *вывер/ну/ть, выдер/ну/ть*) и суффикс инфинитива *-ть*.

К. очень разнообразны по фонемному составу. Немногочисленны К., состоящие из одной гласной или согласной фонемы. Таковы исконно русские *к(ого)/к(ому), ч(его)/ч(ему), т(а)/т(о)/т(е), о(кать)*, предлоги *у, к, в* и т. п. Чаще встречаются двухфонемные К.: *да(м), жг(у), би(л), ви(л), да, на, от, из* и т. п. Большинство рус. слов имеет в К. от 3 до 5–6 фонем. К. из 7 и более фонем встречаются обычно в заимствованных словах или в исконно рус. словах, претерпевших опрощение: *витамин, кенгуру, вермишель, велосипед; закадычн(ый), околоток*.

К. изменяемых именных слов, как правило, оканчиваются на согласные, а глагольные – на гласные и согласные: *дерев(о), стол, бел(ый), дв(а), тр(и); дер(ут), сп(ят)*, но: *да(ть), ли(ть)*. В неизменяемых именных словах нередки К. на гласные: *кино, хаки, шимпанзе*.

В связи с изменениями аффиксального окружения может сильно видоизменяться внешний облик К., его фонемный состав. Это происходит в результате разнообразных морфонологических преобразований. Ср.: *жечь, жёг, жг(у), жж(ёшь), (с)жиг(ать), (под)жиг(ать), (о)жог; жа(ть), жим, жом* (выжимки), *жм(ых), (вы)жим(ать)*.

По числу К. слова делятся на однокорневые и многокорневые. Простые слова имеют по одному К., а сложные обладают двумя или более К.: *син(еть), дорог(а), вод(о)люб, вод(о)гряз(е)торф(о)парафин(о)леч(ение), семь/сот/пять(и)десят(и)лет(ие)*.

Большинство К. свободно сочетается со словообразующими аффиксами: *карман – кармашек, карманчик, карманщик, карманный, прикарманить; земл(я) – землица, землишка, земляной, заземлить* и др. Такие К. встречаются и без словообразующих аффиксов (*карман, земля*). Это свободные К.

В рус. языке немало слов, К. к-рых принудительно связаны со словообразующими аффиксами, употребляются только в сочетании с суффиксами, префиксами:

за / от / рас — ***купор***-и-ть до / от / при — ***бав***-и-ть

за / от / при — ***слон***-и-ть в / вы / за — ***прячь***

обая — ни[й-э] / тельн-ый ***тур*** — изм / ист ***жр*** — ец / иц-а

репорт — аж / ёр и т. п.

Такие К. называются **связанными**. А. А. Реформатский назвал их **радиксоидами** (от лат. radix – корень и греч. oid – подобный). Связанные К. могут сочетаться с одним лишь аффиксом (обычно суффиксом), напр.: *ежев/**ик**/а, бужен/**ин**/а, круш/**ин**/а*. Это унивалентные радиксоиды – **унирадиксоиды** (Е. А. Земская).

Свободные К. совпадают с непроизводной основой: *дом, кофе, бел(ый), рёв(реву), здесь, там, для, около, мяу*. Это т. н. **корневые слова**. Они возглавляют словообразовательные гнёзда. В составе гнезда К. (корневые слова) выполняют важные функции – участвуют в семантической и структурной его организации, выступая как структурно-семантический центр, где сосредоточен весь генофонд родственных слов.

В рус. языке одна корневая морфема может дать жизнь многим сотням слов. Так, в словарях зафиксировано с К. *ветер* более 90 слов, *клей* – 151, *вить* – 166, *белый* – 242, *брать* – 390, *бить* – 456, *вести* – 503 и т. д. Корень *электр(ичество)* употребляется в составе св. 3 тыс. образований.

Различаются К. **повторяющиеся**, участвующие в словообразовании, употребляющиеся в двух и более словах (ср.: *лес – лесок, лесной* и т. п.), и корни единичные, не участвующие в словообразовании, употребляющиеся в словах-одиночках (*бра, фрау, наизусть*).

Лит.: Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Ермакова О. П., Значение морфем в составе сложных слов, в кн.: Морфемика. Принципы и методы системного описания, Л., 1987; Тихонов А. Н., Морфемика, в кн.: Тихонов А. Н., Джамбазов П. М., Совр. рус. язык. Морфемика и словообразование, Велико Търново, 1988. *А. Н. Тихонов.*

Ко́свенная речь – один из способов передачи чужой речи (см.), при к-ром эта речь грамматически приспосабливается говорящим к своей речи: чужая речь в форме косвенной оформляется как придаточная часть при глаголе речи (*сказать* и др.), находящемся в главной части сложного предложения: *Он сказал, что хочет видеть её часто.*

Грамматическая приспособленность К. р. и неприспособленность прямой речи (см.) к речи говорящего противопоставляют эти две формы передачи чужой речи и определяют их важнейшие отличия. В К. р. все местоимения и формы лица глагола даны с точки зрения говорящего, а в прямой – с точки зрения того, кому она принадлежит, ср.: *Он сказал: «Я не могу вам ничего обещать» – Он сказал, что он нам ничего не может обещать.* При переводе прямой речи в К. р. происходит и ряд других изменений, в результате к-рых прямая речь по своему лексико-синтаксическому устройству может весьма существенно отличаться от К. р., ср.: *«Я однажды сказал: "Если бы ты знала, сколько у меня врагов"»* (Бунин) – *Я однажды сказал, что у меня очень много врагов.*

При переводе прямой речи в К. р.: повествовательное предложение становится придаточной частью с союзом *что*: *«"Молнии Мальцев увидеть не мог",– сказал я»* (Платонов) – *Я сказал, что Мальцев не мог увидеть молнии*; побудительное предложение становится придаточной частью с союзом *чтобы*: *«Она сказала мне: "Ложись спать".– Потом она встала, утомлённая и усталая, и сказала мне, чтобы я ложился спать»* (Достоевский); вопросительные предложения с вопросительным словом становятся придаточной частью с соответствующим союзным словом: *«"Кого это вы хотите представить?" – тихо спросила Лизавета Ивановна»* (Пушкин) – *Лизавета Ивановна спросила, кого он хочет представить*; вопросительные предложения без вопросительного слова становятся придаточной частью со служебным словом *ли*: *«"Доктор у себя?" – быстро спросил вошедший»* (Чехов) – *Вошедший быстро спросил, у себя ли доктор.*

К. р., передающая вопрос, называется соответственно **косвенным вопросом**.

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1954; Кодухов В. И., Прямая и косвенная речь в совр. рус. языке, Л., 1957. *Е. Н. Ширяев.*

Ко́свенное дополне́ние – см. Дополнение.

Ко́свенные падежи́ – см. Падеж.

Ко́свенный вопро́с – см. Косвенная речь.

Кра́сная строка́ – начальная строка текста или его части, начинающаяся с отступа; то же, что абзац (в 1-м значении). Название связано с древним обычаем выделять начало рукописной книги (или её раздела) красной краской или украшать его миниатюрой (см. иллюстрации к ст. Памятники письменности русского языка).

Красноре́чие – см. Ораторская речь.

Крыла́тые слова́ – устойчивые изречения, вошедшие в язык (речь) из определённых литературных, публицистических, научных источников или созданные на их основе, вошедшие в речь из средств массовой информации (печати, радио, кино, телевидения), а также высказывания реальных исторических лиц, к-рые получили широкое распространение и общеизвестность. Нек-рые исследователи включают в разряд К. с. названия мифологических и исторических событий и реалий, получивших переносное значение, личные имена исторических и лит. персонажей, образные выражения различных авторов и т. п. Выражение «К. с.» восходит к Гомеру, а в качестве термина для обозначения определённого языкового (речевого) явления впервые было использовано в названии книги «Крылатые слова» К. Бюхманом (1864), к-рый подразумевал под ними все виды слов, словосочетаний и выражений, закрепившихся и распространившихся в речи из определённого источника.

Большинство исследователей основными свойствами К. с. считают их связь с источником (в самом широком смысле слова), устойчивость и массовую распространённость. К. с. могут ассоциироваться с определённым автором или произведением [*«Есть ещё порох в пороховницах»* (Гоголь, «Тарас Бульба»); *«Глаголом жги сердца людей»* (Пушкин)], с нек-рым лит. источником, автор и название к-рого не являются общеизвестными (*С милым рай и в шалаше; Победителей не судят*). Устойчивость К. с. позволяет трансформировать их в речи, не теряя связи с исходным выражением, создавать на базе определённого К. с. высказывания или конструкции аналогичного типа.

Фонд К. с. исторически изменяется: в нём есть определённый постоянный массив выражений, связанных прежде всего с фольклором, античной и классической лит-рой (причём не только с произведениями авторов, писавших на данном языке), и переменный, связанный с закреплением в речи носителей языка на непродолжительное время выражений, приходящих из средств массовой информации (прежде всего телевидения и кино), из речи популярных в данное время реальных деятелей.

Среди источников рус. К. с. выделяются отдельные авторы, из произведений к-рых в речь вошло большое количество выражений: А. С. Пушкин, И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, И. Ильф и Е. Петров.

Сборники: Михельсон М. И., Рус. мысль и речь. Свое и чужое. Опыт рус. фразеологии. Сб. образных слов и иносказаний, т. 1–2, СПБ, [1902–03]; Булатов М. А., Крылатые слова, М., 1958; Ашукин Н. С., Ашукина М. Г., Крылатые слова. Лит. цитаты. Образные выражения, М., 1955; 4 изд., М., 1987.

Лит.: Бабкин А. М., Рус. фразеология, ее развитие и источники, Л., 1970; Петров В. К., Вопросы образования крылатых выражений в рус. языке, в кн.: Проблемы рус. фразообразования, Тула, 1973; Ожегов С. И., О крылатых словах. (По поводу кн. Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова»), в его кн.: Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Коваленко С. А., Крылатые строки рус. поэзии, М., 1989. *Ю. Е. Прохоров.*

Культу́ра ре́чи – 1) владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при к-ром осуществляются выбор и организация языковых средств, позволяющих в определённой ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных задач коммуникации. 2) Область языкознания, занимающаяся проблемами нормализации речи, разрабатывающая рекомендации по умелому пользованию языком. К. р. содержит в себе, т. о., три составляющих компонента: нормативный, этический и коммуникативный.

К. р. прежде всего требует безупречного владения литературной нормой (см. Норма). Выделяются орфоэпические, морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические нормы. Вопрос о нормативности возникает, когда есть выбор из двух и более вариантов, каждый из к-рых достаточно частотен в речи тех, кто стремится к владению нормами лит. языка. В большинстве случаев правильным признаётся только один из вариантов. Напр., совр. орфоэпическая норма разрешает только одно ударение: *киломе́тр, нача́ть, сре́дства* и запрещает весьма частотные варианты ударения: *кило́метр, на́чать, средства́*. Однако возможны случаи, когда нормативными признаются оба варианта или, по крайней мере, при предпочтении одного варианта допускается и другой, напр. *догово́р* и *до́говор*. Нормы совр. рус. языка находятся в постоянном развитии: так, если в 19 в. можно было сказать *промысл, печи́* (глагол), *требовалось большого напряжения усилий*, то теперь допускается только *промысел, печь, требовалось большое напряжение усилий*. Исследования разговорной речи (см.) показали, что она имеет свои нормы, отличные от кодифицированной в словарях и грамматиках письменной речи. Напр., такие выражения, как: *Как мне проехать Ярославский вокзал?* (вместо *до Ярославского вокзала*); *Возьми чем писать* (вместо *Возьми ручку* или *карандаш*) – недопустимы в письменных лит. текстах, но не нарушают норм разг. речи.

Этика общения, или речевой этикет (см.), требует соблюдения в определённых ситуациях нек-рых правил языкового поведения. Этический компонент К. р. проявляет себя гл. обр. в речевых актах – целенаправленных речевых действиях, таких, как выражение просьбы, вопроса, благодарности, приветливости, поздравления и т. п. Речевой акт осуществляется по особым, принятым в данном обществе, в данное время правилам, к-рые определяются многими внелингвистическими факторами: возрастом участников речевого акта, официальными или неофициальными отношениями между ними и т. п. Если нейтральные формы приветствия типа *Здравствуйте!*; *До свидания!*; *Добрый день!* уместны во всех случаях, то такие формы, как *Привет!*; *Пока!*; *До скорого!* возможны только между близкими людьми. Часто этикет требует использования косвенных речевых актов, когда вопрос, просьба и т. п. выражены не прямо: так, в официальной обстановке предпочтительнее сказать *Вы не могли бы пояснить свою мысль примерами?*, *Вас не затруднит передать мне эту книгу?*, а не *Приведите примеры, Передайте книгу*. В повседневном неофициальном общении (напр., в семье) такие косвенные речевые акты неуместны.

Особая область этики общения – явные и безусловные запреты на использование определённых языковых средств, напр. в любых ситуациях категорически запрещается сквернословие. Под запретом могут находиться и нек-рые интонационные языковые средства: разговор на «повышенных тонах», срывы на крик. При этом этика общения не запрещает эмоциональную речь с достаточно «сильными» выражениями типа *Это чёрт знает что такое!*

В определении К. р. существенную роль играет коммуникативный компонент. Г. О. Винокур так выразил его суть: «Для каждой цели – свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества». Коммуникативный компонент играет решающую роль в достижении целей общения. Можно не нарушать норм языка, соблюдать все правила этики общения, но при этом создавать неудовлетворительные тексты. Напр., многие инструкции по пользованию бытовой техникой перенасыщены специальной терминологией и потому непонятны неспециалисту. Если к.-л. лекция читается без учёта того, что реально известно слушателям о предмете лекции, у лектора мало шансов быть «принятым» аудиторией.

К. р. в коммуникативном аспекте требует учитывать функциональную дифференциацию языка и прагматические условия общения. В языке существуют функциональные разновидности, напр. разг. речь, и функциональные стили, напр. официально-деловой, научный, публицистический. Каждая функциональная разновидность имеет свои особенности. Если, напр., официально-деловой стиль требует знания и употребления готовых речевых формул, штампов (нельзя произвольно писать заявления, протоколы и т. п.), то заштампованность разг. или публицистической речи свидетельствует о плохом владении этими функциональными разновидностями речи. Умение свободно, в соответствии с задачами общения, переходить с одной функциональной разновидности языка на другую – важный показатель К. р. Одно из основных отличий просторечия от лит. языка состоит в том, что просторечие не имеет функциональных разновидностей, носитель просторечия, в отличие от людей с высокой К. р., говорит в любых ситуациях одинаково.

Любая функциональная разновидность языка реализуется в определённых прагматических условиях, на оси говорящий – ситуация – слушающий в устном общении и соответственно пишущий – читающий в письменном общении. Эти прагматические условия, действуя в пределах той или иной функциональной разновидности языка, конкретизируют цели общения и, следовательно, прямо влияют на оптимальный для данного случая выбор и организацию языковых средств. Напр., в пределах научного стиля по-разному должен быть построен текст лекции для студентов и доклада для специалистов. Когда говорят о языковом мастерстве школьного учителя, вузовского лектора, спортивного комментатора и др., имеют в виду культуру владения функциональными разновидностями языка в разных прагматических условиях.

Если общепринятые нормы лит. языка обязательны для говорящего или пишущего, то коммуникативные правила организации текста достаточно гибки и всегда оставляют место для творчества, для проявления авторской индивидуальности.

К. р. исследуется в нескольких разделах языкознания: язык и прагматика, теория речевых актов, функциональная стилистика. Одной из центральных задач каждого направления является изучение синонимических средств языка на всех его уровнях, т. к. владение К. р. есть в значительной степени владение его синонимией. Чем больше способов выражения одного смысла знает говорящий, тем легче ему добиться максимальной эффективности общения, тем более творческий характер имеет его речь. Для владения всеми функциональными разновидностями языка особенно важно знание синтаксической синонимии. Синтаксические синонимы – это набор разных синтаксических структур (прежде всего простых и сложных предложений) для выражения одного и того же смысла, ср.: *Маршрут пятого автобуса отменили, потому что идёт ремонт дороги – Пятый не ходит – дорогу ремонтируют – Маршрут автобуса № 5 отменён ввиду производства дорожных ремонтных работ*. Первое из приведённых высказываний может быть употреблено в любой функциональной разновидности, второе относится к разг. речи, а третье характерно для официально-делового стиля.

К. р. как особая область языкознания складывалась постепенно. На протяжении 18 – нач. 20 вв. нормативный и коммуникативный компоненты культуры владения языком рассматривались в разных науках. Вопросам нормативности посвящены работы М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, К. С. Аксакова, А. А. Потебни и др. Большую роль в нормализаторской деятельности играли работы В. И. Чернышёва, в т. ч. «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (1911). После 1917 сохранение норм лит. языка стало особенно актуальным, поскольку в общественную деятельность были вовлечены люди, им не владевшие. Проблемами К. р. в этот период занимались А. М. Селищев, Г. О. Винокур, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков, С. П. Обнорский, Е. С. Истрина, В. В. Виноградов, Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов и др. Не ослабевает нормализаторская деятельность лингвистов и в 90-х гг. 20 в. (работы Д. Э. Розенталя, Т. Г. Винокур, Л. К. Граудиной, Л. И. Скворцова, К. С. Горбачевича, Н. А. Еськовой, В. Л. Воронцовой, В. А. Ицковича, Л. П. Крысина, Б. С. Шварцкопфа, Н. И. Формановской и др.).

Коммуникативный компонент К. р. исследовался в России в 18–19 вв. в риторике (см.). После 1917 наука риторика была практически забыта. И только в 60-х гг. 20 в. в связи с потребностями преподавания К. р. в высшей школе исследование коммуникативного компонента получило нек-рое развитие (работы Б. Н. Головина, А. Н. Василье-

вой и др.). Однако коммуникативный компонент рассматривался под влиянием общей идеологизации гуманитарных наук: эталоном образцовых текстов считались работы В. И. Ленина. В 80–90-х гг. коммуникативному компоненту К. р. уделяется всё большее внимание, делаются попытки создания неориторик. Выдвигается мысль о том, что К. р.– только часть более широких понятий – речевой культуры (см.), а также культуры общения, куда входят ещё два компонента: культура мышления и психологическая культура общения, включающая, напр., рекомендации типа: если хочешь добиться эффективности общения, всячески стремись подчеркнуть достоинства собеседника.

Лит.: Винокур Г. О., Культура языка, 2 изд., М., 1929; ВКР. Сб., в. 1–8, М., 1955–67; Щерба Л. В., Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Пешковский А. М., Избр. тр., М., 1959; Обнорский С. П., Культура рус. языка, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1960; Виноградов В. В., Рус. речь, ее изучение и вопросы речевой культуры, «ВЯ», 1961, № 4; Розенталь Д. Э., Культура речи, 3 изд., [М.], 1964; Костомаров В. Г., Проблемы культуры речи, в кн.: Теоретические проблемы сов. языкозиания, М., 1968; Актуальные проблемы культуры речи, М., 1970; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Скворцов Л. И., Теоретические основы культуры речи, М., 1980; Головин Б. Н., Основы культуры речи, 2 изд., М., 1988; НЗЛ, в. 20 – Теория лит. языка в работах ученых ЧССР. [Сб. ст.], М., 1988; Ширяев Е. Н., Культура рус. речи: теория, методика, практика, «Изв. АН. Сер. ЛиЯ», 1992, т. 51, № 2. См. также лит. при статьях Норма, Речевой этикет.

Е. Н. Ширяев.

Л л

Л, л – тринадцатая буква русского алфавита. Её название – «эль» и новое (редкое) «эл» употребляется как существительное ср. рода: *прописное л.* По своему начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «люди», к-рая ведёт своё начало от греч. буквы «ламбда», а через посредство последней восходит к финикийскому «ламед». В кириллице имела числовое значение «тридцать», в глаголице (см.) – «пятьдесят».

Основное графическое значение буквы *л* – обозначение общей части фонем ⟨л⟩ и ⟨л'⟩: зубная, щелевая, боковая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *л* буквой или другим графическим знаком: ⟨л⟩ – *лук, толща, пол* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨л'⟩ – *люк, полька.* Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *л* обозначает твёрдость этих фонем: *блок, кремль, плыть.*

Лексе́ма (от греч. léxis – слово, выражение, оборот речи) – единица лексического уровня языка, определяемая как совокупность всех форм и значений одного слова. Л. соотносится с единицами других уровней языка, напр. с фонемой, морфемой. Такое понимание Л. было предложено В. В. Виноградовым (см. также работы Д. Н. Шмелёва, А. А. Уфимцевой). Оно позволяет снять противоречие в понимании и употреблении термина «слово», с одной стороны, как системы форм и функций, осознаваемой на фоне структуры языка в целом, и, с другой стороны, как отдельной, реализуемой в речи формы слова. Напр., все словоформы *река, реки, реке, реку, рекой,* (*о*) *реке, ре́ки, рек, рекам, ре́ки, реками,* (*о*) *реках* и разные значения этих форм в высказываниях *Река течёт, искупаться в горной реке* и *проливать реки крови, Слёзы текут рекой* являются реализациями одной и той же Л. *река.* Л. как единица номинативной системы и элемент строя языка характеризуется семантическим единством и обладает способностью выражать различные лексические и грамматические значения. В словоформах Л. представляет те значения, к-рые остаются неизменными при всех грамматических видоизменениях слова, что даёт основание нек-рым исследователям определять Л. более узко – как основу слова, выражающую лексическое значение, в отличие от флективных морфем, выражающих грамматическое значение (А. Мартине).

Ещё более узкое понимание Л.– только как единицы плана выражения, представляющей собой совокупность всех словоизменительных форм слова,– связано с введением в теоретическую семантику новой единицы плана содержания – семемы (см. Сема) (Н. И. Толстой, В. Г. Гак, О. Н. Селиверстова, Л. А. Новиков; эта точка зрения отражена в ряде вузовских учебных пособий). Однозначное слово представляет собой единство Л. и семемы, многозначное – единство Л. и соотносительных с нею взаимосвязанных семем. В таком понимании форма слова противопоставляется его значению.

Лит.: Виноградов В. В., Совр. рус. язык, в. 1–2, М., 1938; его же, О формах слова, в его кн.: Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Смирницкий А И, К вопросу о слове. (Проблема «тождества» слова), в кн.: Тр Ин-та языкознания АН СССР, т. 4, М., 1954; Толстой Н. И., Из опытов типологического исследования слав. словарного состава, «ВЯ», 1963, № 1; Уфимцева А. А., Типы словесных знаков, М., 1974; Новиков Л. А., Семантика рус. языка, М , 1982; Совр. рус. язык. Теоретический курс. Лексикология, под ред. Л. А. Новикова, М., 1987; Булыгина Т. В., Крылов С. А., Лексема, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.
А. С. Белоусова.

Ле́ксика (от греч. lexikós – относящийся к слову) – совокупность слов языка. Этим термином обозначают также определённые пласты словарного состава языка (напр., стилистически нейтральная Л., книжная Л., эмоциональная Л.), словарный состав тех или иных произведений или авторов (напр., лексика «Евгения Онегина» А. С. Пушкина).

Различают активный и пассивный фонд: в первый входят слова, понятные всем говорящим на данном языке и находящиеся в постоянном употреблении, во второй – слова, понятные большей или значительной части говорящих, но не употребляемые в обычном речевом общении (см. Активный словарь, Пассивный словарь). Л. совр. рус.

языка представляет собой сложную систему, образуемую различными по происхождению, сфере употребления, стилистической значимости группами слов, а также разной степенью смысловой близости или противопоставленности единиц Л. С точки зрения происхождения различаются исконно русские (*лес, вода, ходить, читать* и т. п.) и заимствованные (древнейшие – *тетрадь, корабль* и сравнительно недавние – *диктат, кемпинг, робот, радар, эскалация, акваланг, транзистор* и т. п.) слова. Степень ассимилированности заимствованных слов различна (см. Заимствование). Определённый пласт Л. совр. рус. языка составляют славянизмы (см.); в ряде случаев вытесненная ст.-слав. форма остаётся основой для производных: *холод*, но *охлаждать*; *берег*, но *прибрежный*; *город*, но *градостроительство* и т. п.; в ряде случаев сохранившиеся наряду с исконными вост.-слав. вариантами ст.-слав. (исторически) формы получили в рус. языке особое значение (ср.: *исходить* и *выходить*, *глава* и *голова*, *прах* и *порох* и т. п.).

В словарный состав лит. языка (в разные эпохи с различной интенсивностью) входят также областные слова, употребление к-рых первоначально ограничено отдельными территориальными говорами (ср.: *пахать, всполох, колдобина, околица, стерня* и т. д.). Нек-рые из этих слов сохраняют свой диалектный отпечаток и квалифицируются как диалектизмы (см.). Значительный пласт словарного состава совр. рус. лит. языка представляют т. н. интернациональные слова (см.), напр. *революция, космос* и т. п.

Различаются общеупотребительная, нейтральная в стилистическом отношении Л., составляющая основу словаря, и Л., применение к-рой ограничено определёнными типами речи, определёнными условиями речевого общения (специальная научная и техническая Л., разг. и просторечная Л., Л. официально-деловых документов и т. д., см. Стиль). Нек-рые слова (или значения слов) воспринимаются как устаревшие – архаизмы (см.) и историзмы (см.), другие – как новые, ещё не вполне привычные, не вполне закрепившиеся в лит. языке (см. Неологизмы). Стилистическая значимость слов не остаётся неизменной: отдельные устаревшие слова «возвращаются» в активный фонд словаря с новыми значениями, ср.: *вратарь, довлеть*; специальные термины в ряде случаев, иногда видоизменяя значение, могут становиться общеупотребительными, и т. д.

Существенной особенностью Л. по сравнению с другими сторонами языка является её непосредственная обращённость к явлениям действительности. Поэтому именно в Л. прежде всего отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни. Появление новых предметов, возникновение новых понятий неизбежно влекут за собой создание новых наименований или видоизменение семантики тех или иных слов.

Т. о., непосредственное воздействие внеязыковой действительности на Л. обусловливает её подвижность – в языке постоянно отмечается не только появление новых слов (и новых значений), вытеснение устаревших, утрачивающих свою актуальность обозначений, но и стилистическое перераспределение различных групп Л., изменение лексической и синтаксической сочетаемости слов и т. д.

Вместе с тем значительная часть слов, представляющая собой основу словарного состава языка, отличается устойчивостью основных значений (многие слова сохранили в совр. языке те же значения, к-рые отмечаются в древнейших памятниках письменности; ср.: *мать, отец, брат, вода, ходить, начать*).

При изучении словарного состава важно учитывать те отношения, к-рые существуют между различными словами и группами слов в тот или иной период развития языка. Семантика слова определяется не только способностью слова обозначать те или иные явления внеязыковой действительности, но и соотношением данного слова с другими словами (ср., напр., синонимические, антонимические связи; см. Синонимы, Антонимы, Омонимы), особенностями его сочетаемости и словообразовательными связями (см. Семантика).

Лит. см. при ст. Лексикология. *Д. Н. Шмелёв.*

Лексикализа́ция – превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (напр. во фразеологизм). Частными случаями Л. являются: превращение служебной морфемы (аффикса, см.) в слово: *акмеисты, футуристы и прочие исты; ультра* – 'люди крайних убеждений'; превращение словоформы или предложно-падежного сочетания в самостоятельное слово, напр. наречие (*верхо́м, вниз, замертво*), междометие (*Батюшки!; Караул!*); превращение словосочетания в слово: *спасибо* < *спаси бог, умалишённый, заблагорассудится* (см. также Сращение); фразеологизация, возникновение идиоматического сочетания из свободного: *бить баклуши, заморить червячка* (см. Фразеологизм). Под Л. понимается также семантическое обособление одной из форм слова или части форм, напр. форм мн. ч. существительных; ср.: *бег* и *бега́* – 'ска́чки', *вода* и *во́ды* – 'водные пространства'. Возможно и применение термина «Л.» к тем формальным (напр., морфонологическим) явлениям, к-рые не проявляются регулярно, а ограничены определённой группой (закрытым списком) слов; так, беглость гласной в корне ограничена в совр. рус. языке определённым списком слов (*сон – сна, день – дня, лёд – льда*, но *дом – дома, мёд – мёда*).

Лит.: Новиков Л. А., Лексикализация форм числа существительных в рус. языке, «Филол науки», 1963, № 1; Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967,

с. 121–23; Кузнецова О. Д., О понятии лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах, «ВЯ», 1978, № 2. *В. В. Лопатин.*

Лексикогра́фия (от греч. lexikós – относящийся к слову и gráphō – пишу) – раздел языкознания, теория и практика составления словарей. В отличие от энциклопедических (см. Словари энциклопедические) языковые словари (см. Словари лингвистические) объясняют значения слов, их грамматические и другие особенности и содержат все классы слов (все части речи). Собственно словари следует отличать от словоуказателей (индексов) к различным текстам, в к-рых обычно нет сведений о слове, кроме указания на место (или места) его употребления в тексте. Словоуказатели, как правило, даются при научных изданиях старинных памятников письменности. Л. тесно связана и развивается параллельно с лексикологией (см.). В теории Л. существуют различные классификации словарей. Типы и виды словарей определяются в основном двумя факторами: составом и количеством объясняемых слов, т. е. словником словаря, и характером объяснения значения слова (набор синонимов; описательное толкование; отсылочное определение, т. е. объяснение производного слова через первообразное, производящее, напр. *домик* – 'маленький дом' или 'уменьшительное к дом'). Различаются словари одноязычные и переводные (обычно двуязычные, реже многоязычные). В отличие от одноязычных, в переводных словарях лексика одного языка поясняется средствами другого языка (или других языков). В характеристике слова в совр. словарях большое место занимают различного рода пометы (см.), пояснения, справки: этимологические, орфографические, орфоэпические, грамматические, стилистические, а также типичные словосочетания, иллюстративные примеры из текстов, фразеологические обороты различных типов. Заглавное (т. е. объясняемое) слово вместе со всеми сведениями, к-рые о нём сообщаются в словаре, составляет т. н. словарную статью. По расположению заглавных слов словари делятся на алфавитные и гнездовые. В первых слова располагаются по алфавиту заглавных слов (их разновидностью являются т. н. обратные словари, в к-рых слова следуют в алфавитном порядке конечных букв). В гнездовых словарях слова располагаются по алфавиту первообразных слов, при этом их производные и однокоренные помещаются в той же словарной статье.

Л. возникла у многих народов на ранних этапах развития письменности из потребности узнать, что обозначает то или иное непонятное слово (устарелое, диалектное, специальное, иноязычное). Первые словари носили синкретический характер (типы и виды словарей выделились позднее). Они были одновременно и своего рода энциклопедическими справочниками. Непосредственными предшественниками словарей являются глоссы, т. е. объяснения значений отдельных слов на полях и в тексте древних рукописных книг. Сборники глосс (глоссарии) были первыми словарными работами.

Начальный период славяно-рус. Л. датируется 11 в. Самый старый из дошедших до нашего времени рус. глоссариев – словарик (в 174 слова), приложенный к Кормчей книге 1282. В др.-рус. Л. при всём её синкретизме выделяются след. виды словарей: 1) словари собственных имён, т. н. ономастиконы, напр. «Речь жидовського языка» – словарь иностранных слов, в основном собственных имён, упоминающихся в Библии; 2) словари символики, т. н. притчоники (от слова притча), напр. «Толк о неразумных (т. е. непонятных) словесех псалтырных» – сборник слов с символическим смыслом (в др.-рус. культуре были широко распространены символические толкования ряда явлений природы, исторических событий и преданий); 3) словари славяно-русские, толкующие непонятные слова книжной речи (преим. из церк.-слав. книг), напр. «Толкование неудобь познаваемом речем»; 4) словари-разговорники – первые переводные словари, напр. «Речь тонкословия греческого». Данные виды др.-рус. словарей известны в многочисленных редакциях и списках, в к-рых варьировались и состав слов, и их объяснения. Эти лексиконы – ценнейшие источники наших знаний по др.-рус. культуре и языку.

В 16–17 вв. названные лексикографические направления продолжают развиваться. Увеличивается объём словарей и возникает необходимость удобного для пользования распределения слов. Слова всё чаще располагаются в строго алфавитном порядке, откуда возникают новые названия словарей – азбуковники (см.), «алфавиты иностранных речей». В создании азбуковников участвовал писатель и публицист 16 в. Максим Грек. В 1596 в Вильно вышел первый печатный словарь – «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диялект истолкованы». Его автор – филолог Лаврентий Зизаний Тустановский. В словаре 1061 слово. В 1627 в Киеве был напечатан «Лексикон славенороссийский и имен толкование» Памвы Берынды, «книгопечатного мастера», поэта и филолога. В словаре 6982 слова. В 1653 вышло 2-е изд. словаря. Труд Берынды оказал значительное влияние на развитие Л. в России 17–18 вв. В 17 в. и особенно в 18 в., наряду с объяснениями древних слав. слов, лексикографы дают толкования иностранных слов в совр. языке. Одновременно появились многочисленные переводные словари древних и новых языков – греч., лат., араб., польск., нем., итал. и др. (русско-иноязычные и иноязычно-русские). Широкой известностью пользовались рукописные лексиконы греч. и лат. языков Епифания Славинецкого. В 1704 в Москве был издан «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» переводчика, педагога, директора моск. Печатного двора Ф. П. Поликарпова-Орлова. В Петровскую

эпоху особенно широкое распространение получают рукописные словари иностранных слов. Один из них создавался по указанию и под личным наблюдением Петра I. В 18 в. появляются и различные словари этимологического характера, напр. «Российский Целлариус...» (1771) Ф. Гельтергофа; слова в нём располагались по алфавиту первообразных слов, под к-рыми группировались их производные и однокоренные слова.

Уже к сер. 30-х гг. 18 в. стала очевидной потребность в толковом словаре лит. языка. В Петерб. АН были начаты подготовительные работы, в к-рых участвовали лучшие писатели и учёные России во главе с М. В. Ломоносовым. Фундаментальные рукописные словарные труды А. И. Богданова и К. А. Кондратовича легли в основу первого академического словаря рус. языка. «Церковный словарь» П. А. Алексеева (1773), выдержавший четыре издания, был также использован составителями академического словаря, т. к. в нём толковались не только библейские, но и многие книжные слова, употреблявшиеся в произведениях писателей и учёных. В 1783 была учреждена Российская Академия, начавшая составление толкового словаря родного языка. «Словарь Академии Российской» (ч. 1–6, 1789–94) открыл новый период в истории рус. Л.

В 19 в. было создано несколько типов фундаментальных толковых словарей, вышли областные, исторические, этимологические, синонимические словари, словари жаргонных, профессиональных, иностранных слов, множество двуязычных словарей различных типов. Появились и первые специальные работы по теории Л. (И. И. Давыдова, А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Я. К. Грота и др.). Большой общественный резонанс имел «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 1–4, 1863–66).

В нач. 20 в. на развитие Л. оказала существенное влияние лексикографическая деятельность А. А. Шахматова, руководившего работами по составлению словаря-тезауруса (оставшегося незаконченным; см. Толковые словари).

После 1917 начинается новый период в развитии рус. Л. Большое влияние в теоретическом и практическом отношении на словарную работу на всех языках быв. СССР оказал «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. 1–4, 1935–40) Совершенствуются старые и создаются многочисленные новые типы словарей. Среди них большое место занимают национально-русские и русско-национальные словари, на основе к-рых создавалась в ряде быв. сов. республик национальная Л.– один из основных факторов повышения культуры устной и письменной речи, нормализации национальных языков. Развивается новое направление в Л.– теория и практика составления различного типа учебных словарей.

Рус. Л. сер. и кон. 20 в. отличается не только максимальной дифференциацией типов и видов словарей, но и значительным количеством теоретических исследований, в к-рых разрабатываются проблемы Л. в соответствии с совр. уровнем развития лингвистики, и прежде всего лексикологии. Разрабатываются разные типы словарных статей в соответствии с типом словаря. Словарная статья строится с учётом особенностей слова как части речи, подачи основных и вторичных значений, принципов толкования или перевода как отдельного слова, так и лексико-семантических групп, в к-рые оно входит (напр., глаголы движения, части тела, термины родства, наименования видов животного и растительного мира, орудий производства и т. д.). Словарная статья лаконично (в виде помет и особых знаков) в соответствии с типом словаря содержит указание на орфографические, орфоэпические, стилистические особенности слова в целом или его отдельных значений. Для каждого типа словаря специально отрабатываются принципы подбора различных видов иллюстративных примеров – типичных и редких словоупотреблений, устаревших и неологизмов, устойчивых словосочетаний. Особенно большую роль в совершенствовании и развитии теории совр. Л. сыграли работы Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина, А. П. Евгеньевой, А. М. Бабкина, Л. С. Ковтун, Н. Ю. Шведовой, О. Н. Трубачёва, П. Н. Денисова, Г. А. Богатовой, В. Г. Гака, Ю. Д. Апресяна и др., к-рые являются одновременно авторами или редакторами разнообразных словарей, как общих, так и специальных.

Продолжается работа по созданию разнообразных толковых словарей. Разработан классический тип однотомного толкового словаря совр. языка – «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949; 22 изд., 1990; с 9-го изд. под ред. Н. Ю. Шведовой). Продолжением этого словаря является «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (3 изд., 1995). Академический «Словарь современного русского литературного языка» (т. 1–17, 1948–65; Ленинская пр., 1970) развивает тип словаря, созданный Гротом и Шахматовым, охватывает лексику рус. языка от А. С. Пушкина до наших дней. В нём детально разрабатываются слова с указанием всех типов значений, приводится значительное количество примеров – цитат из рус. авторов, даются сведения о первой фиксации слова в словарях рус. языка. Этот тип словаря с учётом последних достижений Л. продолжает развитие в новом 20-томном толковом «Словаре современного русского литературного языка» (т. 1–6, 1991–95; изд. продолжается). Двумя изданиями вышел четырёхтомный «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (т. 1–4, 1957–61; 2 изд., 1981–84).

Помимо различного типа толковых словарей (гл. обр. нормативных), орфографических, орфо-

эпических и двуязычных переводных (среди к-рых по сравнению с предшествующим периодом появляется значительное количество словарей слав. языков различных типов), создаются словари, посвящённые отдельным лексико-семантическим категориям,– словари синонимов, паронимов, антонимов, имён собственных различных типов; создаются фразеологические, этимологические словари, словари исторические, иностранных слов, диалектных слов различных типов и назначения.

Совершенно новыми типами словарей являются словари частотные, обратные, словообразовательные, грамматические, морфемные, синтаксические, словари сочетаемости, трудных слов, новых слов и выражений и др. А. А. Зализняком создан фундаментальный «Грамматический словарь русского языка» (1977; 3 изд., 1987).

Впервые создаются фундаментальный словарь языка писателя – «Словарь языка Пушкина» (т. 1–4, 1956–61), оказавший существенное воздействие на составление аналогичных словарей; многотомные исторические словари: «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (т. 1–5, 1988–94; изд. продолжается), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (в. 1–21, 1975–95; изд. продолжается), «Словарь русского языка XVIII века» (в. 1–8, 1984–95; изд. продолжается). Разработан тип идеографического словаря – «словаря активного типа» (Апресян) на основе широкого выбора синонимов, включая и квазисинонимы, и т. н. семантические дериваты: «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского (1984), «Англо-русский синонимический словарь» Апресяна, В. В. Ботяковой и др. (1979). На основе машинной обработки гл. обр. словарей Ушакова и Ожегова создан «Частотный словарь семантических множителей русского языка» Ю. Н. Караулова (1990).

Широкое развитие получили различные типы учебных словарей (толковые, синонимов, иностранных слов, этимологические и др.), предназначенные для школ или иностранцев, изучающих рус. язык.

Лит.: Библиографический указатель лит-ры по рус. языкознанию с 1825 по 1880 г., в. 2, М., 1954; Лексикографический сб., в. 1–6, М., 1957–63; Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель 1918–1962, М., 1966; Библиографический указатель словарей изд-ва «Сов. энциклопедия». 1928–1966, М., 1967; Цейтлин Р. М., Краткий очерк истории рус. лексикографии, М., 1958; Касарес Х., Введение в совр. лексикографию, пер. с исп., М., 1958; Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии, Л., 1963; Ковтун Л. С., Рус. лексикография эпохи средневековья, М.– Л., 1963; её же, Лексикография в Моск. Руси XVI – нач. XVII в., Л., 1975; её же, Древние словари как источник рус. исторической лексикологии, Л., 1977; её же, Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность, Л., 1989; Вопросы учебной лексикографии, [т. 1–2], М., 1969–77; Берков В. П., Вопросы двуязычной лексикографии, Л., 1973; Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Денисов П. Н., Очерки по рус. лексикологии и учебной лексикографии, М., 1974; Совр. рус. лексикография, Л., 1975–83; Виноградов В. В., Избр. тр. Лексикология и лексикография, М., 1977; Проблемы исторической лексикографии, Л., 1977; Актуальные проблемы учебной лексикографии, М., 1977; Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. Сб. ст., под ред. П. Н. Денисовой, В. В. Морковкина, М., 1978; Современность и словари, Л., 1978; Новые слова и словари новых слов. Сб., под ред. Н. З. Котеловой, Л., 1983; Переводная и учебная лексикография, М., 1979; Словари и словарное дело в России XVIII в., Л., 1980; Караулов Ю. Н., Лингвистическое конструирование и тезаурус лит. языка, М., 1981; Рус. язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX–X, М., 1981; Теория и практика рус. исторической лексикографии, М., 1984; Богатова Г. А., История слова как объект рус. исторической лексикографии, М., 1984; Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д., Очерки по рус. диалектной лексикографии, Л., 1987; Будагов Р. А., Толковые словари в национальной культуре народов, М., 1989; Гак В. Г., Лексикография, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; его же, Словарь, там же; Апресян Ю. Д., Формальная модель языка и представление лексикографических знаний, «ВЯ», 1990, № 6 (лит.); Историко-культурный аспект лексикографического описания рус. языка, М., 1995.

Р. М. Цейтлин.

Лексиколо́гия (от греч. lexikós – относящийся к слову и lógos – учение) – раздел языкознания, в к-ром изучается словарный состав языка, его лексика (см.). В задачи Л. входит определение слова как основной единицы языка (см. Слово), выяснение связи значения слова с понятием, выделение различных типов значений слов. Л. включает ряд семасиологических проблем, т. е. проблем, связанных со смыслом, со значением слов, их способностью обозначать те или иные явления внеязыковой действительности.

Одной из основных задач, к-рые призвана решить Л., является установление различных видов системных отношений, существующих внутри различных групп лексики, определение тех объективных (в т. ч. синтаксических) показателей, к-рые объединяют слова (в определённых значениях).

Различные задачи стоят перед Л. совр. рус. языка и Л. исторической. Л. современного русского языка исследует стилистическую дифференциацию словарного состава, отдельные тематические и лексико-семантические группировки слов, их соотношение друг с другом и соотношение единиц внутри этих группировок. С точки зрения стилистической дифференциации, слова́, во-первых, могут принадлежать к определённым функциональным типам речи (см. Стиль): к официально-деловому стилю (*проживать*, *местожительство*, составные наименования типа *торговая точка*, *населённый пункт* и т. п.; см. Официально-деловой стиль), научному стилю (напр., специальные термины *деепричастие*, *нейтрино*, *алгоритм*; см. Научный стиль) и др. Во-вторых, в языке существует значительное количество слов, к-рые придают речи «высокий» или «сниженный» характер (в словарях совр. рус. языка они имеют пометы *высок.*, *книжн.* или *разг.*, *прост.*). Подобная стилистическая окраска слов воспринимается

лишь в связи с тем, что язык располагает нейтральными в стилистическом отношении синонимами соответствующих обозначений (ср.: *чело – лоб, очи – глаза, пребывать – находиться, глава – башка – голова, смотаться – уйти* и т. п.). Кроме того, в лит. язык входят слова, сохраняющие диалектную окраску, а в художественной лит-ре (гл. обр. в целях речевой характеристики персонажей) употребляются также жаргонные слова и выражения.

Исследуя лексику языка в её системных связях, Л. учитывает, что, будучи обозначениями предметов и явлений внеязыковой действительности, слова, естественно, отражают те связи, к-рые существуют между предметами и явлениями самой действительности. Вместе с тем слова – это единицы языка и между ними существуют и собственно языковые связи: они объединяются в определённые лексико-семантические группы, в каждом языке по-своему членя те или иные отрезки действительности (напр., в рус. языке – названия возвышенностей: *гора, холм, пригорок, курган, сопка* и т. д., глаголы движения: *идти, ехать, летать, плыть, ползти* и т. д.– не находят полного соответствия в других языках).

Все слова (многозначные – в каждом из своих значений) находятся в определённых соотношениях с другими словами. Одной из главных задач Л. является выяснение тех семантических противопоставлений, к-рые существуют между различными словами, в т. ч. синонимическими и антонимическими; именно противопоставление значений различных слов делает возможным выделение существенных семантических признаков, к-рыми определяется данное значение слова (напр., общий семантический элемент у слов *гора* и *холм* – «возвышенность», к-рый позволяет их сопоставлять; существенным же дифференциальным признаком для них является признак размера).

Возможность сочетания слова с другими словами теснейшим образом связана с его значением. Для многозначных слов именно сочетаемость и определяет то, что слово выступает в том или другом значении (ср.: *рыть землю, приплыть к земле; Земля вращается вокруг Солнца* и т. д., где слово *земля* имеет разные значения).

В Л. изучаются также устойчивые сочетания слов, к-рые представляют собой расчленённые наименования отдельных предметов и явлений действительности и являются эквивалентами слова (ср. ряды: *ботинки, туфли, сапоги* и т. п.– *обувь* и *шляпа, фуражка, кепка* и т. д.– *головные уборы*; ср.: *помочь* и *оказать помощь*, а также составные наименования типа *совершить посадку, оказать влияние, дом отдыха, стиральная машина, средства связи, единицы оборудования* и т. п.). Эти сочетания относятся к фразеологии (см.), к-рая включается в Л. как один из её разделов (нек-рыми исследователями, однако, считается самостоятельным разделом науки о языке, наряду с Л., морфологией и др.).

Именно на основе составных наименований создаются аббревиатуры (см.) и т. н. сложносокращённые слова (*роно, леспромхоз, госплан* и т. д.), в к-рых отчасти преодолевается противоречие между расчленённостью наименования и целостностью обозначаемого.

Предмет исследования **исторической** Л. составляют история слов, формирование и развитие лексики, изменения в различных группах слов. При выяснении истории отдельных слов и групп слов учитываются как собственно языковые, так и внеязыковые (экстралингвистические) факторы. Непосредственная связь лексики с внеязыковой действительностью обусловливает то, что появление новых предметов, возникновение новых понятий приводят к пополнению словаря новыми обозначениями этих предметов и понятий, способы же их обозначения, т. е. способы номинации (см.), во многом определяются теми лексическими ресурсами, к-рыми располагает данный язык, и теми лексико-семантическими отношениями, к-рые существуют в языке в ту или иную эпоху.

Одной из задач исторической Л. является установление путей изменения значения слов, приводящего к разрушению тех словообразовательных связей, к-рые обнаруживаются внутри отдельных словообразовательных гнёзд (см.). Напр., для совр. рус. языка оказывается разрушенной (и немотивированной в смысловом отношении) связь между такими словами, как *спасти, спасение* и т. д., с одной стороны, и такими, как *опасный, опасаться, опасение* и т. д.– с другой. При словообразовательном анализе, проводимом с точки зрения соотношений, существующих в совр. рус. языке, эти ряды слов не могут быть сопоставлены друг с другом. Однако исторически они связаны с глаголом *пасти* – 'беречь', причём развитие значений ряда *опасный*, как показывают данные памятников др.-рус. письменности, а также диалектов, прошло через значения 'осмотрительный', 'осторожный'; сочетание *опасная грамота* имело значение 'охранная грамота' – реальная необходимость в такой грамоте в условиях ср.-век. действительности также, по-видимому, наложила отпечаток на семантику слова.

Решение теоретических вопросов Л. имеет важное практическое значение, в первую очередь для лексикографии (см.), а также для автоматического перевода (см.).

Изучение словарного состава рус. языка, по существу, началось в 18 в. Большое значение имели труды М. В. Ломоносова, указавшего на стилистическое расслоение лексики рус. лит. языка, на особенности сочетаемости и разные сферы применения различных групп слов (см. Трёх стилей теория). Важную роль для исследования и систематизации лексики рус. языка сыграли толковые

словари, первым из к-рых был «Словарь Академии Российской», вышедший в 1789–94.

В дальнейшем наряду с составлением новых толковых и исторических словарей рус. языка в ряде работ решались отдельные лексикологические проблемы, исследовались нек-рые группы слов (И. Ф. Калайдович, И. И. Срезневский, В. И. Даль, Я. К. Грот, А. А. Потебня, С. К. Булич, М. М. Покровский). Особенно активизировалось исследование лексики с 20–30-х гг. 20 в. (исследования Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, А. И. Смирницкого, С. И. Ожегова, О. С. Ахмановой, Ю. С. Сорокина, А. П. Евгеньевой, Д. Н. Шмелёва, Н. Ю. Шведовой, Ю. Д. Апресяна и др.).

Намечены пути к решению таких общетеоретических вопросов, как характер системности лексики, соотношение между значением и понятием и между лексическим и грамматическим значениями, изучается роль различных факторов изменения лексики, тенденции её развития и т. д.; вместе с тем исследуются различные группы слов в лит. языке и в диалектах, прослежена судьба ряда слов и устойчивых словосочетаний; большое внимание уделяется истории формирования словарного состава совр. лит. языка, особенностям пополнения лит. лексики в различные периоды развития языка. Ведётся работа по составлению лингвистических словарей разных типов.

Лит.: Ахманова О. С., Очерки по общей и рус. лексикологии, М., 1957; Калинин А. В., Лексика рус. языка, [М.], 1966; Лексика совр. рус. языка. Рус. язык и сов. общество, М., 1968; Шанский Н. М., Лексикология совр. рус. языка, 2 изд., М., 1972; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Шмелев Д. Н., Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Гак В. Г., Лексикология, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

Д. Н. Шмелёв.

Лексико́н (греч. lexikón – словарь) – 1) название языковых и энциклопедических словарей, распространённое в России 18 – 1-й пол. 19 вв. Слово «Л.» известно в рус. языке с 13 в., но словари в старину обычно назывались азбуковниками (см.). Первый словарь под названием «Лексикон славеноросский и имен толкование» написал Памва Берында в 1627. В течение 18 в. появилось значительное количество двуязычных и многоязычных словарей, к-рые все назывались Л. Самые известные среди них: «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» Ф. П. Поликарпова-Орлова (1704), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731), «Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова...» И. Ф. Литхена (ч. 1–2, 1862), «Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон» Ф. Гельтергофа (1771); в последнем труде впервые фиксируется слово «словарь». После выхода в свет «Словаря Академии Российской» (ч. 1–6, 1789–94) наименование «словарь» становится популярным и вытесняет название «Л.».

Первая рус. энциклопедия была составлена в 30-х гг. 18 в. В. Н. Татищевым и называлась «Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский» (ч. 1–3, 1793). В сер. 19 в. был популярен «Энциклопедический лексикон» издателя А. А. Плюшара (т. 1–17, 1835–41).

2) Запас слов, выражений, характерный для кого-либо или для какой-либо области человеческой деятельности; напр., *У него бедный лексикон; лексикон медиков*.

Лит.: Залевская А. А., Проблемы организации внутреннего лексикона человека, Калинин, 1977; её же, Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование, Воронеж, 1990.

Р. М. Цейтлин.

Лекси́ческое значе́ние – содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр. Л. з. – продукт мыслительной деятельности человека, оно носит обобщённый характер. Обычно Л. з. сопоставляется с понятием. Лежащее в основе Л. з. понятие имеет более или менее чёткое ядро и нечёткую периферию. Чёткость ядра обеспечивает устойчивость Л. з. и тем самым – взаимопонимание; благодаря расплывчатому «ореолу» понятия Л. з. может «растягиваться», что даёт возможность использовать слово для обозначения предметов, для к-рых в языке нет специального наименования. В Л. з. отражается диалектическое соотношение общего и особенного, устойчивого и подвижного. Подвижность Л. з. позволяет использовать слово для художественного творчества.

Л. з. представляет сложную структуру, определяемую общими семиотическими отношениями словесного знака: его семантикой, прагматикой, синтактикой. В собственно семантическом аспекте (отношение знака к внеязыковой действительности) в структуре Л. з. выделяются две стороны: сигнификативное значение – отношение слова к понятию – обобщённому мысленному отображению классов объектов, и денотативное – отношение слова к конкретному обозначаемому объекту в речи. Эти два аспекта Л. з. определялись в языкознании как оппозиция значение – референция.

Прагматический аспект Л. з., отражающий отношение говорящих к объекту, включает экспрессивно-эмоциональную оценку и коннотации культурно-исторического и индивидуально-психологического плана. В синтагматическом аспекте (отношение между знаками) Л. з. определяется его связями с Л. з. других слов в словосочетаниях и предложениях. Центральным компонентом значения слова является его семантический аспект; синтагматические факторы, существенные для уточнения Л. з., вторичны по отношению к собственно семантическому аспекту.

В процессе функционирования языка Л. з. может подвергаться изменениям и приводить к полисемии (см.). Изменения Л. з. могут быть глубокими, в результате к-рых формируется новое значение слова и даже омоним, либо едва заметными («скольжение» смысла слова). Благодаря устойчивым, часто встречающимся ассоциациям понятий и объектов развиваются регулярные типы полисемии (напр., переход «содержащее» – «содержимое»: *фарфоровая тарелка – съесть две тарелки*). Изменение Л. з. проходит через три этапа: единичное, не закрепившееся в языке изменение Л. з. проявляется лишь в особом у п о т р е б л е н и и слова; регулярное новое употребление, социально закрепившееся, приводит к формированию отдельного з н а ч е н и я слова. При дальнейшем расхождении значений, сопровождающемся утратой ощущения связи между ними, образуется о м о н и м – новая лексическая единица.

В связи с многозначностью возникает ряд теоретических проблем. А. А. Потебня считал, что многозначности нет: в каждом новом значении слова он видел новую лексическую единицу. Р. О. Якобсон тоже отвергал, по сути дела, полисемию, утверждая, однако, что все значения слова представляют собой частные манифестации одного общего значения. Наиболее распространённой является точка зрения, согласно к-рой внутри многозначного слова выделяется ряд значений (лексико-семантических вариантов слова), связанных между собой отношениями семантической производности.

Многозначность слова ставит проблему типологии значений слова и проблему семантической структуры слова. Одну из первых типологий Л. з. разработал В. В. Виноградов. По принципу отношения к обозначаемому объекту он выделил в слове основное номинативное значение, минимально зависимое от лексико-грамматического окружения, и производное номинативное значение, образуемое в результате переноса или специализации основного, а также экспрессивно-стилистическое. На основании синтаксической обусловленности различаются значения свободные, фразеологически связанные и функционально (конструктивно) обусловленные. Различные типологии Л. з. предлагали Б. Н. Головин, Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева и др.

Следует различать семантическую структуру слова и структуру отдельного значения слова. Первая включает совокупность отдельных значений (лексико-семантических вариантов), среди к-рых выделяются основное и производные. Каждое значение слова представляет собой совокупность элементарных смыслов (сем) – иерархически организованную структуру, в к-рой выделяется интегрирующий родовой смысл (архисема), дифференцирующий видовой смысл (дифференциальная сема) и потенциальные семы, отражающие различные ассоциации, побочные свойства объекта, реально существующие или приписываемые ему коллективом. Потенциальные семы играют важную роль при формировании переносных значений слова. Напр., семантическая структура глагола *прийти* включает по меньшей мере четыре лексико-семантических варианта: «прийти пешком»; «прибыть» (*Поезд пришёл*); «быть доставленным» (*Письмо пришло*); «наступить» (*Пришла весна*). Каждое из этих значений имеет свою структуру. Напр., у первого (основного) значения архисемой является смысл «передвигаться», дифференциальной семой – способ передвижения – «пешком» (ср. *бежать, ехать, ползти* и т. п.). Потенциальной семой является темп движения (*идти* – нормальный темп, *бежать* – быстрый, *ползти* – медленный). При переносном употреблении слова архисема и дифференциальные семы отходят на задний план, потенциальные актуализируются, получая статус дифференциальных (ср. *Время идёт, бежит, ползёт*).

Л. з. обладает и внешней структурностью: слова и их лексико-семантические варианты образуют лексико-семантические группы (поля), внутри к-рых значение одного слова является границей значения другого.

Лит.: З в е г и н ц е в В. А., Семасиология, М., 1957; К а ц н е л ь с о н С. Д., Содержание слова, значение и обозначение, М.– Л., 1965; Г о л о в и н Б. Н., Введение в языкознание, М., 1973; А п р е с я н Ю. Д., Лексическая семантика, М., 1974; В и н о г р а д о в В. В., Избр. тр. Лексикология и лексикография, М., 1977; Ш м е л е в Д. Н., Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Аспекты семантических исследований, М., 1980; Н о в и к о в Л. А., Семантика рус. языка, М., 1982; У ф и м ц е в а А. А., Лексическое значение, М., 1986; Т е л и я В. Н., Коннотативный аспект семантики номинативных единиц, М., 1986; А р у т ю н о в а Н. Д., Типы языковых значений. Оценка, событие, факт, М., 1988; Н и к и т и н М. В., Основы лингвистической теории значения, М., 1988; Г а к В. Г., Лексическое значение слова, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

В. Г. Гак.

Ленингра́дская (Петербу́ргская) фонологи́ческая шко́ла – направление в исследовании звукового уровня языка. Основоположник – Л. В. Щерба (последователь И. А. Бодуэна де Куртенэ), его ученики – С. И. Бернштейн, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. В 1912 Щерба определил фонему (см.) как единицу, способную дифференцировать слова и их формы. Он

Лев Владимирович Щерба 20.2(3.3).1880– 26.12.1944

установил обусловленность членения звуковой последовательности на фонемы морфологическим членением (в словах *бы-л, засну-л, он-а, был-а* конечные фонемы отделяются благодаря возможности провести перед ними морфологическую границу), а возможность разбить каждое слово на фонемы определяется именно такой потенциально существующей связью между морфемой и фонемой; языковую функцию фонемы Щерба также связывал с её способностью участвовать в образовании звукового облика значимой единицы (*одет – одеть* и т. д.).

Основной принцип подхода Л. (П.) ф. ш. к звуковым единицам – стремление связать языковую (социальную) природу фонемы с её ролью в речевой деятельности человека. Фонема, будучи минимальной языковой единицей, лежащей в основе иерархии фонема – морфема – слово – синтагма, в то же время является единицей уникальной, поскольку именно фонема обеспечивает использование материальных явлений (физиологических, акустических) для образования значимых единиц языка. Именно таким пониманием фонемы определяется принципиальный интерес к материальным свойствам звуковых единиц, к исследованиям в области экспериментальной фонетики, к разработке новых методов анализа речи.

Для Л. (П.) ф. ш. характерно утверждение, что система фонем того или иного языка – не просто результат логических построений исследователя, а реальная организация звуковых единиц, обеспечивающая каждому носителю языка возможность порождения и восприятия любого речевого сообщения. Отсюда понятен интерес к тем функциям звуковых единиц, к-рые обнаруживаются при исследовании речевой деятельности и языкового материала: подробное фонетическое описание различных фонологических систем, идея важности «звукового облика слова», интерес к разным стилям речи, разработка теории слога (см.), теории интонации (см.) и т. д. Учёт фонетических характеристик – при постулировании их подчинённости функциональным свойствам – предполагает наличие достаточно сложных правил, регулирующих отношения между теми и другими. Напр., фонемный состав слова определяется на основе знаний о составе фонем языка и правил их дистрибуции: разные аллофоны одной фонемы невозможны в одной и той же фонетической позиции, тогда как один и тот же аллофон не может встречаться в разных позициях. Изменения звукового облика слова или морфемы трактуются или как аллофонические изменения (*с[а]д – с'[ǽ]ду*), или как чередования фонем (*са⟨t⟩ – cá⟨d⟩a*), т. е. фонемный состав слов типа *рок, рог* или *коз, кос* одинаков и в этом случае можно говорить о неразличении морфем, но не фонем (см. Московская фонологическая школа).

Во 2-й пол. 20 в. в рамках Л. (П.) ф. ш. детально разрабатываются такие проблемы, как процедура сегментации и отождествления аллофонов («оттенков») одной фонемы, определение фонемного состава слова, фонологическая интерпретация звуковых явлений в языках слогового строя, лингвистический статус и фонетические корреляты различительных признаков фонемы и др.

Актуальность идей Л. (П.) ф. ш. определяется сущностью основных направлений: углублённое исследование фонетических характеристик языков с различными звуковыми системами, позволяющее раскрыть общие закономерности использования материальных средств в естественном языке; исследование фонетики и фонологии спонтанной речи, в к-рой отсутствуют условия для реализации «идеального фонетического облика слова»; изучение интонационных средств языка как в связи с их особой ролью для передачи значения, так и в связи с тем влиянием, к-рое интонация оказывает на сегментные единицы; анализ тех фактов речевого поведения человека, к-рый дал бы представление о механизмах, позволяющих ему пользоваться объективно вариативными речевыми сигналами как некими инвариантными языковыми единицами.

Большое значение в развитии идей Л. (П.) ф. ш. имеют прикладные аспекты исследования речи – анализ лингвистической природы звуковых нарушений при афазиях, заикании, тугоухости; создание лингвистических правил, обеспечивающих автоматический анализ и синтез речи; исследование статистических характеристик звуковых единиц, необходимое для создания испытательных тестов в технике связи, медицине; разработка методики преподавания неродного (в т. ч. русского) языка.

Лит.: Бернштейн С. И., Фонема, в кн.: Большая Сов. Энциклопедия, т. 58, М., 1936; его же, Вопросы обучения произношению, М., 1937; Матусевич М. И., Введение в общую фонетику, 3 изд., М., 1959; Щерба Л. В., Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, 2 изд., М., 1979; Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи, Л., 1980.

Л. В. Бондарко.

Лéтописи – изложение важнейших исторических событий 11–17 вв. в их хронологической последовательности. Рассказ о событиях каждого года обычно начинался словами: «В лето...» – отсюда название «летопись». Возникновение др.-рус. летописания как жанра относят к периоду княжения Ярослава Мудрого (1019–54). Рукописи Л. сохранились, однако, от значительно более позднего времени. Летописные своды (компиляции) представляют собой поздние редакции (сознательные переработки) древних Л. Составление Л. заканчивается уже в 17 в.

История древнейшего летописания в известной мере гипотетична. Реально дошедший до нас текст летописного свода, известный как «Повесть временных лет» (назван по первым словам пространного заголовка), повествует о событиях с точным

Нестор-летописец. Скульптура М. М. Антокольского (мрамор, 1889; Русский музей).

Поученье:—

Азъ худыи дѣдомъ своимъ Ярославомъ· благословленымъ славнымъ нареченымь въ крещении· Василии· Русьскымь именемь Володимиръ· отцемь възлюбленымь· и матерью своею· Мьномахы·

....

....

Еже было творити отроку моему то сам есмь створилъ дѣла· на воинѣ и на ловѣхъ ночь и день· на зною и на зимѣ· не дая собѣ оупокоя· на посадники не зря ни на биричи· сам творилъ что было· надобѣ весь нарядъ и в дому своемь то я творилъ есмь· і в ловчи ловчии нарядъ сам есмь держалъ· и в конюсѣ· и о соколѣхъ· и о ястрябѣ тоже· и худаго смерда· и оубогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силны обидѣти· и церковнаго наряда и службы· сам есмъ призиралъ· да не зазрите ми дѣти мои· но инъ кто прочетъ не хвалю бо ся ни дерзости своея· но хвалю Бога и прославьляю милость его· иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт схраню от тѣхъ час смертныхъ· и не лѣнива мя былъ створилъ· худаго на вся дѣла человѣчкаго потребна·

Фрагмент Лаврентьевской летописи («Поучение Владимира Мономаха»).

указанием на годы начиная с 852. «Повесть временных лет» составлена предположительно ок. 1113. По мнению А. А. Шахматова, много сделавшего для реконструкции древнейшего летописания, ей предшествовали иные летописные своды. Древнейшим, составленным ок. 1095, большинством учёных (М. Д. Присёлковым, А. Н. Насоновым, Д. С. Лихачёвым и др.) признаётся т. н. Начальный свод, текст к-рого, хотя и в несколько переработанном виде, сохранился в I Новгородской летописи (в списке 13–14 вв.). В свою очередь в основу Начального свода лёг летописный свод 70-х гг. 11 в. монаха Киево-Печерского монастыря Никона, дополненный описанием событий по 1093 игуменом Киево-Печерского монастыря Иоанном.

Считается, что составителем «Повести временных лет», переработавшим Начальный свод и дополнившим его записями событий кон. 11 – нач. 12 вв., был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, благодаря к-рому «Повесть временных лет» становится выдающимся памятником др.-рус. историографии и лит-ры.

Вопреки гипотезе Шахматова, В. М. Истриным было предложено иное соотношение «Повести временных лет» и Начального свода: текст Начального свода, будучи сокращением «Повести временных лет», восходит к ней, а не предшествует ей. А. Г. Кузьминым поставлено под сомнение само существование Начального свода. Вопрос о соотношении списков «Повести временных лет» и установлении древнейших её редакций остаётся дискуссионным.

Традиция рус. летописания начинать повествование с «Повести временных лет» существует с 11 в. Являясь общерус. летописным сводом, «Повесть временных лет» с различного рода изменениями вошла почти во все летописные своды.

«Повесть временных лет» сохранилась в поздних списках двух киевских редакций. Одна из них выполнена в 1116 игуменом Выдубецкого Михайловского монастыря под Киевом Сильвестром и находится в составе Лаврентьевской Л. [переписана или составлена монахом Лаврентием для суздальского великого князя Дмитрия Константиновича в Нижнем Новгороде в 1377, передана в Публичную б-ку (ныне РНБ) графом А. И. Мусиным-Пушкиным в 1811], Радзивилловской Л. (14–15 вв., принадлежала литов. князю Радзивиллу, позднее хранилась в Кёнигсберге, а с 18 в.– в Петербурге у Петра I; рукопись лицевая, т. е. содержащая миниатюры), Московско-Академической Л. (80-е гг. 15 в.) и др. Другая редакция «Повести временных лет», сделанная в 1118, находится в составе Ипатьевской Л. (ок. 1425, названа по месту отыскания – Ипатьевскому мона-

Первая Новгородская летопись 13 – 14 вв

[illegible]

ащехощешиисъто
брѣсти. отначала,
отвореніамира
отпервагобытьство
ренагочлкаадама,
допотопавсяроды.
отпотопадоавраа
ма. отавраамадохв.
отхадажьидоблгоче
стиваго црямихаи
ла. ицртвіа. ипррки
ипроповѣди. иина
ясвапобнааисъто
брящеши. начниче
стикнигусиютдо
сии. итакопоряду
доидешидоначала
роускыяземля. а
началорускыяземли
бысть сице +
Влѣ. з. т. зв. бѣаху
трибраты. едино

мучима. кыи, второ
моу щекъ. атретіе
моу. хоривъ. асестра
оунихъбѣименем.
лыбедь. ипостави
шаграданагорѣ. ина
рекошаимяградоу
тому, въимябра
тасвоестарѣиша
кыевъ. иначаша
владѣти. ижива
хоукоиждородомъ
своимъ. бѣахоубо
мужимудри. исмы
слени. отнихжесоу
кыяне полане. идо
сегодни. бѣахуже
невѣрни. имнотша
ниеимоущекъидо
лом, втажевремя
набывъгрекоцрь.
михаилъ, имтие
ирина. посемъпріи
дошадоваряга. и
нарекостасебекнзи,

Вторая Псковская летопись 15 в

стырю в Костроме), Хлебниковского списка (16 в.) и др.

Феодальная раздробленность Руси способствовала развитию и местного областного летописания. О том, что оно велось в 12–13 вв. в разных др.-рус. княжествах, известно тоже лишь по более поздним летописным сводам, напр. о Галицко-Волынской Л. кон. 13 в. – по Ипатьевской Л., о т. н. Суздальской Л.– по Лаврентьевской Л. Существовали также Л. новгородские. Велось летописание в Ростове, Переяславле, по-видимому, в Рязани.

С кон. 13 в. велись летописные записи в Твери, Пскове, а с 20-х гг. 14 в. начинается летописание в Москве. В 15–16 вв. рус. летописание достигает расцвета. Оно не только местное (в Новгороде, Пскове, Твери, Холмогорах), но и общерусское (в Москве – это Никоновская Л., на основе к-рой был составлен многотомный Лицевой свод, Воскресенская, Софийская 1-я Л. и др.). В 16 в. общерус. летописание стало единым. Л. могли составляться и в митрополичьей и в великокняжеской канцеляриях.

Л. представляют собой произведения сложного состава. Включают в себя разнородные по происхождению, содержанию, жанрам памятники: подлинные документы (напр., договоры Руси с греками 911, 944, 971), дипломатические и законодательные акты из княжеских и монастырских архивов, сведения из военной (напр., «Повесть о нашествии Батыя»), политической и церковной истории, материалы географического и этнографического характера, описания стихийных бедствий, народные предания, богословские сочинения (напр., сказание о распространении веры на Руси), проповеди, поучения (напр., Поучение Владимира Мономаха), похвальные слова (напр., Феодосию Печерскому), житийные фрагменты (напр., из жития Бориса и Глеба), цитаты и ссылки на библейские сюжеты и византийские хроники и т. д.

Летописные своды составлены в разное время, в различных регионах, разными людьми (авторами, составителями) и подвергались, в особенности древнейшие, неоднократной редакторской переработке. Исходя из этого, Л. нельзя рассматривать как работу одного автора-составителя.

Л. в то же время являет собой единое целостное лит. произведение. Её отличает единство замысла, композиции и идейных устремлений редакторов.

Языку Л. свойственны как разнообразие и пестрота, так и нек-рое единство, обусловленное работой редакторов. Язык Л. не представляет собой однородную систему. В нём, кроме двух стилистических типов др.-рус. лит. языка – книжного (церк.-слав.) и народно-разг.,– нашли отражение диалектные отличия. Отдельные языковые черты, напр. в фонетике и лексике, указывают на их источник различной региональной локализации; грамматические и синтаксические явления локализовать труднее.

Жанровое разнообразие источников обусловило богатство и выразительность языка Л. Они содержат ценный материал по истории лексики. В Л. отражена богатая синонимика (напр., *древодѣли – плотники, стадия – верста, сулия – копье*), содержится военная, церковная и административная терминология (напр., *кмети, рогатина; пороки, паникадило, пономарь, причетник; вирник, метник, городники, мытник, воевода, наместник*), ономастическая и топонимическая лексика (множество личных имён, прозвищ, географических наименований, названий жителей, церквей, монастырей), фразеология, употребляются заимствованные слова и кальки с греч. языка (напр., *самодержьць, самовластьць*). При сопоставлении лексики «Повести временных лет» и поздних Л. можно проследить жизнь нек-рых терминов, в частности военных, вплоть до их отмирания и замены новыми.

Языку Л. свойственны довольно резкие контрасты: от употребления старославянизмов и конструкций, присущих книжному языку (напр., оборот дательный самостоятельный, перфект со связкой, двойственное число имён и глаголов), до народно-разг. элементов (напр., выражение *не до сыти* или *по селомъ дубье подрало*) и синтаксических построений (напр., безличных оборотов – *нельзѣ казати срама ради*, конструкций без связки, причастий в предикативной функции – *въставъ и рече*). Распределение такого рода контрастов в Л. неравномерно, в частности оно зависит от жанра.

Изучение языка Л. началось в 19 в. Лингвистические издания Л. отсутствуют. С 1995 такого рода публикация I Новгородской летописи по древнейшему списку XIII–XIV вв. готовится в Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН.

Изд.: Полное собрание рус. летописей, т. 1–39, СПБ – М., 1841–1994; Псковские летописи, в. 1–2, М.– Л., 1941–55; Повесть временных лет, ч. 1–2, М – Л , 1950; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.– Л., 1950; Новгородская харатейная летопись, М., 1964 (фототипическое изд.).

Лит.: Некрасов Н. П., Заметки о языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи, СПБ, 1897: Никольский А. А., О языке Ипатской летописи, «Рус. филол. вестник», 1899, т. 41, № 1–2, т. 42, № 3–4; Ляпунов Б. М., Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи, СПБ, 1900; Истрина Е. С., Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, П., 1923; Ганцов В. М., Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи, «Изв. Отделения рус. языка и словесности АН СССР», 1927, т. 32; Карский Е. Ф., Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, «Изв. Отделения рус. языка и словесности АН СССР», 1929, т. 2, кн. 1; Борковский В. И., О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, в кн.: Тр. комиссии по рус. языку АН СССР, т. 1, Л., 1931; Шахматов А. А., Обозрение рус. летописных сводов XIV–XVI вв., М.– Л., 1938; Присёлков М. Д., История рус. летописания XI–XV вв., Л., 1940; Лихачёв Д. С., Рус. летописи и их культурно-историческое значение, М.– Л., 1947; Дмитриева Р. П., Библиография рус. летописания, М.–Л., 1962; Дурново Н. Н., Введение в историю рус. языка, М., 1969; Ларин Б. А., Лекции по истории рус. лит. языка (X – сер.

XVIII в.), М., 1975; Творогов О. В., История рус. лит-ры, М., 1980; его же, Лексический состав «Повести временных лет». (Словоуказатели и частотный словник), К., 1984; Франчук В. Ю., Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении, К., 1986; Словарь книжников и книжности Древней Руси, под ред. Д. С. Лихачёва, в. 1 – XI – первая пол. XIV в., Л., 1987, в. 2 – Вторая пол. XIV–XV в., ч. 2, Л., 1989.

В. С. Голышенко.

Лигату́ра (позднелат. ligatura – связь) – 1) слитное написание двух-трёх смежных букв или транскрипционных знаков в любой алфавитной системе письменности или фонетической транскрипции (см.), при к-ром образуется один сложный знак, напр. датское, исландское, норвежское *æ*, немецкое *ß*, древнерусское Ѱ. Л. этого типа возникли как технический приём, позволяющий экономить место, при этом значение каждого знака в составе Л. сохраняется. Л. нередко применялись для ускорения процесса письма. В кириллице (см.) Л. обычно встречается на конце строк. На основе Л. данного типа в рус. кириллическом письме к 15 в. развилась вязь – декоративное письмо, буквы к-рого связывались в непрерывный орнамент. Нек-рые кириллические буквы, очевидно, исторически возникли как Л.: Щ (*щ*) (из ш + т или ш + Ү), ꙋ (из оү), йотированные буквы ѥ, ꙗ, ѭ, ѩ, ю (из І + є, а, ж, ѧ, оү). 2) Один письменный знак, практически иероглиф, передающий сочетание букв, слог или слово, напр. английское & (and) – ‘и’. 3) В нек-рых случаях к Л. относят сочетания раздельно написанных нескольких букв, употребляемых для обозначения к.-л. одного звука (фонемы), напр. древнерусское оү, польское *sz*, *rz*, немецкое *sch*.

О. А. Князевская.

Лингви́стика – то же, что языкознание.

Лингвисти́ческая геогра́фия – раздел языкознания, задачей к-рого является изучение территориального распространения языковых явлений. Л. г. выделилась из диалектологии (см.) в кон. 19 в., когда по мере накопления диалектных данных лингвисты заинтересовались проблемой совпадения или несовпадения границ разных языковых фактов (или их изоглосс, см.) в связи с изучением характера бытования диалектов (см.), а также вопросов происхождения индоевропейских языков. Обнаружение фактов расхождения изоглосс отдельных языковых явлений привело нек-рых учёных в 70–80-х гг. 19 в. к мысли об отсутствии диалектных границ и о смешанном характере диалектов (Г. Пауль, П. Мейер, позже Г. Парис). Споры по этому вопросу (Гр. Асколи – Мейер) могли быть решены только путём систематического картографирования отдельных языковых явлений, варьирующихся по говорам. Это привело к идее создания диалектологических атласов, с к-рой и связано выделение Л. г. в самостоятельную дисциплину. Изучение «языковых ландшафтов» (ареалов распространения языковых фактов), отображённых на лингвистических картах, повлекло за собой пересмотр понятия «диалект», но не его отмену. Стало очевидно, что диалекты существуют, хотя и не представляют собой чётко отграниченных, замкнутых образований. Обычно обнаруживается ядро диалекта – центр средоточия основных его структурных особенностей – и периферия («зона вибрации»), в пределах к-рой совмещаются черты разных диалектов. Методы выделения диалектов на основании пучков изоглосс и иерархической их оценки к 70-м гг. 20 в. уже достаточно разработаны (В. М. Жирмунский, Э. Косериу, К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова).

Сопоставительное изучение изоглосс различных языковых явлений даёт ценные сведения для ретроспективного изучения их истории, выявления структурных взаимосвязей, установления относительной хронологии их развития. Эти данные в совокупности представляют богатейший материал для исторической диалектологии, для восстановления истории строя народно-разг. языка в его территориальных разновидностях. Л. г. открывает и новые возможности изучения истории формирования лит. языка.

Методы Л. г., распространённые на изучение лингвистических ареалов, перекрывающих совр. языковые границы, служат для воссоздания картины распространения и взаимодействия языков на той или иной территории в прошлом. Напр., методом типологического изучения языковых ареалов (М. Бартоли, А. Мейе и др.) восстанавливаются распространение древних индоевропейских языков, центры их радиации, выясняются причины инноваций и др. Подобного рода данные используются для изучения проблем происхождения языковых семей.

Работы по Л. г. совр. отечественных языковедов продолжают традиции рус. языкознания в изучении географического распространения языковых явлений, начатом в 20 в. Моск. диалектологической комиссией, созданной в 1903 по инициативе А. А. Шахматова. Её членами Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым была в 1915 опубликована первая работа по классификации вост.-слав. диалектов – «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Развитие совр. рос. Л. г. связано гл. обр. с работами Р. И. Аванесова и моск. лингвогеографов его школы, а также лингвогеографов ленинградского направления, имеющих своё понимание предмета (Жирмунский, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин и др.). Аванесов создал оригинальную теорию Л. г., обращённую в основном на изучение самого языкового явления как объекта картографирования. Разработка понятия диалектного различия, его структуры связана в этой теории с общим пониманием языка не как суммы диалектов, а как сложной системы, включающей общие элементы, свойственные языку в целом, и частные – различительные элементы, характеризующие отдельные его диалекты. В качестве объекта картографирования вы-

деляются поэтому не отдельные изолированные факты языка, а языковые явления как элементы системы языка. Диалектные различия как соотносительные элементы строя отдельных говоров являются ядром этой теории. Понятие диалектного различия, разработанное Аванесовым и его учениками применительно к разным уровням языка, легло в основу теории картографирования, реализованной в «Диалектологическом атласе русского языка» (см. Атлас диалектологический). Детальная классификация изоглосс этого атласа послужила основанием для нового диалектного членения рус. языка, разработанного представителями моск. диалектологической школы Захаровой и Орловой. В рамках этой же школы Н. Н. Пшеничновой осуществлена оригинальная по своей методике структурно-типологическая классификация рус. говоров (см. карту № 3 к ст. Диалектология).

Теория Л. г., созданная Аванесовым, была во многом использована при разработке принципов создания «Общеславянского лингвистического атласа», организатором и руководителем к-рого являлся Аванесов.

Лит.: Вопросы теории лингвистической географии, под ред. Р. И. Аванесова, М., 1962; Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Диалектное членение рус. языка, М., 1970; Лингвистическая география, §§ 169–76, в кн.: Рус. диалектология, под ред. Л. Л. Касаткина, 2 изд., М., 1989; Иванов В. В., Лингвистическая география, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

С. В. Бромлей.

Лингвисти́ческая стати́стика, лингвостатистика,– 1) в широком смысле – область применения статистических методов в языкознании (то есть опирающихся на математическую статистику подсчётов и измерений при изучении языка и речи); 2) в узком смысле – изучение нек-рых математических проблем, связанных с лингвистическим материалом, гл. обр. с типами статистических распределений языковых единиц в тексте. Наиболее распространён метод анализа, основанный на т. н. законе Ципфа, сводящемся к уравнению вида: $F \times i = const$, где F – частота слова в частотном словаре, а i – ранг этого слова, т. е. номер в списке слов, упорядоченном по уменьшающейся частоте. С поправочными коэффициентами Б. Мандельброта закон подтверждается на многих и разнообразных текстах. Т. о., закон Ципфа выступает как модель описания распределения слов по частоте, однако вводимые на каждый случай поправочные коэффициенты в значительной мере лишают его предсказательной силы. Существуют и другие подобные модели (работы Г. Хердана, Дж. Б. Кэрролла). Проблема связи частоты слова и его ранга смыкается с проблемой оценки лексического богатства текста или совокупности текстов. Обычно Л. с. рассматривается как лингвистическая дисциплина, однако, будучи связанной с языкознанием по материалу, она ещё не наполнилась собственно лингвистическим содержанием. В частности, лингвистическая интерпретация закона Ципфа остаётся предметом дискуссий.

Лит.: Фрумкина Р. М., Роль статистических методов в совр. лингвистических исследованиях, в кн.: Математическая лингвистика, М., 1973; Орлов Ю. К., Модель частотной структуры лексики, в кн.: Исследования в области вычислительной лингвистики и лингвостатистики, [М.], 1976; Тулдава Ю., К вопросу об аналитическом выражении связи между объемом словаря и объемом текста, «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1980, в. 549 – Лингвостатистика и квантитативные закономерности текста; Zipf G. K., The psycho-byology of language, Boston, 1935; Herdan G., The advanced theory of language as choice and chance, B.– [a. o.], 1966.

А. Я. Шайкевич.

Литерату́рный язы́к – форма исторического существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых элементов, речевых средств, прошедших длительную культурную обработку в текстах (письменных и устных) авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка. Функциональное назначение и внутренняя организация Л. я. обусловлены задачами обеспечения речевой коммуникации в основных сферах деятельности всего исторически сложившегося коллектива людей, говорящих на данном национальном языке. Языковые средства Л. я. призваны наиболее точно, ясно и дифференцированно выражать диалектически сложный мир идей, представлений, чувств его носителей, всё многообразие предметов, понятий явлений действительности в их взаимообусловленности и соотнесённости с человеком. В Л. я. сконцентрирована наиболее выразительная и общеупотребительная национальная идиоматика. Л. я. противопоставляется народно-разг. речи: территориальным и социальным диалектам (см. Диалект), к-рыми пользуются ограниченные группы людей, живущих в определённой местности или объединённых в сравнительно небольшие социальные коллективы, просторечию (см.) – наддиалектной некодифицированной устной речи ограниченной тематики. Между Л. я. и этими формами существования национального языка наблюдается взаимосвязь. Л. я. постоянно пополняется и обновляется за счёт народно-разг. речи. Такое взаимодействие с народно-разг. речью характерно и для рус. Л. я.

Развитие Л. я. непосредственно связано с развитием культуры соответствующего народа, прежде всего его художественной лит-ры. Язык художественной литературы (см.) воплощает лучшие достижения национальной речевой культуры, основные достоинства Л. я. данного народа, национального языка в целом.

Л. я. присущи след. признаки, выделяющие его среди других форм существования национального языка. 1. Традиционность и письменная фиксация (практически все развитые Л. я.– письменные). Язык вообще, в т. ч. и Л. я., по природе своей традиционен. Каждое новое поколение совершен-

ствует Л. я., беря из речи старших поколений те средства выражения, развивая те стилевые тенденции, к-рые наиболее соответствуют новым социально-культурным задачам и условиям речевой коммуникации. Этому в максимальной степени способствует фиксация интеллектуального, идейно-эстетического, эмоционально-экспрессивного содержания в лит. (преим. письменных, отчасти устных) текстах. Именно в композиционно-речевой структуре текстов складываются принципы внутренней организации языковых элементов и приёмы их использования в связи с задачами данного текста, в зависимости от функционального назначения стиля, к-рому принадлежит текст. Традиционность, присущая Л. я., способствует формированию и культивированию известных (созданных ранее) типов текстов, известных способов организации речевых средств данного Л. я. или отдельных его разновидностей в соответствии со сложившейся в них жанровой дифференциацией типичных для них текстов, как, напр., в языке художественной лит-ры (ср. стиль романа, басни и т. д.).

2. Общеобязательность норм и их кодификация. «Быть общепринятым, а потому и общепонятным» – основное свойство Л. я., к-рое «в сущности только и делает его литературным» (Л. В. Щерба). В рамках Л. я. все его единицы и все функциональные сферы, т. е. и книжная и разг. речь, подчиняются системе норм (см. Норма).

3. Функционирование в пределах Л. я. разговорной речи (см.) наряду с книжной речью (см.). Взаимодействие и взаимная соотнесённость этих двух основных функционально-стилевых сфер Л. я. (при их противопоставленности друг другу) обеспечивают его социально-культурное назначение – быть средством общения носителей Л. я., основным средством выражения национальной культуры. Для рус. Л. я. характерно тесное взаимодействие разг. и книжной речи, сложившееся в силу их длительного совместного функционирования соответственно в книжных стилях и разг. речи послепушкинского периода. При серьёзных изменениях в условиях социального существования Л. я., определяемых глубокими преобразованиями в социальной, политической, культурной, экономической жизни общества, взаимопроницаемость книжной и разг. речи в Л. я. интенсифицируется. Сближение этих функционально-стилевых сфер наблюдается во многих совр. Л. я.

4. Разветвлённая полифункциональная система стилей и углублённая стилистическая дифференциация средств выражения в сфере лексики, фразеологии, словообразования, грамматической вариантности (см.).

Функционально-стилевое расслоение Л. я. обусловлено общественной потребностью специализировать языковые средства, организовать их особым образом для того, чтобы обеспечить речевую коммуникацию носителей Л. я. в каждой из основных сфер человеческой деятельности. Этим же целям служит дифференциация стилистических средств выражения. Функциональные разновидности Л. я. реализуются в письменной и/или устной форме (см. Стилистика). В совр. Л. я. возрос удельный вес устной речи в связи с развитием радио, кино, телевидения и соответственно с формированием и всё более интенсивным функционированием в рамках книжной речи языка радио, языка кино, телевизионной речи как самостоятельных разновидностей Л. я.

5. Л. я. присуща категория вариантности; это находит своё выражение в синтагматических и парадигматических рядах языковых единиц и их вариантов, имеющих стилистические (экспрессивно-стилистические, функционально-стилистические) и смысловые, семантические оттенки.

6. Для Л. я. характерна тенденция к функциональному размежеванию языковых единиц, к преодолению дублетности. С этим связывают, с одной стороны, присущую Л. я. постоянно реализуемую вариантность средств выражения, с другой – такие типичные для Л. я. черты, как богатство и разнообразие лексико-фразеологической и грамматической синонимии (как отличительный признак Л. я.), разветвлённая и стилистически развитая система словообразования, лексико-семантическая дифференцированность однокоренных слов (см. Паронимы), семантическая расчленённость омонимии (см.), предметно-логическая соотнесённость антонимов (см.) и конверсивов (см. Конверсия), глубокая стилистическая дифференциация лит. лексики. «Достоинство литературного языка определяется... богатством готовых возможностей выражать разнообразные оттенки» (Щерба). Диалектичность Л. я., гибкость его стилистической структуры проявляются во взаимодействии готовых средств выражения и постоянно возобновляемых, творчески создаваемых выразительных возможностей для передачи новых понятий и идей.

7. При всех эволюционных изменениях, переживаемых Л. я. как всяким живым социально-культурным образованием, ему присуща гибкая стабильность (В. Матезиус). Без неё невозможен обмен культурными ценностями между поколениями носителей данного Л. я. Стабильность Л. я. обеспечивается, с одной стороны, поддержанием стилевых традиций благодаря письменным текстам, с другой стороны, действием общеобязательных кодифицированных норм, к-рые служат надёжным регулятором синхронного существования и развития Л. я. Стабильности рус. Л. я. способствуют также его единство, целостность, отсутствие местных вариантов.

Для характеристики конкретного Л. я., для понимания его национальной специфики принципиальную значимость имеют социальные условия его существования, или языковая ситуация, в к-рой складывается, функционирует и развивается Л. я. Важность языковой ситуации как социолингвисти-

ческой категории определяется тем, что она оказывает кардинальное разноаспектное воздействие на Л. я.– на формирование и реализацию в речевой коммуникации функциональной системы стилей, на функционирование и удельный вес отдельных стилей, на их взаимодействие с другими разновидностями Л. я., на состояние системы норм, на взаимодействие Л. я. с народно-разг. речью, на актуализацию (или отодвигание на второй план) тех или иных лексико-фразеологических разрядов, грамматических вариантов и синонимов, на активизацию определённых эволюционных процессов прежде всего в сфере словаря, лексической семантики, фразеологии, словообразования, орфоэпии, в меньшей степени в синтаксисе Л. я., на систему изобразительных средств художественной речи, на национальную идиоматику, на типологию лит. текстов, их композиционно-речевую организацию.

Языковая норма открывает путь новым тенденциям, идущим на смену отживающим формам лит. языка, отбирает из народно-разг. речи те языковые элементы, к-рые имеют или могут приобрести общенациональную значимость.

В национальном Л. я. нормы книжной и разг. речи, составляя единую систему лит. норм, соотносительны друг с другом. Нормы разг. лит. речи менее «строги» по сравнению с нормами книжной речи. Основным признаком совр. Л. я. (т. е. развитого Л. я. нации), в отличие от Л. я. донационального периода его развития (т. е. от Л. я. народности), является существование единых норм, общих для всех членов национальной общности и охватывающих как книжную, так и разг. речь, т. е. все сферы речевой коммуникации. Л. я. нации отличается от Л. я. народности также и тем, что он формируется на народной основе, на базе народно-разг. речи. В Л. я. донациональной эпохи (в отличие от национального Л. я.) представлена только книжная речь, поскольку его функции распространяются на сферу официального общения. С этим связано то, что Л. я. народности может быть и «чужим» языком (напр., в средние века латынь у романских народов, араб. и перс. языки у многих народов Востока), в отличие от национального Л. я., в основе к-рого лежит родной язык данного народа. Л. я. народности может быть и «своим», как, напр., в Моск. Руси (см. История русского литературного языка, История русского языка).

Проблематика Л. я. донациональной эпохи служит предметом дискуссий в лингвистической лит-ре.

Лит.: Волошинов В. Н., [Бахтин М. М.], Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке, Л., [1929]; Щерба Л. В., Совр. рус. лит. язык, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; его же, Лит. язык и пути его развития, там же; Виноградов В. В., О языке художественной лит-ры, М., 1959; его же, Проблемы лит. языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967; его же, Лит. язык, в его кн.: Избр. тр. История рус. лит. языка, М., 1978; Ефимов А. И., О роли национальной художественной лит-ры в развитии рус. лит. языка, «ВЯ», 1960, № 2; Вопросы формирования и развития национальных языков, М., 1960; Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Панов М. В., О лит. языке, «Рус. яз. в нац. школе», 1972, № 1; Филин Ф. П., О структуре совр. рус. лит. языка, «ВЯ», 1973, № 2; его же, Истоки и судьбы рус. лит. языка, М., 1981; Жирмунский В. М., Проблема социальной дифференциации языков, в его кн.: Общее и германское языкознание, Л., 1976; Степанов Г. В., Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи, М., 1976; Толстой Н. И., История и структура слав. лит. языков, М., 1988; Гухман М. М., Лит. язык, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Бельчиков Ю. А., Речевая коммуникация как культурно-исторический и историко-лингвистический фактор функционирования лит. языка, в кн.: Stylistika – II, Opole, 1993; Успенский Б. А., Краткий очерк истории рус. лит. языка (XI–XIX вв.), М., 1994.

Ю. А. Бельчиков.

Литературного языка теория в славистике и русистике восходит к работам 20-х гг. 20 в. В. В. Виноградова, Б. А. Ларина и Л. В. Щербы, к идеям Московского лингвистического кружка (Г. О. Винокур) и Пражского лингвистического кружка (Б. Гавранек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский). В своём становлении и развитии она взаимодействовала с теорией языковой функции, функционального стиля (см. Стиль) и тем самым с функциональной стилистикой как языковедческой дисциплиной (см. Стилистика), к-рая восходит к тому же кругу идей. Начиная с 30–40-х гг. теория лит. языка развивалась в германистике и романистике в русле общего языкознания и типологического изучения языков (В. М. Жирмунский и др.).

Для функциональной стилистики характерно первоочередное внимание к Л. я. в его функционировании и экстралингвистической обусловленности. Именно этими факторами в рамках функциональной стилистики определяются дифференциация Л. я. и выделение в нём ряда дискретных стилей. Языковая функция при этом вместе с содержательными признаками текстов, принадлежащих различным стилям, определяет способность Л. я. оптимальным образом отвечать меняющейся речевой коммуникации. Т. о., функциональные стили как единицы членения Л. я. воплощают в себе идею дифференциации Л. я. на дискретные единицы, к-рые в этой теории становятся главными объектами изучения.

Постулирование дифференциации Л. я. не могло не привести к изучению противоположных – интегрирующих – факторов. Возникает и разрабатывается (преим. в чешской лингвистике 60–70-х гг., а в русистике – в трудах Виноградова 50–60-х гг., Д. Н. Шмелёва 70–80-х гг.) идея недискретности зон членения Л. я., осознаётся необходимость оценки факторов членения Л. я. с позиций его целостности, критически осмысляются их парадигматические, оппозиционные свойства, устанавливается неоднородность этих факторов и отсутствие во многих случаях их специальной прикреплённости к тому или иному стилю.

Термин «функциональный стиль» к 60-м гг. перестаёт быть единственной манифестацией идеи функциональности. Виноградов употреблял его наряду с определением «разновидность», к-рое не содержит в себе прямого указания на основной параметр выделения единицы членения Л. я. и не обладает полной терминологичностью. Начиная с этого времени русисты всё чаще оперируют определением «разновидность», к-рое позволяет не только отразить идею функциональности, но и отказаться от категорического применения идеи дискретности.

Эволюции воззрений способствовали и относящиеся к этому времени накопление и разработка новых материалов звучащей рус. разговорной речи (см.), а затем и других видов спонтанной устной лит. речи (см. Устная публичная речь), к-рые не укладывались в теорию функциональных стилей, сложившуюся на базе изучения свойств разновидностей книжно-письменных текстов (см. Книжная речь, Письменная речь). Вместе с тем было ясно, что эти материалы принадлежат Л. я. Возникла необходимость определения их места в составе и структуре Л. я. и одновременно создания общей теории рус. Л. я. Международная Комиссия по слав. лит. языкам (70–80-е гг.) способствовала разработке многих теоретических вопросов и прояснению конкретной ситуации расслоения слав. Л. я. Выявилась возможность более или менее расширительного понимания границ Л. я., причём принципиальное значение придавалось определению статуса разг. речи в разных слав. Л. я. (разг. речь признают входящей в Л. я. А. Едличка и исследователи рус. разг. речи Е. А. Земская, Е. В. Красильникова, О. Б. Сиротинина, О. А. Лаптева и внелит. образованием А. И. Горшков, отчасти В. Г. Костомаров).

Т. о., в рамках теории Л. я. сам Л. я. предстаёт как комплексное нормативно-системное образование – система систем нек-рых разновидностей, характеризующихся определённой функционально-тематической направленностью и составом языковых средств в их различных комбинациях. Теория Л. я. отличается от функциональной стилистики вниманием не только к дифференциальным, но и к интегральным явлениям, определяющим конкретный облик Л. я. в данную эпоху. И Виноградов и Едличка полагают, что этот облик создаётся динамикой соотношения письменных и устных норм.

Задача теории Л. я.– найти с позиций целостности Л. я. релевантные признаки разновидностей, выделить эти разновидности, определить характер системно-структурного устройства Л. я., т. е. выявить нек-рую систему противопоставлений (оппозиций) релевантных признаков и самих разновидностей.

Критическая проверка на оппозиционность таких стилевых признаков, как ведущая функция, тематика текстов (экстралингвистические признаки), и результат отбора и организации языковых средств (лингвистические признаки) показали, что создаваемая ими противопоставленность функциональных стилей если и есть, то минимальна. Эти признаки во многом совпадают в различных стилях. Напр., такие экстралингвистические признаки научного стиля (см.), как ясность, точность, логичность и доказательность изложения и преимущественное выполнение им информационной функции, совпадают с экстралингвистическими признаками и ведущей функцией официально-делового стиля (см.). Введение же в систему Л. я. устных разновидностей показало, что они, не обладая заметными отличиями от письменных в таком экстралингвистическом признаке, как тема сообщения, обнаруживают обособленность от них по признакам лингвистическим, так же, как и письменные разновидности показывают такие лингвистические особенности, к-рых нет в устных. Так, специфически устно-разг. языковые средства встречаются в разновидностях устной лит. речи (в разг. речи, устной публичной речи) и не встречаются – кроме специально приспособленных к письменной форме – в разновидностях письменной речи. Наоборот, такие специфически книжно-письменные языковые средства, как простые предложения большой длины, осложнённые различными способами, развёрнутые цепочки род. п., насыщенность отглагольными существительными, повышенная номинативность и пониженная глагольность, разветвлённая система предложно-падежных и союзных связей со специальными средствами выражения, лексическое разнообразие в художественной и лексическая специализированность и бедность в специальной речи, не встречаются в разновидностях устной речи. Лексическое противопоставление наряду с рядом синтаксических и морфологических (использование диалогической и монологической или только монологической формы, возможность употребления большого количества коротких предложений в одном тексте или отсутствие этого явления, несгущённость – сгущённость отглагольных существительных на *-ние, -тие* и многие др.) создаёт ещё одно, внутреннее, противопоставление в пределах книжно-письменного типа Л. я.– оппозицию специальной речи (сюда входят научная речь, официально-деловая речь и информативно-хроникальные, официально-документальные жанры публицистической речи) и речи художественно-изобразительной (художественная речь и свободные жанры публицистической речи). Специальная и художественно-изобразительная речь частично противопоставлены и по ведущей функции – информативная в первом случае и информативно-эстетическая во втором, так же, как устные и письменные разновидности (информативная и общения в первом случае и информативная – во втором).

Т. о., система оппозиций разновидностей Л. я. предстаёт как противопоставленность книж-

но-письменного и устно-разг. его типов, а внутри книжно-письменного типа – как противопоставленность специальной и художественно-изобразительной речи. Противопоставленность разновидностей внутри устно-разг. типа слаба.

Такая системно-структурная организация Л. я. объясняет многие нестыковки в теории функциональных стилей, носящей атомарный характер и описывающей признаки данного стиля только изнутри. Так, когда выделяют конкретные стили, то их оказывается только два (научный и официально-деловой), да и те во многом сходны. Газетно-публицистическая речь считается не функциональным стилем, но функционально-стилевым единством (Костомаров), художественная речь функциональным стилем не считается (В. Д. Левин, Т. Г. Винокур, В. П. Григорьев), разг. речь в устной форме обычно стилем не считают (М. В. Панов, Лаптева, Земская). Неудовлетворённость теорией функциональных стилей неоднократно проявлялась в ряде научных направлений. Так, В. Барнет имеет в виду не стили, а языковой континуум Л. я., Г. А. Золотова постулирует коммуникативные регистры. Описание и теория рус. разг. речи оказались отъединёнными от описания и теории функциональных стилей.

Система оппозиций разновидностей Л. я. позволяет снять ряд, казалось бы, неразрешимых по своей природе вопросов (напр., о стилевой или нестилевой природе художественной и разг. речи), к-рые утрачивают смысл при учёте двоичного (или – если иметь в виду внутреннее членение – троичного) членения Л. я. Снятым оказывается и вопрос о статусе устной публичной речи, к-рая рядом исследователей считается в своей основе совпадающей с письменно-кодифицированной речью (Земская, Е. Н. Ширяев). Эта речь, имеющая принципиально общие языковые особенности с речью разговорной, в системе оппозиции Л. я. входит с ней в один тип (устно-разговорный).

Анализ природы и соотнесённости традиционно выделяемых факторов членения Л. я. позволяет выделить область максимальной противопоставленности разновидностей: это – оппозиция между письменной научной и деловой (специальной) речью и устной разг. речью. Между этими крайними членами оппозиции находится область письменной художественно-изобразительной речи и устной публичной речи. Максимальная противопоставленность крайних членов оппозиции создаётся несколькими парами релевантных функционально-структурных признаков. Для письменной специальной речи характерны преобладание информативно-описательного типа в структурировании текста; именной строй; сильная степень дискретности единиц; минимум омонимии; членение на предложения. Для устной разговорной речи характерны преобладание повествовательно-изобразительного типа в структурировании текста; глагольный строй; слабая степень дискретности единиц, континуальность (диффузность речевого потока, слабая степень расчленённости его на отдельные единицы); максимум омонимии; членение на предложения и сегменты.

Т. о., устройство Л. я. предстаёт в след. виде:

Современный русский литературный язык

I Книжно-письменный тип				II Устно-разговорный тип		
Специальная речь		Художественно-изобразительная речь		Публичная речь		Разговорная речь
1	2	3	4	3	2	1
Письменная научная речь	Письменная официально-деловая речь	Письменная публицистическая речь	Письменная художественная речь	Устная научная речь	Устная радио- и телевизионная речь	Устная разговорная речь

Системно-структурное членение Л. я. на разновидности определяется взаимодействием релевантных для членения дифференциальных признаков и признаков интегральных.

Лит.: Виноградов В. В., Проблема авторства и теория стилей, М., 1961; [Гухман М. М.], Лит. язык, в кн.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Левин В. Д., Лит. язык и художественное повествование, в кн.: Вопросы языка совр. рус. лит-ры, М., 1971; Лаптева О. А., Рус. разг. синтаксис, М., 1976; её же, О влиянии функционального расслоения лит. языка на его грамматику, в кн.: Синтаксис и стилистика, М., 1976; её же, Совр. рус. публичная речь в свете теории стиля, «ВЯ», 1978, № 1; её же, О грамматике устного высказывания, «ВЯ», 1980, № 2; её же, Типология вариативных синтаксических рядов в аспекте функционирования лит. языка, «ВЯ», 1984; её же, Языковые основания выделения и разграничения разновидностей совр. рус. лит. языка, «ВЯ», 1984, № 6; её же, Мысли Виктора Владимировича Виноградова о социальных и личностных факторах речи в связи с теорией лит. языка, «ВЯ», 1989, № 4; её же, Живая рус. речь с телеэкрана, Сегед, 1990; Шмелев Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях. (К постановке проблемы), М., 1977; его же, Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств, в кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика, М., 1989; Ревзина О. Г., К построению лингвистической теории языка художественной лит-ры, в кн.: Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики, М., 1981; Едличка А., Лит. язык в совр. коммуникации, в кн.: НЗЛ, в. 20, М., 1988; Толстой Н. И., История и структура слав. лит. языков, М., 1988; Винокур Г. О., Язык лит-ры и лит. язык, в его кн.: Филол. исследования. Лингвистика и поэтика, М., 1990.

О. А. Лаптева.

Лито́та (от греч. litótēs – простота, сдержанность) – 1) вид тропа (см.), приём выразительности речи, заключающийся в намеренном ослаблении говорящим признака или свойства, о к-ром идёт речь. Достигается с помощью двойного отрицания: *не без умысла, небесполезный*; отрицание может присоединяться также к словам, имеющим «отрицательное» значение (т. е. таким, у к-рых отрицание входит в смысл слова): *неплохой, не-*

9 2375

глупый, не лишённый обаяния. Логически такие выражения равны словам и оборотам, не содержащим отрицаний: *с умыслом, полезный, хороший, умный, очаровательный,* однако отличаются от последних тем, что передают о т н о ш е н и е говорящего к обозначаемому действию или свойству, недостаточную уверенность его в том, что это действие или свойство проявляются в полной мере. Подобное оценочное отношение может выражаться и в целых высказываниях, в к-рых отрицание смещается из утвердительной части в модальную: *Не думаю, что вы правы* (ср. *Думаю, что вы не правы*); *Я не считаю, что этот вариант удачен* (ср. *Я считаю, что этот вариант неудачен*). Кроме того, такие высказывания являются смягчённой формой выражения собственного мнения, несогласия с собеседником и т. п.

Л., понимаемая в таком смысле, является перифрастическим средством и как приём выразительности речи свойственна преим. книжно-лит. речи (ср. мейозис).

2) Вид тропа, «обратная гипербола»; приём выразительности речи, намеренное преуменьшение малых размеров предмета речи: *мужичок с ноготок, мальчик с пальчик, от горшка два вершка, одну секундочку!, в двух шагах отсюда; «Ваш шпиц, прелестный шпиц, не более напёрстка. Я гладил всё его; как шёлковая шёрстка»* (Грибоедов).

Как приём выразительности речи Л.– «обратная гипербола» – активно используется в разг. речи, в художественной и публицистической лит-ре.

Лит.: Квятковский А., Поэтический словарь, М., 1966; Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики. Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. специальностей, Горький, 1975; Лит. энциклопедический словарь, М., 1987.

Л. П. Крысин.

Лицо́ – грамматическая категория глагола, выражающая отношение производителя действия к говорящему. Если производителем действия является говорящий, глагол употребляется в форме 1-го Л. ед. ч.: *Я пишу.* Действие, производимое группой лиц, в числе к-рых находится говорящий, выражается формой 1-го Л. мн. ч.: *Мы пишем.* Если действие производится одним собеседником, то глагол выступает в форме 2-го Л. ед. ч.: *Ты пишешь,* если несколькими собеседниками или группой лиц, в состав к-рых входит собеседник, то в форме 2-го Л. мн. ч.: *Вы пишете.* Действие, совершаемое тем, кто (что) не является ни говорящим, ни собеседником, выражается формами 3-го Л. ед. ч.: *Он пишет; Паровоз гудит.* Если те же производители действия выступают в количестве более одного, то употребляется форма 3-го Л. мн. ч.: *Они пишут; Паровозы гудят.* Это – главные значения форм Л.

В наст. и буд. времени изъявительного наклонения представлены все шесть указанных форм. В форме прош. времени изъявительного наклонения и в сослагательном наклонении показателями Л. являются личные местоимения при глаголе (*Я писал, Ты писал; Я писал бы, Ты писал бы*). В повелительном наклонении представлены лишь формы 2-го Л. ед. и мн. ч. (*Пиши!; Пишите!*) и (признаваемые нек-рыми лингвистами) аналитические формы 3-го Л. ед. и мн. ч. [*Пусть* (*пускай*) *пишет, напишет; Пусть* (*пускай*) *пишут, напишут*]. Кроме того, в повелительном наклонении имеется особая форма совместного действия, рассматриваемая иногда как форма 1-го Л. мн. ч.: *Идём* (при обращении к одному лицу) и *Идёмте* (при обращении к многим лицам и вежливом обращении к одному лицу).

Наряду с главными значениями форм Л. существуют вторичные значения, свойственные этим формам лишь в определённых контекстах. Форма 1-го Л. ед. ч. может иметь значение действия, присущего любому лицу. Это значение свойственно ей в сентенциях, афоризмах, поговорках: *Моя хата с краю – ничего не знаю; Мыслю – следовательно существую.* Форма 2-го Л. ед. ч. широко употребляется в обобщённо-личном значении; субъектом действия является обобщённо мыслимое лицо: *Любишь кататься, люби и саночки возить.* Кроме того, эта форма может означать действие, многократно или постоянно совершаемое говорящим: *Бывало, прибежишь домой...* Форма 3-го Л. ед. ч. может иметь безличное значение, т. е. значение действия, осуществляемого независимо от к.-л. деятеля: *Светлеет; Его трясёт.* Существуют также глаголы, употребляющиеся только в форме 3-го Л. ед. ч. и в безличном значении: *Смеркается; Меня знобит* (см. Безличные глаголы).

Форма 1-го Л. мн. ч. может обозначать действие, совершаемое одним говорящим, употребляясь вместо формы 1-го Л. ед. ч. в речи автора к.-л. сочинения («формула скромности»: *мы полагаем, мы изучаем*). Эта форма используется также для обозначения действия собеседника, к-рое представлено так, будто в нём участвует говорящий. В данном случае форма 1-го Л. мн. ч. употребляется вместо формы 2-го Л. мн. ч. и выражает участие, снисходительность или фамильярность: *Как живём?; Как мы себя чувствуем?* (вопросы, обращённые к собеседнику или к собеседникам). Кроме того, с помощью формы 1-го Л. мн. ч. может быть выражено обобщённое действие, т. е. действие, свойственное всем, включая говорящего: *Что имеем – не храним, потерявши – плачем.* Форма 2-го Л. мн. ч. может обозначать действие, представленное как совершаемое обобщённо мыслимым собеседником: *«Каждый из тех, кому вы задаёте вопрос, старается повести вас к порту»* (Первенцев). Эта форма применяется также для вежливого обращения («на Вы») к одному лицу. Форма 3-го Л. мн. ч. употребляется для обозначения действия, производители к-рого либо не указываются (неопределённо-личное значение: *«Началась пахота. Пашут где трактором, где конным плугом»,* Пришвин), либо мыслятся обобщённо (обобщён-

но-личное значение: *По одёжке встречают, по уму провожают*).

Формы 2-го Л. ед. ч. и мн. ч. повелительного наклонения означают побуждение собеседника или собеседников к действию (*Пиши!; Напиши!; Пишите!; Напишите!*), форма 3-го Л. мн. ч. употребляется для побуждения к действию того, кто не является ни говорящим, ни собеседником: *Пусть (пускай) пишут!* Формы типа *пойдём, пойдёмте* употребляются для побуждения к действию собеседника (собеседников), указывая при этом, что в действии будет принимать участие и говорящий.

И. С. Улуханов.

Ли́чное и́мя – см. Оним.

Ли́чные местоиме́ния, личные местоименные слова,– семантический разряд местоимений (см.), включающий слова, по своим грамматическим свойствам принадлежащие к разным частям речи (существительному – т. н. местоимению-существительному, прилагательному, наречию), но объединяемые общим семантическим признаком 'отношение к лицу говорящему' или шире – 'отношение к участникам речи'. Внутри данного разряда в академических грамматиках выделяются три группы (в школьных грамматиках эти группы рассматриваются как самостоятельные разряды местоимений): собственно Л. м., притяжательные местоименные прилагательные, местоименные наречия.

Собственно Л. м. 1-го, 2-го и 3-го лица (*я, мы, ты, вы, он, она, оно, они*). Местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч. обозначают участников речи. *Я* указывает на лицо говорящее, *ты* – на собеседника, преим. близкого; в художественной речи они указывают также на олицетворяемое существо, предмет: *«И странник прижался у корня чинары высокой, Приюта он просит у корня чинары высокой, ... На что мне тебя? – отвечает младая чинара,– Ты пылен и жёлт и сынам моим свежим не пара»* (Лермонтов); *«И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово»* (Ахматова). *Ты* употребляется также при обращении к лицу высокому, к Богу, к природе: *«Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе»* (слова молитвы); *«О чём ты воешь, ветр ночной? О чём так сетуешь безумно?»* (Тютчев). Местоимение *я* может утрачивать местоименное значение, сужая и конкретизируя свою семантику вплоть до формирования нового лексического значения 'личность, индивидуум': *«Откинув докучную маску, Не чувствуя уз бытия, В какую волшебную сказку вольётся свободное Я!»* (Анненский).

Значение множественности у местоимений *мы* и *вы* отличается от категориального грамматического значения множественности у существительных: *мы* указывает на два лица или группу лиц, одно из к-рых – говорящий; *вы* обозначает множественность лиц, включая собеседника (собеседников) или только собеседников и исключая говорящего. Кроме того, *мы* и *вы* могут употребляться для обозначения одного лица: *мы* – в авторской речи (т. н. авторское мы), в торжественных обращениях и посланиях царствующих особ (*Мы, император и самодержец Всероссийский*), при сочувственном, шутливом или ироническом обращении (*Мы, кажется, обиделись? Улыбнись, пожалуйста*); *вы* – при вежливом обращении (т. н. форма вежливости) (*«Пред ней задумчиво стою, Свести очей с неё нет силы; И говорю ей: как вы милы! И мыслю – как тебя люблю»*, Пушкин). *Я, ты, мы, вы* употребляются также в обобщённом значении (*Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо; «Да спрашивай ты толку у зверей»*, Крылов; *«О, как убийственно мы любим, Как в буйной слепоте страстей Мы то всего вернее губим, Что сердцу нашему милей!»*, Тютчев).

Местоимения 3-го лица *он, она, оно, они* указывают на лицо или лица, не принимающие участия в речи (а также шире – на предмет), о к-рых (о к-ром) идёт речь (*«Чужой однажды посетил наш скромный уголок. Он был так нежен и умён, так строен и высок»*, Фет; *«Душа моя, как полная луна: холодная и ясная она»*, Ходасевич). Местоимение 3-го лица мн. ч. *они* употребляется также для указания на одно лицо в почтительно-подобострастной речи (*Хозяин просил не беспокоить, они спят-с*).

Притяжательные местоименные прилагательные (притяжательные местоимения) указывают на принадлежность, отношение к лицу говорящему, к участникам речи: *мой, наш* – к 1-му лицу (лицам); *твой, ваш* – ко второму лицу (лицам); *его, её, их*, прост. *ихний* – к 3-му лицу (лицам) или к неодушевлённому предмету: *«Через его* [озера] *неведомые воды Плывёт рыбак»* (Пушкин). Они включаются в разряд Л. м. по семантическому основанию, т. к. семантически эти местоименные слова соотносительны с соответствующими формами собственно Л. м. (напр., употребление в обобщённом значении в пословицах, поговорках: *Моя хата с краю; Наш пострел везде поспел*; ср. также употребление *ваш* в вежливой речи: *«Участья не прошу – могла б и ваша грусть, Хотя б притворная, родить во мне отвагу, И издали молясь, поэт-безумец пусть Прекрасный образ ваш набросит на бумагу»* (Фет). Для этой группы местоименных слов характерны сужение и конкретизация семантики и субстантивация: *«Весь вечер моему улану Амур прилежно помогал»* (Лермонтов) (т. е. 'тому, о к-ром я говорю'); *Мои все уехали* (т. е.'моя семья, родные, близкие').

Местоименные наречия с общим значением 'как свойственно, присуще лицу (лицам)': *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему, по-его, по-её, по-их*, прост. *по-ихнему*. Это абстрактное местоименное значение может реализоваться в тексте в более конкретных вариантах: 'так, как делает, поступает кто-то' (*Попробуй сде-*

лать п о-м о е м у), ‘так, как хочет кто-то’ (*Не спорь, всё равно будет п о-е г о*).

Нек-рые личные местоименные наречия могут выступать в функции вводных слов: *По-моему, ты ошибаешься* (т. е. ‘по моему мнению’).

Личные местоименные слова организуют текст, выполняя в нём разные связующие функции, напр. указывая на предмет, лицо, ситуацию, уже известные в речевой ситуации либо тут же называемые: *«Товарищ, верь, взойдёт о н а, Звезда пленительного счастья»* (Пушкин). В предложении конкретные синтаксические функции каждой из выделенных групп местоименных слов определяются их частеречной принадлежностью.

Лит. см. при ст. Местоимение. *А. С. Белоусова.*

Логи́ческое ударе́ние – см. Интонация.

М м

М, м – четырнадцатая буква русского алфавита. Название буквы – «эм» употребляется как существительное ср. рода: *прописное м*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «мыслете», к-рая ведёт происхождение от греч. прописной буквы «мю» и финикийского «мем». В кириллице имела числовое значение 'сорок'.

Основное графическое значение буквы *м* – обозначение общей части фонем ⟨*м*⟩ и ⟨*м'*⟩: губная, носовая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *м* буквой или другим графическим знаком: ⟨*м*⟩ – *мать, много, ум* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*м'*⟩ – *мять, заумь*. Кроме того, после букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *м* обозначает твёрдость этих фонем: *обмен, травма, догма*.

Маши́нный перево́д – то же, что автоматический перевод.

Маши́нный фонд ру́сского языка́ – программа комплексной информатизации исследований в русистике (см.); разработана в нач. 1980-х гг. А. П. Ершовым и Ю. Н. Карауловым; реализуется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Под комплексной информатизацией научных исследований и прикладных разработок понимается: последовательное оснащение отделов Ин-та рус. языка и организаций-соисполнителей совр. вычислительными машинами с перспективой их объединения в вычислительную сеть; последовательное накопление на машинных носителях и в базах данных главнейших источников, необходимых для научного изучения рус. языка и осуществления прикладных разработок; создание программных средств, необходимых для подготовки научных трудов по филологии и проведения прикладных разработок; развитие прикладных направлений (лексикографии, терминоведения, автоматической обработки данных на естественном языке) как составной части академической и вузовской русистики, являющихся, с одной стороны, проводником результатов фундаментальных исследований в практику, а с другой – источником новых идей и данных для фундаментальной науки. В рамках проекта М. ф. р. я. разрабатываются 9 фондов-составляющих (генеральный словник, словарный, текстовой, грамматический, терминологический, лингвогеографический, исторический, фонетический и лингвистический программно-источниковый фонды рус. языка) и одна программная система – типовой лингвистический программно-источниковый пакет UNILEX.

Генеральный словник и словарный фонд сосредоточивают в своих базах данных все словари совр. рус. языка. Словарный фонд создаётся одновременно и как информационная система по лексике, и как система автоматизации лексикографических работ. Текстовой фонд – совокупность автоматических конкордансов (словарей особого типа, в к-рых для каждого словарного слова приведены все контексты его употреблений в определённом корпусе текстов) произвольных текстов. Такие конкордансы изготавливаются по мере надобности и хранятся в фонде. Грамматический фонд – информационная система по академическим грамматикам рус. языка. Кроме грамматик, она включает в себя также другие справочные материалы по морфологии, синтаксису и словообразованию. Терминологический фонд – информационная система по совр. научно-технической терминологии. Лингвогеографический фонд включает в себя автоматический вариант «Диалектологического атласа русского языка», а также словарные и текстовые справочные системы по диалектной лексике. Исторический фонд – система автоматизации подготовки к изданию памятников рус. письменности. Ядром фонетического фонда является информационная система по фонотеке Ин-та рус. языка. С ней связана система автоматизации фонетических исследований. Лингвистический программно-источниковый фонд включает в себя источники для изучения рус. языка (на машинных носителях) и программные средства для их обработки.

Средствами комплектации фондов-составляющих являются т. н. лингвистические програм-

мно-источниковые пакеты, т. е. программные комплексы, управляющие крупными лингвистическими источниками. К ним относятся, напр., автоматические конкордансы, автоматические словари, автоматический вариант «Диалектологического атласа русского языка», информационная система по «Краткой русской грамматике», процессоры рус. языка и другие средства автоматизации и информационного обеспечения лингвистических исследований и разработок.

В 1985–96 в М. ф. р. я. накоплены на машинных носителях и частично в базах данных текстовые источники рус. лит-ры 19–20 вв., главнейшие словари рус. языка, «Краткая русская грамматика» (1989), нек-рые другие материалы справочного характера, созданы текстовые корпусы поэзии, художественной прозы, общественно-политических и технических текстов; разработан программно-источниковый пакет UNILEX для персональных компьютеров, состоящий из 5 подсистем: подсистемы обработки лингвистических данных общего назначения, текстоориентированной подсистемы, словарной подсистемы, телекоммуникативной подсистемы и редакционно-издательской подсистемы. Каждая из этих подсистем может использоваться независимо от других.

Лит.: Ершов А. П., К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы, Новосиб., 1979; Машинный фонд рус. языка: идеи и суждения. [Сб.], М., 1986; Андрющенко В. М., Концепция и архитектура Машинного фонда рус. языка, под ред. А. П. Ершова, М., 1989; Бюллетень Машинного фонда рус. языка, в. 1, М., 1992.

В. М. Андрющенко.

Междоме́тия – лексико-грамматический класс неизменяемых слов, не относящихся ни к служебным, ни к знаменательным словам и служащих для выражения (но не называния) чувств, экспрессивных оценок, волевых побуждений, призыва. По составу М. делятся на непроизводные (напр., *ах, ох, эх, ух, ой, эге, увы, эй, цыц, гоп, бис, браво, ура*) и слова производные, утратившие знаменательность (напр., *батюшки, матушки, страсть, дудки, господи*). К М. относятся также звукоподражательные слова (напр., *мяу, ква-ква, кукареку, тьфу, тсс, хм, брр*); в то же время нек-рые учёные рассматривают звукоподражательные слова как особый морфологический класс слов. М., выражающие чувство и экспрессивную оценку, часто выступают в повторении, причём нек-рые из таких повторений устойчивы (напр., *ай-ай-ай, ха-ха-ха, эге-ге-ге, ох-хо-хо*). М. могут служить производящей основой для образования глаголов (напр., *ахать, охать, хихикать, ойкнуть, шикать, цыкнуть, мяукать, квакать, кукарекать*). Нек-рые М. субстантивируются (напр., *ахи и охи, громкое ура, многоголосое браво*).

В класс М. иногда вводятся также неизменяемые слова, произведённые от однократных глаголов и выражающие краткое и внезапное действие (напр., *бах, бац, глядь, шасть, прыг, толк*); такие слова называются глагольными М. или междометными глаголами. В нек-рых классификациях к М. относят также утвердительные и отрицательные слова (*да, нет*); в других классификациях они отнесены в класс модальных частиц. И то и другое оправданно, т. к. названные слова имеют свойства как М., так и частиц.

В составе предложения М. выполняют разнообразные функции. 1) В условиях контекста М. может занимать позицию относительно самостоятельного высказывания (т. н. междометные предложения: – *Ай! – Что такое? – Ушибся; Господи! Когда же всё это кончится!; Эге! Опять он здесь; Тсс! Все спят*). 2) М. вводится в предложение для придания ему определённой экспрессивной или эмоциональной окраски (*Ах, как я устал!; Мы опоздали, увы*). 3) Интонационно сливаясь со сказуемым или главным членом односоставного предложения, М. *ах, ох, ух, эх, ой* – одни или в сочетании с частицей *и*, местоименным словом *как, какой* – выступают в качестве акцентирующего, усиливающего элемента (*Эх как покатили!; Нынче я ох и устал!; Ох и скука!; Ему с ней ой нелегко!; Мальчик он ух какой способный*). 4) М. *ах, ох, ух, ай да* могут служить неотчленяемым строевым компонентом фразеологизированного предложения (*Ох уж эти мне родственники!; Ах она змея!; Ай да мёд!*). 5) Глагольные М. выступают в роли сказуемого (*Он хвать меня за руку*) и в роли интонационно обособленного экспрессивного элемента, вносящего значение внезапности в ту часть предложения, к-рой глагольное М. предшествует (*Сижу без денег, вдруг – бац – перевод!; Никто его не ждал, а он – хлоп – является*).

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1960; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980.

Н. Ю. Шведова.

Междунаро́дная ассоциа́ция преподава́телей ру́сского языка́ и литерату́ры (МАПРЯЛ) – международное общественное объединение преподавателей и других специалистов по русскому языку и литературе. Содействует преподаванию и изучению рус. языка во всём мире, совершенствованию методов преподавания, изданию учебников, повышению квалификации преподавателей. Создана в 1967 в Париже. Имеет статус «С» (консультативные взаимоотношения) ЮНЕСКО. Высший орган – Генеральная ассамблея, исполнительный орган – Президиум, рабочий орган – Секретариат в Москве. На 1 января 1997 насчитывает 202 чл. (национальные союзы русистов, крупнейшие ун-ты и др.; в т. ч. 15 индивидуальных чл.), представляющих интересы более 60 тыс. русистов в 76 странах. Первый президент – В. В. Виноградов, в 1970–1986 – М. Б. Храпченко, в 1986–91 – П. А. Николаев, с 1991 – В. Г. Костомаров.

Печатные органы МАПРЯЛ – выходящие в России ж. «Русский язык за рубежом» (с 1967, 6 номеров в год; издаётся совместно с Ин-том рус. языка им. А. С. Пушкина) и информационный «Вестник МАПРЯЛ» (с 1992). МАПРЯЛ координирует научные исследования и упорядочивает учебную работу (включая сертификацию преподавателей и тестирование учащихся), организует обмен опытом, проводит международные встречи: периодические конгрессы (1969 – Москва, 1973 – Варна, 1976 – Варшава, 1979 – Берлин, 1982 – Прага, 1986 – Будапешт, 1990 – Москва, 1994 – Регенсбург), традиционные олимпиады школьников – победителей национальных соревнований по рус. языку, региональные и тематические конференции.

В. Г. Костомаров.

Мейо́зис (от греч. méiōsis – уменьшение, убыль) – вид тропа (см.), приём выразительности речи – преуменьшение интенсивности свойств предмета речи, каких-либо действий, процессов, состояний и т. п. В отличие от литоты (см.), с помощью М. преуменьшается объективно нормальное или даже превышающее норму состояние, свойство, качество и т. п.: *сносная погода* (о «нормальной» или хорошей погоде), *приемлемые условия* (о хороших условиях), *вполне прилично зарабатывает* ('хорошо зарабатывает'); – *Как дела?* – *Ничего* – может говориться в ситуации, когда намеренно-нейтральным *ничего* стремятся преуменьшить успешное течение дел. Нередко М. служит целям смягчения, эвфемизации (см. Эвфемизм) высказывания, когда прямое обозначение объекта речи, по мнению говорящего, неприемлемо, нежелательно по этическим соображениям, может обидеть того, о ком идёт речь, и т. п.: *Ваше утверждение не совсем правильно* (в ситуации, когда говорящий считает утверждение собеседника неправильным); *Её трудно назвать красавицей; Оставшимся временем шахматист распорядился не лучшим образом.*

Подобно литоте (в её первом значении), М. является перифрастическим средством; он используется в различных функциональных разновидностях речи.

Лит.: Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики. Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. специальностей, Горький, 1975

Л. П. Крысин.

Местоиме́ние, местоименное слово,– слово, указывающее на лицо, предмет или признак, но не называющее их (*он, этот, такой, столько, там, тогда*). Термины «М.» и «местоименные слова» традиционно употребляются применительно к широкому кругу слов, объединённых общей указательной функцией или – её разновидностью – функцией заместительной. Как словесные знаки, не имеющие собственного предметного содержания, М. противопоставлены всем лексически полноценным словам. В отличие от слов-названий, местоименные слова не называют лиц, предметов, признаков, а только указывают на них или – в контексте – выступают как заменители слов, их называющих. Так, слово *он* (*его, ему* и т. д.) может указывать на лицо мужского пола, называемое существительным муж. или общего рода (*студент, судья*), а также на любой предмет, называемый существительным муж. рода: живое существо (*мальчик, скворец, жук*), конкретный предмет (*стол, дом*), событие, ситуацию (*приезд, мятеж, разгром, конфликт*). Слова *какой, такой* могут указывать на любой признак, а слова *где, когда, как* – на любое обстоятельство со значением места, времени и характера протекания ситуации, события. Как лексический разряд местоименные слова представляют собой замкнутую, непополняющуюся группу слов.

Тот факт, что М.– формально различны, даёт основания для двоякой классификации всех местоименных слов: по признаку формальной принадлежности к той или иной части речи; по семантическому признаку. По первому признаку все местоименные слова делятся на 4 класса: на местоимения-существительные (*я, ты, мы, вы, он, кто, что* и др.), на местоименные прилагательные (*такой, какой, всякий, мой, наш, ваш, тот, этот* и др.), местоименные числительные (*столько, несколько, сколько* и др.) и местоименные наречия (*где, когда, там, всюду* и др.).

По семантическим основаниям все местоименные слова делятся на след. 7 разрядов. Личные местоименные слова, включая собственно личные местоимения: *я, ты, он* (*она, оно, они*), *мы, вы*, притяжательные местоименные прилагательные *мой, твой, наш, ваш, его, её, их* и местоименные наречия *по-моему, по-твоему, по-нашему* и др. Возвратные местоименные слова: *себя, свой, по-своему*, а также взаимно-возвратное М. *друг друга*. Вопросительно-относительные местоименные слова: *кто, что, какой, каков* (в значении сказуемого), *который, чей, сколько, где, когда, почему* и др. Указательные местоименные слова – такие, как *этот, тот, такой, таковой, таков* (в значении сказуемого), *этакий* (*эдакий*); *столько, настолько; здесь, там, тут, тогда*. Вместо конкретного указания на предмет или признак употребляются также местоименные указательные слова с постфиксом *-то*, образованные от местоименных указательных слов: *тот-то, такой-то, столько-то, туда-то, так-то, там-то, тогда-то* и т. п. Определительные местоименные слова, традиционно объединяющие разные по семантике местоименные прилагательные и наречия: усилительно-выделительные слова *сам* и *самый*; слова со значением полноты охвата предмета или совокупности предметов: *весь, всяческий, по-всякому, везде, всюду, всегда*; слова со значением отдельной единицы из совокупности многих однородных единиц: *всякий, каждый, любой*; сло-

ва с указательным значением 'не этот', 'не тот', 'не так': *другой, иной, по-другому, иначе.* Отрицательные местоименные слова: *никто, ничей, никакой, никоторый, некого, нечего, негде, некуда, некогда, никуда, никогда, незачем.* Все эти местоименные слова образованы от вопросительных с помощью приставок *ни-* и *не-*. Неопределённые местоименные слова: *некто, нечто, некоторый, некий, некогда* ('когда-то в прошлом'); *кто-то, что-то, сколько-то, где-то, когда-то, почему-то; кто-либо, что-либо, какой-либо; чей-либо, где-либо, когда-либо, отчего-либо; кто-нибудь, что-нибудь, чей-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, когда-нибудь, зачем-нибудь, отчего-нибудь; кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-где, кое-когда.* Все эти местоименные слова образованы от вопросительных с помощью приставок *не-* и *кое-*, постфиксов *-то, -либо, -нибудь.*

В связи с тем, что местоименные слова объединяют в себе слова разных частей речи, определились различные точки зрения на положение М. в системе частей речи в целом. Одни исследователи считают М. особой частью речи, категориальным значением к-рой является указательность, другие полагают, что М. не составляют единой части речи, а распределяются по тем частям речи, формам и функциям к-рых они соответствуют. Нек-рые учёные в качестве особой части речи выделяют только М.-существительные. В отличие от имён существительных, к-рые они замещают или на к-рые они указывают, М.-существительные характеризуются собственным выражением категориальных значений рода, числа и падежа, а также особенностями форм словоизменения. Местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия не обладают подобной спецификой и потому рассматриваются как особые разряды местоименных слов, выделяемые внутри соответствующих частей речи (прилагательных, числительных, наречий) [так описаны М. в академической «Русской грамматике» (1980) и в «Краткой русской грамматике» (1989)].

М.-существительные склоняются. Для их склонения характерны: 1) супплетивизм, т. е. образование форм от разных основ: *я, меня, мне; он, его, ему; мы, нас* и т. п.; 2) наличие у М. *он* (*она, оно, они*) двух рядов форм – беспредложных и предложных, имеющих в начале *н*, – *его*, но *у него*; *ей*, но *к ней*; *ими*, но *с ними*; 3) отсутствие у М. *некто, нечто* форм косвенных падежей, а у М. *себя, некого, нечего* – формы им. п.; у взаимно-возвратного М. *друг друга*, как и у слова *себя*, нет формы им. п., а в косвенных падежах изменяется только второй компонент сложения – *друг друга, друг другу, друг другом* и т. п.; 4) позиция предлога у отрицательных и неопределённых М. после приставок (*не у кого, ни от чего, кое с кем*); позиция простых предлогов у М. *друг друга* между частями М. (*друг для друга, друг с другом*), производные предлоги могут стоять как между частями М., так и перед ним (*друг напротив друга, друг относительно друга* и *напротив друг друга, относительно друг друга*). М. *он* изменяется по родам и числам (*он, она, оно – они*). М. *я, ты, мы, вы* представляют собой отдельные слова, противопоставленные по числу: *я* и *ты* имеют значение ед. ч., а *мы* и *вы* – мн. ч.

Местоименные прилагательные изменяются по падежам, числам и родам. Большинство местоименных прилагательных склоняется по первому типу склонения прилагательных; М. *мой, твой, свой, чей* склоняются как притяжательные прилагательные (типа *лисий, волчий*). М. *весь* и *тот* в косвенных падежах мн. ч. оканчиваются на *-ех, -ем, -еми* (*тех, тем, теми*).

Местоименные слова обладают словообразовательной общностью. Все отрицательные М. образуются с помощью приставок *не-* и *ни-* (*нигде, некуда, никто, никуда*), все неопределённые – с помощью постфиксов *-то, -либо, -нибудь* или приставки *кое-* (*кто-то, что-либо, какой-нибудь, кое-где*).

Участие М. в образовании слов других частей речи довольно ограниченно (см., напр., единичные прилагательные – *ничтожный*, просторечные глаголы – *тыкать, выкать*, местоименные наречия – *по-моему, по-нашему, по-таковски, по-свойски* и нек-рые др.). Напротив, нек-рые местоименные слова, напр. местоименные прилагательные *сам, весь* (*все*), *каждый*, активно участвуют в образовании сложных слов в качестве первого их компонента (*самокритика, самооценка, самопроверка; самоочевидный, самоуверенный; всевозможный, всероссийский; каждодневный*).

Каждый из перечисленных выше семантических разрядов местоименных слов, очевидно, обладает сходной для всех разрядов системной организацией. Черты такой организации, подтверждающей мнение о том, что не только грамматический уровень языка, но и лексический его уровень (лексический состав) располагает всеми признаками целостной системы, отчётливо прослеживаются на примере организации лексического класса личных М.-существительных *я, ты, он* (*она, оно, они*), *мы, вы*, объединённых семантическим инвариантом «предмет указуемый». В сфере значений между словами этого класса, включающего подклассы ед. ч. *я, ты, он* (*она, оно*) и мн. ч.– *мы, вы*, существуют тесные связи. Все слова класса личных М.-существительных отличает однотипность развития вторичных значений без наращения при этом квалифицирующих сем, напр., у слова *я* – это обобщённость, отход от «указующего» *я* к формированию собственно предметного значения 'личность, индивид': *моё, его я; потерять своё я*; у *ты* и *вы* – это утрата дейктического значения и формирование значения фразеологически связанного: *обращаться к кому-нибудь на ты* или *на вы; быть на ты* или *на вы с кем-нибудь*; у слова *он* – это сужение дейктической функции до указания на

лицо, сознательно не называемое, скрываемое или с осложнением указательного значения оценочными семами, напр. у слова *мы* – это развитие значений ‘лицо почитаемое’ либо ‘лицо принижающееся или принижаемое’, у слов *ты, вы*, а также у формы мн. ч. М. *он – они* – развитие значений ‘лицо уважаемое или высоко почитаемое’. Сближает все личные М.-существительные однотипность их синтаксической и семантической сочетаемости, а также по существу негативное отношение к производству на их основе новых слов.

В связи с возросшим интересом к высказыванию и к проблемам соотношения высказывания и его частей с действительностью М. с их семантическими и синтаксическими особенностями оказались в центре внимания многих лингвистов, в т. ч. и русистов (работы О. Н. Селивёрстовой, Е. В. Падучевой, А. В. Исаченко, П. Гарда и др.).

На протяжении истории языка М. изменились сравнительно мало, если не считать утраты форм двойственного числа. Личные и возвратные М. утратили энклитические формы дат. и вин. п. ед. и мн. ч. (*ми, ти, си* и *мя, тя, ся* – в ед. ч., *ны, вы* – во мн. ч.). М. *тот* исторически возникло из удвоения указательного *тъ* (*тътъ*). Интересна судьба склонения указательных М. *он* (*она, оно, они*) и *и, я* (ꙗ), *е* (ѥ). М. *он* в совр. языке выступает как личное (3-го лица) и указательное и сохраняет данную форму только как исходную (форма им. п. ед. ч.), формы косвенных падежей М. *он* (*она, оно, они*) – это формы косвенных падежей др.-рус. указательных М. *и*, ꙗ, ѥ, им. п. к-рых не употреблялся уже в древнейших памятниках.

До 19 в. просуществовали ещё две формы личных М.– это формы мн. ч. им. п. *оне* – для жен. рода, в отличие от *они* – для муж. и ср. рода и вариантная форма для род. п. ед. ч. М. *она* – *ея*. Различия форм *оне* и *они* уже в 19 в. воспринимались как орфографические, а вариантная форма *ея* – как книжная и искусственная при основной форме *её*.

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики рус. лит. языка, М., 1945; Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Совр. рус. язык. Морфология, М., 1952; Грамматика рус. языка, т. 1 – Фонетика и морфология, М., 1953; Исаченко А. В., О синтаксической природе местоимений, в кн.: Проблемы совр. филологии, М., 1965; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; его же, Грамматический словарь рус. языка. Словоизменение, 3 изд., М., 1987; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений), М., 1985; Шелякин М. А., Рус. местоимения (значение, грамматические формы, употребление), Тарту, 1986; Шведова Н. Ю., Лексическая система и её отражение в толковом словаре, в кн.: Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование, М., 1988; Селивёрстова О. Н., Местоимения в языке и речи, М., 1988; Кузьмина С. М., Семантика и стилистика неопределённых местоимений, в кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика, М., 1989; Ермакова О. П., Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений, там же; Рус. местоимения: семантика и грамматика. Межвузовский сб. научных тр., Владимир, 1989; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Еськова Н. А., Краткий словарь трудностей рус. языка. Грамматические формы. Ударение, М., 1994; Шведова Н. Ю., Белоусова А. С., Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий, М., 1995.

В. А. Плотникова (Робинсон).

Местоимённые слова́ – см. Местоимение.

Метате́за (от греч. metáthesis – перестановка) – взаимная перестановка звуков или фонетических признаков в слове, один из видов т. н. комбинаторных изменений звуков. М. свойственна разг. языку, просторечию, диалектам (ср.: *ралёк* из *ларёк*, *сингал* из *сигнал*, *раболатория* из *лаборатория*); нередко подобные формы закрепляются в лит. языке, особенно при заимствовании слов из других языков (*тарелка* из *талерка*, нем. *Teller*). Различаются качественная (затрагивающая сами звуки) и количественная (затрагивающая лишь признак длительности звука) М. Причиной М. обычно является стремление избежать неудобопроизносимых или системно не мотивированных в данном языке звукосочетаний. М. может происходить как в отдельных словах (укр. *причта* из *притча*), так и повсеместно и закономерно для определённого звукосочетания; в последнем случае М. может носить и характер исторический, приводя к появлению в языке нового типа звукосочетания. Так, в слав. языках действие древнейшего закона открытости слога приводило к изменению праслав. сочетаний **or, ol, er, el* между согласными, в результате чего в южнослав. языках происходила звуковая и долготная М.: **gordъ > gor̥d > grō–dъ* > ст.-слав. *градъ*, а в зап.-слав.– только звуковая М.: **gord* > польск. *gród* (в обоих случаях – т. н. неполногласие). В рус. языке закон М. в данной позиции не действовал, а развилось полногласие (см.): **grodъ > город*.

В. А. Виноградов.

Мета́фора (греч. metaphorá – перенос) – троп (см.) или фигура речи (см.), употребление слова, обозначающего нек-рый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеризации или номинации другого, сходного с данным класса объектов или индивида, напр. *Собакевич – настоящий медведь*. Расширительно М.– любой вид использования слов в переносном значении.

М.– один из основных приёмов смыслообразования. В порождении нового смысла участвуют четыре компонента: две категории объектов и свойства каждой из них. М. отбирает свойства одного класса объектов по их совместимости с другим классом или одним из его членов – основным (актуальным) субъектом М. Метафорическое значение определяется принципом пропорции (Аристотель). Оно выводится из знания трёх компонентов – двух категорий денотатов и характеристики одного из них, названного в М. Последний компо-

нент может принадлежать фонду общих представлений носителей языка о данной категории объектов, включая мифологические, культурные и эмоционально-оценочные коннотации (см.). Взаимодействие с двумя различными классами денотатов создаёт основной признак М.– её семантическую двойственность. В структуру М. входят два компонента – её значение (свойство актуального субъекта) и образ её вспомогательного субъекта.

Называя Собакевича медведем, имя *медведь* относят одновременно и к классу животных, и к конкретному человеку, а из числа ассоциируемых с *медведем* признаков отбирают те, к-рые приложимы к индивиду (крепость, грубая сила, косолапость, окраска и др.). Совокупность второстепенных для класса (вспомогательного субъекта М.) признаков даёт ключ к сущности актуального субъекта М. Поэтому М. часто лежит в основе прозвищ, а затем и фамилий (*Коробочка, Клещ, Сова*). Расширение денотативной области М. с индивида на категорию сужает и фиксирует значение М., к-рая становится фактом языка: *медведь* 'неуклюжий человек, увалень' Сходство со стереотипом класса позволяет выделить определённую разновидность внутри другого класса, в данном случае класса людей.

Т. о., источником нового значения является сравнение. Уподобление объектов может быть симметричным; ср. обоюдные М. (Аристотель): *загорелись звёзды очей* (глаза) и *загорелись очи ночи* (звёзды). Поэтическая М. часто сближает далёкие объекты: *Русь – поцелуй на морозе* (Хлебников). М. традиционно рассматривается как сокращённое сравнение. Из неё исключены предикаты подобия (*похож, напоминает* и др.) и компаративные союзы (*как, как будто, как бы, словно, точно* и др.). Вместе с ними элиминируются основания сравнения, мотивировки, ситуативные обстоятельства, модификаторы. М. лаконична. Она сокращает речь, сравнение её распространяет. Формальным изменениям соответствуют смысловые. Сравнение выявляет любое – постоянное или преходящее – сходство (или его отсутствие), М.– устойчивое подобие; ср. *Вчера он вёл себя как заяц* и **Вчера в лесу он был заяц* (можно только *Он – заяц*). Обозначая сущность объекта, М. несовместима с субъективными установками: **Мне кажется, она птица*, **Я думаю, что Собакевич медведь*. В послесвязочной позиции рус. М. предпочитает им. п. творительному, обозначающему состояние или переменный признак: *Командир наш был орёл* (**орлом*). Твор. п. используется тогда, когда на признак наложен предел, обычно в стереотипных М.: *Не будь свиньёй*; *Каким я был ослом*.

М. возникает при сопоставлении объектов, принадлежащих разным классам. Логическая сущность М. определяется как категориальная ошибка или таксономический сдвиг. М. отвергает принадлежность объекта к тому классу, в к-рый он входит, и включает его в категорию, к к-рой он не может быть отнесён на рациональном основании. Сравнивая объекты, М. их противопоставляет. М. сокращает не только сравнение, но и противопоставление, исключая из него содержащий отрицание термин: *Ваня (не ребёнок, а) сущий вьюн.* Если сокращённый термин важен для интерпретации М. или фокусирования внимания на контрасте, он может быть восстановлен: *«Это не кот, а бандит»* (Булгаков); *«Что это за люди? Мухи, а не люди»* (Гоголь); *«Не смушка – огонь»* (Гоголь).

М. выполняет две основные функции – функцию характеризации и функцию номинации индивидов и классов объектов. Они чётко противопоставлены в субстантивной М. В первом случае существительное занимает место таксономического предиката, во втором – субъекта или другого актанта. Исходной для М. является функция характеризации. Занимая позицию предиката, М. постепенно утрачивает предметное значение и вместе с тем бóльшую часть входящих в него семантических компонентов. Смысл М. ограничивается указанием на один или немногие признаки. Употребление М. в актантной позиции вторично. В рус. языке оно поддерживается указательным местоимением: *«Живёт эта вобла в имении своей бывшей жены»* (Чехов).

Конкретная М. часто используется для характеристики непредметного субъекта: *Любовь – пьянящее вино; Совесть – когтистый зверь.* Обратное явление редко: *«Господи, это же не человек, а – дурная погода»* (М. Горький). М. выполняет характеризующую функцию также в позиции приложения: *глаза-небеса, случай – Бог-изобретатель.* В соположении далёких понятий иногда видят сущность поэтической М. В образной поэтической речи М. может вводиться прямо в именную позицию и её референция остаётся неэксплицированной (М.-загадки): *«Били копыта по клавишам мёрзлым»* (т. е. булыжникам) (Маяковский). Утверждаясь в номинативной функции, М. утрачивает образность: *горлышко бутылки, анютины глазки, ноготки.* Номинализация метафорических предложений, при к-рой М. переходит в именную позицию, порождает один из видов генитивной М.: *Зависть – это яд* → *яд зависти*, ср. также *вино любви, звёзды глаз, червь сомнения* и пр. Род. п. определяет денотативную отнесённость М. Он неупотребителен при личном субъекте: **осёл Ивана*, **медведь Собакевича.* М. этого типа распространена в романских языках: исп. *el burro de Juan*, итал. *l'asino di Giovanni*, франц. *cet âne de Jean.*

Ориентация на характеризующую функцию отличает М. от метонимии (синекдохи), предназначенной прежде всего для выделения предмета речи. В предложениях *Вон та голова – это голова, Эта шляпа – ужасная шляпа* имена *голова* и *шляпа* получают в субъекте метонимическое (идентифицирующее) прочтение, а в предикате – мета-

форическое (предикатное). Будучи ориентированы на одну – предикатную – позицию, сравнение и М. находятся между собой в парадигматических отношениях. М. и метонимия позиционно распределены. Их отношения являются синтагматическими.

Оба основных типа полнозначных слов – имена предметов и обозначения признаков – способны к метафоризации значения. Чем более дескриптивным (многопризнаковым) и диффузным является значение слова, тем легче оно получает метафорические смыслы. Среди существительных метафоризуются прежде всего имена предметов и естественных родо́в, а среди признаковых слов – слова, выражающие физические качества и механические действия. Метафоризация значений во многом обусловлена картиной мира носителей языка, т. е. народной символикой и ходячими представлениями о реалиях (ср. фигуральные значения таких слов, как *ворон, ворона, чёрный, правый, левый, чистый* и пр.).

Метафоризация значения может либо проходить в пределах одного семантического типа слов, либо сопровождаться переходом из одного типа в другой.

М. не выходит за рамки конкретно-предметной лексики, когда к ней прибегают в поисках имени для нек-рого (обычно непоименованного) класса реалий. М. в этом случае составляет ресурс номинации. Вторичная для М. функция используется как приём образования имён предметов. Семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного значения другим. Перенос может основываться на сходстве любого признака: формы (*журавль колодца*), цвета (*белок глаза*) и пр. Номинативная М. часто порождает омонимию.

Второй тип М. состоит в семантическом сдвиге: переходе предметного значения в категорию признаковых слов (ср. *волк* 'хищный', *чурбан* 'тупой, бесчувственный'). Обозначая свойства, уже имеющие в языке название, образная М., с одной стороны, даёт языку синонимы, а с другой – обогащает слова фигуральными значениями. Обратный описанному процесс перехода признакового значения в категорию конкретной лексики не характерен для М.

Метафоризация третьего типа протекает в среде признаковых слов и заключается в сопоставлении субъекту М. признаков, свойств и действий, характерных для другого класса объектов или относящихся к другому аспекту данного класса. Так, прилагательное *острый*, относящееся в прямом смысле к колющим и режущим предметам, получает метафорическое значение в сочетаниях: *острое слово, острый ум, острый конфликт, острая боль, острая обида, острый кризис* и др. В этом типе М. указан признак вспомогательного субъекта, но нет прямой отсылки к термину сравнения (классу предметов), имплицируемому значением М. Признаковая М. также может быть выведена из сравнения: *Ветер шумит так, как будто воет зверь* → *Ветер воет, как зверь* → *Ветер воет.* М. этого типа служит источником полисемии слова. Существует ряд общих закономерностей метафоризации значения признаковых слов: физический признак предмета переносится на человека и способствует выделению и обозначению психических свойств личности (ср. *тупой, резкий, мягкий, широкий* и пр.); атрибут предмета преобразуется в атрибут абстрактного понятия (*поверхностное суждение, пустые слова, время течёт*), признак или действие лица относится к предметам, явлениям природы, абстрактным понятиям (принцип антропоморфизма: *буря плачет, утомлённый день, время бежит* и др.), признаки природы и естественных родо́в переносятся на человека (ср.: *ветреная погода* и *ветреный человек, лиса заметает следы* и *человек заметает следы*). Процессы метафоризации, т. о., часто протекают в противоположных направлениях: от человека к природе, от природы к человеку, от неодушевлённого к одушевлённому и от живого к неживому. Перенос от предметных категорий к абстрактным инвертируется редко. Признаковая М. является орудием выделения, познания свойств материальных тел и абстрактных категорий, и её можно назвать когнитивной. Важный результат когнитивной М.– создание вторичных предикатов, т. е. предикатов, относящихся к нефизическим объектам (*следовать, предшествовать, вытекать, выводить, развиваться, яркий, глубокий* и др.). Расширяя круг сочетаемости слова, когнитивная М. часто приводит к созданию очень общих значений.

Итак, выделяются три семантических типа языковой М.: номинативная, образная, когнитивная.

М. редко стоят особняком. Они опираются на немногие аналогии, вследствие чего одна М. бывает приложима ко многим категориям объектов. Так, в основе метафор эмоций лежат аналогии: с жидким, текучим состоянием вещества (*страсти кипят, прилив чувств, хлебнуть горя*); с огнём (*гореть желанием, искра сострадания, любовный пыл*); с воздушной стихией (*буря страстей, вихрь чувств, чувства обуревают*); с болезнью, отравой (*лихорадка любви, зависть отравляет душу*); с живым существом (*чувства рождаются, умирают, воскресают, говорят*) и нек-рые другие. К одному объекту могут быть отнесены разные М. Их смысловое согласование может нарушать единство образных рядов: *лить жар любви, пить огонь страстей*; напр.: *«Он пил огонь отравы сладкой»* (Пушкин), *«Цветок – звезда в слезах росы»* (Блок).

Во всех случаях М. рано или поздно исчезает. Сущность М. (её семантическая двуплановость) не отвечает первичным коммуникативным назначениям основных элементов предложения – его субъекта и предиката. Для указания на предмет речи М. слишком субъективна; для предиката, содержащего сообщаемое, М. слишком неопределённа и

неоднозначна. С этим связаны стилистические ограничения на употребление М. Не используется М. в деловом дискурсе: законах, распоряжениях, уставах-запретах, инструкциях, правилах, циркулярах, завещаниях, в актах судопроизводства, анкетах и т. п.– во всём, что должно выполняться и контролироваться. М. несовместима с прескриптивной и комиссивной (относящейся к обязательствам) функциями речи. М. не встречается в вопросах, рассчитанных на получение точной информации. М. употребительна в тех формах практической речи, в к-рых присутствуют экспрессивно-эмоциональный и эстетический аспекты. Она удерживается во фразеологизмах, прозвищах, паремиях, крылатых фразах, присказках. Семантическая диффузность М. не отвечает основным требованиям научного дискурса. Вместе с тем М. играет большую роль в формировании концепций и научной терминологии. Основанные на аналогии ключевые М. предопределяют стиль мышления в рамках той или другой научной парадигмы. Так, представление о социуме как о здании позволяет выделить в нём базис, надстройки, инфраструктуры, блоки и т. д., а также говорить об обществе в терминах строительства, перестроек и разрушения; ср. также *прорубить окно в Европу*. Смена научных парадигм сопровождается сменой ключевой М. Так, биологическая концепция языка уподобляла его живому организму (ср. *живые* и *мёртвые языки*), компаративисты предложили М. языковых семей и языкового родства (ср. *праязык*), для структуралистов ключевой является М. уровневой структуры, для генеративистов – М. языка как порождающего устройства.

М. широко распространена во всех жанрах речи, предназначенных для воздействия на эмоции и воображение адресата: ораторском, публицистическом и др. М. характерна для политического дискурса, в к-ром она основывается на аналогиях: с войной и борьбой (*дипломатические сражения, нанести удар*), игрой (*разыграть карту*), спортом (*перетягивание каната*), механизмом (*рычаги власти*), организмом (*болезнь роста*), растением (*ростки демократии*), театром (*марионетки власти*) и др.

Естественное для себя место М. находит в поэтической (в широком смысле) речи, в к-рой она служит эстетической цели. М. роднят с поэтическим дискурсом след. черты: нераздельность образа и смысла, отказ от принятой таксономии объектов, актуализация далёких и «случайных» связей, диффузность значения, допущение разных интерпретаций, отсутствие мотивации, апелляция к воображению, выбор кратчайшего пути к сущности объекта.

М. всегда – прямо или косвенно – соотнесена с действительным миром. Это отличает её от символа, часто получающего трансцендентные смыслы. М. углубляет понимание чувственно воспринимаемой реальности и её свойств, символ уводит за её пределы. В М. устойчиво значение, в символе – форма. Она может быть не только названа, но и изображена. М. основана на отказе и выборе – двух основных принципах поэтического слова, в к-ром отказ от мотивировок компенсируется единственностью и точностью выбора.

Лит.: Потебня А. А., Из записок по теории словесности, Хар., 1905; Гегель, Соч., т. 12, Лекции по эстетике, кн. 1, М., 1938; Левин Ю. И., Структура рус. метафоры, в кн.: Тр. по знаковым системам. II, Тарту, 1966; его же, Рус. метафора: синтез, семантика, трансформации, в кн.: Тр. по знаковым системам. IV, Тарту, 1969; [Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.], Поэтическая фразеология Пушкина, М., 1969; Некрасова Е. А., Метафора и её окружение в контексте художественной речи, в кн.: Слово в рус. сов. поэзии, М., 1975; Виноградов В. В., Поэтика рус. лит-ры. Избр. тр., М., 1976; Телия В. Н., Вторичная номинация и её виды, в кн.: Языковая номинация. (Виды наименований), М., 1977; Арутюнова Н. Д., Языковая метафора. (Синтаксис и лексика), в кн.: Лингвистика и поэтика, М., 1979; Григорьев В. П., Поэтика слова, М., 1979; Шершакова Н. Е., Развитие метафорических значений глаголов (на материале семантических неологизмов сов. периода), в кн.: Функциональная значимость слова в тексте художественных произведений, М., 1983; Аристотель, Соч. в четырех томах, т 4, М., 1984; Кожевникова Н. А., Словоупотребление в рус. поэзии нач. XX в., М., 1986; её же, Язык Андрея Белого, М., 1992; Метафора в языке и тексте, М., 1988; Теория метафоры. Сб., пер. с англ., франц., нем., исп., польск., под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинксой, М., 1990; Баранов А. Н., Караулов Ю. Н., Рус. политическая метафора (материалы к словарю), М., 1991; Скляревская Г. Н., Метафора в системе языка, СПБ, 1993; Крейдлин Г. Е., Метафора семантических пространств и значение предлога, «ВЯ», 1994, № 5; Павлович Н. В., Язык образов. Парадигмы образов в рус. поэтическом языке, М., 1995; Очерки истории языка рус. поэзии XX в. Образные средства поэтического языка и их трансформация, М., 1995; Dobrzyńska J., Mówiac przenośnie... Studia o metaforze, Warsz., 1994. См. также лит. при ст. Метонимия.

Н. Д. Арутюнова.

Метони́мия (от греч. metōnymia, букв.– переименование) – троп (см.) или фигура речи (см.), перенос имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности. Основой М. служат пространственные, событийные, ситуативные, семантические, синтаксические и логические отношения между самыми различными категориями объектов, принадлежащими действительности и её отражению в человеческом сознании, закреплённом значениями слов,– между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем, формой и содержанием и т. п. М. служит сокращению, сжатию речи. В ней взаимодействуют мыслительные (ассоциативные) и языковые (словообразовательные, синтаксические) механизмы.

Отношения смежности могут возникать как между однородными, так и между гетерогенными категориями, в т. ч. принадлежащими принципиально разным пространствам, напр. реальному миру и его идеальной модели. В этом случае М. граничит с неразличением, отождествлением идеальных и материальных объектов, ведущим к семантическому синкретизму; ср. употребление таких слов,

как *факт, истина* для обозначения истинных высказываний и того, что им соответствует в действительности (события, положения дел).

Имя может быть перенесено: 1) с сосуда, вместилища, помещения на содержимое или объём содержимого, напр.: *блюдо* – 'большая тарелка' и 'еда, яство', *спальня* – 'комната для спанья' и 'комплект мебели для спальни', *стакан* – 'стеклянный сосуд для питья' и соответствующий ему 'объём жидких и сыпучих масс'; 2) с материала на изделия из него, напр.: *медь* – 'металл' и 'медные деньги'; 3) с места, населённого пункта на совокупность его жителей или связанное с ним событие, напр.: *Вся деревня* (= всё население деревни) *над ним смеялась*; *Бородино* – 'битва на Бородинском поле', *дорога* – 'проложенный для передвижения путь' и 'поездка, время поездки'; 4) с действия на его результат, место, время или вовлечённый в действие предмет (субъект, объект, орудие), напр.: *остановка* – 'действие' и 'место остановки транспорта', 'расстояние между остановками', *отправление почты* – 'действие' и *почтовые отправления* – 'корреспонденция', *свисток* – 'акт свиста' и 'приспособление для свиста', *охрана* – 'действие' и 'охранники', *еда* – 'действие' и 'пища', *обивка* (мебели) – 'действие' и 'обивочная ткань'; 5) с сопутствующего действия или его частной характеристики на само действие или состояние, напр.: *храпеть* – 'издавать хриплые звуки во время сна' и 'крепко спать'; 6) с формы выражения содержания или его материального воплощения на само содержание, напр.: *толстая книга* относится к предмету, а *интересная книга* – к содержанию; 7) с отрасли знания, науки на предмет науки и наоборот, напр.: *грамматика* – 'строй языка' и 'раздел языкознания'; 8) с социального события, мероприятия на его участников, напр.: *Конференция состоится в мае* и *Конференция приняла важное решение*; 9) с социальной организации, учреждения на совокупность его сотрудников и помещение, ср. *ремонтировать фабрику* и *фабрика забастовала*; 10) с целого на часть и наоборот, ср.: *груша* – 'дерево' и 'плод'; перенос наименования с части на целое, являющийся видом М., называется **синекдохой**; этот тип М. часто используется в целях аспектизации объекта, напр. *фигура, лицо, личность* в применении к человеку (*юридически ответственное лицо, историческая фигура, роль личности в истории*); 11) с эмоционального состояния на его причину, напр.: *ужас* – 'страх' и 'ужасное событие'; 12) имя автора может использоваться для обозначения его произведений или созданной им модели, стиля, напр.: *читать, издавать Толстого*; *Булль* – имя мастера и 'мебель с определённым типом декора'.

Отражая постоянное взаимодействие объектов, М. типизируется, создавая семантические модели многозначных слов. В результате метонимических переносов у слова могут появляться новые лексические значения, при этом в семантике слова совмещаются принципиально разные типы значения: признаковые, событийные и предметные (абстрактные и конкретные). Так, имена действия используются для обозначения результирующего объекта (ср.: *произведение, сочинение, рассказ, постройка, решение*). Если регулярный метонимический перенос осуществляется в пределах словообразовательного типа, то его следствием может быть полисемия (см.) суффикса, но не основы (ср. значение отглагольных суффиксов *-ание, -ение*). Ассоциация объектов по их смежности, а также понятий по их логической близости превращается тем самым в связанность категорий значения. Такого рода М. служит номинативным целям и способствует развитию лексических средств языка.

М., регулярно возникающая на базе словосочетания или предложения и являющаяся результатом эллиптического сокращения текста, обычно сохраняет ту или иную степень зависимости от условий употребления, не создавая нового словарного значения имени: *таблетки от головной боли* → *таблетки от головы; читать рассказы Чехова* → *читать Чехова; В музее есть два Рембрандта* (в значении 'два полотна Рембрандта'; но нельзя сказать: *На одном Рембрандте изображена старая женщина*). Особенно прочна связь с контекстом М., при к-рой полное обозначение нек-рой ситуации, опирающееся на предикат, сводится к компоненту предметного значения: – *Что с тобой?* – *Голова* (*сердце, горло, зубы*) в значении 'болит голова (сердце, горло, зубы)'. Хотя имя *сердце* используется в значении 'боль в сердце' (ср. *сердце прошло*) и 'заболевание сердца' (ср. *Сердце не позволяет ему много работать*), такое употребление ограничено определёнными синтаксическими и семантическими контекстами: имя *сердце* в этих значениях не может сочетаться с прилагательными и процессуальными глаголами, определяющими характер боли или течение заболевания. Нельзя сказать: *острое* (*сильное, ноющее*) *сердце* или *сердце обострилось* (*усугубилось, усилилось*). М. такого рода служит средством развития и расширения семантических возможностей употребления слова преим. в разг. речи. Напр., конкретные существительные регулярно получают событийное значение после временны́х, причинных и нек-рых других предлогов, ср. *После лыж* ('после прогулки на лыжах') *он чувствует себя бодро*. Представляя собой способ семантической конденсации текста, такая М. не принадлежит к числу поэтических тропов.

М. часто используется как приём ситуативной номинации объекта, для указания на предмет речи или на её адресат, т. е. в выделительных, идентифицирующих целях. Такой вид М., иногда применяющийся с художественным заданием, состоит в наименовании объекта (обычно лица) по его части, сопутствующему предмету, индивидуализирующей в данной ситуации внешней детали. Напр.:

Шляпа углубилась в чтение газет; Эй ты, борода!; «"Читали про конференцию по разоружению?" – обращался один пикейный жилет к другому *пикейному жилету»* (И. Ильф и Е. Петров). М. такого рода часто служит созданию прозвищ, кличек (ср.: *Белый Бим Чёрное Ухо, Красная Шапочка*). В разг. речи обращения, основанные на индивидуальной детали, иногда сохраняют форму предложного определения, ср. *Эй ты, в шляпе!* Такое же употребление допускается позицией субъекта, ср. *В красной шапочке побежала в лес* (в этом случае следует говорить не о М., а о субстантивации).

Если называемая М. деталь типична для многих индивидов, то М. может закрепиться в языке в качестве обозначения определённой социальной категории лиц, ср. *лапоть* применительно к крестьянам в дореволюционной России. Однако такого рода М. лишена семантической (денотативной) стабильности. В разных исторических условиях имя *борода* употреблялось для обозначения крестьян, мудрецов, старейшин, бояр, определённой категории молодых людей.

Идентифицирующая функция ситуативной М. (использование М. для того, чтобы направить внимание на предмет или на адресат речи) связывает её с определёнными синтаксическими позициями: обращения, подлежащего (темы сообщения), дополнений. Ситуативная М. неупотребительна в позиции сказуемого, т. е. не выполняет характеризующей функции. Употребление в предикате преобразует М. в метафору (см.): *шляпа* – 'растяпа', *лапоть* – 'невежда', *калоша* – 'дряхлый человек, развалина', *сачок* – 'лентяй'. Метонимические существительные этого типа неупотребительны также в бытийных предложениях и их эквивалентах, вводящих нек-рый предмет в мир повествования. Так, рассказ о девочке, носившей красную шапочку, нельзя начать словами: *Жила-была (одна) красная шапочка.* К другим видам ограничений на употребление М. относится, напр., использование существительных *душа* в значении 'человек', *сабля* в значении 'кавалерист', *штык* в значении 'пехотинец', *голова* в значении 'единица скота' только в счёте (*пять душ, сто голов рогатого скота*).

В случаях живой (ситуативной) М. изменение предметной отнесённости имени обычно не отражается на нормах грамматического и семантического согласования слова: *Чёрные штиблеты заволновались* (хотя речь идёт об одном человеке); *Шляпа вздрогнула* (о мужчине). Метонимическое имя редко принимает определения, относящиеся к его денотату (обозначаемому предмету). Нельзя сказать *красивый (холодный, старый) тулуп*, имея в виду свойства лица, а не тулупа. Это отличает М. от номинативной метафоры, определения к-рой часто относятся к денотату (ср.: *старая перечница, старая калоша, подлая змея*).

Употребление М. может быть либо конситуативно свободным, либо наталкиваться на семантические, синтаксические и ситуативные ограничения. В соответствии с этим следует различать: собственно лексическую, номинативную, М.; конструктивно (синтактически и семантически) связанную М.; ситуативно обусловленную М., к-рую по функции можно назвать идентифицирующей.

К М. принято относить также сдвиги в значении признаковых слов (прилагательных и глаголов), основанные на разных видах смежности характеризуемых ими предметов (вторичная метонимизация значения), ср. *выутюженный костюм* и *выутюженный молодой человек*, ср. также постепенное расширение сочетаемости признаковых слов, вызванное семантической и логической близостью определяемых имён: *дерзкое выражение глаз, дерзкий взгляд, дерзкие глаза, дерзкий лорнет*, напр.: *«Я навел на неё лорнет и заметил, что мой дерзкий лорнет рассердил её не на шутку»* (Лермонтов). Метонимические сдвиги характерны для относительных прилагательных, ср. *водный* в значении 'относящийся к воде' и в значении 'содержащий воду' (*водные соединения*).

Лит.: Покровский М. М., Избр. работы по языкознанию, М., 1959; Ефремов Л. П., Метонимическое обозначение человека названиями носильных вещей, «Изв. АН Казах. ССР. Сер. общественная», 1967, № 1; Рус. разг. речь, М., 1973, с. 427–34; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики. (На материале рус. языка), М., 1973; его же, Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П., Значение и оттенок в лексикографической практике, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1975, т. 34, № 6; Некрасова Е. А., Метонимический перенос в связи с нек-рыми проблемами лингвистической поэтики, в кн.: Слово в рус. сов. поэзии, М., 1975; Телия В. Н., Вторичная номинация и её виды, в кн.: Языковая номинация. (Виды наименований), М., 1977; Зимин В. И., Модебадзе Э. А., Метафора и метонимия, «Рус. яз. в нац. школе», 1977, № 2; Гинзбург Е. Л., Конструкции полисемии в рус. языке. Таксономия и метонимия, М., 1985; Очерки истории языка рус. поэзии XX в. Образные средства поэтического языка и их трансформация, М., 1995; Kuryłowicz J., Metaphor and metonymy in linguistics, «Zagadnienia rodzajów literackich», 1967, t. 9, z. 2(17); Henry A., Metonimia e metafora, Torino, 1975.

Н. Д. Арутюнова.

Ми́нимум орфографи́ческий и пунктуацио́нный – количество правил и навыков правописания (орфографии и пунктуации), обязательных для грамотного человека. Критерием определения минимума служат реальные возможности школы и практические потребности учащихся в их будущей производственной и общественной деятельности. Такие потребности учтены в своде «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956), обязательных для совр. рус. письма. В минимум включаются актуальные для учащихся орфограммы (см.) и пунктограммы (см.).

Орфографический минимум составляют: написания значащих частей слова (приставки, корня, суффикса, окончания) с учётом различных принципов написания (см. Орфография) – мор-

фологического, фонетического, традиционно-исторического и дифференцирующего (см. Дифференцирующие написания); написания слитные, дефисные (см. Дефис) и раздельные, относящиеся к различным грамматическим разрядам слов; употребление прописной буквы (см.); правила переноса слов (см.). В орфографический минимум не включаются написания диалектизмов, малоупотребительных и устаревших слов, а также специальных терминов из различных отраслей знания и производства, не вошедших в общеупотребительный лит. язык, аббревиатуры и т. п.

Пунктуационный минимум составляет употребление знаков препинания (см.), определяемое грамматической структурой предложения: знаков препинания, фиксирующих конец предложения; знаков препинания, выделяющих и отделяющих части сложного предложения (см.); знаков препинания, выделяющих обращения (см.), вводные слова (см.) и предложения (см. Вводное предложение), вставные конструкции (см.); знаков препинания, отделяющих словоформы в рядах однородных членов предложения (см.). Такие знаки ставятся на основе правил, не допускающих вариантов. В пунктуационный минимум не включаются знаки препинания, имеющие контекстуально-стилистическую значимость и отражающие индивидуально-авторское употребление.

М. о. и п. обеспечивается действующим сводом «Правил русской орфографии и пунктуации», а также «Орфографическим словарём русского языка» (31 изд., 1994).

Лит.: Текучев А. В., Об орфографическом и пунктуационном минимуме средней школы. Пособие для учителей, М., 1976; 2 изд., М., 1982. *Н. С. Валгина.*

Многозна́чность – то же, что полисемия.

Многото́чие (...) – одиночный разделительный знак препинания, могущий выступать в тексте предложения в трёх различных позициях и обозначающий незаконченность или прерванность высказывания, а также пропуск в тексте. М. как конечный знак отмечает правую границу предложения и отделяет его от другого. Его значение – незаконченность высказывания или синтаксической структуры (функция обрыва предложения): *«История старая, хотя её и забывают: роют, роют, а потом...»* (Симонов). М. выступает также как знак середины предложения, прерывающий текст предложения – с тем, чтобы после паузы продолжить (закончить) его (функция разрыва предложения): *«"Распорядитесь построением... дивизии!" – Сделав паузу, он всё-таки упрямо добавил это въевшееся в их общее сознание слово»* (Симонов). Факультативно М. употребляется как знак позиции начала предложения (абзаца) для обозначения лакуны в изложении (временно́й, пространственной, сюжетной дистанции):

«– Хорошо, Лена, – перебил он. – Я только переоденусь. ...Он пришёл под старую липу раньше Лены» (Минутко). М. может употребляться для обозначения пропуска текста и при цитировании. О двойном М. см. ст. Знаки препинания.

Впервые знак М. отмечен в грамматике А. Х. Востокова (1831) под названием «Знак пресекательный».

Лит. см. при ст. Пунктуация. *Б. С. Шварцкопф.*

Многоязы́чный слова́рь – см. Двуязычные словари.

Мно́жественное число́ – см. Число.

Мода́льность (от лат. modus – мера, способ) – обозначение круга явлений, неоднородных по смысловому объёму, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях структуры языка. Вопрос о границах этой категории решается по-разному. К сфере М. относят противопоставление предложений по характеру их коммуникативной целеустановки (утверждение – вопрос – побуждение), противопоставление по признаку «утверждение – отрицание», градации значений в диапазоне «реальность – ирреальность» (реальность – вероятность – предположение – нереальность), различные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выражаемые при помощи глагольных единиц и наречий, относящихся к группе модальных предикативов: *может, хочет, намерен, должен; можно, возможно, нельзя; следует, надо, нужно, необходимо* и др. В сфере служебной лексики специальным средством оформления широкого диапазона модальных значений являются модальные частицы и их аналоги (*да, нет, ну, вот-вот, разве, неужели, именно, хорошо, ладно, вроде, будто, прямо, идёт, есть, вот ещё, где уж, туда же* и др.), а также частицы-союзы, совмещающие модальную и связующую функции (*благо, ведь, всё-таки, как-никак, даже, лишь, пусть, только, просто* и др.).

Применительно к синтаксису термином «М.» называется одна из категорий, формирующих предикативную единицу (предложение). В этой функции М. (или объективная М.) выражает отношение содержания предложения к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществлённости) и ирреальности (неосуществлённости). Эта функция М. грамматикализирована и выражается противопоставлением форм синтаксического изъявительного наклонения формам синтаксических ирреальных наклонений: сослагательного и повелительного. Категория синтаксического изъявительного наклонения (формы со значением реальности) характеризуется временно́й определённостью, т. е. реализуется в трёх временны́х планах. Соотношением форм синтаксического изъявительного наклонения (*У нас тишина – У нас была тишина – У нас будет тишина*) содержание сообщения отнесено в один из трёх временны́х планов – настоящего, прошедшего или будущего.

Соотношением форм ирреальных наклонений [*Была бы у нас тишина! – Пусть у нас будет тишина! – У нас будь тишина* (*а вам можно шуметь?*)] при помощи специальных грамматических средств (глагольных форм и частиц) то же сообщение отнесено в план желаемого, требуемого или необходимого. Ирреальные наклонения характеризуются временно́й неопределённостью.

Помимо обязательного для каждого предложения объективно-модального значения, конкретное предложение может нести в себе добавочное, субъективно-модальное, значение, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, образующее в предложении второй слой модальных оценок и квалификаций. Семантический объём субъективной М. значительно шире семантического объёма объективной М. (значения «реальность – ирреальность»), средства её выражения неоднородны; многие из этих средств вообще не имеют прямого отношения к грамматике. Категория субъективной М. реализуется: 1) специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими к ним словосочетаниями и предложениями. Модальные слова, словосочетания и предложения обычно занимают в предложении синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц (см. Вводные слова, Вводное предложение) для оформления разноаспектных интеллектуальных (логических) и эмоциональных оценок сообщаемого, напр.: оценку сообщаемого с точки зрения достоверности (*наверное, надеюсь, пожалуй, вероятно, кажется, безусловно, разумеется, естественно, скорее всего, надо полагать* и др.); оценку объективности информации путём указания на её источник (*по слухам, говорят, по мнению кого-л., по-моему, насколько мне известно* и др.), градационно-количественные и количественно-ограничительные оценки (*мало того, мало сказать, по меньшей мере, самое большее* и др.); положительную оценку, радость, одобрение (*на счастье, к радости* и др.); отрицательную оценку, сожаление (*на беду, к сожалению* и др.); удивление, недоумение (*странное дело, нечего сказать, к удивлению* и др.); 2) введением специальных модальных частиц, напр. для выражения неуверенности (*вроде*), предположения (*разве что*), недостоверности (*якобы*), удивления (*ну и*) и др. (см. также Слова-предложения); 3) при помощи междометий, напр. для выражения значения внезапности (*бац, хлоп, хвать, глядь*); 4) специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому; 5) при помощи порядка слов (см.), напр. вынесением главного члена предложения в начало для выражения отрицательного отношения, иронического отрицания (*Станет он тебя слушать!; Хорош друг!*); 6) специальными конструкциями – специализированной структурной схемой предложения или схемой построения его компонентов, напр. построениями типа: *Нет чтобы подождать* (для выражения сожаления по поводу чего-л. неосуществившегося); *Она возьми и скажи* (для выражения неподготовленности, внезапности действия); *Поди попробуй!* (для выражения невыполнимости); *Знает болтает* (для выражения независимости осуществления действия) и другими типами конструкций.

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису рус. разг. речи, М., 1960; Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в рус. языке (1950 г.), в его кн.: Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык. Синтаксис. [Учебное пособие для ун-тов], М., 1977; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980, §§ 1894–95, 2190–230, 2591, 2595–624; Ляпон М. В., Реляционно-оценочные и метаязыковые свойства вводных компонентов текста, в её кн.: Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений, М., 1986, гл. 2; Рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, 2 изд., М., 1990, §§ 263, 337, 578–87.

М. В. Ляпон.

Моноло́г (от греч. mónos – один и lógos – слово, речь) – форма речи, образуемая в результате активной речевой деятельности, не рассчитанная на активную же, сиюминутную словесную реакцию. В отличие от диалога (см.), предполагающего равномерное распределение ответственности его участников за выполнение коммуникации, М. возлагает её лишь на говорящего при отсутствии опоры на восприятие речи слушающим. Поэтому типологически М. иногда определяют как особый случай неадресованного речевого акта (понятие «внутреннего М.»). Следовательно, основной дифференциальный признак М.– неявный характер обращения к другому лицу / лицам (преим. в массовой коммуникации и в письменном тексте), к-рое тем не менее не может быть сведено к нулю даже в наиболее чистом виде монологической речи (речевая партия хора в античной драматургии), ввиду социальной природы языкового употребления вообще. Т. е. любой М. в той или иной мере «диалогизирован» и содержит показатели (скорее внешние – вводные контактные элементы, риторические вопросы и пр.) стремления говорящего преодолеть пассивность восприятия слушающего, вызвать его сопереживание. Это отличительная черта М. в произведениях тех писателей, чьей художественной манере свойственна перекличка «своего» и «чужого» слова (М. М. Бахтин). Ср. монологи главных героев в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Подросток». Г. О. Винокур говорит в этой связи об отсутствии строгих и абсолютных границ между М. и диалогом. Так, напр., спорадически появляющийся в классической трагедии, к-рая в принципе строится на длинных М., частый обмен репликами – это по существу обмен однострочными М., потому что они не сливаются в

общем потоке живого слова, а представляют собой отдельные законченные «микрокосмы» речи.

Для совр. М. типичны значительные по размеру отрезки текста, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющих индивидуальную композиционную построенность и относительную смысловую завершённость. Степень и сравнительная пропорциональность проявления этих признаков зависит от жанровой (художественный М., ораторская речь, бытовое повествование и др.) и функционально-тематической (повествование, рассуждение, убеждение) принадлежности речевого акта. Внутрижанровые различия (авторская или персонажная речь в составе художественного текста, научный доклад, агитационное выступление) так же, как и письменное или устное речевое обнаружение, обусловливают стилистические особенности М.: предпочтительность того или иного синтаксического оформления предложений, способа их текстовой организации, лексического отбора, видов взаимодействия элементов книжной и разг. речи. В нек-рых видах художественного М., напр. в сказе, где законам монологической речи подчинено произведение в целом, специальным средством имитации живой разг. речи служат стилизованные диалогические вкрапления.

Лит.: Виноградов В. В., Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; Холодович А. А., О типологии речи, в кн.: Историко-филол. исследования, М., 1967; Гельгардт Р. Р., Рассуждение о диалогах и монологах (к общей теории высказывания), в кн.: Сб. докладов и сообщений лингвистического общества, т. 2, в. 1, Калинин, 1971; Бахтин М. М., Вопросы лит-ры и эстетики, М., 1975; Винокур Г. О., «Язык "Бориса Годунова"», в его кн.: О языке художественной лит-ры, М., 1991. См. также лит. при ст. Диалог.

Т. Г. Винокур.

Морф, морфа (от греч. morphḗ – форма),– одна из формальных разновидностей (видоизменений) морфемы (см.), выступающая в разных словах и словоформах (см.). Напр., корневая морфема слова *мороз* выступает в словоформах *мороз, морозом, морозостойкий* в виде *мороз-*, в словоформах *(на) морозе, морозить, заморозить* – в виде *-мороз'-*, в словоформах *морожу, мороженый* – в виде *морож-*, а в словоформах *замораживать, примораживать* – в виде *-мораж-*. Все эти разновидности морфемы – морфы. М. и морфема – соотносительные языковые единицы: М.– линейная единица, может быть непосредственно вычленена в потоке речи; морфема – обобщённая единица, конкретными представителями к-рой являются М. Такова, напр., морфема *-мороз-/-мороз'-/-морож-/-мораж-*. К.-л. морфема (корень или словообразовательный аффикс) вычленяется в слове в том случае, если в словоформах этого слова вычленяется хотя бы один М. данной морфемы. Напр., в состав слова *дуплистый* входят морфемы: корень *дупл-/дупел/дупл'-* (ср.: *дупло, дупел, в дупле, дуплянка*), к-рый представлен в нём только М. *дупл'-*, и суффикс *-ист-/-ист'-*, представленный в нём обоими своими М. (ср. словоформы этого слова *дуплистый* и *дуплистее*), а также ряд флексий и словоизменительных суффиксов, присущих отдельным словоформам этого прилагательного (*-ый, -ого* и др.).

Наряду с морфемами, представленными рядом М., существуют и морфемы, представленные единственным М., напр., префиксы *вы-, у-* (*выходить, уходить*), постфикс *-те* (*идите*). М. представляют собой последовательности фонем, в частном случае – одну фонему. Напр., в словоформе *сковорода* корневой М. состоит из восьми фонем (*сковород-*), а флексийный – из одной (*-а*).

В одну морфему объединяются М., обладающие, во-первых, тождеством значения и, во-вторых, частичным формальным (фонематическим) тождеством. Напр., в корне *рук-/руч-* (ср.: *рука* и *ручка, ручной*) М. различаются чередующимися фонемами ⟨*к*⟩ – ⟨*ч*⟩ (см. Чередование), то же в суффиксе *-ик-/-ич-* (ср. *старик* и *старичок*); в корне *ден'-/дн'-* (ср. *день* и *дня*) в одном из М. отсутствует срединная гласная фонема ⟨*е*⟩, характерная для другого М., а в приставке *от-/ото-* (ср. *откинуть* и *отогнуть*) в одном из М. появляется конечная фонема ⟨*о*⟩, отсутствующая в другом.

Что же касается условий употребления М., то по отношению друг к другу разные М. одной морфемы являются либо алломорфами (от греч. állos – другой), либо вариантами. Для алломорфов одной морфемы характерна обусловленность их употребления позицией в словоформе – качеством соседних морфем. Напр., М. суффикса *-щик/-чик* распределены так: после М., оканчивающихся на согласный *т* или *д*, выступает М. *-чик* (ср.: *буфетчик, наводчик*), кроме случаев, когда перед согласными *т, д* стоит сонорный согласный (в этом случае употребляется М. *-щик*: *процентщик, асфальтщик*), в остальных случаях употребляется М. *-щик*: *сварщик, трамвайщик*, в случаях фонетической ассимиляции конечного согласного корня *с, з, ж* первым согласным суффиксального М. пишется М. *-чик* (*возчик, доносчик, перебежчик*). Существенной для выбора алломорфа может быть и семантика соседней морфемы: так, в глагольном постфиксе *-ся/-сь* М. *-ся* выступает не только после М., оканчивающихся на согласную фонему (*мыться, моется, мылся, мойся*), но и после окончаний причастий независимо от их фонемного состава (*моющихся, моющиеся, мывшаяся*), М. *-сь* – после М. на гласную (*моюсь, мылись, мойтесь*) кроме окончаний причастий.

В противоположность алломорфам для вариантов морфемы характерна свободная взаимная заменяемость в окружении любых М.; таковы, напр., М. флексии твор. п. существительных и прилагательных жен. рода на *-ой/-ою* (ср.: *водой – водою, красной – красною* и т. п.).

В рус. языке существуют разнообразные типы словоформ в зависимости от характера и количества вычленяемых в них М. Только среди словоформ

с простой основой (см. Основа) возможны последовательности из одного-восьми М. (пример восьмиморфной последовательности: *по-на-вы-дёрг-ива-л-о-сь*), из них наиболее распространены трёх- и четырёхморфные (напр.: *сер-еньк-ий, перс-воз-к-а*) последовательности.

Термины «М.», «алломорф» выдвинуты в американской дескриптивной лингвистике в 40-х гг. 20 в.; однако понятие формальных разновидностей морфемы широко применялось и до этого, в т. ч. в рус. языкознании.

Лит.: Глисон Г., Введение в дескриптивную лингвистику, пер. с англ. М., 1959; Земская Е. А., Совр. рус. язык. Словообразование, М., 1973; Лопатин В. В., Рус. словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания, М., 1977; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *В. В. Лопатин.*

Морфе́ма (от греч. morphḗ – форма) – минимальная значимая часть слова. Напр., слово *желтоватый* в форме им. п. муж. рода ед. ч. содержит три М.: *желт-*, *-оват-* и *-ый*. М. *желт-* (корень) несёт основное признаковое (цветовое) значение этого слова (то же, что и в словах *жёлтый, желтизна, желтеть* и др.), М. *-оват-* (суффикс) имеет значение слабой степени проявления признака (ср.: *беловатый, зеленоватый, простоватый* и т. п.), М. *-ый* (окончание) – грамматическое значение муж. рода, ед. ч., им. п. (ср. *жёлтый, старый* и т. п. с той же М.). Каждая из трёх значимых частей слова *желтоватый* является минимальной, поскольку меньшим отрезкам (напр., отрезку *жел-* или *-т-*) нельзя приписать в данном слове к.-л. значение.

Термин «М.» введён И. А. Бодуэном де Куртенэ в 70-х гг. 19 в. и является общепринятым в совр. лингвистике.

Среди М. по своей роли в слове противопоставлены прежде всего корень (см.) и аффиксы (см.). Корень – главная М. слова, несущая основной элемент его лексического значения; аффиксы вносят дополнительные, служебные значения – словообразовательные и грамматические. Корень обязательно присутствует в каждом слове (слов без корня нет) и может полностью совпадать с основой (см.), как, напр., в слове *жёлтый*. Аффиксы не могут полностью совпадать с основой; их присутствие в слове необязательно (ср. неизменяемые слова типа *вдруг, но, нет*, где корень – единственная М.).

По месту в слове (словоформе) в рус. языке различаются след. виды аффиксов: окончание (см.), или флексия, приставка (см.), или префикс, суффикс (см.), постфикс (см.) и соединительный аффикс, или интерфикс (см. Соединительная морфема).

Значение корня (корней) в слове всегда более конкретно, чем значения аффиксов того же слова. Аффиксы вообще более абстрактны по выражаемым ими значениям. Наиболее абстрактны интерфиксы, значение к-рых сводится к идее соединения; они указывают на связь простых основ и тех значений, к-рые в них заключены, в составе сложной основы. С этой точки зрения место интерфиксов среди аффиксов можно уподобить месту служебных слов среди всех слов языка.

М. могут быть связанными и свободными. Свободные (несвязанные) М.– такие, к-рые материально совпадают с основой хотя бы в одном неслужебном слове, связанные – такие, к-рые никогда не совпадают с основой, т. е. встречаются всегда в сочетании с другими М. основы. Напр., корень *рук-* – свободная М., т. к. совпадает с основой в слове *рука* (в основах слов *рукопожатие, рукастый, ручной* и др. она выступает в сочетании с другими М.), а корень *-пас-* в словах *запасти* и *припасти* – связанная М., т. к. выступает только в сочетании с приставками. В качестве свободной М. могут выступать только корни; к связанным М. относятся все аффиксы и небольшая часть корней. Свободное употребление аффикса (ср., напр., «имажинисты, футуристы и прочие *исты*») влечёт за собой превращение этого аффикса в корень.

Характерной чертой М. является их повторяемость в сочетании с разными М. Значение М. обычно выявляется в ряду образований, содержащих данную М. В полном смысле этого термина М. могут считаться лишь такие значимые части слов, к-рые вычленяются не в одном слове (если только они не равны основе слова, как, напр., единственная М. слова *вдруг*, не встречающаяся в других словах) и при этом сочетаются с разными М. основы. Таковы, напр., значимые части слова *желтоватый*.

В то же время различные части основ, сочетающиеся только с одной М. основы, не могут рассматриваться как М. в полном смысле этого термина. Ср., напр., часть *бужен'-* в слове *буженина*, сочетающуюся только с суффиксом *-ин-*, вычленяемым при сопоставлении со словами *баранина, конина* и т. п., обозначающими сорт мяса, или часть *-альон* в слове *почтальон*, сочетающуюся только с корнем *почт-*, вычленяемым при сопоставлении со словами *почта, почтовый* и т. п. Основы с такими морфемоподобными отрезками характеризуются менее отчётливой членимостью, чем основы слов типа *желтоватый*.

В разных словах и словоформах М. могут формально (по составу фонем) видоизменяться. Формальные видоизменения М. называются морфами (см.).

Членимость слов на М. (морфы) исторически изменчива (см. Опрощение, Переразложение).

См. также Морфемика, Морфонология.

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию и лексикологии, М., 1959; Рус. язык и совр. общество. Словообразование совр. рус. лит. языка, М., 1968, гл. 8; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. См. также лит. при ст. Морфемика. *В. В. Лопатин.*

Морфе́мика – морфемный строй языка, совокупность вычленяемых в словах морфем (см.) и

их типы; раздел языкознания, изучающий типы и структуру морфем, их отношения друг к другу и к слову в целом. Основными объектами исследования в М. являются морфемы, их формальные видоизменения – морфы (см.) и их линейные сочетания (слово в целом как последовательность морфем, основа слова, словоформа). Поскольку грамматические морфемы (аффиксы) являются объектом грамматики, М. может рассматриваться как часть грамматики, охватывающая те аспекты морфологии и словообразования, к-рые связаны с морфемно-выражаемыми грамматическими и словообразовательными значениями.

В качестве подразделов М. могут быть выделены: 1) учение о видах морфем по их месту в слове и по функции [корень и служебные морфемы (аффиксы); виды аффиксов: префикс, суффикс, флексия, постфикс, интерфикс]; 2) учение о типах значений, выражаемых морфемами [лексические, грамматические (морфологические), словообразовательные значения; разновидности грамматических и словообразовательных значений]; 3) учение о линейных (синтагматических) и нелинейных (парадигматических) языковых единицах морфемного уровня, первые из к-рых являются представителями вторых в тексте (морф и морфема, словоформа и слово, основа словоформы и основа слова); 4) учение о принципах вычленения в словоформах минимальных значимых линейных единиц – морфов и о правилах объединения морфов (алломорфов, вариантов морфемы) в парадигматические единицы (морфемы); 5) учение о звуковых изменениях, связанных с сочетаемостью значимых единиц языка, меньших, чем слово (чередование фонем в пределах морфемы – в разных её морфах; усечение и наращение основ; ударение в его морфематической функции); 6) учение о типах (моделях) фонологической структуры морфов разных классов и морфной структуры словоформ (слов). Два последних подраздела (полностью или частично, в зависимости от лингвистической концепции) относятся к сфере морфонологии (см.), к-рая может, т. о., рассматриваться как часть М. В соответствии с разработкой типологии морфем, их значений, разновидностей, морфонологических явлений осуществляется их инвентаризация в грамматиках и морфемных словарях.

Морфемный анализ слова (иногда называемый также морфологическим) представляет собой один из возможных способов анализа структуры слова наряду с анализом словообразовательным (см. Словообразование). Морфемный анализ предполагает вычленение в слове (словоформе) всех составляющих его морфов и установление их значений. В школьной практике подобный анализ осуществляется в т. н. разборе слов по составу. Правильное установление границ между морфами определяется рассмотрением слова (словоформы) в рядах однотипных по структуре (однокоренных и одноаффиксальных) образований.

Хотя термин «М.» стал широко применяться не ранее 70-х гг. 20 в. (после выхода академической «Грамматики современного русского литературного языка», 1970), учение о морфемах и нек-рые принципы описания морфемного уровня рус. языка были к этому времени уже разработаны. В исследованиях морфемного строя рус. языка при иерархизации единиц морфемного уровня применяются описательно-аналитический метод (построение правил вычленения морфов и идентификации морфем, ср., напр., «Русская грамматика», 1980) и генеративно-синтетический метод (построение правил выведения морфов одной и той же морфемы из морфа, признаваемого исходным, ср., напр., работы Д. С. Ворта, В. Г. Чургановой).

В совр. лингвистике дискутируются вопросы о пределах варьирования морфемы (так, в отечественной русистике, в отличие, напр., от американской дескриптивной лингвистики, выдвигается критерий обязательности формальной близости морфов одной морфемы), о пределах морфемного членения слов (возможность признания морфемного статуса единиц, имеющих чисто структурную, формальную значимость, напр. тематических, или «связочных», элементов слова в работах Ю. С. Маслова и др.), о субморфах (или «квазиморфах») как конечных единицах морфемного членения, о допустимости вычленения в словоформах «пустых» (асемантических) межморфемных отрезков, не обладающих морфемным статусом («интерфиксы» Е. А. Земской, «структемы» А. Н. Тихонова и др.), о степенях морфемной членимости слова (М. В. Панов, Е. С. Кубрякова и др.).

Лит.: Глисон Г., Введение в дескриптивную лингвистику, пер. с англ., М., 1959; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972, с. 210–58; Земская Е. А., Совр. рус. язык. Словообразование, М., 1973; Кубрякова Е. С., Основы морфологического анализа, М., 1974; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975, с. 164–85; Развитие совр. рус. языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. [Сб. ст.], М., 1975; Оливериус З. Ф., Морфемы рус. языка. Частотный словарь, Praha, 1976; Булыгина Т. В., Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977; Лопатин В. В., Рус. словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания, М., 1977; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Немченко В. Н., Основные понятия морфемики в терминах. Краткий словарь-справочник, Красноярск, 1985; Кузнецова А. И., Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем, в кн.: Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф., Словарь морфем рус. языка, М., 1986; Морфемика. Принципы и методы системного описания. [Межвузовский сб.], Л., 1987.

В. В. Лопатин.

Морфоло́гия (греч. morphé – форма и lógos – слово, учение) – 1) принадлежащие языку системы форм изменяемых (склоняемых и спрягаемых) слов (парадигмы) со всеми их морфонологическими (см. Морфонология) характеристиками и вариантами и теми грамматическими значениями, к-рые в этих парадигмах заключены. 2) Раздел грамматики как науки, изучающий: изменяемые слова со стороны их строения (морфемного соста-

ва), формы слов и правила образования этих форм; системы форм изменяемых слов (парадигмы) со всеми грамматическими значениями, к-рые в этих парадигмах заключены; части речи с принадлежащими им грамматическими категориями, а также лексико-грамматические разряды слов. В узком смысле М.– это учение о системе форм словоизменения, а предмет М.– это системы форм слова, или парадигмы, и классификация этих систем. Термин «М.» для обозначения той области науки о языке, к-рая занимается изучением форм слова, был в 19 в. заимствован лингвистами из биологической терминологии, в к-рой им обозначался раздел, занимающийся изучением «форм» живых организмов. Термин «М.» заменил собою термин «этимология» (в ныне устаревшем его значении 'учение о строении единиц языка в отличие от учения об их сочетании'), применявшийся для наименования раздела грамматики, посвящённого склонению и спряжению, вплоть до нач. 20 в.

Основной единицей М. является слово как та единица языка, в к-рой слиты воедино звуковой материал, лексическое значение и формальные грамматические характеристики; эти последние стоят в центре внимания М. Предмет М. составляют изменения слов как средства выражения грамматических значений, за к-рыми стоят абстрактные языковые отношения. Так, за формой род. п. стоит отношение принадлежности (*крыша дома, платок матери*); за личной формой глагола – отношение действия к его производителю (*иду, пишешь, работает*); за формой прилагательного – отношение признака к предмету (*большой город, красная лента, красивое лицо*).

Основными понятиями М. являются грамматическое значение, грамматическая категория, грамматическая форма (см. Грамматика), словоформа (см.), грамматические классы слов (части речи, см.).

Грамматическое значение слова – это его абстрактное значение, не зависящее от лексического значения. Так, напр., слово *дом* имеет заключённые во всех его формах грамматические значения предметности (т. е. значения имени существительного как части речи), рода, неодушевлённости, числа и падежа. Слово *читать* имеет заключённые во всех его формах грамматические значения процесса (т. е. значения глагола как части речи), вида, залога, в спрягаемых формах – также времени, наклонения, числа, лица, в формах прош. времени и сослагательного наклонения – также значение рода. Грамматическая (морфологическая) категория выявляется в парадигме, она организуется системой противопоставленных друг другу рядов форм с однородными значениями. Так, категорию лица глагола образуют формы со значением 1-го, 2-го и 3-го лица (*читаю, читаешь, читает*), категорию числа – формы со значением ед. и мн. ч. (*дом – домá, читал – читали*). Морфологические категории разделяются на словоизменительные, т. е. такие, члены к-рых представлены разными формами одного и того же слова в пределах его парадигмы (напр., число и падеж – у существительного, лицо, число, время, наклонение – у глагола), и несловоизменительные, т. е. такие, члены к-рых не могут быть представлены формами одного и того же слова (напр., род – у существительного, вид – у глагола). Грамматическая (морфологическая) форма – это языковой знак, к-рый сочетает в себе материальную сторону и отвлечённый смысл и представляет собой обобщение материально и семантически близких единиц. Форма одного отдельного слова, извлечённая из его парадигмы и рассматриваемая как некая отдельность, называется его словоформой (напр., *столу, писали, письменным* – словоформы слов *стол, писать, письменный*).

Формы слов делятся на синтаксические и несинтаксические. Формы слов, выражающие в словосочетании или предложении отношения зависимости (подчинения, напр. формы падежа у существительного, рода, числа и падежа – у прилагательного) или их взаимозависимости (координации, напр. формы числа, лица и рода и прош. времени у глагола-сказуемого), называются синтаксическими. Формы слов, выражающие отношения между формами одного слова (напр., отношения между формами ед. и мн. ч. существительного, между степенями сравнения прилагательного), называются несинтаксическими.

М. тесно связана с морфонологией, со словообразованием и особенно с синтаксисом (см.). М. изучает изменения слов. Разные формы слов выражают различные отношения между словами в словосочетании или предложении, изучение к-рых – предмет синтаксиса. Следовательно, описание значений и употреблений форм слова может быть отнесено и к сфере М., и к сфере синтаксиса. Так, Ф. де Соссюр исходил из принципиального неразграничения М. и синтаксиса. О. Есперсен считал, что к синтаксису следует относить то, что обычно понимают под содержанием (значением) грамматических категорий, а к М.– только их внешнее выражение. По мнению учёных Пражской лингвистической школы (сформулированному В. Матезиусом), М. не является самостоятельной областью исследования языка в отличие от ономатологии (науки о способах наименования) и синтаксиса. М., занимающаяся изучением и классификацией средств выражения на основе их сходства, как бы пересекает обе названные области. В рус. грамматической традиции самостоятельность М., так же, как и синтаксиса, не ставилась под сомнение, хотя неоднократно отмечалась их тесная связь и условность разграничения. Этим объясняется то, что в нек-рых грамматиках описание значений форм слов осуществлялось или в синтаксисе, или в М., или же присутствовало и в М. (значение форм), и в синтаксисе (значение словосочетаний).

Во 2-й пол. 80-х гг. 20 в. началось изучение собственно синтаксиса формы слова: правил синтаксического поведения форм слов (их места и роли в структуре словосочетания и предложения) и системы их синтаксических значений.

Развитие и становление М. как науки тесно связано с пониманием предмета грамматики. К кон. 19 в. в рус. грамматической традиции обозначился отказ от логических основ грамматического анализа. К этому времени сложились два направления, во главе к-рых стояли А. А. Потебня и Ф. Ф. Фортунатов. Потебня непосредственно связывал историю грамматического строя с развитием мышления; в его грамматических трудах впервые был применён семантический подход к анализу языковых явлений. Исходя из положения о том, что «форма есть значение», Потебня исследовал в первую очередь значения, выражаемые различными формами слов. Истинное понимание формы, по Потебне,– это понимание её в речи, где «она имеет каждый раз одно значение, т. е. говоря точнее, каждый раз есть другая форма». Фортунатов уделял большое внимание поискам объективных («формальных») критериев разграничения и классификации единиц М. и строил грамматическую систему, исходя из структурных отношений в самом языке. Ему принадлежит разработка учения о грамматической форме и принципах классификации слов на основе структурно-морфологических признаков. В 1-й пол. 20 в. рус. грамматисты продолжали развивать идеи этих школ каждой в отдельности либо пытались объединить те или иные их положения. В изучении морфологической системы совр. рус. языка в 20-х гг. 20 в. было сильно влияние фортунатовского формально-грамматического направления (нек-рые работы Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона). В 40–50-х гг. отдельные положения этого направления (учение о грамматической форме, о соотношении словоизменения и словообразования) были продолжены и развиты в работах В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского.

В статье «О частях речи в русском языке» (1928) Л. В. Щерба, в отличие от сторонников формального направления, высказал мысль о единстве смысла (лексического значения) и формы. Эта мысль была развита им в учении о т. н. категории состояния, к к-рой относились формально различные слова и предложно-падежные сочетания, объединяемые абстрактным значением состояния лица.

В трудах В. В. Виноградова «Современный русский язык» (1938) и «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» (1947; 3 изд., 1986) тезис о неразрывности смысла и формы нашёл дальнейшее развитие. В его трудах наиболее полно выражены взгляды на грамматику, и в первую очередь на М. как на учение о слове. Это учение, обращённое к содержательной стороне грамматической категории в исследовании рус. М., оказалось весьма продуктивным. Методы и результаты грамматического учения о слове с сер. 20 в. последовательно использовались в академических грамматиках 1952–54, 1970, в «Русской грамматике» (1980) и в «Краткой русской грамматике» (1989), а также в монографиях и статьях, посвящённых вопросам рус. М.

Объединение в М. ряда объектов, а главное, двух аспектов изучения грамматических категорий – значения и выражения, стимулировало развитие грамматической науки в названных направлениях. Для исследования семантики морфологических категорий много сделано лингвистами Пражской лингвистической школы и близких к ней учёных (работы Б. Гавранека, С. Карцевского, Л. Копецкого, В. Матезиуса, В. Скалички, Б. Трнки, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и др.). В работах Якобсона («Zur Struktur des russischen Verbums», 1932 и «Beitrag zur allgemeine Kasuslehre», 1936) к анализу морфологических категорий впервые был применён родившийся в фонологии метод противопоставления (оппозиции) языковых единиц. Анализ по оппозициям, распространённый на изучение категорий глагола и имени (падеж), дал возможность всесторонне изучить значения основных грамматических категорий, выделить их общие (инвариантные) и частные (обусловленные контекстом) значения. Метод оппозиционного анализа прочно утвердился во многих совр. грамматических исследованиях.

Во 2-й пол. 20 в. в русистике расширяется круг исследований морфологических форм в аспекте их семантики и функций (функционально-грамматические категории). Центральным для данного направления, развиваемого в работах А. В. Бондарко, М. А. Шелякина и др., является исследование морфологических явлений как средств для передачи определённого содержания.

Интерес к формальному направлению стимулировал, во-первых, исследования структуры слова, что привело к выделению в самостоятельный раздел морфонологии (описание грамматически значимых изменений морфем), ранее входившей в состав М., и, во-вторых, создание строгих классификационных характеристик словоизменения имени и глагола, тесно связанное, в свою очередь, с развитием морфонологических исследований. Целью этих классификаций, в отличие от имевших место ранее описательных классификаций, было создание правил, позволяющих построить парадигму любого имени и глагола (работы А. А. Зализняка, Н. А. Еськовой).

В рус. грамматической науке не нашли развития принципы формализованного описания М., характерного для трудов представителей дескриптивного языкознания – направления американского структурализма 30–50-х гг. 20 в. (Л. Блумфилд, Ю. Найда, Ч. Хоккет, З. Харрис и др.). За единицу морфологического анализа ими принималось

не слово, а минимально значимый элемент – морфема (понимаемая расширительно) или – в другой терминологии – монема. Особое значение придавалось выявлению морфем и их аранжировке или организации. Морфема становилась не только основной единицей М., но и синтаксиса, а сам термин «М.», понимаемый одновременно как описание и тесно спаянных морфем (т. е. слов), и более крупных соединений, включающих слова, становился эквивалентом термина «грамматика».

Историческая М. изучает изменения форм и значений отдельных морфем, развитие структуры слова, перераспределение звукового состава морфем и их семантических компонентов, выравнивание парадигм, изменения внутри грамматических категорий.

Морфологический строй рус. языка сохраняет свои основные характеристики на протяжении многих веков, его центральные грамматические категории в подавляющем большинстве те же, что и в древнейший период. Изменения коснулись в основном внутреннего строения этих категорий. Так, напр., при сохранении в целости категории времени утрачены были такие частные временны́е значения, как формально выраженные значения аориста (см.) и имперфекта (см.). При сохранении категории числа в целом было утрачено двойственное число; в связи с этим изменился и состав именных и глагольных парадигм; выравниванием по аналогии была вызвана унификация существительных муж., жен. и ср. рода в формах дат. и твор. п. мн. ч. В процессе развития языка сформировалась новая категория имён существительных – категория одушевлённости – неодушевлённости.

Лит.: Дурново Н. Н., Грамматический словарь, М.– П., 1924; Щерба Л. В., О частях речи в рус. языке, в кн.: Рус. речь, ч. 2, Л., 1928; Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М. – Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1952; Кузнецов П. С., О принципах изучения грамматики, М., 1961; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; его же, Грамматический словарь рус. языка. Словоизменение, 3 изд., М., 1987; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Шведова Н. Ю., О синтаксических потенциях формы слова, «ВЯ», 1971, № 4; Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Морфология, в кн.: Общее языкознание, т. 2 – Внутренняя структура языка, М., 1972; Кубрякова Е. С., Основы морфологического анализа, М., 1974; Бондарко А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; его же, Грамматическое значение и смысл, Л., 1978; Булыгина Т. В., Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977; Реформатский А. А., Морфология, в его кн.: Очерки по морфологии, фонологии и морфонологии, М., 1978; Клобуков Е. В., Теоретические проблемы рус. морфологии, М., 1979; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980; Еськова Н. А., Сведения о грамматических формах, в кн.: Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А., Орфоэпический словарь рус. языка. Произношение, ударение, грамматические формы, 5 изд., М., 1989; её же, Краткий словарь трудностей рус. языка. Грамматические формы. Ударение, М., 1994; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Булыгина Т. В., Крылов С. А., Морфология, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

В. А. Плотникова (Робинсон).

Морфоне́ма – см. Морфонология.

Морфоноло́гия – раздел языкознания, изучающий фонологическую структуру морфем разного типа и использование фонологических различий в морфологических целях. Согласно более узкому пониманию, М. имеет объектом варьирование фонем в составе морфов одной морфемы, т. е. их альтернации (чередования), ср.: *друг – друзья – дружить, рука – ручка*. Согласно более широкой и распространённой точке зрения, объектом М. считается исследование: звукового (фонологического) состава морфем разных типов и способов их противопоставления и их различия (так, во многих языках мира корневые морфемы строятся отлично от аффиксальных, а глагольные корни – от именных или местоименных); преобразований морфем при их объединении в морфемные последовательности в процессах формо- и словообразования; пограничных сигналов и разных явлений на стыке морфем. Соответственно широкому пониманию, в качестве морфонологической характеристики слова рассматриваются такие формальные особенности его структуры, к-рые являются следствием объединения морфем в слово и проявляются в виде чередования фонем, составляющих морфему. Чередующиеся фонемы в составе таких чередований или в составе морфов одной морфемы называются морфонемами. Назначение морфонологических явлений в том, чтобы осуществлять, поддерживать или усиливать дифференциацию форм на морфологическом уровне; морфонологические функции чередований определяются их значимостью для структурной организации морфем и таких последовательностей морфем, как основа и слово; так, наличие чередований типа *глухой – глуше, крепкий – крепче* при существовании форм типа *в ухе*, о *кепке* свидетельствует о том, что появление этих чередований не обусловлено фонологическим окружением и связано с функциональным различием окончаний в вышеприведённых примерах: в первых двух примерах окончание служит для образования сравнительной степени наречия, во втором и третьем – предложного падежа. Наличие морфонологических характеристик выявляется исключительно при сопоставлении форм одной парадигмы или словообразовательного ряда и выступает как маркирующее соответствующую грамматическую или словообразовательную оппозицию (ср.: *я хочу – мы хотим, крик – кричать, луг – лужок, крепкий – крепче* и т. п.)

М. рассматривается либо как связующее звено между фонологией (см.) и морфологией (см.) и как самостоятельный, но не базисный уровень системы языка, либо как часть грамматики – «предморфология», либо как область морфемики (см.) или морфологии. Отграничение М. от фонологии определяется тем, что хотя морфонологические явления имеют фонологическую природу как в генетическом смысле, так и с синхронной точки

зрения, они не могут быть объяснены или предсказаны на основе чисто фонологических данных. Автоматические чередования (обусловленные фонологическим окружением морфемы) нередко исключаются поэтому из сферы М., морфонологическими же характеристиками считают лишь морфологически обусловленные и диктуемые правилами грамматики, а не фонологии. Сложнее отграничить М. от морфологии. Согласно одной точке зрения, в М. изучаются все типы чередований, наделённые морфологической функцией, включая и те, к-рые подпадают под понятие внутренней флексии (ср. *собирал – собрал*). В качестве морфонологических чередований рассматриваются и те, к-рые служат единственным и самостоятельным средством грамматической дифференциации форм, и те, к-рые появляются совместно с другими флексиями и оказываются средством дополнительного и вспомогательного разграничения форм (ср. *носил – нашивал*). Согласно другой точке зрения, явления внутренней флексии исключаются из объекта М. В объект исследования М. включаются только вспомогательные чередования (нередко неправильно трактуемые на этом основании как избыточные).

Границы между областью морфонологических явлений и явлений чисто фонологических, с одной стороны, и собственно морфологических – с другой, устанавливаются в разных школах по-разному. Проявляется также зависимость от принимаемых определений фонемы и/или морфемы. Физическое совпадение морфонологических единиц с фонемами не означает их функциональной тождественности: первые существуют как сигналы грамматических особенностей включающих их форм.

В совр. исследованиях по М. основное внимание уделяется определению границ и свойств алломорфии, установлению функциональной значимости морфонологических явлений и изучению выполняемых ими морфологических функций, направлению чередований, их составу, анализу специализации функций разных рядов чередований в разных сферах грамматики (в парадигматике имени или глагола, словообразовании и т. п.). Анкета морфонологического описания включает и вопросы о том, одинаково ли строятся классы разных типов морфем, какие именно классы фонем оказываются вовлечёнными в систему чередований, одинакова ли позиция наблюдаемых чередований относительно структуры морфемы и слова и какие именно позиции (начальные, срединные или конечные) затронуты чередованиями, одинаково ли положение самих наблюдаемых чередований в синхронии и принадлежат ли они к числу исторических или к числу живых и продуктивных и т. д.

Морфонологические правила существуют лишь в тех языках, где морфемы могут быть представлены варьирующимися алломорфами и где это варьирование не связано с чисто фонологическими причинами.

Морфонологические явления описывались ещё др.-инд. грамматистами, были предметом исследования индоевропеистов, занимавшихся системой аблаута, но как самостоятельная область знания М. была выделена в 19 в. Одним из основоположников её является И. А. Бодуэн де Куртенэ, выдвинувший идею о функциональном характере чередований в морфеме и их морфологической обусловленности. Значительный вклад в становление М. внёс Н. В. Крушевский. Наибольшие заслуги принадлежат Н. С. Трубецкому, к-рый очертил границы М., определил её задачи и к-рому принадлежит сам термин. Он представил также первое описание морфонологической системы отдельно взятого (рус.) языка. Большое значение для развития М. имеют работы А. А. Реформатского, из зарубежных учёных – Е. Куриловича, Э. Станкевича, Д. Уорта, В. Дреслера, представителей Пражской лингвистической школы (см.). 70–80-е гг. 20 в. отмечены плодотворными дискуссиями по теоретической М. и появлением обстоятельных описаний М. слав. языков; во многих грамматиках этого периода М. представлена как самостоятельный раздел грамматики.

Лит.: Реформатский А. А., О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), в кн.: Вопросы грамматического строя, М., 1955; его же, Еще раз о статусе морфонологии, её границах и задачах, в его кн.: Фонологические этюды, М., 1975; Ахманова О. С., Фонология, морфонология, морфология, М., 1966; Трубецкой Н. С., Нек-рые соображения относительно морфонологии, в кн.: Пражский лингвистический кружок. Сб. ст., М., 1967; Макаев Э. А., Кубрякова Е. С., О статусе морфонологии и единицах ее описания, в кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М., 1969; Булыгина Т. В., Проблемы теории и практики морфонологического описания, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1975, т. 34, в. 4; Кубрякова Е. С., Панкрац Ю., Морфонология в описании языков, М., 1983 (лит.); Слав. морфонология. Субстантивное словоизменение, М., 1987; Толстая С. М., Слав. морфология: основные понятия, аспекты и методы. Автореферат докт. дисс., М., 1993; Kilbury J., The development of morphophonemic theory, Amst., 1976; Dressler W. U., Grundfragen der Morphonologie, W., 1977; его же, Morphonology. The dynamics of derivation, Ann Arbor, 1985; Gussmann E. (ed.), Phono-Morphology: Studies in the Interaction of Phonology and Morphology, Lublin, 1985.

Е. С. Кубрякова.

Моско́вская диалектологи́ческая коми́ссия (МДК, после 1919 Постоянная комиссия по диалектологии русского языка) – объединение учёных (русистов и славистов), организованное для работы в области диалектологии (см.) и составления лингвистических карт, в первую очередь диалектологической карты русского языка. Создана по инициативе А. А. Шахматова на базе Кружка по изучению истории и диалектологии рус. языка под руководством Ф. Е. Корша. Учреждена в Москве в 1903 при Отделении рус. языка и словесности Петерб. АН. Существовала до 1931. Осуществляла обсуждения проектов программ, методики собирания и суммирования сведений о говорах, вопросов унификации транскрипции, а также теоретических проблем диалектоло-

Алексей Александрович Шахматов
5(17).6.1864–16.8.1920

Николай Николаевич Дурново
23.10(4.11).1876–27.10.1937

гии и лингвистической географии (напр., понятие единства говора как языковой системы, вопросы о характере диалектных границ, о переходных говорах в отличие от смешанных и др.). Организовывала экспедиции с целью изучения важнейших диалектных явлений, публикацию собранных материалов и обобщающих работ («Труды Московской диалектологической комиссии», в. 1–8, 1908–19; «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», в. 9–12, 1927–31). Основное достижение – составление диалектологической карты рус., укр. и белорус. языков (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением «Очерка русской диалектологии», в кн.: «Труды Московской диалектологической комиссии», в. 5, 1915).

В 20-х гг. на заседаниях комиссии обсуждались также доклады, посвящённые проблемам диалектологии других языков, теоретическим вопросам фонологии и грамматики, праслав. языку, слав. этимологии и др. В этот период МДК фактически являлась моск. лингвистическим обществом. Здесь выступали с докладами А. И. Соболевский, А. М. Селищев, Г. А. Ильинский, Н. Ф. Яковлев, Е. Д. Поливанов, Р. О. Шор, Р. И. Аванесов и многие другие. МДК находилась в постоянном контакте с Московским лингвистическим кружком (см.).

Лит.: История рус. диалектологии, М., 1961.

О. Н. Мораховская.

Моско́вская фонологи́ческая шко́ла – направление в исследовании звукового яруса языка. М. ф. ш. возникла в кон. 20-х гг. 20 в. Её основатели Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин и их единомышленники И. С. Ильинская, Г. О. Винокур, А. И. Зарецкий и др. опирались на идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ (см. Казанская лингвистическая школа). На формирование М. ф. ш. оказали влияние и взгляды Н. Ф. Яковлева, также продолжавшего традиции Бодуэна де Куртенэ. Развитие идей М. ф. ш. содержится в трудах её представителей второго и след. поколений. Обобщение идей М. ф. ш. в виде целостной концепции, отражающей её состояние в 60–80-х гг., осуществлено М. В. Пановым.

Основа теории М. ф. ш.– учение о фонеме (см.). Важнейшее положение – необходимость последовательного применения морфемного критерия при определении фонемного состава языка [в этом главное отличие М. ф. ш. от Ленинградской (Петербургской) фонологической школы (см.) и от других фонологических школ]. Для отнесения разных звуков к одной фонеме необходимо и достаточно, чтобы звуки находились в дополнительном распределении (дистрибуции) в зависимости от фонетических позиций и занимали одно и то же место в одной и той же морфеме, т. е. позиционно чередовались. Фонему представляет весь ряд (совокупность, множество) позиционно чередующихся звуков. В этот ряд могут входить самые различные звуки: артикуляционно и акустически близкие и далёкие, а также нуль звука. Так, в рус. языке фонема ⟨*с*⟩ может быть представлена звуками [*с*] – *с отцом*, [*с°*] – *с отчимом*, [*с'*] – *с сестрой*, [*з*] – *с братом*, [*з'*] – *с дядей*, [*ш*] – *с шурином*, [*ж*] – *с женой*, [*ш'*] – *с чадом*, нулём звука – *с щедрым* и др. У фонемы две основные функции: перцептивная – способствовать отождествлению и сигнификативная – способствовать различению значимых единиц языка (слов и морфем). Применение морфемного критерия опирается на перцептивную функцию фонем: опознавание и отождествление говорящими слов, а также морфем, выступающих в разных контекстах и реализованных в связи с этим разными звуками, осуществляется благодаря не только единству значения, но и единству фонемного состава. Применение морфемного критерия опирается и на сигнификативную функцию фонем: выступая в одной морфеме и не участвуя, следовательно, в смыслоразличении, позиционно чередующиеся звуки относятся к одной фонеме.

Рубен Иванович Аванесов
1(14).2.1902–1.5.1982

Пётр Саввич Кузнецов
20.1(1.2).1899–21.3.1968

Александр Александрович Реформатский 16(29).10.1900–3.5.1978

Теория М. ф. ш. в первую очередь ориентирована на перцептивную функцию фонемы. С проблемой отождествления одних и тех же слов и морфем при помощи одних и тех же фонем связана детально разработанная М. ф. ш. теория позиций – условий употребления и реализации фонем в речи (см. Позиция фонологическая). Позиционные чередования (см.) связаны с фонетическими или морфологическими позициями. Позиционно обусловленные чередования не знают исключений в данной языковой системе, позиционно прикреплённые чередования имеют исключения. Звуки, обусловленные фонетическими позициями и чередующиеся в одних и тех же морфемах, представляют фонему. Фонемы, обусловленные морфологическими позициями и чередующиеся в одних и тех же морфемах, образуют морфонему.

М. ф. ш. в процессе развития, совершенствования использует и близкие ей идеи, высказанные представителями других школ. Так, М. ф. ш. участвует в разработке понятия дифференциальных и интегральных признаков фонемы, ранее выдвинутого Пражской лингвистической школой (см.) и опирающегося на сигнификативную функцию фонем.

М. ф. ш. выдвинуто положение о параллельных и пересекающихся рядах позиционно чередующихся звуков. Соотношение фонем, представленных непересекающимися множествами звуков, и фонем, представленных пересекающимися множествами, имеющими общую часть, в разных языках различно.

М. ф. ш. ввела понятие гиперфонемы. Первоначально под гиперфонемой понималась функциональная единица, выступающая в позиции нейтрализации, а также группа нейтрализующихся фонем. Позднее гиперфонема стала пониматься как особый случай неполной реализации в отдельных морфемах всего ряда позиционно чередующихся звуков, воплощающих фонему: как функциональная единица, представленная отдельным звуком или рядом позиционно чередующихся звуков, относящихся к общей части нейтрализованных фонем, не приводимой в данных морфемах однозначно к одной из этих фонем.

Первоначальное содержание термина «гиперфонема» было положено в основу термина «слабая фонема» в теории фонемы Аванесова, выдвинутой им в сер. 50-х гг. По этой теории фонема, или сильная фонема, представлена рядом звуков, выступающих в сигнификативно сильных позициях, слабая фонема – рядом звуков, выступающих в сигнификативно слабых позициях. Объединение сильной и слабой фонемы представляет собой фонемный ряд. Сильная и слабая фонемы рассматриваются как элементы словоформы, фонемные ряды – как элементы морфемы.

Основные положения, выдвинутые при анализе фонемы, применяются М. ф. ш. и при рассмотрении суперсегментных явлений: ударения, тонов, интонации, диэремы (пограничных сигналов), сингармонизма и др.

Построение фонологической модели языка, в т. ч. определение всех его фонем и их взаимоотношений в разных позициях, с точки зрения М. ф. ш., возможно только при учёте всех слов, грамматических форм и морфем данного языка и всех фонетических реализаций фонологических единиц. Отсюда пристальное внимание представителей М. ф. ш. к звуковой материи языка, в т. ч. к изучению её методами инструментальной фонетики.

Идеи М. ф. ш. нашли применение в первую очередь в теории письма – графике и орфографии, создании алфавитов, практической транскрипции и транслитерации, в исторической фонетике, диалектологии и лингвистической географии, преподавании неродного языка. Положение о том, что позиционно чередующиеся единицы представляют собой модификации одной и той же единицы более высокого уровня (яруса), находит всё большее применение не только в фонологии, но и при описании явлений словообразования, морфологии, синтаксиса, лексики, поэтики и др.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, [М.], 1956; Кузнецов П. С., К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении, в кн.: Теорети-

Владимир Николаевич Сидоров 4(17).12.1903–29.3.1968

Алексей Михайлович Сухотин 7(19).11.1888–21.2.1942

ческие проблемы прикладной лингвистики, М., 1965; его же, Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их, в кн.: Исследования по фонологии, М., 1966; Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; его же, Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1979; его же, Фонетика, в кн.: Совр. рус. язык, под ред. В. А. Белошапковой, 2 изд., М., 1989; Реформатский А. А., Из истории отечественной фонологии, М., 1970; его же, Фонологические этюды, М., 1975; его же, Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии, М., 1979; его же, Лингвистика и поэтика, М., 1987; Сидоров В. Н., О Моск. фонологической школе, в кн.: Развитие фонетики совр. рус. языка, М., 1971; Кузьмина С. М., Теория рус. орфографии. Орфография в её отношении к фонетике и фонологии, М., 1981; Касаткин Л. Л., Об основных понятиях и терминах Моск. фонологической школы, в кн.: Проблемы фонетики. II, М., 1995. *Л. Л. Касаткин.*

Моско́вская фортуна́товская шко́ла (Московская лингвистическая школа, «формальная» лингвистическая школа) – одно из направлений отечественного языкознания 2-й пол. 19 в., сложившееся в результате научной и преподавательской деятельности Ф. Ф. Фортунатова в Московском университете в 1876–1902 и занимавшее центральное положение в отечественном языкознании (русистика, славистика, компаративистика, общая теория языка). М. ф. ш. оказала существенное влияние на развитие отечественного (а в известной мере, и европейского) языкознания. Она называется иногда «формальной», т. к. психологизму младограмматиков противопоставила необходимость поиска собственных лингвистических «формальных» критериев при исследовании языка для всех областей языкознания, тяготевших к кон. 19 в. либо к психологии (в морфологии), либо к физиологии (в фонетике), либо к логике (в синтаксисе), либо к истории народа (в лексикологии). Пафос М. ф. ш., по словам Л. Ельмслева, «в протесте против смешения грамматики с психологией и логикой». М. ф. ш. внесла существенный вклад

Филипп Фёдорович Фортунатов 2(14).1.1848–20.9(3.10).1914

в процесс осознания единства и целостности языкознания соответственно самой природе языка как целостного предмета науки, предопределив направление поиска более совершенных методов и приёмов лингвистического анализа. Учениками Фортунатова были А. А. Шахматов, М. М. Покровский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский, В. К. Поржезинский, В. М. Истрин, В. Н. Щепкин, Б. М. Ляпунов, А. И. Томсон, С. М. Кульбакин, а также зарубежные учёные О. Брок, А. Белич, Э. Бернекер, Н. ван Вейк, Х. Педерсен, Т. Торбьёрнссон, Ф. Зольмсен, И. Ю. Миккола, Й. Богдан, М. Мурко и др.

Фортунатов – индоевропеист-компаративист, славист, индолог и литуанист, знаток многих индоевропейских языков, специалист в области сравнительно-исторической фонетики и акцентологии, палеографии и орфографии, внёсший важный вклад в разработку теоретической грамматики. Его научная деятельность началась с изучения литов. говоров (1871) и древнейших памятников письменности ведического языка и санскрита. Магистерская диссертация «Sāmaveda – Āraṇyaka – Saṃhitā» (1875) включала в себя критическое издание, перевод и комментарий текста памятника, а также Приложение, где излагались фундаментальные положения сравнительно-исторического метода, была выдвинута идея о том, что праиндоевропейский язык, как и всякий живой язык, «должен был иметь за собой богатую историю и диалектное членение», дана критика бытовавшего преувеличения значения данных других инд. письменных источников при реконструкции праиндоевропейского языка. Фортунатову принадлежит ведущая роль в создании систематических сравнительно-исторических грамматик индоевропейских языков (лекционные курсы с 1876). Здесь он развивал взгляды на язык как систему, строго различал описательный и исторический подходы (синхронию и диахронию), реально засвидетельствованные факты и гипотетически реконструируемые, отдавая предпочтение свидетельству живой народной речи. Признавая сравнение средством реконструкции предшествующего состояния с целью выявления истории конкретного языка, он призывал искать «законы, управляющие фактами», «взаимосвязь и причины исследуемых явлений». Постулат безысключительности фонетических законов и связанная с ним методика установления относительной хронологии органически вытекают из его целостной концепции. Фортунатов, как отмечал Шахматов, «шёл впереди западноевропейской лингвистики».

Жёсткой модели родословного древа младограмматиков с концепцией последовательного распада праязыка Фортунатов противопоставил теорию дивергентно-конвергентной эволюции языка, обусловливаемой дифференциацией и распадением «общественных союзов» или их объединением в более крупные. Положение о взаимосвязи истории языка с историей общества он углублял требованием разграничивать внешние и внутренние связи и причинность. Ему принадлежит ряд открытий в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских и слав. языков: теория сонантов, s-mobile, лабиальный ряд задненёбных, состав во-

кализма индоевропейского языка, слабая ступень чередований, связь долготы и характера интонации, закон переноса ударения в балтийских и слав. языках, относительная хронология 1-й и 2-й палатализаций в праслав. языке и др.

Развивая идеи Фортунатова, его ученики добились выдающихся успехов в области реконструкции праслав. языка (Поржезинский, Миккола, Торбьёрнссон, Белич, Кульбакин) и др.-рус. языка (Шахматов, Дурново). Разработка приёмов относительной хронологии (Педерсен) позволила подвести важнейшие фонетические процессы праслав. языка под две основные тенденции – тенденции к палатализации и к открытому слогу (ван Вейк и др.). Ученики Фортунатова заложили основы праслав. акцентологии (Шахматов, М. Г. Долобко, Кульбакин, ван Вейк), праслав. морфологии (Поржезинский, Г. К. Ульянов, Ляпунов) и праслав. лексикологии (этимологический словарь Бернекера). Дальнейшая разработка и реализация фортунатовских принципов издания и анализа памятников письменности (Щепкин, Кульбакин, А. И. Яцимирский) привела к требованию строго разграничивать не только звук и букву, но и графику и орфографию, орфоэпию (идея Дурново о специфике книжного произношения) и лишь затем – собственно фонетику как отражение говора писца, постоянного взаимодействия «книжного наречия» и живых диалектов (Шахматов). Живая народная речь всегда была в центре внимания учёных фортунатовского направления (Шахматов, Брок, Е. Ф. Будде), им принадлежит первый образец системного описания отдельного говора (Дурново) и первый опыт диалектологической карты вост.-слав. языков (Ушаков).

В 1903 в Москве была создана по инициативе Шахматова Московская диалектологическая комиссия (см.), в к-рую вошли ученики и последователи идей М. ф. ш.

Углубляя учение Фортунатова об «общественных союзах» как социальном субстрате языкового дробления либо схождения, Н. С. Трубецкой ввёл разграничение двух типов языковых групп, языковых семей – как результата общности происхождения, родства, дивергенции (расщепления, распада) некогда единого языка-предка, характеризующихся унаследованной общностью, и языковых союзов – как результата конвергенции (схождения, сближения) самостоятельных языковых систем, характеризующихся благоприобретённой общностью языковых явлений.

Теория Фортунатова о форме слова как результате «живых соотношений... (сходства и различия их "формальной принадлежности"), существующих в данном языке в данную эпоху», положила начало разграничению форм словоизменения и словообразования, строгому различению внешней и внутренней формы (значения и его формального выражения) в учении о грамматических категориях и разрядах слов, в учении о частях речи. Всё это легло в основу совр. морфологии, оформившейся в самостоятельную научную дисциплину усилиями учёных фортунатовского направления (Шахматов, Дурново, С. О. Карцевский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов и др.). До Фортунатова этот раздел грамматики назывался «этимологией», границы между совр. и историческим словопроизводством, между морфологией и собственно этимологией были зыбкими. Фортунатов следует критерию морфологического строения слова в типологической классификации языков, пронизанной идеей динамизма и хронологической иерархии типов (языки изолирующие, или корневые, агглютинирующие, флективные). Формальные классы слов, по Фортунатову, не универсальны, не раз навсегда заданы, а различны в разных языках на разных этапах их развития. Усилиями учёных М. ф. ш. чисто генетический подход к реконструкции древнейшего состояния языка уступил место генетико-типологическому с требованием подкреплять реконструируемые модели данными типологии (Р. О. Якобсон и др.).

Учение Фортунатова о форме словосочетания и способах связи между его членами легло в основу синтаксиса, теоретические основы к-рого разрабатывались Шахматовым, Пешковским, М. Н. Петерсоном и др. на материале рус. языка.

Разграничение внутренней и внешней, а именно содержательной и звуковой, форм слова, идея о взаимосвязи между словами отдельного языка, а также представление о материальности языкового знака легли в основу семасиологии, оформившейся в особую научную дисциплину в трудах учеников Фортунатова (Покровского и его учеников) как учения о строгих законах семантических сдвигов, вскрыть к-рые возможно лишь при изучении связей данного слова с другими словами того же языка (синонимия, семантическое поле, морфологическое оформление) и с историей общества.

Сосредоточив первоначально усилия на историческом аспекте изучения языков, гл. обр. славянских, М. ф. ш., строго разграничивая диахронию и синхронию, постепенно стала обращаться к проблемам синхронии. Шахматов ввёл университетский курс совр. (рус.) языка, описание языка в синхронном аспекте. Учёные фортунатовского направления занимались теорией и практикой нормализации и демократизации лит. языка. Фортунатов и Шахматов руководили подготовкой реформы рус. правописания (1918). В 1889 Фортунатов сформулировал задачу и наметил пути сближения школьной и научной грамматики с целью совершенствования преподавания родного (рус.) языка в школе, что было осуществлено его учениками и последователями его идей.

Фортунатов создал целостную систему лингвистического образования, введя в практику вузовского преподавания теоретические курсы общего и сравнительного языкознания, спецкурсы по сан-

скриту, готскому и литов. языкам. Его последователи создали ряд оригинальных пособий по введению в языковедение (Томсон, Поржезинский, Ушаков, А. А. Реформатский и др.). Уточнение предмета языкознания и его отдельных разделов привело к разграничению фонетики и фонологии (Трубецкой и др.), сравнительной грамматики слав. языков и грамматики общеслав. (праслав.) языка (Поржезинский, Миккола и др.), исторической грамматики и истории лит. языка (Виноградов и др.).

Идеи и методы лингвистической науки, разработанные Фортунатовым и его школой, будучи апробированными на материале рус. и слав. языков, были перенесены в финноугроведение (Д. В. Бубрих и др.), тюркологию (Н. К. Дмитриев), кавказоведение (Н. Ф. Яковлев и др.), германистику (А. И. Смирницкий и др.). Фундаментальные положения М. ф. ш. сыграли существенную роль в создании лингвистических концепций Пражской лингвистической школы и Копенгагенского лингвистического кружка, а также массачусетской ветви американского структурализма (Якобсон и его ученики).

Лит.: Шахматов А. А., Ф. Ф. Фортунатов. Некролог, «Изв. имп. АН», 1914, сер. 6, т. 8, № 14; Щепкин В. Н., Ф. Ф. Фортунатов, «Рус. филол. вестник», 1914, № 3–4; Дурново Н. Н., Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины), М.– П., 1924; Петерсон М. Н., Фортунатов и Моск. лингвистическая школа, «Уч. зап. МГУ», 1946, в. 107; Фортунатов Ф. Ф., Избр. тр., т. 1–2, 1956–57; Щерба Л. В., Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке, «ВЯ», 1963, № 5; Березин Ф. М., Рус. языкознание кон. XIX – нач. XX вв., М., 1976; Булахов М. Г., Вост.-слав. языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.

В. К. Журавлёв.

Моско́вский лингвисти́ческий кружо́к – научное общество, основанное в 1915 по инициативе студентов-филологов Московского университета и просуществовавшее до 1924. Председатели: Р. О. Якобсон (1915–19), М. Н. Петерсон (1920), А. А. Буслаев (1920–22), Г. О. Винокур (1922–23), Н. Ф. Яковлев (1923–24). В 1920, в период расцвета его деятельности, М. л. к. насчитывал 34 действительных и 3 почётных (Н. Н. Дурново, В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков) членов и охватывал значительную часть молодого поколения моск. исследователей языка и языковых проблем лит-ры и фольклора. Работал при постоянной поддержке Московской диалектологической комиссии (см.). М. л. к. ставил своей задачей разработку вопросов лингвистики, а также фольклора и этнографии. В ряду основных лингвистических интересов М. л. к. были различные функции языка, особенно его эстетическая функция, проблемы диалектологии и лингвистической географии, язык фольклора, изучение бесписьменных языков, основы фонемного анализа, языковая культура. Члены кружка видели главную цель в привлечении нового материала или в исследовании старого с новых позиций. Одной из существенных задач М. л. к. считал популяризацию лингвистических знаний и методов. Многие члены кружка принимали непосредственное участие в перестройке преподавания языка в школе, проведении орфографической реформы 1917–18, создании письменностей для бесписьменных народов, борьбе за культуру речи. Заседания М. л. к. проходили обычно в виде дебатов, где методы исследования вырабатывались в ходе обсуждения докладов.

Одним из основных направлений деятельности М. л. к. было всестороннее исследование поэтики. Вместе с ОПОЯЗом (см.) М. л. к. выдвинул требование строгого формального анализа художественных произведений. Исследования велись в тесной связи языкознания и литературоведения. По концепции М. л. к. поэтический язык по сравнению с языком как средством общения выполняет особую эстетическую функцию. В отличие от ОПОЯЗа, настаивавшего на полной автономии истории развития художественных форм, М. л. к. доказывал необходимость социологического обоснования их истории. М. л. к. вёл полемику по вопросам ритмики с поэтами-символистами А. Белым и В. Я. Брюсовым. Вопросам теории стиха были посвящены труды С. И. Бернштейна, С. М. Бонди, О. М. Брика, М. М. Кенигсберга, Б. В. Томашевского, Якобсона, Б. И. Ярхо и др. Членами М. л. к. были и поэты: В. В. Маяковский (в 1920 впервые прочитавший здесь поэму «150 000 000»), Б. Л. Пастернак, О. Э. Мандельштам, Н. Н. Асеев. На заседаниях М. л. к. закладывались основы рос. структурализма и семиотики, здесь были высказаны идеи, развитые позднее в Моск. и Праж. фонологических школах.

Большую роль в деятельности М. л. к. играли летние экспедиции его членов (Ф. Н. Афремова,

Григорий Осипович Винокур 5(17).11.1896–17.5.1947

П. Г. Богатырёва, Буслаева, Г. Г. Дингеса, П. П. Свешникова, Б. В. Шергина, Якобсона, Яковлева и др.), б. ч. сочетавшие собирание диалектных материалов с записями фольклорных текстов и этнографическими наблюдениями. Эти материалы позволили, в частности, уточнить нек-рые вопросы классификации рус. диалектов и их границы. Экспедиция 1921–22 под руководством

Михаил Николаевич Петерсон
22.9(4.10).1885–22.11.1962

Роман Осипович Якобсон
11(23).10.1896–15.7.1982

Яковлева, Л. И. Жиркова и Е. М. Шиллинга провела изучение северокавказского языкового и этнического ареала (что легло в основу трудов Яковлева по бесписьменным кавказским языкам и по созданию национальных письменностей для многих народов Северного Кавказа). В 1918 М. л. к. выработал проект диалектологического атласа рус. языка, включённый в программу Моск. диалектологической комиссии, и начал по нему подготовительную работу.

Члены М. л. к. исходили из положения, что для совр. собирателя представляют интерес все виды устного творчества. В экспедициях записывали не только былины, сказки, песни, но и народные анекдоты, заговоры, заклинания, духовные стихи, легенды и частушки о революции и др. Собирался материал по свадьбе, народному театру, быту, материальной культуре. Вырабатывались новые методологические подходы к изучению фольклора, в частности к типологической классификации и реконструкции фольклорных текстов, впервые было выдвинуто требование характеристики индивидуальности сказителя, эстетических склонностей среды его слушателей. Исследовалось отражение фольклора в рус. лит-ре.

В последний период существования М. л. к. первоначальное единство его целей и принципов было утрачено в спорах о месте и границах эмпиризма, месте семантики и фонетики в науке о языке, о проблеме «внутренней формы», критериях разграничения поэтической и обиходной речи, отношениях между языком и культурой, что было связано с обсуждением философии языка Г. Г. Шпета и его идей в области теории лит-ры, оказавших значительное влияние на членов М. л. к.

В связи с трудностями публикаций многое из достояния М. л. к. осталось только в архивах. Главным путём распространения идей М. л. к. была устная передача. Многие идеи М. л. к. были развиты Пражским лингвистическим кружком (см. Пражская лингвистическая школа), повторившим М. л. к. организационно и включившим в свой состав ряд его членов.

Лит.: Винокур Г., Моск. лингвистический кружок, в кн.: Научные изв. Академического центра Наркомпроса, сб. 2, М., 1922; Якобсон Р., Богатырев П., Слав. филология в России за годы войны и революции, Берлин, [1923]; Цейтлин Р. М., Григорий Осипович Винокур, М., 1965; Томашевский и Моск. лингвистический кружок, в кн.: Тр. по знаковым системам. IX, Тарту, 1977 («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», в. 422); Тоддес Е. А., Чудакова М. О., Первый рус. перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Моск. лингвистического кружка, в кн.: Федоровские чтения. 1978, М., 1981; Горнунг Б., О журнале «Гермес», в кн.: Пятые Тыняновские чтения, Р., 1990; Шапир М. И., Материалы по истории лингвистической поэтики в России (кон. 1910-х – нач. 1920-х гг.), «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1991, т. 50, № 1; Протокол заседания Моск. лингвистического кружка 26 февраля 1923 г., «Philologica», 1994, v. 1, № 1–2; Jakobson R., An example of migratory terms and institutional models, в его кн.: Selected writings, pt 2, The Hague – P., 1971; его же, To the History of the Moscow Linguistic Circle, в кн.: Logos semantikos. Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu, v. 1, B.– N. Y.– Madrid, 1981.

Л. Л. Касаткин.

Моско́вское произноше́ние – способ произношения, свойственный жителям Москвы, признанный произносительной нормой русского литературного языка. М. п. возникло не сразу, а складывалось веками. Первоначальной его основой было произношение вост.-слав. племени кривичей (близкое к произношению славян новгородских), т. е. имело северорус. характер. Москвичи до 16 в. не только сохраняли северный строй консонантизма, но и окали (см. Оканье). Окал Иван Грозный и его окружение, очевидно, окало и старое боярство (Хованские, Мстиславские, Одоевские). Однако в Москве среди населения, пришедшего с юга и востока, было распространено и акающее произношение, к-рое постепенно укрепилось и к 18 в. стало господствующим. М. В. Ломоносов, сам помор-северянин, писал в «Российской грамматике» (1755): «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее...». В 18 в. существовало две нормы произношения: одна – при чтении книг, стихов и т. д., другая – свойственная разг. речи. О неоднородности М. п. того времени писал Ломоносов: «Сие произношение больше употребительно в обыкновенных разговорах, а в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется». Проникновение в рус. язык иноязычных элементов (особенно начиная с 18 в.) сделало произношение ещё более неоднородным. Вокруг вопросов о произношении разгорелись споры – о различении звуковых качеств букв *е* и *ѣ*, о произношении буквы *г* как [г] и как [γ] и др. Откликаясь на полемику, Ломоносов написал стихотворение «Бугристы берега...», во всех словах к-рого была буква *г*, и обратился к читателям: «Скажи, где быть тут *га* и где стоять *глаголю*».

В 19 в. произносительные нормы лит. языка уже полностью определяются живой моск. речью. Эти

нормы характеризуются аканьем (см.), произношением *е* после мягких согласных перед твёрдыми на месте ѣ под ударением, произношением *г* взрывного образования и рядом других черт. К кон. 19 в. в М. п. стали образцовыми нек-рые черты, время существования к-рых названо «старомосковским произношением»: произношение слов с *р* мягким, напр. *пе*[*р'*]*вый, четве*[*р'*]*г, ве*[*р'*]*х*; произношение возвратного аффикса *-сь, -ся* в глаголах прош. времени и в повелительном наклонении как *с* твёрдое (вопреки орфографии) и др. Верными «старомосковскому произношению» оставались артисты Малого театра, нек-рые чтецы (В. Н. Яхонтов, Д. Н. Журавлёв).

С кон. 19 в. М. п. пережило многие изменения, сохранив, однако, все основные особенности. Для 2-й пол. 20 в. характерны след. черты: 1) *щ, сч, жж, зж, жд* произносятся как *ш* и *ж* мягкие и долгие [$\bar{ш}$'] и [$\bar{ж}$']: *щи, счёт, жужжать, визжать, дождя*; мягкие краткие [*ш'*], [*ж'*] возможны лишь в иноязычных словах типа *пшют, жюри* и в собственных именах типа *Шютте, Жюль* (в настоящее время и в этих случаях обычными становятся твёрдые *ж, ш*); 2) произношение буквы *г* как [γ] допускается лишь в нескольких церковных словах (*господи, бога*), но не допускается в других словах в сходной фонетической позиции (напр., *богадельня, благополучный, благоприятный*); [γ] возникает также при позиционно озвонченном *х*, напр. *их бы* [*иγбы*] и в отдельных словах (*бухгалтерия, бухгалтер*); 3) произношение мягких *к, г, х* возможно только перед гласными *и, е* (*руки, руке*), перед *а, о, у* мягкие *к, г, х* встречаются только в иноязычных словах (*гяур, маникюр, ликёр*); 4) произношение *чн* возможно то как [*шн*] (*скучно, гречневый, булочная, молочный* и др.), то как [*чн*] – преим. в словах-терминах и в нейтральной лексике (*вечность, беспечный, личность* и др.); 5) произношение *щн* как [*щн*], а не [*шн*] (*сущность, беспомощный* и др.); 6) произношение твёрдых [*т, д*] перед [*е*] в нек-рых иноязычных и в стилистически отмеченных словах (*темпера, коттедж, терция, декольте* и др.) и в собственных именах (*Декарт, Дега, Теренций, Доде*), а также в аббревиатурах типа *ТЭЦ, ВТЭК, ЛЭП* и т. п., но мягких [*т'*], [*д'*] в освоенных словах (*температура, телефон, тема, демонстрация, демон*); 7) в возвратных формах глагола наблюдается колебание в произношении между сценическим *с* твёрдым [*с*] и разговорным *с* мягким [*с'*]; это колебание началось ещё в пушкинскую эпоху, Д. Н. Ушаков указывал, что *с* произносится всегда твёрдо, за исключением деепричастий (*наклоняясь* и т. п.); 8) *ч* перед *т* в союзах *что* и *чтобы* произносится как [*ш*]: [*што*], [*штобы*]; 9) в области вокализма основной чертой М. п. является аканье, т. е. резко контрастное выделение ударного слога (по долготе и интенсивности) и разная – двухстепенная – редукция гласных в безударных слогах, напр. *голова* [*гълавá*] (см. Редукция).

М. п. через средства массовой информации (телевидение, радио и др.), а также через театр (см. Сценическая речь) оказывает влияние на диалектное и просторечное произношение.

Лит.: Ушаков Д. Н., Рус. орфоэпия и её задачи, в кн.: Рус. речь, сб. 3, Л., 1928; Щерба Л. В., О нормах образцового рус. произношения, «Рус. яз. в школе», 1936, № 5; Бернштейн С. И., Вопросы обучения произношению, М., 1937; Реформатский А. А., Методические указания и руководство по совр. рус. языку для студентов-заочников, М., 1950; Ломоносов М. В., Рос. грамматика, в кн.: Полн. собр. соч., т. 7, М.– Л., 1952; Аванесов Р. И., Рус. лит. произношение, 5 изд., М., 1972.

А. А. Реформатский.

Мотивáция словообразовáтельная – семантическая и структурная обусловленность одного однокоренного слова другим. Она опирается на словообразовательные отношения этих слов – отношения производности (мотивированности) между однокоренными словами, одно из к-рых является производящим (мотивирующим), а другое выступает как его производное (мотивировано им). Отношения производности всегда двуплановы, но однонаправленны – от производящего слова к производному. Производящее слово включается в производное материально и семантически. Выразителем структурно-семантической зависимости производного слова от производящего является формант (см.), напр. в глаголе *запеть* приставка *за-*, в существительном *каменщик* суффикс *-щик*. Он (в т. ч. и нулевой формант) одновременно выступает и как показатель направления производности, поскольку отсутствует в производящем и представлен только в производном.

Словообразовательные отношения в отличие от лексических носят не индивидуальный, а групповой характер, т. е. повторяются во всех парах, входящих в один словообразовательный тип, имеют свойство воспроизводимости. Ср.: *дядя* : *дядин* = *мама* : *мамин* = *папа* : *папин*; *смотреть* : *посматривать* = *глядеть* : *поглядывать* = *ходить* : *похаживать*.

Словообразовательные отношения формируются на базе лексических связей однокоренных слов и не могут существовать без них. Поэтому в семантике производных слов необходимо различать лексическое и словообразовательное значения.

Семантика производного включает значение производящего. Ср.: *брызгать* и *побрызгивать* 'время от времени слегка брызгать'; *брякать* и *побрякивать* 'время от времени слегка брякать'; *болеть* и *побаливать* 'время от времени слегка болеть'; *звякать* и *позвякивать* 'время от времени слегка звякать'; *знобить* и *познабливать* 'время от времени слегка знобить' и т. п. Эти словарные определения раскрывают лексические значения производных глаголов. Они отражают индивидуальную семантику каждого слова с помощью отсылки к значению производящего глагола.

Все приведённые (и им подобные) глаголы объединяются в один словообразовательный тип,

выражая общее для них словообразовательное значение 'время от времени и с небольшой интенсивностью совершать действие, названное мотивирующим глаголом' при помощи одного и того же форманта – префикса *по-* и суффикса *-ива-* (*-ыва-*).

Словообразовательно мотивированные слова всегда находятся в отношениях непосредственного контакта. В такой контакт вступают только члены словообразовательных пар. Поэтому к словообразовательной мотивации, как пишет И. С. Улуханов, не могут относиться ни опосредствованные мотивации (типа *крахмал – накрахмалить* при *крахмал – крахмалить*), ни сопровождающие мотивации (*глупо – глупить* при *глупый – глупить*).

Словообразовательные мотивации делятся на основные и периферийные, прямые и переносные (Е. А. Земская). При основной мотивации основное (номинативное) значение производящего обычно целиком входит в семантику производного: *дом – дом-ик* 'маленький дом'; *учитель – учитель-ствовать* 'выполнять работу учителя'. При периферийной мотивации семантический элемент, общий для производящего и производного, в семантической структуре производного является периферийным, окраинным, необязательным: *полковник* – 'тот, кто командует значительным воинским подразделением, в т. ч. полком'; *госпитализировать* – 'помещать в любую больницу, в т. ч. в госпиталь'.

При прямой мотивации значение производных слов вытекает из прямого значения производящих: *школа – школьник, белый – белить*. Переносная мотивация делится на два подвида: на реальные и ассоциативные переносные мотивации. Реальная переносная мотивация характерна для производных, значение к-рых восходит к переносному значению базового слова: *обезьянничать* 'подражать кому-н., передразнивать кого-н., подобно обезьяне'; *петушиться* 'вести себя задорно, подобно петуху' Ассоциативная переносная мотивация характерна для пар типа *школьник* 'ученик школы' – *школьничать* 'шалить, баловаться, вести себя, подобно шаловливому школьнику', а не 'вести себя, как школьник (т. е. ходить в школу, учить уроки и т. п.)'. Сема 'шаловливость' не входит в значение слова *школьник*, но ассоциируется с этим понятием. Ср. также: *цыган – цыганить, акробат – акробатничать* и т. п. Вне этой системы Земская выделяет ещё один тип мотивационных отношений, когда производное слово, возникая на базе прямого значения производящего, само имеет образное значение: *молокосос* 'человек, неспособный здраво судить о чём-л. вследствие своей молодости и неопытности'; *лизоблюд* 'подхалим, угодливый человек, действующий из корыстных побуждений'. Значение таких слов выводимо из семантики их компонентов, но своеобразно, метафорически.

Особое место в сфере М. с. занимают полимотивированные слова. Это слова, мотивируемые несколькими производящими, т. е. обладающие множественностью (неединственностью) мотиваций. Напр., *атлетический*: 1) *атлетика – атлетический* (*упражнения по атлетике – атлетические упражнения*); 2) *атлет – атлетический* (*телосложение атлета – атлетическое телосложение*); *педагогический*: 1) *педагогика – педагогический* (*лит-ра по педагогике – педагогическая лит-ра*); 2) *педагог – педагогический* (*совет педагогов – педагогический совет*). Это явление получило широкое распространение в словообразовании имён существительных, имён прилагательных, глаголов и наречий: *невежливость* (от *невежливый* и *вежливость*), *переобучение* (от *переобучить* и *обучение*), *вредительство* (от *вредить* и *вредитель*), *багажник* (от *багаж* и *багажный*), *безбилетник* (от *без билета* и *безбилетный*), *бег* (от *бежать* и *бегать*), *приварка* (от *приварить, приваривать, привариться* и *привариваться*); *дольчатый* (от *доля* и *долька*), *бесплановый* (от *без плана* и *плановый*), *синонимический* (от *синоним, синонимия* и *синонимика*); *капризничать* (от *каприз, капризный* и *капризник*), *обрадоваться* (от *обрадовать* и *радоваться*), *рассердиться* (от *рассердить* и *сердиться*), *крохоборствовать* (от *крохобор* и *крохоборство*); *страшновато* (от *страшно* и *страшноватый*), *несложно* (от *сложно* и *несложный*), *премило* (от *мило* и *премилый*), *распрекрасно* (от *прекрасно* и *распрекрасный*).

Значительное место занимает явление множественности мотивации в сложных словах: *однократность* (от *однократный* и *кратность*), *мостостроитель* (от *мосты строить* и *строитель мостов*), *вагоностроитель* (от *вагоны строить* и *строитель вагонов*), *газоосвещение* (от *газовое освещение* и *освещение газом*), *кормодобывание* (от *корма добывать* и *добывание кормов*), *кормоприготовление* (от *корма приготовить* и *приготовление кормов*), *водоснабжение* (от *водой снабжать* и *снабжение водой*), *нефтепереработка* (от *нефть переработать* и *переработка нефти*), *нефтедобыча* (от *нефть добывать* и *добыча нефти*), *горнолыжник* (от *горнолыжный* и *горные лыжи*) и т. п.

Производные слова с множественной мотивацией обладают сложной системой значений, к-рая формируется на базе лексической семантики нескольких производящих. Так, прилагательное *меланхолический*, мотивированное существительными *меланхолия* и *меланхолик*, в соответствии с их значениями обозначает: 1. 'Свойственный меланхолику, такой, как у меланхолика'. *Меланхолический характер, темперамент*. 2. 'Склонный к меланхолии, унылый'. *Меланхолический человек*; оттенок значения – 'вызванный меланхолией; выражающий меланхолию'. *Меланхолическое настроение. Меланхолический вид. Меланхолическое лицо*. Ср.: *вид*

меланхолика; *лицо, настроение меланхолика*; оттенок значения – 'исполненный меланхолии'. *Меланхолическая песня.*

В одних случаях полимотивация осуществляется в пределах одной словообразовательной структуры слова (ср.: *лёт* от *лететь* и *лёт* от *летать*; *плавкий* от *плавить* и *плавиться*), в других она приводит к полиструктурности, к множественности словообразовательной структуры слова: каждая мотивация выражается с помощью своей словообразовательной структуры; ср., напр.: разбой-нича-ть 1 от *разбой* 'заниматься разбоем' и *разбойнич-а-ть* 2 от *разбойник* 'быть разбойником'; капризничать 1 от *каприз* 'проявлять капризы', *капризн-ича-ть* 2 от *капризный* 'быть капризным' и *капризнич-а-ть* 3 от *капризник* 'быть капризником').

Множественность мотивации часто находит выражение в разной членимости слова. При этом разные структурные варианты слова отличаются друг от друга: 1) способом словообразования: ср. *несложн(ый)* – *несложн-о* 1 (суффиксация) и *сложно* – ***не**-сложно* 2 (префиксация); 2) количеством пройденных ступеней словообразования: *дол(я)* → *доль-**чат**-ый* 1 и *дол(я)* → *доль-**к**-а* → *дольч-**ат**-ый* 2.

Множественность мотивации – объективно существующее в языке явление, отражающее взаимодействие словообразовательных типов.

Лит.: Виноградов В. В., Совр. рус. язык, в. 2, М., 1938; Тихонов А. Н., Множественность словообразовательной структуры слова в рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1970, № 4; его же, Множественность словообразовательной структуры слова и рус. лексикография, в кн.: Рус. язык. Вопросы его истории и совр. состояния, М., 1978; Улуханов И. С., Словообразовательная мотивация и её виды, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1971, в. 1; его же, Мотивация и производность, «ВЯ», 1992, № 2; Земская Е. А., Виды семантических отношений словообразовательной мотивации, «Wiener Slawistischer Almanach», 1984, Bd 13.

А. Н. Тихонов.

Мужско́й род – см. Род.

Н н

Н, н – пятнадцатая буква русского алфавита. Название буквы – «эн» употребляется как существительное ср. рода: *прописное н*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «наш», к-рая ведёт происхождение от греч. буквы «ню» византийского устава 9–10 вв., возникшей из финикийской буквы «нун». В кириллице цифровое значение этой буквы «пятьдесят».

Основное графическое значение буквы *н* – обозначение общей части фонем ⟨*н*⟩ и ⟨*н'*⟩: зубная, носовая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *н* буквой или другим графическим знаком: ⟨*н*⟩ – *нос, банка, сон* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*н'*⟩ – *нёс, банька*. Кроме того, после букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *н* обозначает твёрдость этих фонем: *внук, гнать, одна*.

Назывно́е предложе́ние – см. Номинативное предложение.

Наклоне́ние – словоизменительная грамматическая категория глагола, обозначающая отношение процесса к действительности и выражающая это значение в спрягаемых формах. Посредством категории Н. устанавливается оценка реальности или ирреальности высказывания (процесса, ситуации). В рус. языке различаются три Н.: изъявительное (см. Изъявительное наклонение), формы к-рого представляют названный глаголом процесс как реальный, повелительное (см. Повелительное наклонение) и сослагательное (см. Сослагательное наклонение), представляющие процесс как ирреальный, т. е. желаемый, возможный или предполагаемый. Повелительное и сослагательное Н., в отличие от изъявительного, не имеют форм времени.

Н. является морфологическим способом выражения модальных значений (см. Модальность). Категориальное значение форм каждого из трёх Н. может быть совмещено с дополнительными модальными характеристиками – решимости, готовности, допущения, долженствования и др., привнесёнными лексической семантикой, синтаксисом и интонацией (*Немедленно примусь за работу!; Налью-ка я тебе чаю; Сидел бы ты дома!*).

В предложении формы одного и того же Н. могут выражать различные модальные значения, а также употребляться с вторичными значениями в функции других Н.: напр., изъявительное Н. в значении повелительного (*Вы сейчас же отправляетесь в путь!*); повелительное Н. в значении сослагательного (*Скажи ты об этом раньше, ничего не случилось бы*); сослагательное Н. в значении повелительного (*Чтоб сегодня же вернул мне книгу!*).

Лит.: Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в рус. языке, в его кн.: Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Лекант П. А., Типы и формы сказуемого в совр. рус. языке, М., 1976; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

В. Н. Белоусов.

Наре́чие – наиболее крупная единица диалектного членения языка. В диалектном членении Н. выделяются попарно, как противопоставленные лингвотерриториальные единицы и состоят из говоров, объединённых комплексом общих признаков. В рус. языке – два Н.: северное и южное (по другой терминологии: севернорусское и южнорусское или северновеликорусское и южновеликорусское).

Для обозначения Н. нек-рыми лингвистами употребляется также термин диалект (см.).

Н. Н. Пшеничнова.

Наре́чие – часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета. Формально значение Н. выражено его неизменяемостью. Н. не обладает грамматическими категориями ни имени (за исключением качественных Н. на *-о*, у к-рых есть категория степени сравнения), ни глагола; может зависеть от глагола (*бежать быстро*), прилагательного (*очень умный*), другого Н. (*кричаще ярко*), существительного (*брак по-итальянски*) или от предложения в целом (*Юридически дом не ваш*) и выполнять функцию обстоятельства. Менее типичны для Н. функции несогласованного определения и сказуемого (*В доме всё было по-новому*).

По значению, синтаксическим свойствам и словообразовательным особенностям Н. делятся на определительные и обстоятельственные. Определительные Н. обозначают качество действия, признака, предмета. Почти все они могут иметь не только качественные, но и количественные (обычно вторичные) значения – указывают на степень интенсивности протекания действия или проявления признака (*сильно ненавидеть, удивительно красивый*). Количественные значения Н. включают, как правило, семантический компонент оценки интенсивности действия или признака: по эмоциональному впечатлению, воздействию, по достоверности, целесообразности, соответствию норме и др. (*потрясающе интересный; отвратительно жадный; раздражающе яркий; невероятно, фантастически сложный; непомерно требователен; ненормально осторожен*). Значительно реже Н. указывают на невысокую степень интенсивности (*немного, чуть-чуть устал; довольно грубый*). Собственно количественные Н. в рус. языке единичны (*очень, весьма, слегка*). Особый разряд составляют определительные Н., к-рые выражают ограничительные и модальные значения – указывают, в каком отношении или с какой (а также с чьей) точки зрения мыслится совершение действия или проявление признака (*музыкально образованный, экономически развитой, духовно незрелый; Режиссёрски спектакль поставлен интересно; По-твоему, все люди добрые*). Определительные Н. могут иметь омонимы среди кратких качественных прилагательных среднего рода (*его лицо спокойно*), а также слов со значением состояния, специализирующихся для выражения сказуемого безличного предложения (*В лесу тихо; На душе спокойно*), к-рые называют словами категории состояния, предикативами и безлично-предикативными Н. В отличие от Н., эти слова могут иметь в составе сказуемого зависимый инфинитив (*Грустно вспоминать об этом*).

Обстоятельственные Н. характеризуют действие, признак, предмет посредством указания на обстоятельства, с ними связанные: место, время, реже причину, цель (*вокруг, вчера, сослепу, в насмешку*).

Н. могут быть знаменательными и местоименными. Местоименные Н. имели общие для всех местоимений отвлечённые указательные значения, корни, приставки и постфиксы, уже непродуктивные в совр. рус. языке, не выполняющие словообразовательную роль. Будучи одновременно и местоимениями и Н., они входят в семантические разряды как местоимений, так и Н.; напр., слово *так* является указательным местоимением и определительным Н.; *нигде* – отрицательным местоимением и обстоятельственным Н. места. Среди местоименных Н., как и среди знаменательных, есть группа предикативов с модальными и другими значениями (*Незачем было уезжать; Нечего об этом спорить; Некуда уйти* и др.).

Наиболее продуктивно образование Н. от прилагательных суффиксальным и суффиксально-префиксальным способами: суффиксами *-о(-е)*, *-и*, приставкой *по-* в сочетании с суффиксами *-и* или *-ому*: *умело, жанрово, утомлённо, кричаще, матерински; по-актёрски, по-лисьи, по-дачному, по-фронтовому*. Менее продуктивны иные образования от прилагательных и других частей речи: от прилагательных и глаголов посредством суффикса *-ком* (*пешком, тишком, молчком*), от глаголов посредством приставок *в-, на-* в сочетании с суффиксом *-ку* или нулевым суффиксом (*взатяжку, вперегиб*) и др. Словообразовательные значения основных продуктивных типов Н. близки друг другу; Н., образованные от качественных прилагательных, выражают те же значения, что и прилагательные, и отличаются от них только синтаксическим употреблением (ср.: *глупый* и *глупо, по-глупому*). Образования от относительных прилагательных имеют либо сравнительные значения ('как кто-то', 'как что-то', 'как где-то'), либо модально ограничительные: *по-лисьи* (как лиса), *медово* (как мёд), *базарно* (как на базаре), *по-дачному* (как на даче); *сюжетно, грамматически, по-государственному*.

Многие обстоятельственные Н. имеют омонимичные падежные и предложно-падежные формы существительных: *летом, вдали, наверху* и др. Нек-рые существительные с широким пространственным и временны́м значением функционируют как Н. почти во всех предложно-падежных словоформах: *вверх, наверх, сверху, кверху, поверху, вверху, наверху, доверху; вниз, снизу* и др.; *сначала, вначале* и др. Обстоятельственное употребление таких словоформ при отсутствии типично субстантивных распространителей приводит к адвербиализации (см.). Предложно-падежные формы существительных с более конкретной семантикой в обстоятельственной функции не адвербиализуются (*в лесу, на море* и т. д.). По семантическому соотношению с омонимичной словоформой существительных Н. неоднородны. Одни отличаются от соответствующих именных форм включением добавочных семантических компонентов (*местами* – 'в некоторых местах', *во́время* – 'в подходящее время'), другие не имеют семантических отличий и в нек-рых контекстах не могут быть отграничены от падежных форм существительных – наблюдается нейтрализация различительных признаков Н. и существительного (ср.: *Летом птицы поют реже, чем весной* и *Поздним летом птицы поют реже, чем в начале лета*). Ряд лингвистов рассматривает все наречные формы, имеющие омонимы среди существительных, в рамках аффиксации как суффиксальные или префиксально-суффиксальные образования.

Местоименные Н. аффиксальными способами не образуются. Подобно другим грамматическим разрядам местоимений, они пополнялись и пополняются за счёт составных наименований: *куда угодно* (*придётся, попало*), *как угодно* (*придётся, попало*) и т. д., в к-рых неизменяющиеся компоненты *угодно* и др. выполняют функцию постфикса.

Н.– развивающаяся часть речи. Наиболее существенные изменения в процессе исторического развития Н. наблюдаются в области словообразования и синтаксического употребления. Происходит ослабление продуктивности обстоятельственных Н., что в значительной степени связано с формированием вторичных предлогов, к-рые более дифференцированно выражают обстоятельственные отношения; продуктивность определительных Н. усиливается. Внутри основных словообразовательных типов Н. активно развивается словообразовательная синонимия (*серьёзно – по-серьёзному, музейно – по-музейному, по-мужски – по-мужскому*). Это обусловливает взаимное обогащение словообразовательных типов кру́гом производящих основ, их дальнейшее семантическое сближение и стилистическую дифференциацию. В языке художественной лит-ры активизируется образование суффиксальных Н. со сравнительным значением от относительных прилагательных (*мелово бледный, яблочно круглый, змеино гибкий*), а также Н. от качественных прилагательных и окачествлённых причастий, грамматически зависящих от глагола, но по смыслу характеризующих субъект в момент действия (*белозубо улыбался, ошеломлённо молчал*). Расширяется присубстантивное, приадъективное и предикативное употребление Н.: *почти инженер, совсем ребёнок, по-доброму пристрастный, камерно тонкий, это не по-дружески, он был по-домашнему*.

Лит.: Виноградов В В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Рус. язык и сов. общество, в кн.: Словообразование совр. рус. лит. языка, М., 1968; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *О. П. Ермакова.*

Нарица́тельные существи́тельные – существительные, являющиеся обобщёнными названиями классов однородных предметов и явлений, напр.: *отец, стол, вода, дождь, река, борьба, широта*. По своей номинативной функции (см. Номинация) Н. с. противопоставлены собственным существительным (о переходе Н. с. в собственные и наоборот см. Собственные существительные). В противоположность последним пишутся, как правило, со строчной буквы. *В. В. Лопатин.*

Настоя́щее вре́мя – время глагола, обозначающее, что процесс, названный глаголом, осуществляется одновременно с моментом речи или иной точкой отсчёта (об абсолютном и относительном времени см. Время): *Учитель читает рассказ, ученики слушают* (абсолютное Н. в.); *Он говорил, что чувствует запах дыма* (относительное Н. в.).

Формы Н. в. образуются только от глаголов несов. вида. Для образования форм Н. в. к основе наст. времени присоединяются окончания, представляющие собой совмещённый показатель лица и числа. В зависимости от принадлежности глагола к первому или второму спряжению (см. Спряжение) к основе присоединяются след. окончания: в ед. ч.– 1-е лицо *-у*(*-ю*), 2-е лицо *-ешь* или *-ишь*, 3-е лицо *-ет* или *-ит*; во мн. ч.– 1-е лицо *-ем* или *-им*, 2-е лицо *-ете* или *-ите*, 3-е лицо *-ут*(*-ют*) или *-ат*(*-ят*). В глаголах первого спряжения с основой наст. времени на заднеязычные *к, г* при образовании форм 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1-го и 2-го лица мн. ч. происходит чередование *к – ч, г – ж* (*пеку, пекут*, но *печёшь, печёт, печём, печёте; берегу, берегут*, но *бережёшь, бережёт, бережём, бережёте*), в этих же формах конечный парно-твёрдый согласный основы чередуется с соответствующим мягким (*беру, берут*, но *берёшь, берёт, берём, берёте*). В нормированной речи только глагол *ткать* не имеет чередования *к – ч* при образовании форм наст. времени: *тку, ткёшь, ткёт, ткём, ткёте, ткут*. В глаголах второго спряжения при образовании формы 1-го лица ед. ч. происходят чередования *в' – вл', б' – бл', м' – мл', п' – пл', ф' – фл', ст' – щ, т' – ч, д' – ж, з' – ж, с' – ш: правят – правлю, любят – люблю, кормят – кормлю, топят – топлю, графят – графлю, простят – прощу, летят – лечу, водят – вожу, грузят – гружу, просят – прошу*. В ряде глаголов с основой наст. времени на *-т*, напр. *обратить, поглотить, превратить* (*из-, воз-, со-, от-, пред-от-*), *развратить, защитить, воплотить, прекратить, сократить, укротить, возмутить, смутить, ощутить, поработить, посетить, осветить, просветить, освятить, посвятить, насытить, пресытить, восхитить, похитить, расхитить*, при образовании формы 1-го лица ед. ч. происходит чередование *т' – щ: обратят – обращу, прекратят – прекращу, защитят – защищу* и т. д. Нек-рые глаголы с инфинитивом на *-ать* образуют вариантные формы, нередко различающиеся своим значением и употреблением: *брызгать – брызжут* и *брызгают, махать – машут* и *махают, тыкать – тычут* и *тыкают*.

Формы Н. в. могут быть образованы от любого глагола несов. вида. Однако практически избегаются в употреблении нек-рые формы 1-го лица ед. ч. (напр., от глаголов *стонать, победить, очутиться, колесить*), а также формы 1-го и 2-го лица от глаголов, лексическое значение к-рых препятствует образованию этих форм: *влажнеть, гласить, дробиться, звучать, ветвиться, толпиться, распадаться* и др.

По значению различают собственно Н. в. (настоящее актуальное) и несобственно Н. в. (настоящее неактуальное). Собственно Н. в. означает, что осу-

ществление названного глаголом процесса совпадает с моментом речи: *«Дрожит блестящая роса На листьях крупными слезами»* (А. К. Толстой); *«В поле чистом серебрится Снег волнистый и рябой, Светит месяц, тройка мчится По дороге столбовой»* (Пушкин). Несобственно Н. в. (неактуальное) имеет две разновидности: настоящее постоянное, обозначающее процесс, осуществление к-рого не имеет временны́х ограничений: *Сушу окружают океаны*; настоящее абстрактное, выражающее повторяющиеся процессы, осуществление к-рых не связано с определённым временем: *Дети часто капризничают.* С таким же значением настоящего неактуального формы Н. в. часто употребляются в пословицах и поговорках: *Ветер горы разрушает, слово народы поднимает; Кто не сеет, тот не жнёт; Что имеем — не храним, потерявши — плачем.*

Формы Н. в. могут употребляться с вторичными значениями, т. е. выражать значения, присущие формам буд. и прош. времён. При этом большую роль играют ситуация и контекст, а также сочетание в контексте разных временны́х форм. Формы Н. в., употреблённые в значении будущего, выражают т. о. уверенность в близком осуществлении процесса: *Завтра я иду в театр; «У меня всё уже готово. Я после обеда отправляю свои вещи»* (Чехов). Формы Н. в. в значении прош. времени (такое употребление называют также «настоящее историческое» или «настоящее повествовательное») как бы приближают описываемое событие к моменту речи, придают повествованию бо́льшую изобразительность: *В 1863 году В. И. Даль издаёт первый том «Толкового словаря живого великорусского языка»; «Бывало, он меня не замечает, а я стою у двери и думаю: "Бедный, бедный старик"»* (Л. Н. Толстой).

Лит. см. при ст. Время. *В. Н. Белоусов.*

Нау́чный стиль — один из функциональных стилей литературного языка (см.), обслуживающий сферу науки. Языковые особенности Н. с. объясняются предназначенностью научных текстов для передачи объективной, как бы обезличенной, информации о природе, человеке и обществе. Н. с. должен обеспечить ясность, точность, объективность, недвусмысленность, логичность и доказательность изложения, воспроизводимость излагаемых экспериментальных научных результатов другими учёными, полноту информации и т. п. Наиболее ярко проявляется в письменной форме речи, но с развитием просвещения и практики проведения научных конференций активно проникает (сохраняя свою специфику) и в устную речь. Для Н. с. речи характерны: в лексике, словообразовании и морфологии — применение терминов и слов с абстрактным значением, предпочтительное употребление имён существительных (т. н. именной характер Н. с.), расширение способов терминообразования и терминосочетаний, создание особых составных предлогов (напр., *в присутствии паров лития*), дейктических элементов (*данный, соответствующий, настоящий*) и союзов (*если* и *только если*); среди падежей значительное преобладание родительного и именительного, предпочтение форм наст. времени и 3-го лица глагола, широкое использование причастий и деепричастий, а также страдательного залога; в синтаксисе — использование всех возможных типов словосочетаний, применение разнообразных сложных предложений и сложного синтаксического целого; в семантике — тяготение к точности. Н. с. характеризуется также тенденцией к интернационализации терминологии, однако нек-рые языки, напр. английский, в новых областях науки (молекулярная биология, генетика, вычислительная техника и программирование) сохраняют свою собственную терминологию. Эмоциональные моменты, реминисценции, экскурсы в историю науки находят выражение в Н. с. в виде отдельных вкраплений, не определяя его существа. Н. с. противопоказана эмоциональность и излишняя экспрессия, ведущие к тенденциозности. Характерными чертами Н. с. являются развитие в его словесной ткани обширных систем математических, физических, химических, биологических, географических и иных знаков и значков, органическое вхождение в содержание научного текста карт, фотографий, схем, диаграмм, графиков, таблиц и т. д.

В рус. языке Н. с. в основных чертах сложился в 18—19 вв., но продолжает активно развиваться и ныне. Сохраняя своё единство, Н. с. речи воплощается во многих жанрах и видах изданий: монография, учебник, статья, отчёт, реферат, тезисы, патент и т. д. Внутри Н. с. есть основания выделить особый подстиль научно-популярной речи, в к-ром достижения науки и техники излагаются таким образом, чтобы они были понятны неспециалисту, человеку со средним образованием, любознательному старшекласснику и т. п. В этом случае автор отказывается от сложного математического аппарата, развёрнутых доказательств, в текст вводятся наглядные примеры, аналогии, сравнения, метафоры и т. д.

Лит.: Кутина Л. Л., Формирование языка рус. науки, М.— Л., 1964; Совр. проблемы терминологии в науке и технике, М., 1969; Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии, М., 1970; Крючкова Т. Б., Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии, М., 1989; Коготкова Т. С., Национальные истоки рус. терминологии, М., 1991. *П. Н. Денисов.*

Неизменя́емые слова́ — слова, не имеющие грамматических форм словоизменения. К ним относятся две группы слов: 1) слова, принадлежащие к частям речи, лишённым категориально-морфологических значений, выражаемых разными словоформами одного и того же слова; в эту группу входят все служебные слова, междометия, из зна-

менательных слов – только наречия (кроме качественных наречий на *-о*, имеющих форму сравнительной степени: *быстро – быстрее*); напр.: *вдруг, туда, по-братски, около, между, без, но, разве, лишь, ура*; 2) нек-рые слова, принадлежащие к частям речи, нормально склоняемым и выражающим в разных словоформах категориально-морфологические значения рода, числа, падежа. В эту группу входят: т. н. несклоняемые существительные (см.), напр.: *пальто, антраша, рагу, Тбилиси, Кармен, МГУ*; т. н. несклоняемые прилагательные – иноязычные слова типа *бордо, хаки, электрик, коми* (последнее употребляется и как существительное; ср. *язык коми* и *коми* как представитель национальности); притяжательные местоименные прилагательные *его, её, их*; местоименные числительные *мало* и *немало*. Среди глаголов Н. с. нет.

Все Н. с. второй группы способны выражать те же грамматические значения, что и у остальных слов соответствующих частей речи, но выражают их только синтаксически (связями с соседними словоформами), напр. в словосочетании *купил новое пальто* у слова *пальто* синтаксически выражены значения ср. рода ед. ч. вин. п. Существует точка зрения на такие Н. с. как на слова, представляющие собой совокупность омонимичных словоформ с нулевыми флексиями и принадлежащие к т. н. нулевому типу склонения.

Лит.: Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М , 1967; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *В. В. Лопатин.*

Нейтра́льная ле́ксика, общеупотребительная лексика, межстилевая лексика,– один из основных разрядов литературной лексики, наряду с книжной лексикой (см.) и разговорной лексикой (см.); состоит из слов, имеющих распространение во всех функционально-стилистических вариантах литературного языка. Н. л. предназначена для констатирующего, безоценочного, нетерминологического обозначения предметов, понятий повседневной жизни, явлений природы, периодов жизни человека и состояний его жизнедеятельности, отрезков времени, мер длины, веса, объёма и т. п. Она лишена экспрессии, эмоциональных и социальных оценок.

Н. л.– точка отсчёта в «шкале экспрессивности», по к-рой распределяется лит. лексика по основным разрядам: межстилевая (нейтральная), книжная (повышенной экспрессии) и разговорная (пониженной, или сниженной, экспрессии). Н. л.– тот фон, на к-ром и благодаря к-рому проявляются во всём разнообразии экспрессивно-эмоциональные свойства книжной и разг. лексики. В ряду стилистических синонимов Н. л. является смысловой (семантической) доминантой синонимического ряда и своеобразной осью, вокруг к-рой выстраивается парадигма «шкалы экспрессивности» и функционально-стилистической дифференциации лит. лексики, напр.: *шествовать* (книжн., высокое) – *идти* (нейтр.) – *плестись* (разг., сниженное); *глава* (книжн., высокое) – *голова* (нейтр.) – *башка* (разг., фамильярное). Н. л. сопоставлена (противопоставлена), т. о., с лексикой книжной и разговорной по отсутствию/наличию экспрессивной окраски, а также по границам распространения в лит. языке (Н. л. общеупотребительна, а два других разряда ограничены рамками преимущественного распространения соответственно в книжной и разг. речи).

Однако жёстких рамок для идентификации Н. л. в реальной речевой коммуникации носителей лит. языка нет. Во-первых, в семантической структуре значительной части Н. л. есть книжные и разг. значения (или оттенки), а значит, и соответствующая экспрессивная окраска, к-рая «выступает» тогда, когда данное слово используется в таких значениях. Так, св. 1850 слов нейтральных (по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, 11-е изд., 1975) имеют экспрессивно окрашенные разг. значения, напр.: *бегать, постный, ползти* и др.; глагол *трогать* имеет книжное и разг. значения. Во-вторых, состав Н. л. исторически изменчив, постоянно пополняется за счёт книжной и разг. лексики (напр.: *бесспорный, действительно, телевизор, огрех, расчёска, напарник* и др.), нек-рые слова приобретают стилистически окрашенные значения, напр.: *именинник* – 'тот, у кого день рождения' (разг.), *проработать* – 'подвергнуть кого-либо резкой критике' (разг.).

Н. л. составляет основную часть (ок. $^3/_4$) лит. лексики, является базой её количественного роста, стилистического развития, стилистического разнообразия. Базовый характер Н. л. определяется как её количественным преобладанием в словарном составе лит. языка, так и особенностями семантики, а также особенностями сочетаемости (см. Словосочетание). Значения таких слов весьма ёмкие. Н. л. свойственны усложнённая семантическая структура, тонкая нюансировка значений и их оттенков (напр., глагол *идти* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова имеет 40 значений); для Н. л. характерны широкие возможности сочетаемости. Всё это определяет особую выразительность Н. л. (несмотря на отсутствие экспрессивной окраски): благодаря семантической ёмкости Н. л. под влиянием контекста, фразеологического окружения может употребляться в переносно-расширительных смыслах при сохранении основной семантики для передачи новых граней содержания и субъективной модальности.

Нейтральные слова являются производящей основой словообразовательных гнёзд и семантической базой для производных значений, коннотативных, прежде всего переносно-метафорических, с различным стилистическим статусом, разной экспрессивной окраски (напр., *рука, смотреть, ходить, голова, дело, дух, стоять* и др.), а также терминологических значений (*котёл, бык* и др.).

Н. л. служит базой и для формирования фразеологических единиц различного стилистического статуса. Нейтральные слова выступают в качестве их конструктивных элементов, гл. обр. как опорный компонент фразеологизма (см., напр., фразеологизмы со словами *голова, идти/ходить, стоять* и др.: *голова кружится, идти в ногу, стоять выше кого- чего-л.* и т. п.).

Лит.: Щерба Л. В., Совр. рус. лит. язык, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике рус. языка, 3 изд., М., 1965; Ожегов С. И., Основные черты развития рус. языка в сов. эпоху, в его кн.: Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Григорьева А. Д., Слово в поэзии Тютчева, М., 1980; Бельчиков Ю. А., Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения, М., 1988; Фомина М. И., Совр. рус. язык. Лексикология, 3 изд., М., 1990. *Ю. А. Бельчиков.*

Нейтра́льные стилисти́ческие сре́дства языка́ – языковые средства (слова, словосочетания, фразеологические единицы, синтаксические конструкции, морфологические формы и т.п.), употребляющиеся в любом функциональном стиле языка, в устной или письменной форме речи, в любой ситуации общения и обеспечивающие единство литературного языка как системы. В иной терминологии они называются межстилевыми или общелит. средствами языка. Понятие нейтральности относится к разным уровням языка и тесно связано с понятием нормативности–ненормативности (см. Норма). Категория нейтральности языковых единиц изучается теорией лит. языка (см. Литературный язык) и стилистикой. Описание этих средств содержится гл. обр. в нормативных грамматиках. Они регистрируются также в словарях различного типа.

По мнению большинства языковедов, Н. с. с. я., не создавая особого функционального стиля, являются «точкой отсчёта» при стилистической дифференциации элементов языка, т. к. именно по отношению к ним выделяются все языковые элементы, к-рые определяются как специфические для того или иного функционального стиля (той или иной разновидности лит. языка). Однако нек-рые учёные, обращая внимание на тексты, лишённые стилистической маркированности, считают эту немаркированность значимой (т. е. воздействующей на адресата речи отсутствием ожидаемых стилистически окрашенных элементов), что даёт им возможность ввести понятие нейтрального стиля.

Понятие нейтральности чаще всего применяется к области лексики и является исходным для квалификации единиц словарного состава как стилистически маркированных (см. Нейтральная лексика). В лексикографической практике (реже в грамматиках лит. языка) стилистическая квалификация лексики осуществляется с помощью специальных помет (*разг., прост., высок., офиц.* и др.). Нейтральные слова не снабжаются пометами, что и подчёркивает их противопоставленность стилистически окрашенной лексике.

В лингвистической лит-ре существует точка зрения, согласно к-рой отдельность любого функционального стиля (любой разновидности лит. языка) определяется специфическими для данного стиля языковыми средствами, а Н. с. с. я. не могут учитываться при разграничении стилей, поскольку являются их общей основой. Многие исследователи высказывают мысль о том, что специфика функционального стиля определяется в первую очередь степенью соотношения специфических и нейтральных элементов (разной для каждого стиля) и качественным набором этих нейтральных элементов, к-рый регулируется ситуационно-тематическими условиями речи, а также формой речи (письменной или устной).

Нейтральные единицы языка, являясь в большинстве случаев точкой отсчёта для выявления стилистически окрашенных членов парадигмы, не всегда входят в её состав. Чаще всего это касается лексического состава языка, напр. области предикатной (иначе, характеризующей, оценочной) лексики; ср. синонимический ряд: *молокосос – сосунок – щенок – сопляк – пащенок*, где все члены стилистически окрашены. В области синтаксиса нейтральная единица также может выступать членом синонимического ряда (ср. *Во время вашего пребывания в Москве... – Когда вы были в Москве...*).

Нейтральные средства выделяются не только по отношению к функциональным стилям, но и по отношению к способам выражения экспрессии (эмоционального содержания речи); ср. экспрессивно окрашенные синонимы *скупердяй, жмот, жила* и нейтр. *скупой*.

Границы нейтральных средств языка исторически изменчивы (слова, стилистически маркированные, в истории развития языка могут перейти в нейтральные, возможен и обратный процесс), напр. сущ. *обаяние* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова имеет помету *разг.*, а слова *живописец, заздравный* – помету *книжн. устар.* В более поздних толковых словарях эти слова описываются как нейтральные.

Лит.: Кожина М. Н., О понятии стиля и месте языка художественной лит-ры среди функциональных стилей, Пермь, 1962; Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики, Горький, 1975; Шмелев Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях. К постановке проблемы, М., 1977; Лаптева О. А., Совр. рус. публичная речь в свете теории стиля, «ВЯ», 1978, № 1. См. также лит. при ст. Стилистика.

Т. А. Ганиева, И. К. Сазонова.

Неодушевлённость – см. Одушевлённость – неодушевлённость.

Неологи́змы (от греч. néos – новый и lógos – слово) – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы, см.) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к Н. (напр., *приватизация, чёрный ящик, луноход*) является свойством отно-

сительным и историчным. Н. определяются также как слова, возникшие на памяти применяющего их поколения (Б. Н. Головин). Определения Н. по денотативному признаку (как обозначающих новые реалии) или стилистическому (сопровождающихся эффектом новизны) не охватывают всех Н., а определение Н. как слов, отсутствующих в словарях, не опирается на присущие Н. особенности.

В развитых языках количество Н., зафиксированных в газетах и журналах в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это обусловлено социальной потребностью в именовании всего нового и в его осмыслении, внутриязыковыми факторами – тенденциями к экономии, унификации, системности языковых средств, варьированию номинаций с разной внутренней формой, этимологией, задачами экспрессивно-эмоциональной, стилистической выразительности. Неологизмы-слова образуются морфологическим (*безотходный*), синтаксико-морфологическим (*узкобытовой*), семантико-морфологическим (*челночить*) способами. Новообразования не на базе имеющихся слов и морфем создаются с экспериментальной целью, напр. в научно-фантастической лит-ре. Неологизмы-значения появляются в результате внутрисловной семантической деривации на основе метафоры и других переносов наименования, внесловной деривации, когда семантический Н. образовался морфологически (*трубач* в значении ‘трубоукладчик’, ср. *трубач* в значении ‘играющий на трубе’). Неологизмы-сочетания слов появляются на основе стереотипизации цитат, превращения речевого отрезка в составной термин, условную формулу, идиому (*знак качества, тянуть резину*), на основе переосмысления сочетаний слов, терминологизации и детерминологизации, преобразования структуры словосочетания (*линия огня, открытым текстом, номер два*).

В отличие от неологизмов-новообразований существуют «относительные Н.», «Н. вхождения», представляющие собой либо «внутренние заимствования» – результат миграции языковых средств из одних сфер языка в другие или актуализации слов, известных в прошлом (*зимник, вояж*), либо заимствования (*фломастер, дзюдо, лечо*), кальки и переводы (*выживатель, звёздные войны*).

В нек-рых странах (Россия, США, Франция, Япония) существуют центры неологии, занимающиеся научным исследованием Н., вопросами культуры речи, стандартизации языка, организующие информационно-справочную службу. Создаются словари Н., представляющие материал для исследований по словообразованию, семасиологии, истории и теории языка, для упорядочения терминообразования, совершенствования ГОСТов и стандартов, для обеспечения исторической адекватности речевых характеристик в художественном тексте. Фиксация времени появления Н. помогает при изучении многих исторических процессов. Перед неологией стоят задачи выявления и описания Н., сравнения массивов Н. в разных языках, установления тенденций языкового развития, обсуждения возможностей его планирования и др.

Лит.: Лопатин В. В., Рождение слова, М., 1973; Брагина А., Неологизмы в рус. языке, М., 1973; Новые слова и словари новых слов, Л., 1978–83; Котелова Н. З., Проект словаря новых слов рус. языка, Л., 1982; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и лит-ры 60-х гг., под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, 2 изд., М., 1973; то же, По материалам прессы и лит-ры 70-х гг., под ред. Н. З. Котеловой, М., 1984; Новое в рус. лексике. Словарные материалы... 1977–1982, под ред. Н. З. Котеловой, М., 1980–86; Костомаров В. Г., Языковой вкус эпохи, М., 1994; Перцова Н., Словарь неологизмов Велемира Хлебникова, W.– Moskau, 1995.

Н. З. Котелова.

Неопределённая фо́рма глаго́ла – то же, что инфинитив.

Неопределённо-ли́чное предложе́ние – простое, односоставное, бесподлежащное предложение с глаголом-сказуемым, называющим такое действие, к-рое выполняет неназванный и неопределённый активный деятель – некие люди (человек): *«Художника Петрова призвали в армию на второй год войны в большом среднеазиатском городе»* (Паустовский).

Структура Н.-л. п. такова, что смысл «некие люди (человек)» отдельным словом выражен быть не может и выражается особыми глагольными формами, к-рые передают неопределённость лица только при отсутствующем подлежащем. Следовательно, отсутствие подлежащего значимо.

Различаются Н.-л. п. с глагольным и именным сказуемым, ср.: *Его пригласили в гости; С ним были ласковы.* Полнозначный глагол или глагол-связка в Н.-л. п. употребляются во всех временах изъявительного наклонения в формах, совпадающих в наст., буд. времени с формами 3-го лица мн. ч.: *«Подсудимых тоже куда-то выводили и только что ввели назад»* (Л. Н. Толстой); *«Там под горой пасут овец, одна другой жирнее»* (Крылов). Глагол-связка может употребляться в нулевой форме: *На заводе заинтересованы в выпуске этой продукции.*

Эти формы глагола отличают Н.-л. п. от других односоставных – обобщённо-личных предложений (см.) и безличных предложений (см.). Значимое же отсутствие подлежащего, позволяющее глагольной форме выполнить нужную функцию, противопоставляет все эти односоставные предложения двусоставным.

Хотя глагол в Н.-л. п. стоит во мн. ч., действие, им выражаемое, может относиться только к одному неопределённому лицу: *«Егорушке дали ложку»* (Чехов); *«В большом доме напротив у инженера Должикова играли на рояле»* (Чехов).

Н.-л. п. употребляются, когда нет необходимости обозначать производителя действия, а важно сосредоточить внимание на самом действии: *«По улицам слона водили»* (Крылов); *«В лесах*

прорубали с запада на восток широкие просеки» (Паустовский); когда круг возможных производителей действия достаточно широк и точно не известен говорящему (пишущему): *«И везде её встречали весело и дружелюбно»* (Чехов); *«Все укрепления возводили на глазах врага, под пулями»* (Симонов).

Н.-л. п. чаще всего употребляется в художественной лит-ре, в разг. речи (*Целый день где-то у нас в доме стучат*), но не чужды они и строгим функциональным стилям, в частности научному. В нём Н.-л. п. служат средством показать общепринятость, распространённость того или иного утверждения, ср.: *Утверждают, что ...; Долгое время считали, что ...* и т. п.

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Сятковский С. И., Неопределённо-личные предложения в совр. слав. языках, в кн.: Слав. филология, в. 5, М., 1963; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Хазова О. Н., Рус. неопределенно-личные предложения и их место в синтаксической системе совр. рус. языка. Автореф. канд. дисс., М., 1984. *Е. Н. Ширяев.*

Неопределённые местоиме́ния, неопределённые местоименные слова,– семантический разряд местоимений (см.), включающий слова, по своим грамматическим свойствам принадлежащие к разным частям речи (существительному – т. н. местоимению-существительному, прилагательному, наречию), но объединяемые общим семантическим признаком неопределённости. Большинство слов этого разряда являются производными: *кое-кто, кое-что, кто-либо, кто-нибудь, что-то, кое-какой, какой-либо, какой-нибудь, какой-то, который-либо, который-нибудь, который-то, некий, некоторый, чей-либо, чей-нибудь, чей-то, где-либо, где-нибудь, где-то, зачем-то, зачем-либо, зачем-нибудь, как-либо, как-нибудь, как-то, когда-либо, когда-нибудь, когда-то, кое-где, кое-как, кое-когда, кое-куда, кое-откуда, куда-либо, куда-нибудь, куда-то, некогда* 'когда-то', *откуда-либо, откуда-нибудь, откуда-то, отчего-либо, отчего-нибудь, отчего-то, почему-либо, почему-нибудь, почему-то, сколько-либо, сколько-нибудь, сколько-то.* Кроме того, в функции Н. м. выступают в условиях контекста непроизводные местоименные слова: *кто, что, какой, где, когда,* а также слова других частей речи: *один, другой, иной,* напр.: *«Но тих был наш бивак открытый: Кто кивер чистил весь избитый, Кто штык точил, ворча сердито, Кусая длинный ус»* (Лермонтов); *Вас спрашивает один человек.*

Н. м. могут реализовать своё значение неопределённости в самом общем виде, напр.: *«Люби, как назначено древле Кому-то кого-то любить»* (Прокофьев), либо конкретизировать это значение, указывая: а) на неизвестность для говорящего того или иного лица, предмета, признака, обстоятельства, напр.: *«У дверей затихнувшей спальни Я плакал, сжимая кольцо. Там – в конце галереи дальней Кто-то вторил, закрыв лицо»* (Блок); б) на то, что говорящий или не может точно определить, назвать лицо, предмет, признак, обстоятельство, напр.: *«Где-то за садом несмело, Там, где калина цветёт, Нежная девушка в белом Нежную песню поёт»* (Есенин); *«Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья, И в оный час явлений и чудес Живая колесница мирозданья Открыто катится в святилище небес»* (Тютчев), или не желает, либо не считает возможным, нужным это сделать, напр.: *«И я была девицей, Красавица была, У мачехи в темнице Я некогда цвела»* (Лермонтов). Значение неизвестности и неконкретности в Н. м. часто совмещается со значением возможности выбора, ср., напр., употребление в разг. речи слов *кто-нибудь* и *что-нибудь: Оставь мне что-нибудь на память; Кто-нибудь из вас должен остаться.* Кроме того, в разг. речи местоименные слова *кое-кто, кто-то, кое-что, что-то, какой-то* и нек-рые другие могут употребляться в значении намёка на то, что говорящему известно, о ком (чём) идёт речь, но он не хочет прямо называть, ср.: *Я знаю, что кое-кто из вас не согласен со мной; Кто-то должен убрать свои игрушки* (обращение к ребёнку).

Для Н. м. в целом характерно сохранение местоименного значения в любых типах контекстов. Исключением является формирование оценочных значений у слов с частицами *-то* и *-нибудь* в условиях разг. речи, причём чаще – в отрицательных конструкциях с противопоставлением; ср.: *Какой-то мальчишка будет меня учить* (т. е. 'не заслуживающий уважения, внимания'); *Всё делает как-нибудь* (т. е. 'плохо, небрежно'); *Работу делал не какой-нибудь там новичок, а опытный мастер; Распоряжение не чьё-нибудь, а самого директора.* Нек-рые исследователи выделяют также значение частицы у слова *что-то*: *Не верится в его искренность что-то* (выражение неуверенности, сомнения).

Синтаксические функции Н. м. определяются их принадлежностью к той или другой части речи.

Лит. см. при ст. Местоимение. *А. С. Белоусова.*

Неперехо́дные глаго́лы – см. Переходности – непереходности категория.

Неполногла́сие – лексико-фонетическое явление современного русского языка: наличие в корневых морфемах сочетаний *ра, ла, ре, ле* между согласными (напр.: *враг, глава, жребий, плен*) как результат фонетического изменения праслав. сочетаний гласных [*o*] и [*e*] с плавными [*r*] и [*l*] между согласными, т. е. сочетаний типа [*tort*], [*tolt*], [*tert*], [*telt*]. В силу действия в праслав. языке закона открытого слога эти сочетания не могли сохраняться, т. к. слогораздел в них проходил после [*r*] и [*l*] и слог оказывался закрытым. Изменение этих сочетаний у славян шло разными путями, в частности у южных славян они измени-

лись в [*trat*], [*tlat*], [*trět*], [*tlět*], напр. праслав. **storna*, **bergъ*, **zolto*, **melko* развились в ст.-слав. *страна, брѣгъ, злато, млѣко*. Через ст.-слав. памятники, а иногда и устным путём слова с неполногласными сочетаниями проникали в др.-рус. язык и закреплялись в нём, сосуществуя с вост.-слав. полногласными словами (см. Полногласие), напр.: *страна – сторона, брѣгъ – берегъ, злато – золото, млѣко – молоко*. Неполногласные и полногласные образования в рус. языке (слова-дублеты) имели разную судьбу в истории развития языка: в одних случаях победу одержал неполногласный вариант, в других – полногласный, в третьих сохранились оба слова, разойдясь по лексическому значению. Напр., вост.-слав. слова с полногласными образованиями были вытеснены старославянизмами в таких случаях, как *время, бремя* (ср. совр. *беременная*), *сладкий* (ср. *солод*), *благо* (ср. совр. название станции *Бологое*), *брань* (ср. *оборона*), *враг* (ср. *ворожить*), *влага* (ср. название города *Вологда*), *смрад* (ср. *смородина*), *срам, храбрый*. В других случаях сохранились только полногласные варианты: *борона, горох, молодец, молоко, дорога, борода* (ср. устар. *брадобрей* в значении 'парикмахер'), *борозда* (ср. выражение *бразды правления*) и др. Наконец, такие слова, как *порох – прах, сторона – страна, хоронить – хранить, оболочка – облачко, здоровый – здравый*, равно сохранившиеся в совр. языке, различаются значениями. Во многих случаях полногласный и неполногласный корни по-разному выступают в производных словах, напр.: *береговой – прибрежный, привередливый – вредный, здороваться – здравствуйте, холодный – прохлада*. В поэзии 18–19 вв. полногласные и неполногласные варианты использовались в разных стилистических целях. Неполногласные варианты слов в совр. языке являются по происхождению славянизмами (см.).

Лит.: Шахматов А. А., Очерк совр. рус. лит. языка, 4 изд., М., 1941; Винокур Г. О., О славянизмах в совр. рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1947, № 4; Порохова О. Г., Полногласие и неполногласие в рус. лит. языке и народных говорах, Л., 1988; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990.
В. В. Иванов.

Непо́лное предложе́ние – традиционное название предложения, в к-ром нет нек-рых возможных в нём членов предложения, но смысл, передаваемый ими, остаётся. В предложении «*Дела булочной шли хорошо, лично мои – всё хуже*» (М. Горький) о возможности других членов предложения сигнализируют обстоятельство *всё хуже*, к-рое употребляется обычно при глаголе, и определение *мои*, к-рое обычно бывает при существительном. Подлежащее (*мои дела*) предполагает сказуемое, следовательно, в данном предложении «пропущены» глагол-сказуемое и определение к подлежащему. На то, какое конкретное значение передают невыраженные члены предложения, указывает либо контекст, либо внеязыковая действительность; в рассмотренном предложении – это контекст, т. е. первая часть сложного предложения, ср. *Дела булочной шли хорошо, лично мои дела шли всё хуже*. Неполными, т. о., предложения могут быть только по составу членов предложения, но не по смыслу.

Возможность восстановить отсутствующий член предложения отличает Н. п. 1) от полных предложений с нулевой формой наст. времени глагола *быть*, связочного или полнозначного (*Я инженер; Я в школе*); этой форме не может соответствовать никакая более полная (не говорят: *Я есть инженер; Я есть в школе*); 2) от полных односоставных предложений, в к-рых второй состав специальным словом выражен быть не может (ср.: *Его пригласили в гости; Светает*). Не относятся к неполным многие конструкции, синтаксическое членение к-рых в значительной степени стёрто вследствие их фразеологизации: *Доброе утро!; С Новым годом!* и т. п.

Различаются след. типы Н. п. Контекстуальные Н. п., опирающиеся на соответствующий контекст. Чаще всего этот контекст бывает диалогическим. В диалоге неполными бывают обычно вторые реплики, соотносимые с полными первыми: «[Варя] *Фирса отвезли в больницу?* – [Аня] *Отвезли*» (Чехов); «[Лида] *Очень я тебя любила*.– [Максим] *И я тебя*» (Розов). В роли необходимого контекста может выступать первая часть сложного предложения, на к-рой основывается неполнота второй части: «*Алёша смотрел на них, они на него*» (Достоевский); «*Вся женская родня прочила его в военную службу, мужская – в гражданскую*» (Гончаров).

Ситуативные Н. п., опирающиеся на соответствующую внеязыковую ситуацию. Напр., грузчик, внося в квартиру холодильник, может употребить неполное предложение: «*Куда его?* (ставить)».

В контекстуальных и ситуативных Н. п. отсутствующим может быть любой член: подлежащее, сказуемое, второстепенные члены или сразу несколько членов:

« – *Я завтра уезжаю.*
Она взглянула испуганно:
– *Куда?*
– *В Смоленск.*
– *Зачем?*» (Бунин).

В репликах этого диалога, кроме первой, нет подлежащего, сказуемого и обстоятельства *завтра*.

Эллиптические Н. п. противопоставлены контекстуальным и ситуативным в том плане, что необходимые для осмысления предложения условия заключены в самом предложении, в наличных членах предложения, напр. «*Татьяна в лес*» (Пушкин), где на эллипсис глагола движения указывает приглагольный член со значением направленности движения *в лес*. Контекстом в эллиптических предложениях является как бы внутренняя семантика предложения. Эллиптируется обыч-

но глагол. Особенность эллиптического предложения в том, что место отсутствующего глагола может занять не какой-то строго определённый глагол, а любой из глаголов нек-рой лексико-семантической группы, ср. *Татьяна* (*бросилась, побежала, кинулась, устремилась* и т. п.) *в лес*. Чаще других эллиптируются глаголы движения и речи: «*Вдруг смотрю, Казбич вздрогнул, переменился в лице – и к окну*» (Лермонтов); «*Я к нему! Я туда, сюда*» (Леонов); «*Ты это про какую роль, Дмитрий Романович?*» (Леонов).

На месте отсутствующего члена в Н. п. может ставиться тире, особенно часто в однотипных частях сложного предложения: «*Они смотрели друг на друга: Райский – с холодным любопытством, она – с дерзким торжеством, сверкая смеющимися глазами*» (Гончаров); «*Нина несла кашу, Витя – пустую кастрюльку*» (Федин). Постановка тире в Н. п. не является обязательной.

Только контекстуальные недиалогические Н. п. характерны для всех функциональных сфер языка, в т. ч. и для таких строгих, как научный стиль: «*Известно, например, что электроны, протоны и нейтроны подчиняются статистике Ферми – Дирака. Фотоны и пи-мезоны – статистике Бозе – Эйнштейна*» (газ.). Другие типы Н. п. принадлежат прежде всего разг. речи. Широко представлены эти Н. п. и в языке художественной лит-ры, гл. обр. в речи персонажей. Естественно, в письменной речи невозможно дать внеязыковую ситуацию, но её можно описать: «*"Закройте",– сказала она Францу с улыбкой, кивнув по направлению к двери, которую Фрида, с утра шалевшая от зубной боли, забыла за собой прикрыть*» (Набоков). Только в живой разг. речи существует особый тип Н. п.: это предложения, опирающиеся на общие знания, общий опыт говорящих, на их фоновые знания, напр. к вернувшемуся с экзамена сыну мать обращается с вопросом: «*Ну?*» и сын отвечает: «*Отлично, но еле-еле*» (еле-еле вытянул экзамен на оценку «отлично»).

Лит.: Попова И. А., Неполные предложения в совр. рус. языке, «Тр. Ин-та языкознания», 1953, т. 2; Сковородников А. П., О критерии эллиптичности в рус. синтаксисе. (По материалам совр. сов. лингвистической лит-ры), «ВЯ», 1973, № 3; Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., Рус. разг. речь, кн. 1 – Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис, М., 1981.

Е. Н. Ширяев.

Непроизво́дная осно́ва – см. Основа.

Непроизноси́мые согла́сные – явление русской фонетики, при к-ром в группе согласных фонем (см.) одна из них оказывается представленной нулём звука. Напр.: в сочетании *стн* не произносится звук [*т*]: *че*[*сн*]*ый* (ср. *честь*), *возра*[*сн*]*ой* (ср. *возраст*), *прихва*[*сн*]*уть* (ср. *хвастать*); в сочетании *здн* не произносится звук [*д*]: *звё*[*зн*]*ый* (ср. *звезда*), *по*[*з'н'*]*ий* (ср. *опоздать*), *нае*[*з'н'*]*ик* (ср. *езда*); сочетание *ндск* произносится как [*нск*]: *голла*[*нск'*]*ий* (ср. *Голландия*), *ирла*[*нск'*]*ий* (ср. *Ирландия*); сочетания *рдц*, *рдч*, встречающиеся лишь в одном корне, произносятся без [*д*]: *се*[*рц*]*е*, *се*[*рч*]*ишко* (ср. *сердечный*); в сочетании *лнц*, также представленном в одном корне, не произносится [*л*]: *со*[*нц*]*е* (ср. *солнечный*).

В других группах согласных такое упрощение происходит не столь регулярно. Так, в сочетании *стл* допускается вариативное произношение: одни слова произносятся без [*т*], напр. *сча*[*сл'*]*ивый* (ср. *счастье*), *зави*[*сл'*]*ивый* (ср. *зависть*); другие – с [*т*], напр. *ко*[*стл'*]*явый*, *по*[*стл*]*ать*. Группа согласных *нтск* произносится и с упрощением, и без него, напр. *гига*[*нск'*]*ий* (ср. *гигант*), *парламе*[*нск'*]*ий* (ср. *парламент*), *коменда*[*нск'*]*ий* (ср. *комендант*), *ташке*[*нск'*]*ий* (ср. *Ташкент*) и *гига*[*нцк'*]*ий*, *парламе*[*нцк'*]*ий*, *коменда*[*нцк'*]*ий*, *ташке*[*нцк'*]*ий*, где *тс* даёт в произношении [*ц*].

В старомоск. лит. произношении упрощением было охвачено больше групп согласных. Так, сочетания *стк*, *здк*, *нтк* произносились без [*т*], напр.: *неве*[*ск*]*а* (*невестка*), *пое*[*ск*]*а* (*поездка*), *громо*[*ск'*]*ий* (*громоздкий*), *квартира*[*нк*]*а* (*квартирантка*). В совр. языке такое произношение является приметой просторечной или диалектной речи; в лит. языке эти группы произносятся без упрощения: *пове*[*стк*]*а*, *громо*[*стк'*]*ий*, *студе*[*нтк*]*а*.

В разговорной речи (см.) упрощение охватывает также и другие группы согласных, и не только в середине слова, но и на стыке двух слов.

Лит.: Аванесов Р. И., Рус. лит. произношение, 6 изд., М., 1984; Орфоэпический словарь рус. языка. Произношение, ударение, грамматические формы, 5 изд., М., 1989.

С. М. Кузьмина.

Нераспространённое предложе́ние – простое односоставное или двусоставное предложение, не содержащее второстепенных членов, т. е. грамматическая (предикативная) основа предложения: *Метель; Смеркается; Довольно; Обсуждают; Отъезжающие расходятся; Такси!*

Односоставные Н. п. могут быть именными: *Звонок; Ни души; Ай да малыш!; Будет мороз*; с глаголом-сказуемым в личной форме: *Знобит; Стемнело; Звонят;* наречными: *Весело; Тихо*; инфинитивными: *Не робеть!* Односоставные Н. п. могут состоять более чем из одного компонента: *Масса дел; Можно ехать; Ни звука; Где уж ждать!; Не о чем жалеть; Перестало морозить.*

Подлежащее и сказуемое двусоставного Н. п. также могут быть представлены несколькими словоформами: подлежащее может быть выражено количественно-именным сочетанием, напр. *Выступило на два претендента больше; Много команд проиграло*; целым предложением, напр. «*Выхожу один я на дорогу*» – *стихотворение Лермонтова*; сказуемое может быть осложнённым, напр. *Он выглядит усталым; Рекорды считались непревзойдёнными; Дочь пошла в мать; Коробка*

оказалась пустой; Сын решил начать заниматься боксом.

Условием нераспространённости являются информативная достаточность главного (главных) члена (членов) и структурная неделимость предложения. Система изменения предложения (парадигма предложения) допускает введение в его структуру служебных глаголов, частиц, мену наречия на прилагательное, напр. *Поверить было бы наивно/наивным.*

Лит.: Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Шмелёв Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980. *Е. М. Лазуткина.*

Несклоня́емые существи́тельные – существительные, все падежные формы к-рых одинаковы (омонимичны). Формы числа и падежа Н. с. определяются синтаксически, напр. по формам согласуемых прилагательных и координирующихся глаголов-сказуемых, по предлогам, по управляющим глаголам, ср.: *новое пальто* (ед. ч.) и *новые пальто* (мн. ч.); *пальто висит/висят на вешалке; пришёл без пальто* (род. п.) и *купил пальто* (вин. п.). К Н. с. относятся: существительные иноязычного происхождения с основой на гласный (напр., *пальто, кино, радио, ателье, бра, кенгуру, кофе, кашне, интервью, жалюзи, леди, па*), в т. ч. имена собственные, напр.: *Гёте, Золя, Чикаго, Тбилиси*; фамилии на *-ко* типа *Шевченко* и фамилии на *-аго, -ово* типа *Живаго, Дурново*; женские имена и фамилии, оканчивающиеся в им. п. на согласный, напр.: *Эдит, Гринберг, Засулич, Рыбак* (мужские фамилии этого типа склоняются по типу *стол, дом, ткач*), а также слова *мадам, мисс, миссис, фрейлейн, фрекен* и т. п.; аббревиатуры (см.), преим. с основой на гласный, составленные из начальных звуков или частей слов, напр.: *сельпо, ГАИ*; аббревиатуры, составленные из названий букв, напр.: СНГ, ЭВМ, МГУ; сложносокращённые слова, составленные из начальной части слова и формы косвенного падежа существительного, напр.: *комроты, поммастера, завкафедрой, управделами.* Как склоняемые (по 1-му склонению, см. Склонение) и несклоняемые употребляются: многие звуковые аббревиатуры на согласный; названия населённых пунктов на *-ово, -ево, -ино, -ыно* (напр., *Одинцово, Бирюлёво, Голицыно, Пушкино*). Ср. варианты: *работать в МИД* и *в МИДе; жить в Одинцово, Голицыно* и *в Одинцове, Голицыне.*

Разряд Н. с. активно пополняется в совр. рус. языке, прежде всего за счёт заимствований и аббревиатур. При этом большинство Н. с. оканчивается на гласный основы. Их несклоняемость объясняется тем, что рус. именные флексии не могут присоединяться к основам на гласный: традиционно (исторически) сложившийся тип исконных рус. именных основ характеризуется конечным согласным. Активность разряда Н. с. свидетельствует о развитии черт аналитизма в грамматическом строе рус. языка.

Лит.: Рус. язык и сов. общество. Морфология и синтаксис совр. рус. лит. языка, М., 1968; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Склоняемость, в их кн.: Грамматическая правильность рус. речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989. *В. В. Лопатин.*

Несо́бственно-пряма́я речь – стилистический приём соединения в одно целое авторского повествования и речи персонажей, широко распространённый в художественной литературе.

Н.-п. р. не имеет чётких синтаксических характеристик. Её особенности могут быть выявлены путём сравнения с прямой речью (см.) и косвенной речью (см.) Н.-п. р. принадлежит автору, все местоимения и формы лица глагола оформлены в ней с точки зрения автора, т. е. как в косвенной речи, но в то же время Н.-п. р. имеет яркие лексико-синтаксические и стилистические особенности прямой речи. Н.-п. р. оформляется не как придаточная часть при глаголе речи, а как самостоятельное предложение. Ср.: *Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал: «Какие яркие звёзды! Вероятно, мороз станет ещё сильней»* (прямая речь)*; Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал, что звёзды очень яркие и мороз, вероятно, станет ещё сильней* (косвенная речь); *Он вышел на улицу, посмотрел на небо. Какие яркие звёзды! Вероятно, мороз станет ещё сильней* (Н.-п. р.).

Границы между Н.-п. р. и прямой речью не всегда ясны: возможны тексты, в к-рых явно прямая по своим синтаксическим особенностям речь никак специально не выделяется: *«Семь лет прошло с тех пор, как он с нею расстался. Господи, какая суматоха на Николаевском вокзале! Не стой так близко, сейчас поезд тронется. Ну вот, – прощай, моя хорошая...»* (Набоков).

От Н.-п. р. отличают т. н. полупрямую речь, в к-рой формы лица глагола и местоимения могут употребляться по нормам прямой речи, а синтаксически полупрямая речь оформляется подобно косвенной – как придаточная часть: *«Конечно, почтмейстер и председатель и даже сам полицмейстер, как водится, подшучивали над нашим героем, что уж не влюблён ли он и что мы знаем, дескать, что у Павла Ивановича сердчишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено»* (Гоголь); *«Так скажи, что я не из тех женщин, которых бросают»* (Набоков). Такое смешение прямой и косвенной речи допустимо только в художественных текстах для стилистических целей. В иных условиях оно квалифицируется как ошибка.

Н.-п. р. позволяет автору как бы говорить и думать за своих персонажей. Тем самым создаются

взаимосвязи между образом автора и образами персонажей, достигается единство художественного текста: «*Лыжин проснулся и сел в постели. Какой смутный, нехороший сон! И почему агент и сотский приснились вместе? Что за вздор!*» (Чехов); «*Ивану Ильичу нужно было явиться в штаб армии, рапортовать о прибытии парохода с огнеприпасами и передать накладную. Но чёрт его знает, где искать этот штаб*» (А. Н. Толстой).

По своим особенностям к Н.-п. р. близки такие тексты, к-рые раскрывают чувства, впечатления, ощущения персонажа, но нет прямых указаний на то, что они принадлежат данному персонажу: «*Эти встречи на ветру, на морозе больше его мучили, чем её. Он чувствовал, что от этих несовершенных встреч мельчает, притирается любовь. Всякая любовь требует уединения, прикрытия, приюта, а у них приюта не было. Их семьи не знали друг друга; эта тайна, которая сперва была такой чудесной, теперь мешала им...*» (Набоков). «*Стоя у окна в камере танцоров, Ганин поглядел на улицу: смутно блестел асфальт, чёрные люди, приплюснутые сверху, шагали туда и сюда, теряясь в тенях и снова мелькая в косом отсвете витрин. В супротивном доме, за одним незавешенным окном, в светлом янтарном провале виднелись стеклянные искры, золочёные рамы. Потом чёрная нарядная тень задёрнула шторы*» (Набоков).

Лит.: Ковтунова Н. И., Несобственно прямая речь в совр. рус. лит. языке, «Рус. яз. в школе», 1953, № 2; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1954 *Е. Н. Ширяев.*

Несоверше́нный вид – одна из двух форм категории вида (см.), выражающая недостигнутость или отсутствие предела действия и тем самым значение нецелостности действия, а также действие без определённой видовой характеристики.

Общее значение Н. в., противопоставленное общему значению сов. вида, выводится из след. частных значений формы Н. в.: конкретно-процессного значения, указывающего на единичное действие в его процессном осуществлении субъектом (*Что он делает? Спит или читает?*); в зависимости от контекста это значение может приобретать дополнительные характеристики: подчёркнутой длительности (*Ты слишком долго рассказываешь об этом*), приступа к осуществлению действия (*А он бежать*), безуспешной попытки достичь желаемого результата (*Убеждал, убеждал, но так и не убедил*), незавершённости действия (*Здесь что-то строили*) и др.; неограниченно-кратного и неограниченно-длительного значения (*Он каждый день ходит в библиотеку; Земля вращается вокруг Солнца*); потенциально-постоянного значения (*Он говорит по-немецки; У него манера напыщенно выражаться; Эта жидкость хорошо моет; Эта собака кусается*).

Нейтрализованно-видовая функция формы Н. в. реализуется в трёх случаях: при выражении общей констатации действия (в принципе, когда-либо) или абсолютном отрицании действия (*Вы рисовали когда-либо кошек?; Мы уже где-то встречались; Я не брал твои книги; Не входиты!*); при выражении констатации единичного действия в условиях его очевидной целостности (допускается синонимия двух видов): *Вы будете выходить / выйдете на следующей остановке?; Я вам уже об этом докладывал / доложил*; в пословицах, в разного рода обобщениях, имеющих обобщённо-потенциальный характер (допускается и употребление формы сов. вида в наглядно-примерной функции): *Горбатого могила исправляет / исправит; Чтобы он говорил / сказал такое – этого никогда не было; Любишь кататься, люби и саночки возить*.

Как правило, глаголы Н. в. представлены бесприставочными глаголами или приставочными глаголами с суффиксами Н. в. *-ива-(-ыва-)-ва-*, *-а-*. К приставочным глаголам Н. в. относятся также образования от непредельных глаголов состояния при помощи приставок *со-* в значении ‘совместно испытывать состояние или совершать действие’ и *пред-* в значении ‘наперёд’: *сожалеть, сострадать, сосуществовать, сопереживать, сочувствовать, соучаствовать; предвидеть, предчувствовать, предшествовать;* такие глаголы, как *отстоять от, преобладать, состоять, содержать, подлежать, принадлежать, вымогать, преследовать* (с исторически вычленяемыми приставками).

Глаголы Н. в. могут быть одновидовыми или входить в видовую пару, что зависит от лексико-семантических особенностей глагола. Непредельные глаголы относятся только к одновидовым глаголам Н. в.

Образование глаголов Н. в. от глаголов сов. вида при помощи суффиксов называется имперфективацией (см.).

Лит.: Бондарко А. В., Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии, Л., 1983. См. также лит. при ст. Вид. *М. А. Шелякин.*

Номинати́вное предложе́ние, назывное предложение,– простое односоставное безглагольное предложение (см. Односоставное предложение) с главным членом, выраженным именительным падежом существительного (номинативом). Отсутствие глагола в Н. п. значимо – это нулевая форма глагола *быть*, передающая грамматическое значение наст. времени изъявительного наклонения. В прош. или буд. времени, а также в сослагательном или повелительном наклонении с Н. п. соотносятся предложения с глаголом *быть* в соответствующих формах, ср. *Зима. Мы часто ходим на лыжах* и двусоставное предложение *Будет зима. Станем на лыжи*.

В Н. п. сообщается о существовании, бытии (см. Бытийные предложения) того, что названо именем

существительным в им. п.: *«Славная осень. Морозные ночи. Тихие, ясные дни»* (Некрасов); *«Тишина. Полоска света. Что там дальше – поглядим»* (Твардовский).

Часто Н. п. выступают с указательной частицей *вот*: *«Вот мельница. Она уж развалилась»* (Пушкин); *«Вот лещик, потроха. Вот стерляди кусочек»* (Крылов).

В число Н. п. нек-рые исследователи включают также названия книг, наименования на вывесках и т. п.: *«Война и мир»; Букварь; Универмаг; Молоко*.

От Н. п. следует отличать предложения с т. н. именительным темы (именительным представления): *«Испания... Он видел её берега в кремнистых далях, отрезанные от неба, как мечом, полосой густейшей морской синевы»* (Паустовский). В таких предложениях им. п. существительного представляет собой, как явствует из названия, тему сообщения, к-рая развивается во второй части предложения.

Н. п. широко используются в художественной лит-ре, особенно в поэзии, позволяя создавать лаконичные, по выражению ёмкие, образные и весьма динамичные (при употреблении отглагольных существительных) словесные картины: *«Шёпот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья, Свет ночной, ночные тени, Тени без конца, Ряд волшебных изменений Милого лица. В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слёзы, И заря, заря!..»* (Фет).

В разг. речи, в различных стилях лит. языка Н. п. практически не употребляются, хотя потребность в выражении бытийности – основного значения Н. п.– в них существует. Эта потребность удовлетворяется за счёт двусоставных бытийных предложений, в основе структуры к-рых лежит схема «обстоятельство места (локализатор) – бытийный глагол – сказуемое – имя бытующего предмета – подлежащее», напр. *Мы вошли в сад. Там были яблони, груши, сливы*, ср. с Н. п. *Мы вошли в сад. Яблони, груши, сливы*. Подлежащее двусоставного предложения и главный член Н. п. имеют одну существенную общую особенность: имя существительное в им. п., к-рое выражает эти члены предложения, обозначает не какой-то конкретный предмет, явление, а только понятие о нём; чтобы осмыслить это имя, не надо представлять себе никаких конкретных яблонь и т. п. Несомненное сходство Н. п. и двусоставных бытийных предложений породили две противоположные точки зрения на их место в синтаксической системе языка. Согласно одной из них, Н. п.– это, в отличие от безличного и других односоставных предложений, не особый тип односоставного предложения, а стилистическая разновидность бытийных двусоставных предложений. Согласно другой, двусоставное бытийное предложение – особая модификация Н. п.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, в. 1, Л., 1925; Рус. язык и сов. общество. Морфология и синтаксис совр. рус. лит. языка, М., 1968; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: Слав. языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г., М., 1973; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н., Рус. предложение. Бытийный тип: структура и значение, М., 1983.

Е. Н. Ширяев.

Номина́ция (от лат. nominatio – наименование) – образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц – слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином определяют и результат процесса Н.– значимую языковую единицу.

Процессы Н. связаны с коммуникативным предназначением языка, на неё воздействуют и прагматические факторы, отражающие отношение именующего к тому, что им обозначается, или к условиям речи. Н. свершается в речевой деятельности, а её результаты осваиваются системой языка.

В зависимости от характера объекта (обозначаемого) различают событийные и элементные Н. Первые обозначают внеязыковые события (ситуации) и имеют форму предложения. Вторые, обозначая «кусочки» действительности, её элементы, служат строительным материалом для предложения и имеют форму слов, сочетаний слов и фразеологизмов различных типов. Среди элементных Н. наиболее чётко выделяются «вещные» – имена существительные (нарицательные и вещественные: *дерево, дом, вода, песок*). Они указывают своим содержанием на элементы предметного ряда. Именам предметов противостоят признаковые имена, обозначающие свойства предметов – отвлечённые от них качества, состояния, процессы, а также абстрактные понятия о несубстанциональных элементах действительности, выражаемые прилагательными, глаголами и наречиями (*красный, сидеть, думать, доброта, характер*). Эти имена соотносятся со своими обозначаемыми через указание на класс носителей признаков и приспособлены к функции предикации признака. Промежуточное положение между этими типами занимают имена, обозначающие лица по роду их занятий, родству и т. п., и опредмеченные имена процессов, в к-рых понятия об их признаках подводятся под категорию предметности (*сапожник* – 'тот, кто шьёт или чинит обувь', *хитрец* – 'тот, кто хитрит', *дружба* – 'близкие отношения'). Наибольшая степень абстрагирования от действительности присуща Н., обозначающим отношения,– служебным словам, предлогам, союзам.

При рассмотрении Н. в историческом аспекте различаются изначальные, первообразные (или

осознаваемые в совр. языке как непроизводные) и производные (смысловые и словообразовательные) Н. У Н., сформировавшихся за счёт переосмысления уже готовых языковых единиц, имя выступает во вторичной для него функции. Способы переосмысления имеют логическую форму тропов (см.) или характеризуются расширением либо сужением объёма понятия: *ручка* (для письма) – метафора; *класс* (об учениках) – метонимия; *движение* (как форма существования материи) – расширение; *движение* (транспорта) – сужение и т. п. Переосмысляемое значение выступает в роли внутренней формы новой Н.; эта форма может стираться при образовании языковой единицы или частично сохраняться, передавая нек-рые компоненты предшествующего значения в сформировавшееся, способствуя осознанию номинативной преемственности многозначных слов. В зависимости от сохранения или утраты внутренней формы различаются мотивированные или немотивированные значения слов (ср. стёршуюся мотивированность у слов *ножка*, *ручка*, *волноваться* и ещё живую – у слова *спутник*). Особым случаем вторичной Н. является образование идиом (см.).

По характеру соотнесения с действительностью различаются автономные и неавтономные Н. Автономные Н. непосредственно указывают на обозначаемое и, обладая в силу этого самостоятельной номинативной функцией, имеют свободные значения. Неавтономные Н. соотносятся с обозначаемым косвенно – только при совместной реализации с другими, спорными для них Н., они не обладают самостоятельной номинативной функцией, а их значения выступают как связанные (ср.: *тяжёлый* – о весе и *тяжёлый характер*, *приходить куда-либо* и *приходить в восторг*, *сын чей-либо* и *сын степей*).

Н., соответствующие закономерностям внутреннего развития языка и отвечающие потребностям языкового коллектива в новых номинативных средствах, обычно входят в общеупотребительный словарный запас. За его пределами остаются Н., создаваемые для нужд специального терминологического обозначения или возникающие в узких социальных языковых коллективах (жаргонные Н.), а также в индивидуальном языковом творчестве.

Анализ Н. и номинативного аспекта значений языковых единиц проливает свет на закономерности их употребления в процессах коммуникации.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967, с. 30, 57–58, 70, 89, 115; Языковая номинация, [кн. 1–2], М., 1977; Способы номинации в совр. рус. языке, М., 1982; Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, М., 1988.

В. Н. Телия.

Но́рма языковая, норма литературная,– принятые в общественно-языковой практике образованных людей правила произношения, словоупотребления (см.), использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств. Лит. Н. складывается как совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы в результате социально-исторического отбора языковых элементов из числа сосуществующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого и возводимых в процессе общественной коммуникации в ранг правильных, пригодных и общеупотребительных. Н. литературного языка в сознании говорящих обладает качествами особой правильности и общеобязательности, она культивируется в передачах радио и телевидения, в театре, в массовой печати и является предметом и целью школьного обучения родному языку. Для письменной речи существуют также орфографические нормы – система правил, устанавливающих единообразную передачу звукового языка на письме (см. Орфография).

От объективно существующей Н. следует отличать её кодификацию, т. е. описание и закрепление её в словарях, грамматиках, учебных пособиях и т. п. Официальная кодификация (напр., географические наименования) закрепляется в законодательных актах, правительственных постановлениях и других документах.

Н. языка – категория социально-историческая по своей природе и динамическая по характеру функционирования и развития. Она стабильна и системна (поскольку прямо связана со структурой языка) и вместе с тем изменчива и подвижна. В её реализации и закреплении (кодификации) большую роль играет стремление говорящих и пишущих к сознательному сохранению традиций в использовании языковых средств, в выборе вариантов и т. п.

Н. различается по степени устойчивости в разных уровнях языка и в различных условиях общения. Решающим при этом оказывается характер соотношения Н. и системы (структуры). Так, в области орфоэпии система целиком определяет Н. (ср. фонетическое чередование *о* под ударением с безударным *а*, оглушение звонких согласных в конце слова и перед глухими согласными и т. п.), что и создаёт понятие образца, идеала правильного произношения, на к-рый должно ориентироваться общество. В области лексики система не находится в таком тождественном отношении к Н. Содержательный план здесь господствует над планом выражения. Возникает проблема правильности, смысловой точности и стилистической уместности слова в высказывании (ср. употребление синонимов, паронимов, фразеологических оборотов и т. п.). В области грамматики отношения системы и Н. строятся иначе: на первый план выступают модели и образцы (парадигмы) и критерий соответствия им речевых реализаций, в частности новообразований (напр., *планетарный*, *океанический*, *личностный* и т. п.). В стилистике Н. регулирует применение стилистически и экспрессивно окрашенных или нейтральных языковых средств

в соответствии с содержанием и целью речи, условиями общения (контактное или дистантное), тональностью высказывания, требованиями жанра и т. п. (ср., напр., неуместное использование книжных слов и конструкций в сугубо бытовой речи).

По степени обязательности различаются Н. императивные (строго обязательные) и диспозитивные (восполнительные, не строго обязательные). Нарушение императивных Н. расценивается как слабое владение рус. языком (напр., нарушение Н. склонения, спряжения или принадлежности к грамматическому роду). Такие Н. не допускают вариантов (невариативные Н.), и любые другие реализации расцениваются как неправильные, недопустимые. Напр.: *алфави́т* (не *алфа́вит*), *досу́г* (не *до́суг*), *при́нял* (не *приня́л*), *курица* (не *кура*), *благодаря чему* (не *благодаря чего*). Диспозитивные Н. допускают варианты – стилистически различающиеся или вполне нейтральные (вариативные Н.). Напр.: *ба́ржа* и *баржа́*; *манжет, -а* (муж. род) и *манжета, -ы* (жен. род); *в о́тпуске* (нейтр.) и *в отпуску́* (разг.). Н. может иметь профессиональные варианты (напр., *рапо́рт* и *компа́с* – у моряков; *эпилепси́я, флюорографи́я* – в речи медиков; формы мн. ч. *стапеля́, кожуха́, профиля́, штурмана́* и т. п.– в профессиональной речи специалистов; технические термины *дребезг, выбег, растир* и т. п.).

Среди вариантов, объективно сосуществующих в языке (см. Вариантность), следует различать варианты, находящиеся в пределах лит. Н. (напр., *ина́че* и *и́наче, заво́дский* и *заводско́й, уста́вный* и разг. *уставно́й, ма́ркетинг* и разг. *марке́тинг, в адрес* и *по адресу*), и варианты, один из к-рых нормативен, а другой – нет и стоит за пределами лит. языка (напр., правильно *призы́в* и неправильно *при́зыв*; правильно *оплатить что* или *заплатить за что* и неправильно *оплатить за что*; правильно *последний в очереди* и неправильно *крайний в очереди*).

Объективные колебания лит. Н. обычно связаны с развитием языка, когда варианты являются переходными ступенями от устаревающей Н. к новой, служат средством унификации или, напротив, стилистической дифференциации языковых элементов. В тех случаях, когда варианты ничего не привносят в смысловом, стилистическом и других отношениях, говорят обычно о дублетах. Лит. Н. стремится к освобождению от простых дублетов. Варианты Н. охватывают разные уровни языка: существуют варианты Н. орфоэпические (*будни[ш]ний* и *будни[ч]ный, высо[к']ий* и *высок[ъ]й*), акцентологические (*роди́лся* и *родился́*), морфологические и словообразовательные (*спазм, -а*, муж. род и *спазма, -ы*, жен. род; *напроказить* и *напроказничать*), варианты грамматических форм (*стакан чаю* и *стакан чая; воска* и *воску; граммов* и *грамм; капает* и *каплет*), синтаксические (*исполненный чем* и *исполненный чего; жду письмо* и *жду письма*).

Н.– одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности национального языка, а стабильность и единство, в свою очередь, являются условием многовекового существования национальной лит-ры. Н. регулирует не только воспроизведение готовых «образцов», но и создание новых фактов в процессе речевой деятельности. Критерии лит. Н. в историческом плане – языковая традиция, культурное наследие прошлого, язык классической лит-ры, а в плане совр. употребления – соответствие структуре языка, массовая и регулярная воспроизводимость и «подравнивание» под речь, признаваемую образцовой (речевые навыки образованных людей, авторитет радио, телевидения, театра, печати и т. п.). Н. определяет реализацию тех возможностей, к-рые заложены в системе языка. Она ограничивает и регулирует использование в языке различных изофункциональных (т. е. сходных по функциям) средств. Ср., напр., *ждать поезда* (неизвестно какого, любого, идущего в нужном направлении) и *ждать поезд* (определённый, конкретный, именно этот, а не другой); *несколько человек выступило* (имеется в виду единство или общая нерасчленённость действия) и *несколько человек выступили* (имеется в виду несогласованность или просто расчленённость, множественность действия, его индивидуальная обособленность).

С позиций динамического подхода Н.– это не только результат речевой деятельности, закреплённый в традиции или образцах (реализованная, воплощённая Н.), но также и создание новых средств в соответствии с возможностями системы или по аналогии с уже реализованными образцами (реализуемая, потенциальная Н.). При нормативной оценке новообразований учитываются, во-первых, их массовая и регулярная воспроизводимость в речи и, во-вторых, активное взаимодействие с другими звеньями системы (ср. новое: *заявление на кого-что*, по аналогии с *жалоба на кого-что*, вместо старого: *заявление о ком-чём*).

Изменения лит. Н. определяются внешними (социальными) факторами и внутренними тенденциями развития фонетической, лексической, грамматической, стилистической систем (действие законов аналогии, экономии языковых средств, взаимодействие формы и смысла в процессе речи и др.); колебание Н. является результатом взаимодействия функциональных стилей, взаимодействия лит. языка (в силу его открытости) с диалектами, просторечием, профессиональной речью и т. п.

Развитие лит. языка есть, в сущности, становление, развитие и совершенствование его Н. в соответствии с потребностями общества и в силу внутренних закономерностей языковой эволюции. В понятие языковой Н. каждая историческая эпоха вносит своё содержание. Социальная основа лит. Н. зависит от того, какие социальные слои принадлежат к носителям образования в период наиболее

активных процессов складывания лит. Н.; напр., она может выступать как речь «верхушки» общества, образованных и привилегированных его слоёв – в противоположность неграмотной, искажённой речи «низов», народных масс. В период существования развитых национальных языков лит. язык как высший тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и становится выразителем общенациональной Н. При этом лит. Н. претерпевает известные качественные изменения в сторону демократизации, принятия традиционно нелит. средств (с полной или частичной их нейтрализацией).

Н.– центральное понятие теории культуры речи (см.). Учение о Н.– основа теоретической нормализации, научных рекомендаций и прогнозов в области речевой культуры.

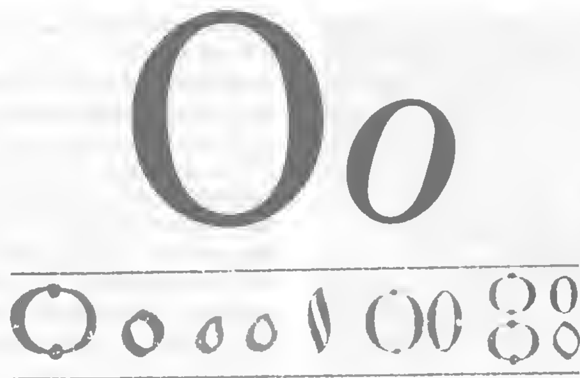
Теория Н. разрабатывалась Д. Н. Ушаковым, Л. В. Щербой, С. П. Обнорским, В. И. Чернышёвым, Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым, Е. С. Истриной, Ф. П. Филиным, С. И. Ожеговым, Р. И. Аванесовым и другими учёными, в работах к-рых решались проблемы сущности лит. Н., её связей и взаимодействий с системой языка и общественными факторами его развития и функционирования.

Лит.: Виноградов В. В., Различия между закономерностями развития слав. лит. языков в донациональную и национальную эпохи, М., 1963; Шведова Н. Ю., Активные процессы в совр. рус. синтаксисе, М., 1966; Ицкович В. А., Языковая норма, М., 1968; Горбачевич К. С., Изменение норм рус. лит. языка, Л., 1971; его же, Вариантность слова и языковая норма, Л., 1978; его же, Нормы совр. рус. лит. языка, 3 изд., М., 1989; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Грамматическая правильность рус. речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976; Граудина Л. К., Вопросы нормализации рус. языка. Грамматика и варианты, М., 1980; Скворцов Л. И., Теоретические основы культуры речи, М., 1980; его же, Основы культуры речи. Хрестоматия, М., 1984; Даниленко В. П., Скворцов Л. И., Нормативные основы унификации терминологии, в кн.: Культура речи в технической документации, М., 1982; Головин Б. Н., Основы культуры речи, 2 изд., М., 1988. См. также лит. при ст. Культура речи.

Л. И. Скворцов.

http://lolbook.narod.ru

О, о – шестнадцатая буква русского алфавита. Название буквы – «о» употребляется как существительное ср. рода: *прописное о*. По начертанию буква *о* восходит к букве кириллицы (см.) «он», к-рая ведёт происхождение от греч. буквы «о микрон» и финикийского знака для согласного «айн». В кириллице имела числовое значение «семьдесят». В греч. алфавите фонема ⟨о⟩ могла обозначаться также буквой «омега» (ω), к-рая использовалась и в кириллице в словах греч. происхождения; числовое значение «омеги» в кириллице «восемьсот». Очень рано обе эти буквы для обозначения фонемы ⟨о⟩ начинают смешиваться. После реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания) буква «омега» была исключена из гражданской азбуки; различия в обозначении фонемы ⟨о⟩ были устранены. Название «он» утратилось.

Графические значения буквы *о*: 1) в начале слова, после гласных букв и после согласных шипящих, *ц*, *й* обозначает фонему ⟨о⟩: *он, наотмашь, изжога, чопорный, шов, трещотка, лицо, йод*; 2) после остальных согласных букв обозначает фонему ⟨о⟩ и твёрдость предшествующей согласной фонемы: *бок, дом, сор*.

Областны́е словари́ – то же, что диалектные словари.

Обобща́ющее сло́во при однородных членах предложения – слово, принадлежащее к той же семантической группе и занимающее в составе предложения ту же позицию, что и однородные члены предложения (см.), но обладающее более широким значением, к-рое относится к значению однородных членов предложения как род к виду или целое к части. Однородные члены уточняют и конкретизируют О. с., между О. с. и однородными членами можно вставить слова *а именно, например, то есть*. В функции О. с. нередко выступают местоимения *все, всё, ничто* и др.: «*И бессвязные ласковые слова, улыбающийся рот Ленки, руки матери, гладившие его руку, любящие её глаза, счастливая, удовлетворённая улыбка отца из-под усов, весёлые братья – в с ё вдруг показало ему, что его любят*» (Коновалов); местоименные наречия: «*О т о в с ю д у поднялись казаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов*» (Гоголь); другие слова (разных частей речи) с более отвлечённым значением, чем однородные члены предложения, а также словосочетания.

Однородные члены согласуются с О. с. (или главенствующим словом словосочетания в этой позиции) в падеже, (или) роде, (или) числе: «*Местонахождение усадьбы было хорошо: приветливо, уединённо и привольно*» (Тургенев); «*Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов*» (Гоголь). Для усиления обобщения при большом числе однородных членов О. с. может ставиться как перед однородными членами, так и после них: «*Меж ими всё рождало споры И к размышлению влекло: Племён минувших договоры, Плоды наук, добро и зло, И предрассудки вековые, И гроба тайны роковые, Судьба и жизнь в свою чреду,– Всё подвергалось их суду*» (Пушкин).

После О. с., стоящего перед однородными членами, ставится двоеточие. Если однородные члены не заканчивают собой предложения, то после них ставится тире. Если однородные члены стоят в начале предложения, то тире ставится перед О. с. Если в предложении имеются два О. с., то перед вторым ставится запятая и тире. *Е. М. Лазуткина.*

Обобщённо-ли́чное предложе́ние – простое односоставное бесподлежащное предложение с глаголом-сказуемым, называющим такое действие, к-рое относится к широкому, обобщённо представленному кругу лиц: «*На войне встречаешь разных людей*» (Симонов) – в с е (или о ч е н ь м н о г и е) встречают на войне разных людей.

Структура О.-л. п. такова, что обобщённое лицо отдельным словом выражено быть не может, такого лица в системе рус. личных местоимений нет. Обобщённость передаётся определёнными глагольными формами, к-рые выражают обоб-

щённость лица только при отсутствующем подлежащем. Следовательно, отсутствие подлежащего значимо. Глагол в О.-л. п. имеет форму, совпадающую с формой 2-го лица ед. ч. или, гораздо реже, 3-го лица мн. ч. наст.-буд. времени: «*Прожитых лет не воротишь вспять*» (Сурков); «*Никогда не знаешь, где найдёшь настоящее слово*» (Паустовский); «*А ведь ворон не жарят, не варят*» (Крылов).

Формы глагола отличают О.-л. п. от других односоставных предложений – неопределённо-личных предложений (см.) и безличных предложений (см.).

Особенно часто О.-л. п. употребляются в пословицах и поговорках: *Без труда не вынешь и рыбки из пруда; Скажешь – не воротишь; На чужой роток не накинешь платок; За чем пойдёшь, то и найдёшь; Чужим умом умён не будешь; Грибов ищут, по лесу рыщут; Пашню пашут, так руками не машут; Снявши голову, по волосам не плачут*.

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1960; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980. *Е. Н. Ширяев.*

Обособле́ние – см. Обособленный оборот.

Обосо́бленный оборо́т – интонационно выделенный второстепенный распространяющий член предложения (распространённый или нераспространённый), к-рый по смыслу относится не только к тому члену предложения, от к-рого он зависит грамматически, но ещё и к какому-нибудь другому его члену. Т. о., смысловые связи О. о. являются разнонаправленными; формальная связь может быть как однонаправленной, так и двунаправленной. Напр., в предложении *Он шёл, размахивая руками* главный член О. о. грамматически зависит от глагола-сказуемого, а содержательно – от глагола-сказуемого и от подлежащего, т. к. называет его дополнительный процессуальный признак; в предложении *Собрание состоится послезавтра, в четверг* О. о. *в четверг* грамматически зависит от глагола-сказуемого, а содержательно – как от глагола-сказуемого, так и от наречия *послезавтра*, поясняя его. На письме О. о. выделяются обычно запятыми, реже скобками или тире. В зависимости от морфологических свойств главного члена О. о. различаются деепричастный, причастный, субстантивный (с главным словом – существительным), адъективный (с главным словом – прилагательным), глагольный (с главным словом – спрягаемой формой глагола), инфинитивный и наречный О. о. Они могут присоединяться к распространяемой части предложения только интонационно (*Он говорил, подчёркивая каждую фразу; Вершины деревьев поднимались высоко, до самого неба*) или посредством интонации и вводных слов, союзов, частиц (*Он говорил, как бы подчёркивая каждую фразу; Вершины деревьев поднимались высоко, казалось до самого неба*).

По степени смысловой нагруженности, функции в предложении различают полупредикативные и поясняющие О. о. Полупредикативные О. о., как препозитивные, так и постпозитивные, содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения, обладают относительной содержательной самостоятельностью, соотносительны с придаточными предложениями или с самостоятельными предложениями. Это деепричастный оборот (см.), причастный оборот (см.), субстантивный О. о. (в предложении «*Мирные люди, они тяжело переносили опасности фронта*», Панова, О. о. соотносится с придаточным предложением: *Так как они мирные люди, они тяжело переносили опасности фронта*, в предложении *Оба выходцы из крестьянской среды, они по природе обладали немалыми талантами* О. о. соотносится с самостоятельным предложением: *Оба были выходцами из крестьянской среды. По природе они обладали немалыми талантами*), адъективный О. о. (в предложениях *Рубаха его, похожая на трактирную салфетку, всегда была раскрыта на груди; Колеблется воздух, прозрачен и чист* О. о. соотносятся с самостоятельными предложениями: *Рубаха его была похожа на трактирную салфетку. Она всегда была раскрыта на груди; Колеблется воздух. Он прозрачен и чист*).

Поясняющие О. о. (за исключением наречных) всегда постпозитивные, зависящие, как правило, от второстепенных членов предложения, имеют характеризующее, уточняющее, поясняющее значения: они уточняют, конкретизируют подчиняющий их член предложения, раскрывают его содержание, сообщают разного рода дополнительную информацию. Среди поясняющих О. о. различаются субстантивный О. о. (*Около вагона, на прибитом метелью снегу, толпились солдаты*), в т.ч. ограничительно-выделительный (*Пришли все, кроме Ивана*), адъективный О. о. (*Эту лужу, на вид безобидную, нельзя брать с разгону*), наречный О. о. (*Среди разговора, неожиданно для себя, он задремал*), инфинитивный О.о. (*Многие пришли просто так – посидеть да побеседовать*), глагольный О.о. (*Надо писать о том, что горит, не ждёт*). Термин «О. о.» введён А. М. Пешковским в книге «Русский синтаксис в научном освещении» (1914).

Лит.: Кротевич Е. В., Обособленные синтагмы, «Вопросы слав. языкознания», 1948, кн. 1; Руднев А. Г., Синтаксис осложненного предложения, М., 1959; Чернышёв В. И., Учение об «обособлении» второстепенных членов предложения в тр. А. М. Пешковского и его последователей, в его кн.: Избр. тр., т. 1, М., 1970; Фурашов В. И., Обособленные согласованные определения в совр. рус. лит. языке, Владимир, 1975;

Богданов П. Д., Обособленные члены предложения в совр. рус. языке, Орджоникидзе, 1977. *В. А. Ицкович.*

Обра́тные словари́ – словари с обратным (инверсионным) алфавитным порядком слов: на первом месте стоят слова, оканчивающиеся на *-а*, потом на *-б*, на *-в*, *-г*, *-д*, *-е* и т. д. до слов, оканчивающихся на *-я*. В пределах группы слов с одинаковой конечной буквой слова располагаются в алфавитном порядке предпоследних букв, при одинаковых предпоследних – в алфавитном порядке третьих от конца, и т. д. Чтобы облегчить поиск, в О. с. слова́ выравниваются в наборе по правому краю:

герб
серб
ущерб
горб
дуб

В зависимости от своего состава О. с. могут быть: 1) словарями-индексами, т. е. содержать те же слова, что и словари-источники. Однако многие О. с. не являются строго индексами: в них указываются не только словарь-источник, но и группы слов, опущенные или добавленные к словнику словаря-источника; 2) словарями с самостоятельными словниками.

О. с. применяются в различных целях. Обратный алфавитный порядок удобен для грамматического словаря рус. языка: в таком словаре оказываются рядом слова со сходными грамматическими характеристиками, потому что одинаковый или сходный тип словоизменения имеют слова (в пределах одной части речи) со сходным концом. Напр., почти все прилагательные в форме им. п. ед. ч. оканчиваются на *-ый, -ий, -ой*, все они оказываются сгруппированными в О. с. в одном месте – в составе слов на *-й*. О. с. являются пособиями для преподавания морфологии, словообразования, фонетики, акцентологии. С их помощью можно установить все возможные типы склонения и спряжения, получить сведения о распространённости тех или иных словоизменительных и словообразовательных типов, проследить продуктивность к.-л. словообразовательной модели. Только О. с. помогут, напр., сделать исчерпывающим изучение акцентологических закономерностей, различного рода чередований в основах, т. к. бо́льшая часть таких чередований происходит в конце слов. При помощи О. с. можно подобрать материал для упражнений или интересные примеры для иллюстрации того или иного типа словообразования, словоизменения, чередования, ударения.

О. с. используются также при расшифровке текстов, при составлении программы для разных видов машинной обработки текстов (автоматический перевод, автоматическая обработка информации и др.).

Родоначальниками О. с. считаются ср.-век. араб. классические словари 13–14 вв. В Европе в

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОБРАТНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Около 125 000 слов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
МОСКВА—1974

18 в. обратный алфавитный порядок слов использовался при составлении словарей рифм (рифмовников). В кон. 19 – нач. 20 вв. появились собственно лингвистические О. с. Это были О. с. древних индоевропейских языков: лат., др.-греч., санскрита, тохарского, др.-перс. и ст.-славянского. Наряду с подготовкой О. с. других древних языков в 50-х гг. 20 в. появились О. с. совр. языков. Первый «Обратный словарь русского языка», изданный в СССР (1974), содержит ок. 125 тыс. слов. При каждом слове указываются словари-источники (толковые словари совр. рус. лит. языка), имеются грамматические пометы. Приводятся статистические сведения о количестве слов, оканчивающихся на определённую букву или сочетание букв, о распределении слов по грамматическим классам. «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка (1977) содержит 100 тыс. слов, расположенных в обратном алфавитном порядке (см. Грамматические словари).

О. с. рус. языка издавались и за рубежом – это словари с самостоятельными словниками: под ред. Х. Х. Бильфельдта – в ГДР («Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart», 1958) и словарь Р. Греве и Б. Крёше – в ФРГ (Greve R., Kroesche B., «Russisches

вы́стиранный	Б *п*
кра́нный	Б У *п*
экра́нный	Б М *п*
широкоэкра́нный	Б О М *п*
рестора́нный	Б У О М *п*
сопра́нный	Б У О М *п*
катра́нный	Б *п*
стра́нный	Б У О М² *п*
чужестра́нный	Б У О М *п*
престра́нный	Б У *п*
инострáнный	Б У О М *п*
простра́нный	Б У О М *п*
бура́нный	Б О М *п*
шафра́нный	Б У О М *п*
охра́нный	Б У О М *п*
сохра́нный	Б У О М *п*
са́нный	Б У О М *п*
свежеобтёсанный	Б *п*
необтёсанный	Б *п*
неотёсанный	Б У О М *п*
причёсанный	Б *п* У М *прч п*
впи́санный	Б У М *прч п*
опи́санный	У М *прч п*

непреста́нный	Б У О М *п*
беспреста́нный	Б У О М *п*
при́станный	Б У М *п*
расхри́станный	Б М *п*
оста́нный	Б *п*
расста́нный	Б *п*
нерасста́нный	Б *п*
неуста́нный	Б У О М *п*
безуста́нный	Б У О М *п*
запу́танный	Б О *п* У М *прч п*
перепу́танный	М *прч п*
спу́танный	Б *п* М *прч п*
голошта́нный	Б У М *п*
бешта́нный	У *п*
испы́танный	Б О *п* У М *прч п*
неиспы́танный	Б *п*
снимульта́нный	Б *п*
сарафа́нный	Б У О М *п*
свежезапа́ханный	Б *п*
нераспа́ханный	Б *п*
свежевспа́ханный	Б *п*
лоха́нный	М *п*
барха́нный	О М *п*

Фрагмент текста «Обратного словаря русского языка» (1974)

rückläufiges Wörterbuch», unter der Leitung von M. Vasmer, Bd 1–4, 1958–59).

Лит.: Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. 1, [Л.], 1958, Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975; Татар Б., Рус. лексикография, Будапешт, 1985; Dubois J., Dubois C., Introduction à la lexicographie: le dictionnaire, P., 1971; Rey A., Le lexique, images et modèles. Du dictionnaire à la lexicologie, P., 1977. *М. С. Михайлова.*

Обраще́ние – грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения. Основная функция О.– называние того, к кому направлена речь. Это может быть название лица, живого существа, неодушевлённого предмета или явления. Чаще всего О. выражается существительным, однако в роли О. могут выступать прилагательное, местоимение-существительное, реже причастие. О. может входить в предложение любой структуры и занимать место в начале, конце или середине предложения: *«О Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?»* (Некрасов); *«Отчего это, няня, тут темно, а там светло?» – «Оттого, батюшка, что солнце идёт навстречу месяцу, не видит его, так и хмурится»* (Гончаров); *«Голубчик! Оно самое и есть! Родненький!»* (Чехов).

О. может быть распространено зависящими от него словоформами: *«Простите, верные дубравы! Прости, беспечный мир полей»* (Пушкин).

В роли О. иногда выступает местоимение 2-го лица: *«Ну, ты! Думай...»* (Тургенев). Форма 2-го лица может опускаться: *«Эй, завяжи на память узелок! Просил я помолчать»* (Грибоедов). О., выраженное одиночным местоимением, несёт экспрессию грубости или фамильярности: *Эй, кто-нибудь!*

В предложении О. выполняет две функции: призывную и оценочно-экспрессивную. Призывная функция, как правило, обозначает не просто призыв к адресату, но и отношение к нему со стороны говорящего. Такое О. часто имеет при себе и местоимение *мой*: *«Держись, мой мальчик: на свете Два раза не умирать»* (Симонов); *«А, здорово, мой отец,– Молвил царь ему,– что скажешь?...»* (Пушкин).

В разг. речи в роли О. часто выступают усечённые формы типа *Саш, Коль, мам, пап.* Такое О. может быть акцентировано при помощи повтора с усилительной частицей *а*: *Саш, а Саш, ты меня слышишь?* Усилительная частица *а* возможна и при усечённых формах О.: *«Микит, а Микит! Оглох»* (Л. Н. Толстой).

В экспрессивно окрашенных конструкциях, выражающих субъективное отношение говорящего или пишущего, возможно несколько О. к одному лицу или предмету: *«Подруга думы праздной, Чернильница моя, Мой век однообразный Тобой украсил я»* (Пушкин); *«Куда ты, светлый ручеёк, стремишься? Чего в долине ищешь той? Постой, поговори со мной»* (Фет); *«Прощай, размах крыла расправленный, Полёта вольное упорство»* (Пастернак). В роли О. часто используются слова с оценочным значением или значением, качественно характеризующим: *«Ну, поцелуй же меня, моя умница»* (Тургенев); *«Молчи, пустая голова! Слы-*

хал я истину бывало! Хоть лоб широк, да мозгу мало!» (Пушкин).

В роли О. могут употребляться (окказионально) синтаксические обороты или словоформы, к-рые обозначают предмет или явление по к.-л. внешним признакам, но не называют их: *«Здравствуй, в белом сарафане Из серебряной парчи!»* (Вяземский); *«Заблудился я в небе – что делать? Тот, кому оно близко, ответь!»* (Мандельштам). В экспрессивно окрашенных конструкциях в качестве О. могут употребляться старые формы звательного падежа (см. Звательная форма): *«Чего тебе надобно, старче?»* (Пушкин); *«О Господи! Все женщины мечтают, Чтоб их любили так, как ты меня»* (Снегова); *«На меня наставлен сумрак ночи Тысячью биноклей на оси. Если только можно, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси»* (Пастернак).

В функции О., обычно в разг. речи, может выступать вводимое относительным местоимением придаточное предложение: *«Кто может,– на площадь, в город! – Кто может, поднимайся!»* (Федин).

По своей эмоциональной окрашенности О. близко к императиву и междометию и нередко употребляется вместе с ним: *«Снег летит – гляди и слушай!»* (Рубцов); *«Стойте – тотчас угадаю Горе сердца твоего»* (Пушкин); *«Э, голубчик, да тут пахнет кражей и подлогом»* (Салтыков-Щедрин); *«"У, баловень",– тихо ворчит няня и утаскивает его на крыльцо»* (Гончаров); *«Ну, Бирюк, удивил ты меня»* (Тургенев).

Особая разновидность О.– вокативные предложения. Единственным членом этих предложений является название лица по имени или по родству, произнесённое с эмоционально окрашенной интонацией (упрёк, страх, мольба, негодование и т. п.): *«"Мама",– зашептал я с раздражением»* (Окуджава); *«"Жорж!" – говорила Маруся, прижимаясь к нему и целуя его испитое красноносое лицо»* (Чехов).

Лит.: Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

Л. В. Вялкина.

Обстоя́тельство – второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы о способе, месте, времени, цели, причине, условии и о других подобных характеристиках действия или состояния: *как? каким образом? где? куда? откуда? почему?* и др. О. служат для распространения членов предложения или предложения в целом и характеризуют действие, состояние или признак, а также условия осуществления чего-л. (место, время, цель, причину, способ и т. д.). Специализированной формой выражения О. является наречие. В функции О. выступают также существительные в формах косвенных падежей с предлогом и без предлога, деепричастия, инфинитив, а также фразеологические сочетания.

По значению выделяется несколько разрядов обстоятельств. О. образа действия (отвечающие на вопросы *как? каким образом?*) обозначают качество, степень проявления признака, состояние, интенсивность, способ совершения действия. Они выражаются качественными наречиями, существительными в формах косвенных падежей, деепричастиями, фразеологическими сочетаниями (*Вдали громко стучал дятел; Песня звучит всё тише; Ярким пламенем пылает закат; Она говорила улыбаясь; Нельзя работать спустя рукава*). О. места (отвечающие на вопросы *где? куда? откуда?*) обозначают место совершения действия, направление и путь движения. Они выражаются наречиями места, существительными в формах косвенных падежей с предлогом и без предлога, фразеологическими сочетаниями (*Вверху ярко светило солнце; Он выехал из Москвы в Петербург; Они шли лесом; Она побежала куда глаза глядят*). О. времени (отвечающие на вопросы *когда? как долго? с каких пор?*) обозначают время осуществления действия. Они выражаются наречиями времени, существительными в формах косвенных падежей с предлогом и без предлога, фразеологическими сочетаниями (*Он всегда будет помнить этот день; Она встала рано утром; После войны он начал учиться; Она вышла из дома ни свет ни заря*). О. причины (отвечающие на вопросы *почему? отчего?*) обозначают причину, основание действия или возникновения признака. Они выражаются наречиями причины, существительными в формах косвенных падежей с предлогом, фразеологическими сочетаниями (*Сослепу он прошёл мимо ворот; От мороза погибли все яблони; Из-за тебя я опоздал*). О. цели (отвечающие на вопросы *зачем? с какой целью?*) обозначают цель действия. Они выражаются наречиями цели, существительными в формах косвенных падежей, инфинитивом (*Они приехали специально; Школьники пришли на завод на экскурсию; Мы приехали в университет на собрание; Брат поехал в Москву учиться*). О. меры и степени (отвечающие на вопросы *сколько? как? в какой степени?*) обозначают разнообразные количественные характеристики действия или признака. Они выражаются наречиями, существительными в формах косвенных падежей, количественными сочетаниями (*Они прошли с километр; Он жил там пять лет; Тетрадь стоит сорок копеек; В течение двух лет он работал и учился; За это время он кончил школу*). О. условия (отвечающие на вопрос *при каком условии?*) обозначают условие совершения действия. Они выражаются существительными с предлогами *при* и *в случае* (*При наличии времени он может закончить книгу; В случае плохой погоды будет трудно идти*). О. уступки (отвечающие на вопрос *несмотря на что?*) обоз-

начают условие, вопреки к-рому совершается действие. Они выражаются существительными с предлогами *несмотря на, невзирая на, вопреки* (*Несмотря на сложность, задача решена; Вопреки ожиданиям письмо пришло*).

Во многих работах отмечались неграмматичность и внутренняя противоречивость принципов выделения второстепенных членов предложения, и в частности выраженных формами косвенных падежей О., дополнений (см.) и определений (см.). Стремление распределить всё многообразие синтаксических связей слов по трём рубрикам второстепенных членов предложения (определение, дополнение, О.) в сочетании с отсутствием строгих критериев для такого разграничения приводит к колебаниям в классификации, в результате чего либо допускается двоякое толкование одного и того же явления, либо признаётся наличие переходных случаев, что делает нестрогими сами основы классификации. Особенно часто это наблюдается при квалификации О. Ещё А. А. Шахматов различал О. «определяющие», «дополняющие», «сопутствующие». В конкретных предложениях обстоятельственные значения могут совмещаться со значениями определительными или дополнительными, и это даёт основания для выделения т. н. обстоятельственных определений и обстоятельственных дополнений (см., напр., «Современный русский язык», ч. 2, М., 1964, с. 390).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, 2 изд., Л., 1941; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика рус. языка, М., 1959; Гвоздев А. Н., Совр. рус. лит. язык, 4 изд., ч. 2, М., 1973; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Кручинина И. Н., Обстоятельство, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. *К. В. Габучан.*

О́бщее языкозна́ние – см. Языкознание.

О́бщество люби́телей росси́йской слове́сности (ОЛРС) – литературно-научное общество при Московском университете, существовавшее с 1811 по 1930 (перерыв с 1837 по 1858). В состав общества входили гл. обр. филологи и литераторы. Среди его членов были, напр., лингвисты А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот, Ф. Е. Корш, В. И. Даль, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов, Р. Ф. Брандт, А. Л. Дювернуа, М. М. Покровский, Д. Н. Овсянико-Куликовский, О. М. Бодянский, И. В. Ягич, В. Н. Щепкин, литературоведы и критики Н. И. Надеждин, А. Н. Веселовский, Н. С. Тихонравов, М. Н. Сперанский, С. А. Венгеров, А. Н. Пыпин, А. М. Скабичевский, П. Н. Сакулин, М. К. Лемке, Ю. И. Айхенвальд, М. А. Цявловский, Н. Л. Бродский, Н. К. Пиксанов, А. Е. Грузинский, В. Ф. Переверзев, В. М. Фриче, фольклористы А. Н. Афанасьев, Е. Ф. Барсов, П. Н. Рыбников, И. М. Снегирёв, П. В. Киреевский, А. Ф. Гильфердинг, П. В. Шейн, многие писатели от Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина до И. А. Бунина и М. Горького. На заседаниях ОЛРС выступали Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. А. Фет, Ф. М. Достоевский, А. К. Толстой, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Вяч. Иванов, В. В. Вересаев, Л. М. Леонов, А. В. Луначарский и др. В состав ОЛРС входили также историки (М. П. Погодин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, Р. Ю. Виппер и др.), философы (А. С. Хомяков, В. С. Соловьёв и др.), педагоги (Л. И. Поливанов, В. Ф. Саводник, В. Я. Стоюнин), юристы (В. Д. Спасович, А. Ф. Кони), деятели театра (К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, М. П. Садовский), композитор А. Н. Верстовский, биолог К. А. Тимирязев, математик А. М. Перевощиков и др. В числе иностранных членов были сербский просветитель Вук Караджич, чеш. слависты П. Й. Шафарик, В. Ганка, франц. историк А. Рамбо, писатели П. Мериме, Р. Роллан.

Целью ОЛРС, по словам его первого председателя, ректора Моск. ун-та А. А. Прокоповича-Антонского, было «способствовать успехам отечественной словесности», немыслимым без совершенствования языка.

В области изучения рус. языка ОЛРС ставило перед собой след. задачи: создание «систематической, основательной грамматики», углублённое изучение и разработка словарного состава, совершенствование слога отечественной словесности. В центре внимания ОЛРС были вопросы нормализации рус. языка, вопросы культуры речи, особенно упорядочения словоупотребления, пути развития рус. лит. языка.

ОЛРС способствовало изданию «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1861–66), «Песен, собранных П. В. Киреевским» (1860–74, 1911–29), «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова (1872–82), «Белорусских песен» П. А. Бессонова (1871), «Рассуждения о славянском языке...» А. Х. Востокова (1820), положившего начало сравнительно-историческому языкознанию в России, «Опыта русской грамматики» К. С. Аксакова (1860). Были изданы «Кирилло-мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России» (1865), сборники «Памяти А. П. Чехова» (1906), «Тургенев и его время» (сб. 1–2, 1923–26), «Пушкин» (сб. 1–2, 1924–30) и др.

Юбилеи писателей и знаменательных событий отмечались как общественно-культурные явления. ОЛРС провело Пушкинский юбилей (1899), Гоголевские дни (1902, 1909), организовало юбилеи, посвящённые М. В. Ломоносову (1865), Карамзину (1866), 300-летию рус. книгопечатания (1864). В 90-х гг. 19 в. устраивались литературно-музыкальные вечера в память И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. И. Полежаева, Ф. И. Тютчева, Фета, А. Н. Островского, С. Я. Надсона,

Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко (в 1911 издан его «Кобзарь»), тем самым была заложена традиция, занявшая в 20 в. важное место в культурной жизни рус. общества. В кон. 19 – нач. 20 вв. устраивались выставки в память А. С. Пушкина (1880, 1899), А. С. Грибоедова (1895), В. Г. Белинского (1898), Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского (1902). Большой общественный и культурный резонанс получило, при активном участии ОЛРС, открытие памятника Пушкину в Москве (1880). Благодаря ОЛРС в Москве был открыт памятник Гоголю (1909). В сов. период ОЛРС отметило юбилейные даты крупных рус. писателей, Данте, Мольера, 250-летие рус. театра, столетие со дня восстания декабристов. Были проведены юбилеи М. Н. Ермоловой, В. Н. Фигнер, А. И. Южина-Сумбатова, Брюсова, Вересаева.

Издательская деятельность ОЛРС велась особенно интенсивно в 1812–28: вышли 27 томов «Трудов ОЛРС» (ч. 1–20, 1812–20; «Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества...», ч. 1–7, 1822–28). ОЛРС печатало сочинения К. Н. Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Крылова, Жуковского, А. В. Кольцова, Полежаева, Тютчева, Гоголя, В. Ф. Одоевского, Чехова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. Публиковались материалы и разработки диалектного, «производного» (этимолого-словообразовательного), синонимического словарей. Редакторами «Трудов» были профессор красноречия, стихотворства и языка российского поэт А. Ф. Мерзляков и профессор рус. словесности П. В. Победоносцев.

ОЛРС внесло значительный вклад в развитие рус. национальной культуры. Возрождено в 1992; почётный председатель – Д. С. Лихачёв.

Лит.: Булич С. К., Очерк истории языкознания в России, т. 1, СПБ, 1904; Словарь членов Общества любителей рос. словесности при Моск. ун-те, 1811–1911, М., 1911; Сакулин П. Н., Общество любителей рос. словесности, «Печать и революция», 1927, кн. 7; Бельчиков Ю. А., Общество любителей рос. словесности, «Рус. речь», 1968, № 2; Смирнов А. А., Общество любителей рос. словесности (1811–1930). Страница из истории Моск. ун-та, «Вестник МГУ. Сер. Филология», 1979, № 6; Клейменова Р. Н., Книжная Москва первой пол. 19 века, М., 1991.

Ю. А. Бельчиков.

О́бщий род – см. Род.

Объе́кт (от лат. objectum – предмет) – в реальной ситуации, обозначенной в предложении, «участник действия», испытывающий воздействие со стороны субъекта (см.). В предложении выражается местоимением или именем существительным с предметным значением в форме вин. п. Семантическое содержание О. может быть различным: данность его до действия, совершаемого субъектом (напр., *Дети слушают музыку; Дети уважают отца*), или возникновение в результате такого действия, появление в нём нового состояния (напр., *Мать сшила платье; Бригада асфальтирует новую дорогу*). Нормальна синтаксическая позиция О. после глагола-сказуемого (см. Сказуемое). В позиции начала предложения объектная словоформа приобретает дополнительное значение субъекта состояния (напр., *Его осенила внезапная мысль; Крышу снесло ветром; Лицо заливала краска стыда*).

В поэтической речи синтаксическую позицию О. могут занимать существительные с отвлечённым значением, напр.: *«Милый мой, эту радость простора Не закроет дождливая сеть»* (Парпара); *«Белилами румяню бледность»* (Цветаева).

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Ломтев Т. П., Основы синтаксиса совр. рус. языка, М., 1958; Степанов Ю. С., Индоевропейское предложение, М., 1989.

Е. М. Лазуткина.

Одновидо́вые глаго́лы – глаголы, к-рые имеют только одну видовую форму (см. Вид), не образуют видовой пары. Так, глаголы сов. вида *очутиться, хлынуть* не имеют соотносительных форм несов. вида, а глаголы несов. вида *отсутствовать, сидеть, лежать, обитать, бездействовать* не имеют соотносительных форм сов. вида. О. г. делятся на две группы: О. г. несов. вида (imperfectiva tantum) и О. г. сов. вида (perfectiva tantum).

Непарность глаголов по видам вызвана особенностями их семантики. О. г. сов. вида обозначают такие действия, к-рые не мыслятся в длительности и осуществляются обычно мгновенно, неожиданно: *грянуть, ринуться* и т. п. О. г. несов. вида обозначают действия, к-рые обычно не предполагают результативного исхода, не направлены на достижение результата: *сожалеть, благоговеть, сострадать, сочувствовать, обожать, бездействовать, созерцать, отсутствовать* и т. п. Ограничивают образование видовых пар и другие факторы – эмоционально-экспрессивная окраска глагола, его морфонологические особенности (ударение, чередование звуков и т. п.).

О. г. охватывают разнообразные лексические группы и словообразовательные типы. К О. г. несов. вида относятся: 1) большинство глаголов состояния (*спать, молчать, стоять, смеяться, бедствовать* и т. п.); 2) все исходные глаголы движения (*бежать/бегать, брести/бродить, везти/возить* и др.); сюда же примыкают глаголы типа *скакать, ковылять, семенить* и т. п.; 3) глаголы с префиксами *по-* или *на-* и суффиксами *-ыва-/-ива-* или *-ва-* со значением слабой степени повторяющегося действия (*покрикивать, посматривать, позёвывать, напевать, накрапывать*); 4) глаголы с префиксами *при-* или *под-* и суффиксами *-ыва-/-ива-*, *-ва-* со значением сопроводительного действия (*причмокивать, приплясывать, подпрыгивать, подсматривать, подпевать*); 5) суффиксальные глаголы со значением профессиональной деятельности (*плотничать, учительствовать, слесарничать, слесарить*); 6) глаголы звучания (*греметь, гоготать, шуметь*); 7) глаголы с префиксом *пере-*, суффиксом *-ыва-/-ива-* и постфиксом *-ся* со значением взаимного действия

(*переглядываться, перешёптываться* и т. п.) и нек-рые другие типы глаголов.

К О. г. сов. вида относятся многочисленные суффиксальные, префиксальные и префиксально-суффиксальные словообразовательные типы, напр.: 1) глаголы с начинательными приставками (*зареветь, зарычать, зашуметь, побежать, покатиться, взреветь*), но отдельные глаголы этой группы образуют видовую пару (*завыть – завывать, запеть – запевать*); сюда примыкают глаголы с префиксом *раз-* и постфиксом *-ся* (*расшуметься, расшалиться, раскричаться*); 2) глаголы со значением ограниченного во времени действия с префиксами *по-*, *про-* (*покричать, помолчать, посидеть, проболеть, проработать*); 3) финитивные глаголы, обозначающие прекращение длительного действия, доведение его до абсолютного конца (*отгреметь, отбушевать*); 4) глаголы с префиксом *на-* и постфиксом *-ся* со значением полного насыщения субъекта действием (*набегаться, накричаться, нахохотаться*); 5) глаголы с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* со значением отрицательного результата (*допрыгаться, докатиться, довоеваться*); 6) глаголы с префиксом *на-* со значением накопления большого количества объектов (*надымить, насорить, напылить*); 7) глаголы со значением распространения действия на множество объектов или субъектов (*исколотить всех; потоптать все цветы; переженить, перестрелять всех*); 8) глаголы типа *загуляться, заспаться, заучиться*; 9) многоприставочные глаголы (*понавыдёргивать, повыгонять, поразбить, поразбивать, порасспросить*).

Глаголы могут быть одновидовыми во всех, нескольких или в одном лексических значениях. Так, глаголы *закричать, зареветь* выступают как одновидовые во всех значениях; глагол *краснеть*... в значениях ‘становиться (стать) красным’ [*Рябина уже краснеет* (*покраснела*)], ‘покрываться (покрыться) румянцем’ [*От волнения у него уши краснеют* (*покраснели*)] относится к парным по виду, а в значениях ‘стыдиться’ (*Ты за меня не будешь краснеть*), ‘виднеться в красном цвете’ (*Вдали краснело маковое поле*) – к одновидовым глаголам несов. вида.

Лит.: Земская Е. А., Типы одновидовых приставочных глаголов в совр. рус. языке, в кн.: Исследования по грамматике рус. лит. языка, М., 1955; Быкова А. А., Несоотносительные глаголы несов. вида в совр. рус. языке, в кн.: Труды філологічного факультету ХДУ, Хар., 1958; Авилова Н. С., Способ глагольного действия и возможность видовой соотносительности глагола, «Филол. науки», 1975, № 2; Тихонов А. Н., Морфология, в кн.: Совр. рус. язык, II, 2 изд., М., 1987.

А. Н. Тихонов.

Одноро́дные чле́ны предложе́ния – члены предложения (главные или второстепенные), к-рые выполняют в предложении одинаковую синтаксическую функцию, связаны с другими членами предложения одинаковой синтаксической связью, произносятся с интонацией перечисления и допускают подстановку сочинительных союзов. О. ч. п. могут быть нераспространёнными и распространёнными, могут соединяться при помощи соединительных, противительных, разделительных, сопоставительных союзов, а также бессоюзной связью. Напр., однородные обстоятельства: «*Солнце – моё. Я его никому не отдам. Ни на час, ни на луч, ни на взгляд*» (Цветаева), однородные подлежащие: «*Всю дорогу ни Огарёв, ни я не говорили*» (Герцен), однородные дополнения: «*Она* [проза] *наполняется светом и красками живописи, ёмкостью и свежестью слов, свойственными поэзии, соразмерностью архитектуры, выпуклостью и ясностью линий скульптуры и ритмом и мелодичностью музыки*» (Паустовский), однородные согласованные определения: «*Ратуша была декорирована национальными и государственными флагами*» (Сергеев-Ценский), однородные несогласованные определения: «*Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости*» (Чехов).

О. ч. п. противопоставлены неоднородным членам предложения, к-рые имеют различные морфологические характеристики и по-разному соотносятся с другими членами предложения, напр.: «*Он* [Манилов] *улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами*» (Гоголь). Сказуемые *улыбался* и *был белокур, с голубыми глазами* не являются однородными, т. к. обозначают предикативные признаки разного рода: временный и постоянные. Неоднородные определения характеризуют предмет или явление с разных сторон; в этом случае отсутствует интонация перечисления, невозможно вставить сочинительные союзы. Неоднородными определениями могут быть относительное и качественное прилагательные или реже сочетание двух качественных прилагательных, напр.: «*Сад весь наполнился сырым белым светом*» (Пастернак). В художественном тексте возможно сближение значений таких прилагательных, в результате чего они становятся однородными определениями, напр.: «*В жизни есть такая тихая и прозрачная глубина, и в ней живут мудрецы*» (Пришвин); «... *по комнате волнами распространялось сухое, душистое тепло от камина*» (Булгаков). Синтаксические отношения внутри словосочетаний с однородными и неоднородными определениями различны: каждое однородное определение связано определительными отношениями с определяемым словом; неоднородное определение относится к словосочетанию, состоящему из определяемого слова и другого определения. Однородные определения: Ⓐ⌒Ⓑ⌒Ⓒ; неоднородные определения: Ⓐ Ⓑ⌒Ⓒ.

Пунктуация подчёркивает это различие: однородные определения разделяются запятыми, неод-

нородные не разделяются запятыми. Приложения, как и определения, могут быть однородными и неоднородными (принцип разграничения тот же). Как правило, постпозитивные приложения однородны, напр. *«Дуся, сестра его, крепкая дивчина, лицом в брата, угощала гостя чаем...»* (Н. А. Островский). Между О. ч. п. и неоднородными нет резкой границы. Так, напр., по вопросу об однородности сказуемых существуют две точки зрения. Согласно первой, любые сказуемые, соотносящиеся с одним и тем же подлежащим, являются однородными: *«Тысячный в е р н у л с я к своему рабочему месту, с н я л фуражку и бережно п о л о ж и л на стол»* (Грекова). Согласно второй точке зрения, однородными членами могут быть признаны только те сказуемые, к-рые. выражают утверждение или отрицание одного рода признаков предмета или явления, названного подлежащим: *«Настя сморщилась: Н е н а с т о я л а, н е у б е д и л а...»* (Тендряков); соотносятся с одним и тем же реальным временем: *«Он н е е л, н е п и л, л е ж а л неподвижно и молчал»* (Чехов).

Не являются однородными членами: повторения одного из членов предложения с экспрессивной целью: *«О, верю, верю, счастье есть»* (Есенин); фразеологизированные конструкции: *ни свет ни заря; и так и эдак; ни взад ни вперёд; и день и ночь; хочешь не хочешь.*

При соединительных отношениях между О. ч. п. запятые ставятся перед каждым однородным членом в след. случаях: при бессоюзии; перед повторяющимися союзами (*В этом лесу много и черники, и земляники, и малины, и брусники*); перед парами О. ч. п., соединённых союзами (*Отец и мать, братья и сёстры, родные и соседи – все радовались его приезду*). Если О. ч. п. соединены парными союзами, то запятая ставится только перед вторым членом пары: *Видно было уже не только сопки, но и город*. При противительных отношениях между однородными членами запятая ставится перед противительным союзом: *«Онегин был, по мненью многих (Судей решительных и строгих), Учёный малый, но педант»* (Пушкин). При разделительных отношениях между О. ч. п. запятые ставятся, если союзы повторяются: *«Вертит* [Мартышка] *очками так и сяк; то к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полижет»* (Крылов). См. также Обобщающее слово.

Лит.: Совр. рус. лит. язык. [Учебник для пед. ин-тов], М., 1988. *Е. М. Лазуткина.*

Односостáвное предложéние – простое предложение, в к-ром есть только один главный член с зависимыми от него словами или без них. Противопоставляется двусоставному предложению (см.). Отличие О. п. от двусоставных – в форме выражения общих по характеру смысловых компонентов или смысловых отношений. Различаются: 1) сказуемостные О. п. со значимым отсутствием подлежащего. Напр., нек-рые глагольные формы при значимом отсутствии подлежащего могут называть в предложении такое действие, к-рое выполняется неопределённым лицом: *Меня вызвали к директору* (ср. с двусоставным предложением *Секретарь вызвал меня к директору*, в к-ром то же действие приписано определённому лицу, названному подлежащим). Это неопределённо-личное предложение (см.). К тому же типу принадлежат обобщённо-личные предложения (см.): *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*, и безличные предложения (см.): *На улице стемнело*, а также инфинитивные предложения: *Молчать!; Вам уже ехать*. Подлежащее в таких предложениях без изменения форм сказуемого специальным словом выражено быть не может. Этим данные предложения отличаются от неполных предложений (см.).

2) Сказуемостные определённо-личные предложения (см.): *Сижу и рисую*. В отличие от О. п. первой группы, подлежащее в них ясно определено формой глагола и может быть легко введено в данную синтаксическую структуру без к.-л. её изменений: *Я сижу и рисую*. Отличие таких предложений от неполных в том, что отсутствие подлежащего в них не обусловлено контекстно-ситуативными условиями.

3) Номинативные предложения (см.), необходимым компонентом к-рых является существительное в им. п., одно или с зависимыми словами. В таких предложениях значимо отсутствие глагола *быть*, иначе говоря, глагол *быть* представлен нулевой формой, передающей значение наст. времени изъявительного наклонения: *«Летнее утро. В воздухе тишина»* (Чехов).

Нек-рые исследователи считают, что время и наклонение в номинативных предложениях выражаются не нулевой формой глагола *быть*, а общим устройством – с х е м о й – предложения. Существует и точка зрения, что им. п. превращает в предложение особая интонация. Существует концепция, согласно к-рой весь смысл в О. п. выражается только наличными членами, а отсутствие второго главного члена не значимо.

Если, вслед за многими синтаксистами, подлежащее и сказуемое определять как такие главные члены, к-рые предопределяют друг друга и в полных предложениях не могут выступать один без другого, то тогда по отношению ко всем О. п., в к-рых отсутствие второго состава не значимо, следует говорить не о сказуемом или подлежащем, а просто о главном члене.

Существуют две различные по своим исходным посылкам точки зрения, согласно к-рым О. п. вообще не существуют. Первая точка зрения такова: поскольку в рассматриваемых предложениях признаётся значимое отсутствие подлежащего, то предполагается говорить не об его отсутствии, а о нулевом подлежащем. Считается, что нулевое подлежащее – такая же языковая реальность, как и

вербализованное, напр., в предложении *Поля побило градом* нулевое подлежащее передаёт смысл 'стихия, орудием к-рой является град'. С другой точки зрения, подлежащее не обязательно должно выражаться им. п. существительного, оно может быть выражено и существительными в косвенных падежах, предложение *Поля побило градом* считается двусоставным с подлежащим *градом*, ср. *Град побил поля*.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, в. 1, Л., 1925; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Ивич М., Оппозиция: «Односоставное предложение» – «Двусоставное предложение», «НДВШ. ФН», 1965, № 4; Панов М. В., Рус. язык, в кн.: Языки народов СССР, т. 1 – Индоевропейские языки, М., 1966; Мельчук И. А., О синтаксическом нуле, в кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги, Л., 1974; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Золотова Г. А., Коммуникативные аспекты рус. синтаксиса, М., 1982.

Е. Н. Ширяев.

Одушевлённость ∓ неодушевлённость – грамматическая категория имён существительных, прилагательных, отчасти числительных и местоимений. У имён существительных категория О.–н. – это категория, относящая называемый предмет к разряду одушевлённых (т. е. живых существ – людей, животных) или к разряду неодушевлённых (предметов, свойств, действий и т. п.). Помимо названий отдельных людей и животных, к одушевлённым существительным относятся названия мифических существ, представляемых как живые (*дракон, кентавр, дьявол* и т. п.), а также слова *мертвец, покойник, кукла, марионетка*. Названия растений, а также совокупностей, групп людей и животных (*отряд, толпа, стая, стадо* и т. п.) относятся к неодушевлённым существительным. Слова *бактерия, микроб, личинка, куколка* (насекомого) могут употребляться и как одушевлённые, и как неодушевлённые.

Категория О. – н. имеет морфологическое выражение в ед. ч. только у существительных муж. рода 1-го склонения (см. Склонение), а во мн. ч.– у существительных всех родов и типов склонения (кроме несклоняемых). При этом одушевлённость выражается совпадением форм вин. и род. п., а неодушевлённость – совпадением форм вин. и им. п. Ср.: *вижу стол* (неодушевлённость) и *вижу брата* (одушевлённость); *вижу столы, книги, вещи, окна* (неодушевлённость) и *вижу братьев, сестёр, лошадей, чудовищ* (одушевлённость).

Употребляясь в переносных значениях применительно к лицам, неодушевлённые существительные приобретают свойства одушевлённых; таковы, напр., слова *мешок* (о неуклюжем человеке), *тюфяк* (о вялом человеке), (*синий*) *чулок* (о женщине); ср. также *«Продолжаются атаки на голубых касок»* (газ.).

Категория О.–н. выражена также у большинства местоимений-существительных (см. Местоимение): у слов *я, ты, мы, вы, себя, кто* (и его производных) вин. п. совпадает с род. п.; у местоимения *что* и производных от него – с им. п. У местоимения *он* (*она, оно, они*) вин. п. совпадает с род. п. независимо от того, указывает ли оно на живое существо или на неживой предмет.

Категорией О.–н. обладают также слова, согласуемые с существительными. У имён прилагательных эта категория указывает на принадлежность признака живому существу или неживому предмету (явлению) и выражается в совпадении формы вин. п. ед. ч. муж. рода, а также вин. п. мн. ч. с соответствующими формами род. п. или им. п. в зависимости от того, какое существительное – одушевлённое или неодушевлённое – определяется данным прилагательным. Ср.: *вижу новый фильм* (неодушевлённость) и *вижу нового учителя* (одушевлённость); *Я приобрёл новые книги* (неодушевлённость) и *Зоопарк приобрёл новых птиц* (одушевлённость). Так же выражается категория О.–н. у местоимений-прилагательных, у слова *один* и порядковых числительных.

Количественные числительные *два, три, четыре, оба* и собирательные числительные в сочетании с одушевлёнными существительными имеют вин. п., совпадающий с род. п., ср.: *вижу двух женщин, трёх братьев, обеих сестёр, пятерых сыновей*, но: *вижу два стола, три стены, трое саней* (у остальных количественных числительных вин. п. всегда совпадает с им. п.: *вижу пять женщин, десять учеников* и т. п.).

Форма согласуемого с существительным прилагательного (для мн. ч.– также форма числительного типа *два, три* и др.) выступает как дополнительное (синтаксическое) средство выражения О.–н. у существительных муж. рода 1-го склонения в ед. ч. и у всех существительных во мн. ч. Для существительных муж. рода 2-го склонения в ед. ч. и для несклоняемых существительных в обоих числах это синтаксическое средство выражения одушевлённости является единственным: *вижу знакомого судью; встретил двоих атташе; увидел в зоопарке взрослого шимпанзе и двух красивых какаду*.

Отступлением от последовательного выражения категории О.– н. являются конструкции типа: *пойти в матросы, поступить в работницы, выбрать в депутаты*, обозначающие присоединение кого-н. к определённому кругу лиц; в таких конструкциях формы вин. п. мн. ч. совпадают с формами им. п.

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1960; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

В. В. Лопатин.

О́канье – один из двух основных типов безударного вокализма русских говоров, противопоставленный аканью (см.); характерная черта северного наречия. О. в узком смысле – различение в безударных слогах после твёрдых согласных фонем

⟨о⟩ и ⟨а⟩, произношение безударного звука [о] на месте фонем ⟨о⟩ и ⟨ω⟩ («о» закрытое, в другом обозначении ⟨ô⟩) и звука [а] на месте фонемы ⟨а⟩: *во́ды – вода́, снол* или *снωп – снопа́, тра́вы – трава́* (при аканье произносится *вада́, снапа́*). П о л н о е О.– различение ⟨о⟩ и ⟨а⟩ во всех безударных слогах: *борода́, молодо́й, напаха́т', табако́м, до́рого, с'е́но, вы́дала, до́ма*. Н е п о л н о е О.– различение ⟨о⟩ и ⟨а⟩ только в 1-м предударном слоге и совпадение их в других безударных слогах в звуке [ъ], в конечном открытом слоге – в[ъ] или [а]: *бърода́, нъпаха́т', до́ръгъ, вы́дълъ* или *до́ръга, вы́дъла*. Вместо безударного [о] может произноситься в одних говорах более закрытый звук [ọ], иногда [у], в других – более открытый [ǫ]: *вọда́, вуда́* или *вǫда́*. Полное О. – наиболее характерная черта северного наречия, неполное О.– владимирско-поволжской группы говоров.

О. в широком смысле – различение в безударных слогах хотя бы части гласных фонем неверхнего подъёма. Оно включает типы такого различения не только после твёрдых, но и после мягких согласных. В 1-м предударном слоге на месте гласных фонем неверхнего подъёма могут произноситься после мягких согласных три или два разных гласных. Качество этих гласных обусловлено также след. твёрдым или мягким согласным. Так, возможны след. типы чередования ударных гласных с гласными 1-го предударного слога: *н'ос, р'ек* или *р'ẹк* (*р'и͡ек*), *п'а́тый* – 1) *н'осу́, р'ека́, п'ата́к; н'ес'и́, р'ек'и́, п'ат'и́*; 2) *н'осу́, р'ека́, п'ата́к; н'ис'и́, р'ик'и, п'ет'и́*; 3) *н'осу́, р'ока́, п'ата́к; н'ес'и́, р'ек'и́, п'ат'и́*; 4) *н'есу́, р'ека́, п'ата́к; н'ес'и́, р'ик'и́, п'ат'и́*; 5) *н'есу́, р'ека́, п'ата́к; н'ес'и́, р'ик'и́, п'ет'и́* и др. Различение ⟨о⟩ и ⟨а⟩ после твёрдых согласных может совмещаться и с еканьем (см.).

Реже встречается различение гласных фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в других предударных слогах: *до П'отрова́ дн'и, п'етуха́, п'атака́*, или *до П'отрова́ дн'и, п'етуха́, п'етака́*, или *до П'етрова́ дн'и, п'итуха́, п'етака́* и др. Чаще в этой позиции наблюдается совпадение всех гласных фонем неверхнего подъёма в звуке [е] или [и].

Для говоров с полным О. характерно заударное ё к а н ь е – произношение безударного [о] после мягких согласных, обычное на конце слова и перед твёрдым согласным конечного слога: *по́л'о, вы́н'ос* и более редкое в неконечном слоге: *о́з'оро*. При этом сохраняется различение гласных неверхнего подъёма: *мо́р'о, с мо́р'а, в мо́р'и; вы́н'осу, вы́л'езу, вы́т'ану* или *вы́н'есу, вы́л'езу, вы́т'ану* и др.

Лит.: А в а н е с о в Р. И., Очерки рус. диалектологии, ч. 1, М., 1949; Диалектологический атлас рус. языка. Центр европейской части СССР, под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей, в. 1 – Вступительные ст. Справочные материалы. Фонетика, М., 1986; Рус. диалектология, под ред. Л. Л. Касаткина, 2 изд., М., 1989.

Л. Л. Касаткин.

Окказионали́змы (от лат. occasionalis – случайный) – речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае; создаются на базе продуктивных / непродуктивных моделей из имеющегося в структуре языка материала вопреки сложившейся литературной норме (см. Норма). О. создаются специально, нарочито (этим они отличаются от спонтанно совершаемых нарушений нормы – речевых ошибок), всегда «привязаны» к определённому контексту, ситуации, понятны на фоне данного контекста, ситуации и той модели или единичного образца, к-рые послужили базой для их создания, напр. газетный заголовок *Убизнес* возник в связи с серией заказных у б и й с т в б и з н е с м е н о в на базе существительного *бизнес* и основы глагола *убить*. Окказиональные образования в принципе возможны при использовании единиц каждого языкового уровня.

О. обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности на фоне канонических, нормативных образований. Они, как правило, экспрессивно окрашены (за исключением О. в сфере терминологической лексики). О. образуются преим. в разг. речи, используются в художественной лит-ре, в публицистике (см. Устная публичная речь). Они могут возникать при языковой игре (напр., *мы с Лёвом* – ср. тв. п. *Лёвой* от *Лёва*, тв. п. *львом* от *лев*) в разг., художественной и публицистической речи, относиться к поэтическим вольностям [напр., *«Из пламя и света рождённое слово»*, Лермонтов (при род. п. *пламени*); *«Облак дыма»*, Блок] в стихотворной речи.

Более всего О. в сфере лексики и словообразования (это обусловлено ролью номинации в структуре речевой коммуникации). Здесь выделяется особый пласт слов – о к к а з и о н а л ь н ы е с л о в а (далее – О. с.). Их называют химерическими образованиями, «словами-однодневками», т. к. они обслуживают сиюминутные надобности речевой коммуникации, напр.: *оратель* – 'тот, кто орёт' (по аналогии с *оратор* от омонимичной основы инфинитива глагола *орать* + суффикс производителя действия *-тель*), ср. *писатель – писа(ть) + тель*, или по аналогии с конкретным словом, напр.: *первоопечатник* (И. Ильф и Евг. Петров) по аналогии с *первопечатник*, а также на основе конкретного сочетания слов, напр.: *снимать пенки – пенкосниматель* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *носить, таскать вещи на себе – насебетасканция*; *не подавать руки – нерукоподаваемы*. О. с.– результат, как правило, индивидуального словотворчества (часто на основе каламбурного переосмысления существующих в языке номинаций, напр. *завиральный – завиральные идеи*), языкового новаторства, поэтому их нередко

называют словами-самоделками. Они – реализация потенциальных возможностей системы языка. Лишь единицы из О. с. становятся достоянием лит. языка, напр. *громокипящий* (Ф. И. Тютчев), *лимонничать* (Ф. М. Достоевский), *помпадур, головотяп* (Салтыков-Щедрин), *сиюминутный* (В. В. Маяковский). О. с. могут быть заимствованы из других языков, становясь международными, напр.: *лилипут* (Дж. Свифт), *газ* (Я. Б. ван Гельмонт), *робот* (К. Чапек).

О. с. чаще всего встречаются в разг. речи, в детской речи, «в домашних разговорах», в частных письмах, в шуточных стихах, напр. *юфанствовать* в речевом обиходе семьи Л. Н. Толстого, *«Чукоккала»* – в обиходе семьи К. И. Чуковского. О. с. создаются также в поэзии (И. Северянин, В. Хлебников, Маяковский и др.) и в прозе. В силу присущей О. с. повышенной экспрессивности (как следствие необычности их образования на фоне «обычных» слов, созданных в соответствии с нормами, правилами, законами совр. деривации, см. Словообразование) О. с.– характеристическая черта жанров юмора и сатиры (Салтыков-Щедрин, Ильф и Петров), пародии (И. П. Мятлев, А. Г. Архангельский).

Среди О. с. выделяются два разряда: т. н. потенциальные слова (термин Г. О. Винокура) и собственно О. с. Потенциальные слова создаются по действующим словообразовательным моделям, но несколько модифицированным. В результате расширяются возможности реализации таких моделей, их использование в речи, напр. *джельтменствовать*, ср. *рыцарствовать*. О. с. расширяют список открытых рядов однотипных производных слов. Ср. *китиха* от *кит* у Маяковского по аналогии со *слониха* от *слон* в соответствии с действующей моделью. «В каждом языке ... существуют своего рода "потенциальные слова", т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы этого захотела историческая случайность» (Винокур).

Собственно О. с. образуются под влиянием контекста по аналогии или образцу конкретного слова, напр. *нагише* – ср. *неглиже*; *кюхельбекерно* (А. С. Пушкин) – от фамилии декабриста В. К. Кюхельбекера + модель наречия типа *печально, меланхолично*; *слоностоп* – по аналогии с *автостоп*. О. с. всегда производны и, как правило, не обладают всей парадигмой форм.

Немало О. встречается в произношении (в т. ч. ударении) в обиходно-бытовой непринуждённой (особенно шутливой) речи – как проявления языковой игры, напр.: *очепатка* (ср. *опечатка*), *овосчи* (ср. *овощи*), *пальтишко́* (ср. *пальти́шко*), а также в речи стихотворной (напр., *зе́фир* при нормативном *зефи́р*; рифма Лермонтова: *евну́х – пасту́х* при нормативном *е́внух*). В сфере грамматики О. чаще появляются среди словоформ (напр.: *«Что варишь, товарищ? Из о х а и а х а Уху»*, Хлебников; *«Сегодня в о з б у ж д у вопрос с точки зрения»*, Зощенко), чем среди синтаксических единиц (здесь гл. обр. в сфере управления, напр.: *«Тихо мне»*, Евтушенко; *Его ушли*). Грамматические О. особенно употребительны в разг. и художественной речи, в т. ч. в качестве языковой игры и поэтической вольности. В совр. русистике исследуется использование О. в языке художественной лит-ры и других функциональных разновидностях лит. языка.

Лит.: Фельдман Н. И., Окказиональные слова и лексикография, «ВЯ», 1957, № 4; Ханпира Э. И., Окказиональные элементы в совр. речи, в кн.: Стилистические исследования, М., 1972; Лопатин В. В., Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования, М., 1973; его же, Грамматические «неправильности» в поэтических идиостилях, в кн.: Язык рус. поэзии XX в., М., 1989; Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Лыков А. Г., Совр. рус. лексикология (рус. окказиональное слово), М., 1976; Томашевский Б. В., Стилистика. Учебное пособие, 2 изд., Л., 1983; Рус. разг. речь. Фонетика, морфология, лексика, жест, М., 1983; Улуханов И. С., Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы, «ВЯ», 1984, № 1; его же, Окказиональные чистые способы словообразования в совр. рус. языке, «Изв. АН. Сер. ЛиЯ», 1992, т. 51, № 1, 3; Катлинская Л. П., К вопросу о категориях описания в синхронном словообразовании, «ВЯ», 1984, № 6; Намиткова Р. Ю., Авторские неологизмы: словообразовательный аспект, Р.н/Д., 1986; Винокур Г. О., Маяковский – новатор языка, в его кн.: О языке художественной лит-ры, М., 1991; Земская Е. А., Словообразование как деятельность, М., 1992.

Ю. А. Бельчиков.

Оконча́ние, флексия,– вид аффикса (см.), словоизменительная морфема, выражающая в словоформах русского языка значения рода (см.), числа (см.), падежа (см.) или лица (см.). Напр., О. *-а* в словоформе *вода* выражает значения жен. рода, ед. ч., им. п., О. *-ыми* в словоформе *зелёными* выражает значения мн. ч. и твор. п., О. *-у* в словоформе *пишу* – значения ед. ч., 1-го лица. Материально тождественные морфы (см.) О. могут иметь разные значения. Напр., О. *-е* только в именах существительных имеет след. значения: муж. рода, ед. ч., предл. п. в словоформах типа: *(на) столе, (в) доме*; ср. рода, ед. ч., предл. п. в словоформах типа: *(в) море, (на) окне*; жен. рода, ед. ч., предл. п. в словоформах типа: *(о) книге, (в) реке*; жен. рода, ед. ч., дат. п. в словоформах типа: *(дал) сестре, учительнице*; мн. ч., им. п. в словоформах типа: *армяне, молдаване, баре, бояре, цыгане*.

Выражая значения рода, числа, падежа, лица, О. служит для указания синтаксических отношений (согласования, управления) данного слова с другими словами предложения. О. обычно занимают место в конце словоформы, после них в словоформах могут выступать только постфиксы (см.): *пиш-ет-ся, катал-а-сь, ид-ём-те*.

Каждое склоняемое и спрягаемое слово имеет свой набор О., в соответствии с к-рым оно относится к тому или иному типу склонения (см.) или спряжения (см.). В ряде случаев О. играет роль словообразовательного аффикса. Так, существительное *операционная* (название помещения) от-

личается от прилагательного *операционный* (*операционная комната, операционные инструменты* и т. д.) только набором О. (см. Субстантивация).

Лит. см. при ст. Морфема. *И. С. Улуханов.*

Олицетворе́ние, прозопопея (греч. prosōpopoiïa, от prósōpon – лицо и poiéō – делаю), персонификация (от лат. persona – маска, лицо и facio – делаю),– один из типов аллегории (см.), особый вид метафоры (см.); стилистический приём, состоящий в том, что неодушевлённому предмету, отвлечённому понятию, живому существу, не наделённому сознанием, приписываются свойства, действия, поступки, присущие человеку, напр.: *«Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, ... Ведут беседу меж собой»* (Тютчев); *«Колокольчики мои, Цветики степные, Не кляните вы меня, Тёмно-голубые»* (А. К. Толстой); *«Надежды вальс зовёт, звучит... Он тихо к сердцу подступает И сердцу громко говорит»* (Полонский); *«Щедрое море»* (газетный заголовок).

О. своим происхождением обязано анималистическим представлениям. В основе его лежит психологический параллелизм (А. Н. Веселовский), состоящий в сопоставлении жизни природы, окружающего мира с жизнью человека, что отражается в живых языках в силу присущего им «инстинкта персонификации» (А. И. Белецкий), напр. в рус. языке: *снег идёт, весна пришла, солнце село, хребет* (горный), *нос* (корабля) и т. д. О. как прямое выражение мироощущения пронизывает мифологию, религиозные гимны древних, фольклор (сказки, лирические песни). В мифологии, фольклоре конструктивное содержательно-композиционное значение имеют фантастические и зоологические персонажи, растения, наделённые человеческими свойствами, одухотворённые силы природы (*солнце, ветер, буря, вода* и др.), предметы повседневного быта (*печь, зеркало* и др.). На О. во многом строится один из древнейших лит. жанров, тесно связанных с фольклором,– басня. О. как специальный приём художественного изображения и соответственно как стилистический приём выступает важнейшим структурным элементом античной и ср.-век. поэтики Запада и Востока, в т. ч. др.-рус. лит-ры.

О. подразделяются на «языковые», принадлежащие языковой семантике (*беда, горе, тоска берёт; время бежит; часы идут*), и творческие, индивидуально-авторские или контекстуальные, создаваемые в конкретном тексте ситуации: *«Качалась Невка у перил, Вдруг барабан заговорил»* (Заболоцкий).

О. присущи прежде всего фольклору, художественной лит-ре (преим. поэзии, в меньшей мере прозе), употребительны в публицистике, в языке средств массовой информации [*Школа живёт большими надеждами; Наконец, зима вступила в свои права; Сивучи меняют прописку* (газ.); *Внимание, говорит Москва!* (радио)], в ораторской речи, в разг. речи (*Его слова за сердце берут*).

О. могут быть неразвёрнутыми, в рамках одного, реже двух предложений: *«Полуденный луч задремал на полу»* (Тютчев), и развёрнутыми, когда на основе О. (или ряда О.) строится изображение целостной картины (*«Тихонько шептались деревья... Луна на меня из-за тучи Смотрела как будто в слезах»*, А. К. Толстой), сюжета, как, напр., в стихотворениях «Утёс», «Тучки небесные» М. Ю. Лермонтова, «Безумие» Ф. И. Тютчева. О. может играть конструктивную роль в художественном (напр., «Фауст» И. С. Тургенева, «Степь» А. П. Чехова) и публицистическом (напр., «Лесные глаза» В. М. Пескова) тексте.

Лит.: Веселовский А. Н., Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля, в его кн.: Историческая поэтика, Л., 1940; Белецкий А. И., В мастерской художника слова, в его кн.: Избр. тр. по теории лит-ры, М., 1964; Ерёмина Л. И., О языке художественной прозы Н. В. Гоголя. Искусство повествования, М., 1987; Кохтев Н. Н., Риторика, М., 1994. *Ю. А. Бельчиков.*

Омо́графы – см. Омонимы.

Омоними́я – звуковое совпадение разных языковых единиц, значения к-рых не связаны друг с другом. Лексические омонимы (см. Омонимы) возникают вследствие звукового совпадения различных по происхождению слов, напр.: *рысь* (бег) и *рысь* (животное), *вал* (насыпь) и *вал* (волна), или в результате семантического разрыва значений многозначного слова, напр.: *свет* (лучистая энергия) и *свет* (мир, Вселенная), *пороть* (разрезать по швам) и *пороть* (сечь). Однако разрыв, расхождение значений многозначного слова (т. е. утрата этими значениями общих семантических элементов) может осуществляться постепенно, поэтому существует целый ряд значений, к-рые расцениваются учёными (напр., подаются в разных словарях) по-разному: или как значения самостоятельных слов-омонимов, или же как значения, принадлежащие одному и тому же слову. Ср., напр., квалификацию таких значений, как *угодить* (куда, в кого) и *угодить* (кому), *топить* (нагревать) и *топить* (расплавлять), *ярый* (яростный, страстный) и *ярый* (светлый), *журавль* (птица) и *журавль* (шест у колодца), *колено* (ноги) и *колено* (в пении) в разных толковых словарях совр. рус. языка. Трудность точного разграничения многозначности и О., возникающая в ряде случаев, приводит нек-рых лингвистов к мысли, что омонимами следует считать только значения, относящиеся к словам, различным по происхождению. Принятие этой точки зрения отодвинуло бы понятие «О.» в область исторической лексикологии, между тем несомненно, что именно для совр. языка приходится разграничивать значения, связанные друг с другом, и значения, к-рые, хотя и относятся к словам, звучащим одинаково, не имеют ничего общего (ср.: *растворить окно* и *растворить порошок в воде*, *мешать работать* и *мешать*

кашу и т. п.). Кроме того, историческая точка зрения на О. не может решить проблему полностью, поскольку происхождение многих слов, в т. ч. и омонимов, далеко не всегда представляется окончательно выясненным. Так, напр., *топить* (нагревать) и *топить* (заставлять тонуть) во всех словарях подаются как слова-омонимы, в то время как первое слово считается связанным с *тёплый* (чередование гласных), относительно происхождения второго существуют разногласия, в частности высказывалась мысль о возможности его этимологического отождествления с *топить* (нагревать). Спорным представляется и этимологическое разграничение (или же отождествление) таких омонимов, как *ключ* (источник) и *ключ* (от замка).

Иногда в качестве объективных критериев разграничения О. и многозначности выдвигают словообразовательные и синтаксические показатели. Их значение, однако, нельзя признать решающим, поскольку расхождение словообразовательных рядов не непременно связано с разрывом соответствующих значений, а реализация разных значений слова в различных синтаксических конструкциях также не всегда связана с их семантическим разрывом (ср.: *смотреть что, смотреть на что* и *смотреть за кем-чем*, а также такие производные от этого глагола, как *смотр, смотрины, смотритель, присмотреть, присмотреться, насмотреться*).

В языке существуют переходные, промежуточные явления; это осложняет и отграничение в ряде случаев О. от многозначности, однако само по себе разграничение этих явлений представляется важным и теоретически, и для лексикографической практики.

Различаются полная О. и частичная О., при к-рой совпадают по звучанию лишь отдельные формы слов, напр. *стекло* (глагол) и *стекло* (сущ.), образующие омоформы.

Омонимичными могут быть также грамматические формы слов. Напр., формы прилагательных *большой, молодой* и т. п. представляют формы, во-первых, им. п. ед. ч. муж. рода (*большой дом, молодой человек*), во-вторых, формы род. п. ед. ч. жен. рода (*большой деревни, молодой женщины*), в-третьих, дат. п. ед. ч. жен. рода (*большой деревне, молодой женщине*), в-четвёртых, твор. п. ед. ч. жен. рода (*большой деревней, молодой женщиной*). Основанием для признания этих форм разными, хотя и совпадающими по звучанию, служит то, что они согласуются с существительными, выступающими в различных падежах.

Лит.: Смирницкий А. И., К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. 4; Ахманова О. С., Очерки по общей и рус. лексикологии, М., 1957; её же, Словарь омонимов рус. языка, 3 изд., М., 1986; Виноградов В. В., Об омонимии и смежных явлениях, «ВЯ», 1960, № 5.

Д. Н. Шмелёв.

Омóнимов словари́ – тип словарей, в к-рых описываются омонимы (см.). Наиболее последовательная, полная и детально разработанная классификация рус. омонимов и максимально полная информация о них дана в «Словаре омонимов русского языка» О. С. Ахмановой (в составлении словаря принимала участие Т. А. Ганиева) (1974; 3 изд., 1986), в к-ром впервые помещены и описаны не только традиционно выделяемые группы омонимов, т. е. слов, исконно разных по значению (*брак, кран, рейд, лук, топить, такса* и др.), но и разнообразные типы омоформ в пределах словарных форм. Выделены омонимы-омоформы с выраженной морфологической структурой: а) слова с омонимией основ, напр. *колкий* (от *колоть иглой – колкая трава, насмешка*) и *колкий* (от *колоть дрова – колкий сахар, дрова*); в этом типе отмечается закономерность омонимических отношений у целых лексико-грамматических классов слов, напр. при омонимии исходных глаголов закономерно становятся омонимами отглагольные существительные, при омонимии основ существительных – соответствующие относительные прилагательные и др.; б) слова с омонимией аффиксов, напр. у глаголов-омонимов отмечается шесть омонимичных приставок *пере-*, две омони-

О. С. АХМАНОВА

СЛОВАРЬ ОМОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
МОСКВА — 1974

ГРИБÓК I—II ✱ I_2

Грибок I [*Уменьш. к* гриб]. *Англ.* small/tiny mushroom, *фр.* (petit) champignon, *нем.* kleiner Pilz. Грибной, грибник, грибница I.
Найти в лесу первый, маленький ~.

Грибок II. *Англ.* fungus, *фр.* microrganisme végétal; spore, *нем.* Pilz. Грибковый, грибница II.
Плесневой, дрожжевой, болезнетворный ~.

ГРИФ I—III ✱ II

Гриф I [*Греч.* γρύψ]. В античной мифологии: фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва; название крупной хищной птицы. *Англ.* Griffon, *фр.* griffon, *нем.* Greif. Грифовые.

Гриф II [*От нем.* Griff — рукоятка]. Длинная пластинка из дерева у струнных инструментов. *Англ.* finger-board, neck, *фр.* manche (de violon etc), *нем.* Griffbrett.

Гриф III [*От фр.* griffe — клеймо, штемпель]. Печать для штампа с изображением чьей-н. подписи, а также оттиск этой печати. *Англ.* (signature) stamp, *фр.* griffe, *нем.* Namenstempel.
С ~ом «секретно».

ГРОТ I—II ✱ II

Грот I [*Ит.* grotta]. *Англ.* grotto, *фр.* grotte, *нем.* Grotte. Гротиный, гротик.
Каменный, базальтовый, искусственный, прохладный, выбитый морем ~.

Грот II *спец.* [*От голл.* groot — большой]. Нижний прямой парус на грот-мачте. *Англ.* mainsail, *фр.* grand-voile, *нем.* Großsegel. Гротовый, грот-... (грот-мачта, грот-марсель).

ГРÓХОТ I—II ✱ III

Грохот I. *Англ.* crash, din, roar, *фр.* fracas, grondement, *нем.* Gepolter, Krachen. Грохотать, грохотание.
Сильный, далеко слышный, раскатистый ~; раздался, донесся ~; упасть, повалиться, покатиться с ~ом.

Грохот II. *Англ.* riddle, sifter, screen, *фр.* claie, sas, *нем.* Sieb, Durchwurf(sieb). Грохотить, грохочение.
Подвижные, переносные, специальные ~ы; просеять на ~е, пропустить через ~.

ГРÝДКА I—II ✱ I_1

Грудка I [*Уменьш. к* груда]. *Англ.* small pile, *фр.* petit monceau, petit tas, *нем.* kleiner Haufen. Грудиться.
Небольшая ~ камней, грудки картофеля и других овощей.

Грудка II [*Уменьш. к* грудь]. *Англ.* tiny breast, *фр.* petite poitrine, *нем.* Brüstchen, Brüstlein. Грудной, грудница, грудина, грудастый.
Детская, маленькая, нежная ~; пушистая ~ маленькой птички.

Фрагмент текста "Словаря омонимов русского языка" О. С. Ахмановой.

мичные приставки *за-*, *до-*, пять омонимичных приставок *о-* (*об-*, *обо-*, *объ-*); отмечаются омонимичные суффиксы *-ник*, *-тель* (*ночник*, *держатель*); в) слова с разной степенью членимости, т. е. с разной семантической и морфологической связью с производящей основой (*выглядеть*, *донести*, *отбывать*, *плестись*); г) слова с различием внутренней структуры, не имеющим открытого выражения в словарной форме (*самострел*, *газоход*, *привод*, *порыв*, *припёк*); д) слова, относящиеся к разным частям речи, т. е. лексико-грамматически несовместимые (*печь*, *пасть*, *знать*).

В словаре фиксируются и описываются также омонимы, образовавшиеся в результате распада полисемии (см.). В этом типе омонимии сделана попытка разграничить «завершившиеся» и «незавершившиеся» процессы распада полисемии, напр.: *палата*, *белый*, *красный*, *пионер*, *парк*.

В словаре применён системный подход к материалу: каждый индивидуальный случай трактуется как представитель того или иного типа. Показано, какую сложную иерархию составляют по отношению друг к другу разные типы омонимов. Каждый омоним с помощью индексов соотнесён с тем или иным типом или подтипом омонимии.

Системой помет, данной в словаре, учитывается принадлежность слов к общелит. языку или к специальной терминологии, к одной и той же или

разным территориальным разновидностям языка, к одному или разным функциональным стилям.

Для того чтобы ещё более ясно показать семантическую несовместимость, противопоставляемость омонимов, они снабжены переводами на англ., франц., нем. языки.

К словарю даны два приложения: в приложение I вынесена «функциональная омонимия» (омонимичные существительные, прилагательные, в т. ч. их краткие формы, наречия и безличные предикативы); в приложении II дан список омографов рус. языка, к-рые необходимо отличать от разных фонетических вариантов одного и того же слова (*а́тлас – атла́с, за́мок – замо́к*). Словарь показывает, что наиболее последовательно те или иные виды омонимии проявляются в системе рус. глагола, где выделяются наиболее регулярно воспроизводящиеся ряды, или цепочки, словообразовательных омонимических отношений.

В «Словаре омонимов русского языка» Н. П. Колесникова (под ред. Н. М. Шанского, 1976) материал дан «сплошным массивом, без классификационных границ» (Шанский), без стилистических помет. Это справочное пособие содержит обширный материал, представляющий омонимы как элементы речевого потока.

Лит.: Костомаров В. Г., О. С. Ахманова. Словарь омонимов рус. языка, «ВЯ», 1977, № 6. См. также лит. при ст. Омонимия. *И. К. Сазонова.*

Омо́нимы (греч. homṓnyma, от homós – одинаковый и ónyma – имя) – одинаково звучащие слова, у к-рых нет общих семантических признаков, дающих возможность считать соответствующие значения значениями одного слова. Термин «О.» чаще употребляется применительно к словам, но возможно говорить, напр., и об О.-морфемах. Лексические О. появляются в языке вследствие различных причин. Во-первых, в результате звуковых изменений в языке может произойти совпадение первоначально различающихся по звучанию слов, напр. *лук* (растение) и *лук* (для стрельбы): *о* носовое (ѫ), к-рое было во втором из этих слов, совпало в др.-рус. языке с *у*. Во-вторых, заимствование к.-л. слова (или слов) может привести к появлению в языке одинаково звучащих наименований, напр. заимствованное из немецкого через польский *брак* ('изъян') оказалось тождественным по звучанию со словом *брак* ('женитьба'), заимствованное из нидерландского *линь* ('вид каната') совпало со словом *линь* ('вид рыбы'). В-третьих, О. могут быть следствием распада многозначного слова, семантического разрыва, происходящего между различными его значениями. О. такого происхождения довольно многочисленны в совр. рус. языке, ср.: *брань* ('ругань') и *брань* ('война, битва'), *долг* ('обязанность') и *долг* ('взятое взаймы'), *колоть* ('раздроблять') и *колоть* (ср. *укол*). Наконец, не менее многочисленна в совр. рус. языке группа О., звуковое совпадение к-рых объясняется независимым образованием слов от одной и той же основы (в соответствии с одной и той же словообразовательной моделью, но каждое со специализированным значением), напр.: *ветрянка* ('мельница') и *ветрянка* ('оспа'), *приёмник* ('учреждение') и *приёмник* ('устройство для приёма чего-л.'), *дождевик* ('пальто') и *дождевик* ('гриб'), а также омонимичностью словообразовательных аффиксов, как в случаях *бумажник* ('вид кошелька для денег') и *бумажник* ('работник бумажной промышленности'), *настоять* (ср. *настойчивый*) и *настоять* (ср. *настойка*), *отстоять* ('простоять до конца'), *отстоять* ('защитить') и *отстоять* ('находиться на определённом расстоянии') и т. д.

В ряде случаев отнесение различных значений к отдельным словам-О. или же их объединение в составе многозначного слова не представляется бесспорным и осуществляется в различных словарях неодинаково (см. Омонимия).

Наряду с О. обычно выделяют также омографы (слова, одинаковые по написанию, но различающиеся ударением: *мука́ – му́ка*) и омофоны (слова, к-рые произносятся одинаково, но различаются в написании: *костный – косный*; чаще это слова, совпадающие по звучанию лишь в отдельных формах: *пруд – прут, луг – лук, лез – лес* и т. д.).

Лит. см. при ст. Омонимия. *Д. Н. Шмелёв.*

Омофо́ны – см. Омонимы.

Омофо́рмы – см. Омонимия.

О́ним (от др.-греч. ónyma, ónoma – имя, название), имя собственное,– слово, словосочетание или предложение, к-рое служит для выделения именуемого им объекта среди других в том же классе, напр. поселения: город *Клин*, село *Лужники*, деревня *Болото у Погоста*, село *Напойвсидруги*; имена и прозвища: *Дерево, Дорогие Щи, Федька Умойся-Грязью*; художественные произведения: *«Выстрел», «Преступление и наказание», «Жила-была девочка»*. Совокупность О. обозначается термином «онимия», а также термином «ономастика» (см.).

Основные функции О. в речи – номинативная, идентификационно-дифференцирующая и коммуникативная. Факультативные функции – информационная, экспрессивная; в художественной лит-ре – поэтическая.

Большинство О. вторичны по отношению к апеллятиву (см.). Семантика апеллятива на начальном этапе создания О. составляет в семантике последнего значительную долю, к-рая постепенно уменьшается и может совсем исчезнуть, но может и сохраниться (О. с прозрачной внутренней формой). Нек-рые О. не проходят апеллятивной стадии, они создаются сразу как имена собственные: *Санкт-Петербург* (при первом наименовании: город Святого Петра – небесного покровителя Петра I), *Державин* (фамилия по гербу: рука, держащая звезду, а не от слова *держава*).

О. разделяются на классы в зависимости от объектов номинации. Слово «оним» входит как терминоэлемент в состав названий классов имён и тем объединяет их (напр., топоним, антропоним и т. д.). Особый класс составляют культонимы (культовые имена) – духовные понятия христианства (монотеизм): *Бог, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух, Троица, Богородица/Царица Небесная, Церковь* и многие др.; имена богов в политеистических религиях составляют класс теонимов; в классе антропонимов (см. Антропонимика) за объектом номинации стоит понятие «человек» (нет человека без имени); в класс топонимов (см. Топонимика) входят названия географических объектов, данных по воле человека (есть и безымянные объекты); класс зоонимов составляют клички животных: лошадь *Бойцун*, лев *Кинули*, попугай *Лима*, собака *Букет* (бóльшая часть объектов фауны имён собственных не имеет); класс фитонимов в рус. языке состоит из десятков собственных имён растений, напр. дуб *Любомудр*, тополь *Лесная Гостиница*; класс идеонимов именует объекты умственной, идеологической и художественной сферы деятельности человека: у М. Булгакова – *Маргарита, Низа, Афраний; Новый Завет, «Евгений Онегин»*; журнал *«Русская речь»*, газета *«Русь Державная»*; праздник *«День Победы»*; класс прагматонимов объединяет различные категории О., имеющие денотаты в практической деятельности человека: колокола *Красный, Голодарь*; городские объекты – *Каменный мост*, улица *Никольская*; пушки *Единорог, Волк*. Внутри каждого класса имеются подклассы. Эта классификация и противопоставленность О. – апеллятив дают нек-рое представление об ономастической картине мира.

Лит. см. при ст. Ономастика *Н. В. Подольская.*

Ономасиоло́гия (от греч. ónoma – имя и lógos – слово, учение) – отрасль семантики, изучающая наименования, использование языковых средств для обозначения внеязыковых объектов. В отличие от семасиологии (см.), отражающей направление от средства выражения к выражаемому значению, О. основывается на движении от обозначаемого предмета к средствам его обозначения, шире – от содержания к форме. О. зародилась в недрах семасиологии (семантики), её необходимость предсказывал ещё М. М. Покровский в 1895. Ономасиологический подход ярко проявил себя в возникшем в 10-х гг. 20 в. лингвистическом направлении «слова́ и вещи» («Wörter und Sachen»), прежде всего на материале романской диалектологии, исследовавшей способы обозначения того или иного объекта в разных родственных языках и диалектах. В нач. 20 в. он занял важное место в изучении лексики, тогда же появился сам термин «О.».

Семасиология и О. с разных точек зрения изучают одно и то же соотношение: между элементами плана выражения и плана содержания, они дополняют друг друга и взаимосвязаны между собой. Их соотношение между собой и с общей семантикой по-разному оценивается в науке. Большинство лингвистов подчёркивает подчинённость ономасиологического подхода семасиологическому, его вторичность в том плане, что семасиология является базой для О., т. к. во многих случаях только на основании анализа значений слов и форм выявляются те значения (понятия), к-рые становятся затем объектом ономасиологического рассмотрения. Нек-рые лингвисты (напр., Э. Косерю) считают, что, в отличие от семасиологического, ономасиологический анализ не является подлинно семантическим, т. к. он не показывает изменения семантической структуры слова, его значения.

Утверждению ономасиологического подхода к языкознанию способствовали теории Ф. де Соссюра об означающем и означаемом, Л. Ельмслева о плане выражения и плане содержания, учение Л. В. Щербы об активной и пассивной грамматике (О. соответствует активной грамматике). Возникнув в сфере лексикологии, ономасиологический подход был впоследствии применён для изучения способов выражения понятийных категорий, репрезентируемых средствами словообразования, грамматики и др. Впервые опыт общего описания языка в ономасиологическом плане был осуществлён в книге франц. исследователя Ф. Брюно «Мысль и язык» (1922), где инвентаризируются и сопоставляются разноуровневые средства выражения различных «идей» («пол», «число», «определённость – неопределённость», «лицо», «обстоятельства», «время», «причина» и т. п.).

Ономасиологический анализ включает след. этапы. Определение объекта (понятия) в качестве исходного элемента; объект может быть взят из внеязыкового мира либо определён на основании анализа семантики определённых языковых форм. При этом нередко приходится прибегать к данным наук, изучающих соответствующие явления (напр., при исследовании способов выражения чувств – к психологии, при анализе способов обозначения звуков – к акустике, при описании способов обозначения приготовления пищи – к кулинарии и т. п.). Но во многих случаях достаточен лингвистический анализ: так, исследование значений глагольных префиксов в рус. языке позволяет выделить ряд способов действия. Далее выявляют различные средства выражения данного значения, относящиеся к различным уровням языка: словообразованию, лексике, грамматике, напр. для инхоативного (начинательного) способа действия: *механизм заработал – начал работать – его работа началась – он был пущен в ход* и т. п. И наконец, формируется семантическое поле, соотнесённое с данным понятием, между компонентами к-рого устанавливаются синтагматические, семантические и стилистические различия.

Для полноты ономасиологического анализа языка необходимо, не ограничиваясь языковыми данными одного уровня, привлекать средства разных уровней, ибо ономасиологический подход и создаваемое с его помощью ономасиологическое семантическое поле по своей природе являются разноуровневыми, отражая реальные ассоциации между языковыми средствами, присутствующие в языковом сознании говорящих. Напр., причинные отношения могут выражаться не только разными типами предложений и обстоятельств с соответствующими союзами или предлогами (*Я не мог выйти, так как пошёл дождь*; *Я не мог выйти из-за дождя*; *Я не мог выйти: был дождь*), но и лексически – глаголами определённой семантики: *Дождь помешал мне выйти из дому*. Другим методом обеспечения полноты ономасиологического описания является исчисление конструкций, способных выражать определённое значение, с помощью закономерных трансформаций. Так, всякое предикатное имя может соотноситься с двусоставным предложением, состоящим и из подлежащего, выраженного этим именем, и общепроцессуального глагола. Ср. *Дождь – Был дождь – Пошёл дождь*. В языке существует четыре основных части речи: глагол, существительное, прилагательное, наречие. При описании качества субъекта могут быть использованы структуры с глаголом, существительным, прилагательным, наречием: *Он трусливый – Он трусит – Он проявляет трусость – Он ведёт себя трусливо*. Разумеется, в каждом отдельном случае трансформации имеют ограничения, но в целом все теоретически возможные трансформации позволяют расширить границы ономасиологического поля. Напр., основным способом выражения локализации субъекта (или объекта) является обстоятельство места с предлогом: *Он перешёл через улицу*. Однако локализатор синтаксически может быть выражен любым другим членом предложения: прямым дополнением (*Он пересёк улицу*), подлежащим, определением и даже самим сказуемым с инкорпорированным локализатором: *заземлить – присоединить к земле*.

Ономасиологический подход противопоставлен грамматике в том смысле, что он игнорирует рамки уровней языковой структуры, создавая своё собственное системное описание языка, хотя и менее жёсткое и определённое, нежели описание семасиологическое. Ономасиологический подход используется в исторической лексикологии (при изучении изменения наименований объектов), в ареальной лингвистике (изучение варьирования обозначений одних и тех же объектов в вариантах лит. языков и в диалектах), в синхронном изучении языка (при составлении синонимических рядов и семантических полей), в контрастивной лингвистике (изучение способов выражения одного и того же понятия в сравниваемых языках), в прикладном языкознании – в лексикографии (составление идеографических словарей), лингвопедагогике (особенно при преподавании языка как неродного, когда учащемуся необходимо дать представление о выразительных средствах языка). Ономасиологические исследования никогда не прерывались и развивались в течение всего 20 в. Начиная с 70-х гг. 20 в. в отечественной лингвистике работа по ономасиологическому изучению рус. языка развивается в рамках функциональной грамматики (см.). Ономасиологический подход позволяет также исследовать внутреннюю форму слова (см.), он является базой теории номинации (см.).

Лит.: Караулов Ю. Н., Общая и рус. идеография, М., 1976; Языковая номинация. (Общие вопросы), М., 1977; Языковая номинация. Виды наименований, М., 1977; Кубрякова Е. С., Части речи в ономасиологическом освещении, М., 1978; Золотова Г. А., Коммуникативные аспекты рус. синтаксиса, М., 1982; Практическая грамматика рус. языка, под ред. Н. А. Метс, М., 1985; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис, Л., 1987; Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Л., 1990; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, СПБ, 1991; Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определенность/неопределённость, СПБ, 1992

В. Г. Гак.

Онома́стика (от греч. onomastikḗ – искусство давать имена) – раздел языкознания, изучающий собственные имена (см. Собственные существительные). Термином «О.» называют также совокупность собственных имён, к-рая обозначается и термином «онимия» (см. Оним). В нек-рых работах термин «О.» употребляется в значении антропонимика (см.).

О. традиционно членится на разделы в соответствии с категориями объектов, носящих собственные имена: антропонимика изучает имена людей, топонимика – названия географических объектов, зоонимика – клички животных, астронимика – названия отдельных небесных тел и т. д. О. делит собственные имена на реалионимы (имена существовавших или существующих объектов) и мифонимы (имена вымышленных объектов в мифах, сказках, эпопеях, былинах и т. п.).

В зависимости от языковых особенностей собственных имён различают О. литературную (область лит. языка) и диалектную; реальную и поэтическую (т. е. О. художественных текстов); современную и историческую; теоретическую и прикладную.

Объектом исследования О. являются история возникновения имён и мотивы номинации (называния), их становление в к.-л. классе онимов, различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой (трансонимизация), территориальное и языковое распространение, функционирование в речи, различные преобразования, социальный и психологический аспекты, юридический статус, формульность имени, использование и создание собственных имён в художественном тексте, табуирование. О. исследует фонетические, морфологические, словообразова-

тельные, семантические, этимологические и другие аспекты собственных имён.

Теоретическая О. использует различные методы языкознания: сравнительно-исторический, структурный (формантный и исследования основ), генетический (устанавливает родство собственных имён), ареальный (выявляет ареалы сходных элементов собственных имён), метод ономастической картографии (создание ономастических карт и использование материала карт для ономастических исследований), типологический (устанавливающий изоморфизм в онимии), региональный (исследование О. региона), стратиграфический, сопоставительный (сопоставление собственных имён различных языков), этимологический [применяется с ограничением: выявляется только этимон-апеллятив (см. Апеллятив) или первичное собственное имя], статистический (подтверждает активность моделей и тенденции их развития). При исследовании собственных имён используются: приём моделирования; текстологический анализ (применяется к специальным ономастическим текстам, где онимы преобладают над апеллятивами, и к обычным текстам, особенно древним, где необходимо разграничение собственного и несобственного имени); дешифровка текста по именам; реконструкция имени; стилистический анализ, к-рый применяется к собственным именам в художественном тексте и в речи; приём построения словообразовательных парадигм; фонетический анализ «своих» и «чужих» собственных имён; составление специальных анкет и вопросников и нек-рые другие частные приёмы. При помощи этих методов и приёмов О. выявляет ономастические системы, ряды, универсалии и др. Данные О. применяются в сравнительно-историческом языкознании, при этимологизировании апеллятивов; наложение ономастических ареалов на ареалы иных языковых явлений выявляет их несовпадение или частичное совпадение, что свидетельствует об обособленности онимов в языке.

О. связана с историей, этнографией, археологией, генеалогией, геральдикой, текстологией, литературоведением, географией, астрономией, расширяет также связи с геологией, геоморфологией, демографией, страноведением и др.

Прикладная О. занимается транскрипцией (см.) и транслитерацией (см.) иноязычных имён, установлением традиционных (по произношению и написанию), переводимых и непереводимых имён, созданием инструкций по передаче «чужих» имён, образованием производных от иноязычных имён, вопросами наименования и переименования.

Хотя собственные имена были предметом внимания учёных и философов с древнейшей эпохи и на Востоке и на Западе, О. получила научный статус в 30-х гг. 20 в. 1-й Международный ономастический конгресс (1930) был созван во Франции по инициативе А. Доза. В 1949 в Бельгии создан Международный ономастический комитет при ЮНЕСКО, к-рый издаёт ж. «Onoma» (с 1950), публикующий библиографию по О.

Лит.: Ономастика. Указатель лит-ры, изданной в СССР с 1963 по 1970, М., 1976; то же, в 1971–1975 с приложением за 1918–1962, М., 1978; то же, в 1976–1980, М., 1984; Теория и методика ономастических исследований, М., 1986.

Подольская Н. В., Словарь рус. ономастической терминологии, 2 изд., М., 1988. *Н. В. Подольская.*

ОПОЯ́З (Общество по изучению поэтического языка) – научное общество, основанное в 1916 в Петрограде при участии В. Б. Шкловского, О. М. Брика, Е. Д. Поливанова, Р. О. Якобсона, Л. П. Якубинского и др. Не имело формальной организационной структуры, но в нек-рых документах председателем О. назван Шкловский, к-рому принадлежит первое изложение идей ещё не созданного О. в брошюре «Воскрешение слова» (1914).

О. стал основной организацией т. н. рус. формализма – одного из наиболее значительных течений в поэтике нач. 20 в. С возникшим в 1915 Московским лингвистическим кружком (см.) – МЛК – О. сближали цели и методы исследования, а также ряд общих членов – Якобсон, Брик, Б. В. Томашевский. С О. и МЛК был связан В. В. Маяковский (О. на раннем этапе ориентировался на поэтическую практику футуристов, позднее нек-рые члены О. входили в ЛЕФ, руководимый Маяковским). В 20-х гг. деятельность основных членов О., включая новых (в 1918 в О. вошёл Б. М. Эйхенбаум, в 1918 или 1919 – Ю. Н. Тынянов), и их учеников продолжалась в Отделении словесных искусств Гос. ин-та истории искусств (ГИИИ), где работали и другие учёные, в т. ч. формального, но не строго ОПОЯЗовского направления, включая Л. В. Щербу; в разное время к О. примыкали учёные, не полностью разделявшие его установки и полемизировавшие с ними, напр. В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский.

Основные издания О.: «Сборники по теории поэтического языка» (в. 1–2, 1916–17; в. 3 – «Поэтика», 1919; позже под этим грифом с нумерацией или без неё вышел ряд отдельных работ), «Поэтика. Временник Отдела словесных искусств ГИИИ» (в. 1–5, 1926–29), «Вопросы поэтики» (непериодическая серия того же отдела), а также вышедшие в кон. 20-х гг. сборники работ основных теоретиков О.

Первый этап деятельности О. связан с изучением звуковой организации поэтической речи (включая «заумь»), отграничением её от речи практической. Значительный вклад в эту работу внесли ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ Якубинский и Поливанов. Однако в основном для О. характерно отношение к лингвистике как к источнику методологических нововведений; стремление к эмансипации науки о лит-ре заставляло видеть в языке лишь ближайший сопоставительный «ряд» – в отличие от МЛК и Пражской лингвистической школы, для к-рых задачи поэтики были неотделимы от линг-

вистики и само обращение к поэтическому материалу было отчасти обусловлено потребностями развития лингвистической теории, особенно у Якобсона с его концепцией поэтической функции языка. В этом смысле справедливое для нашего времени утверждение о том, что совр. семиотика (см.) восстанавливает традиционное единство филологии, исторически игнорирует непосредственную преемственность, не прерывавшуюся в деятельности Якобсона.

В 20-х гг. позиция О. отчасти сближается с пражской, но существенно расходится с московской, начинается полемика с поздним МЛК и с Гос. Академией художественных наук, а также, с другой стороны, со школой М. М. Бахтина (ср. полемику с О. в книгах, вышедших под именами П. Н. Медведева и В. В. Волошинова). Методологическая эволюция нач. 20-х гг. субъективно осознавалась членами О. как «антилингвистическая»; напр., Эйхенбаум именно так понимал свою полемику с нем. «слуховой филологией» — направлением экспериментальной фонетики, поначалу вызывавшим большой интерес в О. (особенно работы Э. Зиверса и Ф. Зарана). В «нелингвистичности» упрекал О. и Виноградов. На этом этапе важную роль играла разработка проблем поэтического синтаксиса и «мелодики» как соотношения синтаксиса со стиховыми факторами (работы Эйхенбаума, Брика, Жирмунского), а также поэтической семантики — прежде всего семантики слова в стихотворном контексте (книга Тынянова «Проблема стихотворного языка», 1924, первоначально называлась «Проблема стиховой семантики»), а также в публицистической прозе, т. е. с выходом за рамки «чистой» поэтики [специальный номер «ЛЕФ», 1924, № 1 (5), посвящённый памяти В. И. Ленина; в этом номере опубликована статья Тынянова «Словарь Ленина-полемиста»]. Идеи Тынянова ещё не вполне освоены лингвистической семантикой. Его концепция лит. эволюции как смены «эпох-систем» прямо параллельна (если не является источником) диахронической концепции Пражской лингвистической школы с её «антисоссюровским» тезисом о системности диахронии и иллюзорности чистой синхронии (эти принципы изложены, в частности, в совместных тезисах Тынянова и Якобсона «Проблемы изучения литературы и языка», 1928,— последнем программном документе О.).

Вклад О. в языкознание прежде всего определяется разработкой проблемы поэтического языка (в противопоставлении «практическому»), чрезвычайно важной для выяснения границ и взаимоотношений собственно лингвистики, стилистики и поэтики, а также исследованием ряда конкретных проблем поэтического синтаксиса, семантики и фонетики (напр., исследования «заумного» языка имеют прямое отношение к одной из ключевых лингвистических проблем — «мотивированности» знака). К работам о специфике поэтической речи восходят исследования различий речевых жанров (Якубинский, Щерба, Виноградов). В работах О. были сформулированы основы научного стиховедения, не утратившие актуальности (Якобсон, Томашевский, к-рый, по отзыву Якобсона, интуитивно пользовался фонологическими критериями), а в стиховедческих исследованиях впервые выдвинуты положения новой фонологии в её пражском варианте (книга Якобсона «О чешском стихе», 1923; фонологические критерии упоминаются уже в 1922 в обзоре П. Г. Богатырёва и Якобсона). Наконец, пока ещё не полностью проанализирован и оценён материал Кабинета звучащей речи ГИИИ, работавшего под руководством С.И. Бернштейна. Под влиянием О. или в полемике с ним сформировались взгляды таких языковедов, как Якубинский, Жирмунский, Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Поливанов, А. А. Реформатский и др. Преемственно связаны с О. нек-рые аспекты и направления структурной лингвистики.

Лит.: К спорам о формальном методе, «Печать и революция», 1924, № 5; Диспут о формальном методе, «Новый Леф», 1927, № 4; Эйхенбаум Б. М., Лит-ра, Л., 1927; Энгельгардт Б. М., Формальный метод в истории лит-ры, Л., 1927; Жирмунский В. М., Вопросы теории лит-ры, Л., 1928; Медведев П. Н., Формальный метод в литературоведении, Л., 1928; его же, Формализм и формалисты, Л., 1934; Виноградов В. В., О языке художественной лит-ры, М., 1959; его же, Из истории изучения поэтики (20-е годы), «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1975, т. 34, в. 3; его же, Поэтика рус. лит-ры. Избр. тр., М., 1976; Выготский Л. С., Психология искусства, М., 1965; 2 изд., М., 1968; Хрестоматия по теоретическому литературоведению, Тарту, 1976 (лит.); Тынянов Ю. Н., Поэтика. История лит-ры. Кино, М., 1977; Тыняновский сб. Первые тыняновские чтения, Р., 1984; то же, Вторые тыняновские чтения, Р., 1986; то же, Третьи тыняновские чтения, Р., 1988; Тыняновские чтения (4; Резекне / Даугавпилс). [Тезисы докл.], Р., 1988; Тыняновский сб. Четвертые тыняновские чтения, Р., 1990; Винокур Г. О., Филол. исследования. Лингвистика и поэтика, М., 1990; Пятые тыняновские чтения. Тезисы докл. и материалы к обсуждению, Р., 1990; Шестые тыняновские чтения. Тезисы докл. и материалы к обсуждению, Р. — М., 1992; Тыняновский сб. Пятые тыняновские чтения, Р., 1994; Erlich V., Russian formalism. History — Doctrine, s'Gravenhage, 1955; 2 ed., L., 1965; 3 ed., New Haven — L., 1981; Pomorska K., Russian formalist theory and its poetic ambiance, The Hague — P., 1968; Jakobson R., Selected writings, v. 2, The Hague — P., 1971, v. 5, The Hague, 1979; Hansen-Löve A., Der russische Formalismus, W., 1978; Any C. J., Boris Eikhenbaum: Voices of a Russian Formalist, Stanford, 1994; Jackson R. L., Rudy S., Russian Formalism. A retrospective Glance. A Festschrift in Honor of Victor Erlich, «Yale Russian and East European Publications», 1994, № 6.

Г. А. Левинтон.

Оппози́ции языковые (от лат. oppositio — противопоставление) — лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, к-рому соответствует различие между единицами плана содержания (см. Знак языковой), и наоборот.

В этом смысле говорят о фонологической О. между рус. фонемами ⟨к⟩ и ⟨р⟩ — слова *кот* и *рот* отличаются не только по звучанию, но и по значению, или о семантической О. «ед. ч.» — «мн. ч.», т. к., напр., между формами *стола* и *столов* име-

ется как содержательное, так и формальное различие (см. Категория языковая).

Подобное истолкование О. позволяет разграничить отношения между различными языковыми единицами (разными инвариантами) – т. н. оппозитивные отношения – и отношения между фонетически либо семантически различными вариантами одной и той же языковой единицы – неоппозитивные отношения. Так, напр., глухие заднеязычные согласные [*к*] (смычный) и [*х*] (фрикативный) – разные фонемы рус. языка (ср. *корь* и *хорь*), тогда как соответствующие звонкие согласные [*г*] и [γ], между к-рыми существует то же самое фонетическое различие, являются вариантами одной фонемы, т. к. замена одного другим не связана со смыслоразличением (возможно произношение *бо*[γ]*атый* наряду с более обычным *бо*[*г*]*атый*).

В разработке понятия О. большую роль сыграли труды Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона (см. Пражская лингвистическая школа).

Лит.: Трубецкой Н. С., Основы фонологии, пер. с нем., М., 1960; Булыгина Т. В., Грамматические оппозиции, в кн.: Исследования по общей теории грамматики, М., 1968; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Якобсон Р. О., Избр. работы, пер. с англ., нем., франц., М., 1985.

Т. В. Булыгина, С. А. Крылов.

Определе́ние – второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы *какой? чей? который?* О. служит для распространения и пояснения другого члена (главного или второстепенного), входящего в состав того же предложения и выраженного именем существительным или любой другой субстантивированной частью речи (*Лучшие ученики получили грамоты; Утром прибыли новые отдыхающие*), а также любой позиционно субстантивирующейся словоформой или группой словоформ (*Твоё «не хочу» звучит странно; Его «мне скучно» всем надоело*). Пояснение, выражаемое О., может иметь разное содержание. Оно определяет предмет или лицо, характеризует его с разных сторон. О., отвечающие на вопрос *какой?*, указывают на различные признаки предметов, напр. качество, размер, форму, свойства, материал, из к-рого изготовлен предмет (*Он купил новую большую тетрадь в клеточку; Она пришла в красивом шерстяном костюме*).

О., отвечающие на вопрос *который?*, указывают на порядок предметов при счёте (*Прозвенел второй звонок; Он едет в пятом вагоне*). О., отвечающие на вопрос *чей?*, указывают на принадлежность предмета (*Брат Виктора учится в университете; В концерте исполнялись произведения Чайковского; Я познакомила их с моими родителями*). В зависимости от характера связи О. с определяемым словом различаются О. согласованные и несогласованные.

Согласованными называются О., связанные с определяемым словом посредством согласования (см.). Согласованное О. уподобляется определяемому слову в роде, числе и падеже. Специализированной формой выражения согласованного О. являются прилагательные (*Большие деревья росли вокруг низкого деревянного домика; Они бережно хранят отцовскую шинель*). Согласованные О. могут быть выражены также порядковыми числительными, причастиями, местоимениями (*В нашем классе нет отстающих учеников; Он решает эту задачу уже второй час*). Разновидностью согласованного определения, выраженного именем существительным (часто с поясняющими его словами), является приложение (см.).

Несогласованными называются О., связанные с определяемым словом посредством управления (см.) или примыкания (см.) (*Он прочитал ещё раз письмо отца; Олег обрадовался предлогу выйти на улицу; Они живут в квартире напротив*). В функции несогласованного О. выступают имена существительные в формах косвенных падежей с предлогами и без предлогов, сравнительная степень, наречие, инфинитив (*Листья берёзы шумели; Ему нравились вечера в доме бабушки; Она познакомила нас с товарищем по университету; Сестра выбрала ткань с рисунком повеселее; Всех их собрало желание увидеться; На завтрак дали яйца всмятку*). Несогласованные О., выраженные существительными в косвенных падежах, могут быть синонимичными согласованным О.-прилагательным (*хлопья снега – снежные хлопья, студенты из Москвы – московские студенты, стена из камня – каменная стена*). Несогласованное О. может быть выражено также сочетанием существительного с прилагательным или существительного с числительным (*Их встретил молодой человек невысокого роста; Они смотрели на малыша с большими голубыми глазами; Вошла девочка лет тринадцати*).

В предложении оказывается очень часто невозможным разграничение несогласованного О. и косвенного дополнения (см. Дополнение), а также несогласованного О. и обстоятельства (см.). Так, в сочетаниях *полотенце для рук*, лекарство *от головной боли* формы косвенных падежей с предлогами равно могут быть квалифицированы как О. и как дополнение: *полотенце* – какое? и для чего?, *лекарство* – какое? и от чего? Такое неразграничение объясняется тем, что категория О. традиционно выделяется на двух, не всегда совместимых, основаниях: на основании формы (косвенные падежи) и логического вопроса. Такое же неразграничение, в принципе, имеет место и при квалификации О. и обстоятельства.

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Совр. рус. язык, ч. 2, [М.], 1964; Гвоздев А. Н., Совр. рус. лит. язык, 3 изд., ч. 2, М., 1968; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Ло-

патина, М., 1989; Кручинина И. Н., Определение, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

К. В. Габучан.

Определённо-ли́чное предложе́ние – простое, односоставное, бесподлежащное предложение с глаголом-сказуемым, к-рый своими личными окончаниями указывает, что действие, названное им, выполняется определённым, 1-м или 2-м, лицом: *«Без любви, без счастья по миру скитаюсь, разойдусь с бедою, с горем повстречаюсь»* (Кольцов); *«Надевайте коньки и давайте же кататься вместе»* (Л. Н. Толстой).

О.-л. п. легко преобразовать в двусоставное, введя в него местоимение 1-го или 2-го лица: *«Вот раз иду из гимназии»* (Вересаев) - *Вот раз иду я из гимназии.*

Как особый тип односоставных предложений О.-л. п. выделяются только потому, что они часто употребляются без местоимения-подлежащего. О.-л. п.– регулярные реализации соответствующих двусоставных структур. Этим О.-л. п. отличается от неопределённо-личных предложений (см.) и обобщённо-личных предложений (см.), в к-рых нет и не может быть особого слова для выражения подлежащего, подлежащее в них невосстановимо. О.-л. п. отличаются и от неполных предложений (см.), в к-рых отсутствие того или иного члена всегда связано с определёнными конституативными или морфолого-синтаксическими условиями; отсутствие личного местоимения в О.-л. п. таких условий не требует.

Определённо-личными чаще всего бывают предложения: с глаголом в форме 1-го лица ед. ч. наст.-буд. времени изъявительного наклонения: *«Люблю тебя, Петра творенье»* (Пушкин); *И не понимаю, и сержусь*; с глаголом в форме повелительного наклонения: *«Красуйся, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия»* (Пушкин); *Не смущай меня возражениями.* Если необходимо специально выделить лицо, противопоставить одно лицо другому, то обязательно должно быть употреблено местоимение-подлежащее, ср.: *Думаю, что это неверно* и *Я думаю, что это неверно, а Петя думает иначе; Читай ты, а он пусть слушает.*

Лит.: Совр. рус. язык, ч. 2, [М.], 1964; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980.

Е. Н. Ширяев.

Определи́тельные местоиме́ния, определительные местоименные слова,– семантический разряд местоимений (см.), включающий слова, по своим грамматическим свойствам принадлежащие к разным частям речи (прилагательному, наречию), но объединяемые значением обобщённой квалификации того или иного лица, предмета, признака. В зависимости от характера этой квалификации внутри данного разряда выделяются след. частные семантические группы.

1. Обобщающие слова *весь, везде, всегда, всюду, всячески, всяческий, отовсюду, повсюду, по-всячески, всякий, каждый, любой.* Слова этой группы указывают на полноту охвата лиц, предметов, признаков во всей их совокупности: *«И всюду звук, и всюду свет, И всем мирам одно начало, И ничего в природе нет, Что бы любовью не дышало»* (А. К. Толстой); на отдельные лица, предметы, признаки, выделяемые из совокупности себе подобных: *«И жизни каждая струя, Любви покорная закону, Стремится силой бытия Неудержимо к божью лону»* (А. К. Толстой).

2. Усилительно-выделительные слова *сам, самый, один* (в смысле ‘только, исключительно’); в их значении объединены семантические компоненты: указание на то, что именно это лицо, этот предмет совершает действие (или подвергается ему); одновременное указание на исключение, невозможность участия в этом действии другого лица, предмета, ср.: *«Нам мнится: мир осиротелый Неотразимый Рок настиг – И мы, в борьбе, Природой целой покинуты на нас самих»* (Тютчев); *«В те дни, когда уж нет надежд, А есть одно воспоминанье, Веселье чуждо наших вежд И легче на груди страданье»* (Лермонтов).

3. Слова с общим значением противопоставления ‘не этот’, ‘не тот’, ‘не так’: *другой, иной, иначе, по-другому, по-иному: «Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной: Напоминают мне оне Другую жизнь и берег дальный»* (Пушкин); *«Когда человек умирает, Изменяются его портреты. По-другому глаза глядят, и губы Улыбаются другой улыбкой»* (Ахматова).

4. Слова с общим значением указания на высокую степень проявления признака. Эту группу формируют местоименные слова, к-рые по своим первичным значениям входят в другие семантические разряды (вопросительно-относительные и указательные): *как, каков, какой, насколь* (устар. и прост.), *насколько, сколь, сколько, так, такой, что* (в значении ‘сколько’), *эдакий, этакий,* ср.: *«Сад весь в цвету, Вечер в огне, Так освежительно-радостно мне!»* (Фет).

5. Слова с общим значением низкой оценки: *какой-никакой, как-никак, кое-как, так-сяк, такой-сякой.* Кроме того, в условиях контекста оценочное значение приобретают местоименные слова других семантических разрядов: *какой-то, какой-нибудь, как-нибудь, никакой.*

Для О. м. в целом характерно сохранение местоименного значения в любых типах контекстов. Исключение составляет слово *сам*, к-рое, субстантивируясь, может употребляться в разг. речи в значении ‘хозяин, глава’, а также слово *самый*, формирующее в соответствующих текстах значение частицы (в просторечии).

Синтаксические функции О. м. зависят от их принадлежности к той или другой части речи.

Лит. см. при ст. Местоимение.

А. С. Белоусова.

Опро́щение – одно из изменений морфемной структуры слова, проявляющихся в ходе развития языка: основа, ранее членимая на морфемы (вы-

деляющая в своём составе префикс или суффикс), со временем перестаёт выделять аффикс и становится основой нечленимой, равной корню. Напр., в глаголе *забыть*, исторически образованном от глагола *быть* с помощью префикса *за-*, но ныне несоотносимом с глаголом *быть*, выделяется корень *забы-*; в слове *басня*, образованном от ныне устарелого глагола *баять* (‘говорить, рассказывать’) с помощью суффикса *-сн(я)* (того же, что в слове *песня*), в совр. языке не выделяется суффикс, основа равна корню.

Основная причина О.– т. н. деэтимологизация, или демотивация, слова, т. е. потеря им первоначальной словообразовательной мотивированности другим словом. О. способствуют след. явления: 1) изменение значения слов; так, слово *красный*, первоначальное значение к-рого ‘красивый’, во вторичном значении – цветовом – перестало мотивироваться словами *краса*, *красота* и выделять корень *крас-*; слово *прекрасный*, первоначальное значение к-рого ‘очень красивый’, в совр. значении не соотносится со словом *красный* и потому не выделяет префикса *пре-*; 2) исчезновение из языка мотивирующего слова; так, устаревание и дальнейшее полное исчезновение слова *вага* – ‘вес’ способствовали О. первоначально мотивированного им слова *важный*; 3) фонетические изменения, разрушающие связь однокоренных слов; напр., О. слов *облако*, *обод*, *обоз* – первоначально отглагольных, мотивированных соответственно глаголами *обволакивать*, *обводить* и *обвозить* с префиксом *об-*, способствовало упрощение группы согласных на стыке префикса и корня: **бв* > *б*, а в результате изменения *дъщанъ* (‘нечто дощатое’) > *чан* это слово перестало мотивироваться словом *доска*.

Вследствие О. нередко меняется написание слова, напр. *задъхлый* (от *задохнуться*) > *затхлый* (слово, в к-ром перестали выделяться префикс *за-* и суффикс *-л-*); иногда исчезают из языка целые непродуктивные аффиксы (напр., суффикс *-р-*, выделявшийся в прилагательных *добрый*, *бодрый*, *острый*, *хитрый* и др.). В результате О. в языке появляются новые корни. Сведения о первоначальном морфемном членении слов, подвергшихся О., можно найти в этимологических словарях. Впервые описал явление О. и предложил этот термин В. А. Богородицкий.

Лит.: Богородицкий В. А., Очерки по языковедению и рус. языку, 4 изд., М., 1939; Булаховский Л. А., Деэтимологизация в рус. языке, «Тр. Ин-та рус. языка», 1949, т. 1; его же, Типы деэтимологизации в рус. языке, в кн.: Вопросы слав. языкознания, кн. 3, Львов – Хар., 1953; Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию и лексикологии, М., 1959; его же, Очерки по рус. словообразованию, М., 1968; Ольшанский О. Е., Опрощенные суффиксальные существительные в совр. рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1972, № 6.

В. В. Лопатин.

Ора́торская речь – разновидность устной формы литературного языка, к-рая находит выражение в различных типах публичных выступлений на общественно значимые темы. О. р. информативна, адресована определённой аудитории, является особой формой речевой деятельности в условиях непосредственного общения. Это устное, как правило, подготовленное выступление, следующее коммуникативно-речевой и соответствующей виду О. р. стилистической и композиционной нормам, с целью информирования слушателей и воздействия на них для получения оратором желаемого эффекта. Коммуникативно-речевая (языковая) норма О. р.– наиболее распространённые, принятые в практике образцового использования и регламентированные правилами произносительные, лексические, морфологические, синтаксические варианты, с помощью к-рых достигаются правильность речи, её чистота, точность, логичность и доступность. Стилистическая норма – совокупность устойчивых реализаций языковых средств, характерных для различных функциональных стилей, функционально-смысловых типов, изобразительно-выразительных средств, ведущих к стилистической целесообразности речи, её богатству. Композиционная норма – система смысловых структур и отдельных элементов, используемых для развёртывания воздействующего на слушателей изложения, к-рое характеризуется смысловой и стилистической целостностью, структурной завершённостью и единством, структурной и семантической связанностью компонентов речи.

Для О. р. характерны также тематическая заданность, ориентированность, однонаправленность, контактность, наличие элементов диалога, временна́я протяжённость, динамичность, модальная оценочность, полемичность, прагматизм. Целостность О. р. заключается в единстве её темы и смысловых частей разной структуры и протяжённости, к-рые составляют её композицию. С одной стороны, О. р. представляет собой линейную последовательность, и здесь на первый план выходят средства оформления связности; с другой стороны, О. р.– это единство, проходящее путь от замысла до его воплощения, т.е. речь, подчиняющаяся определённым правилам организации, предполагающей осуществление нек-рой общей модели для каждого из её видов. Особенность О. р. состоит также в её необратимости, в отсутствии обозримой последовательности элементов, к-рую можно было бы охватить, как письменный текст, взглядом, что многое определяет в характере её построения и восприятия, в частности наличие в ней интеграционных, т. е. ретроспективных, когезийных (связывающих), проспективных языковых элементов.

В процессе подготовки О. р. и её произнесения возникает взаимосвязь между книжной речью (см.), поскольку выступление тщательно готовится (чаще всего по письменным источникам и в письменном виде), и устным его представлением, на к-рое влияет разговорная речь (см.), точнее разг. разновидность лит. языка. А. М. Пешков-

ский отметил: «Это особый вид собственно литературной речи – вид, который я бы назвал в известном смысле подделкой письменной речи под устную. Такая подделка действительно необходима в той или иной степени во всех публичных выступлениях, но она ничего общего не имеет с тем случаем, когда оратор не умеет справиться со стихией устной речи или не умеет ориентироваться в должной мере на письменную» (Избр. тр., 1959). Степень книжности/разговорности зависит от способа выступления [чтение текста, воспроизведение его по памяти (с разной степенью опоры на него), импровизация], а также от индивидуальных навыков оратора и его ораторского опыта. Отталкивание от книжно-письменных форм и стремление к живой устной речи характерны для всех выдающихся ораторов.

Выделяют несколько видов О. р., к-рые формировались в течение длительного времени. Социально-политическая О. р.– это выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные темы, напр. по вопросам научно-технического прогресса, отчётные доклады на собраниях, конференциях, съездах, а также дипломатические, парламентские, военно-патриотические, митинговые, агитаторские выступления. Основная цель таких речей – дать к.-л. политическую, экономическую, деловую и другую информацию, оценить текущие, напр. политические, события, дать рекомендации, поставить задачи и предложить пути их решения, сообщить о проделанной работе, анализируя и оценивая её результаты, склонить слушателей к к.-л. действиям и др. Выбор и использование языковых средств зависят в первую очередь от темы и целевой установки речи. Отчётные доклады, дипломатические речи имеют черты официально-делового стиля (см.), т. к. составляются на основе официальных документов, а также установку на произнесение перед аудиторией и воздействия на неё. Для них характерны безличность, отглагольные существительные и отымённые предлоги, книжная лексика (напр., политическая лексика), аналитические вербальные сочетания, преобладание прямого порядка слов, наличие предложений, отражающих логическое подчинение одних фактов другим, речевые стандарты и т. п. Для других видов социально-политической О. р. характерно использование разг. и публицистических средств языка, в т. ч. эмоционально-экспрессивных и образных. Они демонстрируют богатейший арсенал риторических приёмов, контактоустанавливающих средств и отличаются оценочностью, призывностью, полемичностью.

Политическое красноречие в России было развито слабо. Лишь военная и дипломатическая О. р. достигли сравнительно высокого уровня. Обращались к воинам Пётр I, А. В. Суворов, М. И. Голенищев-Кутузов. К кон. 19 в. появились первые рабочие-ораторы (П. А. Алексеев, С. Н. Халтурин, Е. А. Афанасьев, П. А. Золотов, И. В. Бабушкин и др.). Большую роль в формировании политического красноречия в России играли М. А. Бакунин, Н. И. Бухарин, С. М. Киров, А. М. Коллонтай, П. А. Кропоткин, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Г. И. Петровский, Г. В. Плеханов, Л. Д. Троцкий, Г. В. Чичерин, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, В. В. Шульгин, А. Ф. Керенский и др. В 20 в. развивается парламентское красноречие. Политические речи имеют сильную прагматическую направленность.

Академические речи – это вузовские лекции, научные доклады, обзоры, рефераты, сообщения и беседы, научно-популярные лекции. Этот вид О. р. помогает формированию научного мировоззрения. Он отличается большой информативностью, аргументированностью, наличием большого количества терминов, общенаучных и абстрактных слов. В академическом виде О. р. преобладает имя существительное, что объясняется его номинативной направленностью, активны безличные и возвратно-безличные формы. Синтаксис логический, фраза отличается грамматической и логической полнотой, преобладают конструкции, в к-рых выражаются причинно-следственные отношения. Научно-популярные лекции приближаются к публицистическому стилю (см.), допускают бóльшую степень разговорности.

В России академическое красноречие окончательно сложилось в 1-й пол. 19 в. с пробуждением общественно-политической мысли. Однако ещё в 18 в. Е. Р. Дашкова вводит чтение лекций и открывает общедоступные курсы по основным отраслям наук для всех желающих слушателей «на российском» языке. Большую роль в формировании академического вида О. р. сыграли такие представители рус. лекторской школы, как Т. Н. Грановский, В. О. Ключевский, С. М. Соловьёв, Н. И. Вавилов, В. С. Соловьёв, И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов, В. И. Вернадский, Е. В. Тарле, А. Е. Ферсман и др.

Судебные речи призваны оказывать целенаправленное и эффективное воздействие на суд (способствовать формированию убеждения судей) и присутствующих в зале суда граждан. Обычно выделяют прокурорскую, или обвинительную, речь и адвокатскую, или защитительную, речь. К ним примыкают общественно-обвинительная и общественно-защитительная речи, а также самозащитительная речь, к-рые в судебном процессе занимают второстепенное место и произносятся сравнительно редко. Рус. судебное красноречие начинает развиваться во 2-й пол. 19 в. после судебной реформы 1864, с введением суда присяжных.

Выяснить, доказать, убедить – это три взаимосвязанные задачи, определяющие содержание и форму судебной речи. Поэтому в ней даются общественная характеристика дела, анализ его фак-

тических данных, уголовно-правовые выводы из фактических обстоятельств дела и т. п. В судебных речах используются всё богатство рус. языка, элементы всех функциональных стилей, широко вовлекаются изобразительно-выразительные, риторические формы, элементы художественного описания, диалогические формы и т.д.

Судебные речи многих отечественных юристов являются образцами судебного красноречия. Одни ораторы, напр. Н. Н. Карабчевский, А. Ф. Кони, П. А. Александров, В. Д. Спасович, Н. И. Холев, производили детальный разбор обстоятельств дела, подробно анализировали доказательства, умело подбирали аргументы, убедительно обосновывали выводы. Другие ораторы блестяще владели полемикой с обвинителем (речи Спасовича, К. К. Арсеньева). Речи С. А. Андреевского, Кони, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусова, К. Ф. Хартулари отличались тонким психологическим анализом событий, характера и действий подсудимого. Во 2-й пол. 20 в. доказательная сторона судебной речи приобретает гораздо большее значение, чем психологический анализ.

Социально-бытовые речи – это юбилейные выступления, посвящённые знаменательной дате или произнесённые в честь отдельной личности, носящие торжественный, итоговый характер; приветственные речи; застольные речи, произносимые на официальных, напр. дипломатических, приёмах, а также речи бытовые (тосты); надгробные речи, посвящённые ушедшему из жизни. Одним из видов социально-бытового красноречия в 17–18 вв. было придворное красноречие (панегирики), для к-рого характерно пристрастие к высокому слогу, пышным искусственным сравнениям и метафорам. На него сильное влияние оказывал классицизм, господствовавший в то время в лит-ре и искусстве. В 19 в. пышность утрачивается. Во 2-й пол. 20 в. социально-бытовые речи отличает свободная композиция, в них освещаются разные стороны личности и событий, используются различные средства языка в зависимости от вида и цели речи (официальная, торжественная, разг. лексика, слова с положительной стилистической окраской).

Духовные (церковно-богословские) речи – древний вид красноречия, имеющий богатый опыт и традиции. Выделяются проповеди (слова), произносящиеся с церковного амвона или в другом месте для прихожан, и речи официальные, адресованные самим служителям церкви или другим официальным лицам. Уже в Древней Руси выделялись два подвида слова: дидактическое, или учительное, к-рое преследовало цели морального наставления, воспитания, и панегирическое, или торжественное, к-рое посвящено знаменательным церковным датам или гос. событиям. Проповеди основываются на канонических книгах, богословской лит-ре, церковных догматах, вместе с тем в них рассуждение от обыденного поднимается до возвышенного, от нейтрального до торжественного, сильно воздействуя на душу паствы.

Образцами духовного красноречия являются «Слово о законе и благодати» Илариона (11 в.), проповеди Кирилла Туровского (12 в.), Симеона Полоцкого (17 в.), Тихона Задонского (18 в.), митрополита Московского Платона (19 в.), митрополита Московского Филарета (19 в.), патриарха Московского и всея Руси Пимена (20 в.), митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (20 в.) и др. Духовное красноречие изучает наука о христианском церковном проповедничестве – гомилетика.

Родиной ораторского искусства, красноречия, считается Древняя Греция, хотя его знали в Египте, Ассирии, Вавилоне, Индии. В Афинах ораторское искусство развивали Горгий и другие софисты, в Древней Греции – Протагор, Гиппий, Платон, Аристотель, Лисий, Демосфен; в Древнем Риме – Цицерон, Квинтилиан, Тиберий и Гай Гракхи, Катон Старший, Марк Антоний и др.

О. р. изучает риторика (см.). В России наука об ораторской речи развивается с нач. 17 в., достигнув своего расцвета в 19 в. (Макарий, Феофан Прокопович, М. И. Усачёв, М. В. Ломоносов, Амвросий, А. С. Никольский, И. С. Рижский, А. Ф. Мерзляков, А. И. Галич, Н. Ф. Кошанский, М. М. Сперанский, Н. И. Греч и др.). При исследовании О. р. выделяется несколько её уровней: идейно-тематический; фактуальной информации; структурно-логический; композиционный; функционально-стилистический; паралингвистический. Во 2-й пол. 20 в. сформировалось четыре направления исследования О. р. Нормативно-стилистическое направление связано с изучением О. р. с точки зрения нормативного использования всех уровней языка (орфоэпического, лексического, морфологического и синтаксического). Функционально-стилистическое – с исследованием функционирования и оптимального использования в О. р. различных средств языка и композиционных структур для эффективного выражения мысли. Психосоциолингвистическое направление связано с изучением О. р. с точки зрения соотношения между её содержанием и намерением оратора, воздействия речи на слушателей, её восприятия и т. д. Теоретико-историческое направление исследований предполагает изучение родов и видов О. р. со времени их возникновения до наших дней.

По мнению нек-рых исследователей, устная публичная речь, доведённая до степени совершенства, становится О. р., переходит в область речевого искусства, или риторики (А. И. Ефимов, О. А. Лаптева и др.). Нек-рые учёные считают О. р. разновидностью публицистического стиля (О. Б. Сиротинина и др.).

Лит.: Апресян Г. З., Ораторское искусство, 2 изд., М., 1972; Вомперский В. П., Риторика в России XVII–XVIII вв., М., 1988; Кохтев Н. Н., Розенталь Д. Э., Искусство публичного выступления, М., 1988; Сергеич П.,

Искусство речи на суде, М., 1988; Ножин Е. А., Мастерство устного выступления, 3 изд., М., 1989; Граудина Л. К., Миськевич Г. И., Теория и практика рус. красноречия, М., 1989; Кохтев Н. Н., Ораторская речь: стиль и композиция, М., 1992; его же, Основы ораторской речи, М., 1992; его же, Риторика, М., 1994; Сопер П. Л., Основы искусства речи, М., [пер. с англ.], 2 изд., 1992.

Н. Н. Кохтев.

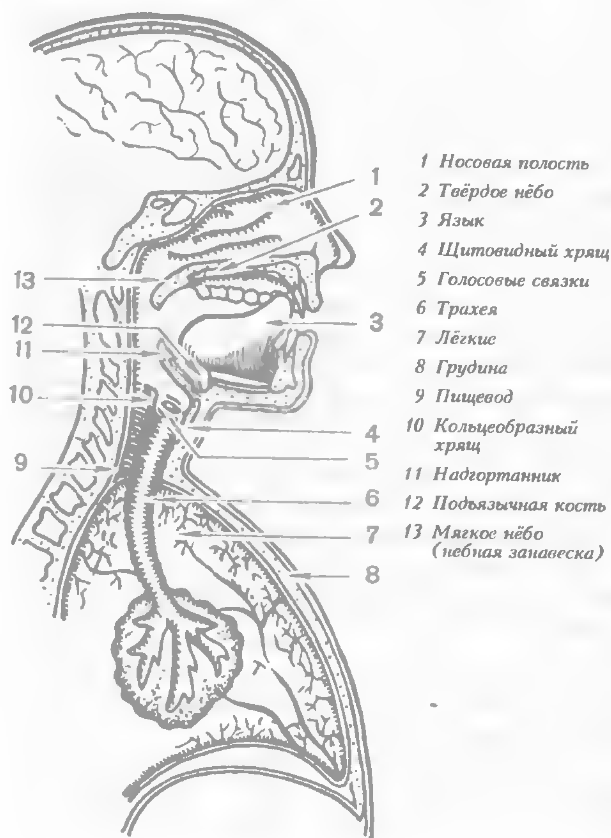
О́рганы ре́чи, произносительные органы,– органы человека, участвующие в звукообразовании. О. р. образуют произносительный аппарат человека, работа к-рого обеспечивается управляющими командами, поступающими из соответствующих участков коры головного мозга. В основном это органы дыхательной и пищепроводящей систем.

О. р. условно можно разделить на три участка: дыхательные органы (лёгкие, бронхи, дыхательное горло), обеспечивающие проход воздушной струи через произносительный аппарат при образовании звучащей речи; гортань, обеспечивающая образование голоса; надгортанные полости – полости глотки, рта и носа, участвующие в образовании специфических свойств отдельных звуков речи.

Звуки, как правило, образуются во время выдоха: поток воздуха, выходящий из лёгких, является необходимым условием их образования и служит своеобразным «переносчиком» их из произносительного аппарата в воздушную среду. Основным элементом гортани являются голосовые связки – эластичные образования, расположенные с левой и правой сторон гортани и вытянутые спереди назад. Передние концы голосовых связок находятся под углом друг к другу. Пространство между голосовыми связками называется голосовой щелью. Голос создаётся в результате периодических колебаний голосовых связок, к-рые при этом сближаются и натягиваются.

В надгортанных полостях происходит окончательное формирование звука. Наиболее важными частями этого участка произносительного аппарата являются язык, губы, твёрдое и мягкое нёбо, полость носа. Различают активные и пассивные произносительные органы: активные при образовании тех или иных звуков совершают определённые движения, тогда как пассивные остаются неподвижными. Язык является активным действующим органом; в зависимости от того, какая часть языка принимает участие в образовании звуков, различают его переднюю, среднюю и заднюю части. Губы также относятся к активным действующим органам. Таким же органом является и мягкое нёбо, к-рое, поднимаясь, закрывает проход воздуха в полость носа, а опускаясь, открывает его. Зубы и твёрдое нёбо – пассивные органы. Движение произносительных органов при образовании звуков называют артикуляцией звуков, а соответствующие им характеристики звуков – артикуляционными характеристиками. Координация произносительных движений, необходимых для образования отдельных звуков и более сложных последовательностей (слогов, слов, целых высказываний), представляет собой сложный процесс, исследованию к-рого посвящены работы в области физиологии речи.

Органы речи.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, [Л.], 1960; 2 изд., М., 1979; Скалозуб Л. Г., Динамика звукообразования по данным кинорентгенографирования, К., 1979; Сорокин В. Н., Теория речеобразования, М., 1985.

Л. В. Бондарко.

Ортологи́ческие словари́ – нормативные словари, служащие задачам совершенствования языка и речи, укреплению действующих норм литературного языка.

Термин «О. с.» объединяет циклы словарей неправильностей 19 – нач. 20 вв. и словарей правильной речи 2-й пол. 20 в. Эти словари характеризуются концепцией нормализующего характера с опорой на исторически сложившуюся систему норм, что и предопределяет общий тип каждого словаря, его объём, макро- и микроструктуру и целевой характер приводимой информации. Первым О. с. принято считать «Справочное место русского слова» А. Н. Греча (1839). К тому же типу относятся словари К. П. Зеленецкого («О русском языке в Новороссийском крае», 1855), В. Долопчева («Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи», 1886), И. И. Огиенко [«Русское литературное ударение (правила и словарь русского ударения)», 1911, и «Словарь неправиль-

ных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи. Пособие по стилистике русской речи для учащихся и самообразования», 1911], В. И. Чернышёва («Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики», 1911). Во 2-м издании (1914) Чернышёвым был введён алфавитный словник «затруднительных для употребления случаев» (св. 3 тыс. словоформ).

В 50-х гг. 20 в. начался особый этап в развитии О. с., когда определилась их ориентация на трудные случаи письменного и устного употребления единиц языка, на исправление ошибок, относящихся к двум уровням языка – орфоэпическому и грамматическому, а также к нормам словоупотребления. Была обоснована теоретическая идея создания системы словарей правильной речи, в своей совокупности способных отразить основные черты вариантных норм рус. языка в его совр. состоянии.

О. с. существенно различаются по отбору материала, объекту лексикографического описания и по способу описания словарных единиц. Выделяют три типа О. с.

1. О. с., отражающие нормы устной речи – прежде всего произношения и ударения. Первый словарь такого типа – «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника» (под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, 1955) – содержит ок. 52 тыс. слов. В нём впервые даны нормативные предупредительные пометы (типа *неправильно*, *допустимо*, *не...* и др.), что помогает более чётко ориентировать читателей относительно лит. и нелит. форм произношения и ударения. В 1983 С. Н. Боруновой, В. Л. Воронцовой, Н. А. Еськовой был подготовлен словарь на 63,5 тыс. слов – «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы» (под ред. Р. И. Аванесова; 5 изд., 1989). В этом издании более широко представлено образование грамматических форм. В 1994 вышел «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение» Н. А. Еськовой. Словарь содержит ок. 12 тыс. слов совр. рус. языка. В нём преобладают слова, содержащие к.-н. трудность, к-рая относится к образованию грамматических форм или к ударению, даются нормативные рекомендации, в т. ч. запретительные пометы.

2. О. с., фиксирующие трудности совр. словоупотребления. Словарь Л. П. Крысина и Л. И. Скворцова «Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника» (под ред. С. И. Ожегова, 1962; 2 изд., 1965) фиксирует ошибки и неточности лексического словоупотребления, случаи смещения значений, их неоправданное расширение или сужение, тавтологичность сочетаний, разрушение фразеологизмов и т. д. Словарь Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник» (1968; 2 изд., 1969; переиздан в расширенном виде под названием «Словарь паронимов современного русского языка», 1994) – первый опыт словаря совр. паронимов (см.), встречающихся в письменном и повседневном обиходном рус. языке.

Традиции словарей «правильной речи» на уровне словоупотребления были продолжены также в трёх О. с.: «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник» (сост. К. С. Горбачевич, Г. А. Качевская, А. М. Невжинская и др., 1973; 5 изд., 1986); «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (1976; 6 изд., 1987), в к-ром помещено ок. 30 тыс. слов, включающих синонимы, паронимы, орфоэпические и грамматические варианты; «Лексические трудности русского языка. Словарь-справочник» (сост. А. А. Семенюк, И. Л. Городецкая, М. А. Матюшина и др., 1994), к-рый содержит ок. 13 тыс. слов.

3. Особую группу составляют О. с. грамматического типа. Единицей, определяющей характер лексикографического описания и композицию словаря, является грамматическая форма, к-рая представляет определённую трудность (в выборе грамматического варианта, в образовании формы или определении её значения). Словарь Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (1976) сочетает системное грамматическое и пословное лексикографическое описание. В словаре приведены справочные данные по синтаксису, словоизменению и словообразованию. В словарной статье представлены статистические показатели употребления вариантов в речи, дан развёрнутый комментарий о каждом типе вариантов, приведена общая и постатейная библиография. «Словарь грамматических трудностей русского языка» Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова (1986; переизд. в 1994) представляет собой опыт аспектного лексикографического пособия, предназначенного для преподавания, объектом описания к-рого стали явления морфологии. Грамматический материал обусловил необходимость его комбинированного расположения: по частям речи (в первой части словаря) и в алфавитном порядке по формам слов (во второй части). В словаре систематизированы лексические единицы, к-рые не подвержены действию общих правил рус. грамматики и поэтому не описаны в грамматических минимумах. «Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь» И. К. Сазоновой (1989) на основе принципов соединения толкового словаря и грамматики описывает рус. причастия в их отношении к другим глагольным формам. В словарь включено ок. 2500 глаголов совр. рус. лит. языка и ок. 7500 их причастных форм с толкованиями стативных и адъективных лексических значений. Отмечаются особенности лексических значений глаголов, обус-

ловливающие неупотребительность причастия, невозможность или неправильность его образования. Специальные пометы ориентируют читателя относительно нестандартных соотношений глагола и причастия или редкого употребления причастных форм.

Создаются профессионально-ориентированные О. с., рассчитанные на работников определённой профессии: «Словарь ударений для работников радио и телевидения» Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарвы (под ред. Д. Э. Розенталя, 1960; 6 изд., 1985); «Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста» (под ред. Л. И. Рахмановой, 1974; 3 изд., ч. 1–2, 1993–94); «Справочник депутата (трудности русского языка)» (под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева, в кн.: «Культура парламентской речи», 1994).

Лит.: Ахманова О. С., Веселитский В. В., Словари правильной речи, в кн.: Лексикографический сб., в. 4, М., 1960; Цейтлин Р. М., О словарях неправильностей 19 – нач. 20 вв., в кн.: ВКР, в. 3, М., 1961; Граудина Л. К., Шварцкопф Б. С., О грамматических колебаниях в рус. языке (по словарям неправильностей 19 – нач. 20 вв.), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1970, т. 31, № 6; Граудина Л. К., Типы ортологических словарей совр. рус. языка, «Изв. АН. Сер. ЛиЯ», 1994, т. 53, № 4.

Л. К. Граудина.

Ортоло́гия (от греч. orthós – прямой, правильный; *-логия* – греч. lógos – слово, понятие, учение) – раздел языкознания, объектом к-рого является теория правильной литературной речи. Понятие «О.» связано с овладением нормами устного и письменного лит. языка – правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др. Совр. О. является частью учения о правильности речи, соблюдении норм рус. лит. языка и тесно связана с проблемами нормализации языка на основе научного анализа закономерностей языкового развития (см. статьи Культура речи и Ортологические словари). Термин «О.» применительно к работам нормативного и нормализующего характера закрепился в отечественной лингвистической лит-ре в 60-х гг. 20 в.

Лит.: Ахманова О. С., Беляев В. Д., Веселитский В. В., Об основных понятиях «нормы речи» (ортологии), «НДВШ. Филол. науки», 1965, № 4.

Л. К. Граудина.

Орфогра́мма (от греч. orthós – правильный и grámma – буква) – написание, определяемое на основе правила орфографии (см.). Понятие «О.» охватывает элементарные графические знаки (буква; строчной/прописной вариант буквы; контакт/пробел/дефис и нек-рые др.) и отражает элементарную единицу совр. рус. письма, к-рая реализуется также и в другом варианте – как графограмма (написание, определяемое непосредственно по звуку, т. е. без применения правил орфографии).

При определении понятия «О.» исходят и из иных её признаков. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ понимал О. как написание, к-рое надо выбрать из «большого количества графем», фонематически равноправных. Эта точка зрения выражает лингвистическую природу О., но для обучения письму целесообразно разграничение позиций О. и графограммы в соответствии со способом действия в них носителя языка.

Позиция графограммы – сильная, т. к. в ней не существует противоречия между графической и орфографической нормой, здесь возможно единственное написание и пишущему не нужны частные инструкции («как слышится, так и пишется»). Позиция О.– слабая: графическая норма шире орфографической, т. к. графика допускает два и более написания, в то время как орфография – только одно; вследствие этого уже нельзя полагаться на звук, ибо тогда возможны ошибки ([*вадá*], но *вОда*), и необходимо пользоваться специальными правилами орфографии (*вода*, т. к. *вóды*).

До усвоения орфографической нормы носитель языка владеет единственным, фонетическим правилом – пишет, ориентируясь на собственный слух,– по звуку. На этом этапе владения рус. письмом ни в одной из позиций графического знака для него нет выбора написания и надо специально учить различать позиции, в одной из к-рых можно писать, следуя обозначаемому звуку, а в другой – только на основе правил орфографии.

Правило орфографии требует от пишущего иного способа определения графического знака, чем фонетическое: в орфографических предписаниях воплощается и конкретизируется морфематический (морфологический) принцип мотивации, согласно к-рому, прежде чем установить правильное написание, необходимо выяснить, в какой морфеме находится О. В связи с этим понятие «О.» может быть представлено обучающимся в развёрнутом виде, более содержательно: написание, определяемое на основе правила орфографии, т. е. через морфему. Решение других взаимосвязанных практических вопросов – как формулировать конкретную О., чтобы опознать её, как установить правило, необходимое для определения данной орфограммы,– обусловлено местом и ролью соответствующих понятий в акте письма.

Лингвистическое описание О. должно включать два компонента: 1) правильный графический знак; 2) мотивация этого знака (позиция), напр. «*ё* (*е*) после шипящих в корне слова». Но пишущему требуется не описание О., а руководство для установления её в акте письма, напр. «В корне слова после шипящих пишется *ё* (*е*), кроме слов-исключений», т. е. порядок компонентов обратный: 1) мотивация правильного графического знака; 2) правильный графический знак. Исторически понятия, отражающие т. н. «проблематичные», «сомнительные» написания, сначала получили статус правил орфографии, и лишь позднее сложилось понятие О. как элементарной единицы системы письма.

Если формулировать единичные О. и сопряжённые с ними единичные правила, одновре-

менное использование тех и других в обучении правописанию оказывается избыточным из-за тождества обозначаемого ими явления и, как следствие, содержания формулировок (ср.: О.– «раздельное написание *не* с глаголами»; правило орфографии – «*не* с глаголами пишется раздельно»). В то же время обращение к системным отношениям орфограмм даёт возможность эффективного применения обоих понятий.

В каждом конкретном употреблении любая О. представлена одним из её вариантов. Варианты О. позиционно связаны (имеют интегральный мотивационный признак) и различаются дифференциальными (различительными) признаками. Позиционная связанность (тождество позиции) вариантов О. позволяет обозначить её обобщённо: 1) перечень всех возможных в данной позиции правильных графических знаков; 2) интегральный мотивационный признак. Напр., «*о–ё(е)* после шипящих», «обозначение гласного в корне слова» и др. Формулировка варианта О., помимо двух названных компонентов, включает и третий – его дифференциальный признак: *о–ё(е)* после шипящих в корне слова, *о–ё(е)* после шипящих в суффиксах и окончаниях глаголов и отглагольных образований, *о–ё(е)* после шипящих в суффиксах и окончаниях существительных, неотглагольных прилагательных и наречий. Формулировка О. отражает задачу, стоящую перед пишущим в позиции поливариантной О., формулировки вариантов – её частные разновидности, а правила орфографии – способы их решения. При этом каждому варианту О. соответствует правило, содержащее: 1) дифференциальный признак О.; 2) интегральный признак О.; 3) правильный графический знак. Применительно к О. «*о–ё(е)* после шипящих»: 1) в корне слова после шипящих пишется *ё(е)*, кроме слов-исключений; 2) в суффиксах и окончаниях глаголов и отглагольных образований после шипящих пишется *ё(е)*, кроме слов-исключений; 3) в суффиксах и окончаниях существительных, неотглагольных прилагательных и наречий после шипящих под ударением пишется *о*, без ударения – *е*, кроме слов-исключений.

Многие поливариантные О. имеют определённую структуру, когда дифференциальные признаки вариантов различаются по степени сложности. Структура О. является лингвистической основой разработки алгоритма для её определения: заданная последовательность анализа слова, к-рая позволяет оптимальным способом установить вариант О. (по его дифференциальному признаку) и применить нужное правило (содержащее тот же дифференциальный признак). В частности, в связи с О. «*о–ё(е)* после шипящих» надо определить последовательно: 1) в корне гласный или нет [если в корне, пишется *ё(е)*, кроме слов-исключений с *о*]; 2) глагол, отглагольное образование или нет [если да, пишется *ё(е)*, кроме слов-исключений]; 3) под ударением гласный или нет (если под ударением, пишется *о*, если нет – *е*, кроме слов-исключений).

Понятия О., варианта О. и правила орфографии находятся в диалектических отношениях: формулировка О. обозначает общее, варианта О.– частное, правила орфографии – единичное.

Лит.: Рождественский Н. С., Свойства рус. правописания как основа методики его преподавания, М., 1960; Алгазина Н. Н., Предупреждение орфографических ошибок учащихся V–VIII классов. Пособие для учителя, М., 1965; Селезнева Л. Б., Обобщающие занятия по орфографии в восьмилетней школе. Пособие для учителя, М., 1980; её же, Совр. рус. письмо. Системный анализ, Томск, 1981; её же, Укрощаем орфограмму. Алгоритмизированное обучение, Волгоград, 1993; Орфограмма в системе единиц рус. языка, «Рус. яз. в школе», 1988, № 1.

Л. Б. Селезнёва.

Орфографи́ческие словари́ – словари, содержащие алфавитный перечень слов в их нормативном написании. О. с. являются объективным показателем современной им орфографии (см.). С 19 в., когда началось издание О. с., наметились четыре типа таких словарей в соответствии с их направленностью: словари школьные, словари-справочники для работников печати, общие словари (с подтипом словарей по отдельным ор-

ренегáт, -а
ренегáтка, -и
ренегáтский
ренегáтство, -а
ренегáтствовать, -твую, -твует
ренессáнс, -а
ренéт, -а
рéний, -я
ренúн, -а
ренклóд, -а
реномé, *нескл.*, *с.*
ренóнс, -а
рéнта, -ы
рентáбельность, -и
рентáбельный
рентгéн, -а, *р. мн.* -éн и -ов
рентгéновский
рентгéновы лучú
рентгенограмма, -ы
рентгенографúческий
рентгенографúя, -и
рентгенодефектоскопúя, -и
рентгенодиагнóстика, -и
рентгенодиагностúческий
рентгенокимóграф, -а
рентгенокимографúческий
рентгенокимографúя, -и
рентгенокинематографúя, -и
рентгенокиносъёмка, -и
реофúльный
реохóрд, -а
рéпа, -ы
репарациóнный
репарáция, -и
репатриáнт, -а
репатриáнтка, -и
репатриáция, -и
репатриúрованный
репатриúровать(ся), -рую(сь), -рует(ся)
репеёк, -ейкá
репéй, репья́, *мн.* репьú, -ьёв
репéйник, -а
репéйница, -ы
репéйничек, -чка
репéйный
репеллéнт, -а
репéллер, -а
рéпéр, -а
репертуáр, -а
репертуáрный
репетúр, -а
репетúрование, -я
репетúрованный
репетúровать(ся), -рую, -рует(ся)
репетúтор, -а
репетúторский
репетúторство, -а
репетúторствовать, -твую, -твует
репетициóнный
репрессúвный
репрессúрованный
репрессúровать(ся), -рую, -рует(ся)
репрéссив, -и
реприза, -ы и реприз, -а
репримáнд, -а
репрúнт, -а
репрографúя, -и
репродуктúвный
репродýктор, -а
репродукциóнный
репродýкция, -и
репродуцúрованный
репродуцúровать(ся), -рую, -рует(ся)
репс, -а
рéпсовый
рептúлия, -и
рептúльный
репульсиóнный
репутáция, -и
рéпчатый
ресúвер, -а
рескóнтро, *нескл.*, *с.*
рескрúпт, -а
рéслинг, -а (борьба)
ресúнтчатый
ресúница, -ы
ресúничка, -и
ресúничный
респéкт, -а
респектáбельность, -и
респектáбельный
ретикулосаркóма, -ы
ретикулярный
ретúна, -ы
ретинéн, -а
ретинúт, -а
ретинóл, -а
ретиноспóра, -ы
ретирáда, -ы
ретирáдный
ретировáться, -рýюсь, -рýется
ретороманский
ретороманцы, -цев
ретóрсия, -и
ретóрта, -ы
ретóртный
ретранслúровать(ся), -рую, -рует(ся)
ретранслятор, -а
ретрансляциóнный
ретрансляция, -и
ретраншемéнт, -а
ретрáтта, -ы
рéтро, *неизм.* и *нескл.*, *с.*
ретроактúвность, -и
ретрогрáд, -а
ретрогрáдка, -и
ретрогрáдный
ретрогрáдство, -а
рéтро-мóда, -ы
ретроспектúва, -ы
ретроспектúвный
ретроспéкция, -и
ретрофлéксия, -и

Фрагмент текста «Орфографического словаря русского языка», подготовленного Институтом русского языка РАН, 30-е изд., 1993.

фографическим проблемам) и отраслевые О. с., посвящённые специальной терминологии. Такая дифференциация О. с. принята и в совр. лексикографической практике.

Объём школьных О. с. различается в зависимости от адресата – учащихся средней школы или начальных классов. К словарю прилагаются обычно орфографические правила в соответствии со школьной программой. Первый школьный «Орфографический словарь с присоединением повторительного курса русской орфографии» составил А. Спицын (1883). Школьные словари сопровождались иногда методическими указаниями, как использовать это пособие на уроках рус. языка. Совр. нормативный словарь для средней школы – «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова (1934, с 1944 совм. с С. Е. Крючковым; 27–40-е изд. готовил Л. А. Чешко) выдержал 41 изд. (1990); нормативный словарь для начальной школы – «Орфографический словарик. Пособие для учащихся начальной школы» П. А. Глушникова (1963) выдержал 21 изд. (1989). В 1994 вышел «Школьный орфографический словарь» М. Баранова.

Специфика издательского дела требовала специальных словарей-справочников для работников печати. В их содержание, кроме словаря трудных случаев написания имён нарицательных и собственных, входят подробные орфографические правила и сведения, связанные с корректорской и редакторской работой. Первое пособие такого типа было издано в 1869 А. Студенским («700 слов, наиболее требующих одинакового написания»). Совр. нормативный справочник – «Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинского и Н. Н. Никольского (1949; 4 изд., 1970).

К общим О. с. относятся словари, рассчитанные на всех пишущих. Первый «Словарь российской орфографии или правописания» вышел в 1813. Начиная с 1881, когда был издан «Русский орфографический словарь» П. Ромашкевича, вы-

шло св. 100 О. с., однако до сов. периода они готовились при отсутствии единого авторитетного научного руководства и содержали много орфографических вариантов.

Задача создания академического О. с. впервые была поставлена в 30-х гг. 20 в., однако издание такого словаря, гарантирующего надёжность рекомендаций, оказалось возможным только после выхода единых «Правил русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) (см.); таким словарём стал «Орфографический словарь русского языка», подготовленный Ин-том языкознания АН СССР (1956). С 1963 работу над словарём продолжил Ин-т рус. языка АН СССР (ныне РАН; к 1994 вышло 31 изд., 3 из к-рых – 1963, 1974 и 1991 – являются переработанными).

Разновидностью общих О. с. являются словари, посвящённые отдельным орфографическим проблемам. Предметом таких словарей оказываются группы слов, написания к-рых или не подходят под к.-л. обобщённые регламентации и определяются в словарном порядке, или группы слов, написание к-рых отличается особой трудностью, несмотря на существование соответствующих правил. Таковы, напр., многие дореволюционные словари, содержащие списки слов с буквой ѣ, словарь И. И. Огиенко «Где писать два *н*, а где одно» (1913), словарь «Употребление буквы *ё*» Былинского, Крючкова и М. В. Светлаева (1945), словарь «Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника)» Б. З. Букчиной, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Чельцовой (1972; с 3-го изд., 1982, авторы Букчина и Калакуцкая; 7 изд., 1988), «Слова с двойными согласными. Опыт словаря-справочника» Н. П. Колесникова (1990), «Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника» Д. Э. Розенталя (1984; 5 изд., 1989).

Основной проблемой словника О. с. является разграничение слов, представляющих и не представляющих орфографические трудности. Намерения составителей включать в словник только слова, трудные для написания, на практике обычно не осуществлялись. Потребность в О. с. самых широких кругов читателей делает невозможными подобные строгие ограничения в словнике. Поскольку О. с. является справочником собственно орфографическим, а не словарём, нормализующим совр. словоупотребление, совр. О. с. включают, кроме общелит. лексики, также лексику различных стилистических пластов, специальную и терминологическую. Структура словарной статьи О. с. складывалась постепенно. В словарях наблюдались различия в расположении слов, их грамматических характеристик, в подаче вариантов и др. В основу академического О. с. положен принцип, сформулированный С. И. Ожеговым: «Расположение материала и вспомогательного аппарата, которое в наибольшей степени облегчило бы наведение конкретных орфографических справок».

К отраслевым О. с. относится «Орфографический морской словарь. Опыт словаря-справочника» Р. Э. Порецкой (1974), первый в отечественной лексикографии словарь, дающий сведения о правописании слов, относящихся к одной отрасли специальной терминологии.

Лит.: Зинин С. И., Орфографические словари рус. языка, «Рус. речь», 1968, № 6; Букчина Б. З., О типах орфографических словарей, в кн.: Нерешенные вопросы рус. правописания, М., 1974; её же, Орфографический словарь рус. языка – вчера, сегодня, завтра, «Рус. словесность», 1994, № 6.

Б. З. Букчина.

Орфогра́фия (греч. orthographía, от orthós – правильный и gráphō – пишу) – 1) исторически сложившаяся система единообразных написаний, к-рая используется в письменной речи; 2) правила, устанавливающие единообразие способов передачи речи на письме; 3) раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний. Иногда как синоним О. употребляют термин «правописание», имеющий и более широкое значение, включающее пунктуацию (см.).

О. – социальное установление, её нормы являются общеобязательными, поэтому орфографические правила утверждаются не только соответствующими научными, но и гос. органами.

О. как система написаний в звуко-буквенном письме распадается на несколько разделов, каждый из к-рых представляет собой совокупность правил, основанных на определённых принципах. Принципы О. – наряду с типом письма (звуковым, слоговым или иным) и составом его знаков – являются одним из важнейших признаков, характеризующих ту или иную национальную О. Принципы О. определяют выбор написания в тех случаях, где имеется орфограмма (см.), т. е. там, где у пишущего есть выбор обозначения, но лишь одно из возможных написаний – правильное.

Орфографические правила – это обобщающие предписания, конкретизирующие орфографические принципы.

Центральным разделом О. совр. звуко-буквенных систем письма является раздел об обозначении звуков (точнее – фонем) буквами. В зависимости от того, какой принцип является ведущим при обозначении звукового состава слов в той или иной национальной О., говорят о ведущем принципе этой орфографической системы в целом.

В совр. рус. О. при передаче фонем буквами выделяют: морфологический (морфематический) принцип (или при особой трактовке понятия «фонема» – фонемный принцип), фонетический, традиционный, а также принцип графико-морфологических аналогий. Иногда выделяют дифференцирующий принцип (*ожог – ожёг, компания – кампания* и др.), однако ряд исследователей (А. Н. Гвоздев и др.) считает, что дифференцирующие написания (см.) являются лишь следствием применения других принципов.

Морфологический принцип заключается в том, что каждая морфема пишется по возможности одинаково, несмотря на то, что её произношение в разных позиционных условиях может быть разным. При этом морфологический принцип требует, чтобы для отражения на письме тождества морфемы её фонемный состав передавался по сильной фонетической позиции, т. е. пишется *вода* (как *вóды*), *дуб* (как *дубы*), *друг* (как *другу*). Фонема, находящаяся в сильной позиции, передаётся всегда адекватнофонемно (т. е. прямо соответствующей ей буквой). Поэтому к морфологическому принципу не относятся исторические чередования: в словах *подруга – подруженька* чередующиеся *г* и *ж* – не орфограммы (нельзя написать *подругенька*). В таких случаях графическая вариантность морфем, естественно, сохраняется.

В кон. 20–30-х гг. 20 в. в России возникло новое фонологическое направление, а именно Московская фонологическая школа (см.) – МФШ. Специфической особенностью этого направления было то, что звук (фонема) слабой позиции, с к-рым чередуется звук (фонема) сильной позиции, был признан позиционным вариантом звука (фонемы) сильной позиции, т. е. той же самой фонемой. Звук [*а*] в слове *водá* [*вадá*] – это вариант фонемы ⟨*о*⟩, т. е. фонема ⟨*о*⟩, поэтому написание *вода* с буквой *о* – это написание фонемное.

При фонемном письме (по МФШ) одна и та же буква обозначает фонему как в сильной позиции (*вóды*, *дубы*), так и в слабой позиции: *водá*, *дуб* [с точки зрения Ленинградской (Петербургской) фонологической школы (см.), здесь разные фонемы]. Следствием фонемного письма (а не целью, как при морфологическом принципе) является графическое единство морфемы. Поэтому термин «морфологический принцип» представителями МФШ иногда используется как синоним термина «фонемный принцип». Однако отношение сторонников фонемного принципа и сторонников морфологического принципа к разным типам орфограмм (напр., к написаниям типа *жена – жёны*) часто разное, и это может отражаться на решениях при проведении реформ и усовершенствовании О.

Фонетический принцип имеет место, когда на письме специально отражаются позиционные чередования фонем, т. е. фонемы слабых позиций обозначаются буквами на основе прямого соответствия: фонема – адекватная ей буква. Графическое единство морфемы при этом не сохраняется. Фонетический принцип – антагонист морфологическому. Ср. *беспокойный* и *безбоязненный*. В рус. письме представлены единичные орфограммы, отвечающие фонетическому принципу. Это приставки на *-з* (*без-* и др.); корни и приставки, начинающиеся с *и* и находящиеся после конечных твёрдых согласных в приставках: *предыдущий*, *сызнова* и др. Хотя фонетический принцип представлен в рус. О. ограниченно, онтологически он является первым, т. к. отражает прямое соответствие звука и буквы, лежащее в основе алфавитных систем письма. От фонетических орфограмм следует отличать написания по произношению, где у пишущих нет выбора букв, т. е. такие написания, когда обозначены фонемы, находящиеся в сильных позициях: *сон*, *там*, *увял*, *мол*, *сразу*, *трон* и т. д. Здесь ни в одном слове нет ни одной орфограммы, хотя значительно более часты случаи, когда в словах чередуются орфограммы и неорфограммы, ср.: *друг*, *вода*, *трава*, *вокзал*, *зигзаг* и т. п. (орфограммы выделены). В обычном рус. тексте орфограмм примерно 1/3. Среди них есть т. н. теоретические орфограммы: позиция слабая, а обозначение фонемы буквой практически не вызывает сомнений, ср.: *бежать*, *карта* и др.; здесь фонема по своей «протяжённости» совпадает с морфемой – грамматическим показателем словоформы, поэтому её обозначение легче автоматизируется.

Написания типа *дом*, *сон* и т. п. (т. е. не имеющие орфограмм) не противоречат морфологическому принципу, в отличие от орфограмм, отвечающих фонетическому принципу (последние – антиморфологичны). Поэтому нек-рые учёные включают их (т. е. написания типа *дом*) в разряд морфологических написаний (А. Б. Шапиро); другие – относят эти написания к фонемному принципу орфографии (Л. Р. Зиндер).

Традиционный принцип О.– это такой принцип, при к-ром фонемы, находящиеся в слабых позициях, обозначаются одной из ряда букв, фонологически возможных для обозначения данной фонемы, ср.: *мечта*, *мираж*, *лягушка*, *сарай*, *собака*, *каблук* и др. Это основной тип традиционных написаний. Выбор букв осуществляется не на основе проверки сильной позицией (такой проверки нет), а на основе этимологии и традиции, определяемой в словарном порядке. Нек-рые исследователи (Гвоздев и др.) объясняют такие написания морфологическим принципом, поскольку при словоизменении и словообразовании графическое единство морфем (ограниченное, конечно, историческими чередованиями) сохраняется, ср.: *собака*, *собачонка*, *каблук*, *подкаблучник*; *лягушка*, *лягушонок* и т. п. Однако беспроверочность не позволяет отнести их к написаниям, отвечающим морфологическому принципу.

Среди традиционных написаний есть ещё особые группы написаний, более условных, чем написания первого типа, напр.: *доброго* (буква *г*, а фонема ⟨*в*⟩); *коснуться – касаться*; *росток – возраст*; *делаешь*, *вскачь*, *наотмашь* и др.

Традиционные написания первого типа широко представлены в рус. письме, другие же типы – очень ограниченно.

Нек-рые виды написаний можно квалифицировать как отвечающие принципу графико-морфологических аналогий (В. Ф. Иванова). Действием этого принципа объясняется написание *ь* как графического уравнителя парадигм склонения существительных типа *ночь*, *рожь* с

парадигмой склонения существительных типа *ель* (*ночь – ночью, рожь – рожью*, как *ель – елью*), ср. одинаковую графическую парадигму слов муж. рода *врач – врачом*, как *стол – столом*. Буква ь является также графическим уравнителем морфологической категории повелительного наклонения (*режь*, как *брось*) и инфинитива (*беречь*, как *брать*). Буква ь после шипящих не является показателем мягкости согласного, она лишена звукового значения. Этот принцип называют граммематическим от «граммема» (Ю. С. Маслов), грамматическим (Зиндер) и морфологическим (А. А. Реформатский).

Правила о слитных, раздельных (см. Пробел) и дефисных написаниях слов и их частей основываются на лексико-синтаксическом принципе (при разграничении слова и словосочетания *остронаправленный* и *остро подмеченный*) и на лексико-морфологическом (нареч. *сначала не понял*, но сущ. *с начала года*). Выделяется также словообразовательно-грамматический принцип, применяемый при написании сложных прилагательных и существительных: наличие или отсутствие суффикса в первой части сложных прилагательных определяет слитное или дефисное написание: *автомобильно-дорожный* и *автодорожный*, *картофельно-овощной* и *картофелеовощной* (Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая). В нек-рых случаях применяются традиционные написания, гл. обр. в написаниях наречий и наречных сочетаний.

Особый раздел О. представляют правила об употреблении прописных букв (см.). В основе употребления прописных букв в рус. О. лежит разграничение имён собственных и нарицательных – это семантический принцип. С прописной пишутся имена собственные. Прописными буквами отмечают начало новых отрезков речи (новых предложений после точки и нек-рых знаков препинания), начало стихотворных строк, применяются прописные буквы в нек-рых типах аббревиатур. Употребление прописных букв при членении текста основывается на синтаксическом принципе, при выделении аббревиатур – на принципе аббревиации (Д. И. Алексеев).

В основе правил переноса частей слова с одной строки на другую лежит фонетический принцип (перенос по слогам), к-рый осложнён морфологическим (учёт морфемной структуры слова).

Специфическим фактом письма являются графические сокращения. Основной принцип их оформления – семантический – достаточность информации при сокращении. Однако есть и чисто графические условности (*чл.-корр.*, но *членкор*).

Особую область представляет правописание заимствованных слов. При передаче в рус. текстах заимствованных слов используются два способа их орфографического оформления: транскрипция (см.) – основной приём – и транслитерация (см.). Поэтому выделяют принципы транскрипционный, транслитерационный, а также цитатный (Зиндер).

Теория рус. О. (определение принципов её построения) начала складываться с сер. 18 в. Отсчёт обычно ведут с трактата В. К. Тредиаковского «Разговор чужестранного человека с российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи» (1748), хотя попытки осмысления основного принципа построения рус. О. исследователи (Б. И. Осипов) находят уже у безымянных авторов слав. грамматик 17 в.

Ведущее начало в построении рус. орфографии Тредиаковский, а позднее М. В. Ломоносов (1755) определили как «письмо по кореню» и «по произвождению речений». В 19 в. этот принцип назвали этимологическим (Я. К. Грот, 1873), а позже – морфологическим (В. А. Богородицкий, 1887). Совершенствование правил правописания рус. языка происходило одновременно с упорядочением алфавита.

В рус. письме были осуществлены две реформы (1708–10 и 1917–18) (см. Реформы азбуки и правописания). «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) (см.) явились первым полным сводом чётко сформулированных и научно обоснованных правил. Однако развитие языка, обогащение его словарного состава создают новые орфографические ситуации и требуют дальнейшей работы по совершенствованию рус. О.

Лит.: Щерба Л. В., Основные принципы орфографии и их социальное значение, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; его же, Теория рус. письма, Л., 1983; Шапиро А. Б., Рус. правописание, 2 изд., М., 1961; Гвоздев А. Н., Избр. работы по орфографии и фонетике, М., 1963; Панов М. В., И всё-таки она хорошая! Рассказ о рус. орфографии, её достоинствах и недостатках, М., 1964; его же, Принципы рус. графики и орфографии, в кн.: Обзор предложений по усовершенствованию рус. орфографии (XVIII–XX вв.), М., 1965; Орфография собственных имён. [Сб. ст.], М., 1965; Орфография и рус. язык, М., 1966; Иванова В. Ф., Развитие теории рус. орфографии в трудах сов. лингвистов, в кн.: Развитие рус. языка после Великой Октябрьской социалистической революции, Л., 1967; её же, Принципы рус. орфографии, Л., 1977 (лит.); её же, Усовершенствование рус. орфографии в сов. период, «Рус. яз. в школе», 1977, № 5; её же, Актуальные проблемы рус. орфографии, «Рус. яз. в школе», 1991, № 1; её же, Совр. рус. орфография, М., 1991 (лит.); Поливанов Е. Д., О трёх принципах построения орфографии, в его кн.: Статьи по общему языкознанию, М., 1968; Нерешённые вопросы рус. правописания, М., 1974; Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И., Совр. рус. письмо. Пособие для учителя, М., 1974 (лит.); Селезнёва Л. Б., Совр. рус. письмо. Системный анализ, Томск, 1981; Кузьмина С. М., Теория рус. орфографии. Орфография в её отношении к фонетике и фонологии, М., 1981; Букчина Б. З., Вопросы унификации печатных изданий, М., 1988; Осипов Б. И., История рус. письма. Графика. Орфография. Пунктуация, Омск, 1990; его же, История рус. орфографии и пунктуации, Новосиб., 1992 (лит.); Иванова В. Ф., Осипов Б. И., Принципы орфографии и их пед. значение, «Рус. яз. в школе», 1991, № 5; Моисеев А. И., Основной принцип совр. рус. орфографии: морфологический или фонемный?, «Рус. яз. в школе», 1995, № 1.

В. Ф. Иванова.

Орфоэпи́ческие словари́ – словари, отражающие орфоэпические нормы. Объём информации о слове в таких словарях определяется тем,

важное место при определении теоретической концепции словаря. Было принято решение представить парадигмы слов последовательно с той степенью полноты, к-рая целесообразна в словаре, не раскрывающем значений слов. Т. о., в решении этого вопроса принципиально отброшена ориентация на отражение норм, реализуемых только в устной речи,– т. е. норм произношения и ударения.

Присвоение словарю с таким объёмом информации названия «орфоэпический» может представляться дискуссионным, но оно не находится в противоречии со след. определением орфоэпии: «совокупность норм национального языка, обеспечивающих единство его звукового оформления» (Аванесов).

О. с. 1983 сообщает сведения об устройстве парадигмы каждого включённого в него изменяемого слова традиционным для рус. лексикографии способом – сокращёнными указаниями на необходимый минимум форм при основной (исходной) форме. Сведения о месте ударения в каждой форме являются их органической частью. Сведения о произношении сообщаются в принципе тем же способом, что в изданиях 1955 и 1959, но с помощью более детально разработанной системы указаний. Информация, содержащаяся в словаре, дополняется статьями-приложениями: «Сведения о произношении и ударении» и «Сведения о грамматических формах».

Существенно изменён подход к нормализации. Вариантность нормы признана закономерным явлением лит. языка, и в соответствии с этим пониманием разработана шкала нормативности, единая для морфологических, акцентных и произносительных вариантов. Она предусматривает оценки вариантов как равноправных (соединение союзом *и*), оценку одного из вариантов как менее желательного (пометы *допустимо, допустимо устаревающее*), оценку вариантов, принадлежащих особым сферам речи (поэтической, профессиональной), а также оценку ненормативных вариантов (т. н. запретительные пометы).

В 1994 вышел «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение» Н. А. Еськовой (см. ст. Ортологические словари).

Лит.: Еськова Н. А., О принципах составления рус. нормативного словаря орфоэпического типа, «ВЯ», 1972, № 3; её же, Об объёме информации орфоэпического словаря рус. языка, в кн.: Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре, М., 1988.

Н. А. Еськова.

Орфоэ́пия (греч. orthoépeia, от orthós – правильный и épos – речь) – 1) совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением значимых единиц: морфем, слов, предложений. Среди таких норм различаются произносительные нормы (состав фонем, их реализация в разных позициях, фонемный состав отдельных морфем) и нормы суперсегментной фонетики (ударение и интонация). При более широком понимании О. к ней относят и образование вариантных грамматических форм. 2) Раздел языкознания, изучающий функционирование таких норм и вырабатывающий произносительные рекомендации – орфоэпические правила.

Традиционно в О. включаются все произносительные нормы лит. языка (Р. И. Аванесов), с другой точки зрения, к О. относятся лишь нормы, допускающие вариантность произношения; этим О. отличается от фонетики, к-рая изучает фонетические законы, не знающие исключений (М. В. Панов). Так, к законам фонетики, а не к О. относится в рус. языке произношение глухих согласных на месте звонких шумных на конце слова: *зу[б]ы – зу[п], во[з]ы – во[с]*, лабиализованных согласных перед [*у, о*]: [*д°*]*ум*, [*д°*]*ом* (но [*д*]*ам*), [*с°*]*умм*, [*с°*]*ом* (но [*с*]*ам*) и т. п.

К О. относится вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии позиционных различий. Так, одни произносят *в*[*иᵉ*]*сна́*, другие – *в*[*еᶦ*]*сна́*, разница в характере звуков, фонема же, с точки зрения Московской фонологической школы (см.), одна и та же; одни произносят *бу́ло*[*ч'*]*ная*, другие – *бу́ло*[*ш*]*ная*, одни – *умы́л*[*с*]*а*, другие – *умы́л*[*с'*]*я* – разница в фонемном составе корня: *було*⟨*ч*⟩- или *було*⟨*ш*⟩- и постфикса: -⟨*са*⟩ или -⟨*с'а*⟩. На письме такие варианты обычно не обозначаются: *весна, булочная, умылся*. Однако варьирование фонемного состава корня может отражаться на письме: *бриллиант* и *брильянт, калоши* и *галоши, кринка* и *крынка, матрас* и *матрац, ноль* и *нуль*.

О. отмечает вариантность места ударения в слове (*и́скристый* и *искри́стый, кла́дбище* и *кладби́ще, творо́г* и *тво́рог*), в отдельной словоформе (*вкусны́* и *вку́сны, ко́су* и *косу́, ткала́* и *тка́ла*), на разных лексических единицах, входящих в одно фонетическое слово (*на́ руки* и *на ру́ки, не́ дали* и *не да́ли*), наличие или отсутствие побочного ударения (*мѐжплане́тный* и *межплане́тный*).

О. рассматривает социально значимые варианты произношения и ударения. К ним относятся те, к-рые типичны для разных групп людей, говорящих на лит. языке, а также стилистические варианты, сознательно выбираемые в различных социальных ситуациях.

Орфоэпические варианты могут характеризовать «младшую» и «старшую» нормы (новое произношение постепенно вытесняет старое, но на определённом этапе развития лит. языка обе нормы сосуществуют; напр., для нек-рых сочетаний согласных традиционно произношение мягкого согласного перед мягким: [*з'в'*]*ерь, е́*[*с'л'*]*и*; по новой норме первый согласный – твёрдый: [*зв'*]*ерь, е́*[*сл'*]*и*); общенародную и профессиональную сферу употребления (*добы́ча* и *до́быча, и́скра* и *искра́*); мужскую и женскую речь (напр., удлине-

ние согласных в мужской эмоциональной речи и удлинение гласных в женской); территориальные разновидности лит. языка (напр., в начале слова и после гласного под ударением звук переднего ряда [э] – [э́]*то*, *по*[э́]*т* в Москве и городах юга России и звук передне-среднего ряда [$э^{ъ}$] – [$э́^{ъ}$]*то*, *по*[$э́^{ъ}$]*т* в части северных и сибирских городов).

Орфоэпические варианты могут принадлежать разным стилям. Так, для высокого стиля характерно эканье: *б*[$е^{и}$]*ру́*, *вз*[$е^{и}$]*ла́*; произношение безударного [о]: *н*[о]*ктю́рн*, *п*[о]*эти́ческий*; твёрдого заднеязычного перед окончанием им. п. ед. ч. имён прилагательных: *гро́м*[къ]*й*, *стро́*[гъ]*й*, *ти́*[хъ]*й*. В нейтральном стиле произносится *б*[$и^{э}$]*ру́*, *вз*[$и^{э}$]*ла́*, *н*[$а^{ъ}$]*ктю́рн*, *п*[ъ]*эти́ческий*, *гро́м*[к’и]*й*, *стро́*[г’и]*й*, *ти́*[х’и]*й*. В разг. речи наблюдается выпадение гласных и согласных: *проволока* – *про́во*[лк]*а*, *некоторые* – *не́*[кт]*орые*, *вообще* – *в*[$а^{ъ}$]*бщé*, *тысяча* – *ты́*[$\overline{т}$’]*а*, *пятьдесят* – *п*[ии]*ся́т*.

Допуская несколько вариантов, О. указывает, какое место занимает каждый из этих вариантов в лит. языке. В силу своей социальной значимости орфоэпические варианты могут использоваться в сценической речи для социальной характеристики персонажа.

Лит.: Винокур Г. О., Рус. сценическое произношение, М., 1948; Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; его же, Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1979; Аванесов Р. И., Рус. лит. и диалектная фонетика, М., 1974; его же, Рус. лит. произношение, 6 изд., М., 1984; Вербицкая Л. А., Рус. орфоэпия, Л., 1976; Зализняк А. А., Грамматический словарь рус. языка. Словоизменение, М., 1977; 3 изд., М., 1987; Воронцова В. Л., Рус. лит. ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения, М., 1979; Федянина Н. А., Ударение в совр. рус. языке, 2 изд., М., 1982; Культура речи на сцене и на экране, М., 1986; Рус. сценическое произношение, М., 1986. См. также ст. Орфоэпические словари. *Л. Л. Касаткин.*

Осно́ва – часть словоформы (см.), остающаяся после отсечения окончания (см.). Напр., в словоформах *бабушка, село, красный, несу* выделяются О. *бабушк-, сел-, красн-, нес-*. При отсутствии окончания О. совпадает со словоформой: *вдруг, бац, дважды* и т. п. В О. содержится лексическое значение слова.

О. бывают простыми и сложными. Простая О. содержит один корневой морф (см.), сложная – два или более.

О. могут быть мотивированными (производными) и немотивированными (непроизводными). Мотивированная О.– это такая О., значение к-рой можно объяснить (мотивировать) с помощью О. однокоренного слова, более простого по форме и по значению. Так, О. слова *домик* – мотивированная, поскольку она может быть объяснена с помощью О. слова *дом*: *домик* – ‘маленький дом’. Если такое объяснение (мотивация) невозможно, то О. является немотивированной, таковы, напр., О. слов *дом, вода, село, синий, читать*.

Термин «О.» является компонентом составных терминов «мотивирующая (или производящая) О.» и «О. наст., прош. времени или инфинитива».

Мотивирующая (производящая) О.– это та часть мотивированной О., к-рая является общей с О. мотивирующего слова (с учётом чередований, усечений и наращений фонем), напр. в слове *лесок* мотивирующая О.– *лес-*, в слове *партизанить* – *партиза*[н’]- (с чередованием [н] – [н’]: *партиза*[н] – *партиза*[н’]*ить*).

О. наст. (прош.) времени – это часть словоформы, остающаяся после отсечения морфов окончания и морфов словоизменительных аффиксов. Напр., в различных словоформах глагола *писать* выделяются: О. наст. времени *пиш-: пиш-у, пиш-ешь, пиш-ущий, пиш-и*; О. прош. времени *писа-: писа-л, писа-ть, писа-вший*. О. прош. времени в подавляющем большинстве глаголов совпадает с О. инфинитива (см.).

Т. о., в словоформе *лентяйничала*, напр., можно выделить: О. этой словоформы – *лентяйничал-а*, О. прош. времени и инфинитива – *лентяйнича-ла, лентяйнича-ть*, мотивирующую О.– *лентяй-ничала*; в словоформе *лентяйничающий* – О. этой словоформы – *лентяйничающ-ий*, О. наст. времени – *лентяйнича*[j-у]*щий*, мотивирующую О.– *лентяй-ничающий*.

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию и лексикологии, М., 1959; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989. См. также лит. при ст. Словообразование.
И. С. Улуханов.

Остроми́рово Ева́нгелие 1056–57 – первая из дошедших до нас датированная древнерусская рукопись. По содержанию это Евангелие (см.) – краткий апракос, в к-ром чтения, рассказывающие о жизни и учении Христа, расположены по праздничным дням церковного календаря.

В записи одного из четырёх её писцов – Григория – на листе 294 сообщается, что рукопись писалась с 21 октября 1056 по 12 мая 1057 по заказу Остромира (в крещении Иосифа). Остромир принадлежал к одному из самых древних знатных владетельных родов (по деду, Добрыне, происходил от великого князя Владимира Святославича). Он был «близоком» (свойственником) киевского князя Изяслава Ярославича, по поручению к-рого, являясь посадником, управлял Новгородской землёй. Для знатного и богатого заказчика была изготовлена великолепная рукопись. Место создания О. Е. в записи писца не названо, что дало возможность высказывать разные предположения: Киев или Новгород; компромиссная версия – написано в Новгороде, но киевлянином.

О. Е.– образец письма и художественного оформления рукописной книги, памятник культуры Древней Руси. Оно написано на 294 листах прекрасной выделки пергамена размером в большой лист (35×30 см) в два столбца каллиграфическим уставным письмом. Рукопись украшена с исполь-

зованием красок и чистого (накладного) золота. Содержит три большие, во весь лист, миниатюры с изображением евангелистов (Иоанна, Луки и Марка), для Матфея оставлен чистый лист. В тексте имеются богато орнаментированные заставки (рамки в начале текста и нек-рых глав) старовизантийского стиля и инициалы (заглавные буквы чтений) с геометрическим орнаментом и с антропо- и зооморфическими элементами. В технике исполнения миниатюр и орнамента искусствоведы отмечают помимо др.-рус. художественных традиций заметное влияние прикладного искусства – византийской перегородчатой эмали, к-рая связана и с живописью, и с ювелирным искусством.

Документальные сведения о судьбе рукописи до нач. 18 в. отсутствуют. Предполагают, что О. Е. находилось в Новгороде, откуда во времена походов Ивана Грозного или реформ патриарха Никона было вывезено в Москву. Лишь в 1701 оно впервые отмечено в описи, составленной при переписи имущества церкви Воскресения Словущего Моск. Кремля. В 1720 О. Е. было отправлено в Петербург, где по повелению Петра I собирали рукописи для написания рус. истории. Других сведений о местонахождении рукописи в 18 в. нет. Полагают, что она оставалась в Новгороде до тех пор, когда была преподнесена графом А. И. Мусиным-Пушкиным Екатерине II. Вновь рукопись обнаружилась в 1805. Она была найдена случайно среди платьев Екатерины II её быв. личным секретарём Я. А. Дружининым через 9 лет после смерти императрицы. С 1806 О. Е. уже не исчезает из поля зрения исследователей. Рукопись О. Е. хранится в Отделе рукописей Рос. национальной б-ки (РНБ; прежнее название – Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ГПБ). Здесь же имеется точная копия текста на бумаге с филигранями (1805), выполненная, вероятно, крупнейшим знатоком рукописей А. И. Ермолаевым. Древние списки О. Е. не известны. В 1955 в Отделе гигиены и реставрации РНБ Е. Х. Трей произведена реставрация рукописи. О. Е. с тех пор хранится в расшитом на тетради виде, каждая из тетрадей обёрнута мягкой бумажной обложкой, и все они помещены в специально изготовленный футляр из полированного дуба.

Печатное издание О. Е. (1843) было подготовлено А. Х. Востоковым. Оно, хотя и содержит много неточностей (М. М. Козловский внёс в него св. 700 поправок), остаётся одним из лучших и единственным наборным изданием текста этой рукописи. Существуют ещё два фотолитографированных, содержащих много искажений, и одно фототипическое издание.

Изучение О. Е. началось ещё до появления печатного издания, и первый период его изучения связан с Публичной б-кой (ныне РНБ), с именами Ермолаева, А. Н. Оленина, П. К. Фролова, Востокова, к-рому принадлежит наиболее глубокое и тщательное исследование языка рукописи. Зарождение научного языкознания в России многим обязано О. Е. Его изучение как памятника ст.-слав. и др.-рус. письменности и языка продолжили палеографы, лингвисты и филологи 2-й пол. 19 – нач. 20 вв. (Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, Козловский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин, Н. М. Каринский, А. Ф. и И. А. Бычковы и др.).

Интерес лингвистов к О. Е. обусловлен тем, что оно является одним из важнейших памятников ст.-слав. языка и в то же время самым ранним др.-рус. списком. Полагают, что принадлежность О. Е. к памятникам вост.-слав. извода обнаруживается преим. в фонетическом облике и в значительно меньшей степени в морфологическом строе (об этом свидетельствует, напр., употребление окончания *-ть* вместо *-тъ* в 3-м лице глаголов наст. и буд. времени или наличие этой формы без окончания – *напише*; употребление стяжённых форм имперфекта) и в синтаксисе. Графика, орфография и фонетика О. Е. исследованы лучше, чем его морфологическая система, синтаксис и лексика.

Миниатюры, заставки и инициалы О. Е. изучал В. В. Стасов. Он впервые нек-рые из инициалов воспроизвёл в цвете. По мнению Стасова, художественное оформление О. Е. было выполнено не одним лицом, а несколькими рус. художниками.

Интерес учёных к О. Е. усилился в связи с его 900-летним юбилеем: появились работы филологов, лингвистов, историков книги, искусствоведов (Н. А. Мещерского, Л. П. Жуковской, А. С. Львова, Н. Н. Розова, А. Н. Свирина и др.).

Изд.: Остромирово Евангелие 1056–1057 года. С приложением греч. текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым, СПБ, 1843; Остромирово Евангелие 1056–1057 года, хранящееся в Имп. публичной б-ке. Иждивением И. Савинкова, СПБ, 1883 (фотолитографическое воспроизведение текста); 2 изд., 1889; Остромирово Евангелие. Факсимильное воспроизведение памятника, хранящегося в ГПБ, Л., 1988.

Лит.: Востоков А. Х., Грамматические правила слав языка, извлеченные из Остромирова евангелия, «Уч. зап. 2-го Отделения АН», 1848, кн. 2, в. 1; Козловский М., Исследование о языке Остромирова евангелия, в кн.: Исследования по рус. языку, т. 1, СПБ, 1885; Шахматов А. А., Щепкин В. Н., Особенности языка Остромирова евангелия, в кн. Лескин А., Грамматика ст.-слав. языка. Приложение, М., 1890; Волков Н. П., О неновгородском происхождении дьякона Григория, «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, № 12; Каринский Н. М., Остромирово евангелие как памятник др.-рус. языка, там же, 1903, № 5; Нефёдов Г. Ф., Неопубликованная ст. Ф. Ф. Фортунатова «Язык Остромирова евангелия», в кн.. Тр. Отдела др.-рус. лит-ры, т. 14, 1958; Розов Н. Н., Остромирово евангелие в Публичной б-ке (150 лет хранения и изучения), в кн.· Тр. ГПБ, т. 5(8), Л., 1958; его же, Рус. рукописная книга. Этюды и характеристики, Л., 1971; Жуковская Л. П., Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия, в кн.: Тр. ГПБ, т. 5(8), Л., 1958; Сводный каталог славяно-рус. рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв., М., 1984.

В. С. Голышенко.

Относи́тельное подчине́ние – см. Подчинение.

Относи́тельные местоиме́ния – см. Вопросительно-относительные местоимения.

Относи́тельные прилага́тельные – разряд прилагательных (см.), обозначающих признак предмета через его отношение к другому предмету (*деревянный дом, фруктовый сад*), действию (*читальный зал*), месту или времени (*индийский чай, ночной поезд*). Таким образом, О. п. всегда производны. В качестве особых разновидностей О. п. нередко рассматриваются порядковые числительные типа *третий, двадцать второй*, а также притяжательные прилагательные типа *отцов, бабушкин, лисий*.

От качественных прилагательных (см.) О. п. отличаются отсутствием кратких форм, степеней сравнения, соотносительных наречий на -о (-е) и других внешних проявлений качественности. Признаки, обозначаемые с помощью О. п., являются постоянными, не имеют количественных градаций и могут служить основой для классификации однородных предметов и их разделения на подклассы (*кухонный стол – письменный стол*; *берёзовые дрова – сосновые дрова*). Выделяют несколько десятков отношений, выражаемых О. п.: «сделанный из» (*глиняная посуда, золотое кольцо*), «содержащийся в» (*морская соль*), «предназначенный для» (*детская книга, уборочная машина*), «полученный от» (*торговая прибыль*) и др. Конкретный характер выражаемого отношения зависит прежде всего от значений определяемого существительного и тех слов, от к-рых О. п. образовано (ср.: *морское животное, морское дно, морской флот, морская граница*). Для О. п. характерна более тесная смысловая связь с существительным по сравнению с качественными прилагательными. Этим объясняется порядок расположения определений в сочетаниях типа *хороший детский врач*, в к-рых О. п. всегда стоит рядом с существительными (нельзя сказать *детский хороший врач*).

У многих О. п. отмечается развитие переносных качественных значений (ср.: *наблюдательный пункт – наблюдательный человек*; *стальная труба – стальные нервы*; *бархатное платье – бархатный голос*). Однако утраты прямого относительного значения при этом, как правило, не происходит.

Лит.: Павлов В. М., О разрядах имён прилагательных в рус. языке, «ВЯ», 1960, № 2; Чернов В. И., О функциональном аспекте лексико-грамматической классификации имён прилагательных, «Рус. яз. в школе», 1973, № 5; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Земская Е. А., Относительные прилагательные как конструктивный элемент номинативной системы совр. рус. языка, в кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис, М., 1991.

Ю. П. Князев.

Отрица́ние – элемент значения предложения, к-рый показывает, что связь между явлениями, выраженная в предложении словами и словосочетаниями, реально не существует (А. М. Пешковский) или что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное (Ш. Балли). Так, в высказываниях *Ребёнок не спит* отрицается реальное существование связи между ребёнком и сном или же отвергается как ложное предложение *Ребёнок спит*. Термин «О.» иногда употребляется также в значении 'отрицательное слово' (см.).

О. в рус. языке может выражаться отрицательной частицей *не* или другим отрицательным словом, отрицательным префиксом (*немногие, неравный*). О. может и не иметь отдельного выражения, т. е. быть компонентом значения слова (*отказаться* = 'не согласиться', *сухой* = 'не влажный') – внутрилексемное О.– или целого предложения (*Много ты понимаешь!; Так я ему и поверила!; «Досуг мне разбирать вины твои, щенок!»*, Крылов) – подразумеваемое О.

Предложение, содержащее отрицательную частицу или другие отрицательные слова, называется отрицательным. В отрицательном предложении всегда отрицается нек-рое суждение (пропозиция); оно называется сферой действия О. Сферой действия О. может быть всё предложение (*Дети не пошли в школу*) или только его часть: напр., во фразе *Дети не спят из-за шума* обстоятельство причины не входит в сферу действия О. Предложение, к-рое целиком составляет сферу действия О.,– это предложение с полным О.; предложение, в к-ром отрицаемый компонент входит в состав другого семантического компонента предложения, называется предложением с неполным О. Предложение может быть неоднозначным из-за неоднозначно выраженной сферы действия О.; напр., фраза *Она не будет переносить встречу из-за приезда брата* может означать: 1) 'Приезд брата является причиной того, что она не будет переносить встречу' – неполное О., и 2) 'Неверно, что из-за приезда брата она перенесёт встречу' – полное О.

Не подвергаются О. те семантические компоненты, с к-рыми связана пресуппозиция (см.), в частности пресуппозиция истинности факта или существования объекта; напр., в предложении *Я не был рад его приходу* О. полное, но компонент 'Он пришёл' не подвергается О., поскольку составляет пресуппозицию этого предложения.

О. называется смещённым, если оно присоединяется не к тому слову, к к-рому относится по смыслу, а к другому слову, синтаксически подчиняющему первое, напр. *Я не решил всех ваших задач* = 'Я решил не все ваши задачи'. Обычно смещённое О.– это О. при сказуемом. Возможно также смещение О. на предлог, напр.: *не в свои сани* = 'в не свои сани', *не в ту сторону* = 'в не ту сторону'.

Предложение с отрицательной частицей в составе сказуемого или с отрицательным сказуемым называется общеотрицательным (*Он тебя не любит*; *У меня нет братьев*); а предложение

с отрицательной частицей при другом члене предложения или слове – частноотрицательным (*Он любит не тебя*).

В общеотрицательном предложении рус. языка действуют след. закономерности: 1) вин. п. прямого дополнения может заменяться на род. п., ср. *Я читал эту статью* и *Я не читал этой статьи* (хотя возможно также *Я не читал эту статью*); 2) вин. п. обстоятельства длительности может заменяться на род. п., ср. *Установка не работала два года* и *Установка не работала двух лет*. Замены вин. п. на род. п. не происходит, если с обстоятельством связана пресуппозиция существования; поэтому предложение *Установка не работала два года* означает 'Были, т. е. существовали, такие два года, когда установка не работала', в то время как предложение *Установка не работала (и) двух лет* означает 'Неверно, что установка работала хотя бы два года'; 3) им. п. подлежащего при нек-рых глаголах (часто в пассивной или возвратной форме) со значением существования или возникновения в поле зрения может заменяться на родительный, ср.: *Последовал выстрел* и *Выстрела не последовало; Было принято какое-то решение* и *Никакого решения не было принято*. Однако если с подлежащим связана пресуппозиция существования, то замены не происходит; поэтому *Мороз не чувствовался* означает 'Мороз был, но не замечался', а из предложения *Мороза не чувствовалось* неясно, был ли мороз; 4) отрицательная частица при модальном слове обычно требует несов. вида подчинённого глагола в инфинитиве (*Ты должен это сделать – Ты не должен этого делать*). В частноотрицательных предложениях все эти закономерности не действуют: ср. *Он не возвращает книги* и *Он не всегда возвращает книги*.

От нейтрального О. следует отличать противопоставительное. В предложении с противопоставительным О. закономерности 1)–4) не действуют (ср.: *Я не читал этой статьи* и *Я не читал эту статью, а только просматривал; Я не велел тебе уходить* и *Я не велел тебе уйти, а только просил тебя об этом*).

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956, гл. 18; Падучева Е. В., О семантике синтаксиса. (Материалы к трансформационной грамматике рус. языка), М., 1974, гл. 6; Богуславский И. М., Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов, М., 1985; Апресян Ю. Д., Синтаксические признаки лексем, «Russian Linguistics», 1985, v. 9, № 2–3.

Е. В. Падучева.

Отрица́тельное предложе́ние – см. Отрицание, Отрицательные слова.

Отрица́тельные местоиме́ния, отрицательные местоименные слова, – семантический разряд местоимений (см.), включающий слова, по своим грамматическим свойствам принадлежащие к разным частям речи (существительному – т. н. местоимению-существительному, прилагательному, наречию), но объединяемые общим значением отрицания. Слова данного разряда являются производными от вопросительно-относительных местоименных слов: *никто, ничто, некого, нечего, никакой, никоторый, ничей, ничейный* (разг.), *негде, нигде, незачем, никак, некогда, никогда, некуда, никуда, неоткуда, ниоткуда, нисколько, ничуть, нечего* ('не следует, не нужно'). Все они обозначают отсутствие того лица, предмета, признака, обстоятельства, на к-рый указывает мотивирующее слово, ср.: «*Безмолвен курган одинокий, Наездник державный забыт, И тризны в пустыне широкой Никто уж ему не свершит*» (А. К. Толстой); «*И скучно, и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды*» (Лермонтов); «*Ещё ничей в его обитель Не проникал доныне взор*» (Пушкин); «*Суждено мне изначально Возлететь в немую тьму. Ничего я в час начальный Не оставил никому*» (Есенин).

Местоименные слова с префиксом *ни-* употребляются преим. в отрицательных предложениях и имеют наряду со значением отрицания также обобщающе-исключительное значение, наиболее полно реализуемое в тех типах контекстов, к-рые ограничивают круг лиц, предметов, признаков, обозначаемых местоименным словом, ср.: «*Как достичь до неё – не ищи, не гадай, Тут расчёт никакой не поможет, Ни догадка, ни ум, но безумье в тот край, Но удача принесть тебя может*» (А. К. Толстой) (т. е. 'ни один из расчётов, любой'). В предложениях без отрицания употребляются местоименные слова *ничей* в значении 'никому не принадлежащий', синонимичное ему разг. *ничейный*, а также (с узким кругом глаголов) фразеологизирующиеся формы *ничем* (напр., *Спор завершился ничем*), *ни с чем, ни за что*, напр. «*Люди вы свои, и мне жалко, коли вы пропадёте ни за что*» (Фадеев). Слова *никакой, нисколько, ничуть* имеют значение усиления отрицания того или иного признака, напр. *Жить с ним никак невозможно*.

Ряд местоименных слов данного семантического разряда может сужать семантику местоименности вплоть до формирования новых, более конкретных лексических значений, напр. местоименные существительные *никто* и *ничто* развили соответственно значения: 'человек, не состоящий в родственных или других отношениях с кем-н.', а также 'человек малозначительный, ничтожный' и 'тот, кто (что) ничего собой не представляет': напр., «*И нас за никого считает*» (Грибоедов). Местоименное прилагательное *никакой* в предложениях без отрицания формирует оценочное значение 'плохой, никуда не годный': *Шахматист он никакой*.

Синтаксические функции О. м. определяются их общей семантикой и частеречными характеристиками. В простом предложении О. м. с пристав-

кой *не-* являются обязательным элементом их структуры, напр.: *Некому работать*; *Не о чем спорить*; *Некуда идти*.

Лит. см. при ст. Местоимение. *А. С. Белоусова.*

Отрица́тельные слова́ – слова, выражающие отрицание (см.). К О. с. относятся: слово общего отрицания *нет*, отрицательная частица *не*, а также нек-рые слова, у к-рых отрицание является одним из компонентов значения: местоимения (см. Отрицательные местоимения) и наречия с частицей *ни* – *никто, ничто, никакой, нигде, никогда* и др.; частица *ни* в значении 'ни один' (как в сочетании *не сказал ни слова*, а не как в сочетании *кто бы ни*); союз *ни... ни*; отрицательные предикатные слова – *нет, нельзя*; отрицательные синтагмы – *некого* (в т. ч. в контекстах *не у кого, не для кого* и др.), *нечего, негде, некогда* и др.; нек-рые слова с отрицательными префиксами (такие, где префикс выражает противоречащее, а не противоположное понятие) – *немногие, невозможно, неполный*. Другие слова с отрицательным префиксом или с отрицательным значением (*неправда, неурожай, неприятный, отказаться* – 'не согласиться') не относятся к отрицательным. О. с. иногда называют также отрицаниями.

В отличие от языков, исключающих множественное, или кумулятивное, отрицание, в рус. языке действует отрицательное согласование: наличие в предложении частицы *ни* или союза *ни... ни* требует отрицательного сказуемого, т. е. сказуемого с частицей *не* или выраженного отрицательным предикатным словом: *Он никогда о ней не спрашивает* (ср. **Он никогда о ней спрашивает*); *Нет у нее ни друзей ни родных*. В отрицательном согласовании участвуют также неопределённые местоимения и наречия, напр. *никогда* вместо *когда-нибудь* во фразе *Никто ему никогда не помог*.

Лит.: Янко-Триницкая Н. А., Местоимения с префиксальными частицами *не* и *ни*, «Рус. яз. в школе», 1976, № 1; Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография, в кн.: Семиотика и информатика, в. 29, М., 1989 *Е. В. Падучева.*

Официа́льно-делово́й стиль – один из функциональных стилей литературного языка (см. Стиль), обслуживающий сферу письменных официально-деловых отношений. В соответствии с их характером принято различать три подстиля: канцелярско-деловой, юридический, дипломатический. О.-д. с. функционирует в форме документов разных жанров, обобщающих типовые ситуации официально-делового общения. Построение (составление) документа предполагает трёхчленную последовательность операций: уяснение типовой ситуации → выбор жанра документа, уяснение его формы → выбор средств и правил языкового наполнения документа данного жанра. Т. о., наряду с языковыми нормами в этой сфере действуют семиотически-текстовые (жанровые) нормы, регламентирующие реализацию семантико-информационной структуры и линейного развёртывания текста документа.

Характер деловых отношений обусловливает высокий уровень стандартизации (установления единых норм и требований) и унификации (приведения к единообразию) языковых средств; для деловой прозы характерна «чёткость функций каждого сообщения» в соответствии с деловой ситуацией. Особенности деловых текстов связаны с предъявляемыми к ним требованиями: точности (однозначности) формулировок (документ имеет юридическую силу); логичности изложения (непротиворечивости, аргументированности, последовательности); краткости изложения. О.-д. с. свойственны: в области стилистики – стилистическая однородность текста, тенденция к использованию нейтральных элементов и штампов (деловые тексты относятся к информационному типу текста); в области лексики – использование специфически деловых слов (типа *надлежащий*), отказ от устаревших элементов (типа *каковой – таковой*) и замена их нейтральными (*какой, который – такой, этот*); в области морфологии – преобладание для называний действий отглагольных существительных, причастий и деепричастий, большая частотность родительного падежа, тенденция к неупотреблению лично-указательных местоимений (*он, они*), как неоднозначных; в области синтаксиса – характерная для письменной речи усложнённость конструкций, сложноподчинённые предложения, б. ч. с союзами со значением причины, цели, следствия и условия, пассивных конструкций, сложные предлоги типа *на предмет чего*.

В процессе развития лит. языка в О.-д. с. идёт процесс выработки таких качеств лит. речи, как точность, логичность, краткость, происходит – как и в научном стиле – оттачивание способов формулирования мысли (гл. обр., в области синтаксиса). При этом высокий уровень стандартизации делает О.-д. с. в восприятии говорящих символом стандартности речи. О.-д. с.– источник распространения в устной разг. и письменной речи неоправданного употребления речевых штампов, характерных для этого стиля.

Лит.: Щерба Л. В., Совр. рус. лит. язык, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Ушаков А. А., Очерки сов. законодательной стилистики, Пермь, 1967; Логинова К. А., Деловая речь и её стилистические изменения в сов. эпоху, в кн.: Развитие функциональных стилей совр. рус. языка, М., 1968; Рус. язык в совр. мире, М., 1974, ч. 2, гл. 4; Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С., К вопросу о текстовых нормах, в кн.: Лингвистика текста. Материалы научной конференции, ч. 1, М., 1974; Ершов А. П., К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы, в кн.: Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке, М., 1982; Большаков И. А., О нек-рых лингвистических особенностях деловой прозы, в кн.: Семиотика и информатика, в. 26, М., 1985; Рахманин Л. В., Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов, 3 изд., М., 1988; Веселов П. В., Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки, 4 изд., М., 1993.

Б. С. Шварцкопф.

П п

П П п п П П п П п

П, п – семнадцатая буква рус. алфавита. Название буквы – «пэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное* п. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «покой», к-рая ведёт происхождение от буквы «пи» греч. унциального письма и финикийской буквы «пе». В кириллице буква «покой» имела цифровое значение «восемьдесят».

Основное графическое значение буквы *п* – обозначение общей части фонем ⟨*п*⟩ и ⟨*п'*⟩: губная, взрывная, глухая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *п* буквой или другим графическим знаком: ⟨*п*⟩ – *пыль, пламя, суп* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*п'*⟩ – *пил, выпь*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *п* обозначает твёрдость этих фонем: *колпак, империя, отпор*.

Паде́ж – 1) морфологическая словоизменительная категория существительного, а также местоимения-существительного, количественного числительного и прилагательного (включая местоимения-прилагательные, порядковые числительные и полные формы причастий); 2) ряд форм существительного, объединённых системой флексий и общей системой морфологических значений; 3) ряд форм прилагательного, объединённых общностью флексий; 4) отдельная форма слова, входящая в такой ряд, напр.: *коню* – дат. п. сущ. *конь*; *новым* – тв. п. прил. *новый*.

П. является одной из центральных грамматических категорий: системой П. в морфологии организуется весь класс имён, а в синтаксисе – в значительной степени область словосочетаний и предложений.

П. прилагательного зависит от П. существительного и самостоятельного значения не имеет: это т. н. согласовательный падеж. П. существительного представлен шестью рядами форм, каждая из к-рых заключает в себе определённый комплекс категориальных морфологических значений: именительный падеж (см.), родительный падеж (см.), дательный падеж (см.), винительный падеж (см.), творительный падеж (см.), предложный падеж (см.). П. как словоизменительная категория имени выражается его флексиями; дополнительным средством различения падежных форм могут служить чередования в основах существительных (*ухо – ушей; кухня – кухонь*) и специальные акцентные характеристики (*ко́ни – коне́й; го́рода – городо́в*). Каждая отдельная падежная форма, помимо значения П., заключает в себе также морфологические значения числа и рода (последнее – у прилагательных в формах ед. ч., а у существительных и в ряде форм мн. ч.).

П. существительного выражается системой противопоставленных друг другу рядов форм и обозначает в словосочетании отношение существительного к другому слову, а в предложении – отношение существительного к другой словоформе или ко всему составу предложения. Иными словами, в языке существует отношение П. к слову и отношение П. к синтаксической конструкции в целом либо к какому-то члену этой конструкции. В первом случае речь идёт о присловном отношении П.: имя в данном П. относится к слову во всех его формах: *читать книгу, читаю книгу, читал, читая, читающий... книгу; час рассвета, часы рассвета, о часе рассвета*. Во втором случае речь идёт о неприсловных отношениях П. Однако и в том и в другом случае П. несёт в себе общее значение отношения имени к какой-то другой единице. Это отношение в языке разными средствами уточняется, конкретизируется и всегда предстаёт как один из видов падежной связи.

Значения П. формируются на основе их синтаксических функций в словосочетании и в предложении и являются абстракциями, отвлечёнными от этих синтаксических функций. Синтаксические функции П. многообразны. Однако всегда в П. выражаются некие отношения, к-рые в каждом П. конкретизируются и предстают как одно из его значений. П. как носитель значений, отвлечённых от его синтаксических связей и отношений, многозначен. Так, дат. п. имеет разные значения в случаях: 1) *подарить книгу отцу* [падежной формой обозначен объект, т. е. предмет (лицо), на к-рый направлено действие, к к-рому обращено

чьё-л. процессуальное состояние]; 2) *отцу не нравится эта книга* [падежной формой обозначен субъект, т. е. предмет (лицо), к-рый сам является носителем состояния – внутреннего или внешнего]; 3) *памятник отцу* (падеж имеет определительное значение: он определяет, характеризует предмет по предназначенности, принадлежности). Отдельный П. со всеми своими значениями входит в единую систему падежных значений, объединённых в парадигме существительного.

Самыми общими и основными падежными значениями являются значения субъектное, объектное и определительное; внутри каждого из них существует своя смысловая дифференциация, отражающая те виды общего значения, к-рые связаны именно с данным П. Субъектное значение П.– это значение отношения предмета к действию, к-рое совершается самим этим предметом, либо к состоянию, к-рое испытывает данный предмет, либо к целой ситуации, к-рая порождена этим предметом или приписывается ему как её носителю: *Поезд идёт; Семья в сборе; Дел прибавилось!; Мне недосуг разговаривать; Ребёнку нездоровится; Комиссией проведена проверка*. Во всех случаях субъектное значение небезразлично к падежной форме; в форме им. п. это значение предстаёт в ничем не осложнённом виде; во всех остальных – косвенных П. оно осложнено элементом того значения, к-рое для этого П. является основным. Объектное значение П.– это значение отношения предмета к действию, к-рое направлено на этот предмет, или к состоянию, к-рое он испытывает: *Настроили домов; Требую объяснений; Тебе телеграмма; Об уехавших ничего не известно*. Определительное значение П.– это значение отношения предмета к другому предмету, действию, состоянию либо к целой ситуации, к-рые этим отношением так или иначе характеризуются. Это может быть определение по качеству, свойству, внешнему признаку, по самым разнообразным сопровождающим обстоятельствам: *Москва – столица России; Улетаем первым рейсом; Прождал час; В гневе забыл о справедливости*. К определительному значению относится также значение предикативного признака (в сказуемом): *Отец – в гневе; Вылет – первым рейсом*.

Вне основных значений находится падежное значение необходимого информативного восполнения при словах, в силу своего лексического значения никогда не употребляющихся абсолютивно и требующих содержательного восполнения. Напр., род. п. при количественных числительных (*два дома, три часа*) не является ни объектным, ни субъектным, ни определительным. Он лишён к.-л. значения и только информативно восполняет то слово с количественным значением, к-рое этого необходимо требует, и вместе с этим словом обозначает количество предметов. Ср. также род. п. при компаративе (*моложе брата*), твор. п. при таких глаголах, как *казаться, сделаться, слыть, считаться* (*слывёт колдуном, считается умником*), совпадающую с им. п. старую форму вин. п. мн. ч. в таких сочетаниях, как *пойти в рабочие*.

Основные значения могут сочетаться друг с другом: *приезд начальника* – субъектно-определительное значение род. п., *Дом зажжён молнией* – субъектно-объектное значение твор. п.

В образовании значений П. принимают участие след. взаимодействующие друг с другом факторы: характер грамматической связи падежной формы с той единицей, от к-рой эта форма непосредственно зависит; лексическое значение слова, выступающего в данной падежной форме; в словосочетании – лексическое значение главенствующего слова. Субъектное и объектное падежные значения противопоставляются всем видам определительности как абстрактные падежные значения значениям конкретным. Бóльшая абстрактность субъектного и объектного значений поддерживается тем, что эти значения в меньшей степени обусловлены лексической семантикой слов, чем значение определительное.

П. могут быть беспредложными и предложными (с предлогами). П. с предлогом представляет собой целостную единицу значения: предлог вместе с падежной формой образует такое единство, к-рое по своему синтаксическому поведению и по характеру основных значений в целом не отличается от беспредложного П. (напр., объектное значение: *рассказал приключение – о приключении, спросил соседа – у соседа*; определительное: *едем берегом – по берегу*). Однако П. с предлогами обладают бóльшими возможностями для выражения различных частных значений внутри субъектного, объектного и определительного значений. Такая способность дифференциации заключена в самих предлогах (см.).

Каждый П. имеет свою систему значений. У разных П. могут сближаться или совпадать отдельные значения, но никогда не совпадает весь круг значений в целом. Внутри П. значения находятся в определённых отношениях друг к другу и организуются в семантический комплекс. Это – отношения значений, для данного П. центральных (основных, т. е. в его смысловой структуре наиболее весомых, главенствующих и высокочастотных) и значений нецентральных, периферийных. Значения главенствующие, центральные, как правило, слабее испытывают на себе лексико-семантические ограничения; значениям, составляющим семантическую периферию П., обычно сопутствует достаточно определённая лексико-семантическая или синтаксическая несвободность. Центральное значение обладает способностью проявлять себя и в других значениях данного П., комбинироваться с ними, проникать в их сферу (см. статьи об отдельных падежах). В нек-рых случаях центральным является не одно падежное значение, а два или

даже три (напр., для род. п. одинаково частотны и субъектное, и определительное, и объектное значения: *воды прибывает; страна озёр; настроить домов*).

Категория П. существительного в грамматическом строе рус. языка принадлежит как морфологии, так и синтаксису: морфологическому строю принадлежат беспредложные П. как организованные в парадигму носители основных падежных значений (в парадигму входит также и предл. п., к-рый не существует без предлогов). Синтаксическому строю принадлежат как беспредложные П., так и П. с предлогами: и те и другие непосредственно участвуют в конструировании как формального вида предложения (его элементарного грамматического строения и его распространения), так и его семантической структуры. Все частные падежные значения устанавливаются на основе синтаксических связей и сопровождающих их лексико-семантических характеристик.

Значение П. обращено не только к его контекстным (в узком смысле) связям, но и к парадигме имён в целом. В составе парадигмы П. предстаёт не как изолированная грамматическая единица со своим собственным семантическим строением; он определённым образом относится к другим П., находится в сложных отношениях с ними. Парадигма имени объединяет и сосредоточивает в себе значения всех П.; все вместе эти значения, распределённые языком между разными П. и по-разному в каждом из них организованные, составляют целостную систему падежных значений. Как носитель комплекса падежных значений определённый П. занимает своё место в парадигме, к-рая, т. о., являет собою замкнутую систему многозначных грамматических единиц с распределёнными между ними комплексами значений. Отношение одной из единиц (одного П.) ко всем остальным (к другим П.) есть отношение составляющего (компонента) системы к системе в целом, а отношения между отдельными П. есть внутрисистемные отношения таких участков друг к другу. В составе парадигмы П. оказываются в отношениях взаимной и необходимой связанности единиц, объединённых в законченное множество.

В рус. грамматической традиции, сохраняющейся в школьном преподавании, падежные значения описываются как самостоятельные смысловые единицы, сосуществующие в каждом отдельном П. и теснейшим образом связанные с лексическими значениями слов. При таком описании значения каждого П. предстают как сочленённые в нём семантические компоненты, формирующиеся грамматической формой П. и лексическим значением слов, заполняющих соответствующую форму. Образцом такого описания могут служить главы о П. в академической «Грамматике русского языка» (1952–54).

Из совр. научных теорий, посвящённых рус. падежной системе, с очевидностью противостоят друг другу две центральные теории, на к-рые опираются многочисленные последующие частные описания. Это, во-первых, теория Р. О. Якобсона, направленная на поиск в каждом рус. П. его семантического инварианта и на отражение этого инварианта во всех семантических вариантах того или иного П. Во-вторых, это теория Е. Куриловича, противопоставляющего синтаксические П. как П. с наиболее абстрактными грамматическими значениями П. семантическим как П. с разветвлённым комплексом определительно-обстоятельственных значений.

Большую роль в изучении рус. падежной системы сыграли работы А. А. Зализняка, обратившегося к этой системе как к сложной знаковой организации и внёсшего в её описание много существенных уточнений, в т. ч. важный тезис о согласовательных П. прилагательного и причастия, тщательную дифференциацию типов парадигм.

В академической «Русской грамматике» (1980) морфологическая и семантическая природа П. и их роль в формировании разных синтаксических структур опираются на теоретические позиции, изложенные в данной статье.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, Л., 1941; Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; его же, О формах слова, в его кн.: Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1960; Булыгина Т. В., Нек-рые вопросы классификации частных падежных значений, в кн.: Вопросы составления описательных грамматик, М., 1961; Курилович Е., Проблема классификации падежей, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; его же, О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях, т. 1 - Проблемы грамматического моделирования, М., 1973; Апресян Ю. Д., Экспериментальное исследование семантики рус. глагола, М., 1967; его же, Лексическая семантика, М., 1974; «День Артура Озола»: категория падежа в структуре и системе языка, Р., 1971; Кацнельсон С. Д., Типология языка и речевое мышление, Л., 1972; Шведова Н. Ю., Дихотомия «присловные – неприсловные падежи» в её отношении к категориям семантической структуры предложения, в кн.: Слав. языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб–Любляна, сент. 1978. Докл. сов. делегации, М., 1978; Лешка О., Категория падежа, в кн.: Рус. грамматика, т. 1, Praha, 1979; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980; Филлмор Ч., Дело о падеже, пер. с англ., в кн.: НЗЛ, в. 10, М., 1981; Якобсон Р. О., К общему учению о падеже, в его кн.: Избр. работы, пер. с англ., нем., франц., М., 1985; Клобуков Е. В., Семантика падежных форм в совр. рус. лит. языке. (Введение в методику позиционного анализа), М., 1986; Булыгина Т. В., Крылов С. А., Падеж, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. *Н. Ю. Шведова.*

Паде́ние редуци́рованных – утрата редуцированных гласных (см.) в древних славянских языках, под к-рой понимается как полное исчезновение редуцированных, так и их изменение в гласные полного образования. В др.-рус. языке П. р. завершилось в сер. 12 – 1-й пол. 13 вв. Звуки ъ и ь в др.-рус. словах могли находиться в сильных и в слабых позициях. Сильными позициями ъ и ь были позиции под ударением и перед слогом со слабым редуцированным (*пъ́стрыи, тъ́ща, съ́нъ,*

дънь), а слабыми – положение в конце слова (*столъ*, *конь*) и в слоге перед слогом с гласным полного образования (*дъно*, *вьсе*) и с сильным редуцированным (*бьрьвьно*, *тъпътъ*). В сильной позиции ъ изменился в *о*, а ь – в *е*, в слабых же позициях они сократились до нуля звука, т. е. исчезли. Напр.: *пьстрыи* → *пёстрый*, *сънъ* → *сон*, *дьнь* → *ден'*; *столъ* → *стол*, *конь* → *кон'*, *бьрьвьно* → *бревно*, *клѣтъкъ* → *клѣток*. В связи с тем, что ъ и ь в разных формах одного слова могли оказываться то в сильной, то в слабой позиции, при П. р. могли возникнуть явления, ведущие к расхождению фонетического облика этих форм. Напр., из *бьрьвьно* фонетически правильно возникло *бревно*, но из *бьрьвьнъ* должно было развиться *бервен*; из *Смольньска* развилось *Смоленска*, но из *Смольньскъ* должно было возникнуть *Смо*[*л'*]*неск*. Однако в результате процесса выравнивания по аналогии (см.) разрыва форм не произошло; ср. в совр. рус. языке: *бревно – бревна*, *Смоленск – Смоленска*.

Особой была судьба ъ и ь в сочетании с *р*, *л* между согласными в корнях слов (типа *търгъ*, *вълкъ*, *пьрвыи*; *кръвь*, *блъха*, *крьстъ*, *сльза*). Если ъ, ь находились перед *р*, *л*, то они всегда вели себя как сильные, т. е. изменялись в *о*, *е* (*търгъ* → *торг*, *търга* → *торга*; *вълкъ* → *волк*, *вълку* → *волку*). Это объясняется тем, что редуцированные в таких сочетаниях находились в положении перед слоговыми *р* и *л* (*тъ*[*р̥*]*гъ*, *тъ*[*р̥*]*га*) и их изменение в *о* и *е* было связано с утратой слоговости плавными, а не с положением их в сильной или слабой позиции. Если же ъ, ь находились после *р*, *л*, то они изменялись по общему правилу: в сильных позициях – в *о* и *е*, а в слабых – исчезали, напр.: *крьстъ* → *крест*, *крьста* → *крста*. Но т. к. после утраты ъ, ь возникали труднопроизносимые сочетания согласных, *р*, *л* развивали слоговость (получали гласный призвук: *кр̥ста*, *сл̥за*), к-рая у вост. славян не удержалась. У предков украинцев и белорусов на месте слоговых *р*, *л* появились сочетания *ры*, *лы*, *ри*, *ли*, а у предков русских – *ро*, *ло*, *ре*, *ле* (возможно, под влиянием *о*, *е* на месте сильных ъ, ь): др.-рус. *кръшити* – укр. *кришити*, белорус. *крышыць*, рус. *крошить*; др.-рус. *трьвога* – укр. *тривога*, белорус. *трывога*, рус. *тревога*; др.-рус. *глътати* – укр. *глитати*, белорус. *глытаць*, рус. *глотать* и т. д.

Позиционные разновидности ъ, ь – гласные *ы̆*, *ӗ*, утратившись в слабых позициях, в сильных изменились у предков русских в *о*, *е*, а у предков украинцев и белорусов – в *ы*, *и*, напр.: др.-рус. *молодыи* – рус. *молодой*, укр. *молодий*, белорус. *малады*; др.-рус. *синии* – рус. диалектное *синей*, укр. диалектное *синий*, белорус. *сiнi*.

П. р. широко отражается в памятниках письменности начиная со 2-й пол. 12 в. (хотя случаи пропуска слабых ъ, ь обнаруживаются уже в 11 в., напр. в надписи на Тмутараканском камне 1068), особенно в Добриловом Евангелии 1164, грамоте Варлаама Хутынского кон. 12 в. и очень широко в Смоленской грамоте 1229.

Лит.: Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка, 2 изд., М., 1965; Сидоров В. Н., Из истории звуков рус. языка, М., 1966. См. также лит. при ст. История русского языка. *В. В. Иванов.*

Палатализа́ция (от лат. palatum – нёбо) – смягчение согласных в определённых фонетических положениях. В истории рус. языка под П. понимается смягчение согласных *к*, *г*, *х* в соседстве с гласными переднего образования. Различаются три П. *к*, *г*, *х*, возникшие и развившиеся ещё в праславянском языке (см.) и давшие разные результаты в древних слав. языках. Первая П., самая ранняя, заключалась в том, что общеслав. *k*, *g*, *ch* в положении перед гласными *i*, *ē* (впоследствии *ě*), *e* и ь (из *ĭ*) смягчались, изменяясь соответственно в шипящие согласные *č'* [*ч'*], *ž'* [*ж'*], *š'* [*ш'*]. Напр.: общеслав. **droug-ina* → *drouž'ina*, др.-рус. *дружина*; общеслав. **po-rǫk-i-te*)*i̯* → *porǫč'iti*, др.-рус. *поручити*; **grěch-ьn-ikъ* → *grěs'nikъ*, др.-рус. *грѣшьникъ*. При этом *ē* (→ *ě*), смягчая предшествующие *k*, *g*, *ch*, изменялось в *а*, напр.: общеслав. **bēg-ē-tei̯* → *běž'ati*, др.-рус. *бѣжати*; общеслав. **krik-ē-tei̯* → *krič'ati*, др.-рус. *кричати*. Первая П. дала одинаковые результаты у всех древних славян, в совр. рус. языке они полностью сохранились в виде чередований *к/ч*, *г/ж*, *х/ш*: *рука/ручка*, *нога/ножка*, *тих/тишина*.

Вторая П., прошедшая после утраты дифтонгов в праслав. языке, осуществлялась перед *i* и *ě*, произошедшими из дифтонгов *oi̯*, *ai̯*, в этих условиях *k* → *c'*[*ц'*], *g* → *z'*[*з'*], *ch* → *s'* [*с'*] (т. е. образовались свистящие согласные). Напр.: общеслав. **koi̯na* → *c'ěna*, др.-рус. *цѣна*; общеслав. **drougoi̯* → *drouz'i*, др.-рус. *друзи* – им. п. мн. ч. от *другъ*; общеслав. **touchai̯* → *mous'ě*, др.-рус. *мусѣ* – дат.-местный п. ед. ч. от *муха*. Результаты второй П. оказались несколько различными у южных и вост. славян, с одной стороны, и у западных – с другой. Кроме того, вторая П. осуществлялась не на всей др.-рус. территории: этого процесса не знал др.-новгородский диалект, о чём свидетельствуют берестяные грамоты (см.), сохранившие формы с *к*, *г*, *х* перед ѣ и *и*: *кѣле* «цел», *хѣрь* «*серь*» (='серое', о сукне), *моги*, *сухѣи*, *на торгѣ* и др. В совр. рус. языке следы второй П. сохранились в неявном виде в нек-рых словах и морфемах, что в ряде случаев может быть установлено лишь путём этимологического анализа. Сюда относятся форма им. п. мн. ч. *друзья*, корневые морфемы *цвет-* и *звезд-*, *цен-* (в *цена*) и *цед-* (в *цедить*), *цел-* (в *целый*), *сер-* (в *серый*), *сед-* (в *седой*), заимствованные корни *цар-* (из *цѣсар-*) и *церк-* (в *церковь*), устар. *зело* – 'очень'.

Третья П., рассматриваемая иногда как разновидность второй П., осуществлялась после гласных переднего образования *i*, ь, *ę* и давала те же

результаты, что и вторая П. Напр.: общеслав. **ovika* → *ovьc'a*, др.-рус. *овьца*; общеслав. **kъnęgъ* → *kъnęz'ь*, др.-рус. *кънязь*; общеслав. местоим. *vьchъ* → *vьs'ь*, др.-рус. *вьсь*. Эта П. также давала несколько различные результаты у зап. славян по сравнению с южными и восточными, кроме того, она осуществлялась непоследовательно. Напр.: **kъnęgъ* → *knęz'ь*, но *kъnęgyni*, ст.-слав. *кънягыни*, др.-рус. *кънягыня*; общеслав. **liko* → *lic'e*, др.-рус. *лице*, но ст.-слав. *ликъ* (из общеслав. **likos*). Результаты третьей П. устанавливаются в совр. рус. языке также путём этимологического анализа. Сюда относятся словоформы *князь, витязь, месяц*, исконно суффиксальные образования на *-ец* (*-ьць*<*ькъ*) и *-ица* (<**ika*), местоимение *весь, вся, все*.

Если первая П. хронологически была самой ранней, то относительно хронологии второй и третьей П. мнения учёных расходятся: одни считают более древней вторую П., другие – третью. Возможно, что неосуществление второй П. в др.-новгородском говоре свидетельствует о её более позднем происхождении по сравнению с третьей П.

П. обусловили особую судьбу согласных *к, г, х* в истории рус. языка. В результате того что уже с праслав. эпохи *к, г, х* не могли находиться перед гласными переднего образования, др.-рус. язык не знал сочетаний *к, г, х* с *и*, *ѣ*, *е*. Поэтому в ранних памятниках письменности такие сочетания обнаруживаются лишь в заимствованных словах (*кить, литургия, архиерей; келия, келарь, Георгии, хѣровимъ, архангелъ* и т.п.). В исконно же слав. словах в ранний исторический период выступают только *кы, гы, хы* (*Кыевъ, гыбѣль, хытрыи, сѣкыра, похыщати; рукы, многы, пасхы*). Сочетания *кѣ, гѣ, хѣ* могли появляться не только в памятниках, отражавших неосуществление второй П., но и в тех, к-рые знали результаты этой П. В этих последних сочетания *кѣ, гѣ, хѣ* появлялись в результате действия аналогии (см.) в нек-рых морфологических формах (напр., формы *рукѣ, ногѣ, сохѣ* вместо исконных *руцѣ, нозѣ, сосѣ* возникали под влиянием форм других падежей этих слов, сохранявших заднеязычные).

О дальнейшей истории мягких заднеязычных в истории рус. языка см. в ст. Консонантизм.

Лит.: Бернштейн С. Б., Очерк сравнительной грамматики слав. языков, М., 1961; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка, 2 изд., М., 1965; Янин В. Л., Зализняк А. А., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977–1983 гг.), М., 1986.

В. В. Иванов.

Палеогра́фия (от греч. palaiós – древний и gráphō – пишу) – историко-филологическая дисциплина, изучающая создание и развитие знаков письменности; теоретическая П. устанавливает закономерности исторически изменившихся особенностей письма, практическая и описательная – исследуют индивидуальные особенности писцов или отдельных рукописей с целью определения времени и места создания этих рукописей, участия писавших их лиц и границ работы писцов.

Эволюция русских почерков (устав, полуустав, вязь, скоропись и гражданское письмо 12 в.).

П. как самостоятельная дисциплина выделилась из дипломатики, определяющей подлинность древних документов, грамот и других письменных источников. В Европе в 1681 появился труд бенедиктинского монаха Жана Мабильона «Трактат о дипломатике», в к-ром он доказал подлинность королевских грамот («дипломов»), хранящихся в бенедиктинских архивах и закреплявших важные имущественные и юридические права этого ордена. Первое аналогичное дошедшее до нас палеографическое исследование в России появилось в 1717, когда старообрядцы Андрей Денисов и его ученики и сподвижники Мануил Петров и Леонтий Федосеев доказали подложность «Соборного деяния на еретика арменина на мниха Мартина», выдававшегося противниками старообрядцев за подлинную рукопись 12 в., и «Требника митрополита Феогноста», выдававшегося за рукопись 1329. В своём анализе старообрядцы опирались на накопленные к тому времени представления о письме и внешнем виде древних рукописей и на нек-рые практические приёмы анализа начертаний букв, получившие распространение в Рус. государстве ещё в 15–17 вв. Но зарождение научной П. связано с именем бенедиктинского монаха Бернара де Монфокона, к-рый ввёл в науку и сам термин «П.». Опираясь на датированные рукописи, он составил наглядные таблицы, показывающие историю изменения во времени отдельных греч. букв («Греческая палеография», 1708), и на основании этих

таблиц составил в 1715 первое научное описание собрания рукописей.

Главной задачей П. является установление и систематизация хронологических и локальных особенностей письма датированных рукописей для последующей временнóй и территориальной атрибуции рукописей, не имеющих в своём тексте ни прямой даты и указания на место написания, ни косвенных сведений об этом.

П. исследует письменные знаки, гл. обр. буквы и составляющие их элементы, а также надстрочные и разделительные знаки, приёмы сокращённого письма и т. п. Объектом П. являются также материалы и орудия письма, к-рые заменялись и изменялись со временем. Особое значение собственно палеографический метод исследования имеет для датировки текстов и записей на листьях и стеблях растений (пальмовых листьях, папирусе, лотосе), на бересте и на специально обработанной для письма коже – пергамене. Определение времени происхождения ср.-век. рукописей на бумаге в большинстве случаев наиболее точно проводится по водяным знакам (филиграням) изготовлявших бумагу мануфактур и фабрик. Изучение водяных знаков выделяется из П. и перерастает в особую вспомогательную дисциплину – филигранологию.

П. обслуживает преим. потребности исторического языкознания, истории, литературоведения, искусствознания, для к-рых палеографический анализ составляет обязательный первый этап изучения рукописи, материал к-рой привлекается для исследования. Но и другие науки гуманитарного цикла и даже точные науки в той степени, в какой материал для них может быть извлечён из памятников письменности, используют П. для установления времени и места происхождения изучаемого источника.

Совр. дифференциация наук приводит к тому, что палеограф должен быть осведомлённым в смежных областях, к-рые предшествовали появлению П. рукописей (дипломатика) или отпочковались от неё: филигранология, нумизматика, сфрагистика (изучение печатей) в 19 в., кодикология (изучение совр. состояния древней рукописной книги), источниковедение, книговедение, неография (изучение совр. письма и даже машинописи и произведений печати) в 20 в.

Палеографы-лингвисты помимо определения времени и места происхождения источника уделяют особое внимание выявлению работы разных лиц (писцов), участвовавших в написании данной рукописной книги, или особенностей графики одного и того же лица, написавшего несколько рукописей. Языковед исследует реально сохранившиеся рукописи, в каждой из к-рых его интересуют языковые особенности последнего писца или писцов; с помощью текстологии он восстанавливает язык промежуточных списков памятника и черты языка первого списка (протографа), написанного самим автором или переводчиком текста на данный язык.

П. выработала методику датировки по совокупности палеографических примет, технику анализа графических данных, в к-рой используются и новые приёмы (напр., точное измерение углов букв, имеющих сходные элементы начертания). В 20 в. стали применять данные точных наук: химии – для анализа чернил и красок, физики – для выявления смытых, угасших или закрашенных текстов посредством цветоотделительного фотографирования и других специальных методов исследования.

Сфера П. не остаётся неизменной. В период формирования П. изучала преим. книжное письмо чернилами и красками на специальном писчем материале – для Европы это пергамен и бумага. Вне её внимания оставались надписи на предметах материальной культуры – каменных и деревянных памятниках, посуде, утвари и т. п., а также на объектах естественного происхождения – скалах, камнях. Всем этим занималась эпиграфика, так же как нумизматика и сфрагистика соответственно изучали надписи на монетах и печатях. Текстами на папирусе занимается папирология. В сферу П. попала и конфигурация букв, вышитых или вытканных на старинных тканях, надписи иконописцев на иконах. С открытием в России в 1951 ранее неизвестного письменного источника П. получила принципиально новый объект исследования – берестяные грамоты (см.) 11–15 вв., письмо на к-рые наносилось путём продавливания или процарапывания внутреннего слоя бересты (начертания чернилами на грамотах, открываемых во время археологических раскопок, утрачены или утрачиваются сразу же после попадания бересты на воздух и необходимой промывки берестяных грамот).

Объект П. ограничен не только материалом, но и содержанием источников. Он складывался постепенно за счёт охвата разных видов письменности, различающейся как по используемому материалу и способам нанесения письма, так и по содержанию памятников. Нек-рые историки считают важной задачей П. издание комментированных сводов письменных источников, однако этой цели должны служить отрасли знания, связанные с источниковедением (напр., источниковедение рус. истории, источниковедение истории рус. языка и т. п.).

Расширение задач П. выражается и в том, что к ней относят приобретение навыков чтения древних и ср.-век. рукописей, прежде всего скорописных, вызывающих особые затруднения, но процесс чтения не сводится к узнаванию буквы и непременно включает в себя понимание прочитанного, что невозможно без знания данного языка в его истории, а следовательно, является специфической задачей языкознания.

Неправомерно относить к П. и экспертизу (в т. ч. судебную) современных исследователю почерков. П. изучает почерки, имеющие вид древних.

Если путём палеографического анализа удаётся определить, что они не являются столь древними, за какие выдаются лицами, использующими содержание определённого текста, то такая рукопись считается поддельной. Определение поддельности или подлинности рукописи не составляет особой задачи П. и является следствием решения основной её задачи – установления времени написания рукописи.

В соответствии с исследуемыми алфавитами П. подразделяется на греческую, латинскую, славянскую, армянскую, грузинскую, индийскую, арабскую, китайскую и т. д.

Совр. наука ставит вопрос о создании общей П., к-рая изучала бы общие закономерности письма всех видов, всех времён и на любых материалах. Международный палеографический коллоквиум в Париже в 1953 принял решение об организации Международного палеографического комитета, к-рый был создан в 1957.

Славяно-рус. П. подразделяется на глаголическую, изучающую памятники, написанные глаголицей (см.), и кирилловскую, изучающую памятники, написанные кириллицей (см.).

В средние века зап. славяне применяли латиницу, хорваты и словенцы – глаголицу и латиницу. В связи с характером письма выделяется П. древнейшей глаголицы и поздней (до 18 в.) хорватской глаголицы. Кириллица использовалась в Древней Руси, позднее русскими, украинцами и белорусами; ею писали также южные славяне – болгары и сербы, а до внедрения католичества с его обязательным использованием латыни – молдовалахи (предки совр. румын и молдаван). Т. н. новые лат. П. – чешская, польская, хорватская – разработаны мало из-за отсутствия древних и незначительного количества ср.-век. рукописей на этих языках и раннего распространения книгопечатания (см.).

Главным направлением славяно-рус. П. является кирилловская П., но начиная с 15 в. выделяют русскую, или северо-вост., украинскую, или юго-зап., белорусскую, или зап.-рус., П. Кирилловская П. включает в себя ряд общих вопросов: происхождение слав. письма и соотношение кириллицы с глаголицей, исследование видов кириллицы – устава (см.), полуустава (см.) и скорописи (см.), изучение способов тайнописи, если в них использовались буквы обычных для своего времени начертаний, но в специфическом – «тайном» – значении, анализ вязи.

Публикация и изучение древних письменных источников в 18 – нач. 19 вв. подготовили научное становление П. кириллической письменности. Основополагающее значение имели труды А. И. Ермолаева, К. Ф. Калайдовича, Е. А. Болховитинова (митрополита Евгения), к-рый осуществил первое палеографическое описание древнейшей сохранившейся пергаменной грамоты Мстислава Великого новгородскому Юрьеву монастырю (1130), исследователя и организатора археографических экспедиций П. М. Строева, А. Х. Востокова, В. М. Ундольского, П. И. Иванова, создателя первого опубликованного курса палеографии И. П. Сахарова и др. В кон. 19 – нач. 20 вв. опубликованы обобщающие теоретические исследования И. И. Срезневского, к-рый дал анализ датированных памятников 11–14 вв., А. И. Соболевского, изложившего историю рус. и слав. рукописной книги и рассмотревшего эволюцию букв, включая скоропись 15–17 вв., Е. Ф. Карского, пополнявшего и совершенствовавшего свой курс лекций с 1896 по 1928. В. Н. Щепкин в «Учебнике русской палеографии» (1918; переизд. с дополнениями М. В. Щепкиной, 1967) особое внимание уделил датирующим начертаниям и истории их развития, изучал вязь, орнамент, обосновал расчёты по филиграням, разработал методы анализа и датировки рукописей по совокупности примет, разработал методику, определил характер и объём описания рукописи. Курсы П. читались в ун-тах и других учебных заведениях; среди их создателей были Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, Д. И. Прозоровский, М. Н. Сперанский, И. В. Ягич, Р. Ф. Брандт, Н. М. Каринский, издавший альбом «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги» (подготовлен в 1913, опубл. в 1925), автор «Югославянской палеографии» (1904) П. А. Лавров, историки и археологи И. А. Шляпкин (основатель П. надписей на различных предметах) и И. Ф. Колесников.

В изучение скорописных почерков значительный вклад внесли Г. В. Есипов, В. В. Майков, И. С. Беляев. Изучение укр. скорописи начал И. М. Каманин, к-рому принадлежит первое в Европе сообщение (1905) о необходимости введения в П. методики точной фиксации измерительными приборами, в т. ч. транспортиром с нитью, компонентов буквенных начертаний, их расположения и углов наклона.

В 20–40-х гг. 20 вв. существенный вклад в развитие рус. П. внесли исследования Каринского, уделившего значительное внимание т. н. социологическому элементу П. (отношения писцов и заказчиков и т. п.), Колесникова (скоропись 15–18 вв.), Сперанского (изучение тайнописи); вышли учебные пособия М. Д. Приселкова (1938), А. М. Селищева (1939) и Н. В. Степанова (1941). С 50-х гг. развитие славяно-рус. П. вступило в новую фазу, что было связано с углублением внимания к истории рус., укр. и белорус. языков, для изучения к-рых оказалось необходимым обращение к письменным источникам древности и средневековья. Значительный вклад в изучение письма на берестяных грамотах внесли М. Н. Тихомиров, Щепкина, Л. П. Жуковская, А. В. Арциховский, В. Л. Янин. В это же время началось внедрение в П. методов химии и физики (Д. П. Эрастов). Осуществлялись специальные исследования филиграней (С. А. Клепиков, А. А. Гераклитов, З. В. Участкина, Т. В. Дианова,

В. М. Загребин, А. А. Амосов и др.). Р. В. Булатова, В. В. Колесов, Р. В. Бахтурина, А. А. Зализняк занимались изучением надстрочных знаков, П. орнамента и инициалов систематизировали Т. Б. Ухова, Ю. А. Неволин и др. С 1970 под руководством Жуковской, Н. Б. Тихомирова и Н. Б. Шеламановой была начата организационная и научная работа по составлению «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв.» (1984).

Лит.: Черепнин Л. В., Рус. палеография, М., 1956 (лит.); Жуковская Л. П., Развитие славяно-рус. палеографии, М., 1963; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В., Рус. палеография, М., 1966; 2 изд., М., 1982; Фарсобин В. В., Источниковедение и его метод, М., 1983, с. 66–100

Л. П. Жуковская.

Палеослави́стика – комплекс научных дисциплин о старославянском языке (см.) и древнейшей славянской письменности. Стала складываться с 18 в. в связи с открытием древнейших слав. рукописей – памятников письменности ст.-слав. языка: в 1736 в Иерусалиме был открыт и привезён в Ватикан глаголический (см. Глаголица) кодекс 10–11 вв. (Ассеманиево Евангелие); в 1823 в Супрасльском монастыре под Белостоком (ныне Польша) найден кирилловский (см. Кириллица) текст 11 в. Большой мартовской минеи (Супрасльский, или Ретков, сборник); в нач. 30-х гг. 19 в. в б-ке графа Клоца В. Копитар обнаружил фрагменты глаголической минеи 11 в. (Сборник Клоца); позже в монастырях на Афоне и Синае были открыты и другие глаголические памятники древнейшего письменного языка славян (Мариинское и Зографское евангелия, Синайские псалтырь и требник); к кон. 19 в. в материалах Синодальной типографии в Москве было найдено кирилловское Евангелие-апракос (Саввина книга), а в Киев из Иерусалима доставлен глаголический текст обедни по зап. образцу (Киевские листки). Находки древнейших слав. рукописей продолжаются вплоть до нашего времени: в 1960 в с. Энин у Казанлыка (Болгария) при реставрации старинной церкви был найден древнейший слав. кирилловский текст Апостола (Энинский апостол), а в 1975 в Екатерининском монастыре на Синае нашли по три десятка ранее неизвестных листков Синайской псалтыри и Синайского требника; были обнаружены новые ст.-слав. надписи, а в уже известных палимпсестах (рукописях, написанных поверх смытого или соскобленного более раннего текста) удалось прочитать нек-рые ранее не читавшиеся (затёртые и записанные поверх) страницы. Древнейшие найденные слав. рукописи относятся к кон. 10–11 вв., а следовательно, переписаны по крайней мере на 100–200 лет позже смерти создателей ст.-слав. языка Кирилла и Мефодия (см.), но анализ фактов дал основание думать, что тексты этих важнейших для христианизации славян памятников сохранялись весьма бережно, а потому их язык с известными оговорками можно считать языком Кирилла и Мефодия.

Описание этого языка, графики, а также филологический и текстологический анализ древнейших слав. письменных памятников были и продолжают оставаться одной из важнейших задач П. Первые научные издания ст.-слав. текстов осуществили Копитар, А. Х. Востоков, Ф. Миклошич, в кон. 19 в. появились считающиеся до сих пор образцовыми издания Мариинского и Зографского евангелий, подготовленные И. В. Ягичем. Рус. учёные В. И. Григорович, И. И. Срезневский, Е. Ф. Карский, В. Н. Щепкин, П. А. Лавров, Г. А. Ильинский, С. Н. Северьянов и др. сыграли значительную роль в розыске, описании и издании ст.-слав. письменных памятников в сер. 19 – нач. 20 вв. Эта работа была продолжена позже рядом учёных, прежде всего из слав. стран (Й. Вайсом, Й. Курцем, А. Досталом, Р. Нахтигалом, В. Нимчуком, Л. Мошинским, Т. Ротт-Жебровским, И. Гошевым, К. Мирчевым, К. Куевым, Х. Кодовым, И. Добревым, И. Гылыбовым, Б. С. Ангеловым, А. Минчевой, Й. Заимовым, В. Ивановой-Мавродиновой, А. Джуровой, Й. Хаммом, М. Капалдо, М. Альтбауэром, И. Тарнанидисом, Й. Шекеном и др.).

Одновременно с решением этой задачи началось комплексное исследование проблем, связанных с созданием древнейшей слав. письменности, стала анализироваться роль в этом Кирилла (Константина) и Мефодия, началось изучение вопросов наличия у славян письменности до 9 в., когда был создан ст.-слав. язык, первенства глаголицы или кириллицы и того, кто был автором каждой из них, исследование происхождения отдельных букв. В 19 в. одним из кардинальных был вопрос о народной основе ст.-слав. языка: нек-рые учёные, среди к-рых были Копитар и Миклошич, предполагали паннонскую, а следовательно, словенскую основу, однако с расширением круга древних памятников и углублением изученности их текстов эта гипотеза была заменена общепризнанной теперь теорией о болгаро-макед. диалектной основе ст.-слав. языка, базирующейся на тех фактах, что родиной первоучителей славян была Солунь (ныне Салоники) и что работа по созданию первых переводов Евангелия началась ещё в Византии, а также на глубоком анализе языка ст.-слав. памятников. В связи с этим потребовалось и было осуществлено выявление и изучение возможно более полного состава первичных источников о жизни и деятельности Кирилла (Константина) и Мефодия: житий, похвальных слов, служб в честь слав. первоучителей и их непосредственных учеников, папских посланий епископам и князьям, чья деятельность была связана с миссией солунских братьев, и подобных документов. Необходимо уточнение даты моравской миссии Кирилла и Мефодия в связи с разными вариантами отсчёта времени в Византии, места, где создавалась слав. письменность, и т. д.

(Й. Добровский, К. Ф. Калайдович, О. М. Бодянский, Ф. Пастрнек, А. Теодоров-Балан, Лавров, Ф. Дворник, Я. Станислав, Ф. Гривец, Й. Дуйчев, Р. Пиккио, С. Б. Бернштейн, И. Тот, А. Наумов и др.). Специальное внимание привлекают переводческая деятельность и переводческая техника слав. апостолов, их творчество, варьирование текстов (Й. Вашица, К. Горалек, И. Шевченко, Е. М. Верещагин, Л. П. Жуковская и др.). Обсуждается проблематика статуса ст.-слав. языка как конфессионального, этнического и древнейшего письменного (лит.) языка славян (Н. И. Толстой). В определённой мере итогом работы по перечисленным проблемам является начатая в Болгарии «Кирилло-мефодиевская энциклопедия» («Кирило-методиевска енциклопедия», т. 1, 1985).

Параллельно с началом исследования отдельных др.-слав. письменных памятников началось обобщение данных об их языке. Добровский начал, а Востоков продолжил эту работу; им принадлежат первые грамматики ст.-слав. языка (А. Х. Востоков, «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам», 1820; Й. Добровский, «Основы древнеславянского языка», 1822). Если грамматики Добровского и Востокова базировались на обследовании очень ограниченного числа памятников, то с кон. 19 в. возникла возможность опоры на более широкий круг источников, что и было реализовано в грамматиках А. Лескина (1871; рус. пер. с нем., 1915), В. Вондрака (1900), С. М. Кульбакина (1915). В 20 в. грамматическая разработка ст.-слав. языка была продолжена в фундаментальной грамматике П. Дильса (1931), двухтомном руководстве М. Вайнгарта (1937–38). Курс ст.-слав. языка, по-новому освещающий его фонологию и морфонологию, читал в Вене в 30-х гг. Н. С. Трубецкой (издан посмертно в 1954). Посмертно был издан и незаконченный учебник А. М. Селищева («Старославянский язык», ч. 1–2, 1951–52). Вышло описательное «Руководство по старославянскому языку» А. Вайяна (1948; рус. пер. с франц., 1952). С тех пор в различных странах появились многочисленные учебники по ст.-слав. языку; исходя из учебных задач, одни авторы сосредоточиваются на филологическом освещении ст.-слав. языкового материала, другие стремятся дать ему сравнительно-историческое толкование, а иногда и совмещают решение обеих этих задач, дополняя учебник также хрестоматией избранных текстов.

Лексикографическое описание ст.-слав. языка начинается с Миклошича, составителя первого словаря этого языка («Словарь старославянского языка», 1850; 2 изд., 1862–65). Ст.-слав. материалы вошли в «Словарь церковнославянского языка» Востокова (т. 1–2, 1858–61), были включены в «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1–3, 1893–1903, дополнения, 1912; 3 изд., 1958), подготовленные Срезневским. В 1955 Л. Садник и Р. Айтцетмюллер выпустили компактный и очень информативный «Подручный словарь» к ст.-слав. текстам. С 1958 началось издание капитального четырёхтомного «Словаря старославянского языка», составляемого чехословацкими (теперь чешскими) славистами (Вайс, Курц, Ф. В. Мареш, З. Гауптова, Р. Вечерка, Э. Благова, С. Геродес и др.; к 1995 вышли 1–47-й выпуски – до слова *херовимьскъ*); с 1989 издаётся примыкающий к нему «Этимологический словарь старославянского языка» (к 1995 вышло 3 выпуска – до слова *gospodь*); в 1994 опубликован составленный на его базе однотомный «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» под ред. Р. М. Цейтлин, Вечерки, Благовой. Ст.-слав. лексика стала объектом не только лексикографии, но и семасиологического, словообразовательного анализа, исследований лексической сочетаемости: на лексическом материале построил «Историю возникновения старославянского языка» Ягич (вышла на нем. языке; 2 изд., 1913); А. Мейе в 1902–05 опубликовал семасиологический и словообразовательный анализ ст.-слав. лексики. Во 2-й пол. 20 в. появился ещё ряд исследований по лексике ст.-слав. языка (А. С. Львова, Цейтлин, М. М. Копыленко, Н. Мольнара и др.).

Наряду с обобщающими трудами в 20 в. значительное место в П. стали занимать исследовательские монографии по отдельным проблемам ст.-слав. языка: итогом исследовательской работы Н. ван Вейка по фонетике и морфологии стала его «История старославянского языка» (1931; рус. пер. с нем., 1957); П. А. Бузук, изучив графику и фонетику Мариинского Евангелия, пришёл к новому выводу о болг. происхождении его писца (результаты опубликованы в 1918 и 1924 в двух журнальных статьях). Б. фон Арним исследовал графику, фонетику, морфологию, словообразование и ст.-слав. переводческое искусство на материале Синайской псалтыри (в 1930 и 1931 выпустил две книги по итогам исследований).

В период между двумя мировыми войнами для П. сложились не очень благополучные условия: в СССР и Германии соответствующая работа была почти прекращена, многие слависты репрессированы, молодые слав. государства не имели для научных исследований достаточных средств. Однако в это время был заложен фундамент для развития П. (появились новые журналы, б-ки, кафедры, семинары, началась подготовка специалистов). После 2-й мировой войны П. возродилась во всех слав. странах, получила развитие не только в Европе, но, в частности, и в США, куда приехали многие палеослависты (Р. О. Якобсон, Г. Бирнбаум, Достал). Интенсивно развивается П. в Болгарии, где древнейший слав. письменный язык часто рассматривается как др.-болг., т. е. как этап раз-

вития болг. языка. В разных странах ведутся исследования по отдельным проблемам ст.-слав. языка, представляющим наиболее существенный интерес для понимания его структуры и развития: анализируются видо-временна́я и залоговая системы ст.-слав. глагола (Б. Гавранек, Достал, Ю. С. Маслов, С. Иванчев, Ф. Шольц, Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. В. Бородич и др.), функционирование системы причастий (Р. Ружичка, Вечерка, Б. И. Скупский), предложно-падежной системы имени (К. И. Ходова), развитие системы прилагательных (М. Хоновска, Толстой, М. Флайер), числительных (Вечерка, А. Е. Супрун); изучаются различные аспекты ст.-слав. синтаксиса – сочетаемость и синтаксическое выражение нек-рых значений (А. Шёберг, Р. Павлова и др.), простое (Ходова, Р. Златанова и др.) и сложное (Е. Друграмаджиева и др.) предложение; изучается также и ст.-слав. фонология (Б. Велчева и др.).

Лит.: Ягич И. В., История слав. филологии, СПБ, 1910; Толстой Н. И., Ст. слав. язык, в кн.: Сов. языкознание за 50 лет, М., 1967; Горшков А. И., Ст.-слав. язык, 2 изд., М., 1974; Иванова Т. А., Ст.-слав. язык, М., 1977; Можаева И. Е., Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике, 1945–1974 гг., М., 1980; Хабургаев Г. А., Ст.-слав. язык, 2 изд., М., 1986; Супрун А. Е., Ст.-слав. язык, Минск, 1989. *А. Е. Супрун.*

Па́мятники пи́сьменности ру́сского языка́ 10–17 вв. К П. п. р. я. относятся все зафиксированные графическим способом тексты, отражающие развитие русского языка в его книжных и некнижных вариантах от начала письменности до 17 в. Эти памятники наряду с данными диалектологии (см.) служат важнейшим источником для реконструкции исторического развития рус. языка.

Первые написанные кириллицей (см.) памятники появились у вост. славян в 10 в. К 1-й пол. 10 в. относится надпись на корчаге (амфоре) из Гнездова (под Смоленском); это, по наиболее вероятному предположению, владельческая запись («горуня», т. е. принадлежащая Горуну). От 2-й пол. 10 в. сохранился ряд надписей, функционировавших как знаки принадлежности на предметах материальной культуры (деревянных бирках, мечах). Однако развитие письменности вне этой узкоутилитарной сферы имело место лишь после крещения Руси (988) и связано с распространением христианства.

После крещения на Руси возникла книжная письменность. «Повесть временных лет» (см. Летописи) сообщает о «многих писцах», работавших при Ярославе Мудром. Переписывались преим. богослужебные тексты (псалтыри, служебники, требники, апракосные евангелия и апостолы, минеи и триоди), к-рые были нужны для каждой новой церкви. Оригиналами для вост.-слав. рукописей первого поколения служили в основном рукописи южнославянские, восходящие к кирил-

«Русская Правда». Троицкий 1-й список, лист 2.

ло-мефодиевской традиции. В процессе переписки рус. писцы вырабатывали собственные орфографические и морфологические нормы. Их целью было не столько точно скопировать оригинал, сколько дать исправный текст; для этого они применяли правила, отражавшие их собственное знание языка. В результате происходило приспособление языка оригиналов к вост.-слав. языковому материалу и формировался др.-рус. книжный язык – рус. извод церковно-славянского языка (см.). Тексты этого рода были для рус. книжников образцом правильного книжного языка, на к-рый ориентировались при создании любых книжных текстов. К сохранившимся древнейшим памятникам этого рода относятся Остромирово Евангелие 1056–1057 (см.), Архангельское Евангелие (1092; см.), Путятина минея, Новгородские минеи (1095–97), Мстиславово Евангелие (нач. 12 в.) и др. Памятники этого типа были массовой продукцией; сопоставление списков разных периодов позволяет проследить, как с течением веков менялись нормы книжного языка. Эти нормы стабилизируются и подвергаются сознательной коррекции с

«Русская Правда». Новгородско-Софийский список, лист 402.

началом книгопечатания (сер. 16 в.), предполагавшего и книжную справу (исправление текста при подготовке к печати).

Переписывались и распространялись и памятники, прямо с богослужебной функцией не связанные, но входившие в круг христианского чтения. Сюда относятся творения святых отцов, жития святых, патерики, сборники поучений и толкований, хронографы, сборники канонического права. Эти тексты постоянно переписывались в монастырских скрипториях и предназначались прежде всего для монахов, хотя читатели из мирян также не были редкостью. Языковой стандарт в подобных текстах выдерживался с меньшей строгостью, чем в текстах богослужебных, отдельные написания оригиналов могли воспроизводиться в них без исправлений, даже если они противоречили нормам рус. извода. Вместе с тем эти тексты могли подвергаться большим изменениям под пером редакторов и переписчиков. В результате письменная традиция, сформированная этими памятниками, характеризовалась большей вариативностью языковых элементов. К древнейшим рукописям 11 – нач. 12 вв., содержащим памятники этого типа, относятся Изборник Святослава 1073 (см.), Изборник 1076 (см.), 13 слов Григория Богослова, Огласительные слова Кирилла Иерусалимского, Синайский патерик, Пандекты Антиоха, Ефремовская кормчая (рукописи 11 в.). В дальнейшем особое распространение получили сборники, в к-рых нравоучительные и житийные тексты располагались по годовому кругу,– Златоструй (древнейший список 12 в.), Пролог (древнейший список 12–13 вв.), позднее – Четьи-Минеи.

Оригинальные сочинения рус. авторов относятся преим. к памятникам последнего типа. Уже в 11 – нач. 12 вв. появляются первые рус. жития и проповеди – Сказание о Борисе и Глебе и Чтение о Борисе и Глебе, Житие преподобного Феодосия Печерского, Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Оригинальные рус. произведения сохранились, как правило, лишь в поздних (15–17 вв.) списках, обнаруживающих многочисленные расхождения и разночтения; поэтому для суждения о языке, на к-ром они были изначально написаны, нужна текстологическая реконструкция. Исключениями являются Сказание о Борисе и Глебе и Житие преподобного Феодосия Печерского, дошедшие до нас в составе Успенского сборника 12 в. Авторы древних оригинальных памятников ориентировались на образцовые воспроизводимые тексты (прежде всего Священного Писания и богослужения) и старались следовать тем языковым нормам, к-рые эти тексты задавали. Поскольку книжным языком овладевали без грамматик, словарей и риторических пособий, соблюдение норм зависело от начитанности автора и его умения воспроизводить те формы и конструкции, к-рые он знал по образцовым текстам (прежде всего выученным наизусть). Там, где подобные книжные навыки оказывались недостаточными, могли появляться формы и конструкции, идущие из разг. языка; для историка языка эти случаи представляют особую ценность. Они наиболее многочисленны в ряде памятников 15–17 вв. (напр., в Житии Михаила Клопского 70-х гг. 15 в.); в это время книжный язык существенно отличался от разг. языка и многие авторы не справлялись с воспроизведением нормативных характеристик образцовых текстов.

Особый класс древних памятников представляют летописи. Летописец, излагая исторические события, включал их в контекст христианской истории, и это объединяло летописи с другими памятниками книжной культуры духовного содержания. Поэтому были аналогичны и языковые установки: летописи писались на книжном языке и ориентировались на тот же корпус образцовых

текстов. Однако из-за специфики излагаемого материала (конкретных событий, местных реалий) прямое использование образцов часто оказывалось затруднительным, поэтому строгая книжная норма в них не выдерживалась и допускалась широкая вариативность книжных и некнижных языковых элементов. Эта вариативность присутствует уже в первых летописях и в дальнейшем оказалась приметой сложившейся летописной письменной традиции, поскольку позднейшие летописцы продолжали труд более ранних и подражали им. В 11 в. в Киеве был составлен Начальный летописный свод, в нач. 12 в.– расширяющая и дополняющая его «Повесть временных лет». В дальнейшем летописание развивалось во множестве книжных центров (Новгороде, Пскове, Суздале, Твери и т. д.). К древнейшим сохранившимся спискам летописей относятся Синодальный список Новгородской первой летописи (основная часть 13 в., продолжение – 14 в.), Лаврентьевская летопись (переписана в 1377 монахом Лаврентием по заказу суздальского князя; содержит «Повесть временных лет» и Суздальскую летопись), Ипатьевская летопись 1-й четверти 15 в. (содержит «Повесть временных лет», Киевскую и Галицко-Волынскую летописи).

Наряду с книжной письменной традицией в древней Руси развивалась и некнижная письменная традиция, не связанная непосредственно с христианской лит. традицией и не ориентированная на образцы основных религиозных текстов. Тексты этого рода обслуживали административно-судебную сферу, официальное и частное делопроизводство, бытовые нужды. От текстов книжной письменной традиции эти тексты отличались как синтаксическими конструкциями, так и морфологией. В центре этой письменной традиции стояли юридические кодексы, начиная с Русской правды, свода законов, зафиксированных на письме в 11–12 вв.; древнейший список дошёл до нас в составе Новгородской кормчей (1282). Сформированная Русской правдой письменная традиция получила развитие в позднейших юридических текстах: Новгородской и Псковской судных грамотах, Московских судебниках (1497, 1550, 1589), Уложении царя Алексея Михайловича (1649; первый текст этого рода, изданный типографским способом).

К данной традиции примыкают и юридические акты официального и частного характера: межгос. и межкняжеские договоры, дарственные, вкладные, завещания, купчие и т. д. К древнейшим дошедшим до нас текстам этого рода относится грамота великого князя Мстислава Юрьеву монастырю (ок. 1130), вкладная грамота Варлаама Хутынского (рубеж 12–13 вв.), договор Смоленска с Ригой и Готским берегом (нач. 13 в.), договор Новгорода с Готским берегом (1262–63) и др. Для образуемой этими текстами письменной традиции обычны устойчивые формулы, нередко архаического характера, стандартизация языка на синтаксическом и морфологическом уровне. Вполне устойчивые языковые нормы формируются в позднейших памятниках этого рода, отражающих обширную бюрократическую деятельность Моск. государства; провинциальные документы могли подвергаться здесь языковой правке, приводящей их в соответствие с моск. стандартом. Принято говорить об особом, «приказном языке» этих документов.

Все перечисленные выше тексты писались, как правило, профессиональными писцами, обладавшими устойчивыми навыками и соблюдавшими определённые орфографические и морфологические нормы; нормализованность соответствовала книжному или официальному статусу памятника. Поэтому факты живого языка отражаются в таких текстах лишь опосредствованно и ограниченно. По-другому обстоит дело в памятниках бытового письма (частной переписке, заметках для памяти). Древнейшие тексты этого типа (11–15 вв.) дошли до нас в берестяных грамотах (см.), обнаруженных при раскопках в Новгороде, Старой Руссе, Пскове, Смоленске и других городах. Эти тексты написаны в особой, «бытовой» орфографии, возникновение к-рой было обусловлено тем, что пользовавшиеся ею обучались чтению (по складам), но не обучались письму (как профессиональному навыку). В бытовых текстах факты живого языка (прежде всего диалектные) отражаются с несравненно большей полнотой, чем в любых других памятниках. Из этого следует, в частности, что любое профессиональное письмо (как книжное, так и некнижное) было связано с тщательной обработкой языка, устранявшей ненормативные языковые элементы.

Особое положение среди П. п. р. я. занимают граффити (см.). В большинстве своём это молитвенные тексты, написанные на стенах храмов, хотя имеются и граффити иного (фактологического, хронографического, актового) содержания. Молитвенные формулы, повторяющиеся в них, восходят к книжным текстам; в то же время они часто пишутся в соответствии с бытовой письменной традицией и находятся тем самым на пересечении двух разных письменных традиций.

Лит.: Карский Е. Ф., Слав. кирилловская палеография, Л., 1928; Дурново Н. Н., Введение в историю рус. языка, 2 изд., М., 1969; Котков С. И., Лингвистическое источниковедение и история рус. языка, М., 1980; Рождественская Т. В., Др. рус. надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв., СПБ, 1992; Янин В. Л., Зализняк А. А., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984–1989 гг.), М., 1993.

В. М. Живов.

Паради́гма (от греч. parádeigma – пример, образец) – ряд противопоставленных языковых единиц, каждый член к-рого определяется отношениями к другим членам ряда. Парадигматические отношения в разных лингвистических теориях, для единиц разных уровней (односторонних и двусторонних) определяются по-разному, соответственно термин «П.» приобретает разное содержа-

ние (см. Парадигматика). Понятие «П.» впервые было разработано в морфологии. Затем оно стало использоваться в синтаксисе, лексике, словообразовании, стилистике. При построении общеязыкового определения П. в качестве основополагающего признака используется понятие «позиция» (см. Позиция фонологическая).

П. в фонологии – ряд позиционно чередующихся звуков.

П. в морфологии – 1) система словоформ, образующих одну лексему; 2) образец, схема словоизменения. Границы лексемы и соответственно объём П. устанавливаются по-разному в зависимости от принципов, положенных в основу различения форм одного слова и разных слов, словоизменительных и словообразовательных категорий. Структура П. определяется характером грамматических категорий и их взаимосвязями внутри частей речи. Полная П. словоизменения к.-л. части речи может распадаться на несколько частных П. (подпарадигм), организованных противопоставлением форм по одному или нескольким грамматическим значениям. Так, существительное имеет падежно-числовую П., в к-рую входят две числовые подпарадигмы (ед. и мн. ч.). В полной П. прилагательного отражаются системные связи родо-падежно-числовой П. полных форм с родо-числовой П. кратких форм и с формой сравнительной степени. Полная П. глагола включает разветвлённую систему частных П. (лично-числовую в наст. времени, родо-числовую в прош. времени и т. д.). Морфологическую П. характеризуют регулярные отношения внутри замкнутого, количественно определённого ряда форм.

Состав П. конкретной лексемы определяется её принадлежностью к части речи и к определённому лексико-грамматическому классу внутри неё (напр., относительные прилагательные не имеют кратких форм и степени сравнения). Отсутствие отдельных форм у нек-рых лексем носит характер индивидуального отклонения. При этих лексемах в словарном порядке даётся указание на неполноту П., напр.: *дерзить* – нет формы 1-го лица ед. ч. наст. времени; *письмецо* – нет форм мн. ч.

В П. выделяют одну форму в качестве исходной. Она представляет лексему в описаниях и словарях. В существительном и глаголе избирается форма, используемая в функции называния: им. п. ед. ч. для существительного и инфинитив для глагола, в прилагательном это форма муж. рода ед. ч. им. п.

В формальном отношении П. классифицируются по след. признакам: 1) по набору окончаний – таким образом устанавливается тип словоизменения: тип склонения существительных, тип спряжения глаголов и т. д.; 2) по набору основ (типы соотношения основ позволяют выделить формальные классы глаголов – продуктивные и непродуктивные, группы существительных, имеющие, напр., разные основы в подпарадигмах ед. и мн. ч.); 3) по акцентуации – выявляются разные акцентные П.

В 70-х гг. 20 в. в русистике стало использоваться понятие деривационной П. Выстраивались соотношения: словоизменительная П.– словообразовательная П., система форм предложения – система деривационных соотношений предложений; сторонники деривационной П. акцентировали внимание на чертах сходства в том и другом типе отношений.

П. в словообразовании представлена двумя терминами: словообразовательно-семантическая П. и словообразовательная П. Им приписывается разное содержание. Словообразовательно-семантическая П.– это типовые комплексы словообразовательных значений, выражаемых на базе производящих слов (основ) определённого класса части речи, семантической группы и т. п. по моделям мотивационных отношений, свойственных данному языку. Противопоставление производных – членов П. описывается с помощью понятия «макрокатегория».

В ряде работ словообразовательная П. понимается как набор производных от одной производящей основы, т. е. кодериватов, объединённых одной ступенью словопроизводства. В лит-ре встречается также приложение термина «словообразовательная П.» к словообразовательному гнезду.

В синтаксисе обращение к понятию «П.» было вызвано стремлением представить ряды синтаксических конструкций как видоизменения одной конструкции в соответствии с меной синтаксических значений. В качестве П. рассматриваются модально-временные вариации простого предложения (*Ученик пишет; Ученик писал; Ученик будет писать; Ученик писал бы* и т. д.), вариации, связанные с категорией лица, с модальными и фазисными типами значений (*Ученик может писать; Ученик начинает писать* и т. д.). Под понятие «П.» подводятся регулярные модификации одной синтаксической модели и трансформации одной модели в другую. Разрабатывается парадигматика коммуникативного синтаксиса (в коммуникативную П. объединяются предложения, реализующие разные коммуникативные задания и различающиеся порядком слов, местом фразового ударения и т. д.). Ставится задача построения общей синтаксической системы языка, включающей конструктивный и коммуникативный синтаксис, в форме иерархии парадигм.

Выдвинута также идея описания синтаксической системы в виде системы парадигм предложения (сюда относят только изменения, выражающие синтаксическую категорию предикативности, т. е. изменения в плане синтаксических модально-временных значений) и системы деривационных отношений предложений (производная схема обогащается нек-рыми дополнительными регулярными

смыслами: фазисными, модальными, отрицательными, количественной интенсивности и др.).

В лексико-семантическую П. объединяются слова, противопоставленные друг другу по нек-рому семантическому признаку (напр., по признаку «профессия»: *учитель, врач, лётчик*; по признаку «величина»: *большой, маленький*; по признаку «способ отделения»: *отрезать, отрубить, отделить, отпилить* и др.). Слово обычно входит в несколько лексико-семантических П. Каждое парадигматическое противопоставление позволяет выделить существенные элементы значения слов – общие и дифференциальные семантические признаки для каждого ряда. В лексические П. объединяют синонимы, антонимы, слова одной тематической группы и др.

Лит.: Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Шведова Н. Ю., Парадигматика простого предложения в совр. рус. языке (опыт типологии), в кн.: Рус. язык. Грамматические исследования, М., 1967; Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; Костинский Ю. М., Вопросы синтаксической парадигматики. [Обзор], «ВЯ», 1969, № 5; Шмелёв Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Золотова Г. А., Очерк функционального синтаксиса рус. языка, М., 1973; Москальская О. И., Проблемы системного описания синтаксиса. На материале нем. языка, М., 1974; Булыгина Т. В., Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980; Манучарян Р. С., Словообразовательно-семантическая парадигма, в кн.: Сб. научных тр. МГПИИЯ им. М. Тореза, в. 164, М., 1980; Мурясов Р. З., К теории парадигматики в лингвистике, «ВЯ», 1980, № 6; Белошапкова В. А., Шмелёва Т. В., Деривационная парадигма предложения, «Вестник Моск. ун-та. Сер. 9 – Филология», 1981, № 2; Совр. рус. язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. [Сб. ст.], под ред. Д. Н. Шмелева, М., 1988; Совр. рус. язык, под ред. В. А. Белошапковой, 2 изд., М., 1989.

Е. В. Красильникова.

Парадигма́тика – 1) один из двух системных аспектов изучения языка, противопоставленный синтагматике (см.). Согласно теории Ф. де Соссюра, языковая система строится на двух типах отношений между языковыми единицами: ассоциативных и синтагматических. Ассоциативные (в понимании Соссюра) отношения, в отличие от синтагматических, не даны непосредственно в речевой цепи, они связывают единицы языка на основе общности по форме или по смыслу или по тому и другому одновременно (напр., слова *лётчик, читатель, бегун* объединяет значение «производитель действия», а слова *лётчик, грузчик, рассказчик* кроме значения «производитель действия» имеют один и тот же аффикс).

В работах совр. лингвистов в соответствии с соссюровским пониманием термина «ассоциативные отношения» употребляется термин «парадигматические отношения», введённый Л. Ельмслевом. Парадигматическое описание строится либо на основе объединения языковых единиц как функциональных представителей одной парадигматической единицы (устанавливаются условия отождествления единиц), либо на основе вариативности одной единицы (устанавливаются условия выбора её функциональных представителей). В одно парадигматическое целое объединяют единицы, различие между к-рыми полностью определяется позицией. Парадигму (см.) составляют единицы, взаимоисключающие друг друга в одной позиции. Ряд позиционно чередующихся звуков составляет фонему (см.), напр. звуки [*о́*], [*ʌ*], [*ъ*] образуют фонему ⟨*о*⟩ – [*хо́лʌдъм*]; морфы, находящиеся в дополнительном распределении, объединяются в морфему (см.), ряд словоформ – в лексему (см.). Ср.: *звучит слово, не хватает слова, прибавить к слову*. Словоформы *слово, слова, слову* принадлежат одной лексеме, одной парадигме. П. определяется, т. о., как совокупность правил позиционно обусловленного чередования единиц языка.

Кроме того, термину «парадигма» придаётся иное (противоположное) значение. Парадигмой называют отношения между единицами, могущими занять место друг друга в одной позиции. Напр.: *Роста он был (высокого, среднего, низкого); слов-о, слов-а, слов-у* и т. д. Лексемы *высокий, низкий, средний*, флексии *-о, -а, -у* сводят в один парадигматический ряд.

2) Система парадигм. Описание в форме системы парадигм было впервые осуществлено в морфологии. П. морфологическая описывает типы парадигм словоизменения (склонения имён и спряжения глаголов) и устанавливает грамматические классы слов (части речи и грамматические разряды внутри них), обладающие тождественными парадигмами и системами парадигм.

Во многих лингвистических работах парадигматический аспект исследования охватывает единицы всех уровней и подсистем.

Лит.: Основы построения описательной грамматики совр. рус. лит. языка, М., 1966; Реформатский А. А., Введение в языкознание, 4 изд., М., 1967; Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, 2 изд., М., 1975; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Тр. по языкознанию, пер. с франц., М., 1977; Кубрякова Е. С., Парадигматика, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990 *Е. В. Красильникова.*

Парата́ксис – то же, что бессоюзие.

Па́рные зна́ки препина́ния – см. Знаки препинания.

Паро́нимы (от греч. pará – возле, мимо и ónyma – имя) – однокоренные слова, к-рые принадлежат одной части речи, имеют сходство в звучании (в связи с общим корнем или основой), но различаются своими значениями (*костный – костлявый, гадливость – гадость, выплатить – заплатить – оплатить*). Слова, составляющие паронимический ряд, как правило, соотносительны между собой в логическом, смысловом, семантическом плане (ср.: *гневливый* – 'склонный к гневу, легко приходящий в состояние гнева, вспыльчивый' и *гневный* – 'охваченный гневом, рассерженный', 'вызванный гневом, выражающий гнев'; *выпятить* – 'выставить, выдвинуть вперёд, выпучить', 'выделить, выдвинуть на первый план'

и *пятить* – 'сдвигать, толкать назад, заставлять пятиться'), что и составляет наряду со структурным сходством основу для их сопоставления, а также смешения в речи. Однако главное внимание при анализе П. обращается на их различия в семантике, в сочетаемости (лексической и синтаксической) и синтаксических связях.

Возможна классификация П. по их словообразовательной и семантической структуре. П., различающиеся приставками (*выплата – оплата – плата*), называют приставочными, суффиксами (*цветной – цветовой, шумный – шумливый – шумовой*) – суффиксальными, окончаниями (*метод – метода*) – финальными; П., не имеющие синонимических значений, называют контактными (*становление – установление, факт – фактор, табло – таблица, художественный – художнический*), а имеющие синонимические значения (*двойной – двойственный, травянистый – травяной*) – синонимическими. Последние П. в определённых значениях и сочетаниях могут выступать как синонимы (*травяное / травянистое поле, далёкие / дальние края*), а в других – как П. (ср.: *двойная / двойственная политика* и *двойное отношение – двойственное отношение*). П. принципиально отличаются от синонимов (см.) тем, что исключается их взаимозаменяемость.

Наряду с рассмотрением П. как явления лексической системы их изучают в аспектах правильности речи в связи с фактами непреднамеренного смешения (что порождает речевую ошибку), напр.: *ни на чём не обоснованное* (вместо: *основанное*) *заключение* (ср.: *ничем не обоснованное ... и ни на чём не основанное...*); как средство усиления выразительности, действенности текста, речи – в поэзии, фольклоре, в художественной и публицистической прозе (в этом случае П. подлежат анализу в рамках парономазии, см.); в лингводидактике П. рассматриваются в аспектах лексической интерференции, поскольку в процессе смешения П. происходит перенос звукового подобия на их содержательные отношения. П. изучают и как межъязыковое явление, возникающее вследствие родства языков, языковых контактов и процессов интернационализации словарного состава совр. лит. языков (ср.: рус. *моторист* и чеш. *motorista*, рус. *автор* и франц. *auteur*, рус. *ваза* и англ. *vase*). Под межъязыковыми П. принято понимать слова двух и более языков, к-рые могут ошибочно отождествляться друг с другом из-за внешнего сходства при действительном различии их значений. В теории и практике перевода о таких П. говорят в связи с проблемой «ложных друзей переводчика». В аспекте сопоставительной лексикологии П. рассматриваются в ряду межъязыковых лексических параллелей.

В лингвистической лит-ре есть и иное понимание П.– как слов, имеющих любое звуковое сходство, обусловленное общим корнем или основой и случайное, как, напр., в словах *май* и *рай, дверь* и *зверь*. Такие слова, поставленные рядом или в рамках «узкого» контекста со специальным стилистическим заданием, составляют особую стилистическую фигуру – парономазию.

Лит.: Колесников Н. П., Словарь паронимов рус. языка, Тб., 1971; Вишнякова О. В., Паронимы совр. рус. языка, М., 1981; Кузнецова И. Н., О лексической интерференции в одном и в разных языках, «Вестник Моск. ун-та. Сер. 9 – Филология», 1990, № 1; Балалыкина Э. А., Роль межъязыковой паронимии в сопоставительном описании и изучении рус. языка,«Рус. яз. за рубежом», 1991, № 3; Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С., Словарь паронимов совр. рус. языка, М., 1994.

Ю. А. Бельчиков.

Парономáзия (греч. paronomasía, от pará – возле, мимо и onomázō – называю) – стилистический приём, предполагающий нарочитое сближение слов, в чём-либо сходных в своём звуковом составе (*«Из года в год Негодная погода»*, Мартынов). Сопоставляются любые слова – родственные, звуковое сходство к-рых обусловлено их словообразовательными связями (*«Из дверей сарая ...вышла сгорбленная, согнутая прожитым и пережитым старуха»*, Шолохов), и неродственные, звуковое подобие к-рых случайно (*«Ах, тошнит от тебя, тишина!»*, Вознесенский).

Назначение П.– придать тексту, фразе дополнительную выразительность, подчёркивая игрой созвучных сочетаний сопоставляемых слов или самих слов авторскую мысль, образность высказывания, оригинальность художественной формы. В этом отношении П. сближается с аллитерацией (см.) (*«В солдатском теле замер зуммер»*, Дудин). При сопоставлении случайно созвучных слов нередко, гл. обр. в поэзии, фольклоре, прослеживается тенденция установить их смысловые или семантические ассоциации (на этом, в частности, строится народная этимология; см. Этимология), намекнуть на них (*«Камни смачно скрипят в холодных зубах скреперов»*, Рождественский; *«Соломенная вдова потому и называется соломенной, что воспламеняется, как солома»*, Искандер).

П. имеет варианты, напр.: парехеза – *«Сени-сони, сани сини»* (Ковалёв), палиндром, или перевертень,– *«Сетуй, утёс! Утро к чорту»* (Хлебников).

Основные сферы использования П.– поэзия (*«Бездомен, как демон, бездымен, как порох, Бездумен, бездамен – ни думы, ни дамы»*, Антокольский; *«Достигается потом и опытом Безотчётная неба игра»*, Мандельштам) и фольклор (пословицы, поговорки, загадки, потешки, скороговорки, напр. *Карл у Клары украл кораллы*, устойчивые формулы сказок, былин, напр. *жили-были старик со старухою, чудо-юдо рыба-кит*). Используется П. и в прозе, художественной (*«Это не какая-нибудь взятка-с... Это не взятка, а законное, так сказать, взятие»*, Чехов) и публицистической (*«Эстетизм – это красивость, а не красота, любование, а не любовь»*, А. Н. Толстой). В исследованиях поэтической ре-

чи П. называют паронимией, паронимической аттракцией.

Лит.: Шмелёв Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Колесников Н. П., Парономазия как стилистическая фигура, «Рус. яз. в школе», 1973, № 3; Гончаров Б. П., Звуковая организация стиха и проблемы рифмы, М., 1973; Григорьев В. П., Поэтика слова, М., 1979.

Ю. А. Бельчиков.

Парцелля́ция (от франц. parcelle – частица) – способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения (см.) – несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами (см.), напр. *«Он … тоже пошёл. В магазин. Сигарет купить»* (Шукшин). Ср. нейтральное представление: *Он тоже пошёл в магазин купить сигарет.* Речевая П. синтаксической структуры осуществляется посредством интонации (в письменном тексте её графическими показателями – знаками препинания), однако нередко используются и другие вспомогательные способы. Парцеллированные сегменты – парцелляты – могут подвергаться инверсии (см.), находиться как в контактной, так и в дистантной позиции относительно базовой части предложения или других формально и семантически связанных с ними парцеллятов. Конкретные схемы П. отличаются разнообразием, их структурные характеристики различны для языков различного типа. Однако П. как особая форма представления предложения в тексте потенциально возможна, а в нек-рых случаях и необходима во всех языках, что позволяет считать её универсалией речи.

Явление П. отчётливо выявляет относительную независимость формально-структурного и интонационно-смыслового аспектов организации речи, асимметрию языковых и речевых (текстовых) единиц. В качестве категории коммуникативного синтаксиса П. должна рассматриваться в ряду средств смыслового членения содержания сообщения. Поскольку парцелляты всегда резко акцентированы и рематизированы (см. Актуальное членение предложения), П. является также средством речевой экспрессии. Облегчая восприятие распространённых и переусложнённых синтаксических структур, П. выступает как особый приём текстообразования. Коммуникативные и экспрессивные функции П. определяют возможности её использования в различных стилях речи.

Лит.: Ванников Ю. В., Предложение и фраза как соотносительные единицы языка и речи, в кн.: Ванников Ю. В., Котляр Т. Р., Вопросы строения предложения, [Саратов], 1960, с. 3–44; его же, Синтаксические особенности рус. речи (явление парцелляции), М., 1969; его же, Синтаксис речи и синтаксические особенности рус. речи, М., 1979.

Ю. В. Ванников.

Пасси́вная констру́кция – синтаксическая конструкция, содержащая глагольные формы страдательного залога (пассива). Предикативные П. к. выступают в двух основных разновидностях: трёхчленной и двучленной. Трёхчленные П. к. имеют в своём составе, помимо подлежащего в им. п. и глагола-сказуемого, т. н. агентивное (субъектное) дополнение обычно в форме твор. п. со значением действующего субъекта: *Лекция читается/прочитана профессором.* Агентивному дополнению соответствует в активной конструкции (см.) подлежащее, а подлежащему П. к.– прямое дополнение в вин. п.: *Профессор читает/прочитал лекцию.* Т. о., от обозначающей ту же ситуацию активной конструкции П. к. отличается устранением субъекта с позиции подлежащего и выдвижением на эту позицию объекта действия. Более употребительны двучленные П. к., в к-рых непосредственное обозначение производителя действия отсутствует: *«Какие мёды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!»* (Гончаров); *«Роща обыскана дважды, качественно; лопатка не найдена»* (Богомолов). Двучленные П. к. близки по смыслу к активным конструкциям с неопределённо-личным значением, имеющим сходную функциональную направленность – подчёркивание самого действия в отвлечении от его субъекта: *Почта доставляется в срок – Почту доставляют в срок; Он избран депутатом – Его избрали депутатом.*

Широко используются и такие П. к., в к-рых нет подлежащего в им. п., а объект выражен формами других падежей, объектным инфинитивом, придаточным предложением: *«О Гончаровой не упоминалось вовсе, и я о ней узнала только взрослой»* (Цветаева); *«У неё пять кукол. На каждую заведено по дневнику и по пять тетрадей»* (Крупин); *«Никаких задач передо мною не ставилось, никакого управления сверху не было и нет»* (Яковлев); *«У неё уже решено идти после восьмого класса работать»* (Рощин); *В записке было сказано/говорилось, что поездка откладывается.* Глагол в таких П. к. выступает в фиксированной безличной форме, однако в отличие от других безличных предложений (см.) они практически всегда предполагают наличие личного субъекта, к-рый при необходимости может быть обозначен с помощью агентивного дополнения: *«Об этом неоднократно говорилось лингвистами»* (Л. В. Щерба). Объект же в таких случаях обозначается одинаково и в активной конструкции, и в П. к.: *Он не сдал ни одного экзамена – Им не сдано ни одного экзамена.* Встречаются и неопределённо-личные П. к.: *Здесь об этом ещё не проинформированы.*

Особое положение занимают П. к. с неличными формами страдательного залога (атрибутивными причастиями, инфинитивом, деепричастиями), к-рые обычно не могут быть преобразованы в активные конструкции без изменения лексического состава или замены неличных форм личными: *Он рассказал о проделанной работе – Он рассказал о работе, которую проделал; Ему должна быть оказана помощь – Ему нужно оказать помощь; Будучи допрошен, он во всём сознался – Когда его допросили, он во всём сознался.*

Лит. см. при ст. Страдательный залог. *Ю. П. Князев.*

Пасси́вный слова́рь – 1) часть словарного состава языка, состоящая из лексических единиц, употребление к-рых ограничено особенностями означаемых ими явлений (названия редких реалий, историзмы, термины, собственные имена), или лексических единиц, известных только части носителей языка (архаизмы, неологизмы), используемых лишь в отдельных функциональных разновидностях языка (книжная, разговорная и другая стилистически окрашенная лексика). П. с. живого языка – открытая система, число её единиц не ограничено, даже наиболее полные словари (тезаурусы) не фиксируют всех единиц П. с. Противопоставляется активному словарю (см.). Граница активного и П. с. подвижна: напр., в рус. языке к сер. 20 в. вышли из активного употребления, но сохранились в П. с. слова *аэроплан*, *мануфактура* (ткань), *ревком* и др. 2) В психолингвистике (см.) – совокупность лексических единиц, к-рые понятны носителю языка, но не употребляются им в спонтанной речи. Иногда П. с. в этом значении противопоставляется понятию «потенциальный словарь» – словам, значений к-рых носитель языка не знает, но способен их установить, опираясь на внутреннюю форму слова (см.) или контекст (см.). 3) В теории лексикографии (Л. В. Щерба) - лексикографическое пособие, ориентированное на слушающего (читающего); к этому типу относится большинство переводных словарей.

Лит. см. при ст. Активный словарь. *М. В. Арапов.*

Па́уза (лат. pausa, от греч. páusis - прекращение) – перерыв, остановка в звучащей речи. Фонетически различают артикуляторную, акустическую и перцептивную П. Артикуляторная П.– временное прекращение артикуляции на стыке слов или групп слов в произносимом тексте. Может использоваться говорящим для вдоха. Акустическая П.– фрагмент звукового сигнала, на к-ром отсутствуют звуковые колебания. Физиологически может соответствовать артикуляторной П. или смычке глухого согласного. Перцептивная (психологическая) П.– воспринимаемый на слух разрыв плавности, непрерывности звучащей речи. Физически может соответствовать межсловной акустической П. или резкому изменению просодических характеристик речи (мелодики, интенсивности, длительности) на стыке слов или групп слов.

П., обычно в совокупности с другими элементами интонации (см.), используется в след. функциях (косая черта в примерах обозначает более короткую паузу, две косых черты – более долгую паузу): а) для членения речи на интонационно-смысловые единицы и ритмико-синтаксические периоды [фразы (см.) и синтагмы (см. во 2-м значении)]; напр., *Часто/наблюдаемые факты не обобщаются; Часто наблюдаемые факты/не обобщаются;* б) для выражения степени смысловой и синтаксической связи речевого отрезка с последующим продолжением; напр., *Решили ехать через лес,/чтобы подъехать к реке; // ещё надо было пересечь луг; Решили ехать через лес; // чтобы подъехать к реке,/ещё надо было пересечь луг;* в) для выделения важных в смысловом отношении фрагментов сообщения; напр., *Он сделал эту работу // великолепно; Это был // очень сильный человек;* г) для выражения определённых модально-эмоциональных компонентов смысла; напр., *Ты // уезжаешь?* (удивление).

Кроме П., соотнесённых со смысловым членением, в речи встречаются также т. н. П. хезитации, или колебания (от англ. hesitation – колебание). Такие П. могут возникать в любом месте высказывания и отражают колебания или перестройки в процессе создания текста. П. хезитации, будучи артикуляторной, может быть озвучена, ср. «эканье», «меканье», «беканье» и т. п. заполнители; напр., *«"От гения слышу,– сказал я ему тактично. И отчётливо проговорил на всю залу: – Э-э, будьте добры, будденброков с икрой, пожалуйста". И хотя в меню их не наблюдалось, были принесены»* (Саша Соколов).

Лит.: Гвоздев А. Н., О фонологических средствах рус. языка. Сб. ст., М.– Л., 1949; Николаева Т. М., Интонация сложного предложения в слав. языках. Опыт экспериментального исследования, М., 1969; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, 2 изд., М., 1979; Светозарова Н. Д., Интонационная система рус. языка, Л., 1982. *О. Ф. Кривнова.*

Перено́с сло́ва – членение слова на письме по определённым правилам в случаях, когда слово не умещается в оставшемся месте строки; написание начальной части слова на заканчивающейся строке, а оставшейся части – в начале новой строки. Разбивка слова на части производится не беспорядочно, так как П. с. не должен замедлить процесса чтения и восприятия текста. При П. с. соблюдаются два основных требования: а) поскольку самым естественным ритмическим членением потока речи является членение по слогам, то соблюдается П. с. в соответствии с таким членением (правильно: *го-лова, голо-ва*; неправильно: *гол-ова*); б) в нек-рых случаях не рекомендуется разбивать переносом значимые части слова (приставки, корни, суффиксы, окончания) и разрушать морфологические границы сложных слов (правильно: *со-гласный, пре-красный, под-бежать, нео-фашизм, ново-введение*; неправильно: *сог-ласный, прек-расный, по-дбежать, не-офашизм, новов-ведение*).

На двух указанных требованиях основываются след. частные правила П. с. 1) При П. с. нельзя ни оставлять в конце строки, ни переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога: напр., нельзя переносить *просмо-тр, ст-рах*. 2) Нельзя отделять согласную от следующей за ней гласной (правильно: *лю-бовь, дя-денька, дядень-ка, ре-бята, ребя-та, па-стух, пас-тух*; неправильно: *люб-овь, дяд-енька, реб-ята, паст-ух*). При П. с.

с односложной приставкой на согласную, стоящую перед гласной (кроме *ы*), желательно не разбивать приставку; однако возможен перенос и в соответствии с приведённым правилом: *без-умный* и *бе-зумный, без-ответственный* и *бе-зответственный, раз-очарованный* и *ра-зочарованный, без-аварийный* и *бе-заварийный*. Если после приставки стоит буква *ы*, то переносить часть слова, начинающуюся с *ы*, не разрешается (правильно: *ра-зыскать, разыс-кать, ро-зыгрыш, розыг-рыш*; неправильно: *раз-ыскать, роз-ыгрыш*). Слова, в к-рых приставка отчётливо не выделяется, переносятся в соответствии с основной частью правила: *ра-зорять* и *разо-рять*; *ра-зуть, ра-зум*. 3) Нельзя отрывать буквы *ъ* и *ь* от предшествующей согласной (правильно: *подъ-езд, боль-шой, буль-он, бу-льон*; неправильно: *под-ъезд, бол-ьшой, бул-ьон*). 4) Нельзя отрывать букву *й* от предшествующей гласной (правильно: *вой-на, стой-кий, фей-ерверк, май-ор*; неправильно: *во-йна, сто-йкий, фе-йерверк, ма-йор*). 5) Нельзя оставлять в конце строки или переносить на другую строку одну букву (правильно: *ака-ция*; неправильно: *а-кация, акаци-я*). 6) При П. с. с приставками нельзя разбивать односложную приставку, если за ней идёт согласный (правильно: *под-бить, раз-мах*; неправильно: *по-дбить, ра-змах*). 7) При П. с. с приставками нельзя оставлять в конце строки при приставке начальную часть корня, не составляющую слога (правильно: *при-слать, от-странять*; неправильно: *прис-лать, отс-транять*). 8) При переносе сложных слов нельзя оставлять в конце строки начальную часть второй основы, если эта часть не составляет слога (правильно: *пяти-граммовый* и *пятиграм-мовый*; неправильно: *пятиг-раммовый*). 9) Нельзя оставлять в конце строки или переносить в начало следующей две одинаковые согласные, стоящие между гласными (правильно: *жуж-жать, мас-са, кон-ный*; неправильно: *жу-жжать, ма-сса, ко-нный*). Это правило не относится к начальным двойным согласным корня, напр.: *сожжённый, поссорить* (см. правило 7), а также к двойным согласным второй основы в сложных словах, напр.: *нововведение* (см. правило 8). 10) Нельзя разбивать переносом односложную часть сложносокращённого слова (правильно: *спец-одежда*; неправильно: *спе-цодежда*). 11) Нельзя разбивать переносом буквенные аббревиатуры: *СССР, МИД, КЗоТ, Ту-104*.

Из изложенных правил переноса следует, что многие слова можно переносить различными способами; при этом следует предпочитать такие переносы, при к-рых не разбиваются значащие части слова. Возможные варианты переносов: *шум-ный, шу-мный; дерз-кий, дер-зкий; род-ство, родст-во, родс-тво; дет-ский, детс-кий; класс-ный, клас-сный; лов-кий, ло-вкий; скольз-кий, сколь-зкий; бит-ва, би-тва; сук-но, су-кно; пробу-ждение, пробуж-дение; Але-ксандр, Алек-сандр, Алексан-дра, Александ-ра; ца-пля, цап-ля; кресть-янин, крестья-нин, крес-тьянин; сест-ра, се-стра, сес-тра*.

Нек-рые слова не подлежат переносу, напр.: *Азия* (см. правило 5), *узнаю* (см. правила 5, 7), *фойе* (см. правила 4, 5). Нельзя также переносить сокращённые обозначения мер, отрывая их от цифр, указывающих число измеряемых единиц, напр.: *1917 г., 72 м*^{2}*, 53 км, 10 кг*. Нельзя переносить «наращения», т. е. отрывать при переносе от цифры соединённое с ней дефисом грамматическое окончание, напр.: *1-е, 2-го*. Нельзя разбивать переносами условные графические сокращения типа *и т. п., т. е.* Нельзя переносить на другую строку пунктуационные знаки, кроме тире, стоящего после точки или после двоеточия перед второй частью прерванной прямой речи. Нельзя оставлять в конце строки открывающую скобку и открывающие кавычки.

Лит.: Зорин Н. И., Вопрос о переносе слов в школьной практике и методической лит-ре, «Рус. яз. в школе», 1953, № 1; Правила рус. орфографии и пунктуации, М., 1956; Рабич С. Г., К изучению в школе темы «Правила переноса слов», «Рус. яз. в школе», 1958, № 4; Щепников Е. П., О правилах переноса слов, «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1959, в. 26; Трофимова Е. Б., Интуитивное слогоделение и вопросы переноса слов, в кн.: Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению (материалы межвузовской конференции), М., 1973.

В. Ф. Иванова.

Перено́сное значе́ние сло́ва – производное лексическое значение слова, связанное с основным значением отношениями метонимической (см. Метонимия), метафорической (см. Метафора) зависимости, функциональной общностью или какими-либо ассоциативными признаками. Напр., у сущ. *стол*, помимо основного, главного значения 'род мебели', есть несколько переносных значений: 'питание, пища' (*снять комнату со столом, диетический стол, однообразный стол*); 'отделение в учреждении, ведающее к.-л. специальным кругом дел' (*стол заказов, стол находок*) – переносы на основе ассоциаций с одним из функциональных назначений стола; у прил. *шёлковый* переносным является значение 'послушный, кроткий' (*Мальчик стал шёлковым*) – перенос на основе метафоры; у прич. *проверенный* – значение 'доказавший свои деловые качества, надёжный' (*проверенный работник*) – перенос на основе метонимии. П. з. с. связаны с главными, основными значениями к.-л. общим элементом смысла, к-рый объединяет все эти значения в одном слове (лексеме).

П. з. с. появляются в языке как результат непрямой, или косвенной, номинации, т. е. такого способа обозначения объективно существующих предметов (действий, состояний, качеств, свойств и т. д.), к-рый связан не с названием их существенных признаков (прямая номинация), а с обозначением предмета (свойства, действия и т. д.) через несущественные, второстепенные признаки другого, уже обозначенного предмета, отражённые в его

наименовании (ср. П. з. с.: *стол, шёлковый, проверенный*).

Переносные значения имеют меньшую парадигматическую обусловленность и бо́льшую синтагматическую связанность (синтагматическую обусловленность), чем прямые значения; напр., прил. *шёлковый* только в прямом значении 'сделанный из шёлка' имеет чёткую парадигматическую закреплённость: оно стоит в ряду прил. *ситцевый, байковый, шерстяной, льняной, сатиновый* и т. д.; его синтагматические связи относительно свободны (широкий круг сочетаемости с существительными – *шёлковые чулки, перчатки, шёлковое платье, покрывало* и т. д., отсутствие закреплённой синтаксической позиции). Прил. *шёлковый* в переносном значении не имеет чёткой парадигматической закреплённости, это значение синтаксически ограничено: оно употребляется только в именной части составного сказуемого. П. з. с. имеет бо́льшую, чем прямое значение, зависимость от контекста. Эти значения обычно осложнены стилистическими или экспрессивно-оценочными моментами (ср., напр., элемент положительной оценки у переносного значения прич. *проверенный* или разг. стилистическую окраску у переносного значения прил. *шёлковый*). В отличие от главных значений П. з. с. часто свойственно явление диффузности (отсутствие чётких семантических границ), ср., напр., переносные адъективные значения прич. *проверенный, обдуманный*, и т. н. «дефектность» грамматических парадигм.

Возникновение П. з. с. может быть регулярным или нерегулярным у семантически однородных групп слов. Характер их соотношения с главным и другими переносными значениями в семантической структуре слова подчиняется определённым закономерностям, напр. направление развития от более конкретных значений к более абстрактным или от абстрактных к более конкретным и др. Эти закономерности и другие свойства П. з. с. могут изучаться как в синхроническом, так и в диахроническом планах.

В истории развития языка П. з. с. могут становиться главными. Закрепление за П. з. с. главной позиции в семантической структуре слова может вести к вытеснению и забвению его прямого значения; напр., у слова *балда* его первоначально переносное значение 'бестолковый, глупый человек' вытеснило прямые значения 'тяжёлый молот, употреблявшийся при горных работах и в кузнице' и 'шишка, нарост на дереве; утолщение' и стало прямым значением.

Лит.: Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, «ВЯ», 1953, № 5; Курилович Е., Заметки о значении слова, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Кацнельсон С. Д., Содержание слова, значение и обозначение, М.– Л., 1965; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; его же, Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Языковая номинация. (Общие вопросы), М., 1977, гл. 1; Новиков Л. А., Семантика рус. языка, М., 1982; Уфимцева А. А., Лексическое значение, М., 1986; Телия В. Н., Коннотативный аспект семантики номинативных единиц, М., 1986; Гак В. Г., Лексическое значение слова, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

И. К. Сазонова.

Переразложе́ние – изменение морфемной структуры слова, проявляющееся в ходе развития языка: перемещение границ между морфемами при сохранении морфемной членимости слова. Одним из первых П. отметил И. А. Бодуэн де Куртенэ на материале «сокращения основ в пользу окончаний» в слав. языках – перехода к окончанию тематического гласного *а*, принадлежавшего древней основе; так, вместо окончаний *-мъ, -хъ* в словоформах *жена-мъ, жена-хъ* стали выделяться окончания *-амъ, -ахъ*, что было вызвано фонетическими изменениями на стыке основы и флексии в других формах того же слова (напр., в форме вин. п. ед. ч. **žena-m* > ст.-слав. *жен-ѫ* с носовым гласным, рус. *жен-у*) и последовавшей затем унификацией основы по всей парадигме склонения.

В области словообразования следствием П. является возникновение новых аффиксов (напр., *-ат-* в слове *вожатый*, к-рое первоначально вычленяло суффикс *-атай* и склонялось по 1-му склонению: род. п. *вожатая*, дат. п. *вожатаю*; П. в нём было вызвано переходом слова в адъективный тип склонения, вследствие чего элемент *-ай* > *-ый* отошёл к флексии). Как правило, вследствие П. возникают аффиксы путём слияния двух соседних аффиксов (суффиксов или префиксов). Так, суффиксальные морфы *-ниj-* и *-тиj-* в словах типа *создание, взятие* возникли из сочетания суффиксов страдательных причастий *-н-* и *-т-* с последующим суффиксом существительных *-ij-*. Суффикс *-инк(а)* в словах со значением малой частицы вещества (*пылинка, снежинка*) возник из сочетания суффиксов единичности *-ин(а)* и уменьшительного *-к(а)* (ср., напр., *горошина – горошинка*). Из сочетания префиксов *о-* и *без-*, *не-* и *до-* возникли соответственно префиксы *обез-* (*обезболить, обезвредить*) и *недо-* (*недоделать, недоучиться*). П., т. о., обогащает язык новыми аффиксами и аффиксальными морфами.

П. на стыке нек-рых предлогов с формами косвенных падежей местоимений (напр., **sъn jimъ* > *sъ nimъ*) привело к появлению т. н. приложных форм личных местоимений 3-го лица с начальным согласным *н'*.

Лит.: Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Каз., 1883; Бодуэн де Куртенэ И. А., Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний, в его кн.: Избр. тр. по общему языкознанию, т. 2, М., 1963. См. также лит. при ст. Опрощение.

В. В. Лопатин.

Перехо́дность – неперехо́дность, транзитивность-интранзитивность, – языковая категория, отражающая в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия/отсутствия у него прямого (по нек-рым трактовкам, функционально обязательного) дополнения: ср.

Ребёнок пишет письмо и *Ребёнок сидит за столом*; в узком понимании – характер имманентного значения глагольной лексемы, требующей или не требующей дополнения: *читать, строить – лежать, грустить*. Содержательная сторона П.– н. – передача типа субъектно-предикатно-объектных отношений: переходность – направленность действия субъекта на объект, непереходность – замкнутость действия в сфере субъекта. Референциальным основанием П.– н. в узком её понимании является лексическая семантика глагола, в широком понимании П.– н. обусловлена взаимодействием разноплановых категорий. Характер синтаксической конструкции определяется рядом факторов: первичной лексической семантикой глагола (его принадлежностью к разряду переходных или непереходных лексем: *читать/лежать*), наличием у лексически переходных глаголов грамматических значений, в частности залоговых (см. Залог), приводящих к их употреблению в непереходных конструкциях (пассивных, рефлексивных, различного рода абсолютивных и пр.: *Брат строит дом – Дом строится братом, Брат сейчас строится, Брат прекрасно строит, Здесь строить нельзя*), наличием у глаголов регулярных лексико-грамматических отношений (каузативных, декаузативных, результативных: *Женщина идёт – Женщина ведёт ребёнка; Мать успокаивает сына – Сын успокоился*).

Типологические различия в реализации П.– н. в разных языках мира определяются различными факторами, напр. разными правилами оформления субъектов и объектов у переходных и непереходных глаголов в языках номинативного и эргативного строя, способами выражения в самом глаголе частных категорий (уровень лексики или грамматики), техникой их оформления и т. п.

Категория П.– н. не является абсолютно универсальной. Она связана с обособлением в языке категории объекта-дополнения и с наличием имплицитной дифференциации лексем на переходные и непереходные. В индоевропейских языках эта дифференциация появилась сравнительно поздно, ей предшествовало (в архаичном греческом, напр.) деление глаголов на абсолютивные (непереходные) и нейтральные с двояким употреблением (во многих совр. языках сохранились отдельные глаголы подобного типа), дифференциация последних привела к обособлению класса переходных глаголов, перераспределению синтаксических функций падежей и становлению прямого дополнения. Выделение П. – н. восходит к стоикам.

Разногласия в интерпретации языковых фактов в рамках П.– н. связаны с широтой трактовки прямого дополнения и с характером трактовки статуса глагола: как самостоятельной переходной/непереходной лексемы или как особой грамматической формы со смещённым значением. Разный подход к оценке языкового статуса П.–н. вызван разным её местом в языковых системах, а также неразграничением узкого и широкого понимания этой категории, попытками свести её к одной из частных категорий (собственно лексической, одной из грамматических – залогу, каузативности и т. п.).

И. Б. Долинина.

В рус. языке переходные глаголы не имеют специальных средств для выражения переходности, т. е. формально её не выражают. Непереходность глагола может быть выражена формально при помощи постфикса *-ся* (*умываться*), а может не иметь формального выражения (*спать*). Глаголы с формально выраженной непереходностью называются возвратными глаголами (см.). Переходные глаголы, показывая направление действия на объект, кроме дополнения в вин. п. без предлога, могут иметь дополнение в род. п. без предлога. Дополнения в род. п. требуют глаголы *ждать, ожидать, хотеть, жаждать, достигнуть, достигать* и др.; глаголы с отрицанием: *любить работу*, но *не любить работы*; *читать книгу*, но *не читать книги* и т. д. Дополнение в вин. п. может показывать направленность действия на внешний объект (*белить потолок, рубить дрова*) и на внутренний объект, раскрывающий значение глагола (*петь песню, танцевать вальс*). Это зависит от значения глагола.

Граница между переходными глаголами и непереходными с формально невыраженной непереходностью не является абсолютной: бывают случаи, когда одни и те же глаголы в разных значениях могут быть или переходными, или непереходными: *читать книгу*, но *Мальчик любит читать* (неперех.); *писать письмо*, но *Он хорошо пишет* (неперех.).

Переходность часто связана со словообразовательной структурой глагола: глаголы с суффиксами *-нича-*, *-ствова-*, *-е-* – непереходные (*лентяйничать, учительствовать, белеть*). Приставка может переводить непереходный глагол в переходный: *идти*, но *перейти улицу*; *плыть*, но *переплыть реку*; *ходить*, но *выходить больного*.

Н. С. Авилова.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Мещанинов И. И., Глагол, М – Л., 1949; Кацнельсон С. Д., Типология языка и речевое мышление, Л., 1972; Норман Б Ю., Переходность, залог, возвратность, Минск, 1972; Бенвенист Э., Общая лингвистика, [пер. с франц.], М., 1974; Бондарко А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике, т. 4, М., 1977; Степанов Ю. С., Вид, залог, переходность, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ». 1977, т. 36, № 2; Семантика переходности. Сб. научных тр. ЛГПИ, Л., 1977; Криницкайте С. А., Проблема переходности в исследованиях по индоевропейским языкам, в кн.: Проблемы внутренней и внешней лингвистики, М., 1978; Лайонз Д., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Десницкая А. В., Сравнительное языкознание и история языков, Л , 1984.

Перехóдные глагóлы – см. Переходность – непереходность.

Период (греч. periodos – обход, круговращение, определённый круг времени) – развёрнутое синтаксическое построение, в к-ром составляющие элементы содержательной, синтаксической и ритмико-интонационной структур находятся в гармоническом соответствии между собой. П. характеризуется единством темы, освещённой достаточно полно, разносторонне и законченно. Это цельное описание, цельное повествование (П. повествовательный), цельное логическое рассуждение (П. ораторский). П. не имеет элементов из предшествующего контекста (см.), внутренних анафорических связей. Это небольшой связный текст, умещающийся в одном предложении. П. может быть простым, с повторяющимися однотипными группами однородных членов, сложносочинённым, в к-ром простые предложения воспроизводят одну и ту же предикативную (обычно глагольную) конструкцию; но чаще всего П. – это сложноподчинённое предложение, в к-ром главному предложению подчинены параллельно несколько придаточных одного вида – условных, причинных, временны́х, уступительных и т. п. Гармоническое соответствие между содержательным и синтаксическим уровнями П. состоит в том, что разные составные части, из к-рых слагается содержание П., воплощаются в разных синтаксических составляющих, а сходным элементам изложения соответствуют однотипные синтаксические конструкции. Напр., П., представляющий логическое рассуждение, на содержательном уровне членится на две части: основное положение (посылка) с рядом аргументов или дополнений и вывод. На синтаксическом уровне это членение может быть воспроизведено разными способами: первая часть – ряд однотипных придаточных; главная, заключающая часть – вывод; первая часть – предложение с однородными членами, сопровождаемыми однородными придаточными, вторая часть – бессоюзно присоединённое простое предложение, выражающее обобщающую оценку, и т. д. Модели синтаксического строения П. и их конкретные воплощения исключительно многообразны. Каждая модель характеризуется не только соответствием синтаксического и содержательного уровней, но и соразмерностью, уравновешенностью частей: если в П. есть цепь придаточных, они начинаются обычно с одинакового союза, имеют близкие размеры, сходное синтаксическое строение и т. д. Эти черты придают П. музыкальность и ритмичность. Интонационный контур П. характеризуется постепенно нарастающим повышением с кульминацией в конце первой части, следующей далее паузой и глубоким понижением в конце. Интонационная структура П. соответствует его содержательному и синтаксическому членению, подчёркивая средствами просодии его стройность, внутреннюю напряжённость и завершённость. П. распространён в литературно обработанной речи: в художественной прозе, поэзии, публицистике, в ораторской речи. Формирование П. как особой формы синтаксического художественного построения на рус. основе происходило в прозе Н. М. Карамзина. В «Истории государства Российского» (1816–24) П. как в наиболее сложных, так и в простых реализациях сохраняет верность не только главным, структурообразующим чертам (единство темы, внутренняя логичность, завершённость), но и вторичным характерным признакам: П. у Карамзина округлён, соразмерен, в какой-то степени монотонен и одновременно величав; напр., П., построенный Карамзиным на деепричастных оборотах: *«Достигнув цели, возникнув из ничтожности рабской до высоты самодержца, усилиями неутомимыми, хитростию неусыпною, коварством, происками, злодейством, наслаждался ли Годунов в полной мере своим величием, коего алкала душа его,– величием, купленным столь дорогою ценою?»*. П. использовали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, С. Т. Аксаков, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Горький, К. А. Федин, А. Т. Твардовский. П. эволюционирует вместе с художественным методом лит-ры; это особенно заметно в художественной прозе, где отказ от нек-рых его вторичных, «внешних» признаков сопровождается, при верности главному, появлением новых признаков – разг. интонацией, «ломаной линией», передающей нервный ритм и богатое психологическое звучание художественного текста; напр., П. из «Братьев Карамазовых» Достоевского: *«А всё-таки как ни будем мы злы, чего не дай бог, но как вспомним про то, как мы хоронили Илюшу, как мы любили его в последние дни и как вот сейчас говорили так дружно и так вместе у этого камня, то самый жестокий из нас человек и самый насмешливый, если мы такими сделаемся, всё-таки не посмеет внутри себя посмеяться над тем, как он был добр и хорош в эту теперешнюю минуту!»*.

Известное со времён античности понятие «П.» получило глубокую и оригинальную разработку в рус. лингвистической традиции (труды М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова). Ломоносову принадлежит деление П., в зависимости от числа входящих в них предложений, на одночленные, двучленные, трёхчленные и т. д. Другая классификация проходит по таким структурным признакам, как объём членов П., объём групп подлежащего и сказуемого в отдельных членах, в связи с чем выделяются П. круглые и умеренные, зыблющиеся (с неравными частями), отрывные (без союзов). Востоковым было разработано понятие просодического П., близкое к понятию синтагмы (см.), сформулированному Л. В. Щербой,– простейшей синтаксической единицы речи, объединённой фразовым ударением. Связанное первоначально с изучением сложного предложения, понятие «П.» в

совр. языкознании рассматривается как категория стилистического синтаксиса. *О. Г. Ревзина.*

Перифра́за, перифраз (греч. períphrasis – описательное выражение, окольная речь, иносказание),– описательное обозначение предмета, понятия, явления, лица, предполагающее его непрямое, косвенное именование через подчёркивание, выделение какой-либо стороны, качества, признака, особенностей проявления (или деятельности) объекта описания, существенных, актуальных в данном контексте, ситуации. Напр.: Земля – *голубая планета*; земной шар – *обитель человека*; дельфин – *интеллектуал моря*; упасть на лестнице – *сосчитать ступеньки*. Подобное описательное обозначение используется как стилистический приём: в художественной, публицистической, ораторской речи в целях усиления выразительности текста; в аффективной речи (в т. ч. в речи разговорной) для усиления воздействия высказывания, реплики (в диалоге) на адресата речи; в официально-деловой речи, чтобы избежать прямой номинации, отражающей действительную сущность обозначаемого, или дать его наиболее обобщённое наименование, напр.: *человек без определённого местожительства* – бездомный; *рассеять толпу* – разогнать митинг, демонстрацию. Последнее близко к эвфемизмам (см.).

В П. обычно содержится оценка обозначаемого, напр.: *цветы жизни* – дети, *звонкоголосая певунья* – гармонь, *канцелярская крыса* – чиновник, *бурдюк с вином* – пьяница, или к.-л. экспрессия, напр.: *солдаты слова* – о военных журналистах, *голова садовая* – о неумном человеке, *«раб мучительных страданий»* (Фет) – о влюблённом. Есть и нейтральные П.– гл. обр. из сферы терминологии (*автоматический диспетчер, электрический привратник*) и особые номинации разг. речи, обусловленные её спонтанностью и ситуативностью (*Дай мне во что заворачивают*, т. е. бумагу).

Выделяются П.: а) устоявшиеся, общепринятые обозначения известных предметов, понятий. Это в основном устойчивые сочетания, ставшие в большинстве своём фразеологизмами (напр., устойчивые сочетания *разведчики недр, степной корабль*, идиомы *сыграть в ящик, вылететь в трубу, притча во языцех*, фразеологические единства – *кровь с молоком, золотые руки, ни кожи, ни рожи*, фразеологическое сочетание – *ад кромешный, храм науки*, крылатые слова – *авгиевы конюшни, перейти Рубикон*) или переживающие процесс фразеологизации (напр., *прорабы перестройки, новые русские*). Нек-рые из таких П. могут стать штампами, как, напр., *чёрное золото* (нефть), употреблённая А. Н. Толстым, *труженики полей, дары моря*. Среди П. немало пословиц и поговорок (*начать с азов, не знать ни аза, не было ни гроша, да вдруг алтын…*);

б) контекстуальные, или индивидуально-авторские, П., смысл и стилистическое назначение к-рых выясняется только из конкретного контекста (вне данного контекста они не воспроизводимы). Напр.: *«Ах, увял головы моей куст»* (Есенин). Такие П. бывают развёрнутыми, нередко образуются цепочки или ряд П. (*«И вот, ступив на солончак, Стоит верблюд, Ассоргадон пустыни, Дитя печали, гнева и гордыни С тысячелетней тяжестью в очах; Косматый лебедь каменного века»*, Заболоцкий; *«Уж солнца раскалённый шар С главы своей земля скатила И мирный вечера пожар Волна морская поглотила»*, Тютчев). П. этой группы со временем могут стать общепринятыми, как, напр., *зелёный друг* (лес).

Многие П. заключают в своей смысловой и образной структуре культурный компонент, в к-ром отражается национальная самобытность народа – носителя данного языка, его история, быт, ментальность и т. д. (напр., *бабье лето, аракчеевский режим*) и социально-культурное своеобразие определённой исторической эпохи (*кричать во всю Ивановскую, екатерининские орлы*). Нередко П. предшествующей эпохи (гл. обр. идеологически обусловленные) переосмысляются в негативно-ироническом плане (*передовик производства, маяки пятилетки, отец народов*).

П. различаются по своей грамматической и семантической структуре. Они могут составлять словосочетания (таких большинство) и целое предложение, входить в состав предложения, образовывать различные виды сочетаний, в основном именные и глагольные. В П.-сочетаниях представлены основные типы семантических связей, присущих словосочетаниям (*работники прилавка, голубой экран, живой товар*).

Контекстуальные и большинство общепринятых П. строятся на основе тропов (см.). Напр.: *«А весна, сумасбродка небес…»* (Заболоцкий) – метафора; *«Не еду в город. Смесь одежд и лиц Так бестолкова»* (Фет) – синекдоха; *«Ты вёл мечи на пир обильный»* (Пушкин) – метонимия. Разновидности П.– эвфемизм и табу (см.).

Следует отличать П. от перефразировки, или перефразирования,– намеренного полного или частичного изменения крылатого слова, пословицы, чьего-л. изречения, формулировки по условиям контекста или ситуации, и от парафраза – пересказа, переложения текста другими словами (иногда его сокращение).

Лит.: Потебня А. А., Из записок по теории словесности, Хар., 1905, с. 217; Григорьев В. П., К проблеме перифразы. Сб. докл. и сообщений лингвистического общества, т. 4, Калинин, 1974; Синельникова Л. Н., Именная перифраза в языке совр. поэзии. Автореф. канд. дисс., М., 1975; Кожин А. Н., Перифрастические построения в языке сов. эпохи, «Рус. яз. в школе», 1977, № 4; Томашевский Б. В., Стилистика, 2 изд., Л., 1983; Базарская Н. И., Попова З. Д., Семантические типы перифраз и их экспрессивные возможности, в кн.: Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней, Уфа, 1988.

Ю. А. Бельчиков.

Перфе́кт [лат. perfectum (tempus), букв.– законченное (время)] – сложная грамматическая форма прошедшего времени древних славянских языков, в том числе древнерусского, в преобразованном виде ставшая единой формой прошедшего времени в современном русском языке. П. обозначал собственно не время, а состояние, к-рое существует в наст. время как результат прошедшего действия, т. е. имел результативное значение: **азъ ѥсмь пришьлъ** – «я (шёл и) пришёл (и нахожусь здесь)».

В др.-рус. языке П. образовывался сочетанием форм наст. времени вспомогательного глагола *быти* в 1-м, 2-м и 3-м лице ед., мн. и двойственного числа с родовыми и числовыми формами особого причастия прош. времени с суффиксом *-л-*, неизменяемого по падежам и использовавшегося исключительно для образования сложных форм прош. и буд. времени – перфекта, плюсквамперфекта (см.) и преждебудущего времени (см.), а также условного наклонения. Так, напр., П. от глагола *приити* имел след. формы.

Число	Лицо		Род		
			мужской	женский	средний
Единственное	1-е	*ѥсмь*	*пришьлъ*	*-а*	*-о*
	2-е	*ѥси*	«	«	«
	3-е	*ѥсть*	«	«	«
Множественное	1-е	*ѥсмъ*	*пришьли*	*-ы*	*-а*
	2-е	*ѥсте*	«	«	«
	3-е	*соуть*	«	«	«
Двойственное	1-е	*ѥсвѣ*	*пришьла*	*-ѣ*	*-ѣ*
	2-е	} *ѥста*	«	«	«
	3-е				

Очень рано, уже с 12 в., П. в др.-рус. языке стал употребляться без форм вспомогательного глагола, в виде только причастия на *-л-*: *глѣбъ кнѧзь мѣрилъ м(оре) по леду* (надпись на Тмутараканском камне 1068); *а з ъ д а л ъ р о у к о ю с в о ѥ ю* (Мстиславова грамота ок. 1130). Причём в употреблении этой формы также очень рано стало проявляться значение просто прошедшего действия безотносительно к состоянию в наст. время; напр., в надписи на Тмутараканском камне слова о том, что Глеб «мерил море по льду», сопровождаются указанием точной даты этого прошедшего действия (*в лѣто · ҂ѕ · ф҃ · ѕ҃ · …мѣрилъ*), т. е. действие отнесено целиком к прошлому времени.

Обозначение просто прош. времени формой П. (со связкой или без неё) широко отмечается в памятниках 14–15 вв.

Употребление П. без вспомогательного глагола вызвало необходимость использования существительных и местоимений в роли подлежащего при сказуемом, выраженном причастием на *-л-* (в полной форме П. указание на лицо – субъект действия – было заключено в форме глагола-связки *быти*), а вместе с тем и разрушало связь П. с наст. временем (к-рая осуществлялась с помощью связки). Использование одного причастия на *-л-* в качестве временно́й глагольной формы привело в конце концов к утрате бывшим П. исконного результативного значения и к превращению его в средство выражения прошедшего по отношению к моменту речи действия. К 14 в., в связи с развитием видовых различий (противопоставленности глаголов сов. и несов. вида), П. в виде причастия на *-л-* постепенно вытеснил в народно-разг. др.-рус. языке формы имперфекта (см.) и аориста (см.) и впоследствии стал единственной формой прош. времени глагола в рус. языке. Причастие на *-л-* стало восприниматься как одна из спрягаемых глагольных форм, но «причастное» происхождение последней обусловило неизменяемость её по лицам.

В. В. Иванов.

Перфектива́ция – один из двух основных способов видообразования наряду с имперфективацией (см.), образование форм совершенного вида от имперфективных глаголов (то есть глаголов несовершенного вида). Члены видовых пар, образуемых путём П., одни лингвисты относят к формам одного глагола (В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов и др.), другие считают разными глаголами (С. О. Карцевский, П. С. Кузнецов, А. В. Бондарко и др.). В рус. языке П. (префиксальное образование видовых пар) осуществляется с помощью т. н. ч и с т о в и д о в ы х приставок. К чистовидовым относятся приставки, к-рые присоединяются к глаголам несов. вида и переводят их в сов. вид, не изменяя при этом лексических значений слова. Способность сохранять лексические значения, а также синтаксические свойства, сочетаемость (переходность – непереходность, систему управления и т. п.) своих производящих является важнейшим характерным свойством глаголов с чистовидовыми приставками. Ср.: *благодарить за внимание – п о б л а г о д а р и т ь за внимание; сниться во сне – п р и с н и т ь с я во сне; краснеть от стыда – п о к р а с н е т ь от стыда*.

Эти свойства чистовидовых приставок проявляются и в видовых парах многозначных глаголов. Ср.: *терять деньги – п о т е р я т ь деньги; терять терпение – п о т е р я т ь терпение; терять в весе – п о т е р я т ь в весе; терять время – п о т е р я т ь время*. При полисемантизации у членов префиксальных видовых пар обычно возникают сходные лексические значения. Так, в толковых словарях система значений каждого из членов видовой пары *ставить – поставить* включает 21 основное значение и 14 оттенков этих значений: *с т а в и т ь – п о с т а в и т ь лестницу, ребёнка на ноги; с т а в и т ь – п о с т а в и т ь стул к пианино, ужин* и др.; *с т а в и т ь – п о с т а в и т ь кого-либо сторожем, бригадиром; с т а в и т ь – п о с т а в и т ь обед, чайник, солод, пиво; с т а-*

вить – поставить пятки вместе, переключатель в рабочее положение; ставить – поставить руку (начинающему пианисту), *голос, дыхание; ставить – поставить телефон, насос, петли на зайцев, компресс, горчичники, латку* и т. д. Общими у этой видовой пары являются 37 случаев специфического употребления (нередко очень близкого к устойчивым сочетаниям) и более 50 фразеологических оборотов, напр.: *ставить (поставить) кого-либо в угол; ставить (поставить) в сани, в дрожки (лошадь); ставить (поставить) дело; ставить (поставить) рекорд; ставить (поставить) диагноз* и т. п.; *ставить (поставить) на колени кого-либо; ставить (поставить) всё вверх дном; ставить (поставить) на попа что-либо* и т. п.

В отличие от чистовидовых приставок префиксы, выполняющие словообразовательные функции, образуют глаголы сов. вида с новым лексическим значением. Ср.: *ставить* и *выставить, наставить, переставить, проставить* и т. п. Глаголы со словообразующими приставками обычно всё дальше отходят семантически от производящего слова, причём часто утрачивают смысловую связь с ним. Ср.: *ставить* и *заставить, отставить, оставить* и т. п.

В чистовидовой функции в рус. языке выступают приставки: *вз-/вс-* (*ерошить – взъерошить волосы, кипятить – вскипятить чай* и др.); *воз-/вос-* (*мужать – возмужать, препятствовать – воспрепятствовать*); *вы-* (*учить – выучить стихотворение, корчевать – выкорчевать пни* и др.); *за-* (*консервировать – законсервировать грибы, черстветь – зачерстветь* и др.); *из-/ис-* (*ваять – изваять статую, печь – испечь пирожки* и др.); *на-* (*рисовать – нарисовать картину, печатать – напечатать рассказ* и др.); *о-* (*беднеть – обеднеть, слепнуть – ослепнуть* и др.); *от-* (*мстить – отомстить, редактировать – отредактировать книгу* и др.); *по-* (*щадить – пощадить виновного, советовать – посоветовать кому-либо что-либо* и др.); *под-* (*готовить – подготовить доклад, мести – подмести пол* и др.); *при-* (*готовить – приготовить ужин, стыдить – пристыдить* и др.); *про-* (*читать – прочитать лекцию, консультировать – проконсультировать студента* и др.); *раз-/рас-* (*богатеть – разбогатеть, будить – разбудить* и др.); *с-* (*делать – сделать прыжок, шить – сшить костюм* и др.); *у-* (*наследовать – унаследовать имение, совершенствовать – усовершенствовать прибор* и др.); *пере-* (*креститься – перекреститься, ночевать – переночевать* и др.).

Каждая из этих чистовидовых приставок специфична по степени грамматикализации, по продуктивности и имеет свой круг основ, с к-рыми сочетается, т. е. каждая чистовидовая приставка в качестве формообразующей морфемы «специализируется» в основах определённой семантики и структурно-грамматических свойств. Наиболее активны в формообразующей функции приставки *с-, за-, про-, по-, от-*. Префиксы *на-, о-, у-* малопродуктивны. Непродуктивны приставки *вы-, из-, вз-, при-, пере-, под-, воз-, раз-*.

Один и тот же многозначный глагол в разных своих лексических значениях может образовать видовую пару с помощью разных чистовидовых приставок. Ср.: *стареть – постареть* (*Он начал быстро стареть, постарел*) и *стареть – устареть* (*Истинное художественное произведение никогда не стареет, не устареет*); *глохнуть – оглохнуть* (*После болезни старик начал глохнуть, оглох*) и *глохнуть – заглохнуть* (*Сад глохнет, заглох. Боль глохнет, заглохла*).

Нередко в одном и том же лексическом значении глагола с помощью разных чистовидовых приставок образуются вариантные формы сов. вида, напр.: *строить – построить/выстроить дом (мост); строить – построить/выстроить взвод (полк); строиться – построиться/выстроиться (Полк строится, построился, выстроился); мыться – помыться/вымыться в бане; топить – вытопить/истопить баню*.

Глаголы с чистовидовыми префиксами, как правило, не участвуют в дальнейшем видообразовании. Так, от слов *сделать, написать, построить* не образуются вторичные имперфективные формы. В то же время такие формы легко возникают на базе глаголов со словообразующими приставками: *вделать – вделывать, заделать – заделывать; вписать – вписывать, записать – записывать; достроить – достраивать* и т. д. Однако у нек-рых глаголов с чистовидовыми приставками вторичные формы несов. вида имеются: *слабеть – ослабеть – ослабевать; гибнуть – погибнуть – погибать; неметь – онеметь – онемевать; гаснуть – угаснуть – угасать; морщить – сморщить – сморщивать* и т. п. Эти ряды форм получили название «видовых троек», в к-рых формы несов. вида являются вариантными, синонимичными.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Тихонов А. Н., Префиксальное образование видовых форм в совр. рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1964, № 4; его же, Чистовидовые приставки в системе рус. видового формообразования, «ВЯ», 1964, № 1; его же, Члены видовых корреляций – грамматические формы одного слова, «Филол. науки», 1965, № 4; Шелякин М. А., Категория вида и способы действия рус. глагола. (Теоретические основы), Тал., 1983. См. также лит. при статьях Вид, Совершенный вид.

А. Н. Тихонов.

Петербу́ргская (Ленингра́дская) шко́ла в языкознании – одна из школ русского (предреволюционного) и советского языкознания 20–30-х гг. 20 в. В неё входили в основном ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ по Петербг. ун-ту – прежде всего Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, а также их (преим. Щербы) ученики, из к-рых к «бодуэнизму» (выражение Поливанова) в 20–30-х гг. тяготели С. И. Бернштейн, В. В. Виноградов, Н. В. Юшма-

нов, А. А. Драгунов и др. Сам Бодуэн де Куртенэ в письме В. А. Богородицкому от 24 ноября (7 декабря) 1915 причислил к «лицам нашего направления» Щербу, М. Р. Фасмера, К. Бугу, Поливанова, Якубинского и ираниста В. Б. Томашевского. Позже ученики Бодуэна де Куртенэ заявляли о существовании определённого «бодуэновского» направления, к к-рому они себя причисляли. В историографию рус. и сов. языкознания термин «П. (Л.) ш.» был введён А. А. Леонтьевым и Я. В. Лоей.

Перечисленных учёных на начальном этапе их научной деятельности характеризует общность основных теоретических предпосылок, восходящая к идеям Бодуэна де Куртенэ, при всём различии их конкретных научных интересов, а иногда и взглядов по тем или иным вопросам. Язык понимался ими вслед за Бодуэном де Куртенэ как процесс коллективного мышления или как языковая деятельность, но не как статичная система: язык – «не свод различных установившихся, застывших правил, а непрерывный процесс...», «язык есть разновидность человеческого поведения» (Якубинский); «язык должен изучаться как трудовая деятельность... но не индивидуальная, а коллективная» (Поливанов); грамматика – «сборник правил речевого поведения» (Щерба); «языковая система – это совокупность правил речевой деятельности» (Бернштейн).

На первом этапе исследований Щерба, Поливанов, Якубинский сводили социальный аспект языка к психологическому. Перелом в этом плане наступает с сер. 20-х гг. У Поливанова это связано с новым пониманием языка как «достояния... определённого общественного коллектива, объединённого кооперативными потребностями», с его исследованиями по теории языковой эволюции и по социальным механизмам языковой гибридизации; у Щербы – с его учением о трояком аспекте языковых явлений (сходные идеи высказаны в работах Бернштейна); у Якубинского – с теорией языка как идеологии. Т. о., с сер. 20-х гг. П. (Л.) ш. можно охарактеризовать как социологическую.

Для лингвистов «бодуэновского» направления характерно последовательное разграничение сознательного и бессознательного в языковом мышлении (Щерба, «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов», 1915). У раннего Якубинского это разграничение (восходящее к Бодуэну де Куртенэ) переплетается с учением об автоматизме, заимствованным у А. Бергсона. Здесь – корень учения «рус. формалистов» о различиях практической и поэтической речи. В целом П. (Л.) ш. развивала целевой и функциональный подход к языку, опередив тем самым Пражскую лингвистическую школу (см.). Так, Якубинский уже в 1919 прямо связывал изучение «функциональных многообразий» речи с

Евгений Дмитриевич Поливанов 28.2(12.3).1891–25.1.1938

Лев Петрович Якубинский 20.7(1.8).1892–23.8.1945

«целями речи». Важна (и является явно бодуэновской) идея последовательного различения описания языка «со стороны», т. е. рефлексии над ним лингвиста, и рефлексии носителя языка, или «чутья говорящих на данном языке людей» (Щерба). Из этой идеи развилась концепция «лингвистической технологии» футуристов ЛЕФа и «Нового ЛЕФа» и близких к лефовцам филологов – Якубинского, отчасти Г. О. Винокура и др. Концепция эта – в необходимости «сознательной реорганизации языка применительно к новым формам бытия» (С. М. Третьяков), в «создании науки о сознательной стройке языка» (он же), «технология речи – вот то, что должно родить из себя современное научное языкознание» (Якубинский). Сюда же тяготеет положение о «субъективном» и «объективном» методах исследования языка, и отсюда берут начало идеи об эксперименте в языкознании (Щерба, Поливанов).

Широкое освещение получил вопрос о соотношении и месте в системе языковедческих дисциплин исторического и описательного языкознания. Так, у Поливанова мы находим разграничение исторического сравнительного языкознания («история», по Бодуэну де Куртенэ) и лингвистической историологии («динамика», по Бодуэну де Куртенэ). Своеобразное различение статики и динамики сформулировано в ранних работах Щербы.

Фонологические идеи языковедов П. (Л.) ш. связаны с бодуэновским различением двух видов единиц – языковых и функционально-речевых. Основные идеи в этом плане сводятся к понятию фонемы как потенциально значимой части слова и противопоставлению активной и пассивной фонетики [как реализации более общего принципа; см. также Ленинградская (Петербургская) фонологическая школа]. Работы Поливанова и высказанные ранее идеи Щербы положили начало развитию фонологии языков слогового строя.

Вслед за Бодуэном де Куртенэ его ученики построили след. систему языковых единиц и уровней. Различаются 2 ряда единиц – формально-грамматические единицы («грамматика», по Щербе) и функционально-лексические («лексика», по Щербе). В первом ряду единиц выделяются уровни, связанные с «морфологией» (Поливанов) – фонема, морфема, слово-синтагма (Поливанов) – и связанные с «синтаксисом» – синтагма (Щерба) или словосочетание (Поливанов), фраза (то же Якубинский назвал «конструкциями»). Во втором ряду различаются лексика (по Поливанову, с единицей-словом как лексемой) и фразеология (Поливанов; Якубинский говорит в этом смысле о «шаблонах») с единицами – словосочетанием (Щерба) и предложением.

Часть лингвистов «бодуэновского» направления, прежде всего Щерба, усвоили и развили бодуэновскую теорию письма и письменной речи (работы Бернштейна, Виноградова, Юшманова, отчасти Поливанова).

По существу, большинство общеязыковедческих подходов, характерных для отечественной лингвистики последующих десятилетий, можно найти уже в работах П. (Л.) ш. Однако дальнейшая научная судьба петерб. учеников Бодуэна де Куртенэ сложилась по-разному. Щерба в основном стал заниматься проблемами описательной грамматики, фонетики, лексикографии и лингвистическими проблемами обучения иностранным языкам. Якубинский после кратковременного увлечения «новым учением о языке» Н. Я. Марра обратился к истории рус. языка. Поливанов, напротив, вступил с «яфетидологами» в резкий научный конфликт и стал заниматься востоковедческой проблематикой, одновременно развивая (на материале китайского, японского, тюркских языков) идеи бодуэновской школы в области языковых единиц, типологии и т. д.

Дальнейшее развитие идей П. (Л.) ш. осуществлялось прежде всего в Ленинградском ун-те учениками Щербы, Поливанова, Якубинского. Так, фонологическая теория Щербы, неотделимая от общелингвистических идей П. (Л.) ш., развивалась Ленинградской (Петербургской) фонологической школой (Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко и др.); её ответвлением является концепция Бернштейна и отчасти концепция Г. П. Торсуева. Грамматическая теория Поливанова была развита его учениками-востоковедами, напр. Драгуновым, фонология языков слогового строя – М. В. Гординой и В. Б. Касевичем. Наиболее последовательное развитие почти всех основных положений П. (Л.) ш. принадлежит Бернштейну. Многие идеи П. (Л.) ш., а также идеи А. А. Шахматова легли в основу формирования оригинальных языковедческих взглядов Виноградова, оказавших огромное влияние на дальнейшее развитие лингвистики (см. Виноградовская школа в языкознании).

Лит.: Якубинская-Лемберг Э., Проф. Л. П. Якубинский, «Уч. зап. ЛГУ», 1949, в. 14; Памяти акад. Л. В. Щербы. Сб. ст., [М.], 1951; Иванов В. В., Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, «ВЯ», 1957, № 3; Леонтьев А. А., И. А. Бодуэн де Куртенэ и Петерб. школа рус. лингвистики, «ВЯ», 1961, № 4; его же, Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание, М., 1983 (лит.); Поливанов Е. Д., Статьи по общему языкознанию, М., 1968; его же, Тр. по вост. и общему языкознанию, М., 1991; Щерба Л. В., Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Виноградов В. В., История рус. лингвистических учений, М., 1978; Шарадзенидзе Т. С., Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и её место в языкознании XIX–XX вв., М., 1980; Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы, Л., 1981; Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С., Л. В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог, Л., 1982 (лит.), Якубинский Л. П., Язык и его функционирование. Избр. работы, М., 1986.

А. А. Леонтьев.

Петербу́ргская фонологи́ческая шко́ла – см. Ленинградская (Петербургская) фонологическая школа.

Петербу́ргское (ленингра́дское) произноше́ние – совокупность особенностей артикуляции звуков речи, свойственная жителям Петербурга (Ленинграда) и образовавшая вариант произносительной нормы русского литературного языка. П. (л.) п. складывалось на базе моск. говора в первую очередь под воздействием окружающих Петербург – Петроград – Ленинград северно-рус. говоров. Нек-рая часть признаков П. (л.) п. может быть объяснена влиянием орфографии.

Для П. (л.) п. были характерны след. орфоэпические особенности: произнесение безударного [*е*] на месте орфографических *а*, *я* и *е* после мягких согласных в предударных и заударных, открытых и закрытых слогах (т. е. *п*[*е*]*тёрка*, *ч*[*е*]*сы́*, *в*[*е*]*ду́*, *пла́ч*[*е*]*т*, *по́л*[*е*]); произнесение [*а*] в заударной флексии 3-го лица мн. ч. глаголов 2-го спряжения: *хо́*[*д'а*]*т*; обязательное сохранение губного [*у*] в заударном закрытом слоге: *че́*[*л'у*]*сть*; произнесение в отдельных словах после шипящих ударного [*е*] вместо [*о*]: [*щ'е́*]*лка*; произнесение мягких заднеязычных в прилагательных муж. рода ед. ч. им. п.: *гром*[*к'ий*]; произнесение твёрдых губных в конце слов и перед [*j*]: *восе*[*м*], *по*[*пjо́*]*м*, твёрдых согласных перед [*е*] в заимствованных словах: [*те́*]*зис*, [*се́*]*ссия*; произнесение мягкого [*с'*] в возвратных частицах глаголов: *учил*[*с'а*]; произнесение первого твёрдого согласного в нек-рых сочетаниях $C_1C'_2$: *ко*[*нф'*]*еты*; произнесение сочетания *чн* как [*ч'н*]: *було*[*ч'н*]*ая*; произнесение *ч* перед *т* в союзах *что*, *чтобы* как [*ч'*]: [*ч'т*]*о*, [*ч'т*]*обы*; произнесение сочетания *шн* как [*шн*], а не [*щн*]: *помо*[*шн*]*ик*, *су*[*шн*]*ость*; произнесение слова *дождь* как [*дошт'*], а *дождя* как [*дажд'а́*]; произнесение сочетания [*кк*] вместо [*хк*] в слове *легка*: [*л'екка́*]; произнесение твёрдого [*с*]

в слове *отсюда* [*атсýда*]; отсутствие [*j*] перед начальным [*е*]: *если* как [*é*]*сли*.

П. (л.) п. были свойственны и специфические орфофонические черты (т. е. правила произношения аллофонов фонем): бóльшая длительность ударных гласных, более закрытый характер ударного [*а*], более открытый характер ударного [*о*], бóльшая закрытость ударного [*е*], слабая палатализация [*ч'*], нек-рое смягчение аффрикаты [*ц*] перед [*и*] и в заимствованных словах (*револю*[*ц'и*]*я*), произнесение [*ш'*], [*ж'*] перед и после [*л'*], [*н'*]: *ра*[*н'ш'*]*е*, произнесение *сч*, *зч*, *щ* как [*ш'ч'*]: *счастье* [*ш'ч'áс'т'jе*], *грузчик* [*грýш'ч'ик*], *щётка* [*ш'ч'óткъ*].

В 60–70-х гг. 20 в. завершался процесс унификации произношения, образования единой произносительной нормы, заимствовавшей черты старого моск. (см. Московское произношение) и старого петерб. произношения. Так, произнесение мягких заднеязычных в прилагательных муж. рода, мягких согласных в возвратных частицах глаголов, произнесение [*а*] в заударных флексиях 3-го лица мн. ч. глаголов 2-го спряжения, первого твёрдого согласного в нек-рых сочетаниях C_1C_2', произнесение [*шт'*] в слове *дождь* и [*жд'*] в слове *дождя* стали чертами нормы.

Лит.: Лундель И. А., Исследование о рус. произношении, «Филол. зап.», 1912, в. 1–3, 5–6; 1913, в. 1; Шаров П. Г., Образцовое рус. произношение, 2 изд., М., 1914; Обнорский С. П., Сочетание *чн* в рус. языке, в кн.: Тр. комиссии по рус. языку, т. 1, Л., 1931; Матусевич М. И., Рус. лит. произношение, Л., 1953; Щерба Л. В., О нормах образцового рус. произношения, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Чернышев В. И., Как говорят в Петербурге, в его кн.: Избр. тр., т. 2, М., 1970; Аванесов Р. И., Рус. лит. произношение, 5 изд., М., 1972; Вербицкая Л. А., Рус. орфоэпия, Л., 1976; её же, Давайте говорить правильно, М., 1993.

Л. А. Вербицкая.

Пúсьменная речь – речь, предназначенная для изображения и изображённая на бумаге (или какой-либо другой поверхности: пергамене, бересте, камне, полотне и т. п.) с помощью специальных графических знаков (знаков письменности). П. р.– одна из форм существования языка, противопоставленная устной речи (см.). П. р. является вторичной, более поздней по времени возникновения формой существования языка, чем речь устная. В разные периоды истории языка существуют разные виды отношений между П. р. и устной речью.

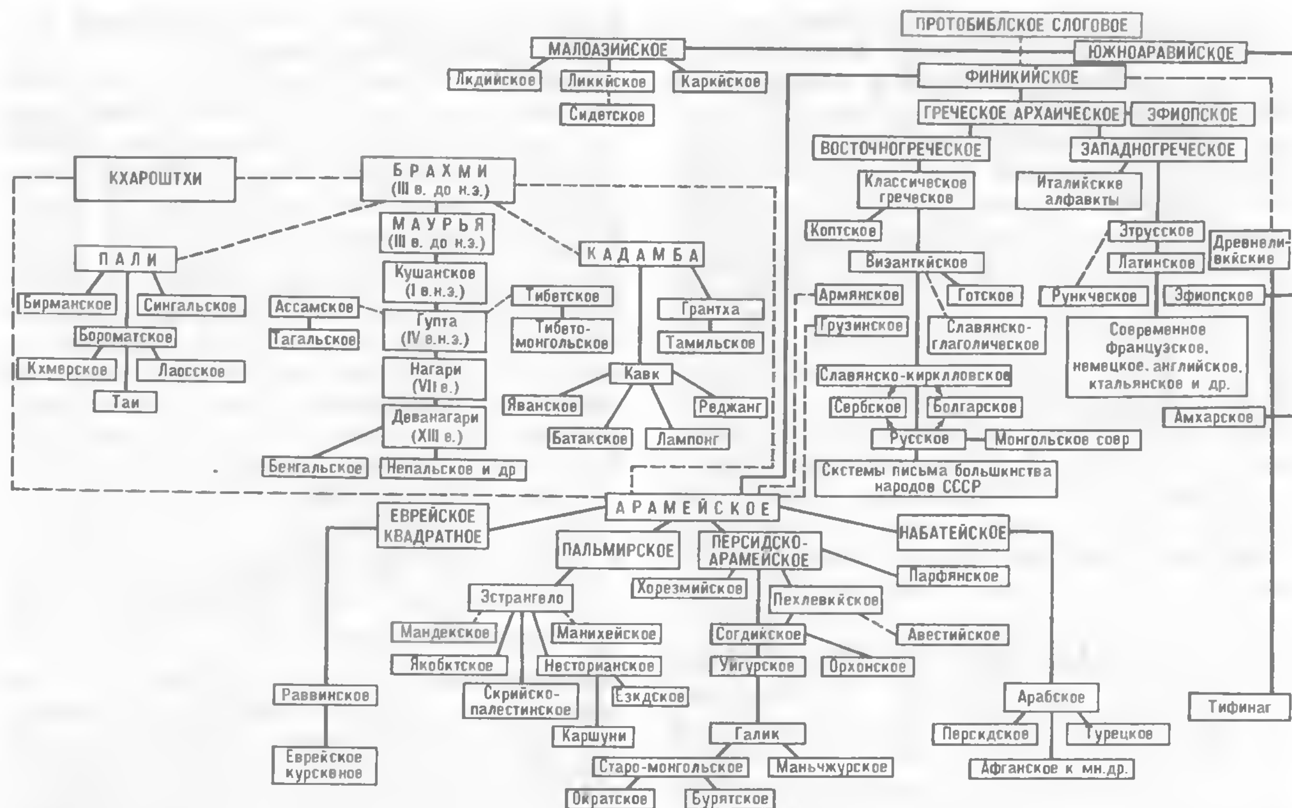
Использование П. р. позволяет дольше обдумывать свою речь, строить её постепенно, исправляя и дополняя, что способствует в конечном итоге выработке и применению более сложных синтаксических конструкций, чем это свойственно устной речи, возникновению других её особенностей. П. р. не имеет средств звукового и интонационного выделения, что характерно для устной речи. Чтобы передать на письме особенности произнесения, для целей смыслового и логического выделения используются различные пунктуационные (см. Пунктуация) и шрифтовые средства.

П. р. является необходимой для многих стилей лит. языка: научного (см. Научный стиль), официально-делового (см. Официально-деловой стиль). Так, заявления, жалобы, меморандумы и т. п. жанры существуют лишь в письменной форме. Художественная лит-ра существует гл. обр. в форме П. р., хотя реализуется и в устной форме (напр., художественное чтение, театральные спектакли, любое чтение вслух). Фольклор, напротив, в качестве первичной имеет устную форму существования, записи фольклора являются вторичной формой его реализации. Для рус. языка первая фиксация П. р. относится к 11 в. (см. Памятники письменности русского языка 10–17 вв.). Своеобразными памятниками письменности др.-рус. языка являются берестяные грамоты (см.). Наиболее ранние берестяные грамоты относятся к 1-й пол. 11 в. П. р.– средство сохранения продуктов человеческой истории и культуры, одно из средств передачи информации.

Е. А. Земская.

Письмó – знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать информацию на расстоянии и закреплять её во времени. Первоначально для передачи информации применялись другие способы, напр. пиктографическое (рисуночное) «письмо», бирки, зарубки. Собственно П. вырабатывается обычно в раннеклассовом обществе в связи с усложнением хозяйственной жизни. Система П. характеризуется постоянным составом знаков, причём каждый знак передаёт либо целое слово, либо последовательность звуков, либо отдельный звук речи. Для классификации видов П. важна не форма знаков, а характер передачи знаками элементов речи. Существует четыре основных типа П.: идеографический, словесно-слоговой (логографически-силлабический), собственно силлабический и буквенно-звуковой (алфавитный). В конкретных системах П. эти типы обычно существуют в не вполне чистом виде.

В идеографическом П. каждый знак может обозначать любое слово в любой грамматической форме, в пределе круга понятийных ассоциаций, либо прямо вызываемых изображением, составляющим данный знак, либо условных. Напр., знак, изображающий ногу, может означать ‘ходить’, ‘стоять’, ‘приносить’ и т. п. в любой грамматической форме. Вместо изображения могут употребляться и произвольные графические символы. Возможность передачи информации с помощью чистой идеографии очень ограниченна; этот тип П. существовал лишь как переходный от пиктографии к словесно-слоговому П., к-рое оказалось гораздо более живучим. Основой системы П. и здесь остаётся прежняя многозначная идеограмма, но конкретная привязка знака каж-

Генеалогическая схема развития систем письма. Прерывистыми линиями обозначены возможные пути развития или влияния.

дый раз к определённому слову обеспечивается добавлением знаков, выражающих чисто звуковые элементы слова либо в целом, либо его части (особенно грамматических элементов), и знаками-детерминативами, уточняющими круг понятий, к к-рому относится данное слово. Идеографический знак, прикреплённый к определённому слову, называется л о г о г р а м м о й. Словесно-слоговым П. могли передаваться любые тексты, т. к. оно обеспечивало достаточно адекватную фиксацию речи и надёжное воспроизведение текста при чтении. В древнейших видах П. этого типа знаки для монументальных надписей долго сохраняли форму рисунков-иероглифов; наряду с ними существовала с к о р о п и с ь (напр., на папирусе, черепках – в Древнем Египте, на глиняных плитках – в Передней Азии, на бамбуковых палках – на Дальнем Востоке). Такие системы П. возникали всюду, где впервые складывалось государство, и обычно независимо друг от друга; отдельные случаи сходства знаков объясняются либо общей типологией, либо случайностью. Наиболее известны: др.-егип. П. (с кон. 4-го тыс. до н. э.), шумерское (с нач. 3-го тыс. до н. э.) и развившиеся из него виды клинописи, эламская иероглифика (3-е тыс. до н. э.), протоинд. П. (тогда же), критское П. (с нач. 2-го тыс. до н. э.), кит. П. (со 2-го тыс. до н. э.), майя П. в Центральной Америке (1-е тыс. до н. э.). Не все древние системы П. этого типа расшифрованы: наиболее изучено П. Древнего Египта, Двуречья (клинопись) и Древнего Китая. Единственные существующие ныне древние системы П. словесно-слогового типа – китайская и производная от неё японская. Сохранение их объясняется аморфным характером кит. слова и поэтому малой необходимостью в передаче грамматических показателей, а также удобством кит. П. для общения между носителями фонетически различающихся диалектов. Кит. П. распространилось в Корее, Японии и других странах, но оказалось неудобным ввиду иного грамматического строя соответствующих языков. Поэтому наряду с кит. иероглифами в этих странах равно начали употреблять местные фонетические системы П.– силлабическое П. «кана» в Японии (только вспомогательно) и буквенно-силлабическое (лигатурное) П. «кунмун» в Корее. Преимущества словесно-слогового П.: международный характер логограмм, меньшее число знаков на одинаковый отрезок текста по сравнению с буквенным П. Поэтому логограммы применяются в составе вспомогательных подсистем П. (цифры, алгебраические и химические формульные знаки и т. п.). Недостатки: многочисленность знаков в

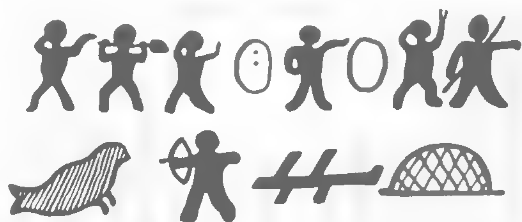
Буквы глаголицы (для сравнения)	Буквы греческого уставного письма	Буквы кириллицы	Названия букв в кириллице	Современный русский шрифт (в скобках – произношение вышедших из употребления букв)	Буквы глаголицы (для сравнения)	Буквы греческого уставного письма (в скобках – возможные заимствования из других алфавитов)	Буквы кириллицы	Названия букв в кириллице	Современный русский шрифт (в скобках – произношение вышедших из употребления букв)
Ⰰ	ⲁ	ⲁ	Азъ	Аа	Ⱈ	Х	Х	Херъ	Хх
Ⰱ		Б	Буки	Бб	Ⱉ	ω	ѡ	Отъ	(о)
Ⰲ	В	В	Вѣди	Вв	Ⱌ	ẓ[1]	Ц	Цы	Цц
Ⰳ	Г	Г	Глаголь	Гг	Ⱍ		Ч	Червь	Чч
Ⰴ	Д	Д	Добро	Дд	Ⱎ	ш[1]	Ш	Ша	Шш
Ⰵ	Є	Є	Есть	Ее, Ээ	Ⱋ		Щ	Ща (Шта)	Щщ
Ⰶ		Ж	Живѣте	Жж	Ⱏ		Ъ	Еръ	ъ
Ⰷ	Ѕ	Ѕ	Зѣло	(дз)	Ⱐ		Ь	Ерь	ь
Ⰸ	Ζ	Ζ	Земля	Зз	ⰟⰉ		Ъl	Еры	ы
Ⰹ Ⰺ	Н	Н	Иже	Ии	Ⱑ		Ѣ	Ять	(е)
Ⰻ	І	І	і	(и)					
Ⰼ				(дь)	Ⱓ		Ю	Ю	Юю
Ⰽ	К	К	Како	Кк			Ꙗ	Я	Яя
Ⰾ	λ	Λ	Люди	Лл			Ѥ	Е	(й+е)
Ⰿ	М	М	Мыслѣте	Мм	Ⱔ		Ѧ	Юсъ малый	(носовое э)
Ⱀ	N	N	Нашъ	Нн	Ⱘ		Ѫ	Юсъ большой	(носовое о)
Ⱁ	О	О	Онъ	Оо	Ⱗ		Ѩ		(й+носовое э)
Ⱂ	П	П	Покой	Пп	Ⱙ		Ѭ		(й+носовое о)
Ⱃ	Р	Р	Рци	Рр		ξ	Ѯ	Кси	(кс)
Ⱄ	С	С	Слово	Сс		ψ	Ѱ	Пси	(пс)
Ⱅ	Т	Т	Твердо	Тт	Ⱚ	θ	Ѳ	Фита	(ф)
Ⱆ	Оγ, ȣ	Оγ, ȣ	У	Уу	Ⱛ	У	Ѵ	Ижица	(и)
Ⱇ	Φ	Φ	Фертъ	Фф					

I – Буквы „квадратного шрифта" на арамейской основе

Происхождение славянского и русского алфавитов.

системе (от нескольких сотен до многих тысяч), трудность при освоении чтения.

Системы П., где каждый знак передаёт только к.-л. последовательность звуков как таковую, а не слово, называются с и л л а б и ч е с к и м и. Последовательности могут быть либо только типа «С(огласный) + Г(ласный или нуль)», либо также типов «Г + С» и даже «С + Г + С», реже типов «С + С + Г», «С + Г + С + Г». Есть также знаки для отдельных гласных. Силлабические системы – ча-

Пиктографический рассказ эскимоса об удачной охоте.

сто результат упрощения словесно-слоговых систем (развитие кипрского П. из критского гл. обр. путём опущения логограмм). Они могут возникнуть и вторично путём введения огласовки в консонантное (см. ниже) буквенно-звуковое П. (эфиопское из др.-семитского) или могут быть придуманы специально в дополнение к логографически-силлабическим системам в языках, отличающихся богатством грамматических форм (Япония, Корея). Наиболее широко распространены силлабические системы П. в Индии и Юго-Вост. Азии. Т. к. знаки не закреплялись в типографской форме, в Южной и Юго-Вост. Азии выработались десятки видов скорописей, внешне уже несхожих; лишь в 19–20 вв. многие из них получили и типографское оформление. Важнейшая система П. этой группы – деванагари, применяемая для санскрита, хинди и др. Преимущество силлабического П.– в меньшем числе знаков (100–300), недостаток – нек-рая громоздкость и трудность в выборе правильного чтения, особенно при отсутствии словоразделов.

В алфавитных системах П. отдельный знак (буква) передаёт, как правило, один звук, это может быть либо фонема (см.), либо аллофон, либо любая фонема в пределах нек-рой группы акустически сходных звуков; иногда же буквы соединяются по 2, 3 и 4 для обозначения одной фонемы (нем. *sch* – «ш», *tsch* – «ч»). Алфавитные и силлабические системы П. часто (неточно) объединяют под названием фонетических. Историческим родоначальником всех видов алфавитного П. явилось др.-семитское (финикийское) т. н. буквенное консонантное П.; это силлабическое П. со знаками только типа «С + Г», причём «Г» может безразлично соответствовать любому гласному или отсутствию гласного. Происхождение др.-семитского протоалфавита (2-я пол. 2-го тыс. до н. э.) до сих пор не установлено; наиболее вероятно его происхождение из финикийского же («протобиблского») силлабического П., где в знаках типа «С + Г» ещё различались качества гласных и число знаков доходило до ста. В «классическом» финикийском алфавите имелось двадцать два знака (меньше числа согласных фонем). В основе известных нам трёх др.-семитских протоалфавитных систем – финикийской линейной, угаритской клинописной (обе имели общий порядок букв) и южноаравийской линейной – лежит общий слоговой

Древнейшее китайское идеографическое письмо

или словесно-слоговой прототип. Возможность отказа от различения гласных определялась характером семитских языков, где значение корня связано с согласными, а гласные выражают словообразовательные и грамматические элементы слова. Новая система дала возможность фиксировать речь по звуковому способу с помощью минимального числа легко и быстро запоминающихся знаков (букв). Однако текст, записанный без гласных и обычно без словоразделов, был малопонятен, кроме случаев, когда содержание его было заранее приблизительно известно: такое П. скорее было применимо как тайнопись купцов-мореплавателей, чем как всеобщее средство передачи речи, поэтому в течение более тысячи лет с ним на Ближнем Востоке вполне успешно конкурировали системы словесно-слогового П. Клинописный (угаритский) вариант протоалфавита вымер ещё во 2-м тыс. до н. э.; один из вариантов линейного алфавита просуществовал в южной Аравии до 7 в. н. э., а в Африке дал начало существующему поныне эфиопскому слоговому П. Собственно финикийский линейный протоалфавит в первичной форме был воспринят в Малой Азии (малоазийские алфавиты вымерли в нач. н. э.), в Греции и в Италии, дав начало зап. алфавитам (см. ниже), а в скорописной (курсивной) форме, выработанной для родственного финикийскому др.-семитского языка – арамейского, распространился по всему Ближнему и Среднему Востоку, дав начало вост. алфавитам, среди к-рых важнейшие: арамейское «сирийское» П.; квадратное П., принятое евреями; особая разновидность арамейской скорописи с добавлением надстрочных и подстрочных звукоразличитель-

ных, т. н. диакритических, знаков была положена в основу араб. письма.

Данный тип алфавита позволял воспроизводить долгие гласные через знаки для гоморганных согласных (*w* для *ū*, *y* для *ī*, ʼ для *ā*).

Арамейский алфавит в ранней канцелярской форме, видимо, не позже 4 в. до н. э. был применён к др.-перс. языку (ранее имевшему собственное клинописное силлабическое П.), а затем в различных разновидностях скорописи использовался для других иранских языков (парфянского, ср.-перс., согдийского, хорезмийского); при этом отдельные слова и канцелярские формулы оставлялись в арамейском написании, а читались на соответственном иранском языке.

В условиях средневековья грамотность была сосредоточена в среде духовенства. Поэтому распространение каждого алфавита связывалось с определённой религией: квадратный шрифт распространялся вместе с иудаизмом (ныне официально употребляется в Израиле для языка иврит), араб. П.– с исламом (употреблялось для языков всех мусульманских народов, независимо от происхождения, ныне для араб., перс., афг., урду и др.). Различные виды арамейской скорописи также распространялись с распространением различных христианских сект (напр., несторианское, яковитское П.), а также с манихейством. Для священных книг зороастризма был позже на той же основе изобретён усовершенствованный алфавит с гласными буквами (авестский; принцип обозначения гласных был здесь, видимо, воспринят из греческого). На основе согдийского и несторианского П. создались разные виды П. тюрков Центральной Азии (важнейшие – уйгурское и тюрк. «руническое»); позже уйгурское П. было приспособлено для монгольских и маньчжурского языков (с огласовкой частично по тибетско-инд. типу и с вертикальным направлением П. по кит. образцу). Распространение христианства потребовало создания письменности на местных языках Закавказья; для этих языков с их сложной фонологической системой были созданы ок. 400 н. э. особые алфавиты – арм., груз. и алб. (агванский) – путём использования арамейских или специально придуманных начертаний и греч. орфографических и филологических принципов.

Исходным для развития всех зап. алфавитов является греч. П.; оно возникло, видимо, в 8 в. до н. э. (памятники известны с кон. 8–7 вв.). «Архаическое» греч. П. по форме букв почти полностью совпадает с финикийским, лишь позднее были введены дополнительные буквы. В «архаических» малоазийских и, вероятно, в греч. П. сначала отсутствовали буквы для кратких гласных; направление П. было, как и в семитских языках, справа налево, затем бустрофедон (первая строка – справа налево, вторая – слева направо и т. д.), наконец слева направо. Очень близки названия греч. и др.-семитских букв, совпадает порядок их расположения в алфавите.

В связи с тем что греч. текст, лишённый гласных, почти непонятен, в греч. П. были использованы для гласных и те буквы, к-рые обозначали финикийские согласные, чуждые греч. фонетике и оказавшиеся, т. о., излишними. Переход к обозначению на П. не только согласных, но и всех гласных явился важнейшим культурным достижением.

В дальнейшем возникают вост.-греч. и зап.-греч. варианты П., различавшиеся формой и употреблением нек-рых букв. Из вост.-греческого в 5–4 вв. до н. э. развилось классическое греч., а затем византийское П.; в свою очередь из него возникли коптское (христианско-егип.), др.-готское и слав. кирилловское П. На основе зап.-греческого возникли италийские алфавиты, в т. ч. этрусский (в 7 в. до н. э.), и из него др.-германские руны (с 3 в. н. э.); из этрусского же, видимо, развилось лат. П. (с 6 в. до н. э.). В эпоху Римской империи лат. П. приобрело международный характер, сохранившийся в связи с распространением католической церкви и в эпоху зап.-европейского феодализма. Лат. П. используется и для национальных языков зап.-европейских народов, напр. франц., нем., польского. Т. к. звуковой состав различных новых зап.-европейских языков сильно отличается от звукового состава лат. языка, широкое распространение в национальных орфографиях получают двух- и трёхбуквенные сочетания для передачи одного звука (англ. *th*, нем. *sch* и т. п.), что крайне усложнило П. Вследствие инерции лит. традиции нек-рые зап.-европейские письменные системы уже много веков не претерпевали значительных реформ. В этих системах (англ., франц.) произошёл разрыв с живым и развивающимся народным языком, а традиционность орфографии стала принципом письменной системы, не дающей уже адекватной передачи совр. звуковой речи.

В 19–20 вв. складывается целый ряд систем П. на лат. основе во всех частях света; в них широко используется диакритика для обозначения звуков, не предусмотренных лат. П. (напр., чеш., тур. П., языки Африки).

Слав. П. (кириллица, см.) было разработано на основе добавления к 24 буквам византийского греч. П. букв для специфически слав. фонем (буквы *ц*, *ш* были взяты из евр. квадратного П., а остальные изобретены специально). Кириллица употреблялась православными славянами, а также (до 19 в.) румынами; на Руси была введена в 10–11 вв. в связи с христианизацией. Однако какое-то П., возможно, применялось славянами уже и раньше. До сих пор не решён вопрос о происхождении другого слав. П.– глаголицы (см.) и её соотношении с кириллицей. Почти полностью совпадая по составу, порядку и значению букв, эти азбуки резко различались по форме букв: простой, чёткой и близкой к греч. уставному П. 9 в. у

кириллицы и замысловатой, очень своеобразной у глаголицы, к-рая применялась гл. обр. у юго-зап. славян-католиков со слав. богослужением и вымерла в позднем средневековье. Графика кириллицы претерпевала изменения с 10 до 18 вв. (устав, полуустав, скоропись; см.). Совр. слав. системы П.: рус., белорус., укр., болг., серб. (с добавлением нескольких букв) – развивались на основе кириллицы. Рус. П. из 33 букв [называлось гражданским шрифтом (см.), в отличие от церковного – собственно кириллицы, сохранённой для религиозной лит-ры при реформе, проведённой Петром I] является упрощением кириллицы. Оно пережило ряд алфавитно-орфографических реформ (см. Алфавит, Реформы азбуки и правописания), в результате к-рых были исключены все буквы, ненужные для передачи фонем совр. рус. речи; были введены две новые буквы: *й* и (факультативно) *ё*.

Лит.: Энциклопедия слав. филологии, под ред. И. В. Ягича, в. 3 – Графика у славян, СПБ, 1911; Добиаш-Рождественская О. А., История письма в средние века, 2 изд., М.– Л., 1936; Юшманов Н. В., Ключ к лат. письменностям земного шара, М.– Л., 1941; Шампольон Ж. Ф., О егип. иероглифическом алфавите, пер. с франц., [М.], 1950; Фридрих И., Дешифровка забытых письменностей и языков, пер. с нем., М., 1961; его же, История письма, пер. с нем., М., 1979; Дирингер Д., Алфавит, пер. с англ., М., 1963; Дьяконов И. М., Какой должна быть орфографическая реформа?, «Новый мир», 1967, № 11; Тайны древних письмен, [под ред. И. М. Дьяконова], М., 1976; Гельб И. Е., Опыт изучения письма. (Основы грамматологии), пер. с англ., М., 1982.

И. М. Дьяконов.

Плеона́зм (от греч. pleonasmós – изобилование, излишество) – оборот речи, основанный на употреблении в словосочетании или предложении семантически близких, часто логически избыточных слов. П. иногда рассматривают как разновидность повтора. Особенность П. по отношению к нек-рым видам повтора и крайней форме П.– тавтологии (см.) – в лексической, корневой или звуковой нетождественности повторяемых компонентов. В истории грамматики (Н. И. Греч, И. И. Давыдов), риторики (Н. Ф. Кошанский) и стилистики (В. И. Классовский и др.) П. рассматривался как особый вид фигур речи. При расширительном толковании П. нередко понимают как многословие, граничащее с «пороком стиля». Избыточность выступает в П. как постоянное свойство языковой единицы, поскольку мотивирована передачей уже выраженного смысла: *лично я, своя автобиография, промышленная индустрия* (индустрия и есть промышленность), *наследие прошлого* (наследие – явление, полученное от предыдущих эпох), *в анфас* (анфас от франц. en face в лицо), *иностранные земли* и т. п. Построенные на основе П. сочетания могут приобретать устойчивый характер: *ходить вокруг да около*. Граница между П. как недостатком речи, ошибкой и П. как стилистической фигурой прибавления зыбка и определяется общим речевым стилем эпохи.

Как выразительное средство П. отвечает прежде всего задаче эмоционально-экспрессивного усиления: *Я видел это своими собственными глазами; слышал лекцию своими собственными ушами; отдал ключ своими собственными руками.* П. широко используется в разг. речи и публицистике, обычно не свойствен деловому и научному стилям. Встречается в произведениях художественной лит-ры: *«Но им назад не воротиться»* (Жуковский); *«Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде»* (Крылов); плеонастическими употреблениями богата народная словесность (напр.: устойчивые сочетания – *путь-дороженька, грусть-тоска, море-окиян*; двучленные и трёхчленные обороты, построенные на соположении синонимов,– *я сама девица знаю-ведаю; не пришло ещё поры-времени; и жил-был богатый гость; журить-бранить, дарить-жаловати; с кем побиться-подраться-поратиться*). Подобный П. может характеризовать целые предложения: *А утоптана трава, утолочена мурава.* К П. иногда относят распространённый в фольклоре, разг. и диалектной речи способ именования, основанный на употреблении поясняющих имён при местоимениях. Напр.: *«Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест...»*; *«На меня, Садку, смерть пришла...»* (из былин); *«доселева Рязань она селом слыла»*; *«он скачет конь с берегу на берег»* (Котошихин). Возможны употребления рядом двух синонимичных предлогов – *за всё, про всё; для ради рожденья богатырского.*

П. в художественной лит-ре, напр. поэзии, часто связан с особым стилистическим заданием. Распространён приём градации, предполагающий использование однородных слов или оборотов: *«Всё, всё по-старому, бывалому, И будет как всегда»* (Блок); *«Я укрываюсь в одиночество, Я ухожу в пределы книг»* (Брюсов).

Лит.: Античные теории языка и стиля, М.– Л., 1936; Рус. разг. речь, М., 1973; Сковородников А. П., Экспрессивные синтаксические конструкции совр. рус. лит. языка. Опыт системного исследования, Томск, 1981; Общая риторика, пер. с франц., М., 1986.

Л. И. Василевская.

Плюсквамперфе́кт [лат. plusquamperfectum (tempus), букв.– более чем законченное (время)], давнопрошедшее время,– сложная грамматическая форма прошедшего времени древних славянских языков, в том числе древнерусского, сохраняющаяся в преобразованном виде в современном литературном языке и в русских диалектах.

П. обозначал прошедшее действие, к-рое совершилось раньше другого прошедшего действия, а также отнесённый к прошлому результат ещё ранее совершённого действия: *оу ꙗрополка... жена грекини бѣ и бꙗше была черницею* – «У Ярополка женой была гречанка (прошлое состояние), которая (ещё раньше) была монахиней (прошлое ранее первого прошлого)»; *видиши мꙗ больное сущу... бѣ бо разболеласꙗ уже* – «Ты ви-

дишь меня больной, так как я (раньше) заболела (и сейчас больная)» (примеры из Новгородской летописи).

В др.-рус. языке П. образовывался двумя способами. Более древним было образование П. путём соединения форм имперфекта (см.) или имперфективного аориста (см. Аорист) от глагола *быти* с причастием прош. времени с суффиксом *-л-*, изменявшимся по родам и числам. Так, напр., глагол *вести* имел в древнем П. след. формы.

Число	Лицо		Род		
			мужской	женский	средний
Единственное	1-е	*бѧхъ (бѣхъ)*	*велъ*	*-а*	*-о*
	2-е	*бѧше (бѣше)*	«	«	«
	3-е	*бѧше (бѣше)*	«	«	«
Множественное	1-е	*бѧхомъ (бѣхомъ)*	*вели*	*-ы*	*-а*
	2-е	*бѧсте (бѣсте)*	«	«	«
	3-е	*бѧхоу (бѣхоу)*	«	«	«
Двойственное	1-е	*бѧховѣ (бѣховѣ)*	*вела*	*-ѣ*	*-ѣ*
	2-е	*бѧста (бѣста)*	«	«	«
	3-е	*бѧста (бѣста)*	«	«	«

Такие формы П. отмечаются в памятниках др.-рус. письменности только до 14 в. С тринадцатого же века распространяется новый способ его образования – путём соединения перфекта (см.) от глагола *быти* с причастием на *-л-*. Т. о., новый П. от глагола *вести* имел след. формы.

Число	Лицо		Род		
			мужской	женский	средний
Единственное	1-е	*ѥсмь*	*былъ велъ*	*была вела*	*было вело*
	2-е	*ѥси*	«	«	«
	3-е	*ѥсть*	«	«	«
Множественное	1-е	*ѥсмъ*	*были вели*	*былы велы*	*была вела*
	2-е	*ѥсте*	«	«	«
	3-е	*соуть*	«	«	«
Двойственное	1-е	*ѥсвѣ*	*была вела*	*былѣ велѣ*	*былѣ велѣ*
	2-е	*ѥста*	«	«	«
	3-е	*ѥста*	«	«	«

Однако перфект от *быти* в его исконном видс выступал в памятниках письменности лишь в редких случаях; напр., *а что селъ и свободъ* (совр. *сёл и слобод*)... *то дали ѥсме были Андрѣю* (Новгородская грамота 1304–05). Большей же частью перфект от *быти* был представлен только причастием на *-л-*, что было связано с общей утратой вспомогательного глагола в истории перфекта. Новая форма П. как сочетание двух причастий на *-л-* распространяется в памятниках 13 в. и особенно 14 в. и выступает как форма, характерная для народно-разг. языка: *юрги былъ виделъ со двора* (Новгородская берестяная грамота № 4); *а что былъ о(т)ꙗлъ бра(т) твой* (Грамота 1264–65); *которыѣ деревни отималъ был кнѧзь* (Грамота 1389).

В дальнейшей истории П. пережил преобразование и формы и значения. В памятниках 16–17 вв. отражается превращение вспомогательного глагола в неизменяемую частицу *было* и изменение значения П.: сочетание формы на *-л-* с *было* стало обозначать действие, готовящееся в прошлом, но не осуществившееся или начавшееся в прошлом, но прерванное другим действием: *Я хотел было сказать, но не решился; Он пошёл было дальше, да вернулся.* Эта конструкция сохраняется в совр. лит. языке. В нек-рых диалектах сохраняется и старая форма П. в виде сочетания двух причастий на *-л-*: *У неё была болела голова; Зимусь всё промёрзло было, изба выгорела была* и т. п.; также и в совр. лит. языке отмечается старая форма П. из двух причастий на *-л-*: *жили-были.* Обозначает эта форма просто прошедшее действие и не имеет к.-л. специального значения по сравнению с обозначением прошедшего действия одной формой на *-л-*. И только очень редко в диалектах можно встретить сохранение не только старой формы, но и старого значения П.: *Земля была высохла, да опять промокла* ‘Земля стала (в прошлом) мокрой, хотя (ещё раньше) высохла’; *Они устали были, так спали крепко* ‘Они спали крепко (в прошлом), потому что устали’ (раньше).

В. В. Иванов.

Побуди́тельное предложе́ние – повествовательное предложение (см.), выражающее волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Значение побудительности в предложении создают: глагольные формы повелительного наклонения: *Читай; Будьте внимательны*; формы совместного действия: *Давай(те) читать; Давай(те) поговорим; Идём(те)*; частицы *пусть, пускай, да* (устар. и высок.) в сочетании с формами наст. и буд. времени: *Пусть (пускай) он уходит; Пусть (пускай) он будет первым; Да будет так*; в экспрессивной речи и просторечии – всегда безударная частица *чтоб* в сочетании с формой прош. времени: *Чтоб ты был готов!; Чтоб тихо тут сидели!*

П. п. могут и не содержать специальных глагольных форм и частиц; такие предложения образуются формами буд. времени, инфинитива, а также формами прош. времени глаголов нек-рых семантических групп (с начинательным, временно-ограничительным и другими значениями), напр.: *Будешь работать!*; *Поедешь!*; *Молчать!*; *Пошёл!*; *Поехали!*; *Начали!*; *Попрыгали!* В этих случаях основным средством выражения побудительности является интонация.

Значение волеизъявления в П. п. имеет различные оттенки – от категорического требования до согласия. Так, П. п. с глагольной формой взаимного действия выражает смягчённое волеизъявле-

ние, с формами буд. времени и инфинитива – категорическое требование. В П. п. с императивом и частицей *пусть* (*Проходите; Пусть споёт*) разными интонационными средствами может быть выражена просьба, приказание (иногда также разрешение). В разг. речи различные оттенки волеизъявления выражаются также частицами *да, же*, имеющими усилительное значение (ср., напр., *Замолчи!* и *Да замолчи же!*), смягчительной частицей *-ка* (*Посмотри-ка*), междометием *ну* (*Ну, рассказывай!; Ну-ка, покажи!*). Для выражения различных оттенков волеизъявления, а также отношения к адресату речи могут использоваться видовые формы глагола и словообразовательные средства (ср., напр., *Сядьте!*, *Садитесь* и *Присаживайтесь*).

В сложноподчинённых предложениях изъяснительного типа, в т. ч. в косвенной речи, придаточное со значением побудительности вводится союзом *чтобы*: *Хочу, чтобы ты учился; Скажи ему, чтобы он учился.*

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация рус. речи, 3 изд., М., 1977; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; НЗЛ, в. 17 – Теория речевых актов, М., 1986; Теория функциональной грамматики. Модальность. Темпоральность, Л., 1990. *Л. Е. Лопатина.*

Повели́тельное наклоне́ние – наклонение глагола (см. Наклонение), формы к-рого представляют процесс как требуемый или желаемый и выражают волеизъявление говорящего – просьбу, приказ, побуждение к действию (*Возьми тетрадь; Принесите книги; Идёмте домой*). В систему форм П. н. входят формы 2-го лица ед. и мн. ч. и 1-го лица мн. ч. (формы совместного действия). Формы 2-го лица ед. и мн. ч.– синтетические, формы 1-го лица мн. ч. могут быть как синтетическими, так и аналитическими. Синтетические формы П. н. образуются от основы наст. времени.

Форма 2-го лица ед. ч. образуется с помощью окончания *-и* или нулевого окончания. При этом конечная парно-твёрдая согласная основы чередуется с соответствующей мягкой. Для правильного образования формы необходимо знать место ударения в форме 1-го лица ед. ч. наст. или буд. простого времени изъявительного наклонения. Если ударение на окончании, то форма 2-го лица ед. ч. образуется, как правило, с помощью окончания *и-* (*сиж-у́ – сид-и́, ид-у́ – ид-и́, молч-у́ – молч-и́*). От этого правила отступают глаголы *бить, вить, лить, пить, шить* (и их приставочные образования), а также глаголы с основой наст. времени на [*j*] и инфинитивом не на *-ить*, образующие форму 2-го лица ед. ч. с помощью нулевого окончания (орфографически на *й*: *бей, вей, лей, пей, шей, стой, пой, жуй*). Если же в форме 1-го лица ед. ч. наст. или буд. простого времени ударение на основе, то форма 2-го лица ед. ч. П. н. образуется посредством нулевого окончания (орфографически в форме П. н. *й* после гласной, *ь* после мягкой или шипящей: *читай, встань, сядь, мажь*). От этого правила отступают глаголы с основой на несколько согласных в её исходе, а также глаголы с ударной приставкой *вы́-* (*по́мн-ю – по́мн-и, дёрн-у – дёрн-и, вы́ставл-ю – вы́став-и*). В нек-рых случаях возможны вариантные образования, причём формы с нулевым окончанием чаще употребляются в разг. речи (*вы́стави* и *вы́ставь, чи́сти* и *чисть, мо́рщи* и *морщь*). Ряд глаголов образует форму 2-го лица ед. ч. П. н. от основы, отличающейся от основы наст. или буд. простого времени (*давать – давай, вставать – вставай, создавать – создавай, узнавать – узнавай, дать – дай, создать – создай, есть – ешь, ехать – поезжай, сыпать – сыпь*).

Формы 2-го лица ед. ч. П. н. используются для побуждения к действию собеседника, адресата речи, но могут быть также употреблены и переносно, для побуждения к действию некоего множества адресатов речи (*Братцы, с л у ш а й мою команду!*).

Форма 2-го лица мн. ч. П. н. образуется присоединением постфикса *-те* к соответствующей форме ед. ч. (*сиди – сиди-те, лей – лей-те, встань – встань-те, помни – помни-те, поезжай – поезжай-те*). В случае обращения на *Вы* эта форма может быть употреблена и для побуждения к действию одного лица (*Татьяна Петровна, п р и е з ж а й т е на конференцию*).

Форма 1-го лица мн. ч. П. н. глаголов сов. вида, а также глаголов несов. вида, обозначающих однонаправленное движение, внешне совпадает с формой 1-го лица мн. ч. изъявительного наклонения этих глаголов, но отличается особой побудительной интонацией (*вернёмся, поговорим, идём, бежим*). При вежливом побуждении к совместному действию к этой форме может присоединяться постфикс *-те* (*вернём-те-сь, поговорим-те, идём-те, бежим-те*). Глаголы несов. вида образуют аналитическую форму совместного действия, представляющую собой сочетание частицы *давай(те)* и инфинитива соответствующего глагола (*давай говорить, давайте играть*).

В парадигму П. н. иногда включают и формы 3-го лица ед. и мн. ч., образуемые сочетанием частицы *пусть* (*пускай*) и формы 3-го лица ед. и мн. ч. наст. или буд. простого времени изъявительного наклонения (*пусть поёт, пускай приходит, пусть говорят*). Однако такие сочетания представляют собой описательное выражение не собственно побуждения во всех его разновидностях, а долженствования, допущения или желательности того или иного процесса.

Формы П. н. могут выражать различные оттенки побуждения к действию. Эти оттенки значения не имеют морфологических показателей, они создаются интонацией и семантикой глагола: одна и та же форма, произнесённая с разной интонацией, может обозначать и приказ, и мольбу, и требование, и совет, и вежливое побуждение к действию. Однако для выражения приказа или категориче-

ского требования чаще употребляются формы П. н. глаголов сов. вида (*ляг, купи*); формами П. н. глаголов несов. вида обычно выражается просьба или совет (*ложись, покупай*).

Формы П. н. могут употребляться переносно, в значении других наклонений. С условным или уступительным значением формы П. н. используются в функции сослагательного наклонения (*Приди ты раньше, мы бы успели на поезд; Об этом и слова не скажи*). В сочетании с *и*, *возьми* (*да*) *и* форма 2-го лица ед. ч. может обозначать такой процесс, осуществление к-рого не связано с волеизъявлением говорящего (*Я ожидал его вечером, а он возьми да и приди утром*). Такое употребление формы П. н. даёт возможность выразить значение неожиданности и неподготовленности процесса, совершённого в прошлом.

Лит. см. при ст. Наклонение *В. Н. Белоусов.*

Повествова́тельное предложе́ние – предложение, содержащее ту или иную информацию, направленную от говорящего (пишущего) к тому, кто эту информацию воспринимает, в противоположность вопросительному предложению (см.), основная задача к-рого заключается в получении информации. К П. п. относятся все типы невопросительных предложений, в т. ч. и побудительные предложения (см.).

В П. п. могут быть выражены все объективно-модальные значения: то, о чём в нём сообщается, мыслится как реальное (осуществляющееся в настоящем, прошедшем, будущем) либо как ирреальное (возможное, желательное, должное, требуемое). Напр.: *Дети рисуют; Дети будут рисовать; Дети рисовали бы; Пусть дети рисуют.*

П. п. имеют свои структурные и интонационные образцы. В зависимости от коммуникативного задания П. п. могут иметь различные стилистически нейтральные и экспрессивные варианты этих образцов, отличающиеся порядком слов и фразовым ударением (интонационным центром). Напр.: *Маша приéхала; Приéхала Маша!; Приехала Ма́ша; Ма́ша приехала!* Интонационный вариант П. п.– восклицательные предложения (см.).

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Белошапкова В. А., Совр. рус язык. Синтаксис, М., 1977; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация рус. речи, 3 изд., М., 1977; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *Л. Е. Лопатина.*

«По́весть временны́х лет» – см. Летописи.

Погово́рка – устойчивое в речевом обиходе изречение, образно определяющее какое-либо жизненное явление прежде всего с точки зрения его качественной оценки. Большинство исследователей видят различие между П. и пословицей (см.) в том, что пословица выступает в речи как самостоятельное суждение, а П. получает окончательное оформление и конкретный смысл в контексте высказывания, т. е. является всегда только частью суждения (напр., П. *Посмотрит – рублём подарит* реализуется только в контексте *кто-то посмотрит – рублём подарит*, давая тем самым характеристику конкретному человеку). Ряд специалистов видит отличие П. от пословицы и в том, что пословицы могут иметь как буквальный, так и переносный смыслы (или только переносный, образный: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало; Кашу маслом не испортишь*), а П. имеют лишь буквальный план содержания высказывания (*Кончил дело – гуляй смело*). При таком подходе обычно выделяется также группа пословично-поговорочных речений (*Всякому овощу своё время*). Ряд исследователей не различает П. и пословицы. П. наиболее тесно связаны с такими устойчивыми выражениями, как фразеологизмы (см.).

Сборники и *лит.* см. при ст. Пословица.

Ю. Е. Прохоров.

Подлежа́щее – один из двух главных членов двусоставного предложения (см.), обозначающий субъект, то есть носителя или производителя того признака (действия, состояния, свойства), к-рый назван другим главным членом – сказуемым (см.). П. и сказуемое как главные члены предложения находятся друг с другом в предикативных отношениях носителя признака и самого признака. В подлежащно-сказуемостных предложениях П. несёт в себе значение субъекта. В зависимости от лексической семантики слов, занимающих позицию П., оно может обозначать лицо, конкретный предмет, действие, состояние, событие, ситуацию (*Студент занимается; Дети играют; Лес зеленеет; Дом большой; Здание построено; Лечить – его профессия; Гимнастика – это полезно; Видеть друга – для него всегда радость* и т. д.).

П. выражается называющей формой имени – именительным падежом существительного, местоимения-существительного, собирательного числительного, именительным падежом субстантивированного прилагательного, причастия, порядкового числительного, а также инфинитивом (*Музей работает; Город строится; Весна идёт; Я читаю; Он учится; Кто-то поёт; Семеро одного не ждут; Дежурный позвонил; Больные отдыхают; Встречающие собрались; Первые уже ушли; Курить вредно; Играть интересно; Советовать другим легко*).

Позицию П. могут занимать разнообразные именные сочетания: со значением совместности, называющие некое множество как единое целое,– сочетание имени в им. п. с предложно-падежной группой «с+твор. п.» (*Отец с сыном уже ушли; Мы с ним видели этот фильм*), со значением количества, образуемые сочетанием числительного в им. п. с именем в род. п. (*Двадцать человек уехало*), неопределённо-количественных слов *много, мало, сколько, несколько, больше, меньше, большинство, меньшинство,*

множество, масса, тьма, уйма и др. с именем в род. п. (*Много народу пришло; Несколько ребят отстало; Больше десяти человек ранено; Уйма дел ждёт*), числительных, а также местоимений *кто, всякий, каждый* и прилагательных *любой, многие* с предложно-падежной группой «*из* + род. п.» (*Один из них ушёл; Трое из группы уже сдали зачёт; Каждый из них поздоровался*), предложно-падежными группами «*с* + вин. п.», «*около* + род. п.», «*до* + род. п.» со значением приблизительного количества (*С неделю прошло; Около семи миллионов живёт в городе; До десяти школьников ещё могут записаться в этот кружок*) и нек-рые др. Позиция П. может быть занята открытым или закрытым рядом словоформ (*Брат и сестра пришли; Солнце, море, горы зовут к себе*).

В конкретных речевых ситуациях и особенно в непринуждённой речи в позиции П. может употребляться любая субстантивирующаяся словоформа или группа словоформ, а также фразеологизм или целое предложение (*Грянуло «ура»; Его «замолчи» всё ещё звучит в ушах; Кто угодно звонит; В кино идёт «Никто не хотел умирать»*).

В конкретном высказывании позиция П. (как и позиция сказуемого) может быть не занята. В таких случаях П. восстанавливается из контекста: *Отец пришёл? – Пришёл* (т. е. пришёл отец); *Какая сегодня погода? – Прекрасная* (т. е. прекрасная погода). Позиция П. может быть не занята также в бесподлежащных реализациях со сказуемым – глаголом в личных формах (*Читаю; Читаешь; Читаем; Читай!*). В этом случае значение субъекта сочленено в глагольной форме со значением признака, выражаемого сказуемым.

Между словоформами (или их сочетаниями), выступающими в позиции П. и сказуемого, существует синтаксическая связь, при к-рой происходит полное или частичное уподобление этих словоформ. П. и сказуемое могут быть формально уподоблены друг другу – координированы (см. Координация) (*Дом новый; Площадь большая* – в формах рода, числа и падежа; *Он рад; Зима началась; Письмо прочитано* – в формах рода и числа; *Ты работаешь; Я смотрю телевизор; Мы отдыхаем* – в формах лица и числа; *Она врач; Газеты свежие; Авария – результат халатности* – в формах числа и падежа; *Он смеётся; Гости приехали* – в формах числа; *Молодые годы наших отцов – это война; Его жизнь – это беспрерывные поиски* – в формах падежа) и не координированы (*Небо без единого облачка; Первый блин – комом; Мать весь день в хлопотах; Учиться – его цель; Слушать этого артиста – удовольствие; Быть любимым – прекрасно*).

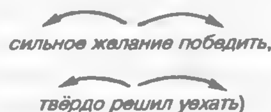
Лит. см. при ст. Сказуемое. *К. В. Габучан.*

Подчинение, подчинительная связь, субординация, гипотаксис,– тип синтаксической связи, в результате использования к-рой создаются синтаксические построения (словосочетания и сложные предложения) с грамматически неравноправными компонентами. На уровне простого предложения с помощью П. образуется словосочетание, т. е. синтаксическая единица, к-рая служит конструктивным элементом при построении простого предложения. Каждая из частей сложного предложения также создаётся из словосочетаний. На уровне сложного предложения в результате использования П. возникает сложноподчинённое предложение (см.). У синтаксических построений, образованных на основе П., зависимый компонент оказывается маркированным. Маркером служит показатель связи, к-рый содержится именно в составе зависимого компонента; для словосочетания – это определённая морфема (напр., флексия *-у* у существительного в словосочетании *читать книгу*), для сложноподчинённого предложения – союз или союзное слово в составе придаточной части.

При помощи различных видов П. на уровне простого предложения образуются различные словосочетания. Это могут быть сочетания имени и имени (*холодная вода, преподавание литературы, два мальчика, третий день*), глагола и имени (*читать книгу*), глагола и глагола (*предложить сесть*), глагола и наречия (*говорить громко*), имени и наречия (*комната справа, город ночью*), наречия и наречия (*очень весело, чрезвычайно интересно*), компаратива и имени (*больше года, сильнее смерти*) и т. д.

На уровне простого предложения в соответствии с характером грамматической зависимости различаются три след. вида П.: согласование, управление, примыкание. Согласованием (см.) называется такой вид П., при к-ром зависимый компонент должен иметь те же самые грамматические формы, что и главный компонент, зависимый компонент должен быть уподоблен главному в основных грамматических формах, обычно в роде, числе и падеже. Напр., в словосочетании *на белом снегу* прил. *белый* (зависимый компонент), вступая с сущ. *снег* (главный компонент) в подчинительную связь «согласование», получает формы муж. рода, ед. ч., предл. п. Управлением (см.) называется такой вид П., при к-ром главное слово предопределяет выбор падежа для зависимого слова. Ср., напр., *любоваться природой* (твор. п.) и *любить природу* (вин. п.). Объект в приведённых примерах представлен в разных падежных формах вследствие того, что глаголы, являющиеся главными словами в данных словосочетаниях, требуют от сочетающихся с ними существительных разных падежных форм (глагол *любить* требует вин. п., глагол *любоваться* – твор. п.). Примыканием

(см.) называется такой вид П., при к-ром главное слово не задаёт зависимому слову к.-л. грамматических форм, поскольку последнее является неизменяемым. Напр.: *говорить громко, говорил громко, говорила громко, говорили громко, говорю громко, говоришь громко* и т. д.; *собираться сказать, собирался сказать, собиралась сказать, собираюсь сказать, собираешься сказать* и т. д. Одно и то же слово может включаться одновременно в разные виды подчинительных связей и выступать как главное по отношению к двум зависимым (напр.:

или как главное в одном виде подчинительной связи и как зависимое – в другом (напр.,

доверять своему другу

– слово *другу* является главным по отношению к слову *своему*, образуя с ним словосочетание на основе связи «согласование», и одновременно представляет собой зависимый компонент в словосочетании *доверять другу*, построенном на основе связи «управление», где главное слово – глагол *доверять* – предопределяет для зависимого компонента форму дат. п.).

В системе П. отмечается вариативность зависимого компонента, при этом вариации могут находиться как в рамках форм одного морфологического класса (напр.: *тосковать о доме – по дому, рассказывать о себе – про себя, перейти дорогу – через дорогу*), так и выходить за пределы того или иного морфологического класса (напр.: *устать ждать – устать от ожидания, готовый к борьбе – готовый бороться, прийти обедать – прийти на обед, сон после обеда – послеобеденный сон, прогулки вечером – вечерние прогулки*).

В нек-рых научных трудах выделяется т. н. именное (падежное) примыкание. В такую подчинительную связь вступают в качестве зависимого компонента имена существительные, т. е. слова, в принципе обладающие формами изменения. Однако, вступая в словосочетание, имена существительные в данном случае не получают определённой падежной формы «по требованию» гл. компонента, а соединяются с ним таким образом, как «примыкают» неизменяемые слова (наречие, инфинитив, деепричастие). Так, в словосочетании *платье в полоску* форма вин. п. с предлогом *в* у слова *полоска* не мотивирована морфологическими свойствами существительного *платье*, как, напр., аналогичная падежная форма мотивирована приставочным глаголом *входить* в словосочетании *входить в комнату* (ср. *выйти из комнаты*). О «примыкающем» характере связи говорит также широкая вариативность предложно-падежных форм существительного в сочетании с глаголом (напр.: *приехать к празднику, под праздник, перед праздником, в праздник*), никак не мотивированных грамматическими свойствами главного компонента.

На уровне простого предложения встречается ещё одна разновидность синтаксической связи, к-рую относят к П. Она реализуется в специфических конструкциях, осложняющих простое предложение, напр. в сравнительных оборотах (*Он, как трусливый заяц, сразу бросился бежать*), а также в конструкциях с союзом *как* в значении «в качестве» (*Я как педагог с вами не согласен*).

Подчинительные связи могут быть дифференцированы с использованием признака обязательности/необязательности наличия зависимого компонента при главном слове в связи с теми или иными лексико-грамматическими свойствами последнего. Напр., в словосочетаниях *зависит от погоды, выбежал из комнаты, любить музыку, рекомендую уехать, выглядит здоровым, запрещается курить, находиться рядом, изучение языков* зависимый компонент представляет собой обязательный распространитель главного компонента, без к-рого главный компонент не может выполнять свои функции в предложении. Такой тип П. характеризуется как с и л ь н а я связь. С л а б о й принято считать связь, при к-рой главный компонент является самодостаточным для выполнения своих функций в предложении, и, следовательно, зависимый компонент выступает как его необязательный распространитель, напр.: *серый заяц, цветущая яблоня, собирать (цветы) вдоль дороги, покупать (творог) на рынке, принять (таблетку) на ночь, прогулка вдвоём, заготовки впрок* и т. п. Такая связь, как управление, может быть и сильной (*выключить телевизор, надеяться на родителей, отколоть от глыбы, придвинуть к стене, верить в судьбу, литр молока, стая птиц, любовь к детям*), и слабой (*лечиться у знахаря, стучать в дверь, проверять на всхожесть, зарабатывать для семьи, писать авторучкой, книга об Италии, стипендия студентам*). Примыкание квалифицируется как связь преим. слабая (ср. *Он весело засмеялся* и *Он засмеялся*), но если зависимый компонент восполняет информативную недостаточность главного компонента, то такая связь является сильной (*находиться рядом, действовать умело, кончить спорить, хотеть есть, собираться приехать*). Чёткое разграничение между слабым управлением и именным (падежным) примыканием провести иногда бывает достаточно трудно (ср., напр., слабое управление *ведро воды* и падежное примыкание *долина цветов*). Согласование – связь принципиально слабая, т. е. главный компонент может выполнить свою функцию в предложении и без определяющего его распро-

странителя, однако есть отдельные случаи, когда наличие зависимого согласуемого слова обязательно (напр., *засмеялся счастливым смехом*; невозможно: *засмеялся смехом*).

Специфический вид синтаксической связи представляет собой сочетание сказуемого с подлежащим. Традиционно эта связь квалифицируется как согласование, поскольку сказуемое принимает определённые грамматические формы подлежащего (напр.: *Роза расцвела, Шиповник расцвёл, Цветы расцвели*). Существует точка зрения, согласно к-рой связь между подлежащим и сказуемым носит двусторонний и взаимозависимый характер. С одной стороны, эта связь действительно типологически схожа с согласованием, однако связь между подлежащим и сказуемым представляет собой соотнесённость форм главного и зависимого компонентов, к-рая проявляется в том, что зависимый компонент уподобляется главному в одноимённых формах числа и рода или лица либо сигнализирует своей формой о неохарактеризованности главного компонента со стороны числа, рода, лица (*«До свидания» прозвучало как «прощайте»; Отступать значило погибнуть*). Главным компонентом в этой связи является подлежащее, предопределяющее грамматические формы зависимого компонента – сказуемого. С другой стороны, связь между подлежащим и сказуемым может быть охарактеризована как управление. В этом случае имеет место иное направление зависимости: главный компонент – сказуемое, зависимый – подлежащее, поскольку падежная форма подлежащего (им. п.) обусловлена личной формой глагола-сказуемого (ср. невозможность им. п. при безличном глаголе-сказуемом: *Ему не спится*). Трактовка связи сказуемого с подлежащим как двусторонней и взаимозависимой учитывает особую конструктивную роль сочетающихся компонентов в предложении: сказуемое, будучи носителем предикативности, образует предикативный центр предложения, подлежащее же, являясь распространителем предикативного центра (в двусоставных предложениях – конструктивно обязательным), составляет вместе со сказуемым предикативное ядро предложения. В совр. научных грамматиках как особый вид синтаксической связи отмечается связь между предикативным ядром предложения и детерминантами – такими элементами предложения, к-рые распространяют всё предложение в целом, не подчиняясь формально к.-л. отдельному слову, напр.: *Из сада доносятся звуки музыки; Для храбрости я взял с собой ружьё; В развитие данного тезиса приведём цитату; С любым человеком может случиться беда.* Связь детерминантов с предложением определяется как свободное присоединение. Внешне такая связь сходна с примыканием, но отличается от него своим неприсловным характером. Типичное местоположение детерминантов – в абсолютном начале предложения.

В сфере сложного предложения дифференциация видов П. производится в соответствии с классификацией показателей связи, т. е. союзных средств в сложном предложении, а именно подчинительных союзов и союзных слов. Т. о. различаются сложноподчинённые предложения с союзной связью и сложноподчинённые предложения с местоименной связью частей. Помимо союзов и союзных слов дополнительными показателями П. в сложном предложении служат соотносительные слова (корреляты), входящие в состав независимого компонента – главной части сложноподчинённого предложения, напр.: *Ветер такой, что трудно идти; Щенок так мал, что умещается на ладони.* В сфере сложного предложения граница между сочинением и П. обозначается не так отчётливо, как в сфере словосочетания. Существует много разновидностей сложных предложений, в к-рых квалификация синтаксической связи вызывает затруднение. Напр., предложения сопоставительной семантики с союзами *если ... то* (*Если старший брат рос очень замкнутым, то младший просто жить без друзей не может*), *между тем как, тогда как* и др.

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Курилович Е., Проблема классификации падежей, в его кн.: Очерки по лингвистике, пер. с франц., М., 1962; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Скобликова Е. С., Согласование и управление в рус. языке. Пособие для учителя, М., 1971; Приятлина А. Ф., Союзы в простом предложении, [М.], 1977; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык. Синтаксис. [Учебное пособие для ун-тов], М., 1977; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Рус. грамматика, М., 1990.

С. А. Шувалова.

Подчини́тельный сою́з – см. Союз.

Пози́ция фонологи́ческая – условия употребления, реализации фонемы в речи. В разных П. ф. одна и та же фонема выступает в разных звуковых обликах. П. ф. могут быть комбинаторными – положение фонемы перед определёнными звуками или после них, и конститутивными – положение фонемы на границе слова или слога, в ударном или безударном слоге, в том или ином месте фразы. Так, фонема ⟨*∂*⟩ бывает представлена перед [*∂*] имплозивным [*∂̬*]: *на*[*∂̬*]*домом*, перед [*н*] – фаукальным [*∂*^{н}]: *на*[*∂*^{н}]*нами*, перед [*с*] – аффрикатой [*ц*]: *на*[*ц*]*садом*, на конце слова – звуком [*т*]: *огоро*[*т*]. Условия эти могут действовать и совместно. Так, под ударением фонема ⟨*о*⟩ реализуется после твёрдого согласного в звуке [*о*], после мягкого – [·*о*]; в 1-м предударном слоге после твёрдого согласного – [*а*^{ъ}], после мягкого – [*и*^{э}]; во 2-м предударном слоге после твёрдого согласного – [*ъ*], после мягкого – [*и*^{э}], в неприкрытом слоге – [*а*^{ъ}].

Различаются сильные и слабые П. ф. Сильными называются те П. ф., в к-рых фонема наилучшим образом выполняет свои функции. Слабыми же – такие, в к-рых возможности выполнения фонемами своих функций ограничены. У фонемы

две основные функции – перцептивная (способствовать отождествлению одних и тех же значимых единиц языка – морфем и слов) и сигнификативная (способствовать различению разных единиц). В связи с этим выделяются два типа П. ф.: перцептивные (сильные и слабые) и сигнификативные (сильные и слабые).

В перцептивно сильной П. ф. фонема выступает в своём основном звуковом облике. В этой П. ф. звук, реализующий фонему, не испытывает редукции и воздействия соседних звуков, он максимально независим от позиции. В перцептивно слабых П. ф. фонема представлена другими звуками. Они связаны именно с данной П. ф. и являются результатом редукции или воздействия соседних звуков. Так, в словах *чай, печь, печник* фонема ⟨*ч'*⟩ реализована звуком [*ч'*] – своим основным представителем. Глухость этого звука, выступающего в начале и на конце слова, перед гласным и сонорным согласным (как и другие качества этого звука),– признак, проявляющийся в данных П. ф., но не обусловленный ими. Для ⟨*ч'*⟩ эти П. ф. перцептивно сильные. Перед звонким шумным согласным П. ф. для ⟨*ч'*⟩ перцептивно слабая: в этой П. ф. происходит обязательная замена глухого [*ч'*] звонким [$\widehat{\partial' ж'}$]: *пе*[$\widehat{\partial' ж'}$] *бы затопить*. Звук [$\widehat{\partial' ж'}$] обусловлен этой П. ф. и употребляется только в ней. Если записать на магнитофонную ленту слова со звуком [*ч'*], а затем стереть часть записи, оставив только [*ч'*], и дать прослушать этот звук, то всеми говорящими по-русски он будет легко опознан. Если то же проделать со звуком [$\widehat{\partial' ж'}$], то многие его не узнают, не смогут определить, в каких словах он произносится: он не встречается вне своей позиции перед звонким согласным.

В сигнификативно сильной П. ф. данная фонема отличается от других фонем, т. е. реализуется особым звуком. Сигнификативно слабая П. ф.– это позиция неразличения, нейтрализации фонем. В сигнификативно слабых П. ф. фонемы ограничены в возможности различать разные слова и морфемы. Так, ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩ под ударением после твёрдых согласных реализуются в звуках [*о*] и [*а*]: *б*[*о*]*к* – *б*[*а*]*к*. Это сигнификативно сильная П. ф. для гласных фонем. В 1-м предударном слоге ⟨*о*⟩ – ⟨*а*⟩ не различаются, реализуясь одним и тем же звуком [$а^ъ$]: *бочок* и *бачок* – *б*[$а^ъ$]*чóк*. Эта П. ф. сигнификативно слабая для ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩.

Одна и та же П. ф. для одних фонем может быть сильной, для других слабой. Так, конец слова – П. ф. сигнификативно сильная для твёрдых и мягких согласных и слабая для глухих и звонких; ср.: *пло*⟨*т*⟩ и *пло*⟨*т'*⟩ различаются, а *пло*⟨*т*⟩ и *пло*⟨*д*⟩ совпадают – *пло*[*т*].

Перцептивно и сигнификативно сильная П. ф. называется абсолютно сильной. В этой П. ф. фонема реализуется своим основным представителем – доминантой. По этому звуку фонема и называется: фонема ⟨*а*⟩ по звуку [*а*], фонема ⟨*б'*⟩ по звуку [*б'*]. В сигнификативно сильных, но перцептивно слабых П. ф. фонема представлена своими вариациями. Так, в слове *сон* фонема ⟨*с*⟩ представлена вариацией [*с°*], в слове *пять* фонема ⟨*а*⟩ представлена вариацией [*ä*]. Вариации фонемы – своеобразные «звуковые синонимы» её доминанты. В сигнификативно слабых П. ф. фонема представлена своими вариантами. Так, звук [*с*] в слове *нос* – вариант фонемы ⟨*с*⟩, а в слове *мороз* – вариант фонемы ⟨*з*⟩. Варианты нейтрализованных фонем – своеобразные «звуковые омонимы». Все звуки, реализующие фонему (и её доминанту, и её вариации и варианты) называют и обобщённо – вариантами фонемы или аллофонами.

Теория П. ф. разработана Московской фонологической школой (см.).

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики рус. лит. языка, М., 1945; Реформатский А. А., Основные положения МФШ, в его кн.: Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия, М., 1970; его же, О типах позиций, в его кн.: Лингвистика и поэтика, М., 1987; Панов М. В., Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1979.

Л. Л. Касаткин.

По́ле – см. Семантическое поле.

Полило́г (от греч. polýs – многочисленный и lógos, здесь – разговор) – разговор между несколькими лицами. Термин возник при исследовании коммуникативных свойств языка как добавление к термину «диалог» (см.), частично совпадая с ним по содержанию. Количество говорящих (два или больше двух) не является дифференциальным признаком оппозиции «диалог – П.»: элемент «диа» (греч.– через) указывает на их общий признак – мену ролей говорящих и слушающих в противовес монологу (см.). П.– форма или жанр разг. речи (естественной и воспроизведённой в художественном тексте). Ситуативная связанность, спонтанность, нелинейность получают в содержательно-смысловой структуре П. максимальное отражение. Признак равной речевой активности участников коммуникации – инвариант полилогической формы – предусматривает промежуточные формы, в к-рых реактивная роль собеседников градуируется – от позиции адресата до позиции слушателя / наблюдателя – и может, оставаясь невербализованной, влиять на развитие П. ответным неречевым действием. Смысловая и формальная связь реплик П. имеет бóльшую амплитуду колебаний, чем в диалоге. Социолингвистика исследует этикетные правила П., совпадающие или различающиеся в разных социумах (напр., у нек-рых народов в разговор родственников по крови не имеют права вступать свойственники и др.). Синхронно звучащий П. используется в театре и кино как приём стилизации разг. речи.

Лит.: Рус. разг. речь. Тексты, М., 1978; Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б., Слушающие и речевой акт, пер. с англ., в кн.: НЗЛ, в. 17, М., 1986. *Т. Г. Винокур.*

Полисемия (от греч. polýsēmos – многозначный), многозначность,– наличие у единицы языка более чем одного значения. Многие слова (а также нек-рые грамматические формы слов, фразеологизмы и синтаксические конструкции) имеют не одно, а несколько (два или больше) значений, т. е. (применительно к словам) это значит, что они служат для обозначения различных предметов и явлений действительности. То, что слово выступает в том или ином значении, связывается с особенностями сочетания данного слова с другими словами, иногда контекстом, ситуацией. Каждое из выделенных значений слова регулярно реализуется в определённых словосочетаниях. Ср., напр., *смотреть на улицу, в окно, в зеркало, на часы*, где глагол *смотреть* имеет значение ‘направлять взгляд, чтобы увидеть что-то’, и *смотреть за порядком, за детьми*, где тот же глагол выступает в значении ‘иметь попечение, заботиться о ком-н. или о чём-н.’. Прилагательное *чёрствый* способно реализовать своё первое значение (‘засохший и твёрдый’) с существительными, обозначающими предметы, к-рые могут сохнуть и становиться твёрдыми (*хлеб, пирог* и т. п.). В сочетаниях типа *чёрствый человек, чёрствый характер* это же прилагательное выступает уже в другом значении – ‘неотзывчивый, бездушный’.

Между значениями многозначного слова существует определённая семантическая связь, что даёт основание считать их значениями одного и того же слова в отличие от значений слов-омонимов (см. Омонимы). Эта связь может основываться на том, что в значениях обнаруживаются общие семантические элементы; напр., у сущ. *стена* в толковых словарях выделяются след. значения: 1) ‘вертикальная часть здания, служащая для поддержания перекрытий и для разделения помещения на части’, 2) ‘высокая ограда’, 3) ‘вертикальная боковая поверхность чего-л.’, 4) ‘тесный ряд или сплошная масса чего-л., образующие завесу, преграду’. Общий семантический элемент здесь может быть определён как «вертикальная преграда, отделяющая что-то». Однако во многих случаях значения слов, непосредственно воспринимающиеся как «переносные», как значения именно «тех же слов» (ср.: *тень от дерева* и *тень улыбки; толкнуть в спину* и *толкнуть на преступление; сыпать песок* и *сыпать словами*), связаны с основными значениями не общими элементами смысла, а лишь теми признаками, к-рые могут быть названы ассоциативными, т. к., не являясь существенными в семантическом плане для основных значений (напр., *тень* в сочетании *тень улыбки* определяется как ‘слабый след или слабое подобие чего-то, намёк на что-л.’), они связаны с представлением о соответствующем предмете или явлении, что и определяет их связь с основным значением слова.

Развитие многозначности обычно происходит на основе сходства или смежности обозначаемых данным словом предметов и явлений действительности, в связи с чем различают метафорические (см. Метафора) и метонимические (см. Метонимия) переносы; ср., напр., значения слов *ножка, горлышко* в сочетаниях типа *ножка стола, горлышко бутылки*, расцениваемые как языковые метафоры, и различные значения слова *земля*, объединяемые метонимическими связями: 1) ‘наша планета; место жизни людей’, 2) ‘суша (в отличие от водного пространства)’, 3) ‘верхний слой коры нашей планеты; рыхлое тёмно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты’, и т. д.

Значения многозначного слова образуют определённое семантическое единство. Различают первичные (основные, главные, прямые) и вторичные (производные, переносные) значения. Первичными можно считать наименее контекстно обусловленные значения (ср.: *тяжёлый* – ‘имеющий большой вес’ и *тяжёлый* – ’трудный’; *кипеть* – о жидкости и *кипеть* – ‘проявляться с силой’; *источник* – ‘струя жидкости, вытекающая из земли’, и *источник* – ‘то, что даёт начало чему-л.’). Соотношение между первичными и вторичными значениями не остаётся неизменным – у нек-рых слов вторичные (исторически) значения выдвинулись с течением времени на первый план (ср. значения слов *трущоба, обуздать, очаг*). См. также ст. Переносное значение слова.

Лит.: Курилович Е., Заметки о значении слова, в его кн.. Очерки по лингвистике, пер. с франц., М., 1962; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973. См. также лит. при ст. Омонимия. *Д. Н. Шмелёв.*

Полногласие – лексико-фонетическое явление современного русского языка: наличие в корневых морфемах сочетаний *оро, ере, оло* между согласными (напр.: *сторона, борозда, берег, дерево, золото, молоко*) как результат фонетического изменения праславянских сочетаний гласных [*o*] и [*e*] с плавными [*r*] и [*l*] между согласными, т. е. сочетаний типа [*tort*], [*tolt*], [*tert*], [*telt*]. В силу действия в праслав. языке закона открытого слога эти сочетания не могли сохраниться, т. к. слогораздел в них проходил после [*r*] и [*l*] и слог оказывался закрытым. Изменение этих сочетаний у славян шло разными путями, в частности у вост. славян, в др.-рус. языке, это изменение проходило путём развития гласного после [*r*] и [*l*], причём этот гласный был таким же, что и гласный перед плавным. Т. о., из праслав. **storna*, **bergъ*, **zolto* развились др.-рус. *сторона, берегъ, золото*. Особенностью исконного сочетания [*telt*] является то, что в нём первоначальный [*e*] под влиянием твёрдого [*l*] изменился в [*o*], а дальше процесс шёл обычным путём. Так, напр., из праслав. **melko* развилось сначала **molko*, а затем *молоко*. Процесс развития П. у вост. славян протекал ещё в дописьменную эпоху, но был живым в 8–9 вв., о чём свидетельствует передача собственного имени

франкского короля Карла Великого др.-рус. нарицательным существительным *король*.

Возникнув как явление фонетическое, П. стало характеризовать фонетический облик многих совр. рус. слов, имеющих праславянскую по происхождению корневую часть (ср. Неполногласие).

В совр. рус. языке есть также слова с т. н. вторым П., т. е. с сочетаниями в корневых морфемах *оро*, *ере*, *оло*, но восходящими к праслав. сочетаниям редуцированных гласных (см.) с плавными типа [*tъrt*], [*tъlt*], [*tьrt*], [*tьlt*], напр.: *полон* (из др.-рус. *пълнъ*), *верёвка* (из др.-рус. *вървъка*), *бестолочь* (др.-рус *тълкъ*, совр. *бестолковый*), *сумеречный* (др.-рус. *сумьркъ*, совр. *сумерки*); шире это явление наблюдается в диалектах, напр.: *молонья* (из др.-рус. *мълниа*), *верёх* (из др.-рус. *вьрхъ*), *героб* (из др.-рус. *гърбъ*), *жередь* (из др.-рус. *жьрдь*), *кором* (из др.-рус. *кърмъ*), *холом* (из др.-рус. *хълмъ*) и др. Развитие второго П. было непоследовательным.

Лит. см. при ст. Неполногласие. *В. В. Иванов.*

По́лное предложе́ние – предложение, имеющее все члены, требуемые данной структурой; противопоставляется неполному предложению (см.). Полнота структуры не означает, что П. п. закрыто для других членов. Ср. *Завтра я буду слушать лекцию* и то же предложение, распространённое другими членами: *Завтра во второй половине дня я буду слушать интересную лекцию в новом здании нашего университета.* При таком распространении развивается и смысл предложения. В неполном предложении, в отличие от полного, восстановление отсутствующих членов не прибавляет нового смысла: *«Ты знаешь, что будет через девять лет?» – «Знаю»* по смыслу равно: *Я знаю, что будет через девять лет.*

Е. Н. Ширяев.

Положи́тельная сте́пень – см. Степени сравнения.

Полугла́сный – 1) звук, близкий по своим фонетическим свойствам к гласному (см.), но не выполняющий слоговой функции, напр. рус. среднеязычный сонант [*j*] в абсолютном конце слова, после гласного: *май* – [*маį*], *дуй* – [*дуį*] и т. д. (его называют неслоговым «и»). Артикуляционное отличие П.– в большем сближении артикулирующих органов при их произнесении по сравнению с гласными, напр. язык поднимается выше при артикуляции [*į*] по сравнению с [*i*]. Акустически П. характеризуется большей скоростью изменения частоты формант. Чаще всего П. являются щелевые сонанты – губные или среднеязычные (напр., франц. [*w*, *y*, *j*]).

2) Глайд – гласный, являющийся элементом дифтонга, но занимающий в нём подчинённое положение (т. е. не являющийся слогообразующим элементом дифтонга, неспособный нести на себе ударение).

Лит.: Фант Г, Анализ и синтез речи, пер. с англ., Новосиб., 1970; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, М., 1979.

Л. В. Бондарко.

Полупредикати́вность – выражаемое обособленными членами предложения дополнительное сообщение (вторичная, зависимая предикативность), сопутствующее основному сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения. Полупредикативные обособленные обороты обладают относительно самостоятельной коммуникативной значимостью и по своим семантико-синтаксическим свойствам близки к предложениям – самостоятельным или придаточным. Вместе с тем их модально-временно́е значение полностью или частично определяется основным предикатом; ср.: *Прочитав это письмо, он удивится – Когда он прочитает это письмо, он удивится; Прочитав это письмо, он удивился бы – Если бы он прочитал это письмо, он бы удивился.*

Способность выражать П. характерна для распространителей предложения с определительным или обстоятельственным значением в силу присущей им «скрытой» (потенциальной) предикативности. Главным членом полупредикативного оборота могут быть причастия и деепричастия (являющиеся специализированными морфологическими средствами вторичной предикации), а также прилагательные и существительные, свободно употребляющиеся в функции сказуемого. В зависимости от морфологической принадлежности главного члена выделяют деепричастные, причастные, адъективные и субстантивные полупредикативные обособленные обороты; в предложении они могут выступать в роли обособленного определения, приложения и обстоятельства.

Полупредикативные обороты могут выражать качественно-характеризующие и обстоятельственно-характеризующие значения. Обороты с качественно-характеризующим значением отличаются относительной информационной самостоятельностью. Они соотносятся с самостоятельными предложениями, конструкциями с однородными сказуемыми и придаточными предложениями со словом *который*; ср.: *Он шёл по улице, размахивая руками; «Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузьмичу»* (Пушкин); *«Могучий лев, гроза лесов, лишился силы»* (Крылов). Обороты с обстоятельственно-характеризующим значением передают в качестве дополнительного семантического оттенка различные отношения обусловленности основного действия второстепенным, определяя время его осуществления, причину, цель, следствие, условия, уступительность. Таким оборотам соответствуют обстоятельственные придаточные предложения, в к-рых эти смысловые отношения раскрываются при помощи союзов и союзных слов; ср.: *Войдя в комнату, гость снял шляпу* (ср. *Когда гость вошёл в комнату, ...*); *В этом можно убедиться, проделав простой опыт* (ср. *Если*

проделать ...); *«Утомлённый долгой речью, я закрыл глаза и зевнул»* (Лермонтов) (ср. *Так как был утомлён ...)*; *«Я удивляюсь, как вы, с вашей добротой, не чувствуете этого»* (Л. Н. Толстой) (ср. *Несмотря на вашу доброту ...)*.

Помимо полупредикативных обособленных оборотов, к числу способов вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия или признака относят также сравнительные обороты (*Утешают тебя, как ребёнка*); конструкции с предикативным определением (*Он пришёл с работы усталый*); абстрактные существительные, представляющие собой синтаксические дериваты глаголов и прилагательных (*«Помню я Лестниц скрипучесть И электричества тленье»*, Мартынов); обстоятельственные выражения со значением обусловленности, соотносимые с предложениями по характеру номинации (*Мы опоздали из-за дождя/из-за того, что пошёл дождь*).

Лит.: Курилович Е., Деривация лексическая и деривация синтаксическая, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Красильникова Е. В., О формах выражения вторичной предикации в книжной и разг. речи, в кн.: Рус. разг. речь, М., 1973; Камынина А. А., О полупредикативных конструкциях в простом предложении, М., 1974; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Золотова Г. А., Коммуникативные аспекты рус. синтаксиса, М., 1982. *Ю. П. Князев.*

Полуустáв – тип письма кириллицы (см.), пришедший на смену уставу (см.). В сравнении с уставом начертания букв П. лишены геометрической строгости; прямые линии допускают кривизну, а округлые утрачивают облик правильной дуги, нарушается стабильность расстояния между буквами, возможны варианты начертания одних и тех же букв у одного писца (до пяти вариантов Т, четырёх – В и др.). Появление П. объясняется необходимостью ускорения процесса письма. П. писали на пергамене и бумаге.

Южнослав. полууставные рукописи сохранились с кон. 13 в. В Древней Руси П. употреблялся с сер. 14 в., первоначально в деловых документах (грамота 1350–51 Симеона Гордого, Лаврентьевская летопись 1377). Рус. П. 14 в. («старший»), сохраняя традиции рус. устава, отличается от него меньшей тщательностью, бóльшим числом сокращённых слов со многими выносными буквами, покрытыми титлами и без них. Возможны переходные формы от устава к П. С 15 в. появляется новый тип П. («младший»), развившийся в результате т. н. второго южнослав. влияния. Для этого П. характерны наклон письма к концу строки, изменение состава букв за счёт употребления букв южнослав. письма (напр., йотированных юсов, юса большого), утраченных в рус. письменности 12 в. В П. 15 в. обычны многообразные надстрочные знаки. В 16–17 вв. полууставное письмо на Руси утрачивает искусственные начерки южнослав. П. Полууставом написаны молдовлахийские славяноязычные рукописи 15–17 вв.

Шрифт рус. первопечатных книг 16 в. (напр., «Апостол» Ивана Фёдорова) сложился на основе лучших полууставных почерков моск. рукописей. См. рис. на цветной вклейке.

Лит.: Костюхина Л. М., Книжное письмо в России XVII в., [М., 1974]. См. также лит. при статьях Кириллица, Устав. *О. А. Князевская*

Помéта – применяемый в лексикографии и грамматике способ краткой грамматической, стилистической или иной характеристики слова, выраженный принятым сокращением соответствующего термина. Характер П. зависит от типа словаря или грамматики и их назначения. Система П. отражает уровень развития классификационной стороны разных областей языкознания.

Грамматические пометы отражают морфологические и синтаксические свойства слова. Они указывают на его принадлежность к определённой части речи (*сущ.*– существительное, *пр.*, *прил.*– прилагательное, *гл.* – глагол, *нар.*– наречие, *прич.*– причастие и т. п.), к одному из трёх родов (*м.*– мужской, *ж.*– женский, *ср.*– средний), показывают синтаксические связи слова (*перех.*– переходный глагол, *неперех.*– непереходный) и другие грамматические свойства слова.

Стилистические пометы указывают на сферу употребления того или иного слова (*спец.*– специальное, *книжн.*– книжное, *поэт.*– поэтическое и т. п.), отражают характер употребления и бытования слова, его принадлежность к письменной или устной речи (*разг.*– разговорное, *прост.*– просторечное и т. п.), указывают на историческую принадлежность слова (*ист.* – историческое, *арх.*– архаическое), на его эмоциональную окрашенность (*ирон.*– ироническое, *пренебр.* – пренебрежительное, *бран.*– бранное, *шутл.*– шутливое и т. п.). Иногда при заимствованных словах используются П., указывающие на происхождение слова (*араб.*– арабское, *нем.*– немецкое, *тюрк.*– тюркское и т. п.).

Принадлежность слова к специальной сфере употребления обозначается П., указывающими на ту или иную область науки, техники, производства (*хим.*– химическое, *мед.*– медицинское, *с.-х.* – сельскохозяйственное).

Кроме общих для всех словарей П., существуют П., характерные только для определённых типов словарей. Так, в диалектных словарях отмечаются область, край, место, где слово зафиксировано (*арх.*– архангельское, *смол.*– смоленское, *новг.*– новгородское).

Ряд П., применявшихся в старых словарях, в совр. лексикографии упрощён; более чёткой стала система стилистических П., нек-рые П. вышли из употребления (напр., *общерусское*, *простонародно-ироническое* и др.). *Л. В. Вялкина.*

Поря́дковое числи́тельное – см. Числительное.

Поря́док слов – линейная последовательность синтаксических компонентов предложения. П. с. является формальным средством, выполняющим

разнообразные функции в разных языках. В языках с развитым флективным строем, в частности в рус. языке, П. с. не выражает, как правило, собственно грамматических значений. Размещение в предложении синтаксически связанных членов может варьироваться, поскольку отношения между ними выражены флексиями. Напр.: *Он приготовил себе спортивную одежду* и *Одежду он приготовил себе спортивную.*

Однако размещение слов в рус. предложении не свободно. П. с. в рус. лит. языке служит преим. для выражения актуального членения предложения (см.), и нормы П. с. подчинены, прямо или косвенно, этой главной его функции.

Различают П. с. в словосочетании и в предложении. Нормы П. с. в разных типах словосочетаний (напр., согласуемые члены ставятся перед теми, с к-рыми они согласованы: *глубокое озеро, душистый мёд*; управляемые члены – после управляющих: *купить книгу, пойти на почту*) обязательно сохраняются и в предложении, если актуальное членение не разрушает единства словосочетания. В предложении *Молодые геологи/уехали на Алтай* словосочетание *молодые геологи* полностью входит в тему, а словосочетание *уехали на Алтай* – в рему. Изменение обычного порядка компонентов словосочетаний в предложении происходит под влиянием изменений в актуальном членении. Напр., один из компонентов словосочетания включается в состав темы, с к-рой начинается предложение, а другой становится ремой и выносится в конец предложения: *Уехали молодые геологи/на Алтай.*

Размещение членов предложения также определяется его актуальным членением. Подлежащее (или группа подлежащего) предшествует сказуемому (или группе сказуемого), если подлежащее является темой: *Испытанное средство/подействовало.* Если же подлежащее служит ремой, оно следует после сказуемого: *Подействовало/испытанное средство.* Существуют определённые правила П. с. и в нерасчленённых предложениях. Напр., в двусоставных глагольных предложениях сказуемое предшествует подлежащему: *Началось лето; Идёт дождь.*

П. с. в рус. языке выполняет также стилистические функции. В стилистически нейтральной лит. речи нормой является постановка темы перед ремой. В. Матезиус назвал такой П. с. «объективным». В эмоциональной, взволнованной речи возможна постановка ремы перед темой (по Матезиусу, «субъективный» П. с.). В результате перестановки темы и ремы (см. Инверсия) фразовое ударение (интонационный центр предложения), падающее на рему (на последнее слово ремы), сдвигается со своего конечного места в предложении. Сдвиг фразового ударения придаёт предложению экспрессивный характер: *Хороши летние вечера!*, ср. с нейтральным вариантом: *Летние вечера хороши.* Актуальное членение в экспрессивном варианте не изменяется.

П. с. в стихотворной речи имеет особые закономерности, связанные с ритмико-интонационной спецификой стихотворной речи. Значительной свободой отличается П. с. в устной разг. речи, однако и здесь существуют определённые закономерности.

Лит.: Сиротинина О. Б., Порядок слов в рус. языке, [Саратов], 1965; Адамец П., Порядок слов в совр. рус. языке, Praha, 1966; Ковтунова И. И., Совр. рус. язык. Порядок слов и актуальное членение предложения, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Крылова О. А., Хавронина С. А., Порядок слов в рус. языке. [Пособие для иностранцев, изучающих рус. язык], 3 изд., М., 1986.

И. И. Ковтунова.

Посло́вица – устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в к-ром зафиксированы практический опыт народа и его оценка определённых жизненных явлений. Выступает в речи, в отличие от поговорки (см.), как самостоятельное суждение.

Основой широкого употребления П. в речи является их многофункциональность: содержащиеся в них образы и обобщённые суждения могут быть применены по принципу аналогии для характеристики большого количества разнообразных ситуаций разных сторон жизни человека (напр., *Куй железо, пока горячо; Рыбак рыбака видит издалека; Не в свои сани не садись*). П. используется в речи для подтверждения истинности или ложности того или иного высказывания, для придания авторитетности сказанному многовековым коллективным опытом, отражённым в П.

П. фиксируют взаимоотношения различных сторон действительности, характеризуют человека, его мировоззрение и общественные отношения между людьми. Как отмечал К. Д. Ушинский, в П. «отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значения всех явлений жизни». Многие П. основаны на реальных исторических событиях и ситуациях (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Москва не сразу строилась*); образность П. часто связана со специфическими рус. реалиями (*Не красна изба углами, а красна пирогами; Была бы шея, а хомут найдётся*).

П. посвящено большое количество научных исследований, однако дискуссионными остаются многие вопросы: включение или невключение П. во фразеологическую систему языка, отличие П. от поговорки, специфика знаковой природы П. и ряд других. В то же время достаточно полно исследованы лексика и синтаксис П., специфика отражения в них национально-культурных особенностей жизни народа, проведено широкое сопоставительное изучение П. разных народов. Исследованием П. и поговорок занимается паремиология.

Сборники: Снегирёв И. М., Рус. народные пословицы и притчи, М., 1848; Даль В. И., Пословицы рус. народа, М., 1957; Рыбникова М. А., Рус. пословицы и поговорки, М., 1961; Жуков В. П., Словарь рус. пословиц и поговорок, 5 изд., М., 1993.

Лит.: Потебня А. А., Из лекций по истории словесности. Басня, пословица, поговорка, Хар., 1930; Шахнович М. И., Краткая история собирания и изучения рус. пословиц и поговорок, «Сов. фольклор», 1936, № 4–5; Аникин В. П., Рус. народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор, М., 1957; Пермяков Г. Л., От поговорки до сказки, М., 1970; его же, Основы структурной паремиологии, М., 1988; Паремиологический сб. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст), М., 1978. *Ю. Е. Прохоров.*

Постпози́ция – постановка грамматического компонента после другого, с ним связанного. Напр., в производных словах суффиксы находятся в П. по отношению к корню слова: *друж-ок, глуп-ость, буфет-чик*. В формах сослагательного наклонения глагола частица *бы* находится в П. по отношению к спрягаемой форме глагола: *читал бы, поспали бы*. В словосочетаниях *увидеть слона, море синее* сущ. *слона* и прил. *синее* находятся в П. по отношению к глаголу (первое) и существительному (второе). В предложении *Восходит солнце* подлежащее расположено в П. по отношению к сказуемому, а в предложении *Дверь открылась* сказуемое находится в П. по отношению к подлежащему. В сложном предложении *Когда взошло солнце, мы отправились на речку* главное предложение находится в П. по отношению к придаточному, а в предложении *Мы отправились на речку, когда взошло солнце* придаточное предложение находится в П. по отношению к главному. *И. И. Ковтунова.*

По́стфикс (от лат. post – после и fixus – прикреплённый) – 1) любой аффикс (см.), стоящий в слове или словоформе после корня (см.); 2) аффикс, стоящий после флексии и противопоставленный по этому признаку суффиксу (см.). В рус. языке насчитывается пять П. (во 2-м, узком смысле): глагольные П. *-ся/-сь* (*мыть-ся, мою-сь*) и *-те* (*иди-те, идём-те*), местоименные П. *-то, -либо, -нибудь* (*кто-то, что-нибудь, какой-либо*). Все перечисленные П. (кроме *-те*) – словообразовательные (см. Морфема); П. *-те* – словоизменительный, имеющий значение мн. ч. повелительного наклонения.

Термин «П.» не является общепринятым, в школьной практике до недавнего времени П. (во 2-м значении) называли частицами (что порождало смешение П. с частицей как частью речи), их часто неправильно относят к суффиксам.

Как словообразовательное средство П. имеет много общего с приставкой (см.): он присоединяется к слову в целом, а не к основе (как суффикс) и тем самым оставляет систему флексий производного слова неизменной по сравнению с производящим. Словообразовательные значения П., как и приставки,– модификационные; таковы, напр., значения возвратности и взаимности действия у П. *-ся* (*купать – купаться, обнимать – обниматься*), неопределённости у местоименных П. Постфикс *-ся* используется, кроме чисто постфиксального, в смешанных способах словообразования: префиксально-постфиксальном (*нервничать – разнервничаться*), суффиксально-постфиксальном (*резвый – резвиться*), префиксально-суффиксально-постфиксальном (*говорить – переговариваться*); участвует также в формировании страдательного залога глагола (см. Залог) и разряда непереходных глаголов (см. Переходность – непереходность).

В отглагольных существительных, прилагательных, наречиях П. *-ся* не сохраняется, напр.: *срастаться – срастание, заливаться – заливистый, торопиться – второпях*.

Лит.: Лопатин В. В., Об одной разновидности аффиксов в рус. языке, «Рус. речь», 1975, № 2–3; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *В. В. Лопатин.*

Пото́к речево́й – см. Речевой поток.

Поэти́ческий язы́к, художественная речь,– язык поэтических (стихотворных) и прозаических литературных произведений, система средств художественного мышления и эстетического освоения действительности.

В отличие от обычного (практического) языка, у к-рого основной является коммуникативная функция (см. Функции языка), в П. я. доминирует эстетическая (поэтическая) функция, реализация к-рой сосредоточивает большее внимание на самих языковых представлениях (фонических, ритмических, структурных, образно-семантических и др.), так что они становятся самоценными средствами выражения. Общая образность и художественная неповторимость лит. произведения воспринимаются через призму П. я.

Разграничение обычного (практического) и поэтического языков, т. е. собственно коммуникативной и поэтической функций языка, было предложено в первые десятилетия 20 в. представителями ОПОЯЗа (см.). П. я., по их убеждению, отличается от обычного ощутимостью своего построения: он обращает внимание на себя, в известном смысле замедляет чтение, разрушая привычный автоматизм восприятия текста; главное в нём – «пережить деланье вещи» (В. Б. Шкловский).

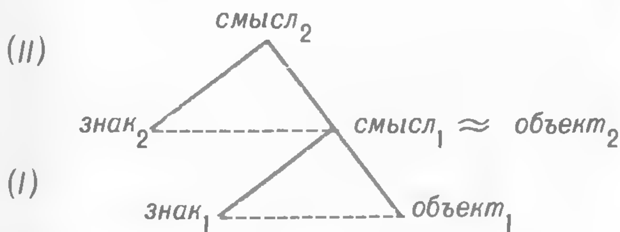
По мнению Р. О. Якобсона, близкого ОПОЯЗу в понимании П. я., сама поэзия есть не что иное, «как высказывание с установкой на выражение 〈...〉. Поэзия есть язык в его эстетической функции».

П. я. тесно связан, с одной стороны, с литературным языком (см.), к-рый является его нормативной основой, а с другой – с общенациональным языком, откуда он черпает разнообразные характерологические языковые средства, напр. диалектизмы при передаче речи персонажей или для создания местного колорита изображаемого. Поэтическое слово вырастает из реального слова и в нём, становясь мотивированным в тексте и выпол-

няя определённую художественную функцию. Поэтому любой знак языка в принципе может быть эстетическим.

В отличие от обычного языка, первичной моделирующей системы (исходной «картины мира»), П. я. является по своей природе вторичной моделирующей системой, как бы надстраиваемой над первой и творчески воспринимаемой благодаря проекции на неё.

Эстетический знак представляет собой двухъярусную структуру, в к-рой узуальный (общепринятый) смысл объекта (I) первичной моделирующей системы преобразуется в художественно, эстетически моделируемый объект (II) вторичной моделирующей системы, наделяемый поэтической внутренней формой слова (см.), образным представлением:

Структура эстетического знака.

«Стыком» первичной и вторичной моделирующих систем является художественный предмет – образ как «итог» обычного языка и «исходный пункт» П. я. (смысл$_1$ ≈ объект$_2$). Смысл объекта исходной системы трансформируется в образный предмет поэтической реальности. Так, в обычном употреблении слово *тройка* (знак$_1$), соотносясь с соответствующим предметом (объект$_1$), имеет значение 'упряжка в три лошади' (смысл$_1$). В поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» этот смысл становится основой художественного предмета (объект$_2$) – образа *птицы тройки* с его яркой внутренней формой ('быстрота, необгонимость', свойственные представлению о езде на тройке), что неразрывно связано с трансформацией самого знака (знак$_1$ *тройка* → знак$_2$ *птица тройка*), к-рый становится в тексте выражением символического значения (смысл$_2$: 'Русь').

Эстетический знак (образ) предстаёт как семантически «колеблющийся», многоплановый, а потому и побуждающий читателя к его творческому восприятию: *тройка ≈ птица тройка ≈ Русь*. Один план изображения неожиданно сменяется другим, не отменяя первого, а, наоборот, расширяя и углубляя его: *«Селифан только помахивал да покрикивал: "Эх! эх! эх!", плавно подскакивая на козлах по мере того, как т р о й к а то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка* ⟨...⟩ *– Эх, т р о й к а! п т и ц а т р о й к а, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета* ⟨...⟩ *– Не так ли и ты, Р у с ь, что бойкая необгонимая т р о й к а, несёшься?* ⟨...⟩ *Р у с ь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа»*. Художественный образ в П. я. не сводится, т. о., к простой зрительной наглядности: он живёт в смене ракурсов изображения, «наплыве» разных смыслов, причудливо сменяющихся и «проступающих» один в другом.

Эстетический знак (слово, словосочетание, конструкция, текст) как элемент вторичной моделирующей системы в его сопоставлении с обычным знаком первичной моделирующей системы характеризуется рядом специфических свойств. Эстетический знак имеет не стандартную (общепринятую), а особую художественную форму – необычную сочетаемость с другими словами, экспрессивную словообразовательную, морфологическую структуру, инверсию, подчёркнутую звуковую (фоническую) организацию и др. Такая форма, являясь ощутимым средством реализации поэтической функции языка, коррелирует с диалектически противоречивым «подвижным» смыслом эстетического знака.

Значение знака П. я. содержит в себе внутреннее противоречие. Поэтическая реальность как вторичная моделирующая система представляет собой систему художественных квазипредметов (от лат. quasi – якобы, как будто) с их «колеблющейся» семантикой. В стихах из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина *«Пчела за д а н ь ю п о л е в о й Летит из к е л ь и в о с к о в о й»* выделенные словесные образы имеют противоречивую семантику: *полевая дань ≈ нектар, восковая келья ≈ улей*. Узнавание квазипредметов с их «колеблющимся», противоречивым значением вызывает в читателе чувство эстетического удовлетворения.

По сравнению со словами обыденной речи эстетические знаки П. я. имеют гибкие, подвижные, часто не равные словарным и даже противоположные им значения: *«Чичиков, вынув из кармана бумажку* [ассигнацию, взятку], *положил её перед Иваном Антоновичем, которую тот с о в е р ш е н н о н е з а м е т и л и накрыл тотчас её книгою. Чичиков хотел было указать ему её, но Иван Антонович движением головы дал понять, что не нужно показывать»* (Гоголь). Контекстуальные связи слова в П. я. приводят, т. о., к его семантической и эстетической трансформации, подчинённой общему замыслу текста.

Гибкость поэтической семантики слов вызывает подвижность самого словесного образа. *Парус* в одноимённом стихотворении М. Ю. Лермонтова воспринимается и в его предметном значении (*«Белеет парус* ⟨...⟩ *В тумане моря голубом!...; И мачта гнётся и скрипит...»*), и как одушевлённое существо (*одинокий*), и, наконец, как символ вечного искания (*«Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?* ⟨...⟩ *Увы, он счастия не ищет И не от счастия бежит!»*) и мятежности,

очистительной бури (*«А он, мятежный, просит бури, Как будто в бурях есть покой!»*).

По сравнению с обычными языковыми единицами, имеющими нормативный характер, слова (словесные образы) как эстетические знаки П. я. представляют собой продукт художественного творчества, отличный от узуального употребления. Лит. произведение несёт на себе отпечаток мировоззрения, поэтического ви́дения действительности, языка, стиля его творца. В подлинно художественном произведении слово как материал искусства и элемент композиции своеобразно и эстетически мотивировано как стилистически конструктивный элемент целого.

П. я. органически связан с творческим методом писателя, личность к-рого диалектически отражается в его произведениях как категория автора («образ автора», по В. В. Виноградову), как их главное, организующее начало. Композиционно-речевая структура текста всегда личностна и отражает творческую манеру писателя, своеобразие его стиля и языка (грамматики, словаря, фоники и др.). Категория автора как иерархически самая высокая поэтическая категория фокусирует идейно-эстетическое, композиционное и языковое (стилевое) единство художественного текста.

Творческий характер эстетических знаков П. я. лит. произведения воплощается в системе доминант – главных композиционных и речевых компонентов текста, к-рые, подчиняя, определяя и трансформируя остальные компоненты, являются основными выразителями авторского замысла. Таковы, напр., ключевые слова текста, к к-рым тянутся «нити» различных его уровней и к-рые организуют целостное единство лит. произведения: его содержания, композиции и языка. Прилагательное *нерукотворный* – семантический и эстетический центр стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: по существу весь его текст – разностороннее художественное раскрытие символически ёмкого смысла этого слова. Ключевое слово может служить композиционной и семантической опорой языковой структуры произведения, напр. форма повелительного наклонения *жди* глагола *ждать* в стихотворении К. М. Симонова «Жди меня, и я вернусь...».

В художественной речи все единицы образны, но не в равной мере: одни из них представляют собой центр экспрессии (см., напр., тропы, фигуры речи), другие – его периферию (подготовку образа, его развёртывание и т. п.). Одна из закономерностей П. я. состоит в том, что подчёркнуто образное слово «обогащает и просто сообщающее слово. Это есть творчество поэтического языка» (Г. Г. Шпет). Дело не в одних только образных выражениях, а в «неизбежной образности каждого слова, поскольку оно преподносится в художественных целях (...) в плане общей образности» (А. М. Пешковский).

Термин «П. я.» используется и в значении художественная речь, и как название языка стихотворных произведений, иногда – изобразительных средств лит. направления, школы, писателя, а также самой эстетической функции языка и др. Наиболее полным эквивалентом П. я. является язык художественной литературы (см.) – предмет «особой филологической науки, близкой к языкознанию и литературоведению, но вместе с тем отличной от того и другого» (Виноградов).

Лит.: Потебня А. А., Из записок по теории словесности, Хар., 1905; его же, Из лекций по теории словесности, в кн.: Эстетика и поэтика, М., 1976; Томашевский Б. В., Теория лит-ры. Поэтика, 4 изд., М.–Л., 1928; Пешковский А. М., Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики, М.– Л., 1930; Винокур Г. О., Избр. работы по рус. языку, М., 1959; Виноградов В. В., О языке художественной лит-ры, М., 1959; его же, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; его же, О теории художественной речи, М., 1971; Тынянов Ю. Н., Проблема стихотворного языка. Статьи, М., 1965; Мукаржовский Я., Лит. язык и поэтический язык, пер. с чеш., в кн.: Пражский лингвистический кружок. Сб. ст., М., 1967; Лотман Ю. М., Структура художественного текста, М., 1970; его же, Анализ поэтического текста. Структура стиха, Л., 1972; Ларин Б. А., Эстетика слова и язык писателя. Избр. ст., Л., 1974; Якобсон Р. О., Лингвистика и поэтика, пер. с англ., в кн.: Структурализм: «за» и «против». Сб. ст., М., 1975; его же, Работы по поэтике, М., 1987; Григорьев В. П., Поэтика слова. На материале рус. сов. поэзии, М., 1979; Шкловский В. Б., О теории прозы, М., 1983; Шпет Г. Г., Соч., М., 1989; Новиков Л. А., Искусство слова, М., 1992; его же, Феномен эстетического в языке. (Опыт аналитического синтеза), «Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Филология. Журналистика», 1994; № 1; его же, Структура эстетического знака и остраннение, «Русистика сегодня», 1994, № 2; Лосев А. Ф., Проблема художественного стиля, К., 1994.

Л. А. Новиков.

Поясне́ние – вид синтаксического отношения между членами предложения или предложениями, суть к-рого заключается в отнесении разных номинаций к одному и тому же объекту действительности. Формально на П. указывают союзы: *то есть, а именно, или, как то, будь то* – либо их функциональные аналоги, включая и интонационные средства: *Занятия будут 12 апреля, т. е. в четверг; У меня неприятность: я поссорился с другом.* П. выступает как отношение тождества (*то есть, или = то есть, иначе говоря* и т. п.) или общего и частного (*а именно, как то, будь то, например, в частности* и т. п.).

Виды и формы П. различаются в зависимости от функции повторного обозначения. Это может быть: конкретизация, освещение факта в ином аспекте, толкование: *«В корзине была дичь: два тетерева и утка»* (Аксаков); *«Чем выше поэт, то есть чем общечеловечнее содержание его поэзии, тем проще его создания»* (Белинский); *флексия, то есть окончание; окончание, или, иначе, флексия*. Типичным случаем П. является конструкция с обобщающим словом при однородных членах.

С синтаксической стороны пояснительные отношения не совпадают полностью ни с сочинением, ни с подчинением, соединяя в себе признаки и того

и другого. Словоформы при П. ведут себя как однородные члены: не зависят одна от другой, относятся к общему для них члену и связаны союзом, занимающим позицию между ними. В то же время они не равноправны в предложении: второй член служит первому, что находит выражение в синтаксических показателях – строгом порядке следования и в обособлении поясняющего члена.

Разновидностью пояснительных отношений (как отношений синтаксических) является уточнение (*После работы, часов в семь...*) и включение (*Ряд городов, в том числе Курск и Орёл ...*).

Пояснительные отношения отличаются от аппозитивных (см. Приложение), напр.: *Старик приносил подарки своей соседке Насте – многодетной, ещё не старой женщине*. В отличие от приложения, П. не является определением.

Лит.: Кирпичникова Н. В., О синтаксическом термине «пояснение», в кн.: Исследования по совр. рус. языку, [М.], 1970; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980, § 2084–89, 2118–19; Ляпон М. В., Смысловая структура сложного предложения. К типологии внутритекстовых отношений, М., 1986; Прияткина А. Ф., Пояснительная конструкция, в её кн.: Рус. язык. Синтаксис осложнённого предложения, М., 1990.

А. Ф. Прияткина.

«Пра́вила ру́сской орфогра́фии и пунктуа́ции» (М., 1956) – полный свод орфографических и пунктуационных правил, обязательных для современного русского письма. Утверждены АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Необходимость унификации правил орфографии и пунктуации была вызвана тем, что реформа 1917–18 (см. Реформы азбуки и правописания), разрешив основные, крупнейшие вопросы по упрощению рус. письма, по своему характеру не могла устранить непоследовательности в написании отдельных слов, не коснулась многих частных вопросов орфографии. Рост словарного состава рус. лит. языка, привносивший новые орфографические проблемы, отсутствие в ряде случаев орфографических правил, наличие многих справочных пособий и словарей, содержавших противоречивые рекомендации, приводили к увеличению разнобоя в орфографии, вносившего трудности в школьное преподавание, издательскую практику и т. д.

Упорядочение рус. письма для устранения орфографического разнобоя становилось насущной задачей общественного и гос. значения.

В сер. 30-х гг. была образована Правительственная орфографическая комиссия, в работе к-рой в разное время участвовали учёные-языковеды (В. В. Виноградов, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, С. Г. Бархударов, Е. С. Истрина, Д. Н. Ушаков, В.И. Чернышёв, К.И. Былинский, С.Е. Крючков, С. И. Ожегов, А. А. Реформатский, Д. Э. Розенталь, А. Б. Шапиро), представители учительства, работники печати. Задачей комиссии была не реформа орфографии, а упорядочение, уточнение правил, устранение неоправданных исключений, орфографических вариантов.

Появлению «Правил» предшествовала многолетняя работа. Первый проект «Правил» и «Словарь к орфографическому справочнику» (30 тыс. слов) были изданы в 1936. В 1939 и в 1940 вышли проекты «Правил единой орфографии и пунктуации» с приложением краткого словаря, утверждение к-рых было задержано на несколько лет Великой Отечеств. войной. После окончания войны работа комиссии возобновилась. Её возглавил Виноградов. «Правила» обсуждались на страницах ж. «Русский язык в школе» и «Учительской газеты».

В 1955 вышел проект «Правил русской орфографии и пунктуации», а в 1956 «Правила» были опубликованы массовым тиражом. «Правила» – первый полный орфографический свод, охватывающий все стороны рус. правописания, «по своей полноте и чёткости превосходящий все предшествующие работы по унификации орфографии» (Ожегов).

«Правила» состоят из двух частей и приложения. В первой части изложены правила орфографии, во второй – правила пунктуации, в приложении дан словарь, к-рый содержит ок. 4 тыс. слов с отсылками к соответствующим параграфам «Правил». Правила орфографии изложены в семи разделах: 1) правописание гласных (изменены и уточнены правила о написании *и* и *ы* после *ц*; унифицировано написание *ы* после приставок, оканчивающихся на согласный, сформулировано правило о написании *о – е* после шипящих и др.); 2) правописание согласных (даны частные дополнения; сокращены двойные согласные в заимствованных словах); 3) буквы *ь* и *ъ* (в этот раздел внесены отдельные поправки и уточнения); 4) написания слитные или через дефис. Правила этого раздела, касающиеся существительных, прилагательных и числительных, были упорядочены. Так, напр., установлено единое дефисное написание прилагательных, образованных от двух основ и обозначающих качество с дополнительным оттенком и оттенки цветов. Сформулированы правила для наречий. Особое внимание было уделено вопросу о слитном и раздельном написании частицы-приставки *не* с различными частями речи, систематизирована установившаяся практика; 5) прописные буквы (дан перечень наименований учреждений, организаций, должностей, званий, исторических событий, фамилий, личных имён, пишущихся с прописной и строчной буквы); 6) буквенные аббревиатуры, сложносокращённые слова и графические сокращения; 7) правила переноса слов.

Рус. пунктуация за всё время существования не подвергалась упорядочению и реформированию. В «Правилах» были систематизированы действую-

щие нормы, устранены противоречия и неясности, сформулированы правила для ранее нерегламентированных случаев. Все пунктуационные правила, предусмотревшие основные, наиболее типичные языковые конструкции, даны в виде систематического свода, изложенного по знакам препинания.

«Правила» 1956 служат обязательным руководством при составлении учебников, словарей рус. языка, специальных словарей, энциклопедий и справочников, для всей языковой практики. Одновременно с «Правилами» 1956 Ин-том языкознания АН СССР был подготовлен «Орфографический словарь русского языка» (см. Орфографические словари), к-рый реализовал положения «Правил».

За время, прошедшее после выхода «Правил» 1956, накопились случаи разнобоя в орфографической практике, противоречия в рекомендациях, содержащихся в словарях и энциклопедиях. Возникла необходимость создать правила для целых категорий слов, подлежащих орфографической регламентации и не учтённых «Правилами» 1956. Проблемами изучения спорных вопросов и упорядочения рус. орфографии занимается созданная в 1991 Орфографическая комиссия при Ин-те рус. языка АН СССР (ныне РАН).

Лит.: Ожегов С. И., Упорядочение рус. орфографии, «Вестник АН СССР», 1957, № 1; Шапиро А. Б., Рус. правописание, 2 изд., М., 1961; Иванова В. Ф., История и принципы рус. пунктуации, Л., 1962; Обзор предложений по усовершенствованию рус. орфографии, М., 1965; Букчина Б. З., «Правила рус. орфографии и пунктуации» (1956) и орфографическая практика, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1974, т. 33, № 1.

Б. З. Букчина.

Правописа́ние – см. Орфография.

Прагма́тика (греч. prágma – действие, дело) – 1) один из аспектов семиотики (см.); 2) раздел языкознания, изучающий функционирование языковых образований в речи – отношение между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в аспекте человеческой деятельности. Ч. Моррис, один из основоположников семиотики, выделял три типа отношения знака в процессе семиотического акта и соответственно три раздела семиотики: отношение знака к обозначаемому предмету (семантика), отношение знака к другим знакам (синтактика) и отношение знака к участникам речевого акта (П.). Если семантика отвечает на вопрос, что говорит человек, а синтактика – как он говорит, то П. даёт ответ на вопрос – зачем (или почему) он так говорит. Изучая языковые факты непосредственно в их употреблении, П. сближается с психологией, социологией, этнолингвистикой, культурологией. П. касается как интерпретации высказываний, так и выбора их формы в конкретных условиях. Основные проблемы, изучаемые в П.,– структура и классификации актов речи и интерпретация высказываний.

Структура речевого акта включает след. основные компоненты: говорящий, адресат, исходный материал сообщения (включая пресуппозицию – общие знания говорящих), цель сообщения, развитие – внутренняя организация речевого акта, контекст и ситуация общения, межличностные отношения участников общения. Эти компоненты отражаются в ряде категорий высказывания, одни из к-рых ориентируются на говорящего (локализация: *я – здесь – теперь*; модальность, оценка, эмотивность и др.), другие – на слушающего (информативность – актуальное членение, экспрессивность, прозрачность и др.), третьи – на межличностные отношения (формы вежливости, стилистический уровень).

Типология речевых актов – целенаправленных речевых действий – устанавливается в зависимости от цели общения. Прежде всего различаются информативные и неинформативные речевые акты. Неинформативные акты речи служат для установления контакта либо для обозначения того, что между собеседниками имеются определённые социальные отношения. Таковы формулы этикета, расспросы о здоровье и замечания о погоде при встрече, «обмен» известными обоим собеседникам новостями и т. п. Языковой особенностью подобных актов является использование стандартизованных речевых формул: *Как дела? – Ничего; Как здоровье? – Помаленьку*. Информативные акты речи направлены на получение или передачу информации. Наиболее часто среди них выделяют репрезентативы, описывающие определённое положение дел: *Сейчас пять часов*; директивы, выражающие побуждение: *Идите сюда*; интеррогативы, содержащие запрос информации: *Как пройти на вокзал?*; перформативы, равносильные поступкам: обещание, клятва и др. Всякий тип речевых актов формируется взаимодействием семантики стержневого глагола (*я спрашиваю, я обещаю, скажите*), морфологических категорий (лицо, время, наклонение), коммуникативного типа предложения (повествовательного, вопросительного, побудительного).

П. направлена на выявление и углублённое изучение разнообразных языковых элементов – «речевых слов», отражающих различные аспекты речевого акта, напр. индикаторов, выражающих степень определённости события для говорящего (*я полагаю, возможно, обязательно*), субъективно-оценочных (*к счастью, приятно*), логико-аргументативных (*конечно, ведь, даже*), указывающих на точность номинации (*какой-то, что-то вроде, похоже, как бы*). В силу принадлежности этих элементов к разным частям речи их функционально-прагматическая общность оставалась невыявленной. Наряду с собственно семантическим значением высказывание обладает прагматическим значением, или прагматической функцией. Напр., предложение *Я сейчас вернусь*, сказанное соседу по очереди, может значить 'сохраните за мной

место' или 'не беспокойтесь обо мне', в зависимости от ситуации.

Высказывания, у к-рых семантическое значение расходится с функционально-прагматическим, называются косвенными, напр.: *Здесь дует* или *Мне холодно*, обозначающие просьбу закрыть дверь в комнате. Интерпретация косвенных высказываний основывается на лингвистических, логических и ситуативных знаниях собеседников, напр.: *У него есть жена? – Он холост* (лингвистическая пресуппозиция: синонимия двух языковых выражений); *Сколько вам лет? – Я родился в 1950 году* (логическая пресуппозиция – возраст определяется по году рождения); *У вас есть сахар?* (в магазине это значит *Я хочу купить у вас сахару* – ситуативная пресуппозиция). Замечание о недостатке объекта часто интерпретируется как пожелание исправить этот недостаток, напр. *Суп недосолен* представляет собой косвенную просьбу дать соль. Особенно большую роль в порождении и понимании косвенных высказываний играют причинно-следственные отношения, позволяющие говорящему обозначать причину вместо следствия и наоборот, напр.: «Полина Андреевна. *Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.* Дорн. *Мне жарко*» (Чехов). Здесь опущен компонент, к-рый должен был бы выражать возражение (напр., *не надену*), в связи с чем высказывание *Мне жарко* совмещает два значения: прямой смысл (причина, по к-рой доктор не хочет одеться теплее) и косвенный (отказ), к-рый вытекает из данной ситуации. Последнее косвенное высказывание впитывает в себя значения опущенных элементов логической цепочки. Косвенные высказывания могут формироваться в результате отступления от правил речевого общения, напр. правила количества (говори только то, что необходимо): *Ты знаешь Иванова? – Да, я работал с ним десять лет в институте.* Последняя часть фразы избыточна, т. к. положительная реакция уже выражена словом *Да*, но она представляет собой косвенное высказывание (ответ на не заданный вопрос), служащее для аргументации. Косвенные высказывания могут основываться на нарушении принципа релевантности, т. е. уместности. «Полина Андреевна. *Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной... Вы не замечали холода. Признайтесь, она вам нравится...* Дорн. *Мне пятьдесят пять лет*» (Чехов). Ответ Дорна представляется неуместным, но он образует в данной ситуации косвенное высказывание, используемое как средство уклониться от прямого ответа.

Избыточные в данной ситуации высказывания также могут восприниматься как косвенные. Фраза *Как, это вы?*, обращённая к появившемуся человеку, не может быть интерпретирована в прямом значении, поскольку говорящий видит, кто появился перед ним, и выступает как косвенное высказывание, выражающее удивление. Косвенные высказывания весьма употребительны в речи, они делают речь более сжатой, выразительной, позволяют передавать разнообразные экспрессивные оттенки. Косвенные высказывания свойственны разным стилям речи. Большим мастером их употребления был А. П. Чехов, выражавший с их помощью скрытые переживания персонажей. Но они используются и в обыденной речи. Напр.: «*Митяй увидел за спиной у Саши рюкзак с высовывающимся краем ведра и спросил: "А горбовик отцов где?" – "Он большой сильно".– "Из большого не выпадет. Зря ты. Он, главно, лёгкий, по спине"*» (Распутин). В первой реплике Митяя вопрос не о том, где находится горбовик, но о том, почему Саша не взял его. Ответная реплика объясняет причину, само же действие *Я его не взял* остаётся не выраженным отдельно. Последняя реплика диалога обосновывает отрицательное отношение Митяя к действиям мальчика.

В языке формируются индикаторы косвенных высказываний. Таково, напр., *Как* во фразе *Как, это вы!* В качестве индикаторов косвенных высказываний выступают грамматические формы (вопрос, вопросительно-отрицательная форма и др.), модальные глаголы и др. Косвенное высказывание представляет собой своего рода метафору, использование высказывания в несобственном значении, и, как всякая метафора, оно может закрепляться в языке, так что именно производное значение становится первым смыслом данного высказывания. Такие косвенные высказывания называются конвенциональными. Напр., вопрос *Вы не знаете, который час?* воспринимается нормально как просьба уточнить время (*Скажите, пожалуйста, который час*). Вопросительно-отрицательная форма с глаголом *мочь* в рус. языке служит для выражения смягчённой просьбы, а не для выяснения физических возможностей собеседника: *Вы не могли бы закрыть окно?* Условно-сослагательное наклонение используется для выражения предложения или пожелания: *Хорошо было бы прогуляться при такой погоде*. Прагматически ориентированные исследования языка позволяют глубже постичь специфику языка в его реальном употреблении.

Лит.: Прагматические аспекты языкового функционирования, в кн.: Философские проблемы языкознания на международных научных конгрессах и конференциях (1970–1979), М., 1981; Степанов Ю. С., В поисках прагматики, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1981, № 4; Булыгина Т. В., О границах и содержании прагматики, там же; Арутюнова Н. Д., Фактор адресата, там же; Демьянков В. З., Прагматические основы интерпретации высказывания, там же; Семантика и прагматика синтаксических единств, Калинин, 1981; Англо-рус. термины по прикладной лингвистике, М., 1982; Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики (сб. обзоров), М., 1984; НЗЛ, в. 16 – Лингвистическая прагматика, М., 1985; НЗЛ, в. 17 – Теория речевых актов, М., 1986; Почепцов О. Г., Основы прагматического описания предложения, К., 1986; Гак В. Г., Сопоставительная прагматика, «Филол. науки», 1992, № 3; Винокур Т. Г., Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения, М., 1993; Morris C. W., Writings on the general theory of signs, The Hague, 1971.

В. Г. Гак.

Пра́жская лингвисти́ческая шко́ла – одно из основных направлений структурной лингвистики. Центром деятельности П. л. ш. был Пражский лингвистический кружок (создан в 1926, организационно распался в нач. 50-х гг.). Творческий расцвет относится к 30-м гг. Кроме чеш. и словацких филологов, таких, как В. Матезиус (организатор и глава кружка), Б. Трнка, Б. Гавранек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский, позднее В. Скаличка, Й. М. Коржинек, П. Трост и др., в кружок входили питомцы Моск. ун-та Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, а также С. О. Карцевский, близкий Женевской школе. Творчески связанными с П. л. ш. были П. Г. Богатырёв, Г. О. Винокур, Е. Д. Поливанов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов. Пражцы издавали собственные «Труды» («Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1929–39) и ж. «Slovo a slovesnost», перешедший в 1953 (в связи с организационным распадом кружка) в ведение Чехословацкой АН. Идейным предшественником П. л. ш. являлся Ф. де Соссюр, с именем к-рого связано представление о языке как частном случае семиотических систем (см. Семиотика). Концепция П. л. ш. испытала также влияние рус. лингвистической традиции, в частности идей Ф. Ф. Фортунатова (см. Московская фортунатовская школа), Л. В. Щербы [см. Петербургская (Ленинградская) школа в языкознании] и особенно И. А. Бодуэна де Куртенэ. Однако многие положения П. л. ш. связаны с собственно чеш. лингвистической традицией и высказывались представителями П. л. ш. задолго до её организационного оформления и опубликования «Курса общей лингвистики» Соссюра.

Первое систематическое изложение программы П. л. ш.– в тезисах, предложенных 1-му съезду славистов (Прага, 1929). Их основная идея – представление о языке как о функциональной системе, т. е. как о «системе средств выражения, служащей какой-то определённой цели». Развивая идею системной организации языка, П. л. ш. отвергла взгляд Соссюра о непреодолимости преград между синхронией и диахронией, настаивая на системном подходе к эволюции языка, с одной стороны, и на динамической концепции языка, рассматриваемого в синхронном аспекте,– с другой (см. Система языковая).

С наибольшей полнотой и последовательностью структурно-функциональная концепция П. л. ш. воплощена в исследованиях звуковой стороны языка; пражцы обосновали новый раздел науки о языке – фонологию (см.), сыгравшую первостепенную роль в развитии структурной лингвистики. Центральное место в фонологической концепции П. л. ш. (систематизированной в труде Трубецкого «Основы фонологии», 1939) занимает понятие оппозиции, предполагающее разложимость членов оппозиции на частью общие («основание для сравнения»), частью различные элементы. С данной концепцией оппозиции связано понимание фонемы как определённой совокупности «дифференциальных признаков», т. е. тех свойств фонетической субстанции, к-рые отличают противопоставленные фонемы друг от друга. Принципиальное обращение к фонетическим признакам (явившееся, между прочим, выражением непризнания пражцами ведущей роли дистрибуции при определении языковых единиц) – отличительная черта пражской фонологической концепции, противопоставляющая её «чистому дистрибуционализму» дескриптивистов и особенно глоссематиков, считавших, что «субстанциональные» свойства не могут быть непосредственным предметом исследования структурной лингвистики.

Вилем Матезиус 3.8.1882–12.4.1945

Николай Сергеевич Трубецкой 16.4.1890–25.6.1938

Понятия и методы, разработанные на фонологическом материале, были применены в работах представителей П. л. ш. к другим областям лингвистического исследования. В работах Якобсона о грамматических оппозициях была поставлена задача поисков единого семантического инварианта каждого из членов морфологической категории, обосновывался тезис о непременной бинарности лингвистических (в т. ч. грамматических) оппозиций, выдвигалась идея неравноправности членов морфологической корреляции (связанная с соответствующими наблюдениями рус. грамматистов и с идеей Трубецкого о неравноправности членов фонологической корреляции).

Наиболее существенным вкладом П. л. ш. в синтаксис явилось учение Матезиуса об актуальном членении предложения (см.), в основе к-рого лежит мысль о принципиальном различии между двумя возможными способами анализа предложения: формальным членением, выделяющим подлежащее и сказуемое и раскрывающим грамматическую структуру предложения, и членением на «тему» и «рему», выявляющим его «функциональную перспективу».

П. л. ш. выдвинула как одну из основных проблем изучения вопросы, связанные с отношением между языком и действительностью, а также между языком и окружающими его структурами. В рамках П. л. ш. возникла теория «функциональной диалектологии», были выдвинуты понятия «специального языка» и «функционального стиля»: «специальный язык» определяется общей целью нормализованной совокупности языковых средств, а «функциональный стиль» – конкретной целью данной языковой манифестации. Из специальных языков наибольшее внимание привлекал «поэтический язык» (т. е. язык художественной лит-ры), отличающийся от других специальных языков своей общей направленностью к поэтической (или эстетической) функции, к-рая делает центром внимания саму структуру языкового знака, тогда как «коммуникативные» языки преследуют «цели, выходящие за пределы языкового знака». Подчёркивание автономности поэтического языка в концепции П. л. ш. (испытавшей заметное влияние рус. «формальной школы») принимало иногда полемически утрированные формы. Совр. чеш. продолжатели пражских традиций предпочитают говорить не о специальном поэтическом языке, но о художественном стиле, к-рый не противопоставлен другим функциональным стилям, хотя не стоит с ними в одном ряду.

Функциональный подход к языку нашёл отражение в активной практической деятельности представителей П. л. ш. В их работах в области языковой культуры был заложен фундамент нормализаторской лингвистической деятельности, задачей к-рой было признано стремление «развивать в литературном языке те качества, которых требует его специальная функция». Выдвижение и терминологическое разграничение понятий «норма» и «кодификация» («норма» – это совокупность устойчивых средств, объективно существующих в языке, «кодификация» – постижение и обнаружение нормы, т. е. первый термин обозначает объективный предмет научной деятельности, обозначаемой вторым термином) дало теоретическое обоснование антипуристической деятельности П. л. ш.

П. л. ш. сыграла важную роль в истории языкознания. Она оказала и продолжает оказывать существенное влияние на развитие мировой лингвистики. Основные идеи П. л. ш. не утратили актуальности и ныне. Общим достоянием лингвистической науки стало, в частности, признание лингвистической значимости элементарных фонологических признаков (играющих особенно важную роль в генеративной фонологии). Широкое признание получила «динамическая» концепция языка, обоснованная в трудах Вахека, Ф. Данеша и др., тезис об «открытом» характере языковой системы, включающей наряду с «центральными» (системными, регулярными) также и «периферийные» элементы. В числе плодотворно развиваемых в совр. лингвистике понятий, выдвинутых представителями П. л. ш., – понятие маркированности / немаркированности языковых единиц (подвергшееся в нек-рых концепциях определённой модификации по сравнению с оригинальной пражской концепцией). Успешно развиваются традиции П. л. ш. как в Чехии (школа Я. Фирбаса), так и в других странах – совр. исследования функциональной перспективы предложения, объединяющие соответствующие результаты трудов П. л. ш. с новейшими достижениями в области изучения интонации.

Лит.: Звегинцев В. А., История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 2, М., 1960; Реформатский А. А., [Послесловие], в кн.: Трубецкой Н. С., Основы фонологии, М., 1960; Булыгина Т. В., Пражская лингвистическая школа, в кн.: Основные направления структурализма, М., 1964; Вахек Й., Лингвистический словарь пражской школы, М., 1964; Якобсон Р., Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами, в кн.: НЛ, в. 4, М., 1965; Апресян Ю. Д., Идеи и методы совр. структурной лингвистики, М., 1966; Пражский лингвистический кружок. Сб. ст., М., 1967; A Prague school reader in linguistics, Bloomington, 1964; Travaux linguistiques de Prague, 1. L'Ecole de Prague d'aujourd'hui, Prague, 1964; Vachek J., The linguistic school of Prague, Bloomington – L., 1966; Sound, sign and meaning: quinquagenary of the Prague Linguistic Circle, ed. by L. Mateika, 2 ed., Ann Arbor, 1978; Chvany C. V., Brecht R. D., Some new directions in Slavic transformational syntax since 1973, в кн.: American contributions to the 8-th International Congress of Slavists, v. 1, Columbus (Ohio), 1978; Praguiana: some basic and less known aspects of the Prague linguistic school, ed. by J. Vachek [a. o.], Amst. – Praha, 1983.

Т. В. Булыгина.

Практи́ческая стили́стика, стилистика языковых единиц, – один из основных разделов стилистики (см.), изучающий использование языковых единиц в типических речевых ситуациях и контекстах повседневного речевого общения носителей литературного языка. П. с. описывает стилистические свойства вариантов (см. Вариантность, Варианты языковые) и синонимов (см.), а также устанавливает наиболее целесообразное и предпочтительное их использование в речевом общении: в разг. (см. Разговорная речь) и книжной речи (см.) в письменных (печатных) текстах и в устных выступлениях, в средствах массовой информации.

П. с. рассматривает речевые средства, стилистически окрашенные, имеющие стилистические «значения» («созначения», т. е. экспрессивную окраску, эмоциональную и социальную оценку), а также их функционально-стилистическую прикреплённость или сферу преимущественного распространения. П. с. изучает также общелит., или общеупотребительные, межстилевые речевые средства, «нейтральные» по своей экспрессивной окраске и функционально-стилистической характеристике, не имеющие эмоциональной и социальной оценки. Она исследует закономерные соотношения стилистически окрашенных языковых единиц, речевых фактов между собой и со стилистически нейтральными речевыми средствами в типических

условиях речевой коммуникации, в функционально-стилистических разновидностях лит. языка, в основных типах текстов, учитывая результаты разысканий в области функциональной стилистики и стилистики текста. В П. с. сопоставляется стилистическая характеристика языковых единиц, речевых фактов и их вариантов, а также параллельных синонимических способов выражения, передачи тождественного или сходного смысла, модальности, экспрессивно-эмоционального содержания. Именно поэтому особую значимость для П. с. приобретает категория вариантности (вариативности) и понятия «вариант», «синоним».

Экспрессивная окраска языковых или речевых единиц (и их вариантов) распределяется по «шкале экспрессивности», т. е. по известной парадигме, предполагающей «ноль» экспрессии в том или ином слове, форме, конструкции и т. д. (см. Нейтральные стилистические средства языка) и соответственно речевые средства повышенной и пониженной экспрессии (см. Экспрессивность). Положительную или отрицательную оценку, к-рой может быть наделена языковая/речевая единица (т. е. выраженное в данной единице отношение говорящего к предмету разговора, обсуждения), могут иметь речевые средства пониженной (ср. слово с положительной оценкой *мордашка*, с отрицательной – *морда*) и повышенной экспрессивной окраски (ср. слово с положительной оценкой *вождь*, с отрицательной – *предатель*). Такую парадигму следует рассматривать лишь как общий принцип распределения языковых и речевых единиц в рус. лит. языке. Для реальной рус. речевой коммуникации «полная» парадигма экспрессивной окраски речевых средств, особенно грамматических, не характерна.

Поскольку П. с. анализирует реальную речевую коммуникацию, рассматривает конкретные случаи использования речевых средств, для неё актуальны поиски и формулирование рекомендаций по употреблению речевых средств в типических речевых ситуациях и контекстах, а также систематизация наиболее распространённых ошибок, отклонений от нормы (см. Норма) и грубых её нарушений, наблюдающихся в устной и письменной речевой практике носителей лит. языка. Такие рекомендации и их квалификационная оценка не стабильны. Они модифицируются и уточняются в зависимости от литературно-языковой эволюции и дальнейшего изучения совр. рус. языка, отдельных фрагментов его системы и стилистической структуры. Для П. с. особо важными являются понятия «норма» и «ошибка».

Понятие «ошибка» (речевая, или стилистическая) в аспекте П. с. предполагает прежде всего немотивированное использование ненормированных (просторечных, диалектных, жаргонных) вариантов языковых единиц (ср.: *хотят – хочут, звони́т – зво́нит, знает – знат*) или синонимов, в основном лексических (напр., *обратно* в знач. 'опять'); несоблюдение т. н. стилистических норм, т. е. немотивированное употребление нормированных вариантов и синонимов языковых единиц.

В связи с обсуждением вопросов о нормативном употреблении языковых единиц и их вариантов в П. с. рассматриваются явления, относящиеся к структуре рус. языка, т. е. относящиеся к компетенции описательных лингвистических дисциплин, преим. из области грамматики. Напр., образование кратких форм прилагательных на *-енный*, особенности образования нек-рых форм причастий, личных форм нек-рых глаголов, склонение фамилий и т. п.

В соответствии с основными уровнями языка (см.) П. с. подразделяется на фоностилистику (фонетическую стилистику; наименее изучена), лексическую стилистику и грамматическую стилистику; выделяется также стилистический аспект словообразования.

П. с., изучающая особенности употребления речевых средств в текстах разных типов, в функционально-стилистических разновидностях лит. языка, тесно связана со стилистикой текста и функциональной стилистикой. Имея в качестве объекта наблюдений один и тот же лингвистический материал (единицы языка в их системной и функционально-коммуникативной организации), П. с. и функциональная стилистика подходят к нему по-разному. П. с. исходит из самой языковой единицы. Стилистика же функциональная исходит из целей и условий использования в речевой коммуникации определённой совокупности языковых единиц, объединённых специальным функциональным назначением, она оперирует масштабными группировками речевых средств.

П. с. в исследовании стилистической характеристики языковых и речевых единиц опирается на описательные лингвистические дисциплины. Они служат методологической базой стилистического исследования, к-рое предполагает глубокое знание лингвистической природы изучаемых речевых средств, системных отношений и связей, сложившихся в конкретном языке.

П. с. начала складываться в 30-х гг. 20 в. (хотя уже в 1911 вышла работа В. И. Чернышёва «Правильность и чистота русской речи», посвящённая стилистике языковых единиц), прежде всего как ответ на нужды редакционно-издательской практики. Выяснялись и обсуждались вопросы «правильного» или целесообразного, уместного использования в том или ином контексте конкретных языковых и речевых единиц, возникавшие в процессе редактирования, лит. правки рукописей, предназначенных для печати.

Основы П. с. были разработаны К. И. Былинским («Практическая стилистика языка газеты», 1940) и Д. Э. Розенталем (К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь, «Литературное редактирование»,

1957; 2 изд., 1961; Д. Э. Розенталь, «Практическая стилистика русского языка», 1965; 5 изд., 1987).

«Нормативное», «культурно-речевое» направление П. с. с 50–60-х гг. дополняется углублённым дифференцированным функциональным подходом к анализу употребления речевых средств, их функционирования в совр. рус. лит. языке под влиянием общего усиления функционального подхода в лингвостилистических исследованиях, а также во многом под влиянием идей В. В. Виноградова и Г. О. Винокура. Именно на таком подходе к исследованию речевых средств настаивал в кон. 20-х гг. Винокур («Культура языка»), предложивший термин «П. с.». Он понимал этот термин как учение «о средствах языка» и учение «о языковых заданиях с точки зрения разнообразного применения языковых средств в каждом из них», включая в сферу П. с., по существу, функциональную стилистику.

Лит.: Чернышёв В. И., Правильность и чистота рус. речи, в его кн.: Избр. тр., т. 1, М., 1970; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Грамматическая правильность рус. речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976; Бельчиков Ю. А., Изучение стилистики рус. языка в Сов. Союзе, «Рус. речь», 1977, № 6; его же, Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения, М., 1988; Граудина Л. К., Вопросы нормализации рус. языка. Грамматика и варианты, М., 1980. Винокур Т. Г., Закономерности стилистического использования языковых единиц, М., 1980; Прокопович Е. Н., Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм, М., 1982; Виноградова В. Н., Стилистический аспект рус. словообразования, М., 1984. Розенталь Д. Э., Практическая стилистика рус. языка, 5 изд., М., 1987; Голуб И. Б., Грамматическая стилистика совр. рус. языка, М., 1989; Солганик Г. Я., Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое), 2 изд., М., 1991; Кожина М. Н., Стилистика рус. языка, 3 изд., М., 1993. *Ю. А. Бельчиков.*

Праславя́нский язы́к, общеславянский язык,– язык – предок всех славянских языков. Возник на основе протославянского языка, к-рый наряду с прабалтийским, прагерманским, пракельтским, праиталийским и др. восходит к индоевропейскому праязыку. П. я. развивался как единый диалект в течение длительного периода: с 3-го тыс. до н. э., когда уже не существовало индоевропейского праязыка, до 2-й пол. 1-го тыс. н. э., когда П. я. распался на ряд диалектов, на основе к-рых в дальнейшем сформировались самостоятельные славянские языки (см.). Длительное существование П. я. как единого диалекта и объясняет высокую степень близости между совр. слав. языками. Т. о., П. я. существовал св. 3 тысяч лет, в течение к-рых он пережил глубокие преобразования, реконструированные путём исторического сравнения соответствующих данных славянских и других индоевропейских языков.

По судьбе средненёбных k^j и g^j П. я. относится к группе satəm, т. е., как и в других вост.-индоевропейских языках, в нём на месте *k и *g возникли свистящие согласные (ср.: *sьrdьce, sъto, znati, zima*). Он не различал индоевропейских звонких придыхательных и непридыхательных (ср. праслав. *domъ* – лат. *domus*, но праслав. *dymъ* – лат. *fūmus*), не содержал следов лабиализованных задненёбных. В ранний период истории П. я. характеризовался наличием большого числа гласных сонантов, шумные согласные были представлены небольшим числом фонем, шипящих согласных и аффрикат не было. Очень рано были утрачены ларингалы. Гласные *e, i, u* могли быть долгими и краткими, гласный *a* был всегда долгим, гласный *o* – кратким. Долгота и краткость гласных не были позиционными. Известны были дифтонгические сочетания типа *oį, oų, or, ol, om, on*. Слоги могли быть долгими и краткими. Слоги с долгими монофтонгами произносились с восходящей интонацией (акутовой), с кратким гласным в дифтонгических сочетаниях – с нисходящей (циркумфлексной). Слоги с кратким монофтонгом имели особую интонацию, к-рая позже совпала с циркумфлексом. Ударение (иктус) было динамическим и могло падать на различные слоги в слове. Ударение и интонация (восходящая и нисходящая) в этот древний период не были связаны, т. к. все слоги в слове имели свою интонацию, а ударным был лишь один слог. Позже произошло сближение иктуса и интонации, в результате чего возникло музыкальное ударение.

К важнейшим процессам, существенным образом видоизменившим звуковой строй языка и структуру слова, относятся два: ассимиляционное смягчение согласных перед *j* и утрата закрытых слогов. В результате общего процесса смягчения согласных произошла первая палатализация заднеңёбных (см. Палатализация), возникли шипящие согласные и аффрикаты, эпентетическое *l*. Утрата закрытых слогов привела к утрате конечных согласных в слове, к возникновению протетических звуков, к изменению слогораздела, к упрощению многих групп согласных, к монофтонгизации дифтонгических сочетаний, к возникновению носовых гласных звуков и слоговых плавных, к различного рода метатезам. К существенным праслав. процессам этого периода относятся вторая и третья палатализации заднеңёбных (*cěna, otьcь*), появление т. н. редуцированных (сверхкратких) *ъ* и *ь*, гласного *y*([ы]) (из *ū*).

П. я. имел три рода (мужской, женский и средний), три числа (единственное, двойственное и множественное), семь падежей (во мн. ч. шесть, в двойственном – три). Среди именных основ различались основы-корни, основы на *-s*, на *-nt*, на *-n*, на *-r*, на *-ū*, на *-ŭ*, на *-ĭ*, на *-ŏ*, на *-ā*. Эти основы различались набором флексий. В ранний период П. я. знал только именные прилагательные, к-рые изменялись по типу основ на *-ŏ* и на *-ā* (ср.: *dobrъ, dobra, dobro*). В поздний период в результате контаминации именных прилагательных с указа-

тельным местоимением сформировались местоименные прилагательные *dobrъjь, dobraja, dobroje*). Отсутствовала часть речи числительное. Названия чисел входили в класс именных основ. Глагол мог иметь две основы: основу наст. времени (*berǫ*) и основу инфинитива (*bьrati*). От основы наст. времени образовывались наст. время (*berǫ, bereši* [*ши*]), повелительное наклонение (*beri*), причастие действительного залога наст. времени (*bery*), причастие страдательного залога наст. времени. От основы инфинитива образовывались инфинитив (*bьrati*), супин (*bьratъ*), аорист (*bьrachъ*[*хъ*]), причастия прош. времени (*bьralъ, bьravъ*). Имперфект мог образовываться от обеих основ (*berěachъ, bьraachъ*). Основы наст. времени по своей структуре относились к пяти различным классам: атематические основы, основы на *-e/-o*, основы на *-ne/-no*, основы на *-je/-jo* и основы на *-ı*. Основы инфинитива были равны корню (*nesti*) и были с суффиксальным элементом (*dvignǫti, gorěti, moriti, dělati, besedovati*). Личные глагольные окончания (флексии) были первичные и вторичные. С первичными образовывалось наст. время, с вторичными – прош. времена и повелительное наклонение. Форм буд. времени не было. Прош. времена были простые (аорист и имперфект) и сложные (перфект и плюсквамперфект). Аорист имел несколько типов. Категория глагольного вида сформировалась в поздний период на основе более древнего противопоставления глагольных пар по признаку определённость – неопределённость. Функционировала совокупность действительных и страдательных причастий. Деепричастия П. я. не знал.

Лексика в своей наиболее древней части восходит к индоевропейскому периоду. Эта самая архаическая часть словаря имеет соответствия в других индоевропейских языках. Однако многие элементы индоевропейского словаря в П. я. были утрачены и заменены новообразованиями, среди к-рых большую роль играли табу (ср.: *medvědь, dǫbъ* и др.). Новообразований много среди названий частей человеческого тела, явлений природы, социальных и семейных отношений. П. я. имел немало заимствований из соседних родственных и неродственных языков. Наиболее древними являются заимствования из балтийских языков, к более позднему периоду относятся иранизмы. В позднейший период П. я. заимствовал отдельные слова из германских, тюркских и финно-угорских языков. Заимствования из греч. и лат. языков проникли в отдельные диалекты уже в период распада праслав. языкового единства.

Лит.: Ильинский Г. А., Праслав. грамматика, Нежин, 1916; Мейс А., Общеслав. язык, пер с франц., М., 1951; Бернштейн С. Б., Очерк сравнительной грамматики слав. языков. [Введение. Фонетика], М., 1961; его же, Очерк сравнительной грамматики слав. языков. Чередования. Именные основы, М , 1974; Кузнецов П. С., Очерки по морфологии праслав. языка, М., 1961; Нахтигал Р., Слав. языки, пер. со словен., М., 1963; Бирнбаум Х., Праслав. язык: достижения и проблемы в его реконструкции, пер. с англ., М., 1987; Mikkola J. J., Urslavische Grammatik, Bd 1–3, Hdlb., 1913–50; Arumaa P., Urslavische Grammatik, Bd 1, Hdlb., 1964.

С. Б. Бернштейн.

Превосхо́дная сте́пень – см. Степени сравнения.

Предика́т (от позднелат. praedicatum – сказанное) – термин логики, обозначающий конститутивный член суждения – то, что высказывается (утверждается или отрицается) о субъекте. П. находится к субъекту в предикативном отношении (см. Предикативность), способном принимать отрицание и разные модальные значения. Понятие предикативного отношения шире, чем понятие П., к к-рому предъявляются определённые семантические требования: П.– не всякая информация о субъекте, а указание на признак предмета, его действие, состояние и отношение к другим предметам. Значение существования не считается П., а предложения типа *Пегас (не) существует*, согласно этой точке зрения, не выражают суждения. Не составляет П. указание на имя предмета (*Этот мальчик – Коля*) и на его тождество самому себе (*Декарт и есть Картезиус*). В ряде совр. направлений логики понятие П. было заменено понятием пропозициональной функции, аргументы к-рой представлены актантами (термами) – субъектом и объектами.

В языкознании (в зап.-европейской лингвистической терминологии) термин «П.» был использован для обозначения состава предложения, соответствующего сообщаемому, а также «ядерного» компонента этого состава (англ. predicate, франц prédicat, исп. predicado, нем. Prädicat). В слав. языкознании этот термин был заменён калькой (рус. «сказуемое», болг. «сказуемо», польск. «orzeczenie», серб. «прирок», хорват. «prirok») или её аналогом (чеш. «přisudek», словацк. «prisudek» 'суждение', словен. «поведек» 'известное, узнаваемое'). Термин «П.» не был исключён из лингвистического обихода, что позволило избежать терминологического смешения логических и грамматических категорий. С термином «сказуемое» ассоциируется прежде всего формально-грамматический аспект этого члена предложения, с термином «П.» – его содержательный аспект. Поэтому принято говорить о формальных (грамматических) типах сказуемого (ср. глагольное, именное, простое, составное сказуемое), но о семантических типах П. Выделяются: таксономические П., указывающие на вхождение предмета (или вида предметов) в класс (*Это дерево – ель, Ель – дерево*); реляционные П., указывающие на отношение данного объекта к другим объектам (*Петр – отец Насти*); характеризующие П., указывающие на динамические и статические, постоянные и преходящие признаки объекта (*Мальчик бежит; Мальчик – ученик; Он учит физику; Он устал; Ему скучно*; в этом разряде особое место

занимают оценочные П.: *Климат здесь скверный*); П. временно́й и пространственной локализации (*Сейчас полдень; Павел дома*). Разные типы П. могут быть представлены в языке синкретически. Переходные глаголы обычно выражают не только определённое отношение между предметами, но также характеристики этих предметов, вытекающие из данных отношений.

П. могут быть классифицированы и по другим основаниям. В зависимости от типа субъекта различаются П. первого порядка (относящиеся к материальным сущностям) и более высоких порядков, характеризующие разные виды нематериальных объектов, среди к-рых наиболее резко противопоставлены П., относящиеся к событийному субъекту, и П., характеризующие пропозициональный субъект (ср.: *Этот случай произошёл вчера – То, что этот случай произошёл вчера, сомнительно*). По количеству актаитов П. делятся на одноместные (*Ель – зелена*), двухместные (*Ель заслоняет нору*), трёхместные (*Ель заслоняет нору от охотника*) и т. д. Ю. С. Степанов разделяет П. по степени производности в системе языка на непроизводные (*Мальчик учится*), производные от первых (*Мальчик – ученик*), и производные от вторых (*Это – лишь ученичество*) и т. д.

Лит.: Клини С., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957; Карри Х. Б., Основания математической логики, пер. с англ., М., 1969; Аристотель, Соч., т. 2, М., 1978; Арутюнова Н. Д., Сокровенная связка. (К проблеме предикативного отношения), «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1980, т. 39, № 4, Демьянков В. З., Предикаты и концепция семантической интерпретации, там же; Степанов Ю. С., Имена Предикаты Предложения, М., 1981; Семантические типы предикатов, М., 1982; Sandmann M., Subject and predicate, Edinburgh, 1954; Moore G. E., Philosophical papers, L – N Y., 1959.

Н. Д. Арутюнова.

Предикати́вность – грамматическая (синтаксическая) категория, формирующая основную единицу синтаксиса – предложение, устанавливая соотнесённость сообщаемого с действительностью.

Сообщаемое всегда предстаёт как реально осуществляющееся во времени (настоящем, прошедшем или будущем) или же мыслится в плане ирреальности (как возможное, желаемое, должное или требуемое). Общее значение реальности/ирреальности (т. е. модальности) сообщаемого обязательно соотнесено со временем и опирается на категорию глагольного наклонения (см.). Категории синтаксического наклонения, модальности и синтаксического времени и соответствующая система средств их выражения образуют неразрывное единство – категорию П., к-рая организует предложение как грамматическую единицу и представляет собою его наиболее абстрактное грамматическое значение. Формирующие П. значения синтаксических времён и наклонений имеют своё формальное выражение и выявляются в системе противопоставлений – форм предложения, образующих его грамматическую парадигму. Т. о., предложение всегда мыслится как единица предикативная.

П. противопоставляет предложение всем другим единицам синтаксиса. П. отличает предложение и от такой единицы языка, как слово: предложение *Весна!* с определённой интонацией отличается от слова *весна* тем, что в основе его лежит абстрактный образец предложения, способный относить информацию в план настоящего, прошедшего или будущего (*Весна!; Была весна!; Будет весна!*). В двусоставных предложениях носителем П является сказуемое, в односоставных – главный член.

Будучи грамматической категорией предложения, П. переносится на любое высказывание. Высказывание способно принимать в свой состав отдельные показатели объективно-модальных значений, соотнося сообщаемое с временно́й определённостью/неопределённостью (однако всё это лишь возможность высказывания принимать в свой состав средства выражения того или иного синтаксического значения, но не грамматическая регулярность, характерная для предложения). Т. о., предложение и высказывание связаны временно́й отнесённостью.

Изложенное понимание П. опирается на учение В. В. Виноградова, но отличается тем, что категория лица не включается в состав П. Формы лица, соединяя сказуемое с подлежащим по принципу своеобразного согласования, принадлежат к числу средств, выражающих синтагматические отношения между словами.

Проблема П. является одной из наиболее сложных проблем синтаксиса. Во 2-й пол. 19 – нач. 20 вв. в русистике был распространён взгляд на П. («предицирование», «предикацию») как на сказуемость. Виноградов характеризовал П. как совокупность таких грамматических категорий, к-рые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль. Виноградов писал, что категории времени, модальности и лица в широком синтаксическом понимании в совокупности формируют П. Нек-рые исследователи считают, что у П. нет грамматического статуса, т. к. она не имеет грамматической оппозиции.

Лит.: [Виноградов В. В.], Введение, в кн.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М , 1954; Чесноков П. В., О предикативности как свойстве предложения, в кн.: Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевропейских языков, М., 1975; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке М., 1976; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы, М., 1976; Кручинина И. Н., Предикативность, в кн.: Рус. язык Энциклопедия, М., 1979; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Предикативность и полупредикативность, в кн.: Энциклопедический словарь юного филолога. (Языкознание), М , 1984; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесённость с действительностью. (Референциальные аспекты семантики место-

имений), М., 1985; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Лапон М. В., Предикативность, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Л., 1990 *Ю. А. Сафонова.*

Предикати́вы, категория состояния, безлично-предикативные слова, предикативные слова, предикативные наречия, – слова, обозначающие нединамическое состояние и выступающие в функции главного члена (сказуемого, предиката) однокомпонентного (односоставного, безличного) предложения, напр.: *В лесу было тихо; Детям весело; На душе тоскливо*.

К П. относятся слова (или, реже, формы слов) разных частей речи, причём не во всех своих лексических значениях, а только в тех из них, к-рые закреплены за употреблением этих слов в функции сказуемого. Основную массу П. составляют предикативные наречия (напр., *темно, тесно, плохо*) и страдательные причастия на *-но, -то* (напр., *накурено, заперто*), меньшую часть – существительные, оторвавшиеся от парадигмы и приобретшие модальные значения, напр. существительные *время* ('подходящая, удобная пора': *Время ехать*; *Не время спорить*), *грех* (разг., 'грешно, нехорошо': *Грех смеяться над несчастьем ближнего*), *досуг, недосуг* (разг., 'есть свободное время', 'нет свободного времени': *Недосуг мне по театрам ходить*), лень ('не хочется, нет желания': *Лень заниматься музыкой*), *охота, неохота* (разг., 'хочется, есть желание', 'нет желания': *Охота поговорить*; *Неохота с детьми возиться*), *пора* ('настаёт время, срок': *Пора идти домой*). К существительным-П. причисляется слово *жаль*, к-рое в совр. лит. языке как существительное не употребляется (в просторечии отмечаются сочетания *какая жаль, такая жаль*).

Предикативные наречия причисляются к классу наречий как части речи. С наречиями их сближает словообразовательная структура (в большинстве своём предикативные наречия мотивированы качественными прилагательными) и наличие у многих из них форм сравнительной степени. Из наречий к П. относят: 1) слова на *-о*, соотносительные по значению с качественными наречиями, обозначающие чувство, эмоциональное или физическое состояние, напр.: *весело, грустно, радостно, скучно, смешно, тревожно; ветрено, пустынно, тепло, холодно, туманно; больно, душно, плохо*; 2) слова, не соотносительные с качественными наречиями, обозначающие внутреннее состояние, напр.: *совестно, стыдно, тошно*; 3) слова с модальными значениями долженствования, необходимости, возможности, не соотносительные с качественными наречиями, обычно называемые модальными П., напр.: *должно, можно, возможно, надо, нельзя, нужно, необходимо*, устар. *надобно*. Предикативные наречия первой группы пополняются за счёт наречий, заключающих в себе качественные значения, в т. ч. за счёт индивидуальных авторских употреблений наречий с таким значением, напр.: *«Ночью встаю, месячно»* (Грибоедов); *«На душе снежно и холодно»* (Герцен); *«А под маской было звёздно»* (Блок); *«В танцевальном зале пустом непесенно»* (Рождественский).

К П. причисляются также страдательные причастия на *-но, -то*, или причастные П. (см. выше): *дано, сказано, сделано, отказано; открыто, закрыто, занято, заперто*. Напр.: *В комнате накурено и неприбрано; В просьбе отказано; За билеты заплачено*.

Закреплённость за П. синтаксической функции сказуемого определила их наименование. Термин «П.» был введён чеш. лингвистами во 2-й пол. 20 в. и применялся к той группе слов, к-рая в рус. грамматической лит-ре получила название «категория состояния».

В трудах лингвистов и в грамматиках рус. языка высказывались различные мнения о статусе и составе П., или категории состояния. С 1-й трети 19 в. в рус. грамматиках последовательно выделялся разряд слов, промежуточных между именами и глаголами и выражающих состояние. В качестве отличительных грамматических признаков этих слов (или форм слов) отмечалось: преимущественное употребление в функции сказуемого, неизменяемость по падежам для слов, близких к именам существительным и прилагательным, а для слов, совпадающих с наречиями, их неспособность обозначать признаки качества и действия. А. Х. Востоков в «Русской грамматике по начертанию сокращённой грамматики, полнее изложенной» (1831) весь разряд таких слов присоединил к глаголу, при этом краткие формы прилагательных считал «спрягаемыми словами». Слова *льзя* (ср. *нельзя*), *жаль, лень* (в разг. употреблении: *Лень было так рано вставать*) Востоков относил к безличным глаголам. Замечания об особенностях значения нек-рых слов и форм слов (в первую очередь кратких форм прилагательных) есть в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова, в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева, в трудах К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, А. А. Потебни, А. М. Пешковского и А. А. Шахматова. Однако никто из грамматистов не ставил разряд слов, объединённых значением нединамического состояния, в один ряд с другими частями речи (т. е. не выделял их в особую часть речи). Первым выделил группу слов (*нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п.), «подведение которых под какую-либо категорию затруднительно», Л. В. Щерба в ст. «О частях речи в русском языке» (1928). Эти слова Щерба объединил в одну группу с такими словами, формами слов и выражениями, как *холодно, светло, весело* (*На дворе становилось холодно; В комнате было светло*); *готов, должен, рад, болен; быть навеселе, наготове, настороже, замужем, без памяти, без чувств* и др., и назвал их все «категорией состоя-

ния». По определению Щербы, «это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями – ... или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, т. е. инструментальное значение)». Категорию состояния как особую часть речи выделил и В. В. Виноградов [«Русский язык. (Грамматическое учение о слове)», 1947; 3 изд., 1986]. В более поздних работах в состав категории состояния не включались предложно-падежные формы существительных и существительные в форме твор. п. Как часть речи категория состояния (П.) не получила общего признания, хотя ряд учёных вслед за Виноградовым определяют П. как особую часть речи. Последовательно частеречное значение за категорией состояния признаётся в трёх вузовских курсах, носящих одинаковое название – «Современный русский язык»: под ред. Виноградова (1952), под ред. Е. М. Галкиной-Федорук (т. 2, 1964) и под ред. В. А. Белошапковой (1981). Однако в издании 1981 состав категории состояния ограничивается двумя группами слов: 1) существительными, оторвавшимися от парадигмы и изменившими свою родовую характеристику, типа *пора, лень, грех, срам* и 2) словами, способными выполнять только функцию сказуемого: *нужно, можно, жаль*. Термин «категория состояния» в 60–70-х гг. 20 в. в грамматических трудах всё чаще заменяется термином «П.». В «Русской грамматике» (1980) и «Краткой русской грамматике» (1989) П. (категория состояния) в качестве самостоятельной части речи не рассматриваются.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Совр. рус. язык (Курс лекций), под ред. В. В. Виноградова, [М.], 1952; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1952; Шапиро А. Б., Есть ли в рус. языке категория состояния как часть речи?, «ВЯ», 1955, № 2; Совр. рус. язык, ч. 2 – Морфология. Синтаксис, [М.], 1964; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Щерба Л. В., О частях речи в рус. языке, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Совр. рус. язык. [Учебник для ун-тов], под ред. В. А. Белошапковой, М., 1981; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Поспелов Н. С., В защиту категории состояния, в его кн.: Мысли о рус. грамматике, М., 1990; Красных В. И., Рус. глаголы и предикативы. Словарь сочетаемости, М., 1993.

В. А. Плотникова (Робинсон).

Предло́г – служебная часть речи, грамматическое средство подчинения одного полнозначного слова другому в словосочетании или в предложении. Грамматическая функция П. строго регламентирована категорией падежа: позицию зависимого компонента в сочетании с П. занимают слова, относящиеся к классу имён существительных или местоимений-существительных, т. е. такие, неотъемлемым грамматическим признаком к-рых является склоняемость. Несклоняемый компонент предложно-падежного комплекса выступает как позиционный аналог имени существительного (*оказать услугу за спасибо; отложить встречу на потом; перенести разговор на завтра*). Это свойство отличает П. от союза (см.), служебная функция к-рого осуществляется независимо от грамматических характеристик тех слов, к-рые он соединяет в рамках предложения.

Связь с категорией падежа ограничивает синтаксический потенциал П. как связочного слова: в отличие от союза, П. не способен оформлять синтаксические отношения между предложениями. В рамках предложения связочная функция П. может быть только подчинительной. Служебная функция П. осуществляется совместно с падежной флексией и регламентирована правилами соединения с теми или иными падежами. Одни П. употребляются в сочетании только с одним падежом (*к* – с дат. п., *между* – с твор. п., *у* – с род. п., *около* – с род. п., *согласно* – с дат. п.), другие – с двумя или тремя падежами (*в, на, о* – с вин. и предл. п., *за* – с вин. и твор. п., *с* – с род., вин., твор. п., *по* – с дат., вин., предл. п.).

Позицию подчиняющего компонента предложного словосочетания может занимать любое знаменательное слово, способное выполнять синтаксическую функцию управления: *въехать в город, опоздал из-за нас, разговор о детях, врач по призванию, смуглый от загара, знакомый с детства, готовый к подвигу, пятый по счёту, недалеко от дома, жалко до слёз.*

Будучи посредником между главным и зависимым членами словосочетания, П. одновременно обращён к ним обоим: *возвратиться из командировки* (*возвратиться из* и *из командировки*), *ухаживать за больным* (*ухаживать за* и *за больным*). При этом в конкретизации значения многозначного П. принимает участие, с одной стороны, падежная форма зависимого от П. имени и, с другой стороны, лексическое значение управляющего слова. Напр., в словосочетаниях *восторг перед морем* и *стоять перед морем* различия объектного и пространственного значения П. *перед* с твор. п. «подсказаны» лексическим значением управляющих слов *восторг* и *стоять*.

Морфологическая классификация П. осуществляется на двух основаниях: по формальному строению и с точки зрения генетической исконности (первичности). По формальному строению все П. делятся на однословные (простые) и неоднословные (нецельнооформленные).

Часть однословных П. связана мотивационными отношениями со знаменательными словами; это «первообразные» (первичные) П., унаследованные рус. языком из общеслав. лексического фонда и составляющие закрытую группу простейших слов элементарной структуры: *без* (*безо*), *в* (*во*), *для, до, за, из* (*изо*), *к* (*ко*), *кроме, меж, между, на, над* (*надо*), *о* (*об, обо*), *от* (*ото*), *перед* (*передо*), *пред* (*предо*), *по, под* (*подо*), *при, про,*

ради, через (*черезо*). Другие однословные П. генетически соотносительны с оторвавшимися от парадигмы словоформами знаменательных слов, именными или глагольными (*навстречу, порядка, посредством, путём, типа, благодаря, включая, спустя, считая* и др.), или с наречиями (*близ, мимо, после, прежде, согласно, соответственно, сродни* и др.).

Неоднословные (составные) П. представляют собой аналитические образования типа: *в зависимости* (*от чего*), *в направлении* (*к чему*), *в ответ* (*на что*), *в отличие* (*от чего*), *в предвкушении* (*чего*), *во избежание* (*чего*), *на имя* (*кого*), *на началах* (*чего*), *на предмет* (*чего*), *на счету* (*у кого*), *на фоне* (*чего*), *по адресу* (*кого*), *под знаком* (*чего*), *с согласия* (*кого*) и др. Подобные образования, функционируя как неоднословные (нецельнооформленные) аналоги простых П., обогащают и дифференцируют отношения, выражаемые первичными (элементарными) П. Элементарный П. (*в, на, по, под, с* и др.) и знаменательное слово (*зависимость, ответ, фон, знак, предвкушение* и др.) взаимно коррегируют друг друга в составе неоднословного П.: собственно П., выступая как формальная основа модели, способствует сохранению за ней грамматического статуса П., а полнозначное слово абстрактной семантики выполняет роль смыслового конкретизатора и в то же время задаёт схему управления всей модели.

Неоднословные П. обычно сохраняют признаки смысловой и парадигматической общности с соответствующими знаменательными словами, напр.: *в виде* (*кого – чего-н.*), *в границах* (*чего-н.*), *в знак* (*чего-н.*), *в качестве* (*кого – чего-н.*), *в контексте* (*чего-н.*), *в области* (*чего-н.*), *в результате* (*чего-н.*), *в силу* (*чего-н.*), *в течение* (*чего-н.*), *в унисон* (*с кем – чем-н.*), *на основании* (*чего-н.*), *на предмет* (*чего-н.*), *на смену* (*кому – чему-н.*), *по мере* (*чего-н.*), *под девизом* (*чего-н.*), *под рубрикой* (*чего-н.*). Абстрактное значение отношения в подобных случаях не аннулирует предметного значения имени, на базе к-рого образован такой П. Актуальный характер отношений мотивированности неоднословного П. и знаменательного слова выражается, напр., в ограничениях сочетаемости с одушевлёнными или неодушевлёнными существительными: *в глазах кого-н.* (но не *чего-н.*), в *сообществе с кем-н.* (но не *с чем-н.*), *на счету у кого-н.* (но не *у чего-н.*), *от руки кого-н.* (но не *чего-н.*), *по адресу кого-н.* (но не *чего-н.*).

П. как отдельно взятое слово обладает лексическим значением; это значение того или иного отношения. Традиционно выделяются такие абстрактные предложные значения, как значения пространственной и временнóй ориентации, компаративные, причинные, целевые, отношения принадлежности, образа действия и др. Специфика лексического значения П. заключается в опосредованном, через полнозначные слова, отношении к действительности; говоря о конкретном лексическом значении П., обычно имеют в виду значение предложно-падежного комплекса (П. + управляемая им падежная словоформа имени).

Лексическое значение П. может быть представлено как более общее или более частное. Частные элементы лексического значения П. выделяются при соотнесении ряда конкретных П. в рамках одной семантической разновидности (ср., напр., *приехать в Москву* и *уехать из Москвы*; *сняться с учёта* и *встать на учёт*).

Опосредованность лексического значения обусловливает тесную связь П. с его окружением в словосочетании или в предложении. При этом П. может проявлять себя как носитель сильного и независимого смыслового начала, выступая показателем лексического значения полнозначного слова – напр., в случаях типа *состоять из* (*кого-н., чего-н.*: *вещество состоит из частиц, коллектив состоит из пяти человек*) и *состоять в* (*ком – чём-н.*: *в должности, в бригаде*). П. способен выступать в роли актуализатора той или иной точки зрения на предмет, обозначенный зависимой словоформой. Напр., в словосочетаниях *положить книгу на стол* и *положить книгу в стол* П., обозначая пространственный контакт между двумя предметами (*книга* и *стол*), выполняет функцию различителя значений 'поверхность' (*на стол*) и 'вместилище' (*в стол*). Смысловой потенциал П как отдельно взятого слова может быть предельно ослаблен. В отдельных сферах своего употребления, утрачивая лексическое значение «вплоть до полного превращения в падежные префиксы» (В. В. Виноградов), П. становятся грамматическими знаками объектных отношений; таковы, напр., случаи типа: *тосковать, соскучиться по* (с предл. п. и с дат. п.); *говорить о* (с предл. п.); *заботиться о* (с предл. п.); *смеяться над* (с твор. п.).

В рус. грамматической и лексикографической традиции совокупность значений многозначного П. обычно представляется в опоре на основное, исходное значение (напр., пространственное), на базе к-рого формируются другие значения той или иной ступени абстракции. При этом отмечается сходство общей картины значений у П., имеющих близкое исходное значение. Напр., П. *из, с, от* + род.п., указывающие на исходную точку в пространстве (*уехать из города, ветер с юга, съехать с горы, отойти от двери*), обладают также причинным значением (*согласиться из вежливости, онеметь со страха, бледный от волнения*) и значением источника информации (*узнать из разговора, новости с фронта, вести с Урала, узнать от друзей*). Отмечается также корреляция значений: контакт в пространстве – принадлежность (*в, у*); пространственная близость – сравнение (*перед, рядом с*). Напр.: *вода в стакане, дом у реки* (контакт в пространстве); *опечатки в статье, воротник у пальто* (принадлежность); *сто-*

ять перед зеркалом, сквер рядом с домом (пространственная близость); *перед этим подвигом бледнеют все другие, рядом с его бедой мои заботы – ничто* (сравнение).

В то же время значения отдельного П. не образуют такого комплекса, внутри к-рого значения регулярно выводимы одно из другого. П. не является семантически цельной единицей, а предстаёт в виде совокупности значений, связанных или не связанных между собой. Отдельные значения П. могут быть изолированы от основного комплекса. Ср., напр., значение П. *в* в сочетании с именем, называющим цветовой оттенок (*белый в голубизну, отдавать в желтизну, усы в рыжину*) или признак по узору, фасону (*блузка в горошек, тетрадь в линейку, обои в полоску, скатерть в клетку, юбка в талию*)

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М. - Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956, Бабкин А. М., Предлоги как объект лексикографии, в кн.: Лексикографический сб., в. 3, М., 1958; Черкасова Е. Т., Переход полнозначных слов в предлоги, М., 1967; Щерба Л. В., О частях речи в рус. языке, в его кн.. Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; [Никитина С. Е.], О семантическом варьировании рус. предлогов, в кн.: Семантическое и формальное варьирование, М., 1979; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Астафьева Н. И., Киселёв И. А., Кравченко З. Ф., Совр. рус. язык. Служебные части речи. Модальные слова. Междометия, 2 изд., Минск, 1982; Золотова Г. А., Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц рус. синтаксиса, М., 1988; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

М. В. Ляпон.

Предложе́ние – одна из основных грамматических категорий синтаксиса, противопоставленная в его системе слову (и словоформе) и словосочетанию по формам, значениям и функциям (назначениям). В широком смысле это любое – от развёрнутого синтаксического построения (в письменном тексте от точки до точки) до отдельного слова или словоформы – высказывание (фраза), являющееся сообщением о чём-л. и рассчитанное на слуховое (в произнесении) или зрительное (на письме) восприятие. П. может быть простым или сложным. В узком, собственно грамматическом, смысле простое П. – это такая единица сообщения, к-рая, будучи образована по специально предназначенному для этого грамматическому образцу, обладает значением предикативности (см.) и своей собственной семантической структурой, обнаруживает их в системе формальных изменений и имеет определённую коммуникативную задачу, выражающуюся интонацией и порядком слов (см. Актуальное членение предложения). Основными характеристиками простого П. являются: его синтаксическая структура, формирующаяся определёнными словоформами (компонентами предикативной основы П.) в их отношении друг к другу; его семантическая структура; порядок слов и интонация; члены предложения как компоненты предикативной основы П. или её распространители.

В зависимости от цели сообщения П. могут быть повествовательными, вопросительными или побудительными; при парадигматическом подходе к П. как к единице, обладающей формоизменением, возможна и более детальная классификация П. по цели высказывания, охватывающая также П. со значениями сослагательности, условности, желательности, долженствования. Простое П. как элементарная синтаксическая конструкция (т. н. нераспространённое П.) состоит из двух (реже – более) форм слов (конституирующих компонентов), объединённых друг с другом специфическим, существующим только в П. синтаксическим отношением (т. н. предикативным), либо, реже, из одной формы слова (напр.: *Ученик пишет; Воды прибывает; Простить значит забыть; Ночь; Светает*). П. может быть распространено (т. н. распространённое П.) по правилам присловных связей – согласования, управления, примыкания – либо словоформами, распространяющими П. в целом (детерминантами), напр.: *Для неё простить значит забыть; На Камчатке сейчас уже ночь,* либо причастными, деепричастными и другими оборотами, либо специальными распространяющими формами слов, союзными сочетаниями и др.

Элементарный отвлечённый образец, по к-рому строится простое нераспространённое П., составляет его предикативную основу, структурный образец. Эти образцы классифицируются по разным основаниям: однокомпонентные и двухкомпонентные, свободные и ограниченные со стороны лексического состава, имеющие или не имеющие парадигматические характеристики, нефразеологизированные и фразеологизированные. Каждый язык имеет свою систему таких структурных образцов. Отдельные образцы в разных языках могут совпадать, но системы предложений в целом всегда различаются Напр., для индоевропейских языков характерны т. н. двухкомпонентные структурные образцы, содержащие сказуемое, т. е. глагол в личной форме (или форму другого слова в той же позиции), и подлежащее, т. е. форму им. п. имени или инфинитив (реже другую словоформу в той же позиции). Сказуемое всегда обозначает осуществляющийся во времени предикативный признак (действие, состояние, свойство, качество), а подлежащее – субъект, т. е. носителя или производителя этого признака (при распространении П. значение субъекта может перемещаться и сосредоточиваться в распространяющей словоформе, ср. *Ложь возмущает*, где *ложь* – субъект, а *возмущает* – его свойство, и *Учителя возмущает ложь*, где субъектом состояния уже является *учитель*). Индоевропейским языкам принадлежат и другие образцы простого П., в т. ч. однокомпонентные (состоящие или из одного компонента, или двух-

компонентные, но не членящиеся на подлежащее и сказуемое). Структурные образцы лежат в основе конкретных П., напр.: *Ученик пишет; Наступила ночь; Теплится надежда* – эти П. построены по одному глагольно-именному образцу; *Сын – рабочий; Москва – столица; Ель – дерево* – по двухименному образцу; *Светает; Вечереет; Сквозит* – по глагольному образцу; *Ночь, Зима* – по собственно именному образцу. Присутствие глагола в структурной основе рус. П. не обязательно. Существует много типов П., строящихся без участия глагола, средствами собственно имён.

П. совмещает в одной своей грамматической форме несколько значений разных ступеней абстракции. Во-первых, сам структурный образец П. имеет отвлечённое значение, общее для всех П., т. н. предикативность. Значение предикативности, заложенное в образце, переносится в конкретное П. и модифицируется в парадигме П., т. е. в разных его синтаксических формах, выражающих значения реальности и ирреальности. Однако в конкретных П. на значение предикативности накладывается новое, иного качества значение, идущее от компонентов предикативной основы и от их отношений, а также от лексической семантики слов, заполнивших позиции в П. (напр.: *Ученик пишет* = субъект и его активное действие; *Гром гремит* = субъект и его наличие, существование; *Светает* = наличие бессубъектного состояния). Такие значения относятся к семантической структуре П. Предложения, имеющие разную грамматическую организацию, но близкую семантическую структуру, в нек-рых исследованиях рассматриваются как трансформы, т. е. преобразования одного в другое, напр.: *Наступает вечер – Вечереет; Гремит гром – Гром; Сын учится – Сын – учащийся*. Кроме значения предикативности и семантической структуры, в П. присутствует также его функциональное значение, связанное с распределением коммуникативной нагрузки между его членами; это значение выражается актуальным членением предложения и интонацией. Структурная основа П. лишена интонации, но каждое конкретное П. и все его формы и модификации (синтаксические изменения) обязательно имеют определённую интонацию (интонационный контур).

Исследования 60–80-х гг. 20 в. показали, что П. как грамматическая единица не может изучаться в отрыве от его лексического наполнения. Лексические ограничения накладываются почти на все грамматические образцы П. и на многие правила его функционирования (эти ограничения особенно очевидны в языках эргативного и активного строя). Лексическим составом во взаимодействии с грамматической организацией П. предопределяется его семантическая структура. Т. о., в анализе П. практически снимается бывшее ещё до 50-х гг. традиционным противопоставление грамматических и лексических аспектов, лексический фактор становится одним из важнейших в анализе П. как синтаксической единицы.

П. обладает большим прагматическим потенциалом. Язык предоставляет говорящему (пишущему) разнообразные возможности выразить в П. своё отношение к предмету речи (включая её автора), к ситуации, о к-рой сообщается (включая саму ситуацию общения), к адресату. Эта прагматическая триада, реализующаяся в разных П. или полностью, или в какой-то своей части и взаимодействующая с его семантической структурой, делает П. языковой единицей, обладающей глубоким и неодноступенчатым смысловым строением.

П. как информативная единица обладает большими строевыми и коммуникативными возможностями. Оно выражает сообщение, как правило, не изолированно, а в окружении других сообщающих единиц (предложений, высказываний) и связано с ними содержательными, а часто и синтаксическими отношениями. Входя в текст в качестве его структурирующего компонента, П. вместе с другими единицами организует соответствующее сверхфразовое единство и соотносит его части друг с другом.

Сложное П. – это объединение двух (или более) простых П. (или их аналогов) средствами союзов, союзных слов или союзных частиц (в сочетании с определённой интонацией, а часто также и при поддержке лексики) в некое новое синтаксическое образование, части к-рого вступают друг с другом в определённые синтаксические отношения. При этом одна из частей может претерпевать существенные структурные изменения либо вообще иметь такую формальную организацию, к-рая простому П. не свойственна. В зависимости от того, какие средства связывают части сложного П., эти П. делятся на сложносочинённые (с формально независимыми друг от друга частями) и сложноподчинённые (с главной и придаточной частью); однако внутренние отношения частей и в том и в другом случае часто оказываются не совпадающими с формальной организацией сложного П. и семантические характеристики сложносочинённых и сложноподчинённых П. перекрещиваются.

И в рус., и в зап.-европейской лингвистике П. и его компоненты долгое время рассматривались как категории, совпадающие с логическим суждением и его частями (К. Ф. Беккер, Н. И. Греч, Ф. И. Буслаев) либо с психологическим актом коммуникации (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов). В изучении П. как собственно языковой, синтаксической категории, имеющей свои формальные и смысловые (семантические) характеристики, сложилось несколько направлений, связанных: 1) с учением о П. как о сложной

неодноуровневой структуре, одновременно репрезентирующей собою несколько ступеней языковой абстракции (В. Матезиус, М. Докулил, Ф. Данеш); в отечественном языкознании такой подход представлен в академической «Русской грамматике» (1980), в работах Д. Н. Шмелёва, Н. Ю. Шведовой, Ю. С. Степанова и др.; 2) с теорией порождающей грамматики и трансформационного синтаксиса (Н. Хомский, З. З. Харрис, Д. С. Ворт, Р. Ружичка); 3) с разными учениями о П. как о синтагматической цепи связей и отношений, об аранжировке слов (Й. Рис, Л. Блумфилд, А. В. де Гроот, Л. Теньер); 4) с анализом П. прежде всего как единицы значения (О. Есперсен, Л. В. Щерба); в 60–70-х гг. – в аспекте теории глубинных и поверхностных структур и пропозитивной номинации (А. Х. Гардинер, У. Вайнрайх). В 60–80-х гг. активно исследуются парадигматические связи и отношения П., организующие их в определённые системы (Ворт, П. Адамец, Т. П. Ломтев, Шведова), а также его содержательное строение (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Г. А. Климов, Е. В. Падучева и др.).

Лит.: Пешковский А. М., Интонация и грамматика, в его кн.: Избр. тр., М., 1959; Курилович Е., Основные структуры языка: словосочетание и предложение, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Мельничук А. С., Аспекты общей теории предложения как единицы речи, в кн.: Проблемы языкознания, М., 1967; Общее языкознание, ч. 2 – Внутренняя структура языка, М., 1972; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: Слав. языкознание. VII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации, М., 1973; Падучева Е. В., О семантике синтаксиса, М., [1974]; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Языковая номинация, кн. 1 - Общие вопросы, кн. 2 – Виды наименований, М., 1977; Климов Г. А., Типология языков активного строя, М., 1977; Адамец П., Образование предложений из пропозиций в совр. рус. языке, Прага, 1978; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; его же, Индоевропейское предложение, М., 1989; Гак В. Г., Теоретическая грамматика франц. языка. Синтаксис, М., 1981; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Скобликова Е. С., Очерки по теории словосочетания и предложения, Куйбышев, 1990; Прияткина А. Ф., Рус. язык. Синтаксис осложнённого предложения, М., 1990; Ries J., Was ist ein Satz?, в его кн.: Beiträge zur Grundlegung der Syntax, H. 3, Prag, 1931; Daneš F., A Three-level approach to syntax, в кн.: Travaux linguistiques de Prague, v. 1, Prague, 1966 *Н. Ю. Шведова.*

Предло́жный паде́ж – 1) форма существительного, входящая в парадигму единственного и множественного числа, употребляющаяся всегда с предлогом (*в, на, о, по, при*), с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.– *столе, городе, коне, крае* и *краю, жене, земле, болоте, поле, кости, дочери, имени, пути*; во мн. ч.– *столах, городах, конях, краях, жёнах, землях, болотах, полях, костях, дочерях, именах, путях*; 2) ряд таких форм существительного (в единственном и множественном числе), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного или причастия, входящая в парадигму единственного и множественного числа, с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.– *круглом, круглой, синем, синей, крепком, крепкой, лисьем, лисьей, тётином, тётиной, отцовом, отцовой, действующем, действующей, сломанном, сломанной*; во мн. ч.– *круглых, синих, крепких, лисьих, тётиных, отцовых, действующих, сломанных*; 4) ряд таких форм прилагательного или причастия (в единственном и множественном числе), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения П. п.– объектное и определительное; субъектное значение для него мало характерно, так же, как и функция необходимой информативно восполняющей формы. Объектное значение принадлежит сочетаниям с предлогами *в* (*потребность в ласке, упрёк во лжи*), *на* (*сосредоточиться на работе, настаивать на операции*), *о* (*говорить о работе; Об этом событии давно известно*), *по* (*тоска по родине*). В предложении (при детерминации) объектное значение может контаминироваться со значением определительным (по месту, локализованности): *Мальчику неинтересно в кружке, интересно на катке* («скучен кружок», «интересен каток»).

П. п. определяет слово или предложение в целом по месту, времени, мере, количеству, условию, назначению, качеству или свойству, причине, по сопровождающим обстоятельствам, по связанности, по отнесённости к кому-чему-*л.* (для сочетаний с разными предлогами характерны свои частные виды определительного значения). Основные значения П. п. обнаруживаются и в его сказуемостной функции (*Разговор – о детях; Лодка – на берегу; Семья – в волнении*). Субъектное значение выступает в контаминации с определительным (по месту, локализованности): *В публике хохот; В сердце страх; В душе тревога; В угрюмости леса есть своя прелесть* («угрюмость леса имеет свою прелесть»).

Лит.: Топоров В. Н., Локатив в слав. языках, М., 1961; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. См. также лит. при ст. Падеж.
Н. Ю. Шведова.

Преждебу́дущее вре́мя – сложная грамматическая форма будущего времени древних славянских языков, в том числе древнерусского, утраченная в истории русского языка.

П. в. обозначало будущее действие, к-рое завершится раньше другого будущего действия, напр. *боудеть ли сталъ на разбой без всякоıа свады* (ссоры) *то за разбоиника людье не платıать* – «Сначала (в будущем) кто-либо станет разбойничать, а потом уже (но тоже в будущем) людям не надо будет за это платить штраф» (пример из Русской правды).

П. в. образовывалось сочетанием спрягаемой формы буд. времени от глагола *быти* с причастием прош. времени на *-л-* (см. Перфект). Так,

напр., формы П. в. от глагола *писати* имели след. вид.

Число	Лицо		Род		
			мужской	женский	средний
Единственное	1-е	*боудоу*	*писаль*	*-а*	*-о*
	2-е	*боудеши*	«	«	«
	3-е	*боудеть*	«	«	«
Множественное	1-е	*боудемь*	*писали*	*-ы*	*-а*
	2-е	*боудете*	«	«	«
	3-е	*боудоуть*	«	«	«
Двойственное	1-е	*боудевѣ*	*писала*	*-ѣ*	*-ѣ*
	2-е	} *боудета*	«	«	«
	3-е				

Формы П. в. в памятниках др.-рус. языка 13–14 вв. могли обозначать не только действие, к-рое относится к будущему и осуществляется ранее другого будущего, но и прошедшее действие, совершившееся до момента речи. Напр., в предложении *аже ся гдѣ боудоу описаль или переписаль или не дописаль, чтите исправливаа* (Лаврентьевская летопись) формы *боудоу описаль или переписаль или не дописаль* обозначают прошедшие действия, т. е. действия, отнесённые к тому времени, когда летопись была уже написана. Такое употребление и значение форм П. в. сближало их с формами плюсквамперфекта (см.), чему способствовало использование при образовании обоих времён причастия на *-л-*, к-рое рано стало ассоциироваться с выражением значения прош. времени.

Формы П. в. были утрачены в рус. языке только в 17 в., однако уже в 15–16 вв. их употребление постепенно убывало. Так, в памятниках этого времени уже наблюдаются случаи их неправильного употребления; это находит своё выражение в утрате согласования связки с причастием на *-л-* и в контаминации (см.) форм П. в. с другими формами; напр., форма *боудоу* сочетается с аористом (см.) – *боудоу согрѣшихъ* или с формой сложного буд. времени – *боудоуть учнуть тебе звати и ты того на дѣлаль*. *В. В. Иванов.*

Препози́ция – постановка грамматического компонента перед другим, с ним связанным. Напр., в производных словах префиксы находятся в П. по отношению к корню слова: *под-ход, при-ступить*. В сочетаниях имён с предлогами б. ч. предлогов стоит в П. по отношению к слову, с к-рым предлог связан: *в степи, с жаром, от окна, перед поездкой*. Частица *а* находится в П. по отношению к слову (или группе слов), к-рое она выделяет: *А эти люди мне нравятся*; *А в лесу было тихо*. В словосочетаниях *летняя ночь, быстро работать* прилагательное *летняя* и наречие *быстро* находятся в П. к существительному (в первом) и глаголу (во втором). В предложении *Летят журавли* сказуемое находится в П. к подлежащему, а в предложении *Артисты приехали* подлежащее находится в П. по отношению к сказуемому. В сложном предложении *Пока шёл спектакль, все молчали* придаточное предложение находится в П. по отношению к главному, а в предложении *Все молчали, пока шёл спектакль* главное предложение находится в П. по отношению к придаточному. *И. И. Ковтунова.*

Пресуппози́ция, презумпция,– термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, к-рый должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте. Предложение (1) *Филипп знает, что Нью-Йорк – столица США* семантически аномально, поскольку в его смысл входит в качестве П. ложное суждение *Нью-Йорк – столица США*. Компоненты смысла, не являющиеся П., могут быть ассертивными (ассерциями), импликативными, аппозитивными или иметь к.-л. иной коммуникативный статус.

Понятие «П.» возникло в философской логике (Г. Фреге, П. Стросон), где обозначает семантический компонент предложения (суждения), к-рый должен быть истинным, чтобы предложение S имело в данной ситуации истинностное значение, т. е. было либо истинным, либо ложным. Предложение (2) *Филипп знает, что столица США – Вашингтон* будет истинным или ложным в зависимости от географических познаний Филиппа, а предложение (1), с ложной П., не может быть ни истинным, ни ложным, поскольку оно бессмысленно.

П. входят в значение нек-рых семантических классов слов и синтаксических конструкций. Так, фактивные глаголы (*знать, сожалеть* и т. п.) характеризуются П. истинности суждения, выражаемого подчинённой предикацией. Глаголы *удалось, сумел* имеют П. попытки: фраза *Ему удалось найти новые материалы* включает смысл 'Он прилагал усилия'. Понятие «П.» используется при описании семантики частиц (*только, даже, тоже, разве*), наречий, союзов и грамматических категорий (число, вид, время, наклонение; так, во фразе *Не падай!* повелительное наклонение несов. вида несёт П. контролируемости действия, ср. *Не упади!*).

Различаются категориальные П., т. е. ограничения на семантическую сочетаемость,– П. того, что актант (участник ситуации; см.) входит в область применимости предиката [во фразе *«Про то никто не знал, а знала лишь одна Высоких тополей тенистая аллея»* (Апухтин) нарушена П. одушевлённости субъекта глагола *знать* и глагол понимается в переносном смысле]; экзистенциальные П., т. е. П. существования и единственности; они входят в значение конкретно-референтных именных групп (в примере Фреге *«Тот, кто открыл эллиптическую форму планетных*

орбит, умер в нищете» имеется П. «Существовал человек, который открыл эллиптическую форму планетных орбит»); фактивные П., как в предложении (1) или (2).

Кроме П. как условия осмысленности и наличия истинностного значения (семантическая П.) имеется понятие прагматическая П.; предложение S имеет прагматическую пресуппозицию P, если при любом нейтральном (т. е. не демагогическом, не ироническом и пр.) употреблении S в высказывании говорящий считает P само собой разумеющимся или просто известным слушателю. Семантическая П. предложения может не дублироваться соответствующей прагматической. Так, предложение *Бедный Ваня не знал, что в этом лесу водятся волки* в одном из пониманий не имеет прагматической П., соответствующей придаточному, хотя имеет семантическую П. Прагматическая П. используется для описания семантики актуального членения предложения (см.).

Главное свойство П. состоит в том, что они не подвергаются отрицанию в общеотрицательных предложениях, напр. *Он знает, что я вернулся* и *Он не знает, что я вернулся* содержат одну и ту же П. «Я вернулся».

П. следует отличать от других неэксплицитных семантических компонентов предложения – следствий, исходных предположений (для вопроса), условий успешности речевого акта и др. Исследуются общие правила «наследования», «насыщения», «погашения» П. и поведение П. в контексте различных пропозициональных операторов.

Лит.: Арутюнова Н. Д., Понятие пресуппозиции в лингвистике, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1973, т. 32, № 1; Падучева Е. В., Понятие презумпции в лингвистической семантике, в кн.: Семиотика и информатика, в. 8, М., 1977; её же, Высказывание и его соотнесенности с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений), М., 1985, гл. 3; Фреге Г., Смысл и денотат, пер. с нем., в кн.: Семиотика и информатика, в. 8, М., 1977; Кифер Ф., О пресуппозициях, в кн.: НЗЛ, в. 8, М., 1978; Strawson P. F., Introduction to logical theory, L., 1952; Stalnaker R. C., Presuppositions, «Journal of Philosophical Logic», 1973, v. 4; Syntax and semantics, v. 11– Presupposition, N. Y.– S. F.– L., 1979

Е. В. Падучева.

Пре́фикс – то же, что приставка.

Префиксо́ид – см. Аффиксоид.

Прида́точное предложе́ние, придаточная часть сложноподчинённого предложения,– формально зависимый компонент сложноподчинённого предложения (см.), подчинённый главной части этого предложения. Структурными показателями подчинённости П. п. являются входящие в его состав подчинительный союз или союзное слово. Наличие двух терминов для обозначения зависимого компонента сложноподчинённого предложения – «П. п.» и «придаточная часть сложноподчинённого предложения» – связано с существованием в науке двух различных интерпретаций (квалификаций) состава сложного предложения как синтаксической единицы: 1) сложное предложение состоит из двух (и более) простых предложений; эту точку зрения отражает термин «П. п.»; 2) сложное предложение состоит из двух (и более) предикативных конструкций, не имеющих, несмотря на наличие предикативности, статуса предложения, поскольку они не обладают смысловой завершённостью и интонационной цельнооформленностью; в этом случае употребляют термин «придаточная часть сложноподчинённого предложения».

В одночленных сложноподчинённых предложениях придаточная часть сложноподчинённого предложения «прикреплена» к главной части присловной связью, т. е. она подчиняется одному определённому слову в составе главной части, т. н. опорному компоненту. Будучи подчинённой опорному компоненту, придаточная часть сложноподчинённого предложения может выполнять по отношению к нему различные функции: 1) восполнять информативную недостаточность опорного компонента, сужая, конкретизируя его широкое обобщённое значение – изъяснительные отношения (*Радостное настроение омрачалось мыслью, что придётся покинуть родные края*); 2) служить для выделения (вычленения) объекта, обозначенного опорным компонентом, из ряда ему подобных – отношения идентификации (*Я хочу подчеркнуть мысль, которая содержится в эпилоге книги; Я хочу подчеркнуть ту мысль, которая содержится в эпилоге книги*); 3) сообщать нечто дополнительное об объекте, называемом опорным компонентом,– распространительные отношения (*Мне пришла в голову интересная мысль, которой я тут же поделился с соседом*). В последнем случае подчинённый характер придаточной части сложноподчинённого предложения основывается лишь на формальной отнесённости союзного слова *который* к подчинительным средствам связи, ср. *Мне пришла в голову интересная мысль, и я тут же поделился ею с соседом*.

В двучленных сложноподчинённых предложениях придаточная часть сложноподчинённого предложения подчиняется всей главной части целиком, её структурная зависимость может проявляться в виде «жёсткого» требования, предъявляемого к форме глагола-сказуемого. Напр., в т. н. целевых предложениях с союзом *чтобы* при наличии различных субъектов в главной части и в П. п. для предиката П. п. грамматически обусловлена форма прош. времени: *Я поеду к бабушке, чтобы она рассказала мне историю нашей семьи*. Однако в большинстве двучленных сложноподчинённых предложений субординационный характер связи между главной частью и П. п. ничем не подкрепляется и неравноправие компонентов определяется лишь по наличию в составе П. п. маркирующего союза, относимого в грамматиках к классу подчинительных.

И присловные, и неприсловные (прифразные) П. п. получают в классификациях сложного пред-

ложения свою дальнейшую дифференциацию. Присловные П. п. подразделяются на: присубстантивно-определительные (опорное слово – имя существительное: *Портфель, в котором лежали документы, исчез*), местоименно-соотносительные (*Иду туда, откуда доносятся голоса; Возьми то, что лежит на столе*), прикомпаративные (опорное слово – сравнительная степень, или компаратив: *Путь оказался труднее, чем мы предполагали*), изъяснительные (П. п. информативно восполняет, «изъясняет» опорное слово, чаще всего глагол или отглагольное образование, а также оценочные наречия, существительные, прилагательные: *Я надеюсь, что всё обойдётся; Мне послышалось, будто кто-то постучал; Меня не покидала мысль, что я всё это уже когда-то видел; Удивительно, что он никому не сообщил о своём приезде; Я очень рада, что вы пришли*) и разные виды обстоятельственно характеризующих предложений с опорными словами – глаголом, прилагательным, существительным (*Вода так прозрачна, что видно дно; Она так устала, что сразу уснула*). Прифразные П. п. дифференцируются в соответствии с союзами, организующими сложное предложение. Т. о., среди прифразных П. п. выделяются: временны́е (союз *когда* и т. п.: *Когда начались дожди, мы переехали в город*), причинные (союз *потому что* и т. п.: *Журнал не покупают, потому что он слишком дорого стоит*), условные (союз *если* и т. п.: *Если я вернусь рано, то позвоню тебе*), целевые (союз *чтобы* и т. п.: *Чтобы получить хороший урожай, почву надо удобрять*), уступительные (союз *хотя* и т. п.: *Хотя уже стемнело, люди не расходились*), сравнительные (союз *как* и т. п.: *Я с нетерпением ждал встречи с морем, как дети ждут праздника*), следственные (союз *так что* и т. п.: *Вылет рейса задерживается, так что нам придётся сидеть в аэропорту*).

Лит. см. при ст. Сложноподчинённое предложение.

С. А. Шувалова.

Прикладна́я лингви́стика – направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка. Традиционными прикладными задачами языкознания являются: создание и совершенствование письменностей; создание систем транскрипции (см.) – точной записи устной речи, систем транслитерации (см.) иноязычных текстов, систем стенографии, письма для слепых; повышение скорости типографского набора на основе рационального использования свойств языка; упорядочение, унификация и стандартизация научно-технической терминологии; изучение процессов и создание правил образования названий новых изделий, товаров, химических веществ; разработка методов смыслового отождествления текстов (напр., при информационном поиске), методов аннотирования и реферирования, а также методов адекватного преобразования текстов в иноязычную форму (перевод); отбор языкового материала в целях совершенствования методики преподавания языков; создание специальных лингвистических справочников для решения перечисленных задач, создание и изучение развития искусственных языков. П. л. 2-й пол. 20 в. рассматривает не только методы решения указанных задач человеком, но также и программируемыми символьными автоматами (компьютерами). В связи с этим употребляются также термины «вычислительная», «компьютерная», «автоматическая», «инженерная» лингвистика.

Термин «П. л.» появился в кон. 20-х гг. 20 в., когда была осознана необходимость строгого научного решения соответствующих задач с использованием методов формального лингвистического анализа письменных текстов и акустико-лингвистического анализа устных сообщений. Общие методы решения задач П. л. разрабатываются теоретическим языкознанием, прежде всего той его областью, к-рая изучает формальные алгоритмические процедуры анализа языка, а также математической лингвистикой. Основные направления П. л.: автоматическое распознавание и синтез речи; автоматические методы переработки текстовой информации; автоматизация информационных работ; создание автоматизированных систем информационного поиска, автоматических словарей; разработка методов автоматического аннотирования, реферирования и перевода (см. Автоматическая обработка текста, Автоматический перевод); лингвистическое обеспечение автоматизированных систем различного назначения, терминоведение; решение различных лингвистических задач на компьютерах в целях информатизации филологии. В рамках последнего направления практикуется разработка лингвистических, текстовых и словарных баз данных, программных средств доступа к ним (см. Машинный фонд русского языка).

Лит.: Language & Technology. Reports on the state of affairs in Belarus, Bulgaria, Chech Republic, Estonia, Hungary, Latvia, Poland, Romania, Russia, Slovakia, Slovenia, Ukraine Compiled by the European Commission from contributions provided by the participants in the Awareness Days for Central and Eastern Europe Luxembourg, 13–14 January 1994. *В. М. Андрющенко.*

Прилага́тельное, имя прилагательное,– часть речи, обозначающая непроцессуальный признак (качество, свойство) и выражающая это значение в грамматических категориях рода, числа и падежа. Все эти категории у П. обнаруживаются как в его собственном словоизменении, так и в способности П. к согласованию с определяемым именем существительным.

Разграничение имён на существительные и П., по-видимому, не было известно античным грамматикам. Впервые это разграничение было осуществлено в сер. 12 в. Петром Гелийским, преподавателем Парижского ун-та, в то время научного и богословского центра ср.-век. Европы. В традиции

рус. грамматик имя П. стало выделяться как самостоятельная часть речи начиная с 19 в. Вплоть до «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755) П. вместе с существительным считалось одной частью речи – именем. Исходя из того, что «воображение вещей приводит в ум наш купно их качества», Ломоносов имена разделял на существительные – «имена, значащие вещь самую», и на П. – «имена, значащие качество» («Российская грамматика», § 50).

В совр. рус. языке П.– самый многочисленный класс слов после имён существительных. По значению П. делятся на качественные (см. Качественные прилагательные), обозначающие признаки предмета, способные проявляться с разной степенью интенсивности (*белый, молодой, прочный, яркий*), и относительные (см. Относительные прилагательные), обозначающие признаки предмета обычно через его отношение к другому предмету (*дверной, стеклянный, весенний*), процессу (*плавательный, надувной, лечебный*) или признаку (*прежний, вчерашний*). Относительные П., указывающие, кому принадлежит предмет, к-рый они определяют, называются притяжательными (*отцов, дядин, братнин, волчий*). Относительные П. могут приобретать качественное значение: *золотой характер, железная дисциплина, душевное отношение, сердечный друг, медвежья услуга*. Качественные П. характеризуются рядом грамматических признаков. Они имеют краткие формы, образуют формы сравнительной степени; от качественных П. свободно образуются соотносительные по значению наречия на *-о, -е* типа *весело, горячо, излишне*; качественные П. сочетаются с наречиями степени (*очень красивый, необыкновенно умный*). Только качественные П. могут иметь непроизводную основу.

П. изменяются по родам (только в ед. ч.), числам и падежам. Род, число и падеж П.– категории синтаксические: они зависят от рода, числа и падежа существительного, к-рое П. определяет: *новый дом, новая дача, новые здания, много новых построек*. П. обладают также категорией одушевлённости – неодушевлённости; ср., напр., *Я увидел знакомого студента, старых друзей*, но *Я видел старый дом, знакомые с детства места*. Формы рода, числа и падежа П. в тех случаях, когда П. определяют несклоняемые существительные, осуществляют функцию указания на род, число, падеж и одушевлённость – неодушевлённость этих существительных, напр.: *военный атташе, знатная леди, компетентное жюри; Я встретил знакомого конферансье*.

В склонении П. выделяются два типа, различия между ними выражены в формах ед. ч., а также в формах им. п. мн. ч. К первому типу принадлежат все П. с флексиями *-ий(-ый), -ой; -ая(-яя); -ое(-ее)* в формах ед. ч. (*умный, средний, плохой; умная, средняя, плохая; умное, среднее, плохое*) и с флексией *-ие(-ые)* в формах мн. ч. Ко второму типу принадлежат притяжательные П. с нулевой флексией в им. п. ед. ч. муж. рода и с основой, оканчивающейся на *-j* (*рыбий, лисий, медвежий, заячий*) или на *-ов(-ев), -ин(-ын)* (*отцов, царёв, зятев; сестрин, сестрицын*). П. на *-ин* (*тёткин, матушкин*) в род. и дат. п. ед. ч. муж. и ср. рода могут иметь вариантные формы на *-а* и *-ого* (род. п.) и на *-у* и *-ому* (дат. п.); однако формы род. п. на *-а* и дат. п. на *-у* являются устаревшими и последовательно сохраняются у П., входящих в состав географических названий (*Маточкин Шар – Маточкина,-у Шара,-у; Ласточкино гнездо – Ласточкина,-у гнезда,-у*), названий растений (*венерин башмачок – венерина,-у башмачка,-у*), устойчивых сочетаний (*тришкин кафтан – тришкина,-у кафтана,-у; Юрьев день – Юрьева,-у дня,-ю; Духов день -Духова,-у дня,-ю*).

П. имеют полные и краткие формы. Полные (атрибутивные) формы склоняются и в им. п. ед. ч. имеют флексии *-ий(-ый), -ой; -ая(-яя); -ое(-ее)* и во мн. ч. *-ие(-ые)*. Краткие (предикативные) формы не склоняются и имеют родо-числовые флексии: в муж. роде – нуль, в жен. роде *-а(-я)*, в среднем – *-о(-е)*, во мн. ч. *-и(-ы)*. Краткие формы образуют только качественные П. (*новый – нов, нова, ново, новы; жгучий – жгуч, жгуча, жгуче, жгучи*). Только краткую форму имеют П. *рад, горазд, люб, должен; добренек, молоденек; радёхонек, одинёшенек* и нек-рые др.

Качественные П. образуют степени сравнения: сравнительную и превосходную. Формы сравнительной степени образуются при помощи суффиксов *-ее(-ей)*: *умнее – умней, добрее – добрей*; *-е* (перед суффиксом чередуются *к – ч, г – ж, х – ш, лк – л'ч* и не всегда *т – ч, д – ж, с – ш, з – ж, ст – щ*): *мягче, дороже, тише, мельче, круче, твёрже* и т. п.; *-ше* в словах *старше, раньше, дальше* (от *далёкий*). П. *малый* и *маленький, хороший* и *плохой* образуют формы сравнительной степени от супплетивных основ: *меньше, лучше, хуже*. Простые формы превосходной степени образуются при помощи суффиксов *-ейш(ий)* и (после основ на согласные *г, к, х*) *-айш(ий)*: *вернейший, строжайший, высочайший, тишайший*. Значения сравнительной и превосходной степени могут выражаться также сложными (аналитическими) формами, напр. *красивый – более красивый* и *самый красивый*.

В предложении П. выступают в роли согласованного или несогласованного определения (*прекрасный, прекраснейший вечер; Я не помню вечера прекраснее, чем этот*) и в роли именного сказуемого: *Вечер был прекрасный* (*прекрасен, прекраснейший*); *Вечер был прекраснее, чем мы ожидали*.

Класс П. пополняется за счёт новообразований. Производные П. принадлежат к различным способам словообразования: суффиксальному (*водный, виновный, купированный* и *купейный*), префиксальному (*антирелигиозный, архисложный, безыдейный*), префиксально-суффиксальному (*без-*

винный, сверхсрочный, подмосковный), являются сложными словами (*бело-розовый, научно-технический, плодово-ягодный, слепоглухонемой*), представляют собой слова-сращения (*умалишённый, вышеуказанный*). Состав П. пополняется за счёт адъективации причастий (*волнующий, выдающийся, бывший, битый*).

П. претерпели в своём историческом развитии ряд изменений. Утрачено существовавшее в др.-рус. языке деление П. на два типа – именные (*добръ, добра, добро; синь, синя, сине*) и местоименные, представляющие собой первоначально объединение именного П. с указательными местоимениями соответственно муж. (*и*), жен. (*я*) и ср. (*е*) рода: *добръи* (затем *добрый*), *добрая, доброе; синий, синяя, синее*. Из старых местоименных форм развились совр. полные прилагательные. Именные П., совпавшие с краткими формами, перестали склоняться. В совр. языке падежные формы кратких П. встречаются только во фразеологических сочетаниях и в фольклоре: *средь бела дня, по белу свету, на босу ногу, подобру-поздорову, от мала до велика; добру молодцу, на добра коня, красну девицу*. Значительные изменения произошли в образовании и употреблении форм сравнительной степени. В др.-рус. языке П. сравнительной степени употреблялись в краткой (*добрѣи, болии, хужии*) и полной формах и обе эти формы изменялись по родам, числам и падежам. Полная форма, подобно местоименным П., образовалась путём объединения краткой формы сравнительной степени с указательными местоимениями *и, я* и *е*: *добрѣи* (затем по аналогии с формами косвенных падежей, имевших в конце основы *ш*: *добрѣиший*), *добрѣишия, добрѣишее* (вместо более раннего *добрѣе*). Краткие формы, перестав употребляться в роли определения, утратили склонение. Несклоняемая форма ср. рода на *-ее, -е* и *-ше* в совр. языке стала формой сравнительной степени. Полная форма на *-ейший, -айший* получила новое значение – превосходной степени. Несколько П. сохранили архаическую форму сравнительной степени: *большой – бóльший, малый – мéньший, горький – гóрший* и до сер. 19 в.– *старший* и *младший*. Иногда в значении сравнительной степени употребляются формы *худший* (от *плохой*) и *лучший* (от *хороший*).

Поскольку по характеру склонения, падежным флексиям и синтаксическим функциям порядковые числительные, причастия и местоименно-указательные слова (*тот, чей, весь, мой, твой, ваш, наш, этот, такой, какой, всякий, каждый, сам* и т. п.) подобны П., нек-рые лингвисты включают их в состав П. и рассматривают как особые разряды относительных П. (порядковые числительные), как гибридные глагольно-прилагательные формы (причастия) или как замкнутую группу особых местоимений-П.; академическая «Русская грамматика» (1980) рассматривает местоимения-П. и порядковые числительные в составе П. как части речи. Авторы грамматик рус. языка, издающихся как в России, так в других странах, чаще придерживаются традиционного распределения слов по частям речи, отмечая при этом близость названных разрядов слов по словоизменению и синтаксическим функциям к П.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т 1, М., 1960; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Грамматика совр. рус. лит языка, М., 1970; Болла К., Палл Э., Папп Ф., Курс совр. рус. языка, 3 изд., Будапешт, 1977; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Garde P., Grammaire Russe, t. 1 – Phonologie–Morphologie, P , 1980.

В. А. Плотникова (Робинсон).

Прилож́ение – вид согласования (см.), при к-ром в роли определяемого и определяющего выступают существительные. Определяя предмет (или лицо), П. утверждает у него наличие к.-л. качества, свойства (*рабочий-рационализатор, старик-отец, серьги-изумруды*), функционального (*поэт-песенник, самолёт-разведчик*) и видового (*месяц август, ягода малина, птица зяблик*) признаков, экспрессивно оценивает этот предмет или лицо (*молодец-удалец, злодейка-западня*). В сочетаниях типа *старик-отец*, однако, выделить определяемое и определяющее можно только по смыслу: с точки зрения грамматики выявить, как распределяются роли между двумя названными существительными для выражения атрибутивности, нельзя. Экспрессивная оценка может сопровождаться характеристикой предмета по его сходству с другим предметом (*утёс-великан, человек-кремень*), по производимому им действию (*мороз-трескун*) или свойству (*скатерть-самобранка, гусли-самогуды*). П. может определять другое существительное по роду деятельности (основной или эпизодической) (*соседка-педагог, Станиславский-мемуарист*). Имена, фамилии, прозвища, клички, географические названия, собственные имена предметов, выступающие в роли определения, всегда являются П.: *девочка Надя, гражданин Иванов, собака Полкан, город Москва, река Днепр, газета «Известия», гостиница «Москва»*. К П. относятся также бессоюзные соединения слов, называющие ограничивающие пункты маршрута, движения, периода, развития, основные единицы в составе к.-л. группы: *телемост «Москва–Вашингтон», поезд «Москва–Киев», коллекция одежды «Осень–зима», ракета «земля–земля»*.

Существительные, связанные по принципу П., могут взаимно определять, уточнять значения друг друга: *друг-приятель, род-племя, путь-дорога, печаль-кручина, шум-гром*.

П. может присоединяться к определяемому слову при помощи союзов *или, а именно, то есть*, при помощи сочетаний *по имени, по фамилии, под псевдонимом, по прозвищу, по кличке, по профессии*, для неличных имён – *под названием*: *врач по фамилии Иванов, станция под названием «Зима», собака по кличке Тяпа*.

П. может относиться к любому члену предложения, выраженному именем существительным. Позицию определяемого могут занимать также личные местоимения, субстантивированные прилагательные или причастия, числительные. П. обычно стоит после определяемого слова, реже – перед ним (*по реке Волге* и *по Волге-реке, дочка-красавица*). Препозиция П. обычна, если обозначаемый предмет упоминается не впервые, а также характерна для народно-поэтической речи.

П. согласуется с определяемым словом в падеже (об исключениях см. ниже) и числе: *сестра-врач, сестры-врача, сестре-врачу; телефон-автомат, телефона-автомата, телефоны-автоматы.*

Если П. присоединяется к определяемому слову при помощи сочетания *по фамилии*, отмечается колебание в падеже (первый вариант устаревает): *«Я должен был поступить в лакеи к одному петербургскому чиновнику, по фамилии Орлову»* (Чехов) / *...по фамилии Орлов.* В ряде случаев колебания в падеже свойственны выступающим при словах *станция, село, посёлок, река* (реже – *город*) и подобных в роли П. названиям мест (топонимам): *в селе Горки – в селе Горках, у реки Каменка – у реки Каменки.* Для нек-рых широко употребительных топонимов согласование в падеже с определяемым словом остаётся обязательным (*город Москва – города Москвы – в городе Москве*), для других – несклоняемость стала нормой (*на озере Байкал, к аэропорту Шереметьево*). Не склоняются и нек-рые выступающие при словах *станция, село, посёлок, река* (реже – *город*) и т. п. в роли П. топонимы в профессиональной речи (прежде всего у военных, географов, топографов, геологов), требующей абсолютной точности наименований (*бои в районе реки Каменка, комбинат у озера Ладога*), а также топонимы на *-ово, -ево, -ёво, -ино, -ыно*, когда род определяемого и определяющего слова не совпадает (*к деревне Белкино, в горняцком центре Соколово, из порта Ванино*).

Применительно к сочетанию *Москвá-река* закрепилась несклоняемость первой части: оно ведёт себя как сложное слово, что подтверждается и ударением (*у Москвá-реки, над Москвá-рекой*).

Согласования в падеже не происходит, если в качестве П. выступает прозвище (*у Владимира Красное Солнышко*), если П. являются наименования газет, учреждений, транспортных средств, общественных, культурных, спортивных мероприятий, названия лит. произведений и т. п.: *из газеты «Московские новости», в издательстве «Русский язык», к пароходу «Фёдор Шаляпин», у кинотеатра «Юность», на фестивале «Русская зима».*

Согласования в числе не осуществляется, если определяемое слово является существительным pluralia tantum (*очки-велосипед*) или в качестве П. выступает фразеологическое сочетание в форме мн. ч. (*мастер – золотые руки*).

Формы рода в согласовании не участвуют: они могут совпадать (*рыба акула, город-великан*) или не совпадать (*город Астрахань, дерево сосна*); исключением являются однокоренные слова, различающиеся только родовыми значениями, когда в качестве П. выбирается существительное того же рода, что и определяемое им слово (*сын-студент* и *дочь-студентка*).

В предложении П. часто имеет при себе распространители и может обособляться. Обособленное П. выполняет не только определительные функции, но и заключает в себе дополнительные сведения об определяемом.

При сочетании имени собственного и нарицательного П. является обычно имя нарицательное: *«Малаша, шестилетняя девочка, осталась в избе»* (Л. Н. Толстой). При необходимости уточнить лицо, конкретизировать его, в роли П. употребляется имя собственное: *«Остальные братья, Мартын и Прохор, до мелочей схожи с Алексеем»* (Шолохов).

П. могут быть существительные, утратившие конкретное значение и превратившиеся в указательные слова (*человек, люди, народ, женщина, дело* и др.), при них обязательны поясняющие слова, напр. *«... явился уездный лекарь, человек небольшого роста, худенький и черноволосый»* (Тургенев).

К роли указательного слова приближаются П. (всегда с определением), лексически совпадающие с определяемым: *«Изумление моё внезапно сменилось другим чувством, чувством задыхающейся радости»* (Тургенев).

Согласуясь с определяемым именем-подлежащим в падеже и, как правило, в числе, обособленное П. может стоять как перед подлежащим, так и после него. Препозитивное обособленное П. имеет значения: качественно-характеризующее, причинное, напр. *«Упрямец во всём, Илья Матвеевич оставался упрямцем и в учении»* (Кочетов), или уступительное, напр. *«Человек до революции консервативных взглядов, он изменился в революции»* (Шкловский). Такие П. синонимически сближаются с придаточными предложениями, вводимыми союзами *так как, хотя*, с оборотом с *будучи*. Постпозитивные обособленные П., относящиеся к подлежащему, имеют качественно-характеризующее значение, напр. *«Со мной был чугунный чайник – единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу»* (Лермонтов), или наряду с этим значением – дополнительное сообщение о субъекте, напр. *«Легкие судороги – признак сильного чувства – пробежали по его широким губам»* (Тургенев).

Обособленное П. может представлять собой субстантивный оборот, содержащий другое обозначение предмета (лица), уже названного определяемым словом, напр. *«Путь мой шёл мимо бердской слободы – пристанища пугачёвского»* (Пушкин).

Возможно согласование только в падеже, когда определяющее существительное не имеет формы мн. ч.: *В горах водятся ядовитые змеи – гроза здешних мест.*

Существует точка зрения, согласно к-рой П. может присоединяться к определяемому слову также при помощи союза *как*: *«Клавичек как пекарь по профессии посылался контролёром в отдел снабжения»* (Н. А. Островский); *«У нас часто употребляют как похвалу эпитет "монолитный"»* (Эренбург). Эти конструкции синонимически сближаются с конструкциями с предлогами (*Клавичек как пекарь по профессии/в качестве пекаря по профессии; употребляют как похвалу/в качестве похвалы /в виде похвалы/ для похвалы/с целью похвалы*) и с деепричастными оборотами (*будучи пекарем*) От П. следует отличать сложные слова (*изба-читальня, ясли-сад*), сочетания синонимического (*друг-приятель*), антонимического (*купля-продажа, приём-выдача*), ассоциативного (*хлеб-соль, руки-ноги*) характера.

Лит.: Совр. рус. язык, под ред. Д Э Розенталя, ч. 2, 2 изд., М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М , 1980.

М. С. Михайлова

Примыка́ние – подчинительная связь, при к-рой главное слово не вызывает у зависимого определённых грамматических форм, поскольку зависимое слово является неизменяемым: *быстро писать, очень яркий.* Главным словом при П. является то, к-рое может принимать разные формы, ср.: *писать быстро – пишу* (*пишешь* и т. д.) *быстро.* Если главное слово, как и зависимое, является неизменяемым, то главным считается то, к-рое в предложении может употребляться без зависимого, а зависимым – соответственно то, к-рое в предложении вне сочетания с главным не может быть употреблено, напр.: *Я шел очень быстро*, где *быстро* – главное слово, *очень* – зависимое, потому что можно сказать *Я шёл быстро*, но нельзя сказать *Я шёл очень.*

При П связь слов определяется порядком слов и интонационно (ср.:

Он научился быстро решать задачи;

Он быстро научился решать задачи;

Он долго учился быстро решать задачи)

или тем, что в предложении есть только одно слово, к к-рому может относиться зависимое примыкаемое (*Быстро ты это стихотворение в ы у ч и л*).

Зависимым словом при П. может быть наречие

(*быстро решать*),

прилагательное или наречие в форме сравнительной степени

(*мчаться быстрее поезда, быть умнее кого-нибудь*),

деепричастие (*говорить не переставая*),

инфинитив (*хотел учиться*),

неизменяемое прилагательное (*пальто реглан*, *цвет беж*).

Согласно иной точке зрения, зависимым примыкающим словом может быть и существительное в косвенном падеже, если оно выражает разного рода обстоятельства (т. н. именное примыкание): *гулять в лесу, работать до девяти часов вечера, сидеть дома из-за дождя.* Такие предложно-падежные формы могут зависеть от слов разных лексико-грамматических классов: *гулять в лесу, рисовать в лесу, встреча с другом в лесу.* Формы существительных никак не предопределяются, не управляются главным словом (см. Управление).

Главным словом при П. может быть: глагол – *горько плакать*; существительное – *борщ по-флотски, шапка набекрень, возможность сделать, манера говорить*; прилагательное – *очень добрый, способный выучить* (язык); наречие – *довольно трудно, совсем рядом.*

П., как и управление, бывает сильным и слабым. При с и л ь н о м П. главное слово обладает такими лексико-грамматическими свойствами, что зависимое примыкающее слово при нём является необходимым, обязательным, напр.: *кончить работать, учиться говорить, броситься спасать, повернуть направо.* При с л а б о м П. главное слово в предложении может быть употреблено и без зависимого, ср.: *Я быстро шёл в институт – Я шёл в институт.*

В нек-рых случаях сильнопримыкающее слово может быть заменено сильноуправляемым, ср.: *начать играть, начать игру.*

Одно и то же главное слово может одновременно задавать своим лексическим значением и сильноуправляемое, и сильнопримыкаемое слова, ср.: *велеть сыну прийти, заставить ученика выучить правило.*

Лит.: Рус. грамматика, М , 1980. *Е. Н. Ширяев.*

Приста́вка, п р е ф и к с (от лат. praefixus – прикреплённый впереди),– аффикс (см.), находящийся в составе простой основы (см.) перед корнем. В словах рус. языка выделяются последовательности от одной П. до трёх (напр., в слове *вз-дрогнуть* – одна П., в слове *при-со-единить* – две, в слове *по-при-от-крывать* – три).

П. в рус. языке – словообразовательный аффикс, она используется в способах словообразования: префиксальном (напр., *огромный – преогромный*), префиксально-суффиксальном (*Москва – подмосковный, новый – по-новому*), префиксально-постфиксальном (*кричать – раскричаться*), префиксально-суффиксально-постфиксальном (*шептать – перешёптываться*).

Основная особенность П. как самостоятельного словообразовательного средства (при чистой префиксации) состоит в том, что П. (в отличие от суффикса) присоединяется к целому слову, а не к основе. Поэтому производное (мотивированное) слово, образованное с помощью П., относится к той же части речи, к тому же типу склонения или спряжения, что и производящее (мотивирующее); напр., *группа – подгруппа* и *класс – подкласс* с одной и той же П. *под-*.

При чистой префиксации П. обычно лишь видоизменяет, модифицирует значение того слова, к к-рому она присоединяется. Напр., в существительные и прилагательные одни П. вносят значение отрицания или противоположности (*правда – неправда, порядок – беспорядок, художественный – антихудожественный*), другие образуют слова с оттенком усиления, высокой степени проявления признака (*красавица – раскрасавица, прибыль – сверхприбыль, добрый – предобрый, реакционный – архиреакционный*).

Глагольные П. обозначают различные оттенки, уточняющие характер протекания процесса, названного производящим глаголом: *мять – измять, помять, подмять, примять, намять, вмять, размять* и т. п. Присоединение П. к производящему бесприставочному глаголу несов. вида, как правило, приводит к образованию глагола сов. вида. Функция нек-рых глагольных П. сводится к образованию глагола сов. вида, составляющего с производящим глаголом несов. вида видовую пару (т. н. чистовидовые П.): *делать – сделать, писать – написать* и т. п. (см. Перфективация, Вид).

Префиксальный способ словообразования наиболее широко используется в рус. языке в глаголах; в именах существительных, прилагательных, наречиях он развит слабее. Почти все глагольные П. многозначны. Возможности приставочного глагольного словообразования очень велики: почти от каждого глагола можно образовать несколько глаголов с разными П.

Большинство исконно рус. П. совпадает по форме и отчасти по значению со служебными словами, прежде всего предлогами (напр., предлоги *без, до, при, от* и П. *без-, до-, при-, от-*) и частицами (*не* и П. *не-*); префиксально-суффиксальные образования с такими П. соотносительны по значению с сочетаниями служебного слова и существительного (ср.: *бездорожье* и *без дороги, отглагольный* и *от глагола*). Среди П. рус. языка имеется нек-рое количество заимствованных: *анти-, архи-, контр-, де-, ре-* и др.

Лит. см. при ст. Морфема. *В. В. Лопатин.*

Притяжáтельные местоимéния – см. Местоимение.

Притяжáтельные прилагáтельные – разряд прилагательных (см.), выражающих принадлежность чего-либо лицу или животному (*отцовы сапоги, волчья нора*). П. п. образуются с помощью суффиксов *-ов(-ев), -ин, -ий*. Они не имеют признаков качественных прилагательных (см.) и обычно считаются разновидностью относительных прилагательных (см.). Основная особенность П. п.– особый тип склонения: совпадение окончаний им. п. всех родов и чисел с окончаниями существительных (а также и кратких форм прилагательных): *отцов дом, волчий след* (с нулевыми окончаниями), *собачья конура, бабушкино кольцо, Васины часы*; у П. п. с суффиксом *-ов(-ев)* совпадают с существительными и окончания род. и дат. падежей: *отцова дома, отцову дому*. В остальных падежах используются окончания полных прилагательных: *в старой собачьей конуре*.

По лексико-семантическим свойствам П. п. подразделяются на две группы. К одной из них относятся П. п. с суффиксами *-ов(-ев)* и *-ин*, выражающие принадлежность конкретному единичному лицу, а иногда и животному: *кошкин дом*. Как и притяжательные местоимения, они могут обозначать неотчуждаемую принадлежность, распространяющуюся на части тела, родственные отношения, мысли, чувства, периоды жизни и др.: *отцовы слова, Митина любовь, Иваново детство*. Эти П. п. образуются преим. от терминов родства и уменьшительных личных имён. Они сохраняются в образованных от собственных имён географических названиях (*Берингово море*) и устойчивых сочетаниях (*анютины глазки, ахиллесова пята*), а также лежат в основе рус. фамилий типа *Иванов, Лебедев, Блохин*. Вторую группу составляют П. п. с суффиксом *-ий/-j-* типа *вдовий, вдовья* (фонологически *вдóв'ja*), образующиеся от нарицательных одушевлённых существительных и выражающие принадлежность неконкретизированному лицу или (чаще) животному: *помещичья усадьба, пастуший рожок, волчьи следы, медвежья берлога*. Эти П. п. могут выражать и типичные для относительных прилагательных значения «изготовленный из» (*соболий воротник*), «предназначенный для» (*охотничье ружьё*), «состоящий из» (*птичья стая*); у них могут развиваться и качественные значения (*волчий аппетит, собачий холод*).

Значение притяжательности могут выражать и относительные прилагательные, не имеющие специфических морфологических черт П. п. (с обычными окончаниями полных прилагательных во всех падежных формах). Их суффиксы могут полностью или частично совпадать с суффиксами П. п.: *ут-ин-ое гнездо* (ср. *птичье гнездо*), *петуш-ин-ый хвост* (ср. *павлиний хвост*), *морж-ов-ый клык* (ср. *волчий клык*), *отц-овск-ая машина* (ср. *отцова машина*), *цар-ск-ий дворец* (ср. *царицын дворец*).

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Булыгина Л. Л., Трудные вопросы морфологии, Л., 1976; Категория посессивности в слав. и балтийских языках, М., 1989.

Ю. П. Князев.

Прича́стие (калька лат. participium) – неспрягаемая глагольная форма, обладающая категориальными свойствами глагола и прилагательного и обозначающая процессуальный признак лица или предмета (*играющий ребёнок, прочитанная книга, возрождаемые надежды, распустившиеся цветы*). Ввиду совмещения в П. свойств глагола (см.) и прилагательного (см.), нек-рые лингвисты рассматривают П. как глагольно-именную форму и включают в морфологический разряд имён прилагательных.

Принадлежность П. к глаголу проявляется в наличии категорий залога, вида и времени. В зависимости от представления процессуального признака как активного или как пассивного все П. делятся на действительные и страдательные. П. действительного залога, представляющие процессуальный признак как активный, обозначают, что этот признак возник в результате действия самого носителя признака (*читающий ученик, расцветший сад*). П. страдательного залога, представляющие процессуальный признак как пассивный, обозначают, что этот признак возник в результате действия другого деятеля над носителем признака (*брошенный камень, гонимые ветром волны*). В П. сохранястся видовое значение того глагола, формой к-рого оно является (*нести – нёсший, носить – носящий, молчать – молчащий, свергнуть – свергнувший, взять – взятый*). В П., образованных от возвратных глаголов, сохраняется постфикс *-ся* (*встречаться – встречающийся, смеяться – смеющийся, сложиться – сложившийся*). П. имеют две формы времени, грамматически выражаемые посредством специальных суффиксов: наст. время – суффиксы *-ущ-(-ющ-), -ащ-(-ящ-), -ом-(-ем-), -им-* (*везущий, стоящий, исследуемый, гонимый*); прош. время – суффиксы *-вш-, -ш-, -нн-/-енн-, -т-* (*писавший, нёсший, разодранный, купленный, надутый*). В предложении П. могут употребляться как с абсолютным временны́м значением (*«Чуть шелестят листья брёз, едва колеблемые ветром»*, Лермонтов), так и с относительным (*«Роняет лес багряный свой узор, Сребрит мороз увянувшее поле»*, Пушкин) (см. Время). В П. сохраняются синтаксические связи глагола (*любить сына – любящий сына; смотреть вопросительно – смотрящий вопросительно*).

С прилагательным П. сближает наличие именных категорий рода (в ед. ч.), падежа (в полных формах), а также числа, зависящих от рода, падежа и числа определяемого существительного (*вижу рисующего мальчика, плачущая женщина, погасшее светило, вымытые окна*).

П. имеют полные и краткие формы. Полные П. склоняются по адъективному склонению, парадигма П. по составу окончаний тождественна парадигме прилагательных муж. рода на *-ый, -ий*, жен. рода на *-ая, -яя*, ср. рода на *-ое, -ее* в им. п. ед. ч. и на *-ые, -ие* в им. п. мн. ч. Краткие формы образуют только страдательные П. прош. и наст. времени (*законченный – закончен, нарисованный – нарисован, читаемый – читаем, терпимый – терпим*). Краткие П. не склоняются, но изменяются по родам и числам и имеют одинаковые с краткими прилагательными родо-числовые окончания: в ед. ч. муж. рода выступает нулевое окончание (*покрыт*), жен. рода – *-а* (*покрыта*), ср. рода – *-о* (*покрыто*); во мн ч.– окончание *-ы* (*покрыты*). От кратких П. прош. времени ср. рода следует отличать совпадающие с ними по форме причастные предикативы на *-но* и *-то*, употребляющиеся в позиции главного члена (или одного из главных членов) предложения: *в доме убрано, закрыто на учет, курить запрещено*.

Глаголу как части речи принадлежат четыре полные формы П. (две формы действительных П. наст. и прош. времени и две формы страдательных П. наст. и прош. времени) и две краткие формы П. (страдательные П. наст. и прош. времени). Но не все эти формы могут быть образованы от одного глагола. Возможность образования тех или иных причастных форм обусловлена, во-первых, видом глагола, во-вторых, его переходностью, в-третьих, его лексическим значением, в-четвёртых, формальным классом (для страдательных причастий; см.). П. действительного залога образуются от переходных и непереходных глаголов. От глаголов несов. вида могут быть образованы П. наст. и прош. времени, от глаголов сов. вида – только П. прош. времени. П. страдательного залога образуются только от переходных глаголов: от глаголов несов. вида могут быть образованы П. наст. и прош. времени, от глаголов сов. вида – только П. прош. времени. П. наст. времени образуются от основы наст. времени: формы действительного залога образуются присоединением суффикса *-ущ-(-ющ-)* для глаголов 1-го спряжения (*несущий, поющий*) и *-ащ-(-ящ-)* для глаголов 2-го спряжения (*лежащий, строящий*); формы страдательного залога образуются при помощи суффикса *-ом-(-ем-)* для глаголов 1-го спряжения (*ведомый, изучаемый*) и суффикса *-им-* для глаголов 2-го спряжения (*слышимый, гонимый*). П. прош. времени образуются от основы прош. времени глагола (к-рая у большинства глаголов совпадает с основой инфинитива). Формы действительного залога прош. времени образуются присоединением суффикса *-вш-* к основам на гласный (*игравший, пустивший*) или суффикса *-ш-* к основам на согласный (*нёсший, росший*). Нек-рые глаголы обладают особенностями при образовании этих П. Так, глаголы на *-сти*, имеющие в основе наст. времени *д, т*, сохраняют их и в основе П. (*забредший, приобретший*); глаголы *красть, класть, сесть, пасть* образуют П. по общему правилу от основы на гласный – *кравший, клавший, севший, павший* (*падший* – прилагательное). Формы П. страдательного залога прош. времени образуются

с помощью суффиксов *-нн-/-енн-*, *-т-*. Суффикс *-нн-* присоединяется к основам прош. времени, оканчивающимся на *-а* (глаголы на *-ать, -ять*), а также к основе глагола *видеть*: *разыгранный, потерянный, званный, увиденный*. Суффикс *-енн-* присоединяется к основам на согласный, где при этом происходит чередование *г–ж, к–ч* (*увлечённый, испечённый, сбережённый*), а также с индивидуальным чередованием *б–бл* в глаголе *ушибить – ушибленный*. Суффикс *-енн-* используется также и при образовании страдательных П. прош. времени от основы наст. времени глаголов на *-ить* и *-еть*, где при этом происходят чередования *б'–бл', в'–вл', м'–мл', ф'–фл', п'–пл', д'–ж, зд'–жд', с'–ш, з'–ж, ст'–щ, т'–ч* (*отловленный, нагруженный, выращенный, ношенный, обиженный, пригвождённый, загромождённый*), а также восходящие к ст.-слав. языку чередования *д'–жд', т'–щ* (*обращённый, посвящённый, освобождённый*). Нек-рые глаголы на *-ить* образуют страдательные П. прош. времени без чередований (*заклеймить – заклеймённый, обезлесить – обезлесенный, пронзить – пронзённый, вонзить – вонзённый, обезопасить – обезопасенный, пропылесосить – пропылесосенный*). Особым образом образуют страдательные П. прош. времени глаголы *замутить, умертвить, за-(из-, вы-, у-)мыслить – замутнённый, умерщвлённый, замышленный*. Суффикс *-т-* используется при образовании страдательных П. прош. времени от глаголов с основами на гласный при односложном корне (*жать, мять, греть, -деть, бить, мыть, дуть*), а также на *-оть* и на *-нуть*: *сжатый, мятый, нагретый, одетый, избитый, колотый, поротый, кинутый, завернутый*.

Нек-рые глаголы, как правило, имеющие вариантные спрягаемые формы, могут образовывать и вариантные формы П. В одних случаях эти вариантные формы стилистически однородны, в других – обладают стилистическими или семантическими различиями. Так, напр., вариантные формы П. образуют глаголы *махать – машущий* и *махающий, двигать – движимый* и *двигаемый, движущая сила*, но *человек, двигающий стол, воскреснуть – воскресший* и *воскреснувший, отторгнуть – отторгнутый* и *отторженный*.

Страдательные П. образуются менее регулярно, чем П. действительного залога. Невозможность образования или неупотребительность страдательных П. у многих переходных глаголов компенсируется регулярным образованием действительных П. от соответствующих глаголов страдательного залога. Такие П., будучи по форме действительными, структурой основы выражают страдательность: напр., у глагола *строить* страдательное П. прош. времени менее употребительно, чем П. *строящийся* и *строившийся* (*дом*), ср. также *варить – варящийся* (*борщ*).

Синтаксические функции полных и кратких П. различны. Полные П., как правило, выступают в роли определения (*машины, и д у щ и е впереди; в ы п а в ш и й снег*), значительно реже – как именное сказуемое (*Цветы стояли у в я д ш и е*). Краткие П. обычно выступают в роли сказуемого (*«Нами ты была л ю б и м а И для милого х р а н и м а»*, Пушкин). Очень редко краткие П. употребляются в обособленных оборотах, но и в этом случае их синтаксическая функция близка функции второго сказуемого (*«Русалка плыла по реке голубой, О з а р я е м а полной луной»*, Лермонтов).

В процессе исторического развития П. претерпели ряд изменений. Краткие П. утратили способность склоняться и перестали употребляться в функции определения. Из кратких П. действительного залога наст. и прош. времени развились деепричастия (см.). Целиком перешли в разряд прилагательных П. действительного залога наст. времени с суффиксами *-уч-(-юч-), -ач-(-яч-)* (*жгучий, колючий, горячий, висячий*), вместо них стали употребляться П. действительного залога наст. времени с церк.-слав. по происхождению суффиксами *-ущ-(-ющ-), -ащ-(-ящ-)* (*жгущий, колющий, горящий, висящий*)

В. Н. Белоусов.

Семантика причастных форм (в отличие от личных форм глагола) имеет особенности. Выделяются три типа лексических значений причастных форм: глагольные, стативные и адъективные. Г л а г о л ь н ы е значения – лексические значения глагола, свойственные всем его грамматическим формам, в т. ч. и П., напр.: *Дети, б е г а ю щ и е вокруг фонтана, громко смеялись* (ср. *Дети б е г а л и вокруг фонтана и громко смеялись*). Однако для рус. глагола характерно отсутствие или неупотребительность причастных форм (особенно страдательных П. прош. времени) у нек-рых типов вторичных, переносных значений. Ср.: *Наша школа п о л у ч и л а прекрасного педагога по физике* и неупотребительное **Прекрасный педагог по физике, п о л у ч е н н ы й нашей школой...*

С т а т и в н ы е значения – это лексические значения страдательных причастий прош. времени, выражающие непроцессуальный признак, значение состояния, результата действия и реализующиеся только в причастных оборотах, а не у одиночных П. Стативные значения имеют полные и краткие формы, находящиеся в регулярной корреляции, ср.: *Завод часов, р а с с ч и т а н н ы й на с у т к и, почему-то кончился раньше – Завод часов р а с с ч и т а н на сутки; Вереск, р а с п р о с т р а н ё н н ы й в с е в е р н ы х ш и р о т а х, цветёт довольно долго – Вереск р а с п р о с т р а н ё н в северных широтах*. В. В. Виноградов относил значения этого типа к «категории состояния» (см. Предикативы). Стативные значения семантически соотносительны либо с глаголами несов. вида (*наполненный – наполнять, населённый – населять, пронизанный – пронизывать*), либо с возвратными глаголами (*подчинённый – подчиняться, разочарованный – разочароваться, настроенный – настроиться*), либо с

переходными глаголами сходной семантики, но с другим управлением (*заинтересованный в чём-либо – заинтересовать кого-либо чем-либо, осведомлённый в чём-либо – осведомить кого-либо о чём-либо*), либо с переходными глаголами, у к-рых глагольные значения причастных форм метафорически или метонимически переосмысляются (*Молодые специалисты, прекрасно теоретически подкованные,...; нагромождённые друг на друга скалы*).

Адъективные значения – это лексические значения П., к-рые возникают в процессе адъективации (см.) и обозначают свойства или состояния лица или предмета, связанные прежде всего с процессом действия или его результатом (*обесцвечивающие средства, обещающий взгляд, подавляющая тишина, сбитая подкова, тренированный футболист, сломанные часы*). П. в адъективных значениях сочетаются с тем же кругом существительных, к-рыми глагол управляет в личных формах (*взволнованный человек – взволновать человека*). Многие адъективные значения существуют только в полных формах (*выдержанный табак, забытые лица, заинтересованные лица, подчинённая роль*). Часто адъективные значения семантически соотносительны с возвратными глаголами (*сломанные часы – часы сломались*). Адъективные значения могут быть источником омонимии – довольно регулярного образования прилагательных, сочетающихся с кругом существительных, к-рыми глагол не управляет: *взволнованный вид, лицо, голос, речь; растерянный вид, лицо, глаза* Образование адъективных значений причастий – продуктивный процесс в совр. рус. языке.

Краткие формы адъективных значений, как и краткие формы стативных значений, пишутся с *-н-* (*девушка взволнована*), а прилагательных-омонимов – с *-нн-* (*лица людей взволнованны*).

В совр. рус. языке широко распространена и субстантивация (см.) П. Большинство П. может быть употреблено в значении существительного (*Управляющий отдал распоряжение; Происшедшее многому меня научило; Награждаемые вышли вперёд*).

И. К. Сазонова.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М. – Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Осенмук Л. П., О разграничении страдательных причастий прош. времени и омонимичных отглагольных прилагательных, «Рус. яз. в школе», 1977, № 2; Буланин Л. Л., К соотношению пассива и статива в рус. языке, в кн.: Проблемы теории грамматического залога, Л., 1978; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980, Сазонова И. К., Рус. глагол и его причастные формы Толково грамматический словарь, М., 1989; её же, Употребление причастий в устной научной речи, в кн.: Совр. рус. устная научная речь, т. 3, М., 1995; Князев Ю. П., Акциональность и статальность: их соотношение в рус. конструкциях с причастиями на -н, -т, Münch., 1989; его же, Конструкции с рус. причастиями на -н, -т в семантической классификации предикатов, «ВЯ», 1989, № 6.

Прича́стные констру́кции – атрибутивные, предикативные и полупредикативные синтаксические конструкции, образуемые причастиями. В атрибутивных П. к. употребляются полные причастия – одиночные и распространённые, действительные и страдательные; функция согласованного определения является для них основной (*белеющий парус, изучаемые в школе предметы, упавшая ветка, написанное братом письмо*). Атрибутивные П. к. могут обособляться, образуя полупредикативные обособленные причастные обороты (см.) (см. также Обособленный оборот), приближающиеся по своим семантико-синтаксическим свойствам к придаточному предложению (ср. *Счастлив человек, побывавший в этих краях – Счастлив человек, который побывал в этих краях*). Наряду с определительным значением, обособленные причастные обороты могут выражать и добавочное обстоятельственное значение причины, времени, уступки. В поэтической речи в функции обособленного определения могут выступать и краткие причастия, напр.: *«Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями»* (Пушкин); *«Блистает речка, льдом одета»* (Пушкин).

В предикативных П. к. выступают преим. краткие страдательные причастия прош. времени в сочетании с различными модально-временными формами глагола *быть*, включая нулевую форму (*Работа была выполнена в срок; Мы приглашены в гости; Цель будет достигнута*). Такие П. к. формируют пассивную конструкцию (см. также Залог), подлежащее к-рой совмещает значения объекта действия и субъекта состояния, являющегося результатом этого действия, и соответствует прямому дополнению активной конструкции (ср. *Контролёром допущена ошибка – Контролёр допустил ошибку*). Особую их разновидность составляют предикативные П. к., являющиеся главным членом безличного предложения (см.); в этом случае краткое причастие (и глагол *быть*, если он ненулевой) имеет фиксированную форму ср. рода (*Мне было постелено за печкой; Об этом не было рассказано; Подано обедать*). Соответствующие активные конструкции характеризуются отсутствием прямого дополнения в вин. п. без предлога (*Мне постелили за печкой; Об этом не рассказали; Подали обедать*). Краткие страдательные причастия наст. времени в предикативных П. к. малоупотребительны и имеют явную книжно-архаическую стилистическую окраску, напр. *«Сад был на ночь запираем со двора на замок»* (Достоевский).

Полные причастия, как действительные, так и страдательные, также используются в предикативных П. к., но сравнительно редко. Как правило, они выступают в них в сочетании либо с полузнаменательными глаголами *оказаться / оказываться, стать / становиться, показаться / казаться, остаться / оставаться* (*Зрелище оказалось завораживающим; Ситуация становится контролируемой; Он кажется уставшим; Яблоки остались нераспроданными*), либо со спрягаемыми глагола-

ми, обозначающими наличие, существование, движение, физическое состояние, восприятие (*Мороз стоял обжигающий; Мальчик вбежал запыхавшийся; Ребёнок спал одетый*).

Лит.: Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Золотова Г. А., Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц рус. синтаксиса, М., 1988. *Ю. П. Князев.*

Прича́стный оборо́т – один из видов причастной конструкции (см.), определяемый традиционно в школьных грамматиках как причастие с зависимым словом (зависимыми словами), употреблённое в составе предложения: *Засеянные пшеницей поля дали дружные всходы; Поля, засеянные пшеницей, дали дружные всходы.* В академических грамматиках П. о. определяется как полупредикативный обособленный оборот (см.) с главным членом – полным причастием. П. о. может стоять перед определяемым словом (быть в препозиции) и после определяемого слова (быть в постпозиции). Обособление П. о. зависит не только от его места в предложении по отношению к подчиняющему существительному, но и от степени информативной нагруженности П. о., его функции в предложении. Если П. о. стоит после определяемого слова, он всегда обособляется, выделяется на письме запятыми. Если причастие с зависимым словом (зависимыми словами) стоит перед определяемым словом и имеет определительное значение, оно не обособляется (*Засеянные пшеницей поля дали дружные всходы*). Если препозитивные П. о. имеют полупредикативное значение (см. Полупредикативность), они обособляются. При этом причастие, формально завися от подлежащего, семантически начинает зависеть и от сказуемого. П. о. приобретает обстоятельственно-характеризующее значение – причинное (*«Согретый солнцем, мох расцвёл белыми крохотными цветами»*, Кожевников) или уступительное (*«Отрезанные от всего мира, уральцы с честью выдержали казачью осаду»*, Фурманов). Такие полупредикативные препозитивные П. о. соотносительны с придаточными предложениями: *Мох расцвёл, так как он был согрет солнцем; Несмотря на то, что (хотя) уральцы были отрезаны от всего мира, они с честью выдержали казачью осаду.* Обособленный препозитивный П. о. может также указывать на состояние субъекта, сопутствующее совершению действия, названного глаголом-сказуемым: *«С кружкой и зубной щёткой, подпоясанная мохнатым полотенцем, Ольга Вячеславовна подходила к раковине и мылась, окатывая из-под крана темноволосую стриженую голову»* (А. Н. Толстой).

Употребление П. о. в устной речи имеет особенности по сравнению с письменной речью. Напр., только в устной (гл. обр. научной) речи возможно присоединение П. о. с помощью союзов либо к определяемому слову, либо к неоднородным определениям: *«Плод боб бывает представлен очень/очень крупными образованиями/и приспособленными/ну/ к чему приспособленными/сейчас я вам скажу...»*; *«Только что/окончивший/Петроградский университет/и археологический институт/молодой учёный/и оставленный Шахматовым и Каринским/для подготовки к профессорскому званию/сделал целую серию/открытий»* (из записей устной научной речи Ин-та рус. языка им. А. С. Пушкина; косая черта в примерах обозначает паузу в речи). Только в устной речи говорящий для выражения наиболее существенной для него в данный момент информации ставит П. о., к-рый выражает эту информацию, непосредственно рядом с существительным, замещая место другого определения, к-рое в письменной речи всегда занимает именно эту позицию, а П. о. следует за ним. П. о. как бы разбивает привычные конструкции «определяемое+несогласованное определение». Напр.: *«Откроем мы скажем/три новейших учебника/используемых в нашей практике/по введению в языкознание...»*; *«...незнание работ написанных вот в то же время/или раньше/по этому вопросу...»*.

В нек-рых П. о. в устной речи наблюдается явление диффузности синтаксических функций П. о., напр. происходит совмещение определительной и полупредикативной функции: *«Затем там указано/...что виды характеризуются преемственностью/и что виды что самое главное/изменяемые в ходе истории/ну/ по крайней мере/истории геологической...»*; *«Вот вы здесь/да вы здесь присутствующие/знаете на себе/что это такое»*. *И. К. Сазонова.*

Пробе́л – промежуток между буквами, служащий графическим знаком для обозначения раздельного написания слов (см. Орфография). Входит в противопоставление «контакт – дефис (см.) – П.», лежащее в основе орфографических правил слитного – дефисного – раздельного написания слов и словосочетаний и отражающее сложные отношения (смысловые, словообразовательные, формально-грамматические) между языковыми единицами. Данное противопоставление включает ряд частных противопоставлений.

Противопоставление «контакт – П.» («слитное – раздельное написание») дифференцирует написание слов, относящихся к разным частям речи, напр.: *вбок* (наречие) и *в бок* (существительное с предлогом), *ввиду* (предлог) и *в виду* (существительное с предлогом), *тоже* (союз) и *то же* (местоимение с частицей); прилагательных и причастий с частицей *не*, к-рая с прилагательными может писаться слитно и раздельно (*нежареный* и *не жареный, а варёный*), с причастиями – только раздельно (*не жаренный*); сложных слов и словосочетаний с первой частью наречного типа *глубоко, высоко* и т. п., напр.: *глубокозалегающий*

(слово-термин) и *глубоко залегающий* (словосочетание).

Противопоставление «дефис – П.» («дефисное – раздельное написание») дифференцирует сложные слова и словосочетания, напр.: *административно-производственный* и *административно выделенный, радикально-демократический* и *радикально настроенный, общественно-государственный* и *общественно опасный*.

Противопоставление «контакт – дефис» («слитное – дефисное написание») представлено у существительных типа *военнопленный* и прилагательных типа *военно-полевой*; дифференцирует написания типа *бугорчатозубый, комплекснозначный* (в к-рых вторая часть слова самостоятельно не употребляется) и *бугорчато-ребристый, комплексно-аналитический*.

Проблемы орфографического оформления «контакта – дефиса – П.» решаются орфографическими правилами, к-рые сложились в результате научных исследований и анализа письменной практики. Регламентация слитного, дефисного и раздельного написания восходит к 18 в. В древнейших рус. текстах обычным было слитное (контактное) письмо, без П. между словами. Древние тексты членились не на слова, а на более крупные смысловые отрезки, в интервале между к-рыми ставились знаки препинания (крест, точка, комбинации разных точек и нек-рые другие знаки). Текст начал более или менее последовательно члениться на слова с распространением книгопечатания (см.). В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов обратили внимание на написание служебных слов, дающих на практике много колебаний. Я. К. Грот разработал рекомендации о слитном, раздельном и дефисном написании наречий, образованных от предложно-именных сочетаний, с частицами *-либо, -нибудь*, частицы *не* и др. Правила написания отдельных структурных типов сложных существительных и прилагательных сформулированы в 30-х гг. 20 в., систематизированы в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956) и представлены на конкретном лексическом материале в «Орфографическом словаре русского языка» (31 изд., 1994). С 1972 выходит словарь-справочник «Слитно или раздельно?» (авторы Б. З. Букчина и Л. П. Калакуцкая); его словник содержит ок. 100 тыс. слов, зафиксированных в словарях, энциклопедиях, в периодической печати и художественной лит-ре. Здесь сформулированы более детальные правила-рекомендации для сложных слов – существительных и прилагательных. Предложен формально-грамматический (или словообразовательно-грамматический) принцип написания сложных прилагательных, учитывающий стихийно сложившуюся практику их оформления в печати

Лит.: Правила рус. орфографии и пунктуации, М., 1956; Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Сложные слова, М., 1974; их же, Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника), 7 изд., М., 1988.

Б. З. Букчина.

Продукти́вность (от позднелат. productivus – пригодный для производства) – 1) свойство грамматических типов служить образцом (моделью) для образования новых слов, форм, конструкций. Напр., словообразовательные типы (см. Словообразование) отглагольных существительных – названий действия с суффиксами *-енuj-* (орфографически – слова на *-ение*: *курение, кормление*) и *-к(а)* (*рубка, перевозка*) продуктивны: в совр. языке появляются новые слова этих типов (*приводниться – приводнение, расстыковаться – расстыковка*). В то же время тип существительных того же значения с суффиксом *-б(а)* (*пальба, косьба* и т. п.) непродуктивен. Вновь возникающие глаголы (кроме приставочных) могут относиться только к пяти словоизменительным классам, представленным открытыми рядами глаголов: это глаголы с такими соотношениями основ, как *читать – читают, болеть – болеют, рисовать – рисуют, обмануть – обманут, ходить – ходят*. В то же время классы, к к-рым принадлежат такие глаголы, как *писать – пишут, полоть – полют, течь – текут, пасти – пасут* или *жить – живут*, непродуктивны, представлены закрытыми рядами (см. Глагол).

2) Пригодность тех или иных языковых средств для образования новых слов, форм, конструкций. Так, окончание глаголов 1-го лица ед. ч. *-у* (орфографически *-у* и *-ю*: *несу, варю*) продуктивно, а окончание *-м* (*дам, съем, создам*) непродуктивно; окончание им. п. ед. ч. существительных ср. рода *-о* (орфографически -о и *-е*: *окно, поле, варенье*) продуктивно, а окончание *-я*, выделяющееся всего в 10 существительных ср. рода (*время, имя* и др.), непродуктивно.

П.– непродуктивность является важнейшей динамической характеристикой языковых единиц, определяющей грамматический потенциал языка на данном этапе его развития. Характеристика эта исторически изменчива: единицы, в прошлом непродуктивные, могут приобретать П., и наоборот. Так, суффикс существительных *-б(а)* в др.-рус. языке был продуктивен. В рус. языке сер. 20 в. приобрёл П. тип образования существительных географического значения с суффиксом *-щин(а)*, являющихся неофициальными названиями областей, территорий (*Орловщина, Рязанщина* и т. п.). Усиление П. одних типов, как правило, связано с затуханием или полной потерей П. синонимичных типов.

П. грамматических типов обычно характеризуется теми или иными ограничениями – формальными, семантическими, стилистическими и др. Так, П. так называемого притяжательного склонения прилагательных ограничена словами с суффиксами *-ов, -ин* и *-ий* (*отцов, дядин, лисий* и т. п.). Существительные с суффиксом *-к(а)* не могут образовываться от основ глаголов несов.

вида с суффиксальным морфом *-ива-*(*-ыва-*), но образуются от основ глаголов несов. вида с морфами *-ва-/-а-* (*поливать – поливка, засылать – засылка*). П. прилагательных с суффиксом *-аст-* (*зубастый, ушастый*), а также с нулевым суффиксом и префиксом *без-* (*безногий, безусый*) ограничена мотивирующими существительными со значением внешнего отличительного признака (преим. части тела) живого существа. Образование существительных типа *деляга, работяга* или прилагательных типа *хитрющий, грязнющий* характерно для разг. речи и просторечия, а прилагательных типа *проамериканский, прокоммунистический* – для общественно-политической терминологии.

Лит.: Улуханов И. С., Глаголы на *-еть* в совр. рус. языке. (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа), в кн.: Развитие словообразования совр. рус. языка, М., 1966; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Лопатин В. В., Словоизменительные типы и их лексическое наполнение (Продуктивность в морфологии), в кн.: Слово и грамматические законы языка. Имя, М., 1989. *В. В. Лопатин.*

Произво́дная осно́ва – см. Основа.

Производя́щая осно́ва – см. Основа.

Произноше́ние – см. Орфоэпия.

Происхожде́ние языка́. Вопрос о П. я. был поставлен в античном языкознании в рамках более общих философских дискуссий о сущности языка (вопрос «о правильности имён»). Одно из направлений греч. (и позднее эллинистической) науки отстаивало естественный, «природный» характер языка и, следовательно, закономерную, биологическую обусловленность его возникновения и структуры (теория «фюсей» – «по природе»). Другое направление (теория «тесей» – «по положению», «по установлению») утверждало условный, не связанный с сущностью вещей характер языка и, следовательно, искусственность, в крайнем выражении – сознательный характер его возникновения в обществе.

Эти два направления фактически продолжали существовать в европейской лингвистике средних веков и Возрождения, а затем Просвещения до нач. или сер. 19 в., тесно переплетаясь с дискуссией номиналистов и реалистов (т. е. с обсуждением вопроса о реальности и априорности – апостериорности общих понятий), а затем картезианцев и сенсуалистов (т. е. с обсуждением соотношения рассуждения и чувственного опыта). Однако только начиная с 18 в. проблема П. я. была поставлена как научно-философская (Ж. Ж. Руссо, И. Г. Гаман, И. Г. Гердер). Итогом развития исследований в этой области явилась концепция В. фон Гумбольдта, согласно к-рой «создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Он не только внешнее средство общения людей в обществе, но заложен в природе самих людей и необходим для развития их духовных сил и образования мировоззрения...». В этой концепции (вслед за Гердером) обращается внимание на единство развития мышления и языка в антропогенезе и на неправомерность сведе́ния проблемы П. я. к узко языковедческому подходу. Народ «создаёт свой язык как орудие человеческой деятельности»,– писал Гумбольдт; это диалектическое положение стимулировано идеями Г. В. Ф. Гегеля. Гумбольдт отрицал сознательный характер языкотворчества, что резко противопоставляет его взгляды распространённым в 18 в. концепциям «общественного договора». Гегель оказал большое влияние на философию языка 19–20 вв., так, с его теорией развития связаны положения А. Шлейхера о процессах «языкового созидания» в доисторический период под влиянием творческого инобытия духа человечества в языке. Напротив, Х. Штейнталь, опираясь на мысли Гердера и Гумбольдта, утверждал идентичность проблем сущности и происхождения языка на основе единства творческой деятельности народного духа как в доисторический, так и в исторический периоды. Штейнталю принадлежит мысль о господстве в доисторический период внутренней языковой формы, что связано с особенностями восприятия и осознания мира первобытным человеком; сходные мысли высказывал А. А. Потебня. Свои общие положения Штейнталь конкретизировал в теории звукоподражания. Оппонентом Штейнталя выступил, в частности, В. Вундт, развивший дуалистическую концепцию, согласно к-рой язык зарождается как «инстинктивные движения, источник которых лежит в представлениях и аффектах индивидуального сознания... Но языком эти выразительные движения могут сделаться только в обществе, где люди живут в одних и тех же внешних и внутренних условиях». Выражая «внутреннюю жизнь», язык «тотчас переходит в совокупность индивидуумов».

Важным шагом в осмыслении проблемы П. я. была выдвинутая Л. Нуаре трудовая теория П. я.,согласно к-рой язык возник в процессе совместной трудовой деятельности первобытных людей как одно из средств оптимизации и согласования этой деятельности. Трудовая теория развивалась также в работах К. Бюхера, видевшего истоки языка в «трудовых выкриках», сопровождавших акты коллективного труда.

В зарубежной науке 20 в. в трактовке вопросов П. я. господствуют два крайних направления. Одно, «натурализующее», пытается вывести язык из форм поведения (в частности, коммуникации), присущих животным, рассматривая эти формы как проявление единых, изначально присущих животным (и человеку) биологических тенденций («теория контактов» Д. Ревеса и др.). Представители другого, «социологизирующего», направления, напротив, пытаются усмотреть у животных уже сложившиеся формы социальной жизни и приписывают им специфически человеческие особенности отражения и осознания действительности; от-

сюда, в частности, попытки обучения высших приматов человеческому языку, поиск у дельфинов «языка» человеческого типа и т. п. В обоих случаях язык выступает как своего рода прибавка дополнительных выразительных средств к определённого рода деятельности; отсюда часто встречающиеся попытки свести проблему к изучению П. я. как абстрактной системы из систем коммуникативных, точнее сигнальных, средств, присущих животным. Между тем решить проблему П. я. невозможно, если не ставить одновременно вопроса о происхождении специфически человеческих форм отражения и деятельности, генетически связанных с языком.

Отечественное языкознание 20 в. опиралось на осмысление проблемы П. я., к-рую дал Ф. Энгельс в своём известном фрагменте «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876). Основной мыслью Энгельса, заимствованной у Нуаре, является неразрывная внутренняя связь развития трудовой деятельности первобытного человеческого коллектива, развития сознания (и вообще психики) формирующегося человека и развития форм и способов общения. Общение развивается (и затем возникает язык) как необходимое следствие развития производственных и других общественных отношений в трудовом коллективе – у людей появляется что сказать друг другу – и в то же время служит опорой для возникновения высших форм психического отражения, для складывания человеческой личности.

С психологической точки зрения развитие психики первобытного человека под влиянием труда и общения не сводится только к развитию мышления, только к развитию форм осознания человеком окружающего мира: язык, в т. ч. в его первобытных формах, участвует в различных сторонах психической жизни, опосредуя не только мышление, но и восприятие, память, воображение, внимание, эмоциональные и волевые процессы, участвуя в мотивации поведения и т. п. Без языка невозможны присущие человеку формы познания мира и способы взаимоотношения с действительностью.

С лингвистической точки зрения ошибочна распространённая тенденция искать «первобытные» черты в структуре совр. языков или, напротив, переносить их особенности (в частности, членораздельность) на язык первобытного человека. Никакие данные, полученные путём анализа и сопоставления совр. языков, хотя бы они и касались более древних эпох их развития (напр., данные, полученные в сравнительно-исторических исследованиях), не имеют существенного значения для проблемы П. я. как свойства, отличающего человека от животного, т. к. эпоху возникновения языка отделяют от самой «глубинной» реконструкции значительно более протяжённые периоды, а главное, все эти данные относятся к эпохе, когда уже сложилось человеческое общество, обладавшее вполне сформировавшимся звуковым языком. Между тем П. я. связано с гораздо более архаичными формами взаимоотношения людей и относится ко времени **возникновения общества**. Кроме того, язык как средство общения вообще мог возникнуть лишь как следствие появления определённых **социальных функций** общения (см. Функции языка).

Социологическая сторона проблемы П. я. как раз и сводится к вопросу об этих социальных функциях общения в первобытном коллективе. Они несводимы к тем элементарным биологическим потребностям, к-рые удовлетворяет звуковая сигнализация у животных. «Членораздельная речь могла сложиться в условиях образования сравнительно сложных форм общественной жизни... она способствовала выделению общения из непосредственного процесса производства в относительно самостоятельную деятельность» (А. Г. Спиркин, «Происхождение сознания»). Можно предположить, что функции общения развивались от «стадной стимуляции» (Н. Ю. Войтонис) к функции общественной регуляции поведения и затем, когда средства общения получили предметную отнесённость, т. е. сформировался собственно язык, – к знаковой функции.

Физиологически П. я. необъяснимо, если анализировать лишь отдельные анатомо-физиологические отличия в строении мозга, органов речи и слуха у человека по сравнению с высшими животными. Однако в совр. науке, особенно зарубежной (Э. Х. Леннеберг), сильна тенденция выводить особенности человеческого языка из врождённых психофизических механизмов. Физиологическая основа речи человека – это сложная система связей, объединяющих различные зоны коры головного мозга в особую, т. н. функциональную, систему. Эта последняя формируется на базе врождённых анатомо-физиологических предпосылок, но несводима к ним: она формируется у каждого человека в отдельности в процессе его развития. П. я. и есть с физиологической точки зрения возникновение таких, обслуживающих процесс общения, «функциональных систем» под влиянием развития труда и всё большего усложнения общественных отношений.

Лит.: Энгельс Ф., *Диалектика природы*, Соч., 2 изд., т. 20; Валлон А., *От действия к мысли*, пер. с франц., М., 1956; Бунак В. В., *Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе*, в кн.: *Ископаемые гоминиды и происхождение человека*, М., 1966; Леонтьев А. А., *Проблема глоттогенеза в совр. науке*, в кн.: *Энгельс и языкознание*, М., 1972; Леонтьев А. Н., *Проблемы развития психики*, 4 изд., М., 1981; Выготский Л. С., *Мышление и речь*, в его кн.: *Собр. соч.*, т. 2, М., 1982; Якушин Б. В., *Гипотезы о происхождении языка*, М., 1984; Донских О. А., *Происхождение языка как философская проблема*, Новосиб., 1984; Noiré L., Der Ursprung der Sprache, Mainz, 1877; Lenneberg E., Biological foundations of language, N. Y., 1967; Lieberman Ph., On the origins of language, N. Y.– L., 1975; Hildebrand-Nilshon M., Die Entwicklung der Sprache, Fr./M.– N. Y., 1980

А. А. Леонтьев.

Прокли́тика (греч. proklitikón) – акцентно (см. Акцент, Акцентология) – слабый компонент словосочетания, предшествующий сильному (акцентно вершинному) и сливающийся с ним в одно фонетическое слово. Явление такого слияния называется проклизой. Степень акцентной слабости может быть различной – от полной безударности (напр., у предлогов) до слабоударности, частным проявлением к-рой является отсутствие редукции (см.) гласных в соответствии с позиционными правилами рус. языка (напр., у союза *но* или частицы *мол*).

В позиции П. обычно находятся служебные слова, напр.: *«Но вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня...»*, *«На берегу пустынных волн»* (Пушкин); в нек-рых контекстах (в убыстрённой речи или в стихе определённого размера) в качестве П. может выступать односложное местоимение, наречие, числительное, напр.: *«Ей рано нравились романы»*, *«Тут был, однако, цвет столицы»*, *«Прошло сто лет»* (Пушкин). Реже в позиции П. появляются существительные или глаголы (также односложные); это чаще всего наблюдается в устойчивых выражениях (*дай Бог, друг милый*) или в количественных конструкциях со значением приблизительности (*дней пять, раз десять*). П. позиционно противопоставляется энклитике (см.), вместе с к-рой образует разряд клитик.

В. А. Виноградов.

Прописна́я бу́ква, заглавная буква, большая буква,– буква, отличающаяся от строчной (см. Буква) более крупными размерами, выступающая над строкой и нередко имеющая иное по сравнению со строчной буквой начертание (напр., *Б–б, Д–д*).

В практике многих народов, пользующихся буквенным письмом, сложилась традиция употребления П. б. в двух различных функциях: для выделения начала определённых отрезков текста (начала текста; первого слова после точки, восклицательного и вопросительного знака и т. п.; начала стихотворной строки); для выделения отдельных слов независимо от строения текста.

Выделение начальной буквы первого слова текста относится к числу древнейших приёмов письма, применявшихся ещё до изобретения книгопечатания (см.). После введения книгопечатания П. б. стала использоваться при написании первого слова предложения и для выделения собственных имён (см. Собственные существительные).

В 17 в. появились первые рекомендации по употреблению П. б. Так, в книге М. Смотрицкого «Грамматика славенскія правильная синтагма...» (1619) была сделана попытка определить круг слов, пишущихся с большой буквы. Выделяются: 1. «Имена собственная» (*Богъ, Адамъ* и т. п.); 2. «Достоинства» (*Царь, Патріархъ, Воевода* и т. д.); 3. «Художества» (*Грамматіка, Логіка, Философія* и т. д.). Однако до 2-й пол. 19 в. употребление П. б. не было упорядочено; напр., в 18 – нач. 19 вв. с П. б. писали все заимствованные существительные, названия должностей, званий, учреждений, наук и нек-рые др. (*Автор, Литература, Генерал, Профессор, Председатель, Департамент, Землеописание* и т. п.), хотя в сер. 19 в. многие «излишества» были устранены.

В 1885 Я. К. Гротом было издано руководство «Русское правописание» (22 изд., 1916). Правила, изложенные в нём, предлагали классификацию имён, пишущихся с П. б., и в своей основе были сохранены в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956).

В совр. орфографии с П. б. принято писать собственные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей, клички животных, географические, астрономические названия и т. д.) в отличие от нарицательных (см. Нарицательные существительные), а также наименования, выступающие в функции собственных имён (названия органов власти, учреждений, организаций, органов печати, произведений лит-ры и искусства, исторических эпох и событий и т. п.). Являясь способом выделения собственных имён в тексте, П. б. в ряде случаев также выполняют десемантизирующую функцию, с особенной очевидностью проявляющуюся в собственных именах, состоящих из нескольких слов; ср., напр., *Большой Каменный мост* (мост в Москве) – *Кузнецкий Мост* (улица в Москве), *Боровицкие ворота* (ворота в Моск. Кремле) – *Карские Ворота* (пролив), *Красное Село* (город).

Колебания в употреблении П. б. связаны с трудностями разграничения собственных и нарицательных имён, граница между к-рыми непостоянна и подвижна.

П. б. используется также для выделения нек-рых слов в особом употреблении: местоимения *Вы* при вежливом обращении к одному лицу (в письмах, документах), имён, выражающих в особых со стилистической точки зрения контекстах «высокие» понятия (*Любовь, Поступок*) и др.

Основная тенденция усовершенствования правил употребления П. б. направлена на уменьшение их числа в тексте, а также на расширение круга слов, подлежащих кодификации. Однако справедливо мнение Грота, что относительно употребления П. б. «за правилами всё-таки многое остаётся решать такту и здравому смыслу».

Лит.: Грот Я. К., Рус. правописание, СПБ, 1885; 22 изд., М., 1916; Шапиро А. Б., Рус. правописание, М., 1951; Правила рус. орфографии и пунктуации, М., 1956; Обзор предложений по усовершенствованию рус. орфографии. (XVIII–XX вв.), М., 1965; Суперанская А. В., Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий, в кн.: Орфография собственных имен, М., 1965; Розенталь Д. Э., Прописная или строчная? Словарь-справочник, 5 изд., М., 1989

Л. К. Чельцова.

Просто́е предложе́ние – синтаксическая единица, обладающая всеми необходимыми при-

знаками предложения (см.) как особой языковой конструкции, функциональная специфика к-рой состоит в обозначении отрезка действительности в качестве события, ситуации.

П. п. как элементарная единица, реализующая одну предикативную связь, противопоставлено сложному предложению (см.), представляющему собой объединение элементарных предикативных единиц.

Информативная сущность П. п. складывается из взаимодействия трёх аспектов: грамматического, семантического и коммуникативного. Грамматическую специфику П. п. определяет категория предикативности (см.), составные компоненты к-рой (объективная модальность и синтаксическое время) оформляют отношение содержащейся в предложении информации к действительности.

Грамматической формой П. п. является структурная схема, или отвлечённый образец, по к-рому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение. Компонентами структурной схемы служат словоформы, выполняющие роль главных членов предложения. В совр. рус. языке существуют два наиболее общих класса структурных схем П. п.: двусоставные (подлежащно-сказуемостные) схемы и односоставные. Структурная схема двусоставного предложения (см.) организуется двумя главными членами – подлежащим и сказуемым, грамматически координированными, т. е. формально уподобленными друг другу: *Завод работает; Погода отличная; Брат – инженер; Долголетие – это физкультура* и др., или формально не уподобленными друг другу: *Сын высокого роста; Клевета – это страшно; Летать – его мечта; Растить детей трудно; Курить воспрещается* и др. Структурная схема односоставного предложения (см.) организуется одним главным членом, к-рый может быть однокомпонентным или двухкомпонентным. Существуют четыре класса структурных схем односоставных предложений: именной, спрягаемо-глагольный, наречный и инфинитивный, напр.: *Ночь; Звонок!; Масса людей; Морозит; Не спится; Следует подождать; Воды прибывает; Холодно; Довольно разговоров; Молчать!; Быть грозе* и др.

Существует и другая классификация односоставных предложений, построенная на смешанных – формальных и семантических – основаниях; это традиционная классификация, включающая безличные предложения (см.), неопределённо-личные предложения (см.), обобщённо-личные предложения (см.), определённо-личные предложения (см.), номинативные предложения (см.). Структурные схемы поддаются полному перечислению и описанию (т. е. составляют закрытый список).

Структурная схема обладает способностью изменяться по синтаксическим наклонениям и временам, образуя систему модально-временных модификаций, называемую парадигмой предложения.

Конкретные высказывания, реализующие ту или иную структурную схему, приобретают в речевой ситуации определённое интонационное оформление. С помощью интонации (см.) передаётся информация о законченности предложения, производится членение предложения на коммуникативно значимые отрезки, а также осуществляется основная дифференциация П. п. с точки зрения коммуникативной целеустановки (повествовательные и вопросительные предложения).

Особый аспект информативной специфики П. п. представляет его семантическая структура, располагающая системой собственных категорий. Под семантической структурой П. п. понимается его содержание, представленное в абстрагированном виде как соотношение типизированных элементов смысла. В максимально обобщённом виде семантическая структура П. п. отражается в его структурной схеме: в отвлечённых значениях компонентов схемы и в отношении между ними, напр. значение процессуального признака и его носителя в структурной схеме типа *Завод работает*; значение субъекта – носителя признака и непроцессуального признака-характеристики в схеме типа *Брат – инженер*; значение непроцессуального состояния, заложенного в схеме типа *Зима*; *Тишина* и др.

Структурная схема способна распространяться по особым синтаксическим правилам (распространённые и нераспространённые предложения). Предложение, построенное по определённой структурной схеме, может иметь коммуникативные варианты, различающиеся характером содержащейся в них актуальной информации. Актуальное членение предложения (см.) осуществляется с помощью интонации и порядка слов.

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 1–2, М., 1952–54; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в кн.: Вопросы грамматического строя, М., 1955; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Общее языкознание, [т. 2] – Внутренняя структура языка, М., 1972; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: Слав. языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации, М., 1973; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980.

М. В. Ляпон.

Просторе́чие – социально обусловленная разновидность национального русского языка, в к-рой реализуются средства, находящиеся за пределами литературной нормы. От территориальных диалектов П. отличается отсутствием отчётливой локальной закреплённости его особенностей, от жаргонов – тем, что эти особенности не осознаются его носителями как ненормативные. Проявляясь в отступлениях от лит. нормы, П., в противоположность письменно-лит. форме языка, обиходно-разг. лит. речи и диалектам, не имеет собственных признаков системной организации, т. е. относительно автономного набора фонетических, морфологических и синтаксических показателей.

П. обнаруживается на всех языковых уровнях. В фонетике к просторечным относятся многочисленные явления, связанные со смещением ударе-

ния (*киломе́тр, шо́фер, наме́ре́ние, при́говор, поло́жить, ходата́йствовать*), стяжением гласных (*милицанер, эксплатировать*), ассимиляцией (*ридикулит, резетка, маненько, легулярный, кардон*), диссимиляцией (*анженер, колидор, анпутировать, транвай*), аналогическим оглушением или озвончением согласных (*в маринате, дихлофозом, юпочка, крыжечка*), эпентезами и наращениями (*страм, ндравиться, здря, экскорт, промблема, дермантин, плант*), исчезновением или «усилением» ослабленного [*j*] (*ретузы, гравель*), изменениями в группах согласных (*жись, потрет, суприз, друшлак, пелемени, псиxиатор*), сокращением числа слогов (*струмент, вакуировать, по-человецки*) и т. д. В области морфологии это изменение рода существительных [*туфель, сандаль, мыш, стату́й, мозоль* муж. р., *с повидлой, под роялью, (крыть) толью, фамилие*], изменения в формах склонения – замена падежной флексии (*делов, с людями, на пляжу, нет время, к Марии Васильевной*), ненормативное появление беглых гласных в формах косвенных падежей и мн. ч. (*на бюллетне, вальтом, брелки*, ср. *ро́том*), образование иных форм мн. ч (*шофера́, волоса́, матеря́, стаканы́*), склонение несклоняемых имён (*какаву, без пальта, польт, в бигудях, ивасей*), отклонения в образовании форм сравнительной и превосходной степени (*ширше, красивше, хужее, наиболее чаще*), ненормативные явления в словоизменении местоимений (*мене, у ней*), глаголов и отглагольных образований (*хочут, берегёт, броюсь, плотит, ездию, стонает, затоплять, ляжь, ехай, садися, раздевши, выпимши, трудящие, поло́ма́тый*) и др. В области синтаксиса – отступления от нормативного глагольного управления (*интересоваться об политике, достигать до цели, ничем не нуждаюсь*), отличные падежные значения (*умер воспалением лёгких*), многочисленные конструкции, не свойственные лит. языку (*Я не мывши вторую неделю; Он никогда чтоб кого-то обидеть; Которые моложе пусть пошвачут*) и т. д. В области лексики и лексической семантики П. характеризуется размыванием и редукцией семантической структуры слова (точнее – освоением говорящими лишь части значений многозначного слова), семантическими сдвигами (*железный* 'металлический', *мясо* 'говядина', *тюремщик* 'заключённый; человек с судимостью', *анализы* 'то, что приготовлено для лабораторного анализа': *Анализы в больницу носила*), формальными преобразованиями слова под давлением ложной этимологии (*подстамент, полуклиника, организон* 'гарнизон', *пластиглас*), «ложностыдливой» («мещанской») эвфемизацией (*супруга* вместо *жена, кушаю* вместо *ем, купаться* 'мыться', *отдыхать* 'спать') и др.

Источники П. – в местных диалектах, устаревшей норме, в смешении разных языковых единиц (контаминативные явления), в приспособлении иносистемных (заимствованных) явлений к базовым особенностям рус. языкового строя. Важной чертой П. является тенденция к монотипизму, выражающаяся в консервативности, сопротивлении процессам расширения языкового кода, в активном действии аналогии, в устранении иносистемных и периферийных звеньев в различных участках языковой системы.

Факты П. можно описывать, только апеллируя к нормативным вариантам, и само определение П. может строиться лишь на негативном отталкивании от лит. языка. Ни одна черта П. не является обязательной для его носителей, и потому нельзя выделить никакого минимального списка конкретных необходимых признаков, к-рый позволил бы отнести речь данного лица к П. Социальную базу П. составляют в основном горожане с невысоким уровнем образованности (хотя реликты просторечных явлений встречаются даже в речи лиц с высшим образованием). Просторечно говорящего, как правило, характеризуют неразвитое языковое чутьё и невосприимчивость, «глухота» к различиям между нормативным и ненормативным в языке, обусловленные ограниченным языковым опытом: довольно узким и однородным кругом речевых партнёров (собеседников), отсутствием склонности к чтению, профессией, не требующей «металингвистической» рефлексии, и т. д. Носитель П., в отличие от носителя лит. языка, обладает слабой способностью к переключению с одного языкового кода на другой в зависимости от ситуации общения; перед ним обычно не возникает проблемы выбора языковых средств (исключение – «мещанские» эвфемизмы). П. непрестижно и реализуется преим. в устной форме и в неофициальной, бытовой обстановке (исключения нередки).

В научной лит-ре социолингвистическое понимание П. нередко смешивается с функционально-стилистическим, согласно к-рому П. представляет собою сниженный стиль устной речи; при этом не разграничиваются средства сниженной (вульгарной) экспрессии (ср. *паскуда, здоровенный, долбануть, враскоряку*) и явления, имманентно нейтральные в стилистическом отношении (см. выше). Весьма непоследовательно употребление пометы *прост.* в нормативных словарях. Положение осложняется и тем, что в работах по истории рус. языка существует своя традиция употребления термина «П.», под к-рым понимается живая языковая стихия, противопоставляемая как книжно-лит. стихии с заметным церк.- слав. компонентом, так и стандартизованному языку др.- и старорус. деловой письменности. Преодоление разнобоя в трактовке П. составляет одну из задач исследований некодифицированной речи.

Лит.: Лит. норма и просторечие. [Сб. ст.], М., 1977; Городское просторечие. Проблемы изучения, М., 1984; Разновидности городской устной речи. Сб. научных тр., М., 1988.

А. Ф. Журавлёв.

Просторе́чная ле́ксика – слова со стилистически сниженным, грубым и даже вульгарным

оттенком, к-рые находятся за пределами литературной речи (см. Просторечие). Они не характерны для книжной, образцовой речи, но широко известны в различных социальных группах общества и выступают в качестве социально-культурной характеристики говорящих, обычно не вполне овладевших лит. языком; употребляются в определённых видах речевого общения: в фамильярной или шутливой речи, в словесных перепалках и т. п.

Собственно просторечной называют лексику нелитературную, используемую в устной обиходной речи, при этом не грубую, не обладающую особой экспрессией (*вдосталь, вовнутрь, ихний, задаром, навряд, намедни, покамест, умаяться, навалом, ляпнуть, белиберда, артачиться, работяга, башковитый*). Грубопросторечная лексика имеет сниженную, грубую экспрессивную окраску (*дылда, шушера, рожа, обормот, трепач, пузатый, лапоть, харя, морда, сволочь, околеть, стерва, хамло, слямзить*). Сюда же относятся крайние вульгаризмы, т. е. неприличная брань («матерные слова»). Встречаются слова с особыми просторечными значениями (обычно метафорическими): *накатать* ('написать'), *свистнуть* ('украсть'), *плести* ('говорить вздор'), *винегрет* ('мешанина'), *шляпа* ('растяпа'), *так и режет* ('бойко говорит'). В П л. встречаются общеупотребительные слова, отличающиеся лишь своей фонетикой и акцентологией (*инстру́мент* вместо *инструме́нт*, *по́ртфель* вместо *портфе́ль*, *сурьёзный* вместо *серьёзный*, *табатерка* вместо *табакерка*).

Пометы в словарях, указывающие на стилистическую сниженность слов или их значений и дающие им отрицательную оценку, многочисленны, напр.: *прост.* – «просторечное», *неодобр.*– «неодобрительное», *фам.* – «фамильярное», *презрит.* – «презрительное», *вульг.* – «вульгарное», *бран.*– «бранное». П. л. чаще всего содержит экспрессивно-оценочную окраску.

Причины использования П. л. в разных типах речи различны: экспрессивные мотивы, в т. ч. эпатаж (разг. речь), характерологические мотивы (художественная речь), прямое авторское отношение к изображаемому, прагматические мотивы (публицистическая речь). В научной и официально-деловой речи П. л. воспринимается как иностилевой элемент (о лит. просторечии см. Разговорная лексика)

В словарях не всегда чётко разграничиваются разг. и прост. слова. Нек-рые просторечные слова с течением времени нейтрализуются и переходят в разряд разг. и нейтральной лексики.

Лит.: Лит. норма и просторечие. [Сб. ст.], М., 1977. Шмелев Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях. (К постановке проблемы), М., 1977; Калинин А. В., Лексика рус. языка, 3 изд., [М.], 1978; Фомина М. И., Совр. рус. язык. Лексикология, 2 изд., М., 1983; Разновидности городской устной речи. Сб. научных тр., М., 1988.

Н. Н. Кохтев.

Противи́тельный сою́з – см. Союз.

Профессионали́змы – слова или выражения, свойственные речи той или иной профессиональной группы. П. выступают обычно как просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов (см.): опечатка в речи газетчиков – *ляп*; руль в речи шофёров – *баранка*; синхрофазотрон в речи физиков – *кастрюля* и т. п. Термины являются узаконенными названиями к.-л. специальных понятий, П. употребляются как их неофициальные заменители лишь в ограниченной специальной тематикой речи лиц, связанных по профессии. Часто П. имеют локальный, местный характер. Существует, однако, и точка зрения, согласно к-рой П. есть синоним понятия «термин». По мнению нек-рых исследователей, П.– «полуофициальное» название ограниченного в употреблении понятия – лексика охотников, рыболовов и др.

По происхождению П., как правило, результат метафорического переноса значений слов бытовой лексики на терминологические понятия: по сходству, напр., формы детали и бытовой реалии, характера производственного процесса и общеизвестного действия или, наконец, по эмоциональной ассоциации.

П. всегда экспрессивны и противопоставляются точности и стилистической нейтральности терминов. Не следует, однако, смешивать их с терминами по происхождению экспрессивными, напр.: *грязный котёл* – в производстве сахара (пищевая промышленность); подобный термин является единственным вариантом для определения понятия, а П. всегда синоним, заменитель основного обозначения.

П. сходны с жаргонизмами (см. Жаргон) и словами просторечной лексики (см.) по сниженной, грубой экспрессии, а также тем, что они, как и жаргоны и просторечие,– не самостоятельная языковая подсистема со своими грамматическими особенностями, а некий лексический комплекс, сравнительно ограниченный в количественном отношении.

Вследствие свойственной П. экспрессивности они относительно легко переходят в просторечие, а также в разг. речь лит. языка, напр.: *накладка* – 'ошибка' (из актёрской речи), *дворник* – 'стеклоочиститель автомашины' (из речи автомобилистов).

Как и термины, П. используются в языке художественной лит-ры в качестве изобразительного средства.

Лит.: Шанский Н. М., Лексикология совр. рус. языка, М., 1964; Совр. рус. язык, ч. 1, под ред. Д. Э. Розенталя, М., 1976; Калинин А. В., Лексика рус. языка, 3 изд., [М.], 1978; Фомина М. И., Совр. рус. язык. Лексикология, 2 изд., М., 1983; Гринев С. В., Введение в терминоведение, М., 1993.

В. Н. Прохорова.

Проше́дшее вре́мя – время глагола, обозначающее, что процесс, названный глаголом, осуществлялся до момента речи или иной точки отсчёта

(об абсолютном и относительном времени см. Время): *Дети разожгли костёр и обогрелись* (абсолютное П. в.); *Он скажет, что вчера весь день был дома* (относительное П. в.).

П. в. может быть выражено четырьмя формами: тремя формами ед. ч. муж., жен. и ср. рода и одной формой мн. ч.– *рос, росла, росло, росли*. Формы П. в. образуются от основы прош. времени с помощью суффикса *-л-* или нулевого суффикса. Суффикс *-л-* регулярно используется при образовании форм П. в. жен. и ср. рода в ед. ч. и во мн. ч., причём в формах ед. ч. к суффиксу *-л-* присоединяются родовые окончания *-а* в жен. роде (*лампа свети-л-а*), *-о* в формах ср. рода (*дерево упа-л-о*); в формах мн. ч. присоединяется окончание *-и* (*школьники заговори-л-и*). В формах П. в. муж. рода суффикс *-л* регулярно выступает лишь тогда, когда основа прош. времени оканчивается на гласный: *сиде-л, говори-л, маха-л, стоя-л*. Если же в конце основы согласный, то форма П. в. муж. рода образуется с помощью нулевого суффикса: *высох, промок, нёс, тёр, берёг, ошибся, замёрз*. У глаголов *жечь* и *толочь* в форме П. в. муж. рода есть беглый гласный *о*, отсутствующий в других формах прош. времени: *жёг*, но *жгла, жгло, жгли; толок*, но *толкла, толкло, толкли*.

Формы П. в. изменяются по родам, но не изменяются по лицам: указание на лицо при этих формах осуществляется посредством личных местоимений – *я шёл, шла; ты писал, -а; он, она, оно стучал, -а, -о; мы, вы, они стояли*.

Формы П. в. обозначают такой процесс, к-рый предшествует точке отсчёта, однако в зависимости от вида глагола на это общее значение предшествования наслаиваются дополнительные характеристики. Формы П. в глаголов сов. вида обозначают результативность процесса, т. е. результат совершённого в прошлом и законченного процесса сохраняется и в плане настоящего (в момент речи) времени: *Дети выросли; Этот концерт мне понравился*. В глаголах сов. вида формы П. в. могут также обозначать длительные, но ограниченные в своей продолжительности процессы: *Дети попели и поиграли*. Формы П. в. глаголов несов. вида обозначают процесс в его течении, не приуроченный к к.-л. промежутку времени, но указывают на длительность или повторяемость процесса: *«Море ещё шумело и билось о берег; один баркас качался на волнах, и на нём сонно мерцал огонёк»* (Чехов). Многократные глаголы с суффиксами *-ива-*, *-ва-* выражают значение обычности процесса в более или менее отдалённом прошлом: *Говаривал и он эти слова; Хаживал и я по этой тропинке*. С таким значением могут употребляться и другие глаголы несов. вида в сочетании со словоформой *бывало*: *Бывало, весь день проводил на улице*. В сочетании с частицей *было* формы П. в. глаголов обоих видов обозначают начатый в прошлом, но прерванный процесс («прошедшее отменённого действия»): *Певица было запела, да вдруг замолчала; Мы пошли было в театр, но не смогли купить билеты и вернулись*.

Значение П. в. может быть также выражено особыми образованиями, к-рые иногда называют глагольными междометиями: *прыг, хлоп, хвать, щёлк, шмыг* и др. С помощью таких образований обозначают однократные и мгновенные действия: *«Легче тени Татьяна прыг в другие сени»* (Пушкин). Для обозначения неожиданного действия, совершённого в прошлом, употребляются также формы, омонимичные формам 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения, обычно в сочетании с *и, да и*: *«А он и вспомни об этом случае. Ведь узнала барыня Матрёну и меня узнала, старая, да жалобу на меня и подай»* (Тургенев). Для усиления значения внезапности в таких конструкциях часто употребляется словоформа *возьми*: *А он возьми да скажи обо мне*.

Формы П. в. могут употребляться с вторичными значениями, т. е. выражать значения, присущие формам других времён. Особенно часто в значении наст. времени используются формы П. в. глаголов сов. вида, т. к. выражаемая ими результативность предполагает связь с планом наст. времени. Условием такого употребления является сочетание форм разных времён: *Бывает, сел за книгу на часок, а оторвёшься уже под утро*. Формы П. в. могут быть употреблены в значении буд. времени для выражения уверенности в неизбежности процесса: *Если завтра не будет дождя – урожай погиб*. В зависимости от контекста или ситуации формы П. в. могут обозначать процесс, соотнесённый как с буд., так и с наст. временем: *Испугался я его угроз* (т. е. или 'я не боюсь его угроз', или 'я не испугаюсь его угроз'). Со значением буд. времени («ближайшего будущего») иногда используются и формы П. в. глаголов *начать, кончить, пойти, поехать, полететь, взять, взяться* и нек-рые другие: *Ну, я пошёл, а вы оставайтесь* (т. е. 'я пойду').

По своему происхождению совр. формы П. в. восходят к др.-рус. причастиям с суффиксом *-л-*, употреблявшимся в составе сложных П. в.– перфекта (см.) и плюсквамперфекта (см.).

Лит. см. при ст. Время. *В. Н. Белоусов.*

Пряма́я речь – один из способов передачи чужой речи (см.), при к-ром говорящий (пишущий) полностью сохраняет её лексико-синтаксические особенности, не приспосабливая их к своей речи. Тем самым П. р. и речь говорящего чётко разграничиваются: *«Он вдруг остановился, протянул руку вперёд и промолвил: "Вот куда мы идём"»* (Тургенев).

Чужая речь может выступать не только в форме прямой, но и в форме косвенной речи (см.). П. р. всегда представлена говорящим (пишущим) как точно дословно переданная чужая речь, хотя она может воспроизводиться не совсем точно, более

того, говорящий может приписать кому-то слова и предложения, к-рые тот не говорил и не хотел говорить. Эти возможные отклонения от действительных чужих высказываний при П. р. грамматически никак не выражены и поэтому на языковой основе установлены быть не могут.

П. р. может воспроизводить не только чужую речь, но и нек-рые прошлые или будущие высказывания самого говорящего, ср.: *Я же сказал вам вчера: «Я никуда не пойду»* или *Я ему скажу завтра: «Я никуда не пойду»*. Как П. р. могут быть оформлены нек-рые невысказанные мысли: *«"Она – злое насмешливое создание!" – подумал Обломов»* (Гончаров).

П. р. точно передаёт не только лексику и синтаксис чужой речи, но сохраняет также чужую стилистику и даже чужую интонацию: *«"Батюшка ты наш,– сказала она* (Егоровна) *пискливым голосом,– погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас"»* (Пушкин). Поэтому чужеродность П. р. в тексте всегда отчётливо проявляется.

П. р. вводится в тексте авторскими словами. Авторские слова – это конструкция с глаголом речи (*сказать, проговорить, промолвить, спросить, ответить* и т. п.), к к-рому непосредственно относится П. р. В авторских словах глагола речи может и не быть, если есть глагол, способный сопровождать глагол речи: *вспомнить, удивиться, ужаснуться, обидеться* и т. п., а также *вздохнуть, улыбнуться* и т. п. *Он обиделся и сказал: «Я ухожу» – Он обиделся: «Я ухожу»; «Генерал Петряков улыбнулся: „Наградили капитана Власова, а орден вручаю майору"»* (Эренбург).

Существуют две системы знаков препинания для выделения П. р. (см. таблицы; условные обозначения в таблицах: А___ – авторские слова начинаются с прописной буквы: а___ – авторские слова начинаются со строчной буквы; П___ – П. р. начинается с прописной буквы; п___ – П. р. начинается со строчной буквы).

Табл. 1. Система знаков препинания при прямой речи, рекомендованная для усвоения в средней школе

Прямая речь состоит из одного предложения, простого или сложного	
А______: «П______».	*Киров ответил: «Астрахань сдана не будет»* (Вишневский).
А______. «П______?(!)».	*Шурик крикнул от своих ворот: «Сергей, в рощу пошли?»* (Панова)
«П______»,– а______	*«Одну минутку, товарищ дивизионный комиссар, разрешите я сена в кузов возьму»,– сказал Велихов* (Симонов).
«П______?(!)» – а______	*«Он же ещё и угрожает!» – проговорил сестре вполголоса Ганя* (Достоевский).
«П______,– а______,– п______»	*«Ну что же,– подумал Потапов,– с каждым днём делаешься взрослее, всё строже смотришь вокруг»* (Паустовский).
Прямая речь состоит из нескольких предложений	
«П______,– а______ – П______».	*«Хорошо, мы с вами потом поговорим,– сказал он почти спокойно.– Поедете со мной»* (Симонов).
«П______?(!)– а______.– П______».	*«Неправда это!– мучительно выговорила Аня.– Вы всё выдумали про меня»* (Атаров).

Табл. 2. Система знаков препинания при прямой речи (без кавычек), представленная в произведениях печати, главным образом в произведениях художественной литературы

А______:– П______?(!)	*И хором бабушки твердят. – Как наши годы-то летят!* (Пушкин)
– П______,– а______.	*– Ну это вы преувеличиваете, позвольте вам заметить,– прервал я его* (Тургенев).
– П______?(!) – а______.	*– Скорей, скорей в город за лекарем!– кричал Владимир* (Пушкин)
– П______,– а______, – п______.	*– Я к вам и завтра приеду,– сказала она,– и привезу с собой ваших внучек, Сашу и Лиду* (Чехов).

Лит.: Грамматика рус. языка, т 2, ч 2, М , 1954; Кодухов В. И., Прямая и косвенная речь в совр. языке, Л., 1957; Милых М. К., Прямая речь в художественной прозе, [Р. н/Д.], 1958.

Е. Н. Ширяев.

Прямо́е дополне́ние – см. Дополнение.

Псалты́рь (псалтирь) (от греч. psaltērion – название струнного музыкального инструмента у древних иудеев) – ветхозаветная (см. Библия) книга псалмов – религиозных песнопений (гимнов, благодарений, личных и народных сетований, прошений; паломнических, царских, премудростных и «мессианских» песен). У иудеев называется Техилим ('Хваления'). Одна из важнейших книг Священного Писания (отражает диалог в Откровении) и всемирной лит-ры (содержит высшие образцы лирической поэзии).

Состоит из 150 псалмов в традиции Танаха и 151 псалма в традиции Септуагинты и слав. Библии. Каждый псалом разделяется на стихи [в самом кратком (116) – 2 стиха, в самом длинном (118) – 176]. С 5 в. н. э. известно подразделение П. на 20 отделов – кафи́зм (от греч. kathisma 'сидение'; во время чтения кафизм за богослужением разрешается сидеть). Каждая кафизма делится на три статий, или славы.

П.– плод коллективного творчества, но, по преданию, её авторство приписывается царю Давиду («псалмопевцу»; умер ок. 970 до н. э.). Составлена на иврите, переведена на др.-греческий в составе Септуагинты и с греческого на славянский (ст.-славянский). Перевод П. на совр. рус. язык

для синодальной Библии осуществлён с масоретской версии Танаха. Слав. П.– важнейший источник по истории книжно-письменного языка Древней Руси и совр. рус. языка.

П.– первая книга, переведённая на ст.-слав. язык. В Житии Мефодия сказано: **пьсалтырь во бѣ тъкмъмо и еванг҃лик съ ап(с)лъмь и избьраныимн слоужьбамн цр҃кввьныими съ философъмь** [имеется в виду Константин-Философ (Кирилл; см. Кирилл и Мефодий)] **прѣложилъ пьрьвѣк**. Приоритет П. подтверждается также текстологически.

П. лежит в основе всего православного богослужения. Она «славословится» за каждой из девяти служб суточного круга (на вечерне, утрене, часах, литургии и т. д.), причём отдельные псалмы (напр., 50, 90) прочитываются ежедневно. Так, часы преим. состоят из псалмов, поэтому читающий их клирик и называется псаломщиком (иначе: пономарём, дьячком); на ежедневной вечерне и утрене положены три кафизмы (недельный круг кафизм начинается с субботней вечерни), так что в течение недели прочитывается вся П. (а Великим постом – 2 раза). П. составляет также главное содержание треб (крестин, венчаний и других частных богослужений): напр., при отпевании покойника вычитывается 17-я кафизма (непорочны). Над покойником-мирянином дома или в храме принято непрерывно читать П. Она непременно входила в молитвенное правило как инока, так и мирянина. Сложилось особое интонирование П. (псалмо́дия, или погла́сица), сохранившееся поныне у старообрядцев.

Наряду со сплошным вычитыванием, в богослужении используются подборки псалмов, напр.: шестопсалмие, или экса́псалмы (3, 37, 62, 87, 102, 142), хвали́тны (148–150), изобразительны (102, 145); отдельные псалмы, напр.: *блажен муж* (1), *благословлю Господа* (33), *помилуй мя Боже* (50), *живый в помощи Вышняго* (90), предначинательный (103), непоро́чны (118), *на реках Вавилонских* (136); цепочки псаломских стихов, напр.: *Бог Господь* (из 117), *Господи воззвах*, или воззва́хи (из 140, 141, 129, 116), полиелей (из 134, 135), псалми избраннии (подобраны для каждого праздника отдельно и поются на величании); отдельные стихи (проки́мны, аллилуиа́рии, прича́стны); подражания псалмам (степенны), составленные (вероятно, Феодором Студитом, 9 в. н. э.) по образцу псалмов 119–133. Богослужебное славословие П. нередко сопровождается пением или чтением стихи́р – христианских стихотворений (на тему праздника), включаемых между стихами псалма (напр., стихиры на «Господи воззвах», на «Бог Господь»; хвалитные стихиры).

Известно несколько видов П. как рукописной и печатной книги. Для домашнего и келейного употребления предназначены: П.– «че́тья» (без комментариев; нередко с прибавлением т. н. библейских песен), толковая (с комментариями Исихия Иерусалимского – в слав. традиции приписаны Афанасию Александрийскому – и Феодорита Кирского), учебная и гадательная. Для употребления преим. в храме были созданы П. «с восследованием» (или следованная П. вместе с часословом, пополненная и другими богослужебными текстами); «смесного пения» (в разделении на две книги для антифонного, попеременного, пения на клиросах). Псалмы (полностью или во фрагментах-прокимнах) входят в состав многих богослужебных книг (часослова, молитвослова, служебника, требника, ирмология, октоиха, минеи, триоди, служебного Апостола), а также типикона и учебной азбуки.

Как необходимая для богослужения и наиболее читаемая христианская книга, слав. П. пришла на Русь с принятием христианства (988): она сразу же была освоена, и не только духовенством. Так, уже в «Повести временных лет» (под годом 1015) отмечено, что мирянин (князь Борис), правя утреню, вычитал шестопсалмие и кафизмы. Распространилось знание П. наизусть: напр., Киево-Печерские просфорники (выпекатели просфор) Спиридон и Никодим (12 в.) на протяжении тридцати лет, не отрываясь от работы (т. е. не по книге), ежедневно выпевали всю П.

Древнейшая слав. П.– Синайская (11 в.). Бычковская, Евгеньевская, Чудовская П. – все 11 в., Толстовская – 11–12 вв., Симоновская, Дечанская, Погодинская – все 13 в. Рукописные П. обычно исполнялись на лучшем пергамене, размером в лист, торжественным уставным письмом и богато иллюстрировались (напр., Киевская П. 1397).

П. была первой печатной книгой на кириллице (вышла в свет в составе Часослова в 1491 в типографии краковского издателя Швайпольта Фиоля). Среди первопечатных рус. безвыходных (без указания типографии, места и года издания) книг 16 в. известны две П., в т. ч. одна учебная. Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец в Москве напечатали Часослов (1565). В 1570 Фёдоров выпустил в Заблудове П. с Часословом, а в Остроге в 1580 – П. и Новый Завет. Затем П. вышла в свет в составе Острожской Библии (1581–82). Московская П. «с восследованием» издания 1646, содержащая множество дополнительных статей на разные (в т. ч., напр., грамматические) темы, многократно перепечатывалась в Москве и в других городах на Руси; она стала одной из наиболее читаемых книг. Последняя по времени перепечатка – безвыходное издание старообрядцев-беспоповцев нач. 90-х гг. 20 в.

Попытку приблизить П. к разг. речи предпринял в 1683 в Москве Авраамий Фирсов, но его перевод был запрещён патриархом Иакимом; в 1680 в Москве была издана русифицированная «Псалтырь рифмованная» Симеона Полоцкого, к-рая также была запрещена, но тем не менее широко читалась. Традиция Симеона была про-

должена в 18 в.: известны рифмованные переложения П. В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина. Именно по П. Симеона впервые познакомился с искусством стихосложения Ломоносов. Пройдя через 19 в., традиция рифмованного переложения П. сохранилась до кон. 20 в. (С. С. Аверинцев, Н. И. Гребнев, И. М. Ивановский, А. Лукашин и др.).

В результате деятельности Рос. Библейского общества в 1822 была опубликована «Псалтырь, или Книга Хвалений, на российском языке», переведённая Г. П. Павским с оригинала на иврите. Этот перевод отличается большими лит. достоинствами, но он, естественно, разошёлся со слав. П., что сделало невозможным его молитвенное употребление и вызывало серьёзные нарекания. Поэтому в составе синодальной рус. Библии П. сопровождается указанием наиболее существенных (догматических) разночтений. Язык перевода устарел. Известны попытки перевода П. на рус. язык по тексту Септуагинты и по слав. тексту; они частично публиковались, напр. вышло в свет шестопсалмие в переводе Г. П. Федотова.

Слав. П. оказала огромное воздействие на рус. культуру и язык. В частности, в переводах автоматически воспроизводился свойственный евр. П. поэтический приём «параллелизма членов» (parallelismus membrorum), состоящий в итеративности (повторении) общих смыслов и синонимической, антонимической, тематически связанной лексики стихов псаломской строфы,– второй, третий (максимально вплоть до семи) стихи строфы перифрастически повторяют смысл первого, причём все они соотнесены и по элементам. Напр.:

Да прїблїжитъ сѧ молитва моꙗ прѣдъ тѧ г(оспод)ї,
По словеси твоемоу вꙑразоуми мѧ.
Да вьнидетъ прошенїе мое прѣдъ тѧ г(оспод)ї,
По словеси твоемоу їзбави мѧ (Синайская П.).

Итеративность в значительной мере определила поэтическую систему др.-рус. книжности: как переводной (стихиры, каноны, акафисты), так и оригинальной («плетение словес» в агиографии, бытовые псáльмы и канты). Она же обусловила обогащение языка благодаря интенсивному употреблению лексических синонимов, антонимов и тематически сопряжённых слов. Так, ср. синонимы и антонимы П., сохранившиеся в совр. рус. языке: *гнев/ярость, грех/беззаконие, радоваться/веселиться, гора/холм, нищий/убогий, спасти(ся)/избавить(ся), стыд/срам, заступник/защитник, знамение/чудо, боязнь/трепет, буйный/безумный, возгореться/воспламениться, жезл/палица, множество/сонм, огонь/пламень, оплот/твердыня* и т. д.; *ад/небо, благословлять/клясть, веселиться/скорбеть, любовь/ненависть, высокий/смиренный, грешник/праведник, зло/добро, день/ночь, запад/восток, море/суша, погубить/(со)хранить, приближаться/удаляться, старость/юность* и т. д.

Ниже в первых двух списках приводится часть слав. лексики, впервые письменно зафиксированной в переводе псалтыри Кириллом и Мефодием (863); учтены только слова, сохранившие актуальность в совр. рус. языке. В третий список вошли заимствования, в четвёртый – композиты (сложные слова) и дериваты (производные слова), образованные путём поморфемного калькирования с греч. языка. В пятом собраны устойчивые выражения из П., известные из классической лит-ры 19 в.

I. Нейтральная рус. лексика.

Нек-рые слова в П. представлены в ст.-слав. форме (с неполногласием; с сочетанием *жд* и *щ* на месте рус. *ж* и *ч*; с начальным *е* на месте *о* и т. д.; они указываются после рус. формы через косую черту). В список вносится лишь одно (обычно исходное) слово из словообразовательного гнезда.

Бегство, беда, бес, беседа, благ(о), блаженный, блеснуть, ближний, блуд, бог(атый), болеть, бояться, борода/брада, брат, бритва, буйный, буря, бытие, быть, вдова, век, великий, венец, вера, верба, верх, веселье, весна, вести, ветвь, ветер/ветр, вечер, вещь, взаймы, взять, видеть, вино(град), владыка, внушить, вода, водить, воздух, волна, волос/влас, вопль, вопрос, ворон/вран, ворота/врата, воск, восток, враг, время, вселенная, вчера, высокий, гибнуть, глубокий, глумиться, гнать, гнездо, гнев, гнить, гнушаться, голова/глава, голод/глад, голос/глас, голубь, гордый, горлица, гортань, господь, готовый, город/град, грех, гроб, гром, губить, гусли, дар, дверь, двор, дева, делать, день, дерево/древо, держать, дивиться, добрый, дождь, долго, дом, достояние, древний, дремать, друг, дуб(рава), дух, душа, дым, жаба, жажда, жатва, ждать, жезл, желать, железо, желчь, жена, жених, жертва, жестокий, жечь, жилище, жить, жребий, заблудиться, заблуждаться, забыть, завидовать, завет, завещать, завтра/заутра, заградить, закон, запад, заповедь, запрещение, заступиться, защита, заяц, звать, звезда, зверь, земля, злой, зелёный, знать, золото/злато, зуб, иго, играть, избавить, избрать, извлечь/извлещи, имение, имя, искать, искренний, искушение, истина, источник, истукан, исход, исцелить, исчезнуть, кадило, камень, капля, кедр, клевета, клонить, клятва, книга, князь, ковать, козёл, колесо, конец, корабль, корень, коростель/крастель, кость, край, красота, крыло, кровь, кроткий, крепкий, лев, лесть, лететь, лицо, лис, лист, лить, лихоимство, лишить, ловить, ложь, лукавый, лук (оружие), *луна, люди, лютый, мазать, малый, маслина, мать, мгла, мёд, медь, мера, мерзкий, мёртвый, место, месть, метать, мех, миловать, милость, молиться, мир* 'отсутствие войны', *мир* 'космос, вселенная', *младенец, молва, моление, молитва, молния, молоко/млеко, молчать, море, мороз/мраз, мочить, мрак, мудрость, муж, мысль, мыть, мышца, мятеж, наблюдать, надеяться,*

наказать, наследие, небо, негодовать, недуг, нищий, новый, ночь/нощь, нужда, обида, обилие, обладать, облако, область, облачаться, обличать, обонять, образ, овца, огонь/огнь, ограда, одежда, олень/елень, оружие, основа, ответ, отец, падать, память, первенец, песня, петь, печь/пещь, писать, пить, пища, плакать, плен, плечо, плод, победа, повеление, подобен, покой, покорить, полк, полный, помощь, последний, постель, постигать, посылать, правда, правый, праздник, предел, преступник, приш(е)лец, потоп, похищать, проклинать, птенец, птица, пустой, пустыня, путь, пчела, пшеница, пьяный, раб(ота), радость, размышлять, разум, рана, рвение, ребро, ревность, река, речь, ржа(вчина), ров, рог, род(ить), ропот, роса, ругать, рука, рыба, сажать/саждати, сапог, свет, свидетель, свободный, святой, селиться, сено, сердце, серебро/сребро, сеть, сеять, сидеть, сила, сирота, скоро, скот, скрежетать, слава, сладкий, след, слеза, слепой, слово, слон, слуга, слышать, слушать, смерть, смирение, смущать, смятение, снег, соблазн, собор, совет, сокровище, соль, сосуд, спасать, сперва, срам, среда, ставить, стан, старый, стеречь, стоять, стража, страна, страсть, страх, струна, стыд, суд, суета, суша, сын, сытый, тайна, твёрдый, тёмный, тёплый, терзать, терпеть, течь, тина, толстый, тощий, трава, трубить, угождать, уголь, ужас, укор, умиление, утро, ухо, учить, хвала, хлеб, холм, хотеть, хранить, хребет, хромой, царь, цвет(ок), цена, человек, челюсть, честь, чин 'порядок', *число, чистый, чудо, шептать, широкий, шум(ный), щадить, щедрый, щит, юг, юноша, юный, явить, яд, язва* 'рана', *язык, ярость.*

II. Славянизмы (см.) или библеизмы. Словам данного списка свойственна отвлечённо-абстрактная семантика и принадлежность к высокому стилю. В скобках указаны или вторичное (переносное, более позднее) значение, или устойчивые выражения, в состав к-рых входит славянизм.

Алкать 'быть голодным', *бдеть* 'бодрствовать', *брань* 'война, борьба' (ср. *оборона*), *брашно* 'пища', *бремя* [*под бременем* (*доказательств*)], *ведать*, *вежды* 'веки', *велий* 'великий', *вертеп* 'пещера', *вещать*, *вкупе* 'вместе', *вкушать*, *воистину*, *вретище* 'грубая одежда, покаянное одеяние' (*облечься во вретище*), *вскую* 'почему', *вспять* 'назад', *всуе* 'напрасно', *выспренный*, *выя* 'шея', *гад* 'пресмыкающееся', *глаголать* 'говорить', *грядущий*, *дебри*, *денница*, *десница*, *доколе*, *живот* 'жизнь' (*положить живот*; *не щадя живота*), *жито*, *жупел* 'сера' ('то, чем пугают'), *заимодавец*, *затворить* 'закрыть', *зелье* 'трава' ('отрава'), *зеница* 'зрачок' (*беречь, как зеницу ока*), *злаки*, *злачный* 'обильный травой' (*злачное место*), *зело* 'очень', (*у*)*зреть* '(у)видеть', *киот*, *колено* 'племя, поколение', *кров* 'жилище' (*под кровом*, *войти под кров*), *купно* 'вместе', *лепота* 'красота', *лето* 'год' (*летопись* 'погодные записи'), *лихва* 'барыш от денег, данных в рост', *лик*, *ловитва* 'охота', *ложе*, *ложесна* 'матка, утроба', *мзда* 'дар, награда', *мрежа* 'рыболовная сеть', *наставлять* 'учить', *обрести* 'найти, отыскать', *обетование*, *овен* 'баран' (знак зодиака), *одеяние*, *око/очи* (*смежить очи*), *оковы*, *оплот* 'стена из камней без извести' ('твердыня'), *ополчиться*, *оскудеть*, *отрасль*, *отринуть*, *отрок*, *пажить* 'пастбище', *пернатый* 'имеющий перья', *персть* 'прах, земля', *пламень*, *плоть*, *пререкаться*, *престол*, *прозябать* 'прорастать' ('жить в нищете'), *пря* 'распря, спор', *польза*, *поношение*, *почить* 'умереть', *пядь* 'мера длины' (*ни пяди*, *семи пядей во лбу*), *пята* 'пятка' (*под пятой*), *ризы* 'одежда' ('облачения на иконы'), *розга* 'ветвь' ('орудие наказания'), *секира* 'топор', *сень* 'тень', *сеча* 'битва', *скверна*, *смердеть*, *смоквы* 'винные ягоды', *снедь* 'пища', *сонм* 'множество народа', *сретение* 'встреча', *стезя* 'путь, дорога', *столп* 'башня' ('основа'), *строптивый*, *студенец* 'колодец', *стяжать* 'приобретать богатство', *тварь* 'то, что создано (Богом)', *твердь* 'небосклон' (*небесная твердь*), *телец* 'бык' (знак зодиака), *тело*, *тернии* 'шипы', *трапеза* 'стол' ('приём пищи', 'застолье'), *трепет*, *труба*, *труд*, *труп*, *тужить*, *тьма* 'десять тысяч' ('множество'), *тучный*, *узы* 'цепи' ('обязательства'), *уничижение* 'унижение', *уныние*, *упование* 'надежда', *успение* 'смерть', *уста*, *утроба* 'внутренности' ('желудок'; *набить утробу*); *утешение* 'участие в горе', *хляби*(*и*) 'водопад' (*хляби небесные*), *храм*, *чадо* 'дитя', *чаяние* 'ожидание' (*паче чаяния*), *червь*, *чрево* 'желудок' (*набить чрево*), *чуждый*, *юдоль* 'долина' (*юдоль плачевная*).

III. Заимствования из иврита (через др.-греч.) и из греч. языков.

Аллилуйя, *ангел*, *аспид* 'змея' ('злобный человек'), *Вавилон* (нариц. 'хаотичный и растленный большой город'), *варвар*, *Голиаф* (нариц. 'исполин'), *диавол*, *еврей*, *Египет*, *елей* 'масло' (*елей на душу*; *елейный* 'вкрадчивый, ханжеский'), *епископ*, *Иаков*, *идол*, *иерей* 'священник', *Иерусалим*, *Иордан*, *Иосиф*, *Исаак*, *Израиль*, *Иудея*, *кимвал*, *Ливан*, *манна* (*манна небесная*), *Моисей*, *миро* 'благовоние', *орган* (музыкальный инструмент), *оцет* 'уксус', *псалом*, *Самуил*, *Саул*, *Синай*, *Сион*, *скиния*, *Соломон*, *суббота*, *Сирия*, *тимпан* 'ручной бубен', *фараон*, *финик*, *Хам* (нариц. 'наглый человек'), *херувим* 'красавчик', *Христос* 'помазанник', *эфиоп*.

IV. Словообразовательные кальки.

Без-вод-ный, *без-вест-ный*, *без-дна*, *без-/бес-* (*-законие*, *-умие*, *-честие*). *благо-* (*-воление*, *-вестие*, *-дать*, *-деяние*, *-лепие*, *-словение*), *веле-* (*-лепота*, *-речивый*), *великолепие*, *величие*, *воз-/вос-* (*-величить*, *-веселить*, *-вратить*, *-высить*, *-вестить*, *-гласить*, *-гореться*, *-дать*, *-звать*, *-зреть*, *-любить*, *-мутить*, *-ненавидеть*, *-кликнуть*, *-кресение*, *-питать*, *-помина-*

ние), всесожжение, держава, долготерпение, единo- *(-борство, -мыслие, -рог), законопреступник, земнородный, злодейство, иноплеменник, исповедание, любодеяние, многомилостивый,* не- *(-злобие, -порочен, -честив), первородный, подножие, полудень* 'полдень', *полуночь/-нощь* 'полночь', *помышление, представить, преступление, приношение, пророк, противостоять, равнодушный, скорописец, состав, человекоугодник.*

V. Устойчивые (крылатые) выражения.

Блажен муж; совет нечестивых; вскую шаташеся языцы?; почить в мире; скрежетать зубами (*на кого-л.*)*; носить на руках; душа алчущая; заградить уста; льстивый язык; темна вода в облацех; грех юности моея* (*не помяни*)*; аз есмь червь, а не человек; уклонися от зла и сотвори благо; пройти сквозь огнь и воду* (*и медные трубы*)*; притча во языцех; и вино веселит сердце человека; на реках Вавилонских; начало премудрости – страх Господень; благо мне, яко смирил мя еси; из глубины* (*воззвах к тебе, Господи*)*; помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его.*

Е. М. Верещагин.

Психолингвистика – область лингвистики, изучающая язык прежде всего как феномен психики. С точки зрения П. язык существует в той мере, в какой существует внутренний мир говорящего и слушающего, пишущего и читающего. Поэтому П. не занимается изучением «мёртвых» языков – ст.-слав., лат. и др., где нам доступны лишь тексты, но не психические миры их создателей. Но в той мере, в какой П. изучает сам процесс чтения и понимания текстов, объектом исследования может быть различие между процессом чтения на родном языке и неродном, в т. ч. на языке, известном лишь по памятникам.

П. не следует рассматривать как отчасти лингвистику и отчасти – психологию. Это комплексная наука, к-рая относится к дисциплинам лингвистическим, поскольку она изучает язык, и к дисциплинам психологическим, поскольку она изучает язык в определённом аспекте – как психический феномен. Поскольку язык – это знаковая система, обслуживающая социум, П. входит в круг дисциплин, изучающих социальные коммуникации.

Человек рождается, наделённый возможностью полного владения языком, но этой возможности ещё предстоит реализоваться. Чтобы понять, как именно это происходит, П. изучает развитие речи ребёнка. П. интересуют и причины, по к-рым развитие речи и/или её функционирование отклоняются от нормы. Следуя принципу «что скрыто в норме, то явно в патологии», П. изучает речевые дефекты детей и взрослых, притом как возникшие в процессе овладения речью, так и явившиеся следствием позднейших патологий.

В той мере, в какой П. изучает процессы, происходящие в психике говорящего и слушающего, главными методами для неё являются наблюдение и эксперимент.

Термин «П.» был предложен амер. психологами в кон. 50-х гг. 20 в. с целью придания формального статуса уже существовавшему научному направлению. Однако П. как ракурс изучения цепочки «Смысл – Говорящий – Слушающий – Смысл» фактически существовала задолго до того, как стало возможно говорить о ней как об области лингвистики со специфическим объектом исследования и методами. Так, В. Гумбольдт говорит о роли языка в «мировидении». Тот же подход обнаруживается в учении А. А. Потебни о «внутренней форме» слова: последняя по своей сути требует от говорящего индивида акта осознания между звучанием слова и его смыслом.

В отличие от европейской лингвистической традиции, разделявшей идею Ф. де Соссюра о том, что langue (язык в себе и для себя) – конструкт, к-рый в исследовательских целях может быть отчуждён от психики носителя, П. изначально была ориентирована на то, что Э. Бенвенист назвал «человек в языке».

Отечественная традиция психолингвистического подхода к феномену языка восходит к И. А. Бодуэну де Куртенэ, хотя ни сам он, ни его последователи не считали себя психолингвистами. На фонетическом уровне эта линия продолжалась школой Л. В. Щербы [работы Л. Р. Зиндера и Л. В. Бондарко; см. Ленинградская (Петербургская) фонологическая школа] и работами по проблемам психоакустики Л. А. Чистович и её последователей. На уровне лексики и синтаксиса – та же традиция, восходя отчасти к ОПОЯЗу (см.), была продолжена в работах по рус. разг. речи, инициированных М. В. Пановым. Ориентация исследователей разг. речи на конкретную ситуацию общения, на диалог, описание системных явлений, обеспечивающих общение,– позволила выявить ряд закономерностей, относящихся к предмету П. Проблема отношения говорящий–слушающий была исследована в работах Т. Г. Винокур, продолжающих линию Г. О. Винокура и Л. П. Якубинского.

Важный вклад в понимание механизмов того, как язык моделирует действительность и формирует интеллект, внёс рус. дефектолог И. А. Соколянский, работы к-рого по обучению слепоглухонемых позволили наблюдать скрытые в норме процессы означивания. Теоретическое осмысление этих процессов связано с освоением наследия Л. С. Выготского.

Рассматривать язык в ракурсе П.– значит пытаться ответить на вопрос о том, что мы делаем, когда говорим и думаем. В зап. и, в частности, в американской традиции эту проблему исследовали психологи, в отечественной традиции, за исключением Выготского и Чистович, ответ искали лингвисты. Как следствие, одна из наиболее продуктивных общих моделей реального говорения и

понимания в 60-е гг. 20 в. была разработана на материале рус. языка И. А. Мельчуком. Он предложил рассматривать язык прежде всего как преобразователь – инструмент «овнешнения» смысла при говорении, т. е. при переходе от смысла к тексту и, соответственно, инструмент, обеспечивающий переход от текста к глубинному уровню смысла при понимании текста.

В 70–80-е гг. А. Вежбицкая разработала «язык примитивов» – универсальный словарь базовых слов, позволяющий описывать и сравнивать не только семантические, но и грамматические явления в разных языках с позиций коммуникативных намерений говорящего и установок воспринимающего индивида. Хотя формально Вежбицкая не отождествляет свой подход с П., ей принадлежит заслуга воплощения на конкретном языковом материале пожелания Бенвениста описывать «человека в языке». Вежбицкая уделила особое внимание выявлению сходств и различий, отражающих те или иные культурно-зависимые формы «мировидения», о к-ром говорил Гумбольдт. Вежбицкая, т. о., разработала и применила в своих трудах метод сравнительной П.

Оформление П. как отдельной дисциплины в СССР связано с именем А. А. Леонтьева, к-рому принадлежит первая монография с таким названием (1967). С 1967 каждые два года в Москве проводятся симпозиумы по П.

Лит.. Леонтьев А. А., Психолингвистика, Л., 1967; Рус. разг. речь, под ред. Е. А. Земской, М., 1973; Мельчук И. А., Опыт теории лингвистических моделей «Смысл⇔Текст», М., 1974; Основы теории речевой деятельности, М., 1974; Прогноз в речевой деятельности, М , 1974; Фрумкина Р. М., Соотношение точных методов и гуманитарного подхода: лингвистика, психология, психолингвистика, «Изв. АН СССР.Сер. ЛиЯ», 1978, т. 37, № 4; её же, О специфике гипотез в психолингвистике. Гипотеза в совр. лингвистике, М., 1980; её же, Цвет, смысл, сходство, М , 1984; Экспериментальные исследования в психолингвистике, М., 1982; Психолингвистика Сб ст., М , 1984; Лингвистические и психолингвистические структуры речи, М., 1985; Экспериментальные методы в психолингвистике, М., 1987; Речь: восприятие и семантика, М., 1988; Язык и когнитивная деятельность, М., 1989. Язык и структура знания, М., 1990; Семантика и категоризация, М., 1991; Chomsky N., Language and mind, N. Y., 1968; Wierzbicka A., Lexicography and conceptual analysis, Ann Arbor, 1985; её же, The semantics of grammar, Amst., 1988; её же, Semantics, culture and cognition, N. Y.– Oxf., 1992; Bruner J., Acts of meaning, L.– Camb., Mass., 1990.

Р. М. Фрумкина.

Публицисти́ческий стиль (от лат. publicus – общественный) – исторически сложившаяся функциональная разновидность литературного языка, обслуживающая широкую сферу общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных, повседневного быта и др. П. с. используется в общественно-политической лит-ре, периодической печати (газеты, журналы), радио- и телепередачах, документальном кино, нек-рых видах ораторской речи (напр., в политическом красноречии).

Отбор и организацию языковых средств П. с. определяют его основные функции – информативная и воздействующая, а также экстралингвистические факторы – массовость адресата и оперативность средств массовой информации. Для П. с. характерны чередования стандарта и экспрессии, логического и образного, оценочного и доказательного, экономия языковых средств, доходчивость, лаконичность, последовательность изложения при информативной насыщенности. Использование языковых средств определяется во многом их социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного и целеустремлённого воздействия на массовую аудиторию, отсюда характерные для П. с. оценочность, призывность, полемичность. Социальная оценочность языковых средств отличает П. с. от всех других стилей лит. языка, призывность определяет побудительный характер публицистической речи. Функциональное назначение используемых в П. с. слов и выражений неодинаково: среди них можно выделить нейтральную лексику и фразеологию (*событие, играть роль, форма, покупатель, ситуация* и др.) и стилистически окрашенную, оценочную (*подачка общественному мнению, критическая ситуация, братский, эффективный* и др.). Одно из свойств публицистического текста – диалогизация; автор публицистического текста обращается к читателю или слушателю со своими мыслями, чувствами, оценками, поэтому в его изложении всегда проявляется авторское «я».

В П. с. употребляются стандартные, клишированные средства языка (*иметь значение, нуждаться в поправках, нанести ущерб, курс реформ, состав правительства, курс рубля, негативные последствия, финансовый рынок, обратить внимание* и др.) рядом с экспрессивными, выразительными, эмоционально воздействующими на аудиторию средствами языка; эмоциональность создаётся также за счёт тропов (см.) и стилистических фигур. В экспрессивных целях используются не только собственно языковые, но и композиционные логико-стилистические формы и приёмы: заголовки, характер чередования повествования, описания и рассуждения, вводные эпизоды, цитирование, введение разных типов чужой речи и т. д. Стремление к новизне выражения проявляется в привлечении слов и выражений из различных пластов языка, в создании газетных метафор и других образных средств. Для совр. П. с. характерно совмещение слов, относимых, с одной стороны, к высокой, книжной лексике (*свершения, чаяния, возгордиться, воздвигать, самопожертвование, отчизна, помыслы, претворять, созидание, служение, держава* и др.), с другой – к разговорной, сниженной, просторечной, даже жаргонной лексике (*перегиб, шумиха, показуха, крутой, за бугром, бабки, кайф, рэкетир, зелёные, ан нет, клюнуть, фирмач, разборка* и др.). Стилистическая окраска становится экс-

прессивно-оценочным элементом их семантики. В П. с. широко используется общественно-политическая лексика (*общество, отечество, исполком, парламент, демократия, авторитаризм, диктатура, государственный, депутат, капитализм* и др.), заимствованная лексика (*саммит, коррумпированный, оппозиция, акция, конверсия, имидж, брифинг, мониторинг, спонсор, менеджмент, шоу* и др.), семантически переосмысленные слова (*перестройка, духовность, подвижка, прорыв, гласность, периферия, модель* и др.), наблюдается метафоризация, часто разговорно-бытовой и терминологической, профессиональной лексики (*сколотить, оснастить, увязывать, накладка, зажим, передний край, мобилизация резервов, финишная прямая, агония, аритмия* и др.), используются элементы других стилей и др. П. с. отражает, т. о., социальную многоплановость совр. рус. речи.

К морфологическим особенностям П. с. относятся частое употребление существительных с суффиксами *-ость, -ство, -ние, -ие* (напр., *личность, алчность, аннулирование, сотрудничество, доверие*), с лексикализованными префиксами *меж-, все-, обще-, сверх-*, с интернациональными суффиксами и префиксами *-изм-, -ист-, -ация, анти-, контр-, де-*. Употребительны слова, образованные путём сложения (напр., *общественно-политический, социально-экономический*), формы страдательных причастий прош. времени (напр., *ознаменован, изготовлен*). Для синтаксиса П. с. характерны эллиптические конструкции (см. Эллипсис), номинативные предложения (см.) (особенно в заголовках), сегментированные конструкции (напр., *Язык цифр – он бывает удивительно ярким*), присоединительные и парцеллированные (см. Парцелляция) конструкции; синтаксис отражает тенденцию к разговорности.

Рус. публицистическая лит-ра восходит к «Слову о законе и благодати» Илариона (11 в.), обличительным произведениям Максима Грека (16 в.), сочинениям Г. К. Котошихина (17 в.); с 1703 в Москве печатается первая рус. газета «Ведомости». В основных чертах П. с. складывается в 18–19 вв.: сочинения А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, П. Я. Чаадаева, В. Г. Белинского, Н. К. Михайловского, В. С. Соловьёва, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.

Лит.: Костомаров В. Г., Рус. язык на газетной полосе, М., 1971; его же, Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа, М., 1994; Рогова К. А., Синтаксические особенности публицистической речи, Л., 1975; Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я., Стилистика газетных жанров, М., 1978; Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды, под ред. Д. Э. Розенталя, М., 1980; Солганик Г. Я., Лексика газеты. Функциональный аспект, М., 1981; Стилистика газетных жанров, под ред. Д. Э. Розенталя, М., 1981; Стилистика рус. языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста, под ред. А. Н. Кожина, М., 1987; Лазарева Э. А., Системно-стилистические характеристики газеты, Екатеринбург, 1993

Н. Н. Кохтев.

Пунктогра́мма (от лат. punctum – точка и греч. grámma – письменный знак, запись) – закономерно воспроизводимый в письменной речи знак препинания (см.), соответствующий правилам пунктуации (см.); напр., тире между подлежащим и сказуемым, точка в конце предложения, двоеточие в бессоюзном сложном предложении, двоеточие и тире в предложении с обобщающим словом при однородных членах, запятые при обособлении второстепенных членов (определений, приложений, обстоятельств и др.), скобки при вставных конструкциях и т. п. Перечень П. соответствует перечню частных правил пунктуации. По степени обобщённости отражаемого правила П. бывают разных типов; напр., запятая при однородных членах с соединительными союзами или вообще при однородных членах. В понятие П. включается и отсутствие знака в том или ином месте предложения, если это отсутствие значимо, т. е. регламентировано правилами; напр., отсутствие запятой между частями сложносочинённого предложения с общим членом, отсутствие запятой между двумя придаточными, соединёнными союзом *и*. Термины «П.» и «знак препинания» не тождественны: первый включает наименование оформляемой знаком синтаксической единицы, второй лишь указывает на элемент графической системы языка.

Термин «П.» возник в 70-х гг. 20 в. по аналогии с термином «орфограмма» (см.). Бытует как «рабочий» термин в среде методистов школы, используется в методической и дидактической лит-ре, адресованной учителям, употребляется в сочетаниях типа: *пунктограммы, изучаемые в 8-м классе; перечень пунктограмм, изучаемых в 4-м классе; пунктограммы, связанные с выделением структурных частей предложения.* Однако в самой школьной практике термин не закрепился (вместо него употребляется сочетание «пунктуационные правила»), не всегда регистрируется и лингвистическими словарями, в т. ч. терминологическими.

Лит.: Блинов Г. И., О группировке пунктограмм, «Рус. яз. в школе», 1971, № 2; его же, Методика изучения пунктуации в школе, 2 изд., М., 1990; Пичугов Ю. С., Использование системы условно-графических обозначений при изучении пунктуации. Пособие для учителя, М., 1974; Виды разбора на уроках рус. языка. Пособие для учителя, М., 1975.

Н. С. Валгина.

Пунктуа́ция – 1) система внеалфавитных графических средств, главным образом знаков препинания (см.), образующих – вместе с графикой и орфографией – основные средства письменного (печатного) языка. 2) Нормы и правила употребления знаков препинания, исторически сложившиеся в русской письменности. 3) Раздел языкознания, изучающий закономерности системы П. и функционирования знаков препинания.

Главное назначение П.– способствовать пониманию читателем письменного текста, его структуры – синтаксической и смысловой. Основной принцип организации П. как системы строится на

разграничении трёх общих функций средств П.: механизм действия знака в плане членения письменного текста может представлять собой отграничение в тексте одной синтаксической структуры или её элемента от другой (другого) (разделение или отделение); фиксацию в тексте левой и правой границ синтаксической структуры или её элемента (выделение); объединение в тексте нескольких синтаксических структур в одно целое (формирование комплекса знаков П.). Соотношение функций средств П. иерархично: выделение (парные знаки) включает в себя разделение (одиночные знаки), и те и другие включаются в комплекс знаков П. (см. ниже).

Центр системы П. составляют знаки препинания, обеспечивающие пунктуационную организацию текста предложения. Периферия системы П. (П. в широком смысле) представлена тремя разнохарактерными средствами. Пунктуационно-орфографические комплексы – это связанные со сложными синтаксическими ситуациями наборы разнородных – пунктуационных (одиночные/ парные знаки препинания), орфографических (прописное/строчное написание), графических (абзац) – средств, объединяемых единой схемой организации, взаимодействия и пространственного (горизонтального/вертикального) расположения элементов схемы в тексте Таковы, напр., контекст с прямой речью (правила включают наряду со знаками препинания постановку прописных букв), перечисление с рубрикацией и нек-рые др. К периферии системы П. относятся также типографские средства оформления текста: композиционно-пространственные – отделительные линейки (концевая, подстрочная), звёздочки, строчной ряд отточий; абзац (см.); выделительные: шрифтовые – курсив и (полу)жирный; наборные: разрядкой, дефисно-послоговой и сплошь прописными буквами, находящиеся в оппозиции к светлому прямому строчному шрифту как немаркированному (при шрифте и способе набора отсутствуют дискретные знаки – ограничители левой и правой границ). Типографские средства факультативны (за исключением линеек и абзаца).

Усовершенствованию и закреплению традиций рус. П. способствовали практика художественной лит-ры и деятельность языковедов-нормализаторов, в частности труды Я. К. Грота, А. Б. Шапиро, Д. Э. Розенталя. Но и при кодифицированности совр. норм П. наблюдаются отступления от них – как стилистические поиски в художественной лит-ре, так и колебания в периодической печати и массовой практике пишущих (напр., расширение употребления тире).

Начало научному изучению рус. П. было положено «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова (1755). На дальнейшее развитие науки о рус. П. оказала воздействие логическая теория синтаксиса К. Ф. Беккера; это было частично обусловлено, в частности, объективными обстоятельствами – близостью соотношений «пунктуация/ синтаксические структуры» в нем. и рус. языках: недаром В. И. Классовский противопоставлял рус. и нем. языки, для к-рых характерна регулярная пунктуационная отмеченность большинства синтаксических конструкций, франц., англ., итал. языкам, где эта черта отсутствует. Следует отметить и связь науки о П. с практикой преподавания языка и разграничение связанных с этим трёх принципов П.: смыслового (роль П. в понимании письменного текста – С. И. Абакумов, Шапиро), грамматического (роль П. в выявлении синтаксического строения письменного текста – Грот), интонационного (роль П. как показателя ритмики и мелодики речи – Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, Л. А. Булаховский; чаще последний принцип считают дополнительным). В 80-х гг. 20 в. наметилось понимание П. с точки зрения её коммуникативной роли: возможность подчёркивания в письменном тексте с помощью П. коммуникативной значимости слова/групп слов. В отечественной лингвистике активно развивается изучение совр. П. в функциональном плане: стремясь выявить закономерности употребления П., оно опирается на принципы системной организации П., на обусловленность П. развитием синтаксиса, на специфику функционирования П. в различных стилях, типах текста и речевых жанрах, с учётом их полифункциональности и взаимодействия.

Лит.: Классовский В., Знаки препинания в пяти важнейших языках, СПБ, 1869; Грот Я. К., Рус. правописание, СПБ, 1885; 22 изд., М., 1916; Зелинский В., Справочник по рус. правописанию, в. 2 – Указатель (систематический и алфавитный) при расстановке знаков препинания, 3 изд., М., 1903; Ломоносов М. В., Рос. грамматика. Наставление второе, гл. 4–5, в его кн.: Полн. собр. соч., т. 7, М., 1952; Шапиро А. Б., Основы рус. пунктуации, М., 1955; Пешковский А. М., Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания, в его кн.: Избр. тр., М., 1959; Иванова В. Ф., История и принципы рус. пунктуации, Л., 1962; Бодуэн де Куртенэ И. А., Знаки препинания, в его кн.: Избр. тр. по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Реформатский А. А., О перекодировании и трансформации коммуникативных систем, в кн.: Исследования по структурной типологии, М., 1963; Ицкович В. А., Опыт описания совр. пунктуации, в кн.: Нерешённые вопросы рус. правописания, М., 1974; Щерба Л. В., Пунктуация, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; его же, Теория рус. письма, Л., 1983; Валгина Н. С., Рус. пунктуация: принципы и назначение, М., 1979; её же, Трудные вопросы пунктуации, М., 1983; её же, Совр. рус. язык. Пунктуация, М., 1989; Совр. рус. пунктуация, М., 1979; Моисеев А. И., Система знаков препинания в рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1981, № 6; Барулина Н. Н., Роль знаков препинания при актуализации высказываний, «Рус. яз. в школе», 1982, № 3; Наумович А. Н., Совр. рус. пунктуация, Минск, 1983; Розенталь Д. Э., Справочник по пунктуации. Для работников печати, М., 1984; Шварцкопф Б. С., Совр. рус. пунктуация: система и её функционирование, М., 1988; его же, Рус. пунктуационная система и вставные конструкции, «Russian Linguistics», 1994, v. 18, его же, Опыт интерпретации совр. рус. пунктуации в аспекте «система–норма», в кн.: Язык–система. Язык–текст. Язык–способность, М., 1995; Пунктуация в романских и слав. языках. Сб. ст., М., 1992; Шубина Н. А., Пунктуационная система совр. рус. языка. Лекции, СПБ, 1993

Б. С. Шварцкопф.

Пури́зм языковой (франц. purisme, от лат. purus – чистый) – стремление очистить язык от иноязычных слов и выражений, от разного рода новообразований; неприятие в литературной речи лексических и грамматических элементов, идущих из территориальных и социальных диалектов, просторечия, профессионального употребления и т. п. В широком смысле П.– излишне строгое, непримиримое отношение к любым заимствованиям, новшествам «не в духе языка», вообще ко всем случаям искажения, огрубления и порчи языка, часто субъективно понимаемым.

Положительные стороны П. состоят в заботе о развитии самобытной национальной культуры, в обращении к богатствам родного языка, к его смысловым и словообразовательным ресурсам и возможностям. Отрицательные стороны П.– в его антиисторичности и субъективности, в непонимании поступательного развития языка, в ретроспективности оценки (когда признаётся то, что уже закрепилось в языке, освоено им, и отрицаются новые факты), а иногда и в прямом консерватизме (когда проповедуется отказ от принятых языком заимствований, предлагается последовательная замена их новообразованиями из исконных морфем).

П. характерен для времени становления национальных лит. языков. Напр., борьба сторонников «нового» и «старого» слога («новаторов»-карамзинистов и «архаистов»-шишковистов) в истории рус. лит. языка, связанная, в частности, с оценкой архаизмов, славянизмов, неологизмов, иностранных и калькированных слов в его структуре. Н. М. Карамзин и его сторонники настаивали на сближении книжного и разг. языка (в духе европейской традиции «писать, как говорят»), подчёркивали необходимость заимствований и упрощения синтаксиса. А. С. Шишков и созданное им лит. общество «Беседа любителей русского слова» отвергали лексические, семантические и синтаксические новшества, опираясь на славяно-рус. архаику, отстаивали принцип неизменяемости лит. языка. Борьба эта не коснулась, однако, самой актуальной проблемы – демократизации лит. языка 19 в., его сближения с общенародной речью (это выпало на долю А. С. Пушкина).

П. проявляется также в периоды важных общественных событий (подъём демократического движения, войны, революции и т. п.) и связанных с ними значительных сдвигов в лексической системе языка, когда она быстро и наглядно изменяется, вбирая в себя много заимствований, неологизмов и иных новообразований, когда перестраиваются стилистические соотношения составляющих лит. язык элементов (включая нейтрализацию диалектизмов, просторечия и др.).

Демократическая критика 19 в. (В. Г. Белинский и др.) выступала против П., воплощавшего формальное и консервативное отношение к языку (позиции А. С. Шишкова, Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, М. П. Погодина и др.). Пуристические тенденции сказывались в лингвистических взглядах В. И. Даля (его борьба с заимствованиями, к-рые он называл «чужесловами»).

В истории рус. лит. языка П. был иногда и закономерным протестом против злоупотребления ненужными иностранными словами. Засорение рус. языка галлицизмами высмеял Д. И. Фонвизин в комедии «Бригадир», А. С. Грибоедов в «Горе от ума» назвал такую речь смешением «французского с нижегородским». Прямые иноязычные вкрапления в рус. речь (макаронизмы) осмеяны поэтом-сатириком 19 в. И. П. Мятлевым в поэме «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей – дан л'этранже» (1840–44).

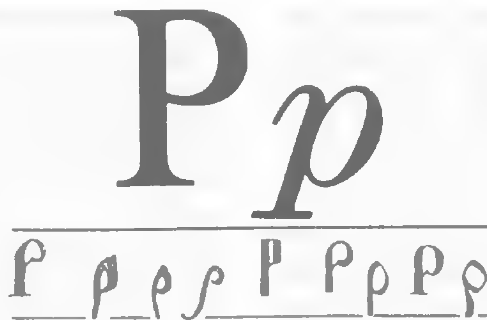
Противоположностью П. является антинормализаторство – отрицание необходимости сознательного вмешательства в языковой процесс. При таком подходе отвергаются и научная нормализация, и нормативная лексикография (ср. утверждение писателя А. К. Югова о том, что «язык сам собою правит»).

В своих крайних проявлениях П. и антинормализаторство совпадают, т. к. критика иноязычных заимствований ведётся сторонниками этих позиций на основе субъективно-вкусовых оценок фактов языка, без учёта национально-культурных традиций (работы Югова, К. Ф. Яковлева и др.). Научная языковая нормализация предполагает борьбу с проявлениями как пуристических, так и антинормализаторских воззрений в области речевой культуры (см. Норма языковая).

Лит.: Горнфельд А. Г., Новые словечки и старые слова, П., 1922; Винокур Г. О., Культура языка, 2 изд., М., 1929; Чуковский К., Живой как жизнь. О рус. языке, [2 изд.], М., 1963; Будагов Р. А., Введение в науку о языке, 2 изд., М., 1965; его же, Человек и его язык, М., 1974; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Югов А. К., Думы о рус. слове, М., 1972; Яковлев К. Ф., Как мы портим рус. язык, М., 1976; Виноградов С. И., Дискуссии о языке первых послереволюционных лет, «Рус. речь», 1977, № 2; Скворцов Л. И., Теоретические основы культуры речи, М., 1980; его же, Культура языка – достояние социалистической культуры, М., 1981; его же, Основы культуры речи. Хрестоматия. Из опыта переводчика и редактора, М., 1984; Галь Н. Я., Слово живое и мертвое, [4 изд.], М., 1987; Успенский Б. А., Краткий очерк истории рус. лит. языка (XI–XIX вв.), М., 1994.

Л. И. Скворцов.

Р, р – восемнадцатая буква русского алфавита. Её название – «эр» употребляется как существительное ср. рода: *прописное р*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «рцы», восходящей в свою очередь к греч. букве «ро», ведущей своё начало от семитского «реш». В кириллице буква «рцы» имела числовое значение «сто».

Основное графическое значение буквы *р* – обозначение общей части фонем ⟨р⟩ и ⟨р'⟩: дрожащая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *р* буквой или другим графическим знаком: ⟨р⟩ – *рад, рты, сор* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨р'⟩ – *ряд, корь*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *р* обозначает твёрдость этих фонем: *брат, друг, третий*.

Разбо́р – анализ языковых явлений и их характеристика в определённой последовательности; применяется в учебных целях как один из приёмов обучения русскому языку, как средство контроля и самоконтроля, как упражнение, позволяющее обобщить, систематизировать и закрепить языковые знания, умения и навыки. Р. может быть полным и частичным, устным и письменным. По содержанию различаются след. виды Р.: фонетический, лексический, Р. слова по составу (морфемный, словообразовательный, этимологический), морфологический, синтаксический, стилистический, орфографический, пунктуационный и др. В 90-е гг. 20 в. наиболее актуальным стал Р. (анализ) текста. Количество и характер выделяемых при Р. признаков определяются целями, задачами и условиями Р. (в школе и вузе, этапом обучения и т. д.).

При фонетическом Р. слово делится на слоги, определяются место ударения, состав звуков, даётся их характеристика (для гласных указывается, ударные они или безударные, для согласных – звонкие или глухие, твёрдые или мягкие), устанавливается соотносительность звуков с буквами. При лексическом Р. выясняются лексическое значение слова, его стилистические свойства, особенности употребления и происхождение. При морфемном Р. выделяются окончание и основа, к-рая членится на корень, суффикс, приставку. При словообразовательном Р. выделяется производящая основа, выясняется способ образования слова, определяется порядок присоединения морфем в процессе словопроизводства. При этимологическом Р. выясняются исторический морфемный состав, прошлые словообразовательные связи (полный этимологический разбор в учебных целях не проводится). При морфологическом Р. (сло́ва как части речи) указываются начальная форма (для изменяемых частей речи), постоянные и непостоянные признаки, синтаксическая функция и сочетаемость. Для наречий, причастий и деепричастий указывается, от каких слов они образованы. Так,

существительных указываются: начальная форма (им. п. ед. ч.); постоянные признаки – нарицательное или собственное, одушевлённое или неодушевлённое, конкретное или отвлечённое (абстрактное), вещественное, собирательное или единичное, род, тип склонения; непостоянные признаки – падеж, число. У прилагательных указываются: начальная форма (им. п. ед. ч. муж. рода); постоянные признаки – разряд по значению (качественное, относительное или притяжательное); непостоянные признаки – падеж, число, род (в ед. ч.), у качественных отмечается также степень сравнения, полная или краткая форма. У числительных указываются: начальная форма (им. п.); постоянные признаки – разряд по составу (простое, составное, сложное), разряд по значению (количественное, порядковое, собирательное, дробное); непостоянные признаки – падеж, число (если есть) и род (если есть). У наречий и слов категории состояния указывается разряд по значению. У местоимений указываются: начальная форма (им. п. ед. ч.); постоянные признаки – разряд по значению (личные и т. д.), разряд по соотношению с другими частями речи (местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоимения-наречия); непостоянные признаки – падеж, число, род (если они есть). У глаголов указываются:

начальная форма (инфинитив); постоянные признаки – возвратность, класс, вид, переходность, залог, тип спряжения; непостоянные признаки – наклонение, время, лицо, число, род (если есть). У причастий указываются: начальная форма (инфинитив или им. п. ед. ч. муж. рода); постоянные признаки – действительное или страдательное, вид, возвратность, время; непостоянные признаки – полная или краткая форма (у страдательных), падеж, число, род (у причастий в полной форме). У деепричастий указываются вид, возвратность. При разборе причастий и деепричастий отмечаются также переходность и непереходность и другие глагольные свойства. У предлогов указывается: производный или непроизводный, простой или составной, с каким падежом употреблён, разряд по значению. У союзов указываются: сочинительный или подчинительный, разряд по составу (простой или составной, производный или непроизводный), что соединяет. У частиц и междометий указывается разряд по значению.

При синтаксическом Р. словосочетаний указываются: вид словосочетания (подчинительное или сочинительное); для подчинительного словосочетания – главное (стержневое) и зависимое слова, простое или сложное словосочетание, вид и способ связи между словами. При синтаксическом Р. простого предложения указываются: вид предложения по цели высказывания (повествовательное, вопросительное, побудительное); утвердительное или отрицательное; отмечается, если предложение восклицательное; структура предложения (двусоставное, односоставное, нечленимое); распространённое или нераспространённое; полное или неполное; отмечается осложнённость предложения однородными членами, обособленными членами, обращением, вводными конструкциями. При синтаксическом Р. сложного предложения отмечается его тип (сложносочинённое, сложноподчинённое, бессоюзное), из скольких простых предложений (частей) состоит; у сложносочинённых отмечаются средства связи и грамматическое значение (смысловые отношения между частями); у сложноподчинённых выделяются главное и придаточное предложения (части), определяется вид придаточного, к чему относится, средства связи, место придаточного по отношению к главному и т. д. Если имеется несколько придаточных, отмечается вид подчинения: однородное, неоднородное (параллельное), последовательное. Для сложных бессоюзных предложений выясняются смысловые отношения между частями (одновременность, последовательность, противопоставление и т. д.).

При стилистическом Р. указываются: основная функция предложений (задачи речи), сфера применения (жанр, речевая ситуация); монологическая или диалогическая речь; стилевые черты и способы их выражения (лексические, грамматические и др.).

При пунктуационном Р. (обычно он присоединяется к синтаксическому) объясняется употребление знаков препинания, отмечается наличие необходимых и достаточных условий их постановки. При орфографическом Р. орфограммы (см.) соотносятся с соответствующими правилами.

При Р. (анализе) текста указываются: тема, тип речи (повествование, описание, рассуждение), стиль, ключевые слова, средства связи частей текста, синтаксические, морфологические, лексические, морфемные и словообразовательные, а также и фонетические особенности. Могут быть отмечены наиболее яркие орфограммы и пунктограммы. Т. о., при анализе текста не только отмечаются специфические для него признаки, но и в известной мере суммируются разноуровневые характеристики языковых единиц.

Каждый текст индивидуален, поэтому, естественно, при анализе конкретного текста больше внимания может быть уделено к.-л. одному аспекту или уровню, наиболее характерному для данного текста.

В различных учебных и методических пособиях последовательность перечисления признаков обусловлена разнородными факторами: важностью признаков для характеристики языковых и/или речевых фактов, принципом описания языковых явлений («от строения к значению» или «от значения к строению»), стремлением соединить два этапа Р.: анализ языкового и/или речевого факта и его характеристику в определённой последовательности. Так, при морфемном Р. анализ состава слова соответствует последовательности пунктов характеристики: выделение аффиксов мотивируется в ходе Р. (окончание определяется изменением слова, выделение корня сопровождается подбором однокоренных слов, выделение суффиксов и приставок мотивируется подбором одноструктурных слов – слов с теми же суффиксами и приставками). Или, напр., при Р. простых предложений целесообразно сначала указать структурные, а затем только семантические признаки, т. к. при анализе очевидно, что структурные признаки для простого предложения являются более существенными и явными. Нередко анализ языковых явлений предшествует характеристике и по существу остаётся невыраженным. В характеристику языкового и/или речевого факта нередко включаются элементы первого этапа – анализа. Этим обусловлено требование аргументировать ту или иную квалификацию, а также последовательность отдельных пунктов характеристики. Так, указание рода имён существительных перед определением типа склонения обусловлено тем, что в основе разграничения типов склонения существительных лежит их родовой признак. При любом Р. требу-

ется развёрнутый, мотивированный ответ, отражающий осмысленную связь явлений языка и речи.

Лит.: Виды разбора на уроках рус. языка. Пособие для учителя, 2 изд., М., 1985; Чеснокова Л. Д., Рус. язык. Трудные случаи морфологического разбора, М., 1991; Бабайцева В. В., Лингвометодические основы синтаксического анализа простого предложения, в кн.: Многоаспектность синтаксических единиц, М., 1993; Совр. рус. язык. Анализ языковых единиц, ч. 1–3, М., 1995. *В. В. Бабайцева.*

Разгово́рная ле́ксика – один из основных разрядов словарного состава литературного языка, наряду с книжной (см. Книжная лексика) и нейтральной лексикой (см.). Р. л. образуют слова, распространённые преим. в разговорной речи (см.). Как и единицы других уровней языка, функционирующих гл. обр. в разг. речи, Р. л. ориентирована на неформальное общение в условиях межличностной коммуникации (непринуждённость общения и соответственно – выражения мыслей, чувств, отношения к предмету разговора). Поэтому Р. л. присуща сниженная экспрессивная окраска.

Р. л. подразделяется на два неравных по объёму основных пласта: лексику обиходно-бытовую (составляет бо́льшую часть Р. л.) и «лит. просторечие».

В обиходно-бытовой лексике с лексико-семантической точки зрения выделяются след. группы. 1) Ситуативные окказиональные наименования (однословные). Они характеризуются конкретной семантикой (при этом один и тот же предмет, явление имеет несколько наименований), напр. нейтральному слову *прищепки* ('зажимы для прикрепления к верёвке повешенного на неё белья, платья и т. п.') соответствует целый ряд разг. слов: *прищепы, защепки, защепы, зажимки, прижимки, держалки, цеплялки, закрепки, скрепки, шпильки.* 2) Слова с общим, широким значением: а) существительные, выступающие с «неопределённо-местоименными» значениями, напр.: *вещь, субъект, существо, тип, факт, штука, бандура, волынка, дело, история, музыка* и т. п. [*«Терпимость сама по себе вещь хорошая»* (Пушкин); *А дело уже идёт к рассвету; Здесь такая история приключилась*]; б) слова с очень общей или аморфной семантикой (слова-«губки»), напр.: *времянка, деревяшка, забегаловка, железка, стекляшка, нормальный, простой, прямой, пустой* и т. п. Значение таких слов конкретизируется ситуацией и контекстом; напр., *забегаловкой* может быть названо кафе, столовая, закусочная, буфет и т. п., а значение прилагательного *простой* уточняется в таких противопоставлениях, как *простой – с узорами,– с отделкой,– с кремом,– шёлковый,– нейлоновый,– праздничный,– экстра,– люксовский* и т. п. Для слов 1-й и 2-й групп уточняющие, конкретизирующие контексты и речевые ситуации необходимы. 3) Слова констатирующего значения (*папа, электричка, столовка, раздевалка* и т. п.). «Сниженность» таких слов очевидна при сопоставлении с их нейтральными синонимами: *отец, электропоезд, столовая, гардероб.* 4) Слова оценочные. В Р. л. преобладают слова с отрицательной оценкой: *балбес, растяпа, шантрапа, дрыхнуть, драпать* и т. п. Отрицательную оценку в контекстах разг. речи приобретают слова нейтральные (*собака, сука, бык, кобыла*, ср. *орёл* – с положительной оценкой – о смелом мужчине). Слова с положительной оценкой: *заинька, лапочка* (обращения), *мальчонка.*

С точки зрения функциональной (функционально-экспрессивной) выделение к.-л. пластов, группировок в обиходно-бытовой лексике представляет значительные трудности в силу диффузности границ между её разрядами, дробности и известной синкретичности эмоционально-экспрессивных характеристик, возможности многих слов выражать ряд экспрессивных оттенков. Это обусловлено в первую очередь ситуативным характером разг. речи, что создаёт зависимость семантики и особенно экспрессивной окраски слов от конкретных ситуаций и контекстов их употребления.

С точки зрения функционально-экспрессивной выделяются два ряда явлений. Один ряд – 1) лексика констатирующая, лишённая экспрессивно-оценочных оттенков (*пятёрка* – 'школьная оценка' или 'пять рублей'; *глядеть, хворать*), и 2) лексика экспрессивно окрашенная (значительно бо́льшая по объёму), она же – фамильярная, к-рую отличают динамичная выразительность, эмоциональная напряжённость, широкий диапазон экспрессивной окраски – от дружески фамильярной до грубо фамильярной и бранной.

Другой ряд – 1) лексика нейтрально-обиходная. Она употребляется в ситуациях, характеризующихся уравновешенностью взаимоотношений собеседников, спокойным, серьёзным и/или доброжелательным настроем при обсуждении к.-л. вопросов. В её состав входят слова преим. дружески фамильярные (в т. ч. шутливые), напр.: *голубчик, ватага, сынок, лошадка, дрожать* ('опасаться за к.-л.'), *мчаться, домчаться, успеется* и т. п.; 2) лексика разговорно-просторечная. Она реализуется в речи аффективной, порождаемой разного рода неординарными ситуациями, предполагающими эмоционально повышенное, напряжённое состояние участников диалога (полилога). Сюда относится гл. обр. грубо фамильярная лексика преим. с отрицательной оценкой [*балаболить, загнуться* ('умереть'), *чертовщина* и т. п.]. Возможны и слова с положительной оценкой (*башка, бедовый, здо́рово*).

«Лит. просторечие» – совокупность слов (и фразеологизмов), – составляющее «нижний» пласт Р. л., происходит гл. обр. из просторечия (см.), частично из диалектов (см.) и жаргонов (см.). Эта лексика приобретает черты известной обработанности, «олитературенности» вследствие употребления со специальным стилистическим заданием в художественных, художественно-публи-

цистических текстах для воспроизведения речевого колорита изображаемой среды, местности, социально-речевой характеристики персонажей «из народа». Слова (и фразеологизмы) из «лит. просторечия» подвергаются процессам адаптации к лит. языку гл. обр. в стилях рус. реалистической прозы (отчасти поэзии) и публицистики. Функционирование «лит. просторечия» ограничено воспроизведением прямой речи, жанрами, контекстами, ситуациями (в разг. речи), допускающими – при чёткой коммуникативной и эстетической (в лит. текстах) мотивированности – использование такого рода слов и объединение стилистически полярных речевых средств. Такие слова отличаются яркими экспрессивно-эмоциональными свойствами, напр.: *болезный, ражий, страшенный, ядрёный, милёнок, бестолочь, живоглот* и т. п. Есть и слова констатирующей семантики (*тятя, братан* или реалии сельской жизни, не имеющие номинаций в лит. языке, напр. *зеленя, долгуша*). Слова из «лит. просторечия» со временем могут перемещаться в обиходно-бытовую лексику (*образуется, забияка*), в нейтральную лексику (*расчёска, балка*) и даже в книжную (*двурушник, шумиха*).

«Лит. просторечие» сближает разг. (лит.) речь с народно-разг. речью, осуществляя и поддерживая связи с ней лит. языка. Термин «лит. просторечие» предложен Ю. С. Сорокиным.

Лит.: Щерба Л. В., Совр. рус. лит. язык, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Сорокин Ю. С., Развитие словарного состава рус. лит. языка. 30–90-е годы 19 века, М.–Л., 1965; Лаптева О. А., О некодифицированных сферах совр. рус. лит. языка, «ВЯ», 1966, № 2; Филин Ф. П., О структуре совр. рус. лит. языка, «ВЯ», 1973, № 2; его же, Истоки и судьбы рус. лит. языка, М., 1981; Бельчиков Ю. А., «Литературно-просторечная лексика» и ее роль в обогащении рус. лит. языка, в кн.: Язык и речь как объекты комплексного филол. исследования, Калинин, 1980; его же, Лит. просторечие и норма, в кн.: Лит. норма в лексике и фразеологии, М., 1983; его же, Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения, М., 1988; Виноградов В. В., Итоги обсуждения стилистики, в его кн.: Проблемы рус. стилистики, М., 1981; Горшков А. И., Теоретические основы истории рус. лит. языка, М., 1983; Сиротинина О. Б., Рус. разг. речь, М., 1983; Петрищева Е. Ф., Стилистически окрашенная лексика рус. языка, М., 1984; Земская Е. А., Рус. разг. речь: лингвистический анализ и проблемы изучения, 2 изд., М., 1987.

Ю. А. Бельчиков.

Разгово́рная речь – 1) то же, что разговорный язык (см.); 2) любая речь, проявляющаяся в устной форме: научный доклад, лекция, выступление по радио, телевидению, бытовая речь, городское просторечие, территориальные диалекты; 3) любая устная речь городского населения; 4) бытовая речь городского и сельского населения. В работах ряда исследователей (Е. А. Земская) термин «Р. р.» в 1-м значении заменяется термином «разг. язык», во 2-м значении – термином «устная речь», в 3-м значении – термином «городская (устная) речь», в 4-м значении – термином «бытовая речь», поскольку все эти разновидности лит. языка имеют существенные различия, а понятия – разное лингвистическое содержание.

Е. А. Земская.

Разгово́рный язы́к, разговорная речь,– одна из двух разновидностей литературного языка, употребляемая в условиях непринуждённого общения и противопоставленная (в пределах литературного языка) кодифицированному книжному языку. Эту разновидность лит. языка нек-рые учёные традиционно называют термином «разговорная речь» (см.), к-рый возник в связи с тем, что первоначально исследования особенностей Р. я. основывались на их отражении в языке художественной лит-ры. Начиная с 60-х гг. 20 в. изучению подверглись магнитофонные и ручные записи непринуждённой естественной устной речи. Анализ её фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования, лексики, невербальных средств коммуникации, проводимый в 70–80-х гг., показал, что непринуждённая естественная устная речь характеризуется особенностями системно-языкового характера и что её правильнее называть термином «разг. язык» (Р. я.), противопоставляя книжному кодифицированному языку, поскольку рус. лит. язык существует в этих двух разновидностях. Тем не менее многие учёные сохраняют термин «разг. речь», отчасти не желая порывать с традицией, отчасти по соображениям принципиального характера. Аналогичные языковые формации в других языках именуются терминами, включающими слово «язык»: Umgangssprache (нем.), hovorová čeština (чеш.), français parlée (франц.).

Основная форма реализации Р. я.– произносимая, устная речь (см.). Именно устная форма обусловливает целый ряд особенностей Р. я. Существует, однако, мнение, что Р. я. может обнаруживаться и в письменной форме (частные письма, записки, дневники). Книжная речь функционирует и в письменной, и в устной форме (доклад, лекция, радио- и телепередачи). Кроме формы речи (устная – письменная; см. Письменная речь) различие между Р. я. и книжным языком создаётся ещё рядом экстралингвистических факторов. Р. я. обнаруживается лишь в условиях непринуждённого общения, т. е. при наличии неофициальных отношений между говорящими и установки на неофициальное общение, в речи непосредственной и неподготовленной, зависящей в сильной мере от ситуации. Тесная связь с ситуацией проявляется в том, что Р. я. могут быть не выражены многие элементы сообщения, непосредственно содержащиеся в ситуации, сопровождающей речь. Так, напр., фраза *Открой, пожалуйста,* в к-рой не указан объект действия, вполне понятна, если говорящий держит в руках консервную банку, и будет понята иначе, если она произносится, когда в квартире раздаётся звонок в дверь.

В акте коммуникации, к-рую обслуживает Р. я., большую роль играют помимо собственно языко-

вых средств жест и мимика. Р. я. непосредственно сопрягается с несловесной (невербальной) передачей информации, что оказывает влияние на структуру Р. я. Жест и мимика могут сопровождать слова говорящего, указывая форму, размер и т. п. предмета речи (ср. *Я купила такую круглую* – жест – *шляпу*), но могут выступать и на месте паузы, как самостоятельное средство общения, реализуя смыслы, не выраженные словесно (напр., в метро: *Вы не могли бы...* – жест – 'подвинуться'; за столом: *Передай мне* – показывает на хлеб). Жесты могут выступать в функции отдельных реплик диалога (см.), особенно часто в ответах на вопрос, просьбу (напр., кивнуть головой со значением «да», пожать плечами – выразить недоумение и т. п.).

Как и книжный язык, Р. я. имеет свои нормы. Опора на неязыковую ситуацию, неподготовленность, непосредственность речевого акта, использование жестов и мимики, преимущественное функционирование в устной форме – все эти факторы обусловливают специфические лингвистические особенности Р. я. в фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании, лексике, номинативных средствах. В фонетике Р. я. представлен тот же набор фонем, что и в книжном языке, однако реализация фонем осуществляется иначе, чем в книжном языке. Напр., распространённое явление – утрата отдельных звуков или сочетаний звуков: [*т'иэ̂*] – тебе, [*наэ̂рна*] – наверное, [*смар'ел*] – смотрел, [*с'ор'э̂м'а*] – всё время, [*с'ърано́*] – всё равно, [*хо́ит*] – ходит, [*во́ит*] – водит; стяжение гласных звуков: [*вапще́*] – вообще, [*въбража́т'*] – воображать, [*т'атр*] – театр. Особенно часто сильной деформации в потоке речи подвергаются высокочастотные слова, а среди них – слова информативно мало значимые: [*тада́*] – тогда, [*када́*] – когда, [*инада́*] – иногда, [*ч'уч'у́т'*] – чуть-чуть, [*друк*] – вдруг, [*д'ес', з'ес'*] – здесь, [*знач'*] или [*на́ч'ит'*] – значит, [*сас'э̂м*] – совсем, [*т'иэ̂р', т'эр'*] – теперь, [*оч'н', ош'н'*] – очень. Так, для слова *здравствуйте* наряду с обычным [*здра́ст'и*] зафиксировано более двадцати различных вариантов произношения.

В морфологии существуют особые звательные формы: *Мам!; Пап!; Нин!*, звательные формы, включающие повторы (*Мам, а мам!; Пап, а пап!; Нин, а Нин!; Мама-мам!; Нин-Нина!*). Для морфологии Р. я. характерно усиление черт аналитизма. Это проявляется в ряде явлений: 1) в склонении как единого целого нек-рых разрядов существительных (имён и фамилий: *читал Майн Рида, купил Жюль Верна*), устойчивых сочетаний (*забыл о твоём день рожденьи*), составных числительных (*я поехал туда с двадцать одним рублём в кармане*); 2) в наличии обширных разрядов неизменяемых слов, отличающихся специфической семантикой и функциональной нагрузкой: предикативов-оценок (*не ах, не ахти, ничего, так себе, того* и т. п., напр.: *Погода сегодня не ах; Ужин не ахти; Суп был ничего; Кисель так себе*); глагольных междометий (*трах, бах, бац, ля-ля-ля, шу-шу-шу*, напр.: *Коля трах по столу; Он бах в воду; Она целый день ля-ля-ля; Она ему шу-шу-шу*).

Синтаксис Р. я. имеет след. особенности: конструкции с особым порядком слов (*Значки я рада что купила; Наташа ты не знаешь когда приедет?; Тебе собака нравится когда в доме?*), в т. ч. вопросительные высказывания, в к-рых вопросительное слово расположено не в начале, а в конце или в середине конструкции (*Петя когда приедет?; Ваня почему не пришёл?; Она теперь живёт где?; Ты это принёс зачем?*), специфические виды связи между предикативными конструкциями (напр., *Портфель на диване лежит принеси мне; Я в больницу зуб болит еду*), особые функции им. п. существительного – им. п. как зависимый член при существительном (*Возьми там сыр остаток*, ср. *остаток сыра; Я тебе прочту письмо отрывок*, ср. *отрывок письма*) и глаголе (*Следующая остановка сойдёте; Любой троллейбус садитесь*), нулевые глаголы-предикаты (*Я в лес; Ты на каток?; Мы обедать; Вы пешком?; Она вечно о детях!; Он всё про своего пса; Вы бы покороче!*), двойные глаголы-предикаты (*Она лежит плачет, утешь её!; Он сидит читает; Вася в окно стоит смотрит*), разные виды эллипсиса – нереализация прямой валентности (*Намажь мне; Отрежь покороче; Заверните, пожалуйста*) и обратной валентности (*Передай вон ту толстую* – о книге; *Ты на верхней поищи* – о полке шкафа) и др.

В области словообразования Р. я. характеризуется наличием особых экспрессивных средств – аффиксов, служащих для производства имён существительных и прилагательных (*здоровяга, миляга, мрачняга; толстюга, жирнюга; грязнуля, капризуля; забываха, растеряха; глупыш, крепыш; зевака, ломака, кусака; чернущий, мрачнущий; тяжеленный, большенный*) и способов словопроизводства (универбация – производство слов на базе словосочетаний: сгущённое молоко – *сгущёнка*, маршрутное такси – *маршрутка*; усечение: магнитофон – *маг*, видеомагнитофон – *видео*, диссертация – *диссер*). Отличительная черта словообразования Р. я.– активность индивидуального словотворчества. Напр.: *Это моя соинфарктница*, ср. *сокомнатница; В предлифтниках очень холодно*, ср. *предбанник*. Разг. словообразование имеет динамический характер: производное слово легко членится и является свободно построенной конструкцией, что объясняется условиями протекания речевого акта (непринуждённость общения, раскованность говорящих, стремление к экспрессивности). Напр., *Сейчас он разорётся, раскричится, размашется руками; Он набегался, накатался, намёрзся*. При этом в

качестве отдельных слов, в т. ч. отдельных членов перечислительного ряда, могут выступать морфемы (*Вот эта паста, колгейт, она анти что? – Анти плохие зубы; Я всё время подправляю, подчищаю, под – не знаю что*).

В области лексики для Р. я. характерно широкое употребление местоимений разных видов, в т. ч. местоимений с повторами типа *то-сё, туда-сюда, там-сям, так-сяк*, употребляемых, когда говорящий не находит точного слова для завершения перечисления, напр.: *Она пошла в магазин, хлеба купить, то-сё; Я его искала в шкафу, в коридоре, там-сям*; наличие семантически опустошённых или полуопустошённых слов, выступающих на месте почти любого слова (сущ. *дело, штука, вещь, музыка, история* и т. п., ср. франц. *machine, chose*, нем. *Zeug, Ding, Sache*; глаголы *валять, дуть, шпарить, бахать, жарить* и т. п., ср. нем. *tun, machen, bauen*), напр.: *Надоела мне эта история* (о ремонте); *Я пью без сахара, но с этой штукой* (о пироге); *Куда бы это дело засунуть?* (о табуретке); *Он на всех языках шпарит; Я ему телеграмму бахнула*. Разг. лексика отличается высокой экспрессивностью. В Р. я. метафоризации подвергаются целые группы слов, относящихся к одному семантическому пласту. Напр., названия нек-рых кушаний употребляются для неодобрительной оценки различных явлений (*винегрет, каша, окрошка* – о путанице, мешанине, смеси неоднородного; *кисель, лапша, размазня, тюря* – о вялом, бесхарактерном человеке).

В Р. я. существуют специфические виды номинативных средств – неоднословные номинации разных типов: *У тебя есть чем писать?* (т. е. карандаш, ручка и т. п.); *Дай мне чем укрыться* (т. е. одеяло, плед, простыню и т. п.); *Над нами живёт уехала вчера в Крым; Через улицу переходит учится с нашим Петей в одном классе*; однословные производные слова с прозрачной внутренней формой: *Где наша прочищалка?; Принеси открывалку* (о консервном ноже); *Надоела эта тарахтелка под окном* (о мотоцикле); *Сними свои стукалки* (о туфлях на высоких каблуках) и т. п.

Р. я. не следует смешивать с разг. (сниженным) стилем лит. языка, к-рый входит в след. ряд терминов: высокий – нейтральный – сниженный (разг.) стили. Р. я. как особая разновидность лит. языка является тем источником, откуда сниженный стиль черпает экспрессивные, в первую очередь лексические, средства.

Наиболее глубокие исследования рус. Р. я. принадлежат Н. Ю. Шведовой, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, Кв. Кожевниковой, М. В. Панову, Е. А. Земской, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильниковой, Е. Н. Ширяеву, Г. А. Бариновой, Н. Н. Розановой, М. В. Китайгородской, Г. Г. Инфантовой, Э. А. Столяровой.

Поскольку Р. я. формируется условиями его функционирования, а эти условия являются в значительной мере общими для разных языков, в структуре Р. я. наблюдается значительная близость, что позволяет говорить о наличии разг. универсалий. Их выявление даёт возможность ответить на вопрос, как именно условия коммуникации влияют на структуру языка, формируя те или иные её особенности. Сопоставление разных Р. я. позволяет увидеть, какие именно черты Р. я. порождаются условиями их функционирования, а какие – составляют их национальное своеобразие.

Лит.: Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису рус. разг. речи, М., 1960; Земская Е. А., Рус разг. речь, М., 1968; её же, Рус. разг. речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения, 2 изд., М., 1987; её же, Перспективы изучения слав. разг языков, в кн.: Слав. языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Докл. сов. делегации, М., 1988; Кожевникова Кв., Спонтанная устная речь в эпической прозе, Praha, [1971]; Рус. разг. речь, под ред. Е. А. Земской, М., 1973; Сиротинина О. Б., Совр. разг. речь и её особенности, М., 1974; Лаптева О. А., Рус. разг. синтаксис, М , 1976; Рус. разг. речь. Тексты, М., 1978; Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., Рус. разг. речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис, М., 1981; Рус. разг. речь Фонетика, морфология, лексика, жест, М., 1983; Земская Е А., Ширяев Е Н , Рус. разг. речь: итоги и перспективы исследования, в кн.: Русистика сегодня, М., 1988

Е. А. Земская.

Раздели́тельный сою́з – см. Союз.

Разносклоня́емые существи́тельные – закреплённый школьной традицией термин для обозначения существительных, разные падежные формы к-рых имеют окончания, характерные для различных типов склонения. К ним относятся существительные ср. рода *время, имя, темя, бремя, семя, племя, стремя, вымя, знамя, пламя* (10 слов) и существительное муж. рода *путь*, имеющие в род., дат. и предл. п. ед. ч. окончание *-и*, как в 3-м склонении, а в твор. п. – окончание *-ем* (*-ём*), как в 1-м («мужско-среднем») склонении; ср., напр., род. п. – *времени, имени, пути* и твор. п. – *временем, именем, путём*. Слова на *-мя* исторически являются остатком особого типа склонения существительных с основой на согласный, а слово *путь* уже в древности было редким существительным муж. рода среди существительных с основой на *-ь* (нынешнее 3-е склонение), име́ющим особую форму твор. п.

В совр. научных грамматиках Р. с. рассматриваются как особая группа слов в пределах 3-го склонения.

В. В. Лопатин.

Разноспряга́емые глаго́лы – закреплённый школьной традицией термин для обозначения глаголов, имеющих в одних формах окончания, свойственные 1-му спряжению, а в других – окончания, свойственные 2-му спряжению, или имеющих особые окончания. К Р. г. относятся глаголы *хотеть, бежать, дать, создать, есть, надоесть, чтить* и их производные. Глагол *хотеть* во 2-м и 3-м лице ед. ч. наст. времени имеет на письме окончания 1-го спряжения (*хоч-ешь, хоч-ет*), а во

мн. ч.– окончания 2-го спряжения (*хот-им, хот-ите, хот-ят*). Глагол *бежать* в формах 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1-го и 2-го лица мн. ч. имеет окончания 2-го спряжения (*беж-ишь, беж-ит, беж-им, беж-ите*), в форме 3-го лица мн. ч.– окончание 1-го спряжения (*бег-ут*).

Глаголы *дать* и *создать* в формах ед. ч. имеют особые окончания: в 1-м лице *-м*, во 2-м лице *-шь*, в 3-м лице *-ст* (*дам, дашь, даст; создам, создашь, создаст*); в формах 1-го и 2-го лица мн. ч.– окончания 2-го спряжения (*дадим, дадите; создадим, создадите*), в 3-м лице мн. ч.– окончание 1-го спряжения (*дадут, создадут*). Глаголы *есть* и *надоесть* в формах ед. ч. имеют те же окончания, что и глаголы *дать* и *создать* (*ем, ешь, ест; надоем, надоешь, надоест*), а в формах мн. ч.– окончания 2-го спряжения (*едим, едите, едят; надоедим, надоедите, надоедят*). Глагол *чтить* в 3-м лице мн. ч. имеет вариативные формы 1-го и 2-го спряжения (*чтут* и *чтят*).

Лит.: Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. *И. С. Улуханов.*

Распространённое предложе́ние – простое предложение (см.), в состав к-рого (в отличие от нераспространённого предложения; см.) входят второстепенные члены, поясняющие и уточняющие подлежащее, сказуемое или предложение в целом. Расширение состава предложения происходит за счёт слов и словосочетаний, выступающих в форме, предопределённой подлежащим или сказуемым, или в форме, закреплённой в языковой системе для выражения определённых компонентов смысла предложения, напр.: *Не пришёл из-за болезни; «Снег забивался в ворот штормовок – ледяным обручем стискивал горло»* (Семёнов-Спасский); *«Об этом молчать! Морозка старался не вспоминать о поездке в госпиталь»* (Фадеев). В образованном на основе различных видов подчинительной связи (согласования, управления, примыкания) словосочетании имеют место определительные, объектные или субъектные отношения, напр.: *не вспоминать о поездке* – управление, отношения объектные; *поездка в госпиталь* – слабое управление, отношения определительные.

Синтаксическая позиция словоформ, распространяющих всё предложение в целом,– в начале или реже в конце предложения. В одном предложении может быть несколько таких распространителей (детерминантов, см.), характеризующих предложение с различных сторон, имеющих субъектное, объектное или обстоятельственное значение, напр.: *«У неё глаза морского цвета, У неё неверная душа»* (Бальмонт); *«На лице твоём, ласково-зыбкий, Белый луч притворился улыбкой...»* (Анненский); *«С катком и родителям стало гораздо спокойнее»* (Носов).

Внутренний состав предложения может распространяться именем, чаще местоимением, в форме дат. п., к-рое указывает на направленность действия, напр.: *«Пуля прошла ему сквозь самое сердце»* (Тургенев). В этой роли может выступать инфинитив, напр.: *Дай бумагу написать письмо*; деепричастие: *Уходя, уходи.*

Распространённым является предложение, если оно содержит открытые или закрытые ряды уточняющих определений, дополнений или обстоятельств, объединённых союзной или бессоюзной связью, напр.: *«Лишь снег порхает – в е ч н ы й, б е л ы й, Зимой – он площадь оснежит...»* (Блок); *«Вся моя жизнь озарилась любовью, именно в с я, д о с а м ы х м е л о ч е й, с л о в н о т ё м н а я, з а б р о ш е н н а я к о м н а т а, в которую внесли свечку»* (Тургенев).

Предложение распространяется также путём присоединения уточняющих групп словоформ, находящихся с предложением или отдельным словом в полупредикативной связи. Эти обособленные смысловые группы выделяются интонационно, на письме – запятыми или тире, напр.: *«Бросавший её* [сеть], *к п о л н о м у у д и в л е н и ю в с е х, промахнулся и захватил ею только кувшин...»* (Булгаков); *«Так шептала Маргарита Николаевна, г л я д я н а п у н ц о в ы е ш т о р ы, наливающиеся солнцем, б е с п о к о й н о о д е в а я с ь, р а с ч ё с ы в а я п е р е д т р о й н ы м з е р к а л о м короткие завитые волосы»* (Булгаков).

Распространённым предложение делает введение синтаксически независимых словоформ – обращений, вставных конструкций, напр.: *«Ты мне мила, п о р а з а к а т а»* (Плещеев); *«К ней заходил замечательный музыкант (я д р у ж и л с н и м) И. Добровейн»* (Пастернак).

Термины «Р. п.» и «нераспространённое предложение» приняты прежде всего в школьной грамматике.

Лит.: Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989. *Е. М. Лазуткина.*

Реду́кция (от лат. reductio – возвращение, отодвигание назад) – изменение звуковых характеристик речевых элементов, вызванное их безударностью. В фонетической лит-ре больше говорят о Р. гласных, т. к. гласные являются слогообразующим элементом. Различают количественную и качественную Р. гласных. К о л и ч е с т в е н н а я Р.– сокращение времени артикулирования (т. е. сокращение длительности). Ударный гласный (как и ударный слог) всегда имеет относительно бо́льшую длительность, длительность же безударных зависит от их положения по отношению к ударению; больше всего сокращаются по длительности заударные слоги (не в абсолютном конце слова) и вторые, третьи предударные слоги (не в абсолютном начале слова). Степень сокращения гласных по длительности зависит также и от качества гласных; так, открытый гласный [a], имеющий максимальную собственную длительность в ударном положении по сравнению с другими ударными гласными, в первом предударном слоге сокращается по

длительности не столь значительно, как второй предударный и заударный. Эту особенность количественной Р. гласного [*а*] А. А. Потебня описал числовой формулой: если ударный гласный в слове обозначить цифрой 3, то первый предударный – это 2, а второй предударный и заударный – 1. В фонетической лит-ре есть тенденция распространять эту формулу и на другие гласные, однако экспериментально-фонетические исследования количественных характеристик остальных гласных показывают, что сильнее различаются все предударные от всех заударных, чем 1-й, 2-й и 3-й предударные между собой.

Сокращение длительности гласных – количественная Р.– приводит и к качественной Р., а именно к неполному выполнению артикуляторной программы безударного гласного: при сокращении времени артикулирования гласного [*а*] язык не достигает максимально низкого положения (как при артикуляции ударного [*а*]) и безударный [*а*] произносится как гласный среднего подъёма. При артикуляции безударных [*и*], [*ы*], [*у*] язык не достигает максимально высокого положения, к-рое характерно для этих же ударных гласных, так что они уже не являются гласными высокого подъёма. Сокращение времени артикуляции безударного гласного приводит и к тому, что этот гласный не содержит фазы выдержки и представляет собой нек-рую переходную артикуляцию от предшествующего согласного к следующему.

При Р. слога основным результатом является ослабление контраста между согласным и следующим за ним гласным, т. е. более слитное, нерасчленённое произношение целого слога.

Р. целых звуковых комплексов (напр., последовательности заударных слогов) приводит к очень сильным изменениям звукового состава слова.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, [М.], 1956; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р., Акустическая характеристика безударности (На материале рус. языка), в кн.: Структурная типология языков, М., 1966; Бондарко Л. В., Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи, Л., 1981. *Л. В. Бондарко.*

Редуци́рованные гла́сные – 1) сверхкраткие гласные среднего подъёма ъ и ь в древнерусском языке; 2) гласные в речевом потоке, подвергающиеся редукции (см.). Р. г. (в 1-м значении) были унаследованы др.-рус. языком из праславянского языка (см.), они существовали и в других слав. языках. В др.-рус. языке Р. г. ъ был лабиализованным гласным непереднего образования типа очень краткого *о*, Р. г. ь – нелабиализованным гласным переднего образования типа очень краткого *е*. Р. г. могли находиться как под ударением, так и в безударных слогах (напр., *сънъ, вьсь, дъска́, кътó, мьгла́*), но в любом положении они звучали слабее и короче, чем остальные гласные. Р. г. выступали в др.-рус. языке как самостоятельные фонемы, различая отдельные словоформы. Напр.: *съ* – предлог и *сь* – указательное местоимение жен. рода; *тъ* – указательное местоимение муж. рода и *то* – указательное местоимение ср. рода; *льбъ – лубъ, вьшь – вашь, мъхъ – мухъ* (от *муха*), *сънь – сань, львъ – ловъ, дънь – дань, льсти* (от *льсть*) – *лѣсти* «лезть»), *вьсь – вьсе* и т. д. В положении перед *j* или *и* Р. г. выступали в своих разновидностях: ъ изменялся в *ы̆* («ы редуцированный»), ь – в *й* («и редуцированный»), напр. прил. *красьны̆и̯, синйи̯* (из *krasьnъ + jь, sinь + jь*) имели в окончании *ы̆* и *й*. Памятники др.-рус. языка свидетельствуют о сохранении Р. г. у вост. славян до сер. 12 в., а в нек-рых др.-рус. диалектах – и в 1-й пол. 13 в.

В совр. рус. лит. языке и во многих говорах во 2–3-м предударных и в заударных слогах произносятся Р. г. (во 2-м значении) ъ и ь (напр.: [*въдавóс*] «водовоз», [*п'ьтачóк*] «пятачок», [*за́път*] «запад», [*вы́м'ьл*] «вымел»), но это не сохранение др.-рус. Р. г., а новые звуки, возникшие в рус. языке в более позднюю эпоху в результате смены музыкального ударения динамическим и развития редукции безударных гласных.

Лит. см. при ст. Падение редуцированных. *В. В. Иванов.*

Ре́ма – см. Актуальное членение предложения.

Рефере́нт (лат. referens, род. п. referentis – относящий, сопоставляющий) – объект внеязыковой действительности, к-рый имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок; предмет референции (см.).

Предметная отнесённость противопоставляет Р. смыслу знака [значению, концепту, сигнификату (см.)], а соотнесённость с конкретным речевым актом – денотату (см.).

Термин «Р.» был введён в 1923 Ч. Огденом и А. А. Ричардсом прежде всего для того, чтобы подчеркнуть косвенный характер отношения Р. к имени, с к-рым Р. связан лишь через посредство понятия. Распространённое в совр. логике, философии и лингвистике терминоупотребление не согласуется с этим пониманием: отношение референции («указания», «соотнесённости») обычно устанавливается непосредственно между Р. и «указывающим на него», «отсылающим к нему» языковым выражением.

Речевой отрезок может иметь Р. не только в реальном, но и в воображаемом мире, в частности в универсуме данного художественного произведения: напр., имя *Кутузов* в тексте романа Л. Н. Толстого «Война и мир» имеет своим Р. то историческое лицо (в философских отступлениях), то персонаж, соотнесённый с художественным миром романа и фигурирующий в этом вымышленном универсуме на тех же правах, что, напр., и другой персонаж – Р. имени *Андрей Болконский*. В пределах одного речевого универсума устанавливается и кореферентность – тождество Р. двух речевых отрезков. Цепочка анафорических связей (см. Анафорическое отношение) между предыду-

щим и последующим вхождением выражений, относящихся к одному и тому же Р., в связный текст образует его «референциальную историю». По мере развёртывания «референциальной истории» происходит обогащение знаний о Р., достигаемое постепенным введением новой сигнификативной информации о нём. Это создаёт возможность повторной несинонимической номинации данного Р. выражениями с различным смыслом: напр., во 2-й главе повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» один и тот же Р. получает наименования: *«что-то чёрное»*, *«человек»*, *«дорожный»*, *«он»*, *«вожатый»*, *«мужик»*, *«мужичок»*, *«мой бродяга»*, нек-рый другой Р. в 6-й главе получает имена *«Емельян Пугачёв»*, *«злодей»*, *«самозванец»*, *«разбойник»*, наконец, в 8-й главе происходит идентификация двух Р.: *«Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо»*. В дальнейшем речь идёт уже только об одном Р.

Недифференцированное употребление терминов «Р.» и «денотат» связано в работах нек-рых исследователей с тем, что они не проводят соответственного содержательного разграничения. В других случаях использование термина «Р.» как по отношению к объекту, именуемому актуализованным языковым выражением, так и к денотату абстрактной языковой единицы связано с иным терминологическим обозначением соответствующих понятий: в значении, близком значению термина «денотат», используются термины «виртуальный Р.», «семантический Р.» и др.

Лит.: Арутюнова Н. Д., Номинация, референция, значение, в кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы), кн. 1, М., 1977, гл. 4; Гиндин С. И., Леонтьева Н. Н., Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах МП, диалоговых и информационных системах, в кн.: Машинный перевод и автоматизация информационных процессов, в. 2, М., 1978; Чехов А. С., О типах референциальной неоднозначности высказывания, в кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, в. 20, М., 1980; НЗЛ, в. 13 – Логика и лингвистика, пер. с англ., М., 1982; Демьянков В. З., Англо-рус. термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста, в. 2, М., 1982, с. 59-82; Шмелева Т. В., Шмелев А. Д., Прагматические аспекты теории референции, в кн.: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики, М., 1984; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесённость с действительностью, М., 1985; Geach P. T., Reference and generality, Ithaca (N.Y.), 1962; Lakoff G., Pronouns and reference, Bloomington, 1968; Karttunen L., Problems of reference in syntax, Bloomington, 1969. См. также лит. при статьях Референция, Денотат, Сигнификат, Анафорическое отношение.

Т. В. Булыгина, С. А. Крылов.

Рефере́нция (от лат. referens) – соотнесение употреблённого в тексте имени (именной группы) с внешним миром (объектами действительности), а также результат такого соотнесения. В более широком смысле понятие «Р.» применимо и к другим языковым выражениям, напр. к высказыванию.

В отличие от смысла, Р. присуща не имени как таковому, но его употреблению («актуализованному» имени). Смысл может определять лишь предрасположенность к тому или иному типу Р. Знание Р. актуализованных имён так же, как и знание их смысла, обеспечивает понимание текста Проблема соотнесённости и взаимодействия Р. со смыслом лежит в основе логико-семантических исследований Г. Фреге, Б. Рассела, Р. Карнапа, П. Стросона и др.

Необходимость строго различать смысл и Р. приводит, по мнению У. Куайна и др., к разделению семантики на «слабую», или «внутреннюю» (теория значения), и «сильную», или «внешнюю» (теория Р.). Последняя оперирует такими понятиями, как «именование», «истинность», «обозначение» и «экстенсионал» (и охватывает соответствующий круг проблем).

Р. имени обусловлена не только его смыслом, но и контекстом и прагматическими факторами. Повышенное внимание к прагматике особенно характерно для совр. теорий Р. (Л. Линский, С. Крипке, Дж. Сёрл и др.).

Одной из важнейших задач теории Р. является описание референциальных противопоставлений, т. е. противопоставлений актуализованных имён, основанных либо на различиях свойств обозначаемых объектов внешнего мира, либо на различиях сопутствующих прагматических факторов. На базе референциальных противопоставлений строится классификация типов соотнесённости имён с внешним миром, т. н. «типов референции» (Н. Д. Арутюнова), или «денотативных статусов» (Е. В. Падучева). Так, напр., слово *ягуары* в высказывании *Ягуары нежно тёрлись об её руки* обозначает конкретных зверей (конкретно-референтное употребление), в высказывании *Ягуары вымирают* обозначает вид животных (родовое употребление), в высказывании *Эти звери – ягуары* обозначает свойство (предикатное нереферентное употребление), в высказывании *Ягуары – форма множественного числа от слова ягуар* обозначает себя, т. е. слово *ягуары* (автонимное, содержащее отсылку к самому имени, употребление). Построение классификации типов Р. даёт возможность перейти к чисто лингвистическим задачам: изучению языковых средств, участвующих в Р., т. е. маркирующих типы Р., снимающих референциальную омонимию и т. п. Так, с помощью неопределённых местоимений снимается омонимичность высказывания *Петя хочет жениться на москвичке – на какой-нибудь москвичке* (неконкретное употребление) и *на какой-то москвичке* (конкретное употребление).

По существу, главная задача лингвистической теории Р. состоит в исследовании семантики слов и категорий с преим. референциальными функциями (в рус. языке в первую очередь местоимений, местоименных слов и имён собственных), а также в изучении действия механизмов Р. в рамках высказывания и текста, или, обобщая, в изучении потенциальных возможностей языка для выражения Р. В этом отношении лингвистическая теория Р. скорее относится к «слабой» семантике, по Куайну.

В теории Р.– области пересечения разных наук (философии, логики, языкознания и др.) у ряда исследователей не всегда можно чётко выделить собственно лингвистические задачи. Интерес к Р. у лингвистов усиливается в 60–80-х гг. 20 в.

Лит.: Карнап Р., Значение и необходимость, [пер. с англ.], М., 1959; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Фреге Г., Смысл и денотат, пер. с нем., в кн.: Семиотика и информатика, в. 8, М., 1977; НЗЛ, в. 13 – Логика и лингвистика, пер. с англ., М., 1982; Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесённость с действительностью, М., 1985; Референция и проблема текстообразования, М., 1988; Quine W. van O., From a logical point of view, Camb. (Mass.), 1953.

М. А. Кронгауз.

Рефо́рмы а́збуки и правописа́ния. В основе рус. письма лежит одна из двух древнейших слав. азбук – кириллица (см.). В процессе её приспособления к звуковому строю рус. языка и особенно в связи с развитием книгопечатания (см.) не раз возникала необходимость упорядочения как алфавита, так и правописания. Первая реформа рус. письма была осуществлена в 1708–10 Петром I. В 1708 он издал указ напечатать «новоизобретенными русскими литерами» «Геометрию» и иные гражданские книги, а в 1710 утвердил образец новой азбуки. В ней старые (церковные) и новые («гражданские») буквы давались в сопоставлении. Были исключены нек-рые буквы церковной кириллицы (напр., ξ – «кси», ψ – «пси», ω – «омега» и др.). В азбуку были введены буквы *э* и *я*, а также впервые устанавливались строчные и прописные начертания букв (в церковной кириллице были только заглавные буквы). Однако часть исключённых Петром I букв в дальнейшем восстанавливалась и снова исключалась. Нек-рые излишние буквы оставались в рус. алфавите вплоть до реформы 1917–18: θ – «фита», ѣ – «ять», I.

Гражданский шрифт (см.) не был новой системой письма, в нём получила дальнейшее развитие система кириллицы. «Гражданским» новый шрифт назывался потому, что им набирались и печатались книги светские, прежним же шрифтом набирались церковные книги. При разработке гражданской азбуки были исключены знаки ударения (их называли силы), знаки сокращений (титлы). Вместо буквенного обозначения цифр были введены араб. цифры.

Разработка и систематизация правил правописания проводились трудами многих учёных 18–19 вв. Особую роль сыграли работы Я. К. Грота: фундаментальный труд «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873) и практическое руководство «Русское правописание» (1885; 22 изд., 1916). Задачи реформирования правописания Грот не ставил. Его практическое руководство имело целью приведение рус. письма к максимально возможному единообразию.

Вторая реформа в истории рус. письма, проведённая в 1917–18, была реформой и азбуки, и орфографии. Подготовка этой реформы началась

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЫСКАНІЕ

Я. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1873.

в кон. 19 – нач. 20 вв., когда стала особенно очевидной необходимость упрощения правописания и упразднения ставших излишними букв. В 1904 была создана комиссия АН, организовавшая Орфографическую подкомиссию под председательством Ф. Ф. Фортунатова. В мае 1904 было опубликовано «Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии», в к-ром был изложен проект нового правописания. В 1912 комиссия представила усовершенствованный вариант проекта, но он не был принят.

В 1917 при АН была создана специальная подготовительная Орфографическая комиссия, представившая проект упрощения рус. правописания на совещании 11(24) мая 1917. В совещании, председателем к-рого был А. А. Шахматов, принимали участие члены Орфографической комиссии 1904, учёные, учителя школ. «Постановление совещания по вопросу об упрощении русского правописания» было утверждено АН, Министерство просвещения циркуляром от 17(30) мая 1917 предложило ввести в школах реформированное правописание с нового учебного года.

В основе этой реформы правописания был проект реформы 1912, однако нек-рые пункты нововведений в постановление совещания не вошли.

ДЕКРЕТ
О ВВЕДЕНИИ НОВОЙ ОРФОГРАФИИ

В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания, Совет Народных Комиссаров постановляет:

I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги должны с 15-го октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.

II. Во всех школах Республики:

1. Реформа правописания вводится постепенно, начиная с младшей группы I-й ступени единой школы.

2. При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.

3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими для прежнего и для нового правописания, и ошибками считаются лишь нарушения этих правил.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ПРАВОПИСАНИЯ, РАЗРАБОТАННЫЕ
НАРОДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Исключить букву Ѣ, с последовательной заменой ее через Е.
2. Исключить букву Ѳ, с заменой ее через Ф.
3. Исключить букву Ъ в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделительного знака.
4. Исключить букву І, с заменой ее через И.
5. Писать приставки из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через — перед гласными и звонкими согласными с З, но заменять З буквой С перед глухими согласными, в том числе и перед С.
6. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений -ОГО, -ЕГО вместо -АГО, -ЯГО.
7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений -ЫЕ, -ИЕ вместо -ЫЯ, -ІЯ.
8. Писать ОНИ вместо ОНѢ в именительном падеже множественного числа женского рода.
9. Писать в женском роде ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ вместо ОДНѢ, ОДНѢХ, ОДНѢМИ.
10. Писать в родительном падеже единственного числа местоимения личного женского рода ЕЕ вместо ЕЯ.
11. При переносе слов ограничиваться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от этой гласной; равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква Й перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечная Й и группа согласных в конце слов не могут быть отделяемы от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Подписали:

Заместитель народного комиссара просвещения
М. Покровский.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич.

10 октября 1918 г.

Проект декрета, внесенный Народным комиссариатом просвещения, был принят Комиссией при СНК 8 октября и утвержден СНК 10 октября

Так, в проекте 1912 рекомендовалось отменить ь после шипящих в конце слов *рожь, ходишь, лишь, ночь* и др. и писать *рож, ходиш, ноч, лиш*; передавать звук [о] под ударением после шипящих буквой *о*: *счот, чорный, лжот, шолк, шопот* вместо *счёт, чёрный, лжёт, шёпот*. Оба эти пункта были изъяты по предложению Шахматова на совещании 11 мая. Он предложил сохранить написание мягкого знака после шипящих, т. к. его отмена «затруднит применение нового правописания». О втором пункте Шахматов сказал: «...вместо того, чтобы писать *чорный — чернее, счот — счета*, как предлагала Орфографическая комиссия, допускаются написания *чёрный, счёт*, чтобы не вносить буквенных различий в коренной части слов при различных его изменениях» (Архив РАН, фонд 134, опись № 240).

Новая рус. орфография была введена декретами Народного комиссариата просвещения от 23 декабря 1917 и Совета Народных Комиссаров от 10 октября 1918 (см. илл.).

Реформа 1917–18 была единственной реформой рус. правописания, направленной на совершенствование его правил. Упорядочение рус. орфографии и пунктуации, проведённое в 1956, не было реформой правописания: оно не затронуло его основ. Система упорядоченных и унифицированных правил закреплена в своде «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) (см.), первом и единственном в истории рус. правописания своде чётко сформулированных и научно обоснованных правил.

Вопрос о дальнейшем усовершенствовании рус. орфографии был поднят в прессе в 1962. В ноябре 1962 при Ин-те рус. языка АН СССР (ныне РАН) была образована Орфографическая комиссия под председательством В. В. Виноградова. Проект «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» был подготовлен в 1964 и опубликован в печати для широкого обсуждения, но не был принят.

В 1991 при Ин-те рус. языка создана новая Орфографическая комиссия, продолжающая работу по уточнению правил орфографии.

Лит.: Чернышёв В. И., Фортунатов Ф. Ф. и Шахматов А. А. — реформаторы рус. правописания (по материалам архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям), в кн.: Акад. А. А. Шахматов, М. — Л., 1947; Шапиро А. Б., Упорядоченное рус. правописание. К выходу «Правил рус. орфографии и пунктуации», [М.], 1956; Шицгал А., Рус. гражданский шрифт. 1708–1958, М., 1959; Обзор предложений по усовершенствованию рус. орфографии (XVIII–XX вв.), М., 1965; Еськова Н. А., Коснёмся истории, в кн.: Орфография и рус. язык, М., 1966; Иванова В. Ф., Тимофеева Г. Г., Октябрь и реформа рус. орфографии, «Рус. речь», 1988, № 5; Моисеев А. И., Тысячелетие рус. письма, «Рус. яз. за рубежом», 1988, № 6.

В. Ф. Иванова, Г. Г. Тимофеева.

Речева́я де́ятельность — см. Речь.

Речева́я культу́ра — составная часть культуры народа, связанная с использованием языка. Р. к. включает в себя язык в его социальных и функциональных разновидностях, формы воплощения речи (устную, письменную), совокупность общезначимых речевых произведений на данном языке (в т. ч. образцовых), систему речевых событий и речевых жанров, обычаи и правила общения, закрепление в языке картины мира, присущее данной культуре соотношение словесных и несловесных компонентов общения (коммуникативное использование пространства, поз, жестикуляции, мимики и т. п. в процессе речи), способы передачи,

сохранения и обновления языковых традиций, языковое сознание народа в бытовых и профессиональных формах, науку о языке. Культура речи (см.) с её ортологической (правильность речи), функциональной (уместность, действенность речи), творческой (искусность речи), этической и этикетной (кооперативность, достойность, вежливость речи) сторонами также входит в Р. к. народа.

Поскольку каждый народ имеет свои коммуникативные потребности и соответствующие языковые средства, собственные традиции общения, своеобразно организованные информационные структуры, свою систему языковых и речевых предпочтений, можно говорить об особых национальных речевых (и даже языковых) культурах и различиях между ними, к-рым относятся и этнокультурные и структурно-языковые различия. Различаются национальные Р. к. с разным соотношением лит. языка и разг. речи: её ориентацией на лит. язык (будучи его составной частью) или на просторечие, диалект

В совр. рус. Р. к. отражаются типологические особенности рус. языка, многообразие сфер его применения (от бытового общения до международного), единство рус. речи при обширности территории расселения народа и существовании территориальных вариантов языка, наличие высокоразвитого лит. языка с длительной непрерывной традицией, включающего в себя разг. речь как особую составную часть, накопленное богатство письменных и устных текстов общенационального значения как основы представлений о правильной и хорошей речи, достижения науки о рус. языке и т. д.

В Р. к. существуют различия, связанные с социальным расслоением народа, многообразием условий жизни людей, неодинаковостью их коммуникативных возможностей и потребностей, общественных и языковых идеалов, степени образованности и т. д. Эти различия системны и образуют внутринациональные типы Р. к. Основы подхода к Р. к. как к системе её типов заложены Н. И. Толстым, соотнёсшим лит. язык с элитарной культурой, говоры – с народной, просторечие – с «третьей» культурой, арго – с культурой традиционно-профессиональной. Однако различаются разные типы Р. к. и в среде образованных горожан, поскольку далеко не все владеющие лит. языком являются носителями элитарной Р. к.

Система внутринациональных Р. к. в общении носителей рус. языка неодномерна. Выделяются первичные типы, усваиваемые в практическом общении (народная Р. к. сельских жителей, говорящих на диалекте, массовая просторечная культура малообразованных горожан, отчасти культура, обслуживаемая литературно-разг. речью), и вторичный тип, элитарная Р. к., выросшая на основе владения лит. языком, связанная с профессионализацией общения и усваиваемая путём специального изучения (через школу и другие формы образования). Внутринациональные Р. к. различаются также либо ограниченностью, либо принципиальной неограниченностью сферы функционирования той или иной системы общения, нормализацией тех или других сторон и единиц речи, степенью нормированности, уровнем осознанности речи и её соотношения с чужим опытом, зафиксированным в текстах, разным соотношением в речи номинации и дейксиса, рядом других семиотических признаков. Элитарная и народная Р. к. как основные, функционально самодостаточные и полноструктурные типы противопоставлены дополнительным в функциональном и структурном отношениях типам Р. к. профессионально ориентированного и профессионально ограниченного характера (напр., арго, воровской жаргон).

Со сферой действия лит. языка связано существование четырёх типов Р. к.: элитарной, среднелитературной, литературно-разговорной и фамильярно-разговорной.

Элитарная Р. к.– эталонная Р. к., означающая свободное владение всеми возможностями языка, включая его творческое использование. Элитарная Р. к. позволяет её носителям целесообразно и уместно пользоваться языком в любой сфере общения и ситуации, применяя в каждом случае выработанные в языке соответствующие функциональные стили, их разновидности и формы речи. Для элитарной Р. к. характерно строгое соблюдение всех норм культуры речи (ортологических, этических, стилистических, функционально-стилевых). Для носителей элитарной Р. к. безусловен запрет грубых, тем более нецензурных выражений, что порождает развитую систему эвфемизмов (см.) и умелое их использование. Уважение к собеседнику вызывает строгое разграничение устной и письменной форм речи, не допускающее, в частности, использования в устной речи причастных и деепричастных оборотов, излишней книжности, а в письменной речи – смысловой неполноты информации; с ним связано «ты- и Вы-общение» в зависимости от возраста, степени близости и социальной роли адресата речи. Элитарная Р. к.– искусство речи, поэтому она характеризует далеко не всех образованных носителей лит. языка.

Все остальные Р. к. в большей или меньшей степени «ущербны» с точки зрения возможностей полноценного и творческого использования языка.

Среднелитературная Р. к.– это чаще всего несостоявшаяся элитарная Р. к. Для неё характерно неполное соблюдение всех норм и, в отличие от элитарной Р. к., владение лишь двумя (реже тремя) функциональными стилями (разг. речь и научный стиль или разг. речь и публицистический стиль и т. д., теоретически возможное невладение нормами разг. речи при владении к.-л. другой функциональной разновидностью лит. языка фактически в чистом виде вряд ли встречается). При-

знаками среднелит. Р. к. являются ударения типа *средствá* (даже в рекламе!), *шóфер*, *квáртал* и либо чрезмерное насыщение речи книжными (в т. ч. иностранными) словами, либо, наоборот, не оправданное ситуацией использование разг. и даже просторечных словечек (*силком, отстёгивать деньги на что-л.* и т. п.). Носители среднелит. Р. к.– большинство образованных горожан, нередко со специальным филологическим образованием. Их мы слышим по радио и телевидению, часто упрекая в нарушении норм ударения, стилистической неряшливости, злоупотреблении иностранными и нелит. словами, нередко – в отсутствии элементарного речевого такта. Эта же Р. к. характеризует нек-рые совр. газеты и произведения художественной лит-ры. Проникновение среднелит. Р. к. в средства массовой информации способствует её распространению.

Для ряда носителей среднелит. Р. к. её проявления – это результат осознанного отталкивания от элитарной Р. к. (сознательное огрубление речи и намеренная стилистическая неряшливость).

Нарушения норм образуют в среднелит. Р. к. своеобразную систему, что и позволяет выделить её в качестве самостоятельного типа Р. к.

Два других типа Р. к., связанных с носителями лит. языка, имеют двойственный характер. С одной стороны, каждый из них является только разновидностью либо элитарной, либо среднелит. Р. к., если используется в ограниченной сфере общения: литературно-разговорный в неофициальной сфере, фамильярно-разговорный в ещё более узкой сфере близкородственного или близкодружественного общения людей одного возраста. С другой стороны, это самостоятельные типы Р. к., если их применение не знает ограничений. Эти типы Р. к. (как самостоятельные) характеризуют тех носителей лит. языка, к-рые владеют только разг. речью.

Литературно-разговорный тип (и как самостоятельный, и как разновидность элитарной или среднелит. Р. к.) описан в работах по разг. речи (см. Разговорный язык, Разговорная речь, Разговорная лексика).

Фамильярно-разговорный тип (и как самостоятельный, и как разновидность гл. обр. среднелит. Р. к.) характеризуется общей стилистической сниженностью и огрублённостью речи, что сближает его с просторечной Р. к. (отличается от неё соблюдением ортологических норм в элитарной и лишь отдельными их нарушениями в среднелит. Р. к. и в самостоятельном типе).

Для самостоятельных типов литературно-разг. и фамильярно-разг. Р. к. характерно неразграничение «ты- и Вы-общения» (используется «ты-общение» вне зависимости от возраста собеседника и степени знакомства с ним, особенно при разговоре с собеседником более низкого социального ранга). Одним из признаков фамильярно-разг. Р. к. как самостоятельной Р. к. является использование в качестве приветствия и прощания одного и того же речевого стереотипа (*Привет!*; *Чао!*; *Приветик!*) и включение в речь большого количества слов-паразитов, при этом нередко грубых и даже нецензурных. Самостоятельность фамильярно-разг. типа Р. к.– своеобразная реакция на официоз книжной речи прошлых лет.

Долгое время под культурой речи понималась только элитарная Р. к., а все остальные типы Р. к. (включая народную речь) считались нарушением норм лит. языка. Однако в каждом типе Р. к. есть своя система, каждая из них отражает свойства и потребности её носителей, а потому заслуживает специального изучения, хотя не каждая из них желательна для распространения.

Лит.: Толстой Н. И., Язык и культура. (Нек-рые проблемы слав. этнолингвистики), в кн.: Рус. язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики, М., 1991, ч. 1; Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие, в кн.: Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи, в. 25, Саратов, 1993.

В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина.

Речевáя ситуáция – см. Ситуация речевая.

Речевóй акт – см. Речь.

Речевóй потóк – звуковая линейная последовательность высказываний, членящаяся на интонационно неделимые единицы (синтагмы), к-рые состоят из связанных по смыслу синтаксических элементов. Различаются два типа членения Р. п.: обусловленное синтаксической структурой предложения и обусловленное отношением говорящего к высказываемому. Первый тип членения является обязательным, его нарушение затрудняет понимание Р. п. Вычленяются, напр., простые предложения (*Спектакль перенесли на другой день*), распространённые части сложного предложения – главная и придаточная (*Спектакль перенесли на другой день,/так как заболел ведущий актёр*). Второй тип членения является необязательным, вариативным и служит средством выражения смысловых отношений, потенциально возможных в пределах обязательного членения: *Спектакль перенесли на другой день,/так как заболел/ведущий актёр; Спектакль/перенесли на другой день, так как/заболел ведущий актёр.*

Синтаксическое членение Р. п. может не совпадать с синтагматическим, напр. простое предложение может состоять из двух синтагм, а сложное – из одной.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация рус. речи, 3 изд., М., 1977.

Е. А. Брызгунова.

Речевóй этикéт – система устойчивых формул общения, предписываемых обществом как правила речевого поведения для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке. Речевое

поведение регулируется отношениями социальной иерархии, ритуалом, этикетом речевых и неречевых взаимодействий. Типичные ситуации Р. э.: обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, одобрение, комплимент, сочувствие, соболезнование, приглашение, предложение, совет, просьба, согласие, отказ и др. Ситуации Р. э. незамкнуты, они открыты в широкую область социально и национально специфичных стереотипов общения (ср. типичный для носителя рус. языка вопрос в транспорте: *Вы выходите на следующей?* – невозможный, напр., в Японии, поскольку он будет воспринят как вторжение в личную сферу).

Каждая ситуация обслуживается в рус. языке определённой коммуникативно-семантической группой высказываний, к-рые образуют ряды функциональных эквивалентов (коммуникативных синонимов). Напр., в ситуации прощания: *До свидания; До встречи; До завтра; До вечера; Прощайте; Позвольте (с вами) попрощаться; Разрешите откланяться; Всего; Пока* и др.; в ситуации благодарности: *Спасибо; Благодарю (вас, тебя); Очень вам (тебе) благодарен (-рна); Как я вам (тебе) признателен (-льна); Разрешите поблагодарить вас; Позвольте выразить вам благодарность; Я хотел бы поблагодарить вас* и др. В каждой такой группе есть выражение, наиболее употребительное, стилистически нейтральное (доминанта синонимического ряда), напр.: *До свидания!*; *Спасибо!* Нек-рые выражения приобретают дополнительный оттенок значения (*До завтра!* – до определённого срока; *Прощайте!* – расставание навсегда) или модальный оттенок (напр., желательности – *Я хотел бы поблагодарить вас*), или стилистический оттенок (*Позвольте попрощаться* – высок., *Пока* – сниженное), что позволяет устанавливать и поддерживать контакт с собеседником в определённой тональности, принятой для той или иной ситуации общения. Выбор единицы синонимического ряда предопределён экстралингвистическими факторами; доминантное выражение используется в любой ситуации общения.

При исследовании Р. э. учитываются прагматический, собственно лингвистический, социолингвистический, стилистический, паралингвистический, культурологический и другие факторы.

С прагматической точки зрения (см. Прагматика) единица Р. э. представляет собой речевое действие (речевой акт): произнесение выражения Р. э. равно совершению конкретного действия, напр.: *Простите меня* – акт извинения; *Прошу вас передать журнал* – акт просьбы и т. д. Совокупность коммуникативно-семантических групп Р. э. образует класс речевых актов-контактивов. Р. э. отвечает прагматическим принципам общения – принципу сотрудничества и принципу вежливости: «вступая в речевой контакт, сотрудничай с партнёром в достижении целей общения»; «проявляй уважение к партнёру». Эти общие принципы конкретизируются рядом постулатов, при этом для Р. э. принцип вежливости оказывается ведущим. Вежливость в Р. э. предстаёт как а) этическая категория – моральное качество человека, соблюдающего внешние нормы общения (чем официальнее отношения, чем менее знакомы коммуниканты, тем более необходима вежливость) и/или проявляющего личную доброжелательность; б) проявление искренности или показной искренности. Категория вежливости и Р. э. находятся в отношениях пересечения: невежливо неупотребление Р. э. там, где его ожидают; невежлив выбор неуместной единицы Р. э.: *Привет!* – вышестоящему, напр. по рангу; обращение по имени и на «ты» там, где ожидают имя–отчество и «Вы», и т. д. Вместе с тем среди выражений Р. э. есть стилистически сниженные, применяемые в определённой социальной среде по отношению к равным партнёрам в определённых ситуациях как норма. Напр., привлечение внимания у подростков: *Эй, ты!*, стилистически сниженное приветствие: *Здорóво!* и др.

Собственно лингвистическая природа выражений Р. э. определяется их сущностью как высказываний-действий (перформативных высказываний), осуществляющихся при условии непосредственного общения: когда партнёры «я» и «ты» встречаются «здесь» и «сейчас». Эти показатели отражаются в семантической и/или грамматической структуре единиц разной оформленности: *Поздравляю вас!*; *С праздником!*; *Разрешите поздравить вас с праздником!*; *Я хотел(а) бы поздравить вас!* и др. В каждом из высказываний отражается «Я» говорящего, «Ты» адресата, реальная модальность соответствия ситуации речевого акта, момент речи («сейчас»), точка контакта коммуникантов («здесь»). Именно поэтому в отношениях функциональной эквивалентности оказываются высказывания, содержащие перформативный глагол-предикат (*Приветствую вас!*) и не содержащие его (*Здравствуйте!*; *Привет!*; *Моё почтение!*).

Семантика единиц Р. э. связана с выражением речевой интенции, т. е. коммуникативного намерения совершить определённое дело (действие) с помощью такого инструмента, как перформативное высказывание: приветствовать (*Здравствуйте!*), прощаться (*До свидания!*), извиняться (*Простите!*) и др. Кроме того, единицы Р. э. передают социальные смыслы двух типов: «свой – чужой, близкий – далёкий, знакомый – незнакомый»; «равный – выше-/нижестоящий». Ср. пример вступления в контакт интеллигента с представителем преступной группы: *«Я чуть было не допустил оплошность – едва не обратился к нему на "вы", да ещё чуть не извинился за беспокойство.– Привет, Утюг, как дела? – сказал я ему насколько возможно бесцеремонней.– Дела как в Польше: у кого телега, тот и пан,– бойко отве-*

тил он, точно мы с ним сто лет были знакомы» (Айтматов).

Области Р. э. – доброжелательность, целенаправленное контактирование – противопоставлена область «антиэтикета» – разрыв контактов: брань, ругань, оскорбление, унижение и т. д.

В зону Р. э. входят правила выбора *ты-* или *Вы-*форм общения. В целом выбор диктуется сложным сочетанием признаков внешних обстоятельств общения и внутренних реакций коммуникантов: степенью знакомства партнёров (*ты* – знакомому, *Вы* – незнакомому); неофициальностью / официальностью обстановки общения (*ты* – неофициальное, *Вы* – официальное); характером отношения к адресату (*ты* – дружеское, «тёплое», *Вы* – подчёркнуто вежливое или натянутое, отчуждённое, «холодное»); равенством / неравенством ролевых отношений (по возрасту, положению: *ты* - равному и нижестоящему, *Вы* – равному и вышестоящему). В общении наборы признаков взаимодействуют друг с другом. Разнообразное сочетание указанных условий выбора откладывается в местоименном дейксисе (см.) адресата. Т. о., выявляется *ты* родственное, дружеское, интимное, доверительное, фамильярное; *Вы* – вежливое, уважительное, официальное, отчуждённое. Р. э. располагает формально выраженной или скрытой маркировкой *ты-* / *Вы-*общения, напр.: *Здравствуй* – ты, *Здравствуйте* – Вы, *Здорóво* – только ты, и т. п.

С социолингвистической точки зрения единицы Р. э. отражают постоянные социальные признаки участников общения: их возраст, степень образованности и воспитанности, место рождения, воспитания и жительства, пол, а также переменные социальные роли (товарищ, пациент, клиент, милиционер и др.). Ср.: *Доброго здоровьица!* – приветствие старших жителей деревни; *Приношу свои глубокие извинения* – в речи интеллигентов среднего, старшего поколения; *Приветик!*; *Салют!* – приветствия молодёжи; обращения *Кузьмич!*, *Ивановна!* (по отчеству) – к пожилым жителям деревни со стороны носителей просторечия; обращения по родству к незнакомым – *Мамаша!*, *Мать!*, *Отец!* и др.– со стороны носителей просторечия. Существуют также диалектные, жаргонные единицы Р. э.

Стилистические свойства единиц Р. э. тесно связаны с социолингвистическими факторами, поэтому выделяют социостилистические характеристики единиц Р. э.: *Позвольте откланяться!* – стилистически высокое, свойственное интеллигентам старшего поколения; *Приветствую вас от имени...*– стилистически высокое, свойственное публичному общению; *Пока!* – стилистически сниженное, при общении с равным партнёром, и др. Р. э. играет роль социально-стилистического маркирования и регулирования отношений партнёров по общению.

Жестово-мимические и интонационные сигналы несловесного (невербального) общения, связанные с Р. э., исследуются паралингвистикой. Для Р. э. специфичны замещающие и сопровождающие жесты. Напр., приветствие может реализоваться только рукопожатием, этот жест может сопровождать и вербальные (словесные) реплики. Ситуации, требующие жестово-мимического сопровождения, количество и «качество» невербальных сигналов, их социостилистическая характеристика, как и весь Р. э., имеют национальную специфику.

Культурологический аспект Р. э. связан с тем, что Р. э.– неотъемлемый элемент культуры народа, его фоновых знаний, важная часть культуры поведения и общения, это продукт культурной деятельности человека и инструмент такой деятельности. В Р. э. отразилась не только национальная специфика культуры, но и исторический опыт народа (ср.: единицы Р. э. 19 в.: *Ваш покорный слуга*, *Нижайше кланяюсь*, *Бью челом*). Р. э. в целом фразеологичен, в нём много собственно фразеологизмов, пословиц, поговорок, напр.: *Добро пожаловать!*; *С лёгким паром!*; *Милости прошу к нашему шалашу!*; *Прошу любить и жаловать!*; *Сколько лет, сколько зим!* В выявлении национальной специфики Р. э. важен сопоставительный аспект, особенно при обучении иностранному языку.

Лит.: Акишина А. А., Формановская Н. И., Рус. речевой этикет, М., 1975; 3 изд., М., 1983; их же, Этикет рус. письма, М., 1979; 3 изд., М., 1986; Формановская Н. И., Рус. речевой этикет: лингвистический и методический аспекты, М., 1982 (лит.); 2 изд., М., 1987; её же, Употребление рус. речевого этикета, М., 1982 (лит.); 2 изд., М., 1984; её же, Речевой этикет и культура общения, М., 1989; Формановская Н. И., Сепеши Э., Рус. речевой этикет в зеркале венгерского, М.– Будапешт, 1986; Формановская Н. И., Тучны П. Г., Рус. речевой этикет в зеркале чешского, М.– Прага, 1986.

Н. И. Формановская.

Речь – конкретное говорение, протекающее во времени и облечённое в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму. Под Р. принято понимать как сам процесс говорения, так и результат этого процесса, т. е. и речевую деятельность, и речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом.

Общая характеристика Р. обычно даётся через противопоставление её языку (см.). Р. и язык (система языка) в совокупности образуют единый феномен языка. Р. есть воплощение, реализация языка (системы языка), к-рый обнаруживает себя только в Р. и только через неё выполняет своё коммуникативное назначение. Если язык – это орудие (средство) общения, то Р. есть производимый этим орудием вид общения, создаваемый приложением языка (кода), с одной стороны, к конкретной действительности, а с другой – ко всякий раз иной коммуникативной ситуации. Р. вводит язык в прагматический контекст.

Р. материальна, она воспринимается чувствами (слухом, зрением, осязанием), язык же (система

языка, код) включает в себя абстрактные аналоги единиц Р., образуемые их различительными и общими (интегральными) признаками (ср.: звук речи и фонема). Р. есть последовательность слов, она линейна, язык вносит в эту линейную последовательность иерархические отношения, он имеет уровневую организацию (см. Уровни языка); Р. стремится к слиянию слов в речевом потоке, язык сохраняет их отдельность; Р. отнесена к объектам действительности и может рассматриваться с точки зрения своей истинности или ложности, к языку истинностная оценка неприменима. Р. конкретна и неповторима в противоположность абстрактности и воспроизводимости языка; она актуальна в противовес потенциальности языка; Р. преднамеренна и устремлена к определённой цели, в отличие от нецеленаправленности языка; Р. ситуативно обусловлена, язык независим от обстановки общения; будучи событием, действием, Р. развёртывается во времени и пространстве, она динамична, язык же дан в отвлечении от этих параметров мира, представляя собой явление статическое; Р. подвижна, язык стабилен; Р. бесконечна, система языка ограничена определённым набором составляющих; Р. вариативна (см. Вариантность), язык же в каждый период своего существования относительно инвариантен. Будучи психофизическим явлением, Р. субъективна и произвольна, она является видом свободной творческой деятельности индивидуума, язык же как явление социальное представляет собой достояние пользующегося им общества, он объективен и обязателен (императивен) по отношению к говорящим; Р. допускает элементы случайного и неупорядоченного, в отличие от языка, образуемого регулярными чертами своих единиц и отношений между ними; Р. отражает опыт индивидуума, язык же в системе выражаемых им значений фиксирует опыт коллектива.

Кроме указанных характеристик, выделенных по их оппозиции свойствам языка (системы языка), Р. обладает рядом параметров, непротивопоставляемых непосредственно отдельно взятым чертам языка. Эти параметры относятся к способу осуществления речевой деятельности и вытекают из субъективности, конкретности и ситуативной обусловленности Р. Речевая деятельность может проходить в двух формах – монологической (см. Монолог) и диалогической (см. Диалог). Процесс Р. характеризуется определённым темпом (быстротой, медленностью), продолжительностью, тембровыми особенностями, степенью громкости, артикуляционной чёткости, акцентом, тоном и т. п. Р. может быть охарактеризована через указание на психологическое состояние говорящего, его коммуникативную задачу, отношение к собеседнику, ср.: *взволнованная, эмоциональная, искренняя, обдуманная, льстивая, почтительная, насмешливая речь*. Р. может быть объектом эстетической оценки, ср.: *художественная, поэтическая, изящная, изысканная, грубая речь*. Р. определяется признаками своего смыслового содержания, ср.: *содержательная, пустая, связная, бессвязная, осмысленная, бессмысленная, последовательная, сбивчивая речь*. К Р. применима нормативная оценка, ср.: *правильная, неправильная, исковерканная речь*. Р. может быть определена по её соответствию условиям и целям общения.

Индивидуальный характер Р.– один из основных её признаков – проявляется в том, что Р. всегда осуществляется определённым лицом, передающим в ней свои мысли и чувства, для выражения к-рых он по своему усмотрению выбирает слова и структуры предложения. Говорящий относит языковые номинации (см.) к тем или иным объектам действительности, наделяя слова речевым значением, сочетает их между собой и выбирает тот или другой стиль (манеру) сообщения (фамильярный, официальный, почтительный, пренебрежительный и т. п.), к-рому придаёт голосовое или письменное воплощение, и, наконец, использует высказывание с нужным для себя коммуникативным заданием.

Речевая импровизация допускает известное варьирование форм, закреплённых системой языка. В индивидуальных отклонениях Р. заложены истоки языковых изменений, осуществляющихся тогда, когда субъективные особенности говорения становятся достоянием языковой общности. Язык творит Р. и в то же время сам творится в Р. «Язык одновременно и орудие и продукт речи» (Ф. де Соссюр).

Поскольку Р. регулярно используется в разных социальных сферах, она приспосабливается к задачам и условиям своего функционирования; явления Р. типизируются, образуя относительно самостоятельные системы – функциональные стили, к-рые характеризуются и модификациями самой системы языка (его лексики и в меньшей степени грамматики), и речевыми особенностями, такими, как длина предложений, степень смысловой полноты, информативность, спонтанность или обработанность, степень клиширования, использование образных средств выражения, допустимость разных интерпретаций и т. п.

Возможности субъективного варьирования Р. не беспредельны: Р. должна быть понята адресатом, причём ключом к её восприятию и интерпретации служит общий для собеседников язык (код). В процессе речевой коммуникации «язык выступает в качестве необходимого предела свободы» (Э. Косериу). В известном смысле «интересы понимания и говорения прямо противоположны» (Л. В. Щерба).

Будучи одной из форм общения людей, Р. функционирует в коллективе и следует его традициям; она обоюдна и представляет собой один из видов социальной активности человека. Как и всякая социальная активность, речевая коммуникация сознательна и целенаправленна. Она состоит из отдельных актов речи, являющихся её «динамиче-

скими единицами». В речевом акте в общем случае участвуют след. компоненты: говорящий и адресат, обладающие нек-рым фондом общих знаний и представлений, обстановка и цель речевого общения, а также тот фрагмент объективной действительности, о к-ром делается сообщение. Эти компоненты создают прагматическую сторону Р., под воздействием к-рой формируется модальная рамка высказывания, предназначенная для координации названных компонентов (см. Модальность).

Информативная направленность речевых актов часто осложняется дополнительными коммуникативными задачами. При помощи речевых актов можно не только передавать нек-рые сведения, но и жаловаться, хвастаться, угрожать, льстить, обижать, шутить и т. п. Нек-рые установки говорящего составляют прямые («открытые») цели коммуникативных актов, они могут быть выражены, ср.: *Прошу тебя быть осторожным; Требую внимания*. Наиболее регулярные коммуникативные задания отлагаются в грамматической структуре предложений (ср. повествовательные, вопросительные и повелительные предложения). Другие установки имеют косвенный характер (такие цели, как лесть, ложь, хвастовство, угроза и т. п., не принято обнаруживать). Нек-рые коммуникативные цели могут быть достигнуты без помощи Р. – мимикой, жестом (паралингвистическими средствами): приглашение войти и сесть, просьба молчать, угроза и т. п. Напротив, клятва, обещание, поздравление и т. п. невозможны без участия Р., к-рая в этом случае адекватна действию, поступку.

По цели коммуникации могут быть выделены след. основные типы речевых актов: информативные акты, сообщения (*Лёд тронулся; Мне грустно*); побуждения, в т. ч. запрос о получении информации (*Реши эту задачу!; Когда ты вернёшься с дачи?*); речевые акты-обязательства (*Обещаю выполнить задание*); формулы социального этикета (поздравления, извинения, соболезнования, принесение благодарности); выражения эмоциональной реакции на ситуацию или сообщение (*Вот это да!; Подумать только!; Ну и ну!*); речевые акты, служащие завязыванию, поддержанию и прекращению речевых контактов (*Алло!; Послушай!; Всего доброго!*). Среди этих коммуникативных установок главенствует задача информирования. Любая коммуникативная цель может быть достигнута через сообщение. Коммуникативные установки играют важную роль в построении диалогической Р., связность к-рой обеспечивается согласованностью стимулов и реакций: вопрос требует ответа, упрёк или обвинение стимулируют оправдание, сообщение нек-рого суждения рассчитано на реакцию возражения или согласия.

Реализуясь в Р., система языка сама в известном смысле является реализацией языкового знания и языковых способностей людей, входящих в одну языковую общность. Перенос центра тяжести на психологию владения языком побудил представителей генеративной лингвистики, начало к-рой было положено Н. Хомским, заменить противопоставление языка и Р. противопоставлением языковой компетенции и языкового исполнения (competence and performance). В этой концепции основное внимание отводится процессам и этапам перехода от конкретных смыслов к их реализации, а применительно к синтаксису – от глубинных структур к поверхностным. Система языка понимается как нек-рое порождающее устройство, обладающее динамическими возможностями. При этом имеется в виду порождение не столько прагматически адекватных речевых произведений, сколько грамматически правильных предложений. Тем самым делается шаг к стиранию различия между механизмами действия грамматических правил и прагматических норм речеобразования.

Одновременно была рассмотрена возможность инвертирования направления действия правил порождения речи. Модель «Смысл⇔Текст», предложенная А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком, содержит серию процедур перехода от заданного значения к выражающим его текстам. И наоборот,– перехода от текста к его смысловой записи (семантическому представлению). Т. о., была поставлена задача выявления общих основ синтеза и анализа Р.

В итоге развития идей языка и Р. в каждом из этих двух соотносительных понятий были выделены статический и динамический аспекты. Динамическая и статическая стороны Р. соответствуют действию (речевому акту), взятому во всей полноте своих характеристик, и порождённым этим действием и зафиксированным тем или иным способом речевым произведениям, организованным в связный текст.

В последние два десятилетия усилилась тенденция изучения связного текста с учётом его динамического (деятельностного, коммуникативного) аспекта, стимулировавшая создание теории дискурса, в к-рой Р. рассматривается как целенаправленное социальное действие, а связный текст не отделяется от прагматических, социокультурных, психологических и других экстратекстовых факторов.

Человеческая Р. является объектом изучения лингвистов (психолингвистов, социолингвистов, фонетистов, специалистов по стилистике), психологов, физиологов, специалистов по высшей нервной деятельности, по теории коммуникации, по акустике, философов, социологов, литературоведов. В лингвистике существует две сферы исследований: в одной изучаются языковые системы, в другой – Р. Лингвистика Р. имеет своим объектом все те типизированные явления, к-рые не оторвались от участников коммуникации и обстановки общения, т. е. от прагматической стороны речевых актов. Лингвистика Р. распадается на две взаимодействующие области: лингвистику текста, об-

ращённую к статическому аспекту Р., и теорию речевой деятельности и речевых актов, анализирующую динамику Р. Лингвистика текста изучает структуру речевых произведений, их членение, способы создания связности текста, частотность встречаемости единиц языка в тех или других типах текста, смысловую и структурную полноту текста, речевые нормы в разных функциональных стилях, типы Р. (монолог, диалог, полилог), особенности письменной и устной форм реализации языка и др. Теория речевой деятельности изучает процессы речеобразования и восприятия речи, механизмы речевых ошибок, коммуникативные установки, связь речевых актов с прагматическими условиями их протекания, факторы, обеспечивающие эффективность речевого акта, отношение речевой деятельности к другим видам социальной активности человека. Если теория текста теснее связана с литературоведением и стилистикой, то теория речевой деятельности разрабатывается во взаимодействии с психологией, психофизиологией и социологией.

Лит.: Смирницкий А. И., Объективность существования языка, [М.], 1954; Жинкин Н. И., Механизмы речи, М., 1958; Хомский Н., Синтаксические структуры, пер. с англ., в кн.: НЛ, в. 2, М., 1962; Косериу Э., Синхрония, диахрония и история, в кн.: НЛ, в. 3, М., 1963; Гардинер А., Различие между «речью» и «языком», в кн.: Звегинцев В. А., История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, 3 изд., М., 1965; Коржинек Й. М., К вопросу о языке и речи, в кн.: Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Леонтьев А. А., Язык, речь, речевая деятельность, М., 1969; Будагов Р. А., Язык, история и современность, [М.], 1971; Кацнельсон С. Д., Типология языка и речевое мышление, Л., 1972; Щерба Л. В., О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Мельчук И. А., Опыт теории лингвистических моделей. «Смысл⇔Текст». Семантика, синтаксис, М., 1974; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Ломтев Т. П., Общее и рус. языкознание. Избр. работы, М., 1976; Соссюр Ф. де, Тр. по языкознанию, пер. с франц., М., 1977; НЗЛ, в. 8 – Лингвистика текста, М., 1978; Лурия А. Р., Язык и сознание, М., 1979; Гумбольдт В. фон, Избр. тр. по языкознанию, М., 1984; НЗЛ, в. 16 – Лингвистическая прагматика, М., 1985; НЗЛ, в 17 – Теория речевых актов, М., 1986; Якубинский Л. П., Язык и его функционирование. Избр. работы, М., 1986; Дейк Т. А. ван, Язык. Познание. Коммуникация. Сб. работ, пер. с англ., М., 1989; Язык и личность. [Сб. ст.], под ред. Д. Н. Шмелева, М., 1989; Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис, М., 1992; Винокур Т. Г., Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения, М., 1993; Бюлер К., Теория языка. Репрезентативная функция языка, пер. с нем., М., 1993; Austin J., How to do things with words, Oxf., 1962; Searle J., Speech acts, Camb., 1969; Speech act theory and pragmatics, Dordrecht – [a. o.], 1980; Yokoyama O. T., Discourse and word order, Amst.–Phil., 1986; Vanderveken D., Les actes de discours, Liège–Brux., 1988.

Н. Д. Арутюнова.

Рито́рика (греч. rhētorikḗ – ораторское искусство) – 1) филологическая дисциплина, объектом к-рой является теория красноречия, ораторское искусство (см. Ораторская речь), способы построения выразительной речи во всех областях речевой деятельности (прежде всего в разных жанрах письменной и устной речи); близко соприкасается с поэтикой, стилистикой и культурой речи. 2) Общее название трактата, учебной книги, руководства и т. п., содержащих теорию красноречия.

Р. как филологическая дисциплина, охватывающая проблематику эффективности речи, помогает преодолеть недостатки углубляющейся специализации совр. филологических дисциплин. На протяжении двух с половиной веков существования Р. видоизменялись её определения. Во времена греч. античности (5–1 вв. до н. э.) одной из ведущих была формула «Р. – искусство убеждать» (в трудах Аристотеля, Аполлодора Афинского и др.). В теории римского красноречия была наиболее популярна формула Квинтилиана (ок. 35 – ок. 96): «ars bene dicendi» – ‘искусство говорить хорошо’. Конкретные задачи обучения красноречию лучше других сформулировал Цицерон: «videat, quid dicat, quo loco et quo modo» ‘[оратор] должен изобрести, расположить, украсить (предложить, т. е. изложить, известным слогом)’. Во времена средневековья и раннего Возрождения актуализировалась трактовка Р. как «ars ornandi» (‘искусство украшения речи’). Наибольшей популярностью у последующих поколений пользовались «Риторика» Аристотеля, риторические труды Цицерона («De oratore», «Orator», «De inventione», «Brutus») и Квинтилиана («Institutio oratore»), а в рус. традиции в переводе А. С. Никольского «Двенадцать книг риторических наставлений» Квинтилиана (1834).

На раннем этапе развития Р. (др.-греч. и др.-римская) сложилась как нормативная дисциплина и входила в число семи «избранных наук». Согласно пяти ведущим канонам искусства речи, классическая Р. содержала пять важнейших составных частей: 1) инвенция (изобретение речи); 2) диспозиция (расположение речевого материала); 3) элокуция (стилистическое оформление речи, её выражение); 4) память; 5) произношение.

В средневековье Р. развивалась во Франции, Германии, Италии. В Европе происходило переосмысление античного культурного наследия, причём, как отмечает Н. А. Безменова, «доминантой всех европейских национальных элементов развития риторики, начиная с эпохи Возрождения, является её "литературизация"»; несомненна связь Р. с господством отдельных художественных направлений и эстетических систем (барокко, классицизмом). Особое развитие получили духовное красноречие и жанр т. н. схоластической Р. Постепенно формируются логическое и собственно художественное, стилистическое направления в Р., что определяло её тяготение, с одной стороны, к грамматике, а с другой – к поэтике.

В средние века европейские риторические идеи проникли в Россию. Развитие рус. Р. приобрело особое значение в истории нормализации рус. лит. языка, в становлении социально-коммуникативных форм общения между россиянами.

Русская риторика. Развитие отечественной Р. проходило определённые этапы.

1. Начальный этап рус. красноречия. Первым памятником, предшественником риторик 17 в., является трактат «О образѣхъ», входящий в Изборник Святослава 1073 (см.). Это слав. перевод трактата византийского учёного и библиотекаря высшей школы в Константинополе Георгия Херобоска. Первые занятия Р. в России были сосредоточены в монастырях – центрах др.-рус. книжности. В. П. Вомперский констатирует формирование четырёх локальных ареалов, в к-рых создавались самые ранние Р. Первый ареал – это северо-вост. и центральная Россия, где находились древние центры рус. книжности и образования: Вологда с Кирилло-Белозерским монастырём, Ростов Великий, позднее Москва. Именно в границах этого ареала дошла до нас самая ранняя из Р. Древней Руси – «Риторика» (1617–19). О происхождении этой Р., приписываемой Макарию, до сих пор ведутся споры; известны её 34 списка с 1620 и до петровского времени. Второй ареал – северо-западный. Это Новгород и монастыри, расположенные вокруг него. К этому ареалу относится создание «Риторики» М. И. Усачёва (1699). Третий ареал (северный) сформировался к нач. 18 в. Он был создан старообрядцами в Выгорецком общежительстве. Четвёртый ареал располагался на юго-западе. Это Киев с Киево-Могилянской академией и Чернигов. Риторические сочинения этого ареала, относящиеся к 30-м гг. 17 в., написаны в основном на лат., иногда на польск. языках. Таковы Слуцкий «Компендиум по риторике» (1629–31), первое печатное руководство по гомилетике (науке о христианском церковном проповедничестве) ректора Киево-Могилянской академии Иоанникия Галятовского (1659) «Наука коротская альбо способ зложения казаня» и ряд других киевских риторик 17 – нач. 18 вв. Судьба Р. как «свободного художества» в последней трети 17 – нач. 18 вв. была связана с именами А. Х. Белобоцкого, Николая Спафария, Софрония Лихуда, Лаврентия Кршоновича, Стефана Яворского. В доломоносовский период большое значение имели труды Феофана Прокоповича (его сочинения «De arte poetica», 1705, и «De arte rhetorica», 1706). Хотя эти риторические произведения были задуманы как руководство к созданию церковных проповедей, они представляли собой теоретическое обобщение и свод практических рекомендаций по искусству красноречия. Прокопович расширил круг традиционных жанров – «видов красноречия», включил в Р. раздел о «способе писания истории», использовал в обобщениях свой собственный писательский опыт.

2. Особый этап в развитии отечественной Р. составили ломоносовский и послеломоносовский периоды (сер. и последняя треть 18 в.). В это время сложился канонический тип рус. Р., в к-рой отражалась и обобщалась практика двуязычия, характеризовавшаяся особым сплавом языковых стилистических элементов – лексико-фразеологических, грамматических и синтаксических – в рамках трихотомии (теории трёх «штилей» М. В. Ломоносова, см. Трёх стилей теория). Систему взглядов на красноречие Ломоносов изложил в двух Р.– краткой (1743) и «пространной» («Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочинённая в пользу любящих словесные науки», 1748; 9 изд., 1810). Обе Р. являются первыми рус. общедоступными руководствами по красноречию. Подчёркивая в «пространной» Р. благотворную силу воздействия античной и европейской культуры, Ломоносов стремился к разработке и утверждению национально-исторического содержания в рус. культуре. При этом он активно выступал за нормализацию языка: «...Ежели в народе слово испорчено, то старайся оное исправить» Для Ломоносова характерна ориентация на строй национального языка, напр. в исследовании особенностей благозвучия: «В Российском языке, как кажется, частое повторение писмени А способствовать может к изображению великолепия великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного; учащение писмен Е, И, Ѣ, Ю к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей. Чрез Я показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; чрез О, У, Ы страшныя и сильныя вещи, гнев, зависть, боязнь и печаль» (§ 172). До сих пор не утратили значения примеры неудачных стечений согласных (*ств-вз*: «всех чувств взор есть благороднее»), гласных («плакать жалостно о отшествии искреннего своего друга»), повторений одних и тех же звуков речи («тот путь тогда топтать трудно») и т. д. В Р. Ломоносова выделены три основных традиционных раздела: об изобретении, об украшении, о расположении. Однако в рамках традиционных схем Ломоносов высказал много новаторских идей – о взаимоотношениях рус. и церк.-слав. языка, о классификации стилей, об установлении закономерностей употребления языковых единиц, о проблеме языкового мастерства оратора, писателя, поэта. В Р. была заложена программа всей филологической деятельности Ломоносова. Оценивая его Р., В. В. Виноградов писал: «...Ломоносовым были не только заложены основы стилистики русского языка, но и предначертан проект её будущего величественного здания. Это здание до сих пор ещё не возведено, хотя материалы для него собирались многими русистами» («Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», 1963).

В последующий период издавались теоретические руководства по Р.: «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769), «Краткое руководство к оратории Российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося»

Амвросия (1778), «Детская риторика, или Благоразумный витиия, к пользе и употреблению юношества сочиненная» (1787), учебное пособие «Риторика в пользу молодых девиц, которая равным образом может служить и для мужчин, любящих словесныя науки» Г. А. Глинки (1797) и др.

Общие основы красноречия для прозы, поэзии и ораторской речи, разработанные в Р. Ломоносова и принятые в трудах его последователей, сохранялись в большинстве риторических сочинений кон. 18 в. Грамматика, Р. и «пиитика» лежали в основе теории словесности этого времени и были обязательными составными частями трудов по рос. словесности. В «Сокращенном курсе российского слога» (1796) В. С. Подшивалов определяет черты хорошего стиля, к-рый должен быть: «1) ясен, 2) не груб, 3) без всякого принуждения, 4) натурален, 5) благороден, 6) обилен, 7) хорошо связан». Постепенно учение о стилистических особенностях употребления языка дифференцировалось от «науки витийства», к-рая в дальнейшем составила основное содержание руководств по правилам сочинения собственно ораторской речи.

3. В кон. 18 – нач. 19 вв. сложилась риторическая школа Российской Академии (риторики М. М. Сперанского, А. С. Никольского, И. С. Рижского), а затем и университетская школа красноречия. Риторика Сперанского «Правила высшего красноречия» (написана в 1792, опубл. в 1844) посвящена искусству церковной проповеди. Особое значение придаётся эмоциональной стороне речи: «Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий». Вслед за д'Аламбером Сперанский подчёркивал: «Ораторская кафедра есть театр великих движений духа». В Р., излагая теорию слога, Сперанский исследует стилистику индивидуальной речи, вопрос о стилеобразующих различиях слога, о самых характерных чертах языка личности.

В риторике Никольского «Краткая логика и риторика для учащихся в Российских духовных училищах» (1790; 3-е изд. вышло в составе кн. «Основание Российской словесности», 1807) исследуются проблемы жанрово-ситуативных форм речи, даются синкретические характеристики прозаической, ораторской и стихотворной речи. Характерная черта этой Р.– её «грамматикализованность». В разделе «О сходстве слога с родом сочинений» автор классифицировал слог в зависимости от разновидностей речи (разг., письменный, учебный, философский, исторический, баснословный, романический, ораторский и даже театральный).

В «Опыте риторики» Рижского (1796; 3 изд., 1809) особое внимание обращается на чистоту и правильность рус. речи. Культура национальной речи была в это время одной из центральных общественных проблем. Риторика Рижского была приближена к практической стилистике. В ней присутствовали разделы о пристойности слов и выражений, о точности слов, о ясности сочинения, о благозвучии речи. При этом подчёркивалось значение такого эстетического понятия, как вкус («вкус времени или века, вкус народа»). Учение о красноречии в труде Рижского, как писал Виноградов, обобщалось «до значения нормативной системы литературной речи» («Поэтика и риторика»).

4. В истории развития рус. Р. период 1-й пол. 19 в. оказался наиболее продуктивным. Происходило становление новых норм лит. языка, менялся «латино-германский» строй письменной речи ломоносовского периода, язык освобождался от «надутой славянщины», усиливалось влияние разг. речи и т. д. Это не могло не отразиться на подходах к новой риторике Н. Ф. Кошанского, А. Ф. Мерзлякова, А. И. Галича, К. П. Зеленецкого и др. В этот период появляется около шестнадцати Р. широкой теоретической и практической ориентации, основной пафос к-рых был направлен на определение принципов организации прозаических текстов, всей сложившейся художественно-речевой практики. Структура риторических сочинений изменилась. Учебная Р., излагающая основы красноречия, существовала в двух формах: общей и частной. Общая Р. обобщала законы появления, расположения и выражения мыслей; частная Р. разрабатывала принципы строения текстов по жанрам красноречия. Напр., «Общая риторика» Кошанского (1818; 7 изд., 1849) состояла из трёх традиционных разделов: «Изобретение», «Расположение» и «Выражение мыслей», однако в центре внимания автора – категория стиля, именуемая слогом. Кошанский определил слог как «способ выражать мысли», как «искусство писать». Под стилем он понимает необходимость соответствия слога изображаемым мыслям, предмету изложения и закреплённость каждого вида «слога» за определёнными жанрами. «Частная риторика» (1832) определялась как «руководство к познанию всех родов и видов прозы». В ней Кошанский даёт рекомендации по пяти видам красноречия: «письма», «разговоры», «повествование», «ораторство» и «учёность». Тот же принцип разграничения использован в общей и частной риторике Зеленецкого. В «Общей риторике» (1849) автор излагает общее учение о красноречии, а в «Частной риторике» – теорию отдельных родов прозы. Зеленецкий в общей Р. отказался от учения об «изобретении» и детально разработал раздел «О чистоте письменной речи русской в лексическом отношении». Р. всё в большей степени обращалась к практической стилистике и культуре речи.

В работе Галича «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений» (1830) определяются признаки «совершенного» языка: основные категории и принципы, характеризующие образцовый язык с точки зрения лучших качеств речи –

понятие чистоты речи, её правильности, ясности, точности и благозвучия. Галич отказывается от традиционного разделения на «фигуры слов» и «фигуры мыслей» и выделяет три типа фигур по их функции и характеру образования – грамматические, ораторские и поэтические. Употребление фигур ставится в прямую зависимость от содержательного плана текста, от его функционально-стилистического своеобразия. Правила общей Р. распространяются на прозаические произведения, к-рые как бы имплицитно обращены к адресату или слушателю. Это «1) монологи, 2) разговоры, 3) письма, 4) деловые бумаги, 5) исторические сочинения, 6) сочинения поучительные, 7) ораторские речи». В Р. даются характеристики этим видам прозы и предлагаются определённые рекомендации к их созданию и организации.

Уже в кон. 18 в. в Европе угасал интерес к Р. В России пик её развития относится к 1-й пол. 19 в., однако в 60-х гг. 19 в., в связи со становлением и формированием рус. судебного красноречия, достигшего значительных вершин во 2-й пол. 19 в., появляются работы по теории рус. судебного красноречия [К. К Арсеньев, А. Ф. Кони, Б. Глинский, П. Сергеич (П. С. Пороховщиков)]. Труд Сергеича (Пороховщикова) «Искусство речи на суде» (1910) содержит главы «О слоге», «Цветы красноречия», «О психологии речи», «О пафосе», к-рые свидетельствуют о прямой связи идей автора с общей античной, европейской и рус. риторической традицией. Вместе с тем книга отражает практику и теорию рус. судебного красноречия 19 в.: в ней сформулированы принципы, к-рые легли в основу организации судебной речевой деятельности (допроса, разбора свидетельских показаний, искусства спора и т. д.), а также описаны многообразные приёмы создания судебных речей. В кон. 19 – нач. 20 вв. появляются работы, к-рые посвящены нек-рым проблемам Р.: «Очерки по истории красноречия» А. Г. Тимофеева (1899), «Принципы красноречия и проповедничества» И. П. Триодина (1915) и др. Последние отечественные работы по Р. связаны с деятельностью Института Живого Слова (см.). В «Записках Института Живого Слова» (1919) были опубликованы «Программа курса лекций по теории красноречия (риторика)» Н. А. Энгельгардта и работа Кони «Живое слово и приёмы обращения с ним в различных областях». В 20-х гг. 20 в. Р. была исключена из школьного и вузовского курса.

Во 2-й пол. 20 в. происходит возрождение интереса к Р. (труды С. С. Аверинцева, Ю. М. Лотмана, Ю. В. Рождественского, Вомперского и др.). Развивается «неориторика» в США и Европе. При этом сохраняются два традиционных аспекта научного поиска: организация языкового материала в связи с проблемой аргументации (труды Х. Перельмана, Х. П. Грайса, Дж. Л. Кинневи, Ю. Коппершмидта и др.); развитие орнаментального раздела Р. (искусства украшения речи), близкого к проблемам художественной стилистики (работы Р. О. Якобсона, Р. Лахман, Т. Тодорова, Ж. Дюбуа и др.). В 90-х гг. наблюдается ренессанс отечественной Р.: ведётся разработка проблем Р. на уровне совр. научных достижений – и в теоретическом, и в практическом аспекте. Вышли в свет специализированный проблемный ж. «Риторика» (с 1995), сб. «Путь в риторику. Проблемы и трудности преподавания» (в. 1, 1994). Появились новые Р. и курсы лекций С. Ф. Ивановой (1992), Е. А. Юниной и Г. М. Сагач (1992), И. А. Стернина (1993), Н. Н. Кохтева (1994), О. И. Марченко (1994), Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной (1994), В. И. Аннушкина (1995), А. К. Михальской (1995).

Лит.: Античные теории языка и стиля, М –Л., 1936; Античные риторики [Переводы], М., 1978; Брынская О. П., Основные черты американской риторики новейшего времени. Автореферат канд. дисс., М., 1978; Виноградов В. В., Поэтика и риторика, в его кн.: О языке художественной прозы Избр. тр., М., 1980; Аверинцев С С., Риторика как подход к обобщению действительности, в кн.. Поэтика др греч лит-ры, М., 1981; Лотман Ю. М , Риторика, «Уч. зап Тартуского ун-та. Тр. по знаковым системам», XII, 1981, в. 515; Рождественский Ю. В., Проблемы риторики и стилистической концепции В В Виноградова, в кн Рус. язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография, М., 1981; Риторика и стиль. Сб. ст., М., 1984; Аннушкин В И., Первая рус. «Риторика» нач 17 в Автореферат канд. дисс., М., 1985; его же, Риторика, Пермь, 1994; Общая риторика, пер. с франц., М., 1986; Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. Сб. научно-аналитических обзоров, М., 1987; «Риторика и синтаксические структуры», красноярская краевая научно-техническая конференция (1989 г.) [Тезисы докл.], Красноярск, 1988; Гурвич С. С., Погорелко В. Ф., Герман М. А., Основы риторики, К., 1988; Вомперский В. П., Риторика в России XVII–XVIII вв., М., 1988; Граудина Л. К., Миськевич Г. И., Теория и практика рус красноречия, М., 1989 (лит.); Топоров В. Н., Риторика, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990 (лит.); Безменова Н. А., Очерки по теории и истории риторики, М , 1991; Юнина Е. А., Сагач Г М , Общая риторика (совр. интерпретация), Пермь, 1992; Иванова С. Ф., Искусство диалога или беседы о риторике, Пермь, 1992; Стернин И. А., Практическая риторика, Воронеж, 1993; Кохтев Н. Н., Риторика, М., 1994; Марченко О И., Риторика как норма гуманитарной культуры, М., 1994; Хазагеров Т Г., Ширина Л. С., Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур, Р. н/Д., 1994; [Граудина Л. К.], Рус. риторика. Хрестоматия, М , 1996; Perelman C., Olbrechts-Tyteca L., Traité de argumentation; La nouvelle rhétorique, P., 1958; Kopperschmidt J., Allgemeine Rhetorick, 2 Aufl., Stuttgart, 1976; Mistrik J., Rétorika, Brat., 1980; Kraus J., Retorika v dějinach jazykové komunikace, Praha, 1981; Florescu V , La rhétorique et la néorhétorique; Genèze, évolution, perspectives, P., 1982; Ziomek Jerzy, Retoryka opisowa, Wrocław–Warsz.–Kraków, 1990.

Л К. Граудина.

Ритори́ческий вопро́с – предложение, вопросительное по структуре, передающее, подобно повествовательному предложению, сообщение о чём-либо. Т. о., в Р. в. имеется противоречие между формой (вопросительная структура) и содержанием (значение сообщения).

Сообщение в Р. в. всегда бывает связано с выражением различных эмоционально-экспрессивных значений. Их основой является то, что Р. в. возникает всегда в условиях противодействия как эмо-

циональная реакция протеста. Поэтому для Р. в. характерно также противоречие между формой и содержанием по признаку утвердительность – отрицательность. Так, предложения, отрицательные по форме, передают утвердительное сообщение, а предложения с утвердительной формой имеют значение отрицаний. Напр.: *«Разве я не знаю его, эту ложь, которою он весь пропитан?»* (Л. Н. Толстой); *«Арьянц махнул рукой: какой смысл разговаривать с сумасшедшим!»* (Паустовский).

В качестве риторических могут употребляться предложения любой вопросительной структуры: с местоименным вопросительным словом, с вопросительной частицей, без специальных вопросительных слов.

Р. в. не требует ответа, но от значения собственно вопроса в Р. в. остаётся установка говорящего на ответную желаемую реакцию собеседника или тех, к кому обращена речь. Значение сообщения не является основным значением вопросительной структуры, поэтому для его проявления требуются особые условия. Среди них определяющую роль играют интонация, контекст, в к-рый включено вопросительное предложение, метафорическое значение лексического состава предложения, не свойственное собственно вопросу. В этих условиях нейтрализуется вопросительное значение и проявляется значение эмоционально выраженного сообщения; поэтому Р. в. всегда синонимичен повествовательному предложению: *«...где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легше?»* (Маяковский), т. е. ‘нигде, никогда, никакой великий не выбирал путь, чтобы протоптанней и легче’; *«Кому в голову придёт, что заключённый решится бежать днём, на глазах всей тюрьмы?»* (М. Горький), т. е. ‘никому в голову не придёт...’.

Р. в. широко распространены, они часто употребляются как выразительный приём ораторской речи. С этим связано и их название: греч. rhētorikḗ – ораторское искусство. После Р. в. ставится вопросительный знак, допустим восклицательный, изредка пользуются сочетанием того и другого знака.

Лит.: Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике рус. языка, 3 изд., М., 1965; Шердакова Л. Н., Риторический вопрос в языке произведений В. И. Ленина, «Рус. яз. в школе», 1972, № 2; Бердник Л. Ф., Вопрос как отрицание, «Рус. речь», 1974, № 1; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980. *Г. В. Валимова.*

Род – грамматическая категория, присущая именам (существительным, прилагательным) и глаголам в формах единственного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения, состоящая в распределении слов или форм по трём классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием (мужской, женский, средний Р.). Эта грамматическая категория имеет разное значение у каждой из названных частей речи.

Основным носителем грамматического значения Р. как самостоятельной грамматической категории является Р. имён существительных. Категория Р. имён существительных – несловоизменительная морфологическая категория, представленная как противопоставление трёх классов слов, каждый из к-рых характеризуется своими особенностями склонения, согласования – это слова мужского (*муж, стол*), женского (*жена, книга*) и среднего (*окно, существо*) Р. Бóльшая часть одушевлённых существительных (названия лиц и частично названия животных) способна также обозначать принадлежность к разному биологическому полу. Грамматическое значение Р. существительных принадлежит слову во всех его словоформах. Существительное не изменяется по родам, а заключает в самом себе родовое значение. Во мн. ч. грамматическое значение Р. существительного, по мнению многих исследователей, не имеет выражения: существительные во мн. ч. не разграничиваются ни системами падежных окончаний самого существительного, ни формами согласуемых с ними слов.

Морфологически Р. существительных выражается системой флексий слова в ед. ч., синтаксически – формами согласуемого слова. У несклоняемых существительных синтаксическое выражение Р. является его единственным способом выражения (*длиннохвостый кенгуру; Вкусный кофе готов; Зимнее пальто висело в шкафу*).

Особое место занимают т. н. существительные общего Р. К ним относят существительные 2-го склонения с флексией *-а, -я* в им. п.: *запевала, пьяница, сластёна, неженка, бедняга, убийца, коллега, судья* и др. Существительные общего Р.– часто экспрессивно окрашенные названия лиц как носителей определённых свойств, характерные для разг. речи. Существительные общего Р. способны выступать как слова муж. и жен. Р. в зависимости от пола того лица, к-рое они называют (при этом Р. выражается синтаксически): *круглый сирота, противный плакса* (о лицах мужского пола) и *круглая сирота, противная плакса* (о лицах женского пола). Разряд существительных общего Р. активно пополняется суффиксальными образованиями типа *трудяга, доставала*, а также вбирает в себя экспрессивно окрашенные слова жен. Р. с характеризующим значением (ср.: *он/она такой/такая гадюка, он/она такой, такая шляпа*). Существительные 1-го склонения муж. Р.– названия лиц по профессии, роду занятий, должности типа *врач, директор, инженер*, способные называть лицо женского пола, не входят в разряд существительных общего Р. прежде всего потому, что сочетание с жен. Р. согласуемого слова возможно у них только в форме им. п. (*новый врач/новая врач*), а у существительных общего Р.– во всех падежных формах (ср. *новая врач* при невозможности **о новой враче*).

С семантической точки зрения категория Р. наиболее регулярно выражает различия мужского и женского пола у существительных – названий лиц

(*мать, отец, портниха, брат*). Существительные муж. Р. способны также называть лицо в отвлечении от пола (в формах ед. ч.) либо множество лиц обоего пола (в формах мн. ч.): *подарок первокласснику, Дом Актёра; родители, студенты, поэты, лгуны*. Это свойство существительных муж. Р. универсально.

У существительных – названий животных категория Р. выражает противопоставление по полу менее последовательно. Общие названия животных, не содержащие указания на пол, могут относиться как к муж. Р. (*дельфин, окунь, чиж*), так и к жен. Р. (*жаба, крыса, лягушка*). От общих названий муж. Р. достаточно регулярно образуются суффиксальным способом существительные жен. Р.– названия самок: *слон – слониха, заяц – зайчиха*. В парных названиях домашних животных (*кот – кошка, петух – курица*) слово муж. Р. обозначает самца, слово жен. Р.– самку и одновременно может являться общим названием животного вне отношения к полу. В обозначениях домашних животных типа *гусь – гусак – гусыня, лошадь – жеребец – кобыла* первый член ряда является общим названием (это может быть слово как муж., напр. *гусь*, так и жен., напр. *лошадь*, Р.), второй и третий – названием самца (слово муж. Р.) и самки (слово жен. Р.).

Существительные ср. Р., как одушевлённые, так и неодушевлённые, в отличие от существительных муж. и жен. Р., неспособны выражать биологический пол: *дитя, чудовище, ничтожество*. Отнесённость неодушевлённых существительных к тому или иному Р., традиционно закреплённая в языке, не связана с выражением пола.

Нек-рые существительные характеризуются вариантными формами рода (*жираф – жирафа, клавиш – клавиша, ставень – ставня*). Обычно это объясняется историческими изменениями в языке.

Категория Р. н е с к л о н я е м ы х и м ё н с у щ е с т в и т е л ь н ы х. Большинство неодушевлённых существительных на гласный относится к ср. Р.: *купе, депо, такси, пюре*. Однако для нек-рых таких существительных Р. устанавливается в соответствии с Р. существительного, обозначающего более общее понятие: *салями, кольраби* – жен. Р., т. к. слова *колбаса, капуста* жен. Р.; *пенальти* – муж. Р., как и более общее понятие *удар*. Слово *кофе* лит. норма определяет как существительное муж. Р.: *крепкий чёрный кофе*. Несклоняемые существительные – названия лиц мужского пола и лиц по профессии и должности относятся к муж. Р.: *портье, конферансье*; названия лиц женского пола – к жен. Р.: *мадам, леди*. Несклоняемые существительные – названия животных относятся, как правило, к муж. Р.: *шимпанзе, какаду*; при обозначении самки возможно употребление несклоняемых существительных как слов жен. Р.: *молодая шимпанзе*. Несклоняемые имена собственные неодушевлённые относятся к тому же роду, что и соответствующее нарицательное существительное: *Нагасаки* – муж. Р. (город), *Миссури* – жен. Р. (река).

Вопрос о категории существительных, называющих парные предметы (pluralia tantum) типа *ножницы, ворота*, остаётся нерешённым: их либо не относят ни к какому Р., либо относят к особому «па́рному» Р.

К а т е г о р и я Р. п р и л а г а т е л ь н о г о и п р и ч а с т и я – словоизменительная категория, свойственная полным и кратким прилагательным и причастиям. Формы прилагательного и причастия муж., жен. и ср. Р. обозначают соответственно, что прилагательное и причастие способны сочетаться с любым существительным мужского (*интересный роман, роман интересен, бегущий волк, скованный страхом человек, человек скован страхом*), женского (*интересная книга, книга интересна, бегущая собака, скованная льдом река, река скована льдом*) и среднего (*интересное зрелище, зрелище интересно, бегущее существо, заинтересованное лицо, лицо заинтересовано*) Р. При сочетании с несклоняемыми существительными функция указания на Р. существительного принадлежит прилагательному или причастию (*вкусная салями, второй забитый пенальти*). При сочетании с личными местоимениями форма прилагательного или причастия определяется родовым значением имени, на к-рое указывает местоимение (*я красивый, красивая*).

К а т е г о р и я Р. г л а г о л о в представлена в формах ед. ч. прош. времени и сослагательного наклонения и указывает на отнесённость действия к предмету одного из трёх Р. либо к лицу мужского или женского пола (*Дождь кончился/кончился бы; Гроза кончилась/кончилась бы; Затмение кончилось/кончилось бы; Солнце взошло/взошло бы; Учитель прочитал; Ученица повторила*), а также на представление процессуального признака как безличного (формы ср. Р.– *Меня тошнило; Скорее бы потеплело*).

Категория Р. в рус. языке для имён существительных – классифицирующая, для прилагательных и других согласуемых слов – словоизменительная. В рус. языке категория Р. неразрывно связана с категорией одушевлённости – неодушевлённости, образуя вместе с ней согласовательный класс.

При образно-поэтическом переосмыслении (при олицетворении) названия неодушевлённых предметов (частично и названия животных) могут переосмысляться как существа муж. или жен. Р. и таким образом выражать пол: *Дед Мороз* (персонаж сказки), *зеленокосая берёза* (в стихотворении С. А. Есенина), *Царевна-лягушка* (в сказке). В художественной лит-ре активно используются формы муж. Р. при назывании лиц женского пола (*Она умный мужик; Она свой парень*) и формы жен. Р. при назывании лиц мужского пола (*«Юра так легко мог быть красавицей, а Володя уж никакими словами»* (Цветаева). Возможно также

индивидуально-авторское изменение родовой принадлежности собственного имени: *«Сижу на берегу пруда, такой длинный, небритый Алёнушк»* (Ерофеев).

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык (Грамматическое учение о слове), М. – Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Мучник И. П., Грамматические категории глагола и имени в совр. рус. лит. языке, М., 1971; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989. *Ю. А. Сафонова.*

Роди́тельный падё́ж – 1) форма существительного, входящая в парадигму единственного и множественного числа, с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в единственном числе – *стола, города, коня, края* и *краю, жены, земли, болота, поля, кости, дочери, имени, пути*; во множественном числе – *столов, городов, коней, краёв, жён, земель, болот, полей, костей, дочерей, имён, путей*; 2) ряд таких форм существительного (в единственном и множественном числе), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного или причастия, входящая в парадигму единственного и множественного числа, с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в единственном числе – *круглого, круглой, синего, синей, крепкого, крепкой, лисьего, лисьей, тётиного, тётиной, отцова, отцовой, действующего, действующей, сломанного, сломанной*; во множественном числе – *круглых, синих, крепких, лисьих, тётиных, отцовых, действующих, сломанных*; 4) ряд таких форм прилагательного или причастия (в единственном и множественном числе), объединённых общностью синтаксических функций.

Семантический центр Р. п. организуется значениями определительным, субъектным и объектным; эти значения могут контаминироваться. От определительного значения производно значение предикативного признака. На периферии определительности находится значение обстоятельственное (временнóе). Функция необходимой информативно восполняющей формы, как и у других падежей, у Р. п. изолирована от общей системы его значений.

Р. п. в сочетании с разными именами выступает как собственно определяющая форма: *человек дела, состояние невесомости, метр ширины*; с элементом субъектного значения (определение по деятелю или обладателю): *суд глупца, грохот трамвая, книга товарища, член бригады*; то же в сочетании со значением объектным (какой, чей и кому-чему): *памятник героя, счёт утрат*; определение по обладателю сходного признака: *бархат кожи, лента воспоминаний*. В ряде случаев Р. п. определяет в обязательном сочетании с согласуемым словом (*товар первого сорта, дело первостепенной важности, человек преклонного возраста, приехал пятого сентября*). В роли сказуемого функционирует такой Р. п., к-рый имеет элемент значения субъекта (*Этот дом – брата; Распоряжение – начальника*), определяет по уподоблению (*Глаза – испуганной лани*), в обязательном сочетании с согласуемым словом (*Этот человек – преклонного возраста*), а также в составе лексически закрытых определяющих сочетаний *имени кого, памяти кого, в честь кого* (*Турнир – памяти Алёхина*).

Субъектное значение Р. п. выявляется в ряде позиций в словосочетании и предложении само по себе или в соединении с другими падежными значениями: 1) в роли компонента нераспространённого предложения: *Забот хватает*; *Времени нет*; *Травы наросло!*; *Народу!*; 2) при выносе в начальную позицию (в форме мн. ч.) в отрыве от определяемого количественного слова (*«А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка»*, Пушкин); с замещением места количественного компонента именной группой (*«Офицеров нашего полка тут был только я»*, Достоевский) или целым предложением (*Народу – яблоку негде упасть*).

Объектное значение Р. п. представлено: 1) в сочетаниях с отглагольными названиями деятеля: *вестник победы, участник похода*; 2) при отдельных глаголах и именах со значением желания, волеизъявления, отношения, давания (*ждать поезда, хотеть чаю, бояться встречи, требовать ключей, страх смерти, боязнь неудачи, защита отечества*); 3) на месте вин. п. прямого объекта при отрицании: *читал статью – не читал статьи*; 4) в предложениях с прямым отрицанием не непосредственно при спрягаемом глаголе или со скрытым отрицанием: *«В доме такая благодать, что нечем кошки из избы было выманить»* (Достоевский); *«И орденов своих с собою им не положено иметь»* (Симонов); 5) при предикативах *жаль, стыдно, страшно* и др., при *нет, не было, не будет, не имеется* (у кого-н.): *Жаль времени; Стыдно окружающих; У него нет* (*не имеется*) *возражений*; 6) при выносах из количественной именной группы с заменой формы ед. ч. формой мн. ч.: *Книг мы купили две; Знакомых мы встретили только Ваню и Машу*; 7) в бессказуемостных предложениях для обозначения объекта желаемого (*Воды!*; *Успехов вам!*) или предлагаемого (*Яблок!*; *Пирожков!* – выкрики торговцев). Объектное значение (объект действия) может сочетаться с субъектным (субъект состояния): *Подтверждения не получено* («Подтверждение не получено» и «Подтверждения не получили»); *Сдвигов не заметно*; *Ничего не предпринимается*.

Функция необходимой информативно восполняющей формы свойственна Р. п. при всех количественных именах (*два дома, несколько книг*); при существительных, в своём значении заключающих семантический элемент совокупной множественности или единицы измерения (*стая птиц, стакан воды*); при словах *вид* ('разновидность'), *разновидность, род* ('нечто вроде') (*виды обучения,*

разновидности злаков, «дедушка... был род бабушкина дворецкого», Пушкин); при компаративах (*меньше года, выше дома*); при таких глаголах, как *стоить чего-нибудь* ('заслуживать'), *преисполниться, удостоить, придерживаться* ('иметь склонность, следовать за кем — чем-нибудь'); при прилагательных *чуждый* (*кого — чего-нибудь*), *достойный, полный* и др.

Р. п. сочетается с простыми и производными предлогами. С простыми предлогами *без, для, до, из, из-за, из-под, меж, между, от, с, у* Р. п. выражает разные виды определительности, в целом — в соответствии со значением предлога (определение по совместимости — несовместимости, предназначенности, по месту, причине, цели, происхождению и др.); эти же значения реализуются в сказуемом.

С предлогом *до* Р. п. может иметь значение приблизительности: *Получил до сорока наград; Будет до тридцати градусов мороза*. В предложении Р. п. с предлогами *для, у, от, из, между, среди* может приобретать значения субъектное: *У него/для него нет выбора; У друзей ссора; От сына — помощь; Между/среди собравшихся поднялся говор; Из него вырастет учёный* и (с предлогами *для, от* — прост.) объектное: *Для объяснений его уже не хватает; «От жильцов совестно»* (Чехов). Эти значения могут контаминироваться.

Р. п. сочетается более чем со ста производными предлогами и предложными образованиями: *без помощи, близ, в адрес, в виде, ввиду, в границах, в деле, в качестве, в направлении, в области, в отличие от, в отношении, в пользу, в порядке, в пределах, в продолжение, в рамках, в результате, в роли, в свете* и др. В большинстве случаев значения таких сочетаний опираются на лексические значения предлогов.

Лит.: Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. См. также лит. при ст. Падеж. *Н. Ю. Шведова.*

Ро́дственные слова́ — слова, имеющие один и тот же корень: *барабан, барабанчик, барабанщик, барабанщица, барабанный, барабанить, забарабанить, отбарабанить, побарабанить; белый, беленький, белёсый, белесоватый, беловатый, белёшенький, беловой, беловик, белизна, добела, набело, белеть, белеться, забелеть, побелеть, белиться, белильщик, выбелить, выбелиться, выбеливать, добелить, добеливать, забелить, забеливать* и др. Учитывая общность корня, Р. с. называют также однокоренными. Все Р. с. с определённым корнем составляют словообразовательное гнездо (см.).

Не являются Р. с. слова с корнями-омонимами, напр. *безводный, обводнить*, с одной стороны, и *отводной, отводить, приводить* — с другой, из них выделяется корень *-вод-*I (от слова *вода*) и *-вод-*II (от глагола *водить* — 'помогать идти, сопровождать').

Родство слов — понятие исторически изменчивое. Вследствие изменения значений слов первоначально Р. с. часто утрачивают смысловую общность и перестают быть родственными. Напр., *мех* и *мешок* когда-то были Р. с., т. к. в семантику сущ. *мешок* входило значение слова *мех* (мешки в древности изготовлялись из «меха» — шкур животных). Слово *мешок* членилось: *меш-ок*. В совр. языке сущ. *мех* и *мешок* уже не связаны по значению, в них выделяются разные корни: *мех-* и *мешок-* (см. Опрощение). Не имеют общего элемента в значении и не являются Р. с. также генетически связанные слова *дуб* и *дубина, чин* и *бесчинство, дать* и *продать, добить* (раненого зверя) и *добиться* (разрешения), *раздать* (всё имущество родным) и *раздаться* (в ширину), *стол* и *столица* и т. п.

Лит. см. при статьях Словообразовательное гнездо, Опрощение. *А. Н. Тихонов.*

Родство́ языково́е — общее свойство двух или нескольких языков, заключающееся в том, что их исконные минимальные значимые элементы (корневые морфемы и аффиксы) находятся в строго определённых соответствиях, отражающих регулярный характер звуковых преобразований материального фонда, восходящего к общему источнику — праязыку. Группа родственных языков составляет с е м ь ю. Объём понятия семьи в терминологической практике изменчив. Одно и то же объединение родственных языков может именоваться и группой, и семьёй. Так, слав. языки могут называться группой или семьёй, входящей в индоевропейскую семью. Для семей труднообозримых и далеко расходящихся языков (напр., индейских) применяются также термины «м а к р о с е м ь я» и «ф и л и я», к-рые иногда выступают как синонимы, иногда как иерархически подчинённые термины.

Рус. язык вместе с украинским и белорусским (вост.-слав. языки) входит в семью слав. языков, включающую также зап.-слав. (чеш., польск. и др.) и южнослав. (болг., сербскохорватский и др.) языки. Они связаны закономерными звуковыми соответствиями: рус. *ворона, сон, мох, муж, луг, межа, чужой*; болг. *врана, сън, мъх, мъж, лъг, межда, чужд*; сербохорватское *сан, мах, мeђа, туђ*; польск. *wrona, sen, mech, mąż, łąg, miedza, cudzy*; чеш. *meze, cizí*; словен. *mêja, túj* и т. п.

Нек-рые семьи обнаруживают более отдалённое родство (меньший объём исконной материальной общности) и объединяются в более крупные семьи. К слав. языкам наиболее близка семья балтийских языков, ср. рус. *воро́на — ворон*, чеш. *vrána — vran*, литов. *várna — várnas*, др.-прусское *warne — warnis*, латыш. *vārna*. Слав. и балтийские языки вместе с германскими, романскими, индоиранскими, греч. и другими языками составляют семью индоевропейских языков, ср. рус. *брат*, чеш. *bratr*, литов. *brólis — brotẽrelis*, др.-инд. *bhrā́tā*, авестийское *brātar-*, греч. *frāter*, лат. *frāter*, ирл. *brāthir*, готское *broþar*, тохарское *pracar* и др.

Установлено родство финно-угорских (фин., венг., мордовских и др.), тюрк. (тур., туркм., якут. и др.), афразийских (араб., др.-евр., др.-егип. и др.) языков. Дальнейшие связи между крупными семьями более или менее проблематичны: урало-алтайская гипотеза (родство финно-угорских, тюркских, монг. и других языков севера Азии), индо-уральская (индоевропейских и уральских), индо-семитская и индо-семито-кавказская и, наконец, ностратическая (родство всех языков Евразийского субконтинента). Чем меньше объём материальной общности и менее прозрачны регулярные звуковые соответствия, тем менее вероятно возведение сравниваемых языков к общему праязыку. Наличие нек-рой общности лексического состава, синтаксических конструкций, отдельных фонетических черт и типологических характеристик вне регулярных звуковых соответствий может быть результатом позднейших сближений различных (родственных и неродственных) языковых коллективов, может объясняться отношениями не родства, а «свойства» (см. Контакты языковые, Заимствование).

Надёжным научным аппаратом изучения и установления Р. я. является сравнительно-исторический метод. Он универсален: его постулаты, фундаментальные понятия (праязык, архетип, регулярность фонетических законов и др.), способы установления родства и реконструкции исходного состояния в целом применимы к языкам различных языковых семей и типов, вне зависимости от длительности письменной фиксации и наличия письменности вообще.

Взгляды на проблемы Р. я. в истории языкознания менялись. Реконструкция любого отдельного архетипа всегда принимает вид родословного древа, последовательного расщепления, дивергенции исходной праформы (морфемы, слова и т.п.). Родословное древо как графическое отображение сути и результатов сравнительно-исторического метода в эпоху младограмматизма было воспринято как абсолютная модель отношений Р. я. и развития языков вообще. Этой модели была противопоставлена теория волн И. Шмидта, согласно к-рой диалектные различия, возникавшие в пределах праязыка, расходились из эпицентров инноваций во все стороны, подобно волнам. Успехи лингвистической географии (см.) и социолингвистики (см.) показали, что отношения между родственными языками сложнее схемы родословного древа и теории волн. Языки не только дивергируют, но и конвергируют соответственно конвергентно-дивергентным процессам языковых коллективов. Праязык не только расщепляется, но и консолидируется, формируется в ходе контактного развития родственных диалектов. Чем больше возможность взаимопонимания и интенсивнее общение носителей этих диалектов, тем сильнее действует тенденция материального и структурного сближения между диалектами. Общность исходного материала обусловливает определённую общность тенденций его преобразования, параллельное и независимое (вне контактов) развитие, сходство результатов его эволюции. Многие явления родственных языков, считавшиеся под давлением модели родословного древа архаизмами, восходящими к праязыковому состоянию, оказались параллельными инновациями: балто-слав. формирование корреляции именных и местоименных прилагательных (рус. *добр – добрый*, литов. *geras – gerasis*), происхождение изоглоссы centum ~ satəm, соответствия взрывных велярных одних языков спирантам других; ср. лат. *centum* (читай k!); *cor, cordis*; *granum* и авестийское *satəm*, рус. *сто*, арм. *sirt*, рус *сердце*, *зерно*. Отмечается тенденция подстраивания поздних заимствований под закономерности исконных звуковых соответствий, ср. литов. *piragas* < слав. *пирог*.

Степень Р. я. (лингвистическое расстояние между родственными языками) может не только уменьшаться, но и увеличиваться в процессе исторического развития.

Существует несколько способов измерения степени Р. я. Метод глоттохронологии М. Сводеша, А. Л. Крёбера и К. Кретьена опирается на исследование лексики статистическим способом. Более универсален метод Я. Чекановского, при к-ром в центре внимания оказывается фонетика и морфология. Лексический материал менее надёжен, т. к. отдельное слово относительно легко заимствуется. На основании цифровых показателей лингвистического расстояния между родственными языками делаются попытки установления хронологии и последовательности распада соответствующих праязыков. Однако для такой хронологизации необходим более тщательный отбор сравниваемых показателей с предварительной иерархизацией фактов методом относительной хронологии и внутренней реконструкции. Этим требованиям соответствует комплексный метод системно-типологической реконструкции Т. В. Гамкрелидзе – Вяч. Вс. Иванова, предложивших пространственно-деривационную модель членения общеиндоевропейской языковой области как своеобразный синтез модели родословного древа и теории волн

Лит: Иванов В. В., Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства, М., 1954; Георгиев В. И., Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В., Индоевропейский язык и индоевропейцы, кн. 1–2 Тб., 1984; Czekanowsky J., Wstęp do historii słowian, Poznań, 1957; Haas M. R., Historical linguistics and the genetic relationship of languages, в кн.: CTL, v. 3, Hague, 1966. *В. К. Журавлёв.*

Российская акаде́мия нау́к. Отделение лит-ры и языка (ОЛЯ РАН) – научный и научно-организационный центр, объединяющий в РАН учёных, работающих в области литературоведения и языкознания, а также искусствознания. ОЛЯ осуществляет научное и научно-методическое руководство ин-тами и другими научными подразделениями, входящими в его состав, направляет раз-

витие филологии и искусствознания, координирует исследования по основным направлениям в области филологии и искусствознания в научных учреждениях и вузах страны.

Высший орган – Общее собрание ОЛЯ, состоящее из действительных чл. и чл.-корр. РАН по данному Отделению, а также научных сотрудников, делегированных научными учреждениями ОЛЯ. В период между сессиями Общего собрания работой ОЛЯ руководит его бюро, возглавляемое акад.-секретарём и избираемое Общим собранием Отделения сроком на пять лет. Со времени образования ОЛЯ его возглавляли: акад. И. И. Мещаинов (1934–50; первоначально в составе Отделения обществ. наук), акад. В. В. Виноградов (1950–63), акад. М. Б. Храпченко (в 1963–67 исполнял обязанности акад.-секретаря, в 1967–86 акад.-секретарь), акад. Е. П. Челышев (с 1988).

В основанной Петром I в 1724 Академии филологические науки были представлены в гуманитарном классе (см. Академия Российская), к-рая в 1841 вошла в АН на правах Отделения рус. языка и словесности (ОРЯС). В 1899 в ознаменование сотой годовщины со дня рождения А. С. Пушкина при ОРЯС был учреждён Разряд изящной словесности, существовавший до 1918. В его состав почётными академиками были избраны Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, И. А. Бунин, К. С. Станиславский, А. Ф. Кони, В. В. Стасов и др. В разные годы ОРЯС руководили И. И. Срезневский (1865–80), Я. К. Грот (1884–93), А. Н. Веселовский (1901–06), А. А. Шахматов (1906–20), Е. Ф. Карский (1920–27) и другие крупные филологи. В 1927 ОРЯС вошло в состав Отделения гуманитарных наук (с 1930 – Отделение общественных наук).

ОЛЯ как самостоятельное подразделение (сначала в составе АН СССР, затем – РАН) существует с 1938, когда в его состав входили Ин-т лит-ры, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького, Ин-т языка и мышления им. Н. Я. Марра, Ин-т языка и письменности народов СССР, Ин-т востоковедения (в 1950 переведён из ОЛЯ в Отделение истории и философии АН). В 1944 в составе ОЛЯ создан Ин-т рус. языка (см. Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской Академии наук), а Ин-т языка и письменности народов СССР и Ин-т языка и мышления им. Н. Я. Марра были объединены в Ин-т языка и мышления им. Н. Я. Марра, в задачу к-рого вошло изучение языков народов СССР (кроме рус. языка), зап.-европейских, классических языков, а также вопросов общего языкознания.

В 1950 на базе Ин-та языка и мышления и Ин-та рус. языка создаётся единый Ин-т языкознания. В 1958 Президиум Академии, учитывая возросшее мировое значение рус. языка и задачи подъёма культуры рус. речи, принимает постановление об организации на базе рус. секторов Ин-та языкознания самостоятельного Ин-та рус. языка.

В 1991 Ленинградское отделение Ин-та языкознания и Словарный отдел Ин-та рус. языка преобразованы в Ин-т лингвистических исследований.

В состав ОЛЯ входят (в 1997) пять ин-тов – Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького РАН, Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом) РАН, Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т языкознания РАН, Ин-т лингвистических исследований РАН; Кафедра иностранных языков РАН, Санкт-Петерб. кафедра иностранных языков РАН; четыре научных совета [совет «Отечественная и мировая духовная культура (языки, литература, фольклор и искусство)» с секциями: «Теория и методология литературоведения и искусствознания», «История русской литературы», «История литератур народов Российской Федерации и стран Содружества», «История мировой литературы», «Культура народов России в мировом контексте», «Россия и славянский мир», «Историко-теоретические проблемы искусствоведения», «Теоретическая лингвистика», «Язык и общество», «Языки мира», «Русский язык», совет по рус. культуре, совет по фольклору, совет «История мировой культуры»]; три национальных комитета (славистов, тюркологов, финно-угроведов); две комиссии (по истории филологических наук, Пушкинская).

ОЛЯ руководит также деятельностью научных учреждений региональных отделений и научных центров РАН (Кафедра иностранных языков Сибирского отделения РАН, Кафедра иностранных языков Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН, Ин-т истории, филологии и экономики Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Ин-т проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Ин-т истории, языка и лит-ры Башк. научного центра Уральского отделения РАН, Ин-т языка, лит-ры и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Ин-т языка, лит-ры и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Ин-т языка, лит-ры и истории Карел. научного центра РАН).

ОЛЯ осуществляет научно-методическое руководство деятельностью Института русского языка им. А. С. Пушкина (см.) Министерства образования РФ, Рос. ин-та искусствознания Министерства культуры РФ, Рос. ин-та культурологии Министерства культуры РФ, Научно-исследовательского ин-та фундаментальных проблем архитектуры и градостроительства Рос. академии архитектуры и строительных наук, Рос. ин-та истории искусств Министерства культуры РФ, Рос. научно-исследовательского ин-та культурного и природного наследия Министерства культуры РФ.

ОЛЯ и его ин-ты издают четыре научных журнала («Вопросы языкознания», «Известия Академии наук. Серия литературы и языка», «Русская литература», «Русистика сегодня») и один научно-популярный («Русская речь») (см. Журналы лингвистические), а также серийное издание «Ли-

тературное наследство». При Ин-те мировой лит-ры им. А. М. Горького РАН создано издательство «Наследие», осуществляющее публикации ин-тов ОЛЯ.

Лит.: Устав Рос. академии наук, М., 1993; Положение об Отделении Рос. академии наук, М., 1993; Рос. академия наук. Краткий очерк, М., 1995. *Ю. Л. Воротников.*

Руси́стика – наука о русском языке (см.) – о его истоках, истории древней и новой, о языке его памятников и фольклора; об организующих его частных системах: о народных говорах, о литературном языке и его функциональных разновидностях; о строе литературного языка – звуковом, грамматическом, лексическом, фразеологическом и о смежных с ним сферах (просторечии и социальных диалектах); о терминологических подсистемах; о языке русской художественной литературы; о связях русского языка с другими языками, их взаимодействиях и взаимовлияниях; об истории изучения русского языка. Р. может пониматься и более широко – как весь комплекс наук о рус. словесности и языке; однако далее речь пойдёт о Р. в узком смысле – как о науке о рус. языке.

Р. тесно связана со многими другими областями научного знания: с историей рус. народа и этнографией; с литературоведением и общим языкознанием, текстологией; с логикой, психологией и другими науками; она входит в славистику (см.) как одна из её составных частей и в сравнительно-историческое языкознание. Множественностью этих связей, а также множественностью и разносторонностью самих объектов изучения определяется разнообразие применяемых в Р. исследовательских методов и способов представления полученных результатов: методы исторического изучения, собственно описательный и экспериментальный в разных областях Р. в разные моменты её развития чередуются с обращением к анализу логическому, психологическому, семасиологическому либо к анализу строго формальному (в грамматике), компонентному (прежде всего в лексикологии – по смысловым составляющим слова), функциональному, эвристическому (в анализе художественных текстов), социолингвистическому. Отдельные отрасли Р. во многих случаях вырабатывают свои собственные методы и методики лингвистического анализа и описания материала

Истоки Р. как науки относятся к сер. 18 в. До этого появлялись отдельные труды, посвящённые функциональному расчленению языка, общим чертам его грамматического строя, словесному составу (Л. Зизаний, Н. Г. Курганов, А. П. Сумароков, А. А. Барсов, В. Е. Адодуров). Основы совр. научного знания о рус. языке заложены работами М. В. Ломоносова («Российская грамматика», 1755; «Риторика», 1748), а также 1-м изданием «Словаря Академии Российской» (ч. 1–6, 1789–94). Этими академическими трудами первоначально определились основные направления Р.: описание грамматического строя рус. языка и его словесного состава – создание словарей. В «Российской грамматике» Ломоносова в самых общих чертах были сформулированы главнейшие аспекты изучения грамматического строя рус. языка: формальный, функциональный и стилистический – в их органическом взаимодействии; этим определилось развитие рус. грамматической мысли на много десятилетий вперёд. «Словарь Академии Российской» (переиздан «в азбучном порядке» в 1806–22, ч. 1–6) положил начало рус. академической лексикографии (см.).

В первые десятилетия 19 в. появляется ряд трудов, авторы к-рых сосредоточивали своё внимание на углублённом описании отдельных сторон грамматического строя рус. языка; наряду с малооригинальными грамматиками Н. И. Греча («Практическая русская грамматика, изданная Н. Гречем», 1827; «Пространная русская грамматика», т. 1, 1827, и их переиздания) и И. И. Давыдова («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», 1852), посвящёнными в основном формальной стороне языка и законам его парадигматики, появляются концептуально новые и оригинальные грамматики: грамматика А. Х. Востокова («Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращённой грамматики полнее изложенная», 1831; 12 изд., 1874), показавшего прежде всего синтаксический потенциал слов, правила их смысловой и грамматической сочетаемости, И. Орнатовского («Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных, сочинённое Иваном Орнатовским», 1810), И. Ф. Калайдовича («Грамматика языка русского, ч. 1 – Познание слов», 1834), а позднее глубокие исследования филологов, обратившихся прежде всего к системе рус. глагола, к семантике его видо-временны́х отношений: Г. П. Павского («Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского, Рассуждения – 1–3», 1841–42), К. С. Аксакова [«Опыт русской грамматики», ч. 1, в. 1, 1860; «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского)»; «О русских глаголах. Критический разбор "Опыта исторической грамматики русского языка" Ф. И. Буслаева» в кн. К. С. Аксакова «Полное собрание сочинений», т. 2, ч. 1 – «Сочинения филологические», 1875], заложившие основы совр. аспектологии работы Н. П. Некрасова («О значении форм русского глагола», 1865) и Г. К. Ульянова («Значение глагольных основ в литовско-славянском языке», ч. 1–2, 1891–95). В исследованиях рус. грамматистов сер. и 2-й пол. 19 в. определяются основные черты будущих рус. лингвистических школ: обращение к большим массивам материала и тщательное их исследование, опора на языковую форму и утверждение тезиса о невозможности изучения языковых значений в отрыве от их материальной оболочки, пристальное внимание к индивидуальным, отдельным фактам языка и определение их места в системе, отказ от схематизма, историзм.

Под влиянием различных логических, философских и психологических концепций формируются новые направления и школы, связанные с именами А. А. Потебни, Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, в 20 в.– А. А. Шахматова, Л. В. Щербы и В. В. Виноградова [см. Казанская лингвистическая школа, Московская фортунатовская школа, Петербургская (Ленинградская) школа в языкознании, Харьковская лингвистическая школа, Виноградовская школа в языкознании].

К первым десятилетиям 19 в. относятся зачатки совр. диалектологии (см.), зародившейся в недрах этнографии. Первоначально это были любительские записи особенностей местных говоров, делавшиеся учителями и священниками и публиковавшиеся в виде словариков или кратких описаний в местных периодических изданиях. Собирательская работа была стимулирована трудами Общества любителей российской словесности и Русского географического общества, а также выходом в свет в 1852 «Опыта областного великорусского словаря» («Дополнение», 1858). В 1863–66 вышел в свет «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (в 1903–11 словарь Даля был систематизирован и дополнен Бодуэном де Куртенэ; его издание является самым полным), в к-ром собраны, объяснены и снабжены содержательным комментарием многие тысячи слов – как областных, так и общелитературных, а также относящихся к языку предшествующих эпох.

Начало исторической диалектологии было положено трудами А. И. Соболевского, к-рый определил диалектологию как особый раздел рус. языкознания, тесно связанный с историей языка, и впервые написал курс рус. диалектологии («Очерки русской диалектологии», 1892). Шахматов, создав фундаментальные историко-диалектологические работы, гл. обр. по исторической фонетике («Русская историческая диалектология», 1911), подошёл к пониманию и описанию говора как целостной языковой системы; вместе с Л. Л. Васильевым он установил основные типы аканья (см.) и предложил гипотезу его происхождения.

На протяжении 19 – нач. 20 вв. Р. постепенно становится разветвлённой наукой, объединяющей в себе теоретические разыскания с постоянной работой по пополнению своих материальных фондов – с публикацией памятников письменности русского языка 10–17 вв.(см.) и созданием словарей и словарных картотек.

Открытие в 1-й пол. 19 в. многих слав., в т. ч. и др.-рус., письменных памятников положило начало их лингвистическому изучению и изданию. Первые издания древних памятников с результатами археографического и палеографического исследования и комментариями были выполнены участниками кружка мецената и любителя древностей графа Н. П. Румянцева. Среди них предшественниками выдающихся рус. палеографов-лингвистов 2-й пол. 19 – нач. 20 вв. были Калайдович и в особенности Востоков, издавший в 1843 текст первой дошедшей до нас датированной вост.-слав. рукописи – Остромирова евангелия 1056–1057 (см.). Приложения – очерк грамматики, полный указатель слов и форм и греч. подстрочник – делают это издание лингвистически образцовым. Последующие издания памятников письменности и палеографии в 19 – 1-й пол. 20 вв. связаны с именами И. И. Срезневского, И. В. Ягича, Соболевского, Е. Ф. Карского, П. А. Лаврова, В. Н. Щепкина, Шахматова, Н. Н. Дурново.

Начало изучения истории русского языка (см.) было положено Ломоносовым. В своих трудах он определил отношение рус. языка к другим славянским, а также отношение древнерусского языка (см.) к церковнославянскому языку (см.) («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1758). В трудах Востокова, одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания и исследователя др.-рус. рукописей, сопоставление этих языков осуществлено на основе фонетических данных. Востоков впервые предложил периодизацию истории рус. языка. Во 2-й пол. 19 в. Срезневский собрал обширные «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1–3, 1893–1903, дополнения, 1912; 3 изд., 1958), долгие годы являвшиеся основным источником сведений по исторической лексикологии. Фонетический и грамматический строй рус. языка на широком историко-сопоставительном фоне описаны в трудах Буслаева («Опыт исторической грамматики русского языка», 1858; со 2-го изд. под названием «Историческая грамматика русского языка»; 5 изд., 1881). Потебне принадлежат фундаментальные исследования исторического синтаксиса рус. языка, его поэтики, а также нек-рых проблем исторической морфологии и фонетики («Два исследования о звуках русского языка: 1) О полногласии. 2) О звуковых особенностях русских наречий», 1866; «Из записок по русской грамматике», т. 1–2, 1874, т. 3, 1889, т. 4, 1941; «Мысль и язык», 1862). Первый полный и систематический курс истории рус. языка был создан Соболевским: его «Лекции по истории русского языка» (1888; 4 изд., 1907) содержат большой материал, показывающий историю основных процессов в развитии звукового и грамматического строя рус. языка. Соболевский стал главой научной школы, ориентировавшейся прежде всего на материалы письменных памятников.

Собственную научную школу создал Шахматов. Он осуществил фундаментальные исследования и издания многих древних памятников рус. письменности, ему принадлежат также многочисленные гипотетические построения и реконструкции как в области истории текстов (реконструкция истории текста «Повести временных лет», 1916), так и по вопросам происхождения рус. народа и его языка.

Восстанавливая язык прошлого, Шахматов опирался на данные рус. говоров.

Традиция создания фундаментальных грамматических исследований укрепилась трудами Потебни, Буслаева, Д. Н. Овсянико-Куликовского, позднее А. М. Пешковского, Шахматова, Виноградова (см. Грамматика). С именем Я. К. Грота связано возникновение теории рус. орфографии (см.) и осуществление орфографической реформы («Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне», 1873; «Русское правописание», 1885).

Для Р. кон. 19–20 вв. характерно формирование таких научных школ и направлений, к-рые – каждое в отдельности и в совокупности исходных теорий – определяли формирование разнонаправленных научных взглядов и стимулировали появление важных теоретических трудов. Эти школы, обращавшиеся к разным сторонам языковой системы в её историческом и совр. состоянии, на разных теоретических основаниях разрабатывавшие собственные методы и приёмы анализа, часто связанные с различными социологическими, философскими и психологическими концепциями, сформировали совр. Р. как широко разветвлённую, многоотраслевую науку, концентрирующую в себе различные концепции и теории, разные исследовательские методы.

В своём совр. состоянии Р. предстаёт как наука, объединяющая в себе несколько самостоятельных областей. Изучение истории русского языка в 20 в. во многом опиралось на традиции, заложенные Соболевским (ср., напр., работы его ученика Н. М. Каринского о др.-псковском диалекте: «Язык Пскова и его области в XV в.», 1909; «Очерки из истории псковской письменности и языка», в. 1–2, 1916–17) и – в ещё большей степени – Шахматовым, идеи и методы к-рого оказали сильное влияние на труды Б. М. Ляпунова, Васильева, Дурново, А. М. Селищева, Виноградова, С. П. Обнорского. Ныне Р. располагает обобщающими курсами по истории рус. языка (Дурново, П. С. Кузнецов, В. И. Борковский, В. Кипарский, К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев, В. В. Иванов), исследованиями по исторической фонетике (Васильев, Виноградов, Р. О. Якобсон, Аванесов, Иванов, В. В. Колесов и др.), морфологии (Обнорский, Кузнецов, С. Д. Никифоров, С. В. Бромлей, коллективная монография «Историческая грамматика русского языка», т. 3 – «Морфология. Глагол», под ред. Аванесова и Иванова, 1982, и др.), акцентологии (В. Н. Топоров, В. А. Дыбо, А. А. Зализняк), лексикологии (Кипарский, П. Я. Черных, Л. Л. Кутина, Ю. С. Сорокин и др.), словообразования (Ж. Ж. Варбот, Ю. С. Азарх и др.), синтаксиса (Е. С. Истрина, Т. П. Ломтев, Борковский и др.), а также описаниями языка отдельных памятников (Черных, М. А. Соколова, Л. П. Жуковская, Е. М. Верещагин, А. М. Молдован и др.).

В 50-х гг. 20 в. публикация памятников рус. языка возобновилась под руководством С. И. Коткова. В последующие десятилетия были осуществлены научные, строго лингвистические (с детальным палеографическим описанием, указателями слов и форм, с греч. параллелями) издания памятников: «Изборник 1076 г.», «Синайский патерик 11 в.», «Выголексинский сборник 12 в.», «Мстиславово евангелие 11–12 вв.», «Успенский сборник 12–13 вв.», «Назиратель XVI в.», «Вести-Куранты» (первые рус. рукописные газеты) с 1600 по 1650, памятники моск. деловой и бытовой письменности 17 и 18 вв. (публикация О. А. Князевской, В. С. Голышенко, Жуковской, В. Г. Демьянова и др.). Публикация памятников письменности Рязанского и Владимирского краёв, таможенных книг, отказных, челобитных и расспросных речей ввела в научный оборот южнорус. тексты кон. 16 – 1-й пол. 17 вв.

Новый этап в изучении и издании др.-рус. письменных памятников связан с открытием в 1951 в Новгороде археологической экспедицией А. В. Арциховского ранее неизвестного типа памятников – берестяных грамот (см.). Исследованию и публикации берестяных грамот, представляющих собой по содержанию памятники бытовой и деловой письменности, посвящены труды историков (М. Н. Тихомирова, М. В. Щепкиной, В. Л. Янина и др.) и лингвистов (Борковского, Аванесова, Жуковской, Кузнецова; особое значение в лингвистической интерпретации берестяных грамот имеют исследования Зализняка, внёсшего существенный вклад в изучение истории рус. языка и его древнего диалектного членения).

Развитие диалектологии в 20 в. было стимулировано созданием Моск. диалектологической комиссии (1903–32) при АН СССР, в к-рой работали Шахматов, Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, Е. Ф. Карский, И. Г. Голанов, Е. Ф. Будде, Д. В. Бубрих, О. Брок, В. И. Чернышёв и др. Московская диалектологическая комиссия (см.) опубликовала ряд программ для собирания диалектологических сведений, был организован сбор материала, осуществлены описания ряда говоров. В 1915 издан «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением «Очерка русской диалектологии» (Ушаков, Дурново, Соколов). В послеоктябрьский период возрастает объём диалектологической работы: продолжаются диалектологические экспедиции, публикуются материалы и описания отдельных говоров и их групп, расширяется территория изучаемых говоров за счёт диалектов Сибири, Дальнего Востока и других регионов; создаются диалектные словари (см.). С 40-х гг. активизируются исследования по экспериментальной фонетике говоров [С. С. Высотский, Р. Ф. Касаткина (Пауфошима), А. М. Кузнецова и др.] и исторической диалектологии (Каринский, Чер-

нышёв, Селищев, Голанов, Горшкова и др.). Во 2-й пол. 20 в. развитие диалектологии связано с именами Обнорского, Б. А. Ларина, Аванесова, В. Н. Сидорова, В. Г. Орловой, К. Ф. Захаровой, А. Н. Гвоздева, Кузнецова, Ф. П. Филина, Высотского, И. А. Оссовецкого, Л. И. Баранниковой, Л. Л. Касаткина, В. И. Собинниковой, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатовой, И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко, Н. Н. Пшеничновой и др.

К кон. 40-х – нач. 50-х гг. 20 в. в недрах рус. диалектологии сложилось самостоятельное научное направление – лингвистическая география (см.), ядром к-рой стала типология диалектных различий (Аванесов, Орлова, Захарова, Бромлей, Булатова, Высотский, Жуковская, Кузьмина, Оссовецкий и др.). Большую роль в развитии этого направления сыграла книга Захаровой и Орловой «Диалектное членение русского языка» (1970). Воплощением теории диалектных различий явились региональные атласы (из них опубликован «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», 1957) и созданный на их базе «Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР» (под общей ред. Аванесова и Бромлей, в. 1, 1986, в. 2, 1989, в. 3 – в печати; см. Атлас диалектологический). Диалектные различия рус. языка изучаются также в контексте вост.-слав. связей («Восточно-славянские изоглоссы», в. 1, 1995). Наиболее крупным предприятием в этой области является сводный «Словарь русских народных говоров» (вышло из печати 23 тома), создаются словари говоров Архангельской, Смоленской, Калининской, Псковской, Вологодской, Ярославской, Пермской, Брянской, Иркутской, Новосибирской, Томской и других областей, словарь рус. донских говоров, говоров Забайкалья и др.

С сер. 20 в. в Р. формируется самостоятельная наука – история русского литературного языка (см.), получившая своё воплощение в трудах Виноградова, прежде всего в его книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1934; переизд. в 1938 и 1982), в работах Л. А. Булаховского, Ю. С. Сорокина, Кутиной, Б. А. Успенского, В. П. Вомперского, в ряде вузовских курсов. С этой наукой непосредственно смыкается вся область знаний, относящаяся к изучению языка художественной литературы (см.), языка писателей, стилистики (см.). Разные направления соответствующих исследований определились в работах Виноградова, Г. О. Винокура, Ларина, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, позднее В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой, М. Н. Кожиной и др.

К сер. 20 в. в сфере Р. сложилась самостоятельная наука – лексикология (см.). Её становление, подготовленное трудами рус. учёных предшествующих поколений, тесно связано с развитием лексикографии. Во 2-й пол. 20 в. вышли в свет: «Толковый словарь русского языка» (под ред. Ушакова, т. 1–4, 1935–40), семнадцатитомный академический «Словарь современного русского литературного языка» (1948–65), «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949; начиная с 9-го исправленного и дополненного изд. 1972 – под ред. Н. Ю. Шведовой; 23 изд., 1990; продолжением этого словаря является «Словарь русского языка» Ожегова и Шведовой, 1993; 3 изд., 1995), «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой, т. 1–4, 1957–61; 2 изд., 1981–84; 3 изд., 1985–88). Эти словари стимулировали развитие многих теоретических вопросов лексикологии и лексической семантики. Появляются работы, посвящённые типологии лексических значений, семантической структуре слова, системности в лексике, внутреннему устройству лексического состава языка, истории отдельных слов, групп слов и целых лексических классов. Активизируется словарная работа, создаются словари разных типов: толковые, грамматические, словообразовательные, синонимические, фразеологические, ассоциативные и др. В 1956–61 выходит четырёхтомный «Словарь языка Пушкина» под общей ред. Виноградова (дополнительный том «Новые материалы к словарю А. С. Пушкина» вышел в 1982). Публикуются фундаментальные исторические словари 11–17 вв., 11–14 вв., 18 в. (см. Исторические словари), этимологические словари (см.). Результатом большой совместной лексикологической и лексикографической работы можно считать утверждение тезиса о системной организации лексики, о существовании разных типов её классов и подклассов, о наличии в слове разнохарактерных и разнонаправленно действующих потенциалов, о различной природе тех законов, к-рыми движется развитие словарного состава языка. Большое значение для исторической лексикологии и теории слова имеет посмертная публикация монографии Виноградова «История слов» (1994). В тесной связи с лексикографией и лексикологией находится наука о рус. идиоматике – фразеология (см.). В развитии всех этих областей Р. важную роль сыграли труды Виноградова, Г. О. Винокура, В. Н. Топорова, Щербы, Ожегова, Д. Н. Шмелёва, А. И. Молоткова, В. П. Жукова, А. М. Бабкина, Сорокина, Кутиной, Ю. Д. Апресяна, Л. А. Новикова, П. Н. Денисова, В. Н. Телия и многих других исследователей. Лексикографическое воплощение получают результаты исследований о языковой норме, о культуре речи: издано много разных нормативных словарей – орфографические, орфоэпические, акцентологические, словари трудностей рус. языка, разнообразные учебные словари.

Исследование грамматического строя рус. языка, подготовленное трудами языковедов 19–20 вв., с сер. 20 в. получает дальнейшее развитие. Активно разрабатываются разные направления, связанные с изучением грамматического строя и законов рус. словообразования. Эти разыскания были сти-

мулированы монографическими исследованиями Виноградова, а также последовательным выходом в свет трёх академических грамматик (1952–54, 1970, 1980); становление самостоятельной науки о рус. словообразовании в значительной степени связано с появлением в 1946 статьи Винокура «Заметки по русскому словообразованию». Создаётся много монографических трудов, диссертаций, статей, посвящённых рус. морфологии (см.), синтаксису (см.) и словообразованию (см.). Наряду с трудами лингвистов Виноградовской школы (Н. С. Поспелова, В. А. Белошапковой, Шведовой, И. С. Улуханова, В. В. Лопатина, И. И. Ковтуновой, Е. А. Земской, Г. А. Золотовой и др.) рус. грамматика и словообразование получают новые интерпретации в работах по общему языкознанию, а также в трудах лингвистов, обращающихся к семасиологическому, логическому, психологическому и прагматическому аспектам описания языка (работы Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, Телия, Ю. Н. Караулова, М. В. Ляпон и др.). Фундаментальные описания видовой системы рус. глагола принадлежат Ю. С. Маслову и учёным его школы (А. В. Бондарко, М. А. Шелякин и др.). Большое значение имеют грамматические труды Зализняка, осуществившего в морфологии монографические и лексикографические описания тезаурусного, почти исчерпывающего характера: «Русское именное словоизменение» (1967), «Грамматический словарь русского языка» (1977; переиздан в 1980 и 1987). С разных сторон и с разных теоретических позиций исследуется синтаксический строй рус. языка – собственно синтаксис и его связи с лексикой и лексической семантикой, синтаксис текста. Здесь большую роль сыграли синтаксические разделы двух последних академических грамматик, вызвавшие широкую дискуссию (см. в кн. «Актуальные проблемы русского синтаксиса», 1984). Особые направления синтаксических и лексико-синтаксических исследований, направленных на углублённый анализ контекстуальных условий функционирования слова, представлены в трудах И. А. Мельчука, Апресяна, Е. В. Падучевой и др. Обострился интерес к проблеме функциональной грамматики, к описанию грамматического строя, идущему не «от формы», а от «значений», языковых смыслов. Поиски решения поставленной ещё Щербой задачи: «написать активную грамматику» – идут в разных направлениях; в 1987–94 вышли в свет 4 тома «Теории функциональной грамматики» под ред. А. В. Бондарко, опирающейся на теорию функционально-семантических полей. С этим направлением смыкаются исследования, посвящённые языковой личности и тем ассоциациям, к-рые определяют её языковое поведение (Караулов и др.). Многие грамматические, а также лексико-грамматические исследования осуществляются русистами в социолингвистическом аспекте (см. Социолингвистика); активные процессы в языке исследуются в связи с новейшей историей общества, с происходящими в нём социальными и культурными преобразованиями (Шмелёв, Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, Земская, Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев и др.).

С 60-х гг. возрастает внимание к строению рус. разг. речи (Т. Г. Винокур, Шведова, О. Б. Сиротинина, Земская, О. А. Лаптева, М. В. Китайгородская и др.). Начало исследований рус. диалогической речи было положено Л. П. Якубинским («О диалогической речи», 1923).

Развитие исследований в области ф о н е т и к и (см.) и ф о н о л о г и и (см.) в 20 в. связано с именами Аванесова, Сидорова, А. А. Реформатского, Высотского, М. В. Панова (см. Московская фонологическая школа) и Щербы, Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко [см. Ленинградская (Петербургская) фонологическая школа]. В последние десятилетия углублённо изучается система рус. интонации [Т. М. Николаева, Е. А. Брызгунова, Касаткина (Пауфошима), С. В. Кодзасов и др.] и акцентуации (Зализняк, В. А. Дыбо, В. А. Редькин, В. Л. Воронцова и др.).

Рус. наука о рус. языке оказывала и оказывает большое влияние на развитие Р. в других странах, а также на изучение других языков, на исследования по общему языкознанию. Большую роль в развитии языкознания сыграли такие рус. лингвисты, как поневоле покинувшие родину Н. С. Трубецкой, С. О. Карцевский, Р. О. Якобсон, А. В. Исаченко, Л. В. Копецкий. Влияние совр. Р. сказывается на исследованиях многих зарубежных лингвистов, успешно разрабатывающих вопросы рус. акцентологии, словообразования, морфологии, синтаксиса.

Историографию Р. нельзя считать исчерпывающей: наряду с достаточно полными библиографическими справочниками есть лакуны, малоизученные периоды в развитии науки

Лит.: Булич С. К., Очерк истории языкознания в России, т. 1 – XIII в. – 1825, СПБ, 1904; Карский Е. Ф., Очерк научной разработки рус. языка в пределах СССР, Л., 1926; Обнорский С. П., Итоги научного изучения рус. языка, «Уч. зап. МГУ», 1946, в. 106, т. 3, кн. 1; Виноградов В. В., Рус. наука о рус. лит. языке, там же; его же, История рус. лингвистических учений, М., 1978; [Авилова Н. С., Черкасова Е. Т., Шведова Н. Ю.], Библиографический указатель лит-ры по рус. языкознанию с 1825 по 1880 г., в. 1–8, М., 1954–59; Кузнецов П. С., У истоков рус. грамматической мысли, М., 1958; Бархударов С. Г., Рус. лексикография, в кн.: Сов. языкознание за 50 лет, М., 1967; Филин Ф. П., Сов. русистике 50 лет, там же; Изучение грамматического строя рус. языка, в кн.: Теоретические проблемы сов. языкознания, М., 1968; Березин Ф. М., Очерки по истории языкознания в России (кон. XIX – нач. XX в.), М., 1968; его же, Рус. языкознание кон. XIX – нач. XX в., М., 1976; Реформатский А. А., Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия, М., 1970; Успенский Б. А., Первая рус. грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики, М., 1975; Булахов М. Г., Вост.-слав. языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1–3, Минск, 1976–78; ж. «Русистика сегодня», 1994, № 1–6; то же, 1995, № 1–6.

Н. Ю. Шведова.

Русистика за рубежом. Изучение языка, лит-ры и других элементов духовной культуры рус. народа за рубежом прошло несколько этапов развития. Практическое изучение разг. рус. языка в 14–17 вв. определялось нуждами торговли и дипломатии, от этого периода сохранилось несколько практических грамматик и гл. обр. словарей, составленных немцами, французами, скандинавами. В них содержатся сведения о быте, культуре, воззрениях рус. людей. Развивалось изучение политических и общественных установлений в России. В 18 в. этот интерес усилился – Россия стала европейской державой. С 19 в. в сферу европейского внимания входит классическая рус. лит-ра, особенно Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. «Знание русского языка – языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы,– теперь уж не такая редкость...» (Ф. Энгельс, «Эмигрантская литература», в кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, «Сочинения», 2 изд., т. 18, с. 526).

Первыми среди иностранцев, начавших научное изучение рус. языка, были находившиеся на службе в России Максим Грек и Ю. Крижанич, к-рые изучали язык, работали над переводами церковных книг и т. п. До нач. 19 в. изучение рус. языка велось по моделям европейских грамматик, сначала греческой, с 16 в. латинской, в 18 в. по образцу универсальной грамматики. Развитие сравнительно-исторического языкознания способствовало активному развитию Р. в России. В этом процессе немаловажную роль сыграли труды иностранных учёных, работавших в России: О. Брока, И. Микколы, Р. Кошутича, М. Фасмера, Т. Торбьёрнссона, В. Мансикки, Б. Унбегауна, А. Мазона и др. На рубеже 19–20 вв. все рус. ун-ты имели в своём составе иностранных студентов, специализировавшихся в области Р. и впоследствии образовавших национальные школы Р. у себя на родине. Это взаимовлияние рос. и национальных школ стало постоянным. Так, напр., А. Белич, многолетний президент Сербской АН, получил рус. филологическое образование. Книга Кошутича «Грамматика русского языка» (т. 1 – «Фонетика») была издана в 1919 в Петрограде Рос. АН по рекомендации А. А. Шахматова.

Научная славистика возникла в 1-й пол. 19 в., сформировавшись в связи с развитием сравнительно-исторического метода; начались исследования по сравнительно-исторической грамматике слав. языков, в т.ч. русского. Во многих ун-тах открылись кафедры славяноведения. Важнейшей частью славистики со 2-й пол. 19 в. становится Р., к-рая в качестве самостоятельной научной дисциплины оформилась прежде всего в слав. странах. Её основателями были Белич, Р. Нахтигал, И. В. Ягич, В. Вондрак и др.; в Великобритании – Ф. Тритен, В. Морфилл, во Франции – Л. Леже, П. Буайе, в Италии – Э. Ло Гатто, в Австро-Венгрии – О. Ашбот. Устойчивые традиции университетской Р. сложились прежде всего во Франции (кафедра Р. в Школе живых вост. языков с 1877) и в Великобритании; в нач. 20 в. рус. язык и лит-ра стали предметами преподавания, первоначально в странах, где была большая рус. эмиграция (Франция, Канада, США). Значительную роль в развитии Р. за рубежом, особенно в европейских странах, сыграла Пражская лингвистическая школа (см.).

В 20 в., и особенно после Великой Отечеств. войны (1941–45), рус. язык стал одним из «мировых» языков (см. Русский язык в международном общении). Влияние быв. СССР на общемировой процесс развития, успехи России, связанные с «эрой спутников», с накоплением на рус. языке больших массивов научной информации и культурных ценностей мирового значения, расширили границы функционирования рус. языка. Рус. язык стал одним из официальных и рабочих языков ООН, языком международных систем коммуникации. В качестве иностранного рус. язык изучают (данные 1993) более чем в 90 странах (он конкурирует в этом качестве с нем. и франц. языками); в разной степени совершенства рус. язык знает ок. полумиллиарда человек. Во многих странах возникла необходимость в профессиональной подготовке русистов, активизировались научные изыскания, связанные с преподаванием рус. языка.

На основе сложившихся научных традиций и в связи с социокультурными, экономическими и общественно-политическими требованиями времени возникли различные национальные школы Р., многие из к-рых по-прежнему развиваются в рамках славистики.

В слав. странах особенно активно развиваются исторические и общекультурные аспекты Р., прежде всего исследуется лит. язык, поскольку исторически лит. слав. языки развивались при непосредственном взаимовлиянии. Изучается опыт разработки лит. норм в рус. языке, функционально-стилевая его дифференциация, семантико-стилистические процессы и другие проблемы.

В Польше первая кафедра Р. была организована во Вроцлаве (1947) Л. Оссовским, затем в высших учебных заведениях Кракова, Варшавы, Лодзи и других городов. У польск. русистов преобладает интерес к истории рус. лит. языка, к русско-польск. языковым связям и взаимовлиянию культур (А. Бартошевич, С. Кохман, С. Гамбовский, Ф. Хлебда, Т. Ротт-Жебровский, Г. Рытгер), к межъязыковым лексическим, словообразовательным, морфо-синтаксическим корреляциям в близкородственных языках, а также к их проявлениям в самом рус. языке (К. Байор, С. Кароляк, А. Богуславский, Я. Вавжинчик, В. Змарзер, С. Сятковский и др.), к лексикографическим проблемам (Л. Йохим-Кушликова, Ю. Люкшин, В. Цеслиньская). Большое внимание уделяется

лингводидактическим (в польск. терминологии – глоттодидактическим) проблемам (Л. Гроховский, В. Фигарский, Я. Заневский, О. Спиридович, Я. Генцель, В. Возьневич и др.).

В Чехии и Словакии Р. развивается с 19 в. Она связана с изучением широкого круга проблем – развития языка и изменения лит. нормы совр. рус. языка, артикуляционной и акустической фонетики, синтаксиса, особенно синтаксических моделей в связи с развитием мышления и актуальным членением текста. Словацкие русисты уделяют особое внимание типологии и сопоставлению языковых единиц разных уровней, вариативности общелит. нормы, словацко-рус. языковым контактам (Я. Светлик, М. Норович, П. Шима, Г. Балаж, Ю. Рыбак и др.).

Чеш. лингвисты активно разрабатывают проблемы трансформационного синтаксиса, функциональной грамматики, лингвистики текста, культуры речи, стилистического анализа, в т. ч. рус. научных и деловых текстов (П. Адамец, С. Жажа, Р. Зимек, М. Докулил, Й. Скацел, Й. Йирачек, Р. Пурм, Х. Беличова-Кржижкова и др.). И чеш., и словацкие русисты занимаются описанием рус. разг. речи, взаимодействия лексических, грамматических и фонетических средств при выражении разных коммуникативных целей (В. Барнет, З. Оливериус, Кв. Кожевникова, М Кубик, В. Грабе – в Чехии; Я. Горецкий, М. Рогаль, М. Сотак – в Словакии). В Чехии и Словакии ведётся работа, начатая А. В Исаченко («Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким», 1954), по созданию сравнительных (контрастивных) грамматик, составляются различного рода двуязычные словари.

В Болгарии основной интерес исследователей сосредоточен как на исследовании древнейших русско-болг. языковых и лит. связей, так и на изучении совр. русско-болг. языковых контактов. Разработка проблем Р (рус. лексикологии и фразеологии, сопоставительной грамматики и истории языков, рус. письменных памятников, лингвистики текста, рус. разг. речи, стилистики, лексикографической теории и практики и др.) ведётся и на традиционных, культурно-исторических и этнографических основах, и на структурно-типологических (Н. М. Дылевский, Р. Павлова, П. Филкова, С. Димитрова, И. Червенкова, Ц. Йотов, С. Георгиева, К. Андрейчина, С. Влахов и др.). Исследуются психологические и лингводидактические проблемы обучения болгар близкородственному рус. языку, интерференция и методические пути её преодоления (К. Бабов, М. Бонев, Л. Дукадинов, К. Пехливанова и др.).

В Югославии и странах, входивших ранее в её состав, проблемы рус. языка и лит-ры традиционно изучались в связи с историей народа, его бытом и культурой (Кошутич, Белич, Р. Лалич, К. Ф. Тарановский и др.). Кошутичем была составлена трёхтомная «Русская хрестоматия»: в т. 1 (1902) включены тексты, в т. 2 (1903) – лингвистические, литературоведческие и страноведческие комментарии, в т. 3 (1928) – русско-сербский словарь. Исследуются грамматические, словообразовательные и семантические категории в рус. и родном (словен., сербском, хорватском) языках, активные процессы в совр. рус. языке, вопросы стилистики; создаются двуязычные словари (А. Дерганц, А. Менац, Р. Мароевич, Б. Николич, Б. Тошович, Б. Терзич и др.).

В неслав. странах славистика и Р. стали самостоятельными научными направлениями к нач. 20 в. Объектами исследования русистов Германии в разное время были: история слав., в т. ч. рус., языков и лит-р, общекультурные аспекты языка в рамках понятийных категорий мышления (в логических и психологических аспектах), углублённое изучение этимологии [«Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (M. Vasmer, «Russisches etymologisches Wörterbuch», Bd 1–3, 1953–58; рус. пер. и дополнения О. Н. Трубачёва, т. 1–4, 1964–73)], исследование ономастики и топонимики, сравнительной грамматики слав. языков, типологии. Большое внимание уделялось изучению мотивированности вариантов нормы, историческому комментированию текстов.

С 40-х гг. 20 в. в продолжение традиций нем. славистики развиваются различные направления Р., в т. ч. теория контрастивной и функциональной грамматики, лингвистики текста (В. Гладров, Ф. Леманн, Х. Х. Бильфельдт, Д. Вирд, К. Гутшмидт, М. Нимейер, Х. Яхнов); словообразование и лексические заимствования (Ф. Оттен, Т. Рейтер); славяно-рус. и нем. «картины мира» (З. Кёстер-Тома, И. Матешич); теория перевода (Н. М. Сальников, Р.-М. Залевски), методика преподавания рус. языка и лит-ры. Создаются учебники и различного рода словари (В. Штейнбрехт, Б. Брандт, Ф. Бахтеллер, Э.-Г. Киршбаум, Х. Кюнль и др.).

В Венгрии ведутся исследования в области сравнительной грамматики, заимствований в венгерском из слав. языков. Издавались и комментировались древние тексты. На основе анализа классических лит. текстов развивалась стилистика. Эти направления исследований дополняются в совр. венг. Р. изучением проблем паралингвистики, терминологии (Ф. Папп, К. Болла, Э. Палл, Ф. Дюла), лингвострановедения и лингвистики текста (Э. Кати, Э. Лендвани, В. Вегвари и др.).

Во Франции, Испании, Италии традиционно развиваются исследования сравнительно-исторического плана, начатые Унбегауном, Л. Теньером, Мазоном, А. Мейе В 1934 Мейе основал в Париже Ин-т славяноведения и стал редактором его печатного органа «Славянское обозрение». Исследуются история и эволюция рус. языка и лит-ры, проблема неологизмов, изучаются роль языковых единиц разных уровней в построении высказывания и текста, отдельные категории

рус. грамматики (С. Аршембо, П. Гард, Ж.-П. Бенуа, Ж. Вейренк, Ж. Дюрен, Д. Пайяр, Р. Камю, Ж. Фонтен, А. Бурмейстер и др.– Франция; Е. Видаль-Фернандес, М. Санчес Пуиг и др.– Испания; К. Ласорса-Сьедина, Э. Т. Сароннэ, Ф. Фичи и др.– Италия).

В англоязычных странах – США, Великобритании, Канаде, Австралии – Р. стала академической дисциплиной после 1945; открыты кафедры и отделения Р. в Колумбийском ун-те в Канаде и в Колумбийском ун-те в Нью-Йорке; 38 ун-тов США и все ун-ты Канады к 1975 выделили Р. в качестве учебной дисциплины, хотя иногда ещё в составе славистики. Возобладавший в нач. 20 в. подход к изучению языка с позиций синхронии проявился прежде всего в Р. Для многих русистов этих стран актуальные аспекты исследований – коммуникативно-прагматический и контрастивный, а также онтология языковых универсалий (в США – Р. Якобсон, Э. Станкевич, М. Узда, Х. Г. Ланг, Ч. Таунсенд, М. Флайер, Е. Чвани, Л. Бэбби, П. Гард, Р. Брехт, А. Тимберлейк, Д. Ворт и др.; в Великобритании – Б. Комри, Г. Корбетт, Т. Вейд, Дж. Дани, в Австралии – А. Вежбицкая, И. Корякин). Исследования русистов в англоязычных странах, прежде всего в США, интересны не только своей проблематикой, но и методикой анализа, связанной с дескриптивной лингвистикой, трансформационной грамматикой и др

В скандинавских странах – Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии – существует давний интерес к Р. Уникальными источниками остаются лексикографические труды И. Г. Спарвенфельда, существовавшие в рукописи с нач. 18 в. и изданные в 20 в. (I. G. Sparwenfeld, «Lexicon Slavonicum», с комментариями Уллы Биргегорд, т. 1–7, 1985–92). Проблемами Р. занимались и занимаются: в Дании – Э. Адриан, А. Стриндер-Петерсен, Й. Нёргор-Сёренсен, А. Кристенсен; в Норвегии – П. Рестан, К. Станг, Э. Краг, С. Лунден, О. Брок и др.; в Швеции – А. Шёберг, Н. Телин, Р. Экблом, Г. Якобссон, Л. Лённгрен; в Финляндии – В. Кипарский, И Вахрос, А. Мустайоки, М. Лейнонен и др. У многих русистов этих стран нет специализации в области языка, лит-ры, истории или культуры, темы их работ охватывают широкий круг проблем – от фонетики и морфологии, функциональной стилистики и терминологии до праслав. слоя рус. лексики, истории лит. языка, берестяных грамот.

В азиатском регионе – Китае, Индии, Вьетнаме, Камбодже, Японии и др.– интерес к Р. усилился после 2-й мировой войны; в Китае и отчасти в Японии – не без влияния рус. эмиграции. Для совр. кит. Р. характерно преимущественное внимание к описательной и функциональной грамматике (Ван Фусян, Ван Чаочень, Ху Манхао, У Ии, Ни Бо), стилистике (Гуй Динкан), лингвострановедению (У Гохуа, Хуан Шунань). Активно ведётся работа по созданию различного рода словарей (в 1984 вышел «Русско-китайский словарь», т. 1–4; в 1992 – «Иванами. Русско-японский словарь»). Русисты Индии заняты созданием дидактических материалов для преподавания рус. языка. Вьетнамская Р. также развивается в области прикладной лингвистики: создаются учебники для разных форм обучения рус. языку (Буй Хиен, Нгуен Тхи Тует Ле и др.).

Становление Р. как прикладной дисциплины началось в странах Африки и Ближнего Востока. Рус. язык изучается в нек-рых из этих стран с кон. 19 в. (Эфиопия), но особенно активно – с 60-х гг. 20 в. (Конго, Бурунди, Гана, Мали, Марокко, Уганда, Нигерия, Сирия, Иордания и др.). Объектом исследований становятся терминология различных областей знания, лексико-семантические аспекты перевода, стилистический анализ художественного текста, речевой этикет, лингвострановедение (А. Салех – Йемен, В. Антви-Дансо – Гана, С. Афифи – Египет, С. Азиз – Марокко). Основной метод изучения – сопоставительный (контрастивный).

Рус. язык изучается в 11 латиноамериканских странах (небольшое число учащихся). Научные интересы педагогов разнообразны, носят преим. практический, прикладной характер (создаются учебные, дидактические материалы).

С сер. 80-х гг в связи с перестроечными процессами в России и их отражением в языке во многих странах активизировались исследования, связанные с семантико-стилистическими изменениями в языковой структуре, с обновлённой семантикой и коннотативными значениями языкового знака, с функционированием заимствований и исконно русских слов, с либерализацией лит. нормы. Дифференциация коммуникативных целей обучения, вызвав углублённый интерес к научно-техническим, официально-деловым, рекламным и другим текстам, расширила диапазон лингвистических, в т. ч. сопоставительных, научных поисков в зарубежной Р.

Большую роль в обучении рус. языку, в изучении лит-ры и культуры России за рубежом, в совершенствовании методов преподавания, в повышении квалификации преподавателей играет созданная в 1967 Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (см.), а также деятельность Института русского языка имени А. С. Пушкина (см.).

В. В Колесов, О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров.

Ру́сский язы́к. I. Общие сведения. Р. я. принадлежит (наряду с украинским и белорусским языками) к восточнославянской подгруппе славянской группы индоевропейской семьи языков (см. Славянские языки). Р. я.– язык рус. нации и средство межнационального общения многих наро-

дов, живущих в СНГ и других государствах, входивших в состав СССР. Р. я. является одним из официальных и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций; входит в число «мировых языков».

В кон. 20 в. в мире в той или иной мере владеют Р. я. св. 250 млн. чел. Основная масса говорящих на Р. я. проживает в России (143,7 млн., по данным Всесоюзной переписи населения 1989) и в других государствах (88,8 млн.), входивших в состав СССР. По тем же данным, Р. я. назвали родным 163,5 млн. чел., живших в СССР (при переписи 1970 – 141,8 млн., при переписи 1979 – 153,5 млн.), из них 144,8 млн. русских и 18,7 млн. представителей других национальностей. Кроме того, 69 млн. чел. заявили, что они свободно владеют русским в качестве второго языка (в 1970 – 41,9 млн. чел., в 1979 – 61,3 млн. чел.).

В соответствии с Конституцией РФ (1993) Р. я. является гос. языком РФ на всей её территории. Одновременно Р. я. является государственным или официальным языком ряда республик, входящих в РФ, наряду с языком коренного населения этих республик.

Как гос. язык РФ Р. я. активно функционирует во всех сферах общественной жизни, имеющих всероссийскую значимость. На Р. я. работают центральные гос. учреждения РФ, осуществляется официальное общение между субъектами Федерации, а также в армии, издаются центральные рос. газеты и журналы.

Р. я. преподаётся во всех школах и высших учебных заведениях России (в республиках, входящих в её состав,– наряду с родным языком), а также во многих учебных заведениях государств СНГ и других стран. Преподавание на Р. я. ведётся в большинстве школ и вузов России и во многих учебных заведениях государств СНГ (см. Русский язык в межнациональном общении, Русский язык в международном общении).

Действующий рус. алфавит – кириллица в гражданской модификации. Кириллица (см.) появилась на Руси в 10 в. и получила широкое распространение с принятием христианства. Гражданский шрифт (см.) введён для светских книг Петром I в 1708. Дальнейшее упрощение графики и орфографии, подготовленное Орфографической комиссией Академии наук в 1904–12, осуществлено декретами 1917–18. Совр. правила рус. правописания – продукт длительного процесса складывания орфографических и пунктуационных норм, продолжавшегося с сер. 18 в. (см. Реформы азбуки и правописания).

II. Разновидности национального русского языка. Совр. национальный Р. я. существует в нескольких формах, среди к-рых ведущую роль играет литературный язык (см.). За пределами лит. языка находятся территориальные и социальные диалекты (говоры, жаргоны) и отчасти просторечие.

Лит. Р. я. выступает в двух основных разновидностях: письменной (письменная речь, иногда называемая также книжной) и разговорной (разговорная речь). Они различаются, во-первых, самими языковыми средствами и, во-вторых, характером нормы и отношением к ней. Однако эти различия существуют внутри лит. языка как единой целостной системы: общих черт в двух названных разновидностях лит. Р. я. намного больше, чем черт различия.

Письменную разновидность лит. Р. я. представляют все те произведения, к-рые фиксируются в печати (или предназначены для такой фиксации) и специально для этого обрабатываются теми, кто пишет. Это – художественная лит-ра, а также научные, учебные, публицистические произведения, официально-деловые документы. Внутри письменной речи существуют и другие частные разновидности, характеризующиеся своими языковыми особенностями; такие разновидности иногда называют языковыми жанрами или жанрами речи: напр., жанры газетной речи, массового вещания, объявлений, информации и др. Все тексты, представляющие письменную речь, естественно, могут произноситься, звучать, но от этого не утрачивают своей принадлежности к письменной разновидности языка.

Разг. разновидность лит. Р. я. предстаёт в речи его носителей при их непосредственном и непринуждённом, неофициальном общении друг с другом. Эта монологическая, диалогическая или полилогическая речь – неподготовленная, специально никак не обрабатываемая – отличается своими собственными синтаксическими конструкциями, особенностями фонетики и интонации, своими тенденциями отбора слов и их форм, словообразовательных средств, фразеологизмов. Вариативность, характерная для лит. Р. я. в целом, представляет здесь широкие возможности выбора, поскольку многие варианты распределены именно между письменной и разг. разновидностями языка. При этом разг. варианты очень часто экспрессивно окрашены, обладают разнообразными выразительными и оценочными возможностями, отличными от экспрессивных возможностей письменной речи.

Норма (см.) существует как в письменной, так и в разг. речи. Нормы письменной речи зафиксированы в грамматиках, учебных пособиях, словарях и специальных справочниках. Грамматические нормы разг. речи фиксируются несистематически и случайно – гл. обр. в связи с фиксацией норм письменных и путём противопоставления им. Поэтому разг. речь часто определяется как некодифицированная. Это не значит, однако, что разг. речь лишена своих собственных грамматических закономерностей, норм. По сравнению с письменной речью разг. нормы проще и определённее: в них меньше грамматических вариантов, а в типических речевых ситуациях, особенно в диалоге, говорение

часто протекает в формах устоявшихся речевых стандартов.

Носители лит. Р. я. владеют обеими его разновидностями и пользуются ими избирательно в зависимости от условий языкового общения.

В лит. язык входит также «специальная» речь, т. е. те его сферы, к-рые отражают узкую языковую практику людей тех или иных специальностей, прежде всего научно-техническая терминология. Хотя такая речь обычно имеет свои собственные характеристики (особенно в области лексики, словообразования, фразеологии, а иногда и в связях слов, в ударении и формообразовании), они не противопоставляют её общей системе лит. Р. я.

Особое место в национальном Р. я. занимает просторечие (см.), т. е. звучащая речь лиц, лишь частично владеющих нормами лит. языка. Просторечие представляет собой неоднородную по составу и размытую в своих границах языковую сферу, в к-рой сложно взаимодействуют нелитературная речь малообразованных городских жителей, разг. лит. речь, отчасти территориальные диалекты и профессиональная речь. Просторечие – особенно в сфере синтаксиса – часто не может быть чётко отграничено от разг. разновидности лит. Р. я.: в них много общих черт. Безусловно просторечными являются только те языковые средства, к-рые или окрашены экспрессией подчёркнутой грубости, или ощутимо противоречат лит. норме как неправильные. Просторечие известно носителям лит. языка, они им пользуются в определённых ситуациях. Просторечие сознательно вводится писателями в художественную лит-ру и т. о. приобретает определённую эстетическую значимость.

Территориальные диалекты, помимо тех признаков, к-рые совпадают во всех говорах и лит. Р. я., обладают такими языковыми средствами, к-рые используются лишь на определённой территории функционирования Р. я. Ареальное диалектное членение Р. я. основано на выделении в пределах территории исконного вост.-слав. (великорус.) заселения, в центральных областях Европейской части России, двух больших группировок говоров – северного наречия и южного наречия – и промежуточных среднерусских говоров (см. Говоры русского языка). В целом степень диалектных различий не настолько велика, чтобы препятствовать взаимопониманию между носителями разных говоров, а также между носителями говоров и лит. языка (эта особенность Р. я. отличает его от таких языков, как, напр., немецкий, итальянский или китайский). Говорами как местными разновидностями Р. я. пользуется исконное население этих мест (гл. обр. сельское, а в размытом виде, через посредство просторечия, и городское) в сфере бытового повседневного общения. Широкое распространение грамотности, образования, средств массовой языковой коммуникации (печать, радио, телевидение) приводит к сужению круга лиц, пользующихся говорами в чистом виде: теперь это преим. лица, не мигрировавшие с места бытования своего родного говора, и притом гл. обр. представители старшего поколения.

Жаргоны (см.) – это нелитературная разновидность языка, используемая различными социальными группами. Она характеризуется лишь специфической лексикой, фразеологией, отчасти словообразованием, а ее грамматический строй не имеет своей специфики. Жаргоны свойственны людям различных профессий; существует молодёжный жаргон, а также арго (см.) воров, картёжников, хиппи и т. п.

Диалектизмы и жаргонизмы, как и просторечие, нередко используются в языке художественной лит-ры.

Нек-рые лингвисты в качестве особой разновидности Р. я., «отдельной сферы его существования, наряду с другими, достаточно автономными, его ипостасями в метрополии» (Ю. Н. Караулов), выделяют язык рус. зарубежья, т. е. язык соотечественников, постоянно проживающих за рубежом.

III. Основные вехи исторического развития. В истории Р. я. выделяются три периода: 1) 6–7 14 вв.; 2) 15–17 вв.; 3) 18–20 вв.

1. Первый период начинается выделением вост. славян (предков русских, украинцев и белорусов) из общеслав. единства. С этого времени ведёт своё существование и вост.-слав. (др.-рус.) язык – предшественник рус., укр. и белорус. языков (см. Древнерусский язык). В 14 в начинается его деление на три языка вост. славян.

На вост.-слав. языке говорили племена, заселявшие территорию от Среднего Поднепровья на юге до озера Ильмень на севере; от верхнего течения Оки, Волги и Дона – на востоке до Волыни, Подолии и Галиции – на западе Диалекты этих племён были близки друг другу и характеризовались теми особенностями, к-рые развились в процессе выделения вост. славян из общеслав. единства и отсутствовали в других слав. языках (см. История русского языка)

В 9 в. в среднем течении Днепра, на территории, заселённой племенем полян, возникло феодальное государство – Киевская Русь. Оно объединило вокруг себя вост.-слав. племена, составившие др.-рус. народность. Языком этой народности был др.-рус. язык, сформировавшийся в основном на базе диалектов вост.-слав. племён.

В 10 в., с принятием христианства, на Русь стали поступать из Болгарии церковные книги, написанные на старославянском языке (см.). Это способствовало распространению письменности. Книги переписывались рус. писцами, к-рые таким образом усваивали особенности ст.-слав языка Вместе с тем, распространяясь через книги по широкой территории, занятой славянами, ст.-слав. язык впитывал в себя местные языковые особенности. Так в 11–12 вв. образовались местные разновидности (редакции) ст.-слав. языка; совокупность этих редакций – восточнославянской (рус-

ской), южнославянских (среднеболгарской, сербской) и западнославянской (чешской) – носит название церковнославянского языка (см.). Он был общим лит. языком славянства на протяжении всего ср.-век. периода. Тексты на церк.-слав. языке были связаны гл. обр. с церковной тематикой, это прежде всего канонические книги Свщ. Писания (см. Библия). Древнейшей из дошедших до нас книг, написанных на Руси, является Остромирово Евангелие 1056–1057 (см.). На церк.-слав. язык переводились также сочинения с других языков (гл. обр. с греческого). Профессиональные переводчики существовали на Руси уже в нач. 11 в. В это же время возникали и оригинальные произведения, написанные др.-рус. писателями на церк.-слав. языке, напр. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (сер. 11 в.), «Житие Феодосия Печерского» (кон. 11 в.), «Чтение о Борисе и Глебе» (кон. 11 в.), «Сказание о Борисе и Глебе» (12 в.). См Памятники письменности русского языка 10–17 вв.

В этот же период существовали и светские жанры письменности – записи и комментарии реальных исторических событий (зачастую в художественной форме), описания путешествий, а также тексты законов и частная переписка. Язык этой письменности – др.-рус. язык – существенно отличается от церк.-слав. языка, он наполнен разнообразными словами и формами живой вост.-слав. речи. Он отразил койне (см.), складывавшееся на вост.-слав. основе в крупных городах рус. государства (прежде всего в Киеве). В письменности койне употреблялось в обработанном, упорядоченном и «окнижненном» виде. И в койне, и в письменную речь, возникшую на его основе, проникло известное число славянизмов (см.). Количество и состав славянизмов в др.-рус. письменности во многом зависели от её содержания Лит. произведения использовали их в большей степени, деловая письменность – в меньшей. В др.-рус. письменности осуществлялся отбор славянизмов, наиболее употребительных в памятниках церк.-слав. языка. Эти славянизмы вступали в разнообразные процессы взаимодействия с народно-разг. элементами языка.

Произведения светской письменности, написанные на др.-рус. языке, делятся на две группы: 1) летописные рассказы и художественно-повествовательная лит-ра: сочинения Владимира Мономаха (кон. 11 – нач. 12 вв.), «Слово о полку Игореве» (кон. 12 в.), «Девгениево деяние» (перевод на др.-рус. язык византийского романа 10 в., сделанный в 12–13 вв.), «Моление Даниила Заточника» (1-я четверть 13 в.), «Слово о погибели Русской земли» (13 – нач. 14 вв.), «Задонщина» (кон. 14 или нач. 15 вв.) и др.; эти лит. произведения написаны на др.-рус. лит. языке; 2) памятники делового характера и частная переписка (в т. ч. грамоты, написанные на бересте; см. Берестяные грамоты), в разной степени непосредственно отразившие устную разг. речь.

В течение 11–14 вв. в др.-рус. языке произошли существенные изменения. Важнейшим изменением в фонетике было закончившееся в 12–13 вв. т. н. падение редуцированных (см.). Изменился и ряд других звуков и их сочетаний (см. Вокализм, Консонантизм). В области склонения имён существительных произошло уподобление одних типов склонения другим и образование благодаря этому немногих основных образцов склонения (см.). Важнейшим изменением в спряжении глагола был выход из употребления нескольких форм прош. времени (аориста, имперфекта) и образование на базе перфекта одной формы прош. времени на *-л*

2. Начало второго периода – распад единого вост.-слав. языка и возникновение языка великорус. народности. Наиболее древние памятники Р. я. фиксируют сравнительно мало черт, закреплённых только за к.-н. одной территорией [напр., цоканье (см.), отражающееся в новгородских памятниках с 11 в.]. Письменность распространялась из Киева, поэтому язык киевских памятников, во многом отражавший киевское койне, влиял на речь других мест. Однако с течением времени в памятниках разных территорий встречается всё больше местных черт, что свидетельствует об увеличении диалектных различий в устной речи. Причиной этого явились распад Киевского государства, переход ведущей роли к северным и северо-вост. местным центрам (Владимир, Суздаль, Ростов и др.), усиление феодальной раздробленности. Уже памятники 12 – нач. 13 вв. отражают ряд явлений, различных для юга и юго-запада, с одной стороны, севера и северо-востока – с другой. Наиболее древним из этих явлений было удлинение и дифтонгизация исконных [*е*] и [*о*] перед слогами с утраченными [*ъ*] или [*ь*] (*печь > п*[*ие*]*чь*, *конь > к*[*уо*]*нь*), свойственное южным говорам, лёгшим в основу укр. языка: в укр. лит. языке на месте дифтонгов представлено [*и*] (*піч*, *кінь*). Формирование языка великорус. народности сопровождается серьёзными изменениями и в грамматическом строе и словарном составе, отличающими этот язык от украинского и белорусского: утрачивается форма звательного падежа (*отче*, *господине*), появляется форма им. п. мн. ч. с окончанием *-а* (*города* вместо *городи*), [*ц*], [*з*], [*с*] в формах склонения заменяются на [*к'*], [*г'*], [*х'*] (появляются формы типа *рукѣ*, *ногѣ*, *сохѣ* вместо *руцѣ*, *нозѣ*, *сосѣ*) и др.

Местные различия имелись и в языке великорус. народности. Среди диалектов, сложившихся во 2-й пол. 12 – 1-й пол. 13 вв. (новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский и акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма), ведущее место постепенно занимает ростово-суздальский (севернорусский по проис-

хождению) диалект. В состав этого диалекта входил моск. говор. Москве, ставшей со 2-й четверти 14 в. политическим и культурным центром, принадлежала особая роль в унификации норм Р. я. Вокруг Моск. княжества объединяется целый ряд других княжеств, и в 15 в. создаётся обширное государство – Моск. Русь. В 16 в. постепенно вырабатываются нормы моск. разг. речи, в к-рой нашли отражение явления как северных, так и южных великорус. диалектов: многие особенности согласных звуков (напр., [*г*] взрывное) были унаследованы от северных говоров, а гласных (напр., аканье; см.) – от южных. Севернорусскими по происхождению являются произношение [*т*] твёрдого в окончании 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов (*идёт, идут*, ср. южные *идеть, идуть*), произношение звука [*в*] в окончании род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений муж. и ср. рода (*то*[*в*]*о*, *добро*[*в*]*о*, ср. южные *того, доброго* – с [γ] – *г* фрикативным) и др. Разг. речь Москвы нашла отражение в деловых документах моск. приказов, а язык этих документов (равно как и сама разг. речь) оказывал влияние на др.-рус. лит. язык, отразившееся в языке многих произведений 15–17 вв. («Хождение за три моря» Афанасия Никитина, сочинения Ивана Грозного, Пересветова, Котошихина, Арсения Суханова и др., «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о псковском взятии», «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков», сатирическая лит-ра).

В лит. языке 15–17 вв. продолжался начавшийся в предшествующий период процесс отбора и освоения славянизмов. Как и в предшествующий период, существовала большая лит-ра на церк.-слав. языке, развитие к-рого на рус. почве в 15–17 вв., однако, характеризовалось рядом особенностей: его рус. разновидность испытывает в этот период сильное влияние со стороны южнослав. разновидностей; он превращается в замкнутую систему, отчётливо противопоставленную другим разновидностям языка; вместе с тем он более широко, чем в предшествующий период, охватывает светские жанры (светскую публицистику, исторические произведения, путешествия, светские повести и т. п.), что способствует проникновению в него разг. элементов.

3. Существенные сдвиги в общественной жизни, происшедшие на рубеже средневековья и нового времени, вызвали серьёзные изменения и в языке. Развитие экономических и политических связей Моск. Руси, рост авторитета Москвы, распространение документов моск. приказов способствовали росту влияния устной речи Москвы на территории Моск. Руси. Это явилось причиной того, что говор Москвы лёг в основу начавшего формироваться в 17 в. рус. национального языка. Формированию национального лит. языка способствовало всё более широкое распространение в демократических слоях общества лит-ры, язык к-рой сложился на основе устной и деловой речи. Образование и наука становятся более светскими.

Расширение международных связей Рус. государства нашло отражение в активизации заимствования из зап.-европейских языков (часто через посредство польск. языка). Заимствования (см.), в большом количестве вошедшие в язык в эпоху Петра I, затем подверглись постепенному отбору: часть их быстро вышла из употребления, другие же закрепились в языке. Многие слова были созданы по модели иноязычных слов (см. Калька).

Начиная со 2-й пол. 16 в. постепенно сужается сфера употребления церк.-слав. языка. Церк.-слав. элементы, особенно лексические, вошли в состав рус. национального лит. языка, но церк.-слав. наследие было использовано далеко не в полном объёме: даже в книжных жанрах не использовались устаревшие и малоупотребительные элементы языка. Зато закрепились народно-разг. элементы. Несмотря на то что новые произведения и новые списки на церк.-слав. языке появлялись в течение 17, 18 вв. и даже в нач. 19 в., его употребление всё более ограничивается. Он превращается в собственно церковный язык (язык религиозного культа). Этому способствовало «обмирщение» общественной жизни и культуры в эпоху Петра I. Реформы петровского времени открыли путь для вхождения в рус. лит. язык зап.-европейских слов и рус. народно-разг. элементов.

В процессе синтеза различных элементов (народно-разг. основа, черты делового языка, зап.-европейские заимствования, славянизмы) вырабатываются нормы рус. национального лит. языка. К сер. 18 в. складывается его устно-разг. разновидность. Рус. лит. язык нового времени совершенствуется и стабилизируется в произведениях А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина. В этот период продолжается процесс урегулирования отношений между элементами разг. речи и церк.-слав. языка. Многие славянизмы получили новые значения. Всё сильнее проявляется осторожное отношение к употреблению архаических славянизмов в лит. произведениях. Ломоносов в своей стилистической теории исключал «весьма обветшалые славенские речения» даже из «высокого штиля». Особенно решительно ограничил использование славянизмов Карамзин, ориентировавшийся на язык высших кругов общества. Наконец, Пушкин нашёл такие пути органического слияния трёх языковых стихий – славянизмов, народно-разг. и зап.-европейских элементов, – к-рые оказали решающее влияние на выработку норм рус. национального лит. языка. Язык пушкинской эпохи в своей основе сохранился до наших дней. Всё последующее развитие рус. лит. языка

было углублением и совершенствованием норм, заложенных в эту эпоху.

В развитии совр. рус. лит. языка, формировании его норм важную роль сыграла языковая практика крупнейших рус. художников слова – писателей 19 – нач. 20 вв. (М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. Горький, И. А. Бунин и др.). Со 2-й пол. 19 в. на развитие рус. лит. языка оказывает большое влияние язык науки и публицистики.

В 20 в. значительно обогатился словарный состав рус. лит. языка. В частности, развитие науки и техники способствовало пополнению лит. языка специальной терминологической лексикой; нек-рые сдвиги произошли в словообразовании, грамматическом строе; обогатились стилистические средства (см. Стиль, Стилистика, Литературный язык).

IV. Современный русский литературный язык как система средств разных уровней характеризуется след. особенностями.

Для фонологического строя Р. я. характерны разветвлённая система согласных фонем (37 фонем, в большинстве своём парных по признакам твёрдости – мягкости и глухости – звонкости) и значительно менее сложная, исторически упростившаяся, система гласных (всего 5, в другой традиции – 6 фонем) при разнообразии позиционных видоизменений (вариантов) и тех и других. Слоговыми (слогообразующими) являются обычно гласные звуки. Ударение – динамическое, или силовое (один из слогов словоформы – ударный – выделяется среди прочих более напряжённой артикуляцией), разноместное (не прикреплённое к к.-л. определённому слогу по отношению к началу или концу словоформы), подвижное (в разных формах одного слова могут быть ударными разные слоги и разные морфемы).

В словоформах Р. я. выделяются морфемы шести типов: корни, префиксы (или приставки), суффиксы, флексии (или окончания), постфиксы и интерфиксы (соединительные аффиксы сложных слов). Словоформа выступает как линейная последовательность морфем (в словах с одним корнем их может быть от 1 до 8, преобладают же трёх- и четырёхморфные последовательности). Для изменяемых слов характерно членение на основу и флексию, причём именные флексии могут присоединяться только к основам на согласную. Этим объясняется тот факт, что имена существительные и прилагательные поздно сформировавшегося структурного типа с основой на гласную (*шоссе, кенгуру, нетто, ГАИ, МГУ* и т. п.) не способны сочетаться с флексиями и потому принадлежат к разряду несклоняемых (см. Несклоняемые существительные).

По своему морфологическому строю Р. я.– язык преим. флективный, синтетический. Бóльшая часть грамматических значений слов выражается в нём внутри самого слова – флексиями или (реже) суффиксами (см.). При этом одна флексия выражает обычно сразу несколько морфологических значений. Так, у именных флексий, как правило, совмещаются значения числа, падежа и рода: напр., флексия *-ую* в словоформах типа *зелёную* выражает значения ед. ч., вин. п., жен. рода. Флексия *-у* в словоформах типа *несу* – значения 1-го лица, ед. ч., наст. времени и изъявительного наклонения и т. п. Случаи, когда указанные значения выражаются раздельно, разными аффиксами, редки. Так, в формах повелительного наклонения значение мн. ч. выражается (постфиксом *-те*) отдельно от значения лица: ср. *нес-и* и *нес-и-те*; в формах прош. времени и сослагательного наклонения раздельно выражаются значения времени и наклонения (суффиксом *-л-*), рода и числа (флексиями). С другой стороны, одно и то же морфологическое значение (или комплекс значений) выражается в разных словах несколькими различными флексиями. Так, значения дат. п., ед. ч. выражаются у существительных флексиями *-у* (*столу*), *-е* (*жене*), *-и* (*кости*). Широко распространена в Р. я. и омонимия флексий: так, флексия *-а* в словоформах типа *сестра, умна, пришла* выражает значения жен. р., ед. ч.; в *óкна, домá* – значения им. п., мн. ч.; в *окнá, дóма* – род. п., ед. ч.; флексия *-и* в существительных 3-го склонения выражает значения род., дат. и предл. падежей, ед. ч. Все эти явления – способность флексий выражать одновременно (синтетично) несколько морфологических значений, синонимия и омонимия флексий, т. е. асимметрия (неоднозначность соответствия) планов выражения и содержания морфологических форм,– характеризуют Р. я. как язык флективного типа.

Широко представлены в Р. я. и морфонологические преобразования основ, обусловленные их сочетаемостью с определенными аффиксами, что также характерно для словоформ синтетического типа. Сюда относятся: 1) чередования фонем – гласных (*засоли-ть – засал-ивать, толчок – толчк-а*) и согласных (*ста|р|-ый – ста|р'|-ик, часов|н'|-я – часове|н|, прята-ть – пряч-ут, ног-а – нож-ной, купец – купч-иха, ло|в'|и-ть – ло|вл'|-ю, осве|т'|и-ть – освещ-ать* и т. п.); 2) усечения основ: *чита-ть – чит-ка, широк-ий – шир-е*; 3) наращения основ: *мать – матер-и, чуд-о – чудес-а*; 4) совмещение (наложение) соседних морфов: *лиловатый* (где отрезок *ов* принадлежит одновременно корню и суффиксу, ср. *лилов-ый* и *бел-оват-ый*). Бóльшая часть таких морфонологических явлений наблюдается на стыке корня и суффикса, что обусловлено наличием в Р. я. развитой и многообразной суффиксации.

По характеру выражения морфологических значений в сфере имён Р. я. противопоставлен таким языкам, как английский или французский, где

падежная система не развита; выражаемые рус. падежными формами отношения существительного (и аналогичных ему по синтаксическим функциям слов) к другим словам выражаются в этих языках почти исключительно с помощью предлогов, т. е. аналитически. Существенно отличен Р. я. по своему морфологическому строю и от агглютинативных языков (напр., тюркских): в них аффиксы, присоединяясь к словам, не вызывают фонематических изменений и при этом каждое морфологическое значение (напр., падеж и число) выражается в слове специальным аффиксом. Элементы агглютинации в рус. морфологическом строе можно усмотреть только в глагольной постфиксации, где постфиксы *-ся/-сь* и *-те* присоединяются к целой словоформе: *пиш-ет-ся, ка-та-л-а-сь, ид-ем-те, нагн-и-те-сь*.

Аналитическое выражение грамматических значений слов – вне пределов слова, средствами контекста – также представлено в Р. я., однако чаще выступает наряду с синтетическим (внутрисловным) выражением, сопровождая его. Так, значения рода, числа и падежа существительных регулярно выражаются не только в формах самого существительного, но и формами согласуемых или координируемых слов (ср. *большая комната – в больших комнатах* и т. п.). Значения лица и числа глагола выражаются не только самой глагольной формой, но и координируемым с этой формой в предложении словом (ср. *я читаю – мы читаем* и т. п.). Залоговое значение глагола выражается не только в самом глаголе, но и синтаксически – конструкцией предложения (активной или пассивной). Отношения существительных к другим словам в словосочетании и предложении выражаются не одними только падежными формами (беспредложными), но и – с большей степенью семантической дифференциации – падежными формами в сочетании с предлогами (предложно-падежными формами).

Однако в ряде случаев в рус. грамматике аналитическое выражение морфологических значений является единственным. Сюда относятся: 1) аналитические формы слов, состоящие из основного (знаменательного) слова и вспомогательного (служебного) слова. Такими формами в рус. морфологии являются формы «будущего сложного» времени у глаголов несов. вида (*буду читать*), сослагательного наклонения (*читал бы*), «совместного действия» повелительного наклонения [*давай(те) читать*]; иногда к ним относят также формы сравнительной степени типа *более интересный*, формы повелительного наклонения типа *пусть (пускай) читает*; 2) несклоняемые существительные, у к-рых только аналитически – средствами контекста (формами согласуемых или координируемых слов) – выражаются морфологические значения рода, числа и падежа, ср.: *новое пальто – нового пальто – новые пальто – пальто куплено/куплены* и т. п. В совр. Р. я. разряд существительных, лишённых флексий, активно пополняется – прежде всего иноязычными заимствованиями и аббревиатурами. Количественный рост этого разряда свидетельствует о расширении черт аналитизма в морфологическом строе Р. я.; 3) аналитически выражаются также: а) у существительных общего рода – родовое значение: *круглый (круглая) сирота*; б) у существительных pluralia tantum – числовое значение: *одним суткам, трём (нескольким) суткам*; в) у глаголов в прош. времени и сослагательном наклонении – значение лица: *я/ты/он читал (бы), мы/вы/они читали (бы)*; любое существительное в роли подлежащего является в этих случаях выразителем значения 3-го лица: *брат читал (бы), студенты читали (бы)* и т. п.; г) у двувидовых глаголов – видовое значение (в нек-рых типах контекстов): ср. *начать атаковать* (несов. вид) – *В семь утра рота атаковала и овладела высотой* (сов. вид).

К чертам аналитического строя относятся в Р. я. и такие неизменяемые языковые единицы, к-рые носят по своей грамматической природе переходный, диффузный характер: в них стираются грани между разными частями речи (существительным, прилагательным, а иногда и наречием), между самостоятельными словами и частями слов. Ср., напр., *трудное соло, сонатина для скрипки соло* и *петь соло; какао* (сущ.) и *какао-порошок; цунами* (сущ.) и *цунами-станция; мини-юбка, юбка мини* и *мода на мини; стиль модерн, диско* и *мода на модерн, диско; МГД* (сущ.; магнитная гидродинамика) и *МГД-генератор; увлекаться роком* и *рок-музыка, рок-ансамбль; разговор о видео* и *видеомагнитофон, видеозапись; радио* (сущ.) и *радиостанция, радиорепортаж; метро* (сущ.) и *метромост*; ср. также *дизель-мотор, крекинг-установка, Президент-отель* и подобные многочисленные структуры, в к-рых синтаксическое место суффиксального относительного прилагательного занимают компоненты, совпадающие с существительным. В синтаксисе ощутимым выражением аналитизма является широкое распространение специфических словосочетаний с примыканием именных членов (в форме им. п.) там, где прежде преобладало (и может употребляться в совр. языке) согласование или управление; таковы сочетания типа *матч Карпов – Каспаров, Олимпиада-80, ракеты класса «земля – воздух – земля»*, а также (с употреблением количественных числительных вместо порядковых) *рейс тридцать три, вагон пять место двенадцать* и т. п.

Хотя отмеченные проявления аналитизма носят в совр. Р. я. активный, развивающийся характер, тем не менее в своей основе Р. я. остаётся языком флективно-синтетическим.

О системе частей речи Р. я., представленных в них морфологических категориях и способах словообразования см. Части речи, Грамматическая категория, Словообразование.

Р. я. обладает разнообразными структурами простого предложения, среди к-рых противопоставляются структуры двухкомпонентные (двусоставные, подлежащно-сказуемостные) и однокомпонентные (односоставные). В Р. я. представлены три типа сложных предложений: предложения с союзной связью, с относительной (местоименной) связью и бессоюзные. Отношения, характерные для связей между частями сложного предложения, во многих случаях выражаются также причастными и деепричастными оборотами, в к-рых атрибутивная форма глагола вместе с зависящими от неё словами концентрирует в себе семантические функции зависимой части сложного предложения. В пределах словосочетания и предложения важнейшее место занимают грамматические средства формального уподобления компонентов (согласование, координация сказуемого с подлежащим), средства выражения связи компонентов – подчинительной (управление, союзное и местоименное соединение) и сочинительной (союзное соединение). Активную роль в синтаксисе играют интонационные средства – и в выражении отношений между частями предложений разных типов (как простых, так и сложных), и в дифференциации предложений с точки зрения коммуникативной задачи, и в определении границ предложения как цельнооформленной единицы (см. Интонация).

Порядок слов в Р. я. считается свободным, поскольку в нём допускается мена мест всех членов предложения – как главных, так и второстепенных. Вместе с тем эта свобода относительна, любая перестановка членов предложения влечёт за собой различные смысловые изменения, связанные с выделением темы и ремы (см. Актуальное членение предложения) или с экспрессивным выделением того или иного члена предложения. Каждому структурному типу предложения свойственны определённые правила словопорядка, его актуализации и экспрессивного функционирования.

Для рус. синтаксиса характерны такие особенности построения предложений, как предпочтение конструкций типа *У меня есть...* конструкциям типа *Я имею...*; отсутствие форм глагола-связки *быть* при выражении синтаксического настоящего времени (в предложениях с именным предикатом).

Лексический состав Р. я. является продуктом длительного, многовекового исторического развития. Будучи в своей основе исконно русским, он активно пополняется за счёт производных слов, создаваемых по собственным словообразовательным моделям. В совр. лит. языке производные (словообразовательно мотивированные) слова составляют примерно 95% всего словарного состава. Другим источником пополнения словарного состава Р. я. были в разные исторические эпохи и являются в совр. языке лексические заимствования. Так, ещё в др.-рус. лит. язык проникли из ст.-слав. и церк.-слав. языков т. н. славянизмы: *краткий, глава, гражданин, освещать, единый* и т. п. Из тюрк. языков в средние века были заимствованы такие слова, как *башмак, деньги, казак, сундук* и др. Заимствования из зап.-европейских языков активизировались начиная с эпохи Петровских реформ и далее в 18–19 вв.: из голландского (*апельсин, зонтик, каюта, матрос*), немецкого (*циферблат, штамп, парикмахер*), французского (*банальный, галантный, вестибюль, жакет, пюре*), английского (*бойкот, бульдог, спорт, лидер*). В 20 в. преобладают заимствования из англ. языка: *бизнес, лайнер, спринт, слайд, компьютер, шоу* и др. Значительный слой совр. рус. лексики, особенно в сфере научно-технической терминологии, составляют интернационализмы (с преобладающими в них лат. и греч. корнями), что соответствует общемировому процессу интернационализации терминологии. Другим заметным источником пополнения словарного состава лит. Р. я. наших дней новыми словами и значениями являются просторечие и жаргоны (*беспредел, вырубиться, расклад* 'соотношение сил', *разборка* 'драка, выяснение отношений' и др.).

В целом открытость Р. я. к иноязычным заимствованиям, их активное усвоение и приспособление к рус. грамматической системе – характерная черта, прослеживаемая на всём протяжении исторического развития Р. я., свидетельствующая о гибкости его лексического строя и являющаяся одним из источников его словарного богатства.

О научном изучении Р. я. и его преподавании см. Русистика.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, 2 изд., Л., 1941; Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики рус. лит. языка, ч. 1.– Фонетика и морфология, М., 1945; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; его же, История рус. лит. языка. Избр. тр., М., 1978; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка, 2 изд., М., 1965; Шведова Н. Ю., Активные процессы в совр. рус. синтаксисе, М., 1966; Рус. язык и сов. общество. Социолого-лингвистическое исследование, под ред. М. В. Панова, [в. 1–4], М., 1968; Захарова К. Ф., Орлова В. Н., Диалектное членение рус. языка, М., 1970; Рус. разг. речь, под ред. Е. А. Земской, М., 1973; Шмелев Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях. К постановке проблемы, М., 1977; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980; Филин Ф. П., Истоки и судьбы рус. лит. языка, М., 1981; Успенский Б. А., История рус. лит. языка (XI–XVII вв.), Münch., 1987; Караулов Ю. Н., О состоянии рус. языка современности, М., 1991; его же, О рус. языке зарубежья, «ВЯ», 1992, № 6; Костомаров В. Г., Языковой вкус эпохи, М., 1994; Грановская Л. М., Рус. язык в «рассеянии», М., 1995; Рус. язык кон. XX столетия (1985–1995), М., 1996.

В. В. Лопатин, И. С. Улуханов.

«Ру́сский язы́к» – специализированное издательство, выпускающее словари разных типов и учебную литературу. Находится в Москве. Создано на базе словарных редакций издательства «Советская энциклопедия» в 1974. Выпуск лит-ры осуществляется по след. главным направлениям: общие филологические, научно-технические и учебные словари и разговорники, учебно-методи-

ческая лит-ра, учебники и учебные пособия для изучающих рус. язык как иностранный.

Учебники и учебные пособия по рус. языку издаются для зарубежных школ и вузов, для самостоятельно изучающих рус. язык, для всех категорий иностранных граждан, обучающихся в России. Издаётся лит-ра для чтеиия, включающая как художественные произведения, так и издания по страноведению. Особое место принадлежит учебным комплексам, состоящим, как правило, из двух–четырёх книг – иллюстрированного учебника, рабочей тетради, книги для чтения и т. д., с приложением аудио- и видеокассет. Выпускаются также наглядные пособия.

Издательство ведёт большую научно-организационную и редакторскую работу по подготовке словарей самых различных типов, продолжая и развивая опыт, накопленный в этой области «Издательством иностранных и иациоиальных словарей» и издательством «Советская энциклопедия» (с 1993 «Большая Российская энциклопедия»). Подготовлены и выпущены многие фундаментальные одноязычные и двуязычные филологические словари, напр.: «Словарь русского языка» (главный ред. А. П. Евгеньева, т. 1–4, 1957–61; 3 изд., 1985–88), созданный Ин-том рус. языка АН СССР (ныне РАН); «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (23 изд., 1990); «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка (1977; 3 изд., 1987); «Большой польско-русский словарь» Д. Гессена и Р. Стыпулы (1988); «Китайско-русский словарь» (1988); «Вьетнамско-русский словарь» (1992); трёхтомный «Новый большой англо-русский словарь» (под ред. Ю. Д. Апресяна, 1993–94); «Французско-русский словарь активного типа» В. Гака и Ж. Триомфа (1994). Наряду с большими словарями издаются средние и карманные словари. Ведётся работа по подготовке учебных словарей различных типов, в т. ч. иллюстрированных. Выпускаются научно-технические словари (иностранно-русские и русско-иностранные), роль к-рых в век научно-технического прогресса непрерывно возрастает. Изданы «Русско-вьетнамский политехнический словарь» (1975), «Нидерландско-русский политехнический словарь» (1976), «Русско-португальский политехнический словарь» (1984), двухтомный «Большой англо-русский политехнический словарь» на 200 тыс. терминов (1992). Выпускаются словари по отдельным отраслям знаний, напр.: «Французско-русский сельскохозяйственный словарь» (1977), «Итальянско-русский и русско-итальянский строительный словарь» (1978), «Англо-русский медицииский словарь» (1992), «Англо-русский юридический словарь» (1994).

При подготовке и выпуске лит-ры издательство широко использует различные формы сотрудничества с иностранными авторами и издательствами, в частности с американским издательством «NTC», англ. «Лонгман» и «Оксфорд Юниверсити Пресс», нидерл. фирмой «Клювер» и др. За 1974–93 выпущено св. 4,5 тыс. изданий, к-рые распространяются более чем в 100 странах мира.

В. И. Назаров.

Ру́сский язы́к в междунаро́дном обще́нии. Рус. язык – один из наиболее распространённых и богатых языков мира, на к-рых говорят за пределами основной территории их распространения представители разных народов, общаясь ие только с исконными носителями этих языков, но и между собой.

Так же, как английский и нек-рые другие языки, использующиеся за пределами стран, для к-рых они являются государственными или официальными, рус. язык широко используется за пределами России. Он применяется в разных сферах международного (межгос.) общения, напр. выступает в функции «языка науки» – средства общения учёных разных стран, средства кодирования и хранения общечеловеческих знаний (60–70% всей мировой информации публикуется на англ. и рус. языках). Рус. язык – необходимая прииадлежность мировых систем коммуникации (радиопередач, авиа- и космической связи и т. д.). Англ., рус. и нек-рые другие, т. н. мировые, языки характеризуются не только спецификой общественных функций (напр., функция lingua franca, т. е. посредника в распространении знаний и выравнивании их уровня в разных странах; функция языка дипломатии, международной торговли, транспорта, туризма; просветительская функция – на них обучается молодёжь развивающихся стран и др.), но и сознательным выбором этих языков для изучения и использования (признание «иностранным языком», т. е. предметом преподавания в школах и вузах большинства стран; юридическое признание «рабочим языком» в междуиародных организациях, прежде всего в ООН, на международных конгрессах и т. д.).

Рус. язык по абсолютному числу владеющих им занимает пятое место в мире (после кит., хинди и урду вместе, англ. и исп. языков), однако этот признак не является главным при определении «мирового языка». Для «мирового языка» существеино не само число владеющих им, особенно как родным, но глобальность расселения носителей языка, охват им разных, максимальных по числу стран, а также наиболее влиятельных социальных слоёв населения в разных странах (напр., научно-технической и творческой интеллигенции, административного аппарата). Большое зиачение имеет общечеловеческая значимость художественной лит-ры, всей культуры, созданной на данном языке. Соответственно формируется и методическая категория «мотивации» в выборе чужого языка для массового изучения. Рус. язык обладает всеми свойствами «мирового языка», избираемого для широкого международного общения и сотрудничества.

С кон. 19 в. рус. язык изучался почти во всех ун-тах мира; в отдельных странах, напр. в Болгарии, он почти два столетия являлся главным иностранным языком. Особенно широко и давно его изучают народы, входившие в СССР. В 20 в., особенно после 2-й мировой войны и в связи с успехами сов. космонавтики, изучение рус. языка за пределами России становится массовым, включается в программы среднего образования многих стран. Существует своеобразная пропорция: тем шире данный язык изучается, чем больше людей в мире его уже изучили, чем больше людей в мире пользуются им в тех или иных целях.

До распада СССР рус. язык изучали 20–24 млн. школьников, студентов, других лиц в 91 стране, гл. обр. в странах Вост. Европы и других бывших т. н. социалистических государствах. Он признавался также языком межнационального общения у всех народов нынешнего «ближнего зарубежья», даже «вторым родным языком» нерус. народов, живших в СССР. В 90-х гг. 20 в. число изучающих рус. язык в мире (без учёта бывших республик СССР) оценивается в 10–12 млн. чел. (снижение числа изучающих рус. язык произошло в странах Вост. Европы; в развитых странах и ряде других стран относительное число выбирающих рус. язык для изучения выросло). Отмена обязательности изучения рус. языка в тех странах, к-рые давали высокую статистику, привела к улучшению качества овладения рус. языком теми лицами, кто изучает его по свободному выбору, без к.-л. принуждения. Улучшению уровня владения рус. языком способствует освобождение его преподавания от идеологической окраски «языка коммунизма», от «политико-воспитательной функции».

Как и другие языки широкого международного изучения и употребления, рус. язык вошёл в «клуб мировых языков» в силу действия социальных и лингвистических факторов. Социальные факторы связываются со значением народа-носителя данного языка в истории человечества и его ролью, авторитетом в совр. мире. Распространение рус. языка в странах Европы и Азии идёт с 11 в. по восходящей линии, большую роль в этом процессе играет рус. классическая лит-ра 19 в., ему содействовали – часто противоречиво – события 20 в., включая политические, экономические, общественные и другие изменения в России, начавшиеся со 2-й пол. 80-х гг. 20 в.

Лингвистические факторы являются производными от историко-социальных, а не самодовлеющими, возводимыми к «природному, врождённому превосходству» данного языка (напр., к типу его морфологического строя, как полагали адепты превосходства англ. аналитической грамматики). Роль лингвистических факторов состоит в том, что они содействуют или препятствуют действию факторов социальных. Так, существенна степень пригодности данного языка (насколько он удобен, экономен, насколько он способен к «межпереводимости» – к передаче всех смыслов, выражаемых на других языках, и т. п.) для фиксации, хранения и извлечения разнообразной информации – торгово-производственной, научной, культурной и т. д. Эти качества находятся в весьма непростой связи с бытовым пониманием или, точнее, мифологически-привычным восприятием того или иного языка как «простого, лёгкого» или «сложного, трудного», как «красивого, звучного, выразительного, богатого» или «грубого, неблагозвучного, бедного».

Рус. язык и другие «мировые языки» отличаются высокой информативностью, т. е. способностью хранить в своей системе максимальный опыт общения и словесного творчества, опробованных средств и возможностей выражения и передачи мысли. Информационная ценность есть качество самих элементов языка, но, естественно, она находится в тесной зависимости от количества и качества информации, изложенной на данном языке в оригинальных и переводных публикациях. Информационная ценность сопрягается с коммуникативной эффективностью данного языка, удобством пользования им для носителей других языков.

В конкретном языковом плане существенными оказываются: развитость семантики как лексической, так и грамматической, особенно синтаксической, стилистическая и иная дифференцированность словаря, в частности наличие специальных терминологий; приспособленность языка к выражению тончайших оттенков мыслей; устойчивость общепринятого стандарта (лит. языка) и степень его нормированности; взаимоотношение книжной и разг. речи, а также состояние устной формы лит. языка; степень интернационализации языковых единиц и сохранность их национальной самобытности; характер письменности и др. Функция международного посредника требует от языка не стать похожим на другие или все языки, но мочь выразить всё, что выражаемо на них (этот тезис связан с понятием «межпереводимости»).

Рус. язык, сохраняя свою уникальность и идентичность на протяжении громадного пространства и длительного времени, вобрал в себя богатства языков Запада и Востока, освоил греко-византийское, лат., вост. и ст.-слав. наследие. Он воспринял достижения новых языков романского и германского ареалов Европы. Однако главным источником его развития, обработки и шлифовки явилось созидательное творчество рус. народа, прежде всего поколений рус. и всех рос. деятелей науки, политики, техники, культуры и лит-ры – рус. язык стал высокоразвитым, богатым, раскрытым в своих потенциях, упорядоченным, стилистически дифференцированным, исторически сбалансированным языком, способным обслуживать все потребности – не только национальные, но и общечеловеческие.

Рус. язык, как и другие языки широкого мирового изучения и употребления, особенно интенсив-

но исследуется как лингвистический феномен, в т. ч. и с контрастивно-сопоставительной точки зрения, т. е. с позиций языкового сознания и культуры других народов: появляются различные монографические описания всех его сторон, разные типы словарей, грамматик, стилистик, теоретические и практические грамматики для всех категорий пользователей и т. д. (см. Русистика). С 1967 работает МАПРЯЛ – Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (см.), с 1973 – Институт русского языка им. А. С. Пушкина (см.) в Москве, с 1967 издаётся журнал «Русский язык за рубежом» и другая периодическая учебно-методическая лит-ра в России и других странах.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык в совр. мире, М., 1968; Рус. язык в странах мира. [Сб. ст.], в. 1–3, [М.], 1973–79; Костомаров В. Г., Рус. язык среди других языков мира, М., 1975; Рус. язык как средство межнационального общения, М., 1977; Рус. язык и современность, М., 1991.

В. Г. Костомаров.

Ру́сский язы́к в межнациона́льном обще́нии. Традиционно языком межнационального общения называют язык, посредством к-рого преодолевают языковой барьер между представителями разных этносов внутри одного многонационального государства. Выход любого языка за пределы своего этноса и приобретение им статуса межнационального – процесс сложный и многоплановый, включающий в себя взаимодействие целого комплекса лингвистических и социальных факторов.

При рассмотрении процесса становления языка межнационального общения приоритет обычно отдаётся социальным факторам, поскольку функции языка зависят и от особенностей развития общества. Однако только социальные факторы, какими бы благоприятными они ни были, не способны выдвинуть тот или иной язык в качестве межнационального, если в нём отсутствуют необходимые собственно языковые средства.

Рус. язык, принадлежащий к числу широко распространённых языков мира (см. Русский язык в международном общении), удовлетворяет языковые потребности не только русских, но и лиц иной этнической принадлежности, живущих как в России, так и за её пределами. Это один из наиболее развитых мировых языков. Он обладает богатым словарным фондом и терминологией по всем отраслям науки и техники, выразительной краткостью и ясностью лексических и грамматических средств, развитой системой функциональных стилей, способностью отразить всё многообразие окружающего мира. Рус. язык может употребляться во всех сферах общественной жизни, посредством этого языка передаётся самая разнообразная информация, выражаются тончайшие оттенки мысли; на рус. языке создана получившая мировое признание художественная, научная и техническая лит-ра. Максимальная полнота общественных функций, относительная монолитность рус. языка (обязательность соблюдения норм лит. языка для всех его носителей), письменность, содержащая как оригинальные произведения, так и переводы всего ценного, что создано мировой культурой и наукой (в 80-х гг. 20 в. на рус. языке издавалось около трети художественной и научно-технической лит-ры от всего количества печатной продукции в мире),– всё это обеспечило высокую степень коммуникативной и информационной ценности рус. языка.

Свою роль в превращении рус. языка в средство межнационального общения сыграли и этноязыковые факторы. С начала становления рос. государственности русские были самой многочисленной нацией, язык к-рой был распространён в той или иной степени на территории всего государства. Согласно данным 1-й Всерос. переписи населения 1897, из 128,9 млн. жителей Рос. империи на рус. языке говорили две трети, или ок. 86 млн. чел. По данным Всесоюзной переписи населения 1989, в СССР из 285,7 млн. человек ок. 145 млн. – русские, рус. языком владели 232,4 млн. чел.

Лингвистические, этноязыковые и социальные факторы, взятые в отдельности, недостаточны для выдвижения того или иного языка в качестве средства межнационального общения. Они свидетельствуют только о готовности и способности языка выполнять эту функцию, а также о наличии благоприятных условий для распространения языка на всей территории государства. Только совокупность всех факторов – лингвистических, этноязыковых и социальных – приводит к становлению языка межнационального общения.

В любом многонациональном государстве существует объективная необходимость выбора одного из наиболее развитых и распространённых языков для преодоления языкового барьера между гражданами, для поддержания нормального функционирования государства и всех его институтов, для создания благоприятных условий совместной деятельности представителей всех наций и народностей, для развития экономики, культуры, науки и искусства. Общий для всех язык межнационального общения обеспечивает каждому гражданину страны, независимо от национальности, возможность постоянного и многообразного контактирования с представителями других этнических групп.

Среди социальных факторов заметное место занимает роль в истории человечества того народа, язык к-рого выдвигается в качестве средства межнационального общения. Лучшие представители рус. народа обогатили мировую науку и культуру выдающимися открытиями в различных областях науки и техники, незаурядными лит., музыкальными и живописными произведениями, внесли огромный вклад в просвещение своего и других народов.

Выдвижение, становление и функционирование рус. языка как средства межнационального общения проходили в разных исторических условиях и на различных этапах развития общества. Употребление рус. языка как неродного для преодоления языкового барьера между представителями разных этносов насчитывает не одно столетие, поэтому в истории рус. языка как средства межнационального общения условно можно выделить три периода, каждый из к-рых характеризуется своими специфическими особенностями: первый период – до нач. 20 в. в России и Рос. империи; второй период – до кон. 80-х гг. в СССР; третий период – с нач. 90-х гг. в РФ и странах ближнего зарубежья.

Начало распространения рус. языка среди представителей других этносов совпадает, судя по данным сравнительно-исторического языкознания и летописным сведениям, с освоением предками русских новых территорий; более интенсивно этот процесс развивался в 16–19 вв. в период становления и расширения рос. государства, когда русские вступали в разнообразные экономические, культурные и политические контакты с местным населением иной этнической принадлежности. В Рос. империи рус. язык был гос. языком. Достоверных статистических данных о знании рус. языка нерус. населением страны в целом и широте его употребления в межнациональном общении в России кон. 19 – нач. 20 вв. нет. Однако соотношение объёма функциональной нагрузки рус. языка как гос. языка и других национальных языков в различных сферах, данные об изучении рус. языка в русско-туземных (по принятой тогда терминологии) школах и других учебных заведениях по отдельным регионам государства, письменные свидетельства современников и нек-рые другие материалы подтверждают употребление рус. языка как средства межнационального общения, хотя уровень владения им в большинстве случаев был невысоким.

Второй период характеризуется особенностями, к-рые обусловлены изменением национально-языковой политики в СССР на разных этапах его существования. После 1917 в стране был отменён обязательный гос. язык. В 1919 был принят декрет СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в соответствии с к-рым «всё население... в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию». Первоначально рус. язык не был обязательным предметом в школах с национальным языком обучения: его распространению в качестве языка межнационального общения объективно способствовали культурно-просветительские, экономические и социально-политические преобразования в стране. Однако существовавшие в 20–30-х гг. темпы распространения рус. языка среди нерус. населения страны не удовлетворяли потребностей централизованного государства в общем для всех граждан языке межнационального общения. В 1938 было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В постановлении нет прямых указаний на привилегированное положение рус. языка, но с его практической реализации в регионах постепенно началось ограничение сфер функционирования нек-рых родных языков граждан СССР.

С 1970 материалы Всесоюзных переписей населения содержат данные о количестве лиц нерус. национальности, свободно владеющих рус. языком как вторым (неродным) языком. В период с 1970 по 1989 это количество возросло с 41,9 до 68,8 млн. чел.; в 1989 в СССР в целом количество лиц нерус. национальности, свободно владеющих рус. языком, составило 87,5 млн. человек.

С сер. 80-х гг., когда рус. язык продолжал выполнять функцию языка межнационального общения, отношение к рус. языку в этом качестве начало изменяться, что явилось закономерным результатом издержек национально-языковой политики, проводимой в СССР с кон. 30-х гг., а также следствием нек-рых социально-политических процессов в стране. Рус. язык отдельные политики стали именовать «имперским языком», «языком тоталитаризма», «языком оккупантов»; в резолюциях нек-рых конференций по национально-языковым проблемам (напр., на Украине, 1989) национально-рус. двуязычие было охарактеризовано как «политически вредное» и «научно несостоятельное». В этот период в бывших союзных и автономных республиках началось официально предписанное сужение сфер функционирования рус. языка как средства межнационального общения, значительное сокращение количества часов, отводимых на изучение рус. языка в национальных школах, и даже исключение предмета «рус. язык» из школьных и вузовских программ. Однако проведённые в нач. 90-х гг. социолингвистические исследования в рос. республиках и ряде стран СНГ свидетельствуют о признании большей частью общества того факта, что на совр. этапе решить проблему межнационального общения без рус. языка затруднительно.

Особенностью третьего периода является функционирование рус. языка как средства межнационального общения не только в РФ, но и в группе суверенных государств.

В РФ, по данным переписи 1989, из 147 млн. человек ок. 120 млн. человек русские, более 50% нерус. населения страны свободно владеет рус. языком как вторым. В соответствии с Конституцией РФ (1993) [и «Законом о языках народов РСФСР» (1991)] рус. язык является гос. языком РФ на всей её территории. Конституцией предусмотрено, что функционирование рус. языка как государственного и межнационального не должно препятствовать развитию других языков народов России. Сферы применения рус. языка как госу-

дарственного и межнационального подлежат правовому регулированию; при этом не устанавливается юридических норм использования рус. языка в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций. Рус. язык как гос. язык РФ выполняет многочисленные и разнообразные функции в обществе, что определяет социальную необходимость его изучения всем населением России.

В сер. 90-х гг. 20 в. рус. язык сохраняет позиции языка межнационального общения в странах СНГ в силу ряда объективных обстоятельств, а также ввиду исторически сложившихся традиций его употребления населением этих стран. Материалы переписи 1989 свидетельствуют, что 63,8 млн. человек нерус. населения бывших союзных республик СССР (кроме РСФСР) владеют рус. языком как родным или как вторым языком.

Лингвистические аспекты изучения рус. языка как средства межнационального общения характеризуются определённой спецификой. Расширение этнической базы пользователей рус. языком как неродным, функционирование рус. языка в условиях иноязычной среды приводит к появлению в нём фонетических, грамматических, лексических и семантических особенностей. По мнению нек-рых учёных (Н. М. Шанский, Т. А. Боброва), совокупность таких особенностей, неодинаковых в разных регионах бытования рус. языка как средства межнационального общения, способствует формированию национальных (в другой терминологии – региональных) вариантов рус. языка. Другие учёные (В. В. Иванов, Н. Г. Михайловская) считают, что удовлетворение потребностей межнационального общения является одной из функций рус. лит. языка, нарушение норм к-рого иноязычными пользователями обусловлено интерференцией (см.). Существует также точка зрения (Т. Ю. Познякова), согласно к-рой язык межнационального общения представляет собой функциональную разновидность рус. языка, отличительной чертой к-рого является адаптированная к условиям межнационального общения специализация грамматических и лексических средств рус. лит. языка: увеличение количества аналитических конструкций для выражения грамматических значений, частота и стабильность использования синтаксических моделей выражения категории рода и т. д. В языке межнационального общения происходит отбор и закрепление морфологических форм и синтаксических конструкций, лексических единиц, оцениваемых прежде всего как коммуникативно значимых и достаточных.

Изучение рус. языка в условиях различных типов национально-рус. двуязычия подтверждает наличие ряда общих специфических особенностей в языке межнационального общения вне зависимости от региона его бытования. Вместе с тем в рус. языке нерусских лингвистами отмечены и такие особенности, к-рые характеризуются как сугубо региональные, не представленные в других иноязычных регионах. На этом основании делается вывод о региональном варьировании неисконной рус. речи (неисконная рус. речь – совокупность текстов, как письменных, так и устных, произведённых людьми, для к-рых рус. язык не является родным). Однако остаются неизвестными предельно допустимые качественные и количественные уровни регионального варьирования, позволяющие квалифицировать язык межнационального общения как именно рус. язык, а не некий пиджин – смешанный язык, возникающий в результате взаимодействия языков (в пиджине нередко представлена грамматика одного языка, а лексика – другого).

Выявление сущностных лингвистических характеристик рус. языка как средства межнационального общения связано с исследованием разных его уровней, изучением результатов и форм межъязыковых контактов, рассмотрением процессов взаимодействия языка межнационального общения и национальных языков в условиях конкретных типов дву- и многоязычия, ареальной характеристикой рус. речи нерусских по отношению к рус. лит. языку. Результаты таких исследований важны для практических действий по оптимизации процесса обучения рус. языку как неродному в объёме, обеспечивающем коммуникативную компетенцию пользователей.

Лит.: Рус. язык как средство межнационального общения, М., 1977; Иванов В. В., Михайловская Н. Г., Рус. язык как средство межнационального общения. Актуальные аспекты и проблемы, «ВЯ», 1982, № 6; Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. [Сб.], М., 1989; Крысин Л. П., Социолингвистические аспекты изучения совр рус. языка, М., 1989; Белоусов В. Н., Рус. язык в межнациональном общении (1986–1992 гг.), в кн.: Язык – культура – этнос, М., 1994; Языковые проблемы Рос. Федерации и законы о языках, М., 1994.

В. Н. Белоусов.

Сс

С, с – девятнадцатая буква русского алфавита. Название буквы – «эс» употребляется как существительное ср. рода: *прописное с*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «слово», к-рая ведёт происхождение от греч. буквы «сигма». В кириллице имела числовое значение «двести».

Основное графическое значение буквы *с* – обозначение общей части фонем ⟨с⟩ и ⟨с'⟩: зубная, щелевая, срединная, глухая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *с* буквой или другим графическим знаком: ⟨с⟩ – *сын, сто, вес* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨с'⟩ – *синий, весь*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *с* обозначает твёрдость этих фонем: *вся, псарь, отсев*.

Свя́зка – служебное слово, функцией к-рого является дополнительное указание на синтаксические отношения между главными членами двусоставного предложения. К С. относятся слова (или слово в одном из своих значений) *это* (застывшая форма местоименного слова), *есть* и *суть* (застывшие формы 3-го лица ед. и мн. ч. наст. времени глагола *быть*), а также спрягаемые формы глаголов *являться, явиться, значить, означать, называться*.

Традиционно в рус. грамматике С. считается также служебный глагол *быть* в разных формах, отсутствие к-рого в предложении в формах наст. времени объясняется особенностью рус. языка – опущением С. или наличием т. н. нулевой С. (эта точка зрения критикуется в работах В. В. Виноградова). Однако спрягаемая форма служебного глагола *быть* не выполняет связующей функции, она вводится в предложение для выражения синтаксического времени (прошедшего, будущего), а также сослагательного наклонения во всех его синтаксических значениях.

С. в предложении лишена временно́го значения, и чистыми С. являются только *есть* (в собственно отождествляющем значении), *суть* (в значении 'есть'), *это* (в значении 'есть'). Употребление С. *есть* и *суть* стилистически окрашено. С. *есть* обычно употребляется в книжной, научно-деловой и публицистической речи (*Квадрат есть равносторонний прямоугольник*; *Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками*). С. *суть* в совр. языке встречается редко и используется как средство стилизации архаической речи; она может употребляться при подлежащем, выраженном именем во мн. или ед. ч., и в обоих случаях свободно заменяется С. *есть* или *это*: *«Грамматика и арифметика суть науки»* (Буслаев) = *есть науки*, = *это науки*. С. *это* стилистически нейтральна и употребляется очень широко (*Виктор – это мой брат*; *Самое дорогое у человека – это жизнь*; *Чтение – это лучшее учение*; *Понимать друг друга – это счастье*; *Учиться – это никогда не поздно*).

Нек-рые С. способны сочетать в себе собственно связующее значение с указанием на время. К ним относятся сочетание *это есть* (*это было, это будет, это было бы*) и названные выше глагольные С. *значить* (*значит, значило, будет значить, значило бы*), *означать, являться, явиться, называться*: *Этот молодой человек является* (*являлся*) *образцом честности*; *Любить человека означает* (*означало, будет означать, означало бы*) *понимать его*; *У неё кричать называется* (*называлось, будет называться, называлось бы*) *воспитывать*.

Несколько С. сохраняют местоименное или местоименно-наречное значение: *таков* (*такова, таково, таковы*), *вот* (*Летать – такова его мечта*; *Чтение – вот лучшее учение*). Есть С., совмещающие связующее значение со значением союза: *как, будто, словно, ровно, точно* (*Каждая встреча будто праздник*; *Эта новость словно гром среди ясного неба*; *Платье точно новое*)

Наряду со С., выполняющими служебную функцию, широко используются связочные образования со значением идентификации или отождествления (*это и есть, то же самое что, это то же самое что, не что иное как, не кто иной как, это и значит, это и означает, это и называется*), толкования (*это значит, это означает, это называется*), указательности (*вот это, вот таков*), сопоставления (*это как, всё равно как, это всё*

равно как, всё равно что, это всё равно что). Большинство из этих С. в предложении могут сочетаться друг с другом: *Чтение есть* (*это, это есть, вот, вот это, это и есть, вот это и есть*) *лучшее учение*, а также (кроме чистых С.) с показателями синтаксического временнóго значения (*Москва – таков был мой любимый город; Чтение – это и будет лучшее учение*; *Платье было всё равно как новое*).

Все С. и связочные образования распределены между разными типами предложений, будучи обязательными или характерными для одних и необязательными для других. Так, С *есть, это* обязательны в простом нераспространённом предложении со значением тождества, когда подлежащее и сказуемое выражены словоформами с одним и тем же лексическим значением: *Дети есть* (*это есть, и есть, это и есть*) *дети*, *Мать – это* (*это есть. и есть, это и есть*) *мать*. В разг. речи в таких предложениях со С. *есть* или *и есть* часто употребляются личные местоимения (*Дети они и есть дети*; *Мать она есть мать*). Бессвязочная реализация таких предложений возможна только при введении в них распространяющих слов (*Дети везде дети*; *Мать она всегда мать*). С.– обязательный компонент почти всех предложений, где подлежащее и сказуемое выражены инфинитивом (*Любить человека значит его понимать*; *Написать – это всё равно что рассказать*). Бессвязочные реализации возможны только для предложений нек-рых семантических структур (обычно с отрицанием: *Жизнь прожить – не поле перейти*; *Ломать – не строить*).

В функции и позиции С. часто используются полузнаменательные глаголы *бывать, стать, становиться, делаться, сделаться, считаться, казаться, оказаться* и т. п. (*Вечера становятся холодными*; *Проблема оказалась сложной*; *Летать стало его мечтой*). Полусвязочные глаголы коррелируют со С., но они сохраняют элементы своего лексического значения и обладают значением синтаксического времени. Иногда к полузнаменательным или полусвязочным глаголам относят также глаголы с узкой закрытой сочетаемостью, образующие вместе с именем устойчивые сочетания (*вести разговор, нести ответственность, иметь значение, оказывать влияние* и т. п.), однако их роль в предложении отличается от роли С., т. к. они вместе со следующим далее именем образуют лексикализованное единство.

Т. о., С.– это собственно служебный формант, обслуживающий определённый круг двусоставных предложений; изъятие С. не меняет синтаксической структуры предложения. Грамматисты логического направления, отождествляющие строение грамматического предложения со строением суждения, усматривают в двусоставных именных предложениях с отсутствующей С. нулевую С. (опущенную, но как бы присутствующую «тайно»). Однако значимое отсутствие С. в предложениях типа *Москва – столица* не равно незримому присутствию С. *есть* (ср. существование нулевого суффикса в системе рус. именного словообразования, к-рое не предполагает незримого присутствия какого-то конкретного суффикса, готового занять своё «законное» место вместо суффиксально значимого нуля).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, 2 изд., Л., 1941; Виноградов В. В., Рус. язык (Грамматическое учение о слове), М. – Л., 1947; 3 изд., М., 1986; его же, Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, её эклектизм и внутренние противоречия, в его кн.: Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике, т. 1–2, М., 1958, Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Белоусов В. Н., Глаголы с неполной знаменательностью и их синтаксические характеристики, в кн.: Слово и грамматические законы языка. Глагол, М., 1989; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Арутюнова Н. Д., Связка, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

К. В. Габучан

Се́ма (от греч. sḗma – знак) – минимальная, предельная единица плана содержания. С. представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности. С. является операциональной единицей компонентного анализа (метода изучения содержательной стороны значимых единиц языка, состоящего в разложении значения на минимальные семантические составляющие) при исследовании семантического поля (см.) и лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов и установлении их сходства и различия. Она реализуется как компонент с е м е м ы – элементарного значения слова (лексико-семантического варианта слова). В отличие от С., семема – единица плана содержания более высокого уровня: будучи социально обусловленной, она выступает как содержательная сторона языковой единицы на коммуникативном уровне. Так, семема как обозначение содержания ЛСВ *отец* (термина родства) состоит из нескольких С. (см. ниже).

Структура семемы обнаруживается благодаря сведéнию содержания значения к его простейшим составляющим – семам. С. как конструктивные компоненты значения не одинаковы по своему характеру и иерархическому статусу, т. к. отражаемые ими объективные свойства предметов и явлений имеют разную значимость для систематизации и различения внеязыковых объектов.

Центральной и иерархически главной в структуре семемы является а р х и с е м а – родовая интегрирующая С., свойственная всем единицам определённого класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки. В лексическом значении слова *отец* ('мужчина по отношению к своим детям'), как и во всех других терминах родства, выделяется архисема ⟨родственник⟩. С помощью д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы х С. описываются различия единиц семантического поля. Это С. видовые. Так, все пять С., образующих главное

лексическое значение слова *отец*, а именно: <мужской пол>, <родитель>, <прямое родство>, <кровное родство>, <первое поколение>,– выступают как видовые уточнители родового понятия *родственник* – <(родственник) мужского пола>, <(родственник) родитель> и т. д. Благодаря указанным дифференциальным С. слово *отец* как термин родства противостоит по совокупности С. другим членам семантического поля: *отец – мать* (<мужской пол> – <женский пол>), *отец – сын* (<родитель> – <рождённый>), *отец – дядя* (<прямое родство> – <непрямое родство>), *отец – отчим* (<кровное родство> – <некровное родство>), *отец – дед* (<первое поколение> – <второе поколение>) и т. д. Архисемы и дифференциальные С. находятся в гиперо-гипонимических отношениях (см. Гипонимия).

Кроме С., обеспечивающих устойчивость смысловой структуры слова, в его значении выделяются контекстуальные С., к-рые отражают различного рода ассоциации, связанные с обозначаемым предметом или явлением, и возникают в определённых ситуациях употребления слова. За счёт контекстуальных С. в речи (тексте) создаются коннотативные смысловые оттенки значения языковой единицы, на основе к-рых могут развиваться производные значения. Таковы, напр., С. <источник, начало чего-л.>, <отечески заботящийся о других> в слове *отец*: *«Узнал он только, что латинский язык есть отец итальянского»* (Гоголь); *«Полковник наш рождён был хватом: Слуга царю, отец солдатам»* (Лермонтов).

При оптимальном определении состава и структуры С. как составляющих значения языковой единицы должны учитываться её отношения со всеми другими единицами семантического поля, т. е. её значимость в нём.

С. лексического значения не имеет своего специального формального выражения в непроизводных словах, но при словоизменении и словообразовании получает его, напр.: *стол – стол-ы* (<множественность>), *дом – дом-ик* (<уменьшительность>) и т. п.

Семный анализ значения особенно существен при идеографическом описании словарного состава языка, в теории и практике лексикографии, в частности при создании специальных (терминологических) словарей и тезаурусов лит. языка.

Наряду с термином «С.» для обозначения минимальной единицы содержания используются также термины «семантический компонент», «дифференциальный семантический элемент (признак)», «семантический множитель», «семантический маркёр», «поэма» и др.

Лит.: Апресян Ю. Д., Совр. методы изучения значений и нек-рые проблемы структурной лингвистики, в кн.: Проблемы структурной лингвистики 1963, М., 1963; Толстой Н. И., Нек-рые проблемы сравнительной слав. семасиологии, в кн.: Слав. языкознание. VI Международный съезд славистов. (Прага, август 1968 г.). Докл. сов. делегации, М., 1968; Ломтев Т. П., Общее и рус. языкознание. Избр. работы, М., 1976; Караулов Ю. Н., Общая и рус. идеография, М., 1976; его же, Лингвистическое конструирование и тезаурус лит. языка, М., 1981; Гак В. Г, Сопоставительная лексикология. На материале франц. и рус. языков, М., 1977; Лайонз Дж., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Новиков Л. А., Семантика рус. языка, М., 1982; Katz J. J., Fodor J. A., The structure of a semantic theory, «Language», 1963, v. 39, № 2; Greimas A. J., Sémantique structurale, P., [1966]; Bierwisch M., Semantics, в кн.: New horisons in linguistics, ed. by J. Lyons, L., 1972; Wotjak G., Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung, 2 Aufl., B., 1977.

Л. А. Новиков.

Сема́нтика (франц. sémantique, от греч. sēmantikós – обозначающий, sḗma – знак) – значение или значения языковых единиц (слов, грамматических форм слов, фразеологизмов, словосочетаний, предложений), а также раздел языкознания, в к-ром изучается смысловая сторона различных единиц языка; семасиология

Значение каждой языковой единицы определяется, во-первых, её сопоставленностью с другими единицами того же уровня, это и делает возможным их рассмотрение в определённом ряду. Установление того общего, что позволяет объединить языковые единицы в соответствующий ряд, даёт возможность выделить и элементы различия, т. е. определённые признаки, по к-рым значения единиц противопоставлены друг другу (дифференциальные признаки). Напр., среди слов, обозначающих водоёмы, слова *река* и *ручей* противопоставлены друг другу по признаку размера, что и определяет лексическое значение каждого из них. Во-вторых, значение каждой языковой единицы определяется её способностью сочетаться с другими единицами того же уровня. Так, особенности лексической и синтаксической сочетаемости слова, являющегося центральной единицей языка (и различных групп слов), неразрывно связаны с его значением.

При исследовании С. различных слов разграничиваются их грамматические и лексические значения (см. Значение). В отличие от грамматических значений, общих для больших групп слов и выраженных формально (ср., напр., значение «процессуальности», объединяющее все глаголы, и связанные с этим общим значением грамматические значения времени, лица, присущие всем глаголам и находящие своё формальное выражение в формах спряжения), лексические значения индивидуальны, поэтому их исследование представляет наибольшие трудности. Напр., в ту же группу слов, обозначающих водоёмы, наряду со словами *река* и *ручей* входят также слова *канал, пруд, озеро* и т. д., для значений к-рых существенным оказывается уже не признак размера, а другие признаки (естественность – искусственность происхождения, наличие – отсутствие течения и т. п.), причём соответствующие признаки могут характеризовать лишь отдельные слова, не повторяясь в других группах слов. Кроме того, существуют различные

типы лексических значений слов. Для нек-рых слов выделение диффереициальных признаков вообще невозможно; ср. названия разных видов животных, растений, минералов, а также инструментов, механизмов. Применение к исследованию лексики методов, основанных на признании её системного характера, т. е. взаимосвязанности и взаимозависимости значений различных слов, объединяемых семантически, привело к успешному анализу отдельных групп слов, установлению различных типов взаимоотношений, существующих между различными значениями, различных типов самих лексических значений. Существенно, что не только значения отдельных слов рассматриваются не изолированно, а в их соотношении друг с другом, но и различные явления в лексике (многозначность, синонимия, антонимия, фразеологическая связанность и т. д.) оцениваются с точки зрения тех общих понятий, к-рые применимы к языковым единицам различных уровней (с учётом, естественно, их специфики), таких, как противопоставленность единиц по определённым признакам, возможность нейтрализации данных противопоставлений в нек-рых позициях, парадигматические и синтагматические связи единиц и т. п.

Лит.: Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, «ВЯ», 1953, № 5; Апресян Ю. Д., Экспериментальное наследование семантики рус. глагола, М., 1967; Уфимцева А. А., Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968; Шмелёв Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973. *Д. Н. Шмелёв.*

С. как учение о значении языковых форм прошла ряд исторических этапов. В античности и средневековье С. в соответствии с господствовавшим логическим взглядом на язык понималась как часть логики. Эта связь заново осознаётся в совр. теориях значения (см. ниже). Становление С. как области языкознания начинается с изучением национальных языков.

1-й этап развития С. в России (40-е – 50-е гг. 19 в.) связан с появлением оригинальных грамматических учений, с потребностью подчеркнуть национальные особенности рус. языка, его отличия от классических и зап.-европейских языков. В это время в трудах Г. В. Павского, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова С. развивается не в области лексики, а в области грамматики, в связи, напр., с изучением видов и времён рус. глагола. Это обусловило нек-рую неполноту С., но зато и её внутреннее единство. Так, Павский («Филологические наблюдения над составом русского языка...», 1841–42) задолго до А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ показал, что грамматическая форма есть прежде всего значение (функция), а не звук; открыв одинаковые функции у разных суффиксов в одинаковой позиции в слове, он сделал первый шаг к формулировке инвариантных грамматических значений; он же наметил пути к установлению глубинных категорий С., показав общность трёх «степеней действия» в глаголе и трёх «степеней качества» в прилагательном. Преемственность этой научной традиции, опосредованной работами учёных Пражской лингвистической школы (см.), не прекратилась и в совр. русистике.

2-й этап (60-е – 70-е гг. 19 в.) ознаменовался появлением фундаментальных лингвистико-гносеологических концепций Потебни в России и В. Вундта в Германии. Эти концепции развиваются на фоне широкого эволюционного подхода к культуре, чем объясняется их сходство, а также почти текстуальные совпадения в нек-рых вопросах (напр., в освещении «истории эпитета») между Потебнёй и литературоведом А. Н. Веселовским, работы к-рого также важны для развития С. В учении Потебни центральным является положение о том, что мышление эволюционирует в теснейшей связи с языком по определённым закономерностям, к-рые носят семантический характер. Важнейшая из них – постоянные знаковые замещения, происходящие как в слове («внутренняя форма слова»), так и в преобразованиях, трансформациях предложения («замены частей речи»). Потебня впервые обосновал это положение большим количеством фактов, до сих пор составляющих золотой фонд С. Как и Вундт, Потебня рассматривал закономерности языка в связи с закономерностями развития народной психологии, фольклора и искусства. Известной слабостью его концепции было смешение эволюции и истории, общих универсально-психологических и конкретных исторических законов развития в пользу универсальной типологии. Это положение было позднее развито и провозглашено как единственно истинное Н. Я. Марром, что отрицательно отозвалось на развитии С. в сов. языкознании. Однако в целом концепция Потебни в области С. до сих пор сохраняет непреходящую ценность.

Учение младограмматиков (младограмматизм), сыгравшее столь значительную роль в развитии языкознания вообще, сравнительно мало сказалось в области С. Исключение составляет книга Н. В. Крушевского «Очерк науки о языке» (1883), к-рая послужила связующим звеном между учением Потебни и концепцией М. М. Покровского.

3-й этап (80-е – 90-е гг. 19 в.) начался с внедрением в исследование С. (позднее, чем в изучение фонетики и морфологии) принципов сравнительно-исторического языкознания. Большую роль в этом сыграли работы Покровского – основоположника С. в России. Почти одновременно с идеями Покровского, изложенными в диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков» (1895), М. Бреаль в 1897 высказал, но не развил отчасти сходные идеи (он же в 1883 ввёл термин «С.», ранее употреблялся термин «семасиология», см.). Концепция Покровского включает след. основные положения: 1) законы С. выявляются не в отдельных словах, а в

группах и системах, в «полях слов», связанных разнообразными отношениями; 2) группы эти двух родов: объединения внутриязыковые, «по сферам представлений», и объединения внеязыковые, по принадлежности к одной тематической группе, напр. «понятия ярмарки, рынка», «понятия мер и веса», «понятия игр и зрелищ»; 3) в объединениях внутриязыковых преобладают универсальные, общечеловеческие закономерности С., к-рые всегда связаны с употреблением соответствующих слов в предложении, т. е. с общими синтаксическими законами. Напр., все морфологические типы имён действия, в соответствии со степенью их продуктивности в языке, в конце концов получают все значения, свойственные этому классу имён: значение процесса, результата, орудия и места действия. В объединениях внеязыковых преобладают конкретно-исторические закономерности, связанные с производственной и социальной жизнью общества. Напр., история значений слов, связанных с ткацким и смежными ремёслами, разъяснится только при знакомстве с историей ткацкого станка и назначением его отдельных частей. Все положения Покровского легли в основу многих семантических исследований на последующих этапах развития С.

4-й этап (с нач. 20 в. до 30-х гг.) характеризуется двумя противостоящими течениями. Одно, т. н. школа «слов и вещей» (последователи этого течения группировались гл. обр. вокруг нем. ж. «Wörter und Sachen», с 1909), провозгласило установку на изучение слов в связи с обозначаемыми ими предметами (денотатами) внешнего мира, прежде всего материальной культуры (ср. внеязыковые группы Покровского). В России представителем этого течения был Покровский.

Другое течение ориентировалось на изучение терминов и понятий духовной культуры (сигнификатов, смыслов). На рус. и слав. материале первыми исследованиями этого рода были «Филологические разыскания» Я. К. Грота (1873) и работа К. Абеля (1888), где в сравнительном плане изучались такие понятия, как «свобода», «джентльмен», «дворянин» и др. Оба течения в С. плодотворно продолжаются: первое, напр., в работе О. Н Трубачёва «Ремесленная терминология в славянских языках» (1966), второе, напр., в цикле работ В. В. Виноградова по истории слов и выражений («Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в.», 1946) и др.

5-й этап (30-е – 60-е гг. 20 в.) ознаменовался утверждением принципа системности в С. В этот период вырабатываются новые, структурные, приёмы анализа, а в связи с ними и новый подход к значению. При дистрибутивном анализе (в американском структурализме) значение слова понимается как внутриязыковое явление – сочетаемость слова признаётся единственным показателем вычленения значения. При компонентном анализе (пражский структурализм) значение понимается как комбинация компонентов (семантических «множителей», или «сем»). Однако, как и на предыдущем этапе, в этот период структурному подходу противостоит, также новое, учение (намеченное Виноградовым и А. И. Смирницким) о лексико-семантическом варианте слова, под к-рым понимается отдельное значение, фиксируемое в парадигматике (см.) в виде отдельного словарного значения и реализуемое в синтагматике (см.), в высказывании, в виде типичного словесного окружения, сочетания (см. Контекст). Позднее сходный принцип был сформулирован в работах Д. Н. Шмелёва как «диффузность» значения. Аналогом этого при формализованном подходе к С. является понятие «нечётких, или размытых, множеств».

5-й этап характеризовался выдвижением двух тенденций, к-рые становятся в С. ведущими: а) тенденция перехода в исследованиях и затем в обобщениях и выводах от небольших групп слов (и тем более от отдельных «примеров») к обширным группам и системам слов, в конечном счёте, к лексике и грамматике в целом, этот «тезаурусный» подход связан с большими программами по составлению словарей рус. языка, «банками компьютерных данных» и т. д.; б) тенденция (намеченная ещё Покровским) к изучению С. в цельном высказывании, С. в синтаксисе. В этот период именно из изучения синтаксиса исходит импульс развития других областей языкознания. В связи с внедрением в синтаксис трансформационного и затем более общего генеративного подходов появляются различные направления трансформационной, генеративной, перифрастической, конструктивной и т. д. С. (работы И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова и др.). Постепенно формируется новый общий подход к С. как исследованию лексико-семантических преобразований, связанных с высказыванием.

6-й, совр., этап (с нач. 80-х гг. 20 в.) характеризуется всеобщим принятием представления о С. языка как системе операций человека с семантической информацией: в основе системы С. признаётся наличие нек-рого ядра устойчивых языковых структур (в частности, «семантических примитивов»), допускающих различные преобразования в связи с реальными высказываниями (речевыми актами, мыслительными актами и т. д.) и обеспечивающих операции человека с семантической информацией. Соответственно исследователи отказываются от исключительного использования одного к.-л. метода (структурного, генеративного, речевых актов и т. д.), зачастую доминировавшего на предыдущем этапе, признаётся «плюрализм» методов в зависимости от специальных целей. Вместе с тем формируются более общие подходы: логический анализ С. с преобладанием в нём теории референции (работы Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, В. В. Петрова, И. М. Богуславского и др.), лин-

гвистическая прагматика (работы Арутюновой, Т. В. Булыгиной, Падучевой, И. П. Сусова, О. Г. Почепцова и др.), теория интерпретации (работы В. З. Демьянкова и др.) Эти подходы (более полно представленные в лингвистике США) являются не столько взаимоисключающими, сколько взаимодополнительными. С. в узком смысле слова (включая теорию референции) начинает рассматриваться как область истинности высказываний; прагматика – как область мнений, оценок, установок, пресуппозиций говорящего; теория интерпретации – как область позиций слушающего (читающего). Т. о., намечается синтез всех дисциплин, исследующих С. языка, в рамках наиболее общего – когнитивного подхода («когнитивной науки»).

«Компьютерная революция» оказала большое влияние на С., реформировав её методы, особенно в области лексической С. Стало возможным машинное составление глобальных словарей-тезаурусов [напр., всего др.-греч. языка за весь период его существования в Калифорнийском ун-те (США)], быстрое решение ряда задач [напр., выявление переносных употреблений во всей системе лексики метафор различного типа и т. д. (работы Апресяна и др.)]. Существенно меняются также взгляды исследователей на систему семантических категорий и связей (работы Н. Ю. Шведовой, А. В Бондарко).

Лит.: Павский Г. Филол наблюдения над составом рус. языка, т 1–3, 2 изд , СПБ, 1850, Крушевский Н., Очерк науки о языке, Каз , 1883; Грот Я., Филол розыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории рус языка, 4 изд., СПБ, 1899. Потебня А. А., Мысль и язык, 5 изд., [Хар., 1926]; его же, Из лекций по теории словесности, 3 изд., Хар , 1930; Весселовский А Н , Историческая поэтика, Л., 1940; Покровский М М., Избр работы по языкознанию, М., 1959; Апресян Ю Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Принципы и методы семантических исследований, М., 1976; Степанов Ю. С , Номинация, семантика, семиология. (Виды семантических определений в совр лексикологии), в кн.: Языковая номинация. (Общие вопросы), М., 1977; Виноградов В. В., Избр тр Лексикология и лексикография, М., 1977; Караулов Ю Н , Лингвистическое конструирование и тезаурус лит. языка, М., 1981; Демьянков В. З., Основы теории интерпретации и её приложения в вычислительной лингвистике, М., 1985; Падучева Е В., Высказывание и его соотнесенность с действительностью, М , 1985, НЗЛ, в. 18 - Логический анализ естественного языка, М., 1986, Почепцов О Г., Основы прагматического описания предложения, К., 1986; Караулов Ю Н , Рус. язык и языковая личность, М , 1987; НЗЛ, в 23 – Когнитивные аспекты языка, М , 1988; Леонтьев А. А., Генезис семантической теории: античность и средневековье, «ВЯ», 1988, № 1; Логический анализ языка Культурные концепты, М., 1991. Фрумкина Р. М , Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип), «НТИ», сер. 2, 1992, № 3; Виноградов В. В., История слов, М., 1994; Шведова Н. Ю , Белоусова А. С . Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий, М., 1995; Abel C., Slavic and Latin, Ilchester lectures on comparative lexicography, L., 1883; Bréal M , Essai de sémantique. Science des significations, 7 éd , [P , 1924]; Trier J , Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes, Bd 1, Hdlb. 1931; Wierzbicka A., Semantic primitives, Fr M , [1972], New directions in semantics, L. [a. o], 1987.

Ю. С. Степанов

Семанти́ческая структу́ра сло́ва – смысловое строение основной единицы лексики (см Слово). С. с. с. проявляется в его полисемии (см.) как способность с помощью внутренне связанных значений называть (обозначать) различные предметы (явления, свойства, качества, отношения, действия и состояния) Семантическая структура однозначного слова сводится к его семному составу (см. Сема).

Простейшая единица (элемент) смысловой структуры многозначного слова – его лексико-семантический вариант (ЛСВ), т. е лексическое значение (см.), связанное с другими лексическими значениями определёнными отношениями, главные из к-рых – иерархические: выражение подчинения зависимых лексических значений слова главному. В С. с. с. лексико-семантические варианты связаны друг с другом благодаря общности внутренней формы (см. Внутренняя форма слова), их взаимной мотивированности, выводимости друг из друга.

Поэтому в словарях каждый предшествующий ЛСВ определяет толкование последующего, напр. *круг*$_1$ 'часть плоскости, ограниченная окружностью, а также сама окружность' ⇄ *круг*$_2$ 'предмет в форме окружности' (*спасательный, резиновый круг*), [*круг*$_3$ 'замкнутая область, в очерченных границах к-рой происходит совершение и развитие чего-либо' (*круг обязанностей, интересов, вопросов*)], [*круг*$_4$ 'группа людей, объединённых общими интересами, связями' (*круг знакомых, друзей; в своём кругу*)], [*круг*$_5$ 'социальная совокупность лиц преимущественно интеллектуального, творческого труда' (*широкие круги общественности, литературные, журналистские круги; в дипломатических кругах: в кругу учёных, специалистов*)] и др. Здесь иерархически главный ЛСВ – *круг*$_1$, в содержании к-рого в наибольшей степени проявляется внутренняя форма; с этим ЛСВ метафорически (по сходству формы) связаны все остальные ЛСВ слова *круг*. При этом представление о круге присутствует в толковании значений всех ЛСВ слова и внутренне связывает их в единое целое. При метонимической связи производные ЛСВ (значения) регулярно выводятся из главного (предыдущего), напр. вместилище и вместимое (одно в другом, на другом: *аудитория*$_1$ 'помещение для чтения лекций' ⇄ *аудитория*$_2$ 'слушатели лекций, доклада, выступления'), действие и место (результат, инструмент, агент и др.) этого действия: *вход*$_1$ (*вход воспрещён*) ⇄ *вход*$_2$ (*служебный вход*), *сочинение*$_1$ (*сочинение стихов*) ⇄ *сочинение*$_2$ (*собрание сочинений писателя*), *расчёска*$_1$ (*расчёска волос*) ⇄ *расчёска*$_2$ (*пластмассовая расчёска*) и т п.

Для понимания С. с. с большинство учёных считает необходимым выделять два вида смысловых

отношений его ЛСВ: «главное – частное» и «инвариантное (общее) – вариантное» значения.

Основанием для выделения главного и частных значений (или иначе: главного и частных ЛСВ) служит различный характер взаимодействия слова в таких значениях с контекстом, т. е. фрагментом текста, необходимым и достаточным для определения того или иного значения слова. Главное значение в наименьшей степени обусловлено контекстом. Слово в главном (первом в словарях) значении является семантически наиболее простым по своему содержанию (ср. *вода*$_1$ 'прозрачная бесцветная жидкость') и обладает в силу этого самой широкой н свободной сочетаемостью с другими лексическими единицами. Все прочие значения слова (его ЛСВ) выступают как частные. В частных значениях по сравнению с главным слово в значительно большей степени обусловлено контекстом, присоединяет к себе его элементы и является в силу этого семантически более сложным (напр., *вода*$_2$ 'минеральный, газированный, фруктовый напиток', т. е. вода+содержащая минеральные соли; насыщенная газом; приготовленная из фруктов), при этом характеризуется ограниченной, избирательной сочетаемостью: *минеральная, сельтерская, газированная, фруктовая вода*.

Главное значение называют первичной семантической функцией слова, частные значсния – его вторичными семантическими функциями.

Наряду с обычными словарными значениями (главным, частным) в С. с. с. выделяется общее значение как её инвариант (от лат. invarians – нсизменяющийся), противопоставленное вариантным значениям: это совпадающая часть содержания всех значений (ЛСВ) слова, нечто постоянное, неизменное в них. Оно выделяется подобно общему множителю в алгебре: $ab+ac+ad = a(b+c+d)$, является предельно обобщённым и семантически простым содержанием и представляет собой лингвистическую абстракцию, полезную для семантического анализа языковых единиц. Отношение значений слова к его общему значению [т. е. к общему содержанию всех его вариантов] позволяет установить их семантическую иерархию по степени близости к нему: центральные, доминирующие значения оказываются семантически наиболее простыми, периферийные – более сложными и потому дальше отстоящими от общего (инвариантного) значения слова, чем первые. В совр. лингвистике выделение общего значения является необходимой операцией при моделировании семантического поля (см.) и анализа его единиц, при лексикографическом описании слова.

Структура стилистически окрашенных (не нейтральных) слов двучленна: она включает в себя модальный компонент, выражающий положительную или отрицательную оценку обозначаемого {(+)М, (–)М}, и собственно семантический компонент как языковое отражение предмета или явления действительности (С); ср.: *лицо* [(С)]; высок. *лик* [{+М}(С)], напр. *лик Христа*; прост. *морда* [{–М}(С)], напр. *глупая, надменная морда* (о лице человека). У стилистически маркированных слов – общее смысловое содержание ('лицо') и различные оценочные характеристики, выражаемые в словарях стилистическими пометами.

В многозначном слове стилистически окрашенный ЛСВ выступает как производный от главного, реализуя вторичную семантическую функцию слова, и одновременно как синоним другого, нейтрального слова или выражения:

осёл$_1$ *упрямец, глупец*
└→ *осёл*$_2$ ←┘

Метафорическое значение варианта *осёл*$_2$ (ср. *Этому ослу ничего не докажешь*), с одной стороны, тесно связано в структуре слова с главным *осёл*$_1$ (черты упрямства, глупости, приписываемые животному и человеку), а с другой – выступает как экспрессивный синоним нейтрального слова (*упрямец* или *глупец*). Производное частное значение соотносится в С. с. с. с главным значением и мотивировано им, при этом семантически оно соотносится такжс с другим словом, к-рое служит его толкованием. Согласно закону асимметрии означающего и означаемого в слове, открытого С. О. Карцевским, С. с. с. является одновременно и устойчивой, что обеспечивает потребности коммуникации, и подвижной, способной к её изменению, развитию.

В С. с. с. те или иные значения (ЛСВ) могут отмирать. Напр., значение 'красивый' в общеславянском по своему происхождению прилагательном *красный* (ср. *Красная площадь*) было исторически исходным, главным в слове, образованном от той же основы, что и слово *краса*. В значении цвета слово *красный* стало употребляться позднее, в эпоху раздельного существования вост.-слав. языков. Это значение стало главным в С. с. с., приведя к её частичной перестройке. Вместе с тем С. с. с. постоянно обогащается новыми значениями, т. к. слово – единица «открытой» лексической системы, напр. значения 'человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоёмах' в слове *морж* (ср. *секция моржей*), 'результативный нападающий игрок в футболе, хоккее' в слове *бомбардир* (ср. *лучший бомбардир сезона*) и др.

Лит.: Смирницкий А. И., К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1954. т. 4; Звегинцев В. А., Семасиология, М., 1957; Курилович Е., Очерки по лингвистике. Сб. ст., пер. с польск., франц., англ., нем., М., 1962; Карцевский С., Об асимметричном дуализме лингвистического знака, в кн.: Звегинцев В. А., История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, М., 1965; Шмелёв Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики. (На материале рус. языка), М., 1973; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Виноградов В. В., Избр. тр. Лексикология и лексикография, М., 1977; Степанов Ю. С.,

нов Ю. С., Номинация, семантика, семиология, в кн.: Языковая номинация. (Общие выводы), М., 1977; Новиков Л. А., Семантика рус. языка, М., 1982; Совр. рус. язык. Теоретический курс. Лексикология, М., 1987. *Л. А. Новиков.*

Семанти́ческий си́нтаксис – раздел языкознания, изучающий отношение высказывания к обозначаемой им ситуации, а также пути формирования смысла высказывания. Высказывание при этом рассматривается как полный (в отличие от отдельно взятого слова) языковой знак, означающим к-рого является лексико-синтаксическая структура предложения, а означаемым – фрагмент ситуации, описываемый этим высказыванием. Последний представляет собой совокупность элементов внеязыковой действительности с их характеристиками, проявлениями отношений в координатах пространства и времени. Вслед за Л. Теньером субстантивные члены предложения называют актантами, обстоятельственные – сирконстантами. В своих первичных функциях синтаксические категории (члены предложения) отображают реальные функции элементов ситуации: подлежащее указывает на активный субъект действия или на носителя состояния, косвенное дополнение – на адресат, прямое – на объект действия и т. п. Однако в силу языковой асимметрии подобный параллелизм может нарушаться и один и тот же член предложения может указывать на различные функции элементов ситуации, а один и тот же элемент ситуации может выражаться разными членами предложения. В связи с этим в С. с. различаются синтаксические актанты (члены предложения) и семантические актанты (типовые функции элементов ситуации) и всё высказывание рассматривается на двух уровнях: синтаксическом, к-рый интерпретируется как поверхностная структура, и семантическом, понимаемом как глубинная структура высказывания. Для большей чёткости традиционные названия членов предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение и т. п.) закрепляются за поверхностной структурой, тогда как элементы ситуации обозначаются терминами: агенс, пациенс, адресат, бенефактив, инструмент и т. п. Семантический субъект может быть выражен подлежащим (*Собака бежит*), прямым дополнением (*Его тошнит*), косвенным дополнением (*Снегом замело дорогу*), дополнением к пассивному глаголу (*Дом строится рабочими*), определением (*приезд Ивана, его страх*) и др. Для рус. языка характерно относительно более частое использование косвенного способа выражения субъекта: *Нам это хорошо известно* (*Мы это хорошо знаем*); *У него нет времени* (*Он не имеет времени*); *Между ними вражда* (*Они враждуют*). С другой стороны, рус. язык более последовательно различает в синтаксических формах реальный агенс и орудие действия, лишённое инициативы; ср. *Охотник убил козу* и *Молнией убило козу*.

В свою очередь, один и тот же член предложения может репрезентировать различные семантические актанты и элементы ситуации. Так, синтаксическое подлежащее может указывать на активного действователя (*Он пишет письмо*) или на воспринимающее лицо (*Он услышал крик*) – это его первичные функции, но также и на объект действия (*Это письмо написано Петром*), адресат (*Мария получила письмо от Петра*), локализатор (*Колонна увенчана скульптурой – На колонне стоит скульптура*), причину (*Дождь помешал ему выйти на улицу*), инструмент (*Эти ножницы больше не режут*). Последние употребления подлежащего могут рассматриваться как вторичные функции этой синтаксической формы, и рус. языку они свойственны в меньшей степени.

Асимметрия может затрагивать не только один член предложения, но и всё предложение в целом, поскольку предложения одинаковой синтаксической структуры могут описывать различные ситуации и один и тот же тип ситуации может репрезентироваться предложениями разных моделей. Напр., предложения *Человек идёт* и *Работа идёт*, имея одно и то же формальное строение, указывают на разные ситуации. В первой фразе подлежащее выражает реального производителя действия (*человек*), сказуемое – реальное действие этого агенса (*идёт*). Во второй – позиция подлежащего занята отглагольным существительным, обозначающим действие (*работа*), тогда как в функции сказуемого использован глагол *идти* в переносном значении, обозначающий процесс в общей форме. Т. к. позиция подлежащего занята наименованием действия, указание на агенс отсутствует и в семантическом плане *Работа идёт* равнозначно неопределённо-личным предложениям *Продолжают работать*; *Работают*. Пример показывает взаимозависимость лексической и синтаксической семантики: перен. использование функции подлежащего связано с транспозицией глагола в имя (*работать* → *работа*), употреблением глагола *идти* в перен. значении.

Важнейшим предметом С. с. является определение семантических типов предложения. Поскольку ядром предложения является предикат, говорят также о семантических типах предикатов. Выделение семантических типов предложений (предикатов) относится к числу спорных вопросов, но в целом можно выделить след. основные типы: бытийные (*Существовала ли Атлантида?*), в т. ч. обозначающие существование предмета в пространстве и времени (*В этом городе – два театра*; *Этой осенью будет много фруктов*); квалификативные, подразделяющиеся на предложения тождества (*Вена – столица Австрии*), классификации (*Вена – столичный город*), характеризации (*Он ленив*); предложения, выражающие состояние среды (*Светает*; *Пахнет рыбой*); статальные, описывающие состояние субъекта (*Пётр спит*; *Ему жарко*); реляционные, описывающие отношения между субстанциями: принадлежность (*У Петра два брата*), восприятие (*Пётр видел этот*

фильм), знание (*Я знаю этого человека*), оценочное отношение (*Она не любит этого автора*); локальные предложения, обозначающие местоположение или перемещение предмета (*Он здесь; Он ушёл к себе в комнату*), и акциональные предложения, описывающие действия активного субъекта (*Он пишет письмо*). Семантические типы могут иметь каузативные варианты, ср. *Ребёнок идёт в школу* и *Ребёнка ведут в школу*.

Структурная модель предложения может соотноситься с несколькими семантическими типами высказывания, и один семантический тип может описываться с помощью нескольких моделей. Как и в лексике, синонимические модели различаются дополнительными значениями, напр. актуальным членением; ср. *Рабочие строят дом* и *Дом строится рабочими* – семантический тип у двух предложений одинаков, но коммуникативная структура их различна.

Значение предложений определяется взаимодействием семантики и грамматических категорий слов, входящих в их состав, интонацией, соотнесённостью с ситуацией. Напр.: *Он курит сигару* (ед. ч.) – акциональное предложение; *Он курит сигары* (мн. ч.) – квалификативное предложение (= *Он курильщик сигар*); *Он курит* (наст. время) – в зависимости от ситуации может интерпретироваться как акциональное предложение (= *Он курит в данный момент*) или как квалификативное (= *Он курильщик*); *Ещё год назад он курил* (прош. время) – квалификативное предложение; *Полицейские окружают здание* (одушевлённый субъект) – локальное динамическое предложение; *Деревья окружают здание* (неодушевлённый субъект) – локальное статическое предложение; *Здание окружают деревья* – может быть истолковано как квалификативный предикат (обозначение качества здания). В зависимости от лексического наполнения модель может выражать различные семантические типы высказываний. Структура «*У него* + существительное», образованная путём переосмысления локального предложения, в совр. рус. языке в качестве первичной функции используется для выражения принадлежности: *У него есть эта книга*, но с неконкретным существительным выражает состояние: *У него есть сомнения*.

Особый вопрос С. с. представляет проблема референтности предложения, т. е. соотнесённости его с действительностью. Иногда к нереферентным предложениям относят высказывания, обозначающие фантастические ситуации (*Волк заговорил с девочкой*) либо содержащие отрицание (*У меня нет денег при себе*). Однако предложения первого типа оказываются референтными в свете теории «возможных миров», поскольку ситуация, невозможная в реальном мире, возможна, напр., в мире сказки. Отрицательное предложение вполне референтно, ибо описывает определённую ситуацию: отсутствие такого-то предмета в таком-то месте и в такое-то время. В лингвистическом аспекте референтность предложения связывается не с его истинностью, а с его интерпретируемостью, т. е. с возможностью его истолковать, понять, какой фрагмент экстралингвистической ситуации (реальной или мнимой) это высказывание описывает. В этом плане нереферентными оказываются грамматически правильно построенные фразы, содержащие слова языка, не увязываемые между собой либо состоящие из несуществующих лексем (типа «глокой куздры» – словосочетания, образованного Л. В. Щербой), а также аналитически некорректные предложения, содержащие внутреннее противоречие: *Я встречался с ним в Москве, где я никогда не бывал*. Референтность предложения, так же, как и вообще его семантическая интерпретируемость, во многом зависит от знаний собеседников.

Лит.: Падучева Е. В., О семантике синтаксиса, М., 1974; её же, Высказывание и его соотнесённость с действительностью, М., 1985; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы, М., 1976; Syntax and semantics, v. 1–15, N. Y. - [a. o.], 1972–82 (изд. продолжается); Sgall P., Hajičová E., Panevová J., The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects, Prague, 1986.

В. Г. Гак

Семанти́ческое по́ле – иерархическая структура множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу. С точки зрения идеографического (ономасиологического) описания языка, т. е. в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения, лексику можно представить в виде системы взаимодействующих С. п., к-рые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира» (Weltbild), определяемую его внутренней формой (см. Внутренняя форма слова): таковы, напр., разнообразные по своему характеру наименования времени, пространства, движения, обозначения родства, цвета, красоты, названия средств перемещения, музыкальных инструментов, деревьев и т. д. Количество единиц С. п. может быть как сравнительно ограниченным, так и очень большим (напр., обозначения времени). С. п., в к-ром отражаются существенные связи его единиц, образующих подвижную напряжённую «мозаику», можно сравнить с электромагнитным полем и его частицами.

С. п. характеризуется понятийной однородностью элементов, поэтому его единицами являются обычно лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначных слов и однозначные слова. Понятийно неоднородные ЛСВ слова распределяются по разным С. п. (ср. *отец* – 'родитель' и *отец* – 'священник').

В основе организации С. п. как упорядоченного множества наименований лежат гиперо-гипонимические (родо-видовые) отношения его единиц: гипонимы (см.) в качестве однородных единиц, обладающих свойством несовместимости (т. е. соот-

ветствующих видовым понятиям), включаются в класс (соотносительный с родовым понятием и обозначаемый гиперонимом) как его элементы. Гиперо-гипонимические отношения структурируют С. п. сверху донизу и снизу доверху, при этом понятия гипонима и гиперонима в нём относительны: так, лексическая единица *собака*, выступая как гипероним к гипонимам *пудель*, *борзая*, *ньюфаундленд* и др., может в свою очередь рассматриваться как гипоним по отношению к иерархически более высокому наименованию *животное* и т. д., напр. *пудель, борзая, ньюфаундленд... ⊂собака .. ⊂животное... ⊂органический мир...* (⊂ – знак включения). Однородные в смысловом отношении единицы последовательно объединяются в лексико-семантические группы, или элементарные микрополя (относительно замкнутые ряды слов одной части речи), подклассы, классы, классы классов, семантические макросферы и т. д., образуя сложную многомерную иерархическую систему взаимосвязанных С. п., границы к-рых относительны и часто определяются той или иной исследовательской задачей или установкой.

В зависимости от природы исходной единицы, лежащей в основе С. п. и определяющей семантическую и словообразовательную деривацию его элементов (характер значения единиц семантических классов, направления развёртывания С. п. от исходной лексемы, его частеречный состав и др.), выделяются категориальные типы С. п.: процессуальные (ср. 'передача' с доминантой глаголом), предметные (ср. 'транспортные средства' – с существительным), признаковые (ср. 'красота' – с прилагательным) и др. Учёт типологии С. п. позволяет выявить для каждого из них детерминанту как главное свойство, определяющее состав единиц С. п. и категориальный характер их семантики: в одних доминируют глаголы ['передача': *(пере)давать, вручать, продавать...*; другие члены производны, вторичны, периферийны: *передача, продавец, торговля* и др.], во вторых – существительные ('транспортные средства': *автомобиль, мотоцикл, судно...*; ср.: *автомобильный, речной, мотор* и др.), в третьих – прилагательные ('красота': *красивый, прекрасный, очаровательный...*; ср.: *красота, грация, конкурс* и др.) и т. д.

В структуре С. п. выделяются я д р о (лексическая единица или несколько единиц, семантически наиболее простые и содержащие общее значение С. п. в его «чистом» виде: 'цвет' в наименованиях цветообозначения, 'каузировать кого-л. начинать иметь что-то', т. е. делать так, чтобы что-то начало иметь место, возникло – в обозначениях передачи), ц е н т р [ряд «обволакивающих» ядро «слоёв» – специализированных классов единиц с семантически более сложными значениями: *(пере)давать – дарить, преподносить, презентовать...* ('дарение'), *продавать, сбывать, уступать...* ('продажа'), *сообщать (по радио), транслировать, телеграфировать...* ('информирование по каналам связи') и др.] и п е р и ф е р и я (вторичные наименования, входящие своими первичными значениями в смежные С. п. и реализующие семантику данного поля в специфических контекстуальных условиях: *Родители построили детям дачу*, т. е. передали, подарили; *шоколадный загар*, т. е. коричневый).

В С. п. могут синтезироваться все типы категориальных семантических отношений единиц, к-рые способны входить, если этому не противоречит их природа, в отношения синонимии (*давать – вручать*), антонимии [*давать – брать (обратно)*], конверсии (*вручать – принимать*), полисемии [*передавать (книгу)* и *передавать (сообщение по радио)*]; кроме того, они выступают как гипонимы по отношению к ближайшему гиперониму и имени С. п.

С. п. многомерно; его единицы входят в три вида отношений: парадигматические (*рука – нога – голова...*; ср. «парадигматические поля» Й. Трира и Л. Вайсгербера), синтагматические (*трогать, хватать, махать... рукой / руками*; ср. «синтагматические поля» В. Порцига) и ассоциативно-деривационные (полисемия: *рука* – 'часть тела', 'почерк', 'тот, кто может оказать помощь, протекцию' и словообразовательное гнездо: *рука – ручка – ручной – рукастый – однорукий – рукав...*); такие отношения, особенно последние из них, могут выходить за пределы данного С. п., указывая на его связи с другими С. п.

Парадигматическая близость единиц С. п и сходство их значений нередко отражаются синтагматически в наличии у них общей формулы употребления (схемы предложения), к-рая конкретизируется по мере усложнения и спецификации семантики.

Исследование языка по методу С. п. находит применение в лексикологии, лексикографии, грамматике, науке о языке художественной лит-ры («текстовые С. п.»), сопоставительной лингвистике и других областях языкознания. Лексикографическое описание С. п. даётся в специальных словарях: идеографических (тезаурусах) и тематических.

Лит.: Т о л с т о й Н. И., Нек-рые проблемы сравнительной слав. семасиологии, в кн.: Слав. языкознание. VI Международный съезд славистов. (Прага, август 1968 г.). Докл. сов. делегации, М., 1968; Щ е р б а Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Щ у р Г. С., Теория поля в лингвистике, М., 1974; Л о м т е в Т. П., Общее и рус. языкознание. Избр. работы, М., 1976; К а р а у л о в Ю. Н., Общая и рус. идеография, М., 1976; е г о ж е, Лингвистическое конструирование и тезаурус лит. языка, М., 1981; М о р к о в к и н В. В., Опыт идеографического описания лексики. (Анализ слов со значением времени в рус языке), М., 1977.

С л о в а р и: Рус. семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову, М., 1982; Лексическая основа рус. языка, под ред. В. В. Морковкина, М., 1984; Б а б о в К., В ъ р г у л е в А., Тематичен русско-български речник, София, 1961

Л. А. Новиков.

Семасиоло́гия (от греч. sēmasía – значение, смысл и lógos – слово, учение) – 1) (устар.) в широком смысле – наука о значениях языковых единиц вообще, то же, что семантика (см.); 2) в узком смысле – аспект семантики, раздел языкознания, изучающий значения языковых единиц в отличие от ономасиологии (см.), изучающей способы языкового обозначения предметов и понятий. Различение С. и ономасиологии обосновывается тем, что существует два взаимосвязанных и взаимодополнительных вида языковой деятельности: продуцирование речи (кодирование) и восприятие речи (декодирование). Необходимость разделения семантики на два аспекта диктуется также асимметрией плана выражения и плана содержания, в силу к-рой один элемент плана выражения (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. д.) может соотноситься с рядом элементов плана содержания, т. е. обладать многозначностью, тогда как один элемент плана содержания может соотноситься с рядом способов языкового выражения, образующих синонимический ряд или семантическое поле (см.). При семасиологическом подходе слово (напр., *ручка*) или к.-н. иная значимая единица языка анализируется на основе её парадигматических отношений (*ручка, рука, конечность, плечо, локоть* и т. п.) и синтагматических связей (*ручка ребёнка, карандаш и ручка, ручка кресла*) и соотносится со своим денотатом – объектом внеязыковой действительности. При ономасиологическом подходе исследователь исходит из понятия (предмета), производя на основании тех же парадигматических и синтагматических отношений отбор средств выражения для его наименования. Семасиологический подход включается в понятие референции (см.), ономасиологический – в понятие номинации (см.).

Изменение содержания термина «С.» связано с развитием науки и потребностью всё более дифференцированного описания содержательной стороны языка. В своём первом значении С. возникла в кон. 19 в. в нем. и рус. науке для обозначения области языкознания, изучающей содержательную сторону слов, прежде всего развитие их значений, в противовес морфологии, исследующей развитие форм. В других странах, напр. во Франции, соответствующий раздел языкознания получил название семантики. Почти сразу же возникла потребность различить два отмеченных выше аспекта С. Уже в 1895 М. М. Покровский, один из основоположников совр. семантики, говорил о направлениях исследований в этой области: «Можно рекомендовать темы, более исполнимые и уже отчасти исполненные: 1) какую семасиологическую судьбу имеет в различных языках слово, соответствующее такому-то понятию; 2) как выражается в различных языках какое-то понятие». Впоследствии первое из этих направлений получило наименование С. (в узком значении термина), второе – название ономасиологии. Эти два направления, тесно связанные между собой, объединяются общим понятием семантики.

С., возникшая первоначально как область сравнительно-исторического языкознания, изучавшая историю значений слов, в своём широком понимании охватывает след. основную проблематику: типология языковых значений; семантическая структура слова и других языковых единиц (многозначность, типы значений слова и др.); структура значения языковых единиц (выявляемая, в частности, с помощью компонентного анализа); семантические отношения между языковыми единицами (синонимия, антонимия, семантические поля и др.); закономерности изменения значений языковых единиц (формы, факторы и результаты этих изменений). См. также Значение, Лексическое значение.

Лит.: Звегинцев В. А., Семасиология, М., 1957; Покровский М. М., Избр. работы по языкознанию, М., 1959; Шмелев Д. Н., Очерки по семасиологии рус. языка, М., 1964

В. Г. Гак.

Семе́ма – см. Сема.

Семио́тика (от греч. sēméion – знак, признак, sēmeiōtikós – относящийся к знакам) – 1) научная дисциплина, изучающая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию, будь то системы, действующие в человеческом обществе (гл. обр. язык, а также нек-рые явления культуры: обычаи и обряды, кино и т. д.), в природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (напр., зрительное и слуховое восприятие предметов, психологические категоризации, логическое рассуждение); 2) система того или иного объекта, рассматриваемая с точки зрения С. в 1-м значении, напр.: С. алфавита; С. конкретного фильма; С. лирики А. А. Блока, исследованная А. Белым; С. обращений, принятых в рус. языке, и т. п.; отдельные авторы рассматривают в качестве объекта С. общество в целом, культуру в целом.

Первоначально общие принципы С. как «науки о знаках» были сформулированы на основе наблюдений над естественным языком одновременно и независимо в работах Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра, причём первый стремился к созданию особого варианта математической логики (т. н. чистой или умозрительной грамматики, grammatica speculativa), а второй – к определению предметной области различных знаков как объектов новой науки, названной им семиологией. Впоследствии термины «С.» и «семиология» стали употребляться как синонимы.

По мере развития С. в 20 в. у неё обнаруживались всё более глубокие исторические корни: в учении о знаке и в учении о музыке у Блаженного Августина (4–5 вв.); в ср.-век. учении о «тривии», цикле из трёх наук – грамматики, логики и рито-

рики, к-рым в совр. С. соответствуют синтактика, семантика и прагматика; в логико-лингвистических учениях ср.-век. схоластики 12–14 вв.– о «сущностях» и «качествах» (акциденциях), о «суппозициях» (подстановках терминов в суждение), об «интенциях разума» и др.; в логико-философских концепциях 17–18 вв. – «Грамматике Пор-Рояля» (1660) и «Логике Пор-Рояля» (1662), составляющих, по существу, две части единой концепции; в учении Дж. Локка о разуме и языке в их связи; в концепции особого искусственного языка – «всеобщей характеристики» (characteristica universalis) Г. В. Лейбница; в работах языковедов-философов 19–20 вв. В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, К. Л. Бюлера, И. А. Бодуэна де Куртенэ; у основателя психоанализа З. Фрейда и др.

Основы С. языка и художественной лит-ры заложили представители европейского структурализма 20–30-х гг. 20 в.– Пражской лингвистической школы (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Я. Мукаржовский, П. Г. Богатырёв и др.), Копенгагенского лингвистического кружка (Л. Ельмслев, В. Брёндаль), литературоведы Школы рус. формализма (Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум), а также независимые от направлений А. Белый и В. Я. Пропп. К этим исследованиям примыкают нек-рые работы М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и других рос. учёных. В работах названных авторов даны образцы применения принципов С. к изучению конкретных произведений художественной лит-ры, фольклора и нек-рых подсистем языка, языковых стилей и др. Наиболее оформленными течениями С. за рубежом являются американская школа Ч. У. Морриса, во Франции – семиология Р. Барта и отдельное направление семиологии Л. Прието, психоаналитическая семиотика Ж. Лакана, антропологическая школа М. Мосса – К. Леви-Строса, семиология кино К. Метца, в Бельгии – семиология Э. Бёйсенса, в Италии – семиология кино П. Пазолини и др. Опубликованы многочисленные разрозненные семиотические исследования в области кино, архитектуры, живописи, отдельных ритуалов, игр и т. д.; выходит большое количество семиотических сборников и журналов. В 1974 в Милане (Италия) состоялся 1-й Международный конгресс С. и была создана Международная ассоциация С. (с участием рос. учёных).

С. разделяется на абстрактную, или теоретическую, исследующую наиболее общие принципы строения знаковых систем, а также их формализуемые аспекты в виде искусственных формализованных языков (последнее часто относится к металогике), и конкретную, или эмпирическую, исследующую отдельные семиотические системы – мифы, обычаи, этническую организацию общества, искусство, социальное взаимодействие, а также научную коммуникацию и обмен информацией в обществе – в связи с информационной наукой (информатикой) и когнитологией.

В отличие от абстрактной С., остающейся теоретической дисциплиной, эмпирическая С., или, точнее, эмпирические, или конкретные, семиотики, ибо их много, выполняют весьма важные практические исследования. С их помощью лишь в последнее время открыты и реконструированы важные аспекты древнейшего индоевропейского языка и культуры; происхождение алфавитов христианской эпохи; закономерностей формирования научного знания Нового времени; закономерностей информационных процессов (информационная наука, информатика) и др. В последние годы С. тесно смыкается с научной областью «искусственного интеллекта», а также с когнитологией, или «когнитивной наукой» (cognitive science) – дисциплиной об операциях человека со знаниями.

Основной корпус абстрактной С. в гуманитарной сфере (за пределами общих принципов формализованных языков) составляют наиболее общие семиотические закономерности и наиболее общие семиотические членения знаковых объектов.

К семиотическим закономерностям, или принципам, относятся прежде всего оппозиции (противопоставленность) всех основных конституирующих элементов знаковых систем – фонем, морфем, слов, типов предложений, интонаций в естественных языках; отношений родства в этнической организации; отношений «свой, член общины, клана» – «чужой» в межэтнических отношениях; понятий «верхний мир» – «средний мир» – «нижний мир» в мифах и представлениях примитивных этносов о мире; «сырое» – «варёное» в представлениях о пище; «сидение» – «стояние» в этикете и т. п. Оппозиции элементов в одном месте речевой цепи или коммуникативного процесса выявляют различительные (дифференциальные) признаки элементов (напр., оппозиция слов *пить* – *бить* указывает на дифференциальный признак «глухость/звонкость» у фонем ⟨*п*⟩ и ⟨*б*⟩; оппозиция поз «мужчина сидит перед собеседником» – «мужчина стоит перед собеседником» выявляет дифференциальные признаки «сидение/стояние» и их социальные смыслы в совр. социальном этикете и т. п.). Сама процедура установления дифференциальных признаков путём замен в коммуникативной цепи – коммутация – также составляет отдельный семиотический принцип.

Важный принцип С.– т. н. принцип «функциональной семантики»: материально новый элемент системы включается в систему в форме того элемента, к-рый он заместил, напр., у нек-рых кочевых племён, первоначально не знавших лошадей и использовавших оленей, лошади в ритуалах маскируются (посредством рогов и т. п.) под оленей; первые автомобили маскируются под кареты, хотя в этом нет технической необходимости; пер-

вые электрические светильники маскируются под свечи или под керосиновые лампы и т. д. Так же в языке: напр., рус. *перочинный нож* обозначает предмет, к-рый раньше выполнял функции ножа для очинки гусиных перьев – предмета письма; индоевропейские термины плетения из прутьев массами переходят на обозначения предметов и орудий ткачества, к-рое первоначально осознаётся как «плетение из нового материала». Последнему явлению соответствует этимология индоевропейского корня **teks-*, означающего в др.-инд. языке «рубить, тесать» (*takṣ-*), а в лат. «ткать» (*tex-*). Т. о., этимология и «внутренняя форма слова» в этом отношении являются одним из проявлений общих принципов С.

Ещё один принцип С. – групповая, или «полевая», организация знаковых элементов. Проявлением этого принципа выступают группировки слов по общности или смежности обозначаемых предметов (денотатов), по общности выражаемых понятий (сигнификатов, смыслов) (т. н. поля Трира, поля Порцига, поля Покровского и др.)

Одно из самых существенных следствий этих и других закономерностей – кумулятивный характер семиотической системы: элементы нового знания (в общем случае – новой информации) в системе способны связываться, аккумулироваться с уже накопленной информацией, а каждый новый элемент получает благодаря своей знаковой форме точный «адрес» – указание на его место в системе.

Наиболее общие семиотические членения заключаются в наличии (в языке и языкоподобных системах) семантики, синтактики, прагматики. Семантика определяется как отношение знаков к объектам внешнего мира и к их мысленным аналогам (отражениям, представлениям, понятиям, концептам); из семантики в широком смысле выделяется референция (см.). Синтактика определяется как отношение между знаками во временно́й последовательности в коммуникативном процессе, в частном случае – в речевой цепи. Прагматика – как отношение между знаками и теми, кто их использует. Эти определения являются базовыми. Однако в связи с расширением сферы С. в сторону когнитивных процессов складывается несколько иное соотношение этих членений С.: семантика начинает пониматься как область истинности высказываний, в связи с чем из неё выделяется особая область – референция; прагматика – как область мнений, оценок, презумпций и установок говорящих (и вообще пользователей семиотической системой); синтактика – как область формального, логического, вывода.

В настоящее время С. входит в качестве важнейшего компонента в новый комплекс дисциплин – культурологию в широком смысле.

Лит.: Белый А., Поэзия слова, П., 1922; Шкловский В., О теории прозы, Л., 1925; Пропп В. Я., Морфология сказки, Л., 1928; 2 изд., М., 1969; Тр. по знаковым системам, в. 1–20, Тарту, 1964–87; Иванов В. В., Топоров В. Н., Слав. языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период), М., 1965; Трубачев О. Н., Ремесленная терминология в слав. языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции), М., 1966; Лотман Ю. М., Структура художественного текста, М., 1970; его же, Типология культуры, Тарту, 1970; его же, Статьи по типологии культуры, Тарту, 1973; Богатырев П. Г., Вопросы теории народного искусства, М., 1971; Степанов Ю. С., Семиотика, М., 1971; его же, В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства, М., 1985; Бенвенист Э., Семиология языка, в его кн.: Общая лингвистика, [пер. с франц.], М., 1974; Шрейдер Ю. А., Логика знаковых систем, М., 1974; Балашов Н. И., О возможностях и формах применения семиотической категории «значение» в поэтике и в литературоведении, в кн.: Контекст – 1974, М., 1975; Иванов В. В., Очерки по истории семиотики в СССР, М., 1976; его же, Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем, М., 1978; Храпченко М. Б., Художественное творчество, действительность, человек, 2 изд., М., 1978; Семиотика. Сб., М., 1983; Строение фильма. Сб., М., 1984; Леви-Строс К., Структурная антропология, пер. с франц., М., 1985; Якобсон Р. О., Работы по поэтике, М., 1987; Толстой Н. И., О природе связей бинарных противопоставлений типа правый–левый, мужской–женский, в кн.: Языки культуры и проблемы переводимости, М., 1987; Язык и моделирование социального взаимодействия. Сб. ст., М., 1987; Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, М., 1988; Барт Р., Избр. работы. Семиотика. Поэтика, пер. с франц., М., 1989; Степанов Ю. С., Проскурин С. Г., Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия, М., 1993; Яковлева Е. С., Фрагменты рус. языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия), М., 1994; Петров В. В., Послесловие, в кн.: Гуссерль Э., Идеи к чистой феноменологии, М., 1994; Делёз Ж., Логика смысла, [пер. с франц.], М., 1995; Erlich V., The Russian Formalism. History, doctrine, 2 ed., The Hague, 1965; Foucault M., Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines, [P., 1966]; Metz Chr., Essais sur la signification au cinéma, P., 1968; Coward R., Ellis J., Language and Materialism. Developments in semiology and the theory of the subject, L.– Henley – Boston, 1977; Greimas A. J., Courtés J., Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage, P., 1979. *Ю. С. Степанов.*

Семья́ языко́в – совокупность родственных языков (см. Родство языковое), унаследовавших из общего праязыка заметную общность материального фонда (слова, морфемы, корни, аффиксы), отражающего строгие звуковые соответствия. Объём понятия «С. я.» в терминологической практике изменчив. Одно и то же объединение родственных языков может именоваться и группой, и семьёй. Так, слав. языки могут называться группой, входящей в индоевропейскую семью, и семьёй, входящей в бо́льшую семью. Для семей труднообозримых и далеко расходящихся языков (напр., индейских) применяются также термины «макросемья» и «филия», к-рые иногда выступают как синонимы, иногда как иерархически подчинённые термины.

Рус. язык вместе с украинским и белорусским (вост.-слав. языки) входит в группу (семью) славянских языков (см.), включающую также зап.-слав. (польск., чеш., словацкий и др.) и южнослав. (болг., сербскохорватский, словен. и др.) языки. Они связаны закономерными звуковы-

ми соответствиями родственных слов и морфем: рус. *голос, сон, мох, муж, межа, луг, чужой*; польск. *głos, sen, mąz, miedza, lag, cudzy*; чеш. *hlas, sen, meze, luh, cizí*; болг. *глас, сън, мъх, мъж, межда, лъг, чужд*; сербскохорватское *глас, сȁн, мах, муж, мѐђа, луг, туђ*; словен. *sên, mǒž, lóg, meja, tuj* и т. п.

Слав. языки вместе с балтийскими (литов., латыш. и др.), германскими (англ., нем., швед., идиш и др.), романскими (франц., исп., итал., рум. и др.), индийскими (индоарийскими) (хинди, урду, цыганский и др.), иранскими (афг., курдский, тадж., осет. и др.), а также с алб., арм., греч., не являющимися членами к.-л. групп, и нек-рыми другими группами вымерших языков составляют семью индоевропейских языков.

На материале индоевропейских языков впервые оформилось научное представление о языковом родстве, праязыке и С. я., разработаны методы и приёмы их изучения, построена генеалогическая классификация языков, охватывающая почти все языки земного шара. Наиболее изучены семьи тюркских (тур., туркм., тат., башк., казах., узб., якут. и др.) и финно-угорских (фин., эст., морд., венг. и др.) языков. Ведутся поиски более отдалённого родства между крупными семьями языков. Удалось доказать родство финно-угорских и самодийских языков (ненецкий, селькупский и др.) в рамках уральской языковой семьи. Спорной является гипотеза об алтайской макросемье языков, включающей в себя тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский языки. Иногда к ним относят ещё и уральские языки. Праязыковую систему, способную объяснить материальное сходство и различие алтайских языков, реконструировать не удаётся, несмотря на вероятность многих выявленных сопоставлений.

Более спорна ностратическая гипотеза о макросемье языков, объединяющей в себе индоевропейские, уральские, алтайские, афразийские (семитские, чадские, кушитские и др.), картвельские, дравидийские, эскимосско-алеутские и другие языки почти всего Старого света. Сторонники ностратической гипотезы выявили ок. 1000 морфем, связанных, по их мнению, регулярными соответствиями и восходящих к праязыку. Однако весьма сомнительна датировка ностратического праязыка до эпохи вычленения из него праязыков крупнейших языковых семей – 11-е тыс. до н. э., до начала неолитической революции, формирования Homo Sapiens, до начала расообразования.

Лит.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Совр. состояние и проблемы, М., 1981; Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы, М., 1982; Широков О. С., Введение в языкознание, М., 1985; Хайду П., Уральские языки и народы, пер. с венг., М., 1985; Увод в изучаването на южнославянските езици, София, 1986; Анічэнка У. В., Мовы ўсходніх славян, Мінск, 1989. См. также лит. при ст. Родство языковое.

В. К. Журавлёв.

Сигнифика́т (от лат. significatum – обозначаемое) – понятийное содержание знака языкового (см.).

В этом значении термин «С.» восходит к ср.-век. схоластической логике, в частности к Иоанну Солсберийскому (12 в.), а в 20 в. снова вошёл в употребление в работах Ч. У. Морриса (1938); приблизительно соответствует «содержанию понятия» в традиционной логике, «смыслу» (Г. Фреге), «интенсионалу» (Р. Карнап), «значению» (У. О. Куайн), «концепту» (А. Чёрч), «означаемому» (Ф. де Соссюр) и нек-рым другим аналогичным терминам, обладающим, однако, специфическими коннотациями (см.). Так, означаемое у Соссюра противопоставляется лишь означающему, т. к. предметную отнесённость знака он выносил за пределы лингвистического исследования, тогда как у Морриса С. противопоставляется не только «имени» (формальной стороне знака), но и «денотату» (предметной отнесённости знака).

С гносеологической точки зрения С. представляет собой отражение в человеческом сознании свойств соответствующего денотата (см.). Т. к. сам термин «денотат» неоднозначен (денотат$_1$ = референт, денотат$_2$ = экстенсионал), то и в термин «С.» вкладывается различное содержание в зависимости от того, противопоставляется ли он экстенсионалу или референту.

В первом случае С. противопоставляется денотату как идеальное, психическое образование – материальному. Во втором случае С. понимается как номинат слова в системе языка (т. е. то, что может именоваться словом как языковой единицей), противопоставляясь денотату как номинату слова в актуализованной речи (В. Г. Гак). Возможно денотативное (референциальное) тождество языковых выражений с различными С. Так, сигнификативно различные выражения *позвоночные и живые существа, имеющие череп,* обладают одним и тем же денотативным значением (определяют один и тот же экстенсионал). Указание на один и тот же референт при помощи знаков с различными С. характерно для художественных текстов. Так, в тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» сигнификативно различные выражения *гражданин, клетчатый, субъект, регент, переводчик, длинный клетчатый, неизвестный, клетчатый гаер, гад-переводчик, Коровьев, Фагот, надувало Фагот* и т. п. идентифицируют одно и то же лицо каждый раз по-новому, выделяя различные его признаки. Из ряда признаков именующий субъект выбирает для номинации лишь те, к-рые позволяют правильно идентифицировать денотат.

С. всегда фиксирует нек-рый комплекс признаков денотата – постоянных или временных, абсолютных или относительных. Поэтому многие исследователи считают, что у собственных имён и «индексальных знаков» (напр., указательных ме-

стоимений) вообще нет С. В то же время элементы предложения, не соотносящиеся прямо с объектами внеязыковой действительности (сказуемые, определения, обстоятельства), согласно такой концепции, имеют только С., но не имеют денотата. Так, по Н. Д. Арутюновой, в предложении *Она молодая хозяйка* признак молодости приписывается С. слова *хозяйка*, а в предложении *Молодая хозяйка вошла в комнату* признак молодости характеризует денотат слова *хозяйка*. Поэтому первое предложение может быть сказано о пожилой женщине, недавно оставившей работу и начавшей заниматься хозяйством, а второе – не может. Открытым остаётся вопрос о С. «пропозитивных» знаков, именующих целую ситуацию. Ряд исследователей, приписывая С. не только слову, но и предложению (или высказыванию), связывают С. слова с «понятием», а С. предложения – с «суждением» («мыслью», «пропозицией», «психической ситуацией», «предикацией», «семантической моделью предложения» и т. п.). По-разному решается вопрос о включении модальных и коммуникативных значений, актуального членения и т. п. в С. высказывания. Нет единства и в решении вопроса о том, включать ли в С. коннотации и эмоционально-экспрессивные компоненты смысла (см. Лексическое значение) или приравнивать его к «понятийному ядру» слова. Соответственно одни учёные считают, что у слов *лицо, лик, рожа* одно и то же денотативное, но различные сигнификативные значения, другие считают, что эти слова имеют одно и то же сигнификативное значение, но разные экспрессивные значения.

Лит.: Апресян Ю. Д., Совр. методы изучения значений и нек-рые проблемы структурной лингвистики, в кн.: Проблемы структурной лингвистики, М., 1963; Городецкий Б. Ю., К проблеме семантической типологии, М., 1969; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Языковая номинация. (Общие вопросы), М., 1977; Гак В. Г., Теоретическая грамматика франц. языка. Синтаксис, 2 изд., М., 1986; Morris Ch. W., Writings on the general theory of signs, The Hague – P., 1971. См. также лит. при статьях Денотат, Референт, Референция.

Т. В. Булыгина, С. А. Крылов.

Синéкдоха (греч. synekdochḗ – букв. соперенимание, соотнесение) – троп (см.), основанный на переносе наименования по принципу смежности с меньшего на большее (части на целое, вида на род, элемента на множество) и наоборот; разновидность метонимии (см.). С. затрагивает лишь область количественных отношений между обозначаемыми предметами (явлениями), не касаясь их качественных особенностей, т. е. представляет собой простейшую разновидность метонимии. В стилистике и поэтике С. рассматривается как одна из фигур речи (см.), особый словесный приём, базирующийся на переосмыслении, переносе значения по принципу смежности. Использование С. нередко свидетельствует о внимании автора к конкретной детали, предметной подробности, напр.: «...*потому что русские бородки, несмотря на то что от них ещё несколько отзывается капустою, никаким образом не хотят видеть дочерей своих ни за кем, кроме генералов или, по крайней мере, полковников*» (Гоголь). Слово *бородки* в данном контексте оказывается функциональным заместителем сочетания *люди с бородками*. Обозначение целого осуществляется через название детали, к-рая т. о. выдвигается на первый план.

По доминирующему в тропе направлению переноса выделяются две основные разновидности С.: обобщающая и конкретизирующая (сужающая). В первом случае обозначаемое явление предстаёт как совокупность однородных составляющих. Происходит «расширение» значения слова, придающее речи в целом более абстрактный, обобщённый характер. Как выразительный приём такая С. широко используется не только в художественной лит-ре, но также в публицистике и разг. речи. Ср.: «... *им* (рабочим) *нравилась надежда на прочный и обильный машинный хлеб, им надоел голод с капризным нервным мужиком*» (Платонов); *Главным в коллективе стал рабочий; Ну и студент пошёл!* С. второго типа связана с семантической конкретизацией, к-рая сопровождает замену – меньшее вместо большего: «*Все флаги в гости будут к нам*» (в значении «корабли»; Пушкин); «*В окне гражданин, устав от ношения портфелей, сложивши папки, жене, приятной во всех отношениях, выбирает "глазки да лапки"*» (Маяковский); «*Режет серп тяжёлые колосья, Как под горло режут лебедей*» (Есенин) Разные типы С. могут сосуществовать в рамках лит. приёма, определяя организацию значительных фрагментов, напр. стихотворного текста: «*Девушка пела в церковном хоре О всех, усталых в чужом краю, О всех кораблях, ушедших в море, О всех, забывших радость свою. Так пел её голос, летящий в купол, И луч сиял на белом плече, И каждый из мрака смотрел и слушал, Как белое платье пело в луче*» (Блок). Смена предикативных групп *девушка пела – пел её голос – белое платье пело* демонстрирует конкретизирующую С. Она сочетается с С. обобщающей, к-рая появляется в сочетаниях с определительным местоимением *все*, поддержанных анафорическим повтором.

С. не является тропом в том случае, когда приобретает характер регулярной модели образования слов и целых выражений, приводя к расширению и обогащению лексической системы языка. С. предстаёт как один из устойчивых способов образования многозначного слова путём развития более абстрактных или, напротив, конкретных значений Она часто лежит в основе перехода нарицательных имён в имена собственные. С. проявляется в структуре устойчивых сочетаний: *несколько тысяч голов скота; кругом ни души; официальное лицо; рабочие руки везде нужны; зарабатывать* (на) *кусок хлеба.*

С. часто сопровождает изменения в семантико-синтаксической организации фразы: вынесение «несубъектных» актантов в позицию подлежащего («*Мачты въезжают в ворота Настежь открытого моря*», Пастернак), «разложение» объекта («*Так советская шла пехота Прямо в жёлтые жерла "берт"*», Ахматова), предпочтение пассивных конструкций активным («*Я расскажу тебе, как зажимается нож В узкой руке...*», Цветаева). С. может быть выражена в предложении с однородными членами: «*А люди придут, зароют Моё тело и голос мой*» (Ахматова).

К С. могут быть отнесены нек-рые случаи использования имён собственных во мн. ч.: «*Он пишет лучше Демосфенов и Цицеронов*» (Кошанский), в разг. речи – *Надоели твои Пети и Бори*. Употребления собственных имён во мн. ч., к-рые как бы намечают их «переход в нарицательные», обычно связаны с переносом именования по свойству, поэтому должны быть причислены к особой разновидности тропов – антономазии, напр. «*Нынешние Раскольниковы не убивают старух процентщиц топором, но терзаются перед той же чертой: переступить?*» (Трифонов). Выделяются сравнения типа С.– *прекрасный, как бог*; *сильный, как бык*.

Особый статус приобретает С. в пословицах и поговорках, выступая одновременно как факт языка и приём народной словесности: *Весёлая голова живёт спустя рукава; Сытое брюхо к ученью глухо* и др.

Лит.: Кошанский Н., Общая риторика, СПБ, 1830; 10 изд., СПБ, 1849; Античные теории языка и стиля, М.– Л., 1936; Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики, Горький, 1975; Потебня А. А., Эстетика и поэтика, М., 1976; Общая риторика, пер. с франц., М., 1986; Лит. энциклопедический словарь, М., 1987; Якобсон Р., Работы по поэтике, М., 1987. См. также лит. при статьях Метонимия, Троп.

Л. И. Василевская.

Синонимия (от греч. synōnymía – одноимённость) – тождество или близость значений разных по звучанию единиц одного языкового уровня (слов, морфем, синтаксических конструкций) с точки зрения семасиологии (см.). Ср. ономасиологическое (см. Ономасиология) понимание С. как общности номинации (см.), т. е. способности разных языковых единиц обозначать одно и то же денотативное (предметное) содержание: *говорить, болтать, лепетать, бормотать* обозначают акт говорения. Принцип равной предметной отнесённости лежит в основе стилистического взгляда на С. Различаются нейтральность и окрашенность членов синонимического ряда. Функциональная (сфера употребления) и экспрессивная (высокое / низкое) окрашенность, как правило, актуализуются одновременно: *лик – лицо – рожа – образина*. Большинство совр. исследователей склоняется к признанию С. чисто семантическим явлением, вводя в связи с этим дополнительные критерии, напр.: 1) тождество и близость значений различаются, и лишь первое образует синонимические отношения языковых единиц (*артист – актёр* синонимичны, *поэт – стихотворец* – нет); 2) тождество и близость значений объединяются, но образуют синонимические отношения лишь в пределах одного логического понятия (*поэт – стихотворец* синонимичны, т. к. их объединяет понятие «человек»); 3) сами критерии тождества и близости значения устанавливаются лишь на основе особенностей семантической структуры языкового знака. Это приводит к различению степени синонимичности элементов языка, к понятиям взаимозаменимости и позиционной нейтрализации смысловых противопоставлений как признакам С. Ср.: *узкий – тесный; узкий – тонкий* (*узкая талия – тонкая талия* у женщины, но не *тесная талия*; *узкая талия – тесная талия* у платья, но не *тонкая талия*; *узкая комната*, но не *тонкая комната*; *узкая комната* и *тесная комната* – разные значения). Количество позиций, в к-рых слова *узкий – тесный – тонкий* взаимозаменяемы, ограниченно и, следовательно, ограниченна близость их значений (условие частичной синонимичности). Ср. *печальный – грустный, спешить – торопиться*, где взаимозаменимость полная, т. к. она является необходимым свойством самих значений этих слов, что и ведёт к максимальной позиционной нейтрализации (условие полной С.). Т. о., С. осуществляется полным или частичным совпадением отдельных элементов смысловой структуры языкового знака, называемых семасиологами семантическим вариантом (лексико-семантическим вариантом, элементарным значением).

С. чаще всего рассматривается как свойство лексики, а также фразеологии. В изучении последней ономасиологический подход берёт верх над семасиологическим. Синонимизируются фразеологические единицы, к-рые соотносятся с одним и тем же денотативным содержанием (*ясно, как божий день – ясно, как дважды два четыре* – 'совершенно ясно'), но различаются по способу номинации и по характеру экспрессии.

Однако понятие С. приложимо и к смысловым связям единиц других уровней языковой системы. Так, словообразовательная С. чаще всего определяется как тождество или близость значений: 1) одноосновных слов с разными аффиксами (*лимоновый – лимонный; заснуть – уснуть; свердловец – свердловчанин*); 2) аффиксов, соединяющихся с разными основами (суффиксы *-ун-*, *-ец-* со значением nomina agentis – *бегун, прыгун, чтец, писец*; суффиксы *-н-*, *-ов-* со значением принадлежности – *сестрин, отцов*; префиксы *сверх-*, *ультра-*, *архи-* со значением превосходной степени чего-л.– *архифонема, сверхзадача, ультразвук*). Нек-рые учёные включают в словообразовательную С. только первое явление.

Также неоднородны критерии синтаксической С. Большинство исследователей видит её в

структурно-смысловой общности и взаимозаменяемости: 1) разных типов словоформ в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции (*ждать ответ – ждать ответа*; *за ягодами – по ягоды*); 2) разных синтаксических моделей предложения, передающих одну и ту же ситуацию (*Я прочёл книгу – Книга прочитана мной*). Под синтаксической С. понимают также предложения, соотносительные в лексико-синтаксическом и лексико-фразеологическом планах, составляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, к-рая выражает общее, типовое значение минимальными языковыми средствами и в к-рой смысловые и грамматические центры предложения совпадают (*Земля круглая* – типовое значение «признак предмета», основная модель. Синонимические варианты: *Земля имеет круглую форму*; *У Земли круглая форма*; *Мы решили* – типовое значение «предмет и его действие». Вариант – *Мы приняли решение* и т. д.).

Лит.: Ковтунова Т. И., О синтаксической синонимике, в кн.: ВКР, в. 1, М., 1955; Винокур Т. Г., Синонимия и контекст, в кн.: ВКР, в. 5, 1965; Лексическая синонимия, М., 1967; Золотова Г. А., Синтаксическая синонимия и культура речи, в кн.: Актуальные проблемы культуры речи, М., 1970; Словарь синонимов рус. языка, т. 1–2, Л., 1970–71; Синонимы рус. языка и их особенности, Л., 1972; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Бережан С. Г., Семантическая эквивалентность лексических единиц, Киш., 1973; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Новиков Л. А., Семантика рус. языка, М., 1982; Черняк В. Д., Проблема синонимии и лексико-грамматических классификаций слов, Л., 1989.

Т. Г. Винокур.

Сино́нимов словари́ – словари, содержащие ряды синонимов (см.), в к-рых по алфавиту расположены слова, являющиеся основными, опорными в каждом из синонимических рядов.

Словари синонимов рус. языка начали появляться с кон. 18 в. В 1783 вышел «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина, содержащий 32 синонимических ряда. В 1818 была опубликована первая часть «Опыта словаря русских синонимов» П. Ф. Калайдовича, в 1840 – первая часть «Словаря русских синоним или сословов» А. И. Галича. Эти начинания не были доведены до конца.

В зависимости от целей и задач словаря, а также понимания синонимии С. с. могут быть разных типов. В 1900 был издан небольшой «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова, содержащий простые перечни слов, сгруппированных по признаку их смысловой близости. Отсутствие пояснений и чёткого опреде-

ОПЫТЪ
СЛОВАРЯ
РУССКИХЪ
СИНОНИМОВЪ,
ИЗДАНЪ
Московскихъ Обществъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ Соревнователемъ и Любителей Россійской Словесности Сотрудникомъ
ПЕТРОМЪ КАЛАЙДОВИЧЕМЪ.

Словесемъ твоимъ сотвори вѣсъ и мѣру.
Сирах. гл. 28. ст. 29.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1818.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

не будучи чувствительнымъ, особливо въ благодѣяніи? *Признательность* есть начало *благодарности*. *Благодарность* есть усовершеніе *признательности*; словомъ, *благодарность* есть *признательность* добраго сердца, сердца великаго.

Признательность лежитъ на сердцѣ у неблагодарнаго. *Благодарность* сердцу приятна, какъ благодѣяніе.

Неблагодаренъ тотъ, кто торопится за великодушную услугу расплатиться другою, чтобъ только избавиться отъ тяжести *признательности*; но тотъ исполненъ *благодарности*, кто хотя не платитъ своего долгу и, кажется, не смѣетъ открыть рта, однако радуется съ своимъ благотворителемъ, или плачетъ съ нимъ.

Признательность отдаетъ свой долгъ; она расплачивается. *Благодарность* не считаетъ того, что воздаетъ; она всегда остается въ долгу. Первая есть покорность должно-

Фрагмент текста словаря синонимов П. Ф. Калайдовича.

З. Е. АЛЕКСАНДРОВА

СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Около 9 000 синонимических рядов

Под редакцией Л. А. ЧЕШКО

Издание второе, стереотипное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
Москва — 1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ДВУХ ТОМАХ

Том второй

О - Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1971

ления смысловой близости обусловило отрицательное отношение к этому изданию со стороны лингвистов, однако ввиду отсутствия более удовлетворительного справочника словарь этот нек-рое время являлся единственным собранием синонимов (5 изд., 1994). Выпущены два учебных словаря синонимов рус. языка: «Учебный словарь синонимов русского литературного языка» В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского (1930; 2 изд., 1931), «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Клюевой (1956; 2 изд., 1961). В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой (1968; 8 изд., 1995) даны перечни близких по значению слов без толкований.

«Словарь синонимов русского языка» (гл. ред. А. П. Евгеньева, т. 1–2, 1970–71) – первый опыт полного собрания синонимов рус. языка, в к-ром объяснение употребления каждого из приведённых слов подтверждено большим количеством иллюстраций. Синонимами признаются слова, близкие или тождественные по значению, к-рые употребляются для обозначения одного и того же понятия и входят в совр. лит. язык. Синонимы собраны и сгруппированы в ряды, дана характеристика смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков, к-рыми они отличаются друг от друга. Каждая словарная статья содержит перечень слов, входящих в данный синонимический ряд, их толкование и примеры из литературно-художественных произведений. Синонимический ряд начинается словом, «наиболее отчётливо выражающим понятие», к-рое обозначают слова, входящие в этот ряд.

На основе работы над данным словарем был составлен (под руководством Евгеньевой) однотомный «Словарь синонимов. Справочное пособие» (1976), в к-ром количество синонимических групп пополнено, уточнён их состав; объём словаря уменьшен за счёт иллюстративного материала.

В Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством Ю. Д. Апресяна ведётся работа по созданию нового объяснительного словаря синонимов рус. языка («Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект», 1995). Словарь составляется в соответствии с принципами интегрального описания языка (согласованного описания грамматики и словаря) и ориентирован на систематическое отражение «наивной картины мира», закреплённой в основных «лексикографических типах» рус. языка (классах слов с одинаковыми свойствами, одинаково реагирующих на определённые правила и поэтому требующих еди-

ДОБРОТА, добродушие, благодушие, добросердечие, добросердечность, мягкосердечие, мягкосердечность. *Ср.* кротость, отзывчивость

добротно 1. *см.* прочно 2. *см.* хорошо

добротность 1. *см.* прочность 2. *см.* доброкачественность

добротный 1. *см.* прочный 2. *см.* хороший

доброхот *см.* доброжелатель

доброхотный 1. *см.* доброжелательный 2. *см.* добровольный

доброхотство *см.* доброжелательность

ДОБРЫЙ 1. добродушный, благодушный, добросердечный, мягкосердечный; милостивый (*уст.*). *Ср.* кроткий, отзывчивый

ся *на кого-что*; вверить себя (*уст.*)

ДОВЕРЧИВО / *слишком*: легковерно

ДОВЕРЧИВОСТЬ / *чрезмерная*: легковерие, легковерность

ДОВЕРЧИВЫЙ / *слишком*: легковерный ◇ *в знач. сказ.*: святая простота (*шутл. и ирон.*)

довершать *см.* кончать

довершаться *см.* оканчиваться

довершение *см.* окончание

довершить *см.* кончить

довершиться *см.* окончиться

ДОВЕРЯТЬ 1. вверять, вручать

2. верить, оказывать доверие, облекать доверием *кого*

ДОВЕРЯТЬСЯ, вверяться, полагаться *на кого-что*, надеяться *на кого-что*; вверять себя (*уст.*)

Фрагмент текста «Словаря синонимов русского языка» З. Е. Александровой

И как только мы слились с потоком гуляющих, я понял, что в каждом городе есть своя «Почтовка». В. Беляев, Старая крепость, ч. 3, На прогулке.

— См. Замешаться, Смутиться, 2. Спутаться.

Смешной, забавный, потешный (*разг.*), **уморительный** (*разг.*), **смехотворный** (*разг.*), **курьезный** (*разг.*), **комический** и **комичный**

Заключающий в себе что-л. заставляющее смеяться, вызывающее смех. **Смешной** — вызывающий смех; **забавный, потешный** — такой, который не только смешит, но и забавляет; **уморительный** — очень смешной, очень забавный; **смехотворный** — такой, который вызывает смех своей нелепостью, несуразностью и т. п.; **курьезный** употр. преимущ. со словами *случай, происшествие* и т. п. в речи разговорного характера; **комический, комичный** — смешной, забавный, полный комизма.

Он ел рыбу прямо с ножа, все время странно конфузился и имел самый смешной вид. Куприн, Прапорщик армейский, 21 сент. — *Марк Игнатьич, а отчего у вас такая смешная*

вались всевозможные курьезные происшествия и анекдоты. Юрьев, Записки, Первые годы на сцене, 13. *В голосе «Бертища» было нечто до того смешное, комическое, что, кажется, самые обыкновенные слова, сказанные им, непременно бы возбудили веселое расположение духа и улыбку в самом скучном человеке.* Гл. Успенский, Из деревенского дневника, III, 2. *Мирон, изображая управляющего, заговорил смешным старческим голосом и состроил такую комическую рожу, что учитель не выдержал и расхохотался.* Скиталец, Лес разгорался, II. *Не обошлось дело и без комических происшествий. — Сколько девушек на съезде? — спросил Владимир Ильич - - -. — Девять штук! — выпалил я. Все засмеялись.* Безыменский, Встречи комсомольцев с В. И. Лениным, с. 20. *Не смеялся только Райский да Вера. Как ни комична была Полина Карповна, грубость нравов этой толпы и выходка старика возмутили его.* И. Гончаров, Обрыв, ч. 3, II. *Верхом на высокой худой лошади, отчаянно тряся при езде локтями, весь изгибаясь при малейшем движении, Фок был очень комичен.* Степанов, Порт-Артур,

Фрагмент текста «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой.

нообразного описания в словарях). Это словарь активного типа, предназначенный для развития навыков гибкой, богатой и идиоматичной речи на родном или иностранном языке. В словаре реализована установка на возможно более полное описание семантических, прагматических, коммуникативных и иных сходств и различий между синонимами, а также условий, в к-рых происходит полная или частичная нейтрализация различий.

Д. Н. Шмелёв.

Сино́нимы (от греч. synṓnymos – одноимённый) – слова одной части речи, имеющие полностью или частично совпадающие лексические значения. Термин «С.» чаще употребляется применительно к словам, но может быть применён и к единицам других языковых уровней (см. Синонимия). При совпадении лексических значений однозначных слов образуются п о л н ы е (абсолютные) С.: *гостиница – отель*. Многозначным

словам свойственна неодинаковая степень синонимичности.

Существование С. связано со способностью языковой системы иметь несколько означающих для одного означаемого. В понимании С. критерии различия не менее важны, чем критерии сходства. И те и другие разными исследователями определяются по-разному: если обязательным условием синонимичности признаётся смысловое тождество, то различия усматриваются в стилистических особенностях употребления и в экспрессивно-эмоциональной окраске (*очи – глаза, правда – истина*); если в условие синонимичности включают возможности смысловой дифференциации (допускают существование у С. различных оттенков значения), то различительными признаками считают выражение субъективной оценки обозначаемого говорящим (*безголовый – безмозглый*), выделение того или иного признака понятия с точки зрения говорящего (*загореться – заняться – вспыхнуть – запылать*), степень интенсивности признака (*противный – отвратительный – омерзительный*), степень интенсивности действия (*любить – обожать*).

Если С. рассматриваются преим. со стороны стилистического употребления, то сама функционально-экспрессивная окраска приобретает назначение смысловой дифференциации (*пополнеть – потолстеть*, где второй член ряда более снижен и менее вежлив, из-за чего воспринимается как бóльшая степень интенсивности признака). Этим создаётся возможность контекстуального использования С. при сопоставлении (*До того он пришёл грязный, замурзанный весь!*) и противопоставлении (*Она не шла, она шествовала*).

В вопросе о том, какие слои лексики следует принимать во внимание при поисках синонимических соответствий, также существуют разногласия. Нек-рые учёные видят источник возникновения С. в оппозициях: иноязычное – своё, устарелое – современное, литературное – диалектное – жаргонное. Другие полагают, что чисто лингвистическое содержание понятия С. вскрывается лишь при синхронном срезе лексико-семантической системы общелит. и обиходно-разг. языка. С этой точки зрения *паломник* не является С. к *турист* или *путешественник*, *баско* – к *хорошо*, а *гепатит* – к *желтухе*, т. к. первые члены этих пар не общелитературны (или общеразговорны) и для их употребления нужны специальные условия речи.

Лексико-грамматический состав каждого языка имеет свою специфику и, следовательно, специфику синонимических источников. Для рус. языка она проявляется в обилии не только разнокоренных, но и однокоренных С. Однокоренные С. существуют во всех частях речи и различаются вариантами корня или основы. Сюда входят разные явления: глагольные видовые пары (*угаснуть, погаснуть – угасать, погасать*), генетические пары «ст.-славянское – др.-русское» (*короткий – краткий*), образования или от одних и тех же, или от разных морфологических единиц (наречия *вокруг – кругом* и *близко – вблизи*). Однокоренные С. образуются и с помощью аффиксов с типизированным значением (*вдоволь – вволю – всласть, бесконечный – безграничный, отыкать – вонзать*).

Среди частей речи наиболее способна к синонимизации глагольная лексика.

Лит. см. при ст. Синонимия. *Т. Г. Винокур.*

Синта́гма (от греч. sýntagma, букв.– вместе построенное, соединённое) – 1) интонационно-смысловое единство, к-рое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения. Л. В. Щерба определил С. как фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли. В решении вопроса о членении речевого потока он исходил из единства смысловой и звуковой сторон языка при доминирующей роли первой. Поскольку С. составляют слова, тесно связанные по смыслу, она обычно представляет собой и синтаксическое единство. Так, в отдельные С. выделяются обособленные члены предложения, вводные и вставные конструкции и т. п. Однако совпадение синтаксического и синтагматического членения необязательно. Разное синтагматическое членение одного предложения создаёт различные высказывания, передающие тонкие оттенки смысла и выражающие отношение говорящего к сообщаемому факту, ср.: *Брат уезжает в Москву* и *Брат/уезжает в Москву*. Синтагматическое членение может служить средством различения смысла внешне омонимичных, но различных по синтаксической структуре предложений, напр.: *Как удивили его/слова брата* и *Как удивили его слова/брата*.

С. является речевой единицей, в рамках к-рой реализуются правила коартикуляции и варьирования звуков, в частности позиционно обусловленные изменения звуков на стыке слов (сандхи). Будучи минимальной интонационной единицей, в к-рой реализуются интонационные конструкции данного языка, С. структурно членится на ритмические группы, объединённые словесным ударением.

С фонетической стороны членение потока речи на С. достигается как особым оформлением границ между С., так и объединением слов внутри С. Основное средство членения на С.– пауза, к-рая обычно выступает в комплексе с мелодикой речи, интенсивностью и темпом речи и может замещаться резкими изменениями в значениях этих просодических признаков. Целостность С. достигается прежде всего невозможностью пауз внутри С. и определённой акцентной структурой, придающей каждому слову С. ту или иную степень ударенности. Одно из слов С. (обычно последнее) характе-

ризуется наиболее сильным ударением (т. н. синтагматическим). В случае особого выделения одного из слов (напр., при противопоставлении) главное ударение может падать на любое слово С. (т. н. логическое ударение). Главноударный слог С. образует её интонационный центр. Другие средства объединения слов в С. – единый мелодический рисунок того или иного вида (т. е. интонационный контур), а также характерное для данного типа С. изменение значений интенсивности и длительности.

С. классифицируются с точки зрения взаимосвязи входящих в них слов (напр., С. атрибутивные, релятивные), по их позиции в высказывании (С. конечные и неконечные) и по типу оформляющего их интонационного контура (С. завершённые, незавершённые, вводные, противительные, изъяснительные и др.).

2) Последовательность двух (или более) языковых единиц (морфем – *дом-ик*, слов – *старый дом*, словосочетаний, предложений), соединённых определённым типом связи (напр., определительной). Употребление термина «С.» в этом значении восходит к Ф. де Соссюру (см. Синтагматика).

Лит.: Брызгунова Е. А., Практическая фонетика и интонация рус. языка, М., 1963; Щерба Л. В., Фонетика франц. языка. Очерк франц. произношения в сравнении с русским, 7 изд., М., 1963; Булаxин Л. Л., Фонетика совр. рус. языка, М., 1970; Гордина М. В., Фонетика франц. языка, Л., 1973; Виноградов В. В., Понятие синтагмы в синтаксисе рус. языка, в его кн.: Избр. тр. Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Тр. по языкознанию, [пер. с франц.], М., 1977.

Н. Д. Светозарова.

Синтагма́тика – один из двух системных аспектов изучения языка, противопоставленный парадигматике (см.). По Ф. де Соссюру, синтагматическими называются отношения, основанные на линейном характере языка и реализующиеся в последовательности элементов в потоке речи. До Соссюра в отечественном языкознании противопоставление «двух главных укладов языковых представлений» описывалось в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского в терминах «ассоциации по сходству» – «ассоциации по смежности». Изучение синтагматических отношений имеет наиболее длительную историю в синтаксисе, т. к. процесс синтаксического развёртывания речи во времени, выстраивание синтаксических блоков по связям синтаксических зависимостей доступен наблюдению, поскольку на этом уровне существует возможность варьирования порядка элементов (порядка слов, порядка предикаций, частей в сложном предложении, порядка предложений в тексте). Однако, как указывал Соссюр, С. нельзя отождествлять только с уровнем речи, только с процессом порождения речевых последовательностей. В синтаксисе существуют модели синтагматических отношений.

В совр. лингвистике С. включает в себя языковые правила сочетаемости одноуровневых единиц языка и их реализаций в речи. Элементарное синтагматическое отношение двучленно; ср., напр., согласный + гласный в слоге, словообразовательная основа + словообразовательный аффикс, словоизменительная основа + флексия, подлежащее + сказуемое, определяемое + определение и др. Главная цель синтагматического анализа – разбиение составной единицы на элементарные единицы. Составной характер последовательности обнаруживается в сочетаемости каждой из составляющих единиц с другими единицами. Сравнивают, с одной стороны, *АБ* и *АВ*, *АГ*, *АД*, с другой – *АБ* и *МБ*, *НБ*, *ОБ*. Элементарную, обычно двучленную, единицу называют синтагмой (см.). Сложносоставные единицы, как правило, членятся последовательно дихотомическим членением (ср. словообразовательный анализ, анализ предложения по непосредственно составляющим).

Синтагматический синтез предполагает формулирование правил соединения единиц на одном уровне и правил порождения единиц более высокого уровня из единиц нижележащего уровня. В описаниях, ориентированных на синтез, используются индексы и другие способы обозначения классов единиц разных уровней, выделенных по их синтагматическим свойствам (А. А. Зализняк, «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение», 3 изд., 1987; синтагматически ориентированные синтаксические словари: «Словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, 1983; Г. А. Золотова, «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса», 1988).

Синтагматические отношения описываются как для односторонних единиц языка (фонем и их реализаций), так и для двусторонних единиц, для означаемого и означающего отдельно. В описании указывается не только возможность сочетания друг с другом двух означающих и означаемых, но и то, каким преобразованиям они подвергаются при соединении (напр., чередования в морфемах).

Подробно разработана особая система описания синтагматических свойств единиц на уровне словоформы и слова в теории «Смысл⇔Текст» (И. А. Мельчук), где выделено и определено понятие синтактики. В частности, по Ю. Д. Апресяну, в состав синтактики лексемы в толковом словаре, ориентированном на интегральное описание системы языка с полным согласованием информации о словаре и грамматике, должны входить след. сведения: 1) модель управления; 2) синтаксические признаки; 3) стандартные лексические функции-параметры; 4) сочетаемостные ограничения: коммуникативные, связанные с маркировкой темы и ремы, данного и нового, и прагматические, к к-рым относятся, в частности, ограничения на тип речевого акта, в к-ром может участвовать данная лексема.

В описании лексической сочетаемости понятие лексических функций возникло не только как следствие того, что был обнаружен набор регулярно присоединяемых стандартных смыслов, но и потому, что было установлено, что при многих лексемах эти смыслы выражаются индивидуально (идиоматично), ср. обозначения совокупностей: *рой пчёл, стая птиц, табун лошадей, стадо коров* и т. п. Сведения о реализации лексических функций даны в «Толково-комбинаторном словаре современного русского языка» Мельчука и А. К. Жолковского (1984). Во 2-й пол. 80-х – нач. 90-х гг. 20 в. особое внимание привлекли вопросы семантической сочетаемости элементов (морфем, словоформ, слов, предикаций)

В 70–80-х гг. 20 в. получила развитие идея семантической С. (прежде всего в рамках предложения). Были введены понятия семантического согласования, несогласования, рассогласования. В. Г. Гак, сопоставляя рус. и франц. языки, обратил внимание на наличие семантического согласования в рус. языке (при отсутствии его во французском) в случаях типа: *Женщина в ы ш л а из комнаты*; *Машина в ы е х а л а из гаража*; *Эта река в ы т е к а е т из озера*, где корневые морфемы глагола выбираются в зависимости от природы подлежащего. Установлено, что обязательный повтор сем в предложении является способом организации предложения на семантическом уровне. Было отмечено, что на основе семантического согласования происходит выбор значений многозначного слова. Ср. пример Ю. Д. Апресяна: *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*, где из значений каждого из многозначных слов, входящих в предложение, выбирается только то, к-рое согласуется со значениями других слов.

В С. также учитывается взаимодействие правил соединения сегментных единиц с правилами действия суперсегментных единиц: ударения, интонации. На правила соединения элементов (сегментов) могут накладываться правила, регулирующие структуру целого (напр., кроме правил, разрешающих соединение морфем в производном слове, действуют правила усечения, наложения, интерфиксации, обеспечивающие правильность структуры целого слова). На границах значимых единиц обнаруживается действие разграничительных сигналов. Синтагматические правила, действующие внутри единицы, перестают работать на границе, что и служит «дизремой», т. е. пограничным сигналом (явление, описанное М. В. Пановым в работах о фонетических диэремах). Ср. две позиции перед [*н*]: внутри слова (*казна, сосна*) [*з*] и [*с*] различаются; на границе слов (*моро*[*с*] *на дворе*, *ро*[*с*] *на дворе*) [*з*] и [*с*] не различаются.

В теоретических исследованиях 70–80-х гг. 20 в. преодолевается несоотносительность парадигматики и С., парадигматического и синтагматического анализа (работы Д. Н. Шмелёва, Ю. С. Степанова). Шмелёв формулирует след. закономерность: «Степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантической единицы находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости» Поэтому, напр., слова *кромешный, щекотливый*, употребление к-рых ограничено немногими синтагмами, в парадигматическом отношении очень неопределённы. По мнению Панова, как модель парадигматических отношений на всех уровнях языка можно рассматривать номинацию и соответственно как модель синтагматических отношений – предикацию. Пановым обосновывается и мысль о том, что системы разных языков, а также разные состояния одного языка в диахроническом развитии могут быть ориентированы преим. на парадигматическую или синтагматическую организацию.

Лит.: Панов М. В., Рус. фонетика, М , 1967; его же, О двух типах фонетических систем, в кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, Л., 1977; его же, О парадигматике и синтагматике, «Изв. АН СССР Сер ЛиЯ», 1980, т. 39, в. 2; Гак В. Г., К проблеме семантической синтагматики, в кн · Проблемы структурной лингвистики. 1971, М . 1972; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М , 1973; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика Синонимические средства языка, М., 1974; его же, Интегральное описание языка и толковый словарь, «ВЯ», 1986, № 2; его же, Формальная модель языка и представление лексикографических знаний, «ВЯ», 1990, № 6; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, М , 1975; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Тр по языкознанию, [пер. с франц.], М., 1977, Кубрякова Е. С., Синтагматика, в кн. Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

Е. В. Красильникова

Си́нтаксис (от греч. sýntaxis – построение, порядок) – 1) существующая в языке система типов соединения слов в предложения и система предложений разных типов; 2) раздел грамматики (наряду с морфологией и словообразованием), изучающий эту часть языковой системы Исходной единицей С., как и морфологии (см.), является слово в его определённой морфологической форме (словоформе). Словоформы объединяются в словосочетания (см.) и предложения (см.). Предложение – основная синтаксическая единица, качественно отличная от словосочетания: оно заключает в себе (в отличие от словосочетания) относительно законченное сообщение, получающее окончательную коррекцию в конкретных условиях употребления, учитывающих роль в общении говорящего, контекст и слушающего.

18 – нач. 20 вв. в изучении рус. С.– период становления рус. синтаксической традиции. Последовательное изучение рус. С. начинается с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755). Ломоносов строит С. как учение о формах и типах словосочетания. Эти идеи получили дальнейшее развитие в трудах А. А. Барсова и А. Х. Востокова. Синтаксис Барсова – учение не только о «сочинении частей речи» (словосочетании), но и о предложении; Барсов, по свидетельству В. В. Виноградова, впервые в рус. С. вводит понятие сложного предложения (см.). Дальней-

шее оригинальное развитие получило учение о словосочетании у Востокова. Ломоносовскую линию в изучении синтаксиса Виноградов определял как структурно-семантическую: исследование в С. его собственных закономерностей, без подмены их закономерностями логики, психологии, а также риторики.

Существовали также ещё три направления в изучении С., во многом противопоставленные друг другу: логико-синтаксическое, психолого-синтаксическое и формально-синтаксическое. В центре внимания этих направлений находится предложение.

Логико-синтаксическое направление, базировавшееся на идеях т. н. всеобщей грамматики, разрабатывалось Н. И. Гречем и Ф. И. Буслаевым. Считалось, что в основе каждого предложения лежит классическая, восходящая к античным логикам схема суждения «S есть P» («субъект – связка – предикат»). Суть анализа предложения состояла в том, чтобы найти в нём члены, к-рые соответствуют логическим компонентам схемы «S есть P». Представителем субъекта считалось подлежащее – существительное в им. п., представителем предиката – сказуемое, к-рые назывались главными членами предложения. Кроме того, выделялись не имеющие логического соответствия (т. е. не отражённые в схеме «S есть P») второстепенные члены предложения – дополнения, определения и обстоятельства. Если реальные предложения строились не по схеме, соответствующей суждению «S есть P», то для сведения таких предложений к логической схеме использовались такие понятия, как опущение, сокращение, слияние. Напр., считалось, что в предложении *Волк – хищный зверь* опущен глагол-связка *быть*, а в предложениях *Рассветает*, *Светает* подлежащее скрыто в личном окончании глагола.

Психолого-синтаксическое направление, возникшее под влиянием идей В. фон Гумбольдта, противопоставило себя логико-синтаксическому. А. А. Потебня считал, что для понимания С. языка необходимо исходить не из логического, а из психологического суждения, т. е. из акта мышления, когда прежде познанному (подлежащему) приписывается вновь познаваемое (сказуемое). Формы мышления в разных языках могут быть весьма различными, различен поэтому и С. разных языков. Потебня детально проанализировал роль каждой части речи в психологическом процессе мышления. Большое значение для развития синтаксической теории имел его вывод о том, что главную роль в предложении играет глагол в личных формах (verbum finitum), являющийся минимумом того, что должно заключаться в предложении развитых в формальном отношении языков, к числу к-рых принадлежит и русский. Считалось, что в предложении типа *Светает* представлен неопределённый субъект. Синтаксические идеи Потебни были положены в основу описания С. рус. языка Д. Н. Овсянико-Куликовским.

Стремление построить С. рус. языка без обращения к логике или к психологии мышления, исходя из собственно языковых данных, привело к становлению формально-синтаксического направления, ведущую роль в к-ром играл Ф. Ф. Фортунатов. В основе его синтаксической теории лежало понятие грамматической формы (см.), к-рая понималась как единство грамматического средства и того грамматического значения, к-рое этим средством выражается. В аспекте общего понятия грамматической формы Фортунатов определяет С. как учение о грамматических словосочетаниях. Грамматическими названы словосочетания (напр., *хорошая погода*), в к-рых грамматическая форма слова в одной части словосочетания обозначает отношение данного предмета мысли к другому предмету, к другой части словосочетания. Словосочетания, в к-рых не обозначено формами языка отношение одного предмета к другому, названы неграмматическими (напр., *Сегодня мороз*). Среди словосочетаний выделяется их особый тип – грамматические предложения. Это такие словосочетания, к-рые включают грамматическое сказуемое и подлежащее. Грамматическое подлежащее – слово, к к-рому относится в словосочетании грамматическое сказуемое. Грамматическое сказуемое в рус. и родственных с ним языках – это либо глагол в формах спряжения (*Птица летит*), либо соединение слов, образующееся при употреблении глагола как вспомогательного слова при другом слове (*Погода была великолепной*). Формы, делающие глагол грамматическим сказуемым,– это формы времени и наклонения, к-рые вместе могут быть названы формами сказуемости в глаголе. Фортунатова упрекали в том, что он «растворил» учение о предложении как основной синтаксической единице в учении о словосочетании. Однако Д. Н. Шмелёв справедливо полагает, что дифференциация того, что теперь называют словосочетанием и предложением, проведена Фортунатовым чётко и на единой основе.

В основе всех трёх концепций лежит подлежащно-сказуемостная схема предложения, но суть подлежащего и сказуемого в их взаимоотношениях понимается по-разному, что особенно ясно проявилось в определении синтаксического статуса односоставных предложений.

Взгляды Потебни и Фортунатова получили своеобразное развитие в синтаксических концепциях А. М. Пешковского и А. А. Шахматова, для к-рых характерно стремление соединить психологический и формальный подход: значение синтаксических форм определяется на психологической основе. Именно таким образом построена Шахматовым типология предложений: предложения односоставные не представляют «словесного обнаружения тех двух членов, на которые распадается каждая словесная коммуникация»; в предложени-

ях двусоставных один из составов является господствующим и соответствует психологическому субъекту, а другой состав зависим и соответствует психологическому предикату. Не отождествляя в плане значения главный член односоставных предложений ни с подлежащим, ни со сказуемым, Шахматов предлагает классификацию односоставного предложения по способу выражения главного члена, различая бессказуемо-подлежащные предложения, в к-рых главный член выражается так же, как подлежащее в двусоставных предложениях (*Ночь*), и сказуемо-бесподлежащные предложения, в к-рых главный член выражается так же, как сказуемое в двусоставных предложениях (*Знобит*). Пешковский ввёл в С. понятие нулевой связки и нулевого бытийного глагола, дав этим понятиям – в отличие от понятий опущения и подразумевания в логико-синтаксической концепции – собственно языковое обоснование: нулевые связки и бытийные глаголы выявляются на основе парадигматических соответствий типа *Он*$^{\varnothing}$ *инженер – Он был инженер – Он будет инженер* (знак Ø обозначает нулевой компонент, сигнализирующий о наст. времени и изъявительном наклонении). Тем самым было предложено сыгравшее большую роль в развитии синтаксической теории решение вопроса о выражении категории времени и наклонения (грамматических форм сказуемости, или предикативности) в именных предложениях. Чисто формальный анализ С. рус. языка был характерен для М. Н. Петерсона, к-рый определял и упорядочивал в систему синтаксические формы словосочетания.

Важной составной частью большинства синтаксических концепций является учение о членах предложения (см.), главных и второстепенных. В логико-синтаксическом направлении члены предложения выделялись на основе логической структуры. Освобождение С. от логицизма не привело, однако, к отказу от понятия «член предложения», к-рое стало осознаваться как нек-рое системное обобщение синтаксических форм связи.

Период с нач. 50-х гг. 20 в. открывают работы Виноградова. Обобщив взгляды на С. своих предшественников, Виноградов наметил свою концепцию, изложенную им во введении ко второму тому академической «Грамматики русского языка» 1952–54. В С. он выделяет две части: восходящее к работам Востокова учение о словосочетании и учение о предложении. Словосочетание, как и слово, он считает номинативной единицей, выражающей единое, хотя и сложное расчленённое понятие, рассматривая его как строительный материал для предложения. Предложение же понимается им как конструкция с грамматическими признаками предикативности (время, модальность, лицо) и интонацией сообщения. Однако Шмелёв считает, что словосочетание – не строительный материал для предложения, а готовое предложение, как бы разобранное на части. Только при таком подходе можно объяснить, как одно и то же слово может оказаться в разных «строительных блоках», ср.: *Он читал газету в кресле – читал газету* и *читал в кресле*. Номинативная природа нек-рых словосочетаний (типа *читать книгу*) также была поставлена Шмелёвым под сомнение. Сама же идея выделения словосочетания как части предложения, выдвинутая Виноградовым, плодотворна: для того чтобы выявить формы связи слов, нет необходимости анализировать всё предложение, эти формы полностью выявляют себя в словосочетании. Идеи Виноградова сыграли большую роль в развитии С., дав толчок развитию типологии синтаксических связей, изучению проблем взаимодействия лексики и грамматики, синтаксической синонимии, членения предложения и др.

В «Грамматике русского языка» 1952–54 не все синтаксические идеи Виноградова были реализованы. Хотя он и показал несовершенство учения о второстепенных членах предложения, система к-рых не отражает всего многообразия функций компонентов предложения, это учение в грамматике было сохранено. Раздел о второстепенных членах предложения во многом дублировал раздел о словосочетании. Сохранилась и традиционная классификация сложноподчинённого предложения, восходящая к логико-грамматическому направлению с его уподоблением придаточных предложений членам простого предложения.

Дальнейшее развитие синтаксической теории шло в разных направлениях. Активно разрабатывается концепция актуального членения предложения (И. П. Распопов, П. Адамец, О. Б. Сиротинина, И. И. Ковтунова, О. А. Лаптева, Т. М. Николаева, О. А. Крылова и др.).

Н. С. Поспелов и его последователи (В. А. Белошапкова, Л. Ю. Максимов и др.) предлагают новую структурно-семантическую концепцию сложного предложения, согласно к-рой синтаксическое значение и типология сложного предложения определяются на собственно языковых, а не логических основаниях.

Активное развитие синтаксической теории, необходимость преодолеть определённый консерватизм и непоследовательность «Грамматики русского языка» 1952–54 привели к созданию новой, цельной, восходящей к синтаксическим идеям Виноградова синтаксической концепции Н. Ю. Шведовой. Эта концепция реализована коллективом авторов «Русской грамматики» 1980. В составе простого предложения в грамматике выделяются три разных по своему синтаксическому статусу компонента: структурная схема, словосочетание, к-рое способно распространять структурную схему на основе присловных связей, и детерминанты, к-рые выполняют особую функцию – относятся не к отдельному слову или словоформе, а ко всему составу предложения в целом, напр., *Вчера я читал лекцию*, где *вчера* – детер-

минант, *я читал* – формальная структурная схема, *читал лекцию* – словосочетание. Структурная схема является предикативной основой простого предложения, синтаксическим образцом, по к-рому может быть построено отдельное нераспространённое элементарное предложение. Значение предикативности включает в себя время и модальность. «Русская грамматика» 1980 отказалась от понятия «второстепенный член предложения». В разделе о подчинительных связях слов и словосочетании смысловые отношения между словами характеризуются не в терминах второстепенных членов предложения, а в таких терминах, как определительное значение (*интересная книга*), определительно-восполняющее (*непостижимые вещи*), объектное (*читать книгу*), объектно-обстоятельственное (*добраться до дома*), восполняющее (*умудриться упасть*), обстоятельственно-определительное (*находиться поблизости*), обстоятельственно-восполняющее (*находиться на берегу*) и многие другие значения. Заключённая в понятии «второстепенный член предложения» идея обобщения разных способов выражения одинаковых смысловых ролей компонентов предложения находит отражение в разделе о семантике простого предложения.

Если до сер. 60-х гг. 20 в. для С. был характерен исключительно синтагматический подход, предполагающий анализ линейного развёртывания синтаксической структуры, то изучение системных связей в языке требовало ввести в синтаксические описания понятие парадигмы как нек-рого организованного на определённых основаниях вертикального ряда единиц с разными модально-временными значениями. Понятие синтаксической парадигмы было выдвинуто Шведовой. Именно в этом аспекте анализируются структурные схемы. Парадигма определяется для каждой структурной схемы. Различаются структурные схемы с полными и разного рода неполными парадигмами. Для каждой структурной схемы указываются её регулярные реализации, напр. реализация с фазисными глаголами (*Он начал работать*). Каждая структурная схема последовательно анализируется с точки зрения актуального членения построенных на её основе предложений (Ковтунова); для предложений, построенных на основе разных структурных схем, вводятся интонационные характеристики (Е. А. Брызгунова). В области сложного предложения получает дальнейшее развитие структурно-семантическая концепция (И. Н. Кручинина, М. В. Ляпон): с большой полнотой представлен анализ всех средств связи в сложном предложении и всех отношений между частями сложного предложения.

На основе идей Виноградова развивается функциональный С. рус. языка. Г. А. Золотова выдвигает понятие с и н т а к с е м ы – далее неделимой семантико-синтаксической единицы рус. языка, выступающей одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений. Выделяются, напр., синтаксемы родительного падежа даты, родительного количественного падежа и др., описанные в синтаксическом словаре. Задача С. сводится к тому, чтобы определить синтагматику синтаксем: как и для каких смысловых целей они в соответствии с приписанными им функциями сочетаются в предложении.

Развиваются синтаксические идеи Моск. фортунатовской школы (формальное направление). М. В. Панов даёт краткое описание рус. С., в к-ром положения Фортунатова о синтаксической форме соединены с идеей позиционного анализа языковых явлений. В позиционной структуре предложения выделяется подлежащее как позиционная вершина предложения, абсолютно независимый член синтаксической конструкции, и сказуемое как носитель предикативного значения. Позиционный анализ проявляет себя при определении членов предложения (при этом используется метод Р. И. Аванесова): выделяются морфологизованные члены предложения, определение функций к-рых не вызывает затруднений; определение функций неморфологизованного члена осуществляется путём проверки на его сочинительную сочетаемость с морфологизованным членом. Возможность сочетаться на основе сочинительной связи показывает, что два сочинённых члена занимают в предложении одну позицию, а значит, выполняют одинаковую функцию. В предложении *Он пишет без ошибок* второстепенный член предложения *без ошибок* является обстоятельством образа действия, т. к. возможна конструкция *Он пишет красиво и без ошибок*.

Представлен опыт описания С. как системы синтаксических форм: на основе форм связи слов создаётся синтаксическая конструкция, минимальным звеном к-рой является словосочетание; синтаксические конструкции с формами предикативности становятся предикативными конструкциями со своими формальными структурными схемами; предикативные конструкции на основе особых форм могут объединяться между собой; специальные формы придают одной или нескольким объединённым предикативным конструкциям статус предложения, соответственно простого или сложного (Е. Н. Ширяев).

Как показал Л. В. Щерба, возможна грамматика двух типов: пассивная и активная. Рус. синтаксическая традиция развивалась в основном в области грамматики пассивного типа (анализ от языкового средства к его значению). Активный, функциональный, С. предполагает направление анализа от нек-рого смысла ко всем возможным синтаксическим способам его выражения. В плане активной грамматики разрабатывается теория функционального поля (А. В. Бондарко), идеи к-рой важны и для С. В плане функциональной грамматики проводятся и типологические исследования с привле-

чением рус. синтаксического материала (А. А. Холодович, В. С. Храковский).

Рус. синтаксическая традиция основное внимание уделяла исследованию формальной структуры предложения, при этом всегда ставилась задача чётко дифференцировать формальный и неформальный смысл в предложении. Ср. предложения, одинаковые в формальном плане, напр.: *Тихо*; *Пасмурно*; *Дождливо*; *Холодно*; *Морозно*; *Тепло*, но различные по смыслу. Были попытки анализа и неформального смысла предложения (А. А. Дмитревский, В. Сланский), но они не получили развития. Многие новые синтаксические концепции ставят целью соединить описание формального и неформального смысла в предложении. Особое место среди этих направлений занимают те, к-рые так или иначе восходят к идеям порождающей грамматики (Н Хомский) или к выросшим на основе их критического осмысления идеям порождающей семантики. П. Адамец, В. Грабе, Р. Ружичка и др. разрабатывают рус. трансформационный С.: по строго определённым правилам осуществляется переход от чисто смысловой, глубинной структуры, записанной на специально разработанном для этих целей метаязыке, к реальным естественным, реализующим этот смысл предложениям, называемым поверхностно-синтаксическими структурами. Наиболее полное теоретическое осмысление применительно к рус. языку идеи порождающей семантики получили при разработке модели «Смысл⇔Текст» (И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский и др). С. в этой модели строится по трём уровням: от семантики к глубинно-синтаксическому уровню и затем к поверхностно-синтаксическому уровню. Важным для понимания неформальной семантики предложения стало разработанное Апресяном в рамках модели «Смысл⇔Текст» понятие «модель управления слова». В модель управления включаются все те компоненты, без к-рых невозможно лексическое толкование слова, и именно эти компоненты определяют неформальную семантику предложения с этим словом. Напр., неформальная семантическая структура предложений с глаголами-сказуемыми типа *вырезáть*, *вырубать*, *выпиливать* включает компоненты со значениями *кто*, *что*, *из чего* (материал), *чем* (инструмент): *Он вырезает ножом из дерева фигурку человека.* Не менее важны в этом плане исследования семантики предиката как центра, организующего семантическую структуру предложения (работы Т. В. Булыгиной, О. Н. Селиверстовой и др.).

Неформальный смысл предложения активно изучается в рамках нового логико-синтаксического направления (Н. Д. Арутюнова и др.), восходящего к идеям нек-рых логиков (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрл и др.) и Ш. Балли. Анализ логики обыденного мышления привёл к убеждению, что в предложении должны последовательно выделяться две зоны смысла: модус и пропозиция. Пропозиция показывает «положение дел», модус – отношение говорящего к пропозиции: *Я думаю* (модус), *что идёт дождь* (пропозиция). Пропозиция – это также то, что может быть заключено в модальную рамку, т. е. к любой пропозиции можно добавить модальный смысл. Выделены 4 типа пропозиций: бытийная (*У меня есть сын*); именования (*Его зовут Петя*); тождества (*Петя – это тот мальчик, которого ты сегодня видел*) и характеризации (*Петя хорошо учится*). Развитие учения о модальном смысле предложения вылилось в особую теорию речевых актов (работы Е. В. Падучевой и др.).

Свои пути в анализе неформального смысла предложения предлагают и те синтаксические направления, в центре к-рых стоит понятие структурной схемы предложения. В концепции Шведовой формальная структурная схема предложения, безотносительно к её конкретному лексическому наполнению, уже сама по себе является фактором, небезразличным для семантической структуры построенного по этой схеме предложения. Под семантической структурой предложения понимается его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закреплённое в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла. В «Русской грамматике» 1980 каждая структурная схема получает семантические характеристики. Попытка соединить описание структурных схем рус. предложения с анализом их неформального содержания сделана Г. Беличовой-Кржижковой и др. Считается, что основным организующим центром семантической структуры предложения является сказуемое. Сказуемое с необходимостью требует при себе определённых распространителей. Сказуемые со своими распространителями и определяют неформальную семантику предложения, или его расширенную структурную схему.

В анализе неформальной семантики предложения особое место занимает прагматический аспект (Падучева, Николаева, В. З. Санников и др.). Прагматика учитывает конкретные условия функционирования предложения: контекст и конситуацию, говорящего и слушающего с их знаниями и намерениями. Предложение *На улице идёт дождь* в зависимости от прагматических условий может быть простой информацией о погоде, выражением досады по поводу плохой погоды, побуждением к тому, чтобы слушатель взял зонт и т. п. (см. Семантический синтаксис).

Особой областью синтаксических исследований стал С. текста (Николаева, Е. В. Севбо, Г. Я. Солганик и др.), основы к-рого были заложены в работах Поспелова о структуре периода.

Отличительной особенностью в изучении С. в 50–80-х гг. 20 в. является привлечение к исследованию материала разных сфер национального рус. языка: исследуется С. разговорной (Шведова,

Е. А. Земская, Сиротинина, Ширяев и др.) и устной (Лаптева и др.) речи, С. диалектов и просторечия (В. И. Собинникова, И. Б. Кузьмина, В. И. Трубинский и др.). Большое внимание уделяется исследованию исторического С. (В. И. Борковский, А. А. Зализняк, В. Н. Ринберг, Т. П. Ломтев, А. М. Ломов, М. Н. Преображенская и др.).

Лит.: Востоков А. Х., Рус. грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПБ, 1831; Петерсон М. Н., Очерк синтаксиса рус. языка, М.– П., 1923; Аванесов Р. И., Второстепенные члены предложения как грамматические категории, «Рус. яз. в школе», 1936, № 4; Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, Л., 1941; Поспелов Н. С., О грамматической природе сложного предложения, в кн.: Вопросы синтаксиса совр. рус. языка, М., 1950; Ломоносов М. В., Рос. грамматика, в его кн.: Полное собр. соч., т. 7, М.– Л., 1952; Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Фортунатов Ф. Ф., О преподавании грамматики рус. языка в средней школе, в его кн.: Избр. тр., т. 2, М., 1957; Виноградов В. В., Из истории изучения рус. синтаксиса, М., 1958; Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике т. 1–2, М., 1958; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика рус. языка, М., 1959; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1–2, М., 1960; Панов М. В., Рус. язык, в кн.: Языки народов СССР, т. 1 – Индоевропейские языки, М., 1966; Матезиус В., О т. н. актуальном членении предложения, пер. с чеш., в кн.: Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Арутюнова Н. Д., Синтаксис, в кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; её же, Предложение и его смысл, М., 1976; Ломтев Т. П., Предложение и его грамматические категории, М., 1972; Адамец П., Очерк функционально-трансформационного синтаксиса совр. рус. языка 1 (Однобазовые предложения), Прага, 1973; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: Слав. языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Доклады сов. делегации, М., 1973; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; Мельчук И. А., Опыт теории лингвистических моделей «Смысл⇔Текст». Семантика, синтаксис, М., 1974; Падучева Е. В., О семантике синтаксиса. (Материалы к трансформационной грамматике рус. языка), М., [1974]; её же, Высказывание и его соотношение с действительностью, М., 1985; Ковтунова И. И., Совр. рус. язык. Порядок слов и актуальное членение предложения, М., 1976; Звегинцев В. А., Предложение и его отношение к языку и речи, М., 1976; Шмелёв Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, Praha, 1979; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Совр. рус. язык, М., 1981; Золотова Г. А., Коммуникативные аспекты рус. синтаксиса, М., 1982; её же, Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц рус. синтаксиса, М., 1988; Семантические типы предикатов, М., 1982; Николаева Т. М., Функции частиц в высказывании на материале слав. языков, М., 1985; [Ширяев Е. Н.], Синтаксис, в кн.: Рус. язык. Учебник для студентов пед. ин-тов, ч. 2, М., 1989.

Е. Н. Ширяев.

Синтакси́ческая констру́кция – сочетание слов (словоформ; редко – одна словоформа), представляющее собой синтаксическую единицу (см. Словосочетание, Предложение), а также вообще любое относительно законченное высказывание.

С. к.– наиболее широкое понятие синтаксиса, охватывающее синтаксические построения, неоднородные по своим характеристикам. Среди С. к. различаются: 1) конструкции, минимальные по структуре, т. е. содержащие необходимый для построения данной единицы минимум компонентов (напр.: *синее небо; Брат работает; Он учитель; Нет денег; Светает*); 2) конструкции, в той или иной мере распространённые, т. е. являющиеся результатом расширения минимальных конструкций в соответствии с присущими им возможностями,– распространённые предложения, сложные словосочетания (напр.: *синее небо июля; Брат уже три года работает инженером; У меня нет денег; Светает рано*); 3) конструкции комбинированные – результат соединения нескольких более простых конструкций, напр. комбинированные словосочетания (*быстро решить трудную задачу*); предложения с обособленными оборотами (*«Поднимается медленно в гору Лошадка, везущая хворосту воз»*, Некрасов); сложные предложения (*«Мне грустно, потому что я тебя люблю»*, Лермонтов); конструкции прямой речи (*«А где мой товарищ? – промолвил Олег,– Скажите, где конь мой ретивый?»*, Пушкин). Для С. к. характерны парадигматические видоизменения (см. Парадигматика) – системы форм, определяемые видоизменениями главенствующего компонента (напр.: *синее небо – синего неба – в синем небе; Он учитель – Он будет учителем – Если бы он был учителем!*).

Возможно двоякое использование термина «С. к.»: в отношении к абстрактной языковой модели и в отношении к конкретной языковой единице, построенной по этой модели (см. Грамматические единицы).

Признаки, по к-рым С. к. могут противопоставляться друг другу, различны. Напр., по признакам более общего характера противопоставляются предикативные и непредикативные С. к., минимальные конструкции и конструкции усложнённого типа, свободные и несвободные (лексически ограниченные, фразеологизированные) С. к. Различаются С. к. и по более частным признакам, напр. активная и пассивная конструкция (ср.: *Ученик написал сочинение* и *Сочинение написано учеником*), инфинитивная С. к. (*Курить вредно*). С. к. с обращением (*Мама, ты плачешь?*), отрицательные С. к. и т. д.

Термин «С. к.», как правило, не применяется к построениям и их частям, представляющим собой единицы, меньшие, чем словосочетание и предложение, напр. к нек-рым интонационно обособленным частям предложения (синтагмам), не являющимся словосочетаниями, к отдельным словоформам, не образующим предложения. Но возможно применение этого термина к предложно-падежным сочетаниям (*у озера, над городом*), к соединениям однородных членов предложения (*в лесах и долинах*).

Набор С. к. исторически изменчив. Напр., в ходе исторического развития рус. языка исчезли др.-рус. конструкции с «дательным самостоятельным» (*Входящу же ему въ врата града, и сърѣте*

его митрополитъ – «Когда он входил в ворота города, его встретил митрополит»), со «вторыми косвенными падежами» («вторым винительным»: *поставлю уношю князя имъ* – «сделаю юношу у них князем»; «вторым дательным»: *быти ему християну* – «быть ему христианином»).

Лит.: Шмелёв Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык. Синтаксис, М., 1977; Историческая грамматика рус. языка. Синтаксис. Простое предложение, М., 1978; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980.

Л. Е. Лопатина.

Синхрони́я (от греч. sýnchronos – одновременный) – состояние и изучение языка как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов в определённый момент его развития (ср. Диахрония). Синхроническое изучение языка – предмет описательной (статической) лингвистики.

Язык представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Состав этих элементов и характер их связи определяют специфику каждого языка на всех его уровнях (в фонетике, грамматике, лексике). Изменение элементов и их связей меняет систему языка, но не нарушает её цельности.

Синхроническое изучение языка возможно не только в том случае, когда речь идёт о совр. состоянии этого языка, но и когда речь идёт о его истории: можно установить характер системы др.-рус. языка 11 в., характер системы великорус. языка 16 в., характер системы совр. рус. языка. Во всех этих случаях язык рассматривается на определённых синхронных срезах.

Синхронная система языка не является неподвижной и абсолютно устойчивой, в ней всегда есть то, что утрачивается, и то, что зарождается. Наличие таких разнородных элементов отражается в существовании вариативных явлений – произносительных, грамматических, лексических вариантов (см. Вариантность). Напр., в рус. языке есть варианты произношения [ж̄'] и [ж̄]: *езжу* – [*еж̄'у*] и [*еж̄у*], варианты образования морфологических форм (*слесари* и *слесаря*), варианты лексические (*земледелец* и *хлебороб*). Подвижность системы отражается и в наличии в ней «слабых» звеньев (непродуктивные модели, периферийные конструкции, изолированные формы и т. п.). Наличие вариативных явлений и «слабых» звеньев системы обусловливают постепенное её изменение: одни из вариантов в результате «взаимоборства» утрачиваются, а другие побеждают и укрепляются, «слабые» звенья подпадают под влияние «сильных» – система начинает меняться и переходить в новую систему. Возникает новое синхронное состояние языка, новая синхронная система. Поэтому можно говорить, что в каждом данном состоянии язык находится в динамическом равновесии: он представляет собой единство устойчивого и подвижного, статического и динамического.

Лит.: Косериу Э., Синхрония, диахрония и история, в кн.: НЛ, в. 3, М., 1963; Кубрякова Е. С., О понятиях синхронии и диахронии, «ВЯ», 1963, № 3; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; [Климов Г. А.], Проблема разграничения синхронии и диахронии, в кн.: Общее языкознание. Методы лингвистических исследований, М., 1973; Кодухов В. И., Общее языкознание, М., 1974; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, 2 изд., М., 1975.

В. В. Иванов.

Систе́ма языкова́я – множество языковых элементов, находящихся в закономерных связях и отношениях друг с другом, характеризуемое определённой целостностью. Каждый компонент С. я. существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим компонентам системы. Поэтому он рассматривается исходя из его роли в составе С. я., т. е. в свете его значимости (функциональной релевантности). Так, мн. ч. в рус. языке, не имеющем двойственного числа, обладает иной значимостью, нежели мн. ч. в ст.-слав. или словен. языках, сохранивших двойственное число.

Термин «С. я.» может употребляться либо в частном (локальном) смысле – как закономерно организованная совокупность однородных языковых элементов одного уровня, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями («система падежей», «фонологическая система» и т. п.), либо в обобщающем (глобальном) смысле – как закономерно организованная совокупность локальных систем («подсистем»).

Понятие системности (закономерной организованности) градуально, т. е. допускает различные степени системности. По определению И. А. Мельчука, множество однородных языковых фактов характеризуется системностью, если оно описывается (исчерпывающе и неизбыточно) таким формальным аппаратом (набором элементарных объектов с их признаками и отношениями и набором достаточно регулярных и общих правил, по к-рым из элементарных объектов образуются сложные), к-рый проще (т. е. содержит меньше правил) и экономнее (т. е. содержит меньше исходных элементов), чем эмпирический список исходных фактов. В хорошо организованных системах (каковой является, напр., фонологическая в отличие от лексической) существенное изменение одного элемента влечёт за собой изменения в других точках системы или даже нарушение равновесия системы в целом [ср., напр., падение редуцированных (см.) в рус. языке]. С другой стороны, изменения в одной подсистеме могут быть связаны с глубокими преобразованиями в других подсистемах (напр., фонетический процесс отпадения конечных элементов слова может привести к утрате склонения и соответственно к изменению функциональной роли предлогов, порядка слов и т. п.).

Нежёсткость С. я., неодинаковая степень системности различных её участков, многочисленные случаи асимметрии формы и содержания, борьба консервативной тенденции (устойчивости С. я.) с факторами языковой эволюции (такими, как стремление к экономии, к достижению регулярно-

сти, действие аналогии) приводят к тому, что различные подсистемы С. я. развиваются с неодинаковой скоростью. Поэтому как в целой С. я., так и в отдельных её подсистемах выделяются центр и периферия, доминантные и рецессивные черты.

Становление и эволюция системного подхода к языку происходили на фоне общего поворота науки 20 в. от «атомистических» к «холистическим» взглядам (т. е. к признанию примата целого над частями). Большую роль в разработке учения о С. я. сыграли идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ о роли отношений в языке, о разграничении статики и динамики, внешней и внутренней истории языка, выделение им наиболее общих типов единиц С. я.– таких, как фонема, морфема, графема, синтагма. В учении Ф. де Соссюра С. я. рассматривается как система знаков, при изучении к-рой следует разграничивать её внутреннюю структуру, изучаемую внутренней лингвистикой, от её внешнего функционирования, изучаемого внешней лингвистикой. Дав в своей компаративистской практике образцы системного подхода к диахронии, Соссюр тем не менее в теории настаивал на том, что С. я. как таковая существует лишь в синхронии. С. я., в понимании Соссюра, «зиждется на тождествах и различиях» (при доминирующей роли последних), а качественная определённость любого её элемента создаётся не «субстанциальными», а «реляционными» его характеристиками, составляющими его значимость – совокупность внутриязыковых отношений данного элемента к другим.

Идеи о системной организации языка были развиты в нескольких направлениях структурной лингвистикой, поставившей в качестве одной из основных задач инвентаризацию (выделение и классификацию) единиц языка всё большей степени абстрактности и установление наиболее общих типов отношений между ними. Отвергая формулировку Соссюра о несистемности диахронии, Пражская лингвистическая школа (см.) исходила из принципиально системного подхода к эволюции языка.

В работах Р. О. Якобсона, Б. Трнки, Й. Вахека, С. О. Карцевского, Е. Д. Поливанова (позднее А. Мартине, Э. Косерю, Б. А. Серебренникова, М. В. Панова) изучаются антиномии тенденций развития С. я. Действие таких тенденций, будучи устремлено к «равновесию», заполнению «пустых клеток», тем не менее никогда не позволяет С. я. достичь абсолютной устойчивости: устраняя старые «горячие точки», оно создаёт в ней новые, что вызывает асимметрию в языке. Поэтому и в синхронном аспекте С. я. предстаёт не статической, а динамической системой. В работах «пражцев» С. я. характеризуется как система функциональная, т. е. как система средств выражения, служащая к.-л. определённой цели. Понятие функции языка раскрывает место С. я. в системе высшего порядка (в жизни человека и общества), а понятие функции языкового элемента – роль этого элемента в С. я. и его соотношение с другими элементами С. я. Таким образом, тезис пражских функционалистов о языке как о «системе систем» (созвучный квалификации языка как «сложной системы» в совр. кибернетике и философии) получает двоякое развитие: С. я. как система уровней, каждый из к-рых – тоже система (подсистема); С. я. как система своих разновидностей (функциональных стилей, профессиональных подъязыков, территориальных диалектов, социолектов), каждая из к-рых – тоже система (подсистема).

Хотя термины «система» и «структура» нередко употребляются как синонимичные, тем не менее налицо тенденция к дифференциации этих понятий. Согласно А. А. Реформатскому, система – это единство однородных взаимообусловленных элементов в пределах одного яруса, а структура – единство разнородных элементов в пределах целого. В Лондонской школе считается, что элементы системы («члены класса», репрезентирующие или реализующие систему) связаны друг с другом парадигматическими отношениями, а элементы структуры («части текста», конституирующие структуру или интегрируемые в неё) – синтагматическими отношениями. Этим представлениям соответствует распространённое терминоупотребление. Так, говорят о системе фонем, гласных, форм одной лексемы, падежей, значений многозначного слова и т. п., но о структуре слога, морфемы, основы, словоформы, синтагмы, предложения, текста и т. п.

Успешная разработка общей теории С. я. невозможна без выработки таких частных понятий, относящихся к отдельным языковым уровням, как фонологическая и морфонологическая система (Н. С. Трубецкой), грамматическая, морфологическая, синтаксическая, словообразовательная (В. В. Виноградов), лексическая и семантическая (Д. Н. Шмелёв) системы. Большое значение для осознания системности разных языковых сфер сыграло перенесение оппозитивного метода (анализа по дифференциальным признакам) из фонологии в семантику – как лексическую, так и грамматическую. В синтаксисе системный подход нашёл своё воплощение в теориях синтаксической парадигматики, перефразирования и синтаксической деривации, а также трансформационного метода.

Если в классических школах структурной лингвистики 30-х и 50-х гг. С. я. понималась как система единиц и отношений между ними, то в кибернетических моделях языка 60–80-х гг. она предстаёт скорее как система правил, по к-рым эти единицы образуются, преобразуются и комбинируются. Наряду с порождающими грамматиками (напр., трансформационной грамматикой Н. Хомского или аппликативной порождающей моделью С. К. Шаумяна) сюда относятся «трансдуктивные» грамматики – модели анализа и синтеза, лежащие в основе многих систем автоматического

перевода, напр. модель «Смысл⇔Текст» А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, стратификационная грамматика С. Лэма, функционально-генеративный подход П. Сгалла. При трансдуктивном подходе С. я. выступает в виде действующего («динамического») механизма, осуществляющего переход от звучания к мысли и обратно через ряд промежуточных уровней или «пластов». Это согласуется с положениями совр. семиотики, где С. я. понимается как код (средство кодирования и декодирования сообщений), сложный по своей внутренней структуре, т. е. устроенный как иерархическая организация субкодов (Вяч. Вс. Иванов), каждый из к-рых, в свою очередь, представляет собой своеобразную С. я. В связи с этим лингвистика определяется как «наука об отношениях между языковыми системами». Становится ясным, что адекватное рассмотрение С. я. возможно лишь при сочетании семасиологического аспекта с ономасиологическим, пассивной грамматики с активной (Л. В. Щерба), «грамматики говорящего» с «грамматикой слушающего» (О. Есперсен, позднее Якобсон, Ч. Ф. Хоккет). Описание С. я., идущее «от мысли – к средствам её выражения», было предпринято уже Ф. Брюно в нач. 20 в. В совр. языкознании такое сочетание аспектов даёт возможность выявить взаимодействие лексики с грамматикой в составе С. я. (А. В. Бондарко, В. Г. Гак и др.) и сформулировать принципы её интегрального описания (Ю. Д. Апресян).

В совр. типологии (Дж. Х. Гринберг, Б. А. Успенский, И. Ш. Козинский) комплексная характеристика С. я. достигается введением всё более сложных, многомерных классификаций, позволяющих объёмно представить «признаковое пространство» С. я., выявлением импликативных универсалий – т. е. зависимостей между значениями разных признаков (напр., если в С. я. различается род у прилагательных, то в ней есть и противопоставление по морфологическому роду у существительных), установлением относительного веса этих признаков и принимаемых ими значений, а также количественной оценкой результатов. Всё это позволяет судить не только о свойствах отдельных С. я., но и о человеческом языке в целом как о системе.

Лит.: Петерсон М. Н., Система языка, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1946, т. 5, в. 2; Балли Ш., Общая лингвистика и вопросы франц. языка, пер. с франц., М., 1955; Ельмслев Л., Пролегомены к теории языка, [пер. с англ.], в кн.: НЛ, в. 1, М., 1960; Иванов Вяч. Вс., Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и её совр. практические приложения, в кн.: Лингвистические исследования по машинному переводу, в. 2, М., 1961; его же, Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами, в кн.: Тр. ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР, в. 2, М., 1961; Мельчук И. А., К вопросу о термине «система» в лингвистике, в кн.: Zeichen und System der Sprache, Bd 2, B., 1962; его же, Опыт теории лингвистических моделей. «Смысл⇔Текст». Семантика, синтаксис, М., 1974; Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода», М., 1967; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Серебренников Б. А., Об относительной самостоятельности развития системы языка, М., 1968; Успенский Б. А., Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии, «ВЯ», 1968, № 6; Виноградов В. А., Всегда ли система системна?, в кн.: Система и уровни языка, М., 1969; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Раскин В. В., К теории языковых подсистем, М., 1971; Общее языковедение. Внутренняя структура языка, М., 1972; Щерба Л. В., Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Садовский В. Н., Основания общей теории систем, М., 1974; Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка, М., 1974; его же, Интегральное описание языка и толковый словарь, «ВЯ», 1986, № 2; [Степанов Г. В.], Внешняя система языка и типы её связи с внутренней структурой, в кн.: Принципы описания языков мира, М., 1976; Соссюр Ф. де, Тр. по языкознанию, пер. с франц., М., 1977; Вардуль И. Ф., Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис), М., 1977; Мельников Г. П., Системология и языковые аспекты кибернетики, М., 1978; Супрун А. Е., Лекции по языковедению, Минск, 1978; [Гак В. Г.], Предмет исследования. Лексическая система, в кн.: Бородина М. А., Гак В. Г., К типологии и методике историко-семантических исследований, Л., 1979; Бондарко А. В., Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды, «ВЯ», 1985, № 1; Якобсон Р. О., Избр. работы, М., 1985; Касевич В. Б., Семантика. Синтаксис. Морфология, М., 1989; Coseriu E., Sistema, norma y habla, Montevideo, 1952; Zeichen und System der Sprache, Bd 1–3, B., 1961–66; Berry M., An introduction to systemic linguistics, v. 1 – Structures and systems, L. – Sydney, 1975.

Т. В. Булыгина, С. А. Крылов.

Ситуа́ция – фрагмент действительности, к-рый служит референтом (см.) для языкового выражения с пропозитивным значением (то есть для группы глагола) – аналогично тому, как объект служит референтом языкового выражения с предметным значением (именной группы); С. – это обобщающее слово для таких категорий, как событие, процесс, состояние, действие и т. п., к-рые представляют собой различные аспектуальные типы С. Напр., выражение *Цезарь победил гельветов* (а в нек-рых контекстах – и *победа Цезаря над гельветами*) обозначает событие; *Иван красит забор, Идёт дождь* – это процессы; *Иван любит Марию, Я волнуюсь* – состояния; *Сократ – грек, Отелло был ревнив* – С. обладания свойством. Последний класс весьма разнороден; так, предложение *Единорогов не существует* выражает свойство (мира); в предложении *Я пришёл вовремя* моему приходу (событию) приписывается свойство (своевременности). К тому же классу относятся общие высказывания; так, фраза *Вода кипит при 100°* выражает свойство воды, в отличие от фразы *Вода кипит*, к-рая выражает процесс. Термин «С.» часто употребляется в применении не к самому фрагменту действительности, а к соответствующему концепту: словосочетание *победа Цезаря над гельветами* не только обозначает, но и выражает С. (а именно, событие).

В логике, начиная с Г. Фреге, считалось, что денотат (и референт) высказывания – это один из двух абстрактных объектов – истина или ложь, что равносильно отрицанию непредметной референции. В 70–80-х гг. 20 в. в логике наблюдается

увеличение интереса к непредметной референции, делаются попытки построить новые логики, в к-рых референтами глагольных выражений могли бы быть С. В связи с этим в логике рассматривается проблема идентификации С.– напр., обозначают ли высказывания *Сократ умер* и *Ксантиппа стала вдовой* одно и то же событие.

В лингвистике понятие С. традиционно использовалось в аспектологии (см.) в связи с построением видовых классификаций глаголов (при этом вместо термина «С.» часто употреблялись другие термины – «процесс», «действие», «глагольный признак»; Э. Кошмидер употребляет в значении С. слово «факт»). В связи с тем, что одни и те же видовые противопоставления могут выражаться: значением глагольной лексемы; денотативным статусом субъекта; видо-временной формой глагола; наличием /отсутствием дополнения; ед. /мн. ч. дополнения; определёнными типами наречий и частиц в составе глагольной группы (напр., *Я написал заявление* – событие, а *Я не написал заявление* – это состояние, отсюда возможное *Я ещё не написал заявление*, при невозможном *Я ещё написал заявление*) и т. д.– объектами классификации должны быть не глаголы, а С.

С. делятся на статические (состояния) и динамические (процессы и события). Динамические С. делятся на контролируемые и неконтролируемые (состояния обычно неконтролируемы). События и процессы, контролируемые своим субъектом, – это действия.

С. играет важную роль в совр. теории залога (см.), к-рая оперирует понятием участника С. Понятие С. используется и в теории референции (см.). По своим референциальным свойствам С. делятся на конкретные, локализуемые во времени, и абстрактные, не локализуемые (универсальные, экзистенциальные и родовые высказывания выражают абстрактные С.); на реальные (к-рые соотносятся с действительностью) и гипотетические (к-рые соотносятся с одним из возможных миров, не совпадающих с реальным).

Понятие С. используется также при семантическом анализе номинализованных конструкций; а именно, в нек-рых контекстах выражение с пропозитивным значением выражает факт и не имеет выхода в референцию, т. е. не соотносится с ситуацией ни в реальном, ни в возможном мире. Напр., во фразе *Я помню, как мы купались в Москва-реке* компонент *мы купались в Москва-реке* соотносится с событием, а во фразе *Я помню, что мы купались в Москва-реке* тот же компонент выражает факт и не имеет референции. С. (а именно события, процессы и нек-рые состояния), в отличие от фактов, имеют пространственные и временные координаты; имеют причины и последствия, являются объектами восприятия и оценки (эстетической и др.).

Лит.: Кошмидер Э., Очерк науки о видах польск. глагола, [пер. с польск.], в кн.: Вопросы глагольного вида, М., 1962; Мельчук И. А., Холодович А. А., К теории грамматического залога, «Народы Азии и Африки», 1970, № 4; Гак В. Г., Высказывание и ситуация, в кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972, М., 1973; Булыгина Т. В., К построению типологии предикатов в рус. языке, в кн.: Семантические типы предикатов, М., 1982; Падучева Е. В., О референции языковых выражений с непредметным значением, «НТИ», сер. 2, 1986, № 1; Барвайс Дж., Перри Дж., Ситуации и установки, [пер. с англ.], в кн.: Философия, логика, язык, М., 1987; Арутюнова Н. Д., Типы языковых значений. Оценка, событие, факт, М., 1988; Vendler Z., Verbs and times, «The Philosophical Review», 1957, v. 66, № 2; Davidson D., The logical form of Action Sentences, в кн.: The Logic of decision and action, [Pittsburg], 1966; Lyons J., Semantics, v. 2, Camb.– [a. o.], 1977; Mourelatos A. P. D., Events, Processes and States, в кн.: Syntax and Semantics, v. 14, N. Y.– [a. o.], 1981; Bach E., Natural language metaphysics, в кн.: Logic, Methodology and Philosophy of science, v. 7, Elswier Publ., 1986.

Е. В. Падучева.

Ситуа́ция речева́я – ситуация, составляющая контекст высказывания, порождённого в речевом акте (см. Речь). Высказывание делается в определённом месте в определённое время и имеет определённый набор участников – это говорящий (субъект речи) и слушающий (адресат). Соответственно основные параметры, характеризующие С. р.,– это говорящий, слушающий, время и место высказывания. С. р. выполняет важную функцию в речевом общении, поскольку естественный язык устроен таким образом, что значения многих его грамматических категорий и слов содержат отсылку к С. р. Это прежде всего грамматическая категория времени и местоименные (дейктические) слова (см. Дейксис) типа *я, ты, этот, сейчас, здесь, там, вот*, к-рые, имея всегда одно и то же значение, позволяют говорящим производить идентификацию самых разных лиц, предметов, событий, временны́х моментов и участков пространства – через отсылку к С. р. высказывания. Напр., *здесь* = «в том месте, в к-ром было сделано высказывание, содержащее данное упоминание слова *здесь*». В смысл предложения входят прагматические переменные, иначе – координаты референции (см.), такие, как «я», «ты», «здесь», «сейчас». В С. р. они принимают конкретные значения, в результате чего смысл предложения превращается из пропозициональной формы, каковой он обычно является, в пропозицию (см. Суждение), к-рая может быть истинной или ложной; напр., смысл предложения «Идёт дождь» – это пропозициональная форма; соответствующая пропозиция – «Идёт дождь в таком-то месте в такое-то время». Значение дейктического слова может отсылать и к другим аспектам С. р.– к относительному расположению и степени выделенности объектов в общем поле зрения говорящих; к указательному жесту говорящего; к общему фонду знаний говорящих; к их социальному статусу и т. п.

Дейктические слова и категории максимально эффективны в том случае, если язык функционирует в условиях канонической речевой ситу-

ации – когда время произнесения высказывания (время говорящего) синхронно времени его восприятия (времени слушающего), т. е. определён момент речи; когда говорящие находятся в одном и том же месте и каждый видит то же, что и другой (в идеале, они располагают общим полем зрения); когда адресат – конкретное лицо и т. д. Язык может использоваться и в неканонических речевых ситуациях: пространство говорящего может не совпадать с пространством адресата (ситуация телефонного разговора); время говорящего, т. е. время произнесения высказывания, может не совпадать с временем адресата, т. е. временем восприятия (ситуация письма); высказывание может не иметь конкретного адресата (ситуация публичного выступления) и т. д. В неканонической С. р. иначе употребляют дейктические слова; напр., в телефонном разговоре говорящий может обозначить словами *сюда, здесь* только своё пространство, а о пространстве адресата не может сказать ни *сюда*, ни *туда*; в письме говорящий может обозначить словом *сейчас* только своё время, а время адресата (т. е. время получения сообщения) дейктически не выражается.

В нек-рых сферах употребления языка высказывание может утрачивать связь с С. р. Различаются разные режимы употребления языка. Наряду с диалогическим, или речевым, режимом, существует нарративный, или повествовательный, режим, при к-ром связь высказывания с речевой ситуацией отсутствует. При нарративном режиме (вторичный дейксис) местоименные слова и грамматические категории приобретают либо особую нарративную, либо просто анафорическую (отсылающую к контексту) интерпретацию; общее поле зрения заменяется полем внимания (*Он переехал в Киев и здесь* <≈*там*> *жил уже всю жизнь*); момент речи – временно́й точкой отсчёта (*Ему казалось, он понимал* <≈*понимает*> *происходящее*). В нек-рых языках нарративному режиму соответствуют особые грамматические формы глагола (в частности, во франц. языке это форма Passé Simple).

Помимо дейксиса, С. р. может участвовать в интерпретации высказываний с ситуативным эллипсисом (*Ошибка!*; *Таракан!*); с субъективной модальностью (напр., с вводными словами – они обычно выражают пропозициональную установку говорящего как участника С. р.); уточнять целевую функцию высказывания (напр., фраза *Ружьё заряжено!* в разных С. р. может выражать угрозу, рекомендацию и т. п.); выявлять причинные связи данного высказывания с другими событиями – речевыми и неречевыми (напр., связь между командой и выполнением соответствующего действия).

Лит.: Бенвенист Э., Отношения времени во франц. глаголе, в его кн.: Общая лингвистика, пер. с франц., М., 1974; Апресян Ю. Д., Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира, в кн.: Семиотика и информатика, в. 28, М., 1986; Падучева Е. В., Крылов С. А., Дейксис, в кн.: Человеческий фактор в языке, М., 1992; Lyons J., Semantics, v. 2, Camb.– [a. o.], 1977; Banfield A., Unspeakable sentences: narration and representation in the language of fiction, Boston, 1982; Speech, place and action. Studies in deixis and related topics, Chichester – [a. o.], 1982.

Е. В. Падучева.

Сказу́емое – один из двух главных членов двусоставного предложения (см.), обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) в его отношении к субъекту, выраженному подлежащим (см.). С. связано с подлежащим предикативным отношением признака, отнесённого ко времени, и его носителя. С. является конституирующим компонентом предложения, вместе с подлежащим оно образует грамматическую основу предложения, в С. сосредоточены основные грамматические значения предложения – время и модальность.

В ряде предложений между словоформами, выступающими в позиции подлежащего и С., имеет место формальное уподобление – координация (см.). Подлежащее и С. могут быть формально уподоблены друг другу в роде, числе и падеже (*Книга интересная*; *Здание новое*; *Лес густой*), в роде и числе (*Ученик читал*; *Картина написана*; *Ребёнок болен*), в числе и лице (*Я читаю*; *Ты пишешь*; *Мы ждём*; *Они отдыхают*), в числе и падеже (*Сестра – инженер*; *Этот студент – староста*; *Книги новые*), в числе (*Все рады*; *Места заняты*; *Школьники отдохнули*), в падеже (*Леса – это чистый воздух*; *Дети – будущее страны*). В предложениях с формально уподобленными главными членами С. выражено спрягаемой формой глагола или именем в им. п. (*Ученик читает*; *Сестра – врач*; *Погода прекрасная*; *Каждая встреча – это волнение*). Подлежащее и С. могут быть и не уподоблены друг другу. В предложениях с неуподобленными главными членами С. может быть выражено именем в именительном или косвенном падеже, наречием или инфинитивом (*Дозвониться – это проблема*; *Дети в школе*; *Телеграмма из Москвы*; *Жаловаться стыдно*).

Различаются глагольное, именное и наречное С. Глагольное С. может быть выражено спрягаемой формой глагола или инфинитивом (*Он читает*; *Лес зеленеет*; *Птицы поют*; *Курить – здоровью вредить*). В состав глагольного С. могут входить модальные (см. Модальность) и фазовые глаголы, т. е. глаголы со значением начала, конца или продолжения действия (*Он хочет читать*; *Она может спеть*; *Они любят спорить*; *Сын стал работать*; *Ребёнок начинает ходить*), а также модальные и фазовые глаголы одновременно (*Он хочет учиться рисовать*; *Он перестал хотеть учиться рисовать*). В позиции глагольного С. могут использоваться устойчивые словосочетания или соединения слов, возникающие в предложении (*Учёба играет большую роль*; *Старший брат оказал влияние на младших*; *Сестра работает секретарём*; *Сын

привык решать сам; *Ребёнок лежит больной*). Во многих случаях, где это позволяет семантика слов и содержание высказывания, в состав такого сказуемого тоже может входить модальный или фазовый глагол (*Сестра хочет работать секретарём*; *Сестра начала работать секретарём*; *Сестра хочет начать работать секретарём*).

Именное С. выражено им. п. существительного, местоимения, прилагательного, числительного (*Сестра – врач*; *Хорошая учёба – главная задача*; *Погода тёплая*; *Эта книга твоя*; *Этот урок первый*), а также кратким прилагательным, кратким причастием, компаративом, именем в косвенном падеже с предлогом или без предлога (*Он весел*; *Мы знакомы*; *Письмо послано*; *Она умнее, чем брат*; *Сын высокого роста*; *Студенты в библиотеке*). Наречное С. может быть выражено наречием с разными лексическими значениями (*Учиться интересно*; *Брат дома*).

В состав именного и наречного С. могут входить полузнаменательные глаголы, обозначающие бытие, выявление, обнаружение, называние, сохранение состояния, переход из одного состояния в другое: *стать – становиться, сделаться – делаться, получиться – получаться, явиться – являться* и др. (*Погода делается холодной*; *Дочь становится взрослой*; *Работа кажется трудной*; *Звонок является сигналом*; *Сорвать цветок считается проступком*). В тех случаях, когда в состав именного или наречного С. входит модальный или фазовый глагол, позицию полузнаменательного глагола может занимать инфинитив глагола *быть* (*Он может быть смелым*; *Дочь хочет быть врачом*; *Они любят быть первыми*). Как глагольное, так и именное и наречное С. могут принимать в свой состав краткие прилагательные со значением долженствования, возможности, необходимости (*должен, намерен, обязан, готов*), напр.: *Он учится – Он должен* (*намерен, обязан, готов*) *учиться; Он отличник – Он должен* (*намерен, обязан, готов*) *быть отличником*; *Отец на работе – Отец должен* (*намерен, обязан*) *быть на работе*.

В разг. и непринуждённой речи место С. может быть замещено целым предложением (*Ученики – один лучше другого*; *Фильм – можно пять раз смотреть*; *Хорошая репутация – это когда тебе доверяют*); в позиции С. могут использоваться также сочетания двух личных форм глагола (*Соловей поёт – заливается*; *Они живут не ссорятся*; *Она смотрит улыбается*; *Друзья встретились наговорились*). Традиционно С., состоящее из одного слова, называется простым, из двух слов – составным, из трёх и более – сложным.

В конкретных высказываниях позиция С. (как и позиция подлежащего) может быть не занята. В таких случаях С. восстанавливается из контекста: *Отец пришёл? – Отец* (т. е. Отец пришёл). Позиция С. может быть не занята также в конситуативно не обусловленных реализациях предложений со С.– глаголами со значением сообщения, речи, движения, конкретного действия, наличия, появления, начала или продолжения действия и нек-рыми другими (*Я о деле*; *Друг всё о том же*; *Опять ты про старое*; *Дети спать*; *Мы обедать*; *Они домой*; *Фильм в семь часов*; *Поезд через час*; *Лекция – пятьдесят минут*). В подобных предложениях позиция С. не занята, но его распространители присутствуют.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, 2 изд., Л., 1941; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Совр. рус. язык, ч. 2, М., 1964; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Исследования по рус. грамматике. Избр. тр., М., 1975; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Храковский В. С., Концепция членов предложения в рус. языкознании XIX в., в кн.: Грамматические концепции в языкознании XIX в., Л., 1985; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Арутюнова Н. Д., Сказуемое, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

К. В. Габучан.

Склоне́ние – изменение по падежам (см. Падеж) всех имён (существительных, прилагательных, числительных и местоимений). Изменяются по падежам (склоняются) также причастия, являющиеся атрибутивными формами глагола.

В рус. языке – шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Система падежных форм составляет парадигму С. В зависимости от того, изменяются ли по числам и по родам слова, охватываемые данной парадигмой, парадигма С. может состоять: из одной части – форм ед. или мн. ч. (у существительных singularia и pluralia tantum, местоимений *я, ты, мы, вы, кто, что*, количественных и собирательных числительных); из двух частей – форм ед. и мн. ч. (у существительных); из четырёх частей – форм муж., жен., ср. рода ед. ч. и форм мн. ч. (у прилагательных, порядковых числительных, нек-рых групп местоимений и у причастий). Каждая из таких частей называется частной парадигмой и входит в общую парадигму С. Ни одна из парадигм, включающих в себя шесть падежей, не различает всех падежных форм, в каждой есть несколько форм с омонимичными флексиями. Из шести падежей в парадигме насчитывается от пяти до трёх форм с различающимися флексиями, а в нек-рых парадигмах количественных числительных – только две формы.

С. называется также класс (группа) слов, объединённых общностью образования падежных форм, и отвлечённый образец, по к-рому изменяются слова этого класса.

В рус. языке представлены два основных вида С. имён и местоимений: субстантивное (существительное) и адъективное (прилагательное). Внутри них выделяются как особые типы нулевые С., к-рые охватывают неизменяемые, иноязычные по

происхождению существительные (*депо, пальто, жюри, бра*), прилагательные (*бордо, мини, модерн, хаки*) и несклоняемые аббревиатуры: парадигмы этих слов состоят из омонимичных форм.

Кроме основных, имеются смешанные (промежуточные) типы С., сочетающие в себе признаки субстантивного и адъективного С. Перечни их, как правило, приводились не в учебных грамматиках, а в работах исследовательского характера (напр., у Н. Н. Дурново, Р. О. Якобсона, А. А. Зализняка). Дурново относил смешанные типы к адъективному С. и различал среди них местоименное С. с примыкающим к нему С. числительных *два* (*двe*), *три* и *четыре* и С. личных и возвратного местоимений. Якобсон среди промежуточных типов называл С. неличных местоимений и притяжательных прилагательных, С. личных и возвратного местоимений и С. непорядковых числительных. Зализняк промежуточные типы обозначил как 1) первый местоименный, 2) второй местоименный, 3) притяжательный. Предложенная Зализняком классификация применена в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), в «Русской грамматике» (1980) и в «Краткой русской грамматике» (1989).

Промежуточные типы по системе флексий падежных форм ед. и мн. ч. ближе к адъективному С. Флексии субстантивного С. (1-го и 2-го, по академической классификации) во всех промежуточных типах представлены в им. и вин. п. ед. и мн. ч., а в притяжательном С., кроме того, в род. и дат. п. ед. ч. прилагательных муж. и ср. рода.

Распределение имён и местоимений по видам и типам С. не обязательно совпадает с их делением на части речи. К одному и тому же виду С. могут принадлежать слова разных частей речи (см. табл.)

С. существительных делится на типы в зависимости от различий в образовании падежных форм. Нек-рые учёные полагают, что парадигма С. существительных состоит не из шести, а из восьми или семи падежей. Одни (в их числе В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, Якобсон, Зализняк), помимо шести падежей, выделяют ещё второй род. п. (партитивный) и второй предложный (местный). Другие (в их числе Дурново, М. В. Панов) выделяют только второй предложный падеж (местный). Поскольку лишь небольшая группа слов муж. рода и жен. рода с нулевой флексией в им. п. имеет особые формы для партитивного падежа (слова муж. рода, напр.: *кусок сахару, стакан чаю*) и для местного падежа (слова муж. и жен. рода, напр.: *в лесу, на берегу; в степи*), в совр. грамматиках представлена шестипадежная парадигма.

В рус. языке имеются три С. существительных – 1-е, 2-е и 3-е, различающиеся системами падежных флексий (окончаний). Типы С. строго разграничиваются только в ед. ч. Во мн. ч. различия между типами не столь определённые, они касаются только флексий им. и род. п., в дат., твор. и предл. п. различия во флексиях слов разных С. отсутствуют. Принадлежность существительных к одному из трёх С. в известной мере определяется их грамматическим родом. Однако здесь нет полной последовательности. Так, к 1-му С., по академической классификации (о нумерации С. см. ниже), относятся существительные муж. рода с нулевой флексией в им. п. ед. числа (*стол, край, конь, нож*) и существительные ср. и муж. рода с флексиями *-о, -ё, -е* (*окно, ружьё, поле, подмастерье, кулачище*). Ко 2-му С. относятся существительные жен. рода с флексией *-а, -я* (*вода, каша, земля*) и существительные муж. и общего рода с той же флексией (*мужчина, староста, зайчишка, судья*;

Распределение имён по видам и типам склонения

Виды и типы склонения	Субстантивное склонение			Адъективное склонение	Промежуточные типы склонения		
					Местоименное склонение		Притяжательное склонение
Части речи	1-е склонение	2-е склонение	3-е склонение		I местоименное	II местоименное	
Существительное	*завод, конь, окно, поле, подмасте рье*	*карта, земля, мужчи на, сирота*	*тень, путь, знамя, дитя*	*портной, булочная, пирожное, чаевые*	*ничья, девичья, третье*		*кабельтов, швартов, Ильина*
Прилагательное				*новый, голубой, синий, русский, выдающийся*	*лисий, волчий, дядин, братнин*		*отцов*
Числительное	*двести, триста, четыреста, пятьсот*		*пять, одиннадцать, двадцать, семьдесят*	*второй, пятый*	*двое, четверо; третий*		
Местоимение	*я, ты, мы, вы*	*себя*		*любой, каждый, многие*	*он; этот; сам*	*кто, что; тот, весь*	

сирота, обжора, плакса). К 3-му С. относятся существительные жен. рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч. и с основой на мягкий согласный или шипящий (*кровать, мышь, ночь, рожь*), а также существительное муж. рода *путь*, существительные ср. рода на *-мя* (*бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, семя, стремя, темя*, устар. *полымя*) и существительное *дитя*.

При образовании форм мн. ч., а у отдельных существительных ср. р. на *-мя* и у существительного *дитя* 3-го С. и форм ед. ч. может видоизменяться фонемный состав основы, напр.: *сук – сучья, сын – сыновья, котёнок – котята, чертёнок – чертенята, крестьянин – крестьяне, имя – имени – имена, дочь – дочери – дочерей, дитя – дитяти*. В ед. ч. у существительных муж. рода 1-го С. и во мн. ч. у существительных всех С. последовательно выражена одушевлённость – неодушевлённость. У существительных, называющих одушевлённые предметы, вин. п. совпадает с родительным, у существительных, называющих неодушевлённые предметы, вин. п. совпадает с именительным.

Ряд существительных изменяется по адъективному, первому местоименному и притяжательному С. По адъективному С. изменяются существительные, в им. п. совпадающие с прилагательным в форме муж., жен., ср. рода ед. ч. (*портной, запятая, животное*) или с прилагательным в форме им. п. мн. ч. (*суточные, чаевые*). По местоименному С. изменяются существительные *девичья, ничья, третье*. Женские фамилии на *-ова, -ина* в ед. ч. и фамилии на *-ов, -ин* во мн. ч. склоняются по притяжательному С. Мужские фамилии на *-ов, -ин* только в твор. п. имеют флексию прилагательного (*Пушкиным, Некрасовым*).

Нумерация и число выделяемых типов С. существительных, принятые в грамматических исследованиях и в грамматиках, в методических руководствах и в учебных пособиях, в т. ч. и в школьных учебниках, различны. Это различие объясняется условностью нумерации типов С. и отсутствием единого логического основания при выделении самих типов. Порядковый номер С. не имел и не имеет принципиального значения. В академической «Грамматике русского языка» (т. 1–2, 1952–54), в курсах совр. рус. языка, изданных МГУ (1952, 1964 и др.), нумерация С. соответствует вышеизложенной. С другой стороны, в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (1945), в ряде учебных пособий других авторов (напр., А. М. Финкеля и Н. М. Баженова; И. Г. Голанова) и в школьных учебниках принята противоположная нумерация первых двух С., т. е. существительные на *-а, -я* отнесены к 1-му, а существительные муж. и ср. рода – ко 2-му С. Виноградов в книге «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» (1947; 3 изд., 1986) 1-м назвал С. имён существительных муж. рода с нулевым окончанием им. п. (*топор, стол, дом, фонарь, зверь, зять* и т. п.) и слов ср. рода на -о, *-е* (*село, зеркало, окно, поле, личико* и т. п.); 2-м – контрастирующее с первым типом женское С. с нулевым окончанием им. п. (*кость, глубь, рысь, неожиданность* и т. п.); 3-м – С. существительных на *-а, -я* (*сестра, вода, похвала, неряха, земля, судья* и т. п.). Грамматической базой всей системы именного склонения Виноградов считал тип имён существительных муж. рода с нулевым окончанием в им. п.

В грамматических исследованиях предлагается выделять также разное количество С. В академических грамматиках (1952–54, 1980, 1989) и других грамматиках выделяются три С. Грамматика 1970 распределяет существительные, относящиеся к субстантивному С., между двумя С. с разновидностями внутри них. Кроме того, в академических грамматиках (впервые в 1970, а затем в 1980, 1989) в С. существительных и прилагательных в качестве отдельного (промежуточного) типа С. выделяется смешанное С. Из существительных по этому типу изменяются такие слова, как *ничья, третье* (первое местоименное С.) и рус. фамилии на *-ов* и *-ин* (притяжательное С.).

Подавляющее большинство прилагательных изменяется по адъективному С., в к-ром различают две разновидности: твёрдую (*новый, простой, глухой, куцый*) и мягкую (*синий, свежий, хороший, выдающийся*). По адъективному С. изменяются также действительные и страдательные причастия. Притяжательные прилагательные на *-ий* типа *волчий, лисий, медвежий* и прилагательные на *-ин* и *-нин* типа *дядин, мамин, братнин* изменяются по местоименному С. Притяжательные прилагательные на *-ов* типа *отцов, дедов* и прилагательные на *-ин* в составе устойчивых сочетаний (напр., *Ильин день*) изменяются по притяжательному С.

С. числительных не имеет единого образца, оно представлено несколькими типами: 1) числительные *два* (*две*), *три, четыре* изменяются по типу прилагательных. Флексии косвенных падежей этих числительных представляют собой несколько видоизменённые падежные флексии прилагательных мн. ч.; 2) собирательные числительные в косвенных падежах имеют флексии прилагательных мн. ч.; 3) числительные от *пяти* до *десяти* и все числительные на *-дцать* и *-десят* образуют падежные формы по 3-му С. существительных; 4) числительные *двести, триста* и все числительные на *-сот* образуют падежные формы так же, как существительные 1-го и 2-го С. во мн. ч.; 5) числительные *сорок, девяносто, сто, полтора* и *полтораста* имеют только две формы: форму им. – вин. п. и форму для всех остальных падежей; 6) порядковые числительные, кроме числительного *третий*, изменяются по адъективному С.; числительное *третий* склоняется так же, как притяжательные прилагательные на *-ий* (*лисий, волчий*).

С. местоимений, как и С. числительных, не имеет единого образца: 1) личные местоимения

ед. ч. *я, ты* и возвратное местоимение *себя* имеют в косвенных падежах флексии, близкие флексиям существительных 2-го С. ед. ч. (исключение: форма род. п. с флексией *-я* – по 1-му С.); 2) личные местоимения мн. ч. *мы, вы* имеют в формах дат. и твор. п. те же флексии, что и существительные 1-го – 2-го С. во мн. ч., и особую флексию *-ас* в формах род., вин. и предл. п.; 3) местоимения, принадлежащие к различным группам по своему значению (*он, сам, мой, твой, наш, ваш, этот, чей, сей, ничей*), в ед. ч. изменяются по местоименному С. в его твёрдой (*дядин*) или мягкой (*лисий, волчий*) разновидности. Во мн. ч. все эти местоимения изменяются по мягкой разновидности местоименного С.; 4) местоимения *кто, некто, некого, никто, что, нечего, нечто, ничто, тот, весь* изменяются по 2-му местоименному С. В отличие от местоимений, поименованных в третьей группе, в твор. п. ед. ч. и во всех падежах мн. ч. (для местоимений *тот, весь*) местоимения данной группы имеют во флексии гласную *-е: кем, чем, те, все, тех, всех*; 5) местоимения *какой, никакой, который, некоторый, никоторый, каждый, экий, некий, иной, любой, всякий* и нек-рые другие изменяются по адъективному С.

Лит.: Дурново Н., Повторительный курс грамматики рус. языка, в. 1, М., [1924]; Богородицкий В. А., Общий курс рус. грамматики, 5 изд., М.– Л., 1935; Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики рус. лит. языка, М., 1945; Виноградов В. В., Рус. язык (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Кузнецов П. С., Историческая грамматика рус. языка. Морфология, [М.], 1953; Якобсон Р. О., Морфологические наблюдения над слав. склонением, 's-Gravenhage, [1958]; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1960; Совр. рус. язык, ч. 2 – Морфология. Синтаксис, [М.], 1964; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; его же, Грамматический словарь рус. языка. Словоизменение, 3 изд., М., 1987; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Булыгина Т. В., Крылов С. А., Склонение, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; их же, Морфология, там же; Еськова Н. А., Краткий словарь трудностей рус. языка. Грамматические формы. Ударение, М., 1994

В. А. Плотникова (Робинсон).

Ско́бки – парный выделительный знак препинания, основное назначение к-рого – изоляция внутри предложения замечаний и пояснений (слов, конструкций, предложений), к-рые таким образом приобретают статус вставных, включаются в пространство предложения, но не входят в состав его членов. Напр.: *«Ничего потом не мог вспомнить Лёва (или не хотел...) об их последовавшем единственном свидании»* (Битов); *«... в тот же вечер (дня за два до отъезда) я рассказала бы ей о своём происхождении»* (Берберова); *«Поверьте (совесть в том порукой), Супружество нам будет мукой»* (Пушкин); *«И я Париж люблю сверх меры (красивы бульвары ночью!)»* (Маяковский).

Вставка в С. может относиться к предшествующему предложению, в этом случае текст внутри С. начинается с прописной буквы, а точка (или другой конечный знак препинания) ставится перед второй (правой) скобкой: *«Топографию дома Колесников выверял на слух. (В лазарете у него чрезвычайно обострился слух.)»* (Платов).

С. свойственно графическое варьирование: круглые ( ), фигурные { }, квадратные, или прямые, [ ], угловые ⟨ ⟩. Квадратные и фигурные С. обычно употребляются в нек-рых научных текстах (напр., в математических, где они указывают порядок совершения действий), в учебниках и других специальных изданиях.

Знак С. встречался ещё в памятниках 16 в. Как знак «вместительный» С. отмечены в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755).

Лит. см. при ст. Пунктуация. *Б. С. Шварцкопф.*

Ско́ропись – тип письма (см.), в к-ром буквы и другие знаки пишутся без отрыва пера, что способствует ускорению процесса письма. Существует во многих системах письма. В Древней Руси известна с 14 в. и первоначально применялась в деловой письменности (в хозяйственных, административных и дипломатических документах). Однако уже в кон. 15 в. появляются лит. и богослужебные произведения, написанные С. В большинстве случаев на Руси С. писали на бумаге.

Появление рус. С. связано с развитием старшего полуустава (см.). Начертания букв С. многовариантны, их облик отличается обилием петель, росчерков, опущенных вниз под строку, а также элементов, поднятых вверх над строкой. Всё это нарушало старый принцип двулинейности кириллицы (см.). Начертания букв С. изменялись постепенно, появились связные написания нескольких букв в строке, а также связные написания строчных (на строке) букв с надстрочными (над строкой). По графическим особенностям в рус. палеографии (см.) различаются северо-вост. С.– московская (15–18 вв.), зап. С.– белорус., или виленская (15–16 вв.), юго-зап. С.– киевская (17 в.).

Лит.: Беляев И. С., Практический курс изучения древней рус. скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий, 2 изд., М., 1911; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В., Рус. палеография, 2 изд., М., 1982 *О. А. Князевская.*

Слави́стика, славяноведение,– совокупность научных дисциплин о языках, литературах, фольклоре, истории, материальной и духовной культуре славянских народов. Раздел С.– слав. языкознание – исследует славянские языки (см.), их возникновение, историю, совр. состояние, диалектное членение, историю и функционирование лит. языков. Зарождение С. началось в 16–17 вв., когда появились чеш., польск., словен., хорватская, церк.-слав. и другие грамматики и грамматические сочинения и когда было написано «Граматично изказанье» Ю. Крижанича (1666). Предшественниками научной С. в 18 в. были В. М. Дурих в Чехии, М. В. Ломоносов и А. Шлёцер в России и др.

Первым слав. филологом, заложившим основы научной С., был чех Й. Добровский, написавший научную грамматику ст.-слав. языка (1822), чеш. грамматику (1809), историю чеш. языка и лит-ры (1792) и определивший круг проблем, стоявших перед С. в 19 и 20 вв. и сохранивших актуальность до наших дней: сравнительное исследование слав. языков, изучение ст.-слав. языка, грамматического строя совр. слав. языков, кирилло-мефодиевская традиция (т. е. проблема возникновения слав. письменности и её дальнейшего развития). В России эти проблемы разрабатывал А. Х. Востоков, в Вене – В. Копитар, издатель ряда ст.-слав. рукописей, в т. ч. «Сборника Клоца» (1836), и автор большой грамматики словен. языка (1808).

Рус. славистические кружки Н. П. Румянцева и А. С. Шишкова, а также деятельность К. Ф. Калайдовича, П. И. Кеппена, Ю. И. Венелина и др. привели к созданию славистических кафедр (после 1835) в рус. ун-тах, к-рые возглавили в Москве О. М. Бодянский, в Петербурге П. И. Прейс, позже И. И. Срезневский. Прежде чем возглавить кафедры, эти учёные, а также В. И. Григорович совершили длительные научные путешествия по слав. землям, позволившие им обнаружить множество древних рукописей, собрать богатый диалектологический и фольклорный материал и близко познакомиться со многими слав. учёными и деятелями культуры.

В 1-й пол. 19 в. крупным зарубежным славистическим центром была Прага. Там работали современники и наследники Добровского – Й. Юнгман, автор монументального чеш. словаря (1835–39), и В. Ганка, известный более всего по его поддельным «др.-чеш.» рукописям – Краледворской и Зеленогорской, а также филолог и историк П. Й. Шафарик, автор «Истории славянских языков и литератур» (1826), и фольклорист Ф. Л. Челаковский, создавший курс лекций по сравнительной слав. грамматике (изд. в 1853). В Вене долгое время жил и работал серб В. Караджич, автор первого сербского словаря, созданного на народной основе (1818), и краткой грамматики («Писменицы») сербского языка (1814). Он разделял взгляды Копитара о возможности создания нового лит. языка не на книжной, а на народной основе. Его дело продолжил Дж. Даничич, автор трёхтомного сербского исторического словаря. В польск. языкознании в этот период велась лексикографическая работа С. Б. Линде, создателем «Словаря польского языка» (т. 1–6, 1807–14), предлагавшим первые серьёзные образцы сравнительной слав. лексикографии; грамматическими исследованиями занимался Ю. Мрозиньский, написавший «Первые основы грамматики польского языка» (1822). Т. о., в 1-й пол. 19 в., в эпоху подъёма национального слав. самосознания, слав. языкознание развивалось в недрах филологии, для к-рой было характерно прежде всего внимание к древним рукописям и древнему языковому состоянию и в меньшей мере к лексике и грамматике формирующихся национальных лит. языков.

Новый период в истории слав. языкознания 19 в. начался с создания славистической кафедры в Вене, к-рую возглавил словенец Ф. Миклошич, крупный представитель сравнительно-исторического языкознания. Он подытожил предшествующий период изданием ряда памятников и созданием большого словаря церк.-слав. языка. Миклошич – автор фундаментальной сравнительной грамматики слав. языков (т. 1–4, 1852–75) и первого этимологического словаря слав. языков (1886), к-рые положили начало длительному периоду сравнительно-исторических исследований в С., продолжающемуся и ныне. Развитию этого направления содействовал и А. Шлейхер, занимавший кафедру в Праге. Венская и пражская славистические школы воспитали значительное число лингвистов-славистов. К ним относятся чехи Я. Гебауэр, автор многотомной исторической грамматики чеш. языка (1894–1929) и незавершённого ст.-чеш. словаря (т. 1–2, 1903–16), Л. Гейтлер, А. Матценауэр и др. Учеником Шлейхера был и А. Лескин, крупный представитель младограмматизма, автор ст.-слав. грамматики (1871), сравнительно-исторического исследования по слав., германскому и литов. склонению (1876) и др. В России в нач. 20 в. было два крупных представителя сравнительно-исторического направления, создавших свои школы, – Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов. Их идеи развивали серб А. Белич, рус. слависты Г. А. Ильинский, автор «Праславянской грамматики» (1916), Н. Н. Дурново, С. М. Кульбакин и др. Развитию сравнительно-исторических исследований способствовали выход «Сравнительной грамматики славянских языков» (т. 1–2, 1906–08) чеха В. Вондрака и особенно появление книги «Общеславянский язык» (1924) франц. индоевропеиста А. Мейе (рус. пер., 1951). Обобщив опыт своих предшественников, ученик Мейе А. Вайян создал «Сравнительную грамматику славянских языков» (т. 1–5, 1950–77). Большой вклад в развитие слав. компаративистики внесли в области этимологических, сравнительно-исторических и акцентологических исследований также болгарин С. Младенов, финн И. Ю. Миккола, норвежец К. Станг, голландец Н. ван Вейк, чех О. Гуер, поляки Я. Розвадовский, Т. Лер-Сплавиньский, немцы Э. Бернекер, Р. Траутман и М. Фасмер. Последний был учеником И. А. Бодуэна де Куртенэ и до 1921 преподавал в рос. ун-тах. Сравнительную грамматику слав. языков в 20 в. развивают: в России и на Украине – Л. А. Булаховский, С. Б. Бернштейн, А. С. Мельничук, В. Н. Топоров, В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч и др., в Польше – З. Штибер, в Чехословакии – К. Горалек, в Югославии – С. Ившич и Р. Бошкович, в Болгарии – В. Георгиев, И. Леков, в США – Г. Бирнбаум, Х. Г. Лант и др.

Сравнительно-грамматическое направление в слав. языкознании не вытеснило филологическую традицию, крупнейшим представителем к-рой был заместитель Миклошича на венской кафедре хорватский учёный И. В. Ягич, чья научная деятельность была тесно связана с рус. академическими организациями и со всеми центрами мировой С. того времени. В области изучения древних памятников, истории и диалектологии отдельных слав. языков многое сделали рус. учёные Ф. И. Буслаев, А. С. Будилович, А. И. Соболевский, болгары Б. Цонев, Л. Милетич, словенцы К. Штрекель, В. Облак, хорваты и сербы Т. Маретич, П. Будмани, С. Новакович, поляки А. Брюкнер, Я. Лось и др. В нач. 20 в. ряд кардинальных вопросов диалектологии и истории языка стал разрешаться методами лингвистической географии, к-рая в этот период делала в С. только первые шаги (словен. атлас двойственного числа Л. Теньера и атлас польск. Подкарпатья М. Малецкого и К. Нитша), а во 2-й пол. 20 в. добилась значительных успехов (рус., укр., белорус. атласы, малый польск. и ряд польск. региональных атласов, словацкий, болг., серболужицкий атласы, общеслав. и карпатский атласы). Синхронно-описательная лингвистическая С. зарождалась ещё в 19 в. благодаря трудам Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского и др. Наибольшее развитие эта ветвь С. получила в 30–40-х гг., в связи с деятельностью Пражской лингвистической школы (см.), в к-рой большую роль играли Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, С. О. Карцевский, Б. Гавранек, В. Матезиус и др. Существенны достижения в 20 в. в области синхронно-описательной грамматики отдельных языков – русского (В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова и др.), польского (В. Дорошевский), болгарского (Л. Андрейчин), чешского (Ф. Травничек) и др. Усилиями таких учёных, как Виноградов, Гавранек, Трубецкой, Г. О. Винокур и др., возникла новая дисциплина – история слав. лит. языков, к-рая в кон. 20 в. переживает период бурного развития (Андрейчин, А. Едличка, А. Младенович, Е. Паулини, Р. Пиккио, Д. С. Ворт, Б. А. Успенский, Г. Хюттль-Фольтер и др.).

Значительны и новейшие достижения в области слав. лексикографии (словари совр. языков, исторические, диалектные – сводные и региональные, обратные, частотные и т. п.), среди к-рых важное место занимают этимологические словари (общеславянские О. Н. Трубачёва и Ф. Славского, русский Фасмера, чешский и словацкий В. Махека, хорватско-сербский П. Скока, словенский Ф. Безлая, лужицкий Х. Шустер-Шевца, польский Славского, а также болгарский, украинский и белорусский, создаваемые коллективами учёных), фундаментальный словарь ст.-слав. языка, издаваемый в Праге с 1959, полабский словарь Р. Олеша и чакавский словарь, вышедшие в Германии, кайкавский словарь, выпущенный в 1984 в Загребе.

Активно развивались в послевоенный период и ономастические слав. исследования. В их числе важную роль для слав. этногенеза играют труды по вост.-слав. гидронимии и топонимии Трубачёва и Топорова, общеславянской, польской и словацкой – С. Роспонда, В. Шмилауэра, Ю. Удольфа, южнославянской – Э. Дикенмана, И. Дуриданова, Безлая и др. Значителен научный вклад топонимических серий, издаваемых в Болгарии, Польше, Германии, и антропонимических словарей (польского – В. Ташицкого, болгарского – С. Илчева, Й. Заимова, сербского – М. Гркович и др.).

70–90-е гг. ознаменовались активным и плодотворным развитием теоретической мысли, обращённой к грамматическому строю отдельных слав. лит. языков (Шведова, А. В. Бондарко, М. Ивич и П. Ивич, З. Тополинская, Ф. Данеш, М. Докулил, Р. Мразек и др.). Результатом этого развития явился ряд фундаментальных грамматических описаний языков в целом или отдельных их уровней и многочисленных практических пособий нового типа (грамматические, морфемные, обратные и т. п. словари). Прочные научные позиции завоевала также контрастивная (сопоставительная, конфронтативная) грамматика слав. языков.

Лит.: Булич С. К., Очерк истории языкознания в России, СПБ, 1904; Ягич И. В., История слав. филологии, СПБ, 1910; Булахов М. Г., Вост.-слав. языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1–3, Минск, 1976–78; Бирнбаум Х., Праслав. язык: достижения и проблемы в его реконструкции, пер. с англ., М., 1987. *Н. И. Толстой.*

В 1955 на Международном совещании славистов в Белграде был основан Международный комитет славистов (МКС). МКС объединяет 37 национальных комитетов славистов. Он руководит подготовкой и организацией съездов славистов, а также работой международных славистических комиссий, состоящих при МКС и представляющих различные области С. В качестве ассоциативного члена входит в Международную федерацию совр. языков и лит-р (Fillm). Международные съезды славистов созываются обычно 1 раз в 5 лет поочерёдно в одной из слав. стран: 1929 (Прага, Брно, Братислава), 1934 (Варшава), 1939 (Белград; изданы лишь материалы), 1955 (Белград), 1958 (Москва), 1963 (София), 1968 (Прага), 1973 (Варшава), 1978 (Загреб), 1983 (Киев), 1988 (София), 1993 (Братислава). *В. П. Гребенюк.*

Славяни́змы – слова или устойчивые словосочетания, вошедшие в русский язык из старославянского языка (см.) или из его более позднего (с 11 в.) русского извода – церковнославянского языка (см.). В зависимости от источника, из к-рого приходило слово, соответственно различаются старославянизмы и церковнославянизмы. Большую часть старославянизмов составляли слова слав. языков, а также греч. и в незначительной части лат. языков, семанти-

чески преобразованные ст.-слав. языком. Церковнославянизмы представляли собой различные лексические новации по отношению к ст.-слав. словообразовательным моделям, заимствования из других языков, семантически изменённые старославянизмы.

С. составили значительный пласт лексики рус. лит. языка, состоящий в большинстве своём из слов отвлечённой семантики, относящихся к области религии, церковного быта, морали, философии, культуры. Роль С. в истории рус. языка и шире – в развитии духовной жизни рус. народа – велика: посредством этих слов шло восприятие рус. народом христианской религии и греч. культурного наследия, что нашло отражение в рус. лит. языке.

Вопрос о С. является одним из основных в общей проблеме возникновения и развития рус. лит. языка, в определении его генетической основы. В связи с этим важным является установление состава С. в их соотношении с исконно рус. лексикой, критериев их выделения. Несмотря на большую лит-ру, посвящённую этим вопросам, остаётся ещё много сложностей в их решении.

Целый ряд С. имеет определённые фонетические и словообразовательные признаки, к-рые в разной степени могут выступать критериями для выделения С. Наиболее характерными фонетическими показателями С. являются: неполногласные сочетания *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, *-ле-* между согласными, к-рым в рус. языке соответствовали полногласные *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-* (*град – город, враг – ворог, храбрый – хоробрый, власть – волость, влачить – волочить, время – веремя, бремя – беремя, древо – дерево, млеко – молоко, плен – полон*); начальные сочетания *ра-*, *ла-* перед согласным в соответствии с русскими *ро-*, *ло-* (*равный – ровный, растение – росток, ладья – лодия*, префиксы *раз-* и *роз-*); начальное *е-* в соответствии с рус. *о-* (*езеро – озеро, елень – олень, един – один*), а также начальное *а-* в соответствии с рус. *я-* (*аз – яз*); звук *щ* в соответствии с рус. *ч* на месте праслав. сочетаний *tj*, *kt* (*освещать – свеча, нощь – ночь, пещь – печь*); сочетание *жд* в соответствии с русским *ж* на месте праслав. *dj* (*надежда – надёжа, гражданин – горожанин, невежда – невежа, чуждый – чужой*).

Менее надёжными являются словообразовательные признаки, т. к. характерные для ст.-слав. языка словообразовательные модели широко использовались в др.-рус. языке. Важнейшими словообразовательными показателями являются: префиксы *воз*(*с*)- со значением начинательности (*воздать, возлагать, возлюбить*), *из*(*с*)- со значением выделительности в соответствии с рус. *вы-* (*изгнать – выгнать, издать – выдать, изыти – выйти, искупить – выкупить*); *низ*(*о*)- в соответствии с рус. *с-* (*низвести – свести, низойти – сойти*); *пре-* в соответствии с рус. *пере-* (*преградить – перегородить, предать – передать, преступить – переступить*); *пред-* (*предварить, предложить, представить*); причастные суффиксы *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-* и *-енн-*; суффиксы существительных *-ствие, -ние, -изна, -знь, -ыня* (в значении отвлечённого качества: *гордыня, твердыня*), *-тель;* с известной оговоркой к показателям С. можно отнести суффиксы *-ство* и *-ость*, восходящие к праслав. языку. Эти суффиксы были активны именно в сфере ст.-слав. словообразования и оказали влияние на активизацию их в рус. языке.

Перечисленные выше признаки, однако, не всегда могут служить надёжным критерием для отнесения того или иного слова к С., т. к. многие слова, содержащие их, могли быть образованы на рус. почве в более позднее время (*будущность, гражданственность, потребность, вратарь, временщик*) и не являлись генетическими С. Однако существует иная точка зрения, к-рую представляет Б. Унбегаун и согласно к-рой всякое образование в рус. языке посредством ст.-слав. суффикса, независимо от генезиса основы, является церковнославянизмом. Эта точка зрения не разделяется большинством исследователей. Для новообразований такого типа предлагаются разные термины – «славяно-русизмы» (В. В. Виноградов), «неославянизмы» (Г. Хюттль-Фольтер).

Большую часть С. составляют слова, не имеющие характерных показателей, т. н. лексические С. Их отнесённость к категории С. устанавливается только посредством исторических исследований (*книга, лик, внимать, водворять, волновать, определять, опровергать, познание, потреблять, прозябать*). К этой группе примыкают слова, восходящие к общеслав. фонду, в значениях, имеющихся в ст.-слав. языке и отсутствующих в русском (напр., слово *гроза* в ст.-слав. языке имело значение ‘страх, ужас, угроза, опасность’).

В составе рус. языка С. подвергались стилистической и семантической ассимиляции. Большая роль в этом процессе принадлежит семантическим преобразованиям, в результате к-рых С. наполнялись новым, актуальным для данной эпохи понятийным содержанием. Особенно активно семантические изменения протекали в 17 – нач. 19 вв., результатом чего было формирование целого пласта книжно-отвлечённых слов, относящихся к разным сферам общественной, культурной, научной, внутренней жизни человека. Одним из наиболее массовых процессов было развитие у С. новых отвлечённых метафорических значений: *возбудить* (‘разбудить’ → ‘породить, пробудить, вызвать что-л.’); *восхитить* (‘поднять вверх’ → ‘вызвать чувство радости, восторга’); *вообразить* (‘изобразить’ → ‘мысленно представить’); *волновать* (‘поднимать волны’ → ‘приводить в состояние душевного волнения, восторга’); *воплотить* (‘облечь плотью, придать образ человека’ → ‘выразить что-л. в конкретном вещественном образе’); *прозябать* (‘расти, произрастать’ → ‘вести мало-

содержательную, бесцельную, пустую жизнь'). Переосмысливались, получали новое, общественно-актуальное значение С. *гражданин* ('горожанин, подданный к.-л. государства' → 'общественно полезный, преданный своему государству человек'); *равенство* ['полное сходство, подобие (по величине, качеству)' → 'положение людей в обществе, обеспечивающее одинаковые политические и гражданские права, равноправие']; *общество* ('общность' → 'совокупность людей, объединённых исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности'). Переосмыслились также С. *отечество, благо, просвещение, познание*. Многие С. (*впечатлять, впечатление, образ, упоение, отвлечённый, нравственный, изящный, равнодушный, рассеянный*) подвергались семантическому воздействию иноязычных слов, формируя под их влиянием новое, совр. значение.

Различные семантические, стилистические, словообразовательные процессы способствовали органическому включению С. в систему рус. лит. языка, их слиянию с исконно рус. лексикой.

С. в истории рус. лит. языка имели разную судьбу. Одна, наиболее значительная их часть, полностью семантически и стилистически ассимилировалась, её генезис может быть выявлен лишь путём специального исследования (такие, напр., слова, как *бытие, область, потребность, среда, достояние, вдохновение, отвращение, отрасль, объятие, воспитание, внедрить, искоренить, праздник* и многие др.).

Другая часть этой лексики, семантически и стилистически преобразованная, определилась в рус. языке как особая лексико-стилистическая категория, формирующая основной состав высоких и поэтических слов (*агнец, алкать, бремя, внимать, вопиять, врата, глава, глас, грясти, деяния, лик, созидать, стезя, страж, таинство, шествовать*). Многообразны приёмы образного использования С. в творчестве многих рус. поэтов и писателей, воспринятые совр. рус. языком. Ещё одна категория бывших С. в рус. лит. языке квалифицируется совр. словарями как устаревшая. Эти слова (или их отдельные значения) связаны чаще всего с различными реалиями, понятиями, представлениями далёких эпох. «Семантическая память» С. связана с историей рус. и других народов и ведёт в глубь веков. В этом – их большая культурная и художественная ценность.

Лит.: Виноградов В. В., К истории лексики рус. лит. языка, в кн.: Рус. речь. Сб. Новая сер., в. 1, Л., 1927; его же, Материалы и исследования в области исторической лексикологии рус. лит. языка, «Научный бюллетень», 1946, № 6; Шахматов А. А., Очерк совр. рус. лит. языка, 4 изд., М., 1941; Винокур Г. О., О славянизмах в совр. рус. лит. языке, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1959; Улуханов И. С., Славянизмы в др.-рус. языке 11–17 вв. (Глаголы с неполногласными приставками). Автореф. канд. дисс., М., 1966; Унбегаун Б. О., Язык рус. лит-ры и проблемы его развития, в кн.: VI-e Congrés international des slavistes. Communications de la délégation française..., P., 1968; Хютль-Ворт Г., Роль церк.-слав. языка в развитии рус. лит. языка. (К историческому анализу и классификации славянизмов), в кн.: American Contributions to Sixth International Congress of Slavists, Prague, 1968; Замкова В. В., Славянизм как стилистическая категория в рус. лит. языке XVIII в., Л., 1975; Успенский Б. А., К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церк. слав. и рус. форм в истории рус. языка, в кн.: Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd 22, W., 1976; Цейтлин Р. М., Лексика ст.-слав. языка, М., 1977; Копорская Е. С., Семантическая история славянизмов в рус. лит. языке нового времени, М., 1988.

Е. С. Копорская.

Славя́нские языки́ – совокупность близкородственных языков, включающая русский язык. Принадлежат к индоевропейской языковой семье. Распространены в Центральной и Юго-Вост. Европе и в Евразии. Слав. народы, общей численностью ок. 300 млн. чел., компактно населяют сопредельные территории России, Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины, Македонии, Хорватии, Словении. Славяне живут также в государствах Средней Азии, в Казахстане, на Кавказе, а также в Германии, Австрии и других странах Европы, Америки и в Австралии. В индоевропейской семье С. я. особенно близки к балтийским (литов. и латыш.) языкам. Общим предком совр. С. я. был существовавший в исторически недавнюю эпоху – до сер. 1-го тыс. н. э. – единый праязык славян (см. Праславянский язык). Благодаря общей исходной базе С. я. характеризуются очевидными чертами сходства и подобия своей структуры. Вместе с тем в них существуют глубокие расхождения, обусловленные многовековым самостоятельным развитием и разнородными иноязычными влияниями. Структурные явления и субстанциальные элементы праслав. наследия в каждом из них перемежаются с многообразными новообразованиями. С учётом типичных объединяющих и дифференцирующих особенностей, а также территории распространения С. я. принято подразделять на три группы: русский, украинский, белорусский – вост.-славянские; польский, чешский, словацкий, лужицкий, язык югославских русин, полабский (исчезнувший в кон. 18 в.) – зап.-славянские; болгарский, македонский, сербохорватский (сербский и хорватский), словенский – южнославянские. Языки этих групп различаются, в частности, нетождественными изменениями древних сочетаний *or, ol, er, el* в позиции между согласными и в начале слова перед согласным, ср. т. н. полногласие (см.) у вост. славян и неполногласие (см.) у южных: *голова – глава, берёза – бреза* и т. п.

Фонетический строй совр. С. я. является результатом преобразования общеслав. фонетической системы праслав. эпохи. Вокализму праслав. языка были свойственны гласные долгие, краткие и сверхкраткие (редуцированные), чистые и носовые. Сонанты *r* и *l* имели, подобно гласным, слогообразующую функцию. Существовало разноместное политоническое ударение. Консонантизм

характеризовался рядами звонких и глухих, твёрдых, мягких и полумягких согласных, наличием мягких шипящих и аффрикат. В условиях расселения славян на землях от побережья Балтийского моря на севере до Пелопоннеса на юге, от Эльбы (Лабы) на западе до бассейнов Днепра и Оки на востоке общие тенденции фонетической эволюции реализовались в результате действия различных внутренних и внешних факторов по-разному и своеобразно в разных областях языковой территории, сопровождаясь и процессами локального характера. Складывавшиеся диалекты и языки приобретали свой особенный фонетический облик.

Огромные дифференцирующие последствия имел общий процесс устранения сверхкратких гласных (см. Падение редуцированных), к-рые в определённых позициях преобразовались в гласные полного образования, различные в разных языках и диалектах. Утрата сверхкратких в т. н. слабой позиции приводила к многообразным явлениям ассимиляции и диссимиляции согласных внутри и на стыках словоформ. Носовые гласные, утрачивая носовой призвук, объединялись с другими гласными, в разных языках различными, и ныне сохраняют своё качество только в польск. языке. Почти повсеместно исчез специфический гласный переднего ряда *ě* («ять»), замещавшийся гласными *e*, *i*, *a* или их комбинациями. У южных славян, а также в чешском, словацком, украинском гласный *y* (*ы*) совпал с *i*. Долгота и краткость гласных и слоговых сонантов играет различительную роль в чеш., словац., сербохорватском и словен. языках. В русском и белорусском сложились глубокие различия в произношении гласных в ударных и внеударных слогах. Своеобразен внеударный вокализм болг. и словен. языков. Политоническое ударение сведено в большинстве языков к экспираторному; интонационные различия, представляющие преобразование праслав. просодии, сохраняются в сербохорватском и словен. языках. Разноместное ударение свойственно вост.-славянским, а также болг., сербохорватскому и словен. языкам. В других языках ударение фиксированное (напр., в польском акцентируется второй слог от конца слова, в чешском и словацком – всегда начальный слог). Консонантизм отдельных С. я. составляют ряды согласных, различающихся по звонкости и глухости, твёрдости и мягкости (причём количество мягких согласных колеблется от двух в словенском до восемнадцати в русском), а также наличием шипящих согласных и аффрикат разного образования. Качество нек-рых согласных в разных языках или диалектах одного языка может разниться (напр., взрывной или фрикативный *g*), отдельные согласные переживают процесс утраты (напр., *h* в диалектах сербохорватского языка), появились консонантные новообразования (напр., *ř* в чеш. языке).

С. я. характеризуются флективным строем, унаследованным в основе своей из праславянского. Разветвлённая система именных, местоименных и глагольных парадигм в каждом языке в большей или меньшей мере своеобразна. Формоизменение претерпело наибольшие преобразования в болг. и макед. языках, в к-рых действовала сильная тенденция к аналитизму и количество падежных форм сократилось с семи до двух-трёх, инфинитив замещён конструкцией, состоящей из союза *да* и презентной формы, появился постпозитивный артикль. Тем самым эти языки объединились с новогреч., алб. и другими языками т. н. балканского языкового союза. В прочих С. я. функционирует многочленная система именных и местоименных парадигм. Появившиеся в конце праслав. эпохи т. н. местоименные прилагательные вытесняют прилагательные старого именного склонения. Праслав. глагол характеризовался набором неизменяемых (инфинитив, супин), спрягаемых (временны́х) и склоняемых (причастия) форм. При множественности форм прош. времени отсутствовали грамматические формы буд. времени. Начала складываться система форм, выражающих значения сов. и несов. вида. Впоследствии глагол южнослав. языков стал сильно отличаться инвентарём форм и их употреблением от глагольной системы зап. и вост. С. я. В южнослав. языках (кроме словенского) имеется многочленная совокупность форм прош. времени, утраченная такими языками, как русский или польский. У южных славян (кроме словенцев) значение будущего выражается в независимых предложениях сложными формами с вспомогательным глаголом «хотеть», в языках двух других групп – формами наст. времени сов. вида и сложными формами, состоящими из глаголов несов. вида и вспомогательного глагола «быть». Народными диалектами утрачен ряд древних причастных форм, вновь введённых в употребление в нек-рых лит. языках. С развитием синтаксиса простого и сложного предложения сложилась и продолжает обогащаться система предлогов и союзов, своеобразная в каждом отдельном языке.

Общий, праславянский по происхождению лексический фонд составляет основу словаря любого С. я. с преобразованием облика лексем в соответствии с закономерными фонетическими модификациями и с многообразными переменами в семантике древних лексем. Вместе с тем словарь отдельных языков обогатился в течение столетий обширными пластами лексики, создававшейся по актуальным для каждого языка словообразовательным моделям. Существует и многообразная заимствованная лексика, являющаяся отражением тесных контактов между носителями слав. и иных языков (напр., в южнослав. языках много турцизмов, лужицкий язык изобилует германизмами). Развитие культуры сопровождалось заимствованием слов из классических языков для создания терминологии науки и искусства, а в 20 в. – боль-

шим количеством романизмов и германизмов (включая англицизмы), обозначающих реалии совр. цивилизации. Носители нек-рых языков, в частности чеш. интеллигенция, предпринимали энергичные усилия с целью устранения иноязычных слов и замены их новообразованиями. Язык каждого слав. народа функционирует в двух «ипостасях»: как макросистема территориальных диалектов с бо́льшим или меньшим диапазоном варьирования их субстанции и как феномен универсального нормированного надтерриториального языка, называемого литературным, обладающим письменной и устной разновидностями. Введение письменности и формирование лит. языка было сопряжено с образованием первых гос. формаций и принятием христианства. Создателями др.-слав. письменности и первого лит. слав. языка, называемого старославянским языком (см.), явились во 2-й пол. 9 в. византийские просветители-миссионеры братья Кирилл и Мефодий (см.). Этот язык, имевший южнослав. (болгаромакед.) речевую основу, был представлен в переводах христианских богослужебных книг, первоначально использовавшихся в Моравии, а затем распространившихся у южных славян и на Руси. Ст.-слав. тексты, сохранившиеся в списках кон. 10–11 вв., написаны двумя различными азбуками: кириллицей (см.) и глаголицей (см.). Последняя не получила широкого применения и ещё в средние века угасла (долго поддерживалась только в церковном обиходе у хорватов на островах Адриатического моря). На основе кириллицы сложились письменности всех слав. народов, исповедующих православие. В 1-й четверти 18 в. по инициативе и при участии Петра I кириллица была модернизирована, в результате чего появилась т. н. гражданская азбука, или гражданский шрифт (см.). С тех пор это письмо с местными частичными модификациями применяется носителями вост.- слав., болг., макед. и сербохорватского (сербского) языков. Слав. народы, находящиеся в сфере действия католической церкви, пользуются письменностью на основе лат. алфавита, к-рый нуждался в дополнениях в связи с особенностями фонетических систем их языков. С этой целью вводились надстрочные или подстрочные знаки, использовались комбинации букв (диграфы). Лат. графика ныне обслуживает зап.-славянские, словен., а также сербохорватский (наряду с кириллическим письмом) языки.

Донациональный период истории отдельных слав. народов отмечен многообразием применявшихся в деловых текстах и в лит-ре языковых средств. Славяне православного ареала широко применяли в качестве своего лит. языка церковнославянский язык (см.), являвшийся видоизменением ст.-славянского в местной речевой среде. Одновременно существовали разновидности книжно-письменного языка, близкого к разг. речи того или иного слав. народа. Зап. славяне пользовались лат. языком. Формирование совр. лит. языков сопряжено с историческим процессом консолидации наций, а у зап. и южных славян и с развитием борьбы за национальное освобождение и возрождение своей культуры. Большую роль играла складывавшаяся интеллигенция, носительница идей национального сплочения и поборница прогресса культуры и науки. Совр. лит. языки слав. народов существенно разнятся по ряду типичных показателей, таких, как соотношение народно-речевых (диалектных) средств и элементов книжно-письменного наследия прошлых эпох, отношения между книжно-письменным языком и устной разновидностью лит. языка или устной речью жителей столиц и крупных городов, доля иноязычных напластований и др. Рус. лит. язык представляет соединение, сплав двух языковых стихий: диалектной речи в том её виде, как она реализовалась в говоре Москвы и окрестностей, и многочисленных лексических и грамматических единиц церк.-слав. языка, что даёт в распоряжение пишущих богатейшие стилистические средства (см. История русского литературного языка). Укр. и белорус. лит. языки в большей степени опираются на народно-диалектную речь; для писателей, внёсших определяющий вклад в нормирование этих языков, привлекательным ориентиром был язык произведений устного народного творчества. Различна ситуация в зап.-слав. лит. языках. Так, чеш. лит. язык создавался с опорой на перевод библии 16 в. (Кралицкая библия), его морфология архаична, а в целом он сильно отличается от совр. разг. речи жителей ведущих культурных центров. Польск. и словац. лит. языки формировались на широкой народно-речевой основе с устранением локальных явлений и характеризуются близостью к совр. состоянию народной речи обширного ареала. Сербы-лужичане имеют два лит. языка, верхнелужицкий и нижнелужицкий, с нетождественной диалектной основой. Лит. языки южнослав. народов также типологически неоднородны. Совр. болг. лит. язык сформировался в 19 в. В его системе народно-речевая основа обогащена многочисленными элементами церк.-слав. и рус. языка, причём вклад рус. лексики особенно значителен в сфере общественно-политической и общенаучной терминологии. Сербохорватский лит. язык, основные характеристики к-рого совпадают с общими особенностями диалектной речи центрального региона его распространения, функционирует ныне в виде нескольких национально-территориальных реализаций (сербский и хорватский или вост. и зап. варианты лит. языка), различающихся преим. лексикой. Во 2-й пол. 20 в. усиливается и углубляется процесс обособления лит. языка в Хорватии, одним из проявлений его является отказ от употребления двучленного названия языка типа «сербско-хорватский», «хорватский или сербский» и т. п. Макед. лит. язык сформировался только в сер. 20 в. на базе народных говоров и с использованием опыта развития и кодификации сербохор-

ватского языка. Словен. лит. язык представляет собой наддиалектное образование со стабильной книжно-письменной нормой. Его устная разновидность является совокупностью городских койне. Помимо лит. языков, обеспечивающих многообразные коммуникационные потребности наций, существуют региональные лит. языки, способствующие поддержанию и развитию локальных культурных традиций. Их функции, как правило, ограничиваются сферой художественной лит-ры, обычно поэзии, они слабо нормированы. Таковы региональные лит. языки на основе чакавских и кайкавских диалектов в Хорватии, язык хорватов-чакавцев в Австрии, язык кашубской лит-ры в Польше.

Лит.: Бернштейн С.Б., Очерк сравнительной грамматики слав. языков. [Введение. Фонетика], М., 1961; его же, Слав. языки, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Нахтигал Р., Слав. языки, пер. со словен., М., 1963; Языки народов СССР, т. 1 – Индоевропейские языки, М., 1966; Слав. языки. (Очерки грамматики зап.-слав. и южнослав. языков), М., 1977; Бошкович Р., Основы сравнительной грамматики слав. языков. Фонетика и словообразование, [пер. с сербохорватского], М., 1984; Толстой Н.И., История и структура слав. лит. языков, М., 1988.

В. П. Гудков.

Слова́-предложе́ния – особый класс языковых единиц, к-рые, не нуждаясь в распространителях, способны выступать как эквиваленты самостоятельных высказываний. Такие единицы (лексемы и их аналоги) лишены номинативной функции, их семантическое ядро сформировано на основе оценочного значения, как правило, осложнённого прагматической коннотацией (см. Прагматика, Коннотация). С.-п. группируются из слов, семантически приспособленных для оформления широкого диапазона модальных квалификаций (см. Модальность), эмоционально-оценочных, волевых и ментальных реакций, а также для разного рода субъективно-оценочных реплик, используемых носителями языка при непосредственном речевом общении.

Основная сфера употребления С.-п. диалогическая речь, свойством к-рой является контекстуально и ситуативно обусловленный лаконизм, а распространённые высказывания отвергаются говорящими как коммуникативно избыточные. С.-п., обладающие модальным и прагматическим потенциалом, обслуживая сферу диалога, способны выразить сложные, перекрещивающиеся взаимодействия между основными компонентами речевой ситуации: говорящим, собеседником (адресатом), содержанием высказывания и действительностью. Многие С.-п. диалогической сферы отмечены разг. или просторечной стилистической окраской. Ряд С.-п. используется в монологической речи, выполняя композиционно-текстообразующую функцию.

С.-п. неоднородны по своей структуре, морфологической природе, семантике и степени функциональной специализированности. По своей структуре (строению) С.-п. могут соответствовать цельнооформленной лексеме (имеют однокомпонентную структуру), напр.: *да, нет, вроде, неужели, конечно, естественно, пожалуй, допустим, положим, идёт* ('согласен'), *ладно, спасибо, браво* и др., или быть неоднокомпонентными. Группу неоднокомпонентных С.-п. образуют орфографически раздельные, но функционально неразложимые соединения, представляющие собой аналоги цельнооформленных лексем, напр.: *А что?* (ответная реплика на вопрос в значении 'что следует из вопроса, что ты хочешь этим сказать?'); *Надо же!* (выражение удивления); *Вот ещё!* (выражение протеста, отказ); *Да ну!* ('неужели'); *Ещё чего!* (несогласие, недовольство); *Вряд ли* (сомнение); *Где уж!* (отрицание, сомнение); *Как же!* ('конечно, разумеется'); *Ничего себе!* (неодобрение, ирония); формулы вежливости: *До свидания!; Не стоит!; На здоровье!* (ответы на благодарность) и др. Промежуточное положение между однокомпонентными и неоднокомпонентными С.-п. занимают относительно свободные образования, один из компонентов к-рых является факультативным: *Боже мой!* (ср. *Боже!*); *Чёрт побери!* (ср. *Чёрт!*); *Батюшки мои!* (ср. *Батюшки!*); *Всего хорошего!* (ср. *Всего!*); *Там посмотрим* ('решим позже, пока подумаем'; ср. *Посмотрим*); *Может быть* (ср. *Может* – 'возможно'); *Подумать только!* (ср. *Подумать!* – удивление) и др.

Лексемы в собственном смысле и их аналоги, обладающие свойствами потенциальных предложений, образуют класс языковых единиц, формирующийся на функционально-смысловой основе, их изучение относится к компетенции грамматики речевого контакта.

По морфологической природе С.-п. неоднородны. Функцию С.-п. способны выполнять многие частицы, напр.: *как, так, вот, вроде, вряд ли, ещё бы, разве, неужели, пускай, пусть, точно, какое, ни-ни* и др.; междометия, напр.: *брось, вон, ау, ба, батюшки, ого, стоп, цыц* и др.; модальные слова, напр.: *правда, пожалуй, конечно, разумеется, вероятно, видимо, естественно, действительно* и др.; предикативные наречия, напр.: *больно, холодно, пора, жаль, ужасно* и др.; модальные предикативы типа *нельзя, можно, надо, нужно, решено, исключено* и др. Многие из этих слов не имеют однозначного категориально-грамматического признака, способны совмещать разные морфологические свойства и потому не находят определённого места в традиционной классификации частей речи, ср., напр.: *спасибо, пожалуйста, дудки* (отказ), *даёшь* (изумление), *жди* (отрицание, отказ), *нет* (отрицание), *здравствуйте* (приветствие), *пока* ('до свидания'), *на, нате* (слова, сопровождающие жест вручения: 'вот, возьмите') и др.

Способность выполнять роль эквивалента предложения характерна в первую очередь для лексических единиц, обладающих модально-предикативным потенциалом. Этот ключевой признак предложения как специфической единицы синтаксиса особенно отчётливо прослеживается у слов, к-рые имеют глагольную природу, напр.: *Идёт!* (*Пообедаем вместе?! – Идёт!*); *Даёшь!*; *Даёте!* – восклицание, выражающее одобрение или удивление (*Экзамен сдал досрочно! – Даёшь!*); *Хватит!* ('довольно, достаточно'); *Будет!; Брось(те)!; Прекрати(те)!* (формула вежливости: 'не стоит благодарности, не стоит беспокоиться'); *Погоди(те)!; Подожди(те)!; Постой(те)!* ('давайте спокойно разберёмся, обсудим ситуацию, не стоит торопиться с выводами' и т.п.); *Давай(те)!; Валяй(те)!* (*Начинать? – Давай!*); *Жди!; Дожидайся!* (категорический отказ: *Дай кусочек! – Жди! Дудки!*; убеждённость в противоположном: *Он обязательно поможет! – Жди! Дожидайся!*); *Есть!* (у военных – 'команда понята и принята к исполнению': *Выполняйте! – Есть!*); *Подумать!; Подумайте!* (удивление, ирония); (*Ну*) *знаете!* (выражение возмущения, протеста); *Положим; Допустим* (допущение, неуверенность); *Скажешь!; Скажете!* (отклик на суждение, к-рое собеседник считает неточным, преувеличенным или необычным по форме; реплика, выражающая компромиссное согласие, смущение) и др.

С.-п. обслуживают пять коммуникативных сфер речи: модальных оценок и ментальных квалификаций; эмоциональных реакций; волеизъявлений; этикета; текстообразования.

I. С.-п., обслуживающие с ф е р у м о д а л ь н ы х и м е н т а л ь н ы х о ц е н о к и к в а л и ф и к а ц и й, распределяются по месту в шкале значений, расположенных между полюсами «утверждение – отрицание», «вопрос – утверждение», «истина – ложь», «реальность – нереальность». С помощью модальных реплик-предложений говорящий выражает разную степень уверенности в достоверности того, о чём идёт речь, свою убеждённость или сомнение в соответствии высказываемого действительности. Органическая связь таких реплик с диалогом предопределяет их способность оформлять целую гамму значений в диапазоне «согласие – несогласие (отказ)» в ответ на просьбу или предложение адресата, сформулированное в виде вопроса.

Семантика лексических единиц, обслуживающих сферу модальных и ментальных квалификаций, как правило, осложнена прагматической коннотацией. В условиях контекста даже такие относительно нейтральные (свободные от прагматической коннотации) С.-п., как *да, нет, действительно, правда, хорошо, уверен, может быть, вероятно*, способны приобретать специфический субъективно-оценочный акцент, к-рый варьируется в зависимости от конкретного характера связи между составляющими речевой ситуации: говорящим, адресатом, содержанием высказывания и действительностью. Ср.: *Дождь идёт.– Д а* (подтверждение); *Дождь идёт? – Д а* (утвердительный ответ на вопрос); *Дождь идёт! – Д а?!* (неожиданность, разочарование). *Ну, ты принимаешь моё предложение? – Хорошо* (согласие с элементом уступки); аналогичный смысл передаётся словом *ладно*. *Ты уходишь? – Н е т* (отрицательный ответ на вопрос); *Пусть он уйдёт! – Н е т! Я требую, чтобы он остался!* (категорический отказ, протест); *Н е т! Не могу поверить!* (изумление, радость в связи с неожиданностью воспринимаемого, невозможностью поверить в реальность происходящего); *Н е т! Вы только посмотрите, что происходит!* (призыв остановить внимание на чём-н. происходящем или на высказанном суждении); *Встречаемся в среду. Н е т! Во вторник* (отказ от предшествующего утверждения, поправка) и др.

Модально-оценочные реплики-предложения различаются степенью категоричности утверждения или отрицания, согласия или несогласия. Основная масса языковых единиц, обслуживающих эту сферу, передаёт информацию о компромиссной позиции говорящего, его сомнение в достоверности чего-л., его колебания между «да» и «нет». К группе слов, передающих смысл «да» и одновременно содержащих информацию о б е з у с л о в н о с т и с о г л а с и я или о субъективной у б е ж д е н н о с т и в том, что утверждаемое соответствует действительности, относятся *безусловно, конечно, разумеется, очевидно, уверен, именно, факт, ещё бы* (*Устал? – Ещё бы!* 'конечно, разумеется устал'), *замётано* (*Придёшь завтра? – Замётано!* – безусловное согласие), *точно* (*Вот наш автобус. – Точно.*– уверенное подтверждение) и др. Смысл «нет», осложнённый информацией о невозможности, немыслимости, недопустимости, о субъективной у б е ж д ё н н о с т и в п р о т и в о п о л о ж н о м, передаётся С.-п. *исключено* (*Он опоздает? – Исключено!*), *Ни-ни* (категорический запрет: 'ни в коем случае'), *какое; где там* (*Отдохнул? – Какое!* 'совсем наоборот'; *В отпуск собираешься? – Где там!* 'конечно, нет'), *прямо* (*Он честный человек.– Прямо!* – решительное несогласие), *отнюдь* (*Вы друзья? – Отнюдь!* – безусловное отрицание) и др.

Семантика отрицания при поддержке контекста может быть передана словом *да* (*Я помогу тебе.– Да! Поможешь!* 'конечно, не поможешь'). Аналогичной способностью потенциально совмещать смыслы «да» и «нет» обладает *как же*, ср.: 1) *Приедешь завтра? – Как же!* ('конечно, разумеется приеду'); 2) *Он поможет.– Как же! Будет он помогать!* ('нет, наоборот, откажется помогать').

Позиция, компромиссная между «да» и «нет», передаётся такими словами (и их аналогами), как

 пожалуй, видимо, кажется, может (быть), по-видимому, вероятно, будто, вроде, вряд ли, возможно, надеюсь, не уверен, положим, пусть, пускай, допустим, не скажите, не скажу (*Он хороший человек.– Не скажите!* – выражение сомнения, готовности возражать) и др. Значение реплики уточняется в контексте, при этом дифференцирующую роль может выполнять интонация, ср., напр.: *Как сказа́ть!* – отрицание, несогласие (*Дождя не будет! – Как сказа́ть!*) и *Ка́к сказать!* – отсутствие однозначного ответа на вопрос, нерешительность при выражении мнения, суждения, оценки, поиск адекватной формулировки (*Он человек искренний? – Ка́к сказать!*).

II. Основная масса С.-п., выражающих эмоциональную реакцию или оценку, представляет собой возгласы, передающие информацию о том или ином душевном состоянии и настроении, а также субъективно окрашенные реплики, содержащие положительные и отрицательные оценки. Потенциальные предложения этой сферы формируются гл. обр. из междометий и их аналогов и различаются степенью зависимости от контекста. С этой точки зрения они образуют две группы. Одну группу составляют слова, обладающие семантически диффузными функциями и способные одновременно передавать целую гамму эмоциональных реакций и ощущений: *Батюшки!; Боже* (*мой*); *Господи!; Ага!; Дьявол!; Чёрт* (*возьми*)*!; Ай!; Ой!; Ого!* и др. Многие из них выражают общее состояние эмоционального возбуждения, раздражения, нервного напряжения. В смысловой дифференциации таких С.-п. решающую роль играет контекст при поддержке интонации, мимики и жеста.

Другую группу образуют слова, в смысловом потенциале к-рых «просматривается» ментальное начало, позволяющее с той или иной степенью точности определить характер эмоциональной реакции или оценки вне контекста: *Ба!* (удивление, неожиданность); *Браво!* (одобрение, восхищение); *Тьфу!* (презрение, брезгливость); *Ура!* (восторженное одобрение, ликование); *Как!; Ну!* (удивление); *Ничего себе!* (неодобрение, ирония); *Даёшь* (*Даёте*)*!* (одобрение, восхищение); *Однако!* (неожиданность, недоумение, удивление); *Нечего сказать!* (отрицательная оценка); возгласы одобрения: *Красота!; Замечательно!; Здорово!; Отлично!* и т.п.; *Беда!* (возглас-жалоба, эмоциональная оценка безвыходности ситуации); возгласы возмущения, изумления, связанные с чем-н. чрезвычайным: *Чудо!; Кошмар!; Ужас!;* возгласы осуждения, неприятия: *Позор!; Глупость!; Ерунда!;* возгласы, выражающие сетование, сожаление: *Жалко!; Жаль!; К сожалению!; Увы!* и др.

III. Сфера волеизъявления обслуживается С.-п., выражающими императивные возгласы, призывы и команды, побуждающие к осуществлению или прекращению к.-н. действий (*Ну!; Марш!; Пошли!; Поехали!; Давай!; Валяй!; Вали!; Айда!; Отстань!; Отвяжись!; Брысь!; Вон!; Кыш!; На!; Нате!; Стоп!; Довольно!; Хватит!; Баста!* и др.); требующие внимания (*Алло!; Внимание!*); побуждающие к продолжению сообщения (*Слушаю!; Ну!; Дальше!*) или прерывающие речь собеседника (*Будет!; Брось!; Перестань!; Постой!; Подожди!; Цыц!*).

IV. Эквиваленты предложений, функционирующие в сфере этикета, представляют собой изъявления благодарности (*Спасибо; Благодарю; Пожалуйста; На здоровье; Не стоит; Что Вы!* – 'не стоит благодарности, не за что благодарить'); извинения (*Простите; Извините; Виноват!*); приветствия при встрече и прощании (*Здравствуй!; Здравствуйте!; Привет!; Здоро́во!; Алло!; До свидания!; Пока!; Всего!; Целую!; Давай!* – 'пока'). Ряд «формул вежливости» имеет ярко выраженную окраску разговорности, возможность их использования зависит от специфики ситуации общения и характера отношений между её участниками (см. Речевой этикет).

V. В сфере текстообразования позицию самостоятельных предложений занимают слова, к-рые членят речь на относительно завершённые части, выполняют композиционно-организующую роль, сообщают о намерении говорящего продолжить или завершить высказывание (*так; далее; дальше; затем; потом; теперь; следующее; наконец; последнее; ещё одно; вот; всё* и др.). Область функционирования таких С.-п.– монологическая речь.

Лит.: Слова-предложения, в кн.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1954, с. 79–88. Ляпон М. В., Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений, М., 1986, с. 29–54; её же, Модальность, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Падучева Е. В., Отрицательные слова, там же; Рус. грамматика, М., 1990, с. 341–45 *М. В. Ляпон.*

Словари́ лингвисти́ческие, языковые, филологические,– словари, объектом описания к-рых являются языковые единицы: слова, устойчивые сочетания, словоформы, морфемы и др. (в отличие от словарей энциклопедических, см.). Существуют разнообразные типы С.л. в зависимости от характера и объёма представленного языкового материала, целей и способов лексикографического описания. По признаку количества описываемых языков различают словари одноязычные и дву- или многоязычные (переводные).

Слово как единица, обращённая одновременно к разным уровням языка и функционирующая в речи, может быть охарактеризовано в словаре по разным параметрам, напр. со стороны смыслового содержания, семантической структуры, фразеологических связей, сочетаемостных, грамматических, словообразовательных, орфоэпических, акцентологических свойств, стилистической, регио-

нальной отнесённости, частоты, правильности употребления. Это обусловливает существование таких типов С.л., как толковые, фразеологические, словари крылатых слов и выражений, этимологические, исторические, семантические, диалектные, ономастические, грамматические, словообразовательные, акцентологические, орфоэпические, словари служебных слов, морфем, словари иностранных слов, неологизмов, синонимов, омонимов, антонимов, паронимов, частотные словари, словари языка писателя, словари речевых неправильностей и трудностей и др.

С.л., ориентированные на представление по возможности всех видов информации о слове или нек-рой совокупности такой информации, называются комплексными (или общими), в отличие от аспектных (или специальных) словарей, содержащих сведения либо об отдельных свойствах слова, либо о тех или иных группах слов.

С.л. различаются также объёмом представленного в них материала (словари-тезаурусы, большие, средние и краткие, или малые), способом его расположения (словари алфавитные, в т.ч. обратные, словообразовательно-гнездовые, идеографические). По своему назначению С.л. могут быть общими (обращёнными к широкому кругу читателей), учебными (предназначенными для изучающих язык как иностранный), справочными (адресованными представителям определённых профессий, напр. «Словарь ударений для работников радио и телевидения» Ф. Л. Агеенко и М. Л. Зарвы, 6 изд., 1985; с 7-го изд., 1994,– под названием «Словарь ударений русского языка») и академическими (содержащими наиболее полные сведения о слове и адресованными прежде всего исследователям языка). Особый тип составляют словари, создаваемые для технических, прикладных целей (напр., для машинного перевода, информационного поиска).

Тип и задачи словаря определяют его структуру, характер словника, способы построения словарных статей и иллюстрирования.

В совокупности С.л. служат целям описания и нормализации языка, а также содействуют повышению правильности, выразительности и точности индивидуальной речи его носителей.

Лит.: Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Виноградов В. В., Избр. тр. Лексикология и лексикография, М., 1977; Шмелёв Д. Н., Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Караулов Ю. Н., Лингвистическое конструирование и тезаурус лит. языка, М., 1981; Гак В. Г., Словарь, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Денисов П. Н., Лексика рус. языка и принципы её описания, 2 изд., М., 1993 *А. В. Белоусова.*

Словари́ энциклопеди́ческие, энциклопедии, – научные или научно-популярные справочные издания, представляющие собой систематизированный свод знаний в каких-либо областях. Объектом описания С.э., в отличие от словарей лингвистических (см.), являются гл. обр. научные (и реже обиходные) понятия, термины, исторические события, персоналии (известные исторические деятели, учёные, писатели, композиторы и др.), географические реалии и т.п.

Существуют разнообразные типы С.э. в зависимости от характера объектов описания, объёма даваемой в энциклопедической статье информации, ориентированности на определённые круги читателей. По признаку количества и типов объектов описания (разнообразия описываемых понятий, персоналий, исторических событий и т.п.) различают универсальные, отраслевые и региональные С.э., многотомные и однотомные словари. В универсальных С.э. («Большая советская энциклопедия», т. 1–30, 3 изд., 1970–78; «Большой энциклопедический словарь», т. 1–2, 1991) даётся объяснение понятий и терминов различных наук и областей знаний, сведения о важнейших исторических событиях разных эпох, географических реалиях разных стран мира, выдающихся учёных и политических деятелях всех стран мира и др. В отраслевых С.э. («Философский энциклопедический словарь», 2 изд., 1989; «Мифы народов мира. Энциклопедия», т. 1–2, 2 изд., 1987–88; «Биологический энциклопедический словарь», 2 изд., 1989; «Лингвистический энциклопедический словарь», 1990, и многие др.) даётся объяснение понятий, явлений, персоналий, связанных с к.-л. одной наукой или темой. К региональным С.э. относится, напр., энциклопедия «Африка», т. 1–2, 1987.

Особыми типами являются биографические С.э., объектом описания к-рых является жизнь и деятельность учёных, политиков, людей искусства и т. д. («Русский биографический словарь», т. 1–25, 1896–1918; «Русские писатели. 1800– 1917», т. 1–3, 1989–94, изд. продолжается; «Политические деятели России. 1917 год», 1993), и персональные С.э., объектом описания к-рых является жизнь и творчество одного выдающегося человека (напр., «Лермонтовская энциклопедия», 1981).

Термины «С.э.» и «энциклопедия» в совр. словоупотреблении часто становятся абсолютными синонимами, хотя термин «энциклопедия» чаще применяется к универсальным многотомным энциклопедическим изданиям.

Все С.э., в отличие от лингвистических словарей, характеризуются особым типом дефиниции термина или понятия (определения, толкования значений), к-рая отражает не обыденное, обиходное восприятие значения слова носителем языка, а строго научные классификационные признаки данного понятия, термина, явления и т.п., известные науке на момент его описания в С.э. Напр., слово *вода* в «Большом энциклопедическом словаре» (1991) определяется след. образом: «H_2O, жидкость без запаха, вкуса, цвета (в толстых слоях голубоватая); плотн 1,000 г/см^3 (3,98 °С), $t_{пл}$ 0 °С, $t_{кип}$ 100 °С. Одно из самых

распространённых веществ в природе (гидросфера занимает 71% поверхности Земли)». В лингвистическом словаре («Словарь русского языка», т. 1, 1981) слово *вода* определяется как «Прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озёра, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом».

Энциклопедическая словарная статья в зависимости от объёма С.э. и его задач может быть ограничена лишь одной дефиницией или включать также другие сведения об описываемом понятии, термине, персоналии, историческом событии и т.д.; в этом (втором) случае даётся перечень не только первичных, но и вторичных признаков, классификация видов и подвидов понятия, указывается различное понимание понятия в разные исторические эпохи, разными научными направлениями и другие сведения. Для С.э. характерен системный подход при отборе и описании понятий, терминов, персоналий и т.п. Существенную роль при этом играют т.н. ссылочные статьи, система отсылок от одной статьи к другой, к-рые расширяют объём информации, даваемой читателю, показывают взаимосвязь и взаимозависимость явлений, понятий и т.п. Для энциклопедической статьи характерны строгая последовательность в изложении свойств описываемого объекта, отсутствие повторов, избыточности информации или перебивов информацией иного типа.

Стиль энциклопедических статей характеризуется лаконичностью изложения, не допускает использования экспрессивной, эмоциональной лексики, поскольку в С.э. должно быть представлено максимально строгое научное описание. Из статей исключаются обороты научной речи, используемые в журнальных статьях, монографиях и т.д. (напр., *«Чтобы убедиться в этом, рассмотрим структуру современного русского национального языка. В ней выделяются следующие подсистемы...»;* для энциклопедической статьи первая часть фразы оказывается избыточной, не существенной и будет опущена: *«В структуре современного русского национального языка выделяются следующие подсистемы...»*).

С.э., как правило, включают иллюстративный материал – схемы, карты, формулы, репродукции и т.п.

Лит.: Симон К. Р., Термины «энциклопедия» и «свободные искусства» в их историческом значении, «Сов. библиография», 1947, в. 3; Кауфман И. М., Рус. энциклопедии. Библиография и краткие очерки, в. 1 – Общие энциклопедии, М., 1960; Гудовщикова И. В., Общие зарубежные энциклопедии, Л., 1963; Шмушкис Ю. Е., Сов. энциклопедии. Очерки истории. Вопросы методики, М., 1975; Бокадорова Н. Ю., Энциклопедии лингвистические, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. *И. К. Сазонова.*

Сло́во – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка. В структурном отношении С. состоит из морфем (в т.ч. и из одной – *там, вчера*), от к-рых отличается самостоятельностью и свободным воспроизведением в речи, и представляет собой строительный материал для предложения, в отличие от к-рого не выражает сообщения. Основной тип С.– простые знаменательные (самостоятельные) С. (*дом, хлеб, ходить, большой*) – характеризуется: структурной оформленностью (наличие собственного и единого ударения; пограничные звуковые сигналы; невозможность пауз внутри С. и их возможность между словами; непроницаемость, т.е. невозможность включения другого С. в его состав и др.); семантической идиоматичностью (произвольность связи звукового комплекса с определённым значением); автономной номинативной функцией, с к-рой связаны воспроизводимость С. в речи, его отдельность и способность выступать в качестве минимума предложения.

Объединяя в себе лексическое и грамматическое значения, С. принадлежит к определённой части речи (см.), выражает в своём составе все предопределяемые системой данного языка грамматические значения (напр., рус. прилагательные выражают значения рода, числа, падежа) и представляет собой совокупность всех грамматических форм (напр., *хожу, ходишь, ходит* и т.д. образуют один глагол *ходить*). В С. закрепляются результаты познавательной деятельности людей, без С. невозможны не только выражение и передача понятий и представлений, но и само их формирование. Значение слова выступает как обобщённое отражение обозначаемого им объекта. В речи С. может обозначать как весь класс данных объектов (*Собака – животное*), так и отдельного представителя этого класса (*Чья это собака?*).

С. образуют в языке определённые системы, основанные на грамматических признаках С. (части речи), формальных словообразовательных связях (гнёзда слов) либо на семантических отношениях (лексико-семантические группы, лексические поля, синонимы, антонимы и др.).

Отмеченные признаки знаменательного С. свойственны не всем С., вследствие чего проблема определения С. как единицы языка чрезвычайно осложняется. Эта проблема имеет два аспекта: делимитацию – определение границ С. в контексте, что требует, с одной стороны, отграничения С. от его части – морфемы, а с другой – от сочетания двух С., и идентификацию – установление того, что различные словоупотребления тождественны, т.е. восходят к одному С. Эти два аспекта подробно анализировались А. М. Пешковским и А. И. Смирницким. Проблема выделения (отдельности, или делимитации) С. решается исходя из фонетико-грамматических

факторов. Проблема тождества С. требует обращения к грамматическим и семантическим аспектам С. Так, Ф. Ф. Фортунатов считал, что каждая грамматическая форма С. составляет отдельное С., тогда как А. А. Потебня полагал, что в каждом своём новом значении лексическая единица образует отдельное С.

Сложность идентификации различных С. и установления их системы обусловлена отчасти наличием вариантов С.: орфографических, фонетических (*ноль* и *нуль*, *творо́г* и *тво́рог*), орфоэпических, стилистических (*тысяча* и прост. *тыща*), грамматических (*зал* и *зала*), словообразовательных (*наискось* и *наискосок*), лексико-семантических (разные значения С.; см. Семантическая структура слова). Нередко спорным оказывается вопрос о разграничении разных С. и словообразовательных вариантов одного С. (напр., *исторический и историчный*).

Различаются след. типы С. По способу номинации выделяются: 1) самостоятельные (знаменательные, полнозначные) неместоименные С., обладающие собственной номинативной функцией, обозначающие элемент действительности непосредственно, самостоятельно и расчленённо. Они могут образовать отдельное высказывание и составляют основной и самый обширный тип С. (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные). 2) Местоименные С., обозначающие объекты самостоятельно и расчленённо, но опосредованно, соотносясь либо с контекстом, либо с участниками речевого акта, либо со всей речевой ситуацией (см. Ситуация речевая). 3) Служебные С., не обладающие самостоятельной номинативной функцией, грамматической и фонетической самостоятельностью. Они могут указывать на явления внеязыковой действительности, лишь употребляясь вместе с самостоятельными С. (ср. наречие *внутри* и предлог *в*). Они не образуют отдельного высказывания и либо формируют один член предложения вместе с самостоятельным С. (предлог), либо связывают члены предложения между собой (союз), либо оформляют предложение в целом (частица). 4) Междометия, обозначающие явления действительности нерасчленённо, в связи с чем не имеют грамматической оформленности и не могут вступать в синтаксические отношения с другими С. (ср. *Мне больно* и *Ай-ай!*).

По фонетическому признаку различаются С. одноударные (большинство самостоятельных С.), безударные (служебные) и многоударные (сложные: *мно́гообеща́ющий*).

По морфологическому грамматическому признаку различаются С. неизменяемые (наречия) и изменяемые (напр., глаголы, существительные, прилагательные и др., хотя и среди последних могут быть исключения — неизменяемые С.: *кенгуру, беж*); по морфологическому словообразовательному признаку различаются С. простые (*ход*), производные (*ходок*) и сложные (*пароход*), по мотивированности — немотивированные и мотивированные С. (значение к-рых предопределяется значением их частей). С точки зрения структурной цельности различаются цельные (нечленимые) и членимые (аналитические) С. (словоформы). Последние состоят из знаменательной части и элементов, несущих словообразовательную или грамматическую функцию. Грамматический элемент в аналитических словоформах выполняет не синтаксическую функцию (образование члена предложения), а морфологическую (образование морфологической формы С.), в связи с чем его называют, чтобы отличить от собственно служебного С., отделимой морфемой или вспомогательным С. (напр., *будет* в *Он будет врачом* — служебное С., в *Он будет читать* — вспомогательное).

Различные типы языковых единиц связаны промежуточными явлениями и переходят друг в друга. В структурном аспекте выделяется ряд: неотделимая морфема — отделимая морфема (вспомогательное С.) — служебное С.— самостоятельное (знаменательное) С.— составное С. (аналитическое С. или единица типа *режиссёр-постановщик*, составной предлог типа *на службе у* и т.п.) — словосочетание. На синтаксическом уровне С. определяется в системе понятий: С.— член предложения — словосочетание.

В семантическом отношении различаются С. однозначные и многозначные, свободные и фразеологически связанные [употребляющиеся только в составе фразеологических единиц: *оказать* (помощь), (во весь) *опор*, (не видно) *ни зги*], абсолютные, способные употребляться без дополнений, и относительные, требующие дополнения (ср. непереходные и переходные глаголы, существительные *мальчик* и *сын*, прилагательные *большой* и *похожий* и т.д.).

С. дифференцируются по исторической перспективе (архаизмы, неологизмы), по сфере использования (термины, профессионализмы, арготизмы, поэтизмы, диалектизмы и др.); по словообразовательным связям выделяются однокоренные С. и С. с тождественными аффиксами; по семантическим связям — антонимы и синонимы, гиперонимы и гипонимы; по сходству звучания — омонимы и паронимы.

С. различаются по функционированию в речи, в частности по частотности. Частотность С. зависит от его семантики, грамматических свойств, длины, от содержания текста, от социопрофессиональной характеристики говорящих. Частотность неравномерна: 1000 самых употребительных С. покрывают 85% любого текста. Она может увеличиваться благодаря использованию С. в переносных значениях, а также в текстах определённой тематики, конкретного автора и данной эпохи. В этом плане выделяют «ключевые С.»,

т.е. С. с относительно повышенной частотностью у данного автора или в данном тексте, и «С.-свидетели», характерные для определённой эпохи: фиксирующие изменения, происходящие в определённой сфере жизни общества.

Лит.: Пешковский А. М., Понятие отдельного слова, в его кн.: Сб. ст., Л.–М., 1925; Смирницкий А. И., К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»), в кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, М., 1952; его же, К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), в кн.: Тр. Ин-та языкознания АН СССР, т. 4, М., 1954; Ахманова О. С., Очерки по общей и рус. лексикологии, М., 1957; Кузнецов П. С., Введение к объективному определению границ слова в потоке речи, в кн.: Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики, М., 1968; Будагов Р. А., История слов в истории общества, М., 1971; Шмелёв Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Лингвострановедческая теория слова, М., 1980. См. также лит. при ст. Лексическое значение. *В. Г. Гак.*

«Сло́во о полку́ И́гореве» – памятник древнерусской литературы конца 12 в. Написан неизвестным автором вскоре после неудачного похода князя Новгород-Северского Игоря Святославича на половцев в 1185, под свежим впечатлением от этих событий. В числе живых упоминается Галицкий князь Ярослав Владимирович (Осмомысл), умерший 1 октября 1187. Поход, о к-ром рассказывает «С. о п. И.», начался в кон. апреля 1185. В нём приняли участие двоюродные братья Киевского князя Святослава Всеволодовича – Игорь Святославич с сыном и племянником, князь Трубчевский и Курский Всеволод Святославич («Буй-Тур»).

Героем «С. о п. И.» является вся Рус. земля в широких географических, исторических и этнических пределах того времени. Тяжёлое поражение, к-рым закончился поход, послужило ав-

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ
О
ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ
УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА СѢВЕРСКАГО
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,
писанная
СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ
въ исходѣ XII столѣтія
съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
въ Сенатской Типографіи.
1800.

«Слово о полку Игореве». Титульный лист издания 1800 г.

Слово о полку Игоревѣ Игоря сына Святъславля внука Ольгова.

Нелѣпо ли ны бяшетъ братіе, начати старыми словеси трудныхъ повѣстій о полку Игоревѣ, Игоря Святъславича? Начатиже ся тѣ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснѣ творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки. Помняшеть бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10-ть соколовъ на стадо лебедей. Который дотечаше, та преди пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же братіе не 10-ть соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху. Почнемъ же братіе повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря. Иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего

тору поводом для горьких раздумий о судьбах Родины, для призыва к единству всех рус. княжеств, к прекращению междоусобных ссор. В эпическом жанре «С. о п. И.», к-рый Д. С. Лихачёв характеризует как «стиль монументального историзма», выражается мысль автора о единстве Руси – в географическом, историческом и этническом осмыслении этого понятия.

«С. о п. И.» – произведение лирическое и эпическое одновременно. Многие образы (описания неба и земли, фауны и флоры, картины битвы, бегства князя Игоря из плена) восходят к фольклорной языческой символике; плач Ярославны – к народным причитаниям. Упоминание языческих богов, стихийная связь человека с природой, антропоморфизация многих природных явлений – отражение поэтических воззрений древних русичей той эпохи «С. о п. И.» – свидетельство высокой лит. и письменной культуры Руси 11–12 вв.

В языке «С. о п. И.» представлена лексика народно-разг. речи. Она носит ярко выраженный «предметный» (сущ. *земля, небо, солнце, месяц, облако, буря, ветер, гроза, туча, море, река, трава* и др.) и «действенный» (глаголы *ехать, бежать, летать, рыскать, отступать* и др.) характер. Поскольку «С. о п. И.» повествует о военном походе, в нём представлена военная лексика и фразеология: *рать, полк, дружина, лук, копие приломити, искать себе чести* и др. Есть «русизмы», т.е. слова, не известные в ст.-слав. языке: *смага* – ‘жар, огонь’, *туга* – ‘печаль, тоска’, *хоть* – ‘жена’, *комонь* – ‘конь’ и др.

Художественно-изобразительные языковые средства «С. о п. И.» свидетельствуют о его связях с фольклорными источниками и книжно-поэтической традицией. «С. о п. И.» принадлежит в равной мере рус., укр. и белорус. культуре, оно оказало влияние на формирование лит-р и лит. языков этих слав. народов.

«С. о п. И.» сохранилось в единственном списке, к-рый находился в др.-рус. сборнике 16 в., открывавшемся обширным Хронографом. Этот сборник был приобретён в нач. 90-х гг. 18 в. собирателем рус. древностей графом А. И. Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского. В 1812 вся коллекция рукописей Мусина-Пушкина сгорела во время пожара в Москве. Но в 1800 вышло из печати первое издание «С. о п. И.», выполненное Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с историками и археографами Н. Н. Бантышом-Каменским и А. Ф. Малиновским. Кроме того, сохранилась копия со списка «С. о п. И.» с переводом, изготовленная для Екатерины II и опубликованная П. П. Пекарским в 1864. Список «С. о п. И.» видели писатель и историк Н. М. Карамзин и археограф А. И. Ермолов. Т.к. список «С. о п. И.» был поздним во времени, то на протяжении веков при переписке в нём накопилось много ошибок и тёмных мест. Количество ошибок возросло в первом издании и в Екатерининской копии. Издатели не поняли отдельные написания, неправильно разделили текст на слова (в рукописном списке текст был написан без разделения на слова). Исследователи 19 и 20 вв. объяснили тёмные места и исправили ошибки.

Вскоре после издания «С. о п. И.» возникли сомнения в древности памятника. Предполагалось, что «С. о п. И.» написано позднее 12 в., но не позднее даты списка 16 в. После открытия в сер. 19 в. «Задонщины» – памятника нач. 15 в., созданного под воздействием «С. о п. И.», нек-рые учёные (напр., Л. Леже, А. Мазон) стали утверждать, что «С. о п. И.» написано в кон. 18 в. в подражание «Задонщине». Дискуссии 30–40-х гг. 20 в. выявили много доказательств в пользу древности «С. о п. И.» и разрушили аргументы скептиков. Безуспешны были попытки выяснить вопрос об авторе произведения, в т.ч. приписать авторство «С. о п. И.» историческим личностям, напр. летописцу Нестору, Иоилю Быковскому и др.

Изд.: Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.–Л., 1950; Слово о полку Игореве. Составление и подготовка текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва, 2 изд., Л., 1967; Слово о полку Игореве, изданное Н. Тихонравовым, 2 изд., М., 1968; Памятники лит-ры Древней Руси. XII век. [Сб. текстов], М., 1980.

Лит.: Миллер Вс. Ф., Взгляд на «Слово о полку Игореве», М., 1877; Барсов Е. В., «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. 1–3, М., 1887–89; Потебня А., «Слово о полку Игореве», 2 изд., Хар., 1914; Адрианова-Перетц В. П., «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований, М.–Л., 1940; Лихачев Д. С., «Слово о полку Игореве». Историко-лит. очерк, 2 изд., М.–Л., 1955; Дмитриев Л. А., Слово о полку Игореве. Библиография изданий, переводов и исследований. 1939–1954 г., М.–Л., 1955; его же, История первого изд. «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования, М.–Л., 1960; Виноградова В. Л. (сост.), Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», в. 1–6, М.–Л., 1965–84; Булахов М. Г., «Слово о полку Игореве» в лит-ре, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь, Минск, 1989; Энциклопедия «Слова о полку Игореве», т. 1–5, СПБ, 1995.

В. П. Вомперский.

Словоизменéние – образование для каждого слова (кроме слов неизменяемых частей речи) его парадигмы (см.), то есть всех его словоформ (см.) и всех его аналитических форм.

При С. тождество слова (лексемы) не нарушается (т.е. мы имеем дело с одним и тем же словом в разных грамматических формах), в отличие от словообразования (см.), где от одного слова образуются другие, отличные от него слова.

С. в нек-ром классе слов представляет собой изменение по определённой грамматической категории или категориям, к-рые называются словоизменительными для данного класса слов. Напр., для рус. существительных С. состоит в изменении по падежам и по числам: *сад – сáда – сáду* и т.д., *сады́ – садóв – садáм* и т.д. С. имён, т.е. существительных, прилагательных, числительных, местоимений, иногда называется также склонением, а С. глаголов – спряжением (однако в более узком смысле склонение обозначает только изменение имён по падежам, спряжение – только образование личных форм глаголов). В качестве синонима термина «С.» может употребляться также термин «формообразование» (см.), однако нек-рые лингвисты употребляют последний в несколько ином значении. Граница между С. и словообразованием не абсолютна: возможны промежуточные явления. Поэтому в вопросе о границах С. в конкретном языке у ряда лингвистов есть расхождения: напр., спорным является вопрос, входит ли в рус. С. образование видов глагола.

Часть С., охватывающую образование словоформ (но не аналитических форм), называют также морфологическим С. или С. в узком смысле. Морфологическое С. развито в разных языках в весьма различной степени; напр., оно сильно развито в санскрите, латыни, рус., венг., араб. языках, слабо – в англ. языке. В аморфных языках морфологическое С. может вообще отсутствовать. В качестве синонима морфологическому С. иногда используется термин «флексия».

Лит.: Смирницкий А. И., К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), в кн.: Тр. Ин-та языкознания АН СССР, т. 4, М., 1954; Фортунатов Ф. Ф., Избр. тр., т. 2, М., 1957; Кузнецов П. С., О принципах изучения грамматики, М., 1961; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980.

А. А. Зализняк.

Словообразова́ние – 1) образование слова на базе другого однокоренного слова (или слов), к-рым оно мотивировано (то есть выводится из него по смыслу и по форме), с помощью специальных средств, присущих языку (напр., аффиксов: *стол – стол-ик, петь – за-петь, дом – без-дом-н-ый, пять этажей – пят-и-этаж-н-ый*); один из важнейших путей пополнения словарного состава языка новыми словами; 2) раздел языкознания, изучающий такие мотивированные слова (называемые также производными): учение об их строении и о средствах, используемых для образования новых слов.

Словообразовательная структура конкретных производных слов, как и система словообразовательных средств, присущих языку в целом, исторически изменяется. В связи с этим следует различать диахронное (см. Диахрония) и синхронное (см. Синхрония) С. Диахронное С. изучает пути возникновения производных слов в различные периоды развития языка и их первоначальную (этимологическую) словообразовательную структуру, а также исторические изменения словообразовательной структуры слов (см. Опрощение, Переразложение). Синхронное С. изучает систему словообразовательных средств, присущих языку на данном этапе его развития (напр., совр. языку), и структуру слов, определяемую их синхронными (существующими на данном этапе развития языка) мотивационными отношениями с другими однокоренными словами. Синхронная словообразовательная структура слова может совпадать с его первоначальной словообразовательной структурой (напр., *дом – домик*) или не совпадать с ней. Так, слова *путник* и *цветник* исторически образованы с помощью суффикса *-ик* от прил. *путный* и *цветной* (др.-рус. *путьныи, цвѣтьныи*), имевших в древности соответственно значения 'относящийся к пути или путешествию' и 'покрытый цветами' (ныне утраченные); в совр. же языке эти слова мотивированы только существительными (*путь, цветы*) и в них выделяется суффикс *-ник*.

Диалектическая связь между синхронным и диахронным С. состоит в том, что на каждом этапе развития языка для возникновения новых слов по образцу (модели) тех или иных ранее образованных (старых) слов существенна не первоначальная словообразовательная структура этих старых слов, а их синхронная словообразовательная структура. Так, в совр. рус. языке в существительных, мотивированных существительными, высокопродуктивен суффикс *-ник*, представляющий собой исторически соединение суффикса относительных прилагательных *-н-* с суффиксом существительных *-ик*; суффикс этот появился в таких словах, как *путник* или *цветник*, синхронная словообразовательная структура к-рых, уже не совпадающая с первоначальной, послужила впоследствии образцом для возникновения других слов с суффиксом *-ник* прямо от основ существительных (напр., *коровник, градусник*).

Центральным понятием синхронного С. является понятие словообразовательной мотивации. Отношения мотивации устанавливаются между двумя однокоренными словами, одно из к-рых синхронически является с формальной и семантической точек зрения первичным, мотивирующим, исходным, а другое – вторичным, мотивированным, выводимым из него. Мотиво-

ванное слово – обычно более сложное по структуре основы, содержащей больше морфов (см.), чем основа мотивирующего слова. Всякое мотивированное слово бинарно (двучленно): оно состоит из двух частей – мотивирующей основы и форманта. Первая – та часть, к-рая является у него общей с мотивирующим словом (с учётом возможных морфонологических видоизменений, напр. чередований), вторая – та, к-рая отличает его от мотивирующего слова. Напр., в словах *головка* и *водичка* мотивирующая основа соответственно *голов-* (совпадающая с основой мотивирующего слова *голова*) и *водич-* (отличающаяся от основы мотивирующего *водица* только чередованием *ц – ч*); формант в обоих случаях – суффикс *-к(а)*. Слова, мотивированные более чем одним словом, содержат сложную, комплексную мотивирующую основу, состоящую из двух (или более) простых мотивирующих основ; напр., в слове *мор-е-плава-тель* сложная мотивирующая основа – *мор-... плава-* (основы мотивирующих слов *море* и *плавать*), а формант – интерфикс (соединительный аффикс) *-е-* и суффикс *-тель*.

Ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности, представляет собой словообразовательную цепочку, напр.: *учить → учитель → учительница*. Исходное слово цепочки – немотивированное; каждое последующее слово отличается от предшествующего только одним формантом. Одно и то же слово может выступать по отношению к одному однокоренному слову как мотивированное, а к другому – как мотивирующее (так, *учитель* по отношению к глаголу *учить* – мотивированное слово, а по отношению к слову *учительница* – мотивирующее). Совокупность словообразовательных цепочек с одним и тем же исходным словом представляет собой словообразовательное гнездо (см.), определяемое также как совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации.

Различаются два вида анализа структуры словообразовательно мотивированных слов: морфемный анализ (иногда называемый также морфологическим, в школьной практике – анализом слов по составу) и словообразовательный анализ. Первый предполагает выделение всех составляющих слово (в данной его словоформе, см.) морфов. Второй требует установления словообразовательной структуры слова: как минимум – выделения мотивирующей основы и форманта (напр., *устарел-ость*), как максимум – указания всех предшествующих звеньев словообразовательной цепочки, напр. в «цепочечной» записи *старый → стареть → устареть → устарелый → устарелость*; то же иногда передаётся «скобочной» записью: *{[у(стар-е)]л}ость*.

Будучи особой сферой языка и самостоятельным разделом языкознания, С. тесно связано, с одной стороны, с лексикой (как источник пополнения языка новыми словами), с другой – с грамматикой, прежде всего с морфологией, с к-рой его сближает как общность морфемного механизма, так и многообразные проявления взаимозависимости морфологических и словообразовательных характеристик слов. Для рус. грамматической традиции характерно включение раздела «С.» в описательные грамматики. С. при этом рассматривается как система построения и образования слов определённых частей речи, мотивированных словами определённых частей речи.

Основная единица классификации словообразовательной системы языка – словообразовательный тип. Это схема построения слов определённой части речи, характеризующаяся общностью трёх признаков: части речи мотивирующих слов, форманта, словообразовательного значения. Напр., к одному словообразовательному типу относятся глаголы с суффиксом *-ну(ть)*, мотивированные глаголами и обозначающие однократность действия, названного мотивирующим глаголом: *прыгать – прыгнуть, свистеть – свистнуть* и т.п. При характеристике словообразовательных типов существенную роль играют такие их признаки, как продуктивность (способность служить образцом для производства новых слов) или непродуктивность; семантические и формальные видоизменения общей схемы построения слов данного типа; стилистическая окраска слов и сферы их употребления.

Словообразовательное значение понимается как обобщённое значение ряда мотивированных слов с одним и тем же формантом, отличающее все эти слова от их мотивирующих. Словообразовательные значения мотивированных слов в рус. языке многообразны. Среди них: а) значения, заключающиеся в характеристике предмета или признака по его отношению к другому предмету или признаку, напр. предметно-характеризующее значение в существительных – названиях носителя признака (*старый – старик, синий – синяк*), агентивное в существительных – названиях производителя действия (*читать – читатель, прыгать – прыгун*), относительное значение прилагательных (*вода – водный*); б) модификационные значения, представляющие собой дополнительный семантический компонент, добавляющийся к значению мотивирующего сло-

ва, напр. уменьшительное (*дом – домик*), «женское» (*мастер – мастерица*), начинательное (*петь – запеть*); в) транспозиционное значение, сводящееся к наделению мотивированного слова грамматической семантикой части речи, отличной от части речи мотивирующего слова, без изменения других компонентов его значения (*ходить – ходьба, красный – краснота, смелый – смело*); г) носящее наиболее абстрактный характер соединительное значение – указание на связь простых основ в составе сложной основы (*ярко-жёлтый, западносибирский*).

Более крупную, чем словообразовательный тип, единицу классификации представляет собой **способ словообразования**, объединяющий ряд типов с тождественным видом форманта (префикс, суффикс и т.п.). Для совр. рус. языка характерны след. основные способы С.: суффиксальный (*учи-тель*), префиксальный (*пере-писать*), постфиксальный (*мыть-ся*); смешанно-аффиксальные способы – префиксально-суффиксальный (*за-столь-н-ый*), префиксально-постфиксальный (*раз-бежать-ся*), суффиксально-постфиксальный (*горд-и-ть-ся*), префиксально-суффиксально-постфиксальный (*пере-шёпт-ыва-ть-ся*); чистое сложение (последний компонент равен самостоятельному слову: *перв-о-источник*), суффиксально-сложный способ (*земл-е-проход-ец*), сращение (отличается от сложения сохранением в структуре мотивированного слова синтаксической связи компонентов, входящих в мотивирующее словосочетание: *ума-лишённый*), аббревиация (см. Аббревиатура), а также усечение по аббревиатурному принципу (*специалист – спец*). Разные способы С. играют при образовании слов разных частей речи неодинаковую роль. Так, префиксация и постфиксация наиболее развиты в глагольном С., а суффиксация и особенно сложение более характерны для именного С. Наибольшее многообразие наблюдается в рус. языке в сфере суффиксации. Словообразовательный суффикс может быть не только материально выраженным, но и нулевым (*выходить – выход, задирать – задира, синий – синь*). Такие образования трактуются нек-рыми лингвистами как разновидность конверсии (см.) – С. с помощью системы флексий мотивированного слова, понимаемой как единое словообразовательное средство. Другие усматривают в словах *синь, выход* и т.п. нулевой суффикс, подчёркивая при этом, что система флексий мотивированного слова, неотделимая от любого словообразовательного суффикса, входит в состав форманта не только при нулевой суффиксации, но и при материально выраженной.

Особый аспект С. представляют собой **морфонологические явления** – формальные преобразования основы мотивирующего слова в структуре мотивированного слова. Среди них – линейные преобразования: усечение основы (*болта-ть – болт-ливый, узк-ий – уз-ость*), реже наращение (*пе-ть – пев-ец*), чередование (*рука – руч-ной, разбирать – разбор-ка*), совмещение морфов (*лилов-ый – лиловатый*, где отрезок *-ов-* принадлежит одновременно мотивирующей основе и суффиксу), перемещение ударения (*зелёный – зéлень* с нулевым суффиксом, *рéзать – вырезáть*). Морфонологические преобразования основы играют роль дополнительного, вспомогательного средства, сопровождающего формант.

Сведения о словообразовательных единицах содержались в различных грамматических описаниях рус. языка, изданных до Окт. революции 1917. Особенное теоретическое значение имела концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ и его школы. Согласно этой концепции, с одной стороны, необходимо строго различать словообразовательные связи, имеющиеся в совр. языке, и реальный путь образования слов в прошлом, с другой стороны, рассматривать словообразовательные средства совр. языка в аспекте их продуктивности. Требование различать синхронный и диахронный подходы к С. чётко сформулировано Ф. Ф. Фортунатовым. Н. В. Крушевский впервые в рус. науке поставил вопрос о системности С.: «Всё то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» («Очерк науки о языке», 1883). Взгляду на С. как на систему соответствовало стремление изучать как материальные и смысловые связи слов, содержащих общие морфемы, так и связи морфем внутри слова; установление этих связей способствует «обособлению морфологических элементов слова». Крушевским поставлен вопрос о классификации «разновидностей» этих элементов, рассмотрены фонетические разновидности корней, суффиксов и префиксов. В трудах М. М. Покровского описаны (частично на рус. материале) семантико-словообразовательные группы слов, для к-рых характерны регулярные изменения значения; эти работы важны для изучения различных видов словообразовательных значений.

До сер. 40-х гг. 20 в. рус. С. не было самостоятельным объектом изучения; в грамматических описаниях словообразовательный материал отсутствовал либо был представлен в неполном

виде в морфологических разделах. Описание аффиксальных типов рус. именного С. впервые было дано в книге В. В. Виноградова «Современный русский язык» (в. 2, 1938), где эти типы рассмотрены в соответствии с морфологическими типами (родовой принадлежностью и типами склонения) аффиксальных слов. Этот подход к С. сохранён и в книге Виноградова «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» (1947; 3 изд., 1986). Г. О. Винокур, рассматривая отглагольные имена, продемонстрировал ряд приёмов анализа, получивших распространение в более поздних исследованиях: сопоставительный анализ разных средств выражения близких значений, семантических и формальных ограничений производящих слов, установление внеязыковых импульсов, способствующих возникновению мотивированных слов.

Начало нового этапа в изучении рус. С. связано с появлением статьи Винокура «Заметки по русскому словообразованию (1946), где изложены принципы синхронного словообразовательного анализа. Этот анализ осуществляется путём соотнесения мотивированного слова с «соответствующей первичной основой», связанной материально и семантически с изучаемым словом. В 1951–52 опубликованы статьи Виноградова, в к-рых на конкретном материале показаны связи С. с грамматикой и лексикологией и выявлена его специфика как самостоятельной научной дисциплины. Виноградов впервые дал классификацию системы способов («видов» или «типов», в его терминологии) рус. С. На его работах основаны словообразовательные главы в 1-м томе академической «Грамматики русского языка» (1952) и в курсе «Современный русский язык. Морфология» (1952), где дано более полное, чем в предшествующих трудах, описание С. существительных и прилагательных (в разделе Морфология), но словообразовательный материал глагола не был отчётливо отграничен от морфологического.

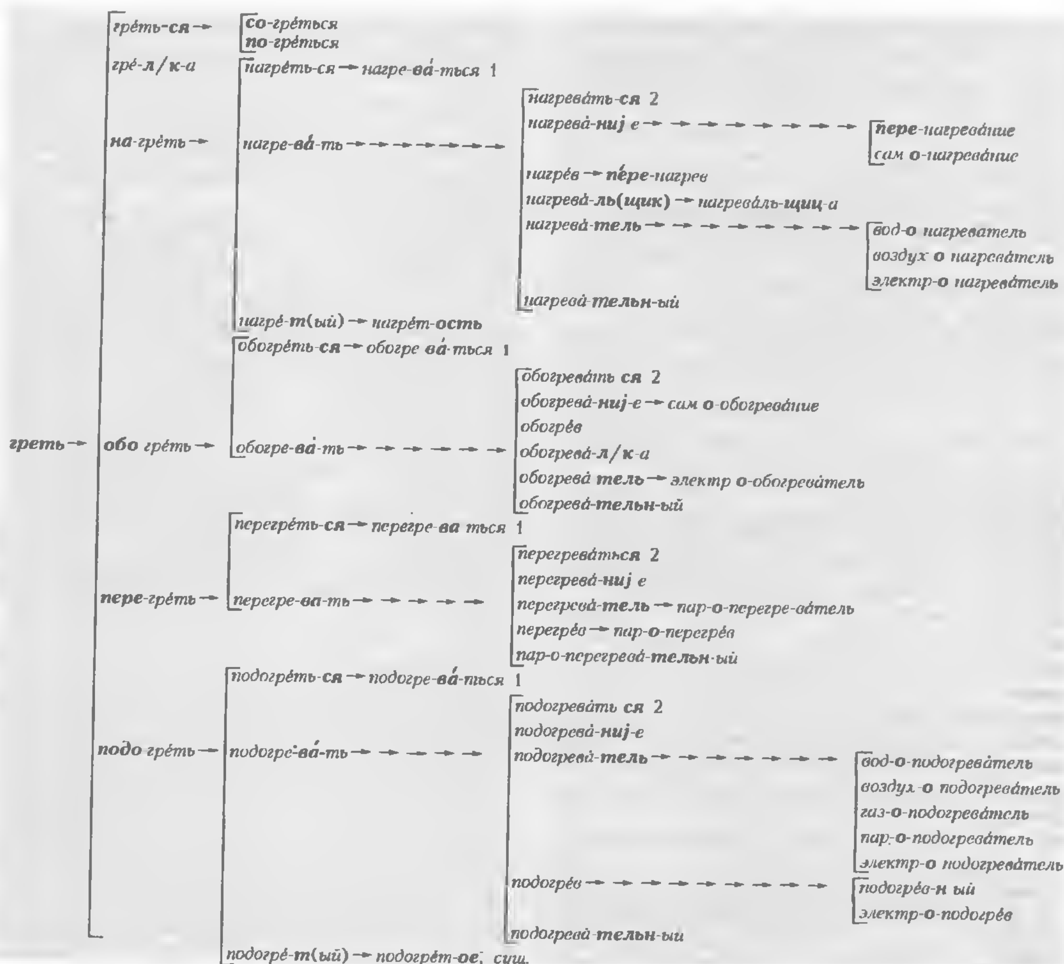
С резким увеличением интереса к С. после выхода академической «Грамматики русского языка» связано появление с сер. 50-х гг. многочисленных исследований, посвящённых как описанию разных типов именного и глагольного С., так и разработке различных аспектов изучения словообразовательных отношений (работы Н. М. Шанского, Е. А. Земской, В. П. Григорьева, Б. Н. Головина, Н. А. Янко-Триницкой, Н. А. Соболевой, Е. С Кубряковой, И. Г. Милославского, А. Н. Тихонова, А. И. Моисеева, Е. Л. Гинзбурга, Р. С. Манучаряна и др.). В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) и в академической «Русской грамматике» (1980) осуществлено наиболее полное описание С. как системы словообразовательных типов в их взаимоотношении и взаимодействии; показаны иерархические отношения словообразовательных типов и подтипов, общих и частных словообразовательных значений; описаны морфонологические различия между мотивирующими и мотивированными словами.

В работах 60–80-х гг. поставлены многие новые для теории С. вопросы: эволюция С. и её внутриязыковые и внеязыковые причины, соотношение морфемного и словообразовательного анализа, многие проблемы выделения значимых единиц в слове (проблема «степеней членимости» слова, дискуссия о внеморфемных асемантических элементах слова – «интерфиксах»), а также идентификации их (морфы и морфемы), морфонологические явления в С. и их соотношение, закономерности сочетаемости словообразовательных морфем, словообразовательная мотивация и её виды, ряд общетеоретических проблем словообразовательной семантики, связи слов в словообразовательном гнезде, парадигматические и синтагматические связи между единицами С., номинационные аспекты С., особенности С. рус. разг. речи.

Лит.: Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Каз., 1883; Фортунатов Ф. Ф., О преподавании грамматики рус. языка в средней школе, в его кн.: Избр. тр., т. 2, М., 1957; Покровский М. М., Избр. работы по языкознанию, М., 1959; Винокур Г. О., Заметки по рус. словообразованию, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1959; Очерки по исторической грамматике рус. лит. языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в рус. лит. языке XIX в., М., 1964; Кубрякова Е. С., Что такое словообразование, М., 1965; её же, Типы языковых значений. Семантика производного слова, М., 1981; Рус. язык и сов. общество. Словообразование совр. рус. лит. языка, М., 1968; Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию, М., 1968; Изучение грамматического строя рус. языка, в кн.: Теоретические проблемы сов. языкознания, М., 1968; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Земская Е. А., Совр. рус. язык. Словообразование, М., 1973; её же, Словообразование как деятельность, М., 1992; Виноградов В. В., Вопросы совр. рус. словообразования, в его кн.: Исследования по рус. грамматике. Избр. тр., М., 1975; его же, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, там же; Улуханов И. С., Словообразовательная семантика в рус. языке и принципы её описания, М., 1977; Лопатин В. В., Рус. словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания, М., 1977; Гинзбург Е. Л., Словообразование и синтаксис, М., 1979; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Милославский И. Г., Вопросы словообразовательного синтеза, М., 1980; Немченко В. Н., Совр. рус. язык. Словообразование, М., 1984; его же, Основные понятия словообразования в терминах, Красноярск, 1985; Тихонов А. Н., Словообразовательный словарь рус. языка, т. 1–2, 2 изд., М., 1990; Лопатин В. В., Улуханов И. С., Словарь приставок и суффиксов рус. языка (в печати).

В. В. Лопатин, И. С. Улуханов.

Словообразова́тельное гнездо́ – совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями словообразовательной производности. См., напр., сокращённое С.г. слова *греть*.

Цифры 1 и 2 обозначают, что слова, снабжённые ими, являются полимотивированными: обладают двумя производящими. Так, *нагреваться* 1 образовано с помощью суффикса *-ва-* на базе *нагреться*, а *нагреваться* 2 образовано с помощью постфикса *-ся* на базе *нагревать*.

Каждое слово в гнезде занимает предусмотренное системой языка и закреплённое в норме (см. Норма) место. Каждое слово вступает в словообразовательные отношения с одним или несколькими однокоренными словами. Ср.: *греть – нагреть, греть – обогреть, греть – перегреть; нагревать – нагревание, нагревать – нагрев, нагревать – нагреватель, нагревать – нагревательный; нагревальщик – нагревальщица.* Эти словообразовательные пары – наименьшие единицы в структуре С.г. Они состоят из производящего слова и производного слова. В С.г. нет слова, к-рое не входило бы в к.-л. пару; т.о., С.г. – это совокупность словообразовательных пар. В С.г. столько словообразовательных пар, сколько в нём производных слов. Напр., в С.г. *греть* 152 производных слова. С.г. может включать большое количество слов; так, в С.г. *нести* – 540 слов, *ходить* – 470, *вода* – 316, *сам* – 288, *малый* – 376, *сухой* – 284 и т.д.

С.г. возглавляет исходное (непроизводное) слово. Все остальные слова являются производными.

Отношения слов в С.г. носят упорядоченный характер. Эту упорядоченность создают словообразовательные цепочки (см. Словообразование) и словообразовательные парадигмы (см. Парадигма) – структурные компоненты С.г., состоящие из словообразовательных пар.

Минимальное количество звеньев в словообразовательной цепочке – одно, напр. *греть – грелка.* В гнезде *греть* цепочки не имеют более 4 звеньев. Максимальное для рус. языка количество звеньев в словообразовательных цепочках – 6. Напр., *мир – мирить – примирить – примирение – примиренец – примиренческий – примиренчески.* Цепочки из 7 звеньев единичны.

В словообразовательных цепочках действует принцип иерархии, т.е. последовательного подчинения одних единиц другим. Он распространяется на все С.г., т.к. гнездо – это совокупность словообразовательных цепочек, напр. в гнезде *греть* – 99 цепочек. Однако С.г. могут состоять и из единственной цепочки, напр.: *горжет – горжетка – горжеточка; дизайн – дизайнер – дизайнерский – дизайнерски.*

Словообразовательная парадигма – совокупность всех производных одного производящего. В качестве производящих в гнезде выступают как непроизводные (*греть*), так и производные слова (*греться, нагреть, подогревать*): *греть – греться, грелка, нагреть, обогреть, перегреть, подогреть* и т.п.; *греться – согреться, погреться; нагреть – нагреться, нагревать, нагретый; подогревать – подогреваться, подогревание, подогреватель, подогрев, подогревательный* и т.п. В гнезде столько словообразовательных парадигм, сколько производящих, напр. в гнезде *греть* 64 парадигмы. Словообразовательную парадигму не имеют только слова, не участвующие в словообразовании, не имеющие производных, напр.: *нагревальщица, нагревательный, нагретость, водонагреватель* и т.п.

С.г. может состоять из одной единственной словообразовательной парадигмы: *алмаз – алмазец, алмазик, алмазник, алмазный, алмазозаменитель; альбом – альбомец, альбомчик, альбомный, фотоальбом.*

Словообразовательная парадигма нередко включает значительное число слов. Особенно большие парадигмы имеют исходные слова, т.е. слова, возглавляющие гнёзда. Напр., парадигма глагола *мазать* состоит из 41 слова, *чёрный* – 104, *строить* – 116, *высокий* – 120. Члены словообразовательной парадигмы находятся в отношениях равнопроизводности.

Т.о., структура С.г. определяется соотношением единиц двух планов – синтагматического и парадигматического. В синтагматическом плане С.г. представляет собой совокупность словообразовательных цепочек, а в парадигматическом плане – совокупность словообразовательных парадигм.

Слова, входящие в одно С.г., имеют общий элемент значения, материальным выразителем к-рого выступает общий для них корень. С этой точки зрения не являются однокоренными слова *чёрный* и *чернила, дать* и *продать, быть* и *забыть, чрево* и *чреватый, мнить* и *мнение* и т.п. Члены таких пар относятся к разным С.г.

Лит.: Тихонов А. Н., Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря совр. рус. языка, Самарканд, 1971; его же, Гнездование однокоренных слов, в кн.: Исследования по слав. филологии, М., 1974; его же, Актуальные проблемы синхронного изучения гнёзд однокоренных слов, «Болг. русистика», 1988, № 5; его же, Основные понятия рус. словообразования, в кн.: Словообразовательный словарь рус. языка, 2 изд., т. 1, М., 1990; его же, Школьный словообразовательный словарь рус. языка. Пособие для учащихся, 2 изд., М., 1991; его же, Словообразовательная мотивированность однокоренных слов, в кн.: Словообразовательная синтагматика и парадигматика, Краснодар, 1991; Гинзбург Е. Л., Одноимённость однокоренных производных, в кн.: Проблемы структурной лингвистики 1976, М., 1978; его же, Словообразовательное гнездо, в его кн.: Словообразование и синтаксис, М., 1979; Земская Е. А., Словообразование, в кн.: Совр. рус. язык. [Учебник для ун-тов], 2 изд., М., 1989; Тихонов А. Н., Пардаев А. С., Роль гнёзд однокоренных слов в системной организации рус. лексики, Таш., 1989

А. Н. Тихонов

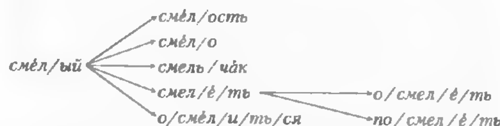
Словообразова́тельные словари́, деривационные словари,– словари, показывающие членение слов на составляющие их морфемы (см.), словообразовательную структуру слова (см. Словообразование), а также совокупность слов (словообразовательное гнездо, см.) с данной морфемой – корневой либо аффиксальной. Слова в С.с. приводятся с ударением и расчленением на морфемы, напр. *кулина́р, кулина́р/и/я, кулина́р/к/а.* Основными типами С.с. являются словари-корнесловы, словари морфемной членимости, собственно С.с., толковые словари аффиксальных морфем, частотные словари морфем.

В словарях-корнесловах, основными единицами к-рых являются корневые морфемы, в алфавитном порядке приводятся слова с общим корнем или группы однокоренных слов (гнездовой словарь) без указания на словообразовательные отношения однокоренных слов. В первых рос. словарях-корнесловах основными единицами были: 1) корневые морфемы (Шимкевич Ф. С., «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными языками», ч. 1–2, 1842); 2) группы однокоренных слов (Калайдович И., «Опыт правил для составления русского производного словаря...», в кн.: «Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете», ч. 5, 1824; Рейф Ф. И., «Русско-французский словарь...», т. 1–2, 1835–36). По принципу «гнезда» построены «Словарь Академии Российской» (ч. 1–6, 1789–94); «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т.1–4, 1956); 3) корни и аффиксы (Изюмов М. М., «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими», в 4 отделах, 1880).

Словари морфемной членимости слов подразделяются на: а) алфавитные мор-

фемные словари, единицами к-рых являются слова, расчленённые на морфемы; б) гнездовые словари, единицами к-рых являются группы однокоренных расчленённых на морфемы слов, напр. словарная статья, посвящённая корню *-шум-*, может иметь такой вид: *ШУМ-Ø* (Ø - знак нулевого окончания), *ШУМ-é-ть, ШУМ-и́х-а, ШУМ-ли́в-ый, ШУМ-ли́в-ост-ь, ШУ́М-н-ый, ШУМ-ну́-ть, ШУМ-ов-óй, ШУМ-ов-и́к-Ø, ШУМ-óк-Ø, бес-ШУ́М-н-ый, бес-ШУ́М-н-ост-ь, за-ШУМ-é-ть, на-ШУМ-é-ть, по-ШУМ-é-ть* и т.д.; в) гнездовые словари, основные единицы к-рых – корневые и аффиксальные морфемы; для каждого корня (или аффикса) приводятся все возможные аффиксы (или корни), с к-рыми сочетается этот корень (или аффикс) в разных словах, напр. так может выглядеть фрагмент словарной статьи префикса *бес-: БЕС-прó-√-н-ый*, где знак √ указывает на возможные в данном случае корни *-бу́д-, волоч-, -гля́д-, -свéт-*. Может отмечаться также, в каких словах данный аффикс занимает первое место, второе и, если возможно, третье. С.с. морфемной членимости не указывают на словообразовательные отношения внутри группы однокоренных слов. Такие словари появились позднее словарей-корнесловов. К словарям морфемной членимости относятся, напр.: Потиха З. А., «Школьный словообразовательный словарь» (1961; 2 изд., 1964); Ворт Д. С., Козак А. С., Джонсон Д. Б. (Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B.), «Russian derivational dictionary» (1970); Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф., «Словарь морфем русского языка» (1986), отражающий состав корневых, префиксальных и суффиксальных морфем и дающий сведения о структуре слов.

Задача с о б с т в е н н о С. с. – показать не только морфемный состав каждого слова, но и раскрыть его словообразовательную структуру. Слова упорядочены в соответствии с отношениями словообразовательной мотивированности в гнезде, напр.:

К собственно С.с. относится «Краткий словообразовательный словарь русского языка» В. Т. Шклярова и Х. Кюнерта (1973). «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова (т.1–2, 1985; 2 изд., 1990) – наиболее полный гнездовой словарь, содержащий ок. 145 тыс. слов. Он показывает отношения мотивации (производности) в словообразовательных гнёздах и содержит сведения для морфемного анализа производных слов, поскольку все словообразовательные аффиксы, входящие в состав форманта, в производных словах выделяются. Здесь сформулированы основные понятия словообразования, лёгшие в основу словаря (производность/непроизводность, словообразовательная структура слова, множественность словообразовательной структуры, чересступенчатое словообразование, словообразовательная синонимия, антонимия, омонимия). Основу словаря составляют 12 620 гнёзд, расположенных в алфавитном порядке исходных слов. Гнездо представлено как результат упорядоченного объединения словообразовательных цепей и словообразовательных парадигм. Словарь наглядно представляет словообразовательные возможности различных частей речи.

В т о л к о в ы х с л о в а р я х а ф ф и к с а л ь н ы х м о р ф е м раскрываются значение аффиксов и особенности их функционирования. Словарная статья содержит сведения о продуктивно-

Г

1. га I, *межд.* га II *см.* гектар
гá-ка-ть
гáк-ну-ть
гáка-н'j-е [гаканье]
гак I, *см.* **гак II—III**
2. габарди́н
габарди́н-ов-ый
3. габари́т
габари́т-н-ый
| **не-габари́тный 1**
| **мал-о-габари́тный 1** *см.* **малый I**
не-габари́т
| **негабари́т-н-ый 2**
крупн-о-габари́т-н-ый *см.* **крупный**
мал-о-габари́т-н(ый) 2 *см.* **малый I**
| **малогабари́тн-ость**
широк-о-габари́т-н-ый *см.* **широкий**
4. габиóн
габиóн-н-ый
5. Гавáн(а)
гавáн(-ск-ая сигара)
гавáн-а
6. гáвань
гáван-ск-ий
7. гав-гáв, гав, *звукоподр.*
гáв-ка-ть
гáвк-ну-ть
гáвка-н'j-е [гавканье]
за-гáвкать
по-гáвкать
про-гáвкать
раз-гáвкать-ся

Фрагмент текста «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова.

сти (или непродуктивности) аффикса, о наличии у него алломорфа (см. Морф), выступает ли аффикс в качестве формо- или словообразовательной единицы, к какой основе присоединяется, о стыке морфем, о месте ударения. Идея создания словаря служебных морфем рус. языка принадлежит И. А. Бодуэну де Куртенэ. Первым шагом на пути к созданию такого словаря является включение в толковые словари отдельных морфем (преим. префиксов) в качестве самостоятельных единиц («Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии Наук», т. 1–4, 1847; «Словарь современного русского литературного языка», т. 1–17, 1948–65).

В частотных С. с. списки морфем различных типов (корни, суффиксы, префиксы, флексии) расположены по их убывающей частотности. При этом указываются тип морфемы, принадлежность её к определённой части речи, все её алломорфы с частотностью каждого из них и нек-рые другие сведения. К таким словарям относятся, напр.: Ашенбреннер М. (Aschenbrenner M.), «Russische Wortkunde» (1971) – словарь, содержащий частотные характеристики корней; Штейнфельд Э. А., «Частотный словарь современного русского литературного языка» (1963). Возможны разнообразные С. с., совмещающие черты различных указанных типов. Так, частотные характеристики морфем могут содержаться в разных типах морфемных словарей.

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию и лексикологии, М., 1959; Бодуэн де Куртенэ И. А., Замечания о русско-польск. словаре, в кн.: Лексикографический сб., в. 6, М., 1963; Тихонов А. Н., Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря совр. рус. языка, Самарканд, 1971; Ефремова Т. Ф., О возможных типах т.н. морфемных словарей рус. языка, «Рус. яз. в школе», 1976, № 2; Сороколетов Ф. П., Общая и учебная лексикография. Учебное пособие, Л., 1985

М. С. Михайлова.

Словосочета́ние – синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи – согласования (см.), управления (см.) или примыкания (см.). Грамматически и семантически главенствующее слово составляет стержневой (главный) компонент С., грамматически подчинённое слово – его зависимый (подчинённый) компонент. По стержневому компоненту С. подразделяются на субстантивные (стержневое слово – существительное), адъективные (стержневое слово – прилагательное), глагольные и наречные.

С. служит средством номинации, обозначая предмет, явление, процесс, качество, свойство, названные стержневым компонентом и уточняемые, конкретизируемые зависимым компонентом (*зелёный абажур, читать книгу, весело шагать, очень близко*). Грамматическое значение С. создаётся отношением, к-рое возникает между знаменательными словами, соединяющимися на основе того или иного вида присловной подчинительной связи.

С. строятся по определённым грамматическим образцам, формирующимся в языке на основе категориальных свойств слов. Так, С. типа *зелёный абажур, интересная книга* формируются по модели «имя существительное + согласуемое с ним слово». Способность слова сочетаться с другими словами и формы проявления этой способности

М

1 МА̄(j)
√-й-ø
√-й-к-а
√-й-ник-ø
√-й-ск-ий

2 МА́
√-я́-к-ø
√-я-т-и-ик-ø
√-я-т-н-ик-ов-ый
√-я́-ч-и-ть
√-я́-ч-н-ый
√-я-ч-о́к-ø
за-√-я́-ч-и-ть
по-√-ва́-ть

3 МА́
√-ет-а́
√-ет-н-ый
√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
√-я-н-ье
за-√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
из-√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
на-√-я-ть-ся
от-√-я-ть-ся
пере-√-я-ть-ся
по-√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
про-√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
раз-√-ива-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
раз-√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
с-√-ива-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
с-√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}
у-√-ива-ть-ся
у-√-я-ть^{1},-(ть-ся)^{2}

4 МА (1 ма́н)
об-√-ну́-ть^{1},-(ть-ся)^{2}

Фрагмент текста «Словаря морфем русского языка» А. Н. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой.

зависят не только от грамматических свойств слова (прежде всего от принадлежности слова к той или другой части речи), но и от его лексического значения.

С. бывают свободные и несвободные. В свободном С. сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов; синтаксическая связь его элементов является живой и продуктивной (*читать книгу*). В несвободном С. лексическая самостоятельность одного или обоих его компонентов ослаблена или утрачена и оно всё целиком по характеру значения приближается к отдельному слову (*железная дорога, бить баклуши*). Свободные С. могут быть лексически неограниченными (напр., сочетание полного прилагательного с существительным: *высокий дом*) и лексически ограниченными (напр., глагольные С. с инфинитивом: *начинает работать*, где используются в качестве стержневых фазовые глаголы, глаголы со значением желания и нек-рые др.).

Различаются сильные и слабые подчинительные связи. При сильной связи всегда реализуются восполняющие или объектные отношения; сильная связь возникает в тех случаях, когда распространение слова формами с объектным значением предсказано его лексико-грамматическими свойствами (*стать артистом, почувствовать голод, добраться до дома*). При слабой связи, предопределяемой только частеречной принадлежностью главенствующего слова, реализуются определительные отношения (*долгий разговор, книга брата, встать рано*).

Со структурной точки зрения различаются С. простые, сложные и комбинированные. Простые С. могут быть двучленными, трёхчленными и четырёхчленными. Двучленные С. образуются на основе одиночной связи (*читать книгу, новый дом*). Трёхчленные и четырёхчленные С. образуются на основе двойной и тройной сильной связи (*отдать книгу ученику, перевести книгу с русского на английский*). Трёхчленные С. могут быть также образованы на основе соединения сильной связи и такой слабой связи, к-рая невозможна без сильной (*открыть дверь гостю*). Сложные С. создаются разными типами связи стержневого слова, напр. согласованием и примыканием (*новый жилец наверху*), управлением и примыканием (*быстро выполнить работу*). Комбинированные С. образуются на основе связей, исходящих от разных стержневых слов, и представляют собой, т.о., соединение С. Так, комбинированное С. *увлечённо читать интересную книгу* образовано соединением трёх простых С.: *читать увлечённо, читать книгу, интересная книга*.

С. как единица называющая качественно отлична от предложения как единицы сообщающей: С. лишено основных признаков предложения – синтаксических категорий модальности, времени, лица, интонации сообщения. Вместе с тем С. тесно связано с предложением, поскольку функционирует оно в составе предложения, обнаруживая здесь разные возможности и разные правила своего употребления. В предложении С. может выступать в неизменённом виде или подвергаться различного рода изменениям лексического и формального характера (напр., приобретать дополнительные оттенки значения под влиянием информативного содержания предложения, менять порядок следования компонентов в связи с актуальным членением). С., способные при определённых условиях (морфологические формы, порядок слов, интонация) приобретать предикативность и становиться предложениями, противоположны С., лишённым этой способности (ср., с одной стороны, *письмо брату* и *Письмо – брату*, а с другой – *написать письмо*).

Следует различать С. и сложные слова, образованные сращением (слиянием) двух и более слов, ср. сложные слова, напоминающие по форме С.: *вечнозелёный, долгоиграющий, вышеприведённый* и т.п.

Теория С., вопросы, касающиеся их структурной классификации, взаимоотношения С. и предложения и соответственно границ С., разработаны гл. обр. в отечественной лингвистике. Совр. зарубежные лингвисты понятием «С.» пользуются ограниченно и не используют соответствующего специального термина, применяя в необходимых случаях более широкие по смыслу термины «синтагма» или «фраза». Иногда эти термины употребляются для обозначения достаточно близкого к С. понятия. Так, термин «фраза» определяется как любая группа слов, грамматически эквивалентная отдельному слову и не имеющая собственного подлежащего и сказуемого (Дж. Лайонз).

Мнение о необходимости разграничивать предложение и С. высказывалось многими учёными (особенно чётко этот вопрос поставлен А. А. Шахматовым и Л. В. Щербой), но получало противоречивое разрешение. Предложение и С. рассматривались в одном ряду (ср., напр., законченные и незаконченные С. у Ф. Ф. Фортунатова, предикативные и непредикативные синтагмы у Н. С. Трубецкого, полные и частичные синтагмы у Ш. Балли). В нек-рых классификациях к С. (синтагмам) относились однословные конструкции (А. М. Пешковский), сочинительные соединения (Трубецкой).

Последовательное разграничение предложения и С., чёткое определение границ С. даны в работах В. В. Виноградова и других учёных, развивающих его теорию (Н. Н. Прокоповича, Н. Ю. Шведовой и др.). Существенные уточнения в понимании границ между С. и предложением были сделаны Д. Н. Шмелёвым.

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Ярцева В. Н., Предложение и словосочетание, в кн.: Вопросы грам-

матического строя, М., 1955; Курилович Е., Основные структуры языка: словосочетание и предложение, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Прокопович Н. Н., Словосочетание в совр. рус. лит. языке, М., 1966; Виноградов В. В., Вопросы изучения словосочетаний, в его кн.: Исследования по рус. грамматике, М., 1975; Шмелёв Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Слово и словосочетание в структуре предложения, М., 1981; Словарь сочетаемости слов рус. языка, под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, 2 изд., М., 1983. *Л. Е. Лопатина.*

Словотво́рчество – процесс создания новых слов национального языка, пополнение словаря национального языка новыми словами, создаваемыми носителями языка с применением различных нормативных (см. Норма языковая) и индивидуальных средств словообразования (см.). В фактах С. и словопреобразования (изменения значений слов в речи) проявляется потребность в выходе за рамки стандартного словаря. Её испытывают прежде всего художники слова. Так, глубокое погружение в стихию С. может быть связано с особыми типами повествования. Напр., у М. Е. Салтыкова-Щедрина авторские неологизмы (см.) имеют яркую сатирическую окраску, у Н. С. Лескова произведениям, написанным в сказовой манере, они придают особый колорит, пестроту, весёлость, у Н. В. Гоголя неологизмы вообще представлены очень широко в произведениях разных жанров и стилей (см.). Однако в нек-рых индивидуально-авторских стилях в художественных произведениях С. практически отсутствует, ср. незаметный авторский неологизм в поэме А. А. Блока «Двенадцать»: «*Оплечь ружейные ремни*». Но и обычные субъекты разг. и устной публичной речи, профессионального общения (см. Профессионализмы), носители жаргонов (см.) и т.п. более или менее свободно прибегают к С. Роль С. заметна в публицистике, критике и смеховой культуре, в истории терминологии, поэтической ономастике (см.), напр.: *Болконский* у Л. Н. Толстого, *Некричихвостов* у раннего А. П. Чехова, *Колоколамск* у И. Ильфа и Е. Петрова. Образцы детского С. представлены в книге К. И. Чуковского «От двух до пяти» (21 изд., 1970).

Цели и задачи С. могут быть различными. Нередко, особенно у поэтов (и в «прозе поэтов»), оно приобретает характер художественного миротворчества, «эстетической гносеологии» (Д. С. Лихачёв), напр. у А. Белого. В отличие от него, броские окказионализмы (см.) В. В. Маяковского обычно решают конкретную художественную задачу данного текста. Независимо от того, насколько широко тот или иной автор пользуется приёмами С., различные стили языка сохраняют и используют авторские неологизмы; напр., в языке художественной лит-ры находим эпатажные словечки типа *еуы* или *элюстра* А. Е. Кручёных, в публицистическом языке – слова *коммуноид* или *чегоугодничать* Р. В. Иванова-Разумника, а общелит. язык обогащается находками вроде слов *бездарь* И. Северянина или *заумь* (авторство принадлежит кругу футуристов).

Совр. проблемы С. наглядны в спорах вокруг творчества В. Хлебникова, идей А. И. Солженицына, практики рус. публицистики 80–90-х гг. 20 в. Культура С. у В. Хлебникова связана как с тем, что он запрещает себе использование греко-лат. корней (не абсолютно) и предлагает, напр., *Международник* вместо *Интернационала, наимал* вместо *атома*, так и с идеологией (*творяне, сынечество, вольшевик, Главздрасмысел, лгавда, Ладомир, Зангези* из слов *Ганг* и *Замбези, предземшары, любеса* и др.), а также с общей логикой хлебниковского С. (*бобэоби, смеярышня, крылышкуя, золотописьмо, вружба, нехотяи* и др.). Его *смехач*, уже встречавшийся ранее у А. М. Ремизова, но активно употреблявшийся именно Хлебниковым, дал в 20-х гг. название юмористическому журналу, *воум* – журналу верлибристов (поэтов, пишущих свободным стихом), к-рый выходит в 90-х гг. 20 в., а *Ладомир* в эти же годы – моск. научно-издательскому центру. С. у Солженицына тесно связано с просторечием (см.) и диалектным С. (см. Диалектизмы); как правило, трудно утверждать, что слова типа *образованщина, недокурок, безжирная* (каша) и т.п. придуманы им, а не взяты готовыми в духе его идеи «Русского словаря языкового расширения» (1990) из словаря В. И. Даля или у других авторов (по мнению Солженицына, расширение словаря возможно за счёт забытых или полузабытых слов из истории или диалектов рус. языка). Перестроечная и постперестроечная публицистика и лит. критика 80–90-х гг. 20 в. перенасыщены С. на базе морфем зап.-европейских языков: *прихватизация, реабилитанс, амбициоз, демобратия, нашизм, ивангардизм* и т.п.; но ср. *Свестер* Г. Д. Гачева, *катастройка, начхальство, оболживеть* и т.д., созданные на базе морфем рус. языка.

Лит.: Винокур Г. О., Маяковский – новатор языка, М., 1943; Земская Е. А., Как делаются слова, М., 1963; Панов М. В., О членимости слов на морфемы, в кн.: Памяти акад. В. В. Виноградова, М., 1971; Лопатин В. В., Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования, М., 1973; Александрова О. И., Рус. поэтическое словотворчество: организация плана выражения, в кн.: Художественная речь, Куйбышев, 1980; Григорьев В. П., Словотворчество и смежные проблемы языка поэта, М., 1986; его же, К эстетике неологизма, в кн.: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах, М., 1987; Винокур Т. Г., С Новым годом, шестьдесят вторым..., «Вопросы лит-ры», 1991, № 11–12; Кожевникова Н. А., Язык Андрея Белого, М., 1992; Улуханов И. С., Окказиональные чистые способы словообразования в совр. рус. языке, «Изв. АН Сер. ЛиЯ», 1992, т. 51, № 1; его же, Окказиональные смешанные способы словообразования в совр. рус. языке, там же, № 3; Перцова Н., Словарь неологизмов Велимира Хлебникова, Вена–М., 1994; Vroon R., Xlebnikov's shorter poems: A key to the coinages, Ann Arbor, 1983. *В. П. Григорьев.*

Словоупотребле́ние – выбор и употребление слов в речи, а также правила и закономерности такого выбора с точки зрения литературных норм и эффективности коммуникации. Лит. нормы С. определяются правильным (семантически точным, стилистически уместным) выбором слова, а также грамматически и стилистически правильной сочетаемостью слов.

Нарушения норм С. могут быть связаны со смешением в употреблении однокоренных слов, близких по значению и сфере употребления, но разных по образованию (напр.: *объёмный – объёмистый, логичный – логический, нарочно – нарочито, нетерпимый – нестерпимый*; см. Паронимы). Смешиваются близкие по сфере употребления, но не полностью совпадающие по значению слова (см. Синонимы), различающиеся обычно своими синтаксическими связями Неправильно, напр., *педагог русского языка* вместо *учитель русского языка*. Часто не учитывается сниженная (разг., прост., диалектная и т.п.) окраска одного из синонимов и, напротив, высокая (торжественная, поэтическая и т.п.) окраска другого. Напр.: *работать – трудиться, жена – супруга, построить – воздвигнуть, группа – плеяда, думать – мыслить, заиметь – достать, получить*.

Нарушение норм С. может быть также связано с употреблением в определённой речевой ситуации слов или средств иного функционального стиля; напр., в нейтральной речи неуместны официальные и книжно-канцелярские слова: *проживать* (вместо *жить*), *прибыть* (вместо *приехать, прийти*), *вручить* (вместо *дать, преподнести*).

Многие ошибки С. связаны с забвением буквального значения редких или устарелых слов (*деверь, шурин, вечор, изустный, одномоментный*), а также с неправильным употреблением заимствованных слов (*кавалькада, регион, аншлаг, эпицентр, армада, экстремальный*).

Нарушения закономерностей сочетаемости слов приводят к избыточным (тавтологическим) сочетаниям (*очень громадный, житница зерна, вздёрнутый кверху*). Особенно много таких сочетаний возникает при неверном использовании заимствованных слов (*памятный сувенир, промышленная индустрия, хронометраж времени, прейскурант цен*). Правда, в «уточняющих» конструкциях нек-рые из подобных словосочетаний допустимы: *хронометраж рабочего времени, прейскурант розничных* (или *оптовых*) *цен*. При употреблении устойчивых, фразеологических оборотов ошибки связаны с искажениями, неправомерными заменами компонентов фразеологизма (напр.: *пока суть да дело* вместо *пока суд да дело*; *играть главную скрипку* в чём-н. вместо *играть первую скрипку*), а также с контаминацией – совмещением двух близких по конструкции оборотов в одном (напр.: *играть значение* вместо *играть роль* или *иметь значение; львиная часть* вместо *бóльшая часть* или *львиная доля*).

Языковая культура в области С. предполагает владение не только лексическими или фразеологическими нормами, но и чистоту речи: свободу её от диалектизмов, жаргонизмов, профессионализмов (узкого употребления), штампованных выражений, канцеляризмов и ненужных иноязычных заимствований. Кроме того, она предполагает богатство словарного запаса говорящих и пишущих, умение пользоваться смысловыми и стилистическими ресурсами языка.

Неточности и ошибки С. используются для характеристики персонажа в языке художественной лит-ры и публицистики (обычно с «нормативными» комментариями других персонажей или самого автора).

Лит.: Крысин Л. П., Скворцов Л. И., Правильность рус. речи. Словарь-справочник, 2 изд., М., 1965; Максимов В. И., Точность и выразительность слова, Л., 1968; Трудности словоупотребления и варианты норм рус. лит. языка. Словарь-справочник, Л., 1973; Словарь синонимов. Справочное пособие, под ред. А. П. Евгеньевой, Л., 1976; Скворцов Л. И., Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению, 2 изд., М., 1983; его же, Культура рус. речи. Словарь-справочник, М., 1995; Калинин А. В., Культура рус. слова, М., 1984; Брагина А. А., Синонимы в лит. языке, М., 1986; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А., Словарь трудностей рус. языка, 6 изд., М., 1987; Словарь рус. лит. словоупотребления, К., 1987; Бельчиков Ю. А., Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения, М., 1988; Колесов В. В., Культура речи – культура поведения, Л., 1988; Горбачевич К. С., Нормы совр. рус. лит. языка, 3 изд., М., 1989; Трудности рус. языка. Словарь-справочник журналиста, под ред. Л. И. Рахмановой, 2 изд., М., 1994; Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С., Словарь паронимов совр. рус. языка, М., 1994.

Л. И. Скворцов.

Словофо́рма – слово (лексема) в некоторой грамматической форме (в частном случае – в единственно имеющейся у слова форме), напр.: *сад, садами, белый, белую, пишет, вчера*. С. – двусторонняя единица. Её внешняя сторона – это последовательность фонем с указанием места ударения (в рус. языке). Внутренняя сторона – это значение, как правило, сложное, т.е. состоящее из нескольких элементарных значений. Всякая С. обладает нек-рыми синтаксическими свойствами, т.е. способностью определённым образом сочетаться с другими С. при построении фразы. Совокупность синтаксических характеристик С. образует её «синтактику». Строго говоря, синтактика не входит во внутреннюю сторону С. Однако связи между синтаксическими характеристиками и элементами значения столь многочисленны и сложны, что традиционно эти два аспекта С. рассматриваются вместе (т.е. внутренняя сторона С. понимается в расширительном смысле – как включающая и синтаксические характеристики). Две внешне различные С., у к-рых внутренняя сторона совпадает, называются вариантами друг друга, напр.: *водой* и *водою*. С

другой стороны, возможна омонимия С., напр.: *попугай* (сущ.) и *попугай* (глагол), *рыбы* (род. п. ед. ч.) и *рыбы* (им. п. мн. ч.). Совокупность всех С. слова (лексемы) образует парадигму данного слова.

В отечественном языкознании теория С. разрабатывалась А. И. Смирницким, развивавшим взгляды Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, В. А. Богородицкого. Он различал в содержательной структуре С. три момента: индивидуализирующий (лексический), выражаемый корнем слова, типовой (конкретно-грамматический) и собственно формальный (обобщённая грамматическая форма), выражаемые, напр., окончанием в С. *городоо*. В части лингвистических работ, особенно зарубежных, С. именуется просто словом (т.е. значение термина «С.» рассматривается как часть возможных значений термина «слово»).

А. А. Зализняк.

Слог – сочетание слогообразующего элемента (обычно гласного) с одним или несколькими неслогообразующими элементами – согласными. При фонетической интерпретации этого определения С. понимается как минимальная единица речевого потока, при этом исследователи обращают внимание на разные аспекты – нек-рые преим. толкуют его как произносительную единицу, другие – как акустическую. С точки зрения артикуляции С. определяется как минимальная произносительная единица, т.е. такая комбинация артикуляций, к-рые объединены одним дыхательным толчком (Р. Стетсон), единым импульсом мускульного напряжения (Л. В. Щерба) или одной управляющей командой из речевых зон коры головного мозга (Л. А. Чистович и др.). При акустическом подходе С. определяют как волну нарастания и ослабления звучности (О. Есперсен, Р. И. Аванесов). Существуют и попытки объединить эти аспекты слоговой организации. При любом подходе вершиной С. считается гласный, являющийся слогообразующим, центральным элементом, а согласные характеризуются как периферийные элементы. Случаи, когда согласные могут быть слогоносителями, отмечаются в фонетической лит-ре специально («слоговые согласные»).

Трудности изучения С. связаны с тем, что в языках фонемного строя, в т.ч. и в русском, он не соотносится с к.-л. значимыми единицами, а выявляется на основе достаточно неопределённых фонетических характеристик. Эта неопределённость, невозможность зафиксировать признаки С. как фонетического целого дали повод нек-рым учёным вообще считать С. «фикцией» (О. фон Ессен). В противоположность фонетическому С. была выдвинута идея о фонологическом С., т.е. такой минимальной единице, к-рая характеризует возможности сочетаемости фонем в данном языке. Нужно отметить, что чисто фонологические операции со С. как рамкой, характеризующей сочетаемость фонем, возможны лишь на материале односложных слов. При анализе многосложных слов исследователи вынуждены прибегать к различным фонетическим критериям для определения того, к какому С. в слове относится та или иная фонема (напр., ясно, что в слове *шерсть* все согласные, окружающие гласный, образуют один С. с ним, однако вопрос о том, как они распределяются по С. в словах *шерстяной* или *шёрстка*, решается на основе фонетических критериев).

Понимание С. как сочетания гласного с одним или несколькими согласными широко распространено в фонетической лит-ре и отражается в терминологии: С., кончающиеся гласными, называют о т к р ы т ы м и (*ты, сто, три*), кончающиеся согласными – з а к р ы т ы м и (*он, душ, их*); если С. начинается согласным, он считается п р и к р ы т ы м, если же он начинается гласным, то он – н е п р и к р ы т ы й. Т. о., *и* – открытый неприкрытый, *мы* – открытый прикрытый, *ум* – закрытый неприкрытый, *вам* – закрытый прикрытый С. Как видно из приведённых примеров, собственно фонетические свойства С. здесь не рассматриваются – это только описание фонемного состава слогов

Однако существует целый ряд фактов, к-рые не позволяют согласиться с отрицанием фонетической реальности С. даже до научного анализа проблемы: ритмическая структура С., являющаяся одним из важнейших его признаков, по существу,– результат специальной организации безударных С. вокруг ударного (см. Ударение); практика стихосложения также связана с определённым чередованием ударных и безударных С. или даже с повторением одного и того же количества С. в стихе; слоговая последовательность может опознаваться и имитироваться даже в том случае, когда сегментный уровень (звуки) не несёт никакой информации, наконец, дети при овладении родным языком очень часто начинают с повторения ритмической структуры новых слов, даже если неспособны произнести все сегментные единицы.

Среди всех возможных комбинаций гласного с окружающими согласными особое положение занимает открытый С.; преобладание открытых С. в речи, исторически обусловленное влиянием закона открытого С., характерно не только для лит. языка, но и для диалектов [«разгрузка речевой цепи» за счёт упрощения групп согласных, приводящего к образованию последовательности открытых С., о к-ром пишет Р. Ф. Пауфошима (Касаткина), и появление гласных вставок в сочетаниях шумного с сонантом, приводящее к появлению дополнительных открытых С., необходимых для поддержания консонантности сонантов, о чём пишет Л. Э. Калнынь]. При экспериментальных исследованиях слоговой ор-

ганизации обнаруживается, что именно в пределах открытого С. наблюдается максимальная слитность всех его элементов. Так, в С., содержащем огублённый гласный *о* или *у*, движение огублённости (округление и выпячивание губ) начинается одновременно с началом артикуляции первого согласного в С., а иногда и предвосхищает его; опускание нижней челюсти, обязательное при артикуляции *а*, также начинается с началом артикуляции первого согласного в С. Сравнение С. типа *ту, сту* и *ус, уст* показывает, что связанность гласного со следующими за ними согласными очень слаба, огублённость не распространяется далее гласного, так что слова *ус* и *уст* можно представить как комбинации *у-с* или *у-ст*, а не как целостные произносительные единицы. Именно к открытому С. можно отнести определение, в соответствии с к-рым С. задаётся единой произносительной командой из центра, управляющего артикуляционными движениями (см. об этом в кн. «Речь. Артикуляция и восприятие» Л. А. Чистович и др., 1965).

Подход к С. как к волне сонорности (звучности) основан на том, что все звуки обладают различной собственной громкостью: наиболее звучными являются гласные (самый звучный – гласный нижнего подъёма неогублённый *а*, менее звучные – гласные среднего подъёма *е* и *о*, наименее звучные – гласные верхнего подъёма *и, ы, у*), затем следуют сонанты (от наиболее звучных плавных *л, л'* и дрожащих *р, р'* к наименее звучным носовым *м, м', н, н'*), затем звонкие щелевые согласные, звонкие взрывные, глухие щелевые и глухие взрывные. Т. о., каждый С. содержит один наиболее сонорный элемент – гласный – и один или несколько менее сонорных. Функция С. при этом – обеспечение плавной волны сонорности для удобства восприятия непрерывной звуковой последовательности (см. Слогораздел).

Интересующая фонетистов связь С. с дыхательными движениями не подтверждается экспериментальными данными, к-рые показывают, что число дыхательных толчков при произнесении слова не обязательно совпадает с числом С. в нём.

Экспериментальные исследования слоговой организации на материале рус. языка показали, что в пределах открытого С. реализуются такие свойства входящих в него элементов, к-рые являются полезными признаками для идентификации этих элементов при самых значительных изменениях фонетических характеристик компонентов С. Эти свойства – слоговые контрасты – зависят как от качества сочетающихся гласных и согласных, так и от положения С. по отношению к ударению.

Лит.: Аванесов Р. И., О слогоразделе и строении слога в рус. языке, «ВЯ», 1954, № 6; Щерба Л. В., Фонетика франц. языка, 7 изд., М., 1963; Речь. Артикуляция и восприятие, М.–Л., 1965; Бондарко Л. В., Структура слога и характеристики фонем, «ВЯ», 1967, № 1; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, 2 изд., М., 1979; Пауфошима Р. Ф., Фонетика слова и фразы в севернорус. говорах, М., 1983; Калнынь Л. Э., Вставные гласные как обеспечение консонантности звуковых цепей в рус. диалектах, в кн.: Проблемы фонетики, М., 1993.

Л. В. Бондарко.

Слогоразде́л – граница между слогами, следующими друг за другом в речевой цепи. Сложности при определении С. связаны с отсутствием единого понимания сущности слога (см.), а также с отсутствием чётких критериев, на основании к-рых можно говорить о месте межслоговой границы. Фонетическая невыраженность такой границы при субъективном наблюдении приводит нек-рых исследователей к мысли о том, что слогораздела в рус. языке не существует (С. В. Кодзасов), однако существует и другая точка зрения. Если понимать слог как произносительную единицу, все элементы к-рой задаются одной управляющей командой, сам поиск С. необходим для понимания стратегии порождения высказывания, а возможные изменения в расположении С. могут нести информацию об изменении этой стратегии в разных условиях порождения речи. Разработка теории С.– одно из необходимых условий понимания сущности многих фонетических процессов и правил дистрибуции фонем; кроме того, такие данные необходимы при обучении фонетике, при восстановлении речи у людей с её нарушениями, а также в т. н. «речевых технологиях» (автоматическое распознавание, синтез речи и т. д.).

Существующие определения слога дают различные основания для определения места слоговой границы. Наиболее распространёнными являются две теории С. Обе они базируются на том, что для рус. языка характерно тяготение к открытому слогу, а различия между ними обусловлены пониманием тех факторов, к-рые управляют С. Теория Р. И. Аванесова базируется на понимании слога как волны сонорности и может быть сформулирована в виде ряда правил: при последовательности СГСГСГ (С – согласный, Г – гласный) С. проходит между гласным и следующим согласным (*мо-ло-ко, по-мо-гу* и т. д.). Когда между гласными оказывается сочетание двух или более согласных – СГССГ, СГСССГ и т. д., то при общей тенденции к образованию открытого слога должен учитываться закон восходящей звучности, в соответствии с к-рым в рус. языке в любом неначальном слоге слова звучность (сонорность) обязательно возрастает от начала слога к его вершине – гласному. По собственной звучности Аванесов различает три большие группы – гласные, сонанты и шумные согласные, так что в неначальном слоге запрещёнными оказываются последовательности «сонант + шумный согласный»: невозможно деление на слоги *су + мка* (во втором слоге нарушен закон восходящей звучности, т. к. *м* более сонорен, чем *к*), нужно делить

сум-ка, но *ко-шка* (оба согласные – шумные и не различаются по звучности, поэтому их сочетание в одном слоге не препятствует тенденции к образованию открытых слогов).

Правила Аванесова отличаются простотой и логичностью, но нек-рые исходные положения спорны: во-первых, противопоставление начальных слогов неначальным не очень обосновано, т. к. традиционно считается, что сочетания, возможные в начале слова, возможны и в начале слога внутри слова. В начальных же слогах сочетания сонантов с шумными встречаются – *льдина, ржавый, ртуть* и т. д. Само разбиение звуков на три группы по звучности не учитывает реальной звучности – в «разрешённом слоге» *-шка* (*ко-шка*) на самом деле согласный [*ш*] более звучен, чем [*к*], так что и здесь закон восходящей звучности нарушен.

Теория С., сформулированная Л. В. Щербой, учитывает влияние ударения на слогоделение. Понимая слог как единицу, характеризующуюся единым импульсом мускульного напряжения, Щерба считает, что С. проходит в месте наименьшего мускульного напряжения, а оно в последовательности СГССГ зависит от места ударного гласного: если ударным является первый гласный, то следующий за ним согласный является сильноначальным и примыкает к этому гласному, образуя закрытый слог (*шап-ка, кош-ка*); если же ударным является второй гласный, то оба согласных отходят к нему в связи с действием тенденции к образованию открытых слогов (*ка-пкан, ко-шмар*). Сонанты, однако, примыкают к предшествующему гласному, даже если он безударный (и это также сближает теории Аванесова и Щербы). Использование сведений об ударности при определении места С. кажется перспективным с общефонетической точки зрения, однако до настоящего времени нет достаточно чётких определений фонетической сущности «импульса мускульного напряжения», лежащего в основе щербовской теории С.

К числу спорных и сложных вопросов относится и вопрос о соотношении слоговых и морфемных границ: с одной стороны, морфемная граница не препятствует С. в случаях типа *до-ма, ра-зу-мный,* однако в ряде случаев как бы ощущается влияние морфемного членения на слоговое. Обращение к языковой интуиции носителей языка показывает, что морфемные границы могут существенно влиять на результат сознательного разбиения слова на слоги. Однако нужно иметь в виду, что С. не устанавливается сознательно, а является своеобразным речевым механизмом, зависящим в первую очередь от свойств слога как минимальной произносительной единицы. Экспериментально-фонетические исследования показали, что и артикуляционно, и акустически речь может быть представлена как последовательность открытых слогов – т. е. что до сих пор сохранился тот механизм речепроизводства, к-рый был и до падения редуцированных. Независимо от качества сочетающихся согласных, места ударения и положения морфемного шва возникает цепь открытых слогов: *па-лку* и *по-лку, па-сту* и *по-сту;* даже межсловная граница не является препятствием для такого членения: *но-*[*чу*]*-жа-са* (*ночь ужаса*).

Т. о., говоря о С., имеют в виду три разных явления: во-первых, правила, сформулированные на основе определённой теории (напр., правила Аванесова или правила Щербы),– обращаясь к ним, нужно помнить об их произвольности; во-вторых, т. н. интуитивное членение, при к-ром испытуемый руководствуется достаточно неопределёнными субъективными ощущениями, основанными как на собственно фонетических свойствах слога, так и на том, какой удельный вес придаёт данный испытуемый морфологическим факторам, частоте появления тех или иных сочетаний в речи и т. д. Наконец, существуют механизмы С., в соответствии с к-рыми образуется последовательность открытых слогов при производстве речи. Отклонения от универсального механизма должны исследоваться специально и могут свидетельствовать о глубинных процессах перестройки произносительной программы под влиянием различных факторов.

Лит.: Бондарко Л. В., Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи, Л., 1981; её же, Слог: правила, интуиция, механизмы, в кн.: Функциональная просодия текста. Сб. научных тр. МГИИЯ им. М. Тореза, в. 201, М., 1982. См. также лит. при ст. Слог. *Л. В. Бондарко.*

Сло́жное предложе́ние – синтаксическая единица, состоящая из двух (и более) связанных между собой содержательно и формально частей, каждая из к-рых обладает категорией предикативности (см.). Всё С. п. в целом характеризуется как полипредикативная единица, в отличие от простого предложения, представляющего собой монопредикативную единицу. Будучи всегда полипредикативной структурой, С. п. не всегда полипропозитивно, т. е. в форме С. п. может быть заключена и всего одна пропозиция, или одна «ситуация» (одно «событие») объективной действительности. Ср.: *Что касается конференции, то она будет проходить в Москве = Конференция будет проходить в Москве.*

Части С. п. соединяются в целостную синтаксическую единицу на основе одного из видов синтаксической связи. С. п., образованные на основе сочинительной связи (см. Сочинение), называются сложносочинёнными предложениями (см.); С. п., образованные на основе подчинительной связи (см. Подчинение),– сложноподчинёнными предложениями (см.). В нек-рых случаях провести разграничение между сложносочинённым и сложноподчинённым предложением не удаётся, поскольку в сфере С. п. отсутствует резкая граница между сочинительной и подчинительной свя-

зью (*Хотя уже давно стемнело, но люди не расходились; Стоило пройти небольшому дождю, и всё преобразилось; Стоило пройти небольшому дождю, как всё преобразилось*).

Основными средствами связи между частями С. п. являются союзы (*Он обещал мне, что придёт; Он пришёл, когда мы уже уходили*) и союзные слова, в роли к-рых выступают относительные местоимения (*Я не расслышал, что он произнёс; Надо спросить, когда приходит поезд*).

Помимо союзов и союзных слов, в С. п. функционируют и другие средства связи. Среди дополнительных средств связи прежде всего выделяются т. н. лексические конкретизаторы союзов, т. е. разного рода лексические элементы (гл. обр. наречия, частицы), к-рые уточняют, конкретизируют широкое значение нек-рых союзов, напр. *и, а, но* (*Мне там не понравилось, и поэтому я ушёл; Мне не хотелось двигаться, но я всё-таки встал; Отец молчал, и мать тоже молчала*). Развитие у лексических элементов связующей функции приводит к тому, что они оказываются способными самостоятельно (без участия союзов) оформлять С. п., становясь, т. о., аналогами союзов (*Отец молчал, мать тоже молчала*). В качестве дополнительных средств связи в оформлении С. п. участвуют также местоимения, частицы и другие слова, коррелирующие так или иначе с основными союзными средствами (*Было так жарко, что трудно было дышать; Здесь нужен такой человек, который умеет ладить с людьми; Он слишком простодушен, чтобы лгать; Всё кончилось тем, что завод пришлось закрыть*).

В рус. языке существуют С. п., построенные по т. н. фразеологизированным схемам. Эти С. п. характеризуются наиболее тесной связью между частями. В одной из частей такого С. п. имеется союз, в другой – семантически опустошённый (полностью или частично) лексический элемент, являющийся структурно обязательным для построения С. п. (*Не успел он проснуться, как сразу потребовал завтрак; Стоит только пробежать лёгкому ветерку, и лепестки осыплются*).

С точки зрения соотношений грамматической и смысловой структур, в С. п. иногда наблюдается явление асимметрии. Это имеет место в тех случаях, когда благодаря имплицитным смыслам количество смысловых частей в С. п. оказывается бо́льшим, чем количество грамматических частей. Ср.: *Музыкальная одарённость Скрябина обнаружилась очень рано, но музыкальная одарённость вообще проявляется рано* и *Музыкальная одарённость Скрябина обнаружилась очень рано, но в этом нет ничего удивительного (это и не удивительно), потому что музыкальная одарённость вообще проявляется рано; Я расстроился больше, чем если бы он сделал прокол в шофёрских правах* и *Я расстроился больше, чем расстроился бы, если бы он сделал прокол в шофёрских правах*.

Совр. научные классификации С. п. построены по структурно-семантическому принципу, т. е. в основу классификации положены и структурные, и семантические признаки С. п.

В речи представлены как С. п. с минимальным для данного типа количеством частей, так называемые С. п. минимальной конструкции (*Экспедиция закончилась, и все её участники возвратились домой*), так и С. п. усложнённого типа, представляющие собой объединение минимальных конструкций С. п. (*Нам сообщили, что экспедиция закончилась и что все её участники возвратились домой*).

Наряду со С. п., оформленными с помощью союзов и союзных слов, существуют также полипредикативные построения, оформленные бессоюзно. В совр. синтаксической науке нет единства в ответе на вопрос о том, как квалифицировать соединение двух (и более) предикативных единиц в одно целое без участия союзных средств: как бессоюзное С. п. или бессоюзное соединение предложений, рассматривая при этом последнее как единицу уже текстового уровня. Исключение бессоюзных полипредикативных конструкций из состава С. п. и присвоение им особого статуса бессоюзного соединения предложений обосновывается тем, что эти конструкции характеризуются отсутствием эксплицитно (вербально) выраженного структурного показателя связи. Включение бессоюзных полипредикативных построений в класс С. п. опирается на признание других грамматических средств (в первую очередь интонации и порядка слов) показателями специфической синтаксической связи, функционирующей в сфере С. п., недифференцированной, однако, по линии сочинение – подчинение.

Лит.: Поспелов Н. С., О грамматической природе сложного предложения, в кн.: Вопросы синтаксиса совр. рус. языка, М., 1950, Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956, Белошапкова В. А., Сложное предложение в совр. рус. языке, М., 1967; её же, Совр. рус. язык. Синтаксис, М., 1977; Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Совр. рус. язык. Синтаксис сложного предложения, М., 1969; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Кручинина И. Н., Нек-рые тенденции развития совр. теории сложного предложения, «ВЯ», 1973, № 2; Колосова Т. А., Рус. сложные предложения асимметричной структуры, Воронеж, 1980; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Черемисина М. И., Колосова Т. А., Очерки по теории сложного предложения, Новосиб., 1987; Рус. грамматика, М., 1990.

С. А. Шувалова.

Сло́жное сло́во – слово, имеющее более чем одну мотивирующую основу (см. Основа) и не совпадающее, в отличие от слов-сращений (см. Сращение), по своему морфемному составу с синонимичным словосочетанием; ср. *торфоразра́ботка* и *разработка торфа*. Это С. с. содержит две мотивирующие основы: *торф-* и *-разработк-*; слово *слепоглухонемой* – три мотивирующие основы: *слеп-*, *-глух-* и *-нем-*. Последняя из моти-

вирующих основ С. с. вместе с окончанием образует его главный (опорный) компонент, равный самостоятельному слову: *первоисточник* (ср. *первый источник*). Остальные мотивирующие основы (компоненты) в составе С. с. выступают без окончаний, ср. *зимостойкий*, в к-ром компонент *зим-* выступает без окончания *-а* (*зима*). С. с. имеют одно главное ударение, преим. на опорном компоненте: *первоисто́чник, полуоберну́ться*. Между мотивирующими основами С.с. чаще всего находятся соединительные морфемы (интерфиксы; см. Морфема): *-о-* (к-рая после мягких и непарных твёрдых согласных на письме обозначается буквой *е*, напр.: *лесостепь*, но *сине-зелёный, птицефабрика*), реже *-у-* (*двучлен, полукруг*), *-и-* (*сахариметр*) и нек-рые другие.

По смыслу компоненты С.с. могут находиться между собой в сочинительных или подчинительных отношениях. С.с. с сочинительными отношениями компонентов обозначают единые понятия или признаки, представляющие собой простые соединения понятий или признаков, названных компонентами С.с.: *лесостепь, северо-запад, лесопарк, бело-розовый, научно-технический* и т. п. Сочинительные отношения между компонентами С. с. подобны сочинительным отношениям между словами (ср.: *лес* и *степь, север* и *запад, белый* и *розовый*).

С. с. с подчинительными отношениями компонентов означают понятие, признак, действие, обозначенные опорным компонентом и уточнённые, конкретизированные предшествующим компонентом (компонентами): *лесозаготовки, сухофрукты, полуобернуться*. Подчинительные отношения между компонентами С. с. подобны подчинительным отношениям между словами (ср.: *заготовки леса, сухие фрукты*).

С. с. особенно широко представлены среди существительных и прилагательных. Сложные глаголы образуют лишь два продуктивных словообразовательных типа: глаголы с основой числительного *пол*(*у*)- и местоименного прилагательного *сам*(*о*)- в качестве первого компонента (*полузакрыть, самовоспламениться*).

Более чем одну мотивирующую основу могут иметь также слова, образованные посредством сложения мотивирующих основ с участием суффиксации (*разн-о-языч-ный*), префиксации (*у-мир-о-тво-рить*), префиксации и суффиксации одновременно (*по-вс-е-мест-н-ый*).

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию и лексикологии, М., 1959; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Земская Е. А., Совр. рус. язык. Словообразование, М., 1973; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Тихонов А. Н., Словообразовательный словарь рус. языка, т. 1–2, 2 изд., М., 1990 *И. С. Улуханов.*

Сложноподчинённое предложе́ние – тип сложного предложения (см.), образованного на основе подчинительной синтаксической связи (см. Подчинение). Грамматически независимый компонент С. п. называется главной частью (см. Главное предложение), грамматически зависимый компонент – придаточной частью (см. Придаточное предложение). В качестве средств связи в С. п. используются подчинительные союзы (см. Союз) и союзные слова (см.). В основу совр. научных классификаций С. п. положен структурно-семантический принцип, что обусловливает учёт и структурных, и семантических характеристик С. п.

Среди С. п. различаются предложения нерасчленённой структуры (нерасчленённые) и предложения расчленённой структуры (расчленённые). В нерасчленённых С. п. придаточная часть «прикреплена» к к.-л. одному слову главной части (глаголу, существительному, прилагательному, наречию или компаративу). Связь между главной частью и придаточной в нерасчленённых С. п. носит присловный характер: *Мы живём в* д о м е, *который был построен в прошлом веке; От деда я* у з н а л, *что мои предки жили в Сибири*. Слово в главной части, к к-рому относится придаточная часть, называется опорным компонентом. В расчленённых С. п. придаточная часть соотносится со всей главной частью в целом, связь между придаточной частью и главной имеет неприсловный характер: *Когда я родился, наша семья жила на Урале; Пока ты будешь писать письмо, я соберу вещи*.

В предложениях нерасчленённой структуры наблюдается два вида подчинительной связи: союзная и местоименная. Для оформления нерасчленённых С. п. используются синтаксические (асемантические) союзы (*что* и др.) и союзные слова (*который, кто, где* и др.). Синтаксические союзы лишены лексического значения и указывают лишь на субординационный характер связи между частями. Ср.: *Я не думаю, что он этого не знает; Я не думаю, чтобы он этого не знал*.

По характеру смысловых отношений между частями тип нерасчленённых С.п. с союзной связью разделяется на изъяснительные (*Я верю, что всё будет хорошо*), определительные (*Погода такая, что невозможно усидеть дома*) и сравнительные (*Мороз оказался сильнее, чем мы предполагали*). Нерасчленённые С. п. с местоимённой связью делятся на предложения с местоименно-вопросительной связью частей (*Расскажи мне, как ты живёшь*) и с местоименно-относительной связью частей (*Из дому не было никаких известий, что меня очень тревожило; Комната, в которую нас поселили, была тёплой и светлой*).

Для оформления расчленённых С. п. используются семантические союзы. Семантические союзы (*если, когда* и др.) обладают определённым лексическим значением и поэтому способны обозначать смысловые отношения, в к-рых находятся

части С. п. Ср.: *Я помогу тебе, если это понадобится; Я помогу тебе, когда это понадобится.*

Тип расчленённых С. п. включает в себя предложения, выражающие: временны́е отношения (*Когда лето кончилось, мы переехали в город*); условные отношения (*Если завтра будет хорошая погода, поедем за город*); причинные отношения (*Вода в реке поднялась, потому что в горах прошли сильные дожди*); уступительные отношения (*Несмотря на то, что прошла гроза, в городе по-прежнему душно*); целевые отношения (*Я пришёл к вам, чтобы договориться о встрече*); отношения следствия (*Лифт не работает, так что придётся подниматься пешком*); сравнительные отношения (*Я с нетерпением ждал встречи с морем, как дети ждут праздника*); сопоставительные отношения (*Если на севере ещё трещат морозы, то на юге уже зацвели яблони*).

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Поспелов Н. С., Сложноподчинённое предложение и его структурные типы, «ВЯ», 1959, № 2; Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Совр. рус. язык. Синтаксис сложного предложения, М., 1969; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык. Синтаксис, М., 1977; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Черемисина М. И., Колосова Т. А., Очерки по теории сложного предложения, Новосиб., 1987; Рус. грамматика, М., 1990; Краснянский В. В., Сложные эпитеты рус. лит. речи. Опыт словаря, Орехово-Зуево, 1995.
С. А. Шувалова.

Сложносокращённое сло́во – см. Аббревиатура.

Сложносоставны́е слова́ – сложные слова (см.), образуемые соединением двух или более простых слов, принадлежащих, как правило, к одной и той же части речи; последний компонент их равен самостоятельному слову: *северо-запад, человеко-день, торгово-промышленный, научно-технический, российско-китайский, счётно-решающий, серебристо-белый.* Возможности образования сложносоставных прилагательных, широко употребляющихся в художественной и публицистической речи (напр.: *«вопросительно-растерянные восклицания»* у И. А. Бунина, *«глухо-пепельно-оранжевая туча»* у Ю. М. Нагибина), практически неограниченны. На письме простые основы в составе С. с. чаще всего разделяются дефисом.

К С. с. нередко относят также терминологические или близкие к терминам составные наименования – сочетания существительных, не обладающие цельнооформленностью сло́ва; не только второй, но и первый компонент таких слов может при склонении изменяться, напр.: *дом-музей, диван-кровать, сад-ясли, ракета-носитель, лётчик-космонавт*, однако в таких наименованиях, как *генерал-полковник, плащ-палатка*, первый компонент не склоняется.

Лит.: Совр. рус. язык. Морфология, [М.], 1952; Виноградова В. Н., Составные наименования в совр. рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1966, № 3; Лопатин В. В., Рождение слова, М., 1973; Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника), 7 изд., М., 1988; Костромина М. В., Составные слова, называющие предметы двойного назначения, «Рус. яз. за рубежом», 1989, № 3.
В. В. Лопатин.

Сложносочинённое предложе́ние – тип сложного предложения (см.), образованного на основе сочинительной синтаксической связи (см. Сочинение). С. п. противопоставлено по одной линии сложноподчинённому предложению (см.), а по другой – членам предложения (см.), соединённым сочинительной связью.

В отличие от сложноподчинённого предложения, образованного на основе синтаксической связи подчинения (см.), С. п. характеризуется основными смысловыми и структурными признаками сочинительной связи: 1) формальной взаимной независимостью компонентов; 2) их функционально-синтаксической однородностью (*Я знаю: Миша в Москве, а Колю послали на Урал*); 3) наличием союза (или его эквивалента – соответствующей интонации); 4) наличием наряду с двухкомпонентными конструкциями (*В раю климат, зато в аду общество*) конструкций многокомпонентных («открытые ряды»), ср.: *«Иль чума меня подцепит, Иль мороз окостенит, Иль мне в лоб шлагбаум влепит Непроворный инвалид»* (Пушкин); *«Звёзды – невод, рыбы – мы, Боги – призраки у тьмы»* (Хлебников).

Противопоставление С. п. сочинённым членам предложения проходит внутри самого сочинения и касается структуры компонентов сочинительной конструкции – являются ли они предложениями или же членами простого предложения. Следствием этого синтаксического различия оказывается другое, морфологическое: сочинённые члены предложения обычно совпадают по синтаксически обусловленным морфологическим характеристикам [*Купил стол* (вин.п.) *и стулья* (вин. п.)], между тем как компоненты С. п. морфологически разнотипны.

Нередки попытки свести предложения с сочинёнными членами к сложносочинённым, в частности рассматривать их как результат трансформации сочинительного сокращения (*Ребята собирали грибы и ягоды* ← *Ребята собирали грибы* и *Ребята собирали ягоды*). Конструкции с однородными сказуемыми (или «односубъектные») одни исследователи относят к простым предложениям, другие – к сложносочинённым, третьи – к конструкциям, промежуточным между простым и сложным предложением. Существует структурное свойство, сближающее однородные сказуемые с однородными членами и противопоставляющее их С. п.: однородные сказуемые совпадают по синтаксически обусловленным морфологическим характеристикам, ср.: *«...а голова та лежала, стыла и спала, потому что она была усталая»* (Платонов) – в отличие от С. п., ср.: *«Солнце погасло, и исчезла аллея – стукнул дятел, лист проплыл, и исчезло всё»* (Л. Андреев).

В связи с этим более оправданна традиционная точка зрения, согласно к-рой конструкции с однородными сказуемыми (и тем более конструкции с прочими однородными членами) относятся к простым предложениям.

Как и другие сочинительные конструкции, С. п. делятся по разным основаниям. По способу соединения компонентов – на союзные: *«Его зарыли в шар земной, А был он лишь солдат»* (Орлов) и бессоюзные: *«Сияет солнце, воды блещут»* (Тютчев). Нек-рые учёные не относят бессоюзные предложения к сложносочинённым (см. Бессоюзие, Сложное предложение). По характеру семантических отношений между компонентами – на соединительные, в числе к-рых могут быть выделены также (на иных основаниях) противительные и градационные отношения, напр.: *«Ковыль шелестел на потревоженной земле, и в траву падали августовские звёзды»* (Бабель); *«Я звал тебя, но ты не оглянулась»* (Блок); заместительные, напр.: *«Товарищ критик, не я против быта, а быт против меня!»* (Асеев); *«Не колесо громовое – Взглядами перекинулись двое»* (Цветаева); разделительные, напр.: *«Что-нибудь одно: или они сумасшедшие, или я сумасшедший»* (Бунин).

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Грамматика рус. языка, т 2, ч. 1–2, М., 1960; Холодов Н. Н., Сложносочинённые предложения в совр. рус. языке. Учебное пособие, Смоленск, 1975; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык Синтаксис, М., 1977; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Санников В З., Рус. сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис, М., 1989

В. З. Санников.

Служе́бные слова́ – слова, не являющиеся названиями предметов или признаков, не способные функционировать в качестве самостоятельных членов предложения и употребляющиеся для связи слов, предложений или частей предложения. Как лексические и грамматические единицы С. с. противостоят знаменательным словам (см.). Лексические значения С. с. отличаются от значений слов знаменательных. С. с. ничего не называют, их значения отвлечены от тех отношений, к-рые они выражают в предложении. Т. о., лексическое значение и грамматические функции у С. с. совпадают. С. с. обладают своеобразной морфологической структурой: простые союзы, первообразные предлоги и многие частицы, как правило, состоят из одного компонента (корня) и не членятся на морфемы (корень и аффикс), причём корни С. с. могут совпадать с аффиксами слов знаменательных, с к-рыми С. с. сходны по значению, напр. предлоги *в, без, под* совпадают с префиксами *в-, без-, под-*. С. с. не имеют морфологических категорий и выполняют только служебные функции, организующие сообщение.

На основе общности выполняемых функций С. с. группируются в след. части речи: предлоги – *в, на, у, при, под, с* (см. также ст. Предлог), союзы – *что, чтобы, если, потому что, хотя; а, и, но, или, то* (см. также ст. Союз), частицы – *ведь, вот, вроде, бы, пусть, тоже* (см. также ст. Частицы). Граница между знаменательными словами и С. с. неустойчива, состав последних пополняется за счёт слов и словоформ всех частей речи: существительных, прилагательных, местоимений, числительных, наречий и в меньшей степени глаголов (напр., предлоги *благодаря, спустя*). См. также ст. Транспозиция.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1952; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980.

В. А. Плотникова (Робинсон)

Собира́тельное числи́тельное – см. Числительное.

Со́бственные существи́тельные – существительные, являющиеся индивидуальными наименованиями предметов. К ним относятся: имена, отчества, прозвища и фамилии людей (*Пётр, Людмила, Ваня, Заяц, Гора, Кузьмич, Чайковский, Медведев, Гейне*), клички животных (*Барсик, Белолобый*), названия географических объектов (*Волга, Киев, Байкал, Эльбрус, Болгария*), астрономические названия (*Марс, Сатурн*), названия средств передвижения (миноносец *«Храбрый»*, крейсер *«Аврора»*, экспресс *«Крым»*), учреждений, предприятий, обществ, объединений (завод *«Калибр»*, издательство *«Прогресс»*, агентство *ИТАР-ТАСС*, общество *«Динамо»*, кинотеатр *«Родина»*), органов печати (газета *«Труд»*, журнал *«Огонёк»*), произведений лит-ры и искусства (роман *«Обрыв»*, кинофильм *«Свадьба»*), исторических эпох и событий (*Ренессанс, Реформация*), праздников (*Рождество, Пасха*) и нек-рые другие группы наименований. Особое место среди С. с. занимают названия марок изделий (автомобиль *«Лада»*, радиоприёмник *«Турист»*), кодовые наименования (самолёт *Ил-62*).

С. с. выделяют называемые ими предметы из круга других однородных предметов. Выступая, как правило, в формах ед. ч., С. с. могут употребляться и в формах мн. ч. для обозначения группы лиц или предметов, имеющих одинаковое название: *семья Звонарёвых, разговор о трёх Тунгусках – притоках Енисея.*

С. с. могут переходить в разряд нарицательных (см. Нарицательные существительные), употребляясь как обобщённое название целого типа людей, класса однородных предметов. Такое употребление является результатом переноса по сходству (напр.: *донжуан, геркулес, меценат*; ср. *«Мы все глядим в Наполеоны»* – Пушкин) или по смежности (напр.: *бостон, джерси* – наименования тканей по географическим названиям; *ампер, рентген* – названия физических единиц по фамилиям учёных).

Наоборот, разряд С. с. широко пополняется за счёт нарицательных существительных, напр.: *Запад* (в смысле 'западные страны'), *«Современник»* (название театра и издательства), *«Нива»* (марка автомобиля). С. с. большей частью происходят от нарицательных. Известно, напр., что имя *Пётр* по-древнегречески значит 'камень', а название *Азия* восходит к ассирийскому слову со значением 'восход, восток'.

С. с. пишутся с прописной (заглавной) буквы. Употребляясь переносно в нарицательном смысле, личные, мифологические, географические имена могут писаться со строчной буквы (*донкихот, герострат, камчатка, панама*), но могут и сохранять прописную букву (*Гаргантюа, Плюшкин, Аполлон, Мекка, Вандея, Хиросима*). Регулярно пишутся со строчной буквы нарицательные существительные, возникшие путём переноса по смежности (примеры см. выше).

С. с., как правило, не включаются в обычные толковые словари языка, однако имеются специальные словари С. с. (напр., топонимические, словари личных имён).

В роли С. с. могут использоваться не только слова, но и словосочетания и предложения, напр.: *Новый год* (праздник), заяц *Длинные Уши* (персонаж сказки), драма *«Перед заходом солнца»*, издательство *«Большая Российская энциклопедия»*, роман *«Они сражались за Родину»*. В полное наименование предмета может входить также его нарицательное название: *Чёрное море, Большой театр, «Учительская газета», Баргузинский заповедник* и т. п.

От С. с. широко образуются производные, напр.: прилагательные притяжательные (*Катин, Дашин* – от имён *Катя, Даша*) и относительные (*пушкинский, днепровский, черноморский*), названия жителей населённых пунктов и стран (*москвич, американка*), общественных и научных направлений (*марксизм, толстовство*), черт характера и поведения (*печоринство, смердяковщина, епиходовщина*). Среди производных от С. с., также являющихся С. с.,– отчества людей (*Ильич, Петровна*), уменьшительные и ласкательные имена (*Маня, Андрюша*), названия географических территорий (*Поволжье, Смоленщина*) и др.

Лит.: Суперанская А. В., Как вас зовут? Где вы живёте?, М., 1964; её же, Общая теория имени собственного, М., 1973; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980 *В. В. Лопатин.*

Совершённый вид – одна из двух форм категории вида (см.), выражающая достигнутость действием своего внутреннего предела (реального или потенциального) и тем самым значение целостности действия. В зависимости от значений способов действия (см. Способы глагольного действия, Аспектология) в качестве достигнутого предела может выступать: результат (цель) данного действия (*разбудить, покрасить, вычистить, перерубить все дрова*), а также временна́я граница начала или конца действия (*начать, заплакать, кончить, отшуметь*), граница количественно-временно́го проявления действия (*поспать, проспать два часа, прозвучать, крикнуть*), крайняя степень длительности, повторяемости или интенсивности действия (*нагуляться, замечтаться, извороваться, раскричаться, передержать, переварить*). Глаголы С.в. с этими значениями образуются от непредельных глаголов.

Общее значение С. в. выводится из след. его частных значений: 1) конкретно-фактического значения, указывающего на единичное действие в его целостности (*написал сочинение, вошёл в дом, разрезал бумагу, закричал, замечтался*); это значение может выступать в особой наглядно-примерной функции (типа *Бывало, он подойдёт и скажет...*) и осложняться различными временны́ми и модальными признаками: в форме прош. времени оно может быть перфектным (*Чай уже остыл*); в форме буд. времени может объединить план будущего и настоящего (*Он сейчас оденется* – при ситуации уже начавшегося действия) и иметь признаки возможности/невозможности осуществить действие (*Я не подниму этот камень; Он решит эту задачу*); 2) суммарного значения, указывающего на целостность объективно кратного или длительно проявляющегося действия, объединённого общим результатом, целью (сведение к единству через результат или цель): *Набегался до утомления; Напёк много блинов; Со всеми поцеловался; Прочитал много книг*; суммарное значение часто реализуется с показателями ограниченной кратности или длительности действия (*дважды, два раза, несколько раз, много, мало* и др.); 3) налично-результативного значения, переключающего внимание на конечный результат действия, хотя оно может быть разовым и неразовым: *Все сели? К вам кто-то пришёл; Мы победим*; это значение нек-рые исследователи считают разновидностью как конкретно-фактического, так и суммарного значения С. в.

Как правило, глаголы С. в. представлены приставочными глаголами (с учётом также исторического образования) без специальных суффиксов несов. вида. К бесприставочным глаголам С. в. относятся: глаголы на *-ну-*, выражающие значение моментальности, одноактности (*шагнуть, звенуть*); небольшая группа глаголов на *-ить* (*решить, лишить, благословить, явиться, пленить, бросить, хватить, купить, контузить, пустить, ступить, простить, кончить, родить*) и след. глаголы: *стать, дать, пасть, сесть, лечь, деть(ся)*.

Глаголы С. в. могут быть одновидовыми или входить в видовую пару, что зависит от лексико-семантических особенностей глагола.

Образование формы С. в. от глаголов несов. вида при помощи «чистовидовых» приставок, не

изменяющих лексического значения глагола, называется перфективацией (см.).

Лит. см. при ст. Вид *М. А. Шелякин.*

Согла́сные – звуки речи, характеризующиеся прежде всего тем, что не могут выступать как слогообразующие элементы, находясь в пределах одного слога с гласным; в других случаях могут быть вершиной слога.

С точки зрения артикуляции С. характеризуются как звуки с локализованным мускульным напряжением и с общей тенденцией к образованию смыкания или сужения в речевом тракте, однако есть С., к-рые по этим признакам не отличаются от гласных.

Акустически С. характеризуются участием шумового источника, однако и этот признак не универсален, поскольку к группе С. относятся и сонанты, образующиеся или вовсе без шума, или с очень низким его уровнем.

Артикуляционная классификация С. основывается на следующих их признаках.

1) Активный действующий орган (в других классификациях – «место образования», что не одно и то же, поскольку местом образования может быть и пассивный орган). В зависимости от того, какой из действующих органов своим движением обеспечивает образование сужения или смычки, различают губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные С. Для переднеязычных характерно, что в качестве активного действующего органа может выступать только передняя часть спинки языка – при этом образуются однофокусные С. (напр., *с, з*, к-рые часто называют зубными – по пассивному органу – или свистящими – по акустическому эффекту); в других случаях кроме передней части спинки языка активно участвует и задняя часть её – в этом случае образуются двухфокусные С. со вторым задним фокусом (напр., *ш, ж* – их называют также нёбными или шипящими).

2) Способ образования С. Если активный и пассивный органы полностью смыкаются, образуются т. н. смычные С., к-рые, в свою очередь, делятся на взрывные и аффрикаты в зависимости от способа раскрытия смычки – быстрого («мгновенного») при образовании взрывных (напр., *п, т, к*) и медленного, постепенного – при образовании аффрикат (*ц, ч*), у к-рых после смычки следует щелевая фаза. Если активный орган образует с пассивным сужение, через к-рое непрерывно проходит воздушная струя, образуются щелевые С. В зависимости от того, образуется ли сужение (щель) в срединной части языка или воздух проходит в щель, образованную краями языка, различают срединные (напр., *с, з*) и боковые (*л*) С. Специфически образуются С. *р* и *р'*, при артикуляции к-рых вибрирует кончик языка, приподнятый по направлению к границе между верхними зубами и нёбом,– эти С. называют дрожащими.

3) Работа голосовых связок. Во время артикуляции звонких С. голосовые связки напряжены и совершают периодические колебательные движения, тогда как при артикуляции глухих С. связки расслаблены и не участвуют в образовании звука.

4) Участие полости носа. Если при артикуляции С. проход воздушной струи в полость носа закрыт, т. е. мягкое нёбо поднято вверх, образуются ртовые, или чистые С., а при опущенном мягком нёбе образуются носовые С., поскольку воздух при артикуляции проходит через полость носа.

5) Участие средней части спинки языка. Подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу характерен для артикуляции мягких С., а твёрдые С. артикулируются без этого дополнительного движения.

Кроме этих, собственно артикуляторных свойств, при описании С. используют обычно и нек-рые акустические их характеристики – и в первую очередь различают С. по степени участия шумовых составляющих в их звучании: по этому признаку С. разделяются на шумные и сонанты.

В приведённой таблице глухие и звонкие С., не различающиеся по остальным признакам, размещены в одной клетке, выделение сонантов в особую группу возможно и без учёта их акустических свойств, на основе комплекса их групповых признаков: смычные сонанты в рус. языке обязательно носовые, щелевой сонант *j* – единственный из среднеязычных согласных, переднеязычные сонанты *л* и *л'* характеризуются образованием боковой щели, а *р* и *р'* являются дрожащими, т. е. образуются с артикуляцией, не свойственной для шумных.

Рус. С. по активному действующему органу разбиваются на 4 группы: 10 губных, 19 переднеязычных, 1 среднеязычный и 6 заднеязычных; по глухости – звонкости и твёрдости – мягкости они распределены почти равномерно: не имеют звонких соответствий только *ц, ч, х* и *х'*; не имеют соответствующих мягких парных согласные *ш, ж, ц*, а твёрдых – *ч*.

С. претерпевают значительные изменения под влиянием соседних звуков и в зависимости от положения в слове. Т. к. наименьшей произносительной единицей является слог (см.), то при произнесении С. артикуляторные органы уже принимают или стремятся принять положение, необходимое для образования следующего гласного, что приводит к значительным последствиям: огублённость С. перед гласными *у* и *о*, изменение конфигурации активного действующего органа (особенно если переднеязычный С. оказывается перед гласным заднего ряда или заднеязычный – перед гласным переднего ряда) и т. д. При про-

Согласные русского языка

Способ образования	Активный действующий орган			Губные		Переднеязычные		Средне-язычные	Заднеязычные	
				твёрдые	мягкие	твёрдые	мягкие		твёрдые	мягкие
Смычные		взрывные		*п б*	*п' б'*	*т д*	*т' д'*		*к г*	*к' г'*
		Аффрикаты	Однофокусные			*ц*				
			Двухфокусные				*ч*			
	Носовые			*м*	*м'*	*н*	*н'*			
Щелевые	Срединные	Однофокусные		*ф в*	*ф' в'*	*с з*	*с' з'*	*j*		
		Двухфокусные				*ш ж*	*ш̄'*		*х*	*х'*
	Боковые					*л*	*л'*			
Дрожащие						*р*	*р'*			

изнесении сочетаний С. происходит следующее: почти сразу после начала артикуляции первого С. начинается образование и второго, так что совершается сложное произносительное движение, характеризующее оба С. сразу; почти сразу после окончания артикуляции первого С. заканчивается и произнесение второго.

Качество С. очень зависит от их положения в слове: так, взрывной С., находящийся перед гласным, имеет очень короткий («мгновенный») взрыв, а тот же С. в абсолютном конце слова перед паузой после взрыва имеет сильное придыхание довольно большой протяжённости. Для сонантов характерно значительное ослабление их громкости (т. е. собственно «сонорности») к концу звучания в абсолютном исходе слова.

В рус. языке существуют определённые закономерности употребления С.; так, в абсолютном конце слова или перед глухими С. невозможно употребление звонкого: *сказать* – *ска*[*с*] – *ска*[*с*]*ка*; перед звонким шумным нельзя произнести глухой – *сват – свадьба, молот – моло*[*д'*]*ба*; перед двухфокусными не произносятся однофокусные – *ра*[*ж*]*жалобить, ра*[*ш*]*ширить*. На основании такого рода правил возникли определённые чередования С. в пределах одной морфемы, напр. С. приставки *из-* в зависимости от качества следующего за ним С. может быть звонким или глухим (*избить – искусать*), твёрдым или мягким (*издание – изделие*), однофокусным или двухфокусным (*изготовить – изжарить*).

Сонанты, с точки зрения правил чередования, образуют особую группу: хотя артикуляционно они являются звонкими С., сами они в конце слова и перед глухими не чередуются с глухими, а перед ними возможно употребление как звонких, так и глухих шумных: *злой – слой, смех – змей*.

Губные щелевые звонкие шумные С. *в* и *в'*, если они находятся не перед шумными С., также допускают перед собой и глухие, и звонкие, т. е. функционально сближаются с сонантами: *швабра – жвачка, свет – зверь*. Если же *в* и *в'* находятся перед шумными звонкими С., то употребление перед ними глухих С. запрещено: *бра*[*т*] *выбежал*, но *бра*[*д*] *вбежал*.

Среди губных С. смычные и щелевые различаются не только по способу образования, но и по пассивному действующему органу: если смычка образуется двумя губами, то при артикуляции щелевых пассивным органом являются верхние зубы, поэтому С. *ф, ф', в, в'* являются губно-зубными. В группе переднеязычных С. иногда выделяют долгие мягкие *ж̄'* и *ш̄'* – *дрожжи, щи*, однако судьба этих парных по глухости-звонкости С. различна: *ж̄'* постепенно «уходит» из речи и употребляется лишь в единичных случаях, тогда как *ш̄'* встречается очень часто. Для заднеязычных мягких *к'* и *х'* несвойственно положение в абсолютном конце слова. Рус. твёрдый *л* – сильно веляризованный, а мягкий *р'*, фонологически входя в группу дрожащих, фонетически реализуется как щелевой.

Употребление С. в речи неравномерно. Прежде всего наблюдается различная функциональная активность разных групп С. Так, при почти одинаковом количестве твёрдых и мягких С. в системе, в речи твёрдые встречаются почти в три раза чаще, чем мягкие; сонанты, составляя всего четверть общего количества С., в речи встречаются довольно часто, составляя ок. 40% всех употреблений С. Наиболее часто встречающиеся С. – *т, н, j, с*, самые редкие – *г', ф', х'*, при этом С. первой группы встречаются приблизительно в 20 раз чаще, чем С. второй группы.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, М., 1956; Моисеев А. И., Рус. язык. Фонетика, морфология, орфография, М., 1975, Матусевич М. И., Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1976; Бондарко Л. В., Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи, Л., 1981; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Основы общей фонетики, СПБ, 1991. *Л. В. Бондарко.*

Согласова́ние – подчинительная связь, при к-рой главное слово требует, чтобы зависимое слово было поставлено в тех же (всех или нек-рых) грамматических формах, в к-рых выступает главное. Связь С. является чисто грамматической: достаточно знать только грамматическую форму главного слова, чтобы назвать форму зависимого, ничего не зная об их лексическом значении, напр. прилагательное-определение при существительном в им. п. жен. рода ед. ч.

непременно будет поставлено в тех же формах, что и существительное: *длинная улица*.

Поскольку согласуемые грамматические формы выражаются окончаниями слов, то можно сказать, что при С. окончание главного слова вызывает определённые окончания зависимого слова: *зелёное дерево* (ср. род, ед.ч., им. п.). Исключение составляют случаи С. с несклоняемым существительным: *австралийский кенгуру, об австралийском кенгуру* и т. д.

Главным словом при С. является то, форма к-рого выбирается только по требованию необходимого для данного акта общения смысла, а зависимым является слово, форма к-рого предопределена уже не только потребностями заданного смысла, но и главным словом. Поэтому главное слово можно поставить в любых присущих ему словоизменительных формах, а выбор словоизменительных форм зависимого слова определён главным словом, ср.: *зелёное дерево, зелёным деревом*, но форму прил. *зелёную* уже нельзя связать со словом *дерево*.

Существуют, однако, сочетания, в к-рых налицо связь С., но по указанному грамматическому принципу в них нельзя определить главное и зависимое слово, ср. *юноша-студент* (С. в муж. роде, ед. ч., им. п.). В этом случае можно предложить термин «взаимосогласование». Главное и зависимое слова в таких случаях выделяются только по смыслу, а не грамматически: сущ. *студент* можно считать главным словом, а *юноша* – зависимым, поскольку оно даёт дополнительную характеристику главному слову (см. об этом также в ст. Приложение).

С. и взаимосогласование могут быть полными и неполными. Полным является С. во всех общих у сочетающихся слов формах: *интересный спектакль* – С. в роде, числе и падеже. Неполным является С. не во всех общих у сочетающихся слов грамматических категориях, ср. *город Москва* – С. в числе, падеже, но не в роде (при приложениях – именах собственных).

При С. между словами устанавливаются определительные отношения (о связи между главными членами предложения – подлежащим и сказуемым – см. Координация).

Связь С. является слабой связью. Это значит, что нет таких главных слов, к-рые никогда не могли бы быть употреблены в предложении без зависимых от них согласованных слов (ср. различие сильного и слабого управления и примыкания) Это не исключает того, что в нек-рых текстах зависимое согласуемое слово может быть обязательным. ср.: *Наш приход всех обрадовал; У него был усталый вид*, но нельзя сказать *Приход всех обрадовал; У него был вид*. В таких случаях согласованное слово иногда может быть заменено управляемым, ср. *Приход гостей всех обрадовал*.

Лит.: Скобликова Е. С., Согласование и управление в рус. языке, М., 1971; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980.

Е. Н. Ширяев.

Соедини́тельная морфе́ма, соединительный аффикс, интерфикс,– аффикс, выделяющийся в составе сложных слов (см.) и служащий для соединения двух основ в составе сложной основы (см. Основа): *лес-о-степь, сол-в-вар, пят-и-этажный, пол-у-круг* (соединяться могут как простые основы, так и сложные, напр. *тепловоз-о-строение, электр-о-кофемолка*). Осуществляя связь основ в структуре сложного слова, С. м. выражает наиболее абстрактное словообразовательное значение, сводящееся к объединению значений основ в единое сложное значение. Одновременно С. м. служит показателем цельнооформленности сложного слова: оформляемые с её помощью компоненты сложения, в отличие от соответствующих компонентов словосочетания, грамматически нейтрализованы. Так, если компонент *первый* в словосочетании *первый источник* представляет собой отдельное слово с присущими ему грамматическими показателями (взаимозаменяющимися падежными окончаниями: *первого источника, первому источнику*...), то компонент *перво-* в сложном слове *первоисточник*, сохраняясь неизменным при словоизменении (*первоисточника, первоисточнику*...), не содержит грамматических признаков самостоятельного слова.

В рус. языке в большинстве сложных и суффиксально-сложных слов выделяется С. м. ⟨*о*⟩ (т. н. соединительная гласная), к-рая передаётся на письме как *-о-* или (после мягких согласных, шипящих и *ц*) как *-е-*: *вод-о-пад, язык-о-знание, мор-е-плаватель, пеш-е-ход, овц-е-бык*. После основ количественных числительных, кроме слов *один, девяносто* и *сто*, выступает С. м., омонимичная окончанию род. п. числительного: *пят-и-этажка, дв-ух-томник, тр-ёх-рублёвый, сорок-а-летний*; после компонентов *дв(а)-* и *пол-* в ряде образований выделяется С. м. *-у-*: *дв-у-ногий, пол-у-годие*; перед компонентом *-метр* – С. м. *-и-* (*сахар-и-метр, доз-и-метр*). После основ глаголов в нек-рых сложениях выделяется С. м., омонимичная окончанию повелительного наклонения: *перекат-и-поле, верт-и-хвостка*. Как и окончание, С. м. может быть нулевой: *Калининград, вольтметр, киловатт-час*.

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию и лексикологии, М., 1959, с. 107–16; Лопатин В. В., Рус. словообразовательная морфемика, М., 1977, с. 53–57; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980.

В. В. Лопатин.

Соедини́тельный сою́з – см. Союз.

Соподчине́ние – отношение между двумя или несколькими членами простого предложения, а также между придаточными предложениями

внутри сложного, подчинёнными одному и тому же компоненту: члену предложения в простом предложении, предикативной единице (предложению) в сложном предложении: *«Тихо доверчивый мальчик К старому сердцу приник»* (Блок); *«Мы живём в стране, где все делают одно и то же дело обогащения нашей родины и где каждый должен делиться с другими своим опытом»* (М. Горький).

Соподчиняться могут как однородные (параллельное С.) (1), так и неоднородные члены предложения и придаточные предикативные единицы (2): 1) *«Тихо и красиво умирает лес»* (Л. Андреев); *«Посланный офицер встретил Денисова на дороге с известием, что Долохов сам сейчас приедет и что с его стороны всё благополучно»* (Л. Н. Толстой); 2) *«Андрей с беспокойством думал о завтрашнем дне»* (Шолохов); *«Для того чтобы идти тысячу вёрст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими тысячью вёрст»* (Л. Н. Толстой).

По отношению к сложному предложению виды С. различаются также в зависимости от того, к одному (1) (одночленное, частное С.) или к разным (2) (разночленное, общее С.) членам господствующей предикативной единицы относится придаточная предикативная единица: 1) *«Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается под вами, что деревья не поднимаются от земли»* (Тургенев); 2) *«Зная, что что-то случилось, но не зная, что именно, Вронский испытывал мучительную тревогу и, надеясь узнать что-нибудь, пошёл в ложу брата»* (Л. Н. Толстой).

Наибольшего внимания в речевом употреблении требует параллельное С. Практически бывает важно решить, какие компоненты (по содержанию, определяемому гл. обр. их лексическим значением) могут быть соподчинены, какие – нет. Возможность/невозможность вступить в отношения С. определяется не только (а иногда не столько) значением соподчинённых компонентов, но и лексическим значением господствующего слова. Так, напр., из глаголов наиболее нейтральными (допускающими при себе наибольшее разнообразие зависимых компонентов) являются глаголы говорения, мысли, восприятия: *«Узнал я также из письма, что в Бабкине было превосходное лето, что Немировичу-Данченко скучно, что у Ежова бедняги умерла жена, что, наконец, Иваненко переписывается с Жамэ и что Кундасова исчезла неизвестно куда»* (Чехов).

Вторым практическим вопросом является вопрос об употреблении подчинительного союза при соподчинённых компонентах. В зависимости от стилистического контекста (жанр, количество соподчинённых предложений, их грамматическая структура) подчинительный союз может быть не перед каждой соподчинённой частью, а только перед первой: *«Видел Егорушка, как мало-помалу темнело небо и опускалась на землю мгла»* (Чехов).

Лит.: Совр. рус. язык, ч. 2, [М.], 1964; Валгина Н. С., Синтаксис совр. рус. языка, 2 изд., М., 1978; Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980.

С. Г. Ильенко.

Сослага́тельное наклоне́ние – наклонение глагола (см. Наклонение), формы к-рого представляют процесс как возможный, предполагаемый или желаемый (*Он бы написал, да не знал моего адреса; Сказал бы ты об этом раньше; Поговорили бы вы со мной*). Формы С. н. аналитические, они образуются сочетанием частицы *бы* и глагольной формы на *-л* (*пришёл бы, спели бы*) и изменяются по числам и родам – в ед. ч. (*принёс бы, принесла бы, принесло бы*), во мн. ч. (*принесли бы*). Если частице *бы* предшествует словоформа, оканчивающаяся на гласный, то частица может выступать в виде *б* (*«Когда б не смутное влеченье Чего-то жаждущей души, Я здесь остался б – наслажденье Вкушать в неведомой тиши»*, Пушкин). Частица *бы*(*б*) может находиться как перед формой на *-л*, так и после неё, а также входить в состав подчинительных союзов (*Студентам сказали, чтобы они принесли книги*). К С. н. не относятся сочетания частицы *бы*(*б*) с инфинитивом, причастием и словами категории состояния. Формы С. н. могут употребляться переносно, в значении повелительного наклонения для выражения смягчённого или, при наличии словоформы *чтоб*, категорического побуждения (*Ложился бы ты спать; Чтоб сейчас же ложился спать*).

Лит. см. при ст. Наклонение

В. Н. Белоусов.

Соста́в сло́ва – 1) совокупность морфем (см.), составляющих слово; 2) словообразовательная структура слова. Морфемный С. с. образуют все выделяющиеся в нём морфемы. Определить морфемный С. с.– это значит установить, из каких морфем оно состоит. Прил. *при/бреж/н/ый* и *бел/ес/оват/ый* состоят из четырёх морфем, *дв/ух/сот/пят/и/десят/и/лет/н/ий* – из десяти, глагол *от/винч/и/ва/ть/ся* – из пяти, наречие *вчера*, звукоподражание *мяу*, междометия *ах, ох* – из одной морфемы.

Словообразовательная структура слова, как правило, существенно отличается от его морфемного состава. Это семантическое отношение производного слова к производящему, выражаемое при помощи словообразовательных средств языка. Ср.: *вод*(*а*) – *вод-н-ый* 'связанный с водой, относящийся к воде', *мыть* – *до-мыть* 'действие *мыть* довести до конца, до к.-л. результата', *тащить* – *вытащить* 'действием *тащить* извлечь, вынуть', *красн*(*ый*) – *красн-е-ть* 'делаться красным'.

Морфемный состав имеют производные и непроизводные слова. Ср.: *рас/кал/ыва/ть* и *кол/о/ть*, *вод/ян/ист/ый* и *вод/а*. Словообра-

зовательной структурой обладают только производные слова, имеющие на данном историческом этапе развития языка своё производящее как реальную, живую единицу. Слова однокоренные, но на данном этапе не имеющие такого производящего, членятся на морфемы, но не обладают словообразовательной структурой, напр. слова *за/купор/и/ть, от/купор/и/ть, рас/купор/и/ть* не находятся в словообразовательных отношениях.

Достаточно распространённой в рус. языке является множественность словообразовательной структуры слова – свойство производного иметь два (редко более) производящих, способность его в зависимости от этого по-разному члениться и обладать двумя (редко более) словообразовательными структурами, напр. *безбилетник*: 1) *билет* → *без-билет-ник*; 2) *безбилетн(ый)* → → *безбилетн-ик*; *несправедливость*: 1) *несправедлив(ый)* → *несправедлив-ость*; 2) *справедливость* → *не-справедливость*; *атлетический*: 1) *атлет* → *атлет-ическ-ий*; 2) *атлетик(а)* → → *атлетич-еск-ий*; *обрадоваться*: 1) *обрадовать* → *обрадовать-ся*; 2) *радоваться* → *об-радоваться*. Подобное явление представлено большими группами слов в именах существительных, прилагательных, глаголах, встречается в наречиях, напр. *несложно*: 1) *несложн(ый)* → → *несложн-о*; 2) *сложно* → *не-сложно*; *страшновато*: 1) *страшноват(ый)* → *страшноват-о*; 2) *страшно* → *страшноват-о*.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Винокур Г. О., Заметки по рус. словообразованию, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1959; Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию, М., 1968; Тихонов А. Н., Множественность словообразовательной структуры слова в рус. языке, «Рус. яз. в школе», 1970, № 4; его же, Морфемный состав и словообразовательная структура слова в рус. языке, «Уч. зап. Ташкентского пед. ин-та», 1975, т. 143; Земская Е. А., Совр. рус. язык. Словообразование, М., 1973; Лопатин В. В., Рус. словообразовательная морфемика, М., 1977; Улуханов И. С., Словообразовательная семантика в рус. языке и принципы её описания, М., 1977. *А. Н. Тихонов.*

Социолингви́стика, социальная лингвистика,– научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, к-рую играет язык в жизни общества. Нек-рые из этих проблем (напр., язык и общество) рассматриваются и в рамках общего языкознания. Междисциплинарный статус С. находит выражение в используемом ею понятийном аппарате. Так, языковой коллектив, рассматриваемый в качестве исходного понятия социолингвистического анализа, определяется на основе как социальных, так и языковых признаков (наличие социального взаимодействия и единство языковых признаков). Основные операционные единицы социолингвистического исследования – социолингвистические переменные – характеризуются соотнесённостью, с одной стороны, с определённым уровнем языковой структуры (фонологическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим), с другой – с варьированием социальной структуры или социальных ситуаций.

Одной из основных проблем, изучаемых С., является проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры, и в частности характер взаимосвязей между языковыми и социальными структурами, к-рые многоаспектны и носят опосредованный характер. Структура социальной дифференциации языка многомерна и включает как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций.

С этой проблемой тесно связана проблема язык и нация, изучая к-рую С. оперирует категорией национального языка, трактуемого в отечественном языкознании как социально-историческая категория, возникающая в условиях экономической и политической концентрации, характеризующей формирование наций.

Одним из ключевых понятий С. является понятие языковой ситуации, определяемой как совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих общение в определённой этнической общности или административно-территориальном объединении. Выделяются 2 группы языковых ситуаций: экзоглоссные – совокупности различных языков и эндоглоссные – совокупности подсистем одного языка. Экзоглоссные и эндоглоссные ситуации подразделяются на сбалансированные, если их компоненты функционально равнозначны, и несбалансированные, если их компоненты распределены по различным сферам общения и социальным группам.

Особое внимание уделяется в совр. С. вопросу о связи и взаимодействии языка и культуры. Связи между языком и другими компонентами культуры носят двусторонний характер. Процессы соприкосновения разных культур находят отражение в лексических заимствованиях (см.).

Одной из важных социолингвистических проблем является также проблема социальных аспектов билингвизма и диглоссии (взаимодействия различных социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка). В условиях билингвизма два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. В условиях диглоссии наблюдаются сходные отношения меж-

ду разными формами существования одного языка (лит. языком, койне, диалектами). С. изучает также использование языка в коммуникативных целях, и в частности речевое поведение как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания. При этом выявляется сам механизм отбора социально значимых вариантов, устанавливаются критерии, лежащие в основе выбора. Конечной целью анализа является выявление социальных норм, детерминирующих речевое поведение.

Особое место среди проблем С. занимает проблема языковой политики – совокупности мер, предпринимаемых государством или общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения старых языковых норм (см. Норма).

Методы С. представляют собой синтез лингвистических и социологических процедур. Они подразделяются на методы полевого исследования и методы социолингвистического анализа языкового материала. Методы полевого исследования включают анкетирование, интервьюирование, непосредственное наблюдение. Опросники, используемые при заочном выборочном анкетировании, существенно отличаются от социологических анкет характером и числом вопросов, а также стратегией опроса, определяемой его задачей – получить сведения о речи информанта. Большое внимание уделяется составлению программы и разработке техники интервью. Для получения достоверных данных о влиянии ситуативных параметров на речь информантов тщательно контролируют речевую ситуацию, стимулируя либо естественно-непринуждённую речь, либо сознательную ориентацию на престижный эталон. Наблюдения над речевой деятельностью информантов строятся таким образом, чтобы исключить или свести до минимума влияние наблюдателя на их речевое поведение. Иногда проводится т. н. включённое наблюдение, при к-ром наблюдатель выступает не в роли интервьюера, а в качестве одного из участников коммуникативного акта.

Для обработки данных полевых наблюдений используются разновидности корреляционного анализа. Для С. типичны корреляции, в к-рых в качестве независимых переменных выступают те или иные социальные параметры, стратификационные или ситуативные, а в качестве зависимых – языковые явления. Между коррелятами отмечается как полная, так и неполная функциональная зависимость. Зависимости описываются отдельно по каждому социальному разрезу и комментируются с содержательной (социолингвистической) стороны. Для этого используются табличные данные, графики зависимостей, математико-статистические методы.

Получили распространение нек-рые методы моделирования социально обусловленной вариативности языка с помощью т. н. вариативных правил, соединяющих в себе элементы порождающей модели с той вероятностной моделью, к-рая лежит в основе статистического анализа речевой деятельности. Для анализа социально детерминированной вариативности в ситуациях языкового континуума используется импликационная волновая модель, позволяющая установить социальную иерархию языковых вариаций и связать их синхронный анализ с анализом диахронным. В основе этой модели лежит гипотеза о волнообразном распространении языковых инноваций в пространственном и социальном измерениях. Существуют также различные модели социально обусловленного речевого поведения, и в частности модели, в к-рых речевое поведение представлено в виде стратегии выбора социолингвистических переменных. Ограничивающие выбор социальные факторы моделируются в виде последовательных бинарных селекторов, позволяющих определить возможные исходы процесса выбора.

Основы отечественных социологических исследований были заложены в 20–30-х гг. 20 в. трудами Л. П. Якубинского, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Р. О. Шор, М. В. Сергиевского, Е. Д. Поливанова, изучавших язык как общественное явление на основе понимания языка как общественного явления и историко-материалистических принципов анализа общественных отношений. Почву для совр. С. подготовили также труды представителей социологического направления во франц. языкознании (А. Мейе), внёсшего существенный вклад в выявление роли социальных факторов в развитии языка; работы американских этнолингвистов, развивавших идеи Ф. Боаса и Э. Сепира о связи языковых и социокультурных систем; труды представителей Пражской лингвистической школы (см.) – В. Матезиуса, Б. Гавранека, Й. Вахека и др., продемонстрировавших связь языка с социальными процессами и социальную роль лит. языка; исследования нем. учёных, в особенности Т. Фрингса и созданной им Лейпцигской школы, обосновавших социально-исторический подход к языку и необходимость включения социального аспекта в диалектологию; оригинальные работы в области языковой ситуации и культуры речи япон. школы «языкового существования».

В 60–70-х гг. интерес к социологическим проблемам языка возрос в связи, с одной стороны, с потребностями совр. общества, для к-рого проблемы языковой политики и другие практические аспекты С. приобретают всё большую актуальность, и, с другой – с критикой структурной лингвистики, со стремлением преодолеть ограниченность имманентного подхода к языку и глубже

проникнуть в природу языка как общественного явления.

Социолингвистические направления, разрабатываемые учёными разных стран, характеризуются различной методологической ориентацией. Нек-рые направления зарубежной С. (напр., в США) ориентируются на бихевиористскую модель речевого поведения, символико-интеракционистскую теорию социального взаимодействия, феноменологическую социологию. С. опирается прежде всего на теорию социальной структуры общества, теорию социальных систем, социологию личности и др.

Лит.: Аврорин В. А., Проблемы изучения функциональной стороны языка. (К вопросу о предмете социолингвистики), Л., 1975; НЛ, в. 7 – Социолингвистика, М., 1975; Никольский Л. Б., Синхронная социолингвистика. (Теория и проблемы), М., 1976; Социально-лингвистические исследования, М., 1976; Швейцер А. Д., Совр. социолингвистика. Теория, проблемы, методы, М., 1977; Дешериев Ю. Д., Социальная лингвистика. К основам общей теории, М., 1977; Социальная и функциональная дифференциация лит. языков, М., 1977; Швейцер А. Д., Никольский Л. Б., Введение в социолингвистику, М., 1978; Белл Р. Т., Социолингвистика. Цели, методы и проблемы, пер. с англ., М., 1980; Типы наддиалектных форм языка, М., 1981; Теоретические проблемы социальной лингвистики, М., 1981; Принципы и методы социолингвистических исследований, М., 1989; Крысин Л. П., Социолингвистические аспекты изучения совр. рус. языка, М., 1989. *А. Д. Швейцер.*

Сочине́ние, сочинительная связь, – тип синтаксической связи между членами предложения или между частями сложного предложения, противопоставленный подчинению (см.) по следующим структурным признакам: 1) наличию/отсутствию смысловой и синтаксической зависимости одного компонента от другого; по месту каждого из компонентов в синтаксической структуре предложения; 2) по однородности/неоднородности компонентов (семантической или грамматической); 3) по наличию/отсутствию ограничений на число компонентов; 4) по формальным показателям связи между компонентами.

1. Для С., в отличие от подчинения, характерно отсутствие смысловой и синтаксической зависимости одного компонента предложения от другого. Напр., предложение *Сегодня куплю сыну интересные книги* включает четыре подчинительных словосочетания, где одна словоформа подчиняет по смыслу другую и определяет её морфологическую форму (направление этой зависимости можно изобразить с помощью стрелок: *куплю* → *сегодня; куплю* → *сыну; куплю* → *книги; интересные* ← *книги*). В совокупности эти словосочетания заполняют пять синтаксических позиций: сказуемое (*куплю*), обстоятельство (*сегодня*), прямое дополнение (*книги*), косвенное дополнение (*сыну*), определение (*интересные*). В это предложение можно ввести новые компоненты по способу С.: *Сегодня или завтра куплю и подарю сыну и дочери интересные и красивые книги и журналы.* При этом каждый из компонентов первого предложения расширился до целого словосочетания, элементы к-рого взаимонезависимы в смысловом и формальном плане и соподчинены третьему компоненту, однако с введением новых компонентов число синтаксических позиций не увеличилось, их по-прежнему пять (хотя каждая позиция представлена теперь уже двумя однофункциональными словоформами).

А. М. Пешковский заключает отсюда, что «сочинение внутри предложения – лишь эпизод на фоне подчинения», что оно «всегда тесно переплетается с подчинением».

2. Компоненты сочинительной конструкции всегда однородны, ср.: *«Ни зноя, ни гама, ни плеска, Но роща свежа и темна»* (Анненский) – в каждом из двух сочинённых рядов компоненты однофункциональны и вследствие этого совпадают по своим морфологическим характеристикам. Напротив, компоненты подчинительной конструкции при смысловом и структурном сопоставлении не обнаруживают смыслового и синтаксического сходства. Так, каждое из словосочетаний *куплю сегодня, куплю сыну, куплю книги, интересные книги* состоит из слов, семантически разнородных и относящихся к разным частям речи. Это дало основание говорить об однофункциональности как о непременном условии С. Однако совпадение синтаксических функций – лишь частный (хотя и самый частый) вид однородности.

Есть множество примеров, где сочинённые словоформы синтаксически разнотипны, но воспринимаются тем не менее как однородные. Самый распространённый случай – лексико-семантическая однородность компонентов: *«Я развалился на диване и... продумал долго и о многом»* (Достоевский). Как правило, сочиняются однокоренные, а то и однолексемные компоненты, ср.: *«Ветер – пение, Кого и о чём?»* (В. Хлебников); *«Не беспокойся. Я теперь ничего и никогда не забуду»* (Булгаков); *«Читать то нечего, то некогда; Я учился в школе понемногу Не чему-нибудь, но как-нибудь»* (Жигунов); *«Ты кандидат в фельдмаршалы – не тебе, а тебя бояться приличествует»* (Салтыков-Щедрин); *«Весь вечер читала Блока и о Блоке»* (Ильина); *Поэт живёт с народом и для народа; Я говорю с лингвистом и о лингвисте; Я говорю с лингвистом и о лингвистике.*

Кроме функциональной и лексико-семантической, возможны и другие виды однородности, такие, где компоненты разнофункциональны и неоднородны в лексико-семантическом плане, но сближаются (объединяются или противопоставляются) по степени достоверности (*Придёт, вероятно, Коля и, вероятно, вечером*) или же по своей оценке: *«Пощупал пульс – тихо, но работает»* (Зощенко) (пульс работает – это хорошо; работает тихо – это плохо).

3. Сочинительные конструкции, в отличие от подчинительных, к-рые всегда двухкомпонентны,

наряду с двухкомпонентными, «закрытыми» рядами (*Он ленивый, но умный*), могут иметь многокомпонентные «открытые» ряды, допускающие свободное пополнение новыми членами (В. А. Белошапкова). Ср. «*Всех их знал Никита: и воробьёв, и пауков, и мух, и кур во дворе*» (Платонов).

4. С. и подчинение существенно различаются по формальным показателям связи между компонентами. Для С. (независимо от того, являются ли компоненты членами предложения или целыми предложениями) связь между компонентами обозначается введением особой служебной лексемы – союза (или его эквивалента – специальной интонации перечисления, противопоставления и т. п.). Ср. «*Небо то луч, то чайку роняет*» (Маяковский). При подчинении связь в простом предложении выражается, как правило, не лексическими, а морфологическими средствами, она проявляется в морфологической зависимости подчинённого слова от главного – по способу управления (*куплю книги*) или согласования (*интересные книги*). В сложном предложении подчинение выражается обычно лексическими средствами – специальными союзами, однако роль союза здесь принципиально отлична от его роли в сочинительных конструкциях. Если при С союз соединяет компоненты, располагаясь между ними и не допуская перестановки (*Приду или позвоню*, но не *Или позвоню приду*), то в случае подчинения союз входит в состав зависимого компонента и вместе с ним занимает любую позицию в структуре предложения, ср.: *Приду, если позвоню – Если позвоню, приду*.

Сочинительные конструкции классифицируются по разным основаниям. По способу соединения компонентов сочинительные конструкции делятся на союзные: «*На свете счастья нет, Но есть покой и воля*» (Пушкин) и бессоюзные: «*Швед, русский колет, рубит, режет*» (Пушкин); «*Кто этих мест жилец: Чудовище? титан?*» (Волошин).

По синтаксическим особенностям компонентов выделяются: 1) сочинительные конструкции, включающие члены предложения (конструкции с однородными членами): «*Глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надо всем*» (Бунин); 2) сочинительные конструкции, включающие предложения (сложносочинённые предложения): «*А в Угличе играют дети в бабки, И пахнет хлеб, оставленный в печи*» (Мандельштам); смешанные сочинительные конструкции, включающие словосочетание и предложение (сравнительно редкий тип): «*Я думал о матери и что так и не подошёл к ней*» (Достоевский).

В семантическом плане сочинительные конструкции (и союзные и бессоюзные) делятся на соединительные, заместительные и разделительные. Эта классификация учитывает отношение к реальной действительности – реальность/нереальность/возможность описываемых событий.

В соединительных конструкциях оба описываемых события имеют место (*Плачет и поёт; Плачет, но поёт; Плачет, а поёт*); в заместительных конструкциях одно событие имеет место, а другое нет (*Не поёт, а плачет*); в разделительных конструкциях каждое из описываемых событий возможно (*Плачет или поёт*). Иногда выделяют и другие семантические группы сочинительных конструкций, в частности противительные конструкции: *Молодой, но (а) опытный*, градационные: «*Этой дороги не то что люди, волки не знают*» (Тынянов). Однако выделение этих групп базируется уже на других основаниях: на признаке противопоставленности/непротивопоставленности компонентов, на сравнительной оценке компонентов, и потому оно должно проводиться (как деление более дробное) уже внутри трёх основных семантических групп сочинительных конструкций.

Деление рус. сочинительных конструкций на соединительные, заместительные и разделительные согласуется с их синтаксическими свойствами. Так, сочинённые подлежащие в соединительных конструкциях обычно индуцируют форму мн. ч. сказуемого (*Пришли Миша и Коля*), подлежащие в заместительных конструкциях – форму ед. ч. (*Не Миша, а Коля пришёл*), а подлежащие в разделительных конструкциях допускают в разных условиях то ед., то мн. ч. сказуемого (*Пришёл Миша или Коля; Приходили то Миша, то Коля*).

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 1–2, М., 1960; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык. Синтаксис, М., 1977; Перетрухин В. Н., Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в совр. рус. языке, Воронеж, 1979; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Прияткина А. Ф., Осложнённое простое предложение, Владивосток, 1983; Кручинина И. Н., Структура и функции сочинительной связи в рус. языке, М., 1988; Санников В. З., Рус. сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис, М., 1989

В. З. Санников.

Сочини́тельный сою́з – см. Союз.

Сою́з – служебная часть речи, оформляющая связь между словоформами в составе простого предложения, между частями сложного предложения, а также внутритекстовые связи в рамках сложного синтаксического целого. Как и предлог (см.), С. является неизменяемым словом. Однако, в отличие от предлога, он безразличен к грамматическим характеристикам соединяемых словоформ, а его контакт с синтаксической конструкцией не закреплён никакими формальными показателями (*У девочки мячик и кукла; Брат играет в теннис и в шахматы; У него почерк крупный и разборчивый; Ученик пишет аккуратно и без ошибок*). Такая формальная авто-

номность отличает С. и от союзных слов (см.), имеющих формы словоизменения.

Семантические свойства С. определяются тем, что его служебная роль является одновременно ролью квалификатора: выступая как соединитель, С. содержательно определяет (квалифицирует) характер отношений между соединяемыми фрагментами текста.

Специфика С. как синтаксического средства связи заключается в его способности указывать на сочинительный или подчинительный характер отношений между соединяемыми единицами. Сочинительный С. (напр., *и, а, или, но, да*) указывает на относительную автономность, равноправность связываемых единиц. Подчинительный С. (напр., *что, когда, если, поскольку, раз*) указывает на зависимость одной единицы от другой. Разграничение подчинительных и сочинительных С. основано на их позиционных свойствах: первые прикреплены к придаточной части предложения, а вторые (за исключением повторяющихся С. типа *либо... либо*) занимают автономную позицию между соединяемыми единицами, не входя ни в одну из них.

Формальная (морфологическая) классификация С. осуществляется или с точки зрения цельнооформленности, или по соотносительности с другими частями речи. С точки зрения цельнооформленности С. делятся на простые (однословные, цельнооформленные) и составные (неоднословные, нецельнооформленные).

К простым С. относятся: *а, благо* (разг.), *буде* (устар. и прост.), *будто, вроде, да, дабы* (устар.), *даже, едва, ежели* (устар. и прост.), *если, же, зато, и, ибо* (книжн.), *или, итак, кабы* (прост.), *как, как-то, когда, коли* и *коль* (прост. и устар.), *ли, либо, нежели* (книжн.), *но, пока, покамест* (прост.), *покуда* (прост.), *поскольку, пускай* (разг.), *пусть, раз, разве, ровно* (прост.), *словно, так, также, тоже, только, точно, хоть, хотя, чем, чисто* (прост.), *что, чтоб, чтобы, якобы* (книжн.) и нек-рые другие. Однословные С. функционально взаимодействуют с формально неизменяемыми словами из сферы частиц, наречий и вводных (модальных) слов, таких, как *ведь, вернее, возможно, всё же, всё-таки, именно, иначе, кстати, может быть, наоборот, например, напротив, потом* 'кроме того', *потому, правда, притом, причём, просто, скорее* 'вернее', *следовательно, теперь* 'далее', *точнее* и др. Такие слова, подключаясь к С. элементарной структуры, выполняют конкретизирующую роль, выявляя конкретный характер отношения, обозначенного многозначным (полифункциональным) С.: (*и*) *потому*, (*и*) *притом*, (*и*) *наоборот*, (*а*) *следовательно*, (*а*) *зато*, (*а*) *скорее*, (*или*) *иначе*, (*или*) *может быть*, (*но*) *только* и т. п. Кроме того, эти конкретизаторы способны самостоятельно выступать в связующей роли, являясь т. о. резервом, пополняющим класс С. Сцепления С. с конкретизатором бывают двух типов. Это может быть целостная единица типа фразеологического сращения, эквивалентная однословному С., напр.: *а то* (выражает обусловленность, обоснование: *Закройте окно, а то холодно; Поторопись, а то опоздаешь*); *а так* (присоединяет сообщение об общем положении дел, противопоставляемом исключению, частности: *По рисованию отстаёт, а так учится хорошо*); *а в общем, а вообще-то* (в значении, близком к *а так*); *а ведь* (выражает необусловленную или неожиданную совместимость признаков: *Бодр, а ведь уже старик*). Ни один из элементов такого сращения не может быть опущен. В другом случае собственно союзный элемент, занимающий начальную позицию в составе сцепления, может опускаться, напр.: *а следовательно* (выражает обусловленность, указывая на вывод, умозаключение: *Он сердится, а следовательно он неправ*); *а тем более* (присоединяет усиливающий, убеждающий довод: *С больным ребёнком не стоило гулять, а тем более в холодную погоду*); *а точнее, а вернее, а скорее* (присоединяет сообщение, более соответствующее действительности: *Невнимателен, а скорее просто груб*). Синтагматическая неустойчивость сцеплений второго типа выражается в том, что конкретизатор, сопровождающий С., способен самостоятельно (вне С.) передать тот же вид отношений (*С больным ребёнком не стоило гулять, тем более в холодную погоду* и т. д.).

По соотносительности с другими частями речи среди простых (однословных) С. выделяется группа таких, к-рые существуют в языке только в качестве С. (напр.: *буде, дабы, ежели, зато, ибо, коли, либо, нежели, поскольку*). Другие простые С. соотносятся с местоименными словами (*что, чем, как, когда, так, то, тогда, тут*), наречиями (*вдобавок, вернее, далее, едва, иначе, наконец, напротив, особенно, пока, потом, скорее, точно* и др.), вводными словами (*впрочем, значит, итак, кстати, например, правда* и др.), частицами (*авось, аж, ажно, будто, ведь, да, даже, ещё, же, и, или, именно, ли, лишь, пускай, пусть, разве, словно, так, тоже, только, хоть, хотя, чтобы, якобы* и др.). Иногда их трудно разграничить, т. к. одно и то же слово выполняет одновременно функции С. и частицы или С. и вводного слова.

Большинство составных (неоднословных) С. образованы на основе простых полифункциональных С. *и, а, что, чем, как, чтобы, если, только: и то; а именно; а то; разве что; как будто; не то чтобы; как если бы; как только* и др. По структуре составной С. может быть синтаксически немотивированным (несинтагматическим) и синтаксически мотивированным. В первом случае С. образованы по принципу сцепления элементов, лишённых словоизменения, напр.: *а именно; а так; а то; а также; вот и; да и; даром что; едва лишь; если не; если уж; и то;*

как будто; как вдруг; как если бы; как только; не то; разве что; так что; только лишь; точь-в-точь как и др.

Во втором случае воспроизводится модель предложного словосочетания с местоименным словом *то* в позиции именной словоформы. Необходимым строевым элементом такого С. является простой полифункциональный С. *что, как, чтобы, если: без того чтобы не; для того чтобы; до того как; из-за того что; между тем как; перед тем как; ради того чтобы* и т. п. Функциональная роль синтаксически мотивированных С. расширяется за счёт соединителей-речений аналитического типа, образованных при участии слов абстрактной семантики, как правило, существительных *имя, знак, повод, предлог, причина, связь, смысл, результат, цель* и др., полностью или частично утративших своё исходное (прямое) значение: *во имя того чтобы; в знак того что; под предлогом того что; по причине того что; в связи с тем что; в том смысле что; в результате того что; в тех целях чтобы; на основании того что; в зависимости от того что; под видом того что; за исключением того что; в соответствии с тем что* и др. Аналогичную функцию в составе таких С. и их аналогов может выполнять деепричастие, отрывающееся от глагольной парадигмы: *благодаря тому что; исходя из того что; судя по тому что; смотря по тому что; несмотря на то что; не говоря уже о том что.*

Синтаксически мотивированную структуру имеют также аналоги С., соотносительные с вводными словосочетаниями: *в то же время; в том числе; в первую очередь; во всяком случае; по крайней мере; более того; между тем; вместе с тем; прежде всего; другими словами; иначе говоря; иными словами; кстати говоря; к тому же; может быть; стало быть; таким образом; точнее говоря* и др. Эти аналоги С. оформляют разные виды присоединительно-пояснительных отношений, функционально сближаясь с С. *или, иначе, а именно, то есть, то бишь, как то* или выполняя роль конкретизатора при элементарном союзе (*и в том числе; и тем самым; и более того; а к тому же; но между тем; и стало быть; и кстати говоря* и т. п.).

С. классифицируются также по количеству и характеру занимаемых ими в предложении позиций. С этой точки зрения С. делятся на одноместные и многоместные. Одноместный С. (однословный и неоднословный) располагается между соединяемыми единицами или позиционно примыкает к одной из них (*и; зато; в случае если; как только; вопреки тому что* и т. п.); многоместный С. располагается так, что его компоненты (два и более) оказываются в каждой части соединяемой конструкции (*или...или... или; то...то...а то и; не только...но и; если не...то по крайней мере* и т. п.).

С. как отдельно взятое слово (в т. ч. такой, к-рый не является цельнооформленной единицей языка) обладает лексическим значением; это значение того или иного отношения, представленное в более общем или менее общем (конкретном) виде. Напр., С. *когда*, указывая лишь на соприкосновение двух ситуаций во времени, не способен однозначно квалифицировать одновременность действия, состояния и т. д. или следование одного за другим. Другие временны́е С., в силу своего семантического качества, выступают как однозначные квалификаторы как основного значения (временно́е отношение), так и более конкретного признака этого вида отношения, напр. предшествования (*до того как; перед тем как; прежде чем*). С., выражающие более частный признак (напр., в сфере временны́х отношений: *с тех пор как, после того как, пока не, как только, как вдруг* и др.), не имеют синонимов за пределами временны́х отношений. Многозначные С. (*когда, пока, как*) обладают более слабой различительной способностью. Конкретный характер временно́й зависимости в предложениях с такими С. передаётся видо-временны́ми значениями глаголов-сказуемых. Многозначный С. не является семантически цельной единицей, а предстаёт в виде совокупности значений, к-рые могут быть не связаны между собой. Такой С. способен вступать в синонимические отношения с С., оформляющими отношения, выходящие за пределы собственно временно́й семантики. Так, союз *когда* в определённых условиях может выражать отношения сопоставительные, условные, уступительные, причинные, изъяснительные, выступая в этих условиях как функциональный эквивалент С. *тогда как; между тем как; если; хотя; потому что; что.*

Лексическое значение С. может осложняться коннотацией модально-оценочного, прагматического характера. Многие подчинительные С., вступая в смысловой контакт с придаточной частью сложного предложения, определяют модальность сообщаемого. Напр., С. *что; будто; чтобы; якобы; как; если; хотя; поскольку; так как; потому что; как будто; как если бы; словно* и др., выражая разные виды изъяснительных, условных, причинных, сравнительных отношений, одновременно информируют о достоверности или недостоверности, реальности или гипотетичности сообщаемого в придаточной части. Семантика С. *что, будто, чтобы*, выражающих восприятие и передачу информации, включает модально-оценочный элемент «достоверность (недостоверность)». Эти С. различаются способностью отражать субъективную точку зрения говорящего на реальность (предположительность) сообщаемого. С. *будто* и его синонимы *как будто, якобы* и др. вводят придаточную часть, сообщающую о

том, в чём говорящий сомневается, тогда как С. *что* является нейтральным в модальном отношении. При помощи С. *как*, к-рый противопоставлен С. *что* и *будто*, сообщаемое в придаточной части представляется говорящим как достоверный факт. С. *чтобы* оформляет изъяснительную связь, осложнённую модальностью волеизъявления. От модальности С., в свою очередь, зависит круг опорных слов, с к-рыми С. сочетается. Ср.: *Знаю, что кто-то вошёл в дверь; Мне показалось, будто кто-то вошёл в дверь; Чувствую* (*слышу, вижу* и т. п.), *как кто-то вошёл в дверь; Прошу, чтобы кто-нибудь вошёл*. С. *как*, являясь С. достоверного знания, с трудом сочетается со словами, обозначающими дезинформацию (*лгать, притворяться* и т. п.).

Большинство С. существуют в языке не как логические знаки сравнения, причины, цели, условия и т. п., а в прагматически адаптированном виде, сочетая в своей смысловой структуре отношения двух типов: отношение между соединяемыми фрагментами информации и отношение говорящего к этому отношению. Диапазон отношения второго типа широк; оно может быть связано с апелляцией к адресату: прогнозированием реакции адресата, намерением предотвратить предполагаемую ошибочную или нежелательную мотивацию, стремлением обезопасить себя от возможных упрёков в необоснованности выдвигаемой версии, агитационными интенциями, связанными с убеждённостью в достоверности утверждаемого, и другими прагматическими мотивами высказывания. Информация такого рода может подавлять основную (логическую) сему в смысловой структуре С. Напр., в семантике С. *ведь* идея достоверности, неопровержимости, самоочевидности ('хорошо известно что'; 'не подлежит сомнению что'; 'в самом деле'; 'действительно') органически связана с апелляцией к адресату, к-рый привлекается к обсуждению выдвигаемой версии причины ('учтите что'; 'заметьте'; 'обращаю ваше внимание'; 'приходится считаться с тем что'; 'не следует забывать что' и т. п.). Не случайно функциональными синонимами С. *ведь* оказываются развёрнутые формулы *в самом деле; посуди сам* (*посудите сами*), способные занимать позицию причинного союза («*Да что же я дурак, что ли? Ты посуди сам: зачем же приобретать вещь, решительно для меня ненужную?*», Гоголь). Прагматический компонент, отражающий внутренний диалог говорящего и адресата, концептуальное столкновение участников коммуникации, оказывается той ключевой семой, к-рая способна превратить реляционную единицу – частицу, наречие, риторическую формулу развёрнутой структуры, гибридное слово неопределённого категориального (морфологического) статуса – в аналог С.

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; его же, О категории модальности и модальных словах в рус. языке, в его кн.: Исследования по рус. грамматике. Избр. тр., М., 1975; Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Черкасова Е. Т., Рус. союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования, М., 1973; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Ляпон М. В., Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений, М., 1986; её же, Прагматика каузальности, в кн.: Русистика сегодня, М., 1988; Кручинина И. Н., Структура и функции сочинительной связи в рус. языке, М., 1988; Санников В. З., Рус. сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис, М., 1989; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Васильева Н. В., Союз, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

М. В. Ляпон.

Сою́зные слова́ – местоименные слова (см. Местоимение), служащие, наряду с союзами (см.), средством выражения подчинительной связи в сложном предложении (см.) и выполняющие, в отличие от союзов, функцию члена придаточного предложения (см.). В качестве С. с. выступают только вопросительно-относительные местоимения (см.), как обладающие формами словоизменения (местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и местоимения-числительные), так и неизменяемые (местоимения-наречия). В предложении С. с. совмещают, т. о., синтаксические функции и самостоятельной (знаменательной; см. Знаменательные слова), и служебной (см. Служебные слова) части речи; ср. употребление местоименного слова *что* («*Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь*», Полонский) и омонимичного ему союза *что* («*Не отнеси к холодному бесстрастью, Что на тебя безмолвно я гляжу*», Фет). С. с. характерны для сложных предложений нерасчленённой структуры, в основе построения к-рых лежит принцип присловности. Они относят содержание придаточной части либо к главному предложению (см.) в целом («*Чему бы жизнь нас ни учила, Но сердце верит в чудеса*», Тютчев), либо только к одному из его членов («*Неужели нет на свете женщины, которой вы хотели бы оставить что-нибудь на память?*», Лермонтов).

Местоименные слова, выступающие в союзной функции, в большей или меньшей степени нейтрализуют своё значение вопросительности. Степень нейтрализации зависит от вида подчинительной связи, оформляемой С. с. Здесь возможны два варианта. 1. При вопросительно-относительной связи вопросительное значение, ослабляясь в большей или меньшей степени, всё же сохраняется. В конструкциях с такой связью С. с., подобно вопросительной частице *ли*, относит придаточное предложение к находящемуся в главном предложении опорному компоненту, имеющему значение знания, незнания, узнавания. Значение вопросительности ослабляется в меньшей степени, если, напр.: всё сложное предложение является вопросительным по форме или по содержанию («*Как думаешь, чем кон-*

чится тревога?», Пушкин); главное предложение имеет модальность побуждения, желательности, намерения (*«Скажи мне, кудесник, любимец богов, Что сбудется в жизни со мною?»*, Пушкин); имеет место препозиция придаточного предложения по отношению к главному (*«Желать вам счастья я готов, Но в чём придёт оно, не знаю»*, Фет). В наибольшей степени значение вопросительности ослабляется в случаях, если опорный компонент в главном предложении имеет значение позитивного знания, объяснения, передачи информации (*«Я расскажу везде, поступок ваш каков»*, Лермонтов) либо С. с., выступая как интенсификатор качественного или количественного признака, взаимодействует с компонентами главного предложения, имеющими семантику знания, понимания, сообщения и т. п. или незнания, удивления, восторга и т. п. (*«Нужно было видеть, какое благоговейное молчание воцарилось»*, Гоголь). 2. При местоименно-относительной (анафорической) подчинительной связи (в случае, если С. с. отсылает к отдельному компоненту, содержащемуся в главном предложении, или ко всему главному) значение вопросительности может полностью утрачиваться (*«О ты, чья дружба мне дороже приветов ласковой молвы»*, Языков). В конструкциях, где С. с. выступает в качестве основы для формирования придаточной части как описательного обозначения к.-л. предметов, лиц, явлений, вопросительное значение местоименного слова преобразуется в неопределённо-обобщённое значение (*«Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел»*, Пушкин).

В оформлении подчинительной связи в сложном предложении одновременно с С. с. могут участвовать и другие средства, в частности указательные местоимения (т. н. соотносительные слова; см. Указательные местоимения), к-рые образуют с С. с. устойчивые пары (ср.: *тот – кто, такой – какой, такой – который, там – где, туда – куда* и т. п.). При таком оформлении отношения между частями сложного предложения являются наиболее тесными, напр. *«Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предприятиями, когда никто не мешал её деловым разговорам с бурмистрами, старостами, ключницами и т. д.»* (Салтыков-Щедрин).

Лит.: Рус. грамматика, т. 1–2, М., 1980; Совр. рус. язык. (Учебное пособие для пед. ин-тов), ч. 3 – Синтаксис. Пунктуация, М., 1981; Кручинина И. Н., Сложное предложение, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

А. С. Белоусова.

Спо́собы глаго́льного де́йствия – лексико-грамматические разряды глаголов, обозначающих различные временны́е, количественно-временны́е и результативные модификации действия, выраженные с помощью словообразовательных формантов (приставок, суффиксов и постфикса *-ся*). В рус. языке имеются след. основные С. г. д.

1. Начинательный способ. Глаголы со значением 'начать действие, названное мотивирующим глаголом' имеют приставки: *за-: запеть* 'начать петь', *забе́гать, заволноваться, застучать; воз-* (иногда в сочетании со значением интенсивности действия): *возликовать* 'начать ликовать', *возлюбить, возненавидеть; по-: подуть* 'начать дуть', *полюбить, почувствовать, посы́паться; вз-* (в сочетании со значением интенсивности действия): *взволноваться* 'начать сильно волноваться', *взвыть, взреветь*; формант *раз- + -ся* (в сочетании со значением достижения большой интенсивности, часто в результате постепенного нарастания интенсивности): *разгореться* 'начать сильно или хорошо, ровно гореть', *разбушеваться, распеться, расшалиться*.

2. Ограничительный способ. Глаголы со значением 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение нек-рого времени (чаще недолгого)' имеют приставку *по-: побеседовать* 'провести нек-рое время в беседе', *постоять, покатать, полетать, поработать*.

3. Длительно-ограничительный способ. Глаголы со значением 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение к.-н. времени (чаще длительного)' имеют приставки *про-: простоять* 'провести какое-то время стоя', *прождать, проворочаться, проискать; пере-* (обычно в сочетании со значением известного, определённого отрезка времени): *переждать* 'провести определённое, необходимое время, ожидая окончания чего-н.', *перезимовать, переночевать*.

4. Окончательный способ. Глаголы со значением 'окончить длившееся определённое время действие, названное мотивирующим глаголом' имеют приставку *от-: отшуметь* 'кончить шуметь', *отболеть, отзвучать, отлюбить*; формант *от-+-ся* (в сочетании со значением длительности прекращённого действия, освобождения от него, иногда вследствие невозможности его продолжать): *отбегаться* 'кончить бегать, оказаться не в состоянии больше бегать', *отъездиться, отвоеваться*.

5. Повторительный способ. Глаголы со значением 'повторно, заново, иногда по-новому, иначе совершить действие, названное мотивирующим глаголом' имеют приставки: *пере-: переделать* 'сделать заново и иначе', *перевоспитать, перекроить, пересеять; ре-: реорганизовать* 'повторно организовать', *реэвакуировать; воз-: воссоединить* 'соединить вновь', *воссоздать*.

6. Ограничительно-завершительный способ. Глаголы со значением 'действие, названное мотивирующим глаголом, довести до определённой точки во времени или до конца' имеют

приставку *до-*: *досидеть* 'просидеть, пробыть до к.-л. времени', *доварить, домыть, доучиться*.

7. Однократный способ. Глаголы со значением 'однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом' имеют суффиксы: *-ну-*: *толкнуть* 'однократно совершить действие, названное глаголом *толкать*', *дунуть, свистнуть, скользнуть*; *-ану-* (в сочетании со значением интенсивности или экспрессивности, резкости действия): *стегануть* 'сильно стегнуть', *мазануть, резануть, толкануть, сказануть*; префикс *с-*: *сжульничать* 'однократно совершить действие, названное глаголом *жульничать*', *схитрить, сманеврировать, сходить, съездить, сглупить*; формант *с-* + *-ну-* (в сочетании со значением небольшой интенсивности): *сполоснуть* 'один раз слегка пополоскать', *сболтнуть, сбрехнуть, соснуть*.

8. Уменьшительно-смягчительный способ. Глаголы со значением 'с небольшой интенсивностью совершить (или совершать) действие, названное мотивирующим глаголом' имеют приставки: *на-*: *наиграть* 'бегло сыграть', *напеть*; *по-* (иногда в сочетании со значением постепенности действия): *поотстать* 'немного отстать', *попривыкнуть, поизноситься, поостеречься, пообсохнуть*; *под-*: *подбодрить* 'немного ободрить', *подзабыть, подсократить*; *при-*: *приглушить* 'слегка заглушить', *привстать, приоткрыть, притормозить*; форманты: *на-* + *-ива-/-ва-*: *насвистывать* 'свистеть тихо, слабо', *накрапывать, напевать*; *под-* + *-ива-/-ва-*: *подпахивать* 'немного пахнуть (обычно неприятно)', *поддразнивать, поддувать, подкашливать*; *при-* + *-ива-*: *прихрамывать* 'несколько, немного хромать', *припахивать, прихварывать*; *вз-* + *-ну-*: *всплакнуть* 'немного поплакать', *взгрустнуть, вздремнуть*; *при-* + *-ну-*: *прихворнуть* 'похворать недолго, несильно', *присвистнуть, прихвастнуть*; *с-* + *-ну-* (в сочетании со значением однократности, см. п. 7).

9. Многократный способ. Глаголы со значением 'многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом' имеют суффикс *-ива-/-ва-/-а-*: *хаживать* 'многократно ходить', *сиживать, певать, едать*.

10. Прерывисто-смягчительный способ. Глаголы со значением 'время от времени и с небольшой интенсивностью совершать действие, названное мотивирующим глаголом' имеют формант *по-* + *-ива-/-ва-*: *повизгивать* 'время от времени слегка визжать', *побаливать, подёргивать, подрёмывать, подувать, покачивать*.

11. Дистрибутивный способ. Глаголы со значением многократного, иногда также поочерёдного действия, распространённого на все или многие объекты или совершённого всеми или многими субъектами, имеют приставки *пере-*: *переглотать* 'проглотить поочерёдно, всё, многое', *перегаснуть* 'погаснуть поочерёдно (о всём, многом)', *перебывать, перебудить, перездороваться* (со всеми); *по-*: *повывезти* 'вывезти поочерёдно всё, многое (всех, многих)', *помёрзнуть, поглотать, полопаться, потаять*.

12. Длительно-дистрибутивный способ. Глаголы со значением 'длительно, медленно, не спеша совершать действие, названное мотивирующим глаголом (в глаголах движения с оттенком: направляя его то в одну, то в другую сторону)' имеют формант *раз-* + *-ива-/-ва-/-а-*: *распивать* 'пить долго, медленно, не спеша', *раздумывать, раскуривать, расхаживать, разгуливать, разъезжать*.

13. Сопроводительный способ. Глаголы со значением 'совершить (совершать) действие, названное мотивирующим глаголом, во время другого действия или сразу после его окончания (иногда приспосабливаясь к другому действию)' имеют приставки *под-*: *подыграть* 'сыграть, приспосабливаясь к игре другого', *подладить, подпеть, подсвистеть, подтянуть* (*песню*); *при-*: *пристукнуть* 'стукнуть чем.-л. в момент к.-л. действия или в довершение чего-л.', *прищёлкнуть, присвистнуть, прихлопнуть*; формант *при-* + *-ива-/-ва-*: *припевать* 'сопровождать что-л. пением', *приговаривать, прикрякивать, присвистывать, прихлопывать, пришёптывать*.

14. Интенсивно-кратный способ. Глаголы со значением 'интенсивно и многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом' имеют форманты: *вы-* + *-ива-* (в сочетании со значением 'отчётливо выделять каждый акт действия'): *вытанцовывать* 'старательно танцевать, отчётливо выделяя каждую фигуру танца', *вызванивать, высвистывать*; *на-* + *-ива-*: *названивать* 'длительно, непрерывно или многократно, настойчиво звонить', *накручивать, наплясывать*; *от-* + *-ива-*: *отплясывать* 'плясать с увлечением, с жаром', *отстукивать, отщёлкивать*.

15. Интенсивно-результативный способ. Глаголы со значением 'интенсивно совершить, довести до к.-л. результата действие, названное мотивирующим глаголом' имеют приставки: *вы-*: *выбелить* 'тщательно побелить', *вылизать, вымокнуть, выписать* (каждую букву); *из-*: *иззябнуть* 'сильно озябнуть', *изобидеть, иссушить*; *на-*: *нагладить* 'тщательно погладить', *начистить* (*пуговицу*), *набезобразничать, нагрешить*; *от-*: *открахмалить* 'тщательно накрахмалить', *отработать, отрепетировать, отциклевать*; *пере-*: *перепугать* 'сильно испугать', *перемёрзнуть, переволновать, перековеркать, перетрусить*; *пре-* (иногда в сочетании со значением чрезмерности действия): *преисполнить* 'целиком наполнить к.-л. чувством', *преувеличить* 'представить бóльшим, более существенным, важным, чем есть на самом деле', *преуменьшить*; *про-*: *проварить* 'долгой варкой довести до полной готовности', *прогладить, продумать, проже-*

вать; раз-: растолстеть 'сильно потолстеть', *разбранить, разволновать, раскормить, раскритиковать*; форманты *вы-+-ся* (иногда в сочетании со значением 'приобрести или утратить к.-л. свойства'): *выбегаться* 'после долгого бега исчерпать свои силы', *выговориться, выспаться, выстояться; до-+-ся*: 1) в сочетании со значением 'довести действие до к.-л. этапа, границы, цели': *добудиться* 'долго будя, добиться, чтобы кто-н. проснулся', *додуматься, дождаться, дозваться, доискаться, достучаться*; 2) в сочетании со значением 'довести себя до неприятных последствий': *доработаться* 'работой довести себя до неприятных последствий', *добегаться, довоеваться, докуриться; за-+-ся* (в сочетании со значением 'целиком погрузиться в действие, увлечься, утомиться'): *забегаться* 'устать от длительного бега', *заслушаться, заговориться, замечтаться; из-/изо-+-ся* (в сочетании со значением 'дойти до нежелательного состояния; приобрести или утратить определённые качества, способности или привычки'): *изолгаться* 'привыкнуть лгать', *изнервничаться, избегаться, изголодаться; на-+-ся* (в сочетании со значением 'дойти до состояния удовлетворения или пресыщения'): *набегаться* 'вдоволь, много побегать', *нагореваться* 'долго, много погоревать', *навоеваться, наговориться, нагуляться, настрадаться; об-/обо-+-ся* (в сочетании со значением 'чрезмерно интенсивным действием причинить себе неприятность'): *объесться* 'съесть слишком много, до пресыщения', *облопаться, обожраться, обтрескаться; от-/ото-+-ся* (в сочетании со значением 'прийти в нормальное состояние'): *отлежаться* 'долго полежав, прийти в нормальное состояние', *отвисеться, отоспаться; про-+-ся* (в сочетании со значением 'прийти в нормальное состояние'): *проспаться* 'долго поспав, прийти в нормальное состояние', *проплакаться, прочихаться; с-+-ся* (в сочетании со значением 'дойти до нежелательного состояния, негодности'): *сработаться* 'в процессе длительной или интенсивной работы прийти в негодное состояние (об инструменте, механизме)', *спиться, стосковаться; у-+-ся* (в сочетании со значением 'дойти до нежелательного состояния – крайней усталости, бессилия, исчерпанности'): *убегаться* 'утомиться от длительного бега', *уездиться, уходиться*.

16. Накопительный способ. Глаголы со значением 'накопить(ся) в определённом количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом': *натаскать* 'таская, накопить, принести в к.-л. количестве', *наварить, надёргать, наехать* (*наехало много народу*).

Связь способов действия с видом глагола проявляется в том, что значения одних способов исключают наличие видовых пар глаголов, относящихся к этим способам (ограничительный, однократный, многократный, прерывисто-смягчительный, длительно-дистрибутивный, сопроводительный, интенсивно-кратный), а значения других способов не препятствуют этому (начинательный: *запеть – запевать*; длительно-ограничительный: *просидеть – просиживать, перезимовать – перезимовывать*; окончательный: *отцвести – отцветать*; повторительный: *перешить – перешивать*; уменьшительно-смягчительный: *подбодрить – подбадривать, приглушить – приглушать, прихворнуть – прихварывать, сполоснуть – споласкивать*; распределительный: *перепачкать – перепачкивать, погнить – погнивать*; ограничительно-завершительный: *докурить – докуривать*; интенсивно-результативный: *выпечь – выпекать, нагладить – наглаживать, открахмалить – открахмаливать, проварить – проваривать, выстояться – выстаиваться, доработаться – дорабатываться, раскормить – раскармливать, объесться – объедаться, отлежаться – отлёживаться, прокашляться – прокашливаться, сработаться* 'износиться от работы' – *срабатываться, упрыгаться – упрыгиваться*; накопительный: *настрелять – настреливать*.

Нек-рые лингвисты в качестве способов действия выделяют также группы глаголов, не имеющих словообразовательных формантов (нехарактеризованные способы действия), напр. реляционный (*зависеть, значить, иметь*), эволютивный (*беседовать, жить, цвести*) и другие способы действия.

Лит.: Маслов Ю. С., Вид и лексическое значение глагола в совр. рус. лит. языке, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1948, в. 4; его же, Вопросы глагольного вида в совр. зарубежном языкознании, в кн.: Вопросы глагольного вида, М., 1962; его же, Очерки по аспектологии, Л., 1984; Исаченко А. В., Грамматический строй рус. языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 2, Братислава, 1960; 2 изд., Братислава, 1965; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Рус. глагол. Пособие для студентов и учителей, Л., 1967; Авилова Н. С., Вид глагола и семантика глагольного слова, М., 1976; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Шелякин М. А., Категория вида и способы действия рус. глагола. Теоретические основы, Тал., 1983; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис, Л., 1987; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

И. С. Улуханов.

Спряже́ние – изменение глагола по лицам, числам, временам, родам (в прошедшем времени и сослагательном наклонении) и наклонениям. С. называют также один из двух классов форм наст.– буд. простого времени, характеризующихся определённой системой флексий.

В зависимости от различия гласных в составе флексий форм наст. времени (и буд. простого) все глаголы, за небольшим исключением, делятся на глаголы первого или второго С. К первому С. относятся глаголы, имеющие на письме след. флексии (в орфографическом виде): ед. ч.– в 1-м лице *-у, -ю* (*беру́, колю*), во 2-м лице *-ёшь, -ешь* (*берёшь, ко́лешь*), в 3-м лице *-ёт, -ет* (*берёт, ко́лет*); мн. ч.– в 1-м лице *-ём, -ем* (*берём, ко́лем*), во 2-м лице *-ёте, -ете* (*берёте,*

ко́лете), в 3-м лице *-ут, -ют* (*беру́т, ко́лют*). В глаголах первого С. с основой наст. времени на заднеязычные *к, г* при образовании форм 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1-го и 2-го лица мн. ч. происходит чередование *к/ч, г/ж* (*пеку, пекут,* но

в 1-м лице *-у, -ю* (*сушу́, пылю́*), во 2-м лице *-ишь* (*су́шишь, пыли́шь*), в 3-м лице *-ит* (*су́шит, пыли́т*); мн. ч.– в 1-м лице *-им* (*су́шим, пыли́м*), во 2-м лице *-ите* (*су́шите, пыли́те*), в 3-м лице *-ат, -ят* (*су́шат, пыля́т*). При образовании фор-

Образование спрягаемых форм глагола

Инфинитив:		Первое спряжение		Второе спряжение	
		решать (несов. вид)	*кольнуть* (сов. вид)	*любить* (несов. вид)	*закричать* (сов. вид)
Число	Лицо	Наклонение			
		ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ Настоящее время			
Ед.	1-е	*решаю*	–	*люблю*	–
	2-е	*решаешь*	–	*любишь*	–
	3-е	*решает*	–	*любит*	–
Мн.	1-е	*решаем*	–	*любим*	–
	2-е	*решаете*	–	*любите*	–
	3-е	*решают*	–	*любят*	
		Будущее время			
Ед.	1-е	*буду решать*	*кольну*	*буду любить*	*закричу*
	2-е	*будешь решать*	*кольнёшь*	*будешь любить*	*закричишь*
	3-е	*будет решать*	*кольнёт*	*будет любить*	*закричит*
Мн	1-е	*будем решать*	*кольнём*	*будем любить*	*закричим*
	2-е	*будете решать*	*кольнете*	*будете любить*	*закричите*
	3-е	*будут решать*	*кольнут*	*будут любить*	*закричат*
	Род	Прошедшее время			
Ед.	муж.	*решал*	*кольнул*	*любил*	*закричал*
	жен	*решала*	*кольнула*	*любила*	*закричала*
	ср.	*решало*	*кольнуло*	*любило*	*закричало*
Мн.	–	*решали*	*кольнули*	*любили*	*закричали*
		СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
Ед	муж.	*решал бы*	*кольнул бы*	*любил бы*	*закричал бы*
	жен.	*решала бы*	*кольнула бы*	*любила бы*	*закричала бы*
	ср	*решало бы*	*кольнуло бы*	*любило бы*	*закричало бы*
Мн.	–	*решали бы*	*кольнули бы*	*любили бы*	*закричали бы*
	Лицо	ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
Ед.	1-е	–	–	–	–
	2-е	*решай*	*кольни*	*люби*	*закричи*
	3-е	*пусть решает*	*пусть кольнёт*	*пусть любит*	*пусть закричит*
Мн	1-е	*решаем(те)*	*кольнём(те)*	*любим(те)*	*закричим(те)*
	2-е	*решайте*	*кольните*	*любите*	*закричите*
	3 е	*пусть решают*	*пусть кольнут*	*пусть любят*	*пусть закричат*

печёшь, печёт, печём, печёте; лягу, лягут, но *ляжешь, ляжет, ляжем, ляжете*). Исключение – глагол *ткать* (*тку, ткёшь, ткёт, ткём, ткёте, ткут*).

Ко второму С. относятся глаголы, имеющие след. флексии (в орфографическом виде): ед. ч.–

мы 1-го лица ед. ч. от глаголов второго С. происходят чередования *в/вл, ф/фл, б/бл, м/мл, ст/щ, т/ч, д/ж, з/ж, с/ш* (*правят – правлю, графят – графлю, рубят – рублю, топят – топлю, кормят – кормлю, мостят – мощу, летят – лечу, водят – вожу, грузят – гружу,*

носят – ношу). В нек-рых глаголах с основой наст. времени на *-т* при образовании формы 1-го лица ед. ч. появляется *щ* ст.-слав. происхождения (*возвратят – возвращу, обратят – обращу*).

Различия гласных во флексиях первого и второго С. отчётливо проявляются только в том случае, если эти гласные находятся под ударением. Поэтому при определении С. глаголов с безударными флексиями пользуются след. практическим правилом: все глаголы с инфинитивом на *-ить*, кроме глагола *брить*, семь глаголов с инфинитивом на *-еть* – *вертеть, видеть, зависеть, ненавидеть, обидеть, смотреть, терпеть* и пять глаголов с инфинитивом на *-ать* – *гнать, держать, дышать, слышать, мяукать* (в одной из двух его парадигм – *мяучишь, мяучит*) относятся ко второму С.; остальные глаголы относятся к первому С. Образование спрягаемых форм глагола см. в таблице.

Глаголы, не относящиеся ни к первому, ни ко второму С. (*есть, дать*) или объединяющие в своей парадигме окончания и первого и второго С (*хотеть, бежать*), традиционно называются разноспрягаемыми (см. Разноспрягаемые глаголы).

Об образовании форм времени см. статьи Время, Настоящее время, Будущее время, Прошедшее время, о формах наклонения – ст. Наклонение.

Лит.: Бондарко А В., Буланин Л. Л., Рус глагол, Л., 1967; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Иванов В В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990.

В Н. Белоусов.

Сравне́ние – стилистический приём, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления. Средством грамматического оформления С. служат 1) сравнительный оборот (см.), вводимый союзами *как, как будто, словно, точно, ровно, как бы* и др.: *«Безумных лет угасшее веселье Мне тяжело, как смутное похмелье. Но, как вино,– печаль минувших дней В моей душе чем старе, тем сильней»* (Пушкин); 2) сравнительная степень прилагательного или наречия и (реже) форма твор. п. (творительный сравнения): *«Под ним струя светлей лазури»* (Лермонтов); 3) присоединительная конструкция, вводимая союзом *так* и обычно содержащая развёрнутое С.: *«Живу печальный, одинокий, И жду: придёт ли мой конец? Так, поздним хладом поражённый, Как бури слышен зимний свист, Один – на ветке обнажённой Трепещет запоздалый лист!..»* (Пушкин).

Особое место занимают т. н. отрицательные С., характерные для произведений народного творчества и фольклорных стилизаций: *«Не псарь по дубравушке трубит, Гогочет сорви-голова,– Наплакавшись, колет и рубит Дрова молодая вдова»* (Некрасов).

Стилистическая выразительность С. обусловлена характером и степенью трансформации общеязыковой семантико-стилистической основы сопоставления, причём преобразованиям могут подвергаться как семантика, так и синтаксис (в отдельности либо одновременно): *«Гарун бежал быстрее лани, Быстрей, чем заяц от орла...»* (Лермонтов). Однако в высказываниях *Он бежал стрелой* или *Он бежал как настоящий спортсмен* стилистического эффекта не возникает: образность первого носит общеязыковой характер (ср.: *голодный как волк, злой как собака, выпить залпом*), во втором – обычное приравнивание.

Образная трансформация вызывается: 1) сопоставлением разноплановых (семантически далёких) понятий: *«Ты меня хотя бы для приличья Выслушай, красивая и шустрая, Душу сквозь моё косноязычье, Как тепло сквозь полушубок, Чувствуя»* (Светлов); 2) усложнением или развёртыванием объекта или средства сравнения: *«И над вершинами Кавказа Изгнанник рая пролетал. Под ним Казбек, как грань алмаза, Снегами вечными сиял...»* (Лермонтов). С. здесь носит двустепенный характер: сначала *Казбек* сам по себе сравнивается с *гранью алмаза*, а затем это С. усложняется тем, что *Казбек* и в отношении приписываемого ему действия (*сиял*) также сравнивается с *гранью алмаза*; 3) опущением союза: *«Мы с какой угодно стороны Несоединяемые части: Я – как биография страны, Ты – её сегодняшнее счастье»* (Светлов); 4) нарушением форм синтаксической соотнесённости (влияние конструкций разг. речи), что характерно для нек-рых поэтических текстов: *«Как сжимается сердце дрожью за конечный порядок земной. Вдоль дороги стояли рощи и дрожали, как бег трусцой»* (Вознесенский).

К С., имеющим достаточно определённую грамматическую структуру, не относятся разного рода сопоставления: *«На глаза осторожной кошки Похожи твои глаза»* (Ахматова); *«Кленовый лист напоминает нам янтарь»* (Заболоцкий).

В. В. Одинцов.

Сравни́тельная сте́пень – см. Степени сравнения.

Сравни́тельный оборо́т – часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия – одиночной или с зависимыми словами, к-рая вводится сравнительными союзами *как, что* (устар.), *чем, нежели, как и* или союзами, придающими сравнению модальную окраску,– *словно, точно, будто, как будто (бы), словно как*: *«Жизнь, как подстреленная птица, Подняться хочет и не может»* (Тютчев); *«Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься?»* (Гоголь); *«Летом спать было гораздо тяжелее, чем зимой»* (Достоевский); *«Дед кинул им деньги, словно собакам»* (М. Горький); *«Ты под окном*

своей светлицы Горюешь, будто на часах» (Пушкин); *«Как чугунная, гудела под телегой промёрзшая к ночи дорога»* (Мальцев).

Словоформа, составляющая основу С. о., разными способами связана с другими словами предложения. Наиболее полно смысл сравнения выражает конструкция, состоящая из трёх членов, называющих предметы сравнения и основание сравнения: *«Как женщину, ты родину любил»* (Некрасов); *родину как женщину* – связь параллельных (аналогичных по функции) членов; *любил как женщину* – связь с общим членом. Ср. также: *«Её уста, как роза, рдеют»* (Пушкин); *«Здесь было светлее, чем в поле»* (Чехов). Им. п. при союзе имеет субъектное значение (*плачет как дитя – дитя плачет; холодный как лёд – лёд холодный*) и сохраняется при любом падеже той словоформы, к-рая называет сравниваемый предмет: *росинки горят как алмазы – росинок, горящих как алмазы; холодная, как лёд, рука – холодной, как лёд, рукой* и т. д. Другой способ связи – без параллелизма словоформ – представляет сравнение как бы неразвёрнутым: *«Вода бежит, как из ушата»* (Крылов); *«Заволокло всё небо, словно чёрным рядном»* (Гоголь). В этом случае словоформа, составляющая оборот, зависит от одного из слов предложения (ср.: *бежит из ушата, заволокло рядном*), а союз, вводящий зависимую словоформу, семантически мотивирует её связь с предложением.

В силу двунаправленного смыслового отношения – к основанию сравнения и к объекту сравнения – С. о. выполняет в предложении разные функции: он выступает то как обстоятельство, характеризуя действие или качественный признак, напр. *плачет как дитя; сверкая как алмаз; лёгкий как облако; душно, как перед грозой*, то как определение или сказуемое, характеризуя предмет: *с руками как грабли, «... со щечками, как у лягушонка»* (Катаев); *Наш двор как сад; Она выглядела как старушка*. Двунаправленное отношение часто присутствует одновременно, так что типичный С. о. сочетает в себе функции и обстоятельства, и определения: *«Луна, как бледное пятно, сквозь тучи мрачные желтела»* (Пушкин).

С. о. обычно вносит в предложение дополнительное значение, поэтому он, как правило, обособлен (см. Обособленный оборот). Обособленный С. о. занимает в предложении относительно самостоятельное и свободное положение: находясь в начале, конце или середине предложения, он соотносится со всей его предикативной частью и сближается по функции с придаточным предложением: *«Как буря, смерть уносит жениха»* (Пушкин); *«Сердце моё болезненно сжалось, как после первого расставания»* (Лермонтов); *«Во мраке носился ураган, и его бешеный гул, словно похоронный звон, уныло звучал над одинокой юртой»* (Серафимович). С. о. интонационно не выделяется (не обособляется), если он является ремой (см. Актуальное членение предложения) высказывания или тесно связан с одним из слов, являясь обязательным его распространителем: напр., частью сказуемого (*Дорога сделалась как каток*), обязательным определением (*Есть письма как сигнал тревоги*), обязательным обстоятельством (*«Сербы сражались как львы»*, Катаев; *Она была одета как кукла*), частью фразеологического оборота (*спит как убитый, красный как рак* и т. д.). Пунктуация при С. о. не упорядочена: согласно письменной традиции, С. о. часто выделяется запятыми и тогда, когда он синтаксически не обособлен, напр.: *«Она обернулась ко мне, бледная, как мрамор»* (Лермонтов); *«Он стал есть, но не садясь, а стоя у самого котла и глядя в него, как в яму»* (Чехов); *«Дверь распахнулась, задрожав, как от озноба»* (Антонов).

С. о. может быть введён в предложение с помощью указательных слов типа *так, такой*, напр. *«Я к ней наконец так привык, как к дочери»* (Лермонтов), хотя для совр. речи такое употребление нехарактерно.

Обороты с союзами *чем* (*нежели*) и *как и* отличаются семантико-синтаксическими особенностями. Они не имеют чисто сравнительного значения, в силу чего для них нехарактерна определительно-обстоятельственная функция. Союз *чем* (*нежели*) выражает градуированное сравнение (сопоставление по изменению, нарастанию или убыванию признака) и поэтому сочетается с формами сравнительной степени или с местоимениями *иной, другой* и др.: *«Теперь голос был дальше, чем в прошлый раз»* (М. Горький); *«Осина больше сочетается с северным сероватым небом, нежели с пылающей лазурью небес»* (Солоухин). Союз *как и* (*равно как и; так же, как и*) по значению представляет собой контаминацию (см.) сравнения и соединения, он выражает отношение приравнивания: *«На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу»* (Шолохов); *«Егорушкой тоже, как и всеми, овладела скука»* (Чехов).

Не выражает сравнения оборот, оформленный при помощи сочетания *такой(ая, ое, ие) как* или *такой(ая, ое, ие) ...как: «Для таких, как вы, людей не бывает лошадей»* (Михалков); *«Окончен сев такой важной культуры, как соя»* (газ.).

Не является сравнительным оборот с союзом *как*, когда он вводит имя со значением «сущности» или «функции» (союз *как* в значении «в качестве»), напр.: *Он явился в суд как свидетель; «Главный инженер расценил его слова как поддержку»* (Гранин). Однако такие обороты могут сближаться по функции со сравнительными, напр.: *«Всё написанное Аксаковым читается как самый увлекательный роман»* (Солоухин). При глаголах *принимать, встречать, обращаться* и нек-рых др. возникает диффузное значение –

«подобие и сущность»: *встретили как друга; явился как спаситель; вёл себя как рыцарь.*

В синтаксической теории вопрос о типе предложений со С. о. является спорным, поскольку С. о. проявляет противоречивые признаки с формально-грамматической и семантической стороны. С. о. не содержит в своём составе грамматического предиката, но в нём можно видеть скрытую предикативность: семантически он соответствует целой ситуации. Это свойство позволяет трактовать его двояко: или как придаточное предложение особой структуры, или как член простого предложения, осложняющий его семантически и синтаксически. «Русская грамматика» (1980) описывает С. о. дважды – и в системе простого, и в системе сложного предложения. В С. о. отражена семантика предиката, к к-рому он отнесён: смысл оборота осознаётся только на его фоне: ср.: *...как ребёнок (плачет? / резвится? / наивный?* и т. д.). С. о. обладает широким предикативным значением, не ограниченным модально-временны́м планом, поэтому адекватная замена на придаточное предложение практически невозможна (ср.: *Они веселились, как дети = Они веселились, как веселятся дети/Они веселились и тем были похожи на детей*). С другой стороны, конструкции со С. о. обнаруживают и нек-рые свойства, сближающие их с сочинительными конструкциями. Как и сочинённые, сравниваемые члены характеризуются функциональной близостью. Высказано суждение, что на них можно распространить понятие «однородные члены» (В. З. Санников). Особенно близки к сочинительным конструкции со значением градуированного сравнения (союз *чем*) и со значением приравнивания (союз *как и*).

С. о. с собственно сравнительным значением имеет ярко выраженную стилистическую функцию: наряду с метафорой он относится к числу образных средств языка и используется преим. в художественной речи, особенно в поэзии. С. о. с другими значениями не имеют стилистических ограничений.

Лит.: Грамматика рус. языка, т. 2, ч. 2, М., 1960; Широкова Н. А., Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения, [Каз.], 1960; Руднев А. Г., Синтаксис совр. рус. языка, 2 изд., М., 1968; Черемисина М. И., Нек-рые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции совр. рус. языка), Новосиб., 1971; Прияткина А. Ф., Союз *как* в значении «в качестве» (конструктивные свойства), Владивосток, 1975; её же, Рус. язык. Синтаксис осложнённого предложения, М., 1990; Саввина Е. И., Фрагмент модели рус. поверхностного синтаксиса. III. Сравнительные конструкции. (Сравнительные и союзные синтагмы), «НТИ. Сер. 2», 1976, № 1; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980, Фитиалов С. Я., Сравнительные конструкции с союзом *чем*, в кн.: Структурная и прикладная лингвистика, в. 2, Л., 1983; Санников В. З., Рус. сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис, М., 1989.

А. Ф. Прияткина.

Сраще́ние, лексико-синтаксический способ словообразования, – возникновение слова из словосочетания. Под С. понимается: 1) исторический процесс постепенного превращения словосочетания в слово, напр.: *спаси бог > спасибо; сего дня > сегодня*; 2) способ словообразования, при к-ром производное слово во всех своих формах полностью тождественно по морфемному составу синонимичному словосочетанию; синтаксическая связь этого сочетания (управление или примыкание) остаётся живой в структуре производного слова: *вечнозелёный, тяжелобольной, умалишённый, вышеприведённый; азотсодержащие вещества, быстродействующее средство.* Этот способ продуктивен при образовании прилагательных с последним компонентом, равным самостоятельному причастию или прилагательному. Слова-С. других частей речи единичны (напр., *заблагорассудится*). С. может сочетаться с суффиксацией: *ничегонеделание, немогузнайка, сиюминутный.*

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по рус. словообразованию, М., 1968, с. 267–69, Рус. грамматика, т 1, М., 1980

В. В. Лопатин.

Сре́дний род – см. Род.

Старославя́нский язы́к – язык древнейших дошедших до нас славянских памятников 10–11 вв., продолжавших традицию переведённых с греческого языка Кириллом (Константином-Философом) и Мефодием в 9 в. богослужебных и канонических книг (см. Кирилл и Мефодий), язык к-рых также принято называть С. я. В основу С. я., древнейшего слав. лит. языка, лёг южнослав. солунский диалект. С самого возникновения С. я. носил характер слав. международного языка, употреблявшегося в среде зап. славян (чеш., моравской, словацкой и отчасти польск. земли), затем славян южных и несколько позже (с 10 в.) славян восточных. Памятники С. я. писаны двумя азбуками: глаголицей (см.) и кириллицей (см.). Большинство учёных предполагает, что глаголица древнее кириллицы и что именно она была изобретена одним из создателей слав. письменности Кириллом. Своеобразие глаголического письма, не позволяющее уверенно связать его ни с одним из известных в то время алфавитов, в т. ч. и с греч. минускульным письмом, подтверждает это предположение. Кириллица довольно чётко воспроизводит манеру греч. уставного письма 9 в. Дошедшие до нас ст.-слав. памятники отражают локальные типы древнейшего слав. лит. языка 10–11 вв.: «Киевские листки», или «Киевский миссал» (10 в.) – моравский тип; Зографское, Мариинское, Ассеманиево евангелия, «Сборник Клоца», «Синайский евхологий» и «Синайская псалтырь» (11 в.) – охридский (зап.-макед.) тип; Саввина книга, Супрасльская рукопись, Енинский апостол – преславский (вост.-болг.) тип; открытый в 80-х гг. 20 в. и ещё не расшифрованный «Синайский миссал» (11 в.) – по-видимому, хорватский (прото-

хорватский) тип. Общее число ст.-слав. книжных памятников (ст.-слав. канон) невелико: при разных определениях ст.-слав. канона, существующих в славистике, в него входят от 15 до 17 текстов (включая небольшие отрывки). Ценным дополнением к пергаменному корпусу памятников являются надписи на камне (древнейшая – Добруджская надпись 943).

С. я. принадлежит к южнослав. группе языков и отражает характерные фонетические и морфологические черты этой группы: 1) начальные сочетания *ра-*, *ла-* в соответствии с рус. *ро-*, *ло-* (*равънъ, ладии*, ср. рус. *ровный, лодка*); 2) неполногласие (*брада, глава, врѣдъ, млѣко*, ср. рус. *борода, голова, веред, молоко*); 3) изменение древних сочетаний **tj*, **dj* в *št*, *žd* (*свѣща, межда*, ср. рус *свеча, межа*) и др. Фонетический и морфологический строй С. я., по справедливому мнению ряда учёных (А. Мейе, Н. С. Трубецкой и др.), был близок к фонетике и морфологии праслав. языка позднего периода (см. Праславянский язык). Для С. я характерно наличие редуцированных гласных (*сънъ, дьнь, пьсальмъ*), исчезновение к-рых знаменует, по представлению большинства учёных, конец праслав. периода, наличие носовых гласных ę, ǫ (*пѧть – пять, пѫть – путь*), ятя (ѣ) (*свѣтъ*) и др., а также – в морфологии – существование шести типов склонения, двойственного числа, двух простых и двух сложных прош. времён, супина, ряда причастных форм и т. п.

Продолжением С. я. как языка литературного был церковно-славянский язык (см.).

Лит.: Кульбакин С. М., Др.-церк.-слав. язык, 3 изд., Хар., 1917; Лавров П. А., Материалы по истории возникновения древнейшей слав письменности, Л., 1930; Селищев А. М., Ст.-слав. язык, ч. 1–2, М, 1951–52; Вайан А., Руководство по ст.-слав. языку, пер. с франц., М., 1951; Хабургаев Г. А., Ст.-слав. язык, 2 изд., М., 1986; Trubetzkoy N., Altkirchenslavische Grammatik, W., 1954; Diels P., Altkirchenslavische Grammatik, Bd 1–2, 2 Aufl., Hdlb., 1963, Lunt H. G., Old Church Slavonic Grammar, 6 ed., The Hague–P., 1974. *Н. И. Толстой.*

Стати́стика лингвисти́ческая – см. Лингвистическая статистика.

Сте́пени сравне́ния – грамматическая категория прилагательных и наречий, выражающая различия в степени проявления признака и образуемая противопоставлением положительной С. с. (*сильный, ярко*) формам сравнительной (*сильнее, ярче*) и превосходной С. с. (*сильнейший, самый сильный, наиболее ярко*). Способностью изменяться по С. с. обладают только качественные прилагательные и соотносительные с ними наречия на *-о, -е*, обозначающие признаки, к-рые допускают количественные градации.

Положительной степенью называют исходную форму прилагательного или наречия, обозначающую признак вне прямого его сопоставления с другими конкретными проявлениями данного признака. Вместе с тем безотносительная абсолютная оценка переменного признака предполагает учёт нек-рой типовой меры признака, зависящей от носителя этого признака и от конкретной ситуации (ср. *высокая трава* и *высокое дерево*). Сравнительная и превосходная степени выражают относительную оценку.

Сравнительная степень (компаратив) показывает, что признак присущ данному его носителю в большей мере, чем другому: *Этот дом выше, чем тот.* Превосходная степень (суперлатив) имеет более узкое значение, выделяя среди однородных предметов тот, к-рый обладает названным признаком в большей степени, чем все остальные: *Он самый сильный в классе* (*в школе, в городе* и т. д.) Это же значение может быть выражено формами сравнительной С. с. в сочетаниях типа *сильней всех, сильнее всего.*

Сочетания сравнительной и превосходной С. с. с различными предложно-падежными формами, обозначающими объект сравнения (*выше гор; выше, чем горы; крупнейший в мире; высочайшая из вершин*), образуют особые синтаксические конструкции, характерные именно для этих форм; употребление в них положительной степени невозможно.

Формы сравнительной степени могут быть простыми (синтетическими) и сложными (аналитическими). В простых формах используются суффиксы *-ее/-ей, -е* и *-ше*. Наиболее распространены формы с суффиксом *-ее/-ей: светлый – светлей, острый – острей, счастливый – счастливее, худой* (в значении 'тощий') – *худее*. Суффикс *-е* присоединяется к основам на заднеязычный согласный и к нек-рым основам на *-т, -д*, вызывая чередование конечных согласных и сочетаний *-ст, -ск* с шипящими: *лёгкий – легче, дорогой – дороже, сухой – суше, богатый – богаче, твёрдый – твёрже, простой – проще.* В нек-рых прилагательных присоединение суффикса *-е* сопровождается выпадением конечного *-к(-ок)* и чередованием корневых согласных *д/ж, т/ч, з/ж, с/ш: редкий – реже, короткий – короче, высокий – выше, низкий – ниже.* Возможны и иные видоизменения основ: *дешёвый – дешевле, сладкий – слаще, глубокий – глубже, поздний – позже* (ср. *позднее*), *красивый – краше* (ср. *красивее*). Всего форм с этим суффиксом – несколько десятков; часть из них малоупотребительна: *меткий – метче, плоский – площе, жестокий – жесточе.* Образования с суффиксом *-ше* единичны: *дальний – дальше, долгий – дольше, тонкий – тоньше* (во всех случаях с усечением исходной основы). Прилагательные *маленький* (*малый*), *хороший, плохой* образуют формы

сравнительной степени от супплетивных основ: *меньше, лучше, хуже.*

От простых форм сравнительной степени могут образовываться префиксальные компаративы с приставкой *по-* (*пострашнее, повыше*) преим. со смягчительно-ограничительным значением. Они свойственны разг. речи.

Простые формы сравнительной степени прилагательного не изменяются по числам, родам или падежам и употребляются гл. обр. в функции сказуемого. Свободно используются в функции определения префиксальные компаративы: *Эта книга поинтереснее – Выбери книгу поинтереснее.*

Особую группу составляют формы *больший, меньший, худший, лучший*, представляющие собой склоняемые простые формы сравнительной степени; формы *худший* и *лучший* могут иметь и значения превосходной степени, различаемые в конкретных употреблениях: *Лучшего друга мне не найти* (сравнительная степень) – *Это мой лучший друг* (превосходная степень).

Аналитические формы сравнительной степени прилагательного представляют собой сочетания слова *более* с формой положительной степени. Они могут быть полными и краткими (*более заметный, более заметен*) и изменяются подобно полным и кратким прилагательным: *Эта книга более интересная* (*более интересна*) – *Это более интересная книга.* По аналогии с ними образуются и антонимичные им аналитические конструкции со словом *менее* (*менее заметный, менее интересный*), не имеющие прямого соответствия среди простых форм сравнительной степени. Эти формы сравнительной степени носят более книжный характер, чем простые, но не имеют формальных ограничений на образование: прилагательные *ветхий, робкий, чуждый, рослый* и многие др. образуют только сложную форму сравнительной степени.

Формы сравнительной степени наречий образуются аналогичным образом: *бежит быстрее – более быстро, светит ярче – более ярко.* Неизменяемые простые формы сравнительной степени прилагательных и наречий омонимичны. Они различаются только своим синтаксическим употреблением: *«Всё настойчивее, крепче, резче* (наречие) *ударял по кибитке ветер, чернее, суровее* (прилагательное) *становилось небо»* (Чехов).

Формы превосходной С. с. прилагательных также могут быть простыми и сложными. Простые формы образуются с помощью суффиксов *-ейш-* (*старейший, крупнейший, красивейший*) и *-айш-*, к-рый присоединяется к основам на заднеязычные согласные и вызывает их чередование с шипящими (*глубокий – глубочайший, редкий – редчайший, строгий – строжайший, тихий – тишайший*). Отдельные слова имеют индивидуальные особенности при образовании простых форм превосходной степени (*близкий – ближайший, короткий – кратчайший, тяжкий – тягчайший*). Прилагательные *высокий* и *низкий* наряду с формами *высочайший, нижайший* имеют и формы превосходной степени с суффиксом *-ш-*: *высший, низший.* К другому типу относятся префиксальные простые формы превосходной степени, образуемые от склоняемых простых форм сравнительной степени: *наименьший, наибольший, наихудший, наилучший.* В сочетании с формами превосходной степени на *-ейший/-айший* префикс *-наи-* выражает интенсификацию признака: *наисложнейший, наистрожайший.* Простые формы превосходной степени прилагательного образуются ещё менее регулярно, чем простые формы сравнительной степени. Их нет, напр., у таких прилагательных, как *молодой, частый, сухой, тугой, узкий, долгий.*

Сложные (аналитические) формы превосходной степени прилагательных представлены сочетаниями форм положительной степени со словами *самый* и *наиболее* (*наименее*): *самый молодой, наиболее* (*наименее*) *значительный.* Последние имеют книжный характер и употребляются реже.

Средства выражения превосходной степени наречий гораздо более ограниченны. Простые формы превосходной степени на *-ейше/-айше* сохранились лишь в единичных устойчивых сочетаниях (*строжайше запретить, покорнейше прошу*), в к-рых к тому же выражается не выделительное суперлативное значение, а т. н. элативное значение высокой степени признака. Иногда встречающиеся сочетания наречий со словом *самый* представляются отклоняющимися от нормы, ср. *«Книга эта не менее увлекательна, чем самый мастерски написанный роман»* (Паустовский). Практически в функции форм превосходной степени наречий используются сочетания типа *наиболее сильно, сильнее всего, сильнее всех.*

Относительно состава С. с. нет полного единства мнений. Аналитические сочетания (*самый высокий, более высокий* и особенно *выше всех, выше всего, менее высокий*) многие исследователи рассматривают как свободные сочетания слов, представляющие собой описательные выражения со значением сравнения. Из числа С. с. нередко выводят положительную степень, как не выражающую сравнения, и превосходную степень, к-рую уподобляют образованиям субъективной оценки типа *пренеприятный, большущий, тяжеленный*, выражающим высокую степень признака.

Лит.: Буланин Л. Л., Трудные вопросы морфологии, М., 1976; Рус грамматика, т. 1, М., 1980; Воротников Ю. Л., Структура функционально-грамматической сферы градационности качественного признака, «НДВШ. ФН», 1987, № 4; Арутюнова Н. Д., Типы языковых значений. Оценка, событие, факт, М., 1988.

Ю. П. Князев.

Стилиза́ция – намеренное построение художественного, реже публицистического текста в полемических целях в соответствии с основными

принципами, приёмами организации, использования языкового материала, присущими известному литературному направлению, школе, какому-либо жанру, официальному документу, индивидуальной манере какого-либо писателя, речевому обиходу определённой социальной среды, группы, исторической эпохи, к-рые избираются в качестве объекта имитации, при демонстрации, воспроизведении (и особой акцентировке, шаржировании в пародийных и сатирических текстах) его наиболее показательных или типичных внешних (речевых, отчасти композиционных) примет.

К С. прибегают в разных идейно-эстетических целях: при историческом повествовании, исследовании и воспроизведении народной жизни, жизни отдельных социальных слоёв, в жанрах сатиры и юмора, при пародировании.

В зависимости от объекта имитации обычно выделяют С., ориентированную на фольклорные жанры (напр., стихотворения А. В. Кольцова, И. С. Никитина, А. К. Толстого, А. А. Прокофьева), народно-разг. речь («Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Рассказы Ивана Сударева» А. Н. Толстого), индивидуальную манеру письма определённого автора («Бурыга» Л. М. Леонова, прозаические пародии А. И. Куприна). В зависимости от социально-культурного характера воспроизводимой речи различают С. социально-речевую (ориентация на язык определённой социальной среды), жанровую или стилевую (ориентация на наиболее яркие приёмы построения речи, средства выражения в том или ином жанре или стиле, напр. деловом, научном), историческую (воспроизведение наиболее характерных черт речевого обихода конкретной исторической эпохи).

Цели С. и объект имитации обусловливают нек-рые особенности композиционно-речевой организации стилизованного текста. Ориентация на народно-разг. речь предполагает форму сказа как имитацию монологической речи персонажа «из народа» или «рассказчика» (напр., у Н. С. Лескова, П. П. Бажова), к-рая может объединяться с ориентацией автора на фольклорные жанры, на их стилистику и поэтику. Такой вариант художественного повествования служит композиционно-речевой основой орнаментальной прозы (А. С. Неверов, А. М. Ремизов). Традиция сказа как особое стилевое направление в рус. лит-ре сложилась в творчестве Гоголя, В. И. Даля, Лескова, И. Ф. Горбунова, в 20 в. продолжена Е. И. Замятиным, М. М. Зощенко, Леоновым, В. Я. Шишковым, В. И. Беловым, В. М. Шукшиным и др. Историческое повествование предполагает последовательное, тематически и эстетически мотивированное вкрапление в его композиционно-речевую структуру лексико-фразеологических и грамматических историзмов и архаизмов, композиционных элементов текстов и документов описываемой эпохи. В целях юмористического и сатирического изображения речь в тексте строится на столкновении стилистически разнородных, полярных средств выражения в рамках «узкого» контекста (напр., у Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Зощенко), к-рые в текстах нейтральной тональности не употребительны. В пародии отдельные, наиболее показательные черты «прототипного» стиля нарочиты, часто гипертрофированно выделены или преподнесены изолированно, что и создаёт предпосылки для «сниженного», юмористического или сатирического истолкования, обыгрывания основных или частных характеристик, примет пародируемого автора, текста (И. П. Мятлев, Д. Д. Минаев, А. Г. Архангельский, А. А. Измайлов).

При С. определённые речевые средства и приёмы их использования актуализируются. Напр., при социально-речевой С. на первом плане орфоэпические и лексико-фразеологические речевые средства, а также нек-рые грамматические особенности речи изображаемой социальной среды или персонажа известного общественного статуса. При жанровой С. на первом плане черты синтаксической организации имитируемых текстов, общие принципы композиционно-речевой структуры «прототипного» стиля.

С. как феномен лит. творчества появляется с развитием индивидуальных писательских стилей и сопутствующим ростом ощущения чужого стиля (Д. С. Лихачёв), в рус. лит-ре – с нач. 19 в. Достаточно широкое распространение С. получает в лит-ре нач. 20 в. (проза В. Я. Брюсова, М. А. Кузмина, С. А. Ауслендера и др.).

С. называют и воспроизведение в художественном тексте разг. речи (в драматургических текстах, в художественной прозе – чаще в речи персонажей). Будучи способом типизации лит. образа, речь персонажей представляется не «зеркальной», стенографической записью живой (спонтанной, ситуативной, диалогической) разг. речи, а отражением её наиболее типичных свойств.

Лит.: Виноградов В. В., О языке художественной лит-ры, М., 1959; его же, Проблемы сказа в стилистике, в его кн.: О языке художественной прозы. Избр. тр., М., 1980; Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису рус. разг. речи, М., 1960; Троицкий В. Ю., Стилизация, в кн.: Слово и образ, М., 1964; его же, Лесков – художник, М., 1974; Винокур Т. Г., Стилистическое развитие совр. разг. речи, в кн.: Функционирование стилей совр. рус. языка, М., 1968; Полищук Г. Г., О способах стилизации разг. интонации в художественных произведениях, в кн.: Вопросы стилистики, в. 3, [Саратов], 1969; Алпатов А. В., Стилизация речи, «Рус. речь», 1970, № 4; Виноградова В. Н., О стилизации разг. речи в совр. художественной прозе, в кн.: Очерки по стилистике художественной речи, М., 1971; Бахтин М. М., Проблемы поэтики Достоевского, 4 изд., М., 1979, гл. 5; Лихачев Д. С., Поэтика др.-рус. лит-ры, 3 изд., М., 1979

Ю. А. Бельчиков.

Стили́стика – раздел языкознания, в к-ром исследуются закономерности использования языка в процессе речевой коммуникации, функцио-

нирование языковых единиц (и категорий) в рамках литературного языка в соответствии с его функциональным расслоением в различных условиях речевого общения, а также функционально-стилевая система, или «система стилей» (см. Стиль), литературного языка в его современном состоянии и в диахронии. По целям анализа и основному подходу к лингвистическому материалу С. противопоставлена описательным разделам языкознания (фонетике, грамматике, лексикологии и т. д.), соотносительна с культурой речи (см.), риторикой (см.), учением о норме (см.), теорией лит. языка (см. Литературный язык).

В зависимости от целей анализа, от лингвистического и коммуникативно-речевого объекта изучения, от методологических установок исследователя сложилась разветвлённая система подразделов С. (напр., С. сопоставительная, историческая, теоретическая, устной речи, письменной речи, дескриптивная, прагматическая и т. д.). Вместе с тем в целях обзора понятий и категорий С., выяснения основных исследовательских подходов к лингвистическому материалу обычно выделяют четыре основных, центральных структурных раздела С.: функциональную С., С. языковых единиц, С. текста, С. художественной речи.

Функциональная С. исследует дифференциацию лит. языка по его исторически сложившимся разновидностям (функционально-стилевым единствам), т. е. изучает и описывает систему стилей, закономерности её внутриструктурной организации. Функциональная С. вырабатывает общие принципы типологии, классификации и выделения основных функциональных разновидностей (функционального стиля, функционально-стилевой сферы) лит. языка, взятого как объект теоретического исследования и как конкретная историко-культурная данность; выявляет, определяет их экстралингвистические стилеобразующие факторы, их иерархию и взаимодействие стилей и функционально-стилевых сфер внутри лит. языка, процессы их функционирования и развития; использование и принципы организации речевых средств в рамках определённого функционально-стилевого единства, основные параметры его композиционно-речевой структуры; наиболее общие принципы и способы организации синтаксиса и лексики в текстах определённой функциональной разновидности лит. языка.

С. языковых единиц (см. Практическая стилистика) изучает функционирование в лит. языке единиц (и категорий) всех уровней языка в типических речевых ситуациях, в контекстах различного смыслового, экспрессивного содержания с учётом действующих языковых норм.

С. текста изучает общие и частные закономерности организации языковых единиц, подчиняющихся известному идейно-содержательному, функциональному, композиционно-структурному единству, каким представляется текст как речевое произведение; выясняет способы и нормы организации языковых единиц в текстах определённого назначения и содержания; исследует внутриабзацные связи и стилистическую характеристику сложного синтаксического целого, прежде всего предложений и сверхфразовых единств в их соотношении с абзацем (см.), с общей композицией и синтаксическим строем текста, соотнесённость композиционных частей текста с определённой совокупностью языковых единиц в зависимости от идейного содержания и жанрово-композиционных особенностей текста, его функционально-стилевой принадлежности.

С. художественной речи изучает вопросы, связанные с приобретением языковыми единицами в контексте цельного художественного произведения эстетической значимости. Проблематика С. художественной речи включает: а) проблему «образа автора» как того идейно-композиционного стержня художественного произведения, вокруг к-рого организуются его языковые и композиционные элементы, благодаря к-рому они приобретают целесообразность и своё идейно-эстетическое назначение (В. В. Виноградов); б) построение разных типов авторского повествования, речи персонажей, диалога – как таковых, так и во взаимном соотношении в рамках цельного художественного произведения (в связи с этим возникают проблемы отражения речи описываемой среды); в) отбор языковых элементов (в т. ч. и нелитературных, ненормированных), их трансформацию в контексте художественного произведения, художественной речи в целом, синкретический характер состава языковых элементов с точки зрения их стилевой принадлежности, стилистической окраски, предметно-логического содержания; вопрос о повествовательной норме; г) внутреннюю организацию художественного повествования с позиций автора, рассказчика, персонажа, типологию композиционно-синтаксических форм повествования в данном художественном тексте; д) вопрос о соотношении лит. языка и языка художественной лит-ры. Термин «язык художественной лит-ры» означает лишь, что в художественной речи языковые элементы приобретают эстетическую функцию, язык художественного произведения обязательно ориентирован на действующие нормы лит. языка. Т. о., понятия «лит. язык» и «язык художественной лит-ры» не тождественны, они соотносительны как общее, родовое, и видовое. Язык художественной лит-ры, будучи явлением искусства, не утрачивает своей лингвистической субстанции. Следовательно, С. художественной речи, изучающая «язык художественной лит-ры», остаётся лингвистической дисциплиной. Оперируя лингвистическими категориями и понятиями, она вместе с тем обращается

для выявления эстетической функции языка в лит-ре к категориальному аппарату искусствоведения, а также вводит свои собственные понятия, как, напр., «образ автора» (Виноградов), «художественно-образная речевая конкретизация» (М. Н. Кожина). Для С. художественной речи существенны проблемы изучения языка писателя и индивидуально-авторского стиля.

Элементы С. были заложены уже в античных теориях языка. Античные риторики рассматривали вопросы выразительности языка, специальной организации языковых элементов для целей воздействия на слушателей. Аналогичные вопросы, связанные в основном с поэтической, художественной речью, интенсивно обсуждались в эстетических и философских трактатах эпохи Возрождения. Эти традиции нашли отражение в рус. риториках 17 – 1-й пол. 19 вв.

Научная разработка вопросов С. была начата М. В. Ломоносовым (см. Трёх стилей теория), он рассматривал их в рамках грамматики, риторики, «лексикона». Большое значение для развития С. имела деятельность Н. М. Карамзина и его школы (кон. 18 – нач. 19 вв.), разрабатывавших гл. обр. вопросы С. художественной речи в соответствии с ведущими тенденциями развития художественно-беллетристических стилей, а также А. С. Шишкова и общества «Беседа любителей русского слова» (1811–16), к-рые обсуждали проблемы С. рус. лит. языка в историко-генетических аспектах его эволюции. В 19 в. важная роль в разработке проблем С., преим. в составе теории словесности и поэтики, принадлежит А. А. Потебне, А. Н. Веселовскому, Ф. И. Буслаеву.

С. как самостоятельная область науки о языке выделилась в кон. 19–нач. 20 вв. (преим. работы Ш. Балли, В. И. Чернышёва). В рус. науке в нач. 20 в. развитие С. связано с разработкой грамматической С., культуры речи, художественной речи, функциональной С. В сов. период вопросам С. уделялось большое внимание в связи с актуальностью таких проблем, как развитие и формирование лит. языков народов СССР, повышение речевой культуры населения, а также в связи с интенсивностью изменений как внутри функционально-стилевой системы рус. лит. языка, так и в композиционно-речевой структуре его функциональных разновидностей.

В постановку и исследование проблем С., историко-лит. изучения стилистической структуры рус. лит. языка большой вклад внесли М. М. Бахтин, Л. А. Булаховский, К. И. Былинский, Т. Г. Винокур, А. Н. Гвоздев, А. И. Ефимов, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, А. М. Пешковский, Д. Э. Розенталь, Б. В. Томашевский, В. Б. Шкловский, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум, Л. П. Якубинский и др. Особую роль в развитии рус. С. сыграли работы Г. О. Винокура, Д. Н. Шмелёва и гл. обр. труды Виноградова, его учение о «трёх стилистиках» (С. языка, С. речи, С. художественной речи), дефиниция понятия «стиль» («функциональный стиль»), ставшая классической, отграничение С. от поэтики, разработка общих проблем функциональной С., выдвижение теоретических проблем С. художественной речи, учение о языке художественной лит-ры, учение об «образе автора», разработка теоретических основ стилистики текста.

Лит.: Винокур Г. О., Культура языка, 2 изд., М., 1929; его же, Язык лит-ры и лит. язык, в его кн.: Филол. исследования. Лингвистика и поэтика, М., 1990; его же, Об изучении языка художественной лит-ры, в его кн.: О языке художественной лит-ры, М., 1991; его же, Понятие поэтического языка, там же; Виноградов В. В., Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; его же, О теории художественной речи, М., 1971; его же, О художественной прозе, в его кн.: О языке художественной прозы. Избр. тр., М., 1980; его же, Проблемы рус. стилистики, М., 1981; Гальперин И. Р., О понятиях «стиль» и «стилистика», «ВЯ», 1973, № 3; Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики, Горький, 1975; Шмелев Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях. К постановке проблемы, М., 1977; Иванчикова Е. А., Синтаксис художественной прозы Достоевского, М., 1979; её же, Категория «образа автора» в научном творчестве В. В. Виноградова, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1985, т. 44, № 2; Одинцов В. В., Стилистика текста, М., 1980; Ковтунова И. И., Вопросы структуры текста в тр. акад. В. В. Виноградова, в кн.: Рус. язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения, XI, М., 1982; Томашевский Б. В., Стилистика. Учебное пособие, 2 изд., Л., 1983; Кожина М. Н., Стилистика рус. языка, 3 изд., М., 1993; Bogołębska B., Proces wyodrębniania się teorii stylu na przełomie wieku XIX na XX, «Stylistyka», 1993, № 2.

Ю. А. Бельчиков.

Стиль (от лат. stilus, stylus – остроконечная палочка для письма) – общественно осознанная, объединённая определённым функциональным назначением система языковых элементов внутри литературного языка (см.), способов их отбора, употребления, взаимного сочетания и соотношения; функциональная разновидность, или вариант, литературного языка; по В. В. Виноградову – «функциональный стиль» (ФС). Данное понятие является центральным, базовым при дифференциальном делении лит. языка, своего рода точкой отсчёта для таких соотносительных со С. понятий (категорий), как подстиль, речевой жанр (варианты С.), функционально-стилевая сфера (ФСС). С.– одно из фундаментальных понятий стилистики (см.) и лит. языка.

Композиционно-речевая структура С. (т. е. совокупность языковых элементов в их взаимодействии и взаимном соотношении между собой и с композиционной структурой текстов, наиболее типических для данной функциональной разновидности лит. языка) определяется социальными задачами речевой коммуникации, её условиями и формой реализации (устная – письменная речь).

Для С. как функциональной категории лит. языка принципиальное значение имеет его понимание как комплекса типических признаков, поскольку специфика конкретного С. состоит в особенностях соотношения, способов и приёмов со-

четания, объединения языковых средств (к-рые в других стилях могут быть представлены в иных комбинациях), их специализированного употребления, в результате чего актуализируются определённые стороны семантики, потенциальные возможности функционирующих в данном С. языковых единиц; напр., в научном С. на первый план среди глагольных категорий выдвинуто настоящее неактуальное (*Земля вращается вокруг Солнца*), а в разг. речи – настоящее актуальное (*Иду/пошёл домой*).

Понятие С., или ФС, постепенно становится традиционным: обычно С. называют научную, публицистическую, официально-деловую речь (научный С., публицистический С., официально-деловой С.). Синонимами терминов «С.», «ФС» выступают более общие номинации – функциональная разновидность, функциональный вариант, реже – функциональный тип.

Функционально-стилевая система совр. рус. лит. языка многомерна, т. е. его функциональные разновидности выделяются по разным основаниям. Напр., научный, официально-деловой, публицистический С. выделяются при ориентации на соответствующие сферы человеческой деятельности (наука, законодательство и делопроизводство, политика), к-рые они «обслуживают». Конституирующим фактором для устной публичной речи (см.), выполняющей функции, во многом аналогичные только что названным С., является «устность». Кроме того, составляющие функционально-стилевую систему лит. языка функциональные разновидности неодинаковы по своей значимости в речевой коммуникации и по охвату ими языкового материала.

Общей основой С., или функциональных разновидностей, является совокупность базовых параметров (для каждого С. выступающих в той или иной комбинации): социальная задача речевого общения, ситуация речевого общения (официальность/неофициальность), характер коммуникации (массовая, групповая, межличностная), форма реализации (устная/письменная речь). Напр., для устной публичной речи социальной задачей общения является публичность «говорения» на темы науки, права, политики, эта речь реализуется в ситуации официальности, в условиях групповой коммуникации, в устной форме. Кроме того, в основе каждого С. (вообще функциональной разновидности) лежит также единый конструктивный принцип или стилеобразующий фактор экстралингвистического характера, к-рый определяет принципы отбора и способы сочетания средств выражения в данной функциональной категории, организует их в систему. Так, для публицистического С. устанавливается в качестве единого конструктивного принципа чередование экспрессии и стандарта (В. Г. Костомаров).

Наряду со С. выделяется ФСС. Это понятие соотносительно с понятием С. и аналогично ему. Если функционирование С. в лит. языке обусловлено специализированными задачами речевого общения, то ФСС характеризуется совокупностью таких социальных задач речевой коммуникации. ФСС может объединять ряд С. Соотносительность данных понятий наглядно демонстрирует исторически сложившаяся дифференциация в такой ФСС, как книжная речь (см.). В книжной речи обычно выделяют в качестве её разновидностей публицистический стиль (см.), научный стиль (см.), официально-деловой стиль (см.), язык художественной литературы (см.), устную публичную речь, язык радио, язык кино, телевизионную речь.

ФСС может пониматься и как нек-рая группировка разновидностей лит. языка, объединяемых к.-л. общим для них фактором. Напр., письменная речь – ФСС, объединяющая научный, официально-деловой, публицистический С., язык художественной лит-ры и эпистолярный С. (см. Разговорная речь); воздействующая речь – язык радио, кино, телевизионная речь, язык художественной лит-ры, устная публичная речь. Реальное существование этих и других ФСС отражает сложность и многоплановость функционально-стилевой системы совр. лит. языков, в т. ч. рус. лит. языка.

Функционально-стилевая система, как и сами С.,– явление, исторически изменяющееся. Изменяются принципы выделения С., их взаимное соотношение и степень обособленности друг от друга (ср. систему стилей, сложившуюся в 18 в. и в послепушкинский период истории рус. лит. языка), меняется материальный состав С., их внутренняя организация в рамках одного периода развития лит. языка, как, напр., в рус. лит. языке 2-й пол. 19 в. и в 20–90-х гг. 20 в.

В аспектах стилистики термин «С.» употребляется также в связи с жанровой дифференциацией функциональных разновидностей, напр. С. деловых бумаг, С. передовой статьи, очерка, репортажа (в рамках публицистического С.), С. романа, рассказа, басни, баллады (в языке художественной лит-ры). Индивидуальную манеру письма писателя называют индивидуально-авторским С., или С. писателя. По характеру заключённой в языковых элементах экспрессии выделяются С. экспрессивные; обычно выделяют: торжественный (риторический), официальный, фамильярный, шутливый (юмористический), сатирический С. Эти С. определяются на фоне нейтрального С., т. е. такой речи, к-рая лишена экспрессии. Вопрос о том, представляют ли экспрессивные С. определённые системы языковых элементов, лингвистами решается по-разному.

Термин «штиль» появляется в рус. языке в кон. 17 в. Термин «С.» в других значениях и осмыслениях употребляется в литературоведении, искусствоведении, эстетике.

Лит.: Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике рус. языка, 3 изд., М., 1965; Костомаров В. Г., Рус. язык на газетной полосе, [М.], 1971; Кожина М. Н., О речевой системности научного стиля сравнительно с нек-рыми другими, Пермь, 1972; Лаптева О. А., Языковые основания выделения и разграничения разновидностей совр. рус. лит. языка, «ВЯ», 1984, № 6; её же, Мысли Виктора Владимировича Виноградова о социальных и личностных факторах речи в связи с теорией лит. языка, «ВЯ», 1989, № 4; Земская Е. А., Рус. разг. речь: лингвистический анализ и проблемы обучения, 2 изд., М., 1987; Лосев А. Ф., Нек-рые вопросы из истории учений о стиле, «Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология», 1993, № 4; Очерки истории научного стиля рус. лит. языка XVIII–XX вв., т. 1, ч. 1, под ред. М. Н. Кожиной, Пермь, 1994; Sempoux A., Notes sur l'istoire des mots «style» et «stylistique», «Revue belge de philologie et d'histoire», t. 39, 1961. См. также лит. при ст. Стилистика. *Ю. А. Бельчиков.*

Страда́тельные прича́стия – разряд причастий (см.) со значением страдательного залога (см.), имеющих полные и краткие формы настоящего и прошедшего времени (*выполняемый, выполняем, выполненный, выполнен*). Полные С. п., подобно полным прилагательным, изменяются по падежам, числам и родам (в ед. ч.), имеют аналогичные окончания и употребляются в сходных синтаксических функциях (см. Причастные конструкции). Краткие С. п., изменяющиеся по числам и родам (в ед. ч.), используются гл. обр. в аналитических формах страдательного залога.

С. п. наст. времени образуются от перех. глаголов несов. вида присоединением к основе наст. времени суффикса *-ем-* (под ударением *-ом-*) для глаголов 1-го спряжения (*открываемый, ведомый*) и суффикса *-им-* для глаголов 2-го спряжения (*гонимый, ценимый*). Глаголы типа *создавать, познавать* образуют эти формы от основ прош. времени, сохраняющих суффикс имперфективации (несовершенности): *создают – создавал – создаваемый.* Эти С. п. образуются гл. обр. от приставочных глаголов с суффиксами имперфективации (*изучаемый, застраиваемый*) и глаголов на *-овать/-евать* (*рисуемый, рекомендуемый*). У б. ч. глаголов несов. вида других типов (ср. *топтать, держать, строить, кормить, чистить, стричь, рыть* и др.) их образование невозможно или затруднительно.

Для образования С. п. прош. времени используются суффиксы *-нн-*, *-енн-* и *-т-*. Суффикс *-нн-* присоединяется к основам прош. времени на *-а-*, *-я-* (*написа-л* → *написанный, засея-л* → *засеянный, изгна-л* → *изгнанный*); этот же суффикс выделяется в С. п. *виденный* (*увиденный*) от *виде-л* (*увиде-л*). Суффикс *-енн-* присоединяется к основам наст. времени глаголов на *-ить, -еть* (кроме глагола *видеть*), *-ти, -сть, -чь*; при этом происходят чередования конечного согласного основы, подобные тем, к-рые имеют место в личных формах наст. времени (*погубить – погублю* → *погубленный, обидеть – обижу* → *обиженный, украсть – украду* → *украденный, сжечь – сожжёт* → *сожжённый*). Суффикс *-т-* присоединяется к основам прош. времени на *-ну-* (*покину-л* → *покинутый*), *-о-* (*расколо-л* → *расколотый*), *-р-* (*запер* → *запертый*) и к основам с односложным корнем на гласный (*нагре-л* → *нагретый, разби-л* → *разбитый, умы-л* → *умытый, обу-л* → *обутый, нача-л* → *начатый, измя-л* → *измятый*).

Наиболее последовательно С. п. прош. времени образуются от перех. глаголов сов. вида, обозначающих результативные действия: *сваренный суп, прочитанная книга.* У глаголов сов. вида, выражающих внешнюю (временну́ю) предельность действия – начинательных (*запеть, полюбить*), ограничительных (*поварить, покрутить*), многих одноактных (*лизнуть, махнуть*),– формы С. п. прош. времени отсутствуют или малоупотребительны. Их образованию могут препятствовать и сопровождающие его чередования согласных.

С. п. прош. времени глаголов несов. вида (кроме *виденный, слышанный* и нек-рых др.) употребляются редко, что отличает лит. язык от диалектов рус. языка, где они распространены. Эти формы могут быть образованы только от глаголов, не имеющих формальных показателей несов. вида. В лит. языке от глаголов с суффиксами несов. вида типа *бросать, создавать, рассказывать* С. п. прош. времени не образуются. В отличие от других форм несов. вида, С. п. прош. времени не могут обозначать действие в процессе его протекания.

Возможно образование С. п. от нек-рых неперех. глаголов (*руководимый, управляемый, обладаемый, польщённый, отмщённый, достигнутый*); часть из них употребляется только в краткой форме (*С этим покончено; Приказано наступать*).

Близки по значению к С. п. наст. времени отглагольные прилагательные на *-мый* со значением возможности или (чаще) невозможности совершения действия от глаголов сов. вида (*достижимый, неоспоримый*) и неперех. глаголов несов. вида (*несгораемый, неиссякаемый*). С. п. прош. времени в наибольшей степени подвержены процессу адъективации (см.) и могут выступать в стативных значениях, когда обозначается не само достижение результата (ср. *только что закрытая дверь*), а последующее состояние (ср. *всё ещё закрытая дверь*).

Лит. см. при статье Причастие. *Ю. П. Князев.*

Страда́тельный зало́г, пассив,– система глагольных форм, противопоставленных действительному залогу (см. Залог). Формы С. з. выражают направленность действия на предмет, обозначенный подлежащим или другим носителем предикативного признака: *На нашей улице* ***строится*** (***построен***) *новый дом.* Синтаксические конструкции с формами С. з. называют пассивными (см. Пассивная конструкция).

С. з. выражается, во-первых, полными и краткими страдательными причастиями (см.) наст. и

прош. времени (*избираемый, избираем; избранный, избран*) и образуемыми на их основе аналитическими конструкциями со спрягаемым вспомогательным глаголом *быть* (*был избран*) и, во-вторых, возвратными глагольными формами с постфиксом *-ся* (*дом строится*). У глаголов сов. вида С. з. выражается почти исключительно аналитическими формами: *был избран, будет избран, был бы избран, будучи избран, (может) быть избран/избранным*. Близкие к С. з. глаголы сов. вида на *-ся* обычно содержат дополнительный модальный оттенок неожиданности достижения результата: *«К счастью, в этот именно месяц н а п и с а л а с ь у меня легко "Кочетовка" – прямо для журнала, первый раз в жизни»* (Солженицын). Формы С. з. несов. вида образуются преим. с помощью постфикса *-ся: избирается, будет избираться, избирался бы*; постфикс может присоединяться и к действительным причастиям: *избирающийся, избиравшийся*. Аналитические формы С. з. несов. вида (*был избираем, был читан*) малоупотребительны.

Оба средства выражения С. з. потенциально неоднозначны. У большинства глаголов на *-ся* (см. Возвратные глаголы) в одних контекстах реализуется пассивное значение, напр. *Его выступления в с т р е ч а л и с ь одобрительно* (пассив), в других контекстах реализуется значение актива (активной конструкции), напр. *Они часто в с т р е ч а л и с ь*. От аналитических форм С. з. нередко отграничивают конструкции, обозначающие состояние как результат предшествующего действия: *«Стол был ещё з а г р о м о ж д ё н посудой после недавней еды Наташки и Лены»* (Трифонов). По-разному решается вопрос о принадлежности к С. з. глаголов на *-ся* в т. н. пассивно-качественном значении: *Эта ткань н е м н ё т с я (или легко м н ё т с я)*.

Теоретически у каждой формы действительного залога есть соотносительные формы С. з., однако многие из них практически не используются. Таковы формы повелительного наклонения (ср. *избирайся, будь избран*), а в несов. виде также формы 1-го и 2-го лица (*избираюсь, избираешься*) и деепричастия (*избираясь*). Параллелизм залоговых форм нарушается и в силу наличия среди аналитических форм С. з. «лишней» формы с нулевым вспомогательным глаголом, выражающей актуальность прошлого действия для наст. времени – перфекта, по А. А. Шахматову: *Письмо о т о с л а н о; Грабители н а й д е н ы*.

В образовании форм С. з. нет полной регулярности. Хотя формы С. з. свойственны прежде всего перех. глаголам, они могут быть и у нек-рых неперех. глаголов (ср. *руководимый, достигнутый*). В то же время пассивные формы на *-ся* отсутствуют у целого ряда перех. глаголов несов. вида (напр., *жалеть, обижать, бормотать, весить, стоить, любить*), а страдательные причастия не образуются от многих глаголов сов. и особенно несов. вида.

Лит.: Проблемы теории грамматического залога, Л., 1978; Типология результативных конструкций. (Результатив, статив, пассив, перфект), Л., 1983; Б у л а н и н Л. Л., Категория залога в совр. рус. языке, Л , 1986; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, СПБ, 1991.

Ю. П. Князев.

Строчна́я бу́ква – см. Буква.

Стяже́ние гла́сных – слияние двух смежных гласных звуков в один в славянских языках. С. г. как фонетическое явление характерно для многих северных рус. диалектов, а также для части южновеликорус. и средневеликорус. говоров. Это явление связано с судьбой звука *j* между гласными (интервокального *j*) и обнаруживается в определённых морфологических категориях: в им.-вин. п. прилагательных жен. и ср. рода и в формах наст. времени глаголов. Появлению С. г. предшествует ослабление интервокального *j*. Согласный *j* в рус. языке выступает только в позиции перед ударным гласным (*моя́* [*мajá*], *я́ма* [*já*]*ма*, *поёт* [*паjóт*] и т. д.). В положении же после гласного *j*, ослабляя свою артикуляцию, выступает как звук типа *и̯* неслогового (*мой* [*мои̯*], *война́* [*ваи̯на́*], *кра́сная* [*кра́снъи̯ъ*] и т. п.). В говорах рус. языка ослабление *j* между гласными может доходить до полной его утраты, в результате чего возникает т. н. зияние гласных (группа из двух гласных). Оказавшиеся рядом гласные могут быть однородными и неоднородными, напр.: *кра́сн*[*аjа*] > *кра́сн*[*аи̯а*] > > *кра́сн*[*аа*] и *дéл*[*аjе*]*т* > *дéл*[*аи̯е*]*т* > *дéл*[*аэ*]*т*. Такую ступень развития данного явления сохраняют нек-рые рус. говоры, однако обычно оказавшиеся рядом два гласных звука стягиваются в один: *кра́сн*[*аа*] > *кра́сна*, *кра́сн*[*уу*] > *кра́сну*. Если же группа гласных, возникшая после утраты интервокального *j*, образована неоднородными гласными, то до С. г. происходит уподобление последующего гласного предшествующему: *дéл*[*аэ*]*т* > *дéл*[*аа*]*т* > *дéлат*.

Северные рус. говоры отражают разные ступени развития С. г.: в одних, как и в лит. языке, есть ещё формы с *и̯*, в других – уже формы без *и̯*, но и без стяжения, в третьих – формы со стяжением. То же наблюдается и в средневеликорус. говорах. Южновеликорус. говоры в основном знают только результат стяжения и не имеют промежуточных образований, обнаруживающихся на севере.

Лит. см. при статьях Говоры русского языка, Диалектология.

В. В. Иванов.

Субстантива́ция (от лат. substantivum – имя существительное) – переход в класс существительных слов, принадлежащих другим частям речи, напр.: *дежурный* (от прилагательного); *заведующий* (от причастия); *«Трое в одной лодке»*

(*трое* – от собирательного числительного); *наше завтра* (*завтра* – от наречия).

С. представляет собой один из способов образования слов, имеющих одну мотивирующую основу, при к-ром субстантивы (существительные, образовавшиеся в процессе С.) не имеют к.-л. специального словообразовательного аффикса.

Различаются разные степени С.: полная, когда существительное, появившееся в результате С., становится самостоятельной лексической единицей и фиксируется словарями, напр.: *арестованный, слепой, дежурный, больной, заведующий, операционная, суточные, новое* и др., и окказиональная – употребление слова в качестве существительного только в условиях конкретной ситуации или конкретного контекста, напр.: *выступающий, говорящий, пострадавший, сказанное*.

С.– продуктивный способ образования существительных, особенно из прилагательных и причастий. Такие существительные относятся к адъективному типу склонения, принадлежат к особому способу словообразования – субстантивации прилагательных и причастий. Субстантивы, образованные от других частей речи, сохраняют тот тип словоизменения, к-рый свойствен исходной части речи.

При окказиональной С. субстантивирующиеся в контексте местоимения, наречия, междометия, служебные слова и даже морфемы приобретают морфологическое значение ср. рода, напр.: *«сердечное ты», «Теперь бы песню ветра и нежное баю»* (Есенин). К окказиональной С. примыкает функционирование в речи в роли существительных словосочетаний и предложений, напр.: *На всю жизнь запомнила твоё «расстаться навсегда»; Нас не устраивает равнодушное «моя хата с краю»*.

В рус. языке выделяется тип субстантивированных прилагательных и причастий, образованных из словосочетаний в результате опущения существительного (т. н. эллиптическая С.), напр.: *выходной* (из *выходной день*), *докладная* (из *докладная записка*), *позывные* (из *позывные сигналы*). Субстантивы этого типа характерны для разг. речи (в отличие от исходных словосочетаний, употребляющихся, как правило, в официальной и деловой речи), ср.: *Купили билеты в Большой (Большой театр); Наша сборная выиграла (сборная команда)*. Субстантивы адъективного типа образуют разные семантические группы, напр. отвлечённые понятия (*«Сейте разумное, доброе, вечное»*, Некрасов), обозначения лица, производящего действие в данный момент или постоянно (*управляющий, сопровождающий, замыкающий, учащийся*).

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Лопатин В. В., Субстантивация как способ словообразования в совр. рус. языке, в кн.: Рус. язык. Грамматические исследования, М., 1967; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Грамматическая правильность рус. речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976 (лит.); Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Сазонова И. К., Рус. глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь, М., 1989, с. 11–12.

И. К. Сазонова.

Субъéкт (от лат. subjectum – подлежащее) – в реальной ситуации, обозначенной в предложении, главный активный или неактивный «участник действия» (напр.: *Ласточки скрепляли ветки глиной; Ребёнок закапал скатерть; Ветер закрывает солнце тучами; Дым заполнял комнату*), носитель признака или субъект состояния (напр.: *Хлеб заплесневел; Ему везёт*).

С., предикат (см.) и объект (см.) являются такими понятиями, к-рые помогают уяснить смысл предложения. В традиционном языкознании смысл предложения характеризовался в терминах главных его членов (см. Члены предложения) – подлежащего (см.) и сказуемого (см.) и второстепенных – определения (см.), дополнения (см.), обстоятельства (см.). Данный уровень грамматической абстракции не позволял трактовать как подлежащее словоформы в косвенных падежах, вследствие чего общность значения предложений типа *Она в обмороке* и *У неё обморок* не обозначалась терминологически. Новый уровень рассмотрения семантики предложения в терминах «С.– предикат – объект» даёт возможность различать значения С. и способы его выражения: смысл предложения зависит от таких свойств С., как активность/неактивность, способность/неспособность к целенаправленному действию, и соответственно от таких свойств предиката, как произвольность/непроизвольность действия, спонтанность, внезапность, независимость от воли С.

Нормальна синтаксическая позиция С. в начале предложения. Как правило, имя в субъектной позиции является темой сообщения (см. Актуальное членение предложения). Исторически имена в позиции С., способного к самостоятельному действию, перемещению, оформились как подлежащее. Неактивная роль С., его непроизвольное действие, неконтролируемое состояние, свойство, постоянный или временный признак показываются значением косвенных падежей; напр.: вин. п. – *Его коробит от пошлости*; род. п.– *У меня новая квартира*; дат. п.– *Ему нездоровилось*; *Рукам холодно*; твор. п.– *Работа выполнена группой специалистов; Лодку заливало водой; Со мной всё в порядке*; предл. п.– *В семье лад; На душе легко*. При этом очевидна оценка этого качества С. говорящим, автором высказывания.

Возможны двусубъектные предложения, в к-рых, при многообразии отношений между субъектами, первый из них является темой сообщения и находится в субъектно-предикатных

20 2375

отношениях с остальным составом предложения; напр.: *Входящего охватывала сырость; Мне это иначе представлялось; У старика плохо с головой; Со мной это впервые; Ей всё легко даётся.*

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Мещанинов И. И., Структура предложения, М.–Л., 1963; Арутюнова Н. Д., Семантическая структура и функции субъекта, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1979, т. 38, № 4; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; Категория субъекта и объекта в языках различных типов. [Сб. ст.], Л., 1982.

Е. М. Лазуткина.

Сужде́ние – 1) пропозиция, смысл предложения (см.), к-рое может быть оценено как истинное или ложное; 2) употребление предложения, выражающего С. в 1-м значении в утвердительном высказывании, когда оно реально приобретает истинностное значение; то же, что высказывание в логике.

Логика со времён Аристотеля отличала С. от средства его выражения – предложения. С одной стороны, С. не обязательно выражается предложением. С другой стороны, не всякое предложение выражает С.; так, не выражают С. побудительные или вопросительные предложения (*Закрой дверь!; Где родился Гоголь?*). Не выражают С. повествовательные предложения, содержащие дейктические (см. Дейксис) элементы; напр., предложение *Он студент 3-го курса* не выражает само по себе никакого С., поскольку слово *он* имеет в каждом новом употреблении этого предложения другой референт. Смыслом такого предложения является не С., а пропозициональная форма; а именно оно способно выражать С. только в контексте высказывания, когда его переменные (напр., *он*) принимают конкретное значение.

Определение С. как такой мысли, к-рой присуще быть истинной или ложной, т. е. «претендовать на истинность», принадлежит Аристотелю. Разграничение между С. (в 1-м значении) и высказыванием было сделано Г. Фреге, к-рый проанализировал феномен неутвердительного употребления С. Неутвердительным является употребление С., напр., в контексте предикатов мнения и других пропозициональных установок с субъектом не 1-го лица (*Филипп считает, что столица Никарагуа – Тегусигальпа*), в контексте модальных слов (*Число планет солнечной системы могло бы быть не равно 9*), глаголов говорения и др.

В традиционной логике была разработана подробная классификация С. по различным основаниям. По качеству С. делятся на утвердительные и отрицательные; по количеству – на единичные, касающиеся индивидуализированных объектов или множеств (*Нестор – отец русской истории*), общие, касающиеся открытого класса (*Человек смертен*), и частные, касающиеся части открытого класса (*Некоторые товары портятся при перевозке*); по модальности – на С. действительности, или ассерторические (напр., *Вода кипит при 100°C*), С. возможности, или проблематические (напр., *Грипп может быть смертелен*), и С. необходимости, или аподиктические (напр., *Слово надо держать*); по отношению – на условные (вида *«Если A, то B»*), разделительные (вида *«A или B»*) и обычные, категорические; по форме – на атрибутивные (*Сократ – грек*), С. отношения (*Сократ старше Платона*), экзистенциальные, т. е. суждения о существовании (*Единорогов не существует*) и др.

Традиционная логика изучала преим. атрибутивные С. В атрибутивном С. различаются три компонента – субъект (см.), предикат (см.) и связка (см.). Другие виды С., напр. С. отношения, экзистенциальные, а также отрицательные (*Не все числа простые*), условные, разделительные, проблематические и др., не укладываются в субъектно-предикатную схему. Более детальный анализ структуры С. был дан математической логикой.

Лит.: Асмус В. Ф., Логика, М., 1947; Черч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., М., 1960; Гокиели Л. П., Логика, т. 1–2, Тб., 1965; Фреге Г., Смысл и денотат, пер. с англ., в кн.: Семиотика и информатика, в. 8, М., 1977; его же, Мысль: логическое исследование, в кн.: Философия. Логика. Язык, пер. с нем., М., 1987.

Е. В. Падучева

Супплетиви́зм (от позднелат. suppletivus – дополняющий) – образование форм одного и того же слова от разных корней. Корневые морфы таких словоформ лишены формальной (фонематической) близости и потому не могут объединяться в одну морфему (см. Морф). Образующиеся способом С. словоформы называются супплетивными. В рус. языке встречается С. форм ед. и мн. ч. существительных (*человек – люди, ребёнок – дети*), падежных форм личных местоимений – форм им. п., с одной стороны, и косвенных падежей – с другой (*я – меня, мне; мы – нас, нам; он, она, оно – его, ему, её, ей* и т. п., где корень [j]), сравнительной степени прилагательных (*хороший – лучше, плохой – хуже*), краткой формы прилагательного (*большой – велик* – форма, в другом своём значении являющаяся несупплетивной краткой формой прилагательного *великий*), форм прош. времени глагола (*идти, идут, идущий – шёл, шла, шедший*).

Поскольку формы одного и того же слова, как правило, образуются в рус. языке от одного и того же корня (с возможными частными видоизменениями его фонемного состава в разных морфах, сохраняющих при этом формальную близость), супплетивные формы являются в рус. грамматической системе исключениями. Так, все перечисленные выше грамматические значения (число, падеж, сравнительная степень, время) закономерно выражаются в рус. языке в пределах

одного и того же слова однокоренными словоформами, напр.: *дом – домá, вы – вас, крепкий – крепче, ловкий – ловок, гулять – гулял.*

Понятие С. может также применяться к нек-рым случаям образования слов (а не форм слова), если в этих случаях выражение соотносительных значений словами одного и того же корня характеризуется высокой регулярностью, напр.: видовые пары *брать – взять, класть – положить, разложить – раскладывать, перейти – переходить* (ср. нормальные для рус. языка видовые пары с глаголами одного корня: *делать – сделать, решать – решить*); пара глаголов, обозначающих однонаправленное и неоднонаправленное движение: *идти – ходить* (ср. *лететь – летать, нести – носить*, где подобную пару составляют однокоренные глаголы); пары, состоящие из количественного числительного и счётного прилагательного (порядкового числительного): *один – первый, два – второй* (ср. *четыре – четвёртый, пять – пятый, сто – сотый*). Подобно тому как формы типа *я – меня, идти – шёл* рассматриваются (как исключение) в пределах одной словоизменительной парадигмы, слова с корнями *-клад-* и *-лож-*, *-йд-* и *-ход-* и т. п. могут рассматриваться (как исключение) в пределах одного словообразовательного гнезда.

Супплетивные формы имеют различное происхождение. Возникновение таких форм может быть, в частности, следствием объединения в одну парадигму форм, первоначально принадлежащих разным парадигмам (так, *дети* – первоначально форма мн. ч. слова *дитя*), или результатом фонетических изменений, нарушивших первоначальную фонематическую близость корневых морфов (так, *ход-* в *ходить* и *шед-* в формах глагола *идти* – исконно морфы одного и того же корня: *шед-* возникло из **хъд-*). Характерно наличие С. в формах слов тождественного значения в разных индоевропейских языках; ср., напр., рус. *хороший – лучше*, нем. *gut – besser* и франц. *bon – meilleur*; рус. *я – меня* и англ. *I – me*.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языкознание, 4 изд., М., 1967; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980.

В. В. Лопатин.

Су́ффикс (от лат. suffixus – прикреплённый) – аффикс (см.), находящийся в составе простой основы (см.) между корнем и флексией. В словоформах (см.) рус. языка выделяются последовательности от одного до трёх С. (ср., напр., *рез-к-а* с одним С., *хор-ист-к-а* с двумя и *устар-е-л-ость* с тремя С.). С. могут быть словообразовательными (служащими для образования отдельных слов) и словоизменительными (служащими для образования форм слова). Большинство С. в рус. языке – словообразовательные. Словоизменительными являются С. сравнительной и превосходной степени (*сильн-ее, сильн-ейш-ий*), прош. времени (*нес-л-а*), инфинитива (*нес-ти*), причастий (*нес-ущ-ий, нёс-ш-ий, принес-ённ-ый*) и деепричастий (*гляд-я, написа-вши*); в редких случаях словоизменительные С. выступают в тех или иных формах склонения – напр., в формах ед. ч. (*горожан-ин*, ср. *горожан-е*), мн. ч. (*братья* [*брáт'-j-а*], ср. *брат*; ср. также *хозя-ин* и *хозя-ев-а*), рода (ср. *об-о-их* и *об-е-их*).

Как словообразовательное средство С. выступает в суффиксальном (*читать – читатель*), префиксально-суффиксальном (*воля – безвольный*), суффиксально-постфиксальном (*гордый – гордиться*), префиксально-суффиксально-постфиксальном (*шептать – перешёптываться*) и суффиксально-сложном (*говорить – громкоговоритель*) способах словообразования, иногда также в сочетании со сращением (см.).

Основная особенность С. как словообразовательного средства, в отличие от приставки (см.) и постфикса (см. во 2-м значении), состоит в том, что С. присоединяется не к целому производящему слову, а к производящей основе, к концу её. Непосредственно предшествуя окончанию, словообразующий С. тесно связан с ним. Образование слова посредством С. означает одновременно и отнесение этого слова к определённому грамматическому классу (части речи), определённому типу склонения или спряжения. Эта функция С. называется классифицирующей. Напр., с помощью С. *-тель* от глагольных основ образуются имена существительные только муж. рода 1-го склонения (*читатель, глушитель*), а С. *-ств(о)* образует от основ разных частей речи существительные ср. рода (*удалой – удальство, колдовать – колдовство*). Вместе с системой флексий производного слова С. составляет единое словообразовательное средство. Поэтому производные слова с С. часто относятся к другим частям речи или к иным типам словоизменения по сравнению с производящим словом (ср.: *носить – носильщик, отец – отцовский, лентяй – лентяйка*).

Однако есть и такие С. (их немного), для к-рых характерна способность относить слова к разным типам склонения и даже к разным частям речи. Таковы, напр., С. *-л-* в отглагольных существительных типа *запевала, зубрила* (в словах со значением лица) и *точило, мерило* (в существительных неодушевлённых); С. *-ишк-* в существительных типа *братишка, службишка* (в словах муж. рода одушевлённых и жен. рода) и *домишко, пальтишко* (в словах муж. р. неодушевлённых и ср. р.); С. *-ёхоньк-*, выступающий в прилагательных (*здоровёхонький*) и наречиях (*ранёхонько*).

Суффиксальный способ используется при образовании слов разных частей речи. Особенно широко развито суффиксальное образование имён существительных и прилагательных. По значению С. чрезвычайно разнообразны: нек-рые по значению близки к приставкам, т. к. они выражают дополнительные оттенки значения, добавляющи-

еся к значению производящего слова (словообразовательная модификация), напр.: С. *-оват-* со значением ослабленной степени качества (*белый – беловатый*); С. субъективной оценки – уменьшительно-ласкательные, уничижительные, увеличительные (*дом – домик, домишко, домище*); С. лица женского пола (*учитель – учительница*); С. однократного действия *-ну-* (*прыгать – прыгнуть*) и т. п. Все подобные С. образуют слова той же части речи, что и их производящие. Особое место среди них занимают т. н. С. стилистической модификации, образующие стилистически окрашенные (как правило, сниженные, в разной степени экспрессивные) синонимы производящих слов (*картофель – картошка, мальчик – мальчуган, штука – штуковина* и *штукенция, простой – простецкий, нарочно – понарошку*).

Значительно больше таких С., к-рые образуют слова, обозначающие совсем новые понятия по сравнению с производящим словом (словообразовательная мутация), напр.: С. существительных со значением производителя действия (*учить – учитель*), носителя признака (*старый – старик*), помещения (*хранить – хранилище*), жителя населённого пункта (*Ростов – ростовчане*); С. относительных прилагательных с общим значением отношения к предмету, явлению (*гора – горный, берёза – берёзовый, город – городской*); С. отымённых глаголов со значением становления признака (*седой – седеть*), проявления признака (*подлый – подличать*) и др.

Существуют С., к-рые образуют слова, отличающиеся от производящих слов только грамматическим значением части речи, т. е. выполняющие чисто транспозиционную функцию. С помощью таких С. образуются, напр., существительные со значением признака (*смелый – смелость*), действия (*выжимать – выжимание*). К ним относятся также С., переводящие слово из класса прилагательных в класс наречий и наоборот (*быстрый – быстро, певучий – певуче, вчера – вчерашний*).

Среди словообразовательных С. широко развита омонимия. Ср., напр., С. *-к(а)* в существительных со значеиием действия (*варка*), носителя признака (*плетёнка*), уменьшительно-ласкательным (*головка*), «женским» (*пассажирка*).

Суффиксальное словообразование сопровождается различными формальными (морфонологическими) видоизмененнями основы: чередованием (*рук-а – руч-ка*), усечеиием основы (*высок-ий – выс-ота*), изменением места ударения (*си́мвол – симво́л-ика*) и др. (см. Словообразование).

Среди словообразовательных С. рус. языка есть целый ряд С. интернационального происхождения: *-изм* (*героизм*), *-ист* (*шахматист*), *-аци*j (*операция*), *-атор* (*арендатор*) и др.

Широко распространено, особенно в именах существительных, словообразование с помощью нулевого С.: *зелёный – зелень, бегать – бег, заменить – замена, задирать – задира, супруг – супруга* и т. п. При этом нулевым С. выражаются те же словообразовательные значения, что и обычными С. (ср., напр., *бегать – бег, беготня, бегание; высокий – высь, вышина*). Нулевой С. выступает также в префиксально-суффиксальном и суффиксально-сложном способах словообразования (*борода – безбородый, седобородый; варить – кашевар* и т. п.).

Лит. см. при ст. Морфема. *В. В. Лопатин.*

Существи́тельное, имя существительное,– часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях числа и падежа, а также в несловоизменительных категориях рода и одушевлённости – неодушевлённости.

Понятием грамматического предмета охватываются не только названия вещей (*стол, книга, дерево*), лиц и животных (*учитель, мальчик, собака*), а также их совокупностей (*народ, мебель*), веществ (*чугун, вода*), но и названия промежутков времени (*день, каникулы*), количеств (*тысяча, десяток*), качеств, свойств, отвлечённых от их носителя (*доброта, решимость*), действий и состояний в отвлечении от их субъекта (*бег, пение, дремота, страх, тоска*). Такие слова также вовлекаются в разряд слов с грамматическим значением предметности, поскольку они имеют те же грамматические категории, формы и те же синтаксические функции, что и названия собственно предметов. Различаются С. собственные (индивидуальные наименования предметов: *Пётр, Волга*; см. Собственные существительные) и нарицательные (все остальные; см. Нарицательные существительные).

С. различаются по родам и изменяются по числам и падежам. В рус. языке три рода: мужской, женский и средний (см. Род). Каждый из родов характеризуется своими особенностями склонения, согласования, а в большинстве одушевлённых С.– также способностью обозначать принадлежность к биологическому полу. Как формальный класс род С. определяется по способности сочетаться в им. п. ед. ч. с прилагательными с флексией *-ой, -ый, -ий* (муж. род), *-ая, -яя* (жен. род), *-ое, -ее* (ср. род). Во мн. ч. родовые различия не имеют выражения; ср.: в ед. ч. *большой дом, большая книга, большое ведро* и во мн. ч. *большие дома, книги, вёдра.* Особое место занимают С. общего рода (со значением лица), способные определяться прилагательными и с флексией *-ой* (*-ый, -ий*), и с флексией *-ая* (*-яя*) и соответственно обозначать лицо и мужского и женского пола: *круглый сирота* и *круглая сирота.*

С. может иметь формы ед. ч. или мн. ч. (см. Число). Формы мн. ч. С.– названий считаемых

предметов показывают, что предмет берётся в нек-ром количестве, больше одного; ср.: *стол – столы, стена – стены, окно – окна.* У С.– названий несчитаемых предметов формы числа не связаны с выражением количественного противопоставления. К ним относятся С. со значениями, несовместимыми с понятием о счёте, – отвлечённым, собирательным и вещественным. Такие С. имеют либо только (или преим.) формы ед. ч. (слова singularia tantum), либо только формы мн. ч. (слова pluralia tantum). К С. singularia tantum относятся слова, обозначающие вещество (*медь, уксус, баранина*), совокупность предметов (собирательные С.: *беднота, мошкара*) и отвлечённые понятия (*рисование, отдых, терпение, гордость, блеск*), а также собственные С., являющиеся названиями единственного объекта (*Киев, Гомер, Франция*). Слова эти, однако, обладают потенциальными формами мн. ч., к-рые при необходимости могут быть образованы, напр.: «*Довольно с меня этих отдыхов!*» (Бунин). При этом вещественные и отвлечённые С., выступая в формах мн. ч., выражают обычно более конкретные значения. Слова pluralia tantum не имеют и не могут иметь форм ед. ч. К ним относятся как слова с вещественным, собирательным, абстрактным значениями (*чернила, сливки, письмена, мемуары, дебаты, хлопоты*), так и названия конкретных предметов, преим. «парных» (*брюки, качели, сани, ножницы, ворота*), и собственные имена (*Афины, Карпаты*). Падежные флексии у таких слов лишь внешне совпадают с флексиями мн. ч. слов, изменяющихся по числам; по значению же слова эти не отличаются от форм ед. ч. других С., ср.: *один большой дом, одна большая книга* и *одни большие сани.* Тем самым слова pluralia tantum составляют особый, четвёртый согласовательный класс С., не принадлежа ни к одному из трёх родов: это слова, способные определяться в им. п. прилагательными с флексией *-ие (-ые): большие сани, ножницы, грабли.*

Кроме принадлежности к одному из трёх родов или к словам pluralia tantum, каждое С. принадлежит к одушевлённым или неодушевлённым (см. Одушевлённость – неодушевлённость). Одушевлённые С.– это названия живых существ (отдельных людей и животных), а также слова *мертвец, кукла* и нек-рые др. Морфологическое значение одушевлённости выражается совпадением флексий вин. и род. п. у С. 1-го склонения в ед. ч. и у С. всех типов склонения во мн. ч.

Склонение С.– изменение их по числам и падежам. Падежные формы – это видоизменения С., определяемые их синтаксической сочетаемостью с другими словами. В рус. языке шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный (см. Падеж). Каждый падеж имеет несколько значений, объединяемых в семантический комплекс. Формы косвенных падежей (кроме предл. п.) могут употребляться и без предлогов, и в сочетаниях с предлогами (предложно-падежные формы), семантически дифференцированных в соответствии со значениями предлогов.

В склонении С. выделяются три типа. Различие типов склонения наиболее выражено в формах ед. ч. К 1-му склонению относятся С. муж. рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч.: *стол, конь*; С. ср. рода с флексией *-о(-е): окно, поле*; С. муж. рода с флексией *-о(-е)*: *домишко, волчище, подмастерье.* Ко 2-му склонению относятся С. жен., муж. и общего рода с флексией *-а(-я)* в им. п. ед. ч.: *карта, земля, юноша, сирота.* В школьной традиции нумерация типов склонения иная (см. Склонение). К 3-му склонению относятся С. жен. рода с основой на мягкую согласную или на шипящую и с нулевой флексией в им. п. ед. ч.: *область, степь, ночь*; С. муж. рода *путь*; С. ср. рода на *-мя* и *дитя.*

Особые группы составляют С., падежные формы к-рых совпадают с флексиями прилагательных (С. адъективного склонения): *портной, запятая, насекомое, чаевые* и т. п.; несклоняемые существительные (см.), все падежные формы к-рых одинаковы (к ним относятся слова иноязычного происхождения на гласную: *пальто, интервью, ателье, алиби*, аббревиатуры разных типов: *ЭВМ, сельпо, комроты*).

Помимо падежных флексий, склонение С. иногда сопровождается другими формальными изменениями: различием основ (*мать – матери, время – времени, чудо – чудеса, брат – братья, горожанин – горожане, телёнок – телята*), беглостью гласных корня (*день – дня, сон – сна, прыжок – прыжка*), переносом ударения (*стенá – стéны, гóлуби – голубéй, профéссора* род. п. ед. ч.– *профессорá* им. п. мн. ч.).

В предложении С. является одним из важнейших компонентов, формирующих его предикативную основу. В однокомпонентных предложениях именного класса С. выступает как единственный главный член (напр., в форме им. п. в предложениях типа: *Ночь; Тишина*). В двухкомпонентных предложениях С. в форме им. п. выступает в роли подлежащего (*Ученик пишет*) или сказуемого (*Мой брат – студент*). Формы косвенных падежей С. являются разнообразными распространителями предложения, имеющими объектное (*Ученик читает книгу, смеётся над товарищем*), субъектное (*Ребёнку весело*), определительное (*Комната отца – большая и светлая*), обстоятельственное (*Ученики собрались в классе*) значения (см. Семантический синтаксис). С. определяется прилагательным, к-рое согласуется с ним в роде, числе и падеже; С.-подлежащее координируется с глаголом-сказуемым в числе и (в прош. времени и сослагательном наклонении) роде. Вне предложения падежные формы С. (чаще всего им. п.) выполняют

называющую функцию (в перечнях, названиях, заголовках, подписях под изображениями и т. п.).

Способы словообразования С. различны. Среди производных С. выделяются: суффиксальные (*читать – читатель*), префиксальные (*дед – прадед*), префиксально-суффиксальные (*море – приморье*), безаффиксные, или слова с нулевым суффиксом (*выходить – выход, новый – новь*), сложные слова (*лес, степь – лесостепь*), суффиксально-сложные (*море, плавать – мореплаватель*), в т. ч. с нулевым суффиксом (*книга, любить – книголюб*), аббревиатуры (*ГЭС, сбербанк*), субстантивированные прилагательные и причастия (*больной* – С., *заведующий* – С.). Наиболее продуктивны в словообразовании С. и характерны для этой части речи суффиксация и сложение. Суффиксы С. выражают разнообразные словообразовательные значения, напр. значения «производитель действия» (*носить – носильщик*), «орудие действия» (*сеять – сеялка*), «место действия» (*хранить – хранилище*), «носитель признака» (*старый – старик*), «лицо или предмет по его отношению к другому предмету» (*буфет – буфетчик, градус – градусник*), «отвлечённое действие или состояние» (*курить – курение*), «отвлечённый признак» (*белый – белизна*), «лицо женского пола» (*писатель – писательница*) или «самка животного» (*заяц – зайчиха*), значения единичности (*горох – горошина*), собирательное (*зверь – зверьё*), уменьшительно-ласкательное (*стол – столик*), чисто ласкательное (*голова – головушка*), увеличительное (*дом – домище*), стилистической модификации (*картофель – картошка*) и др. Для префиксации С. характерны модификационные значения отрицания или противоположности (*правда – неправда, порядок – беспорядок, фашист – антифашист*), подчинённости (*группа – подгруппа*), а также – преим. в сочетании с суффиксами – значения пространственное и временно́е (*грудь – нагрудник, река – заречье, гроза – предгрозье*).

Класс С. активно пополняется за счёт аффиксальных и сложных слов, создаваемых по образцу продуктивных словообразовательных типов; слов, заимствуемых из других языков (преим. зап.-европейских), а также слов с интернациональными корнями, принадлежащих б. ч. к научно-технической терминологии; в рус. языке 20 в. также за счёт аббревиатур.

С. рус. языка прошли сложный путь исторического развития, характеризующийся постепенным упрощением системы форм. В древнейший период истории рус. языка было не три типа склонения С., а шесть, не два числа, а три [были особые формы двойственного числа (см.), употреблявшиеся при обозначении двух предметов], не шесть падежей, а семь (кроме совр. падежей был ещё звательный, употреблявшийся в функции обращения). Остатки прежних форм двойственного числа можно видеть, напр., в особом окончании им. п. мн. ч. *-и* нек-рых слов ср. рода, обозначающих парные предметы (*плечи, колени, уши, очи*). В лит-ре и разг. речи можно встретить несколько форм, представляющих собой остатки старого звательного падежа: *боже, господи, отче, княже, старче, друже*. Отдельные архаические формы падежей встречаются во фразеологизмах, напр.: *притча во языцех, темна вода во облацех*, в к-рых отражено старое окончание местного (предложного) падежа -ѣхъ.

Для совр. рус. языка характерен значительный рост разряда несклоняемых С., возникшего ещё в 18 в. и активно пополняющегося прежде всего за счёт иноязычных заимствований на гласную и аббревиатур; такие С. выражают свои категориальные морфологические значения исключительно синтаксически (формой согласуемого или координируемого слова).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, Л., 1941; Виноградов В. В., Рус. язык (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1952; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Мучник И. П., Грамматические категории глагола и имени в совр. рус. лит. языке, М., 1971; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989. *В. В. Лопатин.*

Сцени́ческая речь – звуковая реализация актёрами языка художественной литературы на театральной сцене, в кино, в теле- и радиопередачах, являющаяся важным выразительным средством их игры и ориентированная на устойчивые орфоэпические нормы литературного языка. С. р. состоит из ряда компонентов: речевых характерологических средств (средств речевой характеристики персонажей), речевого фона, средств экспрессивной, эмоциональной передачи речи персонажей и др.

С. р. опирается на нормированное лит. произношение (см. Норма) и удерживает нек-рые архаичные орфоэпические черты, к-рые постепенно утрачиваются в живом лит. произношении, напр. чёткое звучание гласного *е* в безударных слогах. Орфоэпические явления, бывшие основной нормой в 19 – нач. 20 вв., до последнего времени культивируются в С. р. для того, чтобы не терялась связь с языком лит-ры и поэзии прошлых столетий. Такими особенностями являются: ориентация на твёрдое произношение согласного *с* в возвратных частицах (постфиксах) глаголов – *-сь, -ся* (*взял[са́], закры́ли[с]*), произношение безударных окончаний прилагательных муж. рода ед. ч. *-кий, -гий, -хий*, как если бы было написано *-кой, -гой, -хой*, т. е. *чу́т[къ]й слух, тонконо́[гъ]й олень, ве́т[хъ]й домишко*, смягчение согласного *р* в словах *верх, первый, четверг* (*ве́[р']х, пе́[р']вый, четве́[р']г*), ассимилятивное смягчение нек-рых согласных (*се́[м'г']и, ве́[т'в']и*) и ряд др.

Речь персонажей представляет собою стилизацию живой речи и включает в себя все стили

произношения, свойственные живой речи во всём её многообразии. Она опирается на лит. произношение и на интонацию разг. речи.

Произношение большинства действующих лиц исполняемого произведения составляет речевой фон, к-рый в большинстве случаев строится на лит. произношении. Однако иногда речевым фоном может быть произношение диалектное (спектакли «Виринея» Л. Н. Сейфуллиной и В. П. Правдухина в Театре им. Евг. Вахтангова, «Без креста» по повести В. Ф. Тендрякова «Чудотворная» в театре «Современник») или передающее нерус. акцент (напр., в спектаклях «Я, бабушка, Илико и Илларион» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе в Санкт-Петерб. Большом драматическом театре им. Г. А. Товстоногова, «Ханума» А. Цагарели в том же театре). На единообразном речевом фоне любое отклонение от него, используемое актёром для речевой характеристики персонажа, становится более отчётливым и выразительным.

Средствами экспрессивной и эмоциональной передачи речи персонажа являются интонация, эмфатическое ударение, отчётливое произношение безударных гласных, темп речи, ритм, пауза и др.

С. р. включает в себя и такой нелингвистический аспект, как правильная постановка дикции, дыхания, голоса, являющаяся непременным условием мастерства актёра.

Лит.: Винокур Г., Рус. сценическое произношение, М., 1948; Саричева Е. Ф., Сценическая речь, М., 1955; Ильинская И. С., Сидоров В. Н., О сценическом произношении в моск. театрах, в кн.: ВКР, т. 1, М., 1955; Сценическая речь, М., 1976; Культура сценической речи. Сб. ст., М., 1979; Культура речи на сцене и на экране. [Сб. ст.], М., 1986; Рус. сценическое произношение. [Сб. ст.], М., 1986.

Л. Н. Кузнецова.

Т т

Т т Т т Т т Т т Т т

Т, т – двадцатая буква русского алфавита. Название буквы – «тэ» употребляется как существительное ср. рода: *строчное т.* По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «твердо», к-рая ведёт происхождение от греч. буквы «тау» унциального письма. Цифровое значение в кириллице «триста». Со времени введения гражданской азбуки (см. Реформы азбуки и правописания) до 30-х гг. 19 в. для строчного *т* употреблялась особая буква, похожая на рукописное *т*, но к началу 40-х гг. 19 в. стали употреблять строчное *т* одинаковой формы с прописным *Т*.

Основное графическое значение буквы *Т, т* – обозначение общей части фонем ⟨*т*⟩ и ⟨*т'*⟩: зубная, взрывная, глухая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначается следующей за *т* буквой или другим графическим знаком: ⟨*т*⟩ – *ты, твой, брат*; ⟨*т'*⟩ – *тик, брать*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *т* обозначает твёрдость этих фонем: *второй, кто, стул*.

Табу́ (в одном из полинезийских языков ta – выделять, отмечать, pu – совершенно, всецело; tapu > tabu, букв.– совершенно выделенный) – 1) религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определённые действия во избежание враждебных проявлений сверхъестественных сил. 2) Запрет на употребление определённых слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами. Т. в 1-м значении исторически первично. Обычно оно распространяется на обращение с культово значимыми предметами и лицами: прикосновение к ритуальным предметам и служителям культа, убийство животного – покровителя рода, общение с чужеземцами и т. п. В основе Т. лежат причины социально-экономического характера. Свойственное ранним стадиям развития культуры представление о природной связи между предметом и его названием породило отождествление предмета и слова, отсюда произошли вера в магию слова и словесное Т., т. е. запрет на употребление названий определённых предметов и явлений: названий богов, духов и демонов, смерти, болезней, многих животных, огня, солнца, луны, частей человеческого тела, имён умерших родственников и др.; в определённых условиях (среди чужих) часто вообще запрещается употребление собственных имён людей. Запрет-Т., как правило, имеет строгие территориальные, социальные и временны́е границы: есть свои Т. для охоты и Т. для сбора урожая, Т. для мужчин и Т. для женщин.

Т. во 2-м значении возможно на всех (в т. ч. и самых поздних) ступенях развития общества и культуры. Примеры совр. Т.: стремление избежать упоминания названий физиологических отправлений и связанных с ними частей тела и предметов; запрет на ругательства; сокрытие наименований населённых пунктов и воинских частей во время войны, собственных имён руководителей государств (обычно при тоталитарном режиме, напр. в нач. 20 в. в монархической Бирме) и т. п. Цель Т.– исключить из употребления не понятие (к-рое остаётся необходимым обществу), а слово-название. Этим определяется механизм действия Т.: замена названия другим или преобразование названия. Слово или выражение, заменяющее табуированное слово, называется эвфемизмом (см.). В качестве эвфемизма могут использоваться: синоним-заимствование (напр., рус. *собака* заимствовано из тюрк. или иран. языков и заменило утраченное древнее название; рус. *туалет* заимствовано из французского); исконное многозначное слово, одно из значений к-рого совпадает со значением табуированного слова (*обмараться*); описательное выражение или определение (*серый* – о волке, *сын человеческий* – Иисус); слово, образованное на базе такого описательного выражения (*медведь*, т. е. 'поедающий мёд',– слав. новообразование вместо утраченного индоевропейского названия); слово, являющееся хвалебной характеристикой опасного явления (*матушка* – об оспе) или уничижительной – ценного предмета (укр. *худо́ба* – о скоте); обобщённое название (*зверь* – о медведе, *враг* –

о дьяволе); местоимение (*Он* – о Боге, *Она* – о смерти, *сам* – о начальнике) и т. д. Табуированное слово может подвергнуться различным звуковым изменениям, многие необъяснимые с точки зрения фонетических законов различия между родственными словами являются следствием Т. (ср. рус. *блоха* и родственное лат. *pulex*). Возможно изменение грамматической формы слова под влиянием Т.: так объясняют происхождение формы вежливости мн. ч. Т. о., будучи одним из каналов, через к-рый осуществляется влияние жизни общества на язык, Т. оказывается причиной важных языковых изменений: исчезновения слов, развития синонимии, преобразования слов. Изучение следов Т. в языке существенно не только для языкознания, но и для истории, этнографии и др.

Лит.: Зеленин Д. К., Табу слов у народов вост. Европы и северной Азии, ч. 1–2, в кн.: Сб. музея антропологии и этнографии, т. 8–9, Л., 1929–30; Ларин Б. А., Об эфемизмах, в кн.: Проблемы языкознания, [Л.], 1961; Видлак С., Проблемы эфемизма на фоне теории языкового поля, в кн.: Этимология. 1965, М., 1967; Фрэзэр Д. Д., Золотая ветвь. Исследование магии и религии, [пер. с англ.], 2 изд., М., 1986; Havers W., Neuere Literatur zum Sprachtabu, W., 1946.

Ж. Ж. Варбот.

Тавтоло́гия (греч. tautología, от tautó – то же самое и lógos – слово), тождесловие,– специальное или непреднамеренное использование слов (или звуков) в речи, основанное на употреблении однокоренных слов (*«Дорого вовремя время»*, Маршак), на повторении (лексической редупликации) уже выраженного смысла (*«А, чай, он всерьёз, не в шутку Нас учил, как надо жить»*, Кобзев), на повторении звуков (*«Лет до ста расти Нам без старости»*, Маяковский; *Как Ока широка*) (см. Аллитерация, Ассонанс)

Т. как способ организации стихотворной речи (вариант аллитерации, тавтограмма, тавтологическая рифма – *«Вот на берег вышли гости, Царь Салтан зовёт их в гости»*, Пушкин) относится к стиховедению; как речевая небрежность или ошибка (*памятный сувенир*) – к учению о правильности речи (ортологии), к культуре речи (см.); как стилистический приём – к стилистике (см.). Способствуя повышению выразительности текста, высказывания, Т. особенно распространена в фольклоре (в пословицах и поговорках, в зачинах сказок, легенд, былин – *жили-были; давным-давно; в стародавние времена*), типична для просторечия, употребительна в художественной прозе, публицистике, публичной речи, в разг. речи (напр., *огород городить*).

Т. чаще всего выступает в составе различных сочетаний однокоренных слов или одного и того же слова. Напр.: *«Повстречался им чуж чуженин, чуженинушка»* (Островский); *«Верёвка – вервие простое»* (Хемницер); *Добрая семья прибавит разума-ума* (пословица); *Без вины виноват* (пословица); *«Правда правдой остаётся, а молва себе молвой»* (Твардовский); *На веки вечные; мать-и-мачеха*. К явлениям Т. относятся сложные образования типа *бай-бай, трах-тарарах, видимо-невидимо, еле-еле, давным-давно, один-единственный, один-одинёшенек*, аналитические способы выражения высокой степени качества путём повторения исходного прилагательного (*большой-большой, длинный-длинный*) или его основы, осложнённой приставкой *пре-* (*большой-пребольшой, тощий-претощий*).

Повторение уже выраженного смысла – более сложный вариант Т. В таких случаях обычно сближаются синонимические обозначения: *Молодой жене нашу волюшку, Всю свободушку* (народная песня); *«Я на речи твои, На приветы твои,– Что сказать не сыщу»* (Кольцов); *пути-дороги; океан-море*.

Т. как явление избыточности речи может быть оправдана контекстом (в аффективной речи), однако чаще бывает следствием речевой небрежности (*закат – это закатывание солнца*) или незнания семантики слова, напр.: *возобновиться вновь, сумма зарплаты, сатирическая карикатура*.

Тавтологичность нек-рых словосочетаний нейтрализуется в результате забвения первоначального смысла одного из слов: *чёрные чернила, низкий бас, душистый запах*. Сочетания вроде *город Калининград, город Севастополь* (*-поль* от греч. pólis – город) к Т. не относятся, т. к. морфемы *-град* и *-поль* входят в состав географических наименований.

Ю. А. Бельчиков.

Та́йные языки́, условные языки,– традиционное название ряда жаргонов (см.), к-рые использовались относительно замкнутыми социальными группами – бродячими торговцами, ремесленниками-отходниками, нищими. Т. я. были знаками принадлежности к корпорации и своего рода коллективной игрой. Название «Т. я.» связано с предполагаемой конспиративной функцией этих языков. Сведения о Т. я. в Европе – с 13 в. (язык нищих в Германии). Первые записи Т. я. рус. торговцев-офеней (т. н. суздальский язык) – в словаре П. С. Палласа (кон. 18 в.).

Т. я. отличаются гл. обр. словарём (редко более 300–400 непроизводных основ) и системой словообразования. Словарь включает числительные, местоимения, конкретную лексику (названия частей тела, явлений природы, ремесленную терминологию), ограниченное число абстрактных существительных, прилагательных и глаголов; служебные слова те же, что в национальном языке: ср., напр., офенское *Мас уклил из юра, бакса не ухлит* и лит. *Я ушёл из дому, отец не узнает*. Используемые в Т. я. слова общеупотребительного языка иногда «затемняются» с помощью замены или перестановки слогов: офенское *шивар* (товар), *лопица* (полиция). Такие приёмы словообразования дали основания называть Т. я. ус-

ловными (искусственными). Происхождение слов Т. я. разнообразно. Офенский язык, напр., включает элементы новогреч., лат., тюрк., финно-угорских, цыганского, идиш языков и заимствования из местных диалектов. Т. я. исчезают вместе с соответствующими социальными группами и распространением лит. языка. Изучаются социолингвистикой (см.) и диалектологией (см.).

Лит.: Ларин Б. А., О лингвистическом изучении города, в кн.: Рус. речь. Новая сер., в. 3, Л., 1928; Лихачев Д. С., Арготические слова профессиональной речи, в кн.: Развитие грамматики и лексики совр. рус. языка, М., 1964; Бондалетов В. Д., Условные языки рус. ремесленников и торговцев, в. 1, Рязань, 1974; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона, [Одинцово], 1992; Елистратов В. С., Словарь моск. арго, М., 1994. См. также лит. при ст. Жаргон.

М. В. Арапов

Твори́тельный паде́ж – 1) форма существительного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.– *столом, городом, конём, краем, женой, землёй, болотом, полем, костью, дочерью, именем, путём*; во мн. ч.– *столами, городами, конями, краями, жёнами, землями, болотами, полями, костями* (редко *костьми*), *дочерями* и *дочерьми, именами, путями*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного или причастия, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.– *круглым, круглой, синим, синей, крепким, крепкой, лисьим, лисьей; тётиным, тётиной, отцовым, отцовой; действующим, действующей, сломанным, сломанной;* во мн. ч.– *круглыми, синими, крепкими, лисьими, тётиными, отцовыми, действующими, сломанными*; 4) ряд таких форм прилагательного или причастия (в ед. и мн. ч.), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения Т. п.– объектное и определительное (включая значение предикативного признака); им не противопоставлена резко функция необходимого информативного восполнения, обнаруживающаяся преим. в составе сказуемого; субъектное значение является для Т. п. периферийным. Объектное значение чаще всего конкретизируется как значение орудийное (*рубить топором, махать рукой*), но также и как значение объекта непосредственного и полного приложения (*восхищаться музыкой, руководить коллективом, увлечён шахматами*) или в сочетании с определительным значением: *добиться настойчивостью, платить серебром* (чем и как). Определительное значение предстаёт в разных частных видах: ограничительного уточнения (*похож лицом*), квалификации (*Уехали всей семьёй; Победа – дорогой ценой*), места (*идти полем*), времени (*работа – вечерами*), причины (*сделать что-нибудь ошибкой*; устар.), меры (*скупать мешками*) и др. Центром определительного значения для Т. п. является его сказуемостная функция в условиях регулярной мены с им. п.: *Он здесь учитель/учителем; был/будет/стал/сделался/оказался другом; вырос героем; пришёл парламентёром*. Определительное значение имеет Т. п. в таких случаях, как *На фотографии бабушка ещё невестой*, а также при обособлении и детерминации: *Ещё ребёнком жил здесь* 'жил здесь давно, ещё ребёнком'.

Субъектное значение имеет Т. п. в пассивных конструкциях (*Хозяевами наготовлено запасов/наготовлены запасы*), а также в предложениях типа *Врачами запрещается курить* или *Ветром снесло крышу*; в словосочетании – в соединении с определительностью: *чтение романа автором* (кем и чьё), *выполнение плана заводом*. Функцию необходимой информативно восполняющей формы Т. п. обнаруживает при довольно широком круге глаголов со значениями бытия, становления, исчезновения, перехода из одного состояния в другое, обнаружения, приписывания или приобретения признака и нек-рыми др. (*ведёт себя героем, состоит консультантом, стал отличником, кажется стариком*), а также в таких сочетаниях, как *всплеснуть руками, обилен росой*, при компаративах (*рублём больше, часом меньше*).

Т. п. сочетается с простыми (*за, меж, между, над, перед, под*) и производными предлогами. В сочетании с предлогами *за, над, перед, с* Т. п. имеет значение объектное (*гнаться за зверем; За детьми нужен глаз да глаз; власть над людьми; преклоняться перед героем; виноват перед другом; Сладу нет с шалуном*); со всеми простыми предлогами – разные виды определительного значения (в зависимости от предлога: по месту, времени, причине, поводу, способу, условию, сопоставительное, собственно квалифицирующее). Эти же значения реализуются в сказуемом. При детерминации (в предложении) Т. п. с предлогами *с, между, за* может иметь субъектное значение: *С братом беда; Со мной нет ключа; Между друзьями начался спор; За ним большой долг* (у него). Функцию необходимой информативно восполняющей формы Т. п. имеет с предлогами *под* (*известен под именем, кличкой, фамилией, названием...; понимать, подразумевать что-нибудь под чем-нибудь*) и *с* (*общий с братом, соседний с домом, наравне со взрослыми*).

Т. п. сочетается со след. производными предлогами и предложными образованиями: *в связи с, в соответствии с, в согласии с, в содружестве с, в сообществе с, в сравнении с, в унисон с, вместе с, во главе с, вровень с, вслед за, кончая, наравне с, наряду с, начиная с, по сравнению с, рядом с, следом за, совместно с, согласно с, сообразно с, соответственно с, соразмерно с, сравнительно с*. Значения таких сочетаний в

большинстве случаев определяются лексическими значениями предлогов.

Лит.: Тв. п. в слав. языках, под ред. С. Б. Бернштейна, М., 1958; Мразек Р., Синтаксис рус. творительного, Praha, 1964; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980. См. также лит. при ст. Падеж. *Н. Ю. Шведова.*

Теза́урус (от греч. thēsaurós – сокровище, сокровищница) – 1) тип словаря, отражающий словарный состав данного языка в полном объёме.

Так как словарный состав живого языка постоянно изменяется, то Т. в узком смысле слова может быть только словарь к заранее определённому составу письменных памятников. Таковыми являются словари, основанные на сплошной выборке лексики из определённых памятников письменности [напр., ряд словарей др.-греч., лат., ст.-слав. языков; в частности, к этому типу Т. относится однотомный «Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)» (1994), включающий всю лексику рукописей этого периода, написанных на первом письменном языке славян]. По принципу отбора слов Т. являются словари языка писателей (см. Языка писателя словари) или их отдельных произведений.

Т. в более широком понимании слова – словари, наиболее полные в лексическом отношении, включающие не только слова лит. языка данной эпохи, но и архаизмы и неологизмы, слова высокого слога и просторечные, иноязычную лексику, а также областные слова; исчерпывающего описания лексики они не достигают. Такие Т. по принципам отбора слов обычно противопоставляются нормативным словарям. Примерами словарей-Т. рус. языка являются академический «Словарь церковнославянского и русского языка» (т. 1–4, 1847) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 1–4, 1863–66). По принципу Т. продолжал работу над академическим «Словарём русского языка» А. А. Шахматов (т. 2 – буквы Е – З, 1907, т. 4 – буква К, 1916), в отличие от т. 1 этого словаря (1895), составленного Я. К. Гротом. *Р. М. Цейтлин.*

2) Идеографический словарь, в к-ром показаны семантические отношения (родо-видовые, синонимические и др.) между лексическими единицами.

Структурной основой такого словаря обычно служит иерархическая система понятий, обеспечивающая поиск от смыслов к лексическим единицам (т. е. поиск слов, исходя из понятия). Для поиска в обратном направлении (т. е. от слова к понятию) используется алфавитный указатель. Так, напр., построен тезаурус П. М. Роже «Roget's thesaurus of English words and phrases» (1852), от названия к-рого в лексикологическую практику вошло данное значение термина «Т.». В теоретическом отношении Т. является одной из возможных моделей семантической системы лексики. Практически используется как средство обогащения индивидуального словаря пишущего.

В практике информационной работы большое распространение получили информационно-поисковые Т., главная задача к-рых – единообразная замена лексических единиц текста стандартизованными словами и выражениями (дескрипторами) при индексировании документов и использование родо-видовых и ассоциативных связей между дескрипторами при автоматизированном информационном поиске документов.

Лит.: Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С., Основы информатики, 2 изд., М., 1968; Шрейдер Ю. А., Тезаурусы в информатике и теоретической семантике, «НТИ. Сер. 2», 1971, № 3; Караулов Ю. Н., Общая и рус. идеография, М., 1976. *А. Я. Шайкевич.*

Текст (от лат. textus – ткань, сплетение, соединение) – объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами к-рой являются связность и цельность.

В семиотике под Т. понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в т. ч. обряд, танец, ритуал и т. п.; в языкознании Т. – последовательность вербальных (словесных) знаков (см. Знак языковой). Правильность построения вербального Т., к-рый может быть устным и письменным, связана с соответствием требованию «текстуальности» – внешней связности, внутренней осмысленности, возможности своевременного восприятия, осуществления необходимых условий коммуникации и т. д. Для обоих видов Т. – письменного и устного – существенным является вопрос о его идентичности, о т. н. канонической форме, исследуемый особой отраслью филологии – текстологией. Языкознание описывает специфические средства, обеспечивающие смысловые установки, передаваемые в Т.: лексические средства типа частиц, вводных слов и т. п., тектонические средства – изменение порядка слов в зависимости от текстовой установки, интонационные средства (для звуковых Т.), особые графические средства – подчёркивания, шрифтовые выделения, пунктуация (для письменных Т.). Правильность восприятия Т. обеспечивается не только языковыми единицами и их соединениями, но и необходимым общим фондом знаний, коммуникативным фоном, поэтому восприятие Т. связывается с пресуппозициями (см.). Дискуссионным является вопрос о минимальной протяжённости Т. (напр., может ли считаться Т. одна коммуникативная реплика). Возможность детального анализа Т. (в особенности художественного) обеспечивается значительными достижениями в области собственно языковой системы (кода) для Т.; т. о., он изучается как «язык в действии».

Исследование Т. в разных странах осуществляется под разными названиями: лингвистика Т., структура Т., герменевтика Т. (т. е. выявление системы неочевидных смысловых связей и оппозиций), грамматика Т., онтологический статус каждой из этих дисциплин определён нечётко, и

в целом можно говорить о более общей дисциплине – теории текста.

Лит.: Севбо И. П., Структура связного текста и автоматизация реферирования, М., 1969; Лотман Ю. М., Структура художественного текста, М., 1970; Текст в тексте, Тарту, 1981; Проблемы цельности и связности текста, М., 1982; Текст как психолингвистическая реальность, М., 1982; Рус. язык. Текст как целое и компоненты текста, М., 1982; Текст. Высказывание. Слово, М., 1983; Текст: семантика и структура, М., 1983; Текст как инструмент общения, М., 1983, Текст как объект комплексного анализа в вузе, Л., 1984; Исследования по структуре текста, М., 1987; Общение Текст. Высказывание, М., 1989 *Т. М. Николаева.*

Те́ма – см. Актуальное членение предложения.

Темп ре́чи (итал. tempo, от лат. tempus – время) – скорость произнесения речевых элементов разной протяжённости. Т. р. измеряют двумя способами: числом звуков (или слогов), произносимых в единицу времени (напр., в секунду), или средней длительностью звука (слога). Длительность звуков вообще измеряется в тысячных долях секунды – миллисекундах (мс). Т. р. каждого отдельного индивидуума может меняться в широких пределах – от 60–70 мс при быстрой речи до 150–200 мс при медленной. Существует также и зависимость темпа от индивидуальных особенностей говорящего. С лингвистической точки зрения интересны изменения темпа, связанные с двумя обстоятельствами: с числом звуков (слогов) в слове или синтагме (см.) и с интонационным оформлением высказывания. Зависимость Т. р. от числа звуков (слогов) в слове такова: чем больше звуков (слогов) в слове, тем меньше средняя длительность звука (слога). Эта зависимость является следствием стремления к изохронности произнесения слова или синтагмы. С точки зрения интонационного оформления для рус. языка обязательным является замедление темпа к концу завершённой синтагмы и отсутствие такого замедления в неконечной повествовательной и в конечной вопросительной синтагме. Существенно также, что интонационное противопоставление в высказывании важного – неважного может реализоваться изменениями в Т. р.: при произнесении синтагмы, содержащей несущественную, дополнительную информацию, темп чаще всего убыстряется.

Убыстрение темпа (по сравнению с нормальным, естественным для данного индивидуума) связано с сокращением длительности гласных и согласных, а замедление – с преимущественным увеличением длительности гласных.

Т. р. характеризует и произносительные стили: торжественная, публичная речь отличается более медленным темпом, тогда как разг. речь и особенно просторечие характеризуются быстрым темпом, что приводит к значительным изменениям фонетического облика слов. *Л. В. Бондарко.*

Те́рмин (от лат. terminus – граница, предел) – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Т. входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (см. Терминология). К особенностям Т. относятся: 1) системность; 2) наличие специального определения – дефиниции (для большинства Т.); 3) тенденция к однозначности в пределах своего терминологического поля, т. е. терминологии данной науки, дисциплины, научной школы (поэтому такие термины, как *функция* в математике, физиологии и лингвистике принято называть межотраслевыми омонимами; ср. также *стопа* – в анатомии и стихосложении, *операция* – в хирургии, военном деле, банковском деле и др.); 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность. Эти свойства Т. реализуются только внутри терминологического поля, за пределами к-рого Т. теряет свои системные и дефинитивные характеристики – детерминологизируется (ср. *цепная реакция* как образное выражение в общелит. языке; *калибр* в разг. языке – 'размер, величина, форма'). Процессы детерминологизации (переход Т. в общеупотребительную лексику) и терминологизации (переход общеупотребительного слова в Т., напр. *усталость, надёжность* как технические термины, *избыточность, окончание* в лингвистике и др.) свидетельствуют о взаимопроникновении терминологической и нетерминологической лексики. Наряду с терминологизацией, в основе к-рой часто лежит метафора (ср. *щёки* в геоморфологии, *память* в кибернетике и информатике, *тяжёлая вода* в химии), к способам создания Т. относится р е т е р м и н о л о г и з а ц и я – перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением, ср. *дифференциал* в математике – *дифференциал* в лингвистике (в фонологии). Т. могут заимствоваться из другого языка (*компьютер, файл, сервер* – из англ., *авизо* из итал.; сюда же относится калькирование, см. Калька), а также создаваться из морфемного инвентаря собственного языка (*приборостроение, дождевание, водность, страничность, расфильтровка, задувка*) или из интернациональных элементов (*астрогеология, диод, алломорф, эхограмма, перикардит*).

Т. как единица рус. языка подчиняется его фонетическим и грамматическим законам. Структурно-семантические особенности Т. проявляются в сфере словообразования, где происходит специализация отдельных формантов, характерных для собственно терминологических моделей: *-ома* (*фиброма, аденома*), *-оз* (*стеноз, остеохондроз*), *-ит* (*панкреатит*) в медицине; *-ема* (*фонема, лексема, интонема*) в лингвистике. Для описания структуры Т. используется понятие т е р м и н о э л е м е н т а – минимального значимого компонента Т. (им может быть как морфема, ср. интернациональные терминоэлементы, так и слово в термине-словосочетании, напр. *система управления положением корабля посредством выброса*

газа). Система Т. в целом и отдельный Т. подвержены семантическим изменениям в связи с изменением общего состояния («парадигмы») науки и концепций конкретной научной дисциплины.

Т. являются объектом самостоятельной лингвистической дисциплины — терминоведения. Т. различных отраслей знания находят отражение в специальных терминологических словарях (см.).

Лит.: Реформатский А. А., Термин как член лексической системы языка, в кн.: Проблемы структурной лингвистики 1967, М., 1968; Шайкевич А. Я., Проблемы терминологической лексикографии, в кн.: Перевод научно-технической лит-ры. Сер. 1. Теория и практика научно-технического перевода. Обзорная информация, в. 8, М., 1983; Герд А. С., Основы научно-технической лексикографии, Л., 1986; Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В., Общая терминология. Вопросы теории, М., 1989. См. также лит. при ст. Терминология. *Н. В. Васильева.*

Терминологи́ческие словари́ — словари, содержащие терминологию (см.) одной или нескольких специальных областей знаний или деятельности. Т. с. отражают достижения терминологической лексикографии (терминографии) — одного из разделов общей лексикографии (см.). В России первые Т. с.— словари религиозных терминов — появились в 11 в. Первый словарь научных терминов — «Дикционер, или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях и о прочих былиях и минералах» К. А. Кондратовича — вышел в 1780.

В Т. с. к каждому заголовочному слову (термину) обычно даются формальные (напр., грамматические, фонетические) и статистические сведения, определение значения термина (т. н. семантизация термина), другая содержательная информация о термине, напр. эквивалент на другом языке, указание на взаимосвязанные термины (синонимы, антонимы, родовые термины) с помощью помет типа *см.*, *см. также*, *выше*, *ниже* и др., показатели допустимости/недопустимости или рекомендуемости/нерекомендуемости термина с помощью помет типа *ндп.* (недопустимо), *нрк.* (не рекомендуется), языковые и графические иллюстрации, иногда стилевые пометы типа *спец.*, *проф.*

На основе наиболее существенных параметров построен ряд классификаций Т. с. Самые распространённые Т. с.: по тематическому охвату терминов — многоотраслевые (напр., «Политехнический словарь», 3 изд., 1989), отраслевые (напр., «Химический энциклопедический словарь», 1983) и узкоотраслевые (напр., «Англо-русский словарь по химии и технологии силикатов», 1986); по типу заголовочного слова, т. е. левой части словарной статьи, — словари терминов (напр., «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, 1966), терминоэлементов (напр., «Элементы международной терминологии. Словарь-справочник» Н. В. Юшманова, 1968) и сокращений (напр., «Английские сокращения по космической технике», 1990); по типу информации, содержащейся в правой части словарной статьи после заголовочного слова — переводные (напр., «Вычислительная техника и новые информационные технологии. Русско-английский терминологический словарь», 1992), толковые (напр., «Толковый металлургический словарь. Основные термины», 1989), словари-справочники (напр., «Маркетинг. Толковый терминологический словарь-справочник», 1991), перечни терминов (глоссарии) и дескрипторные словари (напр., «Дескрипторный словарь по информатике» Э. Г. Азгальдова, О. А. Высочанской, М. И. Хаскиной, 1991); по способу упорядочения словника — алфавитные (напр., «Информатика. Русско-английский терминологический словарь», 1992), тематические, в т. ч. гнездовые (напр., «Русско-немецкий словарь, тематический по книговедению» Ю. К. Якимович, 1983) и алфавитно-гнездовые (напр., «Библиотечное дело. Терминологический словарь», 2 изд., 1986), статистические (напр., «Частотный словарь общенаучной лексики», 1970); по цели (функции) и читательскому назначению словаря — регистрирующие (инвентаризирующие) (напр., «Немецко-русский политехнический словарь», 1984), регламентирующие, в т. ч. ненормативные и нормативные, к-рые включают стандарты на термины (напр., ГОСТ 16487–83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения»; Международный стандарт. Рег. № ИСО 704–87 «Принципы и методы терминологии»), словари стандартизованных терминов (напр., «Словарь стандартизованных терминов по охране окружающей среды», 1989) и сборники рекомендуемых терминов (напр., «Физика атомного ядра и элементарных частиц. Терминология», 1989), научно-популярные (напр., «Популярный экономико-математический словарь» Л. И. Лопатникова, 2 изд., 1979); учебные (напр., «Учебный словарь-минимум для студентов-математиков: англо-русский словарь» М. М. Глушко, 1976), информирующие, к-рые включают информационные тезаурусы [напр., «Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (Автоматическая обработка текста)» С. Е. Никитиной, 1978], классификаторы (напр., «Общесоюзный классификатор. Промышленная и сельскохозяйственная продукция. Высшие классификационные группировки», 1977) и рубрикаторы (напр., «Государственный рубрикатор научно-технической информации. Рубрикатор ГАСНТИ», 4 изд., 1992), систематизирующие, к-рые включают словари терминосистем (напр., «Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны» Г. У. Линдберга, А. С. Герда, Т. С. Расса, 1980)

и частотные (напр., «Частотный англо-русский физический словарь-минимум» П. М. Алексеева, М. Е. Кашириной, Е. М. Тарасовой, 1980); по охвату языков – одноязычные, двуязычные (напр., «Русско-английский словарь газетной лексики» В. Н. Крупнова, 1993) и многоязычные (напр., «Французско-англо-русско-кхмерский географический словарь», 1991); по времени возникновения терминов – словари новых терминов (напр., «Французско-русские термины по созданию совместных предприятий» Л. Ф. Калиночкиной, в кн.: «Тетради новых терминов», в. 164, 1990) и словари существующих терминов, включая архаизмы (напр., «Краткий словарь видов и разновидностей документов», 1974).

Многие Т. с. являются комплексными, совмещая признаки словарей разных видов, в т. ч. толково-переводные (напр., «Радиоэлектроника: русско-английский терминологический словарь», 1992), толково-нормативные (все стандарты на термины и определения), многоязычные тезаурусы, включающие одновременно толкования терминов на нескольких языках (напр., «Терминологическое пособие по теории и методике применения УДК. Словарь терминов с определениями», 1986), частотные словари, выполняющие учебную функцию и содержащие эквиваленты терминов на двух языках (напр., «Частотный англо-русский словарь-минимум по квантовым генераторам» Н. С. Манасян, 1983). Создаются, кроме того, Т. с., помогающие решать различные научные и прикладные задачи (напр., «Словарь медицинских терминов на основе греко-латинских и немецких синонимов» Г. В. Шураковой, 1992; «Краткий русско-английский словарь-справочник менеджера», 1991, включающий ок. 3 тыс. слов и словосочетаний, в т. ч. нетерминологического характера; «Русско-английский разговорник для геологов» Е. Н Исаева, И. И. Бондаренко, 1990, содержащий термины геологии, а также типовые тексты документов, используемых на разных этапах работы геологов, типовые фразы и выражения, необходимые для делового общения).

Широкое распространение получили различные способы механизации и автоматизации разработки и использования Т. с. Создаются электронные словари и автоматизированные терминологические банки данных, позволяющие получать необходимые сведения о терминах и обозначаемых ими понятиях с помощью компьютеров, без применения словарей книжного типа. Т. с., отображая в систематизированном виде определённые специальные области знаний или деятельности, выполняют не только информационную, но и познавательную, классификационную и другие функции.

Лит.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. [Сб. ст.], Л., 1976; Шайкевич А. Я., Проблемы терминологической лексикографии, в кн.: Перевод научно-технической лит-ры. Сер. 1. Теория и практика научно-технического перевода. Обзорная информация, в. 8, М., 1983; Герд А. С., Основы научно-технической лексикографии, Л., 1986; Гринёв С. В., Введение в терминологическую лексикографию, М., 1986; Лейчик В. М., Опыт построения классификации терминологических словарей, в кн.: Теория и практика научно-технической лексикографии, М., 1988; Рекомендации по разработке терминологических словарей, М., 1988; Комарова З. И., Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание, Свердловск, 1991; Марчук Ю. Н., Основы терминографии. Методическое пособие, М., 1992

В. М. Лейчик.

Терминоло́гия (от *термин* и греч. lógos – слово, учение) – совокупность терминов (см.), обозначающих понятия какой-либо специальной области знаний или деятельности (напр., терминология лингвистическая, см.), а также совокупность терминов какого-либо естественного языка (напр., русская терминология). Различаются два вида совокупностей терминов – собственно Т. и терминологические системы (терминосистемы).

Собственно Т. – стихийно сложившаяся совокупность терминов, отражающая исторический процесс накопления и осмысления знаний в определённой области. Т. пополняется за счёт общеупотребительной лексики и в свою очередь обогащает её. Т. обладает теми же признаками, что и любая лексико-семантическая группа (ЛСГ) естественного языка: синонимией (*языкознание – языковедение – лингвистика*), антонимией (*близорукость – дальнозоркость*), градацией (*микромир – макромир – космомир*), родо-видовыми связями (*рыбы – сельдевые – атлантическая сельдь – салака*), отношением «целое – части» (*машина – ротор* и *статор*) и др. Имеют место индивидуально-авторские Т., напр. Т. глоссематики, созданная Л. Ельмслевом. Одно и то же понятие может обозначаться в рамках Т. несколькими терминами-синонимами (*карбонат натрия – сода*), в т. ч. частичными синонимами, если объекты называют по разным их признакам (*инструкция – наставление – памятка*). Одним и тем же термином могут обозначаться разные понятия, напр. объект и процесс (*публикация*), в результате чего в Т. образуются многозначность (*лес* как совокупность деревьев и как строительный материал) и омонимия (*коллектор* как часть якоря электромашины и как вещество, используемое при обогащении полезных ископаемых) терминов. По мере развития знаний и практической деятельности Т. также развивается: происходит более дробное членение понятий к.-л. области (напр., в научной организации труда различаются *трудовая, производственная, исполнительская дисциплина*); новые объекты исследования и практического применения получают новые обозначения, к-рые называются терминами-неологизмами (*нейтронная звезда, видеомагнитофон*); при вовлечении в к.-л. область знаний новых подотраслей происходит перестройка Т. (напр., включение терминов математики и информатики в лингвистическую Т.: *информационно-поисковый*

язык, частотность слова). В определённые периоды развития к.-л. областей знания могут быть зафиксированы формирующиеся и неполные Т.

Терминосистема появляется тогда, когда к.-л. область знания или деятельности сложилась в достаточной степени, имеет свою теорию, выявила и осознала все свои основные понятия и связи между ними. В отличие от Т., терминосистема конструируется специалистами данной области из сознательно отбираемых, а в ряде случаев и специально создаваемых слов и словосочетаний-терминов, а также терминов, заимствуемых из другого языка, для изложения теории, описывающей данную область. Так, совр. рус. терминосистема неорганической химии, опирающаяся на периодическую систему элементов Д. И. Менделеева, включает и ранее существовавшие термины (*золото*), и заимствованные (*сурьма* – из персидского языка), в т. ч. интернациональные термины (последние используются не менее чем в трёх языках: *селен* – из лат. языка, имеет сходную форму в рус., англ., франц. и других языках), и термины, сконструированные в 18 в. (*кислород*), и созданные в 20 в. (*курчатовий*).

Для конструирования терминосистемы необходимо наличие теории, лежащей в её основе и в основе соответствующей системы понятий; при наличии ряда теорий в одной и той же области может быть несколько терминосистем (напр., ньютоновская и эйнштейновская физика). Терминосистема обладает признаками системности (т. е. каждый её термин связан с другими терминами прямыми и опосредованными логическими и ассоциативными отношениями), полноты охвата понятий к.-л. области знаний или деятельности, непротиворечивости, относительной устойчивости (т. е. применяется до тех пор, пока не опровергнута теория, лежащая в её основе) и в то же время открытости (т. е. способна включать новые термины) и динамичности (дефиниции терминов могут уточняться в результате углубления знания). С точки зрения используемых языковых средств, терминосистема обладает более высокой степенью регулярности, чем Т. (однородные понятия обозначаются сходными по форме терминами, напр. все названия минералов имеют суффиксы *-ит* или *-ин*). В терминосистеме достигается минимальная степень вариантности: сознательно сокращаются или устраняются синонимия и многозначность. Между системой понятий как логической категорией и терминосистемой как языковым образованием нет полной изоморфности; между ними существует отношение адекватности, при к-рой терминосистема может быть и богаче, и беднее системы понятий по количеству единиц и характеру связей.

В каждом развитом языке насчитывается несколько тысяч Т. и терминосистем. Их классифицируют прежде всего по областям знаний и деятельности, к-рые они обслуживают. Наиболее общая классификация: научно-технические Т. и терминосистемы, охватывающие совокупности терминов естественных, технических, общественных и других типов наук, а также совокупности собственно технических и производственных терминов (напр., *клапан, прокатный стан, гидроэлектростанция*); общественно-политическая Т. с примыкающей к ней общественно-политической лексикой, включающие обозначения реалий политической и общественной жизни и используемые в официальных документах и средствах массовой информации (напр., *референдум, встреча на высшем уровне*); Т. и терминосистемы других специальных областей (спорта, искусства, военного дела и т. п.). Имеет место классификация совокупностей терминов по структуре и степени сложности: большие и малые (микросистемы); иерархические, многоаспектные, гнездовые. Б. Н. Головин классифицирует терминосистемы по соотнесённости входящих в них терминов с областями трудовой деятельности, с профессиональным членением каждой из этих областей, с научными направлениями, школами и методами, а также с личностными системами научных взглядов и концепций авторов терминосистем.

Терминосистемы и Т., а также закономерности складывания, конструирования и использования этих совокупностей изучает возникшая в кон. 20 в. научно-прикладная дисциплина – терминоведение. Теоретическое терминоведение занимается анализом содержательной, формальной и функциональной структуры отдельных терминов и их совокупностей. Оно делится на сопоставительное и историческое терминоведение, терминоведческую теорию текста и историю терминоведения. Практическое терминоведение включает след. направления. Унификация Т. Она направлена на сокращение разнообразия терминов, обозначающих одни и те же понятия, что необходимо для совместимости Т. и позволяет использовать одни и те же термины в смежных областях знания и разных языках. Унификация Т. осуществляется путём создания сборников рекомендуемых терминов, к-рые выпускаются Комитетом научной терминологии РАН (издано св. 110 сборников), а также стандартизацией научных и технических Т., к-рая проводится во всех промышленно развитых странах уже более ста лет. Имеют место международные, в т. ч. региональные стандарты, национальные и отраслевые стандарты, стандарты крупнейших промышленных фирм. К нач. 90-х гг. 20 в. Международной организацией по стандартизации (ИСО, ISO) и национальными органами выпущено несколько десятков тысяч терминологических стандартов, к-рые охватывают почти все отрасли технических наук и области производства. Проводится международная гармонизация (согласование) терминосистем и терминологических стандартов, что

позволяет увязать отдельные термины и целые терминосистемы, употребляемые в разных странах и языках при сходстве или близости теорий, лежащих в их основе, путём заимствования и интернационализации терминов или установления единого принципа их формирования (Т. авиации в рус., нем., франц. языках на основе Т. мореплавания: *лайнер – авиалайнер, борт корабля – борт самолёта, экипаж корабля – экипаж самолёта* и др.).

Создание терминологических словарей (см.).

Создание банков терминологических данных и терминологических картотек. На компьютерах реализуются автоматизированные системы, позволяющие хранить, отыскивать, систематизировать и переводить термины. Так, в германской фирме «Сименс» («Siemens») функционирует банк терминов, к-рый содержит св. 2 млн. терминов на 9 языках со всей необходимой информацией.

Перевод терминов. С помощью терминологических словарей, банков данных, систем машинного перевода и др. выполняется перевод научных, технических, публицистических текстов, в первую очередь терминов, что обеспечивает международные контакты учёных, общественных и гос. деятелей и т. п.

Лит.: Реформатский А. А., Что такое термин и терминология, в кн.: Вопросы терминологии, М., 1961; Лотте Д. С., Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики, М., 1961, Даниленко В. П., Рус. терминология. Опыт лингвистического описания, М., 1977; Гринёв С. В., Введение в терминологическую лексикографию, М., 1986; Квитко И. С., Лейчик В. М., Кабанцев Г. Г., Терминоведческие проблемы редактирования, Львов, 1986; Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю., Лингвистические основы учения о терминах. [Учебное пособие для вузов], М., 1987; Крючкова Т. Б., Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии, М., 1989; Шелов С. Д., Об определении лингвистических терминов. (Опыт типологии и интерпретации), «ВЯ», 1990, № 3.

В. М. Лейчик.

Терминоло́гия лингвисти́ческая – совокупность терминов науки о языке. Т. л.– неотъемлемая и основная часть метаязыка лингвистики, т. е. специального языка, при помощи к-рого описываются свойства естественного языка, выступающего как язык-объект. Главной особенностью лингвистики является совпадение (консубстанциональность) метаязыка и языка-объекта, что даёт основание нек-рым учёным говорить об особой метаязыковой, или инструментальной, функции языка, носителями к-рой являются лингвистические термины. На периферии Т. л. находится лингвистическая номенклатура – названия элементов конкретной языковой системы. Напр., *суффикс* – это термин, *уменьшительный суффикс* – тоже термин (видовой), а уменьшительный суффикс рус. языка *-ушк-* – это номен. Число номенов во всех языках очень велико. Граница между терминами и номенами в метаязыке лингвистики бывает подвижной. Вне Т. л. находятся лингвонимы – названия языков и диалектов, соотносимые с этнонимами. Принадлежа, как и термины, метаязыку лингвистики, по своим функциям они ближе к именам собственным.

Т. л. отражает концептуальный аппарат различных национальных научных традиций, лингвистических направлений и школ, а также языковых теорий отдельных авторов. Поэтому Т. л. существует не как единая семиологическая система, а как «система систем». Этим обусловлен, в частности, т. н. полиморфизм лингвистических терминов, когда один и тот же термин может обозначать разные понятия в различных научных направлениях и национальных лингвистических традициях (напр., *морфема* в рус. традиции является родовым термином, а во франц. функциональной лингвистике – видовым, родовым же выступает *монема*) или когда одно и то же языковое явление обозначается разными терминами (ср. *аблаут* в нем. традиции, *апофония* – во франц.). Подобные термины со сходной референцией, но относящиеся к разным концепциям и школам, можно квалифицировать как квазисинонимы (ср. также *тема – топик, рема – комментарий*). Кроме того, в Т. л. существуют полные синонимы, или дублеты. Они появляются в результате разного происхождения терминов (*рекурсия – отступ, дистрибуция – распределение, лингвистика – языкознание, языковедение*), морфонологического и морфологического варьирования (*геминат – гемината, морф – морфа, однокорневой – однокоренной*), синтаксического варьирования (*лингвистическая стилистика – лингвостилистика, лингвистическая поэтика – лигвопоэтика*). Неоднозначное соотнесение планов выражения и содержания также находит отражение в Т. л. в виде полисемии терминов. Причинами её может быть переосмысление старых понятий, т. е. новая ступень в изучении объекта, и другие процессы, связанные с накоплением знания. Часто встречается т. н. категориальная многозначность терминов – метонимический перенос по типу «действие, процесс → результат» (*аттракция, заимствование*) или «область знания → объект» (*морфология, фонетика, семантика*). От многозначных терминов следует отличать омонимы (*наречие* как говор и *наречие* как часть речи, *тема* как термин актуального членения предложения и *тема* как индоевропейская глагольная основа).

Т. л. может быть описана в различных аспектах (синхронном и историческом), может быть классифицирована по различным основаниям. Так, выделяются универсальные термины, обозначающие общие категории, к-рые обнаруживаются во всех языках мира (*подлежащее, сказуемое, предложение, тема, рема, темпоральность*), и уникальные, обозначающие явле-

ния, специфические для к.-л. языка или группы языков (ср. термин *порода* для семитских языков). К универсальным терминам примыкают общенаучные термины, число к-рых в Т. л. невелико (ср. *система, структура, закон*). В Т. л. входят также индивидуальные термины, принадлежащие к определённой авторской концепции и не выходящие за её пределы (напр., *кинема* и *акусма* у И. А. Бодуэна де Куртенэ).

По своей внутренней форме лингвистические термины делятся на мотивированные, где налицо семантическая и структурная соотнесённость составляющих его морфем с морфемами данного языка (ср. *переднеязычный, заднепёбный, плоскощелевой* в рус. фонетической терминологии), и немотивированные, к числу последних, помимо заимствований (см.), относятся также кальки (см.), составляющие, в частности, основу рус. грамматической терминологии (*существительное, предлог, залог, лицо* и др.). Эти термины, будучи буквальным переводом соответствующих греч. и лат. терминов, стали полностью немотивированными (ср. также немотивированный термин *непосредственно составляющие* – калька англ. *immediate constituents*). Подобные термины А. В. Исаченко относил к терминам-названиям, в отличие от мотивированных терминов – описаний.

По генетическому признаку в составе рус. Т. л. выделяются термины исконно русские (*языкознание, буква, ударение*), заимствования (*ауслаут, пиджин, шифтер, сандхи, анаколуф*) и созданные на базе греко-лат. терминоэлементов (*микросоциолингвистика, инессив, зооним, интонема*).

По составу различают однословные (монолексемные) термины и термины-словосочетания (полилексемные), число к-рых в рус. Т. л. составляет ок. 60% (ср. *члены предложения, несогласованное определение, основной вид фонемы*). От последних следует отличать сложение терминов – сочетание двух и более самостоятельных терминов, ср. *монофтонгизация // восходящего дифтонга, прототипические свойства // подлежащего, компонентный анализ // лексического значения слова*. Среди способов образования однословных терминов в составе Т. л. выделяются: семантический – терминологизация слова общеупотребительного языка, часто с метафорическим переносом, ср. *поле, гнездо (слов), дерево (зависимостей)*; сюда же примыкает перенос терминов из других наук, с полным или частичным их переосмыслением (ср. *дифференциал* и *интеграл* у А. А. Реформатского); словообразовательный: суффиксация (*вариантность, вариативность, контекстуализация*), префиксация (*подтекст, соподчинение, наддиалект*), основосложение (*словоформа, звукотип, группофонема, двухфокусный*). Особую роль в образовании терминов играют греко-лат. элементы, комбинационные возможности к-рых практически неограниченны. При этом морфемный статус данных элементов не всегда поддаётся чёткому определению, ср. *фон-ема, алло-фон, мор(фо)-фон-о-логия*. Различные лингвистические дисциплины и направления предпочитают различные принципы образования терминов. Так, ономастическая терминология строится почти целиком на греко-лат. элементах (ср. *топоантропоним, астронимика, теоним*). Теория порождающих грамматик, напротив, в своей терминологии отдаёт предпочтение термину-метафоре, что находит отражение и в рус. эквивалентах англ. терминов (ср. *кольцо, упаковка, иссушающий контекст*).

Историческое изучение рус. Т. л. связано прежде всего с развитием грамматических терминов. Первые грамматические термины возникли в результате переноса соответствующих греческих и латинских на слав. почву. Переводчики и создатели первых рукописных грамматик (напр., статья «О осмих частех слова», 14 в.; «Донат» Дм. Герасимова, 1522; «Адельфотис», 1591) стремились путём буквального перевода (калькирования) сделать термины мотивированными и понятными, т. к. славянские по морфемному составу слова этими свойствами не обладали, ср. *супружество – спряжение* (калька лат. *conjugatio*). В грамматиках Л. Зизания (1596) и М. Смотрицкого (1619) появляется ряд самобытных терминов, отражающих грамматический строй церк.-слав. языка. Так, Зизаний ввёл термин *творительный падеж*, Смотрицкий ввёл в обиход след. термины: *междометие* (вместо *различие*), *деепричастие*; систематизировал уже существовавшие: *имя существительное* (вместо прежнего *осущественное*), *имя прилагательное* (вместо *прилагаемое*), *именительный падеж, родительный падеж* (вместо *именовный, рóдный*) и нек-рые др. Собственно рус. грамматическая терминология ведёт начало от «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755), к-рой предшествовали грамматики И. Лудольфа (1696) и В.Е. Адодурова (1731). Из 230 терминов «Российской грамматики» половина существует и теперь.

Т. л.– открытая система; происходит пополнение её новыми элементами при угасании или полном исчезновении других элементов. В силу общей специфики гуманитарного знания Т. л. не может быть стандартизирована. Она может быть лишь систематизирована и унифицирована. Этим целям служат словари лингвистических терминов – разновидность отраслевых терминологических словарей, куда входят словники (алфавитные списки терминов без дефиниций), толковые и энциклопедические словари, а также тезаурусы – словари, фиксирующие семантические связи терминов.

Лит.: Ахманова О. С., Словарь лингвистических терминов, М., 1966, с. 3–19; её же, Терминология лингвистиче-

ская, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Ганиева Т. А., О системе фонетической терминологии, в кн.: Совр. рус. лексикология, М., 1966; Слюсарева Н. А., Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка, «ВЯ», 1979, № 4; Слав. лингвистическая терминология. [Материалы заседания Международной комиссии по лингвистической терминологии, май 1981 г.], К., 1984; Никитина С. Е., Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики, М., 198⁻ Шелов С. Д., Об определении лингвистических терминов. (Опыт типологии и интерпретации), «ВЯ», 1990, № 3; Vermeer H. J., Einführung in die linguistische Terminologie, Münch., 1971; Akhmanova O., Linguistic terminology, [Moscow], 1977 (лит.).

Основные словари лингвистических терминов и лингвистические энциклопедии на рус. языке: Дурново Н. Н., Грамматический словарь. (Грамматические и лингвистические термины), М.–П., 1924; Шор Р. О., Краткий словарь лингвистических и стилистических терминов, в её кн.: Язык и общество, М., 1926; Жирков Л. И., Лингвистический словарь, 2 изд., М., 1946; Марузо Ж., Словарь лингвистических терминов, пер. с франц., М., 1960; Вахек И., Лингвистический словарь Пражской школы. (При участии Й. Дубского), пер. с франц., нем , англ. и чеш., М , 1964; Хэмп Э., Словарь американской лингвистической терминологии, пер. с англ., М., 1964; Ахманова О. С., Словарь лингвистических терминов, М., 1966; 2 изд., М., 1969; Никитина С. Е., Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (Автоматическая обработка текста), М., 1978; Рус язык. Энциклопедия, М , 1979; Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). [Сост. М. В. Панов], М., 1984; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А., Словарь-справочник лингвистических терминов Пособие для учителя, 3 изд., М., 1985; Подольская Н. В., Словарь рус. ономастической терминологии, 2 изд., М., 1988; Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А., Краткий справочник по совр. рус. языку, 2 изд., М., 1995; Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М., Краткий словарь лингвистических терминов, М., 1995.

Н. В. Васильева.

Тире́ (–) – одиночный разделительный знак препинания (см.), служащий для внутреннего членения предложения и отличающийся многообразием функций. Собственно грамматические функции Т. реализуются в след. ситуациях: 1) в случае эллипсиса в структуре предложения, в т. ч. между подлежащим и именным сказуемым без связки (в частности, перед словами типа *это, вот*): *... то поздравляли жену, то жена поздравляла, то – дочка, то – дочку...*; *«Краткость – сестра таланта»* (Чехов); 2) перед обобщающим словом, заключающим перечисление однородных членов предложения: *«Трава, кусты – всё вдруг потемнело»* (Тургенев); 3) при прямой речи: Т. выступает как сигнал начала абзацного построения прямой речи (её реплик); между репликами диалога, оформляемыми подряд в строку (внутри абзаца) в кавычках: *«"Не отвечает?" – "Нет".– "Он в это время всегда дома".– "Да, я знаю"»* (Федин); перед вводящей частью (авторскими словами) после чужой речи или цитаты: *«"Как это скучно!" – воскликнул я невольно»* (Лермонтов).

Семантические функции Т.: 1) соединительное Т. между двумя словами для обозначения предела «от ... до»: *беспосадочный перелёт Москва – Ванкувер*; 2) Т. между частями бессоюзного сложного и сложносочинённого предложения для указания временны́х, условных и следственных отношений, а для выражения неожиданности, резкого противопоставления и быстрой смены событий – и между отдельными элементами этих частей, ср.: *«Положить палочку на воду – и она поплывёт по течению»* (Пришвин); *Молодёжь ушла – на вечере стало скучно* (=поэтому стало скучно) в отличие от *Молодёжь ушла: на вечере стало скучно* (=потому что стало скучно); *«И щуку бросили – в реку»* (Крылов); *«Это я не ради тебя – ради нас всех, чтоб от стыда уйти»* (Дудинцев).

Функция актуального членения предложения – возможность для пишущего с помощью Т. подчёркивать в тексте коммуникативную значимость отдельных слов или конструкций: *«Я вас спрашиваю: рабочим – нужно платить?»* (Чехов); *«Смысл лекций прост – виноват во всей кутерьме – сатана»* (Булгаков). Эта функция полностью не может быть регламентирована.

В совр. практике при передаче причинно-следственных отношений отмечается стремление пишущих расширять употребление Т., ставить его вместо ожидаемого двоеточия, напр.: *«Он хотел сказать и сказал этой выходкой – "ты в моей власти"»* (Гордин); *Повторю – обстановка в городе достаточно сложная*, ср.: *«Моя задача: спасти "Остров"»* (Горбовский).

В тексте употребление одиночного Т.– как знака разделительного – следует отличать от двойного Т. Двойное тире – парный выделительный знак препинания, служащий для внутреннего членения предложения. Основное назначение двойного Т.– выделение подчёркиваемых слов, конструкций, предложений, к-рые благодаря этому приобретают статус вставных (см. Вставная конструкция). Напр.: *Дневники мною не были – о чём горько сожалею – сохранены; Сжав зубы – чтобы не терять времени даром – он изучал противника; На въезде меня дожидался – кто бы мог подумать! – Сергей.*

Двойное Т. в сильной позиции употребляется в середине состава предложения (выделяемое фиксируется в тексте с обеих сторон, см. примеры выше), в слабой позиции – в конечной части предложения (выделяемое фиксируется только спереди, левым элементом двойного Т.): *Пошла сама и повела за собой Марину – так звали девочку*. Выделение с помощью двойного Т. не может быть в начальной части предложения.

Распространено мнение, что знак Т. изобрёл Н. М. Карамзин, однако исследования В. Ф. Ивановой показали, что в рус. печати Т. начинает употребляться с кон. 60-х гг. 18 в.; Карамзин же способствовал популярности и закреплению функций Т. Впервые оно под названием «молчанка» отмечено в «Российской грамматике» А. А. Барсова (1797). Знак «двойное Т.» («два

тире») в качестве самостоятельного парного знака препинания впервые отмечен А. Б. Шапиро (1955).

Лит. см. при ст. Пунктуация *Б. С. Шварцкопф.*

Толко́вые словари́ – лингвистические словари, в к-рых объясняются (толкуются) значения слов и фразеологизмов какого-либо языка средствами самого этого языка. Т. с. являются, как правило, комплексными: их словарные статьи помимо определения значения слова содержат сведения о его написании, особенностях произношения, о месте ударения, о грамматических, словообразовательных свойствах, о тех стилистических и функциональных сферах, к к-рым принадлежит слово, о типичных сочетаниях и фразеологических оборотах, в к-рых оно может употребляться, о его синтагматических и парадигматических связях и т. д. В Т. с. могут приводиться также исторические, этимологические, энциклопедические и нек-рые другие сведения. В практике лексикографии выработаны специальные приёмы для показа всех таких видов информации, напр. сам способ расположения слов (алфавитный, гнездовой, частичного гнездования), разные типы толкований (семантические, синонимические, грамматические) и их отдельные элементы (специальные вводы и пояснения), различного рода пометы (стилистические, морфологические, синтаксические), языковые иллюстрации, специальные условные знаки, иногда рисунки и т. д. Помимо корпуса словарных статей в Т. с. обычно включаются сведения о правилах пользования словарём, иногда также краткие очерки по орфоэпии, морфологии, словообразованию. Словник, структура словарной статьи, способы иллюстрирования и т. д. определяются задачами и назначением конкретного словаря.

Т. с. отражают словарный состав языка на определённом этапе его развития. Они могут давать относительно полное описание лексики общенационального языка (см., напр., Тезаурус) либо только определённой её части (словари лит. языка, областные словари, словари иностранных слов и др.). По характеру отношения к лит. норме различают нормативные (предписывающие) Т. с. (последовательно отграничивающие те языковые факты, к-рые реально существуют в общелит. языке и соответствуют действующим языковым нормам, и те, что только спорадически проникают в него из диалектов, терминологической сферы и т. д.) и ненормативные Т. с. (регистрирующие, включающие в себя всю лексику, к-рую можно зарегистрировать по определённым источникам, вне зависимости от её происхождения, употребительности и сферы распространения). Нормативные Т. с. служат справочными пособиями по культуре речи, содействуют нормализации словарного состава языка; ненормативные – описывают с возможной полнотой лексический состав языка определённого периода. Т с. являются важными источниками для изучения рус. языка в его истории и совр. состоянии.

Важнейшие словари рус. языка: «Словарь Академии Российской» – первый большой Т. с. рус. языка, появление к-рого в кон. 18 в. было подготовлено предшествующим ходом развития словарного дела в России (напр., словарные труды П. Берынды, Ф. Поликарпова, различные двуязычные словари); в 1-м изд. (ч. 1–6, 1789–94, св. 40 тыс. слов) словарные статьи располагаются по алфавиту основного (производящего) слова и включают производные от него; во 2-м переработанном и дополненном изд. (ч. 1–6, 1806–22, св. 50 тыс. слов), вышедшем под названием «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный», вся лексика упорядочена по алфавитному принципу. В словаре впервые дано нормативно-стилистическое описание рус. лексики 2-й пол. 18 – нач. 19 вв.

«Общий церковно-славяно-российский словарь» П. И. Соколова (ч. 1–2, 1834, св. 80 тыс. слов) – словарь справочного типа, снабжённый грамматическими таблицами, более доступный по изложению, чем академические словари, и предназначенный для учащихся; словарь сыграл заметную роль в развитии рус. речевой культуры.

«Словарь церковнославянского и русского языка» (т. 1–4, 1847, св. 100 тыс. слов; 2 изд., 1867–68) – по своему характеру приближающийся к тезаурусу, включающий как лексику др.-рус. и церк.-слав. памятников, так и многие слова, закрепившиеся в рус. языке к сер. 19 в., в т. ч. и заимствованные (прежде всего терминологические); будучи в целом ориентирован на старинную лексику, словарь шире, чем предыдущие академические словари, отражает живой лит. язык.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 1–4, 1863–66, св. 200 тыс. слов; 2 изд., 1880–82, пе-

Владимир Иванович Даль
10(22).11.1801–22.9.(4.10).1872

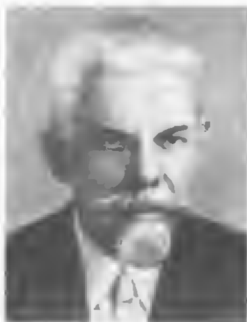

Яков Карлович Грот
15(27).12.1812–24.5(5.6).1893

Дмитрий Николаевич Ушаков
12(24).1.1873–17.4.1942

Сергей Иванович Ожегов
10(23).9.1900–15.12.1964

реиздававшееся в 1935, 1955, 1978–80, 1981–82 и 1989–90; 3 изд. исправленное и дополненное, под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1903–09; 4 изд., стереотипное с 3 изд., 1911–12; последнее изд. вышло в 1995) – памятник рус. лексикографии, словарь-тезаурус, в основу к-рого впервые был положен живой народный язык с его областными видоизменениями; словарь охватывает лексику письменной и устной лит. речи 19 в., а также терминологию и фразеологию различных ремёсел, профессий; принцип расположения слов – гнездовой.

Академический «Словарь русского языка», начатый под ред. Я. К. Грота как нормативный, включающий общеупотребительную лит. лексику со времён М. В. Ломоносова до кон. 19 в. [т. 1 (в. 1–3), буквы А–Д, 1891–95, св. 20 тыс. слов], затем под ред. А. А. Шахматова, издававшийся уже как словарь-тезаурус рус. языка [т. 2 (в. 1–9), буквы Е–З, 1897–1907; т. 4 (в. 1–10), буква К, 1906–26], позднее под ред. В. И. Чернышёва и Л. В. Щербы – как смешанный толково-исторический словарь (отдельные выпуски на буквы А, Д, И, Л, М, Н, О, 1932–37).

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. 1–4, 1935–40, св. 85 тыс. слов; стереотипное изд., 1947–48) – первый лексикографический труд, в к-ром достаточно полно отражён словарный состав совр. рус. лит. языка (до 30-х гг. 20 в. включительно), т. е. лексика классической лит-ры от А. С. Пушкина до М. Горького, а также получившая широкое распространение в кон. 19 – нач. 20 вв. научная и общественно-политическая лексика; в словаре по-новому решены сложные лексикографические задачи стилистической и грамматической характеристики слова, объяснения его значений и их оттенков и др.; словарь имел нормативный ха-

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВАГО

ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА

В. И. ДАЛЯ

Изданіе общества любителей Россійской словесности учреждённаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

А–З.

МОСКВА.
Въ типографіи А. Семена.
1863.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА

составили
Г. О. ВИНОКУР, проф. Б. А. ЛАРИН,
С. И. ОЖЕГОВ, Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ,
проф. Д. Н. УШАКОВ

под редакцией
проф. Д. Н. УШАКОВА

ТОМ I

А—КЮРИНЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
МОСКВА ● ОГИЗ ★ [illegible]

рактер. Он оказал большое теоретическое влияние на словарную работу применительно ко многим языкам народов СССР.

Большой академический «Словарь современного русского литературного языка» (т. 1–17, 1948–65, св. 120 тыс. слов; в т. 1–3 слова располагаются по гнездовому принципу, в остальных – по алфавиту; с 1990 начало выходить 2-е исправленное и дополненное изд.) – самый полный толково-исторический и нормативный словарь, отражающий лексическое богатство рус. лит. языка, начиная с эпохи Пушкина до 50-х гг. 20 в. (Ленинская пр., 1970).

Малый академический «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (т. 1–4, 1957–61, св. 80 тыс. слов; 2 изд. исправленное и дополненное, 1981–84, св. 90 тыс. слов; 3 стереотипное изд., 1987) – нормативный словарь, близкий по структуре и объёму к словарю под ред. Д. Н. Ушакова; в 1-м изд. фиксируется состояние словарного состава рус. лит. языка 40–50-х гг. 20 в.; во 2-м изд. отражены те изменения, к-рые произошли в нём к кон. 70-х гг. 20 в.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949, ок. 50 тыс. слов) – однотомный Т. с., нормативное справочное изд., назначение к-рого – содействовать повышению культуры речи самых широких кругов читателей; в 1952 вышло 2-е исправленное и дополненное изд. (св. 51 тыс. слов), в 1960 – 4-е исправленное и дополненное изд. (ок. 53 тыс. слов), в 1972 – 9-е исправленное и дополненное изд., посмертное, под ред. Н. Ю. Шведовой (св. 57 тыс. слов); в 1989 – 21-е изд., значительно дополненное и исправленное (ок. 70 тыс. слов); в 1990 – стереотипные 22-е и 23-е изд.); словарь включает в себя основную общеупотребительную лексику совр. рус. лит. языка. Словарь Ожегова сыграл большую роль в развитии теории и практики отечественной лексикографии (Премия АН СССР им. А. С. Пушкина, 1989).

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992, св. 75 тыс. слов и фразеологических выражений; в 1994 вышло 2-е исправленное и дополненное изд.) – однотомный Т. с., сохраняющий теоретические основы и лексикографические принципы «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и отражающий те живые процессы, к-рые имели место в рус. языке в последние десятилетия 20 в.

«Малый толковый словарь русского языка» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной (1990, ок. 35 тыс. слов) – однотомный Т. с., составленный на основе 9–16-го изд. «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и включающий наиболее употребительную лексику совр. рус. языка.

Лит.: Цейтлин Р. М., Краткий очерк истории рус. лексикографии, М., 1958; Бархударов С. Г., Рус. лексикография, в кн.: Сов. языкознание за 50 лет, М., 1967; Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Виноградов В. В., Толковые словари рус. языка, в его кн.: Лексикология и лексикография. Избр. тр., М., 1977; Шмелёв Д. Н., Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Совр. рус. язык. Теоретический курс. Лексикология, под ред. Л. А. Новикова, М., 1987; Денисов П. Н., Лексика рус. языка и принципы её описания, 2 изд., М., 1993. *А. С. Белоусова.*

Тон (от греч. tónos – натяжение, напряжение) – воспринимаемая высота звуков, произносимых с участием голоса (гласных и сонорных согласных). Голос возникает в результате периодических колебаний голосовых связок. Субъективная высота голоса зависит от частоты этих колебаний (т. н. основной частоты, или основного Т.). Частота измеряется в герцах, 1 гц равен 1 колебанию в секунду. Высота голоса оценивается в единицах музыкальной шкалы (в октавах и полутонах).

Кроме основного Т., голосовые связки производят также кратные ему обертоны. При прохождении воздуха через надгортанные полости одни из обертонов усиливаются, другие ослабляются, в результате чего возникают гласные и согласные разного качества. Иногда для обозначения наиболее сильных обертонов, различающих гласные, употребляют термин «характерные Т.».

Т. в речи имеет две функции: во всех языках он используется как главное средство фразовой интонации; во многих языках (напр., кит., вьетнамском) Т. различает слова с разными смыслами. *С. В. Кодзасов.*

Топони́мика (от греч. tópos – место и ónyma – имя, название) – раздел ономастики (см.), исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени. Совокупность

топонимов на к.-л. территории составляет её топонимию.

По характеру объектов выделяются след. основные виды топонимии: ойконимия (греч. oíkos – дом, жилище) – названия населённых пунктов: г. *Орёл*, с. *Бородино*; гидронимия (от греч. hýdōr – вода) – названия водных объектов: река *Волга*, озеро *Байкал*; оронимия (от греч. óros – гора) – названия особенностей рельефа: *Альпы, Уральские горы*; космонимия – названия внеземных объектов: планета *Юпитер, Море Москвы* на Луне и т. п.

Исходя из величины объектов, устанавливают два главных яруса топонимии: макротопонимия – названия крупных природных или созданных человеком объектов и политико-административных объединений; микротопонимия – индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей местного ландшафта (лесов, полей, урочищ и т. п.).

Макротопонимия, объединяя названия крупных географических объектов и систем, а также политико-административных единиц, имеет широкую сферу функционирования; составляющие её макротопонимы обладают устойчивостью, стандартизованностью, оформляются в соответствии с правилами лит. языка.

Микротопонимы, создающиеся на основе местной географической терминологии, отличаются неустойчивостью и подвижностью, образуя промежуточный лексический слой, переходный между лексикой нарицательной (апеллятивами) и ономастической (топонимами), ср. *лог* → *Сухой Лог, ключ* → *Гремячий Ключ* и т. п. В образовании микротопонимии наглядно прослеживаются процессы онимизации апеллятивной лексики; в отличие от макротопонимии, микротопонимия возникает на базе диалектных форм языка и имеет сферу функционирования, ограниченную территорией распространения данного говора или диалекта. Топонимы составляют значительную часть ономастического лексического фонда. Их число на любой освоенной человеком территории очень велико, топонимия Земли исчисляется миллионами единиц (напр., только в быв. СССР насчитывалось св. 700 тыс. населённых пунктов).

Важнейшим источником формирования исторически сложившейся топонимии служат местные географические термины (ср. *волок* → *Вышний Волочёк, лука* → *Великие Луки* и т. п.). Наиболее древний слой представляет гидронимия, в первую очередь названия крупных рек, а в их ряду древнейшие односложные и двусложные гидронимы (*Апа, Дон, Обь, По, Сава*), восходящие к праязыковому состоянию. Гидронимы разных типов – важный источник формирования топонимов (ср. река *Москва* – г. *Москва*, река *Вологда* – г. *Вологда*). Источником т. н. антропотопонимов являются имена первопоселенцев, владельцев земель и поселений, исторических деятелей и т. п. Особый ряд составляет т. н. перенесённая топонимия, дублирующая названия на новой территории тех мест, откуда осуществлялась миграция (топонимы-дублеты широко представлены, напр., в Сибири, ср. название населённого пункта *Курск-Смоленск* Кемеровской обл. и др.).

По составу топонимы могут быть однословными (*Днепр, Плёс*), словосочетаниями (*Белая Церковь, Чистые Пруды*), топонимическими фразеологизмами, причём последние характерны гл. обр. для микротопонимии (*Воздвиженское, что в Игрищах*). В соответствии с грамматической структурой топонимы подразделяются на простые и сложные. По сравнению с апеллятивной лексикой топонимы имеют ряд особенностей в системе морфологии и словообразования. Структурное членение топонима предполагает выделение базовой лексической морфемы – топоосновы, к к-рой присоединяется топоформант, квазиаффикс, реализующийся как в чистом аффиксе, так и в застывшей лексической морфеме, ср. *Бор/овск*, но *Белгород, Медвежье/горск*. Топоним может выступать и с нулевым аффиксом (*Бор, Дон*). В вост.-слав. топонимии весьма продуктивны способы префиксального и префиксально-суффиксального образования (ср. *Запорожье, Переволока*).

По своему происхождению топонимы могут быть разделены на сложившиеся в процессе естественно-исторического развития (ср. *Киев, Смоленск, Париж*) и созданные сознательно; топонимы второго типа, как правило, мемориальные, обладают социально-исторической и/или идеологической коннотацией (ср. *Петрозаводск, Вашингтон*). Исторически сложившиеся топонимические системы обычно неоднородны и объединяют материал нескольких языков, отложившийся в топонимии в различные исторические эпохи; так, напр., на север и северо-восток от Москвы преобладают топонимы финно-угорского происхождения, а на запад от неё – балтийского. Такой древний иноязычный слой принято называть топонимическим субстратом.

Т. развивается в тесном взаимодействии с географией, историей, этнографией. Топонимия служит ценнейшим источником для исследования истории языка и находит применение в исторической лексикологии, диалектологии, этимологии, лингвистической географии, т. к. нек-рые топонимы, особенно гидронимы, устойчиво сохраняют архаизмы и диалектизмы. Т. помогает восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области былого распространения языков, географию культурных и экономических центров, торговых путей и т. п.

Прикладным аспектом Т. является нормирование форм написания и произношения, унификация и стандартизация зарубежных и отечествен-

ных (на всех языках России) географических названий, практическая транскрипция. Вопросами мировой стандартизации топонимов ведает Международная комиссия по стандартизации географических названий при ООН с центром в Женеве. Правила унифицированной фиксации и адекватной передачи топонимов особенно важны в картографии, для почтовой связи, прессы и других средств массовой коммуникации. В России проблемами топонимической стандартизации занимается Центральный научно-исследовательский ин-т геодезии, аэросъёмки и картографии.

Научные исследования в области Т. и их координация осуществляются в ряде лингвистических центров РАН: в Ин-те языкознания (группа ономастики), в Русском Географическом обществе (топонимическая комиссия), в топонимической лаборатории Уральского ун-та. Топонимические исследования активно ведутся в Болгарии, Германии, Грузии, Польше, на Украине, в Чехии, Словакии, Югославии, во многих других странах. Раз в 3 года проводятся конгрессы ономастических наук, на к-рых преобладает топонимическая проблематика. Исследования по Т. публикуются в журналах «Beiträge zur Namenforschung» (Германия), «Names» (США), «Onoma» (Бельгия).

Лит.: Никонов В. А., Введение в топонимику, М., 1965; Попов А. И., Географические названия, М.–Л., 1965; Поспелов Е. М., Топонимика и картография, М., 1971; его же, Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). Топонимический словарь, М., 1993; Мурзаев Э. М., Очерки топонимики, М., 1974; его же, Топонимика и география, М., 1995; Жучкевич В. А., Общая топонимика, 3 изд., Минск, 1980; Нерознак В. П., Названия др.-рус. городов, М., 1983; Матвеев А. К., Методы топонимических исследований, Свердловск, 1986; Ономастика. Типология. Стратиграфия. [Сб. ст.], под ред. А. В. Суперанской, М., 1988; Сталтмане В. Э., Ономастическая лексикография, М., 1989.

В. П. Нерознак.

То́чка (.) – одиночный разделительный знак препинания (см.), отмечающий в тексте конец предложения и тем самым отделяющий предложение от следующего. Основное назначение Т. – фиксация правой границы законченного повествовательного предложения: *«Я пошёл дальше. Пёс за мной»* (Чехов), а также побудительного без восклицания: «"Приезжай, батюшка, приезжай, пообедаем."» (Достоевский). Кроме того, Т. употребляется: 1) факультативно, наряду с другими знаками препинания, после им. п. темы (при сегментации высказывания) и при парцелляции (см.): *Служба быта. Сколько ещё раздаётся в её адрес нареканий!*; *«Ты это должен понять. Давно»* (Залыгин); 2) чисто графически – после сокращённого написания слова: *тов. Иванов, г. Шуя* и т. п.

Как средство членения текста в различных функциях Т. или несколько Т. в различных комбинациях употреблялись в древнейших памятниках др.-рус. письменности. Т. первоначально ставились на разных уровнях: либо у основания буквы, либо на уровне её середины. Иногда писец, прерывая работу, ставил Т. в середине слова.

Лит. см. при ст. Пунктуация *Б. С. Шварцкопф.*

То́чка с запято́й (;) – одиночный разделительный знак препинания (см.), служащий для внутреннего членения предложения. Т. с з. употребляется: 1) между частями бессоюзного сложного и сложного союзного (сложносочинённого и сложноподчинённого) предложений, если они «менее тесно связаны по смыслу» (Н. С. Валгина): *«Сверкнула молния; разорванная ею тьма вздрогнула; грохнул гром»* (М. Горький); *«Утром прошёл дождь; но сейчас над нами блистало чистое небо весны»* (Паустовский); *«Смотри, как облаком живым фонтан сияющий клубится; как пламенеет, как дробится его на солнце влажный дым»* (Тютчев); 2) между однородными членами предложения, если они значительно распространены и уже содержат запятые: *«Вспомнил он чувство, охватившее его душу на другой день после приезда в деревню; вспомнил свои тогдашние намерения и сильно негодовал на себя»* (Тургенев); 3) при перечислении, между элементами перечисления, что свойственно более всего деловой и научной речи: *К заявлению прилагаются копия свидетельства о смерти наследодателя; копия свидетельства о рождении наследополучателя; справка с места работы, подтверждающая местонахождение наследополучателя,* и др.

В отличие от запятой (см.) Т. с з. служит для более резкого графического отделения одних элементов текста от других.

В 18 в. знак «запятая с точкой» имел «смысл больше совершенный нежели одна запятая, а не так полной, какой изъявляется чрез двоеточие» (двоеточие выступало тогда знаком разделения периода на части; грамматика В. Е. Адодурова). Ср. с этим характеристику Т. с з. А. М. Пешковским как «усиленной запятой» и как «слабой точки».

Лит. см. при ст. Пунктуация *Б. С. Шварцкопф.*

Транскри́пция (от лат. transcriptio, букв. – переписывание) – способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи. В зависимости от того, какие именно звуковые единицы являются предметом Т., различают Т. собственно звуковую («сегментную») и интонационную («супрасегментную»); с точки зрения того, какие именно свойства звуковых единиц отражает Т., различают фонематическую и фонетическую Т.; в зависимости от способа представления характеристик звуковых единиц различают аналитическую и синтетическую Т.

Основным принципом Т. сегментных единиц является обязательное однозначное соответствие используемого знака и транскрибируемого звука. Широко используемая Т. Международной фонетической ассоциации (МФА), а также Т., пред-

ложенная Л. В. Щербой, основаны на латинице. Для рус. языка чаще применяется Т., основанная на рус. алфавите.

Фонематическая Т. используется для передачи фонемного состава слова или морфемы. При различной интерпретации фонемного состава и Т. будет различной. Так, рус. слова *год* и *годá* в фонематической Т. Моск. фонологической школы записываются */god/*, */go'da/*, в фонематической Т. Ленинградской фонологической школы — */got/*, */ga'da/*. Фонетическая Т. должна точно отражать все фонетические особенности звуков. Так, при фонетической Т слов *год, годá* необходимо отразить огублённость согласных перед гласным [*o*], дифтонгоидный характер [о], меньшую степень раствора безударного гласного по сравнению с ударным [*a*], придыхательность конечного [*t*] и т. д. Словосочетание *На другой день* в фонетической Т. записывается: [*нъдругói̯д'е̄н'*].

Для точного транскрибирования всех фонетических особенностей используют систему диакритических знаков, напр. знаки долготы ¯ (над буквой), :, палатализации ', знак продвинутости вперёд ⊢ и т. д.

Фонематическая Т. обычно заключается в косые или угловые скобки, фонетическая Т. — в квадратные.

Наиболее распространёнными являются синтетические Т., в к-рых звуки отражаются как некие целые единицы. Попытки создать аналитические Т., в к-рых отражались бы отдельные артикуляционные характеристики (напр., А. М. Белла, О. Есперсена), не увенчались успехом, т. к. эти Т. были громоздкими и практически неприменимыми. Совр. фонетическая Т., являясь по существу синтетической, содержит элементы аналитизма, поскольку включает применение диакритических знаков, обозначающих отдельные дополнительные артикуляции.

Интонационная Т. используется для передачи основных характеристик, формирующих интонацию синтагмы или последовательность синтагм. Синтагматическое членение обозначается одной чертой (/), пауза в абсолютном конце фразы — двумя (//). Словесное ударение обозначается чёрточкой перед ударным слогом ('), в Т., основанной на рус. алфавите,— над ударным гласным, синтагматическое или фразовое — двумя ("); слабое ударение обозначается чёрточкой под строкой (,).

При транскрибировании мелодического оформления высказывания единообразия нет. Так, в англ. Т. указывают и на характер движения тона на ударном гласном, и на его положение по отношению к границам речевого диапазона. На специальных тонограммах отмечаются основные мелодические характеристики и положение ударных и безударных слогов на шкале частоты основного тона голоса. Применительно к рус. интонации распространилась Т., предложенная Е. А. Брызгуновой. Фонологическая Т. в этом случае — указание номера интонационной конструкции (ИК) над гласным, являющимся центром синтагмы; напр., предложение *Её зовут Наташа?* фонематически транскрибируется: *Её зовут Ната́ша?* (3 над *а*). Фонетическая Т.— разметка относительной высоты слогов, движения тона на гласном центре, иногда указание на интенсивность. Эти качества передаются специальными графическими средствами, напр. чёрточками, стрелками, знаками паузы.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, М., 1979; Брызгунова Е. А., Интонация, в кн.: Рус грамматика, т. 1, М., 1980; Светозарова Н. Д., Интонационная система рус. языка, Л., 1982; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Основы общей фонетики, СПБ, 1991.

Л. В. Бондарко.

Транскрипция практическая — запись иноязычных слов средствами национального алфавита с учётом их произношения. Иногда не вполне точно называется транслитерацией (см.). Термин «практическая Т.» впервые применён А. М. Сухотиным.

Практическая Т. используется в тех случаях, когда перевод иноязычных слов невозможен или по к.-л. причинам нежелателен, гл. обр. при передаче имён собственных и терминов. В результате практической Т. иноязычные слова, не будучи переведёнными, могут включаться в текст и вообще функционировать как слова данного языка, т. е. они фактически заимствуются.

Практическая Т. основывается на правилах передачи графем или графических сочетаний одного языка графемами или графическими сочетаниями другого языка, причём в отличие от транслитерации эти правила должны учитывать то, как графемы и графические сочетания произносятся в каждом конкретном случае. Так, англ. Berkeley [*bərkli*] или [*barkli*] должно транскрибироваться в текстах на рус. языке либо как *Беркли*, либо как *Баркли* в зависимости от реального произношения. Возможна также практическая Т. иноязычных слов без обращения к их графической форме (напр., в случае бесписьменных языков или языков с иероглифической письменностью), при к-рой используются правила передачи непосредственно фонем или фонетических вариантов.

Существование различных правил или систем правил приводит к появлению транскрипционных вариантов. Англ. графема *a*, обозначающая фонему ⟨*æ*⟩, передаётся рус. буквами *а, э, е*, в результате чего англ. *Stanley* [*Stænli*] встречается в текстах на рус. языке и как Станли, и как Стэнли, и как Стенли.

Одним из основных требований, предъявляемых к практической Т., является возможно более точное сохранение звукового облика передаваемого слова, но наряду с этим практическая Т. должна по возможности сохранять морфемную

структуру слова, его графические особенности (напр., наличие удвоенных согласных), фонемные противопоставления языка, к-рому принадлежит передаваемое слово, а также обеспечивать лёгкость освоения этого слова и т. д. Эти требования часто вступают в противоречие друг с другом, вследствие чего одновременное соблюдение их всех невозможно. Так, передача англ. фонемы ⟨æ⟩ рус. буквой *э* сохраняет противопоставление между англ. фонемами ⟨æ⟩, ⟨a⟩, передаваемыми рус. буквой *а*, и ⟨e⟩, передаваемой рус. буквой *е*, но затрудняет освоение слов типа *Стэнли* из-за непривычного для рус. языка использования буквы *э* после согласных. Выбор того или иного требования в качестве основного обусловливает предпочтение того или иного транскрипционного варианта.

Практическая Т. осуществляется строго на базе алфавита данного языка без использования дополнительных знаков. При практической Т. допускается неправильное или необычное употребление графем и графических сочетаний, однако только в том случае, если это не препятствует прочтению слова (так, при практической Т. в рус. языке допускаются сочетания графем, как правило, запрещённые в орфографии, напр. сочетания *я, ю* с шипящими: литов. *Šiauliai* – *Шяуляй*; франц. *parachute* – *парашют*, но недопустимо употребление *ъ* после гласных как в принципе неинтерпретируемое).

Лит.: Сухотин А., О передаче иностранных географических названий, в кн.: Вопросы географии и картографии, сб. 1, М., 1935; Суперанская А. В., Теоретические основы практической транскрипции, М., 1978; Калакуцкая Л. П., Склонение фамилий и личных имён в рус. лит. языке, М., 1984; Гиляревский Р. С., Старостин Б. А., Иностранные имена и названия в рус. тексте. Справочник, 3 изд., М., 1985.

М. А. Кронгауз.

Транслитера́ция (от лат. trans – через и littera – буква) – побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы. Базируясь на к.-л. алфавите, Т. допускает условное употребление букв, введение дополнительных, а также диакритических знаков. Необходимость в Т. возникла в кон. 19 в. при создании прусских научных библиотек для включения в единый каталог работ, написанных на языках с лат., кириллической, араб., инд. и другими системами письма. Инструкции по Т., составленные для нужд этих библиотек, послужили в 20 в. основой стандарта для перевода нелат. систем письма на латиницу. Рекомендации по Т. разрабатываются Международной организацией стандартов ISO (International Standart Organisation). Для передачи рус. слов в разных странах употребляется до 20 различных систем Т. лат. буквами с ориентацией на их роль во франц., англ., нем. и других алфавитах. Ин-т языкознания АН СССР (ныне РАН) разработал в 1951–56 правила международной Т. рус. собственных имён лат. буквами (см. табл.). Система РАН получила высокую оценку за рубежом как вторая рус. орфография на лат. основе. Стремясв упростить свою систему, ISO в 70-х гг. 20 в. заменила двубуквенные написания однобуквенными с диакритикой. Компромиссная система была принята Советом Экономической Взаимопомощи в 70-х гг. на основе ISO с допусками двубуквенных написаний для *щ, ю, я*.

Правила международной транслитерации русских слов латинскими буквами

Русские буквы	Соответствующие латинские буквы по системе РАН	По системе ISO
а	a	a
б	b	b
в	v	v
г	g	g
д	d	d
е	e после согласных je в начале, после гласных, ъ, ь	e
ё	'o после согласных, кроме *ч, ш, щ, ж* o после *ч, ш, щ, ж* jo в начале, после гласных, ъ, ь	ë
ж	ž	ž
з	z	z
и	i в начале, после гласных и согласных ji после ь	i
й	j	j
к	k	k
л	l	l
м	m	m
н	n	n
о	o	o
п	p	p
р	r	r
с	s	s
т	t	t
у	u	u
ф	f	f
х	ch	h
ц	c	c
ч	č	č
ш	š	š
щ	šč	ŝ
ъ	опускается	"
ы	y	y
ь	' в конце и перед согласными; опускается перед гласными	'
э	e	è
ю	'u после согласных ju в начале, после гласных, ъ, ь	û
я	'a после согласных ja в начале, после гласных, ъ, ь	â

Т. благодаря своей универсальности может играть роль единого эталона для решения практических задач при многосторонних международ-

ных контактах, ср. Т. рус. фамилии *Лапшин* – *Lapšin* при многообразии её практических транскрипций: англ. *Lapshin*, франц. *Lapchine*, итал. *Lapscin*, польск. *Łapszyn*, нем. *Lapschin*.

Как видно из таблицы, в системе РАН учитывается положение фонемы в слове, а в системе ISO не учитывается.

Т. применяется также как искусственный приём перевода малоизвестной графической системы в более понятную, напр. в многоязычных словарях.

Т. посредством лат. букв называется также романизацией. В рус. практике Т. иногда называют транскрипцию практическую (см.) иноязычных слов средствами рус. графики.

Последние два десятилетия активно разрабатывается идея машинной Т., одновременно увеличивается число привлекаемых языков: монгольские, тюркские, славянские, корейский, иврит, грузинский, армянский и др. Работа ведётся в рамках ISO под руководством Франц. ассоциации стандартов AFNOR, секретариат подкомиссии – в Москве. Для многочисленных литер с различными модификациями устанавливаются однобуквенные лат. соответствия с надстрочными и подстрочными значками, к-рые при машинной обработке получают условную кодификацию.

Лит.: Реформатский А. А., Транслитерация рус. текстов лат. буквами, «ВЯ», 1960, № 5; его же, О стандартизации транслитерации лат. буквами рус. текстов, «НТИ. Сер 2 – Информационные процессы и системы», 1972, № 10; Суперанская А. В., Теоретические основы практической транскрипции, М., 1978; International system for the transliteration of Slavic cyrillic characters, La Haye, 1955; Regeln für die alphabetische Katalogisierung in wissenschaftlichen Bibliotheken. (Instructionen für die alphabetische Kataloge der Preussischen Bibliotheken von 10 Mai 1899), 4 Nachdr., Lpz., 1965; The World Atlas, 2 ed., M., 1967; ISO 9–1986 (E) Documentation-Transliteration of Slavic Cyrillic characters into Latin characters, 1986–09–01 *А. В. Суперанская.*

Транспози́ция (от позднелат. transpositio – перестановка) – использование одной языковой единицы (слова, формы, конструкции) в функции другой языковой единицы. Термин «Т.» применяется чаще всего к след. фактам.

1) Переносное (несобственное) употребление категориально-грамматических форм, напр. употребление наст. времени в значении прош. времени («настоящее историческое», напр., *Вчера я иду по улице и встречаю знакомого*), употребление наст. времени в значении буд. времени (*Завтра я еду в Москву*), употребление повелительного наклонения в значении сослагательного (*Приди он вовремя, мы бы не опоздали*), употребление ед. ч. в значении множественного (*магазин педагогической книги*) и т. п.

2) Переход слова или формы слова в другую часть речи – субстантивация (см.), адъективация (см.), адвербиализация (см.), прономинализация (переход в класс местоимений), напр.: *столовая* (прил. → сущ.), *я* 'осознанная собой индивидуальность' (местоимение → сущ.), *блестящий* 'превосходный, замечательный' (прич. → прил.), *зимой* (сущ. → наречие), *шутя* 'очень легко, без напряжения' (деепричастие → наречие), *данный* 'этот; тот, о к-ром идёт речь' (прич. → местоимение); переход слова или формы слова в ту или иную служебную часть речи (предлог, союз, частицу), в междометие, напр.: *путём* (сущ. → предлог с род. п.), *правда* 'хотя' (сущ. → союз), *благодаря* (деепричастие → предлог с дат. п.), *пускай* (глагол → частица), *чем* (местоимение → союз), *батюшки* (сущ. → междометие).

Начальный этап такой Т., т. е. употребление слова, формы, сочетания слов в синтаксической функции другой части речи, обычно существительного: *дорога в никуда, работать через не могу* и т. п.– называют синтаксической Т. Полная Т. предполагает либо происшедшее в диахронии языка, в процессе функционирования слова (словоформы), их лексико-семантическое обособление от исходного слова (словоформы) (см. приведённые выше в п. 2 примеры), либо функциональное преобразование аффиксов по определённым словообразовательным моделям: превращение падежной флексии в суффикс при адвербиализации существительных и прилагательных, напр.: *шагом, временами, напрямую*; специфическое видоизменение системы флексий при субстантивации прилагательных и причастий.

3) В словообразовании под Т. (по Е. Куриловичу – «синтаксической деривацией») понимается образование (суффиксальным способом) слова, семантически отличающегося от соответствующего мотивирующего (производящего) слова только общим значением части речи, напр.: *падать – падение, смелый – смелость, быстрый – быстро* и *быстрота, завтра – завтрашний*. Этот тип словообразовательного значения называется транспозиционным. Другие случаи словообразования, при к-рых имеют место не только различие частей речи мотивированного и мотивирующего слов, но и другие семантические сдвиги (напр., образование относительных прилагательных или отыменных глаголов: *берег – береговой, белый – белеть* и *белить*), к Т в этом понимании не относятся.

Лит.: Курилович Е., Деривация лексическая и деривация синтаксическая, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Кубрякова Е. С., Части речи в ономасиологическом освещении, М., 1978; Ким О. М., Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в совр. рус. языке, Таш., 1978; Соболева П. А., Словообразовательная полисемия и омонимия, М., 1980; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Гак В. Г., Теоретическая грамматика франц. языка. Морфология, 2 изд., М., 1986; Dokulil M., Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov, Praha, 1962. *В. В. Лопатин.*

Трёх сти́лей тео́рия, учение о трёх стилях,– собирательное название стилистических теорий, существовавших в античной, западноевропейской и отечественной научной традиции, к-рые построены на основе разнородных лингвистических и нелингвистических принципов.

Сближает эти теории использование приёма логического деления исследуемого объекта на три части для создания классификационной схемы письменной и устной речи, когда за основание деления принимается противопоставление полярных видовых понятий. Эти понятия могут выделить некую среднюю сущность, находящуюся на границе между ними. Среднее понятие как бы нейтрализует противопоставленность полярных понятий. Подобный исследовательский приём в разные исторические эпохи отличался своеобразием, т. к. понятие «речь» могло делиться по многим основаниям.

Основные приёмы трёхчастного изучения языка, выработанные риториками и грамматиками донациональной поры лит. языков, сводились к следующему: 1) давалась трёхчастная характеристика речи по территориальному признаку (азианский, или азиатский, род речи, аттический и родосский; эпоха эллинизма, 2 в.); 2) давалась трёхчастная классификация объектов описания, предметов описания, тем (высокие, средние и низкие объекты описания, напр. в «Риторике» Гермогена, кон. 2 – нач. 3 вв.); 3) проводилось социально-идеологическое прикрепление трёх родов речи к классам феодального общества: «важный род» соответствовал речи полководцев, царей, героев, «средний» – земледельцев, «простой» – простого народа, напр. в «Риторике» 13 в. Иоанна из Гарланда, в трактате Н. Буало «Поэтическое искусство» (1674); 4) проводилось трёхчленное описание речи по её экспрессивным качествам («величественная», или «пышная», речь, «средняя» речь, «скудная», или «тощая», речь, напр. в сочинениях Цицерона «О наилучшем роде ораторов» и Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений», сер. 1 в.); 5) давалось описание основных разновидностей ораторской речи – возвышенный, средний и сниженный роды речи, напр. в «Риторике к Гереннию» (1 в. до н. э.); 6) давалась трёхчленная характеристика речи в соответствии с целями и задачами сообщения: высокий род речи должен «услаждать» (delectare), средний – «трогать» (movere), низкий – «научать» (docere), напр. в сочинениях Цицерона и Квинтилиана.

В эпоху становления европейских лит. национальных языков трёхчленное описание используется для характеристики языковых стилей в рус., франц., нем., итал., польск. и других языках. Впервые в науке о рус. языке «Риторика» (1617–19) указала на существование языковых стилей в рус. лит. языке – «три рода глаголания»: «высокий», «мерный» и «смиренный». Три языковых стиля названы и охарактеризованы в «Риторике» М. И. Усачёва (1699), в работе «О риторическом искусстве» Феофана Прокоповича (1707), в «Риторике» Георгия Даниловского (до 1720), в «Риторике» Порфирия Крайского (1734) и в других сочинениях по ораторскому искусству 17 – нач. 18 вв. (см. Риторика).

Наибольшие заслуги в разработке теории трёх стилей применительно к рус. лит. языку принадлежат М. В. Ломоносову, для к-рого схема трёхчленного деления языка послужила формой, в к-рую он заключил результаты наблюдений в области исторического развития и стилистической организации рус. лит. языка («Краткое руководство к красноречию», 1748; «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757).

Особое значение Т. с. т. приобретает в сер. 18 в. в связи с развитием классицизма. Напр., героические поэмы, оды, «прозаичные речи о важных материях» предписывалось писать высоким стилем; стихотворные дружеские письма, эклоги и элегии, «описания дел достопамятных и учений благородных» – средним; комедии, увеселительные эпиграммы, песни, дружеские письма в прозе, «описания обыкновенных дел» – низким.

Для разграничения стилистических контекстов рус. лит. языка 17–18 вв. Ломоносов использовал принцип трёхчленного деления на разных уровнях: предметов или тем описания, «родов речений», звуков, грамматических форм, синтаксических конструкций, «штилей», жанров.

Основу стилистической теории Ломоносова составляет классификация «речений» рус. языка. Эта классификация носит историко-генетический характер, т. к. Ломоносов хотел указать, что лексика рус. лит. языка сложилась в результате длительного совместного развития народно-разг. стихии и книжного, «славянского» языка. Но методы обнаружения этих лексических групп и их оценка имеют стилистический характер.

Каждый из двух основных лексических разрядов, к-рые исторически принадлежат соответственно «славянскому» и рус. языкам, оценивается через призму трёх стилистических категорий, формулируемых Ломоносовым.

Во-первых, все группы «речений» характеризуются с точки зрения «пристойности», т. е. соответствия их «материям», теме повествования или рассуждения. Во-вторых, определяется степень употребительности групп «речений» в сферах речевого общения. В-третьих, они оцениваются с точки зрения такой важной стилистической категории, как понятность.

В «славянской» лексике Ломоносов выделял три группы «речений»: «неупотребительные и весьма обветшалые», затем «речения, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным вразумительны», и, наконец, «речения, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны». Подобным же образом анализируется и «российская» лексика. Здесь Ломоносов выделял тоже три группы: «речения славенороссийские, то есть употребительные в обоих наречиях», затем «речения, которых нет в остатках словенского языка,

то есть в церковных книгах», но к-рые есть в рус. языке, и (отделяет от вышеназванных) «презренные слова, которые ни в каком штиле употреблять непристойно». Иэ сравнения «словенского» и «российского» разрядов вытекает, что единицей соотнесения всех «речений» являются «славенороссийские речения». Поэтому лексика нового лит. языка состоит из трёх «родов речений», обладающих стилистическими качествами употребительности, понятности и «пристойности». Это «славенские речения», «славенороссийские речения» и «российские речения». За пределами нормы нового лит. языка оказываются «обветшалые речения» и «презренные», вульгарные.

Ломоносов классифицировал и разграничивал стили лит. языка в прямой зависимости от стилистической характеристики слов, выражений, грамматических форм, синтаксических конструкций и тем самым определил нормы стилей – высокого, среднего и низкого. «Штили» получили научную, лингвистическую характеристику, а трёхчленное деление речи оказалось приёмом научного исследования. «Разделение языка на три стиля вносило порядок в ту пестроту внешних форм – русских и церковнославянских, которая была особенно характерна для стилей литературного языка конца 17 – первой трети 18 в. Это была великая грамматическая реформа» (Виноградов В. В., «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.», 1934, с. 100).

Теория трёх стилей с развитием рус. лит. языка потеряла свою актуальность, т. к. с последней четверти 18 в. в рус. лит. языке устанавливаются стилистические отношения нового характера, основанные на функциональном назначении языковых средств, способов их отбора, взаимного сочетания и соотношения при употреблении. В произведениях Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина формируется понятие индивидуально-художественного стиля, к-рый становится определяющим фактором развития языка художественной лит-ры и словесно-художественного творчества (см. Стиль, Стилистика, История русского литературного языка).

Лит.: Античные теории языка и стиля, под ред. О. М. Фрейденберг, М.–Л., 1936; Виноградов В. В., О языке художественной лит-ры, М., 1959; его же, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; Вомперский В. П., Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трёх стилей, М., 1970.

В. П. Вомперский.

Троп (от греч. trópos – поворот, оборот речи) – перенос наименования (иногда называемый переносом значения), заключающийся в том, что слово, словосочетание, предложение, традиционно называющее один предмет (явление, процесс, свойство), используется в данной речевой ситуации для обозначения другого предмета (явления и т. д.), связанного с первым той или иной формой содержательного (смыслового) отношения. Так, слово *орёл*, являющееся наименованием птицы, может быть употреблено в качестве характеристики человека, обладающего качествами, свойствами, традиционно приписываемыми орлу (смелостью, зоркостью и т. п.). Предложение *Галёрка аплодирует* имеет в виду не верхний ярус зрительного зала, а зрителей, сидящих в этом ярусе. В обоих примерах между традиционной предметной отнесённостью и ситуативной, фактической предметной отнесённостью налицо нек-рая смысловая связь. Механизм действия Т.– совмещение в одном слове или высказывании двух семантических планов: коллективно-языкового, соответствующего «буквальному» значению языковой единицы, и ситуативного, относящегося к данному случаю. Именно в этом состоит изобразительно-выразительная сущность Т.: наименование переносится, традиционное и ситуативное предметные значения совмещаются; два представления связываются воедино, создавая образ. Функция образной характеристики в Т. преобладает над функцией номинации (названия).

К Т. обычно относят метонимию (см.), метафору (см.) и иронию (см.), при более широком понимании Т. к ним причисляют также гиперболу (см.) и мейозис (см.). Кроме перечисленных основных Т. выделяются их разновидности: литота (см.), синекдоха (см.), олицетворение (см.).

Совокупность Т. можно представить в виде логически полной, регулярной системы, основанной на обобщённых понятиях количества и качества, связи, сходства и противоположности. Различия между традиционно адекватным обозначением и ситуативным обозначением носят чисто количественный характер в таких Т., как гипербола (*Тысячу раз тебе говорил!*) и её противоположность мейозис (*Это вам влетит в копеечку*). Вторую группу Т. образуют переименования, основанные на качественном различии между двумя объектами. К ним относятся метонимия (перенос по смежности, по фактической связи именуемого с традиционным референтом наименования: *За мной очередь занимала зелёная кофточка; Острая боль, проходите, врач свободен*), метафора (переименование по сходству, по тождественности нек-рых признаков двух объектов действительности, фактически не связанных между собой; в отличие от метонимии, метафора опирается не на непосредственное впечатление, а на предшествующий опыт говорящего и слушающего, ср. приведённый выше пример *орёл*), ирония (переименование по контрасту, подразумевающее прямую противоположность сказанному: *Хорош друг, нечего сказать!*).

В одной и той же языковой единице Т. могут совмещаться (синкретизм Т.); так, метафора может быть гиперболической (*И ничего не разрешилось Весенним ливнем бурных слёз*), метонимической (*В его голосе был лёд*), иронической

(*Кто сей Голиаф?* – о невысоком тщедушном человеке). Для Т. характерна нерегламентированность языковой формы, они могут содержаться в одном слове, группе слов, предложении, группе предложений. Т. употребительны в повседневной речи; их широкое использование – отличительная черта художественной лит-ры и публицистики; официально-деловым и научно-техническим текстам Т. не свойственны. Тропеические переосмысления лежат в основе семантического развития многих слов, однако в выражениях типа *спинка стула, подошва горы* слова *спинка* и *подошва* уже утратили образность, и эти словосочетания можно считать содержащими Т. лишь в историческом плане (см. также Переносное значение слова).

Лит.: Античные теории языка и стиля, под ред. О. М. Фрейденберг, М.–Л., 1936; Рыбникова М. А., Введение в стилистику, М., 1937, Тимофеев Л. И., Теория лит-ры, М., 1948; Томашевский Б. В., Язык и стиль, Л., 1952; Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, «ВЯ», 1953, № 5; Рус. разг. речь, [под ред. Е. А. Земской], М., 1973; Топоров В. Н., Тропы, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

Ю. М. Скребнев.

У у

У, у – двадцать первая буква русского алфавита. Её название – «у» употребляется как существительное ср. рода: *прописное у*. По начертанию восходит к греч. унциальному «ипсилон», прототипа этой букве в финикийском алфавите нет, по-видимому, она была изобретена греками. В кириллице (см.) для обозначения звука [у] использовался диграф *оу* или буквы ν и позднее ꙋ («ук»). Цифровое значение этой буквы в кириллице – «четыреста». После реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания) вместо *оу* стали писать *у* и название буквы *«ук»* утратилось.

Графические значения буквы *у*: 1) в начале слова, после гласных букв и после согласных шипящих и *ц* – обозначение фонемы ⟨*у*⟩: *утро, паук, жук, чудо, шум, щука, отцу*; 2) после остальных согласных букв – обозначение фонемы ⟨*у*⟩ и твёрдости предшествующей согласной фонемы: *сундуку*.

Ударе́ние – способ образования фонетически целостного сегмента высказывания. Так, с л о в е с н о е У.– выделение одного слога в слове, служащее для фонетического объединения этого слова путём подчинения ударному слогу безударных. Кроме словесного различают также с и н т а г м а т и ч е с к о е и ф р а з о в о е У., функции к-рых также заключаются в фонетическом объединении нескольких слов в синтагму или нескольких синтагм во фразу.

Словесное У. в рус. языке является с в о б о д н ы м, т. е. может находиться на любом слоге слова (на последнем – *дома́*, на предпоследнем – *забо́та*, на третьем от конца – *вы́думать* и т. д.) и п о д в и ж н ы м, т. е. не привязанным к определённой морфеме в слове.

Обе эти характеристики могут быть уточнены: в целом, словесное У. стремится к центру слова, не допуская слишком большого количества предударных или заударных слогов и в то же время предпочитая располагаться на второй половине слова; что касается подвижности У., то она характерна для сравнительно небольшого количества слов, однако наиболее употребительных в речи и представляющих основную лексику рус. языка. Ок. 96% слов имеет в рус. языке неподвижное У., расположенное или на основе (*де́лать, кни́га*), или на окончании (*мечта́, дорого́й*). В словах с подвижным У. существуют строгие закономерности распределения места ударного слога в разных формах слова; в зависимости от соотношения ударных слогов на основе или на окончании выделяются большие классы слов со своими акцентными парадигмами.

Предполагается, что каждое словарное слово имеет своё словесное У., однако фактически это не так. Служебные слова лишь в исключительных случаях получают У. в речи: (*Не у́ стола, а на́д столом!*). В высказывании, как правило, У. меньше чем слов – это происходит за счёт образования т. н. ф о н е т и ч е с к и х с л о в, в к-рых одним У. объединяются служебные и самостоятельные слова, при этом У. не обязательно приходится на знаменательное слово: *на горе́*, но *на́ гору*.

Фонетическим средством выделения ударного элемента и «подчинения» ему безударных является длительность (хотя У. распространяется на целый слог, чаще говорят о характеристиках его центрального элемента – гласного, поскольку все изменения гласного более заметны). Ударный гласный обладает наибольшей длительностью, тогда как безударные характеризуются её сокращением. Результатом сокращения длительности безударных слогов является количественная редукция гласных. Для предударных слогов характерно сильное противопоставление по степени редукции первого и второго предударного аллофона фонемы ⟨*а*⟩, тогда как для других гласных сокращение длительности с удалением от ударного гласного не так заметно. Количественная редукция приводит и к изменениям качества безударных гласных по сравнению с соответствующим ударным: дефицит времени, отпущенного на артикуляцию, сказывается в своеобразной «недоартикулированности» безударных: аллофоны ⟨*а*⟩ становятся более закрытыми, аллофоны ⟨*и*⟩, ⟨*ы*⟩ и ⟨*у*⟩, наоборот, менее закрытыми. Зависимость качества безударных гласных от окружающих со-

гласных также очень велика, так что такие гласные можно рассматривать как разнообразные по своим артикуляционным свойствам вокалические переходы от предшествующего согласного к последующему (напр., в словах *посадú* и *запасú* гласные в первых слогах кроме одинаковой длительности не имеют между собой ничего общего, что не отражается в принятой транскрипции безударных). Формула А. А. Потебни, характеризующая относительные характеристики ударного и безударного слогов в слове $(-\underset{1}{-}\underset{2}{\acute{-}}\underset{3}{-}\underset{1}{-})$, абсолютно справедлива лишь для такого слова, где во всех позициях – ударной и безударных – находятся аллофоны фонемы ⟨*а*⟩. Поправки к этой формуле, как показывают исследования реальных свойств ударных и безударных гласных, касаются как ударного слога (где только ⟨*а*⟩ соответствует значению 3, а остальные гласные имеют меньшие длительности), так и безударных слогов, где опять-таки только аллофоны ⟨*а*⟩ соответствуют по своей редукции этим числовым индексам. Кроме того, безударный слог в абсолютном начале не достигает второй степени редукции, как и в абсолютном конце: если *С* обозначить любой согласный, а *а*, ʌ, ъ – соответственно гласный ударного, первого предударного и второго предударного и заударного слогов, то для слова с аллофонами фонемы ⟨*а*⟩ во всех этих позициях формула будет иметь две разновидности: *СъСʌСаСъС* и *ʌСʌСаСʌ*. К числу особенностей рус. словесного У. относятся и своеобразные фонологические запреты: в безударных слогах, как правило, не употребляются фонемы ⟨о⟩ и ⟨*е*⟩, а выступают безударные аллофоны ⟨*а*⟩ и ⟨*и*⟩.

Как полезный признак У. может выступать само качество гласного – так, в односложных словах, где исключена редукция отсутствующих безударных, У. воспринимается исключительно за счёт качественных характеристик гласного (ср. фразу, к-рую приводил в подтверждение этого Л. В. Щерба: *Вот брат взял нож*).

Обычно в слове имеется одно словесное У., однако в длинных словах помимо главного возникает часто т. н. второстепенное, или побочное, У.: *четырѐхэтáжный, лавѝнообрáзный.*

Собственно словесное У. в чистом виде недоступно непосредственному наблюдению: можно говорить лишь о его месте, тогда как фонетическая реализация У. в значительной мере зависит от тех фразовых условий, в к-рых оказывается данное слово. Даже отдельно произнесённое, слово представляет собой целое высказывание, где просодические свойства самого слова подчинены просодике фразы [это обстоятельство привело к тому, что нек-рые исследователи (В. А. Богородицкий и др.) приписывали словесному У. мелодические характеристики, являющиеся реализацией фразовой просодии при произнесении изолированного слова]. Ещё в большей мере это относится к слову, находящемуся внутри фразы: так, реализация У. в слове *всегда* будет абсолютно различной во фразах *Всегда ты что-то напутаешь* и *Обещай, что будешь помнить об этом всегда*. Влияние синтагматически слабой позиции на реализацию словесного У. может быть таким значительным, что по своим характеристикам слог в такой позиции может совпадать с безударным.

Синтагматическое У. обычно падает на последний ударный гласный в синтагме, а фразовое – на ударный гласный последнего слова в конечной синтагме. Перенос синтагматического или фразового У. со своего обычного места на другое придаёт высказыванию нек-рое дополнительное значение.

Долгое время в русистике господствовало мнение о динамическом характере рус. словесного У. Считалось, что ударный гласный произносится с большей напряжённостью речевого аппарата и характеризуется большей громкостью, чем безударные. Однако в многочисленных экспериментальных исследованиях было показано, что громкость гласного зависит от его собственных характеристик (открытые громче, чем закрытые, неогублённые громче огублённых), а также от положения в слове – чем ближе гласный к началу слова, тем он громче, так что безударный гласный в начале слова будет обязательно громче ударного, находящегося в конце слова.

Лит.: Моисеев А. И., Рус. язык. Фонетика, морфология, орфография, М., 1975; Федянина Н. А., Ударение в совр. рус. языке, М., 1976; Бондарко Л. В., Звуковой строй совр. рус. языка, М., 1977; Николаева Т. М., Фразовая интонация слав. языков, М., 1977; Светозарова Н. Д., Интонационная система рус. языка, Л., 1982.

Л. В. Бондарко.

У́зус (от лат. usus – пользование, употребление, обыкновение) – массовая и регулярная воспроизводимость данной единицы языка, отработанная и закреплённая в общественном употреблении. Лингвистика изучает как отдельное употребление языкового явления в речи, так и весь сложившийся и складывающийся массив языковых употреблений.

У. складывается в реальной речевой практике носителей языка, постепенно меняясь со сменой их поколений. Для У. релевантны социальные, возрастные, временны́е, территориальные факторы. У.– это база для нормирования (см. Норма) и кодификация языковых явлений. В то же время это область формирования нормативных и системных изменений в языке.

В У. языковые средства приобретают стереотипизированный характер и становятся элементами речевого навыка и привычек пользующихся языком. Это способствует формированию автоматизма в употреблении (порождении) и восприятии речи, облегчает общение, формирует языковой коллектив в его социолингвистических градациях (см. Социолингвистика). Различные же факты

окказионального характера, возникающие при индивидуально-речевом употреблении, не принадлежат У.

Совр. лингвистика рассматривает У. любого языка в составе триады «система (см. Система языковая) – норма – У.» (идея принадлежит Э. Косериу). Совмещая в себе характеристики и плана языка, и плана речи (хотя и будучи в основном речевой категорией), У. создаёт условия для воплощения языковой системы в речи в синхронном состоянии и для изменения её в диахронном состоянии. У. всей суммой речеупотреблений упрочивает языковую систему, одновременно расшатывая её путём накопления новых явлений. Не оставаясь лишь пассивной реализацией, он обладает способностью менять систему, а на промежуточных (между двумя разными состояниями системы) этапах способствует возникновению определённых механизмов воздействия речевого плана на языковой. Грамматическая система претерпевает определённые коррекции со стороны У.

У. реализуется на всех уровнях системы языка: в слове, предложении, тексте, словообразовании, грамматической системе, синтаксисе, фразеологии, и отражается и закрепляется нормой языка. Стилистический У. свойствен отдельным функциональным разновидностям лит. языка. Он проявляется через наборы стилистических приёмов и приёмов речевой иронии и шутки, способов ведения языковой игры и создания речевой выразительности и экспрессии, использования разных видов цитации и т. п.

Т. о., У. соотносится с языковой системой (через план синтагматики и план парадигматики), языковой нормой (через дифференциацию лит. языка) и содержательным планом языка (через ситуативные и конситуативные связи и контекст). Он национален, как и сам язык, и подвержен действию территориальных (на его основе складываются территориальные варианты лит. языка) и социолингвистических факторов. В У. как базе формирования характеристик лит. языка возникают варианты языковых единиц, к-рые затем могут стать достоянием лит. нормы. Не вошедшие в неё варианты уходят из употребления или, не узаконенные нормой, существуют как речевые неправильности. Соотношение нормативных и ненормативных узуальных вариантов меняется исторически.

Лит.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Косериу Э., Синхрония, диахрония и история, в кн.: НЛ, в. 3, М., 1973; Лаптева О. А., Нормативность некодифицированной лит. речи, в кн.: Синтаксис и норма, М., 1974; её же, Стратификация лит. нормы, «Stylistyka», 1994, № 3; Костомаров В. Г., Языковой вкус эпохи, М., 1993; Jedlička A., Spisovný jazyk v současné komunikaci, Praha, 1974.

О. А. Лаптева.

Указáтельные местоимéния, указательные местоименные слова,– семантический разряд местоимений (см.), включающий слова, по своим грамматическим свойствам принадлежащие к разным частям речи (прилагательному и наречию), но объединяемые общим семантическим признаком 'указания на кого-что-л.', т. е. выделения известного говорящему лица, предмета, признака, обстоятельства из ряда однородных: *данный* 'именно этот', *тот, этот, такой, таковой, таков, этакий* (*эдакий*), *настолько, столько, вот, здесь, там, тут, дотуда, досюда, отсюда, оттуда, сюда, туда, так, этак* (*эдак*), *теперь, тогда, затем* 'для этой цели', *потому, поэтому*, устар. *отсель* (*отселе*), *дотоль* (*дотоле*), *оттоль* (*оттоле*), *сей, се*. В этот разряд входят также местоименные слова с постфиксом *-то*, употребляемые вместо конкретного обозначения лица или предмета, явления, признака, обстоятельства: *тот-то, такой-то, столько-то, настолько-то, там-то, оттуда-то, потому-то, так-то, тогда-то*.

У. м. выполняют в языке две функции: собственно указательную и отсылочную (анафорическую). Первая функция реализуется в конкретной речевой ситуации, когда говорящий отождествляет непосредственно наблюдаемый объект, воспринимаемый признак с мыслительным образом, ср.: «*На берегу пустынных волн Стоял он дум высоких полн, И вдаль глядел... И думал он: Отсель грозить мы будем шведу, Здесь будет город заложён Назло надменному соседу*» (Пушкин). Собственно указательная функция свойственна прежде всего местоименным словам с общим значением ориентации в пространстве или во времени (относительно к моменту речи). Эти слова противопоставлены друг другу по признаку удалённости от говорящего (или от момента речи) и образуют соответствующие оппозиции: *тот – этот, сей; там – здесь, тут; оттуда – отсюда; туда – сюда; тогда – теперь; оттоль – отсель*. У. м. *так, такой, столько* выполняют собственно указующую функцию только при сочетании с частицами *вон, вот* в сопровождении указующего жеста, напр.: *Поймал вот такую рыбину*. У. м. с временны́м, причинным значением, а также местоименным словам с постфиксом *-то* собственно указующая функция не свойственна.

Вторая (анафорическая) функция реализуется в тексте, когда местоименное слово указывает (отсылает) к ранее названному в предложении или известному из предшествующего контекста, ср.: «*Тихонько движется мой конь По вешним заводям лугов, И в этих заводях огонь Весенних светит облаков*» (Фет); «*Цветы последние милей Роскошных первенцев полей. Они унылые мечтанья Живее пробуждают в нас. Так иногда разлуки час Живее сладкого свиданья*» (Пушкин). В рамках анафорической функции У. м. участвуют в организации связи между главным и придаточным предложениями (т. н. соотносительные слова), ср.: «*На меня понесло свежим*

ветром и т а к и м шумом сада, т о ч н о его охватил ужас» (Бунин).

Ряд местоименных слов данного семантического разряда может сужать семантику указательности, формируя более конкретные значения, напр. указания на высокую степень проявления признака, ср.: *«Звенела музыка в саду т а к и м невыразимым горем»* (Ахматова); *«Ночное небо т а к угрюмо, Заволокло со всех сторон. То не угроза и не дума, То вялый безотрадный сон»* (Тютчев). Нек-рые У. м. в тексте полностью утрачивают местоименное значение, приобретая значение частицы или союза, напр.: *такое, так, там, тут, тогда.*

Лит. см. при ст. Местоимение. *А. С. Белоусова.*

Универба́ция (от лат. unus – один и verbum – слово), к о м п р е с с и в н о е с л о в о о б р а з о в а н и е,– образование слова на базе словосочетания, к-рому оно синонимично. У.– одна из основных функций словообразовательных средств языка. В отличие от собственно номинации (см.), У. используется не для обозначения словом нового понятия, а для однословного обозначения понятия, уже имеющего в языке устойчивое наименование, но составное, неоднословное. В явлении У. обнаруживается общеязыковая тенденция к экономии средств выражения. У. в рус. языке осуществляется с помощью различных способов словообразования – аббревиации (см. Аббревиатура), сложения (*нефтяная скважина – нефтескважина*), субстантивации (*выходной день – выходной, сборная команда – сборная*), суффиксации (*Орловская область – Орловщина, сторожевой корабль – сторожевик, товарный состав – товарняк, передовая статья – передовица, азбука Морзе – морзянка*), в т. ч. с помощью нулевого суффикса (*ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет, синхронный перевод – синхрон*).

Суффиксальная У. характерна для разг. речи, причём наиболее употребителен в этой функции суффикс *-к(а)*: *Третьяковская галерея – Третьяковка, зачётная книжка – зачётка, нержавеющая сталь – нержавейка, литейный цех – литейка* и т. п. Основной объект суффиксальной У.– определительные словосочетания, в к-рых определяемое слово опускается, а к основе (полной или усечённой) определяющего слова присоединяется тот или иной суффикс. От У. следует отличать образование (также преим. в разг. речи, средствами аббревиации, суффиксации) коротких слов – синонимов более длинных: напр.: *заместитель – зам, телевизор – телик.*

Лит.: Рус. язык и сов. общество. Словообразование совр. рус. лит. языка, М., 1968; Л о п а т и н В. В., Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования, М., 1973; е г о ж е, Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов, в кн.: Новые слова и словари новых слов, Л., 1978; Новые слова и словари новых слов. [Сб. ст.], Л., 1978; З е м с к а я Е. А., К и т а й г о р о д с к а я М. В., Ш и р я е в Е. Н., Рус. разг. речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис, М., 1981. *В. В. Лопатин.*

Управле́ние – вид подчинительной связи, при к-рой для выражения определённых смысловых отношений главное слово требует постановки зависимого слова (существительного) в определённом падеже, с предлогом или без предлога. Напр., глагол *видеть* требует постановки существительного в вин. п. без предлога, если это существительное называет предмет, к-рый видят: *видеть лес, спектакль* и др. Главным является то слово, форма к-рого выбирается только по требованию необходимого для данного акта общения смысла, а зависимым является слово, форма к-рого предопределена уже не только потребностями заданного смысла, но и главным словом. Поэтому главное слово можно поставить в любых присущих ему словоизменительных формах, а выбор словоизменительных форм зависимого слова определён главным словом и теми смысловыми отношениями, в к-рых находятся между собой главное и зависимое слова, ср.: *видел* (*видишь, видели, видели бы* и т. п.) *лес.*

Если при согласовании (см.) достаточно знать только грамматическую форму главного слова и не надо ничего знать о его лексическом значении, чтобы назвать форму зависимого слова, также ничего не зная о его лексическом значении (напр., прилагательное – определение при существительном в им. п. муж. рода ед. ч. непременно будет поставлено в тех же формах, что и существительное: *сильный ветер*), то при У. прежде всего необходимо знать лексико-грамматическое значение главного слова, чтобы определить форму зависимого, ср.: *заниматься делом* (твор. п.), но *делать дело* (вин. п.). Следовательно, У. по своей природе является л е к с и к о - г р а м м а т и ч е с к о й связью в отличие от согласования – чисто грамматической связи.

Различают сильное и слабое У. С и л ь н о е У. обусловлено тем, что главное слово обладает такими лексико-грамматическими свойствами, что при нём необходимо зависимое слово, находящееся в определённых смысловых отношениях с главным, ср.: *написал письмо, выехал из леса.* При с л а б о м У. зависимое слово не является обязательным для главного: главное слово может быть употреблено в предложении без зависимого: *Я прочитал эту книгу в библиотеке – Я прочитал эту книгу.* Число сильно управляемых зависимых слов строго задано лексико-грамматическим значением главного слова. Главное слово может с необходимостью требовать о д н о сильноуправляемое слово: *читал газету*; д в а: *вручил орден космонавту*, *наполнил стакан соком*; т р и: *перевёз детей из города в деревню, перевёл книгу с русского языка на английский.*

В зависимости от того, какие лексико-грамматические свойства надо учитывать, чтобы выбрать форму управляемого слова, различаются: 1) сильное У., при к-ром достаточно знать нек-рые общие для многих слов лексико-грамматические признаки главного слова, чтобы назвать форму зависимого существительного. Так, при глаголах *интересоваться*, *заниматься* и др. необходимо назвать существительное, обозначающее предмет интереса, занятия и т. п., и это существительное всегда будет стоять в форме твор. п. без предлога: *интересоваться марками, философией* и т. д., *заниматься математикой, спортом, музыкой* и т. д. Иногда в подобных случаях можно назвать сразу две формы имени существительного, из к-рых для выражения одного и того же отношения выбирается любая: *говорить о книге, о человеке, об Африке* или *говорить про книгу, про человека, про Африку*.

Типичным случаем сильного У. рассматриваемого типа является связь слов в сочетании с объектными отношениями, когда главное слово – переходный глагол, а зависимое – существительное в вин. п. без предлога, называющее объект, на к-рый переходит действие глагола: *читать книгу, любить театр, делать уроки, создавать проект* и т. д.

2) Сильное У., при к-ром для определения формы зависимого слова надо знать лексико-грамматические признаки и главного, и зависимого слова. Так, глагол *поселиться* требует, чтобы было обозначено место поселения; в зависимости от того, каким конкретным существительным названо это место, избирается форма этого существительного, ср.: *поселиться в долине*, но *поселиться на холме*.

3) Сильное У., при к-ром обязательность зависимого слова определяется в первую очередь значением приставки главного слова (глагола или соответствующего отглагольного существительного); напр., у глагола *въехать* приставка *в* требует, чтобы обязательно был назван конечный пункт движения (куда въехать): *въехать в лес, на гору, под мост* и т. п. Как и во втором случае, выбор формы зависимого слова определяется здесь лексико-грамматическими признаками как главного, так и зависимого слова. Возможны, однако, случаи, когда приставка задаёт не только обязательность зависимого слова, но и его форму. Так, при глаголе *наехать* непременно должно быть существительное, указывающее, на что совершён наезд, и это существительное независимо от своего лексического значения будет иметь форму вин. п. с предлогом *на*: *наехать на изгородь, на человека* и т. д.; при глаголе *пристать* (в значении 'причалить – о судах') место, куда пристают, всегда обозначается существительным в дат. п. с предлогом *к*: *пристать к берегу, к пристани, к барже* и т. д.

4) Слабое У., при к-ром выбор формы зависимого слова при заданности смысловых отношений между главным и зависимым словами определяется лексико-грамматическими признаками и главного, и зависимого слова. Так, при глаголе *петь* зависимое от него существительное, называющее место, где поют, может быть употреблено в двух формах в зависимости от вида места, где осуществляется действие: если это театр, то существительное употребляется с предлогом *в*: *петь в театре*, если это улица – с предлогом *на*: *петь на улице*.

Широко распространена точка зрения, согласно к-рой слабое У., когда между главным и зависимым словами складываются чисто обстоятельственные отношения (время, место, причина, условие и т. п.), должно рассматриваться как примыкание (см.). Основанием для такого решения является то, что формы существительных, обозначающие разные обстоятельства (*в лесу, около дома, в пять часов вечера* и т. д.), могут сочетаться со словами разных, несводимых друг к другу лексико-грамматических классов, ср.: *петь в театре, встречаться с другом в театре*. Отсюда делается вывод, что эти формы существительных вообще не предсказываются, не управляются главным словом. Согласно другой точке зрения, необходимо от управляемых слов отграничить детерминанты (см.) – такие слова в предложении, к-рые формально не связаны ни с каким другим словом, а распространяют предложение в целом: *Со стороны сада раздаются голоса; Для верности повернул ключ в замке; Каждому случается ошибаться*. Детерминанты обычно располагаются в начале предложения.

Главным словом в словосочетаниях со связью У. может быть глагол (*читать газету*), имя существительное (*движение поезда*, *стакан молока*, *распоряжение директора*, *указ о награждении*), имя прилагательное (*сердитый на сына*, *полный благородства*), наречие (*наедине с природой*).

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Курилович Е., Проблема классификации падежей, в его кн.: Очерки по лингвистике, пер. с франц., М., 1962; Скобликова Е. С., Согласование и управление в рус. языке, М., 1971; Белошапкова В. А., Совр. рус. язык. Синтаксис, М., 1977; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980.

Е. Н. Ширяев.

У́ровни языка́ – некоторые «части» языка; подсистемы общей системы языка (см. Система языковая), каждая из к-рых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, регулирующих их использование и группировку в различные классы и подклассы. Можно выделить след. основные У. я.: фонемный, морфемный, лексический (словесный), синтаксический (уровень предложения). Уровнеобразующими свойствами обладают только те единицы языка, к-рые подчиняются правилам уровневой сочетаемости, т. е. обладают способностью вступать в парадигматические и синтагматические отношения только с единицами того же У. я. Единицы разных уровней обладают качественным своеобразием (обнаруживают новое качество). С единицами других У. я. единицы к.-л. одного уровня вступают только в иерархические отношения типа «состоит из ...» или «входит в ...». Так, фонемы могут образовывать классы и сочетаться в речевой цепи с фонемами, морфемы в парадигматике и синтагматике сочетаются только с морфемами, слова – только со словами. В то же время фонемы входят в звуковые оболочки морфем, морфемы – в слова, слова – в предложения, и наоборот, предложения состоят из слов, слова – из морфем и т. д. Группировки единиц языка внутри уровней, напр. фонем (гласные и согласные), морфем (корневые, аффиксальные и др.), слов (знаменательные, служебные, производные, простые, части речи и др.), не являются уровнеобразующими.

Картина уровневой организации языка значительно усложняется, во-первых, за счёт возможных комбинаций единиц одного У. я., не ведущих к образованию единиц другого уровня, и, во-вторых, за счёт существования единиц языка в абстрактной и конкретной формах (ср. «эмические» единицы – фонема, морфема и т. д. и «этические» единицы – фон, морф и др.). В ряде работ проводится мысль, что эмические единицы, напр. фонема, морфема, и этические единицы, напр. фон (аллофон) и морф (алломорф), должны рассматриваться как единицы, принадлежащие к разным У. я. Между тем эмическая и соответствующая ей этическая единицы представляют собой одну и ту же единицу языка, но рассмотренную либо в абстрактной форме, как название класса [напр., морфема – класс морфов (алломорфов)], либо в конкретной форме, как отдельный представитель этого класса (напр., морф, или конкретная морфема). Эти единицы не обнаруживают разных способов сочетаемости. Они принадлежат одному и тому же объективному У. я. в онтологическом смысле, но могут входить в сферу разных «уровней анализа». К о м б и н а ц и и уровневых единиц – комбинации фонем (фонов) в слогах, образование производных и сложных основ из морфем (морфов), словосочетаний из слов и др. – не обнаруживают нового качества, но сохраняют правила уровневой сочетаемости, присущие исходным единицам. Напр., основа, как и морфема, – синтаксически несамостоятельная часть слова: она сочетается с морфемами, напр. с окончаниями, непосредственно; единственное отличие основы (сложной) от морфемы – степень сложности. Хотя степень сложности обычно характеризует единицы разных У. я., но это не обязательный, всегда различающий единицы разных У. я. признак. Слова обладают разной степенью сложности, но принадлежат одному У. я. Главным отличием единиц разных У. я. является их качественное своеобразие, проявляющееся в особенностях уровневой сочетаемости. В отдельных случаях в одной звуковой форме могут совпасть единицы разных У. я., качественно отличные друг от друга (ср. указанное А. А. Реформатским совпадение в лат. *i* ‘иди’ предложения, слова, морфемы и фонемы).

У. я. – не изолированные друг от друга «участки» языка. Они в силу иерархических отношений теснейшим образом связаны и характеризуют объективное устройство языковой системы. У. я. в онтологическом смысле следует отличать от «уровня анализа» языка – фаз, или этапов, рассмотрения языка. В лингвистической практике уровни онтологический и операционный («уровень анализа») нередко смешиваются, хотя между ними нет прямого соответствия. Уровень анализа соответствует У. я. только при строго «поуровневом» рассмотрении языка, что при изучении языка не является обязательным. «Уровни анализа», будучи этапом рассмотрения языка, зависят от целей и задач исследования, т. е. во многом определяются точкой зрения исследователя на изучаемый объект.

Идея уровневой организации языка получила широкое распространение к сер. 20 в. сначала в американской дескриптивной лингвистике, чётко не разграничивавшей, однако, онтологические и операционные уровни, а позднее и в других направлениях, в т. ч. в отечественном языкознании. Традиционное выделение таких разделов языкознания, как фонетика, морфология, лексикология, синтаксис, фактически подготовило почву для концепции уровневой организации языка; по традиции эти области языка выступали как рядоположенные, но не связанные иерархическими отношениями. По-видимому, лингвистика заимствовала идею уровневой организации из биологии, где с нач. 20 в. стала распространяться концепция структурного уровня, или уровня организации живых систем. Если в биологии понятие более высоких и более низких уровней связывается с идеей развития, в лингвистике уровневая организация языка предполагает условное выделение «низших» уровней языка как результат своего рода расчленения или трансформации «высших» уровней; реальное направление развития может

при этом иметь обратный характер – от единицы высшего У. я. к единице низшего, напр. история языка устанавливает, что морфемы являются производными от слов единицами. Язык не складывается из уровней в процессе развития, а членится на них.

Лит.: Клаус Г., Кибернетика и философия, пер. с нем., М., 1963; Кацнельсон С. Д., О теории лингвистических уровней, в кн.: Вопросы общего языкознания, М., 1964; Маслов Ю. С., Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка, «ВЯ», 1968, № 4; Ахманова О. С., Словарь лингвистических терминов, 2 изд., М., 1969; Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М., 1969; Кремянский В. И., Очерки теории «интегративных уровней», в кн.: Проблемы методологии системного исследования, М., 1970; Солнцев В. М., О понятии уровня языковой системы, «ВЯ», 1972, № 3; Бенвенист Э., Уровни лингвистического анализа, в его кн.: Общая лингвистика, [пер. с франц.], М., 1974; Вардуль И. Ф., Основы описательной лингвистики, М., 1977; Trager G. L., Smith H. L., An outline of English structure, Wash., 1957; Lamb S. M., Outline of stratificational grammar, Wash., 1966. *В. М. Солнцев.*

Уста́в – тип письма кириллицы (см.) с геометрически чётким рисунком букв. Появился под влиянием греч. унциального письма. Исконно сосуществовали два вида У.: каллиграфический, применявшийся в торжественном письме, и некаллиграфический.

У. написаны др.-рус. рукописи 11–14 вв. У. 11–12 вв. отличается строгостью пропорций, буквы симметричны, они свободно располагаются в строке. В 13 в. изменяются пропорции буквенных начертаний: буквы становятся у́же, сокращаются верхние части букв В, К, Ж, поднимается вверх перекладина у йотированных букв (ѥ, ꙗ), Ю, И, Н, вертикаль буквы ѣ поднимается вверх за пределы строки. В 14 в. на основе новообразований 13 в. формируется новый вид У. с узкими вытянутыми буквами, стоящими близко друг к другу. Перекладины поднимаются до верхнего уровня строчных букв, встречается начертание Ж без верха. В вост.-слав. письменности У. господствовал до кон. 14 – нач. 15 вв. В 15 в. У. вытесняется полууставом (см.), а пергамен – бумагой. В деловой письменности полуустав и бумага применялись уже в 14 в.

В южнослав. письменности У. изменялся несколько иначе, чаще встречаются почерки с наклоном вправо. При общей тенденции эволюции начертаний дольше употребляются архаичные буквы. В болг. (среднеболг.) рукописях 12–13 вв. У. характеризуется наличием графических вариантов (встречается до 5 вариантов написания юсов с их взаимной меной). К сер. 14 в. складывается вид каллиграфического, т. н. тырновского, У., известного по рукописям эпохи царя Ивана-Александра (Софийская псалтырь, 1337; Манасиева хроника, ок. 1345–46; четвероевангелие Ивана-Александра, 1356).

В сербских рукописях 12–14 вв. У. обычно прямой, отличается от У. рус. и болг. рукописей гл. обр. составом и употреблением букв. Полуустав и бумага в письменности южных славян появляются с кон. 13 в.

К уставному письму относят также почерки древнейших слав. рукописей, написанных «круглой» глаголицей: Киевские листки, или Киевский миссал, Зографское и Мариинское евангелия и др. В рус. работах по греч. палеографии У. называют унциальное письмо с прямыми, раздельно написанными буквами. К уставным почеркам относят также письмо берестяных грамот, хотя название «почерк» в данном случае условно. «Новым У.» иногда называют (Е. Ф. Карский) старательное торжественное письмо рукописных книг 15–17 вв., написанных обычно на бумаге, а не на пергамене. Образцы У. см. в кн. «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. Иллюстрации» (М., 1984).

Лит.: Черепнин Л. В., Рус. палеография, М., 1956 (лит.); Мошин В. А., Палеографическо-орфографические нормы южнослав. рукописей, в кн.: Методическое пособие по описанию славянорус. рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, в. 1, М., 1973, с. 43–75; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В., Рус. палеография, 2 изд., М., 1982; Mošin V., Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici, «Slovo», 1965, № 15–16; Мошин В., Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо, Скопје, 1966. См. также лит. при ст. Кириллица. *О. А. Князевская.*

Устаре́вшие слова́ – см. Архаизмы, Историзмы.

У́стная публи́чная речь – спонтанная литературная речь разных форм публичных выступлений (доклад, лекция, сообщение, выступление в дискуссии и т. п.). У. п. р. обслуживает общение на темы отвлечённого (интеллектуализированного) и производственного характера. Отличительной её чертой является адресованность большой аудитории. От устно-разг. речи (см. Разговорная речь), обслуживающей самые разные бытовые ситуации, У. п. р. отличают одноплановость тематики и публичность. Их сближает устная спонтанная форма осуществления. Момент подготовленности обычно проявляется лишь в логико-композиционных особенностях строения У. п. р. и в употреблении отдельных клишированных выражений и конструкций. Носители лит. языка пользуются в своей речевой практике обоими типами речи. Это даёт основание включать У. п. р. в состав устно-разг. разновидности совр. рус. лит. языка в качестве её особой сферы наряду с обиходно-разг. речью. В. Барнет квалифицирует У. п. р. не как структурную, а как коммуникативно-функциональную разновидность лит. языка. Нек-рые исследователи, напротив, считают У. п. р. устной формой кодифицированного лит. языка. Основанием для этого служит предлагаемое ими разграничение речи спонтанной и неподготовленной.

В бытовой устно-разг. речи одновременно осуществляются функции общения, сообщения и воздействия; в У. п. р., как и в книжно-письменной

речи, преобладает функция сообщения (информативная).

Интеллектуализированный характер У. п. р. обусловливает её ориентацию на письменный текст (ср. соотносимые жанры: доклад – статья, устное сообщение – заметка, лекция – раздел в учебнике и т. п.). Однако наиболее характерные приметы письменной формы речи (употребление длинных периодов, сложных предложений усложнённого состава с вводными и включёнными конструкциями и др.) У. п. р. не свойственны, поскольку они нарушают психолингвистические законы продукции и рецепции устной речи. В устном тексте наблюдаются текстовые и лексические повторы, ассоциативные вставки и уточнения, употребление предложений неусложнённой структуры, простота субъектно-предикатных отношений, использование тропов и сравнений, приёмов адресации речи, слов субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера, что отражает особенности зрительного и слухового восприятия. Насыщенность информацией в устном тексте ниже, чем в письменном.

У. п. р. характеризуется особенностями как письменно-лит. стилей, так и устно-разг. речи, занимая между ними промежуточное, пограничное положение. Ей свойственны и книжные, и разг. элементы.

Специфические черты книжно-письменной речи (см. Книжная речь, Письменная речь), а также стилистически сниженная экспрессия обиходно-разг. речи, недопустимые в У. п. р., оказываются в У. п. р. лишь в качестве иностилевых элементов.

Устность и спонтанность обусловливают необходимость использования в У. п. р. специальных устно-речевых средств. Ситуация публичности влияет на распределённость в ней этих средств. Строение речевого потока (см.) в У. п. р. и его членение определяются её устностью (см. Устная речь) и развёрнуто-монологическим характером. Здесь преобладают пространные тексты, значительно превышающие по протяжённости тексты устно-разговорные. Элементы диалога, характерного для устно-разг. речи, присутствуют и в У. п. р., но занимают в ней подчинённое положение.

В У. п. р. линейное продвижение речи осуществляется не только посредством законченных предложений, но и посредством нек-рых групп слов и даже одиночных слов, ограничиваемых справа и слева средствами интонационного членения и не обязательно имеющих признаки синтаксической завершённости. Такие группы слов являются специфической принадлежностью У. п. р. По своей синтаксической организации они могут совпасть как с предложением, так и со словосочетанием или их частью. Ср.: *«Вот какие собственно говоря показатели/сейчас устанавливаются/Я повторяю можно их оспаривать// //но/практика показывает//если вы сделали в системе большой ввод/стотысячный/но не организовали/не нашли тех самых точек соприкосновения с системами управления/с системами автоматизированного проектирования//с системами/просто проектирования и разработок/с тем чтобы получить достаточно/большой/вход/по запросам/чтобы система эксплуатировалась/система не получается//система не получается/...»* (из лекции).

Сегментация речевого потока в У. п. р. обусловливает наличие в ней синтаксических построений трёх типов: 1) общелитературных, 2) общелитературных, меняющих свою структурную схему в ходе линейного добавления членов или нарушающих её, 3) специфически устно-разговорных. Смещение общелит. синтаксической перспективы высказывания может касаться и строения всего отрезка речи (ср. *«А вот сейчас/наш последний съёмочный день был недавно/и мы...»* – телеинтервью), и порядка слов (ср. *«В этом вот первая ошибка возможная такая/родителей»* – телевыступление), оно может выражаться в отказе от продолжения начатой конструкции (ср. *«Когда мы разговаривали с ним/то это и учёный достойный...»* – выступление на заседании).

Почти любое явление синтаксиса имеет в У. п. р. свои особенности, и если эти особенности не касаются структурной схемы явления (т. е. не носят качественный характер), то они неизбежно затрагивают распределённость общелит. явления (т. е. носят количественный характер), что проявляется в большей или меньшей частотности явления сравнительно с общелит. сферой. Это касается и особенностей глагольного управления, и соотношения глагольных и глагольно-именных конструкций, и соотношения типов актуального членения, и порядка слов в отдельных синтаксических группах, и употребления причастных и деепричастных оборотов. Так, напр., в области синтаксиса сложного предложения со значением причины наблюдается наличие не всех семантических типов, а лишь собственно причинных и с причинным обоснованием действия, причём предпочитается постпозиция придаточной части, из всей группы причинных союзов избираются лишь немногие (*поскольку, так как, потому что*).

Устно-разг. синтаксические модели оказываются характерной принадлежностью У. п. р. Эти модели представлены в У. п. р. в меньшей пропорции относительно общелит. моделей, чем в обиходно-бытовой речи, и не во всём составе своих модификаций.

Лексические особенности У. п. р. сравнительно с письменно-лит. книжной речью касаются степени её лексического разнообразия, соотношения терминологической и нетерминологической лексики и лексики абстрактного и конкретного зна-

чения, а также именной и глагольной лексики. Здесь наблюдаются особенности правой и левой сочетаемости слова, процессов десемантизации слова, сужения или расширения его семантических границ, утраты ряда общелит. значений и возникновения новых, специфических. С необходимостью избегать длительного поиска слова связаны постоянно встречающиеся лексические повторы, особенно частотные в случае употребления слов обобщённого значения и полузнаменательного характера.

В У. п. р. наблюдается избирательность общелит. словообразовательных моделей. В отличие от книжно-письменной сферы (в частности, письменной научной речи) в У. п. р. встречаются нек-рые устно-разг. формы (напр., уменьшительные).

Морфологические особенности У. п. р. касаются соотношения и функций разрядов и классов слов, напр. качественных и относительных прилагательных, наблюдаемых в результате окачествления относительных прилагательных и, обратно, развития некачественных значений у качественных, полнозначных и десемантизированных глаголов, глаголов и существительных конкретной и широкой семантики. Наблюдаются и особенности в области формоизменения.

Фонетическая нечёткость звуковых сигналов, в частности при произнесении отдельных словоформ, ведёт в У. п. р. к возникновению звуковой омонимии разных синтактико-морфологических форм. Смешиваются родовые и падежные окончания, особенно у прилагательных, местоимений и причастий, предлоги, просто созвучные слова, могут почти не звучать связки. В отличие от ораторской и дикторской речи, в У. п. р. не всегда представлен «полный» стиль произношения, часты случаи неотчётливой артикуляции и сильной редукции.

Нормативный аспект особенностей У. п. р. почти не изучен. В ней представлены нормы кодифицированные, включающие в себя книжно-письменные и общелит. (при наличии разнообразных и значительных отклонений от них), устно-лит. и собственно устно-разговорные. Встречаются и ненормативные образования.

Лит.: Лаптева О. А., Рус. разг. синтаксис, М., 1976; её же, Совр. рус. публичная речь в свете теории стиля, «ВЯ», 1978, № 1; её же, О грамматике устного высказывания, «ВЯ», 1980, № 2; её же, Общелит. и специфические элементы при определении статуса устной публичной лит. речи, в кн.: Структура лингвостилистики и её основные категории. Межвузовский сб. научных тр., Пермь, 1983; её же, О языковых основаниях выделения и разграничения разновидностей совр. рус. лит. языка, «ВЯ», 1984, № 6; её же, Живая рус. речь с телеэкрана, Сегед, 1990; Шмелёв Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях, М., 1977; его же, Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект, М., 1989; Земская Е. А., Ширяев Е. Н., Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная?, «ВЯ», 1980, № 2; Совр. рус. устная научная речь, под ред. О. А. Лаптевой, т. 1, Красноярск, 1985, т. 2, М., 1994, т. 3, М., 1995; Земская Е. А., Городская устная речь и задачи её изучения, в кн.: Разновидности городской устной речи. Сб. научных тр., М., 1988; Язык и личность. [Сб. ст.], под ред. Д. Н. Шмелева, М., 1989.

О. А. Лаптева.

У́стная речь – речь, произносимая, порождаемая в процессе говорения; основная форма существования естественных языков, противопоставленная письменной речи (см.). У. р. является первичной формой существования языка и единственной формой существования языков, не имеющих письменности. Кроме того, нек-рые виды речи, напр. территориальные диалекты (см.), существуют только в форме У. р. Рус. лит. язык имеет две основные формы существования: устную и письменную, причём для разг. лит. языка устная форма является основной, тогда как книжный язык (см. Книжная речь) функционирует и в письменной, и в устной форме (доклад, лекция, выступление на собрании, по радио, телевидению и другие виды массовой коммуникации).

До 60-х гг. 20 в. устная форма рус. речи изучалась лишь на материале территориальных диалектов. В 60–90-х гг. активно изучается также У. р. городских жителей. Исследователи выделяют различные виды городской У. р. в зависимости от характера коммуникации (официальная/неофициальная) и вида общения (личное/публичное). Неофициальная У. р. осуществляется только в сфере личного общения, официальная У. р. – как в сфере личного общения (разговор начальника с подчинённым, беседы лиц на профессиональные темы, разговоры в суде и т. п.), так и в публичной (см. Устная публичная речь).

Важнейшей отличительной чертой У. р. является её неподготовленность: У. р., как правило, творится в ходе беседы. Однако неподготовленность может быть различной. Это может быть речь на неизвестную заранее тему, осуществляемая как импровизация. С другой стороны, это может быть речь на заранее известную тему, обдуманная в тех или иных частях. У. р. такого рода характерна для официального публичного общения. От У. р., т. е. речи, порождаемой в процессе говорения, следует отличать речь читаемую или выученную наизусть; для этого вида речи иногда применяют термин «звучащая речь».

Неподготовленный характер У. р. порождает целый ряд её специфических особенностей: обилие незаконченных синтаксических построений (напр.: *Ну вообще... созерцание... я могу и для друзей рисовать*), самоперебивы (напр.: *В России ещё много людей, которые хотят..., которые пишут ручкой, а не на компьютере; Каждому художнику, режиссёру, актёру... Для каждого художника вообще аудитория важна; Я ему написала, пишу, чтобы он приезжал скорее*), повторы (напр.: *Я бы... я бы... хотел сказать больше*), подхваты (напр.: А – *Мы тебя приглашаем...* Б (подхватывает) – *завтра в театр*), конструкции с именительным темы (напр.:

Этот мальчишка/он меня каждое утро будит; Свойство квартирных выставок/оно присуще России). Для У. р. характерны паузы хезитации (колебания) и употребление десемантизированных слов типа *вот, там, ну, так сказать, понимаешь, да?* и *да-а* с растяжкой гласной, помогающих говорящему привлечь внимание собеседника или дающих ему время для обдумывания своей речи. Напр.: *Вот такие вот камерные выставки/они были в России и в XIX веке, да-а; Яблоки, груши там/у каждого художника есть свои пристрастия, так сказать; С Федей... мм... я встречался во Владивостоке. Мы вот прошли всё побережье...; Он/понимаешь/по-английски не говорит; Ты записывай...* (*да? Что я говорю*). Эти особенности свойственны в первую очередь неофициальной У. р., но встречаются также нередко и в устной публичной речи.

Лит.: Городское просторечие. Проблемы изучения, М., 1984; Совр. рус. устная научная речь, под ред. О. А. Лаптевой, т. 1, Красноярск, 1985, т. 2, М., 1994, т. 3, М., 1995; Разновидности городской устной речи. Сб. научных тр., М., 1988; Рус. язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект, М., 1993. *Е. А. Земская.*

Учéбники рýсского языкá. В Древней Руси для обучения грамоте использовались богослужебные книги («Псалтырь», «Часослов» и др.), к-рые служили и учебником грамоты, и книгой для чтения. Эти руководства были рукописными и содержали описание слав. грамматики. В 15–16 вв. были известны рукописные грамматики церк.-слав. языка Иоанна Дамаскина «Книга философская о осмих частех слова» (т. е. о частях речи) и грамматика, составленная в 1522 Дмитрием Толмачом по образцу «Грамматики» Доната (римского грамматиста 4 в.).

Первым печатным учебником слав. грамоты была Азбука (букварь) Ивана Фёдорова (1574), написанная кириллическими буквами. В основу Азбуки положен распространённый в то время буквослагательный метод обучения грамоте. Она состояла из двух частей: собственно азбуки (алфавит, слоги, простейшие примеры правописания и нек-рые грамматические сведения) и текстов для чтения нравственного и воспитательного характера (молитвы, извлечения из притч, наставления и т. д.). Многие печатные и рукописные азбуки (буквари), созданные в 17 в., в т. ч. буквари Василия Бурцова (1634), Симеона Полоцкого («Букварь языка словенска...», 1679), Кариона Истомина («Букварь славянороссийских писмен...», 1694), сохраняли построение Азбуки Ивана Фёдорова. Карион Истомин, отстаивая передовые педагогические взгляды того времени, создал также иллюстрированный букварь, в к-ром не было ни религиозных текстов, ни назидательных наставлений.

В 16–18 вв. появляется несколько печатных грамматик, наиболее известными из к-рых были «Грамматика словенская» Лаврентия Зизания (1596) и «Грамматики словенскія правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого (1619). Подражая греко-лат. образцам, нек-рые из этих грамматик излагали учебный материал в форме вопросов и ответов. По традиции грамматики состояли из четырёх частей: правописание, припевание (просодия), правословие (этимология) и сочинение (синтаксис). В «Грамматике славянской в кратце...» Ф. Максимова (1723) и в грамматике В. Е. Адодурова (1731) делается попытка отойти от ст.-слав. речи и приблизиться к русской.

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1755) была первой научной грамматикой рус. языка. Она состояла из шести наставлений описательно-нормативного характера: о человеческом слове вообще, о чтении и правописании российском, об имени, о глаголе, о вспомогательных или служебных частях слова, о сочинении частей слова. Под влиянием «Российской грамматики» в кон. 18 – нач. 19 вв. составлялись грамматики рус. языка: «Российская универсальная грамматика или вообще письмословие...» (1769), «Грамматика Российская...» Н. Курганова (1769), переиздававшаяся под названием «Письмовник...»; «Краткие правила российской грамматики ... для гимназий» (1771) и «Обстоятельная российская грамматика» А. А. Барсова (1783–88), получившая распространение в рукописи, и др. Все эти руководства состояли из четырёх частей (правописание, словопроизводство, словосочинение и слогоударение). В нек-рых учебниках (Барсова) давались небольшие методические указания.

В нач. 19 в. в России по образцу, распространённому в Зап. Европе, появилась всеобщая (философская) грамматика, к-рая содержала общие сведения о языке, о происхождении речи и письма, об отношении слов к понятиям, о различных грамматических категориях (таковы грамматики Н. И. Язвицкого, 1810; И. Орнатовского, 1810; И. Ф. Тимковского, 1811; Л. Г. Якоба, 1812, и др.). Всеобщая грамматика, опиравшаяся на начала формальной логики, была непригодна для учебных целей, и в кон. 20-х гг. 19 в. от неё отказались. Отдельные её положения находили отражение в учебниках, создававшихся в сер. 19 в. Большим признанием в это время пользовались «Практическая русская грамматика» Н. И. Греча (1827), содержащая в основном правила правописания с примерами, а также «Русская грамматика... полнее изложенная» и «Сокращённая русская грамматика» А. Х. Востокова (обе 1831). Две последние составили этап в развитии рус. грамматической мысли.

Нек-рые У. р. я., издававшиеся в 19 в., были также проводниками революционно-демократических идей, напр. запрещённый цензурой «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» И. А. Худякова (1865).

В сер. 19 – нач. 20 вв. У. р. я. создавались под влиянием направлений, возникших в языкознании: логико-грамматического, психологического и формально-грамматического. У. р. я. логико-грамматического направления, влияние к-рого на школу было особенно сильным, на первый план выдвигали смысловую сторону языка и речи, что было важно для развития логического мышления учащихся. Изучение грамматики в них начинается с предложения; морфология тесно связана с синтаксисом. Однако эти учебники часто смешивали логические категории с грамматическими, а иногда подменяли их. Эти учебники по содержанию и структуре были неоднородны. Одни из них включали только теоретический материал по грамматике с перечислением правил правописания – учебники К. Г. Говорова (1862), А. И. Кирпичникова и Ф. А. Гилярова (1867), Л. И. Поливанова (1874), К. А. Козьмина (1884), А. Г. Преображенского (1885), П. В. Смирновского (1885–88) и др. Другие давали также тексты для разбора и упражнения, гл. обр. направленные на выработку у школьников правописных навыков,– учебники П. М. Перевлесского (1854–55), К. Ф. Петрова (1880, 1882), Ф. Х. Абрамснко (1907) и др. Среди учебников этого направления особое место занимают «Опыт исторической грамматики русского языка для средних учебных заведений» Ф. И. Буслаева (1858), к-рый, принципиально отличаясь от принятых в то время школьных руководств, исторически освещает разные стороны грамматического строя рус. языка, а также «Родное слово. Год третий. Первоначальная практическая грамматика с хрестоматиею» К. Д. Ушинского (1870), где содержится практическая грамматика, в т. ч. разбор предложений и целых произведений, и «грамматическая хрестоматия». Способ изложения учебного материала – наблюдение над грамматическими законами.

У. р. я., составленные представителями психологического направления, пытались связать преподавание научного синтаксиса с психологией и историей рус. языка. Уделяя большое внимание синтаксису, эти учебники в основном были рассчитаны на учащихся старших классов – учебники А. А. Дмитревского (1881), Д. Н. Овсянико-Куликовского (1912), Е. Ф. Будде (1913) и др. К ним примыкают учебные руководства В. И. Харциева (1909) и С. А. Новиковой (1909), к-рые не содержат правил и определений: путём специально подобранных примеров, вопросов и задач учащихся подводят к грамматическим выводам. Большого влияния на преподавание рус. языка в школе психологическое направление не оказало.

Учебники, отражавшие формально-грамматическую точку зрения на язык, получили широкое распространение в 20-х гг. 20 в. – учебники С. Горового (1922), П. А. Дуделя (1924), А. М. Пешковского (1925, 1926), С. И. Абакумова (1923, 1929 и 1930), Ф. А. Фридлянд, Е. Г. Шалыт (1924), А. Б. Шапиро (1925), Д. Н. Ушакова (1926) и др. Различные по содержанию, структуре и характеру изложения материала, они включали в основном грамматику, орфографию, пунктуацию, а в нек-рых случаях – развитие речи. В грамматике изучались формы слова и структура предложения: раздел «Части речи» начинался с предлога и союза. Орфография и пунктуация не связывались с грамматикой. Основным способом изложения учебного материала был метод наблюдения над языком.

Нек-рые учебники представляли собой синтез логико-грамматического и формального направлений. Таковы грамматики Н. К. Кульмана (1913), Е. Б. Соколова (1917), Н. С. Державина (1918), В. В. Данилова (1923), Н. Н. Дурново (1924) и др.

В 30-х гг. встала задача подготовки стабильных учебников, соответствовавших новым учебным программам, новым целям и задачам обучения и воспитания учащихся. Первыми стабильными учебниками были: Афанасьев П. О., Шапошников И. Н., «Учебник русского языка для начальной школы. (Грамматика и правописание)», ч. 1 – 1–2-й год обучения, ч. 2 – 3–4-й год обучения.

Учебники для начальной школы (Н. А. Костина; В. Г. Полякова и В. М. Чистякова; М. Л. Закожурниковой и Н. С. Рождественского), несколько изменённые по структуре, объёму учебного материала, оставались по своим принципиальным установкам близкими друг другу. Учебник Шапиро «Грамматика» (первый стабильный учебник для средней школы) по традиции состоял из двух частей: систематического изложения курса грамматики, орфографии и пунктуации и упражнений. Трудность нек-рых грамматических определений, однообразие упражнений, отсутствие заданий по развитию речи привели к замене этого учебника в 1938 учебником С. Г. Бархударова «Грамматика русского языка» в двух частях (ч. 1 в соавторстве с Е. И. Досычевой), с 1944 выходившим под ред. академика Л. В. Щербы.

Усиление практической направленности в изучении школьных предметов привело к созданию в 1953 стабильного учебника С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова («Учебник русского языка», ч. 1 – Фонетика и морфология для 5–6-х классов, ч. 2 – Синтаксис для 6–8-х классов), использовавшегося в школе в 1954–70. В нём была сокращена теоретическая часть и увеличен практический материал – упражнения. В отличие от предыдущих, этот учебник в основном был построен на логико-грамматической основе, большое внимание в нём уделялось изучению словосочетаний, словообразования, лексики, гл. обр. трудной в орфографическом отношении.

В связи с введением в общеобразовательную школу новых учебных программ в кон. 60-х – нач. 70-х гг. были подготовлены новые учебники: Закожурникова М. Л., Костенко Ф. Д., Рождественский Н. С., «Русский язык» для 1-го класса (1965) и для 2-го класса (1969); Закожурникова М. Л., Кустарёва В. А., Рождественский Н. С., «Русский язык» для 3-го класса (1970); Ладыженская Т. А., Баранов М. Т., Григорян Л. Т., Кулибаба И. И., Тростенцова Л. А., «Русский язык» для 4-го (ныне для 5-го) класса (1970); Баранов М. Т., Григорян Л. Т., Кулибаба И. И., Ладыженская Т. А., Тростенцова Л. А., «Русский язык» для 5-го (ныне для 6-го) класса (1969) и для 6-го (ныне для 7-го) класса (1972); Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Чешко Л. А., «Русский язык» для 7–8-х (ныне для 8–9-х) классов (1973).

Учебники для начальных классов включают материал по грамматике, по расширению словарного запаса учащихся, по произношению, правописанию и развитию связной речи. Основную часть этих учебников составляют разнообразные упражнения. При изложении учебного материала использованы методические приёмы: анализ и синтез, аналогия и противопоставление, индукция и дедукция.

Учебники для средней школы направлены на изучение рус. языка «во всей совокупности его проявлений» (А. А. Шахматов) как определённой системы знаний о языке. Они учат мыслить, развивают познавательную активность и творческие способности учащихся. В основу этих учебников положен структурно-семантический принцип изложения учебного материала. Для старших классов используется «Пособие для занятий по русскому языку» В. Ф. Грекова, С. Е. Крючкова, Л. А. Чешко (1952).

С нач. 90-х гг. в школе используется параллельный учебник из трёх книг (т. н. учебный комплекс под ред. В. В. Бабайцевой): кн. 1 («Русский язык. Теория», 1993) написана Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой, кн. 2 («Практика. Сборник задач и упражнений», 1995) составлена Ю. С. Пичуговым, кн. 3 по развитию речи («Руская речь», 1995) написана Е. И. Никитиной.

Учебники рус. языка для национальной школы. В дореволюционной России рус. язык в нерус. школах использовался как одно из средств русификации национальных меньшинств. Большинство народов России (значительная часть тюркских, финно-угорских, иранских и кавказских народов, а также народов Крайнего Севера) не имело своей письменности. При обучении рус. языку использовались учебники для рус. школ (Д. И. Тихомирова, Л. И. Поливанова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого и др.). Немногочисленные учебники рус. языка для национальных школ в основном создавались под влиянием практики составления аналогичных учебников для рус. школ. Распространёнными в то время были учебники: «Русское слово или классное руководство к русскому языку для грузинских школ» Я. С. Гогебашвили (ч. 1–2, 1887); «Самоучитель русской грамоты для киргизов» Н. И. Ильминского (1861); «Русская азбука для первоначального чтения в русском языке» Каюма Насыри (1889) для тат. школ и др.

В 20 в. рус. язык всё шире стал использоваться как язык межнационального общения. Многие ранее бесписьменные народы создали свою письменность, получили возможность учиться на родном языке. Были созданы комплекты учебников по рус. языку для каждой из национальностей с опорой на родной язык (учёт фонетических и грамматико-орфографических особенностей рус. языка по сравнению с родным языком). Ведётся систематическая работа по дальнейшему научному и методическому совершенствованию содержания учебников.

Для старших классов нерус. школ автономных республик и областей был создан учебник А. С. Матийченко [«Учебник русского языка» (ч. 1 – Фонетика и морфология, ч. 2 – Синтаксис), содержащий элементарный курс грамматики рус. языка, 1948]. В дальнейшем этот учебник был заменён учебником «Русский язык» К. А. Гадельшина, М. Н. Мангадаева, Г. Н. Никольской и др. под ред. С. Г. Бархударова и К. А. Гадельшина (1969). Учебник включает систему начальных сведений о языке, культуре речи, об орфоэпии, орфографии, о грамматике и стилистике рус. языка. Для старших классов национальных школ было издано учебное пособие «Русское слово» Э. А. Бейкмана, Б. Ф. Инфантьева, Е. К. Францман (1965), состоящее из двух основных разделов: 1) лексика, 2) части речи и члены предложения.

В связи с введением в общеобразовательной школе в 70-х гг. новых программ наряду с учебниками рус. языка применительно к отдельным национальным языкам стали издаваться учебники по языковым группам: 1) абхазско-адыгская группа с рус. языком обучения: Барагунов М. Х. и др., «Букварь» (1965); Барагунов М. Х. и др., «Русский язык», учебник для 2-го класса (1966); Барагунов М. Х., Экба Н. Б., «Русский язык», учебник для 1-го класса (1971); 2) финно-угорская группа с рус. языком обучения: Сажина М. И., «Букварь» (1975); Баранников И. В., Бойцова А. Ф., Караева Т. М. и др., «Русский язык», учебник для 1-го класса (1967); Баранников И. В., Бойцова А. Ф.,Варковицкая Л. А., «Русский язык», учебник для 2-го класса (1969); Сажина М. И., Исаева И. А., Дедюхина А. Ф., «Русский язык», учебник для 3-го класса (1969); 3) тюркская группа с рус. языком обучения: Ахиярова М. З., «Русский язык», учебник для 1-го класса (1967); Ахиярова М. З., «Букварь»

(1970); Альмухаметов Р. В. и др., «Русский язык», учебник для 2-го класса (1969); Ахиярова М. З. и др., «Русский язык», учебник для 2-го класса (1969); Альмухаметов Р. В. и др., «Русский язык», учебник для 3-го класса (1970).

Были созданы единые учебные пособия по рус. языку для национальной восьмилетней школы России: Меньшикова Е. А. и др., «Русский язык», учебное пособие для 4-го класса (1970); Бакеева Н. З., Басиева А. Т., Гаврилова Т. Г. и др., «Русский язык», учебное пособие для 5–6-х классов (1971); Сабаткоев Р. Б., Михайлов М. М., Барцева З. Ф. и др., «Русский язык», учебное пособие для 7–8-х классов (1973) и др.

Лит.: Морозов В. В., Из истории сов. учебника, «За большевистский учебник», 1931, № 10–11; Константинов Н. А., Струминский В. Я., Очерки по истории начального образования в России, М., 1953; Щерба Л. В., Система учебников и учебных пособий по рус. языку в средней школе, в его кн.: Избранные работы по рус. языку, М., 1957; Крупская Н. К., Учебник в массовой школе. Какой нам нужен учебник. Национальный учебник. Пед. соч. в 10 тт., т. 3, М., 1959; её же, Об учебниках, там же, т. 10, М., 1962; Гадельшин К., Национальным школам – содержательные учебники рус. языка, «Рус. яз. в нац. школе», 1960, № 3; Крючков С. Е., О системе и типе школьных учебников по рус. языку, «Рус. яз. в школе», 1961, № 2; Добромыслов В. А., Об учебниках по рус. языку для 5–8 классов восьмилетней школы, «Рус. яз. в школе», 1961, № 3; Чистяков В. М., О системе учебников по рус. языку для национальных школ, «Рус. яз. в нац. школе», 1961, № 3; Советкин Ф. Ф., О новых научно-методических требованиях к учебникам рус. языка для национальных школ, в кн.. Родной и рус. язык в национальной школе, под ред. В. В. Решетова и Ф. Ф. Советкина, М., 1962; Кудрявцев В. Д., Школьные грамматики рус. языка, Улан-Удэ, 1965; Жуйков С. Ф., Психологические требования к учебникам рус. языка для начальных классов, «Сов. педагогика», 1968, № 3; Проблемы школьного учебника. Сб. ст., в. 1–6, М., 1974–78.

А. В. Прудникова.

Учебники рус. языка как иностранного (РКИ) – основное средство обучения, выполняющее след. лингводидактические функции: мотивационную, информационно-познавательную, формирующую, систематизирующую, коммуникативную, контролирующую, эстетическую, воспитательную, самообразовательную.

К числу первых по времени издания относятся учебники РКИ Г. В. Лудольфа (1696), И. Родде (1739, 1799), Шарпантье (1768), Ф. Гельтергофа (1771), Е. Каржавина (1791). В течение более двух столетий учебники РКИ издавались бессистемно и эпизодически, они отражали концепцию господствовавшего до 80-х гг. 19 в. грамматико-переводного метода, характерного для преподавания классических языков (греч. и лат.).

С 20-х гг. 20 в. разработка и издание учебников РКИ приобретают организованный и регулируемый на гос. уровне характер. Первоначально эти учебники отражали опыт преподавания рус. языка рус. учащимся и представителям национальных меньшинств. Лишь в 30-х гг. появляются первые стабильные учебники РКИ, в к-рых реализуются идеи сознательно-сопоставительного метода, напр.: «Учебник русского языка. Элементарный курс» А. И. Смирницкого и П. П. Свешникова (1936) для носителей англ. языка, «Русский язык для лиц, говорящих на французском языке» Н. Ф. Потаповой (1936). В 40–50-х гг. издаются учебники РКИ как общего типа (Бедняков А. С., Мазур Ю. Н., «Учебник русского языка», ч. 1–2, 1959–61; учебник И. М. Пулькиной, Е. Б. Захавы-Некрасовой, 1958), так и ориентированные на носителей англ. (Потапова Н. Ф., «Russian. Учебник рус. языка для народов, говорящих по-английски», 1945), болг. (учебник Е. П. Херасковой, 1956) и чеш. (учебник Г. Фридман, 1955) языков. В этих учебниках воплощены концепции грамматико-переводного, сознательно-сопоставительного и комбинированного (интегрирующего достоинства двух первых) методов.

Методические концепции 60-х гг. разрабатывались преим. в рамках сознательно-практического метода, нацеленного на сознательное овладение языком при решающем значении речевой практики в процессе обучения. В 1965 вышел в свет первый учебник для иностранных учащихся подготовительных факультетов вузов СССР (авторы Е. Г. Баш, Е. Ю. Владимирский и др.). В эти же годы издаются учебники для владеющих англ. (Вагнер В. Н., Овсиенко Ю. Г., «Russian. Учебник рус. языка для лиц, говорящих на английском языке», 1967), франц. (В. Н. Ванеевой и др., 1965) и нем. (Захавы-Некрасовой и др., 1964) языками. Большой интерес в тот же период проявляется и к аудиовизуальному методу, ориентированному на обучение устной речи и интенсивное использование средств слуховой и зрительной наглядности. В 60-х гг. был создан ряд отечественных и зарубежных аудиовизуальных курсов РКИ (А. Менац, Т. Волос, 1962; Т. И. Капитоновой и др., 1966; Д. И. Рикс и др., 1969). Внимание методистов было привлечено также к проблемам программированного обучения, к-рое предусматривает наличие алгоритмов учебной работы, специальных учебных пособий и обучающих программ, обеспечивающих выполнение стереотипных учебных действий, к-рые поддаются контролю и самоконтролю (напр., учебники М. Ф. Парахина, 1968; В. В. Беспаленко и др., 1969).

В 70-х гг. продолжается работа по совершенствованию сознательно-практического метода. Также разрабатывается коммуникативный метод, в основе к-рого – положение о необходимости организации процесса обучения в условиях, максимально приближённых к реальному общению. Вместе с тем отмечается определённое снижение интереса к аудиовизуальному и аудиолингвальному методам (последний предусматривает многократное прослушивание в магнитозаписи и проговаривание строго отобранных структур, что ведёт к их автоматизации).

В этот период создаются как учебники общего типа (комплекс «Русский язык для всех», под ред. В. Г. Костомарова, 1978), так и профильные: Вятютнев М. Н., Сосенко Э. Ю., Протопопова И. А., «Горизонт-1. Учебник рус. языка» (1977–78) – комплекс для школьников, приступающих к изучению рус. языка под руководством преподавателя вне языковой среды; «Старт-1» – учебник для подготовительных факультетов вузов СССР (руководитель авторского коллектива Т. Н. Протасова, 1979); «Практический курс русского языка» для студентов-иностранцев естественных факультетов (под ред. Г. И. Володиной, 1970). Эти учебники, реализующие идеи модифицированного сознательно-практического и коммуникативного методов, созданы без учёта родного языка обучаемых. Наряду с этим вышли в свет учебники для носителей венг. (Л. К. Алексеевой и др., 1974), исп. (Г. И. Копыловой, Т. А. Рамсиной, 1974), монг. (Л. К. Демидова, 1978) и других языков. В эти годы создаются также аудиовизуальный («Русский язык-1, 2, 3», 1971–73) и аудиолингвальный («A–LM Russian», 1970–71) курсы РКИ.

В 80-х гг. социальный заказ общества на обучение практическому владению языком в сжатые сроки предопределил рост интереса к интенсивным методам обучения, опирающимся на психологические резервы личности и коллектива учащихся, различные формы пед. общения, создание адекватной учебной мотивации, использование специальных упражнений-этюдов, предусматривающие краткосрочность обучения, преимущественное формирование устной речи. В целом же для методики данного периода характерно сближение различных методов в направлении интенсификации учебного процесса, что приводит к созданию комбинированных методов, ориентированных на реализацию учебного принципа активной коммуникативности, к-рый был провозглашён ведущим на 5-м Международном конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (см.) – МАПРЯЛ (Прага, 1982).

Большинство учебников, изданных в 80-х гг., относится к профильным и предназначено: для филологов (учебники Е. И. Войновой и др., 1980–81; Н. А. Лобановой, И. П. Слесаревой, 1982); для нефилологов гуманитарного профиля (учебник Г. А Битехтиной и др., 1987–90); для учащихся подготовительных факультетов – «Старт-1, 2, 3» (руководители авторского коллектива Протасова и Л. С. Журавлёва, 1987); для слушателей краткосрочных курсов (комплекс «Темп-1, 2, 3» Аверьяновой Г. Н. и др., 1982–1983), для зарубежных школьников (Рикс и др., «Первый диалог», ч. 1, 1983), для иностранных учащихся средних специальных учебных заведений (учебник Володиной и др., 1980). Концепции интенсивной методики реализованы в учебнике Т. К. Кирш и др. «Русская речь интенсивно» (1981), в «Учебнике русского языка для стажёров и аспирантов гуманитарного профиля» И. М. Рожковой, Л. И. Пироговой (2 изд., 1989).

Практика создания учебников РКИ значительно опередила возникновение теории этого жанра пед. лит-ры. Лишь в нач. 70-х гг. 20 в. произошло оформление учебников РКИ в самостоятельное направление лингводидактических исследований. Проблемы учебниковедения были темой 2-го Международного конгресса МАПРЯЛ (Варна, 1973). В материалах конгресса содержится определение учебника как центрального звена управления учебным процессом и одного из эффективных средств их оптимизации. В последующие годы наиболее весомый вклад в развитие теории учебников РКИ внесли А. А. Арутюнов, К. П. Алликметс, А. Р. Балаян, Битехтина, Е. М. Верещагин, Вятютнев, Журавлёва, Я. Заневский, Д. И. Изаренков, Л. П. Клобукова, Костомаров, А. И. Метса, О. Д. Митрофанова, Е. И. Мотина, Протасова, Сосенко, Е. М. Степанова, С. Сятковский, Л. Б. Трушина, П. Г. Чеботарёв, А. Н. Щукин и др.

В качестве наиболее важных исследователями рассматриваются проблемы соотношения программы и учебников; структуры учебного комплекса; содержания и структуры учебника; типового учебника и его национальных вариантов; организации с помощью учебника деятельности обучающего и обучаемого; языковых, речевых и коммуникативных минимумов, соотношения языкового и страноведческого аспектов в учебнике, способов и видов презентации, тренировки и контроля в учебнике; видов и функций наглядности в учебнике; минимального структурного компонента учебника (урок, тема, параграф и т. п.); моделей описания и оценки учебника и др.

Во 2-й пол. 80-х – 1-й пол. 90-х гг. концепция учебника РКИ переосмысливается в сторону гуманизации и индивидуализации обучения: учебник РКИ призван обеспечить реализацию задач, связанных с приобретением учащимися навыков рационального осуществления учебной деятельности, развитием умений самообучения, гуманизацией обучения и созданием режима наибольшего благоприятствования для развития личности (данная модель обучения называется «гибкой»; Н. Н. Алиев, Битехтина, В. В. Добровольская, А. В. Рябоконь и др.). Ранее на 8-м Международном конгрессе МАПРЯЛ (Москва, 1990) Метс сформулировала постулаты, к-рые могут считаться универсальными и основополагающими для совр. теории и практики учебника иностранного (неродного) языка: 1) соавторство создателей учебника и учащихся до начала, во время и после окончания работы над учебником; 2) интегрированность и открытость учебника (обеспечение межпредметной координации, выхода за пределы учебной сферы, движения от предмет-

но-ориентированной к личностно-ориентированной стратегии обучения); 3) обращённость учебника к будущему (учёт новейших достижений смежных наук, периодический пересмотр стратегии учебника, её обновление).

В связи с последним особую актуальность приобретают проблемы, вызванные распространением новейших средств передачи информации (спутниковое и кабельное телевидение, видеокассеты, микрокомпьютеры) и заключающиеся в определении оптимального соотношения в учебном процессе печатных и компьютерных вариантов учебников и пособий, основных дидактических функций компьютера применительно к изучению иностранного языка; в изучении роли и места компьютера в овладении учащимися различными видами речевой деятельности; в учёте различных стилей усвоения иностранного языка, в т. ч. и при самостоятельном обучении и т. д. Решение этих проблем посильно лишь в случае объединения усилий методистов, психологов, лингвистов, программистов и кибернетиков при ведущей роли первых.

Лит.: Парахина М. Ф., О программированных учебниках и учебных пособиях по рус. языку для иностранцев. Рус. язык для студентов-иностранцев. Сб. методических статей, № 8, М., 1969; Второй Международный конгресс преподавателей рус. языка и лит-ры «Теория и практика создания учебников и учебных пособий по рус. языку как иностранному». Тезисы докл. и выступлений, София, 1973; Содержание и структура учебника рус. языка как иностранного. (Сб. ст.). Сост. Л. Б. Трушина, М., 1981; Пятый Международный конгресс преподавателей рус. языка и лит-ры «Совр. состояние и основные проблемы изучения и преподавания рус. языка и лит-ры». Докл. сов. делегации, М., 1982; Вятютнев М. Н., Теория учебника рус. языка как иностранного. (Методические основы), М., 1984; его же, Методологические аспекты совр. учебника рус. языка как иностранного, «Рус. яз. за рубежом», 1988, № 3; Метса А. И., Алликметс К. П., Коммуникативно-ориентированные учебники вчера, сегодня, завтра, «Рус. яз. за рубежом», 1986, № 4; Учебники и словари в системе средств обучения рус. языку как иностранному. Сб. ст., под ред. В. В. Морковкина и Л. Б. Трушиной, М., 1986; Капитонова Т. И., Щукин А. Н., Совр. методы обучения рус. языку иностранцев, 2 изд., М., 1987; Бахтиярова Х. Ш., Щукин А. Н., История методики преподавания рус. языка как иностранного, К., 1988; Метс Н. А., От чего зависит методический потенциал коммуникативно ориентированного учебника, в кн.: VII Международный конгресс преподавателей рус. языка и лит-ры «Рус. язык и лит-ра в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания». Докл. и сообщения («Круглый стол»), М., 1990; Международная конференция по рус. языку, М., 1994.

А. В. Рябоконь.

Ф ф

Ф, ф – двадцать вторая буква русского алфавита. Её название – «эф» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ф*. По начертанию восходит к букве «ферт» кириллицы (см.), к-рая восходит в свою очередь к греч. «фи» унциального письма. Соответствующей финикийской буквы не было. Эта буква в кириллице имела цифровое значение «пятьсот».

Для обозначения фонемы ⟨*ф*⟩ в кириллице использовалась также буква «фита». После реформы правописания 1917–18 «фита» была утрачена и заменена буквой *Ф, ф*.

Основное графическое значение буквы *ф* – обозначение общей части фонем ⟨*ф*⟩ и ⟨*ф'*⟩: губная, щелевая, глухая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *ф* буквой или другим графическим знаком: ⟨*ф*⟩ – *фон, фрукт, торф* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*ф'*⟩ – *фикус, верфь*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *ф* обозначает твёрдость этих фонем: *алфавит, лимфа, арфа*.

Фами́лия – наследственное семейное наименование, прибавляемое к личному имени. В. И. Даль определял Ф. как «прозванье, проименованье, родовое имя». В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова слову «Ф.» даётся след. толкование: «наследственное семейное наименование, прибавляемое к личному имени и переходящее от отца к детям, а также от мужа к жене».

Ф. входит в лексическую систему языка и выполняет две функции: во-первых, она выделяет название семьи из названий, «родовых имён» других семей; во-вторых, она сохраняет во времени, в истории название, «родовое имя» конкретной семьи. В этом качестве Ф. и в жизни и в языке реализует свою основную функцию – юридическую. Эта функция определяет специфичность Ф. как особого класса рус. лексики. По характеру выполняемой ими языковой функции Ф. не имеют и не могут иметь ни синонимов, ни антонимов: Ф. типа *Белкин, Векшин; Зайцев, Русаков, Беляков; Пьющий, Непьющий; Белов, Чернов* не могут рассматриваться как синонимические или антонимические; Ф. типа *Белый* и *Беленький, Чернов* и *Чернявин, Честнов* и *Честнейший* между собой словообразовательно не связаны.

Юридической функцией определяются и особенности орфографии Ф. 1) Орфография Ф. основывается на традиционном принципе: сохраняется написание, к-рое было зафиксировано в документах данной семьи. К Ф. неприменимы правила общей орфографии, основанной на фонологическом принципе. Об этом свидетельствует написание таких, напр., Ф., как *Апарин, Апушкин, Ахапкин, Тарапыгин, Пажарский, Карзинкин, Колендарёв, Колошин, Коморовский, Лажечников, Трифанов, Сахоров, Сабакин, Дрождин, Сабашников, Сыроешкин, Калашников, Шапошников, Заболоцкий; Ельцин, Троицин, Платицин, Рожницин, Кормилицин; Дьячёк, Чорный, Щоголев, Щолоков; Цявловский, Цюрупа, Мицюк* и т. п. наряду с *Опарин, Опушкин, Охапкин, Торопыгин, Пожарский* и т. д.

2) Ф. подчиняются изменениям графики: *Бѣлинскій → Белинский, Бѣлецкій → Белецкий, Сѣченовъ → Сеченов, Тредіаковскій → Тредиаковский, Ѳедоровъ → Фёдоров, Ѳедотовъ → Федотов, Цытовичъ → Цытович, Карповичъ → → Карпович* и др.

3) Ф. не подчиняются изменениям орфографии: *Безперчий, Безплемянников, Безпрозванный, Безпрозванных, Безпяткин, Безсмертный, Безсонов, Разсанов, Разсолков, Разсудков, Разсудов; Румянцов, Ивашинцов, Владимирцов, Караченцов; Цыфиркин, Цыфрионович, Цыбульский, Цымбал, Панцырев; Белаго, Живаго, Мертваго, Добраго, Паренаго; Дурново, Недоброво, Плохово, Хитрово, Сухово-Кобылин* и т. п.

4) Ф. не имеют вариантов, в отличие от нарицательной лексики и личных имён. Не вариантами, а отдельными, самостоятельными Ф. являются Ф. типа: *Бениаминов – Беньяминов, Валерианов – Валерьянов, Вениаминов – Веньяминов, Иаковов – Яковов, Касиянов – Касьянов, Филиппов – Филипов – Филлипов, Треди-*

аковский – Тредьяковский, Непиющий – Непьющий, Протодиаконов – Протодьяконов, Шереметев – Шереметьев и др.

Специфический характер орфографии Ф. увеличивает число Ф. и повышает тем самым их смыслоразличительную роль. Я. К. Грот писал: «...следовало бы держаться правила писать фамильные имена исторических деятелей без изменения способа их начертания самими лицами рода» («Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне», 1876). Это относится к любой Ф., независимо от того, является её носитель лицом историческим или нет.

Акцентология Ф. также обладает рядом специфических свойств. Так, нек-рые типы Ф. выделяются особым ударением. Напр., у Ф. на *-овó* окончание представляет собой фонетическую запись окончания прилагательных, пишущегося как *-ого*. Специфически фамильным является перенос ударения на последний слог – *Дурновó* (из *дурной*). Этот старый тип Ф.– нек-рые из них известны с 17 в.– принадлежал нескольким семьям рус. аристократии: *Благовó, Хитровó, Дурновó, Недобровó, Плоховó, Долговó-Сабуров, Петровó-Соловово́, Суховó-Кобылин.*

Другой тип Ф., имеющих специфическое ударение,– Ф. на *-áго*. Ф. с ударным *á* и произносимым *г* в большинстве своём принадлежали дворянским семьям: *Белáго* (из *белый*), *Бурáго, Веселáго, Живáго, Мертвáго, Паренáго, Рыжáго, Смурáго* и нек-рые др.

Специфически фамильное ударение имеют Ф., совпадающие по форме с отчеством, но отличающиеся от него местом ударения, напр.: имя – *Адáм*, отчество – *Адáмович*, фамилия – *Адамóвич*; ср. также *Антонóвич, Войнóвич* (от имени *Вóин*), *Григорóвич, Давидóвич, Данилóвич, Климóвич, Леонóвич, Михайлóвич, Павлóвич, Серафимóвич, Устимóвич, Ходорóвич* (*Хóдор* из *Фёдор*) и др.

Характерной для Ф. акцентологической особенностью является сохранение ударения на основе Ф., совпадающих с апеллятивами (см.): *В. И. Сук – В. И. Сýка* (ср. *сук – сукá*), *Роберт Болт – Роберта Бóлта* (ср. *болт – болтá*), *Ференц Лист – Ференца Лúста* (ср. *лист – листá*), *Пьер Кот – Пьера Кóта* (ср. *кот – котá*), *Андре Жид – Андре Жúда* (ср. *жид – жидá*), *Александр Крот – Александра Крóта* (ср. *крот – кротá*), *Мечислав Гриб – Мечислава Грúба* (ср. *гриб – грибá*).

Склонение Ф. в совр. рус. языке также имеет специфические особенности.

Основная масса Ф., оканчивающихся на *-ов, -ин*, склоняется как притяжательные прилагательные. Остальные Ф. имеют индивидуальные особенности склонения. При этом склонение Ф. подчиняется след. закономерности: если окончание Ф. находится в противоречии с полом носителя Ф., то такая Ф. не склоняется. Так, не склоняются женские Ф., оканчивающиеся на согласный, напр. *Герцен, Фет, Гухман, Каплан, Цейтлин, Рид, Станюкович, Шварцкопф, Жук, Дрозд* – при обязательном склонении соответствующих мужских фамилий. Не склоняются эти Ф. потому, что их мужской морфологический род (окончание на согласный) вступает в противоречие с реальным женским полом носительниц Ф.

Ф., оканчивающиеся на -о, *-е*, не склоняются потому, что окончания ср. рода находятся в противоречии как с мужским, так и с женским полом носителей этих Ф. По этой причине не склоняются и мужские и женские Ф. типа *Горло, Жало, Колено, Рыло, Ремесло, Шило, Масло, Толокно, Варенье, Серебро, Сито; Скобло, Щепилло, Ярыго, Кладо, Кибкало, Зарембо, Димо; Нетте, Витте, Нессельроде, Гедике; Живаго, Мертваго, Дубяго, Паренаго, Веселаго; Дурново, Недоброво, Хитрово, Плохово, Сухово*, а также фамилии на *-ко, -енко* и др.

Ф., оканчивающиеся на *-а, -я*, и мужские и женские, имеют одинаковое склонение, т. к. в рус. грамматической системе существительные на *-а, -я*, относящиеся и к муж. и к жен. роду (*судья, воевода*), и существительные типа *няня, балерина* склоняются одинаково, а слова *мужчина* и *женщина* склоняются одинаково по женской парадигме. Одинаково и по женской парадигме склоняются и мужские и женские Ф. типа *Головня, Шульга, Заверюха, Митта, Кваша, Сапега; Гонзага, Альмавива, Гойя, Гамбетта, Казанова, Капабланка, Коппола, Лорка, Фонда, Рота, Вайда; Джикия, Данелия, Жордания, Лурия; Шенгелая, Гулая; Окуджава, Чикобава, Хорава; Куросава, Акутагава, Хакамада* и др.

К особенностям фамильного склонения относится отсутствие у Ф. 3-го склонения. Ф. типа *Даль, Боль, Соль, Вуаль, Дуэль, Сталь, Шаль, Моль, Форель, Погань, Капель, Рысь, Киноварь* и т. п., когда они принадлежат мужчинам, склоняются как Ф. на согласный (*словарь Даля, корреспонденции Дуэля*), а когда женщинам – не склоняются, как женские Ф. на согласный (*романы госпожи Де Сталь, слова графини Боль*). Так же ведут себя и Ф. типа *Рошаль, Щербань, Бабель, Тынель, Шпинель, Курсель* и т. п.

В 18 и 19 вв. Ф. имели другие типы склонения.

Лит.: Трубачёв О. Н., Из материалов для этимологического словаря фамилий России, в кн.: Этимология. 1966, М., 1968; Калакуцкая Л. П., Склонение фамилий и личных имен в рус. лит. языке, М., 1984; её же, Фамилии. Имена. Отчества, М., 1994; Унбегаун Б. О., Рус. фамилии, пер. с англ., М., 1989; Успенский Б. А., Социальная жизнь рус. фамилий (вместо послесловия), в кн.: Унбегаун Б. О., Рус. фамилии, М., 1989; Morton Benson, Dictionary of Russian personal names. With a revised guide to stress and morphology, Camb., 1992.

Л. П. Калакуцкая.

Фигýры рéчи, риторические фигуры, стилистические фигуры, – в широком смысле: любые языковые средства, включая тропы (см.), придающие речи образность и вырази-

тельность; в узком смысле: синтагматически (см. Синтагматика) образуемые средства выразительности. Ф. р. (в узком смысле) могут быть разделены иа семантические и синтаксические. Семантические Ф. р. образуются соединением слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста. К ним относятся сравнение (см.), климакс, антиклимакс, зевгма, каламбур (см.), антитеза (см.) и оксюморон. Климаксом (восходящей градацией, нарастанием) называется Ф. р., состоящая из двух или более значимых единиц, размещённых по возрастающей интенсивности (*Я вас прошу, я вас очень прошу, я вас умоляю*). Антиклимакс (нисходящая градация) – Ф. р., обратная климаксу, она создаёт комический эффект путём нарушения принципа «нарастания», лежащего в осиове климакса: понятие, объективно незначительное, следует за более значительными понятиями: *«Дама, не боящаяся самого дьявола и даже мыши»* (М. Твен); *Это ложь и не совсем так*. Термин зевгма употребляется в двух значениях: 1) синтаксический приём экономии языковых средств, состоящий в том, что слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами, фигурирует в высказывании только один раз – в начале, в середине или в конце высказывания. Соответственно различают протозевгму (*Один ведёрком черпает, другой – шапкой, третий – горстями*), мезозевгму (*Один – ведёрком, другой шапкой черпает, третий – горстями*), гипозевгму (*Один – ведёрком, другой – шапкой, третий горстями черпает*); 2) Ф. р., создающая юмористический эффект в силу грамматической или семантической разнородности и несовместимости сочетаний, образующихся способом, указанным в 1-м значении: *Он пил чай с женой, с лимоном и с удовольствием; Шёл дождь и три студента, первый – в пальто, второй – в университет, третий – в плохом настроении*. Оксюморон – семантическая Ф. р., состоящая в приписывании понятию несовместимого с этим понятием признака, в сочетании противоположных по смыслу понятий, к-рое представляется абсурдным, но на деле вскрывает противоречивую природу объекта описания: *живой труп, молодые старички, спеши медленно*.

Синтаксические Ф. р. образуются путём особого стилистически значимого построения словосочетания, предложения или группы предложений в тексте. В синтаксических Ф. р. главную роль играет синтаксическая форма, хотя характер стилистического эффекта в значительной мере зависит от лексического (смыслового) наполнения. По количественному составу синтаксических конструкций различаются «фигуры убавления» (эллипсис, см., апосиопеза, просиопеза, апокойиу, асиндетон, т. е. бессоюзная связь) и «фигуры добавления» (повтор, анадиплозис, пролепса, полисиндетон, или многосоюзие).

Апосиопезой (апозиопезисом) называется умышленно не завершённое высказывание (в терминологии старых риторик «фигура умолчания»), напр.: *Вот он вернётся и тогда...* Просиопеза (прозиопезис) – это опущение начальной части высказывания, гл. обр. начального слова в устойчивом словосочетании (напр., употребление отчества *Кузьмич, Лукинична* вместо имени и отчества *Иван Кузьмич, Мария Лукинична*). Апокойну – свойственное разг. речи объединение двух предложений в одно высказывание, содержащее общий член (напр., подлежащее: *Там сидит человек тебя ждёт*).

Анадиплозис (эпаналепсис, подхват) представляет собой Ф. р., построенную таким образом, что слово или группа слов, заключающая сегмент текста (предложение, стихотворную строку), повторяется в начале след. сегмента: *«Придёт оно, большое как глоток,– Глоток воды во время зноя летнего»* (Рождественский). Пролепсой (пролепсисом) называется Ф. р., состоящая в одновременном употреблении существительного и заменяющего его местоимения: *Кофе-то, он горячий; Иванова и Сидорова – этих мы позовём*.

По расположению компонентов синтаксической конструкции выделяют различные виды инверсии (см.). Расширение функции синтаксической конструкции лежит в основе риторического вопроса (см.). На взаимодействии (уподоблении или расподоблении) структур синтаксических конструкций, совместно встречающихся в тексте, основываются параллелизм, хиазм, анафора, эпифора, симплока.

Параллелизм – Ф. р., заключающаяся в тождественности синтаксического строения двух или более смежных отрезков текста: *«В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай...»* (Некрасов). Хиазм образуется «перекрещиваиием», переменой позиций повторяющихся компонентов двух смежных отреэков текста: *Мышка боится Мишки – Мишка боится Мышки*. Хиазм нередко используется в заголовках книг, статей и т. п. («Поэзия грамматики и грамматика поэзии» – Якобсон). Принцип хиазма использован К. Марксом в заглавии его труда «Нищета философии», подвергающего критике «Философию нищеты» П. Ж. Прудона. Анафорой (единоначатием) называется Ф. р., состоящая в повтореиии начальных частей (слова, словосочетания, предложения) двух или более относительно самостоятельных отрезков речи: *«Свалился... А то-то был в силе! Свалился... не минуть и нам...»* (Некрасов). Эпифора противоположна анафоре по позиции повторяющихся элементов, состоит в повторении конечных частей двух или более относительно самостоятельных отрезков речи: *«Не станет нас! А миру хоть бы что. Исчезнет след! А миру хоть бы что»* (Омар Хайям). Симплока образуется сочетанием анафоры и эпифоры: смежные отрезки текста имеют

одинаковые начальные и конечные элементы (*Этот человек сделал всё, чтобы увидеть вас, этот человек специально приехал, чтобы увидеть вас*).

Лит.: Античные теории языка и стиля, под ред. О. М. Фрейденберг, М.–Л., 1936; Рыбникова М. А., Введение в стилистику, М., 1937; Тимофеев Л. И., Теория лит-ры, М., 1948; Винокур Г. О., Избр. работы по рус. языку, М., 1959; Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике рус. языка, 3 изд., М., 1965; Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики, Горький, 1975; Топоров В. Н., Фигуры речи, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

Ю. М. Скребнев.

Филоло́гия (греч. philología, букв.– любовь к слову, от philéō – люблю и lógos – слово) – область гуманитарного знания, имеющая своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа – текст. Ф. характеризуется совокупностью научных дисциплин и их взаимодействием – как общих: языкознание (гл. обр. стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология, так и частных, вспомогательных: палеография, текстология, лингвистическая теория текста, теория дискурса, поэтика, риторика и др.

Истоки европейской филологической традиции. Основные термины Ф. в ходе исторического развития находились в разных отношениях и оппозициях, а само слово «Ф.» имело разный смысл. Ок. 4 в. до н. э. в греч. языке отмечается глагол philologéō ('любить науки, стремиться к учению') и соответствующие ему существительное philología ('любовь к научному рассуждению, к научному спору, учёной беседе') и прилагательное philólogos ('любящий научное рассуждение, спор'), к-рые выступают в оппозиции к глаголу misologéō ('не любить науки и научные споры') и к его производным. Позже у Плотина, Порфирия (3 в.), Прокла (5 в.) слово philólogos ('фило́лог') приобретает специальное значение – 'прилежный к словам, изучающий слова' и при этом часто произносится с ударением на -lógos – philológos ('филоло́г'), чем подчёркивается указанное особое значение, противопоставляющее его слову philósophos ('любящий знание, мудрость – «софию»') и слову фило́логос с прежним ударением, означающему образованного человека вообще.

В эпоху эллинизма (3–1 вв. до н. э.) Ф. становится важной областью учёной деятельности, но собственное название у неё ещё отсутствует (слово *филолог* в том значении, как у Плотина и Порфирия, ещё не существует), учёные-филологи называются grammatikoí ('грамматики, грамматисты'). В Александрии был основан Мусейон (греч.– храм муз), гос. учреждение, находившееся под попечением царя, и Александрийская б-ка, для к-рой приобретались рукописи во всех концах эллинского мира. На основе изучения рукописей александрийские учёные развернули филологическую работу для издания произведений классиков греч. лит-ры (они сличали варианты текстов, отделяли подлинные от приписанных тому или иному автору, устраняли интерполяции, устанавливали наиболее достоверный вариант, комментировали неясные места, устаревшие слова и т. д.). Александрийский филолог Аристофан Византийский (257–180 до н. э.) может считаться основателем научной лексикографии.

С торжеством христианства божественное слово тоже становится предметом внимания «любителей слова, филологов». В эпоху патристики (2–8 вв.) у Ф. два объекта – слово Священного Писания и дискуссии богословов о нём, т. е. «слово о слове». Примером могут служить различные истолкования молитвы Господней («Отче наш») у различных отцов церкви. Рядом со словом philólogos в его новом, филологическом значении появляется и другое – philologéus ('филологеус, учёный-схолиаст') – первоначально у первого исследователя библейского текста Оригена (умер в 253). Т. о. закладывается одна из основных линий позднейшей Ф.– критика библейского текста. С другой стороны, несколько позже, с 9 в., в школах Европы закрепляется цикл из трёх учебных предметов – trivium (букв. 'трёхдорожье'): грамматика, диалектика (начала философии и логики), риторика, что впоследствии привело к созданию семиотики (см.). Эти две линии – библейская критика (первоначальная герменевтика) и тривий (первоначальная семиотика), параллельно развиваясь и отчасти переплетаясь, стали существенными компонентами Ф. 20 в. Однако лишь во 2-й пол. 20 в. исследователи начали обращать внимание на особенности понимания «слова» вообще в культуре средневековья. Этому посвящены работы специального семинара, основанного нем. филологом Ф. Оли, а также его собственная – «О духовном смысле слова в Средние века» (1958; переиздана в 1977) и рус. филолога Л. С. Ковтун на рус. и церк.-слав. материале – «Средневековое понимание слова», «Глоссировка – средневековая лингвистика текста» (1991) и др.

След. этап развития Ф. связан с идеями европейского гуманизма и Возрождения. Едва ли не все религиозные реформаторы Европы были также и филологами, напр. Эразм Роттердамский, Иоганн Рейхлин, Мартин Лютер. Не были чужды Ф. и политические деятели: Макиавелли в Италии пишет «Диалог о языке» (итальянском, или «флорентинском») (1514 или 1522–23), причём делает своим собеседником Данте; Эразм Роттердамский составляет трактат «О правильном произношении греческой и латинской речи» (1528) и т. д.

В эту же пору в круг филологического изучения вовлекается др.-евр. язык, философ Бенедикт (Барух) Спиноза создаёт «Компендиум грамматики древнееврейского языка» (опубл. в 1677)

и включает филологические наблюдения над этим языком в свои философские трактаты.

Р. Декарт и особенно усиленно Г. В. Лейбниц занимаются проблемами искусственного универсального формализованного языка и вопросами семантических определений слов, а девятнадцатилетний И. Ньютон создаёт собственный проект такого языка. В сер. 17 в. появляется и фундаментальная логико-лингвистическая концепция Пор-Рояля во Франции, представленная двумя трудами – «Всеобщей и рациональной грамматикой Пор-Рояля» (1660) и «Логикой» (1662). Но всё это ещё не Ф. в собственном смысле слова. «Грамматика Пор-Рояля» завершает этот период, являясь одновременно – и в последний раз – «рациональной грамматикой» одного – французского – языка, т. е. трудом подлинно филологическим, и «философской грамматикой», стремящейся к формулированию общих, универсальных свойств языка, независимо от его этнической (национальной) формы. Т. о., к кон. 17 в. происходит – в то время ещё не осознанное – расщепление исследований языка: с одной стороны, это языкознание, основанное на принципе «все языки как один язык», применяемом уже в довольно сильно формализованном виде (Декарт, Лейбниц, Ньютон, «философские грамматики»), с другой стороны, анализ того или иного, всегда своеобразного и неповторимого, «этнического» языка и основанных на нём текстов, языкознание, придерживающееся принципа «этот язык – как никакой другой»,– Ф. в собственном смысле. Но завершился этот процесс расщепления лишь столетие спустя. Первая «философская грамматика» Д. Тибо, именно так названная и отличная от «логической грамматики» того или иного конкретного языка, появилась лишь в 1802 во Франции (Thiébault D., «Grammaire philosophique»).

В это же время – первоначально в трудах нем. филолога-классика Ф. А. Вольфа – появляется термин «Ф.» полностью в совр. смысле слова, а затем и его «Энциклопедия филологии», изданная уже посмертно (1830). Вольф определил предмет Ф. (применительно к классической древности, к-рой он сам занимался) достаточно широко: «Совокупность сведений и известий, которые знакомят нас с деяниями и судьбами, с политическим, научным и домашним положением греков и римлян, с их культурой, языками, искусством и наукой, с нравами, религиями, национальным характером и образом мыслей – всё это так, чтобы мы имели возможность дошедшие до нас их произведения основательно понимать и наслаждаться ими, проникая в их содержание и дух, представляя себе древнюю жизнь и сравнивая её с позднейшей и сегодняшней» (Радциг С. И., «Введение в классическую филологию», 1965). Одновременно – и это вытекало уже из его общей программы – Вольф заложил основы новой, вспомогательной дисциплины, получившей в Германии и особенно полное развитие, и само своё терминологическое название – Alterthumswissenschaft или Alterthumskunde, в совр. орфографии Altertumskunde, букв.– ‘исследование древностей’ (его «Лекции о науке о древностях» опубл. в 1833). В таком смысле термин «Ф.», уже как обозначение новой отрасли знаний, быстро утвердился во всех европейских языках. Как всегда чуткий к новому, А. С. Пушкин уже в 1836 употребляет его в своих заметках: «Но все, занимавшиеся русской филологией, никогда [не усумнились] не сумневались {в подлинности Песни о полку Иг.⟨ореве⟩}» (Полное собр. соч., т. 1–17, 1937–59, т. 12, с. 388). В это же время (1829) Ф. Шлейермахер в Германии, опираясь, в частности, на труды Вольфа, закладывает основы новой науки – **герменевтики**, предметом к-рой, по его определению, может быть любой текст – от античных классиков и Священного Писания до дружеской беседы.

Китайская филологическая традиция. Документированная история кит. письменности начинается примерно с 14 в. до н. э. Поскольку основной единицей и создания и толкования текста был иероглиф, то три способа его рассмотрения дали начало трём ветвям кит. Ф. Начертание иероглифа развилось в науку о письменности, к-рая в Китае включает также **этимологию** и **эстетику** исполнения иероглифов. **Значение** иероглифа легло в основу толкования классических текстов и лексикографии. **Произношение** иероглифа породило специфическую кит. фонологию, к-рая остаётся одной из самых динамичных областей кит. Ф. от 1 в. доныне. Существенным открытием в этой области явился метод **фаньце** (вероятно, кон. 2 в.), состоящий в том, что чтение иероглифа передаётся с помощью двух других иероглифов, из к-рых первый передаёт начальный согласный описываемого слога иероглифа, а второй – его вокалическую часть (включая конечный согласный и тон). Метод фаньце открыл новый этап развития кит. Ф. в целом, стали появляться новые комментарии к классическим текстам, в свою очередь инициировавшие составление словарей, исследование рифм и т. д. Кит. языкознание остаётся едва ли не единственным в мире, не утратившим тесных связей с древнейшей традицией Ф.

Индийская Ф. складывается первоначально как изучение и комментирование древнейшего культурного памятника Индии – **Вед**, особенно «Ригведы», сборников священных гимнов, самые старые из к-рых относятся к 15 в. до н. э. К 8–6 вв. до н. э. ритуально законсервированный язык Вед, ведийский язык, а вместе с ним и «реалии» гимнов во многом уже переставали быть понятными и с целью их разъяснения возникли комментарии – **Бра́хманы**. След. этапом явилось создание специальной дисциплины – **ни-**

рукты (nirukta – 'этимологизирование', букв. 'называние имени [бога]', т. е. поиски языковых признаков для правильного отнесения того или иного имени к определённому божеству; нек-рые из них имели по нескольку сотен имён). Самая древняя нирукта приписывается комментатору Яске (Yāska). В это время уже существовала отдельная от нирукты дисциплина вьякарана (vyākarana) – грамматика (букв. 'расчленение, анализ'). Брахманские школы занимаются – каждая – преим. одной к.-л. ведой и создают для себя пособия – пратишакхьи [prātiśākhya, букв. 'для каждой ветви (т. е. брахманской школы)']. Примерно в 5 в. до н. з. появляется «Восьмикнижие» Панини, грамматический труд, заложивший основы совершенно иной языковедческой традиции. С этого времени интенсивно развивается грамматика, но отдельно от неё расцветает поэтика, в зачаточном виде представленная у Панини, а также у Патанджали (2 в. до н. з.). Довольно независимое существование на протяжении столетий этих двух линий составляет особенность инд. Ф. в самой Индии. Инд. Ф. как комплекс дисциплин возникла гл. обр. в Европе, первоначально в трудах нем. филологов-романтиков Ф. Шлегеля, И. Гердера и др. Огромным достижением явилось создание в Петербурге двух фундаментальных словарей др.-инд. языка – т. н. Большого Петербургского О. Бётлингка и Р. Рота (т. 1–7, 1855–75) и Малого Петербургского Бётлингка (т. 1–7, 1878–89), до сих пор остающихся основой санскритской лексикологии.

К кон. 19 – первым десятилетиям 20 вв. в Европе складываются четыре основные школы Ф., характеризующиеся различным конкретным национальным материалом (общим для всех остаётся материал классической древности и Священного Писания) и до нек-рой степени различными традициями подхода к нему.

Немецкая школа Ф. развивает гл. обр. а) германскую Ф. в «классическом» виде, как она была основана братьями Гримм, предмет к-рой – все произведения, связанные со словом: их грамматика, словарь; мифология, народные легенды, сказки и т. д. одного народа; б) «науку о древностях», Altertumskunde – создана многотомная «Реальная энциклопедия классических древностей в алфавитном порядке», основанная А. Ф. Паули и (с 1892 по 1980) переиздаваемая, сначала под руководством Г. Виссова, под названием «Словарь Паули–Виссова»; «Словарь германских древностей» Й. Хоопса [1 изд., т. 1–4, 1911–23; 2-е расширенное изд., с 1973 (продолжающееся)]; в) библейскую критику (преим. в трудах филологов и теологов евангелической ориентации): Штраус Д., «Жизнь Иисуса» (1835; 2 изд., 1864), работы Э. Шюрера, А. Гарнака, Х. Йонаса; работа Р. Бультмана «Новый завет и мифология» (1941) и др.; г) герменевтику с философским уклоном (труды Шлейермахера, В. Дильтея и его ученика Х. Г. Гадамера).

Англосаксонская школа ввела в круг Ф. а) семиотику, благодаря трудам Ч. С. Пирса, к-рые стали широко известны лишь в 20 в., и Ч. Морриса. Три раздела семиотики – семантика, синтактика, прагматика – продолжают соответственно три части ср.-век. тривия – грамматику, диалектику и риторику. Семиотика в её филологическом применении получила развитие не в самой англосаксонской школе, а гл. обр. в России и Эстонии (Тарту); б) направление лингвистической философии (в Великобритании Г. Райл, Дж. Уисдом, Дж. Остин и др.), использующее филологические приёмы как подсобное средство для логического анализа обыденной речи, текст при этом не «охраняется» как ценность и целостность, он разлагается и «перифразируется»; «перифразировка с целью раскрытия внутреннего смысла» (ostentation) – основной приём этой школы. Англосаксонская школа развивала в основном логико-философские проблемы. Однако работы этой школы заложили основу для анализа «текста» в самом широком смысле слова – как обыденных актов речи в обычных ситуациях (в США Хайякава С., «Язык в действии», 1939). Это привело к созданию теории речевых актов, снова смыкающейся с Ф.

Французская школа выработала: а) теорию анализа дискурса (совокупности текстов одной сферы жизни, напр. «политического дискурса», и языкового поведения людей, производящих такие тексты), наиболее полную филологическую концепцию из всех, имеющихся ныне. Она сочетает традиционные для Франции направления – стилистический анализ, «новый психоанализ» (Ж. Лакан) и «идеологический анализ дискурса» (М. Пэшё, Д. Мальдидье, Кл Норман, Р. Робэн и др.). В центре этого подхода – «проблема субъекта» («Я» и «другой», напр. в книге П. Серио «Анализ советского политического дискурса», 1985); б) приёмы толкования художественных текстов («stylistique appliquée», «прикладная стилистика») (работы М. Галлио, П. Гиро и др.), часто с применением семиотики (Р. Барт и др.); в) культурологическое направление сравнительно-исторического языкознания (Бенвенист Э., «Словарь индоевропейских социальных терминов», т. 1–2, 1970, где дан анализ текстов древних индоевропейских языков на совр. уровне). В этом направлении осуществляется синтез исследований «слов» – «концептов» – «вещей» (исторических реалий); подобный подход является аналогом (но на основе совр. методов) нем. направления Altertumskunde.

К франц. школе примыкает бельгийская школа – т. н. Группа μ (от первой буквы греч

слова «метафора») (Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкеиберг и др.), ставящая своей задачей возрождение риторики, к-рая понимается при этом как наиболее общий путь Ф. и лингвистики.

Русская филологическая школа возникает в 18 в. – в трудах М. В. Ломоносова «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743) и «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758), из к-рых первый близок к идеям Пор-Рояля, а второй представляет собой оригинальное филологическое произведение. Определяющим для рус. Ф. долгое время оставался лексикографический подход («Филологические разыскания» Я. Грота, 1873; цикл исследований М. М. Покровского, с 1891, на материале гл. обр. лат. и греч. языков). Покровский (наряду с М. Бреалем) основал историческую семасиологию как науку об исторических изменениях значений слов; им же сформулированы нек-рые основные законы этих изменений, в частности важный для культурологических исследований закон о разделении и о взаимодействии двух семантических сфер – «сферы вещей» (им исследованы понятия «ярмарки», «рынка», «родственных отношений» и др.) и «сферы представлений» (ср. аналогичный подход в работах Бенвениста).

В кон. 19 – нач. 20 вв. создаётся школа рус. античной («классической») Ф., представленная трудами Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Зелинского и позже С. И. Соболевского.

Укреплению «филологического цикла» дисциплин как некоего целого способствовали не только историко-филологические факультеты Московского и других ун-тов, но и специфические явления культурной жизни России – особое «женское образование»: в последней трети 19 в. создаются Высшие женские курсы – с 1872 Курсы В. И. Герье в Москве, с 1878 – т. н. Бестужевские курсы в С.-Петербурге (к 1910 в России было ок. 15 высших женских курсов) – с историко-филологическим факультетом. Эту традицию продолжили ИФЛИ (Ин-ты истории, философии, лит-ры) в Москве (1931–41) и Ленинграде (1931–37). Ф. имеет в России сравнительно со многими другими странами наиболее устойчивый статус.

Совр. Ф. в России характеризуется след. основными направлениями: а) традиционное толкование художественных текстов, представленное школой А. Н. Веселовского, трудами В. Ф. Шишмарёва (романская и особенно франц. Ф.), В. М. Жирмунского (нем. и рус. Ф.), В. В. Виноградова (рус. Ф.), Г. О. Винокура (рус. Ф.), а также нек-рыми работами Л. В. Щербы, близкими по идеям к франц. школе (напр., «Опыты лингвистического толкования стихотворений», 1922–36), и Г. В. Степанова (испанистика, русистика); б) семиотический подход – работы А. Белого «Поэзия слова» (1922) и Б. А. Ларина «О лирике как разновидности художественной речи» (1927), Ю. М. Лотмана и других представителей т. н. Тартуской школы, и др.; в) лингвистика текста – работы С. И. Гиндина, Т. М. Николаевой, М. И. Шапира и др., работы Н. Н. Казанского, в к-рых дан синтез текстового и традиционного филологического анализа на античном материале; г) концептуальный анализ терминов духовной культуры – работы Н. И. Толстого, Ю. С. Степанова, В. Н. Топорова, а также Н. Д. Арутюновой и руководимой ею группы «Логического анализа языка»; д) герменевтика с историко-философским уклоном (близкая по установкам к германской школе герменевтики) – работы А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева, В. И. Постоваловой, М. К. Трофимовой, на оригинальном слав. материале – работы Е. М. Верещагина и руководимых им «Кирилло-Мефодиевских чтений»; е) сопоставительная стилистика – работы И. Р. Гальперина, А. Д. Швейцера и др.; ж) оригинальное направление, основанное на понятии «языковой личности», представленное работами Ю. Н. Караулова.

Издаются коллективные филологические труды: «А. Ф. Лосев и культура XX века. Лосевские чтения» (1991); «Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г. В. Степанова» (1990); серия «Логический анализ языка», выпуск «Культурные концепты» (1991) и др.

Совр. Ф. стремится к «партикуляризму», основанному на принципе «каждый язык – как никакой другой»; т. о., в отличие от языкознания, нет «универсальной, или общей, Ф.», но есть единство разных Ф.

Лит.: Зелинский Ф. Ф., Филология, в кн.: Новый энциклопедический словарь, изд Брокгауза и Ефрона, полутом 70, М., 1902; Ларин Б. А., Об изучении и переводах др.-инд. поэтики, в кн.: Романо-германская филология, [Л], 1957; Радциг С. И.,Введение в классическую филологию. [Учебник для ун-тов], М., 1965; Трофимова М. К., Историко-философские вопросы гностицизма, М., 1979; Лихачев Д. С., Поэтика др.-рус. лит-ры, 3 изд., М., 1979; его же, Текстология. На материале рус. лит-ры X–XVII вв., 2 изд., Л., 1983; Перельмутер И А., Философские школы эпохи эллинизма, в кн.: История лингвистических учений. Древний мир, Л., 1980; Винокур Г. О., Введение в изучение филол. наук. (Выпуск первый. Задачи филологии), в кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1978, М., 1981; Семиотика. [Сб. ст. Переводы], М., 1983; Общая риторика, пер. с франц., М., 1986; Бокадорова Н. Ю., Франц. лингвистическая традиция XVIII – нач. XIX века Структура знания о языке, М., 1987; Гадамер Г.-Г., Истина и метод. Основы философской герменевтики, пер. с нем., М., 1988; Софронов М. В., Кит. языкознание в 50–80-х гг., в кн.: НЗЛ, в. 22 – Языкознание в Китае, М., 1989; Елизаренкова Т. Я., «Ригведа» – великое начало инд. лит-ры и культуры, в кн.: Ригведа Мандалы I–IV. Лит. памятники, М., 1989; Калыгин В. П., Королёв А. А., Введение в кельтскую филологию, М., 1989; Барт Р., Избр. работы Семиотика. Поэтика, пер. с франц., М., 1989, Ковтун Л. С., Языкознание у вост. славян в 11–15 вв., в кн.: История лингвистических учений. Позднее Средневековье, СПБ, 1991; Епископ Феофан [Гово-

ров Г. В.], Путь к спасению. Истолкование молитвы Господней словами святых отцов, М., 1991 (репринт изд. 1908); Степанов Ю. С., Слово, «Philologica», 1994, т. 1, № 1–2; Schleiermacher F., Ueber den Begriff der Hermeneutik mit Bezug auf F. A. Wolf's Andeutungen und Ast's Lehrbuch [1829], in: Friedrich Schleiermacher's Sämtliche Werke, 3 Abt., Bd 3, B., 1835; Wolf F.-A., Encyklopedie der Philologie, Leipzig, 1830; его же, Vorlesungen über die Alterthumswissenschaft, Leipzig, 1833; Wilamowitz-Moelendorf U. von, Geschichte der Philologie, 3 Aufl., Leipzig, 1959; Galliot M., Commentaires de textes français modernes. Grammaire et Stylistique appliquée. Licence – CAPES – Agrégation, P., 1965; Maldidier D., Normand Cl., Robin R., Discours et idéologie: quelques bases pour une recherche, «Langue française», 1972, № 15; Ohly F., Schriften zur mittelalterlichen Bedeutungsforschung, Darmstadt, 1977; Kress D., Hodge R., Language as Ideology, L.–Boston – Henley, 1979; Sériot P., Analyse du discours politique soviétique, P., 1985.

Ю. С. Степанов.

Фле́ксия – то же, что окончание.

Фоне́ма (от греч. phṓnēma – звук) – кратчайшая линейно выделяемая языковая единица, представленная в речи рядом чередующихся звуков, обусловленных фонетическими позициями, и служащая для отождествления и различения слов и морфем.

В корне словоформ *вода* – [*ва^{ъ}да́*], *вод* – [*в°от*] на одном и том же месте произносятся разные звуки: [*в*‖*в°*], [*а^{ъ}*‖*о*], [*д*‖*т*]. Однако говорящие обычно этой разницы не замечают: Ф. существуют в языковом сознании как единые комплексы звуков. Поэтому фонемный состав этого корня один и тот же: ⟨*вод-а*⟩, ⟨*вод*⟩.

В словах *мир, мирок, мировой* Ф. ⟨*и*⟩ реализована разными звуками: ударный [*и*] длительней безударного и произносится при более верхнем положении языка: *м*[*и*]*р*, *м*[*и^{э}*]*ро́к*, *м*[*и^{э}*]*рово́й*. Для русских эта разница незаметна. Англичане же легко различают [*i*] и [*ɪ*] в таких словах, как *read* [*ri:d*] (читать) и *rid* [*rɪd*] (освобождать), *scene* [*si:n*] (сцена) и *sin* [*sɪn*] (грех), *wheel* [*wi:l*] (колесо) и *will* [*wɪl*] (воля). В англ. языке [*i:*] и [*ɪ*] – представители разных Ф., в рус. языке подобные звуки [*и:*] и [*и^{э}*] в корне *мир* объединяются в одну Ф. Разные звуки, выступающие в одной и той же позиции, относятся к разным Ф. (в англ. языке и [*i:*] и [*ɪ*] могут быть под ударением перед одними и теми же согласными). Разные звуки, не встречающиеся в одной и той же позиции, а обусловленные разными позициями, т. е. находящиеся в дополнительном распределении, могут представлять одну и ту же Ф. (в рус. языке [*и:*] бывает только под ударением, [*и^{э}*] – только без ударения). Следовательно, не степень акустической или артикуляционной близости звуков определяет, к одной или к разным Ф. они относятся, а их позиционное поведение.

Одна из основных функций Ф. – перцептивная (от лат. perceptio – восприятие) – способствовать отождествлению одних и тех же слов и морфем. Так, корень в формах местоимения *мой, моя, моего* один и тот же, т. к. он имеет одно и то же значение и одинаковый фонемный состав. При этом каждая Ф. представлена разными позиционно чередующимися звуками, в т. ч. и нулём звука: *мой* – ⟨*мој-ø*⟩ – [*м°оц̑*], *моя* – ⟨*мој-а*⟩ – [*ма^{ъ}ј-а́*], *моего* – ⟨*мој-ово*⟩ – [*мъ-и^{э}во́*].

Другая функция Ф.– различать слова, морфемы. Слова *дом, том, сом, ром, ком, лом* различаются звуками [*д*], [*т*], [*с*], [*р*], [*к*], [*л*], представляющими разные Ф. В словах *бар, бор, бур* звуки [*а*], [*о*], [*у*] – представители Ф. ⟨*а*⟩, ⟨*о*⟩, ⟨*у*⟩, различающих эти слова. Эта функция Ф. называется сигнификативной (от лат. significare – обозначать), или смыслоразличительной.

Не все звуки, к-рыми слова различаются, принадлежат разным Ф. Так, в словах *сода* и *сада* две пары разных звуков: [*с°*] огублённый – [*с*] неогублённый и [*о*] – [*а*]. Но эти соответствия между звуками неравноценны. Ударные [*о*], [*а*] могут быть единственными различителями слов: *о́да* – *а́да*, *о́хать* – *а́хать*, *о́стры* – *а́стры*. Поэтому ударные звуки [*о*], [*а*] – представители Ф. ⟨*о*⟩, ⟨*а*⟩. Звуки же [*с°*], [*с*] никогда не бывают единственными различителями слов. Выбор этих звуков всегда обусловлен позицией – след. гласным. Поэтому звуки [*с°*], [*с*] представляют одну и ту же Ф. ⟨*с*⟩. Различие между [*с°*] и [*с*] – только «отблеск» основного различия между [*о*] и [*а*].

Понимание Ф. различно в разных фонологических школах. С точки зрения Московской фонологической школы (см.) (ниже МФШ) Ф. представлена всем рядом позиционно чередующихся звуков. Среди них могут быть звуки, очень далёкие друг от друга акустически и артикуляционно, в т. ч. и нуль звука. Весь этот ряд (множество) звуков может принадлежать одной Ф., напр. звуки, воплощающие ⟨*р*⟩: [*р*] – *смотра*, [*р°*] – *смотру*, [*р̥*] – *смотр*. У нек-рых Ф. множества позиционно чередующихся звуков могут пересекаться. У этих Ф. в позициях их нейтрализации (см. Позиция фонологическая) выступает общая часть позиционно чередующихся звуков. Так, ⟨*т*⟩ и ⟨*д*⟩ в сигнификативно сильных позициях представлены звуками, воплощающими только каждую из этих Ф. (⟨*т*⟩: [*т*] – *от окна*, [*т°*] – *от о́кон*, [*т^{н}*] – *от нас*, [*т͡л*] – *от лапы*; ⟨*д*⟩: [*д*] – *над окном*, [*д°*] – *над о́кнами*, [*д^{н}*] – *над нами*, [*д͡л*] – *над лапой*), а в сигнификативно слабых позициях – звуками, общими для них ([*т*] – *от пара, над паром*, [*д*] – *от быка, над быком*, [*т̦*] – *от той, над той*, [*д̦*] – *от дома, над домом*, [*ц*] – *от сыра, над сыром*, [*д͡з*] – *от замка, над замком*, [*ч*] – *от шубы, над шубой*, [*д͡ж*] – *от жира, над жиром*, [*ч'*] – *от щита, над щитом* и др.). Чтобы узнать, к какой Ф. относится звук сигнификативно слабой

позиции, необходимо соотнести его со звуком, выступающим в той же морфеме в сигнификативно сильной позиции: *кро*[*m*] – *кро*[*m*]*á* – ⟨*m*⟩, *бро*[*m*] – *бро́*[*д*]*а* – ⟨*д*⟩. Р. И. Аванесов назвал фонетическую единицу, представленную звуками сигнификативно сильных позиций, сильной Ф., единицу, представленную звуками сигнификативно слабых позиций, – слабой Ф., а их функциональное единство – фонемным рядом. Общую часть нейтрализованных Ф. называют архифонемой [термин предложен Пражской фонологической школой (см. Пражская лингвистическая школа), ниже ПФШ].

Все множества позиционно чередующихся звуков, воплощающие Ф. данного языка, устанавливаются анализом всех его морфем в разных словах и словоформах. В конкретных же морфемах обычно бывают представлены лишь части этих множеств. В нек-рых морфемах встречаются только звуки, относящиеся к общей части двух или нескольких нейтрализованных Ф. Так, первый гласный корня слов *собака, собаковод* [$a^ъ$||ъ] не бывает под ударением в однокоренных словах. Эти позиционно чередующиеся звуки могут быть представителями только Ф. ⟨*о*⟩, ⟨*а*⟩, но какой из этих Ф., решить здесь невозможно. В этом случае выступает гиперфонема ⟨$\frac{o}{a}$⟩: *с*⟨$\frac{o}{a}$⟩*бака, с*⟨$\frac{o}{a}$⟩*баковод*. Иногда проверка позволяет ограничить круг Ф., нейтрализующихся в сигнификативно слабой позиции, но не выявляет единственно возможную из них. Напр., в слове *лéбедь* заударный гласный [$и^э$] может соответствовать Ф. ⟨*и*⟩, ⟨*э*⟩, ⟨*о*⟩, ⟨*а*⟩. Проверка двоякая: *леб*[*'ó*]*дка* и *леб*[*'á*]*жий*, преимуществ ни у одной из них нет. Поэтому фонематическая транскрипция этого слова ⟨*л'эб'*$\frac{o}{a}$*д'*⟩. Гиперфонема – это архифонема (слабая Ф.), не приводимая в данной морфеме однозначно к одной из нейтрализованных Ф.

С точки зрения Пражской фонологической школы, Ф.– совокупность, пучок дифференциальных признаков (ДП), устанавливаемых на основании оппозиции данной Ф. другим Ф. языка и обусловленных фонетическими признаками звуков, представляющих эту Ф. Так, Ф. ⟨*m*⟩ – зубная, взрывная, глухая, твёрдая, т. к. она противопоставляется в одних и тех же позициях только по одному из этих признаков губной Ф. ⟨*n*⟩ и заднеязычной Ф. ⟨*к*⟩, щелевой Ф. ⟨*с*⟩ и аффрикате ⟨*ц*⟩, звонкой Ф. ⟨*д*⟩, мягкой Ф. ⟨*m'*⟩: [*m*]*ам* – [*n*]*ар*, [*к*]*ак*; [*с*]*ам*, [*ц*]*арь*; [*д*]*ам*; [*m'*]*яжесть*. ДП – признаки необходимые и достаточные для определения данной Ф., т. е. отграничения её от других Ф. в сигнификативно сильных позициях. Признаки звуков, представляющих данную Ф., не участвующие в противопоставлении её другим Ф., называются интегральными (ИП). Таковы, напр., лабиализованность [m^o] ([m^o]*ок*), фарингальность взрыва [$m^н$] (*по*[$m^н$]*ный*), аффрикатность с боковой щелью [$\widehat{тл}$] (*ме*[$\widehat{тл}$]*ла*) – признаки не самостоятельные, а целиком зависящие от позиции Ф.

Наборы ДП не одинаковы у разных Ф. Так, Ф. ⟨*ц*⟩, к-рую могут представлять в разных позициях и глухой [*ц*] (*оте*[*ц*]) и звонкий [$\widehat{дз}$] (*оте*[$\widehat{дз}$] *дал*), не имеет коррелятивной пары по глухости/звонкости. Поэтому в набор её ДП не входит этот признак. Он – ИП звуков [*ц*||$\widehat{дз}$], воплощающих ⟨*ц*⟩.

В позициях нейтрализации, где оппозиция парных Ф., противопоставленных по одному ДП, снимается, выступает архифонема, которая обладает меньшим набором ДП, чем соответствующие ей парные Ф.: признак, по к-рому противопоставлены нейтрализующиеся Ф., у архифонемы отсутствует.

С точки зрения Ленинградской (Петербургской) фонологической школы (см.) (ниже ЛФШ) Ф. представляют собой непересекающиеся множества звуков (аллофонов). Каждая Ф. имеет свой набор аллофонов, отличный от набора аллофонов любой другой Ф. Нейтрализация Ф. отвергается и рассматривается как неупотребительность нек-рых Ф. в данных позициях. Так, фонемный состав словоформ *вода, вод* – ⟨*вада*⟩, ⟨*вот*⟩. Одни и те же ДП характеризуют все Ф. данного класса во всех позициях. Ф. ⟨*ц*⟩ – глухая, т. к. глухость/звонкость характеризует и другие согласные.

Различия во взглядах на Ф. отражаются на фонематической транскрипции: *стог* [*ст°ок*], ⟨*сток*⟩, по ЛФШ; ⟨$\frac{с}{з}$*тог*⟩, по МФШ, выделяющей кроме Ф. и гиперфонемы; ⟨*сзтокг*⟩ и ⟨{$с^з т$}*ог*⟩, по Аванесову, различающему сильные и слабые Ф. в словофонематической транскрипции и выделяющему сочетания согласных с общим признаком в морфофонематической транскрипции; ⟨*СтоК*⟩, по ПФШ, выделяющей кроме Ф. и архифонемы.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, [М.], 1956; его же, Рус. лит. и диалектная фонетика, М., 1974; Трубецкой Н. С., Основы фонологии, пер. с нем., М., 1960; Щерба Л. В., Фонетика франц. языка. Очерк франц. произношения в сравнении с русским, 7 изд., М., 1963; Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; его же, Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1979; его же, Фонетика, в кн.: Совр. рус. язык, под ред. В. А. Белошапковой, 2 изд., М., 1989; Реформатский А. А., Из истории отечественной фонологии, М., 1970; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, 2 изд., М., 1979.

Л. Л. Касаткин.

Фоне́тика (от греч. phōnētikós – звуковой, голосовой, phōnḗ – звук) – раздел языкознания, изучающий звуковые средства языка. Существуют различные определения предмета Ф.: при узком понимании предметом Ф. считают только способы звукового оформления значимых единиц языка – морфем, слов (Р. И. Аванесов, А. А. Реформат-

ский); при широком понимании в сферу изучения Ф. включают и интонационные средства языка (М. И. Матусевич, А. Н. Гвоздев, М. В. Панов); наконец, существует точка зрения, согласно к-рой предметом Ф. являются и способы обозначения на письме звуковых единиц (графика), и правила написания значимых единиц (орфография) – Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер.

Особое положение Ф. как науки определяется тем, что она занимается изучением таких единиц, природа к-рых материальна. С одной стороны, эти единицы лишены самостоятельного значения (звуки речи, слоги, ударение) или же обладают очень специфическим значением (разные интонационные типы); с другой стороны, эти единицы и являются необходимым условием существования значимых единиц языка: говорим ли мы о морфеме, слове, фразе или целом высказывании, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о средствах их материальной реализации. Т. о., фонетические единицы, с одной стороны, противопоставлены другим языковым единицам как материальные – идеальным, с другой стороны, обеспечивают их материальную реализацию.

Фонетическое изучение звуковых средств подразумевает выявление основных единиц, описание их фонетических свойств и правил их употребления в языке. Основные фонетические единицы – звук речи (см. Звуки речи), слог (см.), фонетическое слово (т. е. самостоятельное слово с примыкающими к нему служебными словами, объединённые одним ударением: *на горé*, *пóд гору*), синтагма (см.), высказывание (см.). Выделение этих единиц имеет различные основания. Так, звуки речи выделяются в результате фонемного анализа, синтагмы и высказывания – в результате анализа смысловых и интонационных отношений, слог и фонетическое слово – на собственно фонетических, не смысловых основаниях.

Как специальная научная дисциплина Ф. первоначально рассматривала физиологические характеристики звуков речи; в дальнейшем начинают исследовать и особенности звучания (акустика речи), а также и особенности восприятия фонетических единиц человеческим ухом (психоакустика и психофонетика). Все эти три аспекта – физиологический, акустический и психологический – основаны на непосредственном наблюдении, поэтому их развитие тесно связано с разработкой специальных методов исследования. Первоначально это были субъективные наблюдения исследователя, определяющего путём анализа собственных мускульных ощущений особенности артикуляции отдельно произносимого звука; постепенно развиваются и методы объективного анализа: сейчас для исследования артикуляционных характеристик широко применяются технически совершенные методы комплексной регистрации движений артикуляционных органов, кинорентгеносъёмки речевого тракта во время произнесения тех или других звуковых последовательностей, разнообразные способы регистрации мышечных потенциалов, возникающих во время речи. Для анализа акустических свойств звуковых единиц используется специальная спектроанализирующая аппаратура, широко применяются компьютеры.

Развитие вычислительной техники позволило проводить разнообразные экспериментально-фонетические исследования при помощи компьютеров. Первые работы такого рода производились на больших вычислительных машинах и требовали довольно сложной подготовки исходного материала перед его анализом. В настоящее время персональный компьютер заменяет фонетисту-исследователю большую экспериментальную лабораторию. Поскольку компьютер работает с цифрами, для обработки звуков необходимо представить их в цифровом виде. Этот этап называется аналого-цифровым преобразованием или оцифровкой речевого сигнала. Для оцифровки используются специальные устройства – аналого-цифровые преобразователи, при помощи к-рых звуковая волна превращается в набор цифровых показателей. Аналого-цифровой преобразователь разбивает весь период на очень короткие кусочки (квантует сигнал) и измеряет амплитуду в каждом из этих кусочков с большой точностью. Частота дискретизации (т. е. величина шага, разбивающего сигнал на отдельные кусочки) и число градаций при измерении интенсивности на каждом из этих кусочков в каждом из преобразователей могут быть различны, но эти сведения обязательно указываются при характеристике анализирующей системы. Преимущество компьютера заключается в том, что он позволяет использовать специальные программы обработки больших массивов данных. Такие программы как бы моделируют работу аналоговой техники, применяемой при акустическом анализе. При помощи этих программ можно получать мгновенные значения спектра, динамические спектрограммы и осциллограммы, вычленять из звуковой последовательности отдельные звуки, модифицировать их громкость, переставлять в другое место этой же последовательности или к.-л. иной и т. д. Результаты акустических обработок выводятся на дисплей и могут быть выведены на печатающее устройство. Очень важно, что после всех модификаций и измерений звука, представленного в цифровом виде, можно опять перевести его в аналоговую форму и прослушать.

В настоящее время существуют самые разнообразные пакеты исследовательских программ, обеспечивающих высококачественный анализ звуков речи. Возможности компьютеров в этом отношении кажутся просто неограниченными, и уже возник особый круг проблем, связанных с компьютерным представлением речи для теоретических и прикладных исследований. Напр., существуют системы компьютерного представления

данных о функциональных и фонетических свойствах звуковых единиц, обеспечивающие возможность хранения, исследования большого фактического материала и обмена данными при необходимости их применения в разных исследовательских группах.

Исследование особенностей восприятия звуковых единиц проводится на основе применения специальных приборов, позволяющих выделить из магнитных записей непрерывной речи сегменты разной длительности; разработана специальная методика синтеза речи, т. е. создания речеподобных звуков искусственным путём, без участия человека. Характеристики таких синтезированных звуков или звукосочетаний могут изменяться под контролем исследователя, что даёт возможность оценить роль этих характеристик при восприятии их человеком.

Раздел Ф., изучающий объективные свойства звуковых единиц при помощи специальных методов, называют экспериментальной или инструментальной Ф.

Важным аспектом Ф. является описательная Ф., предмет рассмотрения к-рой – основные закономерности употребления различных звуковых единиц при оформлении значимых единиц языка: напр., распределение ударения в словах различных типов, чередования гласных и согласных, звуковые характеристики морфем и т. д. Сюда же относится и исследование сочетаемости звуковых единиц, основанное на статистическом обследовании текстов.

Специальным аспектом Ф. является историческая Ф., предмет изучения к-рой – изменения в фонетическом оформлении значимых единиц, происходящие в истории конкретного языка. Т. к. при историческом подходе к фонетическим явлениям мы имеем дело или с письменными памятниками, или с реконструкциями, сфера рассмотрения звуковых явлений при таком подходе сужена только описательным методом – мы не можем говорить ни о точных артикуляционно-акустических или перцептивных характеристиках звуковых единиц, ни об интонационных особенностях.

Существует также общая Ф., занимающаяся изучением закономерностей, действующих в звуковых системах различных языков и являющаяся основой для фонетического анализа любого конкретного языка.

Наиболее сложный вопрос – о соотношении Ф. и фонологии (см.). Существуют две противоположные точки зрения: согласно одной из них, Ф. как наука, исследующая материальные явления (артикуляция, акустика звуков речи), вообще не может считаться лингвистической дисциплиной и по отношению к фонологии – науке, изучающей функции звуковых единиц,– должна рассматриваться лишь как способ описания нек-рых характеристик, используемых в фонологии. Крайним выражением такой точки зрения является утверждение о случайности именно звуковой формы для существования языка (С. К. Шаумян).

Согласно другой точке зрения, Ф. и фонология, являясь разделами лингвистического анализа языка, не только существенно дополняют друг друга, но и вообще существуют только в неразрывной связи: для фонетического описания совершенно необходим фонологический подход, к-рый является основным критерием для выделения ряда фонетических единиц – таких, напр., как звук речи: с собственно фонетической точки зрения минимальной произносительной единицей является слог, а разбиение его на последовательность звуков есть результат наших фонологических представлений; с другой стороны, фонологические построения только тогда могут считаться приближающимися к реально существующей в языке ситуации, когда они основаны на достоверных и непротиворечивых фонетических фактах. Имеется большое количество работ, посвящённых описанию звуковой системы рус. языка с разных точек зрения – и с экспериментально-фонетической, и с описательной, и с исторической.

Изучение Ф. рус. языка имеет более чем двухвековую историю и началось с трудов В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, рассматривавших особенности рус. звуковой системы, соотношение между написанием и произношением, особенности живых фонетических чередований, правила слогоделения и т. д. Большое значение имели наблюдения Я. К. Грота и О. Н. Бётлингка, касающиеся влияния мягких согласных на соседние гласные. Тонкий и точный фонетический анализ дан в работах А. А. Потебни, А. И. Томсона, В. А. Богородицкого. Впервые в истории языкознания И. А. Бодуэн де Куртенэ пришёл к представлениям о лингвистической значимости звуковых единиц – фонем (см.). Экспериментально-фонетические исследования проводились в России с самого начала возникновения этого метода – работы Богородицкого, Томсона, Щербы, посвящённые фонетическому анализу рус. языка, не потеряли своего значения и ныне.

Отечественное языкознание характеризуется определёнными достижениями в области Ф. рус. языка – работы Аванесова, посвящённые и Ф. и орфоэпии (см.) рус. языка, работы Щербы, Матусевич, Гвоздева, Панова, Реформатского, Л. Л. Буланина и др. Широко развернулось экспериментально-фонетическое исследование разных элементов звукового строя языка, как его лит. формы, так и диалектов.

Лит.: Богородицкий В. А., Фонетика рус. языка в свете экспериментальных данных, Каз., 1930, Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, [М.], 1956, его же, Рус. лит. произношение, 5 изд., М., 1972; его же, Рус. лит. и диалектная фонетика, М., 1974; Матусевич М. И., Введение в общую фонетику, 3 изд., М., 1959; её же, Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1976; Щерба Л. В., Матусевич М. И., Фонетика, в кн.: Грамматика рус. языка, М., 1960;

Сапожков М. А., Речевой сигнал в кибернетике и связи, М., 1963; Гвоздев А. Н., Избр. работы по орфографии и фонетике, М., 1963; Скалозуб Л. Г., Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем рус. лит. языка, К., 1963; её же, Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографирования), К., 1979; Речь. Артикуляция и восприятие, под ред. В. А. Кожевникова, Л. А. Чистович, М.–Л., 1965; Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967; Экспериментально-фонетическое изучение рус. говоров, М., 1969; Буланин Л. Л., Фонетика совр. рус. языка, М., 1970; Зубкова Л. Г., Фонетическая реализация консонантных противоположений в рус. языке, М., 1974; Бондарко Л. В., Звуковой строй совр. рус. языка, М., 1977; её же, Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи, Л., 1981; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация рус. речи, 3 изд., М., 1977; [её же], Интонация, в кн.: Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, 2 изд., М., 1979, его же, Очерк общей теории письма, Л., 1987; Панов М. В., Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1979; Златоустова Л. В., Фонетические единицы рус. речи, М., 1981; Динамические спектры речевых сигналов, под ред. М. В. Деркача, Львов, 1983; Щерба Л. В., Рус. гласные в качественном и количественном отношении, Л., 1983, с. 6; Экспериментально-фонетический анализ речи. Проблемы и методы, в. 1–2, Л., 1984–89; Сорокин В. Н., Теория речеобразования, М., 1985; Интерференция звуковых систем, под ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой, Л., 1987; Фонетика спонтанной речи, под ред. Н. Д. Светозаровой, Л., 1988; Ганиев Ж. В., Рус. язык. Фонетика и орфоэпия, М., 1990; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Основы общей фонетики, СПБ, 1991; Логинова И. М., Описание фонетики рус. языка как иностранного, М., 1992.

Л. В. Бондарко.

Фоноло́гия (от греч. phōnḗ – звук и lógos – слово, учение) – раздел языкознания, изучающий звуковой строй языка в его современном состоянии (синхроническая Ф.) и в истории (диахроническая, или историческая, Ф.). В отличие от фонетики (см.), изучающей речь в её артикуляционно-акустическом аспекте, Ф. сосредоточивается не на физических, а на функциональных характеристиках звуковых единиц, но термин «фонетика» как более старый иногда употребляется как родовой, покрывая и то, что относится к Ф. Подобно другим терминам, обозначающим разделы языкознания, термин «Ф.» одновременно означает и определённый фрагмент (ярус) языковой системы, т. е. применяется и к объекту изучения, и к его научной модели.

Ф. охватывает явления, относимые к двум подуровням звукового строя – сегментному и суперсегментному, в связи с чем иногда говорят о сегментной и суперсегментной Ф. Сегментная Ф. имеет дело с обобщёнными отрезками (сегментами) речевой цепи, получаемыми в результате её последовательного линейного членения (физически не всегда очевидного, а потому в известной мере условного). Базисная единица сегментной Ф. – ф о н е м а (см.), реализующаяся в речи в виде конкретных звуков (аллофонов); большинство языков, в т. ч. русский, описывается в терминах фонем, но есть языки, для к-рых базисной признаётся более сложная единица звукового строя – силлабема (морфосиллабема), фонетически эквивалентная слогу в фонемных языках (таковы, напр., языки Юго-Вост. Азии – китайский, бирманский и др.).

Сегментные единицы (фонемы и звуки) описываются комплексами (матрицами) различительных признаков, представляющих собой обобщение конкретных артикуляционных и/или акустических свойств, набор к-рых для каждого языка должен устанавливаться посредством особой процедуры фонемной идентификации, предполагающей разделение признаков на дифференциальные (независимые) и интегральные (автоматически предсказываемые). Это разграничение связано с положением фонем в с и с т е м е (фонологическая парадигматика), где они находятся в отношении противопоставления (оппозиции): дифференциальные признаки обеспечивают противопоставленность фонем, интегральные в этой функции не используются, но создают почву для потенциальной оппозиции. Напр., в рус. лит. языке глухость ⟨*к*⟩ является её дифференциальным признаком, противопоставляющим ⟨*к*⟩ – ⟨*г*⟩ (звонкой фонеме), т. е. комбинация признаков «заднеязычность+смычность» в рус. языке допускает выбор между глухостью ⟨*к*⟩ и звонкостью ⟨*г*⟩, а это значит, что глухость/звонкость – независимые (дифференциальные) свойства. Напротив, комбинация признаков «заднеязычность+щелинность» однозначно предсказывает в рус. лит. языке признак глухости (⟨*х*⟩), т. к. ⟨*х*⟩ не имеет своей пары по звонкости, т. е. для этой фонемы признак глухости – интегральный. В таких случаях говорят о наличии п у с т о й к л е т к и в системе – клетки, к-рая могла бы быть занята фонемой ⟨γ⟩; оппозиция ⟨*х*⟩:⟨γ⟩ хотя и отсутствует в рус. лит. языке, но и является потенциальной с точки зрения «логики системы».

Фонемная идентификация предполагает также второй тип разграничения признаков – инвариантные (собственно фонемные) и позиционные (вариативные). Это разграничение связано с положением фонем в т е к с т е (в составе более крупных единиц – слогов, фонетических слов, являющихся непосредственным контекстом фонем), где они находятся в отношении контраста. При этом полезно различать контекст (аспект) функционирования и контекст (аспект) реализации фонем. Инвариантные признаки присущи фонеме как функциональной единице и устанавливаются относительно контекста её функционирования, тогда как позиционные признаки отражают модификации, к-рым подвергается фонема в контекстах реализации. Контекстом функционирования для фонемы является морфема (см.) и морфологическое слово (словоформа), в составе к-рых фонема выполняет свою главную функцию – дистинктивную, т. е. функцию опознавания и различения морфем и слов. Инвариантные признаки фонем выводятся на основании тождества морфем в их конкретных употреблениях в

виде морфов. Напр., морфема, представленная в словоформах *луг – луга* морфами [*лук*] – [*лу́гъ*], получит инвариантное представление ⟨*луг*⟩, в отличие от морфемы в паре *лук – лука*, где она предстанет в виде ⟨*лук*⟩. Отождествление морфов [*лук*] и [*луг-*] как фонетических проявлений одной и той же морфемы позволяет трактовать звуки [*к*] и [*г*] в этом случае как проявления одной и той же фонемы ⟨*г*⟩, противопоставленной фонеме ⟨*к*⟩ в слове *лук*. Реальная же глухость ⟨*г*⟩ в словоформе *луг* является позиционной характеристикой, обусловленной положением в конце фонетического слова как контекста реализации фонем, и этот факт относится к области фонологической синтагматики, для к-рой центральным понятием является понятие позиции, т. е. условий реализации фонемы в речи (см. Позиция фонологическая). По отношению к контексту реализации различаются позиции конститутивные (определяемые местом фонемы в составе более крупной единицы – начало или конец фонетического слова, ударный или безударный слог) и комбинаторные (определяемые конкретным звуковым окружением – напр., гласные после твёрдых или мягких согласных в рус. языке). По отношению к контексту функционирования различаются позиции сильные (обеспечивающие фонеме выполнение различительной функции – напр., для согласных в рус. языке такова позиция перед гласными) и слабые (препятствующие максимальной различимости фонем и способные вызвать нейтрализацию, т. е. полное устранение противопоставленности одной фонемы другой, как в случае *луг – лук*, где позиция конца фонетического слова является слабой для противопоставления согласных по глухости/звонкости и происходит его нейтрализация). Теория нейтрализации фонемных оппозиций – важный компонент Ф. в ряде фонологических школ и направлений, в т. ч. в Московской фонологической школе (см.), хотя и не всеми её представителями в равной мере поддерживаемая (напр., Р. И. Аванесов не пользовался этим понятием), наибольшего развития достигла в концепции Н. С. Трубецкого и следовавших за ним фонологов Пражской лингвистической школы (см.). Им был выделен особый тип оппозиций, названный корреляцией – одномерная (по одному признаку), привативная (проявляющаяся в наличии/отсутствии признака) и пропорциональная (охватывающая ряд симметричных пар, связанных тем же признаком), в наибольшей степени способная к нейтрализации.

Наряду с сегментной Ф. разрабатывается суперсегментная Ф., имеющая дело с характеристиками, принадлежащими не отдельным минимальным сегментам (фонемам и звукам), а более протяжённым единицам – от слога до фразы. Единицы суперсегментной Ф. менее определённы, т. к. часто состоят из одного признака (напр., долгота звучания) и не образуют столь же ощутимых линейных цепочек однородных единиц, как сегменты. В суперсегментной Ф. изучаются ударение, тон, интонация, нек-рые другие менее распространённые характеристики речи. Для них нет единого термина (нек-рые лингвисты употребляют термин «просодии» или «просодемы» для обозначения любой единицы суперсегментного уровня), хотя довольно широко известны такие термины, как «тонема», «интонема» для обозначения инвариантных единиц тона и интонации. Суперсегментные единицы могут, подобно сегментным, выполнять дистинктивную функцию, различая морфемы и слова (это особенно характерно для тональных языков, но не чуждо и такому языку, как русский, ср. *мука́ – му́ка, руки́ – ру́ки*, ср. также интонационный способ различения вопроса и утверждения: *Он пришёл? – Он пришёл*). Но во многих языках важнейшими функциями суперсегментных единиц, в отличие от сегментных, становятся разграничительная (делимитативная) и выделительная (кульминативная). Первая связана с отграничением следующих друг за другом языковых единиц, вторая – с обеспечением целостности и выделенности единицы в ряду однородных единиц. Единицы, показывающие границы между морфемами и словами, называют также пограничными сигналами или диэремами (М. В. Панов). В такой функции особенно легко выступает неподвижное ударение в таких языках, как венгерский и чешский, где оно приходится обычно на первый слог и тем самым служит сигналом начала слова. Рус. ударение выполняет кульминативную функцию, обеспечивая произносительную целостность, спаянность слов как сегментов, на к-рые делится фраза (это – аспект реализации).

Между сегментными и суперсегментными характеристиками нет непроходимой грани: то, что в одном языке следует счесть сегментным (ингерентным) признаком (напр., долгота гласных в германских языках), в другом может получить статус просодического (та же долгота в балтийских языках как признак целого слога). В истории одного языка статус отдельных признаков может меняться. Напр., в праславянском языке признак мягкости был предположительно суперсегментным, характеризуя целый слог, а на почве отдельных слав. языков он стал сегментным и характеризует согласные фонемы.

В аспекте функционирования суперсегментных единиц важна их соотнесённость с грамматикой языка, в к-рой они могут выступать либо как средства, сопутствующие морфологическим, либо как самостоятельные средства выражения грамматических значений. Напр., в рус. языке ударение формирует акцентные парадигмы, в целом дополнительные к морфологическим парадигмам склонения и спряжения, но в тех случаях, где происходит морфологическая нейтрализация

форм, ударение оказывается их единственным различителем: ср., с одной стороны, формы *окнó – окнá* (где ударение лишь дублирует морфологию) и с другой – *окнá – óкна* (где оно различает разные падежи и числа). Если ударение в рус. языке соотнесено гл. обр. с морфологией, то интонация обслуживает синтаксическую семантику. Такая характеристика, как повышение или понижение голосового тона, в рус. языке целиком относится к сфере интонации (синтаксиса), тогда как в тональных языках она служит признаком отдельных слогов или морфем и часто соотнесена с выражением грамматических категорий.

В плане истории языка с кон. 20-х гг. формируется диахроническая Ф., в задачи к-рой входит изучение механизмов изменений в системе сегментных и суперсегментных единиц в целом и в отдельных её звеньях; эта дисциплина дополняет традиционную историческую фонетику. Рассматриваются явления фонологизации (превращения позиционных вариантов фонем в самостоятельные фонемы), ведущей к расширению системы, и дефонологизации (превращение фонемы в позиционный вариант другой фонемы или полное исчезновение), что ведёт к сокращению системы. Напр., в истории рус. языка происходило формирование категории мягких согласных фонем на основе смягчённых вариантов согласных (фонологизация консонантной мягкости), параллельно с чем др.-рус. фонема ⟨*ы*⟩ теряла статус фонемы и превращалась в вариант фонемы ⟨*и*⟩ (дефонологизация различия по ряду). В истории фонологических систем наблюдаются и явления рефонологизации (смены основания противопоставления при сохранении прежнего количества фонем); напр., в др.-рус. языке, когда ⟨*ц*⟩ произносилась мягко, в оппозиции ⟨*ц*⟩ – ⟨*ч*⟩ основным дифференциальным признаком было место образования (зубной – нёбный), а после отвердения ⟨*ц*⟩ та же оппозиция в совр. рус. языке, по наблюдениям Л. Л. Касаткина, базируется на признаке твёрдости – мягкости как на основном различителе двух переднеязычных аффрикат.

Изменения, происходящие в фонологической системе, вызывают также изменения в фонемном облике морфем и слов. Напр., дефонологизация оппозиции ⟨ѣ⟩ (ять) – ⟨*е*⟩ и последующее исчезновение ⟨ѣ⟩ в большинстве рус. говоров и в лит. языке привели к одинаковому фонемному составу первого слога в таких словах, как *дѣти – десять*, где представлена фонема ⟨*е*⟩ (написание с ѣ вплоть до 1917 было только данью традиции). Возможны также изменения, затрагивающие только фонемный состав морфем, но не отражающиеся на системе фонем; таково изменение ⟨*е*⟩>⟨*о*⟩ в определённых условиях в значительной группе рус. слов (*мёд*: ⟨*м'ед*⟩>⟨*м'од*⟩, *лёд*: ⟨*л'ед*⟩>⟨*л'од*⟩ и т. п.).

Ф. как особая дисциплина стала формироваться в 70–80-х гг. 19 в. в России в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, важный вклад в её становление внесли магистерская диссертация Л. В. Щербы (1912), кавказоведческие работы Н. Ф. Яковлева 20-х гг. 20 в. Окончательно Ф. сформировалась в 20–30-х гг. 20 в. в трудах Трубецкого, Р. О. Якобсона, Е. Д. Поливанова (два последних были и зачинателями диахронической Ф.); в те же годы начинается формирование отдельных школ и направлений в Ф., среди к-рых наибольшую известность получили фонологические концепции Пражской лингвистической школы, американской дескриптивной лингвистики, Лондонской школы Д. Джоунза. В СССР и затем в РФ развитие Ф. продолжалось двумя школами – Московской и Ленинградской. Представители первой (Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, М. В. Панов, В. К. Журавлёв, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, С. В. Кодзасов, Т. М. Николаева, М. И. Лекомцева, О. С. Широков и др.) опирались на идеи Бодуэна де Куртенэ о связанности Ф. с морфологией и шли к идентификации фонем от тождества морфем. Представители Ленинградской (Петербургской) фонологической школы (см.), опираясь на труды ученика Бодуэна де Куртенэ петерб. периода Щербы (Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Л. Буланин, М. В. Гордина, Н. А. Любимова и др.), шли к идентификации фонем от тождества фонетического слова. При всех различиях между этими школами они не являются антагонистическими, т. к. ставят во главу угла разные аспекты звукового строя, тем самым дополняя друг друга: Ленинградскую школу можно назвать преимущественно фонетико-идентификационной, Московскую – морфолого-интерпретационной. Особняком в истории отечественной Ф. стоит оригинальная концепция С. И. Бернштейна, выдвинувшего теорию трёх степеней фонемы в соответствии с тремя видами чередований: фонемы 1-й степени обобщают дивергенции (по терминологии Московской фонологической школы, позиционные чередования звуков), фонемы 2-й степени обобщают субституции (т. е. оппозиции фонем, нейтрализуемые в определённых позициях), фонемы 3-й степени (или морфонемы) соотносятся с трансформациями (т. е. непозиционными чередованиями, или чередованиями фонем).

Кроме двух школ существуют фонетические центры в ряде ун-тов и ин-тов АН автономных республик.

Развитие мировой Ф. испытало сильное влияние идей генеративной лингвистики Н. Хомского, сформировалось несколько разновидностей порождающей Ф. в США (её стандартный вариант разработан Хомским и М. Халле). С 70-х гг. начинается ревизия генеративной лингвистики, и в т. ч. фонологии, появляется естественная Ф. как

попытка преодолеть нек-рую механистичность генеративного подхода, на базе её идей развиваются автосегментная и метрическая Ф., силлабическая Ф. Для этих последних ответвлений Ф. характерно особое внимание к суперсегментному уровню и к менее известным языкам Африки, Азии, Океании.

Лит. Щерба Л. В., Рус. гласные в качественном и количественном отношении, СПБ, 1912; Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, [М.], 1956; Трубецкой Н. С., Основы фонологии, пер. с нем., М., 1960; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, [Л.], 1960; 2 изд., М., 1979; Бодуэн де Куртенэ И. А., Опыт теории фонетических альтернаций, в его кн.: Избр. тр. по общему языкознанию, т. 1, М., 1963; его же, Фонема, там же, его же, Разница между фонетикой и психофонетикой, там же, т. 2, М., 1963; Панов М. В., Рус. фонетика, М., 1967; Реформатский А. А., Из истории отечественной фонологии, М., 1970; Матусевич М. И., Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1976; Бондарко Л. В., Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи, Л., 1981; Журавлев В. К., Диахроническая фонология, М., 1986; Касаткин Л. Л., Фонетика, в кн.: Рус. язык, ч. 1, М., 1993.

В. А. Виноградов.

Фо́рма сло́ва – морфологическая разновидность слова (класса слов), несущая определённый комплекс категориальных грамматических значений, свойственных данной части речи. Напр., *несу* (*читаю* и т. п.) – форма глагола 1-го лица ед. ч. изъявительного наклонения наст. времени. В более широком истолковании Ф. с. трактуется как выражение теми или иными формальными показателями принадлежности данного слова, а также других слов, выступающих в данной форме, к определённой грамматической категории. Последняя формулировка охватывает не только формы одного и того же слова, но и формы разных слов, напр. формы рода существительных (см. Формообразование). Система форм данного слова (или класса слов) называется парадигмой (см.).

Термин «Ф. с.» употребляется: 1) по отношению к тому или иному конкретному слову (напр., *руке*); в таких случаях используется также термин «словоформа» (см.) – данное слово в данной форме; 2) по отношению к определённому классу грамматических форм (напр., форма жен. рода ед. ч. дат. п.). Эти употребления термина «Ф. с.» связаны друг с другом: форма как существующий в системе языка грамматический образец, класс грамматических форм различных слов (форма сравнительной степени, форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения и т. п.) представлена в конкретных словах (*сложнее, ярче; пиши, иди* и т. п.).

Система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным грамматическим значением есть морфологическая категория (ср., напр., ряды форм ед. и мн. ч. существительных, представляющие категорию числа, ряды форм сов. и несов. вида, представляющие категорию вида).

Формы изменяемых слов имеют определённую морфологическую структуру: они распадаются на основную и формальную части (напр.: *стен-а, стен-ы; нес-у, нес-ёшь*). Основная часть слова является постоянной, она называется формообразующей основой слова (см. Основа). Формальная часть слова включает аффиксы (см.), в частности формообразующие суффиксы и окончания (флексии); напр., в форме слова *пек-л-а* формообразующую основу составляет корень *пек-*, а формальная часть включает суффикс *-л-* и окончание *-а*.

В составе парадигмы могут выступать формы с нулевым аффиксом, характеризующиеся «значимым отсутствием» того или иного материально выраженного показателя. Напр., в форме им. п. ед. ч. муж. рода *студент* выделяется нулевое окончание, отличающее эту форму от других форм (*студента, студенту, студентом, о студенте, студенты* и т. д.).

Различаются синтетические (простые) и аналитические (сложные) Ф. с. Синтетические формы представлены одной словоформой (напр., *думаю, пиши, сестру, умнее*), тогда как аналитические – сочетанием форм знаменательного и служебного слов (напр., *буду думать, писал бы, о сестре*).

Отдельные формы конкретных слов (словоформы), отличаясь друг от друга грамматическими значениями, могут совпадать по формальному выражению (напр., *ночи* – это форма род. п. ед. ч.; дат. п. ед. ч.; им. п. мн. ч.; вин. п. мн. ч.). В таких случаях проявляется омонимия форм.

Особое место занимают слова типа *кенгуру, какао, алиби*. Они не распадаются на основную и формальную части, не изменяются, так что в отдельно взятом слове формы разных падежей и чисел не различаются (за исключением аналитической формы предл. п., напр. *о кенгуру*). Однако при употреблении таких слов могут быть определены (по роли в предложении и сочетаемости с другими словами) значения разных падежей и чисел (напр., *Кенгуру спит; Любовались красивыми кенгуру*). Поскольку в рус. языке такие слова включаются в существующую систему форм падежа и числа, они рассматриваются как слова с омонимичными формами.

Термин «грамматическая форма» употребляется и в тех случаях, когда данное слово (класс слов) выступает в единственной имеющейся у этого слова (класса слов) форме. Иначе говоря, понятие Ф. с. охватывает не только «многоформенные» слова, существующие в виде ряда словоформ, но и слова, представленные в языке лишь одной словоформой («одноформенные»). К числу слов, обладающих грамматической формой, относятся и неизменяемые слова типа *вчера, увы, над, и, но*. Сама неизменяемость таких слов, а также характерная для них сочетаемость придают

им грамматическую оформленность (ср. наречие *дома* и существительное в форме род. п. *дома*).

Лит.: Фортунатов Ф. Ф., Сравнительное языковедение, в его кн.: Избр. тр., т. 1, М., 1956; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Виноградов В. В., О формах слова, в его кн.: Исследования по рус. грамматике. Избр. тр., М., 1975; Головин Б. Н., Введение в языкознание, 3 изд., М., 1977; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Маслов Ю. С., Введение в языкознание. [Учебник для вузов], 2 изд., М., 1987; Булыгина Т. В., Крылов С. А., Форма в языкознании, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

А. В. Бондарко.

Форма́нт (от лат. formans, род. падеж formantis – образующий) – 1) морфема, аффикс в словообразовательной или в словоизменительной функции – приставка (см.), суффикс (см.), постфикс (см.), окончание (см.). В этом значении термин «Ф.» употребляется в след. словосочетаниях: Ф. грамматический; Ф. словоизменительный; Ф. формообразующий (формообразовательный); Ф. словообразующий (словообразовательный, деривационный); Ф. префиксальный (суффиксальный, постфиксальный, префиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксальный).

2) То же, что словообразовательный формант. К Ф. в этом значении относятся все словообразовательные средства, присоединяющиеся к производящей основе: префиксы, суффиксы, постфиксы, нулевые суффиксы; приставки совместно с суффиксами; приставки, суффиксы совместно с постфиксами. Напр.: *чита*+***тель***, ***под***+*писать*, *бодать*+***ся***, *выход*+***ø*** [нулевой гласный звук] (от *выходить*), ***при***+*храм*+***ыва***+*+ть*, ***рас***+*кричать*+***ся***, *горд*+***и***+*ть*+***ся***, ***пере***+*+свист*+***ыва***+*ть*+***ся***, ***о***+*смел*+***и***+*ть*+***ся***.

3) Одно или совокупность всех средств языка, участвующих в образовании слова: аффиксы, ударение, чередование гласных и согласных фонем, усечение и наращение основ, вставка и выпадение фонем. Так, в слове *горо́шек* Ф. составляют суффикс *-ек* и чередование *х/ш*; в слове *пра́дед* Ф. состоит только из приставки *пра-*; в слове *пи́сарь* Ф. составляют суффикс *-арь* и ударение; в слове *книжо́нка* Ф. включает суффикс *-о́нк-*, ударение, чередование *г/ж*; в слове *бу́дочник* Ф. состоит из суффикса *-ник*, чередующихся гласных ø (нулевой гласный звук)/о, чередующихся согласных *к/ч*; в слове *кони́ческий* Ф. включает суффикс *-и́ческ-*, ударение, усечение *-ус* [ср.: *ко́н(ус)* – *кони́ческий*]; в слове *водоочи́стный* Ф. составляют интерфикс *-о-* и суффикс *-н-*.

Ф. – носитель словообразовательного значения.

Лит.: Тихонов А. Н., Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря совр. рус. языка. Курс лекций, Самарканд, 1971; его же, Структура словообразовательного форманта в рус. языке (на материале сложных прилагательных с первым компонентом именем числительным), в кн.: Материалы VI научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГПИ им. С. Айни. Вопросы филологии, Самарканд, 1973; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Земская Е. А., Словообразование, в кн.: Совр. рус. язык, М., 1981; Немченко В. Н., Основные понятия морфемики в терминах. Краткий словарь-справочник, Красноярск, 1985; Лопатин В. В., О единицах морфемики, в кн.: Морфемика. Принципы и методы системного описания, Л., 1987; Джамбазов П. Н., Словообразование, в кн.: Тихонов А. Н., Джамбазов П. Н., Совр. рус. язык. Морфемика и словообразование, Велико Тырново, 1988.

А. Н. Тихонов.

Формообразова́ние – образование форм слов (см.). Термин имеет различные истолкования. Согласно одной из точек зрения, Ф. понимается как образование грамматических форм одного и того же слова (напр., форм наклонения, времени, лица, числа и рода глагола, форм рода, числа и падежа имён прилагательных). Т. о., термин «Ф.» по своему содержанию оказывается близким к термину «словоизменение» (см.). Согласно другой точке зрения, понятие Ф. охватывает не только формы одного и того же слова, но и формы разных слов, ср. формы имён существительных муж., ср. и жен. рода (*стол, окно, стена*), образование глаголов сов. и несов. вида (*строить – построить, рассказать – рассказывать*), в т. ч. непарных (*строить – достроить, застроить* и т. п.), образование страдательного залога при помощи постфикса *-ся*, напр.: *изучать – изучаться, рассматривать – рассматриваться, устанавливать – устанавливаться*. Данная трактовка Ф. предполагает, что образование грамматических форм осуществляется как при словоизменении, так и при словообразовании. Т. о., понятие Ф. частично пересекается, с одной стороны (поскольку речь идёт о формах одного и того же слова), с понятием словоизменения, а с другой (поскольку имеются в виду формы разных слов) – с понятием словообразования. В связи с этим возможно разграничение словоизменительного и несловоизменительного (классификационного) Ф.

Основными средствами Ф. в рус. языке являются формообразующие аффиксы, в частности суффиксы (см.), и окончания (см.), присоединяемые к формообразующей основе слова (напр.: *вод-ы, нес-ти*). Формообразующими и вместе с тем словообразующими являются префиксы (приставки), используемые при образовании глаголов сов. вида (напр., *делать – сделать*), а также постфикс *-ся*, используемый при образовании страдательного залога (напр., *записывать – записываться*). В сочетании с аффиксацией может использоваться грамматическое чередование фонем (напр., *собрать – собирать, содрать – сдирать*) и перемещение ударения (напр., *пере́зать – перереза́ть, перере́жу – перереза́ю*). Одним из средств Ф. являются служебные слова в аналитических формах (напр., *будет думать, думал бы*). Возможно образование форм одного и того же слова от разных корней (напр., *иду* –

шёл, я – меня, хороший – лучше). Такое образование форм называется супплетивизмом (см.).

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Щерба Л. В., Очередные проблемы языковедения, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Бондарко А. В., Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий. (На материале рус. языка), «ВЯ», 1974, № 2; Виноградов В. В., О формах слова, в его кн.: Исследования по рус. грамматике. Избр. тр., М., 1975; Жирмунский В. М., О границах слова, в его кн.: Общее и германское языкознание, Л., 1976; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Маслов Ю. С., Введение в языкознание. [Учебник для вузов], 2 изд., М., 1987; Живов В. М., Формообразование, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. *А. В. Бондарко.*

Фра́за (от греч. phrásis – выражение, способ выражения) – 1) предложение как интонационно-синтаксическая единица, обладающая интонационной законченностью и имеющая определённую интонационную структуру. При изучении и описании интонационной структуры предложения обычно оперируют термином «Ф.» и говорят о «фразовой интонации». Ф. бывают простыми и сложными, поскольку предложение может представлять собой один речевой такт, или одну синтагму (см. Синтагма во 2-м значении), с одним интонационным центром либо члениться на несколько синтагм. В многосинтагменном предложении одно из синтагматических ударений (интонационных центров синтагмы – см. Интонация) выделяется по сравнению с другими и воспринимается как наиболее сильное в Ф. Подобное ударение приходится на ту синтагму, к-рая является наиболее важной в смысловом отношении, и называется фразовым ударением. Фразовое ударение выделяет рему (см. Актуальное членение предложения, Порядок слов). Если рема находится в конце предложения, фразовое ударение представляет собой интонационный центр синтагмы с понижением тона – интонацией завершённости: *Пётр идёт в театр; Петербург – красивый город*. Такое фразовое ударение носит автоматизированный характер и поэтому слабо выделяется. Если рема находится в начале или середине предложения, фразовое ударение представляет собой интонационный центр с возможным повышением тона, усилением интенсивности, увеличением длительности ударного гласного и воспринимается как более сильное по сравнению с фразовым ударением в конечной позиции: *Краси́вый го́род – Петербург; В теа́тр идёт Пётр; Нам не понра́вилась эта картина; Прие́хали мои дети!* Фразовое ударение в выделяющей функции называют также логическим ударением. В рус. синтаксисе существует учение об одночленных и двучленных Ф., основоположником к-рого был Л. В. Щерба. Двучленные Ф. в отличие от одночленных (*Он пошёл в театр*) интонационно делятся на две части: *Петербург – большой город; Это замечательное произведение искусства – было вырезано простым ножом; Он вырезал это замечательное произведение искусства – простым ножом*. Такое интонационное разделение связано со смысловым членением. Между частями двучленной Ф. существует связь логических подлежащего и сказуемого. Щерба считал, что многие одночленные Ф. можно сделать двучленными – с известным изменением смысла. Смысловое членение интонационно двучленных Ф. в теории Щербы соответствует членению предложения на тему (предмет сообщения) и рему (то, что об этом предмете сообщается) в теории актуального членения предложения. В одних случаях членение на тему и рему имеет обязательное интонационное выражение, на письме обозначаемое тире: *Он пошёл – в театр*. В других случаях интонационная двучленность Ф. не обязательна, но возможна: она не изменяет смысла, но лишь подчёркивает смысловую расчленённость, ср.: *Он пошёл в театр* и *Он – пошёл в театр*. Интонационно одночленную фразу можно сделать двучленной без изменения смысла (*Он – пошёл в театр*) и с изменением смысла (*Он пошёл – в театр*). В первом случае состав темы *он* и ремы *пошёл в театр* остаётся неизменным; во втором случае интонационная двучленность фразы изменяет её актуальное членение: темой становится *он пошёл*, ремой – *в театр*.

2) То же, что синтагма во 2-м значении.

3) В нестрогом терминологическом употреблении – то же, что предложение (см.).

Лит.: Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Аванесов Р. И., Фонетика совр. рус. лит. языка, [М.], 1956; Томашевский Б. В., Стилистика и стихосложение, Л., 1959; Щерба Л. В., Фонетика франц. языка, 7 изд., М., 1963; Николаева Т. М., Фразовая интонация слав. языков, М., 1977.

И. И. Ковтунова

Фразеологи́зм, фразеологическая единица,– общее название семантически несвободных сочетаний слов, к-рые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки Ф.

Структурно-семантические свойства Ф., различающие их типы, формируются, как правило, в процессе переосмысления исходных сочетаний слов в целом или хотя бы одного из лексических компонентов сочетания. В первом случае образуются Ф., обладающие свойством идиоматичности (см.). Для них характерно слитное значение (образное или безо́бразное), неразложимое на значения их лексических компонентов: *смотреть сквозь пальцы, видал виды, курам на смех, отлегло от сердца*. Во втором – у переосмысляемого слова формируется фразеологически связанное значение, к-рое способно реализоваться толь-

ко в сочетании с определённым словом или с рядом слов, что приводит к образованию устойчивых словесных комплексов, обладающих аналитическим (расчленённым) значением: *белое мясо, золотая молодёжь, раб страстей* (*привычек, моды*), *приходить к мысли* (*к выводу, к решению*).

Среди Ф. со слитным значением различаются фразеологические сращения, значения к-рых воспринимаются как абсолютно немотивированные в совр. лексической системе языка: *лить пули, кривая вывезет, на все корки*, и фразеологические единства, в значении к-рых можно выделить смысл, мотивированный значениями слов-компонентов в их обычном употреблении: *преградить путь, на всех парах, тёмный лес*. Лексические компоненты Ф.-идиом играют роль материальных экспонентов знака, обладающих совместной знаковой функцией. Значениям Ф.-идиом присуща целостная направленность на обозначаемую действительность. Будучи лексически опосредованным, значение Ф.-идиом всегда богаче по смысловым оттенкам, чем лексическое значение (см.), и поэтому качественно отличается от него. При раздельнооформленности Ф.-идиомы обладают единым грамматическим значением, они выступают как один член предложения и вступают в связь с другими словами как неразложимое целое. Слова-компоненты Ф.-идиом лишены отдельного лексического, грамматического и словообразовательного значения, поэтому не включаются в синонимические, антонимические и предметно-тематические связи со словами в их обычном употреблении; формоизменение лексического состава и преобразование синтаксического строения Ф.-идиом в ходе построения предложения допустимы в пределах фразеологической нормы, к-рая фиксирует воспроизводимость таких Ф. в определённом лексико-грамматическом составе и синтаксическом строении.

В структуре большинства Ф.-идиом выделяются константные (постоянные) и переменные элементы. Константные элементы образуют основу тождества единицы, переменные элементы создают возможность варьирования. Вариантность Ф.-идиом выражается в видоизменении элементов, соотносимых с единицами разных уровней: лексико-семантического (*упасть/свалиться с луны/с неба; висеть/держаться на волоске/на ниточке*, ср. также экспрессивно-стилистические варианты: *лезть/переть на рожон, свернуть голову/башку*), синтаксического (*по одному росчерку пера/единым росчерком пера, падать к ногам/падать в ноги*), морфологического (*вверх тормашками/тормашки*, ср. также словообразовательные варианты: *пальцы/пальчики оближешь, сходить/сойти с ума*) и фонетического (*нож острый/вострый*) уровней, а также в изменении количества лексических компонентов, не нарушающих тождества единицы (*разрубить гордиев узел – разрубить узел, держать в ежовых рукавицах – держать в ежах*). На основе отмеченных свойств и отличительных признаков Ф.-идиома определяется как готовая единица языка, функционально соотносимая со словом.

Ф., характеризующиеся аналитическим значением, представляют собой особый тип структурно-семантических единиц фразеологического состава – фразеологические сочетания слов. По характеру значения Ф.-сочетания соотносимы со свободными сочетаниями слов, от к-рых они отличаются наличием в их составе слов с фразеологически связанным значением. Специфическим признаком слов с фразеологически связанным значением является отсутствие у них самостоятельной знаковой функции: при семантической отдельности таких значений слов они способны обозначать внеязыковые объекты только в сочетании с другими словами, к-рые выступают как номинативно опорные компоненты этих сочетаний слов (ср.: *бросать камни, бросать в ящик* и *бросать упрёки, бросать в тюрьму* или *чёрный костюм* и *чёрный хлеб, чёрный рынок*). Это их свойство проявляется в зависимости выбора слов с фразеологически связанными значениями от семантически ключевых слов в процессе построения лексико-грамматического состава предложения. Слова со связанным значением образуют парадигму, группирующуюся при опорном наименовании, аналогичную парадигме словообразовательной (ср. *помочь* и *оказать помощь, медик* и *медицинский работник* и т. п.), напр. *обретать, иметь, хранить, терять терпение, терпение лопнуло, капля терпения, железное терпение* и т. п. Эта парадигматичность создаёт дополнительность слово- и фразообразовательных отношений в номинативной деятельности, а также в экспрессивно-стилистическом её аспекте. Ограничения в выборе фиксируются нормой, к-рая закрепляет сочетаемость слов в их фразеологически связанных значениях с одним словом, рядом слов или несколькими рядами, напр.: *сорить деньгами, перст судьбы, сын степей* (*гор*), *глубокая старость* или *глубокая ночь* (*осень, зима*). Слова с фразеологически связанными значениями вступают в синонимические, антонимические и предметно-тематические связи только совместно с семантически ключевыми для них словами.

По характеру соотношения с обозначаемой действительностью различаются номинативно-целостные или номинативно-расчленённые значения Ф.-сочетания. В составе первых слова с фразеологически связанными значениями выполняют функцию, аналогичную роли словообразовательных морфем (ср.: *сын гор – горец, завязать знакомство – познакомиться*), в составе вторых они полностью сохраняют лексическое значение (*гробовое молчание, бурно восторгаться, кодекс морали*). Для многих многозначных слов характерна

фразеологическая связанность их отдельных значений.

Существуют Ф., обладающие признаками Ф.-идиом и Ф.-сочетаний, напр.: *быть, держать под каблуком; мысль пришла в голову, вылетела из головы, крутится в голове* и т. п.

Во фразеологический состав рус. языка входят как исконно рус. обороты, так и заимствованные, в т. ч. кальки и полукальки. В структуре Ф. часто сохраняются вышедшие из активного запаса слова, устаревшие формы слов и синтаксические конструкции (*ничтоже сумняшеся, бить баклуши, притча во языцех*). Большинство Ф. обладает оценочно-экспрессивным значением. Ф. употребляются в разных стилевых сферах языка, но наиболее свойственны они обиходно-бытовой речи. Различия семантических и структурных свойств Ф. связаны с расчленённым или нерасчленённым способом обозначения действительности, с их номинативной или коммуникативной функцией, с особенностями их лексико-грамматического строения и с выполняемыми ими синтаксическими ролями. Эти различия создают многообразие структурно-семантических типов и видов единиц фразеологического состава языка, к к-рому относят иногда пословицы (см.), поговорки (см.), крылатые слова (см.) и речевые штампы (см.) на основе признаков их устойчивости и воспроизводимости. Изучением и классификацией единиц фразеологического состава языка занимается фразеология (см.).

Лит. см. при ст. Фразеология. *В. Н. Телия.*

Фразеологи́ческие словари́ – тип словарей, в к-рых собраны и истолкованы не отдельные слова, а фразеологизмы (см.). В истории рус. лексикографии фразеологизмы включались в толковые словари, а также описывались в сборниках (Максимов С. М., «Крылатые слова», 3 изд., 1955; 4 изд., 1994: Михельсон М. И., «Ходячие и меткие слова», 1992; Займовский С. Г., «Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма», 1930; Овсянников В. З., «Литературная речь», 1933; Ашукин Н. С. и Ашукина М. Г., «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения», 1955; 4 изд., 1988, и др.).

Первым собственно Ф. с. рус. языка является «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова (1967; 5 изд., 1994; 4 тыс. словарных статей). В словарной статье Ф. с. кроме толкований значений фразеологизмов содержится их грамматическая характеристика, определяется компонентный состав и вариантность употребления компонентов фразеологизма, даются иллюстрации, подтверждающие существование того или иного значения фразеологизма, а также фразеологизмы-синонимы или антонимы. В нек-рых случаях приводится этимологическая справка, а также даются пометы стилистического или временного характера (*книжн., прост., шутл.; устар.*). Специфика фразеологической синонимии нашла отражение в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» В. П. Жукова, М. И. Сидоренко, В. Т. Шклярова (1987). Издан «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. П. Жукова (1980; 3 изд., совместно с А. В. Жуковым, 1994).

Помимо одноязычных существуют двуязычные Ф. с., в к-рых даётся перевод рус. фразеологизмов на другой язык или перевод фразеологизмов к.-л. языка на русский («Французско-русский фразеологический словарь», 1963; Кунин А. В., «Англо-русский фразеологический словарь», 4 изд., 1984; Бинович Л. Э., Гришин Н. Н., «Немецко-русский фразеологический словарь», 2 изд., 1975; Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф., «Итальянско-русский фразеологический словарь», 1982; «Испанско-русский фразеологический словарь», 1985, и др.). В двуязычных Ф. с. к каждому фразеологизму даётся иноязычный эквивалент или описательный перевод (поскольку состав фразеологизмов в двух языках не идентичен), грамматическая и стилистическая характеристика фразеологизма (с помощью системы помет), а также иллюстративный материал, показывающий употребление фразеологизма в речи.

ПЕРЕВЕРНУТЬ ВЕСЬ МИР. Сделать что-либо невозможное, трудно выполнимое. [*Митя*] *решил перевернуть весь мир, если надо, но эти три тысячи отдать Катерине Ивановне во что бы то ни стало и прежде всего.* Достоевский, Братья Карамазовы. „*Ведь для любимого человека можно перевернуть весь мир, а я вас просила так о немногом. Вы не можете?*" Куприн, Поединок.

ПЕРЕВЕРНУТЬ 〈ВСЮ〉 ДУШУ *кого, чью, кому.* См. перевертывать.

Фрагмент текста «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова.

В ТРИ ПОГИБЕЛИ (*разг.*), **В ДУГУ (В ТРИ ДУГИ)** (*прост.*). Употр. при глаголах гнуться (согнуться), сгибаться. *Обст.* Очень низко (гнуться).

Присел на краешек стула Фадеев, согнулся ***в три погибели.*** Мельников-Печерский, На горах. Л В три дуги. *Федосеич рванул дверь и, согнувшись* ***в три дуги,*** *пропустил его превосходительство мимо себя.* Достоевский, Двойник

Фрагмент текста «Словаря фразеологических синонимов русского языка» В. П. Жукова.

Развитие рус. учебной лексикографии для нерусских вызвало необходимость создания учебных Ф. с. рус. языка (Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Зимин В. И., «Фразеологические обороты русского языка», 1988; Шанский Н. М., Быстрова Е. А., «700 фразеологических оборотов русского языка», 2 изд., 1978; Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В., «Школьный фразеологический словарь русского языка», 1995; Яранцев Р. И., «Словарь-справочник по русской фразеологии», 1981; 2 изд., 1985; Шкляров В. Т., Эккерт Р., Энгельке Х., «Краткий русско-немецкий фразеологический словарь», 1977; Гуревич В. В., Дозорец Ж. А., «Краткий русско-английский фразеологический словарь», 1988; 2 изд., 1995, и др.). Специальную учебно-лингвострановедческую ориентацию имеет словарь В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко «Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь» (1990).

Отбор и описание фразеологизмов в словарях этого типа определяются задачами обучения: учитывается степень употребительности фразеологизма в разных ситуациях (проблема «фразеологического минимума»), ориентированность информации на тот или иной контингент учащихся или этап обучения, особый характер иллюстрирования и т. п.

Лит.: Бабкин А. М., Фразеология и лексикография, М., 1964; его же, Рус. фразеология, её развитие и источники, Л., 1970; Молотков А. И., Фразеологизмы рус. языка и принципы их лексикографического описания, в кн.: Фразеологический словарь рус. языка, М., 1968, Ожегов С. И., О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря рус. языка), в его кн.: Лексикология, лексикография, культура речи, М., 1974; Умарходжаев М. И., Очерки по совр. фразеографии, Таш., 1977; Фразеологизм и его лексикографическая разработка, Минск, 1987; Фразеография в Машинном фонде рус. языка, М, 1990. *В. Н. Телия.*

Фразеоло́гия (от греч. phrásis, род. п. phráseōs – выражение и lógos – слово, учение) – 1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка (см. Фразеологизм) в его современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка; 3) совокупность характерных способов выражения, присущих определённой социальной группе, отдельному автору или литературно-публицистическому направлению (напр., Ф. романтизма, фразеология М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Предметом Ф. как раздела языкознания является исследование категориальных признаков сочетаний слов, обладающих признаком фразеологичности, т. е. переосмыслением хотя бы одного из компонентов, и узуальной воспроизводимостью (что отличает фразеологизмы от индивидуально-авторских метафор и т. п.) при устойчивости лексико-грамматического состава (в пределах вариантности). На основе этих признаков выделяются основные критерии фразеологичности и решается вопрос о сущности фразеологизмов как особых единиц языка, а также выявляются закономерности употребления фразеологизмов в речи и процессов их образования. Ф. изучает природу фразеологизмов как знаков вторичного образования, их знаковую функцию и значение, его экспрессивную окраску и стилистическую значимость, свойства структурно-семантической устойчивости и характер воспроизводимости, специфику лексических компонентов фразеологизмов, их звуковой состав, морфологическое и синтаксическое строение, внешние лексико-синтаксические связи и правила реализации в речи, а также системную организацию фразеологического состава и связи фразеологизмов с другими единицами языка, прежде всего со словами. Ф. разрабатывает принципы выделения фразеологических единиц, методы их изучения, классификации и фразеографии – описания в словарях. Ф. внутренне связана с лексикологией, синтаксисом и отчасти со словообразованием, но в отличие от этих разделов языкознания базовым для Ф. является понятие фразеологической единицы (фразеологизма).

Понятие фразеологической единицы определяется на основе признаков структурно-семантической устойчивости, т. е. фиксированного соотношения данного значения сочетания слов с данным его лексико-грамматическим способом выражения, что является результатом переосмысления всего сочетания или отдельных его компонентов, и воспроизводимости – употребления в речи в нормативно закреплённом диапазоне вариантности лексико-синтаксического состава и грамматических видоизменений.

Понятие системности фразеологического состава отражает наличие упорядоченных связей и отношений между фразеологизмами и взаимосвязанности единиц фразеологического состава с общеязыковой системой значимых единиц. Разработка проблем системности фразеологического состава связана с описанием фразеологизмов как структурно-семантических единиц языка, с изучением типов их значения, полисемии, омонимии, вариантности, с выявлением грамматических классов фразеологизмов и с раскрытием их синтаксических функций. В задачи системного изучения фразеологического состава входит описание межфразеологической и лексико-фразеологической синонимии, антонимии, тематических группировок, функционально-стилистической дифференциации фразеологизмов, а также выявление закономерностей фразообразования (образования фразеологизмов) и фразеологической деривации – образования новых значений фразеологизмов.

Фразеологический состав языка классифицируется по разным основаниям: структурно-семантическим, грамматическим, функционально-стилистическим. При этом ведущим в Ф. является структурно-семантический принцип классифика-

ции, восходящий к классификации В. В. Виноградова и основанный на критериях семантической спаянности или аналитичности значения фразеологизмов. Системно-классификационный аспект описания фразеологического состава неразрывно связан с проблемой объёма и границ Ф. В широкий объём включаются все сочетания, обладающие признаками устойчивости и воспроизводимости. Узкий объём ограничивается фразеологизмами-идиомами, функционально соотносимыми со словом как номинативной единицей языка.

Предметом исторической Ф. является изучение первичных форм и значений фразеологизмов, определение их источников по всем доступным памятникам, выявление сфер их употребления и закономерностей образования, а также установление объёма фразеологического состава в ту или иную историческую эпоху развития языка.

Ф. как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла в 40-х гг. 20 в. в отечественном языкознании. Предпосылки теории Ф. были заложены в трудах А. А. Потебни, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова. Влияние на развитие Ф. оказали также идеи франц. лингвиста Ш. Балли. В зап.-европейском и американском языкознании Ф. не выделяется в особый раздел лингвистики. Вопрос об изучении устойчивых сочетаний слов в специальном разделе языкознания – Ф. был поставлен в учебно-методической лит-ре ещё в 20–40-х гг. в работах Е. Д. Поливанова, С. И. Абакумова, Л. А. Булаховского. Изучение Ф. стимулировалось лексикографической практикой, с одной стороны, а с другой – работами Виноградова, в к-рых были поставлены вопросы об основных понятиях Ф., её объёме и задачах. В 50-х гг. главное внимание уделялось вопросам сходства и различий фразеологизмов со словом и сочетанием слов; проблематика Ф. исчерпывалась в основном выяснением критериев фразеологичности и уточнением основ классификации фразеологизмов. С кон. 50-х гг. наметилась тенденция системного подхода к проблемам Ф., разрабатываются вопросы, связанные с описанием фразеологизмов как структурных единиц языка (А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова). 60–70-е гг. в развитии Ф. характеризуются интенсивной разработкой собственно фразеологических методов исследования объектов Ф., основанных на идеях системно-уровневого анализа фактов языка (В. Л. Архангельский, Н. Н. Амосова, В. П. Жуков, А. В. Кунин, М. Т. Тагиев), изучением системной организации фразеологического состава (И. И. Чернышёва, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелёв) и его развития (В. М. Мокиенко, Р. Н. Попов, А. И. Фёдоров), особое внимание уделяется семантике фразеологизмов, их номинативному и коммуникативному аспектам (В. Н. Телия, А. М. Эмирова), фразообразованию (С. Г. Гаврин, Ю. А. Гвоздарев), вариантности, особенно идиом (Е. И. Диброва), сочетаемости слов-компонентов (М. М. Копыленко, З. Д. Попова), сопоставительно-типологическому изучению фразеологического состава (Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон, А. Д. Райхштейн), а также разработке описания фразеологизмов в словарях (А. М. Бабкин, А. И. Молотков).

Лит.: Архангельский В. Л., Устойчивые фразы в совр. рус. языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии, Р. н/Д., 1964; Шанский Н. М., Фразеология совр. рус. языкв, 2 изд., М., 1969; Бабкин А. М., Рус. фразеология, ее развитие и источники, Л., 1970; Копыленко М. М., Попова З. Д., Очерки по общей фразеологии, Воронеж, 1972; 2 изд., Воронеж, 1978; Шмелёв Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; его же, Совр. рус. язык. Лексика, М., 1977; Библиографический указатель лит-ры по вопросам фразеологии, в. 3–4, Самарканд, 1974–76; Попов Р. Н., Методы исследования фразеологического состава языка. Учебное пособие для студентов факультетов рус. яаыка и лит-ры, Курск, 1976; его же, Фразеологизмы совр. рус. языка с архаичными значениями и формами слов, М., 1976; Виноградов В. В., Основные понятия рус. фразеологии как лингвистической дисциплины, в его кн.: Избр. тр., т. 3 – Лексикология и лексикография, М., 1977; Гвоздарев Ю. А., Основы рус. фразообразования, [Р. н/Д.], 1977; Телия В. Н., Вторичная номинация и ее виды, в кн.: Языковая номинация (виды наименований), М., 1977; её же, Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке, М., 1982; её же, Рус. фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты, М., 1996; Молотков А. И., Основы фразеологии рус. языка, Л., 1977; Диброва Е. И., Вариантность фразеологических единиц в совр. рус. языке, Р. н/Д., 1979; Мокиенко В. М., Слав. фразеология, М., 1980; Райхштейн А. Д., Сопоставительный анализ нем. и рус. фразеологии, М., 1980; Эмирова А. М., Рус. фразеология в коммуникативном аспекте, Таш., 1988

В. Н. Телия.

Фу́нкции языка́. Будучи важнейшим средством общения, язык объединяет людей, регулирует их межличностное и социальное взаимодействие, координирует их практическую деятельность, участвует в формировании мировоззренческих систем и национальных образов мира, обеспечивает накопление и хранение информации, в т. ч. относящейся к истории и историческому опыту народа и личному опыту индивида, расчленяет, классифицирует и закрепляет понятия, формирует сознание и самосознание человека, служит материалом и формой художественного творчества. Усвоение языка ориентирует ребёнка в среде обитания. Т. о., функции языка многообразны: язык играет жизненно важную роль в основных сферах человеческой деятельности – коммуникативной, социальной, практической, информационной, эпистемической, духовной и эстетической.

Множественность предназначений языка вводит его в предметную область разных наук, каждая из к-рых выдвигает на первый план ту или другую его функцию. Для логики и философии основной интерес представляет роль языка в выражении мысли, для информатики – в обеспечении банка данных, для социологии – в осуществлении массовой и межличностной коммуникации и т. д.

Совр. биоэпистемология видит предназначение языка «в создании области взаимодействия между говорящими путём выработки общей системы отсчёта» (У. Матурана).

Ф. я. неравноценны. Лингвистика иерархизирует их и приводит в систему. Фундаментальными признаются те Ф. я., выполнение к-рых предопределило его возникновение и конститутивные свойства. Такова прежде всего коммуникативная Ф. я. Она обусловливает его основную характеристику – наличие материальной (звуковой) формы и системы правил кодирования и декодирования. Эти свойства обеспечивают и поддерживают единство выражения и восприятия смысла. Коммуникативная функция формирует прагматический компонент языковой структуры, адаптирующий речь к участникам и ситуации общения: дейктические (указательные) средства, систему местоимений, обращения, формулы этикета, повелительные формы глагола, систему времён, темпоральные слова и др.

Служить орудием выражения мысли – вторая фундаментальная Ф. я. Структура языка органически связана с категориями мышления. Основные единицы языка представляют собой аналоги логических категорий: слово соответствует понятию, предложение – суждению, подлежащее – субъекту суждения, сказуемое – предикату. Механизмы референции (см.) служат целям квантификации – выражения логического количества, т. е. определяют, относится ли имя к индивидуальному объекту, классу объектов, определённой или неопределённой части класса, неопределённому члену класса и т. д. Коммуникативная и логическая Ф. я. имеют общую основу. Логические структуры соотносительны с коммуникативными: субъект суждения выражает тему сообщения, предикат – сообщаемое (рему). Коммуникативная Ф. я. связана с сознанием и мышлением человека (см. Язык, мышление и сознание).

Язык приспособлен для выражения мысли и для коммуникации, но реализуются эти его главнейшие функции в речи. Поэтому более частные Ф. я. обычно определяются исходя из структуры речевого акта, необходимыми компонентами к-рого являются: говорящий субъект, адресат речи (реальный или потенциальный) и то, о чём делается сообщение. Соответственно этой схеме австрийский психолог К. Бюлер выделил три Ф. я.: репрезентативную функцию обозначения внеязыковой действительности, экспрессивную – функцию выражения внутреннего состояния говорящего и апеллятивную – функцию воздействия на адресата речи. Экспрессивная и репрезентативная функции связывают субъект и объект познания. Они обеспечивают когнитивную деятельность человека. По Бюлеру, языковой знак, реализуя указанные функции, обнаруживает разные стороны своей природы. Он выступает как символ по отношению к обозначаемой им внеязыковой действительности, как симптом по отношению к говорящему, как сигнал по отношению к адресату речи. В процессе пользования языком акцент может падать на одну из названных функций. Так, в агитации, проповеди, ораторской речи ведущей становится апеллятивная функция, в описательном, информативном и научном текстах – репрезентативная, во внутренней речи и непосредственных реакциях – экспрессивная. Преобладание той или другой функции создаёт особые жанры речевой деятельности.

Осуществление коммуникации определяется тем, что говорящие пользуются понятным им языком (кодом) и существуют условия, обеспечивающие передачу сообщения. Р. О. Якобсон выделяет с учётом этих компонентов шесть неравноценных Ф. я.: референциальную, эмотивную, конативную, фатическую, металингвистическую и поэтическую. Ведущей является референциальная (в иной терминологии – номинативная, денотативная, по Бюлеру – репрезентативная) Ф. я. – обозначение внеязыковых категорий. За ней следует эмотивная Ф. я. – выражение отношения автора речи к её содержанию. Она реализуется в формах субъективной модальности, пропозициональных установках, средствах оценки, эмфазе, восклицаниях, интонации, междометиях и т. д. Ориентация на адресата, т. е. конативная (от лат. conatus – попытка) Ф. я., является определяющей для таких форм, как обращение, императив, апелляция к сопереживанию. На базе конативной возникает магическая Ф. я. В религиозном и мифологическом сознании она играет большую роль. Магическая сила слова ассоциируется с проявлением высшей воли: *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет*. Выступая в магической функции, речь призвана воздействовать на ход событий, психику аудитории. При автоадресованности она служит целям самовнушения, вызывая состояния экстаза, медитации, освобождая от эмоциональных перегрузок. Магическая функция реализуется при помощи определённых приёмов; ср. формулы заклинаний, проклятий, клятв, заговоров, ворожбы, чуранья, привораживанья и т. п. Магические формулы равноценны ритуальным действиям и часто им сопутствуют. Магическую функцию осуществляют также глоссолалии – повторы ритмически организованных, но часто утративших рациональный смысл фраз, напр.: *«Нарис стане наризон, рами стане паризон»* (Мельников-Печерский). В социальной жизни функцию, близкую к магической, выполняют перформативные высказывания (прескрипции – т. е. предписания, приказы, формулы судебных приговоров, клятв, присяг, обещаний, извинений и др.), а также тексты реклам, лозунгов, призывов, обращений к неодушевлённым предметам. С магической функцией связаны эвфемизмы и табу. Поэтическая, эмотив-

ная, конативная и магическая Ф. я. способствуют развитию ряда риторических фигур (см. Фигуры речи). На это ещё ранее обращали внимание лит. критики. Так, англ. критик А. А. Ричардс в 1924 предложил различать два типа употребления языка: научное и эмотивное. Для первого существенна истинностная оценка высказываний о действительности; для второго – эмоциональное воздействие высказывания безотносительно к его истинности и даже самой её возможности.

В свободном общении людей реализуется фатическая (от лат. for, fatus sum, fari – говорить) Ф. я. Термин «фатическая» (или контактоустанавливающая) речь был введён англ. этнографом Б. Малиновским применительно к беседам, целью к-рых является создание уз общности между людьми путём обмена текущей информацией, мнениями, оценками и т. п. Фатическая Ф. я. обслуживается высказываниями, целью к-рых является завязывание, продолжение и прекращение коммуникации.

Высказывания о языке (коде) отвечают металингвистической Ф. я., реализуемой в языковедческих текстах, в процессе освоения ребёнком родного языка, при обучении иностранным языкам, в рефлексии над языком его носителей, напр. *«Я объяснил, что есть большая разница между "показательным", когда показывают то, что есть, и "показным", когда показывают то, чего нет»* (Ходасевич).

Установка на то, чтобы сообщение своей формой в единстве с содержанием удовлетворяло эстетическое чувство адресата, создаёт поэтическую Ф. я., к-рая, будучи основной для художественного текста, присутствует и в повседневной речи, проявляясь в её ритмичности, образности и др. Все элементы и уровни языковой структуры допускают эстетизацию, хотя и предрасположены к ней в разной степени: менее всего используется в поэтике морфология, более всего – лексика и фонетика.

Второстепенные Ф. я. выделяются постольку, поскольку они создают особые типы речевых актов или специфические виды речевой деятельности. Вместе с тем они охватывают не все типы речи. Функциональная классификация высказываний была разработана в теории речевых актов (см. Речь). Металингвистическая Ф. я. всецело определяется предметом высказывания. Поскольку язык не налагает ограничений на тему сообщения, выделение особой Ф. я. по этому признаку представляется нецелесообразным.

Лит.: Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Каз., 1883; Курилович Е., Лингвистика и теория знака, в его кн.: Очерки по лингвистике, пер. с франц., М., 1962; Бодуэн де Куртенэ И. А., Языкознание, или лингвистика, XIX в., в его кн.: Избр. тр. по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Тынянов Ю., Проблема стихотворного языка, М., 1965; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Степанов Ю. С., Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка), «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1973, т. 32, в. 4; Якобсон Р., Лингвистика и поэтика, в кн.: Структурализм: «за» и «против», М., 1975; Слюсарева Н. А., Методологический аспект понятия функций языка, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1979, т. 38, в. 2; НЗЛ, в. 17– Теория речевых актов, М., 1986; Топоров В. Н., Об инд. варианте «говорения языками» в рус. мистической традиции, в кн.: Wiener slawistischer Almanach. К 60-летию А. Пятигорского, в. 35, Wien, 1989; Винокур Г. О., Чем должна быть научная поэтика. Понятие поэтического языка, в его кн.: Филол. исследования. Лингвистика и поэтика, М., 1990; Бюлер К., Теория языка. Репрезентативная функция языка, пер. с нем., М., 1993; Язык и искусственный интеллект, М., 1995; Malinowski B., The problem of meaning in primitive languages, в кн.: Ogden C. K., Richards I. A., The meaning of meaning, L., 1923; репринтное изд., L., 1960; Richards I. A., Principles of literary criticism, L., 1924; репринтное изд., L., 1983.

Н. Д. Арутюнова

Функциона́льная грамма́тика – разновидность грамматики, изучающая: 1) функции единиц языка, относящихся к его строю, и закономерности функционирования этих единиц во взаимодействии с их окружением в высказывании и целостном тексте; 2) семантические категории и их варианты, выражаемые взаимодействующими разноуровневыми средствами (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими). Любая грамматика заключает в себе функциональные аспекты. Ф. г. представляет собой развитие и специальную разработку функционального аспекта грамматики как целого. В Ф. г. выделяются два направления анализа: исходно-формальное (от средств к функциям), связанное с выявлением специфических признаков значения и употребления каждой из форм; исходно-семантическое (от функций к средствам), связанное с постановкой вопроса о том, как выразить те или иные разновидности побуждения, временны́х, пространственных и других отношений. Задачи Ф. г. наиболее полно реализуются при сочетании обоих направлений анализа, сопряжённых с моделированием речевой деятельности говорящего (идущего прежде всего от смысла к средствам его выражения) и слушающего (идущего прежде всего от языковых средств к смыслу).

При анализе функционирования грамматических форм и конструкций определяются лексические, синтаксические, контекстуальные и ситуативные условия их употребления, тем самым изучается взаимодействие элементов языковой системы и её окружения. Напр., описывается употребление видов в различных глагольных формах и синтаксических конструкциях с учётом особенностей лексического значения глаголов, предельности – непредельности и способов действия, выявляются типы ситуаций, выражаемых с участием глагольного вида в высказываниях и целостном тексте.

Функция языковой единицы понимается как выполняемое ею назначение, ср. такие функции, как родительный субъекта, творительный орудия, настоящее историческое. Поскольку выражение того или иного значения в речи может тракто-

ваться как функция (назначение) тех или иных языковых средств, понятия «функция» и «значение» частично пересекаются. Тем не менее эти понятия не тождественны. Функции языковых единиц могут быть не только семантическими, но и структурными (напр., функции средств согласования). В отличие от понятия «значение», связанного с соотношением «план содержания – план выражения» в системе знаковых единиц, понятие семантической функции характеризуется ориентацией на отношение «цель – средство» и коммуникативной направленностью. Соотношение рассматриваемых понятий трактуется по-разному. Нек-рые исследователи выводят значения из сферы функций, ограничивая её гл. обр. назначениями, имеющими структурный характер (ср. функции подлежащего, дополнения и т. п.).

Функциональное направление в грамматике, существующее в многообразии течений и школ, во многих отношениях опирается на языковедческую традицию (ср. концепции А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, И. И. Мещанинова, О. Есперсена, В. Матезиуса, Р.О. Якобсона). Ф. г. тесно связана с теорией языкового общения, лингвистикой текста, когнитивной лингвистикой, семантической типологией.

Одно из направлений Ф. г. базируется на понятии функционально-семантического поля как группировки разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определённой семантической категории. Так, поле темпоральности, грамматическим центром к-рого является категория глагольного времени, охватывает и другие компоненты (ср., напр., выражение временных отношений в конструкциях типа *Ночь; Уберите деньги!; Покинуть площадку!; Прилечь бы; Я бы завтра пошёл*). Выделяются группировки функционально-семантического поля: 1) с предикативным ядром: аспектуальность, временная локализованность, таксис (временные отношения между действиями), темпоральность, модальность, персональность, залоговость; 2) с субъектно-объектным ядром: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определённость – неопределённость; 3) с качественно-количественным ядром – качественность, количественность; 4) с предикативно-обстоятельственным ядром – локативность, бытийность, посессивность, обусловленность (комплекс полей условия, причины, цели, следствия и уступительности).

Понятие функционально-семантического поля соотносится с понятием категориальной ситуации, трактуемой как один из аспектов «общей ситуации», передаваемой высказыванием, одна из его категориальных характеристик. Ср. ситуации аспектуальные (*Убеждал, да не убедил*), таксисные (аспектуально-таксисные) типа «длительность – одновременная ей длительность», «длительность – наступление факта», «предшествование – следование», «цепь фактов» и т. п., ситуации бытийные (*На свете существует справедливость*), посессивные (*У них есть всё*) и др. Особый аспект описания модальных, темпоральных, персональных и других категориальных ситуаций заключается в их соотнесении с категориальными характеристиками текста как целого.

Лит.: Золотова Г. А., Очерк функционального синтаксиса рус. языка, М., 1973; её же, Коммуникативные аспекты рус. синтаксиса, М., 1982; Щерба Л. В., Преподавание иностранных языков в средней школе. (Извлечения из книги), в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Бондарко А. В., Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии, Л., 1983; его же, Функциональная грамматика, Л., 1984; его же, К вопросу о функциях в грамматике, «Изв. АН. Сер. ЛиЯ», 1992, т. 51, № 4; Проблемы функциональной грамматики, М., 1985; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис, Л., 1987; Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект, М., 1989; Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Л., 1990; Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, СПБ, 1991; Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определённость/неопределённость, СПБ, 1992; Functionalism in linguistics, Amst./Phil., 1987.

А. В. Бондарко.

Х х

Ц ц

Х, х – двадцать третья буква русского алфавита. Её название – «ха» употребляется как существительное ср. рода: *прописное х*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «хер», к-рая, в свою очередь, восходит к греч. «хи». Числовое значение этой буквы в кириллице «шестьсот». Название *«хер»* сохранилось в составе глагола *похерить* – уничтожить (первоначально – зачеркнуть хером, т. е. крестом).

Основное графическое значение буквы *х* – обозначение общей части фонем ⟨*х*⟩ и ⟨*х'*⟩ : заднеязычная, щелевая. Твёрдость и мягкость этих фонем обычно обозначаются следующей за *х* буквой или другим графическим знаком: ⟨*х*⟩ – *холст, храм, мох* (твёрдость обозначена пробелом); ⟨*х'*⟩ – *хитрый*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *х* обозначает твёрдость этих фонем: *алхимия, верх, Пасха*.

Ха́рьковская лингвисти́ческая шко́ла – одно из направлений отечественного языкознания 2-й пол. 19 в., представители к-рого (А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. В. Ветухов, А. Г. Горнфельд, М. А. Колосов, Б. А. Лезин, А. В. Попов, М. Г. Халанский, В. И. Харциев и др.) исследовали язык в широком культурном и историческом контексте. Изучая происхождение и развитие языков и словесности в связи с историей народа, учёные Х. л. ш. исследовали фонетические и грамматические особенности вост.-слав. языков в их эволюции, собирали и изучали фольклор и художественные ценности, составляющие достояние национальной культуры. У истоков Х. л. ш. стояли И. И. Срезневский («Мысли и замечания», 1831; «Мысли об истории русского языка», 1850) и его ученик П. А. Лавровский («О языке северных русских летописей», 1852).

Наиболее значительные достижения Х. л. ш. связаны с деятельностью Потебни, чл.-корр. Петерб. АН (1875), проф. Харьковского ун-та с 1875. Потебня разрабатывал теорию происхождения и развития языка, историческую грамматику, семасиологию, поэтику, историю лит-ры, занимался фольклором и этнографией, исследовал вопросы взаимоотношения языка и мышления, языка и нации («Мысль и язык», 1862). На формирование его философских взглядов оказали влияние идеи А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, эстетические идеи В. Г. Белинского, философско-филологические взгляды В. фон Гумбольдта и Г. Штейнталя. В разработанной (и названной) Потебнёй «ономатопоэтической теории языка» мыслительно-речевой акт считается индивидуально-психическим творческим актом, результаты к-рого признаются или отвергаются при его творческом восприятии (см., напр., «Из лекций по теории словесности», 1894, и «Из записок по теории словесности», 1905). Отсюда, с одной стороны, утверждается, что слово материально существует только как отдельное употребление (отрицание реальности слова как совокупности словоформ), с другой – последовательно проводится идея изучения истории употребления слов и процесса исторического развития конкретного языка. Прослеживая это развитие, Потебня делал выводы об исторических изменениях в характере языкового мышления данного народа и человечества в целом. Он считал, что в основе развития языка лежит смена поэтического мышления, отразившегося в формах слов и высказываний, прозаическим мышлением. Определение искусства как основной формы познания, предшествующей философской и научной формам познания, было распространено в нач. 20 в. Взгляды Потебни на поэтический язык, природу поэзии и вообще искусства составляют его «лингвистическую поэтику» («Эстетика и поэтика», 1976). В поэтическом слове и соответственно в поэтическом произведении в целом Потебня выделяет 3 составных элемента: внешнюю форму (звучание), значение (семантику) и внутреннюю форму (образ). Учение Потебни о внутренней форме слова (см.) восходит к идеям Гумбольдта.

«Теория словесности» Потебни утверждает, что тропы и фигуры речи используются независимо

Александр Афанасьевич Потебня
10(22).9.1835 – 29.11(11.12).1891

от жанра произведения, чем достигается единство метода художественного представления, содержания речи. Утверждается также вторичность прозы по отношению к поэзии. Поэтому предмет филологии после Потебни стал пониматься как сочетание анализа языка с анализом только художественной речи, а филология в школе преподавалась под углом зрения лингвистической поэтики (Овсянико-Куликовский Д. Н., «Теория поэзии и прозы», 1923).

В работах Лавровского и Потебни по исторической фонетике была углублена методика сравнительно-исторического исследования, научное изучение истории слов поставлено в связь с историей народа. Особое место здесь занимала проблема происхождения вост.-слав. языков, в частности украинского. Потебнёй дана развёрнутая картина развития вост.-слав. фонетической системы от древнего периода до сер. 19 в., сформулированы принципы этимологических исследований в связи с фонетической диагностикой, сделаны открытия т. н. «нового ѣ», второго полногласия в момент дефонологизации редуцированиых и др. В работах Потебни были охарактеризованы границы распространения важнейших диалектных звуковых явлений, определены отношения южновеликорус. говоров к северновеликорусским, указаны признаки, к-рыми отличается укр. язык. Эти работы знаменовали качественно новый этап в развитии диалектологии, сформировали научные основы вост.-слав. диалектологии как самостоятельной дисциплины. С достижениями в исторической фонетике связано становление отечественной диалектологии (труды Колосова, Халанского, а также П. И. Житецкого).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ПО РУССКОЙ
ГРАММАТИКѢ

I
ВВЕДЕНІЕ.

Составилъ
А. Потебня.

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ
1874.

Синтаксическое учение Потебни («Из записок по русской грамматике», т 1–2, 1874, т. 3, 1899, т. 4, 1941) было новым этапом в разработке понятий слова, грамматической формы, грамматической категории и др Стремление раскрыть этапы развития человеческого мышления в фактах языковой эволюции, основанное на понимании связи языка и мышления, а отсюда применение историко-генетического принципа анализа и осмысления синтаксических явлений позволило учёным Х. л. ш. углубить исследования в области исторической грамматики русского и других слав. языков, более глубоко исследовать морфологию и синтаксис вост.-слав. языков (работы Овсянико-Куликовского, Попова, Халанского и др.). В том же направлении работали последователи Х. л. ш. – И. М. Белоруссов, А. С. Будилович, Н. К. Грунский, А. А. Дмитревский, А. В. Добиаш, отчасти Б. М. Ляпунов. Историко-генетический подход к изучению языковых явлений содействовал развитию отечественной семасиологии, лексикологии, этимологии. В трудах учёных Х. л. ш. разрабатывались также проблемы истории вост.-слав. лит. языков, лингвостилистики.

Лит.: Лавровский П. А., Разбор исследования А. А. Потебни «О мифическом значении нек-рых поверий и обрядов». [Москва. 1865], М., 1866; Филин Ф. П., Методология лингвистических исследований А. А. Потебни, в кн.: Язык и мышление, т. 3–4, М –Л., 1935; Нефедов Г. Ф., Митрофан Алексеевич Колосов (1839–1881), в кн.: Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус языка АН СССР, в. 1, М.–Л., 1947, с. 119–26; Булаховский Л. А., Александр Афанасьевич Потебня. (К 60-летию со дня смерти), К., 1952; Виноградов В. В , Из истории изучения рус синтаксиса. (От Ломоносова до Потебни и Фортунатова), М., 1958; Иванов В. В., И. И Срезневский (к 160-летию со дня рождения), «Рус. яз. в школе», 1972, № 3; Франчук В. Ю., Олександр Опанасович Потебня (біобібліографічний очерк), Київ, 1975; Березин Ф. М., Рус. языкознание кон XIX – нач XX вв., М., 1976; Пресняков О. П., Поэтика познания и

творчества. Теория словесности А. А. Потебни, М., 1980; Осьмаков Н. В., Психологическое направление в рус. литературоведении. Д. Н. Овсянико-Куликовский, М., 1981; Ляпунов Б. М., Изучение вост.-слав. говоров в тр. проф. М. Г. Халанского, в кн.: Рус. говоры на Украине, К., 1982; Мельников Г. П., Лингвистические воззрения А. А. Потебни и типология языков, в кн.: Наукова спадщина О. О. Потебнi i сучасна фiлологiя, Київ, 1985.

В. Ю. Франчук, Ю. В. Рождественский.

Хроно́графы – памятники древнерусской литературы, содержащие изложение всемирной истории. Х., основанные на византийских хрониках, составлялись начиная с 11 в. Особый интерес представляет Рус. Х., созданный в нач. 16 в.; в числе его источников – библейские книги, византийские хроники, эллинистический роман об Александре Македонском, повесть о Троянской войне, жизнеописания сербских святых, рус. летопись. Этот Х. излагает всемирную историю от сотворения мира до 1453.

Все свои источники составитель Х. пересказывает и редактирует, упрощая синтаксическую структуру и обновляя лексику. Стиль одного из источников Х.– византийской хроники Константина Манассии (12 в., в болг. переводе 14 в.),– отличающийся повышенной эмоциональностью, обилием ярких эпитетов, сравнений, метафор, завоевал большую популярность у рус. писателей, ему подражали авторы исторических повестей 16 – нач. 17 вв. Редакции Рус. Х., возникшие в 17 в., отличает простой и ясный слог, хотя в повествовании о событиях рус. истории нач. 17 в. заметно влияние стиля хроники Манассии.

Изд.: Рус. хронограф, ч. 1–2, СПБ, 1911–14 (Полное собр. рус. летописей, т. 22); Из Хронографа 1512 года, в кн.: Памятники лит-ры Древней Руси. Кон. XV – первая пол. XVI века, М., 1984; Из Хронографа 1617 года, в кн.: Памятники лит-ры Древней Руси. Кон. XVI – нач. XVII веков, М., 1987.

Лит.: Лихачев Д. С., Человек в лит-ре Древней Руси, 2 изд., М., 1970; Творогов О. В., Др.-рус. хронографы, Л., 1975; его же, Хронографы Древней Руси, «Вопросы истории», 1990, № 1.

О. В. Творогов.

Ц, ц – двадцать четвёртая буква русского алфавита. Её название – «цэ» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ц*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «цы». Аналогичной буквы в греч. алфавите нет. Числовое значение этой буквы в кириллице «девятьсот».

Основное графическое значение буквы *ц* – обозначение фонемы ⟨ц⟩: *царь, цель, плацдарм, отец*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *ц* обозначает твёрдость этих фонем: *овца, блюдце, полцены*.

Церко́вно-славя́нский язы́к – древнеславянский литературный язык. По своему происхождению это старославянский язык (см.), подвергшийся влиянию живых языков народов, у к-рых он был распространён. Это влияние отражено уже в самых ранних памятниках 10–11 вв. Различают местные разновидности Ц. я., или изводы, редакции: вост.-славянская, болгарская, македонская, сербская, хорватская глаголическая, чешская, румынская. Отличия между ними проявлялись гл. обр. в нек-рых фонетических и морфологических особенностях, свойственных этим языкам, а также в использовании местных бытовых слов. Эти различия были весьма невелики, и произведения, возникшие на одной языковой территории, легко читались, понимались и переписывались на другой. Благодаря близости древних слав. языков, Ц. я. не воспринимался как чужой язык ни в одной из слав. стран. Ц. я. как язык книжный противопоставлялся живому народно-разг. языку. В первую очередь Ц. я. был языком церкви, но выступал и в более широкой роли как язык образованности, учёности, слав. просвещения.

Нормы Ц. я. изменялись под влиянием ряда факторов: изменений в живых народных языках, в зависимости от тенденций к унификации Ц. я. и восстановления древних норм, что было связано с деятельностью различных книжных школ, и в связи с постепенным передвижением центров др.-слав. книжности с юга слав. мира на восток. Так, употребление форм двойственного числа и разных форм прош. времени (в том числе аориста и имперфекта) в эпоху, когда эти формы были свойственны живым слав. языкам, не отличало эти языки от Ц. я. В последующие же эпохи, когда эти и другие языковые особенности были слав. языками утрачены, они стали приметой Ц. я. Некоторые изменения, происшедшие в живых народно-разг. языках, проникали и в Ц. я. После нек-рой децентрализации и ослабления строгости норм Ц. я. (12–13 вв.) наступает эпоха унификации и восстановления древних норм (14–15 вв.) в результате деятельности тырновской школы в Болгарии, ресавской школы в Сербии и связанного с этой деятельностью второго южнослав. влияния на Руси. В кон. 15–16 вв. происходит смещение центров слав. книжности в Литовскую Русь и в Москву, вызвавшее смену норм под влиянием местных языков. В 17 в. существовало несколько центров книжности: Вильно, Киев, Москва, что привело к параллелизму норм. В 18 в. централизация и нормализация Ц. я. проходили на основе Ц. я., употреблявшегося в Москве.

По вопросу о соотношении Ц. я. и живых народных языков в истории слав. лит. языков существуют различные точки зрения. А. А. Шахматов считал, что рус. лит. язык происходит от Ц. я., дальнейшая его история состоит в постепенной его русификации. С. П. Обнорский высказал противоположную точку зрения, по которой др.-рус. лит. язык был в основе своей русским и лишь позднее подвергся влиянию Ц. я., к-рое постепенно усиливалось. В. В. Виноградов выдвинул идею двух типов др.-рус. лит. языка. В основе одного типа лежит Ц. я., в основе друго-

го – живой народный язык. В соответствии с этим учёными выделялись подобные два типа и в др.-сербском, др.-македонском, др.-болг. (среднеболг.) лит. языках. В разные эпохи взаимоотношения между этими типами лит. языков были различны. По мнению Б. А. Успенского, в Киевской Руси Ц. я. и рус. язык имели строго разграниченные сферы употребления и образовывали диглоссию, при к-рой литературным был только Ц. я. В 17 в. это разграничение нарушается, в связи с чем диглоссия переходит в двуязычие (см. История русского литературного языка). Народный рум. язык и Ц. я., как языки разных систем, всегда были достаточно независимы друг от друга. Ц. я. постепенно уступал лит. языку на народно-разг. основе одну сферу распространения за другой. С 19 в. Ц. я. сохраняется как культовый язык православной церкви. Происходило и влияние Ц. я. на живые народные и лит. слав. языки на народной основе, в результате чего нек-рые особенности Ц. я. закрепились в этих языках (см. Славянизмы).

В формировании рус. извода Ц. я. важную роль сыграло упорядочение основного корпуса письменных церковных текстов. В конце 15 в. под руководством новгородского архиепископа Геннадия был составлен полный библейский свод всех книг Ветхого и Нового Завета. Геннадиевская Библия послужила основой первопечатной слав. Библии, изданной в Остроге в 1581 и переизданной в Москве в 1663. В сер. 16 в. появляются Великие Четьи Минеи митрополита Макария, включающие жития святых, поучения, наставления о монашеской жизни, богословские трактаты. Возникновение в Москве в сер. 16 в. книгопечатания также способствовало формированию моск. варианта Ц. я. В 17 в. особенно остро встал вопрос об исправлении церковных книг, что явилось одной из причин раскола Рус. Церкви. Старообрядцы, не принявшие реформы патриарха Никона, до сих пор сохраняют старый моск. вариант Ц. я. В патриаршей же церкви формируется вариант Ц. я., возникший из соединения моск. норм с украинскими. В соответствии с ним во 2-й пол. 17 – 1-й пол. 18 вв. исправляются основные богослужебные книги. Так формируется общерус. извод Ц. я., называемый синодальным или новоцерковно-славянским.

В наст. время существуют три типа Ц. я. Широко распространённый русский тип употребляется в христианском богослужении вост., византийского обряда гл. обр. у православных славян – русских, украинцев, белорусов, болгар, македонцев, сербов. У него имеются фонетические разновидности, связанные с особенностями совр. языков. В католической церкви изредка употребляются хорватско-глаголический тип (в богослужении хорватов и с 1921 по 1972 – чехов) и чешский тип (с 1972 у чехов).

В лингвистической лит-ре вместо терминов «ст.-слав. язык» и «Ц. я.» употребляется также термин «др.-слав. лит. язык», к-рым обозначается единый лит. язык южных славян (9–18 вв.), вост. славян (10–18 вв.), мораван (чехов) (9–11 вв) и влахо-молдаван (14–18 вв.).

Лит.: Булич С., Церк.-слав. элсмснты в совр. лит. и народном рус. языке, ч. 1, СПБ, 1893; Шахматов А. А., Очерк совр. рус. лит. языка, 4 изд., М., 1941; Копыленко М. М., Как следует называть язык древнейших памятников слав. письменности?, «Сов. славяноведение», 1966, № 1; Виноградов В. В., История рус. лит. языка. Избр. тр., М., 1978; Успеиский Б. А., История рус. лит. языка (XI–XVII вв.), Münch., 1987; Живов В. М., Роль рус. церк.-славянского в истории слав. лит. языков, в кн.: Актуальные проблемы слав. языкознания, М., 1988; его же, О церк.-слав. языке, «Рус. словесность», 1993, № 2; Толстой Н. И., История и структура слав. лит. языков, М., 1988; его же, Культура и дух церк.-слав. слова, «Рус. словесность», 1993, № 2; Трубецкой Н. С., Общеслав. элемент в рус культуре, в его кн. История Культура. Язык, М., 1995.

Л. Л. Касаткин.

Цо́канье – неразличение согласных *ц* и *ч* в нек-рых русских говорах и произношение на их месте одного какого-либо звука: или *ц'* (мягкое цоканье), или *ц* (твёрдое цоканье), или *ч'* (чоканье): *ц'е́лый – ц'и́сто, цэ́лый – цы́сто, ч'елый – ч'и́сто*. Наиболее часто встречается мягкое Ц.: оно распространено в Карелии, в Архангельской, Вологодской, Кировской областях, а также в говорах Сибири и Дальнего Востока; твёрдым Ц. характеризуются нек-рые новгородские говоры, а также говоры рязанской Мещёры; чоканье отмечается в ряде вологодских говоров.

Ц.– одна из наиболее древних диалектных черт рус. языка: оно отмечается в новгородских памятниках 11–12 вв., в смоленских и полоцких – 13 в., в псковских – 14 в., в вологодских – 16 в. (в памятниках это явление отражается в написании буквы *ц* на месте *ч* или наоборот либо в беспорядочном смешении этих двух букв). Вопрос о происхождении Ц. является до конца неясным. По-видимому, его возникновение связано с влиянием финно-угорских языков (знающих только одну аффрикату), с к-рыми нек-рые диалекты др.-рус. языка издавна вступали в контакты. Однако фонетическая система почти непроницаема для иноязычного влияния, поэтому возникновение Ц. только под финно-угорским воздействием едва ли было возможно. Такое влияние могло осуществиться лишь в том случае, если в системе самого др.-рус. языка существовали условия, облегчившие это влияние. Такими условиями оказались происхождение *ц* и *ч* из одной фонемы *к* (см. Палатализация) и отсутствие их функциональной значимости по отношению друг к другу, т. е. отсутствие в языке слов и форм, к-рые противопоставлялись бы друг другу фонемами *ц* и *ч* (ср., с одной стороны, *пел – бел – мел – цел* и *пас – бас – нас – час*, различающиеся разными согласными фонемами, а с другой – отсутствие по существу таких пар словоформ, к-рые разли-

чались бы *ц* и *ч*; пара *цех* – *чех* поздняя по происхождению и образуется заимствованиями, *цокать* – *чокать* – специальные термины, *цапать* – *чапать* – звукоподражательные слова, не имеющие широкого распространения). Именно это обстоятельство могло облегчить иноязычное влияние на фонетические системы нек-рых рус. диалектов. Имеются и другие гипотезы о происхождении Ц.

Ц. никогда не было широко распространённой диалектной чертой, а по мере развития влияния лит. языка на говоры оно всё больше утрачивается. Однако такая утрата идёт не прямым путём усвоения правильного употребления *ц* и *ч*, а через промежуточные ступени: через беспорядочное смешение *ц* и *ч'*, через усвоение твёрдого *ч* вместо мягкого и т. п.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки рус. диалектологии, М., 1949; Орлова В. Г., История аффрикат в рус. языке в связи с образованием рус. народных говоров, М., 1959; Рус. диалектология, под ред. П. С. Кузнецова, М., 1973; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990.

В. В. Иванов.

Ч ч

Ч, ч – двадцать пятая буква русского алфавита. Её названис – «че» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ч*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «червь». Аналогичной буквы в греч. алфавите нет. Числовое значение в кириллице «девяносто».

Основное графическое значение буквы *ч* – обозначение фонемы ⟨*ч'*⟩: *час, чек, алчба, луч*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем (кроме *н*), буква *ч* обозначает твёрдость этих фонем: *вчера, волчок, жемчуг*.

Ча́сти ре́чи – классы слов, характеризующиеся: единством обобщённого значения (напр., предметности у существительного, процесса у глагола), отвлечённого от лексических значений всех слов данного класса; общностью грамматических категорий и словоизменения; общностью синтаксических функций. Совр. грамматика рус. языка выделяет 10 Ч. р.: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частицы, междометие.

Вопрос о разделении всех слов на классы возникал ещё задолго до того, как язык стал предметом специальной научной дисциплины – языкознания. Интерес к различным сторонам языка в Древней Греции был связан с развитием философии и особенно с зарождавшейся в 5 в. до н. э. наукой об ораторском искусстве и красноречии. Главной теоретической проблемой в это время был вопрос о характере связи между словом и обозначаемым им предметом. На языковом материале был основан философский анализ суждения, вычленение Платоном (5–4 вв. до н. э.) в философских диалогах двух его компонентов – субъекта и предиката, ассоциирующихся с именем и глаголом. Грамматическое определение имени и глагола на основании морфологических признаков было дано Аристотелем (4 в. до н. э.). Среди «частей словесного изложения» Аристотель называет собственно разряды слов (имя, глагол, член, союз, или связку), а также отдельные звуки, слог и «падеж» (т. е. форму имени и глагола, отличную от исходной). Все разряды слов Аристотель разделяет на «значащие» (имя и глагол) и «незначащие» (все остальные).

В это же время (5–4 вв. до н. э.) в трудах инд. учёных Яски – применительно к чтению и толкованию сакральных текстов (Вед) – и Панини – применительно к нормам санскрита – были выделены аналогичные четыре класса слов: имя; глагол; префикс-предлог; союзы и частицы.

Учение о Ч. р. в Греции было продолжено стоиками (3–1 вв. до н. э.), выделившими пять Ч. р.: имя собственное; имя нарицательное; глагол; союз (союзы и предлоги); член (местоимения и артикли). Заслуга выделения грамматики в самостоятельную дисциплину принадлежит учёным Александрии. Дионисий Фракийский (2 и 1 вв. до н. э.), основываясь на морфологических и синтаксических признаках слов, называет в своей «Грамматике» восемь Ч. р.: имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие, союз. Учение о Ч. р. продолжил Аполлоний Дискол (2 в. до н. э.), установивший иерархию Ч. р. и определивший их свойства и функции. Становление и развитие филологии в Риме происходило под воздействием греч. науки и культуры, грамматическое учение имело своим образцом грамматики стоиков. В трудах и трактатах Варрона (1 в. до н. э.) в основу деления слов на классы впервые был положен формальный критерий – наличие или отсутствие у слов форм падежа или времени. Исходя из этого, Варрон устанавливает четыре класса слов: имя (существительное, прилагательное, числительное, местоимение); глагол; причастие; наречие. Имя имеет падеж и не имеет времени, глагол имеет время и не имеет падежа, причастие имеет и то и другое, наречие не имеет ни того ни другого. В сер. 1 в. была создана первая большая грамматика лат. языка «Грамматическое руководство» Палемона, в к-рой впервые было выделено междометие в качестве самостоятельной Ч. р. и исключён чуждый лат. языку артикль. Ср.-век. Европа сохраняла грамматическую модель поздней античности, представленную в трудах Проба и Доната (4 в.) и в «Курсе грам-

матики» Присциана (6 в.). Новым достижением в грамматической теории был комментарий Петра Гелийского (Париж, сер. 12 в.) к грамматике Присциана. Существует мнение, что Петром Гелийским было впервые осуществлено разграничение имён на существительные и прилагательные.

Система Ч. р. в её греч. и лат. вариантах была принята и в слав. грамматиках. «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (1596) полностью сохранила все восемь Ч. р. греч. грамматики, включая артикль («Различие», по терминологии автора). В «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619), следовавшего лат. образцам, уже нет артикля, но выделено междометие. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) назвал восемь Ч. р.: имя (собственно имя, прилагательное и числительное); местоимение; глагол; причастие; наречие; предлог; союз; междометие. Все Ч. р. (по терминологии того времени, «части слова») Ломоносов разделил на главные – имя и глагол, как «необходимо нужные в изображении самых наших главных понятий», и служебные – все остальные. Развитие грамматической теории в 19 в. привело к выделению в качестве самостоятельных Ч. р. прилагательных (А. Х. Востоковым), числительных (Г. П. Павским, Ф.И. Буслаевым), деепричастий (М.Г. Смотрицким).

В кон. 19 в. А. А. Потебня и Ф. Ф. Фортунатов выдвинули разные принципы классификации Ч. р. Потебня на первое место поставил семантику Ч. р., указав и на их синтаксическую роль. Основываясь на критериях своего учителя Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовский предложил соответственно две классификации Ч. р.: 1) со стороны формально-грамматической; при этом слова объединялись на основании общности словоизменения или его отсутствия, и 2) со стороны убывающей знаменательности и возрастающей формальности; при этом все слова распределялись в четырёх классах: знаменательные (существительные, прилагательные, глаголы, причастия, наречия, деепричастия); знаменательно-отвлечённые (глаголы *быть, существовать*, соответствующие причастия и деепричастия и отглагольные существительные); малознаменательные – формальные (местоимения, формальные наречия, конкретные или полуотвлечённые глаголы-связки); незнаменательные формальные (отвлечённые глаголы-связки, предлоги, союзы). Фортунатов построил классификацию Ч. р. на последовательном проведении морфологического принципа: наличия у соответствующих слов форм словоизменения или же, напротив, отсутствия форм словоизменения. Классы слов (Ч. р.) он называл формальными классами. Дальнейшие классификации Ч. р. строились на совмещении принципов, предложенных Потебнёй и Фортунатовым (напр., классификация А. М. Пешковского). А. А. Шахматов в основу деления Ч. р. положил синтаксический принцип с учётом морфологических признаков, Л. В. Щерба предложил классифицировать слова по совокупности морфологических, синтаксических и семантических признаков. Особую позицию по отношению к вопросу о Ч. р. занял В. В. Виноградов.

Существенным в предложенной Виноградовым классификации слов на Ч. р. являются положение о том, что деление слов на Ч. р. не совпадает с делением слов на структурно-семантические типы, и утверждение многостепенного характера классификации Ч. р. Все слова Виноградов разделяет на четыре структурно-семантических типа: слова, способные выполнять номинативную функцию или быть эквивалентами названий; служебные, или связочные, слова; модальные слова и частицы; междометия. На Ч. р., по Виноградову, разделяются только слова первого типа. Они образуют семь Ч. р.: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, категория состояния. Эти Ч. р. в зависимости от степени номинативной самостоятельности слов, различия словоизменения и синтаксического употребления распадаются на две серии. К первой относятся имена, в свою очередь подразделяющиеся на существительные, прилагательные и числительные, местоимения (предметно-личные) и глаголы, ко второй – наречия и новая, особая Ч. р.– категория состояния. Системе Ч. р. у Виноградова противостоит система частиц речи, к к-рым относятся частицы в собственном смысле, частицы-связки, предлоги и союзы. К частицам речи примыкают модальные слова, образующие особый структурно-семантический тип слов, и междометия.

Вопрос о Ч. р., их числе и принципах выделения остаётся дискуссионным, однако основу Ч. р. при любой классификации составляют слова, способные выполнять номинативную функцию (существительные, прилагательные, глаголы, наречия) или быть указательным эквивалентом названий (местоимения). Традиционная грамматика, примером к-рой является «Грамматика русского языка» (1952–54) и к-рой, как правило, следуют школьные грамматики, выделяет десять Ч. р. Иногда в особые Ч. р. выделяют причастия, деепричастия, сравнительную степень прилагательных и наречий. Шахматов включал в Ч. р. префикс и связку. Щерба предложил обособить в качестве Ч. р. слова *можно, нельзя, надо, жаль, пора, время, весело, грустно* и др. в безлично-предикативном употреблении под названием «категория состояния». Виноградов среди Ч. р. выделял категорию состояния; в особую группу слов им были выделены модальные слова, взаимодействующие как с Ч. р., так и с частицами речи. М. В. Панов предложил включить в состав Ч. р. на правах отдельного класса т. н. аналитические прилагательные типа *авиа-, кино-, хлебо-,*

проф- и др. В классификациях нек-рых учёных (Н. Н. Дурново, Панова, О. П. Суника) количество Ч. р. сокращается. Нет единого мнения по поводу состава местоимений и числительных как Ч. р., по поводу частеречного статуса категории состояния и состава модальных слов.

В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), в «Русской грамматике» (1980) и в «Краткой русской грамматике» (1989) сохраняется традиционная классификация всех слов на десять Ч. р., но с нек-рыми отличиями, касающимися состава таких Ч. р., как местоимение и числительное. В местоимение включают вслед за Виноградовым только местоимения-существительные, замещающие лицо или предмет (*я, ты, он, себя, мы, вы, они, кто, что* и др.), а местоимения-прилагательные и местоимения-наречия рассматриваются как разряды слов внутри соответствующих Ч. р. В числительном как Ч. р. объединены количественные и собирательные числительные (*два, три; двое, трое*). Порядковые (счётные) числительные (*первый, второй* и т. п.) включены в состав прилагательного.

Лит.: Овсянико-Куликовский Д. Н., Синтаксис рус. языка, 2 изд., СПБ, 1912; Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1952; Щерба Л. В., О частях речи в рус. языке, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1957; Винокур Г. О., Форма слова и части речи в рус. языке, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1959; Кузнецов П. С., О принципах изучения грамматики, М., 1961; Суник О. П., Общая теория частей речи, М.–Л., 1966; Панов М. В., Рус. язык, в кн.: Языки народов СССР, т. 1 – Индоевропейские языки, М., 1966; Супрун А. Е., Части речи в рус. языке, М., 1971; Кубрякова Е. С., Части речи в ономасиологическом освещении, М., 1978; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; История лингвистических учений. Древний мир, Л., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989.

В. А. Плотникова.

Части́цы – класс слов, выражающих многообразные отношения, реализующиеся в акте речи или тексте, а именно: отношение сообщаемого к участникам акта речи (говорящему, слушающему), а также отношения между ними; отношение сообщаемого к действительности (в плане его реальности/ирреальности; достоверности/недостоверности); отношение между высказываниями и их компонентами. Выражая эти отношения, Ч. реализуют свои значения. В значениях нек-рых Ч. представлены семантические компоненты, модифицирующие содержательную сторону сообщаемого (*только, всего, было, не, ни*). Ч., кроме того, служат для формирования морфологических и синтаксических наклонений (*бы, пусть, пускай*). Одна из первых классификаций Ч. рус. языка представлена в работе В. Н. Сидорова (см. раздел о морфологии в кн. «Очерк грамматики русского литературного языка», 1945), разделившего их по значению на 5 разрядов: усилительные (*-то, даже, ведь, вот, же*); отрицательные (*не*); выделительные (*только, лишь, лишь только*); вопросительные (*разве, неужели, ли*); восклицательные (*как, что за*). Классификация, ставшая общепринятой, была разработана В. В. Виноградовым [«Русский язык. (Грамматическое учение о слове»), 1947; 3 изд., 1986)], к-рый выделил по значению восемь разрядов Ч.: усилительно-ограничительные, или выделительные (*только, лишь, хоть* и др.); присоединительные (*тоже, также* и др.); определительные (*именно, как раз, подлинно* и др.); указательные (*вон, вот, это* и др.); неопределённые (*-то, -либо, -нибудь, кое-* и др.); количественные (*почти, ровно, точно* и др.); отрицательные (*не, ни*); модально-глагольные (*бы, -ка, хоть бы, лишь бы* и др.). К частицам Виноградов относил также вопросительные и восклицательные слова, к-рые тесно связаны, как он полагал, с категорией модальных слов. В «Грамматике русского языка» (1952–54) эта классификация частично видоизменена – Ч. делятся по значению на четыре основных разряда: Ч., выражающие различные смысловые оттенки значений слов в речи (*вон, именно, всё, лишь, только, даже* и др.); Ч., вносящие в речь модальные и модально-волевые оттенки (*бы, ну, дай, давай, пусть, -ка* и др.); Ч., вносящие в речь эмоциональные, экспрессивные оттенки (*ведь, ну и, просто, прямо* и др.); Ч., выполняющие словообразовательную и формообразующую функцию (*бы, -то, пусть, да* и др.). В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) Ч. классифицируются по другому основанию – по функциям. Выделяются три основных разряда: синтаксические (*бы, пусть, да, давай* и др.); субъективно-модальные (*ведь, даже, разве, ли, неужели* и др.); отрицательные (*не, ни*) Ч. Среди субъективно-модальных Ч. различаются по значению усилительные (*-то, даже, ведь, вот, же*), выделительные (*только, лишь только*) и др. В «Русской грамматике» (1980) основные разряды Ч. выделяются также по функциям. Различаются Ч. формообразующие (образующие формы слов и формы предложений: *бы, давай(те), пусть, пускай, да* и др.), отрицательные (*не, ни*), вопросительные (*а, ли, не... ли* и др.), модальные (*и, ведь, вон, вот, де* и др.), характеризующие признак (действие или состояние) по его протеканию во времени, по полноте или неполноте осуществления, по результативности или нерезультативности (*было, бывало, бывает* и др.). Ч. в этой грамматике классифицируются ещё и по строению: они делятся на первообразные и непервообразные, на простые (*а, благо, более* и др.) и составные; составные частицы делятся на расчленяемые (*вот бы, вот и, вот так* и др.) и нерасчленяемые (*добро бы, если бы, ещё бы* и др.); внутри составных частиц выделяются частицы-фразеологизмы (*нет-нет и; что из того, что* и др.). Т. о., вопрос о классах Ч. и принципах их выделения решается по-разному.

При исследовании Ч. как лексических единиц в их системе обнаруживается большое количество пересекающихся подклассов, связанных между собой самыми различными отношениями. К Ч. как единицам языка могут применяться различные классификации, принимающие за классификационную единицу отдельное значение частицы (напр., в предложенной ниже классификации). Наиболее адекватными языковой реальности оказываются те классификации, к-рые отражают семантические свойства Ч. Однако анализ семантики Ч. невозможен без учёта специфики их функционирования.

По основному классификационному признаку – семантическому – Ч. делятся на одиннадцать разрядов. Модальные Ч., выражающие разные виды субъективных отношений. С помощью таких Ч. выражаются значения, связанные с двумя типами модальности: реальности/ирреальности и достоверности/недостоверности. Со значениями «возможность», «желательность», «необходимость», связанными с оппозицией реальность/ирреальность, соотносятся выражаемые частицами частные значения ожидания (*просто, и, именно, всё же, всё-таки*; напр., *И вы согласились?*), неожиданности (*ну, глядь, как*), побуждения, поощрения, требования, пожелания (*давай, ну, чтоб, а то, бы, пусть, если бы, когда бы, хорошо бы*; напр., *У меня чтоб живо!; Чтобы хорошая была встреча!*), напоминания/припоминания (*чай, ещё, же*; напр., *Возьми конфету! – Я же не ем конфет!; Помнишь её: она ещё песню тебе пела!*), предположения (*авось, будто, ровно, словно, вроде, точно, никак*; напр., *Будто вошёл кто-то?*), опасения (*неравно*); с оппозицией достоверности/недостоверности связаны частные значения подтверждения (*да, точно*), допущения (*пусть, ну, хорошо*), сомнения, недоверия [*да, нет, прямо, разве, будто;* напр.: *Я найду тебе книгу! – Да, найдёшь!* (в значении 'не найдёшь'); *Я остаюсь. Нет, в самом деле?* (в значении 'не могу поверить')]. Эмоционально-экспрессивные Ч., выражающие различные эмоциональные характеристики (угрозу, удивление, недовольство, досаду, иронию, насмешку): *ж, вишь, ишь, просто, прямо*. Эти слова (кроме *просто, прямо*) нек-рые исследователи относят к междометиям как слова, обслуживающие сферу эмоций. Они сближаются с частицами в том случае, когда функционируют в качестве модального компонента предложения. Адресивные Ч., выражающие семантику, связанную с социальной сферой. Эта семантика может быть сведена к противопоставлениям высший/низший/равный; свой/чужой. К этому разряду относятся Ч. *-ка, -с* (устар.). В значениях Ч. обнаруживается признак категоричность/некатегоричность, к-рый выводит в сферу модальных значений. Контекстные Ч., служащие для выявления авторского поведения, для привлечения внимания к тем или иным компонентам высказывания или текста. Контекстные Ч. бывают связаны с организацией речевой деятельности (*уж, и, да, нет, вот, вон;* напр., *Да, ещё одна новость; Да, чуть не забыл, тебе письмо*), с разного рода уточнениями, касающимися избираемых выражений, заполнений «пустот» в речи (*или, того, а именно*), и с указаниями на передачу чужой речи (*мол, де, дескать, якобы*). Количественные Ч., выражающие количественную характеристику компонента пропозиционального содержания с точки зрения говорящего (*только, лишь, вот, так*). Отрицательные Ч., специализированные на выражении отрицания (*не, нет*). Фазисная Ч. (*было*), модифицирующая пропозициональную семантику глагольного предиката, выражая то, что действие началось или было предположено, но не совершилось или было прервано. Выделительные Ч., выражающие значение несоответствия или соответствия предполагаемого, ожидаемого и действительного (*только, лишь, даже, аж, именно, и*). Отождествительные Ч. [*же, и*; напр., *Здесь он родился, здесь же живёт всю жизнь; У меня есть такая же книга* (*как та, что на витрине*)], служащие для выражения анафорических отношений в тексте (отношений кореферентности или равнолексемности). Градационные Ч., выражающие нарастание признака (*даже*). Частицы-реплики, способные функционировать в диалоге в качестве реплицирующего компонента (*да, хорошо, ладно*). Семантическая классификация охватывает весь этот класс слов, но не отражает всех свойств этого класса.

Второй классификационный признак – особенности функционирования Ч.: одни из них могут функционировать в относительно замкнутом высказывании (*уж, эк, только, там, тебе*), другие – выводить высказывание в более широкий текст, являясь несоюзными показателями связи в тексте (*будто, и, ан, ну, только, даже, именно*). Ч. также могут классифицироваться по соотнесённости с типом речевого акта: вопросом – *разве, неужели, ли*; побуждением – *пусть, дай, ну, чтоб, а то*; утверждением – все прочие Ч. Эта классификация охватывает не весь класс – нек-рые слова в этом отношении нейтральны, неопределённы, не маркированы (*только, даже, всего*).

Ч., будучи словами, имеющими самые разнообразные параметры, могут одновременно входить в несколько классификаций. Так, Ч. *даже* является выделительной, текстовой, не маркированной с точки зрения отнесённости к речевому акту; Ч. *эк* – эмоционально-экспрессивной, функционирует в изолированных высказываниях и в утверждении; Ч. *разве* является модальной, текстовой, вопросительной (по отношению к речевому акту).

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики рус. лит. языка, М., 1945; Виноградов В. В., Рус. язык (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1960; Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису рус. разг. речи, М., 1960; Вежбицка А., Наброски к русско-семантическому словарю, «НТИ», сер. 2, 1968, № 12; Грамматика совр. рус. лит. языка, М., 1970; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Апресян Ю. Д., Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели Смысл – Текст, в кн.: Wiener slawistischer Almanach, Bd 1, Wien, [1980]; Семантика служебных слов, Пермь, 1982; Николаева Т. М., Функции частиц в высказывании на материале слав. языков, М., 1985; её же, Частицы, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Богуславский И. М., Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов, М., 1985; Путеводитель по дискурсивным словам рус. языка, М., 1993.

М. Г. Щур.

Часто́тные словари́ – вид словарей, в к-рых приводятся числовые характеристики употребительности слов (словоформ, словосочетаний) какого-либо языка. Обычно в качестве характеристики употребительности используется частота встречаемости слова в тексте определённого объёма. Кроме того, каждое слово может сопровождаться указанием на количество текстов, в к-рых оно отмечено. В нек-рых Ч. с. учитывается частота значений слова [Вест М. (West M.), «A general service list of English words. With semantic frequencies and a supplementary word-list...», 1953].

Ч. с. дают возможность сравнить численные закономерности в структуре словаря и текста. Сфера их применения очень широка: они составляются в методических и лексикографических целях, могут быть использованы для усовершенствования преподавания иностранного языка и для бо-

Наиболее употребительные союзы

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
и	1952	а	142	ноне	20
аще	307	акы	41	убо	19
яко	245	паче	39	зане	10
нъ	154				

Наиболее употребительные предлоги

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
въ	594	къ	175	подъ	26
отъ	507	ради	94	у	24
на	441	предъ	75	при	20
о	311	безъ	70	надъ	16
по	214	за	53	изъ	11
съ	181	до	36		

Наиболее употребительные местоимения

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
его	365	иже	200	таковыи	101
тъ	361	еѣ	123	язъ	99
свои	288	ты	123	себѣ	87
ихъ	287	къто	113	мы	84
вьсь	260	твои	103	вьсякыи	76
сии	229	иныи	102		

Фрагмент из «Материалов к частотному словарю древнерусских текстов».

Список наиболее частых слов

(по четырем исследуемым памятникам XI—XIV вв.)

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
1	и	1952	и	1544	и	923	и	565
2	не	981	же	827	быти	230	же	343
3	быти	847	быти	555	же	229	быти	230
4	же	621	тъ	538	въ	188	святыи	185
5	въ	594	въ	537	святыи	148	его	178
6	отъ	507	сь	394	сь	148	тъ	157
7	на	441	его	376	вьсь	127	на	123
8	его	365	яко	324	его	127	не	117
9	тъ	361	на	278	не	109	ихъ	113
10	да	354	отъ	244	на	104	сь	102
11	о	311	не	226	яко	93	яко	100
12	аще	307	вьсь	212	мои	90	свои	99
13	ли	300	свои	198	отъ	90	вьсь	89
14	свои	288	иже	189	къ	77	отъ	80
15	ихъ	287	блаженыи	187	по	73	бо	79
16	вьсь	260	тако	172	язъ	73	язъ	71
17	яко	245	къ	169	о	67	иже	70
18	сь	229	по	161	свои	63	къ	70

Фрагмент из «Материалов к частотному словарю древнерусских текстов».

лее глубокого овладения родным языком, напр.: «2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи» (1968); «Список наиболее употребительных слов русского языка» (1974); «Частотный англо-русский словарь» (1984). Создаются Ч. с. специальной лексики, напр. «Частотный словарь учебных пособий Медицинского института» (1966); «Частотный словарь русской технической лексики» (1971); «Частотный англо-русский словарь. Подъязык экономики. Раздел "Планирование" и "Экономическая кибернетика"» (1986).

Ч. с. дают материал для решения ряда теоретических вопросов лингвистики, напр. «Частотный словарь сочетаемости современного английского языка» (1974); «Морфемы русского языка. Частотный словарь» (изданный Карловым ун-том в Польше, 1976). Они могут быть использованы для изучения языка и стиля, а также при изучении словаря отдельных лит. произведений или авторов, для установления объективных критериев языковой нормы. Сведения о частоте слов используются при решении ряда вопросов, связанных с проблемами кодирования.

Первым Ч. с. рус. языка является «Словарь русского языка» Г. Йоссельсона (Josselson H., «The Russian word count...», 1953). При составлении словаря расписыванию текстов предшествовал статистический анализ материала. Объём выборки составил 1 млн. словоупотреблений, объём словника — 1700 слов. «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. Штейнфельдт (1963) составлен на материале текстов совр. лит-ры, прессы и радиопередач. Кроме обычных указаний на количество употреблений здесь приводится количество текстов, в к-рых данное слово отмечено. Кроме того, даются статистические характеристики нек-рых морфологических категорий: отдельными списками помещаются слова, относящиеся к разным частям речи. Они расположены в алфавитном порядке и в порядке убывания частот. Приводятся указания на количество текстов. Списком даются наиболее часто встречающиеся предложные конструкции, падежные формы местоимений в порядке убывания частот и в алфавитном порядке, приводятся также списки наиболее употребительных падежных и предложных форм. В приложении даётся глагольное управление с указанием частоты употребления каждого предлога с определённым глаголом.

Существуют Ч. с. фразеологических единиц, напр. Хаух Е. (Hauch E.), «A German idiom list. Selekted on the basis of frequency and range of occurence», 1931. В словаре Г. Итона (Eaton H., «Comparative frequency list: a study on the first thousand words in English, French, Spanish and German frequency list», 1934) приводится 1000

	частота		частота
в (во)	42854	когда	2042
и	36266	уже	1937
не	19228	еслн	1929
на	17262	дело	1919
я	13839	другой	1895
быть	13307	чтобы	1892
что	13185	или	1887
он	13143	сам	1861
с (со)	12975	время	1856
а	10719	какой	1823
как	7425	идти	1818
это	6940	ну	1773
вы	6547	новый	1722
ты	6475	самый	1694
к (ко)	6246	человек	1677
мы	6220	мой	1668
этот	6061	люди	1655
она	5836	первый	1605
они	5712	рука	1596
но	5176	кто	1568
по	5157	стать	1549
весь	5102	жизнь	1547
за	5048	вндеть	1504
то	4810	под (подо)	1484
все	4752	надо	1462
у	4623	ии	1436
из (изо)	4598	очень	1415
свой	4204	без (безо)	1395
так	4174	день	1345
о (об, обо)	4156	два	1331
же	4037	более	1324
который	3968	при	1321
бы	3941	даже	1299
от (ото)	3572	хотеть	1295
мочь	3373	раз	1230
один	3255	видать	1218
для	3254	сейчас	1210
такой	3230	теперь	1206
сказать	2909	товарищ	1162
тот	2881	здесь	1161
вот	2830	ли	1160
только	2782	должен	1144
еще	2631	советский	1137
говорить	2573	там	1105
наш	2506	работа	1103
да	2397	думать	1094
себя	2205	глаз	1093
знать	2192	страна	1084
год	2167	ведь	1074
его	2136	земля	1074
нет	2098	слово	1039
большой	2066	мир	1038
до	2063	где	1037

Фрагмент текста «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной.

самых частых слов для четырёх европейских языков: англ., франц., нем., испанского.

Особым типом Ч. с. являются словоуказатели к текстам отдельных авторов или произведений, напр.: Куницкий В. Н., «Язык и слог комедии "Горе от ума"» (1894); «Материалы к частотному словарю языка Пушкина» (1963); «Материалы к частотному словарю древнерусских текстов» (в сб.: «Лексикология и словообразование древнерусского языка», 1966); «Частотный словарь романа Л. Н. Толстого "Война и мир"» (1978); «Частотный словарь М. Ю. Лермонтова» (в кн.: «Лермонтовская энциклопедия», 1981); «Частотний словник сучасної української художньої прози» (1981).

«Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (1977) составлен на основе обработки средствами вычислительной техники 1 млн. словоупотреблений, что дало ок. 40 тыс. единиц словаря, и представляет собой свод статистических данных о лексическом составе совр. рус. лит. языка. В отличие от предшествующих Ч. с. рус. языка, опирающихся гл. обр. на язык художественной лит-ры, словарь впервые широко охватывает также публицистическую и деловую речь, бытующую в сфере массовой коммуникации. За элемент словника принята лексема. При составлении словаря учитывались фонетические, графические, морфемные и синтаксические эквиваленты слова. Семантический аспект во внимание не принимался. Во введении помимо сведений о назначении словаря, его источниках, технике обработки материала излагаются основные принципы аналитической грамматики, выработанные в процессе работы над словарём. Словарь построен на основе сплошного расписывания. Собственно словарь состоит из трёх частей: алфавитно-частотного словника, частотного словника, статистической структуры словаря. Алфавитно-частотный словник включает все лексемы, встретившиеся в текстах. Каждая лексическая единица снабжена количественными характеристиками. Частотный словник содержит слова с частотой 10 и выше, всего 9044 единицы. Они расположены в порядке убывания частот. Лексемы в словниках даются в исходной форме. Статистическая структура слов представляет собой таблицу распределения частот. В приложении приводится перечень омографов, грамматических омонимов, а также излагаются нек-рые данные о лексике совр. рус. языка.

Использование вычислительной техники в лексикографической практике вызвало появление Ч. с. особого типа, напр. «Частотный словарь семантических множителей русского языка» (1980). Под семантическими множителями понимаются элементарные единицы содержательного плана, к-рые, соединяясь друг с другом в различных количествах и комбинациях, задают значение любого слова в языке. Это, другими словами, полнозначные слова, использованные в первой правой части толкового словаря. Сведения о семантических множителях (минимальных единицах содержания) содержатся и в «Русском семантическом словаре» Ю. Н. Караулова (1982). Здесь каждое понятие снабжено нумерованным перечнем семантических множителей, расположенных по возрастанию их частотности.

В 1993 вышел «Частотный словарь современного русского языка» под ред. Л. Лённгрена. Словарь составлен на основе обработки машинного корпуса рус. языка объёмом в 1 млн. словоупотреблений. Словарь содержит описание текстового корпуса, словник входящих в него текстов и несколько словников лексем и словоформ, расположенных либо по алфавиту, либо по количеству употреблений. В алфавитный словник (9281 лексема) вошли все лексемы, превышающие абсолютную частоту 9.

В Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством Ю. Н. Караулова готовятся к изданию «Словарь к "Преступлению и наказанию" Ф. М. Достоевского» и «Словарь к художественным произведениям Ф. М. Достоевского» (в машинной форме). *Л. В. Вялкина.*

Чередова́ние, а л ь т е р н а ц и я, – взаимозамена звуков в пределах одной и той же морфемы в разных словах или словоформах. Термин «Ч.» применяется к двум различным явлениям: 1) к мене звуков, представляющих собой одну и ту же фонему (см.); такая мена обусловлена фонологической позицией, напр. появление звука [*п*] на месте фонемы ⟨*б*⟩ в позиции на конце словоформы: *ду́*[*б*]*а*, *ра*[*б*]*а́* (род. п.), но *ду*[*п*], *ра*[*п*] (им. п. ед. ч.) или звука [*а*] в первом предударном слоге на месте фонемы ⟨*о*⟩: *в*[*о́*]*ды* (им. п. мн. ч.), но *в*[*а*]*да́* (им. п. ед. ч.); такие Ч. изучаются фонологией (см.); 2) чаще – к мене фонем в разных морфах (см.) одной и той же морфемы, напр.: Ч. ⟨*к* – *ч*⟩ в словах *рука* – *ручка* и *ручной*; ⟨*д'* – *ж*⟩ и ⟨*с'* – *ш*⟩ в словоформах *ходят* – *хо*[*ж*]*у*, *нос'ят* – *ношу*; ⟨*о*⟩ – нуль и ⟨*е*⟩ – нуль (т. н. беглость гласной) в словах *сон* – *сна*, *отец* – *отца*. Такие Ч. обычно называются «нефонетическими» (или «историческими», «традиционными»), они являются предметом грамматики (таких её разделов, как морфология и словообразование). Появление этих Ч. исторически обусловлено фонетическими законами прошлых эпох развития языка, напр. изменением сочетания **sj* > *š* (*ш*) (согласный *j* в древности выступал перед флексией в формах 1-го лица ед. ч. ряда глаголов) или падением редуцированных (см.), вследствие к-рого редуцированный гласный *ъ* в формах типа *сънъ* > *сон* переходил в гласный *о*, а в формах типа *съна* исчезал. В совр. языке

такие Ч. обусловлены грамматически: соседством с определёнными суффиксами или флексиями; так, перед суффиксом -*к(а)* регулярно чередуются заднеязычные согласные с шипящими: ⟨*к – ч*⟩, ⟨*г – ж*⟩, ⟨*х – ш*⟩ (*рука – ручка, нога – ножка, соха – сошка*), а перед суффиксом -*ива*- (-*ыва*-) в части глаголов чередуются корневые гласные ⟨*о – а*⟩ (*отработать – отрабатывать, подготовить – подготавливать, звонить – названивать*).

Чередующиеся таким образом фонемы образуют альтернационные ряды, члены к-рых регулярно выступают в определённых грамматических позициях, напр.: *свет – светить* (мягкая фонема ⟨*т'*⟩ перед глагольным суффиксом -*и*-) – *свечение* и *отсвечивать* (фонема ⟨*ч*⟩ перед суффиксами -*ениj*-, -*ива*-). На месте одной фонемы в таких рядах может выступать и сочетание фонем, напр.: *ходить – хождение* ([*д' – жд'*]), *корм – кормить – кормлю* и *кормление* ([*м – м' – мл'*]). Среди Ч. встречаются малорегулярные и редкие (напр., [*г – з'*] в *друг – друзья* и [*г – щ*] в *помогу – помощь*). В рус. языке широко распространены и наиболее регулярны Ч. согласных перед определёнными суффиксами и флексиями. Ч. гласных, за исключением беглости гласной, представлены почти исключительно в глагольных корнях и ограничены определёнными корнями, напр. ⟨*о – и*⟩: *засохнуть – засыхать*, ⟨*и – у*⟩: *слышать – слушать, слух*; там же встречаются Ч. начальных (предшествующих гласной) согласных корня, напр. ⟨*т' – т*⟩: *тёк* (прош. время) – *ток* (сущ.). Ч. наблюдаются в корнях (⟨*н – н'*⟩: *слон – слон-ёнок*), суффиксах (⟨*к – ч*⟩: *стар-ик – стар-ич-ок*), префиксах (⟨*о*⟩ – нуль: *со-драть – с-деру*).

Ч. в рус. языке являются дополнительным средством формального (фонематического) различения слов и словоформ, сопровождающим основное средство – аффиксацию. Как дополнительное грамматическое средство Ч. не обязательно; так, в словах *год – годик* перед суффиксом -*ик* чередуются ⟨*д – д'*⟩, а в словах *гвоздь – гвоздик* Ч. нет, т. к. мягкая фонема ⟨*д'*⟩ выступает уже в мотивирующем слове *гвоздь*, ср. также *книга – книжица* и *лужа – лужица*. Ч., выступающее как единственное внешнее (фонематическое) различие словоформ, называют иногда «внутренней флексией», ср., напр., Ч. ⟨*х – ш*⟩ в *тих* (краткая форма муж. рода прил.) – *тишь* (сущ. в форме им. п.); однако с грамматической точки зрения такие словоформы содержат не только различные фонемы корня, но и различные нулевые аффиксы.

В разработке теории Ч. рус. языка – выработке её основных понятий, изучении разновидностей Ч.– особенно велика роль таких учёных, как И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. С. Трубецкой.

Лит.: Кузнецов П. С., О возникновении и развитии звуковых чередований в рус. языке, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1952, т. 11, в. 1, Бодуэн де Куртенэ И. А., Опыт теории фонетических альтернаций, в его кн.: Избр. тр. по общему языкознанию, т. 1, М., 1963; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Бернштейн С. Б., Введение в слав. морфонологию, «ВЯ», 1968, № 4; Рус. грамматика, т. 1, М., 1980; Трубецкой Н. С., Морфонологическая система рус. языка, в его кн.: Избр. тр. по филологии, пер. с разных языков, М., 1987.

В. В. Лопатин.

Числи́тельное, имя числительное, – часть речи, обозначающая количество и порядок предметов при счёте и выражающая эти значения в морфологических категориях падежа, отчасти рода и числа.

Ч. делятся на два основных разряда – количественные и порядковые. Количественные Ч. в свою очередь подразделяются на собственно количественные и собирательные. Собственно количественные Ч. (*два, семнадцать, сорок*) обозначают: 1) абстрактное количество: *К восьми прибавить три – будет одиннадцать*; 2) количество как признак предмета: *два года, пять книг*; 3) порядковое место предмета при счёте: *дом шесть квартира тридцать*. Собирательные Ч. обозначают количество как признак предмета: *двое суток, пятеро студентов*. При этом они сочетаются: а) с названиями лиц, чаще – лиц мужского пола или множества лиц, включающего мужчин (*трое друзей, шестеро гостей, нас было двое*), б) с существительными *дети, ребята* и названиями невзрослых живых существ (*четверо детей, двое ребят, семеро козлят*), в) с существительными pluralia tantum и названиями парных предметов (*двое суток, трое саней, трое ботинок* – «три пары ботинок»); употреблённые вне сочетания с существительным собирательные Ч. являются субстантивированными названиями совокупностей лиц, напр.: *Пришли ещё двое; «Трое»* (название повести М. Горького). Порядковые Ч. обозначают порядковое место предмета при счёте: *второй, восемнадцатый, тридцатый*.

Количественные Ч. по структуре делятся на простые (*два, пять, тринадцать, сорок*), сложные (*пятьдесят, двести, пятьсот*) и составные (*двадцать пять, триста шестьдесят девять*). К составным иногда относят также дробные Ч. (кроме слов *полтора* и *полтораста*, к-рые относятся к простым Ч.): *две пятых, семь восьмых*; последние, однако, предпочтительнее рассматривать как свободные сочетания количественных Ч. с субстантивированными порядковыми, а также со словом *целая*: ср. *семь целых (и) четыре десятых, семь и четыре десятых* и т. п. Входящие в ряд счётных слов и употребляемые в структуре составных Ч. слова *тысяча, миллион, миллиард, триллион* и т. п. по своим грамматическим свойствам (как самостоятельные слова) являются не Ч., а существительными.

Выделяющийся в основе нек-рых количественных Ч. компонент *-дцать*, в совр. языке являющийся суффиксом, по происхождению – форма Ч. *десять*, подвергшаяся фонетическому изменению: напр., *тринадцать* возникло из более древней формы *тринадесяте* – «три сверх десяти», а *двадцать* – из *двадесяти* – «два десятка». Собирательные Ч. являются простыми суффиксальными образованиями от собственно количественных Ч. (названий целых чисел от двух до десяти) с помощью суффиксов *-oj-* (*два – двое, три – трое*) и *-ер-* (*четыре – четверо, пять – пятеро* и все остальные).

Все количественные Ч., кроме слова *один*, изменяются только по падежам, а Ч. *два, оба* и *полтора* – также по родам. Не имея собственной категории числа, они выражают лексически множественное число. Ч. *два, оба* и *полтора* имеют две родовые формы – мужско-среднюю и женскую, согласуясь в роде с определяемым существительным: ср. *два дома, оба окна, полтора дня* и *две* (*обе*) *книги, полторы недели.* Слово *один*, изменяясь по родам, числам и падежам, согласуется в этих категориях с существительным или местоимением: ср. *один день, одна неделя, одни сутки; Он пришёл один; Мы были одни.* По своей семантике это слово является счётно-местоименным: кроме количественного значения оно имеет местоименные значения «какой-то, некий» (*в один прекрасный день; один из гостей*), «тот же самый» (*Мы живём с ним в одном доме*), «какой-н. в ряду сходных» (*то один, то другой*), «только, исключительно» (*В вазе одни яблоки*). Слово *оба* также сочетает количественное значение с местоименной семантикой («и тот и другой, каждый из двух названных»).

К количественным Ч. относятся также неопределённо-количественные местоименные слова *много, мало, немного, немало, сколько, несколько, столько* (слова *мало* и *немало* не имеют форм косвенных падежей).

В склонении количественных Ч. по характеру флексий различаются след. группы: 1) *два, три* и *четыре*; 2) от *пять* до *двадцать* и *тридцать*; 3) *пятьдесят – восемьдесят*; 4) *двести, триста, четыреста* и *пятьсот – девятьсот*; 5) *сорок, девяносто, сто, полтора* и *полтораста*; 6) собирательные Ч., слова *сколько, несколько, столько, много, немного* и *оба*. Особые основы косвенных падежей, отличные от основ им. п., имеют Ч. *оба* и *полтора*: род. п. *обоих* (мужско-ср. род), *обеих* (жен. род), *полутора*. В сложных Ч. (*пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот* и *девятьсот*) при склонении изменяются обе части: *пятидесяти, двухсот, трёмстам, четырьмястами, о пятистах.* В составных количественных Ч. при склонении изменяется каждое слово.

В предложении количественные Ч. выступают чаще всего в роли подлежащего и дополнения (*Семеро одного не ждут*), а также в роли сказуемого (*Два и три – пять*). По сочетаемости с формами существительных количественные Ч. (кроме *один*) делятся на две группы: Ч. *два, оба, полтора, три* и *четыре* в форме им. п. и совпадающего с ним вин. п. сочетаются с существительными в род. п. ед. ч.: *два человека, три книги*; остальные количественные Ч. в той же форме сочетаются с существительными в род. п. мн. ч.: *пять домов, десять человек, шестеро учеников.* В формах косвенных падежей (кроме вин. п., совпадающего с им. п.) все количественные Ч. употребляются с существительными в соответствующих падежных формах мн. ч. (согласование): *трём книгам, о десяти домах, пятерыми братьями.*

Порядковые Ч. имеют те же падежные формы, что и имена прилагательные, и изменяются по родам, числам и падежам. Они образуются от основ собственно количественных Ч. без особого суффикса при отвердении конечной согласной основы: *пять – пятый, тридцать – тридцатый*; сложные Ч. образуют порядковые от основы род. п.: *двухсот – двухсотый.* Особым образом образуются порядковые Ч. *первый, второй, третий, четвёртый, седьмой, сороковой* и *сотый.* При образовании порядковых Ч. от составных в порядковое переводится лишь последнее слово: *тысяча девятьсот восемьдесят девятый*; только это последнее слово изменяется при склонении. Поскольку по морфологическим и синтаксическим свойствам порядковые Ч. не отличаются от прилагательных, нек-рые лингвисты рассматривают их как особый разряд прилагательных («счётные прилагательные»); в таком случае Ч. как часть речи ограничивается количественными Ч. Однако по ряду признаков порядковые Ч. близки к количественным. Их объединяют: 1) семантическая близость, в частности способность количественных Ч. выражать порядковое значение (ср. *пятый дом от угла* и *вагон пять место двенадцать*); 2) регулярная формальная выводимость порядковых Ч. из количественных (все порядковые Ч., кроме слов *первый* и *второй*, производны от соответствующих количественных: *шесть – шестой, сто – сотый, сорок – сороковой* и т. п.); 3) способность тех и других образовывать неограниченно длинные (неоднословные, составные) параллельные ряды со счётно-количественным значением: *три тысячи сто пятьдесят шесть – три тысячи сто пятьдесят шестой* и т. п.

Как особая часть речи, со своими специфическими падежными флексиями и со своей катего-

риальной и синтаксической спецификой, Ч. (количественные) сформировались не ранее 13–14 вв. До этого др.-рус. названия чисел (количеств) грамматически относились к классу прилагательных (*один – четыре*) или существительных (*пять – десять* и далее).

Лит.: Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.– Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Грамматика рус. языка, т. 1, М., 1952; Супрун А. Е., Имя числительное и его изучение в школе, М., 1964; Рус. грамматика, т.1, М., 1980; Иванов В. В., Историческая грамматика рус. языка, 3 изд., М., 1990.

В. В. Лопатин.

Число́ – грамматическая категория, выражающая: у существительного – количественные характеристики предметов (независимая функция) и синтаксическое согласование с другими существительными (синтаксическая функция); у глагола и прилагательного – синтаксическое согласование с существительным. У существительных возможно согласование по числу в именном сказуемом и приложении, напр.: *Этот город – столица государства* и *Эти города – столицы разных государств; У этого города, столицы государства, своя напряжённая жизнь* и *У этих городов, столиц разных государств, своя напряжённая жизнь*. В совр. рус. языке категория Ч. основывается на противопоставлении двух членов: единственного и множественного Ч. (в др.-рус. языке эта категория была трёхчленной, т. к. включала двойственное число, см.).

Значение категории Ч. существительного во многих грамматиках понимается как обозначение количества предметов: один – более одного. По В. Н. Сидорову, это следующая оппозиция: формы мн. ч. указывают на нек-рое (неопределённое) количество более одного; в формах ед. ч. отсутствует указание на к.-л. количество – формы типа *железо, терпение, ловкость, студенчество* не обозначают единичного предмета; формы типа *корова* в контексте *Корова даёт молоко, а овца – шерсть* может обозначать несколько или все предметы, а в контексте *Наша корова даёт молоко* эта форма обозначает один предмет. Существуют и иные трактовки грамматической семантики Ч. В основе оппозиции форм видят отношения признаков: расчленённость (множественное Ч.) – отсутствие указания на расчленённость (единственное Ч.) – А. В. Исаченко, целостность – нецелостность (с асимметричным отношением для качественных и пространственно-временны́х характеристик – О. Г. Ревзина).

В 80–90-х гг. 20 в. исследуется роль числовых форм как средств выражения типов референции (работы Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёва, А. К. Поливановой, Е. В. Падучевой, Л. Б. Лебедевой, Д. И. Руденко). Булыгиной выдвинута идея о связи выбора Ч. с логическими категориями («когнитивными статусами») рода, класса и индивида, исследуется взаимодействие именных и глагольных категорий на уровне предложенческой суперкатегории «пространственно-временно́й локализованности», относящейся к характеру референции имён и глагола и влияющей на выбор видо-временны́х значений глагола и числовых значений имени.

Предложены описания многошагового выбора форм Ч. в тексте: помимо денотативной обусловленности (количество предметов в конкретной ситуации) учитываются и логические отношения, а также коммуникативные, прагматические факторы, в частности, ведущие к транспозиции форм (напр., мн. ч. гиперболическое: *Вот возьми «Современник» почитай – Некогда мне «Современники» читать* – пример из разг. речи).

Наиболее распространена точка зрения, согласно к-рой Ч. существительного – словоизменительная категория. Однако Ф. Ф. Фортунатов и его последователи (П. С. Кузнецов, Сидоров, Н. А. Янко-Триницкая, Л. Н. Булатова и др.) относят формы ед. и мн. ч. к словообразованию, т. е. рассматривают существительные в ед. и во мн. ч. как слова разных грамматических классов. Подобно роду, числовые формы требуют по правилам согласования определённых форм Ч. прилагательных и глаголов.

Значение Ч. выражается в существительном вместе со значением падежа. Формы ед. и мн. ч. различаются системами флексий. В формах ед. ч. выбор флексии зависит от типа склонения (см.), во мн. ч. различие типов склонения проявляется лишь в части падежей. Подпарадигмы Ч. могут различаться, кроме того, ударением (ср.: *дом, до́ма* и *дома́, домо́в; весло́, весла́* и *вёсла, вёсел*) и структурой основы – наличием особых суффиксов (*колос – колосья, сын – сыновья, утёнок – утята, армянин – армяне*), супплетивными основами (*человек – люди*). Наличие двух форм Ч. выделяет класс считаемых предметов.

У большой группы существительных есть только одна форма Ч.: единственного (singularia tantum) или множественного (pluralia tantum). К singularia tantum относятся существительные с вещественным значением (*виноград, алюминий*), с собирательным значением (*детвора, родня*), отвлечённым значением действия или признака (*ходьба, горе, здоровье, ширина*). К pluralia tantum принадлежат слова, называющие предметы, состоящие из двух частей (*очки, ворота, кавычки*), сложные или характеризующиеся пространственной или временно́й протяжённостью предметы (*шахматы, кудри, мемуары, джунгли, каникулы, сутки*), действия и состояния (*проводы, побои, нелады*), вещества (*щи, белила, отруби*).

Вещественные и отвлечённые существительные, развивая конкретные значения, могут приобретать две формы Ч.: *масло* (вещество) и *масло* (вид

вещества) – *масла́; движение* (название действия) и *движение* (конкретное проявление действия) – *движения; скорость* (название признака) и *скорость* (конкретное проявление признака) – *скорости.* Все существительные singularia tantum обозначают предмет в отвлечении от идеи счёта и, следовательно, количества. Среди слов, традиционно относимых к pluralia tantum, слова типа *сутки, сани* могут обозначать один предмет и более одного предмета, на что указывают обычно лексические сопроводители: *одни сани – все сани; одни сутки – много суток.*

При определении категориальных значений форм Ч. одни лингвисты исходят только из значений соотносительных форм Ч., другие включают в обобщение и формы singularia и pluralia tantum.

Формы Ч. считаемых существительных имеют несколько частных значений. Форма ед. ч. обозначает один предмет, напр. *Тетерев сидел на земле*, или не несёт никакой информации о количестве предметов при родовом употреблении: *Тетерев здесь не водится; День металлурга; Наш завод более пятидесяти лет выпускает ручную швейную иглу и рыболовные крючки.* Форма мн. ч. представляет количество предметов как неопределённое. Оно может обозначать класс предметов: *Тетерева здесь не водятся*, количество более одного: *Тетерева сидели на земле*, неопределённое множество предметов, к-рое может проясняться как равное одному: *В вагоне у нас новые пассажиры – молодая женщина с чемоданом.* В определённых контекстах возможна взаимозамена форм ед. и мн. ч.; ср. *Тетерев здесь не водится* и *Тетерева здесь не водятся.*

Среди местоимений-существительных (см. Местоимение) только личные и указательные имеют корреляцию по Ч.: *я – мы, ты – вы, он, она, оно – они.* Семантические отношения их нестандартны (*мы* не означает множество говорящих, а означает 'говорящий и другие'. *вы* может означать как множество адресатов речи, так и 'адресат речи и другие'), поэтому эти формы иногда рассматривают как разные лексемы. При местоимениях *себя* и *кто* указание на Ч. несут формы согласуемых определений *самого/самих себя, кто такой/такие.* Другие местоимения-существительные противопоставленных форм Ч. не имеют и требуют согласования в форме ед. ч.

Отсутствие категории Ч. является отличительной грамматической характеристикой числительного как части речи.

Категория Ч. у прилагательных и глаголов – словоизменительная, синтаксическая. Формы Ч. слов этих частей речи согласуются в предложении с формами Ч. существительных, тем самым они опосредованно указывают на то, что один предмет или более одного предмета являются носителями данного процессуального или непроцессуального признака. В сочетании с несклоняемыми существительными форма Ч. прилагательного или глагола является единственным выразителем числовой информации. Форма мн. ч. может относиться по смыслу к группе однородных членов: *На нём шапка и шуба меховые.* Грамматическое значение Ч. присутствует во всех формах прилагательного, кроме синтетической формы сравнительной степени, во всех формах глагола, кроме инфинитива и деепричастия. В большинстве форм значение Ч. выражается совместно с другими грамматическими значениями одной морфемой: в полных прилагательных и причастиях – вместе со значениями рода и падежа в ед. ч., вместе со значением падежа – во мн. ч.; в кратких прилагательных и кратких страдательных причастиях, в формах прош. времени и сослагательного наклонения – вместе со значением рода в ед. ч., самостоятельно во мн. ч.; в наст./буд. времени глагола – вместе со значением лица.

Противопоставление по Ч. глагольных форм 3-го лица наст. и прош. времени несёт самостоятельную семантическую нагрузку – при отсутствии подлежащего (в односоставных глагольных предложениях). Ср.: *Дом снесло* и *Дом снесли.* Ед. ч. указывает на безличность, стихийность действия, мн. ч.– на неопределённость производителя действия – лица или лиц.

Лит.: Потебня А. А., Значение мн. ч. в рус. языке, в кн.: Филол. записки 1885–1886, Воронеж, 1886; Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики рус. лит. языка, М., 1945; Виноградов В. В., Рус. язык. (Грамматическое учение о слове), М.–Л., 1947; 3 изд., М., 1986; Реформатский А. А., Число и грамматика, в кн.: Вопросы грамматики. Сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова, М.–Л., 1960; Исаченко А. В., Грамматический строй рус. языка в сопоставлении со словацким. Морфология, 2 изд., Братислава, 1965; Зализняк А. А., Рус. именное словоизменение, М., 1967; Рус. язык и сов. общество. Морфология и синтаксис совр. рус. лит. языка, М., 1968; Ревзин И. И., Так называемое немаркированное мн. ч., «ВЯ», 1969, № 3; Зализняк А. А., Падучева Е. В., О контекстной синонимии ед. и мн. ч. существительных, в кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, в. 4, М., 1974; Булыгина Т. В., Грамматические и семантические категории и их связи, в кн.: Аспекты семантических исследований, М., 1980; Булатова Л. Н., Ещё о грамматическом статусе категории числа существительных в рус. языке, в кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1981, М., 1983; Потапова М. Д., Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1983, т. 42, № 2; Ревзина О. Г., Категория числа в языке поэзии М. Цветаевой, в кн.: Актуальные проблемы рус. морфологии, М., 1988; Красильникова Е. В., Имя существительное в рус. разг. речи. Функциональный аспект, М., 1990.

Е. В. Красильникова.

Чле́ны предложе́ния – синтаксическая категория, организуемая значениями субъекта, предиката, объекта и разнообразных определителей в их взаимных отношениях друг к другу и выражаемая отдельными словоформами и сочетани-

ями слов, занимающими в предложении определённые синтаксические позиции. Одни Ч. п. организуют минимальную основу предложения, они называются **главными**: в двусоставном предложении (см.) – это подлежащее (см.) и сказуемое (см.), в односоставном предложении (см.) – главный член односоставного предложения. Другие Ч. п. являются распространяющими и традиционно называются **второстепенными** – это определение (см.), дополнение (см.), обстоятельство (см.).

Деление Ч. п. на главные и второстепенные проводится в грамматиках 19 в. и сохраняется до сих пор в школьных грамматиках и многих работах по синтаксису. Противопоставление главных и второстепенных Ч. п. не всегда совпадает с той информативной нагрузкой, к-рую они несут в предложении. В ряде случаев распространяющий член содержательно может быть более существенным, чем главный Ч. п. Во многих случаях тот или иной Ч. п., традиционно определяемый как второстепенный, на самом деле не является второстепенным не только с точки зрения семантической структуры предложения, но и с точки зрения его формального строения. Так, напр., в таких предложениях, как *Воды прибывает; Не прошло и недели; Быть грозе* словоформами в род. и дат. п. обозначен субъект, семантически совпадающий с субъектом, выражаемым подлежащим в предложениях *Вода прибывает; Не прошла и неделя; Будет гроза*, а роль этих словоформ в грамматической структуре предложения является организующей.

Ч. п. выделяются на двух основаниях – смысловом (логическом) и формальном (грамматическом). Начало учению о Ч. п. в аспекте категорий логики было положено в работах А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, выделявших два разряда второстепенных Ч. п.: определение и дополнение. Развёрнутое учение о второстепенных Ч. п. и их классификация даны в работах Ф. И. Буслаева, к-рый рассматривал второстепенные Ч. п. в двух аспектах: в грамматическом – как слова́, присоединяемые к главным членам посредством согласования, управления, примыкания, и по значению, т. е. на основании логического вопроса. Буслаев выделял три второстепенных члена: определение, дополнение и обстоятельство. Критикуя Буслаева, А. А. Потебня строил классификацию второстепенных Ч. п. на их соответствии частям речи. Это учение получило развитие в работах Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др. Пешковский, отказываясь от названий «определение», «дополнение», «обстоятельство», использовал для обозначения этих Ч. п. термины «согласуемое прилагательное», «управляемое существительное» и «примыкающее наречие».

Традиционно второстепенные Ч. п. определяются как распространители других Ч. п.– главных и второстепенных; второстепенными считаются также обособленные Ч. п. (см. Виноградов В. В., «Введение к "Грамматике русского языка"», т. 2, ч. 1, 1954). Строгие грамматические границы между теми или иными второстепенными Ч.п. не всегда могут быть установлены. Кроме того, определению того или иного второстепенного Ч.п. по традиционным вопросам (определение – *какой? чей?*, дополнение – вопросы косвенных падежей, обстоятельство – *как? каким образом? где? куда? откуда? когда? зачем? почему?* и др.) противятся все те случаи, когда косвенно-падежные формы или наречия, открывая собою предложение, определяют не какой-то другой член этого предложения, а весь состав предложения в целом. Такие распространяющие словоформы очень часто заключают в себе нерасчленённое субъектно- или объектно-квалифицирующее значение (ср., напр., такие сложные значения в выделенных словоформах: *В семье переполох; С поездкой затягивается*).

Деление второстепенных Ч. п. на определение, дополнение, обстоятельство традиционно сохраняется в преподавании рус. языка, хотя во многих работах и учебных пособиях отмечается, что внутренняя противоречивость и неграмматичность их выделения приводит к колебаниям в квалификации того или иного Ч. п. (особенно часты колебания при определении дополнения и обстоятельства, несогласованного определения и дополнения) или к толкованию ряда случаев как явлений переходных.

Возможен пересмотр учения о второстепенных Ч. п. с целью уточнения грамматических и семантических качеств Ч. п. в терминах семантической структуры предложения.

Лит.: Востоков А. Х., Рус. грамматика, СПБ, 1831; Овсянико-Куликовский Д. Н., Синтаксис рус. языка, СПБ, 1912; Аванесов Р. И., Второстепенные члены предложения как грамматические категории, «Рус. яз. в школе», 1936, № 4; Шахматов А. А., Синтаксис рус. языка, 2 изд., Л., 1941; Мещанинов И. И., Члены предложения и части речи, Л., 1954; 2 изд., Л., 1978; Пешковский А. М., Рус. синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Шапиро А. Б., К учению о второстепенных членах предложения в рус. языке, «ВЯ», 1957, № 2; Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике, т. 1–2, М., 1958; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика рус. языка, М., 1959; Ломтев Т. П., О второстепенных членах предложения, «Рус. яз. в школе», 1960, № 4; Шведова Н. Ю., Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство, «ВЯ», 1964, № 6; Рословец Я. И., О второстепенных членах предложения и их синтаксических функциях, «ВЯ», 1976, № 3; Шмелёв Д. Н., Синтаксическая делимость высказывания в совр. рус. языке, М., 1976; Рус. грамматика, т. 2, М., 1980; Краткая рус. грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина, М., 1989; Арутюнова Н. Д., Члены предложения, в кн.: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.

К. В. Габучан.

Чóканье – см. Цоканье.

Чужáя речь – вкрапления в авторский текст чужого текста, воспроизведённого (пересказанного) говорящим (пишущим); напр., *«Она взбегала, прижав к бокам розовые локти, зажав сумку,– и когда он её полуобнял, догнав, она обернулась с той нежной, матовой улыбкой, с той счастливой грустью в глазах, которыми она встречала его наедине. "Слушай,– сказала она суетливо,– я опаздываю, бежим". Но он ответил, что уже распрощался с ними и подождёт её внизу»* (Набоков). Всякое речевое образование (текст) создаётся определённым лицом или лицами (если это коллективное творчество), но это не препятствует тому, чтобы в этот собственно авторский текст была включена Ч. р. Она всегда имеет те или иные признаки, отличающие её от авторской. С этой точки зрения различаются три основных типа передачи Ч. р.: прямая (см. Прямая речь), косвенная (см. Косвенная речь) и несобственно-прямая речь (см.). Прямая речь наиболее контрастно противопоставлена авторской, косвенная речь менее контрастна по отношению к авторской, несобственно-прямая речь слита с авторской в одно целое и выделяется только по второстепенным признакам. Наличие в языке особых признаков Ч. р. позволяет не только вставлять действительно Ч. р. в авторскую, но и представлять в качестве чужой речь, созданную самим автором. Типичным примером последнего является речь персонажей художественных произведений, в первую очередь драматических.

Лит. см. при статьях Прямая речь, Косвенная речь, Несобственно-прямая речь.

Е. Н. Ширяев.

Ш ш

Щ щ

Ш, ш – двадцать шестая буква русского алфавита. Её название – «ша» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ш*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «ша». Соответствующей буквы в греч. языке нет. Восходит, видимо, к др.-евр. квадратному или синайскому и раннеараб. письму. В кириллице числового значения не имела.

Основное графическое значение буквы *ш* – обозначение фонемы ⟨*ш*⟩: *шаг, штаб, волшба, наш*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем, буква *ш* обозначает твёрдость этих фонем: *волшебник, пунш, лапша*.

Шипя́щие согла́сные – согласные [*ш*], [*ж*], [*ч'*], а также [*ш̄'*] [*ж̄'*], называемые так по производимому ими акустическому впечатлению. В др.-рус. языке Ш. с. [*ш'*], [*ж'*], [*ч'*] исконно были мягкими: они возникли в результате первой палатализации (см.) или в результате изменения сочетаний согласных с *j*: **chj, *sj > š', *gj, *zj, *dj > ž; *kj', *tj > č'* (*č'* развился также в результате изменения сочетаний **kt, *gt* перед гласными переднего ряда). Исконная мягкость [*ш'*], [*ж'*], [*ч'*] обусловливала то, что в памятниках письменности буквы, обозначающие эти согласные, употреблялись с последующими гласными буквами *ь, и*, а также ѧ(ꙗ) и *ю*: *мышь, мужь, сѣчь; несеши, бѣжить, чисть; несошѧ, жѧти, чѧсъ; пишю, кожюхъ, чюти*. Вместе с тем буквы *ш, ж, ч* могли употребляться и с последующими *а* и *у* (но не с *ы*), и это свидетельствовало о том, что согласные [*ш'*], [*ж'*], [*ч'*] не имели твёрдой пары и не было необходимости после них дифференцировать написание гласных.

В истории рус. языка [*ш'*] и [*ж'*] подверглись отвердению, а [*ч'*] сохранился как мягкий согласный; отвердение Ш. с. относится к 14 в.: в этот период в памятниках появляются написания *ш* и *ж* с последующей буквой *ы*: *жывите, держыть, Шышкина* (Духовная грамота Дмитрия Донского, 1389). Совр. орфография сохраняет традиционные написания букв *и* и *ь* (в конце существительных жен. рода и нек-рых форм глаголов) после *ш* и *ж*: *шить, жир, мышь, рожь, несёшь, не тревожь*.

Совр. долгие Ш. с. [*ш̄'*] и [*ж̄'*] возникли из др.-рус. сочетаний [*ш'т'ш'*], [*ж'д'ж'*] (восходящих к праслав. сочетаниям соответственно **stj, *skj, *sk* и **zdj, *zgj, *zg*) в результате утраты взрывного элемента в этих сочетаниях в таких словах, как *ищу* – [*иш'т'ш'у́*] > >[*иш̄'у́*], *леща* – [*л'еш'т'ш'а́*] > [*л'еш̄'а́*], *дрожжи* – [*дро́ж'д'ж'и*] > [*дро́ж̄'и*], *дождик* – [*до́ж'д'ж'ик*] > [*до́ж̄'ик*]. Они сохраняют мягкость во многих рус. диалектах и в старомоск. произношении, лёгшем в основу устной формы лит. языка (см. Московское произношение); в других говорах они подверглись отвердению, а иногда сохраняются в виде [*шч'*], [*ждж'*] или [*шт'*], [*жд'*]. В совр. рус. лит. языке наблюдается тенденция к произношению твёрдого [*ж̄*]: [*jе́ж̄у*], [*во́ж̄ы*], [*в'иж̄а́т'*] или сочетания [*жд'*] в слове [*до́жд'ик*].

В. В. Иванов.

Штамп (от итал. stampa – печать, оттиск, удостоверяющий что-либо) р е ч е в о й – стилистически окрашенное средство, к-рое осознаётся говорящими как «готовая», устойчивая, регулярно и преимущественно автоматически употребляемая словесная формула. С точки зрения п р и м е н е н и я Ш. обеспечивает наиболее лёгкий, краткий и бездумный путь к отражению нужного содержания высказывания. С точки зрения в о с п р и я т и я – это злоупотребление наименее оригинальным и наскучившим обществу способом выражения мысли. Ш.– категория оценочная, зависящая от внешних обстоятельств речи и потому исторически изменяющаяся. Если в 50–70-х гг. 20 в. Ш. называли такие выражения, как *агенты (акулы) империализма, бурлящий континент, найти горячий отклик в сердцах, нерушимое единство партии и народа, от имени и по поручению, в ответ на пожелания трудящихся* и др., то к Ш. 80–90-х гг. 20 в. относятся

обороты типа *военный* (*промышленный, творческий*) *потенциал, национальная идея, новое мышление, аппаратные игры, высшие эшелоны* (*коридоры*) *власти, взвешенные решения, имперские* (*политические*) *амбиции, экономическое* (*политическое, экологическое*) *пространство* и пр.

Ш. могут стать разные единицы языковой системы, речи, текста, если этому способствуют условия их употребления (главный источник Ш.– газетно-публицистическая и ораторская сфера, т. е. массовая коммуникация): слово, словосочетание, предикативная конструкция, определённые способы соединения и последовательности этих элементов, архаизм и новообразование, пословица и поговорка, метафорическая фигура. Иногда Ш. несёт на себе в течение какого-то времени отпечаток индивидуального авторского способа выражения (*процесс уже пошёл, разойтись по национальным квартирам, надо определиться*) и употребляется заведомо цитатно, часто с иронически-шутливым заданием.

Формирование Ш. сопровождается двумя противоположными семантико-стилистическими последствиями. Первое – социально и психологически обусловленное усложнение микроисторических экспрессивных оттенков значения: в определённый момент самый безобидный нейтральный языковой факт способен перейти в разряд штампованного. Напр., слова *цивилизованный* (способ борьбы, принятия решений, дискуссии и цивилизованное общество, нация, государство), *правовой, однозначный/неоднозначный* (*однозначно/неоднозначно*), словосочетание *разумный компромисс*, конструкция *с позиций здравого смысла* и др. вследствие частого и не всегда оправданного использования вдруг начинают ощущаться как назойливые и даже достойные осмеяния. Второе последствие – ослабление или полная потеря связей с предметными явлениями объективной действительности, напр. у Ш. типа *поставить вопрос, сплотиться вокруг кого-чего-л., дать суровую отповедь*.

Объективное содержание термина «Ш.» двойственно. Как его синонимы часто употребляются термины, не имеющие оценочного смысла,– «клише», «стереотип», к-рые не ассоциируются с бедностью штампованной мысли. В таком понимании Ш. выступает как необходимый речевой элемент там, где главной особенностью общения является наличие стереотипных структур, обеспечивающих точность, экономность и традиционную повторяемость к.-л. элементов языка. Ш. этого типа употребляются в официально-деловом стиле, гл. обр. в канцелярской речи (см. Канцеляризмы): *вышеозначенный, настоящим сообщаю, в целях ликвидации, постановление о принятии решения* и пр. Другого рода стереотипы – бытовые – принадлежность неофициальной разг. речи: *читалка, столовка, два до Кунцева* (о билетах), *Улица Чехова – выходите?* и др.

Ш. выступает как с и г н а л с т и л и с т и ч е с к о й д е ф е к т н о с т и в том случае, если попадает в речевую сферу, имеющую иные экспрессивные задания, напр. канцелярско-протокольные Ш. вне специального употребления воспринимаются неодобрительно. Также неодобрительно воспринимаются Ш., в основу к-рых положено образное выражение: *гамма красок* и *палитра звуков, разбить страну на удельные княжества, поставить телегу впереди лошади, закончить разговор на оптимистической* (*пессимистической*) *ноте*. Штампованным можно сделать, из-за неумеренного употребления, даже идеальный художественный образ, цитату из первоклассного поэтического произведения.

Более всего Ш. противопоказан языку художественной лит-ры, т. к. механический характер его употребления противоречит эстетическому заданию и эффекту неповторимости индивидуально-авторского словесного отбора. Здесь, как и в публицистике, использование Ш. правомерно лишь в целях стилизации: в качестве иронического приёма или для речевой характеристики персонажей.

Стилистические Ш. и Ш.-стереотипы (клише) не равны с точки зрения процесса языкового развития. Вторые меняются медленно и входят в разряд наиболее консервативных элементов языка (ср. архаическую принадлежность многих официально-деловых и канцелярских Ш.). Первые же – категория только микроисторическая. Языковой коллектив очень быстро отказывается от «изношенных», дискредитировавших себя в его глазах стилистических средств и стремится к их обновлению. Поэтому судьба таких Ш. парадоксальна: возникая как новое, экспрессивно насыщенное стилистическое средство, они затем из-за слишком широкого и некритического применения «стираются», становятся символом культурно-речевой узости и вскоре выходят из употребления совсем, непременно пройдя перед этим стадию иронического и сатирического осмысления. Злоупотребление Ш. удачно высмеяно И. Ильфом и Е. Петровым в «Золотом телёнке» (*«Торжественный комплект – незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей и табельных фельетонов»*, к-рое Остап Бендер продал журналисту Ухудшанскому).

Лит.: Винокур Г., Культура языка, [М., 1930]; Костомаров В. Г., Культура речи и стиль, М., 1960; Чуковский К., Живой как жизнь, [М., 1963]; Винокур Т. Г., Когда канцеляризмы и штампы становятся опасной болезнью?, в кн.: Наша речь, М., 1965; Клюев Е. В., Общестилевые предпосылки лит. редактирования художественного текста, М., 1987; его же, О природе бессмысленных высказываний, в кн.: Слово лектора (общество «Знание»), 1988, № 9.

Т. Г. Винокур.

Щ, щ – двадцать седьмая буква русского алфавита. Её название – «ща» употребляется как существительное ср. рода: *прописное щ*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «шта». В кириллице числового значения не имела и представляла собой лигатуру из двух букв Ш и Т, совмещённых друг с другом горизонтальными чертами, в древнейших памятниках ст.-слав. письменности сочетание ШТ писалось раздельно.

Основное графическое значение буквы *щ* – обозначение фонемы ⟨*ш'*⟩ (⟨*ш̄'*⟩): *щи, щука, мощный, плащ*. Кроме того, после согласных букв, обозначающих общую часть соответствующих твёрдых и мягких фонем (кроме *н*), буква *щ* обозначает твёрдость этих фонем: *общий, толща, борщ*.

Ъ, ъ – двадцать восьмая буква русского алфавита. Называется «твёрдый знак». По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «ер». В кириллице числового значения не имела. Один из знаков слав. азбуки, не имевших прототипа в греч. письме и введённых создателями слав. письма для обозначения слав. фонем, чуждых греч. звуковой системе. Буква Ъ, ъ в памятниках до сер. 12 в. обозначала фонему, представленную редуцированным гласным звуком (см. Редуцированные гласные), к 13 в. перешедшим в *о* или исчезнувшим (см. Падение редуцированных). Не обозначая никакой фонемы, до реформы 1917–18 ъ ставился в конце слов для обозначения твёрдости конечной согласной фонемы (*сынъ, объ этомъ, слоговъ, говорилъ*), у существительных и кратких прилагательных муж. рода после шипящих (*грачъ, тощъ*), в род. пад. мн. ч. у существительных жен. и ср. рода после шипящих (*из-за тучъ, городищъ*). Написание ъ в конце слов было отменено реформой 1917–18. По правилам совр. орфографии ъ употребляется после согласных перед буквами *е, ё, ю, я* на стыке приставки и корня, а также в нек-рых других словах в качестве разделительного знака: он указывает, что след. гласная буква обозначает сочетание фонем ⟨j⟩ и гласной: *подъезд, съёмка, предъюбилейный, трёхъярусный, объект, панъевропейский, адъютант* (см. статьи о буквах Е, е; Ё, ё; Ю, ю; Я, я).

Ы, ы – двадцать девятая буква русского алфавита. Название буквы – «ы» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ы*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «еры», к-рая числового значения не имела. В кириллице произошла из составного знака ъ+I (еръ+*и*), откуда и её старое название («еры»). С 15 в. знак ъ в этой букве заменяется знаком ь.

Графическое значение буквы *ы* – обозначение фонемы ⟨*и*⟩ и твёрдости предшествующей согласной фонемы (с точки зрения Моск. фонологической школы), ⟨*ы*⟩ (с точки зрения С.-Петерб. фонологической школы): *был, мы, ты*. Правилом орфографии *ы* допускается после *ц*: *цыган, отцы, синицын, куцый*. В этом случае *ы* обозначает только фонему ⟨*и*⟩ (⟨*ы*⟩).

Ь, ь – тридцатая буква русского алфавита. Называется «мягкий знак». По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «ерь», к-рая числового значения не имела. В памятниках до сер. 12 в. означала фонему, представленную редуцированным гласным звуком (см. Редуцированные гласные), к 13 в. перешедшим в гласный *е* или исчезнувшим (см. Падение редуцированных). Один из знаков слав. азбуки, не имевших прототипа в греч. письме и введённых создателями слав. письма для выражения слав. фонем, чуждых греч. звуковой системе.

В совр. письме буква *ь* имеет след. графические значения: 1) на конце слова и перед согласными (не после шипящих) обозначает мягкость предшествующей согласной фонемы: *брать, редька*; 2) после согласных перед буквами *е, ё, и, ю, я* выступает как разделительный знак, указывая, что эти буквы обозначают сочетания фонем ⟨*jэ*⟩, ⟨*jo*⟩, ⟨*jи*⟩, ⟨*jу*⟩, ⟨*jа*⟩: *чьей, нальёт, семьи, вьюга, судья*; 3) сочетание букв *ьо* обозначает ⟨*jo*⟩ в заимствованных словах: *бульон, лосьон, медальон*. После шипящих согласных на конце слова и перед согласной *ь* не имеет графического значения и пишется по традиции: *рожь, идёшь, моешься, плачь, режьте, беречь, вскачь, лишь*.

Ээ Юю

Є Є Є Ю ю ю ю Ю Юю Юю

Э, э – тридцать первая буква русского алфавита. Совр. название – «э» (читается [э]), прежнее название – «*э оборотное*». По начертанию восходит к букве Э, употреблявшейся в письменной практике с 16 в. и связанной, по-видимому, с глаголической Э (см. Глаголица), соответствовавшей Є кириллицы (см.). В кириллице имела числовое значение «пять», в глаголице – «шесть». Введена в состав рус. алфавита (гражданской азбуки) реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания); её название «э оборотное» соотносит начертание с «перевёрнутой» кириллической буквой Є. Буква Э с трудом завоёвывала себе права гражданства, её не признавал В. К. Тредиаковский, к-рый относил её появление к «повреждению кириллицы», против неё выступали А. П. Сумароков и М. В. Ломоносов. Из писателей 19 в. её не хотели употреблять Г. Р. Державин и И. А. Крылов. Против неё высказывался Г. П. Павский в «Филологических наблюдениях над составом русского языка» (1841–42).

Графические значения буквы *э*: 1) в начале слова и после гласной буквы обозначает фонему ⟨е⟩: *эхо, поэт*; 2) после согласной буквы обозначает фонему ⟨е⟩ и твёрдость предшествующей согласной фонемы: *мэр, Улан-Удэ, Бэкон, Тэтчер, сэкономить*.

Эвфеми́зм (от греч. euphēmía – воздержание от неподобающих слов, смягчённое выражение) – эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного слова или выражения, представляющегося говорящему неприличным, грубым или нетактичным. Напр., *пожилой* вместо *старый*, *уклониться от истины* вместо *соврать*, *задержаться* вместо *опоздать*, *поправиться* вместо *растолстеть*. Э. характеризуются высокой степенью подвижности. Ими заменяются также табуированные названия: архаичные (*хозяин* вместо *медведь*, *шут с ним* вместо *чёрт с ним*) и новые (*летальный исход* вместо *смерть*, *новообразование* вместо *опухоль*).

Наряду с такими более или менее устойчивыми заменами в речи отмечаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения, маскировки или смягчения подлинной сущности обозначаемого: «*И Квашнин... искоса поглядел на жену и тёщу, чтобы узнать, как подействовала его ложь, или, как он сам называл, д и п л о м а т и я*» (Чехов); ср. также употребление слова *холерина* у Ф. М. Достоевского для обозначения психофизического состояния человека.

В то время как первые замены в определённой своей части соприкасаются с одной из разновидностей табу (см.) и становятся (или приближаются к тому, чтобы стать) словарными фактами, вторые возникают в речи как окказиональные обозначения неприятных, отрицательных явлений. Эти окказиональные замены не основаны на синонимичности соответствующих слов, их назначение как раз в том, чтобы «скрыть» подлинную сущность обозначаемого: «*...Видишь ли, товарищ Глотов, твоё с п о к о й с т в и е – это просто политическая пассивность. Давай уж найдём этому точное название*» (Овечкин). Т. о., под понятие Э. подводятся два ряда явлений, природа к-рых различна.

Э. противопоставляется д и с ф е м и з м – замена нейтрального в эмоциональном и стилистическом отношении слова более грубым, пренебрежительным и т. п., напр.: *загреметь* вместо *упасть*, *отдать концы* вместо *умереть*, *опротиветь* вместо *надоесть*. Процессы эвфемизации изучаются в лексикологии (см.) и социолингвистике (см.).

Лит.: Л а р и н Б. А., Об эвфемизмах, «Уч. зап. ЛГУ. Сер филол. наук», 1961, № 301, в. 60. См. также лит. при ст. Табу.

Н. С. Арапова.

Эзо́пов язы́к (от имени др.-греч. баснописца Эзопа) – особый стиль изложения, имеющий целью замаскировать (прежде всего для цензуры в условиях антидемократического строя) прямое, непосредственное выражение идей, взглядов, противоречащих официальной политике, идеологии или господствующим в обществе представлениям, однако сравнительно легко дешифруемое внимательным читателем. Э. я.– совокупность приёмов

иносказания (аллегория, перифраза, фигура умолчания, «говорящие» псевдонимы, разного рода аллюзии, басенные и фольклорные персонажи, наделённые социально-культурной коннотацией, элементы сказочной фантастики и т. п.). Нередко для выражения идей средствами Э. я. используют жанры басни или сказки (И. А. Крылов, М. Е. Салтыков-Щедрин), легенды (В. М. Гаршин), «переводы» и «подражания» из древней и вост. поэзии, сюжеты на библейские, античные, исторические темы (напр., «Арион» А. С. Пушкина), на темы из жизни других стран (напр., «Жалобы турка» М. Ю. Лермонтова).

Выражение «Э. я.» ввёл в употребление Салтыков-Щедрин: «Создалась особенная рабская манера писать, которая может быть названа эзоповской,– манера, обнаруживающая изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок и прочих обманных средств», «писатель не знает..., в какие ризы её (мысль) одеть, чтобы она не вышла уж чересчур доступною (для цензурного ока). Кутает-кутает, обматывает всевозможными околичностями и аллегориями...».

Э. я. складывался прежде всего в жанрах публицистики, политической сатиры (прозаической и стихотворной), в гражданской поэзии. Мастерами Э. я. были Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Салтыков-Щедрин.

Разные исторические периоды имели разные виды символики Э. я. Так, декабристы «временщиком» называли А. А. Аракчеева, революционные демократы Сибирь обозначали как «Вестминстерское аббатство» (место захоронения лучших людей Англии), революционную деятельность – «великая работа», революцию – «невеста», «настоящий день», «дама в розовом». Особенно разработанной была система «эзоповских» замен в произведениях Салтыкова-Щедрина, напр.: невежественные и самоуверенные чиновники – «помпадуры» и «градоначальники», представители нарождающейся буржуазии – «хищники», крестьянин – «человек, питающийся лебедой» и т. д.

Под Э. я. понимается также творческая манера к.-л. писателя, публициста, характеризующаяся иносказательностью, использованием различных приёмов условного изображения действительности (М. А. Булгаков, Вс. В. Иванов).

Лит.: Чуковский К. И., «Эзопова речь» в творчестве Н. А. Некрасова, в кн.: Некрасовский сб., [т.] 1, М., 1951; Ефимов А. И., Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, М., 1953; Бушмин А. С., Из темы об эзоповской манере Салтыкова-Щедрина, в кн.: Вопросы изучения рус. лит-ры XIX–XX веков, М.–Л., 1958; Дмитриев В., Эзоповский язык, «Рус. речь», 1971, № 5; Паклина Л. Я., Искусство иносказательной речи. Эзоповское слово в художественной лит-ре и публицистике, Саратов, 1971; Иванова Н., Смена языка, «Знамя», 1989, № 11.

Ю. А. Бельчиков.

Экспресси́вность (от лат. exрressio – выражение) – семантическая категория, придающая речи выразительность за счёт взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного и эмоционального отношения субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире.

Оценочное и эмоциональное отношение имеют различную природу. Содержанием собственно рациональной оценки является мнение субъекта о том, что обозначаемое предстаёт для него как «хорошее» (интересное, полезное, красивое и т. п.) или «плохое» с точки зрения норм бытия (как в качественном, так и в количественном их аспекте). Эмоциональная оценка, или эмотивность (см. Функции языка), всегда связана с к.-л. эмоциональной мотивацией, выраженной во внешней или внутренней форме слова – чаще всего образной (ср. *тары-бары-растабары* и *пустобрёх, молотить языком* и т. п.). Содержанием эмотивности является позитивное или негативное чувство (типа презрения, пренебрежения, уничижения, неодобрения или одобрения и т. п.), испытываемое субъектом по отношению к обозначаемому, что отражается в словарях в виде соответствующих помет (*презр., пренебр., уничиж., неодобр., одобр.* и т. п.). Структура экспрессивных знаков, начиная от слов и кончая текстом, всегда характеризуется усилением рациональной оценки эмотивностью, что и придаёт им выразительность в речи (ср. собственно оценочные выражения: *Это – хороший фильм; Он – глупый человек* и выражения, экспрессивно окрашенные: *Это – умопомрачительный фильм; Фильм – сказка!; Он – медный лоб; У него одной клепки в голове не хватает* и т. п.). Э. языковых единиц заключается в их способности отображать это содержание в виде особых признаков, к-рые придают речи оценочно-эмоциональную окраску и приводят к прагматической нагруженности как отдельных высказываний, так и более крупных отрезков текста. При разноприродности и смысловом различии оценочных и эмотивных признаков они, будучи субъективными, противостоят в языке объективному значению коммуникативных или номинативных его единиц. Именно наличие оценочно-эмоциональной окраски отличает обладающие ею наименования от значений, обозначающих и описывающих чувства и эмоции (типа *презирать, любить, радостно* и т. п.) или собственно эмоциональную окраску (*деточка, платьице* и т. п.), а также от языковых способов непосредственного выражения эмоций в форме междометий (*Эх!; Тьфу!; Вот тебе и на!* и т. п.).

Категория Э. может выражаться самыми различными языковыми средствами и способами, формально (материально) выраженными или невыраженными. К формальным ресурсам Э. относятся фонетический облик слов или фразеологизмов (звукоподражание, звукосимволизм, необычное звучание: *тенти-бреньти, абракадабра*).

аллитерация, добавочное ударение, необычный интонационный рисунок предложения, нарушение стандартного порядка слов, ритм речи, а также специальные словообразовательные средства (т. н. суффиксы эмоциональной оценки типа *-ищ-* в *бабища*, *-ёнк-* в *комнатёнка* и т. п.). Формально не выраженные признаки представлены во внутренней форме образной мотивацией, характерной для переосмысленных значений, а также алогизмами, парадоксами и т. п. (*осёл, тащиться, повернуть оглобли*; *согнуть в бараний рог*; *после дождичка в четверг*). Все лексические и фразеологические единицы, входящие в категорию Э.,– знаки вторичной номинации (см.). Средством Э. может служить интенсификация свойств обозначаемого (*малюсенький, громила, носиться, вдрызг*). Дополнительной приметой Э. может быть функционально-стилистическая окраска слов и фразеологизмов, связанная с нормами употребления в определённых социально-речевых ситуациях, что отражается в словарях в виде помет: *высок.*, *грубо-прост.*, *бран.*, *ирон.*, *шутл.* и т. п.

Э. тесно связана с коммуникативной целью речевых актов и с категорией предложения. Наслаиваясь на обязательное для каждого высказывания объективно модальное значение (см. Модальность), Э., используя свои ресурсы, к-рым принадлежат частицы и особые конструкции, привносит в смысл предложения экспрессивную окраску. *Ну и тряпка же ты!*; *Построили дачу – не дачу, а целый дворец*; *Работать – так уж работать*; *Какой же ты осёл!*; *Эк его разливается!*; *Дважды два – стеариновая свечка или сколько прикажете* и т. п. Этой же цели служат и специальные вводные слова и выражения (*чего доброго, не к ночи будь сказано, к несчастью* и т. п.), клишированные обороты и предложения, выражающие предостережения, пожелания, проклятия (*Упаси Боже!*; *Дай-то Бог!*; *Типун тебе на язык!* и т. д.). В тексте интегрируются все средства, способные создавать эффект Э.

Субъективное объективируется в актах номинации и приводит к формированию экспрессивно окрашенных единиц номинативного состава языка, образующих в нём особый пласт. Экспрессивная окраска достигается при этом разными путями: в результате образного переосмысления значений слов, при посредстве аффиксации и словосложения, к-рые могут комбинироваться, а также изменений стилистической дифференциации слов в процессах исторического развития словарного состава (*медведь, белая ворона, бабёха, старушенция, блюдолиз, геройствовать, облапошить*).

В связи с формальной и смысловой неоднородностью средств Э. разграничиваются экспрессивно-фонетические, экспрессивно-морфологические (словообразовательные), экспрессивно-лексические, экспрессивно-фразеологические и экспрессивно-синтаксические единицы языка. В соответствии со стилистической дифференциацией номинативного состава языка принято выделять экспрессивно-стилистические значения слов и фразеологизмов, противопоставленные их нейтральным синонимам.

Лит.: Балли Ш., Франц стилистика, пер. с франц., М., 1961; Грамматика совр рус. лит. языка, М., 1970; Колшанский Г. В., Соотношение субъективных и объективных факторов в языке, М , 1975; Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, в его кн.: Лексикология и лексикография. Избр. тр., М., 1977; Шмелёв Д. Н., Рус. язык в его функциональных разновидностях, М., 1977; Лукьянова Н. А., Экспрессивная лексика разг. употребления. Проблемы семантики, Новосиб., 1986; Матвеева Т. В., Лексическая экспрессивность в языке, Свердловск, 1986; Телия В. Н., Коннотативный аспект семантики номинативных единиц, М , 1986; Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности, М., 1991 *В. Н. Телия.*

Э́ллипсис (от греч. élleipsis – опущение, недостаток) – 1) речевое явление, заключающееся в коммуникативно значимом сокращении, опущении нек-рых структурных элементов языковой единицы в рамках высказывания (в ходе речевой коммуникации). Первопричина Э.– в действии «принципа экономии усилий» говорящих. Э. наиболее последовательно представлен в разг. речи, является одной из её дифференциальных характеристик. Различают Э. фонетический, синтаксический, фразеологический.

Фонетический Э. (изучается орфоэпией) состоит в сокращении, опущении, гл. обр. в разг. речи, части звуковых сегментов, содержащихся в образцовом фонетическом тексте или в идеальном фонетическом облике слова. Именно по явлениям фонетического Э., квалифицируемого как «неполный стиль» произношения, разг. речь принято отличать от устной кодифицированной речи. Ср., напр.: [*ты́т'ъ*], [*ра́н'ныи̯*], [*фстр'е́т'цъ*], [*этплс'у́дъ*] при [*ты́с'ъчъ*] (*тысячи*), [*ра̄́н'ъныи*] (*раненый*), [*фстр'е́т'ъцъ*] (*встретятся*), [*э́тъ плс'у́дъ*] (*эта посуда*) в «полном стиле».

Э. в синтаксисе связан гл. обр. с ситуативностью разг. речи и сопровождающими её жестами, мимикой, находит своё выражение в «свёрнутости» конструкций в высказывании, в их неполноте (по сравнению с «полным составом» аналогичных конструкций в речи книжной; см. Неполное предложение), обусловленной прежде всего контекстом: *Петров поднял штангу весом в сто двадцать килограмм, а я – только сто*, ситуацией: *Николай – на первом месте, а Иван – на втором* (о месте в спортивных соревнованиях); *Где метро? – Там* (показывает рукой). Нек-рым конструкциям Э. присущ изначально (особенно в разг. речи) как характеристическая черта их структуры: *Он домой*; *Я – ни слова*; *«Самая поздняя осень – это когда от морозов рябина морщится»* (Пришвин).

Фразеологический Э. связан с модификациями фразеологической единицы, выражающимися в том, что один из её компонентов опускается под

влиянием контекста, напр.: *как зеницу ока* (беречь); *ум за разум* (заходит); *«Прошло двадцать пять. Но это само собой»* (Шукшин).

2) В стилистике – стилистическая фигура, состоящая в том, что один из компонентов высказывания не упоминается, опускается с целью придать тексту бо́льшую выразительность, динамичность. Э. способствует передаче быстрой смены событий, действий, общей динамики изображаемой сцены, напряжённого состояния персонажа, вносит дополнительные детали в его речевую и психологическую характеристику.

Э. как стилистическая фигура, широко используемая в художественной прозе и в поэзии, в публицистике, в сценической и ораторской речи, опирается на соответствующие явления в разг. речи. Наиболее распространён Э. синтаксических конструкций; чаще всего опускается глагольное сказуемое: *«Решили лисы кролика запечь, А кролик из духовки – прыг на печь, Потом на лавку и в окошко с лавки»* (Козловский).

Смысловая ясность фразы, в к-рой представлен синтаксический Э., поддерживается смысловым и синтаксическим параллелизмом: *«Дан приказ ему на запад, Ей в другую сторону...»* (Исаковский). Фразеологический Э., наряду с использованием в художественных текстах (гл. обр. в репликах персонажей и интимизированной авторской речи), представлен в публицистике, в газетных заголовках. В последнем случае восполнение недостающего компонента фразеологической единицы и соответственно её смысловая ясность опираются, с одной стороны, на содержание текста с таким заголовком, с другой стороны, на культурно-историческую фоновую пресуппозицию носителей данного языка. Фонетический Э. может быть применён в художественных текстах как один из приёмов стилизации речи персонажа.

Лит.: Кодзасов С. В., Фонетический эллипсис в рус. разг. речи, в кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики, М., 1973; Щерба Л. В., О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Сковородников А. П., Эллипсис как статистическое явление совр. рус. лит. языка, Красноярск, 1978; Панов М. В., Совр. рус. язык. Фонетика, М., 1979; Ренская Т. В., О варьировании фразеологических единств при эллипсисе, в кн.: Проблемы рус. фразеологии. Республиканский сб., Тула, 1979; Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., Рус. разг. речь, ч. 3 – Синтаксис, М., 1988; Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д., Синтаксические нули и их референциальные свойства, в кн.: Типология и грамматика, М., 1990; Факторович А. Л., Выражение смысловых различий посредством эллипсиса, Хар., 1991; Разг. речь в системе функциональных стилей совр. рус. лит. языка. Грамматика, Саратов, 1992

Ю. А. Бельчиков.

Эмоти́вное значе́ние – см. Экспрессивность.

Энкли́тика (от греч. enklitikós – склоняющийся, тяготеющий) – акцентно (см. Акцент, Акцентология) слабый компонент словосочетания, к-рый следует за сильным (акцентно вершинным) компонентом, образуя с ним единое фонетическое слово. Явление такого слияния называется энклизой. Степень акцентной слабости может быть различной – от полной безударности (напр., у частиц *-то, -ка*) до слабоударности, проявляющейся в т. ч. и в отсутствии редукции (см.) гласных (напр., у частицы *мол*).

В позиции Э. находятся: постпозитивные частицы *бы, ли, -то, -ка* и др. (напр., *скорей бы лето; скажи-ка; доедем ли когда-нибудь*); личные и возвратное местоимения в нек-рых контекстах [напр., *«Стоял он, дум великих полн»* (Пушкин) – с постпозицией местоименного подлежащего в пределах темы (см. Актуальное членение предложения); *Большой ты мастер анекдоты рассказывать* – с постпозицией местоимения, расщепляющего определительное словосочетание *большой мастер* (ср. также *Больших тебе успехов*); *Лежит себе, почитывает* – с усилительной функцией местоимения *себе*]; глагольные словоформы типа *значит, говорят*, употреблённые в качестве вводных или паразитических слов, напр. *Ты, говорят, письмо получил* (энклиза таких словоформ способствует их фонетическому сокращению в быстрой речи до звуковых сочетаний типа *грят*, в чём проявляется также тенденция к односложности Э.) Особый случай именных Э. в рус. языке – т. н. энклиномена, когда нек-рые существительные в ряде форм передают своё ударение предлогу, в результате чего он становится акцентной вершиной предложно-именного сочетания, а имя существительное – Э. (таковы существительные *рука, нога, ухо, море, вода, угол, лес, поле* и др., ср.: *за́ руку, по́ уши, по́ морю, за́ угол, и́з лесу*). Э. позиционно противопоставляется проклитике (см.), вместе с к-рой образует разряд клитик.

В. А. Виноградов.

Энциклопеди́ческие словари́ – см. Словари энциклопедические.

Эпистоля́рный стиль (от греч. epistolḗ – послание, письмо) – исторически сложившаяся разновидность письменной речи, в к-рой используется форма «писем» или «посланий» (эпистол). Э. с. являет собой разные типы писем и посланий, стилистика к-рых меняется в разные исторические периоды. Особенности Э. с. зависят от разных адресатов и пишущих (адресантов), отражают социальное положение пишущего, его индивидуальные речевые особенности. Древнейшие образцы рус. Э. с.– берестяные грамоты (см.), переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (16 в.). Составлялись особые руководства для писания писем – «письмовники», содержащие образцы переписки как личного, так и делового характера. Старейший печатный рус. письмовник – «Приклады, како пишутся комплименты разные» (1708). В 19 в. также выходили

руководства для писания писем, напр. такие наставления содержит «Хороший тон. Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной» (1881).

В Э. с. выделяются письма, с одной стороны, как особый жанр публицистической и художественной прозы («Письма из Франции» Д. И. Фонвизина, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Письма к другу» Ф. Н. Глинки, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского) и, с другой стороны, как средство делового, профессионального и личностного, дружеского общения; издаётся переписка гос. и общественных деятелей, известных учёных, писателей, артистов, работников культуры, искусства, ставшая фактом лит-ры и получившая резонанс в различных сферах духовной жизни (письма А. В. Суворова, Г. А. Потёмкина, Е. А. Баратынского, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, В. Г. Белинского, Достоевского, А. П. Чехова, М. Горького, М. И. Цветаевой, И. Г. Эренбурга, Б. Л. Пастернака и др.). В первом случае в письмах преобладает образность, художественность изложения, во втором – разговорность стиля, эмоциональность или официальность. Э. с. имеет множество вариантов в зависимости от социальных отношений корреспондентов.

К особому типу Э. с. относится официальная переписка, содержащая определённые каноны, черты официально-делового стиля, набор клише, принятых в нём в данный исторический период.

Частные письма, имея разное назначение, несут всевозможную информацию: содержат размышления, наблюдения, исповедь, выражают эмоции, чувства, дают бытовые и автобиографические сведения. В письмах проявляется непосредственность мироощущения, ставящего читателя лицом к лицу с мыслью, чувствами, настроениями пишущего. Письма позволяют шаг за шагом пройти с автором жизненный путь, воссоздают черты характера, широкий круг интересов, его личные отношения к событиям. Они отражают изменения в судьбе, взглядах, душевной настроенности автора. В письме пишущая личность выдвигается на первый план, объективное представление уступает место субъективному.

Э. с. отличается точным обозначением адресата и адресанта, отражает сложное и тонкое переплетение устной разг. и книжно-письменной речи. Для Э. с. характерны как непринуждённая форма обращения, возможная между знакомыми или близкими людьми, когда используются принятые условные эпистолярные формулы-обращения типа *Мой дорогой мальчик*; *Дорогой Сергей Васильевич*; *Милый дружище Казимир!*; *Дорогой друг!*, так и официальная форма обращения, напр.: *Господин редактор!*; *Глубокоуважаемый Иван Иванович!* Используются этикетные формулы, клише, напр.: *Я знаю, какую смелость беру на себя, обращаясь к Вам...*; *Не откажите в любезности...*; *Если у Вас хватит времени и терпения прочесть это письмо...*; *Смотрел спектакль и хочу выразить Вам своё восхищение...*; *Давненько мы с Вами не виделись...*; *Спешу тебя поздравить...*, типичные разг. обороты, краткие конструкции, вопросительные, восклицательные предложения, напр.: *Какое ты мне хорошее письмо написала!*; *Как ты учишься?*; *Как вы живёте?*; *Ах, да. Забыл написать...*, типичные обороты конца письма, напр.: *Искренне Ваш*; *С уважением*; *С глубоким уважением*; *До свидания*; *До скорого*; *Ваш Виктор*. Э. с. даёт представление о состоянии живой литературно-разг. речи, насыщенной фразеологией, сравнениями, метафорами, конкретной бытовой лексикой, словами с уменьщительно-ласкательными (оценочными) суффиксами и др. В письмах с нек-рым налётом книжности используются высокие слова. В Э. с. проявляются авторское «я», многообразие и единство авторского образа, диалогизация речи.

Лит.: Ефимов А. И., История рус. лит. языка, 2 изд., М., 1967; Гинзбург Л., О психологической прозе, Л., 1971; Виноградов В. В., Очерки по истории рус. лит. языка XVII–XIX веков, 3 изд., М., 1982; Веселикова В. И., О деловой этике и этикете, М., 1994. *Н. Н. Кохтев.*

Эпи́тет [от греч. epítheton (опома), букв.– приложенное, прибавленное] – стилистически значимое (содержащее троп, см., или подчёркнуто характеризующее предмет речи) слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства, напр.: *«Бой идёт святой и правый»* (Твардовский): *«... и юный град ... вознёсся пышно, горделиво»* (Пушкин). Наиболее чётко противопоставлен стилистически нейтральному определению (обстоятельству) метафорический (см. Метафора) или метонимический (см. Метонимия) Э.: *железная дисциплина* (ср. словосочетание *железная руда*, содержащее обычное, нейтральное определение), *гордый конь, живой след*. В ряде случаев прилагательное (наречие) воспринимается как Э. благодаря тому, что оно грамматически сочетается не с тем словом, к к-рому относится по смыслу (т. н. гипаллага): *«Штурмовые ночи Спасска»* (Парфёнов; ср.: *штурм Спасска*). В строке *«Тополей седая стая»* (Багрицкий) имеет место перенос Э. с управляемого слова *тополей* на управляющее слово *стая* (т. н. перенесённый Э., или эналлага). Различие семантических планов, к к-рым принадлежат Э. и его определяемое, порождает эффект неожиданности: подлинная связь понятий не очевидна. Для нек-рых жанров фольклора характерен постоянный Э.: *красна девица, чисто поле, буйная головушка*. В литературоведении термин «Э.» не имеет синтаксически определённого содержания и нередко употребляется для обозначения любого слова (группы слов), выражающего эмоциональную оценку или образную характеристику предмета речи.

Лит.: Горнфельд А., Эпитет, в кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 1, 2 изд., Хар., 1911; Томашевский Б. В., Теория лит-ры. Поэтика, М.–Л., 1928; Жирмунский В. М., К вопросу об эпитете, в кн.: Памяти П. Н. Сакулина, М., 1931; Античные теории языка и стиля, М.–Л., 1936; Горбачевич К. С., Хабло Е. П., Словарь эпитетов рус. лит. языка, Л., 1979. *Ю. М. Скребнев.*

Этимологи́ческие словари́ – специальные справочные словари, содержащие информацию об этимологии (см.) слов определённого языка или группы родственных языков.

Непосредственный объект этимологизации – лексика одного языка или группы языков, живого или мёртвого языка, лит. или общенародного языка определяет существенные различия Э. с. в отношении состава и характера словников, подлежащих этимологизации. В Э. с. группы родственных языков словник может представлять собою лексику одного из языков группы, но чаще является реконструкцией лексического фонда праязыка – общего предка всей группы. В этом случае уже сам словник представляет собой результат этимологизации лексики всех языков группы (славянских, германских, индоевропейских, индоиранских и т. д.), а это вводит в словник элемент гипотетичности [см. различия праслав. словников в двух однотипных словарях – в «Этимологическом словаре славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубачёва (т. 1–22, 1974–95, изд. продол-

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ

СЛОВАРЬ

РУССКОГО ЯЗЫКА.

составил

А. Преображенский,

Заслуж. преподаватель Московской 4-й гимназии.

ТОМ ПЕРВЫЙ

А—О

МОСКВА.
Типография Г. Лисснера и Д. Собко.
[illegible]
1910—1914.

напр. Бернекеръ (BEW. 243). въ него не вѣритъ.

драгу́нъ Р. драгу́на. Мн. Р драгу́нъ *конный солдатъ, дѣйствующій и въ пѣшемъ строю.*

— Нов. заимств. изъ нѣм. dragoner или изъ фр. dragon; вѣроятно, черезъ пол. (Ср. Дюв. М. 44) [Происхожденіе слова толкуютъ различно: Аделунгъ думалъ, что по эполетамъ, которые назывались dragoni; другіе думаютъ, что по изображенію дракона на знамени, какъ символа быстроты и отваги (фр. dragon=лат. draco, drakonis); Шелеръ, кажется, всего вѣроятнѣе, выводитъ изъ названія оружія; первоначальное оружіе драгунъ были пистолеты, которые могли называться драконами. Ср. фальконетъ *родъ ружья*, мушкетъ, собств. *соколокъ, мушка.* (Schel. ÉF. 143)].

драко́нъ, Р. драко́на; драко́нскій, драко́новскій *очень строгій.*

др. дракъ. **сс.** дракоунъ. **сл.** drakon. **с.** дра̀ку̑н., Р. драку̑на. **ч.** drak. **п.** діал. drak.

— Старое заимств. изъ сргр. *δράκος драконъ;* позднѣйшее литературное *драконъ* изъ гр. *δράκων.* (Фасмеръ. Извѣст. 12, 2, 231).

дра́тва, Р. дра́твы *смоленая нитка, которой шьютъ сапоги.*

мр. дратва. **сл.** dretva, dreta. **с.** дрѐтва. **ч.** dratev. Р. dratve. **п.** dratwa. **нл.** dretwa.

— Изъ срвнм. drat, ннѣм. draht *тж.* (формы съ вок. *e* изъ pl. drähte). Отсюда діал. (сѣвск.) дротъ *проволока.* (MEW. 50. BEW. 221).

драть, деру́, дерёшь; дра́ло (въ выр. «дать драла»), дра́ка,

Фрагмент текста «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского.

23 2375

МАКС ФАСМЕР

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Перевод с немецкого и дополнения
О. Н. ТРУБАЧЕВА

Том III
(Муза—Сят)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва 1971

жается) и в словаре под ред. Ф. Славского («Słownik prasłowiański», pod red. F. Sławskiego, t. 1–7, 1974–95, изд. продолжается)]. Словник Э. с. мёртвого языка ограничен объёмом лексики, зафиксированной сохранившимися памятниками письменности. Словник Э. с. общенародного языка может включать в свой состав отобранные по определённому принципу диалектные слова: архаичные, наиболее «тёмные», наиболее интересные с точки зрения генезиса лексики данного языка и т. д. Принципиальные различия между словарями определяются выбором одного из двух методов изложения результатов этимологического анализа лексики: пословного или гнездового. Эти различия проявляются в разработке как словника, так и объясняющей части словарной статьи. При пословном методе все анализируемые слова включаются в словник, объектом исследования в объясняющей части каждой статьи является одно слово; при гнездовом методе в словник включаются лишь опорные слова каждого этимологического гнезда, послужившие производящими основами для других лексем, а все остальные образования каждого гнезда распределяются в объясняющей части словарных статей, посвящённых опорным словам, так что в каждой статье рассматриваются словообразование и семантика целой группы родственных слов. Нек-рые учёные считают гнездовой метод устарелым, менее трудоёмким, ориентированным на неспециалистов и менее научным, а пословный метод – более современным и научным (Трубачёв, Славский; противоположная оценка – у Я. Малкиела). Каждый из методов имеет свои преимущества в решении задачи Э. с.– дать информацию о происхождении слова, что

профо́рма, обычно в выражении: *для профо́рмы* (Мельников и др.). Из нем.-лат. prō formā «ради формы, для видимости» (XVIII в.; см. Шульц — Баслер 2, 674 и сл.).

профо́сс, см. **прохво́ст.**

прохайда́чить «промотать», арханг. (Подв.). От *хайда́, айда́, хайда́кать.*

проха́ть «просить», курск. (Даль), укр. *проха́ти* — то же. Новообразование от *проси́ть* (см.).

прохво́ст, род. п. -а, сюда же стар. *профо́с(с)* «надзиратель за солдатами, взятыми под стражу, пристав», начиная с XVII в.; см. Христиани 32; Смирнов 247. Из нов.-в.-нем. Profoss «лицо на военных кораблях, которое следит за соблюдением устава на корабле и наказывает нарушителей корабельного устава», вторично сближено с *хвост* (Савинов, РФВ 21, 24[1]; Христиани, AfslPh 34, 324) или, подобно нов.-в.-нем. слову

Фрагмент текста «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера.

предполагает определение места слова в лексическом фонде языка, а основу этого фонда составляют этимологические гнёзда. Суть методических расхождений заключается в структурно-обусловленной (словарной формой) необходимости выбора между акцентом на этимологической характеристике одного слова и акцентом на генезисе целой этимологической системы – гнезда. Выбор одного из двух методов определяется спецификой языка – предмета исследования и состояния его изучения (так, для этимологического словаря группы языков с реконструированным словником праязыка оптимальна пословная структура). Одновременно этот выбор обязывает в каждом случае к поиску средств для решения задачи, оказавшейся неприоритетной, т. е. отображения гнездовых связей в пословном Э. с. и специфики образования каждого слова – в гнездовом Э. с. Интересы наиболее полного отражения лексических связей в Э. с. определяют всё большее включение в словарные статьи упоминаний о синонимах, омонимах, антонимах, паронимах и других составляющих морфосемантического поля. Разработка оптимальной методики наиболее полного отражения в словарной форме совр. представлений о генетической организации лексики и о месте в ней каждого слова – важнейшая задача Э. с., этимологической лексикографии.

Существенные различия между Э. с. определяются различием адресатов: научный Э. с., предназначенный для специалистов, характеризуется максимальной полнотой словника, изложением истории и совр. состояния вопроса, полнотой библиографии, аргументированностью предлагаемых этимологических толкований; популярный Э. с., ориентированный на широкого читателя, имеет меньший словник (и только лит. лексику), минимальную характеристику этимологических версий, отличных от авторской, минимум библиографии (или она вообще отсутствует) и краткую, упрощённую аргументацию. Популярный Э. с. наиболее уязвим для критики в отношении степени доказательности предлагаемых решений. Поэтому степень упрощения научного аппарата (использоваиие реконструированных форм на уровне праязыка, упоминание древних фонетических процессов и т. п.) в популярных Э. с. варьируется.

Первый научный Э. с. рус. языка – «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н. В. Горяева (1892; 2 изд., 1896). «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (т. 1–2, 1910–14; 2 изд., 1959), построенный по гнездовому принципу, на уровне развития современной ему слав. этимологии ввёл в научный обиход большие лексические материалы общенародного рус. языка. Наиболее полным законченным совр. научным Э. с. рус. языка является «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (M. Vasmer, «Russisches etymologisches Wörterbuch», Bd 1–3, 1953–58; пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачёва, т. 1–4, 1964–73; 2 изд., 1986–87), включающий в словник диалектизмы, нек-рые собственные имена. На лит. лексику и особое внимание к истории слов ориентирован «Этимологический словарь русского языка», издаваемый коллективом МГУ под ред. Н. М. Шанского (т. 1–2, до буквы К, 1963–87, изд. продолжается).

Популярными Э. с. рус. языка (с наиболее упрощённым аппаратом) являются «Этимологический словарь русского языка» Г. П. Цыганенко (2 изд., 1979) и «Краткий этимологический словарь русского языка» В. В. Иванова, Т. В. Шанской, Н. М. Шанского (2 изд., 1971). Для широкого читателя предназначен «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных (т. 1–2, 1993; авторская работа над словарём была закончена в 1970), однако аппарат этого издания более сложен. Словарь построен по гнездовому принципу. Специфическим по объекту исследования является «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова (1987).

Ж. Ж. Варбот.

Этимоло́гия (греч. etymología – установление истинного смысла слова, от грамматического термина étymon – истинное значение слова и lógos – определение, учение) – 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов. 2) Комплекс исследовательских приёмов, необходимых для выяснения происхождения слова, и результат этого выяснения – решение, гипотеза. 3) Происхождение слова.

Предметом Э. как раздела языкознания является исследование источников и процесса формирования словарного состава языка, включая реконструкцию словарного состава древнейшего (обычно дописьменного) периода. Непосредственный объект Э.– гл. обр. т. н. тёмные слова, в к-рых носителям языка непонятны связь формы и значения («почему это так называется»). Затемнение этой связи (деэтимологизация) – следствие исторических изменений формы и значения слов, а также лексической и грамматической систем языка. Так, деэтимологизация слова *повесть* и утрата осознания его производности от глагола *поведать* объясняется в основном изменением *д>с* перед суффиксом *-т-*. Причиной забвения родственных связей может быть смена словообразовательных моделей языка, так что древние слова, образованные по утраченным моделям, становятся позднее непонятными по структуре: ср. *знамя* – производное с архаическим суффиксом *-мен-/-мя* от *знать*. Иногда причина – в морфологических преобразованиях слова, искажающих структуру морфем: так, *наст* и *застить*

образованы соответственно от *настать* и *застать* с усечением корня (*ст-* вместо *ста-*). Причиной деэтимологизации бывает утрата слова, от к-рого образовано анализируемое слово: *вежливый* – производное от др.-рус. *вѣжа, вѣжь* – 'знающий'. Подобные изменения являются неизбежным следствием функционирования языка как средства общения и даже необходимы для того, чтобы язык мог в течение веков выполнять эту функцию. Напр., возможность переноса названия с одного предмета на другой (изменение значения слова) избавляет язык от необходимости создания массы новых слов в связи с развитием материальной и духовной культуры народа – носителя языка. Ср. историю значений слова *спутник*: сначала – 'тот, кто совершает путь вместе с кем-л.', затем – 'небесное тело, обращающееся вокруг планеты' и, наконец, 'космический корабль, запускаемый на околопланетную орбиту'. Важнейшей причиной деэтимологизации является знаковая природа слова: как правило, уже при возникновении слова его значение отличается (многостороннее, шире) от первичной мотивации, определяющей образование названия данного предмета от другого слова, так что новое слово становится условным знаком предмета. Так, первичной мотивацией для образования слова *окно* от *око* послужило сходство с оком, глазом, но уже первичным значением было 'отверстие'. Память о первичной мотивации слов делает язык образным, ярким, оживление этой мотивации – одно из важных средств поэтической речи, ср.: «*И лучшая вам честь, Ушедшие,– презреть раскол: Совсем ушёл. Со всем – ушёл*» (Цветаева). Но развитие значений неизбежно оттесняет и даже стирает первичную мотивацию, что также является условием длительного функционирования слов, поскольку развитие значения может вступить в противоречие с первичной мотивацией: см. сочетания *совсем ничего нет, ужасно талантливый*. Признание неизбежности и необходимости деэтимологизации слов на протяжении истории языка и соответственно исторической обусловленности и исторического соответствия каждого этапа в истории слова – одно из принципиальных отличий совр. научной Э. от античной Э., к-рая считала искомое первичное значение слова (собственно даже первичную мотивацию) единственно истинным, что отражено и в греч. названии этого раздела языкознания.

Цель Э. в совр. науке понимается как определение того, в каком языке, на каком историческом этапе, на базе какой первичной мотивации и соответственно от какого слова, по какой словообразовательной модели и с каким первичным значением образовано слово, а также выяснение путей и причин преобразования его первичных формы и значения вплоть до последнего состояния. Реконструкция первичной мотивации, формы и значения слова – предмет этимологического анализа. Сущность процедуры этимологического анализа – генетическое отождествление основы рассматриваемого слова с основой другого слова как исходной, производящей основой, а также отождествление других структурных элементов слова (префикса, суффикса и т. д.) с исторически известными структурными элементами, реконструкция соответствующей первичной формы слова с первичной мотивацией и первичным значением. Непременным этапом этимологического анализа является снятие исторических изменений, пережитых словом. Основу этимологической методики составляет сравнительно-исторический метод исследования различных единиц языка, к-рый опирается на законы фонетических изменений, а также закономерности и тенденции изменения единиц морфонологического, морфологического, словообразовательного, синтаксического и лексического уровней языка, являющиеся предметом изучения сравнительно-исторического языкознания. Неотъемлемая составляющая этого метода – сравнение анализируемого слова с потенциально родственными лексемами того же языка или родственных языков. В зависимости от характера исторических изменений, пережитых словом, и от его соотношения с потенциально родственными словами в отдельных случаях этимологического анализа ключевым, решающим оказывается анализ различных структурных элементов или значения слова. Так, для установления производности *узы* от *вязать* (на праслав. уровне) достаточно знания фонетических законов (чередование *е/о*, монофтонгизация дифтонгов *еn* > рус.'*а*, *оn* > рус. *у*, появление протетического *в*). Но единство слова как лексической единицы проявляется, в частности, и во взаимозависимости структурных и семантических изменений. Поэтому этимологический анализ, как правило, не ограничивается одним аспектом слова. Так, для установления родства слов *начало* и *конец* и их общей производности от (*на*)*чать* необходимо знание не только упомянутых выше фонетических законов (чередование *е/о*, изменение *к* > *ч* перед *е*, монофтонгизация дифтонга *еn* > рус.'*а* в корне *ча-/кон-*), но и диалектической связи понятий начала и конца (как двух ограничивающих пунктов); что подтверждается материалом родственного сербохорватского языка: *од кона до кона* – 'с начала до конца'.

При всей бесспорности связи этимологического анализа формы и значения слова широко распространённое мнение об особой трудности семантического анализа в Э.– объяснения связи и развития значений, реконструкции первичной мотивации и первичного значения – имеет объективные основания, поскольку семантические из-

менения необычайно разнообразны по качеству и диапазону, а в семантике нет законов, определяющих обязательные (для определённых условий) изменения значений, так что Э. опирается только на вероятность семантических изменений. Но и в анализе семантического аспекта слова Э. имеет нек-рый набор методов, исходящих из принципа аналогии: метод семантических параллелей, метод семантического поля (и производные от него принципы номинации), метод сопоставления с семантическим содержанием этимологического гнезда. Метод семантических параллелей заключается в том, что в качестве доказательства предполагаемого изменения значения (или возможности сочетания значений) используются случаи аналогичного развития (или сочетания) значений. Так, производность слова *мелкий* от *молоть* в семантическом плане аргументируется образованием слова *дробный* от *дробить*. Метод семантического поля предполагает рассмотрение генезиса слова и истории семантики слова на фоне синонимичных или семантически близких образований (названия рельефа, названия обуви, терминология определённого ремесла и т. п.), на материале к-рых выявляются типичные для этого поля принципы номинации (первичной мотивации) и соответственно определяется вероятная первичная мотивация исследуемого слова. Так, известная мотивация названий рельефа названиями частей тела человека или животного (ср. *нос*, *хребет*) позволяет генетически отождествить *степь* – 'безлесное, покрытое травой пространство' (но первично – 'возвышенная равнина') с диалектным *степь* – 'холка лошади'. Семантические изменения и типы мотивации лишь в нек-рой части объясняются общими закономерностями человеческого мышления (откуда семантические параллели в области изменений типа 'близко' → 'скоро', 'тяжесть' → 'печаль') или общим опытом материального производства, общественной жизни, общения людей ('острый' → 'быстрый', 'сильный' → 'быстрый' → 'нахальный', 'материал' → 'предмет, изготовленный из этого материала'). Бóльшая часть изменений значений обусловлена природной и общественной средой, историей культуры, к-рые во многом различны у разных народов. Поэтому при использовании методов семантических параллелей и семантического поля Э. опирается прежде всего на данные того же языка или близкородственных языков (для рус. языка – славянских). Наибольшая языковая близость сопоставляемых материалов обеспечивается методом сравнения семантики анализируемого слова с семантическим содержанием (значениями всех родственных лексем) этимологического гнезда, к-рое предполагается в качестве источника этого слова. Напр., принадлежность слова *рыхлый* к гнезду *рушить* обосновывается в плане семантики наличием в этом гнезде синонимичных с *рыхлый* диалектных *рухлый* и *рохлый*. Толкование семантических изменений, при всех возможностях указанных методов, должно базироваться на совокупности знаний о всём мире, окружающем носителей языка, их истории, к-рые могут обусловить и неординарные изменения значений слов. Так, для толкования Э. слова *орех* ключевым моментом оказалось обращение к природной среде славян, в к-рой орехи – это плоды лещины, растущие пучками, связками, что позволило объяснить *орех* как производное от *решить* (первичное значение к-рого было 'связать'). Для объяснения происхождения слова *орава*, при совр. значении 'беспорядочное и шумное скопление людей', существенны сведения о характерном для старого крестьянского быта обычае коллективной помощи при наиболее трудоёмких работах и родственное кашубское слово *orava* – 'взаимная соседская помощь при пахоте', так что это слово возводится к старому *орать* – 'пахать'.

Необходимым рабочим приёмом в Э. является реконструкция – восстановление первичных форм и значений слов. Поскольку деэтимологизация может произойти на весьма раннем этапе функционирования слова, необходимость Э. и соответственно реконструкции не зависит от возраста слова и объектом Э. нередко оказываются недавно возникшие слова типа *катюша* – 'реактивное артиллерийское орудие': это название появилось в годы Великой Отечеств. войны 1941–45 как «расшифровка» заводской марки К на первых боевых машинах с этими орудиями, произведённых Воронежским заводом им. Коминтерна (вероятно, сыграла роль ассоциация К с популярной в то время песней «Катюша»). Однако между зафиксированным состоянием слова и реконструкцией его первичных формы и значения всегда есть временнóй интервал (варьирующийся от слова к слову), происшедшие за это время изменения «снимаются» теоретически, поэтому результаты этимологического анализа являются гипотетическими при самом строгом соблюдении всех методических требований. Прямое следствие этого – множественность этимологических толкований одного и того же слова, нередко одновременно признаваемых в Э. Напр., слово *муторный* может быть производным с архаическим префиксом *му-* от *торить* (ср. его диалектное значение 'мучить' и родственное слово *приторный*), но достаточно вероятно и его образование от глагола *мутить*. Гипотетичность этимологических решений в значительной степени определяется индивидуальностью истории каждого слова. Поэтому практически неэффективны опыты формализации этимологического анализа (формулы ценны лишь как средство обобщения проведённых результативных исследований). Важнейшим средством уменьше-

ния гипотетичности, повышения надёжности Э. является увеличение системности в Э. На достижение этой цели ориентированы характерные для совр. Э. обращение к этимологизации целых групп лексики, выделенных по различным принципам (этимологическое гнездо, семантическая группа, лексико-грамматическая группа), и расширение фона этимологизации одного слова до размеров морфосемантического поля, охватывающего все слова, к-рые могут быть по форме или по значению соотнесены с анализируемым словом и оказаться причиной его изменений (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, слова, производные от анализируемого, контекстуальное окружение).

Пользуясь комплексным методом исследования, Э. не только опирается на данные сравнительно-исторической грамматики, семантики, лексикологии, но и обогащает все отрасли исторического языкознания новыми материалами, как подтверждающими уже известные закономерности, так и обнаруживающими ещё не изученные явления в истории языка. Особенно велика роль Э. в выявлении редких морфем, редких изменений единиц различных уровней языка.

Э. тесно связана с диалектологией (см.): лексика говоров сохраняет обширный фонд архаичных по форме или значениям слов, к-рые являются исторически связующими звеньями между лит. лексикой и её истоками. Так, при лит. значении слова *пестовать* – 'нянчить, выхаживать, выращивать' в диалектах представлены значения того же глагола – 'нянчить ребёнка, держа его на руках, на коленях, подбрасывая его', 'определять рукой вес груза, предмета', ср. и *пестать* – 'определять вес, поднимая кого-что-л.', к-рые позволяют восстановить первичное значение – 'подбрасывать, двигать вверх-вниз' и производность *пестовать* от *пест*, при первичной мотивации – 'двигать подобно песту в ступе'. Диалектная лексика очень существенна для полноты изучения семантических полей рус. языка и соответственно как источник наиболее надёжных для Э. лексики лит. языка семантических параллелей и принципов номинации. Так, генетическое тождество *пахать* – 'разрыхлять землю' и диалектного *пахать* – 'мести' (при первичности диалектного значения) подтверждается генетическим тождеством лит. *мести* и диалектного *взмет метать* – 'пахать', *метка пашни* – 'пахота под яровое'.

Выясняя происхождение слов, возникших в дописьменный период существования языка, Э. обнаруживает принципы номинации и реконструирует лексический фонд этого периода, что представляет интерес не только для исторической лексикологии, но и для изучения истории соответствующего общества, его материальной и духовной культуры. Так, возможность генетического отождествления слов *корабль* и *короб* (на праслав. уровне) означает вероятность изготовления судов у древних славян путём плетения. Вероятность образования слова *суд* от *сяду* свидетельствует о форме древнего судопроизводства – заседании. Этимологическое изучение заимствованных слов выявляет контакты носителей языка с другими народами, время и характер этих контактов: ср. обилие кораблестроительных и военных терминов, заимствованных в рус. язык из германских языков, названий одежды, кушаний – из франц. языка.

Носители языка не безразличны к употребляемым словам, и одним из проявлений этого является стремление говорящих (иногда даже инстинктивное) уяснить для себя связь того или иного слова с другими словами языка. Если исторические изменения затемнили эту связь, нередко происходит «подгонка» формы слова под какое-то близкое по звучанию слово, при условии нек-рой близости или сопоставимости значений. Так, в речи учащихся дореволюционных духовных училищ, где изучался греч. язык, греч. *staurós* – 'кол, свая' послужило базой для появления выражения *дубина стоеросовая*, в к-ром грецизм по форме сближен с глаголом *стоять* (ср. более близкие к греч. первоисточнику диалектное *ставры́ точить* – 'пустословить' и фамилию *Ставросов*). Подобные преобразования называются народной Э. Они особенно характерны для диалектной речи, просторечия, при освоении заимствований: ср. просторечное *спинжак, скупидом*, диалектное *тепломат* – 'мужское зимнее пальто типа дипломат'. Преобразованная, народно-этимологическая форма слова может удержаться в языке как единственная, и эта возможность учитывается при этимологизации. Так, слово *свидетель* – производное от *съведать*, преобразованное народной Э. в направлении сближения с *видеть*. Произвольные, антиисторические сближения слов как якобы родственных иногда не проявляются в преобразованиях формы слов, но существуют в сознании носителей языка и обнаруживаются при попытках объяснения древнего значения слова: отсюда толкование слова *ужас* как 'впечатление от ужа', *берег* – 'то, что оберегает', *счастье* – 'то, что дано сейчас' (все примеры – из художественной лит-ры) или широко распространённое понимание слова *медведь* как сложения *мёд* и корня *ведать* (исторически – *мёд* и *есть*). Следовательно, понятие «тёмные слова» (как объект Э.) относительно, и внимания Э. требует не только объяснение происхождения слов, осознаваемых как этимологически неясные, но и изучение генезиса всего лексического состава языка, независимо от степени его этимологической «прозрачности».

Результаты Э. обобщаются в этимологических словарях (см.).

Базой рус. научной Э. послужили работы рус. языковедов, особенно А. Х. Востокова, по сравнительно-историческому изучению рус. языка. Массированный этимологический анализ рус. лексики в России был начат в трудах Ф. И. Рейфа и Ф. С. Шимкевича в 1-й пол. 19 в. Специально этимологические научные разработки рус. лексики появились в работах Я К. Грота, Ф. Ф. Фортунатова. Рус. научная Э. сформировалась в кон. 19 – 1-й пол. 20 вв.– труды А. А. Шахматова, Г. А. Ильинского, Б. М Ляпунова, А. И. Соболевского, С. Микуцкого, Н.В. Горяева, А.Г. Преображенского. Новый подъём рус. Э. с 50-х гг. 20 в. тесно связан, как и общий подъём Э. в мировой науке, с развитием общей теории языкознания, достижениями исторического языкознания и диалектологии и отразился в этимологической деятельности Л.А. Булаховского, В.В. Виноградова, П. Я. Черных, Н. М. Шанского, Г. П. Цыганенко Большой вклад в формирование совр. уровня рус. Э. внесли слависты В. Н Топоров, О. Н. Трубачёв, В. В. Мартынов, Н. И. Толстой, индоевропеисты Вяч. Вс. Иванов и Ю. В. Откупщиков. Разработки различных методических и теоретических вопросов рус. Э., а также конкретные этимологические исследования рус. лексики принадлежат А.С. Львову, В.А. Никонову, А.К. Матвееву, В.А. Меркуловой, В.М. Мокиенко, И.П. Петлевой, Н.С. Араповой, Л.В. Куркиной, И. Г. Добродомову, Ж. Ж. Варбот и др.

Лит.: Булаховский Л. А., Деэтимологизация в рус. языке, в кн.: Тр. ин-та рус. языка АН СССР, т. 1, М.–Л., 1949; Пизани В., Этимология. История – проблемы – метод, пер. с итал., М., 1956; Абаев В. И., О принципах этимологического исследования, в кн.: Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, М., 1956; Топоров В. Н., О нек-рых теоретических основаниях этимологического анализа, «ВЯ», 1960, № 3; Этимологические исследования по рус. языку (сб.), в. 1–10, М., 1960–93 (изд. продолжается); Трубачёв О. Н., Задачи этимологических исследований в области слав языков, в кн.: Актуальные проблемы славяноведения, М., 1961; его же, Приемы семаитической реконструкции, в кн.: Сравнительно-исторнческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции, М., 1988; Этимология (сб.), М., 1963–93 (изд. продолжается); Варбот Ж. Ж., О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях, в кн.: Этимология 1963, М., 1965; её же, Праслав. морфология. словообразование и этимология, М., 1984; Этимологические исследования (сб.), Свердловск, 1978–88 (изд. продолжается).

Ж. Ж. Варбот.

Этнолингви́стика (от греч. éthnos – ‘народ, племя’ и *лингвистика*) – направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных, этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Э.– комплексная область исследования на стыке лингвистики, этнологии, фольклористики, мифологии, культурологии, связанная с изучением языкового компонента традиционной культуры и языкового отражения (выражения) этнического миросозерцания. Для определения границ и круга задач Э. важно её разграничение с социолингвистикой (см.) – дисциплиной, содержательно близкой к Э. Основной критерий их разграничения – содержательные акценты в определении предмета исследования (при естественном совпадении объекта изучения – язык в человеческом коллективе): Э. сосредоточена преим. на роли языка в формировании и сохранении национальной (этнической) духовной культуры традиционного (прежде всего бесписьменного) типа, а также на речевом выражении культурных (ментальных) категорий в рамках комплексных семиотических актов, включающих наряду с вербальным и другие компоненты – изобразительный, музыкальный, хореографический и т. п. В целом речевые структуры и речевое поведение «этнической личности» в актах культурной деятельности выдвигаются на передний план именно в Э. (и это отражено в одном из бытовавших прежде наименований Э.– «этнография речи»). Вопрос же о речевом поведении личности как отражении коллективной (этнической) языковой картины мира – это одна из приоритетных тем Э., понимаемой в широком смысле.

При таком понимании Э. охватывает три большие и тесно взаимосвязанные области исследования: 1) содержательный и формальный анализ произведений устного народного творчества в контексте материальной и духовной культуры; 2) комплексное изучение культурно-языковых ареалов в рамках единого семиотического подхода; 3) описание языковой картины (точнее, языковой модели) мира. Первое направление исследований пересекается с фольклористической и мифологической традицией, к-рая в значительной мере способствовала формированию Э. в России (труды Ф. И. Буслаева, В. И. Даля, А. Н. Афанасьева, А.А. Потебни, Д.К. Зеленина, А.Н. Веселовского, О. М. Фрейденберг, П. Г. Богатырёва и ряда зарубежных учёных).

Второе направление было подготовлено исследованиями по слав. этнографии и разысканиями в области слав., классических и индоевропейских древностей (П. Й. Шафарик, Л. Нидерле, Ф. Миклошич, О. Кольберг, М. Фасмер, Потебня, О. Шрадер, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Зелинский, М. Н. Покровский, в более позднее время – Э. Бенвенист, К. Мошиньский, О. Н. Трубачёв и многие др.), а также достижениями диалектологии (см.), и поныне остающейся важнейшей опорой Э., в к-рой понятие диалекта (см.), согласно теории Н. И. Толстого, трактуется расширительно как комплексное культурно-языковое понятие, предполагающее одновременный учёт трёх видов изоглосс (см.) – языковых (изолек-

сы), материальных (изопрагмы) и духовных (изодоксы). Именно второе направление исследования, отчасти вбирающее в себя фольклористику, может считаться средоточием основных устремлений отечественной Э., а триада «слово – вещь – действие» (Н. И. Толстой) становится формулой семиотического подхода к разнообразным фактам культуры, среди к-рых особое внимание привлекают традиционные обряды и поверья (а точнее, фольклорно-обрядовые культурные блоки), рассматриваемые как текст, в к-ром неразрывно сплетены языки вербальный, предметный и акциальный. Тем самым возрождается в новой концептуальной парадигме и обогащается идейно и методологически программа разысканий, выдвинутая в нач. 20 в. культурно-лингвистическим направлением «Wörter und Sachen» – «Слова и вещи» (Ф. Мерингер, Г. Шухардт и др.), ставшим непосредственным предшественником Э. в Европе, как бы её первоначальной «редакцией», если не считать таковой другое направление – «Völkerpsychologie» (этническая психология), связанное с именами Х. Штейнталя, М. Лацаруса, В. Вундта, Г. Пауля, чьи идеи были критически обобщены Г. Г. Шпетом, повлиявшим на формирование концепции Э. в России. Именно в этнической психологии была провозглашена взаимосвязанность лингвистики и этнографии, т. е. необходимость параллельного рассмотрения фактов языка, обычаев и нравов для выяснения «духа народа», придающего неповторимость каждой национальной культуре.

Установки этнической психологии, несущие на себе отпечаток философии романтизма, восходят к идеям Ф. Шлегеля и особенно к лингво-культурологическим воззрениям В. фон Гумбольдта, к-рый считается предтечей третьего направления в совр. Э., равно как и вообще когнитивного (т. е. нацеленного на отражение в языке познавательной деятельности человека) подхода, по отношению к к-рому Э. в аспекте языковой модели мира может рассматриваться как его составная часть наряду с логико-философским и психолингвистическим аспектами. Среди более поздних теоретических веяний, питающих эту ветвь Э., важнейшее место принадлежит воззрениям Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Г. Хойера, М. Сводеша, возникшим на почве изучения языков, мифов и обычаев североамериканских индейцев и определившим облик Э. в США. Общим для этих учёных и их последователей был отказ от европоцентризма в описании категориий языка, мышления и культуры индейских народов. Непосредственным импульсом к развитию Э. в аспекте языковой модели мира послужила теория лингвистической относительности (гипотеза Сепира–Уорфа) с её центральным тезисом о соотнесённости этнических форм (структур) мышления с категориальной структурой языка. В русле этого направления Э. лежат исследования, призванные показать языковое отражение того, как этнос постигает и интерпретирует окружающий мир с одновременным осознанием своего места в пространстве и времени (Ж. Тома). Это предполагает изучение лексических классов и грамматических категорий под идиоэтническим углом зрения, и особое внимание при этом уделяется т. н. народным таксономиям (ботаническим, зоологическим, географическим и т. п.), классификативным категориям в грамматике, а также закрытым семантическим полям (цветообозначение, термины родства, названия частей тела и т. д.). Поиски культурных коннотаций лексем и прямой культурной (мифологической) семантики ментальных сущностей и семиотизированных элементов вещного мира, заполняющих пространство жизненного круга человека, устанавливают тесную связь этого аспекта Э. с рассмотренным выше. Ориентация исследования на выявление семантических оснований языковой модели мира отразилась в термине «этносемантика» – одном из обозначений Э., понимаемой в более узком смысле, в противоположность более широкому понятию – «антропологическая лингвистика» (оба термина имеют хождение гл. обр. в США).

В России исследование этнолингвистических проблем имеет давнюю традицию, однако как особая область языкознания Э. окончательно сформировалась в кон. 60-х гг. 20 в., чему в значительной степени способствовали труды Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова в области диахронической семиотики слав. мифологии и Толстого в области слав. сравнительной семасиологии и фольклора. В совместных работах Иванова и Топорова [«К реконструкции праславянского текста», 1963; «Славянские языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период)», 1965; «Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов», 1970] разработаны формализованный язык и принципы структурного анализа мифологических и сказочных текстов на основе двоичных семантических признаков, рассмотрена их типология и показана эффективность их в реконструкции древнейших текстов. В работах Толстого («Из опытов типологического исследования славянского словарного состава», 1963–66; «Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии», 1968) решались проблемы описания семантических полей и установления семантических мутаций на основе использования базисного понятия аналитической процедуры – семантического дифференциального признака, одинаково действенного и в типологическом, и в сравнительно-историческом планах. Исследование под таким углом зрения слав. лек-

сики вплотную подвело к проблеме учёта культурных коннотаций в лексической семантике, а это была уже область Э., обоснованию и конкретной разработке к-рой посвящено множество последующих работ Толстого.

Внимание к исторической и типологической перспективе исследования – характерная черта отечественной Э., в к-рой всегда актуальны проблемы реконструкции духовной культуры в целом и её элементов – древнейших текстов и обрядов, верований и представлений, проблемы культурных контактов и заимствований, культурно-этимологического анализа лексики (включая собственные имена) и фразеологии и т. д. Основным центром слав. этнолингвистических исследований в России, развёрнутых под общим руководством Толстого, является отдел Э. и фольклора Ин-та славяноведения и балканистики РАН (С. М. Толстая, Л. Н. Виноградова, А. В. Гура, В. В. Усачёва, А. А. Плотникова, Т. А. Агапкина и др.). По инициативе и при личном участии Толстого был организован ряд фольклорно-этнолингвистических экспедиций в Полесье, давших богатый и уникальный материал для изучения истории слав. обрядов и верований. Результаты исследований в области слав. Э. регулярно публикуются в сборниках «Славянский и балканский фольклор». Важным событием в рос. Э. стала подготовка фундаментального словаря «Славянские древности», начавшего выходить под ред. Толстого отдельными томами с 1995.

Различные аспекты Э. исследуются в трудах рос. учёных – Т. В. Цивьян, Т. М. Судник, Т. Н. Свешниковой, А. Ф. Журавлёва, Трубачёва, Б.А. Успенского, Р.М. Фрумкиной, С.Е. Никитиной, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, В Н. Телия, В. И. Постоваловой, Ю. А. Сорокина, А. Б. Пеньковского, Е. С. Яковлевой и др. Они обсуждаются на семинарах проблемной группы «Логический анализ естественного языка» (руководитель Н. Д. Арутюнова, Ин-т языкознания РАН) и Лексикографического семинара в ИППИ РАН, а также в работах авторского коллектива, готовящего «Интегральный словарь русского языка» (руководитель Ю. Д. Апресян).

Лит.: НЛ, в. 1, М., 1960, раздел «Гипотеза Сепира – Уорфа»; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс., Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, ч. 1–2, Тб., 1984; Гумбольдт В. фон, Избр. тр. по языкознанию, пер. с нем., М , 1984; его же, Язык и философия культуры, М., 1985, Языки культуры и проблемы переводимости, М., 1987; Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, М., 1988; Шпет Г. Г., Введение в этническую психологию, в его кн.: Соч., М., 1989; Фольклор и этнография Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры, Л., 1990; Цивьян Т. В., Лингвистические основы балканской модели мира, М., 1990; Логический анализ языка. Культурные концепты, М., 1991; Сепир Э., Избр. тр. по языкознанию и культурологии, пер. с англ., М., 1993; Никитина С. Е., Устная народная культура и языковое сознание, М., 1993; Зеленин Д. К., Избр. тр. Статьи по духовной культуре 1901–1913, М., 1994; Афанасьев А. Н., Поэтические воззрения славян на природу, т. 1, М., 1994, т. 2–3, М., 1995; Толстой Н. И., Язык и народная культура. Очерки по слав. мифологии и этнолингвистике, М., 1995; Слав. древности: этнолингвистический словарь, под ред Н.И Толстого, т 1, М., 1995; Яковлева Е. С., Фрагменты рус. языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия), М., 1995; Герд А. С., Введение в этнолингвистику, СПБ, 1995; Вежбицкая А., Язык, культура, познание, М., 1996; Slownik starozytnosci slowianskich, pod red W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehr-Splawinskiego, t. 1–6, Warsz. c.a., 1961–82; Language in culture and society, ed. by D. Hymes, N. Y., 1964; L'ethnolinguistique, ed B. Pottier, «Language», 1970, № 18; Linguistique, ethnologie, ethnolinguistique (la pratique de l'anthropologie aujourd'hui), ed. J. Thomas, P., 1985; Konotacja, pod red. J. Bartminskiego, Lublin, 1988. *В. А. Виноградов.*

Этнони́мика (от греч. éthnos – племя, народ и ónyma – имя, название) – раздел ономастики (см.), изучающий происхождение, распространение, функционирование и структуру этнонимов. Этнонимы составляют особый разряд исторической лексики; это названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и т. п. Различают макроэтнонимы – названия крупных этносов или этнических общностей, иногда понимаемых расширительно и включающих генетически разнородные этносы (ср. *россияне, американцы, арабы, китайцы*), и микроэтнонимы – обозначения небольших этнических групп, племенные названия (ср. *кривичи, вятичи, древляне* и т. п.). В составе этнонимов выделяют автоэтнонимы – самоназвания народов и племён и аллоэтнонимы – названия, данные им другими народами, ср. общеславянское *немцы* для соседних германских племён, самоназвание к-рых *Deutschen*. Аллоэтнонимы исторически нередко продолжают традицию называния одним народом представителей другого этноса по имени наиболее территориально близкого племени, с к-рым соседствовал этот народ в древности Так, латыш. название русских *krievs* происходит от племенного названия вост.-слав. племени *кривичи*, а фин. название русских *venäläinen* имеет источником название слав. племени *венеды*.

Самоназвания народов обычно связаны с понятиями «люди», «народ», «человек», «говорить на понятном языке», «свои»; напр., этноним *Deutschen* этимологически восходит к др.-верхненемецкому *diot* – 'народ', *diutisk* – 'народный'; этноним *ненец* этимологически восходит к слову *ненэць'* – 'человек'.

Как правило, этнонимы соотносятся с названиями страны или области, занимаемой этносом. Соотнесённость бывает прямой, когда название страны образовано от этнонима (*греки – Греция*), и обратной, когда этноним произведён от названия страны (*Америка – американец*). Подобного рода этнонимы принято называть этнотопонимами. В др.-рус. языке этот разряд этнони-

мов образовывался по словообразовательной модели собирательных имён существительных жен. рода, ср. *весь, водь, жмудь, лопь, меря, пермь, чудь, карела* и т. п. Позже одни из них были заменены новыми [*чудь > эстонец, эстонцы; жмудь > литовец, литовцы; пермь > коми* (*пермяки*)], другие перешли из разряда имён жен. рода в разряд имён муж. рода, ср. *карел, карелы.*

Этноним *русь*, соотнесённый с топонимом *Русь*, претерпел ряд исторических изменений: др.-рус. *русь* → *Русь*, ст.-рус. (с кон. 15 в.) *Россиа(я)* → *рос*, отсюда *великоросс* в противоположность *малоросс – Малороссия* (Украина) и совр. *русский, русские*, но *Россия*. Источником форм на *-о-*, а также удвоения *-сс-* явился греч. язык канцелярии патриарха в Константинополе: ср.-греч. (визант.) *Rōs > Rossia*, откуда рус. производные *росский, российский*, ср., однако, *белорус – Белая Русь*, составленное из двух усечённых основ по модели *велико-росс, мало-росс*.

К этнонимам близки названия жителей, образующиеся от различных типов топонимов (см. Топонимика). Это могут быть э т н о х о р о н и м ы – названия от имён обширных регионов (хоронимов): *Европа – европейцы, Сибирь – сибиряки, Кавказ – кавказцы, Африка – африканцы* и т. п.– или названия жителей крупных или малых поселений: *Москва – москвичи* и т. п., а также неофициальные, исторически сложившиеся прозвищные обозначения групп населения, напр.: *казаки, москали, чалдоны*. Будучи особой разновидностью терминов, этнонимы содержат ценную историческую информацию для изучения истории народов мира, исследования древнейших этапов развития языков, процессов расселения и взаимоотношений народов в различные эпохи. Особое значение данные Э. приобретают при изучении следов исчезнувших народов, от к-рых, кроме названия, не сохранилось других свидетельств (ни языковых, ни следов материальной культуры), напр. *тавры* – древнейшее население южного Крыма.

Особый разряд наименований, соотносимых с этнонимами, составляют л и н г в о н и м ы – названия языков или диалектов, обслуживающих ту или иную этническую общность. К 80-м гг. 20 в. зафиксировано св. 20 тыс. лингвонимов для обозначения различных типов языковых общностей. Выделяются основные типы лингвонимов: 1) названия языковых семей, включающие названия макросемей (*ностратические языки, афразийские языки* и т. п.), названия семей языков (*индоевропейские языки*); иногда они соотносятся с макроэтнонимами, ср. *Европа – европеец*; 2) названия языковых групп (*италийские языки, тайские языки*), к-рые обычно связаны с названиями территории распространения (ср. *Италия, Таиланд*); 3) названия языков; 4) названия диалектных групп и диалектов.

Названия отдельных языков или диалектов, как правило, соотнесены с этнонимами или этнотопонимами, напр.: *французский язык – Франция, лакский язык – лакцы.*

Большую группу лингвонимов составляют названия диалектов, диалектных групп, а также языков, принадлежность к-рых к той или иной языковой общности не установлена (многие языки Азии, Африки, Океании, Америки). Особую группу лингвонимов образуют названия креольских языков и пиджинов (*крио, пиджин-инглиш, ток-писин* и др.), к-рые, как правило, не имеют соотнесённости с этнонимами, т. е. выступают как средство межэтнического общения. Изучение лингвонимов, как и этнонимов, даёт важный материал для истории языка, социолингвистики, а также для этнографии, однако специальное изучение лингвонимов ещё только начинается.

Исследования в области Э. ведут как лингвисты, так и этнографы. Проблемы Э. разрабатывает специальная группа в составе Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. В российской Э. осуществлены исследования, связанные с различными регионами: Э. народов СНГ и России (В. А. Никонов, А. И. Попов), Э. народов Востока (Р. Ш. Джарылгасинова – кор. Э., М. В. Крюков – кит. Э.). Проблемы слав. Э. разрабатываются в трудах О. Н. Трубачёва, Г. А. Хабургаева. Названия этносов РФ исследуются в Ин-те языков народов России (с 1995 Ин-т народов России) (Р. А. Агеева). Лингвонимы исследует А. Д. Дуличенко.

Лит.: Этнонимы, М., 1970; Этнография имен, М., 1971, П о п о в А. И., Названия народов СССР Введение в этнонимику, Л., 1973; Т р у б а ч ё в О Н., Ранние слав. этнонимы – свидетели миграции славян, «ВЯ», 1974, № 6; Д у л и ч е н к о А. Д., Очерки по общей и рус. лингвонимике, «Уч зап. Тартуского гос. ун-та», 1978, в. 443; Х а б у р г а е в Г. А., Этнонимия «Повести временных лет», М., 1979; К о в а л ё в Г. Ф., История рус. этнических названий, Воронеж, 1982; Языки и диалекты мира Проспект и словник, М., 1982; Этническая ономастика, М., 1984; Этническая топонимика. [Сб. ст.], М., 1987; А г е е в а Р. А., Страны и народы. Происхождение названий, М., 1990; е ё ж е, О подготовке словаря «Названия народов России», «Вестник РАН», 1995, № 5.

В. П. Нерознак.

Ю, ю – тридцать вторая буква русского алфавита. Её название – «ю» употребляется как существительное ср. рода: *прописное ю*. По начертанию восходит к букве кириллицы (см.) «ю», к-рая числового значения не имела.

Графические значения буквы *ю*: 1) в начале слова, после гласных букв и после *ъ, ь* обозначает сочетание фонем ⟨*jу*⟩: *юла, мою, адъютант, шью*; 2) после согласных букв обозначает фонему ⟨*у*⟩ и мягкость предшествующей согласной фонемы: *бюро, люди, верю*.

Южнославя́нские языки́ – см. Славянские языки.

Юсы – буквы кириллической азбуки (см. Кириллица) юс малый (ѧ) и юс большой (ѫ), служившие для обозначения древних слав. носовых гласных звуков, т. е. гласных, произносившихся с носовым призвуком. Буква ѧ обозначала носовой гласный *е* [ę], буква ѫ – носовой гласный о [ǫ]: *мѧсо* [*мęсо*], *пѧть* [*пęть*], *рѫка* [*рǫка*], *сѫдъ* [*сǫдъ*]. В кириллице были ещё буквы ѩ и ѭ – т. н. йотированные юсы, обозначавшие сочетание *j* с соответствующими носовыми гласными: *ѩзыкъ* [*jęзыкъ*], *землеѭ* [*землеjǫ*].

У вост. славян, в др.-рус. языке, носовые гласные были утрачены к сер. 10 в.: на месте [ę] стало произноситься [*а*] после мягкого согласного, а на месте [ǫ] – гласный [*у*]: [*мęсо*] → [*м'асо*], [*пęть*] → [*п'ать*], [*рǫка*] → [*рука*], [*сǫдъ*] → [*судъ*]. Поэтому уже в самых ранних памятниках др.-рус. письменности наблюдается взаимная мена букв ѧ и *а*, ꙗ (йотированное *а*), ѫ и *у*: *почахъ* вместо *почѧхъ*, *рука* вместо *рѫка*, *държа* вместо *държѧ*, *рабѫ* вместо *рабу* и т. д.

Следы носовых гласных сохранились в совр. языке в чередованиях гласных *а* и *у* с носовыми согласными *м* и *н* или с сочетаниями «гласный + носовой согласный»: *жать* – *пожинать* – *жну*, *жать* – *пожимать* – *пожму*, *звук* – *звонок* – *звенеть*, *дуть* – *надменный*, *имя* – *имени*, *поднять* – *поднимать* – *подъём*, *начать* – *начинать* – *начну*, *распять* – *распинать* – *распну* и т. д.

Буквы ѧ и ѫ были исключены из рус. алфавита реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания). Совр. буква *я* восходит по начертанию к ѧ.

В. В. Иванов.

Я я

Я, я – тридцать третья буква русского алфавита. Название буквы – «я» употребляется как существительное ср. рода: *прописное я*. По начертанию восходит к букве кириллицы «юс малый» (см. Кириллица, а также Юсы), к-рая имела числовое значение «девятьсот». Совр. начертание было введено в гражданскую азбуку при Петре I (см. Реформы азбуки и правописания). В кириллице та же фонема после мягких согласных могла обозначаться йотированным ꙗ.

Графические значения буквы *я*: 1) в начале слова, после гласных букв и после ъ, ь обозначает сочетание фонем ⟨ja⟩: *яма, моя, объявление, колья*; 2) после согласных букв обозначает фонему ⟨а⟩ и мягкость предшествующей согласной фонемы: *взять, мясо, няня*.

Язы́к – естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система облечённых в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации (см. Функции языка). Я. в одно и то же время – условие развития и продукт человеческой культуры. «Язык есть всегда столько же цель, сколько средство, настолько же создаётся, насколько употребляется» (А. А. Потебня). Владение Я. составляет неотъемлемую черту человека, а возникновение Я. совпадает с временем формирования homo sapiens (см. Происхождение языка).

Естественность возникновения и развития, а также безграничность области приложения и возможностей выражения отличает Я. от т. н. искусственных, или формализованных, языков, при помощи к-рых фиксируются определённые системы знаний (ср. язык логики, математики, химии и пр.), и от различных систем сигнализации, созданных на основе Я. (азбука Морзе, знаки уличного движения, морская сигнализация и др.). В отличие от них Я. человека иногда называют естественным Я. (natural language). Способность выражать отвлечённые категории мышления (понятие, суждение) и обусловленное ею наличие дискретных и иерархически организованных значимых единиц, комбинации к-рых создают новые смыслы, отличает Я. от т. н. языка животных – набора сигналов, передающих реакции на ситуации и регулирующих поведение животных в определённых условиях.

Существующие и существовавшие конкретные естественные языки (их предположительно от 2,5 до 5 тыс.) – это многочисленные реализации свойств Я. вообще. Число языков варьирует в зависимости от различий, проводимых между самостоятельными языками и их диалектами. Общность языка составляет одну из черт, определяющих единство нации и этнических групп. В конкретных («этнических») языках выделяются универсальные и национально-специфические признаки. К числу универсальных относятся те свойства Я., к-рые соответствуют общечеловеческим формам мышления и нормам коммуникативной деятельности. Универсальны и те признаки, к-рые позволяют Я. осуществлять его назначение (наличие различительных элементов формы и значения, дискретность). Эти признаки необходимо (хотя и в разной пропорции) входят в число принципов моделирования языка, определяющих структуру его грамматик. К числу национально-специфических относятся особенности звукового состава, способы организации и выражения значимых единиц. Близость материального инвентаря, обусловленная общностью происхождения, объединяет языки в генетические группы или семьи (см. Семья языков). Совпадение структурных черт объединяет языки в типы (ср. флективные, агглютинативные, инкорпорирующие и др.). Структурная и материальная общность, возникшая в результате контактов языков (см. Контакты языковые), сосуществующих в одном ареале, объединяет языки в языковые союзы.

Различаются две формы существования Я., соответствующие понятиям «Я.» (код, система знаков) и «речь» (речевая деятельность, текст, дискурс) (см. Речь). И в качестве кода, и в своей речевой реализации Я. обладает лишь ему свойственными чертами, делающими его уникаль-

ным – многоплановым, полифункциональным и противоречивым – феноменом.

У Я. много предназначений. Я. формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию – повседневную и долгосрочную, обслуживает социальные акции, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, ориентирует человека в окружающей его действительности, хранит историческую и культурную память народов, выполняет эстетическую функцию. Я. служит источником знаний о человеке и его мире. Различие целей требует различных, а иногда противоречащих друг другу средств. Так, практическое назначение Я., нуждающееся в простых и недвусмысленных значениях, сталкивается с его эстетическими и когнитивными задачами, для выполнения к-рых необходимы смысловые нюансы. Наиболее существенное противоречие, к-рое должен разрешить Я. в процессе своего функционирования, определяется его взаимодействием со структурой мышления, с одной стороны, и ситуациями жизни – с другой. Связь с мышлением (см. Язык, мышление и сознание) логически упорядочивает структуру высказываний, вхождение в стихию жизни требует прагматической регламентации речи. Речевая деятельность должна удовлетворять социальным конвенциям, к числу к-рых относятся: принцип сотрудничества, условие искренности, требование ясности выражения, информативная адекватность ситуации речи и др. (см. Прагматика). Речевые конвенции национально и социально специфичны.

Знаковая (семиологическая, или семиотическая) природа Я. предполагает наличие в нём чувственно воспринимаемой формы (плана выражения) и значения, смысла (плана содержания). Звуковая материя является основной и первичной формой выражения смысла. Существующие виды письменности представляют собой транспозицию звуковой формы в воспринимаемую зрением или осязанием субстанцию. Идеографическое письмо, фиксирующее значения (а не звуки), так же, как и другие виды письменности (силлабический, алфавитный), исторически вторично по отношению к звуковому выражению и воспроизводит характерное для него членение и объединение значений. Поскольку звуковая речь развёртывается во времени, она обладает признаком линейности, к-рый обычно сохраняется и в формах письменности.

Способность соотносить звук и значение – главнейшая характеристика Я. Она лежит в основе его дефиниций, различающихся гл. обр. интерпретацией плана содержания, ассоциируемого с духом (нем. Geist), мыслью, психикой, опытом, сознанием и др. По В. фон Гумбольдту, «язык представляет собой беспрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли». Г. Штейнталь определял Я. как «выражение осознанных внутренних, психических и духовных, движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». Потебня считал, что «понятие языка исчерпывается известного рода сочетанием членораздельного звука и мысли». К. И. Аксаков характеризовал Я. как «одухотворённый звук». Г. Остхоф и К. Бругман говорили о Я. как о «психофизическом механизме». Ф. Ф. Фортунатов определял Я. как «совокупность знаков... для мысли и для выражения мысли в речи». Н. В. Крушевский писал: «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка». По И. А. Бодуэну де Куртенэ, «собственно языковое – это способ, каким звуковая сторона связана с психическим содержанием». Э. Сепир утверждал, что «сущность языка заключается в отнесении условных, произвольно артикулированных звуков или их эквивалентов к различным элементам опыта». Ф. де Соссюр видел в Я. (как предмете лингвистики) «систему знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причём оба эти компонента знака в равной мере психичны». Л. Ельмслев рассматривал Я. как «инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него».

Вопрос о том, заданы ли отношения между сторонами языкового знака природой или установлением (законом, договором, обычаем), был кардинальным для античной философии. Сторонники естественного происхождения Я. (к этой точке зрения склонялся и Платон) искали в звуковом составе слова «идею или образ вещи». Сторонники второй концепции (Демокрит, Аристотель, софисты, александрийцы) считали Я. искусственным образованием, а отношения между сторонами знака – произвольными (немотивированными). Хотя в языках имеется фонд звукоподражательных слов (явление ономатопеи: рус. *кукушка, мяукать*, англ. *cuckoo, mew*, итал. *cuculo, miagolare*, исп. *cuco, cuclillo, maullar*), а также звуковой символизм, ассоциирующий с тем или иным звуком определённую гамму смыслов, отношения между сторонами знака применительно к существующим языкам рассматриваются как конвенциональные, а следовательно, обязательные для членов языковых общностей. Этот тезис стал основополагающим для семиологической концепции Соссюра. Положение о произвольности языкового знака не противоречит теории естественного происхождения Я.

Семиотический характер Я. предполагает, что он организован принципом различительности образующих его знаков, т. е. различию означающих

соответствует разница в значении, и наоборот. Естественные языки, с одной стороны, допускают варьирование звуков, не влекущее за собой изменения значения, а с другой – изменение значения, не сопровождаемое изменением формы. С. О. Карцевский назвал это явление асимметричным дуализмом языкового знака. Он писал: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по "наклонной плоскости реального". Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него его партнёром, обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны». Асимметричный дуализм языкового знака есть следствие закономерностей развития языка. Я. изменяется только при его реализации в речи. При этом существенную роль играет позиция, занимаемая знаком в ряду других знаковых единиц. Различие означающих одного знака может принимать форму: аллофонии – позиционного варьирования звука в составе одной морфемы (ср. *друг* и *друзья*), гетерофонии – свободного варьирования звуков одного знака (ср. *шкаф* и *шкап*, *Петро-град* и *Нов-город*, *град-о-начальник* и *город-овой*), супплетивизма – использования разных означающих в разных формах одного слова (*иду – шёл*) и др. Различие означаемых при совпадении означающих может принимать форму полисемии (ср. *белок* глаза и *белок* яйца), омофонии – совпадения звучания отдельных форм разных слов (ср. *луг* и *лук*), омонимии (*лук* – растение и *лук* – приспособление для стрельбы стрелами) и др. Такого рода явления затрудняют идентификацию значимых единиц Я. Чтобы избежать их умножения, выделяются единицы более высоких уровней абстракции (ср. звук и звукотип, фонема и морфонема, слово и лексема). Вследствие асимметрии плана выражения и плана содержания Я. не может быть описан в терминах глобального знака. Этой цели служат функциональные единицы языка, распределённые по разным планам и уровням.

В большинстве языков в плане выражения выделим след. ряд единиц: фонема (или звукотип), в к-рой слиты акустические черты (дифференциальные признаки фонемы) благодаря одновременности (симультанности) произнесения; слог, объединяющий звуки выдыхательным толчком; фонетическое слово, группирующее слоги под одним ударением; речевой такт, объединяющий фонетические слова при помощи отграничительных пауз; фонетическая фраза, суммирующая такты единством интонации. Каждая единица формируется дополнительными (суперсегментными, просодическими) чертами. Наряду с иерархической системой звуковых единиц выделима система знаковых (двусторонних) единиц, образуемая морфемой, словом, словосочетанием и предложением. Границы звуковых и значимых единиц соотносительны, но не обязательно совпадают (так, во флективных языках слог редко совпадает с морфемой). Не одинакова и глубина членимости речи на звуковые и значимые единицы. Бодуэн де Куртенэ различал членение речи с точки зрения фонетической, произносительно-слуховой и отличное от него членение высказывания на семасиологически-морфологические единицы. Позднее это явление было названо принципом двойного членения (А. Мартине). То, что пределом сегментации звуковой стороны речи является звук (фонема), лишённый самостоятельного значения, обеспечивает возможность создания бесконечного числа значимых единиц из конечного и очень небольшого инвентаря исходных элементов.

Совокупность единиц Я. образует его структуру, состоящую из ряда уровней (см. Уровни языка): фонологического, морфологического, лексемного, синтаксического. Они соответствуют основным разделам науки о Я. Высказывание, будучи коммуникативной единицей, принадлежит другой форме существования Я.– речи и в систему уровней обычно не вводится (Э. Бенвенист). Единицы более низкого уровня выполняют различительную функцию на более высоком уровне: фонема дифференцирует морфемы, морфема – слова, слово – словосочетания, словосочетание – предложения. Единицы каждого уровня организованы системными отношениями. При минимальности различий формы или значения единицы Я. образуют оппозиции по тому или другому дифференциальному признаку. Противопоставленные единицы находятся между собой в парадигматических отношениях, основанных на их способности к различению в одной и той же позиции (см. Парадигматика). Между единицами каждого уровня существуют также синтагматические отношения, или отношения по смежности (см. Синтагматика), основанные на их способности к сочетаемости (валентности). Парадигматические и синтагматические отношения соответствуют двум основным принципам построения речи: выбору элементов Я. для выражения заданного содержания и их комбинации.

Значимые единицы большей или меньшей степени сложности (морфемы, слова, словосочетания) не выполняют сами по себе коммуникативного задания, но приспособлены к тому, чтобы, входя между собой в различные комбинации и приобретая просодические характеристики, создавать высказывание – основную коммуникативную единицу речи. Из конечного списка исходных единиц (словаря) может быть образовано бесконечное множество высказываний. Я. обладает специальными механизмами актуализации – формирования конкретных сообщений из абстрактного языкового кода; ср. правила референции, т. е. отнесения имён к объектам действительности, правила актуального членения, создающего комму-

никативную перспективу высказывания, правила адаптации сообщения к ситуации речи (выбор личных местоимений, показателей времени), правила просодики и др. Благодаря действию этих механизмов «старый» Я. может прилагаться всякий раз к новой действительности.

Сущность Я. определяется, т. о., не только отношением между сторонами языкового знака (шире – планом выражения и планом содержания), но и отношением знака – его означающего и/или означаемого – к нек-рому миру – реальному или идеальному. Основной онтологический вопрос, к-рый встаёт в этой связи, касается существования объектов, имплицируемых языковыми знаками, в частности способности Я. отображать не только реальный, но и фиктивный (мифический) мир. Основной эпистемический вопрос касается роли Я. в познании действительности: адекватности языковых значений свойствам объектов, в частности их классификации (проблема отношений между значением и понятием) и соответствия высказывания положению дел (проблема истинности). В античной философии отношения между сторонами языкового знака и отношение знака к действительности рассматривались совместно: «правильность» слова (соответствие логоса истине) ставилась в зависимость от его смысловой мотивированности через звучание или этимологию. Соответственно этому оценивалась и роль Я. в познании. Если именование подражает природе вещи (или к.-л. её грани), то природа вещи постигаема через имя, а знание берёт своё начало в языковом опыте мира: имена вещей сами заявляют о себе человеческому сознанию. «Кто знает имена, тот знает и вещи», сказано в «Кратиле». В этом и нек-рых других диалогах Платона в центре внимания находятся имена индивидных объектов (богов, героев, солнца, луны, времён года и т. п.) и отвлечённых понятий, таких, как «разум», «справедливость», «истина», «добро». И в том и в другом случае речь идёт преим. о признаке, мотивировавшем номинацию (см.), т. е. о предполагаемом этимологическом значении слова (его «внутренней форме»; см. Внутренняя форма слова). Моделью анализа служит, т. о., ситуация присвоения имени индивиду, производимого не по случайно выбранной различительной черте (акциденции), а в соответствии с сущностью объекта, бытие к-рого в мире предзадано. Этимологический (палеонтологический) подход к значению уравнивал индивидные и общие имена. Внутренняя форма индивидных имён получала статус значения общего имени, а общие имена анализировались по модели имён индивидов, поскольку предполагалось, что соответствующие объекты не только существуют, но их суть ведома дающему имя (знающему законодателю, присвоителю, учредителю имён). Если согласованность между именем и его носителем отсутствует или вызывает сомнение, то, как сказано в «Кратиле», «не из имён нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих».

Античная философия не случайно сосредоточила своё внимание преим. на именах. В контексте речи имена способны одновременно относить предмет к нек-рому классу и выделять его из класса. Различие функций – таксономия объектов и идентификация предмета речи – делает особенно сложной и противоречивой семантическую структуру имён. Особый статус имён в Я.– их функциональная двойственность, неустойчивость их значения, спорадическая актуализация их внутренней формы, тесная (интимная) связь индивидного имени с его носителем – всё это постоянно привлекало к ним внимание лингвистов и философов (работы С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, А. Ф. Лосева, Г. Шпета и др.). С именами связаны многочисленные гносеологические концепции.

Разные версии двух подходов к роли Я. в познании, обсуждавшиеся в античной философии, сменяли друг друга в последующие эпохи, причём первый был представлен преим. школами с субъективными и иррационалистическими тенденциями, а второй – рационализмом и объективизмом. Субъективисты искали в Я. опору на пути к истине (или категориям бытия), рационалисты видели в нём помеху на пути к формированию научного знания. Первый подход способствовал развитию эстетических концепций Я. (Б. Кроче, К. Фосслер, Л. Шпитцер), второй – инструментальных.

В ср.-век. схоластической философии в фокус внимания вошли имена классов объектов. В споре между номиналистами и реалистами была поставлена онтологическая проблема природы универсалий. Реалисты полагали, что наряду с индивидами существуют классы объектов, обозначаемые общими именами, номиналисты же считали, что только индивидные объекты могут обладать бытием (существованием), независимым от их наименования, тогда как бытие общих понятий (универсалий) и соответственно классов объектов фиктивно и представляет собой проекцию на предметный мир ментальных категорий. Т. о., была поставлена проблема существования в применении к идеальным категориям, абстракциям.

Рационалисты 17 в. (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) чётко разграничили принципы образования естественноязыкового и научного знания. Подчёркивалось, что многие слова естественного Я. непригодны для выражения логических понятий вследствие неопределённости и метафоричности их значений, расширяемых не путём объединения видов в роды, а методом переноса имени с одной категории объектов на другую по случайным признакам (сходству или смежности). Р. Декарт выдвинул идею создания особого Я. разума, свободного от двусмысленности.

Г. В. Лейбниц сделал попытку построения рационального Я. (lingua mentalis), к-рый, исходя из точно определённых первоэлементов, выводил бы целостную систему понятий, отображающих структуру Вселенной. В 19–20 вв. аналогичные тенденции прослеживаются в т. н. аналитической философии (Г. Фреге, Р. Карнап, Б. Рассел и др.), поставившей задачу логического анализа языка науки, в частности условий истинности суждений. В качестве одного из них была сформулирована презумпция существования объектов, обозначаемых собственными именами (сингулярными термами) и их эквивалентами – определёнными дескрипциями. Неизбежность участия обыденных слов в формировании и формулировании научных концепций приводила философов-субъективистов к выводу о недоступности человеку истины. Ф. Ницше, напр., считал, что Я. «обозначает только отношения вещей к людям», вследствие чего их суть сокрыта от человека.

В лингвистике философская дискуссия о роли Я. в познании, а также необходимость выработки собственного исследовательского аппарата имели своим следствием размежевание лингвистических и логических категорий (значения слова и понятия, предложения и суждения, подлежащего и субъекта, дополнения и объекта, сказуемого и предиката и др.) и обоснование различий между обиходными словами и терминами.

Исследователи антропоцентрической ориентации ищут в значениях слов не логические понятия (и не единицы языковой семантики), а аналоги категорий человеческого сознания, представляющие самостоятельную ценность. Языковые данные, объективируя психические категории, позволяют анализировать сознание одновременно изнутри и извне. Я. при таком подходе – не просто пассивное средство выражения значений, он формирует и сосредоточивает в себе духовный опыт людей. «Язык насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» (Гумбольдт). Выполняя роль посредника между человеком и миром, Я. во многом предопределяет восприятие действительности (ср. различия в сегментации цветового спектра в разных языках). Языковые значения, осложнённые мифологическими, культурно-историческими, ценностными и бытовыми (относящимися к повседневному опыту) ассоциациями, структурируют сознание людей, влияя на их личное и социальное поведение. Я. непосредственно включён в контекст жизни. Инструментальная функция Я. дополняется активной: Я. не только средство коммуникации, он способен выступать как её субъект.

Идея активной роли Я. в концептуализации действительности высказывалась многими лингвистами и философами. Гумбольдт рассматривал «ви́дение» Я. как миропонимание, ви́дение мира (Sprachansicht als Weltansicht), подчёркивая, что каждый конкретный Я., порождаемый энергией человеческого духа, создаёт особую – целостную и индивидуальную – модель действительности. Сепир и Б. Уорф акцентировали роль Я. в членении смыслового континуума и его воздействие на восприятие действительности. Аналогичные мысли высказывались в неогумбольдтианстве (особенно Л. Вайсгербером), этнолингвистике, контенсивной типологии, в когнитивной психологии. Ряд философских школ 20 в. (феноменология, экзистенциализм, аналитическая философия, лингвистическая философия и нек-рые др.) предприняли попытку осмысления феномена Я. под когнитивным углом зрения. Согласно системе феноменологии Э. Гуссерля, Я. является одним из основных средств формирования «жизненного мира» (Lebenswelt) – непосредственно очевидной пред-данности, устойчивых мнений, выражающих первичное знание. В близкой к экзистенциализму герменевтике, цель к-рой – интерпретировать «текст» бытия, Я. определяется как опыт мира, предваряющий то, что человек познаёт и высказывает. «Бытие, которое может быть познано, есть язык» (Х. Г. Гадамер). Особенно велика роль Я. в экзистенциальной философии М. Хайдеггера. Хайдеггер различал Я. как технику, общедоступную систему знаков, выражающую дискурсивное мышление, и Я. как уникальное событие, смысл к-рого неисчерпаем. Я. в этом втором значении автономен по отношению к человеку. Хайдеггер определяет Я. как «дом бытия», его единственное хранилище. Чтобы вернуть изначальное, предшествовавшее рациональному сознанию, целостное бытие, истину, человек должен вслушиваться в то, что говорит ему Я. в произведениях поэтов. Даваемое Я. знание имеет иррациональную, эстетическую природу. Технизация Я. ведёт к его омертвлению.

С другой стороны, экзистенциализм переключил внимание с социального подхода к Я. на личностный и межличностный. «Язык с самого начала предполагает отношение к другому субъекту» (Ж. П. Сартр). Хайдеггер определял личность через Я.: «Я есть то, что я говорю». Семиологический подход к Я. был, т. о., распространён на человеческую личность. В дополнение к пониманию Я. как социального феномена и воплощения коллективного сознания была выдвинута теория Я. как средства реализации субъективного начала человека и межличностных отношений (Бенвенист).

В лингвистической философии, или философии обыденного Я., базирующейся на идеях Дж. Мура и позднего Л. Витгенштейна, анализ философских понятий был приравнен к анализу значений соответствующих слов. Значение же слова определялось как его употребление. Тем самым в концептуальный анализ был введён коммуникативный аспект речи. Так, напр., реконструкция аксиологических понятий (этических, эстетических,

утилитарных), модальности долженствования и др. (т. н. анализ языка морали) учитывала не только семантику оценочных слов, но и прагматику их употребления (А. Айер, Ч. Стивенсон, Р. Хэар и др.).

Познание действительности через Я. ставит проблему соотношения всеобщего и национально-специфического в языковой репрезентации мира. Универсальные свойства картины (модели) мира обусловлены тем, что любой язык отображает в структуре и семантике основные параметры мира (время и пространство), восприятие человеком действительности, её нормативную оценку, положение человека в жизненном пространстве, духовное содержание личности и др. Национальная специфика проявляется уже в том, как, в какой степени и пропорции представлены в языках фундаментальные категории бытия. Рус. язык, напр., отдаёт предпочтение пространственному аспекту мира сравнительно с временны́м. Локальный принцип моделирования самых разных ситуаций приобретает в нём широкое распространение. Так, бытийные предложения, базирующиеся на идее пространственной локализации, приспособлены для сообщений о мире (*«На свете счастья нет, А есть покой и воля»*, Пушкин), фрагменте мира (*В саду есть яблони*), личной сфере (*У меня есть друзья и недруги*), физических состояниях и свойствах (*У меня бывают головные боли; У неё было милое лицо*), психике (*У мальчика есть характер*), предметах (*У стула нет ножки*), событиях (*«Есть упоение в бою И бездны мрачной на краю»*, Пушкин), абстрактных понятиях (*В теории есть противоречия*) и т. д. В бытийном типе берёт своё начало выражение количественных, а также нек-рых качественных значений (*У нас много книг; У девочки красивые глаза*). Дополнительным к локальному является принцип предметности. Мир – объективный и субъективный (макро- и микрокосмос), конкретный и абстрактный – моделируется как локус, характеризуемый предметным содержанием, причём имена предметов имеют неопределённую референцию: *Есть у меня <u>один</u> приятель; Есть <u>какое-то</u> упоение в бою.*

Принцип моделирования личной сферы отличает «языки бытия» (be-languages) от «языков обладания» (have-languages); ср.: *У мальчика есть друзья* и англ. *The boy has friends*; *У тебя нет сердца* и англ. *You have no heart*; *У меня сегодня собрание* и англ. *I have a meeting today*. В бытийных конструкциях имя лица не занимает позиции субъекта, в конструкциях с глаголами *иметь*, англ. *to have* оно является подлежащим.

Бытийной основой рус. языка обусловлен ряд других его особенностей: 1) распространённость локальных средств детерминации имени (ср. *У девочки голубые глаза* и *Глаза у девочки голубые*); 2) бо́льшая развитость межпредметных, чем межсобытийных (временны́х) отношений (ср. парадигмы имён и глаголов); 3) активное использование локальных предлогов, префиксов, наречий и т. п. для выражения временны́х и иных значений (ср.: *<u>до</u> угла* и *<u>до</u> полудня*, *зайти <u>за</u> угол* и *засидеться <u>за</u> полночь*, *<u>предстоящие</u> трудности*, *<u>предшествующий</u> период*, *<u>покамест</u>* и т. п.); ср. также разг.: *<u>где-то</u> около двух часов; Он <u>где-то</u> интересный человек; А <u>тут</u> вдруг произошло что-то странное;* 4) приоритетный статус зрительного восприятия перед слуховым (ср. развитие эпистемических смыслов глаголом *видеть*); 5) развитость и тонкая дифференциация категории неопределённости, характерной для бытийных структур (в рус. языке имеется более 60 неопределённых местоимений); 6) тенденция к вытеснению имён лица из позиции подлежащего и его оформлению косвенными падежами; ср. *Он грустит* и *Ему грустно* (*взгрустнулось*); представление человека как локуса, в к-ром осуществляются психические процессы и события, напр.: *В нём кипела злоба*; *«В вас этот вопрос не решён»* (Достоевский), ср. *Вы не решили этот вопрос*.

Существенным признаком национальной языковой картины мира является пропорция, в к-рой отображены нормативные и аномальные явления. Для рус. языка с его яркой описательной семантикой характерна направленность на ненормативные признаки и явления; ср. след. словообразовательные типы: *косолапый, лобастый, носатый, безухий, болтун, лентяй, ломака, бродяга, хитрюга, приставала, выпивоха* и пр.

Важным компонентом национально-специфической картины мира являются т. н. ключевые концепты культуры. В рус. языке к ним принадлежат, в частности, понятия духовной сферы, нравственных оценок, суда, спонтанных (стихийных) состояний человека. С ними связаны такие фундаментальные для рус. языка слова, как *душа, правда, справедливость, совесть, судьба* (*доля, удел, участь*), *тоска* и др. Частотность их употребления в рус. языке существенно выше, чем соответствующих слов в других языках, напр. английском; на 1 млн. словоупотреблений слово *судьба* встречается 181 раз, а англ. *fate* – 33 раза, *destiny* – 22. Одним из важных отрицательных понятий является концепт «пустоты». Со словом *пустой* связан широкий круг метафорических значений (*пустой человек, пустая голова, пустое занятие, пустая отговорка, пустые слова* и др.) и производных слов (напр., *пустомеля, пустозвон, пустопорожний, пустоцвет* и др.).

Т. о., природа Я. принципиально двойственна. Я. в одно и то же время – система знаков, замещающих предметы речи (реальные и идеальные), и совокупность значений, сосредоточивших в себе духовный опыт людей (нации, человечества) – практический, нравственный, эстетиче-

ский и мифологический. Актуализуясь, слова способны обнаруживать разные стороны и глубины своего значения в зависимости от психологического мира говорящего и типа дискурса (его целенаправленности). Вместе с тем, функционируя в режиме обратной связи, значения открыты для творчества. Вступая в контакты с внутренним миром субъекта речи, с одной стороны, и с действительностью – с другой, слова приобретают новые смыслы, коннотации и ассоциации. Исследование Я. как системы знаков ведёт к развитию структурных (формальных) методов анализа; изучение Я. как системы символов, за к-рыми стоит духовная жизнь людей, стимулирует разработку методов интерпретации текста (экзегезы, критики текста, анализа поэтической речи, герменевтики).

Будучи связанным с мышлением и психологией человека, его жизнью и разными формами деятельности, историей и самосознанием народов, их обычаями, общественными структурами и законоуложением, отображая национальную специфику и культуру народов, являясь формой выражения для лит-ры и фольклора как видов искусства, выражая и оформляя научное знание, будучи основным источником наших сведений о внутренней жизни людей, обладая чувственно воспринимаемой формой, Я. входит в сферу исследовательской практики ряда гуманитарных и естественных наук: философии, логики, истории, этнографии и антропологии, социологии, политологии, юриспруденции, психологии и психиатрии (особенно психоанализа), филологии (литературоведения, поэтики, риторики), информатики, семиотики (общей теории знаков), педагогики, теории массовой коммуникации, физиологии мозга, акустики и других отраслей знания. Я. во всей совокупности образующих его аспектов является непосредственным объектом изучения для языкознания (см.), внутри к-рого, с одной стороны, существуют области, пограничные со смежными науками (психолингвистика, социолингвистика, экспериментальная фонетика и др.), а с другой стороны, выделяются школы и направления, внимание к-рых сосредоточено на к.-н. одном аспекте языка, принимаемом за его доминанту.

Лит.: Якоб Л.-Г., Начертание всеобщей грамматики, СПБ, 1812; Аксаков К. С., Опыт рус. грамматики, М., 1860; Тулов М., Обозрение лингвистических категорий, К., 1891; Потебня А. А., Мысль и язык, Хар., 1913; его же, Из записок по рус. грамматике, т. 1–2, М., 1958; Сепир Э., Язык, пер. с англ., М.–Л., 1934; Вандриес Ж., Язык, пер. с франц., М., 1938; Балли Ш., Общая лингвистика и вопросы франц. языка, пер. с франц., М., 1955; Есперсен О., Философия грамматики, пер. с англ., М., 1958; Ельмслев Л., Пролегомены к теории языка, пер. с англ., в кн.: НЛ, в. 1, М., 1960; Пауль Г., Принципы истории языка, пер. с нем., М., 1960; Уорф Б. Л., Отношение нормы поведения и мышления к языку, пер. с англ., в кн.: НЛ, в. 1, М., 1960; Гумбольдт В. фон, Избр. тр. по языкознанию, пер. с нем., М., 1984; его же, Язык и философия культуры, М., 1985; Блумфилд Л., Язык, пер. с англ., М., 1968; Платон, Соч. В трёх томах, пер. с др.-греч., т. 1, М., 1968; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Козлова М. С., Философия и язык. (Критический анализ нек-рых тенденций эволюции позитивизма XX в.), М., 1972; Бенвенист Э., Общая лингвистика, пер. с франц., М., 1974; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы, М., 1976; Соссюр Ф. де, Тр. по языкознанию, пер. с франц., М., 1977; Лайонз Дж., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Степанов Ю. С., Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981; его же, В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства, М., 1985; Гадамер Г.-Г., Истина и метод. Основы философской герменевтики, пер. с нем., М., 1988; Бюлер К., Теория языка. Репрезентативная функция языка, М., 1993; Флоренский П. А., Имена, М., 1993; Понятие судьбы в контексте разных культур, М., 1994; Язык и наука конца 20 в., М., 1995; Becker K. F., Organism der Sprache als Einleitung zur Deutschen grammatik, Frankfurt, 1827; Vendler Z., Linguistics in philosophy, Ithaca, N. Y., 1967; Wierzbicka A., Semantics, culture and cognition, N. Y.– Oxf., 1992. См. также лит. при статьях Функции языка, Речь, Язык и общество, Язык, мышление и сознание, Языкознание.

Н. Д. Арутюнова

Язы́к и о́бщество. Связь языка и общества, направление связи, формы её выражения составляют основной круг вопросов, к-рые исследуются в рамках этой проблемы. В том, что между человеческим обществом и языком существует связь, были убеждены ещё древние учёные: «Из всех живых существ только человек одарён речью» (Аристотель). Язык присущ не просто индивиду, а человеку как члену общества, поскольку основное предназначение языка – служить средством общения между людьми. Связь языка и общества проявляется гл. обр. во влиянии общества на язык (схема «общество → язык»), а обусловленность присущего данному обществу «ви́дения мира» языком (схема «язык → общество») выражена слабее и подтверждается значительно меньшим числом фактов. Влияние общества на язык проявляется в разнообразных формах. Основные из них: связь происхождения языка с возникновением человеческого общества; социальная обусловленность развития языка; социальное расслоение языка; социальные компоненты в структуре языковых единиц; сознательное воздействие общества, общественных институтов на язык и его функционирование.

Происхождение языка в связи с возникновением общества. Существует множество теорий о происхождении языка (см.). В отечественной лингвистике наибольшее распространение имеет теория, согласно к-рой потребность людей в общении возникла в процессе труда. Совместный, коллективный труд не мог быть эффективным вне общения работающих людей. Коммуникативная функция и была, по-видимому, первой, характеризовавшей тот набор ещё примитивных знаков, к-рый служил языком первобытным людям. С течением времени к этой функции добавились другие (см. Функции языка).

Важнейшими вехами на пути развития начальных (по времени их возникновения) средств общения и преобразования их в полнокровные языковые системы были процесс линеаризации используемых знаков (расположения их в ходе высказывания в определённом порядке) и связанный с этим процесс совершенствования органов речи, приведший к тому, что речь стала членораздельной. Дальнейшее развитие языка – накопление и усложнение словаря, формирование определённых способов изменения слов и их связи друг с другом (грамматики) – также в той или иной степени связано с различными этапами и формами развития общества.

Социальная обусловленность развития языка. Связь истории языка с историей народа, с историей общества – аксиома совр. лингвистики. Однако происходящие в обществе изменения, в т. ч. и крупные социальные преобразования, воздействуют на язык не прямолинейно: они могут ускорять или замедлять темп языковой эволюции, способствовать перестройке отдельных участков языковой системы (гл. обр. в лексике), но содержание и механизм языковой эволюции, природа эволюционных процессов обусловлены внутренними, присущими языку закономерностями.

Эти закономерности получили название антиномий (от греч. antinomia – противоречие в законе). Важнейшие из антиномий следующие: антиномия говорящего и слушающего, антиномия системы и нормы, антиномия кода и текста, антиномия регулярности и экспрессивности. На каждом конкретном этапе развития языка антиномии разрешаются в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал, что ведёт к возникновению новых противоречий в языке – окончательное разрешение антиномий невозможно: это означало бы, что язык остановился в своём развитии.

Антиномии являются внутренними законами, обусловливающими саморазвитие языка (в отличие от социальных воздействий, к-рые являются внешними по отношению к языку). Однако действие антиномий не свободно от влияния социальных факторов. Так, конфликт говорящего и слушающего разрешается то в пользу первого, то в пользу второго: то в языке получают развитие «редуцированные» способы выражения – процесс, отражающий интересы говорящего, то, при других социальных условиях, начинают преобладать расчленённые формы и конструкции (что отвечает интересам слушающего). Напр., в рус. языке первых десятилетий 20 в. была сильна тенденция к сокращению наименований, к стяжению их в одно слово – аббревиатуру (типа *военспец, главком, земотдел* и т. п.). В совр. языке наряду с аббревиатурами широко распространены расчленённые наименования типа *инженер по технике безопасности, заместитель директора по кадрам, общество защиты животных, управление по борьбе с организованной преступностью* и т. п., не сокращаемые до слоговых или инициальных аббревиатур.

Антиномия системы и нормы разрешается то в пользу системы – и тогда в речь допускаются формы и способы выражения, соответствующие системным возможностям языка, но противоречащие нормативной традиции,– то в пользу нормы, и тогда формы и способы выражения, разрешаемые системой, норма «отфильтровывает», оставляя в употреблении одни и запрещая или ограничивая другие. Напр., в совр. просторечии двувидовые глаголы подвергаются процессу имперфективации: от глаголов *использовать, атаковать, мобилизовать, организовать* и т. п. образуются формы *использовывать, атаковывать, мобилизовывать, организовывать*. Нек-рые из этих форм (напр., *организовывать*) допускаются в лит. употреблении, однако в целом лит. норма активно противится подобным инновациям. Не исключено, однако, что в дальнейшем, на след. этапах развития языка, имперфектные формы двувидовых глаголов (само образование к-рых не противоречит возможностям рус. морфологической системы и свидетельствует о действии в языке тенденции к установлению одно-однозначных соответствий между формой и содержанием языковой единицы) войдут в широкое употребление и сделаются нормативными.

Пример разрешения противоречия между системой и нормой в пользу системы – экспансия флексии *-á* (*-я́*) в им. п. мн. ч. на всё более широкий круг существительных муж. рода. Однако в разных сферах рус. языка этот процесс реализуется по-разному: для профессиональной речи формы на *-á* (*-я́*) естественны и органичны (ср. *взводá* в языке военных, *пеленгá* – у моряков, *супá* и *тортá* – у поваров и кондитеров и т. д.), не менее употребительны они и в просторечии, где возможны даже формы типа *очередя́, площадя́, матеря́* (т. е. экспансии указанной флексии подвержены и существительные жен. рода), а лит. язык, во-первых, тщательно фильтрует эти формы, пропуская в употребление одни и отсеивая другие, и, во-вторых, значительную часть уже допущенных нормой форм снабжает разного рода ограничениями (ср. словарные пометы типа *проф., прост., разг.* и т. п.).

Антиномия кода и текста – это противоречие между набором языковых единиц (фонем, морфем, слов, синтаксических конструкций) и текстом, к-рый строится из этих единиц. Чем меньше набор единиц, тем длиннее должен быть текст, и наоборот. В развитии языка действуют две противоборствующие тенденции: к сокращению – и, значит, упрощению – «кода» и к сокращению, т. е. упрощению, «текста». Пример со-

кращения набора знаков в совр. рус. лексике – постепенное вытеснение из речевого оборота слов-терминов непрямого родства *шурин, деверь, золовка* и появление на их месте описательных наименований *брат жены, брат мужа, сестра мужа*. Вместо слова *тесть* всё чаще говорят *отец жены*, вместо слова *свекровь* – *мать мужа*. Пример увеличения «кода» – заимствование иноязычных слов для обозначения понятий, к-рые по-русски могут быть названы только описательно: *круиз* – *морское путешествие, свитер* – *вязаная фуфайка, надеваемая через голову, крекинг* – *расщепление нефти* и т. п. В рус. языке 20-х гг. 20 в. преобладали описательные, «разъясняющие» наименования, что было вполне понятно в условиях демократизации лит. языка, приобщения к нему значительного числа людей, к-рые раньше им не владели (из крестьянской и рабочей среды). Тем самым «текст» удлинялся – за счёт сокращения лексического «кода». Рус. язык наших дней идёт по пути интенсивного заимствования и освоения иноязычных слов («код» увеличивается, зато «текст» сокращается).

Действие антиномии «кода» и «текста» также небезразлично к тому, в какой языковой подсистеме, в какой речевой среде оно проявляется. Как правило, эта антиномия разрешается в пользу «кода» (он увеличивается) в социально замкнутых коллективах говорящих (ср. парадигматически разветвлённый и детализированный словарь в профессиональных и социальных жаргонах, установление одно-однозначных соответствий между означаемым и означающим в специальных терминологиях и т. п.). Напротив, в социально незамкнутых, «текучих» коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп, вливающихся в состав носителей данной языковой подсистемы, «код» сокращается, а «текст» удлиняется. Это естественно: сохраняются лишь знаки, общие для всех членов коллектива.

Антиномия регулярности и экспрессивности питается соответственно информационной и эмотивной функциями языка. Информационная функция наиболее последовательно выражается с помощью однотипных, стандартных, регулярно образуемых языковых средств (передача информации эффективна без наличия «шума», а в качестве такового могут выступать неоднозначность или метафоричность языковой единицы, нестандартность её структуры и т. п.). Эмотивная функция, напротив, в своём выражении опирается на экспрессивность языковых единиц, их идиоматичность, т. е. на такие свойства, к-рые «противопоказаны» стандарту. Пример противоборствующих тенденций к регулярности и к экспрессивности – создание, с одной стороны, упорядоченных систем специальных терминологий в соответствующих подъязыках науки и техники, со строго стандартными дефинициями и «прозрачными» отношениями внутри тематических групп терминов, и, с другой – метафоризация общеупотребительных слов с целью создания экспрессивных профессионально-жаргонных аналогов к официальным терминам (ср. в профессиональном жаргоне физиков: «*кастрюля*» – вместо *синхрофазотрон*, «*дырка*» в атомной структуре и т. п.).

Реализация антиномии регулярности и экспрессивности также обусловлена социальными факторами. В одних коллективах говорящих легче побеждает тенденция к регулярности, при иных социальных условиях и в иных группах говорящих – тенденция к экспрессивности. Так, в развитых лит. языках, особенно в книжной разновидности каждого из них, проявляется тенденция к регулярности, что способствует стабильности лит. нормы, а в групповых жаргонах и диалектах сильна тенденция к экспрессивности.

Т. о., хотя антиномии внутренне присущи языку и характеризуют собственное его развитие, их действие социально обусловлено. В качестве такого обусловливающего начала выступают социальные факторы. Они неодинаковы по своему влиянию на язык, имеют разную лингвистическую значимость. Одни из них, глобальные, действуют на все уровни языковой структуры, другие, частные, в той или иной мере обусловливают развитие лишь нек-рых уровней. Пример глобального социального фактора – изменение состава носителей языка. Оно ведёт к изменениям в фонетике, в лексико-семантической системе, в синтаксисе и в меньшей степени в морфологии языка: на всех этих уровнях происходят изменения, обусловленные влиянием речевых навыков людей, вливающихся в состав носителей данного языка и качественно меняющих этот состав. Пример частного социального фактора – изменение традиций усвоения лит. языка. В России 19 – нач. 20 вв., когда основным носителем лит. языка была дворянская интеллигенция, преобладала устная традиция – лит. язык усваивался в семейном общении. В новых социальных условиях (после Окт. революции 1917) стала распространяться и даже преобладать (особенно у выходцев из рабочей и крестьянской среды, овладевавших лит. нормами) форма приобщения к лит. языку через книгу. Этот фактор повлиял гл. обр. на нормы произношения: наряду с традиционными произносительными образцами стали распространяться новые, более близкие к орфографическому облику сло́ва [напр., произношение [*шн*] в словах типа *коричневый, сливочный, гречневая* (каша) и подобных было вытеснено произношением звукосочетания [*чн*]; в словах *скучный, скучно, прачечная, булочная* и нек-рых других процесс такого вытеснения наблюдается в наши дни].

Социальное расслоение языка. Одна из наиболее отчётливых форм связи между языком и обществом – отражение в языке социальной структуры общества, или социальная дифференциация языка. Однако расслоение общества на классы и группы не прямо ведёт к формированию классовых и групповых диалектов и «языков» (внутри единого национального языка) – природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны. В социальной дифференциации языка получает отражение не только и не столько совр. состояние общества с различными его классами, слоями и группами, сколько предшествующие его состояния (поскольку темп развития языка отстаёт от темпов развития общества).

Проблема социальной дифференциации языка изучается с преобладающим вниманием к таким языковым образованиям, существование к-рых определяется различиями в собственно социальных, профессиональных, культурных, образовательных и нек-рых других «приобретённых» характеристиках говорящих. При этом большинство исследователей сходится во мнении об отсутствии простого и однозначного соответствия между характером социальных и экономических особенностей данного общества, с одной стороны, и языковыми особенностями – с другой (т. е. о неизоморфности социальной структуры языка и социальной структуры общества).

В социальной структуре совр. рус. национального языка выделяются след. подсистемы: лит. язык, территориальные диалекты, городское просторечие, профессиональные и социально-групповые жаргоны. Носители каждой из этих подсистем редко составляют социально однородные коллективы. Так, лит. рус. языком пользуются представители интеллигенции, образованные слои рабочих, студенты и другие слои населения. С другой стороны, носителем совр. территориальных диалектов является не всё сельское население, а лишь старшее поколение сельских жителей, преим. женщины. Состав лиц, использующих в повседневном общении просторечие, весьма пёстр по возрасту, полу, роду занятий и объединяется лишь одним интегральным признаком – низким уровнем образования. Молодёжный жаргон, как наиболее яркая форма совр. социально-групповых жаргонов, распространён и в среде студенчества, и среди школьников и учащихся профессионально-технических учебных заведений, пользуются им и рабочие. И лишь профессиональные «языки» имеют достаточно жёсткие рамки своего функционирования: их используют люди определённой профессии при общении в «своей» среде (см. Профессионализмы).

Каждая из выделенных выше подсистем рус. национального языка отличается нек-рыми особенностями, в известной мере отражающими социальные условия их бытования в совр. русскоязычном обществе. Так, для лит. языка характерны след. черты: последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению социально и стилистически маркированных вариантов (в произношении, словоупотреблении и т. д.); коммуникативная целесообразность нормы, т. е. использование средств лит. языка в более или менее строгом соответствии с целями речи, типом адресата, особенностями речевых стилей и жанров и т. п.; стабильность и известный консерватизм нормы, её медленная изменяемость; высокая социальная престижность лит. языка. Территориальные диалекты характеризуются след. чертами: социальная и возрастная ограниченность круга носителей «чистого» диалекта; ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями; образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров; социальное и ситуативно-стилистическое варьирование диалектных средств; низкий социальный престиж территориального диалекта, негативная оценка носителями диалекта их собственной речи и сознательная ориентация на лит. норму. Городское просторечие отличают: наддиалектный характер используемых в нём средств, их «разношёрстность», узкий круг носителей (городские жители старшего поколения, преим. женщины, без образования или с начальным образованием), к-рые, в отличие от носителей лит. языка, неспособны к переключению на другие, непросторечные средства выражения при смене коммуникативной ситуации и целей речи; ограниченность сфер и ситуаций, в к-рых функционирует просторечие (но одновременно и характерность их: ср. такие наиболее типичные места реализации просторечной манеры говорить, как очередь, «посиделки» во дворе коммунальных домов и нек-рые др.). И просторечие, и территориальные диалекты реализуются исключительно в устной форме (в отличие от лит. языка, к-рый существует в книжной и разг. разновидностях). Профессиональные жаргоны, также имеющие преим. устную форму, отличаются достаточно определённой коммуникативной прикреплённостью: их используют в профессиональной среде, для целей непринуждённого общения на профессиональные темы, а вне «служебных» ситуаций лица, владеющие профессиональным жаргоном, пользуются лит. языком (реже просторечием или диалектами). Социально-групповые жаргоны отличаются в основном особенностями лексики и фразеологии и не представляют собой целостных коммуникативных систем. Кроме того, для совр. социального членения рус. языка характерны такие образования, к-рые обусловлены объединением людей «по интересам»: ср. особен-

ности речи болельщиков, любителей собак, коллекционеров и т. п., основанные на метафорическом переосмыслении расхожих слов и выражений (ср. *банка* в значении 'гол', *лошадь* – в значении 'одна лошадиная сила' и т. п.). Нек-рые из подобных особенностей характеризуют речь людей, занимающихся деятельностью, к-рая не санкционирована обществом (или властью): ср. речь различных «гешефтгрупп» типа браконьеров, книжных спекулянтов, «напёрсточников» и др. Из социально обусловленных жаргонов в совр. рус. языке выделяется по числу носителей и по функциональной активности тюремно-лагерный жаргон, «перемоловший» в себе элементы дореволюционного воровского арго, офенского «языка», территориальных диалектов, иноязычные заимствования и др. Социальная значимость этого жаргона проявляется, в частности, в том, что он питает своими средствами другие сферы речи – молодёжный жаргон, городское просторечие, устную речь нек-рых слоёв интеллигенции и др. Вместе с тем тюремно-лагерный жаргон, как и другие социально-групповые жаргоны, представляет собой функционально вторичную коммуникативную подсистему, он локализован во времени и в пространстве (им активно пользуются лишь в «своей» среде – заключённые, мафиози, проститутки, фарцовщики и т. п., а вне этой среды известны лишь нек-рые его лексические элементы).

Характерной чертой социальной дифференциации рус. языка в совр. условиях является отсутствие жёстких, незыблемых границ между различными подсистемами; напротив, наблюдается весьма активное взаимодействие этих подсистем и взаимопроникновение их элементов.

Социальные компоненты в структуре языковых единиц. Отражение социальной неоднородности общества в формальном многообразии слова – явление распространённое и хорошо изученное: ср., напр., социально и профессионально ограниченные особенности ударения, словоизменения и т. п. типа *компáс, дóбыча, осýжденный, скоростя́, мощностя́*. Подобные социальные маркеры формы языковых единиц играют двоякую роль – коммуникативную и символическую. Во-первых, такие единицы употребляются в качестве регулярных средств общения в определённой социальной среде; во-вторых, эти единицы служат символами принадлежности говорящего к социальной или профессиональной группе. Факты, свидетельствующие о влиянии социальных условий на содержательную сторону языковых знаков, на их семантику и прагматику, изучены меньше, но они существуют. Так, слова, обозначающие межличностные отношения (или отношения личности и власти), содержат в своём значении компонент, указывающий на асимметрию социальных ролей, к-рые исполняют участники обозначаемой словом ситуации: ср., с одной стороны, предикаты типа *арестовать, велеть, гневаться, диктат, окрик, распекать, ссылать* и т. п. (социальная роль субъекта выше социальной роли адресата) и, с другой,– *гневить, грубить, дерзить, прекословить, пререкаться, слушаться* и др. (социальная роль субъекта ниже социальной роли адресата). Значения подобных слов являются социально ориентированными, в отличие от значений слов, именующих ситуации с симметричными ролевыми отношениями (*дружить, сосед, сослуживец, однокурсник* и т. п.).

Социально обусловленными могут быть и особенности сочетания языковых единиц друг с другом. Так, напр., предикат *быть похожим* употребляется с соблюдением двух след. условий: если речь идёт о родственниках, то первым субъектом этого предиката должно быть лицо, более молодое, нежели то, к-рое обозначается вторым субъектом: можно сказать *Сын похож на отца*, но не говорят **Отец похож на сына*; если же имеются в виду два человека, не связанные узами родства, то в качестве второго субъекта должно выступать лицо достаточно известное, своего рода эталон (ср.: *Этот старик похож на Жана Габена*, но не **Жан Габен похож на этого старика*), или, во всяком случае, такое, к-рое известно и говорящему, и слушающему, в то время как лицо, обозначаемое первым субъектом, может быть известно только говорящему (*Ты знаешь Николаева? Такой приземистый, в очках, похож на нашего управдома*). При сочетании местоимения *мой* с названиями т. н. иерархизованных коллективов (типа *семья, бригада, цех, отдел* и т. п.) оно естественно в устах главы такого коллектива и неестественно в устах рядового члена (сочетание *моя семья*, напр., воспринимается обычно как сказанное отцом или матерью, но не ребёнком – членом этой семьи).

Сознательное воздействие общества на язык. Помимо не зависящего от воли отдельных людей влияния общества на язык возможно и сознательное, и при этом целенаправленное, воздействие государства (и общества в целом) на развитие и функционирование языка – т. н. языковая политика. Она может касаться разных сторон языковой жизни общества. Напр., в многоязычных странах выбор языка или диалекта, к-рый должен стать государственным, осуществляется не стихийно, а сознательно, при непосредственном участии и направляющих усилиях власти и других социальных институтов. Столь же сознательна и целенаправленна деятельность специалистов при разработке алфавитов и письменностей для ранее бесписьменных народов. Усовершенствование существующих алфавитов и письменностей, напр. неоднократно проводившиеся реформы рус. орфографии,– ещё один вид вмешательства общества в жизнь языка. К

области языковой политики относится деятельность лингвистов по разработке нормативных справочников и словарей, регламентирующих способы и формы использования языковых средств, пропаганда языковых знаний и конкретных речевых навыков (напр., в области речевого этикета; см.) в средствах массовой информации. Значительна роль социального контроля при разработке и кодификации специальных терминологий для различных областей знания и техники.

Лит.: Шор Р. О., Язык и общество, М., 1926; Жирмунский В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1938; Рус. язык и сов. общество, [кн. 1–4], под ред. М. В. Панова, М., 1968; Язык и общество, М., 1968; Серебренников Б. А., Социальная дифференциация языка, в кн.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Лабов У., Исследование языка в его социальном контексте, в кн. НЛ, в. 7, М., 1975; Социально-лингвистические исследования. Сб. ст., М., 1976; Крысин Л. П., Язык в совр. обществе, М., 1977; его же, Социолингвистические аспекты изучения совр. рус. языка, М., 1989; Социальная и функциональная дифференциация лит. языков, М., 1977, Звегинцев В. А., Социальное и лингвистическое в социолингвистике, «Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1982, т. 41, № 3; Функциональная стратификация языка, М., 1985, Язык и моделирование социального воздействия [Сб. ст.], М., 1987; Разновидности городской устной речи, М., 1988; Диахроническая социолингвистика, М., 1993; Readings in the Sociology of Language, The Hague — P., 1968; Advances in the Sociology of Language, v. 1–2, ed. by T. Fishman, Mouton, 1971–72; Language and Social Context, ed. by P. Giglioli, Harmondsworth (Middlesex), 1977.

Л. П. Крысин.

Язы́к, мышле́ние и созна́ние. Проблема языка и мыслительной деятельности в истории науки рассматривалась прежде всего как проблема языка и мышления. Накопленное знание о характере соотношения языка и мышления включает в себя положения, объединяющие всех исследователей, и положения, разделяющие исследователей на школы, направления и т. п.

Все исследователи признают несомненной связь между языком и мышлением, однако по-разному понимают природу и качество этой связи. Учёные традиционно разделяются на тех, кто защищает тезис о непредставимости мышления без языка, и тех, кто отстаивает противоположную точку зрения. К числу первых (их Б. А. Серебренников называл вербалистами) относятся И. Кант («Каждый язык есть обозначение мыслей, и, наоборот, самый лучший способ обозначения мыслей есть обозначение с помощью языка»), В. фон Гумбольдт («Хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, в действительности такого разделения не существует»), М. Мюллер («Мысль фактически так же неотделима от языка, как язык от мысли»), ранний Ф. Э. Шлейермахер («Мышление и слово так вполне едины, что мы можем различать их только как внутреннее и внешнее, да и то всякая внутренняя мысль есть уже слово»), Ф. де Соссюр («В языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли»), А. Ф. Лосев («Мысль и язык фактически совершенно нерасторжимы и вливаются в общее безбрежное море объективной действительности»), А. А. Реформатский («Без языка не может быть и мышления»), а также Г. В. Колшанский, В. З. Панфилов и многие другие. У сторонников этой точки зрения отсутствует необходимая ясность относительно того, как именно обеспечивается неразрывность разных по природе (идеальной и идеально-материальной) сущностей, а также нет достаточно убедительных доводов, направленных на устранение противоречия между тезисом о невозможности мышления без языка и реальным наличием разных типов мышления.

Другая точка зрения состоит в утверждении возможности осуществления определённой мыслительной деятельности без участия языка. Её разделяет ряд психологов, философов, языковедов – Н. И. Жинкин («Никому ещё не удалось показать на фактах, что мышление осуществляется только средствами натурального языка. Это лишь декларировалось, но опыт обнаруживал другое»), А. Н. Леонтьев («Современные генетические исследования открыли бесспорный факт существования процессов мышления, протекающих также и в форме внешней деятельности с материальными предметами»), Ж. Пиаже («Если внимательнее исследовать изменения, которые претерпевает интеллект в момент усвоения языка, то можно заметить, что этот последний не является единственной причиной таких преобразований»), Серебренников («Мышление без слов так же возможно, как и мышление на базе слов»), а также Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Р. А. Павилёнис и нек-рые др. По мнению этих учёных, вербалистская концепция не учитывает существования т. н. несловесных типов мышления, напр. наглядно-действенного и наглядно-образного. «Успешное решение пространственных проблем ещё не говорящими детьми и вовсе лишёнными языка животными является прямым указанием на то, что мысль может существовать без языка» (П. Т. Смит). Однако наличие несловесных типов мышления, как кажется, не опровергает вербалистскую концепцию. Если согласиться с тем, что типы мышления вычленяются в зависимости от единиц, с помощью к-рых нерасчленённый мыслительный процесс разделяется на отрезки, способные к перестановкам и комбинированию, то становится ясным: такого рода единицами могут быть лишь сущности, изоморфные по своей природе самому мышлению. Поскольку мышление имеет информационную природу, постольку образы, действия, формы, краски, звуки и т. п. в том только случае могут рассматриваться как единицы мышления, если они выступают в преобразованном виде, совместимом с природой мыслительной деятельности. А т. к. принципиально основным информационным источником, пи-

тающим мышление и сознание, является язык, все остальные источники информации соединяются с мыслительной сферой только через его посредство, т. е. с обязательным преобразованием сигналов в информационные сгущения, соответствующие традиционным языковым и речевым единицам. «Образы, которыми оперирует человек, это "означенные", как бы речевые образы. Поэтому образы могут функционировать в мышлении наряду с речью, со словами и выполнять в нём функцию, аналогичную той, которую выполняют эти последние» (С. Л. Рубинштейн). Результаты классических опытов А. Н. Соколова, к-рый экспериментально показал, что речедвигательная импульсация сопровождает не только вербально-понятийное, но и наглядное мышление, свидетельствуют о том, что наличие наглядно-образного и наглядно-действенного мышления не может служить опровержением мысли о тотальной языковой обусловленности духовной (мыслительной) деятельности.

Т. о., первая точка зрения, верная по существу, нуждается в обобщении и уточнении. Вторая – недостаточно обоснованна. При этом обе представленные точки зрения игнорируют категорию сознания, теснейшим образом связанного с мышлением и языком, и не имеют чётко сформулированной философско-мировоззренческой позиции.

Одно из возможных общефилософских решений проблемы, лишённое указанных несовершенств, основывается на восходящей к неоплатоникам (Плотин, Порфирий и др.) и развитой Никейскими отцами (Афанасий Александрийский) и особенно отцами-каппадокийцами (Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский) ипостасной концепции соотнесения общего и единичного (см. Флоренский П. А., «Столп и утверждение истины»; Соловьёв В. С., «Шестое чтение о Богочеловечестве»; Раушенбах Б. В., «О логике триединости»). В соответствии с этой концепцией мышление, сознание и язык могут рассматриваться как ипостаси единого ментально-лингвального комплекса. Будучи ипостасями единого, названные объекты единосущны, неслиянны и в то же время нераздельны.

Единосущность мышления, сознания и языка исчерпывающим образом объясняет, на основе чего и как они соединяются в одно. Неслиянность свидетельствует о наличии у каждого из них своих особенных свойств. Нераздельность предполагает невозможность рассматривать каждую из обсуждаемых сущностей как нечто вполне самостоятельное.

Ментально-лингвальный комплекс (МЛК) – функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система, к-рая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации.

В рамках МЛК мышление – прежде всего динамическая ипостась, сознание – накопительно-оценочная ипостась, а язык – ипостась инструментальная и коммуникативная. Динамическая природа мышления проявляется в том, что оно представляет собой постоянно протекающий в мозгу процесс мыслепорождения, основанный на обработке и преобразовании поступающей по разным каналам информации. Мышление, как и МЛК в целом, включается с рождением человека и выключается только в момент смерти его мозга. Но для того чтобы мышление состоялось, оно должно располагать определённым инструментом, к-рый обеспечивал бы целесообразное расчленение потока импульсов, идущих в мозг от органов чувств. В качестве такого инструмента как раз и выступает язык. Главная функция языка по отношению к мышлению заключается в дискретизации информационного континуума, т. е. в представлении его в виде совокупности информационных сгущений разного объёма и содержания. Сознание как третья ипостась МЛК ответственно за интериоризацию (присвоение сознанием) в форме тех же информационных сгущений окружающего мира, в т. ч. самого человека как элемента этого мира, с установлением необходимых оценочных иерархий и ценностных ориентиров.

Информационные сгущения, с помощью к-рых благодаря языку осуществляется мышление и функционирует сознание, могут быть названы информемами. Информема – базовая односторонняя единица МЛК, к-рая представляет собой нек-рую информационную целостность, отличную от других, имеющихся в МЛК информационных целостностей. Одно из важнейших свойств информемы – её векторность. В соответствии с ней информема, будучи выделенной в мыслительной деятельности, непременно стремится к самообнаружению. Но для того, чтобы это произошло, она должна пройти через семиозис (означивание, превращение в знак) и стать двусторонней единицей. Если информема уже проходила через этот процесс, имеет место непервичное означивание, состоящее в поиске информемой присвоенного ей означающего. Если же информема через указанный процесс проходит впервые, то имеет место первичное означивание. Оно состоит в поиске подходящего означающего и установлении между ним и информемой ассоциативной связи по смежности. Информема, прошедшая через первичный семиозис,– это именованная информема, или концепт. Становясь концептом, информема является уже достоянием не только отдельного человека, но и соответствующего этнического языка, а следовательно, и других людей, говорящих на этом языке. Язык связывает людей в этническую

общность через концепты. Совокупность всех информем (именованных и неименованных), к-рыми располагает сознание человека, есть его знание. Другими свойствами информемы являются её полевое строение (число конституирующих признаков уменьшается от центра к периферии), подвижность её границ и нек-рые др.

МЛК в целом и каждая его ипостась в отдельности состоит из «светлой» и «тёмной» зон. В «светлой» зоне МЛК выступает как явленная, т. е. осознаваемая и обозреваемая сущность. В «тёмной» зоне МЛК выступает как функционирующая, но неявленная, т. е. неосознаваемая и необозреваемая, сущность.

При образовании мысли МЛК работает как мышление. Деятельность мышления может быть свободной, анизотропной (мышление ни о чём конкретном) и изотропной, телеологической, направленной на объект (мышление о чём-то конкретном). Функционирование в свободном режиме состоит в том, что информемы находятся в постоянном самопроизвольном движении, напоминающем броуновское. Они входят во взаимодействие друг с другом, объединяются, образуя аморфные цепочки и конгломерации, и так же легко разъединяются, чтобы тут же вступить в подобные же объединения с другими информемами. Деятельность сознания при этом заключается в постоянной оценке содержательной ценности каждого вновь образованного объединения информем: те объединения, к-рые не представляют интереса, рассыпаются, а объединения, оцениваемые как нетривиальные и/или ценные, обращаются сознанием в своё достояние в качестве новых информем. Положение о никогда не прекращающейся работе МЛК в режиме мышления делает объяснимыми такие явления, как инсайт (озарение, непосредственное постижение), появление нетривиальных мыслей во время сна и др. Суть изотропного (телеологического) мышления состоит в поисках такого объединения или разъединения информем, к-рое приводило бы к образованию новой информемы с заданными свойствами. Телеологическое мышление может быть дискурсивным и эвристическим. Дискурсивное мышление осуществляется в «светлой» зоне сознания. Оно требует наличия в этой зоне значительного количества именованных информем, к-рые, как можно предположить, сопрягаются друг с другом в соответствии с закономерностями, напоминающими закономерности синтаксиса внешнего языка. В результате дискурсивное мышление характеризуется громоздкостью и относительно невысокой продуктивностью. Эвристическое мышление — такое, к-рое осуществляется в «тёмной» зоне сознания, а свои результаты предъявляет в его «светлой» зоне. Оно оперирует всем имеющимся в сознании репертуаром информем, причём последние сопрягаются друг с другом вполне аграмматично, по закону кратчайших семантических расстояний. В результате эвристическое мышление отличается высокой скоростью и значительно большей продуктивностью. Эвристическое мышление даёт возможность получать искомый результат в условиях дефицита информации в «светлой» зоне сознания, что позволяет прояснить феномен интуитивного постижения истины.

Будучи ипостасью МЛК, язык также функционирует в двух режимах: осознаваемом и неосознаваемом. Исходя из этого, привычное определение языка как системы знаков оказывается не вполне адекватным, поскольку в ипостасной интерпретации он начинается там, где ещё нет оснований говорить о знаках, по крайней мере, в их привычной интерпретации. С учётом сказанного язык можно определить как врождённую человеку артикуляционно ориентированную информационную систему, к-рая, с одной стороны, обеспечивает функционирование его мышления и сознания, а с другой — позволяет ему получать, создавать, хранить и передавать информацию.

Т. о., рассмотренная модель проясняет всю сумму вопросов, относящихся и к характеру сопряжения языка, мышления и сознания, и к характеру их функционирования. В частности, становится очевидным, что мышление, взятое как отдельность, не вырабатывает язык: оно является постоянно действующей информационной системой, к-рая сразу и всегда функционирует посредством языка и иначе функционировать не может. С другой стороны, и язык не есть сущность, вырабатывающая мышление: он является постоянно действующей артикуляционно ориентированной информационной системой, к-рая сразу и всегда функционирует, используя содержание и энергию мышления. Наконец, сознание не включает в себя мышление и язык, равно как и само не есть их составная часть: оно является постоянно действующей информационной системой координационно-регулирующего типа, к-рая осуществляет запечатление, хранение, систематизацию и оценку результатов ментально-лингвальной деятельности человека.

Лит.: Мюллер М., Наука о мысли, СПБ, 1891; Соколов А. Н., Внутренняя речь и мышление, М., 1968; Бенвенист Э., Общая лингвистика, пер. с франц., М., 1974; Колшанский Г. В., О вербальном мышлении, «Изв. АН СССР Сер. ЛиЯ», 1977, т. 36, № 1; Серебренников Б. А., К проблеме «Язык и мышление» (всегда ли мышление вербально?), там же; Березин Ф. М., Головин Б. Н., Общее языкознание, М., 1979; Караулов Ю. Н., Рус. язык и языковая личность, М., 1987; Гийом Г., Принципы теоретической лингвистики, пер. с франц., М., 1992; Морковкин В. В., Морковкина А. В., Язык, мышление и сознание et vice versa, «Рус. яз. за рубежом», 1994, № 1; Binet A., Simon Th., Langage et pensé, Année psychol., 1908, № 14; Language, Thought and Reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf, ed. by John B Carroll, Camb., Mass., 1956; Thinking: Studies of Covert Language Processes, ed. by F.J. McGuigan, N.Y., 1966;

Searle I. R., Minds, Brains and Science, Camb., Mass., 1984; Thought without language, ed. by L. Weiskrantz, Oxf., 1988; Smith P. T., Thought and Language, в кн.: The Encyclopedia of Language and Linguistics, v. 9, Oxf.– N. Y.– Seoul – Tokyo, 1994.

В. В. Морковкин.

Язы́к худо́жественной литерату́ры – 1) язык, на к-ром создаются художественные произведения (его лексикон, грамматика, фонетика), иногда, в нек-рых обществах, совершенно отличный от повседневного, обиходного («практического») языка; в этом смысле Я. х. л.– предмет истории языка и истории литературного языка. 2) Поэтический язык – система правил, лежащих в основе художественных текстов, как прозаических, так и стихотворных, их создания и прочтения (интерпретации); эти правила всегда отличны от соответствующих правил обиходного языка, даже когда, как, напр., в современном русском языке, лексикон, грамматика и фонетика обоих одни и те же; в этом смысле Я. х. л., выражая эстетическую функцию национального языка, является предметом поэтики, в частности исторической поэтики, а также семиотики (см.), именно – семиотики литературы.

В первом значении термин «художественная лит-ра» следует понимать расширительно, включая для прошлых исторических эпох и её устные формы (напр., поэмы Гомера). Особую проблему составляет язык фольклора; в соответствии со вторым значением он включается в Я. х. л.

В обществах, где повседневное общение происходит на диалектах, а общий или лит. язык отсутствует, Я. х. л. выступает как особая, «наддиалектная» форма речи. Таков был, как предполагают, язык древнейшей индоевропейской поэзии. В античной Греции язык гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея» также не совпадает ни с одним территориальным диалектом, он только язык искусства, эпоса. Сходное положение наблюдается в обществах Древнего Востока. Так, в Я. х. л. (так же, как и в лит. языки) Средней Азии – хорезмско-тюрк. (язык Золотой Орды; 13–14 вв.), чагатайский и далее на его основе ст.-узб. (15–19 вв.), ст.-туркм. (17–19 вв.) и др.– существенным компонентом входит др.-уйгурский язык – язык религиозно-философских сочинений, связанных с манихейством и буддизмом, сложившийся к 10 в.

В древних обществах Я. х. л. тесно соотнесён с жанром как видом текстов; зачастую имеется столько различных языков, сколько жанров. Так, в Древней Индии во 2-й пол. 1-го тыс. до н. э. языком культа был т. н. ведийский язык – язык Вед, собраний священных гимнов; языком эпической поэзии и науки, а также разг. языком высших слоёв общества – санскрит (позднее он же стал языком драмы); разг. диалектами низов были пракриты. В Древней Греции языки эпоса, лирики, трагедии и комедии различались материальными элементами грамматики, лексикона и произношения. Язык комедии больше других включал элементы разг. речи, сначала Сицилии, затем Аттики.

Это взаимоотношение языка и жанра впоследствии опосредованным путём, через учения грамматиков александрийской школы и Рима, дошло вплоть до европейской культуры Нового времени в виде теории трёх стилей, изначально предусматривавшей связь между предметом изложения, жанром и стилем и соответственно регламентировавшей «высокий», «средний» и «низкий» стили. В России эта теория была развита и реформирована М. В. Ломоносовым (см. Трёх стилей теория), для к-рого она послужила гл. обр. формой выражения результатов его наблюдений над историческим развитием и стилистической организацией рус. лит. языка.

В эпоху Возрождения в Европе ведётся борьба за внедрение народных языков в сферу художественной лит-ры и науки; в романских странах она вылилась в борьбу против латыни; в России, особенно в реформе Ломоносова, решительно исключавшего устаревшие книжно-слав. элементы из состава рус. лит. языка,– в постепенное ограничение церковно-славянского языка (см.).

Проблема лит. языка Древней Руси остаётся крайне сложной и до конца не решённой. В её рамках возникают и получают различное освещение у разных исследователей такие более частные вопросы, как: являются ли совр. рус. лит. язык и др.-рус. лит. язык двумя разными языками или это один и тот же язык на двух разных этапах его развития; рус. лит. язык Древней Руси и церк.-слав. язык рус. памятников – два языка или единый язык; языковая ситуация Киевской Руси и вообще Древней Руси – состояние «двуязычия» или же «диглоссии», и т. п. (исследования и полемические статьи В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Б. А. Успенского, М. И. Шапира и др.).

Ввиду неясности ответов на эти вопросы можно, по-видимому, более или менее определённо лишь констатировать состояние языкового континуума в Древней Руси до 17 в. с «полярными точками» в нём (типа письменный жанр жития святого – берестяная грамота и т. п.) и подчеркнуть, что связь между т и п о м я з ы к а (с различными пропорциями рус. и церк.-слав. элементов в нём) и ж а н р о м п и с ь м е н н о с т и остаётся константной.

В 16–17 вв. новые языковые системы, включившие в себя народные национальные языки и элементы (или даже целые фрагменты) письменных языков (латыни, церк.-слав.), становятся Я. х. л.; последние приобретают новое качество и начинают развиваться в тесной связи не только с различием жанров, но и со сменой стилей и методов художественной лит-ры – классицизма, романтизма, реализма. В России особую роль в становлении Я. х. л. сыграл реализм 19 в., по-

скольку именно в нём предметом изображения, героем лит-ры стал, наряду с дворянином и буржуа, человек труда, крестьянин, разночинец и рабочий, внеся в её язык особенности своей речи. С реализмом связан окончательный отказ, провозглашённый ещё романтиками, от жанровых перегородок и ограничений. В единую сферу Я. х. л. вовлекаются все пласты, т. н. функциональные стили, общенародного языка. По мере утраты Я. х. л. материальных (лексических, грамматических, фонетических) отличий возрастают его отличия как системы правил создания и интерпретации художественных текстов, т. е. как поэтического языка.

Это положение дел было теоретически осознано особенно отчётливо рус. филологами 1-й пол. 20 в. Так, Б. А. Ларин уже в 1925 писал «о лирике как разновидности художественной речи» (одноимённая статья), рассматривая не «язык лирики», а саму лирику как особый язык, или речь. Лирика (в данном случае и соответствующий любой другой жанр) выступает как типологически (т. е. «надвременно», панхронически) своеобразный язык, внутри к-рого то или иное историческое художественное направление (напр., символисты, футуристы) лишь выбирает доминирующие для себя черты.

В новое время каждое лит. направление и каждый лит. метод – классицизм, романтизм, реализм, натурализм, различные течения модернизма и авангардизма – всегда включали в свои программы утверждение нового отношения к системе выразительных средств, к поэтическому языку, подчёркивая этим своё отличие от других направлений и методов.

Так, рус. кубо-футуристы (В. В. Маяковский, В. Хлебников и др.) в своём манифесте (в сборнике «Садок судей», 1914) подчёркивали: «...Мы выдвинули впервые новые принципы творчества, кои нам ясны в следующем порядке: 1. Мы перестали рассматривать словопостроение и словопроизношение по грамматическим правилам, став видеть в буквах лишь направляющие речи. Мы расшатали синтаксис. 2. Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и фонической характеристике. ... 9. Передняя рифма (Давид Бурлюк), средняя, обратная рифма (В. Маяковский) разработаны нами...» и т. д.

Поэтическая, шире – вообще художественная, практика и теория поэтического языка (шире – Я. х. л.) особенно тесно взаимодействовали в нач. 20 в. в России, в бурный период экспериментальной поэзии. Но они всегда шли одна за другой, причём всегда художественная практика опережала теорию: вслед за процессами развития самого Я. х. л. развивалась и его теория, но только в более медленном темпе.

Уже в античных риториках и поэтиках была осознана указанная двойственность поэтического языка – особенности его материальных средств, тропов, и специфичность его как особого «способа говорения». Эта двойственность отразилась в написании Аристотелем двух различных трактатов: в «Поэтике» он рассматривает поэтический язык с точки зрения его особого предмета, его семантики – соответствия природе, подражания природе (мимесис); в «Риторике» «небытовой» ораторский язык рассматривается безотносительно к предмету, как «способ говорения», строй речи (лексис). Риторика, по мысли Аристотеля, есть учение не об объективных предметах и их изображении, а об особой сфере – о мыслимых предметах, возможных и вероятных. Здесь предвосхищены понятия «интенсионального мира», «возможного мира», играющие столь важную роль в совр. логике и теории языка.

Концепции «языка как искусства» и «языка искусства» появлялись на протяжении ряда веков в связи с почти каждым новым художественным течением. Во 2-й пол. 19 в. в трудах А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, гл. обр. на материале эпических форм, были заложены основы учения о постоянных признаках поэтического языка и вместе с тем об их различном проявлении в разные исторические эпохи – основы исторической поэтики.

Процессы, происходящие в Я. х. л. в связи со сменой стилей лит-ры, были системно изучены на материале рус. языка В. В. Виноградовым, создавшим в 20–50-х гг. 20 в. особую дисциплину, предметом к-рой является Я. х. л.

В те же годы складывается другое течение в изучения Я. х. л. – «метод монографии», или «портретирования»,– отличное от «системосоздающего» подхода школы Виноградова (до нек-рой степени аналогичное различие характерно и для истории изобразительных искусств в те же годы – «изучение систем» и «подход через интерпретацию» индивидуальных произведений). Основы этого течения были заложены А. Белым (сборник этюдов «Поэзия слова», 1922). Выработав особый приём анализа через «цитатные суммы», близкий к развившейся впоследствии теории «семантических полей», А. Белый применил его к «зрительному восприятию природы» у трёх поэтов – А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева. Вывод А. Белого – три «разные солнца», «три разные неба», «три разных месяца (луны)»: «классически спокойное и отдалённое от человека у Пушкина; тревожное, отмеченное катаклизмами у Тютчева», и спокойное, «холодное, сладкоманящее» у Баратынского (предвосхищающее чеховскую синонимию: «Надо мной милое серое небо»). В 30–40-х гг. 20 в. мастером «художественного монографирования» стал Г. О. Винокур (напр., его работа «Язык "Бориса Годунова"», 1935).

С нач. 20 в., первоначально в работах ОПОЯЗа (см.) и школы «русского формализма», относительные качества поэтического языка были

вполне осознаны теоретически как структура. Я. х. л. каждого направления в истории лит-ры стал описываться как имманентная система, или структура значимых лишь в его рамках «приёмов» и «правил» (работы В. Б. Шкловского, Ю. Н. Тынянова, Р. О. Якобсона, а также Ларина и др.). Эти работы были продолжены во франц. структуральной школе; в частности, было установлено важное понятие о глобальной значимости каждой данной системы Я. х. л.– «мораль формы» (М. Фуко) или «э́тос» поэтического языка (Р. Барт). Под этими терминами понимается система идей и этических представлений, связанная с пониманием Я. х. л. у данного литературно-художественного направления. Утверждалось, напр., что европейский авангардизм, порывая с классическими, романтическими и реалистическими традициями и утверждая «трагическую изоляцию» писателя, одновременно стремится обосновать взгляд на свой поэтический язык как на не имеющий традиций, как «нулевую степень письма». Понятие «Я. х л.» стало осознаваться в одном ряду с такими понятиями, как «стиль научного мышления» определённой эпохи (М. Борн), «научная парадигма» (Т. Кун) и т. п.

Выдвижение на первый план в качестве основного признака Я. х. л. к.-л. одной черты («психологическая образность» в концепции Потебни, «остранение привычного» в концепции рус. формализма, «установка на выражение как таковое» в концепции Пражской лингвистической школы и Якобсона, «типическая образность» в концепциях ряда отечественных эстетиков) является как раз признаком Я. х. л. данного литературно-художественного течения или метода, к к-рому принадлежит и данная теоретическая концепция. В целом же Я. х. л. характеризуется совокупностью и вариативностью названных признаков, выступая как их инвариант.

Как таковой (т. е. инвариантно) Я. х. л. может быть охарактеризован как система языковых средств и правил, в каждую эпоху различных, но равно позволяющих создание воображаемого мира в художественной лит-ре, «интенсионального, возможного мира» семантики; как особый интенсиональный язык, к-рый строится по законам логики, но с нек-рыми специфическими законами семантики. Так, в Я. х. л. (в каждой его данной, относительно закрытой системе – данного произведения, автора, цикла произведений) не действуют правила истинности и ложности высказываний практического языка (предложение *Князь Болконский был на Бородинском поле* ни истинно, ни ложно в экстенсиональном смысле, в отношении к внеязыковой действительности); невозможна, в общем случае, замена синонимами практического языка (нельзя, в контексте романа Л. Н. Толстого, вместо *Князь Болконский увидел лицо Наполеона* сказать *Князь Болконский увидел лицо героя Ста дней*); напротив, допустима более широкая семантическая и лексическая сочетаемость слов и высказываний, синонимическая замена в рамках имплицитных соглашений данного поэтического языка, языка отдельного произведения или автора (*«А был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?»* как синоним сомнения в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина») и т. д.

Вместе с тем Я. х. л., язык эстетических ценностей, сам является художественной ценностью. Поэтому, в частности, правила Я. х. л., будучи выражены мастерами слова, предстают как предмет красоты и эстетического наслаждения. Таково, напр., определение поэзии (с теоретической точки зрения – определение разрешений на семантическую сочетаемость), данное Ф. Гарсией Лоркой: «Что такое поэзия? А вот что: союз двух слов, о которых никто не подозревал, что они могут соединиться и что, соединившись, они будут выражать новую тайну всякий раз, как их произнесут».

Лит.: Потебня А. А., Из записок по теории словесности, Хар., 1905; Белый А., Поэзия слова, П., 1922; Тынянов Ю., Якобсон Р., Проблемы изучения лит-ры и языка, «Новый ЛЕФ», 1928, № 12; Лит. манифесты. (От символизма к Октябрю), 2 изд., М., 1929; Виноградов В. В., История рус. языка и история рус. лит-ры в их взаимоотношениях, в его кн.: О художественной прозе, М.– Л., 1930 (переизд.: О языке художественной прозы, в его кн.: Избр. тр., М., 1980); его же, О языке художественной лит-ры, М., 1959; его же, О теории художественной речи, М., 1971; его же, История рус. лит. языка Избр. тр., М., 1978; Фрейденберг О. М., Проблема греч. лит. языка, в кн.: Сов. языкознание, т. 1, Л., 1935; Веселовский А. Н., Историческая поэтика, Л., 1940; Винокур Г. О., Язык художественной лит-ры, в его кн.: Избр. работы по рус. языку, М., 1959; его же, Филол. исследования. Лингвистика и поэтика, М., 1990; его же, О языке художественной лит-ры, М., 1991; Тынянов Ю., Проблема стихотворного языка. Статьи, М., 1965; Мукаржовский Я., Лит. язык и поэтический язык, пер. с чеш., в кн.: Пражский лингвистический кружок. Сб ст., М , 1967; Десницкая А. В., Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, Л., 1970; Вомперский В. П., Стилистическое учение М В Ломоносова и теория трёх стилей, М., [1970]; Лотман Ю. М., Анализ поэтического текста. Структура стиха, Л., 1972; Ларин Б. А., О лирике как разновидности художественной речи. (Семантические этюды), в его кн.: Эстетика слова и язык писателя, Л., 1974; Бельчиков Ю. А., Рус. лит. язык во второй пол. XIX в., М., 1974; Якобсон Р., Лингвистика и поэтика, пер. с англ., в кн. Структурализм: «за» и «против» Сб. ст., М., 1975; Языковые процессы совр. рус. художественной лит-ры. Проза. Поэзия, М., 1977; Тодоров Ц., Грамматика повествовательного текста, пер. с франц., в кн.: НЛ, в. 8 – Лингвистика текста, М., 1978; Григорьев В. П., Поэтика слова, М., 1979; Лит. манифесты зап.-европейских романтиков, М., 1980; Типы наддиалектных форм языка, М., 1981; Никитина С. Е., Устная народная культура как лингвистический объект, «Изв АН СССР. Сер. ЛиЯ», 1982, т. 41, № 5; Поэтика. Тр. рус. и сов поэтических школ, Будапешт, 1982; Барт Р., Нулевая степень письма, пер. с франц., в кн.: Семиотика, М., 1983; Храпченко М. Б., Язык художественной лит-ры. Ст. 1–2, «Новый мир», 1983, № 9–10; Михайлов А. В.. Проблемы исторической поэтики в истории нем. культуры, М., 1989; Шапир М. И., Теория «церк.-славянско-рус. диглоссии» и её сторонники. По поводу кн. Б. А. Успенского «История рус. лит. языка (11–17 вв.)», «Russian Linguistics», 1989, t. 13, № 3; его же, Язык быта/языки духовной культуры, «Russian Linguistics», 1990, t. 14, № 2; Новиков Л. А., Стили-

стика орнаментальной прозы Андрея Белого, М., 1990; Hansen-Löve A. A., Der russische Formalismus. Methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung, W., 1978; Searle J. R., The logical status of fictional discourse, в кн.: Contemporary perspectives in the philosophy of language, [Minneapolis, 1979] *Ю. С. Степанов.*

Языка́ писа́теля словари́ – тип словарей, в к-рых содержатся и объясняются слова, употребляющиеся в сочинениях определённого автора. Я. п. с. может быть составлен на основе полной выборки из всех лит. произведений, писем, черновых и официальных бумаг автора или же включать слова только из определённых сочинений («Словарь-справочник "Слова о полку Игореве"» В. Л. Виноградовой, в. 1–6, 1965–84). Задача Я. п. с.– служить пособием для углублённого изучения истории лит. языка той эпохи, в к-рую жил и работал писатель, т. к. каждое слово в словаре строго документировано в своём употреблении. Вместе с тем Я. п. с. является своего рода путеводителем по творчеству писателя, ключом к правильному пониманию текста автора, пособием при изучении языкового и лит. стилей писателя, для атрибуции его неподписанных сочинений и для многих других историко-филологических исследований, связанных с творчеством писателя.

Первым словарём языка рус. писателя является «Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» К. П. Петрова (1904). Словарь представляет собой алфавитный список слов с немногими примерами из текстов Фонвизина. В книге много погрешностей.

Наиболее полным и теоретически разработанным является «Словарь языка Пушкина» под ред. В. В. Виноградова (т. 1–4, 1956–61), созданный Ин-том рус. языка АН СССР (ныне РАН) по программе Г. О. Винокура,– алфавитный список всех слов, засвидетельствованных в основном тексте академического собрания сочинений и писем А. С. Пушкина («Полн. собр. соч.», т. 1–16, 1937–49). В словаре имеют толкование малоупотребительные слова, указываются различия в значениях сравнительно с совр. языком, приводятся иллюстрации из текстов Пушкина. В распределении материала в словарной статье учитываются жанровые особенности: слово в художественном тексте (в стихах, в прозе), в письме и т. п. и хронологическая последовательность употребления. В конце словарной статьи указываются все формы данного слова, зарегистрированные в текстах Пушкина, с указанием всех мест, где они употребляются. Всего в словаре описано 21 191 слово в 544 777 словоупотреблениях. К данному словарю примыкает словарь «Новые материалы к Словарю языка А. С. Пушкина» (1982), составленный В. В. Пчёлкиной и Е. П. Ходаковой, где впервые толкуется лексика вариантов произведений Пушкина, не вошедшая в их окончательный текст (варианты даются по «Полн. собр. соч.», т. 1–16, 1937–49).

Примером частного типа Я. п. с. является «Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Имена собственные. (Личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений)», составленный А. В. Фёдоровым и О. И. Фоняковой (1975) – первый полный справочник собственных имён всех типов, встречающихся в трилогии М. Горького. Цель словаря – показать исторический, географический и культурный фон рус. жизни 2-й пол. 19 в., отражённый в именах собственных.

Я. п. с. как собственно лингвистический труд следует отличать от различных справочников по творчеству писателей, в к-рых в словарной форме даётся реальный комментарий к тексту автора, т. е. в алфавитном порядке сообщается о различных исторических событиях, реалиях быта, собственных именах, географических названиях и т. п. понятиях, о к-рых говорится в произведениях писателя, напр.: «Словарь литературных типов» под ред. Н. Д. Носкова (т. 1–7, 1908–14); «Щедринский словарь» М. С. Ольминского (1937); «Лермонтовская энциклопедия» (1981), в приложении к к-рой даны «Словарь рифм М. Ю. Лермонтова» и «Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова» (под ред. В. В. Бородина и А. Я. Шайкевича); «Словарь к пьесам А. Н. Островского» Н. С. Ашукина, С. И. Ожегова, В. А. Филиппова (1993). *Р. М. Цейтлин*

Языки́ наро́дов Росси́и. На территории России распространено св. 100 языков, относящихся к нескольким языковым семьям – индоевропейской, алтайской, северокавказской, уральской, а также ряд языков, традиционно объединяемых в группу палеоазиатских. «Языки народов РСФСР – национальное достояние Российского государства. Они являются историко-культурным наследием и находятся под защитой государства» (Закон РСФСР о языках народов РСФСР, 1991).

Из **индоевропейских языков** в РФ представлены слав. языки: это прежде всего рус. язык (по переписи 1989, число русских, живущих в России, 119 865 946 чел., из них родным рус. язык считают 99,9%; аналогичные цифры далее приводятся в скобках и по другим языкам); иранские языки: осет. язык (в Осетии – 402 275 чел./93,3%), татский язык (в Кабардино-Балкарии и Дагестане – число татов: 19 420 чел./83,5%, число горских евреев: 11 282 чел./75,2%); германские языки: идиш (536 848 чел./8,9%); инд. языки: цыганский язык (152 939 чел./85,8%).

Алтайская семья объединяет тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. Среди них наиболее многочисленны тюрк. языки: тат. язык (в Татарстане и за его пределами –

5 522 096 чел./85,5%), чуваш. язык (в Чувашской республике – 1 773 645 чел./78,0%), башк. язык (в Башкирии – 1 345 273 чел./72,6%), якут. язык (в Якутии – 380 242 чел./94,2%), кумыкский язык (в Дагестане – 277 163 чел./97,8%), тув. язык (в Туве – 206 160 чел./98,5%), хакасский язык (в Хакасии – 78 500 чел./76,7%), карачаево-балкарский язык (балкарцы в Кабардино-Балкарии – 78 341 чел./95,4%, карачаевцы в Карачаево-Черкесии – 150 332 чел./98,0%), ногайский язык (в Дагестане и Карачаево-Черкесии – 73 703 чел./90,4%), алтайский язык (в Алтайской республике – 69 409 чел./85,2%), шорский язык (15 745 чел./57,5%), долганский язык (6584 чел./84,0%), тофаларский язык (722 чел./42,8%).

Монг. языки представлены в России бурят. языком (в Бурятии – 417 425 чел./86,6%) и калм. языком (в Калмыкии – 165 821 чел./92,8%).

Территория распространения тунгусо-маньчжурских языков охватывает значительную зону Вост. Сибири и Дальнего Востока. В данную группу входят нанайский язык (11 883 чел./44,1%), эвенкийский язык (29 901 чел./30,4%), эвенский язык (17 055 чел./43,9%), негидальский язык (587 чел./26,6%), ульчский язык (3173 чел./30,7%), орокский язык (179 чел./44,7%), орочский язык (883 чел./17,8%) и удэгейский язык (1902 чел./24,3%).

Северокавказские языки подразделяются на абхазо-адыг. (зап.-кавказскую) и нахско-дагестанскую (вост.-кавказскую) группы. Представители первой – абазинский язык (в Карачаево-Черкесии – 32 983 чел./93,9%), адыг. язык (в Адыгее – 122 908 чел./95,1%) и кабардино-черкесский (кабардинцы в Кабардино-Балкарии – 386 055 чел./97,7%; черкесы в Карачаево-Черкесии – 50 746 чел./91,5%). Вторая объединяет нахские языки – ингуш. язык (в Ингушетии – 215 068 чел./98,1%) и чеченский язык (в Чечне – 899 999 чел./98,8%) и дагестанские языки (в Дагестане): аварский язык (544 016 чел./97,8%), лезгинский язык (257 270 чел./94,2%), даргинский язык (353 348 чел./98,0%), лакский язык (106 245 чел./95,1%), табасаранский язык (93 587 чел./96,6%), агульский язык (17 728 чел./98,5%), рутульский язык (19 503 чел./95,4%), цахурский язык (6492 чел./95,0%), а также в Дагестане – андийский, ботлихский, годоберинский, чамалинский, багвалинский, тиндинский, каратинский, ахвахский, цезский, бежтинский, гунзибский, хваршинский, гинухский, арчинский языки (официальные сведения о числе говорящих на этих языках относятся только к 1926 году, т. к. в дальнейшем данные народности причислялись к аварцам).

Уральские языки подразделяются на финно-угорские и самодийские языки. Финно-угорские языки: мокша-морд. и эрзя-морд. языки (в Мордовии – в целом 1 072 939 чел./69,0%), мар. язык (в Марийской республике – 643 698 чел./81,8%), коми язык (в республике Коми – 336 309 чел./71,1%), коми-пермяцкий язык (147 269 чел./71,4%), удм. язык (в Удмуртии – 714 833 чел./70,8%), мансийский язык (8279 чел./36,7%), хантыйский язык (22 283 чел./60,5%), в Карелии – карел. язык (124 921 чел./48,6%) и саамский язык (1835 чел./42,0%), вепсский язык (в Ленинградской, Вологодской областях и в Карелии – 12 142 чел./51,3%), водский, ижорский (в Ленинградской обл.). Самодийские языки: ненецкий язык (34 190 чел./77,7%), селькупский язык (3564 чел./47,7%), нганасанский язык (1262 чел./83,4%), энецкий язык (198 чел./46,5%).

В число **палеоазиатских языков** входят чукотско-камчатские языки: чукотский язык (15 107 чел./70,2%), корякский язык (8942 чел./52,4%), ительменский язык (2429 чел./18,8%), алюторский язык (ок. 2000 чел.), керекский язык (ок. 100 чел.), эскимосский язык (1704 чел./51,6%) и алеутский язык (644 чел./25,3%), а также кетский язык (1084 чел./48,8%), нивхский язык (4631 чел./23,3%), юкагирский язык (1112 чел./32,0%).

Многие из перечисленных выше языков распространены и за пределами РФ, напр., эскимосский в США и Канаде, саами в Финляндии, лезгинский, аварский и цахурский языки в Азербайджане, осет. язык в Грузии, что объясняется, во-первых, исторически сложившимися границами, во-вторых, историческими миграциями (напр., кавказских народов в Турцию в кон. 19 в.), в-третьих, миграцией внутри быв. СССР. Последняя причина во многом обусловила наличие в России официальных языков других государств, в основном республик, входивших ранее в СССР: укр. язык (4 362 872 чел./42,9%), белорус. язык (1 206 222 чел./36,2%), казах. язык (635 865 чел./87,9%), арм. язык (532 390 чел./67,9%), азерб. язык (335 889 чел./84,2%) и др., а также нем. язык (842 295 чел./41,8%), греч., болг., фин. и нек-рые другие языки.

В структурном отношении Я. н. Р. довольно разнообразны. По морфологической классификации они относятся к агглютинативным (в наибольшей степени черты агглютинативности проявляются в алтайских языках, несколько в меньшей – в уральских языках) и флективным языкам (напр., славянские). Северокавказские языки наряду с агглютинативными содержат и ряд флективных черт. Типологической спецификой обладают также инкорпорирующие языки (чукотско-камчатские), включающие в состав глагольной словоформы обозначение прямого объ-

екта, а также полисинтетические (абхазо-адыгские), в к-рых практически все имеющиеся между членами предложения отношения передаются с помощью глагольных аффиксов.

Большинство Я. н. Р. имеет письменность и преподаётся в школе (начальной или средней). Нек-рые из них имели определённую письменную традицию уже в 19 в.– на рус. графической основе (нек-рые финно-угорские языки) или на араб. графической основе (напр., тат. и другие тюрк. языки, языки Дагестана). Ныне основная масса Я. н. Р. имеет алфавиты на рус. графической основе, созданные в 30-х гг. 20 в. (для нек-рых языков алфавиты были созданы в 19 в.). Нек-рые языки малочисленных народов получили письменность только в кон. 80-х – нач. 90-х гг. 20 в., в т. ч. на лат. графической основе (карел., вепсский языки). Делаются также попытки смены рус. графической основы на латинскую.

Рус. язык – гос. язык РФ – имеет древнюю письменную традицию (см. Русский язык).

В годы т. н. развитого социализма под лозунгом равноправного развития языков народов СССР проводилась языковая политика, к-рая по существу вела к русификации, политика, в результате к-рой практически все языки подвергались мощному воздействию со стороны рус. языка и, кроме того, всё более сужали сферу употребления. В 90-х гг. 20 в. проявляется устойчивая тенденция к национальному возрождению: многие языки получают статус гос. языков республик в составе РФ наряду с русским. Проблемы языка выделены и в законодательстве о малочисленных народах РФ. Проблемами научного исследования Я. н. Р. занимаются многие научные центры, в т. ч. созданный в 1993 Ин-т языков народов России (с 1995 Ин-т народов России). С 1994 выходит ж. «Родной язык».

Лит.: Языки народов СССР, т. 1–5, М.– Л., 1966 68; Численность и состав населения СССР, М., 1989 (ЦСУ СССР); Языковая ситуация в Рос. Федерации: 1992, М., 1992; Красная кн. языков народов России, М., 1994; Гос. языки в Рос Федерации, М , 1995. *М. Е. Алексеев.*

Языкова́я ли́чность – 1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения ви́дения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире; 2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов.

Потребность в понятии и рабочем термине «Я. л.» проявилась в 80-х гг. 20 в. Приоритет его разработки и использования принадлежит рус. лингвистике, хотя идея рассматривать существование и функционирование языка в связи с его носителем – человеком всегда была присуща языкознанию и является, по-видимому, столь же древней, как сама эта наука. Исторические предпосылки возникновения соответствующей теории можно проследить начиная с 19 в. Из трудов В. фон Гумбольдта, трактовавшего язык как «орган внутреннего бытия человека» и как выразитель духа и характера народа, нации, вытекает обобщённое понимание Я. л. и как представителя рода homo sapiens, умеющего соединять мысль со звуком и использовать результаты этой деятельности духа для общения, и как национальной Я. л., т. е. носителя языка – совокупного представителя своего народа. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал в 1899: «Человеческий язык, человеческая речь существует только в мозгу, только в "душе" человека, а основная жизнь языка заключается в ассоциации представлений в самых различных направлениях». Уже в нач. 20 в. А. А. Шахматов утверждал, что «реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией». Сам термин «Я. л.» впервые употреблён В. В. Виноградовым в 1930 в книге «О художественной прозе».

В совр. научном знании тот фон, на к-ром происходило становление теории Я. л., характеризуется след. особенностями: смещением фокуса интереса во всех гуманитарных областях от элитарного человека к простому смертному, от авторитета к миноритету и от эпохального исторического времени к повседневности и обыденности; оживлением интереса к проблеме способов существования языка (язык-система, язык-текст, язык-способность), а также успехами психолингвистики (см.) в изучении языковой способности человека. Под Я. л., т. о., потенциально понимается любой носитель языка, а способ представления (изучения и описания) Я. л. предполагает воссоздание её структуры на основе производимых и воспринимаемых ею текстов.

В самом содержании термина «Я. л.» содержится идея получения – на основе анализа «языка» (а точнее, текстов) – выводного знания о «личности»: а) как индивидууме и авторе этих текстов, со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в неё речевого коллектива, совокупном или усреднённом носителе данного языка; в) как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством к-рого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка. Соответственно комплексность подхода к исследованию языка через Я. л. проявляется в том, что язык в этом случае предстаёт и как система, и как текст, и как способность.

К Я. л. как лингвистическому объекту исследователи приходят разными путями: психолингвистическим – от изучения психологии языка, ре-

чи и речевой деятельности в нормальном и изменённых состояниях сознания, в т. ч. афазий разного рода; лингводидактическим – от анализа процессов научения языку и языкового онтогенеза; чисто филологическим – от изучения языка художественной лит-ры. Исследования, связанные с Я. л., характеризуются широким применением разнообразных экспериментальных методов: ассоциативных экспериментов, анализа пересказов текстов, метода семантического дифференциала, анализа записей речи одного дня личности, записей детской речи, анализа деятельности устных и письменных переводчиков, анализа статистически достоверных самонаблюдений носителей над своей письменной речью, экспериментов по восстановлению деграмматикализованных текстов и др. Из традиционно устоявшихся в сфере собственно филологии направлений в изучении текстов к изложенному пониманию Я. л. ближе всего стоят такие, как «язык писателя» и «речевой портрет» персонажа художественного произведения или реального «человека с улицы». Синонимическими и квазисинонимическими терминами по отношению к Я. л. являются: субъект (осмысливший мир и отразивший его в своей речи); индивид; автор текста; носитель языка; информант; активный информант; пассивный информант; говорящий; слушающий; речевой портрет; идиолект; образ автора.

Структура Я. л. складывается из трёх уровней – вербально-грамматического, когнитивного и прагматического. Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц, к-рые в совокупности охватывают все используемые при изучении языка единицы, своеобразно перераспределяя их соответственно специфике названных уровней. К вербально-грамматическому уровню относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка,– слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т. д. В качестве единиц когнитивного уровня, организующих статичную и относительно стабильную картину мира носителя языка, выступают: денотат, сигнификат, экстенсионал и интенсионал понятия, фрейм, генерализованное высказывание (т. е. афоризм, сентенция, поговорка и т. п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ (живая, «кинематографическая» картинка), каламбур и др. В состав единиц прагматического уровня, отражающего интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и, соответственно, динамику его картины мира, включаются пресуппозиция, дейксис, элементы рефлексии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программа поведения.

Опыты реконструкции Я. л. («типы монолога в художественной прозе») содержатся, напр., в работах В. В. Виноградова о языке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, в его книге «О художественной прозе» (речи адвоката Спасовича), в книге Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (дискурс Шохова – персонажа романа А. Приставкина «Городок»), в книге «Язык и личность» под ред. Д. Н. Шмелёва (раздел «Опыт описания языковой личности. А. А. Реформатский») и др. К воссозданию языковой личности непосредственное отношение имеют словари языка писателей, но также и другие словари, напр. «Мотивационный диалектный словарь», в к-ром раскрываются приёмы языковой рефлексии наивно-говорящего – усреднённой языковой личности носителя языка (диалекта) – в поисках мотиватора внутренней формы слова, напр.: *«Лисички [грибы], они желты, как лисица, вот и зовут так»*.

Лит.: Шахматов А. А., Очерк совр. рус. лит. языка, Л , 1925; Виноградов В. В., О художественной прозе, М.–Л., 1930; Словарь языка Пушкина, т. 1–4, М , 1956–61; Тимофеев В. П., Диалектный словарь личности, Шадринск, 1971; Будагов Р. А., Человек и его язык, М., 1974; Мотивационный диалектный словарь, под ред. О. И. Блиновой, т. 1–2, Томск, 1982–83; Богин Г. И., Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов, Л., 1984; Колесов В. В., Мир человека в слове Древней Руси, Л., 1986; Караулов Ю Н., Рус. язык и языковая личность, М., 1987; его же, Словарь Пушкина и эволюция рус. языковой способности, М., 1992; его же, Рус. ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности, в кн.: Ассоциативный тезаурус совр. рус. языка. Рус. ассоциативный словарь, кн. 1, М., 1994; Язык и личность, под ред. Д. Н. Шмелева, М., 1989; Залевская А. А., Слово в лексиконе человека, Воронеж, 1990; Языковая личность: проблемы значения и смысла. Сб. научных тр., Волгоград, 1994; Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте. Сб. научных тр., Новосибирск, 1994; Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Тезисы докладов международной научной конференции, Екатеринбург, 1995; Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., Рус. речевой портрет. Фонохрестоматия, М., 1995; Петков С., Език и личност. Въздействия, Благоевград, 1983; Bierwisch M., Essays in Psycology of Language, в кн.: Linguistische Studien: Reihe A. Arbeitsberichte 114, Berlin, 1983; Coseriu E., El hombre y su lenguaje, Madrid, 1985; Hagège C., L'homme de parole, в кн.: Contribution linguistique aux science humaines, P., 1985; Nowak E., Sprache und Individualität, в кн.: Die Bedeutung individueller Rede für die Sprachwissenschaft, Tübingen, 1983; Volkov V., Pragmaštylistika textu, Košice, 1992 *Ю. Н. Караулов.*

Языкозна́ние, лингвистика, языковедение,– наука о языке (см.). Объектом Я. является язык во всём объёме его свойств и функций, строение, функционирование и историческое развитие языка. Однако в качестве непосредственного предмета Я. в разные эпохи выдвигались различные стороны объекта. С классической древности до нач. 19 в. Я. ещё не отделилось от логики и предметом его (как части тогдашней логики и философии) считались единые общечеловеческие способы выражения мысли. В 19 в. Я. вполне обособляется, вырабатывается эволюционный взгляд на язык; предметом Я. становятся различные языки в их истории. В 20 в. Я. изучает язык как универсальную, неотъемлемую принадлежность человека и языки

в их многообразных, конкретно-исторических формах.

Система языковедческих дисциплин. Совр. Я. соответственно особенности объекта разделяется на общее языкознание, имеющее предметом общие законы строения и развития языка, и частные области Я., изучающие отдельные языки или их группы или семьи, напр. рус. Я., или русистика, романское Я., или романистика, и т. д. Состав частных областей Я. расширяется: развивается типология языков – учение о наиболее общих явлениях в языках и о языковых типах, начатая ещё в классификациях языков в нач. 19 в. и занимающая промежуточное положение между общим Я. и частными областями Я.; в 1-й пол. 20 в. сложилась ареальная лингвистика – изучение смежных языковых групп, распространённых на одной территории, независимо от их генетической близости (родства); к 80-м гг. 20 в. оформилось изучение отдалённых родственных отношений между разными семьями языков – индоевропейской, урало-алтайской, семито-хамитской (называемое также ностратикой), отношений между индейскими языками Америки, и т. д. К частным областям Я. относится интерлингвистика (см.) – изучение и конструирование искусственных языков («семей» искусственных языков и отношений между ними) – т. н. планируемых языков для общения «человек – человек» (типа эсперанто, идо и др.). Конструирование и изучение языков для общения человека с машиной (компьютером) и для машин (компьютеров) выделилось в особую пограничную дисциплину.

В совр. Я. сохраняется традиционно сложившееся разделение дисциплин. 1) Дисциплины о внутреннем устройстве языка, или «внутренняя лингвистика»: фонетика и фонология (с выделением просодии), грамматика, с подразделением на морфологию и синтаксис (иногда с выделением морфонологии и словообразования), лексикология (с выделением фразеологии), семантика (иногда с выделением семасиологии и теории референции), стилистика, типология. 2) Дисциплины об историческом развитии языка: история языка, историческая грамматика (иногда в широком значении истории языка), сравнительно-историческая грамматика, история лит. языков, этимология. 3) Дисциплины о функционировании языка в обществе, или «внешняя лингвистика»: диалектология, лингвистическая география, ареальная лингвистика, социолингвистика. 4) Дисциплины, занимающиеся комплексными проблемами и возникающие на стыке наук: психолингвистика, математическая лингвистика (к-рая рассматривается и как отрасль математики), компьютерная лингвистика, инженерная лингвистика (к-рая рассматривается и как прикладная дисциплина). 5) Прикладные лингвистические дисциплины: экспериментальная фонетика, лексикография, лингвостатистика, палеография, история письменностей, лингвистическая дешифровка неизвестных письменностей и др. В практике лингвистических исследований такое разделение бывает условным, т. к. указанные дисциплины тесно связаны между собой.

Краткий исторический очерк. Древний этап Я. (Древняя Греция и Древняя Индия) характеризуется господством логического направления. Анализ языка – лишь подсобное средство логики; язык рассматривается как средство формирования и выражения мысли – господствуют т. н. орудийные концепции языка. Первое специальное сочинение по Я. в европейской науке – диалог Платона (428 или 427 до н. э.– 348 или 347 до н. э.) «Кратил». Однако языковедческий интерес представляет также способ построения Платоном его общей философской системы (особенно в диалогах «Софист» и «Парменид»). Аристотель (384–322 до н. э.) в работах «Категория», «Об истолковании», «Топика» изложил цельную логико-языковую концепцию. Десять категорий Аристотеля (сущность, количество, качество, отношение и т. д.) – не что иное, как построенный в строгой иерархии список всех форм сказуемого, к-рые могут встретиться в простом предложении др.-греч. языка. Основным типом суждения Аристотель считал высказывание «существительное-субъект – существительное-предикат» [напр., *Человек бежит* как *«Человек есть бегущее»* (существо)], другие типы суждений-высказываний он рассматривал как трансформации основного типа. Аристотель первым из античных мыслителей подошёл к проблеме грамматической формы, развивал учение о частях речи. Концепция Аристотеля была продолжена в европейской логике и грамматике средневековья. Нек-рые грамматические термины в рус. грамматике – кальки введённых им терминов.

Отличную линию проводили философы-стоики. Стоики (начиная с Древней Стои 3–2 вв. до н. э.– Зенон, Клеанф, Хрисипп и др.) впервые открыли, что у высказывания два предмета: во-первых, вещь, объект реального мира («тело»; в терминологии логики и Я. 20 в.– «предмет обозначения», «денотат», «значение», «экстенсионал»); во-вторых, некая специфическая мыслительная сущность («лектон»; в терминологии логики и Я. 20 в.– «сигнификат», «смысл», «интенсионал»). Стоики заложили основы учения о семантическом синтаксисе, закончили классификацию частей речи.

В отличие от Платона, Аристотеля и стоиков др.-инд. грамматик Панини (5–4 вв. до н. э.) рассматривал язык как таковой, притом гл. обр. в формальном отношении. Его нормативная грамматика «Аштадхьяи» («Восьмикнижие») исчерпывающе описывает фонетику, морфологию, морфонологию, словообразование и элементы синтаксиса др.-инд. языка. Панини впервые и

лингвистически точно ввёл понятия исходиой формы (корня), порождения, морфонологии, нулевого элемента; он первым стал пользоваться условным символическим языком описания. Сочинение Панини возникло в русле богатейшей инд. традиции и в свою очередь оказало влияние на формирование последующих инд. школ (Чандрагомин, Нагеша Бхатта, Каунда Бхатта, Катьяяна, Патанджали, Бхартрихари и др.), а позднее (19 в.) и на Я. в целом.

Логическое направление в Я. получило завершение в логике и грамматике Пор-Рояля во Франции во 2-й пол. 17 в. и существовало вплоть до 19 в. Учёные древности исходили из форм родного языка (др.-греч. или др.-инд.), учёные Пор-Рояля стали считать логические формы языка, установленные ещё на греко-лат. материале,– понятие, суждение и девять частей речи – универсальными формами всех языков. Т. о., в рамках логического направления был сделан важный шаг к познанию языка как универсальной принадлежности человека. Национально-исторические особенности языков при этом рассматривались как предмет не науки, а грамматического и стилистического «искусства» (l'art). Концепция Пор-Рояля стала важным этапом в дальнейшем развитии универсальной грамматики, продолженной, в частности, в Копенгагенском лингвистическом кружке и других совр. направлениях Я.

Учёные Пор-Рояля имели предшественников, среди к-рых выделяются т. н. модисты (т. е. исследователи «модусов значений») 13–14 вв. и исп. языковед Санчес де лас Бросас (Санкций), автор универсальной грамматики «Минерва» (1587).

С иач. 19 в. формируется сравнительно-историческое Я., к-рое основывалось на след. принципах: 1) каждый язык имеет свои особенности, отличающие его от других языков; 2) эти особенности познаются в сравнении; 3) сравнение обнаруживает у нек-рых языков родство (см. Родство языковое); родственные языки группируются в языковые семьи (см. Семья языков); 4) различие родственных языков может быть объяснено только их непрерывным историческим изменением, что признаётся важнейшим свойством всякого языка; 5) звуки изменяются быстрее других элементов; их преобразования в пределах одной семьи строго закономерны (см. Звуковые законы); основные элементы языка (корни слов, флексии и аффиксы) сохраняют устойчивость, иногда на протяжении тысячелетий; по этим данным может быть реконструирована схема исходного общего языка, «праязыка» (первоначально полагали, что возможно восстановление «праязыка» в целом).

Первые идеи сравнительно-исторического Я. были сформулированы дат. языковедом Р. К. Раском (1818) и нем. лингвистом Ф. Боппом (1816), в России А. Х. Востоковым, к-рый в сравнительно-историческом плане исследовал грамматику и лексику ст.-слав. языка, рус. стихосложение. На протяжении 19 в. создаются сравнительно-исторические грамматики: германских языков (Я. Гримм), романских языков (Ф. Диц, затем В. Мейер-Любке), слав. языков (Ф. Миклошич), а также обобщающие труды – грамматики индоевропейских языков Боппа (1833–49, 1856–61), А. Шлейхера (1861–62), К. Бругмана и Б. Дельбрюка (1886–1900). В этом русле созданы и основополагающие теоретические исследования Я. Ваккернагеля, А. Мейе, Ф. Ф. Фортунатова, Г. Хирта и др.

В области общей теории языка сравнительно-историческое Я. претерпело сложную эволюцию – от чисто языкового сравнения у Раска, Боппа, Гримма, Востокова к «биологическому натурализму» Шлейхера (под влиянием идей дарвинизма) и далее к психологизму (Х. Штейнталь и др.). Рус. лингвисты кон. 19 – нач. 20 вв. А. А. Шахматов, Фортунатов, В. К. Поржезинский, а также К. Буга в Литве, Я. Эндзелин в Латвии, Р. Ачарян в Армении, взгляды к-рых были близки к младограмматизму, стали основоположниками национальных школ сравнительно-исторического Я. и составили основу совр. единой вост.-европейской сравнительно-исторической языковедческой школы. Сравнительно-историческое Я. продолжает успешно развиваться, вовлекая в свою орбиту типологию языков и историю культуры (напр., работы К. Уоткинса, У. Лемана, Э. Поломе в США; Ф. Бадер во Франции; Т. Гамкрелидзе в Грузии; Г. Джаукяна в Армении; В. Мажюлиса в Литве; Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачёва и др. в России).

В психологическом направлении Я., возникшем в недрах сравнительно-исторического Я. в 50-х гг. 19 в. под влиянием философии языка В. фон Гумбольдта, к.-л. существенные связи языка с логикой отрицались, единство человеческого языка объяснялось единством законов психики, а разнообразие языков – особенностями психологии различных народов (работы Штейнталя и др.). К этому направлению примыкал создатель одной из крупнейших школ в Я. 19 в. укр. и рус. учёный А. А. Потебня (см. Харьковская лингвистическая школа). Согласно его концепции, исследование языка открывает единые принципы осознания человеком объективного мира в самом языке, психике, мышлении и художественном творчестве. На этой основе Потебня разработал по существу первую концепцию семантических трансформаций, охватывающих как слово («внутренняя форма слова»), так и предложение («замены частей речи»).

В кон. 19 в. формируется новое течение – младограмматизм, первоначально в Германии (работы Бругмана, Г. Остхофа, Г. Пауля). Младограмматики исследовали звуковые процес-

сы, детально разработали реконструкцию морфологии. Однако постоянное удвоение предмета исследования – с одной стороны, язык, с другой – психика (звук и «психическое представление звука», значение и «психическое представление значения» и т. д.); раздробление системы языка на море «атомарных фактов» – звуков, словоформ и т. д.; преувеличение роли индивидуальной психологии и индивидуальной речи, в силу чего единственной подлинной реальностью стала признаваться речь индивида,– всё это привело к кризису младограмматизма.

Фортунатов, противопоставивший психологизму младограмматиков необходимость поиска собственно лингвистических, «формальных» критериев при исследовании языка для всех областей Я. и, в отличие от младограмматиков, уделявший особое внимание структурной и знаковой стороне языка, стал основоположником особого направления в Я., т. н. формальной школы в рус. Я. (см. Московская фортунатовская школа).

Новое направление – **лингвистический структурализм** – возникло в нач. 20 в. с появлением книги Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» (посмертное, неавторизованное изд. 1916). Это направление начало складываться в общем русле структурализма, охватившего разные области: психологию (гештальтпсихология), теорию лит-ры и искусства (формальная школа) и др. В Я. оно было подготовлено деятельностью Казанской школы в России (см. Казанская лингвистическая школа), гл. обр. трудами И. А. Бодуэна де Куртенэ, к-рый наравне с Соссюром считается предшественником структурализма в Я., Н. В. Крушевского и др.

Структурное направление в Я. развивалось различными путями в разных национальных школах, к-рые, однако, в теоретическом отношении выступают как дополнительные одна к другой. В **Пражской лингвистической школе** (1920–38) совместными трудами рус. и чеш. лингвистов: Н. С. Трубецкого, В. Матезиуса, Р. Якобсона, Б. Трнки, Б. Гавранека, Я. Мукаржовского, Й. Вахека, В. Скалички и др.– была разработана структурная фонология, по образцу к-рой стало формироваться описание и других сфер языка. В американской структурной лингвистике, т. н. **дескриптивизме** (20–60-е гг. 20 в.), в трудах Ф. Боаса, Э. Сепира, Л. Блумфилда, К. Л. Пайка, З. З. Харриса и др. были разработаны приёмы формального метода (дистрибутивный анализ). Методика дистрибутивного анализа в трудах многих учёных применяется как необходимый этап описания языка (ср. работы М. В. Панова, Ю. Д. Апресяна и др. на материале рус. языка). В **Копенгагенском лингвистическом кружке** (с сер. 30-х до 60-х гг. 20 в.) в исследованиях Л. Ельмслева, В. Брёндаля, Х. Ульдалля, К. Тогебю и др. была предпринята коренная реформа лингвистического метода и теории – попытка перестроить их на основе примата чистых отношений; не приведя к полному успеху, эта попытка, однако, способствовала соединению абстрактной теории языка с математикой и семиотикой (см.).

В рос. лингвистике в 70–80-х гг. 20 в. идеи этого направления были использованы Ю. К. Лекомцевым в развитом им формальном и математическом направлении Я., в к-ром была создана формальная теория различения лингвистических элементов и формальный синтаксис, а также осуществлён частичный перевод языка лингвистики на язык классической математики.

С сер. 60-х гг. 20 в. в Я. под влиянием идей математической логики и математики возникает новое направление – **конструктивизм**. Его основной принцип – требование конструктивности: объект может быть принят как объект теории только в том случае, если учёный может его построить или смоделировать. На основе идей конструктивизма (напр., понятия алгоритма) как его разновидность в Я. возникла **теория порождающих, или генеративных, грамматик**, наиболее полно представленная работами Н. Хомского и его последователей начиная с 60-х гг. 20 в. в США, С. К. Шаумяна в СССР, а также новые направления формального анализа языка в работах И. А. Мельчука в СССР и Канаде, Апресяна и др. в России.

Особое направление конструктивизм принял в русистике 90-х гг. 20 в. в связи с применением машин (компьютеров) при исследовании языкового материала и «языковой личности» (работы Ю. Н. Караулова и др.). «Компьютерная революция» реформировала методику лингвистических исследований, стало возможным составление глобальных словарей–тезаурусов, напр. всего др.-греч. языка (в США), и быстрое решение лингвистических задач на этой базе данных. Радикально изменился взгляд на теорию Я. в связи с её компьютеризацией, в Я. возникли многочисленные новые течения: в США – функционализм; категориальные грамматики; теория прототипов; интерпретационизм (в России – работы В. З. Демьянкова), когнитивная семантика.

В России развиваются также такие новые направления, как логический анализ языка (В. В. Петров, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Т. В. Булыгина и др.), концептуальный анализ (Ю. С. Степанов, Арутюнова и др.), функциональная грамматика (А. В. Бондарко и др.).

В России после Окт. революции 1917 учёные, многие из к-рых в своих исследованиях основывались на идеях марксизма, стремились развивать Я. как синтез достижений предшествующих и совр. школ. Этому способствовали объективные условия: в области материала – разнообразие языковых типов и семей, создание письменностей для бесписьменных языков (т. н. языковое строи-

тельство); в сфере теории – материалистические тенденции рус. Я. 19 в., в особенности Казанской школы, и отчасти философские положения марксизма. В этот период сложились такие темы отечественного Я., как язык и общество (работы Р. О. Шор, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Л. П. Якубинского, В. М. Жирмунского, Г. О. Винокура и др.); язык и мышление (работы И. И. Мещанинова, психолога Л. С. Выготского и др.). В области внутренней лингвистики в сов. Я. были созданы три крупнейшие концепции в Я. 20 в.: типология И. И. Мещанинова, теория фонологии, грамматики и словарей Л. В. Щербы, теория рус. языка, лит. языков, стилистики и поэтики В. В. Виноградова.

Я. 2-й пол. 20 в. благодаря своим открытиям в области синтаксиса, семантики и этимологии и гл. обр. благодаря своим методам оказывает большое влияние на смежные дисциплины и науки – антропологию, этнографию, психологию, литературоведение, поэтику, сравнительную мифологию, историю культуры, конкретную социологию, политологию и новую область знания – когнитологию, изучающую операции человека со знаниями в совр. обстановке «компьютерной революции».

Лит.: Филол. наблюдения А. Х. Востокова (изд. Срезневским), СПБ, 1865; Булич С. К., Очерк истории языкознания в России, СПБ, 1904; Античные теории языка и стиля, М.– Л., 1936; Мейе А., Сравнительный метод в историческом языкознании, пер. с франц., М., 1954; Пауль Г., Принципы истории языка, пер. с нем., М., 1960; Хомский Н., Синтаксические структуры, пер. с англ., в кн.: НЛ, в. 2, М., 1962; Звегинцев В. А., История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 1–2, М., 1964–65; Основные направления структурализма, М., 1964; Макаев Э. А., Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М., 1964; его же, Общая теория сравнительного языкознания, М., 1977; Шаумян С. К., Структурная лингвистика, М., 1965; Апресян Ю. Д., Идеи и методы совр. структурной лингвистики, М., 1966; Сов. языкознание за 50 лет, М., 1967; Бенвенист Э., Общая лингвистика, пер. с франц., М., 1974; Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В., Очерки по истории лингвистики, М., 1975; Слюсарева Н. А., Теория Ф. де Соссюра в свете совр. лингвистики, М., 1975; Степанов Ю. С., Методы и принципы совр. лингвистики, М., 1975; Березин Ф. М., Рус. языкознание кон. XIX – нач. XX вв., М., 1976; Ревзин И. И., Совр. структурная лингвистика, М., 1977; Лайонз Дж., Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ., М., 1978; Пиотровский Р. Г., Инженерная лингвистика и теория языка, Л., 1979; Демьянков В. З., Англо-рус. термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста. Порождающая грамматика, М., 1979; История лингвистических учений. Древний мир, Л., 1980; Климов Г. А., Типологические исследования в СССР (20–40-е годы), М., 1981; Караулов Ю. Н., Лингвистическое конструирование и тезаурус лит. языка, М., 1981; его же, Рус. язык и языковая личность, М., 1987; Методы анализа текста, в. 2, М., 1982 (Всесоюзный центр переводов научно-технической лит-ры и документации. Тетради новых терминов, № 23 и № 39); Лекомцев Ю. К., Введение в формальный язык лингвистики, М., 1983; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс., Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, [ч.] 1, Тб., 1984; Бондарко А. В., Функциональная грамматика, Л., 1984; Якобсон Р., Избр. работы, пер. с англ., нем., франц., М., 1985; История лингвистических учений. Средневековая Европа, Л., 1985; История лингвистических учений Средневековый Восток, Л., 1985; Грамматическая концепция в языкознании XIX века, Л., 1985; Малявина Л. А., У истоков языкознания нового времени (Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.), М., 1985; Бокадорова Н. Ю., Франц. лингвистическая традиция XVIII – нач. XIX вв. Структура знания о языке, М., 1987; Язык и моделирование социального взаимодействия, М., 1987; Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля, пер. с франц., М., 1990; Шведова Н. Ю., Белоусова А. С., Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий, М., 1995; Язык и наука конца 20 в., под ред. Ю. С. Степанова, М., 1995; Robins R. H., Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe..., L., 1951; Mounin G., Histoire de la linguistique des origines au XX siècle, P., 1967; [3 éd.], P., 1974; его же, La linguistique au XX-e siècle, [P.], 1972; 2 ed., [B.], 1975; Bursill-Hall G. L., Speculative grammars of the Middle Ages, The Hague – P., 1971.

Ю. С. Степанов.

Я́канье – тип безударного вокализма (см.) русских говоров; совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных гласных фонем неверхнего подъёма всегда или в части позиций в звуке [*а*]: *н’асу́, л’аса́, п’ата́к* при *н’ос* (или *н’ес*), *л’ес* (или *л’ѣс*), *п’а̀тый*. Выделяются три основных типа Я.: сильное, умеренное и диссимилятивное. При сильном Я. в 1-м предударном слоге на месте гласных фонем неверхнего подъёма произносится всегда [*а*]: *н’асу́, н’асла́, н’ас’и̂, в л’асу́, л’аса́, л’ас’и̂на, п’атку́, п’ата́к, п’ат’и̂* и т. п. При умеренном и диссимилятивном Я. в 1-м предударном слоге кроме [*а*] произносится также [*и*] или [*е*]. Умеренное Я. характеризуется зависимостью предударного гласного от качества след. согласного: перед твёрдым согласным произносится [*а*], перед мягким согласным – [*и*] или [*е*]: *н’асу́, н’асла́, в л’асу́, л’аса́, п’атку́, п’ата́к – н’ис’и̂, л’ис’и́на, п’ит’и́* или *н’ес’и́, л’ес’и̂на, п’ет’и́*. Диссимилятивное Я. характеризуется зависимостью предударного гласного от качества ударного гласного. При этом наблюдается диссимиляция, расподобление ударного и предударного гласных по подъёму: перед гласным верхнего подъёма [*и, ы, у*] произносится гласный нижнего подъёма [*а*], перед гласным нижнего подъёма произносится гласный верхнего подъёма [*и*] или среднего подъёма [*е*]: *н’асу́, н’ас’и́, в л’асу́, л’асны́х, л’ас’и̂на, п’атку́, п’аты̂, п’ат’и̂ – н’исла́, л’иса́, п’ита́к*, гораздо реже *н’есла́, л’еса́, п’ета́к*. Гласные верхнесреднего подъёма ⟨ω, ѣ⟩ и среднего подъёма ⟨*о, е*⟩, а также ⟨’о⟩ после мягкого согласного могут при этом функционировать по-разному: одни из них – как гласные верхнего подъёма, перед ними произносится [*а*], другие – как гласные нижнего подъёма, перед ними произносится [*и*(*е*)]. В зависимости от этого выделяется несколько типов диссимилятивного Я. Различия между ⟨ω⟩ и ⟨*о*⟩ и/или ⟨ѣ⟩ и ⟨*е*⟩ во многих говорах утрачены, и на месте этих четырёх фонем выступают три или две фонемы. Отсутствие этих различий, по мне-

иию многих лингвистов, привело к формированию нек-рых типов диссимилятивиого Я.

Архаический тип. Обоянский подтип: [*а*] произносится перед ⟨ω, ѣ⟩ – [*и*] перед ⟨о, е,’о⟩: *с’алώ, б’алώ, р’аднώ, пр’и с’ал’ѣ, б’ал’ѣт’ на р’ад’н’ѣ – с’илóм, б’илóк, р’иднóм, с’ил’éн’ий, д’ит’éй, кн’из’éй, с’ил’óтка, зв’ир’óк, п’ит’óрка*. Задонский подтип отличается от обоянского только произношением [*е*] вместо [*и*]: *с’елóм, б’елóк* и т. п.

Щигровский тип: [*а*] перед ⟨*о*, ѣ⟩ – [*и*] перед ⟨*е*,’*о*⟩: *с’алó, с’алóм, пр’и с’ал’ѣ – с’ил’éн’ий, с’ил’óтка*.

Суджанский тип: [*а*] перед ⟨*о*⟩ – [*и*] перед ⟨*е*, ’о⟩: *с’алó, с’алóм – пр’и сил’é, с’ил’éн’ий, с’ил’отка*.

Дмитровский тип: [*а*] перед ⟨ώ⟩ – [*и*] перед ⟨*о*, *е*, ’*о*⟩: *с’алώ – с’илóм, пр’и с’ил’é, с’ил’éн’ий, с’ил’отка*.

Мосальский, или витебский, тип: [*а*] перед ⟨*о*,’*о*⟩ – [*и*] перед ⟨*е*⟩: *с’алó, с’алóм, с’ал’óтка – пр’и с’ил’é, с’ил’éн’ий*.

Жиздринский, или белорусский, тип: только [*а*] перед ⟨*о*, *е*, ’*о*⟩: *с’алó, с’алóм, пр’и с’ал’é, с’ал’éн’ий, с’ал’óтка*.

Донской тип: только [*и*] перед ⟨*о*, *е*, ’*о*⟩: *с’илó, с’илóм, пр’и с’ил’é, с’ил’éн’ий, с’ил’óтка*.

Совпадение ударных ⟨ω⟩ и ⟨*о*⟩, ⟨ѣ⟩ и ⟨*е*⟩ привело к утрате позиционной обусловленности предударных [*а*] и [*и*], к-рые стали выступать перед одной и той же ударной гласной. Произошло закрепление, лексикализация членов чередования ⟨*а*⟩//⟨*и*⟩ в разных словах: *д’ир’éв’н’а, н’ад’éл’а* или морфологизация этого чередования в разных формах одного слова: *с’алó – с’илóм, р’аднó – р’иднóм* и т. п.

Кроме основных типов Я. существуют более сложные типы, характеризующиеся не одним, а двумя разными принципами, определяющими произношение [*а*] или [*и*] в предударном слоге. Так, на разные типы Я. может как бы накладываться принцип ассимилятивности, определяющий произношение [*а*] перед ударным [*а*]: *с’алá, б’алкá, р’аднá, д’ас’áтка, стр’ал’áт’, з’ат’ŭá*. Ассимилятивно-диссимилятивное Я. характеризуется принципом ассимилятивности при ударном [*а*] и принципом диссимилятивности в той или иной разновидности при других ударных гласных. Ассимилятивно-умеренное Я. отличается от умеренного Я. произношением предударного [*а*] не только перед твёрдым согласным, но и перед ударным [*а*] перед мягким согласным. Ассимилятивное Я. характеризуется сочетанием ассимилятивности перед [*а*] с иканьем (см.), т. е. произношением [*а*] перед [*а*] и произношением [*и*] в остальных случаях. Возможно сочетание принципа диссимилятивности с принципом умеренного Я. При диссимилятивно-умеренном Я. диссимилятивность проявляется перед твёрдым согласным, а перед мягкими произносится всегда [*и*], как при умеренном Я. При умеренно-диссимилятивном Я. диссимилятивность проявляется перед мягкими согласными, а перед твёрдыми всегда произносится [*а*].

Я. свойственно большинству акающих говоров. Диссимилятивное Я. отмечается во всех говорах с диссимилятивным аканьем (см. Аканье) и в ряде говоров с недиссимилятивным аканьем и является характерной чертой говоров всей юго-зап. диалектной зоны; ассимилятивно-диссимилятивное Я. типично для рязанской группы говоров: сильное Я., определяющее псковскую группу говоров, известно также многим говорам Моск., Рязанской, Тульской, Орловской обл.; умеренное Я., отмечаемое преим. в говорах Моск. и Тверской обл., является также характерной чертой тульской группы говоров. Другие типы Я. встречаются гораздо реже.

Лит.: Аваиесов Р. И., Очерки рус. диалектологии, ч 1, М., 1949; его же, Рус. лит. и диалектная фонетика, М., 1974; Захарова К. Ф., Типы диссимилятивного яканья в рус. говорах, «ВЯ», 1971, № 2; Диалектологический атлас рус. языка. Центр Европейской части СССР, в. 1 – Фонетика, под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей, М., 1986; Рус. диалектология, под ред. Л. Л. Касаткина, 2 изд., М., 1989.

Л. Л. Касаткин.

Ять – буква кириллического (см. Кириллица) и русского гражданского алфавита (ѣ), служившая первоначально для обозначения особого гласного [*ě*] – [*ê*] закрытого или дифтонга [*u͡e*], характерного для фонетической системы др.-рус. языка. Этот звук выступал во многих корнях слов (напр.: *бѣлый, бѣсъ, лѣсъ, вѣсъ, дѣло, мѣна, мѣра, пѣти, рѣзати, сѣсти, тѣло* и др.) и в нек-рых морфологических формах (напр., в дат. и предл. п. ед. ч. существительных жен. рода: *женѣ, сестрѣ*; в предл. п. ед. ч. существительных муж. рода: *столѣ, о бозѣ*; в сравнительной степени прилагательных: *скорѣе, скорѣиши*; как основа неопределённой формы глагола: *видѣти, горѣти* и др.). В системе др.-рус. языка звук, обозначавшийся буквой «ять», являлся самостоятельной фонемой (см. Вокализм, Древнерусский язык).

В истории рус. языка звук «ять» пережил разные изменения: в одних говорах (напр., новгородских) он изменился в [*и*], в других (напр., во многих южно- и ср.-рус.) совпал с [*е*], в третьих (напр., в нек-рых севернорус.) сохранился как особый гласный.

В моск. говоре, лёгшем в основу устной формы рус. лит. языка, звук [*ě*] к 18 в. стал произноситься как [*е*], и в связи с этим буква ѣ перестала обозначать особый гласный, т. е. потеряла звуковое значение, сохраняясь в алфавите лишь по традиции. Реформой орфографии 1917–18 буква ѣ была исключена из рус. алфавита; на её месте стали писать букву *е*.

В. В. Иванов.

Предметный указатель

Составитель Л.И. Лебедева

В предметный указатель включены следующие виды терминов: общеупотребительные лингвистические термины, термины, употребляемые различными школами и направлениями или отдельными учёными. Кроме того, в указатель включены наиболее употребительные слова и словосочетания метаязыка лингвистики.

Названия статей, содержащихся в основном корпусе энциклопедии, в указателе выделены полужирным шрифтом. При каждом слове даны только те страницы, где слово имеет подробное или краткое толкование.

А

Д

Е, Ё

Ж

З

И, Й

К

Л

М

Н

О

П

С

Т

У

Ф

Х, Ц

Ч

Ш, Щ

Ъ, Ы, Ь

Э

Ю

Я

Аннотированный именной указатель

Составитель Л. И. Лебедева

В именной указатель включены фамилии языковедов, упомянутые в статьях Энциклопедии, и (в ряде случаев) имена учёных других специальностей, внёсших серьёзный вклад в развитие русистики и в целом языкознания.

В указателе даны в алфавитном порядке фамилии (для иностранных учёных в скобках приводится оригинальное написание, исключая иероглифические и некоторые другие сложные для воспроизведения алфавиты), имя (и, если есть, отчество; при необходимости в скобках указывается вариант имени), год рождения или годы жизни (иногда только год смерти, если год рождения неизвестен) и страна (страны), где работал или продолжает работать учёный. Отсутствие указания на страну (при раскрытых именах) означает, что данный учёный работал (до 1917) в Российском государстве, в 1917–91 – в СССР, после 1991 работал или работает в Российской Федерации. В ряде случаев, если составитель не смог определить страну, в которой работал учёный, указывается характер деятельности последнего.

К сожалению, составитель далеко не во всех случаях мог привести такие данные – сказывается недостаток справочной литературы. Составитель и Редакция будут благодарны за все замечания и поправки и особенно за сведения, которые восполнят имеющиеся в указателе пробелы.

В указателе вразрядку набраны варианты фамилий, псевдонимы и автонимы, а также – при наличии у зарубежных учёных нескольких собственных имён – то из них, которым обычно подписывались труды. В ряде случаев даны закурсивленные отсылки к основному варианту фамилии, расположенному в указателе на своём алфавитном месте.

Сокращения личных имён и отчеств

Абр. – Абрам
Авг. – Август
Ал. – Алексей
Ал-др(а) – Александр(а)
Амвр. – Амвросий
Анаст. – Анастасия
Анат. – Анатолий
Анд. – Андрей
Ант. – Антон(ина)
Арк. – Аркадий
Арн. – Арнольд
Арс. – Арсений
Арт. – Артемий
Арх. – Архип
Аф. – Афанасий
Богд. – Богдан
Бор. – Борис
Брон. – Бронислав(а)
Вад. – Вадим
Вал. – Валентин(а)
Валер. – Валериан, Валерий, Валерия
Варв. – Варвара
Варл. – Варла(а)м
Вас. – Василий
Вен. – Вениамин
Вик. – Викентий
Викт. – Виктор
Вис. – Виссарион
Вит. – Виталий
Вл. – Владимир
Влад. – Владислав
Вс. – Всеволод
Вяч. – Вячеслав
Гавр. – Гавриил
Гал. – Галина
Ген. – Геннадий
Георг. – Георгий
Гер. – Герасим
Герм. – Герман
Григ. – Григорий
Густ. – Густав
Дав. – Давид
Дан. – Даниил
Дем. – Демьян
Дм. – Дмитрий
Евг. – Евгений, Евгения
Евд. – Евдоким, Евдокия
Евс. – Евсей
Евст. – Евстигней
Евстаф. – Евстафий
Евф. – Евфимий
Ег. – Егор
Ек. – Екатерина
Ел. – Елена
Елиз. – Елизар, Елизавета
Ем. – Емельян
Ерм. – Ермил
Еф. – Ефим
Ефр. – Ефрем, Ефросинья
Зах. – Захар
Зин. – Зиновий, Зинаида
Ив. – Иван
Иг. – Игорь
Игн. – Игнатий
Из. – Изабелла
Изр. – Израиль
Ил. – Илья
Илл. – Илларион
Инн. – Иннокентий
Иос. – Иосиф
Ир. – Ирина, Ираида
Ис. – Исаак
Исид. – Исидор
Кап. – Капитолина
Кир. – Кирилл
Кл. – Клавдий, Клавдия
Клим. – Климент
Кондр. – Кондратий
Конст. – Константин
Куз. – Кузьма
Лавр. – Лаврентий
Лаз. – Лазарь
Лар. – Лариса, Ларион
Леон. – Леонид
Леонт. – Леонтий
Лид. – Лидия
Люб. – Любовь
Люд. – Людмила
Мак. – Макар
Макс. – Максим
Март. – Мартин, Мартьян
Марг. – Маргарита
Матв. – Матвей
Мел. – Мелитина
Митр. – Митрофан
Мих. – Михаил
Моис. – Моисей
Мст. – Мстислав
Над. – Надежда
Наз. – Назар
Нат. – Натан, Наталия
Ник. – Николай
Никан. – Никанор
Никиф. – Никифор
Никод. – Никодим
Пав. – Павел
Пант. – Пантелеймон
Плат. – Платон
Пол. – Поликарп, Полина
Прот. – Протасий
Раф. – Рафаил
Ром. – Роман
Сам. – Самуил
Самс. – Самсон
Свет. – Светлана
Свят. – Святослав
Сем. – Семён
Серг. – Сергей
Сераф. – Серафим(а)
Сол. – Соломон
Степ. – Степан
Там. – Тамара
Тат. – Татьяна
Тим. – Тимофей
Триф. – Трифон
Троф. – Трофим
Фёд. – Фёдор
Фил. – Филипп
Фридр. – Фридрих
Харл. – Харлампий
Христ. – Христиан, Христина
Христоф. – Христофор
Эд. – Эдуард
Эм. – Эмиль, Эмилия
Эсф. – Эсфирь
Юл. – Юлий, Юлия, Юлиан
Юр. – Юрий
Як. – Яков

А

Б

В

Г

Л

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш, Щ

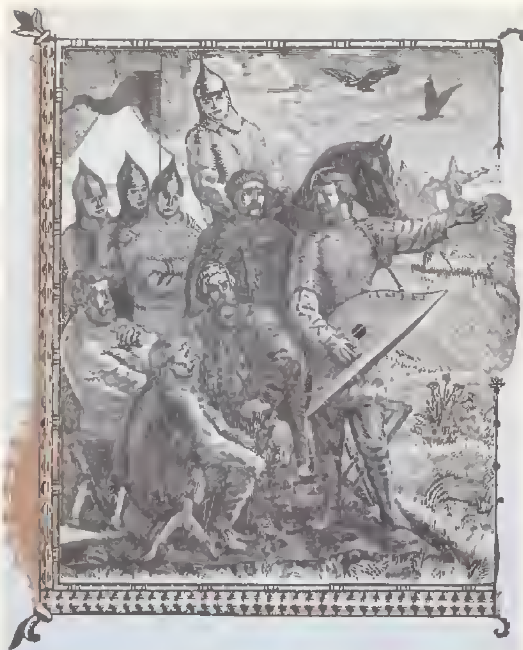
Э

Ю

Я

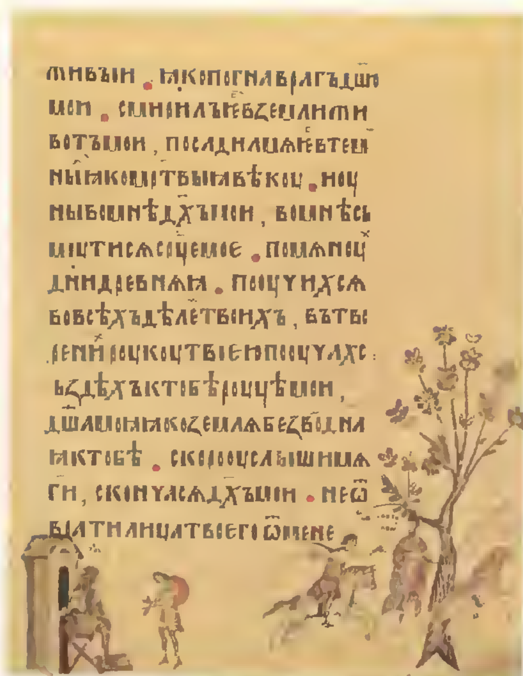

Спиридоньевская (Киевская) псалтырь 1397 г. Возможно, иллюстрирована в Москве.

Фронтиспис В. А. Фаворского в книге «Слово о полку Игореве», М., Детгиз, 1961.

«Слово о полку Игореве». Поход. Крышка ларца. Художник А. А. Котухина, 1956. Иллюстрация из книги «Палех», М., 1984.

Спиридоньевская (Киевская) псалтырь 1397 г.

«Слово о полку Игореве». Ярославна. Боковая сторона ларца.
Художник А. А. Котухина, 1956. Иллюстрация из книги «Палех», М., 1984.

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ в 6–9 вв.

1:15 000 000

АНТЫ — Крупнейшие славянские племенные объединения в 6 в.

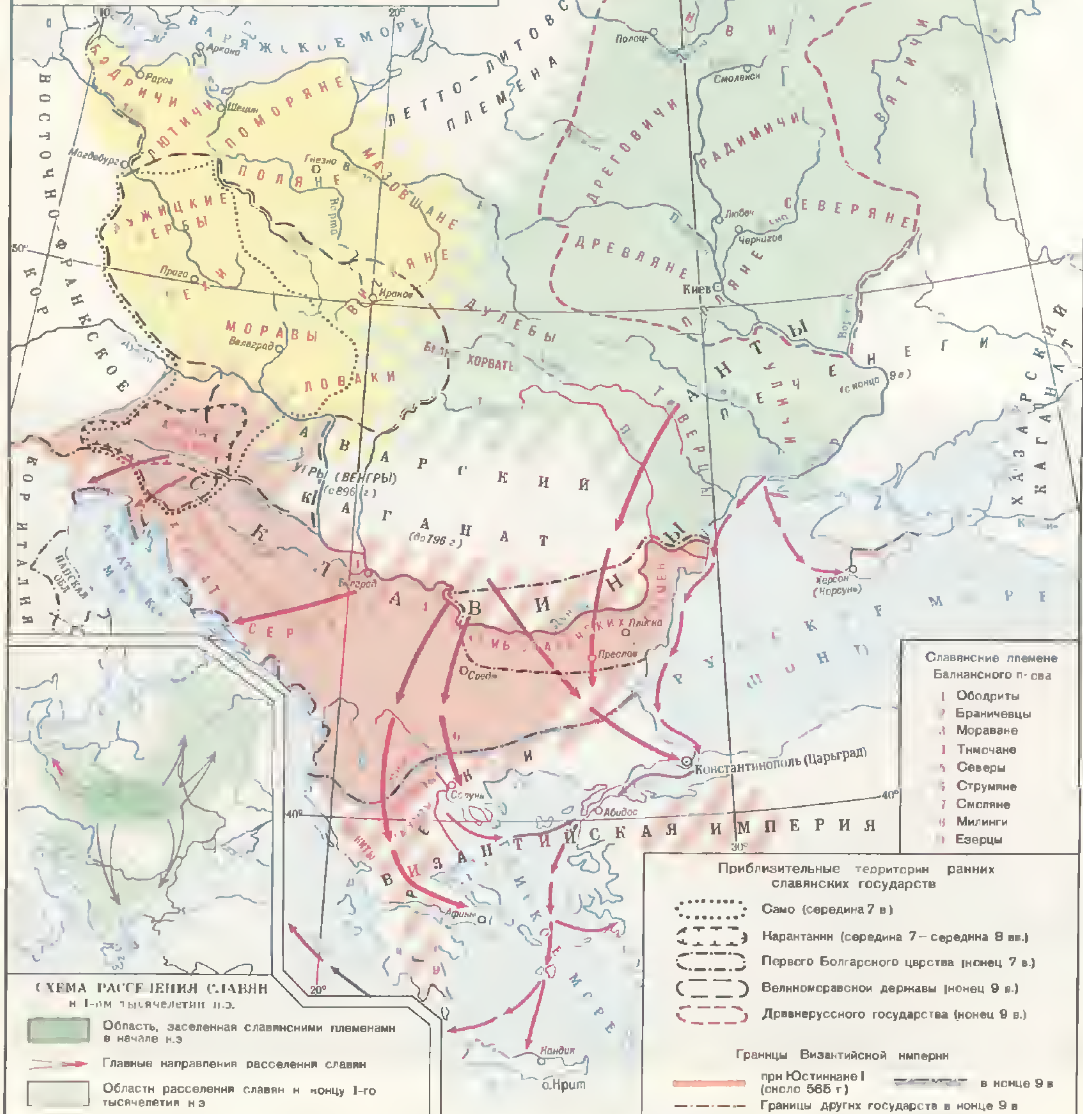
Основные направления походов славян в конце 6–2-й половине 7 вв

ПОЛЯНЕ — Славянские племенные союзы и племена в 7–9 вв

ПЕЧЕНЕГИ — Неславянские племена и народы

Области расселения славянских племен

восточных | западных | южных

Русский язык. Энциклопедия/Гл. ред. Ю. Н. Караулов. —
Р89 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — 703 с., 16 с. вкл.

ISBN 5—85270—248—X (БРЭ)
ISBN 5—7107—1455—0 («Дрофа»)

Энциклопедия «Русский язык» — совместная работа издательства «Большая Российская энциклопедия» и Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. В книге, содержащей около 700 статей, два указателя (предметный и именной), многочисленные иллюстрации, собрано все, что знает современная наука о русском языке: его звуковом составе, интонации, ударении, произношении, грамматике, типах предложений, диалектах, литературном языке, жаргонах, алфавите, свойствах букв, истории развития и памятниках письменности, словарях и т. п. Авторы статей — ведущие ученые-русисты России.

Энциклопедия рассчитана на всех, кто изучает и преподает русский язык.

УДК 808.2(03)
ББК 81.2Рус я2

Изд. лиц. № 010144 от 14.01.97.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000. Сдано в набор 04.03.96.
Подписано в печать 23.08.97. Формат 84 × 108 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Кудряшовская». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 75,6. Усл. кр.-отт. 81,06. Уч.-изд. л. 98,14.
Тираж 50000 экз. Заказ № 2375. С 3

Научное издательство «Большая Российская энциклопедия».
109817, Москва, Покровский бульвар, 8.

Издательский дом «Дрофа». 127018. Москва. Сущевский вал, 49.

По вопросам реализации обращаться по адресу:
127018, Москва, Сущевский вал, 49.
Тел.: (095) 289-03-66, 289-03-25, 218-16-37, 218-54-09.
109817, Москва, Покровский бульвар, 8.
Тел.: (095) 917-81-57.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

...русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей.

М. Горький

Перед вами громада – русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его... Начните с первоначальных оснований. Перечитайте все грамматики, какие у нас вышли, перечитайте для того, чтобы увидать, какие страшные необработанные поля и пространства вокруг вас. Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечанье ваше. Испишите дести и стопы бумаги и ничего не делайте, не записывая.

Н. В. Гоголь

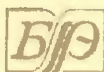
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК

В энциклопедии в популярной форме излагается все, что знает современная наука о русском языке: его звуковом составе, интонации, ударении, произношении, грамматике, типах предложений, диалектах, литературном языке, жаргонах, алфавите, свойствах букв, истории развития и памятниках письменности, словарях и т. п.

В издании отражены изменения в русском языке, лингвистической мысли, самом обществе за последние десятилетия. По сравнению с первым изданием энциклопедии 1979 года значительно расширены такие разделы, как культура речи, риторика, памятники письменности, статьи историко-культурного характера и др.

«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДРОФА»

Всегда рады видетъ Вас
на страницах нашего дока:

